

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

B 50163 0

21.04.54

Журналь
Русская Историческая Библиотека

№ 1.

Iakovlev, Vasilii Iakovlevich
gosudarstvennyia
ГОСУДАРСТВЕННЫЯ
prestupleniia v Rossii
ПРЕСТУПЛЕНІЯ ВЪ РОССІИ
v XIX v. i t. d.
ВЪ XIX ВѢКѢ.

Сборникъ

извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій
правительственныхъ сообщений.

Составленъ подъ редакціей

Б. Базилевскаго
(В. Богучарскаго).

Томъ первый.
(1825--1876 годъ).

С.-Петербургъ.

„Русская Скоропечатня“, Спб., Екатерин. кан., 94.

1906.

North Campus
Storage

DK

189

. I 12

1906

v. 1-3

cop. 2

СЛ
254475
1000
3-2-54

Предисловіе.

Окончаніе XIX вѣка естественно повлекло за собою желаніе мыслящихъ людей подвести итоги всѣхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ этомъ вѣкѣ. Такіе итоги въ нашемъ отечествѣ подведены, къ сожалѣнію, относительно далеко не всѣхъ сторонъ жизни. Такъ называемыя государственныя преступленія въ Россіи, совершенно независимо отъ того или иного субъективнаго къ нимъ отношенія, составляли безспорно весьма крупное явленіе русской жизни, и потому подведеніе имъ итоговъ, хотя бы въ скромной формѣ одного лишь собранія воедино всѣхъ опубликованныхъ русскимъ правительствомъ по этому поводу данныхъ, не можетъ не являться дѣломъ, отвѣчающимъ несомнѣнно назрѣвшей потребности времени. Съ этой цѣлью и предпринята настоящая работа. Выпускаемый нынѣ первый томъ сборника печатается за границею, но составители его отнюдь не упускаютъ изъ вида русскихъ цензурныхъ условій, ибо надѣются на свободный пропускъ его въ предѣлы Россіи. На этомъ основаніи въ настоящій сборникъ вошли исключительно лишь официальные, опубликованныя во всеобщее свѣдѣніе самимъ правительствомъ, данныя о государственныхъ преступленіяхъ въ Россіи за періодъ времени 1825—1876 годъ. Такой же программы составители сборника намѣрены держаться и при составленіи слѣдующихъ его томовъ, если произведеніе это будетъ допущено къ свободному обращенію въ Россіи, но, само собою разумѣется, программа сборниковъ будетъ значительно измѣнена въ случаѣ противоположномъ.

Въ настоящій томъ вошли полностью данныя о всѣхъ государственныхъ преступленіяхъ за указанный промежутокъ времени, которыя были опубликованы правительствомъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ», «Сѣверной Почтѣ» (официальномъ органѣ Министерства внутреннихъ Дѣлъ 1862—1868 года) и «Правительственномъ Вѣстникѣ». Исключеніе составляетъ отчетъ о процессѣ такъ называемыхъ «нечаевцевъ». Онъ приводится здѣсь далеко не полностью по соображеніямъ чисто технического характера. Дѣло въ томъ, что перепечатка помѣщеннаго въ свое время въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отчета о процессѣ нечаевцевъ составила бы, по сдѣланному подсчету, сама по себѣ книгу, заключающую въ себѣ свыше пятидесяти печатныхъ листовъ.

Редакторъ сборниковъ **Б. Базилевскій.**

Петербургъ.
Апрѣль 1903 года.

Эти строки написаны мною ровно три года тому назадъ по полученіи изъ заграницы извѣстія, что печатаніе перваго тома «Государственныхъ преступленій въ Россіи» закончено. Затѣмъ, какъ я имѣлъ уже случай это опубликовать («Наша Жизнь» 1905 г. № 328 и январская книжка «Былого» стр. 323—325), мы произвели съ этимъ томомъ такой экспериментъ: нѣмецкій издатель его, извѣстный социаль-демократъ и депутатъ германскаго рейхстага, Дитцъ подаль отъ себя въ главное управленіе по дѣламъ печати прошеніе, въ которомъ, ссылаясь на то, что изданная имъ книга содержитъ въ себѣ исключительно матеріалы, опубликованные самимъ русскимъ правительствомъ, просилъ о разрѣшеніи свободнаго пропуски ея въ Россію для продажи въ магазинахъ.

На это прошеніе Дитцъ получилъ 9 октября 1904 года за № 3392 отъ цензурнаго комитета иностранной цензуры отвѣтъ, въ которомъ сообщалось, что, постановленіемъ петербургскаго цензурнаго комитета, книга Базилевскаго признана подлежащей за прещенію ко ввозу въ Россію...

Въ настоящее время этотъ томъ перепечатывается съ заграничнаго изданія слово въ слово. Буду ли я привлеченъ за это по какой нибудь статьѣ,—покажетъ близкое будущее, но, если да, то процессъ получится безпримѣрный въ судебныхъ лѣтописяхъ всего міра: такой то, имя рекъ, привлекается за распространеніе произведенія, составленнаго изъ собранія матеріаловъ, опубликованныхъ во всеобщее свѣдѣніе самимъ русскимъ правительствомъ. Наши прокуроры очень искусны, но и имъ, кажется, придется изрядно поломать головы надъ вопросомъ,—какая же именно статья закона въ данномъ случаѣ нарушена?

Запрещающаю эту книгу ко ввозу въ Россію три года тому назадъ,—предполагалъ ли петербургскій комитетъ цензурный, что этимъ онъ заставитъ современемъ такъ сильно ломать прокурорскія головы?

И оправдана премудрость чадами ея...

В. Богучарскій.

1825 годъ

Руескій Инвалидъ или Военныя Вѣдомости.

(Декабря 19-го дня. № 300).

Санктпетербургъ. 15 Декабря.

Вчерашній день будетъ безъ сомнѣнія эпохою въ Исторіи Россіи. Въ оный жители Столицы узнали съ чувствомъ радости и надежды, что Государь Императоръ Николай Павловичъ воспринимаетъ вѣнецъ Своихъ Предковъ, принадлежащій Ему, и въ слѣдствіе торжественнаго, совершенно произвольнаго отреченія Государя Цесаревича Константина Павловича, и по назначенію въ Возѣ почивающаго Императора Александра, и въ силу коренныхъ законовъ Имперіи о наслѣдіи Престола. Но Провидѣнію было угодно, сей столь вождедѣнный день ознаменовать для насъ и печальнымъ происшествіемъ, которое внезапно, но лишь на нѣсколько часовъ, возмутило спокойствіе въ нѣкоторыхъ частяхъ города. Вскорѣ послѣ изданія Высочайшаго Манифеста о вступленіи Его Императорскаго Величества на Престолъ, Государственный Совѣтъ, Правительствующій Сенатъ и Святѣйшій Синодъ присягали въ вѣрности Монарху; въ теченіе утра должны были дать присягу всѣ полки Лейбъ-Гвардіи. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа Командующій Гвардейскимъ Корпусомъ и Начальникъ Гвардейскаго Штаба донесли Его Величеству, что присяга учинена полками Конно-Гвардейскимъ, Кавалергардскимъ, Преображенскимъ, Семеновскимъ, Павловскимъ, Гренадерскимъ, Гвардейскимъ Егерскимъ, Финляндскимъ, и Сапернымъ Баталіономъ. О прочихъ полкахъ не было еще извѣстія; по сему причину полагали отдаленность ихъ казармъ отъ Дворца. Въ двѣнадцать часовъ узнали, что четыре Офицера Гвардейской Конной Артиллеріи, оказавшіе сопротивленіе, взяты подъ стражу, но что прочіе, какъ Офицеры, такъ и нижніе чины Гвардейскаго Артиллерійскаго Корпуса присягали съ отнѣннымъ и единодушнымъ усердіемъ. Уже въ исходѣ перваго часа дошло до свѣдѣнія Его Величества, что часть Московскаго полка (какъ сказывали, отъ 3 до 4-хъ сотъ человекъ), выступивъ изъ своихъ казармъ съ распущенными знаменами и провозглашая Императоромъ Великаго Князя Константина Павловича, идетъ на Сенатскую площадь. Толпы народа сбѣгались къ сей площади и передъ Дворцомъ. Государь Императоръ вышелъ изъ Дворца безъ Свиты, явился одинъ народу и былъ встрѣченъ изъявленіями благоговѣнія и любви: отовсюду раздавались усердныя восклицанія. Между тѣмъ, двѣ возмущившія роты Московскаго полка не смирились. Онѣ построились въ баталіонъ-каре передъ Сенатомъ; ими начальствовали семь или восемь Оберъ-Офицеровъ, къ коимъ присоединилось нѣсколько человекъ гнуснаго вида во фракахъ. Небольшія толпы черни окружали ихъ и кричали: ура! Необходимость противопоставить имъ достаточное число вѣрныхъ войскъ была очевидна. Государь Императоръ далъ повелѣніе вывести одинъ баталіонъ Преображенскаго полка, и предводительствуя онымъ, приблизился къ мѣсту, гдѣ были собраны бунтующіе, но съ твердымъ намѣреніемъ не употреблять силы, пока будетъ хотя малѣйшая вѣроятность кротости и увѣщаніемъ образумитъ ослѣпленныхъ мятежниковъ. Къ нимъ подѣхалъ Санктпетербургскій Военный Генераль-Губернаторъ Графъ Милорадовичъ, въ надеждѣ, что его слова возвратятъ ихъ къ чувству обязанности; но въ ту самую минуту, стоявшій возлѣ него человекъ во фракѣ выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета и смертельно ранилъ сего вѣрнаго и столь отличнаго Воначальника. Онъ умеръ нынѣшнюю ночь.

Сіе злодѣяніе ни въ чемъ не измѣнило намѣреній Его Императорскаго Величества. Твердость и милость равновѣрно оказывались въ сдѣланныхъ нѣсколько разъ по его повелѣнію увѣщаніяхъ возмущившимся. Государь призывалъ ихъ къ долгу и смиренію, но не вникая никакимъ условіямъ, не скрывая отъ нихъ, что и за самую скорую покорность, долженствуетъ необходимо и во всякомъ случаѣ послѣдовать примѣрное наказаніе зачинщиковъ мятежа.

Между тѣмъ, Его Величество далъ приказаніе, бывшій въ караулѣ у Дворца полкъ Финляндскій Егерскій усилить Сапернымъ баталіономъ, а полкамъ Кавалер-

гардскому, Конно-Гвардейскому, Павловскому, Гренадерскому и Лейбъ-Гвардіи Артиллерійской первой бригаадѣ явиться къ Немю. Всѣ сіи войска ревностно просили дозволенія однимъ ударомъ уничтожить бунтъ и мятежниковъ. Къ снмъ послѣднимъ присоединилось нѣсколько человекъ изъ Лейбъ-Гренадерскаго полка и Гвардейскаго Морского Экипажа; но съ другой стороны, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, который въ ту лишь минуту возвратился въ С.-Петербургъ, узнавъ, что часть принадлежащаго къ его дивизіи Московскаго полка обезславилъ себя возстаніемъ на законную Власть, немедленно отправился къ казармамъ и тамъ, даже не употребляя никакихъ строгихъ мѣръ, привелъ къ присягѣ шесть ротъ сего полка, кои при началѣ возмущенія хотя отказывались присягать, однако же не хотѣли и слѣдовать примѣру вышедшихъ на Сенатскую площадь. Его Высочество, обязавъ сіи роты клятвеннымъ обѣщаніемъ вѣрности къ Государю Императору Николаю Павловичу, привелъ ихъ къ Августѣйшему Брату Своему; онѣ пылали равнымъ съ другими войсками нетерпѣніемъ положить конецъ мятежу.

Но Государь Императоръ еще щадилъ безумцевъ, и лишь при наступленіи ночи, когда уже были почти истощены всѣ средства убѣжденія и самое воззваніе Преосвященнаго Митрополита Серафима пренебрежено мятежниками, Его Величество, наконецъ, рѣшился вопреки желанію сердца Своего, употребить силу. Вывезены пушки и немногіе выстрѣлы въ нѣсколько минутъ очистили площадь. Конница ударила на слабыя остатки бунтовавшихъ, преслѣдуя и хватая ихъ. Потомъ разосланы по всѣмъ улицамъ сильныя дозоры и въ шесть часовъ вечера изъ всей толпы возмущившихся не было уже и двухъ человекъ вмѣстѣ; они бросали оружіе, или сдавались въ плѣнъ. Въ десять часовъ взято было дозорами болѣе пяти сотъ, кои считались разсыянныя: виновнѣйшіе изъ Офицеровъ пойманы и отведены въ крѣпость. Въ шесть часовъ вечера Государь возвратился во Дворецъ, и молебствіе по случаю восшествія Его Императорскаго Величества на престолъ совершено въ присутствіи Ихъ Величествъ, всего Двора и при великомъ стеченіи знатныхъ особъ. Въ городѣ уже было возстановлено повсемѣстное спокойствіе.

Таковы были происшествія вчерашняго дня; будучи очевидцами оныхъ, мы описали всѣ обстоятельства съ величайшею подробностію. Они безъ сомнѣнія горестны для всѣхъ Русскихъ и должны были оставить скорбное чувство въ душахъ Государя Императора. Но всякъ, кто былъ свидѣтелемъ поступковъ нашего Монарха въ сей памятный день, Его великодушнаго мужества, разительнаго, ничѣмъ неизмѣняемаго хладнокровія, коему съ восторгомъ дивятся всѣ войска и опытнѣйшіе вожди ихъ; всякъ, кто видѣлъ, съ какою блистательною отважностію и успѣхомъ дѣйствовала Августѣйшій Братъ Его, Великій князь Михаилъ Павловичъ, наконецъ, всякъ кто размыслитъ, что мятежники, пробывъ четыре часа на площади, въ большую часть сего времени со всѣхъ сторонъ открытой, не нашли себѣ другихъ пособниковъ, кромѣ немногихъ пьяныхъ солдатъ и немногихъ же людей изъ черни также пьяныхъ, и что изъ всѣхъ Гвардейскихъ полковъ ни одинъ въ цѣломъ составѣ, а лишь нѣсколько ротъ двухъ полковъ и Морского Экипажа могли быть обольщены или увлечены пагубнымъ примѣромъ буйства, тотъ конечно съ благодарностію къ Промыслу признаетъ, что въ семъ случаѣ много и утѣшительнаго, что оный есть не иное что, какъ минутное испытаніе, которое будетъ служить лишь къ ознаменованію истиннаго характера націи; непоколебимой вѣрности величайшей безъ всякаго сравненія части войска, и общей преданности Русскихъ Августѣйшему ихъ законному Монарху. Признаніе уже допрошенныхъ важнѣйшихъ преступниковъ и добровольная явка главнѣйшихъ зачинщиковъ, скорость, съ коею бунтующіе разсыялись при самыхъ первыхъ выстрѣлахъ, изъявленія искренняго раскаянія солдатъ, кои сами возвращаются въ казармы оплакивать свое минутное заблужденіе, все доказываетъ, что они были слѣпымъ орудіемъ, что провозглашеніе имени Цесаревича Константина Павловича и мнимая вѣрность присягѣ, отъ коей Его Императорское Высочество самъ произвольнымъ и непремѣннымъ отреченіемъ Своимъ разрѣшилъ всѣхъ, служили только покровомъ настоящему явному намѣренію, замыслившихъ сей бунтъ, навлечь на Россію всѣ бѣдствія безначалія.

Праведный судъ вскорѣ совершится надъ преступными участниками бывшихъ безпорядковъ. Помощію Неба, твердостію Правительства они прекращены совершенно: ничто не нарушаетъ спокойствія столицы, и войска, кои изъ предосторожности провели минувшую ночь на бивуакахъ близъ Дворца, возвратились въ казармы.

Нынѣ поутру Государь Императоръ объѣзжалъ всѣ находившіеся при Немъ полки и узнавъ, что рядовые Гвардейскаго Экипажа изъявляютъ живѣйшее раскаяніе, утверждаютъ, что они были вовлечены въ мятежъ обманомъ, и уже въ присутствіи Великаго князя Михаила Павловича дали присягу въ вѣрности, дозволивъ сему баталіону предстать предъ Него, даровавъ имъ великодушное прощеніе и возвративъ знамя, коего по волѣ Его Императорскаго Величества они были лишены вчера. Они со слезами славятъ милосердіе Монарха.

Русскій Инвалидъ.

(22 декабря. № 302).

В ы с о ч а й ш и й М а н и ф е с т ь .

Божію Милостію

Мы Николай Первый

Императоръ и Самодержецъ

Всероссійскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Печальное происшествіе, омрачившее 14-й день сего мѣсяца, день обнародованія Манифеста о востшествіи Нашемъ на Престоль, извѣстно уже въ его подробностяхъ, изъ перваго публичнаго о немъ объявленія.

Тогда какъ всѣ Государственныя сословія, всѣ чины Военныя и Гражданскіе, народъ и Войска единодушно приносили Намъ присягу вѣрности и въ Храмахъ Божіихъ призывали на Царствованіе Наше благословеніе небесное, горсть непокорныхъ дерзнула противостать общей присягѣ, закону власти, военному порядку и убѣжденіямъ. Надлежало употребить силу, чтобъ разсѣять и образумить сіе скопище. Въ семь кратко состоятъ все происшествіе, мало важное въ самомъ себѣ, но весьма важное по его началу и послѣдствіямъ.

Сколь ни прискорбны сіи послѣдствія, но Провидѣніе показало въ нихъ новый опытъ тѣхъ сокровенныхъ путей, коими, карая зло, изъ самаго сего зла оно производитъ добро.

По первому обозрѣнію обстоятельствъ, слѣдствіемъ уже обнаруженныхъ, два рода людей составляли это скопище: одни заблужденію, умыслу непричастныя; другіе, злоумышленные ихъ руководители.

Чего желали заблудшіе? — Быть вѣрными данной имъ присягѣ. — Всѣми средствами оболщанія они были увѣрены, что защищаютъ Престоль, и въ семь увѣреніи не могли они внимать никакимъ другимъ убѣжденіямъ. Чего желали злоумышленники? — Священныя имена преданности, присяги, законности, самое имя Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича было токмо предлогомъ ихъ вѣроломства; они желали и искали, пользуясь мгновеніемъ, исполнить злостные замыслы, давно уже составленные, давно уже обдуманые, давно во мракѣ тайны между ними тлѣвшіеся и отчасти токмо извѣстныя Правительству; испровергнуть Престоль и Отечественныя законы, превратить порядокъ Государственный, ввести безначаліе.

Какія средства?—Убійство. Первою жертвою злоумышленниковъ былъ Военный Генераль-Губернаторъ Графъ Милорадовичъ; тотъ, кого судьба войны, на бранномъ полѣ въ пятидесяти сраженіяхъ пощадила, палъ отъ руки гнуснаго убійцы. Другія жертвы принесены были въ то же время: убитъ Командиръ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка Стюрлеръ; тяжко ранены Генераль-Маіоръ Шеншинъ, Генераль-Маіоръ Фридрихсъ и другіе, кровію своею запечатлѣвшіе честь и вѣрность своему долгу.

Ни дѣломъ, ни намѣреніемъ не участвовали въ сихъ злодѣяніяхъ заблудшіяся роты нижнихъ чиновъ, невольны въ сію пропасть завлеченныя.

Удостоверясь въ семь самымъ строгимъ взысканіемъ, Я считаю первымъ дѣйствіемъ Правосудія и первымъ себѣ утѣшеніемъ объявить ихъ невинными.

Но то же самое правосудіе запрещаетъ щадить преступниковъ. Они, бывъ обличены слѣдствіемъ и судомъ, воспримутъ каждый по дѣламъ своимъ заслуженное наказаніе.

Сей судъ и сіе наказаніе, по принятымъ мѣрамъ, обнимая зло, давно уже гнѣздившееся, во всемъ его пространствѣ, во всѣхъ его видахъ, истребить, какъ Я уповаю, самый его корень, очистить Русь Свягую отъ сей заразы, извѣтъ къ Намъ навесенной, смоетъ постыдное и для душъ благородныхъ несносное смѣшеніе подозрѣній и истины, проведетъ навсегда рѣзкую и неизгладимую черту раздѣленія между любовью къ Отечеству и страстію къ безначалію, между желаніями лучшаго и бѣшенствомъ превращеній, покажетъ, наконецъ, всему свѣту, что Россійскій народъ, всегда вѣрный своему Государю и законамъ, въ корешномъ его составѣ также неприступенъ тайному злу безначалія, какъ недосыгаемъ усиліямъ враговъ явныхъ, покажетъ и дать примѣръ, какъ истреблять сіе зло, и доказательство, что оно не вездѣ неизлѣчно.

Всѣхъ сихъ благотворныхъ послѣдствій Мы имѣемъ право ожидать и надѣяться отъ единодушной приверженности къ Намъ и Престолу Нашему всѣхъ состояній.—Въ семь самомъ горестномъ происшествіи Мы съ удовольствіемъ и признательностію арѣли, отъ обывателей Столицы любовь и усердіе, отъ войскъ готовность и стремленіе по первому знаку Государя своего карать непокорныхъ, отъ Начальниковъ ихъ преданность непоколебимую, на высокомъ чувствѣ, чести и любви къ Намъ утвержденную.

Посреди ихъ отличался Графъ Милорадовичъ. Храбрый воинъ, прозорливый

Полководецъ, любимый Начальникъ, страшный въ войнѣ, кроткій въ мирѣ, Градоправитель правдивый, ревностный исполнитель Царскія воли, вѣрный сынъ Церкви и Отечества, онъ палъ отъ руки недостойной, не на полѣ брани, но палъ жертвою того же пламеннаго усердія, коимъ всегда горѣлъ; палъ исполняя свой долгъ, и память его въ лѣтописяхъ Отечества пребудетъ всегда незабвенна.

Данъ въ Санктпетербургѣ въ 19-й день Декабря мѣсяца, въ 1825-е лѣто отъ Рождества Христова. Царствованія же Нашего въ первое.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Николай.

Русскій Инвалидъ.

(29 декабря. № 305).

Подробное описаніе происшествія, случившагося въ Санктпетербургѣ 14 декабря 1825 года.

Декабря 14 поутру Государь Императоръ извѣщенъ былъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса, что нѣсколько ротъ лейбъ-гвардіи отказались отъ должной Его Императорскому Величеству присяги и, завлеченные буйствомъ своихъ капитановъ, овладѣли знаменами, принесенными къ полку для присяги, и избрали своего бригаднаго командира генераль-майора Шеншина и полкового командира генераль-майора Фридрихса; что толпа сія въ величайшемъ неистовствѣ взяла направление къ Исаакіевской площади, увлекая много встрѣчающихся ей офицеровъ, но что другая часть полка осталась покорною и въ порядкѣ.

Государь Императоръ, давъ повелѣніе генераль-майору Нейдгарту велѣть лейбъ-гвардіи Семеновскому полку немедленно унять бунтующихъ, а конной гвардіи быть готовой по востребованію, самъ изволилъ сойти на дворцовую главную гауптвахту, гдѣ караулъ былъ отъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка и приказалъ зарядить ружья и занять главныя дворцовыя ворота. Между тѣмъ доходили до Государя Императора свѣдѣнія, что бунтовавшія роты Московскаго полка были 5-я и 6-я, что онѣ уже вышли на площадь противъ сената и что при нихъ находится толпа разныхъ людей въ самомъ буйственномъ видѣ. Государь Императоръ изволилъ приказать тогда же первому баталіону лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка немедленно придти къ Его Величеству на дворцовую площадь, что имъ и исполнено въ неимовѣрной скорости. Въ то же время прибылъ къ Государю Императору военный генераль-губернаторъ графъ Милорадовичъ съ извѣстіемъ, что толпа произноситъ крикъ и восклицанія: ура, Константинъ! и что онъ полагаетъ, что сіе есть только предлогъ къ самымъ пагубнымъ намѣреніямъ, для которыхъ нужно безотлагательно взять строжайшія мѣры. Тогда послано было отъ Его Величества повелѣніе прибыть тремъ ротамъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, свободнымъ отъ караула и лейбъ-гвардіи Саперному батальону, которому занять Зимній Дворецъ, а 3-му батальону лейбъ-гвардіи Преображенскому полку и Кавалергардскому полку прибыть немедленно къ Его Величеству; между тѣмъ, самъ Государь Императоръ съ первымъ батальономъ Преображенскаго полка пошелъ на встрѣчу бунтующимъ, дабы предупредить всякое покушеніе на дворецъ, въ коемъ изволили находиться Ихъ Императорскія Величества Государыни Императрицы и прочіе члены Императорской Фамиліи.

Прибывъ на площадь противъ дома княгини Лобановой, Государь Императоръ услышалъ выстрѣлы и тогда же донесено Его Императорскому Величеству, что военный генераль-губернаторъ графъ Милорадовичъ смертельно раненъ бунтующими, въ то же время прибылъ къ Государю Императору лейбъ-гвардіи Конный полкъ, а вслѣдъ за нимъ три роты лейбъ-гвардіи Павловскаго полка; вскорѣ потомъ Его Императорское Высочество Михаилъ Павловичъ привелъ батальонъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Сей батальонъ съ большимъ усердіемъ просилъ позволенія смыть кровью бунтующихъ срамъ и безчестіе мундиру своему нанесенное; но Государь Императоръ, не желая проливать крови, предпочелъ мѣры кротости и увѣщанія. Но когда ни увѣщанія Его Величества, ни присутствіе митрополита, ни угрозы не могли склонить мятежниковъ къ добровольной сдачѣ, когда напротивъ того буйство ихъ примѣтно возрастало, къ шайкѣ прибыли разныя толпы лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка солдатъ съ тремя офицерами и знаменами онаго и тогда же началась стрѣльба изъ среды шайки, то Его Величество изволилъ рѣшиться прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости тѣмъ необходимѣйшимъ, что чернь, подкупаемая деньгами и подносимымъ виномъ, начинала болѣе и болѣе приставать къ бунтующимъ.

Вслѣдствіе сего приняты были Государемъ Императоромъ слѣдующія мѣры: приказавъ лейбъ-гвардіи Преображенскому полку занять площадь спиною къ Адмиралтейству, лейбъ-гвардіи Семеновскому—улицу, ведущую къ маежу Конно-гвардейскаго полка и переулочъ отъ Галерной къ провіантскимъ магазинамъ, лейбъ-гвардію же Намайловскому и Егерскому полкамъ стать въ резервъ, а Финляндскому одному

батальону занять Исаакіевскій мостъ, Его Величество изволилъ повелѣть артиллеріи 1-й Артиллерійской бригады быть готовой къ дѣйствию; Павловскаго же полка три роты заняли Галерную улицу. Прежде, однакожь, не было приступлено къ послѣднимъ мѣрамъ строгости, Государь Императоръ изволилъ повелѣть лейбъ-гвардіи Конному и Кавалергардскому полкамъ сдѣлать покушеніе устрашить бунтовщиковъ атакою, весьма трудною, впрочемъ, по тѣсному мѣсту и выгодному расположенію мятежной шайки, усиленной уже болѣею частью батальона Гвардейскаго Экипажа; но и сія мѣра не имѣла желаннаго успѣха. Мятежники стояли твердо и, пользуясь выгодною своего мѣста, продолжали неистовство. За симъ Его Величество съ душевнымъ прискорбіемъ приказалъ вывести противъ мятежной толпы 4 орудія и зарядить оныя картечью, послалъ въ послѣдній разъ объявить имъ, чтобы они предались милосердію Государя Императора, но, получивъ рѣшительный отказъ, повелѣлъ начать стрѣльбу изъ орудій; по второму выстрѣлу вся шайка разсыпалась и была преслѣдована лейбъ-гвардіи Кавалергардскимъ и Коннымъ полками на Васильевскій Островъ вдоль по Англійской набережной и Галерной улицѣ, дабы отрѣзать бѣгущихъ; тогда же захвачено до 500 человекъ, а прочіе разсыпались въ разныя стороны по домамъ и по Невѣ.

Когда же совершенно смерклось; то, дабы отнять всякій способъ злонамѣреннымъ возобновить свои покушенія во время ночи, Его Величество изволилъ повелѣть оставить войска на ночь подъ ружьемъ. Въслѣдствіе сего дворцовая площадь занята была лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ, лейбъ-гвардіи Сапернымъ батальономъ, двумя ротами 1-го батальона лейбъ-гвардіи Егерскаго полка при 10-ти орудіяхъ при 1-й и 2-й батарейныхъ ротѣ и тремя эскадронами Кавалергардскаго полка; въ Большой Миліонной, у моста на Мойкѣ, поставлена была рота лейбъ-гвардіи Егерскаго полка при двухъ орудіяхъ, а другая при 4-хъ орудіяхъ у моста Эрмитажнаго театра; лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка 1-й батальонъ и эскадронъ Кавалергардовъ съ 4-мя орудіями поставлены на углу Зимняго Дворца по набережной и противъ Адмиралтейства; 2-й батальонъ лейбъ-гвардіи занималъ Адмиралтейскую площадь; на Исаакіевской площади подъ командою генераль-адъютанта Васильчикова оставленъ батальонъ Семеновскій, Московскій, 2-й батальонъ Измайловскаго, 4 конныхъ орудія и 4 эскадрона лейбъ-гвардіи Коннаго полка; на Васильевскомъ островѣ подъ командою генераль-адъютанта Бенкендорфа 2 эскадрона лейбъ-гвардіи Коннаго полка, конно-піонерный дивизионъ, батальонъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка и 4 орудія конной артиллеріи. Лейбъ-гвардіи Казачій полкъ наряженъ былъ для разбѣда по прочимъ улицамъ города; сими мѣрами установлена совершенная тишина и забрано въ продолженіе ночи до 150 человекъ; многіе изъ зачинщиковъ частью взяты, частью же сами явились добровольно. Еще въ продолженіе вечера большая часть гвардейскаго морского экипажа воротилась добровольно въ свои казармы, гдѣ съ искреннимъ раскаяніемъ и въ страхѣ отъ пагубнаго своего наступленія просила пощады и помилованія. Его Императорское Высочество великій князь Михаилъ Павловичъ личными убѣжденіями своими довершилъ то, къ чему собственное ихъ раскаяніе уже приготовило; всѣ единогласно предались милосердію Государя, съ покорностью ожидая своей участи; сему же послѣдовала и большая часть людей лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. Къ чести мудраго послѣднихъ поступковъ происшествій произошли и примѣры отличнаго исполненія своихъ обязанностей; караулъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, стоявшій въ севатѣ подъ командою подпоручика Насакина 1-го, во все время стоялъ подъ ружьемъ и, несмотря ни на угрозы, ни на просьбы мятежниковъ, остался твердъ въ своей обязанности; то же самое исполнилъ и унтеръ-офицерскій караулъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, стоявшій въ московскихъ казармахъ.

На другой день по утру порядокъ былъ совершенно восстановленъ. Государь Императоръ, лично объѣхавъ всѣ войска и поблагодаривъ ихъ за усердіе, вѣрность и отличный порядокъ въ столь горестномъ и неожиданномъ случаѣ, повелѣлъ ихъ распустить. Войска, за городомъ расположенныя, коимъ приказано было подойти къ столицѣ, возвращены на свои квартиры, кромѣ полковъ лейбъ-гвардіи Драгунскаго, приведеннаго въ городъ для разбѣздовъ, и по два эскадрона отъ полковъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго и Уланскаго, оставленныхъ близъ города для перехваченія бѣглыхъ мятежниковъ. Его Императорское Величество, слѣдуя внушенію сердца своего и по совершенномъ удостовѣреніи въ истинномъ раскаяніи Гвардейскаго Экипажа, дозволилъ оному предстать предъ Его Величествомъ и, удостовѣривъ лично, что однимъ обманомъ могъ онъ завлеченъ быть въ подобное неистовство, удостоилъ ихъ всемиловѣйшаго прощенія и, возвративъ имъ дарованное блаженной памяти Государемъ Императоромъ знамя, велѣлъ оное вновь освятить и батальону учинить присягу, что исполнено въ раскаяніи, съ восторгомъ и видимымъ усердіемъ. Лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка двѣ роты съ отличною исправностью содержали караулъ 14 декабря въ Петропавловской крѣпости, сего же полка рота Его Величества съ капитаномъ своимъ не хотѣвшая согласиться на буйство прочихъ, приведена была симъ капитаномъ къ Его Императорскому Величеству и потому въ знакъ милости дозволено оной пристроиться къ занимающему зимній дворецъ лейбъ-гвардіи Саперному батальону; 15-го же числа по утру донесено Его Величеству Его Императорскимъ Высочествомъ Ми-

хаиломъ Павловичемъ, что и остальная большая часть нижнихъ чиновъ сего полка, обманомъ увлеченная, также въ истинномъ раскаяніи проситъ помилованія. Его Императорское Величество, желая и здѣсь оказать милосердіе искренно кающимся, возвратилъ и сему полку знамена, у нихъ взятая, приказавъ освятить оныя вновь и полкъ привелъ къ присягѣ. Все сіе исполнено съ отличными усердіемъ. Лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, равноѣрно лишившійся знаменъ, но заслужившій помилованіе по вѣрности и усердію большей его части, равноѣрно всемилостивѣйше прощенъ и знамена его вновь также освящены.

По продолжающимся подробнымъ достовѣрнымъ допросамъ явно изобличены зачинщики сего неслыханнаго предпріятія: въ чинѣ подпоручика Кондратій Рылѣвъ; дворянинъ Орестъ Сомовъ; бывшій вице-губернаторъ статскій совѣтникъ Іосифъ Горскій; оставшій поручикъ Каховскій; лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабъ-капитаны: князь Шепинъ-Ростовскій и Бестужевъ; адъютантъ Его Королевскаго Высочества герцога Александра Виртембергскаго Бестужевъ; лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка штабъ-капитанъ Сутговъ и поручикъ Пановъ; адъютантъ командующаго гвардейскою пѣхотою генераль-лейтенанта Бистрома, поручикъ князь Оболенскій; дежурный штабъ-офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса полковникъ князь Трубецкой; гвардейскаго генеральнаго штаба штабъ-капитанъ Корниловичъ; флота капитанъ-лейтенантъ Бестужевъ; адъютантъ адмирала Моллера Бестужевъ же; лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ князь Одоевскій; коллежскіе ассесоры: Пущинъ (и) Вильгельмъ Кюхельбекеръ; лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ Цебриковъ; всѣ они уже взяты и содержатся подъ арестомъ, кромѣ Кюхельбекера, который, вѣроятно, погибъ во время дѣла. Кромѣ сихъ главныхъ зачинщиковъ, арестованы, состоящіе подъ сильнымъ сомнѣніемъ: Нижегородскаго драгунскаго полка капитанъ Якубовичъ; добровольно явившійся 12-го Егерскаго полка полковникъ Булатовъ, гвардейскаго экипажа лейтенанты: Арбузовъ, Вишневскій, Кюхельбекеръ, Миллеръ и Бодиско; лейбъ-гвардіи Конно-Піонернаго Эскадрона капитанъ Пущинъ; лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручики: Малютинъ, Фокъ, Кожевниковъ и князь Вадбольскій.

Подлинное подписалъ

Генераль-адъютантъ Потаповъ.

21 декабря 1825 г. С.-Петербургъ.

1826 годъ

Русскій Инвалидъ или Военныя Вѣдомости.

(7-го января. № 5).

Прибавленіе къ подробному описанію происшествія, случившагося въ Санктпетербургѣ 14-го декабря 1825 года.

Происшествія 14-го декабря обнаружили ужасный заговоръ. Люди, недостойные имени Россіянъ, составили его въ мракѣ. Они умыслили умерщвленіе Императорской фамилии, безначаліе, разграбленіе имуществъ, убіеніе всѣхъ мирныхъ гражданъ. Такія безумныя предпріятія никогда не могли совершиться во всей своей обширности; но самое покушеніе привестъ ихъ въ дѣйствіе уже имѣло-бы слѣдствіемъ величайшія несчастія. Никогда строгость не могла быть необходимѣе, никогда общественная польза не требовала мѣръ столь рѣшительныхъ и быстрыхъ, какъ въ сихъ важныхъ и печальныхъ обстоятельствахъ. Для сего Государь Императоръ еще въ первые дни учредилъ слѣдственную Коммиссію, въ которую соизволилъ назначить Членами: Его Высочество Государя Великаго Князя Михаила Павловича, Министра Военныхъ Дѣлъ А. И. Татищева (Президентъ), Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Князя А. Н. Голицына, Генераль-Адъютантовъ: П. В. Голицына-Кутузова (Санктпетербургскаго Военнаго Генераль-Губернатора), Бенкендорфа, Левашева и Потапова (Дежурнаго Генерала Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества). Сія Коммиссія неутомимо занимается симъ Государственнымъ дѣломъ. Между тѣмъ Правительство съ величайшею дѣятельностью исполняло долгъ свой во всемъ своемъ пространствѣ. Показанія заговорщиковъ, явно обличенныхъ, и открытіе общества, которое нѣсколько лѣтъ уже приготавливало переворотный варывъ, поставили оное въ горестную необходимость прибѣгнуть къ многочисленнымъ арестованіямъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Государственное благо не дозволяетъ медлить: надлежало усугубитъ розысканія и открыть самый корень заговора, дабы схватить всѣ его нити. Правительство имѣетъ теперь утѣшительную надежду поставить конецъ мѣрамъ, кои должно было принять по сему случаю, ему извѣстны теперь всѣ тайны ненавистной и гнусной шайки, всѣ злодѣйскіе умыслы заговорщиковъ; оно обнарудуетъ ихъ, какъ скоро слѣдствіе будетъ окончено.

Въ числѣ допрошенныхъ, благодаря Бога, нашлось нѣсколько невинныхъ, которые ту же минуту освобождены; другіе, по молодости и дѣтской неопытности, дозволили уловить себя въ сіи коварныя сѣти, не зная ни цѣли, ни губельныхъ послѣдствій своей неосторожности. Теперь съ мучительнѣйшими угрызениями совѣсти видятъ они бездну, на край которой завлечены были. Нашлись и такіе, которые хотя не принадлежали къ сей злодѣйской шайкѣ, но знали, не открыли ихъ преступныхъ умысловъ, и тѣмъ сдѣлались сами причастны ихъ преступленію. Касательно главныхъ зачинщиковъ и заговорщиковъ, примѣрная казнь будетъ имъ справедливымъ возмездіемъ за нарушеніе общественнаго спокойствія.

Руескій Инвалидъ.

(8 января. № 6.)

Въ № 5 „Русскаго Инвалида“, на страницѣ 20-й, въ строкахъ 19-й, 20 и 21 надобно читать: примѣрное наказаніе, коего требуютъ справедливость, польза Государства и общее мнѣніе людей благомыслящихъ.

Руескій Инвалидъ.

(10-го января. № 8.)

Приказъ

Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества.

Въ Санктпетербургѣ. Января 8 дня 1826 года. № 2.

Черниговскаго пѣхотнаго полка Подполковникъ Муравьевъ-Апостоль, по сдѣланнмъ открытіямъ и по показаніямъ соучастниковъ, оказался однимъ изъ главныхъ злоумышленниковъ, стремящихся къ общему безпокойствію и разрушенію благосостоянія Государства, имѣющихъ уже прежде за нѣсколько лѣтъ самыя злодѣйскія намѣренія противъ Правительства и самой жизни, Блаженной Памяти, покойнаго Государя Императора Александра Павловича. Въ то самое время, какъ по открытіи сего преступленія приступлено было къ арестованію Подполковника Муравьева-Апостола, онъ нанесъ нѣсколько ранъ Полковому своему Командиру подполковнику Гебелю, и успѣлъ возмутить часть Черниговскаго пѣхотнаго полка, подъ тѣмъ же ложнымъ предлогомъ сохраненія вѣрности, прежде данной, присяги Его Императорскому Высочеству Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу. Онъ арестовалъ посланныхъ за нимъ фельдъегера и жандармовъ, ограбилъ полковую казну, освободилъ закованныхъ каторжныхъ колодниковъ, содержавшихся въ Васильковской городской тюрьмѣ и предалъ городъ неистовству нижнихъ чиновъ. Три роты подъ командою маіора Трухина остались вѣрными законному своему Государю и ушли отъ мятежниковъ; а полковая Адъютантъ Поручикъ Павловъ спасъ полковую печать и бумаги.—Главнокомандующій 1-ю Арміею предислалъ ближайшему Корпусному Командиру, Генералу отъ Инфантеріи Князю Щербатову, отправиться самому съ нужнымъ числомъ войскъ для уничтоженія сей шайки злоумышленниковъ и для востановленія прежняго порядка въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку, употребляя къ тому мѣры должной строгости и не шадя бунтовщиковъ. Хотя можно было надѣяться, что сими мѣрами совершенно прекратятся послѣдствія сего преступленія, но для избѣжанія и малѣйшаго опасенія, если бы сверхъ ожиданія преступники могли скрыться отъ преслѣдованія Генерала Князя Щербатова,—Его Императорское Величество препоручилъ Его Высочеству Цесаревичу принять на сіе время подъ Начальство Свое войско 3-го пѣхотнаго Корпуса, для скорѣйшаго и вѣрнѣйшаго наказанія мятежниковъ.

Государь Императоръ, принявъ за правило дѣйствовать со всею откровенностью предъ войсками, коихъ вѣрность и непоколебимость къ законной власти испытать при самомъ вступленіи Своемъ на Престоль, Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ, объявить имъ о всемъ выше изъясненномъ, дабы, предавъ ихъ презрѣнію имя преступника Муравьева-Апостола, сдѣлать извѣстнымъ имена Подполковника Гебеля, Маіора Трухина и Поручика Павлова, заслуживающихъ непоколебимымъ усердіемъ своимъ уваженіе храбрыхъ и вѣрныхъ Россійскихъ войскъ..

При самомъ утвержденіи сего Приказа, получено донесеніе отъ Главнокомандующаго 1-ю Арміею, съ рапортомъ отъ Командира 3-го пѣхотнаго Корпуса Генераль-Лейтенанта Рота, къ Генераль-Адъютанту Князю Щербатову, въ копіи при семъ приложенной, что возмущеніе Черниговскаго полка совершенно прекращено.

Подписалъ: Начальникъ Главнаго Штаба

Баронъ Дибичъ.

Копія съ рапорта, полученнаго 5-го сего Генваря по полудни въ 8-мъ часѣ съ Командиромъ 4-го пѣхотнаго Корпуса, Генераль-Адъютантомъ Княземъ Щербатовымъ отъ Командира 3-го пѣхотнаго Корпуса Генераль-Лейтенанта Рота отъ 3-го Генваря изъ мѣстечка Фастова, за № 13-мъ.

Узнавъ по прибытіи моемъ вчерась на ночь въ деревню Мохначку, что Подпол-

ковникъ Муравьевъ съ мятежниками, по полученнымъ извѣстіямъ о моемъ движеніи, оставилъ намѣреніе идти чрезъ Фастовъ въ Брусилувъ, перемѣнивъ свое направленіе, шель къ Бѣлой Церкви, въ надеждѣ успѣть овладѣть у Графини Бряницкой значительной суммой, я сего числа въ 3 часа по полудни выступилъ съ Кавалеріею и Конною Артиллеріею, давъ направленіе Генераль-Маіору Гейсмару съ двумя орудіями и 3-мя эскадронами къ деревнѣ Устимовкѣ;—я же съ 5-ю эскадронами и 6-ю орудіями шель чрезъ Фастовъ, дабы Муравьеву препятствовать всякое отступленіе, направивъ равновѣрно по полудни 12-ть ротъ пѣхоты съ 4-мя пѣшими орудіями съ Большого Подовецкаго на м. Бѣлую Церковь. Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ онъ былъ окруженъ и по приближеніи въ часъ по полудни Генераль-Маіора Гейсмара къ деревнѣ Устимовкѣ, гдѣ мятежники защищались, но по нѣсколькихъ выстрѣлахъ изъ орудій, положили оружіе. Подполковникъ Муравьевъ раненъ, братъ его застрѣлился, одинъ офицеръ убитъ, кромѣ другихъ раненыхъ и убитыхъ. О чемъ Вашему Сіятельству имѣю честь сдѣлать первое мое донесеніе.

Русскій Инвалидъ.

(12-го января. № 9).

Санктпетербургъ. 10-го января.

Въ одномъ изъ предшедшихъ Номеровъ сихъ „Вѣдомостей“ мы помѣстили извѣстіе о мѣрахъ осторожности, кои по особенному Высочайшему повелѣнію Его Императорскаго Величества приняты во всѣмъ частямъ управленія, какъ скоро, вслѣдствіе происшествій 14-го минушаго декабря открылись ковы злодѣевъ, умышлявшихъ на безопасность отечества и Августѣйшаго, по счастью Россіи Царствующаго въ ней Дома.

Новое мятежническое покушеніе, столь-же преступное и безумное, столь-же легко и скоро остановленное дѣйствіемъ законной власти, какъ и то, коего мы были свидѣтелями, служить доказательствомъ несомнительнымъ и необходимости предпринятыхъ Его Величествомъ сильныхъ мѣръ, и настоящаго намѣренія заговорщиковъ, наконецъ, и всего болѣе той утѣшительной для здравомыслящаго наблюдателя неоспоримой истины, что среди великодушнаго народа Русскаго, среди славныхъ—вѣрностию—Русскихъ войскъ, сіи пагубные замыслы не могутъ никогда имѣть даже и малѣйшаго успѣха.

Всякій удостовѣрится въ томъ, прочитавъ, въ ниже помѣщаемомъ Приказѣ Начальника Главнаго Штаба, описаніе бывшаго въ 3-е сего января уже совершенно прекращеннаго возмущенія части Черниговскаго полка.

Приказъ

Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества.

Въ Санктпетербургѣ. Января 9 дня, 1826 г., № 3.

Въ дополненіе приказа моего, отданнаго вчерашній день о возникшемъ въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку и уже прекращенномъ возмущеніи—объявляю симъ для свѣдѣнія войскъ, вновь полученный Главнокомандующимъ 1-ю Арміею, въ копіи у сего прилагаемый, рапортъ Генераль-Лейтенанта Рота, заключающій подробное донесеніе о преслѣдованіи и совершенномъ покореніи мятежниковъ.

Подписаль: Начальникъ Главнаго Штаба

Баронъ Дибичъ.

Копія съ рапорта, полученнаго 6-го Января 1826 года въ 10-ть часовъ утра Главнокомандующимъ 1-ю Арміею Генераломъ отъ Инфантеріи Графомъ Сакепомъ, отъ командира 3-го пѣхотнаго Корпуса Генераль-Лейтенанта Рота отъ 3-го того же Января изъ С. Трилеса за № 16-мъ.

„Слѣду донести Вашему Сіятельству чрезъ нарочнаго, что послѣ выступленія моего изъ мѣстечка Поволоча по двухдневному преслѣдованіи возмутителя Подполковника Муравьева-Апостола, имѣвшаго при себѣ шесть ротъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, я успѣлъ окружить его съ трехъ сторонъ.—Средній отрядъ достигъ мятежниковъ на Устиновской Высотѣ близъ деревни Полосовъ (Васильковского уѣзда), гдѣ Муравьевъ-Апостоль, увидя приближеніе нашихъ войскъ, построилъ мятежниковъ своихъ въ каре, и взявъ на руку, пошелъ прямо на орудія. Каре сей, бывъ принятъ картечными огнемъ, разстроился.—Тогда Кавалерія сдѣлала атаку, всѣ мятежники бросили оружіе и до семисотъ человекъ, нижнихъ чиновъ сдались, равно какъ и самъ Подполковникъ Муравьевъ-Апостоль, который весьма тяжело раненъ картечью и сабельнымъ ударомъ въ голову, Штабсъ-Капитанъ баронъ Соловьевъ, поручикъ Быстрицкій, Полтавскаго пѣхотнаго полка Подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ и братъ Муравьева-Апостола отставной подполковникъ; убиты же Поручики: Кузьминъ, Щипила и свиты Его Императорскаго Величества по Квартирмейстерской Части Прапорщикъ Муравьевъ-Апостоль (также братъ подполковника); кромѣ сего ранено и убито нѣсколько нижнихъ чиновъ.—Со стороны нашей нѣтъ ни ране-

нихъ, ни убитыхъ. Доноси о семь Вашему Сіятельству, имѣю честь испрашивать разрѣшенія, какъ поступать со взятыми и обезоруженными мятежниками, которые завтрашняго числа по приказанію моему будутъ отправлены за конвоемъ въ Дивизионную квартиру 9-й пѣхотной дивизіи, мѣстечко Бѣлую Церковь, гдѣ они будутъ приведены къ присягѣ на вѣрное подданство Его Величеству Государю Императору Николаю Павловичу, и содержаны подъ присмотромъ. Дѣлая Вашему Сіятельству мое донесеніе, что мятежъ совершенно прекращенъ, я считаю долгомъ присоветовать, что войска, употребленныя для усмиренія оного, оказали величайшее усердіе и похвальнѣйшій духъ. Нижніе чины, бывшіе съ Муравьевымъ-Апостоломъ, вообще не защищались, и видно, что они только обманомъ были завлечены къ буйству. 1-я же Гренадерская рота Черниговскаго пѣхотнаго полка не только не послѣдовала ихъ примѣру, но еще отстранилась отъ нихъ и прижиула ко мнѣ, что я отношу отличной твердости и достоинствамъ Капитана оной Козлова. О семь происшествіи донесено мною всенподданнѣйше Его Императорскому Величеству сего числа за № 17-мъ“.

Произведенное Муравьевымъ-Апостоломъ возмущеніе показало въ другой части Государства, что намѣренія заговорщиковъ повсюду одинаковы, что вездѣ ихъ средствомъ — убійства, цѣлю — безначаліе, грабежи и кровопролитіе; оно показало также, что повсюду за исключеніемъ весьма немногихъ, ослѣпленныхъ или обманутыхъ наши войска единодушны въ преданности къ Власти законной, въ пламенномъ усердіи къ Государю, что Военачальники и всѣ высшіе и нижніе чины исполняютъ долгъ свой, долгъ вѣрности, охраненія общественной безопасности, съ одинаковымъ равеніемъ и неустрашимостью.

Взирая на сіе, кто изъ Русскихъ не повторитъ, съ чувствомъ безпредѣльной довѣренности къ Небу, тѣхъ достопамятныхъ словъ Высочайшаго Манифеста, въ коихъ Государь Императоръ, указуя на происшествія, мгновенно омрачившія день Его торжественнаго Воцаренія, именуетъ оныя откровеніемъ тайныхъ путей Провидѣнія, творящаго добро изъ самаго зла, Имъ караемаго.

Высочайше учрежденный тайный Комитетъ по волѣ Его Императорскаго Величества объявляетъ, что дворянинъ Сомовъ, взятый по подозрѣнію въ участіи съ злоумышленниками, изъ коихъ со многими оиъ былъ въ короткой связи, по изысканіи Комитета оказался не только совершенно непричастнымъ къ заговору, имѣвшему цѣлю разрушить настоящий образъ Государственнаго Правленія въ Россіи, но и на Петровской площади во время возмущенія 14-го декабря совѣмъ не былъ.

Русскій Инвалидъ.

(27-го января. № 22).

Приказъ

Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества.

Въ Санктпетербургѣ. Января 20-го дня 1826 года. № 7.

Черниговскаго пѣхотнаго полка первая Гренадерская рота, подъ начальствомъ Капитана, что нынѣ Маюръ, Козлова, при возникшемъ въ семь полку мятежѣ, сохранила непоколебимую вѣрность къ Престолу, и, удаляясь отъ злоумышленниковъ, явилась къ настоящему началству, гдѣ съ ревностію способствовала въ покореніи мятежниковъ. Государь Императоръ, во вниманіи къ таковой вѣрности и отличному усердію, Высочайше повелѣтъ соизволилъ, всѣхъ чиновъ оной роты перевести въ полки Лейбъ-Гвардіи.

О сей Монаршей волѣ объявляю по всей Арміи.

Подписаль: Начальникъ Главнаго Штаба

Баронъ Дибичъ.

Русскій Инвалидъ.

(29 января. № 24).

Слѣдственная коммиссія учрежденная по особому повелѣнію Его Императорскаго Величества вскорѣ послѣ происшествій 14-го минувшаго Декабря, продолжаетъ дѣйствовать въ кругу съ величайшею точностію ей предначертанномъ, и уже успѣла собрать многія достовѣрныя свѣдѣнія, объясняющія начало, ходъ и образованіе разныхъ тайныхъ обществъ, коихъ руководители въ замыслахъ своихъ, по счастью невозможныхъ въ исполненіи, готовились изумить Россію злодѣйствами и свергнуть въ бездну мятежей и бѣдствія. Представляемъ здѣсь въ краткомъ извлеченіи и лишь предварительно сіи свѣдѣнія, почерпнутыя изъ допросовъ и признаній самихъ виновныхъ.

Таковы были преступныя намѣренія управлявшихъ сими сообществами, что число людей, способныхъ принять въ оныхъ участіе, долженствовало быть весьма невелико,

и сіе, къ чести имени Русскаго, къ утѣшенію всѣхъ добрыхъ граждаѣ, совершенно доказано производящимся слѣдствіемъ. Обстоятельства, о коихъ мы упомянемъ ниже, доказываютъ также, что въ семъ случаѣ, безумство едва-ли не равнялось гнусности умысла и что было бы легко заранѣе предсказать неуспѣхъ онаго, узнавъ до какой степени простиралось разномысліе между заговорщиками, какъ ихъ предположенія противорѣчили одно другому, какъ безпрестанно измѣнія ихъ, они часто въ недоумѣніи, казалось, сами ужасались своихъ желаній и останавливали всякое дѣйствіе, и, наконецъ, что всего замѣчательнѣе и важнѣе, какъ тщетны были ихъ усилія, чтобы собрать значительнѣйшее число сообщниковъ или распространить вредныя правила свои въ народѣ.

Первая мысль о составленіи сего заговора родилась въ распаленномъ воображеніи нѣсколькихъ молодыхъ людей, обольщенныхъ пагубнымъ примѣромъ мятежниковъ, кои посреди революцій, въ послѣднія тридцать лѣтъ, потрясавшихъ Европу, ознаменовали бытіе свое кратковременными успѣхами: сіи жалкіе подражатели изверговъ, въ стремленіи своемъ къ перемѣнамъ и разрушенію, уклоняясь отъ пути указуемаго намъ преданіями добродѣтельныхъ предковъ, истинныхъ сыновъ Россіи, забывая долгъ свой къ Государю и отечеству, забывая данныя ими клятвы и самыя выгоды своего положенія въ обществѣ, слѣпо предались мечтательной надеждѣ быть преобразователями Россіи и предприняли готовить къ сему средства.

Изъ показаній ихъ явствуетъ:

1-е) что для сего въ концѣ 1815-го года они предположили, а въ началѣ 1816-го уже начали заводить тайное общество, которое составлялось изъ многихъ отдѣленій и коего цѣль была двоякая. Одна, всѣмъ объявляемая: благодвореніе, другая настоящая, но извѣстная лишь небольшому числу членовъ: измѣненіе Государственныхъ установленій въ Россіи;

2-е) — что члены, знавшіе истинную цѣль общества, еще въ 1817-мъ году, въ то самое время, когда въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ съ Августѣйшимъ Семействомъ Своимъ посѣтилъ Москву Имъ освобожденную и Его щедротами поднятую изъ пепла, разсуждали о средствахъ умертвить Государя. Жизнь Сего обожаемаго подданными Монарха они считали непреодолимымъ препятствіемъ въ исполненіи своихъ намѣреній, и одинъ изъ нихъ, не дожидая жребья, долженствовавшаго назначить убійцу, самъ вывазлся на злодѣйство. Но, устрешенные имъ въ сію минуту воплемъ собѣсти, еще не совсѣмъ въ нихъ умолкшей, или думая, что имъ должно прежде изготовить способы ко всеобщему испроверженію, они вдругъ рѣшились отложить замышляемое ужасное убійство до другого времени;

3-е) что въ 1818-мъ году, находя, что ихъ общество не довольно быстро распространяется, они собрались опять въ Москвѣ и дали оному новое образованіе, съ именемъ Союза благоденствія или Зеленой книжки. Цѣль по прежнему была двоякая: всѣ чины, сверхъ дѣла благотворительности, обязывались способствовать успѣхамъ просвѣщенія и улучшенію нравовъ; намѣреніе испровергнуть Государственныя постановленія въ Россіи оставалось тайною Начальниковъ; они старались, приготавливая къ тому умы, умножая число своихъ сообщниковъ и мало-по-малу открывая имъ свои мнѣнія и виды;

4-е) что въ 1821-мъ году, на третьемъ общемъ собраніи Депутатовъ всѣхъ отдѣленій въ Москвѣ, они принуждены были признать худой успѣхъ своего предпріятія, вовсе несоотвѣтствовавшій ихъ ожиданіямъ; отъ того произошли разномыслія, пренія, и, наконецъ, Начальники, удостовѣривъ, что большая часть членовъ не одобряютъ ихъ политическихъ замысловъ, чтобы удалить сихъ членовъ, сдѣлали предложеніе, на которыя согласились всѣ, одинъ искренно, другіе притворно, уничтожить союзъ. Съ тѣхъ поръ многіе навсегда отказались отъ всякихъ сношеній съ остатками бывшаго общества;

5-е) но что изъ сихъ остатковъ злоумышленники составили новыя общества, въ коихъ вступающіе были избираемы съ чрезвычайными предосторожностями; взаимныя сношенія оныхъ были покрыты глубочайшею тайною;

6-е) что около того времени учредились два общества, почитаемыя главными, Сѣверное и Южное. Они имѣли свои Директоріи или Думы, первое въ Петербургѣ, другое въ Тульчинѣ; отъ нихъ зависѣло нѣсколько отдѣленій подъ названіемъ Управъ или Округовъ, вскорѣ потомъ возникло третье общество: Соединенныхъ Славянъ; съ нимъ были въ тѣсной связи два Члена Южнаго;

7-е) что вслѣдъ затѣмъ Начальниками всѣхъ сихъ обществъ составленъ планъ для испроверженія существующаго порядка посредствомъ вооруженной силы; для того они старались присоединять къ себѣ военнослужащихъ, и въ особенности ротныхъ и полковныхъ Командировъ;

8-е) что во всѣхъ вышеозначенныхъ обществахъ, первенствовавшіе члены, и каждый лишь по видамъ своего личнаго честолюбія, дѣлали разныя предположенія для будущаго образованія Государства; одни предлагали вручить верховную власть Совѣту, составленному изъ трехъ правителей, надѣясь быть въ числѣ оныхъ; другіе хотѣли раздробить Россію на нѣсколько независимыхъ, но соединенныхъ общимъ союзомъ частей, подъ названіемъ Держава, чтобы быть главами въ сихъ отдѣленныхъ

правленіяхъ; наконецъ, иные думали отторгнуть отъ Имперіи цѣлыя области и объявить ихъ совершенно независимыми или уступить сосѣдственнымъ Государствамъ;

9-е) что посредіи сихъ противныхъ мнѣній, внушаемыхъ однимъ слѣбимъ и претупнымъ желаніемъ власти, нѣкоторые изъ предложенныхъ плановъ не утверждены общимъ согласіемъ; но что нѣсколько человекъ изъ главныхъ заговорщиковъ снова обратились къ прежнему гнусному умыслу на жизнь покойнаго Императора Александра;

10-е) что въ 1823 году два члена, рѣшась совершить злодѣйскій ударъ, отправились въ Бобруйскъ ожидать прѣзда Государя, и не исполнили ужаснаго намѣренія только за невякою приглашенныхъ ими на помощь сообщниковъ;

11-е) что въ 1825-мъ году мятежники опять думали приступить къ исполненію оного, что между ними одинъ, осыпанный благодѣяніями Императора, предложилъ себя въ Его убійцы и долго, съ злымъ упорствомъ, противился мнѣнію другихъ не столь нетерпѣливыхъ злоумышленниковъ; тогда въ ихъ скопищѣ было сначала опредѣлено послать въ Таганрогъ изверговъ, принадлежащихъ къ обществу Соединенныхъ Славянъ, но потомъ однако же сдѣланъ новый планъ, еще отложить сіе злодѣйство до прибытія Его Императорскаго Величества въ Бѣлую Церковь на смотръ въ Маѣ 1826-го года.

12-е) что другой кроваващій мятежникъ нарочно пріѣхалъ изъ отдаленнаго края въ Санктпетербургъ, въ исходѣ 1825-го года и присоединился къ Сѣверному Обществу, чтобы участвовать въ убіеніи Императора Александра;

13-е) что, когда по неисповѣдимымъ Судьбамъ Божиимъ, смерть естественная, послѣ тяжелой, хотя недолговременной болѣзни, лишила насъ въ Александрѣ Отца и Государя, то злоумышленники рѣшились истребленіемъ всей Императорской Фамиліи податъ знакъ къ мятежу, и думали произвести въ одно время возмущеніе въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ полкахъ 1-й и 2-й Арміи.

Но сіи люди, недостойные имени Русскихъ, обманывали себя, и на счетъ собственныхъ силъ своихъ, кои всегда были ничтожны, и на счетъ возможности замышленныхъ ими бунтовъ. Послѣдствія обоихъ покушеній, какъ членовъ Сѣвернаго Общества въ Петербургѣ 14-го декабря, такъ и Муравьева-Апостола въ Васильковѣ и окрестностяхъ, доказали, что ни въ какомъ сословіи мятежники не могли найти себѣ пособниковъ; ибо тѣ немногіе рядовые воины, кои сначала послѣдовали имъ, и даже нѣкоторые изъ Офицеровъ, были не обольщены, а обмануты, вѣрны, что ихъ ведутъ исполнять долгъ, налагаемый присягою: сіи происшествія доказали, что ковы сего рода (если бъ даже оны были и не столь безразсудно составлены), не могутъ имѣть успѣха въ Россіи.

Правительство, какъ мы уже сказали выше, съ радостію удостовѣрилось, что число заговорщиковъ и особенно тѣхъ, кои очернили себя злодѣйствомъ на дѣлѣ или въ намѣреніи, весьма невелико. Ему теперь извѣстны всѣ заведенныя ими тайныя общества, всѣ безумные и преступные ихъ умыслы, всѣ средства, которыя они хотѣли употребить для приведенія ихъ въ дѣйствіе. Исполнивъ первый долгъ свой охраненія безопасности Государства, оно вскорѣ приступить къ исполненію другой, не менѣе священной обязанности: правосудія требуемаго и самымъ человѣколюбіемъ.

Правительство отличить съ надлежащею точностію, какъ о томъ было объявлено, разныя степеніи преступленія допрашиваемыхъ Слѣдственною Коммиссіею. Первые, виновнѣйшіе были основателями или начальниками сихъ тайныхъ обществъ. За ними слѣдуютъ тѣ, кои, зная всѣ, отъ прочихъ сокрываемые, ужасные замыслы, участвовали въ нихъ злодѣйственныхъ намѣреніяхъ; другіе должествовали только служить орудіемъ для исполненія плана имъ неизвѣстнаго, а нѣкоторые, слѣпо-легковѣрные, такъ же, какъ бывшіе съ ними обманутые рядовые, даже не подозрѣвали, что ихъ вооружаютъ противъ законной власти и порядка.

Разсмотрѣніе извѣтовъ иображеніе обстоятельствъ, рассказываемыхъ людьми столь несходными между собою, долго затрудняло и замедляло ходъ порученнаго Коммиссіи изслѣдованія; но оно близко къ окончанію. Главные преступники, изверги, покушавшіеся на Царевѣйство, возбудители мятежей или обнажавшіе мечъ на Государя и установленныя Имъ начальства, уже уличены; но доселѣ не преданы Суду и достойному наказанію, потому что могутъ еще быть нужны для очныхъ ставокъ съ сообщниками, для того, чтобы допрашивать многихъ, тѣмъ вѣрнѣе въ опредѣленіи мѣры вины cadaго, избѣжать всякой ошибки, особливо такой, которая могла бы въ глазахъ Судіи увеличить важность преступленія, однимъ словомъ, чтобы справедливость окончательнаго приговора не была подвержена ни малѣйшему сомнѣнію. Между тѣмъ, слѣдственная Коммиссія ревностно исполняетъ повелѣніе Государя, донося Его Величеству безъ потери времени, о всѣхъ, кои оказываются взятыми подъ стражу по неосновательнымъ подозрѣніямъ, происшедшимъ отъ нечаяннаго стеченія обстоятельствъ, и Его Императорское Величество немедленно возвращаетъ имъ свободу.

Русскій Инвалидъ.

(18-го маія. № 116).

В ы с о ч а й ш и й М а н и ф е с т ь.

Божією Милостію
 Мы Николай Первый
 Императоръ и Самодержецъ
 Всероссийскій
 и прочая, и прочая, и прочая
 Объявляемъ всенародно.

По донесеніямъ Начальниковъ Губерній дошло до Нашего свѣдѣнія, что въ нѣ-
 нѣкорыхъ селеніяхъ казенные и помѣщичьи крестьяне, обманутые ложными слухами
 и злонамѣренными разглашеніями, отступаютъ отъ должнаго порядка, полагая: первые,
 то есть, казенные крестьяне, что будутъ освобождены отъ платежа податей, а послѣд-
 ніе, то есть помѣщичьи, отъ повиновенія ихъ господамъ.

Сожалѣя о заблужденіи сихъ поселянъ и желая обратить ихъ на путь истинный
 мѣрами кротости, свойственными Отеческому милосердію Нашему, повелѣваемъ объ-
 явить повсемѣстно:

1) что всякіе толки о свободѣ казенныхъ поселянъ отъ платежа податей, а по-
 слѣднихъ, то есть помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей отъ повиновенія ихъ
 господамъ, суть слухи ложные, выдуманные и разглашаемые злонамѣренными людьми
 изъ одного корыстолюбія, съ тѣмъ, чтобъ посредствомъ сихъ слуховъ обогатиться за
 счетъ крестьянъ, по ихъ простодушію.

2) Всѣ состоянія въ Государствѣ, въ томъ числѣ и поселяне, какъ казенные,
 такъ и помѣщичьи крестьяне и дворовые люди, по всей точности должны исполнять
 всѣ обязанности, законами предписанныя, и безпрекословно повиноваться установлен-
 нымъ надъ ними властямъ.

3) Если и за симъ Нашимъ повелѣніемъ откроется какой-либо безпорядокъ между
 казенными поселянами, или помѣщичьими крестьянами и дворовыми людьми, по лож-
 нымъ слухамъ о свободѣ отъ платежа податей или отъ законной власти помѣщиковъ,
 то виновные навлекутъ на себя справедливый Нашъ гнѣвъ, и немедленно будутъ на-
 казаны по всей строгости законовъ.

4) Подтвержается Начальникамъ Губерній имѣть неослабное наблюденіе, дабы
 разглашатели подобныхъ слуховъ или толковъ, были безъ промедленія предаваемы
 суду, для поступленія съ ними также по всей строгости законовъ.

5) А какъ и до Насъ уже прямо доходятъ недѣльные просьбы поселянъ, писан-
 ные на основаніи вышесказанныхъ слуховъ или толковъ, то для прекращенія сего
 зла и сохраненія тишины и порядка, Мы повелѣваемъ сочинителей или писателей
 такихъ просьбъ, яко возмутителей общаго спокойствія, предавать суду и наказанію
 по всей строгости законовъ.

Правительствующій Сенатъ немедленно учинитъ надлежащее распоряженіе къ
 опубликованію сего Нашего повелѣнія во всенародное извѣстіе, предписавъ притомъ,
 чтобъ чтеніе онаго въ Воскресные и праздничные дни по церквамъ, на торгахъ и
 ярмаркахъ продолжаемо было въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня полученія сего по-
 велѣнія въ губерніяхъ, съ строгимъ сверхъ того подтвержденіемъ Начальникамъ
 оныхъ, дабы за исполненіемъ, изложенныхъ въ семъ Нашемъ повелѣніи мѣръ имѣли
 они неослабное наблюденіе, что и возлагаемъ на непосредственную ихъ отвѣтствен-
 ность въ предупреденіе всякаго неурядства.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества
 рукою тако:

Н и к о л а й.

Въ Царскомъ Селѣ. 12-го Маія 1826.

Русскій Инвалидъ.

(4 Іюня. № 131).

В ы с о ч а й ш и й М а н и ф е с т ь.

Божією Милостію
 Мы Николай Первый
 Императоръ и Самодержецъ
 Всероссийскій
 и прочая, и прочая, и прочая.

Изъ Манифеста Нашего 19 декабря минувшаго года и изъ послѣдовавшихъ
 всенародныхъ объявленій извѣстно уже всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ суще-
 ствованіе злыхъ умысловъ на испроверженіе Престола, на превращеніе Государствен-
 наго порядка, Отечественныхъ законовъ, всего Россіи священнаго.

Слѣдственной Коммиссіи, для изысканія ихъ учрежденной, поставили Мы въ

обязанность объять дѣло сіе во всемъ его составѣ, дойти до самыхъ сокровенныхъ его корней, обнаружить его начало и расширение, всѣ его связи и постепенности, и обнаружить не признаками вѣроятностей или подозрѣній, но доказательствами достоверными, очевидными, неопровергаемыми.

Столь точное и столь обширное изысканіе было необходимо. Когда въ самые первые дни Царствованія Нашего, неисповѣдимымъ судьбамъ Вышняго благоугодно было разверзть предъ нами ужасную тайну, за десять лѣтъ прежде составленную и столько времени во мракѣ сокровенную: то былъ перстъ Божій, указующій Намъ путь и средства и обязанность Нашу, обязанность тѣмъ болѣе для Насъ священную, что не во дни Державы Нашей возникло и не намъ лично, но всему Отечеству совокупно грозило сіе бѣдствіе.

Таковы были мысли Наши при учрежденіи Слѣдственной Комиссіи; таковы были и правила, данная ей въ руководство. Въ теченіе слишкомъ пяти мѣсяцевъ ежедневно занимаясь вѣренными ей дѣломъ, трудами по истинѣ неусыпными, сличая и повѣряя каждое обстоятельство, каждое показаніе, каждое происшествіе, устраняя вѣроятности, отвергая мнимыя подозрѣнія, утверждаясь на единой очевидности, на собственномъ признаніи обвиняемыхъ или на уликахъ ничѣмъ неопровергаемыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляя имъ всевозможные способы къ оправданію,—Комиссія, наконецъ, достигла цѣли, ей предназначенной, и въ окончательномъ донесеніи представила Намъ всю совокупность ея изысканій, съ приложеніемъ въ подлинномъ всѣхъ доказательствъ, на коихъ они утверждаются.

При разсмотрѣніи сего донесенія и приложеній къ оному, представляются въ нихъ два рода обвиненій, очевидно различныхъ: обвиненія тяжкія въ преступленіяхъ Государственныхъ, въ замыслахъ долготѣннихъ, обдуманныхъ и упорныхъ, постоянно и непреклонно къ одной пагубной ихъ цѣли устремленныхъ; и обвиненія въ поступкахъ, коихъ начало состояло въ малодушіи, въ слѣпомъ довѣрїи къ другимъ, въ неумѣнїи проникнуть въ ихъ тайны или въ кратковременномъ порывѣ страстей, раскаяніемъ сопровождаемомъ, и вообще въ намѣреніяхъ колеблемыхъ, безъ цѣли постоянной опредѣленной, а паче всего безъ участія въ какомъ либо дѣйстви. Сіи послѣднія обвиненія сами по себѣ подлежатъ дѣйствию мѣръ исправительныхъ; первыя же, хотя въ разныхъ степеняхъ, но всѣ относятся болѣе или менѣе къ самому существу и средоточію злоумышленій, всѣ равно подлежатъ одному и тому же суду.

Сей Судъ положили Мы составить изъ трехъ Государственныхъ сословій: Государственнаго Совѣта, Правительствующаго Сената и Святѣйшаго Синода, присоединивъ къ онымъ нѣсколько особъ изъ высшихъ Военскихъ и Гражданскихъ Чиновниковъ. Предсѣдатель и Члены Слѣдственной Комиссіи не будутъ въ немъ присутствовать.

Таковымъ устройствомъ сего Суда Мы желали не токмо сохранить законную силу прежнихъ примѣровъ, но еще болѣе желали означить, что Мы всегда признавали дѣло сіе дѣломъ всѣхъ истинныхъ Сыновъ Отечества, дѣломъ всей Россіи.

Ввѣряя сему Верховному Уголовному Суду участь обвиняемыхъ, Мы единого отъ него ожидаемъ и требуемъ: справедливости, справедливости нелицепріятной, ничѣмъ не колеблемой, на законѣ и силѣ доказательствъ утверждаемой.

По совершеніи Суда и по поднесеніи Намъ доклада, приговоръ оного со всѣми обстоятельствами будетъ преданъ во всеобщее извѣстіе. Данъ въ Санктпетербургѣ Іюня 1-го дня, въ лѣто отъ Рождества Христова 1826-е, Царствованія же Нашего первое.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: Н и к о л а й.

Указъ Правительственному Сенату.

Вслѣдствіе Манифеста Нашего, въ сей день состоявшагося, повелѣваемъ:

1) Предсѣдателемъ въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ быть Дѣйствительному Тайному Совѣтнику 1-го класса Князю Лопухину, а въ случаѣ болѣзни его Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Князю Куракину.

2) Министру Юстиціи исполнять въ семъ Судѣ обязанности по званію Генераль-Прокурора.

3) Сверхъ членовъ трехъ Государственныхъ Сословій, присутствовать въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ нижеслѣдующимъ чинамъ: Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Графу Головкину, Генералу Графу Ланжерону, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Барону Строганову, Генераль-Адъютанту Воинову, Инженеру-Генералу Опперману, Генераль-Адъютантамъ: Графу де Ламберту, Сенявину, Вороздину, Паскевичу, Генераль-Адъютанту Эманюелю, Генераль-Адъютантамъ: Графу Комаровскому, Башукиному, Закревскому, Вистрому и Сенатору Московскихъ Департаментовъ Тайному Совѣтнику Кушникову.

На подлинномъ написано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: Н и к о л а й.

Въ С.-Петербургѣ. Іюня 1 дня 1826 года.

Приложение къ Руевскому Инвалиду.

(12 Юня. № 138).

(Печатано въ военной типографіи Главнаго Штаба Ею Императорскаго Величества по Высочайшему повелѣнію).

Донесеніе слѣдственной комиссіи.

Его Императорскому Величеству
Высочайше учрежденной Коммисіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ всеподданѣйшій докладъ.

Коммиссія, учрежденная указомъ Вашего Императорскаго Величества отъ 17-го Декабря минувшаго года, привела къ окончанію порученное ей изслѣдованіе, и представляетъ на высочайшее усмотрѣніе Ваше, вмѣстѣ съ подробнымъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, всѣ собранныя ею свѣдѣнія открытыхъ въ Россіи Тайныхъ Обществъ причисленныхъ въ злоумышленіе, о началѣ оныхъ, ходѣ, измѣненіяхъ, планахъ, мало-по-малу распространявшихся, равно и о степени участія въ сихъ планахъ и предпріятіяхъ, и вообще о поступкахъ и дознанныхъ намѣреніяхъ каждаго изъ членовъ.

Вашему Величеству, при самомъ назначеніи Коммисіи и почти въ минуту усмирения бывшаго мятежа, угодно было напомнить, что, слѣдуя побужденіямъ собственнаго сердца и примѣру славныхъ предковъ своихъ, Вы лучше хотите простить десять виновныхъ, нежели одного невиннаго подвергнуть наказанію. Симъ правиломъ мудраго великодушія Коммиссія постоянно руководствовалась въ продолженіе слѣдствія; но съ другой стороны не теряла изъ вида возложенной на нее обязанности стараться, посредствомъ точныхъ изысканій, очистить государство отъ зловредныхъ началъ, обезпечить тишину и порядокъ, успокоить совершенно гражданъ мирныхъ, предавшихъ престолу и закону.

Устремляясь къ сей цѣли, Коммиссія вникала тщательно, но безъ предубѣжденій, во всѣ обстоятельства, кои могли служить къ обнаруженію какой-либо отрасли кова мятежниковъ; при разсмотрѣніи оныхъ и во всякомъ случаѣ, по возможности, отличала минутное ослабленіе и слабость отъ упорнаго зломыслия, и основаніемъ своихъ заключеній почти всегда полагала признаніе самихъ подозрѣваемыхъ, или бумаги, ими писанныя; извѣтъ же сообщниковъ и показанія другихъ свидѣтелей были, по большей части, только пособіями для улики, или для распространенія слѣдствія и соображеній при вопросахъ.

Какъ Вашему Величеству извѣстно, одно изъ таковыхъ показаній, должноствовавшее возбудить особенное вниманіе правительства, получено въ Вozѣ почивающимъ Императоромъ Александромъ въ іюнѣ минувшаго года отъ Шервуда, унтеръ-офицера 3-го Бугскаго уланскаго полка. Онъ доносилъ, что въ нѣкоторыхъ полкахъ 1-й и 2-й арміи есть люди, замышляющіе испроверженіе порядка въ государствѣ, и что они принадлежатъ къ Тайному Обществу, которое постепенно умножаетъ число своихъ членовъ. Именуя одного изъ нихъ (Вадковскаго Федора), Шервудъ просилъ позволенія ѣхать въ Курскъ, для свиданія съ нимъ и другими, коихъ онъ считалъ его сообщниками, надѣясь имѣть чрезъ то вѣрнѣйшія и обстоятельнѣйшія свѣдѣнія. Она въ самомъ дѣлѣ доставлены имъ правительству въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, а вскорѣ затѣмъ согласныя и еще подробнѣйшія извѣстія привезены въ Таганрогъ генераль-лейтенантомъ графомъ Виттомъ, который анализъ о существованіи и цѣли Тайнаго злоумышленнаго Общества, чрезъ агента своего, притворно къ оному присоединившагося. Большая часть сихъ показаній подтверждена полученнымъ 1-го Декабря на имя въ Вozѣ почивающаго Императора письмомъ Майбороды, капитана Вятскаго полка, который самъ былъ членомъ Тайнаго Общества. Вслѣдствіе сего извѣта, начальствомъ 2-й арміи и присланнымъ изъ Таганрога генераль-адъютантомъ Вашего Величества приняты мѣры осторожности; по указаніямъ Майбороды, взяты подъ стражу многіе изъ подозрѣваемыхъ въ злоумышленіе, отысканы, захвачены нѣкоторыя ихъ бумаги и свѣдѣныя предварительные допросы. Но между тѣмъ сообщники ихъ въ С.-Петербургѣ, зная ли, что правительству уже извѣстны ихъ намѣренія, или только нетерпѣливо желая приступить къ исполненію оныхъ, предприняли обмануть часть гвардейскихъ полковъ на счетъ присяги Вашему Величеству, чтобы произвести движеніе, коего жители столицы были свидѣтелями 14-го Декабря. Въ тотъ же вечеръ, они почти всѣ были во власти правительства, и показанія ихъ дополнили, объяснили прежнія извѣстія о существованіи заговора.

Съ сего времени начались дѣйствія Коммисіи. Получаемыя съ каждымъ днемъ новыя свѣдѣнія доказывали необходимость распространенія слѣдствія; Коммиссія, соображаясь въ точности съ правилами, Вашимъ Величествомъ предначертанными, не иначе употребляла данную ей власть и приступала къ розысканіямъ, какъ въ случаяхъ явной надобности. По требованіямъ оной, взяты подъ стражу или призваны къ допросу лишь тѣ, даже изъ членовъ Тайныхъ Обществъ, о коихъ по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ должно было заключить, что они, или участвовали въ самыхъ преступныхъ умыслахъ и могутъ еще быть, опасны, или что показанія ихъ нужны для

обличенія главныхъ мятежниковъ и обнаруженія всѣхъ плановъ ихъ. О многихъ, коиже имена означены въ особомъ, у сего подносимомъ спискѣ, какъ не совершенно знавшихъ цѣль Тайнаго Общества, къ коему они принадлежали, или удалившихся отъ онаго по чувству вины своей. Комиссія положила только довести до высочайшаго Вашего свѣдѣнія, предавая судьбу ихъ правосудію и милосердію Вашего Императорскаго Величества. Но всѣ, по вышеизложеннымъ причинамъ, должествовавшие обратити на себя вниманіе Комиссіи, допрошены съ надлежащимъ тщаніемъ и точностію¹⁾; отвѣты ихъ объяснены сличеніемъ, подтверждены очными ставками, и почти во всѣхъ, по крайней мѣрѣ во всѣхъ главныхъ обстоятельствахъ, относящихся къ цѣли заговора, составу Тайнаго Общества и дѣйствіямъ руководителей онаго, показанія ихъ совершенно согласны²⁾.

Изъ оныхъ открывается, что въ 1816 году, нѣсколько молодыхъ людей, возвращаясь изъ-за Границы послѣ кампаній 1813, 1814 и 1815 года и зная о бывшихъ тогда въ Германіи Тайныхъ Обществахъ съ политическою цѣлю, вздумали завести въ Россіи нѣчто подобное. Первые, сообщившіе другъ другу мысль сію, были Александръ Муравьевъ, нынѣ отставной полковникъ³⁾, который сначала полагалъ сіе Тайное Общество вмѣстѣ въ составъ какой-нибудь Массонской ложи, Никита Муравьевъ (капитанъ), и полковникъ князь Трубецкой. Побужденіемъ ихъ, какъ говоритъ Александръ Муравьевъ въ своемъ письменномъ отвѣтѣ на допросъ, была ложно понимаемая любовь къ отечеству, служившая для нихъ самихъ покровомъ безпокойнаго честолюбія; они не чувствовали, какъ нынѣ признаютъ единогласно во всѣхъ показаніяхъ своихъ, что чрезъ предполагаемые ими средства никакая истинно полезная цѣль не могла быть достигнута⁴⁾; что существованіе такого сообщества было незаконно и противно нравственности⁵⁾; что слѣдствіемъ онаго, рано или поздно, и можетъ быть даже безъ участія многихъ членовъ, должествовали быть преступленія, ихъ собственная гибель и вредъ для государства⁶⁾.

На сихъ первыхъ совѣщаніяхъ о заведеніи Общества, были, сверхъ именованныхъ, офицеры прежняго Семеновскаго полка: Якушкинъ, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы. Они тогда не приступали къ исполненію плановъ своихъ, и только въ Февралѣ слѣдующаго (1817) года, когда капитанъ Никита Муравьевъ, познакомясь съ полковникомъ Пестелемъ, сблизилъ его (какъ онъ говоритъ) съ Александромъ Муравьевымъ, уже имѣвшимъ тѣсную связь съ княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ, учредилось ихъ первое Тайное Общество, подъ названіемъ Союза спасенія, или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества. Уставъ онаго былъ сочиненъ Пестелемъ. Общество раздѣлялось на три степени: братій, мужей и бояръ⁷⁾. Изъ сей третьей высшей степени, избирались ежемѣсячно старѣйшины: предсѣдатель, блюститель и секретарь; для принятія назначались торжественные обряды; желающій вступить въ Общество давалъ клятву сохранять въ тайнѣ все, что ему откроютъ, если оно будетъ и несогласно съ его мнѣніемъ; по вступленіи давалъ онъ другую; сверхъ того каждая степенъ и даже старѣйшины имѣли свою особенную присягу. Обѣщались стремиться къ цѣли Общества и покоряться рѣшенію верховнаго собора бояръ, хотя сіе наименованіе боярина, какъ показываетъ одинъ князь Трубецкой, должествовало быть тайною для членовъ нижнихъ степеней. Боярами называли членовъ коренныхъ, то есть основателей Общества, но возводили или принимали прямо въ сіе званіе и нѣкоторыхъ новыхъ. Въ то время составляли Общество: вышеименованные Александръ, Никита, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы, Павелъ Пестель, князь Сергѣй Трубецкой, князь Ѳеодоръ Шаховской, Ѳеодоръ Глинка, Новиковъ (бывшій правителемъ канцеляріи Малороссійскаго генераль-губернатора и потомъ умершій въ отставкѣ), Михайло Лунинъ, и еще три члена, кои потомъ въ разныя времена удалились отъ Общества, прекратили всякія сношенія съ упорѣйшими изъ бывшихъ товарищей своихъ и тѣмъ заслужили, при милостивомъ прощеніи Вашего Императорскаго Величества, совершенное забвеніе кратковременнаго заблужденія, извиняемаго и отмѣнною ихъ молодостію⁸⁾.

¹⁾ Не допрошенъ Николай Тургеневъ, который былъ требованъ, но не явился изъ-за границы для отвѣта.

²⁾ Тѣмъ изъ допрошенныхъ, кои оказались, или непринадлежавшими къ злоумышленнымъ Тайнымъ Обществамъ, или совершенно отставшими отъ оныхъ, немедленно возвращена свобода.

³⁾ Съ именами всѣхъ, въ семъ донесеніи упоминаемыхъ, означаются ихъ нынѣшніе чины.

⁴⁾ Слова Александра Муравьева.

⁵⁾ Слова Никиты Муравьева.

⁶⁾ Слова князя Сергѣя Трубецкаго.

⁷⁾ По нѣкоторымъ показаніямъ, былъ еще четвертый родъ членовъ въ семъ Обществѣ, непринятыхъ въ оное, даже иногда и незнавшихъ его существованія, но считаемыхъ почему-либо въ единомысліи съ прочими; ихъ называли друзьями.

⁸⁾ Если не ошибаемся, двое изъ этихъ лицъ были: В. А. Перовскій и Илья Гавриловичъ Бибииковъ. П. В.

Цѣлю составленія ихъ Общества было, съ самаго начала, измѣненіе государственныхъ установленій въ Россіи: такъ показываютъ Александръ, Сергѣй, Матвѣй, Никиты Муравьевы и Пестель¹⁾; но по чувству слабости своей и дерзости предпріятія, они, какъ утверждаетъ князь Трубецкой, больше говорили о обязанности подвигаться для пользы отечества, способствовать всему полезному, если не содѣйствуемъ, то хотя изъясненіемъ одобренія, стараться пресѣкать злоупотребленія, оглашая предосудительные поступки недостойныхъ общей довѣренности чиновниковъ, особенно же стараться усилить Общество приобрѣтеніемъ новыхъ надежныхъ членовъ, развѣдавъ прежде о ихъ способностяхъ и нравственныхъ свойствахъ, или даже подвергнувъ ихъ нѣкоторому испытанію. Они тогда же предложили присоединиться къ нимъ Якушкину, не задолго предъ тѣмъ уѣхавшему изъ Петербурга, и генераль-маіору Михаилу Орлову, который въ сіе время думалъ съ Графомъ Мамоновымъ, въ дѣйствительномъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Тургеневымъ, завести другое Общество подъ названіемъ Русскихъ Рыцарей. На совѣщаніяхъ между имъ и Александромъ Муравьевымъ, они взаимно приглашали другъ друга въ свое Общество, и не могли согласиться въ правилахъ для соединенія. Генераль-маіоръ Орловъ сначала, какъ онъ самъ объявляетъ, хотѣлъ составить Общество только для наблюденія за лихоимствомъ и другими безпорядками внутренняго управленія, и полагалъ испросить на то высочайшаго одобренія; потомъ, вѣрѣ дошедшимъ до него слухамъ, будто покойный Императоръ намѣренъ возстановить Польшу въ прежнемъ видѣ и приписывая сіе вліянію Польскихъ Тайныхъ Обществъ, имѣлъ мысль, посредствомъ своего сообщества, противодействовать онымъ. Планъ его не исполнился, и Общество имъ предполагаемое, не составилось.

Но и то, которое уже было установлено, не могло хвалиться успѣхами. Нѣкоторые члены (въ томъ числѣ Пестель) уѣхали изъ Петербурга; иные находили неопредѣлительность въ цѣли, неудобства въ исполненіи предписаній устава; другіе, особенно изъ тѣхъ, коимъ было только предложено вступить въ союзъ, между прочими Михайло Муравьевъ (братъ Александра), Бурцовъ, Петръ Колошинъ, Якушкинъ, Фонъ-Визинъ, не иначе соглашались какъ съ тѣмъ, чтобы Общество ограничилось мѣдленнымъ дѣйствіемъ на мнѣнія; чтобы уставъ онаго (по словамъ Никиты Муравьева), основанный на клятвахъ, правилѣ слѣпаго повиновенія и проповѣдывавшій насиліе, употребленіе страшныхъ средствъ кинжала, яда²⁾, былъ отмѣненъ и вмѣсто онаго принять другой, коего главныя положенія заимствованы изъ напечатаннаго въ журналѣ Freywillige Blätter, устава, коимъ будто-бы управлялся Tugend-Bund.. Коренные члены союза, бывшіе тогда въ Москвѣ съ отрядомъ гвардіи, долго не уступали сему желанію, и замѣчательно, что во время сихъ преній на одномъ собраніи, гдѣ находились Александръ, Никита, Сергѣй, Матвѣй Муравьевы Якушкинъ, Фонъ-Визинъ, Лунинъ и князь Федоръ Шаховской, родилась, или, по крайней мѣрѣ, объявлена въ первый разъ ужасная мысль о царевубійствѣ³⁾. Одного члена Александра Муравьева, князь Трубецкой увѣдомлялъ изъ Петербурга, „что Государь намѣренъ возвратитъ Польшѣ всѣ завоеванныя нами области и, будто предвидя неудовольствіе, даже сопротивленіе Русскихъ, онъ думаетъ удалиться въ Варшаву со всѣмъ дворомъ и предать отечество въ жертву неурядицъ и смятеній“. Сіе извѣстіе, столь недѣльное, какъ потомъ признали сами члены тогдашняго Тайнаго Общества, произвело на нихъ дѣйствіе едва вѣроятное. Они вскричали, что покушеніе на жизнь Императора есть необходимость; одинъ (князь Федоръ Шаховской), какъ показываетъ Матвѣй Муравьевъ, полагалъ только дожидаться дня, когда будетъ въ караулѣ полкъ, въ коемъ онъ служилъ⁴⁾; хотѣлъ бросить жребій, и наконецъ Якушкинъ, который въ мученіяхъ несчастной любви давно ненавидѣлъ жизнь, распаленный въ сію минуту

¹⁾ Александръ Муравьевъ говоритъ, что къ свѣдѣнію о себѣ сокровенной цѣли Общества приготавлили нововступающихъ понемногу, объявляя оную только членамъ послѣдней высшей степени.

²⁾ „Это было мною написано въ подраженіе уставамъ нѣкоторыхъ масонскихъ ложъ“, говоритъ Пестель.

³⁾ Пестель утверждаетъ, что еще прежде, въ томъ же 1817 году, Лунинъ говорилъ, что если „при началѣ открытыхъ дѣйствій Общества“ рѣшится убить Императора, то можно будетъ для сего выслать на Царско-Сельскую дорогу нѣсколько чело-вѣкъ въ маскахъ. Лунинъ признается, что онъ, между прочимъ, говорилъ, это. Пестель, какъ показываетъ Матвѣй Муравьевъ, хотѣлъ набрать изъ молодыхъ отчаянныхъ людей, такъ называемую *cohorte perdue* (обреченный на гибель отрядъ) и поручить начальство онаго Лунину, чтобы всѣхъ изгубить, *pour faire main basse sur tout*. Пестель въ этомъ не сознается.

⁴⁾ Князь Федоръ Шаховской, по словамъ того же Матвѣя Муравьева, изъясняя въ сіе время готовность на ужаснѣйшія преступленія, и другой Муравьевъ, Сергѣй, не иначе называлъ его, какъ *le tigre*; впоследствии онъ отсталъ отъ Общества и жилъ въ отдаленной отъ столицъ деревнѣ. Предъ Комиссіею князь Шаховской признался только въ томъ, что онъ былъ членомъ Тайнаго Общества.

волненіємъ и словами товарищей, предложилъ себя въ убійцы. Онъ, и въ изступленіи страстей, какъ кажется, чувствовалъ, на что рѣшался. Рокъ избралъ меня въ жертву, говорилъ онъ; сдѣлавшись злодѣемъ, я не долженъ, не могу жить: совершу ударъ и застрѣлюсь. Всѣ прочіе, хотя и поздно, устрашили или образумились и остановили его; генераль-маіоръ фонъ-Визинъ доказывалъ, что извѣстіе, ихъ смутившее, есть безъ сомнѣнія основательное, съ чѣмъ послѣ и самъ князь Трубецкой, призванный ими въ Москву для объясненій, принужденъ былъ согласиться. Сергѣй Муравьевъ-Апостоль, сверхъ того въ письменномъ миѣніи, которое прислалъ Обществу въ слѣдующій день, представлялъ, что предположенное злодѣйство будетъ безплодно; ибо Тайное Общество ихъ не имѣетъ еще средствъ онымъ воспользоваться. Якушкинъ повиновался; но, обвиняя сочленовъ своихъ въ томъ, что они его побудили къ преступному, ими самими осуждаемому, намѣренію, онъ на время разорвалъ связь съ ними и Обществомъ, которое вскорѣ измѣнило свое образованіе, принявъ новое имя Союза Благоденствія и предложенный новый уставъ, сочиненный Александромъ, Михайломъ Муравьевыми, княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ и Петромъ Колопнянымъ ¹⁾.

Первая часть сего устава отыскана Коммиссіею и при семь подносится на высочайшее усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества. Главныя черты сего законоположенія Союза Благоденствія, раздѣленіе, замѣчательнѣйшія мысли и самый слогъ ясно показываетъ, что оно есть подражаніе и даже большею частью, переводъ съ Нѣмецкаго. Сочинители, именемъ основателей сообщества, объявляютъ, что одно благо отечества есть цѣль ихъ, что сія цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства; что правительство, несмотря на свое могущественное вліяніе, имѣетъ нужду въ содѣяній частныхъ людей; что учреждаемое ими общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ и, не скрывая своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ, только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти будетъ трудиться въ тайнѣ. Они дѣлили членовъ на четыре разряда или отрасли; каждый долженъ былъ приписаться къ одной изъ нихъ, не отказываясь совершенно отъ занятій по другимъ. Въ первой предметомъ дѣятельности было чловѣколюбіе, то есть успѣхи частной и общей благотворительности: она имѣла надзоръ надъ всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство оныхъ и самое правительство, о могущихъ вкрасться въ оныя злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, равно и о средствахъ исправленія или усовершенствованія. Во второй — умственное и нравственное образованіе, распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно Ланкастерскихъ, и вообще содѣяніемъ въ воспитаніи юношества, равно и черезъ примѣры доброй нравственности, разговоры и сочиненія, съ симъ и съ цѣлію Общества сообразныя. Членамъ сей второй отрасли порученъ былъ надзоръ за всѣми школами; они должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію за границей и всякому чужеземному вліянію. Въ третьей отрасли вниманіе было обращено на дѣйствіе судовъ; члены обязывались не уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства и другихъ въ порядкѣ судебномъ, исправлять оныя съ усердіемъ и точностію, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ сего рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и примодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безосновательныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣній правительства. Наконецъ, члены четвертой отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи: стараться изыскивать, опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ.

Членамъ не воспрещалось самимъ обращать вниманіе мѣстныхъ начальствъ на замѣчаемыя злоупотребленія, хотя вообще до свѣдѣній правительства оныя должествовали доходить чрезъ Правленіе Союза. Вѣроятно, что для сего въ особенности нѣкоторые (въ томъ числѣ Михайло Муравьевъ) предлагали испросить согласія покойнаго Императора на учрежденіе ихъ Общества; но сіе предложеніе не принято прочими членами. Образованіе онаго было слѣдующее. Старѣйшіе члены, основатели Общества или первоначально вступившіе въ оное, составляли такъ называемый Коренный Союзъ; изъ него избирался Совѣтъ Кореннаго Союза, то-есть Блюститель и пять Засѣдателей, изъ коихъ одинъ, прочими, подъ руководствомъ Блюстителя, былъ назначаемъ въ Предсѣдателя, и тогда именовался Главою Союза. Каждые четыре мѣсяца выходили изъ Совѣта два Засѣдателя, и на мѣста ихъ поступали другіе. Блюститель смѣнялся въ концѣ года. Когда прочіе члены Кореннаго Союза присоединялись къ Совѣту, то изъ сего образовалась Коренная Управа. Ко-

¹⁾ Не задолго предъ тѣмъ составилось, подъ предсѣдательствомъ Александра Муравьева, служившее для испытанія, Общество военныхъ людей; существованіе онаго было весьма кратковременно. Александръ Муравьевъ утверждаетъ, что онъ совѣмъ не помнитъ сего Общества. Въ оное былъ принятъ полковникъ Артамонъ Муравьевъ, около сего времени предлагалъ Александру и Никитѣ Муравьевымъ убить покойнаго Государя. Сіе предложеніе отвергнуто первымъ (Александромъ Муравьевымъ).

ренный Совѣтъ имѣлъ исполнительную власть въ Союзѣ, Коренная Управа законодательную; она же, какъ выше означено, избирала чиновниковъ и была верховнымъ судилищемъ въ Союзѣ. Совѣтъ могъ признать членами и сдѣлать своими уполномоченными, въ ихъ мѣстѣ пребыванія, людей, пользовавшихся довѣренностью Кореннаго Союза, Управа назначала еще Временную Законодательную Палату для разсмотрѣнія, поясненія и дополненія законовъ Союза, но не измѣняя цѣли онаго. Сія Палатую сочиненные законы должны были, съ одобренія Управы, имѣть временную силу до окончательнаго утвержденія оныхъ Верховнымъ Правленіемъ Союза, которое тогда только могло быть установлено, когда бы Союзъ совершенно составился.

Изъ всего означеннаго очевидно, что всѣ распоряженія въ семь Тайномъ Обществѣ, особенно же направленіе онаго къ какой-либо цѣли, оставались въ рукахъ основателей или коренныхъ членовъ. Они же были обязаны набирать новыхъ или заводить управы, каждый одну. Управы были Дѣловыя, Побочныя и Главныя. Управа называлась Дѣловою и получала списокъ первой части устава, когда въ ней было не менѣе 10 членовъ; до тѣхъ поръ она считалась недействительною. Однако же Коренный Союзъ имѣлъ право дѣлать исключенія изъ сего правила для скорѣйшаго распространенія Общества; всякая могла завести другую, Побочную, которая имѣла сношенія только съ нею. Но если сею Побочною Управою была также заведена Управа, и въ ней находилось не менѣе 10 членовъ, то она становилась независимою отъ основавшей оную. Въ главныя поступала та, которая завела три Побочныя или три Вольныя Общества (такъ назывались тѣ, кои, не входя въ составъ Союза Благодѣствія, могли своею особенною дѣятельностію, по литературѣ, художествамъ и такъ далѣе, способствовать достиженію цѣли онаго). Такая Управа получала списокъ второй части устава. Въ каждой Управѣ, для начальствованія, надзора за порядкомъ и раздѣленія работъ, назначался, посредствомъ избранія, Совѣтъ изъ Блюстителя и одного или двухъ Старѣйшинъ, смотря потому, изъ 10 или 20 членовъ была составлена Управа. Всѣ дѣла въ Управѣхъ и Коренномъ Союзѣ были рѣшимы большинствомъ голосовъ; также были произносимы и приговоры. Имена членовъ, заслужившихъ одобреніе Союза, вписывались въ почетную книгу, а изгоняемыхъ изъ Общества въ постыдную. Члены имѣли право выходить изъ Союза, но общія хранить въ тайнѣ все имъ извѣстное. Къ сему же храненію тайны обязывались тѣ, коимъ дѣлалось предложеніе вступить въ Союзъ, и повторяли свое обѣщаніе, послѣ прочтенія первой части. Обрядовъ для принятія не было; вступающій давалъ расписку, которая потомъ безъ вѣдома его сожигалась. Всякій долженъ былъ вносить въ кассу Общества 25-ю долю своего годового дохода ¹⁾ и повиноваться законнымъ предписаніямъ Союза.

Таковы были объявленныя въ 1-й части устава цѣль и правила Союза Благодѣствія. Вторая часть не была сочинена или, по крайней мѣрѣ, не была одобрена Кореннымъ Союзомъ; ибо написанный княземъ Трубецкимъ проектъ оставленъ безъ вниманія, и Александръ Муравьевъ бросилъ его въ огонь съ другими бумагами въ 1822 году. Но объ оной упоминали и, быть можетъ, сверхъ приманки для любопытства, видѣли въ ней средство, когда нибудь открыть новымъ членамъ настоящіе намѣренія основателей Общества ²⁾. Они не строго, и даже очень мало сообразовались и съ правилами, въ первой части означенными. При заведеніи Управъ рѣдко былъ наблюдаемъ предположенный порядокъ; оныхъ было двѣ въ Москвѣ: 1-я подъ предсѣдательствомъ Александра Муравьева, который послѣ отставки своей жилъ тамъ нѣсколько времени; 2-ая подъ предсѣдательствомъ князя Федора Шаховскаго; обѣ существовали не долго ³⁾. Въ Петербургѣ также двѣ: у лейбъ-гвардіи егерскаго офицера Семенова и у полковника Бурцова ⁴⁾.

Члены оныхъ ⁵⁾ хотя дѣлились на Управы, но собирались, гдѣ хотѣли, не соблюдая никакого порядка. Въ Петербургѣ были заведены и Вольныя Общества, почти независимыя отъ Союза Благодѣствія. Два также въ Измайловскомъ полку: 1-е учреждено княземъ Евгеніемъ Оболенскимъ и коллежскимъ ассесоромъ Токаревымъ

¹⁾ Сему правилу, какъ всѣ согласно показываютъ, слѣдовали немногіе. Въ Петербургѣ до 1825 года собрано не болѣе пяти тысячъ рублей, которые отданы князю Трубецкому, а имъ издержаны не на дѣла Тайнаго Общества.

²⁾ Сія намѣренія не долго хранились въ тайнѣ. „Сначала“, говоритъ титулярный совѣтникъ Семеновъ, бывший секретаремъ Тайнаго Общества, „знали только главные, а впоследствии проникли и другіе члены, что цѣлю Союза было измѣненіе государственныхъ установленій: для оной и для той, которая была объявлена въ уставѣ, признавали равно нужнымъ усиливать Общество, распространять политическія знанія и стараться овладѣть мнѣніемъ публики“.

³⁾ Показаніе Семенова.

⁴⁾ Показанія Семенова и Никиты Муравьева.

⁵⁾ Означенные поименно въ одномъ изъ прилагаемыхъ у сего списковъ.

(впослѣдствіи умершимъ); 2-е егерскимъ офицеромъ Семеновымъ; то и другое существовали не долѣе трехъ мѣсяцевъ. Третье отдѣльное Общество основано полковникомъ Глинкою, какъ показывается титулярный совѣтникъ Семеновъ, бывший и въ прежде-означенныхъ Обществахъ и Управахъ¹⁾. Новиковъ завелъ, или по крайней мѣрѣ заводилъ, Малороссійское Общество, при Масонской ложѣ, которую называлъ мѣстомъ пригтовленія; но, какъ показывается бывший тогда въ Полтавѣ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, онъ только искалъ средствъ добывать деньги, и ни Общества, ни ложа его не распространились²⁾. О Пестелѣ Никита Муравьевъ говоритъ, что онъ не признавалъ новаго Союза и дѣйствовалъ отдѣльно по другимъ правиламъ, прежде въ Митавѣ, потомъ, въ Тульчинѣ; но онъ въ отвѣтахъ своихъ утверждаетъ, что имъ, какъ и другими, былъ принятъ уставъ Союза Благоденствія, названный, по цвѣту перешета, Зеленою Книгою. Впрочемъ дѣятельность сего Тайнаго Общества, какъ по всему видно, была сосредоточена въ такъ называемомъ Коренномъ Союзѣ, и сія дѣятельность всего болѣе обращалась на умноженіе членовъ, особенно въ Петербургѣ, гдѣ была большая часть Коренной Управы³⁾. Однакоже, если вѣрить показанія одного посторонняго свидѣтеля, неподтвержденнымъ извѣтiami допрошенныхъ, составлявшіе сію Управу располагались тогда дѣйствовать на общее мнѣніе изданіемъ особаго дешеваго журнала, пѣсенъ, карикатуръ, и хотѣли для того имѣть литографію за границей и тайную типографію въ отдаленной отъ столицъ деревнѣ⁴⁾.

По крайней мѣрѣ достовѣрно, что между ими были разговоры и пренія, которыя нѣмгъ могли казаться правильными совѣщаніями, о разныхъ образахъ правленія. По словамъ полковника Пестеля и другихъ, какъ выше было означено, съ самаго учрежденія перваго Общества (Сыновъ Отечества или Союза Спасенія), обнаружались въ основателяхъ мысли конституціонныя, но весьма неопредѣлительныя и болѣе склонныя къ монархическимъ установленіямъ. Первую о правленіи республиканскомъ подалъ Новиковъ своимъ проектомъ Конституціи; а въ началѣ 1820 года было, какъ показывается полковникъ Пестель, въ Санктпетербургѣ собраніе Коренной Думы (или Управы), которая по уставу имѣла въ Союзѣ власть законодательную. Въ семь собраній Пестель, по вывозу члена, исправляшаго должность Блустителя⁵⁾, исчислялъ выгоды и невыгоды правленій монархическаго и республиканскаго, и послѣ многихъ разсужденій собирали голоса; всѣ, утверждаетъ Пестель, объявили, что предпочитаютъ республиканское правленіе, между прочими Николай Тургеневъ, слѣдующими словами: *président sans phrase*⁶⁾, кромѣ одного полковника Глинка, который говорилъ въ пользу монархическаго и предлагалъ вручить скипетръ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Сіе заключеніе Коренной Управы, по увѣренію Пестеля, опредѣлено было сообщить всѣмъ другимъ, и онъ сообщилъ его Тульчинской; съ тѣхъ поръ, прибавляетъ онъ, республиканскія мысли стали идти вверхъ надъ монархическими, хотя члены говорили, что если Императоръ Александръ самъ даруетъ Россіи хорошіе, по ихъ мнѣнію, законы, то они будутъ его вѣрными приверженниками и оберегателями. Но сіи показанія полковника Пестеля не всѣ подтверждены другими допрошенными: одинъ (Глинка) говоритъ, что все разсказываемое происходило не на правильномъ совѣщаніи, а въ обыкновенномъ разговорѣ о разныхъ политическихъ предметахъ, фойе-дерь-Бригенъ утверждаетъ, что большая часть присутствовавшихъ тутъ членовъ была не готова къ разсужденіямъ сего рода и къ объявленію какаго либо рѣшительнаго мнѣнія; что, между прочими, онъ и Глинка отрек-

¹⁾ Полковникъ Глинка не подтвердилъ сего показанія своимъ признаніемъ.

²⁾ Предъ Коммиссіею было показываемо, что впослѣдствіи одинъ изъ принятыхъ имъ, Переяславскій маршалъ Лукашевичъ завелъ новое Общество Малороссійское, и что будто бы оно имѣло цѣлю отдѣленіе сего края отъ Россіи и присоединеніе онаго къ независимому королевству Польскому. Но сіи показанія Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ, основанныя на догадкахъ, найдены несправедливыми.

³⁾ Списокъ членовъ оной также приложенъ къ сему донесенію. Генералъ-маіоръ Михайло Орловъ, и Николай Тургеневъ, не успѣвъ въ намѣреніи завести свое Общество, вступили въ Союзъ Благоденствія; первый, какъ утверждаетъ онъ въ запискѣ, поданной имъ въ Коммиссію, не прежде Іюля 1820 года; ибо ему тогда сказали другіе члены, что противно великодушію знать ихъ тайны, имена многихъ, и не раздѣлять съ ними опасностей.

⁴⁾ Такъ говоритъ сочинитель записки, найденной въ бумагахъ покойнаго Императора, бывшій, какъ видно, членомъ Союза Благоденствія. Изданіе журнала принималъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Тургеневъ; есть нѣсколько возмутительныхъ пѣсенъ, которыя тогда были сочинены и, можетъ быть, распускаемы, но точно ли по предписаніямъ Тайнаго Общества, того нельзя сказать утвердительно.

⁵⁾ Одного изъ трехъ выше показанныхъ, впослѣдствіи раскаявшихся и оставшихъ Обществу.

⁶⁾ Объявляю безъ фразъ, что хочу президента. Тѣ, которые предпочитали монархическій образъ правленія, должны были сказать, что хотятъ монарха.

лись дать свое; что Тургеневъ, вмѣсто приписываемыхъ ему словъ, сказалъ просто: „Республиканское правленіе съ президентомъ очень хорошо, но главное всегда зависитъ отъ устройства въ народномъ представленіи“. Титулярный совѣтникъ Семеновъ прибавляетъ, что не было сдѣлано никакого опредѣленія и совѣщаніе кончилось споромъ, въ коемъ полковникъ Глинка доказывалъ, что въ Россіи не можетъ существовать никакое правленіе, кромѣ монархическаго. Наконецъ, ни одинъ не упоминаетъ о предложеніи касательно Императрицы Елисаветы.

Впрочемъ все, происходившее на семъ совѣщаніи, какъ показываетъ Никита Муравьевъ, не имѣло никакого вліянія на образъ мыслей и дѣйствія членовъ вообще; не сдѣлано вслѣдствіе того никакихъ предписаній подвѣдомственнымъ Управамъ, кромѣ Тульчинской¹⁾; на многихъ, бывшихъ послѣ, собраніяхъ, не говорено о республиканскомъ правленіи, а разсуждали о перемѣнѣ образованія и ходѣ Союза Благоденствія, и самъ Пестель свидѣтельствуеетъ, что отъ начала до разрушенія сего Союза ни одно правило не было постоянно признаваемо, и часто все, единогласно отмѣняли. Должно однако же замѣтить, что, вскорѣ послѣ вышеописаннаго совѣщанія или разговора, нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ ономъ членовъ опять собирались, но случайно, какъ сказываетъ Пестель и, продолжая прежнія разсужденія, одинъ²⁾ подаль мысль о покушеніи на жизнь Императора Александра. Никита Муравьевъ утверждаетъ, что, кромѣ его и Пестеля, всѣ бывшіе съ ними члены отвергли предложеніе, какъ преступное: доказывали, что неминуемымъ послѣдствіемъ такого злодѣяства были бы всѣ бѣдствія, всѣ ужасы безначалія. Пестель отвѣчалъ, что оныя могутъ быть отвращены учрежденіемъ Временнаго Правленія изъ принадлежащихъ къ ихъ Тайному Обществу; на него возставали единодушно, съ жаромъ. Но ужасное предложеніе, если вѣрить показанію одного Сергѣя Муравьева-Апостола, было снова сдѣлано на другомъ собраніи и принято большинствомъ голосовъ. Изъ бывшихъ на семъ послѣднемъ онъ помнитъ только себя, Никиту Муравьева и Пестеля.

Между тѣмъ присоединеніе новыхъ членовъ къ Союзу Благоденствія продолжалось: многие могли быть прельщены разсѣянными въ Уставѣ, Впрочемъ, весьма обыкновенными филантропическими и патриотическими мыслями; другихъ завлекали побужденія дружбы, довѣренность къ нѣкоторымъ людямъ или вліяніе моды (ибо есть мода и на мнѣнія), а симъ пользовались дѣятельнѣйшіе въ Обществѣ, возбуждая въ слабыхъ боязнь сдѣлаться смѣшными, или суетное любопытство; а иныя, будучи вѣрить нѣкоторымъ показаніямъ, даже виды личной корысти. Но также многие начинали чувствовать свое заблужденіе, и одинъ изъ первыхъ, полковникъ Александръ Муравьевъ. „Лучъ горней благодати, говоритъ онъ, коснулся моей душѣ омраченной; я вдругъ увидѣлъ бездну, надъ которою стоялъ съ несчастными сообщниками и долго, въ слезахъ раскаянія, молилъ Небо простить мнѣ ихъ и мои преступленія. Богъ услышалъ грѣшника; Онъ, въ теченіе шести лѣтъ, испытывалъ меня тяжкими крестами, смертію дѣтей, страданіемъ жены, растройствомъ имуществъ, наконецъ и праведнымъ гнѣвомъ Государя и карою закона. Нѣсколько времени онъ не могъ побѣдить ложнаго стыда и только уклонялся отъ прежнихъ занятій и разговоровъ; но въ 1819 году перевозомъ себя, письменно объявилъ Коренному Союзу о своемъ мнѣніи, прося, заклиная всѣхъ, послѣдовать его примѣру — отказаться отъ всякихъ противозаконныхъ предпріятій и мыслей. Ему отвѣчали увѣреніями (ложными), что они съ нимъ согласны и уничтожаютъ Общество³⁾. Вскорѣ послѣ того, оно и въ самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, стало приходить въ упадокъ: нѣкоторые члены, не имѣвъ рѣшительности явно отказаться, удалялись отъ онаго, въ томъ числѣ и означенные выше три члена перваго Тайнаго Общества, раскаяніемъ своимъ заслужившіе совершенное, отеческое прошеніе Валаго Величества: двое около 1821 года, одинъ же, хотя позднѣе, но до того разорвалъ тяготившія совѣсть его связи, что наконецъ, даже избѣгалъ встрѣчи съ прежними товарищами⁴⁾.

Но на Югѣ, полковникъ Павелъ Пестель, будучи тогда адъютантомъ графа Витгенштейна и живучи въ Тульчинѣ, главной квартирѣ 2-й арміи, старался всѣми средствами распространять свои мнѣнія. Онъ внушалъ молодымъ сослуживцамъ своимъ, что воля самого Монарха (въ Воеводѣ почивающаго Императора Александра), до времени только сокрываемая, есть питать идеи сего рода въ юности и войскахъ; что, стремясь къ измѣненію настоящаго порядка, они будутъ содѣйствовать ему, что въ

¹⁾ Онъ и нѣкоторые другіе, фонъ-деръ Бригенъ, Колошинъ, Семеновъ подтвердили сіе на очныхъ съ Пестелемъ ставкахъ.

²⁾ Пестель и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ говорятъ, что Никита Муравьевъ; а Никита Муравьевъ показываетъ, что Пестель.

³⁾ Показаніе титулярнаго совѣтника Семенова.

⁴⁾ Никита Муравьевъ говоритъ, что когда какой-либо членъ начиналъ оказывать холодность къ Обществу, то старались его увѣрить что онъ не одинъ, а и всѣ прочіе перемѣнили образъ мыслей, что Общество распадается на части и почти уже не существуетъ.

Петербургѣ всё умы въ движеніи, что уже составило многочисленное и почтенное по достоинствамъ своихъ членовъ общество, которое все готовитъ къ великой перемѣнѣ¹⁾. Онъ принялъ многихъ въ Союзъ Благоденствія, показывая нововступающимъ первую часть устава, но самъ часто уклонялся отъ опредѣленныхъ въ ономъ правилъ. Вліяніе его, какъ видно по единогласнымъ свидѣтельствамъ, бывало рѣдко оспариваемо близкими къ нему сообщниками; однако же въ исходѣ 1820 года, и между бывшими въ семь краѣ, начали оказываться холодность, несогласія въ мнѣніяхъ, и возникли жаркіе споры на собраніяхъ, кои бывали у Пестеля и Юшневскаго (генералъ-интенданта 2-й арміи), имъ принятаго и до конца остававшася въ тѣсной съ нимъ связи. Пестель предложилъ, для прекращенія разномыслія, учредить временное диктаторство. Сіе предложеніе, равно и другое, чтобы замѣнить диктатора триумвиратомъ, отвергнуты, а положено быть въ Москвѣ сѣзду депутатовъ Союза, для точнѣйшаго опредѣленія цѣли и дѣйствій онаго. Пестелю нельзя было ѣхать въ Москву; полномочными отъ его Управы назначены полковникъ Бурцовъ и подполковникъ Комаровъ, который, замѣтивъ въ Обществѣ явную наклонность къ революціоннымъ правиламъ и даже къ предпріятіямъ противозаконнымъ, думалъ же тогда воспользоваться долженствовавшимъ быть на семь сѣздѣ разногласіемъ, чтобы склонить членовъ къ уничтоженію Союза. Генераль-маіоръ фонъ-Визинъ пріѣзжалъ изъ Тульчина въ Петербургъ²⁾, для приглашенія депутатовъ, а въ Москву отправились Николай Тургеневъ и Глинка. Кромѣ ихъ и вышепоименованныхъ были на сѣздѣ: два брата фонъ-Визина, генераль-маіоръ Орловъ, полковникъ Граббе, Якушкинъ (вступившій въ Союзъ Благоденствія въ 1818-мъ году), Михайло Муравьевъ, Охотниковъ. Симъ членами, на многихъ предварительныхъ собраніяхъ, генераль фонъ-Визинъ предлагалъ раздѣлить Общество на три разряда: 1-й, высшій, главноуправляющій и законодательствующій, Незнаемыхъ; 2-й, Исполнителей; изъ онаго хотѣли отрывать членовъ для наблюденій, разъѣздовъ, словесныхъ сообщений, прекративъ всё письменныя; наконецъ, 3-й, Нововводимыхъ. Тутъ опять начались несогласія и споры; предложеніе фонъ-Визина отвергали Николай Тургеневъ (избранный предсѣдателемъ на время сѣзда и, по словамъ Комарова, показывавшій себя весьма умѣреннымъ), генераль-маіоръ Орловъ, Бурцовъ, Колошинъ и Комаровъ. Послѣднему Якушкину сказалъ однажды:—Я на лицѣ твоёмъ вижу, что ты измѣнишь Обществу.—Да! отвѣчалъ Комаровъ, если оно не войдетъ опять въ предѣлы извѣстнаго мнѣ устава.—Это невозможно. Вскорѣ затѣмъ, генераль Орловъ письменно объявилъ, что онъ уже не хочетъ принадлежать къ Обществу, и остался твердъ, несмотря на убѣжденія и просьбы товарищей; а въ концѣ Февраля (1821 года), на общемъ засѣданіи, положено уничтожить Союзъ. Тургеневъ, какъ предсѣдатель, отъ имени всѣхъ уполномоченныхъ членовъ, объявилъ сообществу разрушилось совершенно и навсегда, какъ по возникшему въ ономъ разномыслію, такъ и для того, чтобы не возбудить подозрѣній правительства. Уставъ Союза Благоденствія и прочія бумаги сожжены, и многие члены, въ томъ числѣ Бурцовъ и Комаровъ, искренно вѣрили и радовались уничтоженію онаго.

Но истинныя причины, побудившія сдѣлать сіе объявленіе, какъ показываютъ Якушкинъ, фонъ-Визинъ и Никита Муравьевъ, было чувство, что уставъ не ясно опредѣлялъ цѣль Общества, отъ чего дѣятельность онаго уменьшалась, и желаніе удалить членовъ, кои уже хладѣли въ усердіи къ сей цѣли или не знали оной и, по характеру своему и образу мыслей, казались неспособными содѣйствовать Коренной Управѣ. Бывшіе въ Москвѣ руководители оной тогда же рѣшились (сіе объявляютъ генераль фонъ-Физинъ и Якушкинъ) со временемъ составить новое Общество и раздѣлить его на двѣ степени, съ тѣмъ, чтобы только принадлежащимъ къ первой была извѣстна настоящая цѣль онаго: готовить Россію къ измѣненію государственныхъ установлений. Въ сію первую степень принимать не иначе, какъ по согласію Главнаго Правленія въ Петербургѣ; для принятія во вторую, нужно бы было единодушное утвержденіе членовъ двухъ отдѣленій; оныхъ полагалось четыре: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Смоленской губерніи и Тульчинѣ. Якушкинъ утверждаетъ, что сіе Тайное Общество, съ названіемъ, коего онъ не помнитъ, и новымъ уставомъ, тогда же и составилось; генераль-маіоръ фонъ-Визинъ напротивъ, что все окончилось одними предположеніями и признаніемъ, нѣсколько разъ повтореннымъ, что никакая цѣль не оправдываетъ средствъ. Первый прибавляетъ, что назначенныя въ Москвѣ и Смоленскѣ отдѣленія не были учреждены.

Подполковникъ Бурцовъ, вмѣстѣ съ подполковникомъ Комаровымъ, привезъ Тульчинской Управѣ извѣстіе о разрушеніи Союза Благоденствія и долженъ былъ представить ей письменное сообщеніе отъ предсѣдателя Московскаго сѣзда. Но уже знавъ все по слухамъ, Пестель и Юшневскій на предварительномъ совѣщаніи условились: во 1-хъ, не признавать Общества разрушеннымъ; во 2-хъ, воспользоваться симъ случаемъ, чтобы удалить всѣхъ слабосердыхъ, представа имъ опасности и трудности предпріятія.

¹⁾ Показаніе подполковника Комарова.

²⁾ Показаніе подполковника Комарова.

Велѣдствіе сего, когда, по собраніи Думы Тульчинской, Бурцовъ, исполнивъ данное ему въ Москвѣ порученіе, вышелъ, а за нимъ и Комаровъ, то Юшневскій говорилъ приготовленную имъ рѣчь, но симъ не удалилъ никого; напротивъ, подстрекнулъ самолюбіе присутствовавшихъ членовъ. Полковникъ Аврамовъ (послѣ, какъ онъ увѣряетъ, раскаявшійся) объявилъ, что если и всѣ оставятъ Союзъ, то онъ не перестанетъ полагать оный существующимъ въ немъ одному; другіе также провозгласили, что депутаты ихъ въ Москвѣ вышли изъ предѣловъ данной имъ власти, что Общество не разрушено и будетъ продолжать дѣйствовать, перемѣнивъ нѣкоторыя изъ прежнихъ правилъ. Какъ бывшіе на семъ собраніи, такъ и приставшіе вскорѣ потомъ къ ихъ мнѣнію, Пестель, Юшневскій, Аврамовъ, Вольфъ, Ивашевъ, два Крюковыхъ, князь Бяратинскій, Басаргинъ, князь Сергѣй Волконскій, Василій Давыдовъ (вѣроятно соображаясь съ положеніями сочиненнаго Пестелемъ устава перваго Тайнаго Общества), приняли названіе Бояръ Союза ¹⁾. Они выбрали предсѣдателями или директорами Пестеля, Юшневскаго и сначала третьимъ, Никиту Муравьева; ибо думали, что и онъ, не бывъ въ Москвѣ, также несогласенъ на уничтоженіе Общества. Но въ Петербургѣ, какъ утверждаетъ послѣдній (Никита Муравьевъ) „оно было по крайней мѣрѣ совершенно разстроено: большая часть членовъ изъ него вышла; оставшіяся Управы, не имѣя между собою связи, не имѣя никакого устава и общаго управленія, не знали, чего хотѣли или не могли дать себѣ отчета въ своихъ желаніяхъ“ ²⁾.

Только въ исходѣ 1822 года сіе Петербургское или Сѣверное Общество снова образовалось. Его раздѣлили на Убѣжденныхъ и Соединенныхъ или Согласныхъ ³⁾. Союзъ Убѣжденныхъ или Верхній Кругъ, составлялся изъ основателей ⁴⁾; принимали въ оный и другіихъ изъ Союза Соединенныхъ, но не иначе какъ по согласію всѣхъ находящихся въ Петербургѣ Убѣжденныхъ. Сіе согласіе было нужно и для принятія какой-либо рѣшительной мѣры. Сверхъ того Верхній Кругъ имѣлъ слѣдующія права: онъ избиралъ членовъ Думы или Совѣта, управлявшаго Обществомъ, позволялъ принятію нововступающихъ, требовалъ отчетовъ отъ Думы. Ненаходящійся въ ономъ членъ могъ принять не болѣе двухъ, и согласія на то испрашивалъ чрезъ члена, коимъ былъ самъ принятъ; сей послѣдній также, если не былъ въ числѣ Убѣжденныхъ; сіе согласіе чрезъ такую же цѣль доходило отъ Думы до принимающаго новыхъ членовъ. Сихъ съ начала испытывали, готовили потомъ открывать имъ мало-по-малу цѣль Тайнаго Общества, но о средствахъ для достиженія оной и о времени начатія дѣйствій долженъ былъ имѣть свѣдѣніе однакъ Верхній Кругъ. Многимъ, коихъ назначали слѣжными орудіями, говорили только, что ихъ дѣло рубиться; нововступившіе и вообще всѣ непричисленные къ Убѣжденнымъ, знали одного принявшаго ихъ члена. Но сіе правило и всѣ прочія весьма строго наблюдались ⁵⁾.

Возобновивъ Тайное Общество, начальникомъ онаго нѣсколько времени признавали одного Никиту Муравьева; потомъ, въ концѣ 1823 года, рѣшась для лучшаго успѣха имѣть трехъ предсѣдателей, присоединили къ нему князя Сергѣя Трубцкаго, лишь возвратившагося изъ-за границы, и князя Евгенія Оболенскаго ⁶⁾. Чрезъ годъ послѣ того первый отправился въ Кіевъ, и съ надеждою, что, будучи въ Штабѣ 4-го Корпуса, онъ можетъ имѣть сообразное съ планами злоумышленниковъ влияніе на войска онаго, и для того, чтобы наблюдать за Пестелемъ, коему главныя дѣйствова-

¹⁾ Пестель показываетъ, что съ сего времени, члены Южнаго Общества или, какъ онъ его называетъ, Округа, раздѣлялись на Братій, Мужей и Бояръ. Братья не имѣли права принимать другіихъ; Мужы, пользуясь симъ правомъ, должны были отъ принятыхъ ими скрывать имена прочихъ членовъ. Бояре присоединялись къ Директоріи для рѣшеній въ важныхъ случаяхъ. Принимая новаго члена, довольствовались его честнымъ словомъ.

²⁾ Титулярный совѣтникъ Семеновъ показываетъ, что Николай Тургеневъ, возвратясь изъ Москвы въ 1821 году, начиналъ изъ нѣкоторыхъ членовъ уничтоженнаго Союза составлять новое Тайное Общество; въ оное приглашалъ прежнихъ, князя Оболенскаго, полковника Нарышкина и его Семенова, да принялъ полковника Миткова, Якова Толстого и Миклашевскаго. Вскорѣ потомъ гвардія выступила въ походъ, и дѣйствія Общества прекратились; Семеновъ не знаетъ, имѣло ли оно уставъ; онъ прибавляетъ, что ни Тургеневъ, ни другіе члены сего Общества не обнаруживали при немъ (Семеновѣ) злодѣйственныхъ намѣреній противъ Императорской Фамиліи.

³⁾ Показаніе князя Евгенія Оболенскаго.

⁴⁾ Главными изъ сихъ основателей или возобновителей Общества, по словамъ Никиты Муравьева, были: онъ самъ, князь Оболенскій и Николай Тургеневъ, который однако же не участвовалъ въ принятіи новыхъ членовъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ Сѣвернаго Общества, Соединенныхъ и Убѣжденныхъ, равно какъ и въ Южномъ, членовъ принимали безъ всякихъ обрядовъ.

⁵⁾ Показаніе Александра Бестужева.

⁶⁾ Мѣсто правителя предлагали Николаю Тургеневу; онъ отказался за бездоброемъ, множествомъ иныхъ занятій и худымъ успѣхомъ его предсѣдательства въ Москвѣ.

тели Сѣвернаго Общества не довѣряли: ибо, по словамъ Рыльева, видѣли въ немъ хитраго властолюбца, не Вашингтона, а Бонапарте. На мѣсто князя Трубенкаго сдѣланъ членомъ Директоріи или Думы Рыльевъ, который настоялъ, чтобы вередъ сн Директоры или Правители были не безсмѣнными, а избирались только на одинъ годъ.

Сношенія новаго Петербургскаго или Сѣвернаго Союза съ Южнымъ, какъ показываютъ многіе допрошенные, были довольно рѣдки и почти всегда на словахъ: Думы боялись вѣрять письма даже сочленамъ своимъ, ибо оныя могли по нечаянному случаю попасть въ руки постороннихъ. Сн два Общества не соглашались во многомъ, особенно же касательно своего внутренняго устройства; но имѣли одну цѣль: ниспроверженіе существующаго порядка, и въ обоихъ уже занимались сочиненіемъ законовъ для преобразованія Россіи. Коммиссія представляетъ на высочайшее усмотрѣніе Вашего Величества отысканныя ею списки сихъ проектовъ, вмѣстѣ съ краткими изъ оныхъ извлеченіями ¹⁾. Для достиженія цѣли своей, также въ обоихъ думали употребить одни средства: силу, дѣйствіе войскъ, которыя надѣялись склонить къ возмущенію ²⁾. Приготовленіемъ сихъ средствъ особенно занимались на Югѣ, въ нѣкоторыхъ полкахъ 1-ой и 2-й арміи. Тамъ, какъ показываетъ капитанъ Майборода, полковникъ Пестель то ласкалъ рядовыхъ, то вдругъ, когда ожидали покойнаго Императора въ армію, подвергалъ ихъ жестокимъ и, вѣроятно, незаслуженнымъ наказаніямъ: „Пусть думаютъ“, говорилъ, „что не мы, а высшее начальство и самъ Государь причиною излишней строгости“. Подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостоль также всячески, и въ Черниговскомъ и въ другихъ полкахъ 9-й дивизіи, старался привязывать къ себѣ солдатъ, въ томъ числѣ выпущенныхъ изъ прежняго Семеновскаго полка; внушалъ имъ мысли о возможности и близости всеобщей перемѣны, требуя общанія за нимъ во всякомъ случаѣ слѣдовать.

Дѣйствія сего Тайнаго Общества (Южнаго) уже не ограничивались умноженіемъ членовъ; оныя съ каждымъ днемъ болѣе принимали характеръ рѣшительнаго заговора противъ власти законной, и скоро на совѣщаніяхъ стали обнаруживаться, въ часто повторяемыхъ предложеніяхъ, злодѣйскіе, страшные умыслы. Въ Тульчинской Думѣ первенствовалъ, какъ и прежде, полковникъ Пестель; его сочленомъ въ оной, и всегда согласнымъ, хотя по наружности недѣятельнымъ, былъ Юшневскій. Отъ нихъ зави-

¹⁾ Одинъ проектъ Конституціи написанъ Никитою Муравьевымъ. Онъ предполагаетъ монархію, но оставляя Императору власть весьма ограниченную, подобную той, которая дана президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и дѣлилъ Россію на независимыя, соединенныя общимъ союзомъ области. Сей проектъ, по увѣренію Пестеля, служилъ только для новоприняемыхъ членовъ, коихъ боялись устрашить предложеніемъ учредить республику. Никита Муравьевъ утверждаетъ, что онъ говорилъ сіе, обманывая Пестеля, чтобъ не разсердить его, и чтобъ Южное Общество не отдѣлилось совершенно отъ Сѣвернаго. Другая Конституція, съ именемъ Русской Правды и совершенно въ духѣ республиканскомъ, есть сочиненіе Пестеля. Обѣ имѣютъ основаніемъ безразсудное предположеніе, что всякое государство можетъ принимать всѣ виды, по волѣ образователей. Обѣ, даже по мнѣнію нѣкоторыхъ умнѣйшихъ членовъ Союза, равно доказываютъ совершенное незнаніе отечественнаго края, свойства оного, выгоды и потребности; а въ такъ названной Русской Правдѣ, сверхъ того, часто обнаруживается едва вѣроятное и смѣшное невѣжество. Редакторъ, раздѣляя Имперію на большія области и отторгая отъ оной почти всѣ присоединенныя отъ Польши, именуетъ Лифляндію, Эстляндію, Курляндію и губерніи Новгородскую и Тверскую, Холмогорскою областю, а губерніи Архангельскую, Ярославскую, Вологодскую, Костромскую и Пермскую, областю Сѣверскою или Сѣверанскую. По его плану, Временное Правленіе должноствовало служить переходомъ отъ самодержавія къ республикѣ, и перво мѣрою сего Правленія было бы запрещеніе Тайныхъ Обществъ и заведеніе искуснаго, дѣятельнаго шпіонства, съ тѣмъ, чтобы шпіонами были люди умные и самой чистой нравственности. Временное Правленіе должноствовало также основать Іудейское Царство изъ находящихся въ Польшѣ и Россіи Жидовъ. „Ихъ будетъ два милліона“, говоритъ Пестель (въ томъ числѣ женщины, старики, дѣти); они даже и безъ вспомогательнаго войска могутъ легко пройти сквозъ всю Европейскую Турцію и, выбравъ мѣсто на берегахъ Малой Азіи, завести свое независимое государство“. Юшневскій поправляетъ только слогъ сего Пестелева сочиненія. Кромѣ сихъ, найдены еще два проекта Конституціи: одинъ неполный, въ бумагахъ князя Трубецкаго; онъ ни что иное, какъ списокъ Конституціи Муравьева, съ весьма неважными перемѣнами; другой, Государственный Заветъ, у Сергѣя Муравьева-Апостола; сей послѣдній есть сокращеніе Пестелева проекта.

²⁾ По всему видно, что сія мысль родилась въ нихъ не прежде 1821 года и вѣроятно вслѣдствіе бывшихъ незадолго предъ тѣмъ революцій въ Испаніи, Неаполѣ и Пьемонтѣ. Иные, говоритъ Пестель, полагали, что возмущеніе должно быть въ Петербургѣ; другіе, что надобно начать въ арміи, идти на Москву и тамъ принудить Сенатъ провозгласить перемѣну, установить новый образъ правленія.

сѣли всѣ составлявшіе Южное Общество, одни непосредственно, другіе чрезъ подвѣдомственные Думѣ двѣ Управы: Каменскую или Правую, гдѣ засѣдали Давыдовъ и князь Сергѣй Волконскій, и Васильковскую или Лѣвую, въ коей начальствовали Сергѣй Муравьевъ-Апостоль и подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ: первый, Муравьевъ, послѣ сдѣланъ и третьимъ членомъ Думы ¹⁾. Въ Январѣ 1823 года, были въ Кіевѣ собраны начальства всѣхъ управъ, Пестель, Юшневскій, Василій Давыдовъ, князь Сергѣй Волконскій, Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ. Они читали отрывки Пестелевой Русской Правды, и сдѣлали вопросъ: при введеніи нашихъ новыхъ законовъ какъ быть съ Императорскою Фамиліею? Истребить ее, сказалъ Пестель; съ нимъ согласились Юшневскій, Давыдовъ, Волконскій; но Бестужевъ-Рюминъ думалъ удовольствоваться смертію одного Императора (прочихъ членовъ царственнаго дома предполагали, какъ показываетъ Пестель, вывезти за границу, употребивъ къ тому Крошштатскій флотъ). Сергѣй Муравьевъ на сей разъ противился вообще ихъ мнѣнію: онъ не хотѣлъ царевубійства. Кончили тѣмъ, что хотя большинство голосовъ на сторонѣ Пестеля, но нельзя дозволить, чтобы шесть человекъ рѣшили вопросъ столь важный. Бестужевъ-Рюминъ послѣ прислалъ къ Юшневскому рѣчь, въ коей осуждалъ намѣреніе сообщниковъ своихъ, доказывая, что члены Императорской Фамиліи по совершеніи революціи не будутъ опасны: „Чего“, говорилъ онъ, „могутъ еще пожелать Русскіе, когда мы устроимъ для нихъ хорошее правленіе, когда мы дадимъ имъ мудрые законы?“ ²⁾ Но, несмотря на изъявленное въ семъ случаѣ, искреннее или притворное несогласіе, Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, въ томъ же 1823 году, при свиданіи съ начальниками другихъ Управъ, Пестелемъ, княземъ Сергѣемъ Волконскимъ, Давыдовымъ, въ деревнѣ Каменкѣ одобрили ихъ предложеніе истребить весь Императорскій Домъ. Князь Сергѣй Волконскій утверждаетъ, что оно даже и возобновлено Муравьевымъ; а въ 1824 г. Бестужевъ писалъ въ Варшаву (сіе письмо не доставлено княземъ Волконскимъ), требуя смерти Государя Цесаревича Константина Павловича отъ членовъ Тайнаго Польскаго Общества, съ коимъ онъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ вступилъ въ сношенія и связи.

Открытіе сего Польскаго Тайнаго Общества и переговоры съ нимъ принадлежать къ замѣчательнѣйшимъ дѣйствіямъ Южной Директоріи. Бестужевъ-Рюминъ извѣстилъ ее о существованіи онаго; ему же дано порученіе сдѣлать условія съ повѣренными сего Общества, коего цѣлію было отдѣленіе отъ Россіи, независимость Польши въ ея прежнемъ видѣ. Условія вскорѣ сдѣланы Бестужевымъ-Рюминымъ съ одной стороны, а съ другой—Крыжановскимъ. Южное Общество обѣщало признать независимость Польши, возвратити ей завоеванныя области, еще не совсѣмъ слышныя съ Россіею (qui ne sont pas russifiées), между прочими областъ Бѣлостокскую, губернію Гродненскую, часть Виленской, Минской и Подольской, съ наблюденіемъ однако же нужныхъ для обороны выгодъ при постановленіи новыхъ границъ; обѣщало покровительствовать въ Россіи Полкамъ и стараться искоренить взаимную не-любобъ обѣихъ націй; а Общество Польское обязывалось употребить средства дѣйствительнѣйшія, какого бъ ни были они рода, чтобы препятствовать Государю Цесаревичу пріѣхать въ Россію, когда начнется революція, и съ своей стороны, приступивъ въ то же время къ возмущенію, идти на Литовскій корпусъ, если онъ не пристанетъ къ нимъ, обезоружить его и учредить въ Польшѣ республиканскій образъ правленія. Сверхъ того хотѣли взаимно сообщать одно другому нужныя и вообще важныя свѣдѣнія, но съ тѣмъ, чтобы сношенія происходили не между простыми членами, а чрезъ особыхъ комиссаровъ. Сими комиссарами назначены Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, Гродецкій и Чаркосскій. Впоследствии Пестель самъ и князь Сергѣй Волконскій входили въ новые переговоры съ депутатами Польскаго Общества, Яблоновскимъ и Гродецкимъ ³⁾. Пестель признается, что обѣщаль независимость Польшѣ, но утверждаетъ, что не сказалъ ничего положительнаго о возвращеніи завоеванныхъ областей, хотя и видно по картѣ Россіи, имъ сочиненной и приложенной къ проекту Конституціи (Русской Правдѣ), что онъ въ своихъ планахъ отъ состава Имперіи отдѣлялъ всѣ означенныя Бестужевымъ части прежней Польши, и хотя на совѣщаніяхъ съ нѣкоторыми Петербургскими членами (такъ показываетъ Никита Муравьевъ), на упрекъ за сіе намѣреніе ему и Давыдову, они оба отвѣчали: „Какъ быть! слово уже дано, и на то была

¹⁾ Впоследствии они отдѣлили Тульчинскую Управу отъ Думы или Директоріи, сдѣлавъ въ оной начальникомъ князя Бяратинскаго. Сіи Управы иногда, по крайней мѣрѣ на Французскомъ, назывались Вентами или Вендитами, въ подражаніе Итальянскимъ карбонарамъ. Управа Каменская, буде вѣрны показанію Давыдова, основана лишь въ 1824 году; но начальники оной, князь Волконскій и Давыдовъ, были уже и прежде въ числѣ главныхъ членовъ Южнаго Общества.

²⁾ Сей отрывокъ Бестужева на Французскомъ въ его отвѣтахъ.

³⁾ Гродецкій, по желанію полномочныхъ Южнаго Общества, взялся предложить Варшавской Директоріи, чтобы съ Его Высочествомъ Цесаревичемъ было поступлено точно такъ въ Польшѣ, какъ съ прочими членами Императорской Фамиліи поступать въ Россіи; онъ надѣялся, что Директорія согласится. (Показаніе Бестужева-Рюмина).

воля Южнаго Общества". Сии сношенія съ Обществомъ Польскимъ, кажется, не имѣли дальнѣйшихъ послѣдствій. Повѣренные онаго требовали отъ Пестеля, чтобы онъ далъ имъ узнать важныхъ людей въ государствѣ, участвующихъ въ заговорѣ противъ настоящаго порядка, общая со своей стороны наименовать и сблизить съ ними такихъ же. Пестель былъ принужденъ отвѣчать не ясно, ибо не могъ назвать никого. Поляки охолодѣли, но связи ихъ съ Южнымъ Обществомъ не совершенно прекратились; ибо опредѣлено было обоимъ уполномоченнымъ съѣхаться опять въ Кіевѣ, въ Январѣ 1826 года. Впрочемъ все сіе должно быть точнѣе объяснено производящимся въ Варшавѣ слѣдствіемъ.

Не задолго до сихъ страшныхъ сношеній, въ коихъ частные люди своевольно располагали достоинствомъ отечества и судьбою правительствъ и народовъ, Управа Васильковская, то есть Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, замыслили начать мятежническія дѣйствія въ 9-й дивизіи, которая тогда была собрана въ лагерь при Бобруйскѣ, ожидая прибытія покойнаго Государя и Вашего Императорскаго Величества. Они хотѣли (оба въ томъ согласно признаются), въ положенный день или ночь, съ помощью нѣсколькихъ сообщниковъ, одѣтыхъ въ мундиры солдатъ полка, коимъ начальствовать единоумышленникъ ихъ полковникъ Швейковскій, овладѣть Государемъ и Вашимъ Величествомъ; также взять подъ стражу генераль-адъютанта барона Дибича, произвести бунтъ въ лагерь и, оставя гарнизонъ въ крѣпости (которая, говорятъ они, когда въ неудачѣ служить для нихъ убѣжищемъ), идти на Москву, возмущая на пути и присоединяя къ себѣ другія войска. Но, какъ извѣстно уже Вашему Величеству и Комиссіею неоднократно было замѣчено всѣ покушенія и планы злоумышленниковъ, равно очевидно ознаменованы и нетерпѣливостію страстей, и ничтожностію средствъ: обманывая на сей счетъ другъ друга, во всегдашнему обыкновенію въ заговорахъ, они часто были сами ослѣплены своими вымыслами, и лишь въ минуты, назначенныя для совершенія предпріятія, узнавали свою слабость. Такъ было и въ семь случаевъ. Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, думавъ возмутить цѣлый корпусъ войскъ, скоро увѣрились, что въ ономъ могли имѣть только двухъ пособниковъ: полковника Швейковскаго и капитана Норова. Вслѣдствіе того положили: 1) Бестужеву ѣхать въ Москву узнать, что тамъ дѣлаютъ настоящіе или бывшіе члены Тайнаго Общества, пригласить ихъ, именно Михаила Муравьева и Михаила фонъ-Визина, къ участванію въ новыхъ планахъ, и для исполненія оныхъ привести нѣсколькихъ молодыхъ людей въ Бобруйскъ; 2) требовать миѣнія и помощи Пестеля чрезъ Василья Давыдова, котораго затѣмъ звали къ себѣ въ лагерь. Давыдовъ не пріѣхалъ и не отвѣчалъ. Бестужевъ нашелъ въ Москвѣ только Ивана фонъ-Визина и Якушкина, которые отказались отъ всякаго содѣйствія, и начальники Васильковской Управы остались при одномъ злодѣйственномъ умыслѣ. Пестель утверждаетъ, что онъ удержалъ ихъ; но сему нельзя вѣрить, ибо изъ показаній Бестужева-Рюмина ¹⁾ видно, что въ Апрѣлѣ слѣдующаго 1824 года, составленъ планъ другого и еще болѣе преступнаго покушенія, имъ, Пестелемъ, Бестужевымъ-Рюминымъ, Сергѣемъ Муравьевымъ, двумя Поджіо, Давыдовымъ и Швейковскимъ. Полагали ошибочно, что покойный Государь Императоръ будетъ въ семь году осматривать войска 3-го корпуса при мѣстечкѣ Бѣлая Церковь, и заговорщики рѣшили, что въ первую ночь послѣ пріѣзда Его Величества въ павильонъ парка Александріи, при смѣнѣ караула, нѣсколько одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры офицеровъ (въ томъ числѣ разжалованныхъ), коихъ они считали готовыми на злодѣйство, ворвутся въ комнаты Государя и умертвятъ его ²⁾. Тогда же Муравьевъ-Апостолъ, Швейковскій и Тизенгаузенъ должны были произвести возмущеніе въ лагерь, идти на Кіевъ и на Москву. Муравьевъ думалъ изъ Кіева отравиться въ Петербургъ, дѣйствовать на Сѣверное Общество и съ нимъ; Бестужевъ опредѣлялъ себя въ начальники Черниговскаго полка. Но смотря не было; потому даже не сдѣлано предложенія назначаемымъ въ убійцы ³⁾ и, можетъ быть, не рожденнымъ для злодѣйства офицерамъ и рядовымъ; по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, Жуковъ, вышисанный изъ гвардіи, говорилъ послѣ (такъ свидѣтельствуегъ Бестужевъ-Рюминъ): „Знаю, что для успѣха намъ нужна смерть Государя; однакожь, если жребій велитъ мнѣ быть исполнителемъ ужаснаго приговора, то я самъ себя лишу жизни“.

Но исполненіе сихъ преступныхъ намѣреній только что отлагалось; оно, какъ явствуетъ изъ множества показаній, было постоянною мыслію руководителей Южнаго Тайнаго Общества. Уже и въ 1821 году, по свидѣтельству ротмистра Ивалева, вскорѣ послѣ возобновленія союза на Югѣ, въ одномъ собраніи, гдѣ находились Пестель, Юшневскій, Аврамовъ, Ивашевъ, князь Барятинскій, Вольфъ, Крюковы 1-й и 2-й и Басаргинъ, члены провозгласили торжественно, что цѣль ихъ есть измѣненіе существующаго въ государствѣ порядка, во что бы ни стало, предполагая не только упраздненіе престола, но истребленіе всѣхъ лицъ, кои могли бы тому пре-

1) Также Поджіо, В. Давыдова и Сергѣя Муравьева.
 2) Швейковскій утверждаетъ, что по его миѣнію должно было только арестовать Государя.
 3) Сихъ только они между собою называли заговорщиками, другихъ же соумышленниковъ революціонерами.

п ятствовать; средства къ сему предоставляли избрать директорамъ, Пестелю и Юшневскому, и для того вручали имъ власть неограниченную ¹⁾. Въ другомъ засѣданіи, при Юшневскомъ, Аврамовѣ, Ивашевѣ, двухъ Крюковыхъ, князѣ Барятинскомъ и штабъ-лекарѣ Вольфѣ (который показываетъ сіе), Пестель требовалъ рѣшительнаго утвержденія плана его ввести въ Россіи республиканскій образъ правленія посредствомъ вооруженной силы, и упразднить Царствующій Домъ. Члены изъявили согласіе. Въ 1822 году, князь Барятинскій, принимая въ общество полковника Фалленберга, взялъ съ него клятву жертвовать всѣмъ и даже покуситься на жизнь Императора ²⁾. Въ 1823 году младшій изъ братьевъ Поджіо ³⁾, вступивъ въ Союзъ, нашель, что всѣмъ (Южными) Управами положено было цѣлю установленіе республики, но изъ осторожности не вдругъ открывать сіе нововводимымъ. Въ семь же году Поджіо видѣлъ въ Петербургѣ князя Барятинскаго и письмо, которое онъ привозилъ отъ Пестеля къ Никитѣ Муравьеву. Пестель спрашивалъ о числѣ членовъ, силѣ, успѣхахъ Сѣвернаго Общества; готовъ ли въ Петербургѣ къ возмущенію? и прибавлялъ: „Les demi-mesures ne valent rien; isi nous voulons avoir maison nette (слабыя мѣры ни къ чему не годятся; мы здѣшніе, думаемъ вседогнати искоренить)“. „Какъ! вскричалъ Никита Муравьевъ, они тамъ Богъ вѣсть, что затѣяли; хотятъ всѣхъ“. Князь Барятинскій требовалъ рѣшительнаго отвѣта, Никита Муравьевъ объявлялъ, что ихъ намѣреніе начать съ обращенія умовъ (commencer par la propagande); но имъ (Никитою Муравьевымъ), какъ утверждаетъ въ своихъ показаніяхъ Поджіо, иные въ Петербургѣ тогда были не довольны, хуля его медлительность, бездѣйствіе, холодность. Въ числѣ тѣхъ, кои желали скорыхъ мѣръ, не ужасаясь злодѣяствъ, Поджіо именуеть Митькова, который на свиданіи у Оболенскаго сказалъ ему: „Я съ вашимъ мнѣніемъ (о погубленіи всей Императорской Фамиліи) согласенъ совершенно, до корня ⁴⁾; князя Валеріана Голицына, повторившаго слова Митькова ⁵⁾; Рылѣва, исполненнаго отваги, какъ говоритъ показатель, но хотѣвшаго дѣйствовать и на умъ, сочиненіемъ возмутительныхъ пѣсенъ и Катехизиса свободнаго человѣка ⁶⁾, наконецъ и Матвѣя Муравьева-Апостола ⁷⁾. Поджіо представляетъ его однимъ изъ жаркихъ приверженниковъ Пестеля и республиканскаго правленія, готовымъ произнести смертный приговоръ Царствующему Дому, только съ тѣмъ (сію мысль, по другимъ показаніямъ, имѣли и братъ его Сергѣй, и Бестужевъ-Рюминъ, и Пестель), чтобы злодѣяство, ими внушенное, казалось дѣломъ другихъ, послѣдствіемъ заговора, составленнаго внѣ ихъ Тайнаго Общества, и чтобы они могли избѣгнуть отъ кары праведнаго всеобщаго омерзѣнія ⁸⁾. Но сіи мнѣнія Матвѣя Муравьева значительно измѣнились въ теченіе слѣдующаго года; ибо въ найденномъ между бумагами брата его Сергѣя письмѣ (отъ 3-го Ноября 1824) онъ, напротивъ, изъявляетъ благоразуміе, старается удержать брата отъ всякихъ покушеній, доказываетъ ему, если небезаконность, то по крайней мѣрѣ безразсудность предпріятія и невозможность успѣха. „Духъ въ гвардіи“, пишетъ онъ, „и вообще въ войскахъ и на-

¹⁾ На очныхъ ставкахъ, подтвердивъ показаніе Ивашева, нѣкоторые (Юшневскій, Басаргинъ, князь Барятинскій и Крюковъ 2-й) прибавили, что сіе происходило въ томъ самомъ засѣданіи, въ коемъ положено было не признавать Общества разрушеннымъ.

²⁾ Показаніе Фалленберга; и князь Барятинскій сознался въ этомъ на очной съ нимъ ставкѣ.

³⁾ Показаніе самого Поджіо.

⁴⁾ Митьковъ сознавался въ томъ на очной ставкѣ съ Поджіо; послѣ онъ опять началъ заператься.

⁵⁾ Онъ, однакожъ, въ этомъ не признается.

⁶⁾ Рылѣвъ только думалъ кончить сей Катехизисъ свободнаго человѣка, начатый Никитою Муравьевымъ, но не успѣлъ. Въ сочиненіи возмутительныхъ стиховъ и пѣсенъ онъ признался.

⁷⁾ Самъ Сергѣй Муравьевъ, въ одномъ изъ послѣднихъ отвѣтовъ своихъ, утверждаетъ, что, сверхъ названныхъ подполковниковъ Поджіо сіе мнѣніе объ истребленіи Императорской Фамиліи раздѣляли въ Петербургѣ еще многіе изъ членовъ, и въ томъ числѣ главныхъ, Сѣвернаго Общества. Нѣкоторые признали справедливость сего показанія, какъ сіе подробно означено въ особыхъ о каждомъ запискахъ; о другихъ онъ самъ объявилъ послѣ, что не говорилъ съ ними о томъ; противились же сему мнѣнію, какъ показываетъ онъ, князь Трубецкой и Никита Муравьевъ. Онъ приводитъ слова послѣдняго: „je vais dire à ces messieurs, que la Famille Impériale est sacrée (я объявляю этимъ господамъ, что Императорская Фамилія должна быть священна)“.

⁸⁾ Пестель, если вѣрить словамъ Никиты Муравьева, думалъ даже сихъ заговорщиковъ-убійцъ, имъ возбужденныхъ, немедленно казнить смертію, и такимъ образомъ будто бы отмщая за Императорскую Фамилію, отклонить отъ своего Общества всякое подозрѣніе въ участіи. На очной ставкѣ съ Никитою Муравьевымъ Пестель не признался въ семь послѣднемъ намѣреніи.

родѣ совѣмъ не тотъ, какой мы предполагали. Государь и Великіе Князья любимы; она съ властію имѣють и способы привязывать къ себѣ милостями; а мы, что можемъ общать, вмѣсто чиновъ, денегъ и спокойства? Метафизическія разсужденія о политикѣ и двадцатилѣтнихъ прапорщиковъ въ правители государства. Изъ Петербургскихъ умнѣйшіе начинаютъ видѣть, что мы обманываемся и обманываемъ другъ друга, твердя о нашихъ силахъ. Въ Москвѣ я нашелъ только двухъ членовъ, которые сказали мнѣ: здѣсь ничего не дѣлаютъ, да и дѣлать нечего“¹⁾.

По всему видно, что и дѣятельнѣйшіе въ Тайномъ Обществѣ, точно не стыдятся обманывали другъ друга. Такъ генераль-маіоръ князь Сергѣй Волконскій сообщалъ Пестелю, что онъ подговорилъ многихъ офицеровъ изъ всѣхъ полковъ 19-й дивизіи, за исключеніемъ лишь полка его личнаго неприятеля Бурцова; называлъ нѣкоторыхъ, будто бы принятыхъ имъ или приготовленныхъ, и послѣ долженъ былъ признаться, что все было имъ вымышлено, изъ тщеславія, для доказательства его преступнаго усердія. Такъ они говорили въ Южномъ Обществѣ, что ихъ главныя силы на Сѣверѣ, и тамъ должно начаться дѣйствіемъ; а въ Петербургѣ, что все готово на Югѣ; утверждали иногда, что Москва рѣшится дѣло, а въ Москвѣ не было уже и Управы и очень мало членовъ, большею частію, отставшихъ отъ Союза; говорили также, и также ложно, что есть Тайныя Общества на Кавказѣ и въ Харьковѣ (последнее будто бы подъ начальствомъ графа Якова Булгари). Но то же самое чувство тщеславія не допускало ихъ ни сердиться за обманъ, ни признаваться въ перемѣнѣ образа мыслей. Матвѣй Муравьевъ-Апостоль, послѣ означеннаго выше письма къ брату, въ коемъ онъ сверхъ того изъяснилъ весьма невыгодное мнѣніе о Пестелѣ, послѣ разговора въ томъ же духѣ съ пріѣзжавшимъ къ нему въ деревню маіоромъ Лореромъ вдругъ снова началъ увѣрять Пестеля въ привязанности къ нему, въ рвеніи къ успѣху его плановъ²⁾. Сей послѣдній (Пестель), какъ свидѣтельствууютъ Никита Муравьевъ, другіе допрошенные и самый ходъ происшествій, былъ въ Южномъ Обществѣ не только директоромъ, но полнымъ властелиномъ; большая часть членовъ слѣпо ему вѣрила; иные, въ томъ числѣ начальникъ одной изъ Управъ, князь Сергѣй Волконскій, не зная его проекта Конституціи, хотѣли всѣмъ жертвовать для введенія предположеннаго въ ней образа правленія³⁾. Впрочемъ, по нѣкоторымъ показаніямъ, онъ часто дѣйствовалъ такъ, чтобы его мысли и намѣренія были предложены не имъ и даже казались не его внушеніемъ. Подполковникъ Поджіо встрѣтился съ нимъ въ первый разъ осенью 1824 года. Пестель зналъ, что онъ членъ ихъ Общества, зналъ, что онъ изъ такихъ, коихъ, по словамъ его, не было нужды прищипывать, но сперва говорилъ очень осторожно, только искалъ плѣнить его умомъ, велерѣчіемъ, лестью, много разсуждалъ о различныхъ формахъ правленія, началъ отъ Нимврода, и особенно охуждалъ наследственный въ Монархіяхъ порядокъ. Но когда Поджіо, въ восторгѣ, который въ другомъ случаѣ можно бы назвать дѣтскимъ, вскричалъ: „Должно признаться, что всѣ жившіе до насъ ничего не разумѣли въ государственной наукѣ, они были ученики, и наука въ младенчествѣ“; то онъ сталъ мало—по—малу намекать о томъ, что для торжества ихъ идей нужны усилія, жертвы. Отвѣтъ уже воспламененнаго до бѣшенства и нынѣ горько раскаявагося Поджіо былъ готовъ: принесемъ на жертву всѣхъ. Тогда Пестель, сжавъ руку, сказалъ: Давай считать ихъ по пальцамъ; для удара я готовлю двѣнадцать, удалцевъ. Бяратинскій уже набралъ нѣкоторые. Дошедши до царственныхъ особъ женскаго пола, онъ на минуту остановился: „знаешь ли Поджіо, что это ужасно!“ и однакожъ заключилъ свой страшный счетъ числомъ 13-ть, прибавя: Если убивать и въ чужихъ краяхъ, то конца не будетъ; у всѣхъ великихъ

1) Матвѣй Муравьевъ-Апостоль показывается въ своихъ послѣднихъ отвѣтахъ, что онъ былъ въ необыкновенномъ расположеніи души, когда видѣлся съ Поджіо въ Петербургѣ; долго не получая извѣстій о братѣ своемъ Сергѣѣ, онъ воображалъ, что заговоръ открытъ и братъ его подъ стражею. „Терзаемый горестію, страхомъ“, говоритъ онъ, „я въ безуміи хотѣлъ мести, хотѣлъ самъ покуситься на жизнь Государя, и объявлялъ о своемъ намѣреніи кавалергардскимъ офицерамъ, Вадковскому, Свистуну, Артамону Муравьеву“. Первый думалъ для сего употребить бывшее у него дуговое ружье; послѣдній назначалъ день, когда его эскадронъ будетъ въ караулѣ. Но Матвѣй Муравьевъ, узнавъ, что братъ его свободенъ, успокоился и оставилъ мысль о злодѣйственномъ покушеніи. Вскорѣ послѣ того, одинъ изъ вышеупомянутыхъ офицеровъ (Федоръ Вадковскій) предполагалъ, между прочими способами для исполненія повелѣній ихъ Общества, убить покойнаго Императора и всѣхъ членовъ его августѣйшей фамиліи на какомъ-нибудь большомъ придворномъ балѣ, и тутъ же провозгласить установленіе Республики. Подпоручикъ Кривцовъ и корнетъ Александръ Муравьевъ говорятъ, что, находя сіе предположеніе нелѣпнымъ, сочли за шутку.

2) Уступая просьбамъ брата, какъ онъ утверждаетъ; даже письма его къ Пестелю сочинены не имъ, а братомъ его Сергѣемъ и Бестужевымъ-Рюминымъ.

3) Князь Сергѣй Волконскій говоритъ самъ, что онъ видѣлъ только небольшіе отрывки Пестелевой Русской Правды, и что главнѣйшія основанія оной были ему вовсе неизвѣстны.

книгинь есть дѣти. Довольно объявить ихъ лишенными правъ на царство; и кто захочетъ престола облигаго кровью? „Но Пестель самъ, какъ показываетъ его сообщникъ-обвинитель, хотѣлъ для себя по крайней мѣрѣ власти царской.“ „Кто же“, спрашивалъ онъ у Поджіо, „будетъ главою Временнаго Правительства?“—„Кому быть кромѣ того, кто начинаетъ и безъ сомнѣнія совершить великое дѣло революціи, кромѣ Васъ?“—„Неловко мнѣ, нося имя не Русское.“—„Что нужно! Вы уймете самое злорѣчіе, удалясь, какъ Вашингтонъ, въ среду простыхъ гражданъ; вѣдь Временное Правительство недолго будетъ дѣйствовать, годъ много два.“—„О, нѣтъ!“ возразилъ Пестель, „не менѣе десяти лѣтъ; оно необходимо для однихъ предвзятельныхъ мѣръ; между тѣмъ, чтобы не роптали, можно занять умы вѣншною войною, возстановленіемъ древнихъ республикъ въ Греціи. А окончивъ великій подвигъ, я заключусь въ Кіевской Лаврѣ, буду схимникомъ, и тогда примусь за вѣру“¹⁾.

Ослѣпляя такимъ образомъ людей незрѣлаго ума въ своемъ непосредственномъ кругу, зародя или, по крайней мѣрѣ, укореня въ ихъ сердцахъ беззаконныя и безчеловѣчныя намѣренія, директоръ Южнаго Тайнаго Общества продолжалъ стараться и о томъ, чтобы распространить свое вліяніе на Сѣверную Думу²⁾. Князь Сергѣй Волконскій, Давыдовъ, Швейковскій пріѣзжали въ Петербургъ (первый два раза), съ предложеніемъ соединить оба Общества, дѣйствовать вмѣстѣ, стремиться къ одной, опредѣленной южными членами, цѣли. Въ 1825 году былъ и самъ Пестель. Онъ, возвратясь на Югъ, увѣрилъ, что привелъ все въ желанный имъ порядокъ; что Общества Южное и Сѣверное соединились; что сначала ему противились во многомъ, и однажды онъ въ Петербургѣ, ударивъ по столу, сказалъ: Такъ будетъ же Республика;—что наконецъ, всѣ согласились съ его мнѣніемъ и видами. Но члены Петербургскаго Общества показываютъ другое. Рылѣвъ утверждалъ, что они думали соединиться съ Южнымъ для того единственно, чтобы надзирать за Пестелемъ и противоѣйствовать ему; что сего къ сожалѣнію не могли сдѣлать; а по словамъ Никиты Муравьева, Пестель послѣ пріѣзда въ Петербургъ, на собраніи, при князѣ Трубецкомъ, Оболенскомъ, Николаѣ Тургенеvѣ, Рылѣвѣ, Матвѣѣ Муравьевѣ-Апостолѣ, жаловался на дѣятельность Сѣвернаго Общества, на недостатокъ единства, точныхъ правилъ, на различіе устройствъ на Сѣверѣ и Югѣ. Въ Южномъ Обществѣ были Бояре, въ Сѣверномъ ихъ не было. Онъ предлагалъ слить оба Общества въ одно, назвавъ Боярами главныхъ Петербургскихъ членовъ, имѣть однихъ начальниковъ, всѣ дѣла рѣшить большинствомъ голосовъ Боярѣ, обязать ихъ и прочихъ членовъ повиноваться слѣпо симъ рѣшеніямъ. Предложеніе было принято, какъ сказала князь Трубецкой Никитѣ Муравьеву, который не былъ на семъ собраніи. „Мнѣ это весьма не понравилось“, говоритъ Муравьевъ, „и когда вскорѣ затѣмъ Пестель пришелъ ко мнѣ, то у насъ началось преніе. Пестель говорилъ, что надобно прежде всего истребить всѣхъ членовъ Императорской Фамиліи, заставить Синодъ и Сенатъ объявить наше Тайное Общество Временнымъ Правительствомъ съ неограниченною властію; что сіе Временное Правительство, принявъ присягу всей Россіи, роздавъ министерства, арміи, корпуса и прочія мѣста членамъ Общества, мало по малу, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, будетъ вводить новый порядокъ. Я на-

¹⁾ Пестель, также по свидѣтельству Поджіо, говорилъ и о людяхъ, коихъ намѣренъ былъ употребить, щедро обѣщая своимъ соумышленникамъ министерства и всѣ важныя мѣста въ государствѣ. О предателяхъ сказалъ, что имена ихъ записаны въ черную книгу и обречены мщенію, кишжаламъ, aqua torhana и проч. и проч. Послѣ, когда Василій Давыдовъ спросилъ у него при Поджіо: „Знаешь его и мое мнѣніе? всѣхъ! то онъ отвѣчалъ, усмѣхаясь: Да! Поджіо ужасный человѣкъ. На очной ставкѣ Пестель признался, что имѣлъ съ нимъ означенный выше разговоръ, но прибавя:—безъ театральныхъ движеній, и мнѣ никакой нужды не было воспламять Поджіо, я нашель его готовымъ на все.

²⁾ Тѣми же средствами-ласкательствомъ. Однажды въ разговорѣ съ Рылѣвымъ, какъ сей показываетъ, Пестель, чтобы привязать къ себѣ сего, тогда новаго члена, и узнать его образъ мыслей, изъявлялъ попеременно разныя политическія мнѣнія: онъ былъ, говоритъ Рылѣвъ, и гражданномъ Сѣверо-Американскимъ, то защитникомъ государственнаго устава Англіи, то Конституціи Испанской, и террористомъ, Наполеонистомъ. Между прочимъ сказавъ, что и богатствомъ, и силой, и славою, Англія обязана своимъ законамъ, чрезъ минуту согласился съ Рылѣвымъ, что сіи законы устарѣли, не годятся для нашего вѣка, наполнены недостатками и могутъ плѣнять только слѣпую чернь, купцовъ, лордовъ и близорукихъ Англомановъ. Хвала Бонапарте, на слова Рылѣва, что даже честолюбцу должно, для собственной выгоды, подражать скорѣе Вашингтону, Пестель отвѣчалъ: правда; но если бы и вышелъ Наполеонъ, то все мы не будемъ въ проигрышѣ.

пелъ сей планъ, равно и варварскимъ и несбыточнымъ¹⁾. Въ слѣдствіе сего разговора, Никита Муравьевъ на другомъ собраніи Общества доказывалъ, что совершенное соединеніе ихъ съ Южнымъ невозможно, по дальности разстоянія и по несходству въ мнѣніяхъ; что въ Сѣверномъ всякій слѣдовалъ своему, а въ Южномъ, какъ онъ слышалъ, никто не противорѣчилъ Пестелю, и такъ большинство голосовъ было бы выраженіемъ одной его воли. Онъ же не сказывалъ, сколько у него Бояръ, и представлялъ себѣ право, вмѣстѣ съ своими Боярами, принимать новыхъ. Муравьевъ прибавилъ, что никогда не будетъ слѣпымъ орудіемъ рѣшеній большинства, которая могутъ быть противны его совѣсти, и хочеть имѣть свободу выйти изъ Общества. Его слова подѣйствовали; Пестель долженъ былъ согласиться оставить все въ прежнемъ видѣ до 1826 года, а тогда собрать уполномоченныхъ для постановленія правилъ и для избранія однихъ правителей въ оба Общества. Съ тѣхъ поръ онъ²⁾ видимо охладѣлъ къ главнымъ членамъ Петербургскимъ, не показывалъ имъ довѣренности, и хотя обѣщалъ прислать свой проектъ Конституціи, однако жъ не прислалъ и не входилъ ни въ какія объясненія объ устройствѣ и состояніи Южнаго Общества. О князѣ Сергѣѣ Волконскомъ Никита Муравьевъ говоритъ, что онъ былъ въ Петербургѣ послѣ Пестеля (вѣроятно, во второй разъ) и не имѣлъ никакихъ порученій, а только хвалилъ единодушіе Обществъ Сѣвернаго и Южнаго.

Въ семь послѣднемъ безпрестанно оказывалось нетерпѣніе приступить къ дѣйствію, мятежамъ, и было останавливаемо только чувствомъ безсилія. Сія порывы особенно волновали такъ называемую Васильковскую Управу, которая часто, какъ увѣряетъ Пестель, составляла планы, рѣшалась на предпріятія, даже и по его мнѣнію несбыточные, безъ согласія Тульчинской Директоріи, но увѣдомляла ее обо всемъ. Сія Управа приняла многихъ новыхъ членовъ; она, какъ означено выше, вступила первая въ сношенія съ Польскимъ Обществомъ, и ею же въ 1825 году открыто другое Тайное Общество, Соединенныхъ Славянъ, которое было и не весьма многочисленно и незначительно, ни по званію, ни по свойствамъ членовъ своихъ, и коего существованіе продолжалось не болѣе двухъ лѣтъ. Основать оно вздумалъ, въ 1823 году, подпоручникъ артиллеріи Борисовъ 2-й, пригласивъ къ тому своего брата и одного Волынскаго шляхтича Люблинскаго. Онъ сочинилъ, а Люблинскій перевелъ на Польскій языкъ, формулу клятвеннаго обѣщанія для вступающихъ и краткій Катехизисъ Славянина. Въ немъ, между многими ученическими апофеизмами о природѣ, о просвѣщеніи и предразсудкахъ, о простотѣ выраженій великодушія и надутомъ слогѣ рабства, сказано: „Не надѣйся ни на кого, кромѣ друзей и своего (оружія). Друзья тебѣ помогутъ, а оружіе тебя защититъ; и ты, если Славянинъ, и на землѣ твоей, при брегахъ морей ее окружающихъ, построишь четыре порта, Черный, Бѣлый, Далматскій, Ледовитый, воздвигнешь городъ и въ немъ своимъ могуществомъ посадишь на тронѣ богиню просвѣщенія, и проч. и проч. Желаетъ сего, жертвуя 10-ю частію своихъ доходовъ, и будешь обитать въ сердцѣ друзей.“ Къ клятвѣ, обѣщаясь хранить тайну, дѣйствовать для блага Славянскихъ племенъ, они прибавляли: „Если измѣню, то да буду наказанъ и угрызеніемъ совѣсти, и симъ оружіемъ, надъ коимъ произиошу присягу. Да виднеть оно остріемъ въ сердце мое, да истребитъ всѣхъ мнѣ любезныхъ, и жизнь моя съ сей минуты да будетъ сцѣпленіемъ неслыханныхъ бѣдъ“. Цѣлю Общества они полагали соединить общимъ союзомъ и единообразнымъ республиканскимъ правленіемъ, но безъ нарушенія независимости каждаго, восемъ Славянскихъ колѣнъ, означенныхъ на осміугольной печати ихъ: Россію, Польшу, Богемію, Моравію, Далмацію, Кроацію, Венгрію съ Трансильваніей, Сербію съ Молдавіей и Валахіей. Средства для сего предпріятія, они, какъ говорятъ единогласно въ показаніяхъ, не имѣли никакихъ до самаго конца. Заводя сіе Общество, Борисовъ старался только умножать число членовъ, и чтобы придать ему важности, увѣрялъ принимаемыхъ, что оно сильно, что средоточіе оно въ Петербургѣ, отрасли во всѣхъ земляхъ, населенныхъ Славянами, и что основатель Общества есть извѣстный Молдавскій князь, который теперь не въ Россіи. Въ лжи-

¹⁾ Планъ самого Муравьева, какъ онъ показываетъ, былъ слѣдующій:

1) Окончивъ свой проектъ Конституціи, раздать множество экземпляровъ онаго людямъ всѣхъ состояній.

2) Произвести возмущеніе въ войскѣ и тогда напечатать сей проектъ.

3) По мѣрѣ успѣховъ возмущенія, во всѣхъ занятыхъ мѣстахъ учреждать предположенныя имъ новыя начальства и другія присутственныя мѣста.

и 4) Если бы Императорская Фамилія не согласилась принять его Конституцію, то изгнать ее и предложить установленіе республиканскаго правленія, но только въ сей крайности; ибо онъ въ концѣ 1822 года, какъ увѣряетъ, отчасти переимѣнилъ свой образъ мыслей и призналъ превосходство монархическихъ формъ надъ республиканскими.

³⁾ Слова Никиты Муравьева.

вості сего и въ причинахъ побудившихъ его вымыслить разсказываемую имъ басню онъ въ послѣдствіи признавался Бестужеву-Рюмину, и тоже подтвердилъ на допросахъ предъ Коммиссіею. Когда онъ и другіе члены сего Тайнаго Общества познакомились съ Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ, ихъ было 36 человекъ ¹⁾, большею частью молодыхъ офицеровъ артиллеріи и нѣкоторыхъ пѣхотныхъ полковъ 3-го корпуса. Сей корпусъ стоялъ тогда лагеремъ у мѣстечка Лещина. Многие изъ товарищей Муравьева и Бестужева-Рюмина по Южному Обществу видались съ ними ежедневно, полковники: Швейковскій, Тиенгаузенъ, Артамонъ Муравьевъ, Вронницкій, майоръ Спиридовъ; положено, чтобы Бестужевъ, обратилъ Соединенныхъ Славянъ къ своей цѣли. Ему было не трудно доказать невозможность когда-либо исполнить ихъ собственный планъ; онъ прибавилъ къ сему, что обязанность Русскаго думать о преобразованіи Россіи, прежде иныхъ соплеменныхъ намъ народовъ, и потомъ, говоря именемъ своего многочисленнаго могущественнаго Общества, распространившаго отрасли свои по всей Имперіи, именемъ Верховнаго Правленія, сокровеннаго даже и для большей части членовъ въ непроницаемой тайнѣ, пригласилъ ихъ содѣйствовать и повиноваться ему безпрекословно. Всѣ тутъ бывшіе согласились ²⁾. Общество Славянъ присоединилось къ Южному, то есть, къ Васильковской Управѣ; они обязались клятвою, цѣлую образъ, который Бестужевъ снялъ съ шеи; а онъ, объявивъ, что должно стремиться къ испроверженію настоящаго порядка посредствомъ военной силы, раздѣлилъ ихъ на округа. Начальники сихъ округовъ, для артиллерійскихъ Горбачевскій, для пѣхотныхъ Спиридовъ, назывались Посредниками; ибо чрезъ нихъ Соединенные Славяне сносились съ Бестужевымъ и Южнымъ Обществомъ. Потомъ онъ показывалъ имъ проектъ новыхъ республиканскихъ законовъ ³⁾ и увѣрялъ, что князь Трубецкой возилъ его на разсмотрѣніе лучшихъ иностранныхъ публицистовъ, кои всѣ одобрили сіе законоположеніе ⁴⁾. Наконецъ, требовалъ, чтобы они подговаривали солдатъ и готовились, по его предписанію, начать возмущеніе не позднѣе Августа 1826 года, при смотрѣ войскъ у Бѣлой Церкви, а, можетъ быть, и прежде. Затѣмъ, на собраніяхъ у него и Муравьева, гдѣ бывали и вышепоименованные члены Южнаго Общества и нѣкоторые изъ Соединенныхъ Славянъ ⁵⁾, они оба твердили имъ безпрестанно о близости, о пользѣ революціи, воспламеняли ихъ воображеніе и страсти, сначала намекали, потомъ говорили ясно и рѣшительно о необходимости посягнуть на жизнь Императора Александра, истребить всю династію. Одинъ изъ Общества Соединенныхъ Славянъ (Горбачевскій) сказалъ: „Но это противно Богу и Религіи“.— „Неправда“, возразилъ Сергѣй Муравьевъ, и сталъ имъ читать свои выписки изъ Библіи, коими, ложно толкуя ихъ, хотѣлъ доказать, что монархическое правленіе не угодно Небу. „Надобно“, повторялъ Бестужевъ, „самый прахъ ихъ (членовъ Императорской Фамиліи) развѣять по землѣ. Послѣдствій такихъ, какъ во Франціи, бояться не должно: тамъ началъ революцію народъ, а не войско; у нихъ не было хорошей Конституціи, одна смѣняла другую, всѣ были наполнены недостатками, и между верховными правителями ихъ, консулами, былъ человекъ отважный съ обширнымъ гениемъ. У насъ противъ всего подобнаго взяты мѣры ⁶⁾.“

Во время сихъ свиданій и переговоровъ, члены Васильковского Округа едва не рѣшились, не медля, поднять знамя бунта. Получено извѣстіе, что у одного изъ нихъ (Швейковскаго) отнятъ полкъ. Онъ былъ въ отчаяніи; сообщники его также, и по участію въ немъ, и потому, что съ нимъ лишились надежды привлечь къ содѣйствію полкъ, конемъ онъ началъ востановлять. Въ первыя минуты раздраженія, они ⁷⁾ опредѣлили возмутить 3-й корпусъ (двизіи 8-ю и 9-ю пѣхотныя, 3-ю гусарскую и артиллерію сихъ дивизій) и идти на Кіевъ, потребовавъ совѣта и помощи у Пестеля; хотѣли также послать убійцъ въ Таганрогъ и полковникъ Артамонъ Муравьевъ предложилъ себя. „Ты намъ нуженъ здѣсь для sollevа полка“, отвѣчали ему. Бестужевъ, для совершенія злодѣянія, взялся найти человекъ до 15 ⁸⁾ изъ Соединенныхъ Славянъ и

¹⁾ Кон означены въ одномъ изъ приложенныхъ списковъ.

²⁾ Борисовъ 2, Горбачевскій, Пестовъ, Тютчевъ, Бечасновъ, Громницкій, Андреевичъ 2, Веденяпинъ 1, Мозгалевскій, Шипилла, Шимковъ, Кирѣевъ и Мозганъ. Сверхъ того присоединились къ Южному Обществу, но не присягали, Ивановъ и Лисовскій.

³⁾ Государственный Заветъ, сокращеніе Русской Правды Пестеля.

⁴⁾ Они въ самомъ дѣлѣ думали послать свой проектъ Конституціи для исправленія нѣкоторымъ Французскимъ и Англійскимъ литераторамъ, коихъ образъ мыслей считали близкимъ къ своему; сіе объявляетъ Бестужевъ-Рюминъ.

⁵⁾ Тютчевъ, Борисовъ 2-й, Горбачевскій, Пестовъ, Бечасновъ, Громницкій, Андреевичъ 2-й, Берстель, Мозгалевскій.

⁶⁾ Показаніе Бечаснаго.

⁷⁾ То-есть: Сергѣй, Артамонъ Муравьевы и Бестужевъ-Рюминъ. Вронницкій не былъ на ихъ первыхъ совѣщаніяхъ; Швейковскій въ горести тогда все молчалъ; Тиенгаузенъ также говорилъ очень мало.

⁸⁾ Такъ показываютъ штабсъ-капитанъ Корниловъ и самъ Бестужевъ.

другихъ, непринадлежавшихъ ни къ какому Тайному Обществу, но извѣстныхъ ему и надежныхъ по ихъ образу мыслей и характеру. Онъ составилъ имъ списокъ; но не всё, коихъ имена были въ ономъ изъявили согласіе ¹⁾. Нѣкоторымъ онъ и не открывалъ своихъ намѣреній, какъ видно полагаясь на общую данную ими присягу въ слѣпую повиновеніи. Но не долго они занимались своими преступными мечтами; опомнясь, самъ Швейковскій убѣдительно, со слезами, просилъ товарищей не жертвовать собою за него, отложить всякое дѣйствіе. Чувствуя всю невѣроятность удачи, они согласились и однакоже дали другъ другу слово начать непремѣнно въ 1826 году. И тогда они думали убіеніемъ Императора Александра подать знакъ къ повсемѣстнымъ смятеніямъ, принудить Сенатъ провозгласить избранную ими Конституцію и составить три лагеря: первый у Кіева, подъ командою Пестеля, второй у Москвы, подъ командою Бестужева-Рюмина, третій близъ Петербурга, гдѣ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ долженъ былъ явиться, чтобъ принять начальство надъ гвардіею. Такъ имъ все казалось легко! Но одинъ (полковникъ Тизенгаузенъ), иногда казавшійся ревностнымъ, даже предлагавшій составить кассу для предпріятій Общества и продать для сего послѣднее платье жены своей, говорилъ: „Начинать черезъ годъ! Развѣ черезъ десять лѣтъ? ²⁾ „Артамонъ Муравьевъ еще нѣсколько времени упорствовалъ въ желаніи не откладывать и ѣхать для убійства въ Таганрогъ; Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ утверждаютъ, что ему вѣрили, считая его самохваломъ, яростнымъ“ болѣе на словахъ, нежели въ самомъ дѣлѣ; онъ самъ признался предъ Комисіею въ истинѣ приписываемыхъ ему словъ и умысла.

По снятіи Лещинскаго лагеря, они разстались, твердя о планѣ на 1826-й годъ между собою и Соединеннымъ Славянамъ чрезъ Бестужева. Онъ имъ повторялъ, что при смотрѣ войскъ у Бѣлой Церкви, будетъ удобный случай произвести мятежъ и не всё замысленныя ими перемѣны, увѣрялъ снова въ силѣ своего Тайнаго Общества, уже немѣющаго нужды въ новыхъ членахъ и, требуя отъ нихъ крови священной, утверждалъ, что не будетъ кровопролитія; наконецъ, совѣтовалъ, предписывалъ приглашать къ сообщничеству фейерверкеровъ, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Сіе порученіе было исполняемо, хотя не всѣми и не всегда съ успѣхомъ; ибо нѣкоторымъ солдатамъ, на ихъ лукавыя обѣщанія и слова, что пора избавиться отъ несправедливости начальниковъ, по большей части Нѣмцевъ, отвѣчали: Невѣримъ, это все пустое, или: Хорошо, мы съ вами, если только въ этомъ не будетъ бунта, или какого иного худа. Иные даже спрашивали: да полно, батюшка, не противно ли это присягѣ и знаетъ ли про то Государь? И, ругаясь надъ ихъ простодушнымъ легковѣріемъ, имъ говорили, что все согласно съ присягою и будетъ извѣстно Государю.

Директоры Южнаго Общества были, какъ сіе означено выше, увѣдомляемы о дѣлахъ и предположеніяхъ Васильковской Управы. Сергѣй Муравьевъ тогда уже самъ былъ однимъ изъ директоровъ. Пестель въ отвѣтахъ своихъ утверждаетъ, что онъ не одобрялъ ихъ плановъ, зналъ невозможность исполненія, предвидѣлъ, что и въ 1826 году нельзя будетъ ни на что рѣшиться; но по другимъ показаніямъ ³⁾, онъ нѣсколько разъ говорилъ: „Муравьевъ нетерпѣливъ и скоръ; однакожъ, если онъ начнетъ удачно, то я не отстану отъ него“. Онъ повторялъ сіи слова и послѣ кончины Государя Императора Александра, ибо непритворная, всеобщая горестъ отечества не перемѣнила ни расположенія заговорщиковъ, ни главныхъ намѣреній ихъ. Одинъ изъ членовъ и бояръ (Федоръ Вадковскій) писалъ въ то время изъ Курска къ Пестелю (это письмо достойно замѣчанія): „Вотъ случай, коимъ Общество могло бы воспользоваться, еслибы оно было готово; но онъ пропущенъ. Будемъ ждать, что сдѣлаетъ новое правительство. Если оно будетъ дѣйствовать дурно, то сіе, умноживъ число недовольныхъ, увеличитъ наши силы; въ противномъ же случаѣ, при общемъ благоденствіи, имѣя и болѣе свободы, удвоимъ старанія, чтобы скорѣе испровергнуть его“. Многіе изъ допрошенныхъ ⁴⁾ свидѣтельствуютъ, что уже послѣ сего, Пестелемъ и его главными соумышленниками, было положено, 1-го Января нынѣшняго года по вступленіи Вятскаго полка, коимъ Пестель командовалъ, въ караулъ въ Тульчинѣ, арестовать главнокомандующаго 2-й арміи и начальника штаба, и тѣмъ подать знакъ возмущенію, какъ донесеніе капитана Майбороды, удостовѣривъ въ существованіи Тайнаго Общества, открыло всё планы онаго, и Пестель взятъ подъ стражу.

Между тѣмъ и въ Обществѣ Петербургскомъ явилась бѣлая противъ прежняго и безпокойная дѣятельность, особливо со времени вступленія Рылѣева въ Думу,

¹⁾ Признались въ томъ Спиридовъ, Горбачевскій, Борисовъ 2-й, Бечасновъ, Пестовъ: они въ семь случаевъ обяались новой клятвой, также пѣлуя образъ.

²⁾ Тизенгаузенъ утверждаетъ, что онъ былъ только увлеченъ дружбой къ Сергѣю Муравьеву; хотя ужасался его намѣреній, даже хотѣлъ донести обо всемъ начальству, но былъ удержанъ отъ того болѣзнію.

³⁾ Капитана Майбороды и Давыдова.

⁴⁾ Давыдовъ, князь Сергѣй Волконскій, капитанъ Майборода.

на мѣсто князя Сергѣя Трубецкого. Онъ и принятый имъ въ Апрѣлѣ 1825 года, причисленный къ Верхнему Кругу, Александръ Бестужевъ, тѣсно съ нимъ связанный пріянію, единомыслиемъ, сходствомъ вкусовъ и занятій, ревностнѣе всѣхъ старались распространять свои правила и умножать число сообщниковъ, хотя Бестужевъ и утверждаетъ, что, съ перваго засѣданія его въ Кругѣ Убѣжденныхъ, онъ увѣрился въ ничтожности силъ ихъ общества; что съ тѣхъ поръ до 27-го Ноября, онъ видѣлъ въ немъ одну игрушку, даже искалъ средствъ удалиться, только не нарушая даннаго обѣщанія и не ссорясь съ товарищами; что для сего думалъ нынѣшнюю зимою жепиться въ Москвѣ и ѣхать на пѣшколою лѣтъ за границу. Имъ и Рылѣвымъ, прямо и чрезъ другихъ, приняты многіе новые члены¹⁾; въ томъ числѣ вступили въ Общество, въ разныя времена, нѣкоторые изъ преступныхъ участниковъ въ безпорядкахъ 14-го минушаго Декабря: Николай, Михайла, Петръ Бестужевы, Суттофъ, Пановъ, князь Одоевскій, князь Щепинъ-Ростовскій, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, Торсонъ и Арбузовъ, служившій въ гвардейскомъ морскомъ экипажѣ. Чрезъ него²⁾ Рылѣвъ дѣйствовалъ на кругъ молодыхъ офицеровъ сего экипажа, кои не были членами ни Сѣвернаго, ни Южнаго Тайнаго Общества, и не составляли особеннаго, а только любилъ собираться, чтобы въ нескромныхъ разговорахъ охуждать правительство, хвалить Конституцію Американскихъ Штатовъ, мечтать о введеніи новаго республиканскаго порядка въ Россіи. На сихъ, впрочемъ, весьма малочисленныхъ собраніяхъ, вмѣстѣ съ Арбузовымъ, первенствовалъ, Завалишинъ, также молодой флотскій офицеръ, недавно возвратившійся изъ отдаленнаго морского путешествія. Онъ увѣрялъ товарищей, что принадлежитъ къ таинственному Вселенскому ордену Возстановленія, который, будто бы имѣя членами важнѣйшихъ людей въ разныхъ государствахъ, стремится къ преобразованію всѣхъ правительствъ въ Европѣ и Америкѣ; прибавлялъ, что статуы сего ордена (писанныя, по словамъ читавшаго ихъ Рылѣва, двусмысленно, въ духѣ, который можно назвать и монархическимъ и республиканскимъ), онъ доводилъ до свѣдѣнія покойнаго Императора Александра, прося его согласія на подобное установленіе въ Россіи; не смотря на то, онъ находилъ (такъ показываетъ мнѣніемъ Бѣляевъ 1-й), что Государь и Августѣйшій Домъ его будутъ всегда препятствіемъ въ успѣхѣ замышляемыхъ имъ перемѣнъ и сначала полагалъ вывести ихъ за границу; потомъ онъ и особливо Арбузовъ, стали говорить, что лучше всѣхъ истребить. Слыша о сихъ предположеніяхъ, другіе сперва ужасались, но послѣ, мало-по-малу привыкая, становились равнодушнѣе. Такимъ образомъ ихъ готовили въ орудія Тайнаго Общества, почти имъ неизвѣстнаго, ибо Арбузовъ по крайней мѣрѣ неясно объ ономъ рассказывалъ³⁾.

¹⁾ Рылѣвъ имѣлъ намѣреніе, одобренное Сѣверною Думою, принимать и купцовъ; онъ о томъ совѣтовался съ барономъ Штейнгейлемъ, который сказалъ, что это невозможно, что наши купцы невѣжды (показаніе Рылѣва и самаго Штейнгейля).

²⁾ А на него самого, прежде принятія въ Общество, чрезъ Николая Бестужева.

³⁾ Одинъ (Дивовъ) даже старался превзойти Арбузова и Завалишина въ извѣстнѣйшихъ кровожадности: онъ самъ признается въ семъ безуміи. Завалишинъ утверждаетъ, что большая часть его поступковъ и словъ были, по крайней мѣрѣ вначалѣ, не что иное какъ благонамѣренная хитрость; что онъ еще въ малолѣтствѣ, читая Священное Писаніе, имѣлъ таинственныя откровенія, назначавшія его для возстановленія истины, и что онъ тогда же вздумалъ учредить Орденъ Возстановленія. „Сперва“, говоритъ онъ, „я полагалъ цѣлю одно торжество истинъ Вѣры; послѣ, бывъ въ Англіи и Калифорніи, присоединилъ къ сему и виды политическіе: хотѣлъ произвести въ Испаніи контръ-революцію безъ войны; хотѣлъ также, будто бы для основанія республиканскихъ правительствъ внѣ Европы, стараться вывести изъ сей части свѣта тѣхъ людей безпокойнаго ума, которые желаютъ перемѣнъ и смятеній. Написанная мною статуы Ордена, на подобіе Малтійскихъ, я представлялъ Императору Александру, онъ похвалилъ мое усердіе, но не принялъ плана, что крайнее меня огорчило. Вскорѣ затѣмъ, имѣвъ несчастіе войти въ связи съ симъ коварнымъ злодѣемъ Рылѣвымъ, я узналъ, что есть Тайное Общество враждебное правительству и рѣшился было донести о томъ; но Государь былъ въ Варшавѣ, а я, по глупой гордости, хотѣлъ все открыть ему безъ посредниковъ. Между тѣмъ старался извѣдать болѣе о Тайномъ Обществѣ чрезъ другихъ, и для сего позволялъ себѣ несогласныя съ моими чувствами и видами слова, обратившія нынѣ къ моея гибели. Я говорилъ, что Орденъ Возстановленія существуетъ, показывалъ статуы, не тѣ, которые представлялъ покойному Государю, а другіе и въ другомъ духѣ, мною же нарочно для того сочиненныя. Но обманывая другихъ, самъ сдѣлалъ жертвою обмана: мой собственный образъ мыслей начиналъ измѣняться; сердце тускло, а я не замѣчалъ въ немъ пятенъ; наконецъ, сталъ увѣрять себя и повѣрилъ, что намѣренія Рылѣва могли быть чистыя, что во всякомъ случаѣ позорно быть доносителемъ“. На него, уже послѣ сего объясненія, показали Арбузовъ, Бѣляевъ 1-й и Дивовъ, что онъ имъ читалъ съ жаромъ и восторгомъ стихи будто бы имъ писанныя и

Около сего же времени, то есть въ теченіе 1825 года, члены Сѣверной Думы позаживались съ пріѣхавшимъ изъ Грузіи каштаномъ Якубовичемъ. Александръ Бестужевъ открылъ ему о существованіи Тайнаго Общества и предложилъ вступить въ оное, на что онъ не совсѣмъ согласился, говоря: „Не хочу принадлежать ни къ какому Обществу, чтобы не плясать по чужой дудкѣ; сдѣлаю свое; вы пользуйтесь этимъ, какъ хотите; я же, или постараюсь увлечь за собою войска, или, при неудачѣ, застрѣлюсь: мнѣ жизнь наскучила“. Подъ словами: сдѣлаю свое, Якубовичъ разумѣлъ намѣреніе убить Императора Александра, увѣряя, что онъ на сіе давно рѣшился изъ личной, вѣсемъ лѣтъ питаемой имъ мести. Причиной столь немновѣрной злобы было то, что Якубовичъ въ 1817 году, за участваніе въ одномъ несчастномъ поединкѣ, выписанъ изъ гвардіи въ Кавказскій корпусъ. Въ своихъ показаніяхъ предъ Коммиссіей, онъ утверждаетъ, что никогда не умышлялъ того въ самомъ дѣлѣ, а голъко желалъ удивлять своихъ сообщниковъ необыкновеннымъ ожесточеніемъ и отчаянною дерзостію; но они не сомнѣвались, и по остатку ли добрыхъ чувствъ, или по расчетамъ старались его удержать отъ дѣла безполезнаго, даже вреднаго¹⁾. Рылѣевъ, который послѣ говорилъ Трубецкому: „Якубовича можно бы спустить съ цѣли, да что будетъ проку?“ хотѣлъ просить его на колѣннхъ отложить, хотя на мѣсяцъ или на два, грозя, если онъ не согласится, убить его, или донести правительству. Якубовичъ сказалъ, что уступаетъ просьбамъ, отлагаетъ до маневровъ или до Петергофскаго праздника, потомъ далѣе, наконецъ до Мая 1826 года, или даже на неопредѣленное время. Одинъ изъ допрошенныхъ (баронъ Штейнгель) слышалъ отъ Рылѣева, что когда Якубовичу объявили о кончинѣ Императора Александра, то онъ скрежеталъ зубами, досадуя, что лишился возможности совершить давно замышленное имъ злодѣйство²⁾. Объ его намѣреніи знали и виѣ Петербурга: въ исходѣ Сентября, Никита Муравьевъ сообщалъ объ ономъ въ Москвѣ генералъ-майорамъ Михайлу Фонъ-Визину и Михайлу Орлову. Они и самъ Муравьевъ говорили, что должно пріятствовать Якубовичу всѣми возможными средствами, а въ крайности и увѣдомить правительство. Послѣдній (Орловъ) худо вѣрилъ извѣстію, видя въ ономъ мистрости, чтобы завлечь его оныя въ Тайное Общество, будто бы для отвращенія злодѣйствъ и несчастій, посредствомъ его вліянія. Въ Кіевѣ князю Сергѣю Трубецкому доставилъ о томъ свѣдѣніе полковникъ Фонъ Бригенъ; оно дошло и до Васильковской Управы, ибо Сергѣй Муравьевъ, разсуждая о назначаемыхъ въ орудія царевѣйства, упоминалъ объ Якубовичѣ³⁾.

Осенью въ семь же 1825 году, другой человекъ (подполковникъ Батенковъ), совсѣмъ иныхъ свойствъ, но также, какъ Якубовичъ, не бывший членомъ Сѣвернаго Общества, а знавшій тайныя намѣренія руководителей оного, вошелъ случайно въ пріятельскія связи съ Рылѣевымъ и Александромъ Бестужевымъ. Рылѣевъ рѣшился сдѣлать Батенкова однимъ изъ своихъ главныхъ пособниковъ. Бестужевъ утверждаетъ, что онъ напротивъ долго подозрѣвалъ его, и слова, согласныя съ ихъ словами и образомъ мыслей, почиталъ способомъ извѣдыванія; однако же, говоря съ нимъ однажды о томъ, чтобы могло быть въ Россіи при иномъ образѣ правленія, онъ прибавилъ: „Есть 20 или 30 удалыхъ головъ, которыя для такой перемѣны на все готовы“. Батенковъ отвѣчалъ: „Я пошелъ бы себя недостойнымъ имени русскаго, если бы отсталъ отъ нихъ“. Вскорѣ послѣ того Рылѣевъ, пришедши къ Александру Бестужеву, вскричалъ: „Какъ ты былъ несправедливъ, сомнѣваясь въ Батенковѣ! Онъ нашъ“. Съ сихъ поръ они обходились съ нимъ какъ съ ближайшимъ сообщникомъ, не скрывая отъ него своихъ надеждъ и умысловъ, по крайней мѣрѣ главнаго: перемѣны правленія; но насчетъ силъ и средствъ Тайнаго Общества, кажется, умѣли обмануть его. Батенковъ, какъ самъ показываетъ сначала, въ разговорахъ съ Рылѣевымъ и Бестужевымъ искалъ одной забавы, хотѣлъ блистать остроуміемъ и смѣлыми мечтами; но потомъ, лихась выгоднаго мѣста (въ Совѣтѣ Военныхъ Поселеній), по печальному стеченію обстоятельствъ и неприятнымъ образомъ, онъ, въ волненіи оскорбленнаго самолюбія, сталъ раздѣлять съ ними ихъ преступныя желанія, а мало-по-малу и планы, особливо познаться съ пріѣхавшимъ въ Октябрѣ изъ Кіева княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ. Впрочемъ, какъ видно изъ собственныхъ извѣтовъ Батенкова, его всегда влекли къ таинственности и къ замысламъ дерзостнаго честолюбія, и воображенію, болѣе безпокойное, нежели живое, и высокая мысль о себѣ, и самыя успѣхи по службѣ. Не зная еще Рылѣева и Бестужева,

наполнившея гнуснѣйшими клеветами на покойнаго Императора Александра. Заваливши признался, что читалъ имъ сіи стихи, утверждая однакоже, что не онъ авторъ и не знаетъ, кѣмъ они сочинены; онъ прибавляетъ, что въ распадѣніи страстей, коимъ ознаменовано время его преступнаго заблужденія, онъ былъ готовъ говорить все ужасное, чужое и свое.

¹⁾ Показанія Александра Бестужева.

²⁾ Рылѣевъ на вопросъ о томъ объявилъ Коммиссіи, что Якубовичъ, вѣбжавъ къ нему, закричалъ: „Царь умеръ; это вы его у меня вырвали“.

³⁾ Такъ показывалъ полковникъ Тизенгаузенъ.

онъ когда-то въ дорогѣ, думая о способахъ, кони правительство можетъ оградить себя отъ покушеній враждебныхъ ему Тайныхъ Обществъ, и находя, что къ сему оно должно употребить другія, имъ заводимыя сообщества, сочинилъ планъ Тайнаго Общества противъ правительства. Вѣроятно въ томъ, къ коему онъ совершенно соединился, г. Батенковъ полагалъ силы, которыя предназначалъ своему. Онъ самъ говоритъ, что въ Рылѣвѣ видѣлъ не что иное, какъ агента настоящихъ сокровенныхъ правителей Общества и средоточіемъ оного считалъ главную квартиру 2-й арміи; хотѣлъ однако же, посредствомъ связей съ здѣшними членами, преобразовать по своему плану, или, буде не успѣетъ, разрушить его, разгласивъ чрезъ своихъ знакомыхъ о существованіи заговора и наименовавъ князя Трубецкаго въ числѣ злоумышленниковъ. Я не подозревалъ, прибавляетъ онъ, что уже стою между ими. Пронсхествія скоро доказали, что всѣ его предположенія были столь неосновательны, сколь и противозаконны; онъ ежедневно болѣе и болѣе увлекался въ сообщество съ мятежниками: сначала содѣйствовалъ имъ только изъясненіемъ сходнаго съ ихъ мнѣніемъ образа мыслей, а послѣ совѣтами, въ коихъ иногда оказывалъ умѣренность, даже нѣкоторое благоразуміе. Такъ, когда при немъ стали говорить о грабежѣ, кровопролитіи, и кто-то (Александръ Бестужевъ, какъ думаетъ князь Трубецкой) сказалъ: „Можно и водворецъ забратъся!“ то Батенковъ возразилъ съ жаромъ: „Сохрани Боже! Дворецъ во всякомъ случаѣ долженъ быть неприкосновеннымъ, священнымъ залогомъ безопасности общей“. Но часто другими словами, какъ будетъ означено ниже, онъ и одобрялъ ихъ къ дѣйствию. И они считали его важнымъ для себя пособникомъ; ибо, съ своей стороны обманываясь, полагали, что г. Батенковъ имѣетъ на значительныхъ въ государствѣ людей вліяніе, котораго онъ не имѣлъ никогда. Потому льстили его чрезмѣрному самолюбію, и каждое слово его казалось имъ замѣчательнымъ. Ему, какъ онъ самъ показываетъ, случилось сказать въ шутку, что онъ желаетъ быть купцомъ, сдѣлаться градскимъ головою и возвысить это званіе въ достоинство лорда мейора; Якубовичъ тотчасъ подхватилъ: „Вы хотите быть головами, господа! Пусть такъ; но оставьте намъ руки“.

Пріѣздъ сего послѣдняго (Якубовича) въ Петербургъ, его разговоры, объявленный имъ умыселъ сильно дѣйствовали на тогдашняго начальника Сѣверной Думы Рылѣва; имъ, какъ утверждаетъ Александръ Бестужевъ, воспламенена глѣвшаяся Яскра. Хотя и до того Рылѣвъ полагалъ, что Общество приступитъ къ началу при кончинѣ Императора Александра, или и прежде, если будетъ въ состояніи; но тогда уже (можетъ быть по извѣстіямъ съ Юга) сталъ намекать о возможности начать въ Маѣ 1826 года, даже и скорѣе: „Вотъ увидишь, когда возвратится Государь (изъ Таганрога), мы что нибудь предпримемъ“. Сія слова сказаны имъ въ отнѣтъ на вопросъ Пушина: что они дѣлаютъ? привезенный изъ Москвы, въ Сентябрѣ, новымъ членомъ барономъ Штейнгелемъ, котораго побудило къ нимъ присоединиться (какъ онъ самъ искренно объявляетъ) между прочимъ и страданіе неудовлетвореннаго честолюбія, досада видѣть себя забытымъ, заброшеннымъ. Ему, какъ одному изъ менѣе ослѣпленныхъ, Рылѣвъ говорилъ: „Во 2-й арміи хотятъ Демократіи; но это вздоръ, невозможное дѣло; мы желаемъ Монархій ограниченной“. Но онъ же, и почти въ то же время, восклицалъ при Батенковѣ, что въ Монархіяхъ не бываетъ великихъ характеровъ, что въ Америкѣ только знаютъ хорошо правленіе, а Европа вся, и самая Англія въ рабствѣ, что Россія подаетъ примѣръ освобожденія; когда же (сіе показываетъ Александръ Бестужевъ) представилъ вопросъ, какъ быть, если Императоръ не согласится на условія, и можно ли, помня примѣръ Испаніи, полагаться на вынужденное согласіе? то онъ (Рылѣвъ) сказалъ: „Южные отвергаютъ Монархію; ихъ мнѣніе принято и здѣсь; они беруся извести Государя при случаѣ“. Александръ Бестужевъ показываетъ также, что Рылѣвъ и Оболенскій вѣроятно вслѣдствіе южныхъ инстигацій, упоминали и о погубленіи всей Императорской Фамиліи. Показатель присталъ къ сему мнѣнію, но утверждалъ, что притворно, и настаивалъ, виѣстѣ съ Якубовичемъ, что на это нужно не менѣе 10-ти убійцъ, въ надеждѣ, что нельзя будетъ найти такого числа отчаянныхъ изверговъ, и тѣмъ устранится ударъ отъ главы священной. Я былъ крикунъ, а не злодѣй, пишетъ онъ, хотя предлагалъ себя для совершенія ненавистнаго дѣла; ибо зналъ, что меня Рылѣвъ не употребитъ; ему было извѣстно, что дѣйствовать на солдатъ должно людямъ чистымъ. Почти то же объявляетъ и Торсонъ, но Рылѣвъ не во всемъ сознается: увѣряетъ, что и не зналъ вѣрно о намѣреніи Южнаго Общества погубить Государя Императора Александра и все августѣйшее семейство его; что, хотя предпочиталъ всѣмъ другимъ образъ правленія Сѣверо-Американской республики, однакожъ желалъ въ Россіи, и раздѣливъ ее на области, подобныя Американскимъ Штатамъ, оставить на время формы Монархій; что, впрочемъ, считалъ свое Общество въ правѣ только разрушить существующій порядокъ, а не вводить новый, безъ согласія депутатовъ (противъ сей мысли очень возставалъ Пестель); наконецъ, что когда спросили:

*) Онъ для сего опредѣлялъ 1-е Января и поздравительныя посѣщенія.

что дѣлать, если государь не согласится на ихъ условія? то онъ, Рылѣвъ, сказалъ: не вывезти ли за границу?; что къ сему мнѣнью пристали Трубецкой, Никита и Матвѣй Муравьевы, Оболенскій и Николай Тургеневъ, и что для сего ему отъ Думы велѣно приговаривать Кронштадтскій флотъ, чрезъ надежныхъ офицеровъ. Исполняя сіе порученіе, Рылѣвъ говорилъ съ Торсономъ, и на слова его, что это средство опасно, что лучше Императорскую Фамилію оставить даже во дворцѣ, лишь подь присмотромъ, отвѣчалъ: „Нѣтъ, въ Петербургѣ нельзя, а развѣ въ Шлюссельбургѣ; и на случай возмущенія мы имѣемъ примѣръ то, что сдѣлано въ бунгъ Мировича¹⁾“.

Извѣстіе, поразившее скорбію сердца всѣхъ добрыхъ Россіянъ и всѣхъ благомыслящихъ людей въ Европѣ, произвело на злоумышленниковъ иное впечатлѣніе, по не радостное; ибо случай, коимъ они думали воспользоваться (для начатія мятежей, лишь только снова доказалъ ихъ безсиліе. Они въ одно время (27-е Ноября) узнали о кончинѣ въ Бозѣ почившаго Императора, о манифестѣ, коимъ Его Величество назначалъ преемника державы и о присягѣ уже данной Государю Цесаревичу всѣми жителями столицы²⁾). Въ своихъ совѣщаніяхъ они не скрывали терзавшей ихъ досады. Батенковъ говорилъ двумъ Бестужевымъ (Александрю и Николаю): „Потерянъ случай, которому подобнаго не будетъ въ цѣлыя 50 лѣтъ; если бы въ Государственномъ Совѣтѣ были головы, то нынѣ Россія присягнула бы вмѣстѣ и новому Государю, и новымъ законамъ. Теперь все для насъ пропало невозвратно³⁾“. Къ досадѣ въ нихъ присоединялся и страхъ, что Обществу нельзя уже будетъ существовать. Хотя Трубецкой утверждалъ, что это не бѣда, что надобно лишь приготовиться содѣйствовать южнымъ, если они подымутся: однакожъ, и онъ съ другими главными членами положилъ прекратить Общество, по крайней мѣрѣ до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. Но тутъ же, разсуждая о присягѣ 27-го Ноября, Батенковъ промолвилъ: „Какъ легко въ Россіи произвестъ перемѣну! Стоитъ разослать печатные указы изъ Сената. Только въ ней не можетъ быть иного правленія, кромѣ монархическаго; однѣ церковные ектеніи не допустить до Республики. Хотя при переходу, нужна Монархія ограниченная“. Когда же его сообщники замѣтили, что Монарху-завоевателю легко сдѣлаться изъ ограниченаго самовластнымъ, онъ отвѣчалъ: „Этому пособить можно. Зачѣмъ имѣть мужчинъ на тронѣ? У насъ двѣ Императрицы, много Великихъ Княгинь и Княженъ“.

Директоры Сѣвернаго Тайнаго Общества, Рылѣвъ, князя, Трубецкой, Оболенскій и ближайшіе ихъ совѣтники, не долго останавливались на мысли разрушить оное навсегда или на время; до нихъ дошелъ слухъ, что Государь Цесаревичъ твердь въ намѣреніи не принимать короны, и сія вѣсть возбудила въ заговорщикахъ новую надежду: обмануть часть войскъ и народъ, увѣрить, что великій князь Константинъ Павловичъ не отказался отъ престола и, возмутивъ ихъ подь снмъ предлогомъ, воспользоваться смятеніемъ для испроверженія порядка и правительства. „Чтобы прекратить несогласія въ мнѣніяхъ“, говоритъ Рылѣвъ, „положили мы (онъ, Оболенскій, Александръ Бестужевъ и Кахонскій, за себя и всѣхъ принадлежавшихъ къ ихъ отрядамъ): назначитъ князя Трубецкаго полновластнымъ начальникомъ или диктаторомъ, хотя сіе названіе инымъ (Александрю Бестужеву) казалось смѣшно и гурнокомъ. Съ тѣхъ поръ онъ одинъ дѣлалъ распоряженія“. Но князь Трубецкой утверждалъ, что истиннымъ распорядителемъ всего былъ Рылѣвъ; что онъ управлялъ всѣми намѣреніями и дѣйствіями, только употребляя имя мнимаго диктатора⁴⁾.

Трубецкой однакожъ дѣйствовалъ съ своей стороны. 8-го Декабря, онъ совѣтовался съ Батенковымъ о средствахъ для замышленной революціи и для будущаго образованія государства; они одобрили слѣдующій, составленный Батенковымъ планъ, если можно такъ назвать предположенія безъ связи, безъ основанія, несогласныя ни съ состояніемъ Россіи, ни съ здравыми понятіями о составѣ политическихъ обществъ. Воспользоваться случаемъ, чтобы:

1-е Пріостановивъ дѣйствіе самодержавія, назначить Временное Правительство, которое учредило бы въ губерніяхъ камеры для избранія депутатовъ.

¹⁾ Собственное признаніе Рылѣва.

²⁾ Князь Оболенскій посылалъ въ сей самый день спрашивать у кавалергардскаго корнета Александра Муравьева, можно-ли надѣяться на ихъ полкъ для произведенія бунта; Муравьевъ отвѣчалъ, что это намѣреніе безумное.

³⁾ Онъ почти тоже сказалъ и Штейнгейлю.

⁴⁾ Рылѣвъ въ своихъ послѣднихъ отвѣтахъ на допросы показываеъ, что сіе не совсѣмъ справедливо; что князь Трубецкой многое предлагалъ первый и, превосходя его (Рылѣва) въ осторожности, равнялся съ нимъ въ дѣятельности по дѣламъ заговора. „Впрочемъ“, прибавляетъ Рылѣвъ, „я признаю себя главнымъ виновникомъ происшествій 14-го Декабря: я могъ все остановить и напротивъ былъ для другихъ пагубнымъ примѣромъ преступной ревности. Если кто заслужилъ казнь, вѣроятно нужную для блага Россіи, то конечно я, несмотря на мое раскаяніе и совершенную перемену образа мыслей“.

2-е. Стараться, чтобъ были установлены двѣ палаты, изъ коихъ въ верхнеѣ членъ быи бы опредѣляемы на всю жизнь (хотя Батенковъ и желалъ, чтобъ они были наслѣдственные).

3-е. Употребить на сіе войска, кои не согласятся присягать Вашему Величеству, не допуская ихъ до беспорядковъ и стремясь только къ умноженію числа ихъ.

Впослѣдствіи же, для учрежденія Конституціонной Монархіи, учредить Провинціальныя Палаты для мѣстнаго законодательства.

Обратить военныя поселенія въ народную стражу.

Отдать городовому правленію (муниципалитету) крѣпость Петропавловскую (объ коей Батенковъ потому говорилъ: вотъ Палладіумъ Русскихъ вольностей), помѣстивъ въ ней градскую стражу и городской совѣтъ.

Провозгласить независимость университетовъ Московскаго, Дерптскаго, Виленскаго.

При семъ Батенковъ сказалъ Трубецкому, что если всѣ войска откажутся присягать и Его Высочество Цесаревичъ вслѣдствіе того пріѣдетъ въ Петербургъ, то пережѣна въ образѣ правленія будетъ невозможна; что лучше бы сообщникамъ ихъ раздѣлиться: однимъ объявлять Императоромъ Государя Цесаревича, а другимъ показывать себя преданными Вашему Величеству. Въ случаѣ же перевѣса первой стороны, полагалъ онъ, случится одно изъ двухъ: или 1-е, что Ваше Величество согласитесь на измѣненіе государственныхъ установленій въ Россіи и на учрежденіе Временнаго Правительства, или 2-е, что отложите принятіе державы, и тогда они (заговорщики), объявивъ, что чрезъ то вы отречаетесь отъ престола, провозгласятъ Императоромъ Наслѣдника Вашего Императорскаго Величества Великаго Князя Александра Николаевича.

На это князь Трубецкой отвѣчалъ, что войскъ за нихъ вѣроятно будетъ очень мало¹⁾, а изъ важныхъ людей между военными никто не захочетъ участвовать въ предпріятіи.— „Такъ и думать не о чемъ“, вскричалъ Батенковъ.

Но, и сочинія вмѣстѣ сіи планы для испроверженія порядка, они, какъ видно, го многою или не понимали, или обманывали другъ друга. Трубецкой и сообщники его назначили Батенкова только правителемъ дѣлъ Временнаго Правленія; а онъ воображалъ, что будетъ членомъ онаго и предавался мечтамъ неограниченнаго честолюбія, надеждѣ быть лицомъ историческимъ; хотѣлъ членами сего правленія сдѣлать: одну духовную особу, себя, и чрезъ нѣсколько времени, третьимъ князя Сергѣя Трубецкаго. „Тогда, имѣя большаго голоса на своей сторонѣ (ибо онъ надѣялся владѣть Трубецкимъ), я, говоритъ онъ, управлялъ бы Государствомъ и обратилъ бы Временное Правленіе въ регентство малолѣтнаго Александра II-го“. (Изъ словъ Трубецкаго онъ полагалъ, что присяга, данная Вашимъ Величествомъ Цесаревичу, будетъ объявлена отреченіемъ отъ престола, а, по слышанному отъ Рылѣва, что быть можетъ во время замышляемаго мятежа покусятся на жизнь Вашу). „Затѣмъ, продолжаетъ Батенковъ, мало-по-малу утвердивъ себя, получивъ силу учрежденіемъ родовой аристократіи и пріобрѣтенными чрезъ то связями, я дѣйствовалъ бы по обстоятельствамъ; но если бь Государь Императоръ принялъ наши условія, то я перешелъ бы на его сторону, не взявъ мѣста во Временномъ Правительствѣ²⁾. Впрочемъ, я все худо вѣрилъ, чтобъ было что-нибудь предпринято“.

Но другіе уже говорили средства для предпріятія. Къ Рылѣву, какъ въ опредѣленное сборное мѣсто, являлись члены съ предложеніями, планами, или за приказаніями Думы. Ихъ совѣщанія въ сіи послѣдніе дни представляли странную смѣсь звѣрства и легкомыслія, буйной непокорности къ властямъ законнымъ и слѣпаго повиновенія неизвѣстному начальству, будто бы ими избранному.

12-го Декабря, какъ свидѣтельствуеетъ очевидецъ, одинъ изъ членовъ (баронъ Штейнгель), собирались вечеромъ у Рылѣва, князь Трубецкой, Николай, Александръ и Михаилъ Бестужевы, князь Оболенскій, Каховскій, Арбузовъ, Рѣпинъ, графъ Копынинъ, князь Одоевскій, Сутгофъ, Пушинъ, Батенковъ, Якубовичъ, Щепинъ-Ростовскій, но не всѣ вмѣстѣ: одни приходили, другіе уходили. Николай Бестужевъ и Арбузовъ отвѣчали за гвардейскій экипажъ; Бестужевъ 3-й (Московского полка), но довольно слабо, за свою роту; Рѣпинъ сначала за часть Финляндскаго полка, потомъ лишь за нѣсколько офицеровъ, прибавляя, что сей полкъ увлечъ за собою не можетъ никто изъ согласившихся участвовать въ бунтѣ; князь Одоевскій только твердилъ въ жалкомъ восторгѣ. „Умремъ! ахъ! какъ славно мы умремъ! Але-

¹⁾ Онъ сначала, какъ говоритъ Рылѣвъ, воображалъ что, довольно будетъ одного полка для совершеннаго успѣха.

²⁾ Онъ (Батенковъ) думалъ также предложить корону и Великому Князю Михаилу Павловичу, и Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Тоже думалъ и говорилъ своимъ сообщникамъ баронъ Штейнгель, надѣясь, что Императрица, не имѣя дѣтей, согласится, даже и при жизни своей, установить правленіе республиканское.

Александр Бестужевъ и Каховскій показывали себя пламенными террористами, готовыми на ужаснѣйшія злодѣяства. Первый признается, что сказалъ: „Переступаю за Рубиконъ; а Руби-конъ значитъ руби все, что попало“; однакоже клянется, что сіе было лишь бравадою, пустою игрою словъ. Каховскій кричалъ: „Съ этими филантропами не сдѣлаешь ничего; тутъ просто надобно рѣзать, да и только; а если не согласятся, я пойду и самъ на себя все объявлю“. Испуганному сими Штейнтелю Рылѣевъ отвѣчалъ: „Не бойся; онъ у меня въ рукахъ, я уйму его“. И однакожъ на другой день, Рылѣевъ, при Оболенскомъ, Пущинѣ (старшемъ, прїѣхавшемъ изъ Москвы) и Александрѣ Бестужевѣ, говорилъ Каховскому, обвиняя его: „Любезный другъ! ты сирь на сей землѣ; долженъ пожертвовать собою для общества. Убей Императора“. И съ сими словами прочіе бросились также обнимать его. Каховскій согласился; хотѣлъ 14-го числа, надѣвъ Лейбъ-гренадерскій мундиръ, идти во дворецъ, или ждать Ваше Величество на крыльцѣ; но потомъ отклонилъ предложеніе за невозможностію исполнить, которую признали и всѣ другіе ¹⁾.

Собраніе ихъ въ сей вечеръ (13-го числа) было также многочисленно и безпорядочно, какъ предшедшее: всѣ говорили, почти никто не слушалъ. Князь Щепинъ-Ростовскій удивлялъ сообщниковъ своимъ пустымъ многорѣчиемъ; Корниловичъ, только что возвратившійся въ Петербургъ, увѣрялъ, что во 2-й арміи готово 100 тысячъ человекъ; Александръ Бестужевъ отвѣчалъ на замѣчанія младшаго Пушина (Кошю-Пионернаго): по крайней мѣрѣ, объ насъ будетъ страничка въ исторіи. Но эта страничка замазаетъ ее, возразилъ Пущинъ, и насъ покроетъ стыдомъ. Когда же баронъ Штейнгель, удосговѣрясь болѣе прежнего въ ничтожности силъ ихъ Тайнаго Общества, и какъ, отецъ семейства, заранѣе уstraшенный вѣроятными послѣдствіями мятежа, спрашивалъ Рылѣева: „Неужели вы думаете дѣйствовать? то онъ сказалъ ему: „Дѣйствовать, непременно дѣйствовать; а князю Трубецкому, который начиналъ изъяснять боязнь: умирать все равно; мы обречены на гибель; и прибавилъ, показывая копію съ письма подпоручика Ростовцова къ Вашему Величеству: „Видите ль, намъ измѣнили. Дворъ уже многое знаетъ, но не все; я мы еще довольно сильны“.—„Ножны изломаны, промовольте другой, и саблей спрятать нельзя“.

Въ шумѣ сихъ разговоровъ, преній, восклицаній, слышны были снова и ужасныя предложенія: говорили, но, какъ утверждаютъ, лишь мимоходомъ, о погубленіи всей Августѣйшей Фамиліи Вашей; а покушенія на священную Вашу жизнь требовали, какъ необходимости, князь Оболенскій, Александръ Бестужевъ и наконецъ самъ князь Трубецкой, ихъ диктаторъ ²⁾ Сей послѣдній полагалъ, что надобно оставить Великаго Князя Александра Николаевича и провозгласить Его Императоромъ. Трубецкой не совершенно въ томъ признается, но и не запирается, утверждая, что не можетъ самому себѣ дать яснаго отчета въ тогдашнихъ поступкахъ своихъ рѣчахъ: ибо онъ былъ, какъ въ безпамятствѣ, и потому не смѣетъ извѣта соумышленниковъ своихъ назвать клеветою. Якубовичъ ³⁾ вызывалъ бросить жребій, кому изъ пяти (ихъ въ сію минуту столько было въ комнатѣ) умертвить Ваше Величество. Видя, что всѣ молчатъ, онъ сказалъ: впрочемъ, я за это не возьмусь; у меня доброе сердце; я хотѣлъ мстить, но младшокровно убійцей быть не могу ⁴⁾. Нѣкоторые члены совѣтовали удовольствоваться арестованіемъ.

¹⁾ Такъ показываютъ: князь Оболенскій (прибавляя однакожъ, что сіе было въ минуту изступленія) и Рылѣевъ. „Прежде, говоритъ онъ, я нѣсколько разъ удерживалъ Каховскаго, который умышлялъ на жизнь Императора Александра; даже ссорился съ нимъ за то, хотя, успокоивая его, увѣрялъ, что въ случаѣ нужды, Общество никого не употребить для сего удара кромѣ его; но въ этотъ день, вдругъ ужаснувшись возможности междоусобной войны, я вадумалъ, что для избѣжанія оной надобно Государя принести на жертву. „Каховскій же утверждаетъ напротивъ, что онъ отказывался, а Рылѣевъ самъ назначалъ его въ убійцы; что такихъ людей, кои согласились бы, жертвуя для Тайнаго Общества не только жизни, но и честію, истребить всю Императорскую Фамилію, и потомъ даже предъ казнію увѣрять, что не были ихъ сочленами—Рылѣевъ и Александръ Бестужевъ называли чистыми, самоотверженными. Однакожъ на очной ставкѣ Каховскій призналъ, что Александръ Бестужевъ наединѣ уговаривалъ его не исполнять порученія, дашнаго ему Рылѣевымъ 13 Декабря.

²⁾ Показанія Штейнтеля.

³⁾ Показанія князя Трубецкаго и Рылѣева.

⁴⁾ Одинъ Арбузовъ, буде вѣритъ Рылѣеву, къ сему примолвилъ: „Нѣтъ ничего легче, какъ убить Государя, когда онъ будетъ выходить изъ дворца“. Якубовичъ предлагалъ также разбить кабаки, дозволить грабежъ и, взявъ хоругви изъ какой нибудь церкви, идти съ толпами неустовыхъ ко дворцу. Такого предложенія, даже и на семь мятежномъ совѣщаніи, никто не смѣлъ одобрить; оно единодушно отвергнуто: такъ показываетъ Рылѣевъ. Якубовичъ признается, что говорилъ это, по при-

Вашего Величества и всей Августѣйшей Фамиліи Вашей. Штейнгель ставилъ въ примѣръ Шведскую революцію 1809 года; Рылѣвъ кончилъ споръ словами: „Обстоятельства покажутъ, что дѣлать должно“; но просилъ достать карту Петербурга и планъ Зимняго дворца, на что Александръ Бестужевъ отвѣчалъ со смѣхомъ: „Царская Фамилія не иголка, не спрячется, когда дѣло дойдетъ до ареста 1)“. Они уже знали навѣрное, что слѣдующій день (14 Декабря) назначенъ для обнародованія Манифеста о востествіи Вашего Императорскаго Величества на Прародительскій Престолъ. О томъ, что Сенатъ собирается въ 7-мъ часовъ утра для присяги, извѣстилъ ихъ оберъ-прокуроръ Краснокутскій, членъ Южнаго Общества, который вечеромъ 13-го числа пріѣзжалъ къ князю Трубецкому и оттуда, не заставъ его, къ Рылѣву. Показываютъ (Коршиловичъ и Рылѣвъ), что, объявивъ свою новость, онъ прибавилъ: дѣлайте, что хотите; но Краснокутскій не сознается въ этомъ, а говоритъ только, что, слыша вокругъ себя: завтра присяга, сигналъ, онъ отгадалъ намѣренія Тайнаго Общества на 14-е Декабря, хотѣлъ было донести объ оныхъ правительству и раздумалъ единственно затѣмъ, что считалъ исполненіе невозможнымъ.

О сихъ намѣреніяхъ было уже сообщено простымъ членамъ отъ главныхъ дѣйствователей 2); положено приготовить солдатъ къ возмущенію изъясненіемъ сомнѣній въ истинѣ отреченія Государя Цесаревича, и съ первымъ полкомъ, который откажется отъ присяги идти къ ближайшему, а тамъ далѣе, увлечая одинъ за другимъ. Князь Трубецкой при семъ напоминалъ слова Батенкова: надо бы и въ барабанъ пріударить, чтобъ собрать народъ 3); потомъ всѣ войска, которыя пристанутъ, собрать предъ Сенатомъ и ждать, какія мѣры будутъ приняты правительствомъ. Они думали, особливо ихъ диктаторъ, князь Трубецкой (какъ онъ утверждаетъ), что Ваше Величество, не употребляя силы для усмиренія мятежниковъ, рѣшились скорѣе отказаться отъ правъ самодержавія и вступите съ ними въ переговоры. Тогда они объявляли бы свои желанія:

1-е. Чобъ были собраны депутаты изъ всѣхъ губерній.

2-е. Чобы о томъ былъ изданъ Манифестъ отъ Сената и въ ономъ было сказано, что сіи депутаты должны будутъ опредѣлить новое законоположеніе для управленія Государствомъ на будущее время.

3-е. Чобы дотолѣ утвердить Временное Правленіе, пригласивъ въ оное депутатовъ изъ Царства Польскаго, для постановленія мѣръ къ сохраненію единства Державы.

Въ случаѣ, еслибы Ваше Величество рѣшились послать въ Варшаву къ Государю Цесаревичу, заговорщики хотѣли требовать мѣстъ для стоянія лагеремъ внѣ города 4), несмотря на зимнее время, въ ожиданіи прибытія Его Императорскаго Высочества; но не переставать требовать также и созванія депутатовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они всѣ будутъ нужны, или для упрошенія Цесаревича принять Державу, или для торжественной присяги Вашему Величеству. Наконецъ, въ томъ случаѣ, когда бы Великій Князь Константинъ Павловичъ прибылъ въ Санктпетербургъ, они

бавляетъ, что въ слѣдующую ночь въ (3 часа) онъ раскаялся. Оболенскій утверждаетъ, что противъ мысли разбить даже и одинъ кабакъ, чтобъ напоить солдатъ, возставалъ Рылѣвъ, первый и съ жаромъ.

1) Трубецкой, если вѣрить показаніямъ Рылѣва, также думалъ о занятіи дворца, несмотря на слова Батенкова, и за се брались Якубовичъ и Арбузовъ (они не признаются въ томъ); но, прибавляетъ Рылѣвъ, мы хотѣли только захватить Императорскую Фамилію и держать ее подъ стражею до Великаго Собора (сѣзда депутатовъ), который рѣшилъ бы судьбу всѣхъ членовъ оной; я долженъ однакожъ признаться: мнѣ приходило на мысль, что для безопасности новаго правленія, лучше бы всѣхъ изгубить; только сей мысли я не открывалъ никому; наконецъ и самъ отстранилъ ее, возвратясь къ прежней.

2) Наканунѣ (12 Декабря) сѣзжались у князя Оболенскаго, гдѣ были и Рылѣвъ, офицеры разныхъ полковъ гвардіи, Лейбъ-гренадерскаго поручикъ Сутгофъ, Измайловскаго подпоручикъ Кожевниковъ, Финляндскаго поручикъ баронъ Розенъ, Конной гвардіи корнетъ князь Одоевскій, Кавалергардскаго полка корнетъ Арцыбашевъ и поручикъ Анисенковъ, Гвардейскаго Экипажа лейтенантъ Арбузовъ. Князь (Оболенскій) сообщилъ имъ приказанія директора и Думы стараться въ день, который назначится для присяги, возмутить и вести за собой на Сенатскую площадь, сколько имъ будетъ возможно, нижнихъ чиновъ изъ полковъ своихъ, а если не удастся, то по крайней мѣрѣ быть самимъ.

3) Батенковъ показывалъ самъ, что онъ говорилъ Якубовичу: Чего думать о планахъ всего Общества! Вамъ, молодцамъ, стоило бы только разгорячить солдатъ именемъ Цесаревича и походить изъ полка въ полкъ съ барабаннымъ боемъ, такъ можно надѣлать много великихъ дѣлъ.

4) Именно на Пулковской горѣ, какъ полагалъ Батенковъ.

надѣясь увѣрить Его Высочество, что все произведено однимъ усердіемъ къ нему ¹⁾.

Таковъ былъ, по словамъ князя Трубецкого, объявленный ими другъ другу планъ. Рылѣевъ говоритъ только, что должно было войскамъ, ими возмущеннымъ, идти на Сенатскую площадь и Начальнику ихъ Трубецкому дѣйствовать по обстоятельствамъ; что они надѣялись избѣгнуть кровопролитія и посредствомъ Сената, который думали принудить къ тому, получить отъ Вашего Величества, или отъ Государя Цесаревича, согласіе на созваніе депутатовъ, для назначенія Императора и установленія представительнаго образа правленія. Они хотѣли предложить депутатамъ проектъ Конституціи, писанный Никитою Муравьевымъ. Князь Оболенскій прибавляетъ къ сему, что, до сѣзда депутатовъ, Сенатъ долженствовалъ бы учредить Временное Правленіе (изъ двухъ или трехъ членовъ Государственнаго Совета и одного члена ихъ Тайнаго Общества, который былъ бы правителемъ дѣла оного), назначить и корпуснаго и дивизіонныхъ командировъ гвардіи изъ людей имъ извѣстныхъ и слать имъ Петропавловскую крѣпость. При неудачѣ, они полагали (такъ показываютъ согласно князь Трубецкой и Рылѣевъ), выступить изъ города, чтобы стараться распространить возмущеніе ²⁾.

Но по крайней мѣрѣ сначала, они были такъ ослѣплены, что совѣмъ не ожидали неудачи. Батенковъ, 13-го Декабря поутру, говорилъ Александру Бестужеву: какъ жется, что успѣхъ несомнителенъ ³⁾. Баронъ Штейнгель, менѣе другихъ заблуждавшійся, началъ однакоже сочинять проектъ Манифеста ⁴⁾, въ коемъ онъ объявлялъ, что когда оба Великіе Князья (Ваше Императорское Величество и Государь Цесаревичъ) отрекаются отъ престола, не хотая быть отцами Россіи, то осталось ей самой избрать себѣ Правителя, и потому Сенатъ назначаетъ общее собраніе депутатовъ, а дотолѣ Временное Правленіе ⁵⁾. Князь Трубецкой, съ своей стороны, означилъ въ бумагѣ, найденной у него ввечеру 14-го Декабря и у сего прилагаемой, сущность Манифеста, въ коемъ намѣревался, отъ имени Сената, объявить объ уничтоженіи прежняго правленія и учрежденіи Временнаго для созванія депутатовъ.

Нѣкоторые вздумали дать свѣдѣніе о предпринимаемомъ и въ другія мѣста. Пущинъ (Иванъ) отправилъ, чрезъ Американскую Компанію ⁶⁾, письмо въ Москву, къ титулярному совѣтнику Семенову. „Насъ“, писалъ онъ, „по справедливости называли бы подлецами, еслибъ мы пропустили нынѣшній, единственный случай. Когда ты получишь это, все уже будетъ кончено. Насъ здѣсь 60 членовъ; мы можемъ надѣяться на 1500 рядовыхъ, которыхъ увѣрять, что Цесаревичъ не откажется отъ престола. Прощай; вздохни объ насъ, если и проч.“ Въ заключеніи онъ поручалъ Семенову показать его письмо генераль-майорамъ фонъ-Визину и Михаилу Орлову, коихъ, по старымъ связямъ и образу мыслей, вѣроятно, считалъ внутренне благопріятствующими видамъ Тайнаго Общества. Князь Трубецкой можетъ быть думалъ также ⁷⁾, и 13-го числа, отправя письмо къ Сергѣю Муравьеву-Апостолу съ братомъ его Ипполитомъ, онъ писалъ и къ генералу Орлову съ кавалергардскимъ офицеромъ Свистуновымъ; сія письма не доставлены ⁸⁾. Трубецкой показывалъ, что онъ только, и не упоминая о причинахъ, звалъ Орлова въ Петербургъ, но прибавлялъ: если быть чему-нибудь, то будетъ и безъ васъ, какъ при васъ. Ежели вѣрять дальнѣйшимъ показаніямъ князя Трубецкого, то онъ рѣшился писать въ надеждѣ, что генералъ Орловъ, и не принадлежа къ Обществу, могъ бы, своимъ появленіемъ и силою характера, обуздать другихъ членовъ, коихъ онъ, диктаторъ, былъ уже не въ со-

¹⁾ Каховскій утверждаетъ, что Рылѣевъ думалъ поручить одному члену Общества умертвить Государя Цесаревича всенародно и тутъ же закричать, что онъ убилъ его по приказанію Вашего Величества; такимъ образомъ, говорилъ онъ, мы вдругъ погубимъ обоихъ. Рылѣевъ объявилъ, что это клевета; тоже сказали Штейнгель, Александръ и Николай Бестужевы, на коихъ ссылался Каховскій.

²⁾ Каховскій прибавляетъ, что въ семь случаевъ Рылѣевъ хотѣлъ зажечь городъ; но сей послѣдній утверждаетъ, что и это ложь.

³⁾ Показаніе Александра Бестужева.

⁴⁾ Желая, говоритъ онъ, доказать Рылѣеву, что и я могъ бы на что-нибудь пригодиться.

⁵⁾ Сей проектъ хотѣли, вслѣдствіе приказаній диктатора, нести въ Сенатъ: Рылѣевъ, коллежскій ассессоръ Иванъ Пущинъ и, какъ они показываютъ, Батенковъ, который не сознается въ томъ.

⁶⁾ Рылѣевъ былъ правителемъ дѣлъ сей Компаніи.

⁷⁾ Однажды, говоря о Пестелѣ, Трубецкой сказала: должно будетъ послать Орлова во 2-ю армію, и сила Пестеля исчезнетъ. — Да развѣ Орловъ нашъ? спросилъ Рылѣевъ. Нѣтъ, отвѣчала Трубецкой, имъ владѣютъ Раевскіе; но тогда по неволѣ будетъ нашъ.

⁸⁾ Муравьевъ и Свистуновъ сожгли дорокою, узнавъ о происшествіяхъ 14-го Декабря.

стоянии удерживать. Онъ утверждаетъ, что по сей же причинѣ, по чувству своего безсилія, однажды просилъ, чтобы его отпустили въ 4-ый корпусъ, тамъ что-нибудь сдѣлать, хотя зналъ, что въ семь корпусѣ у него не было ни одного сообщника, хотя думалъ и ѣхать не прямо и прожить нѣсколько времени въ Москвѣ.

Чѣмъ ближе подходило предназначенное самими мятежниками роковое для нихъ мгновение, чѣмъ болѣе воспламенялись нѣкоторые, тѣмъ больше изъясняли нерѣшимости избранный ими начальникъ, уже видимо волнуемый раскаяніемъ, или, по крайней мѣрѣ, страхомъ. „Что-жъ!“ говорилъ онъ и повторялъ Рылѣву, „если выйдетъ мало войска, рота или двѣ, зачѣмъ идти и намъ, и другихъ вести на гибель?“ Рылѣвъ иногда казался согласнымъ, иногда напротивъ отвѣчалъ: „если прійдетъ хоть 50 человекъ, то я становлюсь въ ряды съ ними“; и однакожь не сдержалъ слова.

Несмотря на сомнѣнія и боязню, князь Трубецкой не отказывался явно, и определено ему на другой день быть на Сенатской площади, чтобы принять главную команду надъ войсками, которые не согласятся присягать Вашему Величеству; поднимъ же началъ съ капитану Якубовичу и полковнику Булатову. Сей послѣдній, какъ видно изъ дѣлъ и словъ его, не злой, а слабоумный человекъ, за нѣсколько дней до того не зналъ о существованіи Тайнаго Общества; но его считали нужнымъ, потому что онъ, служивъ прежде въ Лейбъ-гренадерскомъ полку, оставилъ хорошую о себѣ молву, и многие солдаты еще любили его. 6-го Декабря Пановъ, поручикъ того же Лейбъ-гренадерскаго полка, позвалъ его обѣдать съ нѣсколькими другими офицерами. Тутъ, осыпавшій ласкательствами, разгоряченный виномъ и споромъ (ибо при немъ нарочно хвалили одного государственнаго сановника, котораго онъ ненавидѣлъ) Булатовъ произнесъ обѣтъ пожертвовать всею пользою отечества. Ему тотчасъ объявили, что есть Общество, которое составилось для произведенія благотворной перемѣны въ ономъ; что онъ, по любви къ Россіи, долженъ принадлежать къ сему Обществу и, несчастный, самъ не поймавъ, какимъ образомъ, принявъ на себя обязанность быть пособникомъ мятежниковъ, съ кони едва былъ знакомъ. Рылѣвъ открылъ ему намѣренія ихъ. Булатовъ часто спрашивалъ: Но гдѣ же польза отечества? Я вижу одну перемѣну въ правителяхъ; вмѣсто Государя, вы хотите имѣть диктатора князя Трубецкаго; однако же обѣщали дѣйствовать съ нами и, какъ бы предвидя погибель, прощались съ своими дѣтьми-младенцами и плакали, но отказался ѣхать въ Лейбъ-гренадерскій полкъ для возмущенія рядовыхъ. Въ вечеру 13-го числа, замѣтивъ, что на слова Рылѣва о князѣ Трубецкомъ:—„Не правда ли, что мы выбрали прекраснаго начальника?“ Якубовичъ отвѣчалъ усмѣхнувшись: „Да! онъ довольно великъ“. Булатовъ вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ Якубовичемъ и дорогою спрашивалъ: „Какъ вамъ кажется, полезно ли, хорошо ли обдуманно предпріятіе нашихъ товарищей, и довольно ли они сильны?“ — „Не вижу пользы“, отвѣчалъ Якубовичъ, „и для меня они почти все подозрительны“. — „Дадимъ же другъ другу слово“, продолжалъ Булатовъ, „что если, какъ завтра должно открыться, средства ихъ несоразмѣрны замысламъ, и въ ихъ предположеніяхъ нѣтъ истинной пользы, то мы не пристанемъ къ нимъ“. Якубовичъ согласился.

Такъ все тѣ, конихъ заговорщики назначали своими начальниками въ рѣшительный день, заранѣе говорились ихъ бросить.

Въ казармы гвардейскаго Морского Экипажа посланъ былъ Рылѣвымъ, для начатія первыхъ дѣйствій, лейтенантъ Арбузовъ, который уже и 12-го Декабря старался въ своей ротѣ, чрезъ фельдфебеля Боброва и унтеръ-офицера Аркадьева, распускать слухи, что будто скоро потребуются отъ войскъ незаконная присяга; что за четыре станціи отъ Нарвы, Государь Цесаревичъ соити съ 1-й арміею и Польскимъ корпусомъ, для истребленія тѣхъ, которые присягнутъ Вашему Величеству; что прочіе полки гвардіи непременно откажутся. Но Бобровъ и Аркадьева не исполняли его приказаній и говорили, что рядовые не вѣрятъ. 13-го Декабря онъ прямо отъ Рылѣва пріѣхалъ къ мичманамъ братьямъ Вѣляевымъ. Тутъ, кромѣ ихъ, нашель двухъ Бодиско, Дивова и подпоручика Измайловскаго полка Гудимова. „Господа!“ говорилъ онъ, „зная вашъ образъ мыслей, кажется, могу вамъ сказать все открыто. Завтра насъ будутъ звать къ присягѣ: откажитесь и приготовьте къ тому свои роты. Мы выведемъ ихъ на Петровскую площадь, гдѣ соберутся другіе полки, и принудимъ Сенатъ утвердить давно уже сочиненный проектъ Конституціи, чтобы ограничить власть Императора“. Оборотясь къ лейтенанту Бодискѣ 1-му, онъ прибавилъ: „надѣюсь, что и вы будете“. — „Нѣтъ“, отвѣчалъ Бодиско, я съ моею ротою не буду. Могу ли дѣйствовать, не зная вашего плана и сообщниковъ? Вамъ другое дѣло: вы бываете съ тѣми, которые составили заговоръ, и можетъ быть даже увѣрены въ хорошемъ окончаніи“. Арбузовъ силился доказать, что нѣтъ сомнѣнія въ успѣхѣ, увѣрялъ, что и самъ не знаетъ всего, повторялъ: приходите, и однако же оставилъ ихъ, не получивъ желаннаго отвѣта. Но тогда именно, сіи молодые офицеры, за исключеніемъ Гудимова, который уѣхалъ прежде, вдругъ рѣшились содѣйствовать замышленной революціи, идти утромъ въ свои роты и возбудить въ рядовыхъ сомнѣніе на счетъ истинны отреченія Его Императорскаго Высочества Цесаревича. Ночью около 12-ти часовъ, пріѣзжали въ Арбузову Якубовичъ и Александръ Бестужевъ. Якубо-

вить, познакомясь съ Бѣльевыми, говорилъ имъ: „Не сомнѣваюсь въ вашей храбрости, но вы еще не бывали подъ пулями; берите примѣръ съ меня. Впрочемъ нельзя бояться неудачи: вся гвардія за насъ“. 14-го Декабря поутру, сіи офицеры, и еще нѣкоторые ¹⁾, явились передъ матросами. Бодиско 1-й имъ сказалъ: „присягайте или нѣтъ; я не могу ни приказывать, ни совѣтовать; слушайте своей совѣсти“ ²⁾. Къ нимъ явились Николай Бестужевъ и Каховскій. Первый предлагалъ, откинувъ самолюбіе, взять въ начальники Арбузова: ему можно повѣрить; мы здѣсь всѣ за общимъ дѣломъ. Каховскій восклицалъ: лучше умереть, нежели не участвовать въ дѣлѣ, и спрашивалъ не надобенъ ли кому-нибудь кинжалъ. Арбузовъ звалъ на сенатскую площадь; Бодиско отвѣчалъ ему: я пойду не иначе, какъ со всѣми экипажемъ. — Вы либералы лишь на словахъ, вскричалъ Арбузовъ. Когда пріѣхалъ бригадный начальникъ генераль-майоръ Шиповъ, то матросы, уже вовлеченные въ обманъ своими офицерами, не согласились присягать. Оль арестовалъ ротныхъ командировъ; но Николай Бестужевъ уговорилъ Бѣльевыхъ, Бодиско, Дивова, Шнейера, освободить ихъ. Въ сію минуту раздался голосъ: ребята, слышите ли стрѣльбу? вашихъ бьютъ, и экипажъ побѣжалъ со двора, несмотря на усилія капитана 1-го рота Качалова, который хотѣлъ матросовъ удержать въ воротахъ ³⁾. За всѣми пошли и другіе офицеры, дотолѣ не участвовашіе въ беспорядкахъ ⁴⁾. На дорогѣ у конно-гвардейскаго манежа имъ встрѣтился Финляндскаго полка поручикъ Цебриковъ; они кричали: въ каре противъ кавалеріи!

Возмущеніе въ Московскомъ полку началось прежде. Тамъ князь Щепинъ-Ростовскій, штабсъ-капитанъ Михайла Бестужевъ, братъ его Александръ и еще два сего же полка офицера (Броке, Волковъ) ходили по ротамъ 6-й, 5-й, 3-й, 2-й, стараясь ослѣпить рядовыхъ, уговаривая ихъ не присягать Вашему Императорскому Величеству, повторяя: „все обманъ, насъ заставляють присягать, а Константинъ Павловичъ не отказывался; онъ въ цѣпяхъ; Его Высочество, шефъ полка, также въ цѣпяхъ“. Александръ Бестужевъ прибавлялъ, что онъ присланъ изъ Варшавы, съ повѣщеніемъ не допускать полки до присяги. Михайла Бестужевъ говорилъ: „Царь Константинъ любитъ нашъ полкъ и прибавитъ вамъ жалованья; кто не останется вѣренъ ему, того колите“ ⁵⁾. Онъ и князь Щепинъ приказали солдатамъ взять боевые патроны и зарядить ружья. „Я не хочу знать генерала“, отвѣчалъ Щепинъ адъютанту Веригину, собиравшему офицеровъ къ полковому командиру; велѣлъ возмущенной имъ толпѣ рядовыхъ отнять знамя у гренадировъ, бить ихъ прикладами, и бросился съ обнаженною саблею на генераль-майора Фридрикса, которому уже грозилъ Александръ Бестужевъ пистолетомъ. Князь Щепинъ ранилъ генерала Фридрикса въ голову, и когда онъ безъ чувствъ упалъ, то, бросясь также на бригаднаго командира генераль-майора Шеншина, тяжело ранилъ и его, и лежащаго еще долго рубилъ; потомъ далъ нѣсколько ударовъ саблею полковнику Хвощинскому, гренадеру Красовскому, унтер-офицеру Мосѣву и кричалъ солдатамъ: зарублю! наконецъ, отнявъ знамя, повелъ бунтовщія роты на Сенатскую площадь. Выходя на берегъ Фонтанки и видя возлѣ себя Александра Бестужева, онъ сказалъ ему: что, вѣдь къ чорту Конституція, и Бестужевъ отвѣчалъ (отъ всего сердца, какъ увѣряетъ): разумѣется къ чорту. Онъ (Александръ Бестужевъ) увѣряетъ также, что хотя дѣйствоваль въ казармахъ Московскаго полка, какъ рѣшительный возмутитель, но уже чувствовалъ въ себѣ волненіе совѣсти; что даже, вставая въ сей день, со слезами молился: Бже! если дѣло наше правое, помоги! А ежели нѣтъ, буди воля Твоя надъ нами.

Въ полку Лейбъ-гренадерскомъ бунтъ произведенъ тѣми же средствами. Когда рядовыхъ вывели для присяги, къ нимъ подходилъ подпоручикъ Кожевниковъ, нетрезвый, какъ онъ самъ признается; ибо, узнавъ чрезъ Сутгофа, что наступилъ часъ, назначенный Тайнымъ Обществомъ для мятежа, онъ хотѣлъ ободриться и довелъ себя до безпамятства крѣпкимъ напиткомъ. Онъ спрашивалъ солдатъ: зачѣмъ вы забываете клятву данную Константину Павловичу; потомъ кричалъ еще въ галлерей: кому присягаете? все обманъ! Но порядокъ въ полку симъ не былъ нарушенъ: всѣ присягнули, и рядовые сѣли обѣдать. Тогда поручикъ Сутгофъ, бывшій уже у присяги, вдругъ пришелъ къ своей ротѣ съ словами: „Братцы! напрасно мы послушались; другіе полки не присягаютъ и собрались на Петровской площади. Одѣньтесь, зарядите ружья, за мной, и не выдавайте. Ваше жалованье у меня въ карманѣ; я раздамъ его безъ приказа“. Почти вся рота, несмотря на увѣщанія полковаго командира Стюрлера, послѣдовала за Сутгофомъ, который безпрестанно повторялъ: вперед! не выдавайте! Между тѣмъ

¹⁾ Вишневскій, Мусинъ-Пушкинъ, Шнейеръ, Окуловъ, Кюхельбекеръ.

²⁾ Также говорили Вишневскій и Кюхельбекеръ.

³⁾ Такъ показываютъ Дивовъ; прочіе не помнятъ, что рѣшило движеніе экипажа.

⁴⁾ Лейтепанты Цебриковъ и Лермонтовъ.

⁵⁾ Показанія нижнихъ чиновъ Московскаго полка; Бестужевъ увѣряетъ, что не говорилъ этого.

другой поручикъ, Пановъ, также присягнувшій, бѣгаль изъ роты въ роту, возбуждая рядовыхъ увѣреніями, что ихъ обманули, что имъ будетъ худо отъ прочихъ полковъ и Константина Павловича. Когда же командиръ полка вызвалъ баталіоны и велѣлъ заряжать ружья, чтобы вести ихъ противъ мятежниковъ, то Пановъ уговаривалъ не повиноваться; лучше сдадимся тѣмъ, которые стоятъ за Константина; наконецъ, видя, что ему вѣрятъ многіе, бросился въ середину колоны и, подавъ знакъ возмущенія крикомъ: Ура! повелъ нѣсколько ротъ въ разстройствѣ на Сенатскую площадь. Идучи мимо Зимняго дворца Вашего Императорскаго Величества, онъ вступилъ было съ частію лейбъ-гренадеръ на дворъ онаго; но, увидѣвъ, что тамъ стоятъ саперы, и сказавъ: это не наши, пошелъ далѣе. На площади, когда нѣкоторые изъ рядовыхъ примѣтили, что они обмануты, Пановъ ободрялъ ихъ, увѣряя, что скоро будетъ самъ Константинъ Павловичъ и накажетъ гвардію за ея неустойчивость, а ихъ наградитъ. Онъ присоединилъ свои роты къ тѣмъ, которыя были приведены Шеннинымъ. Къ нимъ же пристало нѣсколько человѣкъ во фракахъ съ кинжалами, пистолетами, саблями.

Коммиссія почитаетъ ненужнымъ описывать всѣ происшествія сего дня, ознаменованнаго буйствомъ немногихъ и знаками общаго усердія, нелицемѣрной преданности къ престолу и, всего болѣе, новымъ примѣромъ царственныхъ доблестей, наслѣдственныхъ въ семь Августѣйшемъ Домѣ, который былъ предметомъ безумной злобы мятежниковъ. Сія происшествія извѣстны Вашему Величеству и Россіи. Она съ прискорбіемъ и омерзѣніемъ узнала о покушеніи людей, умышлявшихъ обезславить имя Русское, и видить съ восторгомъ благодарности, что преступные ковы и надежды ихъ разрушены въ одно, благословенное Небомъ, мгновеніе. Принятая мѣры осторожности вскорѣ установили всѣ дѣйствія бунтовавшихъ: въ ихъ рядахъ уже господствовало безначаліе, коего ужасами они угрожали Отечеству. Яростнѣйшіе продолжали отличатся убійствами. Каховскій, какъ видно изъ многихъ показаній, наконецъ подтвержденныхъ и его собственнымъ признаніемъ, стрѣляя изъ пистолета и смертельно ранилъ графа Милорадовича, въ ту самую минуту, когда онъ явился одинъ передъ рядами несчастныхъ обманутыхъ воиновъ, чтобы образумить ихъ и возвратитъ къ долгу ¹⁾). Князь Евгеній Оболенскій также ранилъ его штыкомъ, хотѣвъ, какъ утверждаетъ, только ударить лошадь, чтобы принудить его удалиться. Каховскій же, по словамъ князя Одесскаго ²⁾, убилъ и полковника Стюрлера, и потомъ, бросая пистолетъ, сказалъ: довольно! у меня сегодня двое на душѣ. Онъ же ранилъ свитскаго офицера (штабсъ-капитана Гастефера) кинжаломъ. Князь Шеннинъ первый далъ солдатамъ приказаніе стрѣлять, и въ семь безпорядкѣ ранено нѣсколько рядовыхъ и полковникъ Веліо. Наконецъ, Кюхельбекеръ (Вильгельмъ) дерзнулъ обратитъ оружіе на Великаго Князя Михаила Павловича: матросы гвардейскаго экипажа, съ коими онъ стоялъ ³⁾, и въ волненіи мятежа устрашенные симъ покушеніемъ злодѣйства, отвели пистолетъ его. Кюхельбекеръ однако же увѣряетъ, что онъ не хотѣлъ совершить удара, а притворно согласился на сіе по вызову Ив. Пущина для того, чтобы не допустить къ сему другихъ и, зная, что пистолетъ его замоченный свѣгомъ не могъ бы выстрѣлить; въ доказательство прибавляетъ, что послѣ онъ мѣтилъ тѣмъ же пистолетомъ въ генерала Воинова, и пистолетъ оскѣся ⁴⁾.

Но изъ людей, кои были душою заговора, или обѣщали принять главное начальство надъ вовлеченными въ обманъ войсками, явился на сборномъ мѣстѣ одинъ Якубовичъ, и не надолго: по условію-ли съ Булатовымъ или, какъ онъ показывалъ, по чувству вины своей и безразсудности, онъ вскорѣ оставилъ мятежниковъ. Булатовъ былъ на площади, но только зрителемъ, хотя, выходя изъ дому и заряжая пистолеты, говорилъ: можетъ быть увидятъ, что есть въ Россіи Бруты и Ръегы, которыхъ (въ чемъ признается откровенно) зналъ только по именамъ. Князь Трубецкой скрывался отъ своихъ сообщниковъ: онъ спѣшилъ въ Главный Штабъ присягать Вашему Величеству, думая сею готовностію загладитъ часть своего преступленія и потому, что тамъ соумышленники не могли найти его. Ему нѣсколько разъ дѣлалось дурно; онъ бродилъ весь день изъ дома въ домъ, удивляя всѣхъ встрѣчавшихъ его знакомыхъ; наконецъ, пришелъ ночевать къ свояку своему, посланнику двора Австрійскаго, откуда, по Высочайшей волѣ Вашей, истребованъ графомъ Нессельродомъ. Рылѣвъ, какъ онъ самъ говоритъ, увидѣвъ, что нѣтъ князя Трубецкого на площади, поѣхалъ искать его и не возвращался. Поступки Батенкова въ этотъ день были почти такіе же. Онъ проснулся съ мыслию о своемъ будущемъ величій, какъ члена Верховнаго Правленія; конецъ мечтамъ положила повѣстка

¹⁾ Лекаръ, дѣлавшій операцию, представилъ Коммиссіи пулю, найденную въ тѣлѣ Милорадовича; она не ружейная, а пистолетная.

²⁾ И собственному признанію.

³⁾ Дороевъ, Федоровъ, Куроптевъ.

⁴⁾ Пущинъ на вопросъ Коммиссіи, отвѣчалъ, что это ложь. Бывшіе тутъ нижніе чины говорятъ, что Кюхельбекеру указывалъ на Великаго князя не Пущинъ, а поручикъ Цедриковъ; но и онъ не признается въ томъ.

о присягѣ. Еще нѣсколько времени онъ старался узнать, что происходитъ, искалъ Александра Бестужева, Рылѣва, который ему сказалъ, что офицеры одной батареи гвардейской артиллеріи, возмущась, ѣздятъ съ орудіями по городу. Сія ложная вѣсть его поразила, и онъ также спѣшилъ присягнуть, забывъ о планахъ для перемѣнъ въ Государствѣ, о славіи быть въ числѣ Правителей, и желая только, чтобы скорѣе переловили бунтовщиковъ. Однако жъ вечеромъ, когда уже тишина и порядокъ были повсюду возстановлены, онъ заѣхалъ къ Рылѣву и, не входя, а заглядывая въ комнату, спрашивалъ: ну! что? Иванъ Пуцинъ, бывший тутъ съ нѣкоторыми другими изъ бѣжавшихъ съ Сенатской площади мятежниковъ, оборотился къ нему до половины и сказалъ въ отвѣтъ: да вы, подполковникъ, вы-то что? Увидѣвъ его и барона Штейнгеля, Батенковъ скрылся ¹⁾, и въ течение двухъ недѣль, полагаясь на краткость своихъ сношеній съ членами Тайнаго Общества, надбѣялся избѣжать подозрѣній Правительства; даже при началѣ допросовъ, онъ долго увѣрялъ, что намѣренія заговорщиковъ были ему весьма несовершенно извѣстны; что онъ, считая ихъ невозможными въ исполненіи, почти не обращалъ на нихъ вниманія, что чувствуетъ себя виновнымъ въ однихъ нескромныхъ словахъ и дерзкихъ желаніяхъ. Но множество уликъ и можетъ, быть, упреки совѣсти наконецъ превозмогли притворство: онъ полнымъ искреннимъ признаніемъ утвердилъ свидѣтельство другихъ ²⁾. Всѣ прочіе, больше или меньше участвовавшіе въ мятежѣ и вообще въ замыслахъ Сѣверной Думы, показывая другъ на друга, сдѣлались вскорѣ извѣстны Коммиссіи, немедленно отысканы и представлены къ допросу ³⁾; нѣкоторые сами отдались подъ стражу. Между ними послѣдними полковникъ Булатовъ. Сей человекъ странный и несчастный, давно изнуряемый внутреннею неизлѣчимою болѣзнію, умѣвъ съ самаго начала почувствовать и незаконность и безразсудность предпріятія своихъ сообщниковъ, даже рѣшительно отклонившись отъ содѣйствія и восхищавшисч, какъ онъ сказываетъ, распоряженіями Вашего Величества 14-го Декабря, вдругъ на слѣдующій день, когда и яростнѣйшіе начинали признавать вину свою, предался какому-то незнѣясиному бѣшенству. Мысль, что его именемъ завлеченъ въ заблужденіе и погубленъ любившій его полкъ (Лейбъ-гренадерскій), нелѣпая сказка, раслушенная легкомысліемъ или зложелательствомъ, что всѣ рядовые, бывшіе на площади, обречены смертной казни, совершенно омрачили его умственные способности. „Въ семь состояній“, говоритъ онъ въ письмѣ къ Его Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу, „я пришелъ въ Главный Штабъ къ присягѣ. Мое воображеніе смутилось; голова пылала; мнѣ казалось, что отсюду течетъ кровь моихъ любезныхъ сослуживцевъ, и когда вокругъ меня клялись въ вѣрности Государю, я поднялъ руку, поцѣловалъ крестъ, съ ужасною клятвою въ сердцѣ: умертвить Его. Всякъ, увидѣвъ мое имя на присяжномъ листѣ, узнаетъ въ немъ подписъ злодѣя“. Онъ однако же не былъ злодѣемъ, по крайней мѣрѣ закоренѣлымъ; волненіе страстей скоро въ немъ затихло; онъ началъ удостовѣряться въ лживости дошедшихъ до него слуховъ; наконецъ пришелъ во дворецъ, былъ допущенъ къ Вашему Величеству, и первый взглядъ Вашъ обезоружилъ его. Съ сей минуты до того времени, когда новый припадокъ прежней болѣзни лишилъ его силъ и жизни (19 Января сего года), онъ безпрестанно терзался воспоминаніемъ своего страшнаго, долготѣ никому неизвѣстнаго умысла, воспоминаніемъ самыхъ знаковъ оказаннаго ему милосердія; но утолялъ муку совѣсти признаніями, совершенно добровольными (ибо онъ даже не былъ допрашиваемъ) и умирая, смѣло завѣщалъ участь дѣтей Монарху, на коего мыслить поднять руку.

Спокойство, твердостью Вашего Величества возвращенное столицѣ, въ прочихъ мѣстахъ Имперіи, за исключеніемъ Василькова и окрестностей, не было и нарушено. Въ Москвѣ, гдѣ всѣ жители съ восторгомъ пронесли клятву въ вѣрности Вашему Императорскому Величеству и Наслѣднику Престола, нѣкоторые изъ членовъ Тайнаго Общества, въ томъ числѣ и оставшіе отъ онаго, собирались разсуждать о происшествіяхъ 14-го Декабря. Одинъ, Мухановъ ⁴⁾, извѣстныи другимъ невождержностию въ рѣчахъ, говорилъ въ изступленіи досады: „Наши товарищи гибнутъ; ихъ можетъ спасти только смерть Государя, и я знаю человѣка готоваго, по крайней мѣрѣ, отгнать за нихъ“ ⁵⁾. Сами сообщники слушали его съ пренебреженіемъ. На югѣ, гдѣ вслѣдствіе предисанній, привезенныхъ изъ Таганрога генераль-адъютантомъ Чернышевымъ, уже были забираемы подъ стражу важнѣйшіе злоумышленники, по указаніямъ, дошедшаго на нихъ капитана Майбороды, бѣшенство другихъ, смущен-

¹⁾ Такъ рассказываетъ Штейнгель.

²⁾ Одно изъ своихъ письменныхъ объявленій Коммиссіи онъ начинать сими словами: Дабы не умереть, нося въ душѣ преступную тайну.

³⁾ Большая часть въ Петербургѣ; Кюхельбекеръ, бѣжавшій послѣ первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ, въ Варшавѣ; немногіе въ Москвѣ, въ томъ числѣ баронъ Штейнгель, который выѣхалъ отсюда 22-го Декабря.

⁴⁾ Штабсъ-капитанъ Измайловскаго полка.

⁵⁾ Показаніе Якушкина. Мухановъ признался, что говорилъ то.

ныхъ открытіемъ заговорщиковъ, также измѣнилось въ словахъ ¹⁾. Поджіо говорилъ Василию Давыдову: „должно, для спасенія нашихъ, ѣхать въ Петербургъ, убить Императора Константина“ (имъ еще неизвѣстно было вступленіе Вашего Величества на Престолъ); я предлагаю свои двѣ руки“. — „Надобно ихъ шесть“, отвѣчалъ Давыдовъ. Поджіо думалъ найти пособниковъ въ Митъковѣ, князѣ Валеріянѣ Голицынѣ, князѣ Оболенскомъ и Матвѣѣ Муравьевѣ ²⁾. Генераль-маіоръ князь Сергѣй Волконскій, узнавъ, что полковникъ Пестель съ нѣкоторыми другими арестованъ, нашелъ средство увидѣться съ нимъ наединѣ. Пестель сказалъ ему: „не бойтесь, спасаете только мою Русскую Правду“; а я не открою ничего“; и однако жъ во всемъ признался предъ Коммиссіею, наименовалъ всѣхъ своихъ соумышленниковъ и, по требованію Коммиссіи, всѣ они отысканы и представлены сюда мѣстными начальствами. Сергѣй и Матвѣй Муравьевы также были взяты (29 Декабря) начальникомъ перваго, подполковникомъ Гебелемъ, хотя онъ (Муравьевъ) находился не при полку и, узнавъ отъ Бестужева-Рюмина о приказаніи арестовать его, скрывался вмѣстѣ съ братомъ ³⁾. Къ сожалѣнію Гебель не имѣлъ осторожности приставить къ нимъ достаточную стражу, и въ ту же ночь, нѣсколько офицеровъ, принадлежавшихъ къ Обществу Соединенныхъ Славянъ, поручики: Кузминъ, Сухоиновъ, Щинилла и штабсъ-капитанъ баронъ Соловьевъ ворвались въ комнаты, гдѣ содержались Муравьевы, освободили ихъ, схватили подполковника Гебеля и жандармскаго офицера, ранили перваго. Сергѣй Муравьевъ тогда лишь, какъ утверждаетъ онъ, рѣшился возмутить Черниговскій полкъ. Онъ былъ въ мѣстечкѣ Трилѣсѣ, но немедленно отпирался въ Ковалевку, чтобы собрать тамъ 2-ю гренадерскую роту, велѣвъ поручику Кузмину туда же привести 5-ю, а Соловьеву и Щиниллѣ возмутить свои роты и съ ними идти въ Васильковъ. Изъ Ковалевки, гдѣ онъ почевалъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, 30-го Декабря, пошелъ съ двумя ротами, 2-ю и 5-ю, на Васильковъ. Дорогою пріѣхалъ къ нему Бестужевъ-Рюминъ, котораго онъ посылалъ въ Брусилловъ за извѣстіями. Въ 8-ми верстахъ отъ города, узнавъ, что тамъ стоитъ рота съ маіоромъ Трухинымъ, Муравьевъ приказалъ своимъ зарядить ружья; маіоръ Трухинъ съ своей стороны приказывалъ тоже; ему не повиновались, и возмущившіеся роты вступили безпрятственно въ Васильковъ. Тутъ, отдавъ подъ стражу маіора Трухина, выпустивъ арестованныхъ подполковникомъ Гебелемъ, Соловьева, Щиниллу и нѣсколькихъ преданныхъ суду рядовыхъ, взявъ безденежно хлѣба, другихъ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ изъ городскихъ лавокъ, Муравьевъ началъ составлять планы для дѣйствія. Къ нему пристали еще нѣкоторые офицеры и пріѣзжалъ изъ Бѣлой Церкви, приглашенный имъ наканунѣ, подиоручникъ 17-го Егерскаго полка Александръ Вадковскій, членъ не весьма дѣятельный Южнаго Общества. Сергѣй Муравьевъ уговаривалъ его произвести бунтъ въ семь полку. „Буду стараться, если соберутъ его, но кажется невозможно“, отвѣчалъ Вадковскій и разстался съ Муравьевымъ, который въ то же время посылалъ въ Кіевъ, надѣясь тамъ найти какого нибудь единомышленника и требуя пособія. Онъ думалъ идти или на Кіевъ, или на Бѣлую Церковь, или къ Житомиру, чтобы соединиться съ офицерами Общества Славянъ; наконецъ, рѣшился двинуться къ Брусиллову, откуда могъ, смотря по обстоятельствамъ, послѣть однимъ переходомъ и въ Кіевъ, и въ Житомиръ. На другой день, 31-го Декабря въ полдень (ибо онъ дождался 2-й мушкетерской роты) онъ велѣлъ собраться къ походу тѣмъ, кои уже пристали къ нему; передъ выступленіемъ, полковой священникъ, за 200 рублей, согласился отпѣть молебень и прочее сочиненный Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ-Рюминымъ Катехизисъ, въ космъ, какъ было означено выше, своевольно толкуя отдѣльными мѣста изъ Ветхаго Завѣта, они хотѣли доказать, что Богу угодно единъ республиканскій образъ правленія. Но сей же-Катехизисъ, какъ самъ Муравьевъ показываетъ, произвелъ на рядовыхъ невыгодное для его намѣреній впечатлѣніе, и онъ увидѣлъ себя принужденнымъ дѣйствовать снова именемъ Государя Цесаревича, увѣряя солдатъ, что Его Высочество не отрекался отъ Короны. На пути къ Брусиллову, въ

¹⁾ Достоинно замѣчана, что главные, въ томъ числѣ полковникъ Пестель арестованы именно 14-го Декабря.

²⁾ Показанія Давыдова и Поджіо.

³⁾ Списокъ оной, руки самого Пестеля, былъ зарытъ въ землѣ близъ деревни Курносовки, но найденъ штабсъ-ротмистромъ Слѣпцовымъ, адъютантомъ генераль-лейтенанта Чернышева.

⁴⁾ За нѣсколько дней передъ тѣмъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, узнавъ въ Житомирѣ о происшествіяхъ 14-го Декабря, вздумалъ снова требовать смерти Государя Цесаревича отъ директоровъ Польскаго Тайнаго Общества и просилъ графа Мошинскаго доставить имъ письмо, которое Бестужевъ-Рюминъ еще въ 1824-мъ году хотѣлъ отправить къ нимъ чрезъ князя Сергѣя Волконскаго. „Я надѣялся“, говоритъ Муравьевъ, „что, сдѣлавъ сіе, Варшавское Общество принуждено будетъ начать и возмущеніе въ Польшѣ, а мы тѣмъ воспользуемся“. Но графъ Мошинскій не согласился на предложеніе, сказавъ, „что уставы Польскаго Общества не позволяютъ принимать никакихъ письменныхъ сообщеній“.

деревнѣ Мотовиловкѣ нашелъ онъ 1-ю гренадерскую и первую мушкетерскую роты безъ командировъ¹⁾. Онъ предлагалъ имъ, просилъ съ ними соединиться; часть мушкетерской роты согласилась, гренадерская отказалась вся рѣшительно и отступила къ Бѣлой Церкви. Мятежники провели весь слѣдующій день (1-е Января) въ Мотовиловкѣ, ибо начальникъ ихъ Сергѣй Муравьевъ боялся трудить солдатъ въ праздникъ Нового года. 2-го Января, не получая вѣстий изъ Кіева, полагая, что и тамъ и въ самомъ мѣстечкѣ Брусиловѣ уже знаютъ о бунтѣ его, онъ пошелъ къ Бѣлой Церкви и ночевалъ въ селѣ Пологи; тутъ, увѣдомясь отъ Щипиллы, что въ Бѣлой Церкви нѣтъ войска, которое онъ надѣялся возмутить, Муравьевъ снова измѣнилъ свой планъ, обратился къ Трилѣсью искать сближенія съ членами Общества Соединенныхъ Славянъ, но между деревнями Усгимовской и Королевкой, встрѣтилъ высланный противъ него гусарскій отрядъ генерала Гейсмара. „Я привелъ свои роты въ порядокъ“, говоритъ онъ, „велѣлъ солдатамъ не стрѣляя идти прямо на пушки съ оставшимися офицерами (ибо многіе изъ присоединившихся къ нему въ Васильковѣ въ то время уже оставили его); солдаты шли за мною²⁾, когда я уялъ безъ чувствъ, раненый картечью; очнувшись, увидѣлъ своихъ въ разстройствѣ, хотѣлъ собрать ихъ; но они, вмѣсто повиновенія, схватили меня и Бестужева и отдали начальнику эскадрона Мариупольскаго полка“. Братъ его Матвѣй и всѣ прочіе офицеры также взяты, кромѣ убитаго въ дѣлѣ другого брата Ипполита и поручика Сухинина, который, успѣвъ бѣжать, отысканъ уже мѣстнымъ начальствомъ въ Киселевѣ; изъ взятыхъ, Кузминъ застрѣлился въ тотъ же день предъ глазами обоихъ Муравьевыхъ, съ коими онъ содержался³⁾.

Описавъ свойство, намѣренія и дѣйствія открытыхъ въ Россіи злоумышленныхъ Тайныхъ Обществъ, Комиссія остается обратить вниманіе Вашего Императорскаго Величества на личное въ сихъ замыслахъ и дѣйствіяхъ участваніе всѣхъ допрошенныхъ въ продолженіе слѣдствія, какъ тѣхъ, коихъ имена упомянуты въ семъ доисненіи, такъ и другихъ, менѣе значившихъ въ кругу своихъ сообщниковъ, хотя нѣкоторые между ими участвовали и въ самыхъ преступныхъ умыслахъ. Комиссія старалась представить сіе наиболѣе точнѣйшимъ образомъ въ особыхъ о каждомъ запискахъ, означая въ оныхъ, и собственные ихъ признанія, и показанія свидѣтелей, и новыя, по снмъ показаніямъ данныя ими, отвѣты и объясненія. Сии записки, вмѣстѣ съ письменными извѣтами допрошенныхъ и другими, слѣдующими къ дѣлу, болѣе или менѣе важными бумагами, Комиссія подноситъ на Высочайшее усмотрѣніе Вашего Величества. 30-го Мая 1826 года. Предсѣдатель, военный министръ Татищевъ. Генераль-фельдцейхмейстеръ Михаилъ. Д. т. с. князь Голицынъ. Санктпетербургскій военный генералъ-губернаторъ, г.-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ. Генераль-адъютанты: Чернышевъ, Бенкендорфъ, Левашовъ, Потаповъ. Скрѣпилъ д. ст. сов. Д. Блудовъ.

СПИСОКЪ

лицъ кои по дѣлу о тайныхъ злоумышленныхъ Обществахъ предаются по Высочайшему повелѣнію Верховному Уголовному Суду, въ силу Манифеста отъ 1-го числа Іюня сего 1826 года.

Съвернаго Общества.

1. Князь Трубецкой, полковникъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, дежурный штабъ-офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса.
2. Рылѣвъ отставной подпоручикъ.
3. Князь Евгений Оболенскій, поручикъ лейбъ-гв. Финляндскаго полка, старшій адъютантъ командующаго всею пѣхотою Гвардейскаго Корпуса генераль-адъютанта Бистрома 1-го.
4. Муравьевъ Никита, Гвардейскаго Генеральнаго Штаба капитанъ.

¹⁾ Командиръ 1-й гренадерской былъ съ своею ротою; но рядовые, чтобы спасти начальника своего отъ мятежниковъ, уговорили его одѣться въ солдатскій мундиръ.

²⁾ Весьма неохотно, какъ показывасть Матвѣй Муравьевъ, и бросили ружья, какъ скоро гусары закричали имъ: сдавайтесь.

³⁾ Изъ нихъ: Сухиновъ, Соловьевъ, Щипилла и Мозалевскій преданы военному суду въ 1-й арміи. Ипполитъ Муравьевъ пріѣхалъ къ братьямъ несчаинно въ Васильковъ и остался съ ними вопреки усиленнымъ просьбамъ ихъ, особливо Матвѣя, который предвидѣлъ окончаніе преступнаго ихъ предпріятія. Онъ говорилъ о томъ на походѣ Бестужеву-Рюмину. Не надобно терять надежды, отвѣчалъ Бестужевъ; если не удастся здѣсь, то не все еще пропало: мы скроемся въ лѣсахъ, проберемся къ Петербургу, и я убью Государя. Бестужевъ увѣряетъ, что онъ это сказалъ единственно для того, чтобы ободритъ Муравьева и удержать его отъ самоубійства.

5. Каховскій, отставной поручикъ.
6. Князь Щепинъ-Ростовскій, лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ.
7. Бестужевъ Александръ, лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка штабсъ-капитанъ, адъютантъ Его Королевскаго Высочества Герцога Александра Виртембергскаго.
8. Бестужевъ Михайло, лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ.
9. Арбузовъ, гвардейскаго экипажа лейтенантъ.
10. Бестужевъ Николай, 8-го экипажа капитанъ-лейтенантъ.
11. Пановъ, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручикъ.
12. Сутгофъ, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручикъ.
13. Кюхельбекеръ, коллежскій ассессоръ.
14. Пущинъ Иванъ, коллежскій ассессоръ.
15. Князь Одоевскій, лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ.
16. Якубовичъ, Нижегородскаго драгунскаго полка капитанъ.
17. Цебриковъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ.
18. Рѣпинъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка штабсъ-капитанъ.
19. Муравьевъ, Александръ, отставной полковникъ.
20. Як ушкинъ, отставной капитанъ.
21. Фонъ-Визинъ, отставной генераль-маіоръ.
22. Князь Шаховской Фѣдоръ, отставной маіоръ.
23. Лунинъ Михаилъ, лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка подполковникъ.
24. Мухановъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка штабсъ-капитанъ.
25. Митьковъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка полковникъ.
26. Завалишинъ, 8-го флотскаго экипажа лейтенантъ.
27. Батенковъ, корпуса инженеровъ путей сообщенія подполковникъ.
28. Баронъ Штейнгель, отставной подполковникъ.
29. Торсонъ, флота капитанъ-лейтенантъ, адъютантъ начальника Морскаго

Штаба.

30. Князь Голицынъ Валеріанъ, камеръ-юнкеръ.
31. Бѣляевъ 1. гвардейскаго экипажа мичманъ.
32. Бѣляевъ 2. гвардейскаго экипажа мичманъ.
33. Дивовъ, Гвардейскаго экипажа мичманъ.
34. Бестужевъ Петръ, мичманъ 27-го флотскаго экипажа.
35. Свистуновъ, Кавалергардскаго полка корнетъ.
36. Анненковъ, Кавалергардскаго полка поручикъ.
37. Кривцовъ, лейбъ-гвардіи конной артиллеріи подпоручикъ.
38. Муравьевъ Александръ, корнетъ, Кавалергардскаго полка.
39. Нарышкинъ, полковникъ Тарутинскаго пѣхотнаго полка.
40. Фонъ-деръ-Бригенъ, отставной полковникъ.
41. Пущинъ, лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона капитанъ.
42. Бодиско 1-й, Гвардейскаго экипажа лейтенантъ.
43. Кюхельбекеръ, того же экипажа лейтенантъ.
44. Мусинъ-Пушкинъ, того же экипажа лейтенантъ.
45. Акуловъ, того же экипажа лейтенантъ.
46. Вишневскій, того же экипажа лейтенантъ.
47. Бодиско 2-й, того же экипажа мичманъ.
48. Горской, статскій совѣтникъ.
49. Графъ Коновницынъ 1, гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ.
50. Оржитскій, отставной штабсъ-ротмистръ.
51. Кожевниковъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ.
52. Фокъ, того же полка подпоручикъ.
53. Лаппа, того же полка подпоручикъ.
54. Назимовъ, лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона штабсъ-капитанъ.
55. Баронъ Розенъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ.
56. Глѣбовъ, коллежскій секретаръ.
57. Андреевъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ.
58. Толстой, Московскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ.
59. Графъ Чернышевъ, Кавалергардскаго полка ротмистръ.
60. Чижовъ, 2-го флотскаго экипажа лейтенантъ.
61. Тургеневъ Николай, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Южною Общества

1. Пестель, полковникъ Вятскаго пѣхотнаго полка.
2. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Черниговскаго пѣхотнаго полка.
3. Бестужевъ-Рюминъ, Полтавскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ.
4. Муравьевъ-Апостолъ Матвѣй, отставной подполковникъ.
5. Юшневскій, 4-го класса, бывшій генераль-интендантъ 2-й арміи.
6. Князь Волконскій Сергѣй, генераль-маіоръ.

7. Давыдовъ, Василій Львовъ сынъ, отставной полковникъ.
8. Князь Барятинскій, лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею.
9. Поджіо, отставной подполковникъ.
10. Муравьевъ Артамонъ, Ахтырскаго гусарскаго полка полковникъ.
11. Повало-Швейковскій, Саратовскаго пѣхотнаго полка полковникъ.
12. Вадковскій, Нѣжинскаго конно-егерскаго полка прапорщикъ.
13. Тизингаузенъ, полковникъ Полтавскаго пѣхотнаго полка.
14. Враицкій, полковникъ квартирмейстерской части.
15. Крюковъ, квартирмейстерской части поручикъ.
16. Фаленбергъ, подполковникъ квартирмейстерской части, старшій адъютантъ Главнаго штаба 2-й арміи по квартирмейстерской части.
17. Лореръ, Вятскаго пѣхотнаго полка маіоръ.
18. Краснукутскій, оберъ-прокуроръ Сената, дѣйствительный статскій совѣтникъ.
19. Лихаревъ, подпоручикъ квартирмейстерской части.
20. Вольфъ, штабъ-лекаръ, состоявшій при Главной квартирѣ 2-й арміи.
21. Крюковъ, Кавалергардскаго полка поручикъ, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею.
22. Поджіо, отставной штабсъ-капитантъ.
23. Аврамовъ, полковникъ Казанскаго пѣхотнаго полка.
24. Норовъ, отставной подполковникъ.
25. Янтальцевъ, подполковникъ, командиръ конно-артиллерійской роты № 27.
26. Ивашевъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею.
27. Басаргинъ, лейбъ-гвардіи Егерскаго полка поручикъ, старшій адъютантъ Главнаго Штаба 2-й арміи.
28. Корниловичъ, гвардейскаго Генеральнаго Штаба штабсъ-капитантъ.
29. Бобрищевъ-Пушкинъ 1, поручикъ квартирмейстерской части.
30. Бобрищевъ-Пушкинъ 2, поручикъ квартирмейстерской части.
31. Занкинъ, подпоручикъ квартирмейстерской части.
32. Аврамовъ, поручикъ квартирмейстерской части.
33. Загорѣцкій, поручикъ квартирмейстерской части.
34. Поливановъ, отставной полковникъ.
35. Баронъ Черкасовъ, поручикъ квартирмейстерской части.
36. Фозтъ, штабсъ-капитанъ Азовскаго пѣхотнаго полка.
37. Графъ Булгари Николай, поручикъ кирасирскаго Ея Величества полка.

Соединенныхъ Славныхъ

1. Борисовъ 1, подпоручикъ 8-ой артиллерійской бригады.
2. Борисовъ 2, отставной подпоручикъ.
3. Спиридовъ, маіоръ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
4. Горбачевскій, подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.
5. Бечасновъ, прапорщикъ 8-й артиллерійской бригады.
6. Пестовъ, подпоручикъ 9-й артиллерійской бригады.
7. Андреевичъ 2, подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.
8. Люблинскій, дворянинъ Волынской губерніи.
9. Тютчевъ, капитанъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
10. Грошницкій, поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
11. Кирѣевъ, прапорщикъ 8-й артиллерійской бригады.
12. Фурманъ, капитанъ Черниговскаго пѣхотнаго полка.
13. Веденянинъ 1, подпоручикъ 9-й артиллерійской бригады.
14. Веденянинъ 2, прапорщикъ 9-й артиллерійской бригады.
15. Шимковъ, прапорщикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.
16. Мозганъ, подпоручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
17. Ивановъ, провіантскій чиновникъ 10-го класса.
18. Фроловъ 2-й, Пензенскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ.
19. Мозгалевскій, подпоручикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.
20. Лисовскій, поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
21. Выгодовскій, канцеляристъ.
22. Берстель, подполковникъ, бывшій командиръ легкой роты № 2-го 9-й артиллерійской бригады.
23. Шахиревъ, Черниговскаго пѣхотнаго полка поручикъ.

Русскій Инвалидъ.

(15 Юля. № 167).

Высочайшій Манифестъ.

Божією Милостію

Мы Николай Первый

Императоръ и Самодержецъ

Всероссійскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Верховный Уголовный Судъ, Манифестомъ 1-го іюня сего года составленный для сужденія Государственныхъ преступниковъ, совершилъ ввѣренное ему дѣло. Приговоры его, на силѣ законовъ основанные, смягчивъ, сколько долгъ правосудія и Государственная безопасность дозволяли, обращены нами къ надлежащему исполненію, и паданы во всеобщее навѣстіе.

Такимъ образомъ дѣло, которое Мы всегда считали дѣломъ всей Россіи, окончено; преступники воспріяли достойную ихъ казнь; Отечество очищено отъ слѣдствій заразы, столько лѣтъ среди его таившейся.

Обращая послѣдній взоръ на сіи горестныя происшествія, обязанностию Себѣ вмѣняемъ: на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ, тому ровно семь мѣсяцевъ, среди мгновеннаго мятежа явилась предъ нами тайна зла долгодѣтельнаго, совершить послѣдній долгъ воспоминанія, какъ жертву очистительную за кровь Русскую, за вѣру, Царя и Отечество, на семь самомъ мѣстѣ проливанную, и вмѣстѣ съ тѣмъ принести Всевышнему торжественную мольбу благодаренія. Мы зрѣли благотворную Бггосудницу, какъ она расторгла завѣсу, указала зло, помогла Намъ истребить его собственнымъ его оружіемъ, — туча мятежа взопла какъ бы для того, чтобы потушить умыселъ бунта.

Не въ свойствахъ, не во нравахъ Русскихъ былъ сей умыселъ. Составленный горстью изверговъ, онъ заразилъ ближайшее ихъ сообщество, сердца развратныя и мечтательности дерзновенную; но въ десять лѣтъ злонамѣренныхъ усилій не проникъ, не могъ проникнуть далѣе. — Сердце Россіи для него было и всегда будетъ неприступно. Не посрамится имя Русское измѣною Престолу и Отечеству. Напротивъ, Мы видѣли при семь случаѣхъ новые оныя приверженности; видѣли, какъ отны не щадили преступныхъ дѣтей своихъ, родственники отвергали и приводили къ Суду подозреваемыхъ; видѣли всѣ состоянія соединившимися въ одной мысли, въ одномъ желаніи: суда и казни преступникамъ.

Но усилія злонамѣренныхъ, хотя и въ тѣсныхъ предѣлахъ заключенныхъ, тѣмъ не менѣе были дѣятельны. Язва была глубока, и по самой сокровенности ея опасна. Мысль, что главнымъ ея предметомъ, первою цѣлію умысловъ была жизнь Александра Благословеннаго, поражала вмѣстѣ ужасомъ, омерзѣніемъ и прискорбіемъ. Другія соображенія тревожили и утомляли вниманіе: надлежало въ самыхъ необходимыхъ изысканіяхъ, по крайней возможности, щадить, не коснуться, не оскорбить напраснымъ подозрѣніемъ невинность. Тотъ-же Промыслъ, коему благоугодно было при самомъ началѣ Царствованія Нашего, среди безчисленныхъ заботъ и попеченій, поставить насъ на семь пути скорбномъ и многотрудномъ, далъ Намъ крѣпости и силу совершить его. Слѣдственная Коммиссія въ теченіе пяти мѣсяцевъ неуслынныхъ трудовъ, дѣятельностію, разборчивостію, безпристрастіемъ, мѣрами кроткаго убѣжденія, привела самыхъ ожесточенныхъ къ смягченію, возбудила ихъ совѣсть, обратила къ добровольному и чистосердечному признанію. Верховный Уголовный Судъ, объявъ дѣло во всемъ пространствѣ Государственной его важности, отличивъ со щадѣніемъ всѣ его виды и постепенности, положилъ оному конецъ законный.

Такъ, единодушнымъ соединеніемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества, въ теченіе краткаго времени укрошено зло, въ другихъ нравахъ долго неукротимое. Горестныя происшествія, смутившія покой Россіи, миновались навсегда и невозвратно. Въ сокровенныхъ путяхъ Провидѣнія, изъ среды зла пзвождащаго добро, самыя сіи происшествія могутъ споспѣшествовать во благое.

Да обратятъ родители все ихъ вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей. Не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, нежели празности тѣлесныхъ силъ, — недостатку твердыхъ познаній, должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сеи порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ гибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія Правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ приуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ.

Дворянство, ограда Престола и чести народной, да станетъ и на семь поприщѣ, какъ на всѣхъ другихъ, примѣромъ всѣмъ другимъ сословіямъ. Всякій его подвигъ къ усовершенію отечественнаго, природнаго, не чужеземнаго воспитанія Мы приимемъ съ признательностію и удовольствіемъ. Для него отверсты въ Отечествѣ Нашемъ всѣ

пути чести и заслугъ. Правый Судъ, воинскія силы, разныя части внутренняго управленія, все требуетъ, все зависитъ отъ ревностныхъ и знающихъ исполнителей.

Всѣ состоянія да соединятся въ довѣрїи къ Правительству. Въ Государствѣ, гдѣ любовь къ Монархамъ и преданность къ Престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа, гдѣ есть отечественные законы и твердость въ управленіи, тщетны и безумны всегда будутъ всѣ усилія злонамѣренныхъ; они могутъ таиться въ мракѣ, но при первомъ появленіи отверженныя общимъ негодованіемъ, они сокрушатся силою закона. Въ семъ положеніи Государственнаго состава, каждый можетъ быть увѣренъ въ непоколебимости порядка, безопасность и собственность его хранящаго, и спокойный въ настоящемъ, можетъ прозирать съ надеждою въ будущее. Не отъ дерзостныхъ мечтаний, всегда разрушительныхъ, но свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія, дополняются недостатки, исправляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовершенія, всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и промышленности, достигая къ Намъ путемъ законнымъ, для всѣхъ отвергатымъ, всегда будутъ приняты Намъ съ благоволеніемъ: ибо Мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другихъ желаній, какъ видѣть Отечество Наше на самой высшей степени счастья и славы, Провидѣніемъ ему предопредѣленной.

Наконецъ, среди сихъ общихъ надеждъ и желаній, склоняемъ Мы особенное вниманіе на положеніе семействъ, отъ коихъ преступленіемъ отпали родственные ихъ члены. Во все продолженіе сего дѣла, сострадая искренно прискорбнымъ ихъ чувствамъ, Мы вмѣняемъ Себѣ долгомъ удостовѣрить ихъ, что въ глазахъ Нашихъ союзъ родства передаетъ потомству славу дѣяній, предкамъ стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки, или преступленія. Да не дерзнетъ никто вмѣнять ихъ по родству кому-либо въ укоризну: сіе запрещаетъ законъ Гражданскій, и болѣе еще претитъ законъ Христіанскій.

На подлинномъ подписаню Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Въ Царскомъ Селѣ. 13-го Іюля 1826 г.

Николай.

Русскій Инвалидъ.

(16 Іюля. № 168—169).

Высочайшій Рескриптъ, данный на имя Его Превосходительства Г. Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества Барона И. И. Дибича.

(Весь Рескриптъ писанъ Собственною рукою Его Императорскаго Величества).

Баронъ Иванъ Ивановичъ!

Вмѣняю себѣ въ приятѣйшій долгъ благодарить Васъ за неутомимые труды Ваши и благоразумныя распоряженія, коими предупредили Вы замыслы части злѣйшихъ измѣнниковъ, готовившихся во 2-й Арміи поднять знамя бунта.

Среди заслугъ Отечеству, Вами оказанныхъ, справедливое потомство всегда вмѣнитъ Вамъ въ одну изъ важнѣйшихъ рѣшимость принятыхъ Вами мѣръ, тогда когда поражены были постигшимъ всеобщимъ Нашимъ несчастьемъ и дѣйствовали сами собою. Примите отъ Меня отъ лица Отечества совершенную признательность.

Пребываю Вамъ всегда благосклоннымъ.

На собственноручномъ Рескриптѣ подписаню:

Николай.

Елагинъ Островъ. 14 Іюня 1826 года.

Русскій Инвалидъ ¹⁾.

(№№ 168 и 169, 170 и 171, 172).

Верховный и Уголовный Судъ надъ злоумышленниками.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго.

Изъ Правительствующаго Сената,
Объявляется во всенародное извѣстіе.

Правительствующій Сенатъ въ Общемъ Собраніи Санктпетербургскихъ Департаментовъ, выслушавъ переданный въ оный изъ Верховнаго Уголовнаго Суда въ спискѣ протоколъ, состоявшийся въ 11-й день сего Іюля, при коемъ приложены въ

¹⁾ Всеподданнѣйшій докладъ Верховнаго Суда помѣщенъ также въ И. С. З. (1825—27 г.) т. 1 статья 465.

копяхъ: во 1-хъ, Всеподданнѣйшій Его Императорскому Величеству докладъ онаго Суда, съ росписью Государственнымъ преступникамъ, осужденнымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ; во 2-хъ, Имянный Высочайшій Указъ, данный Верховному Уголовному Суду въ 10-й день сего же Іюля, о пощадахъ, Его Императорскимъ Величествомъ даруемыхъ осужденнымъ преступникамъ, — Приказали: о совершеніи казней и наказаній надъ Государственными преступниками, Высочайшимъ Указомъ и приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда определенныхъ, предписать Г. Санктпетербургскому Военному Генералъ-Губернатору. Докладъ же Верховнаго Суда съ росписью осужденнымъ преступникамъ, и Высочайшій Указъ, равно выписку изъ упомянутаго протокола Верховнаго Уголовнаго Суда, съ изъясненіемъ учиненнаго въ ономъ, по высочайше предоставленной ему власти, окончательнаго постановленія о пяти преступникахъ, поставленныхъ внѣ разрядовъ и внѣ сравненія съ другими по тяжести ихъ злодѣяній, издать совокупно во всеобщее извѣстіе.

Подлинный за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

Въ Санктпетербургѣ Іюля 13 дня 1826-го года.

Всепресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему, Великому Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому,
Верховнаго Уголовнаго Суда
всеподданнѣйшій докладъ.

Верховный Уголовный Судъ, МанIFESTомъ 1-го іюня сего года для сужденія Государственныхъ преступниковъ составленный, всеподданнѣйше представляетъ на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества существо приговора, о шхъ состояншагося, изобразивъ предварительно тотъ порядокъ, коимъ дѣло сіе въ немъ было производимо.

Обрядъ производства уголовныхъ дѣлъ установленъ общими законами; но въ дѣлѣ высшихъ Государственныхъ преступленій, общій уголовный обрядъ не могъ быть достаточенъ. Посему Ваше Императорское Величество, при самомъ составленіи сего Суда, соизволили преподать ему дополнителныя правила, на общемъ порядкѣ судопроизводства основанныя, и для успѣшнаго движенія сего дѣла необходимыя.

Верховный Уголовный Судъ въ 3-ій день Іюня мѣсяца открылъ свои засѣданія чтеніемъ Высочайшаго Манifestа, потомъ донесенія Слѣдственной Комиссіи и подробныхъ о каждомъ подсудимомъ свѣдѣній, составленныхъ въ той же Комиссіи изъ подлиннаго о нихъ производства. — Все, что по прежнимъ свѣдѣніямъ отдѣльно было извѣстно о существѣ сихъ преступленій, при чтеніи актовъ представилось Суду въ ужасной всѣхъ обстоятельствъ совокупности. Чѣмъ болѣе онъ входилъ въ подробности, тѣмъ, казалось, расширялась предъ нимъ бездна злобы и нравственнаго ожесточенія.

Всѣ прежнія чувства ужаса и омерзѣнія возбудились здѣсь съ новою силою.

Но судъ не могъ, не долженъ былъ колебаться сими чувствами; онъ измѣрять преступленія, но видѣлъ предъ собою еще токо подсудимыхъ. — Сколь ни достовѣрны были акты Слѣдственной Комиссіи, но общій порядокъ правосудія, и правила, Вашимъ Императорскимъ Величествомъ предначертанныя, требовали личнаго въ допросахъ удостовѣренія. Къ сему два пути предлагали: призвать подсудимыхъ предъ Судъ, или нарядъ къ нимъ Комиссіи, Судомъ избранной изъ среды его составленной. Ваше Императорское Величество тотъ и другой способъ соизволили представить его усмотрѣнію. Онъ избралъ послѣдній, какъ равно достовѣрный, но по числу подсудимыхъ болѣе удобный.

Ревизіонная Комиссія исполнила порученное ей дѣло съ точностію. Всѣ подсудимые безъ исключенія подтвердили предъ нею собственноручнымъ подписаніемъ прежнія ихъ показанія. Имъ открыты были способы дополнять оныя всѣми обстоятельствами, кои могли они считать нужными къ ихъ оправданію; и некоторые, у именно пяти подсудимыхъ, пользуясь симъ дозволеніемъ, и дѣйствительно представили поясненія. И хотя Комиссія не нашла въ нихъ ничего важнаго и существеннаго, тѣмъ не менѣе представила оныя Верховному Суду на усмотрѣніе. По заключенію его, они приобщены къ дѣлу, и приняты къ совокупному съ онымъ соображенію. По окончаніи такимъ образомъ ревизіи слѣдствія, Судъ приступилъ къ чтенію законовъ на преступленія сего рода постановленныхъ, и къ выпискѣ, при семь прилагаемой, во всей подробности ихъ изложенныхъ.

Нѣзъ соображенія сихъ законовъ съ дѣломъ, сами собою проистекали два слѣдующіе вопроса:

1) Къ какому роду преступленій относятся преступленія, въ актахъ Слѣдственной Комиссіи обнаруженныя? — Судъ призналъ единогласно, что всѣ они принадлежать къ преступленіямъ Государственнымъ, подъ именемъ двухъ первыхъ пунктовъ, въ законодательствѣ нашемъ извѣстныхъ.

2) Какое наказаніе по законамъ нашимъ положено за сіи преступленія? — Судъ призналъ и единогласно опредѣлить, что преступленія, въ актахъ означенныя, и собственнымъ признаніемъ подсудимыхъ двукратно удостовѣренныя подлежатъ всѣ безъ изыятія смертной казни.

Симъ однимъ общимъ приговоромъ оканчивалось дѣло во всей законной его точности. Строгости нашихъ законовъ не дозволяетъ въ семь родѣ преступлений различать никакихъ постепенностей. Всѣ, и дѣйствовавшіе, и соглашавшіеся, и участвовавшіе, и даже токмо знавшіе, но не донесшіе объ умыслѣ посягательства на Священную Особу Государя Императора, или кого-либо изъ Императорской Фамиліи, также объ умыслѣ бунта и воинскаго мятежа, всѣ безъ изъятія подлежатъ смертной казни, и по точной силѣ законовъ всѣ однимъ общимъ приговоромъ считаются къ сей казни присужденными.

Сія спасительная строгость нашихъ законовъ единымъ Монаршимъ милосердіемъ можетъ быть смягчаема; но смягчаема частно, въ видѣ изъятій, въ извѣстномъ и опредѣленномъ случаѣ, а не въ видѣ общаго правила, которое всегда остается одно и то же во всей его силѣ и дѣйстви.

Въ семь самомъ уваженіи благоудбно было Вашему Императорскому Величеству и въ настоящемъ случаѣ Всемиловивѣше повелѣть, чтобы Верховный Уголовный Судъ опредѣлялъ: „въ какой постепенности увеличивается или уменьшается общая вина подсудимыхъ частными и особенными каждаго лица обстоятельствами; чтобы онъ установилъ разряды разныхъ степеней виновности; чтобы каждому степеню подожилъ наказаніе, и чтобы по симъ разрядамъ и степенямъ распредѣлилъ подсудимыхъ“. (Дополнит. статьи, Отдѣленіе II, статьи 3, 12, 13 и 14).

Во исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія, для приуготовленія начала, на коихъ должны быть основаны разряды, избрана была изъ среды Суда особая Коммиссія.—Ясно, что основаній разрядовъ надлежало искать въ обстоятельствахъ дѣла. Къ сему два средства представлялись: донесеніе Слѣдственной Коммиссіи, и самыя дѣла, въ ней произведенныя. Въ донесенія излагаются обстоятельства въ ихъ совокупности, въ дѣлахъ содержатся они во всей подробности; въ нихъ находятся самыя отвѣты подсудимыхъ, самыя показанія, ими писанныя или подписанныя, и двукратно, сперва при слѣдствіи, а потомъ при ревизіи, ими утвержденныя. Коммиссія признала справедливымъ соединить оба сія средства, то есть, свести и повѣрить изложеніе слѣдствія съ самымъ его производствомъ, и для сего прочесть слѣдствія и пересмотрѣть раздѣльно всѣ дѣла отъ начала до конца ихъ. Сколько трудъ сей былъ многосложенъ, столько онъ былъ необходимъ. Совершеніемъ его Коммиссія, во-первыхъ, приобрѣла возможность обозрѣть подробности дѣла во всемъ ихъ пространствѣ, и положить основанія разрядовъ не на одномъ токмо донесеніи, но на самыхъ подлинныхъ актахъ; во-вторыхъ, она удостовѣрилась не токмо въ точности изложенія и въ сходствѣ его съ дѣлами, но и въ точности самаго ихъ производства. Во всемъ составѣ 121-го дѣла открылось токмо шесть случаевъ, и случаевъ не весьма существенныхъ, кои могли требовать нѣкотораго поясненія, и кои посему признано нужнымъ чрезъ слѣдственную Коммиссію дополнить. Симъ не измѣнилось существо дѣлъ, но приведены обстоятельства ихъ въ большую ясность.

Въ семь порядкѣ, обозрѣвъ все дѣло, Коммиссія приступила къ установленію разрядовъ. Для сего ей предлежало: опредѣлитъ главные роды преступленій; отличить въ каждомъ родѣ всѣ его виды, и поставивъ ихъ въ порядкѣ постепенности, изъ сложения и сопряженія ихъ произвести начала разрядовъ.

Роды преступленій.

Всѣ разнообразныя части сего обширнаго дѣла, въ совокупномъ ихъ обозрѣніи, представляютъ одинъ главный умыселъ: умыселъ на потрясеніе Имперіи, на истреверженіе коренныхъ Отечественныхъ законовъ, на превращеніе всего Государственнаго порядка.

Три средства, три главные рода злодѣяній, предполагаемы были къ совершенію сего умысла: 1) Цареубійство, 2) бунтъ, 3) мятежъ воинскій.

Виды преступленій.

Каждый изъ сихъ главныхъ родовъ влечетъ за собою свой длинный рядъ преступленій. Всѣ они принадлежатъ вообще къ тремъ: 1) къ знанію умысла; 2) къ согласію въ немъ; 3) къ вызову на совершеніе его; но каждый изъ сихъ видовъ включаетъ въ себѣ еще разныя постепенности, коихъ подробное изложеніе состоитъ въ слѣдующемъ:

По первому пункту.

1) Умыселъ на Цареубійство собственнымъ вызовомъ, или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію ихъ. Сюда также принадлежитъ и дѣйствительное покушеніе на жизнь кого-либо изъ Членовъ Императорской Фамиліи.

2) Умыселъ на истребленіе Императорской Фамиліи, или кого-либо изъ Членовъ ея, возбужденіемъ къ тому другихъ, или одобреніемъ лица, къ тому предназначеннаго.

3) Умыселъ на лишеніе свободы Священной Особы Государя, или кого-либо изъ Членовъ Императорской Фамиліи; умыселъ на удаленіе Императорской Фамиліи, собственнымъ вызовомъ, или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію онаго.

4) Участіе въ вышеозначенныхъ умыслахъ согласіемъ, хотя безъ собственнаго вызова и приглашенія къ тому другимъ.

5) Участіе въ умыслѣ согласіемъ на послѣдній его видъ, т. е. на удаленіе Императорской Фамиліи, или лишеніе свободы, хотя съ противорѣчіемъ на два первые.

6) Злодерзостиныя слова, относящіяся къ Царевубійству, произнесенныя не на совѣщаніяхъ тайныхъ обществъ, но въ частномъ разговорѣ и означающія не умыселъ обдуманый, но мгновенную мысль и порывы.

7) Участіе въ умыслѣ, въ томъ или другомъ его видѣ, согласіемъ, или даже и вызовомъ, сперва изъясненнымъ, но потомъ измѣнившимся, и съ отступленіемъ отъ онаго.

8) Участіе въ умыслѣ согласіемъ, сперва изъясненнымъ, но потомъ измѣнившимся съ отступленіемъ, и съ противорѣчіемъ всѣмъ прежнимъ жестокимъ мѣрамъ.

9) Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, достовѣрное, но равнодушное, т. е. безъ согласія и безъ противорѣчія.

10) Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, безъ согласія и даже съ противорѣчіемъ на первые его виды.

По второму пункту.

1) Учрежденіе и Управленіе тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлю бунтъ; приуготовленіемъ способовъ къ бунту или назначеніемъ къ тому срочнаго времени; или составленіемъ плановъ, уставовъ конституцій, прокламацій, формъ присяги; или возбужденіемъ и договоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

2) Дѣятельное участіе въ семь умыслѣ, когда уже онъ былъ основанъ другими; участіе, или распространеніемъ возмутительныхъ сочиненій, или возбужденіемъ и договоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ; сюда же принадлежатъ и личныя внѣшнія сношенія, съ цѣлю отторженія нѣкоторыхъ Областей отъ Имперіи.

3) Участіе въ семь умыслѣ распространеніемъ общества, или посредствомъ привлеченія товарищей или принятіемъ порученій. Сюда же принадлежитъ и употребленіе разныхъ подлоговъ, какъ-то печати и бумагъ.

4) Участіе въ умыслѣ, но безъ согласія на мѣры жестокія, или даже съ противорѣчіемъ онымъ.

5) Участіе въ учрежденіи тайныхъ обществъ, впоследствии не токмо измѣнившееся, но и сопровождаемое совершеннымъ отступленіемъ отъ оныхъ.

6) Полное знаніе сего умысла, хотя безъ всякаго дѣйствія.

7) Неполное знаніе сего умысла, особенно же жестокихъ его мѣръ, съ принятіемъ или безъ принятія членовъ.

По мятежу.

1) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови и съ полнымъ знаніемъ сокровенной его цѣли; также согласіе именоваться главою мятежа, хотя безъ пролитія крови и безъ личнаго дѣйствія.

2) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови, хотя безъ полного знанія сокровенной его цѣли.

3) Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, съ полнымъ знаніемъ сокровенной его цѣли.

4) Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, хотя безъ полного знанія сокровенной цѣли; также приуготовленіе товарищей планами и совѣтами, съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

5) Дѣйствіе безъ возбужденія нижнихъ чиновъ и возбужденіе безъ дѣйствія, съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

6) Личное дѣйствіе безъ возбужденія нижнихъ чиновъ, или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, безъ полного знанія сокровенной цѣли.

7) Знаніе о приуготовленіяхъ къ мятежу, безъ личнаго дѣйствія, но съ свѣдѣніемъ о сокровенной цѣли.

8) Согласіе къ мятежу, безъ полного свѣдѣнія сокровенной цѣли.

9) Знаніе о предстоящемъ мятежѣ, безъ дѣйствія и безъ полного свѣдѣнія о сокровенной его цѣли.

10) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, хотя по увлеченію и безъ знанія сокровенной цѣли онаго.

Въ семь состоятъ разныя виды, кои Коммиссія нашла и различила въ преступленіяхъ.

Основанія разрядовъ. Ясно, что къ основанію разрядовъ нѣтъ другого средства, какъ соединеніе сихъ видовъ въ каждомъ родѣ преступленій, соразмѣрно ихъ тяжести. Тотъ, кто виновенъ во всѣхъ трехъ родахъ преступленій, соединяя въ себѣ первые виды въ каждомъ, безъ сомнѣнія долженъ занимать первое мѣсто. За нимъ слѣдуютъ тѣ, кои найдены виновными въ двухъ токмо родахъ, соединяя въ себѣ первые ихъ виды, на коихъ вина въ третьемъ родѣ или ниже первыхъ, или совсѣмъ не существуетъ.

На семь общемъ правилъ Коммиссія основала разряды, но въ приложеніи онаго къ случаямъ, столь разнообразнымъ, необходимо надлежало допустить нѣкоторыя огрaщенія. Вина весьма тяжкая въ одномъ родѣ преступленій, часто сопрягается въ одномъ лицѣ съ другими винами, менѣе тяжкими въ другихъ родахъ; а какъ законъ въ сопряженіи винъ опредѣляетъ наказаніе по той изъ нихъ, которая считается тяжчайшею, то и надлежало сію тяжчайшую вину поставить въ свойственномъ ей разрядѣ, хотя бы лицо, по другимъ его винамъ, принадлежало къ разрядамъ низшимъ.

Въ разнообразіи преступленій Коммиссія искала болѣе всего, чтобъ не унустити безъ вниманія никакой значительной разности, но каждому виду дать свое мѣсто и поставить его въ соразмѣрности съ другимъ. Такимъ образомъ произошли одиннадцать разрядовъ преступленій.

Дабы удостовѣриться въ ихъ точности, Коммиссія признала нужнымъ сдѣлать примѣрный опытъ самого распредѣленія въ ихъ лицъ—опытъ, но не самое распредѣленіе; ибо сіе послѣднее принадлежало Верховному Суду, и Коммиссія не могла предвѣрять его.

Для сего надлежало ей пройти снова всю, такъ сказать, исторію каждого подсудимаго; ободрѣть всѣ обвиненія, извлечь изъ оныхъ вины, кон уликами и собственнымъ признаніемъ утверждены съ очевидностію, и сіи вины отыскать противъ каждого. Сیمъ образомъ составленъ общій списокъ подсудимыхъ, съ краткимъ, но точнымъ означеніемъ ихъ преступленій. По симъ преступленіямъ опредѣлялось мѣсто подсудимаго и разрядъ, къ коему оны принадлежалъ. Симъ многотруднымъ приложеніемъ Коммиссія удостовѣрилась, что самое большое число подсудимыхъ, съ точностію и сходствомъ во всѣхъ существенныхъ обстоятельствахъ, можетъ размѣститься въ разрядахъ, ею предложенныхъ, съ слѣдующими токмо ограниченіями:

1) При подробномъ разсмотрѣніи дѣлъ найдено, что вины нѣкоторыхъ подсудимыхъ усиливаются, а другихъ уменьшаются особенными ихъ обстоятельствами.

Вины усиливаются: тяжкими послѣдствіями зловреднаго примѣра, разрушеніемъ воинскаго порядка, кровавыми дѣйствіями нѣкоего буйственнаго разсвирѣпнія.

Напротивъ, вины ослабляются: 1) признаками раскаянія, какъ-то: совершеннымъ удаленіемъ отъ участія въ тайномъ обществѣ, измѣненіемъ его видовъ и отступленіемъ отъ жестокихъ его предположеній; 2) особыми поступками нѣкоторыхъ подсудимыхъ, также къ смилченію относящимися; 3) скорымъ и чистосердечнымъ признаніемъ при слѣдствіи; 4) наконецъ юностію лѣтъ при увлеченіи въ злонамѣренное сообщество. Коммиссія не могла не принять въ уваженіе сихъ особенныхъ обстоятельствъ, и потому, поставивъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ подсудимыхъ, по мѣрѣ ихъ вины, въ своихъ мѣстахъ, признала однако же справедливымъ, составивъ имъ отдѣльный списокъ, присовокупить обстоятельства сіи къ общему соображенію Верховнаго Уголовнаго Суда.

2) Вины подсудимыхъ утверждены собственнымъ ихъ признаніемъ. Во всемъ обширномъ производствѣ сего дѣла найдены четыре токмо лица, вины коихъ утверждаются на обстоятельствахъ, а не на сознаніи. Составя о сихъ лицахъ особенное изложеніе, Коммиссія представила оное на дальнѣйшее Верховнаго Суда усмотрѣніе.

3) Сколь ни тяжки вины, въ первомъ разрядѣ означенныя; но есть въ числѣ подсудимыхъ лица, кои по особенному свойству ихъ преступленій не могутъ идти въ сравненіе даже и съ тѣми, кои принадлежать къ сему разряду.—Превосходя другихъ во всѣхъ злыхъ умыслахъ силою примѣра, неукротимостію злобы, свирѣпнымъ упорствомъ, и наконецъ хладнокровною готовностію къ кровопролитію, они стоятъ внѣ всякаго сравненія. Коммиссія признала справедливымъ, отдѣливъ ихъ, составивъ имъ, съ изложеніемъ ихъ злодѣйній особенный списокъ.

Въ семь заключались представленія Коммиссін.

Верховный Уголовный Судъ, разсмотрѣвъ оныя во всей подробности, большинствомъ голосовъ призналъ, что число разрядовъ, Коммиссіею предположенныхъ, за исключеніемъ тѣхъ злодѣйній, кои по чрезмѣрной ихъ тяжести поставлены внѣ оныхъ, стоитъ въ надлежащей соразмѣрности съ разнообразіемъ и многосложностію видовъ преступленій.

За симъ Судъ, въ исполненіе Высочайше предначертанныхъ ему правилъ, приступилъ къ опредѣленію каждому разряду наказаній. При семь опредѣленіи Верховный уголовный Судъ не могъ отступить отъ общаго правила, въ самомъ началѣ единоголосно имъ постановленнаго, а именно, что всѣ подсудимые, безъ изъятія, по точной силѣ нашихъ законовъ, подлежатъ смертной казни. И потому, если установленіемъ разрядовъ въ наказаніяхъ благоугодно будетъ Вашему Императорскому Величеству даровать нѣкоторымъ изъ нихъ жизни, то сіе будетъ въ дѣйствіемъ закона, а тѣмъ менѣе дѣйствіемъ Суда, но дѣйствіемъ единого Монаршаго Милосердія; будетъ особеннымъ изъятіемъ, на сей токмо случай, по Высочайшему Вашему предначеченію, допускаемымъ. И хотя Милосердію, отъ Самодержавной Власти исходящему, законъ не можетъ положить никакихъ предѣловъ; но Верховный Уголовный Судъ пріемлетъ дерзновеніе представить, что есть степени преступленія столь высокія, и съ общою безопасностію Государства столь смежныя, что самому Милосердію они, ка-

жестя, должны быть недоступны. По симъ уваженіямъ Судъ большинствомъ голосовъ опредѣлить представить на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества слѣдующія положенія о казняхъ и наказаніяхъ:

Первое. Всѣмъ преступникамъ, кои, по особому свойству и важности ихъ злодѣяній, не могутъ войти въ составъ разрядовъ, положить смертную казнь четвертованіемъ.

Второе. Всѣмъ преступникамъ, къ первому разряду принадлежащимъ, положить смертную казнь отсѣченіемъ головы.

Третье. Всѣмъ преступникамъ, ко второму разряду принадлежащимъ, опредѣлить такъ называемую въ законахъ нашихъ политическую смерть, то есть, положить голову на плаху, и потомъ сослать вѣчно въ каторжную работу.

Четвертое. Преступникамъ, къ третьему разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, ссылку въ каторжную работу вѣчно.

Пятое. Преступникамъ, къ четвертому, пятому, шестому и седьмому разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, ссылку въ каторжную работу на опредѣленную работу на опредѣленное время, и потомъ вѣчно на поселеніе.

Шестое. Преступникамъ къ осьмому разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, вѣчную ссылку на поселеніе.

Седьмое. Преступникамъ къ девятому разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, вѣчную ссылку въ Сибирь.

Осьмое. Преступниковъ, къ десятому разряду принадлежащихъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, написать въ солдаты до выслуги.

Девятое. Преступниковъ, къ одиннадцатому разряду принадлежащихъ, лиша чиновъ, написать въ солдаты до выслуги.

Сдѣлавъ сіи положенія о казняхъ и наказаніяхъ, Судъ поступилъ къ распредѣленію самыхъ преступниковъ по разрядамъ, по каждомъ изъ нихъ постановилъ приговоръ. Существо всѣхъ этихъ поступлений, и казни, имъ опредѣленныя, содержатся въ особенной росписи, изъ общаго протокола составленной и присемъ на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества подносимой.

Изъ сей росписи Ваше Императорское Величество усмотрѣть изволите:

1) Что изъ 121-го человѣка подсудимыхъ, приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда осуждаются: пять человѣкъ, въ разрядахъ состоящихъ, къ смертной казни четвертованіемъ; тридцать одинъ человѣкъ, въ первомъ разрядѣ состоящихъ, къ смертной казни отсѣченіемъ головы; семнадцать человѣкъ, во второмъ разрядѣ состоящихъ, къ политической смерти со ссылкой вѣчно въ каторжную работу, два человѣка, въ третьемъ разрядѣ состоящие, къ ссылкѣ въ каторжную работу вѣчно; тридцать восемь человѣкъ, въ четвертомъ, пятомъ, шестомъ и седьмомъ разрядѣ состоящихъ, въ каторжную работу на опредѣленное время, и потомъ на поселеніе; пятнадцать человѣкъ, въ осьмомъ разрядѣ состоящихъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, на поселеніе вѣчно; три человѣка, въ девятомъ разрядѣ состоящие, по лишеніи чиновъ и дворянства, къ ссылкѣ въ Сибирь вѣчно; одинъ человѣкъ, въ девятомъ разрядѣ, состоящій, по лишеніи чиновъ и дворянства, въ солдаты до выслуги; восемь человѣкъ, въ одиннадцатомъ разрядѣ состоящихъ, по лишеніи чиновъ, въ солдаты съ выслугою.

2) При семь распредѣленіи, изъ тѣхъ четырехъ подсудимыхъ, коихъ вины утверждаются обстоятельствами безъ собственнаго ихъ сознанія, трое, а именно: Тургеневъ, Князь Шаховской и Цебриковъ, по особому разсмотрѣнію ихъ преступленій, отнесены Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ къ свойственнымъ имъ разрядамъ, и вмѣнены: первый изъ нихъ въ первый разрядъ, второй въ осьмый, третій въ одиннадцатый; о Горскомъ же, какъ не вошедшемъ ни въ какой разрядъ, представляется при семь выписка изъ особаго протокола, о немъ состояшагося.

Въ заключеніи Верховный Уголовный Судъ вмѣняетъ себѣ долгомъ донести, что опредѣленія и приговоры его состоялись или по большинству голосовъ всего собранія, или же по большому числу голосовъ одинакаго мнѣнія.

Члены Святейшаго Синода, въ Верховномъ Судѣ присутствовавшие, при заключеніи общаго протокола, сообразно правиламъ ихъ и прежнимъ примѣрамъ, изъявили мнѣнія ихъ слѣдующими словами: „Слушавъ въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ слѣдствіе о Государственныхъ преступникахъ Пестелѣ, Рылѣвѣ и другихъ ихъ сообщникахъ, умышлявшихъ на Царевѣцтво и введеніе въ Россію Республканскаго Правленія, и видя собственное ихъ во всемъ признаніе и совершенное обличеніе, согласуемся, что сіи Государственные преступники достойны жесточайшей казни, а слѣдовательно, какая будетъ сентенція отъ оной не отрицаемся; но поелику мы духовнаго чина, то къ подписанію сентенціи приступить не можемъ“.

Всемилостивѣйшій Государь! Съ того самаго дня, какъ горестныя происшествія обнаружили сіе дѣло, когда вспыхнувшій мятежъ укрошенъ былъ единымъ личнымъ присутствіемъ Вашимъ, всѣ вѣрные подданные Ваши въ благоговѣйномъ чувствѣ признали единодушно, что судьба Россіи, твердой Вашей десницѣ Провидѣніемъ ввѣренная, пребудетъ непоколебима. Впоследствии, когда признавъ дѣло сіе дѣломъ всѣхъ

вѣрныхъ сыновъ Отечества, дѣломъ всей Россіи, Ваше Императорское Величество соизволили, по образу высочайшихъ Вашихъ Предковъ, призвать къ сужденію онаго высшій Государственный Словесій, съ присоединеніемъ къ нимъ Военныхъ и Гражданскихъ чиновниковъ, симъ самымъ снова утвердили ту истину, что если мрачный духъ крамолы вѣшными примѣрами подстрекаемый, можетъ вторгнуться въ Россію: то, заключенный въ тѣсныхъ предѣлахъ отчаяннаго разврата или буйнаго своеволюства мислей, никогда не проникнетъ онъ въ нѣдро ея, для него непреступное; — и что въ Отечествѣ нашемъ любовь къ Государю и преданность къ Престолу, опираются на коренныхъ законахъ нашихъ, на самыхъ нравахъ и свойствахъ природныхъ.

Верховный Уголовный Судъ, чувствуя всю важность его призванія, желая въ полной мѣрѣ оправдать изъявленное ему Вашимъ Императорскимъ Величествомъ довѣріе, и проходя съ неутомимымъ вниманіемъ весь многосложный составъ сего обширнаго дѣла, искалъ, по слову Вашему, единаго „справедливости, справедливости нелицеприятной, ничѣмъ непоколебимой, на законѣ и силѣ доказательствъ утвержденной“.

РОСПИСЬ

Государственнымъ преступникамъ, приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда осужденнымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ.

1. Государственные преступники, осуждаемые къ смертной казни четвертованіемъ.

1) Полковникъ Пестель. Имѣлъ умыселъ на Царевубійство изыскивалъ къ тому средства, избиралъ и назначалъ лица къ совершенію онаго; умышлялъ на истребленіе Императорской Фамиліи, и съ хладнокровіемъ исчислялъ всѣхъ ея Членовъ, на жертву обреченныхъ, и возбуждалъ къ тому другихъ; учреждалъ и съ неограниченною властію управлялъ Южнымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлю бунтъ и введеніе республиканскаго правленія; возбуждалъ и приготавливалъ къ бунту; участвовалъ въ умыслѣ отторженія Областей отъ Имперіи и принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ.

Подпоручикъ Рылѣевъ. Умышлялъ на Царевубійство; назначалъ къ совершенію онаго лица, умышлялъ на лишеніе свободы, на изгнаніе и на истребленіе Императорской Фамиліи, и приготавливалъ къ тому средства; успилъ дѣятельность Сѣвернаго Общества, управлялъ онымъ, приготавливалъ способы къ бунту, составлялъ планы, заставлялъ сочинить Манифестъ о разрушеніи Правительства; самъ сочинялъ и распространялъ возмутительныя пѣсни и стихи, и принималъ членовъ; приготавливалъ главныя средства къ мятежу и начальствовалъ въ оныхъ; возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ чрезъ ихъ Начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній и во время мятежа самъ приходилъ на площадь.

3) Подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостоль. Имѣлъ умыселъ на Царевубійство; изыскивалъ средства, избиралъ и назначалъ къ тому другихъ; соглашаясь на изгнаніе Императорской Фамиліи, требовалъ въ особенности убіенія Цесаревича, и возбуждалъ къ тому другихъ; имѣлъ умыселъ и на лишеніе свободы Государя Императора; участвовалъ въ управленіи Южнымъ тайнымъ обществомъ во всемъ пространствѣ возмутительныхъ его замысловъ; составлялъ прокламаціи, и возбуждалъ другихъ къ достиженію цѣли сего общества, къ бунту, участвовалъ въ умыслѣ отторженія Областей отъ Имперіи; принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію пролитія крови; возбуждалъ солдатъ; освобождалъ колодниковъ; подкупилъ даже священника къ тѣни предъ рядами бунтующихъ лжекатехизиса, имъ составленнаго, и взять съ оружіемъ въ рукахъ.

4) Подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ. Имѣлъ умыселъ на Царевубійство; изыскивалъ къ тому средства; самъ вызывалъ на убійство блаженныя памяти Государя Императора и нынѣ Царствующаго Государя Императора; избиралъ и назначалъ лица къ совершенію онаго; имѣлъ умыселъ на истребленіе Императорской Фамиліи, изъявлялъ оный въ самыхъ жестокихъ выраженіяхъ разсѣянія праха, имѣлъ умыселъ на изгнаніе Императорской Фамиліи и лишеніе свободы блаженныя памяти Государя Императора, и самъ вызывался на совершеніе сего послѣдняго злодѣянія; участвовалъ въ управленіи Южнаго общества; присоединилъ къ оному Славянское; составлялъ прокламаціи и произносилъ возмутительныя рѣчи; участвовалъ въ сочиненіи лжекатехизиса; возбуждалъ и приготавливалъ къ бунту, требуя даже клятвенныхъ общацій пѣлованіемъ образа; составлялъ умыселъ на отторженіе Областей отъ Имперіи, и дѣйствовалъ въ исполненіи онаго, принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію пролитія крови; возбуждалъ Офицеровъ и солдатъ къ бунту и взять съ оружіемъ въ рукахъ.

5) Поручикъ Каховскій. Умышлялъ на Царевубійство и истребленіе всей Императорской Фамиліи, и бывъ предназначень посягнуть на жизнь нынѣ Царствующаго

Государя Императора, не отрекся от сего избранія, и даже изъявил на то согласіе, хотя увѣряетъ, что въслѣдствіи поколебался; участвовалъ въ распространеніи бунта привлеченіемъ многихъ членовъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возбуждалъ нижнихъ чиновъ, и самъ нанесъ смертельный ударъ Графу Милорадовичу и Полковнику Стюрлеру и ранилъ Свитскаго Офицера.

II. Государственные преступники перваго разряда, осуждаемые къ смертной казни отпущеніемъ шоловы.

1) Полковникъ Князь Трубецкой. Въ 1825 году умышлялъ на Цареубійство и соглашался съ предложеніемъ другихъ, предлагалъ лишеніе свободы Императора и Императорской Фамиліи при занятіи Дворца; управлялъ Сѣвернымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлю бунтъ, и согласился именоваться главою и предводителемъ воинскаго мятежа, хотя въ немъ лично и не дѣйствовалъ.

2) Поручикъ Князь Оболенскій. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство одобреніемъ выбора лицъ, къ тому предназначеннаго; по разрушеніи союза благоденствія, установилъ вмѣстѣ съ другими тайное Сѣверное общество; управлялъ онымъ и принималъ на себя приготавливать главныя средства къ мятежу; лично дѣйствовалъ въ оныхъ оружіемъ съ пролитіемъ крови, ранивъ штыкомъ Графа Милорадовича, возбуждалъ другихъ и принималъ на себя въ мятежѣ начальство.

3) Подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостоль. Имѣлъ умыселъ на Цареубійство и готовился самъ къ совершенію онаго; участвовалъ въ возстановленіи дѣятельности Сѣвернаго Общества, и зналъ умыслы Южнаго во всемъ ихъ пространствѣ; дѣйствовалъ въ мятежѣ, и взялъ съ оружіемъ въ рукахъ.

4) Подпоручикъ Борисовъ 2-й. Умышлялъ на Цареубійство, вызывался самъ, далъ клятву на совершеніе онаго, и умышлялъ на лишеніе свободы Его Высочества Цесаревича; учредилъ и управлялъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлю бунтъ; приготавливалъ способы къ оному; составилъ катехизисъ и клятвенное обѣщаніе: дѣйствовать возбужденіемъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

5) Подпоручикъ Борисовъ 1-й. Умышлялъ на Цареубійство принятіемъ назначенія на совершеніе онаго; учреждалъ и управлялъ тайнымъ обществомъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, и содѣйствовалъ къ составленію устава; дѣйствовалъ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

6) Подпоручикъ Горбачевскій. Умышлялъ на Цареубійство; обѣщался съ клятвою произвести сіе злодѣяніе и назначалъ другихъ, участвовалъ въ управленіи тайнымъ обществомъ; возбуждалъ и подговаривалъ къ бунту нижнихъ чиновъ; въ произведеніи бунта далъ клятву, старался распространить общество принятіемъ членовъ, и возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

7) Маіоръ Спиридовъ. Умышлялъ на Цареубійство; вызывался самъ, далъ клятву на образѣ, совершить оное, и назначалъ къ тому другихъ; участвовалъ въ управленіи Славянскимъ обществомъ; старался о распространеніи его принятіемъ членовъ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ.

8) Штабсъ-Ротмистръ Князь Барятинскій. Умышлялъ на Цареубійство съ назначеніемъ лица къ совершенію онаго; участвовалъ въ управленіи тайнаго общества и старался распространять оное принятіемъ членовъ и порученій, и зналъ о приготовленіи къ мятежу.

9) Коллежскій Ассесоръ Кюхельбекеръ. Покушался на жизнь Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, во время мятежа на площади; принадлежалъ тайному обществу съ знаніемъ цѣли; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ пролитіемъ крови; самъ стрѣлялъ въ генерала Воинова, и разсѣянныхъ выстрѣлами мятежниковъ, старался поставить въ строй.

10) Капитанъ Якубовичъ. Умышлялъ на Цареубійство съ вызовомъ на лишеніе жизни покойнаго Государя, и сверхъ того предложилъ бросить жеребій на убіеніе нынѣ Царствующаго Императора; былъ на совѣщаніяхъ общества, и зналъ сію тайну относительно бунта, хотя и не былъ принятъ въ оное, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; участвовалъ въ приготовленіи онаго; помогалъ совѣтами, предлагалъ разбитыя штепные дома, позволить грабежъ и взявъ хоругви изъ Церкви, ити ко Дворцу; во время самого мятежа присоединился къ мятежникамъ, ободрялъ и поощрялъ ихъ, и пришелъ съ ними на площадь.

11) Подполковникъ Поджіо. Умышлялъ на Цареубійство собственнымъ вызовомъ къ совершенію онаго, также изысканіемъ къ тому средствъ, избираемъ и назначеніемъ лицъ; умышлялъ на истребленіе Императорской Фамиліи; участвовалъ въ возстановленіи дѣятельности Сѣвернаго Общества, съ предложеніемъ составленныхъ имъ правилъ, совѣтовалъ и убѣждалъ Князя Волконскаго возмутить вѣрное ему войско.

12) Полковникъ Артамонъ Муравьевъ. Умышлялъ на Цареубійство собственнымъ троекратнымъ вызовомъ на совершеніе онаго; участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ; привлекалъ въ тайное общество другихъ, и приготавливалъ товарищей къ мятежу.

13) Прапорщикъ Вацковскій. Умышлялъ на Цареубійство и истребленіе всей Императорской Фамиліи, возбуждая къ оному и другихъ, участвовалъ въ умыслѣ про-

известі бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ въ оное товарищей.

14) Прапорщикъ Бечасновъ. Соглашался въ умыслѣ на Царевѣйство принятіемъ съ клятвою назначенія къ совершенію онаго; участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ и принялъ въ общество одного товарища.

15) Полковникъ Давыдовъ. Имѣлъ умыслъ на Царевѣйство и истребленіе Императорской Фамиліи, о чемъ и совѣщанія происходили въ его домѣ; участвовалъ въ управленіи тайнаго общества и старался распространять оное принятіемъ членовъ и порученій; участвовалъ согласіемъ въ предположеніяхъ объ отторженіи Областей отъ Имперіи; и приуговаривалъ къ мятежу предположеніемъ одной Артиллерійской роты быть готовою къ дѣйствіямъ.

16) 4-го класса Юшневскій. Участвовалъ въ умыслѣ на Царевѣйство и истребленіе Императорской Фамиліи, съ согласіемъ на всѣ жестокія мѣры Южнаго общества; управлялъ тѣмъ обществомъ вмѣстѣ съ Пестелемъ, съ неограниченною властію; участвовалъ въ сочиненіи конституціи и произнесеніи рѣчей; участвовалъ также въ умыслѣ на отторженіе Областей отъ Имперіи.

17) Штабсъ-Капитанъ Александръ Бестужевъ. Умышлялъ на Царевѣйство и истребленіе Императорской Фамиліи; возбуждалъ къ тому другихъ; соглашался также и на лишеніе свободы Императорской Фамиліи; участвовалъ въ умыслѣ бунта привлеченіемъ товарищей и сочиненіемъ возмутительныхъ стиховъ и пѣсенъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ къ оному нижнихъ чиновъ.

18) Подпоручикъ Андреевичъ 2-й. Участвовалъ въ умыслѣ на Царевѣйство согласіемъ; первый умышлялъ на лишеніе свободы Его Императорскаго Высочества Цесаревича; участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ, и приуговаривалъ товарищей къ воинскому мятежу.

19) Капитанъ Никита Муравьевъ. Участвовалъ въ умыслѣ на Царевѣйство изъявленіемъ согласія въ двухъ особенныхъ случаяхъ въ 1817 и 1820 году; и хотя въ послѣдствіи и измѣнилъ въ семь отношеніи свой образъ мыслей, однакожъ предполагалъ изгнаніе Императорской Фамиліи; участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ учрежденіи и управленіи тайнаго общества, и въ составленіи плановъ и конституціи.

20) Коллежскій Ассесоръ Пушинъ. Участвовалъ въ умыслѣ на Царевѣйство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; участвовалъ въ управленіи общества, принималъ членовъ и давалъ порученія; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ.

21) Генераль-Маіоръ Князь Волконскій. Участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на Царевѣйство и истребленіе всей Императорской Фамиліи; имѣлъ умыслъ на заточеніе всей Императорской Фамиліи; участвовалъ въ управленіи Южнымъ обществомъ и старался о соединеніи его съ Сѣвернымъ; дѣйствовалъ въ умыслѣ на отторженіе Областей отъ Имперіи, и уютреблялъ поддѣльную печать Полеваго Аудиториата.

22) Капитанъ Якупкинъ. Умышлялъ на Царевѣйство собственнымъ вызовомъ въ 1817-мъ году, и участвовалъ въ умыслѣ бунта, принятіемъ въ тайное общество товарищей.

23) Подпоручикъ Пестовъ. Участвовалъ въ умыслѣ на Царевѣйство, принятіемъ съ клятвою назначенія къ совершенію онаго; и соглашался въ умыслѣ бунта.

24) Лейтенантъ Арбузовъ. Умышлялъ на Царевѣйство и истребленіе Императорской Фамиліи; участвовалъ въ умыслѣ бунта съ привлеченіемъ товарищей; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и товарищей.

25) Лейтенантъ Завалишинъ. Умышлялъ на Царевѣйство и истребленіе Императорской Фамиліи, возбуждая къ тому словами и сочиненіями и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровеннаго цѣли.

26) Полковникъ Повало-Швейковскій. Участвовалъ въ умыслѣ на лишеніе свободы цокоянаго Государя Императора въ Бобруйскѣ при Бѣлой Церкви, а нинѣ Царствующаго Государя Императора въ Бобруйскѣ,—и зналъ объ умыслѣ на Царевѣйство, участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества, принятіемъ отъ него порученій и привлеченіемъ одного товарища.

27) Поручикъ Паповъ 2-й. Принадлежалъ къ тайному обществу, и по учиненіи уже присяги, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возмущилъ нѣсколько ротъ, вступилъ съ ними на дворъ Зимняго Дворца и потомъ присоединился къ другимъ мятежникамъ на площади; команда его производила стрѣльбу.

28) Поручикъ Сутгофъ. Принадлежалъ къ тайному обществу; и по учиненіи присяги, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возмущилъ свою роту и присоединилъ ее на площади къ мятежникамъ; команда его производила стрѣльбу.

29) Штабсъ-Капитанъ Князь Щепинъ-Ростовскій. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, коими предводительствовалъ на площади съ пролитіемъ крови и съ нанесеніемъ тяжкихъ ранъ Генераламъ Шеншину, Фридриху, Подполковнику Хвоцинскому, одному унтеръ-офицеру и гренадеру.

30) Мичманъ Дивовъ. Умышлялъ на Царевѣйство и истребленіе Императорской Фамиліи, съ возбужденіемъ другихъ словами и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

31) Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Тургеневъ. По показаніямъ 24-хъ со-участниковъ, онъ былъ дѣятельнымъ членомъ тайнаго общества; участвовалъ въ учрежденіи, возстановленіи, совѣщаніяхъ и распространеніи онаго привлеченіемъ другихъ; равно участвовалъ въ умыслѣ, ввести Республиканское Правленіе; и удаляясь за-границу; онъ по призыву Правительства, къ оправданію не явился; чѣмъ и подтвердилъ сдѣланныя на него показанія.

III. Государственные преступники втораго разряда, осуждаемые къ политической смерти, по силѣ Указа 1753-го года Апрѣля 29-го числа, т. е. положить голову на плаху, а потомъ сослать вѣчно въ каторжную работу.

1) Капитанъ Тютчевъ. Участвовалъ въ умыслѣ на Царевубійство согласіемъ; участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ и зналъ о приуготовленіи къ мятежу.

2) Поручикъ Громницкій. Участвовалъ въ умыслѣ на Царевубійство согласіемъ; участвовалъ въ умыслѣ бунта распространеніемъ тайнаго общества, принятіемъ его порученій и привлеченіемъ товарищей, и зналъ о приуготовленіи къ мятежу.

3) Пранпорщикъ Кирѣевъ. Участвовалъ въ умыслѣ на Царевубійство согласіемъ; также соглашался въ умыслѣ бунта, и приуготовлялъ товарищей къ военному мятежу.

4) Поручикъ Крюковъ 2-й. Участвовалъ въ умыслѣ на Царевубійство и истребленіе Императорской Фамиліи согласіемъ; участвовалъ въ умыслѣ провозвести бунтъ, и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ порученій и привлеченіемъ товарищей.

5) Подполковникъ Лунинъ. Участвовалъ въ умыслѣ Царевубійства согласіемъ, въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ и заведеніемъ Литографій для изданія сочиненій общества.

6) Корнетъ Свистуновъ. Участвовалъ въ умыслѣ Царевубійства и истребленіи Императорской Фамиліи согласіемъ; а въ умыслѣ бунта принятіемъ въ общество товарищей.

7) Поручикъ Крюковъ 1-й. Участвовалъ въ умыслѣ на Царевубійство и истребленіи Императорской Фамиліи согласіемъ; а въ умыслѣ бунта распространеніемъ тайнаго общества и привлеченіемъ товарищей.

8) Поручикъ Басаргинъ. Участвовалъ въ умыслѣ на Царевубійство согласіемъ, и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ одного члена.

9) Полковникъ Митьковъ. Участвовалъ въ умыслѣ Царевубійства согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли.

10) Поручикъ Анненковъ. Участвовалъ въ умыслѣ на Царевубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

11) Штабъ-Лекарь Вольфъ. Участвовалъ въ умыслѣ на Царевубійство и истребленіи Императорской Фамиліи согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

12) Ротмистръ Пвашевъ. Участвовалъ въ умыслѣ на Царевубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

13) Подпоручикъ Фроловъ 2-й. Участвовалъ въ умыслѣ на Царевубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли бунта.

14) Подполковникъ Норовъ. Участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на лишеніе въ Бобруйскѣ свободы блаженной памяти Императора и нынѣ Царствующаго Государя, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

15) Капитанъ-Лейтенантъ Торсонъ. Зналъ умыселъ на Царевубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного члена.

16) Капитанъ-Лейтенантъ Николай Бестужевъ 1-й. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и самъ былъ на площади.

17) Штабъ-Капитанъ Михайло Бестужевъ. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и привелъ на площадь роту.

IV. Государственные преступники третьаго разряда, осуждаемые къ ссылке вѣчно въ каторжную работу.

1) Подполковникъ Баронъ Штейнгель. Зналъ объ умыслѣ на Царевубійство и лишеніе свободы, съ согласіемъ на послѣднее; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и участвовалъ въ приготовленіи къ мятежу планами, совѣтами, сочиненіемъ Манifestа и Приказа войскамъ.

2) Подполковникъ Батенковъ. Зналъ объ умыслѣ на Царевубійство, соглашался на умыселъ бунта и приуготовлялъ товарищей къ мятежу планами и совѣтами.

V. Государственные преступники четвертаго разряда, осуждаемые къ временной ссылке въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

1) Штабъ-Капитанъ Мухановъ. Произносилъ дерзостныя слова въ частномъ разговорѣ, означаящія мгновенный порывъ на Царевубійство, и принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли относительно бунта.

2) Генераль-Майоръ фонъ-Визинъ. Умышлялъ на Цареубійство согласіемъ, въ 1817 году изъявленнымъ, хотя въ послѣдствіи времени измѣнившимся съ отсутствіемъ отъ онаго; участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ.

3) Штабсъ-Капитанъ Поджіо. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство согласіемъ и даже вызовомъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся и съ отсутствіемъ отъ онаго; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и зналъ о приговореніи къ мятежу.

4) Подполковникъ Фаленбергъ. По принятіи въ 1822 или 1823 году Княземъ Барятинскимъ въ тайное общество, соглашался произвести Цареубійство, и хотя въ послѣдствіи и началъ отъ общества уклоняться, но сокровенную цѣль его зналъ.

5) 10-го класса Ивановъ. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ членовъ, и приготавливалъ товарищей къ мятежу.

6) Подпоручикъ Мозганъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство; участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного члена и возбуждалъ нижнихъ чиновъ не противиться мятежу, когда онъ откроется.

7) Штабсъ-Капитанъ Корниловичъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство; участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ порученія съ извѣстіями отъ Южнаго общества къ Сѣверному, и въ приговореніи къ мятежу.

8) Майоръ Лореръ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, участвовалъ въ умыслѣ тайнаго общества принятіемъ отъ него порученій и привлеченіемъ товарищей.

9) Полковникъ Аврамовъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и участвовалъ въ умыслѣ бунта распространеніемъ общества и принятіемъ одного члена.

10) Поручикъ Бобрищевъ-Пушкинъ. 2-й. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля и привлеченіемъ въ тайное общество одного члена.

11) Прапорщикъ Шимковъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество одного члена.

12) Корнетъ Александръ Муравьевъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ порученій и привлеченіемъ товарищей.

13) Мичманъ Бѣляевъ 1-й. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

14) Мичманъ Бѣляевъ 2-й. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

15) Подполковникъ Нарышкинъ 2-й. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ.

16) Корнетъ Князь Одоевскій. Участвовалъ въ умыслѣ бунта, принятіемъ въ тайное общество одного члена и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ пистолетомъ въ рукахъ.

VI. Государственные преступники пятого разряда, осуждаемые къ временной ссылке въ каторжную работу на 10-ть лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

1) Штабсъ-Капитанъ Рѣпинъ. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли и приготавливалъ товарищей къ мятежу.

2) Коллежскій Секретарь Глѣбовъ. Зналъ о цѣли тайнаго общества, хотя не вполнѣ и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, дававши деньги солдатамъ для покупки вина.

3) Поручикъ Баронъ Розень. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, остановивъ свой взводъ, посланный для усмиренія мятежниковъ.

4) Лейтенантъ Кюхельбекеръ. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

5) Мичманъ Бодиско 2-й. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

VII. Государственные преступники шестого разряда, осуждаемые къ временной ссылке въ каторжную работу на 6-ть лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

1) Полковникъ Александръ Муравьевъ. Участвовалъ въ умыслѣ Цареубійства согласіемъ, въ 1817-мъ году изъявленнымъ, равно какъ участвовалъ и въ учрежденіи тайнаго общества, хотя потомъ отъ онаго удалился, но о цѣли его Правительству не донесъ.

2) Дворянинъ Люблинскій. Зналъ умыслъ на Цареубійство и участвовалъ въ учрежденіи съ Борисовымъ Славянскаго тайнаго Общества, съ составленіемъ и выводомъ плановъ, хотя послѣ изъ онаго и выбылъ.

VIII. Государственные преступники седьмого разряда, осуждаемые къ временной ссылке на каторжную работу на 4 года, а потомъ на поселеніе.

1) Подпоручикъ Лихаревъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, и зналъ о приговореніи къ мятежу.

2) Полковникъ Ентальцевъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, и зналъ о приговореніяхъ къ мятежу.

3) Порутчикъ Лисовскій. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и зналъ о приуготовленіи къ мятежу.

4) Подковникъ Тизенгаузенъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и на лишеніе свободы всей Императорской Фамиліи, и участвовалъ въ умыслѣ бунта.

5) Подпорутчикъ Кривцовъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

6) Прапорщикъ Толстой. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

7) Ротмистръ Графъ Чернышевъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

8) Порутчикъ Аврамовъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

9) Порутчикъ Загорецкій. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

10) Полковникъ Поливановъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

11) Порутчикъ Баронъ Черкасовъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.

12) Порутчикъ Графъ Булгари. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

13) Канцеляристъ Выгодовскій. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

14) Подполковникъ Берстель. Зналъ объ умыслѣ на лишеніе свободы Императорской Фамиліи и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

15) Полковникъ Фонъ-деръ-Бригенъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.

IX. Государственные преступники восьмю разряда, осуждаемые къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылке на поселеніе.

1) Подпорутчикъ Андреевъ 2-й. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго и возбуждалъ къ мятежу.

2) Подпорутчикъ Веденяпинъ 2-й. Соглашался на умыслъ бунта и зналъ о приуготовленіи къ военному мятежу.

3) Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Краснокутскій. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли въ ограниченіи Самодержавной власти посредствомъ Сената и зналъ о приуготовленіи къ мятежу 14-го декабря 1825 года.

4) Лейтенантъ Чижовъ. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго и соглашался на мятежъ.

5) Камеръ-Юнкеръ Князь Голицынъ. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.

6) Штабъ-Капитанъ Назимовъ. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество одного товарища.

7) Порутчикъ Бобріщевъ-Пушкинъ 1-й. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля.

8) Подпорутчикъ Залкинъ. Участвовалъ въ умыслѣ бунта съ принятіемъ порученій отъ общества и привлеченіемъ одного товарища.

9) Капитанъ Фурманъ. Соглашался въ умыслѣ бунта.

10) Майоръ Князь Шаховской. По уликѣ 4-хъ сообщниковъ, участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство и по собственному признанію принадлежалъ къ тайному обществу.

11) Штабъ-Капитанъ Фохтъ. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

12) Подпорутчикъ Мозгалевскій. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

13) Порутчикъ Шахиревъ. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

14) Полковникъ Враницкій. Принадлежалъ къ тайному обществу и зналъ цѣль его, т. е. измѣненіе Государственнаго порядка.

15) Лейтенантъ Бодиско 1-й. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, бытною на площади.

X. Государственные преступники девятою разряда, осуждаемые къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылке въ Сибирь.

1) Подпорутчикъ Графъ Коновницынъ 1-й. Принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полного понятія о сокровенной онаго цѣли, относительно бунта, и соглашался на мятежъ.

2) Штабъ-Ротмистръ Оржицкій. Хотя не вопліѣ, но зналъ сокровенную цѣль тайнаго общества относительно бунта, равно какъ зналъ о предстоящемъ мятежѣ.

3) Подпорутчикъ Кожевниковъ. Принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полного понятія о сокровенной цѣли и возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

XI. Государственный преступник десятого разряда, осужденный къ лишенію чиновъ и дворянства и написанію въ солдаты до выслушанія.

1) Капитанъ Пушинъ. Зналъ о приготовленіи къ мятежу и не донесъ.

XII. Государственные преступники одиннадцатаго разряда, осуждаемые къ лишенію токмо чиновъ съ написаніемъ въ солдаты съ выслушоу.

1) Мичманъ Петръ Бестужевъ. Принадлежалъ къ тайному обществу и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.

2) Прапорщикъ Веденяпинъ 2-й. Соглашался на умыселъ бунта.

3) Лейтенантъ Вишневскій. Бывъ увлеченъ обманомъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

4) Лейтенантъ Мусипъ-Пушкинъ. Бывъ увлеченъ обманомъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.

5) Лейтенантъ Акуловъ. Бывъ увлеченъ обманомъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.

6) Подпоручикъ Фокъ. Бывъ увлеченъ обманомъ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

7) Поручикъ Цебриковъ. По показанію свидѣтелей, въ день мятежа 14-го декабря произносилъ возмутительныя слова Морскому Экипажу, когда онъ шелъ на Петровскую площадь; самъ подходилъ къ толпѣ мятежниковъ, и ввечеру далъ пріставленію одному изъ первѣйшихъ бунтовщиковъ Князю Оболенскому.

8) Подпоручикъ Лаппа. Принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли онаго относительно бунта.

Подлинная Респись за подписаніемъ Предсѣдателя и Членовъ Верховнаго Уголовнаго Суда.

УКАЗЪ

Верховному Уголовному Суду.

Рассмотрѣвъ докладъ о Государственныхъ преступникахъ, отъ Верховнаго Уголовнаго Суда Намъ поднесенный, Мы находимъ приговоръ, онымъ постановленный, существу дѣла и силѣ законовъ сообразнымъ.

Но силу законовъ и долгъ правосудія желая по возможности согласить съ чувствами милосердія, признали Мы за благо, опредѣленные симъ преступникамъ казни и наказанія смягчить нижеслѣдующими въ нихъ ограниченіями:

I. Преступниковъ перваго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ къ смертной казни осужденныхъ, а именно: Полковника Князя Грубецкого, Поручика Князя Оболенскаго, Подпоручика Борисова 2-го, отставнаго поручика Борисова 1-го, Подпоручика Горбачевскаго, Маіора Спиридова, Штабсъ-Ротмистра Князя Барятинскаго, Капитана Якубовича, отставнаго Подполковника Поджіо, Полковника Артамона Муравьева, Прапорщика Вадковскаго, Прапорщика Бечаснова, отставнаго Полковника Давыдова, 4-го класса Юшневскаго, Подпоручика Андреевича 2-го, Коллежскаго Ассессора Пушина, Подпоручика Пестова, Лейтенанта Арбузова, Лейтенанта Завалишина, Полковника Пovalo-Швейковскаго, Поручика Панова 2-го, Поручика Сутгофа, Штабсъ-Капитана Князя Щенина-Ростовскаго, Мичмана Дивова и Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Тургенева,—даровать имъ жизнь, но лишенію чиновъ и дворянства, сослать вѣчно въ каторжную работу.

II. Нижеслѣдующихъ преступниковъ того же перваго разряда и къ той же смертной казни Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ, по лишенію чиновъ и дворянства сослать въ каторжную работу на двадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе; а именно: 1) Отставнаго Подполковника Матвѣя Муравьева-Апостола по уваженію совершеннаго и чистосердечнаго его раскаянія; 2) Коллежскаго Ассессора Кюхельбекера по уваженію ходатайства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича; 3) Штабсъ-Капитана Александра Бестужева, по уваженію того, что лично явился ко Миѣ повинною головою; 4) Капитана Никиту Муравьева, по уваженію совершенной откровенности и чистосердечнаго признанія; 5) Генералъ-Маіора Князя Волконскаго по уваженію совершеннаго раскаянія, отставнаго Капитана Якушкина, также по уваженію совершеннаго раскаянія.

III. Преступниковъ втораго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ къ политической смерти съ положеніемъ головы на плаху и къ ссылкѣ вѣчно въ каторжную работу, а именно: Капитанъ-Лейтенанта Николая Бестужева 1-го и Штабсъ-Капитана Михаила Бестужева, по лишенію чиновъ и дворянства, сослать вѣчно въ каторжную работу. Капитана Тютчева, Поручика Громницкаго, Прапорщика Кирѣева, Поручика Крюкова 2-го, Подполковника Луинна, Корнета Свистунова, Поручика Крюкова 1-го, Поручика Басаргина, Полковника Митькова, Поручика Анненкова, Штабъ-Лекаря Вольфа, Ротмистра Ивашева, Подпоручика Фролова 2-го и Капитанъ-Лейтенанта Торсона, по лишенію чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двадцать лѣтъ, а потомъ на поселеніе;

отставного Подполковника Норова, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на пятнадцать лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

IV. Преступниковъ третьяго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ въ каторжную работу вѣчно, а именно: отставнаго Подполковника Барона Штейнгеля и Подполковника Батенкова, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двадцать лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

V. Преступниковъ четвертаго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на пятнадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе, а именно: Штабсъ-Капитана Муханова, отставныхъ Генераль-Маіора Фонъ-Визина и Штабсъ-Капитана Поджіо, Подполковника Фаленберга, 10-го класса Иванова, Подпоручика Мозгана, Штабсъ-Капитана Корниловича, Маіора Лорера, Полковника Аврамова, Поручика Бобрищева-Пушкина 2-го, Прапорщика Шимкова, Корнета Александра Муравьева, Мичмана Бѣляева 1-го, Мичмана Бѣляева 2-го, Полковника Нарышкина 2-го, и корнета Князя Одоевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двѣнадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе.

VI. Преступниковъ пятаго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на десять лѣтъ и потомъ на поселеніе, а именно: Штабсъ-Капитана Рѣпина и Лейтенанта Кюхельбекера, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на восемь лѣтъ и потомъ на поселеніе; мичмана Бодиско 2-го сослать въ Крѣпостную работу; а Коллежскаго Секретаря Глѣбова и Поручика Барона Розена сослать въ каторжную работу по приговору на десять лѣтъ и потомъ на поселеніе.

VII. Преступниковъ шестого разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на шесть лѣтъ и потомъ на поселеніе, а именно: отставнаго Полковника Александра Муравьева, по уваженію совершеннаго и искренняго раскаянія, сослать на житье въ Сибирь, не лишая чиновъ и дворянства; дворянина Люблинскаго по лишеніи дворянства, сослать въ каторжную работу на пять лѣтъ и потомъ на поселеніе.

VIII. Преступниковъ седьмого разряда Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на четыре года и потомъ на поселеніе, а именно: Подпоручика Лихарева, Подполковника Ентальцева, Поручика Лисовскаго, Подполковника Тизенгаузена, Подпоручика Кривцова, Прапорщика Голстого, Ротмистра Графа Чернышева, Поручика Ивана Аврамова, Поручика Загорецкаго, Полковника Поливанова, Поручика Барона Черкасова, Канцеляриста Выгодовскаго и отставнаго Полковника Фонъ-дербъ-Бригена, по лишеніи чиновъ и дворянства сослать въ каторжную работу на два года и потомъ на поселеніе; а Подполковника Берстеля и Поручика Графа Булгари, по уваженію молодости его лѣтъ, въ крѣпостную работу на два года.

IX. Съ преступниками восьмого разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденными къ лишенію чиновъ и дворянства къ ссылкѣ на поселеніе, а именно: съ Подпоручикомъ Андреевымъ 2-мъ, Подпоручикомъ Веденяинымъ 1-ымъ, Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Краснокутскимъ, Лейтенантомъ Чижовымъ, Камеръ-Юнкеромъ Княземъ Голицынымъ, Штабсъ-Капитаномъ Назимовымъ, Поручикомъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ 1-мъ, Подпоручикомъ Залкинымъ, Капитаномъ Фурманомъ, Маіоромъ Княземъ Шаховскимъ, Штабсъ-Капитаномъ Фохтомъ, Подпоручикомъ Моралевскимъ, Поручикомъ Шахировымъ и Подполковникомъ Враницкимъ, поступить по приговору Верховнаго Уголовнаго Суда; а Лейтенанта Бодиско 1-го написать въ матросы.

X. Преступниковъ девятаго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь, а именно: Подпоручика Графа Коновницына, отставнаго Штабъ-Ротмистра Оржицкаго и Подпоручика Кожевникова, по лишеніи чиновъ и дворянства, написать въ солдаты въ дальніе гарнизоны.

XI. Съ преступникомъ десятаго разряда Капитаномъ Пуцинымъ 1-ымъ, осужденнымъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ написанію въ солдаты до выслуги, поступить по приговору Суда.

XII. Съ преступниками одиннадцатаго разряда, осужденными Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ къ лишенію чиновъ съ написаніемъ въ солдаты съ выслугою, а именно: съ Мичманомъ Петромъ Бестужевымъ, Прапорщикомъ Веденяинымъ 2-мъ, Лейтенантомъ Вишневымъ, Лейтенантомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, Лейтенантомъ Акуловымъ, Подпоручикомъ Фоккомъ и подпоручикомъ Лаппою, поступить по приговору Суда, распредѣливъ ихъ въ дальнѣйшіе гарнизоны; по Поручика Цебрикова, по важности вреднаго примѣра, подданаго имъ присутствіемъ его въ толпѣ бунтовщиковъ въ виду его полка, какъ недостойнаго благороднаго имени, разжаловать въ солдаты безъ выслуги и съ лишеніемъ дворянства.

XIII. Наконецъ, участь преступниковъ, кои по тяжести ихъ злодѣяній поставлены въ разрядовъ и въ сравненіи съ другими. Предаю рѣшенію Верховнаго Уголовнаго Суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится.

Верховный Уголовный Судъ въ полномъ его Присутствіемъ имѣеть объявить осужденнымъ имъ преступникамъ, какъ приговоръ, въ немъ состоявшему, такъ и пощадъ, отъ Насъ имъ даруемыхъ, и потомъ обратиться все къ надлежащему, куда слѣдуетъ, исполненію. Правительствующій Сенатъ съ своей стороны не оставитъ Докладъ Верховнаго Суда и настояща по оному постановленія издать совокунно во всеобщее извѣстіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

Николай.

Царское Село. 10-го іюля 1826 года.

Выписка изъ Протокола Верховнаго Уголовнаго Суда 11-го іюня 1826 года.

Верховный Уголовный Судъ, по выслушаніи Высочайшаго Имяннаго Указа, въ 10 день Іюля сему Суду даннаго, положили: Поелику XIII-ю статью сего Высочайшаго Указа Его Императорское Величество Всемилостивѣйше соизволилъ участь преступниковъ, въ ономъ непоименованныхъ, кои по тяжести ихъ злодѣяній поставлены въѣ разрядовъ, и въѣ сравненія съ другими, предать рѣшенію Верховнаго Уголовнаго Суда и тому окончательному постановленію, какое о сихъ въ семъ Судѣ состоится, то сообразуясь съ Высокомонаршимъ смягченіемъ казней и наказаній, прочимъ преступникамъ опредѣленныхъ, Верховный Уголовный Судъ по Высочайше предоставленной ему власти, приговорили: вмѣстѣ мучительной смертной казни четвертованіемъ, Павлу Пестелю, Кондратию Рылѣву, Сергѣю Муравьеву-Апостолу, Михайлѣ Р. Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому, приговоромъ Суда опредѣленной, — сихъ преступниковъ, за ихъ тяжкія злодѣянія, повѣсить.

Подлинный Протоколъ за подписаніемъ Предсѣдателя и Членовъ Верховнаго Уголовнаго Суда.

Русскій Инвалидъ.

(Іюля 20-го. № 173).

Его Императорское Величество въ присутствіи Своемъ въ Царскомъ селѣ Іюля 12-го дня 1826 года соизволилъ отдать слѣдующій Приказъ.

Исключаются изъ списковъ.

Приговоренные Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ къ смертной казни: Пѣхотныхъ полковъ: Вятскаго Полковникъ Пестель 2-й. Черниговскаго Подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ. Полтавскаго Подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ. Приговоренные тѣмъ же судомъ къ смертной казни, кои къ Высочайше повелѣно, оставивъ чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу: Въчно: Полковъ Лейбъ-Гвардіи: Преображенскаго Полковникъ Князь Трубецкой 2-й. Финляндскаго Поручикъ Князь Оболенскій. 8-й Артиллерійской бригады Подпоручики Борисовъ и Горбачевскій. Пензенскаго пѣхотнаго полка Маіоръ Спиридовъ. Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка Штабсъ-Ротмистръ Князь Барятинскій. Нижегородскаго Драгунскаго полка Капитанъ Якубовичъ. Ахтырскаго Гусарскаго полка Полковникъ Муравьевъ 3-й. Нѣжинскаго Конно-Егерскаго полка Прапорщикъ Вадковскій. Артиллерійскихъ бригадъ: 8-й Прапорщикъ Бечасновъ и Подпоручикъ Андреевичъ 2-й. 9-й Подпоручикъ Цестовъ. Саратовскаго пѣхотнаго полка Полковникъ Пovalo-Швейковскій 1-й. Лейбъ-Гвардіи полковъ: Гренадерскаго Поручики Паповъ и Сутгофъ. Московскаго Штабсъ-Капитанъ Князь Щепинъ-Ростовскій. На 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе: Драгунскаго Штабсъ-Капитанъ Бестужевъ. Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Капитанъ Муравьевъ. Генераль-Маіоръ Князь Волконскій 4-й. Приговоренные тѣмъ же судомъ къ политической смерти, а потомъ къ ссылкѣ въчно въ каторжную работу; кои къ Высочайше повелѣно, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу: Въчно: Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка Штабсъ-Капитанъ Бестужевъ. На 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе: Пензенскаго пѣхотнаго полка Капитанъ Тючевъ и поручикъ Громицкій. 8-й Артиллерійской бригады Прапорщикъ Кирѣевъ. Свиты Его Императорскаго Величества по Квартирмейстерской Части Поручикъ Крюковъ. Полковъ Лейбъ-Гвардіи: Гродненскаго Гусарскаго Подполковникъ Луинъ 3-й. Кавалергардскаго Корнетъ Свистуновъ и Поручикъ Крюковъ. Егерскаго Поручикъ Басаргинъ. Финляндскаго Полковникъ Митковъ. Кавалергардскаго Поручикъ Анненковъ и Ротмистръ Ивановъ. Пензенскаго пѣхотнаго полка Подпоручикъ Фроловъ 2-й. Приговоренные тѣмъ же Судомъ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе, кои къ Высочайше повелѣно, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на 12 лѣтъ, а потомъ на поселеніе: Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго Полка Штабсъ-Капитанъ Мухановъ. Свиты Его Императорскаго Величества по

Квартирмейстерской Части Подполковникъ Фаленбергъ. Пензенскаго пѣхотнаго полка Подпоручикъ Мозганъ. Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Штабсъ-Капитанъ Корниловъ. Пѣхотныхъ полковъ: Вятскаго Маіоръ Лореръ. Казанскаго Полковникъ Аврамовъ. Свиты Его Императорскаго Величества по Квартирмейстерской Части Поручикъ Бобрішевъ-Пушкинъ 2-й. Саратовскаго пѣхотнаго полка Прапорщикъ Шимковъ. Кавалергардскаго полка корнетъ Муравьевъ. Тарушинскаго пѣхотнаго полка Полковникъ Нарышкинъ. Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка Корнетъ Князь Одоевскій. Приговоренные тѣмъ же Судомъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на 10-ть лѣтъ, а потомъ на поселеніе; коихъ Высочайше повелѣно, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу: На 10 лѣтъ: Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка Поручикъ Баронъ Розенъ. На 8 лѣтъ, а потомъ обоимъ на поселеніе: Оного жъ полка Штабсъ-Капитанъ Рѣпинъ. Приговоренные тѣмъ же Судомъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на 4 года, а потомъ на поселеніе, коихъ Высочайше повелѣно, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на 2 года, а потомъ на поселеніе: Свиты Его Императорскаго Величества по Квартирмейстерской Части Подпоручикъ Лихаревъ. Конно-Артиллерійской № 27-го роты Подполковникъ Ентальцевъ. Пѣхотныхъ полковъ: Пензенскаго Поручикъ Лисовскій. Подтавскаго Полковникъ Тизенгаузенъ. Лейбъ-Гвардіи Конной Артиллеріи Подпоручикъ Кривцовъ. Московскаго пѣхотнаго полка Прапорщикъ Толстой. Кавалергардскаго полка Ротмистръ Графъ Чернышевъ. Свиты Его Императорскаго Величества по Квартирмейстерской Части Поручики Аврамовъ, Загорецкій и Баронъ Черкасовъ. Въ каторжную работу на два года: Лейбъ-Кирасирскаго Ея Императорскаго Величества полка Поручикъ Графъ Булгари. 9-й Артиллерійской бригады Подполковникъ Берстель. Приговоренные тѣмъ же судомъ къ лишенію чиновъ и дворянства и ссылкѣ на поселеніе, каковой приговоръ Высочайше Утвержденъ: Лейбъ-Гвардіи Пзмайловскаго полка Подпоручикъ Андреевъ 2-й. 9-й Артиллерійской бригады Подпоручикъ Веденяшинъ 1-й. Лейбъ-Гвардіи Конно-Пионернаго Эскадрона Штабсъ-Капитанъ Назимовъ. Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части Поручикъ Бобрішевъ-Пушкинъ 1-й и Подпоручикъ Заикинъ. Пѣхотныхъ полковъ: Черниговскаго Капитанъ Фурманъ. Азовскаго Штабсъ-Капитанъ Фохтъ. Саратовскаго Подпоручикъ Мозгалевскій. Черниговскаго Поручикъ Шахиревъ. Свиты Его Императорскаго Величества по Квартирмейстерской Части Полковникъ Вранскій. Разжаловываются въ рядовые, съ лишеніемъ дворянства и съ опредѣленіемъ въ дальніе гарнизоны безъ выслуги: Приговоренные тѣмъ же Судомъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь: Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Подпоручикъ Графъ Коновницынъ 1-й. Лейбъ-Гвардіи Пзмайловскаго полка Подпоручикъ Кожевниковъ. Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка Поручикъ Цѣбриковъ.

При исполненіи надъ всеми вышесказанными преступниками приговоровъ, по снятіи орденовъ и военныхъ мундировъ, переломить надъ ними шпаги предъ войсками.

Разжаловываются въ рядовые съ лишеніемъ дворянства, съ выслугою: По приговору того же Суда. Лейбъ-Гвардіи Конно-Пионерскаго Эскадрона Капитанъ Пушинъ 1-й. Разжаловываются въ рядовые съ опредѣленіемъ въ дальніе гарнизоны съ выслугою же. По приговору того же Суда. 9-й Артиллерійской бригады Прапорщикъ Веденяшинъ 2-й и Лейбъ-Гвардіи Пзмайловскаго полка Подпоручики Фокъ и Лаща.

С.-Петербургскія Сенатскія Вѣдомости.

(21 августа. № 34).

Высочайше утвержденный приговоръ объ офицерахъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, осужденныхъ за участіе въ мятежѣ, произведенномъ бывшимъ въ томъ полку подполковникомъ Муравьевымъ-Апостоломъ.

Правительствующій Сенатъ въ Общемъ Московскихъ Департаментовъ Собраніи слушали предложеніе г. Министра Юстиціи Генерала отъ Инфантеріи Князя Лобанова-Ростовскаго, что г. Военный Министръ, за отсутствіемъ г. Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, препроводилъ къ нему для внесенія въ Правительствующій Сенатъ засвидѣльствованную копію съ Высочайше подтвержденнаго въ 12 день минувшаго іюля всеподданнѣйшаго доклада Аудиторіатскаго Департамента, Черниговскаго пѣхотнаго полка о штабсъ-капитанахъ: Маевскомъ, Баронѣ Соловьевѣ, поручикахъ: Сизиневскомъ, Петинѣ и прочихъ, сужденныхъ за участіе въ произведенномъ бывшимъ въ томъ полку подполковникомъ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ мятежѣ. Означенную копію со всеподданнѣйшаго доклада Аудиторіатскаго Департамента онъ, г. Министръ Юстиціи, предложилъ Правительствующему Сенату, присовокупляя, что о исполненіи послѣдовавшей по оному докладу Высочайшей конфирмаціи, какъ увѣдомилъ его г. Министръ Юстиціи, г. Военнымъ Министромъ надлежащее распоряженіе уже сдѣлано. Всеподданнѣйшимъ же докла-

домъ. Аудиторіатскій Департаментъ Его Императорскому Величеству въ Высочайшее благоусмотрѣніе представлялъ заключеніе свое слѣдующаго содержания, что по разсмотрѣніи дѣла находить оный Департаментъ: 1) Изъ подсудимыхъ штабель-капитанъ Баронъ Соловьевъ и поручикъ Сухиновъ, принадлежа тайному Славянскому обществу, избравшему себя противозаконныя правила стремиться на испроверженіе установленнаго въ Государствѣ порядка, были вѣрными сподвижниками и участниками во всѣхъ злыхъ замыслахъ возмутителя подполковника Сергѣя Муравьева-Апостола, ибо они, Соловьевъ и Сухиновъ, въ то время, какъ Муравьевъ и братья его, по Высочайшему повелѣнію арестованы полковникомъ Гебелемъ въ селеніи Трилѣсахъ, забыли должное къ его званію уваженіе, для освобожденія Муравьевыхъ, взявъ съ ними и поручика Кузьминича и Щинилова, сдѣлали на Гебеля нападеніе и, отобравъ у часовыхъ ружья, причинили ему оными жестокия раны; потомъ съ возмущенными Муравьевымъ двумя ротами, когда пошелъ онъ въ городъ Васильковъ, изъ нихъ Сухиновъ, слѣдуя впередъ съ толпою возмущенныхъ солдатъ и повстрѣчавъ подполковника Трухина, съ частью нижнихъ чиновъ шедшаго на встрѣчу Муравьеву-Апостолу, окружилъ ихъ союю толпою; при чемъ сорваны были съ Трухина эполеты и шага и онъ посаженъ на гауптвахту, откуда тогда же вынуждены всѣ арестанты въ томъ числѣ и Соловьевъ, который, до вступленія еще Муравьева, пріѣхавъ въ Васильковъ, былъ Трухинымъ арестованъ; послѣ сего Сухиновъ, съ тою толпою отправясь въ квартиру полковаго командира, взять тамъ знамена и казенный ящикъ; а перепочевавъ съ Муравьевымъ въ Васильковѣ и способствуя, они, Соловьевъ и Сухиновъ, ему говорить еще бывши тамъ три роты присоединиться къ нимъ, находились оба при чтеніи полковымъ священникомъ на площади предъ всѣми ротами составленнаго Муравьевымъ-Апостоломъ и подпоручикомъ Бестужевымъ-Рюминымъ возмутительнаго катехизиса, наполненнаго оскорбительными выраженіями противу Верховной власти съ превратнымъ истолкованіемъ текстовъ Священнаго Писанія и потомъ, провозгласивъ мнимую свободу, отравились изъ Василькова съ тѣми ротами подъ командою Муравьева-Апостола, имѣвшаго намѣреніе возмутить вблизи квартировавшій войска; по на пути быть преслѣдованы воиischemъ отрядомъ, изъ нихъ Соловьевъ взять съ оружіемъ въ рукахъ, а Сухиновъ бѣжалъ и, укрываясь въ разныхъ мѣстахъ, составилъ себѣ фальшивый паспортъ. Прпорникъ же Мазалевакій, по вступленіи Муравьева-Апостола съ двумя ротами въ Васильковъ, тотчасъ присоединился къ нему и, по приказанію его, занявъ постъ караульнаго офицера на заставѣ, оставивалъ всѣхъ пріѣзжающихъ въ Васильковъ; причемъ, взявъ подъ арестъ прибывшихъ туда двухъ жандармскихъ офицеровъ и произнося надъ ними угрозы, посадилъ ихъ на гауптвахту, отобравъ имѣвшіеся у нихъ деньги, дать изъ оныхъ 25 рублей бывшимъ въ караулѣ солдатамъ на водку, а прочія доставилъ Муравьеву; потомъ, по повелѣнію его, переодѣвшись въ паркулярное платье и подучивъ три возмутительныхъ катехизиса, отправился въ городъ Кіевъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ и тремя рядовыми, у коихъ велѣлъ споротъ погоны, дабы не узнали, которой оиъ дивизіи; а по прибытіи въ Кіевъ приказалъ бросить сіи катехизисы на улицахъ; однако, при возвращеніи оттуда, на дорогѣ былъ схваченъ и взятъ подъ арестъ; сверхъ того зналъ онъ, Мазалевакій, о существовавшемъ въ 3-мъ корпусѣ тайному обществѣ, но не донесъ о семъ Начальству. 2) Подпоручикъ Быстрицкій, до вступленія еще Муравьева-Апостола съ возмущенными имъ двумя ротами въ Васильковъ, былъ командированъ подполковникомъ Трухинымъ въ мѣстечко Гермацовку для принятія подъ начальство свое состоявшей въ командѣ Барона Соловьева 2-й мушкетерской роты, прибылъ съ оною въ Васильковъ 31 декабря 1825 года но вступленіи уже оттуда Муравьева-Апостола и, узнавъ, что онъ вооруженною рукою заставилъ всѣхъ виноватыхъ, рѣшился соединиться съ полкомъ единственно изъ боязни быть на сильно захваченнымъ отъ однополчанъ или отъ самого Муравьева-Апостола; и потому, не оставаясь въ Васильковѣ, пошелъ съ ротою въ селеніе Мотовиловку, гдѣ сдать ее барону Соловьеву; пономъ находился при мятежникахъ до самаго пораженія ихъ и взять былъ воиischemъ отрядомъ съ оружіемъ въ рукахъ; и хотя Быстрицкій обстоятельствомъ дѣла не уличенъ въ принадлежность его къ тайному обществу и въ знаніи о настоящей дѣли Муравьева-Апостола и сообщниковъ его, но виновенъ Быстрицкій въ томъ, что по приходѣ въ Васильковъ съ ротою, не спросивъ отъ начальниковъ своихъ наставленія, что ему дѣлать, самовольно ушелъ оттуда и, передавъ роту въ руки мятежниковъ, самъ при нихъ остался, чѣмъ и сдѣлался сообщникомъ ихъ. 3) Штабель-капитанъ Маевскій, поручикъ Петинъ и Синяевскій и подпоручикъ Войничловъ, видя противозаконныя и возмутительныя дѣйствія Муравьева-Апостола, присоединились къ обществу его и исполнили данныя отъ него повелѣнія; послѣду изъ нихъ Петинъ, командуя 2-ю гренадерскою ротою, когда прибылъ къ нему Муравьевъ-Апостолъ изъ селенія Трилѣсахъ, послѣ причиненія тамъ увѣщанъ полковнику Гебелю, не старался узнать, для чего онъ приказалъ сей ротѣ быть въ готовности; а видя, что Муравьевъ-Апостолъ поилъ солдатъ водкою и говорилъ имъ: „Служите за Бога и вѣру для вольности“, не воспротивился Муравьеву въ такихъ злыхъ его замыслахъ, но послѣдовалъ за нимъ съ тою ротою въ Васильковъ; если же Петинъ, какъ объяснился предъ Судомъ, не имѣлъ возможности про-

тиву угрозъ Муравьева воспротивиться, по крайней мѣрѣ, при началѣ еще возмущенія обязанъ былъ, замѣтивъ противозаконное Муравьева обольщеніе нижнихъ чиновъ, внушить имъ прямую ихъ обязанность; и тогда, буде бы они не послушались, изыскать средства отстать отъ мятежниковъ. Маевскій же, Сизиневскій и Войниловичъ, ежели и угрозами Муравьева-Апостола и сообщниковъ его принуждены были исполнять волю ихъ, имѣли совершенную возможность, не подвергая жизнь свою опасности, удалиться отъ нихъ; ибо Маевскій, получая отъ Муравьева дозволеніе, ѣздилъ изъ Василькова въ селеніе Иллицкое, гдѣ квартировала бывшая въ командѣ его рота, для взятія оставшихся тамъ вещей и жалованья; Войниловичъ посланъ Муравьевымъ съ приказаніемъ отъ него въ 1-ю гренадерскую роту, которая обще съ капитаномъ Козловымъ не присоединилась къ Муравьеву и, не повѣривъ никакимъ ложнымъ его обольщеніямъ, удалилась и ушла въ дивизионную квартиру; а Сизиневскій, по выступленіи Муравьева-Апостола изъ Василькова, оставался еще тамъ нѣсколько времени съ тяжестями; но за всѣмъ тѣмъ, они, Маевскій, Войниловичъ и Сизиневскій, не отставъ отъ мятежниковъ, слѣдовали за ними; а послѣ уже, какъ они, такъ и Петинъ, почувствовавъ заблужденіе свое, бѣжали и добровольно явились къ Начальнику. 4) Подпоручики: Рыбаковскій, Кондыревъ и прапорщики: Князь Мещерскій, Апостоль-Кегичъ и Бѣлелюбскій, по вступленіи Муравьева-Апостола въ Васильковъ, были также присоединены имъ къ мятежнической его шайкѣ, и изъ нихъ Рыбаковскій находился по приказанію его въ караулѣ у заставы, а послѣ всѣ они слѣдовали изъ Василькова за Муравьевымъ при возмущенныхъ ротахъ; но на пути отставъ отъ оныхъ, ушли и добровольно явились своему Начальству. Предъ Судомъ всѣ они объявили, что, боясь угрозъ, пристали къ мятежникамъ; а изъ дѣла видно, что съ Кондырева, когда повстрѣчался онъ съ Сухиновымъ и съ бывшею съ нимъ толпою нижнихъ чиновъ, сорваны эполеты, и тогда же онъ, Кондыревъ, вмѣстѣ съ подполковникомъ Трухинымъ посажены на гауптвахту; Апостоль же Кегичъ, возвращавшійся въ Васильковъ съ жандармскимъ поручикомъ Несмѣяновымъ былъ взятъ у заставы Мазалевскимъ и арестованъ; а Бѣлелюбскій, при вступленіи Муравьева въ Васильковъ, находясь въ караулѣ на гауптвахтѣ и имѣя у себя нижнихъ чиновъ не болѣе восьми человекъ, не могъ сдѣлать никакого сопротивленія противъ мятежниковъ, которые заряженными пистолетами угрожали его лишити жизни; но въ то время, какъ онъ былъ ими посланъ спать караулъ, скрылся, не исполнивъ того, и на другой уже день, случайно увидя его, Муравьевъ принудилъ слѣдовать за нимъ; сверхъ сего полковникъ Гебель и подполковникъ Трухинъ удостовѣрили, что Кондыревъ, Князь Мещерскій и Апостоль-Кегичъ насильно были увлечены мятежниками и къ сообществу ихъ не принадлежали; а Васильковскій Городничій и Земскій Исправникъ объяснили Суду: 1) Что Кондыревъ приходилъ къ нему, Городничему, въ отчаяніи и слезахъ я, объявляя, что слѣдуетъ за Муравьевымъ по неволѣ, просилъ засвидѣтельствовать о семъ предъ начальствомъ, и что съ подобными объявленіями и просьбами также приходилъ къ нему, Городничему, Рыбаковскій, Апостоль-Кегичъ и Князь Мещерскій, сказывая, что за всѣми ими былъ отъ Муравьева-Апостола особый надзоръ; а слѣдній, что Кондыревъ и Рыбаковскій точно являлись къ нему и спрашивали Адъютанта Павлова; при чемъ Кондыревъ съ заплаканными глазами говорилъ, что онъ по принужденію Муравьева посланъ за Павловымъ. Посему вина ихъ, Рыбаковского, Кондырева, Князя Мещерскаго, Апостола-Кегича и Бѣлелюбскаго, что послѣдовали за Муравьевымъ, не воспротививъ ему, заслуживаетъ снисхожденіе, тѣмъ болѣе, что сопротивленіе однихъ ихъ, какъ въ полку младшихъ и въ командѣ своей никакихъ частей неимѣвшихъ, было бы бесполезно. 5) Хотя подпоручикъ Молчановъ преданъ суду по случаю, что имѣлъ связь съ подпоручикомъ Вадковскимъ, его родственникомъ, который былъ членомъ тайнаго общества и пріѣзжалъ къ Муравьеву въ Васильковъ въ день произведеннаго имъ возмущенія; но Молчановъ по судопроизводству ни въ чемъ виновнымъ не оказался; ибо Вадковскій передъ отъѣздомъ своимъ къ Муравьеву читалъ только Молчанову полученную отъ Муравьева записку о томъ, что ихъ тайное общество открыто; однако не поясняя, въ чемъ именно оно состояло и, слѣдовательно, доносить начальству о томъ, что Молчановъ настоящее не зналъ и что прежде сего было открыто, почиталъ онъ уже не нужнымъ; притомъ и противу показаній Сергѣя и Матѣя Муравьевыхъ въ намѣреніи убить Генералъ-Лейтенанта Рота онъ, Молчановъ, не сознался и по дѣлу нѣтъ въ томъ никакихъ доказательствъ.—Соображая всѣ сіи обстоятельства съ прописанными въ сененціи военнаго суда законами, Аудиторіатскій Департаментъ признаетъ изъ подсудимыхъ: барона Соловьева, Сухинова и Мазалевскаго, какъ по злымъ дѣйствіямъ изъ главныхъ сообщниковъ возмутителя Сергѣя Муравьева-Апостола, подлежащими смертной казни. Сверхъ того полагаемъ: а) сообщниковъ подполковника Муравьева-Апостола поручиковъ: Кузьмина и Щипилду, прапорщика квартирмейстерской части Муравьева-Апостола, участвовавшихъ въ возмущеніи, но убитыхъ на мѣстѣ пораженія, согласно съ мнѣніемъ Главнокомандующаго 1 Арміею, изъ списковъ выключить, какъ измѣнниковъ, на могилахъ ихъ крестовъ и никакихъ памятниковъ, приличныхъ христіанскому погребенію, не дѣлать; но, поставя висѣлицу, къ вѣчному ихъ позраженію, прибить подъ оною имена ихъ. б) Подпоручика Быстрицкаго

за то, что прійдя съ ротою въ Васильковъ, по выходѣ уже оттуда Муравьева-Апостола и не испросивъ отъ Начальниковъ своихъ наставленія, что ему дѣлать, самовольно ушелъ и, передавъ роту въ руки мятежниковъ, остался при нихъ и послѣ взять обще съ ними съ оружіемъ въ рукахъ: лиша чиновъ и дворянскаго достоинства и перелома надъ головою его шпагу, сослать въ Сибирь въ каторжную работу. в) Штабсъ-капитана Маевского, поручиковъ: Петина и Сизиневского и подпоручика Войниловича, за исполненіе приказаній Муравьева-Апостола, видя дѣйствию его возмутительныя и противозаконныя, во уваженіе, что они, признавъ послѣ заблужденіе свое, отстали отъ него и добровольно явились начальству, лиша чиновъ и дворянскаго достоинства, написать въ рядовые, опредѣливъ въ дальне гарнизоны. г) Подпоручиковъ: Рыбаковского и Кондырева, прапорщиковъ: Князя Мецкерскаго, Апостола-Кегича и Бѣлелюбскаго, не имѣвшихъ намѣренія къ возмущенію, но противу желанія ихъ увлеченныхъ съ собою Муравьевымъ-Апостоломъ и бѣжавшихъ отъ него, какъ скоро нашли случай и тогда же явившихся къ начальству, пріемля во вниманіе неопытность ихъ и молодыя лѣта, посадить въ крѣпость на полгода для восчувствованія оказаннаго ими при возмущеніи малодушія и потомъ опредѣлить на службу. д) Подпоручика Молчанова, какъ виновнымъ ни въ чемъ неизобличеннаго, освободивъ отъ суда и ареста, отправить на службу. е) За оказавшіяся недостатки въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку послѣ происшедшаго въ ономъ мятежа амунничныя вещи взыскать, исчисленную Коммиссаріатскимъ Департаментамъ, сумму 1170 рублей 8³/₄ коп. съ имѣнія подсудимыхъ: Соловьева, Сухинова, Мазалева, Быстрицкаго, Маевского, Петина, Сизиневского, и Войниловича, какъ причинныхъ по сему дѣлу виновнѣйшими. ж) Поручика гусарскаго Принца Оранскаго полка Князя Корebutъ-Воронца, который при производствѣ сего дѣла уличенъ въ несправедливомъ Начальству донесеніи о взятіи яко бы имъ въ селеніи Гребенкахъ, во время означеннаго мятежа, капитана Фурмана и рядового Башмакова съ 30 человѣками бунтовщиковъ и въ удержаніи у себя отобранныхъ у рядового Черниговскаго пѣхотнаго полка Евдокима Степанова 18 рублей серебромъ, кои точася не возвратилъ, но доставилъ оныя уже по востребованіи Начальствомъ, арестовать за тѣ неприличныя поступки на три мѣсяца съ содержаніемъ на гауптвахтѣ. На подлинномъ Высочайшая Его Императорскаго Величества конфирмація, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, воспослѣдовала такова: „барона Соловьева, Сухинова и Мазалева, по лишеніи чиновъ и дворянства и переломленіи шпагъ надъ ихъ головами предъ полкомъ, поставить въ городѣ Васильковѣ, при собраніи командъ изъ полковъ 9 пѣхотной дивизіи, подъ висѣлицу и потомъ отправить въ каторжную работу вѣчно. Къ той же висѣлицѣ прибить имена убитыхъ Кузьмина, Щипиллы и Муравьева-Апостола, какъ измѣнниковъ по выключкѣ ихъ изъ списковъ. О Быстрицкомъ и прочихъ, равно и касательно взысканія денегъ за растроченныя амунничныя вещи, быть по мнѣнію Аудиторіатскаго Департамента. Николай. Въ Царскомъ Селѣ. Юля 12 дня 1826 года“. Приказали: о сей высочайшей Его Императорскаго Величества конфирмаціи, воспослѣдовавшей на докладѣ Аудиторіатскаго Департамента дать знать отъ Сената печатными указами: Гг. Министрамъ, Военнымъ Генералъ-Губернаторамъ, Управляющимъ гражданскою частью, Генералъ-Губернаторамъ, Градоначальникамъ, присутственнымъ мѣстамъ, Губернскимъ Правленіямъ и Правительствамъ, а въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ и во всѣ Санктпетербургскаго и Московскаго Правительствующаго Сената Департаменты и Общее С. Петербургскихъ Департаментовъ Собраніе сообщить вѣдѣніе¹⁾.

Русекій Инвалидъ.

(21 Юля. № 174.)

Приказъ

Россійскимъ Войскамъ.

Храбрыя Россійскія Войска! Когда во дни незабвенные 14-го Декабря 1825 и 3-го Генваря 1826 года вѣрными грудями вашими заслоненъ Престолъ, спасена Святыня Православной вѣры, забавлено Отечество отъ ужасовъ бунта, извѣстилъ Я васъ, что нѣкоторые зачинщики злодѣйскихъ умысловъ таились среди вѣрныхъ вашихъ рядовъ. Вы съ ужасомъ и негодованіемъ извергли ихъ; нынѣ судъ надъ ними и казнь, явля подлаящая, исполнены, и очищены вѣрные полки ваши отъ заразы, вамъ и всей Россіи угрожавшей. Итакъ, съ помощію Всевышняго, сего дни на томъ же мѣстѣ, гдѣ вы, ровно за семь мѣсяцевъ, не щадили крови своей, и съ счастьемъ жертвовали жизнью вашему Государю, на томъ мѣстѣ, гдѣ предъ вами палъ незабвенный въ Россійской Арміи Графъ Милорадовичъ, на томъ самомъ мѣстѣ принесена Господу

¹⁾ Указъ вошелъ въ полное Собр. Закоп. Рос. Имперіи, Собраніе второе. Т. I
Статья 514.

Редакторъ.

Богу жертва благодаренія, за дарованіе спасенія чрезъ васъ Государству, и молитва Ему же о упокоеніи душъ, надшихъ за Вѣру, Царя и Отечество.

Возвѣщая о семъ вамъ, храбрыя Россійскія Войска, отъ лица Россія благодарю васъ и зываю, сохраните вѣчно доблести, всегда васъ отличавшія: теплую вѣру къ Богу, вѣрность къ Престолу, храбрость и неутомимость, и да познаегъ тогда каждый, что съ нами Богъ.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою такъ:

Николай.

Санктпетербургъ. Іюля 14-го 1826 года.

Рувскій Инвалидъ.

(22 Іюля. № 175).

Его Императорское Величество въ присутствіи Своемъ въ лагерѣ при Красномъ Селѣ Іюля 7-го дня 1826 года соизволилъ отдать слѣдующій Приказъ:

Государь Императоръ по разсмотрѣннй дѣль о нижненписанныхъ Штабъ и Оберъ-Офицерахъ, изъ коихъ одни принадлежали къ тайнымъ обществамъ, а другіе отличены въ содѣйствіи или знаніи объ оныхъ, спусходя къ обстоятельствамъ, увлекшимъ нѣкоторыхъ изъ нихъ во временное заблужденіе, и пріемля во вниманіе, что всѣ они вовсе не участвовали въ пенсовыхъ намѣреніяхъ, а многіе скоро оставили общества, и всѣ вообще въ поступкахъ своихъ показываютъ истинное раскаяніе, Всемилостивѣйше повелѣлъ соизволилъ, не предавая ихъ строжайшему наказанію по суду, оиредѣлить имъ исправительныя мѣры наказанія.—Вслѣдствіе чего:

По Арміи: состоящій по Арміи Полковникъ Глинка 1-й отставляется отъ службы исылается на жительство въ городъ Петрозаводскъ; во уваженіе же прежней его службы и недостаточнаго состоянія, дозволяется употребить его тамъ по гражданской части съ чиномъ Коллежскаго Совѣтника.

Переводятся,

По Кавалеріи: Кавалергардскаго полка Полковникъ Кологривовъ 2-й въ Финляндской, Поручикъ Свининъ въ Харьковской тѣмъ же чиномъ, Корнеты: Князь Вяземскій 2-й въ С.-Петербургской, Васильчиковъ въ Тверской Драгунскіе, и Арцыбашевъ въ Таманской Гарнизонный полкъ, всѣ трое прапорщиками, съ выдержаніемъ изъ нихъ въ крѣпости Кологривова шесть мѣсяцевъ, а Васильчиковъ и Арцыбашева по одному мѣсяцу. Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка Поручикъ Плещеевъ 1-й въ Курляндскій Драгунскій полкъ тѣмъ же чиномъ, и Корнетъ Рынкевичъ въ Бакинской Гарнизонный Баталіонъ прапорщикомъ, и съ выдержаніемъ сего послѣдняго въ Крѣпости еще двухъ мѣсяцевъ. Лейбъ-Гвардіи Кирасирскаго полка и Адъютантъ Главнокомандующаго 1-ю Арміею Генерала отъ Инфантеріи Графа Фонъ-дербъ-Остенъ-Сакена 1-го, Поручикъ Титовъ, въ Омекій Гарнизонный полкъ тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ Крѣпости еще три мѣсяца. Старшій Адъютантъ 2-го Пѣхотнаго Корпуса, Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка Ротмистръ Сабуровъ 2-й, по выдержаніи въ крѣпости еще одного мѣсяца, въ Смоленской Драгунской полкъ Капитаномъ. Гусарскихъ полковъ: Принца Франскаго Штабъ-Ротмистры: Паскевичъ въ Иркутской Гусарской и Жуковъ Штабъ-Капитаномъ въ Архангелогородской Гарнизонной полки, съ выдержаніемъ въ Крѣпости, перваго еще два, а послѣдняго шесть мѣсяцевъ. Ахтырскаго Ротмистры, Семичевъ 2-й въ Нижегородской Драгунской полкъ и Франкъ 5-й въ Уральской Гарнизонной баталіонъ, оба Капитанами и съ выдержаніемъ еще въ крѣпости, перваго шесть, и послѣдняго два мѣсяца. По пѣхотѣ: Полковъ Лейбъ-Гвардіи: Гренадерскаго Подпоручикъ Кожевищниковъ въ Иркутской Гарнизонной полкъ тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ Крѣпости еще шесть мѣсяцевъ. Измайловскаго: Адъютантъ Главнокомандующаго 1-ю Арміею Генерала отъ Инфантеріи Графа Фонъ-дербъ-Остенъ-Сакена 1-го, Капитанъ Графъ Мусинъ-Пушкинъ въ Петропавловской; Подпоручики: Князь Ватбольскій въ Вятской и Малюгинъ въ Севастопольской пѣхотные, а Поручики Гангебловъ въ Владикавказской Гарнизонной полки, и Гудима въ Дербентской Гарнизонной баталіонъ, всѣ тѣми же чинами, съ выдержаніемъ изъ нихъ въ Крѣпости, первыхъ трехъ по одному мѣсяцу, а Гангеблова четыре мѣсяца. Павловскаго и Адъютантъ Начальника 4-й пѣхотной дивизіи, Генераль-Адъютанта Потемкина 1-го, Поручикъ Князь Оболенскій въ 45-й Егерской полкъ тѣмъ же чиномъ. Пѣхотныхъ полковъ: Витебскаго Подполковникъ Хотяищевъ 1-й, по выдержаніи въ Крѣпости еще три мѣсяца, въ Ладожской пѣхотной полкъ. Пермскаго Полковникъ Леманъ, по выдержаніи въ Крѣпости еще одинъ мѣсяцъ. Въ Томской пѣхотной полкъ. Командиръ 1-го Морскаго полка Полковникъ Фонъ-Вольской, по выдержаніи еще одинъ мѣсяцъ въ Крѣпости, въ Эстляндской пѣхотной полкъ. Егерскихъ полковъ: 17-го Подпоручикъ Вадковскій, по выдержаніи еще четыре мѣсяца въ Крѣпости, въ Моздокской Гарнизонной баталіонъ, 22-го Подполковникъ Миклашевскій 1-й, по выдержаніи въ Крѣпости еще одинъ мѣсяцъ въ 42-й Егерскій полкъ. По Артиллеріи: Конно-Артиллерійскихъ ротъ: № 5-го Капитанъ Пыхачевъ.

въ 13-ю и Поручикъ Нашокинъ въ 11-ю Конно-Артиллерійскія роты, по выдержаніи еще въ Крѣпости перваго два, а послѣдняго три мѣсяца. № 6-го Командиръ Роты и Конно-Артиллерійской бригады, при 3-й Гусарской дивизіи состоящей, Подполковникъ Фроловъ 4-й въ 15-ую и Прапорщикъ Высочинъ 1-й въ 17-ю Конно-Артиллерійскія роты, съ выдержаніемъ ихъ еще въ Крѣпости, перваго шесть мѣсяцевъ, а послѣдняго одинъ мѣсяць. 9-й Артиллерійской бригады Подпоручикъ Тихановъ, по выдержаніи въ Крѣпости еще одинъ мѣсяць, въ 11-ю Артиллерійскую бригаду. По Гвардейскому Генеральному Штабу: Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Подпоручикъ Искрицкій 1-й, по выдержаніи въ Крѣпости еще шесть мѣсяцевъ, въ Орской Гарнизонной баталіонъ тѣмъ же чиномъ.

Отставляется отъ службы,

По пѣхотѣ. 32-го Егерскаго полка Полковникъ Непенинъ.

Дополненіе.

Къ Высочайшему Приказу, отданному въ лагерѣ при Красномъ Селѣ 7-го Іюля 1826 года.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, нижепоименованныхъ Оберъ-Офицеровъ, избоченныхъ въ участіи въ злоумышленныхъ тайныхъ обществахъ, наказать исправительными мѣрами, не предавая ихъ суду, единственно по Всемогущѣйшему снисхожденію къ ихъ молодости и неопытности. — Вслѣдствіе чего:

Переводятся въ Гарнизонные баталіоны.

По Кавалеріи: Кавалергардскаго полка Поручикъ Горожанской въ Кизильской тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ Крѣпости еще четыре года. По Артиллеріи: 9-й Артиллерійской бригады Подпоручикъ Черноглазовъ въ Верхнеуральской тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ Крѣпости еще два года. По Гвардейскому Генеральному Штабу: Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Прапорщикъ Палицинъ въ Петровской тѣмъ же чиномъ съ выдержаніемъ въ Крѣпости еще одинъ годъ.

1827 годъ.

Русскій Инвалидъ.

(28 Марта. № 80.)

Утверждается Конфирмація.

Главнокомандующаго 1-ю Арміею Генераль-Фельдмаршала Графа Фонъ-деръ-Остенъ-Сакена надъ Поручикомъ Полтавскаго пѣхотнаго полка Усовскимъ, судившимся при Арміи за принадлежность къ бывшему злоумышленному тайному обществу, лишается всѣхъ чиновъ и дворянскаго достоинства съ переломленіемъ предъ полкомъ черезъ палача надъ головою его шпаги и потомъ ссылается въ Сибирь въ каторжную работу на двадцать лѣтъ, съ оставленіемъ по истеченіи сего времени тамъ на поселеніи.

Русскій Инвалидъ.

(5 Іюня. № 140.)

По сентенціи Военнаго Суда.

Литовскаго Пionернаго баталіона Капитанъ Игельстромъ и Поручикъ Вегельдъ, за принадлежность къ тайнымъ обществамъ, намѣреніе возмутить баталіонъ и уклоненіе отъ присяги на вѣрное подданство Его Императорскому Величеству, по лишеніи чиновъ и дворянскаго достоинства и по переломленіи чрезъ палача надъ головами ихъ шпаги ссылаются въ каторжную работу на десять лѣтъ съ оставленіемъ потомъ въ Сибири на поселеніи; того же баталіона подпоручикъ Петровскій и прапорщикъ Воеховичъ, участвовавшіе въ преступныхъ намѣреніяхъ двухъ первыхъ, Несвижскаго Карабинернаго полка поручики Вильканецъ и Гофманъ, знавшіе о такихъ намѣреніяхъ Игельстрома, Вегелина и Петровскаго, но не донесшіе о томъ начальству, а сверхъ того Гофманъ, составивъ между офицерами тайное общество военныхъ друзей и учредивъ изъ членовъ оного Комитетъ, былъ въ немъ начальникомъ и содѣйствовалъ къ распространенію общества, — по лишеніи чиновъ, дворянскаго достоинства и по выдержаніи каждого въ крѣпости шести мѣсяцевъ опредѣляются рядовыми въ Кавказскій Отдѣльный Корпусъ.

Приложение къ №№ 160—162 „Русскаго Инвалида“ 1).

Варшава ^{22 декабря 1826}
3 января 1827 года.

Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу, Главнокомандующему Польской Арміей.

Донесеніе Слѣдственнаго Комитета.

Слѣдственный Комитетъ, учрежденный для открытія Тайныхъ Обществъ, въ недавнемъ времени существовавшихъ, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Областяхъ отъ прежней Польши къ Россійской Имперіи присоединенныхъ, исполнилъ порученіе, по Высочайшей волѣ Его Императорскаго и Царскаго Величества оному данное въ предписаніи Вашего Высочества отъ 7/19 февраля ^{минушаго} _{сего} года.

Онъ рассмотрѣлъ съ надлежащимъ строжайшимъ вниманіемъ и точностью всѣ бывшія въ виду его, даже малѣйшія указанія, изъ признаній самихъ обвиняемыхъ и другихъ источниковъ почерпнутыя и представляетъ Вашему Императорскому Высочеству собранныя имъ вслѣдствіе сихъ изысканій свѣдѣнія о дѣлѣ, не всегда одинаковой означенныхъ Тайныхъ Обществъ, о средствахъ ими употребленныхъ для достиженія оной, о родѣ и степеніи участія, которое члены сихъ обществъ принимали въ ихъ замыслахъ и дѣйствіяхъ.

Дабы опредѣлить со всевозможною достовѣрностью, какъ истинныя побужденія основателей и влияние, которое могло имѣть существованіе одного Тайнаго Общества на составленіе другихъ, такъ и бывшія между ними сношенія для условій о взаимной при исполненіи намѣреній ихъ, помощи, Комитетъ счелъ необходимымъ, обратясь къ самому началу сихъ Обществъ, тщательно изслѣдовать постепенное распространеніе плановъ ихъ и соотвѣтствовавшее тому измѣненіе въ ихъ установленіяхъ и правилахъ.

Имъ найдено, что въ концѣ 1814 года уже существовало Тайное Общество, подъ названіемъ истинныхъ Поляковъ. Цѣлю онаго было питать и усиливать народное чувство; вскій членъ сверхъ того обязывался присоединить къ Обществу другихъ и содержать въ тайнѣ все до онаго касающееся. Наружнымъ знакомъ былъ перстень изъ бѣлаго металла съ малиновою эмалью, внутри коего означены были точками число статутовъ общества, а заглавными буквами Р. Р. наименованіе онаго (Pravdziwych Polakow); но сіе Общество, составленное изъ однихъ неопытныхъ молодыхъ людей, почти не распространилось; въ немъ было во все время не болѣе 12 Членовъ; они вскорѣ потомъ большею частью разѣхались изъ Варшавы въ другія мѣста, и сообщество ихъ, которое по страннымъ своимъ обрядамъ и прежде многимъ казалось смѣшно, разрушилось само собою; оно существовало одинъ только годъ и не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ, кромѣ доказательства противозаконныхъ намѣреній и мятежнаго духа основателей.

Едва уничтожилось сіе первое неудачное учрежденіе, какъ изъясленная покойнымъ Генераломъ Добровскимъ, вѣроятно безъ всякаго особеннаго намѣренія, мысль, сдѣлалась поводомъ новаго волненія въ умахъ нѣкоторыхъ людей. Не-задолго до смерти своей, случившейся въ 1818 году, онъ говорилъ одному, прежде бывшему подъ начальствомъ его, Офицеру: „Какъ не жалѣть, что Поляки, способовавъ своею храбростію славу столь многихъ предводившихъ ими воиновъ, сами приобрѣли такъ мало себѣ и Отечеству выгодъ, за всѣ свои усилія и пожертвованія! Въ настоящемъ нетвердомъ состояніи политическихъ дѣлъ въ Европѣ, бытіе и образъ правленія Польши не имѣетъ еще достаточнаго ручательства; мы не знаемъ судьбы своей и не завели никакихъ между собою связей, которыя могли бы, въ неизвѣстныхъ случаяхъ будущаго, послужить для насъ средствомъ спасенія. Если бы Наполеону, послѣ возвращенія его съ острова Эльбы, удалось явиться снова на берегахъ Вислы съ войскомъ, то и мы несчастные были бы снова жертвами войны, а для чего? Чтобы принять отъ побѣдителя угодныя ему условія. Итакъ не должно ли намъ стараться возбудить упадающую бодрость народа Польскаго, внушить ему довѣренность къ собственнымъ своимъ силамъ, соединить посредствомъ одного мнѣнія всѣхъ и разнымъ Державамъ нынѣ принадлежащихъ Поляковъ, чтобы имѣть способъ, не только обратитъ всю

1) Нижепомѣщаемый, ставшій чрезвычайно библиографическою рѣдкостью, документъ былъ начатъ печатаніемъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ отъ 22 іюня 1827 года № 155—156; печатаніе его продолжалось съ №№ 157 и 158, гдѣ было также сказано, что „продолженіе въ слѣдующемъ №“; но въ № 159 было объявлено, что „по новому распоряженію, на сихъ дняхъ будетъ при „Русскомъ Инвалидѣ“ роздано Донесеніе Варшавской слѣдственной комиссіи, особою книжкою напечатанное“ (стр. 636). Книжка и была приложена затѣмъ отдѣльными листами къ №№ 160—162 „Русскаго Инвалида“ подъ заглавіемъ „Донесенія“ уже не „Комиссіи“, какъ значилось первоначально, а „Комитета“.

Наша на пользу службы нашего Государя, но также, если жребій войны будетъ Ему неблагосирятеленъ, и обезпечить независимость Польши, покорясь Королю, народомъ безъ чуждаго вліянія избранному?»

Сія мысль Генерала Донбровскаго произвели сильное впечатлѣніе въ умѣ офицера, коему онъ сообщалъ ихъ, и сей, слѣдуя данному совѣту, снѣшилъ распространять оныя, говорилъ о томъ нѣсколько разъ съ Княземъ Антономъ Яблоновскимъ и Подполковниками Крыжановскимъ и Прондзинскимъ, и съ нѣкоторыми другими, приглашая ихъ дѣйствовать съ своей стороны для достиженія цѣли, указанной Генераломъ Донбровскимъ; однако же странное, хотя и не безпримѣрное въ Исторіи стеченіе обстоятельствъ, сдѣлало, что ни тотъ, кто первый имѣлъ мысль соединить всѣхъ Поляковъ узлами одного народнаго чувства, ни тотъ, который, казалось, долженствовалъ быть главнымъ для исполненія сего плана орудіемъ, не участвовали ни мало въ мѣрахъ, коими оный былъ приводимъ въ дѣйствіе. Генераль Донбровскій вскорѣ послѣ того умеръ, а пользовавшійся его довѣренностью офицеръ, будучи въ сіе время самъ опасно боленъ, долго жилъ въ чужихъ краяхъ, а потомъ, возвратясь въ отечество, еще съ разстроеннымъ здоровьемъ, совершенно потерялъ изъ вида свои прежнія намѣренія.—Слѣдствіемъ доказано, что онъ не зналъ ничего о дѣлахъ и замыслахъ Тайнаго Общества.

Нѣтъ причины полагать, что вышеозначенный разговоръ Генерала Донбровскаго подать годя же поводъ къ заведенію какого либо общества. Но изъ показаній многихъ обвиняемыхъ видно, что слова его не были безъ послѣдствій. Первоначальная имъ предложенная мысль часто измѣнялась, смотря по свойству, правиламъ и большей или меньшей злонамѣренности основателей и главныхъ дѣйствователей Тайныхъ Обществъ, послѣ того существовавшихъ въ Польшѣ; но вездѣ примѣтно вліяніе оной и, слышавъ собранныя Комитетомъ, свѣдѣнія, можно сказать утвердительно, что она была всегда, если не побужденіемъ къ составленію кова, то по крайней мѣрѣ средствомъ закрывать истинную цѣль сообществъ предъ тѣми Членами, коимъ Начальники не смѣли другъ объявить о своихъ умыслахъ.

Въ 1821-мъ году вниманіе Правительства было возбуждено полученными изъ разныхъ мѣстъ, и въ главныхъ чертахъ совершенно однообразными извѣстіями. По онымъ можно было съ основательностью полагать, что не смотря на запрещеніе Массонства, въ Царствѣ Польскомъ есть Тайное Общество, коему даны уставы, хотя и сходные съ Массонскими, но для того единственно, чтобы симъ прикрыть его настоящее стремленіе, противное установленному въ Государствѣ порядку и общему благу. Немедленно приняты мѣры для изслѣдованія, справедливо ли сіе предположеніе Правительства, и вскорѣ съ достовѣрностью узнано о существованіи тайнаго, такъ называемаго Національнаго Массонства, которое, подобно обыкновенному, составлялось изъ Членовъ разныхъ степеней, имѣло свой капитулъ, ложи, знаки орденскіе и другія для показанія принадлежности къ Обществу. Посредствомъ дальнѣйшихъ изысканій открыты и многіе Члены; ихъ признанія, всѣ между собою согласныя, заслуживали вѣроятіе, тѣмъ болѣе что допрошенные сами до того еще добровольно отказались отъ сношенія съ обществомъ.—Изъ объясненій ихъ почерпнуты слѣдующія свѣдѣнія:

Въ бывшихъ прежде обыкновенныхъ Массонскихъ ложахъ возникали часто разномыслія, споры и нѣкоторые изъ принадлежащихъ ко онымъ офицеровъ, идуча на сія распри, изъявляли сожалѣніе, что въ Польской арміи также, какъ и въ иныхъ земляхъ, нѣтъ полковыхъ Массонскихъ ложъ. Лукасинскій, Майоръ 4-го Линейнаго пѣхотнаго полка, который, какъ дозано послѣ, уже готовилъ планъ Тайнаго Общества, съ другими важнѣйшими и обширнѣйшими видами, снѣшилъ воспользоваться случаемъ привести оный въ дѣйствіе, и въ 1819 году завелъ такъ называемое Національное Массонство, объявивъ себя Великимъ Мастеромъ и учредивъ Капитулъ изъ основателей или первыхъ Членовъ общества; другіе присоединены къ оному въ званіи совѣтующихъ. Капитулъ установилъ нѣкоторые обряды и формулы принятія; потомъ старался умножать число Членовъ; первоначально вступившіе вводили новыя и вскорѣ найдена возможность учредить ложи 1-й, 2-й и 3-й степени; изъ оныхъ и Капитула составлялось все Національное Массонство; главное управленіе было предоставлено Капитулу.—Положено было распространять Общество, особенно между Офицерами, какъ служащими, такъ и отставными и между Гражданскими Чиновниками. Не отказывали рѣшительно и другимъ; но первые, сообразно принятому правилу, было во всякомъ случаѣ предпочтительны.

Вступающимъ объявлялось, что цѣль Членовъ Общества есть помогать другъ другу въ нуждахъ и бѣдствіяхъ жизни и способствовать къ соблюденію духа и чувства народнаго, сохранять память славныхъ для Польши происшествій. Посему, вмѣсто опредѣленныхъ въ знаки словъ, положено употреблять имена Знаменитыхъ въ Польской Исторіи людей: Болеслава Храбраго, Баторія Завойскаго, Понятовскаго и т. д. На сихъ основаніяхъ учредилось Общество и число Членовъ онаго было довольно велико; но будучи составлено изъ началъ разнородныхъ, оно не имѣло единства ни въ видахъ, ни въ побужденіяхъ, и основатель могъ не обнаруживать совершенно своей цѣли предъ всѣми. Должно еще замѣтить, что сіе Общество не имѣло и устава. Нѣкоторые даже изъ Членовъ Капитула напоминали

Великому Мастеру обѣщаніе, данное имъ при самомъ заведеніи Національнаго Массонства, и слыша отвѣты неудовлетворительные, замѣчая въ немъ желаніе откладывать, перестали вѣрить его искренности и приниматьъ участіе въ дѣлахъ. Другіе, едва принятые въ оное Офицеры, упорно требовали сообщенія статутуовъ; увидѣвъ же, что имъ или не хотятъ или не могутъ показать ихъ, объявили рѣшительно, что не считаютъ себя Членами. Наконецъ, иные, привыкшіе къ правиламъ стараго Массонства, находя въ обрядахъ сего новаго, будто Національнаго, одно подражаніе, называли его смѣшнымъ; спрашивали при самомъ принятіи, съ чьего разрѣшенія оно учреждено, и недовольные отзывомъ Великаго Мастера, прибавляли, что не могутъ принадлежать къ Обществу, неисполнившему сего перваго условія.—Многіе послѣдовали ихъ примѣру и уже не являлись въ собраніи.

Между тѣмъ нѣкоторые оставшіеся еще Члены Капитула узнали, что Маіоръ Лукасинскій, долженствовавшій дѣйствовать не иначе, какъ съ согласія Капитула, присвоивалъ себѣ исключительно право начальства, что онъ замышлялъ введеніе новыхъ обрядовъ и принималъ Членовъ произвольно посредствомъ одного простаго сообщенія, не спрашивая у другихъ ни одобренія, ни совѣта. Сіе возбудило въ нихъ справедливую недовѣрчивость; они почувствовали, что не имѣя ни законнаго дозволенія на заведеніе Общества, ни опредѣленнаго устава, ни ручательства за дальнѣйшія дѣйствія и намѣренія основателя, могутъ безъ всякаго съ ихъ стороны умысла сдѣлаться участникомъ въ предиріянніи, совершенно противномъ ихъ собственной цѣли.

Велѣдвіе сего, и они отказались отъ Національнаго Массонства. Лукасинскій, видя сіе неудовольствіе почти всѣхъ Членовъ, удостовѣряясь, что онъ уже не въ состояніи поддерживать Общества, а и того менѣе обратитъ его въ орудіе своихъ особенныхъ, неизвѣстныхъ другимъ, видовъ, рѣшился провозгласить оное разрушеннымъ; вскорѣ за тѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ объявилъ Капитулу, что Національное Массонство уже не существуетъ.

Сіе происходило лѣтомъ 1820 года. Національное Массонство уничтожилось, и всѣми бывшими впоследствии изысканіями доказано, что съ того времени большая часть принадлежавшихъ къ оному Офицеровъ оставили всякую о немъ мысль, и уже не имѣли никакихъ для сего собраній.—Но не всѣ, подобно имъ, повиновались гласу разсудка и долга. Капитулъ, или лучше сказать, то таинственное отдѣленіе Капитула, которое всегда оставалось безвѣстнымъ для прочихъ Членовъ Общества, не изменило своихъ плановъ и, отбросивъ личину Массонства, отселъ начало дѣйствовать, сообразнѣе съ замыслами своего главнаго руководителя. Сіи дѣйствія однакоже ограничивались составленіемъ или разсмотрѣніемъ проектовъ образованія для предполагаемаго сообщества и не были ознаменованы никакими успѣхами до 1821 года; тогда лишь особенный случай вдругъ усилилъ ихъ дѣятельность, и возникло новое Тайное Общество, къ коему Національное Массонство было только приготоленіемъ.

Счапѣцкій, бывший Офицеръ Польской службы и послѣ отставки своей поселившійся въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ, распространялъ въ семь краѣ Національное Массонство, къ которому принадлежалъ прежде, живучи въ Варшавѣ. Оно въ Царствѣ Польскомъ было уничтожено, но въ Познани продолжало существовать еще и въ 1820 году въ томъ же самомъ видѣ. Въ семь году въ исходѣ Іюня Подполковникъ Прондзинскій ѣздилъ въ Познань и тамъ присутствовалъ въ засѣданіи Общества, когда въ оное принимали Генерала Уминскаго. Замѣтивъ, какъ онъ сказывааетъ, что иные обряды были несообразны съ его о семь мыслью, онъ объявилъ мнѣніе свое Членамъ, которые немедленно послѣдовали его совѣтамъ и указаніямъ. Прондзинскій утверждаетъ однако же, что никогда не бывалъ Членомъ Національнаго Массонства; но вѣроятно ли, чтобы Общество пригласило въ свое засѣданіе человека, оному вовсе чуждаго? Впрочемъ, бывъ въ семь собраніи, онъ черезъ то уже сдѣлался Членомъ Общества, въ которое число принимали и безъ всякихъ обрядовъ. Вскорѣ послѣ сего Счапѣцкій явился въ Варшаву для переговоровъ съ главными въ Обществѣ Лукасинскій и Козаковскій сказали ему, что оно рупилось, что не худо и ему уничтожить свое въ Познани. Счапѣцкій, если вѣрить показаніямъ Лукасинскаго, отвѣчалъ, что это уже невозможно, ибо по предложенію Прондзинскаго измѣнены и цѣль и самое имя ихъ сообщества, которое нынѣ называется Обществомъ Косиніеровъ (Косцовъ). Козаковскій говоритъ, что Счапѣцкій точно сказывалъ имъ о сихъ намѣреніяхъ, но не прибавляя, что оныя были слѣдствіемъ предложеній Прондзинскаго.

Въ исходѣ Апрѣля 1821 года Уминскій, также жительствующій въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ, пріѣхалъ въ Варшаву и узнавъ отъ Счапѣцкаго, что Лукасинскій былъ начальникомъ ихъ Общества, изъявилъ желаніе войти съ нимъ въ сношеніе. Для сего назначилъ быть собранію въ Лазенкахъ; на оное съѣхались Подполковники Прондзинскій и Козаковскій, Рефендарій Вержбиловичъ, бывший Подполковникъ Доброгойскій, Циховскій, прежде служившій въ Казначействѣ, Вольнскій Шляхтичъ Собанскій и Моравскій, бывший издатель періодическихъ листовъ, впоследствии запрещенныхъ Правительствомъ ¹⁾. Уминскій объявилъ собранію, что въ

¹⁾ Сей Моравскій нанелъ средство скрыться и потому не былъ допрошенъ.

Великомъ Княжествѣ Познанскомъ Национальное Массонство совершенно измѣнило свое образованіе, что вмѣсто прежнихъ неопредѣленныхъ и неясныхъ предположеній, оно избрало для себя политическую и что сему примѣру должно бы послѣдовать и Общество въ Царствѣ Польскомъ существующее. Лукасинскій, казалось, не одобрялъ сихъ переменъ; однакоже предложеніе Уминскаго принято большинствомъ голосовъ и положено собраться вновь на другой день ^{19 Аурѣля} ^{1 Mai} въ гостиницѣ, называемой Потокъ, за четверть мили отъ Варшавы. Между тѣмъ Уминскій, стараясь умножать число членовъ сего заводимаго имъ въ Варшавѣ Общества, имѣлъ свиданіе съ Полковникомъ Александромъ Оборскимъ, который былъ уже предваренъ о семъ чрезъ Доброгоскаго. Онъ увѣрялъ Оборскаго, что единственная цѣль его и прочихъ Членовъ есть благо общее; что въ числѣ оныхъ всѣ отличнѣйшіе люди ихъ края; что они выкупаютъ въ Познани большую сумму денегъ и многія важныя связи въ другихъ земляхъ; наконецъ, что онъ скоро самъ поѣдетъ въ Дрезденъ для переговоровъ съ Мишигрозъ одной первостепенной Державы; обольщенный Уминскимъ, ослѣпленный увѣреніями его о силѣ Познанскаго Общества, Оборскій обѣщалъ ему быть на другой день въ Потокѣ.

На сіе собраніе, кромѣ Лукасинскаго, явились: Подполковники Козаковскій и Прондзинскій, Оборскій, Моравскій, Собанскій и Адвокатъ Шредеръ. Генераль Уминскій пріѣхалъ къ нимъ на бѣлой лошади, въ вышитой узорчатой шанкѣ. Такой нарядъ могъ возбудить вниманіе прохожихъ и Подлицъ; для сего положили дать сборищу видъ поединка, а потомъ каждому своей дорогой отправиться въ Вѣланскую дѣсу. Всѣ вышеименованные, а съ ними еще Г-нъ Юрданъ сошлись въ лѣсу ¹). Уминскій повелъ ихъ въ уединенное мѣсто онаго и тамъ, составя кругъ, говорилъ рѣчь, наполненную лживыми сужденіями и софизмами, но способную воспламенить умы людей, уже готовыхъ къ заблужденіямъ. Онъ представлялъ своимъ товарищамъ, что Поляки, принадлежа разнымъ Державамъ, и слѣдовательно лишенные отечества, должны безпрестанно стремиться къ утвержденію ея свободы и независимости; что всѣ Поляки, гдѣ бы кто ни жительствоваля, должны способствовать сему согласными стараніями и усиліями и Сообщества всѣхъ областей прежней Подлии дѣйствовать совокупно; что наконецъ, какъ для того, чтобы не терять изъ вида сей великой цѣли, такъ и для введенія необходимаго въ сихъ Обществахъ единства и для постановленія претрды всякимъ отступленіямъ отъ правилъ, онъ считаетъ нужнымъ, чтобы Члены дали утвержденную ихъ Познанскими товарищами присягу стремиться неуклонно къ предназначенной цѣли. Засимъ Прондзинскій, вынувъ шпагу, вонзилъ ее остриемъ въ землю; на ефесъ оной повѣсили желѣзную медаль съ изображеніемъ Костюшки; Уминскій поднялъ руку, держа въ ней ножъ вмѣсто кинжала, а Моравскій читалъ въ слухъ слѣдующее клятвенное обѣщаніе:

„Я (такой то) клянусь предъ Богомъ и отечествомъ и обявляюся своею честью, что всѣ свои силы буду употреблять на возстановленіе моея несчастной, но любезной матери-отчизны, что для ея свободы и независимости я буду жертвовать имуществомъ и жизнью, что не измѣню, не открою никому тайны, которая нынѣ или внослѣдствіи будутъ мнѣ ввѣрена, что, напрогнвъ, всѣмъ отъ меня зависящими мѣрами буду содѣйствовать успѣхамъ нашего Общества. Торжественно обѣщаю повиноваться законамъ Отечества, какъ существующимъ уже, такъ и тѣмъ, которые впредь могутъ быть постановляемы. Не взирая ни на какія обстоятельства, я не буду падать не только крови предателя но и всякаго, кто будетъ дѣйствовать въ противность блага моея отчизны. Если буду преданъ или открытъ, то скорѣе согласюсь лишиться жизни, нежели сказать о тайнахъ Сообщества или Членахъ онаго. Наконецъ, обѣщаю также, что не буду имѣть у себя ничего шельменнаго объ нашемъ Обществѣ и еще менѣе какихъ-либо бумагъ съ означеніемъ именъ, принадлежащихъ къ оному, развѣ мнѣ сіе будетъ повелѣно моимъ Начальникомъ въ Обществѣ. Если нарушу сію, предъ Высшимъ Существомъ мною произносимую, клятву, то да умру и лютою смертью измѣшниковъ, да имя мое будетъ переходить изъ уста въ уста къ потомству, а тѣло мое да будетъ добычею дикихъ звѣрей; симъ да накажется мое гнусное дѣло въ примѣръ другимъ, кои могли бы дерзнуть послѣдовать мнѣ. Призываю въ свидѣтели Всемогущаго Бога! А вы, тѣши Жолкевскаго, Чарнецкаго, Понятовскаго, Костюшки, вдохните въ меня ваши чувства, да пребуду я непоколебимъ въ своемъ предиріятіи“.

Послѣ чтенія сего клятвеннаго обѣщанія, Уминскій спросилъ, одобряютъ ли оное. Нѣкоторые изъ присутствующихъ изъявили согласіе, а Уминскій сказалъ, что слѣдственно присяга дана. Засимъ Члены разошлись, положивъ собраться тотъ же вечеръ къ подполковнику Козаковскому.

Все, здѣсь описанное, изслѣдовано Комитетомъ съ величайшею точностью, и не только засвидѣтельствовано единогласными всѣхъ бывшихъ при семъ въ Вѣланскомъ лѣсу показаніями (ибо оныя разнятся лишь въ самыхъ маловажныхъ обстоятельствахъ), но еще самымъ несомнительнымъ образомъ подтверждено на оныхъ

¹) Сей Г. Юрданъ нечаянно случился въ Вѣланахъ и былъ увлеченъ Прондзинскимъ, по внослѣдствіи не имѣлъ никакихъ связей съ Обществомъ.

ставкахъ между ими и Уминскимъ въ присутствіи Регирунгсрата Краузе, Чрезвычайнаго Коммиссара Его Величества Короля Прусскаго, когда Уминскій былъ привезенъ въ Варшаву для тщательнѣйшихъ изысканій о сношеніяхъ нѣкоторыхъ Членовъ Общества Познанскаго съ Польскими. Уминскій старался многое скрыть, желая заставить думать, что онъ въ семъ случаѣ не былъ главнымъ дѣйствователемъ и не предлагалъ учредить Общество подобное Познанскому; но онъ не могъ опровергнуть ни одного изъ сдѣланныхъ на него показаній, и того въ особенности, что былъ на собраніи въ Бѣлинахъ и что по его приглашенію произнесена вышепомѣщенная присяга.

При малѣйшемъ вниманіи легко замѣтитъ злонамѣренность и коварство сочинившихъ сіе клятвенное обѣщаніе. Въ ономъ обязываются не только повиноваться узаконеніямъ Общества уже существующимъ, но содѣйствовать всему, что руководитель онаго замыслить и въ послѣдствіи для достиженія своей преступной цѣли. Онъ предоставляетъ себѣ полную власть располагать успѣхи всякаго, ибо, обрекая на смерть называемыхъ имъ предателями, онъ можетъ еще по своему произволу включить въ число жертвъ и другихъ будто бы дѣйствующихъ въ противность блага отчизны. Трудно повѣритъ, чтобы кто-либо, даже и самый лекоумный человѣкъ, могъ, не устрашась, вступить въ такія обязательства, и вѣроятно сочинившій присягу предвидѣлъ сіе, ибо положилъ, что объ ней нововводимые узнаютъ тогда лишь, когда произносятся ее. Никто, какъ кажется, изъ бывшихъ въ Бѣланскомъ лѣсу не размыслилъ о семъ: они въ тотъ же вечеръ по назначенію сошлись къ Козаковскому. Въ семъ собраніи, подъ предѣлательствомъ Уминскаго, сначала разсуждали: должно ли новому Обществу установитъ Центральное Правленіе въ Варшавѣ. Уминскій объявилъ, что безъ того не будетъ совокупности и единообразія въ дѣйствіяхъ, и что на семъ только условіи Общество Познанское можетъ согласиться на присоединеніе къ Варшавскому. Сямъ вопросъ рѣшенъ и опредѣлено сему Правленію называться Центральнымъ Комитетомъ. Потомъ приступили къ сужденію о составѣ Комитета. Многіе члены полагали, что въ ономъ каждая Провинція должна имѣть Представителя; но какъ сей мѣры нельзя было принять немедленно, то рѣшили избрать Членовъ Временнаго Центрального Комитета съ тѣмъ, что всякая Провинція можетъ, если не одобритъ сдѣланнаго за нее выбора, назначить и прислать на то мѣсто другого. Въ семъ же засѣданіи постановили, что первыми составными частями Общества будутъ Гмины (Communes, Товарищества), въ конхъ Членовъ должно быть не болѣе десяти, что изъ нѣсколькихъ Гминъ будетъ составляться Округъ, а изъ нѣсколькихъ округовъ Провинція. Общество положено распространять повсюду, гдѣ языкъ польскій въ употребленіи, и потому вся прежняя Польша раздѣлена слѣдующимъ образомъ на провинціи:

1. Царство Польское. 2. Великое Княжество Познанское со включеніемъ въ оное и Калишскаго Воеводства. 3. Галиція. 4. Литовскія Губерніи. 5. Вольны. 6. Вольный городъ Краковъ и Армія, которую надлежало почитать 7-ю Провинціею.

Въ Члены Временнаго Центрального Комитета выбраны:

Вержиловичъ, Лукасинскій, Козаковскій, Прондзинскій, Кицинскій, Моравскій, Собанскій.

Первымъ дѣломъ Комитета было изысканіе средствъ распространять Общество; поручено стараться о семъ въ Провинціи Познанской Уминскому, который былъ почитаемъ Представителемъ оной, въ Литвѣ отставному Полковнику Оборскому, на Вольнѣ—Собанскому. Краковъ думали отдать въ вѣдомство Г-на Юрдана; но онъ въ послѣдствіи не принималъ никакого участія въ предиріятіяхъ Общества и сдѣланный ему на сіе вызовъ остался безъ дѣйствія. Комитетъ разсуждалъ о томъ, какое Обществу дать имя. Уминскій предлагалъ называться Коссиніерами (Коссами)¹⁾. Сіе имя, какъ онъ сказывалъ, принято Обществомъ Познанскимъ. Другіе Члены не соглашались. Потомъ предлагаемо было именоваться Обществомъ Национальнымъ и Патриотическимъ; но неизвѣстно, которое изъ сихъ названій предпочтено Комитетомъ, ибо многіе уже послѣ того и вступившіе въ Общество Члены знали только первое изъ сихъ наименованій. Кажется, однако же, что, по крайней мѣрѣ, болѣею частью сіе Общество называли Патриотическимъ. Наконецъ, Уминскій изъяснилъ мнѣніе, что Уставъ Общества Познанскаго, привезенный въ спискѣ Моравскимъ, можетъ служить образомъ для Статутовъ, которые Варшавское Общество намѣрено составить для себя, и Комитетъ поручилъ составленіе оныхъ Лукасинскому, Моравскому и Кицинскому; такъ заключилось засѣданіе.

Въ послѣдовавшихъ за симъ собраніяхъ разсматривали проекты Статутовъ и правилъ для порядка въ Обществѣ. Главныя основанія были уже приняты, но о примѣненіи и объясненіи оныхъ возникли жаркіе споры. Прондзинскій и Моравскій, съ болѣею противъ другихъ горячностью, утверждали, что должно ввести въ Общество образъ управленія представительный, говоря и повторяя упорно, что Центральный

¹⁾ Въ воспоминаніе Польской революціи 1794 года, ибо въ сіе время тайны крестьянъ, образованные въ баталіоны и вооруженные косами, имѣли успѣхъ въ сшибкахъ съ Русскими войсками.

Комитетъ долженъ быть составленъ изъ однихъ Повѣренныхъ Провинцій. Лукасинскій и Махницкій были иного мнѣнія: они полагали, что Комитетъ есть только Совѣтъ Главы Общества и хотѣли, чтобы сіе званіе было возложено на Генерала Князевича; Уминскій обѣщалъ уговорить его къ сему. Прондзинскій отвѣчалъ, что Главу Общества надлежитъ заранѣе почитать Начальникомъ революціи; что, слѣдовательно, сіе мѣсто долженъ занять человекъ отличнѣйшій, пользующійся великимъ уваженіемъ, а Генераловъ Донбровскаго и Косинскаго уже нѣтъ въ живыхъ; что слѣдственно въ семъ затрудненіи напрасно дѣлать назначеніе, которое можетъ быть будетъ безъ послѣдствія. Нѣкоторые другіе Члены предложили дожидаться извѣстій отъ Уминскаго о переговорахъ его съ Генераломъ Князевичемъ; симъ кончилось преніе и вся власть осталась въ Центральномъ Комитетѣ. Прочія статьи Устава приняты большинствомъ голосовъ и разсланы въ Провинціи, за исключеніемъ отдѣленія 1-го о Верховной власти.

Между тѣмъ, пока Комитетъ занимался разсмотрѣніемъ сихъ предположеній, управленныя имъ Члены, исполняя свои обѣщанія, распространяли Общество въ другихъ мѣстахъ. Оборскій, съ даннымъ отъ Комитета наказомъ, пріѣхалъ въ Вильну; тамъ отъ одного Гружѣвскаго, на коего ему было указано, какъ на человека, готово ему способствовать, онъ узналъ, что въ Литвѣ Национальное Массонство еще существуетъ. Онъ объявилъ ему о своемъ порученіи и они вмѣстѣ положили созвать на другой день въ Закретѣ на берегу Вилии находящихся въ Вильнѣ Членовъ сего Массонства. Оборскій въ 5-ть часовъ утра, прибывъ въ назначенное мѣсто, нашель Г. г. Ромера, Бялотора, Станислава Солтана, Томера и Станислава Гружѣвскихъ, Станислава и Теофила Микulichей, Степана и Станислава Мацкевичей. Оборскій сказаль имъ, что Национальное Массонство совершенно измѣнилось, что, вмѣсто онаго, учреждено Общество новое, привель ихъ къ присягѣ по означенной выше сего формулѣ и предложилъ избрать Предсѣдателя на одинъ годъ: выборъ палъ на г. Ромера; Оборскій вручилъ ему формулу клятвеннаго обѣщанія и привезенный имъ изъ Варшавы наказъ, а самъ, будучи весьма равнодушенъ къ состоянію дѣлъ Общества началъ думать о своихъ собственныхъ, которыя были настоящею причиною его пріѣзда въ Вильну.

Ромеръ по своему новому званію созвалъ вскорѣ послѣ того въ Поплавахъ собраніе, подобное бышему въ Закретѣ, и привель также къ присягѣ Карла Прозора, Александра Поцѣя и Игнатія Завита. Намедши въ переданномъ ему отъ Оборскаго наказѣ, что всякій Предсѣдатель Провинціи долженъ имѣть Совѣтъ изъ четырехъ Членовъ, и онъ, какъ предсѣдатель временной, избралъ Князя Константина Радзивилла, Гг. Вейниловича, Новомѣйскаго, Адама Солтана, который дѣла сего и принявъ въ Общество. Составленный такимъ образомъ Провинціальный Совѣтъ немедленно приступилъ къ сужденію, можно ли, не зная Статутовъ и Устава Общества, заняться образованіемъ онаго. Князь Радзивиль говорилъ, „что содержаніе принятой имъ присяги не согласно съ его внутреннимъ убѣжденіемъ, и что должно бы, не обаяваясь къ столь неограниченному повиновенію, прежде узнать точнѣе о свойствѣ Общества“. Съ его замѣчаніемъ согласились и другіе; слова о такомъ повиновеніи исключены изъ клятвеннаго обѣщанія.

Спустя нѣсколько уже мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Оборскаго, прибывъ въ Вильну Михаилъ Гофманъ съ новыми давно ожидаемыми Статутами. Не будучи знакомъ съ Членами Общества, и въ отсутствіи Ромера, къ коему онъ долженъ былъ явиться, не зная, кому отдать вѣренный ему пакетъ, Гофманъ вспомнилъ, что Г. Ходцко принадлежалъ къ Капитулу стараго массонства; ему онъ вручилъ рукопись открытую, какъ и самъ получилъ ее. Ходцко не былъ Членомъ Патриотическаго Общества, однакожъ взялъ бумаги отъ Гофмана и передалъ ихъ Ромеру, когда онъ возвратился въ Вильну. Но сямъ Тайна Сообщества была нарушена и Ромеръ увидѣлъ себя принужденнымъ принять въ оное Г. Ходцко. Въ новыхъ Статутахъ предписывалось составить Общество изъ Гминъ и Округовъ; Провинціальный Совѣтъ рѣшилъ сначала образовывать первые. Ромеръ поручилъ Завишу завести Гмины въ Повѣтахъ Ковненскомъ и Уштскомъ, Билевичу въ Россіенскомъ, Князю Радзивиллу въ Новоградскомъ, Гружѣвскому въ Шавельскомъ. Ни одинъ не исполнилъ сего порученія.

Первыя Гмины учреждены въ Вильнѣ Ромеромъ¹⁾. Число Членовъ было не только полное, но вскорѣ и превзошло опредѣленное; ее раздѣлили на двѣ, и вторая, отдѣленная отъ первой, Гмина ввѣрена управленію Войниловича²⁾.

¹⁾ Она составлялась изъ слѣдующихъ: Ромера, Князя Константина Радзивилла, Юсифа и Станислава Гружѣвскихъ, Вагнера, Новомѣйскаго, Адама Солтана, Поцѣя, Корбута, Бучинскаго и Пржеишевскаго.

²⁾ Членами сей Гмины были: Баранкевичъ, Ходцко, Кульчицкій, Бялоторъ, Струмилло, Занъ и Лобановскій.

Ни почему не видно, чтобы были заведены еще другія Гмины; изъ вышеозначенныхъ каждая собиралась раза три или четыре, первая у Вагнера, вторая у Баранкевича; въ сѣхъ засѣданіяхъ разсуждали только о предлагаемыхъ новыхъ Членахъ и о правилахъ для образованія Общества.

Медлительность и неосторожность принимаемых имъ для управленія Обществу мѣръ произвело отвращеніе, даже недовѣрчивость во многихъ Членахъ Виленскаго Сообщества. Стали говорить что необходимо знать, кто Главный Начальникъ всего Общества; съ тѣмъ вмѣстѣ изъявили желаніе не въ точности слѣдовать правиламъ, въ Уставѣ начертаннымъ. Князь Родзивиль требовалъ сего упорнѣе прочихъ; онъ даже объявилъ и Гминѣ и Провинціальному Совѣту, „что лучше будетъ вовсе отказаться отъ Общества, нежели подвергаться опасности содѣйствовать слѣпо допущенію цѣли, имъ худо извѣстной и быть можетъ противной ихъ долгу и совѣсти“. Онъ нѣсколько разъ говорилъ о томъ и наединѣ Ромеру и Солтану, которые находили его замѣчанія справедливымъ; другіе Члены не согласились съ его мнѣніемъ, но князь Радзивиль остался твердъ въ ономъ, и вскорѣ послѣ полученія Статутовъ, пересталъ участвовать въ совѣщаніяхъ и дѣлахъ Общества. Видя сіе, Ромеръ каждому изъ Членовъ, отправлявшихся въ Варшаву по своимъ собственнымъ надобностямъ, поручалъ стараться узнать обстоятельнѣе обо всемъ, что касается до Общества. Поцѣй былъ въ Варшавѣ въ 1821 году. Ромеръ требовалъ, чтобы онъ спросилъ у референдарія Вержбиловича, кто управляетъ Обществомъ. Поцѣй получилъ и привезъ Ромеру въ отвѣтъ, что это тайна. Вскорѣ потомъ Пржещевскій сталъ собираться въ Варшаву; ему Ромеръ поручилъ узнать отъ отставнаго полковника Оборскаго, имѣетъ ли ихъ Общество успѣхъ? Оборскій отвѣчалъ, что оно распространяется, по составленію еще изъ первыхъ только началъ. Сія свѣдѣнія не удовлетворяли Ромера; онъ желалъ точнѣйшихъ и въ томъ же 1821 году далъ еще порученіе недавно принятому въ Общество и отправлявшемуся въ Варшаву Бучинскому сыскать Оборскаго, требовать отъ него извѣстій. Но Оборскій уже чувствовалъ отвращеніе къ Обществу, не участвовалъ въ дѣлахъ онаго, и сказалъ Бучинскому, что онъ ничего не знаетъ, и что всѣ эти Сообщества и патриотизмъ не поведутъ ни къ чему. Сей отвѣтъ также переданъ Ромеру, который продолжалъ нетерпѣливо добиваться вѣрныхъ свѣдѣній о состояніи Общества и объ успѣхахъ его. Онъ воспользовался отъѣздомъ Адвоката Кульчицкаго, который отправлялся за другими дѣлами въ Варшаву. Ромеръ далъ ему два письма, одно къ Оборскому, другое къ подполковнику Козаковскому, примолвя: „Отъ Козаковскаго ты узнаешь, кто главный начальникъ Общества, что тамъ дѣлается и что тамъ должно дѣлать“. Первый, Оборскій, не зная ничего, отвѣчалъ на вопросы неясно, Подполковникъ Козаковскій, которому Кульчицкій докучалъ нѣсколько разъ, наконецъ, сказалъ ему, „что Верховная власть въ Обществѣ сокрыта отъ всѣхъ, что между тѣмъ оно значительно распространяется и что въ него не принимаютъ ни знатныхъ людей (Магнатовъ), ни Генераловъ, ни Подполковниковъ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, я скоро уѣду изъ Варшавы и надобно прислать сюда кого-нибудь для продолженія сношеній: я съ здѣшними не буду имѣть никакихъ“. Кульчицкій также ѣхалъ въ Лембергъ и увѣдомилъ Ромера письменно о томъ, что слышалъ.

Не имѣя ни прямыхъ сношеній съ Варшавскимъ Обществомъ, ни руководства, ни прежней довѣренности къ своимъ силамъ, Общество Литовское перестало отличаться дѣятельностью, какъ при началѣ. Нѣтъ никакой причины полагать, чтобъ сіе Общество отъ исхода 1821 года до обнаруженнаго въ Россійско-Польскихъ Областяхъ въ Іюль 1822 года зауряднаго Тайныхъ Обществъ, что-либо предприняло, кромѣ присоединенія къ Обществу немногихъ Членовъ, коихъ дѣйствія ограничили ихъ вступленіемъ; по слѣдствіемъ не оказалось также, чтобъ бывали собранія Гминъ или Провинціальнаго Совѣта.

Лишь въ Августѣ 1823 года дѣятельность сего Общества какъ-будто возбудилась снова. Въ сіе время Ромеръ поручилъ Бялосору увѣдомить Гружѣвскаго, жившаго тогда въ деревнѣ, что его хотятъ отправить въ Варшаву. Спустя потомъ нѣсколько дней, Завита позвалъ его къ себѣ и вручилъ 1000 Польскихъ злотыхъ, какъ онъ думалъ, на путевыя издержки до Варшавы. Ромеръ утверждаетъ, что онъ не помнитъ, откуда взялъ сіи деньги, думаетъ, однакожъ, что они были собраны съ Членовъ Патриотическаго Общества, но не можетъ сказать, кто именно участвовалъ въ сей складкѣ. Сіе показаніе довольно вѣроятнo, ибо въ кассѣ Общества никогда не бывало и такой суммы денегъ. Струмилло говоритъ, что Гмина, къ которой онъ принадлежалъ, въ одномъ изъ своихъ засѣданій положила сдѣлать складку для составленія кассы; но со всѣхъ Членовъ могли собрать только 18 рублей серебромъ, которые вскорѣ послѣ того Ромеръ у него потребовалъ на расходы Общества. Вагнеръ, бывшій Казначескъ онаго, также показываетъ, что въ кассѣ ему вѣренной никогда не бывало болѣе 15 рублей, и сіи деньги, Ромеръ употребилъ на посылку нарочнаго въ Россію съ извѣстіемъ о закрытіи Массонскихъ ложъ.

Гружѣвскій пріѣхалъ въ Вильну; Ромеръ объявилъ ему, что Общество Варшавское требуетъ отъ Литовскаго болшей дѣятельности и установленія постоянныхъ между ними сношеній; сіе, прибавилъ онъ, есть цѣль даннаго ему, Гружѣвскому, порученія. Потомъ они вмѣстѣ пошли къ Кульчицкому; Ромеръ объявилъ и ему о принахъ отправленія Гружѣвскаго въ Варшаву и просилъ пособить въ семъ дѣлѣ. Гружѣвскій утверждаетъ, что Кульчицкій наименовалъ ему Подполковника Крыжалева, но Кульчицкій не признается въ томъ.

Приѣхавъ въ Варшаву, Гружѣвскій явился къ Крыжановскому и объявилъ ему о своемъ порученіи. Крыжановскій расширялъ о состояніи Общества въ Литвѣ, велѣлъ сообщить оному, что всего болѣе надобно стараться умножать число Членовъ, что нужно также узнать, не существуетъ ли Тайныхъ Сообществъ въ Россіи, въ Курляндіи и Пруссіи; что имъ должно собрать свѣдѣнія о занасахъ оружія въ Виленскомъ Арсеналѣ и что при случаѣ можно будетъ приказывать жителямъ сего города овладѣть Арсеналомъ.

Симъ ограничили дѣйствія Гружѣвскаго въ Варшавѣ. На возвратномъ пути въ Вѣлостокъ онъ принялъ Г-на Довнаровича въ Общество, поручилъ ему распространять оное и для того оставилъ списокъ съ формулы клятвеннаго обѣщанія. Довнаровичъ въ самомъ дѣлѣ принялъ нѣсколько человѣкъ, но изъ нихъ нѣкоторые дали присягу на ширшкѣ пшяныи и потомъ отреклись отъ нея, не хотѣли имѣти никакихъ связей съ Обществомъ. Были также люди, которые и не согласились на предложеніе Довнаровича.

Въ Вильнѣ Гружѣвскій не нашелъ Ромера; объ своемъ разговорѣ съ Крыжановскимъ онъ рассказывалъ Стумилѣ и Ходцко. Первый, удивляясь мысли объ Арсеналѣ, вскричалъ: „По какимъ же средствомъ овладѣть имъ?“ Ходцко думалъ, что студенты могутъ его взять.

Ромеръ не запрашивается, что намѣреніе захватить Арсеналъ было ему извѣстно; только прибавляетъ, что онъ счелъ сіе за шутку. Впрочемъ по слѣдствію не оказалось, чтобы Обществомъ Виленскимъ было что-либо предпринято для исполненія сей мысли Крыжановскаго. Гружѣвскій объявляетъ также, что Ромеръ въ томъ же году говорилъ ему: „Готовъ сабю свою кой веситъ; сіи слова ему показали шуткою, однакожь онъ рѣшился упомянуть и объ нихъ въ доказательство своей совершенной искренности. Ромеръ съ своей стороны признается, что сказалъ это Гружѣвскому, но безъ всякаго намѣренія, шутя.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило въ Литвѣ, Собанскій, назначенный Временнымъ Центральнымъ Комитетомъ для распространенія Патріотическаго Общества въ Вольнѣ и въ Подоліи, отправился туда для исполненія сего порученія. Приѣхавъ въ Бердичевъ, онъ тамъ учредилъ Провинціальный Совѣтъ. Въ наказѣ, данномъ ему отъ Временнаго Центрального Комитета было предписано помѣстить въ сей Совѣтъ отставнаго полковника Тарновскаго, Карла Дзѣковскаго и бывшаго въ Польской службѣ Офицеромъ Иванкѣвича; но ихъ не было въ Бердичевѣ. Собанскій, вмѣсто того, избралъ тогда же принятыхъ имъ въ Общество Скибицкаго, бывшаго прежде коноводителемъ въ Польской арміи, Графа Петра Мошинскаго, Вольнскаго Губернскаго предводителя дворянства и Станислава Карвицкаго, бывшаго Предсѣдателемъ 2-го Департамента Главнаго Суда той же Губерніи. Черезъ нѣсколько времени къ симъ Членамъ присоединили Циншевскаго. Но сей послѣдній не исправлялъ назначенной для него Собанскимъ должности и не былъ ни на одномъ Заѣзданіи Провинціального Совѣта, который собирался два раза въ Бердичевѣ и разъ въ Валькѣ. На сихъ собраніяхъ разсуждали объ одномъ образованіи Общества и о средствахъ увеличить число Членовъ. Между тѣмъ, Дзѣковскій, присоединяясь къ Обществу въ Варшавѣ, возвратился оттуда и привезъ Собанскому Уставъ оного, также за неключеніемъ Отдѣленія перваго о Верховной власти. При томъ объявилъ, что онъ назначенъ вице-Президентомъ Провинціального Совѣта.

Вскорѣ затѣмъ Тарновскій, также возвратясь изъ Варшавы, сообщилъ Провинціальному Совѣту, что вслѣдствіе новыхъ распоряженій Временнаго Центрального Комитета, Губерніи Вольнская, Подольская и Кіевская, составляющія одну Провинцію, будутъ раздѣлены на три; что Подолія остается подъ предсѣдательствомъ Собанскаго, а на Вильнѣ будетъ предсѣдателемъ онъ, Тарновскій, Скибицкій, приѣхавшій почти въ одно время съ Тарновскимъ, подтвердилъ его извѣстія, сказавъ при томъ, что везетъ акты образованія Общества къ предсѣдателю Кіевскому. Но въ Кіевской провинціи не было Предсѣдателя. При началѣ образованія оной вѣзмъ завѣдовалъ Запольскій; послѣ его смерти сіе перешло къ Ютенкѣ, бывшему Судѣ Главнаго Суда Кіевской губерніи; когда же онъ въ 1824 году уѣхалъ изъ Кіева, то Гродненскій заслужилъ его мѣсто. Все сіе засвидѣтельствовано Иванкѣвичемъ, который говорилъ, что Кіевская Провинція не имѣла Предсѣдателя, а только Провинціальный Совѣтъ, составленный изъ Запольскаго, Ютенки, Антона Чарковского и его, Иванкѣвича.

Соображаясь съ доставленными Тарновскимъ предписаніями, Собанскій явился ему предсѣдательство въ провинціи Вольнской и поручилъ Станиславу Карвицкому познакомить его съ Членами, жившими въ семь краѣ¹⁾; сими перемѣнами положень былъ конецъ существованію провинціального Совѣта трехъ Губерній: Вольнской, Подольской и Кіевской, и потому оный рѣшился отправитъ въ Варшаву къ Временному Центральному Комитету отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по прежнему наказу, увѣдомя его съ тѣмъ вмѣстѣ до какой степени распространилось Общество въ сихъ чѣстахъ. Сей отчетъ подписанъ Собанскимъ, Дзѣковскимъ и Мошинскимъ; онъ имѣлъ

1) Сіи члены были: Пуласскій, Юзефъ Залѣвскій, Липскій и Быковскій.

видъ обыкновеннаго письма, но истинное содержаніе было написано между строками симпатическими чернилами¹⁾. Сіе письмо для отправленія взялъ Тарновскій: онъ утверждаетъ съ клятвою, что ничего и не зналъ о томъ; однако же вѣрно, что отчетъ доставленъ Центральному Комитету.

Тарновскій безъ промедленія началъ заниматься образованіемъ Волинскаго Общества: помѣстивъ въ Провинціальный Совѣтъ Станислава Карвицкаго и Юсіфа Залѣскаго. Первый, назначенный Вице-Президентомъ, вмѣстѣ съ Тарновскимъ управлялъ дѣлами Патріотическаго Общества; втораго хотѣли сдѣлать Казначеемъ, но онъ только носилъ сіе имя и ни въ чемъ по Обществу не участвовалъ. Карвицкій и Тарновскій раздѣлили Волинскую провинцію на 6 округовъ: Ровенскій порученъ Ворцелю, Константиновскій Ивану Понятовскому, Овручскій Залѣсскому, Луцкій Липскому²⁾, Кременецкій Скибицкому.

Ворцель признается, что вслѣдствіе сихъ распоряженій, о коихъ его увѣдомилъ Мошинскій, онъ, хотя и съ трудомъ, уговорилъ нѣсколько человекъ вступить въ сообщество. Изъ наименованныхъ имъ иныхъ уже нѣтъ на свѣтѣ, другіе же Францискъ Чарнецкій и Игнатій Платеръ утверждаютъ, что никогда не принадлежали къ Патріотическому Обществу. Ворцель говоритъ самъ, что онъ едва былъ знакомъ съ ними и упоминалъ имъ о Тайномъ Обществѣ лишь мимоходомъ, такъ же какъ о необходимости поддерживать и питать народный духъ и чувство.

Слѣдственный Комитетъ не нашелъ никакихъ доказательствъ, чтобы прочіе, большею частью безъ вѣдома ихъ избранные Тарновскимъ, Начальники Округовъ его Провинціи, старались образовать ихъ и, какъ видно, Общество въ сихъ мѣстахъ не имѣло значительныхъ успѣховъ. Почти также было и въ двухъ другихъ провинціяхъ, ибо во всѣхъ трехъ въ Патріотическое Общество дѣйствительно принято не болѣе 30-ти человекъ. Сначала называли принадлежавшими къ оному еще многихъ, но въ продолженіе слѣдствія открыто, что показатели именовали ихъ Членами ошибочно, по слухамъ или догадкѣ. Есть примѣры, что иные изъ имѣвшихъ порученіе распространять Общество, или изъ хвастовства, или для того, чтобы не подвергнуться упрекамъ за бездѣйствіе, включили въ число принятыхъ или и тѣхъ, при которыхъ они только слегка упоминали о существованіи Общества, и даже тѣхъ, объ коихъ только думали, что они согласились бы на предложеніе вступить въ оное. Малочисленность принадлежавшихъ въ самомъ дѣлѣ къ Обществу въ семь краѣ не трудно изяснить обстоятельствами мѣстными. Обыватели Губерній Волинской, Подольской и Кіевской живутъ по деревнямъ, иногда весьма далеко другъ отъ друга, не имѣютъ удобства часто видѣться и собираются только по дѣламъ или въ случаяхъ чрезвычайныхъ. Отъ того всѣ засѣданія, о коихъ сказано выше, были во время ярморокъ въ Балтѣ и Бердичевѣ или во время контрактовъ въ Кіевѣ³⁾. На сихъ же собраніяхъ принята и большая часть Членовъ.

Общество существовало въ семь видѣ до 1822 года, но въ семь году, чтобы установить единство, рѣшились учредить для всѣхъ трехъ провинцій Комитетъ, долженствовавшій быть средоточіемъ дѣлъ Общества. Тарновскій на сдѣланный ему о семь вопросъ отвѣчалъ, что можетъ быть Варшавскій Центральный Комитетъ учреждалъ подобный для провинцій Волинской, Подольской и Кіевской, но что сія мѣра не была приводима въ дѣйствіе. Однако же доказано, что есть Комитетъ, хотя и имъ не былъ формально установленъ, но существовалъ, и что управленіе дѣлами Общества по всѣмъ тремъ Провинціямъ оставалось въ рукахъ дѣятельнѣйшихъ Членовъ, между прочимъ и Тарновскаго. Онъ не былъ предсѣдателемъ Провинціального Кіевскаго Совѣта, и однако же, когда пріѣзжалъ въ Кіевъ, то всякій разъ ему давали отчетъ о состояніи Общества въ сей Провинціи.—Въ засѣданіи, бывшемъ въ Кіевѣ у него, Тарновскаго, Запольскій, первый изъ занимавшихся учрежденіемъ и образованіемъ Общества въ Кіевской Губерніи, читалъ свое о томъ донесеніе. Наконецъ, онъ же, Тарновскій, въ 1822 году сдѣлалъ нѣкоторыя общія распоряженія не по одной Волини, а и по двумъ другимъ Провинціямъ.

Дѣла Патріотическаго Общества были въ семь положеніи, когда дѣйствія его начали встрѣчаться и смѣшиваться съ дѣйствіями другого Сообщества, о коемъ еще не упоминалось въ семь донесеніи. Сіе Сообщество называлось Рыцарями Храма (Темпліерами); основателемъ его былъ Маѣвскій, Капитанъ Уланскаго полка Его Королевскаго Высочества Принца Оранскаго, Номера 1-го. Сей Офицеръ былъ въ плѣну у Англичанъ, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Шотландіи, тамъ принять въ логу Рыцарей Храма и, какъ онъ сказываетъ, возведенъ въ высше степени ордена, съ дозволеніемъ учреждать новыя ложи⁴⁾. Спусти довольно долгое время послѣ возвра-

¹⁾ Рецептъ для составленія сихъ чернилъ данъ Дзѣнковскому въ Варшавѣ вмѣстѣ съ Уставомъ Общества.

²⁾ Сей Липскій умеръ.

³⁾ Контрактами называется ежегодное собраніе тамошнихъ помѣщиковъ для приведенія въ порядокъ разныхъ между собою дѣлъ по хозяйству и торговлѣ.

⁴⁾ Въ подтвержденіе оны показывалъ многимъ выданный будто ему изъ Шотландской ложи дипломъ; но оный не найденъ въ бумагахъ его и не былъ представленъ Слѣдственному Комитету.

щенія своего въ Польшу, онъ вздумалъ воспользоваться симъ дозволеніемъ; однако же въ Варшавѣ не могъ привести онаго въ дѣйствіе. Тамъ въ 1819 году онъ принялъ только безъ всякихъ обрядовъ и торжественности Г. Лаговскаго, бывшаго Штабъ-Офицера Польской службы и Заблоцкаго, Комиссаріатскаго Чиновника; потомъ принужденъ былъ ѣхать за ремонтомъ на Волынь и съ сихъ норъ жилъ почти всегда тамъ. Но онъ не терялъ изъ виду прежнихъ своихъ намѣреній и отсутствіе изъ Варшавы не считалъ препятствіемъ для успѣха. Напротивъ, безпрестанные разъѣзды, смененіе по должности съ множествомъ разнаго рода людей доставляло ему неожиданные благоприятные случаи. Онъ ими пользовался, и въ 1820 году съ помощію и по совѣту Лаговскаго, также часто бывавашаго въ семь край, положилъ начало своему Обществу на основаніяхъ, ниже сего описанныхъ.

Не зная расположенія умовъ, не зная, возможно ли будетъ распространить Общество въ настоящемъ видѣ онаго, Маѣвскій, равно и Лаговскій, ибо послѣдній съ сего времени является всегдашнимъ Совѣтникомъ и руководителемъ перваго, рѣшились тайно свою истинную цѣль подъ благовиднымъ покровомъ намѣреній человѣколюбія; потому Общество свое наименовали Благотворительнымъ. Но сіе названіе не долго было въ употребленіи, вскорѣ Члены начали именовать себя Темпліерами, а прежде имя оставлено для первой степени, и особенно для тѣхъ изъ принимаемыхъ, коихъ свойства и правила были начальникамъ не довольно извѣстны. Отъ сего произошло, что многіе Члены знали оное подъ симъ только именемъ.

Кандидатамъ объявляли, что цѣль Общества есть: благотвореніе, исполненіе обязанностей нравственности и законовъ добродѣтелей. Въ присягѣ они обѣщали сообразоваться въ точности съ правилами Общества, не открывать тайнъ его, всѣмъ жертвовать отечеству, проливать кровь для защиты онаго, стоять на полѣ битвы одному противъ трехъ.—Та же присяга обязывала ихъ не обольщать ни женъ, ни дочерей другихъ Членовъ Сообщества, и буде одинъ поручитъ другому онеку надъ дѣтьми своими, то исправлять сію должность добросовѣстно и съ человѣколюбіемъ. Наконецъ, имъ было предписано считать все Общество своимъ семействомъ и стараться возвращать къ добродѣтели заблуждающихся Членовъ¹⁾.

Обряды, особенно для вступленій, были установлены такіе, чтобы заставить думать, будто Общество существуетъ съ весьма давнихъ временъ. Маѣвскій показывалъ, что Лаговскій для сочиненія оныхъ справлялся съ разными Масонскими книгами, съ однимъ сочиненіемъ о Рыцаряхъ храма, соображаясь, однако же и съ гѣмъ, что онъ, Маѣвскій, ему рассказывалъ о своемъ принятіи въ Единбургскую ложу. Вступающій долженъ былъ принести Обществу въ даръ, по крайней мѣрѣ, 100 золотыхъ на благотворительныя дѣла.

Прежде еще образованія Общества многіе уже были приняты въ оное Маѣвскимъ. Число Членовъ увеличилось въ большій въ Кіевѣ въ Генварѣ 1821 года два Собранія; въ послѣднемъ избраны Верховные Сановники Общества²⁾. Но симъ выборомъ по большей части возложены только имена; весьма немногіе исправляли въ самомъ дѣлѣ назначенныя имъ должности; въ Августѣ того же года были два засѣданія въ Бердичевѣ.—Въ первомъ приняты между прочими Графъ Петръ Мошинскій, во второмъ, которое было гораздо многочисленнѣе, Собанскій. Въ семь засѣданій Карвицкій предложилъ соединить Патріотическое Общество съ Темпліерами. Но сіе предложеніе, поддерживаемое Мошинскимъ, Цишевскимъ и Пуласскимъ, которые только что вступили въ Патріотическое Общество, было отвергаемо Тишковскимъ и Маѣвскимъ. Сей послѣдній утверждалъ, что Общество Темпліеровъ, имѣя отрасли въ разныхъ земляхъ, будучи распространено и въ Бѣлоруссіи, и въ Малороссіи, столь велико, столь сильно, что не имѣетъ нужды соединяться съ другимъ. Слѣдствіемъ доказано, что все сіе было не справедливо и что Общество Темпліеровъ никогда не имѣло отраслей въ означенныхъ Областяхъ Имперіи; но Члены разныхъ Тайныхъ Обществъ считали себя выравъ обманывать другъ друга, когда находили въ томъ выгоду. Предложеніе Карвицкаго осталось на сей разъ безъ дѣйствія, но приняло другое: учредить двѣ нижнія ступени для испытанія тамъ, чтобы прежняя первая была уже третьею. Изъ присяги сихъ новоустановленныхъ степеней исключены слова: обязывалась жертвовать всѣмъ Обществу, проливать за него кровь свою и не отступать и предъ тремя непріятелями на полѣ битвы. Положили, сверхъ того, въ каждой Губерніи завести ложу изъ 12 Членовъ. Для сего назначены Намѣстникамъ или Предѣдателями сихъ ложъ: въ Волынскую губернію Карвицкій, въ Подольскую Мошинскій, въ Кіевскую Пуласскій вмѣстѣ съ Цишевскимъ. Слѣдственнымъ Комитетомъ открыто, что пѣть сихъ ложъ существовали въ самомъ дѣлѣ

¹⁾ Сіе клятвенное обѣщаніе сочинено Лаговскимъ; въ ономъ видна отличительная черта его характера, какое-то расположеніе къ мистическому правоученію.

²⁾ Маѣвскій наименованъ Великимъ Магистромъ Темпліеровъ, Станиславъ Карвицкій заступающимъ мѣсто Великаго Магистра, Лаговскій Великимъ Ораторомъ, Пуласскій Великимъ Намѣстникомъ, Цишевскій Великимъ Судьею, Загорскій Великимъ Обознымъ, Карпинскій Великимъ Секретаремъ.

только двѣ, одна въ Житомирѣ подъ управленіемъ Карвицкаго, другая въ Подоліи подъ начальствомъ Мошинскаго.

Между тѣмъ, около сего времени многіе изъ Темпліеровъ приняты въ Патріотическое Общество, а равнымъ образомъ и нѣкоторые изъ Членовъ сего Общества вступили въ Темпліеры.

Пренія и ссоры должныствовали быть послѣдствіемъ такого смѣшенія людей съ различными видами и побужденіями; оныя вскорѣ начались. Главные Члены Общества Темпліеровъ принадлежали и къ Обществу Патріотическому. Маѣвскій сталъ бояться, чтобы сіе послѣднее не овладѣло совершенно тѣмъ, которое онъ основалъ, и чтобы Темпліеры не обратились въ нижнюю степенъ пли дожу для нещастій. Дабы противодѣйствовать сему, онъ, во всякомъ случаѣ превознося свое Общество, тверди о его силахъ, старался унижать Общество Патріотическое. Тогда ему была еще неизвѣстна истинная цѣль оного; онъ однако же угадывалъ, что сія цѣль могла быть не иная, какъ политическая и потому говорилъ, что сіе Общество есть враждебное Правительству и долженствуетъ навлечь гоненіе на Членовъ. Съ другой стороны, Тарновскій, вступивъ въ Темпліеры, находилъ мистическіе обряды ихъ смѣшными, опровергалъ увѣренія Маевскаго и всячески пренятывалъ распространенію его сообщества. Замѣчая сіе несогласіе въ мнѣніяхъ и намѣреніяхъ, Станиславъ Карвицкій, будучи отъ природы боязливъ или, какъ онъ самъ себя называетъ, трусъ, началъ ужасаться политической цѣли Патріотическаго Общества, въ которое онъ только что вступилъ, и рѣшился возобновить старанія для соединенія Обществъ или, чего онъ желалъ наиболѣе, для того, чтобы подчинить совершенно Патріотическое Общество Темпліерамъ. Тарновскаго сія мысль доводила до бѣшенства; онъ всѣми силами противился приятію оной; съ нимъ соглашался Князь Антошъ Яблоновскій, который считалъ соединеніе потому невозможнымъ, что исключительною цѣлью Общества Патріотическаго было возстановленіе и независимость Польши, а Темпліеры могли со временемъ назначить себѣ другую, обширѣйшую. Старанія Карвицкаго и въ семъ случаѣ были безуспѣшны.

Но отъ сихъ продолжительныхъ споровъ необходимо должны были родиться неудовольствія, даже зложелательство между людьми, коихъ мнѣнія были столь несходны. Дошло до того, что важнѣйшіе изъ Темпліеровъ, особливо Намѣстники, будучи всѣ Членами Общества Патріотическаго и мучая безпрестанными ссорами, стали грозить, что совсѣмъ оставятъ свое прежнее Сообщество, тѣмъ болѣе, что мистичизмъ оного имъ чужъ отъ часу менѣе нравился, а къ Патріотическому ихъ влекла политическая ея цѣль, всегда заманчивая для умовъ безпокойныхъ. Маѣвскій, видя, что Общество, имъ основанное, готово разрушиться и, не зная, чѣмъ остановить сего наденіе, вздумалъ къ существовавшимъ дотолѣ тремъ степенямъ прибавить четвертую, въ которой—говорилъ онъ—Члены Общества Темпліеровъ найдутъ, то, чего они ищутъ въ Патріотическомъ, слѣдственно не захотятъ уже разстаться съ первымъ. Мысль учредить сію четвертую степенъ приведена въ дѣйствіе; но предназначеніе оной, какъ видно, никогда не было съ совершенною точностію опредѣлено. Изъ всѣхъ показаній о Сообществѣ Темпліеровъ самыя несогласныя суть тѣ, кои относятся къ сему обстоятельству. Маѣвскій, который, по своимъ собственнымъ словамъ о 4-й степені, что Темпліеры въ ней найдутъ то, чего они искали въ Обществѣ Патріотическомъ, сначала призналъ, что, слѣдственно, главная цѣль сего Общества—соединеніе всѣхъ частей прежней Польши—сдѣлалась также и цѣлью Темпліеровъ, пригомъ утверждалъ и неоднократно, что сіе заключеніе было бы несправедливо, что цѣль установленной имъ 4-й степені была совсѣмъ не та.

Мошинскій былъ въ обоихъ Обществахъ и, слѣдовательно, не имѣя причины скрывать, что вышеозначенная цѣль была принята и Темпліерами, гакже сначала объявилъ, что о сей цѣли знали Члены 4-й степені, и потому также перемѣнилъ свое показаніе, утверждая, что сія степенъ принадлежала къ однимъ обрядамъ и тайнамъ Массонства; прежде онъ сказалъ иное единственно по ошибкѣ, не вспомянувъ вдругъ съ надлежащею точностію, въ чемъ разнились цѣли двухъ Сообществъ, коихъ онъ былъ Членомъ.

Станиславъ Карецкій, подтверждая сіе показаніе, увѣрялъ, что 4-я степенъ Темпліеровъ не имѣла ничего сходнаго съ Обществомъ Патріотическимъ, что она просто Массонская и не что иное, какъ степенъ 3-я Массонства Французскаго.

Лаговской говоритъ, что онъ не участвовалъ въ установленіи сей 4-й степені, даже не зналъ объ ней. Цишевскій же утверждаетъ, что въ сей степені предписывалось жертвовать имуществомъ и жизнью для возстановленія Отечества; а Казимиръ Пуласскій объявилъ, что послѣ учрежденія двухъ первыхъ нижнихъ степеней онъ слышалъ, будто въ числѣ обязанностей Членовъ есть и соблюденіе духа и чувства народнаго; но ему неизвѣстно, открытіемъ ли сей цѣли означалось принятіе въ 4-ю степенъ.

Сличивъ сіи разныя показанія, сообразивъ оныя съ тогдашними обстоятельствами и съ другими во время слѣдствія собранными свѣдѣніями, кажется, невозможно согласить противорѣчія и симъ разрѣшить вопросъ, имѣло ли Общество Темп-

дѣловъ цѣль политическую? Доказано, что Маѣвскій узналъ съ точностью объ истинномъ назначеніи Патріотическаго Общества только въ 1825 году; слѣдовательно, онъ не могъ въ 1822 сообщать другимъ, чего еще и самъ не зналъ; онъ не имѣлъ въ томъ и думъ, ибо вступившіе тогда въ 4 стѣни Темпліеровъ, то есть Намѣстники, всѣ были Членами Патріотическаго Общества; слѣдственно, цѣль онаго была имъ самымъ гораздо болѣе извѣстна. Все объясняется тѣмъ, что сія 4 стѣни соотвѣтствовала 33 стѣни Массонства Французскаго; а изъ признаній Станислава Карвицкаго, который вступилъ въ оную въ Парижѣ, масонъ 33 стѣни принималъ на себя съ именемъ Темпліера обязанность помогать всякому народу, воюющему за свою независимость. Сіе обѣщаніе могло относиться и къ Польшѣ, но не къ ней исключительно, какъ въ Обществѣ Патріотическомъ. Слѣдственно, Маѣвскій, подозрѣвая виды сего Общества, имѣлъ право сказать, что въ 4 стѣни Общества Темпліеровъ Члены найдутъ то, чего они ищутъ въ другомъ; но изъ сего нельзя еще съ основательностью заключить, чтобы цѣль Патріотическаго Общества была принята Темпліерами, ибо въ сіе время Польша не сражалась за свою независимость, а Темпліеры не обязывались возбуждать войны сего рода посредствомъ революцій.

Едва лишь удалось Маѣвскому спасти свое Общество отъ разрушенія и соединенія съ Обществомъ Патріотическимъ, какъ стала ему грозить новая опасность: намѣреніе измѣнить совершенно и образованіе и даже отчасти предназначеніе Общества, а съ тѣмъ вмѣстѣ лишить основателя способовъ управлять имъ сообразно съ своимъ видамъ.

Въ 1822 году, послѣ описанныхъ выше засѣданій Общества Темпліеровъ, Члены онаго, принадлежащіе къ Намѣстничеству Графа Петра Мошинскаго, и въ томъ числѣ Цишевскій, собрались два раза у своего Намѣстника и разсуждали о средствахъ распространить Общество, дать ему болѣе силы и дѣятельности. Всѣ вообще находили, что Маѣвскій не имѣлъ нужныхъ для управленія способностей и что для введенія недостающаго въ ономъ единства необходимо составить новыя Статуты. Мошинскій сообщилъ свои на счетъ сей мысли Цишевскому, а сей послѣдній сочинилъ проектъ образованія, по коему Общество Темпліеровъ должно существовать состоять изъ прежнихъ 4 стѣней. Въ первой постукающимъ предписывалась любовь къ ближнему и взаимное вспоможеніе; во второй обязанность соблюдать народный духъ и чувство; въ третьей напомнили вообще о долгѣ любить Отечество; наконецъ, въ четвертой Темпліеръ объявлялъ, что весь принадлежитъ своему родному краю и готовъ, если нужно, жертвовать ему всею. Цишевскій въ сіе время былъ уже Членомъ Патріотическаго Общества и, соображаясь съ Уставомъ онаго, написалъ Проектъ Устава для Темпліеровъ. По сему проекту слѣдовало ввести и между ими постепенность во властяхъ для управленія Обществомъ, учредить Верховный Совѣтъ, подъ предѣдательствомъ Великаго Магистра, Комитеты Провинціальныя, Намѣстничества и Округи. При каждомъ изъ сихъ Начальствъ должны были находиться разѣдники для сношеній съ другими Начальствами, а въ Губернскихъ городахъ Прокуроры для наблюденія за безопасностью какъ всего Общества, такъ и всякаго Члена въ особенності. Свѣдѣнія отъ нихъ должныствовали быть присылаемы чрезъ разѣдниковъ.

Въ томъ же году Цишевскій, собравъ у Чуласкаго трехъ другихъ Членовъ — Станислава Карвицкаго, Маѣвскаго и Тишковскаго, показалъ имъ свой проектъ образованія; всѣ одобрили его и однакожь оный не сдѣлался Уставомъ Общества. Маѣвскій, видя, что у него отнимаютъ большую часть присвоенной имъ власти, попреобвалъ проектъ къ себѣ будто бы для разсмотрѣнія, а потомъ самовольно уничтожилъ его, какъ несогласный съ коренными правилами Общества Темпліеровъ.

Въ семь положеній осталось все до конца 1822 года и между тѣмъ приняты лишь не многіе и незначищіе Члены. Патріотическое Общество Провинцій Вольнской, Подольской и Кіевской также очень мало дѣйствовало. Члены обихъ Обществъ слышали, что въ Варшавѣ взяты нѣкоторые люди подъ стражу и сіе возбудило въ нихъ боязню, которая еще увеличилась, когда Графъ Викторъ Оссолинскій въ 1823 году сообщилъ Мошинскому предписаніе не принимать никого вновь и вообще наблюдать крайнюю осторожность. Боязню ихъ была не безъ основанія; мѣры, которыя тогда приняты въ Варшавѣ, точно имѣли цѣлю открытіе Патріотическаго Общества и принадлежать къ Исторіи онаго.

Съ того времени, какъ Центральный Комитетъ началъ посредствомъ разосланныхъ имъ повѣренныхъ распространять сіе Общество въ Литвѣ и другихъ Россійско-Польскихъ областяхъ, Общество имѣло нѣкоторые успѣхи и въ Царствѣ Польскомъ и хотя изъ вступившихъ въ оное Членовъ большая часть была ничтожныхъ, немнѣвшихъ внослѣдствіи никакихъ сношеній съ Сообществомъ, но за то были и такіе, которые своею дѣятельностью замѣняли другихъ или недлюбившихъ сего рода Сообществъ или предчувствовавшихъ опасность, коей они подверглись бы, участвуя въ предпріятіяхъ онаго.

Бывшій Подполковникъ Доброгойскій, посланный Лукасинскимъ для распространенія Общества въ Калишѣ, былъ въ семь городѣ многими хорошо принятъ, а

въ Начальникѣ Контроля кассы Воеводства Добржицкомъ нашелъ ревностнаго по-собника, который съ жаромъ присталъ къ Обществу и ваялся содѣйствовать Добро-гольскому. Кошущій, бывшій прежде студентомъ въ Бреславскомъ Университетѣ, а послѣ Ассессоромъ въ Калишскомъ судѣ, также съ отъѣшною готовностью вступилъ въ Общество и сдѣлался однимъ изъ усерднѣйшихъ послѣдователей всѣхъ правилъ, онымъ предписанныхъ. Другое важнѣйшее лице, отставной Маіоръ Махницкій, въ сіе же время является въ числѣ Членовъ Патриотическаго Общества. Онъ былъ товари-щемъ и содѣйствователемъ Лукасинскаго въ заведеніи Национальнаго Массонства, не показываясь въ ономъ открыто, такимъ же образомъ управляя и Капитуломъ онаго и Комитетомъ, который послѣ разрушенія сего Массонства не переставалъ быть дѣя-тельными; онъ тогда же замыслилъ положить основаніе новому Тайному Обществу. Не бывъ въ Варшавѣ, когда отставной Генералъ Уминскій пріѣзжалъ для учрежденія Патриотическаго Общества, Махницкій по возвращеніи узналъ обо всемъ отъ Лука-синскаго и, какъ сей послѣдній показываетъ, одобрилъ все, присталъ къ нему, не скупился ни на совѣты, ни на возбужденія. Во Временномъ Центральномъ Комитетѣ было свободное мѣсто за отъѣздомъ Собанскаго, отправленнаго въ Россійско-Польскія Губерніи для распространенія Общества. Положено Махницкому заступитъ его; однако же онъ, не измѣняя избраннаго имъ прежде осторожнаго, почти отъ всѣхъ сокрываемаго хода, продолжалъ дѣйствовать лишь въ тайнѣ и очень рѣдко являлся въ засѣданіяхъ Комитета.

Число Членовъ Патриотическаго Общества въ Царствѣ Польскомъ увеличилось, во оное было составлено изъ людей малозначущихъ, не имѣло ни силъ, ни вліянія. Тѣ между ими, кои болѣе другихъ желали успѣха замышляемымъ предпріятіямъ, сами чувствовали, что въ семь состояніи онъ не возможенъ, что Общество не имѣетъ ни твердости, ни единства, и Лукасинскій, коему было поручено распространять оное въ войскѣ, признавался, что его внушнія не производили никакого впечат-лѣнія на Генераловъ, даже на Полковниковъ. Обманывая на сей счетъ прочихъ членовъ, главные старались увѣрить ихъ, что прежде бывшіе въ Польской службѣ отличные Офицеры принадлежатъ къ ихъ обществу; однакожъ чувствовали, что симъ они не долго могутъ ослѣпить и самыхъ легкомысленныхъ и возвышатъ въ мнѣніи такое Сообщество, которое по свойству Членовъ своихъ не имѣло никакихъ правъ на довѣренность. Всѣхъ болѣе былъ въ семь убѣжденъ Махницкій; и по спо-собностямъ своимъ, и по опытности, онъ лучше другихъ могъ судить, каковы люди, изъ коихъ составлялось Общество, и первый началъ думать о средствахъ дать оному въ Начальники человѣка съ извѣстностью въ свѣтѣ, такого, чтобы имя его могло возбудить надежды и привлечь послѣдователей. Прежде всѣхъ мысли его представился Генералъ Княжевичъ; Махницкій объявилъ Соचनाмъ, что, если они (Княжевичъ) или, въ случаѣ его отказа, хотъ Генералъ Косинскій ¹⁾ не примутъ началь-ства надъ Обществомъ, то оно не можетъ и существовать далѣе. Хотя во Времен-номъ Центральномъ Комитетѣ иные спорили съ Махницкимъ, однакожъ онъ рѣшился сдѣлать предложеніе Генералу Княжевичу, который, давно оставя службу, живетъ въ Дрезденѣ. Для сего онъ избралъ одного Павликовскаго и, принявъ его вмѣстѣ съ Лукасинскимъ въ Общество, объявилъ ему, на что онъ предназначенъ. Павликовскій жилъ проницательствомъ, и какъ скоро узналъ намѣреніе Махницкаго, онъ сталъ утвер-ждать, что пользуется довѣренностью Генерала Княжевича; ему дали денегъ на дорогу и онъ сказалъ, что ѣдетъ въ Дрезденъ, но вмѣсто того, доѣхалъ лишь до Познани, написалъ оттуда, что онъ исполнилъ данное ему порученіе: только Генералъ Княжевичъ, не видя документа въ подтвержденіе истинны словъ его, не захотѣлъ вступить съ нимъ въ переговоры. При семь Павликовскій требовалъ новыхъ наставленій, особливо же новой суммы денегъ и получилъ ее. Подобными обманами онъ еще нѣсколько времени льстилъ ожиданіямъ легковѣрныхъ Членовъ Общества. Хотя имъ и не было представлено никакихъ доказательствъ, что Павликовскій въ самомъ дѣлѣ имѣлъ свиданіе съ Генераломъ Княжевичемъ; хотя даже многіе и сомнѣвались въ томъ, но, чтобы возвышать свое Общество въ мнѣніи, не стыдяся, говорили или что Генералъ Княжевичъ Начальникъ онаго, или что онъ предсѣдатель заграничнаго Главноуправ-ляющаго Комитета, коего цѣль и сношенія столь важны, что ихъ необходимо хранить въ величайшей тайнѣ. Слѣдствіемъ обнаружена совершенная лживость сихъ увѣреній и тѣ самыя, которые распространяли между своими товарищами сіи слухи о Генералѣ Княжевичѣ, объявили въ признаніяхъ, что все ими на сей счетъ сказано безъ малѣй-шаго основанія, что онъ, вѣроятно, не зналъ о существованіи Общества, въ которомъ его провозглашали главою и что сдѣланныя будто бы ему предложенія были ничто оное, какъ выдумка Павликовскаго, который симъ старался выманить у Общества болѣе денегъ.

Какъ ни таинственны были дѣйствія сего Общества, однакоже не могли всегда избѣгать бдительнаго надзора правительства. Извѣстія, изъ разныхъ мѣстъ получен-ныя, даже и показанія, хотя еще не полныя, нѣкоторыхъ, благоразуміемъ или рас-

1) Нынѣ уже умершій.

каніемъ побужденныхъ, Членовъ, не дозволяли сомнѣваться, что есть тайное Общество съ опредѣленною политическою цѣлью, что оно въ безпрестанномъ движеніи и умножаетъ число соумышленниковъ. Вслѣдствіе сего усилена дѣятельность въ изысканіяхъ, взяты подъ стражу Лукасинскій, Махницкій, Доброгойскій, Добржицкій, Адвокатъ Шредеръ, Кошицкій и нѣсколько другихъ менѣе значившихъ въ Обществѣ Членовъ. Наряженъ Слѣдственный Комитетъ для совершеннаго открытія кова, коего одна отрасль была уже обнаружена.

Сія мѣры, доказавъ, что существованіе Тайнаго Общества извѣстно, привели въ ужасъ всѣхъ Членовъ онаго. Не зная, не будутъ ли они вскорѣ раздѣлять судьбу взятыхъ подъ стражу товарищей, опасаясь дать къ тому поводъ малѣйшею неосторожностью, они убѣгали другъ отъ друга и, развѣ случайно встрѣчаясь, дозволяли себѣ сказать мимоходомъ нѣсколько словъ о своемъ Сообществѣ. Сіе продолжалось до 1823 года. Временный Центральный Комитетъ уже не существовалъ; изъ Членовъ онаго главные были подъ стражею, иные въ отсутствіи по дѣламъ службы или своимъ, прочіе въ страхѣ. Что касается до тѣхъ, которые, вступивъ въ Общество, единственно по сему считались принадлежащими къ оному, они не могли имѣть желанія дѣйствовать больше прежняго, чувствуя, что и такъ уже подвергли себя опасности. Однимъ словомъ, Общество въ Царствѣ Польскомъ было совершенно безъ движенія и готово разрушиться. Но, видя, что не сбывается то, что они опасались всего болѣе, то есть быть взятыми подъ стражу, видя, что слѣдствіе продолжается, не касаясь до нихъ, они стали покойнѣе; время мало—по—малу изгладило первыя впечатлѣнія страха, и ревностнѣйшіе Члены, не боясь уже за себя, и какъ видно, полагааясь на скромность допрашиваемыхъ, осмѣлились, однако же, съ необыкновенными предосторожностями заняться снова дѣлами Общества. Они не имѣли установленныхъ засѣданій; совѣщанія начинались, когда случайно два или три Члена встрѣчались на какомъ нибудь гуляньѣ, всего чаще въ Королевскомъ саду. На сихъ совѣщаніяхъ разсуждали единственно о мѣрахъ для препятствія дальнѣйшимъ открытіямъ Правительства: тогда положено сообщить и Волынскому Провинціальному Совѣту, чтобъ тамъ не набярали новыхъ Членовъ.

Въ Царствѣ Польскомъ были въ сіе время дѣятельны только Подполковникъ Крыжановскій, Князь Антонъ Яблоновскій, Референдарій Гржимала и Секретарь Пляхта. Къ симъ присоединились Сенаторъ и Кастелланъ Графъ Станиславъ Солтыкъ, который далъ знать Гржималѣ, что принадлежитъ къ Обществу. По слѣдствію не открыто, кѣмъ онъ былъ принятъ; самъ онъ утверждаетъ, что его никто не принималъ; и сего показанія нельзя назвать невѣроятнымъ, ибо извѣстно, что въ Обществѣ не было никакихъ знаковъ, но коимъ Члены могли бы узнавать другъ друга; что они по изъявленному въ разговорахъ образу мыслей, когда онъ былъ сходенъ съ ихъ мыслями и правилами, заключали, принадлежитъ ли кто къ ихъ Сообществу и отъ такихъ ничего не скрывали. Подобнымъ сему случаемъ, какъ видно, и Графъ Солтыкъ и многіе другіе знали о тайнахъ Общества. Какъ бы то ни было, но присоединеніе такого Члена должноствовало обрадовать главныхъ въ Обществѣ дѣйствователей. Въ немъ, наконецъ, они находили человѣка съ многолѣтней опытностью¹⁾, приборѣтенною въ исправленіи разныхъ государственныхъ должностей, и съ именемъ, которое могло внушить довѣренность. Спѣшили симъ воспользоваться, и вскорѣ потомъ Гржимала и Пляхта предложили ему быть Начальникомъ Варшавской провинціи, слѣдственно, главою Общества. Графъ Солтыкъ принялъ ихъ предложеніе и съ сего времени былъ постоянно признаваемъ за начальника всего Патриотическаго Общества.

Въ нѣкоторомъ отношеніи онъ въ самомъ дѣлѣ былъ главою и руководителемъ онаго. Собранія Членовъ съ тѣхъ поръ бывали всегда у него и обыкновенно онъ предсѣдательствовалъ на совѣщаніяхъ. Крыжановскій и Князь Яблоновскій, которые явногда дѣйствовали безъ предписаній, всегда, однако же, давали ему отчетъ во всемъ, что сдѣланномъ и совѣтовались какъ продолжать начатое. Сіи собранія вполнѣдствіи названы Верховнымъ Совѣтомъ Общества; хотя никто не думалъ вручать имъ такую власть, но она сама собою сосредоточивалась въ семъ Совѣтѣ; ибо отселѣ не въ Обществѣ и дѣлалось, и предпринималось по направленію онаго. Члены, о коихъ сказано выше, что они одни остались дѣйствующими, составляли сей совѣтъ; однако же, не всѣ принимали равное участіе въ управленіи Общества. Истинными правителями были: Графъ Солтыкъ, Князь Антонъ Яблоновскій и Подполковникъ Крыжановскій; ихъ не возводили въ сіе званіе, но оно принадлежало имъ: Графу Солтыку за тѣмъ, что его считали необходимымъ, а двумъ другимъ потому, что они были предприимчивѣе и дѣятельнѣе всѣхъ прочихъ. Вскорѣ явились новыя доказательства предприимчивости сихъ Членовъ.

Во все время своего существованія прежній Центральный Комитетъ Патриотическаго Общества занимался единственно средствами распространять оное и разсужденіемъ о Статутахъ для его образованія. Намѣреніемъ сего Комитета было только соединить Поляковъ узами народнаго чувства, предоставляя времени

¹⁾ Ему слишкомъ 80 лѣтъ.

произвести обстоятельства, въ коихъ Общество могло бы достигнуть своей настоящей цѣли, то есть совокупить и сдѣлать независимыми всѣ части прежней Польши. Но заступившій мѣсто его Совѣтъ едва принялъ, безъ вѣдома самого Общества, главное надъ онымъ управленіе, какъ началъ простираť свои дерзостныя замыслы гораздо далѣе и, считая, что обстоятельства уже благоприятствуютъ ему, смѣшилъ воспользоваться ими для приведенія въ дѣйствіе своихъ разрушительныхъ плановъ.

Оссолинскій и Князь Антонъ Яблоновскій бывали иногда для своихъ дѣлъ въ Вольнской Губерніи и въ Кіевѣ. Въ 1823 году они замѣтили между Офицерами находившихся тамъ войскъ неудоливствіе, которое они безъ малѣйшей осторожности изъявили въ рѣчахъ самыхъ нескромныхъ и при множествѣ свидѣтелей. Иные говорили даже, что нынѣшній порядокъ не можетъ продолжаться; при томъ носились пещаные слухи о Тайномъ Обществѣ, составившимся для измѣненія образа Правленія въ Россіи.

Сіи слухи, достигнувъ Варшавы, возбудили вниманіе Членовъ такъ называемаго Верховнаго Совѣта Патріотическаго Общества. Зная, что цѣль Русскаго Тайнаго Общества не иначе можетъ быть достигнута, какъ посредствомъ революціи, они въ мятѣжахъ, угрожавшихъ Россіи, видѣли одинъ благоприятный случай для исполненія своихъ собственныхъ намѣреній и думали воспользоваться или пособіемъ Общества, которое замышляло перемѣну въ Имперіи, или должествовавшими прозойити отъ сего безпорядкамъ. И такъ между Крыжановскимъ, Княземъ Яблоновскимъ и Графомъ Солтыкомъ положено узнать вѣрнѣе о цѣли и силахъ Русскаго Общества, а, буде можно, и войти съ онымъ въ сношеніе.

Съ своей стороны, сіе Общество, извѣстясь о существованіи Польскаго, желало имѣть точнѣйшее свѣдѣніе о силѣ и свойствахъ онаго, чтобы дѣйствовать съ нимъ за-одно, если предназначенія ихъ сходны или, въ противномъ случаѣ, стараться устранить пренятствія, которыя могли бы возникнуть отъ несогласія въ видахъ.

Для сего въ 1823-мъ году Сергій Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ обратились къ Графу Александру Ходкевичу, прося его ввести ихъ въ сношенія съ Обществомъ Польскимъ. Ходкевичъ не принадлежалъ къ Обществу, но, зная намѣренія и дѣйствія нѣкоторыхъ Членовъ онаго, обѣщалъ быть посредникомъ и далъ вышеозначеннымъ Депутатамъ Русскаго Общества письмо къ Графу Карлу Презору, жившему тогда въ своихъ деревняхъ Минской губерніи. Однако же, вскорѣ потомъ потребовалъ письмо назадъ, сказавъ, что Членъ Польскаго Общества долженъ быть тѣмъ же лѣтомъ въ Бобрюскѣ, гдѣ стояла 9-я пѣхотная дивизія, въ которой служили Муравьевъ и Бестужевъ. Сей Членъ не явился, но Ходкевичъ увѣрялъ, что Депутатъ Общества будетъ непремѣнно въ Кіевѣ на контракты 1824 года, и сіе обѣщаніе исполнилось. Крыжановскій прибылъ въ Кіевъ въ назначенное время.

На пути онъ заѣхалъ въ Млыновъ для того, какъ онъ утверждаетъ, чтобы познакомиться съ Графиней Ходкевичъ. Мужъ ея рассказалъ ему слышанное о Русскомъ Обществѣ отъ Муравьева и Бестужева, а Крыжановскій изъявилъ желаніе войти въ сношенія съ ними. Ходкевичъ обѣщалъ доставить къ тому случаю, какъ скоро они пріѣдутъ въ Кіевъ. Ходкевичъ признается, что Бестужевъ говорилъ ему: „Въ Россіи есть сообщество людей, положившихъ себѣ цѣлью искоренить злоупотребленія въ Правленіи“. Но, запираясь во всемъ прочемъ, выше сего означенномъ, утверждаетъ, что, знакомя Бестужева и Муравьева съ Крыжановскимъ, онъ и не зналъ о принадлежности сего послѣдняго къ Патріотическому Обществу. Однако же, совершенное согласіе сихъ показаній, повторенныхъ ими безъ перемѣнъ и на очныхъ съ Ходкевичемъ ставкахъ, не дозволяютъ сомнѣваться въ истинѣ оныхъ, тѣмъ болѣе, что для нихъ не было никакой выгоды лживо описывать обстоятельства, кон во всякомъ случаѣ не могли служить ни къ отягощенію, ни къ облегченію ихъ собственной вины.

Впрочемъ, по какимъ бы то ни было побужденіямъ со стороны Графа Ходкевича, но Бестужевъ и Муравьевъ, какъ сіе слѣдствіемъ доказано, имѣли первое свиданіе съ Крыжановскимъ и у него въ Кіевѣ, и тутъ же положено было на другой день собраться у Крыжановскаго. Онъ смѣшилъ имъ объявить, что не имѣетъ ни полномочія, даже инога права заключать съ ними какія—либо окончательныя условія; что цѣль его есть установить между обоими Обществами дружественныя сношенія и связи, дабы дать имъ способъ приступить къ взаимному соглашенію ¹⁾.

Муравьевъ и Бестужевъ съ своей стороны изъявляли тѣ же намѣренія и прайвила; первый прибавилъ, что „чувства народнои ненависти, родившіяся во времена варварства, должны исчезнуть въ просвѣщенномъ вѣкѣ, когда извѣстно, что пользы всѣхъ народовъ одинъ и тѣ же, что на семъ основаніи Русское Общество предлагаетъ Польшѣ возвращеніе прежней ея независимости и готово всѣми средствами способ-

¹⁾ Крыжановскій утверждаетъ, что онъ Депутатамъ Русскаго Общества говорилъ: „Теперь въ Польшѣ отъ Обществъ остались одинъ развалины“. Бестужевъ и Муравьевъ показали, что не помнятъ сего, признавая, однако же, что Крыжановскій, видимо, не хотѣлъ рассказывать имъ о своемъ Обществѣ подробно.

ствовать къ искорененію взаимной нелюбви двухъ Націй“. Крыжановскій отвѣчалъ, что „Депутаты Общества Русскаго, а можетъ быть и онъ самъ, выше сего предрасудка, но что отъ обстоятельствъ сей предрасудокъ сдѣлался всеобщимъ и не скоро будетъ можно уговорить Поляковъ войти въ связь съ Русскими и оказывать имъ довѣренность, что, впрочемъ, хорошо бы помогать Полякамъ въ дѣлахъ, для коихъ они бывають въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ“.

Депутаты Русскаго Общества просили, чтобы Польское не допустило Литовскій Корпусъ противиться ихъ предпріятіямъ. Крыжановскій сказалъ, что ежели сей Корпусъ объявитъ себя на сторонѣ Государя Цесаревича, то Общество обезоружитъ его или инымъ способомъ принудитъ къ бездѣйствию¹⁾.

Когда же стали говорить что при началѣ революціи Общество Польское должно дѣйствовать вмѣстѣ съ Русскими, Крыжановскій замѣтилъ съ своей стороны, что, если условія ихъ будутъ утверждены обоюдными Обществами, то Польскому для своихъ собственныхъ выгодъ необходимо будетъ сообразовать свои дѣйствія съ Русскими, что лишь только надобно увѣдомитъ иное заблаговременно. Отъ сего родился вопросъ: когда Русское Общество приступитъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ? Бестужевъ полагалъ, что черезъ пять лѣтъ; Муравьевъ думалъ, напротивъ, что гораздо прежде.

Начались разсужденія о границахъ, которыя предназначали Польшѣ по совершеніи революціи; но Бестужевъ прервалъ ихъ, сказавъ, что сего рѣшить еще нельзя, что мнѣнія въ Русскомъ Обществѣ на сей счетъ несогласны, что есть даже Члены, требующіе неприкосновенности нынѣшнихъ предѣловъ Государства.

Депутаты Русскаго Общества спрашивали между прочимъ у Крыжановскаго, какой образъ правленія намѣрена ввести на себя Польша. Крыжановскій говорилъ, что „онъ не уполномоченъ отвѣчать на сіе, и не имѣетъ точнаго свѣдѣнія о мнѣніи своихъ Сочленовъ, ибо между ими никогда еще не было разсуждаемо о формѣ правленія“. Бестужевъ, повторяя вопросъ, прибавилъ, что „Русское Общество не изъ одного любобожества хочетъ знать о видахъ Поляковъ въ семъ отношеніи; что цѣль онаго есть установленіе правленія Республиканскаго и что лучшимъ ручательствомъ въ согласіи обоюдныхъ Націй было бы сходство ихъ мнѣній о семъ важномъ предметѣ; что Польша, если она знаетъ истинныя пользы свои, должна вмѣстѣ съ Россіей дать себѣ образованіе, подобное Соединеннымъ Областямъ Сѣверной Америки“.

Бестужевъ долго старался убѣдить Крыжановскаго, что необходимо Обществу Русскому сказать что-нибудь яснѣе. Крыжановскій, не зная, какъ отвѣтить, замѣтилъ Бестужеву, что онъ слишкомъ горячится. „Безъ восторга,—возразилъ Бестужевъ — нельзя сдѣлать ничего великаго“.

Депутаты Русскаго Общества, наконецъ, приступили къ тому, что, по собственному признанію ихъ, они считали главнымъ въ семъ совѣщаніи, къ изъявленію желанія своихъ сообщниковъ обязать Поляковъ всѣми какою—либо рода средствами пріятствовать Государю Цесаревичу возвратиться въ Россію для произведенія контръ-революціи. Если вѣрить Муравьеву, Крыжановскій сказалъ, что Поляки найдутъ средство не допустить Его Императорское Высочество въ Россію, тогда революціонныя движенія начнутся и что болѣе уже о семъ не говорили. По одному же изъ первыхъ показаній Бестужева, Крыжановскій отвѣчалъ, что еще ни одинъ Полякъ не обагрался кровію своихъ Монарховъ. Потомъ сей Бестужевъ показывалъ, что отвѣтъ Крыжановскаго былъ слѣдующій: „буде положенному между нами, Общество своею властью дать силу договора, то, конечно, и сдѣлать все возможное для исполненія главнаго условія съ тѣмъ только, чтобы вы не требовали жизни Цесаревича“. „Сергѣй Муравьевъ и я,—прибавилъ Бестужевъ,—мы сказали, что требуемъ только принятія мѣръ противъ возвращенія Цесаревича въ Россію для произведенія контръ-революціи“.

Крыжановскій называетъ ложными всѣ сіи замыслы показанія; утверждаетъ, что, когда ему начали говорить о Его Императорскомъ Высочествѣ, то онъ отвѣчалъ: „Все, нами сказанное, не есть актъ, а лишь слова, которыя ни къ чему не обязываютъ“. Бестужевъ также объявилъ, что Крыжановскій полагалъ до ратификаціи не считать ничего твердо постановленнымъ; но онъ симъ не отрекся отъ другихъ своихъ вышеприведенныхъ показаній, которыя даже и внесены имъ въ ту же самую бумагу.

При концѣ совѣщанія Крыжановскій просилъ Депутатовъ Русскаго Общества прекратить всякія политическія сношенія съ Графомъ Ходкевичемъ и на вопросы его о ихъ свиданіи отвѣчать, что они, поговоривъ, не могли ни въ чемъ согласиться. Сверхъ сего положили, чтобъ никому изъ прочихъ Членовъ Общества не знать депутатова другаго, а назначить людей, съ коими Русскіе могли бы сноситься по дѣламъ своего и Польскаго Общества. Для сего Крыжановскій выбралъ Антона Чарковскаго, Члена Патріотическаго Общества и, не зная еще другаго способнаго, по мнѣнію его, на сіе

¹⁾ Не говоря того ясно, Крыжановскій въ семъ случаѣ располагалъ Польскою Арміею, въ коей не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія и которой замыслы ему были до самаго конца неизвѣстны.

человѣка, поручилъ Ивашкѣвичу, также Члену Общества, найти кого-нибудь съ надлежащими для предполагаемыхъ переговоровъ свойствами. Ивашкѣвичъ обратился къ Гродецкому и, чтобъ уговорить его, ибо Гродецкий долго не соглашался, представлялъ ему, что отъ него Отечество требуетъ сей жертвы; что Депутаты Русскаго Тайнаго Общества „намѣрены открыть Полякамъ нѣчто весьма важное, могущее вести къ возстановленію Польши; что отъ Общества Варшавскаго присланъ Подполковникъ Крыжановскій для сношеній съ сими Депутатами, но что ему нельзя долго жить въ Кіевѣ, и слѣдственно, необходимо назначить другого достойнаго довѣренности человѣка для продолженія начатыхъ переговоровъ; что онъ, сверхъ правъ своихъ на уваженіе, и потому предпочтительно другому, долженъ быть избранъ, что по мѣсту своему обязанъ всегда жить въ Кіевѣ“.

Обобщенный сими словами, Гродецкий повѣрилъ Ивашкѣвичу, который его тотъ же день представилъ Крыжановскому. Сей послѣдній подтвердилъ Гродецкому, что ему поручается продолжать сношенія Патриотическаго Общества съ Муравьевымъ и Бестужевымъ, что онъ долженъ будетъ доставлять въ Варшаву получаемыя черезъ нихъ свѣдѣнія и потомъ ожидать разрѣшенія на вопросы, конхъ самъ разрѣшить не можетъ. Крыжановскій познакомилъ его съ депутатами Русскаго Общества; они вмѣстѣ положили, что, если Русскимъ будетъ нужно писать въ Варшаву по дѣламъ Общества, то Бестужевъ, вмѣсто подписи, будетъ ставить стихъ изъ трагедіи Таи-кредъ: *Moi toujours ergouvé, moi qui suis mon ouvrage!* а Муравьевъ: *Vive la joie!* Но сія средства не были употребляемы. Антона Чарковскаго, также назначеннаго въ Повѣренные Польскаго Общества, тогда не было въ Кіевѣ; Крыжановскій не сообщилъ ему о семъ порученіи, и Чарковскій, не зная ничего, не могъ и думать объ исполненіи. Онъ однако же признается, что Ивашкѣвичъ говорилъ ему гораздо уже послѣ: „Ты назначенъ для сношеній съ Муравьевымъ и для полученія отъ него политическихъ свѣдѣній“, но притомъ утверждаетъ, что, не вѣря симъ словамъ, онъ не думалъ входить съ Муравьевымъ въ связи. Слѣдствиемъ не открыто никакихъ обстоятельствъ, по коимъ было можно полагать, что Чарковскій имѣлъ переговоры съ Членами Русскаго Общества. Бестужевъ въ 1825 году давалъ Князю Сергѣю Волконскому письмо на имя Чарковскаго, въ коемъ онъ просилъ сего послѣдняго имѣть къ Волконскому довѣренность; но оба доказали, что сіе письмо не было доставлено Чарковскому; Бестужевъ сверхъ того объявилъ именно, что Чарковскій не участвовалъ въ сношеніяхъ между Обществами.

Бестужевъ послѣ своего совѣщанія, даже послѣ отъѣзда Крыжановскаго изъ Кіева, написалъ проектъ договора, въ которомъ, кромѣ того, о чемъ они разсуждали, помѣстилъ нужная, по мнѣнію его, для исполненія условій объясненія. Онъ отдалъ сей проектъ Юшневскому для представленія Тульчинской Думѣ. Многіе Члены Русскаго Общества считали сей проектъ за настоящій, заключенный съ Обществомъ Польскимъ, договоръ и такъ объ немъ показывали на допросахъ. Но слѣдствиемъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Варшавѣ, доказано противное. Въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ признаній своихъ Бестужевъ пишетъ, что только два условія были рѣшительно постановлены въ переговорахъ съ Крыжановскимъ: 1) что Поляки употребятъ всѣ возможные средства для воспрепятствованія Государю Цесаревичу возвратиться въ Россію, когда Русское Тайное Общество начнетъ открыто дѣйствовать; 2) что, буде Литовскій Корпусъ войскъ объявитъ себя на сторонѣ Его Императорскаго Высочества, то Поляки обязываются обезоружить оный или инымъ образомъ не допустить его противиться успѣхамъ Общества. О прочихъ статьяхъ, говорилъ Бестужевъ, — разсуждали безъ наблюденія порядка; о нѣкоторыхъ лишь мимоходомъ и совсѣмъ не такъ, какъ бы должно при заключеніи окончательнаго договора. Въ томъ же показаніи Бестужевъ прибавляетъ, что „Крыжановскій вѣхалъ изъ Кіева немедленно послѣ совѣщаній ихъ; что уже послѣ отъѣзда его онъ, Бестужевъ, записалъ сказанное на сихъ совѣщаніяхъ, наавалъ свою бумагу Конвенціею и отдалъ ее Юшневскому; что Крыжановскій не видалъ сей бумаги, ибо никто не могъ ему показать ее“. Сіе подтвердилъ и Сергѣй Муравьевъ, а Юшневскій показалъ, что получилъ отъ Бестужева проектъ Конвенціи и, видя, что сей Актъ никѣмъ не подписанъ, онъ въ присутствіи многихъ Членовъ Русскаго Общества, бывшихъ тогда въ Кіевѣ, истребилъ ее, какъ бумагу, которая только долженствовала замѣнить словесное извѣщеніе.

Крыжановскій о переговорахъ своихъ сообщилъ Князю Яблоновскому; потомъ, возвратясь въ Варшаву, донесъ и Графу Солтыку.

Главные изъ Варшавскихъ Членовъ Патриотическаго Общества, хотя уже менѣе прежняго ужасались послѣдствій взятія нѣкоторыхъ товарищей ихъ подъ стражу, однако же еще были не совсѣмъ спокойны, не зная, чѣмъ окончится начатое дѣлопроизводство. Но въ сіе время всѣ ихъ опасенія миновались. Находившіеся подъ слѣдствиемъ ихъ сообщники оказали на допросахъ столько упорства, что открыта лишь часть составленнаго Обществомъ кова; наиболѣе уличенные: Лукасинскій, Добройскій, Добржинскій, Махницкій, Кошущкій и Шредеръ преданы суду; оный пригово-

рши только трехъ первыхъ къ наказаніямъ; прочихъ освободилъ за неимѣніемъ ясныхъ доказательствъ, однако же отдавъ подъ надзоръ полиціи. Что касается другихъ. Его Величество въ Бозѣ почивающій Императоръ и Царь Александръ I-й, слѣдуя побужденіямъ Своего неистощимаго милосердія, даровалъ прощенье всѣмъ, кои, бывъ Членами Общества, не принимали дѣятельнаго участія въ предпріятіяхъ онаго. Такимъ образомъ, сіе Общество въ цѣломъ составѣ своемъ на сей разъ еще не открыто. Но случившееся имѣло примѣтное вліяніе на бытіе и дѣйствія его впоследствии. Бывшіе въ ономъ члены вступили почти всѣ безъ ревностнаго на то желанія, не зная точно, къ какой цѣли они должны стремиться; многіе, вѣроятно, и не согласились бы вступить, если бы сія цѣль была имъ заранѣе объявлена; происшествія, наконецъ, показали бездну, въ которую влекло ихъ небольшое число людей развратныхъ и коварныхъ, и они приняли твердое намѣреніе, не имѣть связей съ Обществомъ, коего видоу и тайныхъ дѣйствій сначала не умѣли проникнуть. Ковы для разрушенія порядка были составляемы и послѣ сего времени; можно сказать даже, что сіи новыя ковы ознаменованы больше, противъ прежняго, преступною рѣшительностью; нѣкоторые Члены Патриотическаго Общества, ослѣпленные страстію къ революціямъ, сдѣлались посредственно или непосредственно участниками въ умыслахъ на Государя и Государство; но всякая отвѣтственность за столь важныя и гнусныя дѣйствія должна падать исключительно на самихъ людей, кои тогда одни составляли все Общество, ибо прочимъ Членамъ они о томъ не давали и свѣдѣнія.

На Волынѣ, въ Подоліи и въ Кіевѣ, Патриотическое Общество было не дѣятельнѣе Варшавскаго, но и тамъ, какъ и въ Царствѣ Польскомъ иныхъ членовъ, какое-то внутреннее безпокойство возбуждало непрестанно къ новымъ замысламъ и предпріятіямъ. Станиславъ Карвинскій не былъ пригласенъ на переговоры Крыжановскаго съ Бестужевымъ и Муравьевымъ; однакожь зналъ о существованіи Русскаго Тайнаго Общества и желаніи его войти въ сношенія съ Обществомъ Патриотическимъ. Угадывая, что сіе именно могло быть предметомъ совѣщанія Крыжановскаго, онъ общался о томъ Маѣвскому, просилъ его собрать точнѣйшія свѣдѣнія о Русскомъ Обществѣ чрезъ Лукашевича, Переяславскаго Повѣтоваго Маршала; онъ думалъ, что Лукашевичъ, будучи въ связи съ знатнѣйшими Русскими домами, скорѣе всякаго можетъ все узнать. Лукашевичъ согласился и скорѣе послѣ того сказалъ Маѣвскому, „что принадлежащіе къ Русскому Обществу люди въ своемъ распаленномъ воображеніи питаютъ самыя вредныя замыслы; что онъ не только самъ будетъ убѣгать сношеній съ ними, но и пріятелямъ своимъ совѣтуетъ тоже“. Сей случай далъ многимъ поводъ думать, что Лукашевичъ былъ Членомъ Патриотическаго Общества; однакоже достоверно извѣстно, что онъ никогда не вступалъ въ оное.

Муравьевъ и Бестужевъ, послѣ переговоровъ съ Крыжановскимъ, сначала ожидали, что имъ немедленно будутъ сдѣланы отъ Патриотическаго Общества какія-либо новыя сообщенія; не получая ничего и видя, что въ самомъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ между Обществами сношеній, они стали жаловаться Гродецкому на холодность и недобѣрчивость Поляковъ. Бестужевъ съ изступленіемъ страсти произнесъ въ семъ случаѣ длинную рѣчь; говорилъ: „Что Россія, наскуча Правленіемъ самовластнымъ, рѣшилась учредить Конституціонное; что стремящеся къ сему Сообщество, уже многочисленное и сильное, съ каждымъ днемъ еще умножаетъ силы свои, и что съ его только помощью Поляки могутъ имѣть надежду возстановить свое Отечество; что для сего Общество Патриотическое должно бы вступить въ сношеніе съ ихъ Обществомъ чрезъ Членовъ, уполномоченныхъ на заключеніе окончательныхъ условій; что если только соединятся съ ними, то безъ сомнѣнія получатъ отъ нихъ вспоможеніе достаточное для возвращенія, принадлежащихъ нынѣ другимъ державамъ, Польскихъ Областей, и будутъ народомъ независимымъ“. Муравьевъ подтвердилъ въ нѣсколькихъ словахъ все съ нынѣшнимъ велерѣчіемъ сказанное его другомъ; потомъ оба просили Гродецкаго, довести ихъ разговоръ до свѣдѣнія Патриотическаго Общества. Гродецкій самъ не имѣлъ къ тому средства, но зная, что Графъ Мошинскій есть членъ сего Общества, похвально къ нему въ Бердичевъ и разсказалъ слышанное отъ Бестужева и Муравьева для сообщенія въ Варшаву. Графъ Мошинскій показываетъ то же самое о семъ разговорѣ, но не помнитъ, отъ Гродецкаго, или отъ кого другого онъ узналъ объ немъ. Будучи молодой и неопытенъ, Графъ Мошинскій сначала былъ увлеченъ, и общался исполнитъ желаніе своего Сочлена, но потомъ, размысливъ о вѣроятныхъ сего послѣдствіяхъ, рѣшился не отправлять извѣстія въ Варшаву. Послѣ того Гродецкій уже не видался съ Мошинскимъ, и Комитетомъ не открыто, были ли между ними какія дальнѣйшія сношенія.

Бестужевъ не могъ часто отлучаться отъ своего полка; однакоже нашель случай быть въ томъ же году еще два раза въ Кіевѣ, для переговоровъ съ Гродецкимъ.

На первомъ свиданіи они сказывалъ ему, что Русское Тайное Общество, присоединивъ къ себѣ еще многихъ значительныхъ и отличныхъ людей, теперь такъ сильно и успѣхи его столь быстры, что оно, конечно, скорѣе достигнетъ своей цѣли, что сверхъ того имъ заведены сношенія съ Венгрією, Испанією и всѣми Германскими краями ¹⁾. Спустя потомъ два мѣсяца, въ другомъ разговорѣ Бестужевъ объявилъ

¹⁾ Гродецкій не помнитъ, упоминалъ ли Бестужевъ объ Англіи.

Гродецкому: „Что Русское Общество имѣть уже полное число Членовъ, что Депутаты онога ждутъ съ нетерпѣніемъ прїѣзда Члена Патріотическаго Общества въ Кіевъ, для заключенія окончательныхъ съ нимъ условій, и что ему кажется страдны медлительность и нерѣшимость Поляковъ“. Гродецкій отвѣчалъ: „что слышанное отъ него онъ сообщитъ Графу Мошнинскому, что Варшавское Общество, безъ сомнѣнія, пришлетъ къ нимъ Члена съ надлежащимъ полномочіемъ, но что, вѣроятно, ему нельзя быть въ Кіевѣ прежде Контрактовъ“.

Вестужевъ показывалъ, что послѣ своихъ совѣщаній съ Крыжановскимъ, онъ говорилъ Гродецкому о желаніи Русскаго Общества, чтобы Поляки, въ томъ же самомъ году ¹⁾ нашли способъ лишить Государя Цесаревича жизни, и что Гродецкій, обѣщавъ увѣдомить о семъ Обществу, прибавилъ: „Вѣроятно, они согласятся“. Но Гродецкій отвѣчалъ на всѣхъ допросахъ, что сіе показаніе несправедливо, въ самомъ дѣлѣ, ни одно изъ обстоятельствъ, открытыхъ слѣдствіемъ, не подтверждаетъ онога. Правда, что Вестужевъ въ семъ 1824 году писалъ къ Обществу Варшавскому и поручилъ Сергѣю Волконскому, передать для доставленія сіе письмо Гродецкому; но Волконскій возвратилъ его Вестужеву, сказавъ, что письменныя сношенія запрещены. Въ семъ письмѣ, по собственнымъ показаніямъ Вестужева, онъ писалъ Патріотическому Обществу о его бездѣйствіи, извѣщавъ оное, что принятая Русскимъ Тайнымъ Обществомъ обязанность, покровительствовать полякамъ въ Россіи строго исполняется. Въ заключеніе онъ совѣтовалъ Польскому Обществу найти средство лишить Великаго Князя Цесаревича свободы, или рѣшиться умертвить Его, а потомъ ожидать начала дѣйствій Русскаго. Изъ показаній его же, Вестужева, явствуетъ, что онъ писалъ сіе письмо по слѣдующимъ причинамъ: 1-е) Что Гродецкій, а особливо Тарковский, примѣтно старались избѣгать всякой встрѣчи съ Депутатами Русскаго Общества. 2-е) Что Пестель, видя совершенное бездѣйствіе Общества Польскаго, начиналъ бояться измѣны, думалъ, что, во время Революціи, сіе общество можетъ помочь Его Высочеству Государю Цесаревичу войти на Престолъ Россійскій, и за то получить отъ Него въ даръ независимость своего Отечества, или избрать Его Королемъ Польскимъ, съ правами, установленными Конституціею 3-го мая, къ коей, какъ думалъ онъ, Поляки весьма привязаны. Пестель основывалъ свои заключенія на словахъ Крыжановскаго, что никогда Поляки не проливали крови Государей своихъ.

На сіе Волконскій показалъ, „что, кажется, когда онъ въ 1824 году ѣхалъ въ Кіевъ, то ему въ Васильковѣ дали письмо для доставленія Гродецкому; что Муравьевъ писалъ сіе письмо, но въ немъ, и сіе онъ можетъ сказать почти утвердительно, даже имя Его Императорскаго Высочества не было упомянуто, а только требовали рѣшительнаго отвѣта о предложенномъ содѣйствіи“.

Хотя Гродецкій, начиная съ осени 1824 года довольно часто видѣлся съ Волконскимъ, однакожъ до начала слѣдующаго 1825 года между ними не было никакихъ разговоровъ о дѣлахъ Обществъ. Въ сіе уже время Волконскій однажды у себя въ домѣ представилъ Гродецкому Полковника Пестеля, прося ихъ познакомиться другъ съ другомъ. Пестель отвелъ Гродецкаго въ сторону и сказалъ, что онъ уполномоченъ Русскимъ Обществомъ для заключенія договора съ цѣлью, которая ему извѣстна; потомъ спросилъ имѣть ли онъ, Гродецкій, такое же полномочіе? Гродецкій отвѣчалъ, что нѣтъ, но что, вѣроятно, Членъ Общества Польскаго, нарочно для сего избранный, въ непродолжительномъ времени будетъ изъ Варшавы. Пестель просилъ сблизить его съ нимъ Членомъ, какъ скоро онъ прїѣдетъ. Предположеніе Гродецкаго сбылось. Въ Варшавѣ не знали, что ему были сдѣланы новыя вѣнченія чрезъ Вестужева; но Князь Яблоновскій имѣлъ надобность быть на контрактахъ въ Кіевѣ; имъ и Крыжановскимъ положено при семъ случаѣ возобновить начатыя въ предшедшемъ году сношенія. Князь Яблоновскій явился на контракты, чрезъ нѣсколько дней послѣ разговора Пестеля съ Гродецкимъ; онъ просилъ Карвицкаго узнать, есть ли въ Кіевѣ Депутатъ Русскаго Тайнаго Общества; Князь Яблоновскій думалъ отнестись прямо къ нему, но Карвицкій сказалъ, что Члены Кіевской Провинціи могутъ обидѣться, если онъ не пригласитъ на переговоры и Гродецкаго ²⁾; Яблоновскій согласился войти сначала съ нимъ въ сношенія. Крыжановскій также былъ въ Кіевѣ, по причинѣ смерти отца своего и въ одно время съ Яблоновскимъ, но отказался отъ участія въ переговорахъ съ Депутатами Русскаго Общества, прося Яблоновскаго все взять на себя. Карвицкій повелъ его къ Гродецкому, съ которымъ прежде онъ не былъ знакомъ. Яблоновскій вышедши съ Гродецкимъ въ другую комнату и объявивъ о цѣли своего прїѣзда, просилъ сблизить его съ Пестелемъ, который такъ же какъ и онъ, Яблоновскій, имѣлъ полномочіе для заключенія договора ³⁾. Гродецкій, не зная, гдѣ въ то

¹⁾ Въ 1824 году.

²⁾ Другіе Члены Провинціи не имѣли свѣдѣній о сношеніяхъ Патріотическаго Общества съ Южнымъ. Вышеприведенныя слова Карвицкаго онъ сказалъ имъ единственно по желанію имѣть средство узнать, что будетъ происходить на переговорахъ.

³⁾ Князь Яблоновскій не имѣлъ никакого полномочія отъ Патріотическаго Общества.

время жилъ Пестель, отправился съ Яблоновскимъ къ Волконскому, у коего самъ въ первый разъ встрѣтился съ Пестелемъ. Волконскому было уже все извѣстно; онъ назначилъ слѣдующій день для свиданія Пестеля съ Княземъ Яблоновскимъ, который явился въ опредѣленный часъ; Гродецкій же не бывъ приглашенъ на переговоры, хотя и зналъ тайный предметъ оныхъ, счелъ, что лучше въ нихъ не участвовать, и явился къ Волконскому уже при концѣ совѣщаній.

Пестель, открывъ ихъ описаніемъ великихъ силъ Русскаго Тайнаго Общества, говорилъ: „Что не только весь народъ, но и войско хочетъ свергнуть съ себя ига деспотизма; что нельзя сомнѣваться въ содѣйствіи всѣхъ Областей, населенныхъ настоящими Русскими, но что общество хочетъ знать расположеніе и тѣхъ, которыя вошли въ составъ Имперіи въ позднѣйшія времена; что Нѣмецкія Губерніи желаютъ оставаться соединенными съ Россією, и теперь нужно лишь свѣдѣніе о видахъ Поляковъ, бывшихъ прежде отдѣльною Державою. Итъ средины, продолжалъ Пестель: вамъ необходимо объявить себя за насъ, или противъ насъ. Но мы и безъ Вашей помощи можемъ оружіемъ даровать себѣ свободу; а вы, если пропустите представляющійся вамъ случай, должны будете уже навсегда отказаться отъ надежды быть народомъ независимымъ“. Онъ требовалъ, чтобы Поляки сказали все и совершенно откровенно; особенно желаетъ знать, каковъ образъ Правленія Общество думаетъ ввести въ Польшу. Князь Яблоновскій отвѣчалъ: „Что единственная цѣль Общества, коего именемъ онъ дѣйствуетъ, есть возвращеніе независимости Польши въ предѣлахъ, бывшихъ до втораго раздѣленія оной; что слѣдственно ему прежде всего надобно просить отъ Депутатовъ Общества Русскаго яснаго объявленія, согласно ли сіе Общество на независимость его Отечества?“ Пестель увѣрялъ, что въ семь не можетъ быть ни малѣйшаго затрудненія; что если бы и возникли какія-либо сомнѣнія на сей счетъ, то жителямъ дадутъ на выборъ, присоединиться къ тому или другому Государству по своей волѣ. Тогда князь Яблоновскій съ своей стороны сказалъ, что Патріотическое Общество, считая время рѣшительныхъ дѣйствій и перемѣнъ еще отдаленнымъ, доселѣ не разсуждало о предполагаемой формѣ Правленія, но что, по его собственному мнѣнію, въ Отецествѣ его Правленіе Конституціонное Монархическое приличнѣе всякаго иного. Пестель началъ выхвалять Республиканское; говорилъ, что должно подражать образванію Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Князь Яблоновскій положилъ конецъ сему разговору, замѣтивъ, что оный не касается до предмета совѣщаній. Онъ утверждаетъ вопреки показанію Пестеля, что имъ не было положено вести одинаковый образъ Правленія въ Польшѣ и въ Россіи. Волконскій, бывшій свидѣтелемъ сихъ совѣщаній, объявилъ, что Князь Яблоновскій точно сказали: „Патріотическое Общество не желаетъ республики, но что однакожь онъ согласился на учрежденіе Временнаго Правительства, доколѣ не будетъ извѣстна воля всей націи“. Князь Яблоновскій не признается и въ томъ; по его показанію отвѣтъ его Пестелю былъ слѣдующій: „Что Польское Общество, ожидая отъ помощи Русскаго великихъ для себя выгодъ, охотно обѣщаетъ ему содѣйствовать, но съ тѣмъ, чтобы никто не вмѣшивался въ ихъ внутреннія дѣла; что если всѣ они захотятъ управлять Польшею, то лучше же ей оставаться подъ властію общаго Государя Польши и Россіи“.

Пестель просилъ, чтобы Польское Общество не предпринимало ничего до извѣщенія, что Русское приступаетъ къ началу Революціи. „Вамъ нужна помощь,—прибавилъ онъ,—должно приобрести на нее право искреннимъ и дѣятельнымъ участіемъ“; Князь Яблоновскій отвѣчалъ: „Что Общество Польское не считало возможнымъ достигнуть цѣли своей такъ скоро, особливо въ нынѣшнемъ положеніи Европы, и потому занималось единственно приготовленіемъ средствъ, питая народное чувство во всѣхъ краяхъ прежней Польши, чтобы воспользоваться благоприятнымъ при будущихъ политическихъ перемѣнахъ случаемъ; но тотъ, который можетъ представить ей замышляемая въ Россіи революція, есть, безъ сомнѣнія, самый лучший для возвращенія Польшѣ ея первобытной независимости; что, слѣдственно польза Общества Патріотическаго всего больше ручается за искренность его и содѣйствіе“. Какъ и по мнѣнію Пестеля нельзя было прежде трехъ лѣтъ приступить къ принятію мѣръ рѣшительныхъ, то всякое разсужденіе о семъ отложено до другаго времени.

Князь Яблоновскій изъявилъ желаніе знать, какіе люди начальствуютъ Русскимъ Тайнымъ Обществомъ. Пестель не захотѣлъ удовлетворить сего желанія, а съ своей стороны требовалъ, чтобы Общество Польское, если узнаетъ о существованіи какихъ-либо Сообществъ за границей, давало о нихъ свѣдѣнія Русскому. Князь Яблоновскій обѣщалъ сіе, но утверждаетъ, что объ условіи Польскому Обществу не входитъ въ связи съ иностранними безъ согласія Общества Русскаго, совѣмъ не упоминали.

Пестель показывалъ, что между ими было положено: Полякамъ поступить съ Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Цесаревичемъ точно такъ же, какъ въ Россіи поступятъ съ Великими Князьями; и Волконскій: что Общество Польское должно будетъ принять надлежащія мѣры для взятія подъ стражу тѣхъ членовъ Императорской Фамиліи, которые случатся въ Польшѣ при началѣ Революціи. Князь Яблоновскій называетъ сіи оба показанія несправедливыми; по его словамъ требовали только, чтобы во время Революціи

Поляки не воспользовались какими-либо обещаніями Государя Цесаревича. „Пестель и Волконскій. продолжатъ оны, показывали совѣмъ не то, что я объявляю, и мнѣ невозможно подтвердить сказанное ими, не потому, чтобы я думалъ сямъ уменьшить вину свою; я признался во многихъ преступленіяхъ и не сталъ бы таить сего одного; но я считаю первымъ долгомъ говорить истину, не скрывая и не прибавляя къ ней ничего. Изъ показаній моихъ и самого тогдашняго положенія нашихъ дѣлъ ясно видно, что мое совѣщаніе съ Членами Русскаго Общества было лишь пріготовительное, слѣдственно, мы не могли назначать мѣръ исполненія. Не знаю, зачѣмъ они утверждаютъ противное; развѣ что они думали сдѣлать мнѣ сіи предложенія вполнѣдствіи, и оттого имъ кажется, что оныя и были уже сдѣланы“.

На сихъ же переговорахъ положено Полякамъ не принимать Русскихъ въ свое Общество, а Русскимъ—Поляковъ; положено также распространять Общество въ Литовскомъ Корпусѣ, въ коемъ Поляковы столько же, какъ и Русскихъ; а чтобы не было несогласія въ обоюдныхъ для сего мѣрахъ, то опредѣленіе порядка для введенія Общества въ сіе войско поручить Графу Мошинскому и Полковнику Швейковскому. Сверхъ сего признавая, что необходимо установить постоянныя сношенія между Обществами и что за медлительностью сего средства не удобно продолжать ихъ въ Кіевѣ, Князь Яблоновскій просилъ наименовать ему живущаго въ Варшавѣ Члена Русскаго Общества, который имѣлъ бы отъ своей Директоріи надлежащій наказъ и полномочіе для переговоровъ съ Обществомъ Польскимъ; Пестель отвѣчалъ, что нужныя полномочія будутъ даны Подполковнику Лунину.

При концѣ совѣщаній условились собраться снова на Контракты 1826 года. Князь Яблоновскій сказалъ, что если онъ самъ не можетъ пріѣхать, то вмѣсто его будетъ другой Членъ Патриотическаго Общества. Между тѣмъ для сношеній оставалось, какъ и прежде, посредство Гродецкаго, и могли быть найдены еще другіе способы чрезъ Графа Петра Мошинскаго и Швейковскаго. Чтобы познакомить Яблоновскаго съ симъ послѣднимъ, Пестель звалъ его въ залу контрактовъ тотъ же день къ 7-ми часамъ вечера. Яблоновскій приходилъ, но въ тѣсотѣ не могъ найти Пестеля; на другой день онъ былъ у Швейковскаго съ Волконскимъ. Въ семь свиданій однакожъ говорили только о томъ, что помѣшало имъ встрѣтиться наканунѣ, и послѣ сего Яблоновскій не имѣлъ уже никакихъ сношеній ни съ Волконскимъ, ни съ Швейковскимъ.

На совѣщаніи Пестель говорилъ одинъ. Волконскій сдѣлалъ лишь нѣсколько незначущихъ замѣчаній. Гродецкій, который по сказанной уже причинѣ, не хотѣлъ участвовать въ переговорахъ, пришель, когда считалъ ихъ оконченными. Переговоры еще продолжались, но Гродецкій молчалъ. О томъ, что онъ успѣлъ слышать, показанія его немного различуютъ отъ показаній Князя Яблоновскаго. По его словамъ, Пестель требовалъ, чтобы на первый годъ Поляки приняли такой же образъ Правленія, какой будетъ введенъ въ Россіи, съ тѣмъ, что послѣ могутъ по своей волѣ измѣнить оный. Онъ также показываетъ, что Яблоновскимъ и Депутатами Русскаго Тайнаго Общества было положено записать бывшіе между ними переговоры, чтобы по сему другіе Члены, для того именно уполномоченные, приступили къ постановленію настоящихъ условий.

Таковы были, судя по собранному свѣдѣніямъ, обстоятельства сей странной негосударственной, въ коей молодой легкомысленный человѣкъ, едва извѣстный въ свѣтѣ, не пользуясь ничьею довѣренностію, не имѣя никакого вліянія въ дѣлахъ Государственныхъ, вступилъ въ договоръ съ мятежниками, чтобы при ихъ помощи отнять Польшу у законнаго Государя ея, ввести въ оной, по волѣ ихъ или своей, новое Правленіе, котораго оно не требуетъ и не желаетъ.

Впрочемъ, сіе совѣщаніе не имѣло никакихъ послѣдствій, равно какъ и первое, на коемъ дѣйствовалъ другой злоумышленникъ (Крыжановскій), также не имѣвшій ни малѣйшихъ средствъ для приведенія своихъ замысловъ въ дѣйство, и также едва-ли извѣстный кому-нибудь, кромѣ своихъ полковыхъ товарищей.

Возвращаясь изъ Кіева, Князь Яблоновскій объявилъ Графу Мошинскому, къ чему онъ назначенъ. Но Мошинскій оставался Членомъ Патриотическаго Общества, потому единственно, что не зналъ, какимъ образомъ изъ онаго выйти, и какъ прежде не сообщилъ въ Варшаву свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ Гродецкаго, такъ и послѣ не занимался исполненіемъ даннаго ему порученія. Онъ вскорѣ потомъ имѣлъ свиданіе съ Швейковскимъ, однакожъ не думалъ заводить связей въ Литовскомъ Корпусѣ¹⁾. Нѣкоторые другіе члены Общества въ Волынской губерніи, Карвинціи, Маѣвскій, Ворцель, Гарновскій, Ивашквичъ, знали о переговорахъ Крыжановскаго и Князя Яблоновскаго съ Депутатами Русскаго Тайнаго Общества; знали даже отчасти о томъ, что было предметомъ сихъ совѣщаній, однакоже не старались выйти съ ними

¹⁾ Достоинно замѣчанія, что Литовскимъ Обществомъ, которое распространялось сначала столь быстро, даже не сдѣлано и попытки присоединить къ себѣ Офицеровъ сего Корпуса: тому причиною было, извѣстное всѣмъ, вообще хорошее расположеніе умовъ въ сей части войскъ.

въ сношенія, и по всему видно, что между ними не было никакихъ, по крайней мѣрѣ касательно дѣлъ, обоюдныхъ обществъ. Князь Яблоновскій, вслѣдствіе сказаннаго ему Пестелемъ, что продолженіе сихъ сношеній въ Варшавѣ будетъ поручено Лунину, заводилъ съ нимъ разговоръ о семь; но Луинъ, или не получая о семь свѣдѣній, или не хотѣвъ принять порученія, показывалъ, что не понимаетъ намекъ князя Яблоновскаго и между ними не было никакихъ объясненій и связи.

Карвицкій нетерпѣливо желалъ узнать тайный предметъ переговоровъ Князя Яблоновскаго съ Депутатами Русскаго Общества, и для того, какъ означено выше, способствовалъ ихъ свиданію. Потомъ, видя, что никто ему не сказываетъ о происходившемъ на совѣщаніяхъ, онъ спрашивалъ потомъ у князя Яблоновскаго, который въ отвѣтъ сказалъ только: „Русскіе, кажется, искренни и въ будущемъ году все будетъ кончено“. Яблоновскій совѣтовалъ и Гродецкому также о томъ говорить съ Карвицкимъ неясно. Гродецкій, будучи еще осторожнѣе, не сказалъ ему на сей счетъ ни слова. Карвицкій, досадуя за сія знаки недовѣрчивости, изъявлялъ свое неудовольствіе Капитану Маѣвскому и прибавлялъ, что непремѣнно должно узнать, о чемъ Яблоновскій договаривался съ Депутатами Русскаго Общества. Они оба отправились за симъ къ Крыжановскому, который тогда былъ въ Кіевѣ; но и Крыжановскій, не хотѣвъ открыть тайны Карвицкому, говорилъ, что не могли согласиться на условіяхъ.

Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ съ сей стороны, Карвицкій вадумалъ обратиться къ прежней мысли соединенія Патриотическаго Общества съ Обществомъ Темплиеровъ. Желая, чтобы Крыжановскій благопріятствовалъ сему, онъ увѣрялъ его, что Общество Темплиеровъ весьма многочисленно, имѣетъ большія суммы денегъ, и что надобно ввести его въ прямые, непосредственныя сношенія съ Варшавскимъ Патриотическимъ. Крыжановскій не соглашался съ намѣреніемъ слить сія два Сообщества въ одно, но думалъ, что хорошо установить между ними тѣсную связь для сообразнаго дѣйствія обоихъ. Слѣдя сей мысли, или, какъ онъ самъ утверждаетъ, угадывая, что въ разсказахъ Карвицкаго о силѣ Темплиеровъ много лживаго, и, считая нужнымъ испытать его, онъ сказалъ: „Если намъ доставятъ 10.000 золотыхъ на расходы и назначатъ Члена Темплиера для посредничества, то можно будетъ установить предполагаемыя связи“. Карвицкій принялъ сія условія и обѣщалъ, что они будутъ исполнены.

Сначала покажется довольно странно, что сей послѣдній, занимая лишь второе мѣсто въ Обществѣ Темплиеровъ, располагалъ онымъ самовольно, вопреки мнѣнію многихъ Членовъ, и соглашался на выдачу денежныхъ суммъ безъ совѣта съ Маѣвскимъ, который въ сіе время даже былъ не въ отсутствіи; сіе объясняется тѣмъ, что Маѣвскій, видя Общество не въ безопасномъ положеніи, не хотѣлъ быть главою онаго и уже предлагалъ Карвицкому сдать ему совершенно должностъ Великаго Магистра. Но Карвицкій по той же самой причинѣ отказывался отъ званія Великаго Магистра, хотя пользовался уступленными Маѣвскимъ правами и былъ настоящимъ Начальникомъ Темплиеровъ. Подполковникъ Крыжановскій увѣряетъ, что ему было тогда вовсе неизвѣстно, какое мѣсто въ Обществѣ Темплиеровъ занималъ Маѣвскій; что говоря о семь Обществѣ съ Карвицкимъ, онъ его считалъ главою онаго. Князь Яблоновскій то же думалъ. Онъ говоритъ, что не зналъ Капитана Маѣвскаго, даже и не слыхивалъ объ немъ. Заблоцкій, Членъ сего Общества, показываетъ, что Тишковскій, будучи въ Варшавѣ въ 1825 году, называлъ Карвицкаго Великимъ Магистромъ.

Видно что Маѣвскій, хотя долго сему сопротивлялся, однакожъ пришелъ, наконецъ, къ мысли соединенія Обществъ Патриотическаго и Темплиеровъ; онъ тогда уже не только не препятствовалъ Карвицкому вступать въ условія съ Крыжановскимъ, но и помогалъ ему весьма усердно въ изысканіи способовъ для исполненія сихъ условій. Оказались затрудненія, которыхъ не предвидѣли. Вопреки пыльнымъ описаніямъ Карвицкаго, Общество ихъ не имѣло денегъ; можно было ожидать ихъ только отъ добровольной складки между членами, а они не изъявляли къ сему никакого расположенія. Надѣялись всю требуемую сумму 10.000 золотыхъ получить отъ Графа Мошинскаго; онъ отказался и даже не далъ ничего. Карвицкій, столь скорый на обѣщанія, также не имѣлъ охоты давать деньги, и Маѣвскій, пріѣхавъ въ сіе время¹⁾ по дѣламъ службы въ Варшаву, обращался къ Заблоцкому, и увѣряя его, что Общество Темплиеровъ значительно распространилось на Волыни, сказалъ, что ему, Заблоцкому, поручено завѣдывать сношеніями сего Общества съ Патриотическимъ, къ коему оно присоединяется; а затѣмъ просилъ переговорить съ Крыжановскимъ о мѣрахъ, которыя нужно будетъ принять для сего соединенія. Крыжановскій отвѣчалъ что прежде всего надобно прислать обѣщанные 10.000 золотыхъ и дать свѣдѣніе о числѣ Членовъ Общества, означивъ, сколько всякій можетъ представить денегъ, людей и оружія. Маѣвскій говорилъ, что обѣщанная сумма будетъ привезена Тишковскимъ въ Іовѣ, и утверждалъ, что число и силы Общества весьма велики. Но въ самомъ

¹⁾ Въ Маѣ 1825 года.

дѣлѣ въ Обществѣ Темплиеровъ никогда не бывало болѣе 24-хъ Членовъ, и не всѣ они были дѣятельными; что же касается до денегъ, то ими собрано нѣсколько сотъ золотыхъ, кои давно уже были издержаны, частью на подаянія бѣднымъ, частью на расходы для убранства ложъ.

На допросахъ, сказывая о семь разговорѣ, Заблоцкій прибавилъ, что, удивляясь большому числу денежныхъ суммъ и вооруженныхъ людей, кои, по словамъ Маѣвскаго, ихъ Общество могло располагать, онъ спросилъ его: „Да что значать и притивъ кого дѣлаются сіи приготовленія?“ Маѣвскій отвѣчалъ, что сіе дѣлается вслѣдствіе условій, постановленныхъ между Русскимъ Тайнымъ Обществомъ и Обществами Патріотическимъ и Темплиеровъ; что Русскіе замышляютъ перемѣну въ своихъ Государственныхъ законахъ и, конечно, будутъ имѣть успѣхъ; что они уступятъ Великое Княжество Литовское Польшѣ, и для занятія онаго нужно имѣть войска. Маѣвскій утверждаетъ, что не говорилъ Заблоцкому о запасахъ оружія и войскахъ, что все прочее имъ сказано единственно изъ хвастовства, и что Общество Темплиеровъ никогда не имѣло сношеній съ Русскимъ Тайнымъ Обществомъ; сіе послѣднее совершенно доказано и слѣдствіемъ.

Возвратясь въ Волынскую губернію, Маѣвскій объявилъ Карвицкому, Пуласкому, Тишковскому слышанное отъ Крыжановскаго въ Варшавѣ; они рѣшились собрать требуемую сумму. Но успѣха и въ сей разъ не было. Тишковскій повезъ въ Варшаву только письмо, коимъ Маѣвскій обѣщалъ скоро прислать деньги. Онъ въ самомъ дѣлѣ, пользуясь выиграннымъ черезъ сіе временемъ, возобновилъ, усугубилъ старанія, чтобы достать нужные 10000 золотыхъ. Сначала обратился къ графу Ворцелю, котораго пригласилъ къ себѣ, подъ предлогомъ, что имѣетъ сообщить ему нѣчто важное о Русскомъ Тайномъ Обществѣ. Ворцель, слышавъ все отъ Солтыка, Мошинскаго и Яблоновскаго, зная о семь Обществѣ больше Маѣвскаго, и подозрѣвая не безъ основанія, что въ сихъ новыхъ свѣдѣніяхъ нѣтъ ничего истиннаго, онъ только обѣщалъ Маѣвскому передать ихъ другимъ Членамъ въ Варшаву; а къ сему прибавилъ, что онъ недавно оттуда и что Патріотическое Общество поручило ему напомнить Темплиерамъ о скорѣйшемъ доставленіи определенной съ общаго согласія суммы. Маѣвскій сказалъ, что деньги будутъ посланы безъ замедленія. Съ Собанскимъ онъ былъ счастливей. Сей послѣдній съ самаго начала 1822 года былъ въ отсутствіи и сдѣлался почти вовсе чуждъ обоимъ Обществамъ. Маѣвскій увѣрилъ его, что собираются деньги, какъ для вспоможенія Членамъ Патріотическаго Общества, взятымъ подъ стражу, такъ и на подаянія женамъ и дѣтямъ старыхъ военнослужащихъ; Собанскій далъ 300 рублей серебромъ. Съ помощью Чарковскаго набрали еще 700, всего 1000 рублей серебромъ). Чарковскій взялся свезти ихъ въ Варшаву, и ему же поручено объявить Обществу Патріотическому, что Карвицкій и Маѣвскій будутъ соблюдать согласіе между обоими Обществами. Сверхъ того Маевскій чрезъ него извѣщалъ, что въ Императорской Арміи всѣ умы въ волненіи; что Русскіе намѣрены возстать на свое Правительство. Чарковскому также поручили и стараться дать высокое мнѣніе о числѣ и силахъ Общества Темплиеровъ и въ то же время узнать вѣрнѣе о состояніи Варшавскаго.

По даннымъ ему наставленіямъ, Чарковскій долженъ былъ ввѣривши ему деньги вручить Заблоцкому, назначенному въ посредники между Обществами. Онъ не взялъ ихъ и повелъ Чарковскаго къ Подполковнику Крыжановскому, а тотъ послалъ его къ Князю Яблоновскому. Но и сей послѣдній не хотѣлъ брать денегъ; наконецъ, они всѣ вмѣстѣ отправились къ графу Солтыку, куда пришелъ и приглашенный для сего Референдарій Гржимала. Чарковскій, обращаясь къ Графу Солтыку, какъ къ Начальнику Общества, объявилъ ему о своемъ порученіи и прибавилъ, что оставшая сумма, коей не успѣли еще собрать, скоро будетъ доставлена. Графъ Солтыкъ отвѣчалъ, что онъ принимаетъ деньги и проситъ увѣрить Карвицкаго и Маѣвскаго, что онъ съ своей стороны будетъ охранять твердость соединенія Обществъ. Крыжановскій слышалъ отъ Чарковскаго, какимъ образомъ Маѣвскій досталъ присланную сумму; онъ замѣтилъ, что сихъ денегъ, полученныхъ чрезъ добровольную складку между нѣсколькими Членами, нельзя почитать взятыми изъ Капиталовъ Общества Темплиеровъ, что Чарковскій объ сихъ капиталахъ даже не слыживалъ; что все сіе показываетъ, какъ мало истины въ томъ, что Карвицкій говорилъ о состояніи сего Общества и какъ опасно вѣрить ему; что, слѣдственно, имъ необходимо узнать съ точностью, какое число людей, сколько лошадей и оружія Общество Темплиеровъ можетъ выставить. Тогда Чарковскій сталъ описывать, замѣченное будто бы Маѣвскимъ, волненіе умовъ въ Русской Арміи. Графъ Солтыкъ, какъ объявили нѣкоторые изъ допрошенныхъ, отвѣчалъ: „Пусть Русскіе дѣлаютъ, что хотятъ; но скажите Маѣвскому, чтобы онъ отогналъ отъ себя такія мысли; въ насъ онъ былъ бы сущимъ безумствомъ“. По извѣтамъ Заблоцкаго и Князя Яблоновскаго, графъ Солтыкъ увѣрилъ, что въ Царствѣ Польскомъ спокойство не будетъ нарушено и совѣтовалъ

1) Въ сіе число даны: Собанскимъ 300 рублей, Карвицкимъ 100 рублей, Маѣвскимъ 150 рублей, Тишковскимъ 100 рублей, Антономъ Чарковскимъ 150 рублей, Юмоку Чарковскимъ собранные отъ многихъ Членовъ, 200 рублей, всего 1000 рублей.

въ другихъ Провинціяхъ поступать такъ же, пока въ Россіи не послѣдуетъ перемѣны прочной. Въ семь послѣднемъ Графъ Солтыкъ не запрета.

При концѣ засѣданія положено, что привезенныя Чарковскимъ деньги будутъ отданы на сохраненіе Ксенду Дембеку. Сей Ксенда, принятый въ Патріотическое Общество Оссолинскимъ, не былъ Членомъ Верховнаго Совѣта, но всякій разъ являлся на собранія онога и потому зналъ о замысленныхъ ковахъ и сношеніяхъ съ Русскимъ Тайнымъ Обществомъ. Заблочкій рассказалъ ему о прїѣздѣ Чарковского; онъ согласился взять привезенныя имъ деньги, и какъ оныя не были впослѣдствіи требованы обществомъ, то, по сдѣланному объ нихъ Ксендозомъ Дембекомъ на допросахъ показанію, онъ найденъ въ цѣлости. Симъ заключается описаніе дѣйствій и замысловъ Патріотическаго Общества въ Царствѣ Польскомъ и въ Россійско-Польскихъ Областяхъ Имперіи. Комитетомъ не открыто ни малѣйшаго обстоятельства, по коему можно бы полагать, что съ сего времени было что-либо однимъ изъ сихъ Обществъ предпринято. Въ Волинніи, по близости ея къ мѣсту, бывшему средоточіемъ заговоровъ, находимъ еще въ Декабрѣ 1825 года слѣды сношеній между Обществами Русскимъ и Польскимъ. Сергій Муравьевъ прїѣзжалъ къ Графу Мошинскому, и разсказавъ о происшествіяхъ 14—26 Декабря, спросилъ: „Если 3 и 4 Корпусъ возмущатся, Поляки будутъ-ли помогать имъ? Мошинскій отвѣчалъ, что онъ на сей случай не имѣетъ наставленія, но думаетъ, что Общество Русско-Польскихъ Провинцій послѣдуетъ во всемъ примѣру Варшавскаго. Тогда Муравьевъ сдѣлалъ ему другой вопросъ: „Возьмется-ли онъ доставить черезъ Князя Яблоновскаго письмо къ Варшавскому Обществу?“

Мошинскій не согласился, говоря, что „законами Общества письменныя сношенія запрещены; что, впрочемъ, уже близко время Контрактовъ и Яблоновскій скоро самъ прїѣдетъ“. — „Ижели, сказалъ Муравьевъ, случится что-нибудь рѣшительное, то вы узнаете отъ брата, съ которымъ я ѣду въ Петербургъ“.

Показанія Муравьева о семь свиданіи съ Мошинскимъ разнится отъ вышеописаннаго; онъ утверждаетъ, что говорилъ Мошинскому: „Хотя Польское Общество и обѣщало удержать Великаго Князя Цесаревича въ Варшавѣ, когда въ Россіи начнется революція, однакожъ Общество Южное находитъ, что лучше бы лишить Его Жизни“. Что потому онъ просилъ его доставить Директоріи Общества только, въ которомъ Бесугужевъ доказывалъ необходимость сей мѣры, что Мошинскій не отвѣчалъ на главное, а только объявилъ, что не можетъ, по правиламъ своего Общества, принять бумаги. Мошинскій, вопреки сему показанію, остался при своемъ, прибавляя, что Муравьевъ не сказывалъ о содержаніи письма и о томъ, что Русское Тайное Общество требовало отъ Поляковъ покушенія на жизнь Его Императорскаго Высочества Цесаревича.

Слѣдственный Комитетъ старался въ семь донесеніи представить съ возможною подробностію и точностію все имъ открытое объ основаніи Тайныхъ Обществъ, бывшихъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Россійско-Польскихъ Областяхъ, о свойствахъ и стремленіи оныхъ, о средствахъ, кои были или употреблиемы для достиженія цѣли, вначалѣ имъ предназначенной, или поздиже, и вслѣдствіе преступныхъ замысловъ нѣкоторыхъ Членовъ, занявшей мѣсто первой. Происходящая отъ сей перемѣны цѣли разность въ намѣреніяхъ доказывается, или временемъ, въ которое тотъ или другой Членъ принадлежалъ къ одному изъ вышеозначенныхъ Обществъ, или степенью участія его въ ихъ ковахъ; тѣмъ самымъ опредѣляются и разныя мѣры преступленія каждаго изъ Членовъ. Слѣдуя сему, Комитетъ счелъ обязанностію раздѣлить ихъ на разряды, сообразно съ поступившими на каждаго извѣтами, съ его собственными признаніями и другими свѣдѣніями, кои ни сіи признанія и извѣты подтверждены, объяснены или опровергнуты, однимъ словомъ, сообразно съ степенью участія каждаго изъ Членовъ въ замыслахъ и дѣйствіяхъ, бывшихъ предметомъ изысканій Комитета.

Въ сихъ разрядахъ заключаются:

Въ первомъ: Тѣ Члены Патріотическаго Общества и Общества Темплиеровъ, которые были употреблены для сношеній съ Русскимъ Тайнымъ Обществомъ, зная или не зная о цѣли сего Общества.

Во второмъ: Тѣ Члены Патріотическаго Общества и Общества Темплиеровъ, кои, также зная и не зная о цѣли Русскаго Тайнаго Общества, имѣли свѣдѣніе о сношеніяхъ съ онымъ.

Въ третьемъ: Члены означенныхъ Обществъ въ разныя времена принятые, или и безъ формальнаго принятія къ онымъ принадлежавшіе, и послѣ запрещенія Тайныхъ Обществъ продолжавшіе дѣйствовать, какъ Члены сихъ Обществъ.

Въ четвертомъ: Члены, принятые послѣ запрещенія Тайныхъ Обществъ, но не участвовавшіе въ ихъ дѣйствіяхъ.

Въ пятомъ: Члены Общества Темплиеровъ, принятые прежде запрещенія Тайныхъ Обществъ, а послѣ сего времени не участвовавшіе въ дѣйствіяхъ онога.

Въ шестомъ: Тѣ изъ принятыхъ въ Общества: истинныхъ Поляковъ, Патріотическое и Темплиеровъ, прежде запрещенія Тайныхъ Обществъ, кои послѣ сего запрещенія не участвовали ни въ какихъ дѣйствіяхъ и не знали ни о какой очевидно-преступной цѣли.

Въ седьмомъ: Тѣ, объ конхъ были показанія, что они принадлежали къ **симъ Тайнымъ Обществамъ**, но безъ означенія, въ какое время они приняты и безъ доказательствъ въ истинѣ показанія.

Представляя Вашему Императорскому Высочеству вмѣстѣ съ симъ донесеніемъ и раздѣленные по разрядамъ записки о каждомъ изъ обвиняемыхъ, и Журналы Засѣданій и вообще всѣ принадлежащія къ слѣдствію акты, Комитетъ смѣетъ ласкать себя мыслию, что онъ строго и точно исполнилъ данное ему Вашимъ Высочествомъ порученіе.

Подписали: Станиславъ Графъ Замойскій, Предсѣдатель Сената. Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Новосильцовъ, Станиславъ. Графъ Грабовскій, Сенаторъ и Воевода. Францискъ Грабовскій, Сенаторъ и Воевода. Государственный Совѣтникъ исправляющій должность Военнаго Министра, Генераль отъ Артиллеріи Гауке. Генераль-Лейтенантъ Графъ Курута. Девизионный Генераль Рауте и штабъ-лекарь Баронъ Моренгеймъ. Генераль-Маіоръ Кривцовъ. Капитанъ-Командоръ Колзаковъ.

Русскій Инвалидъ.

(16 Сентября. № 234).

По сентенціи Военнаго Суда.

Нижегородскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Старковъ и Оренбургскаго гарнизоннаго полка прапорщикъ Таптыковъ за преступныя связи съ злонамѣренными людьми лишаются чиновъ и дворянскаго достоинства, и первый назначается рядовымъ въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ, а послѣдній ссылается въ Сибирь въ каторжную работу на четыре года съ тѣмъ, чтобы по истеченіи сего срока оставленъ былъ съ Сибири на поселеніи.

Русскій Инвалидъ.

(21 Ноября. № 295).

По сентенціи Военнаго Суда.

32-го Егерскаго полка маіоръ Раевскій 5-й, за противозаконные и дерзкіе поступки, коими умышленно старался разстроить во ввѣренной ему части дисциплину и порядокъ, лишается чиновъ, дворянскаго достоинства, знаковъ отличія и ссылается въ Сибирь на поселеніе.

1830 годъ.

Санктпетербургскія Сенатскія Вѣдомости.

(21 Іюля. № 25).

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Аудиторіатскаго Департамента по военно-судному дѣлу о рядовомъ Нижегородскаго Драгунскаго полка Князѣ Сергѣѣ Сергѣевѣ сынѣ Оболенскомъ, повелѣно: его, Оболенскаго, за причиненіе обнаженною саблею препровождавшему его въ Грузію на службу уряднику, что нынѣ хорунжій, Аксюку въ бокъ раны, упорное сокрытіе полученія имъ письма отъ государственнаго преступника Кюхельбекера для отдачи онаго статскому совѣтнику Грибоѣдову, а также и за изъясненіе ропота на Правительство, приговоренъ къ лишенію дворянскаго и княжескаго достоинства и воинскаго званія, какъ вреднаго для службы и нетерпимаго въ обществѣ, съ ссылкой въ Сибирь на поселеніе, — собственною Его Императорскаго Величества рукою въ 1-й день мая написано: „Быть по сему, Николай“.

Санктпетербургскія Сенатскія Вѣдомости.

(19 Іюня. № 29).

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Аудиторіатскаго Департамента, по военно-судному дѣлу о состоявшемъ въ вѣдѣніи Кіевской Комиссаріатской Комиссіи Коммисіонеръ 10 класса Василіѣ Павловѣ сынѣ Дороховѣ, который за то, что онъ при нетрезвой жизни своей, имѣя дурную нравственность, осмѣлился, стоя позади фронта солдатъ, произнести дерзкія и противу Высочайшей Его Императорскаго Величества Особы оскорбительныя слова, приговоренъ къ лишенію чиновъ, дворянскаго достоин-

ства и знака отличія Военнаго ордена и къ опредѣленію рядовымъ въ Финляндскій Корпусъ—собственною Его Императорскаго Величества рукою въ 26-й день мая напечатано:
„Быть по сему. Николай“.

Санктпетербургскія Сенатскія Вѣдомости.

(20 Декабря. № 51).

Высочайшій Манифестъ.

Божіею Милостію

Мы, Николай Первый,

Императоръ и Самодержецъ.

Всероссійскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Гнусная измѣна поколебала соединенное съ Россіею Царство Польское. Люди злоумышленные, не безоружные благодѣяніями незабвеннаго Императора Александра, великодушнаго Востановителя страны ихъ, подъ кровомъ дарованныхъ Имъ Законовъ, наслаждаясь плодами попеченія Его, готовили въ тайнѣ ковь для испроверженія учрежденнаго Имъ порядка и 17-го минушаго ноября ознаменовали начало своихъ дѣйствій мятежемъ, кровопролитіемъ, преступнымъ покушеніемъ на жизнь Любезнѣйшаго Брата Нашего Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича. Пользуясь темнотою вечера, они устремили толпу возбужденной ими, неистовой черни ко Дворцу Его и въ то же время въ разныхъ частяхъ Варшавы распространяя нелѣпный слухъ, что Россійскія войска истребляютъ мирныхъ жителей, успѣли смѣлѣе обманомъ увлечь за собою народъ и наполнить городъ всѣми ужасами безначалія. Цесаревичъ, съ собравшимися къ нему Россійскими войсками и тѣми изъ Польскихъ, кои оставались вѣрны своему долгу, расположился близъ Варшавы и рѣшилъ не дѣйствовать наступательно, чтобы, отвращая всякій поводъ къ новымъ кровопролитіямъ, явно доказать нелѣпность и коварство извѣта и дать гражданскимъ Начальствамъ время и средства, при помощи благомыслящихъ жителей, вразумить заблуждающихся и обуздать злонамѣренныхъ. Сія надежда не исполнилась. Правительственный Сенатъ не могъ возстановить порядка: безпрестанно угрожаемый мятежниками, кои составили изъ среды своей нѣсколько противозаконныхъ сообществъ, измѣняя составъ свой удаленіемъ Нами поставленныхъ Членовъ и призваніемъ новыхъ по требованіямъ предводителей бунта, онъ только умолялъ Цесаревича возвратитъ бывшія съ нимъ Польскія Войска, въ Варшаву для спасенія собственности общественной и частной отъ новыхъ расхищеній; скорѣй сей Совѣтъ разрушился и вся власть осталась въ рукахъ одного изъ Генераловъ. Между тѣмъ, духъ мятежа распространялся по всѣмъ Областямъ Царства Польскаго; вездѣ употребляли тѣ же средства: обманъ, угрозы, обольщенія, чтобы мирныхъ гражданъ поработить владычеству немногихъ возмутителей. Въ сихъ важныхъ и печальныхъ обстоятельствахъ Цесаревичъ нашелъ необходимымъ, удовлетворяя желанію Правительственнаго Сената, дозволить малому числу Польскихъ войскъ, вѣрными пребывавшихъ, возвратиться въ Варшаву, чтобы по возможности охранить личную безопасность и собственность жителей, и Самъ съ Россійскими полками выступилъ изъ предѣловъ Царства Польскаго: 1-го декабря Онъ прибылъ въ мѣстечко Влодаву Вольанской губерніи.

Такъ совершилось злодѣяніе, можетъ быть, издавна умышляемое. Народъ Царства Польскаго, послѣ столь многихъ превратностей наслаждавшійся миромъ и благоденствіемъ подъ Снѣию Державы Нашей, снова ввергнутъ въ пучину мятежей и бѣдствій, и минутою овладѣвшая имъ толпа легкомысленныхъ, хотя уже волнуемая стрихомъ близкаго наказанія, дерзаетъ мечтать о торжествѣ и Намъ, своему Государю законному, предлагаетъ условія. Россіяне! Вы знаете, что мы ихъ отвергнемъ съ негодованіемъ. Сердца ваши, пылающія ревностію къ Престолу, понимаютъ всѣ чувства Нашего сердца. На первую вѣсть объ измѣнѣ въ отвѣтствовали повтореніемъ клятвъ непоколебимой вѣрности; и нынѣ, во всемъ пространствѣ Нашей обширной Имперіи, Мы видимъ одно движеніе; всѣ одушевляются однимъ желаніемъ, не падаютъ трудовъ, жертвовать достояніемъ и жизнью за честь Царя своего, за цѣлостъ Государства. Мы съ умиленіемъзираемъ на сей великодушный порывъ народной любви къ Намъ и Отечеству и вмѣняемъ Себѣ въ священный долгъ отвѣчать на оный словами успокоенія. Новыя жертвы, новыя усилія будутъ не нужны. Съ Нами Богъ, поборникъ справедливости, и могущество Россіи однимъ рѣшительнымъ ударомъ можетъ смиритъ дерзнувшихъ смутить ея спокойствіе. Наши вѣрныя войска, еще недавно прославленные новыми побѣдами, уже собираются на западныхъ границахъ Имперіи, они готовы карать вѣроломство, но хотимъ отличить невинныхъ отъ преступниковъ, хотимъ миловать и слабыхъ, по слѣпости или боязни слѣдующихъ противозаконному влеченію.

Не все подданные Наши Царства Польскаго, не все жители Варшавы были участниками бунта и плачевных его слѣдствій: многие доказали славную смертью, что знали долгъ свой; другіе, какъ Мы видимъ изъ донесенія Цесаревича, съ слезами отчаянія принужденно возвратились въ мѣста подвластныхъ мятежникамъ. Они, съ обманутыми и обольщенными, безъ сомнѣнія составляютъ большую часть войскъ и народа Царства Польскаго. Мы къ нимъ обращаемся въ Воззваніи отъ 5-го сего мѣсяца, въ коемъ, изъявивъ Наше праведное негодованіе къ вѣроломству, повелѣваемъ немедленно положить кочезъ своевольствамъ и противозаконнымъ вооруженіямъ, возстановить весь прежній порядокъ. Сими они могутъ еще загладить вины своихъ соотечественниковъ и спасти Царство Польское отъ гибельныхъ послѣдствій преступнаго ослѣпленія. Указавъ имъ единственное средство избавленія, Мы о семъ дѣйстви Нашего милосердія изъявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ; да видятъ въ немъ и твердую Нашу волю ограждать неприкосновенность правъ Престола и Отечества, и намѣреніе столь же твердо садить заблужденіе, очищаемое раскаяніемъ. Россіяне! Примѣръ Царя вашего будетъ вашимъ руководствомъ: правосудіе безъ мщенія, непоколебимость въ борьбѣ за честь и пользы Государства безъ ненависти къ ослѣпленнымъ противникамъ; наказаніе однимъ измѣнникамъ; любовь и уваженіе къ тѣмъ изъ подданныхъ нашихъ Царства Польскаго, кои вѣрны данной Намъ клятвѣ; готовность къ примиренію со всѣми, кои возвратятся къ долгу. Вы оправдаете надежды Наши, какъ оправдывали ихъ до нынѣ. Пребывайте въ спокойствіи, въ твердомъ упованіи на Бога, всегда благодѣющаго Россіи, въ твердой довѣренности къ Монарху, который знаетъ великость и святость Своихъ обязанностей быть хранителемъ цѣлости, достоинства Державы Своей и славы имени Русскаго. Данъ въ С.-Петербургѣ 12-го декабря въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ тридцатое, Царствованія Нашего въ шестое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

Н и к о л а я .

1831 годъ.

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

(Собраніе второе, томъ VI).

4444. — Марта 22. Именной указъ, данный Правительствующему Сенату: При самомъ началѣ мятежа, возмутившаго Царство Польское, предвидя вліяніе онаго на умы слабые, готовые увлечься мечтами законопротивными къ нарушенію спокойствія въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши къ Имперіи Россійской, Мы въ постоянномъ попеченіи о благѣ вѣроподданныхъ нашихъ жителей тѣхъ губерній, обратились къ Дворянскому въ оныхъ сословію, какъ знаменитѣйшему классу обывателей и изъявили оному ожиданія Наши, что оно употребитъ въ сихъ обстоятельствахъ все усилія свои, дабы доказать Намъ и Отечеству непоколебимую вѣрность свою и постоянное ко благо общему усердіе. Таковыя ожиданія Наши совершились почти вездѣ и повсемѣстно. Дворянство губерній: Виленской, Гродненской и Волынской чрезъ временныхъ Военныхъ Губернаторовъ поспѣшило излить предъ Намъ неизмѣнныя чувства вѣроподданнической преданности своей, а вслѣдъ за тѣмъ на самомъ опытѣ доказало, сколь охотно жертвуетъ оно достояніемъ своимъ и трудами къ удовлетворенію многообразныхъ и значительныхъ военныхъ требованій по снабженію дѣйствующей Арміи продовольствіемъ и иными потребностями. Тѣмъ съ большимъ прискорбіемъ получили Мы нынѣ свѣдѣніе, что горсть людей неблагонамѣренныхъ, недостойныхъ имени дворянскаго, забывъ долгъ присяги и недавній еще обѣтъ вѣрности, дерзнула нарушить спокойствіе Виленской губерніи въ уѣздахъ: Тельшевскомъ, Шавельскомъ и Россіенскомъ,—но съ твердостью рѣшились Мы исполнить надъ ними примѣръ заслуженнаго наказанія, который остановить, Мы уповаемъ, колеблющихся и возвратитъ заблудшихъ къ обязанностямъ долга и присяги.

Мы повелѣваемъ: 1. Всѣхъ дворянъ или Шляхту, принявшихъ участіе въ семъ бунтѣ и которые вооруженною рукою противостанутъ законной власти, судить военнымъ судомъ по Полевому Уголовному Уложенію и приговоры Суда исполнить надъ ними на мѣстѣ съ утвержденія отдѣльнаго отряднаго начальника. 2. Недвижимыя имѣнія сихъ преступниковъ брать въ казну, обращая доходы съ оныхъ на приращеніе инвалиднаго капитала. 3. О всѣхъ мужескаго пола дѣтяхъ Дворянъ или Шляхтичей, за преступленіе, въ первомъ пунктѣ означенное, наказанныхъ, входитъ къ Намъ съ особымъ представленіемъ; дѣтей же, именующихся Шляхтичами, но ни какихъ доказательствъ на сіе званіе не имѣющихъ, брать въ военные кантонисты. 4. Людей низ-

шаго званія, кои, участвуя въ сихъ безпорядкахъ, будутъ взяты съ оружіемъ въ рукахъ, къ какой бы кто ни принадлежалъ губерніи, отдавать въ рекруты и отсылать на службу въ Сибирскіе Линейные баталіоны. 5. Дѣтей мужескаго пола сихъ же людей отдавать въ военные кантонисты. 6. Всѣхъ тѣхъ, кои изблечены будутъ въ убійствахъ, въ продолженіе бунта учиненныхъ, судить военнымъ судомъ по Полевому Уголовному Уложенію. 7. Кто изъ простолюдиновъ, завлеченныхъ въ толпу бунтовщиковъ волею помѣщика или угрозами, броситъ оружіе и возвратится въ домъ свой, того прощать.

О всемъ вышнеложенномъ Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить немедленно надлежащее исполненіе.

Сенатскія Вѣдомости.

(10 Октября. № 41).

Высочайшій Манифестъ.

Вознепная измѣной война прекратилась: народъ Царства Польскаго освобожденъ отъ насилія мятежниковъ и тѣ слабыя остатки ихъ полчищъ, кои до конца упорствовали въ заблужденіи, тѣснимые отовсюду Нашими храбрыми войсками, удалились въ предѣлы сосѣдственныхъ съ Нами Державъ и тамъ положили оружіе. Вѣрные подданные Наши! Возвѣщая вамъ о семъ торжествѣ истинно утѣшительномъ, ибо имъ возстаютъ спокойствіе и порядокъ, Мы, такъ же какъ при началѣ сей горестной для сердца Нашего борьбы, обращаемся вмѣстѣ съ вами къ Тому, Кто, владычествуя судьбами Царствъ и народовъ, столь видимо благословилъ Наше правое дѣло. Первая мысль Наша, первая жертва хвалы и благодаренія да вознесется къ Престолу Его. Онъ въ неисповѣдимомъ совѣтѣ Своемъ положилъ подвергнуть насъ новымъ тяготнымъ испытаніямъ, но посреди ихъ явилъ и новыя знаки Своей къ Намъ благости, показалъ твердость могущества Россіи, и вѣрныя Наши войска, сію необоримую ограду Отечества, покрылъ новымъ блескомъ славы. Храбрые воины наши оправдали нашу довѣренность. Прославленные подвигами на берегахъ Ефрата, на высотахъ Балкана, Тавра и на поляхъ Румеліи, они въ семъ достопамятномъ, болѣе семи мѣсяцевъ непрерывавшемся походѣ, умѣли еще превзойти себя, презирая опасности, перенося неимоверныя труды и нужды, сражаясь съ препятствіями, самою природою поставляемыми и съ отчаяннымъ сопротивленіемъ враговъ, не щадившимъ достоянія и крови народа, имъ вовлеченнаго въ преступленіе, и рядъ блистательныхъ успѣховъ достойно заключенъ покореніемъ Варшавы, гдѣ непріятель былъ равно изумленъ великодушнымъ чувствомъ побѣдителей и уваженіемъ ихъ къ жизни и собственности побѣжденныхъ. Но сею кротостію въ побѣдѣ, симъ безкорыстіемъ и челоуѣколюбіемъ ознаменованы и всѣ дѣйствія нашихъ воиновъ въ Царствѣ Польскомъ. Помни слова Наши, они среди самыхъ кровопролитій старались уменьшать ужасы сей междоусобной брани, вездѣ щадили падшихъ, заблуждающихся и всѣхъ возвращающихся къ долгу принесли, какъ братьевъ. Россія! Съ помощью Небеснаго Промысла Мы довершимъ, начатое Нашими храбрыми войсками. Время и попеченія Наши истребятъ сѣмена несогласій, столь долго волновавшихъ два соплеменные народа. Въ возвращенныхъ Россіи подданныхъ нашихъ Царства Польскаго вы также будете видѣть лишь членовъ единого съ вами великаго семейства. Не грозою мщенія, а примѣромъ вѣрности, великодушія, забвенія обидъ вы будете способствовать успѣху предначертанныхъ Нами чѣръ, тѣснѣйшему твердому соединенію сего края съ прочими областями Имперіи, и сей Государственный неразрывный союзъ, къ утѣшенію Нашему, ко славлѣ Россіи, да будетъ всегда охраняемъ и поддерживаемъ чувствомъ любви къ одному Монарху, однихъ нераздѣльныхъ потребностей и польвъ и общаго никакимъ раздоромъ не возмущаемаго счастья.

Данъ въ С.-Петербургѣ въ шестой день октября въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсогъ тридцать первое, Царствованія же нашего въ шестое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

Николай.

1832 годъ.

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

(Собраніе второе, томъ VII.)

5515. Юля 24. Именной указъ, объявленный Главнокомандующему Дѣйствующей Арміею Военнымъ Министромъ. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: при выдачѣ указовъ объ отставкѣ офицерамъ, которые

принадлежали къ обществу злоумышленниковъ, по происшествію 14 декабря 1825. прописывать въ сихъ указахъ подробно все: за что и какъ означенные офицеры осуждены были Верховнымъ Судомъ и каковыя объ нихъ послѣдовала Высочайшая конфирмація, также вносить имъ запрещеніе въѣзжать въ обѣ столицы Имперіи.

Сенатекія Вѣдомости.

(26 Ноября. № 48.)

По указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ слушали предложеніе Господина Министра Юстиціи Тайнаго Совѣтника и Кавалера Дмитрія Васильевича Дашкова, что г. Военный Министръ отъ 8-го сего ноября сообщилъ ему, что Государь Императоръ, обративъ Всемилоствѣйшее вниманіе на участь преступниковъ, сосланныхъ въ каторжную работу, кромѣ осужденныхъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, по особымъ Высочайшимъ конфирмаціямъ и желая, по чувствамъ милосердія Своего, облегчить ихъ жребій сокращеніемъ опредѣленнаго имъ времени употребленія въ каторжной работѣ, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: изъ числа таковыхъ преступниковъ: Соловьева, Мозалевского, Завалишина, Быстрицаго и Кучевского, кои приговорены въ каторжную работу вѣчно или безъ назначенія срока, оставить въ оной всего пятнадцать лѣтъ, а Игельстрома, Вегелина и Рукевича, приговоренныхъ къ употребленію въ каторжной работѣ на 10 лѣтъ и Колесникова¹⁾, сосланнаго въ сію же работу на 6 лѣтъ, освободить отъ оной, обратиться на поселеніе въ Сибирь. О таковой Высочайшей волѣ оныя, Г. Министръ Юстиціи, доводитъ до свѣдѣнія Правительствующаго Сената присовокупляя, что объ оной, какъ видно изъ отношенія г. Генераль-Адъютанта Графа Чернышева, сообщено отъ него тѣмъ Начальствамъ, до коихъ исполненіе относится.

1834 годъ.

Полное Собраніе Законовъ Реввійекой Имперіи.

(Собраніе второе. Томъ IX. Отдѣленіе второе.)

(Изъ Манифеста 4 сентября 1834 года.)

7383. О наказаніяхъ, постановленныхъ главнымъ виновникамъ бѣгшаго въ Царствѣ Польскомъ мятежа. Особый уголовный судъ постановленіемъ Нашимъ отъ 13 февраля 1832 года для сужденія государственныхъ преступниковъ, учрежденный въ Варшавѣ, совершилъ вѣренное ему дѣло. Разсмотрѣвъ поднесенный Намъ докладъ и приговоръ, упомянутымъ Судомъ о преступникахъ сихъ постановленный, и сохраняя въ памяти Нашей представительство, объ оказаніи имъ возможнаго помилованія, въ свое время предъ нами учиненное въ Божѣ почившимъ Государемъ Цесаревичемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, Мы, согласуя долгъ правосудія и силу законовъ съ чувствомъ милосердія, и пріемля во вниманіе изъявленное преступниками сими раскаяніе, признали за благо смягчить мѣры опредѣленныхъ симъ Судомъ Казней и наказаній и для того повелѣваемъ: 1) Преступниковъ по особенной важности ихъ злодѣяній, осужденныхъ по закону къ смертной казни, а именно: подпоручика Петра Высоцкаго, подпоручика Франца Мальчевскаго, обывателя Калинскаго Воеводства Винцентія Нѣмоевскаго и рядоваго Оому Пршибыльскаго, не подвергая опредѣленной имъ казни, сослать въ каторжную работу въ Сибирь: Высоцкаго на 20, Мальчевскаго на 18, Пршибыльскаго на 15 и Нѣмоевскаго на 10 лѣтъ.

2) Приговоренныхъ по Суду къ строгому заключенію: на 12 лѣтъ подпоручика Людвигъ Хршонстовскаго и на 10 лѣтъ подпоручика Станислава Прокоповича и осужденнаго къ тяжкому на 10 лѣтъ заключенію подпоручика Франца Стыпулковскаго, вмѣсто опредѣленныхъ имъ сроковъ, сослать къ содержанію въ крѣпостной работѣ: Хршонстовскаго на 10, а прочихъ двухъ каждого на 8 лѣтъ.

3) Осужденныхъ къ тяжкому заключенію преступниковъ, а именно: на 6 лѣтъ унтеръ-офицера Юсафата Наполеона Вояковскаго; на 4 года унтеръ-офицеровъ: Николая Кошевскаго, Ивана Вольскаго, Пгнація Биля, Винцентія Ленчовскаго, Адольфа Курцевскаго, Гаспара Бабскаго, Періуша Рожанскаго, и подхорунжаго Оому Кицинскаго, вмѣсто опредѣленныхъ имъ сроковъ, отослать въ крѣпостныя арестанскія роты: Вояковскаго на 5 лѣтъ, а всѣхъ прочихъ на 3 года.

¹⁾ Фамилій Кучевского, Рукевича, Колесникова и Завалишина (брата, осужденнаго Верховнымъ Судомъ) въ официально опубликованныхъ правительствомъ документахъ по дѣлу декабристовъ, не значилось.

Редакторъ.

4) Приговоренных по суду къ тяжкому заключенію на 3 года унтеръ-офицеровъ: Фортуната Велюбицкаго, Александра Богуславскаго, Северина Грѣдзинскаго и фельдфебеля Юсіфа Рожнецкаго и на 2 года студента Войцеха Слабовскаго отослать въ крѣпостныя арестанскія роты: первыхъ 4-хъ преступниковъ на 2 года, а послѣднихъ на 1 годъ.

5) Сему же наказанію подвергнуть на срокъ, Судомъ опредѣленный, студента Ишолита Ржевусскаго, приговореннаго къ тяжкому на одинъ годъ заключенію.

6) Приговоренныхъ Судомъ къ заключенію въ смиренительномъ домѣ унтеръ-офицеровъ: на 2 года Михайла Бембновскаго и на 1 годъ Рафаила Водзинскаго выдержать въ ономъ первомъ 1 годъ, а втораго согласно приговору Суда.

7) Осужденнаго, по приговору Суда, къ тяжкому на одинъ годъ заключенію отставнаго подполковника Карла Зелинскаго, снисходя къ изъявленному имъ раскаянію и къ показанію его, что принять званіе вице-предсѣдателя противозаконнаго въ Закрочимѣ продолжавшагося Правленія, вынужденъ онъ былъ угрозами мятежниковъ, а наипаче во вниманіе къ тому, что онъ, Зелинскій, вскорѣ по увольненіи отъ службы въ ихъ рядахъ, возобновилъ присягу на вѣрность Намъ и явился къ Суду, Всемилоствѣйше прощая, освобождаемъ его, Зелинскаго, отъ опредѣленнаго закономъ наказанія.

8) Относительно прочихъ затѣмъ, въ прилагаемомъ у сего списокѣ поименованныхъ преступниковъ, кои, по укрощеніи бывшаго мятежа, скрылись и, бывъ обвиняемы въ преступленіяхъ, изъятыхъ отъ дарованнаго Манифестомъ Нашимъ всепрощенія, двукратно на сроки съ предостереженіемъ, на основаніи 65 статьи постановленія Нашего 13 февраля 1832 года, къ Суду вызываемы были, но не явились вовсе, и затѣмъ уже по доказательствамъ о тяжкихъ ихъ злодѣянιάхъ и преступленіяхъ, слѣдствіемъ обнаруженныхъ, сужденіе помянутымъ Судомъ и по силѣ Уголовнаго Уложенія Царства Польскаго, приговорены онымъ, а именно: означенные въ томъ списокѣ первые 249 преступниковъ къ смертной казни повѣщеніемъ; слѣдующіе за ними 9 къ смертной казни отсѣченіемъ головы, а прочіе 7 къ строгому и тяжкому заключенію подлежащими, со всѣми послѣдствіями, кои по закону влечетъ за собою таковое всѣхъ ихъ осужденіе, Мы, съ лишеніемъ преступниковъ сихъ всѣхъ правъ, каждому изъ нихъ принадлежавшихъ, приговоренныхъ имъ казни и наказанія обращаемъ въ изгнаніе всѣхъ ихъ, въ списокѣ поименованныхъ, навсегда изъ Царства Польскаго и прочіихъ подвластныхъ Намъ областей Имперіи Нашей. Если же кто-либо изъ сихъ преступниковъ, явно или тайно, возвратится когда-либо въ предѣлы Имперіи или Царства, то такового подвергнуть дѣйствию постановленнаго о немъ Судомъ приговора по всей строгости Полевого Уголовнаго Уложенія Дѣйствующей Арміи.

Именной Списокъ.

1. Преступники, къ смертной казни повѣщеніемъ приговоренные:

- 1) Клементій Громантъ, бывшихъ Польскихъ войскъ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка унтеръ-офицеръ.
- 2) Иванъ Бышинскій. То же самое.
- 3) Людовикъ Бончакевичъ, бывш. Польск. войскъ Л.-Гв. Гренад. полка подпорщикъ.
- 4) Леопъ Чарковскій. То же самое.
- 5) Леопольдъ Рачинскій. То же самое.
- 6) Клементій Пончевскій. То же самое.
- 7) Иванъ Зелинскій, быв. Польск. войскъ Л.-Гв. Гренад. полка унтеръ-офицеръ.
- 8) Адамъ Козьмянъ. То же самое.
- 9) Владиславъ Энглертъ. То же самое.
- 10) Феликсъ Китлинскій. То же самое.
- 11) Войцехъ Лѣщинскій. То же самое.
- 12) Казимиръ Мацѣевскій. То же самое.
- 13) Ремигій Вержбицкій. То же самое.
- 14) Станиславъ Смолинскій. То же самое.
- 15) Викентій Поплавскій. То же самое.
- 16) Антонъ Боярскій. То же самое.
- 17) Оадей Троицскій, бывш. Пол. войскъ Сапернаго баталіона фельдфебель.
- 18) Вацлавъ Сташевскій, бывш. Пол. войскъ Саперн. батал. унтеръ-офицеръ.
- 19) Камилъ Мохнацкій. То же самое.
- 20) Эдуардъ Вернезобре. То же самое.
- 21) Иванъ Ольшевскій. То же самое.
- 22) Антонъ Фальковский. То же самое.
- 23) Евстафій Мацѣевскій. То же самое.
- 24) Францъ Обуховичъ. То же самое.
- 25) Осинъ Гарчинскій. Бывш. Пол. войскъ пѣхотнаго Е. И. В. Великаго Князя Михаила Павловича № 1 полка унтеръ-офицеръ.
- 26) Карлъ Манишевскій. То же полка фельдфебель.
- 27) Аполлиарій Пыко. То же полка подпорщикъ.
- 28) Оома Малянкевичъ. То же полка унтеръ-офицеръ.
- 29) Маріанъ Плахецкій. То же самое.
- 30) Иванъ Непомуценъ Млодецкій. То же самое.
- 31) Мартынъ Добжелевскій.
- 32) Иванъ Фальковский. То же полка фельдфебель.
- 33) Осинъ Пѣховскій. То же полка унтеръ-офицеръ.
- 34) Августинъ Бризенмейстеръ. То же самое.
- 35) Игнатій Полянскій. То же самое.
- 36) Оома Свѣркоцкій, бывш. Пол. войскъ 2-го пѣхотн. полка фельдфебель.
- 37) Карлъ Клоссъ. То же самое.
- 38) Антонъ Запасникъ. То же полка унтеръ-офицеръ.
- 39) Казимиръ Обремскій. То же самое.
- 40) Андрей Радлицкій. То же самое.
- 41) Оедоръ Карчевскій, того же полка подпорщикъ.
- 42) Войцехъ Зджарскій, того же полка фельдфебель.
- 43) Францъ Хельмонскій, бывш. Пол. войскъ пѣхотнаго Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича № 3 полка подпорщикъ.
- 44) Юліанъ Сокочевскій. То же самое.
- 45) Осинъ Вашкевичъ, того же полка фельдфебель.
- 46) Антонъ Явушинскій, того же полка унтеръ-офицеръ.
- 47) Мартынъ Раевскій. То же самое.

48) Анто́нь Скальскій, того же полка фельдфебель. 49) Симо́нь Фюти́нскій, того же полка унтеръ-офицеръ. 50) Клавді́й Бернадскій, того же полка унтеръ-офицеръ. 51) Зено́нь Кулаковскій, бывш. Пол. войскъ 4 пѣхотн. полка фельдфебель. 52) Иванъ Павловскій, того же полка унтеръ-офицеръ. 53) Осипъ Войцеховскій. Тоже самое. 54) Сильвестръ Шаблицкій. Тоже самое. 55) Осипъ Ковальскій. Тоже самое. 56) Викентій Карпинскій, бывш. Пол. войскъ 5 пѣхотн. полка фельдфебель. 57) Гаспаръ Колачинскій. То же полка унтеръ-офицеръ. 58) Станиславъ Трушковскій. Тоже самое. 59) Маркель Виславскій. То же полка фельдфебель. 60) Людовикъ Скродскій. Тоже самое. 61) Фѣдоръ Гулевичъ. Тоже самое. 62) Валентинъ Зомбовскій. Тоже самое. 63) Фѣдоръ Елинскій, того же полка унтеръ-офицеръ. 64) Максиміа́нъ Лютостанскій. Тоже самое. 65) Иеронимъ Дембицкій, бывш. Пол. войскъ 6-го пѣх. полка фельдфебель. 66) Францъ Лисѣцкій. Тоже самое. 67) Леонъ Добржицкій. То же полка унтеръ-офицеръ. 68) Маркель Магнускій. Тоже самое. 69) Феликсъ Павловскій. То же полка подпрапорщикъ. 70) Иванъ Пихельскій, бывш. Пол. войскъ 7-го пѣхотн. полка подпрапорщикъ. 71) Михайло Словяновскій. Тоже самое. 72) Анто́нь Боровскій. То же полка фельдфебель. 73) Павелъ Цепловскій. То же полка унтеръ-офицеръ. 74) Осипъ Массальскій. То же полка фельдфебель. 75) Францъ Мильцеръ. Тоже самое. 76) Ада́мъ Лясота. То же полка унтеръ-офицеръ. 77) Андрей Грошовскій. Тоже самое. 78) Осипъ Баерскій. Тоже самое. 79) Людовикъ Зверковскій. Тоже самое. 80) Фердинандъ Мейснеръ. Тоже самое. 81) Францъ Лисѣцкій, бывш. Пол. войскъ 8 пѣх. полка унтеръ-офицеръ. 82) Доминикъ Саскій. Тоже самое. 83) Гаврило Морачевскій. Тоже самое. 84) Матвѣ́й Консиновскій. Тоже самое. 85) Леопольдъ Кѣтлинскій. Тоже самое. 86) Феликсъ Лубенскій. Тоже самое. 87) Андрей Новосельскій. Тоже самое. 88) Константи́нъ Ковецкій. Тоже самое. 89) Осипъ Пательскій, бывш. Пол. войскъ Егерскаго Е. И. Величества № 1 полка фельдфебель. 90) Станиславъ Мазуркевичъ. То же полка унтеръ-офицеръ. 91) Анто́нь Бачевскій. Тоже самое. 92) Феликсъ Шимановскій. Тоже самое. 93) Леонъ Лини́нскій. Тоже самое. 94) Станиславъ Рыдецкий. Тоже самое. 95) Венедиктъ Козловскій. Тоже самое. 96) Иванъ Янушевскій. Тоже самое. 97) Анто́нь Вержбицкій. Тоже самое. 98) Михайло Мыстковскій, бывш. Пол. войскъ 2-го Егерскаго полка фельдфебель. 99) Станиславъ Чайковскій. Тоже самое. 100) Иванъ Ёржезинскій. Тоже самое. 101) Францъ Шамота. То же полка унтеръ-офицеръ. 102) Степа́нъ Мшанецкій. Тоже самое. 103) Осипъ Любовицкій. Тоже самое. 104) Францъ Глашинскій. Тоже самое. 105) Иванъ Пенчиковскій. Тоже самое. 106) Станя́н Яворскій. Тоже самое. 107) Михайло Острогъ. Тоже самое. 108) Викентій Модзелевскій, бывш. Пол. войскъ 3-го Егерскаго полка подпрапорщикъ. 109) Эдуардъ Берльеръ. То же полка унтеръ-офицеръ. 110) Андрей Піяновскій. Тоже самое. 111) Францъ Скомпскій. Тоже самое. 112) Иеронимъ Паѣнцкій. Тоже самое. 113) Лукья́нъ Каперскій, быв. Пол. войскъ 4-го Егерскаго полка фельдфебель. 114) Осипъ Козловскій. Тоже самое. 115) Вильгельмъ Хрусцинскій. То же полка унтеръ-офицеръ. 116) Ксаверій Гускій. Тоже самое. 117) Еразмъ Боржешцкій. Тоже самое. 118) Анто́нь Парисъ. Тоже самое. 119) Викторъ Радаѣиовскій. Тоже самое. 120) Людовикъ Рожницкій. Тоже самое. 121) Викентій Гаучъ, бывш. Пол. войскъ пѣхотнаго Е. И. В. Вел. Кн. Михаила Павловича № 1 полка унтеръ-офицеръ. 122) Юсифъ Добровольскій, отставной того же полка подпоручикъ. 123) Осипъ Зѣлинскій. То же полка рядовой. 124) Константи́нъ Тршасковскій, бывш. Пол. войскъ 4-го Егерскаго полка фельдфебель. 125) Карль Кобылинскій. То же полка унтеръ-офицеръ. 126) Викторъ Тылскій, быв. Пол. войскъ 6-го пѣх. полка унтеръ-офицеръ. 127) Станиславъ Попинскій, уволенный отъ службы подпоручикомъ изъ подпрапорщикомъ быв. пол. войскъ Л.-Гв. Гренад. полка. 128) Северинъ Циховскій. Отставной подпрапорщикъ того же полка. 129) Карль Пашкѣвичъ, отставной унтеръ-офицеръ того же полка. (Все ѣ выше названные подпрапорщики, фельдфебеля и унтеръ-офицеры состояли въ 1830 году въ Школѣ пѣхотныхъ подпрапорщикомъ въ Варшавѣ. 130) Людовикъ Набѣлякъ, редакторъ газетъ. 131) Северинъ Гоцинскій. Тоже самое. 132) Рохъ Рупневскій, студентъ бывшаго Варшавскаго Александровскаго Университета. 133) Людовикъ Орнишевскій. Тоже самое. 134) Валентинъ Насіоровскій. Тоже самое. 135) Эдуардъ Тршцинскій. Тоже самое. 136) Людовикъ Янковскій. Тоже самое. 137) Александръ Свентославскій. Тоже самое. 138) Валентинъ Кросновскій. Тоже самое. 139) Монардъ Реттель, бывш. ученикъ Варшав. Лицея. 140) Осипъ Заливквій, бывш. пол. войскъ пѣхотнаго Е. И. В. Вел. Кн. Михаила Павловича № 1 полка подпоручикъ. 141) Анто́нь Чарнецкій. Тоже самое. 142) Яковъ Грабовскій. То же полка фельдфебель. 143) Анто́нь Росляковскій. Бывш. пол. войскъ 4-го пѣхотнаго полка капитанъ. 144) Викентій Слубицкій. То же полка поручикъ. 145) Осипъ Свенцицкій. Тоже самое. 146) Маркель Сицинскій. То же полка подпоручикъ. 147) Алексій Косицкій. Тоже самое. 148) Ада́мъ Пршеградскій. Тоже самое. 149) Титъ Пршеградскій. Тоже самое. 150) Осипъ Кршиштопорскій. Тоже самое. 151. Юліа́нъ Заюнчковскій. Тоже самое. 152) Матвѣ́й Лоссовскій. Тоже самое. 153) Андрей Гавронскій, быв. пол. войскъ Сапернаго Баталіона Капитанъ 1-го класса. 154. Ру-

дольфъ Гасфортъ. Того же батал. подпоручикъ. 155) Карлъ Карсницкій. Тоже самое. 156) Станиславъ Долингеръ. Тоже самое. 157) Антонъ Шиндлеръ. Того же батал. унтеръ-офицеръ. 158) Петръ Урбанскій, быв. пол. войскъ Л. Гв. Гренад. полка поручикъ. 159) (Леонъ Человскій. Того же полка подпоручикъ.) 160) (Александръ Даскій. Тоже самое. 161) Людовикъ Балинскій. Того же полка подпрапорщикъ. 162) Людовикъ Михаловскій, быв. пол. войскъ пѣхотнаго Е. И. В. Вел. Кн. Константина Николаевича № 5 полка подпоручикъ 163) Людовикъ Боркѣвичъ, быв. пол. войскъ 7-го пѣх. полка подпоручикъ. 164) Людовикъ Яблоковскій, быв. пол. войск. пѣхот. Е. И. В. Вел. Кн. Михаила Павловича № 1 полка подпоручикъ. 165) Иванъ Лозовскій. Тоже самое. 166) Александръ Стрненскій, быв. пол. войскъ Егерскаго Е. И. Вел. № 1 полка подпоручикъ. 167) Адамъ Вендроговскій. Того же полка унтеръ-офицеръ. 168) Игнатій Волошинскій, быв. пол. войскъ 3-го Егер. полка подпоручикъ. 169) Леонъ Бешковскій. Тоже самое. 170) Игнатій Черникъ. Того же полка фельдфебель. 171) Иванъ Лабановскій, быв. пол. войскъ Гвард. Конно-Артил. батарен поручикъ. 172) Александръ Орловскій. Той же батарен подпоручикъ. 173) Графъ Маврикій Гауке. Тоже самое. 174) Антонъ Ольшевскій. Той же батарен унтеръ-офицеръ. 175) Альбертъ Гаевскій. Тоже самое. 176) Феликсъ Новосельскій, быв. пол. войскъ Сапери. батал. подпоручикъ. 177) Юсифъ Локитъ. Того же батал. подпрапорщикъ. 178) Викентій Гиршпель. Тоже самое. 179) Алексѣй Пухальскій. Тоже самое. 180) Осипъ Бѣлявскій. Тоже самое. 181) Осипъ Василевскій, быв. пол. войскъ Гвард. Кон. Арт. Батарен унтеръ-офицеръ. 182) Антонъ Жарскій, быв. пол. войскъ пѣшей артиллерии подпрапорщикъ. 183) Карлъ Борковскій. Той же батарен унтеръ-офицеръ. 184) Осипъ Глембоцкій. Тоже самое. 185) Антонъ Липскій. Тоже самое. 186) Игнатій Пѣйтка. Тоже самое. 187) Александръ Дошовскій. Той же батарен подпрапорщикъ. 188) Людовикъ Раковскій. Той же батарен унтеръ-офицеръ. 189) Антонъ Шинковскій. Тоже самое. 190) Северій Дорнфельдъ. Тоже самое. 191) Леонъ Коссъ. Тоже самое. 192) Андрей Вржезскій, быв. пол. войскъ пѣш. артил. легкой № 3 роты подпрапорщикъ. 193) Станиславъ Фрезе. Тоже самое. 194) Ксаверій Венгленскій. Тоже самое. 195) Антонъ Сколимовскій. Той же артил. № 4 роты унтеръ-офицеръ. 196) Еаддей Дорантовичъ, быв. пол. войскъ Кон. Артил. легк. № 1 батарен подпрапорщикъ. 197) Христофоръ Пршэль. Тоже самое. 198) Юлианъ Гриффель. Тоже самое. 199) Графъ Эдуардъ Шлагеръ. Той же Артил. № 2 батарен подпрапорщикъ. 200) Леопольдъ Звѣржховскій Тоже самое. 201) Викентій Заржецкій, был. пол. войскъ Ракетной полуроты унтеръ-офицеръ. 202) Александръ Яшовскій, был. пол. войскъ Ракетной конной полубатарен унтеръ-офицеръ. 203) Матвѣй Прошковскій. Был. пол. войскъ арсенальной мастерской роты подпрапорщикъ. 204) Иванъ Баршковскій, студентъ (выш. Варшав. Университета. 205) Леопольдъ Гевартовскій. Тоже самое. 206) Станиславъ Фалинскій. Тоже самое. 207) Адамъ Пивоварскій. Тоже самое. 208) Наполеонъ Шиманскій. Тоже самое. 209) Викентій Кобылинскій. Тоже самое. 210) Александръ Лидке. Тоже самое. 211) Антонъ Бацевичъ. Тоже самое) 212) Поликарпъ Сухорскій, магистръ Правъ. 213) Александръ Маюнчинскій, быв. студ. бывш. Варшав. Унив. 214) Михайло Швейцеръ. Тоже самое. 215) Осипъ Мейзнеръ, исключенный изъ аппликантовъ при Присутственныхъ мѣстахъ. 216) Кастанъ Витковскій, студ. бывш. Варшав. Унив. 217) Игнатій Модлинскій. Тоже самое. 218) Константинъ Яроновскій, быв. ученикъ 6-го класса въ Варшав. Воеводскомъ училищѣ. 219) Юлианъ Домбскій, студ. бывш. Варш. Унив. 220) Леонъ Горженскій. Тоже самое 221) Казимиръ Пашковичъ, комисариатскаго Штата Подполковникъ. 222) Юсафатъ Болеславъ Островскій, за нерадѣіе исключенный изъ аппликантовъ при Присутственныхъ мѣстахъ. 223) Ксаверій Брониковскій, патронъ при Гражданскомъ Трибуналѣ Маловецкаго Воеводства. 224) Маврикій Мохнацкій, магистръ Правъ. 225) Графъ Густавъ Малаховскій, б. Посоль Шидловецкаго повѣта. 226) Графъ Адамъ Гуровскій, помѣщикъ Колпинскаго воеводства. 227) Францъ Гржимала, редакторъ Газетъ. 228) Наполеонъ Габскій, писецъ при редакторѣ газеты „Всеобщій Журналь“. 229) Михайло Дембинскій. Уволенный отъ должности помощника секретаря въ правительственной комиссиі финансовъ. 230) Владиміръ Казимиръ Корманскій, уволен. въ чинѣ подпоручика изъ вахмистровъ быв. пол. войскъ Гвард. Конно-Егерскаго полка. 231) Карлъ Штольцманъ, артиллерии поручикъ, состоявшій адъютантомъ дирекціи Артиллеріи быв. пол. войскъ. 232) Александръ Радѣіовскій, отставной быв. пол. войскъ изъ 4-го Егер. полка унтеръ-офицеръ. 233) Францъ Трищинскій, б. Посоль Орловскаго повѣта. 234) Адольфъ Циховскій, отстав. быв. пол. войскъ изъ Егер. Е. И. В. № 1 полка подпоручикъ. 235) Александръ Миѣвскій, Помѣщикъ Калинскаго Воеводства. 236) Константинъ Пришиборовскій, житель Каляшскаго Воеводства. 237) Наполеонъ Понинскій, житель Краковскаго Воеводства. 238) Князь Янушъ Четвертинскій, быв. пол. войскъ Кон. Артил. легкой № 2 батарен подпоручикъ. 239) Онуфрій Корженіовскій, быв. пол. войскъ пѣшей артил. батареіной № 2 роты унтеръ-офицеръ. 240) Викентій Нѣткоецъ, быв. пол. войскъ артиллеріи поручикъ; состоялъ адъютантомъ при Дирекціи Артиллеріи. 241) Яковъ Антонини, быв. пол. войскъ 8-го пѣхот. полка майоръ. 242) Графъ Романъ Сол-

тыкъ, б. Посоль Конѣцкаго повѣта. 243) Валентинъ Звѣрковскій, членъ комитета Кредитнаго Общества. 244) Графъ Владиславъ Островскій, б. Посоль Пшотровскаго повѣта. 245) Графъ Антонъ Островскій, б. Сенаторъ Кастелянъ Царства Польскаго. 246) Графъ Иванъ Ледуховскій, б. Посоль Вѣдржеювскаго повѣта. 247) Францъ Воловскій, б. депутатъ Варшавскаго Округа. 248) Адамъ Лушевскій, б. Посоль Сохачевскаго повѣта. 249) Іоакимъ Лелевель, б. Посоль Желеховскаго повѣта.

II. Преступники, къ смертной казни отъпеченіемъ головы приговоренные:

1) Князь Адамъ Чарторыйскій, бывшаго Сената Царства Польскаго сенаторъ, воевода и членъ бывшаго Администраціоннаго Совѣта. 2) Теофиль Моравскій, б. Посоль Калишскаго Повѣта. 3) Станиславъ Баржиковскій, б. Посоль Остроленкскаго повѣта. 4) Иванъ Скршинецкій, быв. пол. войскъ полковникъ, командиръ 8-го пѣхотнаго полка. 5) Бонаventura Нѣмоіовскій, помѣщикъ Калишскаго Воеводства. 6) Федоръ Моравскій. Тоже самое. 7) Алоизій Бернацкій, б. Посоль Вѣлюнскаго повѣта. 8) Іосифъ Свирскій, б. Посоль Грубѣтовскаго повѣта. 9) Иванъ Ольрихъ Шанѣцкій, б. Депутатъ Стопницкаго Округа.

III. Преступники, къ заключенію осужденные:

а) Строгому (reclusion dans une maison de force) на двадцать лѣтъ: 1) Калликстъ Карвиновскій, быв. пол. войскъ 4-го пѣх. полка поручикъ. 2) Юліанъ Дуиниъ, того же полка подпоручикъ.

б) Тяжкому (reclusion rigoureuse) на десять лѣтъ: 3) Людовикъ Воловскій, студ. бывш. Варшав. Универс. 4) Игнатій Полихновскій. Тоже самое. 5) Ксаверій Новицкій. Тоже самое. 6) Юліанъ Лабенцкій. Тоже самое. 7) Владимиръ Юзефовичъ. Тоже самое.

1837 годъ.

Сенатекія Вѣдомости.

(2 Января. № 1.)

Якутскаго пѣхотнаго полка рядовой изъ дворянъ Яковъ Васильевъ сынъ Малосвскій, по произведенному надъ нимъ военному суду, оказался виновнымъ въ произнесеніи дерзкихъ выраженій на счетъ высочайшей особы Государя Императора и Грекороссійскаго исповѣданія. По докладу Государю Императору, послѣдовавшей о Масловскомъ конфирмаціи Главнокомандующаго Дѣйствующею Арміею, Его Величество въ 13-й день минувшаго ноября высочайше повелѣтъ дозволилъ: рядоваго Масловскаго, по лишеніи дворянскаго достоинства и по выключкѣ изъ военнаго званія, опредѣлить въ арестантскія роты въ число всегдашнихъ арестантовъ.

1839 годъ.

Сенатекія Вѣдомости.

(15 Декабря. № 100.)

Высочайше конфирмованная сентенція военнаго суда. Вольнопрактикующій въ г. Ригѣ лекаръ 3-го класса Владиславъ Игнатьевъ сынъ Малицкій и Рижскій 3-й гильдіи купецъ Іоганъ Карлъ Вейсъ, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, преданы были Военному Суду за способствованіе къ побѣгу за границу бывшему студенту Дерптскаго Университета Владиславу Еленскому, оказавшемуся принадлежащимъ къ основанному въ г. Дерптѣ тайному обществу, и дворянину Коссаковскому, состоявшему подъ надзоромъ полиціи.

Генераль-Аудиторіатъ, по разсмотрѣніи сего дѣла, нашель означенныхъ подсудимыхъ виновными: во первыхъ, лекаръ Малицкаго въ томъ, что онъ, зная, что студентъ Дерптскаго Университета Еленскій скрывался въ Ригѣ отъ преслѣдованія Правительства за участіе въ открытомъ въ Дерптѣ тайномъ обществѣ, не только не объявилъ о томъ полиціи, но еще, когда Еленскій вмѣстѣ съ проживавшимъ въ Ригѣ польскимъ дворяниномъ Леонардомъ Коссаковскимъ, подозрѣваемомъ въ связяхъ съ польскими мятежниками, вознамѣрился бѣжать за границу, онъ, Малицкій, способствуя имъ въ томъ, убѣдилъ къ содѣяствію и подсудимаго купца Вейсы, и вмѣстѣ съ нимъ подговорилъ шкипера одного англійскаго корабля Шмидта, который, за условленную плату скрывъ тѣхъ бѣглыхъ у себя на кораблѣ подъ видомъ матросовъ, увезъ тайно

за границу. — Во-вторыхъ, купца Вейса въ томъ, что онъ, по собственному его сознанию, зная, что Еленскій и Коссаковскій, не имѣя паспортовъ, намѣреваются бѣжать за границу, не объявилъ о томъ полиціи, но еще по просьбѣ лекаря Малицкаго рѣшился содѣйствовать имъ въ этомъ преступномъ намѣреніи отысканіемъ шкипера иностраннаго корабля и потомъ вмѣстѣ съ Малицкимъ провозжалъ ихъ на корабль; хотя же онъ въ извиненіе свое представляетъ, что рѣшился на сей поступокъ безъ умысла, единственно по легкомыслию и простотѣ, по сего за справедливое признать нельзя; ибо при всей своей простотѣ, онъ не могъ не понимать, что, способствуя къ побѣгу двумъ безпаспортнымъ людямъ, дѣйствовалъ преступно, въ явное нарушение законовъ. А потому Генераль-Аудиторіатъ полагалъ: подсудимыхъ Малицкаго и Вейса, за умышленное способствованіе къ побѣгу за границу Еленскому и Коссаковскому, чѣмъ доставили изъ нихъ Еленскому случай избѣжать преслѣдованія Правительства, на основаніи 206-го Воинскаго артикула, изъ нихъ Малицкаго, какъ болѣе виновнаго, лишивъ лекарскаго званія, отдать въ солдаты съ опредѣленіемъ на службу по распоряженію Инспекторскаго Департамента; а купца Вейса, вовлеченнаго въ сей поступокъ Малицкимъ, выдержать въ крѣпости въ казематѣ шесть мѣсяцевъ и потомъ подвергнуть полицейскому надзору на мѣстѣ жительства, сверхъ того взыскаъ съ нихъ издержанныя при производствѣ сего дѣла на канцелярскіе припасы, прогоны и суточные деньги Аудитору всего 379 руб. 60 копѣекъ.

Съ симъ заключеніемъ поднесенъ былъ Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ, на которомъ въ 26-й день минувшаго октября послѣдовала собственноручная Его Императорскаго Величества конfirmaція: „Купца Вейса выслать на жительство въ Пермь, а впрочемъ быть по сему“.

1840 годъ.

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

(Собраніе второе, томъ XV.)

12697. а. — Сентября 18. Именной указъ, объявленный министромъ государственныхъ имуществъ. — О возложеніи на ликвидационныя комиссіи: Виленскую, Гродненскую и Волынскую производства ликвидаціи долговъ по имѣніямъ мятежниковъ, конфискованнымъ за участіе въ заговорѣ Канарскаго. Виленскій Военный, Гродненскій, Минскій и Вѣдостокскій Генераль-Губернаторъ, имѣя въ виду, что по случаю открытія вновь въ Западныхъ губерніяхъ заговора, главнымъ зачинщикомъ коего былъ Эмисаръ Канарскій, нѣкоторые прикосновенные къ оному лицу, по приговорамъ военныхъ судовъ въ Вильнѣ и Кіевѣ, лишены правъ состоянія съ подверженіемъ имѣній ихъ конфискаціи, сообщилъ на усмотрѣніе вопросъ: слѣдуетъ ли на Ликвидационныя Комиссіи, производящія ликвидацію долговъ и по конфискованнымъ за участіе въ заговорѣ Канарскаго имѣніямъ? (Далѣе слѣдуетъ на поставленный вопросъ утвердительный отвѣтъ).

1848 годъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(23 Марта. № 24.)

Высочайше конфирмированная сененція военнаго суда. Виленскій Военный, Гродненскій, Минскій и Ковенскій генераль-губернаторъ рассмотрѣвъ военносудное дѣло о переданномъ Австрійскимъ Правительствомъ въ Россію дворянинѣ Виленской губерніи Адольфѣ Холмскомъ нашелъ его виновнымъ въ томъ, что, состоя до 1831 года на службѣ засѣдателемъ Дисненскаго земскаго суда, во время бывшаго польскаго мятежа, принималъ дѣятельное участіе въ ономъ, а послѣ удалился за границу, гдѣ, проживая болѣе 17-ти лѣтъ, не просилъ о помилованіи и дозволеніи возвратиться въ отечество, и потому конфирмаціею своею опредѣлилъ: его, Холмскаго, лишить дворянскаго достоинства и сослать въ Сибирь на поселеніе. Конfirmaція сія въ 19-й день минувшаго февраля Высочайше утверждена.

1849 годъ.

Русскій Инвалидъ.

(22 декабря. № 276).

Пагубныя ученія, народившія смуты и мятежи во всей Западной Европѣ и угрожающія испроверженіемъ всякаго порядка и благосостоянія народовъ, отозвались, къ сожалѣнію, въ нѣкоторой степени и въ нашемъ отечествѣ.

Но въ Россіи, гдѣ Святая Вѣра, любовь къ монарху и преданность къ Престолу—основаны на природныхъ свойствахъ народа и доселѣ хранятся непоколебимо въ сердцахъ каждаго,—только горсть людей, совершенно ничтожныхъ, большею частью молодыхъ и безприветственныхъ, мечтала о возможности попортить священнѣйшія права религіи, закона и собственности. Дѣйствія злоумышленниковъ могли-бы только тогда получить опасное развитіе, если-бы бдительность Правительства не открыла зла въ самомъ началѣ.

По произведенному изслѣдованію обнаружено, что служившій въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ титулярный совѣтникъ Бутаевичъ-Петрашевскій первый возымѣлъ замысль на испроверженіе нашего государственнаго устройства съ тѣмъ, чтобы основать оное на безначаліи. Для распространенія своихъ преступныхъ намѣреній онъ собиралъ у себя въ назначенные дни молодыхъ людей разныхъ сословій. Богохуленіе, дерзкія слова противъ Священной Особы Государя Императора, представленіе дѣйствій Правительства въ искаженномъ видѣ и порицаніе государственныхъ лицъ—вотъ тѣ орудія, которыя употреблялъ Петрашевскій для возбужденія своихъ посѣтителей. Въ концѣ 1848 года онъ приступилъ къ образованію независимо отъ своихъ собраній тайнаго общества, дѣйствуя заодно съ Поручикомъ лейбъ-гвардіи Московскаго Полка Момбеля, Штабсъ-каштаномъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго Полка. Львовымъ 2-мъ и неслужащимъ дворяниномъ Спѣшневымъ. Изъ нихъ: Момбеля предложилъ учрежденіе тайнаго общества подъ названіемъ „Тайнаго Товарищества“ или „Братства взаимной помощи и людей превратныхъ мѣній“; Львовъ—опредѣлилъ составъ общества, а Спѣшневъ—написалъ планъ для произведенія общаго возстанія въ Государствѣ.

У двухъ изъ сообщниковъ Петрашевскаго: Титулярнаго Совѣтника Кашкина и Коллежскаго Ассессора Дурова были также назначены въ извѣстные дни собранія въ томъ же преступномъ духѣ.

Для раскрытія всѣхъ соучастниковъ въ этомъ дѣлѣ Государю Императору благоудно было учредить особенную секретную слѣдственную Коммиссію подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта Набокова изъ слѣдующихъ членовъ: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Гагарина, генераль-лейтенанта Дубельта и генераль-адъютанта князя Долгорукова 1-го и Ростовцева.

По представленному Его Величеству, послѣ пятимѣсячныхъ самыхъ тщательныхъ розысканій, докладу Коммиссіи, всѣ лица, кои оказались вовлеченными въ преступные замыслы или случайно, или по легкомыслію, посредствомъ другихъ, были по Высочайшему повелѣнію освобождены отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія законовъ.

За тѣмъ признаны подлежащими окончательному судебному разбору 23 человѣка, коихъ Высочайше повелѣно предать суду по Полевому Уголовному Уложенію въ Особой Военно-Судной Коммиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта Перовскаго изъ слѣдующихъ членовъ: генераль-адъютантовъ: графа Строганова 2-го, Анненкова 2-го и Толстаго 1-го и сенаторовъ: князя Лобанова-Ростовскаго, Дурасова и Веймарна.

Генераль-Аудиторіатъ, по разсмотрѣніи дѣла, произведеннаго Военно-Судною Коммиссіею, призналъ, что 21 подсудимый, въ болшей или меньшей степени, но всѣ вповновы: въ умыслѣ на испроверженіе существующихъ отечественныхъ законовъ и государственнаго порядка,—а потому и опредѣлилъ: подвергнуть ихъ смертной казни разстрѣляніемъ; остальныхъ же двухъ: отставнаго подпоручика Черносвитова, къ обвиненію котораго юридическихъ доказательствъ не оказалось, по обнаружившаго самый вредный образъ мыслей, оставить въ сильномъ подозрѣніи и сослать на жительство въ одно изъ отдаленныхъ мѣстъ Имперіи, а сына почетнаго гражданина Катеева, по случаю помѣшательства въ умѣ, оставить въ настоящее время безъ произнесенія надъ нимъ приговора, но, по выздоровленіи, вновь предать военному суду.

Его Величество, по прочтеніи всеподданнѣйшаго доклада Генераль-Аудиторіата, изволилъ обратить Всемилостивѣйшее вниманіе на тѣ обстоятельства, которыя могутъ въ нѣкоторой степени служить смягченіемъ наказанія и вслѣдствіе того Высочайше повелѣлъ: прочитавъ подсудимымъ приговоръ суда при сборѣ войскъ и, по совершеніи всѣхъ обрядовъ, предшествующихъ смертной казни объявить, что Государь Императоръ даруетъ имъ жизнь, и за тѣмъ, вмѣсто смертной казни, подвергнуть ихъ слѣдующимъ наказаніямъ:

Имена преступниковъ.	Главные виды преступлений, судомъ обнаруженные.	Заключение Генераль-Аудиторіата.	Высочайшая Конфирмація.
1 Служащаго въ Департаментѣ Внутреннихъ Сношеній Министерства Иностранныхъ дѣлъ Титулярнаго Советника Михаила Бугашевича-Петрашевскаго (28-ми лѣтъ).	За преступный замыселъ къ непроверженію существующаго въ Россіи государственнаго устройства, привлеченію на бывшія у него сходбища разнаго званія, большою частью, молодыхъ людей, распространенію между ними зловредныхъ идей богохуленіемъ, дерзкими словами противъ Священной Особы Государя Императора, превратнымъ толкованіемъ правительственныхъ мѣръ и порицаніемъ государственныхъ лицъ и, наконецъ, за покушеніе составить дѣятой же цѣли тайное общество.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока.
2 Неслужащаго дворянина Николая Спѣшнева (28-ми лѣтъ.)	За злоумышленное намѣреніе произвести переворотъ въ общественномъ бытѣ Россіи въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, за покушеніе для этой цѣли составить тайное общество и произнесеніе на собраніяхъ у Петрашевскаго рѣчей противъ религіи.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Во вниманіе къ раскаянію и къ добровольному раскрытію весьма важныхъ обстоятельствъ дѣла, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на десять лѣтъ.
3 Лейбъ-Гвардіи Московскаго Полка Поручика Николая Момбелли (26-ти лѣтъ).	За злоумышленное намѣреніе произвести переворотъ въ общественномъ бытѣ Россіи въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, за покушеніе для той же цѣли составить тайное общество и за помѣщеніе въ рукописныхъ своихъ сочиненіяхъ въ высшей степени дерзкихъ словъ о Священной Особѣ Государя Императора.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ.
4 Лейбъ-Гвардія Конно-Гренадерскаго Полка Поручика Николая Григорьева (27-ми	За участіе въ преступныхъ замыслахъ, написаніе и распространеніе статьи въ высшей степени возмущительнаго содер-	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ.

№	Имена преступниковъ.	Главные виды преступлений, судомъ обнаруженные.	Заключение Генераль-Аудиториата.	Высочайшая Коп-фирмація.
5	Лейбъ Гвардіи Егерскаго Полка Штабсъ-Капитана Федора Львова 2-го (25-ти лѣтъ).	<p>жанія, подъ заглавіемъ „Солдатская бесѣда“, которая имѣла цѣлью поколебать въ нижнихъ чинахъ преданность къ Престолу и повиновеніе начальству.</p> <p>За непосредственное участіе въ преступныхъ намѣреніяхъ къ произведенію переворота въ общественномъ бытѣ Россіи и за принятіе участія въ совѣщаніяхъ о составленіи тайнаго общества.</p>	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ.
6	Студента С.-Петербургскаго университета Николая Филиппова (25-ти лѣтъ).	За непосредственное участіе въ преступныхъ намѣреніяхъ къ произведенію переворота въ общественномъ бытѣ Россіи и за покушеніе къ распространенію въ высшей степени дерзкихъ, возмутительныхъ сочиненій.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ арестантскія роты Инженернаго Вѣдомства на четыре года, а потомъ опредѣлить рядовымъ въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ.
7	Состоящаго при Азіатскомъ Департаментѣ въ Учебномъ Отдѣленіи Восточныхъ Языковъ кандидата Дмитрія Ахшарурова (26-ти лѣтъ).	За непосредственное участіе въ преступныхъ намѣреніяхъ къ произведенію переворота въ общественномъ бытѣ Россіи и за покушеніе на распространеніе въ высшей степени дерзкихъ, возмутительныхъ сочиненій.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ арестантскія роты Инженернаго Вѣдомства на четыре года и потомъ опредѣлить рядовымъ въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ.
8	Приватнаго Слушателя въ С.-Петербургскомъ Университетѣ Александра Ханькова (23-хъ лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ и произнесеніе возмутительной рѣчи, въ коей порицалъ Бога и существующее въ Россіи государственное устройство.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Во вниманіе къ молодымъ лѣтамъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, опредѣлить рядовымъ въ одномъ изъ Оренбургскихъ Линейныхъ Баталіоновъ.
9	Отставнаго Коллежскаго Ассессора Сергѣя Дурова (33-хъ лѣтъ.)	За участіе въ преступныхъ замыслахъ, учрежденіе у себя на квартирѣ собраній для этой цѣли и за покушеніе къ распространенію, посредствомъ домашней литографіи, сочиненій противъ Правительства.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на четыре года, а потомъ опредѣлить рядовымъ.

№ Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные.	Заключеніе Генераль-Аудиторіата.	Высочайшая Конфирмація.
10 Отставного Инженеръ Поручика Ѳедора Достоевскаго (27-ми лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ, распространеніе одного частнаго письма, наполненнаго держимивыраженіями противъ Православной Церкви и верховной Власти и за покушеніе къ распространенію, посредствомъ домашней литографіи, сочиненій противъ Правительства.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на четыре года и потомъ опредѣлить рядовымъ.
11 Служащаго въ Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ Коллежскаго Совѣтника Константина Дебу 1-го (39-ти лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ вообще и въ особенности за содѣяніе о составленіи тайнаго общества.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на четыре года въ арестантскія роты Инженернаго Вѣдомства и потомъ опредѣлить рядовымъ.
12 Служащаго въ Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ Губернскаго Секретаря Ипполита Дебу 2-го (25-ти лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ, распространеніе зловредныхъ ученій и за храненіе у себя въ высшей степени возмутительныхъ сочиненій.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на два года въ арестантскія роты Инженернаго Вѣдомства и потомъ опредѣлить рядовымъ.
13 Учителя Русской Словесности, не имѣющаго чина Феликса Толля (26-ти лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ и чтеніе на собраніяхъ у Петрашевскаго рѣчи противъ Религіи.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на два года.
14 Помощника Инспектора классовъ въ С.-Петербургскомъ Технологическомъ Институтѣ Титулярнаго Совѣтника Ивана Ястржембскаго (35-ти лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ и чтеніе на собраніяхъ у Петрашевскаго своихъ сочиненій, написанныхъ въ возмутительномъ духѣ.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на шесть лѣтъ.
16 Неслужащаго Дворянина Алексѣя Плещева (23-хъ лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ и на происходившихъ у Петрашевскаго непоэволюционныхъ разсужденіяхъ о Правительствѣ и за доставленіе отставному Инженеру Поручику Достоевскому частнаго письма (о комъ упомянуто выше), наполненнаго держими вы-	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ.

Имена преступниковъ.	Главные виды преступлений, судомъ обнаруженные.	Заключение Генераль-Аудиториата.	Высочайшая Конфирмація.
Служащаго въ Азіятскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Титулярнаго Совѣтника Николая Кашкина (20-ти лѣтъ).	раженіями противъ Православной Церкви и Верховной Власти. За участіе въ преступныхъ замыслахъ къ произведенію переворота въ общественномъ бытѣ Россіи съ примѣненіемъ къ оному безначалія, за учрежденіе у себя на квартирѣ для этой цѣли собранія и произнесеніе преступныхъ рѣчей противъ Религии и общественнаго устройства.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Во вниманіе къ молодости лѣтъ и раскаянію, опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ Кавказскихъ Линейныхъ баталіоновъ.
Состоящаго при Департаментѣ Министерства Юстиціи Титулярнаго Совѣтника Василія Головинскаго (20-ти лѣтъ).	За возмутительные въ высшей степени разговоры противъ Правительства на собраніяхъ у Петрашевскаго и Дурова.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Во вниманіе къ молодости лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ Оренбургскихъ Линейныхъ баталіоновъ.
Лейбъ-Гвардіи Егерскаго Полка Порушка Александра Пальма (26-ти лѣтъ).	За посѣщеніе собраній Петрашевскаго и Дурова и за недоведеніе до свѣдѣній Правительства о слышанныхъ имъ тамъ преступныхъ разговорахъ.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Во вниманіе къ принесенному раскаянію, вмѣнивъ въ наказаніе нахожденіе подъ слѣдствіемъ и судомъ и восьми мѣсячно содержаніе въ казематѣ, перевести тѣмъ же чиномъ въ Армію.
Служащаго въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ чиновника для особыхъ порученій Титулярнаго Совѣтника Константина Тимковскаго (34-хъ лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ и распространеніе зловредныхъ ученій.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на шесть лѣтъ въ арестантскія роты Инженернаго Вѣдомства.
Отставнаго Коллежскаго Секретаря Александра Европеуса (22-хъ лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ, предположеніе составить общую для круга соучастниковъ бібліотеку запрещенныхъ сочиненій и за допущеніе къ произнесенію въ его квартирѣ въ высшей степени преступныхъ рѣчей противъ Религии Правительства.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Во вниманіе къ молодости лѣтъ, лишивъ чиновъ, опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ Кавказскихъ Линейныхъ баталіоновъ безъ лишенія дворянства.

№ Имена преступниковъ.	Главные виды преступлений, судомъ обнаруженные.	Заключение Генераль-Аудиторіата.	Высочайшая Конфирмація.
21) Московскаго Мѣщанина Петра Шапошникова.	За преступные разговоры въ своей квартирѣ противъ Религии и Правительства и за сильное подозрѣніе противъ Священной Особы Государя Императора.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на шесть лѣтъ въ арестантскія роты Инженернаго Вѣдомства и потомъ опредѣлить въ одинъ изъ Оренбургскихъ Лнейныхъ баталіоновъ.

Затѣмъ подсудимаго отставнаго подпоручика Черноситова Высочайше повелѣно: оставить въ сильномъ подозрѣніи, отправить на жительство въ Кексгольмскую крѣпость; заключеніе же Генераль-Аудиторіата на счетъ помѣшавшагося въ умѣ сына почетнаго гражданина Катенева, заключающееся въ томъ, чтобы вновь предать его военному суду, въ случаѣ выздоровленія,—Высочайше утверждено.

И такъ, виновные, заслужившіе по закону смертную, казнь и только неизреченнымъ милосердіемъ Государя Императора помилованные, понесутъ достойное наказаніе. Да послужитъ настоящее дѣло предостереженіемъ и спасительнымъ примѣромъ юношамъ, можетъ быть также заблуждающимся, но еще не преступнымъ. Да обратятъ, въ особенности, родители вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей и да потщатся внушать имъ съ младенческихъ лѣтъ, что только Святая Вѣра, любовь къ Монарху и преданность къ Отчеству, повиновеніе законамъ и установленнымъ властямъ—могутъ служить незыблемымъ основаніемъ спокойствію Государствъ и благоденствію всѣхъ и cadaго!

1856 годъ.

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

(Собраніе второе. Томъ XXXI.)

(Изъ Коронаціоннаго Манифеста, 26 августа 1856 года, внесеннаго въ статью 30871 П. С. З.).

Подвергшимся разнымъ за политическія преступленія наказаніямъ и до нынѣ еще не получившимъ прощенія, но по изъявленному ими раскаянію и безукоризненному послѣ произнесеннаго надъ ними приговора поведенію, заслуживающимъ помилованія, даровать, на основаніи особыхъ для того постановленныхъ правилъ: однимъ—облегченія, болѣе или менѣе значительныя, въ самомъ мѣстѣ ихъ ссылки; другимъ же—освобожденіе отъ оной, съ правомъ жительствова въ одной изъ указанныхъ имъ внутреннихъ Великороссійскихъ губерній, а нѣкоторымъ—и дозволеніе жить, гдѣ пожелають въ предѣлахъ Нашей Имперіи и Царства Польскаго, за исключеніемъ только С.-Петербурга и Москвы.

Тѣмъ изъ сихъ, получающихъ нынѣ прощеніе, которые были подвергнуты наказанію по приговору Верховнаго Уголовнаго Суда 13-го Юнія 1826 года и мнѣнію Государственнаго Совѣта 24-го февраля 1829 года ¹⁾ или же на основаніи постановленій Военно-Судныхъ Коммиссій, по прикосновенности къ замысламъ и дѣйствіямъ тайныхъ обществъ, открытыхъ въ 1825 и 1827 годахъ, и къ бывшему въ 1831 году возмущенію въ Польшѣ, а дотолѣ принадлежали къ дворянству потомственному, даровать вмѣстѣ съ законными ихъ послѣ произнесенія надъ ними приговора рожденными дѣтьми, всѣ права потомственнаго дворянства, токмо безъ права на прежнія имущества.

Имена тѣхъ изъ осужденныхъ по приговорамъ 1826, 1827 и 1829 годовъ, которымъ даруется потомственное дворянство, означены въ особомъ указѣ Нашемъ Пра-

¹⁾ Это мнѣніе опубликовано не было.

вительствующему Сенату, а имена участвовавших въ польскомъ возмущеніи, которымъ также даруется дворянство потомственное, будутъ объявлены чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Принадлежащимъ къ другимъ состояніямъ, также и на томъ же основаніи, даровать вмѣстѣ съ законными дѣтьми ихъ, послѣ ихъ осужденія рожденными, тѣ права состоянія, коими они до сего осужденія пользовались.

Состоящихъ по прикосновенности къ преступленіямъ политическимъ подь особымъ надзоромъ полиціи, отъ онаго освободить.

Всѣ сін облегченія и милости объявить кому слѣдуетъ установленнымъ для того порядкомъ.

Полное Собраніе Законовъ Россійекой Имперіи.

(Собраніе второе. Томъ XXXL)

30883.—Августа 26. Именной, данный Сенату.—О милостяхъ и облегченіяхъ, Всемилостивѣйше даруемыхъ, по случаю Коронаціи Его Императорскаго Величества, лицамъ, подвергшимся наказаніямъ за преступленія политическія. Желая въ день Коронаванія Нашего оказать новую милости лицамъ, подвергшимся наказаніямъ за преступленія политическія и по изъявленному ими раскаянію и безукоризненному поведенію заслужившимъ одобрительные отзывы, Мы даровали имъ разныя облегченія, о коихъ объявлено въ манифестѣ Нашемъ отъ сего числа (30877).

Изъ означенныхъ лицъ, осужденныхъ по приговору Верховнаго Уголовнаго Суда 13 Іюля 1826 года и 18 августа 1827 года и мнѣнію Государственнаго Совѣта 24 февраля 1829 года, за участіе въ замыслахъ и дѣйствіяхъ тайныхъ обществъ, открытыхъ въ 1825 и 1827 годахъ, даруются Нами слѣдующія милости:

1) Находящимся въ Сибири на поселеніи: Сергѣю Трубецкому, Евгенію Оболенскому, Матвѣю Муравьеву-Апостолу, Ивану Горбачевскому, Александру Поджіо, Владиміру Бечаснову, Ивану Пушкину, Сергѣю Волконскому, Ивану Якушкину, Дмитрію Завалишину, Дмитрію Щепину-Ростовскому, Ивану Кирѣеву, Александру Фролову, Михайлѣ Бестужеву, Владиміру Штейнгию, Гаврилѣ Батенкову, Петру Фаленбергу, Юліану Люблинскому и Василію Колесникову ¹⁾; находящимся въ Сибири на жительство: отставному губернскому секретарю Аполлону Веденяшину, Михайлѣ Кюхельбекеру, Веніамину Соловьеву, Андрею Быстрицкому, Флегонту Башмакову ²⁾, Дмитрію Тапикову и Хрисанфу Дружинину ³⁾; служащимъ въ Сибири по гражданской части: канцелярскимъ служителямъ Николаю и Александру Крюковымъ, коллежскому регистратору Николаю Басаргину, губернскому секретарю Петру Свистунову, коллежскимъ секретарямъ Ивану Анненкову и Александру Бригену—дозволить возвратиться съ семействами изъ Сибири и жить, гдѣ пожелаютъ, въ предѣлахъ Имперіи, за исключеніемъ только С.-Петербурга и Москвы; тѣхъ же, которые въ прѣжнее время возвращены изъ Сибири и жительствамъ во внутреннихъ губерніяхъ—освободить отъ всѣхъ ограниченій.

2) Вмѣстѣ съ смѣть, какъ возвращаемымъ нынѣ изъ Сибири, такъ и непоименованнымъ въ 1-мъ пунктѣ сего указа, уже жительствамъ въ другихъ мѣстахъ Имперіи, которые были осуждены по тѣмъ же приговору, опредѣленію и мнѣнію 1826, 1827 и 1829 годовъ, а дотолѣ принадлежали къ дворянству потомственному и впоследствии не приобрѣли онаго новою службою, равно и законнымъ дѣтьми какъ ихъ, такъ и осужденныхъ вмѣстѣ съ ними и впоследствии умершихъ, рожденныхъ послѣ произнесенія надъ отцами приговоровъ и не пользующимся потомственнымъ дворянствомъ—даровать дворянство потомственное, только безъ правъ на прѣжнія имущества. Причисленнымъ же по винѣ своей къ низшимъ степенямъ: Владиміру Штейнгию, Андрею Розену, Захару Чернышеву, Алексѣю Черкасову, Валеріану Голлицыну и Веніамину Соловьеву и законнымъ дѣтьми ихъ, рожденнымъ послѣ приговоровъ—даровать прѣжніе титулы: Голлицыну—княжескій, Чернышеву—графскій, а прочимъ—баронскій. Если и послѣ умершихъ лицъ, осужденныхъ по упомянутымъ дѣламъ, пользовавшихся дотолѣ почетными титулами и причисленныхъ къ разрядамъ не выше третьяго, остались законныя дѣти, то и имъ даровать прѣжніе почетные титулы отцовъ ихъ.

3) Сыновьямъ изъ осужденныхъ въ 1826 году по приговору Верховнаго Уголовнаго Суда Василія Давыдова, Василія Ивашева, Вильгельма Кюхельбекера и Андрея Розена, названныхъ, при опредѣленіи ихъ въ учебныя заведенія,

¹⁾ О ссылкѣ Колесникова официальныхъ свѣдѣній объявлено не было.

²⁾ Тоже.

³⁾ Тоже.

Ред.

Ред.

Ред.

Васильевыми и Розеновыми, возвратитъ фамиліи отцевъ ихъ и именовать Давыдовыми, Ивашевыми, Кюхельбекерами и баронами Розенами.

4) Тѣмъ изъ уроженцевъ Западныхъ губерній, участвовавшихъ въ польскомъ возмущеніи 1831 года, которые, по ихъ безукоризненному поведенію, получать отъ главныхъ мѣстныхъ начальствъ разрѣшеніе возвратиться на родину, а равно и законнымъ дѣтямъ ихъ, рожденнымъ послѣ приговоровъ надъ отцами, даровать также: пользовавшимся до приговоровъ потомственнымъ дворянствомъ—всѣ права сего дворянства только безъ правъ на прежнія имущества, а принадлежавшимъ къ другимъ состояніямъ—права прежнихъ состояній ихъ.

Имъ оставитъ сдѣлать надлежащія по сему распоряженія.

1861 годъ.

Вѣдомости С.-П.-бургекой городекой полиціи.

(14 декабря. № 275.)

По полицейскому управленію столицы ¹⁾.

14 сего декабря въ 8 часовъ утра назначено публичное объявленіе на площади передъ Сытнымъ рынкомъ, что въ Петербургской части, отставному губернскому секретарю Михаилу Михайлову Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, коимъ опредѣлено: Михайлова, виновнаго въ злоумышленномъ распространеніи сочиненія, въ составленіи коего онъ принималъ участіе и которое имѣло цѣлью возбудить бунтъ противъ Верховной власти для потрясенія основныхъ учрежденій Государства, но осталось безъ вредныхъ послѣдствій по причинамъ, отъ Михайлова независившимъ, — лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на шесть лѣтъ.

1862 годъ.

Сѣверная Почта.

Газета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

(21 февраля. № 39.)

Тринадцать лицъ, принадлежавшихъ къ составу мировыхъ учреждений Тверской губерніи (членъ губернскаго присутствія Бакунинъ, предсѣдатели мировыхъ сѣздовъ, предводители дворянства Бакунинъ и Балкашинъ, мировые посредники: Кудрявцевъ, Полторацкій, Глазенацъ, Харламовъ, Лазаревъ, Кислинскій, Невѣдомскій и Лихачевъ и кандидаты мировыхъ посредниковъ: Ширококовъ и Демьяновъ) позволили себѣ письменно заявить мѣстному губернскому по крестьянскому дѣлу присутствію, что они впредь намѣрены руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ возрѣвными и убѣжденіями, несогласными съ положеніемъ 19 февраля 1861 года, и что всякій другой образъ дѣйствій они признаютъ враждебнымъ обществу.

Тверское губернское по крестьянскому дѣлу присутствіе, рассмотрѣвъ вышеупомянутое заявленіе, постановило представить оное министру внутреннихъ дѣлъ, присовокупляя, что, по мнѣнію присутствія, лишь тотъ образъ дѣйствій долженъ быть признаваемъ враждебнымъ обществу, который основанъ не на соблюденіи дѣйствующаго закона, для всѣхъ обязательнаго, а на произволѣ одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ.

Вслѣдствіе сего сдѣлано распоряженіе объ арестованіи означенныхъ лицъ и о преданіи ихъ суду 1 отдѣленія 5 департамента правительствующаго сената, коему подвѣдомственна Тверская губернія.

Русскій Инвалидъ.

(7 марта. № 51.)

На литературномъ вечерѣ, бывшемъ 2-го числа сего мѣсяца въ пользу Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, оставшіяся за штатомъ про-

¹⁾ Никакихъ другихъ официальныхъ сообщеній, кромѣ настоящаго, по дѣлу М. Л. Михайлова не появлялось. Редакторъ.

фессоръ с.-петербургскаго университета статскій совѣтникъ Павловъ читаль статью „О тысячелѣтіи Россіи“.

При чтеніи этой статьи г. Павловъ дозволилъ себѣ выраженія и возгласы, не находившіеся въ статьѣ, пропущенной цензурою, и клонящіеся къ возбужденію недовольствія противъ правительства.

Вслѣдствіе сего, статскому совѣтнику Платону Павлову запрещено чтеніе публичныхъ лекцій и сдѣлано распоряженіе о высылкѣ его на жительство подъ надзоръ полиціи въ отдаленный уѣздный городъ.

Вѣдомости С.-Петербургской городской полиціи.

(30 мая. № 115.)

По полицейскому управленію столицы.

31 мая въ 8 часовъ назначено публичное объявленіе на Мытнинской площади въ Рождественской части, бывшему отставному поручику гвардіи Владимиру Обручеву Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, коимъ опредѣлено: Обручева въ распространеніи такого сочиненія, которое, хотя безъ прямого и явнаго возбужденія къ возстанію противъ Верховной Власти, усиливается оспаривать и подвергать сомнѣнію неприкосновенность правъ ея и дерзостно порицать установленный государственными законами образъ правленія,—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на три года, а по прекращеніи сихъ работъ, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ поселить въ Сибири навсегда.

Сѣверная Почта.

(3 іюня. № 119.)

Показаніями фабричныхъ работниковъ, на Петербургской Сторонѣ, обнаружено, что въ двухъ воскресныхъ школахъ: Сампсоніевской, на Выборской сторонѣ и Введенской, на Петербургской, преподается ученіе, направленное къ потрясенію религиозныхъ вѣрованій, къ распространенію социалистическихъ понятій о правѣ собственности и къ возмущенію противъ Правительства. Два работника, сперва посѣщавшихъ Сампсоніевскую, нынѣ посѣщающихъ Введенскую школу, позволили себѣ въ артели возмутительные толки, отзываясь о политическихъ переговорахъ, о пользѣ пожаровъ, о надобности сжечь весь Петербургъ и т. п. Значеніе подобнаго факта не требуетъ комментарій. Означенные работники арестованы по распоряженію с.-петербургскаго военнаго генераль-губернатора.

По докладу о семъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Высочайше разрѣшено: учредить особую слѣдственную комиссію, для подробнаго изслѣдованія, при депутатѣ отъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствій распорядителей Сампсоніевской и Введенской воскресныхъ школъ и преподаваемаго въ нихъ обученія, и вмѣстѣ съ тѣмъ закрыть обѣ школы, впредь до окончанія и опредѣленія слѣдствія.

Слѣдственная комиссія уже приступила къ возложенному на нее порученію, а вышепоименованныя двѣ школы закрыты.

Сѣверная Почта.

(6 іюня. № 121.)

Высочайшее повелѣніе:

Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ сонзволить: лицъ, виновныхъ въ поджогахъ въ С.-Петербургѣ, судить военнымъ судомъ по полевымъ уголовнымъ законамъ съ предоставленіемъ с.-петербургскому военному генераль-губернатору права подтверждать и приводить въ исполненіе приговоры военнаго суда.

Сѣверная Почта.

(8 іюня. № 123.)

Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству 5 іюня уволены отъ службы: флигель-адъютанты Его Императорскаго Величества, полковники: находящіеся въ безсрочномъ отпуску, генеральнаго штаба графъ Ростовцевъ 1-й и лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка графъ Ростовцевъ 2-й.

Руекій Инвалидъ.

(8 Юня. № 126.)

Оъявленія С.-Петербургскаго военнаго генераль-губернатора.

I.

Вслѣдствіе замѣченнаго вреднаго направленія въ нѣкоторыхъ изъ учрежденныхъ въ послѣднее время народныхъ читальнъ, которыя даютъ средство не столько для чтенія, сколько для распространенія между посѣщающими оныя лицами сочиненій, имѣющихъ цѣлью произвести безпорядки и волненіе въ народѣ, а также безосновательныхъ толковъ, С.-Петербургскій Военный Генераль-Губернаторъ призналъ необходимымъ закрыть, впредь до дальнѣйшаго распоряженія, всѣ нынѣ существующія народныя читальни.

II.

С.-Петербургскій Военный Генераль-Губернаторъ, считая въ настоящее время своею обязанностью принимать всѣ мѣры къ прекращенію встревоженнаго состоянія умовъ и къ предупрежденію между населеніемъ Столицы, не имѣющихъ никакого основанія толковъ о современныхъ событіяхъ, призналъ необходимымъ закрыть, впредь до усмотрѣнія, шахматный клубъ, въ которомъ происходятъ и изъ коего распространяются тѣ неосновательныя сужденія.

Руекій Инвалидъ.

(8 Юня. № 126.)

(Прик. воен. мин. 7 Юня 1862 г. № 152).

Не смотря на всѣ установленныя правила для надзора за воскресными и безплатными школами, нынѣ положительно обнаружено въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что подъ благовиднымъ предлогомъ распространенія въ народѣ грамотности, люди злоумышленные покушались въ этихъ школахъ развивать вредныя ученія, возмутительныя идеи, превратныя понятія о правѣ собственности и безвѣріе. Государь Императоръ, имѣя въ виду, что при многихъ воинскихъ частяхъ также учреждены воскресныя безплатныя школы, что, по затруднительности за ними надзора, злоумышленные люди могутъ и въ этихъ школахъ производить вредныя и ложныя ученія, что при томъ обнаружены уже нѣкоторыя преступныя покушенія увлечь и нижнихъ чиновъ къ нарушенію долга службы и присяги, Высочайше повелѣть соизволилъ, въ предупрежденіе могущихъ быть пагубныхъ послѣдствій, нынѣ закрыть всѣ учрежденныя при войскахъ воскресныя школы и вообще всякія училища для лицъ, не принадлежащихъ военному вѣдомству, и впредь никакихъ сборницъ постороннихъ людей въ зданіяхъ, занимаемыхъ войсками, отнюдь не допускать.

Сѣверная Почта.

(13 Юня. № 127.)

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ, по обсужденіи въ совѣтѣ министровъ, представленныхъ Его Величеству свѣдѣній о вредномъ направленіи, обнаруженномъ въ нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ и народныхъ читальняхъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Немедленно приступить къ пересмотру правилъ объ учрежденіи воскресныхъ школъ. 2) Впредь до преобразованія означенныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ, закрыть всѣ нынѣ существующія воскресныя школы и читальни.

Сѣверная Почта.

(14 Юня. № 128.)

Высочайшія повелѣнія.

Государь Императоръ 10-го сего іюня Высочайше повелѣть соизволилъ: Чтенія публичныхъ лекцій въ С.-Петербургѣ разрѣшать не иначе, какъ по взаимному соглашенію управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, главнымъ начальникомъ III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и с.-петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ.

Государь Императоръ 10-го сего іюня Высочайше повелѣть соизволилъ: нынѣ же закрыть учрежденное при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ особое отдѣленіе для вспомошествованія учащимся, поручивъ комитету, управляющему дѣлами означеннаго отдѣленія, передать въ вѣдѣніе Общества всѣ имѣющіяся въ отдѣленіи денежныя суммы.

Санктпетербургскія Сенатскія Вѣдомости.

(13 Юля, № 56.)

Высочайшая Конфирмація по военно-судному дѣлу.

Уволенный отъ службы изъ Ольвиопольскаго Уланскаго (что нынѣ Ольвиопольскій Уланскій графа Остенъ-Сакена) полка поручикъ Янковскій, по произведенному надъ нимъ, по Высочайшему повелѣнью, военному суду при Кіевскомъ Ордонансѣ Гаузѣ оказался виновнымъ въ составленіи и злоумышленномъ распространеніи возмутительнаго содержанія сочиненій и въ сношеніяхъ съ преступною цѣлью съ молодыми людьми въ Краковѣ, образовавшими въ средѣ своей тайное политическое общество.

Высочайше утвержденнымъ въ 14 день Юня сего года заключеніемъ Генераль-Аудиторіата повелѣно: подсудимаго Янковскаго за означенныя преступленія, на основаніи 286 ст. Улож. о наказ. Угол. и Исправ., лишить всѣхъ правъ состоянія и медали за усмиреніе Венгріи и Трансваалии и сослать въ каторжную работу на четыре года.

Русскій Инвалидъ.

(20 Юня, № 130.)

Приказъ по 1-й Арміи.

4-го Стрѣлковаго баталіона: Поручикъ Иванъ Арнольдтъ, подпоручикъ Петръ Сливницкій 2-й и унтеръ-офицеръ Францъ Ростковскій, переведенный 8-го мая сего года изъ этого баталіона во Владимирскій пѣхотный генерала отъ инфантеріи князя Горчакова полкъ поручикъ Василій Каплинскій, переведенный 27-го апрѣля сего года изъ Штаба Начальника Артиллеріи 1-й Арміи въ 7-ю Артиллерійскую бригаду поручикъ Станиславъ Абрамовичъ и 4-го же Стрѣлковаго баталіона рядовой Левъ Шуръ, по произведенному надъ ними, на основаніи полевыхъ военныхъ законовъ, военному суду, оказались виновными:

1) Поручикъ Арнольдъ и подпоручикъ Сливницкій 2-й а) въ оскорбленіи Священной Особы Его Императорскаго Величества распространіемъ между нижними чинами, состоявшей въ завѣдываніи подсудимаго Сливницкаго 2-го, фехтовальной команды ложныхъ и дерзкихъ разсказовъ объ Особѣ Его Величества и Царствующемъ домѣ, взятыхъ изъ враждебныхъ Россіи сочиненій; б) порицаніи и превратомъ истолкованіи правительственныхъ реформъ по крестьянскому дѣлу и въ Царствѣ Польскомъ; в) въ возбужденіи нижнихъ чиновъ къ явному неповиновенію начальству и даже бунту; г) въ томъ, что имѣли у себя возмутительнаго содержанія сочиненія и распространяли ихъ между нижними чинами и д) вообще въ распространеніи между нижними чинами крайне зловредныхъ идей, имѣвшихъ цѣлью поколебать въ нихъ духъ вѣрности и повиновенія законнымъ властямъ.

2) Унтеръ-Офицеръ Ростковскій: а) въ храненіи и распространеніи между нижними чинами брошюръ возмутительнаго содержанія; б) въ чтеніи и передачи для того же рядовому Шуру полученныхъ имъ отъ поручика Арнольда и подпоручика Сливницкаго 2-го сочиненій крайне возмутительнаго содержанія; в) въ участіи въ преступленіяхъ поручика Арнольда и подпоручика Сливницкаго 2-го тѣмъ, что, зная о неблагонамѣренныхъ ихъ дѣйствіяхъ, не донесъ объ этомъ начальству и, кромѣ того, взялся исполнить порученіе подпоручика Сливницкаго 2-го подговорить нижнихъ чиновъ Шлиссельбургскаго и Олонцакаго пѣхотныхъ полковъ не отвѣчать, во время смотра, на привѣтствія Начальника, чего не исполнилъ только потому, что означенные полки уже были выведены на смотръ; г) храненіи у себя и не представленіи начальству двухъ запрещенныхъ пѣсенъ и д) въ самовольныхъ отлучкахъ изъ команды въ партикулярномъ платьѣ въ заѣздные и развратные дома.

3) Поручикъ Каплинскій: а) въ храненіи у себя и распространеніи, очевидно, съ преступною цѣлью между другими крайне возмутительнаго содержанія сочиненій подъ заглавіемъ: „Великоруссъ“ и „Историческій Сборникъ“, чтеніе которыхъ, по собственному сознанію одного изъ подсудимыхъ подпоручика Сливницкаго 2-го, имѣло особенно гибельное вліяніе на умъ его и преимущественно побудило его на преступленіе и б) въ упорномъ заирательствѣ на первоначальныхъ допросахъ о томъ, что не передавалъ другимъ этихъ сочиненій и что послѣдняго изъ нихъ вовсе не имѣлъ у себя.

4) Поручикъ Абрамовичъ въ томъ, что, взявъ у поручика Каплинскаго выше-сказанное сочиненіе „Великоруссъ“, не только не представилъ этого сочиненія начальству, но давалъ, хотя и безъ особой злонамѣренной цѣли, читать его сослуживцамъ, и

5) Рядовой Шуръ: а) въ участіи въ преступныхъ замыслахъ поручика Арнольда и подпоручика Сливницкаго 2-го тѣмъ, что не донесъ о дѣйствіяхъ ихъ начальству и взялся, вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ Ростковскимъ, исполнить порученіе подпоручика Сливницкаго 2-го подговорить нижнихъ чиновъ Шлиссельбургскаго и Олонцакаго

нѣхотныхъ полковъ не отвѣчать во время смотра на привѣтствіе начальника, чего не исполняли только потому, что означенные полки уже были выведены на смотръ и б) въ томъ, что, зная о преступныхъ дѣйствіяхъ унтеръ-офицера Ростковскаго и о томъ, что онъ читалъ запрещенныя книги, не только не донесъ о семъ, но и самъ бралъ эти сочиненія для чтенія.

За вышеназложенныя преступленія Временно-Главнoкомандующій Арміею, конфирмаціею своею 14-го сего іюня опредѣлили:

1) Поручика Аргольдта, подпоручика Сливickaго 2-го и унтеръ-офицера Ростковскаго, на основаніи 15, 168, 171, 172, 173, 174, 175, 606 и 614 статей 1-й книги Военно-Уголовнаго Устава (изданія 1859 года) и 275, 276, 283, 287 и 288 статей 1-й книги XV тома Свода Законовъ (изданія 1857 года),—по лишеніи первыхъ двухъ чиновъ, дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, а послѣдняго бронзовой медали въ память минувшей войны и воинскаго званія, а также всѣхъ правъ состоянія, казнить смертью разстрѣляніемъ съ тѣмъ, чтобы смертная казнь надъ этими преступниками была исполнена, но мѣсту содержанія ихъ подъ арестомъ въ Новогеоргіевской крѣпости.

2) Поручика Каплинскаго, на основаніи 286 ст. 1-й книги XV тома Свода Законовъ (изданіе 1857 года) по лишеніи чиновъ, дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на шесть лѣтъ.

3) Поручика Абрамовича, примѣняясь къ вышеприведенной 286 ст. и по смыслу 409 ст. 2-й книги Военно-Уголовнаго Устава (изданія 1859 года) по оставленіи отъ службы выдержать въ казематѣ Новогеоргіевской крѣпости подъ арестомъ три мѣсяца и затѣмъ отдать подъ надзоръ полиціи на три года.

4) Рядоваго Щура, во вниманіе къ тому, что онъ вовлеченъ въ преступленіе влияніемъ, какое имѣли на него Сливницкій, Аргольдтъ и въ особенности Ростковскій, вмѣсто смертной казни, лишивъ медали въ память минувшей войны, воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія наказать шпицрутенами черезъ сто человѣкъ шесть разъ и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ.

Конфирмація эта 16-го числа сего іюня приведена въ исполненіе.

Сѣверная Почта.

(28 Іюня. № 140.)

Приказъ по отдѣльному гвардейскому корпусу іюня 22 дня 1862 г. № 109.

Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ Григорьевъ, по произведенію о поступкахъ его слѣдствію, обвиняется въ намѣреніи распространить между нижними чинами возмутительныя идеи противъ Правительства и Верховной власти.

Посему я предаю подпоручика Григорьева военному суду арестованнымъ въ особо учрежденной мною военно-судной комиссіи при С.-Петербургскомъ ординарско-гаузѣ съ тѣмъ, чтобы приговоръ объ означенномъ офицерѣ былъ, согласно Высочайшему разрѣшенію, постановленъ на основаніи полевыхъ уголовныхъ законовъ.

Сѣверная Почта.

(19 августа. № 181.)

Въ „Сѣверной Почтѣ“ (отъ 21 февраля 1862 г. № 39) объявлено было о преданія по Высочайшему повелѣнію суду правительствующаго сената тринадцати тверскихъ дворянъ, принадлежавшихъ къ составу мировыхъ учреждений Тверской губерніи, за письменное заявленіе мѣстному губернскому по крестьянскому дѣлу присутствію, что они намѣрены впредь руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ воззрѣніями и убѣжденіями, несогласными съ положеніемъ 19 февраля 1861 года и что всякій другой образъ дѣйствій они признаютъ враждебнымъ обществу. По разсмотрѣніи дѣла въ правительствующемъ сенатѣ (по 1 отдѣленію 5 департамента) упомянутыя лица: новоторжскій предводитель дворянства коллежскій секретарь Алексѣй Александровъ Бакунинъ, бывшій членъ губернскаго присутствія отставной штабъ-капитанъ Николай Александровъ Бакунинъ, Корчевскій предводитель дворянства коллежскій регистраторъ Сергѣй Михайловъ Балкашинъ; мировые посредники: отставной подполковникъ Павелъ Александровъ Глазенапъ, отставной капитанъ-лейтенантъ Николай Петровичъ Харламовъ, отставной поручикъ Николай Михайловъ Полторацкій, отставной гвардіи поручикъ Максимъ Андреевъ Лазаревъ, губернской секретарь Логгинъ Федоровъ Лихачевъ, отставной поручикъ Александръ Николаевъ Шевѣдомскій, отставной поручикъ Василій Николаевъ Кудрявцевъ, коллежскій ассессоръ Андрей Федоровъ Кислинскій; кандидаты мировыхъ посредниковъ: отставной подпоручикъ Алексѣй Петровъ Демьяновъ и отставной поручикъ Леонидъ Алексѣевъ Ширококовъ — признаны виновными въ составленіи и распространеніи заявленія, заключающаго въ себѣ недозволенные сужденія о постановленіяхъ и дѣйствіяхъ правительства,

съ нарушеніемъ служебнаго порядка, за что, по силѣ существующихъ законовъ, рѣшеніемъ правительствующаго сената опредѣлено: лишивъ упомянутыхъ лицъ нѣкоторыхъ по 54 ст. уложен. особенныхъ правъ и преимуществъ, подвергнуть ихъ заключенію въ смирительномъ домѣ, сообразно разнымъ степенямъ виновности подсудимыхъ, на слѣдующіе сроки: коллежскаго секретаря Бакунина на два года и четыре мѣсяца, коллежскаго assessора Кислинскаго на два года, а остальныхъ на два года и два мѣсяца. Рѣшеніе это было объявлено подсудимымъ 10 Іюня и на основаніи онаго они были подвергнуты заключенію 18 Іюля. Государь Императоръ, по случаю торжественнаго дня тезоименитства Государыни Императрицы, Всемилостивѣйше соизволилъ освободить всѣхъ упомянутыхъ лицъ отъ присужденнаго имъ заключенія, сохранивъ затѣмъ силу приговора въ остальной его части. Вслѣдствіе сего упомянутыя лица освобождены отъ заключенія 22 Іюля.

Сѣверная Почта.

(26 августа. № 187.)

(Приказъ по войскамъ, въ Царствѣ Польскомъ расположеннымъ. Г. Варшава. Іюля 14 дня 1862 г. № 7.)

Поручики стрѣлковыхъ баталіоновъ: 5-го Даниловичъ, 6-го Огородниковъ и Олонецкаго пѣхотнаго полка Зейнъ, оказавшіеся по слѣдственному дѣлу виновными въ томъ, что были главными распорядителями заказанной 24 минувшаго іюня, очевидно, съ цѣлью политической демонстраціи, въ походной церкви въ лагерѣ, панихиды по государственнымъ преступникамъ, по волюгѣ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича предаются полевому военному суду, арестованными съ тѣмъ, чтобы судъ сдѣлалъ заключеніе и о степени виновности прикосновенныхъ къ дѣлу офицеровъ и священника.

Русскій Инвалидъ.

(18 сентября. № 206.)

Утверждается конфирмація Его Императорскаго Высочества Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ надъ поручиками: Стрѣлковыхъ баталіоновъ: 5-го Готского-Даниловичъ, 6-го Огородниковъ и Олонецкаго пѣхотнаго Его Королевскаго Высочества Принца Карла Баварскаго полка Зейнъ, которые, за то, что были главными распорядителями отправленной съ цѣлью политической демонстраціи панихиды по казеннымъ государственнымъ преступникамъ, а Огородниковъ, сверхъ того, за передачу священнику, служившему панихиду, ложныхъ и вредныхъ слуховъ о нынѣшнихъ событіяхъ въ Россіи и Царствѣ Польскомъ Зейнъ же за нарушение должнаго уваженія къ своему полковому командиру отставляются отъ службы съ выдержаніемъ подъ арестомъ въ Новогеоргіевской крѣпости въ казематѣ; Огородникова и Зейна въ теченіе года, а Даниловича въ продолженіе девяти мѣсяцевъ.

Сенатекія Вѣдомости.

(30 октября. № 87.)

Генераль-Аудиторіатъ, рассмотрѣвъ военно-судное дѣло о конкертѣ Новгородскаго баталіона Внутренней Стражи Степанѣ Ивановѣ Кудрявомъ, оказавшемся виновнымъ въ произнесеніи въ присутствіи нижнихъ чиновъ и въ употребленіи въ своемъ дневникѣ въ высшей степени преступныхъ выраженій противъ Верховной Власти и Правительства, положилъ: Кудряваго, лишивъ воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ. (Значенное заключеніе Генераль-Аудиторіата 4-го октября сего года Высочайше утверждено, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы Кудрявому сократить на 6-ть лѣтъ. Г. Военный Министръ въ рапортѣ своемъ присовокунилъ, что подсудимый Кудрявый показывается, по формулярному списку, происходящимъ изъ дворянъ Новгородской губерніи.

Русскій Инвалидъ.

(24 октября. № 234.)

По сентенціи военнаго суда: Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ Григорьевъ (Николай) за распространеніе между нижними чинами посредствомъ разговоровъ и сообщеній ложныхъ слуховъ, превратныхъ понятій о ихъ обязанностяхъ относительно Начальства и Правительства и покушеніе поселить между ними чувство неудовольствія къ существующему порядку, лишается чиновъ, дворян-

скаго достоинства, бронзовой медали въ память войны 1853—1856 годовъ и всѣхъ правъ состоянія и ссылается на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

Изъ рапорта г. Военнаго Министра видно, что Григорьевъ, по формулярному списку, показывается изъ дворянъ Тульской губерніи.

Русскій Инвалидъ.

(25 октября. № 235.)

По сентенціи военнаго суда: Резервнаго дивизиона Александрійскаго Гусарскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго полка Подполковнику Красовскому, присужденному Генераль-Аудиториатомъ, на основаніи Полевыхъ Уголовныхъ Законовъ, къ лишенію чиновъ и всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни разстрѣляніемъ за покушеніе возбудить нижнихъ чиновъ къ неповиновенію черезъ подбрасываніе къ нимъ возмутительнаго воззванія и другія преступныя дѣйствія, по Всемилостивѣйшему Государя Императора повелѣнію, смертная казнь замѣняется политическою смертью, съ исполненіемъ надъ нимъ обряда, въ семь случаевъ въ законахъ установленнаго, и ссылкой затѣмъ въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ.

Изъ рапорта г. Военнаго Министра видно, что Красовскій, по формулярному списку, показывается изъ дворянъ Орловской губерніи.

Сѣверная Почта.

(9 ноября. № 244.)

Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: уволеннаго Высочайшимъ приказомъ 5-го Іюня сего года, независимо желанія и безъ преимуществъ, бывшаго флигель-адъютанта, л.-гв. Кирасирскаго Его Величества полка графа Михаила Ростовцева считать уволеннымъ по прошенію и съ мундиромъ.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: уволеннаго Высочайшимъ приказомъ 5-го Іюня сего года, независимо желанія и безъ преимуществъ, бывшаго флигель-адъютанта полковника генеральнаго штаба графа Николая Ростовцева считать уволеннымъ отъ службы по прошенію и съ мундиромъ.

Сенатекія Вѣдомости.

(21 декабря. № 112.)

Высочайшая конфирмація по военно-судному дѣлу.

Высочайшею конфирмаціею, послѣдовавшею 22 ноября сего года на всеподданнѣйшемъ докладѣ Генераль-Аудиториата повелѣно: бывшаго учителемъ Лугскаго уѣзднаго училища, произведеннаго указомъ Правительствующаго Сената отъ 11 Іюля сего года за № 6545 за выслугу лѣтъ въ губернскіе секретари Николая Виктора за имѣніе у себя запрещенныхъ сочиненій и за произведеніе 2 Іюня сего года въ нетрезвомъ видѣ трехъ поджоговъ въ зданіи Лугскаго уѣзднаго училища, не имѣвшихъ, впрочемъ, никакихъ важныхъ послѣдствій, по лишеніи чиновъ и всѣхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ сослать на житіе въ Иркутскую губернію съ воспрещеніемъ ему всякой отлучки изъ мѣста, которое будетъ назначено для его жительства въ продолженіе трехъ лѣтъ и потомъ выѣзда въ другія сибирскія губерніи въ теченіе десяти лѣтъ.

Русскій Инвалидъ.

(29 декабря. № 286.)

По сентенціи военнаго суда. Лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона поручикъ Посниковъ и прикомандированный къ этому баталіону Гренадерскаго Сапернаго баталіона поручикъ Еллинскій, за предоставленіе бывшему студенту Яковлеву возможности скрыть слѣды преступления при арестованіи его во время распространенія между нижними чинами сочиненій возмутительнаго содержания, а штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона Энгель, за недонесеніе объ этомъ по начальству и бездѣйствіе власти, исключаются изъ службы съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ Посникова и Еллинскаго, сверхъ того, выдержать въ казематѣ крѣпости два мѣсяца.

1863 годъ.

Сенатекія Вѣдомости.

(8 января. № 3.)

Бывшій студентъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета Алексѣй Андреевъ Яковлевъ, по Высочайшему повелѣнью, сужденъ былъ военнымъ судомъ по полевымъ уголовнымъ законамъ и оказался виновнымъ въ распространеніи между нижними чинами сочиненій возмутительнаго содержания и преступныхъ мыслей объ ограниченіи правъ верховной власти и измѣненіи существующаго порядка правленія. Генераль-Аудиторіатъ, признавъ Яковлева подлежащимъ за преступленія его, лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни—растрѣляемъ, по особымъ уваженіямъ, представляющимся къ облегченію его участи, всенодданнѣйше ходатайствовали о дарованіи ему жизни, съ тѣмъ, чтобы по лишеніи его всѣхъ правъ состоянія сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на двадцать лѣтъ. На всенодданнѣйшемъ докладѣ Генераль-Аудиторіата послѣдовала въ 7-й день декабря 1863 года собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: „Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы Яковлеву ограничить шестью годами“.

Къ сему г. Военный Министръ присовокушилъ, что Яковлевъ сынъ статскаго советника, изъ дворянъ, какой губерніи по дѣлу не видно.

Сенатекія Вѣдомости.

(22 марта. № 24.)

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы Хохрякову срокъ каторжной работы ограничить пятью годами“.

Въ Петербургѣ, 27-го Февраля 1863 г.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, о бывшихъ Студентахъ Императорской Медико-Хирургической Академіи: Василіи Хохряковѣ (22-хъ) и Петрѣ Беневольскомъ (19 лѣтъ), о мѣщанинѣ Михаилѣ Митрофановѣ (21 годѣ), и крестьянахъ: Михаилѣ Ѳедоровѣ (17), Василіи Трифоновѣ (18), Егорѣ Коченковѣ (23 лѣтъ) и Иванѣ Антоновѣ (21 года), признавъ ихъ, по собственному сознанию и обстоятельству дѣла, виновными: Хохрякова и Беневольскаго—въ злоумышленномъ распространеніи возмутительныхъ воззваній, съ цѣлью возбудить къ неповиновенію Верховной Власти; Митрофанова, Ѳедорова и Трифопова—въ имѣніи у себя одного изъ означенныхъ воззваній и въ передачѣ онаго другимъ, впрочемъ, безъ злаго умысла; Коченкова—въ недонесеніи, кому слѣдовало, на виновнаго въ чтеніи возмутительныхъ воззваній, и Антонова также въ недонесеніи о передачѣ ему подобнаго же воззванія.

Совершенно соглашаясь съ опредѣленіемъ Правительствующаго Сената о мѣрѣ наказанія всѣхъ сихъ лицъ за преступленія, ими совершенныя, согласно съ дѣйствующими законами, Государственный Совѣтъ въ отношеніи одного изъ подсудимыхъ, а именно Петра Беневольскаго, принявъ въ уваженіе имѣющіяся въ дѣлѣ смягчающія вину его обстоятельства, и руководствуясь Св. Зак. (изд. 1857 г.) Т. XV кн. 1, Улож. о Нак. ст. 167 и 168, призналъ возможнымъ ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о смягченіи Беневольскому, слѣдующаго ему, по закону, наказанія.

По симъ соображеніямъ Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ: утвердить по настоящему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената, и, вслѣдствіе сего, на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи узаконеній: 1) Участь бывшаго студента Императорской Медико-Хирургической Академіи Петра Беневольскаго повергнуть Монаршему милосердію, съ представленіемъ, не благоудно-ли будетъ Его Императорскому Величеству Высочайше повелѣть: Беневольскаго, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, вмѣсто ссылки въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на пять лѣтъ и четыре мѣсяца, какъ по закону слѣдовало, сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири; 2) бывшаго студента той-же Академіи Василія Хохрякова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на девять лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда; 3) мѣщанина Михаила Митрофанова подвергнуть аресту на три недѣли, съ отдачею подъ надзоръ Полиціи на три года; 4) крестьянъ Василія Трифопова и Михаила Ѳедорова наказатъ розгами, по пятнадцати ударовъ cadaго, а затѣмъ также отдать подъ полицейскій надзоръ

за одинъ годъ; 5) крестьянина Игоря Коченкова наказать розгами пятнадцатью ударами, и 6) Крестьянину Ивану Антонову сдѣлать строгое внушеніе, чтобы на будущее время немедленно доносилъ, кому слѣдуетъ, объ извѣстныхъ ему преступленіяхъ.

Подписаль: Предѣдатель Государственнаго Совѣта
Графъ Д. Блудовъ.

Сенатекія Вѣдомости.

(19 Апрѣля. № 32.)

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Васильева и Волкова, вмѣсто смертной казни, сослать въ каторжную работу на десять лѣтъ.

Воронову и Емельянову ограничить содержаніе въ крѣпости однимъ годомъ“.
С.-Петербургъ, 23-го Марта 1863 года.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по рассмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, о почетномъ гражданѣ Николаѣ Васильевѣ 18, канцелярскомъ служительѣ Николаѣ Волковѣ 20, бывшемъ студентѣ С.-Петербургскаго Университета Николаѣ Вороновѣ 19 и сынѣ чиновника 12 класса Яковѣ Емельяновѣ 17 лѣтъ, признавъ ихъ по собственнымъ отвѣтамъ, уликамъ и другимъ обстоятельствамъ дѣла виновными: Васильева—въ злоумышленіи на жизнь Государя Императора, выраженномъ въ составленномъ и распространенномъ имъ, Васильевымъ, возмутительномъ воззваніи и въ другихъ сочиненіяхъ; Волкова—въ участіи въ этомъ-же преступленіи и недонесеніи о томъ Правительству; наконецъ Воронова и Емельянова—въ недонесеніи, кому слѣдовало, о намереніи Васильева распространить возмутительное воззваніе, мнѣніемъ положили: утвердить по настоящему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената и, вслѣдствіе, на основаніи приведенныхъ въ опредѣленіи Сената узаконеній: 1) Васильева и Волкова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію, ~~черезъ доушечіе~~; и 2) Воронова и Емельянова, лишивъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, заключить въ крѣпость каждаго на два года.

Но при семъ Государственный Совѣтъ не могъ не обратить вниманія на то, что по дѣйствующимъ законамъ несовершеннолѣтніе преступники подвергаются наказанію значительно уменьшенному, противъ того, которое опредѣляется преступникамъ совершеннолѣтнимъ по всѣмъ родамъ преступленій и проступковъ, и что это основное правило нашего уголовного законодательства не имѣетъ и не можетъ имѣть своего примѣненія къ такимъ несовершеннолѣтнимъ преступникамъ, которые оказываются виновными въ дѣяніяхъ, влекущихъ за собою смертную казнь.

Вслѣдствіе сего Государственный Совѣтъ положили: означенное обстоятельство повергнуть на Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе.

Подписаль: Предѣдатель Государственнаго Совѣта.

Графъ Д. Блудовъ.

Сенатекія Вѣдомости.

(26 апрѣля. № 34.)

По сентенціи Военнаго Суда, 16-го Стрѣлковаго баталіона поручику Якову Ушакову, присужденному Генераль-Аудиторіатомъ, на основаніи полевыхъ уголовныхъ законовъ, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни разстрѣляшемъ, за распространеніе вредныхъ идей между фабричными работниками, посредствомъ чтенія и передачи имъ сочиненій возмутительнаго содержанія, съ съ преступною цѣлію возбужденія ихъ противъ правительства, по Всемилостивѣйшему Государя Императора повелѣнію, смертная казнь замѣняется лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжную работу на заводахъ на четыре года.

Сенатекія Вѣдомости.

(9 августа. № 64.)

Юня 13. Михайловскаго Артиллерійскаго Училища Португей-юнкеръ Адольфъ Юсифовъ Шукшта, происходящій изъ дворянъ ковенской губерніи, по прозведенному надъ нимъ военному суду, оказался виновнымъ въ распространеніи возмутительнаго печатнаго сочиненія. Генераль-Аудиторіатъ полагалъ: юнкера Шукшту за это преступленіе, на основаніи 171 и 173 ст. 1 кн. Военно-Уголов. Устава и 286 ст. Улож. о

Наказ. Уголов. и Исправ., лишивъ Портуней-Юнкерскаго званія, дворянства и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на четыре года. Съ симъ заключеніемъ былъ представленъ Государю Императору отъ Генераль-Аудиторіата всенподданнѣйшій докладъ, на которомъ, въ 13-й день Іюля сего года, послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: „Быть по сему“.

Русскій Инвалидъ.

(27 октября. № 237.)

По сентенціи военного суда: Личейнаго баталіона № 11-го подпоручикъ Крушевскій, за изъявленіе на словахъ готовности посягнуть на жизнь Священной Особы Его Императорскаго Величества и повтореніе затѣмъ дерзкихъ выраженій о Его Императорскомъ Велиествѣ, въ присутствіи другихъ, лишается чиновъ, медали въ память войны 1853—1856 годовъ и всѣхъ правъ состоянія и, по преломленіи надъ головою чрезъ палача шпаги, ссылается въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(29 ноября. № 96.)

I.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Департаментъ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта, по дѣлу о мѣщанинѣ Мартьяновѣ, сужденномъ за сочиненіе и распространеніе, черезъ напечатаніе въ „Колоколѣ“, письма къ Государю Императору, заключающее въ себѣ дерзостное порицаніе установленнаго въ Россіи порядка управленія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписаль: Предѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ Князь Павелъ Гагаринъ.

4 ноября 1863 года

Мнѣніе Государственнаго Совѣта

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, о мѣщанинѣ Петрѣ Мартьяновѣ (29 лѣтъ), признавъ его, по собственному сознанию, подтверждаемому и обстоятельствами дѣла, виновнымъ въ сочиненіи и распространеніи, чрезъ напечатаніе въ „Колоколѣ“, письма къ Государю Императору, заключающаго въ себѣ дерзостное порицаніе установленнаго въ Россіи порядка управленія, мнѣніемъ положилъ: утвердить по настоящему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената и, вслѣдствіе сего, мѣщанина Петра Мартьянова, на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи узаконеній, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на пять лѣтъ, а по освобожденіи отъ сей работы, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, поселить въ Сибиріи навсегда. Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ Предѣдателемъ и Членами.

II.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему“.

Въ Царскомъ Селѣ 3-го ноября 1863 г.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ и въ Общемъ Собраніи, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, объ отставномъ канцелярскомъ служителѣ, изъ дворянъ, Митрофанѣ Муравскомъ (25 лѣтъ), признавъ его, по обстоятельству дѣла виновнымъ: 1) въ произнесеніи дерзкихъ оскорбительныхъ словъ противъ Священной Особы Государя Императора и 2) въ приготовленіи къ возбужденію бунта, мнѣніемъ положилъ: отставного канцелярскаго служителя, изъ дворянъ, Митрофана Муравскаго, на основаніи Свод. Зак. 1857 г. Т. XV Улож. Наказ. с. 280, 285, и 165-й, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на восемь лѣтъ, а по прекращеніи сей работы, поселить въ Сибиріи навсегда. Подписаль: Предѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ Князь Гагаринъ.

Сѣверная Почта.

(17 декабря. № 276.)

Государственный Совѣтъ въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 6-го Департамента, о вольнопрактикующемъ лекарѣ Каликтѣ Павловскомъ (29 лѣтъ), признавъ его, по ули-

камъ и обстоятельствахъ дѣла, виновнымъ въ покушеніи на распространеніе возмутительнаго воззванія, мнѣніемъ положилъ: утвердить по настоящему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената и, вслѣдствіе сего, вольнопрактикующаго лекаря Каликта Павловскаго, на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи узаконеній, лишить всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на пять лѣтъ, а по прекращеніи сей работы, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, поселить въ Сибири навсегда. На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему“. Въ Ливадіи, 22 декабря 1863 года.

* * *

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло о бывшемъ студентѣ с.-петербургскаго университета Сунгуровѣ, опредѣлилъ: бывшаго студента с.-петербургскаго университета Капитона Сунгурова, 28 лѣтъ, по предмету распространенія возмутительныхъ воззваній съ злымъ умысломъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи, а за недонесеніе о полученіи имъ такихъ, имѣніе опыхъ и передачу другимъ, на основаніи 62, 138 и 285 ст. кн. 1 т. XV св. зак. угол., выдержать въ крѣпости въ теченіе одного года, безъ ограниченія правъ, съ высылкою потомъ изъ С.-Петербурга по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ.

Государственный Совѣтъ въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, о бывшемъ студентѣ с.-петербургскаго университета Капитонѣ Сунгуровѣ, осужденномъ за недонесеніе, кому слѣдовало, о полученіи имъ возмутительныхъ воззваній, храненіе опыхъ у себя и передачу другимъ, мнѣніемъ положилъ: утвердить по сему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената. Его Императорское Величество такое мнѣніе Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить, 25 ноября 1863 года.

Сѣверная Почта.

(20 декабря. № 279.)

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло о бывшемъ студентѣ с.-петербургскаго университета Фрязиновскомъ, кончившемъ курсъ наукъ въ Вологодской духовной семинаріи Румянцовѣ и прочихъ, прикосновенныхъ къ этому дѣлу, лицамъ, опредѣлилъ: на основаніи 138, 279 и 62 ст. кн. 1 т. XV, бывшаго студента Александра Фрязиновскаго (20-ти лѣтъ) и воспитанника семинаріи Ивана Благовѣщенскаго (19-ти) выдержать подъ арестомъ каждого по три недѣли и потомъ Фрязиновскаго выслать въ отдаленный городъ, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, подъ строгій надзоръ полиціи, не воспрещая ему тамъ поступленія на службу въ уѣздныхъ и городскихъ присутственныхъ мѣстахъ; а Благовѣщенскаго отдать подъ надзоръ полиціи на полтора года, взыскавъ съ нихъ обоихъ издержки, на слѣдствіе употребленныя; 2) кончившаго курсъ семинаріи Александра Румянцова, 22 лѣтъ, выдержать подъ арестомъ полтора мѣсяца и отдать подъ надзоръ полиціи на два года; 3) учениковъ семинаріи Петра Соколова 19-ти и Анкидина Коносова 18-ти лѣтъ выдержать подъ арестомъ каждого 7 дней и отдать подъ надзоръ полиціи на годъ; 4) крестьянину Степану Малыгину и пономарю Коносову сдѣлать внушеніе за недонесеніе о переданныхъ первому изъ сихъ подсудимыхъ Благовѣщенскимъ возмутительныхъ сочиненіяхъ и 5) прочія части рѣшенія вологодской уголовной палаты, состоящія въ томъ, чтобы: а) привлеченныхъ къ дѣлу сему воспитанниковъ семинаріи Якова Соколова, Василія Коносова, Филарета Славина, Ивана Вознесенскаго и Петра Мысова отъ всякой отвѣтственности освободить, равно какъ и ученика гимназіи Невѣйскаго; б) возмутительныя сочиненія уничтожить; в) претензіи депутата съ духовной стороны на невыдачу ему копій съ дѣла по немѣнію на то предписанія, а равно претензію священника Попова на сдѣланіе у него обиска, такъ какъ обыскъ сдѣланъ былъ по причинамъ, заслуживающимъ уваженіе, оставить безъ послѣдствій; г) выведенное уѣзднымъ судомъ униженіе слѣдователя въ томъ, что онъ не донесъ о заключеніи подсудимыхъ подъ стражу уѣздному суду, такъ какъ слѣдователю не было извѣстно, куда дѣло поступитъ на разсмотрѣніе, оставить также безъ послѣдствій и д) признать, что возмутительныя сочиненія, найденныя у семинаристовъ, прошикли изъ другихъ слоевъ общества, какъ правильныя, утвердить. Государственный Совѣтъ въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія правительствующаго сената, мнѣніемъ положилъ: утвердить по сему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената. Его Императорское Величество такое мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить, 25 ноября 1863 года.

1864 годъ.

Санктпетербургскія Сенатскія Вѣдомости.

(21 января. № 6.)

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта, по дѣлу о бывшихъ студентахъ: Императорской Медико-Хирургической Академіи Сетахевичѣ и Императорскаго Университета Цвѣтковѣ, сужденныхъ: первый—за злоумышленное распространение возмутительнаго воззванія,—а послѣдній—за имѣніе онаго у себя и недонесеніе о томъ Начальству, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Графъ Д. Блудовъ. 30-го Декабря 1863 года.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по рассмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, о бывшихъ студентахъ Императорской Медико-Хирургической Академіи Сергѣи Стахевичѣ и Императорскаго С.-Петербургскаго Университета Андреѣ Цвѣтковѣ, сужденныхъ: первый—за злоумышленное распространение возмутительнаго воззванія, а послѣдній—за имѣніе онаго у себя и недонесеніе о томъ Начальству, мнѣніемъ положило: утвердить по сему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената.

Подлинное Мнѣніе подписано въ журналѣ Предсѣдателемъ и Членами.

Заключеніе Правительствующаго Сената.

Правительствующій Сенатъ по выслушаніи записки изъ дѣла о бывшихъ студентахъ Медико-Хирургической Академіи Стахевичѣ и С.-Петербургскаго Университета Цвѣтковѣ, положилъ: 1) Студента Медико-Хирургической Академіи Сергѣи Стахевича, 20-ти лѣтъ, за злоумышленное распространение возмутительнаго воззванія, на основаніи 1 и 2 ч. 285, 141 и 151 ст. кн. 1 Т. XV Св. Зак. Угол., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на шесть лѣтъ, поселить затѣмъ въ Сибири навсегда, и 2) Студента С.-Петербургскаго Университета Андрея Цвѣткова, 19-ти лѣтъ, по предмету участія съ Стахевичемъ въ злоумышленномъ распространѣніи возмутительнаго воззванія, оставить въ сильномъ подозрѣніи, а за принятіе таковаго, слѣдовательно, имѣніе у себя безъ права имѣти, и недонесеніе о томъ, кому слѣдуетъ, на основаніи 285, 141, 152 и 43 ст. 2 стел. Улож., выдержать подъ арестомъ три недѣли и потомъ, какъ личность подозрительную, выслать изъ С.-Петербурга, съ отдачею подъ надзоръ полиціи на полтора года, предоставивъ назначеніе мѣстопріебанія его г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(24 марта. № 24.)

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта, по дѣлу о вольнопрактикующемъ врачѣ Стржижевскомъ, сужденномъ за имѣніе у себя запрещенныхъ сочиненій,—Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ: Предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ Князь Павелъ Гагаринъ. 2-го марта 1864 г.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по рассмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, о вольнопрактикующемъ врачѣ Стржижевскомъ, сужденномъ за имѣніе у себя запрещенныхъ сочиненій, мнѣніемъ положило: утвердить по сему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената. Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ Предсѣдателемъ и Членами.

Заключеніе Правительствующаго Сената.

Правительствующій Сенатъ, по выслушаніи записки изъ дѣла о вольнопрактикующемъ врачѣ Антонѣ Стржижевскомъ, положилъ: врача Антона Стржижевскаго, 28-ми лѣтъ, за храненіе у себя безъ злоумышленнаго распространенія сочиненій возмутительнаго содержанія, на основаніи ст. 286 и. 4, 141 и 146 Уложенія, подвергнуть аресту на двѣ недѣли и затѣмъ отдать подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ.

Сенатекія Вѣдомости.

(8 мая. № 37.)

Высочайше утвержденное мѣніе Государственнаго Совѣта.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы былъ сокращенъ на половину“.

Въ С.-Петербургѣ. 7-го Апрѣля 1864 года.

Мѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, объ отставномъ Титулярномъ Совѣтникѣ Николаѣ Чернышевскомъ (35 лѣтъ), признавъ его по уликамъ и обстоятельствамъ дѣла, виновнымъ въ сочиненіи возмутительнаго воззванія, передачѣ оного для тайнаго печатанія, съ цѣлю распространенія, и въ принятіи мѣръ къ ниспроверженію существующаго въ Россіи порядка управления, мѣніемъ положилъ: утвердить по настоящему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената и, вслѣдствіе сего, отставнаго Титулярнаго Совѣтника Николая Чернышевскаго, на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи узаконеній, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на четырнадцать лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

Подписаль: Предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ Князь Павелъ Гагаринъ.

Вѣдомости С.-Петербургской Городекой Полиціи.

(17 мая. № 108.)

19 мая въ 8 часовъ утра назначено публичное объявленіе, на Мытнинской площади, въ Рождественской части, бывшему отставному титулярному совѣтнику Николаю Чернышевскому (35 лѣтъ) Высочайше утвержденнаго мѣнія Государственнаго Совѣта, которымъ опредѣлено: Чернышевскаго, виновнаго въ сочиненіи возмутительнаго воззванія, передачѣ оного для тайнаго печатанія съ цѣлю распространенія и въ принятіи мѣръ къ ниспроверженію существующаго въ Россіи порядка управления, лишитъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на семь лѣтъ и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

Сенатекія Вѣдомости.

(9-го іюня. № 46.)

Высочайше утвержденное мѣніе Государственнаго Совѣта.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мѣніе въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта по дѣлу о бывшемъ учителѣ Сергачскаго (Нижегородской губерніи) Уѣзнаго Училища Курбаковскомъ, сужденномъ за употребленіе въ частномъ письмѣ дерзкихъ выраженій противъ Священной Особы Государя Императора и имѣніе у себя запрещенныхъ сочиненій, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписаль: Предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ Князь Павелъ Гагаринъ. 13-го Апрѣля 1864 года.

Мѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 6-го Департамента, о бывшемъ учителѣ Сергачскаго (Нижегородской губерніи) Уѣзнаго Училища Алексѣѣ Курбаковскомъ, сужденномъ за употребленіе въ частномъ письмѣ дерзкихъ выраженій противъ Священной Особы Государя Императора и имѣніе у себя запрещенныхъ сочиненій, мѣніемъ положилъ: утвердить по настоящему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената. Заключеніемъ Правительствующаго Сената бывший учитель Сергачскаго Уѣзнаго Училища Алексѣѣ Курбаковскій, за вышеозначенное преступленіе, во время совершения котораго онъ имѣлъ менѣе 21 года, приговоренъ, на основаніи 279 и 785 ст. 1 кн. XV Т. св. Зак. Угол., къ заключенію въ крѣпость на 8 мѣсяцевъ, безъ ограниченія правъ и преимуществъ.

Казанекія Губернекія Вѣдомости.

(часть официальная).

(12 іюня. № 24.)

„По случаю появленія, весною 1863 г., во внутреннихъ губерніяхъ, преимущественно приволжскихъ, подложнаго манифеста и возмутительныхъ воззваній и по по-

воду дошедшихъ до правительства свѣдѣній о замѣнявшемся въ городѣ Казани вооруженномъ возстаніи, по Высочайшему повелѣнію, учреждена была въ Казани главная слѣдственная коммиссія, въ коей были сосредоточены изслѣдованія по всѣмъ-важнѣйшимъ и наиболѣе сложнымъ дѣламъ о преступленіяхъ, направленныхъ къ измѣненію государственнаго строя.

По совершенномъ окончаніи общаго по сему предмету слѣдствія, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, лица, обвиняемыя въ политическихъ преступленіяхъ, для предаванія ихъ заслуженному наказанію, распредѣлены на три категоріи: къ первой отнесены: штабсъ-Капитанъ Иваницкій, поручикъ Мрочекъ и подпоручикъ Станкевичъ, какъ зачинщики и двигатели въ преступномъ замыслѣ о вооруженномъ возстаніи въ Казани; вольный слушатель казанскаго университета священнической сынъ Иванъ Орловъ, дворяне: Минской губерніи Іеронимъ Кеневичъ, Виленской Фердинандъ Новицкій и Евстафій Госцевичъ, Ковенской Августъ Олехновичъ и мѣщанинъ гор. Новогрудка Александръ Маевскій, какъ главные виновные въ распространеніи подложнаго манифеста и возмутительныхъ воззваній, которые, поэтому, переданы были всѣ военному по полевымъ уголовнымъ законамъ, суду; другіе въ числѣ 21 человѣка, по меньшей степени виновности, отнесены ко второй категоріи и переданы суду въ общемъ уголовномъ порядкѣ; къ третьей категоріи причислены тѣ, въ отношеніи которыхъ признано возможнымъ ограничиться мѣрами административными.

По рѣшенію военного полевого суда, преступники первой категоріи: штабсъ-капитанъ Иваницкій, поручикъ Мрочекъ, подпоручикъ Станкевичъ, студентъ Иванъ Орловъ, дворяне: Кеневичъ, Новицкій, Госцевичъ, Олехновичъ и мѣщанинъ Маевскій, признанные виновными въ государственной измѣнѣ, приговорены были всѣ къ смертной казни разстрѣляніемъ. Но, по конфирмаціи г. временнаго генераль-губернатора Казанской, Пермской и Вятской губерній, смертной казни подвергнуты: штабсъ-капитанъ Иваницкій, поручикъ Мрочекъ, подпоручикъ Станкевичъ и дворянинъ Кеневичъ, которая и совершена надъ ними въ г. Казани, близъ Подлужной слободы, между русской и нѣмецкой Швейцаріей, 6-го текущаго іюня, въ 7 ч. утра; прочіе злумышленники: Иванъ Орловъ, Фердинандъ Новицкій, Евстафій Госцевичъ, Александръ Маевскій и Августъ Олехновичъ присуждены къ наказанію, замѣняющему смертную казнь, именно: къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ—первые четверо на 15, послѣдніе на 12 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи этого срока поселить ихъ въ Сибири навсегда. Помѣщая въ нашей газетѣ это печальное извѣстіе, не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ о существѣ и цѣли преступныхъ дѣйствій агитаторовъ и пропагандистовъ. Подробное изслѣдованіе показало, что всѣ эти дѣйствія суть только различныя проявленія одного и того-же преступнаго замысла, иніціатива котораго иринадлежитъ почти всецѣло польской партіи. Распространители лже-манифеста, дѣйствовавшіе въ мѣстности, прилегающей къ Окѣ и правому берегу Волги, были исключительно поляки. Заговоръ о вооруженномъ возстаніи въ Казани не имѣлъ также никакой другой цѣли, кромѣ поддержанія польскаго мятежа и поощренія вмѣшательства иностранныхъ державъ; цѣль эту поляки старались замаскировать предъ русскими молодыми людьми, избравъ для переговоровъ съ ними поручика Черняка, хотя уроженца Виленской губерніи, но по вѣрѣ русскаго.

Такимъ образомъ, какъ ни прискорбны, происшедшія событія, но преобладаніе въ нихъ польскаго элемента не даетъ имъ характера внутренняго движенія и вполнѣ объясняетъ безуспѣшность дерзкихъ попытокъ злумышленниковъ, поколебать въ народѣ его глубокою, безграничною преданностію Монарху Освободителю.

Этотъ фактъ выразился ощутительно не только въ усердномъ, почти повсемѣстномъ дѣйствіи народа преданію пропагандистовъ въ руки правосудія, но и въ ограниченіи русскихъ молодыхъ людей отъ соучастія съ зачинщиками возстанія, въ которое они вовлечены были сначала ложнымъ понятіемъ о цѣли и значеніи ихъ замысла. Переходя за симъ отъ общаго взгляда на сущность дѣла, къ степени виновности лицъ, подвергнутыхъ казни, нельзя не поражаться дерзостію ихъ замысла. По предложенію одного изъ главныхъ агентовъ польской революціонной организаціи, пріѣзжавшаго въ Казань, поручика Черняка, Иваницкій, Мрочекъ и Станкевичъ, замышлявъ произвести вооруженное возстаніе въ краѣ, предположили дожидаться прибытія въ Казань арестантской партіи поляковъ, выпустить содержащихся здѣсь арестантовъ и съ помощью ихъ и молодежи, на содѣйствіе которой они рассчитывали, а также человѣкъ ста, которые ожидалась изъ Москвы, вооруженные штуцерами, револьверами и кинжалами, завладѣть складами патроновъ, пороха и свища, забрать цейгхаусъ съ оружіемъ, захватить два или три легкія орудія около порохового завода, напасть на казармы, давъ предварительно солдатамъ опіумъ въ пищѣ, арестовать всѣхъ начальниковъ, забрать казначейство и деньги разныхъ вѣдомствъ. Затѣмъ, овладѣвъ пароходами, для дѣйствія по Волгѣ и Окѣ, и возбудивъ народъ къ мятежу посредствомъ разсылки прокламацій, отправить партіи на Пермь, Вятку и Ижевскій заводъ; здѣсь забрать ружья и образовать народное ополченіе. Для приведенія этого плана въ дѣйствіе Иваницкій, Мрочекъ и Станкевичъ не только вступили въ ближайшія сношенія съ агентами польской революціи, но старались и здѣсь образовать

кружок соумышленниковъ и склоняли на свою сторону университетскихъ студентовъ; успѣли заготовить нѣкоторыя средства, необходимыя для возстанія, какъ-то; оружіе, деньги, возмутительныя воззванія для распространенія въ народѣ, Иваничкіи даже сдѣлалъ попытку взволновать крестьянъ села Бездны, Спасскаго уѣзда, совѣтуя не платить оброка за землю, а вооружиться десятому и пристать къ знамени бунта, что, какъ онъ самъ выразился, сдѣлано съ цѣлю прямой пропаганды и дабы испытать, насколько народъ подготовленъ къ возстанію. Однакожь попытка эта, какъ и всѣ другія, направленные къ произведенію вооруженнаго возстанія въ краѣ, разбилась о здравый смыслъ народа. Тотъ-же здравый смыслъ предохранилъ народъ отъ важныхъ безпорядковъ, какіе могли слѣдовать отъ дѣйствій эмисаровъ: Новицкаго, Госцевича, Маевского и Олехновича, отправленныхъ Кеневичемъ изъ Москвы 22-го Апрѣля 1863 г., въ разныя губерніи для распространенія подложнаго манифеста, хотя манифестъ этотъ, данный, будто-бы, Государемъ Императоромъ 31-го Марта, въ Москвѣ, не отличался ничѣмъ, въ типографическомъ отношеніи, равно и по придуманной формѣ редакціи, отъ подлинныхъ печатныхъ манифестовъ, очевидно было расчитанъ на простоту и легковѣріе народа, заключаая въ себѣ объявленіе о дарованіи всѣмъ и каждому, безъ различія состояній, полной свободы, о представленіи крестьянамъ земли въ неотъемлемое и потомственное владѣніе безъ всякой за нее платы, о распущеніи арміи и возвращеніи солдатъ на родину, съ безвозмезднымъ надѣломъ ихъ землю изъ казенныхъ дачъ, объ уничтоженіи подушныхъ податей и рекрутской повинности, о назначеніи, по выбору народа, уѣздныхъ и губернскихъ начальниковъ, и призывѣ къ возстанію противъ властей, которыя осмѣлились бы противиться исполненію всего вышесказаннаго. Выѣхавъ въ одно время по нижегородской желѣзной дорогѣ, Новицкіи, Госцевичъ, Маевскій и Олехновичъ слѣдовали, не раздѣляясь до Нижняго и отъ Нижняго до Арамаза, откуда должны были начать подкидывать манифесты по деревнямъ и дорогамъ; изъ Арамаза Маевскій и Олехновичъ повернули по Тамбовскому тракту, на Темниковъ и Спасскъ; дальѣ путь ихъ лежалъ черезъ Шацкъ на города рязанской губерніи: Сапожокъ, Рязскъ, Скопинъ, тульской: Епифанъ, Богородицкъ и Тулу; Госцевичъ и Новицкіи направились изъ Арамаза пензенскимъ трактомъ на Саранскъ и Городище; отсюда Госцевичъ поѣхалъ въ Симбирскъ, а Новицкіи черезъ Кузнецкъ (Саратовск. губ.) въ Волжскъ, нагрѣваясь, тотъ и другой, возвратиться на пароходѣ въ Нижній и оттуда желѣзной дорогой въ Москву. Но ни одному изъ нихъ не удалось кончить своего путешествія; всѣ они были преслѣдуемы полиціей и схвачены: Маевскій и Олехновичъ, 29-го Апрѣля, въ Спасскѣ, Госцевичъ 29-го апрѣля, въ Симбирскѣ и Новицкіи 30-го Апрѣля, въ Самарѣ. Хотя по пути слѣдованія этихъ эмисаровъ, внослѣдствіи, мѣрами правительства было собрано весьма значительное количество экземпляровъ лже-манифеста, но лишь въ Пензенской губерніи, по поводу ихъ, крестьяне въ нѣкоторыхъ селеніяхъ были взволнованы, такъ, что для водворенія порядка потребовались особыя мѣры. Предоставляемъ каждому оцѣнить по достоинству средства, къ которымъ прибѣгнули польскіе патриоты для достиженія своихъ цѣлей“.

Сенатскія Вѣдомости.

(10 ноября. № 90.)

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы Баллоду срокъ каторжной работы ограничить 7-ю годами“.

Въ Ниццѣ, 16/28 октября 1864 г.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, о бывшихъ студентахъ Университетовъ: С.-Петербургскаго Петръ Баллодѣ (24 лѣтъ) и Петрѣ Ткачевѣ (20 лѣтъ) и Московскаго Леонидѣ Ольшевскомъ (23 лѣтъ), Кандидатѣ С.-Петерб. Университета Дмитріи Писаревѣ (23 лѣтъ), Почетномъ Гражданинѣ, бывшемъ волнослушателѣ того-же Университета Евгеніи Печаткинѣ (24 лѣтъ) и Губернскомъ Секретарѣ Николаѣ Жуковскомъ, призналъ ихъ, по собственному сознанію, уликамъ и другимъ обстоятельствомъ дѣла, виновными: 1) Баллода въ принятіи участія въ заговорѣ противъ Правительства, въ заведеніи тайной типографіи для печатанія возмутительныхъ противъ правительства воззваній и наконецъ въ печатаніи и распространеніи такихъ воззваній посредствомъ подкидыванія; 2) Писарева въ составленіи возмутительной статьи, наполненной дерзкими и оскорбительными выраженіями, какъ противъ Правительства, такъ и противъ Священной Особы Государя Императора; 3) Ольшевскаго въ сочиненіи возмутительныхъ воззваній; 4) Печаткина и 5) Ткачева—въ храненіи у себя возмутительныхъ сочиненій

и Жуковского—въ слушаніи противъ Правительства, состоящемъ въ не возвращеніи изъ-за границы, не смотря на сдѣланный ему вызовъ.

Вслѣдствіе сего Государственный Совѣтъ, согласно съ заключеніемъ Правительствующаго Сената и на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи узаконеній, мнѣніе положилъ: 1) бывшаго студента Петербургскаго Университета Петра Баллода, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда; 2) кандидата С.-Петербургскаго Университета Дмитрія Писарева, лишивъ нѣкоторыхъ, по ст. 54 Улож. о наказ., правъ и преимуществъ, заключить въ крѣпость на два года и восемь мѣсяцевъ, по предмету же покушенія распространить составленное имъ возмутительное сочиненіе, оставить въ сильномъ подозрѣніи; 3) бывшаго студента Московскаго Университета Леонида Ольшескаго заключить въ крѣпость на одинъ годъ и потомъ выслать на мѣсто родины съ отдачею тамъ подъ надзоръ Полиціи на одинъ же годъ; 4) Почетнаго гражданина Евгенія Печаткина выдержать подъ арестомъ три мѣсяца и потомъ отдать подъ надзоръ Полиціи на три года; 5) бывшаго студента С.-Петерб. Университета Петра Ткачева заключить въ крѣпость на три мѣсяца и 6) Губернскаго Секретаря Николая Жуковского, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, считать изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ Государства.

Подписаль: Предѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ Князь Павель Гагаринъ.

Русскій Инвалидъ.

(29 октября. № 239.)

По конфирмаціи бывшаго временнаго Генераль-Губернатора Казанской, Пермской и Вятской губерній: по Пѣхотѣ: Пѣхотныхъ полковъ: 143-го Дорогобужскаго, штабсъ-Капитанъ Иваницкій, 145-го Новочеркаскаго, Поручикъ Мрочекъ, 148-го Каспійскаго поручикъ Михайловъ¹⁾ и исключенный Высочайшимъ приказомъ 9-го Августа 1863 г. изъ списковъ бывшаго 4-го резервнаго баталіона 45-го Азовскаго Генераль-Адъютанта Графа Лидера полка подпоручикъ Станкевичъ, осужденные Военнымъ Судомъ по Полевымъ уголовнымъ законамъ, оказались виновными: 1) Иваницкій и Мрочекъ въ томъ, что, составивъ планъ къ вооруженному возстанію въ Казанской губерніи, съ своей стороны употребили всѣ усилія для приведенія своего намѣренія въ исполненіе; 2) Станкевичъ въ томъ, что не только зналъ объ этомъ умыслѣ и приговореніяхъ злоумышленниковъ, но и принималъ въ нихъ дѣятельное участіе, въ побѣгѣ изъ службы, съ цѣлью вступить въ ряды польскихъ инсургентовъ и составленіи подложныхъ документовъ о своемъ знаніи и 3) Михайловъ въ знаніи о предпологавшемся вооруженномъ возстаніи и не донесеніи о томъ правительству.

За преступленія эти штабсъ-Капитанъ Иваницкій, поручикъ Мрочекъ и подпоручикъ Станкевичъ, по лишеніи чиновъ, медалей и всѣхъ правъ состоянія, подвергнуты смертной казни разстрѣляніемъ, а поручикъ Михайловъ, по лишеніи чиновъ и всѣхъ правъ состоянія, ссылается въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ.

1865 годъ.

Сѣверная Почта.

(30 января. № 24.)

Высочайшій Рескриптъ, данный на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Петръ Александровичъ! Происходившіе въ началѣ сего января мѣсяца, въ Московской губерніи, очередные Губернскіе выборы не состоялись. Вслѣдствіе, признанной Правительствующимъ Сенатомъ неправильности постановленій Собранія Предводителей и Депутатовъ, относительно правъ участія нѣкоторыхъ дворянъ въ дѣлахъ Губернскаго Собранія, всѣ постановленія сего Собранія, до закрытія оного имъ принятія, не имѣютъ законной силы. Но мнѣ не безызвѣстно, что во время своихъ совѣщаній Московское Губернское Дворянское Собраніе вошло въ обсужденіе предметовъ, прямому вѣдѣнію его не подлежащихъ и коснулось вопросовъ, относящихся до измѣненія существенныхъ началъ государственныхъ въ Россіи учреждений. Благополучно совершившіяся, въ десятилѣтнее мое царствованіе, нынѣ по моимъ указа-

¹⁾ Въ вышепомѣщенномъ разсказѣ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ о казанскихъ событіяхъ фамилія поручика Михайлова не упоминается.

нiямъ еще совершающiяся преобразованiя достаточно свидѣтельствуютъ о Моей постоянной заботливости улучшать и совершенствовать, по мѣрѣ возможности и въ предопредѣленномъ Мною порядкѣ, разныя отрасли государственнаго устройства. Право вчинанiя, по главнымъ частямъ этого постепеннаго совершенствованiя, принадлежитъ исключительно Мнѣ и неразрывно сопряжено съ самодержавною властью, Богомъ Мнѣ ввѣренною. Присшедшее, въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣроподданныхъ, должно быть залогомъ будущаго. Никому изъ нихъ не предоставлено предупреждать Мои непрерывныя о благѣ Россiи попеченiя и предрѣшать вопросы о существенныхъ основанiяхъ ея общихъ государственныхъ учрежденiй. Ни одно сословiе не имѣетъ законнаго права говорить именемъ другихъ сословiй. Никто не призванъ принимать на себя, передъ Мною, ходатайство объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства. Подобныя уклоненiя отъ установленнаго дѣйствующими узаконенiями порядка могутъ только затруднять Меня въ исполненiи Моихъ предначертанiй, ни въ коемъ случаѣ не способствуя къ достиженiю той цѣли, къ которой они могутъ быть направляемы. Я твердо увѣренъ, что не буду встрѣчать впредь такихъ затрудненiй со стороны русскаго дворянства, вѣковая заслуга котораго предъ Престоломъ и Отечествомъ Мнѣ всегда памятна и къ которому Мое довѣрiе всегда было и нынѣ пребываетъ непоколебимымъ. Поручаю Вамъ поставить о семъ въ извѣстность всѣхъ Генераль-Губернаторовъ и Губернаторовъ тѣхъ губернiй, гдѣ учреждены Дворянскiя собранiя, или имѣютъ быть учреждены Собранiя Земскiя. Пребываю къ Вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества Рукою написано:
„Александръ“.

Въ С.-Петербургѣ Января 29-го дня 1865 года.

Сенатскiя Вѣдомости.

(9 февраля. № 12.)

Высочайше утвержденное мнѣнiе Государственнаго Совѣта.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
„Быть по сему“.

Въ С.-Петербургѣ 15-го Декабря 1864 года.

Мнѣнiе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по рассмотрѣнiи опредѣленiя Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, о бывшихъ: вольнослушательѣ С.-Петербургскаго Университета Львѣ Самаринѣ (22-хъ) и воспитанникѣ 2-й С.-Петербургской Гимназiи Николаѣ Бекеневѣ (19-ти лѣтъ), признавъ ихъ, по собственному сознанию и обстоятельствамъ дѣла, виновными въ покушенiи на принятiе участiя въ бывшемъ въ Западныхъ губернiяхъ мятежѣ, нашелъ, что они, согласно съ заключенiемъ Правительствующаго Сената, по всей строгости и по буквѣ приведенныхъ въ томъ заключенiи узаконенiй, подлежатъ лишенiю всѣхъ правъ состоянiя и смертной казни. Но при семъ Государственный Совѣтъ не могъ не обратить вниманiя на то: 1) что Самаринъ, прежде чѣмъ пало на него обвиненiе въ Государственномъ преступленiи, изъявилъ въ ономъ раскаянiе тѣмъ, что хотѣлъ явиться съ повинною къ Генераль-Губернатору, чего не исполнилъ лишь по случаю его задержанiя; 2) что Самаринъ по взятiи его подъ стражу, за самовольную отлучку, не только сдѣлалъ чистосердечное, на первомъ допросѣ, во всемъ признанiе, но не скрылъ и сообщника своего въ преступленiи Бекенева; 3) что Бекеневъ, прежде чѣмъ пало на него обвиненiе въ Государственномъ преступленiи, также оставилъ свое преступное намѣренiе и думалъ возвратиться въ Петербургъ, къ отцу, чего исполнить не успѣлъ, по случаю его задержанiя; 4) что Бекеневъ, по взятiи его подъ стражу, немедленно сознался въ винѣ своей и указалъ на Самарина, какъ на своего сообщника; и 5) что Государь Императоръ изволилъ Высочайше повелѣть подвергать на Всемилостивѣйшее Его Величества воззрѣнiе участь раскаявшихся и сознавшихся политическихъ преступниковъ, которые показали готовность способствовать къ открытiю преступленiя. Принимая во вниманiе сiя обстоятельства, Государственный Совѣтъ, согласно съ заключенiемъ Правительствующаго Сената, призналъ возможнымъ ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о смилосердii подсудимымъ слѣдующаго имъ по закону наказанiя. Обратясь за симъ къ опредѣленiю самой мѣры испрашиваемаго смилосердii, Государственный Совѣтъ призналъ и съ своей стороны, согласно съ мнѣнiемъ Министра Юстици и Виленскаго, Гродненскаго и Минскаго Генераль-Губернаторовъ, необходимымъ принять въ соображенiе правила, Высочайше утвержденныя 11-го Мая 1863 г., по которымъ опредѣляются наказанiя лицамъ, виновнымъ въ бывшемъ въ Западныхъ губернiяхъ мятежѣ. По симъ правиламъ наказанiя, за участiе въ мятежѣ, представляются менѣе строгими, чѣмъ соответствующiя имъ постановленiя Улож. о Наказ. и всѣ преступники раздѣляются на пять категорiй при чемъ къ первой категорiи относятся предводители шайкъ и лица равной съ ними вины, ко второй лица,

явно изблеченныя въ мятежѣ и въ возбужденіи къ оному, или имѣвшія, по образованію своему и положенію въ обществѣ, вредное влияние на массы народа, или по отношенію къ правительству особенно обязанные къ ненарушиму соблюденію вѣрно-подданческой присяги; къ третьей-же категоріи всѣ тѣ изъ сихъ лицъ, которыя, по умственной неравности или юношескому возрасту, не могли имѣть существеннаго влияния на распространеніе возмущенія и были болѣе или менѣе увлечены примѣромъ или возбужденіемъ другихъ. По соображеніи обстоятельствъ дѣла о Самаринѣ и Бекеневѣ и по примѣненіи ихъ вины къ упомянутымъ высочайше утвержденнымъ правиламъ, Государственный Совѣтъ нашель, что оба они, какъ малоразвитые, не окончившіе курса наукъ даже въ среднемъ учебномъ заведеніи, ибо изъ дѣла видно, что Бекеневъ былъ воспитаникомъ только 4-го класса гимназіи, а Самаринъ хотя и считался вольнослушателемъ Университета, но получилъ воспитаніе лишь въ Гайсинскомъ католическомъ приходскомъ училищѣ, и притомъ внаше въ преступленіе по увлеченію и молодости, дѣтъ, должны быть причислены къ третьей категоріи преступниковъ, указанныхъ въ Высочайше утвержденнымъ правилахъ и подлежащихъ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ менѣе отдаленныя мѣста Сибири, или отдаленныя, кромѣ Сибирскихъ губерній (ст. 6), или же взаимѣнъ сего, отдачѣ въ военную службу рядовыми, съ назначеніемъ въ отдаленныя войска Оренбургскаго и Сибирскаго краевъ (ст. 7). Приступая къ избранію для подсудимыхъ одного изъ сихъ наказаній, Государственный Совѣтъ не могъ не замѣтить, что хотя Высочайше утвержденнымъ 22-го Марта 1860 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта и воспрещено отдавать за преступленія въ военную службу, но дѣйствіе сего общаго закона, за силою ст. 70 основ. Госуд. Зак. не должно распространяться на настоящее дѣло, какъ принадлежащее къ числу тѣхъ, для коихъ именно изданъ законъ спеціальный, изображенный въ Высочайше утвержденнымъ 11-го Мая 1863 г. правилахъ. Признавая по сему, что къ винѣ Самарина и Бекенева долженъ быть примѣненъ этотъ послѣдній законъ, и имѣя въ виду, что сии подсудимые, по выраженнымъ ими чувствамъ полнаго раскаянія и молодости дѣтъ, подають надежду на исправленіе, въ особенности при строгомъ за ними надзорѣ ближайшаго начальства, Государственный Совѣтъ нашель болѣе удобнымъ отдать ихъ въ солдаты. По всѣмъ симъ соображеніямъ Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положить: участь Самарина и Бекенева повергнуть Монаршему милосердію съ представленіемъ: не благоугодно-ли будетъ Его Императорскому Величеству Высочайше повелѣть: сихъ подсудимыхъ, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, отдать въ военную службу рядовыми съ выслугою и съ назначеніемъ въ отдаленныя войска Оренбургскаго или Сибирскаго краевъ по усмотрѣнію Императорскаго Департамента Военнаго Министрства. Подписаль: Предѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ Князь Павелъ Гагаринъ.

Сенатекія Вѣдомости.

(1 іюня № 44.)

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.
На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
„Быть по сему“.
Въ С.-Петербургѣ, 30-го Марта 1865 г.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 3-го Департамента о разныхъ лицахъ, обвиняемыхъ въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Лондонскими изгнанниками, соглашаясь вообще съ заключеніемъ Сената по этому дѣлу, призналъ однако же возможнымъ во вниманіе къ просьбѣ матери Серно-Соловьевича и особымъ обстоятельствамъ этого дѣла, всеподданнѣйше ходатайствовать о смягченіи участи этого подсудимаго.

Вслѣдствіе сего Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положить:

1) участь отставныхъ: Надворнаго Совѣтника Николая Серно-Соловьевича и Коллежскаго Секретаря Павла Ветошниковъ повергнуть Монаршему милосердію, съ представленіемъ, не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству Высочайше повелѣть: подсудимыхъ сихъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, не ссылая въ каторжную работу поселить въ Сибири навсегда, 2) отставнаго Титулярнаго Совѣтника Александра Серно-Соловьевича, чиновника 14-го класса Василія Кельсиева и лигатора Виктора Касаткина, лишивъ, согласно съ заключеніемъ Правительствующаго Сената, всѣхъ правъ состоянія, считать изгнанными изъ предѣловъ Государства и 3) по прочимъ частямъ утвердить также заключеніе Правительствующаго Сената. Подписаль: Предѣдатель Госуд. Совѣта Константинъ.

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло о разныхъ лицахъ, обвиняемыхъ въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Лондонскими изгнанниками, между прочимъ, опредѣлилъ: 1) Отставного Надворнаго Совѣтника Николая Серно-Соловьевича, 29 лѣтъ, за участіе въ злоумышленіи съ Лондонскими пропагандистами противъ Русскаго Правительства, за распространеніе заграничныхъ сочиненій ихъ преступнаго содержанія, за дачу у себя убійства неосужденному государственному преступнику Кельсіева, съ званіемъ преступныхъ его замесловъ, и за дерзостное порицаніе дѣйствій Правительства и самаго образа правленія на основаніи 283, 284, 285 и 286 ст. к. 1, т. XV, Св. Зак. Уголов., лишитъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ, а затѣмъ поселитъ въ Сибирь навсегда. 2) Отставного Коллежскаго Секретаря Павла Ветошникава, 33 лѣтъ, и 3) Почетнаго Гражданина Николая Владимірова, 26 лѣтъ, за пособничество пропагандистамъ въ сношеніяхъ съ ихъ соумышленниками и за пособничество въ распространеніи преступныхъ ихъ сочиненій, на осн. 129, 133, 165, 284 и 285 ст. того-же тома, лишитъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на восемь лѣтъ, а затѣмъ поселитъ въ Сибирь навсегда, но принимая во вниманіе раскаяніе ихъ, ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи имъ сего наказанія тѣмъ, чтобы, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать ихъ въ Сибирь на поселеніе навсегда. 4) Отставного Штабсъ-Капитана Николая Петровскаго, за недонесеніе о пребываніи въ Москвѣ неосужденнаго государственнаго преступника Кельсіева, подъ именемъ турецкаго подданнаго Яни, съ званіемъ о преступныхъ его замыслахъ, на осн. 138 ст. Улож. о Нак., признать подлежащимъ заключенію въ крѣпость на одинъ годъ. 5) Кулца Ивана Шебаева, за недонесеніе о предложеніи, сдѣланномъ ему Кельсіевымъ, напечатать въ Лондонѣ Старовѣрческія книги ихъ, коихъ нельзя напечатать въ Россіи, и, сверхъ сего, за имѣніе у себя сочиненій противоправительственнаго содержанія, на осн. 137, 225, 286 и 1365 ст. 1 к. XV тома, признать подлежащимъ аресту на три мѣсяца; но принимая во вниманіе раскаяніе ихъ, Петровскаго и Шебаева, ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ объ отѣнѣ сего наказанія и вмѣнѣніе имъ въ таковое содержаніе ихъ въ крѣпости во время производства настоящаго дѣла, съ отдачею Шебаева подъ надзоръ Полиціи на одинъ годъ. 6) Отставного Коллежскаго Регистратора Вимена Лямена, за имѣніе у себя разныхъ воззваній и сочиненій противоправительственнаго содержанія на осн. 285 ст. тѣхъ же законовъ признать подлежащимъ аресту на два съ половиною мѣсяца и потомъ отдачѣ подъ надзоръ полиціи на два съ половиною года; но, принимая во вниманіе продолжительное содержаніе его въ крѣпости во время первоначальнаго производства дѣла, вмѣнѣть ему содержаніе это въ наказаніе и отдать его подъ надзоръ Полиціи на два съ половиною года, на что испроситъ Высочайшее соизволеніе; но предмету-же злоумышленнаго распространенія возмутительныхъ воззваній и сочиненій посредствомъ передачи оныхъ для чтенія другимъ лицамъ и въ противозаконной перепискѣ съ изгнанникомъ Бакунинымъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи. 7, 8 и 9) Преданныхъ по Высочайшему повелѣнію суду Правительствующаго Сената, находившихся за-границею Александра Серно-Соловьевича, Литератора Касаткина и Василія Кельсіева, за ослушаніе противу Правительства, состоящее въ неявкѣ ихъ въ Россію, не смотря на дѣлаемые имъ вызовы, на осн. 308 ст. том. XV, лишитъ всѣхъ правъ состоянія и считать ихъ изгнанниками навсегда изъ предѣловъ Государства, съ тѣмъ: 1) чтобы съ имѣніемъ сихъ лицъ было поступлено на точномъ основаніи 2 ч. той же 308 ст. Улож. и 2) что это опредѣленіе не освобождаетъ сихъ лицъ отъ сужденія на законномъ основаніи, въ случаѣ возвращенія ихъ въ Россію или выдачи Правительству, по обвиненіямъ, упاداющихъ на нихъ по настоящему дѣлу. 10) Великобританскаго подданнаго Артура Бени, за недоведеніе до свѣдѣнія Правительства о прибытіи въ Петербургъ Русскаго подданнаго Василія Кельсіева по паспорту турецкаго подданнаго Василія Яни, на осн. 138 ст. Улож. о Нак. выдержать въ тюрьмѣ три мѣсяца, а по обвиненію въ недоведеніи до свѣдѣнія Правительства о прибытіи означеннаго Василія Кельсіева въ Россію съ званіемъ, что Василій Кельсіевъ не осужденный государственный преступникъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи, и затѣмъ руководствуясь 62 ст. Улож. выслать за границу, воспретивъ навсегда въѣздъ въ Россію, подъ опасеніемъ поступленія съ нимъ по 354 ст. Улож. 11) Почетнаго гражданина Михаила Журавлева и 12) Чиновника X класса Павла Аркадьева, за имѣніе сочиненій, имѣющихъ цѣлью возбудитъ къ явному неповиновенію Верховной Власти, а Аркадьева за недонесеніе о злоумышленномъ распространеніи возмутительнаго воззванія „Земская Дума“, на осн. 138 и 285 ст. 1 ч. Т. XV, выдержать подъ арестомъ: Журавлева десять дней, а Аркадьева три мѣсяца, отдавъ послѣ сего подъ надзоръ Полиціи на одинъ годъ; и 13) Дочь Маіора дѣвицу Марію Челищеву, за имѣніе у себя воспрещенныхъ закономъ сочиненій и изображеній по силѣ 279 ст. Улож. о нак. выдержать подъ арестомъ десять дней и отдать подъ надзоръ Полиціи на одинъ годъ. Рѣшеніе сіе, на осн. 452 и 617 ст. кп. 2, Т. XV, Св. Зак. Уголов., представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

Вѣдомости С.-Петербургской Городекой Полиціи.

(1 іюня. № 116.)

Назначено публичное объявленіе на Мытнинской площади, 1 квартала Рождественской части отставнымъ: падворному совѣтнику Серно-Соловьевичу (29 лѣтъ), коллежскому секретарю Павлу Ветошникову (33 лѣтъ), почетному гражданину Николаю Владимірову (26 лѣтъ), Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, которымъ опредѣлено: Серно-Соловьевича, за участіе въ злоумышленіи съ лондонскими пропагандистами противъ Русскаго правительства, за распространеніе заграничныхъ сочиненій ихъ преступнаго содержанія, за предоставленіе у себя убѣжища неосужденному государственному преступнику Кельсіеву, съ знаніемъ преступныхъ его замысловъ и за дерзостное порицаніе дѣйствій Правительства и самаго образа правленія; Ветошникова и Владимірова, обвиняемыхъ въ пособничество въ распространіи преступныхъ ихъ сочиненій, лишить всѣхъ правъ состоянія и поселить въ Сибири навсегда и вольнопрактикующаго врача Ивана Иванова Ганценбаха ¹⁾, за пособничество въ составленіи фальшивыхъ документовъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ мѣста не столь отдаленныя.

Сенатекія Вѣдомости.

(14 сентября. № 74.)

Высочайшая Конfirmaція, предложенная Правительствующему Сенату Управляющимъ Министерствомъ Юстиціи, Товарищемъ Министра.

1865 года Августа 4. Высочайшею Государя Императора Конfirmaціею, послѣдовавшей 8-го Августа на всеподданнѣйшемъ докладѣ Министра Императорскаго Двора, утверждено положеніе Совѣта Корпуса Горныхъ Инженеровъ о бывшемъ Горномъ Начальникѣ Нерчинскихъ Заводовъ, Инженеръ-Полковникѣ Оскарѣ Дейхманѣ, который за послабленія, оказанныя имъ въ содержаніи на заводахъ Государственнаго преступника Михайлова, исключается изъ службы.

Русскій Инвалидъ.

(2 декабря. № 267.)

По конfirmaціи командующаго войсками Казанскаго военнаго округа: исключенный Высочайшимъ приказомъ 18-го іюля 1863 года изъ службы, 48-го пѣхотнаго Одесскаго полка поручикъ Чернякъ, по произведенному надъ нимъ военному суду по полевымъ уголовнымъ законамъ, оказался виновнымъ въ бытности однимъ изъ главныхъ двигателей замышлявшагося въ Казани вооруженнаго возстанія, въ побѣгѣ въ г. Вильно во время бышаго тамъ возмущенія и предводительствованіи мятежническою шайкою противъ русскихъ войскъ. За преступленія эти поручикъ Чернякъ, по лишеніи воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія, подвергнутъ смертной казни разстрѣляніемъ.

1866 годъ.

Дѣло

о послабленіяхъ, оказанныхъ начальствующими лицами города Тобольска государственными преступникамъ Михайлову, Обручеву, безсрочно-ссылно каторжному Макаеву и другимъ преступникамъ ²⁾.

Докладъ по этому дѣлу происходилъ 16-го марта во 2-мъ отдѣленіи 6-го Департамента Правительствующаго Сената (въ Москвѣ). Обстоятельства дѣла слѣдующія: Третье отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1862 года получило извѣстіе, что начальствующія лица города Тобольска оказывали послабленія содержавшемуся въ тобольскомъ пересыльномъ замкѣ государственному преступнику Михайлову, который, будучи отправленъ изъ Петербурга 14-го декабря 1861 года, и, прибывъ въ Тобольскъ 30-го декабря того же года, не отправлялся къ мѣсту ссылки до 27-го января 1862 года; что все тобольское общество

¹⁾ Публичное объявленіе означенныхъ приговоровъ послѣдуетъ: Серно-Соловьевичу 2 числа, Ветошникову 3 числа, Владимірову 4 числа и Ганценбаху 5 числа іюня въ 8 часовъ утра.

²⁾ Хотя это дѣло не принадлежитъ къ политическимъ, но такъ какъ оно касается М. Л. Михайлова, то мы помѣщаемъ его здѣсь, заимствуя отчетъ о немъ изъ № 80 газеты „Голось“ отъ 21 марта 1866 года. Редакторъ.

оказывало ему сочувствіе; что, по прибытіи въ Тобольскъ, онъ былъ раскованъ и содержался въ тобольскомъ замкѣ незаконными; что вице-губернаторъ Соколовъ, прокуроръ Жемчужниковъ и начальникъ провіантской комиссіи полковникъ Жданъ-Пушкинъ принимали его у себя въ домахъ и вмѣстѣ съ нимъ обѣдали; что къ Михайлову въ тюремный замокъ прѣзжали и оказывали сочувствіе къ его положенію военный медикъ Онучинъ, жена его, директриса тюремнаго комитета купчиха Пиленкова и другія дамы, которыя подносили Михайлову букеты цвѣтотъ; что въ тотъ день, когда Михайловъ долженъ былъ отправляться изъ Тобольска къ мѣсту ссылки— въ Нерчинскъ, въ квартирѣ Жданъ-Пушкина, изъ которой онъ былъ отправленъ, разбиты были его кандалы и кольцо изъ нихъ послѣ видѣли на столѣ у вице-губернатора съ привязанною дощечкою, на которой было написано: „Покровителю угнетенныхъ— отъ Михайлова“; что при самомъ выѣздѣ Михайлова изъ города, повозка его остановлена была у заставы, гдѣ многіе мужчины и дамы прощались съ нимъ, пили шампанское и кричали „ура!“, а за заставою онъ былъ остановленъ вице-губернаторомъ Соколовымъ, который прощался тутъ же съ нимъ и далъ коробку съ чѣмъ то.

Вслѣдствіе этого донесенія, Государю Императору благоудно было назначить изслѣдованіе о противозаконныхъ послабленіяхъ начальствующихъ лицъ города Тобольска, оказанныхъ государственному преступнику Михайлову и вообще о сочувствіи къ его преступленію тобольскаго общества, для чего и назначенъ былъ генераль-майоръ Сколковъ. При слѣдствіи, произведенномъ послѣднимъ, оказалось, что со стороны начальствующихъ лицъ г. Тобольска дѣлано было одинаковое послабленіе съ Михайловымъ государственному преступнику Обручеву и безсрочно-ссылно-кааторжному Максеву. Показанія обвиняемыхъ при слѣдствіи были слѣдующія:

Смотритель тобольскаго тюремнаго замка Козаковъ, Михайловъ, Обручевъ и Максеевъ, во время бытности ихъ въ Тобольскѣ, содержались не на кандалномъ дворѣ, а во флигелѣ для подсудимыхъ арестантовъ изъ дворянъ, съ разрѣшенія, по отношенію къ Михайлову, тобольскаго вице-губернатора. Камеры ихъ не запирались. Обручевъ и Максеевъ доставлены были въ Тобольскъ безъ оковъ и незаконными же были отправлены изъ Тобольска къ мѣсту ссылки. Михайловъ прибылъ закованный; по прибытіи помѣщенъ былъ не въ замкѣ, а въ квартирѣ надзирающаго острога Устюгова, и въ тотъ же день, по приказанію полицеймейстера, былъ раскованъ и затѣмъ переведенъ во флигель для подсудимыхъ дворянъ. Камера его, такъ же какъ у Обручева и Максеева, не запиралась. Увольнялся онъ изъ замка, съ разрѣшенія полицеймейстера, къ вице-губернатору Соколову, лекарю Онучину и другимъ лицамъ. Посѣтителі бывали у Михайлова съ разрѣшенія вице-губернатора. Отъ этого послѣдняго показанія Козаковъ на другомъ допросѣ отказался, объяснивъ, что ссылку на вице-губернатора научилъ его сдѣлать полицеймейстеръ Кувичинскій, а что на самомъ дѣлѣ впускалъ посѣтителей онъ самъ, безъ билетовъ, въ чемъ и сознаетъ себя виновнымъ.

Показаніе полицеймейстера Кувичинскаго. Преступники Михайловъ, Обручевъ и Максеевъ содержались не на кандалномъ дворѣ, а во флигелѣ для подсудимыхъ арестантовъ изъ дворянъ; но это было сдѣлано по издавна заведенному порядку въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ, гдѣ отдѣлялись содержавшіеся преступники привилегированныхъ сословій отъ простаго. Что же касается того, что давалъ ли онъ прямо приказаніе смотрителю замка Козакову о содержаніи Михайлова, Обручева и Максеева во флигелѣ подсудимыхъ дворянъ, то онъ этого не помнитъ; но, можетъ быть, и давалъ. Камеры означенныхъ трехъ преступниковъ никогда не запирались, также по существовавшему издавна порядку. Отдавалъ ли онъ приказаніе смотрителю расковать Михайлова по прибытіи его въ Тобольскъ, не помнитъ, но не отрицаетъ, что могъ и отдавать, уважая въ преступникѣ дворянское сословіе, къ которому послѣдній прежде принадлежалъ. О посѣщеніяхъ, дѣлаемыхъ къ Михайлову разными лицами, онъ вначалѣ ничего не зналъ, но когда смотритель доложилъ ему объ этомъ, то онъ не приказалъ никого пропускать безъ его записокъ; самъ же дозволилъ бывать у Михайлова только полковнику Жданъ-Пушкину, а также дозволилъ Михайлову быть на обѣдѣ у лекаря Онучина. Въ самый день отправленія Михайлова изъ Тобольска къ мѣсту ссылки, онъ дозволилъ ему быть въ домѣ Жданъ-Пушкина, откуда Михайловъ отправился въ Нерчинскъ, а не заковалъ его при отправленіи потому, что не пришло это въ голову.

Генераль-майоръ Сколковъ, при произведеніи слѣдствія, открылъ по отношенію къ Михайлову слѣдующее обстоятельство: на другой день, по прибытіи Михайлова въ Тобольскъ, лекаръ тюремнаго замка, по обыкновенію, осматривалъ его и нашель, что у него сильное кровохарканіе, а на тѣлѣ были синяки на нижней части голени, почему началъ его лечить, но по тѣснотѣ помѣщенія въ больницѣ, Михайловъ, во время леченія, оставался въ своей камерѣ и поэтому же оставленъ былъ въ Тобольскѣ съ 31 декабря 1861 года до 27 января 1862 года. Въ январѣ 1862 года Михайловъ подавалъ прошеніе въ тобольскій приказъ о ссыльныхъ о разрѣшеніи ему отправиться къ мѣсту ссылки, по болѣзненному его состоянію, не съ партією пересыльныхъ арестантовъ, а на почтовыхъ. Вслѣдствіе этого прошенія, тобольская врачебная управа свидѣтельствовала Михайлова и нашла, что онъ, дѣйствительно, не

можетъ не только что идти съ партією арестантовъ, но не можетъ даже слѣдовать и на пересыльныхъ подводахъ, почему разрѣшено ему было отправиться на свой счетъ на почтовыхъ. Въ день отправленія его въ ссылку изъ Тобольска, въ квартирѣ Жданъ-Пушкина, по показанію находившагося у послѣдняго въ услуженіи человѣка Лыкова, капитанъ генеральнаго штаба Скибинскій взялъ изъ чемодана Михайлова, гдѣ лежали арестантскія его вещи, кандалы, разбивалъ ихъ молоткомъ, а жена Жданъ-Пушкина сказала, будто бы, что кольцо отъ этихъ кандаловъ, нужно оставить на память о Михайловѣ. Но это показаніе Лыкова опровергается показаніями двухъ жандармовъ, сопровождавшихъ Михайлова изъ Тобольска, которые объяснили слѣдственной комиссіи, что, принимая изъ квартиры Жданъ-Пушкина арестантскія вещи Михайлова, они приняли вмѣстѣ съ ними и кандалы его совѣкъ цѣлыя. Кромѣ того, въ комиссіи, для большаго убѣжденія, по распоряженію генераль-майора Сколкова при кузнецахъ разбивались арестантскія кандалы молоткомъ, и оказалось, что, безъ помощи кузнеца, разбить ихъ невозможно, о чемъ и составленъ былъ генераль-майоромъ Сколковымъ актъ.

Показаніе тобольскаго губернатора Виноградскаго. О послабленіяхъ, которыя оказывались Михайлову, Обручеву и Макееву, онъ совершенно ничего не знаетъ. Вице-губернаторъ и директора попечительнаго о тюрьмахъ комитета, напротивъ, всегда представляли ему, что въ тюремномъ замкѣ нѣтъ никакихъ безпорядковъ; самъ же онъ не могъ бы допустить ихъ, потому что хорошо знаетъ, что всякое послабленіе, оказываемое такимъ преступникамъ, какъ Михайловъ, Обручевъ и Макеевъ, есть протестъ противъ Правительства. Объ этихъ послабленіяхъ онъ не могъ имѣть даже частныхъ свѣдѣній, потому что не имѣлъ никакихъ частныхъ сношеній съ обществомъ; все время его поглощалось служебными занятіями, въ которыхъ онъ, какъ человѣкъ бѣдный, видѣлъ всю цѣль своей дѣятельности. Кромѣ того, во время бытности Михайлова въ Тобольскѣ, онъ занятъ былъ приготовленіемъ къ ожидавшейся ревизіи генераль-губернатора, и потому узналъ о послабленіяхъ, дѣлавшихся преступникамъ, только изъ бумаги, полученной имъ отъ генераль-губернатора, вслѣдствіе которой онъ потребовалъ донесенія объ этомъ предметѣ отъ полицеймейстера и получилъ объявленіе, что послабленія преступникамъ дѣлались смотрителемъ замка по приказанію вице-губернатора и прокурора. Это донесеніе онъ препроводилъ отъ себя къ генераль-губернатору. Доходили до него частныя слухи, что преступникъ Макеевъ отлучался изъ замка къ прокурору, за что онъ дѣлалъ выговоръ полицеймейстеру; въ статейномъ же списокѣ Макеева не сказано было, что онъ отправляется въ ссылку закованнымъ, и изъ свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ приказа о ссылныхъ, видно было, что онъ прибылъ въ Тобольскъ незакованный. Обручеву, по ходатайству жандармскаго штабъ-офицера, онъ позволилъ прогуливаться для здоровья около памятника Ермака въ сопровожденіи жандарма.

Показаніе вице-губернатора Соколова. Какъ предсѣдатель губернскаго правленія, онъ постоянно занимался дѣлами о преступникахъ; какъ директоръ попечительнаго о тюрьмахъ комитета, онъ постоянно бывалъ въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ для наблюденія за помѣщеніемъ арестантовъ, а какъ докторъ (тобольскій вице-губернаторъ Соколовъ-докторъ) считалъ своею обязанностью всегда помогать преступникамъ въ ихъ недугахъ, и Михайлова онъ сожалѣлъ, какъ больного человѣка. Занимаясь, въ продолженіе 10 лѣтъ изученіемъ легочной чахотки, въ доказательство чего представляетъ нѣсколько статей своихъ объ этой болѣзни, онъ видѣлъ въ Михайловѣ не только что больного, достойнаго сожалѣнія, но и интересный субъектъ для изученія со стороны науки; зналъ онъ его только по литературнымъ трудамъ и въ особенности по его статьямъ о женщинахъ. На квартиру къ себѣ Михайлова онъ дѣйствительно призывалъ для подаанія медицинскаго пособія; а такъ какъ Михайловъ являлся къ нему къ четыремъ часамъ, то онъ оставлялъ его у себя обѣдать, но въ шесть часовъ отправлялъ въ замокъ подъ присмотромъ полицейскаго чиновника, который его къ нему и привозилъ. Этихъ случаевъ было только два. Впрочемъ, главный начальникъ всѣхъ тюремныхъ заключеній въ губерніи—губернаторъ, который въ продолженіе трехъ лѣтъ совмѣстнаго служенія съ нимъ, никогда не дѣлалъ ему никакихъ замѣчаній по поводу неисполненія лежавшихъ на немъ обязанностей относительно тюремныхъ заключеній, между тѣмъ, какъ самъ губернаторъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, былъ въ острогѣ не болѣе трехъ разъ. Что касается прощанія съ Михайловымъ за заставою, то происходило оно слѣдующимъ образомъ: онъ поѣхалъ съ женою своею, по случаю болѣзни послѣдней, въ загородный монастырь; но, не доѣзжая до монастыря, долженъ былъ возвратиться назадъ, по причинѣ усилившагося вдругъ холода и вѣтра. На возвратномъ пути увидѣлъ онъ ѣхавшую по направленію отъ города повозку, но не зналъ, кто въ ней сидитъ, а когда подъѣхалъ къ ней, то увидѣлъ сидящаго въ повозкѣ Михайлова, и потому остановился проститься, причемъ отдалъ послѣднему бывшую съ нимъ коробку съ 5 рябчиками; но это было сдѣлано подаяніе, которое законъ не запрещаетъ давать преступникамъ и которое дѣлается въ Россіи повсемѣстно.

Показаніе прокурора Жемчужникова. Преступники Михайловъ, Обручевъ и Макеевъ содержались во флигелѣ подсудимыхъ дворянъ, потому что, по порядку,

изстари заведенному въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ, содержащіеся арестанты изъ привилегированнаго состоянія отдѣлялись отъ простыхъ, что, по его мнѣнію, не противорѣчитъ 101 ст. XIV т. уст. о содержаніи подъ стр.; а такъ какъ Михайловъ и Макаевъ помѣщались хотя и въ одномъ корридорѣ, но въ разныхъ камерахъ, то, слѣдовательно, 101 ст. не была нарушена. Во время содержанія онъ видѣлъ ихъ раскованными, но приказанія расковывать не давалъ; заковать же ихъ онъ не могъ приказать, потому что, на основаніи законовъ, лица привилегированнаго состоянія освобождаются отъ оковъ, и онъ считалъ, что дѣйствія его были бы болѣе противозаконныя, если бы онъ приказалъ заковать Михайлова и Макаева. Кромѣ того, вопросъ о законываніи преступниковъ въ разныхъ мѣстахъ понимается различно; такъ, Михайловъ, осужденный въ каторгу на 6 лѣтъ, присланъ былъ въ оковахъ, а шведскій подданный Бонгардъ, изъ Варшавы, осужденный въ каторгу на 12 лѣтъ—безъ оковъ; слѣдовательно, незаконаніе Михайлова можетъ быть отнесено къ ошибочному пониманію закона. О посѣщеніи Михайлова разными лицами онъ ничего не зналъ. Одинъ разъ бралъ его къ себѣ обѣдать съ тою цѣлью, чтобы дать ему возможность, при его сильной болѣзни, воспользоваться хорошею пищею и разрѣшенія на это ни у кого не спрашивалъ. Разговора съ нимъ ни о чемъ противозаконномъ не имѣлъ, а говорилъ только о своихъ племянникахъ, которыхъ Михайловъ зналъ давно, потому что жилъ въ томъ городѣ, въ которомъ жила его родная сестра. Сочувствія къ нему, какъ государственному преступнику, не имѣлъ, а сочувствовалъ ему, какъ человѣку несчастному и больному и смотрѣлъ на это сочувствіе, какъ на дѣло состраданія къ ближнему, примѣръ котораго показалъ самъ Государь Императоръ. Конфирмаціи надъ Михайловымъ онъ не читалъ; но изъ словъ послѣдняго онъ узналъ, что онъ осужденъ былъ за найденное у него сочиненіе, авторомъ котораго былъ не онъ, но принялъ его на себя, чтобы отстранить отъ отвѣтственности дѣйствительнаго автора, а это обстоятельство не могло не возбудить въ немъ, Жемчужниковѣ, сочувствія къ осужденному, пострадавшему за другихъ; о самомъ же этомъ сочиненіи онъ ничего не зналъ. Притомъ, онъ не предполагалъ, чтобы Правительство, ввѣривъ ему должность прокурора, усумнилось въ его преданности и чистотѣ дѣйствій. Макаева онъ зналъ съ того времени, когда тому было шесть лѣтъ, былъ знакомъ съ его родителями, обласканы ими, и потому положеніе этого арестанта не могло не заинтересовать его, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Михайлова, преступленіе было совершено имъ въ чадѣ, въ порывѣ необдуманности, и онъ видѣлъ, что, хотя наказаніе, назначенное осужденному, было жестоко, но угрызненіе совѣсти за совершенное преступленіе мучили его сильнѣе наказанія. Кромѣ того, Макаевъ, на пути слѣдованія, въ Тюмени, перенесъ сильнѣйшую горячку, послѣ которой, не оправившись, прибылъ въ Тобольскъ. Видя въ немъ, какъ и въ Михайловѣ, человѣка страдающаго болѣзною, онъ бралъ его къ себѣ обѣдать съ тою же цѣлью, какъ и перваго, и зналъ, что они бывали въ домахъ у нѣкоторыхъ почетныхъ лицъ Тобольска, хотя самъ не встрѣчалъ ихъ ни въ одномъ домѣ; но не придавалъ важности отлучкамъ ихъ изъ замка, во-первыхъ, по болѣзненному ихъ состоянію, а во-вторыхъ, потому, что въ законахъ нѣтъ статьи, запрещающей выпускать временно-пересыльныхъ арестантовъ изъ ихъ заключеній; если же и существуетъ въ XIV т. 190 ст., то она относится къ арестантамъ подсыдимымъ, а не пересыльнымъ.

На это объясненіе прокурора сдѣлано было ему комиссіею замѣчаніе, что, если нѣтъ въ законахъ статьи запрещающей выпускать пересыльныхъ арестантовъ, то нѣтъ и такой, которая дозволяла это дѣлать, и потому онъ долженъ былъ сообразоваться съ духомъ законовъ. Прокуроръ отвѣчалъ, что, во-первыхъ, если законъ чего не запрещаетъ, то, значитъ, дозволяетъ, а во-вторыхъ, онъ сообразовался при этомъ съ духомъ законовъ, почему арестанты и не выпускались безъ различія: по обстоятельству онъ сообразовался при этомъ съ духомъ той власти, отъ которой исходилъ законъ; духъ Государя Императора выражается въ милости и снисхожденіи, что показало онъ тотчасъ же по восшествіи на престолъ, освободивъ изъ ссылки политическихъ преступниковъ и Михайлову уменьшилъ срокъ работъ, назначенный ему при осужденіи.

Производившій слѣдствіе генераль-майоръ Сколковъ донесъ, что общество тобольское вообще не сочувствовало преступленію Михайлова, что букетовъ дамы ему не подносили, потому что, при сибирскихъ морозахъ, очень трудно имѣть живые цвѣты и что, если нѣкоторые изъ лицъ города и высказывали сочувствіе Михайлову, то это дѣлалось или изъ желанія прослыть передовыми людьми, покровительствующими литератору, или изъ подражанія другимъ. Вице-губернаторъ Соколовъ оказывалъ участіе Михайлову съ цѣлью сблизиться черезъ него съ литераторами и приобрѣсти для себя сотрудничество въ какомъ-нибудь журналѣ. Полковникъ Жданъ-Пушкинъ знакомъ былъ съ Михайловымъ въ Петербургѣ и потому встрѣтилъ его въ Тобольскѣ, какъ знакомаго.

* * *

Произведенное слѣдствіе, по окончаніи, передано было на согласеніе министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ корпуса жандармовъ, по докладу которыхъ Государь Императоръ повелѣлъ передать его въ первый Департаментъ Правительствующаго

Сената для опредѣленія порядка отвѣтственности виновныхъ, такъ какъ они принадлежали къ разнымъ министерствамъ. 1-й Департаментъ Правительствующаго Сената требовалъ заключенія отъ министра внутреннихъ дѣлъ и шефа корпуса жандармовъ, относительно опредѣленія отвѣтственности виновныхъ, находящихся въ ихъ непосредственномъ распоряженіи, на что министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ Сенату, что губернаторъ Виноградскій и вице-губернаторъ Соколовъ подлежатъ отвѣтственности, послѣ удаленія отъ должности, за превышеніе и бездѣтельность власти, по 383 ст. XV т., а шефъ корпуса жандармовъ нашелъ нужнымъ передать военному суду тобольскаго жандармскаго штаба-офицера. Послѣ этого, 1-й Департаментъ Правительствующаго Сената опредѣлилъ губернатору Виноградскому, уволенному отъ должности, сдѣлать выговоръ въ административномъ порядкѣ, а вице-губернатора, прокурора, полицей-мейстера и смотрителя тюремнаго замка передать суду. Комитетъ Министровъ, въ который поступило опредѣленіе Правительствующаго Сената, нашелъ, что губернаторъ Виноградскій, такъ же какъ и другіе, долженъ быть преданъ суду, на что послѣдовало высочайшее соизволеніе. Военный медикъ Онучинъ и капитанъ генеральнаго штаба Скибинскій, по распоряженію военнаго министра, уволены отъ службы безъ прошеній.

Сѣверная Почта.

(5 апрѣля. № 70.)

Сегодня въ четвертомъ часу по полудни, въ то время, когда Государь Императоръ, кончивъ свою прогулку въ Лѣтнемъ саду, изволилъ садиться въ коляску, неизвѣстный выстрѣлилъ на Его Величество изъ пистолета. Божіе Провидѣніе предохранило драгоценныя дни Августѣйшаго нашего государя. Преступникъ задержанъ. Разслѣдованіе производится.

С.-Петербургъ. 4-го апрѣля.

Сенатекія Вѣдомости.

(8 апрѣля. № 28.)

Опредѣленіе Правительствующаго Сената.

1866 года апрѣля 5-го дня Сенаторы С.-Петербургскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, Министръ Юстиціи, Товарищъ Министра Юстиціи, Оберъ-Прокуроры и чины канцеляріи Правительствующаго Сената собрались въ 10 часовъ утра въ Сенатской церкви для принесенія Господу Богу благодарственной молитвы за сохраненіе жизни Августѣйшаго Государя Императора отъ преступнаго покушенія, совершеннаго 4-го сего апрѣля, въ 4-мъ часу по полудни. По выслушаніи молебствія Сенаторы, Министръ Юстиціи, Товарищъ Министра Юстиціи и Оберъ-Прокуроры поспѣшили въ Зимній Дворецъ, лично выразить Его Императорскому Величеству чувства глубокой вѣрноподаннической радости. Въ 11-ть часовъ утра Государь Императоръ удостоилъ выйти къ собравшимся въ залѣ предъ Его кабинетомъ и, милостиво выслушавъ отъ Сенатора, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Митусова, изъясненіе одушевленнаго всѣхъ чувства, соизволилъ сказать: „Благодарю васъ, господа, благодарю за ваши вѣрноподанническія чувства. Они радуютъ Меня. Я всегда былъ въ нихъ увѣренъ, жалкъ только, что вамъ довелось выражать ваши чувства по такому грустному событію. Личность преступника до сихъ поръ еще не разъяснена, но, очевидно, что онъ не тотъ, за кого себя выдаетъ. Всею прискорбиѣ, что онъ русскій“. На сіи послѣднія слова Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ Матюшинъ сказалъ: „Государь, мы питаемъ себя надеждою, что дальнѣйшее слѣдствіе разъяснитъ личность преступника, и имя русскаго останется незапятнаннымъ“. На это Его Императорское Величество изволилъ отвѣчать: „Дай Богъ“; соблаговолилъ указать, что открыто первоначальнымъ изслѣдованіемъ, и вновь обратившись ко всѣмъ собравшимся, милостиво повторилъ: „Благодарю, еще разъ благодарю васъ, господа, за выраженіе вашихъ вѣрноподанническихъ чувствъ“. Эти слова вызвали у присутствовавшихъ единодушное выраженіе восторга, возгласами: „Ура“, которые не умолкали до выхода Его Императорскаго Величества изъ залы. Въ 11-ть часовъ Сенаторы, Министръ Юстиціи и Товарищъ Министра Юстиціи отправились въ Исаакіевскій Соборъ, гдѣ въ присутствіи Членовъ Императорской Фамиліи, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, по окончаніи литургіи, было совершено соборное благодарственное молебствіе, послѣ котораго Правительствующій Сенатъ, собравшись въ Общее Собраніе 1-хъ 3-хъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи, опредѣлилъ: для сохраненія навсегда въ лѣтописяхъ Сената тѣхъ милостивыхъ словъ, которыхъ Его Императорское Величество удостоилъ сказать въ отвѣтъ на выраженіе вѣрноподанническихъ чувствъ Сенаторовъ, записать о всемъ вышесказанномъ въ журналъ и составить особый протоколъ, который припечатать въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“.

Съверная Почта.

(10 апрѣля. № 75.)

По важности слѣдствія, производимаго о злодѣйскомъ покушеніи на жизнь Государя Императора, 4-го сего апрѣля, и во вниманіе къ необходимости обнаружить соучастниковъ преступника, Его Величеству благоудбно было Высочайше назначить предсѣдателемъ комиссіи, на которую слѣдствіе возложено, генерала-отъ-инфантеріи, графа Михаила Николаевича Муравьева.

Съверная Почта.

(13 апрѣля, № 77)

Именной Высочайшій Указъ, данный Правительствующему Сенату.

„Четвертаго сего апрѣля, по изволенію Всеблагаго Промысла, сохранена Намъ жизнь рукою Осипа Коммиссарова, временно-обязаннаго крестьянина Костромской губерніи, Буйскаго уѣзда, Молвитинской, волости села Молвитина—уроженца той же мѣстности, которая нѣкогда дала Россіи знаменитаго въ отечественныхъ лѣтописяхъ Ивана Сусанина. Въ память этого событія и въ ознаменованіе Нашей признательности къ Коммиссарову, Всемилостивѣше жалуемъ ему потомственное Россійской Имперіи дворянское достоинство, повелѣвая именовать его Коммиссаровымъ-Костромскимъ. Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащія распоряженія объ изготовленіи Коммиссарову-Костромскому диплома на дворянское достоинство и о поднесеніи онаго къ Нашему подписанію.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:
„Александръ“

Въ С.-Петербургѣ 9-го апрѣля 1866 года.

Съверная Почта.

(13-го апрѣля. № 77.)

Свѣдѣнія о преступникѣ, покусившемся на жизнь Государя Императора. Въ № 75-мъ нашей газеты мы сообщали о назначеніи графа Михаила Николаевича Муравьева предсѣдателемъ Высочайше учрежденной въ С.-Петербургѣ слѣдственной комиссіи по дѣлу о покушеніи на жизнь Государя Императора.

Въ настоящее время труды слѣдственной комиссіи подвинулись настолько, что личность преступника совершенно обнаружилась. Не смотря на упорное заpiresательство его, не смотря на отказъ положительно и точно отвѣчать на предлагавшіеся ему вопросы, комиссія удалось открыть, что преступникъ—уроженецъ Саратовской губерніи Дмитрій Владиміровъ Каракозовъ. Отецъ его имѣлъ небольшое помѣстье въ Сердобскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи. Самъ же преступникъ, бывший вольнослушатель московскаго университета, находясь еще въ Москвѣ, страдалъ, по показаніямъ нѣкоторыхъ изъ его товарищей, припадками меланхоліи и ипохондріи, и въ продолженіе болѣе мѣсяца лежалъ въ клиникѣ при московскомъ университетѣ, пользуясь у тамошнихъ докторовъ. Болѣзненное настроеніе его, по показаніямъ тѣхъ же товарищей, доходило до того, что онъ писалъ письмо къ одному изъ нихъ, прося прислать ему опиума, для прекращенія мученій, вмѣстѣ съ самою жизнью. Обо всемъ этомъ собираются подробныя свѣдѣнія. Въ нынѣшнемъ году Каракозовъ былъ два раза въ Петербургѣ: одинъ разъ онъ пріѣхалъ въ февралѣ мѣсяцѣ, а другой разъ въ Пасхѣ. По словамъ знакомыхъ и родныхъ, Каракозовъ постоянно жаловался на то, что жизнь ему въ тягость, что она уже ему надоѣла и что онъ ненавидитъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Каракозовъ развивалъ идеи самаго крайняго социализма. Въ Петербургѣ, скрывая свое настоящее имя и званіе, онъ продолжалъ лѣчиться у нѣкоторыхъ здѣшнихъ докторовъ.

Въ отношеніи обнаруженія соучастниковъ преступника и связей ихъ съ зловредными обществами, стремящимися къ ниспроверженію утвердившагося государственнаго порядка, продолжается дальнѣйшее строжайшее разслѣдованіе.

Съверная Почта.

(11 мая. № 99.)

Свѣдѣнія о пребываніи Каракозова въ Казанскомъ университетѣ.

(Статья эта, составленная совѣтомъ университета, доставлена въ редакцію „Съв. Почты“ по приказанію г. министра народнаго просвѣщенія).

„Окончивъ въ 1850 году курсъ въ Пензенской гимназіи, имѣя отъ роду 19 лѣтъ, Каракозовъ подалъ прошеніе о поступленіи въ университетъ 1 мая 1861 года и послѣ вступительнаго экзамена былъ зачисленъ въ студенты 1-го курса юридическаго факультета и разряда (опредѣленіе совѣта 1 сентября 1861 г.). Въ началѣ октября

того же года въ казанскомъ университетѣ обнаружилсь (вскорѣ послѣ событій въ петербургскомъ и московскомъ университетахъ и въ связи съ ними) безпорядки. слѣдствиемъ которыхъ былъ двухмѣсячный перерывъ лекцій. Вслѣдствие сбора студентовъ въ квартирѣ инспектора и „скопа у исправляющаго должность попечителя“, по требованію совѣта, наложено было начальникомъ губерніи, съ разрѣшеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, формальное слѣдствіе надъ участниками. Съ своей стороны университетъ сдѣлалъ тоже разслѣдованіе о томъ, кто изъ числа всѣхъ студентовъ участвовалъ въ скопахъ. Университетская комиссія донесла о результатахъ дознанія и назвала имена участвовавшихъ въ безпорядкахъ. Тогда совѣтъ университета въ засѣданіи 21-го октября опредѣлили исключить всѣхъ участвовавшихъ въ скопахъ изъ университета, съ тѣмъ, что они могутъ быть приняты черезъ годъ въ университетъ, если по слѣдствію, произведенному особою слѣдственной комиссіей, эти лица не окажутся особенно виновными и если по свѣдѣніямъ, доставленнымъ совѣту, ихъ поведение въ теченіе года не будетъ предосудительно. Каковое опредѣленіе совѣта 9-го ноября того же 1861 года удостоилось Высочайшаго утвержденія съ тѣмъ, чтобы подвергнушіеся оному и не имѣющіе въ Казани родителей, ни родственниковъ были удалены изъ города, а имѣющіе отданы имъ на поруку. Въ числѣ исключенныхъ былъ студентъ 1-го курса юридическаго факультета и разряда Дмитрій Каракозовъ, который, по распоряженію полиціи, былъ высланъ изъ Казани тогда же. Результаты слѣдственной комиссіи, назначенной начальникомъ губерніи, сдѣлались извѣстны совѣту университета только черезъ годъ: при предложеніи 5-го октября 1862 г. присланы въ совѣтъ университета два слѣдственные дѣла о безпорядкахъ, произведенныхъ студентами въ 1861 году. Здѣсь находились подлинныя показанія всѣхъ участвовавшихъ въ безпорядкахъ лицъ, и по этимъ показаніямъ, опредѣлявшимся степень участія каждого въ безпорядкахъ, или степень особаго упорства въ духѣ неизвинительнаго своеволія, совѣтъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 11-го августа 1862 г., долженъ былъ виновныхъ раздѣлить на три категоріи: главные виновники должны быть подвергнуты совершенному исключенію, менѣе виновные, но рѣзко оправдывающіе поведение студентовъ 8-го октября, должны быть исключены еще на годъ, а остальные, не исключенные изъ университета, оставлены подъ дѣйствіемъ Высочайшихъ повелѣній 10-го декабря 1849 г. и 9 ноября 1861 г. При разсмотрѣніи дѣла въ чрезвычайномъ, особо для сего назначенномъ, засѣданіи совѣта разсматривалось слѣдственное студентское дѣло. Въ засѣданіи 13-го октября читались отдѣльно каждое показаніе и затѣмъ, по окончаніи чтенія cadaго показанія, предсѣдатель присутствія отбиралъ отдѣльно отъ cadaго члена голоса о томъ, къ какой категоріи причислить виновнаго. На основаніи показаній, данныхъ слѣдственной комиссіей, Каракозовъ Дмитрій былъ причисленъ къ третьей категоріи. Это опредѣленіе совѣта было, однако, неокончательное: оно представлялось черезъ попечителя округа министру народнаго просвѣщенія, который въ предложеніи 13-го марта уже 1863 года за № 2907 утвердилъ опредѣленіе совѣта, причемъ было обращено вниманіе совѣта на то, что принятіе cadaго изъ причисленныхъ къ 3 категоріи должно происходить не иначе, какъ по особому разрѣшенію совѣта, о чемъ послѣдній входилъ съ представленіями попечителю. Обратимся къ Каракозову. Каракозовъ, по поступленіи вновь въ университетъ, прислалъ прошеніе по почтѣ 4-го августа 1862 г. Это прошеніе вмѣстѣ съ другими, поданными въ теченіе вакаціи, было доложено въ засѣданіи 22 августа того же года (причемъ также было доложено, что документовъ отъ Каракозова не прислано). Совѣтъ опредѣлилъ: объявить подавшимъ прошеніе молодымъ людямъ, что срокъ, на который они исключены, еще не кончился, потому совѣтъ не можетъ ничего постановить по ихъ прошеніямъ. Затѣмъ, когда получено было распоряженіе министра народнаго просвѣщенія объ утвержденіи постановленія совѣта относительно распредѣленія на категоріи, то совѣтъ университета снова разсматривалъ въ засѣданіи 13-го апрѣля 1863 г. всѣ прежде поданныя прошенія и, имѣя въ виду, что у Каракозова нѣтъ свидѣтельства о поведеніи за время его пребыванія въ университетѣ, въ приемѣ его въ студенты отказалъ, и только тогда, когда сердобскій уѣздный исправникъ, при отношеніи 10-го августа за № 204, доставилъ законное свидѣтельство за № 205 о томъ, „что во время проживанія Каракозова въ Сердобскомъ уѣздѣ, въ родовомъ имѣніи его сельцѣ Жмакинѣ, въ домѣ родителей, онъ, Каракозовъ, велъ себя хорошо и ни въ какихъ дурныхъ поступкахъ замѣченъ не былъ“, совѣтъ 9-го сентября того же 1863 г. ходатайствовалъ предъ управляющимъ Казанскимъ учебнымъ округомъ о принятіи Каракозова въ числѣ другихъ въ студенты, о чемъ 27-го сентября послѣдовало разрѣшеніе. Вотъ на какихъ основаніяхъ былъ принятъ вновь въ студенты университета Каракозовъ. Зачисленный такимъ образомъ въ студенты того же 1-го курса и разряда юридическихъ наукъ, Каракозовъ пробылъ до конца 1863—1864 учебнаго года, когда выдержалъ испытаніе въ 2-й курсъ и по своему прошенію 29-го сентября 1864 года перешелъ въ студенты московскаго университета.

Вѣдомости С.-Петербургской Городской полиціи ¹⁾.

(7 іюня. № 121.)

8-го сего іюня въ 8 часовъ утра назначено публичное объявленіе на Мытнинской площади, въ Рождественской части, дворянину Юрію Мосолову Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, которымъ опредѣлено: Мосолова, за пособничество къ тайному политическому обществу, имѣвшему цѣлью измѣненіе существующаго въ Россіи образа правленія, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе.

Вѣдомости С.-Петербургской Городской Полиціи.

(8 іюня. № 122.)

9-го сего іюня въ 8 часовъ утра назначено публичное объявленіе на Мытнинской площади, въ Рождественской части, дворянину Николаю Шатилову Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, которымъ опредѣлено: Шатилова за пособничество къ приведенію въ исполненіе преступныхъ намѣреній тайнаго политическаго общества, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе.

Вѣдомости С.-Петербургской Городской Полиціи.

(9 іюня. № 123.)

10-го сего іюня въ 8 часовъ утра назначено публичное объявленіе на Мытнинской площади, въ Рождественской части, лекарю Петру Лебединскому Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, которымъ опредѣлено: Лебединскаго, за пособничество къ приведенію въ исполненіе преступныхъ намѣреній тайнаго политическаго общества, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе.

Сѣверная Почта.

(2 іюля. № 142.)

Указъ Правительствующему Сенату.

Усмотрѣвъ изъ Всеподданнѣйшаго донесенія предсѣдателя особо учрежденной Намъ слѣдственной Коммиссіи, члена Государственнаго Совѣта, генерала отъ инфантерій графа Муравьева, что произведеннымъ сею коммиссіею изслѣдованіемъ обнаружены въ разныхъ мѣстахъ Имперіи преступныя замыслы противъ Верховной Власти и установленнаго законами образа Правленія, Мы повелѣли учредить, для разсмотрѣнія слѣдственнаго по сему предмету дѣла и постановленія окончательнаго по оному приговора, верховный уголовный судъ, на основаніи ст. 1062-й устава уголовного судопроизводства 20-го ноября 1864 года, подъ предсѣдательствомъ вице-предсѣдателя Государственнаго Совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Князя Гагарина.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащее къ исполненію сего распоряженіе.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:
„Александръ“.

Въ Царскомъ Селѣ 28-го Іюня 1866 года.

Сѣверная Почта.

(2 августа. № 166.)

Въ № 77 „Сѣверной Почты“ (13-го апрѣля) вслѣдъ за первымъ извѣстіемъ о злодѣйскомъ покушеніи на жизнь Государя Императора и назначеніи предсѣдателемъ слѣдственной коммиссіи графа М. Н. Муравьева, сообщены были свѣдѣнія, полученныя коммиссіею о личности преступника, и сказано было, что для открытія его соучастниковъ и связей ихъ съ другими злоумышленниками, стремящимися къ ниспроверженію государственнаго порядка, дальнѣйшее разслѣдованіе продолжается. Несмотря на востановленіе упорства и продолжительное заирательство подвергшихся болѣе или менѣе сильному подозрѣнію въ преступныхъ замыслахъ, коммиссія въ теченіе 2½ мѣсячныхъ усиленныхъ трудовъ, обнаружила сообщниковъ злодѣя и привела въ ясность, какъ намѣренія и дѣйствія злоумышленниковъ, предшествовавшія преступленію, такъ и вліяніе заграничныхъ революціонныхъ обществъ и связи ихъ съ польской пропагандой ²⁾.

¹⁾ Никакихъ другихъ официальныхъ сообщеній по дѣлу Мосолова, Шатилова и Лебединскаго не было. Редакторъ.

²⁾ Въ отношеніи упорства и заирательства привлеченныхъ къ дѣлу лицъ, слѣдствіемъ обнаружено, что на одной изъ сходовъ, бывшей въ концѣ Великаго поста

Занятія слѣдственной комиссіи, въ отношеніи къ преступнику Каракозову и главнымъ и ближайшимъ его сообщникамъ, уже оконченны, и Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату 28-го Іюня учрежденъ верховный уголовный судъ на основаніи 1062 ст. уст. уголовного судопроизводства 20-го ноября 1864 года. Нынѣ признается возможнымъ передать во всеобщее свѣдѣніе слѣдующія извѣстія объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ неслыханное въ Россіи преступленіе—покушеніе на цареубійство. Имена соучастниковъ Каракозова сдѣлаются извѣстными въ свое время. Преступникъ, при первоначальныхъ допросахъ, упорно скрывалъ свое имя, фамилію и состояніе, называя себя крестьяниномъ Алексѣемъ Петровымъ, уроженцемъ южныхъ губерній, и вообще давалъ ложныя показанія относительно своей личности и мѣстопребыванія; въ клиникѣ же петербургской медико-хирургической академіи, въ которую онъ часто приходилъ за медицинскими пособіями, онъ называлъ себя Дмитріемъ Владимировымъ. Наконецъ, было открыто, что онъ Дмитрій Владиміровъ Каракозовъ, 24 лѣтъ, что отецъ его незначительный помѣщикъ Саратовской губерніи, Сердобскаго уѣзда, не утвержденный въ дворянскомъ достоинствѣ, что онъ имѣетъ родныхъ братьевъ и сестеръ, обучался первоначально въ Пензенской гимназій, поступилъ въ 1861 году въ Казанскій университетъ, откуда за участіе въ беспорядкахъ между студентами былъ вскорѣ исключенъ, но въ 1863 г. снова принятъ въ студенты того-же университета, а осенью 1864 г. перешелъ въ Московскій университетъ, откуда исключенъ лѣтомъ 1865 г. за неважное студентской платы.

Живя въ Москвѣ, Каракозовъ принадлежалъ къ образовавшемуся тамъ тайному обществу, преимущественно изъ вольнослушателей университета, Петровской земледѣльской академіи, нѣкоторыхъ студентовъ, гимназистовъ и иныхъ лицъ¹⁾. Общество это существовало за нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ разныхъ формахъ и кружкахъ, въ концѣ 1865 г. приняло общее названіе „Организація“ и поставило себѣ цѣлью распространять социалистическое ученіе, разрушать начала общественной нравственности, колебать вѣру въ основы религіи и путемъ революціи испровергнуть существующій порядокъ въ государствѣ.

Средствами для сего должны были служить: а) Пропаганда между сельскимъ населеніемъ, съ объявленіемъ, что земля составляетъ собственность всего народа. б) Возбужденіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, дворянства и вообще противъ властей. в) Устройство разныхъ школъ, артелей, мастерскихъ, переплетныхъ, швейныхъ и иныхъ ассоціацій, дабы посредствомъ ихъ сблизиться съ народомъ и внушить ему зловредныя ученія социализма. г) Заведеніе въ провинціяхъ библиотекъ, бесплатныхъ школъ и разныхъ обществъ, на началахъ коммунизма, которыя, находясь въ рукахъ членовъ главнаго общества, могли бы удобнѣе привлекать и приготавливать новыхъ членовъ и въ то же время состояли бы въ зависимости отъ центрального общества въ Москвѣ и получили бы отъ него дальнѣйшее направленіе. д) Распространеніе въ народѣ социалистическаго ученія посредствомъ воспитанниковъ семинарій и сельскихъ учителей; и—е) пропаганда по Волгѣ, пользуясь удобствомъ пароходныхъ сообщеній.

Денежныя средства для устройства школъ, библиотекъ и вообще для достиженія цѣлей общества положено было пріобрѣтать чрезъ пожертвованія самихъ членовъ, съ приглашеніемъ къ тому и стороннихъ лицъ, подъ разными благовидными предлогами, которыми прикрывались всѣ повидимому благотворныя и полезныя для народа учрежденія, предполагавшіяся этимъ обществомъ. Въ случаяхъ же надобности допускалось воровство, убійство богатыхъ людей и похищеніе денегъ на почтахъ, въ казначействахъ и т. д.²⁾

Общество подраздѣлялось на разные отдѣлы съ различными наименованіями, какъ-то: „Взаимнаго вспоможенія“, „Переводчиковъ и переводчицъ“, „Поощренія частнаго труда“. Всѣ эти отдѣлы для прикрытія революціонной цѣли главныхъ распорядителей, предполагалось облечь законною формою, испросивъ на утвержденіе правительства. Полагалось устройствомъ бесплатныхъ школъ, швейнъ и библиотекъ,

въ Москвѣ, между названными лицами было положено, въ случаѣ ареста, не дѣлать признанія и при этомъ условлено какъ и что говорить; нѣкоторые же изъ главныхъ и ближайшихъ сообщниковъ преступленія согласились между собою записаться ядомъ стрихниномъ, для отравленія себя, если-бы отъ нихъ при допросахъ стали вымогать признаніе. Впослѣдствіи, признаваясь въ этомъ, упомянутыя лица возвратили бывшій при нихъ ядъ, всыпанный въ маленькія пуговицы, заклеенныя воскомъ въ волоса.

Прим. „Сѣв. Почты“.

¹⁾ Главный распорядитель этого общества, двоюродный братъ Каракозова, былъ членомъ извѣстнаго по своимъ прокламаціямъ въ 62 и въ началѣ 63 года тайнаго общества „Земля и Воля“.

²⁾ Былъ даже случай, что сынъ былъ подговоренъ къ отравленію отца ядомъ для полученія наслѣдства и обращенія его въ пользу сказаннаго революціоннаго общества.

Прим. „Сѣв. Поч.“.

объединять свои мысли, сближаться съ различными кружками университета и иных учебных заведений и вообще привлекать въ общество разныхъ лицъ. Независимо отъ сего означенное общество стремилось входить въ ближайшія сношенія съ социалистическими кружками и дѣятелями въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ Имперіи, которые поддерживались съ одной стороны направленіемъ преподаванія значительной части учебныхъ заведеній, а съ другой большею частью журналистики, которая явно распространяла идеи социализма и, такъ называемаго, нигилизма съ возбужденіемъ общественнаго мнѣнія противъ правительственной власти и государственнаго управленія. Это разрушительное направленіе мыслей и ученія между молодыми поколѣніемъ поддерживалось также заграничною революціонною прессою, находившею средства распространяться даже среди учебныхъ заведеній. Многие изъ молодыхъ людей, отправившихся за границу съ научною цѣлю, входили тамъ въ сношенія съ агентами революціонныхъ обществъ и болѣе другихъ заражались социалистическимъ направленіемъ, которое этимъ путемъ распространялось безвозвратно среди молодого нашего поколѣнія. Чтобы скрыть предъ правительствомъ цѣль зловредной пропаганды, въ особенности въ дѣлѣ народнаго образованія, сдѣланными предметомъ усиленнаго стремленія молодого поколѣнія — „консерватизмъ въ словахъ и прогрессъ въ дѣлѣ“, по словамъ одного изъ сихъ дѣятелей, „должны быть лозунгомъ друзей русской гражданности, ихъ тайною заповѣдью, скрытою отъ глазъ непосвященныхъ. Не стараться явно противодействовать устройству контроля со стороны правительства надъ дѣйствіями общества, а стараться воспользоваться имъ для своей цѣли, замѣстивъ должности надзорщиковъ людьми изъ своей партіи“.

Лица, составившія вышеупомянутое общество, подъ названіемъ „Организациі“, имѣли два направленія: одни стремились, посредствомъ социалистической пропаганды и сближенія съ народомъ, постепенно достигать переворота въ государствѣ съ испроверженіемъ законнаго правительства; другіе желали скорѣе достигнуть цѣли и произвести революцію, для чего признавали пужнымъ, рано или поздно, прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ — царевубійству. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ Каракозовъ, который предполагалъ безотлагательно исполнить такое страшное преступленіе.

Мысль о царевубійствѣ и вообще о приступѣ къ крайнимъ мѣрамъ возродилась, по возвращеніи изъ Петербурга въ Москву одного изъ главныхъ руководителей московскихъ социалистическихъ кружковъ¹⁾, который имѣлъ въ Петербургѣ близкія сношенія съ однимъ извѣстнымъ по своимъ социалистическимъ мнѣніямъ и революціонному направленію лицомъ, ѣздившимъ лѣтомъ 1865 г. за границу и только что возвратившимся изъ Швейцаріи. Упомянутый родственникъ Каракозова тогда же сообщилъ своимъ товарищамъ о существованіи за границей европейскаго революціоннаго комитета съ цѣлюю царевубійствъ и о готовности этого комитета оружіемъ и разными иными способами помогать революціи въ Россіи, и высказалъ мысль о необходимости учрежденія въ Москвѣ съ тою же цѣлюю особаго тайнаго кружка. Члены этого кружка, называемаго „Адомъ“, принимали на себя гнусную обязанность убійства вообще, угрожая имъ и всѣмъ другимъ членамъ „Организациі“, которые бы не выполнили возложенныхъ на нихъ обязанностей. Относительно же Царевубійства было положено: что одинъ изъ членовъ назначается для исполненія этого страшнаго преступленія, имѣя при себѣ ядъ и прокламацію, которая объяснила бы народу причины убійства и цѣль предполагаемаго въ государствѣ переворота. Злодѣй обязанъ быть, отдѣлившись отъ общества, совершенно уединиться, предаться разврату и всевозможнымъ порокамъ, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ какихъ-либо политическихъ замыслахъ, и въ сихъ видахъ дѣлать даже на другихъ доносы: когда же онъ усмѣетъ совершить задуманное злодѣяніе, то онъ долженъ былъ немедленно отравиться ядомъ, которымъ былъ для сего снабженъ. При этомъ предполагалось, что находившаяся при немъ прокламація сдѣлается извѣстною народу. Цѣль царевубійства заключалась въ томъ, чтобы, исполнивъ это, произвести общее волненіе и революцію въ государствѣ. Предложеніе объ устройствѣ упомянутаго кружка подъ названіемъ „Адъ“ было обсуждаемо въ средѣ нѣсколькихъ членовъ „Организациі“²⁾; въ которыхъ изъ нихъ находили мысль о царевубійствѣ рано временною и несбыточною; Каракозовъ же, будучи, по отзывамъ товарищей, всегда молчаливымъ и сосредоточеннымъ, сочувствовалъ злодѣйскому замыслу и желая его исполнить, на первой пѣтлѣ прошлаго Великаго поста отправился въ Петербургъ, гдѣ и былъ въ сношеніяхъ съ вышеупомянутымъ революціоннымъ агентомъ московскихъ кружковъ. Послѣдній особенно былъ извѣстенъ изданіемъ книгъ для народнаго чтенія, въ коихъ проводились самыя зловредныя мысли съ цѣлюю развратить молодое поколѣніе, и состоялъ въ сношеніяхъ съ социалистическимъ кружкомъ крайняго нигилиста Нодкина (умер-

¹⁾ Двоюродный братъ Каракозова.

²⁾ Для общества „Организациія“, а также для другихъ обществъ подъ различными наименованіями, членами московскаго кружка были написаны уставы, переданы, передъ арестованіемъ главныхъ участниковъ, другимъ членамъ и ими уничтожены.

шаго въ апрѣлѣ сего года), который находился въ связяхъ и перенискѣ съ заграничными агитаторами. Тотъ же вышеупомянутый агентъ возымѣлъ мысль освободить отъ каторжной работы государственнаго преступника Чернышевскаго для того, чтобы онъ издавалъ въ Женевѣ журналъ, въ видахъ содѣйствія предполагасемому въ Россіи государственному перевороту. Мысль эта была передана въ Петербургѣ упомянутому руководителю московскихъ социалистическихъ кружковъ, двоюродному брату Каракозова, пріѣзжавшему туда изъ Москвы, одновременно съ другими лицами, для осуществленія особаго своего предположенія объ устройствѣ на началахъ коммунизма рабочихъ мальцовскихъ заводовъ, которые былыми возбуждаемы къ неовиновешію владѣльцу. Для приведенія въ исполненіе мысли объ освобожденіи Чернышевскаго, московскимъ кружкомъ былъ назначенъ къ побѣдкѣ въ Сибирь одинъ изъ его членовъ. Онъ былъ снабженъ въ Петербургѣ упомянутымъ агентомъ фальшивыми паспортами, наркотическими веществами для усыпленія стражи и ядомъ для отравленія себя, въ случаѣ неудачи, а также рекомендательными письмами къ разнымъ лицамъ въ западной и восточной Сибири, изъ числа ссыльныхъ поляковъ, съ которыми онъ, какъ видно, былъ въ сношеніяхъ съ политической цѣлію. Сверхъ того, тотъ же агентъ, чрезъ посылку въ Москву въ Іюль 1865 г. своего единомышленника, поручилъ московскому кружку стараться освободить пересылавашагося чрезъ Москву въ Сибирь государственнаго преступника Серно-Соловьевича. Тотъ же кружокъ содѣйствовалъ въ 1864 г. по дѣлу изъ Москвы пересылавашагося въ каторжную работу политическаго изъ поляковъ преступника, Домбровскаго.

Прібывъ на первой недѣлѣ Великаго поста въ Петербургъ, безъ всякаго вида, Каракозовъ проживалъ здѣсь въ разныхъ гостиницахъ, частныхъ квартирахъ и у одного медика, который въ теченіе четырехъ дней давалъ ему пріютъ и столъ, зная, что онъ безъ паспорта, и входилъ съ нимъ въ разговоры о распространеніи въ народѣ социализма. Каракозовъ показываетъ, что онъ узналъ отъ того же медика о существованіи въ Петербургѣ разныхъ социалистическихъ кружковъ съ политической цѣлію. Слѣдствіемъ обнаружено, что этотъ медикъ и въ послѣднее пребываніе Каракозова въ Петербургѣ на Святой недѣлѣ, предъ совершеннымъ имъ преступнымъ покушеніемъ, видѣлся съ нимъ неоднократно и даже допустилъ его провестъ у себя въ клиникѣ на дежурствѣ. Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Каракозовъ распространилъ написанную имъ прокламацію „Друзьямъ рабочимъ“ между мастерами на заводахъ и другими лицами, велъ развратную жизнь, ходилъ по трактирамъ и портернямъ. Между тѣмъ нѣкоторые члены московскаго тайнаго кружка „Адъ“, зная направленіе мыслей Каракозова на совершеніе преступленія и вмѣстѣ съ тѣмъ опасаясь, чтобы неосторожными его дѣйствіями въ Петербургѣ они не были обнаружены, двое изъ нихъ, на четвертой недѣлѣ поста, отправились въ Петербургъ для отысканія Каракозова и чтобы увезти его въ Москву. Это тѣмъ болѣе считалось нѣкоторыми необходимымъ, что одни либо отвергали царубійство, либо находили оное раовременнымъ, пока народъ еще не приговоренъ къ принятію революціонныхъ идей. Для скорѣйшаго же распространенія сихъ идей многіе изъ нихъ предполагали весной 1866 года отправиться въ разныя губерніи для пропаганды ¹⁾. Каракозовъ былъ отысканъ посланными на набережной около Зимняго Дворца, въ крестьянской одеждѣ, приглашенъ въ гостиницу, гдѣ былъ уговариваемъ оставить свое намѣреніе и возвратиться въ Москву, Каракозовъ переночевалъ съ двумя означенными товарищами, рассказалъ имъ въ общихъ выраженіяхъ о своихъ здѣсь сношеніяхъ и далъ слово прійти въ Москву. Товарищи его, пробивъ въ Петербургѣ три дня, возвратились въ Москву, и Каракозовъ остался въ Петербургѣ до конца Великаго поста, когда получилъ отъ двоюроднаго своего брата (главнаго распорядителя московскихъ кружковъ), подъ прямымъ влияніемъ котораго онъ постоянно находился, письмо съ приглашеніемъ прійти въ Москву. Каракозовъ отправился туда въ пятницу на Страстной недѣлѣ, но въ среду на Святой онъ внезапно снова уѣхалъ въ Петербургъ, остановился въ знаменитой гостиницѣ, посѣщалъ вышеупомянутыхъ медика и издателя книгъ для народнаго чтенія; отъ послѣдняго получилъ деньги на разныя надобности и, какъ увѣряетъ, сообщилъ ему о рѣшительномъ своемъ намѣреніи совершить преступленіе. Здѣсь онъ купилъ у одного оружейника пули, а порохъ приобрѣлъ въ субботу на Святой недѣлѣ изъ лабораторіи; пистолетъ же привезенъ имъ изъ Москвы. Многіе изъ участниковъ московскаго общества „Организация“ и такъ называемаго „Ада“ сдѣлали подробныя указанія на сообщниковъ своихъ, какъ въ Москвѣ, такъ въ другихъ мѣстностяхъ. Или также указали въ Москвѣ нѣкоторыя лица польскаго происхожденія, бывшія съ ними въ сношеніяхъ и снабжавшія ихъ ядомъ. Независимо отъ сего обнаружены и арестанты еще и другіе польскіе дѣятели въ обихъ столицахъ, состоявшіе въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми мѣстными злоумышленниками. Дѣятельность сихъ лицъ, по сознанию нѣкоторыхъ изъ нихъ, заключалась въ содѣйствіи къ побѣгу

¹⁾ Губерніи эти были слѣдующія: Нижегородская, Калужская, Пензенская, Саратовская, Самарская, Казанская, Пермская, Вятская, Харьковская и другія.

Прим. „Сѣв. почты“.

и укрывательствѣ политическихъ преступниковъ: Држеховскаго, Домбровскаго, Вершицкаго, Юндзилла и другихъ; въ сборѣ пересылаемымъ преступникамъ изъ поляковъ денегъ; ввозѣ изъ за границы и разбѣи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ для снабженія деньгами польскихъ эмигрантовъ. Кромѣ сего нѣкоторые показываютъ, что въ Москваѣ была учреждена въ сихъ видахъ польская агентура подъ названіемъ „Narodowa Opiekа“.

Изъ дальнѣйшаго раскрытія дѣла, коммиссія вынуждена была прибѣгать къ осмотру бумагъ лицъ завѣдомо неблагонадежныхъ, и этимъ путемъ обнаружены другіе вредные дѣятели, въ числѣ коихъ находятся нѣкоторые учредители разныхъ неразрѣшенныхъ правительствомъ обществъ, безплатныхъ школъ, читаленъ, артелей и т. п. ассоціацій. Значительная часть изъ участниковъ въ вышеупомянутыхъ преступныхъ замыслахъ, сознавая чистосердечно въ оныхъ, нѣкоторые, раскаяваясь въ своихъ заблужденіяхъ, высказываютъ откровенно, что они были вовлечены въ социалистическія и противоправительственные стремленія, кромѣ допущеннаго ослабленія вообще наблюдательной власти, тѣми органами нашей литературы, которые систематически распространяли всевозможныя разрушительныя начала. При незатруднительности приобрѣтенія запрещенныхъ иностранныхъ и русскихъ книгъ, при губительномъ вліяніи вообще революціонной литературы на неопытные и восприимчивые умы молодежи и подъ вліяніемъ воображенія, бредившаго о возможности достигнуть общаго равенства, какъ относительно безграничной личной свободы, такъ и правъ собственности, постепенно извращались всѣ понятія, утрачивалось сознаніе всѣхъ гражданскихъ, правственныхъ и религіозныхъ обязанностей и, наконецъ, задумывался рядъ преступленій, которыя въ своемъ развитіи привели къ злодѣйскому покушенію 4-го апрѣля.

Сѣверная Почта,

(17-го августа. № 177.)

Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ газетъ напечатаны частныя корреспонденціи о возмущеніи ссыльныхъ поляковъ въ Сибири. Сообщенныя корреспондентами свѣдѣнія почти совершенно лишены основанія. Такъ, говорилось, что число возмутившихся простиралось до тысячи человекъ, тогда какъ ихъ было съ небольшимъ семьсотъ; что они губили до полусмерти начальника рабочей команды подполковника Шаца и перебили команду, чего не было вовсе, что бунты произведены во многихъ мѣстахъ, тогда такъ это случилось только на кругобайкальской дорогѣ и т. д. Кромѣ того въ корреспонденціяхъ допущены разныя, ни на чемъ неоснованныя предложенія о цѣли возмущенія, которая едва-ли можетъ быть кому-либо извѣстна, прежде чѣмъ не раскроется слѣдствіемъ и судомъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(2-го сентября. № 70.)

Приговоръ верховнаго уголовнаго суда.

1866 года 31 августа. По указу Его Императорскаго Величества, верховный уголовный судъ въ слѣдующемъ составѣ: предѣдатель князь Гагаринъ, члены: Его Императорское Высочество Принцъ Ольденбургскій, графъ Панинъ, Мѣтлинъ, Башуцкій и Карніолинъ-Пинскій, при министрѣ юстиціи Замятинѣ и секретарѣ Есиповичѣ, разсматривалъ дѣло о подсудимомъ, именуемомъ дворяниномъ, не утвержденномъ въ дворянствѣ Правительствующимъ Сенатомъ, Дмитріѣ Владиміровѣ Каракозовѣ, 25-ти лѣтъ. Дмитрій Владиміровъ Каракозовъ обвиняется въ покушеніи 4-го апрѣля 1866 года на жизнь священноі особы Государя Императора и въ принадлежности къ тайному революціонному обществу. Въ первомъ изъ сихъ преступленій Каракозовъ сознался, объяснивъ передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, при выдачѣ ему копій съ обвинительнаго акта, что преступленіе его такъ велико, что не можетъ быть оправдано даже тѣмъ болѣзненнымъ нервышъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился въ то время. Унтеръ-офицеры Слѣсарчукъ и Заболотинъ, схватившіе преступника послѣ сдѣланнаго имъ выстрѣла, подтвердили подъ присягою въ верховномъ уголовномъ судѣ, въ присутствіи подсудимаго, что обвиняемый дѣйствительно тотъ человекъ, который сдѣлалъ выстрѣлъ въ священную особу Государя Императора. Затѣмъ, хотя преступникъ, при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла на судѣ, объяснилъ, что это покушеніе сдѣлано имъ въ слѣдствіе крайне болѣзненнаго настроенія духа, по это объясненіе не можетъ служить не только къ оправданію его, но и къ облегченію тяжести совершеннаго имъ преступленія, потому что приводимая имъ причина не изъ числа тѣхъ, по коимъ судьяное не должно быть по словамъ закона, вмѣняемо въ вину (92 ст. улож. о наказаніяхъ), и что независимо отъ того объясненіе оказывается невѣрнымъ, ибо въ описаніи болѣзни Каракозова, составленномъ въ клиникѣ Московскаго университета, засвидѣтельствовано, что во время болѣзни, умственные способности его были нормальны; притомъ въ подсудимомъ, ни до совершенія, ни во время совершенія преступленія, ни во время допросовъ, ни въ продолженіе содержанія его подъ

стражею не обнаружено, никаких принадлежностей болѣзни, которые приводили бы его въ умоиступленіе или безпамятство; напротивъ, всё отъѣты его доказывали, что онъ въ твердой памяти и въ полномъ обладаніи умственныхъ способностей. Продолжительность и послѣдовательность предумышленного преступнаго намѣренія, обнаруженнаго по собственному сознанію преступника въ покупкѣ пистолета и снарядовъ къ оному, въ снабженіи себя ядомъ и распространеніи прокламацій за три недѣли до происшествія, исключаютъ всякую возможность приписывать сіи ненормальнаго состоянію умственныхъ способностей. Что касается обвиненія Каракозова въ принадлежности къ тайному обществу, то слѣдствіемъ положительно раскрыто, что онъ бывалъ на нѣкоторыхъ сходкахъ онаго, гдѣ обыкновенно молчалъ, а если говорилъ, то выражалъ отрывочными фразами крайнія мнѣнія, вслѣдствіе чего, когда двое изъ членовъ упомянутаго общества узнали о первой его поѣздкѣ въ Петербургъ, то тотчасъ же заподозрили его въ намѣреніи совершить цареубійство, и потому немедленно отправились за нимъ въ означенную столицу, уговорили его возвратиться въ Москву и взяли съ него слово, что онъ не совершитъ преступленія. Несмотря однако-жь, на данное имъ обѣщаніе, онъ тайно отъ всѣхъ своихъ товарищей скрылся во второй разъ изъ Москвы въ половинѣ Святой недѣли и 4-го апрѣля совершилъ свое злодѣйское покушеніе. Покушеніе это составляетъ такое тяжкое преступленіе, что значеніе его дальнѣйшимъ судебнымъ слѣдствіемъ о тайныхъ обществахъ, производящимся въ верховномъ уголовномъ судѣ, не можетъ быть ни уменьшено, ни увеличено. Сверхъ того, какъ это покушеніе вполнѣ уже разслѣдовано, то и для раскрытія всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ упомянутымъ тайнымъ обществамъ, не представляется никакой законной причины отлагать произнесеніе приговора надъ государственнымъ преступникомъ Каракозовымъ. По снѣмъ основаніямъ верховный уголовный судъ, приступивъ къ постановленію приговора объ этомъ подсудимомъ, нашелъ что по закону (241 ст. улож. о наказ.) „всякое злоумышленіе и преступное дѣйствіе противъ жизни, здравія или чести Государя Императора и всякій умыселъ свергнуть Его съ престола, лишить свободы и власти верховной, или же ограничить права оной, или учинить священной Особѣ Его какое-либо насиліе подвергаютъ виновныхъ въ томъ: лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни“. Усматривая изъ сего, что преступленіе Каракозова, заключающееся въ покушеніи на жизнь священной особы Государя Императора вполнѣ доказано, что преступленія сего рода по закону подвергаютъ виновныхъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, что въ дѣлѣ не обнаружено никакихъ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину подсудимаго, верховный уголовный судъ опредѣляетъ: именующагося дворяниномъ, но неутвержденнаго въ дворянствѣ Дмитрія Владимірова Каракозова, 25 лѣтъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію черезъ повѣшеніе.

Подлинный подписанъ председателемъ и членами и скрѣпленъ секретаремъ.

Вѣдомости С.-Петербургской Городской Полиціи.

(2 сентября. № 188.)

3-го сентября сего года въ 7 часовъ утра въ С. Петербургѣ на Смоленскомъ полѣ приведенъ будетъ въ исполненіе приговоръ верховнаго уголовного суда, постановленный 31 августа 1866 г. о государственномъ преступникѣ Дмитріѣ Каракозовѣ, осужденномъ за преступное покушеніе на жизнь священной особы Государя Императора къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни чрезъ повѣшеніе.

Сенатскія Вѣдомости.

(6 сентября. № 71.)

Приговоръ Верховнаго Уголовнаго Суда.

1866 года, августа 31-го дня. По указу Его Императорскаго Величества, верховный уголовный судъ, въ слѣдующемъ составѣ: председатель князь Гагаринъ, члены: Его Императорское Высочество Принцъ Ольденбургскій, Графъ Панинъ, Мѣтлицъ, Башуцкій и Карниолинъ-Пинскій, при министрѣ Юстиціи Замятинѣ и секретарѣ Есиновичѣ, разсматривалъ дѣло о подсудимомъ Александрѣ Александровѣ Кобылинѣ и ѣ. Ординаторъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя, Александръ Александровъ Кобылинъ, 23-хъ лѣтъ, не обвиняемый въ принадлежности къ тайнымъ обществамъ, о которыхъ въ настоящее время производится дѣло въ верховномъ уголовномъ судѣ, оговоренъ государственнымъ преступникомъ Каракозовымъ въ знаніи о его намѣреніи совершить покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора, и въ снабженіи его, Каракозова, ядами для обезображенія лица и для отравленія себя послѣ преступленія. Относительно способа и времени полученія ядовъ отъ Кобылина, Каракозовъ далъ три различныхъ показанія: 16-го апрѣля онъ объяснилъ, что яды онъ похитилъ изъ квартиры Кобылина; 12-го іюня, что яды передалъ ему самъ Кобылинъ у себя на квартирѣ, вынувъ изъ кармана, и наконецъ 14-го іюня, что яды Кобылинъ передалъ ему у Дворцоваго моста. Лѣкарь Кобылинъ, отвергая оговоръ

Каракозова, объяснилъ, что онъ бралъ на Святой недѣлѣ яды изъ клиники для производства опыта надъ животными, но Каракозову ихъ не передавалъ. Показаніе Каракозова о томъ, что онъ самъ похитилъ яды изъ квартиры Кобылина, не можетъ служить къ обвиненію Кобылина, показанія же государственнаго преступника о томъ, что Кобылинъ передалъ ему эти яды, по одному его объясненію, у себя дома, а по другому (последнему) у Дворцоваго моста, противорѣча одно другому, ничѣмъ не подтверждены ни на слѣдствіи въ особой коммисіи, ни въ верховномъ уголовномъ судѣ; напротивъ того, вполне обнаружено, что у Каракозова, по объясненію эксперта не было ни одного такого яда, которымъ можно было бы обезобразить лицо и что доказанные на судѣ отношенія Кобылина къ Каракозову состояли въ томъ, что первый лѣчилъ послѣдняго и, несмотря на то, что онъ не имѣлъ паспорта, позволялъ ему, какъ человѣку, объявившему, что у него нѣтъ пристанища, провести въ своей квартирѣ нѣсколько сутокъ, при чемъ Каракозовъ не сообщалъ Кобылину своей настоящей фамилии, а назывался фамиліею Владимірова. Усматривая изъ всего, что оговоръ Кобылина государственнымъ преступникомъ Каракозовымъ въ томъ, что онъ сообщалъ Кобылину о своемъ преступномъ намѣреніи и что Кобылинъ далъ ему яды, на судѣ не доказанъ, и что сношенія Кобылина съ Каракозовымъ не составляютъ государственнаго преступленія, верховный уголовный судъ опредѣляетъ: на основаніи 1 п. 771 ст. уст. уголовного судопроизводства, признавъ обвиненія, взведенныя на Кобылина недоказанными, освободить его отъ суда.

Подлинный подписанъ: предсѣдателемъ и членами и скрѣпленъ секретаремъ.

Рѣшенія кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената.

(13.—1866 года сентября 21-го дня.)

По дѣлу безсрочно-отпускнаго рядового Николая Невѣдомскаго. (Предсѣдательствовали и докладывали дѣло Сенаторъ В. А. Арцимовичъ; заключеніе давалъ Оберъ-Прокуроръ М. Е. Ковалевскій).

Безсрочно-отпускной рядовой Николай Невѣдомскій былъ преданъ суду Московской Судебной Палаты по обвиненію въ произнесеніи имъ 10-го Апрѣля настоящаго года дерзкихъ противъ священной особы Государя Императора словъ, выражавшихъ сочувствіе къ покушенію 4-го Апрѣля. Судебная Палата, основываясь на присяжныхъ показаніяхъ трехъ свидѣтелей и на совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, признала Невѣдомскаго виновнымъ въ означенномъ преступленіи и, руководствуясь 246 и 25 ст. Улож. о наказ., приговорила его къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на 6 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, и затѣмъ, по окончаніи срока работъ, къ поселенію въ Сибирь навсегда. Приговоръ этотъ объявленъ Невѣдомскому 18-го Августа, а 24-го Августа онъ подалъ кассационную жалобу, въ которой объясняетъ, что его защитнику не было дано всѣхъ средствъ доказать его невинность, такъ какъ Предсѣдатель Палаты не предоставилъ ему, вопреки 748-й ст. Уст. Угол. Судопр., права послѣдняго слова; этимъ защитникъ его лишенъ былъ возможности указать суду на очевидную разнорѣчивость въ показаніяхъ свидѣтелей, изъ коихъ одинъ, по собственному сознанію, не имѣлъ понятія о томъ предметѣ, о которомъ показывалъ; кромѣ того свидѣтели не передопрошены и имъ не дано очной ставки (726 ст. Уст. Угол. Суд.), а также не было сдѣлано постановленія о разсмотрѣніи дѣла за неявкой одного изъ свидѣтелей (640 ст. Уст. Угол. Суд.). На этомъ основаніи Невѣдомскій проситъ рѣшеніе Московской Судебной Палаты отменить въ кассационномъ порядкѣ. Изъ представленнаго Судебной Палатой протокола засѣданія ея по дѣлу Невѣдомскаго видно, что по окончаніи судебного слѣдствія прокуроръ произнесъ обвинительную рѣчь, послѣ чего слово было предоставлено защитнику подсудимаго, присяжному повѣренному Соловьеву. По воспомощью довавшимъ затѣмъ возраженіямъ на рѣчь защитника со стороны Прокурора, Предсѣдатель обратился къ подсудимому съ вопросомъ—не имѣетъ ли онъ представить еще что либо въ свое оправданіе, на что подсудимый отвѣчалъ: „Я ничего такого не говорилъ, въ чемъ меня обвиняютъ, и не могъ сказать“. На новый вопросъ Предсѣдателя:—„А болѣе ничего не можете сказать?“—Невѣдомскій отвѣчалъ: „Ничего не могу сказать“. Послѣ этого Предсѣдатель объявилъ пренія по существу дѣла прекращенными и судъ приступилъ къ постановленію вопросовъ. Изъ того же протокола видно, что допросъ свидѣтелей въ судѣ производился безъ очныхъ ставокъ, и что ни одна изъ сторонъ не заявила о необходимости передопроса. Наконецъ по вызовѣ свидѣтелей Предсѣдатель обратился къ сторонамъ съ вопросомъ о томъ, не находятъ ли они прелестствій къ продолженію засѣданія по поводу отсутствія одного свидѣтеля, на что Прокуроръ и защитникъ дали отвѣтъ отрицательный. Выслушавъ заключеніе Оберъ-Прокурора и сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла съ законами, Правительствующій Сенатъ находитъ, что главный вопросъ, подлежащій его разрѣшенію, состоитъ въ томъ: было ли при заключительныхъ преніяхъ по дѣлу Невѣдомскаго

допущено нарушение установленного по этому предмету порядка. По закону заключительныя пренія состоятъ: 1) изъ обвинительной рѣчи прокурора; 2) изъ объясненій гражданского по дѣлу истца и 3) изъ защитительной рѣчи защитника или объясненій самого подсудимаго (Уст. Угол. Суд. ст. 766). По изложеніи защиты подсудимымъ или его защитникомъ, какъ прокуроръ, такъ и гражданскій истецъ могутъ представить свои возраженія, но во всякомъ случаѣ право послѣдняго слова принадлежитъ подсудимому или его защитнику (ст. 748). Послѣ окончательныхъ объясненій защитника, председатель суда спрашиваетъ самого подсудимаго, не можетъ ли онъ представить еще что-либо въ свое оправданіе, и въ случаѣ отрицательнаго отвѣта объявляетъ пренія стороны прекращенными (ст. 749). Изъ буквального смысла вышеизложенныхъ статей закона слѣдуетъ, что заявленіе при заключительныхъ преніяхъ возраженій составляетъ только такое право стороны, которымъ они могутъ воспользоваться, если найдутъ это необходимымъ—прокуроръ въ интересахъ обвинения, и защитникъ въ интересахъ защиты. Нарушеніемъ этого права могъ бы считаться лишь такой случай, если бы немедленно послѣ возраженій обвинителя, до объявленія преній стороны прекращенными, защитникъ подсудимаго изъявилъ желаніе представить и съ своей стороны возраженіе, но председатель суда не дозволилъ бы ему воспользоваться этимъ правомъ, составляющимъ право послѣдняго слова. Но изъ протокола засѣданія по дѣлу Невѣдомскаго видно, что послѣ защитительной рѣчи защитника подсудимаго Прокуроръ представилъ свои возраженія, по окончаніи коихъ подсудимый и защитникъ не заявили о своемъ желаніи воспользоваться предоставленнымъ имъ 748-й ст. Уст. Угол. Суд. правомъ послѣдняго слова, а ожидать вызова со стороны Предсѣдателя они не имѣли никакого основанія. Слѣдовательно жалоба Невѣдомскаго на нарушение 748-й ст. Уст. Угол. Суд. не заслуживаетъ уваженія. Равнымъ образомъ не оказывается нарушенія порядка и въ допросѣ свидѣтелей. По смыслу 726 ст. Уст. Угол. Суд. каждый свидѣтель можетъ быть передопрошенъ въ присутствіи другихъ свидѣтелей или поставленъ съ ними на очную ставку; изъ смысла этой статьи слѣдуетъ, что передопросъ свидѣтелей вовсе не составляетъ обязанности, непремѣннаго исполненія которой законъ требуетъ отъ суда, но составляетъ лишь одно изъ тѣхъ дѣйствій, которыя зависятъ отъ усмотрѣнія суда или отъ заявленія стороны. Изъ протокола видно, что ни судъ не нашелъ нужнымъ передопросить свидѣтелей, и ни одна изъ сторонъ не заявила о необходимости передопроса или очныхъ ставокъ, вслѣдствіе чего неисполненіе этого въ настоящемъ дѣлѣ нельзя считать нарушеніемъ существенной формы судопроизводства. Что касается наконецъ, жалобы, просителя на то, будто бы во время производства судебного слѣдствія судъ не сдѣлалъ особаго постановленія о разсмотрѣніи дѣла за неявку одного изъ свидѣтелей, то жалоба эта опровергается протоколомъ засѣданія, изъ котораго видно, что Предсѣдателемъ Палаты исполнена обязанность, возложенная на него 640-ю ст. Уст. Угол. Суд., при чемъ обѣ стороны изъявили согласіе производить судебное слѣдствіе въ отсутствіи неявившагося свидѣтеля. По всемъ вышеизложеннымъ соображеніямъ, не находя въ производствѣ настоящаго дѣла какихъ-либо нарушеній существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: кассационную жалобу безсрочно-отпускнаго рядового Николая Невѣдомскаго оставить безъ послѣдствій.

Прибавленіе къ № 78-му С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостей.

(Октября 3-го дня 1866 года.)

Приговоръ верховнаго уголовного суда.

1866 года Сентября 24-го дни. По указу Его Императорскаго Величества, Верховный Уголовный Судъ, въ слѣдующемъ составѣ: Предсѣдатель Князь Гагаринъ, Члены: Его Императорское Высочество Принцъ Ольденбургскій, Графъ Панинъ, Мѣльницъ, Ванушкій и Карниолитъ-Пинскій, при Министрѣ Юстиціи Замятинѣ и Секретарѣ Есиповичѣ, разсматривалъ дѣло о лицахъ, преданныхъ суду по обвиненіямъ въ знаніи о преступномъ намѣреніи Каракозова, въ принадлежности къ тайнымъ обществамъ и въ другихъ преступленіяхъ. Суду Верховнаго Уголовнаго Суда преданы 34 человѣка, которые обвиняются: 1) домашній учитель Иванъ Александровъ Худяковъ, 24-хъ лѣтъ, въ способствованіи государственному преступнику Каракозову совершить покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора, снабженіемъ Каракозова деньгами на покупку пистолета, съ знаніемъ о преступномъ его намѣреніи и въ подговорѣ потомственнаго почетнаго гражданина Николая Андреева Ишутина учредить въ Москвѣ тайное революціонное общество съ цѣлю царубійства; 2) потомственный почетный гражданинъ Николай Андреевъ Ишутинъ, 26-ти лѣтъ, въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить царубійство и недовѣденіи о томъ до свѣдѣнія Правительства и въ подстрекательствѣ своихъ товарищей къ основанію тайнаго революціоннаго общества „Адъ“, для произведенія революціи, посредствомъ царубійства; дворяне: 3) Петръ Дмитріевъ Ермоловъ, 20-ти лѣтъ; 4) Николай Пав-

ловъ Странденъ 23-хъ лѣтъ, и 5) Дмитрій Алексѣевъ Юрасовъ 23-хъ лѣтъ, — въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить покушеніе на жизнь Его Императорскаго Величества и въ принадлежности къ тайному обществу „Адъ“; 6) дворянинъ Максиміанъ Николаевъ Загигаловъ 24-хъ лѣтъ; 7) вольноотпущенный дворовый чело-
вѣкъ Осипъ Антоновъ Мотковъ 19-ти лѣтъ; 8) Губернскій Секретарь Вячеславъ Николаевъ Шагаповъ 26-ти лѣтъ, и 9) кандидатъ Московскаго Университета Петръ Федоровъ Николаевъ 22-хъ лѣтъ, — въ принадлежности къ тайному обществу „Адъ“; 10) Чиновникъ X-го класса Орестъ Васильевъ Малининъ 24-хъ лѣтъ; 11) Студентъ Московскаго Университета Дмитрій Львовъ Ивановъ 19-ти лѣтъ; 12) сынъ священника Федоръ Пестровъ Лапкинь 19-ти лѣтъ; 13) дворянинъ Константинъ Федоровъ Кичинъ 22-хъ лѣтъ; 14) сынъ причетника Василій Ивановъ Соболевъ 22-хъ лѣтъ, — въ принадлежности къ тайному революціонному обществу „организация“, которое имѣло цѣлью ниспровергнуть Правительство во всемъ Государствѣ, а также въ знаніи о существованіи другого тайнаго революціоннаго общества „Адъ“ и недонесеніи о семъ Правительству; 15) дворянинъ Александръ Ивановъ Ивановъ 23-хъ лѣтъ; 16) слушатель Петровской Академіи Дмитрій Алексѣевъ Воскресенскій 22-хъ лѣтъ; 17) изъ государственныхъ крестьянъ Феофанъ Алексѣевъ Борисовъ 21-го года; 18) слушатель Петровской Академіи Алексѣй Егоровъ Сергіевскій 20-ти лѣтъ, — въ принадлежности къ тайному обществу „Организация“; 19) Князь Варлаамъ Джонъ Аслановъ Черкезовъ 20-ти лѣтъ, — въ недонесеніи объ извѣстномъ ему публичномъ распространеніи въ школѣ Мусатовскаго ученія, клонящагося къ возбужденію неповиновенія Верховной Власти, въ знаніи о существованіи тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью ниспроверженіе установленнаго законами образа и порядка правленія и недоведенія о томъ до свѣдѣнія Правительства; 20) Дѣйствительный Студентъ Александръ Капитоновъ Маликовъ 27-ми лѣтъ; 21) дворянинъ Николай Яковлевъ Кутыевъ 26-ти лѣтъ; 22) Провизоръ Адольфъ Францовъ Лаунгаузъ 29-ти лѣтъ; 23) слушатель Петровской Академіи Аполлонъ Петровъ Подумордвинъ 21-го года; 24) Мировой Посредникъ Алексѣй Алексѣевъ Бибииковъ 26-ти лѣтъ; 25) Секретарь Козельской Уѣздной Земской Управы Леонидъ Егоровъ Оболенскій 24-хъ лѣтъ; 26) бывший студентъ С.-Петербургскаго Университета Александръ Никольскій 20-ти лѣтъ, и 27) слушатель Петровской Академіи Александръ Вознесенскій 22-хъ лѣтъ, — въ знаніи о существованіи тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью ниспроверженіе Правительства во всемъ Государствѣ и недонесеніи о семъ до свѣдѣнія Правительства; 28) учитель Максиміанъ Осиповъ Марксъ 50-ти лѣтъ, — въ доставленіи средствъ для содѣянія преступленій тайному обществу, имѣвшему цѣлью ниспроверженіе Правительства во всемъ Государствѣ и въ недонесеніи объ укрывательствѣ Маевскимъ польскихъ политическихъ преступниковъ; 29) учитель Московской 3-й Гимназии, Коллежскій Совѣтникъ Константинъ-Болеславъ Даниловъ Трусовъ 33-хъ лѣтъ, — въ томъ, что зная о существованіи тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью провозвести общественный въ Государствѣ переворотъ, не довелъ о томъ до свѣдѣнія Правительства и въ томъ, что способствовалъ этому обществу въ приобрѣтеніи средства для содѣянія задуманнаго преступленія; 30) сынъ чиновника Болеславъ Петровъ Шостаковичъ 22-хъ лѣтъ, — въ укрывательствѣ завѣдомо осужденнаго къ каторж-
нымъ работамъ Ярослава Домбровскаго и въ составленіи для него подложныхъ вид-
овъ; 31) сынъ Титулярнаго Совѣтника, бывший учитель Бронницкаго уѣзднаго учи-
лища, Николай Павловъ Петерсонъ 21-го года, — въ томъ, что зная о преступномъ укрывательствѣ Юрасовымъ и его товарищами бѣлаго государственнаго преступника Домбровскаго, не донесъ о семъ Правительству; 32) Дворянинъ Павелъ Петровъ Маевскій 27-ми лѣтъ: а) въ укрывательствѣ въ Москвѣ и снабженіи для побѣговъ фальшивыми паспортами и деньгами польскихъ политическихъ преступниковъ: Домбровскаго, Оржеховскаго, Ольтарженскаго, Вершицкаго и другихъ; б) въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго революціоннаго общества, имѣвшаго цѣлью ниспровергнуть Правительство во всемъ Государствѣ и недонесеніи о томъ Правительству, и в) въ имѣніи сочиненій возмутительнаго содержанія; 33) дворянинъ Викторъ Александровъ Федосѣевъ 23-хъ лѣтъ, въ томъ, что приобрѣлъ ядъ для отравленія своего отца, съ цѣлью передать наследство послѣ него обществу, и 34) мѣщанинъ Федоръ Афанасьевъ Никифоровъ 24-хъ лѣтъ, — въ изъясненіи на словахъ умысла повторить покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора, и въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго революціоннаго общества, имѣвшаго цѣлью ниспроверженіе Правительства во всемъ Государствѣ и недонесеніи о семъ до свѣдѣнія Правительства.

Судебнымъ слѣдствіемъ обнаружено, что еще въ 1863 году составилъ въ Москвѣ кружокъ изъ молодыхъ людей, зараженныхъ социалистическими идеями; впоследствии эти люди начали дѣлать усилія для распространенія и осуществленія своихъ идей на практикѣ; съ этою цѣлью они начали устраивать школы и различныя ассоціаціи, какъ-то: переплетное заведеніе, пивную, основали общества переводчиковъ и переводчицъ и взаимнаго вспомошествованія, старались для примѣненія своихъ теорій, приобрѣсти ваточную фабрику въ Можайскомъ уѣздѣ и устроить заводъ въ Жидринскомъ уѣздѣ на социальномъ началѣ для рабочихъ Мальцовскаго завода;

нѣкоторые изъ сихъ заведеній и обществъ были уже учреждены безъ разрѣшенія Правительства, а нѣкоторые были, кромѣ того, направлены къ явно преступнымъ цѣлямъ, такъ напр., въ одной школѣ (Мусатовскаго), открытой даже съ разрѣшенія Правительства, преподаваніе различныхъ предметовъ клонилось къ очевидному возбужденію противъ Верховной Власти. Затѣмъ нѣкоторые члены обществъ взаимнаго вспомошествованія, а также переводчиковъ и переводчицъ, задумали организовать свою дѣятельность на опредѣленныхъ началахъ; для этого они стали собираться на сходки, обсуждать различные вопросы и предложенія, составлять и разсматривать проекты уставовъ, и хотя такихъ проектовъ было нѣсколько, но ни одинъ еще не былъ окончательно принятъ; однако-же при этомъ нѣкоторыми изъ участвовавшихъ въ упомянутыхъ сходкахъ были заявляемы цѣли и предлагаемы средства самыя безнравственныя, самыя преступныя: въ числѣ цѣлей заявлялись не только экономическія перевороты, посредствомъ устной и письменной пропаганды, но и социальная революція, дѣлежъ собственности и переворотъ государственный насильственными мѣрами; въ числѣ средствъ предлагались: обворованіе купца чрезъ подставного служителя, ограбленіе почты, заведеніе тайной типографіи, освобожденіе изъ каторжныхъ работъ государственнаго преступника Чернышевскаго, для руководства предполагавшеся революціею и для изданія журнала, такъ какъ романъ этого преступника „Что дѣлать“ имѣлъ на многихъ изъ подсудимыхъ самое гибельное вліяніе, возбуживъ въ нихъ недѣльныя прогибообщественныя идеи, и, наконецъ, предлагалось принять за правило, что цѣль оправдываетъ средства. Большая часть изъ этихъ предложеній не была принята, но по нѣкоторымъ и безъ общаго согласія были дѣлаемы приготовления; такъ Ермоловъ купилъ типографскій шрифтъ, а Странденъ готовился ѣхать въ Сибирь за Чернышевскимъ. Но самыя безнравственныя, самыя тяжкія преступленія были задуманы не на общихъ сходкахъ, а въ совѣщаніяхъ между нѣсколькими лицами; къ числу этихъ преступленій принадлежатъ умыселъ и приготовленія Виктора Фодосѣева отравить своего отца, для передачи наслѣдства послѣ него тайному обществу, въ чемъ ему особенное содѣйствіе оказалъ Николаевъ; и наконецъ, въ небольшомъ кружкѣ были возбуждены разсужденія о томъ, слѣдуетъ-ли, по примѣру Европейскаго революціоннаго комитета, въ числѣ средствъ для произведенія всеобщей революціи доускатъ царевубійства и истребленія правительства вообще. Разсужденія объ этомъ предметѣ были возбуждены Ишутиннымъ, который, возвратившись въ концѣ 1865 года изъ С.-Петербурга, сообщилъ своимъ товарищамъ: Каракозову, Ермолову, Страндену, Юрасову, Загибалову, Шаганову и Моткову свѣдѣнія полученныя имъ отъ Худякова объ упомянутомъ Европейскомъ комитетѣ. Разсужденія между этими лицами по вопросу о царевубійствѣ вообще происходили нѣсколько разъ, но одними были отвергнуты совершенно, а другими были отложены на неопредѣленное время, кромѣ Каракозова, который выразилъ отрывочными фразами полное сочувствіе этимъ преступнымъ предположеніямъ, и несмотря на то, что въ первый разъ во время поѣздки своей въ Петербургъ Великимъ постомъ былъ удержанъ Ермоловымъ и Странденемъ отъ совершения своего преступнаго покушенія, а Ишутиннымъ былъ даже вызванъ изъ Петербурга въ Москву, вторично скрылся изъ Москвы на Святой недѣлѣ и безъ вѣдома своихъ товарищей совершилъ 4 Апрѣля то преступленіе, за которое понесъ уже назначенное въ законѣ наказаніе.

Въ связи съ этими преступленіями раскрыты и дѣйствія нѣкоторыхъ польскихъ агентовъ; относительно которыхъ обнаружено, что между ними и членами „Организаци“ сношенія существовали, что поляки помогали русскимъ въ добычаніи средствъ, необходимыхъ для задуманныхъ ими преступленій, и сами пользовались ихъ помощью преимущественно при освобожденіи поляковъ, осужденныхъ къ каторжнымъ работамъ.

Обращаясь къ опредѣленію вины cadaго изъ поименованныхъ выше подсудимыхъ, Верховный Уголовный Судъ усматриваетъ, что какъ предварительнымъ, такъ и судебнымъ слѣдствіемъ обнаружено, что главными дѣйствующими лицами въ образованіи кружковъ съ преступными цѣлями были: Ишутинъ, Ермоловъ и Странденъ, что Ишутинъ первый возбудилъ разсужденія о Европейскомъ революціонномъ комитетѣ и объ учрежденіи подобнаго ему общества въ Москвѣ, что въ разсужденіяхъ этихъ участвовали, кромѣ означенныхъ трехъ подсудимыхъ, Юрасовъ, Загибаловъ, Шагановъ и Мотковъ, которые всѣ однакоже возражали противъ всякихъ предположеній о царевубійствѣ, и что о намѣреніи Каракозова совершить покушеніе на жизнь Священной Особы Государа Императора великимъ постомъ было извѣстно Ишутину, Ермолову, Страндену и Юрасову; другимъ же подсудимымъ вполнѣ и положительно объ этомъ намѣреніи извѣстно не было. Сверхъ того слѣдствіемъ обнаружено, что Шагановъ составлялъ проектъ устава „Организаци“, въ которомъ было постановлено, между прочимъ, правило, что каждый членъ обязанъ запастись револьверомъ и выучиться стрѣлять; Николаевъ, также составившій проектъ устава, принималъ, послѣ ареста главныхъ основателей „Организаци“, самыя дѣятельныя и наиболѣе преступныя мѣры для поддержанія этого общества, ибо добывалъ рецепты для отравленія отца Фодосѣева; Мотковъ исправлялъ проектъ устава, составленный Ермоловымъ, и хранилъ проектъ, написанный Шагановымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ мѣры для противодѣйствія насильственному перевороту; Юрасовъ и Загибаловъ были чле-

нами общества, имѣвшими полное свѣдѣніе о преступныхъ цѣляхъ его, но невысказавшими никакой особой дѣятельности.

Въ числѣ лицъ, которыя обвинялись въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить его преступное покушеніе, былъ однимъ изъ первыхъ домашній учитель Худяковъ. Послѣ арестованія этого подсудимаго, онъ показалъ 7 Апрѣля, что вовсе не знаетъ Каракозова и что давалъ ему денежныя пособія въ качествѣ бѣднаго человѣка, явившагося къ нему подь именемъ Владимірова; но когда Худяковъ былъ уличенъ въ томъ, что Каракозовъ былъ ему извѣстенъ подь своимъ собственнымъ именемъ, то сознался 13 Апрѣля, что скрылъ его фамилію изъ опасенія, чтобы этотъ человѣкъ не наговорилъ на него или не припуталъ его къ своимъ дѣйствіямъ, изъ желанія свалить какіе-либо ковы на него; затѣмъ слѣдствіемъ обнаружено, что Худяковъ зналъ Каракозова, какъ двоюроднаго брата Ишутина, съ которымъ имѣлъ сношенія по поводу изданія своихъ сочиненій и у котораго занималъ деньги. О первомъ пріѣздѣ Каракозова въ Петербургъ Ишутинъ и Мотковъ узнали отъ Худякова, который, идя съ ними по улицѣ въ Москвѣ, спросилъ Ишутина: „Зачѣмъ Каракозовъ въ Петербургѣ?“ „Какъ, развѣ онъ въ въ Петербургѣ?“ спросилъ Ишутинъ испуганнымъ голосомъ. „Какъ же“, отвѣчалъ Худяковъ, „онъ былъ у меня и просилъ 15 рублей“. Послѣ этого извѣстія Мотковъ, по собственному его показанію, просилъ Худякова слѣдить за Каракозовымъ и если онъ старается скрыть свое пребываніе въ Петербургѣ, изъ чего можно заключить, что онъ дѣйствительно имѣетъ намѣреніе совершить царубійство, то навести на его слѣдъ полицію. Въ половинѣ марта, когда Мотковъ былъ проездомъ въ Петербургѣ, Худяковъ сказалъ ему, какъ Мотковъ показалъ на судебномъ слѣдствіи, что Каракозова еще не видаль, но что Странденъ, пріѣхавшій за нимъ, не скрывается, слѣдовательно Каракозовъ не имѣетъ никакой преступной цѣли. Наконецъ, самъ государственный преступникъ Каракозовъ оговорилъ Худякова въ томъ, что сообщалъ ему на Сампсоньевскомъ мосту и у него дома о своемъ намѣреніи совершить преступленіе и взялъ у него 15 руб. для покупки пистолета, объявивъ, что намѣренъ на дняхъ совершить покушеніе; Худяковъ, по словамъ его, Каракозова, далъ ему, Каракозову, эти деньги, но сказалъ, что отъ этого преступленія нельзя ожидать никакихъ результатовъ. Всѣ эти обстоятельства приводятъ къ заключенію, что хотя дѣйствительно Худяковъ въ началѣ своего ареста скрылъ, что ему извѣстна фамилія Каракозова, но объясненіе его, что это сдѣлано имъ лишь изъ опасенія, чтобы Каракозовъ не припуталъ его напрасно къ своимъ дѣйствіямъ, не можетъ быть отвергнуто безъ другихъ уликъ, и потому это не можетъ служить доказательствомъ, что Худяковъ зналъ о преступномъ намѣреніи Каракозова. Затѣмъ хотя Мотковъ и Ишутинъ о пріѣздѣ Каракозова въ Петербургъ узнали отъ Худякова, но какъ свѣдѣніе объ этомъ пріѣздѣ было передано Худяковымъ на улицѣ, въ обыкновенномъ разговорѣ, въ видѣ вопроса: „зачѣмъ Каракозовъ въ Петербургѣ?“ то очевидно изъ этого не возможно вывести заключенія, что Худяковъ, зная о пріѣздѣ Каракозова въ Петербургъ, зналъ и о цѣли его пріѣзда. Далѣе, хотя Мотковъ утверждаетъ, что просилъ Худякова слѣдить за Каракозовымъ, но оговорка, сдѣланная имъ самимъ, чтобы навести на слѣдъ Каракозова полицію въ такомъ случаѣ, когда онъ старается скрыть свое пребываніе въ Петербургѣ,—освобождаетъ Худякова отъ обвиненія въ преднамѣренномъ неисполненіи этой просьбы Моткова, такъ какъ ни Каракозовъ, ни Странденъ, пріѣхавшій за нимъ, не скрывались, и слѣдовательно, не могли возбудить въ Худяковѣ опасенія, что первый изъ нихъ пріѣхалъ для совершения преступления. Независимо отъ сего Худяковъ, въ томъ, что Мотковъ сообщалъ ему о своихъ опасеніяхъ относительно намѣренія Каракозова, не сознался и не изобличенъ. Наконецъ, оговоръ государственнаго преступника Каракозова, не подтвердившійся никакими другими уликами, опровергается самыми обстоятельствами дѣла, потому что, хотя Каракозовъ показалъ, что деньги на покупку пистолета далъ ему Худяковъ, но изъ дѣла видно, что пистолетъ былъ имъ купленъ еще въ Москвѣ. По всемъ этимъ изображеніямъ Худяковъ не можетъ быть признанъ уличеннымъ ни въ знаніи о намѣреніи Каракозова, ни въ содѣйствіи ему для приведенія этого намѣренія въ исполненіе. Затѣмъ, хотя Худяковъ, не сознался въ томъ, что свѣдѣнія о Европейскомъ революціонномъ комитетѣ сообщены Ишутину имъ; но это обстоятельство подтверждается, какъ показаніями Ишутина, такъ и другими лицъ, которымъ послѣдній тогда же говорилъ, что свѣдѣнія о революціонномъ Европейскомъ комитетѣ сообщены ему Худяковымъ; при чемъ хотя Ишутинъ оговорилъ сначала Худякова, что онъ убѣждалъ его основать подобное же революціонное общество въ Москвѣ, но этотъ оговоръ имъ не доказанъ и онъ впоследствии показалъ, что мысль объ „Адѣ“ принадлежитъ ему самому; не подлежитъ однако же сомнѣнію, что Худяковъ зналъ о существованіи въ Москвѣ революціоннаго общества, имѣвшаго цѣлью государственный переворотъ, ибо въ знаніи объ этомъ онъ уличается не только оговоромъ Ишутина и показаніями Моткова; но и частыми сношеніями его, Худякова, съ членами „Организации“ и съ лицами разсуждавшими объ основаніи другого преступнаго общества.

Подсудимые Малининъ, Дмитрій Ивановъ, Лапкинъ и Александръ Ивановъ принадлежали къ числу членовъ общества „организация“, имѣвшихъ свѣдѣніе о про-

тивозаконныхъ цѣляхъ и предложеніяхъ онаго, какъ это доказывается тѣмъ, что нѣкоторыя изъ преступныхъ предложеній на сходкахъ были оспариваемы и нѣкоторыя изъ противозаконныхъ предпріятій были остановлены именно этими подсудимыми, напримѣръ, предложеніе объ ограбленіи почты было оспариваемо Александромъ Ивановымъ; шрифтъ, купленный Ермоловымъ, былъ уничтоженъ Ивановымъ; затѣмъ, Малининъ, Ивановы и Лапкинъ старались вообще разстроить „Организацію“, препятствовали ея сходкамъ и образовывали кружокъ, ей враждебный, имѣвшій цѣлью социальную пропаганду, безъ насильственного переворота въ Государствѣ. Что касается обвиненія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ знаніи о разговорахъ относительно образованія болѣе преступнаго общества „Адъ“, то судебнымъ слѣдствиемъ доказано, что имъ были извѣстны только разказы Моткова относительно образованія этого общества, и что они, имѣя намѣреніе противодѣйствовать этому обществу и даже донести на него, не успѣли еще убѣдиться, дѣйствительно ли предположено основать его.

Подсудимые Кичинъ, Соболевъ, Сергіевскій, Борисовъ, Воскресенскій, Кутыевъ, Полумордвиновъ и Князь Черкесовъ, хотя также принадлежали къ числу членовъ „Организаціи“, кромѣ Князя Черкесова, который зналъ только о существованіи этого общества, но никто изъ нихъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о цѣляхъ и предложеніяхъ общества, на сходкахъ котораго они бывали рѣдко и не могли себѣ составить понятія даже о томъ, что такое социализмъ, нигилизмъ и коммунизмъ. Будучи вовлечены въ это общество главными его членами подъ благовиднымъ предлогомъ учрежденія общества взаимнаго вспомошествованія, для котораго предполагалось испросить разрѣшеніе правительства, они, вступая въ это общество, имѣли въ виду только обѣщанное имъ облегченіе своей крайней нищеты и убѣжденіе, что безъ посторонней помощи, они не могутъ кончить образованія, которое одно могло обезпечить ихъ будущность. Затѣмъ, хотя Князь Черкесовъ обвиняется въ недонесеніи о противозаконномъ преподаваніи ученія въ школѣ Мусатовскаго, но на судебномъ слѣдствіи обнаружено, что свѣдѣнія объ этомъ преподаваніи онъ имѣлъ только по слухамъ.

Вознесенскій вовсе не былъ членомъ общества „Организація“, а названъ въ числѣ членовъ его по ошибкѣ Юрасовымъ, объявившимъ на судѣ, что Вознесенскій былъ лишь членомъ общества взаимнаго вспомошествованія, для котораго предполагалось испросить разрѣшеніе правительства.

Относительно прочихъ предметовъ обвиненія изъ дѣла видно, что однимъ изъ первыхъ предположеній главныхъ дѣятелей „Организаціи“ было освобожденіе осужденнаго въ каторжныя работы государственнаго преступника Чернышевскаго; для этого они хотѣли отправить въ Сибирь Страндена, который предположилъ, въ случаѣ открытія его замысла на мѣстѣ, отравиться, и потому ему необходимо было достать ядъ. Съ просьбою о пріобрѣтеніи яда товарищъ Страндена Шагановъ обратился къ учителю изъ одной изъ Московскихъ Гимназій Трусову, который познакомилъ его съ другимъ учителемъ Марксомъ, а сей послѣдній, полагая, что ядъ назначается для отравленія литератора Каткова, досталъ стрихнинъ отъ провизора Лаунгауза, и передалъ Шаганову. Лаунгаузъ объясняетъ, что Марксъ сначала сказалъ ему, что стрихнинъ нуженъ для мышей, а когда стрихнинъ былъ уже ему отданъ, то на другой день Марксъ сказалъ ему, что одинъ изъ русскихъ революціонеровъ взять эту ядъ для отравленія литератора Каткова; желая получить эту ядъ обратно, Лаунгаузъ, по его словамъ, долженъ былъ войти въ сношеніе съ Шагановымъ и Николаевымъ, изъ которыхъ послѣдній увѣрилъ его, что стрихнинъ остался безъ употребленія, потому, что имъ нуженъ не такой ядъ, а медленно-дѣйствующій, и просилъ его дать ему наставленіе, какъ составляется aqua torpida, объяснивъ, что посредствомъ этого яда они надѣются пріобрѣсти для своего общества большую сумму денегъ.

Николаевъ на судебномъ слѣдствіи объяснилъ, что, дѣйствительно, просилъ у Лаунгауза рецептъ для составленія медленно-дѣйствующаго яда, который впоследствии и передалъ въ десяти экземплярахъ Виктору Федосѣеву для отравленія его отца, такъ какъ сей послѣдній обѣщаль, по полученіи наслѣдства, пожертвовать оное обществу „Организація“, ибо онъ, Николаевъ, считалъ позволительными всякія мѣры для поддержанія того общества, которое имѣло цѣлью производить въ народѣ сначала, признаваемыя имъ полезными для отечества и для народа.

Викторъ Федосѣевъ показалъ на судѣ, что дѣйствительно имѣлъ намѣреніе отравить своего отца, для предоставленія наслѣдства послѣ него не обществу „Организація“, а обществу взаимнаго вспомошествованія, но когда сказалъ объ этомъ въ Кирсановѣ брату своему Павлу, то сей послѣдній уговорилъ его оставить свое намѣреніе и онъ, убѣдившись словами брата, рѣшился не приводить своего умысла въ исполненіе; а Павелъ Федосѣевъ показалъ прѣдъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, что, когда братъ его Викторъ сказалъ ему въ Кирсановѣ о своемъ преступномъ намѣреніи и когда онъ, Павелъ, пораженный ужасомъ, хотѣлъ разбить указанныя ему склянки съ ядомъ, то оба они были арестованы полиціею. Изъ этого очевидно, что хотя Викторъ Федосѣевъ и объяснялъ, что рѣшился не приводить въ исполненіе своего умысла, но это опровергается уже тѣмъ, что онъ хранилъ при себѣ ядъ и

что скляпкй съ онымъ намѣревался передъ самимъ арестомъ разбить не оцъ, а брать его.

Учитель Трусовъ, въ объясненіе своего участія въ этомъ дѣлѣ, показалъ, что Шагановъ, дѣйствительно, говорилъ ему о намѣреніи освободить Чернышевскаго, но онъ этому намѣренію не придавалъ „никакой серьезности“; отослительно же принадлежнсти, Шаганова къ тайному обществу, Трусовъ объяснилъ предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, что о существованіи тайнаго революціоннаго общества оцъ, Трусовъ, не зналъ, а думалъ, что Шагановъ принадлежитъ къ кружку, имѣющему цѣлью распространеніе грамотности въ народѣ.

Лаунгаузъ, въ оправданіе свое онедонесеніи, что ему было извѣстно о тайномъ обществѣ „Организациа“, объяснилъ на судѣ, что о цѣли этого общества узналъ только 12-го Апрѣля изъ разговора Николаева съ Маевскимъ, а Николаевъ подтвердилъ, что сообщалъ Лаунгаузу лишь о томъ, что цѣль „Организациа“ заключается въ пропагандѣ социализма.

Маевскій, не признаваясь ни въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго общества, ни въ укрывательствѣ и снабженіи фальшивыми паспортами и деньгами польскихъ политическихъ преступниковъ, сознался лишь въ имѣніи сочиненій возмутительнаго содержания, которыя онъ будто бы собиралъ для уничтоженія. При очевидной неосновательности приводимаго Маевскимъ оправданія въ имѣніи имъ возмутительныхъ сочиненій, онъ вполнѣ изобличается какъ въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго революціоннаго общества, такъ и въ укрывательствѣ и способствованіи побѣгамъ политическихъ преступниковъ осужденныхъ въ каторжныя работы. Въ этомъ убѣждаютъ не только показанія многихъ изъ подсудимыхъ (Шаганова, Николаева, Юрасова, Маркса, Трусова и Лаунгауза), но и жившаго съ Маевскимъ дворянина Барановскаго и даже одного изъ скрытыхъ Маевскимъ преступниковъ Олигаржевскаго. Впрочемъ въ томъ, чтобы Маевскому была вполнѣ извѣстна преступность цѣлей революціоннаго общества, онъ остался неизобличеннымъ.

Шостаковичъ, сознавшись въ укрывательствѣ осужденнаго къ каторжнымъ работамъ Ярослава Домбровскаго, просилъ Верховный Уголовный Судъ обратить вниманіе на то, что сознание сдѣлано имъ на первыхъ допросахъ.

Уѣздный учитель Петерсонъ сознался въ томъ, что зналъ объ укрывательствѣ государственнаго преступника Домбровскаго и недонесъ объ этомъ Правительству.

Что касается обвиненія мирового посредника Бибикова, секретаря Козельской Управы Оболенскаго, Юхновскаго мѣщанина Никифорова, бывшаго судебнаго слѣдователя Маликова и бывшаго студента Никольскаго, — въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго революціоннаго общества, то это обвиненіе на судебномъ слѣдствіи не подтвердилось, точно такъ же не подтвердился и оговоръ Никифорова Петерсономъ въ изъявленіи на словахъ умысла повторить покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора, потому, что хотя учитель Петерсонъ на судѣ, и повторилъ свой оговоръ на Никифорова, но оговора этого ни на судѣ, ни при предварительномъ слѣдствіи ничѣмъ не доказалъ; между тѣмъ слѣдствіемъ обнаружено, что Бибиковъ, Оболенскій и Маликовъ знали объ умыслѣ освободить государственнаго преступника Серно-Соловьевича.

Приступаая къ опредѣленію наказаній за доказанныя преступленія подсудимыхъ, Верховный Уголовный Судъ находитъ, что по закону (241, 242 и 243 ст. Улож. изд. 1866 года) всякое злоумышленіе противъ жизни Государя Императора, хотя бы приготовленія къ нему было сдѣлано лишь черезъ словесное или письменное изъявленіе о томъ мыслей и предположеній, а также участіе въ такомъ злоумышленіи или недонесеніи о семъ правительству, подвергаютъ виновныхъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни; такому же наказанію подвергаются основатели и члены тайныхъ обществъ, имѣющихъ вредную для спокойствія или цѣлости Государства, или противную установленнымъ законами образу и порядку правленія цѣль (318 ст. Улож.) не только за дѣйствительное совершеніе ихъ преступленій, но по правилу, изображенному въ 242 ст. Улож., и за умыселъ совершить оныя, съ тѣмъ однако жъ, что если злоумышленіе сихъ обществъ открыто правительствомъ заблаговременно, при самомъ оного началѣ, и потому ни покушеній вслѣдствіе сего умысла, ни смятеній и никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ него не произошло, то виновные, вмѣсто смертной казни, приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу на сроки, означенные въ 250 ст. Улож. По симъ соображеніямъ Верховный Уголовный Судъ опредѣляетъ: 1) Ишутнна, какъ зачинщика замысловъ о царубійствѣ, уличеннаго въ незаявленіи правительству о извѣстномъ ему преступномъ намѣреніи Каракозова, и какъ основателей обществъ, дѣйствія коихъ клонились къ экономическому перевороту, съ нарушеніемъ правъ собственности и ниспроверженіемъ государственнаго устройства, на основаніи 241, 242, 243 и 318 ст. Улож. о наказ. изд. 1866 г., лишитъ всѣхъ правъ и казнитъ смертію черезъ повѣшеніе; 2) Ермолова, 3) Страйдена и 4) Юрасова, участвовавшихъ въ преступномъ выраженіи мыслей относительно учрежденія общества для произведенія государственнаго переворота посредствомъ царубійства, и виновныхъ въ недонесеніи объ извѣстныхъ имъ преступныхъ замыслахъ, слѣдовало бы также подвергнуть смертной казни, но

как Ермоловъ и Странденъ остановили исполненіе намѣренія Каракозова совершить его преступное покушеніе въ первую его поѣздку въ Петербургъ, а Юрасовъ не только изъявлялъ согласія на преступный умыселъ цареубійства, но и возражалъ противъ онаго, то руководствуясь 774 ст. устав. уголовн. судопроизв., вмѣсто смертной казни, лишить означенныхъ трехъ подсудимыхъ всѣхъ правъ состоянія и сослать, въ каторжныя работы въ рудникахъ: Страндена и Юрасова безъ срока, а Ермолова, какъ несовершеннолѣтняго, за силою 139 ст. Улож. на двадцать лѣтъ; 5) Загибалова, 6) Шаганова и 7) Моткова, какъ членовъ общества „Организація“ имѣвшихъ полное свѣдѣніе о преступныхъ цѣляхъ онаго и изблеченныхъ въ знаніи и недонесеніи о преступномъ выраженіи мыслей относительно учрежденія общества для произведенія государственнаго переворота посредствомъ цареубійства, — на основаніи 318 и 250 ст. Улож. лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы: Загибалова и Шаганова въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ, а Моткова, какъ несовершеннолѣтняго, за силою 139 ст. Улож., на восемь лѣтъ; 8) Николаева, какъ члена общества „Организація“, имѣвшаго полное свѣдѣніе о преступной онаго цѣли и создавшагося въ доставленіи Федосѣеву средствъ къ совершенію отцеубійства, для приобрѣтенія значительной суммы денегъ въ пользу означеннаго преступнаго общества,—лишить, на основаніи 2 части 318 ст. и 250 ст. Улож. всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ; 9) Худякова, неизоблеченнаго въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора и въ способствованіи Каракозову въ этомъ преступленіи, но уличеннаго въ знаніи о существованіи и противозаконныхъ цѣляхъ тайнаго общества, лишить на основаніи 3-й части 318 ст. Улож. 1866 года, всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири; 10) Малинина, 11) Дмитрія Иванова, 12) Лалкина и 13) Александра Иванова, какъ членовъ общества „Организація“, имѣвшихъ свѣдѣніе о противозаконныхъ цѣляхъ онаго, хотя и слѣдовало бы приговорить по всей строгости 2-й части 318 ст. и 250 ст. Улож., къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылке въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ; но какъ они постоянно противодействовали тѣмъ противозаконнымъ цѣлямъ и предложеніямъ „Организаціи“, которыя имѣли въ виду насильственный переворотъ и для противодействія этому обществу старались образовывать особый кружокъ, не имѣвшій уже тѣхъ преступныхъ цѣлей, къ которымъ стремились главные члены „Организаціи“, а предназначенный для достиженія цѣлей, предусмотрѣнныхъ въ 319 ст. Улож., и какъ сверхъ того они, въ особенности Дмитрій и Александръ Ивановы, сдѣлали вполне чистосердечныя признанія, и при томъ Лалкинъ и Дмитрій Ивановъ не достигли еще и нынѣ совершеннолѣтія, имѣя только по 19-ти лѣтъ, то, признавъ ихъ подлежащими наказанію по 1 части 319 ст. Улож., лишить ихъ, на основаніи этой и 774 статей Устава Уголовнаго Судопроизводства, всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ Сибирь; 14) Виктора Федосѣева, изблеченнаго въ приятіи мѣръ къ отравленію своего отца и не успѣвшаго совершить это преступленіе вслѣдствіе ареста, лишить, на основаніи 2 части 1457 ст. Улож., всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе, съ преданіемъ на мѣстѣ ссылки церковному покаянію; 15) Маркса, какъ пособника, коего содѣйствіе было необходимо, въ приготовленіи мѣръ для убійства частнаго лица, на основаніи 2 части 1457 ст. Улож., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе; 16) Маевского, какъ изблеченнаго въ укрывательствѣ государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ въ каторжныя работы, лишить на основаніи 2 части 316 ст. Улож., всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе; 17) Шостаковича, за укрывательство государственнаго преступника, осужденнаго въ каторжныя работы, приговорить, въ уваженіе къ сдѣланному имъ чистосердечному сознанію, на основаніи 2 части 316 ст. Улож., къ низшему изъ означенныхъ въ сей части статьи наказаній, а именно къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылки на житье въ Томскую губернію; 18) Провизора Лаунгауза, имѣвшаго свѣдѣнія о существованіи тайнаго общества, но не знавшаго въ точности всѣхъ цѣлей онаго, и сверхъ того изблеченнаго въ противозаконной передачѣ яда лицу, не имѣвшему права на полученіе онаго, заключить въ крѣпости на восемь мѣсяцевъ, съ воспрещеніемъ ему, по указанію 867 ст. Улож. навсегда продавать ядовитыя и сильнодействующія вещества; 19) Кичина, 20) Соболева, 21) Сергіевского, 22) Борисова, 23) Воскресенскаго, 24) Кутыева, 25) Полумордвинова, 26) Трусова и 27) Кнзя Черкезова, изъ коихъ никто не изблеченъ въ имѣніи точныхъ свѣдѣній объ обществѣ, въ сходкахъ котораго они участвовали, или о существованіи котораго только знали, приговорить, на точномъ основаніи 3 и 4 частей 319 ст. Улож. къ заключенію въ крѣпости на восемь мѣсяцевъ, съ зачисленіемъ имъ времени, проведеннаго уже въ заключеніи; 28) Петерсона, недонесшаго объ укрывательствѣ Юрасовымъ государственнаго преступника Домбровскаго, признать, на основаніи 126 ст. Улож., подлежащимъ заключенію въ крѣпости на шесть мѣсяцевъ, съ зачисленіемъ ему времени, проведеннаго въ семь заключеніи; 29) Маликова, 30) Бибикова, 31) Оболенскаго и 32) Никольскаго признать неподлежащими обвиненію въ принадлежности къ тайному обществу и по

сему предмету от суда освободить; но какъ первые три избличены въ знаніи объ умыслѣ освободить государственнаго преступника Чернышевскаго, а четвертый въ умыслѣ освободить государственнаго преступника Серно-Соловьевича, то, сдѣлавъ имъ внушеніе о томъ, чтобы они впредь не входили въ сношеніе съ людьми, имѣющими противозаконныя замыслы, такъ какъ это противно и долгу службы, и обязанности каждаго вѣрноподданнаго, обязать ихъ подпискою, чтобы они, не выѣзжая изъ Петербурга, явились къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, которому предоставить принять относительно всѣхъ этихъ лицъ тѣ мѣры, какія признаетъ необходимыми; 33) Никифорова, юридически неизобличеннаго во возведенныхъ на него государственныхъ преступленіяхъ, отъ суда освободить, внушивъ ему отстраняться впредь отъ вредныхъ связей, такъ какъ онъ сими связями и неосмотрительнымъ своимъ поведеніемъ далъ поводъ къ столь важному обвиненію, и затѣмъ предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи 58 ст. Улож., учредить надъ нимъ особый надзоръ полиціи; и 34) Вознесенскому, какъ посѣщавшему общество взаимнаго вспоможенія, не разрѣшенное правительствомъ, вмѣнить въ наказаніе содержаніе въ крѣпости и за тѣмъ признать его невиновнымъ въ государственномъ преступленіи. Въ исполненіи этого приговора поступить на точномъ основаніи 1 пунк. 945, 947 и 948 ст. Устава Уголовн. Судопр. 20 ноября 1864 года. Подлинный подписанъ: Предсѣдателемъ и Членами и скрѣпленъ Секретаремъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(4 октября. № 79).

По постановленіи Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ приговора о лицахъ, преданныхъ суду по обвиненіямъ въ знаніи о преступномъ намѣреніи Каракозова, въ принадлежности къ тайнымъ обществамъ и другихъ преступленіяхъ, министръ юстиціи, на основаніи 1065 и 1060 ст. Уст. Угол. Судопр., повергалъ на усмотрѣніе Государя Императора просьбы, поданныя осужденными объ облегченіи ихъ участи, и заключеніе по онымъ Верховнаго Уголовнаго Суда. Его Императорскому Величеству Всемилостивѣйше благоугодно было повелѣть: Николаю Страндену, Петру Ермолову, Дмитрію Юрасову, Петру Николаеву, Максимилиану Загибалову, Вячеславу Шаганову и Осипу Моткову сократить опредѣленный имъ верховнымъ уголовнымъ судомъ срокъ каторжной работы и сослать ихъ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ: Страндена — на двадцать лѣтъ, Ермолова и Юрасова — на десять лѣтъ, Николаева — на восемь лѣтъ, Загибалова и Шаганова — на шесть лѣтъ, Моткова — на четыре года. Александра Иванова и Федора Лапкина, вмѣсто опредѣленнаго имъ наказанія, лишить ихъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Томскую губернію. Дмитрія Иванова, чтобы дать ему возможность ревностною службою престолу и отечеству доказать на дѣлѣ то раскаяніе, которое онъ выказалъ предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, вмѣсто опредѣленнаго ему наказанія, безъ лишенія его правъ и преимуществъ, отдать въ военную службу рядовымъ съ выслугою. Болеслава Шостаковича, за силою 1-го п. 140 ст. улож. о наказ., освободить отъ лишенія особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и затѣмъ, согласно съ постановленнымъ о немъ приговоромъ, сослать на житье въ Томскую губернію.

При исполненіи надъ осужденными обряда публичной казни, прибылъ фельдшеръ и передалъ Министру юстиціи Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества повелѣніе даровать Николаю Пшутину жизнь и за симъ, на основаніи 71-й ст. улож. о наказ., сослать его въ каторжную работу безъ срока.

Сии Всемилостивѣйшія повелѣнія объявлены осужденнымъ, и объ исполненіи ихъ сдѣлано надлежащее распоряженіе.

Сенатскія Вѣдомости.

(18 октября. № 83).

По Высочайше утвержденному заключенію генераль-аудиторіата военнаго министерства: 12-й артиллерійской бригады Облегченной № 2 батареи подпоручикъ Кувязовъ за умышенное распространеніе возмутительнаго воззванія, имѣвшаго цѣлью возбудить къ бунту противъ Верховной Власти, храненіе у себя другаго воззванія и разныхъ запрещенныхъ противъ правительства сочиненій, лишается чиновъ и всѣхъ правъ состоянія и ссылается въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на восемь лѣтъ.

1867 годъ.

Сѣверная Почта.

(17 января. № 13).

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ, принявъ во вниманіе, что с.-петербургское губернское земское собраніе, съ самаго открытія своихъ засѣданій, дѣйствуетъ несогласно съ закономъ, и вмѣсто того, чтобы, подобно земскимъ собраніямъ другихъ губерній, пользоваться Высочайше дарованными ему правами для дѣйствительнаго попеченія о вѣрнныхъ ему мѣстныхъ земско-хозяйственныхъ интересахъ, непрерывно обнаруживаетъ стремленіе неточнымъ изъясненіемъ дѣлъ и неправильнымъ толкованіемъ законовъ возбуждать чувства недовѣрія и неуваженія къ правительству, Высочайше повелѣть соизволить:

- 1) Закрыть и распустить нынѣшнее с.-петербургское губернское земское собраніе.
- 2) Закрыть въ с.-петербургской губерніи губернскую и уѣздныя управы.
- 3) Приостановить въ с.-петербургской губерніи, впродолженіе до дальнѣйшаго повелѣнія дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1-го января 1864 года и дополнителныхъ къ нему узаконеній.
- 4) Всѣ дѣла и суммы управъ передать въ вѣдѣніе тѣхъ установленій, которыми завѣдывали ими до введенія въ дѣйствіе земскихъ учрежденій.
- 5) Внесенныя въ губернское собраніе отчетъ и докладъ губернской земской управы отъ 3-го января сего года передать на разсмотрѣніе и законное постановленіе 1-го департамента Правительствующаго Сената.
- 6) Предсѣдателя губернской управы считать отрѣшеннымъ, а всѣхъ другихъ членовъ земскихъ управъ уволенными отъ должностей.

Сенатскія Вѣдомости.

(17 февраля. № 14).

По Высочайшей конфирмаціи: состоявшій въ Главномъ Интендантскомъ Управленіи, числящійся по армейской пѣхотѣ поручикъ Нечмировъ, за публичное выраженіе преступнаго сочувствія къ покушенію на жизнь Священной Особы Государя Императора по лишенію медалей: въ память войны 1853—1856 года, за покореніе Черни и Дагестана, за покореніе Западнаго Кавказа, а также креста за службу на Кавказѣ и всѣхъ правъ состоянія,сылается въ Сибирь на поселеніе.

Сѣверная Почта.

(17 мая. № 107).

Правительствующій Сенатъ, по выслушаніи дѣла объ отчетѣ и докладѣ бывшей с.-петербургской губернской земской управы, внесенныхъ, по Высочайшему повелѣнію, на разсмотрѣніе и законное постановленіе Правительствующаго Сената, 26-го минувшаго апрѣля опредѣлилъ: (повторяется дословно Высочайшее повелѣніе, приведенное въ № 13 „Сѣверной Почты“). Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ во всей подробности, въ точное исполненіе изложеннаго Высочайшаго повелѣнія, означенные отчеты и докладъ с.-петербургской губернской земской управы, вмѣстѣ съ представленными начальникомъ с.-петербургской губерніи и сообщенными министромъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніями по настоящему дѣлу, нашель, что с.-петербургская земская управа, сообщая въ отчетѣ и докладѣ своемъ о состояніи дѣлъ, имущества и капиталовъ, принятыя ею отъ правительственныхъ учреждений, обвиняеть администрацію въ неудовлетворительномъ веденіи земскаго хозяйства за прежнее время. Независимо того, что многія изъ этихъ обвиненій, изложенныхъ вообще въ самыхъ рѣзкихъ и неумѣстныхъ выраженіяхъ, оказались основанными на неполныхъ и неточныхъ данныхъ, управа не имѣла никакого законнаго повода входить въ обсужденіе сего предмета, такъ какъ законъ нигдѣ не представляетъ земскимъ учрежденіямъ права входить въ сужденіе о томъ, по чьей винѣ та или иная отрасль земскаго хозяйства передана имъ въ ненадлежащемъ, по ихъ мнѣнію, состояніи. Государю Императору угодно было признать за благо призвать къ ближайшему участию въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и cadaго уѣзда, мѣстное ихъ населеніе посредствомъ избранныхъ отъ онаго лицъ, и во исполненіи сей Высочайшей воли, установлены земскія учрежденія для завѣдыванія упомянутыми дѣлами. Затѣмъ, уже всѣ сужденія с.-петербургской губернской земской управы о неудовле-

творительности вообще средств администраціи къ совершенно правильному веденію земскаго хозяйства представляются совершенно неумѣстными. Далѣе, с.-петербургская губернская земская управа, сообщая земскому собранію о пререканіяхъ своихъ съ мѣстными административными властями, дозволила себѣ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ порицаніе дѣйствій администраціи, на что она также не имѣла никакого права, такъ какъ опредѣленіе правильности или неправильности дѣйствій административныхъ мѣстъ и лицъ зависитъ не отъ земской управы или собранія, а отъ высшихъ правительственныхъ учреждений; земскимъ же учрежденіямъ, по силѣ 11 ст. положенія, предоставлено только право на относящіяся до нихъ дѣйствія административныхъ властей приносить жалобу Правительствующему Сенату. Но сему управа должна была ограничиться въ данномъ случаѣ изложеніемъ фактовъ, подавшихъ поводъ къ недоразумѣніямъ и указаніемъ, съ должнымъ приличіемъ, на то, въ чемъ она находила дѣйствія административныхъ властей несогласными съ правилами, Высочайше утвержденными для земскихъ учреждений. Наконецъ, при объясненіи неудобствъ, къ каковымъ, по мнѣнію управы, могло повести примѣненіе закона 21 ноября, губернская управа въ докладѣ своемъ совершенно неумѣстно дозволила себѣ войти въ обсужденіе дѣйствій министра внутреннихъ дѣлъ, по внесенію имъ проекта упомянутаго закона на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, и выразила свое сожалѣніе о томъ, что вмѣстѣ съ представленіями министра внутреннихъ дѣлъ голосъ довѣренныхъ отъ земства людей не доходитъ непосредственно до государственнаго совѣта, чѣмъ управа прямо вышла изъ круга своихъ правъ и обязанностей, такъ какъ дѣятельности министра внутреннихъ дѣлъ не можетъ подлежать обсужденію земскихъ учреждений, и учрежденіямъ этимъ не предоставлено касаться вопросовъ, до основныхъ государственныхъ законовъ относящихся. Такія, выходящія изъ круга правъ и обязанностей земскихъ учреждений, сужденія, а равно неумѣстныя и рѣзкія порицанія административныхъ властей и лицъ, заключающіяся въ отчетѣ и докладѣ управы, прочтенномъ публично въ губернскомъ земскомъ собраніи, подали, главнымъ образомъ, поводъ къ возбужденію въ земскомъ собраніи неумѣстныхъ преній по вышесказаннымъ предметамъ, бывшихъ причиною закрытія сего собранія по Высочайшему повелѣнію 16-го января 1867 года. Но сему, признавая изъясненія с.-петербургской губернской земской управы, въ отчетѣ и докладѣ ея отъ 3 января сего года, совершенно неосновательными, неумѣстными, по принимая во вниманіе, что бывшіе предсѣдатель и члены управы, по означенному Высочайшему повелѣнію, объявлены уже первымъ отрѣшеніемъ, а послѣдніе уволенными отъ должностей и такимъ образомъ подвергнуты уже по Высочайшей волѣ высылкѣ, и не усматривая изъ отчета и доклада никакихъ новыхъ обстоятельствъ, могущихъ послужить поводомъ къ дальнѣйшему по этому дѣлу производству, Правительствующій сенатъ опредѣлилъ: обстоятельства настоящаго дѣла представить на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ юстиціи о вышеизложенномъ опредѣленіи Сената, Высочайше соизволилъ на приведеніе сего опредѣленія въ исполненіе.

Сѣверная Почта.

(27 мая. № 115).

Телеграфическія извѣстія изъ Парижа, полученныя министромъ внутреннихъ дѣлъ:

Отъ генералъ-адъютанта графа Адлерберга, 25-ю мая вечеромъ.

Божій Промыселъ охранялъ Государя Императора. Сегодня, около 5 часовъ по полудни, на возвратномъ пути, чрезъ Булонскій паркъ послѣ военного смотра, выстрѣлъ изъ нистолета былъ направленъ на экипажъ, въ которомъ находились оба Императора и Великіе Князья Наслѣдникъ Цесаревичъ и Владиміръ Александровичъ. Выстрѣлъ, сдѣланный, со стороны Императора Наполеона, никого не коснулся, но ранилъ лошадь шталмейстера, сопровождавшаго экипажъ. Преступникъ былъ немедленно схваченъ и почти растерзанъ народною толпою. Онъ молодой человекъ, но повидимому французъ. Подлежащая власти, въ руки которыхъ онъ переданъ, производить слѣдствіе. Подробности будутъ сообщены, какъ скоро изслѣдованіе ихъ приведетъ въ ближайшую извѣстность.

Отъ генералъ-адъютанта графа Шувалова, 26-ю мая.

Преступникъ — уроженецъ Волынской губерніи, полякъ, по имени Березовскій. Онъ эмигрировалъ 2 года предъ симъ; онъ 20 лѣтъ и проживалъ въ Парижѣ. Онъ уже вѣскольکو дней искалъ удобнаго случая для покушенія на жизнь Государя Императора. Двустольный нистолетъ его разорвало отъ слишкомъ сильнаго заряда, а при этомъ уклонилось и направленіе пули. Березовскій сдѣлалъ полное признаніе, обнаруживая признаки фанатизма.

Сѣверная Почта.

(28 мая. № 116).

Первыя показанія преступника Березовскаго. Имя мое Антонъ Березовскій, 20-ти лѣтъ, родился въ Рутешки, Волынской губ., по ремеслу механикъ. Вслѣдствіе послѣдняго возмущенія, долженъ былъ оставить Россію и поселиться въ Парижѣ, гдѣ нахожусь съ небольшимъ два года; семейство мое послѣ мятежа переселилось во внутреннія губерніи. Я сознаюсь, что выстрѣлилъ сегодня въ Императора во время возвращенія Его со смотра. Двѣ недѣли тому назадъ у меня родилась мысль царевубійства, впрочемъ, вѣрише, и питалъ эту мысль съ тѣхъ поръ, какъ началъ себя сознать, имѣя ввиду освобожденіе родины. Я никому не сообщалъ о моемъ намѣреніи и одинъ отправился на парадъ. Пистолеть для совершенія убійства былъ купленъ мною вчера, между вторымъ и третьимъ часами по полудни, на Севастопольскомъ бульварѣ, за 9 франковъ. При мнѣ было нѣсколько заработанныхъ мною прежде денегъ; кромѣ того, вчера же я заложилъ въ ломбардѣ (Mont-de-Piété) пальто, за которое получилъ 8 франк. Сегодня, вставъ въ 7 час. утра, я отлил пули, такъ какъ купленные мною оказались малы. Въ это утро я ни съ кѣмъ ни видался. Отливъ пули, я отправился завтракать и потомъ пошелъ въ Елисейскія поля. Не встрѣтивъ Императора Александра на пути Его къ войскамъ, я рѣшился ожидать Его возвращенія. Когда карета Его поровнялась со мною, я выстрѣлилъ. Еще вечеромъ третьяго дня, въ бытность Императора въ Оперѣ, я намѣревался стрѣлять въ Него; но у меня не было при себѣ пистолета. Я долго всматривался въ Императора, чтобы узнать Его внослѣдствіи.

Сѣверная Почта.

(30 мая. № 117).

Телеграммы изъ Парижа отъ 26-го мая.

Допросы продолжаются. До сихъ поръ ничто не указываетъ на существованіе заговора, или развѣтленіе преступнаго замысла. Преступникъ продолжаетъ обнаруживать фанатизмъ. У него найдены книги, въ которыхъ проводится мысль о царевубійствѣ. Со всѣхъ концовъ Франціи получаютъ телеграммы, выражающія чувства ужаса и негодованія.

Отъ 27-го мая.—Новаго по слѣдствію не обнаруживается. Судебныя власти заключаютъ, что преступленіе—дѣло одного лица, безъ сообщниковъ. Рана преступника вѣроятно потребуетъ ампутаціи руки.

Волынскія Губернскія Вѣдомости.

(6 іюня. № 65).

Свѣдѣнія о происхожденіи преступника Березовскаго. Въ Извѣстіяхъ о покушеніи на жизнь Государя Императора, происшедшемъ 25-го мая, въ Парижѣ, сказано, „что преступникъ полякъ, по имени Антонъ Березовскій, 20 лѣтъ, уроженецъ Волынской губерніи, два года тому назадъ эмигрировавшій за границу“. Вотъ и все, что до настоящаго времени намъ извѣстно о личности преступника; но свѣдѣнія эти настолько совпадаютъ съ исторіею одного семейства, которую приводимъ ниже, что, судя по тождеству данныхъ, преступникъ, кажется, принадлежитъ къ этому семейству. Изъ официальныхъ свѣдѣній оказывается: „Въ г. Житомирѣ проживаетъ дворянинъ Житомирскаго уѣзда, с. Авратина, Іосифъ Николаевъ Березовскій, римско-католическаго исповѣданія, 43 лѣтъ отъ роду; онъ занимается настраиваніемъ фортепьянъ и даетъ уроки музыки; владѣлъ частью имѣнія въ означенной деревнѣ, но за долги, въ 1854 году, таковая была продана; былъ женатъ на дочери помѣщицы Новоградволынскаго уѣзда, с. Кутыщи, Гриневичевой Камиліи, умершей въ 1852 г.; имѣетъ сыновей Станислава, нынѣ 22-хъ лѣтъ, Антоиа 20-ти, Цезарія 17, и дочь 15 лѣтъ; младшій сынъ Цезарій и дочь Каролина, по смерти матери, Камиліи Березовской, съ 1852 года были отданы на попеченіе бабки ихъ, въ с. Кутыщи, помѣщицы Юзефы Гриневичевой, а въ 1857 году были отданы ей и старшіе два сына, Станиславъ и Антонъ. Въ 1862 году, отецъ ихъ, Березовскій, имѣлъ намѣреніе выѣхать въ Херсонскую губернію и взять съ собою сыновей Станислава и Антоиа, для прискаанія имъ гдѣ-либо мѣстъ; но отправившись предварительно въ с. Кумановцы, Подольской губерніи, они, по неизвѣстной причинѣ, не согласились ѣхать съ отцемъ и остались въ этомъ селеніи: Станиславъ, подъ предлогомъ быть управителемъ имѣнія, а Антонъ для вступленія въ ксендзы. Въ 1863 г., Станиславъ уже находился въ с. Авратинѣ, Житомирскаго уѣзда, былъ взятъ изъ дому помѣщика Милевскаго, за участіе въ мятежѣ, и въ 1864 г. сосланъ въ Сибирь; младшій же братъ его, Антонъ, имѣющій нынѣ 20 лѣтъ, возвратившись къ бабкѣ въ с. Кутыщи, въ 1853 г., поступилъ въ шайку мятежниковъ и бѣжалъ за границу, и хотя отецъ его, Іосифъ Березовскій, самъ тайно переходилъ гра-

ницу, для отысканія сына Антона, но послѣ кратковременнаго пребыванія въ Галици, былъ переданъ обратно въ Россію, въ 1865 г., и преданъ суду, о чемъ нынѣ производится дѣло въ житомирскомъ уѣздномъ судѣ. Дѣти Березовскаго въ учебномъ заведеніи не воспитывались, приговаривались домашнимъ наставникомъ при ихъ бабкѣ, иностраннымъ языкамъ не обучались и никакого ремесла не знали. Гриневичева умерла въ 1865 г., дочь Березовскаго Каролина, въ настоящее время находится при теткѣ своей въ с. Кутыщахъ, помѣщицѣ Рыбчинской, а сынъ Цезарій состоитъ въ услуженіи у проживающаго въ Житомирѣ, содержащаго трактиръ, французскаго подданнаго Микеля и занимается присмотромъ за лошадьми. Конечно, дальнѣйшее разслѣдованіе на жѣстѣ преступленія раскрыть и родовое происхожденіе злоумышленника; но пока сходство относительно имени, лѣтъ и времени отлучки за границу Антона Березовскаго, съ тѣми свѣдѣніями о преступникѣ, какія сообщены газетами, даетъ основаніе полагать, что этотъ Антонъ Березовскій есть тотъ самый преступникъ, который совершилъ гнусное покушеніе на жизнь нашего Монарха.

Сѣверная Почта.

(5 іюня. № 146).

Телеграмма.

Парижъ. 3-го (15-го) іюня. Процессъ Березовскаго оконченъ. Присяжные объявили Березовскаго виновнымъ съ доущеніемъ облегчительныхъ обстоятельствъ. Березовскій приговоренъ къ пожизненной каторжной работѣ.

Сѣверная Почта.

(8 и 9 іюля. №№ 149 и 150).

Заемствуемъ изъ французскихъ журналовъ подробныя свѣдѣнія о процессѣ Березовскаго, обвиненнаго въ посягательствѣ на жизнь Его Величества Императора Всероссийскаго въ Булонскомъ лѣсу. По окончаніи предварительнаго слѣдствія, которое, несмотря на жѣры, принятія судебными властями для ускоренія его производства, продолжалось не менѣе трехъ недѣль, дѣло о покушеніи 25-го мая (6-го іюня) было передано на рѣшеніе сенскаго суда присяжныхъ. Предварительное слѣдствіе съ пошкою очевидностію обнаружало, что виновникъ покушенія на жизнь Императора Всероссийскаго не имѣлъ соучастниковъ, вопреки распространеннымъ слухамъ, что преступникъ дѣйствовалъ не одинъ. Читателямъ памятно, вѣроятно, что настроенное воображеніе многихъ лицъ представляло Булонскій лѣсъ наполненнымъ множествомъ заговорщиковъ; между тѣмъ покушеніе 25-го мая (6-го іюня) было преступленіемъ отдѣльнаго лица. Березовскій на всѣхъ допросахъ принималъ на себя одного всю отвѣтственность въ своемъ преступномъ дѣяніи. Онъ увѣрялъ, будто-бы еще съ юношескихъ лѣтъ онъ далъ клятвенный обѣтъ ознаменовать свою любовь къ Польшѣ какимъ-либо громкимъ дѣломъ. Въ кармапѣ его пальто, оставленнаго имъ у одного виноторговца, была найдена книга, касающаяся Польши, и въ которой были приведены слова клятвы, данной Клилинскимъ и состоящей изъ слѣдующихъ выраженій: „Обязуюсь всѣми возможными средствами подготовить успѣхъ революціи“. Намъ кажется излишнимъ припоминать обстоятельства, сопровождавшія покушеніе 25-го мая (6-го іюня), ибо они уже извѣстны всѣмъ и каждому до мельчайшихъ подробностей. Затѣмъ остается только обратиться къ самой личности преступника и причинамъ вызвавшимъ въ немъ преступное намѣреніе лишить жизни Императора Всероссийскаго. 3-го (15-го) іюля многочисленное стеченіе публики наполняло залу сенскаго суда присяжныхъ. Между присутствовавшими не было видно дамъ, но за то лучшія мѣста были заняты многими изъ вліятельныхъ членовъ польской эмиграціи и важными должностными лицами. На столѣхъ передъ скамьею присяжныхъ лежали предметы, долженствовавшіе служить уликами противъ преступника. Предметы эти составляли: двухствольный пистолетъ Березовскаго, одинъ изъ стволовъ котораго разорвало, нѣсколько книгъ, составлявшихъ бібліотеку преступника, нѣсколько записокъ, пистолетныя принадлежности, пистоны, порохъ, пули, красный шерстяной шарфъ и пальто, найденное у виноторговца, въ которомъ находилась книга, заключающая въ себѣ клятву Клилинскаго. Въ засѣданіи суда долженъ былъ, какъ извѣстно предсѣдательствовать г. Девьэнъ; но, по разстроеному здоровью, онъ не могъ явиться въ судъ, и вмѣсто его предсѣдательствовалъ совѣтникъ г. Бертеленъ. Въ десять съ половиною часовъ обвиняемый былъ введенъ въ залу. Онъ молодой человекъ, съ бѣлымъ и нѣсколько смугловатымъ лицомъ. Лобъ его, высокій и правильный, наполовину прикрытъ темпорусыми волосами. Правильный овалъ его лица окаймленъ рѣдкою бородкою. Онъ носитъ усы. Лѣвая рука его подвязана чернымъ шарфомъ. Войдя въ залъ присутствія, онъ привѣтливо улыбнулся своему защитнику г. Эммануэлю Араго и обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами. Онъ поклонился нѣсколькимъ изъ своихъ знакомыхъ, находившихся въ залѣ. Въ четверть двѣнадцатаго засѣданіе

открылось и подлинность личности преступника была признана и заявлена президентом г. Бертеленемъ. На прокурорскомъ креслѣ сидѣлъ генеральный прокуроръ г. Марма. Защитникомъ обвиняемаго былъ г. Эмманюэль Араго. Послѣ присяги присяжныхъ, во время которой лицо преступника поблѣднѣло, какъ-бы подъ влияніемъ внутренняго волненія, президентъ приказалъ прочесть обвинительный актъ. Формальности эта была выполнена судебнымъ приставомъ г. Коммерсономъ. Обвинительный актъ содержитъ въ себѣ подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ, подготовившихъ и сопроваждавшихъ преступленіе и уже вполне извѣстныхъ нашимъ читателямъ изъ переданныхъ нами своевременно сообщеній по этому дѣлу; а потому, не останавливаясь на немъ, мы прямо перейдемъ къ описанію допроса, сдѣланнаго преступнику. По прочтеніи обвинительнаго акта, который Березовскій выслушалъ не безъ нѣкотораго душевнаго волненія, президентъ приказалъ раздать присяжнымъ планъ мѣстности, прилежащей къ булонскому водопаду, и затѣмъ приступилъ къ допросу.

Президентъ. Встаньте, Березовскій! Извѣстно-ли вамъ, живъ-ли еще вашъ отецъ? Обвиняемый. Нѣтъ, г. президентъ, я не знаю, живъ ли онъ, и не знаю также, гдѣ онъ находится. През. Но вѣдь вы сами заявили при слѣдствіи, что вашъ отецъ живетъ въ Россіи, гдѣ онъ даетъ уроки на фортепиано? Обв. Я уже давно не имѣю о немъ никакого извѣстія. През. У васъ три брата—гдѣ они? Обв. У меня два брата и одна сестра; но я не знаю, гдѣ они находятся. През. Не извѣстно-ли вамъ, скончались-ли они, были-ли они арестованы или преслѣдуемы за что-нибудь русскими властями? Обв. Нѣтъ, г. Президентъ. През. Вы воспитывались у вашей бабушки, гдѣ получили первоначальное образованіе. Наступилъ 1863 годъ—годъ полскаго возстанія. Вашъ отецъ уговаривалъ васъ не принимать участія въ смутахъ. Вы не послушались его и онъ васъ проклялъ. Обв. Это правда. През. Его проклятіе принесло вамъ несчастье.... Обв. Въ этомъ виноватъ тотъ, который насъ угнетаетъ. През. Вы удалились сначала въ Галицію, а потомъ въ Германію, въ Мюнхенъ, Люттихъ. Тамъ вы занимались ремесломъ оружейника. Обв. Нѣтъ, г. президентъ, я былъ работникомъ на механическомъ заводѣ, гдѣ изготовлялись паровыя машины. През. Слѣдовательно вы не обучались оружейному мастерству? Обв. Нѣтъ, я былъ только механикомъ. През. Вы прибыли въ январѣ 1865 г. въ Парижъ и поступили къ г. Гуэну. Обв. Да, г. президентъ. През. Въ 1865 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, возымѣли намѣреніе довершить свое образованіе съ помощью небольшихъ денегъ, которыми вы тогда располагали? Обв. Это правда; но я вышелъ изъ училища по недостатку средствъ. През. Вы снова поступили къ г. Гуэну, отъ котораго вы ушли 15-го (27-го) мая? Обв. Я окончательно покинулъ его потому, что былъ нездоровъ. През. Въ концѣ мая вы отправились въ Мони, въ департаментъ Уазы, къ одному поляку изъ вашихъ знакомыхъ, занимающемуся слесарнымъ ремесломъ. Вы оставались у него только нѣсколько дней. Зачѣмъ вы его оставили? Обв. Я расстался съ нимъ потому только, что не умѣлъ хорошо работать. През. Дѣйствительно этотъ полякъ объявилъ, что не хотѣлъ васъ держать, потому что вы плохо знали его мастерство. Вы возвратились въ Парижъ 1-го іюня, въ два часа по полудни, по сѣверной желѣзной дорогѣ и остались на станціи, чтобы присутствовать при вѣздѣ Русскаго Царя. Обв. Точно, я видѣлъ его на станціи. През. Зачѣмъ вы были тамъ? Обв. Чтобы видѣть, могъ-ли я наказать Его за все то что онъ сдѣлалъ, а также и для того, чтобы не допустить Его святотатственно ступить ногою на французскую землю. (Движеніе). През. Съ той-ли самой минуты вы рѣшились убить Царя? Обв. Съ той самой. Но еще и прежде, въ моемъ отечествѣ, я всегда желалъ отомстить Ему. Я не хотѣлъ убить Его, когда я былъ въ Польшѣ, зная, что, не могъ бы исполнить своего намѣренія. Но когда я увидѣлъ возможность лишить его жизни во Франціи, то не колебался ни минуты. (Общ. волненіе). През. Поэтому вы воспользовались гостепріимствомъ Франціи, чтобы посягнуть на жизнь Царя. Вы не приняли въ уваженіе радушнаго пріема, оказаннаго Наполеономъ вашему Государю. (Обращаясь къ присяжнымъ). Гг. присяжные, вы должны были замѣтить, что обвиняемый объясняется съ большимъ трудомъ. Это происходитъ отъ природнаго порока въ выговорѣ, о чемъ было заявлено при слѣдствіи. Я дѣлаю вамъ это замѣчаніе для того, чтобы вы не приписывали этого обстоятельства его смущенію. Г. Эмманюэль Араго. Онъ хорошо говоритъ по польски, но затрудняется французскимъ языкомъ. През. Обвиняемый, не сообщали-ли вы кому-нибудь о своемъ намѣреніи? Обв. Нѣтъ, г. президентъ, рѣшительно никому. През. Мнѣ это кажется сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что у васъ было много знакомыхъ. Обв. Я не рѣшился бы никому повѣрить мою тайну, опасаясь измѣны. През. При производствѣ слѣдствія не было обнаружено ничего такого, что могло бы навести на слѣдъ какихъ-либо соучастниковъ. 22-го мая (3-го іюня) вы отправились просить вспомошествованія, которое даетъ вамъ Франція, чтобы купить оружіе для совершенія преступленія. Вы пошли въ театръ, съ цѣлью, узнать будетъ ли Русскій царь присутствовать въ немъ на парадномъ спектаклѣ. Обв. Дѣйствительно, я отправился въ день параднаго спектакля къ театру, чтобы посмотреть, не могу ли я подойти къ Царю. През. Вечеромъ 28-го мая (4 іюня) вы ожидали Его у театральнаго подъѣзда. Обв. Правда; я даже бѣжалъ за каретой до елисейскаго дворца, крича: „Да здравствуетъ Императоръ!“ Я это сдѣлалъ, чтобы хорошеенько разглядѣть обоихъ Императоровъ и

чтобы уметь отличить одного от другого. През. Вы купили у Броневилля пистолетъ. Вамъ показали одноствольный, а вы потребовали двухствольный, зачѣмъ? Обв. Затѣмъ, что я непремѣнно хотѣлъ попасть въ Царя. През. Пистолетъ стоилъ вамъ восемь франковъ? Обв. Нѣтъ, девять, но это не имѣетъ никакой важности. (Обвиняемый смѣется). Преступникъ сознался затѣмъ, что купилъ также пули, но нашелъ ихъ слишкомъ малыми, что повидимому кажется доказательствомъ умѣнья его обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Онъ купилъ пороху на цѣлый франкъ и потомъ досталъ одинъ нумеръ „Монитера“, чтобы осѣдомиться, въ которомъ часу долженъ былъ начаться смотръ 25-го мая (6-го июня). През. Имѣли ли вы въ эту минуту намѣреніе убить царя? Обв. Да, имѣлъ, г. президентъ, въ этомъ я чистосердечно сознаюсь. Президентъ объясняетъ присяжнымъ, какимъ образомъ былъ заряженъ пистолетъ и показалъ имъ самое оружіе. През. Отправившись изъ Батинволя утромъ въ день смотра, я остановился въ аллеѣ императрицы и оттуда? Обв. Я дошелъ пѣшкомъ до водопада, у котораго остановился. Я присутствовалъ на смотрѣ съ единственною цѣлю воспользоваться удобною минутою, чтобы убить Царя. През. Вы видели, какъ Императорскій экипажъ приближался, направляясь къ мѣсту соединенія двухъ дорогъ, ведущихъ къ озеру. Карета, въ которой находились оба Императора и Великіе Князья, ѣхала шагомъ. Обв. Я не обращалъ на это вниманія. През. Императоръ, замѣтивъ, что аллея, прелегающая съ лѣвой стороны, была занята значительнымъ скопленіемъ экипажей, приказалъ кортежу свернуть вправо и ѣхать на другой аллеѣ. Тогда вы побѣжали и, обогнувъ резервуаръ каскада, остановились на томъ мѣстѣ, гдѣ скрещиваются аллея резервуара съ аллеєю, по которой ѣхалъ Императорскій поѣздъ. Карета ѣхала шагомъ. Публики было немного, и вы подошли къ ней. Обв. Я не запомию всѣхъ подробностей, о которыхъ вы упоминаете, г. президентъ, ибо я имѣлъ предъ глазами только одну цѣль—выстрѣлить въ Императора. През. На кого вы цѣлились преимущественно? Обв. Я хотѣлъ убить одного только Царя и цѣлился въ Него одного. През. Вы были ранены? Обв. Да, г. президентъ, что и было причиною моего обморока. През. Васъ схватили. Вы хотѣли кричать, но вамъ зажали ротъ, Обв. Я хотѣлъ крикнуть: Да здравствуетъ Польша! През. Полицейскій агентъ зажалъ вамъ ротъ ладонью, и вы не могли кричать, а только успѣли выкрикнуть первую слова. Обв. Я хотѣлъ дать почувствовать, что я это сдѣлалъ ради Польши. През. Изъ пистолета вылетѣла только одна пуля. Вы стрѣляли наскокъ. Обв. Я знаю только, что я цѣлил въ голову Царя, я зналъ, что если попаду въ Него, то ужъ убью, Его на мѣстѣ. През. Но съ какого права вы посягали на жизнь Царя? Обв. Я имѣлъ право (въволнованнымъ голосомъ). Онъ убилъ нашъ край. Онъ уничтожилъ его жителей. Однимъ почеркомъ пера Онъ отправилъ всѣхъ въ Сибирь—и послѣ всего этого я не имѣлъ бы права убить Его? През. Вы не имѣли права принимать на себя такое дѣло, къ осуществленію котораго вы не были призваны. Обв. Это призваніе я почерпалъ въ чувствахъ моего сердца, сокрушавшагося при видѣ бѣдствій моего отечества. През. Но коль скоро вы не признавали Русскаго Царя вашимъ государемъ... Обв. О, нѣтъ! През. То онъ все-таки человѣкъ, и цикто не имѣетъ права посягать на жизнь своего ближняго. Обв. Царь не можетъ быть моимъ ближнимъ. Я не знаю, какимъ именемъ называть Его. Его нельзя почитать, и имя Его не можетъ быть уважаемо. През. Но вы отстаиваете здѣсь теорію царевубійства. Богъ запрещаетъ убивать. Обв. Я не Богъ. През. Что вы не Богъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, (смѣхъ, тотчасъ же замолкнувшій) но вы отвѣчали, что вы сами произнесли свой судъ надъ Царемъ. Вы не имѣли права судить Царей. Обв. Оставаясь въ живыхъ, Царь, по смерти своей, былъ бы свергнутъ правосуднымъ Богомъ въ адъ, тогда какъ искупивъ свой грѣхъ смертью, которую я приготовлялся нанести ему, онъ былъ бы счастливейше на томъ свѣтѣ. През. Ну, а если бы ваша пуля поразила другого? Обв. Я зналъ, что моя пуля не могла попасть въ императора французовъ. През. Но если бы лошадь г. Рембо не подоспѣла во-время къ дверцамъ кареты, могли-ли вы предвидѣть куда направится полетъ вашей пули? Вы сказали при допросѣ что польская пуля не можетъ поразить императора французовъ. Но это только фраза, а не отвѣтъ. Если бы кучеръ ускорилъ шагъ лошадей, лошадь г. Рембо осталась бы назади,—вы попали бы въ императора французовъ. Обв. О нѣтъ, я былъ слишкомъ увѣренъ въ моемъ пистолетѣ. Г. Эмманюэль Араго. Я желаю заявить, что лицо именнаго происхожденія, начальникъ полиціи, присутствовалъ при первомъ допросѣ обвиненнаго. През. Обстоятельство это не касается сущности дѣла. Заявленіе г. Араго было оставлено безъ послѣдствій и приступлено къ слуху свидѣтелей. По выслушаніи свидѣтелей, г. президентъ прочелъ присяжнымъ актъ по поводу обиска, сдѣланнаго на квартирѣ обвиненнаго. Содержаніе этого акта слѣдующее: Березовскій жилъ въ третьемъ этажѣ одного дома улицы Меркадэ, въ комнатѣ, столь дурно освѣщенной слуховыми окнами, что она скорѣе походила на чердакъ, чѣмъ на квартиру. Въ ней стояла кровать; близъ двери наковальня и столярный станокъ; на стѣнѣ висѣла карта военныхъ дѣйствій Италіи съ Австрією. На станкѣ кусокъ свища, изъ котораго, очевидно, весьма недавно была отдѣлена значительная часть. Въ комнатѣ нашли слѣдующія книги: „Исторію Россіи и ея завоеваній“; нѣсколько любовныхъ шпесемъ, къ невѣстной дѣвушкѣ; „Книгу духовъ“; „Многочисленность міровъ“ Фонтенелли; „Вѣч-

ваго Жидъ“ Э. Сю; „Исторію іезуитовъ“ Цакконе, въ которой содержится нѣсколько разсказовъ о царевубійствѣ XVI и XVII вѣковъ; „Покушеніе Даміенса“; книга **Марина**, съ изложеніемъ соображеній по поводу царевубійствъ, совершенныхъ Жакомъ Клема-мапомъ и Равальякомъ. На стѣнахъ нашли слѣдующія надписи; „Люди начинаютъ съ глупости и кончаютъ мошенничествомъ“; „Съ тѣхъ поръ, какъ я презираю глупцовъ. Я ненавижу весь міръ“ и проч. Въ это время президентъ суда получилъ телеграмму касательно Березовскаго, вслѣдствіе котораго онъ обращается къ подсудимому съ вопросами насчетъ его дяди, проживающаго въ Парижѣ. Президентъ обращаетъ вниманіе на постоянныя увѣренія въ томъ, что онъ не имѣетъ родственниковъ въ Парижѣ. Березовскій сознается въ томъ, что у него дѣйствительно есть въ Парижѣ не дядя, но мужъ его тетки, но онъ не знаетъ, гдѣ этотъ послѣдній проживаетъ. **Защитникъ**, **Эмманюель Араго**: Г. президентъ передалъ мнѣ депешу; но отъ кого она передана? Она начинается словами: подлежащія власти... Какія это власти? Въ депешѣ говорится, что Березовскій имѣетъ родственника, фанатика, который, во время возстанія, былъ предводителемъ банды и служилъ подъ начальствомъ полковника Ручезовскаго, и что этотъ родственникъ можетъ быть не чуждъ покушенія 25-го мая (6-го іюня). Президентъ объявляетъ депешу не требующею дальнѣйшихъ разъясненій. **Г. Араго**: Подсудимый вспомнилъ мѣсто жительства своего дяди. Березовскій: Онъ живетъ въ улицѣ Сентъ-Доминикъ-Сентъ-Жерменъ 85. През. Г. прокуроръ, слово за вами. Прокуроръ съ убѣжденіемъ и силою развиваетъ обвиненіе. Березовскій—говоритъ онъ—цимало не заслуживаетъ снисхожденія; онъ лично ни въ чемъ не можетъ сѣтовать на русское правительство; для него нѣтъ оправданій, если только политическія страсти не послужатъ ему въ уменьшеніе вины. Г. г. присяжные! Вспомните восторженные крики, которыми встрѣтилъ французскій народъ обоихъ Императоровъ послѣ покушенія; вспомните, что народъ хотѣлъ на мѣстѣ покончить съ преступникомъ, и что лишь силою удалось вырвать преступника изъ рукъ вознегодившей толпы. Эти люди, спасшіе его отъ правосудія народнаго, знали, что судъ надъ преступникомъ принадлежитъ присяжнымъ, и притворъ присяжныхъ, соотвѣтствующій народнымъ чувствамъ, вызваннымъ покушеніемъ 6-го іюня, будетъ послѣднимъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія. През. Г. защитникъ, слово за вами. **Эмманюэль Араго**: Я желалъ бы ознакомить присяжныхъ съ личностью подсудимаго, прежде нежели они перейдутъ къ его осужденію. Вы знаете, г. г. присяжные, какія мученія испытывала Польша. **Депеша г. Друзна-де-Люи** къ г. Монтебелло, посланнику при Россійскомъ Дворѣ, напечатанная въ „Монитерѣ“, утверждаетъ, что Польша въ 1863 г. была увлечена не революціонными стремленіями, но благородными исканіями справедливости, жаждою возобновить отечество и религію. Этимъ же стремленіямъ слѣдовалъ и Березовскій. Лишь только онъ былъ арестованъ, прежде нежели судебный слѣдователь приступилъ къ исполненію своей обязанности, подсудимый былъ допрашиваемъ русскимъ должностнымъ лицомъ, главнымъ начальникомъ русской полиціи, по-русски спрашивавшимъ подсудимаго объ его имени и мѣстѣ жительства его родныхъ. Березовскій, зная что его семейство проживаетъ въ Россіи, хотѣлъ спасти его: онъ не отвѣчалъ. Но ни отецъ его, ни его брать, не могли уже поддѣраться дальнѣйшимъ опасностямъ: его отецъ находится въ тюрьмѣ уже три или четыре года, а его брать сосланъ въ Сибирь, это страшное мѣсто ссылки, откуда никто не возвращается. Я имѣю подъ руками—говоритъ г. Араго—доказательства объ арестѣ и ссылкѣ отца и брата Березовскаго: вотъ листы „Московскихъ Вѣдомостей“, откуда я почерпнулъ эти свѣдѣнія¹⁾. През. Г. Араго, что это за журналы? Они издаются на русскомъ языкѣ? Араго. Да, г. президентъ. През. Поэтому мы не можемъ провѣрить вашихъ показаній. Мы вполне уважаемъ права защитника, но тѣмъ не менѣе необходимо равновѣсіе между обвиненіемъ и защитою. Вы представляете документъ въ послѣдней, защитительной рѣчи, не сообщивъ его прокурору. Генеральн. Прокур. Намъ невозможно провѣрить показанія журнала, котораго никто изъ насъ даже не умѣетъ прочесть. Араго. Среди возраженій, раздающихся со всѣхъ сторонъ, мнѣ трудно вполне обладать собою, тѣмъ болѣе, что при предъявленіи мною cadaго (?) документа, у меня требуютъ отчета, откуда онъ и какимъ образомъ дошелъ онъ ко мнѣ. Притомъ обоюдное сообщеніе доказательствъ необходимо лишь въ дѣлахъ гражданскихъ и вовсе не требуется въ процессахъ уголовныхъ. През. Но невозможно также признать вполне доказаннымъ документъ, писанный на языкѣ, котораго никто не понимаетъ. Поэтому обратимся къ судебнымъ преніямъ. Араго. Подчиняюсь рѣшенію г. Президента и не буду болѣе говорить о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Защитникъ указываетъ затѣмъ на добрыя качества подсудимаго, признанныя свидѣтелями, подсудимый былъ увлеченъ чувствами великодушными, хотя и выразившимися въ преступномъ дѣяніи. Онъ понимаетъ теперь преступность своихъ дѣйствій и бесплодность ихъ, въ случаѣ, если бы убійство совершилось. Но, во всякомъ случаѣ, кровь не была пролита. „Я убѣжденъ,—говоритъ въ заключеніе защитникъ— что если бы вы, г. г. присяжные, и осудили его, то это

¹⁾ Мы предоставляемъ отвѣчать на это ложное показаніе защитника самимъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“.

произошло бы противъ вашего внутренняго убѣжденія⁴. На вопросъ президента подсудимому, не имѣеть-ли онъ чего добавить. Березовскій отвѣчалъ: „Нѣтъ, г. президентъ, но я сожалею, что все это произошло въ дружественной намъ Франціи. Затѣмъ послѣдовалъ извѣстный приговоръ присяжныхъ и опредѣленіе суда.“

Въ 1868, 1869 и 1870 годахъ свѣдѣній о политическихъ преступленіяхъ въ Россіи въ официальныхъ изданіяхъ не появлялось.

Редакторъ.

1871 годъ.

Правительственный Вѣстникъ.

Правительственное сообщеніе ¹⁾.

Сегодня, 1-го іюля, имѣеть быть засѣданіе С.-Петербургской Судебной палаты въ особомъ присутствіи, опредѣленномъ 1032 статьею Уст. Угол. Суд., по дѣлу объ обваруженномъ въ различныхъ мѣстахъ Имперіи заговорѣ, направленномъ къ ниспроверженію установленнаго въ Государствѣ Правительства. По этому дѣлу, ввиду особой его обширности и многочисленности привлеченныхъ къ нему лицъ (87 подсудимыхъ, изъ коихъ 63 содержатся подъ стражей), составлено прокурорскимъ надзоромъ и Правительствующимъ Сенатомъ двѣнадцать обвинительныхъ актовъ, которые будутъ слушаться въ Судебной Палатѣ отдѣльно, одинъ послѣ другаго, въ теченіе этого мѣсяца; подробные стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ Палаты по сему дѣлу будутъ, по распоряженію Министерства Юстиціи, печататься въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ по возможности на слѣдующій же, послѣ засѣданія, день.

Для облегченія возможности ближайшаго ознакомленія съ этимъ многосложнымъ дѣломъ представляется необходимымъ, предварительно печатанія всѣхъ подробностей дѣла, которыя будутъ выяснены на судебномъ слѣдствіи, объяснить вкратцѣ общую связь, существующую между всѣми привлеченными къ дѣлу подсудимыми, и условія, послужившія основаніемъ подраздѣленія ихъ на категоріи.

Повсюдомъ къ обнаруженію Правительствомъ преступнаго заговора, составляющаго предметъ настоящаго дѣла, послужили происходившіе въ февралѣ и мартѣ 1869 г. безпорядки въ средѣ студентовъ Медико-Хирургической Академіи, С.-Петербургскаго Университета и Технологическаго института, а отчасти также и совершенное въ ноябрѣ того же года бывшимъ учителемъ приходскаго Сергіевскаго училища въ Петербургѣ Сергѣемъ Нечаевымъ, при содѣйствіи другихъ лицъ, убійство бывшаго слушателя Петровской Земледѣльческой Академіи Ивана Иванова. Произведеннымъ, по распоряженію III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, негласнымъ дознаніемъ обнаружено, что участниками въ убійствѣ Иванова были: дворянинъ Петръ Успенскій, купеческій сынъ Алексѣй Кузнецовъ, отставной коллежскій секретарь Иванъ Прижовъ и московскій мѣщанинъ Николай Николаевъ; въ то же время обнаружена принадлежность этихъ лицъ къ организованному Сергѣемъ Нечаевымъ въ Москвѣ отдѣленію женевскаго международнаго революціоннаго комитета. Эти 4 обвиняемые вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, всего въ числѣ 11 человекъ, дѣятельность коихъ принадлежитъ къ первому періоду настоящаго дѣла, а именно къ волненіямъ, происходившимъ среди студентовъ весною 1869 года, включены прокурорскимъ надзоромъ въ первый обвинительный актъ, который долженъ слушаться въ Судебной Палатѣ сего 1-го іюля, и обвиняются въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 249 и 250 ст. Улож. о Нак., а Успенскій, Кузнецовъ, Прижовъ и Николаевъ, кроме того, въ убійствѣ Иванова. При дальнѣйшемъ разслѣдованіи этого дѣла въ Москвѣ, обнаружена принадлежность къ тайному обществу сына коллежскаго секретаря Николая Долгова, сына поручика Осдора Римана и другихъ, въ числѣ 33 человекъ, которые всѣ принимали непосредственное участіе въ составленномъ Нечаевымъ заговорѣ и посему привлекаются вторымъ обвинительнымъ актомъ прокурорскаго надзора къ суду по обвиненію въ томъ же преступленіи, предусмотрѣнномъ 249 и 240 ст. Уложения.

Во время производствъ этихъ разслѣдованій дознано было, что дѣятельности тайной организаціи не ограничилась Москвою, и что нѣкоторыя изъ прикосновенныхъ

¹⁾ Ввиду крайне обширнаго размѣра опубликованнаго въ Правительственномъ Вѣстникѣ (№№ 155—206) стенографическаго отчета о дѣлѣ „Нечаевцевъ“, которое въ полномъ объемѣ составило бы громадный томъ въ шестьдесятъ съ лишнимъ печатныхъ листовъ, мы принуждены ограничиться печатаніемъ лишь однихъ обвинительныхъ актовъ и приговоровъ суда.

Редакторъ.

къ обществу лицъ предпринимали поѣздки, между прочимъ, и въ Петербургъ, гдѣ пытались основать одно изъ отдѣленій московскаго центрального общества. Поэтому изъ Москвы слѣдственные дѣйствія были перенесены въ С.-Петербургъ, и здѣсь обнаружено участіе въ заговорѣ отставнаго поручика Ивана Лихутина, студента Медико-Хирургической Академіи Алексѣя де Тейльса и другихъ лицъ, въ числѣ 15 человекъ. Эти лица, находившіяся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ московскими злоумышленниками и содѣйствовавшія ихъ преступному замыслу, преданы суду третьимъ обвинительнымъ актомъ наравнѣ съ московскими участниками въ заговорѣ, по 249 и 250 ст. Уложения. Наконецъ, въ четвертый обвинительный актъ прокурорскимъ надзоромъ включены тѣ изъ подсудимыхъ—московскихъ жителей (дворяне: Александръ фонъ-деръ-Эльстницъ, Александра Успенская и другіе, въ числѣ 11 человекъ), которые, не принимая непосредственнаго участія въ заговорѣ, обвиняются лишь въ томъ, что, зная о существованіи этого заговора, они не дошли до Правительства.

Одновременно съ симъ, во время преслѣдованія въ Петербургѣ участниковъ въ заговорѣ, обнаруженъ былъ отдѣльный кружокъ, состоящій изъ пяти лицъ, а именно изъ студентовъ: С.-Петербургскаго Земледѣльческаго Института Петра Топоркова, Императорской Медико-Хирургической Академіи Петра Кошкина и Александра Дудолодова, С.-Петербургскаго Технологическаго Института Александра Долгушина и поручика 3-го Туркестанскаго линейнаго батальона Льва Топоркова. Эти подсудимые, хотя и находились также въ сношеніяхъ съ прочими московскими и петербургскими злоумышленниками, но составляли отдѣльный отъ нихъ и самостоятельный кружокъ, въ особенности потому, что, будучи всѣ уроженцами Сибири, они находились между собою въ ближайшихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе что Кошкинъ, Долгушинъ, Дудолодовъ и Левъ Топорковъ жили даже на одной квартирѣ. Въ виду сего, прокурорскимъ надзоромъ признано было болѣе удобнымъ отдѣлить этихъ подсудимыхъ отъ прочихъ обнаруженныхъ въ С.-Петербургѣ участниковъ въ заговорѣ и составить о нихъ отдѣльный обвинительный актъ (пятый) по тому же, впрочемъ, обвиненію.

Независимо отъ сего четверо изъ названныхъ въ предыдущемъ актѣ обвиняемыхъ, а именно: Кошкинъ, Долгушинъ, Дудолодовъ и Левъ Топорковъ, привлечены къ суду шестымъ обвинительнымъ актомъ, составленнымъ Правительствующимъ Сенатомъ по обвиненію въ составленіи заговора, имѣвшаго цѣлю отдѣленіе Сибири отъ Россіи.

Наконецъ, къ этому же дѣлу привлечены седьмымъ обвинительнымъ актомъ студенты Харьковскаго и Новороссійскаго Университетовъ Малютинъ и Попичъ, и восьмымъ актомъ—живущіе въ г. Череповцѣ (Новгородской губерніи) учитель Менделѣевъ, купецъ Розановъ, мѣщанинъ Талицкій и крестьянинъ Макарьевъ, у которыхъ во время изслѣдованій, произведенныхъ въ 1869 и 1870 годахъ, найдены были прокламаціи преступнаго содержанія.

Послѣдующими затѣмъ актами, составленными Правительствующимъ Сенатомъ, преданы суду по обвиненію въ недонесеніи Правительству объ извѣстномъ заговорѣ, направленномъ къ ниспроверженію установленнаго въ Государствѣ Правительства: 9-мъ актомъ—священнической сынъ Арсеній Алексѣевъ, сынъ дьякона Василій и капеллярскій служитель Алексѣй Болотовы, 10-мъ актомъ—дворянинъ Андрей Калачевскій, 11-мъ актомъ—студентъ Технологическаго Института Рейнгольдъ Биркъ—и 12-мъ актомъ—учитель Юсифъ Собѣзанскій¹⁾. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что одинъ изъ обвиняемыхъ по первому обвинительному акту—дворянинъ Петръ Ткачевъ—независимо отъ участія въ заговорѣ преданъ суду еще по двумъ обвиненіямъ: 1) въ составленіи предисловія и примѣчаній противозаконнаго содержанія къ изданному подъ его редакціею переводу книги Эрнста Бехера подъ заглавіемъ: „Рабочій вопросъ и средства къ его разрѣшенію“, и 2) въ напечатаніи статьи преступнаго содержанія подъ заглавіемъ: „Психологическіе этюды“, въ изданномъ имъ сборникѣ „Лучъ“. Эти два дѣла будутъ слушаться въ Судебной Палатѣ тотчасъ по окончаніи дѣла о заговорѣ, на основаніи 1033 ст. Уст. Угол. Суд., также въ усиленномъ составѣ Палаты, опредѣленномъ 1032 статьею; но послѣднее дѣло будетъ разсматриваться при закрытыхъ дверяхъ.

Правительственный Вѣтникъ.

(№№ 156—168, 171—177, 179—180, 182—185, 187, 195—202, 205—206).

Засѣданіе С.-Петербургской Судебной Палаты по дѣлу о заговорѣ, составленномъ съ цѣлю ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи (1-го іюля 1871 г.).

Засѣданіе открыто въ 11 часовъ 40 минутъ утра. Присутствіе составляли: предсѣдатель А. С. Любимовъ, члены Палаты: постоянные: Маркевичъ, Мессингъ, Медвѣдевъ, Шаховъ, Богасевскій; присоединенные члены: с.-петербургскій уѣздный предводитель дворянства князь Трубецкой (за губернскаго предводителя), царкосельскій

¹⁾ Одинъ изъ обвиняемыхъ преданныхъ этимъ обвинительнымъ актомъ суду—студентъ Владиміръ Лихутичъ—умеръ во время содержанія подъ стражею.

уѣздный предводитель дворянства Платоновъ, с.-петербургскій городской голова Погребовъ, волостной старшина 2-й Александровской волости Михайловъ. Обвинялъ прокуроръ С.-Петербургской Судебной Палаты В. А. Половцевъ. Секретарь Гойлевичъ. Защитники подсудимыхъ, присяжные повѣренные: князь Урусовъ (Успенскаго и Волховскаго), Спасовичъ (Кузнецова, Ткачева и Томилова), Арсеньевъ (Прыжова), Соколовскій (Дементьевой), Турчаниновъ (Николаева), Харгулари (Коринскаго) и Дешъ (Флоринскаго). Въ залѣ засѣданія кромѣ того находились многіе присяжные повѣренные—защитники по другимъ группамъ подсудимыхъ, вызванныхъ въ засѣданіе въ качествѣ свидѣтелей.

Предсѣдатель. Объявляю засѣданіе Судебной Палаты открытымъ. Судебная Палата, въ составѣ особаго присутствія постоянныхъ членовъ Палаты и словесныхъ представителей приступить къ разсмотрѣнію дѣла объ обнаруженіи въ 1869 г. въ разныхъ мѣстахъ Имперіи заговорѣ съ цѣлью ниспроверженія установленнаго государственнаго порядка. Это обширное и весьма сложное дѣло, которое въ лѣтописяхъ судебного вѣдомства займетъ не послѣднее мѣсто, обнимаетъ 84-хъ подсудимыхъ, раздѣленныхъ обвинительною властью на 11 группъ, которымъ соотвѣтствуютъ столько же обвинительныхъ актовъ. Всѣ эти обвинительные акты, въ послѣдовательномъ порядкѣ одинъ за другимъ будутъ предметомъ внимательнаго разсмотрѣнія Судебной Палаты и ея обсужденія. Настоящее засѣданіе, а можетъ быть и нѣсколько послѣдующихъ, Судебная Палата посвятитъ разсмотрѣнію и обсужденію перваго обвинительнаго акта, обнимающаго группу 11-ти подсудимыхъ, къ числу которыхъ, какъ извѣстно, отнесены: 1) дворянинъ Петръ Гавриловъ Успенскій, 2) купеческій сынъ Алексѣй Киридовъ Кузнецовъ, 3) отставной коллежскій секретарь Иванъ Гавриловъ Прыжовъ, 4) московскій мѣщанинъ Николай Николаевъ, 5) священнической сынъ Владиміръ Федоровъ Орловъ, 6) дворянинъ Феликсъ Вадимовъ Волховскій, 7) кандидатъ правъ Петръ Никитичъ Ткачевъ, 8) с.-петербургская мѣщанка Александра Дмитріева Дементьева, 9) жена полковника Елизавета Христьянова Томилова, 10) священнической сынъ Иванъ Ивановъ Флоринскій, 11) священнической сынъ Михаилъ Петровъ Коринскій.

Прочтатъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

Въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ 1869 года, въ здѣшнихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, именно: въ Медико-Хирургической Академіи, Университетѣ и Технологическомъ Институтѣ, происходили, какъ навѣстно, безпорядки въ средѣ студентовъ. Безпорядки эти не имѣли, повидимому, другаго характера, какъ выраженіе стремленій учащейся молодежи добиться у начальства разрѣшенія имѣть свою студенческую кассу и права составлять сходки для обсужденія дѣятей этой кассы. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ безпорядки были прекращены; но собранія при разслѣдованіи о причинахъ ихъ свѣдѣнія привели къ мысли, что если, съ одной стороны, внѣшніе признаки университетскихъ событий не давали повода подозрѣвать въ стремленіяхъ студентовъ, какъхъ-либо другихъ цѣлей, кромѣ вышеупомянутыхъ желаній ихъ имѣть свою кассу и сходки, то, съ другой, желанія эти, а съ ними и выражавшая ихъ молодежь, были не болѣе какъ орудіемъ въ рукахъ людей, преслѣдовавшихъ совѣмъ инныя цѣли и бывшихъ главнымъ образомъ причиною безпорядковъ. Тѣмъ не менѣе, въ то время не было еще ясныхъ указаній, кто именно и для какихъ цѣлей подстрекалъ студентовъ къ движеніямъ; сдѣлалось только извѣстнымъ, что въ происходившихъ въ теченіе января и февраля мѣсяцевъ студенческихъ сходкахъ принимали дѣятельное участіе: состоявшій въ то время учителемъ Закона Божія въ приходскомъ Сергіевскомъ училищѣ въ Петербургѣ Сергій Нечаевъ, сынъ священника въ селѣ Ивановѣ, Владимірскаго губерніи, онъ же учитель тамошняго сельскаго училища, Владиміръ Орловъ, бывшій тогда въ Петербургѣ, а также кандидатъ правъ С.-Петербургскаго Университета Петръ Ткачевъ; что, затѣмъ, изъ нихъ Нечаевъ съ чужимъ паспортомъ уѣхалъ 4-го марта 1869 года за границу, а Орловъ неизвѣстно куда скрылся изъ Петербурга. Далѣе, въ концѣ марта того же года, задержано было напечатанное въ типографіи с.-петербургскаго мѣщанина Дементьевой воззваніе подъ заглавіемъ „Къ обществу“, въ которомъ неизвѣстный авторъ, между прочимъ, заявляетъ: „...Протестъ нашъ твердъ и единодушенъ, и мы скорѣе готовы задохнуться въ ссылкахъ и казематахъ, нежели задыхаться и нравственно уродовать себя въ нашихъ Академіяхъ и Университетахъ“. Какъ отдѣльный фактъ, обнаруженіе этого воззванія не привело еще къ раскрытію какого-либо организованнаго тайнаго общества, которому оно, очевидно, служило только однимъ изъ средствъ распространенія его преступныхъ намѣреній, но, тѣмъ не менѣе, обстоятельство это указало на необходимость усилить наблюденіе за разными лицами, обращающимися уже на себя вниманіе Правительства своею политическою неблагонадежностію. Сосредоточивая въ себѣ всѣ изложенныя свѣдѣнія, III-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи признало нужнымъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1869 года произвести, между прочимъ, обыскъ у приказчика книжнаго магазина Черкесова въ Москвѣ, дворянина Петра Успенскаго, занимавшаго въ то время квартиру отдѣльно отъ магазина, въ домѣ купца Камзолкина, Мѣщанской части. Обыскъ этотъ былъ произведенъ 26-го ноября, и результаты его слѣдующіе: 1) Подъ пружинами дивана, за нарушнымъ поперечникомъ, найдена тетрадь синей почтовой бумаги въ восьмую долю листа, въ которой оказалось восемь полулистовъ

и девять листовъ одинаковаго формата; на каждомъ изъ нихъ внизу, къ одной стороне, оттиснута печать овальной формы темно-голубой мастики; внутри печати изображенъ топоръ, а кругомъ надпись: „Комитетъ народной расправы 19-го февраля 1870 года“. 2) Въ распоротомъ, затѣмъ, диванѣ, въ изголовьѣ, подъ клеенчатою обивкою, найденъ заграничный паспортъ за № 168 отъ 3-го марта 1869 года, выданный изъ иностраннаго Отдѣленія Канцеляріи г. московскаго генераль-губернатора московскому мѣщанину Николаю Николаеву. 3) Подъ тою же обивкою, въ среднѣй дивана, найдена печатная $\frac{1}{8}$ листа книжка на неизвѣстномъ языкѣ. 4) Въ мягкомъ креслѣ, подъ парусинною обивкою и такою же поперечною, найдена въ $\frac{1}{8}$ листа печатная тетрадка изъ 16-ти страницъ, напечатанная мелкимъ шрифтомъ, подъ заглавіемъ: „Изданіе общества народной расправы 1869 г., № 1, Москва“. 5) По снятіи съ кресла клеенки, въ бокахъ онаго, найдены 5 бланковъ изъ почтовой синеватой бумаги съ такими же овальными печатами, какъ и листы, найденные въ диванѣ; изъ нихъ одинъ на двухъ листахъ съ № 17 исписанный мелкимъ почеркомъ и озаглавленный: „Изложенія общихъ правилъ сѣти для отдѣленій“, въ 12-ти пунктахъ, причемъ на оборотѣ перваго листа внизу карандашемъ написаны буквы А, В, С; второй на полулистѣ, съ тою же печатью „комитета народной расправы“, на которомъ мелкимъ шрифтомъ написаны 10 пунктовъ подъ заглавіемъ: „Общія правила организаціи“, а внизу подписъ: „Великорусскій отдѣлъ Москва; на третьемъ полулистѣ написано то же самое, что и на второмъ, но другимъ почеркомъ; четвертый, также полулистъ, но безъ оттиска печати, имѣющейся на всѣхъ предыдущихъ, заключается въ себѣ въ 10 написанныхъ пунктахъ тѣ же правила, что и второй и третій полулисты, съ помѣткою „Москва, № 420“; пятый, на четвертушкѣ полубѣлой бумаги, съ проставленнымъ сверху № 1, заключаетъ въ себѣ написанныя разныя фамиліи, противъ которыхъ сдѣланы помѣты съ наименованіемъ городовъ и мѣстностей. 6) Внутри того же кресла вынутъ изъ-подъ клеенки клочекъ бѣлой бумаги, на которомъ карандашемъ написаны цифры, выражающія рубли и корѣйки. 7) На этажеркѣ той же комнаты найдены пять переплетенныхъ тетрадей, въ которыхъ оказались разныя имена и замѣтки, и 8) при осмотрѣ платяна, бывшаго на Успенскомъ, въ карманѣ брюкъ его найдены клочки изорванной бумаги, на которыхъ значились какіе-то круги и линіи. Въ то же время произведенъ былъ обыскъ и въ завѣдываемомъ Успенскимъ книжномъ магазинѣ Черкесова, причемъ найдены, между прочимъ: 1) 14 экземпляровъ революціоннаго воззванія подъ заглавіемъ: „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“, съ вытисненнымъ на каждомъ листѣ бланкомъ слѣдующаго содержанія: „Русскій отдѣлъ всемірнаго революціоннаго союза—Бланки для публики“, и 2) обращеніе студентовъ къ обществу и стихотвореніе Огарева, озаглавленное „Студентъ“.

Въ виду такихъ результатовъ обыска у Успенскаго, признано было необходимымъ: во 1-хъ, произвести обыски и у другихъ лицъ, которыхъ или значились въ найденной у Успенскаго запискѣ, или близкимъ знакомствомъ съ нимъ и отношеніями возбуждали противъ себя подозрѣніе; во 2-хъ, приступить къ строжайшему дознанію для разъясненія происхожденія и цѣли храненія Успенскимъ у себя всѣхъ вышеозначенныхъ документовъ преступнаго свойства.

Изъ собранныхъ тѣмъ и другимъ путемъ свѣдѣній обнаружилось слѣдующее: 3-го сентября 1869 года прибылъ въ Москву изъ Женевы бывший учитель Сергіевскаго приходскаго училища въ Петербургѣ Сергій Геннадіевъ Нечаевъ, который, благодаря знакомству, сдѣланному имъ съ Успенскимъ еще въ февралѣ мѣсяцѣ, до побѣга своего за границу обратился непосредственно къ сему послѣднему сначала въ магазинѣ, а потомъ сталъ бывать и въ квартирѣ. Здѣсь, послѣ долгихъ бесѣдъ о томъ, какъ помочь бѣдствующему народу, который будто бы повсюду питаетъ сильное неудовлетвореніе противъ Правительства, Нечаевъ убѣдилъ Успенскаго составить тайное общество, которое подготовило бы въ народѣ возстаніе, имѣющее цѣлю ниспровергнуть существующій въ государствѣ порядокъ. Затѣмъ, въ непродолжительномъ времени, Нечаевъ, по указанію Успенскаго, свелъ знакомства съ слушателями Петровской Земледѣльческой Академіи, гдѣ онъ слылъ подъ именемъ Ивана Петрова Павлова. Послѣдствіемъ этихъ знакомствъ было то, что Нечаевъ, въ качествѣ посланнаго отъ всемірнаго революціоннаго комитета изъ Женевы, для возбужденія въ Россіи народнаго возстанія, организовалъ изъ слушателей Петровской Академіи тайное общество, съ цѣлю распространенія въ народѣ идеи о необходимости ниспровергнуть существующій порядокъ, указывая при этомъ на 19-е февраля 1870 года, какъ на самый удобный для народнаго движенія день. Чтобы придать своей пропагандѣ болѣе убѣдительный видъ, Нечаевъ учредилъ сношенія съ вновь поступающими въ тайное общество членами посредствомъ особыхъ бланковъ отъ комитета народной расправы съ топоромъ, образцы которыхъ найдены, какъ сказано выше, при обыскѣ у Успенскаго, и составилъ для руководства общія правила организаціи и правила сѣти для отдѣленій, согласно каковымъ правиламъ, лица, склонившіяся къ образованію изъ себя тайнаго общества, должны были сначала составить кружки, каждый въ пять человекъ, изъ кружковъ должны были образоваться отдѣленія и т. д. Такимъ образомъ, на запискѣ, найденной у Успенскаго, значились подъ первыми четырьмя цифрами начальныя буквы фамилій, принадлежавшихъ первымъ членамъ организаціи: Долгову,

Иванову, Кузнецову и Ринману. Все они слушали Петровской Академіи. Противъ этихъ фамилій, въ свою очередь, значились имена тѣхъ слушателей Академіи, которые имъ уже были приглашены въ члены тайнаго общества.

Между тѣмъ, еще прежде начала этого дознанія, именно 25-го ноября того же года, въ Москвѣ, въ прудѣ Петровскаго парка, принадлежащаго Земледѣльческой Академіи, случайно найдено было мертвое тѣло, въ которомъ приглашенными къ осмотру лицамъ узнавъ былъ слушатель той же Академіи Иванъ Ивановъ. По всѣмъ признакамъ первоначальнаго осмотра, Ивановъ оказался убитымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, на шею его затынутъ былъ красный шерстяной шарфъ, на коницахъ котораго оказался привязаннымъ кирпичъ. При этомъ, однакожь, никакихъ признаковъ грабежа замѣчено не было, такъ какъ даже часы оказались въ карманѣ.

Сопоставленіе такихъ обстоятельствъ, какъ состояніе Иванова въ спискѣ членовъ тайной организаціи съ одной стороны и отсутствіе признаковъ ограбленія его при убійствѣ съ другой, подало поводъ подозрѣвать, что смерть Иванова послѣдовала отъ руки человѣка имѣвшаго основаніе мстить ему и вообще заинтересованнаго въ его гибели. Направленное въ этомъ смыслѣ дознаніе раскрыло слѣдующее: Успенскій и задержанный вслѣдъ за обыскомъ у него купеческій сынъ Алексѣй Кузнецовъ, онъ же слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи, объяснили, что убійство Иванова совершенно ими съ участіемъ Сергѣя Нечаева, отставнаго коллежскаго секретаря Ивана Прыжова и московскаго мѣщанина Николая Николаева, по слѣдующему поводу и при нижеозначенныхъ обстоятельствахъ. Образовавъ тайное политическое общество, Нечаевъ, онъ же Павловъ, постоянно говорилъ имъ, что онъ дѣйствуетъ отъ имени комитета, приказанія котораго должны быть безирекословно исполняемы; что, вербуя такимъ образомъ членовъ Петровской Академіи, Нечаевъ пригласилъ и Иванова, который хотя и далъ свое согласіе на вступленіе въ общество, но затѣмъ, на разныхъ собраніяхъ членовъ, заявлялъ постоянно недовѣріе къ словамъ Нечаева о комитетѣ, не желалъ безирекословно подчиняться приказаніямъ послѣдняго, объявляемымъ тѣмъ же Нечаевымъ, и вообще выказывалъ строптивость, намекая даже на то, что онъ отдѣлится отъ общества и образуетъ новое общество подъ своимъ главенствомъ; что подобный образъ дѣйствій Иванова возмущалъ Нечаева, который сталъ возбуждать вопросъ объ обезданіи Иванова и что по этому поводу онъ, Нечаевъ, Успенскій, Прыжовъ и Кузнецовъ сходились сначала у Успенскаго въ квартирѣ, гдѣ былъ составленъ планъ отдѣлаться отъ Иванова чрезъ убійство его, для чего условлено было предварительно увлечь его въ академическій гротъ съ цѣлю открытія, будто бы, тамъ типографіи; потомъ же, именно 21-го ноября, собрались они у Кузнецова, куда пришелъ также и Николаевъ; что тутъ положено было Николаеву отправиться за Ивановымъ, чтобы привести надъ нимъ въ исполненіе означенный планъ, что и было затѣмъ исполнено часу въ 5-мъ 21-го же ноября, т. е. Ивановъ былъ завлеченъ въ гротъ Николаевымъ, гдѣ его ожидали уже Нечаевъ, Успенскій, Прыжовъ и Кузнецовъ, и когда онъ вошелъ, то Нечаевъ бросился на него первый, за нимъ другіе, начали дуть; потомъ Нечаевъ, взявъ у Николаева заранѣе приготовленный пистолетъ, выстрѣлилъ Иванову въ голову. Послѣ этого навязаны были камни на шею и ноги Иванова, а затѣмъ трупъ его оттащили въ прудъ, гдѣ и бросили въ прорубь.

При дальнѣйшемъ развитіи дознанія, кромѣ вышеназложеннаго, обнаружено еще, что послѣ убійства Иванова, именно 22-го ноября, Алексѣй Кузнецовъ, вмѣстѣ съ Нечаевымъ, выѣхали изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ Нечаевъ, съ помощію Кузнецова, привлекъ нѣкоторыхъ студентовъ Земледѣльческаго и Технологическаго Институтъ и Медико-Хирургической Академіи, а также и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, къ вступленію въ члены образованнаго имъ въ Москвѣ тайнаго общества; что затѣмъ, въ концѣ ноября или въ началѣ декабря, онъ, Нечаевъ, когда увидѣлъ, что долѣе оставаться въ Петербургѣ небезопасно, по случаю начавшагося уже тогда дознанія, уѣхалъ въ Москву, откуда вскорѣ, вмѣстѣ съ женою коллежскаго совѣтника Варварою Александровскою, уѣхалъ за границу, въ г. Женеву.

Задержанные, по поводу открытія такихъ данныхъ, въ г. Москвѣ отставной коллежскій секретарь Иванъ Прыжовъ и московскій мѣщанинъ Николай Николаевъ сознались какъ въ принадлежности своей къ тайному обществу, такъ и въ участіи съ Нечаевымъ, Успенскимъ и Алексѣемъ Кузнецовымъ въ убійствѣ Иванова.

Начавшееся затѣмъ по Высочайшему повелѣнію предварительное слѣдствіе разъяснило всѣ вышеназложенныя обстоятельства слѣдующимъ образомъ:

1. Обвиняемый дворянинъ Петръ Гавриловичъ Успенскій, бывший до задержанія прикащикомъ книжнаго магазина, принадлежавшаго петербургскому столичному мировому судѣ Александру Черкесову, въ Москвѣ, на допросахъ 9-го, 10-го и 11-го января 1870 года, показалъ: знакомство его съ Нечаевымъ совершилось такимъ образомъ: въ декабрѣ мѣсяцѣ 1868 года, онъ, Успенскій, прѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ познакомился съ кандидатомъ правъ Петромъ Ткачевымъ; по возвращеніи его въ Москву, въ началѣ 1869 года, Ткачевъ прислалъ къ нему нѣкоего Владимира Орлова съ письмомъ, въ которомъ рекомендовалъ ему Орлова какъ своего хорошаго знакомаго. Орловъ сталъ бывать у него и, въ свою очередь, познакомилъ его съ москов-

скимъ мѣщаниномъ Николаевымъ, а затѣмъ, въ одно изъ своихъ посѣщеній, привелъ къ нему господина, называвагося Павловымъ. Такъ какъ этотъ послѣдній держался какъ-то странно, а между тѣмъ въ то время (время студенческихъ движеній) пропелъ слухъ о бѣгствѣ изъ Петропавловской крѣпости Нечаева, то Успенскій, предположивъ, не есть-ли означенный Павловъ—Нечаевъ, обратился съ вопросомъ въ этомъ смыслѣ къ Орлову; но послѣдній и на этотъ разъ, и на повтореніе того же вопроса впоследствии, отвѣчалъ отрицательно. Затѣмъ Орловъ куда-то скрылся, и какъ слышалъ Успенскій, онъ находился въ Харьковской губерніи, а Нечаевъ, какъ также ему было извѣстно, уѣхалъ за границу. Въ началѣ сентября совершенно неожиданно явился Нечаевъ и прямо съ дороги пришелъ къ нему въ магазинъ. Здѣсь Нечаевъ, назвавшійся уже самъ этою фамиліею, спрашивалъ его о своихъ знакомыхъ: Орловѣ, Николаевѣ, Волховскомъ и другихъ, и, узнавъ отъ него, Успенскаго, что онъ не совсѣмъ безопасенъ, потому что за магазиномъ наблюдаютъ, направился, по указанію Успенскаго, въ Петровско-Разумовскую Академію, гдѣ затѣмъ и основалъ свою главную квартиру. Послѣ этого Нечаевъ сталъ посѣщать его довольно часто, причемъ главнымъ предметомъ разговора было настоящее положеніе вещей и способы измѣненія его къ лучшему. Въ спорахъ по этому предмету онъ, Успенскій, высказывалъ Нечаеву свои мысли, склонившіяся къ мирному развитію народа путемъ распространенія знаний; но Нечаевъ, выразившійся, что „любить народъ—значитъ водить его подъ карточку“, былъ всегда на сторонѣ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ и въ концѣ концовъ убѣдилъ Успенскаго въ необходимости дѣйствовать къ измѣненію настоящаго соціального порядка путемъ революціи. Съ этою цѣлію Нечаевъ предложилъ ему заняться устройствомъ кружковъ. Успенскій согласился; но предварительно Нечаевъ вручилъ ему разныя вещи, какъ-то: а) заграничный паспортъ Николаева; б) небольшую книжечку, отпечатанную шифромъ и заключающую въ себѣ, какъ онъ, Успенскій, узналъ впоследствии, исповѣдь революціонера; с) на бумагѣ записальнѣскою названій лицъ и городовъ, которые лежали на пути его возвращенія изъ-за границы въ Россію, чрезъ Бессарабскую область и Херсонскую губернію; потомъ, чрезъ нѣсколько дней, вручилъ ему: d) прокламаціи „народной расправы“ и „дворянская“ (послѣднія отъ Брюссельскаго дворянскаго революціоннаго комитета) и, наконецъ, передавалъ ему e) печать съ вырѣзанномъ внутри топоромъ и надписью вокругъ: „Комитетъ народной расправы“. Сначала Нечаевъ просилъ спрятать печать, но вскорѣ она ему понадобилась по слѣдующему случаю: въ числѣ разныхъ вещей, данныхъ Нечаевымъ Успенскому, находился какой-то листъ, гдѣ было написано, что предъивитель сего есть довѣренное лицо революціоннаго комитета въ Женевѣ; на листѣ семъ были подписи „Михайлъ Бакуининъ“ и печать съ какими-то словами на французскомъ языкѣ. Нечаевъ объяснилъ, что съ подобнаго рода листомъ будутъ являться ревизоры отъ революціоннаго комитета. Успенскій спряталъ этотъ листъ; а на другой или третій день явился какой-то офицеръ (какъ впоследствии обнаружено, отставной подпоручикъ Иванъ Лихутинъ) съ подобнымъ листомъ въ качествѣ ревизора, и вотъ, на другой день появленія послѣдняго, Нечаевъ сообщилъ Успенскому, что надо сдѣлать бланкъ, для чего и взялъ у него печать, выдавъ ее Прыжову, который, вмѣстѣ съ упомянутымъ офицеромъ и отпечатали, на квартирѣ Успенскаго, какъ ему кажется, 5 экземпляровъ. Такимъ образомъ, согласившись на образованіе кружковъ, Успенскій приступилъ къ дѣятельности, которая началась съ того, что онъ, Нечаевъ, Прыжовъ, купеческій сынъ Павелъ Прокопенко, Римманъ и Долговъ—слушатели Петровской Академіи—собрались въ квартирѣ Долгова, куда подъ конецъ вечера подошелъ Ивановъ, также слушатель Академіи (впоследствии убитый), и здѣсь стали обсуждать предложенія Нечаева объ устройствѣ общества съ цѣлію пропаганды и агитаціи; затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, когда Нечаевъ завербовалъ въ Академію уже достаточное количество членовъ, онъ составилъ правила—на основаніи которыхъ должны были собираться кружки—„общія правила организаціи“, нѣсколько экземпляровъ которыхъ, кромѣ розданныхъ другимъ членамъ Нечаевымъ, хранились у него, Успенскаго; онъ же сталъ вносить въ особый листъ имена тѣхъ, кто въ это время составилъ уже кружки, какъ-то: Кузнецовъ, Ивановъ, Долговъ и друг. Вслѣдъ затѣмъ ему, Успенскому, предложено было тѣмъ же Нечаевымъ сдѣлаться членомъ кружка, но поставленнаго выше другихъ, т. е. составить отдѣленіе, въ члены котораго Нечаевъ выбралъ Прыжова, Алексѣя Кузнецова и Иванова и, для этого онъ, Успенскій, собралъ ихъ въ своей квартирѣ 8-го октября, и тутъ они прочитали уже правила „для отдѣленій“, послѣ чего каждый изъ нихъ избралъ себѣ извѣстный родъ дѣятельности. Такъ Алексѣй Кузнецовъ взялъ на себя дѣятельность въ кругу средняго класса купцовъ, Ивановъ взялъ на себя вѣдѣніе Академіи, Прыжовъ заявилъ желаніе работать въ низшихъ слояхъ общества, среди такъ называемой преступной части общества, въ трущобахъ, лавочкахъ, подземельяхъ и проч., а онъ, Успенскій, по порученію Нечаева, сдѣлался представителемъ отдѣленія. На его обязанности лежало храненіе адресовъ, веденіе кассы, сношенія съ комитетомъ, приемъ разныхъ лицъ, которыя имѣли пріѣзжать изъ другихъ городовъ, и составленіе протоколовъ собраній; кромѣ того онъ, Успенскій, долженъ былъ спосылать съ Долговымъ, приписаннымъ ему каждое воскресенье отчеты о дѣятельности кружковъ, которое онъ, въ свою

очерствѣ, передавалъ на обсужденіе въ собранія членовъ отдѣленія. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи дѣятельность отдѣленія и его, Успенскаго, заключалась въ разрѣшеніи разныхъ затрудненій, встрѣчаемыхъ кружками, разрѣшенія, даваемыхъ обыкновенно на бланкахъ съ печатью, которыя Успенскій вручалъ послѣ отчета Долгову. Подобныя бланки печатались имъ, Успенскимъ, Прыжовымъ и Нечаевымъ, причѣмъ на нихъ писались порученія въ родѣ: „предполагается вамъ ознакомиться съ такою-то“ или „предполагается вамъ вѣрить подателю сего“ и т. п., а внизу каждой приписывалось: „по прочтеніи сжечь немедленно“; сколько разошлось всѣхъ бланковъ Успенскому неизвѣстно, но онъ знаетъ, что Нечаевъ бралъ два раза у него по сту штукъ и куда-то ихъ относилъ, да у него должны были остаться сто штукъ.

Далѣе Успенскій объяснилъ, что когда такимъ образомъ дѣятельность кружковъ и отдѣленія установилась окончательно, то собранія происходили послѣдовательно 11-го, 25-го октября и 4-го ноября, предметомъ которыхъ было обсужденіе дѣятельности разныхъ членовъ и введеніе новыхъ лицъ въ общество; дѣйствія же членовъ заключались въ увеличеніи средствъ кассы, какъ напр., Алексѣемъ Кузнецовымъ принесены были сначала 100 руб. сер., а всего—болѣе 275 р.; Бѣляево, вошедшую уже въ это время въ общество—1 р., и образованіи особаго склада платя, заведеннаго въ квартирѣ Кузнецова, куда Прыжовъ представилъ монашескій костюмъ, Николаевъ—крестьянскій, Нечаевъ—офицерскій. Кромѣ того члены предпринимали поѣздки въ разные мѣста, какъ напримѣръ, Прыжовъ—въ Тулу, онъ, Успенскій—въ Нижній-Новгородъ, гдѣ вручилъ прокламацію нѣкоему Попкову, съ цѣлью склонить его къ вступленію въ общество. О результатахъ этихъ поѣздокъ разсуждалось въ собраніяхъ. Далѣе обсуждались способы воспользоваться начавшимся въ то время волненіемъ въ Московскомъ Университетѣ (такъ называемому полунинскому исторіею), для чего Кузнецовъ и Прыжовъ знакомились съ недовольными студентами, другіе же члены должны были посѣщать студенческія сходки. Нечаевъ же въ это время составилъ прокламацію подъ заглавіемъ: „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“, на экземплярахъ которой Нечаевъ вытиснулъ, съ помощью переданнаго ему Успенскимъ еще въ началѣ октября мѣсяца печатнаго шрифта, слова: „Русскій отдѣлъ всемірнаго революціоннаго союза. Бланки для публики“—и затѣмъ экземпляры ея были розданы по кружкамъ, такъ напримѣръ, имъ Успенскимъ, переданы были Долгову и студентамъ; вообще ихъ разошлось штукъ тридцать—сорокъ. Наконецъ, заботою представляемаго имъ отдѣленія было еще составленіе отчета о дѣятельности общества, который, по словамъ Нечаева, долженъ былъ быть отправленъ за границу и который составилъ онъ, Успенскій, съ Нечасвымъ; отчетъ этотъ должны были везти Прыжовъ и Бѣляева, съ тѣмъ чтобы привести изъ-за границы прокламаціи; но такъ какъ поѣздка не состоялась, то отчетъ остался у него, Успенскаго, въ магазинѣ.

Разъясняя такимъ образомъ исторію образованія тайнаго общества, Успенскій относительно цѣли этого общества и смысла и значенія кружковъ высказался такъ: „прежде всего о цѣли никогда ясно не говорилось, и я былъ бы въ большомъ затрудненіи, если бы мнѣ пришлось формулировать эту цѣль категорично. Разговоромъ спеціально посвященныхъ этому, никогда не бывало, и цѣль эта скорѣе подразумевалась, чѣмъ была постановлена прямо, но все-таки этому подразумеваемому цѣлью было произвести возмущеніе. Я не хочу этимъ сказать, что этой цѣли и служили непосредственно кружки; нѣтъ, они служили ей, но только косвенно; на ихъ долю должна была выпасть такъ называемая „подготовительная работа“. Самое же движеніе, сколько я могъ понять изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразъ Нечаева, должно было начаться среди народа и именно послѣ прекращенія обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ . . . Слова 19-го февраля 1870 г., вырѣзанныя на печати, именно и указываютъ на желаніе воспользоваться народнымъ движеніемъ, которое должно явиться само, просто въ силу ихъ тяжелаго положенія. Роль же кружковъ во всей этой исторіи должна была заключаться, первое время, въ подготовительной работѣ, т. е., всколпненіи капиталовъ, въ направленіи общественнаго мнѣнія, въ поддержаніи агитаціи, какъ сказано въ правилахъ и т. д.

Въ заключеніе Успенскій подтвердилъ все сказанное имъ при дознаніи относительно участія его въ убійствѣ Иванова, причѣмъ, упоминая между прочими подробностями дѣла о башлыкѣ, который былъ взятъ передъ убійствомъ Алексѣемъ Кузнецовымъ у товарища своего Климина и оставленъ на мѣстѣ убійства, добавилъ, что на другой день убійства пришелъ къ нему на домъ Николаевъ и показалъ бланку, приготовленную для Климина, слушателя Петровской Академіи, считавшагося уже въ то время членомъ общества, въ которой говорилось, чтобы Климинъ никому, никогда и нигдѣ не упоминалъ о башлыкѣ, оставшемся на мѣстѣ убійства.

II. Обвиняемый купеческій сынъ, онъ же слушатель Петровской земледѣльческой академіи, Алексѣй Кузнецовъ на допросахъ 7-го января, 23-го февраля, 11-го и 31-го мая и въ особомъ заявленіи послѣ окончанія слѣдствія подтвердилъ сознание свое, данное при дознаніи, какъ въ принадлежности къ тайному обществу, такъ и въ участіи въ убійствѣ Иванова, причѣмъ передалъ обстоятельства, при которыхъ совершалось это преступленіе, въ главныхъ чертахъ согласно съ показаніями обвиняемаго Успенскаго: но кромѣ того Кузнецовъ объяснилъ еще и тѣ событія, которыя

слѣдовали за совершеніемъ убійства Иванова и въ которыхъ обвиняемый Успенскій уже не участвовалъ. На другой день послѣ убійства Иванова—объяснилъ Кузнецовъ—именно 22-го января, онъ, вмѣстѣ съ Нечаевымъ (который былъ извѣстенъ тогда ему подъ именемъ Ивана Петровича) выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, такъ какъ еще въ началѣ ноября мѣсяца онъ, Кузнецовъ, въ Москвѣ отъ Нечаева же получилъ на бланкѣ приказаніе комитета отправиться съ извѣстнымъ лицомъ въ Петербургъ. Приѣхавши сюда 23-го ноября, онъ, по приказанію Нечаева, отправился къ разнымъ лицамъ частью для того, чтобы узнать, дома ли они, и затѣмъ ввести туда Нечаева, частью же для того, чтобы приобрѣтать, по возможности, новыхъ членовъ въ тайное общество. Такъ, онъ былъ у нѣкоей Воронцовой, которая еще при проѣздѣ своемъ черезъ Москву была рекомендована Нечаеву, какъ могущая принять участіе въ обществѣ, княземъ Черкезовымъ, состоявшимъ уже въ обществѣ; былъ у двухъ братьевъ и сестры Лихутиныхъ, къ которымъ послалъ его Нечаевъ и въ одномъ изъ которыхъ, именно въ старшемъ братѣ, Иванѣ Лихутинѣ, узнать того самаго офицера, который приѣзжалъ въ Москву на собраніе ихъ центрального кружка въ качествѣ ревизора отъ комитета; ходилъ нѣсколько разъ къ слушателю Технологическаго Института Константину Рослякову, у котораго пребывалъ Нечаевъ, чтобы отдавать послѣднему отчетъ въ розысканіи или нерозысканіи тѣхъ личностей, къ которымъ посылалъ его Нечаевъ. Когда же потомъ Нечаевъ переехалъ отъ Рослякова въ Лѣсной Корпусъ, въ казенное зданіе, къ одному изъ слушателей Земледѣльскаго Института, то Кузнецовъ получилъ отъ него приказаніе заняться обращеніемъ въ общество двухъ студентовъ института Топоркова и Святскаго, подготовленныхъ уже Нечаевымъ, вслѣдствіе чего онъ, Кузнецовъ, прочелъ имъ правила общей организаціи, далъ списать стихотвореніе „Студентъ“, и по три экземпляра „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“, которые они должны были разбросать на имѣющемъ быть собраніи студентовъ; кромѣ того вручена была имъ особая азбука, посредствомъ которой должны были писаться отчеты о ихъ дѣятельности какъ новыхъ членовъ; потомъ, передъ отъѣздомъ своимъ обратно въ Москву, Нечаевъ вручилъ Кузнецову запечатанный конвертъ, въ которомъ заключалось приказаніе отъ комитета хранить всѣ бумаги до возвращенія № 2.664 (подъ этимъ номеромъ подразумевался самъ Нечаевъ); бумаги же состояли изъ четырехъ конвертовъ, въ которыхъ, въ свою очередь, были положены извѣстныя уже синія бланки съ топорами, листъ съ разными фамиліями петербургскихъ знакомыхъ Нечаева и съ выставленными противъ этихъ фамилій разными условными знаками, выражающими характеристику извѣстныхъ лицъ. Этотъ листъ предзнаначался, какъ будто бы комитетомъ, всѣмъ новымъ членамъ общества для руководства при составленіи въ Петербургѣ 9-го отдѣленія организаціи; далѣе въ тѣхъ же пакетахъ находилась прокламація Нечаева къ студентамъ, прокламація Бакунина, печатное стихотвореніе Огарева „Студентъ“, въ которомъ воспѣвается Нечаевъ, и еще написанный особымъ шрифтомъ приказъ комитета объ отправленіи въ Петербургъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что въ Петербургѣ № 2.664 можетъ обратиться за нужными свѣдѣніями къ нѣкому Артуру, подъ которымъ, какъ объяснилъ Нечаевъ Кузнецову, слѣдовало разумѣть инженера Михайлова. Объясняя все наложенное, Кузнецовъ добавилъ, что означенные пакеты и бумаги съ прибавленіемъ къ нимъ бывшихъ у него по одному экземпляру: „Общая правила организаціи“ и „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“, онъ по отъѣздѣ Нечаева, именно 2-го декабря, передалъ приѣхавшему въ то время изъ Москвы въ Петербургъ князю Варлааму Черкезову для того, чтобы онъ въ свою очередь, передалъ ихъ на храненіе въ извѣстное ему Черкезову, мѣсто, а адресъ этого мѣста принесъ бы Кузнецову, но на другой день, именно со 2 на 3 декабря, онъ былъ арестованъ и адреса не получилъ.

Затѣмъ, разъясняя участіе свое въ образованіи въ Москвѣ тайнаго общества, Кузнецовъ заявилъ, что дѣятельно онъ принесъ въ кассу общества болѣе 200 р. сер.; что онъ уговаривалъ князя Черкезова, прикащика магазина Черкесова Скипскаго, брата своего Семѣна Кузнецова и братьевъ Рязанцевыхъ (слушателей Академіи) вступить въ члены общества; что онъ образовалъ у себя складъ костюмовъ; что, заботясь о наибольшемъ приобрѣтеніи денежныхъ средствъ для общества; онъ составилъ особые листы съ надписью: „въ пользу пострадавшихъ“ и предлагалъ ихъ многимъ частнымъ лицамъ, прося пожертвованій въ пользу будто бы бѣдныхъ студентовъ.

Относительно участія своего въ убійствѣ Иванова, Кузнецовъ, подтверждая все сказанное Успенскимъ, прибавилъ, что когда Ивановъ былъ убитъ, Нечаевъ обыскалъ трупъ, причемъ вынулъ изъ кармана портмоне съ деньгами, какія то бумажки и снялъ пальто, и что онъ, Кузнецовъ, возвращаясь уже домой, разбросалъ на дорогѣ переданныя ему Нечаевымъ деньги Иванова, а придя къ себѣ въ квартиру куда собрались всѣ участвовавшіе въ убійствѣ, онъ сжегъ въ топившейся печкѣ свою окровавленную рубашку, бывшую во время убійства на Нечаевѣ, шапку Иванова, захаченную Нечаевымъ вмѣсто своей и вышеупомянутыя бумажки.

Наконецъ, пѣлъ тайной организаціи вообще и назначеніе кружковъ въ частности Кузнецовъ объяснилъ слѣдующимъ образомъ: „пѣлъ кружковъ организаціи была двоякая: одни члены должны были вербовать людей въ общество, чрезъ посредство которыхъ должны были увеличиваться силы и средства общества, а другіе кружки

составлялись из людей, которых брали частью из прежде составленных кружковъ, частью набирались из новыхъ людей; назначеніе послѣднихъ было дѣйствовать на народъ непосредственно. Вообще вопросъ о томъ, что будетъ послѣ возстанія, Ивановъ Петровичемъ не разъяснился, онъ указывалъ только на необходимость энергично работать въ кружкахъ, не задавая мыслью о томъ, что сдѣлаетъ впередъ самъ народъ; 1870 годъ имѣлъ въ его глазахъ главнымъ образомъ значеніе определенной точки отправления; положеніе же 19-го февраля и толки въ литературѣ давали поводъ представить ему для насъ эту точку отправления невозможно. Для тѣхъ же, кто этому не вѣрилъ, онъ указывалъ на 1870 годъ какъ на средство заставить энергичнѣе работать“. При обыскѣ у Кузнецова въ квартирѣ его въ Петербургѣ, 3-го декабря 1869 года, между прочимъ, найдены: а) 14 рекомендательныхъ писемъ, взятыхъ Кузнецовымъ отъ Успенскаго и Нечаева передъ поѣздкою въ Петербургъ изъ Москвы 22-го ноября 1869 года; б) вспомогательная книжка изъ сельскихъ хозяевъ, въ кой значутся разные замѣтки о днѣ и о часѣ собранія кружковъ и адреса разныхъ лицъ, къ которымъ Кузнецовъ обращался въ качествѣ члена тайнаго общества и, кромѣ того, ключъ къ шифру; и в) телеграмма изъ Москвы въ Петербургъ, отъ 4-го декабря, въ кой говорится о полученіи его денегъ; подписана „Княжескій“ (имя, которымъ назывался Нечаевъ).

III. Задержанный 27-го ноября 1869 года обвиняемый, отставной коллежскій секретарь Иванъ Гавриловъ Прыжовъ въ показаніяхъ своихъ объяснилъ, что, не отриная участія своего въ образованіи тайнаго общества и въ совершеніи убійства надъ Ивановымъ съ фактической стороны, онъ, однако жъ, не можетъ признать нравственнаго, обдуманно-сознательнаго участія своего въ этихъ преступленіяхъ, такъ какъ дѣйствовалъ постоянно подъ вліяніемъ хитрости и обмана Нечаева, извѣстнаго ему подъ именемъ Павлова. Тѣмъ не менѣе въ разсказѣ своемъ Прыжовъ не отрицаетъ ни одного факта, заявленнаго обвиняемыми Успенскимъ и Кузнецовымъ, и прибавляетъ слѣдующее: узналъ онъ Нечаева подъ именемъ Петрова, или Павлова, въ началѣ августа, (по дѣлу видно, что Прыжовъ ошибается, указывая на августъ вмѣсто сентября) 1969 года, когда къ нему, однажды утромъ, пришелъ какой то неизвѣстный сербъ съ письмомъ отъ знакомаго ему Каравелова, живущаго въ Букарестѣ, гдѣ говорилось, что къ нему, Прыжову, явится какой-то агитаторъ, и вмѣстѣ съ сербомъ пришло неизвѣстное лицо по имени Петровъ, или Павловъ, съ запискою отъ Успенскаго. Послѣ нѣкоторой бесѣды съ Павловымъ послѣдній сталъ приглашать его принять на себя организацію низшаго класса городскихъ населеній, именно: дворниковъ, извозчиковъ, хлѣбниковъ, почтальоновъ и др., и кромѣ того, составить изъ всѣхъ его московскихъ знакомыхъ кружокъ съ цѣлью сдѣлать ихъ агентами народнаго движенія въ разныхъ губерніяхъ. Прыжовъ отъ всего этого отказался; но тутъ же, по просьбѣ Павлова, набросалъ на клочкахъ бумаги нѣсколько прокламацій къ вольнымъ женщинамъ, чиновникамъ и къ Малороссіи. Одна или, лучше сказать, нѣкоторыя мысли одной прокламаціи вошли въ напечатанную затѣмъ въ Женевѣ и присланную Нечаевымъ въ Россію въ числѣ многихъ другихъ прокламацій подъ названіемъ „До громады“. Далѣе Прыжовъ объясняетъ, что собственно членомъ организаціи онъ не былъ, но исполнялъ безпрекословно разныя порученія Павлова и „отдѣленія“; такъ онъ ѣздилъ въ село Иваново, Владимірской губерніи, къ проживающему тамъ купцу Зубкову, съ цѣлью напомнить ему объ обѣщанныхъ послѣднимъ Нечаеву 10.000 р., но не былъ Зубковымъ принятъ, ѣздилъ также въ Тулу, по порученію и на деньги Павлова, за мѣшаниномъ Николаевымъ (извѣстнымъ ему тогда подъ именемъ Александра Васильевича), котораго, и доставилъ въ Москву; писалъ, по порученію того же Павлова, письмо въ Петербургъ къ нѣкоей Лихутиной, увѣдомляя ее о смерти Нечаева; досталъ по порученію „отдѣленія“, въ одной лавочкѣ за 5 коп. нѣсколько старыхъ паспортовъ и съ этою же цѣлью велъ переговоры съ чиновникомъ Цеховой Управы Ильинскимъ; равнымъ образомъ досталъ отъ знакомаго священника старую ясу, будто бы для бѣднаго священника, и 12 р., подъ видомъ помощи бѣднымъ студентамъ, на самомъ же дѣлѣ и то и другое для „общества“; бывалъ въ собраніяхъ „отдѣленія“; приготавливалъ бланки, прикладывая печать комитета народнаго расправы, съ топоромъ, къ листамъ почтовой бумаги и, наконецъ, пзъявлялъ готовность ѣхать въ Женеву для представленія Огареву и Бакунину отчета о дѣятельности тайнаго общества. Кромѣ того, Прыжовъ, по его показанію, имѣлъ порученіе дѣйствовать въ средѣ уволенныхъ студентовъ Московскаго Университета, чтобы перенести въ послѣдній то устройство организаціи, которое заведено уже было въ Петровской Академіи, и съ этою цѣлью онъ приглашалъ къ себѣ нѣкоторыхъ студентовъ, подъ предлогомъ содѣйствія подпискѣ на пожертвованія въ пользу исключенныхъ, причѣмъ одному изъ нихъ, Бутурлину, вручилъ стихотвореніе Огарева, посвященное Нечаеву. Затѣмъ, когда у Успенскаго произведенъ былъ обыскъ, онъ, Прыжовъ, поспѣшилъ въ книжный магазинъ Черкесова, гдѣ за пачкою согласно заранее данному ему Успенскимъ указанію, взялъ какой то пакетъ и сжегъ его; сверхъ того, взялъ нѣсколько пакетовъ съ деньгами и передалъ ихъ на храненіе своей женѣ.

(Объясняя конечную цѣль тайнаго общества, Прыжовъ показалъ, что онъ изъ

перваго разговора съ Нечаевымъ уразумѣлъ, что его цѣль была крайне радикальна и, но подробностей плана, съ помощью котораго эта цѣль могла быть осуществлена въ дѣйствительности, онъ не зналъ; знаетъ только, что Нечаевъ, предлагая ему ѣхать за границу съ отчетомъ, настоятельно просилъ, чтобы онъ въ Женевѣ никому ни однимъ словомъ не упоминалъ, что дѣлается въ Россіи, но чтобы на все вопросы отвѣчалъ „не знаю“; вмѣстѣ съ тѣмъ Прыжовъ заявилъ, что Нечаевъ, на вопросы его о томъ, что будетъ, если революція сдѣлаетъ свое дѣло, показывалъ ему найденную при обыскѣ у Успенскаго книжечку, напечатанную условнымъ шрифтомъ и давалъ понять, что въ ней заключается конечная цѣль всякаго революціоннаго движенія, такъ что знакомство съ нею должно быть искоюю цѣлью всякаго агитатора, прибавивъ тутъ же, что книжечка эта есть знакъ, по которому узнаютъ членовъ комитета.

IV. Обвиняемый, московскій мѣщанинъ Николай Николаевъ на допросахъ 23-го февраля и 30-го мая, а также и при дознаніи, сознался въ принадлежности своей къ тайному обществу и въ участіи въ убійствѣ слушателя Петровской Академіи Иванова, присвокупивъ къ обстоятельствамъ, разсказаннымъ вышеупомянутыми обвиняемыми, слѣдующее: еще въ началѣ 1869 года, именно въ январѣ мѣсяцѣ, когда онъ проживалъ въ Москвѣ, пріѣхалъ къ нему, Николаеву, изъ Петербурга знакомый его, сельскій учитель с. Иванова, Владимірской губерніи, Владиміръ Орловъ, который сообщалъ, что въ Петербургѣ происходитъ безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и что главнымъ двигателемъ студенческаго волненія былъ близкій знакомый его, Орлова, учитель Сергѣй Нечаевъ, который съ товарищами своими—недовольными какъ и онъ настоящимъ порядкомъ правленія, возмѣли желаніе измѣнить его путемъ революціи; что для этого, какъ говорилъ Орловъ, нужно сначала подготовить народъ, а подготовить его можно только тогда, когда въ средѣ его будутъ работать развитые люди, и вотъ, съ этою то цѣлью, Нечаевъ и его товарищи подняли движеніе между студентами, предвидя, что большинство ихъ разошлется по всемъ концамъ Россіи; черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ въ Москву Нечаевъ, и такъ какъ, по словамъ его, онъ былъ преслѣдуемъ полиціею, то сначала Орловъ передалъ ему свой паспортъ для побѣга за границу, а когда съ этимъ паспортомъ, выданнымъ только на проживаніе въ Россіи, бѣжать оказалось неудобнымъ, то онъ, Николаевъ, уступая просьбамъ Нечаева и Орлова, выхлопоталъ на свое имя заграничный паспортъ 3-го марта 1869 года и передалъ его Нечаеву, который и уѣхалъ за границу на деньги 200 руб. сер., привезенные ему Орловымъ изъ с. Иванова. Затѣмъ, онъ, Николаевъ, не имѣя ни вида, ни пристанища, странствовалъ то во Владимірскую губернію изъ Москвы, то обратно, пока, наконецъ, въ іюль мѣсяцѣ того же года, не основалъ своего мѣсто жительства въ г. Тулѣ, куда пріѣхалъ изъ Москвы съ взятымъ посредствомъ обмана у мѣщанина Александра Бѣлкова паспортомъ и гдѣ опредѣлился плотникомъ въ одной плотничной артели. Передавая свои похождения въ продолженіе этого времени, т. е., отъ начала марта, когда онъ передалъ Нечаеву свой паспортъ, и до середины іюля мѣсяца 1869 года, когда онъ прибылъ въ Тулу, Николаевъ, между прочимъ, говоритъ, что онъ 3-го марта, сложивъ свои вещи у Успенскаго, отправился съ данною ему Орловымъ запискою къ студенту Московскаго Университета Маврицкому, жившему тогда во Владимірской губерніи, въ селѣ, недалеко отъ Шуёско-Ивановской желѣзной дороги, который и позволилъ ему пробывать нѣкоторое время у него; 20-го марта къ этому Маврицкому прибылъ изъ Петербурга студентъ Медицинской Академіи Михаилъ Коринскій, также съ запискою отъ Орлова, и сказалъ, что такъ какъ его тоже преслѣдуетъ полиція, то онъ намѣренъ достать крестьянскій паспортъ и идти работать въ народъ; что Орловъ ему поручилъ сѣздить въ с. Иваново и завести тамъ знакомство съ людьми, извѣстными уже Орлову какъ годными къ пропагандѣ. Вслѣдствіе этого онъ, Николаевъ, на другой день отправился съ Коринскимъ въ с. Иваново и остановился у тамошняго бібліотекаря Ивана Флоринскаго. Къ послѣднему Николаевъ потомъ заходилъ не разъ самъ и разсказалъ ему о перечахъ имъ своего паспорта Нечаеву, вслѣдствіе чего Флоринскій, во вниманіе къ его бѣдственному положенію, написалъ записку къ ивановскому купцу Зубову о ссудѣ его, Николаева, деньгами, и онъ дѣйствительно получилъ 15 р. сер. Затѣмъ, уже находясь въ Тулѣ, онъ писалъ изъ своихъ знакомыхъ только къ Флоринскому и потому полагаетъ, что Нечаевъ по пріѣздѣ въ Россію могъ узнать о мѣстѣ его пребыванія отъ Флоринскаго. Такимъ образомъ въ Тулѣ онъ прожилъ до 20-го октября, когда къ нему пріѣхалъ Прыжовъ, котораго онъ зналъ прежде и который, приглашая его съ собою въ Москву, сказалъ, что тамъ затѣвается одно дѣло въ широкихъ размѣрахъ, вслѣдствіе чего онъ въ тотъ же день и уѣхалъ въ Москву. Здѣсь, увидавъ въ квартирѣ Успенскаго Нечаева, онъ услышалъ отъ послѣдняго, что онъ прибылъ въ Россію изъ-за границы, потому что теперь настало время работать въ томъ духѣ, какъ высказывалъ онъ, Нечаевъ, прежде, т. е. „организовать молодежь съ цѣлью работать въ народѣ, вести въ немъ пропаганду и поднять его“. Далѣе, разъясняя свое участіе въ начавшемся затѣмъ образованіи кружковъ—участіе, состоявшее въ томъ, что Николаевъ переписывалъ прокламаціи („Отъ сидѣвшихъ къ разрозненнымъ.“ на бланкахъ, на которыхъ значилось печатными буквами: „Всемір-

ный революционный комитетъ. Русскій отдѣлъ. Бланка для публѣки“, — переписывалъ „правильную организаци“, бывалъ на собраніяхъ членовъ кружковъ, передавалъ, будто бы отъ имени комитета, бланки съ приказаніемъ, какъ напр., слушателю Петровской Академіи Рипману, спрятали типографскій шрифтъ, данный ему Нечаевымъ, разъясняя вообще подробности дѣятельности общества, согласно съ заявленіями, данными объясненіями Успенскимъ, Кузнецовымъ и Прыжовымъ — Николаевъ прибавляетъ, что онъ не оставилъ своей дѣятельности и послѣ отъѣзда Нечаева съ Кузнецовымъ въ Петербургъ и даже послѣ ареста Успенскаго; такъ, онъ, на другой день послѣ убійства Иванова, по порученію Успенскаго, купилъ синей мастики съ подушечкою для печатанія бланковъ „народной расправы“, написалъ подъ диктовку Успенскаго бланку для Климина, предупреждающую послѣдняго на счетъ строгаго молчанія о башлыкѣ его, оставшемся на мѣстѣ убійства, и самъ снесъ ее Климину, затѣмъ, взявъ деньги у Прыжова и другаго члена общества Коведяева, отправился въ Петербургъ съ цѣлью предупредить Нечаева и Кузнецова объ арестѣ Успенскаго, но, не заставъ уже Нечаева въ Петербургѣ, вернулся въ Москву; отсюда съ Нечаевымъ ѣздилъ въ Тулу для подготовки нѣкоей Александровской фхаты съ Нечаевымъ за границу, причемъ онъ, Николаевъ, долженъ былъ взять изъ Тулы служанку Александровской, Мартынову, привезти ее въ Москву, нанять тамъ ее именемъ квартиру, которая служила бы притономъ для скрывающихся членовъ общества, что и исполнилъ; потомъ ѣздилъ снова въ Петербургъ, съ цѣлью убѣдить жену поручика Юлію Бобарыкову отправиться, по порученію Нечаева, также за границу, въ Женеву; наконецъ, чрезъ эту же Бобарыкову, прибывшую потомъ въ Москву, написалъ въ Женеву къ Нечаеву записку, въ которой увѣдомлялъ послѣдняго, что два притона (т. е. квартиры въ домѣ Петровой, на Разгуляѣ, и въ домѣ Корчагина, въ Дьяковскомъ переулкѣ) уже готовы и что его, Николаева, разыскиваютъ.

Кромѣ всего вышеназложеннаго Николаевъ далъ еще слѣдующія объясненія: за недѣлю до масляницы 1869 года, въ то время, когда жилъ у него вышеупомянутый учитель с. Иванова Владиміръ Орловъ, къ послѣднему пріѣхалъ изъ Петербурга знакомый его, кандидатъ правъ Петръ Ткачевъ съ мѣщанкою Дементьевою: познакомили Николаева съ пріѣзжими, Орловъ сказалъ ему, что Дементьева привезена Ткачевымъ для того, чтобы найти ей жениха, а это нужно, въ свою очередь, для того, чтобы получить право располагать деньгами Дементьевой для устройства подпольной типографіи съ цѣлью печатанія въ ней различныхъ нецензурныхъ сочиненій; до совершенія же брака трудно было добыть принадлежащія Дементьевой деньги, такъ какъ онѣ находились у опекуна. Объяснивъ ему это, Орловъ сталъ просить его жениться на Дементьевой, съ тѣмъ чтобы немедленно разойтись съ нею, и онъ, Николаевъ, согласился, выхлопоталъ уже себѣ позволеніе епархіальнаго начальства, но обвѣнчаться не успѣлъ, такъ какъ прібыли они, т. е. онъ, Орловъ, Ткачевъ и Дементьева, слишкомъ поздно, въ послѣдній день передъ масляницею, на мѣсто вѣнчанія, и прятъ имъ откаазалъ. Далѣе Николаевъ прибавляетъ, что когда онъ, послѣ предпринятаго имъ по отъѣздѣ Ткачева, Орлова и Дементьевой изъ Москвы путешествія, пришелъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1869 года, обратно въ Москву къ Успенскому, то послѣдній говорилъ ему, что Ткачевъ арестованъ за написаніе прокламаціи „Къ обществу“, и что печатаніе этой прокламаціи производилось въ типографіи Дементьевой. Признавая затѣмъ всѣ относящіяся къ его участию подробности убійства Иванова, Николаевъ объяснялъ, что портмоне у убитаго Иванова вытащилъ онъ, и что, кромѣ прокламаціи и бланки для сбора денегъ въ пользу „страдающихъ студентовъ“, ничего въ немъ не нашли, разсчитывали же найти деньги.

V. По поводу всѣхъ этихъ разъясненій, сдѣланныхъ обвиняемыми Успенскимъ и Николаевымъ, привлеченъ былъ къ дѣлу, въ качествѣ обвиняемаго, задержанный въ іюнѣ мѣсяцѣ 1869 года, по распоряженію III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, сельскій учитель с. Иванова, Владимірской губерніи, Владиміръ Орловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ произведены были новые обыски въ московскомъ книжномъ магазинѣ Черкесова, которымъ завѣдывалъ Успенскій, причемъ: а) по обыску 7-го января 1870 года найдены на чердакѣ забытые въземлю девяносто пять экзешлярровъ полулистовъ почтовой бумаги съ оттискомъ въ видѣ овальной печати съ надписью вокругъ: „комитетъ народной расправы 19 февраля 1870 года“ и съ изображеніемъ топора въ срединѣ и, кромѣ того, жестяная коробка съ подушкою и пузыркомъ, спичекъ черниль; б) по обыску 11 января 1870 года въ жерловой трубѣ найдены свиновыи сборъ литеръ въ 7 строкъ и при нихъ таковой же сборъ въ одну строку, изъ коихъ 7 строкъ составляютъ слова: Русскій отдѣлъ всемірнаго революціоннаго союза. Бланка для публѣки; в) по обыску 12-го и 13-го января въ числѣ различныхъ бумагъ найдены двѣ рукописи: изъ нихъ первая на двухъ листахъ почтовой бумаги, безъ подписи, содержаніе которой составляетъ послѣдовательное развитіе революціонной пропаганды, начиная съ весны 1869 года и оканчивая весною 1870 года, когда, по словамъ рукописи, должно быть народное возстаніе, а вторая, также на двухъ листахъ болѣе мелкаго шрифта, состоитъ изъ ряда замѣтокъ, относящихся къ вопросу о политическихъ переворотахъ: наконецъ д) при обыскѣ 10-го февраля, между прочимъ, найдены заклеенный наглухо конвертъ безъ адреса и въ немъ четвертушка поч-

товой бумаги съ словами: „12-го мая 1869 года № 1. Податель сего есть **одинъ** изъ довѣренныхъ представителей русскаго отдѣла Всемирнаго революціоннаго союза. 2771“ и, кромѣ того, на этой же запискѣ вытиснена овальная формы печать синей краской съ надписью на французскомъ языкѣ: „alliance révolutionnaire européenne. Comité générale“; при этомъ же обыскѣ, въ пространствѣ между домомъ магазина и сосѣднимъ, въ стѣнѣ, въ шели между двумя кирпичами, найдена мѣдная овальная печать съ изображеніемъ въ срединѣ топора и съ надписью кругомъ: „Комитетъ народной расправы 19 февраля 1870 г.“.

VI. Спрошенный относительно найденныхъ вещей, обвиняемый Успенскій, признавая печать, жестяную коробку, сборъ литеръ и бланки за тѣ самыя, которые были въ употребленіи въ тайномъ обществѣ, объяснилъ, что и вышеупомянутый бланкъ съ французскою надписью, писанный рукою Бакунина, тотъ самый, о которомъ онъ показывалъ какъ объ оставленномъ у него Нечаевымъ на случай предьявленія подобнаго же бланка лицомъ, могущимъ явиться въ качествѣ ревизора; относительно же найденныхъ у него рукописей, въ числѣ другихъ бумагъ, показалъ, что бумаги эти принадлежать не ему, а нѣкоей Антоновой и дворянину Волховскому, и отданы ими на сохраненіе сначала Прыжову, а потомъ ему; онъ же, не разбирая ихъ, положилъ на то мѣсто, въ магазинѣ, гдѣ онѣ и найдены, такъ что содержаніе двухъ вышеупомянутыхъ рукописей ему вовсе незнакомо.

VII. Привлеченный, какъ сказано выше, къ слѣдствию слыш священника и бывшій сельскій учитель Владиміръ Орловъ показалъ, что, въ концѣ 1868 года, онъ изъ с. Иванова прибылъ въ Петербургъ, съ цѣлю опредѣлиться въ Университетъ, и тутъ остановился у знакомаго своего и земляка, учителя приходскаго училища Сергѣя Нечаева. Въ то время въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ начались уже безпорядки, и онъ, по предложенію Нечаева, сталъ посѣщать студенческія сходки, собиравшія не помнитъ у кого, но помнитъ только, что онъ былъ и у кандидата правъ Петра Ткачева, съ которымъ его познакомилъ Нечаевъ. У Нечаева также собиравлись иногда студенты, и когда послѣдніе заводили рѣчь о томъ, чтобы образовывать кружки по пяти и десяти человекъ для осуществленія образовательныхъ и другихъ полезныхъ предпріятій, то Нечаевъ замѣчалъ, что образованіе кружковъ вещь полезная, но не для тѣхъ цѣлей, а для объединенія студентовъ; болѣе ясно онъ мысли своей не высказывалъ. Не имѣя возможности долго оставаться въ Петербургѣ, за истеченіемъ срока паспорту, Орловъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1869 года, выѣхалъ на родину и, проѣзжая Москву, остановился тамъ у знакомаго своего по селу Иванову мѣщанина Николаева; въ Москвѣ же онъ познакомился, съ помощію даннаго ему въ Петербургѣ вышеупомянутымъ Ткачевымъ рекомендательнаго письма, съ Успенскимъ, а чрезъ него и съ дворяниномъ Волховскимъ, на котораго также Ткачевъ указывалъ въ своемъ письмѣ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ его приѣзда въ Москву туда же прибылъ изъ Петербурга Нечаевъ, который, увѣривъ его, что бѣжалъ изъ крѣпости, гдѣ былъ задержанъ за студенческую исторію, выманилъ у него паспортъ и съ нимъ уѣхалъ въ Киевъ, чтобы затѣмъ черезъ Одессу уѣхать за границу; затѣмъ, вскорѣ по отъѣздѣ Нечаева, въ Москву прибылъ Ткачевъ съ Деметьюево. Еще раньше въ Петербургѣ, Ткачевъ предлагалъ ему, Орлову, жениться для формы на Деметьюеву, для того, чтобы она имѣла право распорядиться деньгами, хранившимися въ кредитной установленіи; деньги же, какъ говоритъ Орловъ, нужны были для общества взаимнаго или страхованія, или вспомошествованія, которое хотѣлъ образовать Ткачевъ, но онъ, Орловъ, находясь въ Москвѣ послѣ выдачи своего паспорта Нечаеву увидѣлъ невозможность жениться и увѣдомилъ объ этомъ письмомъ Ткачева, указавъ на Николаева. Вслѣдствіе этого письма, онъ полагаетъ, Ткачевъ и приѣхалъ въ Москву и обратился къ Николаеву. Послѣ неудачи Ткачевъ съ Деметьюево уѣхалъ въ Петербургъ, а въ Москву въ это время возвратился изъ Одессы Нечаевъ, объяснившій что его было задержали, но онъ ушелъ и теперь хочетъ достать себѣ заграничный паспортъ; паспортъ вскорѣ, какъ извѣстно, досталъ ему Николаевъ; покуда же Нечаевъ былъ въ Москвѣ, онъ, Орловъ, познакомилъ его, подъ именемъ Павлова съ Успенскимъ, былъ съ нимъ также у студента Лопатина, у котораго въ то время были Волховскій и Антонова, причемъ Нечаевъ говорилъ о пользѣ и необходимости протестовъ со стороны студентовъ. Когда потомъ Нечаевъ уѣзжалъ, уже 4-го марта, за границу, то, разставаясь съ нимъ, Орловымъ, высказалъ ему свое намѣреніе поднять пародъ къ возстанію, причемъ опредѣлялъ даже время.—Орловъ не помнитъ какое, но помнитъ только, что очень непродолжительное. Нечаевъ хотя и не передавалъ ему плана своихъ дѣяствій, но говорилъ, что необходимо дѣйствовать въ этомъ направленіи на семинаристовъ, какъ людей, ближе стоящихъ къ народу, что люди, посвятившіе себя этой дѣятельности, будутъ переѣзжать съ агитаціонною цѣлю изъ города въ городъ; при этомъ фамилій не называлъ, а говорилъ только, что люди есть и просилъ его, Орлова, содѣйствовать, на что онъ и согласился, побуждаемый личными интересами, ѣхать въ Петербургъ, куда его влекла, какъ говоритъ Орловъ, любовь къ одной женщинѣ. Никакихъ особыхъ инструкцій Нечаевъ ему, Орлову, не давалъ, а рекомендовалъ только отираться въ Петербургъ и поддерживать тамъ студенческое движеніе, причемъ вручилъ

ему десять или пятнадцать адресовъ разныхъ личностей, съ которыми слѣдовало познакомиться, какъ съ сочувствующими плану Нечаева; но онъ, Орловъ, фамилій этихъ лишь, кромѣ одной, кажется Негрескула, не помнитъ, потому что потерялъ эти адреса. Кромѣ всего сказаннаго, Нечаевъ при отъѣздѣ упомянулъ, что паспортъ возвратитъ Николаеву черезъ лицо, которое будетъ прислано изъ-за границы вести дѣло народнаго возстанія.

Такимъ образомъ Орловъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1869 года, прибылъ опять въ Петербургъ. Здѣсь онъ остановился у знакомой Нечаева, жены полковника Елизаветы Томиловой, ходилъ на одну студенческую сходку и затѣмъ, дождавшись закрытія Медико-Хирургической Академіи, уѣхалъ изъ Петербурга, но передъ отъѣздомъ оставилъ Томиловой, по ея просьбѣ, двѣ записки, въ которыхъ просилъ своихъ друзей послѣ него довѣрять Томиловой такъ, какъ бы ему самому. Записки эти, доставленныя къ слѣдствию въ копіяхъ III Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, слѣдующаго содержанія: первая—„Всѣ друзья по дѣлу! Вы, которымъ знакомы имена Нечаева, Ралли, Аметистова и проч., довѣрьтесь во всемъ Томиловой и всѣмъ на кого укажетъ она. — Ей передать весь планъ нашего дѣла и чрезъ нее Вы найдете и средства и лучшихъ друзей для продолженія нашего дѣла“. Подписано: „Орловъ“; вторая — „Всѣ друзья мой по дѣлу! Вы, которымъ знакомы имена Ралли, Нечаева и друзей ихъ, довѣрьтесь этой Г-жѣ, какъ вы довѣряли имъ и довѣряете мнѣ. Ей передать весь ходъ дѣла, чрезъ нее Вы можете узнать и пользоваться всѣми нашими средствами и всѣми друзьями, которыхъ имѣли мы; я пишу это на случай того, что если я сойду со сцены, то чтобы Вы могли встать въ связь съ тѣмъ, что мы сдѣлали и кого имѣли“. Подписано: „Хомутовскій“. — Томилова, какъ объясняетъ Орловъ, просила эти записки для того, чтобы безъ него она могла поддерживать „намѣреніе Нечаева агитировать“. Самъ же Орловъ уѣзжалъ изъ Петербурга съ тѣмъ, чтобы удалиться, по его словамъ, куда-нибудь подальше и сбросить наконецъ съ себя ту маску агитатора, которую онъ надѣвалъ, подчиняясь вліанію Нечаева, но вовсе ему не сочувствуя. Съ такимъ намѣреніемъ онъ, Орловъ, отправился на югъ Россіи, прожилъ недѣлю Пасхи въ Харьковской губерніи, въ г. Славянскѣ, у знакомыхъ своихъ, братьевъ Аметистовыхъ и отъ нихъ отправился въ землю Войска Донскаго, гдѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1869 года, и былъ задержанъ.

Въ заключеніе Орловъ присовокупилъ, что въ періодъ его перваго пребыванія въ Петербургѣ онъ указалъ Ткачеву на ивановскаго купца Зубкова какъ на чловека очень денежнаго, вслѣдствіе чего Ткачевъ и обратился къ послѣднему за помощью для общества взаимнаго вспомошествованія; что онъ, Орловъ, получилъ отъ Ткачева и программу этого общества въ тетрадь въ формѣ листа, которую переслалъ бібліотекарю въ с. Ивановѣ Флоринскому, для передачи Зубкову, но куда она затѣмъ дѣвалась—ему неизвѣстно; что же касается до предъявленной ему программы революціонныхъ дѣйствій, найденной въ бумагахъ Волховскаго, то онъ ее вовсе не знаетъ.

VIII. Задержанный также по распоряженію III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи 16-го Апрѣля 1869 года дворянинъ Феликсъ Волховскій на вопросахъ при слѣдствіи показалъ, что, состоя въ Московскомъ книжномъ магазинѣ Черкесова бібліотекаремъ, онъ познакомился тамъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1869 года, черезъ Успенскаго, съ Орловымъ, который въ свою очередь представилъ ему какого-то студента подъ именемъ Павлова, но чтобы этотъ Павловъ былъ Нечаевъ онъ, Волховскій, не знаетъ. Затѣмъ, видѣлся съ Орловымъ нѣсколько разъ; въ томъ же февралѣ мѣсяцѣ видѣлся въ Москвѣ съ Ткачевымъ, но не имѣлъ съ нимъ никакихъ другихъ отношеній, какъ только передалъ ему посылку изъ московскаго въ петербургскій книжный магазинъ Черкесова.

Не приводя далѣе никакихъ подробностей означенныхъ свиданій своихъ съ Павловымъ (Нечаевымъ), Орловымъ и Ткачевымъ, Волховскій присовокупилъ къ вышесказанному, что во время студенческаго движенія въ Петербургѣ, именно въ мартѣ 1869 года, къ нему явился студентъ Енишерловъ, подъ именемъ Гезецкаго, съ просьбою распространить рукопись подъ заглавіемъ „Къ обществу“, въ которой излагался ходъ студенческой исторіи, и онъ взялъ эту рукопись, но гдѣ-то забылъ.

Относительно найденныхъ при обыскахъ въ московскомъ книжномъ магазинѣ Черкесова, отъ 12-го и 13-го января 1870 года, и принадлежащихъ Волховскому бумагъ, именно: рукописи, содержаніе которой состоитъ изъ отрывочныхъ замѣтокъ о способѣ политическихъ переворотовъ вообще и возможности или невозможности такихъ въ Россіи, Волховскій объяснилъ слѣдующее: о рукописи, называемой программой революціонныхъ дѣйствій, сначала замѣтилъ, что она ему положительно незнакома, но такъ какъ въ рукахъ его бывали рукописи, которыхъ онъ не читалъ, то онъ не можетъ ни отрицать, ни утверждать, что и упомянутая рукопись находилась въ числѣ бумагъ его, оставленныхъ имъ въ квартирѣ московской знакомой его мѣшанки Антоновой; потомъ, въ особомъ письменномъ заявленіи, Волховскій относительно этого документа высказалъ другое предположеніе, а именно, что въ постѣ, 1869 года, Вла-

дирѣ Орловъ, приди однажды въ библиотеку Черкессова въ Москваѣ, вручилъ ему и просилъ его передать нѣкому Дешукову (нынѣ уже умершему) какую-то рукопись, написанную почеркомъ же Орлова: не заставъ Дешукова, когда заходилъ къ нему, чтобы исполнить просьбу Орлова, онъ, Волховскій, оставилъ рукопись у себя и хотя сначала было потерялъ ее, но потомъ помнить, что вышеупомянутая Антонова сказала ему, что нашла ее и сложила къ другимъ его бумагамъ. Сближая теперь два эти обстоятельства, т. е. передачу ему Орловымъ рукописи и находку затѣмъ въ бумагахъ его хотя и неподлинной, но переписанной съ какого-то оригинала рукописи — оригинала, находившагося (какъ показала свидѣтельница Надежда Успенская, о чемъ будетъ сказано ниже) на столѣ, въ квартирѣ Антоновой, у которой онъ, Волховскій, и оставилъ свои бумаги, онъ полагаетъ, что предъявляемая ему программа реводкционныхъ дѣйствій есть копія съ оригинальной рукописи, данной ему Орловымъ. Что касается до второго найденнаго документа — изложенія разнаго рода политическихъ переворотовъ, то Волховскій заявилъ, что это есть не болѣе, какъ сдѣланный его рукою выписки изъ письма, полученнаго вышеназваннымъ знакомымъ Дешуковымъ, неизвестно ему, Волховскому, отъ кого, и сдѣланный съ единственною цѣлю написать опроверженіе противъ тѣхъ неправильныхъ положеній, которыми наполнено письмо но опроверженій этихъ онъ написать не успѣлъ, такъ какъ скорѣ поступилъ приказникомъ въ магазинъ Черкессова, что отняло у него все его время.

IX. Арестованный 26-го марта 1869 года, по подозрѣнію въ составленіи появившейся въ мартѣ мѣсяцѣ прокламаціи „Къ обществу“, кандидатъ правъ Петръ Ткачевъ, по привлеченіи его къ настоящему дѣлу, показалъ, что онъ съ Нечаевымъ знакомъ не былъ, но былъ ли Нечаевъ у него съ кѣмъ-либо изъ его знакомыхъ или съ Орловымъ — точно не помнить, такъ какъ къ нему очень часто обращались молодые люди за работою или вообще просто изъ желанія познакомиться съ нимъ: Орлова же узналъ потому, что въ концѣ января 1869 года Орловъ прямо явился къ нему, рекомендуясь учителемъ школы въ с. Ивановѣ, и сталъ просить доставить одной знакомой ему дѣвушкѣ какую-нибудь работу, а затѣмъ былъ еще два или три. Во время этихъ посѣщеній Орловъ говорилъ очень много и о народныхъ школахъ, и объ артеляхъ, и о необходимости для учащейся молодежи образовывать для себя кружки; но онъ, Ткачевъ, вообще старался не поддерживать этихъ бесѣдъ, такъ какъ находилъ ихъ потеряю времени. Относительно даннаго имъ Орлову рекомендательнаго письма къ Успенскому Ткачевъ объяснилъ, что съ точностію не можетъ сказать, давалъ или не давалъ онъ Орлову такого письма, ибо если и давалъ то единственно ради того, чтобы отвязаться отъ Орлова, но никакъ не имѣлъ намѣренія навязать Успенскому это знакомство, потому что и Успенскаго зналъ мало, а тѣмъ менѣе могъ онъ просить послѣдняго познакомиться Орлова съ Волховскимъ и Антоновою, которыхъ вовсе почти не зналъ. Дѣйствительно, въ февралѣ мѣсяцѣ 1869 года, онъ, Ткачевъ, ѣздилъ въ Москву; но цѣлю этой поѣздки было главнымъ образомъ желаніе ознакомиться съ существовавшимъ въ Москвѣ обществомъ присяжныхъ повѣренныхъ для ходатайства въ мировыхъ учрежденіяхъ, въ виду того, что такое же общество предполагалось въ Петербургѣ и онъ былъ приглашенъ писать уставъ его, но при этомъ онъ кстаи хотѣлъ попытаться въ Москвѣ обвѣнчаться съ своею невѣстою, мѣщанкою Дементьевою, такъ какъ приближался уже постъ, а въ Петербургѣ не хотѣлъ обходить различныхъ формальностей, сопряженныхъ съ приготовленіемъ къ обряду вѣнчанія. Поэтому онъ захватилъ съ собою Дементьеву, и когда пріѣхалъ съ нею въ Москву, то дѣйствительно происходило все то, что разсказано по этому поводу обвиняемымъ Орловымъ и Николаевымъ, но онъ, Ткачевъ, объясняетъ это недоразумѣніемъ съ ихъ стороны, ибо Орлову онъ еще въ Петербургѣ шутя говорилъ о томъ, что есть невѣста съ 15.000 р. приданаго, а Николаеву также шутя въ Москвѣ, что не хочетъ ли онъ жениться, когда между ними шла рѣчь о пріѣхавшей съ нимъ, Ткачевымъ, барынѣ.

Далѣе Ткачевъ заявилъ, что никогда никакого около себя кружка не составлялъ и прокламаціи „Къ обществу“ не писалъ, но узналъ, что появилась въ мартѣ мѣсяцѣ такая прокламація изъ „Полицейскихъ Вѣдомостей“ и затѣмъ слышалъ отъ одного изъ сотрудниковъ Петербургскихъ Вѣдомостей о полученіи даже въ редакціи подобной прокламаціи. Онъ, Ткачевъ, не зналъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что означенная прокламація напечатана въ типографіи Дементьевой до тѣхъ поръ, пока не сказали ему объ этомъ въ III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи — не ранѣе, какъ въ октябрѣ 1869 года.

По поводу указанныхъ обвиняемымъ Орловымъ сношеній его съ иваловскимъ купцомъ Зубковымъ Ткачевъ объяснилъ, что дѣйствительно онъ писалъ къ Зубкову, въ концѣ февраля и въ началѣ марта 1869 года, три письма, въ которыхъ просилъ дать ему взаимъ 1000 р., имѣя въ виду вложить ихъ въ кассу предполагавагося имъ „общества взаимнаго вспомошествованія“, но ни на одно не получилъ отвѣта. При обыскѣ у Ткачева, произведенномъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1869 года, между прочимъ найдены рукописный разсказъ, въ видѣ бесѣды, двухъ солдатъ Бокова и Трофимова о казни государстvenнаго преступника Каракова и пять писемъ къ Ткачеву дѣвицы Евреиновой (жившей въ то время въ Петергофѣ), которая говоритъ

о какомъ-то дѣлѣ и выражаются въ одномъ мѣстѣ такъ: „Къ намъ, въ Петергофъ, перебѣгаютъ сегодня царствующіе. Остаются они недолго. Не нужно ли учинить какихъ справокъ? Вы теперь знаете, что я предана только одному дѣлу, слѣдовательно готова на все, что можетъ хотя сколько-нибудь подвинуть и ускорить раз-
вѣзку...“

X. Задержанная одновременно съ Ткачевымъ Петербургская мѣщанка Александра Дементьева, бывшая содержательница типографіи, въ которой напечатано воззваніе „Къ обществу“, показала, что она, въ концѣ февраля или въ началѣ марта 1869 года, желая доставить работу бѣднымъ женщинамъ, купила за 1000 р. сер. у студента Серебрянникова, уѣзжавшаго тогда за границу, типографію, заплативъ за нее всего 200 р., которые заняла у жениха своего Ткачева, такъ какъ принадлежавшихъ ей по наслѣдству денегъ, въ количествѣ 3000 р., она, за несовершеннолѣтіемъ, не могла тогда получить. Въ этой типографіи ея, дѣйствительно, въ мартѣ мѣсяцѣ, напечатано было 40 экземпляровъ воззванія студентовъ „Къ обществу“, но сдѣлала она это единственно для того, чтобы представить на судъ общественнаго мнѣнія истинное изложеніе причинъ студенческаго движенія въ виду того, что въ обществѣ ходила толка, искажавшіе смыслъ студенческихъ стремленій, и тѣмъ хотѣла помочь успѣшному и скорому окончанію студенческой исторіи. Относительно приобрѣтенія рукописнаго оригинала означеннаго воззванія Дементьева дала два различныхъ объясненія: въ первомъ она заявила, что оригиналъ принесъ ей какой-то незнакомый мужичка въ письмѣ къ ней отъ студентовъ; въ этомъ письмѣ студенты просили ее напечатать прилагаемое обращеніе „Къ обществу“, причемъ описывали ей положеніе, въ какомъ они находились; кѣмъ же было написано письмо, а равно и оригиналъ воззванія—она не знаетъ. По отпечатаніи, она отнесла эти прокламаціи на Конно-гвардейскій бульваръ и оставила на скамейкѣ, какъ объ этомъ было условлено въ вышеозначенномъ письмѣ студентовъ; но кто взялъ ихъ оттуда — она не знаетъ. Въ другомъ объясненіи Дементьева говоритъ, что она желаетъ наконецъ высказать полную истину объ этомъ воззваніи, прося не считать ея предъидущаго показанія, и рассказывала слѣдующее: 18-го или 19-го марта 1869 года къ ней пришли студенты Серебрянниковъ и Чубаровъ и стали передавать бѣдственное положеніе своихъ товарищей, которыхъ начальство обвиняетъ въ политическихъ стремленіяхъ, тогда какъ они имѣютъ въ виду только свои нужды, именно кассу и сходки: когда Серебрянниковъ и Чубаровъ ушли, то она, Дементьева, находясь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ всего рассказаннаго ей упомянутыми лицами, рѣшилась составить „обращеніе къ обществу“, въ которомъ общество увидѣло бы невинность студенческихъ стремленій, и такимъ образомъ сочинила вышеприведенное воззваніе, отпечатавъ его затѣмъ въ своей типографіи въ числѣ 40 экземпляровъ, изъ коихъ часть разослала въ редакціи журналовъ: „Дѣло“, „Отечественныхъ Записокъ“, „Голоса“ и „Вѣсти“, и въ книжные магазины Черкесова и Книжной Русской Торговли, а остальные экземпляры разбросала почью около Университета и Технологическаго Института. Не сознавалась же она никому до сихъ поръ, что она авторъ этого воззванія, потому что когда пришла на другой день по отпечатаніи къ Ткачеву, то тамъ смѣялись надъ содержаніемъ воззванія и, кромѣ того, не хотѣла обнаружить передъ студентами, что за нихъ взываетъ женщина, никѣмъ на то не уполномоченная; теперь же, увидя, что она и себя, и другихъ подвергаетъ опасности, рѣшилась сознаться.

Затѣмъ, относительно поѣздки своей въ февралѣ 1869 года въ Москву, Дементьева перела обстоятельство, тамъ происходившія, согласно съ объясненіями Ткачева, прибавивъ, что она, желая какъ можно скорѣе получить свои деньги, рѣшилась было тайно отъ Ткачева переѣзжаться съ Николаевымъ, такъ что она собственно и была причиною недоразумѣнія, которое долженъ былъ потомъ устранять Ткачевъ.

По обыску у Дементьевой 27-го марта 1869 года, между прочимъ найдены: 1) въ типографіи ея нѣсколько буквъ того самаго шрифта, которымъ отпечатано воззваніе „Къ обществу“; 2) въ квартирѣ свидѣтельство на содержаніе типографіи отъ 14-го февраля 1869 года, и 3) прошеніе московскаго мѣщанина Николая Николаева къ московскому епископу, отъ 21-го февраля 1869 года, о дозволеніи ему вступить въ бракъ съ Дементьевою.

XI. Привлеченная къ слѣдствію по поводу показанія обвиняемаго Орлова и задержанная также по распоряженію III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи 13-го апрѣля 1869 года жена подковника Елисавета Христіановна Томилова объяснила, что съ Нечаевымъ она познакомилась случайно еще въ 1868 году, потому что бывала у нея часто, такъ какъ давалъ уроки латинскаго языка ея братьямъ; въ началѣ 1869 года она изъ бесѣдъ съ Нечаевымъ увидѣла, что онъ очень интересуется студенческимъ движеніемъ, и когда бывала у него въ квартирѣ, но случаю болѣзни его сестры, то слышала, что къ нему приходили какіе-то знакомые; у него же познакомилась съ Орловымъ; однажды Нечаевъ зашелъ къ ней и сталъ прощаться, говоря „не скоро увидимся,—меня могутъ арестовать“, а потомъ черезъ день, т. е. 1-го февраля, или въ концѣ января, Томилова увидѣла въ рукахъ знакомой своей Вѣры Засуличъ записку слѣдующаго содержанія: „идя по

мосту, я встрѣтилъ карету, въ которой везутъ арестованныхъ; изъ нея выбросили мнѣ клочекъ бумаги и я узналъ голосъ дорогаго для меня человѣка: если Вы честныи человѣкъ доставьте; это я спѣшу исполнить и въ свою очередь прошу Васъ какъ честныхъ людей сию минуту уничтожить мою записку, чтобы не узнали меня по почерку". Подписано „Студентъ“. При этой запискѣ была приложена другая, отъ Нечаева, написанная карандашемъ на грязномъ клочкѣ бумаги, такого содержания: „меня везутъ въ крѣпость; не теряйте энергіи, друзья-товарищи, хлопочите обо мнѣ! Дастъ Богъ—свидимся“; она, Томилова, тотчасъ отнесла эту записку хорошему знакомому Нечаева Аметистову, а первую уничтожила. Послѣ этого, въ началѣ марта, къ ней пріѣхалъ изъ Москвы уѣзжавшій передъ тѣмъ туда Орловъ и рассказалъ, что Нечаевъ бѣжалъ изъ крѣпости въ Москву, что онъ, Орловъ, далъ ему свой паспортъ и Нечаевъ ѣздилъ въ Одессу, но, бывъ снова задержанъ, снова ушелъ и затѣмъ, прибывъ въ Москву, получилъ отъ Николаева заграничный паспортъ, съ которымъ и уѣхалъ за границу. Вскорѣ по пріѣздѣ Орлова, она, Томилова, получила письмо изъ-за границы отъ Николаева (Нечаева), въ которомъ этотъ послѣдній просилъ передать прилагаемую записку Орлову; въ этой же запискѣ Нечаевъ просилъ поскорѣ прислать денегъ. Такъ какъ у Орлова денегъ не случилось, то Томилова, черезъ контору Гинцбургга, отправила свои 100 р., получивъ общіаніе отъ Орлова возвратить ей эти деньги. Черезъ нѣсколько времени Орловъ внезапно собрался уѣзжать изъ Петербурга и при прощаніи оставилъ ей тѣ двѣ записочки, которыя потомъ были найдены у нея въ портмоне; она смотрѣла на эти записки какъ на средство получить ей обратно свои деньги и думала, что въ нихъ дѣло идетъ о помощи Нечаеву, потому и оставила ихъ у себя, между тѣмъ, по отъѣздѣ Орлова, она получила изъ-за границы отъ того же Николаева (Нечаева) сначала телеграмму, въ которой говорилось о чемъ то, что нужно Зубкову, потомъ письмо, въ которомъ, между прочимъ, написано было (какъ видно изъ доставленной III Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи копіи): „скажите дядѣ Владиславу (Владимиру Орлову), что настоящее вино безъ подмѣсей здѣсь только у Б (надо думать Бакунина) и можно достать; онъ сейчасъ велитъ бочки готовить, какъ только сдѣлку большую съ Зубатовымъ (Зубковымъ) сдѣлаеть...“, наконецъ, получила и третье письмо, но не успѣла прочесть его, такъ какъ вслѣдъ за его полученіемъ явился жандармскій офицеръ съ обыскомъ и взялъ таковое.

Полученіе этихъ писемъ Томилова объяснила тѣмъ, что Нечаевъ предполагалъ, вѣроятно, что Орловъ пробудетъ въ Петербургѣ до мая мѣсяца и потому, опасаясь адресовать письма непосредственно Орлову, пересылала ихъ на ея имя, имѣя собственнo въ виду Орлова.

При обыскѣ, произведенномъ у Томиловой 13-го апрѣля 1869 года, дѣйствительно найдено измятымъ и частью разорваннымъ вышеозначенное письмо и конвертъ съ заграничными марками; въ копіи съ этого письма, доставленной къ слѣдствію III-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, между прочимъ, говорится... „уѣзжая, я не разорвалъ связи съ дѣломъ, по примѣру другихъ, и тотчасъ же послѣ того какъ успѣю устроить связи, я вернусь, чтобы меня ни ожидало. Вы тѣмъ болѣе, должны были знать, что я, пока живъ, не отступлюсь отъ того, за что взялся, а если Вы это знали, то должны были извѣщать о малѣйшемъ измѣненіи, о всѣхъ подробностяхъ, если вамъ тоже дорого дѣло...“; къ письму приложено адресъ, посредствомъ котораго можно найти въ Женевѣ автора письма, именно: слѣдовало спросить M. Zamperini à la Treille 12 и предъявить ему обрывокъ бумажки съ этимъ адресомъ.

XII. Задержанный въ числѣ прочихъ лицъ при дознаніи по подозрѣнію въ принадлежности къ тайному обществу въ Москвѣ слушатель Петровской Академіи Иванъ Флоринскій при слѣдствіи показалъ: зналъ онъ Нечаева еще съ 1868 года, проживая въ с. Ивановѣ, Владимірской губерніи, на родинѣ Нечаева, куда тотъ пріѣзжалъ изъ Петербурга и былъ очень друженъ съ жившимъ тамъ же Владиміромъ Орловымъ. Въ началѣ 1869 года Орловъ уѣхалъ въ Петербургъ, потомъ пріѣхалъ и сказалъ, что Нечаевъ сидитъ въ крѣпости, и снова уѣхалъ въ Петербургъ, а въ мартѣ мѣсяцѣ сего же года къ нему, Флоринскому, прибыли въ с. Иваново прежніи его знакомый Николаевъ со студентомъ Коринскимъ, который показалъ ему записку Орлова и далъ прочесть писанную тетрадку подъ заглавіемъ „Наша программа“. Николаевъ же объяснилъ, что отдалъ свой паспортъ для бѣгства Нечаева за границу. Содержаніе записки Орлова Флоринскій хорошо не помнитъ, но помнитъ, что въ ней написаны были адреса его, Федора Маврицаго и Зубкова; что же касается до „Нашей программы“, то въ ней, по словамъ Флоринскаго, показывалась необходимость разрушенія государства со всѣми его учрежденіями, для того чтобы освободить массы народа изъ рабства умственного, политическаго и экономическаго. Послѣ этого Николаевъ не разъ бывалъ у него и онъ, Флоринскій, очень страдалъ къ нему, видя его бѣдственное положеніе, такъ что однажды далъ ему записку къ купцу Зубкову, прося послѣдняго одолжить Николаеву ситцеваго товара, а въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда онъ, Флоринскій, ѣздилъ въ Москву узнать объ условіяхъ поступленія въ Петровскую

Академію, то выпросилъ у Зубкова денегъ (100 р.) на поѣздку Прыжова за границу, съ единственною цѣлью возвратить паспортъ Николаеву. Затѣмъ, 5-го сентября 1869 г., Флоринскій пріѣхалъ на постоянное жительство въ Москву, съ цѣлью поступить въ Петровско-Земледѣльческую Академію; дня черезъ три или четыре пришелъ къ нему Нечаевъ, котораго онъ не узналъ и который отрекомендовалъ ему инженеромъ Павловымъ, знакомымъ Успенскаго. На этотъ разъ Нечаевъ ничего особеннаго не высказалъ, во второе же посѣщеніе свое сталъ просить Флоринскаго сѣздить къ студенту Кіевской Духовной Академіи Василю Маврицкому, который въ то время проживалъ въ с. Георгіевскомъ, Ковровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, и когда онъ, Флоринскій, согласился, то Нечаевъ назначилъ ему время, чтобы онъ явился въ магазинъ Черкесова для полученія записки и денегъ на дорогу. Флоринскій явился, получилъ отъ Успенскаго 10 р. сер., а отъ Нечаева записку, три экземпляра прокламаціи: одинъ „Народной расправы“ и два „Къ студентамъ“, и портретъ неизвѣстнаго ему человѣка, причѣмъ Нечаевъ выразилъ надежду, что онъ всё эти вещи передастъ Маврицкому и его самого привезетъ въ Москву. Флоринскій сѣздилъ къ Маврицкому, передалъ ему все полученное отъ Нечаева, но Маврицкаго не привезъ, потому что тотъ не захотѣлъ, что вызвало недовольство со стороны Нечаева. Послѣ этого Нечаевъ продолжалъ посѣщать Флоринскаго въ Москвѣ, давалъ ему читать прокламаціи „Народную расправу“ и друг., но онъ ему не понравились и потому онъ зарылъ ихъ въ землю; тѣмъ не менѣе Нечаевъ далъ ему потомъ переписать „правила“—онъ, Флоринскій, не знаетъ какія—и прокламацію на малороссійскомъ языкѣ, что Флоринскій и исполнилъ, причѣмъ онъ помнитъ, что „правила“ были написаны рукою Нечаева, а прокламація рукою Прыжова. Флоринскій при этомъ прибавляетъ, что, усмотрѣвъ въ „правилахъ“ незаконный смыслъ, онъ бросилъ перо и хотѣлъ уйти изъ комнаты, но Нечаевъ остановилъ его, сказавъ, что такъ поступаютъ подлецы; не столько слова эти, сколько то обстоятельство, что наканунѣ еще у Нечаева онъ замѣтилъ ножъ, заставили его, Флоринскаго, безусловно подчиниться Нечаеву и онъ сталъ исполнять всё его порученія. Такъ, въ послѣдней половинѣ сентября, по желанію Нечаева, онъ, Флоринскій, ходилъ къ Успенскому за бѣльемъ и деньгами, которые нужны были Нечаеву для поѣздки въ Петербургъ; затѣмъ, 2-го октября, онъ, также по порученію Нечаева, ѣздилъ изъ Петровско-Разумовскаго (гдѣ помѣщается академія), въ Москву, въ магазинъ Черкесова, за пріѣзжимъ офицеромъ, съ клочкомъ бумаги, который долженъ былъ предьявитьъ офицеру; онъ и это исполнилъ, причѣмъ офицеръ назвалъ свою фамилію—Лихутинъ, и заявилъ, что Нечаевъ привезъ его изъ Петербурга показать образовавшійся въ средѣ петровскихъ слушателей кружокъ. Наконецъ, 27-го октября, Нечаевъ вновь пришелъ къ Флоринскому и уговаривалъ его ѣхать за границу, но онъ отказался и съ тѣхъ поръ уже не встрѣчалъ Нечаева, а въ половинѣ ноября мѣсяца онъ, Флоринскій, получилъ изъ-за границы прокламаціи и предположилъ, что Нечаевъ, уѣхавъ туда, опять принялся за прежнее свое дѣло—посылать въ Россію прокламаціи. Прокламаціи эти Флоринскій представилъ начальнику Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія, генералу Слезкину.

Въ заключеніе Флоринскій присовокупилъ, что ни къ какому тайному обществу онъ не принадлежалъ и не подозрѣвалъ, чтобы Нечаевъ могъ образовать такое.

XIII. По поводу указаній, сдѣланныхъ обвиняемыми Флоринскимъ и Николаевымъ на бывшаго студента Медицинской Академіи Михаила Коринескаго, привлеченъ былъ къ слѣдствию и сей послѣдній, который въ показаніяхъ своихъ, не отрицая того, что онъ дѣйствительно, въ мартѣ мѣсяцѣ 1869 года, по порученію Орлова, пріѣзжалъ въ с. Иваново, выражалъ желаніе записаться крестьянскимъ паспортомъ, былъ у Флоринскаго, которому давалъ читать бывшую съ нимъ тетрадку, объяснилъ, однакожъ, что ни о какой пропагандѣ въ народѣ онъ не говорилъ, о крестьянскомъ паспортѣ замѣтилъ шутя, опасаясь быть взятымъ за безписьменность, что означенная тетрадь отнюдь не носила названія „Наша программа“, а называлась „Наука и народъ“ и въ ней дѣйствительно проводилась мысль о необходимости разрушенія существующаго строя въ государствахъ, но онъ, Коринескій, не помнитъ откуда ее приобрѣлъ, и когда вернулся на родину, въ Нижній-Новгородъ, то изорвалъ ее. При этомъ Коринескій не отрицаетъ также того, что онъ собиралъ въ с. Ивановѣ деньги, которые записывались въ книжкѣ Флоринскаго, но прибавляетъ, что дѣлалъ это по желанію Орлова, предполагая, что собранная сумма пойдетъ на вспомоществованіе исключеннымъ студентамъ. Сверхъ всего сказаннаго Коринескій объяснилъ, что когда онъ пребывалъ съ Николаевымъ въ селѣ Ивановѣ, то въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, пріѣхалъ туда же Орловъ, а вслѣдъ за послѣднимъ сестра Успенскаго, Надежда, съ письмомъ, какъ ему кажется, отъ нѣкоего Моравскаго, въ которомъ его извѣщали, что его разыскиваютъ и поэтому предлагали ему деньги на проѣздъ въ Петербургъ, или даже за границу, по примѣру Нечаева, но онъ не поѣхалъ, хотя, благодаря этому извѣщенію, всё они, т. е. Николаевъ, Орловъ и онъ, немедленно разѣхались. Наконецъ, относительно тайнаго общества Коринескій отозвался незнающимъ, заявивъ при этомъ, что самъ онъ ни къ какому обществу не принадлежалъ.

Такова фактическая сторона дѣла, раскрытая предварительнымъ слѣдствіемъ.

Какъ ни многосложны, на первый взглядъ, всё вышеприведенныя обстоятельство, разсѣяныя въ отдѣльныхъ показаніяхъ обвиняемыхъ, тѣмъ не менѣе внимательное соображеніе ихъ въ совокупности не можетъ не привести къ убѣжденію, что событія, которыхъ коснулось предварительное слѣдствіе, развились преемственно съ первыхъ мѣсяцевъ 1869 года до того времени, пока начавшимся дознаніемъ не прервано было дальнѣйшее ихъ продолженіе, т. е. до конца ноября и даже начала декабря мѣсяца того же года. Всѣ отдѣльныя указанія обвиняемыхъ относительно времени и мѣста пребыванія ихъ съ февраля мѣсяца, когда студенческая движениа приходили къ концу, и по сентябрь, когда Нечаевъ послѣ заграничной поѣздки снова появился въ Москвѣ, всѣ добытые слѣдствіемъ документы, относящіяся къ этому періоду времени, положительно удостовѣряютъ, что тѣ или другія дѣйствія обвиняемыхъ, ихъ встрѣчи между собою и ихъ заключительная, общая работа въ Москвѣ, были явленіями не случайными, а послѣдовательно вытекавшими одно изъ другаго, расчитаннымъ результатомъ той скрытой дѣятельности, которая была, если не исключительно, то главною побудительною причиною безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, сущность всего того, что раскрыто предварительнымъ слѣдствіемъ, можетъ быть выражена въ нижеслѣдующихъ выводахъ.

1. Что въ происходившихъ въ началѣ 1869 года въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ безпорядкахъ кромѣ лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ той или другой развязкѣ своихъ отношеній къ начальству заведеній т. е. кромѣ студентовъ, принимали участіе и такія лица, прямые интересы которыхъ вовсе не связывались ни съ правомъ студентовъ собираться на сходки, ни тѣмъ менѣе съ правомъ ихъ имѣть свою кассу. Лица эти, какъ обнаружено слѣдствіемъ, были: учитель приходского училища въ Петербургѣ Сергій Нечаевъ, вызванный имъ изъ Владимірской губерніи сынъ священника Владиміръ Орловъ и кандидатъ правъ Ткачевъ.

2. Что послѣ того какъ принятыми Правительствомъ мѣрами вышеозначенные безпорядки были прекращены безъ удовлетворенія требованій студентовъ, вышепоименованныя лица, вмѣстѣ съ другими, стали принимать мѣры къ возбужденію не студенческаго уже, но всеобщаго неудовольствія къ Правительству, озобочиваясь, въ то же время, начертаніемъ опредѣленнаго плана преступныхъ дѣйствій, имѣвшихъ довести до народнаго возстанія, какъ въ этомъ удостовѣряютъ, между прочими обстоятельствами дѣла, напечатаніе воззванія „Къ обществу“ и составленіе той рукописной программы, которая потомъ найдена была между бумагами Волховскаго.

3. Что средствами для выполненія этого плана служили: предоставленіе одному изъ дѣятелей въ студенческихъ движенияхъ, именно Нечаеву, бѣжать на время за границу, постоянныя сношенія между собою другихъ обвиняемыхъ, какъ-то: Орлова съ Ткачевымъ, Волховскимъ и Николаевымъ въ Москвѣ, затѣмъ Николаева же и Орлова съ Флоринскимъ и Кориневскимъ въ с. Ивановѣ, Владимірской губерніи, причемъ дѣлались попытки къ устройству подпольной типографіи, собираемыя были деньги, доставались чужіе паспорта, читались преступнаго содержанія рукописи и, наконецъ, эмигранту Нечаеву доставлялись средства для существованія за границею, какъ это дѣлала обвиняемая Томилова, причемъ Нечаевъ своими письмами не переставалъ поддерживать готовность къ продолженію какого-то общаго дѣла, рассылая въ то же время печатныя прокламаціи самаго преступнаго свойства.

4. Что затѣмъ, осенью 1869 года, когда Нечаевъ возвратился въ Россію, въ Москвѣ было организовано особое общество, о значеніи коего будетъ сказано ниже, подъ названіемъ „Народной расправы“, или общество топора; что это общество имѣло своихъ членовъ не только въ Москвѣ, но въ Петербургѣ, въ Ярославѣ и Владимірѣ, имѣло свои денежные средства, свой условный шифръ для сношеній, свою печать и свои опредѣленные правила, ослушниковъ которыхъ оно считало себя въ правѣ наказывать даже смертью, какъ это и случилось съ слушателемъ Академіи Ивановымъ, и, наконецъ—

5. Что злоумышленіе этого общества было открыто Правительствомъ заблаговременно, при самомъ началѣ оного, такъ что ни покушеній, ни смятеній и никакихъ иныхъ вредныхъ послѣдствій отъ него не произошло.

Такого рода выводы находятъ себѣ подтвержденіе въ нижеприводимыхъ обстоятельствахъ дѣла, въ которыхъ содержатся, между прочими, и данныя, необходимыя для опредѣленія значенія и конечной цѣли вышеозначеннаго общества, учрежденнаго въ Москвѣ.

Собственныя сознанія обвиняемыхъ Успенскаго, Кузнецова, Прыжова и Николаева, приведенныя выше, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ продолженіе сентября и октября мѣсяцевъ 1869 года, въ Москвѣ, они, обвиняемыя, и многія другія лица, по преимуществу слушатели Петровской Земледѣльческой Академіи, образовали изъ себя коллективное цѣлое, которое не можетъ быть названо иначе какъ тайнымъ обществомъ. Такое значеніе этого соединенія многихъ лицъ вмѣстѣ явствуетъ какъ изъ самаго способа постепеннаго привлеченія каждаго изъ нихъ къ одному центру, такъ и изъ тѣхъ первоначальныхъ дѣйствій и приемовъ, которые предпринимались прежде соединившимися лицами относительно примыкавшихъ внослѣдствіи, а именно: каждый новый членъ окончательно посвященный, т. е. прочитавшій

правила организаціи и прокламаціи, обязанъ былъ составить кружокъ изъ пяти лицъ, но при этомъ строго наблюдалось, чтобы составъ одного кружка отнюдь не зналъ о личномъ составѣ другого кружка, такъ что принадлежность къ обществу лицъ, организованныхъ однимъ членомъ, составляла тайну для таковыхъ же лицъ, организованныхъ другимъ; что же касается до сношеній, которыя необходимо было имѣть старшему кружку, или отдѣленію съ остальными, то они производились безъ названія фамилій, а обозначеніемъ именовъ, подъ которыми значился каждый членъ, и притомъ отъ имени неизвѣстнаго юридическаго лица—комитета, что, въ свою очередь, ставило членовъ въ невозможность знать, кто ихъ собралъ и кто ими руководитъ. Если къ этимъ вышнимъ признакамъ таинственности организаціи присоединить еще то, высказанное всѣми означенными обвиняемыми обстоятельство, что дѣятельность каждого отдѣльнаго члена общества, хотя и направленная къ одной общей сознательной цѣли, тѣмъ не менѣе была неизвѣстна всѣмъ, а узнавалась и провѣрялась только въ избранномъ кружкѣ (отдѣленіи), съ цѣлью, безъ сомнѣній, обезпечить невозможность открытія къмъ либо этой дѣятельности Правительству,—то нельзя дальѣ затрудняться въ признаніи за образовавшимися въ Москвѣ, какъ сказано выше, соединеніемъ многихъ лицъ въ одно цѣлое названіи, именно, тайнаго общества.

Затѣмъ, цѣль этого общества ясно опредѣляется на основаніи слѣдующихъ данныхъ: изъ показаній обвиняемыхъ Успенскаго, Кузнецова и Николаева видно, что послѣ долгихъ споровъ съ Печаевымъ о способахъ къ измѣненію государственнаго устройства Россіи путемъ мирнаго распространенія знаний въ массы народа или съ помощью внезапнаго политическаго переворота, въ сознаніи ихъ, наконецъ, укрѣпилась мысль о необходимости начать дѣйствовать именно такъ, какъ совѣтовалъ Печаевъ, т. е. стремиться къ произведенію возстанія въ народѣ, имѣя въ виду воспользоваться для этого гѣмъ замѣшательствомъ, которое необходимо принесеть съ собою для крестьянъ и помѣщиковъ день 19-го февраля 1870 года. Если, дальѣ, изъ простаго образованія кружковъ, которымъ занялось общество на первыхъ порахъ, и нельзя вывести указаній насчетъ того способа и тѣхъ средствъ, которыми общество было бы въ состояніи непосредственно произвести народное движеніе, такъ что объясненія обвиняемыхъ, что они приготовились лишь къ дѣйствіямъ, имѣвшимъ послѣдовать за совершимся уже народнымъ возстаніемъ, которое, какъ они надѣялись, произойдетъ само, въ силу вещей—представляется какъ бы правдоподобнымъ,—то, съ другой стороны, ближайшее знакомство съ содержаніемъ руководящихъ документовъ общества, именно прокламаціи, а также съ свойствомъ той расправы, которую общество осуществило уже разъ надъ однимъ изъ своихъ членовъ, положительно убѣждаетъ въ томъ, что самое возстаніе въ народѣ общество надѣялось произвести черезъ своихъ членовъ непосредственно, не ожидая самостоятельнаго народнаго движенія. И дѣйствительно, текстъ прокламаціи „Народная расправа“, найденной у Успенскаго и читанной большинствомъ обвиняемыхъ, содержитъ въ себѣ, между прочимъ, такого рода послышки: „Начинаніе нашего святаго дѣла было положено утромъ 4-го апрѣля 1860 года Дмитріемъ Владиміровичемъ Каракозовымъ!...“ „Мы имѣемъ только одинъ ограниченный, неизмѣнный планъ безпощаднаго разрушенія!...“ „Да, мы не будемъ трогать Царя, если насъ къ тому не вызоветъ преждевременно какая-либо безумная мѣра или фактъ, въ которомъ будетъ замѣтна его инициатива. Мы уберемъ его для казни мучительной и торжественной предъ лицомъ всего освобожденнаго чернаго люда, на развалинахъ государства.“ „А теперь мы безотлагательно примемся за истребленіе его Аракчеевыхъ, то есть, тѣхъ изверговъ въ блестящихъ мундирахъ, обрызганныхъ народною кровью, что считаются столбами государства.“ „До начала всеобщаго народнаго возстанія намъ необходимо придется истребить цѣлую орду грабителей казны“ и проч.; и тутъ же въ выноскѣ дѣлается перечисленіе тѣхъ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія въ Россіи, которыхъ необходимо истребить прежде всего, чтобы избавитися отъ министерствъ, генераль-губернаторствъ и барства вообще и, кромѣ того, сдѣланы указанія на нѣкоторыхъ издателей газетъ, должностныхъ и подвергнутыхъ той же участи.

Изъ всѣхъ этихъ выдержекъ, вполнѣ отвѣчающихъ, впрочемъ, и общему содержанию прокламаціи, не трудно убѣдиться, что въ сознаніи людей, принявшихъ ее за руководство, должно было образоваться одно лишь опредѣленное стремленіе приступить къ дѣлу путемъ истребленія, или убійствъ, тѣхъ живыхъ пренятствій къ возбужденію народнаго возстанія, которыя въ лицѣ служащихъ или частныхъ людей считались опасными для тайнаго общества; и уже первый періодъ существованія этого общества доказалъ, что мысли прокламаціи готовы перейти въ дѣятельность, какъ только представится надобность. Насиліе надъ Ивановымъ и затѣмъ смерть его ясно убѣждаютъ, что члены общества не признаютъ иного способа уничтожить мнимое или дѣйствительное препятствіе къ достиженію своихъ цѣлей, какъ только убійствомъ. Послѣ этого очевидно, что способъ, которымъ тайная организація, по крайней мѣрѣ въ лицѣ ея главныхъ представителей, думала произвести народное возстаніе, заключался въ томъ, чтобы рядомъ убійствъ въ высшихъ государственныхъ сферахъ возбу-

дять всеобщее смятеніе и, затѣмъ, путемъ ложныхъ слуховъ и извращенія правительственныхъ распоряженій, воспользоваться этимъ смятеніемъ для поднятія народа къ возстанію.

Такова, какъ слѣдуетъ заключить изъ приведенныхъ данныхъ дѣла, была ближайшая цѣль тайнаго общества, образованнаго въ Москвѣ. Что, затѣмъ, народное возстаніе, которымъ думали руководить члены тайной организаціи, должно было, въ свою очередь, вести къ измѣненію существующаго образа правленія, въ этомъ, послѣ сознаній, сдѣланныхъ тремя названными обвиняемыми и заключительныхъ словъ прокламаціи „Народная расправа“ въ томъ, чтобы не оставить ни министерствъ, ни генералъ-губернаторствъ и проч., едва-ли можетъ быть сомнѣніе, ибо члены тайнаго общества не могли не сознавать, что существованіе различныхъ отраслей государственнаго управленія въ той или другой формѣ обуславливается настоящимъ положеніемъ верховной власти въ Россіи и, слѣдовательно, стремясь ниспровергнуть отдѣльными частями, они сознательно шли къ ниспроверженію Правительства во всемъ государствѣ и существующаго образа правленія.

Итакъ, на основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній, выведенныхъ, въ свою очередь, изъ обнаруженныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ фактическихъ данныхъ, слѣдуетъ признать, что осенью 1869 года въ Москвѣ образовалось тайное общество имѣвшее конечною цѣлью ниспроверженіе существующаго въ Россіи Правительства и измѣненіе образа правленія.

Затѣмъ, по отношенію къ виновности каждаго изъ перечисленныхъ выше обвиняемыхъ въ означенномъ преступленіи, а равно и въ приготовленіи къ оному и совершеніи убійства надъ слушателемъ Петровской Академіи Ивановымъ, слѣдствіемъ, какъ видно изъ всего предъидущаго, приобрѣтены слѣдующія улики:

1. Противъ дворянина Петра Успенскаго. Какъ при дознаніи, такъ и на предварительномъ слѣдствіи, Успенскій сознался по обоимъ взводимымъ на него обвиненіямъ: въ принадлежности къ тайному обществу, съ вышеозначенною цѣлью и въ участіи въ убійствѣ слушателя Академіи Иванова, совершенномъ по предварительному согласію его, Успенскаго, съ Нечаевымъ, Кузнецовымъ, Николаевымъ и Прыжовымъ, 21-го ноября 1869 года, въ гротѣ Академіи, куда они завлекли Иванова, находясь сами въ скрытомъ мѣстѣ. Подробности разъясненій, данныхъ Успенскимъ, вполнѣ подкрѣпляютъ обстоятельствами дѣла: у него при обыскѣ найдена прокламація, бланки комитета, правила организаціи, печать общества и матеріальныя принадлежности печатанія, т. е. всѣ вещественные знаки, отличающіе принадлежность его къ противозаконному обществу; по осмотру мѣстности, гдѣ совершено убійство Иванова, дѣйствительно оказались многіе признаки совершенія тамъ этого преступленія: тѣло Иванова найдено было въ прудѣ, недалеко отъ грота Академіи, на ногахъ у него бичевка съ кирпичемъ и, кромѣ того, башлыкъ, которымъ ноги были перевязаны, въ колѣняхъ; около пруда найденъ одинъ кирпичъ также съ бичевкою и кровавыми пятномъ, а около грота—другой и также съ кровавыми пятнами; тамъ же найденъ и другой башлыкъ, оказавшійся впоследствии принадлежащимъ слушателю Академіи Климину и бывший при совершеніи убійства на Кузнецовѣ и, кромѣ того, барашковая шапка, бывшая, по показанію обвиняемыхъ, на Нечаевѣ.

2. Противъ слушателя Петровской Академіи, онъ же купеческій сынъ, Алексѣя Кузнецова имѣются такія же данныя: онъ также сознался, какъ въ принадлежности къ тайному обществу, такъ и въ участіи въ убійствѣ Иванова, при чемъ Кузнецовъ хотя и высказалъ, что, собственно, о цѣли общества никогда прямо не говорилось, но, ввиду того, что въ объясненіи своемъ онъ предположительно формулируетъ эту цѣль въ томъ же смыслѣ, какъ и обвиняемый Успенскій; что самъ онъ, Кузнецовъ, получая приказанія комитета и дѣйствуя въ отдѣленіи организаціи, не могъ не сознавать хорошо конечныхъ стремленій этого комитета, или Нечаева,—не остается сомнѣній, что и онъ стремился къ ниспроверженію существующаго образа правленія; затѣмъ, относительно убійства Иванова показаніе его также подтверждается вышеприведеннымъ актомъ осмотра мѣстности убійства и осмотромъ его квартиры.

3. Противъ мѣщанина Николая Николаева существуютъ тѣ же улики. Сознаніе его въ принадлежности къ тайному обществу вполнѣ подтверждается, кромѣ согласныхъ съ нимъ показаній предъидущихъ обвиняемыхъ, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что найденныя при обыскѣ у Успенскаго прокламаціи „Отъ силотившихся къ разореннымъ“ и экземпляръ „Правиль организаціи“ оказались переписанными почеркомъ Николаева; участіе же его въ убійствѣ Иванова, кромѣ сознанія и актовъ осмотра, подтверждается тѣмъ, что послѣ его задержанія найденъ, брошенный имъ въ снѣгъ тотъ самый пистолетъ, которымъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ въ Иванова, а на немъ оказались надѣтые брюки Нечаева, въ которыхъ этотъ послѣдній былъ одѣтъ при убійствѣ Иванова и на которыхъ остались кровавые знаки.

4. Противъ отставнаго коллежскаго секретаря Ивана Прыжова, который, хотя и не отвергаетъ принадлежности своей къ тайному обществу и участія въ убійствѣ Иванова, но объясняетъ, что подробности плана, съ помощью котораго Нечаевъ имѣлъ достигнуть крайне радикальныхъ цѣлей, ему, Прыжову, не были извѣстны—слѣдствіемъ установлены слѣдующія улики: во 1-хъ, оговоръ его обвиняемымъ Успен-

скимъ, Кузнецовымъ и Николаевымъ въ томъ, что онъ былъ очень близокъ къ Нечаеву и былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ организаціи; во 2-хъ, собственно-ручное прикладываніе имъ къ листамъ почтовой бумаги, для составленія бланковъ, печати съ топоромъ и надписью „Комитета народной расправы“; въ 3-хъ, то обстоятельство, что онъ, кромѣ дѣятельности, общей всѣмъ другимъ членамъ организаціи, проявилъ еще свое особенное рвеніе къ развитію вліянія общества внѣ предѣловъ тайной организаціи, именно: сочинилъ одну изъ прокламацій подъ названіемъ „До громады“, въ которой, между прочимъ, дается совѣтъ народу не платить оброковъ и податей и остритъ ножи, чтобы возстать и защищать родину; въ 4-хъ, онъ, Прыжовъ, завязавъ намѣренно знакомство съ исключенными студентами Московскаго Университета Бутурлинымъ, Смирновымъ и друг., старался распространить въ этомъ Университетѣ такую же организацію, которая была въ тайномъ обществѣ, что безъ знанія о цѣли этой организаціи, предпринимать было бы немислимо. Все это, вмѣстѣ взятое, доказываетъ, что Прыжову не могла быть неизвѣстна вышеуказанная цѣль тайнаго общества. Сознаніе же въ участіи въ убійствѣ Иванова вполне подтверждается обстоятельствами этого послѣдняго дѣла и осмотромъ квартиры Алексѣя Кузнецова.

5. Противъ священническаго сына Владиміра Орлова, Орловъ, какъ выше сказано, сознался въ томъ, что Нечаевъ, еще въ февралѣ мѣсяцѣ 1869 года, высказывалъ ему свое намѣреніе поднять народъ къ возстанію и что просилъ его, Орлова, содѣйствовать ему въ этомъ, на что онъ и согласился. Дальнѣйшая дѣятельность Орлова, по его собственному показанію и показаніямъ обвиняемыхъ Николаева, Успенскаго, Флоринскаго, Коринскаго и Томиловой, заключалась въ слѣдующемъ: онъ познакомилъ Нечаева съ Успенскимъ подъ именемъ Павлова и съ Волковскимъ; онъ оправдился изъ Москвы—сначала въ Петербургъ, гдѣ заботился о посылкѣ Нечаеву денегъ за границу; былъ на студенческой сходкѣ, и затѣмъ оставилъ Томиловой двѣ записки, въ которыхъ завѣщаль ей вести какое то дѣло, потомъ былъ въ с. Ивановѣ, Владимірской губерніи, куда предварительно поѣхали съ его записками Николаевъ и Коринскій, при чемъ послѣдній получилъ отъ него указанія на лицъ, годныхъ къ пропагандѣ; прибывъ въ с. Иваново безъ всякой надобности, Орловъ, также повидимому безъ всякой надобности, уѣхалъ на югъ Россіи. Всѣ эти разъѣзды и дѣйствія свои Орловъ, между прочимъ, объясняетъ тѣмъ, что онъ, боясь отвѣтственности за передачу Нечаеву своего паспорта и соскучивъ искусственностью своего положенія, созданнаго для него Нечаевымъ передъ его знакомыми, которымъ онъ долженъ былъ казаться революціонеромъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ таковымъ не былъ, рѣшился захватить подальше, чтобъ объ немъ забыли; но изъ дѣла видно, что во 1-хъ, паспортъ не могъ причинить Орлову никакого затрудненія, потому что въ возвращеніи ему Нечаевымъ и онъ имъ даже пользовался, ибо таковой найденъ при немъ; во 2-хъ, записки, отставленныя имъ у Томиловой, написаны имъ по отъѣздѣ уже Нечаева за границу, слѣдовательно, по удаленіи той причины, которая заставляла его маскироваться, при чемъ Орлову не предстояло никакой надобности заявлять Томиловой завѣдомо ложный для него слухъ о томъ, что Нечаевъ будто-бы бѣжалъ изъ крѣпости; въ 3-хъ, равнымъ образомъ, въ отсутствіи уже Нечаева, Орловъ не имѣлъ надобности, если бы не хотѣлъ дѣйствительно помогать Нечаеву, давать наставленіе Коринскому розыскивать въ с. Ивановѣ людей, годныхъ къ пропагандѣ; и въ 4-хъ, слѣдующее обстоятельство, которое даетъ надлежащее значеніе и всѣмъ предъидущимъ дѣйствіямъ Орлова: изъ показанія его видно, что, говоря ему о намѣреніи поднять народъ къ возстанію, Нечаевъ прибавлялъ: „Что время возстанія недалеко, что надо дѣйствовать на семинаристовъ, какъ на людей, ближе стоящихъ къ народу, что люди, посвятившіе себя этой дѣятельности, будутъ переѣзжать съ агитационною цѣлью изъ города въ городъ...“; между тѣмъ въ найденной между бумагами обвиняемаго Волховскаго рукописи, начинающейся словами: „Мы не можемъ не признать“ и проч., излагается планъ революціонныхъ дѣйствій именно въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ Орловъ передаетъ слова Нечаева; въ ней говорится: „Мы должны стараться создать возможно большее количество революціонныхъ типовъ, развить въ обществѣ сознаніе необходимости и возможности революціи, какъ единственнаго средства для достиженія лучшаго порядка вещей и заботиться объ устройствѣ революціонной организаціи... Организація должна быть устроена по духу децентрализаціи и на законѣ передвиженія, т. е. члены ея должны перемѣняться мѣстами чрезъ известное время, переходить съ одного мѣста на другое... До мая дѣятельность лучшихъ людей должна быть сосредоточена въ Питерѣ и Москвѣ, а также частью и въ другихъ университетскихъ городахъ; въ это время долженъ быть подготовленъ и совершенъ протестъ студентовъ, какъ Университета, такъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, за право официальныхъ сходокъ... Съ мая дѣятельность должна быть перенесена въ губернскіе и уѣздные города и сосредоточена, главнымъ образомъ, въ средѣ разночинцевъ, семинаристовъ и провинціальной гольтыбы и т. д. Съ октября общими силами провинціальныхъ и столичныхъ дѣятелей пропаганда должна быть введена въ средѣ самой массы народа“... Такое сходство, почти тождество выраженной въ объясненіи, данномъ Орловымъ о бесѣдѣ съ нимъ Нечаева, съ изложеніемъ означенной рукописи, даетъ поводъ подозревать, что Орловъ не безучастенъ въ состав-

влении самой программы революціонныхъ дѣйствій, если при этомъ взять во вниманіе, что вышеозначенная рукопись списывалась съ оригинала, какъ видно по дѣлу, въ тотъ періодъ времени, когда Орловъ долженъ былъ быть въ Москвѣ и видѣться съ Волховскимъ, а съ другой стороны, что Коринескій, получившій отъ Орлова записку, по всему вѣроятію видѣлся съ нимъ передъ отъѣздомъ въ с. Иваново, гдѣ, по показанію Флоринскаго, предъявлялъ послѣднему рукопись, по содержанію однородную съ вышеприведенною, и, наконецъ, если ко всему этому прибавить заявленіе обвиняемаго Волховскаго, что Орловъ, при свиданіи съ нимъ въ посту 1869 года вручилъ ему какую то рукопись своего почерка, съ которой, какъ онъ думаетъ, и была переписана означенная рукопись, у него найденная, то нельзя не придти къ убѣжденію, что Орловъ, согласившись содѣйствовать Нечаеву въ возбужденіи народнаго возстанія, приступилъ уже и къ приготовленію къ этому преступленію, участвуя въ составленіи программы революціонныхъ дѣйствій и принимая мѣры къ ея распространенію.

6. Противъ дворянина Феликса Волховскаго, не смотря на совершенное отрицаніе его въ принятіи какого-либо участія въ революціонныхъ дѣйствіяхъ Нечаева, существуютъ однако жъ слѣдующія улики: по его собственному показанію, онъ, во время студенческаго движенія въ Петербургѣ, принялъ отъ прѣѣхавшаго оттуда студента Енишерлова рукописное изложеніе студенческой исторіи, съ тѣмъ, чтобы распространить ее; Волховскій при этомъ не объяснилъ, что побудило его взять на себя распространеніе этой рукописи, въ подлинникъ не отысканной, и, можетъ быть, вполнѣ не преступнаго содержанія, но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что онъ не чуждъ былъ студенческому движенію. Далѣе въ бумагахъ его найдены двѣ рукописи: одна вышеупомянутая уже, заключающая въ себѣ программу революціонныхъ дѣйствій, другая, въ которой обсуждается характеръ политическихъ переворотовъ вообще и возможность такого переворота въ Россіи: въ ней, между прочимъ, есть такого рода мѣсто: „Устройте такъ, чтобы силы эти были приблизительно одинаковы, чтобы противъ партіи дѣйствія очутился въ одинъ прекрасный день не дворецъ, опирающійся на войско, а одинъ только дворецъ, который самъ по себѣ слабъ. Мнѣ кажется, что при быстротѣ и смѣломъ образѣ дѣйствій хорошо организованной партіи вовсе не невозможно овладѣть этою вещіею“.

Каковы бы ни были объясненія Волховскаго насчетъ нахожденія у него этихъ бумагъ, но преступное содержаніе ихъ не могло не быть ему извѣстно, а между тѣмъ храненіе ихъ у него, ввиду того обстоятельства, что онъ видѣлся съ Орловымъ и съ Нечаевымъ, хотя бы и подъ именемъ Павлова, въ Москвѣ, въ началѣ 1869 года, къ какому времени, по его же собственному показанію и по показанію свидѣтелей, переписывавшей первую рукопись съ оригинала, Надежды Успенской, и слѣдуетъ отнести появленіе этой революціонной программы, а затѣмъ вышеуказанная готовность его распространить изложеніе студенческой исторіи, въ которой онъ лично заинтересованъ не былъ—все это заставляеть подозрѣвать его въ участіи въ тѣхъ же подготовительныхъ дѣйствіяхъ къ возбужденію народнаго возстанія, а слѣдовательно и къ ниспроверженію существующаго образа правленія, въ какихъ подозрѣвается и обвиняемый Орловъ.

7. Противъ кандидата правъ Петра Ткачева. Ткачевъ, какъ выше сказано, заявилъ, что никакого кружка около себя во время студенческой исторіи не составлялъ, съ Нечаевымъ знакомъ не былъ и вообще, что онъ ни въ чемъ противозаконномъ не принималъ участія. Между тѣмъ изъ слѣдствій видно: а) по показанію Орлова, что Ткачевъ зналъ очень хорошо Нечаева, такъ какъ послѣдній даже познакомилъ съ Ткачевымъ и его, Орлова; б) по показанію того же Орлова и Успенскаго, Ткачевъ рекомендовалъ въ своемъ письмѣ къ Успенскому Орлова и Волховскаго, слѣдовательно зналъ очень хорошо и рекомендуемыхъ и того, кому рекомендовалъ; в) по показанію привлеченнаго также къ настоящему дѣлу студента Земледѣльческаго Института Владиміра Ковалевскаго, у Ткачева во время студенческихъ движеній были, такъ называемыя, „Интимныя собранія“, на которыхъ, главнымъ образомъ, разсуждалъ Нечаевъ и разсуждалъ именно о необходимости образовывать кружки изъ пяти лицъ; д) по показанію другого привлеченнаго къ дѣлу обвиняемаго Ивана Лихутина, у Ткачева на означенныхъ собраніяхъ, кромѣ Нечаева, присутствовали и (Орловъ); е) по показанію обвиняемаго Николаева, Ткачевъ прѣѣзжалъ съ Дементьевой въ Москву въ февралѣ мѣсяцѣ вовсе не для того, чтобы самому жениться на ней, а желалъ именно пріобрѣсти въ лицѣ Николаева подставнаго мужа, чтобы, затѣмъ, съ Дементьевой же уѣхать въ Петербургъ и, пользуясь правомъ ея уже располагать деньгами, употребить ихъ на типографію; это видно не только изъ объясненій Николаева и Орлова, который, видоизмѣняя цѣль стремленій Ткачева получить деньги Дементьевой, утверждаетъ, однако жъ, фактическія подробности вполнѣ согласно съ Николаевымъ, но и изъ собственныхъ объясненій Ткачева и Дементьевой, отличающихся слишкомъ очевидно неправдоподобностью; и, наконецъ, ф) по показанію того же Николаева самъ Ткачевъ, говоря о желаніи скорѣе открыть типографію, высказывалъ ему, что предполагаетъ что-то напечатать; Успенскій же говорилъ ему, Николаеву, что Ткачевъ взялъ за написаніе прокламаціи „Къ обществу“, что въ свою очередь подтверждается показаніемъ обвиняемаго Алексѣя Кузнецова, которому то же самое говорилъ Нечаевъ.

Всѣ эти отдѣльныя, фактическія указанія на Ткачева, взятая въ совокупности, приводятъ къ несомнѣнному осужденію, что онъ дѣятельно участвовалъ въ студенческихъ волненіяхъ, что онъ, загѣмъ, въ виду неудавшихся результатовъ этихъ волненій отправился въ Москву, гдѣ несомнѣнно принималъ мѣры къ устройству типографіи, которая вскорѣ на его деньги, какъ показала Дементьева, и была открыта въ Петербургѣ, дагѣ, хотя слѣдствіемъ и не приобрѣтено положительныхъ данныхъ, изболчивающихъ Ткачева въ сочиненіи прокламаціи „Къ обществу“, но ввиду того, во 1-хъ, что усилія его къ открытію типографіи Дементьевой положительно подтверждаются слѣдствіемъ, а онъ, между тѣмъ, по неизбѣстнымъ причинамъ, считаетъ нужнымъ умалчивать объ нихъ; во 2-хъ, что почти вслѣдъ за возвращеніемъ его съ Дементьевою въ Петербургъ была открыта послѣднею типографія, въ которой если не первою работою, то одною изъ первыхъ было напечатаніе означенной прокламаціи; въ 3-хъ, отношенія его къ Дементьевой, по его собственному признанію, были настолько хороши, что она слушалась его совѣтовъ, что, впрочемъ, видно и изъ пассивной роли ея при поѣздкѣ въ Москву, и наконецъ въ 4-хъ, что, вслѣдствіе всего сказаннаго, тѣ показанія Николаева и Кузнецова, по которымъ сочиненіе прокламаціи „Къ обществу“ приписывается ему, Ткачеву, представляются далеко не лишенными основанія, — слѣдуетъ придти къ заключенію, что Ткачевъ принималъ такое же участіе въ приготовленіи къ государственному преступленію, совершаемому осенью 1869 года въ Москвѣ, какъ и упомянутые выше Орловъ и Волховскій.

8. Противъ с.-петербургской мѣщанки Александры Дементьевой въ дѣлѣ имѣется лишь сознаніе ея о напечатаніи въ своей типографіи вышеупомянутой прокламаціи „Къ обществу“; сознаніе это вполне подтверждается актомъ произведеннаго у ней обыска, при коемъ найдены не только буквы того самаго шрифта, которыми напечатана прокламація, но и нѣсколько слоговъ изъ заглавія „Къ обществу“. — Изъ показанія Дементьевой видно также, что она всѣ напечатанные ею 40 экземпляровъ прокламаціи разбросала въ разныхъ мѣстахъ.

9. Противъ жены полковника Елизаветы Томиловой существуютъ слѣдующія улики: По собственному сознанію, она, зная, что Нечаевъ бѣжалъ за границу съ паспортомъ Николаева, послала ему черезъ контору Гиннбурга 100 руб. сер.; по показанію Орлова, она просила его оставить ей записки, которыя бы уполномочивали ее дѣйствовать въ его отсутствіи его именемъ; непонятный, на первый взглядъ, смыслъ этихъ записокъ получаетъ значеніе въ виду того обстоятельства, что Нечаевъ въ письмахъ своихъ къ Томиловой настаивалъ на служеніи общему дѣлу, и такимъ образомъ, при отсутствіи всякихъ другихъ указаній на какое-либо дѣло, неизбѣжно слѣдуетъ заключить, что просьба Томиловой, обращенная къ Орлову, имѣла въ виду поддержаніе того общаго дѣла, о коемъ упоминалъ ей Нечаевъ и о которомъ она, находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ послѣднимъ, не могла не имѣть свѣдѣній. — Дѣятельность Томиловой заключалась, такимъ образомъ, въ матеріальномъ пособничествѣ тѣмъ лицамъ, которыя дѣлали приготовленія къ государственному преступленію.

10. Противъ слушателя Петровской Академіи Ивана Флоринскаго, сознававшегося въ томъ, что, находясь осенью 1869 года въ Москвѣ, переписывалъ правила организаціи, ѣздилъ по порученію Нечаева къ Маврицкому съ прокламаціею „Народная расправа“ и самъ имѣлъ таковую—слѣдствіемъ обнаружены факты, вполне подтверждающіе эту дѣятельность; показаніе Маврицкаго, къ которому Флоринскій пріѣзжалъ по порученію Нечаева, не сказавъ однако-жъ объ этомъ Маврицкому, и показаніе привлеченнаго къ дѣлу Ивана Лихутина, который, бывши въ Москвѣ въ качествѣ ревизора отъ женевского комитета, позванъ былъ Флоринскимъ къ нему на квартиру съ помощью условнаго знака, — положительно убѣждаютъ, что Флоринскому очень хорошо былъ извѣстенъ смыслъ дѣйствій тайной организаціи. — И наконецъ,

11. Противъ бывшаго студента Медико-Хирургической Академіи Михаила Коринскаго слѣдствіемъ обнаружено, что онъ пріѣхалъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, въ с. Иваново съ цѣлью розыска, по порученію Орлова, лицъ, чрезъ которыхъ можно бы было пропагандировать, какъ выразились въ своихъ показаніяхъ Николаевъ и Флоринскій, т. е., очевидно, для того, чтобы распространять чрезъ нихъ въ народѣ мысли революціоннаго свойства. Это подтверждается не только безиррициозностью появленія Коринскаго въ с. Ивановѣ, тогда какъ мѣсто его родины былъ Нижній - Новгородъ, но и въ особенноти преступнымъ содержаніемъ предъявленной имъ Флоринскому программы, о полученіи которой онъ отозвался запамätованіемъ; между тѣмъ, судя по тому, что Коринскій, по порученію Орлова, ѣздилъ въ с. Иваново, отъ Орлова получилъ записку къ Флоринскому и отъ Орлова же порученіе собирать деньги, не остается никакого сомнѣнія, что и означенную преступную рукопись онъ получилъ для распространенія отъ Орлова, въ видѣ копій съ того самаго оригинала, съ котораго списана найденная у Волховскаго программа революціонныхъ дѣйствій. — Всѣ эти факты показываютъ, что Коринскій принималъ также участіе въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ къ государственному преступленію, обнаруженному въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Москвѣ.

На основаніи всего вышеизложеннаго обвиняются:

1. Дворянинъ Петръ Гавриловъ Успенскій.
2. Купеческій сынъ Алексѣй Кириловъ Кузнецовъ.
3. Отставной коллежскій секретарь Иванъ Гавриловъ Прижовъ.
4. Московскій мѣшанинъ Николай Николаевъ Николаевъ въ томъ: во 1-хъ, что они по соглашенію съ прибывшимъ изъ Женевы осенью прошлаго 1869 года бывшимъ приходскимъ учителемъ Сергѣемъ Нечаевымъ, составили въ Москвѣ, а изъ нихъ Кузнецовъ началъ составлять въ Петербургѣ, заговоръ съ цѣлью ниспроверженія Правительства во всемъ Государствѣ и перемѣнѣ образа правленія въ Россіи, при чемъ злоумышленіе ихъ открыто было Правительствомъ заблаговременно при самомъ онаго началѣ, и во 2-хъ, въ томъ, что они, по предварительному между собою согласію, по по подговору вышепоименованнаго Нечаева, совершили 21-го ноября 1869 года убійство слушателя Петровской Академіи Иванова, заманивъ его въ уединенное мѣсто, т. е. обвиняются въ совершеніи преступленій, предусмотрѣнныхъ 249, 250, 13 и 3 п. 1,453 ст. Улож. о Наказ., изд. 1866 г.

5. Бывшій слушатель Петровской Академіи Иванъ Ивановъ Флоринскій въ томъ, что онъ принималъ участіе въ дѣйствіяхъ означеннаго заговора съ знаніемъ о цѣли ихъ дѣйствій, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ тѣми же 249 и 250 ст. Улож.

6. Сынъ священника Владиміръ Ѳедоровъ Орловъ.

7. Дворянинъ Феликсъ Вадимовъ Волховскій.

8. Кандидатъ правъ Петръ Никитинъ Ткачевъ.

Бывшій студентъ Медико-Хирургической Академіи Михаилъ Петровъ Коринскій, въ томъ, что, умысливъ ниспровергнуть Правительство во всемъ Государствѣ и перемѣнить образъ правленія, совершили для этого приготовительныя дѣйствія, при чемъ также злоумышленіе ихъ открыто было Правительствомъ заблаговременно въ самомъ началѣ онаго, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ тѣми же 249 и 250 ст. Улож.

10. Жена полковника Елизавета Христіанова Томилова въ томъ, что дѣйствіями своими помогала обвиняемымъ Нечаеву и Орлову совершить приготовленія къ государственному преступленію, которое потомъ выразилось въ составленіи заговора ниспровергнуть Правительство и перемѣнить образъ правленія, при чемъ Томилова знала о такомъ ихъ злоумышленіи, т. е. обвиняется въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 13, 121, 249 и 250 ст. Улож. о Наказ.—и

11. С.-Петербургская мѣшанка Александра Дмитріева Дементьева въ томъ, что напечатала въ своей типографіи и затѣмъ распространила воззванія „Къ обществу“, съ цѣлью возбудить къ явному неповиновенію власти верховной, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 251 ст. Улож. о Наказ.

Посему и на основаніи 1.032 и 1.033 ст. Уст. Угол. Судопр., вышепоименованные Успенскій, Кузнецовъ, Николаевъ, Прижовъ, Орловъ, Ткачевъ, Флоринскій, Коринскій, Волховскій, Томилова и Дементьева предаются суду С.-Петербургской Судебной Палаты.

* * *

По предложенію предсѣдателя, секретаремъ прочитаны были:

Общія правила организаціи.

§ 1. Строй организаціи основывается на довѣрїи къ личности. § 2. Организаторъ (уже членъ) изъ среды своихъ знакомыхъ намѣчаетъ 5—6 лицъ, съ которыми переговоривъ одиночно и заручившись согласіемъ каждаго, собираетъ ихъ вмѣстѣ и закладываетъ основаніе замкнутаго кружка. § 3. Механизмъ организаціи скрытъ отъ всякаго празднаго глаза, а потому вся сумма связей и весь ходъ дѣятельности кружка есть секретъ для всѣхъ, исключая его членовъ и центрального кружка, куда организаторъ представляетъ полный отчетъ въ опредѣленные сроки. § 4. По извѣстному плану, основанному на знаніи мѣстности или сословія, или среды, въ которой ведется подготовительная работа, труды специализируются членами. § 5. Членъ организаціи немедленно составляетъ въ свою очередь каждый около себя кружокъ 2-й степени, къ которому прежде основанный становится въ значеніи центрального, куда всѣ члены организаціи (по отношенію къ кружкамъ 2-й степени организаторовъ) вносятъ всю сумму свѣдѣній отъ своихъ кружковъ для доставленія далѣе. § 6. Правило не дѣйствовать непосредственно на всѣхъ тѣхъ, на которыхъ можно дѣйствовать съ меньшимъ результатомъ посредствомъ т. е. черезъ другихъ, должно быть выполняемо съ строгою аккуратностью. § 7. Общій принципъ организаціи не убѣждать, т. е. не выработывать, а сплочивать тѣ силы, которыя есть уже на лицо, исключать всякія пренія, имѣющія отношенія къ реальной цѣли. § 8. Устраняются всякіе вопросы отъ членовъ къ организатору, имѣющіе цѣлью дѣло кружковъ подчиненныхъ. § 9. Полная откровенность отъ членовъ къ организатору лежитъ въ основѣ успѣшнаго хода дѣла. § 10. По образованіи кружковъ второго разряда прежде организованные становятся относительно ихъ центрами, получаютъ уставъ общества и опредѣленную программу дѣятельности въ той средѣ, гдѣ находятся. Великорусскій отдѣль. Москва.

Общія правила сѣти для отдѣленій.

1) Задача отдѣленій состоитъ въ достиженіи самостоятельности и независимости въ дѣлѣ организаціи и ихъ употребленія съ вѣскою гарантіею безопасности общаго дѣла. 2) Начало такого отдѣленія кладутъ двое или трое лицъ, уполномоченныхъ отъ сѣти съ одобренія комитета. Они группируютъ тѣхъ лицъ изъ кружковъ на основаніи общихъ правилъ организаціи, которыя, по осмотру сѣти комитета, окажутся удовлетворяющими требованіямъ. Черезъ организаторовъ поддерживается связь съ сѣтью. 3) Личности, избранныя изъ кружковъ и входящія въ составъ отдѣленія, на первомъ же собраніи даютъ обязательство: а) дѣйствовать неразрывно, коллективно, вполнѣ подчиняясь общему голосу, и оставить отдѣленіе только для вступленія въ ряды еще болѣе интимные, по указанію комитета; б) вмѣстѣ съ тѣмъ, они обязуются во всѣхъ своихъ отношеніяхъ ко внѣшнему міру имѣть въ виду только пользу общества. 4) Вступленіе въ отдѣленіе дѣлается постепенно, по одиночкѣ. Когда количество дойдетъ до 6, тогда отдѣленія раздѣляются на самостоятельныя группы, по указанію комитета. 5) Избирается сообща лицо, завѣдывающее письмоводствомъ, составленіемъ отчетовъ, приемкой и отправленіемъ членовъ комитета и другихъ довѣренныхъ лицъ, имѣющихъ отношенія къ всему отдѣленію. Это же лицо хранитъ бумаги, вещи и имѣетъ адреса. 6) Другіе члены берутъ на себя обязанность вести подготовительную работу въ томъ или другомъ сословіи, или средѣ, и набираютъ себѣ помощниковъ изъ лицъ, организованныхъ по общимъ правиламъ, 7) Все количество лицъ, организованныхъ по общимъ правиламъ, разсматривается и употребляется какъ средство или орудіе для выполненія предпріятій и для достиженія цѣли общества. Потому, во всякомъ дѣлѣ, приводимомъ отдѣленіемъ въ исполненіе, существенный планъ этого дѣла или предпріятія долженъ быть извѣстенъ только отдѣленію; приводящія же его въ исполненіе личности отнюдь не должны знать сущность, а только тѣ подробности, тѣ части дѣла, которыя выполнить пало на ихъ долю. Для возбужденія же энергіи необходимо объяснить сущность дѣла въ превратномъ видѣ. 8) () планъ предпріятія, задуманнаго членами, дается знать комитету, и только по соглашенію онаго приступается къ выполненію. 9) Планъ, предложенный со стороны комитета, выполняется немедленно. Для того, чтобы со стороны комитета не было требованій, превышающихъ силы отдѣленія, устанавливается самая строгая и аккуратная отчетность о состояніи отдѣленія чрезъ посредство тѣхъ авеневъ, которыми оно связывается съ комитетомъ. 10) Отдѣленіе посылаетъ членовъ для ревизіи подчиненныхъ кружковъ и отправляетъ въ свѣжій мѣста для zaloженія новыхъ организацій. 11) Вопросъ о средствахъ денежныя стоятъ на первомъ планѣ: 1-е, прямой сборъ съ членовъ, лицъ, сочувствующихъ—на бланкѣ комитета, съ выставленіемъ просьбы количества жертвуемыхъ денегъ; 2-е, косвенный сборъ, подъ благовидными предлогами, отъ лицъ всѣхъ сословій, хотя бы и не сочувствующихъ; 3-е, устройство концертовъ, вечеровъ, подъ разными номинальными цѣлями; 4-е, разнообразныя предпріятія относительно частныхъ лицъ; всѣ другія болѣе грандіозныя средства исключаются изъ дѣятельности отдѣленія, какъ превышающія его силу, и только по указанію комитета отдѣленіе должно содѣйствовать выполненію такого плана; 5-е, изъ всей суммы приходовъ одна треть доставляется комитету. 12) Въ числѣ необходимыхъ условий для начала дѣятельности отдѣленія есть: 1-е, образование притоновъ; 2-е, допущеніе своихъ ловкихъ и практическихъ людей въ среду разносчиковъ, булочниковъ и прочее; 3-е, знакомство съ городскими сплетниками, публичными женщинами и другія частныя собранія и распространенія слуховъ; 4-е, знакомство съ полиціей и съ міромъ старыхъ приказныхъ; 5-е, заведеніе сношеній съ такъ называемою преступною частью общества; 6-е, вліяніе на высокопоставленныхъ лицъ чрезъ ихъ женщинъ; 7-е, интеллигенція литературы; 8-е, поддержаніе агитаціи всевозможными средствами. Сей экземпляръ не долженъ распространяться, а храниться въ отдѣленіи.

Отношеніе революціонера къ самому себѣ.

§ 1. Революціонеръ—человѣкъ обреченный. У него нѣтъ ни своихъ интересовъ, ни дѣлъ, ни чувствъ, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все въ немъ поглощено единымъ исключительнымъ интересомъ, единою мыслью, единою страстію—революціей.

§ 2. Онъ въ глубинѣ своего существа, не на словахъ только, а на дѣлѣ, разорвалъ всякую связь съ гражданскимъ порядкомъ и со всѣмъ образованнымъ міромъ, со всѣми законами, приличіями, общепринятыми условіями и нравственностію этого міра. Онъ для него—врагъ безопытный и еслибъ онъ продолжалъ жить въ немъ, то для того только, чтобы его вѣрнѣе разрушить.

§ 3. Революціонеръ презираетъ всякое доктринерство и отказался отъ мірской науки, предоставляя ее будущимъ поколѣніямъ. Онъ знаетъ только одну науку, науку разрушенія. Для этого и только для этого онъ изучаетъ теперь механику, физику, химию, пожалуй медицину. Для этого изучаетъ денно и ношно живую науку людей, характеровъ, положеній и всѣхъ условій настоящаго общественнаго строя, во всѣхъ

возможныхъ слояхъ. Цѣль же одна — наискорѣйшее разрушеніе (этого) поганого строя.

§ 4. Онъ презираетъ общественное мнѣніе. Онъ презираетъ и ненавидитъ во всѣхъ побужденіяхъ и проявленіяхъ нынѣшнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствуетъ торжеству революціи. Безнравственно и преступно все, что помѣшаетъ ему.

§ 5. Революціонеръ — человѣкъ обреченный, безпощаденъ для государства и вообще для всего сословно-образованнаго общества; онъ и отъ нихъ не долженъ ждать для себя никакой пощады. Между ними и имъ существуетъ тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Онъ долженъ приучить себя выдерживать пытки.

§ 6. Суровый для себя, онъ долженъ быть суровымъ и для другихъ. Всѣ нѣжные, изнѣживающіи чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены въ немъединою холодною страстью революціоннаго дѣла. Для него существуетъ только одна нѣга, одно утѣшеніе, вознагражденіе и удовлетвореніе — успѣхъ революціи. Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цѣль — безпощадное разрушеніе. Стремясь хладнокровно и неутомимо къ этой цѣли, онъ долженъ быть готовъ и самъ погибнуть и погубить своими руками все, что мѣшаетъ ей достиженію.

§ 7. Природа настоящаго революціонера исключаетъ всякій романтизмъ, всякую чувствительность, восторженность и увлеченіе. Онъ исключаетъ даже личную ненависть и мщеніе. Революціонерная страсть, ставъ въ немъ обыденностью, ежеминутно должна соединяться съ холоднымъ расчетомъ. Всегда и вездѣ онъ долженъ быть не то, къ чему его побуждаютъ влеченія личныя, а то, что предписываетъ ему общій интересъ революціи.

Отношеніе революціонера къ товарищамъ по революціи.

§ 8. Другомъ и милымъ человѣкомъ для революціонера можетъ быть только человѣкъ, заявившій себя на дѣлѣ такимъ же революціонернымъ дѣломъ, какъ и онъ самъ. Мѣра дружбы, преданности и прочихъ обязанностей въ отношеніи къ такому товарищу опредѣляется единственно степенью полезности въ дѣлѣ всеразрушительной практической революціи.

§ 9. О солидарности революціонеровъ и говорить нечего. Въ ней вся сила революціоннаго дѣла. Товарищи-революціонеры, стоящіе на одинаковой степени революціоннаго пониманія и страсти, должны, по возможности, обсуждать всѣ крупныя дѣла вмѣстѣ и рѣшать ихъ единодушно. Въ исполненіи такимъ образомъ рѣшеннаго плана, каждый долженъ разсчитывать, по возможности, на себя. Въ выполненіи ряда разрушительныхъ дѣйствій каждый долженъ дѣлать самъ и прибѣгать къ совѣту и помощи товарищей только тогда, когда это для успѣха необходимо.

§ 10. У каждаго товарища должно быть подъ рукою нѣсколько революціонеровъ втораго и третьяго разрядовъ, т. е. не совсѣмъ посвященныхъ. На нихъ онъ долженъ смотрѣть, какъ на часть общаго революціоннаго капитала, отданнаго въ его распоряженіе. Онъ долженъ экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь изъ него наибольшую пользу. На себя онъ смотритъ, какъ на капиталъ, обреченный на трату для торжества революціоннаго дѣла, только какъ на такой капиталъ, которымъ онъ самъ и одинъ безъ согласія всего товарищества вполне посвященныхъ распоряжаться не можетъ.

§ 11. Когда товарищъ попадаетъ въ бѣду, рѣшая вопросъ спасать его или нѣтъ, революціонеръ долженъ соображаться не съ какими-нибудь личными чувствами, но только съ пользою революціоннаго дѣла. Поэтому онъ долженъ взвѣситъ пользу, приносимую товарищемъ — съ одной стороны, а съ другой — трату революціонныхъ силъ, погребныхъ на избавленіе, и на которую сторону перегянуть, такъ и долженъ рѣшить.

Отношенія революціонера къ обществу.

§ 12. Принятіе новаго члена, заявившаго себя не на словахъ, а на дѣлѣ, въ товарищество не можетъ быть рѣшено иначе, какъ единодушно.

§ 13. Революціонеръ вступаетъ въ государственныя, сословныя, такъ называемыя, образованный міръ и живетъ въ немъ только съ вѣрой въ его полнѣйшее скорѣйшее разрушеніе. Онъ не революціонеръ, если ему чего-нибудь жаль въ этомъ мірѣ. Если онъ можетъ, то становится предъ истребленіемъ положенія, отношенія или какого-либо человѣка, принадлежащаго къ этому міру — всѣ и все должны быть ему равно ненавистны. Тѣмъ хуже для него, если у него есть въ немъ родственныя, дружескія и любовныя отношенія; онъ не революціонеръ, если они могутъ остановить его руку.

§ 14. Съ цѣлью безпощаднаго разрушенія революціонеръ можетъ и даже часто долженъ жить въ обществѣ, притворяясь совсѣмъ не тѣмъ, что онъ есть. Революціонеръ долженъ проникнуть всюду, во всѣ низшія и среднія сословія, въ купеческую лавку, въ церковь, въ барскій домъ, въ міръ бюрократическій, военный, въ литературу, въ III Отдѣленіе и даже въ Зимній дворецъ.

§ 15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на нѣсколько категорій: 1-я категорія неотлагаемо осужденныхъ на смерть. Да будетъ составленъ товариществомъ списокъ такихъ осужденныхъ, по порядку ихъ относительной зловредности для успѣха революціоннаго дѣла, такъ чтобы предыдущіе номера убрались прежде послѣдующихъ.

§ 16. При составленіи такихъ списковъ и для установленія вышерѣченнаго порядка, должно руководствоваться отнюдь не личнымъ злодѣйствомъ человѣка, ни даже ненавистью, возбуждаемой имъ въ товариществѣ или въ народѣ. Это злодѣйство и эта ненависть могутъ быть даже отчасти полезными, способствуя къ возбужденію народнаго бунта. Должно руководствоваться мѣрой пользы, которая должна произойти отъ его смерти для революціоннаго дѣла. Итакъ, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революціонной организаціи, а также внезапная и насильственная смерть которыхъ можетъ навести наибольшій страхъ на правительство и, лишивъ его умныхъ и энергичныхъ дѣятелей, потратить его силу.

§ 17. Вторая категорія должна состоять изъ такихъ людей, которымъ даруютъ только временно жизнь, чтобы они рядомъ зѣвскихъ поступковъ довели народъ до неотвратимаго бунта.

§ 18. Къ третьей категоріи принадлежитъ множество высокопоставленныхъ скотовъ или личностей, неотличающихся ни особеннымъ умомъ, ни энергіей, но пользующихся по положенію богатствомъ, связями, влияніемъ, силой. Надо ихъ эксплуатировать всевозможными манерами, путями; опутать ихъ, сбить съ толку и, овладѣвъ, по возможности, ихъ грязными тайнами, сдѣлать ихъ своими рабами. Ихъ власть, влияніе, связи, богатство и сила сдѣлаются, такимъ образомъ, неистощимою сокровищницею и сильной помощью для разныхъ предпріятій.

§ 19. Четвертая категорія состоитъ изъ государственныхъ честолюбцевъ и либераловъ съ разными отгѣнками. Съ ними можно конспирировать по ихъ программамъ, дѣлая видъ, что слѣпо слѣдуешь за ними, а между тѣмъ прибирать ихъ въ руки, овладѣть всѣми ихъ тайнами, скопириметировать ихъ до-нельзя, такъ чтобы возвратъ для нихъ былъ не возможенъ, и ихъ руками мутить государство.

§ 20. Пятая категорія—доктринеры, конспираторы, революціонеры, всѣ праздноглаголюще въ кружкахъ и на бумагѣ. Ихъ надо безпрестанно толкать и тянуть впередъ, въ практическія головоломныя заявленія, результатомъ которыхъ будетъ безслѣдная гибель большинства и настоящая революціонная выработка немногихъ.

§ 21. Шестая и важная категорія—женщины, которыхъ должно раздѣлить на три главные разряда: однѣ—пустыя, обезсмысленныя, бездушныя, которыми можно пользоваться, какъ третьей и четвертой категоріями мужчинъ; другія—горячія, преданныя, способныя, но не наши, потому что не доработали еще до настоящаго безстрастнаго и фактическаго революціоннаго пониманія; ихъ должно употреблять, какъ мужчинъ пятой категоріи; наконецъ, женщины совсѣмъ наши, т. е. вполне посвященныя и принявшія всецѣло нашу программу. Мы должны смотрѣть на нихъ, какъ на драгоценнѣйшія сокровища наши, безъ помощи которыхъ намъ обойтись невозможно.

* * *

Отношенія товарищества къ народу.

§ 22. У товарищества нѣтъ другой цѣли, кромѣ полнѣйшаго освобожденія и счастья народа, т. е. чернорабочаго люда. Но, убѣжденное въ томъ, что это освобожденіе и достиженіе этого счастья возможно только путемъ всеокрупающей народной революціи, товарищество всѣми силами и средствами будетъ способствовать къ развитію и разобщенію тѣхъ бѣдъ и тѣхъ золь, которыя должны вынести, наконецъ, народъ изъ терпѣнія и понудить его къ поголовному возстанію.

§ 23. Подъ революціею народною товарищество разумѣетъ не регламентированное движеніе по западному классическому образу—движеніе, которое всегда, оставаясь передъ собственностію и передъ традиціями общественныхъ порядковъ, такъ называемой, цивилизаціи и нравственности, до сихъ поръ ограничивалось вездѣ низверженіемъ одной политической формы для замѣщенія ея другою и стремилось создать, такъ называемое, революціонное государство. Спасительно для народа можетъ быть только та революція, которая уничтожитъ въ корнѣ всякую государственность и истребитъ всѣ государственныя традиціи порядка и классы Россіи.

§ 24. Товарищество поэтому не навязываетъ народу какую-бы то ни было организацію сверху. Будущая организація безъ сомнѣнія выработается изъ народнаго движенія и жизни. Но это—дѣло будущихъ поколѣній. Наше дѣло—страшное, полное, повсемѣстное и безпопадное разрушеніе.

§ 25. Поэтому, сближаясь съ народомъ, мы прежде всего должны соединиться съ тѣми элементами народной жизни, которые со времени основанія московской государственной силы не переставали протестовать не на словахъ, а на дѣлѣ противъ всего, что прямо или косвенно связано съ государствомъ: противъ дворянства, противъ чиновничества, противъ поповъ, противъ гильдейскаго міра и противъ кулака-міроѣда. Но соединимся съ дикимъ разбойничьимъ міромъ, этимъ, истиннымъ и единственнымъ революционеромъ въ Россіи.

§ 25. Сплотить этотъ міръ въ одну непобѣдимую, всеокружающую силу—вотъ вся наша организація, конспирація, задача.

* * *

Предсѣдателемъ прочитаны были слѣдующіе, проектированные Судомъ, вопросы по существу дѣла:

1. Былъ ли осенью 1869 года составленъ заговоръ съ цѣлью ниспроверженія Правительства во всемъ Государствѣ и перемѣны образа правленія въ Россіи, причѣмъ заговоръ этотъ открытъ Правительствомъ заблаговременно, при самомъ началѣ оного?

2. Если означеннаго заговора не существовало, то не было ли учреждено тогда же противозаконнаго сообщества, направленнаго къ измѣненію или ниспроверженію порядка государственнаго устройства въ Россіи?

3. Виновенъ ли дворянинъ П. Г. Успенскій, 22 лѣтъ, въ томъ, что принималъ участіе въ означенномъ въ 1-мъ вопросѣ заговорѣ?

4. Если нѣтъ, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что былъ главнымъ руководителемъ при составленіи означеннаго во 2-мъ вопросѣ общества?

5. Если Успенскій не былъ главнымъ руководителемъ, то не былъ ли соучастникомъ означеннаго сообщества?

6. Виновенъ ли дворянинъ Успенскій въ томъ, что онъ, по предварительному согласію съ другими лицами, но по подговору Нечаева, совершилъ, 21-го ноября 1869 года, убійство слушателя Петровской Земледѣльческой Академіи Иванова, заманивъ его въ уединенное мѣсто?

7. Если онъ не виновенъ по предыдущему 6-му вопросу, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что принималъ участіе въ совершеніи убійства?

8. Если виновенъ по послѣднему вопросу, то какого рода было его участіе въ убійствѣ?

9. Если Успенскій виновенъ въ означенныхъ преступленіяхъ или въ которомъ либо изъ нихъ, то какому, на основаніи законовъ, онъ подлежитъ наказанію?

10. Виновенъ ли купеческій сынъ А. К. Кузнецовъ, 24 лѣтъ, въ томъ, что принималъ участіе въ означенномъ въ 1-мъ вопросѣ заговорѣ?

11. Если нѣтъ, то не виновенъ ли въ томъ, что былъ главнымъ руководителемъ при составленіи означеннаго въ вопросѣ 2-мъ сообщества?

12. Если Кузнецовъ не былъ главнымъ руководителемъ, то не былъ ли соучастникомъ означеннаго сообщества?

13. Виновенъ ли Кузнецовъ въ томъ, что началъ составлять въ Петербургѣ заговоръ съ цѣлью, означенною въ 1-мъ вопросѣ?

14. Если нѣтъ, то не виновенъ ли въ томъ, что началъ составлять въ Петербургѣ тайное общество съ цѣлью, указанною во 2-мъ вопросѣ?

15. Виновенъ ли Кузнецовъ въ томъ, что, по предварительному согласію съ другими лицами, но по подговору Нечаева, совершилъ, 21-го ноября 1869 года, убійство слушателя Петровской Земледѣльческой Академіи Иванова, заманивъ его въ уединенное мѣсто?

16. Если онъ не виновенъ по предыдущему 15 вопросу, то не виновенъ ли въ томъ, что принималъ участіе въ совершеніи убійства?

17. Если виновенъ по послѣднему вопросу, то какого рода было его участіе въ убійствѣ?

18. Если Кузнецовъ виновенъ въ означенныхъ преступленіяхъ или въ которомъ либо изъ нихъ, то какому, на основаніи законовъ, онъ подлежитъ наказанію?

19. Виновенъ ли отставной коллежскій секретарь И. Г. Прыжовъ, 42 лѣтъ, въ томъ, что принималъ участіе въ означенномъ въ 1-мъ вопросѣ заговорѣ?

20. Если нѣтъ, то виновенъ ли въ томъ, что былъ главнымъ руководителемъ при составленіи означеннаго въ вопросѣ 2-мъ сообщества?

21. Если Прыжовъ не былъ главнымъ руководителемъ, то не былъ ли онъ соучастникомъ означеннаго сообщества?

22. Виновенъ ли Прыжовъ въ томъ, что, по предварительному согласію съ другими лицами, но по подговору Нечаева, совершилъ, 21-го ноября 1869 г., убійство слушателя Петровской Земледѣльческой Академіи Иванова, заманивъ его въ уединенное мѣсто?

23. Если онъ не виновенъ по предыдущему 22-му вопросу, то не виновенъ ли въ томъ, что принималъ участіе въ совершеніи убійства?

24. Если виновенъ по послѣднему вопросу, то какого рода было его участіе въ убійствѣ?

25. Если Прыжовъ виновенъ въ означенныхъ преступленіяхъ или въ которомъ либо изъ нихъ, то какому, на основаніи законовъ, онъ подлежитъ наказанію?

26. Виновенъ ли московскій мѣщанинъ Н. Н. Николаевъ, 19-ти лѣтъ, въ томъ, что принималъ участіе въ означенномъ въ 1-мъ вопросѣ заговорѣ?

27. Если онъ не принималъ участія въ заговорѣ, означенномъ въ 1-мъ вопросѣ, то не былъ ли соучастникомъ означеннаго въ вопросѣ 2-мъ сообщества?

28. Если Николаевъ былъ соучастникомъ означеннаго выше заговора или ука-

заннаго въ вопросѣ 2-мъ сообщества то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другими совершеннолѣтними?

29. Виновенъ ли московскій мѣщанинъ Николаевъ въ томъ, что, по предварительному согласію съ другими лицами, но по подговору Нечаева, совершилъ, 21-го ноября 1869 г., убійство слушателя Петровской Земледѣльческой Академіи Иванова, заманивъ его въ уединенное мѣсто?

30. Если Николаевъ не виновенъ по предыдущему, 29-му вопросу, то не виновенъ ли въ томъ, что принималъ участіе въ совершеніи убійства?

31. Если виновенъ по послѣднему вопросу, то какого рода было его участіе въ убійствѣ?

32. Если Николаевъ виновенъ въ участіи въ убійствѣ Иванова или совершеніи его, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другими совершеннолѣтними?

33. Если Николаевъ виновенъ въ означенныхъ преступленіяхъ или въ которомъ либо изъ нихъ, то какому онъ, на основаніи законовъ, подлежитъ наказанію?

34. Виновенъ ли сынъ священника П. И. Флоринскій, 24-хъ лѣтъ, въ томъ, что принялъ участіе въ дѣйствіяхъ означеннаго заговора съ знаніемъ о цѣли оныхъ?

35. Если нѣтъ, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что принималъ участіе въ тайномъ обществѣ, указанномъ въ 2-мъ вопросѣ?

36. Если Флоринскій виновенъ въ которомъ-либо изъ означенныхъ преступленій, то какому, на основаніи законовъ, онъ подлежитъ наказанію?

37. Виновенъ ли сынъ священника В. Ф. Орловъ, 26-ти лѣтъ, въ томъ, что, умысливъ ниспровергнуть Правительство во всемъ Государствѣ и перемѣнить образъ правленія, совершилъ для этого приготовительныя дѣйствія?

38. Если Орловъ виновенъ, то какому, на основаніи законовъ, онъ подлежитъ наказанію?

39. Виновенъ ли дворянинъ Ф. В. Волховскій, 24-хъ лѣтъ, въ томъ, что умысливъ ниспровергнуть Правительство во всемъ Государствѣ и перемѣнить образъ правленія, совершилъ для этого приготовительныя дѣйствія?

40. Если Волховскій виновенъ, то какому, на основаніи законовъ, онъ подлежитъ наказанію?

41. Виновенъ ли кандидатъ правъ П. Н. Ткачевъ, 25-ти лѣтъ, въ томъ, что, умысливъ ниспровергнуть Правительство во всемъ Государствѣ и перемѣнить образъ правленія, совершилъ для этого приготовительныя дѣйствія?

42. Если подсудимый Ткачевъ не виновенъ въ означенномъ преступленіи, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что составилъ и отдалъ для напечатанія и распространенія воззваніе „Къ обществу“, съ намѣреніемъ возбудить къ противодействию властямъ, отъ Правительства установленнымъ?

43. Если нѣтъ, то не виновенъ ли въ томъ, что составилъ и отдалъ для напечатанія и распространенія воззваніе „Къ обществу“ оскорбительное и направленное къ колебанію общественнаго довѣрія къ распоряженіямъ правительственныхъ установленій и къ оправданію воспрещенныхъ ими дѣйствій съ цѣлью возбудить къ этимъ распоряженіямъ и установленіямъ неуваженіе?

44. Если Ткачевъ виновенъ въ которомъ-либо изъ указанныхъ въ 41-мъ, 42-мъ и 43-мъ вопросахъ преступленій, то какому на основаніи законовъ онъ подлежитъ наказанію?

45. Виновенъ ли сынъ священника М. П. Коринскій, 25-ти лѣтъ, въ томъ, что, умысливъ ниспровергнуть Правительство во всемъ Государствѣ и перемѣнить образъ правленія, совершилъ для этого приготовительныя дѣйствія?

46. Если Коринскій виновенъ, то какому, на основаніи законовъ, онъ подлежитъ наказанію?

47. Виновна ли вдова полковника Томилова, 30-ти лѣтъ, въ томъ, что дѣйствіями своими помогала Нечаеву и Орлову совершить приготовленія къ государственному преступленію, которое потомъ выразилось въ составленіи заговора или тайнаго общества, съ цѣлью ниспровергнуть Правительство и перемѣнить образъ правленія, причемъ Томилова знала о таковомъ ихъ злоумышленіи?

48. Если подсудимая Томилова виновна въ означенномъ преступленіи, то какому, на основаніи закона, подлежитъ наказанію?

49. Виновна ли с.-петербургская мѣщанка Дементьева, 19-ти лѣтъ, въ томъ, что напечатала въ своей типографіи и затѣмъ распространяла воззваніе „Къ обществу“, съ цѣлью возбудить къ явному неповиновенію власти верховной?

50. Если подсудимая Дементьева не виновна въ означенномъ преступленіи, то не виновна ли она въ томъ, что напечатала и распространяла воззваніе „Къ обществу“, съ намѣреніемъ возбудить къ противодействию властямъ, отъ Правительства установленнымъ?

51. Если Дементьева не виновна въ преступленіи, указанномъ въ 50-мъ вопросѣ, то не виновна-ли она въ томъ, что напечатала и распространила воззваніе „Къ обществу“, оскорбительное и направленное къ колебанію общественнаго довѣрія къ распоряженіямъ правительственныхъ установленій и къ оправданію воспрещенныхъ ими

дѣйствій, съ цѣлью возбудить къ этимъ распоряженіямъ и установленіямъ неуваженіе?

52. Если Дементьева виновна по которому-либо изъ предыдущихъ вопросовъ, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленіе другимъ совершеннолѣтнимъ?

53. Если Дементьева виновна въ которомъ-либо изъ вышеозначенныхъ преступленій, то какому она, на основаніи законовъ, подлежитъ наказанію?

Сторонами не было представлено никакихъ заявленій по содержанію прочитанныхъ вопросовъ, которые были утверждены Судомъ.

Засѣданіе 13-го іюля.

Предсѣдатель объявилъ слѣдующую резолюцію.

„Судебная Палата, рассмотрѣвъ дѣло о заговорѣ съ цѣлью ниспровергнуть существующее въ Россіи Правительство по отношенію къ 11-ти лицамъ, находить, что осенью 1869 года, въ Москвѣ, составлено было тайное общество, имѣвшее цѣлью измѣнить существующій въ Россіи образъ правленія, и признаетъ затѣмъ виновными:

1. Дворянина П. Г. Успенскаго, 22 лѣтъ, личнаго почетнаго гражданина А. К. Кузнецова, 24-хъ лѣтъ, отставнаго коллежскаго секретаря И. Г. Прыжова, 42-хъ лѣтъ, и мѣщанина Н. Н. Николаева, 19-ти лѣтъ, въ томъ, что они были соучастниками означеннаго тайнаго общества и въ томъ, что въ качествѣ сообщниковъ, по подговору Нечаева, совершили убійство студента Иванова, заманивъ его въ уединенное мѣсто.

2. Сына священника И. И. Флоринскаго, 24-хъ лѣтъ, въ томъ, что, зная о существованіи означеннаго общества, принималъ участіе въ дѣйствіяхъ онаго.

3. Дворянина П. Н. Ткачева, 27-ми лѣтъ, и мѣщанику А. Д. Дементьеву, 19 лѣтъ, въ томъ, что первый сочинилъ и отдалъ для напечатанія и распространенія, а послѣдній напечатала и распространяла воззваніе „Къ обществу“, заключающее въ себѣ отгавъ оскорбительный и направленный къ колебанію общественнаго довѣрія къ распоряженіямъ правительственныхъ установленій и оправданію воспрещенныхъ ими дѣйствій, съ цѣлью возбудить къ этимъ распоряженіямъ и установленіямъ неуваженіе.

4. Находя затѣмъ подсудимыхъ священническаго сына В. Ф. Орлова, дворянина Ф. В. Волховскаго, вдову полковника Е. Х. Томилову и священническаго сына М. И. Коринскаго по настоящему дѣлу не виновными, Судебная Палата, на основаніи 318, 1.453 п. 3, 1.035, 134, 152, 19, 31, 139, 143, 129, 38 и 140-й ст. Улож. о Наказ. и 771-й Уст. Угол. Суд., опредѣляетъ:

1) подсудимыхъ Успенскаго, Кузнецова, Прыжова и Николаева лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу: Успенскаго—въ рудникахъ на 15 лѣтъ, Кузнецова—въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ, Прыжова—въ крѣпостяхъ на 12 лѣтъ, и Николаева—въ крѣпостяхъ на 7 лѣтъ и 4 мѣсяца, затѣмъ поселить въ Сибирь навсегда;

2) подсудимаго Флоринскаго заключить въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ, съ отдачею затѣмъ подъ строгій надзоръ полиціи на 5 лѣтъ;

3) подсудимыхъ Ткачева и Дементьеву заключить въ тюрьму: перваго на 1 годъ и 4 мѣсяца, а Дементьеву на 4 мѣсяца;

4) подсудимыхъ Коринскаго, Волховскаго, Томилову и Орлова признать по Суду оправданными;

5) о примѣненіи мѣры пресѣченія способовъ уклониться отъ суда относительно Флоринскаго, Ткачева и Дементьевой составить особое постановленіе;

6) приговоръ о Ткачевѣ не приводить въ исполненіе, въ виду имѣющихся въ Палатѣ о немъ другихъ дѣлъ,—и

7) приговоръ этотъ по вступленіи въ законную силу относительно Успенскаго и Прыжова, на основаніи 945-й ст. Уст. Угол. Суд., представить на Высочайшее усмотрѣніе. Приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ черезъ 2 недѣли послѣ послѣдней резолюціи по настоящему дѣлу.

Предсѣдатель. Подсудимые Орловъ, Волховскій, Коринскій и Томилова! Не угодно ли вамъ выйти на середину залы.

(Подсудимые вышли).

Подсудимые! Вы свободны отъ суда и отъ содержанія подъ стражею. Господа, отнынѣ вамъ мѣсто не на позорной скамьѣ, а среди публики, среди всѣхъ насъ.

Засѣданіе С.-Петербургской Судебной Палаты, 19-го іюля 1871 года, по дѣлу о заговорѣ, составленномъ съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи.

Засѣданіе открыто въ томъ же составѣ Суда, какъ и по первой группѣ. Обвинялъ прокуроръ В. А. Половцевъ. Защитниками обвиняемыхъ явились присяжные повѣренные: Спасовичъ—Мутафова, Коробьина и Пажонъ-де-Монсе; Герардъ—Пирамидова, Лау и Коведяева; Тацьевъ—князя Черкезова, И. Рязанцева, В. Рязанцева и Н. Голикова; Архангельскій—Сарибекова, Гавришева и Шеста-

кова; Соколовскій—Костыркина; Герке—С. Кузнецова, Ивакина и Рахметова; Стасовъ—Долгова и Римскаго-Корсакова; Арсеньевъ—П. и Д. Енкуватовыхъ Ординъ—Рипмана, Климина, Скипскаго, Шанаева и Бутурлина; Матвѣевъ—Хаджибекова; помощникъ присяжнаго повѣреннаго Утинъ—Бѣляевой и Ланге князь Урусовъ—Попова, Ишханова и Свѣчина.

Прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержания:

Результаты обыска, произведеннаго 26-го ноября 1869 года, въ Москвѣ, въ квартирѣ дворянина Петра Гаврилова Успенскаго, во 2-мъ кварталѣ Мѣщанской части, въ домѣ Камозкина, а также въ московскомъ книжномъ магазинѣ Черкесова, въ которомъ Успенскій служилъ прикащикомъ, и произведенное вслѣдъ за симъ дознаніе, направленное для разъясненія значенія и цѣли хранения Успенскимъ найденныхъ у него бумагъ, обнаружили существованіе въ Москвѣ тайнаго общества, образованнаго съ цѣлю ниспроверженія, путемъ возстанія, существующаго въ Россіи Правительства и перемены порядка правленія.

Подробное разсмотрѣніе отобранныхъ при упомянутомъ обыскѣ бумагъ, разъясненныхъ, кромѣ того, объясненіями обвиняемаго Успенскаго, произведенные затѣмъ обыски у разныхъ лицъ, которыя или значились въ найденныхъ у Успенскаго запискахъ и упоминались въ данныхъ имъ объясненіяхъ, или которыя своимъ близкимъ знакомствомъ съ нимъ возбуждали противъ себя подозрѣніе, и наконецъ, объясненія спрошенныхъ при дознаніи лицъ привели къ раскрытію слѣдующихъ данныхъ.

Бывшій учитель приходскаго Сергіевскаго училища въ С.-Петербургѣ Сергій Геннадіевъ Нечаевъ, прибывъ, какъ извѣстно, въ Москву 3-го сентября 1869 года изъ Женевы, въ качествѣ посланнаго отъ всемірнаго революціоннаго комитета, обратился непосредственно къ дворянину Петру Успенскому и, познакомившись, вслѣдъ за симъ, чрезъ него, со слушателями Петровской Земледѣльческой Академіи, кромѣ Алексѣя Кузнецова, съ Долговымъ, Рипманомъ, Ивановымъ и другими лицами, организовалъ изъ нихъ и при ихъ помощи тайное общество подъ названіемъ „Народная расправа“ или „Общество топора“, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ, обнаруженныхъ произведеннымъ по сему дѣлу, по Высочайшему повелѣнію, предварительнымъ слѣдствіемъ.

Изъ найденныхъ при обыскѣ въ квартирѣ Успенскаго „Наложенія общихъ правилъ сѣти для отдѣленій“ и „Общихъ правилъ организаціи“, а также изъ показаній обвиняемыхъ, разъясняющихъ устройство тайнаго общества, оказывается, что вѣншія сторона образованной Нечаевымъ организаціи состояла въ томъ, что лица, уполномоченныя отъ такъ называемой „сѣти“, съ одобренія комитета народной расправы, составляли отдѣленіе, въ которое поступали также лица изъ кружковъ, образованныхъ на основаніи „Общихъ правилъ организаціи“ въ тѣхъ случаяхъ, если они, по усмотрѣнію комитета, оказывались удовлетворяющими требованіямъ общества. Поступленіе въ отдѣленіе дѣлалось постепенно, поодиночкѣ. Когда число членовъ достигало пяти, тогда отдѣленіе раздѣлялось на группы, по указанію комитета. Изъ членовъ отдѣленія избиралось лицо, завѣдывавшее письмоводствомъ, храненіемъ бумагъ, вещей и т. п.; другіе же члены брали на себя обязанность вести подготовительную работу въ томъ или другомъ сословіи и избирали себѣ помощниковъ изъ лицъ, организованныхъ по общимъ правиламъ. Самые же кружки образовывались такимъ образомъ, что членъ организаціи изъ среды своихъ знакомыхъ намѣчалъ пять-шесть лицъ, говорилъ съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно и, получивъ согласіе на вступленіе въ общество, собиралъ ихъ вмѣстѣ и такимъ образомъ основывалъ свой отдѣльный кружокъ. Члены таковыхъ кружковъ, въ свою очередь, составляли каждый около себя кружокъ 2-й степени, къ которому прежде основанный становился въ значеніе центральнаго, куда вносила вся сумма свѣдѣній о дѣятельности второстепенныхъ кружковъ для доставленія въ отдѣленіе. По образованіи таковыхъ кружковъ, члены ихъ, въ свою очередь, организовали третъестепенные кружки и т. д. Кружокъ, составившій посредствомъ своихъ членовъ низшіе кружки, становился относительно ихъ центромъ, получалъ уставъ общества и опредѣленную программу дѣятельности.

Всякій организаторъ, составляя кружокъ, долженъ былъ фамиліи всѣхъ членовъ своего кружка замѣнить цифрами, которыми и означать ихъ въ взаимной перепискѣ, въ отчетахъ, въ протоколахъ засѣданій и т. п. Первые организаторы или члены отдѣленія (Успенскій, Прыжовъ, Бѣляева, Ивановъ и Алексѣй Кузнецовъ) имѣли нумера единичные или вообще какую-нибудь цифру. Такой организаторъ, составляя свой кружокъ, означалъ привлеченныхъ имъ лицъ посредствомъ прибавленія къ своему номеру съ правой стороны цифры по порядку приглашенія. Такъ, напримеръ: фамилія члена отдѣленія Алексѣя Кузнецова означалась цифрою 5; фамиліи же приглашенныхъ имъ къ участію въ обществѣ: Скипскаго 51, князя Черкесова 52; Успенскій означался цифрою 17, приглашенный имъ Лау имѣлъ номеръ 171; находившіе же въ кружкѣ Лау Свѣчинъ и Ивакинъ означались нумерами 1.711 и 1.712 и т. д. Кромѣ, этого члены тайнаго общества въ сношеніяхъ своихъ, какъ съ посторонними лицами, такъ и между собою, обыкновенно скрывали свою настоящую фамилію и называли себя разными вымышленными именами. Такъ Нечаевъ назывался

Павловымъ, Иваномъ Петровичемъ, Дмитриемъ Ѳедоровичемъ, офицеромъ Пашинымъ; Николаевъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Александра Васильевича, Егора Анисимова; князь Черкезовъ—подъ именемъ Берсенева и т. п.

Каждый представитель кружка долженъ былъ составить шифръ изъ азбучныхъ условныхъ знаковъ, которые обязанъ былъ запомнить и сообщить ихъ въ центральный въ отношеніи къ нему кружокъ, если онъ сносился съ нимъ непосредственно, или тому лицу, черезъ кого онъ сносился съ таковымъ кружкомъ. Азбука, какъ видно изъ объясненій обвиняемыхъ и изъ найденной у нихъ переписки, писанной шифромъ, состояла изъ цифръ, при чемъ одна или двѣ цифры означали букву. Для облегченія памяти, въ этой азбукѣ принималось въ соображеніе сходство цифръ съ буквами и сходство начальныхъ буквъ съ названіемъ чиселъ. Такъ, напримѣръ: нуль означалъ 0, 5—п., 10—д., 11—и, 3—з, 4—ч. и т. п. Слова записывались въ видѣ счетовъ по-двѣ буквы, и подводился итогъ.

Тайное общество имѣло свою печать, найденную при обыскѣ у Петра Успенскаго, овальной формы, съ надписью кругомъ: „Комитетъ народной расправы 19-го февраля 1870 года“, и съ изображеніемъ въ срединѣ топора. Печать употреблялась на такъ называемыхъ бланкахъ общества, посредствомъ которыхъ дѣлались разные распоряженія и передавались приказанія комитета обыкновенно въ такой формѣ: „Предлагается такому-то сдѣлать то-то“.

Дѣятельность тайнаго общества, главнымъ образомъ, состояла въ поддержаніи агитаціи въ народѣ всѣми возможными средствами, посредствомъ распространенія прокламаціи, ложныхъ слуховъ и т. п. Для удобнаго и безопаснаго достиженія этой цѣли, общество устраивало притоны, гдѣ могли бы имѣть пристанище укрывающіяся отъ преслѣдованія Правительства лица, доставляло таковымъ лицамъ и вообще имѣющимъ въ томъ надобность деньги, крестьянскіе паспорта и т. д. Для этой же цѣли общество заводило знакомство въ нашемъ классѣ общества; собирали деньги съ членовъ и съ лицъ, сочувствующихъ обществу, или непосредственно, или подъ разными благовидными предлогами, и съ лицъ, несочувствующихъ цѣли общества; составляло склады разнаго платья; заботилось о доставленіи мѣстъ лицамъ, посредствомъ которыхъ имѣло въ виду распространеніе и поддержаніе агитаціи въ разныхъ сословіяхъ.

Собранія тайнаго общества происходили въ отдѣльныхъ кружкахъ, при чемъ обыкновенно присутствовалъ или членъ отдѣленія, или вообще кто-нибудь изъ участниковъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ комитета, для наблюденія за тѣмъ, что происходило въ собраніи. Такой уполномоченный при входѣ предъявлялъ бланку отъ комитета, которая осматривалась присутствующими и тотчасъ же сжигалась. Въ собраніяхъ разсуждали о способахъ приведенія въ исполненіе разныхъ предписаній комитета, собирали деньги въ казну общества, читали отчеты низшихъ кружковъ, обсуждали, кто, изъ указанныхъ членами лицъ, могъ быть привлеченъ къ участию въ обществѣ, читали разныя прокламаціи и т. п. Все происходившее въ засѣданіи записывалось условнымъ шифромъ въ протоколъ, и послѣдствіемъ о дѣйствіяхъ каждаго кружка или члена составлялись отчеты, изъ которыхъ извлекались свѣдѣнія для составленія общаго отчета, который имѣлъ быть представленъ въ такъ называемый всемірный революціонный комитетъ.

Приступивъ къ устройству въ Москвѣ тайнаго общества на основаніи вышеизложенныхъ правилъ, Нечаевъ, въ началѣ сентября 1860 г., составилъ первый кружокъ организаціи, въ составъ котораго входили слушатели Петровской Земледѣльской Академіи: Ивановъ (впослѣдствіи убитый), Долговъ, Алексѣй Кузнецовъ и Рипманъ. Послѣдовательность образованія дальнѣйшихъ кружковъ разъясняется слѣдующими показаніями обвиняемыхъ лицъ, спрошенныхъ при предварительномъ слѣдствіи, такъ равно и объясненіями, данными ими при производствѣ по сему дѣлу дознанія:

1. Слушатель Петровской Земледѣльской Академіи Николай Степановъ Долговъ, сознаваясь въ принадлежности къ тайному обществу „Народной расправы“, объяснилъ, что съ Нечаевымъ, извѣстнымъ ему подъ именемъ Ивана Петровича Павлова, онъ познакомился въ августѣ 1869 года. Нечаевъ, заведя съ нимъ однажды разговоръ о непрактичности экономической артели, которую Долговъ имѣлъ намѣреніе устроить съ нѣсколькими изъ своихъ знакомыхъ, началъ доказывать необходимость политическаго переворота, при чемъ давалъ читать прокламаціи Бакунина и Нечаева. Результатомъ этихъ разговоровъ было то, что онъ, Долговъ, склонился на вступленіе въ общество, оставляя за собою право отказаться отъ участія въ дѣйствіяхъ въ критическую минуту, если онъ, Долговъ, увидитъ, что сила у общества немного. Вслѣдствіе просьбы Нечаева указать ему слушателей Академіи, которыхъ онъ, Долговъ, считаетъ за лучшихъ, онъ познакомилъ Нечаева съ Ивановымъ (убитымъ) и Рипманомъ. Съ каждымъ изъ этихъ лицъ Нечаевъ разговаривалъ отдѣльно, и всѣ они согласились на вступленіе въ общество. Но о средствахъ и устройствѣ общества, а также о лицахъ, стоящихъ во главѣ его, Нечаевъ не разсказывалъ, говоря, что, по мѣрѣ того, какъ они будутъ становиться полезнѣе обществу, имъ все болѣе и болѣе будутъ открываться его дѣла, а въ критическую минуту каждому все

будеть известно. При этомъ Нечаевъ давалъ читать листокъ на французскомъ языкѣ съ припискою Бакунина, въ которомъ, въ общемъ видѣ, высказывались принципы общества (по показанію Успенскаго — уставъ и программа международнаго общества).

Вскорѣ послѣ сего въ квартирѣ Иванова, ночью, собрались: Нечаевъ, Алексѣй Кузнецовъ, Рипманъ и онъ, Долговъ. Нечаевъ далъ имъ прочесть правила общества. Такимъ образомъ составилась первый кружокъ, которому быть обещанъ уставъ по образованіи второстепенныхъ кружковъ; но обещаніе это не было исполнено за все время существованія кружка.

Послѣ составленія перваго кружка, около Иванова, Алексѣя Кузнецова и его, Долгова, сформировались второстепенные кружки. Къ Иванову примыкали Лау, Ланге, Пимень Енкуватовъ и Владиміръ Поповъ. Лау и Пимень Енкуватовъ составили около себя третъестепенные кружки; къ Лау присоединились Ивакинъ и Свѣчинъ, а къ Пимену Енкуватову—Шестаковъ, Римскій-Корсажовъ и два брата Голицыныхъ. Кружокъ Алексѣя Кузнецова состоялъ изъ Климина, Гаврищева, Семена Кузнецова и двухъ братьевъ Рязанцовыхъ. Кружокъ его, Долгова, состоялъ изъ Коробьина, Аврамова (вышедшаго изъ общества), и впоследствии къ его кружку присоединилась Елизавета Бѣльева.

Впоследствии въ составѣ кружковъ происходили перемены, вслѣдствіе удаленія или выбитія членовъ. Прежде всѣхъ былъ удаленъ Пимень Енкуватовъ, и на его мѣсто былъ назначенъ въ кружокъ Иванова Шестаковъ. Послѣ Енкуватова очень скоро были отдѣлены Ивановъ и Алексѣй Кузнецовъ, какъ говорилось въ бланкахъ— „для болѣе спеціального дѣла“, и на мѣсто ихъ поступили Лау и Климинъ. Кружокъ Иванова присоединился вмѣстѣ съ Шестаковымъ къ кружку его, Долгова, а кружокъ Лау изъ третъестепеннаго сдѣлался второстепеннымъ.

Первый кружокъ собирался каждую недѣлю по разу, сначала ночью у Иванова, а потомъ по утрамъ, по очереди, у Иванова, Рипмана и у него, Долгова. На этихъ собраніяхъ составляли первыя краткія характеристики знакомыхъ, разбирали шифры, предложенный Кузнецовымъ для записыванія протоколовъ, которые велись ими по очереди и доставлялись Успенскому по воскресеньямъ. На одномъ изъ собраній онъ, Долговъ, предложилъ составить кассу для поѣздокъ его въ Москву; но потомъ было хвѣтъ-то предложено расширить кассу такъ, чтобы взносы въ нее дѣлались и другими кружками. Касса эта очень долго не устраивалась, вслѣдствіе чего отъ комитета поступило много бланковъ съ напоминаніемъ. Денегъ за все время собрано немного. На одно изъ собраній Кузнецовъ приносилъ бланки, гдѣ было написано сверху: „Въ пользу студентовъ“, для того, чтобы члены кружковъ давали подписывать ихъ своимъ знакомымъ. Собранія по этимъ бланкамъ деньги передавались Кузнецову, который вскорѣ отдался отъ ихъ кружка. Въ числѣ занятій перваго кружка состояла и разсылка разнымъ лицамъ прокламацій, которыя были опущены въ почтовый ящикъ Иванова. На собраніяхъ получали отъ комитета разныя бланки: 1) съ требованіемъ статистики населенія Петровско-Рауумовскаго, со включеніемъ его характеристики, при чемъ Нечаевъ предложилъ нѣсколько знаковъ для означенія главныхъ чертъ характера: 1—означаетъ молчаливаго, 2—барскія наклонности, 3—народныя свойства: косность, лѣнь и друг. въ этомъ родѣ; 2) съ порученіемъ членамъ достать карточки трехъ полицейскихъ чиновниковъ; 3) съ порученіемъ навести справки о вѣковой Цѣвловской въ томъ смыслѣ, не служитъ ли она въ III-мъ Отдѣленіи и т. и.

Послѣ происшедшей исторіи въ Московскомъ Университетѣ, около 15-го октября Нечаевъ удался изъ кружка, вмѣсто его раза два или три бывалъ на собраніяхъ ненавѣстный человѣкъ, весьма бѣдно одѣтый, который не говорилъ своей фамиліи (Николаевъ). Въ это же время были отдѣлены Лау съ его кружкомъ и Рипманъ, такъ что въ первомъ кружкѣ остались Климинъ и онъ, Долговъ. По случаю исторіи въ Университетѣ была прислана бланка, въ которой говорилось, что этою исторіею нужно воспользоваться въ интересахъ дѣла, и потому требовалось, чтобы каждый членъ, имѣющій знакомыхъ студентовъ, отправился въ Москву для агитаціи и чтобы студентамъ другихъ Университетовъ были посланы письма, въ которыхъ рассказывалась бы студенческая исторія и то, что студенты начали спланиваться въ кружки, имѣющіе политическій характеръ. На этой бланкѣ подписывались члены всѣхъ кружковъ, съ соблюденіемъ, по распоряженію комитета, того условія, чтобы представители, давая подписывать бланку, закрывали бы печать. Такія письма были посланы имъ, Долговымъ, разнымъ лицамъ. По адресу, данному Успенскимъ, онъ, Долговъ, былъ на собраніи студенческаго кружка, гдѣ былъ принятъ по знаку, данному ему также Успенскимъ (на доскуткѣ бумага была написана какая-то запутанная фигура). Разговоръ на этомъ собраніи былъ о студенческой кассѣ, и всѣ политическіе намеки, дѣлаемые имъ, Долговымъ, были отклонены тотчасъ же. О характерѣ этого собранія онъ, Долговъ, словесно сообщилъ Успенскому и на другой день, чрезъ Иванова прислалъ письменный отчетъ.

Павловъ при послѣднемъ ихъ свиданіи сообщилъ, что ему, Долгову, скоро передадутся посмертныя записки Нечаева, умершаго, по его словамъ, въ Сибири на кагорѣ, и что членамъ кружка необходимо знать все, что происходитъ въ предѣлахъ

Академіи въ смыслѣ общественномъ, и представлять объ этомъ отчеты. При этомъ Павловъ обратилъ вниманіе на литературные вечера, которые происходили у Костыркина и у Голиковыхъ. По свидѣніямъ, полученнымъ объ этихъ вечерахъ отъ Коробина, онъ, Долговъ, передалъ отчетъ Успенскому.

Нашіе кружки обнаружили свою дѣятельность не ранѣе октября мѣсяца, за что первому кружку нѣсколько разъ дѣлались замѣчанія отъ комитета. Составленный имъ, Долговымъ, второстепенный кружокъ собирался не болѣе 6-ти разъ, и изъ членовъ его постоянно бывалъ Коробинъ, а изъ остальныхъ каждый бывалъ по нѣскольکو разъ. Дѣятельность второстепеннаго кружка была продолженіемъ дѣятельности перваго, такъ что и протоколы собранія велись тѣмъ же шифромъ.

Кромѣ вышеизложеннаго, дѣятельность его, Долгова, проявилась еще въ томъ, что онъ просилъ Владиміра Попова поселиться на гончарномъ заводѣ, чтобы тамъ учить грамотѣ рабочимъ, и что подъ диктовку Нечаева онъ, Долговъ, написалъ нѣсколько писемъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ за границу, но содержанія и адресовъ этихъ писемъ не помнить.

Протоколы собраній, написанные шифромъ и хранившіеся у него, Долгова, были имъ истреблены въ то время, когда онъ былъ увѣдомленъ о производимыхъ въ Москвѣ арестахъ.

Цѣль тайнаго общества, къ которому принадлежалъ онъ, Долговъ, состояла, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы при помощи революціи доставить народу самоуправленіе.

2. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Федоръ Федоровъ Рипманъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу „Народная расправа“, объяснилъ, что принявъ участіе въ тайномъ обществѣ по предложенію Нечаева, извѣстнаго ему подъ именемъ Ивана Петровича, съ которымъ онъ познакомился въ началѣ сентября мѣсяца 1869 года у слушателя Академіи Иванова, онъ, Рипманъ, изъявилъ свое согласіе на участіе, съ цѣлю познакомиться поближе съ народомъ. Послѣ собранія въ квартирѣ Иванова, гдѣ былъ онъ, Рипманъ, Нечаевъ, Долговъ и Алексѣй Кузнецовъ, и гдѣ Нечаевъ говорилъ о существующемъ за границею интернаціональномъ обществѣ, имѣющемъ цѣлю произвести въ Россіи политической революціи путемъ революціи, онъ, Рипманъ, по данному ему адресу, отправился къ коллежскому секретарю Прыжову и поступилъ въ его кружокъ, состоявшій изъ слушателей Академіи Пимена Енкуватова, Коведяева и мѣщанина Николаева, извѣстнаго ему подъ именемъ Александра Васильевича. Поступленіе его, Рипмана, въ кружокъ Прыжова, имѣвшій своюю спеціальностію непосредственная сношенія съ народомъ, произошло вслѣдствіе того, что онъ до знакомства своего съ Нечаевымъ занимался съ нѣкоторыми изъ знакомыхъ ему крестьянъ. Это обстоятельство, сдѣлавшееся извѣстнымъ Нечаеву, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что бланкою комитета онъ былъ отдѣленъ отъ перваго кружка для дѣйствій въ народѣ.

Кружокъ Прыжова на первомъ собраніи толковалъ о распредѣленіи занятій, при чемъ Прыжовымъ были указаны мѣста, которыя слѣдовало посѣщать съ цѣлю пропаганды въ народѣ, какъ напримѣръ: Хитровъ рынокъ, Дербеновка и т. п. На Хитровомъ рынкѣ, куда онъ ходилъ вмѣстѣ съ Пименомъ Енкуватовымъ, ему удалось познакомиться съ нѣсколькими публичными женщинами и, такъ называемыми, жуликами, но знакомство это не привело ни къ какимъ результатамъ. На одномъ изъ собраній, вслѣдствіе заявленія, сдѣланнаго Пименомъ Енкуватовымъ, что онъ безъ крестьянскаго паспорта не согласится идти въ народъ, Николаевъ досталъ нѣсколько старыхъ крестьянскихъ паспортовъ и одинъ изъ нихъ далъ ему, Рипману, для вытравленія. Онъ, Рипманъ, пробовалъ вытравлять нарисованное, но вытравить алizarиновыхъ чернилъ ему не удалось. Кромѣ сего общество занималось рѣшеніемъ вопроса о замѣнѣ въ будущемъ формы правленія, при чемъ высказалось, что 19-мъ февралю 1870 года надо будетъ воспользоваться.

Послѣ исторіи въ Московскомъ Университетѣ, извѣстной подъ именемъ Полушниковой, онъ, Рипманъ, получилъ черезъ Прыжова предписаніе комитета отправиться на сходку студентовъ въ квартирѣ Мутафова. Вышій съ нимъ на этой сходкѣ князь Черкезовъ предложилъ отправиться въ гостиницу Мамонтова, гдѣ можно было удобнѣе говорить о вещахъ серьезныхъ; изъ бывшихъ на сходкѣ студентовъ отправились съ нимъ человекъ семь: Ишхановъ, Мутафовъ, Пирамидовъ, Вутурлинтъ, Смирновъ, Ольснитскій и Петровскій. На этой сходкѣ онъ, Рипманъ, говорилъ о тайномъ обществѣ, о его цѣли произвести революцію и проч. Князь Черкезовъ показывалъ прокламацію отъ „Сплотившихся къ разрозненнымъ“, по показывалъ ли что другое — не помнить.

Послѣ этого собранія онъ предложилъ Пирамидову вступить въ организацію и получилъ согласіе. Такое же предложеніе было сдѣлано Ишханову и Мутафову.

Въ началѣ ноября было собраніе его кружка, на которомъ были прочитаны правила общества и занимались намѣчаніемъ личностей.

Кружокъ его, Рипмана, собирался раза 4 или 5. На нѣсколькихъ собраніяхъ находился Александръ Васильевичъ, какъ уполномоченный отъ комитета, и при входѣ читалъ бланку, которая была осматриваема всѣми и сожжена. На этихъ же собраніяхъ

было предложено собирать деньги и завести шифръ, но ни то, ни другое не было исполнено. О дѣятельности своего кружка онъ, Рипманъ, составилъ 3 отчета, которые и были переданы Прыжову.

Цѣль тайнаго общества, въ которомъ онъ, Рипманъ, принималъ участіе, состояла въ произведеніи политическаго переворота путемъ революціи, чтобы тѣмъ способствовать возвышенію рабочаго сословія.

Обстоятельства, изложенныя въ предъидущихъ показаніяхъ Долгова и Рипмана о порядкѣ образованія кружковъ тайнаго общества, въ главныхъ чертахъ, вполнѣ подтверждается какъ показаніями обвиняемыхъ: Успенскаго, Алексѣя Кузнецова, Прыжова и Николаева, такъ и имѣющимися при дѣлѣ, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, бумагами, найденными при обыскѣ у обвиняемыхъ. Въ разъясненіе же подробностей показаній Долгова и Рипмана, а также степени участія въ тайномъ обществѣ лицъ, оговоренныхъ какъ ими, такъ и обвиняемыми: Успенскимъ, Кузнецовымъ, Прыжовымъ и Николаевымъ, привлеченные къ сему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ показали слѣдующее:

3. Мѣщанка Елизавета Иванова Бѣльева, сознаваясь въ принадлежности къ тайному обществу, объяснила, что вступила въ общество по предложенію Нечаева, извѣстнаго ей подъ именемъ Ивана Петровича, съ которымъ познакомилась въ квартирѣ Долгова въ первыхъ числахъ сентября. По вступленіи въ общество она была въ собраніи въ квартирѣ Кузнецова, гдѣ были Ивановъ (убитый), Прыжовъ, Успенскій и Нечаевъ. На этомъ собраніи спрашивали другъ друга о знакомыхъ, Кузнецовъ и Ивановъ отдавали деньги Нечаеву, раздавались листки для сбора въ пользу страждущихъ и постановили подписываться изъ предосторожности другими фамиліями. До этого собранія Нечаевъ далъ ей денегъ для поступленія на женскіе курсы и совѣтовалъ познакомиться съ посѣтителницами курсовъ, съ тѣмъ, чтобы она въ свою очередь познакомилась съ ними и его. Она, Бѣльева, была на курсахъ разъ 6 или 7, но особенно познакомиться ни съ кѣмъ не успѣла.

Затѣмъ, по предложенію Нечаева, поступила въ кружокъ Долгова и, переехавъ въ квартиру Успенскаго, получила отъ послѣдняго извѣстіе, что онъ и Кузнецовъ сообщаться съ другими болѣе не будутъ, и съ этого времени прежнихъ собраній она уже болѣе не видѣла, такъ какъ Успенскій, сколько она могла замѣтить, скрывалъ отъ нея, что у него собирается кружокъ.

Въ началѣ ноября Нечаевъ предложилъ ей проѣхать за границу, говоря, что у него есть тамъ друзья, которые ее примутъ хорошо, что поѣдетъ она не одна и что современемъ ей будетъ объяснена цѣль поѣздки. По его совѣту она достала себѣ свидѣтельство на выѣздъ изъ Москвы за границу, о чемъ и сообщила Успенскому и Прыжову, причемъ послѣдній сказалъ, что, можетъ быть, онъ будетъ ея спутникомъ. Поѣздка ея все откладывалась до 22-го ноября. Въ этотъ день утромъ къ ней пришелъ Нечаевъ и сообщилъ, что она на дняхъ поѣдетъ за границу, что онъ уѣзжаетъ въ Петербургъ и передъ отъѣздомъ зайдетъ къ ней и принесетъ письма къ его знакомымъ, но этого не исполнилъ, и съ тѣхъ поръ она его не видала.

Кромѣ того, въ началѣ октября, она, Бѣльева, по порученію Нечаева, ѣдила въ Петербургъ съ его письмами къ Негрескулу, Лихутиной и Старицуи. Вручая эти письма, она, Бѣльева, и тѣ лица, на имя которыхъ такія были адресованы, называли Нечаева Дмитріемъ Федоровичемъ. Въ письмѣ къ Лихутиной говорилось, чтобы она пріѣзжала въ Москву и привозила 100 рублей.

Цѣль общества она хорошо не понимала. Изъ разговоровъ же Нечаева ясно видѣла, что цѣль для Правительства вредная, такъ какъ Нечаевъ постоянно говорить, что народъ возбужденъ, готовъ требовать большихъ правъ и что они обязаны быть его руководителями.

4. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Иннокентій Федоровъ Климинъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что въ концѣ сентября или началѣ октября 1869 года онъ, Климинъ, вмѣстѣ съ своими товарищами Гавришевымъ, Иваномъ Рязанцевымъ и Семеномъ Кузнецовымъ были приглашены Алексѣемъ Кузнецовымъ принять участіе въ обществѣ. При приглашеніи ихъ Кузнецовымъ была прочтена программа „интернаціональнаго общества“, съ коротенькою припискою Вакунина. Черезъ нѣсколько времени, когда онъ, Климинъ, и вышеозначенныя лица изъявили согласіе на вступленіе въ общество, имъ былъ прочтенъ уставъ,— и начались собранія кружка.

Въ кругъ дѣятельности собраній кружка входили: сборъ денегъ, каковыхъ было собрано отъ 10 до 15 рублей, чтеніе прокламацій и другихъ революціонныхъ сочиненій и указанія наличности, какъ годныя для дѣла, такъ и для него опасныя. Въ видѣ сбора въ пользу общества брали и одежду. Собранія кружка были разъ въ недѣлю, но потомъ собирались рѣже. На собраніяхъ иногда бывалъ неизвѣстный господинъ, называвшійся Иваномъ Петровичемъ. Въ срединѣ ноября къ ихъ кружку примкнули Владиміръ Рязанцевъ и Лебедевъ. Литературные вечера, бывшіе у Голпковыхъ и друг., устраивались съ цѣлью сблизить людей, узнавать ихъ и путемъ чтенія разныхъ тенденціозныхъ книгъ незамѣтно подготавливать къ вступленію годныхъ изъ нихъ въ общество.

24-го ноября утром пришелъ къ нему, Климину, неизвѣстный человѣкъ, оказавшійся впоследствии Николаевымъ, и вручилъ ему бланку съ приказаніемъ Комитета: „Ни въ какомъ случаѣ не признавать своего башлыка, гдѣ бы онъ его ни увидалъ“. Получивъ это приказаніе и узнавъ на другой день, т. е. 25-го ноября, объ убійствѣ Иванова, онъ, Климинъ, началъ догадываться о связи этой записки съ убійствомъ, такъ какъ башлыкъ его былъ данъ Алексѣю Кузнецову въ концѣ октября или началѣ ноября 1869 года и былъ затѣмъ найденъ на мѣстѣ убійства. Заявить же о своемъ предположеніи онъ не рѣшился, опасаясь и комитета, и привлеченія къ дѣлу. Для устранинія послѣдняго, т. е. привлеченія къ дѣлу, онъ взялъ башлыкъ у Гавришева, имѣя въ виду выдавать его за свой, если предположенія его окажутся основательными, что дѣйствительно и сдѣлалъ.

Принимая участіе въ обществѣ, имѣвшемъ цѣлью, по его словамъ, производить антиправительственную пропаганду въ обществѣ, онъ, Климинъ, считалъ политическій переворотъ невозможнымъ въ скоромъ времени. О будущей же формѣ правленія онъ думалъ, что таковая будетъ основана на выборномъ началѣ и на широкомъ участіи въ управленіи самаго народа.

5. Князь Варлаамъ Джонъ Аслановъ Черкезовъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что участіе его въ дѣйствіяхъ общества состояло главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что онъ доставлялъ членамъ, и въ особенности организатору общества, Нечаеву денежные средства, способствовалъ Нечаеву уѣхать за границу во время начавшихся уже арестовъ послѣ обнаруженія существованія означеннаго общества, склонялъ къ поступленію въ общество разныхъ лицъ и распространялъ имѣвшіяся у него прокламаціи („Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“, „Народное дѣло“, „Летучій листокъ“, „Современныя“ и т. п.).

Разъясняя въ подробностяхъ свое участіе въ дѣйствіяхъ тайнаго общества, князь Черкезовъ показалъ слѣдующее:

Вступленіе его въ члены тайнаго общества произошло по приглашенію знакомаго ему слушателя Академіи Алексѣя Кузнецова, въ послѣднихъ числахъ октября или въ первыхъ числахъ ноября 1869 года. Кузнецовъ явился къ нему отъ имени Нечаева, отъ котораго, равно какъ и отъ Успенскаго, онъ еще прежде слышалъ о существованіи въ Москвѣ упомянутаго общества, и пригласилъ его отправиться въ Петровско-Рауковское. Прибывъ въ неизвѣстную ему, Черкезову, квартиру, онъ засталъ тамъ Нечаева, который и сообщилъ ему, что по распоряженію центра онъ, Черкезовъ, долженъ состоять въ кружкѣ Кузнецова и съ нимъ сноситься. По уходѣ Нечаева, Кузнецовъ прочиталъ ему и находившемуся тамъ же Скинскому правила организации, написанныя на бумагѣ съ печатныя общества „Народная расправа“, передалъ имъ шифръ и сообщилъ объ обязанности каждаго члена указывать своихъ знакомыхъ, годныхъ для организации. Послѣ этого собранія Кузнецовъ условился съ нимъ о сношеніяхъ ихъ между собою и получилъ отъ него, Черкезова, 125 руб. и инженерный костюмъ для устройства въ обществѣ склада одежды. Передъ отъѣздомъ на ливенскія изысканія, куда онъ, Черкезовъ, отправился 9-го ноября, онъ, чрезъ Кузнецова, ввелъ въ общество Воронцову и далъ Кузнецову два условленные знака для переговоров о вступленіи въ общество съ Коведяевымъ и Смирновымъ и, кромѣ того, говорилъ объ обществѣ съ студентомъ Петровскимъ, съ которымъ также условился извѣстнымъ знакомъ. По возвращеніи съ работъ изъ Орловской губерніи 25-го ноября, онъ, Черкезовъ, остановился въ квартирѣ Коведяева, и въ день ареста Успенскаго къ нему явился нѣкто, назвавшійся Александромъ Васильевичемъ (Николаевъ), объявилъ ему номеръ организации 52, подъ которымъ онъ, Черкезовъ, числился въ обществѣ, и просилъ съѣздить въ Петербургъ для извѣщенія находившагося тамъ Кузнецова объ арестѣ Успенскаго, при чемъ передалъ записку, писанную шифромъ. По приѣздѣ въ Петербургъ, онъ, Черкезовъ, остановился у своихъ знакомыхъ Бобарыковыхъ, гдѣ встрѣтился съ Тейльсомъ и Александровскою, которымъ рекомендовался подъ фамилію Берсенѣва. Въ разговорѣ съ Тейльсомъ и Александровскою по поводу прокламаціи и возможности народнаго движенія къ 19-му февраля 1870 года эти лица обѣщали ему съ своей стороны содѣйствіе. Разыскивая въ Петербургѣ Кузнецова, онъ встрѣтился съ Николаевымъ, послѣ чего Тейльсъ пригласилъ ихъ почевать къ своимъ знакомымъ Ружевскому и Лавдовскому. Въ квартирѣ этихъ лицъ онъ встрѣтилъ Бобарыкову и, разговорившись съ ней о томъ же, о чемъ онъ говорилъ съ Тейльсомъ, получилъ также и отъ нея обѣщаніе содѣйствія. Встрѣтивъ затѣмъ Кузнецова и условившись съ Тейльсомъ, Александровскою и Бобарыковою относительно знака для лицъ, имѣющихъ являться къ нимъ отъ его имени, онъ уѣхалъ въ Москву. По приѣздѣ туда онъ встрѣтился въ своей квартирѣ Николаева и Нечаева, изъ которыхъ послѣдній сообщилъ, что дѣла его идутъ хорошо, несмотря на открытіе Правительствомъ московской организации, что изъ-за границы вмѣстѣ съ нимъ приѣхало еще 16 человѣкъ, которые работаютъ въ разныхъ концахъ Россіи, что Тула и особенно оружейники готовы къ возстанію. Въ этотъ же вечеръ Николаевъ и Нечаевъ уѣхали куда-то и возвратились чрезъ два дня, причемъ Нечаевъ говорилъ, что онъ ѣздилъ сообщить „коллективности“, которой онъ подчиненъ, объ арестѣ Успенскаго и другихъ членовъ. Нечаевъ заговорилъ о необходимости ѣхать за границу

для того, чтобы привести новыя прокламаціи и деньги, и онъ, Черкезовъ, вызвался поючь ему въ этомъ, чѣмъ только будетъ имѣть возможность, сообщилъ ему адресъ Александровской и сказалъ, чтобы Нечаевъ переговорилъ съ нею, не согласится ли она сопровождать его за границу. Кромѣ этого онъ полагалъ переговорить о поѣздкѣ за границу съ Тейльсомъ, котораго, чрезъ своего апакомаго, Пажона-де-Монсе, просилъ пріѣхать въ Москву. По отъѣздѣ Нечаева онъ отправился также въ Тулу, гдѣ вмѣстѣ съ Нечаевымъ уговаривали Александровскую ѣхать за границу какъ можно скорѣе. Чрезъ пять дней по отъѣздѣ Нечаева съ Александровскою, онъ, Черкезовъ, получилъ, какъ было между ними условлено, на имя Ламанскаго, телеграмму изъ Кенигсберга, извѣщавшую о благополучномъ переѣздѣ ихъ за границу. Послѣ сего онъ видѣлся въ Москвѣ съ Тейльсомъ и Бобарыковою, сообщилъ имъ объ отъѣздѣ Нечаева, передалъ Бобарыковой адресъ Огарева въ Женевѣ и просилъ ее немедленно ѣхать въ Женеву, видѣться съ Нечаевымъ и передать ему записку. 28-го декабря Николаевъ, уѣзжая куда то, передалъ ему для сохраненія списокъ крестьянъ, но въ ту же ночь онъ, Черкезовъ, былъ арестованъ.

Относительно своего участія въ дѣятельности тайнаго общества князь Черкезовъ присовокупилъ, что по порученію Кузнецова онъ бывалъ также на сходкахъ исключенныхъ студентовъ Московскаго Университета. На одной изъ этихъ сходокъ, въ квартирѣ Каспари, онъ предложилъ бышимъ тамъ лицамъ отправиться къ нему въ гостиницу Мамонтова, гдѣ было удобнѣе продолжать сходку. Предложеніе его было принято, и къ нему явились Рипманъ, Смирновъ, Пирамидовъ, Ишхановъ и еще двое, фамилій которыхъ онъ не помнитъ. При этихъ лицахъ Рипманъ началъ говорить о существующей организации, членомъ которой онъ состоялъ, а онъ, Черкезовъ, далъ имъ прочесть прокламацію „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“, и эта прокламація у кого то изъ нихъ осталась. О собраніяхъ въ квартирѣ Каспари и о своихъ личныхъ столкновеніяхъ съ разными лицами онъ, по просьбѣ Кузнецова, сдѣлалъ письменное сообщеніе, въ которомъ изложилъ также характеристики Бутурлива, Смирнова, Пирамидова, Ишханова и Петровскаго, какъ людей развитыхъ и горячо сочувствующихъ дѣйствию народа.

6. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Семень Кириловъ Кузнецовъ объяснилъ, что приглашеніе къ вступленію въ общество было сдѣлано братомъ его, Алексѣемъ Кузнецовымъ, въ присутствіи Прокофьева, Ивана Рязанцева, Климина и Гавришсва, причѣмъ имъ было предложено подумать и дать отвѣтъ скорѣе. Послѣ этого они всѣ, кромѣ Прокофьева, были созданы къ Алексѣю Кузнецову, который предложилъ имъ указать своихъ знакомыхъ, годныхъ для участія въ обществѣ. На этомъ же собраніи Алексѣй Кузнецовъ просилъ его дать отвѣтъ, согласенъ ли онъ ѣхать въ Сибирскъ для дѣйствія въ пользу распространенія общества, и вручилъ ему прокламацію для передачи какому-нибудь помѣщику-крѣпостнику. Кромѣ этого Алексѣй Кузнецовъ давалъ ему читать разныя прокламаціи Огарева, Нечаева и еще какую-то, и предлагалъ подписаться въ пользу общества, отъ чего онъ, Семень Кузнецовъ, отказался. На этомъ собраніи присутствовалъ какой-то неизвѣстный челоувѣкъ, невысокаго роста, въ выпуклыхъ синихъ очкахъ и наблюдалъ за ихъ дѣйствіями. Затѣмъ Алексѣй Кузнецовъ давалъ ему читать какой-то уставъ или программу общества на французскомъ языкѣ. Уставъ этотъ былъ переведенъ на русскій языкъ Гавришевымъ. Дня черезъ 4 или черезъ 5 онъ, Семень Кузнецовъ, уѣхалъ въ Сибирскъ и что далѣе дѣлалось въ обществѣ — ему не извѣстно.

Положительнаго согласія на предложеніе дѣйствовать въ пользу общества, онъ, Семень Кузнецовъ, не давалъ. Высказываясь въ пользу общества, онъ тѣмъ не менѣе говорилъ, что надо бы хорошенько узнать, на сколько осуществимы идеи общества, и что если найдеть удобныя и возможныя, то будетъ дѣйствовать.

Относительно денегъ, которыя будто бы имъ были даны въ пользу общества, онъ, Семень Кузнецовъ, объяснилъ, что деньги эти могли быть имъ подписаны еще въ февралѣ или мартѣ 1869 года, т. е. въ то время, когда была распространена подписка въ пользу студентовъ, высылаемыхъ по поводу университетской исторіи въ Петербургъ, въ концѣ 1868 года.

Цѣль тайнаго общества состояла въ водвореніи въ Россіи путемъ революціи демократическаго образа правленія.

7. Купеческій сынъ Викторъ Павловъ Скипскій объяснилъ, что предложеніе о вступленіи въ общество было сдѣлано ему сначала Успенскимъ, а затѣмъ Алексѣемъ Кузнецовымъ, которому онъ и заявилъ о своемъ согласіи. Успенскій показывалъ ему прокламацію на бланкѣ „народной расправы“, а Алексѣй Кузнецовъ ту же прокламацію съ написаннымъ на ней уставомъ общества, или программу его дѣйствій. По приглашенію Кузнецова въ концѣ октября 1869 года, онъ былъ у него для ознакомленія съ членами кружка, гдѣ видѣлъ только одного князя Черкезова. Кузнецовъ передалъ ему письмо отъ комитета, съ предложеніемъ дѣйствовать въ Москвѣ среди малороссовъ. Это письмо, по приказанію Кузнецова, было тотчасъ же сожжено.

Исполняя приказаніе Кузнецова о томъ, что каждый членъ, уѣзжая куда нибудь, долженъ заявить о семъ своему организатору, онъ, Скипскій, при отъѣздѣ

своемъ въ Петербургъ, 27-го или 28-го октября 1869 года, получилъ отъ Кузнецова четыре письма, одно вовсе безъ адреса, другое съ № 51 на конвертѣ, третье на имя Негрескула, четвертое съ адресомъ Луниной. Распечатавъ письмо съ № 51, означавшимъ знакъ его, Скипскаго, въ обществѣ, онъ прочелъ, что письмо безъ адреса должно быть передано студенту Старицыну.

Отдавъ письма Негрескулу и Старицыну, онъ, Скипскій, по возвращеніи въ Москву сообщилъ о данныхъ на эти письма отвѣтахъ Кузнецову и Успенскому, причемъ Кузнецовъ просилъ его составить о семъ отчетъ.

При новомъ свиданіи съ Кузнецовымъ, онъ, Скипскій, объявилъ ему, что впредь до того, пока не узнаетъ вѣхъ личностей, заправляющихъ обществомъ, цѣлей и средствъ этого общества, просить болѣе не считать его со товарищемъ по дѣлу.

Въ ночь обыска у Успенскаго онъ, Скипскій, почевалъ въ магазинѣ. Утромъ явился къ нему Прыжовъ и, сообщивъ объ обыскѣ, просилъ показать, гдѣ лежатъ бумаги Успенскаго. Онъ предоставилъ Прыжову искать бумаги, но Прыжовъ ничего не нашелъ и удалился. При этомъ онъ, Скипскій, вспомнилъ, что дня два тому назадъ князь Черкезовъ давалъ ему записочку къ № 174, личности, которую онъ ни по фамилии, ни въ лицо не знаетъ. Записочку эту онъ, Скипскій, сжегъ вмѣстѣ съ другими своими бумагами. При вторичномъ посѣщеніи Прыжовымъ магазина въ день обыска у Успенскаго, онъ, Скипскій, отдалъ ему четыре пакета съ надписями, сдѣланными рукою Успенскаго: „деньги Прыжова“, на другомъ „деньги Прыжова и Успенскаго“, на третьемъ „деньги Успенскаго“ и, наконецъ, на четвертомъ „деньги Надежды Гавриловны Успенской“.

Относительно найденныхъ у него, Скипскаго, при обыскѣ бумагъ онъ объяснилъ, что №№ 17, 18, 19 и 20 журнала „Общее вѣче“ получены имъ отъ Маріи Осиповой Антоновой, отъ которой также получены имъ шесть отдѣльныхъ листовъ изъ „Колокола“ и № 2 „Будущность“. Возвращеніе „Братья товарищи“ списано имъ съ экземпляра, полученнаго по почтѣ и который оказался писаннымъ рукою Антоновой.

Фамилія его, Скипскаго, въ организаціи означалась номеромъ 51.

Цѣль тайнаго общества, по показанію Скипскаго, состояла въ возбужденіи народа къ возстанію.

8. Слушатель Петровской Земледѣльской Академіи Иванъ Владиміровъ Рязанцевъ, сознаваясь въ участіи въ тайномъ обществѣ, объяснилъ, что предложеніе о вступленіи въ общество было сдѣлано ему Алексѣемъ Кузнецовымъ при Климинѣ, Гавришевѣ и Прокофьевѣ. Выражая свое согласіе на вступленіе въ общество, онъ, Рязанцевъ, оставлялъ за собою право дѣйствовать согласно своимъ убѣжденіямъ для достиженія основной цѣли — улучшенія состоянія бѣдствующихъ классовъ.

Собираясь нѣсколько разъ вмѣстѣ съ упомянутыми лицами, онъ говорилъ объ обществѣ, читалъ запрещенныя изданія Долгорукаго, Искандера и т. п. Дѣйствія его, Рязанцева, относительно общества выразились въ пожертвованіи имъ 10 руб. О цѣляхъ же и средствахъ общества онъ, Рязанцевъ, подробностей не знаетъ, такъ какъ всѣ подобныя подробности передавались ему очень скупо, по ему было извѣстно, что это общество имѣетъ цѣлью уничтоженіе существующаго порядка.

9. Слушатель Петровской Земледѣльской Академіи Владиміръ Николаевъ Рязанцевъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что о существованіи тайнаго общества „Народной расправы“ онъ узналъ отъ Алексѣя Кузнецова, который, рассказавъ ему организацію общества, предложилъ ему быть членомъ. Сначала онъ, Рязанцевъ, отказался, но впоследствии, по предложенію Климина, вступилъ въ его кружокъ, составленный изъ Гавришева, Ивана Рязанцева и Лебедева.

Въ засѣданіяхъ кружка онъ, Владиміръ Рязанцевъ, участвовалъ только одинъ разъ, именно при вступленіи въ общество, когда имъ былъ прочитанъ уставъ общества.

Въ пользу общества онъ пожертвовалъ 10 рублей, хотя, давая деньги, не зналъ въ точности о цѣли сбора и что деньги поступаютъ въ пользу общества узналъ только впоследствии. Цѣль общества, какъ ему было извѣстно, состояла въ возбужденіи народнаго возстанія.

10. Слушатель Петровской Земледѣльской Академіи Георгій Яковлевъ Гавришевъ, сознаваясь въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что въ обществѣ, сколько ему было извѣстно, принимали участіе Алексѣй и Семенъ Кузнецовы, Иванъ Рязанцевъ и Климинъ, но вообще гдѣ находилось это общество и каковы были его средства—не знаетъ. По вступленіи въ общество онъ читалъ прокламацію Нечаева и переводилъ съ французскаго языка программу общества социальнаго демократіи, но въ какомъ духѣ была написана эта программа—не знаетъ, такъ какъ читалъ ее только одинъ разъ и нигдѣ не распространялъ. Самого же Нечаева онъ, Гавришевъ, не знаетъ.

Въ пользу общества онъ, Гавришевъ, пожертвовалъ 5 руб., но денегъ посредствомъ бланковъ „для страждущихъ“ не собиралъ, хотя и бралъ у Алексѣя Кузнецова двѣ такія бланки.

По порученію Алексѣя Кузнецова онъ, Гавришевъ, сообщилъ Лебедеву с существованіемъ политическаго общества, но вступить въ число членовъ его не склонялъ.

Цѣль общества состояла въ содѣйствіи къ измѣненію существующаго порядка правленія.

11. Слушатель Петровской Земледѣльской Академіи Порфирій Ивановъ Коробинъ, сознавая въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что вступить въ общество ему предложено было Долговымъ въ первой половинѣ октября 1869 года. Дѣятельность его въ обществѣ состояла въ томъ, что онъ, по порученію Долгова: 1) вступилъ въ сношеніе съ полицейскимъ служителемъ Академіи Николаемъ Ивановымъ, съ цѣлью узнавать отъ него, не подслушиваетъ ли кто подъ окнами слушателей Академіи; 2) присутствовалъ на литературныхъ вечерахъ у Костыркина и Голицыныхъ и о томъ, что происходило, сообщалъ словесно Долгову; и 3) составлялъ списки слушателей Академіи, живущихъ въ казенныхъ нумерахъ, но характеристики этихъ слушателей не дѣлалъ.

На собраніяхъ кружка бывалъ нѣсколько разъ у Долгова и одинъ разъ у Ланге.

Цѣль общества состояла въ измѣненіи существующаго порядка.

12. Дворянинъ Владиміръ Константиновъ Поповъ объяснилъ, что, въ половинѣ октября 1869 года, покойный Ивановъ спросилъ его, Попова, не пожелаетъ ли онъ изъ сочувствія къ народу служить его интересамъ, на что онъ, Поповъ, выразилъ согласіе, подразумевая законные способы содѣйствія народу. Послѣ этого Долговъ заговорилъ съ нимъ о томъ же и, не слыша отъ него возраженій, пригласилъ его къ себѣ, гдѣ онъ, Поповъ, встрѣтилъ Коробина, Ланге и, кажется, Шестакова. Долговъ снова началъ говорить о необходимости служенія народу, распрашивалъ о его знакомыхъ, о ихъ характеристикахъ и предложилъ ему, Попову, переселиться на гончарный заводъ, съ цѣлью разъяснить народу его положеніе, его бѣдность и т. п.; затѣмъ онъ, Поповъ, былъ у Ланге, гдѣ Долговъ говорилъ объ университетской исторіи въ томъ смыслѣ, что эту исторію слѣдуетъ распространять какъ можно болѣе. Хотя Долговъ прямо приглашенія о вступленіи въ кружокъ ему, Попову, и не высказывалъ, но при второмъ посѣщеніи онъ, Поповъ, могъ заключить, что лица, бывшія у Долгова: бѣлокурая дѣвушка (Бѣляева), Коробинъ и еще кто то, принадлежатъ къ тайному обществу. Этотъ выводъ былъ сдѣланъ имъ, Поповымъ, изъ того, что Долговъ говорилъ не только о сближеніи съ народомъ, но и о необходимости увлечь его съ собою съ цѣлью измѣнить его экономическое положеніе, хотя о способѣ для достиженія этой цѣли прямо не говорилъ. Это предположеніе и мнѣнія, высказанныя другими членами о таинственности дѣйствій Долгова, убѣдили его въ существованіи тайнаго общества, вслѣдствіе чего онъ хотѣлъ удалиться и даже ѣхать въ Москву (изъ Петровско-Разумовскаго), но недостатокъ матеріальныхъ средствъ не позволилъ ему это сдѣлать.

Долговъ предложилъ ему, Попову, принять шифръ изъ цифръ для переписки членовъ общества и показывалъ ему способъ его употребленія.

50-ти копѣекъ въ пользу общества онъ, Поповъ, не давалъ, а если и далъ, то въ счетъ долга.

13. Вышій студентъ Императорскаго Московскаго Университета, дворянинъ Николай Михайловъ Пирамидовъ объяснилъ слѣдующее:

Послѣ исключенія его изъ Университета за участіе въ безпорядкахъ, произведенныхъ по поводу нежеланія студентовъ посѣщать лекціи профессора Полунина, онъ получилъ чрезъ кого то изъ своихъ товарищей, въ концѣ октября 1869 года, письмо отъ чиновника Орфано на имя Прыжова, къ которому и отправился съ цѣлью получить отъ него какую-нибудь поддержку въ матеріальномъ отношеніи. Явившись къ Прыжову, онъ асталъ у него какого-то неизвѣстнаго ему господина, называющагося Петровымъ (по примѣтамъ, изложеннымъ въ показаніи Пирамидова, оказывается, что это былъ Нечаевъ), который принялъ участіе въ общемъ разговорѣ по поводу университетской исторіи. На другой или на третій день послѣ этого онъ, Пирамидовъ, явился снова къ Прыжову вмѣстѣ съ своими товарищами Бутурлинымъ и Смирновымъ. Прыжовъ говорилъ о необходимости объединенія студентовъ и указывалъ какъ шифръ Петровскую Академію. По поводу этого онъ предложилъ вопросъ находившемуся тамъ же Нечаеву, какимъ образомъ устроено это объединеніе у студентовъ Академіи, на что получилъ отъ Нечаева отвѣтъ, что онъ и самъ хорошо не знаетъ и пришлетъ къ нимъ студента, который сведетъ ихъ туда. Въ этотъ же день явился къ нему, Пирамидову, Алексѣй Кузнецовъ, съ которымъ онъ и отправился въ Академію. Кузнецовъ описывалъ положеніе дѣлъ въ Россіи, необходимость встрѣтить предполагаемое народное движеніе и при прощаніи далъ ему условный знакъ, состоящій изъ буквъ и дробей, по которому онъ, Пирамидовъ, могъ бы говорить, не стѣняясь, съ тѣмъ лицомъ, которое къ нему явится. На другой или на третій день послѣ сего онъ, Мутафовъ, Смирновъ, Эльсницъ и Петровскій явились къ Прыжову по его приглашенію. Прыжовъ спрашивалъ ихъ, читали ли они прокламаціи и какъ онѣ имъ нравятся. Не желая огорчить Прыжова и расчитывая на его матеріальную помощь,

они не дали ему опредѣленнаго отвѣта и ушли. Около того же времени онъ, Пирамидовъ, получилъ по почтѣ прокламацію Бакунина, которую и сжегъ. На другой день явился къ нему Рипманъ и князь Черкезовъ съ вышеозначеннымъ знакомъ. По приглашенію Черкезова онъ, Пирамидовъ, Вутурлинъ, Смирновъ, Эльсницъ, Петровскій и Ишхановъ отправились въ гостиницу Мамонтова, гдѣ Черкезовъ говорилъ о положеніи Россіи, о необходимости встрѣтить предполагаемое народное движеніе и присовокупилъ, что имъ легко собрать около себя кружокъ для этой цѣли; Рипманъ же объявилъ, что онъ членъ организаціи и предлагалъ желающимъ принять въ нея участіе, но онъ, Пирамидовъ, и его товарищи согласія не дали. Во время разговора князь Черкезовъ и Рипманъ давали читать прокламаціи. На другой день послѣ этого собранія, Рипманъ явился къ нему, Пирамидову, съ предложеніемъ вступить въ организацію. Изъявивъ на это предложеніе согласіе, онъ, Пирамидовъ, вечеромъ въ тотъ же день отправился къ Мутафову, гдѣ встрѣтилъ Ишханова и Рипмана. Здѣсь Рипманъ объяснилъ имъ планъ организаціи и прочелъ уставъ или правила общества, послѣ чего каждый изъ присутствующихъ далъ характеристики своихъ знакомыхъ.

Черезъ нѣсколько дней они собрались у Мутафова, куда явились двое неизвѣстныхъ. Одинъ изъ нихъ принесъ бланку отъ „Комитета народной расправы“, въ которой значилось, что эта личность назначена для надзора за дѣйствіями ихъ кружка. Послѣ этого собранія ихъ кружокъ сходился еще нѣсколько разъ до полученія имъ отъ неизвѣстнаго ему человѣка предостереженія относительно лицъ, которыя будутъ являться съ бланками комитета.

Смирнову, Соколову и Тихомирову онъ, Пирамидовъ, сообщалъ объ обществѣ и о его цѣли, но послѣдніе двое никакого участія не приняли. Смирнову же, высланному изъ Москвы во Владиміръ, онъ послалъ письмо, подписанное „Египтяишъ“, съ просьбою привлечь къ участію въ обществѣ Лыткина.

Цѣль общества, какъ ему казалось, состояла въ желаніи собрать людей единомыслящихъ, въ виду предполагаемаго народнаго движенія. При этомъ хотя и говорилось о пропагандѣ въ народѣ, но это не требовалось отъ всѣхъ членовъ общества.

14. Студентъ Императорской Медико-Хирургической Академіи Степанъ Лазаревъ Мутафовъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу и излага обстоятельство, предшествовавшія его вступленію въ общество, согласно показанію обвиняемаго Пирамидова, объяснилъ, что, во время собранія въ гостиницѣ Мамонтова, Рипманъ и князь Черкезовъ показывали имъ разныя прокламаціи, говорили о существованіи тайнаго общества и предлагали бывшимъ тамъ его товарищамъ вступить въ таковое. Черезъ два дня послѣ этого собранія къ нему пришелъ Рипманъ, рассказалъ объ устройствѣ организаціи, и онъ, Мутафовъ, далъ ему свое согласіе. На слѣдующій день у него въ квартирѣ было собраніе, въ которомъ принимали участіе Рипманъ, Ишхановъ, Пирамидовъ и онъ, Мутафовъ, причемъ Рипманъ объявилъ, что они составляютъ кружокъ, который послѣ этого собирался еще разъ. Онъ, Мутафовъ, хотя и говорилъ въ собраніи, что имъ намѣчены Кудиновичъ и Аветисовъ, но съ этими лицами онъ не имѣлъ никакихъ разговоровъ объ обществѣ.

15. Студентъ Императорской Медико-Хирургической Академіи Дживадъ Петровъ Ишхановъ объяснилъ, что по совѣту, данному имъ Рипманомъ, онъ въ ноябрѣ 1869 года составилъ кружокъ, въ составъ котораго входили Рахимовъ, Шанаевъ, Сариековъ и Хаджибековъ, кои всѣ, подобно ему, были передъ тѣмъ исклучены изъ Московскаго Университета. Кружку сему были имъ сообщены переданныя ему Рипманомъ свѣдѣнія о существованіи въ Москвѣ тайной организаціи, распространеніи ея воззваній и противозаконной цѣли этой организаціи. Впослѣдствіи Ишхановъ измѣнилъ это показаніе свое въ томъ смыслѣ, что кружокъ этотъ былъ образованъ единственно съ тою цѣлью, чтобы студенты сблизились другъ съ другомъ и входили бы во взаимныя нужды, и что хотя отъ Рипмана онъ и слышалъ о существованіи организаціи съ противоправительственной цѣлью, но Рипманъ никакого предложенія о вступленіи въ тайное общество ему не дѣлалъ.

Указанные обвиняемымъ Ишхановымъ, какъ члены организоваемаго имъ кружка, студенты Императорскаго Московскаго Университета, Ибрагимъ Рахимовъ, Яковъ Осиповъ Сариековъ, Индрисъ Шанаевъ и Амидъ Хаджибековъ, сознаваясь въ принадлежности къ тайному обществу, въ которое они вступили въ послѣднихъ числахъ ноября 1869 года, по предложенію студента Ишханова, объяснили слѣдующее:

16. Ибрагимъ Рахимовъ, что послѣ сдѣланнаго ему предложенія Ишхановымъ принять участіе въ дѣйствіяхъ тайнаго общества; имѣннаго цѣлью, какъ онъ, Рахимовъ, полагалъ, достиженіе матеріальнаго улучшенія низшаго класса установленіемъ всеобщаго равенства путемъ политическаго переворота, у него на квартирѣ, которую онъ занималъ вмѣстѣ съ Хаджибековымъ, собрались Сариековъ, Шанаевъ и Ишхановъ и послѣдній объявилъ имъ, что они всѣ члены организаціи, но подробностей на этомъ первомъ собраніи не объяснилъ; затѣмъ было еще собраніе кружка, на которомъ участвовали не всѣ члены и присутствовалъ какой-то незнакомецъ, который объявилъ имъ, что нужны деньги. Читалъ ли Ишхановъ правила организаціи, онъ, Рахимовъ, не помнитъ. По поводу Александровскаго военнаго училища, въ которомъ у него, Рахимова, есть нѣсколько знакомыхъ воспитанниковъ, разговоръ на

собраніи былъ въ томъ смыслѣ, что если въ этомъ училищѣ будутъ члены общества, то можно будетъ завладѣть оружіемъ. По поводу найденнаго при обыскѣ въ университетской лабораторіи, въ шкафу Рахимова, пакета съ типографскимъ шрифтомъ, Рахимовъ объяснилъ, что этотъ пакетъ, былъ переданъ ему Хаджибековымъ, который сказалъ, что шрифтъ принесенъ какимъ-то неизвѣстнымъ, съ просьбою передать ему, Рахимову, для сохраненія. Неизвѣстный приходилъ еще нѣсколько разъ, какъ будто съ цѣлью отдохнуть, и всегда говорилъ, что скоро опять будетъ.

17. Амидъ Хаджибековъ—что на собраніяхъ кружка, которыя происходили два раза въ квартирѣ Рахимова, говорили о вербованіи въ общество новыхъ членовъ. Прокламаціи онъ не читалъ, хотя Рипманъ и обѣщалъ ему дать такыя; прокламацію „Народная расправа“ видѣлъ у Рипмана, а также ее не читалъ. Тайное общество, къ которому онъ, Хаджибековъ, принадлежалъ, было образовано, какъ онъ полагаетъ, противъ существующаго Правительства. Относительно типографскаго шрифта, найденнаго въ шкафу Рахимова, Хаджибековъ объяснилъ, что въ отсутствіи изъ дома Рахимова, въ началѣ декабря 1869 года, пришелъ къ нему неизвѣстный человѣкъ и вручилъ ему пакетъ для передачи Рахимову. Въ пакетѣ этомъ оказался типографскій шрифтъ.

18. Яковъ Сарибекъ — что кружокъ ихъ собирався разъ или два и на собраніяхъ говорили о необходимости достать денегъ, но для какой цѣли — ему неизвѣстно. Изъ революціонныхъ листовъ онъ видѣлъ только одинъ, показанный ему Ишхановымъ, но содержанія этого листка не помнитъ. Тайное общество, къ которому онъ, Сарибекъ, принадлежалъ, имѣло цѣлью произвести революцію.

Рахимовъ говорилъ ему, что въ университетской лабораторіи есть какіе-то шрифты, которые нужно будетъ взять оттуда, если его, Рахимова, арестуютъ; но онъ, не желая подвергать себя опасности, не исполнилъ этой просьбы.

19. Индрисъ Шанаевъ — что на собраніяхъ кружка онъ былъ только одинъ разъ въ квартирѣ Рахимова, гдѣ были прочитаны имъ правила организаціи. Тайное общество, къ которому онъ, Шанаевъ, принадлежалъ, имѣло цѣлью, по его словамъ, стоять за подавленный и угнетенный народъ.

20. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Пимень Александровъ Енкуватовъ, при производствѣ дознанія и предварительнаго слѣдствія, отрицая не только свое участіе въ тайномъ обществѣ, но даже знаніе о существованіи такового, при объявленіи ему объ окончаніи слѣдствія заявилъ, что онъ принадлежалъ къ тайному обществу, составленному съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка правленія, что былъ представителемъ кружка или, какъ называлось въ обществѣ, организаторомъ; присоединилъ къ обществу нѣсколько лицъ, которыхъ назвать не желаетъ, требовалъ отъ общества крестьянскаго паспорта, чтобы было удобнѣе пропагандировать въ народѣ; хотѣлъ поступить на фабрику рабочимъ, но, по настоянію общества, въ лицѣ одного изъ его членовъ, долженъ былъ намѣнить свое намѣреніе и согласиться пропагандировать въ трактирахъ, гдѣ и успѣлъ быть всего два раза, и затѣмъ, по болѣзни, прекратилъ свои посѣщенія.

21. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Николай Алексѣевъ Шестаковъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что въ октябрѣ или ноябрѣ 1869 года Пимень Енкуватовъ далъ ему прочесть „Народную расправу“ и предложилъ вступить въ его кружокъ. Не сочувствуя предлагаемымъ въ „Народной расправѣ“ средствамъ, онъ, Шестаковъ, выразилъ свое согласіе на вступленіе въ общество, съ тѣмъ условіемъ, чтобы дѣйствовать только пропагандою.

По выѣздіи Пимена Енкувата изъ кружка онъ, Шестаковъ, поступилъ на его мѣсто и впоследствии узналъ отъ Долгова, что его, Шестакова, переводятъ въ другой кружокъ. Кружокъ ихъ состоялъ сначала изъ него, Римскаго-Корсакова и двухъ братьевъ Голиковыхъ. Находясь въ этомъ кружкѣ, онъ, Шестаковъ, хотѣлъ образовать свой кружокъ и уже намѣтилъ одну личность, но происшедшее убійство Иванова и другія мѣры общества заставили его рѣшиться отказаться отъ общества.

Правила организаціи ему были извѣстны. Въ пользу общества онъ, Шестаковъ, пожертвовалъ 2 рубля, которые были вручены покойному Иванову.

22. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Николай Ивановъ Голяковъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что вступилъ въ оное въ половинѣ или концѣ октября 1869 года, по предложенію Пимена Енкувата, который при этомъ сообщилъ, что общество имѣетъ цѣлью обогащеніе простаго класса. Послѣ этого онъ, Голяковъ, былъ приглашенъ Шестаковымъ, который объявилъ, что онъ причисленъ къ его, Шестакова, кружку по распоряженію свыше. Членами этого кружка были Шестаковъ, Римскій-Корсаковъ, онъ, Николай Голяковъ, и братъ его, Леонидъ Голяковъ. Представителемъ кружка былъ сначала Шестаковъ, а послѣ него Римскій-Корсаковъ.

Собранія кружка происходили у представителей разъ въ недѣлю, а иногда и рѣже. На собраніяхъ предостерегали отъ лицъ, которыхъ надо опасаться и отъ нѣкоторыхъ чиновниковъ Полиціи. Кромѣ того говорили о необходимости сближенія съ другими лицами, для увеличенія числа членовъ общества, и дѣлались денежныя сборы

въ пользу общества, причемъ, онъ, Голиковъ, пожертвовалъ одинъ рубль. Изъ прокламачи онъ, Голиковъ, видѣлъ, кажется одну у Римскаго-Корсакова, писанную и заключающую въ себѣ воззваніе отъ петербургскихъ студентовъ къ московскимъ, также видѣлъ и читалъ стихи къ Нечаеву.

Относительно литературныхъ вечеровъ, упоминаемыхъ въ показаніяхъ нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, Голиковъ объяснилъ, что бывавшіе у него литературные вечера дѣлались съ цѣлью сближенія людей и общаго мыслей.

23. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Николай Ивановъ Римскій-Корсаковъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что въ кружокъ, образованный Пименомъ Енкуватовымъ, онъ вступилъ въ сентябрѣ или октябрѣ 1869 года. Въ собраніяхъ кружка, въ которыхъ онъ, Римскій-Корсаковъ, участвовалъ, читались разныя прокламаціи, въ томъ числѣ и „Народная расправа“, предлагали заводить какъ можно болѣе знакомствъ и вообще пропагандировать въ пользу общества. По выбитіи Шестакова онъ, Римскій-Корсаковъ, былъ представителемъ кружка, но самъ къ участію въ обществѣ никого не привлекъ. Собранія кружка происходили у Шестакова и у него, Римскаго-Корсакова.

Цѣль общества, къ которому онъ, Римскій-Корсаковъ, принадлежалъ, состояла въ намѣненіи существующаго порядка вообще; съ своей же стороны онъ, раздѣляя ученіе социалистовъ, желалъ равномернаго распределенія земли между лицами, занимающимися ея обработкою. Затѣмъ, при дальѣйшемъ производствѣ слѣдствія, онъ, Римскій-Корсаковъ, объяснилъ, что всѣ предъидущія показанія даны имъ вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія и испуга, произведеннаго арестомъ, что онъ на сходкахъ кружковъ не былъ, прокламацій не читалъ и о принадлежности къ тайному обществу упоминаемыхъ въ его прежнихъ показаніяхъ лицъ—не знаетъ.

24. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Леонидъ Ивановъ Голиковъ объяснилъ, что онъ не только не принадлежалъ къ тайному обществу, образованному съ цѣлью испроверженія существующаго порядка правленія, но и вообще не зналъ о существованіи какихъ-либо тайныхъ обществъ. На литературныхъ вечерахъ, которые бывали у него, собиравлись человекъ до 15-ти, но прокламацій при немъ никто не читалъ.

25. Студентъ Императорскаго Московскаго Университета Домитій Александровъ Енкуватовъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, имѣвшему цѣлью возбужденіе народнаго возстанія, объяснилъ, что вступилъ въ общество по приглашенію лица, для него, Домитія Енкуватова, слышкомъ близкаго и фамиліи котораго онъ не называетъ. Поступивъ въ число членовъ и слѣдя плану организаціи, онъ, Домитій Енкуватовъ, предложилъ вступить въ общество Николаю Померанцеву, причемъ давалъ ему читать „Народную расправу“. Ни на одномъ изъ собраній общества онъ, Домитій Енкуватовъ, не участвовалъ.

26. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Валентинъ Карловъ Ланге объяснилъ, что, въ началѣ октября 1869 года, онъ былъ приглашенъ покойнымъ Ивановымъ вступить въ члены общества, образованнаго съ цѣлью помогать народу, причемъ Ивановъ присовокупилъ, что онъ, Ланге, уже намѣченъ. Несмотря на то, что онъ отказался отъ этого предложенія, Ивановъ настаивалъ, чтобы онъ предварительно совершеннаго отказа побывалъ хотя на одномъ собраніи, и затѣмъ онъ ушелъ отъ Иванова, что онъ, Ланге, переведенъ въ кружокъ Долгова, котораго и просилъ вычеркнуть изъ числа членовъ. Послѣ этого онъ, Ланге, случайно попалъ на собраніе къ Долгову, гдѣ былъ Коробинъ, Владиміръ Поповъ и Шестаковъ. На этомъ собраніи разсуждали о необходимости придать студенческой исторіи политическій характеръ, съ чѣмъ онъ, Ланге, былъ несогласенъ, вслѣдствіе чего Долговъ, замѣтивъ тогда ему, что онъ, какъ видно, имъ не сочувствуетъ, черезъ недѣлю послѣ объявилъ, что онъ изъ числа членовъ общества исключенъ. У Иванова онъ, Ланге, былъ еще на одномъ собраніи, въ которомъ участвовалъ Пимень Енкуватовъ и Поповъ, но при этомъ никакихъ особенныхъ разговоровъ не было, и о томъ, что это было собраніе членовъ организаціи, онъ, Ланге, узналъ отъ Долгова. Цѣль этого общества, по мнѣнію его, Ланге, состояла въ улучшеніи матеріальнаго состоянія народа, причемъ каждый членъ могъ дѣйствовать сообразно своимъ убѣжденіямъ.

27. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Эдуардъ Васильевъ Лау, не сознаваясь не только въ участіи въ тайномъ обществѣ, но даже и въ знаніи о существованіи такового, на всѣ предложенные ему вопросы объ обстоятельствахъ, въ которыхъ, по показаніямъ другихъ обвиняемыхъ, онъ принималъ участіе, отвѣчалъ отрицательно.

28. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Григорій Аггѣевъ Свѣчинъ объяснилъ, что не только не принималъ участія въ тайномъ обществѣ, но даже о существованіи такового не слышалъ.

29. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Петръ Фѣдоровъ Ивакинъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что поступилъ въ таковое по предложенію Лау, который и далъ ему для прочтенія правила организаціи. Членовъ общества, кромѣ Григорія Свѣчина, никого болѣе не знаетъ. Изъ прокламацій читалъ только одну, подъ заглавіемъ „Отъ сплотившихся

къ разрозненнымъ“, по отъ кого такуюю получилъ—не помнитъ. Цѣль тайнаго общества, къ которому онъ принадлежалъ, состояла, какъ онъ понималъ, въ помощи народу и пріготовленіи болѣе благоприятныхъ условий для достиженія народомъ болшихъ правъ.

30. Дворянинъ Дмитрій Егоровъ Коведяевъ, сознаваясь въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что къ вступленію въ члены тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью содѣйствіе въ улучшеніи его матеріальнаго положенія, онъ былъ приглашенъ Черкезовымъ въ первыхъ числахъ ноября 1869 года. Вскорѣ послѣ сего Рипманъ, являсь къ нему съ значкомъ, подобнымъ тому, который ему, Коведяеву, былъ оставленъ Черкезовымъ, привезъ его на квартиру Мутафова и ввелъ въ кружокъ, въ которомъ, кромѣ его и Рипмана, участвовали Ишхановъ, Пирамидовъ и Мутафовъ. На этомъ собраніи всѣмъ членамъ кружка были прочитаны правила организаціи, и Рипманъ предлагалъ членамъ указать личности, удобныя для приглашенія въ общество, а также предлагалъ составить свои кружки и собирать деньги въ пользу общества. Второе собраніе кружка происходило въ квартирѣ его, Коведяева.

Около средины ноября 1869 года онъ и Рипманъ были переведены изъ кружка Прыжова, въ которомъ, кромѣ того, участвовали Пименъ Енкуватовъ и Николаевъ, извѣстный ему подъ именемъ Александра Василевича. Переходъ его въ кружокъ Прыжова состоялся по запискѣ, которую ему показалъ Рипманъ, но была ли на этой запискѣ печать—онъ не замѣтилъ. На собраніи у Прыжова говорили о необходимости сближенія съ простымъ народомъ и Прыжовъ указывалъ разныя мѣстности Москвы, гдѣ можно было бы завести сношенія. На второмъ собраніи у Прыжова Николаевъ, между прочимъ, объявилъ Енкуватову, что онъ увольняется изъ общества для лѣченія.

Послѣ ареста Успенскаго онъ, Коведяевъ, по просьбѣ Прыжова, ходилъ къ Лагу объявить ему объ этомъ.

Николаевъ и князь Черкезовъ поселились у него на квартирѣ въ концѣ ноября, и загѣмъ, 4-го декабря, пріѣхалъ къ нему Нечаевъ и прожилъ у него десять дней. Съ Нечаевымъ, извѣстнымъ ему, Коведяеву, подъ именемъ Ивана Петровича, онъ познакомился въ ноябрѣ чрезъ Николаева, который рекомендовалъ его какъ своего знакомаго. Изъ этой рекомендаціи онъ могъ заключить, что Нечаевъ принадлежалъ къ тайному обществу. О томъ, что дѣлали у него на квартирѣ Нечаевъ, Николаевъ и Черкезовъ, ему, Коведяеву, неизвѣстно. Черкезовъ и Николаевъ посылали его два раза къ Пажону-де-Монсе. Первый разъ, по порученію Черкезова, онъ привезъ Пажона изъ гостиницы Мамонтова къ себѣ на квартиру, а второй разъ, по порученію Николаева, ходилъ къ Пажону просить денегъ, съ условіемъ паролемъ: „Наташа, любовь, поски“. Пажонъ далъ ему 5 рублей, которые и были переданы Николаеву.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, 23-го или 24-го декабря, онъ, Коведяевъ, зашелъ къ своей знакомой Бобарыковой, которая попросила его съѣздить въ Москву и сообщить Черкезову объ арестѣ Тейлса, съ которымъ онъ, Коведяевъ, былъ нѣсколько знакомъ и который, какъ припоминаеть, приходилъ къ нему на квартиру вмѣстѣ съ Николаевымъ передъ отъѣздомъ его, Коведяева, въ Петербургъ и оставался ночевать. По порученію Бобарыковой онъ ходилъ въ квартиру Алексѣева и передалъ Николаеву извѣстіе объ арестѣ Тейлса.

О принадлежности Бобарыковой къ тайному обществу онъ узналъ только по случаю даннаго ею порученія, но о существованіи и дѣятельности тайнаго общества въ Петербургѣ ему не было извѣстно.

31. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Алексѣй Антоновъ Костыркинъ, сознаваясь въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что къ участію въ этомъ обществѣ онъ былъ приглашенъ покойнымъ Ивановымъ 13-го ноября 1869 года. Послѣ вступленія въ общество видѣлся съ Ивановымъ только два раза, такъ что никакихъ подробностей изучить не успѣлъ и кто были товарищи его по кружку—не знаетъ.

До вступленія въ общество онъ, Костыркинъ, въ сентябрѣ или октябрѣ 1869 года, видѣлъ у Иванова листки съ печатными бланками „Для страждущихъ“ и на одномъ изъ нихъ подписалъ 50 копѣекъ, по словамъ Иванова, что это сборъ въ пользу исключенныхъ студентовъ. Въ это же время Ивановъ, сообщивъ ему, Костыркину, о тайномъ обществѣ, утверждалъ, что это общество разсыпано по всей Россіи. На заявленіе его, Костыркина, что онъ идти пропагандировать въ народъ не годится, Ивановъ возразилъ, что для него найдется другое дѣло. Ивановъ также показывалъ ему листокъ: „Потомки Рюрика“ и говорилъ, что такія же прокламаціи получили нѣкоторые слушатели Академіи, причемъ выражалъ свое негодованіе по поводу представленія слушателемъ Академіи Фаддѣевымъ такой прокламаціи начальству. По смыслу объясненій Иванова о цѣли общества онъ, Костыркинъ, понималъ, что эта цѣль состоитъ въ измѣненіи существующихъ формъ правленія, хотя Ивановъ говорилъ объ этомъ какъ о могущемъ совершиться лишь въ отдаленномъ будущемъ, но ближайшая цѣль тайнаго общества состояла въ улучшеніи положенія народа посредствомъ измѣненія существующаго порядка.

32. Дворянинъ Иванъ Генриховъ Пажонъ-де-Монсе, сознаваясь въ знаніи

о существованіи тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью произвести революцію, объяснилъ, что свѣдѣнія объ этомъ обществѣ имъ получены отъ князя Черкезова, съ которымъ онъ жилъ вмѣстѣ двѣ недѣли въ номерахъ гостиницы Мамонтова въ Москвѣ. Черкезовъ показывалъ ему книжки съ надписью „Для страждущихъ“ и предлагалъ подписаться въ пользу студентовъ, исключенныхъ за участіе въ такъ называемой Полуинской исторіи. Пажонъ далъ Черкезову 25 рублей. Послѣ сего однажды явился къ нему неизвѣстный, оказавшійся впоследствии Коведяевымъ и произнесъ слова: „любовь, Наташа, носки“, объяснилъ, что его прислалъ Черкезовъ съ просьбою дать денегъ. Пажонъ далъ ему 5 рублей, обѣщая въ случаѣ надобности достать еще. При свиданіи Черкезовъ, объясняя, что ему нужны деньги для вспоможенія бѣдному студенту, просилъ Паждона дать ему старое платье. Пажонъ, исполняя эту просьбу, отвезъ пиджакъ, жилетъ и брюки въ квартиру Черкезова. Въ первыхъ числахъ декабря 1869 года Пажонъ ѣздилъ въ Петербургъ за своимъ свидѣтельствомъ, забытымъ въ гостиницѣ „Дагмара“ и по порученію Черкезова былъ у студента де-Тельса, которому сообщилъ, что Черкезовъ хотѣлъ ѣхать за границу и чтобы Тельсъ досталъ паспортъ. Явившись къ Тельсу, Пажонъ, согласно указанію Черкезова, показывалъ условный знакъ (два пальца: указательный и средній). По возвращеніи въ Москву Пажонъ передалъ Черкезову, что Тельсъ не видитъ цѣли ѣхать за границу, вслѣдствіе чего Черкезовъ и бывший у него въ квартирѣ Нечаевъ, извѣстный Пажону подъ именемъ Ивана Петровича, начали уговаривать Пажона дать имъ его документы. Пажонъ, желая отъ нихъ отдѣлаться, ѣздилъ въ Канцелярію Генераль-Губернатора и привезъ отвѣтъ, что паспортъ ранѣе двухъ недѣль выдать нельзя. Черкезовъ, сообщая Пажону о существованіи тайнаго общества, показывалъ ему прокламаціи и предлагалъ вступить въ организацію, говоря, что она имѣетъ уже много членовъ и существуетъ давно. Пажонъ на это предложеніе положительнаго отвѣта не далъ. Кромѣ сего Черкезовъ далъ ему шифръ, составленный изъ буквъ русской азбуки и сказалъ при этомъ, чтобы Пажонъ писалъ къ нему письма этимъ шифромъ.

33). Бывшій студентъ Императорскаго Московскаго Университета Александръ Сергѣевъ Бутурлинь объяснилъ, что, во время своего пребыванія въ Москвѣ и затѣмъ, съ 29-го ноября 1869 г., въ Ярославлѣ, куда онъ былъ высланъ на жительство административнымъ порядкомъ, онъ ни отъ кого не слышалъ о существованіи какихъ-либо тайныхъ обществъ съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка правленія. Съ дворяниномъ Петромъ Успенскимъ онъ познакомился чрезъ Прыжова, по поводу написанной имъ, Бутурлинымъ, статьи объ университетской исторіи, желая эту статью напечатать въ какомъ-нибудь журналѣ. Съ Прыжовымъ онъ познакомился по совѣту своего знакомаго Орфана, съ цѣлью достать посредствомъ его какиъ-нибудь мѣста на желѣзныхъ дорогахъ для болѣе нуждающихся студентовъ. При посѣщеніяхъ Прыжова и студентовъ Петровской Академіи, куда онъ ѣздилъ съ цѣлью познакомиться съ ними и получить отъ нихъ какое-нибудь денежное вспоможеніе въ пользу исключенныхъ студентовъ, разговоръ преимущественно происходилъ объ университетской исторіи, причемъ онъ, Бутурлинь, съ своей стороны, говорилъ, что между студентами Университета мало общаго и единства.

Изъ сопоставленія объясненій привлеченныхъ къ сему дѣлу лицъ съ обстоятельствами дѣла и имѣющимися при дѣлѣ вещественными доказательствами, оказывается, что участіе всѣхъ вышепоименованныхъ обвиняемыхъ въ дѣятельности тайнаго общества „Народная расправа“ подтверждается слѣдующими уликами:

1) Къ изобличенію Николая Долгова, кромѣ собственнаго его сознанія, вполне согласнаго съ обстоятельствами дѣла, служатъ показанія Успенскаго, Алексѣя Кузнецова, Прыжова, Бѣлясова, Рипмана, Коробкина и другихъ обвиняемыхъ, а также бумаги, найденныя у Успенскаго. Показанія этихъ лицъ подтверждаютъ, что Долговъ, назначенный Нечаевымъ для устройства въ Петровской Академіи кружковъ, былъ представителемъ центральнаго кружка Академіи и о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, а также о дѣятельности организованныхъ имъ кружковъ, представлялъ Успенскому отчеты и отъ него же, по указанію Нечаева, получалъ разныя порученія какъ бы отъ имени комитета. Непосредственныя и близкія отношенія Долгова къ Нечаеву и другимъ главнѣйшимъ его сообщникамъ по устройству тайнаго общества „Народная расправа“, знакомство его съ прокламаціями, въ которыхъ излагались руководящія начала дѣятельности сего тайнаго общества, и съ большинствомъ лицъ, принимавшихъ участіе въ организаціи, въ виду его собственнаго сознанія, что хотя о цѣли общества и не было почти разсужденія, но онъ и такъ понималъ, что цѣль эта состоитъ въ томъ, чтобы, при помощи революціи, овладѣть управленіемъ для доставленія народу самоуправленія—все это вмѣстѣ взятое, несомнѣнно доказываетъ, что дѣйствія Долгова въ устроенной Нечаевымъ организаціи были сознательнымъ съ его стороны участіемъ въ заговорѣ, направленномъ къ ниспроверженію въ государствѣ Правительства и перемѣнѣ образа правленія.

2) Къ изобличенію обвиняемаго Федора Рипмана, кромѣ его собственнаго сознанія, вполне согласнаго съ обстоятельствами дѣла служатъ показанія Успен-

скаго, Кузнецова, Прыжова, Николаева, Долгова, князя Черкезова, Коведяева, Мутафова, Пирамидова, Ишханова и других обвиняемыхъ. Изъ показаній этихъ, а равно изъ найденныхъ у Успенскаго бумагъ, оказывается, что Рипманъ, познакомившись, въ сентябрѣ 1869 года, съ Нечаевымъ, состоялъ членомъ перваго, организованнаго въ Москвѣ кружка. Послѣ сего, будучи переведенъ въ кружокъ Прыжова, принималъ самое дѣятельное участіе въ дѣйствіяхъ этого кружка, имѣвшаго специальное назначеніе—ближайшія сношенія съ низшимъ классомъ общества, для распространенія въ народѣ тѣхъ идей, которыя лежали въ основаніи тайнаго общества. Кромѣ сего, направляя свою дѣятельность къ увеличенію личнаго состава тайнаго общества и его средствъ, Рипманъ посѣщалъ для сей цѣли собранія студентовъ, гдѣ читалъ собравшимся лицамъ разныя прокламаціи, приглашалъ разныхъ лицъ къ участію въ тайномъ обществѣ, подкидывалъ паспорта и о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ представлялъ отдѣльные отчеты. Такая дѣятельность Рипмана, при его ближайшемъ знакомствѣ какъ съ организаторомъ общества, Нечаевымъ и другими главнѣйшими его сообщниками, такъ и съ самымъ направлениемъ и основаніями этой организациі, изложенными въ изданіяхъ „Народной расправы“, въ виду его собственнаго сознанія въ томъ, что цѣль тайнаго общества, въ которомъ онъ принималъ участіе, состояла въ произведеніи политическаго переворота путемъ революціи, приводитъ къ убѣжденію въ сознательномъ съ его стороны участіи въ заговорѣ, направленномъ къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ Правительства и перемѣнѣ образа правленія.

3) Къ изобличенію Елизаветы Бѣляевой, кромѣ ея собственнаго сознанія, служатъ многочисленныя показанія обвиняемыхъ Успенскаго, Кузнецова, Прыжова, Долгова и другихъ обвиняемыхъ. Изъ показаній этихъ лицъ, а также изъ найденныхъ у обвиняемаго Успенскаго бумагъ оказывается, что Бѣляева, приглашенная въ тайное общество Нечаевымъ, первоначально была членомъ отдѣленія и въ послѣдствіи была переведена въ кружокъ Долгова. Будучи членомъ отдѣленія, Бѣляева принимала участіе въ собраніяхъ и исполняла разныя возлагаемыя на нее порученія, ѣздила въ Петербургъ къ разнымъ лицамъ съ письмами отъ Нечаева, вслѣдствіе предложенія Нечаева о поѣздкѣ за границу, доставала свидѣтельство изъ полиціи на выѣздъ изъ Москвы, посѣщала, по указанію Нечаева, женскіе курсы, гдѣ по показанію Кузнецова, подкидывала прокламаціи, и жертвовала деньги въ пользу общества. Дѣйствія Бѣляевой, въ связи съ ея близкимъ знакомствомъ съ организациею, какъ члена отдѣленія, составленнаго изъ лицъ, пользовавшихся довѣріемъ такъ называемаго комитета и которымъ были извѣстны всѣ подробности дѣятельности общества, а также ея собственныя слова, что хотя цѣли общества она хорошо не понимала, но изъ разговоровъ ясно видѣла, что цѣль для Правительства вредная, такъ какъ ей говорили, что народъ возбужденъ, готовъ требовать большаго правъ, и что они обязаны быть его руководителями, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что конечная цѣль общества, какъ она изложена въ прокламаціи „Народная расправа“, была ей вполне извѣстна, и что дѣятельность ея направлялась къ осуществленію этой цѣли.

4) Къ изобличенію Иннокентія Климина, кромѣ его собственнаго сознанія въ принадлежности къ тайному обществу, служатъ показанія тѣхъ же лицъ и тѣ же бумаги, найденныя у Успенскаго. Изъ этихъ показаній и бумагъ оказывается, что Климинъ былъ привлеченъ въ общество Алексѣемъ Кузнецовымъ, причемъ ему были сообщены основанія и цѣль общества и прочтена программа „Интернаціональнаго общества“, съ припискою Бакунина. Послѣ измѣненій, происшедшихъ въ личномъ составѣ кружковъ организациі, Климинъ былъ переведенъ на мѣсто Алексѣя Кузнецова въ первый кружокъ, въ дѣйствіяхъ котораго онъ принималъ участіе, жертвуя въ пользу общества деньги, составляя у себя на квартирѣ собранія и сохраняя тамъ же складъ платякъ, собраннаго для общества Кузнецовымъ. Послѣ убійства Иванова, гдѣ на мѣстѣ преступленія оставленъ убійцами башлыкъ, принадлежавшій Климину, къ нему приходилъ Николаевъ съ бланкою комитета „Народной расправы“, съ припискою „Бюро секретныхъ дѣлъ“. Въ этой бланкѣ на Климина возлагалась обязанность не узнавать своего башлыка въ случаѣ предъявленія, что и было исполнено Климинымъ, несмотря на то, что, по его собственному показанію, онъ догадывался о связи полученной имъ бланки съ убійствомъ Иванова еще прежде предъявленія ему башлыка. Близкое знакомство Климина со всѣми подробностями организациі тайнаго общества и съ его конечною цѣлью, его непосредственныя сношенія съ главными дѣятелями организациі, его повинновеніе распоряженіямъ „Комитета народной расправы“ и, наконецъ, его собственное показаніе, что цѣль тайнаго общества состояла въ анти-правительственной пропагандѣ въ обществѣ, какъ подготовительной работѣ для будущаго, когда самая форма правленія будетъ основана на выборномъ началѣ и на широкомъ участіи въ управленіи самого народа—все это, вмѣстѣ взятое, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣятельность Климина, основанная на началахъ, изложенныхъ въ „Народной расправѣ“, составляла участіе въ заговорѣ, направленномъ къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ Правительства и перемѣнѣ образа правленія.

5) Къ изобличенію князя Варлаама Черкезова въ принадлежности его къ

тайному обществу, кроме его собственного сознания, служат показания обвиняемыхъ Алексѣя Кузнецова, Рипмана, Успенскаго, Николаева, Коведяева, Мутафова, Александровской, Пирамидова, Тейльса, Эльснитца, Пажона-де-Монсе, а также найденныя у него вещественныя доказательства, Изъ показаній означенныхъ лицъ и его собственного сознания оказывается, что князь Черкезовъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ общества; такъ, онъ жертвовалъ въ пользу общества деньги, которыми также снабжалъ организатора общества, Нечаева, и способствовалъ ему уѣхать за границу, при чемъ преступная цѣль поѣздки Нечаева была ему известна. Склоняя къ поступленію въ общество разныхъ лицъ, Черкезовъ распространялъ между ними прокламаціи преступнаго содержанія, устраивалъ притоны для лицъ, принадлежащихъ къ обществу, ѣздилъ въ Петербургъ и Тулу для сношенія съ разными лицами, принимавшими участіе въ обществѣ. При такой дѣятельности Черкезова, направленной къ осуществленію конечной цѣли тайнаго общества „Народной расправы“, собственное его сознание въ томъ, что цѣль тайнаго общества состояла въ ниспроверженіи порядка правленія въ государствѣ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ принадлежности князя Черкезова къ заговору, составленному для упомянутой цѣли.

6) Къ изобличенію Семена Кузнецова въ принадлежности къ тайному обществу служатъ показанія Долгова, Климина, Успенскаго, Алексѣя Кузнецова и другихъ обвиняемыхъ, которые указывають на него какъ на члена организаціи. Алексѣй Кузнецовъ подтверждаетъ, что Семенъ Кузнецовъ, приглашенный имъ къ участию въ обществѣ, далъ свое согласіе, собралъ въ пользу общества три рубля и взялъ для распространенія прокламаціи „Потомки Рюрика“. При вступленіи Семена Кузнецова въ тайное общество ему былъ прочтенъ журналъ „Народной расправы“, и дана „Программа Интернаціональнаго общества“. Такимъ образомъ несмотря на несознаніе Семена Кузнецова въ принадлежности къ тайному обществу, вышеизложенныя обстоятельства, въ связи съ собственнымъ его показаніемъ о томъ, что хотя онъ и не давалъ согласія на вступленіе въ общество, но ему была известна цѣль онаго, состоявшая въ водвореніи въ Россіи демократическаго образа правленія путемъ революціи, убѣждаютъ въ принадлежности его къ заговору, составленному съ вышеупомянутою цѣлію.

7) Къ изобличенію Виктора Скипскаго кромѣ его собственного сознания о принадлежности къ тайному обществу, служатъ показанія Успенскаго, Алексѣя Кузнецова, князя Черкезова, Прыжова и найденныя у него при обыскѣ вещественныя доказательства. Изъ показаній этихъ усматривается, что Скипскій, приглашенный Алексѣемъ Кузнецовымъ къ участию въ тайномъ обществѣ, выразилъ свое согласіе при условіи, если это не начало, причемъ ему были объяснены правила и цѣль общества. Поѣздка Скипскаго въ Петербургъ съ разными письмами къ лицамъ, принимавшимъ участіе въ обществѣ, сожженіе бумагъ, относившихся къ дѣятельности общества, по полученіи увѣдомленія объ арестѣ Успенскаго, найденное у него два экземпляра воззванія „Братья-товарищи“, номера журналовъ: „Общее Вѣче“, „Колокола“ и „Будущности“ и, наконецъ, его собственное показаніе, что цѣль тайнаго общества, къ которому онъ принадлежалъ, состояла въ возбужденіи народа къ возстанію, служатъ достаточнымъ доказательствомъ въ принадлежности его къ заговору, составленному съ вышеупомянутою цѣлію.

8) Къ изобличенію Ивана Рязанцева въ знаніи о цѣли того тайнаго общества, въ принадлежности къ которому онъ сознался, объясняя, что эта цѣль, по его мнѣнію, состояла въ уничтоженіи существующаго порядка вещей, служатъ показанія Алексѣя Кузнецова, Успенскаго, Долгова, Климина, Владиміра Рязанцева и Гавришева. Алексѣй Кузнецовъ, подтверждая, что Иванъ Рязанцевъ, приглашенный къ участию въ обществѣ, выразилъ свое согласіе, присовокупилъ, что при этомъ ему былъ прочтенъ журналъ „Народной расправы“. Объясненіе Ивана Рязанцева о томъ, что, выразивъ свое согласіе на вступленіе въ тайное общество, онъ оставлялъ за собою право дѣйствовать согласно своимъ убѣжденіямъ для достиженія основной цѣли улучшенія состоянія бѣдствующихъ классовъ, въ виду его собственнаго же сознанія, что въ собраніяхъ того кружка, къ которому онъ принадлежалъ, читались запрещенныя изданія Долгорукова, Искандера и т. п., не заслуживаетъ вѣроятія, такъ какъ прочтенная ему при вступленіи въ общество программа „Народной расправы“ не могла не выяснить ему конечной цѣли общества, въ собраніяхъ котораго онъ участвовалъ и въ пользу котораго пожертвовалъ 10 рублей.

9) Къ изобличенію Владиміра Рязанцева въ знаніи о цѣли тайнаго общества, въ принадлежности къ которому онъ сознался, служатъ показанія тѣхъ же обвиняемыхъ. Изъ показаній этихъ усматривается, что Владиміру Рязанцеву, при вступленіи его въ общество, сначала по приглашенію Алексѣя Кузнецова, а потомъ Климина, въ кружкѣ котораго онъ былъ членомъ, рассказы были устройствомъ организаціи и цѣль общества, которая, по собственному сознанію Владиміра Рязанцева, понималась имъ въ смыслъ возбужденія народнаго возстанія. Прочитанный Владиміромъ Рязанцевымъ уставъ общества, участіе его въ собраніи членовъ, пожертвованіе имъ 10 рублей въ пользу общества, при полномъ сознаніи преступной цѣли тайнаго

общества—все это, вмѣстѣ взятое, достаточно убѣждаетъ въ сознательномъ участіи Владиміра Рязанцева въ заговорѣ, направленномъ къ ниспроверженію Правительства въ государствѣ и перемѣнѣ образа правленія.

10) Къ изобличенію Георгія Гавришева, кромѣ его собственнаго сознанія о принадлежности къ тайному обществу „Народной расправы“, служатъ показанія Алексѣя и Семена Кузнецовыхъ, Долгова, Ивана и Владиміра Рязанцевыхъ, Климина и Лебедева. Изъ показаній этихъ обвиняемыхъ усматривается, что Гавришевъ, приглашенный Алексѣемъ Кузнецовымъ къ вступленію въ общество, выразилъ свое согласіе, причемъ ему тогда же былъ прочтенъ журналъ „Народной расправы“ и объяснены какъ устройство организаціи, такъ и конечная цѣль тайнаго общества. Состоя первоначально въ кружкѣ Алексѣя Кузнецова, а впоследствии Климина, Гавришевъ принималъ участіе въ собраніяхъ общества, пожертвовалъ въ пользу онаго 5 рублей, приглашалъ Лебедева къ вступленію въ число членовъ и исполнялъ разные возлагаемыя на него порученія. Такія дѣйствія Гавришева, въ виду его собственнаго сознанія, что цѣль общества понималась имъ въ смыслѣ содѣйствія къ измѣненію существующаго порядка правленія, несомнѣнно убѣждаютъ въ принадлежности его къ заговору, съ полнымъ знаніемъ преступной цѣли онаго.

11) Къ изобличенію Порфирія Коробкина въ принадлежности къ тайному обществу служатъ показанія Успенскаго, Долгова, Бѣляевой, Кузнецова, Ланге и другихъ, изъ которыхъ видно, что Коробкинъ, приглашенный къ участію въ обществѣ Долговымъ и выразившій свое согласіе, бывалъ въ собраніяхъ кружка Долгова и, вслѣдствіе бланковъ комитета, исполнялъ разные порученія. При его собственномъ сознаніи, что цѣль тайнаго общества понималась имъ въ смыслѣ измѣненія существующаго порядка, внешнезложенныя обстоятельства указываютъ, что Коробкинъ принималъ участіе въ заговорѣ съ полнымъ знаніемъ преступной его цѣли.

12) Къ изобличенію Владиміра Попова, несмотря на несознаніе его въ принадлежности къ тайному обществу, служатъ показанія Долгова, Ланге и Бѣляевой, которые положительно удостовѣряютъ, что Поповъ состоялъ членомъ организаціи въ кружкѣ Долгова, принималъ участіе въ собраніяхъ и жертвовалъ въ пользу общества 50 копѣекъ. Эти показанія и собственное сознаніе Попова, что онъ на сдѣланное ему предложеніе сначала покойнымъ слушателемъ Академіи Ивановымъ, а потомъ Долговымъ, о содѣйствіи служить интересамъ народа выразилъ свое согласіе, что впоследствии, при посѣщеніи Долгова, у коего были разные лица, онъ изъ разговоровъ происходившихъ на этомъ собраніи, заключилъ, что лица эти принадлежатъ къ тайному обществу, такъ какъ на этомъ собраніи говорили не только о сближеніи съ народомъ, но и о необходимости увлечь его за собою съ цѣлью измѣнить его экономическое положеніе, что Долговъ дѣлалъ ему предложеніе переселиться на гончарный заводъ, съ цѣлью разъяснить народу его положеніе, его бѣдность и т. п.—даютъ возможность придти къ заключенію, что Поповъ принималъ участіе въ дѣятельности тайнаго общества съ знаніемъ цѣли онаго, состоявшей въ ниспроверженіи существующаго въ Государствѣ Правительства и перемѣнѣ образа правленія.

13) Къ изобличенію Николая Пирамидова, кромѣ его собственнаго сознанія, служатъ показанія Алексѣя Кузнецова, Прыжова, Рипмана, князя Черкезова, Мутафова, Смирнова, и письма, найденныя при обыскѣ у Смирнова и Бутурлина. Показанія этихъ обвиняемыхъ и письма Пирамидова вполне подтверждаютъ его принадлежность къ тайному обществу „Народной расправы“, съ знаніемъ о преступной цѣли онаго, направленной къ ниспроверженію существующаго въ Государствѣ Правительства и перемѣнѣ образа правленія.

14) Къ изобличенію Степана Мутафова въ принадлежности къ тайному обществу служатъ показанія Успенскаго, Прыжова, Алексѣя Кузнецова, Рипмана, князя Черкезова и другихъ обвиняемыхъ, а также найденныя при обыскѣ у Успенскаго бумаги. Показанія этихъ лицъ удостовѣряютъ, что Мутафовъ, приглашенный Рипманомъ къ вступленію въ общество, далъ свое согласіе и принималъ участіе въ собраніяхъ кружковъ, съ знаніемъ какъ устройства организаціи, такъ и цѣли тайнаго общества произвести революцію, какъ ему было объяснено Рипманомъ. Эти показанія, въ связи съ его собственнымъ сознаніемъ, что на собраніи въ гостиницѣ Мамонтова Рипманъ и князь Черкезовъ показывали ему разные прокламаціи, изъ которыхъ онъ не могъ не видѣть, въ чемъ состояла цѣль тайнаго общества, убѣждаютъ, что Мутафовъ сознательно участвовалъ въ тайномъ обществѣ съ вышеупомянутою цѣлью.

15) Къ изобличенію Джавада Ишханова, кромѣ показаній лицъ, упомянутыхъ въ предыдущемъ пунктѣ, служатъ показанія привлеченныхъ имъ къ участію въ тайномъ обществѣ студентовъ Рахимова, Хаджибекова, Сарбекова и Шанаева. Показанія этихъ лицъ вполне удостовѣряютъ принадлежность Ишханова къ тайному обществу „Народной расправы“ и указываютъ на него, какъ на лицо, принимавшее дѣятельное участіе въ вербованіи новыхъ членовъ. Объясненіе Ишханова, что хотя онъ и составилъ кружокъ изъ своихъ товарищей Рахимова, Шанаева, Сарбекова и Хаджибекова только съ тою цѣлю, чтобы студенты сблизились другъ съ другомъ и входили бы во взаимныя нужды, вполне опровергается показаніями, какъ лицъ,

составлявших его кружокъ, такъ и другихъ обвиняемыхъ. Рахимовъ показалъ, что цѣль общества состояла въ матеріальномъ улучшеніи низшаго класса установленіемъ всеобщаго равенства путемъ политическаго переворота, Сарибековъ—что общество имѣло цѣлью произвести революцію, Хаджибековъ—что это общество было образовано противъ существующаго Правительства, а Шанаевъ—что общество имѣло цѣлью стоять за подавленный и угнетенный народъ. Показанія этихъ лицъ, привлеченныхъ Ишхановымъ къ участию въ обществѣ, въ связи съ характеромъ дѣйствій того кружка, къ которому принадлежалъ Ишхановъ, исключаютъ всякое сомнѣніе въ томъ, что участіе Ишханова въ дѣятельности тайнаго общества и въ составленномъ имъ самимъ кружкѣ происходили съ полнымъ знаніемъ конечной цѣли общества „Народной расправы“.

Къ изобличенію указанныхъ въ предыдущемъ пунктѣ:

16) Ибрагима Рахимова.

17) Амида Хаджибекова,

18) Якова Сарибекова,

19) Индриса Шанаева, кромѣ собственнаго ихъ сознанія о принадлежности къ кружку Ишханова, служатъ какъ показанія Рипмана, Успенскаго, Долгова и Николаева, такъ и ихъ взаимные оговоры, а также найденный по обыску у Рахимова типографскій шрифтъ, переданный ему Хаджибековымъ, а симъ полученный отъ Николаева. Изъ показаній этихъ лицъ оказывается, что Рахимовъ, Хаджибековъ, Сарибековъ и Шанаевъ, приглашенные въ число членовъ общества Ишхановымъ, участвовали въ собраніяхъ кружка, гдѣ имъ были объяснены правила организаціи. Происходившіе на собраніяхъ разговоры о необходимости собирать деньги въ пользу тайнаго общества и о возможности овладѣть оружіемъ въ военномъ училищѣ доказываютъ, что обвиняемые вполне сознавали, что тайное общество имѣло цѣлью ниспровергнуть Правительство и измѣнить существующій образъ правленія.

20) Къ изобличенію Пимена Енкуватова, сознавагося въ принадлежности къ тайному обществу, составленному съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка правленія, служатъ показанія Успенскаго, Прыжова, Алексѣя Кузнецова, Рипмана, Коведяева, Шестакова, Николая Голикова, Долгова, Николаева и другихъ обвиняемыхъ, упоминающихъ о немъ, какъ о членѣ организаціи. Показанія этихъ лицъ удостовѣряютъ, что Пименъ Енкуватовъ, состоя членомъ въ кружкѣ Прыжова, имѣвшемъ специальною цѣлью вести преступную пропаганду въ низшихъ классахъ общества, непосредственно пригласилъ къ участию въ обществѣ нѣсколько новыхъ членовъ—Шестакова и Николая Голикова, причѣмъ давалъ для протеченія журналъ „Народной расправы“. Эти обстоятельства вполне показываютъ принадлежность Пимена Енкуватова къ тайному обществу, составленному, по его собственному сознанію, съ цѣлью ниспроверженія существующаго въ государствѣ порядка правленія.

21) Къ изобличенію Николая Шестакова, сознавагося въ принадлежности къ тайному обществу, въ пользу котораго онъ пожертвовалъ два рубля, служатъ показанія Успенскаго, Николая Голикова и Римскаго-Корсакова. Показанія этихъ лицъ подтверждаютъ, что Шестаковъ, поступившій первоначально въ кружокъ Пимена Енкуватова, впоследствии былъ представителемъ этого кружка, собранія котораго происходили у него на квартирѣ. На собраніяхъ этихъ, по удостовѣренію Римскаго-Корсакова, читались разныя прокламаціи, и въ томъ числѣ „Народная расправа“, собирались въ пользу общества деньги, предлагали заводить какъ можно болѣе знакомыхъ и вообще пропагандировать въ пользу общества. При такой обстановкѣ дѣятельности кружка Шестакова, знаніе его о конечной цѣли тайнаго общества „Народной расправы“ представляется вполне доказаннымъ.

22) Къ изобличенію Николая Голикова въ знаніи о цѣли тайнаго общества, въ принадлежности къ которому онъ сознался, служатъ показанія Успенскаго, Долгова, Римскаго-Корсакова и Шестакова. Сознаніе Голикова въ томъ, что онъ участвовалъ въ собраніяхъ кружка и пожертвовалъ одинъ рубль въ пользу общества, въ виду приведеннаго въ предыдущемъ пунктѣ показанія Римскаго-Корсакова о характерѣ этихъ собраній, достаточно доказываетъ, что Голикову была вполне извѣстна преступная цѣль тайнаго общества „Народной расправы“.

23) Къ изобличенію Николая Римскаго-Корсакова служатъ показанія тѣхъ же лицъ, подтверждающихъ сдѣланное имъ сознаніе о принадлежности къ тайному обществу „Народной расправы“, съ знаніемъ о его преступной цѣли. Хотя впоследствии Римскій-Корсаковъ и заявилъ, что онъ на сходкахъ кружковъ не былъ, прокламаціи не читалъ и подъ выраженіемъ „тайное общество“ понималъ образованіе кружковъ безъ преступной цѣли, и что предыдущія показанія даны имъ въ болѣзненномъ состояніи и вслѣдствіе испуга, произведеннаго арестомъ, но это заявленіе, опровергаемое обстоятельствами дѣла, представляется совершенно голословнымъ.

24) Къ изобличенію Леонида Голикова, несознавагося ни въ принадлежность къ тайному обществу, ни въ знаніи о его существованіи, служатъ показанія Успенскаго, Долгова, Николая Голикова, Шестакова и Римскаго-Корсакова. Показанія этихъ лицъ, удостовѣряющихъ участіе Леонида Голикова въ дѣятельности тай-

наго общества „Народной расправы“, въ виду характеристики тѣхъ собраний, на которыхъ онъ участвовалъ, приведенной въ показаніи Римскаго-Корсакова, служить достаточнымъ доказательствомъ принадлежности Леонида Голикова къ тайному обществу „Народной расправы“, съ знаніемъ о преступной его цѣли.

25) Къ изобличенію Домитія Енкуватова служатъ показанія Долгова, Римскаго-Корсакова и Померанцева, изъ которыхъ первые двое подтверждаютъ сдѣланное Домитіемъ Енкуватовымъ сознание въ принадлежности къ тайному обществу, а Померанцевъ удостовѣрилъ, что Домитій Енкуватовъ склонялъ его поступить въ общество „Народной расправы“ и давалъ читать журналъ подъ этимъ заглавіемъ.

26) Къ изобличенію Валентина Ланге въ принадлежности къ тайному обществу служатъ показанія Успенскаго, Алексѣя Кузнецова, Бѣляевой, Коробина и Владиміра Попова, которые подтверждаютъ, что Ланге, участвуя въ обществѣ, былъ первоначально членомъ кружка Иванова (убитаго), а впоследствии состоялъ въ кружкѣ Долгова и принималъ участіе въ собраніяхъ кружка, который собирался и у него на квартирѣ. Объясненіе Ланге, что цѣль общества, по его мнѣнію, состояла въ улучшеніи матеріальнаго состоянія народа, причемъ каждый членъ могъ дѣйствовать сообразно своимъ убѣжденіямъ, при сопоставленіи его съ объясненіями другихъ членовъ того же кружка, указываетъ, что приведенныя слова Ланге о цѣли тайнаго общества выражаютъ собою только тотъ конечный результатъ дѣятельности тайнаго общества „Народной расправы“, котораго оно стремилось достигнуть путемъ ниспроверженія Правительства и перемены образа правленія, и подтверждаютъ, что Ланге принадлежалъ къ тайному обществу „Народной расправы“ съ знаніемъ о преступной его цѣли.

27) Къ изобличенію Эдуарда Лау, показаніе котораго состоитъ только изъ отрицанія фактовъ, вопліи доказанныхъ слѣдствіемъ, служатъ показанія Успенскаго, Долгова, Кузнецова, князя Черкезова, Николаева, Коведяева и Ивакина. Изъ показаній этихъ лицъ, а также изъ бумагъ, найденныхъ у Успенскаго и у покойнаго Иванова, гдѣ фамилія Лау значится въ числѣ членовъ тайнаго общества, оказывается: а) что Лау первоначально состоялъ въ кружкѣ Иванова, и впоследствии занялъ его мѣсто въ первомъ кружкѣ; б) что Лау организовалъ свой кружокъ изъ Свѣчина и Ивакина, причемъ, по показанію послѣдняго, давалъ ему читать правила организации, и в) что по показанію Долгова, исполнялъ порученія, которыя возлагались на него бланками комитета „Народной расправы“, причемъ Лау высказывалъ неудовольствіе по поводу начальническихъ наклонностей комитета. Приведенныя обстоятельства, доказывающія участіе Лау въ дѣйствіяхъ тайнаго общества, равномѣрно убѣждаютъ и въ знаніи его о цѣли тайнаго общества „Народной расправы“.

28) Къ изобличенію Григорія Свѣчина, также несознавашагося ни въ принадлежности къ тайному обществу, ни въ знаніи о существованіи онаго, служатъ показанія тѣхъ же лицъ, приведенныхъ въ предъидущемъ пунктѣ. Долговъ, указывая на Свѣчина, какъ на члена организации, состоявшаго въ кружкѣ Лау, присовокупилъ, что на Свѣчина, вслѣдствіе полученной бланки комитета, было возложено порученіе испытать слушателя Академіи Аврамова, не проговорится ли онъ о принадлежности своей къ тайному обществу, и это порученіе было исполнено Свѣчиннымъ. При такихъ данныхъ, принадлежность Свѣчина къ тайному обществу „Народной расправы“, съ знаніемъ о преступной цѣли онаго, представляется достаточно доказанною.

29) Къ изобличенію Петра Ивакина служатъ показанія Успенскаго, Долгова и Кузнецова, а также бумаги, найденныя у Успенскаго, въ которыхъ Ивакинъ значится членомъ организации. Ивакинъ, сознаваясь въ принадлежности къ тайному обществу, въ которое онъ вступилъ по предложенію Лау, причемъ ему были даны для прочтенія правила организации, объяснилъ, что цѣль этого общества состояла, какъ онъ понималъ, въ приготовленіи болѣе благопріятныхъ условій народу и въ помощи ему для достиженія имъ большихъ правъ. Сознаніе Ивакина, подтверждая указанія приведенныхъ лицъ на принадлежность его къ тайному обществу „Народной расправы“, въ виду того, что правила организации, по принятію въ этомъ обществѣ порядку, сообщались только лицамъ, уже имѣвшимъ достаточныя свѣдѣнія о конечной цѣли общества, вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ, что приведенное имъ выраженіе о цѣли общества заключаетъ въ себѣ, хотя и въ менѣе рѣзкой формѣ, ту же программу „Народной расправы“, имѣвшей цѣлю ниспроверженіе въ Государствѣ Правительствоа въ перемену образа правленія.

30) Къ изобличенію Дмитрія Коведяева служатъ показанія Успенскаго, Прыжова, Николаева, Кузнецова, князя Черкезова, Рипмана, Мутафова, Пажона-де-Моисе и другихъ, которые вопліи подтверждаютъ сознание Коведяева въ принадлежности его къ тайному обществу „Народной расправы“. Изъ показаній этихъ лицъ оказывается, что Коведяевъ, приглашенный въ тайное общество княземъ Черкезовымъ, первоначально состоялъ въ кружкѣ Рипмана и участвовалъ въ собраніяхъ, изъ которыхъ одно происходило у него на квартирѣ. При вступленіи въ общество, Коведяеву были прочтаны правила организации, и онъ, вмѣстѣ съ другими членами, видѣлъ бланку комитета „Народной расправы“, которая была предъявлена ему Николаевымъ, бывшимъ на этомъ собраніи въ качествѣ уполномоченнаго отъ комитета. Изъ кружка

Рипмана Коведяевъ былъ переведенъ въ кружокъ Прижова, въ собраніяхъ котораго также принималъ участіе. Состоя членомъ общества и исполняя разныя возлагаемыя на него порученія, Коведяевъ укрывалъ въ своей квартирѣ отъ преслѣдованія Правительства Печаева, Николаева и князя Черкезова и, какъ объяснилъ обвиняемый Николаевъ, способствовалъ Печаеву уѣхать за границу въ декабрѣ 1869 года. Эти данныя, воплині удостовѣрнія принадлежность Коведяева къ тайному обществу „Народной расправы“, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду его близкихъ сношеній съ организаторамъ общества, приводятъ къ убѣжденію, что цѣль тайнаго общества „Народной расправы“ была ему воплині известна.

31) Къ изобличенію Алексѣя Костыркина служатъ показанія Успенскаго, Долгова и князя Черкезова. Показанія этихъ лицъ, подтверждая сознание Костыркина о принадлежности его къ тайному обществу „народной расправы“, воплині убѣждаютъ, что Костыркинъ участвовалъ въ этомъ обществѣ съ знаніемъ о его конечной цѣли, которая, по собственному сознанию его, Костыркина, состояла въ измѣненіи существующаго порядка и въ улучшеніи положенія народа путемъ измѣненія существующей формы правленія.

32) Къ изобличенію Ивана Пажона-де-Монсе служатъ показанія Николаева, князя Черкезова, Тейльса, Коведяева и найденный у него при обыскѣ шифръ. Показанія этихъ лицъ удостовѣряютъ, что Пажонъ-де-Монсе, приглашенный къ вступленію въ общество княземъ Черкезовымъ, котораго снабжалъ нѣсколько разъ деньгами, ѣздилъ въ Петербургъ для свиданія съ Тейльсомъ и желалъ ваять паспортъ для поѣздки за границу по дѣламъ тайнаго общества. Эти обстоятельства, въ виду найденнаго у Пажона шифра, даннаго ему княземъ Черкезовымъ, его способъ сношеній съ членами тайнаго общества (Коведяевымъ и Тейльсомъ), посредствомъ условныхъ выраженій и знаковъ, а также его сознание въ томъ, что онъ зналъ о существованіи тайнаго общества, цѣль котораго, по его словамъ, состояла въ произведеніи революціи, и о принадлежности къ сему обществу князя Черкезова — не могутъ не служить достаточнымъ доказательствомъ, что Пажонъ-де-Монсе принималъ участіе въ тайномъ обществѣ „Народной расправы“, съ знаніемъ о преступной его цѣли.

33) Къ изобличенію Александра Бутурлина служатъ показанія Успенскаго, Кузнецова, Рипмана, Пирамидова, Эльснитца и Прижова. Успенскій показалъ, что Бутурлинъ, приглашенный ими къ вступленію въ общество, выразилъ свое согласіе и указалъ на нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ, по его словамъ, удобно было бы привлечь къ участію въ обществѣ. Кромѣ сего, показанія вышеприведенныхъ лицъ удостовѣряютъ, что Бутурлинъ былъ на собраніи въ гостиницѣ Мамонтова, гдѣ Рипманъ и князь Черкезовъ сообщали свѣдѣнія объ организаціи тайнаго общества и показывали разныя возмутительныя прокламаціи. Все это, вмѣстѣ взятое, а также нѣкоторыя выраженія писемъ, ообранныхъ при обыскахъ у Бутурлина и Смирнова, приводятъ къ убѣжденію въ принадлежности Бутурлина къ тайному обществу „Народной расправы“, съ знаніемъ о конечной его цѣли.

На основаніи всего вышеизложеннаго обвиняются: 1) бывший слушатель Петровской Земледѣльской Академіи, сынъ коллежскаго секретаря Николай Степановъ Долговъ, 26 лѣтъ; 2) бывший слушатель той же Академіи, сынъ поручика Федоръ Федоровъ Рипманъ, 28 лѣтъ; 3) мѣщанка города Калуги, дѣвица Елизавета Иванова Бѣляева, 28 лѣтъ; 4) бывший слушатель Петровской Земледѣльской и Лѣсной Академіи купеческій сынъ Пиннокентій Федоровъ Климинъ, 23 лѣтъ; 5) князь Варлаамъ-Джонъ Аслановъ Черкезовъ, 23 лѣтъ; 6) бывший слушатель Петровской Земледѣльской и Лѣсной Академіи, купеческій сынъ Семень Кириловъ Кузнецовъ, 23 лѣтъ; 7) купеческій сынъ Викторъ Павловъ Скипскій, 22 лѣтъ; 8) бывший слушатель Петровской Земледѣльской и Лѣсной Академіи, потомственный почетный гражданинъ Иванъ Владиміровъ Рязанцевъ, 23 лѣтъ; 9) бывший слушатель той же Академіи, потомственный почетный гражданинъ Владиміръ Николаевъ Рязанцевъ, 25 лѣтъ; 10) бывший слушатель той же Академіи, купеческій сынъ Георгій Яковлевъ Гавришевъ, 24 лѣтъ; 11) бывший слушатель той же Академіи дворянинъ Порфірій Ивановъ Коробинъ, 25 лѣтъ; 12) бывший слушатель той же Академіи, сынъ титулярнаго совѣтника Владиміръ Константиновъ Половъ, 24 лѣтъ; 13) бывший студентъ Императорскаго Московскаго Университета, дворянинъ Николай Михайловъ Пирамидовъ, 22 лѣтъ; 14) бывший студентъ Императорской Медико-Хирургической Академіи, сынъ губернскаго секретаря Степанъ Лазаревъ Мутафовъ, 24 лѣтъ; 15) бывший студентъ Императорскаго Московскаго Университета, сынъ губернскаго секретаря Джавадъ Петровъ Ишхановъ, 23 лѣтъ; 16) бывший студентъ того же Университета, сынъ законоучителя Омаровой секты Тифлисскаго классическаго гимназіи Ибрагимъ Рахимовъ, 21 года; 17) бывший студентъ того же Университета, сынъ маіора Амидъ Хаджибековъ, 20 лѣтъ; 18) бывший студентъ того же Университета, дворянинъ Яковъ Сарибекъ, 23 лѣтъ; 19) бывший студентъ того же Университета, сынъ подпоручика Индрисъ Шанаевъ, 22 лѣтъ; 20) бывший слушатель Петровской Земледѣльской и Лѣсной Академіи, дворянинъ Имень Александровъ Енуватовъ, 22 лѣтъ; 21) бывший слушатель той же Академіи, купеческій сынъ Николай Алексѣевъ Шестаковъ, 25 лѣтъ;

22) бывший слушатель той же Академіи, дворянинъ Николай Ивановъ Голиковъ, 22 лѣтъ; 23) бывший слушатель той же Академіи, отставной прапорщикъ Николай Николаевъ Римскій-Корсаковъ, 27 лѣтъ; 24) бывший слушатель той же Академіи, дворянинъ Леонидъ Ивановъ Голиковъ, 20 лѣтъ; 25) бывший студентъ Императорскаго Московскаго Университета, дворянинъ Домитій Александровъ Енкуватовъ, 22 лѣтъ; 26) бывший слушатель Петровской Земледѣльской и Лѣсной Академіи, сынъ надворнаго совѣтника Валентинъ Карловъ Ланге, 23 лѣтъ; 27) бывший слушатель той же Академіи, сынъ титулярнаго совѣтника Эдуардъ Вильгельмовъ Лау, 28 лѣтъ; 28) бывший слушатель той же Академіи, сынъ поручика Григорій Аггѣевъ Свѣчинъ, 23 лѣтъ; 29) бывший слушатель той же Академіи, сынъ коллежскаго секретаря Петръ Ѳedorовъ Ивакинъ, 26 лѣтъ; 30) сынъ надворнаго совѣтника Дмитрій Георгіевъ Коведяевъ, 20 лѣтъ; 31) бывший слушатель Петровской Земледѣльской и Лѣсной Академіи, сынъ финляндскаго землевладѣльца Алексѣй Антоновъ Костыркинъ, 30 лѣтъ; 32) дворянинъ Иванъ Генриховъ Пажонъ-де-Монсе, 25 лѣтъ, и 33) бывший студентъ Императорскаго Московскаго Университета, дворянинъ Александръ Сергѣевъ Бутурлинъ, 24 лѣтъ, въ томъ, что, принявъ участіе въ составленномъ, въ концѣ 1869 года, въ г. Москвѣ, заговорѣ съ цѣлью ниспровергнуть Правительство во всемъ государствѣ и перемѣнить существующій въ Россіи образъ правленія, приступили уже къ различнымъ приготовительнымъ по сему заговору дѣйствіямъ, зная о цѣли оныхъ, при чемъ злоумышленіе сіе было открыто Правительствомъ заблаговременно, при самомъ онаго началѣ, т. е. обвиваются въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 249 и 250 ст. Улож. о Наказаніяхъ.

Посему вышепоименованные Николай Долговъ, Ѳedorъ Рипманъ, Елизавета Бѣльева, Иннокентій Климинъ, князь Варлаамъ Черкезовъ, Семень Кузнецовъ, Викторъ Скипскій, Иванъ Рязанцевъ, Владиміръ Рязанцевъ, Георгій Гавришевъ, Порфирій Коробинъ, Владиміръ Поповъ, Николай Пирамидовъ, Степанъ Мутафовъ, Джаванъ Ишхановъ, Ибрагимъ Рахимовъ, Амидъ Хаджибековъ, Яковъ Сарибекъ, Индрисъ Шанаевъ, Пименъ Енкуватовъ, Николай Шестаковъ, Николай Голиковъ, Николай Римскій-Корсаковъ, Леонидъ Голиковъ, Домитій Енкуватовъ, Валентинъ Ланге, Эдуардъ Лау, Григорій Свѣчинъ, Петръ Ивакинъ, Дмитрій Коведяевъ, Алексѣй Костыркинъ, Иванъ Пажонъ-де-Монсе и Александръ Бутурлинъ предаются суду С.-Петербургской Судебной Палаты въ особомъ присутствіи, составленномъ на основаніи 1.032 ст. Уст. Угол. Судопр.

* * *

Предсѣдатель провозгласилъ слѣдующій проектъ вопросовъ:

1) Виновенъ ли сынъ титулярнаго совѣтника Н. Долговъ, 26-ти лѣтъ, въ томъ, что принималъ участіе въ составленномъ осенью 1869 года въ городѣ Москвѣ заговорѣ съ цѣлью ниспроверженія Правительства въ Государствѣ и перемѣны образа правленія въ Россіи, причемъ заговоръ этотъ открытъ Правительствомъ заблаговременно, при самомъ началѣ онаго?

2) Если Долговъ не виновенъ въ означенномъ въ первомъ вопросѣ преступленіи, то не виновенъ ли въ томъ, что принималъ участіе въ тайномъ обществѣ, направленномъ къ измѣненію или ниспроверженію порядка государственнаго устройства въ Россіи, съ знаніемъ о цѣли сего общества?

3) Если Долговъ виновенъ по предыдущему вопросу, то подъ какого рода участіе, предусмотрѣнное пунктами 1—11, 318 ст. Ул. о Наказ. (по продолженію 1868 года) подходить его вина?

4) Виновенъ ли Долговъ въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ верховной власти, или къ личнымъ качествамъ Государя, или къ управленію Его государствомъ?

5) Виновенъ ли Долговъ въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій, съ цѣлью возбудить къ бунту, или явному неповиновенію верховной власти?

6) Если Долговъ виновенъ въ означенныхъ преступленіяхъ или въ которомъ-либо изъ нихъ, то какому онъ, на основаніи законовъ, подлежитъ наказанію?

Тѣ же самыя вопросы постановлены о подсудимыхъ: сынъ поручика Ф. Рипманъ, 28 лѣтъ; купеческомъ сынъ И. Климинъ, 23 лѣтъ; князь В. Черкезовъ, 23 лѣтъ; дворянинъ П. Енкуватовъ, 22 лѣтъ; дворянинъ Д. Енкуватовъ, 22 лѣтъ.

Вопросы 1, 2, 3 и 6 постановлены о подсудимыхъ: калужской мѣщанинъ Е. Бѣльева, 23 лѣтъ; купеческомъ сынъ С. Кузнецовъ, 23 лѣтъ; купеческомъ сынъ В. Скипскомъ, 22 лѣтъ; потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ И. Рязанцевъ, 23 лѣтъ; потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ В. Рязанцевъ, 25 лѣтъ; купеческомъ сынъ Г. Гавришевъ, 24 лѣтъ; дворянинъ П. Коробинъ, 25 лѣтъ; сынъ титулярнаго совѣтника В. Поповъ, 24 лѣтъ; дворянинъ Н. Пирамидовъ, 22 лѣтъ; сынъ губернскаго секретаря С. Мутафовъ, 24 лѣтъ; сынъ губернскаго секретаря Д. Ишхановъ, 23 лѣтъ; дворянинъ Я. Сарибекъ, 23 лѣтъ; сынъ подпоручика И. Шанаевъ, 22 лѣтъ; купеческомъ сынъ Н. Шестаковъ, 25 лѣтъ; дворянинъ Н. Голиковъ, 22 лѣтъ; отставной прапорщикъ Н. Римсковъ-Корсаковъ, 27 лѣтъ; сынъ надворнаго совѣтника В. Ланге, 23 лѣтъ; сынъ титулярнаго совѣтника Э. Лау, 28 лѣтъ; сынъ поручика Г. Свѣчинъ, 23 лѣтъ; сынъ коллежскаго секретаря П. Ива-

кинѣ, 26 лѣтъ; сынѣ финляндскаго землевладѣльца А. Костыркинѣ, 30 лѣтъ; дво-
рянинѣ И. Пажонъ-де-Монсе, 25 лѣтъ; дворянинѣ А. Бутурлинѣ, 24 лѣтъ.

Затѣмъ тѣ же вопросы, т. е. 1, 2, 3 и 6, постановлены о подсудимыхъ: сынѣ
законоучителя омаровой секты И. Рахимовѣ, 21 года; сынѣ маіора А. Хаджибе-
ковѣ, 20 лѣтъ; дворянинѣ Л. Голиковѣ, 18 лѣтъ; и сынѣ надворнаго совѣтника
Д. Коведяевѣ, 19 лѣтъ, съ добавленіемъ вопроса: и если они виновны въ участіи
въ преступленіи, то доказано ли, что они были вовлечены въ преступленіе другимъ
совершеннолѣтнимъ?

Резолюція С.-Петербургской Судебной Палаты по второй группѣ обви-
няемыхъ по дѣлу о заговорѣ, составленномъ съ цѣлью ниспроверженія
существующаго въ Россіи порядка правленія.

Послѣ трехдневнаго совѣщанія предсѣдателемъ Суда объявлена была 6-го
августа въ 10 часовъ 10 мин. вечера слѣдующая резолюція:

„Судебная Палата, разсмотрѣвъ вторую категорію, состоящую изъ 33-хъ подсу-
димыхъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи, приходитъ къ слѣдующимъ
выводамъ:

1) Палата признаетъ виновными въ соучастіи въ противозаконномъ обществѣ,
направленномъ къ измѣненію существующаго въ Россіи порядка Государственнаго
устройства: Долгова, Рипмана, Бѣляеву, Климина, кн. Черкезова, Скипскаго, И. Ря-
занцева, В. Рязанцева, Гавришева, Коробина, Попова, Пирамидова, Мутафова,
Ишханова, Рахимова, П. Енкуватова, Шестакова, Д. Енкуватова, Ланге, Лау, Свѣ-
чина, Ивакина и Коведяева.

2) Палата находитъ—по обвиненію въ злоумышленномъ распространеніи преступ-
ныхъ сочиненій—Долгова, Климина, Рипмана, кн. Черкезова, П. и Д. Енкуватовыхъ—
невиновными, и

3) Равнымъ образомъ Палата признаетъ невиновными въ соучастіи въ противо-
законномъ обществѣ, направленномъ къ измѣненію существующаго въ Россіи госу-
дарственнаго устройства: С. Кузнецова, Хаджибекова, Сарибекова, Шанаева, Л. и
Н. Голиковыхъ, Римскаго-Корсакова, Костыркина, Пажона-де-Монсе и Бутурлина.

На основаніи вышеизложеннаго и руководствуясь ст. 318 и 2, по прод. 1868 г.,
31 ст. 3, 38, 39, 129, 134, 135, 140, и 143 и прил. 2-го къ ст. 70-й Улож. о Наказ. и
771 ст. Уст. Угол. Суд., опредѣляетъ:

1. Князя Черкезова, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію при-
своенныхъ ему правъ и прсимуствъ, сослать на житье въ Томскую губернію съ
воспрещеніемъ ему всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для его жительства въ
продолженіе 1½ года и выѣзда затѣмъ въ другія губерніи и области Сибири въ тече-
ніе 5-ти лѣтъ.

2. Подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ: Долгова, Рипмана, Климина и П. Енку-
ватова на 1 годъ; Шестакова и Д. Енкуватова на 8 мѣсяцевъ; Гавришева, Ишханова
и Лау на 4 мѣсяца, Бѣляеву, Скипскаго, И. и В. Рязанцевыхъ, Коробина, Попова,
Пирамидова, Мутафова, Ланге, Свѣчина, Ивакина и Коведяева—на 2 мѣсяца, съ оста-
вленіемъ по освобожденіи изъ тюрьмы подъ строгимъ надзоромъ полиціи въ продол-
женіе 5-ти лѣтъ.

3. Рахимова подвергнуть аресту въ тюрьмѣ на 3 недѣли съ оставленіемъ за тѣмъ
подъ таковымъ же надзоромъ въ теченіе 5-ти лѣтъ.

4. С. Кузнецова, Хаджибекова, Сарибекова, Шанаева, Н. и Л. Голиковыхъ,
Римскаго-Корсакова, Костыркина, Пажона-де-Монсе и Бутурлина признать по суду
оправданными.

5. Приговоръ этотъ, по вступленіи онаго въ законную силу, относительно князя
Черкезова, на основаніи ст. 945-й Уст. Угол. Суд., представить на Высочайшее
усмотрѣніе.

6. Принимая во вниманіе, что относительно подсудимыхъ Скипскаго, Коробина,
Пирамидова и Мутафова представляются особыя уваженія къ облегченію ихъ участи,
ходатайствовать предъ Императорскимъ Величествомъ объ отѣнѣи опредѣленнаго имъ
Палатою наказанія и о совершенномъ ихъ помилованіи; и

7) Объ измѣненіи мѣры пресѣченія способамъ уклоняться отъ суда тѣмъ изъ
подсудимыхъ, коимъ приговоромъ симъ назначено наказаніе, несоединенное съ огра-
женіемъ правъ состоянія, и кои содержатся подъ стражею, составить особое по-
становленіе.

Приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ черезъ двѣ недѣли послѣ
послѣдней резолюціи по настоящему дѣлу“.

Оправданные подсудимые по распоряженію г. предсѣдателя были выведены на
средину залы и онъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

„Подсудимые! правосудіе произнесло свое слово,—вы его слышали; слово это:
вы свободны отъ суда и отъ содержанія подъ стражею“.

Засѣданіе С.-Петербургской Судебной Палаты, 16-го августа, по дѣлу о заговорѣ, составленномъ съ цѣлю ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи.

Засѣданіе открыто въ прежнемъ составѣ Суда, за исключеніемъ членовъ Палаты Маркевича и Мессинга. Обвинялъ прокуроръ Палаты В. А. Половцовъ. Защитники подсудимыхъ присяжные повѣренные: Попо—И. Михитина, Арсеневъ—де-Тейльса, Стасовъ—Александровской, Языковъ—Бобарыковой, Герардъ—Е. Лихутиной, Воронцовъ и Попова, Уиковскій—Святскаго, Соколовскій—Рослякова, Турчаниновъ—Ковалевскаго, Войцеховскій—Лунина, Делпъ—Мокрѣевича, и помощникъ присяжнаго повѣреннаго Утинъ—Лазаревскаго.

Предсѣдатель объявилъ, что дѣло будетъ разсматриваться относительно только 13 подсудимыхъ, такъ какъ относительно двухъ изъ поименованныхъ въ обвинительномъ актѣ, а именно Старицына и В. Лихутина, за смертью ихъ, дѣло по особому постановленію Палаты прекращено.

Загѣмъ былъ прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

При производствѣ дознанія по поводу открытія въ Москвѣ тайнаго общества съ цѣлю ниспроверженія существующаго въ Россіи образа правленія, между прочимъ, получены были свѣдѣнія, что дѣятельность тайной организаціи не ограничивалась Москвою, но что нѣкоторыя изъ прикосновенныхъ къ обществу лицъ предпринимали поѣздки, между прочими городами, и въ Петербургъ, гдѣ пытались основать одно изъ отдѣленій центральнаго Московскаго общества. Такъ сдѣлалось извѣстно, что, въ октябрѣ мѣсяцѣ, прислана была Нечаевымъ въ С.-Петербургъ мѣщанка Екатерина Бѣляева съ порученіями къ дѣвицѣ Лихутиной, технологу Старицыну и дворянину Негрескулу; равно обнаружено, что привлеченный Алексѣемъ Кузнецовымъ къ вступленію въ тайное общество библиотекарь книжнаго магазина Чересова, купеческій сынъ Викторъ Скипскій, возилъ отъ Кузнецова, въ концѣ того же октября, письма въ Петербургъ къ студенту Технологическаго Института Старицыну, къ дворянину Негрескулу и къ женѣ студента Лѣвиной; что въ Петербургѣ Скипскій, по поводу врученія Негрескулу письма, получилъ, между прочимъ, отъ него свѣдѣніе о насильственномъ взятіи отъ знакомаго имъ дворянина Андрея Николаева Колачевскаго векселя въ 6.000 р. сер., въ чемъ, какъ высказывалъ Негрескулъ, принимали участіе живущіе въ Петербургѣ братья Лихутины и авторъ письма, переданнаго Скипскимъ Негрескулу (т. е. Нечаевъ); что когда, послѣ убійства Иванова, Кузнецовъ и Нечаевъ прибыли въ Петербургъ, то тотчасъ же начались дѣятельные розыски разныхъ прежнихъ знакомыхъ Нечаева, при чемъ онъ и Кузнецовъ обратились прежде всего къ московской ихъ знакомой Воронцовой, переговоры съ которою о вступленіи ея въ общество начались еще въ Москвѣ, а потомъ Кузнецовъ сталъ исполнять различныя порученія Нечаева въ родѣ узнанія, наиримѣръ, гдѣ живетъ такой-то, или можно ли войти къ такому-то, приносилъ Нечаеву отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ сначала къ отставному подпоручику Рослякову, гдѣ дня три жилъ Нечаевъ, а потомъ въ бышій Лѣсной Корпусъ, нынѣ Земледѣльческій Институтъ, гдѣ Нечаевъ оставался въ номерѣ студентовъ Ковалевскаго, Святскаго и Топоркова; что двухъ послѣднихъ Кузнецовъ посвятилъ окончательно въ члены тайнаго общества; что загѣмъ, когда, вслѣдствіе полученныхъ изъ Москвы извѣстій объ арестѣ Успенскаго, Нечаевъ покидалъ Петербургъ, то вручилъ Кузнецову какіе-то пакеты, которые поручилъ сохранять до его возвращенія въ благонадежномъ мѣстѣ, вслѣдствіе чего и отыскано было такое мѣсто въ квартирѣ студента Медико-Хирургической Академіи де-Тейльса, и, наконецъ, что проживающая въ Петербургѣ жена поручика Юлія Бобарыкова имѣла намѣреніе ѣхать съ письмами отъ членовъ общества за границу, именно въ Женеву, къ Нечаеву, который, въ средній декабрѣ выѣхалъ туда вмѣстѣ съ дворянкою Александровскою.

Вслѣдствіе такихъ данныхъ въ Петербургѣ были задержаны, между прочими, слѣдующія лица: братья Лихутины—отставной подпоручикъ Иванъ и студентъ Медико-Хирургической Академіи Владиміръ и сестра ихъ, дочь коллежскаго совѣтника Екатерина Лихутина, студенты Земледѣльческаго Института Петръ Топорковъ, Владиміръ Святскій и Владиміръ Ковалевскій, студенты Медико-Хирургической Академіи Алексѣй де-Тейльсъ, Петръ Кошкинъ и Александръ Дудолодовъ, жена поручика Юлія Бобарыкова, студенты Технологическаго Института Константинъ Росляковъ и Александръ Старицынъ и бывшіе студенты сего Института Александръ Долгушинъ и Михаилъ Лазаревскій, слушатель Петровской Академіи Викторъ Лунинъ, поручикъ Левъ Топорковъ и впоследствии уже, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что вышеупомянутая Александровская имѣетъ возвратиться въ Россію, была задержана и она въ г. Вержболовъ. При производствѣ же по сему дѣлу предварительнаго слѣдствія привлечены къ нему въ качества обвиняемыхъ жена дворянина Любовь Воронцова, студентъ Медико-Хирургической Академіи Петръ Поповъ и студентъ Технологическаго Института Прохоръ Дебогорій-Мокрѣевичъ.

Всѣ эти лица дали слѣдующія объясненія относительно знакомства своего съ

Нечаевымъ, принадлежности своей къ тайному обществу въ Москвѣ и вообще о всемъ известномъ имъ объ этомъ обществѣ:

1. Отставной артиллеріи подпоручикъ Иванъ Лихутинъ показалъ, что съ Нецаевымъ онъ познакомился еще во время студенческихъ сходокъ, на которыхъ Нецаевъ являлся обыкновенно руководителемъ, а затѣмъ до сентября мѣсяца 1869 года онъ, Лихутинъ, его не встрѣчалъ, но помнить, что, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, сестра его, Екатерина, получила изъ-за границы письмо за подписью какой-то Началовой, подъ которою, какъ онъ думаетъ, слѣдуетъ разумѣть Нецаева. Затѣмъ, въ концѣ сентября мѣсяца, совершенно неожиданно явился къ нимъ въ квартиру Нецаевъ и сталъ спрашивать о томъ, что дѣлается у нихъ, при чемъ, послѣ нѣкоторыхъ объясненій, замѣтилъ, что „вы, господа, заснули: васъ разбудить нужно“. Черезъ два дня Нецаевъ собрался въ Москву, гдѣ, по его словамъ, равно какъ и на югѣ Россіи и въ разныхъ мѣстахъ, „дѣла идутъ хорошо, люди не спятъ, а сплочиваются“, и для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, пригласилъ его, Лихутина, отправиться съ нимъ въ Москву, на что онъ согласился. Подъѣзжая къ Москвѣ, Нецаевъ вручилъ ему бланку съ женевакою печатью, прося его выдать себя за агента Женеваго революціоннаго общества, такъ какъ посторонній человѣкъ, по объясненію Нецаева, не могъ участвовать въ засѣданіяхъ кружковъ. Въ Москвѣ Лихутинъ прямо отправился въ книжный магазинъ Черкесова, къ Успенскому, у котораго встрѣтилъ Прыжова, и переговорилъ съ нимъ; вскорѣ явился за нимъ отъ Нецаева, который отправился въ Петровско-Разумовское, неизвѣстный человѣкъ, оказавшійся впоследствии Флоринскимъ, съ ключкомъ отъ кусочка обоевъ, другой ключокъ котораго Нецаевъ, вмѣстѣ съ женевакою бланкою, вручилъ ему, Лихутину, какъ условный знакъ. Онъ пошелъ съ Флоринскимъ сначала къ нему на квартиру, а затѣмъ, по приглашенію Нецаева, былъ въ Петровской академіи, на собраніи кружка, имѣвшемъ мѣсто наверху въ самомъ зданіи Академіи (по слѣдствію оказалось, что это было собраніе у убитаго впоследствии слушателя Академіи Иванова). Въ собраніи было четыре неизвѣстныхъ ему, Лихутину, лица, которымъ Нецаевъ представилъ его, какъ члена Женеваго комитета, а ихъ называлъ ему № 1, № 2, № 3 и № 4-мъ. Затѣмъ начались занятія, состоявшія въ выслушиваніи отчетовъ о дѣятельности членовъ, обсужденіи свѣдѣній о новыхъ личностяхъ и т. п. На другой день Нецаевъ попросилъ его сходить къ Успенскому взять бланокъ; но когда онъ, Лихутинъ, пришелъ на квартиру Успенскаго, то находившійся въ ней Прыжовъ сказалъ, что готовыхъ бланокъ нѣтъ, и потому пошелъ и принесъ откуда-то мѣдную печать съ вырѣзанными на ней топоромъ и словами: „Народная расправа 19-го февраля 1870 года“, съ помощью которой они и отпечатали нѣсколько бланокъ. Взявъ эти бланки, Лихутинъ и Прыжовъ повезли ихъ въ Петровско-Разумовское и пріѣхали къ Флоринскому, къ которому скоро пришелъ Нецаевъ. Тутъ онъ, Лихутинъ, сталъ собираться обратно въ Петербургъ и, прощаясь съ Нецаевымъ, просилъ послѣдняго оставить его спокойно заниматься наукою, на что Нецаевъ согласился, но подъ условіемъ, чтобы онъ, Лихутинъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, досталъ вексель отъ дворянина Колачевскаго въ 6.000 р., необходимый ему, какъ объяснилъ Нецаевъ, для того, чтобы держать въ рукахъ Колачевскаго, при чемъ научилъ его даже, какъ это сдѣлать. Кромѣ того Нецаевъ вручилъ ему экземпляръ прокламаціи „Народная расправа“.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Лихутинъ разсказалъ о своей поѣздкѣ сестрѣ своей Екатеринѣ и товарищамъ Попову, Щелкунову и Ковалевскому, а „Народную расправу“, послѣ прочтенія въ кругу означенныхъ лицъ, сжегъ; затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, онъ, Лихутинъ, исполнилъ порученіе Нецаева относительно взятія у Колачевскаго векселя въ 6.000 руб. слѣдующимъ образомъ: пригласилъ къ себѣ, подъ вымышленнымъ предлогомъ, черезъ товарища своего Попова, помощника присяжнаго повѣреннаго Колачевскаго, онъ, Лихутинъ, между тѣмъ, сообщилъ о своемъ намѣреніи брату своему Владиміру и студенту Мокривичу, которые, прежде ухода отъ него Колачевскаго, вышли изъ дому, наняли карету, и изъ нихъ Владиміръ Лихутинъ, надѣвъ его офицерское платье, фальшивые усы и бакенбарды, а Мокривичъ, начернивъ себѣ усы и бороду, стали ждать Колачевскаго недалеко отъ квартиры его Лихутина. Когда Колачевскій уходилъ, то, для вѣрности успѣха, онъ, Иванъ Лихутинъ, передалъ Колачевскому въ запечатанномъ пакетѣ записную книжку Нецаева, который этотъ послѣдній вручилъ ему при отъѣздѣ изъ Москвы, высказывая самый планъ ограбленія Колачевскаго, при чемъ Лихутинъ замѣтилъ Колачевскому, что книга эта вещь секретная. По выходѣ Колачевскаго на улицу, означенные братья Лихутина и Мокривичъ, назвавшись чинами III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, арестовали его и повезли въ Знаменскую гостиницу, гдѣ предложили: или быть отправленнымъ немедленно въ III Отдѣленіе, или выдать вексель въ 6.000 руб. Колачевскій исполнилъ послѣднее, и затѣмъ Владиміръ Лихутинъ и Мокривичъ возвратились домой и вручили ему, Ивану Лихутину, вексель въ 6.000 руб., подписанный Колачевскимъ; 24-го же ноября, когда Нецаевъ снова прибылъ въ Петербургъ и посѣтилъ его, Лихутина, онъ тайно передалъ ему означенный вексель.

Въ заключеніе своего показанія Иванъ Лихутинъ прибавилъ, что „сочувствовалъ революціоннымъ идеямъ и надѣялся достигъ путемъ возстанія не того демокра-

тическаго правленія, о коемъ мечталъ Нечаевъ, но только представительнаго правленія съ большею, относительно, свободою личности и слова...“

По обыску у Лихутина, жившаго вмѣстѣ съ братомъ и сестрою, найдены, между прочимъ, записки, въ которыхъ содержатся такія указанія... „Поѣздка въ Тверь совсѣмъ рѣшить дѣло. Я увижу насколько могу полагаться на Шимановскаго; если-бы я и напелъ въ немъ горячаго участника, то и то, по правиламъ тактики, я постарался бы, на случай неудачи, имѣть отступление; съ самаго утра все шель разговоръ о возможности преобразованія, о томъ, какая можетъ быть поставлена цѣль, чего можно добиться, т. е. какое будетъ имѣть устройство будущее человѣческое общество послѣ могущей быть революціи... и проч.“

2. Студентъ Медико-Хирургической Академіи Алексѣй де-Тейльсъ показали, что въ концѣ ноября мѣсяца, онъ встрѣтился въ квартирѣ поручика артиллеріи Бобарыкова съ княземъ Варлаамомъ Черкезовымъ, который въ разговорѣ далъ ему замѣтить, что въ настоящее время существуетъ что-то въ смыслѣ серьезнаго политическаго предпріятія. Заинтересовавшись этимъ, по причинамъ, которыя будутъ ниже указаны, онъ, де-Тейльсъ, просилъ Черкезова разъяснить ему въ чемъ дѣло; но тотъ замѣтилъ, что къ нему явится человѣкъ, который все скажетъ. На другой день, въ той же квартирѣ, отрекомендовалъ ему Черкезовъ новаго знакомаго подъ именемъ Александра Васильевича (оказавшагося Николаевымъ), про котораго сказалъ, что онъ членъ тайной организаціи; и Черкезовъ и Николаевъ стали просить его указать такую квартиру, гдѣ можно было бы видѣться съ однимъ знакомымъ, и, вслѣдствіе указанія имъ на квартиру студента Ружевскаго, на Петербургской сторонѣ, они сошлись туда вмѣстѣ съ новымъ лицомъ, приведеннымъ Николаевымъ и Черкезовымъ и оказавшимъ Алексѣемъ Кузнецовымъ. И на этотъ разъ де-Тейльсъ ничего точнаго объ организаціи не узналъ, а получилъ лишь приглашеніе прибыть въ Москву, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться съ нѣкимъ Иваномъ Петровичемъ (Нечаевымъ), отъ котораго получилъ бы уже всѣ свѣдѣнія. Между тѣмъ, въ это же время, Кузнецовъ ему предложилъ, а Черкезовъ потомъ въ квартирѣ Бобарыкова передалъ для храненія какіе-то пакеты, которые онъ, де-Тейльсъ, долженъ былъ вручить Ивану Петровичу, когда тотъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Пакеты эти онъ, де-Тейльсъ, впоследствии, не дождавшись Ивана Петровича, сжегъ. Затѣмъ, по отъѣздѣ изъ Петербурга Черкезова и Николаева, къ нему, де-Тейльсу, изъ Москвы прибылъ посланный отъ Черкезова, нѣкто Пажонъ-де-Монсе, который просилъ его пріѣхать въ Москву, но онъ съ нимъ не поѣхалъ, а поѣхалъ уже въ концѣ декабря (24-го числа), когда пріѣхалъ за нимъ Николаевъ, увѣрившій его, что Иванъ Петровичъ ожидаетъ его въ Москвѣ. Прибылъ онъ въ Москву; но Иванъ Петровичъ оказался уѣхавшимъ уже за границу, вмѣстѣ съ знакомою де-Тейльса, Александровскою, и потому онъ ограничился полученіемъ свѣдѣній объ организаціи отъ Черкезова. Этотъ послѣдній сообщилъ ему, что лицо, вступающее въ организацію, знаетъ только того, кто его ввелъ; что то лицо, которое вновь поступило, даетъ отчетъ также тому, кто его ввелъ, и т. п. Послѣ этого онъ, де-Тейльсъ, съ Николаевымъ отправился въ Тулу, такъ какъ и Николаевъ и Черкезовъ просили его отрекомендовать нѣкоего Маслова на мѣсто писмоводителя къ мировому посреднику въ Тулѣ, что онъ и пытался сдѣлать, но неудачно. Затѣмъ онъ возвратился въ Петербургъ.

Разъясняя эти подробности своего участія въ дѣлѣ тайной организаціи, де-Тейльсъ такъ формулируетъ причины, побудившія его стремиться къ радикальному политическому перевороту въ Россіи: объѣзжая Курскую и Тверскую губерніи, онъ убѣдился, что земледѣльческими ассоціаціями, о которыхъ онъ мечталъ прежде, нельзя принести никакой пользы народу; онъ увидѣлъ, что рабочіе люди всоду терпятъ голодъ и лишенія, и что при такихъ условіяхъ никакія спеціальныя знанія, вносимыя образованными людьми въ массу, не могутъ имѣть дѣйствительнаго прижизненія, и потому онъ, де-Тейльсъ, сознавая, что и онъ лично свою спеціальностью не въ состояніи помочь народу, убѣдился, что мирный путь невозможенъ.

3. Жена поручика Юлія Бобарыкова, въ квартирѣ которой де-Тейльсъ былъ склоненъ Черкезовымъ и Николаевымъ къ поступленію въ тайную организацію, показала, что дѣйствительно Черкезовъ, въ концѣ ноября и въ декабрѣ мѣсяцахъ 1869 года, видѣлся въ ея квартирѣ съ Тейльсомъ и женою коллежскаго совѣтника Варварою Александровскою; но о чемъ у нихъ шла рѣчь—она не знаетъ, а изъ разговоровъ съ Черкезовымъ поняла, что есть какое-то тайное общество, но, по неясности намековъ его, она не могла отчетливо себѣ представить, какое именно общество. Тѣмъ не менѣе, когда Черкезовъ уѣзжалъ изъ Петербурга въ Москву, то она на приглашеніе его пріѣхать въ Москву дала согласіе, такъ какъ ей нужно было, во всякомъ случаѣ, ѣхать туда по денежнымъ дѣламъ. Въ Москвѣ она сначала остановилась въ номерахъ, но потомъ, по неудобству этого помѣщенія, перешла на квартиру, указанную ей Черкезовымъ; затѣмъ съ нимъ была еще на одной квартирѣ, гдѣ опять слышала какія-то смутныя фразы объ обществахъ, и уѣзжая, получила отъ находившагося въ послѣдней квартирѣ неизвѣстнаго ей лица (какъ оказалось впоследствии, Николаева) шифрованную записку для передачи Нечаеву въ Женевѣ; за границу же она намѣревалась ѣхать съ цѣлью узнать, гдѣ удобнѣе учиться медицинѣ, и непрочь

была познакомиться съ жевевскими эмигрантами. Возвратясь въ Петербургъ, она, должно быть, означенную записку потеряла въ квартирѣ знакомой своей Луканиной, у которой ночевала.

Бобарыкова прибавляетъ при этомъ, что сама она въ дѣло организаціи посвящена не была и ни о какихъ другихъ тайныхъ обществахъ не слышала.

4. Жена коллежскаго совѣтника Варвара Александровская, задержанная при возвращеніи ея изъ Женева 11-го января на станціи Вержолово, показала, что въ концѣ ноября 1869 года, въ бытность ея въ Петербургѣ, въ квартирѣ Бобарыковой, Черкезовъ и Николаевъ, называвшіеся тогда Берсеневымъ и Александромъ Васильевичемъ, дѣйствительно говорили ей и студенту де-Тейльсу о существованіи какого-то общества, прося на первый разъ отъ нея позволенія останавливаться у нея въ Тулѣ нѣкоторымъ изъ членовъ общества. Не давъ положительнаго отвѣта, она уѣхала въ Тулу; но въ декабрѣ мѣсяцѣ къ ней явился туда неизвѣстный человѣкъ, назвавшійся Еллидинымъ (а оказавшійся по слѣдствію Нечаевымъ), который, говоря, что пріѣхалъ отъ означеннаго Берсеньева, остался у нея ожидать будто-бы пріѣзда въ Тулу де-Тейльса. Послѣ продолжительной бесѣды съ Нечаевымъ, который, между прочимъ, далъ ей понять, что де-Тейльсъ вступилъ уже въ тайную организацію, она, Александровская, увидѣла себя подъ непобѣдимымъ вліяніемъ своего собесѣдника, такъ что когда онъ, а потомъ еще и прибывшій въ Тулу Берсеневъ, или Черкезовъ, стали упрашивать ее ѣхать за границу по дѣламъ общества, замѣтивъ при этомъ мимоходомъ объ опасности не исполнять велѣнія комитета, какъ это пытался дѣлать убитый Ивановъ, то она безсознательно имъ подчинилась и отправилась въ Курскъ, гдѣ имѣла мѣсто въ земствѣ, достать себѣ заграничный паспортъ. Паспортъ она вскорѣ получила и пріѣхала въ Тулу, куда скоро пріѣхалъ также и Еллидинъ, и они вмѣстѣ выѣхали на Орель, чрезъ Динабургъ, за границу. Дорогою Еллидинъ высказалъ ей подробнѣе уже стремленія общества, именно: пояснилъ, что цѣль его—поднятіе народа къ возстанію, но причины, по которой онъ ее везъ за границу, не сообщишь, объясняя, что комитетъ скажетъ, что ей дѣлать. По пріѣздѣ въ Женеву, Нечаевъ куда-то ушелъ, оставивъ ее одну на квартирѣ, но вскорѣ присланъ былъ за нею какой-то французъ, который отвелъ ее въ другой домъ, гдѣ она увидала какого-то старика (Огарева). Старикъ спросилъ, что дѣлается въ Россіи, и ушелъ, но потомъ выпелъ вмѣстѣ съ Нечаевымъ, который отрекомендовалъ ему ее, зашвынь, что она, Александровская, принадлежитъ къ ихъ дѣлу. Въ теченіе нѣсколькихъ дней затѣмъ, она, Александровская, осталась въ квартирѣ, куда приходили разная личности и Нечаевъ. Наконецъ, сказавъ ей, что надо уѣзжать въ Россію, Нечаевъ принесъ ей большое количество печатныхъ прокламацій и поручилъ передать ихъ въ Земледѣльческій Институтъ студентамъ Топоркову и Святскому, которымъ она должна была сказать: Топоркову—что номеръ его 85, а Святскому—что буква его N; французскіе адреса же, оказавшіеся на отобранныхъ у нея прокламаціяхъ и написанные совѣмъ на другія фамиліи, были нарочно написаны Нечаевымъ, чтобы отвести глаза полиціи, если прокламаціи попадутся. Такимъ образомъ она отправилась въ Россію съ прокламаціями и въ Вержоловѣ была задержана.

Александровская при этомъ прибавляетъ, что имѣла положительное намѣреніе предъявить эти прокламаціи не по назначенію Нечаева, а Правительству, и, узнавъ въ Вержоловѣ, что офицеръ, ее задержавшій, присланъ III Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, вручила ему всѣ прокламаціи.

При задержаніи Александровской въ Вержоловѣ 11-го января, дѣйствительно найдены на ней подъ платьемъ значительное количество печатныхъ прокламацій, которыя, по разсмотрѣніи, оказались крайне возмутительнаго содержанія и заключаютъ въ себѣ обращенія къ разнымъ сословіямъ въ Россіи, какъ-то: къ войску, подъ названіемъ: „Что жъ братцы?“, къ народу, подъ названіемъ: „До громады“ и „Мужичкамъ“ и всѣмъ простымъ людямъ работникамъ“, къ студентамъ, подъ названіемъ: „Студентъ“, и „Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи“ и т. п.

5. Дочь коллежскаго совѣтника Екатерина Лихутина, подтверждая показаніе брата своего, Ивана Лихутина, о посѣщеніи ихъ Нечаевымъ, о поѣздкѣ послѣдняго съ братомъ въ Москву и о томъ, что братъ ея, возвратясь изъ Москвы, рассказывалъ о составившемся тамъ обществѣ, объяснила, однако жъ, что прокламаціи „Народная расправа“ братъ ей не читалъ, сама она ни къ какому тайному обществу не принадлежала и вообще ничего не знаетъ о дѣятельности какого бы ни было общества.

6. Студентъ Технологическаго Института Александръ Старицынъ въ показаніяхъ своихъ при дознаніи и слѣдствіи заявилъ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1869 года къ нему явился господинъ, назвавшійся Дмитриемъ Федоровичемъ, который началъ говорить, что надо сплотиться, объединиться, чтобы образовать силу. На вопросъ его, Старицына, почему онъ не говоритъ яснѣе, Дмитрій Федоровичъ замѣтилъ, что онъ, т. е. Старицынъ, еще ничѣмъ себя не зарекомендовалъ, а если желаетъ быть полезнымъ, то чтобы образовывалъ кружки. При этомъ Дмитрій Федоровичъ передалъ ему листокъ синей почтовой бумаги съ клеймомъ, на которомъ нарисованъ былъ топоръ и написано: „Народная расправа“. На листкѣ этомъ былъ написанъ уставъ о томъ,

какъ нужно организовать и составлять кружки. Послѣ ухода Дмитрія Федоровича, Старицынъ сжегъ этотъ листокъ. Уходя, Дмитрій Федоровичъ сказалъ, что къ нему, Старицыну, явится отъ него посланный, которому онъ долженъ будетъ передать отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. О всемъ вышеизложенномъ Старицынъ сообщилъ Луинну, Ковалевскому и Лазаревскому. Вскорѣ дѣйствительно прибыли къ нему сначала женщина, назвавшаяся Бѣляевою, а потомъ библиотечаръ московскаго книжнаго магазина Черкесова—Скипскій, изъ коихъ первая на словахъ объяснила, а послѣдній съ запискою отъ Дмитрія Федоровича, чтобы онъ, Старицынъ, прислалъ отчетъ въ Московское бюро, но онъ заявилъ имъ, что по болѣзни ничего не можетъ сдѣлать. Затѣмъ, въ ноябрѣ уже мѣсяцѣ, когда Старицынъ лежалъ въ клиникѣ, къ нему пришелъ неизвѣстный господинъ (оказавшійся потомъ Алексѣемъ Кузнецовымъ) также съ запискою отъ Дмитрія Федоровича и опять съ такимъ же требованіемъ; но онъ тутъ же уже положительно высказалъ неизвѣстному, что онъ предоставляетъ себѣ дѣйствовать, какъ заблагоразсудится.

На вопросъ слѣдователя о томъ, извѣстна ли ему была цѣль общества, устраиваемаго Дмитріемъ Федоровичемъ, Старицынъ показалъ, что несмотря на неясность разсужденій Дмитрія Федоровича, онъ заключилъ, однако жъ, что послѣдній имѣлъ въ виду измѣненіе существующаго порядка.

Затѣмъ, при заключеніи слѣдствія, Старицынъ сдѣлалъ новое заявленіе, въ которомъ говорить, что Нечаева зналъ еще со времени студенческихъ движеній и обращеніе его къ нему подъ именемъ Дмитрія Федоровича объясняетъ тѣмъ, что Нечаеву было извѣстно расположеніе, которымъ онъ, Старицынъ, пользовался среди товарищей. Кромѣ того онъ, Старицынъ, прибавляетъ, что онъ не можетъ себя призвать виновнымъ и въ недонесеніи о тайномъ обществѣ, такъ какъ онъ при предъявленіи ему Нечаевымъ устава замѣтилъ только, что была синяя бумага съ овальною печатью, но ни топора, ни надписи „Народная расправа“ не видѣлъ, а показалъ объ этомъ прежде при дознаніи потому, что ему предъявляли изображение подобной печати, и онъ, находясь въ болѣзненно-нервномъ состояніи, высказалъ то, чего не видалъ.

7. Жена дворянина Любовь Воронцова объяснила, что дѣйствительно, во время пребыванія ея въ Москвѣ (въ началѣ ноября мѣсяца 1869 г.), она была приглашена, чрезъ посредство письма отъ неизвѣстнаго, придти на Тверской бульваръ, если она желаетъ принять участіе въ какомъ-то обществѣ. Она исполнила это и съ вострѣтившимся съ нею въ названномъ мѣстѣ неизвѣстнымъ человѣкомъ (оказавшимся Кузнецовымъ), съ которымъ она обмѣнилась условною фразою, пошла въ какую-то квартиру, гдѣ незнакомецъ прочелъ ей уставъ общества, а затѣмъ пригласилъ ее вступить въ общество, и она согласилась. Послѣ краткой бесѣды, въ которой она упомянула о намѣреніи своемъ ѣхать въ Петербургъ, неизвѣстный пригласилъ ее придти на другой день, и когда она явилась, то онъ подаль ей письмо отъ комитета, отнѣтившаго ее уже особымъ номеромъ, и въ которомъ говорилось, что она должна совершенно вѣрится тому лицу, на которое укажетъ ей незнакомецъ. Вслѣдъ затѣмъ изъ другой комнаты вышелъ другой человѣкъ (оказавшійся Нечаевымъ) и сталъ спрашивать ее о ея знакомыхъ въ Петербургѣ; она назвала нѣкоторыхъ, а онъ поручилъ ей склонить ихъ къ вступленію въ общество.

Цѣль этого общества, какъ поняла ее Воронцова изъ разговоры съ неизвѣстными, было измѣненіе существующаго порядка.

Далѣе Воронцова объяснила, что, приѣхавъ въ Петербургъ, она ни съ кѣмъ изъ своихъ знакомыхъ объ означенномъ обществѣ не говорила и вообще убѣдилась, что дѣйствія вышеупомянутыхъ московскихъ незнакомцевъ смѣшны, а потому, когда они, въ концѣ ноября, стали приходять къ ней, то она велѣла ихъ не принимать, что и было исполнено ея прислугою.

8. Студентъ Земледѣльческаго Института дворянинъ Владиміръ Святскій сознался въ томъ, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1869 г. онъ, въ квартирѣ своей, въ зданіи Земледѣльческаго Института, познакомившись съ неизвѣстнымъ ему офицеромъ путей сообщенія, назвавшимся Панинымъ (онъ же Нечаевъ), согласился на предложеніе послѣдняго вступить въ члены тайной организаціи, которая, какъ объяснилъ ему Панинъ, имѣла виду устраненіе настоящаго положенія вещей быстрыми, радикальными средствами, а не такими, каковыми оказывались всѣ либеральныя реформы послѣдняго времени. Панинъ, или Нечаевъ, высказывалъ ему, что путь реформъ слишкомъ медлененъ. Святскій сознался также, что онъ принялъ затѣмъ отъ присланнаго къ нему означеннымъ Панинымъ неизвѣстнаго ему человѣка (оказавшагося впоследствии Кузнецовымъ) „Правила организаціи“, стихотвореніе „Студентъ“, „Воззваніе къ дворянству“, три экземпляра воззванія „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“ и шифрованную азбуку, но по прочтеніи все это сжегъ. Воззванія „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“ Святскій долженъ былъ, незамѣтнымъ образомъ вырывать на сходкѣ студентовъ Академіи, а помощью азбуки написать характеристики извѣстныхъ ему лицъ.

9. Студентъ Технологическаго Института отставной подпоручикъ Константинъ Росляковъ, у котораго, по показанію члена тайнаго общества Алексѣя Куз-

нецова, Нечаевъ жилъ три дня по приѣздѣ въ Петербургъ, показалъ, что еще на сходкѣ, бывшей у нѣкоего Лунина въ половинѣ октября мѣсяца, онъ слышалъ, что Нечаевъ образовалъ въ Москвѣ какое-то общество; но такъ какъ изъ прокламаціи „Народная расправа“, которую прочелъ на означенной сходкѣ пришедшій съ нимъ туда студентъ Старицынъ, они убѣдились, что средства, избранныя Московскимъ обществомъ, крайне дики, ибо въ „Народной расправѣ“ проповѣдывались убійства высшихъ государственныхъ сановниковъ, то онъ, Росляковъ, вмѣстѣ съ другими, высказалъ желаніе сблизиться съ Московскимъ обществомъ, съ тѣмъ, чтобы измѣнить направление послѣдняго въ смыслѣ тѣхъ же мирныхъ стремленій развитія образованія народа, которыми проникнуты были онъ и его товарищи. Затѣмъ, 24-го ноября, товарищъ его, студентъ Технологическаго Института Лазаревскій, сказалъ ему, что Нечаевъ въ Петербургѣ и что студентъ Лѣснаго Института Ковалевскій проситъ его укрыть дня на два въ его, Рослякова, квартирѣ. Онъ согласился, и хотя зналъ, что пришедшій къ нему вскорѣ послѣ этого былъ Нечаевъ, но дѣлалъ видъ, что принимаетъ Кинявскаго, какъ объ этомъ было условлено между ними, Росляковымъ и Лазаревскимъ. Нечаевъ дѣйствительно принималъ у него въ квартирѣ какого-то господина (послѣ оказавшагося Алексѣемъ Кузнецовымъ), съ которымъ обыкновенно шептался въ другой комнатѣ. Кромѣ того, онъ самъ бесѣдовалъ съ Нечаевымъ, который, между прочимъ, ему высказывалъ, что для политическаго дѣла слѣдуетъ подготовить людей, что декабристы хотя сами и не рассчитывали на вѣрный успѣхъ, но понимали, что ихъ работа принесетъ плоды въ будущемъ. При этомъ Росляковъ прибавилъ, что подробности объ организаціи въ Москвѣ Нечаевъ ему не раскрывалъ.

10. Студентъ Земледѣльческаго Института отставной прапорщикъ Владиміръ Ковалевскій въ показаніяхъ своихъ подтвердилъ объясненія обвиняемыхъ Рослякова и Лунина о томъ, что на собраніи у нихъ шла рѣчь о присоединеніи членовъ Московскаго общества, устроеннаго, какъ онъ слышалъ, Нечаевымъ, къ нимъ, т. е. къ кружку его, Ковалевскаго, знакомыхъ, чтобы обратить ихъ на мирный путь, при чемъ содержаніе прокламаціи порицалось всѣми. Ковалевскій объясняетъ затѣмъ, что Нечаева онъ зналъ еще со времени весеннихъ студенческихъ сходокъ и тогда же ни въ чемъ съ нимъ не соглашался; поэтому, когда въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1869 г. Нечаевъ неожиданно появился у Лихутинныхъ въ квартирѣ, гдѣ былъ и онъ, Ковалевскій, то желая какимъ-нибудь образомъ удалить его, онъ, Ковалевскій, увелъ Нечаева и попросилъ знакомаго своего Лазаревскаго помѣстить его гдѣ-нибудь на одну ночь, при чемъ назвалъ Нечаева Лазаревскому Кинявскимъ. На другой день, когда Ковалевскій былъ у себя въ номерѣ, въ зданіи Земледѣльческаго Института, къ нему явился Нечаевъ и просилъ назвать его жившимъ въ одномъ съ нимъ номерѣ студентамъ, инженеромъ Панинымъ, что онъ и исполнилъ. Пробылъ Нечаевъ у него два дня, и въ это время къ нему приходилъ неизвѣстный ему, Ковалевскому, господинъ (оказавшійся Кузнецовымъ), съ которымъ Нечаевъ говорилъ о чемъ-то шепотомъ. Послѣ этого онъ Нечаева уже болѣе не встрѣчалъ.

Въ заключеніе Ковалевскій объяснилъ, что самъ онъ къ тайному обществу не принадлежалъ и при немъ Иванъ Лихутинъ прокламаціи „Народная расправа“ не читалъ.

11. Бывшій студентъ Технологическаго Института дворянинъ Михаилъ Лазаревскій ни въ чемъ не сознался, утверждая, что Нечаева не знаетъ и никогда его подъ именемъ Кинявскаго къ Рослякову не приводилъ.

12. Бывшій слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи дворянинъ Викторъ Лунинъ объяснилъ, что въ октябрѣ 1869 г., въ Москвѣ, онъ и слушатель Петровской Академіи Ивановъ познакомились съ Павловымъ (подъ этою фамиліею извѣстенъ Нечаевъ), который, бесѣдуя съ нимъ, Лунинымъ, по поводу прокламаціи „Народная расправа“, защищалъ ея воззрѣнія, а затѣмъ, оставшись съ нимъ наединѣ, приглашалъ его вступить въ тайную организацію, утверждая при этомъ, что самъ онъ, Павловъ, одинъ изъ агентовъ организаціоннаго общества, существующаго въ Петербургѣ. Лунинъ не согласился поступить и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, на сходкѣ у товарищей, рассказывалъ въ общихъ чертахъ объ устроенной въ Москвѣ организаціи и предложилъ привлечь наиболѣе вліятельныхъ членовъ послѣдней на сторону ихъ петербургскаго кружка, стремившагося, или предполагавшаго стремиться, къ измѣненію настоящаго порядка вещей въ Россіи мирнымъ путемъ развитія земледѣльческихъ ассоціацій и вообще знаній въ народѣ. Съ этою цѣлью онъ, Лунинъ, велъ переписку съ Долговымъ, Кузнецовымъ и Бѣляевою, находившимися въ Москвѣ. Затѣмъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, явились къ нему изъ Москвы знакомый его Черкезовъ и неизвѣстный господинъ, которые просили его передать находившимся уже тогда въ Петербургѣ Кузнецову и какому-то Ивану Петровичу (онъ же Нечаевъ) объ арестѣ Успенскаго, а потомъ былъ у него и Кузнецовъ.

Лунинъ при этомъ прибавляетъ, что онъ не считалъ себя въ чемъ-либо виновнымъ, такъ какъ о Московскомъ обществѣ имѣлъ самое смутное понятіе.

13. Студентъ Технологическаго Института Прохоръ Дебогорій-Мокріевичъ объяснилъ, что онъ дѣйствительно, вмѣстѣ съ Владиміромъ Лихутиннымъ, совершилъ вышеописанное насиліе надъ Колачевскимъ, но игралъ при этомъ пассивную

роль. Онъ нанялъ только номеръ въ Знаменской гостиницѣ, куда потомъ былъ привезенъ Колачевскій, и карету, въ которой самъ оставался, откуда Лихутинъ не посадилъ туда Колачевскаго; а затѣмъ все остальное совершалъ Лихутинъ и сказалъ уже ему потомъ, что взялъ съ Колачевскаго вексель. При этомъ Мокрѣвичъ присо-вокупилъ, что взятіе векселя была шутка, которую задумалъ Владиміръ Лихутинъ, а онъ съ нимъ согласился, но не имѣлъ въ виду никакихъ корыстныхъ цѣлей, и самый вексель, какъ ему сказали, былъ впоследствии сожженъ.

Затѣмъ Мокрѣвичъ объяснилъ, что о поѣздкѣ Ивана Лихутина въ Москву онъ слышалъ отъ него же, при чемъ Лихутинъ ему рассказывалъ, что Нечаевъ распространяетъ тамъ между студентами прокламаціи и хлопочетъ о составленіи революціоннаго общества.

14. Студентъ Медико-Хирургической Академіи Петръ Поповъ объяснилъ, что въ исторіи съ векселемъ онъ принималъ лишь то участіе, что по просьбѣ Лихутиныхъ написалъ письмо къ Колачевскому, прося зайти къ нимъ, и взялъ на прокатъ въ магазинѣ Жигунова саблю, а впоследствии, когда Владиміръ Лихутинъ былъ арестованъ, что было 9-го декабря, то по просьбѣ послѣдняго онъ, Поповъ, съ Ковалевскимъ и Мокрѣвичемъ, черезъ недѣлю, сожгли этотъ вексель.

Далѣе Поповъ заявилъ, что Нечаевъ, былъ въ концѣ сентября, или началъ октября 1869 года у Лихутиныхъ, приглашалъ всѣхъ ихъ бросить науки и идти въ варды, указывая при этомъ на 19-е февраля 1870 года, какъ на моментъ особенно удобный для поднятія народа противъ Правительства, но онъ, равно какъ и другіе, съ нимъ не соглашались.

Поповъ подтвердилъ затѣмъ, что Иванъ Лихутинъ, возвратясь изъ Москвы, рассказывалъ, какъ онъ выдавалъ себя тамъ за Женевского агента, какъ тамъ собираются по три и по четыре человѣка и занимаются писаніемъ прокламацій, при чемъ показалъ привезенную съ собою прокламацію „Народная расправа“, которую и онъ, Поповъ, читалъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, Поповъ удостовѣрилъ, что въ октябрѣ мѣсяцѣ, по поводу увеличившихся слуховъ о взятіи съ Колачевскаго векселя, при чемъ упомянулось и имя Нечаева, онъ послалъ въ Москву на имя Прижова телеграмму, редакція которой принадлежала Екатеринбургѣ Лихутиной и отъ ея имени съ подписью „Морозовъ“; телеграмму эту, какъ объяснилъ Поповъ, онъ послалъ для того, чтобы предупредить пріѣздъ Нечаева въ Петербургъ, такъ какъ онъ своею личностью внушалъ имъ большое опасеніе. И наконецъ,

15. Студентъ Медико-Хирургической Академіи Владиміръ Лихутинъ, подтверждая въ своемъ показаніи при слѣдствіи фактъ поѣздки брата своего Ивана съ Нечаевымъ въ Москву, объяснилъ, что онъ дѣйствительно вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Мокрѣвичемъ заставилъ Колачевскаго такимъ образомъ, какъ показалъ его братъ, выдать вексель въ 6.000 р. и что вексель этотъ до его ареста хранился у него въ квартирѣ, въ его комнатѣ, надъ дверью, подъ обоями, а при арестѣ онъ указалъ на это мѣсто храненія кому-то изъ своихъ товарищей, Попову или Ковалевскому; но при этомъ Владиміръ Лихутинъ прибавляетъ, что взятіе означеннаго векселя было не болѣе какъ результатомъ шутки, которую онъ, братъ его и другіе захотѣли разыграть надъ Колачевскимъ.

Изъ всѣхъ этихъ объясненій привлеченныхъ къ дѣлу лицъ оказывается, что преступныя намѣренія составившагося въ Москвѣ заговора съ цѣлью ниспроверженія Правительства и перемѣны образа правленія въ Россіи проникли черезъ зачинщика этого заговора Сергѣя Нечаева и соучастника его Алексѣя Кузнецова въ Петербургъ, гдѣ поименованные выше лица, частью своими дѣйствіями, частью же недонесеніемъ о томъ своевременно Правительству, дали возможность означеннымъ Нечаеву и Кузнецову распространить до извѣстной степени свою преступную дѣятельность пріобрѣтеніемъ новыхъ членовъ заговора. Несмотря на то, что нѣкоторые изъ поименованныхъ выше обвиняемыхъ отрицаютъ всякое участіе свое въ этомъ заговорѣ, противъ нихъ, равно какъ и противъ сознающихся въ этомъ участіи, слѣдствіемъ обнаружены слѣдующія улики:

1. Отставной подпоручикъ Иванъ Лихутинъ, по собственному сознанию, подтвержденному показаніями брата его Владиміра Лихутина, студентовъ Попова, Мокрѣвича и Ковалевскаго и членовъ заговора въ Москвѣ Успенскаго, Флоринскаго и Прижова, уличается въ томъ, что поѣздкою своею въ Москву, принятиемъ тамъ на себя роли агента Женевского революціоннаго общества, участіемъ въ изготовленіи бланковъ съ штемпелемъ „Народная расправа“, а затѣмъ и приведеніемъ въ исполненіе желанія Нечаева взять вексель съ Колачевскаго путемъ грабежа, помогъ зачинщику заговора Нечаеву успѣшно продолжать свою преступную дѣятельность. Кромѣ того, свидѣтель, подпоручикъ Шимановскій, вполне подтвердилъ, что Иванъ Лихутинъ былъ у него въ Таври съ неизвѣстнымъ господиномъ, оказавшимся впоследствии Нечаевымъ; относительно же значенія этой поѣздки найдены указанія въ запискахъ отобранныхъ у Лихутина при обыскѣ и вышеупомянутыхъ.

2. Студентъ Медико-Хирургической Академіи Алексѣй де-Гейльсъ также, кромѣ собственнаго сознанія въ томъ, что онъ принялъ участіе въ вышеозначенномъ заговорѣ, сѣздивъ для этого въ Москву и Тулу, указавъ для Нечаева, на случай

его прибытія, безопаное убѣжище въ квартирѣ студента Ружевскаго, и взявъ для хранения пакеты отъ члена заговора князя Черкезова, уличается еще въ томъ же оговорами обвиняемыхъ Николаева, того же Черкезова и отчасти показаніемъ свидѣтеля, крестьянина Иванова, служившаго дворникомъ въ томъ домѣ, гдѣ де-Тейльсъ, по приѣздѣ въ Москву, квартировалъ.

3. Жена поручика Юлія Бобарыкова, сознавшаяся въ томъ, что ѣдила, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1869 года, по вызову Черкезова, въ Москву, что находилась тамъ въ кругу членовъ заговора, что приняла отъ Николаева шифрованную записку для передачи Печаеву въ Женевѣ, куда намѣрена была отправляться, тѣмъ самымъ уличается въ принятіи участія въ дѣйствіяхъ вышеозначеннаго заговора, и хотя Бобарыкова утверждаетъ, что она не была посвящена вполне въ дѣло тайной организации, но фактъ подговора въ ея квартирѣ обвиняемыми Николаевымъ и Черкезовымъ де-Тейльса и Александровской къ вступленію въ тайное общество и затѣмъ свидѣтельство дворянина Юлія Луканина о томъ, что Бобарыкова, ввиду невозможности самой ѣхать за границу, по случаю своего ареста, передала какое то письмо и вышеозначенную шифрованную записку жемѣ Луканина, чтобы она отвезла ихъ къ эмигранту Огареву, доказываютъ, что ей не могла быть безызвѣстна и конечная цѣль заговора, которому она служила. Независимо отъ этого, въ дѣлѣ находится телеграмма отъ 22-го декабря, посланная по просьбѣ Бобарыковой студентомъ Ружевскимъ въ Москву Берсеневу, т. е. Черкезову, о томъ, что она, Бобарыкова, больна и что письмо отъ нея будетъ. Это обстоятельство въ свою очередь доказываетъ, что Бобарыкова была слишкомъ заинтересована въ своевременномъ появленіи своемъ въ Москвѣ, гдѣ ея ждали члены заговора.

4. Жена коллежскаго совѣтника Варвара Александровская также собственнымъ сознаниемъ уличается въ содѣйствіи заговору, цѣль котораго ей была извѣстна изъ объясненій ѣхавшаго съ нею въ Женеву Печаева. Сознаніе это вполне подтверждается и результатомъ обыска Александровской, при ея задержаніи въ Верхоловѣ, когда у нея были найдены прокламаціи крайне преступнаго содержанія. Объясненіе же Александровской, что она намѣревалась донести объ этомъ Правительству, но не успѣла сего исполнить, не можетъ заслуживать уваженія, какъ потому, что изъ дѣла не усматривается существованія непреодолимыхъ для сего препятствій, такъ и потому, что разставшись съ Печаевымъ въ Тулѣ, Александровская уѣхала въ Курскъ и оттуда, 15-го декабря, прислала телеграмму въ Москву на имя знакомаго Черкезова, инженера Ламанскаго, за подписью „акушерка Берсенева“, въ которой говорится между прочимъ: „согласна на практику . . . нынче домой ѣду“. Смыслъ этой телеграммы, хотя и инносказательный, показываетъ, что Александровская дѣйствовала вполне сознательно и виѣ всякаго принужденія.

5. Дочь коллежскаго совѣтника Екатерина Лихутина, отрицающая принадлежность свою къ образованному въ Москвѣ тайному обществу, уличается, однако жъ, въ томъ: во-1-хъ, сношеніями съ Печаевымъ, который еще въ то время, когда былъ за границею, писалъ къ ней подъ именемъ Началовой и звалъ ее за границу, и который, по словамъ Ивана Лихутина, подтверждаемымъ показаніемъ свидѣтельницы Евдокіи Кулебякиной, явился къ нимъ въ концѣ сентября 1869 года съ тѣмъ, чтобы видѣть одну Екатерину Лихутину, и, находясь у нихъ, большую часть времени провель въ ея комнатѣ, при чемъ подарилъ ей шарфъ; во-2-хъ, посылкою въ октябрѣ мѣсяцѣ телеграммы въ Москву на имя члена заговора Прыжова, въ которой она проситъ передать Дмитрію Федоровичу, т. е. Печаеву, что ее задерживаетъ въ Петербургѣ важное дѣло, до него относящееся, при чемъ телеграмма была подписана фамиліею „Морозовъ“, и полученіемъ ею двухъ писемъ отъ того же Прыжова, изъ коихъ онъ однимъ звалъ ее въ Москву, на что она отвѣчала письмомъ, писаннымъ студентомъ Медико-Хирургической Академіи Поповымъ; въ 3-хъ, посщеніемъ ею въ октябрѣ 1869 г. прислаанкоу къ ней Печаевымъ изъ Москвы мѣщанкою Бѣляевой, передавшю ей письмо его съ просьбою о высылкѣ денегъ и получившею отъ Лихутиной отвѣтъ на это письмо, и, наконецъ, въ-4-хъ, тѣмъ, что въ записной книжкѣ обвиняемаго Петра Успенскаго, между прочимъ, значится: „С.-Петербургъ, у Тавр. с. 19, 10 л. 40 Морозовъ“, что записано, по показанію его, со словъ Печаева и означаетъ адресъ Екатерины Лихутиной, которая въ организациі имѣла № 40 и фамилію Морозовъ.

Всѣ эти фактическія данныя не могутъ не убѣждать, что Екатерина Лихутина принадлежала къ составу образованнаго въ Москвѣ съ преступною цѣлью тайнаго общества.

6. Студентъ Технологическаго Института Александръ Старицынъ, сначала сознавшійся въ томъ, что онъ зналъ о составившемся въ Москвѣ заговорѣ, а потомъ отвергнувшій свою виновность,—уличается однако жъ обстоятельствами, имъ самимъ переданными и подтверждаемыми показаніями обвиняемыхъ Алексѣя Кузнецова, Елизаветы Бѣляевой и Виктора Скипскаго. Изъ разговора съ Печаевымъ и переданныхъ ему послѣднимъ правилъ организациі, Старицынъ не могъ не знать, что за общество, въ которое его приглашалъ Печаевъ. Если же принять во вниманіе показаніе Рослякова о томъ, что на сходкѣ у нихъ Старицынъ была прочтена прокламація „Народная расправа“, то нельзя не убѣдиться, что Старицыну были извѣстны не только суще-

ствование заговора, но и преступных стремления его. Посему и хотя Старицынъ, имѣвшій отъ Нечаева поручение образовать кружокъ и не успѣвъ исполнить сего порученія, слѣдуетъ признать, что принятіе отъ него вышеозначенныхъ правилъ и связаннаго съ ними порученія, переговоры, кои онъ имѣлъ съ присланными отъ Нечаева лицами и чтеніе прокламаціи „Народная расправа“ въ кругу своихъ знакомыхъ не только выражаютъ готовность его вступить въ означенный заговоръ, но и принятіе имъ на самомъ дѣлѣ участія въ дѣйствіяхъ его.

7. Жена дворянина Любовь Воронцова, хотя и оговаривается въ своемъ показаніи, что она отказалась отъ всякаго участія въ дѣйствіяхъ нечаевского общества, но ввиду показаній обвиняемыхъ князя Черкезова и Алексѣя Кузнецова о томъ, что Воронцова были прочитаны главные документы ихъ тайнаго общества, т. е. правила организаціи и „Народная расправа“, и, слѣдовательно, она была такимъ образомъ уже посвящена ими въ члены тайной организаціи, и что она, какъ по свидѣтельству Кузнецова и Николаева, такъ и по собственному сознанию, указала Нечаеву на извѣстныхъ ей въ Петербургѣ лицъ, кои могли вступить въ задуманное имъ предпріятіе,—не остается сомнѣнія въ томъ, что Воронцова принадлежала къ числу лицъ, принявшихъ участіе въ заговорѣ.

8. Дворянинъ Владиміръ Святскій собственнымъ сознаниемъ уличается въ томъ, что, бывъ приглашенъ принять участіе въ составленномъ въ Москвѣ заговорѣ Нечаевымъ, подъ именемъ Панина, ознакомился чрезъ него, какъ съ цѣлью, такъ и съ правилами организаціи, и затѣмъ изъяснилъ свое согласіе на вступленіе въ означенную организацію, послѣ чего получилъ отъ одного изъ главныхъ дѣятелей ея, Кузнецова, нѣсколько различныхъ прокламацій возмутительнаго содержанія, для распространенія ихъ. Сознаніе Святскаго вполне подтверждается показаніемъ обвиняемаго Алексѣя Кузнецова.

9. Отставной подпоручикъ Константинъ Росляковъ также собственнымъ сознаниемъ уличается въ томъ, что, узнавъ на сходкѣ у Лунина о существованіи въ Москвѣ тайнаго общества, образованнаго Нечаевымъ съ цѣлью ниспроверженія Правительства, въ чемъ вполне убѣдился и чрезъ чтеніе прокламаціи „Народная расправа“, заключавшей въ себѣ, какъ ему было извѣстно, сущность программы дѣйствій заговора, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1869 года далъ у себя пріютъ Нечаеву. Сознаніе по сему предмету Рослякова подтверждается показаніями обвиняемыхъ Ковалевского, Алексѣя Кузнецова и отчасти хозяйки его квартиры, мѣщанки Авдотьи Андреевой.

10. Студентъ Земледѣльческаго Института Владиміръ Ковалевскій уличается собственнымъ сознаниемъ въ пособничество въ образовавшемуся въ Москвѣ заговору съ преступною цѣлью укрывательства, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1869 года, въ С.-Петербургѣ главнаго заговорщика Нечаева.

11. Дворянинъ Михаіль Лазаревскій, хотя и не сознается, что онъ приводилъ Нечаева къ Рослякову, и вообще, что онъ зналъ о существованіи составленнаго въ Москвѣ заговора, но уличается въ этомъ: во-1-хъ, показаніями обвиняемыхъ Рослякова и Ковалевского, изъ которыхъ послѣдній лично передалъ ему Нечаева, и во-2-хъ, показаніемъ обвиняемаго въ Алексѣя Кузнецова о томъ, что при представленіи имъ отчетовъ Нечаеву въ квартирѣ Рослякова находился и Лазаревскій, который даже предлагалъ свое содѣйствіе, если кому-нибудь нужно будетъ бѣжать за границу и затѣмъ о чемъ то шопотомъ говорилъ съ Нечаевымъ. Ввиду этихъ указаній нѣтъ возможности сомнѣваться, что хотя Лазаревскій и не состоялъ самъ въ числѣ заговорщиковъ, но что не только положительно зналъ о составленномъ ими заговорѣ, но и прискалъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1869 года, убѣжище главному изъ сихъ заговорщиковъ—Нечаеву.

12. Дворянинъ Викторъ Лунинъ, хотя и призналъ себя виновнымъ въ знаніи о составленномъ Нечаевымъ заговорѣ въ Москвѣ, но уличается въ этомъ во-1-хъ, собственнымъ же сознаниемъ о томъ, что Нечаевъ, подъ именемъ Павлова, приглашалъ его вступить въ тайную организацію, при чемъ, главнымъ образомъ, у нихъ рѣчь шла о содержаніи прокламаціи „Народная расправа“, и во-2-хъ, показаніями обвиняемыхъ Рослякова и Ковалевского о томъ, что онъ, Лунинъ, предлагалъ склонить дѣятелей московскаго тайнаго общества къ оставленію принятаго ими революціоннаго направленія, о которомъ онъ, слѣдовательно, зналъ, и къ поступленію въ кружокъ его, Лихутина, съ товарищами. Это послѣднее обстоятельство, кромѣ того, подтверждается еще и перепискою Лунина съ членами заговора Долговымъ и Бѣляевымъ, чего самъ Лихутинъ не отрицаетъ.

13. Студентъ Технологическаго Института Прохоръ Дебогорій-Мокривичъ.

14. Студентъ Медико-Хирургической Академіи Петръ Поповъ—и

15. Студентъ той же Академіи Владиміръ Лихутинъ собственными показаніями уличаются въ томъ, что, бывъ соглашены на то Иваномъ Лихутинымъ, помощью угрозы, заставили дворянина Андрея Колачевского выдать имъ вексель въ 6.000 р., при чемъ они, кромѣ Ивана Лихутина, хотя и объясняютъ, что совершили это для шутки, но, ввиду заявленія Ивана Лихутина, что вексель нуженъ былъ Нечаеву, а затѣмъ и ввиду несогласія показаній Владиміра Лихутина, Мокривича и Попова

съ показаніемъ того же Ивана Лихутина на счетъ дальнѣйшей судьбы векселя, который, по словамъ ихъ, былъ сожженъ, а по словамъ Ивана Лихутина переданъ имъ Нечаеву,—слѣдуетъ признать, что они въ этомъ случаѣ дѣйствовали съ преступною цѣлью. Кромѣ того изъ нихъ Дебогорій-Мокріевичъ и Поповъ, также по собственному сознанию и по оговору Ивана Лихутина, знали о составленномъ Нечаевымъ въ Москвѣ заговорѣ съ противогосударственною цѣлью.

По симъ основаніямъ обвиняются:

1. Отставной подпоручикъ Иванъ Лихутинъ.
2. Студентъ Медико-Хирургической Академіи Алексѣй де-Тейльсъ.
3. Жена подпоручика Юлія Бобарыкова.
4. Жена коллежскаго совѣтника Варвара Александровская.
5. Дочь коллежскаго совѣтника Екатерина Лихутина—и
6. Студентъ Технологическаго Института Александръ Старицынъ—въ

томъ, что принимали участіе въ дѣйствіяхъ составленнаго въ Москвѣ заговора съ цѣлью ниспроверженія Правительства во всемъ государствѣ и перемѣны образа правленія, съ знаніемъ о цѣли сихъ дѣйствій, при чемъ злоумышленіе ихъ открыто Правительствомъ заглавременно, при самомъ онаго началѣ, т. е. совершили преступленіе, предусмотрѣнное 249 и 250 ст. Улож. о Наказ. изд. 1866 г., и первый изъ нихъ, отставной подпоручикъ Иванъ Лихутинъ, кромѣ того, въ томъ, что согласилъ брата своего Владиміра, такъ равно студентовъ Мокріевича и Попова, посредствомъ угрозъ, заставить дворянина Колачевскаго выдать имъ вексель въ 6.000 р., т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 13 и 1.686 ст. Улож. о Наказ.

7. Жена дворянина Любовь Воронцова—и
8. Студентъ Земледѣльческаго Института, дворянинъ Владиміръ Святскій—

въ томъ, что вступили въ означенный заговоръ, съ знаніемъ о цѣли его, т. е. совершили преступленіе, предусмотрѣнное 13, 249 и 250 ст. Улож. о Наказ.

9. Студентъ Технологическаго Института, отставной подпоручикъ Константинъ Росляковъ.

10. Студентъ Земледѣльческаго Института, отставной прапорщикъ Владиміръ Кавалевскій—и

11. Бывшій студентъ Технологическаго Института, дворянинъ Михаилъ Лазаревскій—въ томъ, что, не принимая прямого участія въ таковомъ заговорѣ, они завѣдомо давали или же содѣйствовали къ дачѣ убѣжища главному заговорщику Нечаеву, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 13, 249 и 250 ст. Улож.

12. Бывшій слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи, дворянинъ Викторъ Лунинъ.

13. Студентъ Технологическаго Института Прохоръ Дебогорій-Мокріевичъ—и

13. Студентъ Медико-Хирургической Академіи Петръ Поповъ—въ томъ, что, зная о вышеизложенномъ злоумышленіи и приготовленіи къ приведенію онаго въ дѣйствіе и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія Правительства, не исполнили сей обязанности, т. е. обвиняются въ преступленіи, предусмотрѣнномъ тѣми же 249 и 250 ст. Улож., и кромѣ того, два послѣдніе—Дебогорій-Мокріевичъ и Поповъ, въ томъ еще, что, по предварительному согласію, помощью угрозъ, заставили дворянина Колачевскаго выдать имъ вексель въ 6.000 р., т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 13 и 1.683 ст. Улож.—и, наконецъ,

15. Студентъ Медико-Хирургической Академіи Владиміръ Лихутинъ обвиняется въ соучастіи, по предварительному согласію съ вышеозначенными Дебогоріемъ-Мокріевичемъ и Поповымъ, въ томъ же преступленіи относительно Колачевскаго, предусмотрѣнномъ 13 и 1.686 ст. Улож. о Наказ.

Посему вышепоименованные: Лихутины, де-Тейльсъ, Бобарыкова, Александровская, Старицынъ, Воронцова, Святскій, Росляковъ, Кавалевскій, Лазаревскій, Лунинъ, Дебогорій-Мокріевичъ и Поповъ, предаются суду С.-Петербургской Судебной Палаты.

* * *

Предсѣдателемъ провозглашены были слѣдующіе вопросы:

1. Виновенъ ли отставной подпоручикъ И. Лихутинъ, 21-го года, въ томъ, что принималъ участіе въ дѣйствіяхъ составленнаго въ Москвѣ осенью 1869 года заговора, съ цѣлью ниспроверженія Правительства въ государствѣ и перемѣны образа правленія въ Россіи, при чемъ заговоръ этотъ открытъ Правительствомъ заглавременно, при самомъ началѣ онаго?

2. Если Лихутинъ не виновенъ въ означенномъ въ первомъ вопросѣ преступленіи, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что принималъ участіе въ дѣйствіяхъ составленнаго осенью 1869 года въ Москвѣ противозаконнаго сообщества направленнаго къ измѣненію или ниспроверженію порядка государственнаго устройства въ Россіи, съ знаніемъ о цѣли сего сообщества?

3. Если Лихутинъ виновенъ по предыдущему вопросу, то подъ какого рода участіе, предусмотрѣнное пунктами 1—11 ст. Улож. о Наказ. по продолженію 1868 года, подходитъ его вина.

4. Виновенъ ли И. Лихутинъ въ томъ, что согласилъ, какъ брата своего В. Лихутина, такъ равно студентовъ Дебогорія-Мокрѣевича и Попова заставить посредствомъ угрозъ дворянина Колачевскаго выдать имъ вексель въ 6000 рублей?

5. Если Лихутинъ не виновенъ по предыдущему вопросу, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что изъ личныхъ видовъ согласилъ означенныхъ лицъ вовлечь дворянина Колачевскаго черезъ умышленное сообщеніе ему ложныхъ свѣдѣній о предстоящемъ ему арестѣ въ невыгодной для него, Колачевскаго, свѣдѣній по имуществу?

6. Если Лихутинъ виновенъ по предыдущему вопросу, то не уговорилъ ли онъ одно изъ упоминаемыхъ въ предшествовавшемъ вопросѣ лицъ для достиженія своей цѣли присвоить себѣ не принадлежащее ему званіе должностного по государственной службѣ лица?

7. Если подсудимый Лихутинъ виновенъ въ означенныхъ преступленіяхъ или въ которыхъ-либо изъ нихъ, то какому онъ, на основаніи законовъ, подлежитъ наказанію?

(Вопросы 1-й, 2-й, 3-й и 7-й были постановлены относительно подсудимыхъ е-Тейльса, Бобарыковой, Александровской и Лихутиной.)

24. Виновна ли Александровская въ покушеніи къ злоумышленному распространенію сочиненія, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ верховной власти, или же къ личнымъ качествамъ Государя, или къ управленію Его государствомъ, при чемъ это покушеніе было остановлено не собственною волею подсудимой, а независѣвшими отъ нея обстоятельствами?

25. Виновна ли Александровская въ покушеніи на злоумышленное распространеніе сочиненій, съ цѣлью возбудить къ бунту, или явному неповиновенію власти верховной, при чемъ это покушеніе было остановлено не собственною волею подсудимой, а независѣвшими отъ нея обстоятельствами.

25. Если Александровская не виновна по предыдущимъ двумъ вопросамъ, то не виновна ли она въ приготовленіи къ злоумышленному распространенію упомянутыхъ въ тѣхъ вопросахъ сочиненій?

27. Виновна ли жена дворянина Л. Воронцова, 20-ти лѣтъ, въ томъ; что вступила въ означенный въ первомъ вопросѣ заговоръ?

28. Если Воронцова не виновна во вступленіи въ заговоръ, то не виновна ли она въ томъ, что принимала участіе въ поименованномъ во второмъ вопросѣ противозаконномъ сообществѣ, съ знаніемъ о его цѣляхъ?

29. Если Воронцова виновна по предыдущему вопросу, то подъ какого рода участіе, предусмотрѣнное пунктами 1—11 ст. 318 Улож. о Наказ. по продол. 1866 года, походитъ ея вина?

30. Если Воронцова виновна, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленіе другими совершеннолѣтними?

31. Если подсудимая Воронцова виновна, то какому она, на основаніи закона, подлежитъ наказанію?

(Вопросы 27, 28, 29 и 31-й поставлены относительно подсудимаго Святскаго.)

36. Виновенъ ли отставной поручикъ К. Росляковъ, 22-хъ лѣтъ, въ томъ, что, не принимая прямого участія въ означенныхъ въ 1-мъ или 2-мъ вопросахъ преступленіяхъ, завѣдомо и по предварительному соглашенію давалъ убѣжище или содѣйствовалъ къ тому, чтобы дано было убѣжище главному заговорщику или основателю тайнаго общества Нечаеву; въ видахъ способствованія послѣднему продолжать свою дѣятельность?

37. Если Росляковъ не виновенъ по предыдущему вопросу, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что завѣдомо участвовалъ въ сокрытіи главнаго заговорщика или основателя тайнаго общества Нечаева?

38. Если подсудимый Росляковъ виновенъ, то какому онъ, на основаніи закона, подлежитъ наказанію?

(Вопросы 36, 37 и 38-й постановлены и относительно подсудимыхъ Ковалевскаго и Лазаревскаго.)

45. Виновенъ ли дворянинъ В. Лунинъ, 26 лѣтъ, въ томъ, что, зная о поименованномъ въ первомъ или во второмъ вопросѣ злоумышленіи противъ Правительства и о приготовленіи къ приведенію онаго въ дѣйствіе и, имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣній Правительства, не исполнилъ этой обязанности?

46. Если подсудимый Лунинъ виновенъ, то какому онъ, на основаніи законовъ, подлежитъ наказанію?

(Вопросы 45 и 46-й постановлены и относительно подсудимыхъ Дебогорія-Мокрѣевича и Попова.)

51. Виновенъ ли подсудимый Дебогорій-Мокрѣевичъ въ томъ, что по предварительному согласію съ другими принималъ участіе въ принужденіи дворянина Колачевскаго съ помощію угрозъ выдать вексель въ 6000 рублей?

52. Если Дебогорій-Мокрѣевичъ не виновенъ по предыдущему вопросу, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что участвовалъ въ вовлеченіи дворянина Колачевскаго,

через умышленное сообщеніе ему ложныхъ извѣстій о предстоящемъ ему арестѣ, къ невыгодной для него, Колачевскаго, сдѣлкѣ по имуществу?

53. Если Дебогорій - Мокрѣевичъ виновенъ по предыдущему вопросу, то при совершеніи означеннаго преступленія присвоивалъ ли кто-либо изъ участвовавшихъ въ ономъ лицъ, для достиженія своей цѣли; непринадлежащее званіе должностнаго по государственной службѣ лица?

54. Если Дебогорій-Мокрѣевичъ виновенъ по 51 или 52 вопросамъ, то какого рода было его участіе?

Вопросы 51, 52, 53 и 54 поставлены относительно подсудимаго Попова.

Резолюція Судебной Палаты по третьей группѣ обвиняемыхъ.

Въ воскресенье, 22-го августа, въ 5 часовъ 30 минутъ пополудни. Палата ввнесла слѣдующій приговоръ, объявленный предсѣдателемъ:

„Судебная палата, рассмотрѣвъ дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи, по отношенію къ 3-й группѣ, состоящей изъ 13-ти человекъ, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Палата признаетъ виновными въ принятіи участія въ дѣйствіяхъ составленнаго осенью 1869 года въ Москвѣ противозаконнаго сообщества, направленнаго къ измѣненію существующаго въ Россіи порядка государственнаго устройства: И. Лихутина, де-Тейльса и Александровскую.

2. Равнымъ образомъ Палата находитъ, что Е. Лихутина виновна въ недонесеніи о существованіи вышеупомянутаго сообщества, но что за это ея преступленіе она, за силою 128 ст. Улож. о Наказ., не подлежитъ наказанію.

3. Кромѣ того Палата считаетъ виновными Лихутина и Александровскую: перваго въ томъ, что онъ изъ личныхъ видовъ согласилъ другихъ вовлечь дворянина Колачевскаго, черезъ умышленное сообщеніе ему ложныхъ извѣстій о предстоящемъ ему арестѣ, къ невыгодной для него, Колачевскаго, сдѣлкѣ по имуществу, а послѣднюю въ томъ, что покушалась на злоумышленное распространеніе преступныхъ сочиненій.

4. Палата признаетъ подсудимыхъ Бобарыкову, Воронцову, Святскаго, Рослякова, Ковалевскаго, Лазаревскаго, Лунина, Дебогорія-Мокрѣевича и Попова въ взводимыхъ на нихъ преступленіяхъ не виновными.

На основаніи вышесказаннаго и, руководствуясь статьями 318 п. 2 и 9 (по продолженію 1868 года) 2-я степен. 36-й, 1-я степен. 38-й, 152, 1. 688, 245; 251, 4-й и 5-й степен. 19-й. 2 степен. 20, 114; 3-й степен. 31, 51, 128, 135 статей Улож. о Нак., а также 771 ст. Уст. Угол. Судопроизводства, Палата опредѣляетъ:

1. Александровскую, лишнивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе въ мѣста не столь отдаленныя.

2. И. Лихутина, по лишеніи нѣкоторыхъ, означенныхъ въ стат. 50 Улож., особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, заключить въ смирительный домъ на 1 годъ и 4 мѣсяца, а по освобожденіи отдать его подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ.

3. Де-Тейльса заключить въ тюрьму на 4 мѣсяца, съ оставленіемъ по освобожденіи изъ тюрьмы подъ строгимъ надзоромъ полиціи въ продолженіе 5 лѣтъ.

4. Лихутину, Бобарыкову, Воронцову, Святскаго, Рослякова, Ковалевскаго, Лазаревскаго, Лунина, Дебогорія-Мокрѣевича и Попова — признать по суду оправданными.

5. Приговоръ этотъ, по вступленіи онаго въ законную силу относительно Александровской, на основ. 945 ст. Уст. Угол. Судопр., представить на Высочайшее Ея Императорскаго Величества усмотрѣніе.

6. Объ измѣненіи мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ Суда подсудимому де-Тейльсу составить особое постановленіе.

Приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ черезъ 2 недѣли послѣ послѣдней резолюціи по настоящему дѣлу“.

Затѣмъ оправданные подсудимые, по распоряженію предсѣдателя, были выведены на средину залы, и предсѣдатель объявилъ ихъ свободными отъ суда, и отъ содержанія подъ стражею.

Засѣданіе С.-Петербургской Судебной Палаты, 27-го сего августа, по дѣлу о заговорѣ, составленномъ съ цѣлю ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи.

Засѣданіе открыто въ томъ же составѣ Суда, какъ и по третьей группѣ обвиняемыхъ, по настоящему дѣлу. Обвинялъ товарищъ прокурора Александровъ; защищали: Петра Топоркова — присяжный повѣренный Стасовъ, Кошкина — присяжный повѣренный Спасовичъ, Долгушина — присяжный повѣренный Ольхинъ, Дудолова — помощникъ присяжнаго повѣреннаго Люце, и Льва Топоркова — присяжный повѣренный Герке.

Прочитаны были обвинительные акты слѣдующаго содержания:

1. При производствѣ слѣдствія о тайной политической организаціи, образованной въ Москвѣ бывшимъ учителемъ приходского училища Сергѣемъ Нечаевымъ, съ цѣлью ниспроверженія Правительства и измѣненія образа правленія въ Россіи, слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Кузнецовъ, сознаваясь въ принадлежности къ означенной организаціи и указывая на отдѣльныя личности и цѣлые кружки лицъ, враждебные Правительству, объяснилъ, между прочимъ, что по порученію Ивана Петровича (т. е. Нечаева), имѣлъ свиданіе съ Топорковымъ, завербованнымъ въ члены организаціи, адресъ котораго получили отъ Ивана Петровича. Бумажка съ адресомъ имѣла вырѣзку, которая находилась у Топоркова и имъ должна была быть предъявлена Кузнецову для сличенія. При свиданіи Кузнецовъ далъ Топоркову списать стихотвореніе „Студентъ“, прочиталъ „Правила организаціи“, передалъ три экземпляра прокламаціи „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“ и продиктовалъ азбуку, посредствомъ которой Топорковъ долженъ былъ написать отчетъ о своей дѣятельности. Этотъ отчетъ представленъ не былъ, такъ какъ ранѣе срока, назначеннаго для представленія его, Кузнецовъ былъ арестованъ.

Свѣдѣніями, собранными при дознаніи и слѣдствіемъ, показаніе Кузнецова подтвердилось.

1. Студентъ Земледѣльческаго Института Петръ Топорковъ въ показаніяхъ, данныхъ при дознаніи и слѣдствіи, объяснилъ, что въ зданіи Земледѣльческаго Института въ квартирѣ студентовъ Баснина, Ковалевского и Святскаго, однажды встрѣтилъ молодого человѣка, въ формѣ путей сообщенія, который назвался Панинымъ (Нечаевъ). Последний, оставшись наединѣ съ Топорковымъ, сталъ спрашивать его о томъ, не видѣлъ ли онъ прокламацій, пущенныхъ Нечаевымъ, и сообщилъ, что въ Москвѣ существуетъ тайное общество, которое поставило себѣ цѣлью распространять въ народѣ слухи, что всѣ настоящія народныя бѣдствія происходятъ отъ существующаго образа правленія, и что поэтому, для народнаго благосостоянія, надо истребить высокопоставленныя личности, чтобы онѣ не помѣшали народному возстанію. Панинъ объяснялъ при этомъ, что общество образуется такимъ образомъ, что трое знаютъ только одного члена, и что личности, непринадлежащія къ обществу, должны быть истреблены. Затѣмъ Панинъ предложилъ Топоркову вступить въ общество и получилъ его согласіе. Послѣ этого, узнавъ отъ Топоркова адресъ брата его (т. е. Льва Топоркова) и фамиліи личностей, которыя съ нимъ живутъ (т. е. Кошкина, Долгушина и Дудолодова), Панинъ записалъ адресъ на бумажкѣ, половину которой оторвалъ, а другую передалъ Топоркову, сказавъ, чтобы онъ приходилъ по этому адресу въ субботу, въ четыре часа пополудни. Въ назначенное время Топорковъ явился въ квартиру брата (Малая Итальянская, домъ Алонкина), куда пришелъ господинъ въ бѣлой шапкѣ (Кузнецовъ), который приходилъ къ Панину въ Земледѣльческой Институтъ. Онъ взялъ у Топоркова обрѣзокъ бумажки съ адресомъ и, сличивъ его съ такимъ же обрѣзкомъ, бывшимъ у него самого, пригласилъ Топоркова слѣдовать за собою. Затѣмъ они пошли въ гостиницу, гдѣ незнакомецъ прочиталъ Топоркову „Правила организаціи“ общества, передалъ два экземпляра листка „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“, со штепелемъ русскаго революціоннаго общества, и продиктовалъ азбуку для сношеній, поручивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, распространять прокламаціи и вѣрбовать новыхъ членовъ, а чрезъ недѣлю представить отчетъ о своей дѣятельности. Топорковъ рѣшился завербовать Кошкина. Съ этою цѣлью онъ явился въ квартиру брата и, найдя случай остаться съ Кошкинымъ наединѣ, употребилъ всѣ усилія, чтобы склонить его къ поступленію въ общество. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прочиталъ прокламацію „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“. Горячая натура Кошкина перестала сдерживаться, и онъ увлекся. Начались споры и предположенія, которые состояли въ томъ, чтобы идти въ народъ и пояснить ему, откуда происходятъ всѣ его бѣдствія. Кошкинъ даже говорилъ объ истребленіи Императорской партіи и о томъ, чтобы составить шайку и напасть на дворѣцъ. Хотя эти разговоры и происходили въ отдѣльной комнатѣ, но другіе, бывшіе въ квартирѣ, могли ихъ слышать чрезъ открытыя двери и тонкія перегородки, недоходившія до потолка. Согласно данному обѣщанію, Топорковъ приготовилъ отчетъ о своей дѣятельности, въ которомъ указалъ на Кошкина, Долгушина и Дудолодова, какъ на завербованныхъ имъ членовъ для тайнаго общества, хотя послѣдніе двое ничего об этомъ не знали; но господинъ въ бѣлой шапкѣ не явился, и потому Топорковъ былъ лишень возможности, какъ представить свой отчетъ по назначенію, такъ и удовлетворить Кошкина, который настоятельно требовалъ у Топоркова свѣдѣній о дѣйствіяхъ тайнаго общества. Вскорѣ послѣ этого Топорковъ былъ арестованъ.

2. Студентъ Императорской Медико-Хирургической Академіи Петръ Кошкинъ въ показаніяхъ, данныхъ при дознаніи и слѣдствіи, объяснилъ, что по инициативѣ его и Долгушина образовался кружокъ изъ сибирскихъ уроженцевъ, бывшихъ въ Петербургѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, цѣлью котораго было взаимное вспомоществованіе и сближеніе въ настоящемъ и дѣятельность въ Сибири на пользу ея населенія въ будущемъ. Кружокъ сибиряковъ имѣлъ нѣсколько собраній, на которыхъ было положено учредить кассу и бібліотеку изъ книгъ о Сибири, такъ какъ прежде

начала своей дѣятельности члены кружка должны были изучить Сибирь и потребности ея населенія. Въмѣстѣ съ тѣмъ положено было устраивать общежитія, чтобы удешевить средства къ существованію. Такое общежитіе устроилось на Итальянской улицѣ, въ домѣ Алонкина. Здѣсь, съ 1-го ноября 1869 года, поселились на обшей квартирѣ Кошкинъ, Долгушинъ, Дудолодовъ и Левъ Топорковъ. Впослѣдствіи кружокъ сибиряковъ распался, такъ какъ самые дѣятельные его члены стали увлекаться другими вопросами. Въ концѣ ноября мѣсяца начались аресты, которые очень взволновали жителей названной квартиры. Въ то же время начали распространяться слухи о существованіи въ Москвѣ тайнаго общества, которое должно содѣйствовать народному возстанію, ожидаемому въ 1870 году. Около этого времени въ означенную квартиру явился Петръ Топорковъ съ прокламаціею „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“ и съ этого вечера началъ пропаганду о необходимости насильственнаго переворота въ Россіи. Кромѣ прокламаціи „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“, Петръ Топорковъ приносилъ еще „Народную расправу“, которую онъ, Кошкинъ, читалъ, а Долгушинъ почти выучилъ наизусть. Агитація Петра Топоркова, въ связи съ слухами и расказами, имъ же распространяемыми, о революціонномъ настроеніи общества, о насильственныхъ мѣрахъ Правительства и проч., повела къ тому, что онъ, Кошкинъ и Долгушинъ рѣшились пристать къ ожидаемой ими революціи и составить тайное общество съ цѣлью истребленія Императорской партіи, чтобы она не помѣшала народному возстанію. Подъ именемъ Императорской партіи они разумѣли лицъ высокопоставленныхъ и Особь Императорской Фамиліи. Намѣренія Петра Топоркова, Кошкина и Долгушина были извѣстны Дудолодову и Льву Топоркову, такъ какъ разговоры о тайномъ обществѣ съ цѣлью истребленія Императорской партіи нерѣдко происходили въ ихъ присутствіи. Программа дѣйствій указаннаго общества всего лучше видна изъ его устава, написаннаго Долгушинимъ на двухъ осмьюшкахъ листа бумаги. Здѣсь Долгушинъ срезюмировалъ все, что говорилось о революціи и прибавилъ еще нѣсколько своихъ мыслей. Изложеніе этой программы, сколько можетъ припомнить Кошкинъ, было слѣдующее: „Организуется общество тайное изъ людей, желающихъ пережить настоящаго порядка, который поддерживается административнымъ устарѣлымъ механизмомъ; слѣдовательно, если этого механизма не уничтожить, то настоящее, имѣющее быть народное возстаніе будетъ имъ подавлено. Для этого и организуется общество, чтобы помѣшать администраціи подавить возстаніе: а такъ какъ администрацію представляютъ немногія лица, держащая de facto все въ своихъ рукахъ, то этихъ-то лицъ и уничтожить. Императорская же Фамилія управляетъ только de jure, но зато она даетъ всегда возможность существовать лицамъ, которыя держатъ все въ своихъ рукахъ; поэтому, если будетъ возможно, то уничтожить и Императорскую Фамилію, но только въ этомъ случаѣ неперемѣнное условіе, если будетъ возможно, уничтожить всѣхъ членовъ династіи. Если же хотя одинъ останется, то нечего и приниматься, потому что тогда старый порядокъ будетъ возстановленъ во всей силѣ. Общество начнетъ дѣйствовать и изыскивать средства для выполнения своей цѣли тогда, когда достигнетъ 200 человекъ, дѣйствовать же начнетъ только во время возстанія народа. Общество организуется посредствомъ десятковъ, изъ которыхъ первый составляетъ центръ, при чемъ низшіе центры не знаютъ высшихъ. Обязанности членовъ десятковъ — самый осторожный наборъ новыхъ членовъ до тѣхъ поръ, когда начнется повсемѣстное народное возстаніе“. Въ показаніяхъ своихъ Кошкинъ удостовѣрилъ, что предположенія его, Петра Топоркова и Долгушина объ образованіи тайнаго общества съ цѣлью истребленія Императорской партіи ограничились одними разговорами.

3. Бывшій студентъ Технологическаго Института Александръ Долгушинъ, подтверждая показаніе Кошкина относительно кружка сибиряковъ, показалъ, что въ тайное общество, имѣющее цѣлью истребленіе Императорской партіи, вступить не соглашался, равно и предположеній своихъ объ организациіи этого общества посредствомъ десятковъ не писалъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ Долгушинъ подтвердилъ, что читалъ прокламаціи „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“ и „Народную расправу“, изъ которыхъ первую принесъ Петръ Топорковъ, а вторую не помнитъ кто, и что собирався вмѣстѣ съ Петромъ Топорковымъ идти путешествовать по Россіи, но не съ цѣлью распространенія революціонныхъ идей, а съ цѣлью ознакомленія съ бытомъ и характеромъ народа и съ цѣлью пропаганды экономическихъ возрѣній. Кромѣ того, Долгушинъ показалъ, что слышалъ отъ Петра Топоркова о знакомствѣ и свиданіяхъ его съ Нечасвымъ.

Несмотря на заперительство Долгушина относительно согласія его вступить въ тайное общество съ цѣлью истребленія Императорской партіи, оговоръ, введенный на него въ этомъ отношеніи Кошкинымъ, подтверждается показаніемъ Дудолодова.

4. Студентъ Императорской Медико-Хирургической Академіи Александръ Дудолодовъ въ показаніяхъ, данныхъ при дознаніи и слѣдствіи, объяснилъ, что въ октябрѣ 1869 года товарищъ его по Академіи Сергѣй Федоровъ принесъ къ нимъ на квартиру прокламацію „Народная расправа“, которую онъ, Дудолодовъ, и читалъ ему, Федорову, и Кошкину вслухъ, послѣ чего Петръ Топорковъ принесъ въ ихъ квартиру прокламацію „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“, и говорилъ о существованіи въ Москвѣ тайнаго общества, учрежденнаго Нечаевымъ. Въ этотъ разъ всѣ спорили съ

Топорковымъ и намѣреній его и Нечаева не одобряли. Вскорѣ послѣ этого Кошкинъ и Долгушинъ, до того умѣренные, стали высказывать крайнія мнѣнія. Такъ, напри- мѣръ, они предлагали устроить тайное общество съ цѣлью ниспроверженія суще- ствующаго порядка правленія и истребленія всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, а однажды кто-то изъ нихъ сказалъ, что если устроится общество въ 200 человекъ для уничтоженія Императорской партіи, то они должны пристать къ нему. Долгушинъ, на двухъ листикахъ бумаги написалъ планъ устройства тайнаго общества посред- ствомъ десятиковъ. Во время подобныхъ разговоровъ онъ, Дудолодовъ, и Левъ То- порковъ всегда возражали Кошкину и Долгушину, но безуспѣшно, вслѣдствіе сего оны, Дудолодовъ, и оставилъ ихъ квартиру.

5. Вольнослушатель Технологическаго Института, поручикъ 3-го Туркестанскаго линейнаго батальона Левъ Топорковъ, признавая, что дѣйствительно жилъ въ квартирѣ вмѣстѣ съ Кошкинымъ, Долгушинымъ и Дудолодовымъ, объяснилъ, что о тайномъ обществѣ съ цѣлью истребленія Императорской партіи ничего не слы- халъ, равно не слышалъ и разговоровъ политическаго характера.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что Кошкинъ и Долгушинъ рѣшились, вслѣд- ствіе убѣжденій Петра Топоркова, составить тайное общество съ цѣлью истребленія Императорской партіи, а Дудолодовъ и Левъ Топорковъ, проживая съ Кошкинымъ и Долгушинымъ на одной квартирѣ и присутствуя при разговорахъ ихъ съ Петромъ Топорковымъ, знали о злоумышленіи ихъ и не довели о немъ до свѣдѣнія Прави- тельства.

Вслѣдствіе сего обвиняется: 1) студентъ Земледѣльческаго Института Петръ Александровичъ Топорковъ, 20 лѣтъ, въ томъ, что, согласясь принять участие въ заговорѣ, образованномъ съ цѣлью низверженія Правительства во всемъ Госу- дарствѣ и измѣненія образа правленія, соглашалъ другихъ лицъ принять участие въ означенномъ заговорѣ, который открытъ Правительствомъ заблаговременно, при са- момъ онаго началѣ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 249 и 250 Улож. о Наказ.; 2) студентъ Императорской Медико-Хирургической Академіи Петръ Михай- ловъ Кошкинъ, 21 года, и 3) бывший студентъ Технологическаго Института Алек- сандръ Васильевъ Долгушинъ, 22 лѣтъ, въ томъ, что согласились принять участие въ означенномъ заговорѣ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 249 и 250 Улож. о Наказ.; 4) студентъ Императорской Медико-Хирургической Академіи Александръ Ефимовъ Дудолодовъ, 22 лѣтъ, и 5) поручикъ 3-го Туркестанскаго линейнаго батальона Левъ Александровъ Топорковъ, 23 лѣтъ, въ томъ, что зная о существованіи вышеозначеннаго заговора, не довели о немъ до свѣдѣнія Прави- тельства, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 15, 138, 249, и 250 Улож. о Наказ.

Посему вышеизложенные Петръ Топорковъ, Кошкинъ, Долгушинъ, Дудолодовъ и Левъ Топорковъ предаются суду С.-Петербургской Судебной Палаты въ особомъ присутствіи, составленномъ на основаніи статьи 1032 Уст. Угол. Судопр.

II. Изъ дѣла объ обнаруженныхъ въ разныхъ мѣстахъ признакахъ злоумышленія противъ установленнаго порядка правленія видно, что студенты Петръ Кошкинъ, Александръ Долгушинъ, Александръ Дудолодовъ и поручикъ Левъ Топорковъ, по постановленію С.-Петербургской Судебной Палаты 24-го февраля 1871 года, преданы суду: первые два — за то, что согласились принять участие въ заговорѣ, образова- номъ съ цѣлью низверженія Правительства во всемъ Государствѣ и измѣненія образа Правленія, и остальные два — за то, что, зная о существованіи означеннаго заговора, не довели о немъ до свѣдѣнія Правительства.

Независимо отъ такого обвиненія Судебной Палаты, оказывается, что Кошкинъ, Долгушинъ, Дудолодовъ и Левъ Топорковъ, какъ по собственному сознанию, такъ и по показаніямъ свидѣтелей, приведеннымъ въ заключеніи прокурора, состояли чле- нами кружка сибиряковъ; что для кружка этого были написаны Долгушинымъ уставъ, и что въ собраніяхъ онаго разсуждалось объ отдѣленіи Сибири. Хотя члены кружка и объясняютъ, что отдѣленіе Сибири не входило въ планъ дѣйствій кружка и кру- жокъ сей вообще не имѣлъ политической цѣли, но объясненіе сіе опровергается во- первыхъ, показаніями Кошкина и Дудолодова о томъ, что на собраніяхъ кружка раз- суждали по вопросу объ отдѣленіи Сибири, и въ самомъ уставѣ общества сибиряковъ, Долгушинымъ составленномъ, было сказано, какъ говорилъ Кошкинъ: «цѣли будущей нашей дѣятельности мы не можемъ опредѣлить потому, что неизвѣстно, каково бу- деть положеніе Сибири во время улучшенія матеріальнаго ея благосостоянія — нужно ли тогда будетъ отдѣлить Сибирь, или нѣтъ», и во-вторыхъ, показаніями двухъ свидѣтелей, Коплакова и Крохалева, кои показали, что кружокъ сибиряковъ, имѣвшій сначала цѣлью взаимное вспомоществованіе, потомъ принялъ характеръ политической, и члены онаго, Кошкинъ, Левъ Топорковъ и Дудолодовъ, согласились съ мнѣніемъ Долгушина о необходимости отдѣленія Сибири отъ Россіи, каковая цѣль общества была выражена и въ уставѣ онаго, Долгушинымъ начертанномъ. Хотя прочіе свидѣ- тели, въ заключеніи прокурора Судебной Палаты приведенные, и говорятъ: одни — что ничего не знаютъ о цѣли кружка сибиряковъ и намѣреніи учредить бібліотеку и кассу, — другіе, что знаютъ лишь только о намѣреніи образовывать бібліотеку и помо-

гать другъ другу, но показаніе этихъ свидѣтелей, при настоящемъ положеніи дѣла, нельзя признать окончательно опровергающими показанія самихъ обвиняемыхъ и упомянутыхъ Кошлякова и Крохалева (оставившихъ общество сибиряковъ именно потому, что оно приняло характеръ политическій), на томъ основаніи, что изъ свидѣтелей сихъ одни вовсе не бывали на собраніяхъ кружка въ Надеждинской и Итальянскихъ улицахъ, другіе были одинъ или два раза, третьи бывали у членовъ онаго не вечеромъ, когда происходили собранія, а днемъ, и притомъ и изъ сихъ свидѣтелей двое показали: Плотниковъ—что на собраніяхъ кружка, на конкхъ онъ не былъ, а рѣчь, какъ передалъ ему Кошкинъ, объ отдѣленіи Сибири, и Черемшанскій—что онъ удалялся отъ кружка потому, что на собраніяхъ онаго заводились разговоры по политическимъ вопросамъ изъ современной исторіи Европы, отвлекавшіе вниманіе кружка отъ истинной его цѣли—вспомоществованіи бѣднымъ сибирякамъ. Такимъ образомъ на Кошкина, Долгушина, Дудолодова и Льва Топоркова падаетъ обвиненіе: на первыхъ двухъ въ образованіи кружка сибиряковъ съ цѣлью ниспровергнуть Правительство въ нѣкоторой части Государства (отдѣлить Сибирь), каковой умыселъ открытъ Правительствомъ заблаговременно, при самомъ онаго началѣ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 249 и 250 Улож. о Наказ., а на послѣднихъ—въ соучастіи въ упомянутомъ кружкѣ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 249 и 250 Улож. о Наказ., почему Кошкинъ, Долгушинъ, Дудолодовъ и Левъ Топорковъ, уже преданные суду С.-Петербургской Судебной Палаты въ особомъ присутствіи, составленномъ на основаніи ст. 1.032 Уст. Угол. Суд., по обвиненію: первые два—въ участіи въ заговорѣ, образованномъ съ цѣлью низверженія Правительства во всемъ Государствѣ и измѣненія образа правленія, а послѣдніе—въ знаніи и недонесеніи о семъ заговорѣ, предаются суду той же Палаты и по вышеизложенному обвиненію въ образованіи кружка сибиряковъ съ противозаконною цѣлью.

На предложенные предсѣдателемъ вопросы подсудимые не признали себя виновными во вводимыхъ на нихъ преступленіяхъ, при чемъ Кошкинъ и Долгушинъ объяснили, что они принимали участіе въ кружкѣ сибиряковъ, не имѣвшемъ никакой преступной цѣли.

* * *

Подсудимые не пожелали воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ послѣдняго слова, и предсѣдателемъ провозглашены были слѣдующіе вопросы:

1. Виновенъ ли подсудимый Петръ Топорковъ, 19-ти лѣтъ, въ томъ, что, согласясь принять участіе въ заговорѣ, составленномъ съ цѣлью ниспроверженія Правительства и образа правленія во всемъ Государствѣ, согласалъ другихъ лицъ принять участіе въ означенномъ заговорѣ, который Правительствомъ открытъ заблаговременно при самомъ онаго началѣ?

2. Если П. Топорковъ не виновенъ въ преступленіи, означенномъ въ 1-мъ вопросѣ, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что принималъ участіе въ тайномъ обществѣ, составленномъ съ цѣлью ниспроверженія Правительства во всемъ Государствѣ и измѣненія образа правленія?

3. Если онъ виновенъ по предыдущему вопросу, то подъ какого рода участіе, предусмотрѣнное 1—11 пунк. 318 ст. Ул. по продолженію 1868 года, подходитъ его вина?

4. Если подсудимый П. Топорковъ виновенъ по 1-му или 2-му вопросамъ, то доказано ли, что онъ вовлеченъ въ преступленіе другими совершеннолѣтними?

5. Если П. Топорковъ виновенъ въ означенныхъ преступленіяхъ, или въ котормъ либо изъ нихъ, то какому онъ по закону подлежитъ наказанію?

Тѣ же вопросы поставлены о подсудимомъ П. Кошкинѣ, 20-ти лѣтъ, съ добавленіемъ вопроса:

9. Виновенъ ли Кошкинъ въ томъ, что образовалъ открытый Правительствомъ заблаговременно кружокъ сибиряковъ, имѣвшій цѣлью отдѣленіе Сибири?

Вопросы 1, 2, 3, 5 и 9-й поставлены о подсудимомъ А. Долгушинѣ, 21 года.

17. Виновенъ ли подсудимый А. Дудолодовъ, 21-го года, въ томъ, что зная о существованіи, открытаго Правительствомъ заблаговременно, заговора, имѣвшаго цѣлью ниспроверженіе Правительства во всемъ Государствѣ и измѣненіе образа правленія, не довелъ о томъ до свѣдѣнія Правительства?

18. Если Дудолодовъ не виновенъ по предыдущему вопросу, то не виновенъ ли въ томъ, что зная о тайномъ обществѣ, образованномъ съ цѣлью ниспроверженія Правительства и измѣненія образа правленія, не довелъ о томъ до свѣдѣнія Правительства?

19. Если Дудолодовъ виновенъ, то подъ какого рода участіе, предусмотрѣнное 318 ст., подходитъ его вина?

20. Виновенъ ли Дудолодовъ въ томъ, что принималъ участіе въ открытомъ Правительствомъ заблаговременно кружкѣ сибиряковъ, имѣвшемъ цѣлью отдѣленіе Сибири?

21. Если подсудимый Дудолодовъ виновенъ въ означенныхъ преступленіяхъ, или въ котормъ-либо изъ нихъ, то какому онъ по закону подлежитъ наказанію?

Вопросы 17, 18, 19, 20 и 21-й поставлены о подсудимомъ Л. Топорковѣ, 23-хъ лѣтъ.

Резолюція Судебной Палаты.

Въ 9^{1/2} часовъ вечера предсѣдателемъ объявлена была слѣдующая резолюція Палаты:

„Судебная Палата, рассмотрѣвъ дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи, по отношенію къ пятой категоріи подсудимыхъ, состоящей изъ П. Топоркова, Кошкина, Долгушина, Дудолодова и Л. Топоркова, и признавая изъ нихъ Кошкина виновнымъ въ произнесеніи заочно дерзкихъ и оскорбительныхъ словъ противъ Государя Императора безъ преднамѣреннаго на то умысла, а остальныхъ во введенныхъ на нихъ преступленіяхъ не виновными, на основаніи 2 ч. 246 ст., 151, 1 и 2 степеней 37 ст. и 5-го п. 140 ст. Улож. о Наказ. и статьи 771 Уст. Угол. Судопр., опредѣляетъ: Кошкина подвергнуть заключенію въ смирительномъ домѣ на два мѣсяца, но, принимая во вниманіе долговременное содержаніе его подъ стражею и его молодость, ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о совершенномъ его помилованіи; Топорковыхъ, Долгушина и Дудолодова признать по Суду оправданными“.

1872 годъ

Правительственный Вѣстникъ.

(25 февраля. № 47).

Дѣло дворянина Гончарова, обвиняемаго въ государственномъ преступленіи.

Засѣданіе С.-Петербургской Судебной Палаты 16-го февраля 1872 года.

Палата, въ усиленномъ составѣ, съ г. сословными представителями, посвятить настоящее засѣданіе рассмотрѣнію дѣла о дворянинѣ Николаѣ Гончаровѣ, обвиняемомъ въ составленіи, напечатаніи и распространеніи воззваній преступнаго содержанія, а также въ проживательствѣ съ чужимъ видомъ.

Прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

Въ маѣ мѣсяцѣ 1871 года появилось въ С.-Петербургѣ нѣсколько печатныхъ воззваній подъ заглавіемъ „Висѣлица“. Одно изъ таковыхъ воззваній было 20-го мая представлено пристава 1-го участка Адмиралтейской части либавскимъ гражданиномъ Освальдомъ Корномъ, коимъ оно вынута изъ замочной скважины входной двери одной изъ квартиръ дома Гулакъ-Артемовскаго, на Малой Морской, въ которомъ Корнъ былъ у одного изъ своихъ знакомыхъ. Въ то же время жена коллежскаго совѣтника Марія Ершова, возвращаясь въ занимаемую ею на углу Казанскаго проспекта и Кадетской улицы, въ домѣ Стуккей, квартиру, подняла на лѣстницѣ печатный листокъ, который вслѣдъ затѣмъ передала жильцу своему, подпоручику Николаю Перепилицину, представившему его помощнику пристава Охтенскаго участка. Листокъ этотъ оказался дою же прокламаціею „Висѣлица“, на которой было выставленъ № 2-й.

Независимо отъ сего, прокламаціи эти были разсылаемы и по почтѣ изъ С.-Петербурга въ другіе города. Такъ войска Донского коллежскій регистраторъ Жигмановскій предъявилъ, въ началѣ мая, наказному атаману сего войска два номера ихъ, полученные имъ безъ какого-либо письма или указанія на то, кѣмъ они присланы. Еще ранѣе того, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, проживавшая въ г. Нижнемъ-Новгородѣ дочь надворнаго совѣтника Надежда Успенская получила изъ С.-Петербурга чрезъ почту одинъ за другимъ два конверта, изъ коихъ въ каждомъ было по два экземпляра названной прокламаціи, которые были означены: первые два № 1, а послѣдніе № 2. Въ первомъ конвертѣ была вложена писанная неизвѣстнымъ Успенской почеркомъ записочка слѣдующаго содержанія: „Надежда Гавриловна! прошу показывать вамъ знакомымъ. Записку уничтожьте. Вашъ утренній провозной!“ Кромѣ того на первомъ конвертѣ было написано „отъ Ворониной“ и на послѣднемъ „отъ Петровой“. Всѣ эти конверты, письмо и воззванія Успенской, по объясненію ея, вслѣдъ за полученіемъ ихъ уничтожены. Наконецъ, по распоряженію полиціи, задержано въ С.-Петербургѣ нѣсколько экземпляровъ воззваній „Висѣлица“, опущенныхъ въ городскіе почтовые ящики и предназначавшіеся къ разсылкѣ въ разныя мѣстности. Означенныя воззванія, числомъ четыре, имѣютъ одно общее всѣмъ заглавіе „Висѣлица“, Періодическій листокъ, С.-Петербургъ, и первые два, а равно послѣднее, подписаны „Коммунистъ“, третье же буквою „я“. На первомъ изъ нихъ стоитъ „13-го апрѣля 1871 г.“, на 2-мъ—„24-го апрѣля 1871 г.“, на 3-мъ—„4-го мая“ и на послѣднемъ—„14-го мая 1871 г.“. Въ 1-мъ № этого листка выражается увѣренность, что

начавшаяся въ Парижѣ революція распространится повсюду и такимъ образомъ про-
никнетъ и въ Россію; что появленіе ея должны возвѣстить сильныя волею и кипучею
страстью молодые русскіе люди, которые разбьютъ власть и во всемъ сравняють
людей. Во 2-мъ №, говоря о проектахъ Каткова относительно классическаго образо-
ванія, составитель прокламаціи, называющій его рабомъ, висѣльникомъ и подлецомъ,
погубившимъ десятки тысячъ людей, выражаетъ желаніе, чтобы онъ былъ убитъ и
чтобы это убійство было началомъ нашихъ грядущихъ событій. Въ № 3-мъ, озагла-
вленномъ словами: „Чего мы хотимъ“, говорится о томъ, что прежде всего нужна
кровавая расправа съ неравенствомъ и потомъ побѣда русской революціи, остальное
же совершится само собою. Для этого надо пользоваться тѣмъ, что есть, и готовить
пріемъ революціи, отъ которой погибнетъ старый міръ. Прокламація эта заканчи-
вается проклятіемъ этому міру слезъ и несчастій и братскимъ привѣтомъ русскимъ
революціонерамъ. Въ послѣднемъ № содержится обращеніе къ всѣмъ честнымъ лю-
дямъ, кои должны откликнуться погибающему Парижу и возобновить начатое имъ
дѣло революціи. Прокламація эта оканчивается словами: „Пусть нашъ скромный при-
зывъ будетъ началомъ этого отклика . . . выступайте на борьбу съ окружающими
разбойниками . . . къ оружію! къ оружію!“

Подозрѣніе въ составленіи, напечатаніи и распространеніи сихъ воззваній пало
на бывшаго слушателя Технологическаго Института, дворянина Гончарова, житель-
ствоваваго близъ С.-Петербурга, въ Лѣсномъ участкѣ пригородной полиціи, на
клеенчатой фабрикѣ, принадлежащей домашнему учителю Шереру, на которой онъ
занимался въ качествѣ техника и съ коею скрылся 21-го мая. Задержанный вслѣд-
ствіе этого подозрѣнія 6-го іюля, Гончаровъ въ означенномъ преступленіи, какъ при
дознаніи, такъ и при слѣдствіи, сознался, при чемъ первоначально объяснилъ совер-
шеніе его тяжелыми нравственными обстоятельствами, но послѣдствіи отказался отъ
этого показанія, приписавъ его поспѣшности и не совѣсь спокойному состоянію
духа, при коихъ онъ давалъ свои первыя объясненія. Печатаніе прокламаціи произве-
дено имъ при помощи шрифта, полученнаго имъ отъ одного знакомаго, назвать кото-
раго онъ не хочетъ. Станкомъ служилъ невысокій ящичекъ, величиною формата про-
кламаціи, въ коемъ обвиняемый устанавливалъ буквы, которыя помощью подушечки
покрывалъ слоємъ черной масляной краски. Послѣ этого, наложивъ на нихъ листокъ
бумаги, онъ накладывалъ сверху книгу и защемлялъ все это въ ручныя тиски. За-
главное слово „Висѣлица“ обвиняемый приготовилъ изъ мѣдныхъ пластинокъ, пред-
назначавшихся для фабричнаго штемпеля. Каждого № прокламаціи было напечатано
имъ до 20 штукъ, изъ коихъ не болѣе 10 можно было читать. Всѣ эти 40 экземпля-
ровъ были имъ опущены въ почтовые ящики и собственноручно разбросаны по неизвѣст-
нымъ ему лѣстницамъ. Выбравъ 22-го мая изъ С.-Петербурга, Гончаровъ прибылъ
23-го мая въ Вильну, гдѣ пропался подъ именемъ студента Медико-Хирургической
Академіи Мирона Чудновскаго, ему неизвѣстнаго, но билетъ коего найдены имъ въ
С.-Петербургѣ на улицѣ и представленъ имъ, вмѣсто своего потеряннаго имъ вида,
къ пропискѣ въ виленскую полицію. Дѣйствіе это было совершено Гончаровымъ,
по объясненію его, для увеличенія своей вины. Вслѣдствіе сего дворянинъ Николай
Гончаровъ обвиняется въ томъ, что въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ 1871 года составилъ,
напечаталъ и распространилъ въ С.-Петербургѣ и внѣ его до 40 экземпляровъ четы-
рехъ различныхъ воззваній, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ верховной власти, а
также возбудить къ бунту или явному неповиновенію власти верховной, и въ томъ,
что, прибывъ въ г. Вильну, предъявилъ 23-го мая 1871 года въ тамошней по-
лиціи билетъ студента Медико-Хирургической Академіи Чудновскаго, выдавая его
за свой, что составляетъ преступленія, предусмотрѣнныя 245, 251 и 977 ст. Улож.
о Наказ.

* * *

Судебная Палата останавливается на слѣдующихъ вопросахъ:

1. Виновенъ ли дворянинъ Николай Петровъ Гончаровъ, 23-хъ лѣтъ, въ томъ,
что въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ напечаталъ и распространилъ въ С.-Петербургѣ и
внѣ его сочиненіе, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ верховной власти? 2. Винов-
енъ ли Гончаровъ въ томъ, что тогда же составилъ, напечаталъ и распространилъ
сочиненіе съ цѣлью возбудить къ бунту и явному неповиновенію власти верховной?
3. Виновенъ ли Гончаровъ въ томъ, что завѣдомо переѣзжалъ изъ одного мѣста въ
другое, съ видомъ на жительство студента Медико-Хирургической Академіи Чуднов-
скаго, выдавая этотъ видъ за свой? 4. Если Гончаровъ не виновенъ въ преступле-
ніяхъ, указанныхъ въ первыхъ двухъ вопросахъ, то не виновенъ ли онъ въ томъ,
что напечаталъ оскорбительные и направленные къ поколебанію общественнаго до-
вѣрія отзвы о дѣйствующихъ въ Имперіи законахъ, кони установлено государствен-
ное устройство въ Россіи? 5. Если дворянинъ Николай Петровъ Гончаровъ виновенъ
въ означенныхъ преступленіяхъ или въ которомъ-либо изъ нихъ, то какому онъ, на
основаніи законовъ, подлежитъ наказанію?

С.-Петербургская Судебная Палата въ Особомъ Присутствіи, на основаніи
1.032 ст. Уст. Угол. Судопроиз. образованномъ, 16-го февраля 1872 года, рассмотрѣвъ
дѣло о дворянинѣ Николаѣ Петровѣ Гончаровѣ, 23-хъ лѣтъ, обвиняемомъ въ напеча-

таніи и распространеніи сочиненій, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ верховной власти, а также съ цѣлью возбудить къ бунту, а равно и въ проживаніи по чужому паспорту, который онъ выдавалъ за свой, и признавая его въ сихъ преступленіяхъ виновнымъ, на основаніи ст. 245, 251, 977, 152, 134 и 6-й степ. 19-й опредѣляетъ: подсудимаго Николая Петрова Гончарова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на заводахъ на шесть лѣтъ, а по прекращеніи сихъ работъ, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, поселить въ Сибири навсегда

1873 годъ.

Правительственный Вѣтникъ.

(12-го января. № 10.)

Засѣданіе Московскаго Окружнаго суда, 8-го января 1873 г., по дѣлу о мѣщанинѣ города Шуи, носящемъ званіе приходскаго учителя, Сергѣѣ Геннадіевѣ Нечаевѣ, обвиняемомъ въ убійствѣ.

Предсѣдательствоваль предсѣдатель П. А. Дейеръ, при членахъ П. Д. Орловѣ, и Б. В. Завьяловѣ, при прокурорѣ К. Н. Жуковѣ и секретарѣ Баумштейнѣ; защитника подсудимый имѣть не желалъ. Подсудимый введенъ въ залу засѣданія въ 12 часовъ 40 минутъ. Предсѣдатель. Подсудимый, васъ зовутъ Сергѣѣ Геннадіевъ Нечаевъ? Подсудимый. Прежде, чѣмъ отвѣчать на вашъ вопросъ, я прошу... Предс. (останавливая подсудимаго), Вы Сергѣѣ Геннадіевъ Нечаевъ? Подсуд. Прежде чѣмъ отвѣчать на вашъ вопросъ, я имѣю честь заявить, что права суда надо мною за русскимъ судомъ не признаю, подсудимымъ себя не считаю. Если суду угодно знать причины, почему не считаю, то я сочту своимъ долгомъ объяснить эти причины. Предс. Подождите объяснять. Вы преданы Московскою Судебною Палатою суду Московскаго Окружнаго Суда. Окружный Судъ, на основаніи 549 ст. Уст. Угол. Судопроизводства не имѣетъ права входить въ разсмотрѣніе вопроса о подсудности этого дѣла и обязанъ исполнить Указъ Московской Судебной Палаты. Если же вы считаете распоряженіе Судебной Палаты о преданіи васъ суду Окружнаго Суда неправильнымъ, то можете обжаловать это распоряженіе въ кассационной жалобѣ Сенату. Затѣмъ я считаю этотъ вопросъ рѣшеннымъ и предлагаю вамъ къ нему не возвращаться. Подс. (сильно возвысивъ голосъ). Господинъ предсѣдатель, я эмигрантъ, поданнымъ Русскаго Императора быть пересталъ, формальности вашего судопроизводства не имѣютъ для меня никакого значенія (подсудимаго по приказанію предсѣдателя выводять; въ это время онъ еще громче продолжаетъ) я признавалъ бы позорнымъ для себя допустить судить мое поведеніе... (на этомъ словѣ дверь за подсудимымъ была затворена). Въ публикѣ происходитъ сильное волненіе и общій крикъ: Вонъ его! вонъ! вонъ! Предс. (звонитъ). Никакихъ заявленій въ судъ не допускается—ни за, ни противъ подсудимаго. Не у публики спрашиваютъ суда. Если повторится подобное заявленіе, то я принужденъ буду удалить публику (въ публикѣ быстро волненіе утихаетъ. Предсѣдатель обращается къ прокурору). Г. прокуроръ, считаете ли вы сомнительнымъ обстоятельство, что человекъ, представшій здѣсь на Судѣ, есть именно тотъ Нечаевъ, который преданъ суду? Онъ на предложенный мною вопросъ о его личности отказался дать отвѣтъ. Прокур. Я имѣю честь заявить, что Судъ можетъ удостовѣриться въ личности Нечаева, тѣми протоколами, находящимися на листахъ 192 и 193, которые подписаны имъ самимъ, при чемъ онъ призналъ себя Сергѣемъ Геннадіевымъ Нечаевымъ, тѣмъ самымъ подсудимымъ, который преданъ теперь суду. Судъ, принимая во вниманіе, что на основаніи 638 ст. Уст. Угол. Суд. судебное засѣданіе открывается предложеніемъ подсудимому вопросовъ, касающихся его личности; что въ данномъ случаѣ, хотя подсудимый на эти вопросы не отвѣчалъ, но, не отрицая своей личности, высказывалъ только убѣжденіе о неподсудности настоящаго дѣла Московскому Окружному Суду, и тѣмъ самымъ какъ бы подтверждаетъ, что онъ тотъ самый Нечаевъ, о которомъ идетъ рѣчь; что кромя того въ протоколахъ предварительнаго слѣдствія имѣется достаточное удостовѣреніе въ его личности,—призналъ возможнымъ приступить къ разсмотрѣнію дѣла безъ формальнаго удостовѣренія въ томъ, что подсудимый, дѣйствительно, Нечаевъ. По провѣркѣ затѣмъ списка вызванныхъ свидѣтелей, оказалось, что изъ нихъ явился одинъ только Мухортовъ. Относительно остальныхъ свидѣтелей секретарь доложилъ, что Лау, Эрастовъ, Киво, Климинъ и Дроздовъ не разысканы, а Успенскій, Николаевъ, Прыжовъ и Кузнецовъ сосланы въ каторжныя работы. Судъ, признавая причины нескія свидѣтелей уважительными, нашелъ возможнымъ приступить къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла въ отсутствіе неявившихся свидѣтелей съ тѣмъ, чтобы были прочитаны тѣ

изъ свидѣтельскихъ показаній, прочтеніе которыхъ будетъ признано нужнымъ сторонами. По удаленіи изъ залы засѣданія свидѣтеля Мухортова и по пополненіи председателемъ недостающихъ пяти очередныхъ присяжныхъ засѣдателей изъ списка записныхъ, прокуроръ воспользовался правомъ отвода присяжныхъ засѣдателей, отвѣдая пять человѣкъ. Затѣмъ по распоряженію председателя ввели подсудимаго. Предс. (обращаясь къ подсудимому). Желаете-ли вы воспользоваться правомъ отвода присяжныхъ засѣдателей? Подсуд. Позвольте объявить г. председателю... Пред. Желаете-ли вы воспользоваться правомъ отвода? Подсуд. (возвышеннымъ голосомъ). Всѣ формальности русскаго судопроизводства не имѣютъ для меня никакого значенія... (Подсудимаго выводятъ, въ дверяхъ онъ кричитъ: „Рабомъ вашего деспота я быть пересталъ! Да здравствуетъ земскій соборъ!...“). Прокуроръ просилъ занести послѣднія слова подсудимаго въ протоколъ. Въ составъ присутствія присяжныхъ засѣдателей вошли: 5 купцовъ, 2 чиновника, 1 цеховой, 1 почетный гражданинъ и 1 крестьянинъ. По приводѣ присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ, председатель обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Г.г. присяжные засѣдатели! Вы вѣроятно еще находитесь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ того, что, къ счастью еще въ первый разъ случилось на Судѣ. Еще ни разу безумецъ не дозволилъ себѣ на Судѣ высказываться, что высказалъ этотъ человѣкъ. Но, г.г. присяжные засѣдатели, для соблюденія достоинства Суда нужно, чтобы Судъ былъ спокоенъ. Нельзя произносить приговора о виновности человѣка подъ впечатлѣніями подобными настоящему. Поэтому, такъ какъ вамъ предстоитъ постановить сознательный приговоръ, то я приглашаю васъ выслушать со всѣмъ вниманіемъ все то, что будетъ происходить на судѣ, и тогда только вы въ состояніи будете сказать, что произнесли приговоръ справедливый. Отрѣшитесь насколько возможно отъ этого тяжелаго впечатлѣнія, будьте совершенно спокойны и на всѣ выходы подсудимаго, которыя могутъ быть еще впоследствии, отвѣчайте совершеннымъ преарѣніемъ, какъ будто бы ихъ и не было. Такъ какъ вамъ приходится постановить приговоръ сознательный, то я еще разъ повторяю, что вы должны съ большимъ вниманіемъ отнестись ко всему тому, что будетъ происходить на Судѣ, чтобы даже этотъ человѣкъ не могъ сказать, что въ Россіи существуетъ Судъ, который судить не по обстоятельствамъ дѣла, а по впечатлѣнію, на него произведенному. Законъ даетъ вамъ полную возможность усвоить себѣ хорошо дѣло. Вы имѣете право осматривать слѣды преступленія, поличное, вещественныя доказательства и предлагать черезъ председателя Суда вопросы подсудимому и свидѣтелямъ. Подсудимый вѣроятно не будетъ отвѣчать на предложенные ему вопросы, но затѣмъ у васъ остается еще широкое поле усвоить себѣ вполне дѣло черезъ разспросъ явившагося свидѣтеля и черезъ внимательное выслушаніе тѣхъ показаній отсутствующихъ свидѣтелей, которыя будутъ прочитаны предъ вами. Если что-нибудь въ этихъ показаніяхъ покажется вамъ неяснымъ, то вы имѣете право просить о вторичномъ прочтеніяхъ и о разъясненіи всего того, что въ этихъ показаніяхъ представится вамъ не совсѣмъ яснымъ. Далѣе председатель объяснилъ вообще всѣ права и обязанности присяжныхъ засѣдателей. Затѣмъ прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержания: 26-го ноября 1869 года, сельскій староста деревни Петровскихъ Выселокъ заявилъ приставу 21-го стана Московскаго уѣзда, что имъ вмѣстѣ съ другими крестьянами въ верхней части пруда, принадлежащаго Петровской Земледѣльческой Академіи, усмотрѣнъ трупъ какого-то человѣка. По осмотру, произведенному какъ приставомъ, такъ и судебнымъ слѣдователемъ, оказалось, что трупъ лежитъ подъ льдомъ въ водѣ пруда, отстоящаго отъ академическихъ зданій въ грехъ четвертияхъ версты. Въ 20 шагахъ отъ пруда находится полуразрушенный гротъ. По направленію отъ пруда къ гроту найденъ кирпичъ съ слѣдами цемента, который былъ употребленъ при постройкѣ грота. Кирпичъ обязанъ бичевкой и на немъ видны слѣды крови. Далѣе по тому же направленію замѣчено нѣсколько листьевъ со слѣдами крови, башлыкъ, обшитый темнокрасной тесьмой, на немъ въ четырехъ мѣстахъ пятно крови, а нѣсколько далѣе круглая черная барашковая шапка. Верхъ этой шапки весь окровавленъ и къ нему пристали древесные листья. У наружной стѣны грота найденъ другой кирпичъ, также обязаный бичевкой, съ значительнымъ количествомъ кровяныхъ пятенъ. На наружной стѣнѣ грота замѣчено кровяное пятно и такія же пятна оказались на нѣкоторыхъ мѣстахъ, покрывающихъ полъ грота. Пятна эти находились только у входа въ гротъ и на пространствѣ отъ входа до начала темнаго коридора, ведущаго къ противоположному выходу изъ грота. По осмотрѣ того мѣста, гдѣ лежалъ трупъ, оказалось, что ледъ надъ тѣмъ мѣстомъ былъ уже проломанъ и снова замерзъ. Трупъ лежалъ къ водѣ ногами къ берегу. Трупъ одѣтъ былъ въ обыкновенное платье, на ногахъ сапоги и калоши. Ноги трупа скрещены, выше щиколотки связаны бичевкой, къ концу которой привязанъ кирпичъ, а нѣсколько выше—башлыкомъ, принадлежащимъ слушателю Петровской Академіи Мухортову; такой же кирпичъ привязанъ къ шарфу, затянутому на шеѣ трупа. Въ лѣвомъ карманѣ жилета найдены серебряные часы, въ правомъ—монета въ 15 копѣекъ, а въ карманѣ брюкъ нѣсколько счетовъ и билетъ изъ книжнаго магазина Черкесова на имя слушателя Петровской Академіи Кузнецова. Часы остановились на 20-ти минутахъ шестого часа. На платьѣ, въ которомъ одѣтъ трупъ, видны пятна крови, а именно: на правомъ бортѣ и рукавѣ сюр-

тука и на воротѣ сорочки. Трупъ этотъ признанъ былъ слушателями Петровской Академіи за трупъ сотоварища ихъ, слушателя Петровской Академіи, Ивана Иванова. Во время производства осмотра крестьянинъ Петръ Кулачинъ представилъ черное, драповое пальто, найденное имъ случайно около стоговъ на дугу № 2. Пальто это оказалось принадлежащимъ покойному Иванову и актомъ осмотра удостовѣрено, что оно было сильно испачкано кровью. Медицинскимъ осмотромъ трупа обнаружены ниже слѣдующія поврежденія: во внутреннемъ углу лѣваго глаза рана съ запекшеюся кровью; такая же рана на затылкѣ, глазныя яблоки налиты кровью, полость носа наполнена запекшеюся кровью, кончикъ языка ущемленъ между зубами, вокругъ шеи и наружной ея части вназу виденъ темно-багроваго цвѣта кругъ, съ отвискомъ клѣтчатыхъ полосокъ и на ошупь пергаментной твердости; ниже и выше этого круга замѣтна вздутость: дѣтородный членъ напряженъ и выдѣляетъ небольшое количество слизи. По вскрытіи трупа оказалось, что двѣ вышеописанныя раны на затылкѣ и въ углу лѣваго глаза произошли отъ выстрѣла пулей въ голову и составляютъ одну сквозную рану; пуля вошла въ затылокъ и вышла черезъ глаза. По заключенію, какъ врача, такъ и Медицинской Конторы, смерть Иванову послѣдовала отъ чрезмѣрнаго переполненія кровью легкихъ, вслѣдствіе задушенія при современной тому смертельной ранѣ головы. При чемъ врачъ, производившій осмотръ, дополнилъ, что рана произведена огнестрѣльнымъ оружіемъ, пулею навывлетъ, и что Ивановъ лишень жизни часа черезъ два или менѣе послѣ принятія имъ пищи. Произведеннымъ судебнымъ слѣдователемъ по сему дѣлу слѣдствіемъ обнаружены слѣдующія данныя: по показанію слушателя Петровской Академіи Дмитрія Федорова Мухортова, жившаго вмѣстѣ съ Ивановымъ, этотъ послѣдній утромъ 20-го ноября уѣхалъ изъ Академіи въ Москву съ бывшимъ слушателемъ той же Академіи Алексѣемъ Кузнецовымъ, и болѣе домой не возвращался. Уѣзжая, Ивановъ, не найдя своего башлыка, взялъ башлыкъ Мухортова. Этимъ самымъ башлыкомъ и связаны ноги у трупа Иванова. То же самое показалъ слушатель Петровской Академіи Василій Эрастовъ, дополнивъ, что на другой или на третій день отъѣзда Иванова въ Москву, пріѣзжалъ какой-то неизвѣстный ему господинъ, назвавшійся Петровымъ, спрашивалъ Иванова, входилъ въ его комнату и, не дождавшись возвращенія Иванова, уѣхалъ обратно въ Москву. Затѣмъ 21-го ноября въ Москвѣ видѣли Иванова въ кухмистерской Молчанова, слушателя Петровской Академіи Лау, бывший студентъ Московскаго Университета Кизо и студентъ того же университета Дроздовъ. Ивановъ, согласно показанію этихъ лицъ, обѣдалъ въ кухмистерской между 2 или 3 часами пополудни. Послѣ обѣда Ивановъ вмѣстѣ съ Кизо, Дроздовымъ и Лау отправился на квартиру Лау пить послѣобѣденный чай. Въ то время, когда они пили чай, въ квартиру Лау пришелъ какой-то неизвѣстный человѣкъ и вызвалъ Иванова. Ивановъ, сказавъ, что идетъ на урокъ, ушелъ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ. Почти вслѣдъ за Ивановымъ ушли изъ дому Кизо и Дроздовъ. На Страстномъ бульварѣ они снова встрѣтили Иванова съ его спутникомъ, и Ивановъ, спросивъ у нихъ, гдѣ Большая Дмитровка, пошелъ съ тѣмъ же неизвѣстнымъ человѣкомъ по указанному ими направленію. По предъявленіи Мухортову, Эрастову, Кизо и Лау шапки, найденной на мѣстѣ преступленія, они объяснили, что шапка эта Иванову не принадлежитъ. Башлыкъ, найденный у грота на мѣстѣ преступленія, оказался принадлежащимъ слушателю Петровской Академіи Иннокентію Климину, который показалъ, что башлыкъ этотъ въ концѣ октября или началѣ ноября мѣсяца былъ отданъ имъ слушателю Петровской Академіи Алексѣю Кириллову Кузнецову. Спрошенный, въ силу таковыхъ обстоятельствъ, въ качествѣ обвиняемаго, слушатель Петровской Академіи Алексѣй Кириловъ Кузнецовъ, сознаваясь въ убійствѣ Иванова, показалъ слѣдующее: убійство слушателя Иванова совершено 21-го ноября около 5 или 6 часовъ. Въ совершеніи убійства участвовали пять человѣкъ: Сергѣй Нечаевъ, извѣстный Кузнецову подъ именемъ Ивана Петровича, мѣщанинъ Николай Николаевъ, бывший студентъ Петръ Успенскій, губерскій секретарь Иванъ Прыжовъ и онъ, Кузнецовъ. Умыселъ совершить убійство Иванова явился у Нечаева и Успенскаго, затѣмъ принять участіе въ убійствѣ заставили и Кузнецова. Нечаевъ предлагалъ сначала задушить или отравить Иванова, но затѣмъ рѣшили завлечь Иванова подъ вымысленнымъ предлогомъ въ мѣсто за академическимъ прудомъ въ гротъ и тамъ убить. Предлогомъ заманить его въ гротъ служило отысканіе скрытыхъ будто бы въ гротѣ типографическихъ станковъ. Для этой цѣли 21-го ноября Николаевъ ходилъ на квартиру Иванова часу въ 1-мъ или во 2-мъ дня, но не засталъ Иванова дома. Нѣсколько позже Нечаевъ послалъ Николаева къ студенту Лау, гдѣ думалъ застать Иванова, а Кузнецовъ былъ посланъ стеречь, когда Николаевъ и Ивановъ выйдутъ на улицу и затѣмъ предупредить о томъ остальныхъ соучастниковъ. Когда Кузнецовъ увидалъ, что Николаевъ и Ивановъ вышли изъ квартиры Лау на улицу, то онъ вернулся къ себѣ на квартиру. Оттуда Кузнецовъ съ Нечаевымъ и Успенскимъ на легковомъ извозикѣ поѣхали въ Петровскую Академію, оставивъ Прыжова на квартирѣ задержать нѣсколько Иванова и дать первымъ тремъ доѣхать до грота. Пріѣхавъ къ гроту, Нечаевъ сталъ пробивать ледъ въ пруду, а Успенскій навязывать на веревки кирпичи; Кузнецовъ же пошелъ на встрѣчу Иванову. Когда Николаевъ, Прыжовъ и Ивановъ пришли къ гроту, то Ивановъ вошелъ въ гротъ. Нечаевъ громко

закричалъ: „Кто тут“ и бросился на Иванова. Произошла свалка. Какъ происходила борьба—Кузнецовъ хорошо не помнитъ. Нечаевъ кричалъ на нихъ, но вдругъ раздался выстрѣлъ изъ револьвера и Ивановъ былъ убитъ. Кузнецовъ утверждаетъ, что они всѣ были ошеломлены. Нечаевъ снова сталъ ихъ бранить и началъ снимать съ убитаго Иванова пальто, осматривать его карманы, при чемъ вынулъ сигары, записную книжку, портмонэ и нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ. Все это онъ передалъ отчасти Кузнецову, Николаеву и Прыжову. Послѣ этого они стащили трупъ въ прудъ. Нечаевъ ушелъ съ Успенскимъ, взявъ съ собою пальто Иванова, а Кузнецовъ ушелъ къ себѣ домой. Когда всѣ участники преступленія собрались въ квартирѣ Кузнецова, то они всѣ мылись и уничтожили слѣды преступленія. Револьверъ, изъ котораго былъ сдѣланъ выстрѣлъ Нечаевымъ въ Иванова, принадлежалъ Николаеву. Книжка, портмонэ и шапка Иванова, которую по ошибкѣ захватилъ съ мѣста преступленія Нечаевъ, забывъ тамъ свою, были сожжены въ печкѣ. Когда всѣ приводили себя въ порядокъ, Кузнецовъ видѣлъ, что у Нечаева руки были въ большихъ ранахъ. Нечаевъ, невѣстно Кузнецову по какой причинѣ, выстрѣлилъ послѣ убійства въ квартирѣ Кузнецова изъ того же револьвера и пуля оставила слѣдъ на обоюхъ его комнаты. Кромѣ Кузнецова въ совершеніи того же преступленія сознался Успенскій, Николаевъ и Прыжовъ. Показанія ихъ, будучи вполне согласны съ показаніемъ Кузнецова, разъясняютъ еще болѣе обстоятельства, сопровождавшія убійство Иванова. Такъ, Успенскій дополнилъ, что мысль убить Иванова принадлежала Нечаеву. Совѣщанія о томъ, какимъ образомъ совершить убійство, происходили нѣдѣлю. 21-го ноября утромъ Николаевъ былъ посланъ въ Академію за Ивановымъ, но не засталъ его дома. Затѣмъ Ивановъ былъ заманенъ въ гротъ, тѣмъ способомъ, какъ о томъ говоритъ Кузнецовъ. Когда Ивановъ вошелъ въ гротъ, то началъ шумъ и Успенскій слышалъ, какъ Николаевъ кричалъ: „Не меня, не меня“. Оказалось, что Нечаевъ въ темнотѣ сталъ душить Николаева, принявъ его за Иванова. Ивановъ въ это время бросился къ выходу, но его снова повалили и Николаевъ съ Нечаевымъ стали его душить. Затѣмъ раздался выстрѣлъ и Ивановъ былъ убитъ. Нечаевъ говорилъ Успенскому, что онъ выстрѣлилъ Иванову въ голову изъ револьвера Николаева. Послѣ убійства къ трупу были привязаны камни, а самый трупъ опущенъ въ прудъ. На мѣстѣ преступленія остались шапка и башлыкъ, бывшіе на Нечаевѣ. Во время борьбы въ гротѣ Ивановъ искусалъ Нечаеву руки,—это и было причиной тому, что когда Нечаевъ, вернувшись въ квартиру Кузнецова, сталъ показывать Успенскому устройство револьвера, то не могъ удержать курка и револьверъ выстрѣлилъ. Послѣ убійства Иванова Нечаевъ взялъ съ собою пальто Иванова, не желая, чтобы оно даромъ пропадало. Дорогой Успенскій замѣтилъ Нечаеву, что напрасно они взяли пальто, такъ какъ оно въ крови; тогда Нечаевъ отнесъ пальто въ сторону отъ дороги и бросилъ его у стоговъ съ сѣномъ. Точно такъ же объяснилъ совершеніе убійства и мѣщанинъ Николаевъ, добавивъ, что по приходѣ Иванова въ гротъ первымъ кинулся на него Николаевъ, схвативъ его за руки. Вслѣдъ за нимъ бросился и Нечаевъ, но въ темнотѣ сталъ душить не Иванова, а его, Николаева. Воспользовавшись этимъ, Ивановъ побѣждалъ къ выходу изъ грота, но былъ сбитъ съ ногъ Кузнецовымъ. Тогда Нечаевъ сѣлъ на грудь Иванова и сталъ душить Иванова. Ивановъ кричалъ сначала: „За что вы меня бьете, что я вамъ сдѣлалъ?“, затѣмъ только стоналъ. Нечаевъ, ругаясь за то, что ему никто не помогаетъ, потребовалъ револьверъ, и когда его Николаевъ подалъ, выстрѣлилъ Иванову въ голову. Вышеизложенныя показанія подтверждены также и обвиняемымъ Прыжовымъ. Такимъ образомъ, всѣ обвиняемые согласно утверждаютъ, что убійство Иванова совершено по мысли Нечаева и по предварительному на то уговору; при чемъ Прыжовъ побудительную причину объясняетъ такъ: Нечаевъ, котораго Прыжовъ зналъ подъ именемъ Павлова, чувствовалъ къ Иванову личную ненависть. Ивановъ не желалъ подчиниться желѣзному характеру Нечаева и ему постоянно противорѣчилъ. Нечаевъ самъ говорилъ Прыжову о томъ и Прыжовъ уговаривалъ Иванова подчиниться Нечаеву. Затѣмъ обвиняемые Кузнецовъ, Прыжовъ и Николаевъ объясняютъ свое участіе въ этомъ преступленіи тѣмъ, что ихъ отказъ неминуемо повлекъ бы за собою мечь со стороны Нечаева и они боялись сами быть убитыми. Справедливость вышеизложенныхъ показаній обвиняемыхъ, кромѣ взаимнаго ихъ между собою согласія, доказывается и тѣмъ, что они вполне согласны съ обстоятельствами дѣла. Такъ, время убійства, по показанію обвиняемыхъ, совпадаетъ съ тѣмъ часомъ, на которомъ остановились часы, бывшіе на Ивановѣ. Мѣсто убійства и способъ его совершенія, какъ рассказали обвиняемые, вполне соответствуютъ актамъ осмотровъ мѣстности и трупа. Послѣ того судебный слѣдователь пригласилъ обвиняемыхъ: Успенскаго, Кузнецова и Прыжова на мѣсто совершенія преступленія, и они, отдѣльно другъ отъ друга, совершенно согласно съ актомъ осмотра указали, гдѣ происходило убійство. Показанія обвиняемыхъ о выстрѣлѣ, сдѣланномъ Нечаевымъ въ квартирѣ Кузнецова послѣ убійства Иванова, подтвердились при осмотрѣ квартиры Кузнецова, на одной изъ стѣнъ которой обнаруженъ слѣдъ пули. Пріѣздъ Николаева 21-го числа за Ивановымъ въ Академію удостовѣренъ показаніемъ Эрстова, при чемъ Эрстовъ призналъ въ Николаевѣ именно то лицо, которое пріѣзжало за Ивановымъ. По осмотрѣ правой

руки Нечаева, на ней оказались рубцы, происшедшіе, по заключенію врачей, отъ зажившихъ ранъ; раны же эти могли быть нанесены укушеніемъ. Произведеннымъ во Врачебномъ Отдѣленіи С.-Петербургскаго Губернскаго Правленія микроскопическимъ исследованіемъ пятенъ на кирпичахъ, веревкахъ, башлыкѣ, шапкѣ и пальто, оказалось, что пятна эти произошли отъ засохшей крови млекопитающаго. Обвиняемый Сергѣй Геннадіевъ Нечаевъ, происходя изъ мѣщанъ города Шуи, по выдержаніи надлежащаго экзамена, удостоенъ былъ въ 1866 г. званія учителя приходского училища и до 30-го января 1869 г. занималъ должность учителя въ С.-Петербургскихъ приходскихъ училищахъ, но въ то время бѣжалъ за границу. Точно такъ же скрылся Нечаевъ и послѣ убійства Иванова, но въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года выданъ Швейцарскимъ Правительствомъ, какъ лицо, обвиняемое въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи. Спрошенный по обстоятельствамъ настоящаго дѣла, обвиняемый Нечаевъ заявилъ, что онъ не желаетъ давать никакихъ показаній и не отвѣчалъ ни на одинъ изъ предложенныхъ ему вопросовъ. На основаніи всего вышеназваннаго, носящій званіе приходского учителя, бывшій мѣщанинъ города Шуи Сергѣй Геннадіевъ Нечаевъ, 25 лѣтъ, обвиняется въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 1453 п. 3 Улож. о Наказ., почему и подлежатъ, согласно ст. 201 Уст. Угол. Судопр., суду Московскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. По прочтеніи акта, подсудимый вновь былъ введенъ въ залу засѣданія. Предсѣд. (обращаясь къ подсудимому). Васъ обвиняютъ въ томъ, что вы 21-го ноября 1869 г., по предварительному уговору съ другими четырьмя лицами, посланными уже за это преступленіе въ каторжныя работы, изъ личной ненависти убили въ гротѣ Петровской Академіи слушателя этой Академіи Иванова. Признаете ли себя виновнымъ? Подсуд. (тѣмъ же воывышеннымъ голосомъ, какъ и прежде). Убіеніе Иванова есть фактъ чисто политическаго характера; оно составляетъ часть дѣла о заговорѣ, которое разбиралось въ Петербургѣ... (подсудимаго, по распоряженію предсѣдателя уводятъ). Судебное слѣдствіе началось чтеніемъ акта осмотра 26-го ноября 1869 г. мѣстности, гдѣ найденъ трупъ Иванова —слѣдующаго содержанія: Отъ главныхъ академическихъ зданій прудъ отстоитъ, считая по дорогѣ, около $\frac{1}{4}$ версты и находится въ лѣсномъ участкѣ № 1; дорога хотя и пролегаетъ близъ пруда, но дорога эта не для общаго проѣзда, а для проѣзда рабочихъ. Подойдя къ пруду, во льду замѣтенъ былъ ясно конецъ башлыка и неясно очерченная фигура человѣка; на дорогѣ же, пролегающей по берегу пруда, шагахъ въ 15-ти отъ воды, по направленію отъ пруда къ полуразрушенному гроту, отстоящему отъ воды около 30 шаговъ, найденъ обыкновенный кирпичъ съ слѣдами цемента, по виду взятый изъ грота. Кирпичъ этотъ обязанъ бичевкой, имѣющей довольно длинный конецъ; на срединѣ кирпича, гдѣ начинается длинный конецъ бичевки, около двухъ аршинъ, замѣчены небольшія пятна крови; далѣе по направленію къ гроту замѣчено нѣсколько листьевъ съ кровавыми пятнами; у небольшого дерева, въ разстояніи около $1\frac{1}{4}$ сажени, на землѣ найденъ башлыкъ, цвѣта военнаго башлыка, обшитый по военному образцу темнокрасной тесьмой; въ 4 мѣстахъ на башлыкѣ замѣчены кровавыя пятна неправильной формы; затѣмъ въ разстояніи 1 арш. отъ наружной стѣны грота найденъ обыкновенный кирпичъ, также обязаный бичевкой и воалѣ кирпича найденъ малый конецъ не толстой веревки; на кирпичѣ замѣчены значительныя кровавыя пятна и воалѣ же кирпича на землѣ замѣтно значительное истеченіе крови. Между означеннымъ кирпичемъ съ кровавыми слѣдами и башлыкомъ, найденнымъ у дерева, лежитъ круглая, черная, барашковая шапка на черной подкладкѣ. На наружной сторонѣ шапки, на мѣхѣ, замѣчено значительное истеченіе крови и шапка примята. На подкладкѣ же виденъ весьма незначительный, по шву, протекъ крови. На стѣнѣ грота съ наружной стороны, въ разстояніи около 1 арш. отъ земли, замѣчено весьма малое кровавое пятно. При входѣ въ гротъ, имѣющій круглую форму, въ діаметрѣ около 8 шаговъ, съ извилистымъ темнымъ ходомъ, длиною 17 шаговъ, замѣчено нѣсколько листьевъ, покрывающихъ вообще полъ грота, съ кровавыми пятнами по направленію отъ входа въ гротъ до входа въ темный корридоръ. Въ корридорѣ таковыхъ листьевъ съ кровавыми пятнами несмотря на осмотръ, произведенный по темнотѣ корридора (крытаго) съ огнемъ, не найдено. Воалѣ выхода изъ корридора замѣчено также нѣсколько древесныхъ листьевъ и маленькой суцекъ съ кровавыми пятнами. Другихъ слѣдовъ преступленія со стороны выхода изъ корридора не замѣчено. Затѣмъ, такъ какъ ледъ былъ довольно толстъ (около 2 вершковъ), то, дабы произвести наружный осмотръ трупа, сдѣлано распоряженіе о вынутіи такового изъ воды. Но прежде замѣчено, что ледъ какъ будто бы уже былъ проломанъ и потомъ снова замерзъ. Послѣ того какъ ледъ былъ осторожно разбитъ, оказалось, что трупъ человѣка въ приличномъ платьѣ находится лицомъ внизъ въ направленіи перпендикулярномъ къ берегу: ноги близъ берега, при вытаскиваніи трупа видно было, что онъ обутъ въ кожаныхъ обыкновенныхъ сапогахъ и калошахъ, ноги скрещены и выше щиколотки обвязаны бичевкой, къ концу которой привязанъ кирпичъ. Трупъ былъ въ вытянутомъ положеніи съ раскинутыми руками; оконечности пальцевъ сжаты. Когда трупъ былъ совершенно вынутъ изъ воды и перевернутъ лицомъ къверху, оказалось, по словамъ бывшихъ при осмотрѣ слушателей Петровской Земледѣльческой Академіи, что трупъ этотъ—слушателя Ака. Жинъ Ивана Иванова, проживав-

шаго на фермѣ Академіи вмѣстѣ съ слушателемъ Мухортовымъ. Покойный Ивановъ одѣтъ въ триковьяхъ, сѣраго цвѣта пиджакѣ и жилетѣ; брюки нѣсколько свѣтлѣе съ черными лампасами. На ногахъ, какъ сказано выше, надѣты сапоги и калоши; пиджакъ и жилетъ застегнуты на одну верхнюю пуговицу; изъ подъ застегнутого платья видны двѣ рубахи, надѣтыя на покойномъ—внизу ситцевая, сверху бѣлая. Рубахи на спинѣ поднялись такъ, что видна обнаженная часть спины. Затѣмъ замѣчено, что лѣвая половина лица покойнаго Иванова оковалена. Лѣвый глазъ разбитъ и значительная ссадина на переносѣ, съ синевой на вѣкѣ къ переносью. Языкъ немного высунуть. На темени найдена ранка глубиною около одной линіи, длиною около 6 линій, но, судя по наружному осмотру, безъ поврежденія черепа, нанесенная, вѣроятно, острымъ орудіемъ. На шеѣ покойнаго Иванова надѣтъ, или правильнѣе затынутъ, красный шерстяной шарфъ, на концахъ котораго привязанъ кирпичъ. Затѣмъ другихъ поврежденій на тѣлѣ, судя по наружному осмотру, не оказалось. Слѣдуетъ еще упомянуть, что ноги Иванова — кромѣ того, что связаны внизу бичевой съ кирпичемъ — выше колѣна связаны еще башлыкомъ, принадлежащимъ, какъ оказалось, жившему вмѣстѣ съ Ивановымъ, слушателю Академіи Мухортову. На шеѣ покойнаго черныиъ шутокъ, на которомъ оказались въ лѣвомъ карманѣ жилета серебряные часы, принадлежащіе слушателю Академіи Костыркину. Въ правомъ карманѣ пиджака найденъ полотняный платокъ съ мѣлкой А. подъ короной, вышитыми гладью. Въ правомъ карманѣ жилета найдена серебряная монета въ 15 коп. Кромѣ того въ карманахъ панталонъ найдено нѣсколько небольшихъ бумажекъ, именно: нѣсколько счетовъ, билетъ бібліотеки Черкесова, № 1.205 срокомъ отъ 10-го октября по 10-е ноября, на имя Кузнецова, также слушателя Академіи. Замѣчено, что часы остановились въ 5-ть часовъ 20 мин. Лѣвый карманъ пиджака осмотрѣть было нельзя, такъ какъ лѣвая половина платья сильно промерзла. Послѣ этого были прочитаны: 1) Судебно-медицинскій осмотръ трупа Ивана Иванова. (Слѣдуетъ подробное описаніе). 2) Заключение Медицинской Конторы о причинѣ смерти Иванова. Медицинская Контора, расмотрѣвъ судебно-врачебный осмотръ трупа слушателя Петровской Академіи Ивана Ивановъ Иванова, нашла, что смерть Иванову послѣдовала отъ чрезмѣрнаго переполненія кровью легкихъ, вслѣдствіе задушенія, при современной тому смертельной ранѣ головы. Затѣмъ были введены въ залу засѣданія свидѣтели Мухортовъ и подсудимый Нечаевъ. На обычные вопросы предсѣдателя Мухортовъ объяснилъ, что онъ студентъ Петровской Академіи, подсудимаго Нечаева не знаетъ и никогда не видалъ. Прокуроръ заявилъ, что причинъ къ отводу Мухортова отъ присяги не имѣетъ. Пред. (обращаясь къ подсудимому). Студентъ Петровской Академіи Мухортовъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля по настоящему дѣлу; допускаете-ли вы его къ присягѣ? Подсуд. (болѣе спокойно, чѣмъ прежде). Я имѣлъ честь объявить, что за русскимъ судомъ права судить меня не признаю. Пред. Садитесь. Подсудимый садится, обернувшись лицомъ къ публикѣ. По принятіи присяги, свидѣтель Мухортовъ далъ слѣдующее показаніе: Я зналъ Иванова и переѣхалъ къ нему на квартиру за нѣсколько дней до его убійства. Я прожилъ съ нимъ вмѣстѣ дня два, а на третій, если не ошибаюсь, день, пріѣхалъ къ намъ довольно рано, когда мы пили чай, Кузнецовъ и позвалъ Иванова въ Москву по очень спѣшному дѣлу. Ивановъ одѣлся и, не найдя своего башлыка, взялъ мой и уѣхалъ въ Москву, обѣщаясь возвратиться въ половинѣ перваго часа ночи. Но прошло 3—4 дня, а его все не было. На это обстоятельство я не обращалъ никакого вниманія, потому что часто случается, что уѣдешь въ Москву на день, а пробудешь недѣлю. Наконецъ, замѣтили какое-то тѣло подъ лдомъ въ прудѣ Петровской Академіи въ самой отдаленной части парка. Дали знать становому, который въ присутствіи понятыхъ приступилъ къ вырубкѣ тѣла. Когда, его вырубили, то я узналъ въ немъ трупъ Иванова, а въ башлыкѣ, которымъ были связаны ноги Иванова, узналъ свой башлыкъ. Больше мнѣ объ убійствѣ ничего неизвѣстно. Пред. Въ отсутствіе Иванова къ нему не пріѣзжалъ-ли кто-нибудь? Свидѣт. Нѣтъ. Предс. Подсудимый не желаетъ предлагать вопросы свидѣтелю? Подсуд. (сидя и обернувшись къ публикѣ). Я подсудимымъ себя не считаю. Предс. Въ отсутствіе подсудимаго были прочитаны: актъ осмотра мѣстности, гдѣ найденъ трупъ Иванова, врачебный осмотръ этого трупа и заключеніе Медицинской Конторы о причинѣ смерти Иванова. Подсудимый, если желаетъ, можетъ представить объясненія по поводу этихъ документовъ. Подсуд. Я имѣлъ честь объяснить, что подсудимымъ себя не считаю. Затѣмъ, по распоряженію предсѣдателя и по заявленіямъ прокурора, противъ которыхъ подсудимый не возражалъ, прочитаны: 1) Показаніе почетнаго гражданина Василія Васильева Эрастова, данное 28-го ноября 1869 года: „Слушателя Иванова я хотя и давно зналъ, но въ хорошихъ отношеніяхъ съ нимъ былъ съ сентября мѣсяцѣ настоящаго года; жилъ я съ нимъ въ разныхъ квартирахъ, но по сосѣдству. 20-го ноября утромъ часовъ въ 10, Ивановъ вмѣстѣ съ другимъ слушателемъ Академіи, Алексѣемъ Кузнецовымъ, отправился въ Москву, но когда я спросилъ Иванова, куда онъ ѣдетъ, то Ивановъ сказалъ, что въ Почтамтъ, но зачѣмъ—не сказалъ, и съ тѣхъ поръ не возвращался; а въ отсутствіе Иванова, на другой или третій день пріѣхалъ въ пролеткѣ на извозчикъ неизвѣстный мнѣ человекъ и, войдя ко мнѣ въ квартиру, спросилъ ключъ отъ квартиры Иванова,

который находился у меня; я отдал ему ключъ, предполагая, что за нимъ идетъ и Ивановъ. Незавѣстный, пробывъ въ квартирѣ Иванова часовъ до 3-хъ вечера, вышелъ оттуда: когда же я предлагаю ему, отпустивъ извозчика, дожидаться Иванова, а потомъ отправиться на линейкѣ, то онъ не согласился, говоря, между прочимъ, что ему необходимо свиданіе съ Ивановымъ. Незавѣстный, убажая, говорилъ на мой вопросъ, что фамилія его Петровъ, имя же и отчество назвать—Иванъ Андреевъ или Андрей Ивановъ,—хорошенько не помню. Затѣмъ онъ сказалъ, что извозчика нанять отъ Серпуховскихъ воротъ за 1 р. 50 коп.. Извозчика я не видалъ, лошадь же видѣлъ издали, она была темной масти. Незавѣстному, повидимому, лѣтъ 25, роста средняго, темнорусый, небольшая борода и усы рыжеватые; одѣтъ онъ былъ въ пальто драговое, довольно поношенное, темнаго цвѣта; брюки были надѣты въ сапоги, прочаго платья не замѣтилъ, но въ лицо признать могу. Кто убилъ Иванова и когда, — я не знаю. Самъ не виновать и подозрѣнія ни на кого не имѣю. Враговъ Ивановъ не имѣлъ и характера былъ смирнаго. Къ кому онъ ѣздилъ въ Москву—мнѣ неизвѣстно. Кому принадлежать показываемые мнѣ башлыкъ, шапка, трубка и спичечница — не знаю. На вопросъ предсѣдателя: „Подсудимый, ничего не имѣеть возразить?“ предложенный какъ послѣ этого показанія, такъ и послѣ каждаго изъ послѣдующихъ свидѣтельскихъ показаній, подсудимый отвѣчалъ молчаніемъ. 2) Второе показаніе того же Эрастова, данное 12-го декабря 1869 года. Ивановъ 20-го ноября отправился вмѣстѣ съ Кузнецовымъ въ Москву. Къ десяти часамъ они отправились къ дилижансу, чтобы ѣхать въ Москву. Ивановъ былъ одѣтъ въ пиджакъ, а поверхъ пиджака было надѣто пальто чернаго цвѣта. Шапка на немъ была изъ собачьяго мѣха; въ маленькыхъ сапогахъ и въ калошахъ; на шеѣ у него былъ подвязанъ башлыкъ, цвѣтомъ похожий на тотъ, которымъ были перевязаны у него ноги. Предъявленная мнѣ, во время дополнительнаго моего показанія шапка не похожа на ту, въ которой ходилъ Ивановъ. Его шапка была рыжеватая и волосъ ея длиннѣе волоса предъявленной мнѣ. Кузнецовъ же былъ одѣтъ въ черномъ пальто, а остальное его костюма не замѣтилъ. Былъ ли на немъ башлыкъ—не помню. Въ бытность его у меня въ комнатѣ, халата изъ верблюжьей шерсти я не замѣтилъ и у него никогда не видалъ. Ночеваль-ли Кузнецовъ въ ночь съ 19-го на 20-е у Иванова въ квартирѣ,—это должно быть извѣстно Мухортову, жившему съ Ивановымъ въ одной комнатѣ. Такъ какъ у меня двери были отворены, т. е. не заперты на крючекъ, то Ивановъ ночью 19-го числа ночевалъ у меня. Утромъ съ нимъ пили чай у меня же въ комнатѣ, куда пришелъ также и Кузнецовъ, а откуда—не знаю. Послѣ 20-го числа я Иванова нигдѣ не видѣлъ. Незавѣстный же, желавшій видѣть Иванова, былъ, не помню хорошо, 21-го или 22-го числа. Ключъ же я далъ ему неизвѣстному потому, что полагалъ идущаго вслѣдъ за нимъ Иванова, въ чемъ впоследствии мое предположеніе не оправдалось — такъ что я, вслѣдствіе его непонятнаго для меня нахальства, относительно взятаго имъ у меня ключа Иванова, почелъ его за сыщика, а объ Ивановѣ—не прѣхавшемъ въ назначенное время по дѣламъ столовой—подумалъ, что его заарестовали. Квартиру Иванова во время его жительства на фермѣ посѣщали его знакомые и товарищи. Ключъ отъ комнаты своей оставлялъ Ивановъ потому, что у него въ его отсутствіе бывали товарищи его, которые иногда брали или книги, или оставляли что-нибудь въ его комнатѣ. 20-го же числа кто отдалъ мнѣ свой общій ключъ отъ таковой же комнаты—я теперь хорошо не помню. У Иванова какой-то записной книжки я не видалъ. Иванова хотя я зналъ и знакомъ былъ съ нимъ, но особеннаго ничего онъ мнѣ не повѣрялъ. Предлагалъ раза два записаться въ число слушателей, получающихъ безплатные обѣды, но я отказался отъ этого предложенія. Былъ-ли Мухортовъ 21-го — 22-го числа — я не припомню, а также не помню былъ-ли онъ дома и 23-го ноября. 3) Показаніе слушателя Петровской Академіи Эдуарда Васильева Лау, данное 17-го декабря 1869 г.: „Въ послѣднее время я проживалъ вмѣстѣ съ Григоріемъ Свѣчиннымъ на Петровкѣ, въ домѣ Самариной, въ меблированныхъ комнатахъ, а до этого жилъ съ Кизо на Патриаршихъ Прудахъ. Студента Дроздова, проживающаго теперь съ Кизо, я знаю; Иванова зналъ—онъ у меня иногда ночевалъ. Слушателя Кузнецова знаю въ лицо, кланяюсь съ нимъ, но коротко не знакомъ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Иванова въ кухмистерской Молчанова. Кромѣ лицъ, неизвѣстныхъ мнѣ, здѣсь обѣдали: Кизо, Михаилъ Дроздовъ и, какъ мнѣ кажется, также Петръ Ивакинъ. За обѣдомъ всѣ были веселы, много шутили и смѣялись. Ивановъ былъ веселъ и говорилъ, что съ нимъ бывало рѣдко, почти никогда. Послѣ обѣда было предложено, чуть-ли не Ивановымъ, идти ко мнѣ пить чай; за самоваромъ не прерывалось обѣденное веселье. Шуткамъ и смѣху не было конца. Среди этого шума, говора и смѣха доложили, что кого-то спрашиваютъ. Въ это же время къ какому-то человѣку, появившемуся въ передней нашего номера, послѣшно вышелъ Ивановъ; какъ говорилъ Кизо, они выходили въ коридоръ. Мы не успѣли оглянуться, кончить свой смѣхъ, какъ Ивановъ быстро вошелъ въ номеръ, взявъ съ окна свою шапку и на наше восклицаніе отвѣтилъ, что за нимъ пришли съ урока и затѣмъ ушелъ. Это было въ пятницу (21-го октября), должно быть около 5-ти часовъ вечера. По уходѣ Иванова, мы, т. е. Кизо, Дроздовъ и я, оставались за чаемъ. Не знаю, былъ-ли у меня Ивановъ, приходилъ онъ ко мнѣ чай пить или

нѣтъ. Черезъ нѣскольکو времени, приблизительно, какъ мнѣ кажется, черезъ часть, Кизо и Дроздовъ ушли, а я остался дома. Примѣтъ неизвѣстнаго человѣка, приходившаго за Ивановымъ, я не видалъ, потому что не выходилъ въ переднюю и среди шума не знаю собственно, какъ все устроилось такъ, что Ивановъ вышелъ къ нему. Показанныя мнѣ вещи—башлыкъ, шапка, спичечница и трубка—кому принадлежать я не знаю и никогда ихъ не видалъ. У Иванова была шапка съ околышемъ изъ собачьяго мѣха, темнаго цвѣта, съ доньшкомъ суконнымъ, неопредѣленнаго, зеленоватаго цвѣта. О смерти Иванова я узналъ черезъ нѣскольکو дней отъ Стемпковскаго, который входилъ къ Кизо, когда я сидѣлъ у послѣдняго. Кто убилъ Иванова—я не знаю и никогда не пододрѣваю. 4) Показаніе дворянина Кизо, данное 28-го ноября 1869 г.: „Слушателя Петровской Академіи Ивана Иванова я знаю; онъ у меня бывалъ довольно часто, а иногда и ночевалъ, а когда я переѣхалъ на одну квартиру со студентомъ Михайломъ Дроздовымъ, то Ивановъ сталъ рѣже ночевать. Въ четвергъ 20-го ноября Ивановъ пришелъ ко мнѣ часовъ въ 12-ть ночи; сказавъ, что пришелъ отъ Сабаниныхъ, переночевалъ у меня; онъ часовъ въ 11-ть утра пошелъ снова на урокъ къ Сабанинымъ; воротился опять ко мнѣ часу въ 2-мъ дни. Я съ нимъ и съ Дроздовымъ отправились обѣдать къ кухмистеру Молчанову, гдѣ мы встрѣтили слушателя Академіи Лау. Послѣ обѣда мы всѣ пошли къ Лау, проживающему на Петровкѣ, въ д. Самарина, противъ Петровскаго монастыря, и пили тамъ чай. Часу въ 5-мъ вечера пришелъ какой-то неизвѣстный господинъ и изъ передней спросилъ здѣсь-ли Ивановъ? Ивановъ вышелъ къ нему въ коридоръ, гдѣ проговорилъ съ нимъ минуты двѣ, возвратился въ комнату, взялъ башлыкъ и шапку и сказалъ, что идетъ на урокъ на Чистые Пруды. Почти вслѣдъ за ними пошли и мы и на улицѣ Страстного бульвара встрѣтили Иванова съ тѣмъ же неизвѣстнымъ человѣкомъ, который приходилъ за нимъ. Ивановъ остановилъ насъ и спросилъ, гдѣ Большая Дмитровка? Указавъ эту улицу, мы пошли домой, а неизвѣстный съ Ивановымъ пошелъ по направлению къ Дмитровкѣ. Намъ показалось страннымъ, что онъ пошелъ на урокъ на Чистые Пруды, а между тѣмъ отправился на Дмитровку. Кто тотъ неизвѣстный—я не знаю, въ чемъ онъ былъ одѣтъ—не замѣтилъ и въ лицо признать не могу. Съ тѣхъ поръ я Иванова нигдѣ не видалъ. Ивановъ до этого дня за два былъ у меня, ваялъ взаимы 8 р. и обѣщалъ отдать ихъ 7-го декабря“ (далѣе въ показаніи повторяется то же, что и въ концѣ предыдущаго показанія о неизвѣстности свидѣтелю кому принадлежать показанныя ему вещи и о томъ, что онъ ни на кого не выражаетъ пододрѣнія въ убійствѣ Иванова). 5) Показаніе бывшаго студента Михаила Дроздова, данное 10-го декабря 1869 г., тождественно съ показаніемъ Кизо. 6) Показаніе слушателя Петровской Академіи Иннокентія Климина, данное 15-го декабря 1869 г.: „Кузнецова знаю и въ отношеніяхъ къ нему находился хорошихъ. Видѣлъ Кузнецова въ послѣдній разъ 19-го ноября сего года, въ полдень, на своей квартирѣ, на дачѣ Красношѣвковой, что около Петровской Академіи. Приѣзжалъ онъ ко мнѣ затѣмъ, чтобы передать довѣренность на получение изъ Почтамта денегъ, которые онъ ожидалъ отъ своихъ родныхъ изъ Херсона. Иванова нѣскольکو зналъ, а въ отношеніяхъ къ нему находился безразличныхъ, т. е. ни въ хорошихъ, ни въ дурныхъ. Видѣлъ его въ послѣдній разъ въ слушательской столовой, недѣли за три или четыре до моего ареста, т. е. до 7-го декабря сего года. Кузнецовъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со многими, въ томъ числѣ и со мной, но кто пользовался особенной его дружбой—опредѣлительно сказать не могу. О друзьяхъ же Иванова не знаю. Кузнецовъ до конца октября или до начала ноября сего года жилъ вмѣстѣ со мною въ одномъ домѣ, именно на дачѣ Красношѣвковой, что около Петровской Академіи. У Иванова я какъ-то разъ былъ въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ сего года. Кузнецовъ и Ивановъ имѣли башлыкъ, но какіе именно—не знаю. Я имѣлъ башлыкъ желтаго цвѣта, обшитый тесьмой—находится же въ настоящее время въ сундукѣ на моей квартирѣ на дачѣ Стеллихъ, онъ не былъ разорванъ по шву; я его не давалъ Кузнецову при послѣднемъ моемъ свиданіи, но онъ иногда его носилъ, и башлыкъ, какъ я и выше сказалъ, въ настоящее время находится въ сундукѣ, на моей квартирѣ. Предъявленный башлыкъ не мой и кому принадлежить—не знаю. Мой башлыкъ грубѣе тесьма свѣтлѣе. Кому принадлежить показываемая мнѣ шапка—не знаю. Съ слушателемъ Мухортовымъ я незнакомъ, но видѣлъ его. Отношеній его къ Кузнецову и Иванову не знаю. Видѣлъ его въ Академіи на лекціяхъ и въ слушательской столовой. Въ первый разъ я объ убійствѣ Иванова услышалъ 25-го ноября, вечеромъ, отъ дворянина дачи Стеллихъ, который мнѣ сказалъ, въ присутствіи моего товарища Гавришева, что въ пруду найдено тѣло неизвѣстнаго человѣка; въ среду же вечеромъ, 26-го ноября, я узналъ отъ моего товарища Гавришева, что это тѣло Иванова. Впрочемъ я ошибся; я узналъ это не отъ Гавришева, а отъ Рязанцева. Кто убилъ Иванова я не знаю и пододрѣній ни на кого не имѣю. 7) Второе показаніе того же Климина, данное 19-го декабря 1869 г.: „15-го декабря 1869 г. я показалъ, что предъявленный мнѣ башлыкъ не принадлежитъ мнѣ; но въ настоящее время, обдумавъ свое показаніе и припомнивъ всѣ обстоятельства дѣла, показываю вполнѣ чистосердечно, что онъ мой и отданъ былъ мною Кузнецову въ концѣ октября или въ началѣ ноября сего года. Не показалъ я въ то время этого еще и потому, что

боялся быть обвиненнымъ въ такомъ тяжкомъ преступленіи, какъ убійство, въ томъ случаѣ, если то лицо отказалось бы отъ подученія имъ отъ меня башлыка, тѣмъ болѣе, что я не помню, взялъ-ли онъ его у меня при свидѣтеляхъ или одинъ на одинъ. Взялъ онъ его у меня на квартирѣ, на дачѣ Краснолѣвковой, поносить. Когда я жилъ на дачѣ Краснолѣвковой, то, дѣйствительно, къ Кузнецову прїѣзжали изъ Москвы иногда гости, но ихъ я въ лицо не знаю, знаю только одного изъ нихъ, котораго звали Ивановъ Петровичемъ; узналъ же я объ имени и отчества его отъ самого Кузнецова. Иногда Иванъ Петровичъ прїѣзжалъ въ отсутствіе Кузнецова и сирасивалъ сего послѣдняго; фамилія этого господина мнѣ неизвѣстна; мѣсто жительства его также не знаю. Примѣты его слѣдующія: роста средняго, лѣтъ около 25-ти, волосы черноватые и кажется не очень длинныя, глаза темныя, довольно бойкіе, усы небольшіе, черныя, есть-ли борода или нѣтъ, — не помню, костюмъ его былъ обыкновенный. Видѣлъ я его послѣдній разъ въ октябрѣ или въ ноябрѣ, хорошенько не помню, и гдѣ, — теперь не могу вспомнить. Башлыкъ же, который находится у меня въ сундукѣ, принадлежит моему товарищу Гавришеву, у котораго я взялъ его поносить. 8) Показаніе дѣшннаго всѣхъ правъ состоянія Петра Гаврилова Успенскаго, данное въ С.-Петербургѣ 13-го января 1870 года: „Покойнаго Иванова я зналъ, познакомился съ нимъ въ концѣ сентября мѣсяца 1869 года. Виновымъ себя въ убійствѣ Иванова признаю. Совершено это убійство 21-го ноября между 5 и 6 часами вечера въ паркѣ Петровской Академіи мною, совмѣстно съ бывшимъ слушателемъ С.-Петербургскаго Университета Сергѣемъ Нечаевымъ, мѣщаниномъ Николаемъ Николаевымъ, губернскимъ секретаремъ Ивановъ Прыжовымъ и студентомъ Петровской Академіи Александромъ Кузнецовымъ. Мысль объ убійствѣ высказана была Нечаевымъ въ первый разъ въ воскресенье за 5 дней до совершенія; затѣмъ въ слѣдующіе дни были совѣщанія между нами. Прыжовъ, Кузнецовъ и я сначала не соглашались на предложеніе Нечаева, но затѣмъ, вечеромъ въ четвергъ, было рѣшено окончательно привести задуманное въ исполненіе на другой день, т. е. 21-го ноября. Въ назначенный день я пришелъ въ квартиру Кузнецова и тамъ же засталъ Нечаева, Николаева, Прыжова и Кузнецова. Часовъ въ 11 утра Николаевъ отправился въ Академію, за Ивановымъ, съ цѣлью привезти его въ Москву къ Кузнецову, гдѣ долженъ былъ ожидать его Прыжовъ и предложить ему, подъ вымышленнымъ предлогомъ, отправиться въ паркъ Академіи къ гроту, куда и мы должны были отправиться. Около 2 часовъ дня, чтобы Николаевъ, прїѣхавъ съ Ивановымъ, не засталъ насъ, мы отправились въ близъ находящуюся гостиницу, откуда, пообѣдавъ, зашли въ Bier-Halle, куда черезъ нѣсколько времени пришелъ Николаевъ и заявлялъ, что не нашелъ Иванова; мы всѣ пришли опять на квартиру Кузнецова и отсюда, полагая, что Ивановъ находится у своего знакомаго студента Лау, Николаевъ и Кузнецовъ ушли за Ивановымъ къ Лау; Кузнецовъ оставался на улицѣ и когда увидѣлъ Николаева, идущаго съ Ивановымъ, взялъ извозчика поскорѣе извѣстить насъ. Тотчасъ я, Кузнецовъ и Нечаевъ вышли изъ дома и, взявъ извозчика, отправились въ Петровскую Академію, гдѣ Кузнецовъ привелъ насъ къ тому мѣсту, гдѣ находился гротъ. Я и Нечаевъ остались у грота, а Кузнецовъ отправился встрѣчать Николаева, Прыжова и Иванова. Въ это время я нашелъ два камня и привязалъ къ нимъ веревки, данныя мнѣ Нечаевымъ, съ цѣлью привязать эти камни къ ногамъ. Наконецъ, послышались шаги. Я задрожалъ и прислонился къ стѣнѣ грота. Ивановъ и другіе вошли. Начался какой-то шумъ. Кто-то закричалъ: „Не меня, не меня“. Оказалось потомъ, что это кричалъ Николаевъ, на котораго бросился Нечаевъ, принявъ его за Иванова. Въ гротѣ было совершенно темно. Въ это время Ивановъ должно быть вырвался и бросился къ выходу. Кто-то, кажется, Кузнецовъ, удержалъ его; я тоже хотѣлъ помочь ему, но въ эту минуту Нечаевъ схватился и уронилъ близъ выхода Иванова. Подошелъ Николаевъ и они что-то стали возиться съ нимъ, кажется, душили его. Я и Прыжовъ стояли въ сторонѣ. Раздался выстрѣлъ, но, кто выстрѣлилъ, я не видалъ, а потомъ Нечаевъ говорилъ, что вынулъ револьверъ Николаевъ, у котораго онъ былъ въ карманѣ, а выстрѣлилъ онъ, Нечаевъ, кажется, въ голову. Ивановъ былъ убитъ и я хотѣлъ привязать веревки съ камнемъ къ ногамъ, но не въ силахъ былъ этого сдѣлать. Кто-то выхватилъ ихъ у меня и привязалъ. Затѣмъ тѣло, снесли на нѣсколько шаговъ и положили въ воду. Затѣмъ мы разошлись въ разныя стороны, возвратились въ Москву и сошлись у Кузнецова, гдѣ обмыли кровь, перемѣнили платье. Нечаевъ выливалъ наъ сапогъ воду, которая налилась въ нихъ, когда онъ входилъ въ воду, чтобы цоложить тѣло. Оказалось также, что на мѣстѣ осталась шапка, бывшая на Нечаевѣ, и башлыкъ. Между прочимъ, сидя уже у Кузнецова, я увидѣлъ на столѣ револьверъ и просилъ Нечаева показать мнѣ устройство его, такъ какъ я знакомъ до сихъ поръ не былъ съ подобными вещами. Онъ сталъ показывать, но такъ какъ у него руки были искусаны Ивановымъ и сильно болѣли, то когда онъ открылъ револьверъ, то отъ боли не могъ удержать пружины и раздался выстрѣлъ. Слѣды отъ этого выстрѣла должны сохраниться въ стѣнѣ квартиры Кузнецова, куда попала пуля. Послѣ того вскорѣ стали расходиться. Прыжовъ ушелъ нѣсколько раньше, часовъ около 9-ти, а я и Нечаевъ отправились ко мнѣ на квартиру въ 10 часу, гдѣ и провели ночь“. 9) Показаніе того же Успенскаго, данное судебному слѣдователю 2-го участка

Московского уѣзда 12 февраля 1870 г.: „Предъявленный мнѣ башлыкъ былъ, кажется, на Нечаевѣ и оставленъ имъ на мѣстѣ. Онъ же первый хватился его и шапки, но ни того, ни другого не старался искать, такъ какъ торопился уходомъ съ мѣста и потому надѣлъ шапку Иванова. Я сказалъ „кажется“ потому, что видѣлъ другой башлыкъ, лежавшій въ ногахъ Иванова и оставшійся завязаннымъ въ то время, когда привязывали камни. Предъявленная мнѣ шапка была на Нечаевѣ и потеряна имъ на мѣстѣ; онъ же шель въ шапкѣ Иванова. Предъявленные мнѣ брюки — на комъ были и кому принадлежать — мнѣ неизвѣстно. Я знаю только, что, по возвращеніи на квартиру, Нечаевъ перемѣнялъ все бѣлье нижнее и даже сапоги, такъ какъ онъ былъ измоченъ до половины тѣла, входя въ воду довольно глубоко. По поводу револьвера я могу сказать, что, по моему мнѣнію, предъявленный мнѣ револьверъ и есть именно тотъ, изъ котораго былъ сдѣланъ выстрѣлъ, кѣмъ — мнѣ не было видно, и это я основываю на словахъ Нечаева, замѣтившаго, что это хорошій револьверъ, такъ какъ звукъ отъ выстрѣла едва былъ слышенъ. Два изъ предъявленныхъ мнѣ кирпичей — тѣ самыя, къ которымъ были привязаны мною веревки, данныя мнѣ Нечаевымъ еще въ квартирѣ Кузнецова. По поводу другихъ двухъ кирпичей, найденной и предъявленной мнѣ трубки, спичечницы и часовъ — я ничего сказать не могу. Кто же привязывалъ на шею Иванова одинъ изъ кирпичей — тоже не видалъ. Послѣ выстрѣла тѣло было обыскиваемо, но опять таки кѣмъ именно — навѣрное сказать не могу; знаю только, что Нечаевъ снялъ съ убитаго пальто и понесъ, не желая, чтобы оно пропало даромъ, но вскорѣ передалъ нести мнѣ. Мы шли съ нимъ по боковой дорогѣ, остальные трое шли садомъ, и такъ какъ я пенялъ ему и говорилъ, что пальто только мѣшаетъ идти, и что оно совершенно бесполезно, тѣмъ болѣе, что на немъ кровь, то онъ взялъ у меня его изъ рукъ, отнесъ въ сторону отъ дороги и положилъ близъ стоговъ сѣна. Затѣмъ мы вышли на шоссе. Прежде еще появленія Иванова съ Николаевымъ и Прыжовымъ, въ то время, когда Кузнецовъ, кажется, ушелъ встрѣчать ихъ, а можетъ быть еще и при немъ, Нечаевъ длинною палкою старался разбить ледъ и образовать отверстие. 10) Показаніе московскаго мѣщанина Николая Николаева, данное 19-го февраля 1870 г.: „Слушателя Петровской Академіи Ивана Иванова я зналъ; относительно убійства Иванова могу сообщить слѣдующее: на 21-е ноября я ночевалъ у Кузнецова; въ этотъ день утромъ пришелъ къ намъ Нечаевъ и сказалъ, что онъ, бывши у Прыжова, рѣшилъ убить Иванова и предложилъ слѣдующій планъ, задуманный Кузнецовымъ: завлечь Иванова въ гротъ, что въ саду близъ Петровской Академіи; при этомъ Кузнецовъ говорилъ, что убійство можетъ открыться года черезъ три, когда будутъ чистить прудъ; между прочимъ, Нечаевъ предлагалъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ задушить Иванова на его квартирѣ, такъ какъ онъ спалъ тамъ одинъ; послѣ онъ отъ этого плана отказался и остановился на первомъ. Въ этотъ же день утромъ я ѣздилъ въ Академію за Ивановымъ, чтобы привести его въ Москву, но не засталъ его дома и мнѣ сосѣдъ Иванова по номеру, — студентъ Эрастовъ, сказалъ, что Ивановъ еще наканунѣ уѣхалъ въ Москву и не возвращался; тогда я взялъ у него ключъ отъ номера Иванова, ждалъ тамъ часовъ до 3-хъ; не дождавшись его, я уѣхалъ на томъ же извозчикѣ въ Москву въ квартиру Кузнецова и тамъ засталъ Нечаева, Успенскаго, Прыжова и Кузнецова; рѣшили узнать, не поѣдетъ ли Ивановъ на шести часовой линейкѣ; справляться ходилъ Кузнецовъ, который, возвратясь, сказалъ, что Иванова вѣтъ. Затѣмъ рѣшили отыскать его у Лау, почему я и Кузнецовъ отправились туда; онъ остался на улицѣ, а я взшелъ въ квартиру. Тамъ я засталъ человѣкъ пять мнѣ совершенно незнакомыхъ, такъ же какъ и самъ Лау. Ивановъ стоялъ у окна и что-то разсматривалъ; на вопросъ неизвѣстнаго мнѣ господина, что мнѣ надо, я сказалъ, что Иванова; послѣдній сейчасъ же вышелъ ко мнѣ въ коридоръ, затѣмъ одѣлся, и мы отправились въ квартиру Кузнецова, а между тѣмъ Кузнецовъ, увидя насъ, выходящихъ отъ Лау, другой стороны тротуара поспѣшно отправился предупредить всѣхъ, что Ивановъ найденъ. Дорогой Ивановъ спрашивалъ меня: куда и зачѣмъ мы идемъ, и я ему сказалъ, что онъ узнаетъ объ всемъ въ квартирѣ Кузнецова. Придя въ квартиру, мы застали въ ней одного Прыжова, такъ какъ остальные, т. е. Кузнецовъ, Успенскій и Нечаевъ, уѣхали впередъ въ гротъ Академіи, поджидать нашего прибытія. Прыжовъ, отведя Иванова въ другую комнату, сказалъ ему, что намъ необходимо ѣхать въ Петровскую Академію. Ивановъ съ радостью согласился, и мы отправились, взявъ на Тверской извозчика. При выѣздѣ изъ Москвы, Прыжовъ предложилъ заѣхать въ кабаки и выпить, что мы и сдѣлали. Пріѣхавши въ Петровско-Разумовское, мы остановились за дачей Краснопѣвковой у проселочной дороги, отпустили извозчика и отправились по направленію къ саду по проселочной дорогѣ, около которой стояли стогы сѣна. Недалеко отъ грота насъ встрѣтилъ Кузнецовъ, и мы пошли къ гроту со стороны лѣса, переидя черезъ валь, но прошли мимо грота и никого не встрѣтили; когда мы перешли на другую сторону и, подойдя къ гроту, вошли въ него, пропустя Иванова впередъ, я пошелъ сади Иванова, Кузнецовъ сбоку; послѣдній крикнулъ: „Господа, гдѣ вы?“ Изъ грота отвѣчали: „Здѣсь“. Воидя на середину грота, я схватилъ Иванова саади за руки; онъ сталъ шрываться; во время борьбы, происходившей молча, мы прислонились къ стѣнѣ грота; въ это время Нечаевъ закричалъ: „Гдѣ же онъ?“ и въ потьмахъ схватилъ меня одной рукой

за лицо, стараясь зажать мнѣ ротъ, а другой за горло, вслѣдствіе чего я принужденъ былъ выпустить Иванова, и освободивъ себя отъ рукъ Нечаева, закричалъ: „Что вы меня душите, это я, Николаевъ“. Въ это время Ивановъ, вырвавшись отъ меня, побѣжалъ къ выходу; тогда Успенскій закричалъ: „Убѣжалъ, словите“. Кузнецовъ схватилъ Иванова и повалилъ его у входа въ гротъ. Тогда Нечаевъ, я и Успенскій бросились на Иванова. Нечаевъ сѣлъ на грудь Иванову и сталъ его душить. Кузнецовъ сидѣлъ на ногахъ, я и Успенскій стояли около и ничего не дѣлалъ; я еще не могъ придти въ себя послѣ того, какъ Нечаевъ меня душилъ. Въ это время Ивановъ нѣсколько разъ крикнулъ и сказалъ: „За что вы меня бьете, что я сдѣлалъ?“ Нечаевъ выругалъ всѣхъ насъ за то, что мы не помогли душить Иванова и потребовалъ башлыкъ, который я снялъ съ Кузнецова и подаль Нечаеву; послѣдній мнѣ закричалъ: „Души“, и я второпяхъ сталъ искать шею Иванова; но схватилъ только за руку Нечаева, душившую Иванова, причѣмъ Ивановъ успѣлъ перевернуться лицомъ къ землѣ и довольно громко простонать. Немного погодя онъ уже не кричалъ, но еще шевелился. Тогда Нечаевъ взял у меня револьверъ и прострѣлилъ имъ голову Иванова. Револьверъ, показываемый мнѣ въ настоящую минуту, тотъ самый. Затѣмъ я съ Нечаевымъ снялъ съ Иванова пальто и вынулъ изъ кармана панталонъ какія-то бумаги и портмоне, въ которомъ ничего не было. Пальто Нечаевъ взялъ съ собою, когда уходилъ. Послѣ этого Нечаевъ привязалъ къ ногамъ Иванова камень; я же привязывалъ къ рукамъ, но отъ волненія привязать не могъ, почему Нечаевъ сталъ привязывать самъ, и гдѣ онъ ихъ привязалъ — не знаю. Показываемые мнѣ теперь кирпичи, должно быть, тѣ самые. Послѣ этого мы всѣ стащили Иванова въ прудъ. Затѣмъ Нечаевъ съ Успенскимъ отправились къ Москвѣ черезъ проселочную дорогу, захвативъ съ собою пальто Иванова, а я съ Кузнецовымъ и Прыжовымъ прошли мимо Академіи по шоссе. Во время суматохи Нечаевъ потерялъ свою черную барашковую шапку, нынѣ мнѣ показываемую, а вмѣсто нея надѣлъ оставшуюся послѣ Иванова, которую мы сожгли въ квартирѣ Кузнецова. Показываемый мнѣ теперь башлыкъ, должно быть, тотъ самый, который былъ на Кузнецовѣ; башлыкъ же, бывшій на Ивановѣ, опущенъ былъ нами вмѣстѣ съ нимъ въ прудъ. Показываемые мнѣ теперь брюки принадлежатъ Нечаеву. Онъ въ нихъ былъ во время совершенія убійства и снялъ вслѣдствіе оказавшихся на нихъ кровяныхъ пятнъ; мною же онъ былъ надѣтъ въ тотъ же вечеръ въ квартирѣ Кузнецова вслѣдствіе того, что я свои брюки замочилъ въ водѣ, когда тащилъ Иванова въ прудъ, а эти были сухи, послѣ чего я ихъ по забывчивости не снималъ до самаго дня моего ареста. Въ этотъ же вечеръ всѣ мы собрались у Кузнецова, гдѣ и обмывали все платье, запачканное въ крови; тогда же Нечаевъ, разсматривая револьверъ, которымъ былъ убитъ Ивановъ, выстрѣлилъ въ стѣну; пуля пролетѣла около головы Прыжова, который, вслѣдствіе этого, возымѣлъ подозрѣніе на Нечаева въ покушеніи убить его. Но Нечаевъ отговаривался тѣмъ, что онъ не могъ удержать курокъ, отчего произошелъ выстрѣлъ, такъ какъ у него руки были сильно искусаны Ивановымъ. На Кузнецовѣ былъ башлыкъ студента Климина. Кому принадлежатъ показываемые мнѣ теперь часы, трубочка и спичечница, я не знаю. Къ сему могу добавить, что Прыжовъ въ то время, когда условивались совершить убійство, просилъ Нечаева и всѣхъ насъ избавить его отъ присутствія при убійствѣ Иванова, говоря, что онъ слѣпъ и слабъ, но на это никто не согласился, говоря, что онъ долженъ фактически участвовать въ убійствѣ. Послѣ же Нечаевъ говорилъ, что это необходимо было для того, чтобы Прыжовъ насъ не выдалъ. Хотя я признаю себя виновнымъ въ смерти Иванова, но участіе я принималъ по приказанію Нечаева и протестовать противъ этого приказанія я не смѣлъ, боясь, чтобы онъ меня тоже не убилъ“. 11) Показаніе лишеннаго всѣхъ правъ состоянія Алексѣя Кирилова Кузнецова, данное судебному слѣдователю Петербургскаго Окружнаго Суда 13-го января 1870 года: „Покоебно Иванова я зналъ года два или больше, былъ съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Виновнымъ себя я въ убійствѣ его признаю. Убійство совершено было 21-го ноября часовъ въ 5 или 6 вечера; участвовало въ немъ 5 человекъ: Сергѣй Нечаевъ, извѣстный мнѣ тогда подъ именемъ Ивана Петровича, мѣщанинъ Николаевъ, извѣстный мнѣ подъ именемъ Александра Васильевича, бывшій студентъ Петръ Успенскій и губерскій секретарь Иванъ Прыжовъ. Умыселъ объ убійствѣ, какъ я полагаю, явился у Нечаева и Успенскаго, по крайней мѣрѣ видно было, что они прежде между собою это порѣшили; мнѣ же ими и Прыжовымъ было сообщено наканунѣ, и хотя я отказывался, но долженъ былъ изъявить согласіе на участіе въ убійствѣ. Нечаевъ сначала предлагалъ задушить или отравить; я возражалъ; наконецъ, остановились на задушеніи, для чего было рѣшено завлечь Иванова подъ вымышленнымъ предлогомъ въ гротъ за академическимъ прудомъ. Николаевъ, который, не участвуя на совѣщаніи о способѣ убійства, происходившемъ наканунѣ у Успенскаго, очевидно зналъ все отъ Нечаева, отправился 21-го ноября, часу въ первомъ или во второмъ, за Ивановымъ на его квартиру, а мы втроемъ (безъ Прыжова) отправились въ трактиръ „Тверь“ (противъ Страстнаго монастыря, на Тверской площади), отсюда пошли въ Bierhalle Даниельсона на Тверскомъ бульварѣ, куда пришли Николаевъ и Прыжовъ, и первый сказалъ, что Иванова нѣтъ дома, тогда всѣ пошли ко мнѣ на квартиру и отсюда Нечаевъ по-

слалъ Николаева къ студенту Петровской Академіи Эдуарду Лау за Ивановымъ, предполагая, что онъ тамъ, а меня — смотрѣть на улицѣ, не входя къ Лау, когда увидѣть Николаевъ съ Ивановымъ и предупредить объ этомъ. Когда я увидѣлъ, что они выходятъ отъ Лау, я пошелъ предупредить, и всѣ втроемъ, т. е. я, Нечаевъ и Успенскій, взявъ навозчика (легкового) и поѣхали впередъ, остановились около Академіи и нѣшкомъ дошли до грота, гдѣ остались: Успенскій — связывать камни веревками, Нечаевъ прошибать палкою ледъ въ прудѣ, а я пошелъ встрѣчать Николаева съ Ивановымъ и Прыжова, который оставался у меня въ квартирѣ и долженъ былъ задержать нѣкоторое время Иванова въ квартирѣ моей, чтобы мы успѣли прѣѣхать впередъ. Встрѣтивъ ихъ, я съ ними вмѣстѣ вошелъ въ гротъ, и когда Ивановъ былъ тамъ, я тотчасъ же вышелъ изъ грота; Ивановъ выбѣжалъ изъ грота, я подбѣжалъ къ нему, но подбѣжали Нечаевъ и Николаевъ, произошла свалка и его повалили; здѣсь, мнѣ кажется, всѣ его дежали. Нечаевъ ругался и кричалъ на насъ; тутъ же внезапно кто-то выстрѣлилъ въ Иванова; какъ послѣ я узналъ, это выстрѣлилъ Нечаевъ изъ револьвера, который подалъ ему Николаевъ. Мы всѣ были ошеломлены; Нечаевъ опять сталъ на насъ ругаться и сталъ снимать съ убитаго Иванова пальто и осматривать карманы, при чемъ вынулъ сигары, записную книжку, портмонэ и нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ, что передавалъ отчасти мнѣ, отчасти Николаеву и Прыжову, а Успенскій въ это время привязывалъ къ ногамъ Иванова камни и при этомъ спуталъ вмѣстѣ съ веревками и башлыкъ, который былъ мною взятъ у слушателя Петровской Академіи Климина и въ данную минуту находился на Успенскомъ. Кромѣ того мы всѣ потащили трупъ Иванова въ прудъ. Нечаевъ взялъ съ собою пальто и пошелъ съ Успенскимъ въ сторону Академіи, а мы втроемъ пошли по шоссе. Я пришелъ почти бѣгомъ къ себѣ на квартиру. Я или Николаевъ затопили печку и, когда всѣ пятеро собрались, сожгли взятые у Иванова книжку и портмонэ и еще что-то, что именно — я не видѣлъ. Всѣ мы выпитались и мылись". 12) Показаніе того же Алексѣя Кузнецова, данное 13-го февраля 1870 года: „Изъ показанныхъ мнѣ вещей башлыкъ принадлежитъ Иннокентію Климину, у котораго я взялъ его недѣли за двѣ, бывши у него въ гостяхъ. Во время убійства я былъ въ своемъ башлыкѣ; этотъ же башлыкъ взятъ былъ изъ моей квартиры или Нечаевымъ, или Успенскимъ, кѣмъ изъ нихъ — не помню. Баранья шапка принадлежитъ Нечаеву, который ее потерялъ и вмѣсто нея взялъ шапку Иванова, не замѣтивши этого. Шапка Иванова была брошена мною въ огонь, несмотря на то, что меня уговаривали ее оставить. Были ли показанные мнѣ часы на Ивановѣ — я не знаю. Трубка, спичечница и брюки я не знаю, кому принадлежать; подобныхъ брюкъ на Ивановѣ я никогда не видалъ. Я видѣлъ, что Успенскій привязывалъ кирпичи или камни веревками, переданными ему Нечаевымъ. Кто привязывалъ къ шеѣ камни — не знаю, но къ ногамъ, кажется, привязывалъ Успенскій. Впрочемъ, я былъ въ такомъ страшномъ волненіи, что едва сознавалъ, что дѣлалось вокругъ меня. Револьверъ, показанный мнѣ, принадлежитъ Николаеву, и, какъ послѣ я узналъ изъ разговоровъ, выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ этого револьвера Нечаевымъ, хотя у него былъ и свой револьверъ. Изъ этого же револьвера былъ сдѣланъ Нечаевымъ выстрѣлъ въ моей квартирѣ, не знаю съ какою цѣлью. Какъ произошло это, я не видалъ, потому что былъ въ другой комнатѣ; послѣ я нашелъ знакъ отъ выстрѣла на стѣнѣ, но пуля мною не найдена. У Нечаева обѣ руки были въ большихъ ранахъ. Мы всѣ четверо, т. е. Ивановъ, Николаевъ, Прыжовъ и я, вошли въ гротъ, подошли къ его противоположной двери, тогда я услышалъ порохъ и страшный, неестественный голосъ Нечаева, который крикнулъ: „Кто здѣсь?“ Я въ то же мгновеніе выскочилъ изъ грота и сталъ смотрѣть на дорогу, на которой и стоялъ. Нѣсколько времени ничего не было слышно, но вдругъ я увидѣлъ, что кто-то выбѣгалъ, приклонившись къ землѣ; я подбѣжалъ и, не зная въ чемъ дѣло, спросилъ: „Что такое, что это?“ Но въ это время уже выскочилъ Нечаевъ и другіе, произошла суматоха, Ивановъ былъ сваленъ и кажется, упалъ ничкомъ на землю около самаго грота, шагахъ въ двухъ или трехъ, гдѣ былъ выстрѣлъ и на этомъ же мѣстѣ были привязаны камни. Я не принималъ прямого участія въ убійствѣ, но шелъ потому, что былъ увѣренъ, что Нечаевъ меня застрѣлилъ бы. Я былъ во всемъ этомъ страшномъ происшествіи зрителемъ по необходимости. Изъ Москвы я выѣхалъ вмѣстѣ съ Нечаевымъ изъ моей квартиры 22-го ноября 1869 г. въ Петербургъ". 13) Показаніе личнаго всѣхъ правъ состоянія Ивана Гаврилова Прыжова, данное 13-го февраля 1870 года судьбою слѣдователю 2-го участка Московскаго уѣзда: „Слушателя Петровской Академіи Иванова я зналъ. Виновнымъ въ убійствѣ его себя не признаю. Что же касается участія моего въ этомъ, то оно было совершенно невольнымъ. 21-го ноября, утромъ рано, не давъ мнѣ выпить чаю, явился ко мнѣ Павловъ, теперь оказавшійся совершенно другимъ лицомъ, именно Нечаевымъ, вытаскилъ меня изъ дому къ Успенскому и тамъ объявилъ, что уже надо будетъ всѣмъ отправиться въ Петровское. Послѣ обѣда я явился въ квартиру Кузнецова, нашелъ тамъ Павлова, Успенскаго, Николаева и самого хозяина квартиры — Кузнецова. Когда я увидѣлъ, что Павловъ приготовляетъ револьверъ и веревки, то понялъ, что готовится смерть Иванову. Еще до этого времени я зналъ, что Павловъ чувствуетъ къ нему личную ненависть, и старался по возможности

отклонить ее дурныя послѣдствія. Ивановъ своимъ упорствомъ постоянно раздражалъ желѣзный характеръ Павлова, и когда этотъ послѣдній просилъ меня переговорить съ Ивановымъ кое о чемъ, а самъ сказалъ, что уѣзжаетъ изъ Москвы (и Николаевъ, сидѣвшій въ другой комнатѣ, вѣроятно, припомнитъ это обстоятельство, бывшее на датѣ Краснопопковой), то я тѣтно упрасивалъ Иванова уступить хоть въ чемъ-нибудь, сдѣлать хоть что-нибудь; но я всегда получалъ упорно-отрицательный отвѣтъ и выходилъ въ другую комнату, чтобы вздохнуть отъ этого неприятнаго положенія. Видя приготовления Павлова, я сказалъ прямо: я на это не пойду. Онъ отвѣтилъ мнѣ, закричавъ на меня: „Теперь поздно отказываться, извольте идти“. Я говорилъ, что ихъ довольно и безъ меня, тѣмъ больше, что я ночью ровно ничего не вижу. Они отвѣчали, что это ничего не значитъ. Я говорилъ, что въ случаѣ преслѣдованія, я бѣжать не могу и спутаю ихъ и себя. Они отвѣчали: „Ну такъ мы васъ понесемъ“. Борются съ желѣзною волею Павлова, съ его энергіей и рѣшительностью, которыя не знаютъ никакихъ предѣловъ, мнѣ было трудно и невозможно. Для приданія себѣ власти, надѣя собою я хотѣлъ выпить водки, но Павловъ, по общему совѣту, отнял ее у меня и куда-то убралъ въ коридоръ. Рѣшено было послать Николаева въ Петровское привести оттуда Иванова. Онъ поѣхалъ, и я рассчитывалъ, что Ивановъ будетъ спасенъ, если его не застанутъ дома. Николаевъ, возвратившись, объявилъ, что Ивановъ въ Москвѣ у Лау. Павловъ велѣлъ Николаеву отправиться къ Лау, вызвать Иванова и привести къ Кузнецову, а самъ съ Кузнецовымъ или съ Успенскимъ (вѣрно не помню) отправился ждать послѣдствій на бульварѣ. Кузнецовъ потомъ прибѣжалъ и, сказавъ: „идеть“, точно же ушелъ и вмѣстѣ съ Павловымъ и Успенскимъ впередъ поѣхалъ въ Петровское. По приходѣ Иванова мнѣ уже нечего было дѣлать, какъ ѣхать туда же,—иначе мнѣ бы не жить въ этотъ вечеръ. Но я рассчитывалъ, что случай или счастье выручатъ, что можетъ быть къ моему голосу присоединится еще кто-нибудь и дѣло приметъ другой оборотъ. По приѣздѣ въ Петровское въ лѣсу встрѣтилъ насъ Кузнецовъ съ головою, закутанной въ башлыкъ, и пошелъ впереди съ Ивановымъ. Сзади шелъ я съ Николаевымъ; Кузнецовъ съ Ивановымъ вошли въ гротъ. Я остался внѣ и видѣлъ, что началось что-то въ родѣ свалки. Николаевъ потомъ говорилъ мнѣ, что Павловъ вмѣсто Иванова бросился на него, Николаева, и сталъ его душить, мока этотъ отъ него не вырвался. Затѣмъ, помню, что кто-то говорилъ, чтобы связывали Иванову ноги; помню, что эта толпа бросилась изъ грота и возилась на землѣ нѣсколько минутъ, что меня при этомъ кто-то толкнулъ со словомъ: „прочъ“; что Павловъ потребовалъ револьверъ: „дайте револьверъ“—и затѣмъ послѣдовалъ выстрѣлъ. Разломавъ сапогами ледъ и сваливъ Иванова въ прудъ, Павловъ съ Успенскимъ пошелъ налѣво, а мнѣ, Кузнецову и Николаеву велѣлъ идти направо; но еще въ лѣсу Кузнецовъ отдѣлился отъ насъ, и я съ Николаевымъ возвратился назадъ. Здѣсь, въ квартирѣ Кузнецова, у стола стоялъ Павловъ и снималъ съ себя окровавленную шапку Иванова, сюртукъ и сапоги; на полу была вода и кровь. Когда я вошелъ, то онъ опять закричалъ, чтобы я близко не подходилъ. Стоя у стола въ одной рубашкѣ, Павловъ примочивалъ водою пальцы лѣвой руки, перекушенные Ивановымъ; справа на стулѣ сидѣлъ Успенскій; на столѣ лежалъ револьверъ. Я подошелъ, чтобы изъ полушотофа налить водки и ухѣать—въ это время справа раздался выстрѣлъ, сдѣланный Павловымъ; пуля пролетѣла около моего праваго виска, оглушивъ меня. Я спросилъ: „что это такое?“ Павловъ отвѣчалъ: „что же? если бы тебя убили, такъ на тебя бы и свалили“. Я ушелъ домой, во съ половины дороги воротился, потому что позабылъ шарфъ. Взялъ я шарфъ и сталъ уходить, но Павловъ меня остановилъ и поцѣловалъ, сжавъ голову мнѣ. Что было затѣмъ—я не знаю. Показанный мнѣ башлыкъ долженъ быть тотъ самый, который Кузнецовъ оставилъ на мѣстѣ убійства; шапка принадлежитъ Павлову, брюки чьи—не знаю, а револьверъ долженъ быть Кузнецова, потому что подобный я прежде видѣлъ у него на столѣ. Кому принадлежатъ часы, трубка, спичечница—не знаю; предполагаю, что это Иванова, потому что мои сотоварищи, собираясь въ Петровское, оставили дома все, что у нихъ было въ карманахъ. Кто привязывалъ кирпичи—не знаю, потому что все совершалось въ страшной темнотѣ. Подъ именемъ Павлова оказался Сергѣй Нечаевъ“. 14) Актъ освидѣтельствованія рукъ Сергѣя Нечаева, проваденнаго 23-го декабря 1872 года, по которому оказалось: на тыльной поверхности правой ручной кисти, соотвѣтственно нижнему концу пястной кости указательнаго пальца, явственно замѣчается рубецъ въ кожѣ, имѣющій косвенное направленіе сверху и справа внизъ и влѣво, длиною въ 3 линіи и шириною въ $\frac{1}{2}$ линіи, прямолинейнаго очертанія, бѣлесватаго цвѣта, явственно отличающагося отъ цвѣта окружающей кожи, слегка доснящійся, замѣтно возвышающійся надъ уровнемъ окружающей кожи и легко подвижный. Описанный рубецъ къ верхнему концу своему нѣсколько шире, а въ нижній конецъ его впадаетъ въ перпендикулярномъ направленіи другой рубчикъ, величиною приблизительно въ одну линію. На внутренней поверхности (локтевой) перваго сустава (верхнаго) средняго пальца той же руки жеиѣ явственно замѣчается очень тонкій рубецъ въ кожѣ, имѣющій направленіе прямое, сверху внизъ, ливейнаго очертанія, длиною приблизительно около 2-хъ линій, цвѣта бѣлесватаго, слегка доснящійся, подвижный. На лѣвой ручной кисти никакихъ знаковъ отъ по-

вреждений не усматривается. На предложенные слѣдователемъ вопросы: 1) Отчего произошли рубцы на правой рукѣ Нечаева? 2) Если это суть рубцы, происшедшіе отъ заживленія ранъ, то не могли ли они произойти отъ заживленія укушенныхъ ранъ? 3) Давно ли произошли эти рубцы? и 4) Рубцы такого рода могутъ ли сохраняться въ теченіе времени отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ? врачи дали слѣдующее заключеніе: 1) Рубцы, оказавшіеся на правой рукѣ Нечаева, произошли отъ заживленія ранъ. 2) Судя по виду и расположенію рубцовъ, они могли произойти и отъ заживленія укушенныхъ ранъ. 3) Какъ давно произошли эти рубцы—опредѣлить невозможно, но происхожденія они не недавняго. 4) Рубцы такого рода сохраняются не только въ теченіе времени отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ, но могутъ даже сохраниться и на всю жизнь. 15) Актъ осмотра квартиры Алексѣя Кузнецова, 15-го декабря 1869 г.: Квартира Кузнецова находится на дворѣ, въ каменномъ флигелѣ, въ нижнемъ этажѣ, и состоитъ изъ трехъ комнатъ, расположенныхъ слѣдующимъ образомъ: первая—темная, имѣющая въ длину и ширину 3 аршина, входъ въ нее изъ сѣней; прямо изъ передней представляется дверь въ слѣдующую комнату, отдѣляющуюся отъ передней деревянною перегородкой, не доходящей до потолка; эта комната имѣетъ въ длину 4, а въ ширину 3 аршина, съ однимъ окномъ, выходящимъ на дворъ; комната эта по штукатуркѣ оклеена желтыми обоями; въ этой комнатѣ съ правой стороны, на срединѣ стѣны, находятся нѣсколько небольшихъ пробоинъ, которыя судя по углубленію и квадратному очертанію ихъ, произошли отъ гвоздей; въ той же комнатѣ съ лѣвой стороны около окна, на срединѣ простѣнка, находятся шесть пробоинъ, изъ которыхъ четыре, судя по углубленію въ штукатуркѣ и по квадратному очертанію, произошли какъ бы отъ гвоздей, а остальные двѣ, какъ можно предположить, произошли отъ пули, судя по очертанію на обояхъ и поверхностному углубленію на штукатуркѣ. Съ лѣвой стороны этой комнаты находится еще комната, отдѣляющаяся деревянною перегородкою и имѣющая въ длину 7 аршинъ и въ ширину 4 аршина, съ однимъ окномъ, выходящимъ во дворъ; комната эта тоже по штукатуркѣ оклеена дикими обоями. Въ этой комнатѣ съ лѣвой стороны окна, въ углу, на стѣнѣ обои разорваны какъ бы тупымъ орудіемъ, въ длину около вершка, и на сосѣдней стѣнѣ, немного выше перваго разрыва, видны другой разрывъ, какъ бы происшедшій отъ пули, скользящей рикошетомъ отъ перваго разрыва; предположеніе это основано на томъ, что на штукатуркѣ подъ первымъ разрывомъ, на поверхности углубленія штукатурки, замѣтны слѣды, какъ бы происшедшіе отъ карандаша или свинца. Другихъ же знаковъ во всей квартирѣ не найдено, и по осмотру какъ сора въ комнатахъ, такъ и золь въ печкѣ, ни пуль и нерастопленного свинца не оказалось. Затѣмъ обои со стѣны сняты и на нихъ подозрительные знаки обозначены чернилами подъ №№ 1 и 2 16) и 17) Актъ осмотровъ мѣстности совершенія убійства, въ присутствіи Успенскаго, Кузнецова, Николѣева и Прыжова: а) По словамъ Успенскаго, онъ шель съ двумя другими обвиняемыми къ мѣсту преступленія черезъ садъ Академіи, но такъ какъ въ настоящее время весь садъ занесенъ глубокимъ снѣгомъ, то поэтому эта дорога и не могла быть изслѣдована, вслѣдствіе чего всѣ присутствующие направились къ тому же мѣсту по другой дорогѣ. По прибытіи къ кирпичному гроту, къ тому самому, около котораго найденъ былъ въ водѣ трупъ 25-го ноября 1869 года, и находящемуся въ 30-ти шагахъ отъ берега пруда, Успенскій объяснилъ что этотъ самый гротъ, куда завлеченъ былъ Ивановъ. Гротъ этотъ представляется совершенно круглымъ внутри, и это круглое пространство имѣетъ въ диаметрѣ около 9-ти аршинъ; на куполообразномъ потолкѣ имѣется круглое отверстіе, освѣщающее внутреннее помѣщеніе. Гротъ имѣетъ два входа: одинъ со стороны пруда — въ видѣ арки, другой съ противоположной стороны, прямо изъ лѣса, чрезъ извѣстный темный коридоръ. По словамъ Успенскаго, въ то время, когда Ивановъ, Николаевъ и Прыжовъ вошли въ гротъ, онъ стоялъ внутри грота, около стѣны, съ лѣвой стороны вышеупомянутой арки, Нечаевъ съ правой стороны. Затѣмъ онъ указалъ мѣсто снаружи грота, нѣсколько вправо, гдѣ душили Иванова, и оказалось что это то самое, на которомъ при предвѣдущихъ осмотрахъ замѣнены были слѣды крови. Въ заключеніе Успенскій указалъ, какъ то мѣсто пруда, куда, по словамъ, былъ опущенъ трупъ Иванова, такъ и то мѣсто около стоговъ сѣна, гдѣ было положено Нечаевымъ пальто, снятое съ Иванова, и это объясненіе совершенно совпало съ обстоятельствомъ обнаруженія преступленія. Послѣ этого Успенскій отправленъ былъ въ Канцелярію Академіи въ сопровожденіи поручика Московскаго жандармскаго дивизіона Памолога, который доставилъ вслѣдъ затѣмъ на мѣсто осмотра бывшаго слушателя Академіи Алексѣя Кузнецова. Послѣдній, также признавая, что это тотъ самый гротъ, гдѣ совершено было убійство Иванова, объяснилъ, что онъ пришелъ 21-го ноября къ гроту со стороны сада вмѣстѣ съ Успенскимъ и Нечаевымъ, а потомъ отправился въ противоположную сторону встрѣчать Иванова и другихъ, поэтому и не можетъ указать, гдѣ именно стояли Успенскій и Нечаевъ, когда Ивановъ вошелъ въ гротъ. Затѣмъ указалъ, гдѣ именно душили Иванова и гдѣ онъ былъ опущенъ въ воду, и это объясненіе совершенно оказалось согласнымъ съ прежде произведенными осмотрами. „б) По словамъ Николаева, онъ шель съ Прыжовымъ и Ивановымъ къ мѣсту преступленія, къ гроту, по проселочной дорогѣ, около которой стояли стоги сѣна. По прибытіи

къ гроту, онъ указалъ какъ то мѣсто, гдѣ душили Иванова, такъ и мѣсто пруда, куда были опущенъ трупъ Иванова, и оказалось, что объясненіе это совершенно согласно съ прежде произведенными осмотрами“. Послѣ этого Николаевъ отправленъ былъ въ Канцелярію Академіи въ сопровожденіи корпуса жандармовъ прапорщика Соколова, который доставилъ вслѣдъ затѣмъ на мѣсто коллежскаго секретаря Прыжова. Послѣдній, также признавая, что это тотъ самый гротъ, гдѣ совершенно было убійство Иванова—указалъ гдѣ именно душили Иванова и гдѣ онъ былъ опущенъ въ воду, и это показаніе его совершенно оказалось согласнымъ съ прежде произведенными осмотрами. 18) Актъ предьявленія свидѣтелю Эрастову обвиняемаго Николаева: 1870 года февраля 25-го дня, судебный слѣдователь Московскаго уѣзда 2-го участка Антоновъ, въ присутствіи товарища прокурора Колоколова, экзекутора Академіи Харламова, въ больницѣ Академіи, показывалъ слушателю Академіи Василію Васильеву Эрастову московскаго мѣщанина Николая Николаева въ числѣ пяти человекъ, одѣтыхъ также какъ и Николаевъ въ дубленныя полушубки, съ тою цѣлю, не признаетъ-ли Эрастовъ кого-либо изъ показываемыхъ лицъ за пріѣзжавшаго къ нему на ферму 21-го ноября справляться объ Ивановѣ, и Эрастовъ, по обзорѣни всѣхъ лицъ, призналъ Николаева за того самаго, который являлся къ нему 21-го или 22-го ноября на ферму справляться объ Ивановѣ и назвался Ивановъ Андреевымъ или Андреемъ Ивановымъ Петровымъ. 19) Выписка изъ журнальнаго постановленія Врачебнаго Отдѣленія Губернскаго Правленія, состоявшагося мая 20-го дня 1870 года по дѣлу объ убійствѣ слушателя Петровской Академіи Иванова. Слушали: отношеніе сенатора Чемадурова, производящаго слѣдствіе по Высочайшему Повелѣнію отъ 9-го мая за № 495, при коемъ препровождая вещественныя доказательства по дѣлу объ убійствѣ слушателя Петровской Академіи Иванова: 1) старые, зеленоватаго цвѣта триковые брюки; 2) два кирпича; 3) суконный, коричневаго цвѣта башлыкъ, обшитый коричневою тесьмою; 4) шапку изъ черныхъ мерлушекъ и 5) пальто—приситъ подвергнуты находящіяся на вышесказанныхъ вещахъ пятна и кровавые знаки химико-микроскопическому изслѣдованію и о результатѣ сообщать г. сенатору Чемадурову.

Врачебнымъ отдѣленіемъ были подвергнуты химико-микроскопическому изслѣдованію, при чемъ оказалось: При осматриваніи триковыхъ брюкъ, кирпичей, суконнаго башлыка, шапки и пальто 1) на одномъ концѣ поперечника большаго цѣльнаго кирпича—блестящее пятно красно-бурого цвѣта, простирающееся до противоположной стороны поперечника. На другомъ концѣ той же стороны поперечника, по краямъ, нѣсколько блестящихъ пятенъ краснобурого цвѣта, неопредѣленнаго очертанія. На разныхъ мѣстахъ веревки, которою обвязанъ былъ кирпичъ въ особенности на узлѣ и петлѣ, прилегающихъ къ большому пятну, нѣсколько пятенъ красно-бурого цвѣта. 2) На маломъ кирпичѣ, на поперечникѣ цѣльнаго конца, по краямъ около угловъ, на протяженіи около 2-хъ дюймовъ—неопредѣленнаго очертанія блестящія пятна красно-бурого цвѣта. Кромѣ того, на той же сторонѣ поперечника, дальше къ отломанному концу, отдѣльно стоящія пятна, неправильной формы и величиною частью въ булавочную головку, частью больше горошины. На разныхъ мѣстахъ веревки, которою обвязанъ былъ кирпичъ, оказались пятна красно-бурого цвѣта. 3) На одномъ концѣ башлыка нѣсколько пятенъ величиною въ горошину и бурого цвѣта, и одно пятно, нѣбольшое въ длинникѣ 1, а поперечникѣ $\frac{1}{2}$ дюйма. На другомъ концѣ нѣсколько пятенъ грязно-зеленоватаго цвѣта и неопредѣленнаго очертанія. Пovyше этихъ пятенъ оказались два пятна красно-бурого цвѣта, длиною около $1\frac{1}{2}$ дюйма, шириною въ 6—8 линий. 4) На шапкѣ изъ мерлушекъ одна сторона на опушѣ оказалась жесткою, волоса слипшіяся между собою, будто-бы пропитанные клейкимъ веществомъ. Къ волосамъ плотно прилипли кусочекъ кирпича, листья и клочки бумаги. Пятно это занимало пространство, начиная отъ самаго края шапки, около 2 ладоней и имѣло буро-черный цвѣтъ. На противоположной сторонѣ шапки также оказалось пятно, величиною около 3-хъ квадратныхъ вершковъ. 5) На лѣвомъ рукавѣ пальто—пятна, частью блестящія, красно-бурого цвѣта, занимавшія почти всю полость рукава. На сухнѣ и подкладкѣ лѣвой полосы, въ особенности на верхней части—2 пятна, неопредѣленнаго очертанія, величиною около 2 ладоней; кромѣ того нѣсколько отдѣльно стоящихъ пятенъ величиною отъ горошины до рубля и больше, бурого цвѣта. На разныхъ мѣстахъ лицевой, спинной части пальто—нѣсколько пятенъ разной величины, красно-бурого цвѣта. На правой сторонѣ воротника, ниже по обѣимъ сторонамъ обшлага и около 3-ей пуговицы—пятна неправильнаго очертанія, красно-бурого цвѣта. На лицевой сторонѣ праваго рукава, около самаго локтя, пятно красно-бурого цвѣта, нѣсколько больше рубля и таковое же въ разстояніи отъ перваго около 4 дюймовъ. 6) На разныхъ мѣстахъ триковыхъ брюкъ находились пятна неопредѣленнаго очертанія, разной величины и грязно-зеленаго цвѣта. Означенныя выше пятна были вырѣзаны и часть ихъ облита небольшимъ количествомъ перегнившей воды, а вторая смѣсю глицерина, сѣрной кислоты и воды. По простѣвнн нѣсколькихъ часовъ, жидкости, слитыя съ пятенъ красно-бурого цвѣта на кирпичахъ, на веревкахъ, которыми обвязаны были кирпичи, на башлыкѣ, на шапкѣ и на пальто, имѣли красно-бурый, а жидкости, слитыя съ пятенъ грязно-зеленаго цвѣта, на башлыкѣ и на триковыхъ брюкахъ—грязно-желтый цвѣтъ. Часть жидкостей, полученныхъ при смачиваніи пятенъ съ водою, отдѣльно была

нагрѣваема по прибавленіи капли азотной кислоты; вторая же часть—по прибавленіи къ ней крупинки хлористаго натрія и нѣсколькихъ капель крѣпкой уксусной кислоты—сперва была оставлена на нѣкоторое время при обыкновенной температурѣ, а затѣмъ выпарена до суха. При нагрѣваніи прозрачныхъ жидкостей красно-бурого цвѣта образовалась муть, исчезнувшая отъ прибавленія ѣдкаго кали, а при разсматриваніи подъ микроскопомъ остатка, полученнаго обработкою жидкостей красно-бурого цвѣта, хлористымъ натріемъ и уксусною кислотою, оказались ромбическія таблички красно-желтаго цвѣта, легко растворимыя въ ѣдкомъ; слитыя съ прочихъ пятенъ при нагрѣваніи остались прозрачными и при разсматриваніи полученнаго отъ нихъ остатка подъ микроскопомъ ромбическихъ табличекъ. окрашенныхъ въ красно-желтый цвѣтъ, не оказалось. Въ жидкостяхъ, полученныхъ смачиваніемъ красно-бурыхъ пятенъ смѣсью воды, глицерина и сѣрной кислоты, при разсматриваніи подъ микроскопомъ замѣтны были кромѣ волоконъ ткани: 1) цвѣтныя тѣльца неправильной, округленной формы, 2) тѣльца частью плоскія, частью круглыя, съ двухъ сторонъ выгнутыми краями, свѣтло-красно-желтаго цвѣта.

Заключеніе. Изъ произведеннаго микроскопическаго изслѣдованія проистекаетъ: 1) что пятна красно-бурого цвѣта на кирпичкахъ и веревкахъ, на башлыкѣ, на шапкѣ и на пальто произошли отъ засохшей крови млекопитающихъ; 2) что пятна грязно-зеленаго цвѣта на брюкахъ и на башлыкѣ произошли отъ помарокъ.

Прокуроръ. Гг. присяжные засѣдатели! 21-го ноября 1869 г. въ окрестностяхъ Москвы, на землѣ, принадлежащей Петровской Академіи, совершенно было одно изъ тѣхъ преступленій, которое какъ въ нашихъ законахъ, такъ и во всѣхъ законахъ міра считается однимъ изъ тяжкихъ преступленій. Преступленіе это — убійство студента Иванова. На мнѣ лежитъ обязанность представить вамъ доказательство виновности въ этомъ убійствѣ того лица, которое предано въ настоящее время вашему суду—бывшаго мѣшанина г. Шуи, носящаго званіе учителя, Сергѣя Геннадіева Нечаева. Вы слышали изъ обвинительнаго акта, что остальные участники этого преступленія уже понесли, на основаніи приговора Суда, опредѣленное имъ по закону наказаніе. Остался не приговореннымъ одинъ только Нечаевъ, остался потому, что скрылся за границу. Швейцарское Правительство, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, признало, что оно носитъ характеръ тяжкаго уголовнаго преступленія и выдало Русскому Правительству Нечаева, который предстоитъ теперь предъ вами въ качествѣ обвиняемаго. Мнѣ врядъ-ли придется много распространяться о доказательствахъ виновности его, потому что они совершенно ясны, наглядны и убѣдительны. Прежде нежели я расскажу вамъ самыя обстоятельства преступленія и доказательство виновности въ немъ Нечаева, мнѣ необходимо опредѣлить то преступленіе, въ которомъ обвиняется Нечаевъ. Онъ обвиняется въ совершеніи преступленія, называемаго убійствомъ съ заранѣе обдуманымъ намѣреніемъ, причѣмъ жертва преступленія была привлечена убійцами въ такое мѣсто, гдѣ имъ легче всего было совершить преступленіе; короче сказать, Нечаевъ обвиняется въ убійствѣ въ засадѣ. Текстъ закона, который опредѣляетъ это преступленіе, гласитъ такимъ образомъ: „виновный въ убійствѣ съ обдуманымъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ, когда для учиненія своего злодѣянія убійца скрывался въ какой-либо засадѣ или заманилъ убитаго въ такое мѣсто, гдѣ онъ удобнѣе могъ посягнуть на жизнь его...“ Слѣдовательно, тяжесть этого преступленія на основаніи закона заключается главнымъ образомъ, во-первыхъ, въ лишеніи кого-либо жизни, и, во вторыхъ, въ томъ, что убійца подъ разными предлогами заманиваетъ жертву свою въ такое мѣсто, гдѣ она не можетъ защищаться, въ такое мѣсто, гдѣ жертвѣ этой нѣтъ болѣе спасенія. Рассказъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ убійство слушателя Петровской Академіи Иванова докажетъ вамъ, что преступленіе это вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, о которомъ я имѣлъ честь сейчасъ говорить!

Вы изволили слышать, что 21-го ноября 1869 г. въ прудѣ Петровской Академіи найденъ былъ трупъ неизвѣстнаго мужчины. Когда этотъ трупъ былъ вынутъ изъ воды, то онъ признанъ былъ за трупъ слушателя Иванова. На мѣстѣ убійства оказались забытыми различныя вещи, принадлежность которыхъ обвиняемому лицамъ была впоследствии доказана. Такъ, на мѣстѣ преступленія найдены были: башлыкъ, шапка. Затѣмъ трупъ Иванова по извлеченіи изъ воды былъ осмотрѣнъ и хотя нѣкоторыхъ вещей на немъ не оказалось, но другія вещи, какъ напримѣръ, часы и 15-ти копѣчная монета, были найдены въ карманѣ Иванова. Въ числѣ не оказавшихся на Ивановѣ вещей, было, между прочимъ, пальто, которое, какъ вы слышали изъ акта осмотра, найдено и представлено къ дѣлу крестьяниномъ Колугинымъ. Кромѣ шапки и башлыка на мѣстѣ преступленія найдены еще кирпичи, обвязанные веревкою. Цементъ, оказавшійся на кирпичкахъ, доказываетъ, что они взяты были изъ полуразрушеннаго грота, который находится на луку Петровской Академіи, недалеко отъ пруда. Вслѣдствіе этого, на первыхъ же порахъ явилось убѣжденіе въ томъ, что убійство совершено въ гротѣ, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшее изслѣдованіе мѣстности показало, что кровяные слѣды, замѣченные въ гротѣ, находились также и внѣ его и шли къ самому пруду, составляя какъ бы слѣдъ, по которому несли трупъ, найденный въ водѣ. Такимъ образомъ мѣсто совершенія преступленія было опредѣлено: это былъ гротъ въ глухомъ мѣстѣ, около Петровской Академіи. Затѣмъ тотъ же

осмотръ вещей, найденныхъ на трупѣ Иванова, показавъ, что убійство это врядъ-ли могло быть совершено съ единственною цѣлю ограбленія Иванова; напротивъ, присутствие часовъ, присутствие небольшой монеты въ карманѣ Иванова, указывало на то, что здѣсь надобно было искать другую причину совершения преступления, а отыскавъ эту причину, искать вмѣстѣ съ тѣмъ виновныхъ въ убійствѣ Иванова. Вы изволили слышать, что на трупѣ Иванова найдены различныя поврежденія: во-первыхъ, сквозная рана на головѣ пулею на вылетъ, вошедшею въ затылокъ и вышедшею въ глазъ и во вторыхъ, признаки удушенія тѣмъ самымъ шарфомъ, который оказался на Ивановѣ. Сочетаніе этихъ двухъ причинъ, и въ особенности рана изъ револьвера въ голову небольшою пулею, указывало на то, что врядъ-ли правосудію придется имѣть здѣсь дѣло съ людьми, занимающимися разбоемъ, грабежомъ и принадлежащими къ разряду обыкновенныхъ преступниковъ, которыми наполнены тюремные замки. Предварительному слѣдствію удалось разработать это дѣло вполне. При осмотрѣ трупа Иванова находился, между прочими, студентъ Петровской Академіи Мухортовъ. Онъ первый призналъ, что башлыкъ, которымъ были связаны ноги Иванова, принадлежитъ ему и затѣмъ онъ первый показалъ, что Ивановъ, съ которымъ онъ жилъ на одной квартирѣ, незадолго до открытія убійства, уѣхалъ въ Москву съ другимъ слушателемъ Академіи Кузнецовымъ. Вслѣдствіе этого начали разыскивать, кто видѣлъ Иванова въ Москвѣ въ последнее время. При этомъ напали на Кизю, Лау и Дроздова, показанія которыхъ прочтены предъ вами. Свидѣтели эти удостовѣряютъ, что они видѣли Иванова 21-го ноября, т. е. въ день совершенія убійства, въ кухмистерской Молчанова, откуда они вмѣстѣ съ Ивановымъ пошли къ Лау пить чай; во время этого чая въ квартиру Лау явился какой-то неизвѣстный человѣкъ, примѣты котораго они не могли запомнить, и пригласилъ Иванова неизвѣстно куда. Ивановъ быстро собрался и отправился съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, сказавъ, что идетъ на урокъ на Чистые Пруды. Вслѣдъ за Ивановымъ вышли Кизю и Дроздовъ. Они были очень удивлены, встрѣтивъ Иванова на Страстномъ бульварѣ, удивились потому, что Лау жилъ на Покровкѣ и слѣдовательно, чтобы попасть на Чистые Пруды, нужно было идти въ сторону противоположную Страстному бульвару. Ивановъ подошелъ къ нимъ, спросилъ, гдѣ Большая Дмитровка и вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ пошелъ по направленію къ этой улицѣ. Съ тѣхъ поръ Иванова больше не видали.

Вы, г. г. присяжные засѣдатели, извольте припомнить, что кромѣ башлыка, которымъ были связаны ноги трупа Иванова, найденъ былъ на мѣстѣ преступления, недалеко отъ грота, другой башлыкъ, принадлежащій, какъ оказалось потомъ, слушателю Петровской Академіи Климину. На вопросъ о принадлежности ему этого башлыка Климинъ отвѣтилъ сначала отрицательно, но затѣмъ удостовѣрилъ, что башлыкъ этотъ дѣйствительно принадлежитъ ему и отданъ былъ слушателю Кузнецову, незадолго до убійства Иванова. Такимъ образомъ изъ показанія Мухортова видно, что Ивановъ не задолго предъ тѣмъ отправился съ Кузнецовымъ въ Москву; затѣмъ башлыкъ, найденный на мѣстѣ преступления, принадлежалъ въ то время также Кузнецову. Влѣдствіе этого явилось прямое непосредственное убѣжденіе въ томъ, что Кузнецовъ есть такое лицо, которое должно было принимать участіе въ убійствѣ Иванова. Въ силу таковыхъ указаній былъ допрошенъ Кузнецовъ и вмѣстѣ съ нимъ еще три лица—Успенскій, Прижовъ и Николаевъ. Всѣ они, какъ вы слышали изъ прочитанныхъ показаній ихъ, сознались въ совершеніи этого убійства. По показанію этихъ четырехъ лицъ, убійство Иванова совершено такимъ образомъ, Нечаевъ, дожившись изъ-за границы въ Москвѣ, познакомился съ остальными четырьмя подсудимыми и былъ извѣстенъ имъ подъ разными именами, а именно Успенскій и Николаевъ знали его подъ именемъ Нечаева, Кузнецовъ—подъ именемъ Ивана Петровича, а Прижовъ—подъ именемъ Павлова. Въ то-же время Нечаевъ познакомился съ Ивановымъ, и вслѣдствіе ненависти, вслѣдствіе распри, вслѣдствіе этого чисто личнаго чувства къ Иванову, Нечаевъ задумалъ совершить это ужасное преступленіе. По показанію всѣхъ подсудимыхъ, цѣлюю недѣлю шли совѣщанія о томъ, какимъ образомъ совершить это преступленіе. Нечаевъ предлагалъ различныя планы; такъ напримѣръ, онъ предлагалъ Николаеву задушить Иванова въ его собственной квартирѣ, воспользовавшись тѣмъ, что Ивановъ жилъ одинъ. Наконецъ, вслѣдствіе совѣта Кузнецова, указавшаго на гротъ, какъ на единственное мѣсто около Петровской Академіи, рѣшено было заманить Иванова подъ какимъ-нибудь предлогомъ въ этотъ гротъ и тамъ убить. Самый этотъ ходъ преступленія и дальнѣйшая развязка его указывается на то, что оно не могло быть совершено по внезапному побужденію. Планъ его требовалъ конечно предварительнаго разсмотрѣнія и затѣмъ уже приведеніе въ исполненіе. Подсудимые расказываютъ, что въ тотъ день, когда рѣшено было убить Иванова, Николаевъ былъ посланъ въ Петровскую Академію принести Иванова. Но Николаевъ возвратился, сказавъ, что Иванова въ Академіи не нашель. Тогда Нечаевъ, зная, что Ивановъ бывалъ въ квартирѣ Лау, послалъ Николаева вызвать его оттуда и въ то-же время поручилъ Кузнецову слѣдить, когда выйдутъ Николаевъ и Ивановъ отъ Лау и предупредить объ этомъ остальныхъ сообщниковъ. Дѣйствительно Николаевъ засталъ у Лау Иванова и вызвалъ его. Кузнецовъ, увидѣвъ Николаева, идущаго съ Ивановымъ, отправился къ себѣ на квартиру, гдѣ ожи-

дали его Нечаевъ, Прыжовъ и Успенскій. Тогда Успенскій, Нечаевъ и Кузнецовъ отправились впередъ въ Петровскую Академію приготовить все необходимое для совершения преступления, оставивъ Прыжова задержать Иванова на то время, пока они дойдутъ до Петровской Академіи и сдѣлаютъ указанныя приготовления. Когда Николаевъ и Ивановъ явились на Дмитровку въ квартиру Кузнецова, то Прыжовъ вмѣстѣ съ ними отправился въ Петровскую Академію; дорогою они заѣзжали въ питейный домъ и пили водку. Въ это время остальные трое посудимые готовили у грота все необходимое для совершения убійства: Нечаевъ пробивалъ ледъ въ пруду, куда былъ опущенъ потомъ трупъ Иванова, Успенскій навязывалъ веревки къ кирпичамъ, съ которыми нужно было погрузить трупъ въ воду, а Кузнецовъ отправился встрѣчать Николаева, Прыжова и Иванова, чтобы предупредить потомъ о приходѣ ихъ остальныхъ соучастниковъ. Въ скоромъ времени Прыжовъ, Николаевъ и Ивановъ явились около грота и вошли въ него. Тогда Николаевъ кинулся на Иванова и между ними завязалась борьба. Нечаевъ бросился помогать Николаеву, но по ошибкѣ въ темнотѣ вмѣстѣ Ивановъ схватилъ за горло Николаева и сталъ душить его. Раздался крикъ: „Не меня, не меня“. Ивановъ, воспользовавшись этою минутою сматенія, кинулся къ выходу грота, но былъ сшибленъ съ ногъ Кузнецовымъ. На него сѣли Нечаевъ и Николаевъ и стали душить его. Ивановъ сначала кричалъ: „За что вы меня бьете, что я вамъ сдѣлалъ“, потомъ только стоналъ, а наконецъ, и стонать пересталъ; но такъ какъ трупъ еще трепеталъ, оказывалъ еще признаки жизни, то Нечаевъ потребовалъ отъ Николаева револьверъ и, получивъ его, прострѣлилъ голову Иванову. Совершивъ это преступленіе, что дѣлаютъ подсудимые? Первымъ чувствомъ, первымъ движеніемъ, обуявшимъ ихъ, было желаніе воспользоваться чужою собственностью. Они грабятъ Иванова; да, они грабятъ его! Они отбираютъ у него записную книжку, отбираютъ сигары, отбираютъ деньги, отбираютъ пальто. Я не говорю, что самое убійство совершенно съ корыстною цѣлью, иначе я обвинялъ бы Нечаева въ убійствѣ съ цѣлью ограбленія; но, совершивъ преступленіе, подсудимые поддались этому чувству и ограбили свою жертву. Когда затѣмъ дорогою Успенскій сказалъ, что напрасно взято пальто Иванова, такъ какъ оно испачкано въ крови, тогда только Нечаевъ бросилъ это пальто. Остальные вещи, взятые у Иванова, были унесены и потомъ уничтожены въ квартирѣ Кузнецова. Убивъ и ограбивъ Иванова, подсудимые стали принимать мѣры къ уничтоженію слѣдовъ преступленія. Для этого были навязаны кирпичи на шею и къ ногамъ Иванова и трупъ былъ опущенъ въ прудъ—мѣра эта оказалась неудачною, такъ какъ въ скоромъ времени трупъ былъ найденъ и преступленіе обнаружено. Съ мѣста преступленія подсудимые отправились разными дорогами въ Москву, собрались въ квартирѣ Кузнецова, гдѣ чистили свое платье и вмѣстѣ съ другими слѣдами преступленія уничтожили нѣкоторыя вещи, отобранныя отъ Иванова, какъ напримѣръ, его записную книжку. Затѣмъ, когда одежда приведена была въ порядокъ, Успенскій заинтересовался устройствомъ револьвера и началъ разсматривать съ Нечаевымъ то самое орудіе, которымъ только что было совершено преступленіе. Въ большинствѣ уголовныхъ дѣлъ, встрѣчавшихся въ моей практикѣ, я замѣчалъ у виновниковъ преступленія особое отвращеніе отъ орудія преступленія. Я еще не встрѣчалъ такого человѣка, который сталъ бы хладнокровно разсматривать и показывать другимъ орудіе, которымъ за минуто передъ тѣмъ совершено убійство. Нечаевъ, показывая Успенскому устройство револьвера, выстрѣлилъ изъ него. Вы изволили слушать, что ни Прыжова, ни отчасти Николаева нельзя было бѣдить въ нечаянности этого выстрѣла. Они держатся того мнѣнія, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ Прыжова съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ, если онъ будетъ убитъ, то сложить на него всю вину, а если не будетъ убитъ, то показать, насколько онъ находится въ зависимости отъ этихъ лицъ и какъ опасно ему обнаружить преступленіе. Прыжовъ говоритъ это категорически; на то-же самое указываетъ и Николаевъ. Другихъ доказательствъ того, что Нечаевъ сдѣлалъ выстрѣлъ съ цѣлью убить Прыжова нѣтъ и потому подсудимый не обвиняется въ этомъ преступленіи. Я указываю вамъ однако на это обстоятельство, какъ на одно изъ тѣхъ, которыя характеризуютъ личность Нечаева. Затѣмъ рядомъ съ тѣмъ невозвратительнымъ поведеніемъ, которое позволилъ себѣ подсудимый на Судѣ, мы все таки имѣемъ его собственное сознаніе въ убійствѣ. Вы изволили слышать, что Нечаевъ сказалъ: „убійство Иванова есть фактъ чисто политическаго свойства“; стало быть убійство Иванова сознано самимъ Нечаевымъ, и виновность его въ этомъ преступленіи совершенно ясна изъ самой фразы. Но если даже устранить ее, то совокупность показаній подсудимыхъ чрезвычайно твердо, чрезвычайно ясно устанавливаетъ улики противъ Нечаева. Вы изволили слышать, что всѣ показанія подсудимыхъ между собою согласны, а между тѣмъ подсудимые были допрошены въ разныхъ мѣстахъ, находясь подъ стражею; стало быть ни соглашенія, ни стачки между подсудимыми быть не могло, а въ такомъ случаѣ полное соглашеніе подсудимыхъ между собою доказываетъ, что показанія ихъ совершенно справедливы, совершенно согласны съ истиною. При этомъ я напомню, что Успенскій былъ допрошенъ 13-го января 1870 года не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ, а Прыжовъ и Николаевъ въ Москвѣ, но Николаевъ содержался въ тюремномъ замкѣ и съ Прыжовымъ никакихъ сношеній не имѣлъ. Помимо этого, если мы посмотримъ

на внутреннее значение этих показаний и сопоставим их съ обстоятельствами дѣла, которыя подтверждены актами осмотровъ, т. е. несомнѣнными документами, то еще болѣе убѣдимся въ ихъ полномъ согласіи съ истиной. Подсудимые говорятъ, что преступленіе было совершено нѣсколькими лицами, и дѣйствительно вся обстановка преступленія доказываетъ, что оно не могло быть дѣломъ одного человѣка. Такъ, вы знаете, что къ трупу Иванова были навязаны кирпичи, что ноги его были связаны; на это потребовалось бы много времени, если бы трудъ этотъ былъ совершенъ силами одного человѣка. Кромѣ того трупъ изъ грота очутился въ прудѣ, а изъ акта осмотра мѣстности видно, что слѣдовъ отъ перетаскиванія трупа не было; очевидно, что трупъ былъ принесенъ, для чего опять-таки требовались усилія не одного, а нѣсколькихъ лицъ. Далѣе подсудимые говорятъ, что преступленіе совершено по предварительному уговору. Дѣйствительно такъ стройно совершено преступленіе, начиная отъ ухода Иванова изъ квартиры Лау и кончая сокрытіемъ слѣдовъ преступленія, показывается, что оно приводилось въ исполненіе по заранѣе обдуманному плану. Затѣмъ подсудимые говорятъ, что Николаевъ былъ посланъ искать Иванова, чтобы заманить его въ гротъ. И дѣйствительно свидѣтель Эрастовъ говоритъ, что на другой день послѣ отъѣзда Иванова въ Москву, за нимъ пріѣзжалъ какой-то человѣкъ, который называлъ себя Петровымъ. Когда Эрастову былъ показанъ Николаевъ, то онъ призналъ въ Николаевѣ того самого человѣка, который пріѣзжалъ за Ивановымъ. Не забудьте, что Николаевъ показанъ былъ Эрастову не съ глазу на глазъ, а вмѣстѣ съ нѣсколькими лицами и Эрастовъ прямо указалъ на Николаева, какъ на лицо, которое пріѣзжало въ Академію за Ивановымъ. Такимъ образомъ послышка Николаева въ Академію за Ивановымъ доказывается показаніемъ Эрастова. Далѣе подсудимые говорятъ, что посылали Николаева въ квартиру Лау, чтобы выманить оттуда Иванова. Это обстоятельство совершенно подтверждается показаніями трехъ свидѣтелей — Кнзю, Дроздова и Лау, которые хотя не упоминаютъ имени Николаева, но говорятъ, что дѣйствительно Ивановъ былъ выманенъ изъ квартиры Лау какимъ-то неизвѣстнымъ человѣкомъ и что этотъ человѣкъ велъ Иванова на Большую Дмитровку, гдѣ, какъ вы слышали изъ одного изъ прочитанныхъ актовъ, проживалъ Кузнецовъ, у котораго въ день совершения преступленія собрались всѣ сообщники Нечаева. Вотъ послѣдній моментъ, въ который свидѣтели видятъ Иванова. Далѣе подсудимые обозначаютъ время совершения преступленія. Время это вполне ясно совпадаетъ съ такимъ обстоятельствомъ, которое опровергнуто быть не можетъ. Когда трупъ былъ опущенъ въ воду, то вода, проникнувъ въ часы Иванова, должна была остановить ихъ. Часы остановились около половины 6-го. Это время совершенно сходится съ показаніемъ свидѣтелей, которые говорятъ, что видѣли Иванова въ кухмистерской около второго или третьяго часа, послѣ чего пили чай у Лау и затѣмъ Ивановъ увезенъ былъ въ Петровскую Академію, гдѣ и былъ убитъ. Актъ медицинскаго осмотра говоритъ, что преступленіе могло быть совершено 2—3 часа спустя послѣ принятія Ивановымъ пищи. Если бы подсудимые невѣрно означили время совершения преступленія, то оно не могло бы такъ точно совпадать съ тѣмъ временемъ, которое по дѣлу признается доказаннымъ. Что касается до мѣста совершения преступленія, то и въ этомъ отношеніи подсудимые весьма точно указали, гдѣ совершался каждый отдѣльный фактъ, входящій въ составъ этого преступленія. Они говорятъ, что вотъ на такомъ-то мѣстѣ Ивановъ былъ застрѣленъ, на такомъ-то мѣстѣ привязывали къ трупу кирпичи. И дѣйствительно, на указанныхъ мѣстахъ найдены были слѣды крови—такого совпаденія не могло-бы быть, если бы подсудимые говорили ложь. Что касается до похищенія различныхъ предметовъ съ трупа Иванова, то это не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ ни пальто, ни записной книжки, ни сигаръ при трупѣ Иванова найдено не было. Подсудимые говорятъ, что вещи эти взяты Нечаевымъ и розданы имъ своимъ соучастникамъ. Наконецъ, подсудимые говорятъ, что послѣ убійства Иванова, они собрались въ квартирѣ Кузнецова и адѣсъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ Нечаевымъ. Правильность этого показанія опять таки удостоверяется актомъ осмотра, изъ котораго видно, что на стѣнѣ квартиры Кузнецова найденъ слѣдъ пули. Въ виду такого согласія показаній подсудимыхъ какъ между собою, такъ и съ обстоятельствами дѣла, мнѣ представляются показанія эти вполне доказательными. Мнѣ кажется обойти ихъ нельзя и имъ слѣдуетъ вѣрить. Если же вы имъ повѣрите, то убѣдитесь, что главнымъ зачинщикомъ, подстрекателемъ къ убійству Иванова, былъ Нечаевъ и что онъ вмѣстѣ съ Николаевымъ первый приступилъ къ совершенію этого преступленія.

Я могъ бы ограничиться только этими доводами, гг. присяжные засѣдатели, и не входить въ дальнѣйшій разборъ дѣла; но мнѣ не хотѣлось бы оставить въ васъ никакого сомнѣнія, никакого колебанія. Вы можете быть спросите, съ какою цѣлью совершено это убійство. Я прочиталъ вамъ въ началѣ рѣчи ту статью закона, на основаніи которой преданъ суду Нечаевъ—3 п. 1, 453 ст. Ул. о Наказ. Вы изволили слышать, что въ этой статьѣ не опредѣлено никакой цѣли преступленія, при которой подсудимый могъ бы быть подвергнутъ наказанію по ней. По отношенію къ этой статьѣ совершенно безразлична та цѣль, которую руководился подсудимый. Есть преступленія, въ условія которыхъ входитъ извѣстная цѣль, т. е. самъ законъ указы-

васть извѣстную цѣль для того, чтобъ дѣяніе считалось такимъ-то преступленіемъ; такъ, напримѣръ, убійство подводится подъ особую статью, когда оно совершено съ цѣлью ограбленія. Но если человѣкъ убитъ въ засадѣ, убитъ измѣнническимъ образомъ, заманенный въ такое мѣсто, гдѣ онъ не можетъ защищаться, тогда законъ признаетъ достаточною наличность только этого обстоятельства, чтобы полный составъ преступления былъ на лицо, независимо отъ той цѣли, съ которою совершено преступленіе. Но мы имѣемъ возможность до нѣкоторой степени опредѣлить цѣль, которою руководствовался Нечаевъ, совершая это преступленіе. Нечаевъ сказалъ здѣсь на Судѣ, что убійство Иванова есть фактъ политическаго свойства. Я не понимаю, почему подсудимый настаиваетъ на этомъ обстоятельстве, такъ какъ убійство съ политическою цѣлью, есть преступленіе еще болѣе тяжкое, нежели то, въ которомъ я обвиняю его. Безнаказанно производить смятеніе въ обществѣ никто не можетъ, а сопряженное съ этимъ смятеніемъ убійство законъ наказываетъ крайне строго. На васъ подѣйствовать съ этой стороны невозможно. Вы представители общественной совѣсти и вы никому не позволите относиться къ вамъ съ такими доводами, съ какими пожелалъ отнестись подсудимый. Притомъ заявленіе его и невѣрно; убійство Иванова не могло имѣть политическаго цѣли, не могло быть вызвано какими-либо политическими соображеніями. Ивановъ, по показанію подсудимыхъ, находился въ ссорѣ съ Нечаевымъ. Если Нечаевъ дѣйствительно на что-нибудь злоумышлялъ, то развѣ онъ сталъ бы открывать свои тайны человѣку, съ которымъ былъ въ ссорѣ. Стало быть убійство Иванова съ политическою цѣлью немислимо. Затѣмъ, если бы убійство, было совершено только для того, чтобы лишить Иванова возможности повредить тѣмъ замысламъ, которые можетъ быть имѣли подоудимые, то на это указали бы всѣ они, такъ какъ замѣчено, что каждый преступникъ, въ самыхъ гнусныхъ проявленіяхъ злой воли отыскиваетъ всегда что-либо, что, по его мнѣнію, могло бы сколько нибудь извинить ужасное преступленіе, совершенное имъ. Но ни одинъ изъ подсудимыхъ, въ настоящемъ, случаѣ не согласился на эту цѣль. Кромѣ того эту цѣль, имѣли въ виду, ее провѣряя; на нее было обращено вниманіе. Вы изволили слышать, что все это дѣло произведено мѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ, тогда какъ слѣдствіе по политическому дѣлу было произведено сенаторомъ Чемадуrowымъ, Высочайше командированнымъ для этого. Вы знаете, что одинъ изъ актовъ настоящаго дѣла былъ составленъ сенаторомъ Чемадуrowымъ, и однако онъ не усмотрѣлъ никакой связи этого дѣла съ политическимъ, хотя слышалъ изустныя показанія подсудимыхъ, а мы только письменныя. Мы можемъ думать, что на тѣ или другіе вопросы подсудимые могли бы дополнить свои показанія, но лицо, имѣвшее возможность лично допрашивать ихъ обо всемъ, все-таки пришло къ убѣжденію, что дѣло это не имѣетъ никакой связи съ политическимъ преступленіемъ и потому производило мѣстнымъ слѣдователемъ. Наконецъ, Швейцарское Правительство выдало Нечаева только тогда, когда убѣдилось, что преступленіе, въ которомъ онъ обвиняется, не имѣетъ никакого политическаго характера. Стало быть объясненіе подсудимаго съ этой стороны несправедливо, ложно. Мнѣ, гг. присяжные засѣдатели, въ моей дѣятельности не приходилось имѣть ни одного дѣла до такой степени ясно опредѣленнаго въ смыслѣ доказательствъ совершенія убійства и виновности въ немъ подсудимаго. Сомѣваться здѣсь не въ чемъ; но можетъ быть у васъ родится мысль о томъ, не заслуживаетъ ли этотъ несчастный снисхожденія. По разсмотрѣнію предыдущаго дѣла предсѣдатель разъяснилъ вамъ, какимъ образомъ нужно относиться къ этому вопросу. Г. предсѣдатель вѣроятно и по настоящему дѣлу не откажется повторить предъ вами, что вы имѣете право дать подсудимому снисхожденіе только тогда, когда въ самыхъ обстоятельствахъ дѣла найдете достаточныя къ тому поводы. Нельзя дать снисхожденія человѣку только потому, чтобы вы желали такъ сдѣлать; надобно имѣть къ этому основанія. Законъ говоритъ, что въ случаѣ дачи подсудимому снисхожденія присяжные отвѣчаютъ такъ: „заслуживаетъ снисхожденія по обстоятельствамъ дѣла“. Стало быть только обстоятельства дѣла могутъ подвинуть васъ къ тому, чтобы дать подсудимому снисхожденіе. Какія же обстоятельства настоящаго дѣла могутъ побудить васъ дать снисхожденіе Нечаеву? Я не буду касаться самой личности подсудимаго; она слишкомъ хорошо опредѣлилась предъ вами тѣми выходками, которыя позволили себѣ на Судѣ Нечаевъ. Но само дѣло говоритъ за себя. Вспомните, господа, что Ивановъ шелъ съ подсудимыми, въ числѣ которыхъ былъ Кузнецовъ, считавшійся его другомъ, что они заманили его въ гротъ подъ дружескимъ предлогомъ, что они совершили преступленіе обдуманно что они звѣрски распорядились съ Ивановымъ, что они душили, стрѣляли, мучили и наконецъ ограбили его въ послѣднюю минуту совершения преступления. Вотъ тѣ обстоятельства, на которыя можетъ ссылаться подсудимый Нечаевъ; они только отягчаютъ вину его, а никакъ не смягчаютъ ее. Предс. Подсудимый, вы ничего не имѣете сказать въ свое оправданіе? Подсуд. Я считаю унизительнымъ для своего имени защищаться отъ клеветы, очевидной для всѣхъ. Вся Россія знаетъ, что я преступникъ политическій. Повторю то, что сказалъ графу Левашову: правительство можетъ отнять у меня жизнь, но честь останется при мнѣ. Предсѣдатель заявилъ, что Судъ предполагаетъ оставить на рѣшеніе присяжныхъ засѣдатель слѣдующій вопросъ: „Вишо-

вѣнъ ли подсудимый, носящій званіе учителя городского приходского училища, Сергѣй Геннадіевъ Нечаевъ, родившійся 20-го сентября 1847 г., въ томъ, что, возмѣнивъ, изъ личной ненависти, намѣреніе лишить жизни слушателя Петровской Академіи Иванова, согласилъ другихъ четырехъ лицъ, сосланныхъ уже за это преступленіе въ каторжныя работы, совершить это убійство и затѣмъ 21-го ноября 1869 г. привелъ задуманное намѣреніе въ исполненіе, заманивъ Иванова въ пустынное по времени года мѣсто—гротъ Петровской Академіи, и положивъ его тамъ на мѣстѣ собственноручнымъ выстрѣломъ изъ револьвера²⁴ Предсѣд. Г.г. присяжные засѣдатели! Объясненіе свое я вачну съ разбора возраженій, представленныхъ подсудимымъ. Первое изъ его возраженій заключается въ томъ, что онъ не обязанъ отвѣчать въ настоящемъ засѣданіи по обвиненію на немъ тяготящему, потому что это есть преступленіе политическое. Второе возраженіе его состояло въ томъ, что онъ, какъ непризнающій себя русскимъ подданнымъ, не подлежитъ суду русскимъ судебнымъ мѣстъ. Первое изъ этихъ возраженій не заслуживаетъ уваженія потому, что если онъ считалъ себя преступникомъ политическимъ, то ничто не мѣшало ему въ то время, когда совершилось это событіе, остаться въ Россіи и такимъ образомъ судиться въ томъ, въ чемъ онъ, по его мнѣнію, долженъ былъ быть судимъ. Но въ настоящее время онъ лишилъ себя возможности быть судимымъ въ качествѣ политическаго преступника, потому что, не возвратившись добровольно, онъ выданъ Русскому Правительству Швейцарскимъ Правительствомъ съ тѣмъ, чтобы онъ подлежалъ суду только за то тяжкое преступленіе, въ которомъ его теперь обвиняютъ. Помимо этого, предварительное слѣдствіе объ убійствѣ Иванова произведено совершенно отдѣльно отъ предварительнаго слѣдствія по другимъ пунктамъ обвиненій, тяготявшихъ на Нечаевъ и его единомышленникахъ. Изъ этого, г.г. присяжные засѣдатели, вы должны убѣдиться, что первое возраженіе подсудимаго не имѣетъ достаточнаго основанія; я объясняю вамъ это именно для того, чтобы вы убѣдились въ ничтожности возраженія подсудимаго, потому что собственно ни я, ни прокуроръ не обязаны были давать вамъ объясненія по сему предмету.

Второе возраженіе Нечаева не имѣетъ уже ровно никакого основанія. Мы не будемъ разбирать, русскій ли онъ подданный или нѣтъ; но всякое самостоятельное государство судить лицъ, совершившихъ въ немъ извѣстное преступленіе, если бы они даже были иностранцы. Предположимъ, что настоящее убійство совершено не пятью русскими, а пятью иностранцами; всѣ эти пять иностранцевъ судились бы въ Россіи русскимъ судомъ по русскимъ законамъ. Устранивъ поэтому оба возраженія Нечаева, а равно и третье изъ его возраженій, что дѣло это не подсудно Окружному Суду, потому что, какъ я объяснялъ въ началѣ засѣданія, онъ можетъ жаловаться въ кассационномъ порядкѣ въ Правительствующій Сенатъ на опредѣленіе Судебной Палаты о подсудности настоящаго дѣла, если считаетъ это опредѣленіе несправильнымъ, — перехожу къ опредѣленію того преступленія, въ которомъ обвиняется подсудимый. Нечаевъ обвиняется въ томъ, что вмѣстѣ съ четырьмя другими лицами, которыхъ онъ на преступленіе согласилъ, 21-го ноября 1869 года, совершилъ убійство въ засадѣ, именно въ гротѣ Петровской Академіи, заманивъ туда жертву преступленія—слушателя Петровской Академіи, Иванова. Объяснять ли вамъ, г.г. присяжные засѣдатели, что такое убійство разумѣется совершенно бесполезно. Всякій изъ васъ понимаетъ, что убійство есть лишеніе жизни другого человѣка. Но убійство можетъ быть различное; можетъ быть убійство, сдѣланное въ запальчивости, въ раздраженіи, а можетъ быть и такое убійство, для совершенія котораго расчитываютъ и время и способъ совершенія преступленія. Настоящее убійство, если только вы дадите вѣру тому слѣдствію, которое происходило предъ вами, совершенно было съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ, потому что не только опредѣлялось мѣсто, гдѣ должно быть совершено преступленіе, но выбирались и способы, какъ совершить его, т. е. задумать-ли, застрѣлить-ли, заманить-ли человѣка въ уединенное мѣсто и тамъ распорядиться съ нимъ,—словомъ, это преступленіе было зрѣло обдумано, и каждому изъ участниковъ его была предоставлена извѣстная доля дѣятельности. Затѣмъ это есть убійство, совершенное въ засадѣ, потому что Ивановъ приведенъ былъ въ такое мѣсто, гдѣ онъ не ожидалъ опасности, мѣсто по времени года отдаленное отъ всякаго жилья. Слѣдовательно, убійство это совершенно подходитъ подъ признаки того преступленія, въ которомъ обвиняется подсудимый Нечаевъ.

Каждое преступленіе можетъ быть совершено или однимъ лицомъ, или нѣсколькими. Какъ вы видѣли, настоящее преступленіе совершенно было нѣсколькими лицами. Конечно, нельзя допустить, чтобы участники извѣстнаго преступленія принимали всѣ одинаковое участіе въ немъ: не могутъ всѣ разомъ думать, не могутъ всѣ разомъ стрѣлять въ одного человѣка, иначе они рискуютъ попасть другъ въ друга. Поэтому нужно различать то участіе, которое каждый изъ пяти подсудимыхъ принималъ въ убійствѣ слушателя Петровской Академіи, Иванова. Четверо изъ подсудимыхъ, какъ я уже объяснилъ вамъ, судились за это преступленіе и были признаны участниками въ совершеніи его, а не главными дѣятелями; прокуроръ о томъ, кѣмъ они были согласены, кто подговаривалъ ихъ, остался открытымъ, такъ какъ Нечаевъ въ то время скрылся. Изъ изложеннаго вами г. прокуроромъ вы уже видѣли, что мысль

убить Иванова зародилась въ головѣ Нечаева, что онъ остальныхъ четырехъ подсудимыхъ, понесшихъ уже наказаніе, согласилъ совершить это преступленіе, и не только согласилъ, но назначилъ каждому изъ нихъ ту роль, которая должна быть исполнена имъ, если не въ самомъ совершеніи убійства, то въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя предшествовали совершенію преступленія. Наконецъ, въ самомъ гротѣ, куда заманенъ былъ Ивановъ, Нечаевъ душилъ его и, выстрѣливъ изъ револьвера въ голову, лишилъ его жизни. Человѣкъ, игравшій такую роль въ совершеніи преступленія, г. г. присяжные засѣдатели, признается по закону зачинщикомъ. Итакъ, вы видите, что преступленіе это совершено было Нечаевымъ и его соучастниками съ зрѣло обдуманымъ замысломъ, причѣмъ дѣйствія ихъ были строго согласованы; люди, совершившіе это преступленіе, были относительно люди извѣстной степени образованности. Такъ предстоящій предъ вами подсудимый — учитель приходского училища — при массѣ необразованнаго у насъ народа естественно выдѣляется изъ общаго уровня какъ лицо, обладающее извѣстной степенью образованности. Побужденіе къ совершенію этого преступленія было безнравственное и состояло въ томъ, чтобы отдѣлаться отъ человѣка, который являлся личнымъ врагомъ Нечаева, потому что онъ, какъ человѣкъ другого образа мыслей, чѣмъ Нечаевъ, и повидимому болѣе его развитой, могъ имѣть большее значеніе, чѣмъ Нечаевъ. Къ участію въ этомъ преступленіи привлечено было Нечаевымъ четыре человѣка, всѣ уже посланные въ каторжныя работы. Усилій, для устраненія препятствія къ достиженію цѣли, употреблено было Нечаевымъ достаточно. Для того, чтобы Прыжовъ, на котораго по его сомнительности нельзя было рассчитывать, не могъ заявить о предстоящемъ совершеніи преступленія, принудили этого человѣка, 42 лѣтъ, принять участіе въ убійствѣ. Личныхъ отношеній нарушено было пронасъ. Человѣкъ, подговорившій четырехъ другихъ къ совершенію преступленія, не остановился предъ тѣмъ, что трое изъ нихъ юноши, воспитывавшіеся еще въ заведеніяхъ и одинъ изъ нихъ несовершеннолѣтній. Нарушены были личныя отношенія и къ мѣсту, гдѣ совершено преступленіе. Воспитательное заведеніе есть святыня, нарушение которой представляется нарушеніемъ одной изъ тѣхъ личныя обязанности, важнѣе которой трудно придумать. Зло, причиненное настоящимъ преступленіемъ, чрезвычайно велико, въ виду того, что человѣкъ былъ лишенъ жизни. Вотъ г. г. присяжные засѣдатели, обстановка, при которой совершено убійство Иванова.

Останавливаться на обстоятельствахъ дѣла я не буду. Я останавливался только на тѣхъ доказательствахъ, которыя представляются по настоящему дѣлу. Такими доказательствами между прочимъ служатъ: акты осмотра мѣстности и трупа Иванова, свидѣтельствующіе, что трупъ Иванова дѣйствительно былъ найденъ въ пруду Петровской Академіи и что Ивановъ умеръ не естественною смертью, а тою, о которой упоминается въ обвинительномъ актѣ и во всѣхъ выслушанныхъ вами показаніяхъ. Акты эти совершены съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ правилъ и формальностей. Независимо отъ этого, г. г. присяжные засѣдатели, фактъ убійства Иванова достаточно удостовѣренъ уже тѣмъ, что настоящее дѣло было въ разсмотрѣніи Судебной Палаты, и на основаніи тѣхъ доказательствъ, о которыхъ я упомянулъ сейчасъ, Палата признала несомнѣннымъ, что Ивановъ дѣйствительно убитъ, убитъ тѣмъ способомъ, о которомъ упоминалось во время судебного слѣдствія. Остальные доказательства, по настоящему дѣлу представленные, суть свидѣтельскія показанія, изъ которыхъ одни относятся до существа дѣла, т. е. до тѣхъ обстоятельствъ, безъ которыхъ совершеніе преступленія было невозможно, а другія — до обстоятельствъ побочныхъ. Главными показаніями представляются показанія тѣхъ четырехъ лицъ, которыя на основаніи оныхъ признаны виновными въ участіи въ убійствѣ и посланы за это въ каторжныя работы. Представляю судить вашей совѣсти о томъ, насколько показанія эти представляются достовѣрными и заслуживаютъ вѣроятія. Показанія остальныхъ свидѣтелей касаются побочныхъ обстоятельствъ и, разумѣется, должны быть признаны заслуживающими достовѣрности, если вы признаете, что показанія главныхъ четырехъ посланныхъ свидѣтелей безупречны.

Въ Высочайшемъ манифестѣ, при которомъ опубликованы были Уставы 20-го ноября 1864 г., сказано между прочимъ: „Да царствуетъ милость въ Судахъ“. Подсудимый (перебивая). А меня билъ гражданскій офицеръ. Предсѣдатель (не прерывая своей рѣчи). Нужно, г. г. присяжные засѣдатели, условиться насчетъ смысла этого выраженія. Это слово въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства не употребляется, но немисливо, разумѣется, чтобы Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, появившійся одновременно съ манифестомъ, въ которомъ употреблено приведенное мною выраженіе, не былъ проникнутъ милостію. И дѣйствительно, Уставъ проникнуть ею. Уставъ Уголовнаго Судопроизводства даетъ подсудимому право во время предварительнаго и судебного слѣдствій представлять всѣ допускаемыя закономъ доказательства въ подтвержденіе того, что онъ не совершилъ преступленія, или, если совершилъ, то не настолько виновенъ, насколько его обвиняютъ. Уставъ Уголовнаго Судопроизводства даетъ подсудимому право выбрать самому защитника, а если онъ лишенъ возможности выбрать такового, то предоставляетъ ему право просить у Суда назначенія защитника, т. е. человѣка опытнаго, который знаетъ на какія обстоя-

тельства слѣдуетъ обратить болѣе или менѣе вниманіе Суда. Подсудимый судится присяжными засѣдателями, которые опредѣляютъ вину или невиновность его по внутреннему своему убѣжденію, на основаніи выслушанныхъ ими обстоятельствъ дѣла. Стало быть, нѣтъ прежней системы формальныхъ доказательствъ, которая говорила, что если есть противъ подсудимаго два свидѣтельскихъ показанія, согласныхъ между собою, то Судъ долженъ обвинить подсудимаго. Присяжные засѣдатели имѣютъ право, признавъ подсудимаго виновнымъ, признать въ то-же время его заслуживающимъ снисхожденія на основаніи тѣхъ же обстоятельствъ дѣла. Наконецъ, Судъ, назначивъ подсудимому наказаніе, имѣетъ право въ исключительныхъ случаяхъ ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о смягченіи участи подсудимаго. Большой милости нельзя ожидать, г.г. присяжные засѣдатели, отъ суда человѣческаго. Но только этою законною милостію подсудимый и можетъ пользоваться. Никакой иной милости быть не можетъ на Судѣ, потому что это равносильно было бы произволу. Всякая иная милость будетъ милость незаконная, будетъ неправосудіемъ и будетъ идти въ разрѣзъ съ другимъ, употребленномъ въ томъ же манифестѣ, выраженіемъ: „Да царствуетъ правда въ Судахъ“. Г.г. присяжные засѣдатели, вы должны разрѣшить настоящее дѣло на основаніи выслушанныхъ вами обстоятельствъ. Точно такъ же вы можете признать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія только въ виду какихъ нибудь обстоятельствъ дѣла. Вы не имѣете права давать произвольно снисхожденіе. Подобное снисхожденіе будетъ тою незаконною милостію, о которой я упомянулъ, а законъ обязываетъ васъ, давая подсудимому снисхожденіе, упоминать, что вы даете это снисхожденіе по обстоятельствамъ дѣла. Это выраженіе связываетъ вашу совѣсть и напоминаетъ вамъ о той присягѣ, которую вы приняли. Рѣшеніе присяжныхъ постановляется по большинству голосовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что безусловное большинство имѣетъ перевѣсъ, но можетъ случиться, что голоса ваши раздѣлятся поровну, что шесть будетъ за обвиненіе, шесть — за оправданіе, шесть — за дарованіе подсудимому снисхожденія, шесть — противъ дачи снисхожденія. Въ такомъ случаѣ законъ даетъ предпочтеніе или тому мнѣнію, которе оправдываетъ подсудимаго, или тому, которое признаетъ его заслуживающимъ снисхожденія. Въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній вы имѣете право возвратиться въ залу засѣданія и просить у меня разъясненія. Обобразъ отъ присяжныхъ засѣдателей отвѣтъ, старшина подписываетъ его такимъ образомъ: „старшина присяжныхъ такой-то“.

Присяжные, пробывъ въ совѣщательной комнатѣ 20 минутъ, вынесли на изложенный выше вопросъ слѣдующій отвѣтъ: „да, виновенъ“.

Прокуроръ заявилъ, что въ виду приговора присяжныхъ засѣдателей и на основаніи 3 п. 1.453 ст., 1.452 ст. и 2 степ. 19 ст. Улож. и Наказ., подсудимаго Нечаева слѣдуетъ лишить всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на 20 лѣтъ. Предсѣд. Подсудимый не возражаетъ? Подсуд. Это Шемякинъ Судъ. Судъ, постановивши резолюцію, объявилъ въ то-же засѣданіе въ окончательной формѣ слѣдующій приговоръ: „1873 года января 8-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московскій Окружный Судъ, по 1-му Отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, открытомъ по предѣлательствомъ предсѣдателя Суда П. А. Дейера, въ составѣ членовъ Суда: П. Д. Орлова и В. В. Завьялова, при прокурорѣ Суда К. Н. Жуковѣ и секретарѣ М. Я. Баумштейнѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, слушалъ дѣло о мѣщанинѣ г. Шуи, носящемъ званіе домашняго учителя Сергѣя Геннадіевъ Нечаевъ, обвиняемомъ въ убійствѣ слушателя Петровской Земледѣльческой Академіи Иванова. Рѣшеніемъ г. г. присяжныхъ засѣдателей подсудимый Нечаевъ признанъ виновнымъ въ томъ, что возмнѣвъ; изъ личной ненависти, намѣреніе лишить жизнь слушателя Петровской Академіи Иванова, подговорилъ другихъ четырехъ лицъ, сосланныхъ уже за это преступленіе въ каторжныя работы, совершить это убійство, а затѣмъ 21-го ноября 1869 г. привелъ задуманное намѣреніе въ исполненіе, заманивъ Иванова въ пустынное по времени года мѣсто—грозъ Петровской Академіи—и положивъ его тамъ на мѣствъ собственноручнымъ выстрѣломъ възъ револьвера. Принимая во вниманіе: во 1-хъ, что дѣяние, въ которомъ Нечаевъ признаетъ виновнымъ, по признакамъ своимъ соотвѣтствуетъ преступленію, предусмотрѣнному Улож. о Наказ. въ ст. 1453 п. 3, при чемъ Нечаевъ, согласно сего же Уложенія ст. 13 отд. 1 долженъ быть признанъ зачинщикомъ преступленія; во 2-хъ, что виновные въ убійствѣ, при вышепоименованныхъ обстоятельствахъ, на основаніи Улож. о Наказ. ст. 1453 и 1452, приговориваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ на время отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ; въ 3-хъ, что поименованное наказаніе для Нечаева, какъ зачинщика преступленія, совершеннаго при обстоятельствахъ, увеличивающихъ его вину, на основаніи Улож. о Наказ. ст. 118 и 129 пунктовъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9 и 10 должно быть назначено въ высшей мѣрѣ — Московскій Окружный Судъ опредѣлилъ: 1) носящаго званіе учителя городского приходского училища Сергѣя Геннадіева Нечаева, 25-ти лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на двадцать лѣтъ, а затѣмъ на основаніе 25 ст. Улож. о Наказ., поселить въ Сибири навсегда; 2) вещественныя доказательства препроводить къ прокурору для поступленія съ ними по 512 ст. Св. Зак. XIV Уст. о Пред. и Пресѣч. Прест., по продолженію 1868 года“.

По объявленіи этого приговора и по объясненіи подсудимому правъ его по предмету обжалованія приговора въ кассационномъ порядкѣ, предсѣдатель сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи подсудимаго изъ залы засѣданія. При выходѣ изъ залы подсудимый закричалъ: „Да здравствуетъ соборъ! Долой деспотизмъ!“

1873 годъ.

Правительственный Вѣтникъ.

(21 мая № 120).

(Правит. сообщеніе).

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились за границу для слушанія лекцій въ цюрихскомъ университетѣ.

Первоначально число ихъ оставалось крайне ограниченнымъ, но въ послѣдніе два года начало быстро возрастать, и въ настоящее время въ цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается болѣе ста русскихъ женщинъ. Между тѣмъ до правительства начали доходить все болѣе и болѣе неблагопріятныя онихъ свѣдѣнія. Одновременно съ возрастаніемъ числа русскихъ студентовъ, конноводы русской эмиграціи избрали этотъ городъ центромъ революціонной пропаганды и обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ научныя занятія бросались для бесплодной политической агитаціи. Въ средѣ русской молодежи оногого пола образовались различныя политическія партіи самыхъ крайнихъ оттѣнковъ: Славянское социаль-демократическое общество, центральный революціонный славянской комитетъ, славянская и русская секціи интернаціональнаго общества открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ не мало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской бібліотекѣ, въ которую нѣкоторые наши издатели доставляютъ бесплатно свои журналы и газеты, читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонный характеръ: „Пугачевскій бунтъ“, „Французская революція 1870 года“,—вотъ обычныя темы лекторовъ. Посѣщеніе сходовъ рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятіемъ дѣвушекъ даже такихъ, которыя не понимаютъ по нѣмцямъ и довольствуются неузнанными переводами своихъ подругъ. Политическая агитація увлекаетъ молодыхъ, неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленіе. Сходки, борьба партій довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искусственное, бесплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику дѣвушки поддаются подвѣянію вожакъ эмиграціи и становятся въ ихъ рукахъ послушными орудіями. Иныя по два, по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха въ Россію и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламаціи и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви и, подвѣяныя покровомъ фиктивного брака, доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что специально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей.

Такое нравственное паденіе не можетъ не обратить на себя серіознаго вниманія правительства. Нельзя забывать, что эти женщины возвратятся когда-нибудь въ Россію и будутъ женами, матерями и воспитательницами. Нельзя не остановиться на страшномъ вопросѣ: какое поколѣніе могутъ возрасти такія женщины?

Правительство не можетъ и не должно оставаться равнодушнымъ зрителемъ нравственнаго расгнѣнія, подтачивающаго часть, хотя и незначительную, русской молодежи. Оно сознаетъ свою непреложную обязанность бороться съ возникающимъ зломъ и рѣшилось употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, впрочемъ преимущественно предупредительныя.

Правительство постоянно съ сочувствіемъ относилось къ потребности высшаго образованія для женщинъ, являющейся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ. При нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ IV Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, учреждены особые педагогическіе курсы, если и неимѣющіе характера высшихъ учебныхъ заведеній, то тѣмъ не менѣе, значительно превышающіе общій уровень женскаго образованія. Кромѣ того, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило въ Петербургѣ и Москвѣ особые курсы, читаемые профессорами университетовъ въ объемѣ университетскаго образованія. Наконецъ, при Императорской медико-хирургической академіи учрежденъ, въ видѣ опыта на четыре года, особый курсъ для приготовленія ученыхъ акушеровъ и

въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составляются соображенія объ учрежденіи подобныхъ курсовъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскіе факультеты. Независимо отъ сего, въ настоящее время Высочайше повелѣно представить проектъ учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній со строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, первоначально въ Петербургѣ и въ Москвѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ изысканія средствъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ. Такимъ образомъ, создавая и поддерживая учрежденія, удовлетворяющія существующей среди женщинъ потребности въ высшемъ образованіи, правительство даетъ желающимъ полную возможность приобрѣсти и научныя знанія въ предѣлахъ отечества. Но нѣтъ сомнѣнія, что не одна жажда знанія привлекаетъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Если западно-европейскія государства, значительно опередившія насъ въ образованіи, между тѣмъ точно такъ же не допускающія женщинъ въ высшія учебныя заведенія, доставляютъ цюрихскому университету самый ничтожный контингентъ слушательницъ, составляющій въ совокупности менѣе 20 процентовъ числа одиѣхъ русскихъ студентокъ, то трудно не придти къ заключенію, что большинство нашихъ юныхъ соотечественницъ поступаетъ въ цюрихскій университетъ подъ вліяніями, не имѣющими ничего общаго съ стремленіемъ къ образованію. Легкомысленная пропаганда нѣкоторой части нашей журналистики, ложное пониманіе назначенія женщины въ семьѣ и обществѣ, увлеченіе модными идеями—всѣ эти причины болѣе или менѣе вліяютъ на громадный сравнительно наплывъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ¹⁾. Коноводы нашей эмиграціи ловко пользуются всѣми обстоятельствами и, увлекая молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ въ вихрь политической агитаціи, губятъ ихъ безвозвратно. Правительство не можетъ допустить мысли, чтобы два-три докторскіе диплома могли искупить зло, происходящее отъ нравственнаго растлѣнія молодого поколѣнія, и потому признаетъ необходимымъ положить конецъ этому ненормальному движенію.

Вслѣдствіе сего правительство заблаговременно предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ цюрихскій университетъ и политехникумъ, что тѣ изъ нихъ, которыя послѣ 1 января будущаго 1874 года будутъ продолжать слушаніе лекцій въ этихъ заведеніяхъ, по возвращеніи въ Россію, не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а такъ же къ какимъ бы то ни было экзаменамъ или въ какое-либо русское учебное заведеніе.

Правительство надѣется, что такое заблаговременное заявленіе избавитъ его отъ печальной необходимости подвергать кого-либо означеннымъ ограниченіямъ.

1874 годъ.

Правительственный Вѣтникъ.

(5-го мая. № 106).

Изъ 19-ти нижепоименованныхъ русскихъ подданныхъ, 15 человекъ удалились за границу безъ установленныхъ письменныхъ видовъ, а остальные четверо, хотя при выѣздѣ ихъ за границу и были снабжены паспортами, но, вопреки даннымъ имъ разрѣшеніямъ на отлучку, находятя въ отечества болѣе пяти лѣтъ, почему также относятся къ числу лицъ, проживающихъ за границею безъ дозволенія Правительства.

Вслѣдствіе сего всѣмъ этимъ лицамъ объявляется вызовъ, приглашающій ихъ къ возврату въ отечество въ теченіе шестимѣсячнаго срока со дня настоящей публикаціи, съ предупрежденіемъ, что если они и за симъ не подчинятся требованію Правительства, по исполненію правилъ объ отлучкахъ русскихъ подданныхъ за границу, то съ ними будетъ поступлено по всей строгости законовъ.

Вызовъ сей дѣлается: 1) бывшему студенту Медико-Хирургической Академіи Василію Александрову; 2) дворянину Михаилу Бакунину; 3) бывшему студенту Технологическаго Института Лаварю Гольденбергу; 4) студенту Московскаго университета Владимиру Гольштейну; 5) дворянину Николаю Жуковскому; 6) отставному полковнику Петру Лаврову; 7) кандидату правъ Герману Лопатину; 8) дворянину Николаю Огареву; 9) бывшему уланскому офицеру Владимиру Озерову; 10) бывшему студенту Медико-Хирургической Академіи Земфирию Ралли; 11) бывшему студенту Технологическаго Института Михаилу Сажину; 12) бывшему студенту С.-Петербургскаго университета Селину Серебренникову; 13) студенту Московскаго университета Валеріану Смирнову; 14) отставному подполковнику Николаю Соко-

¹⁾ Число студентокъ изъ Россіи доходитъ до 108, изъ прочихъ же государствъ Европы не составляетъ и 20.

лову; 15) кандидату правъ Петру Ткачеву; 16) дворянину Антону Трусову; 17) бывшему студенту С.-Петербургскаго университета Николаю Утину; 18) бывшему студенту Казанскаго университета Михаилу Эльпидину; и 19) студенту Московскаго университета Александру Эльсницу.

Правительственный Вѣтникъ.

(№№ 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 172 и 173).

Засѣданіе Особаго Присутствія Правительствующаго Сената 9-го іюля 1874 года по дѣлу о подсудимыхъ: Долгушинъ (25 л.), Дмоховскомъ (23 л.), Панинъ (25 л.), Плотниковъ (23 л.), Гамовъ (26 л.), Чиковъ (24 л.), Сидорачкомъ (20 л.), Авессаломовъ (29 л.), Циммерманъ (24 л.), Ободовской (26 л.), Сахаровой (26 л.) и Васильевъ (18 л.), обвиняемыхъ въ составленіи и распространеніи прокламацій преступнаго содержанія.

Предсѣдательствовали первоприсутствующій сенаторъ Я. Я. Чемадуровъ, присутствовали сенаторы: Тизенгаузенъ, Евреинновъ, князь Голицынъ, Хвостовъ и Шульцъ и сословные представители: предводитель дворянства Тверской губерніи князь Мещерскій, предводитель дворянства Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи Померанцевъ, Одесскій городской голова Новосильцовъ, волостной старшина Парголовской волости Зоринъ, при оберъ-секретарѣ Трахтенбергѣ; обвиняль товарищ оберъ-прокурора Стадольскій; защищали присяжные повѣренные: Утинъ, Спасовичъ, Слонимскій, Герке, Гаевскій, Соколовскій, Бругъ, Буймистровъ, Куперникъ, Матросовъ и Полетаевъ.

Засѣданіе открыто въ 12 часовъ дня. Изъ числа свидѣтелей не явился трое. Стороны полагали продолжать слѣдствіе, несмотря на отсутствіе этихъ свидѣтелей. Затѣмъ прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

Осенью 1872 года, въ С.-Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ, въ д. Меркъ, проживаль дворянинъ Александръ Васильевъ Долгушинъ, завѣдывавшій въ то время мастерской жестяныхъ издѣлій Верещагина.

У Долгушина нерѣдко по вечерамъ собирались знакомые, въ томъ числѣ дворяне Иванъ Ивановъ Панинъ, Николай Александровъ Плотниковъ и технологъ 1-го разряда Левъ Адольфовъ Дмоховскій. По словамъ жены Долгушина Аграфины Дмитриевой, на этихъ собраніяхъ, въ коихъ она участвовала впрочемъ не всегда, общество занималось разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ, въ числѣ коихъ на первомъ планѣ былъ вопросъ о „нормальномъ человѣкѣ“. При этомъ, какъ ей кажется, Дмоховскій высказывалъ желаніе имѣть типографскій станокъ. Дворянинъ Александръ Васильевъ Долгушинъ, не отвергая этого показанія жены своей, на предварительномъ слѣдствіи объяснилъ, что Дмоховскій, Панинъ, Плотниковъ точно у него въ указанное время по вечерамъ бывали, и что разговоры шли о пропагандѣ въ народѣ здравыхъ экономическихъ воззрѣній и о пользѣ печатанія съ этою цѣлью брошюръ, причемъ Дмоховскій дѣйствительно говорилъ, что не худо бы завести для всего этого свою типографію. Самъ Дмоховскій въ свою очередь показаній Долгушинныхъ не отрицаетъ, но не придавая обществу, собиравшемуся у Долгушина характера собраній, отвергаетъ то обстоятельство, что въ немъ говорилось о пропагандѣ въ народѣ. Панинъ и Плотниковъ, по ихъ въ томъ удостовѣренію, осенью 1872 года у Долгушина бывали часто, о предметѣ бесѣдъ у него никакихъ данныхъ не сообщаютъ, о предположеніи же Дмоховскаго отзываются полнымъ невѣдѣніемъ, ибо и его-то самого, какъ говорятъ, вовсе не знаютъ. Наконецъ, крестьянинъ Ананій Васильевъ, одинъ изъ работниковъ мастерской Верещагина, ходившій къ Долгушину на его квартиру по его приглашенію учиться, утверждаетъ, что мысль идти въ народъ, приведенная окончательно въ исполненіе гораздо поздиѣ, первоначально возникла еще въ Петербургѣ, гдѣ ему и дѣлалась въ этомъ смыслѣ предложенія.

Такимъ образомъ, представляется доказаннымъ, что первымъ шагомъ преступной дѣятельности главныхъ обвиняемыхъ лицъ, т. е. Долгушина, Дмоховскаго, Панина, Плотникова и Ананія Васильева, были вечера на Петербургской сторонѣ у Долгушина, въ теченіе осени 1872 года.

Съ апрѣля 1873 года начинается постепенный переѣздъ всѣхъ указанныхъ выше лицъ въ Москву, гдѣ Долгушинъ, чрезъ посредство одного изъ бывшихъ работниковъ мастерской Верещагина, приобретаетъ въ дер. Сареево, авенггородскаго уѣзда, 5 десятинъ земли и выстраиваетъ тамъ для себя дачу. На этой-то дачѣ, по согласному объясненію Аграфины Дмитриевой Долгушиной и мѣщанки Татьяны Порфирьевой Сахаровой, знакомой Дмоховскаго, въ концѣ іюня 1873 года начались между съѣхавшимися въ ней главными дѣйствующими лицами разговоры уже о печатаніи прокламацій и необходимости распространенія ихъ въ народѣ. Разговоры эти весьма скоро перешли въ дѣло, и печатаніе прокламацій, въ которомъ принимали непосредственное участіе Долгушинъ, Дмоховскій, Панинъ и Плотниковъ, началось

дѣятельно и, бывъ прервано на дачѣ Долгушина, въ дер. Сареево, продолжалось еще въ Москвѣ, на квартирѣ Дмоховскаго, въ домѣ Степанова.

Отпечатано было три сорта прокламацій преступнаго содержанія: „Русскому народу“, „Какъ должно жить по закону природы и правды“ и „Къ интеллигентнымъ людямъ“.

Сочиненіе первой и послѣдней, по показаніямъ Долгушиной, Сахаровой и Ананія Васильева, слѣдуетъ приписать дворянину Долгушину, авторъ же второй достоверно неизвѣстенъ.

Женщины, т. е. Долгушина и Сахарова, испугавшись дѣла, затѣяннаго въ дер. Сареево мужчинами, перебрались въ Москву и только около половины августа вернулись обратно на дачу, куда переѣхали и Дмоховскій. Папинъ же и Плотниковъ на дачѣ въ то время уже не жили, а только часто туда прѣзжали. Вслѣдъ за симъ, ушедшій было отъ Долгушина работникъ его, крестьянинъ Ананій Васильевъ снова къ нему возвратился. Печатаніе прокламацій окончено. Пошли разсужденія о томъ, чтобы „идти въ народъ“. Всѣ соглашались принять участіе въ дѣлахъ разнаса прокламацій, чтенія и разъясненія ихъ простому народу. Но на самомъ дѣлѣ, не касаясь отдѣльныхъ случаевъ распространенія, такъ сказать, систематически привели это въ исполненіе въ первой половинѣ сентября 1873 года крестьянинъ Ананій Васильевъ и дворяне Папинъ и Плотниковъ; но и они не успѣли выполнить въ этомъ отношеніи условленную программу вполнѣ, и распространеніе прокламацій, какъ видно изъ дѣла, ограничилось нѣкоторыми мѣстностями губерній Московской, Калужской и Смоленской. Изъ настоящаго краткаго очерка всего дѣла видно, что главными дѣятелями въ немъ представляются дворяне Долгушинъ, Дмоховскій, Папинъ, Плотниковъ и крестьянинъ Ананій Васильевъ.

Но, независимо отъ указанныхъ лицъ, къ этому же дѣлу присоединяются еще нѣкоторые другія, непосредственная связь съ которыми стоящихъ въ дѣлѣ на первомъ планѣ слѣдствіемъ не установлена и дѣятельность которыхъ составляетъ въ немъ отдѣльные, какъ-бы случайные эпизоды. Къ числу такихъ принадлежатъ: дворяне: Дмитрій Ивановичъ Гамовъ, Александръ Сергѣевъ Чиковъ, Василій Петровъ Сидорацкій, ревельскій граждаинъ Эмилій Эмиліевъ Циммерманъ, сынъ священника Иванъ Флегонтовъ Авессаламовъ и дочь купца 2-ой гильдіи Александра Яковлева Ободовская. Первые двое, т. е. Гамовъ и Чиковъ, какъ видно изъ дѣла, представляютъ распространителями прокламацій, напечатанныхъ Долгушинымъ, Дмоховскимъ, Папинымъ и Плотниковымъ. Прикосновенность же остальныхъ имѣтъ еще болѣе второстепенное значеніе. Обращаясь за симъ къ подробностямъ настоящаго дѣла и преступному участію въ немъ cadaго изъ отдѣльныхъ лицъ, предварительнымъ слѣдствіемъ выяснено слѣдующее. Относительно дворянина Александра Васильева Долгушина. Долгушинъ представляется по дѣлу центромъ, около котораго группируются другія прикосновенныя къ нему лица. У него на квартирѣ осенью 1872 года, въ С.-Петербургѣ, возникла и до извѣстной степени созрѣла мысль о пропагандѣ въ народѣ; онъ, переѣхавъ въ Москву, покупаетъ по близости ея, въ дер. Сареево, дачу съ цѣлью заняться хозяйствомъ, какъ говоритъ онъ, но на самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ производства, съ цѣлью имѣтъ болѣе удобный пріютъ для предположенной опасной дѣятельности; онъ сочиняетъ текстъ двухъ прокламацій, на его дачѣ онъ, главѣйшимъ образомъ, печатаются, онъ продолжаетъ за симъ печатаніе прокламацій въ Москвѣ, на квартирѣ Дмоховскаго; онъ принимаетъ, наконецъ, участіе въ ихъ распространеніи. Вся изложенная преступная дѣятельность Долгушина обрисовывается главѣйшимъ образомъ, показаніями жены его Аграфены Дмитриевой, мѣщанина Сахаровой и крестьянина Ананія Васильева. Но сверхъ того дѣло печатанія имъ прокламацій на дачѣ въ дер. Сареево, при содѣйствіи Дмоховскаго, Папина и Плотникова въ частности, а равно и распространіе ихъ подтверждается какъ вещественными доказательствами, такъ и показаніями постороннихъ къ дѣлу свидѣтелей. Изъ протоколовъ обысковъ, сдѣланныхъ во время производства дознанія 16-го сентября и 19-го октября 1873 года на дачѣ Долгушина, видно, что тамъ найдены: крестъ съ надписями: „Во имя Христа“ и „Свобода, равенство, братство“, полусгнившій первый листъ прокламацій „Русскому народу“, столбикъ набора, картонная рама въ восемь отдѣлений, измятые клочки невышедшаго вполнѣ отиска прокламацій „Русскому народу“ и два стола со слѣдами черной краски. Двери и стѣны дачи носили въ многихъ мѣстахъ также слѣды черной краски, а на послѣднихъ, сверхъ того, были сдѣланы надписи на латинскомъ, итальянскомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ, явно тенденціознаго характера.

Такимъ образомъ, при обыскѣ, на дачѣ произведенномъ, обнаружены наглядные слѣды, характеризующіе направленіе лицъ, въ ней обитавшихъ, а также и то, что на ней производилось печатаніе и притомъ именно прокламацій преступнаго содержанія, о названіяхъ коихъ упомянуто было раньше. То же подтверждается въ свою очередь и свидѣтельскими показаніями ямщика Дорогомиловской слободы Михаила Антонова Хухрикова, сына его Михаила Михайлова, и крестьянъ Афанасія Тихонова, Семёна Михайлова, Максима и Кирилла Кондратьевыхъ-Курдаевыхъ. Совокупность всего объясненнаго ими приводитъ къ полному убѣжденію, что на дачѣ Долгушина

находились принадлежности печати, ибо нѣкоторые изъ названныхъ свидѣтелей ихъ перевозили съ дачи въ Москву. Показанія же крестьянина Максима Кондратьева-Курдаева о томъ, что, за повтореніе имъ ходившихъ про дачниковъ въ народѣ слуховъ, Долгушинъ страдалъ революверомъ, ясно указываетъ какъ на тайственный характеръ занятій на дачѣ Долгушина и его товарищей, такъ равно и на степень страха, какой внушали имъ всякіе про занятія ихъ толки. Указанія на то, что Долгушинъ участвовалъ въ печатаніи прокламацій вмѣстѣ съ Дмоховскимъ въ д. Степанова, на квартирѣ послѣдняго, имѣются въ чистосердечномъ показаніи Сахаровой, отчасти подтверждаемомъ въ этомъ смыслѣ женой Долгушина Аграфеной Дмитриевой. Фактъ же распространенія Долгушинимъ прокламацій подтверждается, независимо показаній одного изъ обвиняемыхъ Ананія Васильева, показаніями свидѣтелей — крестьянъ Федора Афанасьева и Ивана Сидорова. Изъ нихъ Васильевъ, между прочимъ, прямо говоритъ, что ходилъ съ Долгушинимъ въ одну изъ сосѣднихъ съ Сареевомъ деревень и тамъ читали прокламаціи „Какому-то мужику“. Зеркальщикъ Афанасевъ показалъ, что Долгушинъ, зайдя къ нему подъ предлогомъ заказа товара, читалъ ему прокламаціи „Русскому народу“ и затѣмъ еще два экземпляра той же брошюры прислалъ съ Сидоровымъ; Сидоровъ показалъ, что дѣйствительно, передавалъ письмо Долгушина, въ коемъ оказались двѣ „пустышныя книжки“.

Наконецъ отсутствіе связи перевода мастерской Верещагина изъ Петербурга въ Москву съ переѣздомъ туда-же Долгушина, вопреки того, какъ старается это объяснить послѣдній, очевидно скрывая настоящую преступную цѣль, которую при этомъ преслѣдовалъ, доказываетъ показаніемъ свидѣтеля отставного лейтенанта Николая Васильевича Верещагина. Что касается, въ заключеніе, до содержанія прокламацій, то одна изъ нихъ, „Къ интеллигентнымъ людямъ“, порицая существующее Правительство, приглашаетъ людей, понявшихъ „крайнюю ненормальность современнаго порядка вещей, идти въ народъ, чтобы возбудить его къ протесту во имя лучшаго общественнаго устройства“, и кончается воззваніемъ къ оружію на погибель „враговъ народа“, къ числу коихъ отнесены: царь, бояре и князья.

Прокламація „Какъ должно жить по закону природы и правды“, имѣя главнѣйшее цѣлью указать на равенство людей между собою по рожденію и равноправность ихъ на землю“ исключаящую всякое понятіе о „собственности личной“, содержитъ также явныя порицанія существующаго въ Россіи порядка вещей, объясняя его тѣмъ, что Цари у насъ находятся во власти беззаконныхъ вельможъ, кои держатъ ихъ или устраниаютъ, смотря по тому, насколько они образомъ дѣйствій своихъ для нихъ удобны. Въ то же время вельможн, по словамъ прокламаціи, чрезъ подкупленное духовенство проповѣдуютъ народу въ церквахъ, что „Царь, посаженный ихъ злодѣйствомъ, поощритель ихъ беззаконія, есть отъ Бога Царь посаженный“. Все это въ прокламаціи какъ бы подкрѣпляется примѣрами отечественной исторіи.

Наконецъ, прокламація „Русскому народу“, представляя настоящее положеніе крестьянъ въ Россіи въ самомъ безотраднѣмъ видѣ, направлена преимущественно къ возбужденію въ народѣ враждебнаго настроенія противъ существующихъ законоположеній относительно поземельной собственности и порядка, принятаго при распредѣленіи между сословіями податей и повинностей. Указывая на угнетеніе крестьянъ, допускаемое Правительствомъ со стороны помѣщиковъ и чиновниковъ и на намѣренное держаніе народа необразованнымъ, прокламація даже и освобожденію его изъ крѣпостной зависимости придаетъ значеніе лишь коммерческаго оборота Правительства, боявшагося будто-бы послѣ севастопольской кампаніи финансоваго банкротства. При этомъ объясняется, что благодаря проискамъ барства, крестьяне въ этомъ случаѣ кругомъ обижены и малыми плохими надѣлами и большими оброками. Чтобы выйти изъ такого положенія, прокламація приглашаетъ народъ къ дружному, согласному возстанію, внушая требовать всеобщаго передѣла земли, управленія, составленнаго изъ выборныхъ изъ народа, отмѣны помѣщичьихъ оброковъ и т. п.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что прокламація написана языкомъ простонароднымъ, доступнымъ пониманію большинства крестьянъ, и испещрена текстами св. Евангелія, коими какъ бы подкрѣпляются приводимыя въ прокламаціи положенія, въ томъ числѣ и возбужденіе къ возстанію. Обвиняемый Долгушинъ не сознается ни въ чемъ, называя показанія постороннихъ свидѣтелей живыми, а показанія собственной жены бредомъ больного, находящагося въ опасномъ положеніи.

Относительно технолога 1-го разряда Льва Адольфова Дмоховскаго. Познакомившись съ Долгушинимъ въ концѣ 1872 года, Дмоховскій былъ изъ числа участвовавшихъ на вечерахъ Долгушина, именно тѣхъ, на которыхъ былъ поднятъ впервые вопросъ о пропагандѣ въ народѣ и на которыхъ онъ, Дмоховскій, высказывался въ пользу необходимости приобрѣтенія типографскаго станка, о чемъ было упомянуто еще въ началѣ настоящаго акта. Около половины марта Дмоховскій отправился за границу, по его словамъ, вслѣдствіе переговоровъ съ Верещагинимъ и его повѣреннымъ Фривелемъ, т. е. какъ бы по порученію Верещагина. На самомъ же дѣлѣ это было не такъ, ибо спрошенный по этому предмету Верещагинъ, объяснилъ, что Дмоховскаго посылалъ за границу не онъ, а заводчикъ клевареніи Платоновъ; повѣренный же Верещагина воспользовался отъѣздомъ за границу Дмоховскаго,

чтобы дать ему тамъ отдѣльное небольшое порученіе. Платоновъ, съ своей стороны, какъ видно изъ дѣла, Дмоховскаго за границу также не посылалъ, и такимъ образомъ, объясненіе его объ этой побѣдѣ представляется явно-невѣрнымъ. Вернувшись изъ-за границы, Дмоховскій, по уговору съ Платоновымъ, поступилъ за 100 рублей въ мѣсяцъ для занятія на его московскій клееваренный заводъ, куда и переѣхалъ въ половинѣ мая 1873 г. Занимался онъ тамъ, по отзыву Платонова, настолько нерадиво, что послѣдній вынужденъ былъ измѣнить съ нимъ заключенное первоначально условіе. Въ половинѣ же іюля Дмоховскій выѣхалъ съ завода военное и поселился въ домъ Степанова, при чемъ посѣщалъ заводъ Платонова лишь въ послѣ-обѣденное время. Дмоховскій, по его въ этомъ удостовѣренію, занимался въ это время по утрамъ разработкой проекта костеобжигательнаго завода, который предполагалось устроить на дачѣ Долгушина. Но и это показаніе обвиняемаго всецѣло опровергается обстоятельствами дѣла, изъ котораго видно, что небрежность, съ которою онъ занимался на заводѣ Платонова, объясняется весьма частыми его отлучками на дачу Долгушина, гдѣ печатались въ то время прокламаціи Долгушиннымъ, Папнымъ, Плотниковымъ и имъ, Дмоховскимъ, а окончательный выѣздъ съ квартиры на заводѣ на собственную квартиру въ домъ Степанова — продолженіемъ тамъ печатанія тѣхъ же прокламацій, при участіи Долгушина, о чемъ дала обстоятельное объясненіе при предварительномъ слѣдствіи проживавшая на квартирѣ съ Дмоховскимъ, Сахарова. Осторожность, которую старался обставить свои занятія Дмоховскій въ домѣ Степанова, подробно объясняется въ показаніяхъ свидѣтелей домовладѣльца коллежскаго ассессора Михаила Петровича Степанова и дворника московскаго цеховаго Аркадія Михайлова Соловьева, по удостовѣренію коихъ окна квартиры Дмоховскаго, какъ на улицу, такъ и на дворъ, за исключеніемъ кухни, постоянно были завѣшаны. По ихъ же свидѣтельству, по выѣздѣ Дмоховскаго, въ одной изъ комнатъ, гдѣ, какъ надо полагать, печатаніе производилось, замѣчены были на стѣнахъ масляныя пятна. Когда затѣмъ, по словамъ Татьяны Порфиревой Сахаровой, печатаніе прокламацій въ домѣ Степанова было окончено, деревянный станокъ былъ Дмоховскимъ сожженъ, а всѣ другія принадлежності печати отнесены Дмоховскимъ къ крестьянину Соломатину въ домъ Шепелевыхъ. Въ отвозкѣ туда вещей принимала участіе и сама Сахарова. Все это отчетливо подтверждается показаніями, данными при слѣдствіи крестьяниномъ Петромъ Ефимовымъ Соломатинымъ, женою его Марією Ефимовою и дворникомъ дома Шепелевыхъ, крестьяниномъ Никандромъ Кузьминимъ Семинымъ, изъ объясненій коихъ видно также, что ящики Дмоховскаго были сравнительно съ ихъ величиной весьма тяжелые. Въ августѣ Дмоховскій переѣхалъ на дачу къ Долгушину, гдѣ, по согласному объясненію Ананія Васильева, Аграфены Дмитріевой Долгушиной и мѣщанки Сахаровой, начались тогда между Долгушинимъ, Дмоховскимъ, Папнымъ и Плотниковымъ обстоятельныя разсужденія о пропагандѣ въ народѣ. Условившись въ этомъ отношеніи окончательно, Дмоховскій вмѣстѣ съ тремя другими товарищами по преступному дѣлу, къ коимъ присоединился и Ананій Васильевъ, отправился въ началѣ сентября въ Москву, гдѣ на квартирѣ крестьянина Кирилла Кондратьева Курдаева участвовали вмѣстѣ съ другими, какъ показал обвиняемый крестьянинъ Ананій Васильевъ, въ дѣлѣжъ прокламацій, предназначенныхъ для распространенія. Въ народъ, однако, Дмоховскій, подобно Долгушину, не пошелъ, но относительно распространенія имъ въ средѣ крестьянскаго населенія прокламацій и преступной пропаганды вообще, въ слѣдственномъ производствѣ имѣется показаніе крестьянина Ѳедора Афанасьева, доказывающее и то и другое. По словамъ Афанасьева, молодой человекъ худощавый, съ длиннымъ носомъ, просившій его однажды на дорогѣ, проѣхавъ дер. Оборихи, подвести въ Москву, сталъ во время пути съ нимъ разговаривать и высказалъ, между прочимъ, что живетъ въ Москвѣ на заводѣ Платонова въ кожевникахъ и что занимается приготовленіемъ разныхъ веществъ изъ рыбаго клея. Затѣмъ, подѣлывая къ Кунцовой рошѣ, сталъ говорить „о солдатчинѣ“, о томъ, что крестьянъ обижаютъ, не давая вдоволь земли и лѣсу, и что у него есть двѣ книжки о Стенькѣ Разинѣ и Пугачевѣ. Тотъ же молодой человекъ приходилъ къ нему вмѣстѣ съ другимъ подѣломъ предлогомъ заказа зеркалъ въ деревнѣ, гдѣ читали и объясняли ему прокламацію „Русскому народу“. Хотя крестьянинъ Ѳедоръ Афанасьевъ по предьявленіи ему Дмоховскаго при слѣдствіи и не сказалъ положительно, что узнаетъ въ немъ именно того молодого человека, котораго подвозилъ въ Москву, и который былъ у него въ деревнѣ вмѣстѣ съ другимъ подѣломъ предлогомъ заказа зеркалъ, и что предьявленный только похожъ на него. Новая обстановка этого эпизода, взятая вмѣстѣ, приводитъ къ убѣжденію, что молодой человекъ, о которомъ говоритъ Афанасьевъ никто иной, какъ Дмоховскій. То же подтверждаетъ и объясненіе, данное при слѣдствіи по показанію Афанасьева со стороны Долгушина, который прямо говоритъ, что о томъ, что Ѳедоръ Афанасьевъ—зеркальщикъ, узналъ отъ Дмоховскаго. Самъ обвиняемый все изложенное отрицаетъ всецѣло.

Преслѣдуя затѣмъ дальнѣйшую дѣятельность въ Москвѣ Дмоховскаго, по дѣлу оказывается, что въ началѣ сентября онъ нанялъ себѣ квартиру въ домѣ Гуріна, куда и переѣхалъ на жительство съ Сахаровою. Квартира эта, по его собственному сознанию и по показаніямъ Татьяны Порфиревой Сахаровой, а равно и двор-

ника дома крестьянина Афанасія Васильева, была взята Дмоховскимъ на имя Сахаровой, при чемъ онъ всячески уклонялся не только выдать дворнику свой паспортъ, но и назвать свою фамилію. Здѣсь такъ же какъ и въ домѣ Степанова, были завѣшаны всѣ окна, дверь въ темную комнату, гдѣ находились, какъ видно изъ дѣла, вещи для печатанія, была постоянно на замкѣ; дворника впускали съ черного крыльца, всегда отпиравшагося не вдругъ, а послѣ нѣкотораго промежутка времени, какъ бы необходимаго для принятія мѣръ предосторожности. Такая осторожность оправдывается, какъ видно изъ слѣдственнаго производства, тѣмъ, что Дмоховскій, едва успѣвъ преѣхать на новую квартиру, уже вновь принимается за преступное свое дѣло, заказываетъ столяру новый деревянный станокъ для печатанія и беретъ отъ Соломатина необходимыя для печатанія принадлежности, отвезенныя къ послѣднему на храненіе изъ дома Степанова. Все это, подтверждаясь показаніями Сахаровой, столяра крестьянина Макара Осипова и крестьянина Соломатина, не отвергается въ сущности и самимъ Дмоховскимъ, который, сознавая на предварительномъ слѣдствіи въ заказѣ Макару Осипову станка и въ покупкѣ красокъ, а равно и другихъ принадлежностей тисненія, объяснилъ, что дѣйствительно въ домѣ Гурина занимался приготовленіями къ печатанію, хотя и не рѣшилъ, что именно печатать будетъ. Къ сему обвиняемый однако самъ присовокупилъ, что если бы сталъ печатать, то, главнымъ образомъ, сочиненія, направленныя противъ собственности. Наконецъ, вещественныя доказательства, въ д. Гурина найденныя, въ свою очередь подтверждаютъ все изложенное. Такимъ образомъ, несмотря на отсутствіе въ производствѣ открытаго сознанія Дмоховскаго, онъ обстоятельными дѣла въ достаточно вполнѣ ясною и полнотою изобличается въ томъ, что, первый, подавъ мысль о типографскомъ станкѣ, принималъ участіе вмѣстѣ съ Долгушинымъ, Папинымъ и Плотниковымъ въ печатаніи прокламацій преступнаго содержанія, указанныхъ ранѣе сего, трехъ сортовъ, на дачѣ Долгушина въ дер. Сареево и позднѣе вмѣстѣ съ Долгушинымъ въ Москвѣ, въ д. Степанова, а равно также въ распространеніи одной изъ прокламацій, подъ названіемъ „Русскому народу“.

Относительно дворника Ивана Иванова Папина. Папинъ рѣшительно и безусловно отвергая всякое съ своей стороны участіе въ дѣлѣ печатанія и распространія прокламацій преступнаго содержанія „Русскому народу“, „Какъ должно жить по закону природы и правды“ и „Интеллигентнымъ людямъ“, доводитъ неискренность свою до отрицанія простаго знакомства съ Сахаровой и даже Дмоховскимъ. По его въ томъ удостовѣренію, осенние вечера у Долгушина въ 1873 г. характера кружка не имѣли, на нихъ о пропагандѣ не говорилось, о типографскомъ станкѣ тоже. Приѣхавъ въ іюнь 1873 г. въ Москву, онъ былъ у Долгушина всего два раза: первый разъ лѣтомъ и пробылъ на дачѣ съ недѣлю, второй въ началѣ сентября и пробылъ дня два или три. Про печатаніе и распространеніе указанныхъ выше прокламацій, ничего не знаетъ, а тѣ прокламаціи, кои у него найдены, получилъ отъ неизвѣстнаго человѣка наканунѣ ареста. Что касается, наконецъ, до взятаго, у него Евангелія, въ которомъ отмѣчены были карандашемъ мѣста, вошедшія въ прокламацію „Русскому народу“, и до стиховъ „пусть какъ единый человѣкъ и т. д.“, кои также вошли частію въ ту же прокламацію, то Папинъ при слѣдствіи объяснилъ, что отмѣтки въ Евангеліи сдѣланы имъ послѣ полученія отъ неизвѣстнаго человѣка прокламацій въ видахъ ихъ провѣрки, а найденные стихи—случайность.

Всѣ изложенныя объясненія Папина опровергаются обстоятельными дѣла и онъ достаточно уличается какъ въ печатаніи прокламацій на дачѣ въ дер. Сареево при участіи Долгушина, Дмоховскаго и Плотникова, такъ равно и въ распространеніи ихъ среди крестьянъ. То обстоятельство, что Папинъ въ 1872 г. принималъ участіе на осеннихъ вечерахъ Долгушина, преступный характеръ коихъ былъ уже указанъ ранѣе, доказывается показаніями Долгушиныхъ и не опровергается самимъ Папинымъ, который старался только придать имъ иное значеніе. То же, что онъ приѣхалъ въ іюнь мѣсяцѣ въ Москву, былъ на дачѣ Долгушина въ дер. Сареево при другихъ условіяхъ, чѣмъ говоритъ самъ, причемъ участвовалъ наравнѣ съ Долгушинымъ, Дмоховскимъ и Плотниковымъ въ подготовительныхъ совѣщаніяхъ, въ пропагандѣ въ народѣ, въ печатаніи прокламацій преступнаго содержанія, въ окончателныхъ совѣщаніяхъ по поводу ихъ распространенія и, наконецъ, въ дѣлѣ прокламацій на квартирѣ крестьянина Кирилла Кудраева доказывается показаніями Аграфены Дмитріевой Долгушиной, Татьяны Порфирьевой Сахаровой и Анаія Васильева, а также вещественными доказательствами, у него найденными. Приводитъ показанія указанныхъ выше лицъ, здѣсь снова не представляется надобности, такъ какъ они были уже приведены по этому предмету относительно обвиняемыхъ Долгушина и Дмоховскаго, при описаніи преступной дѣятельности коихъ въ дер. Сареево были сдѣланы ссылки и на соучастіе въ таковой же Папина. Что же касается до распространенія Папинымъ прокламацій среди крестьянъ, то необходимо замѣтить, что онъ въ этомъ отношеніи высказалъ несравненно большую послѣдовательность и энергію, нежели обвиняемые Долгушинъ и Дмоховскій. Вѣрный принятому въ дер. Сареево рѣшенію „идти въ народъ“, онъ въ первыхъ числахъ сентября 1873 г. и привелъ это въ исполненіе и слѣдствіемъ по этому поводу обнаружено слѣдую-

щее : 10-го сентября 1873 года безсрочно-отпускной рядовой Филиппъ Федоровъ и крестьянинъ Михаилъ Ивановъ Щербаковъ отправились пѣшкомъ изъ Москвы на родину, въ Вяземскій уѣздъ Смоленской губерніи; ликогда они отошли около 30 верстъ отъ Москвы по Можайской дорогѣ, то нагнали молодого человекѣ въ казакнѣ тонкаго сукна, плисовыхъ шароварахъ и кожаной шапкѣ. Молодой человекѣ завязалъ съ ними разговоръ, въ которомъ передалъ имъ, между прочимъ, что крестьяне одного изъ землевладѣльцевъ три года не подписывали уставную грамоту, а затѣмъ сталъ толковать, что „скоро будущіе равны на землѣ, что не будутъ кориться другъ другу, и что на землѣ скоро будетъ сдѣланъ рай безъ Бога“. Не доходя верстъ 5-ти до гор. Можайска, молодой человекѣ далъ Щербакову книжку, совѣтуя читать и говоря, что въ ней содержится „поученіе міру“. На пути неизвѣстный показалъ имъ бывшій при немъ револьверъ, а равно Щербаковъ и Федоровъ видѣли у него евангеліе и клеенчатую сумку. По словамъ свидѣтеля Федорова, во время дороги молодой человекѣ, смотря на записку, называлъ имъ сосѣднія села и деревни, а по словамъ Щербакова онъ видѣлъ у него бумагу, на которой были написаны всѣ деревни и даже дорога нарисована. По предъявленіи рядовому Федорову и крестьянину Щербакову Папина, они безсловно признали въ немъ того самаго молодого человекѣ, котораго встрѣчали на пути въ Можайскъ и который далъ имъ книжку. Револьверъ, евангеліе и сумка признаны ими также. Затѣмъ Федоровъ и Щербаковъ, разставшись, по ихъ удостовѣренію, въ городѣ Можайскѣ съ неизвѣстнымъ который направился къ желѣзной дорогѣ, пошли дальше и ночевали въ дер. Кузнарнцѣ, и на другой день пришли на ночлегъ въ Гжатскій уѣздъ Смоленской губерніи въ дер. Дурькина, гдѣ и остановились на постояломъ дворѣ. Когда они заснули, то хозяинъ крестьянинъ Алексѣй Максимовъ Митаевъ, увидѣвъ на окнѣ постоялаго двора книжку „Русскому народу“ взялъ ее съ цѣлю почитать вмѣстѣ съ учителемъ его дѣтей, межевщикомъ Викторомъ Федоровымъ Жарковымъ. Замѣтивъ точнае, что книжка содержанія возмутительнаго, они порѣшили, что она идетъ изъ Польши, и сговорились принять относительно прохожихъ соотвѣтственные мѣры, кои только благодаря бездѣятельности мѣстныхъ старосты и сотскаго, не повели къ аресту Федорова и Щербакова. Книжка „Русскому народу“, отобранная у рядового Федорова и крестьянина Щербакова въ селеніи Дурькино, была впоследствии передана Митяевымъ мѣстному исправнику. Что касается, наконецъ, до объясненія обвиняемаго Папина о способѣ полученія имъ прокламаціи отъ неизвѣстнаго, то такое во виду всего изложеннаго представляется настолько несостоятельнымъ, что не нуждается и въ особымъ опроверженіяхъ.

Относительно дворянина Николая Александрова Плотникова. Преступная дѣятельность Плотникова въ главныхъ чертахъ тождественна съ дѣятельностью Папина. Подобно ему онъ, прибывъ изъ Цесербурга въ Москву, принималъ участіе во всемъ томъ, что дѣлалось въ дер. Сарево на дачѣ Долгушина, не исключая и печатанія прокламацій и подобно ему же выказалъ особую рѣшимость въ дѣлѣ ихъ распространенія. Первое доказывается, какъ и относительно Папина, показаніями Аграфены Дмитріевой Долгушиной, Татьяны Порфирьевой Сахаровой и Анація Басильева, а также отчасти и собственнымъ показаніемъ обвиняемаго, который при слѣдствіи, по поводу разговоровъ о пропагандѣ въ народѣ, бывшихъ въ дер. Сарево, объяснилъ, что о томъ, точно, рѣчь тамъ была и что самъ хотѣлъ идти на пропаганду въ народѣ „революціонныхъ идей“. Что же касается до распространенія прокламацій: „Русскому народу“, „Какъ должно жить по закону природы и правды“ и „Къ интеллигентнымъ людямъ“, то Плотниковъ, отказываясь дать какое-либо объясненіе о тѣхъ экземплярахъ прокламацій, кои были у него найдены, соснался только въ передачѣ одной изъ нихъ, а именно „Русскому народу“, крестьянину Ивану Тихонову. Предварительнымъ слѣдствіемъ по этому предмету обнаружено: въ началѣ сентября, когда крестьяне Калужской губерніи Иванъ Тихоновъ и Павелъ Яковлевъ Соловьевъ отправились изъ города Егорьевска, Рязанской губерніи, на родину, то близъ станціи желѣзной дороги Люберцы встрѣтили молодого человекѣ въ поддевкѣ. Разговорившись съ ними, молодой человекѣ предложилъ имъ книжку, и когда они отъ нея отказались за незнаніемъ грамоты, то сталъ имъ читать самъ, говоря, что книжка „изъ Духовной Консисторіи“. Въ этой книжкѣ, какъ это понялъ одинъ изъ свидѣтелей, Соловьевъ, говорилось „какъ господа жали крестьянъ въ барачій рогъ, и что не нужно платить податей“. Книжку эту неизвѣстный совѣтывалъ „давать народу читать, чтобы въ голову забиралъ, памятовалъ“. Когда, по словамъ свидѣтелей, они пришли на вокзалъ, то молодой человекѣ спрашивалъ ихъ имена и мѣста жительства, и далъ имъ все-таки книжку, которую онъ назвалъ „Русскому народу“ и которую читалъ на дорогѣ. По предъявленіи означеннымъ свидѣтелямъ экземпляра прокламаціи „Русскому народу“ и Плотникова они признали именно ту книжку, которую имъ читалъ и затѣмъ отдалъ неизвѣстный, а въ послѣднемъ обвиняемаго. То же подтверждается независимо отъ собственнаго сознанія и замѣткой, сдѣланной Плотниковымъ въ отобранной отъ него памятной книжкѣ. Такимъ образомъ участіе Плотникова въ описанной ранѣ сего преступной дѣятельности обвиняемыхъ Долгушина, Дмоховскаго и Папина на дачѣ въ дер.

Сарево, выраившееся, главнѣйшемъ образомъ, въ печатаніи прокламацій „Русскому народу“, „Какъ должно жить по закону природы и правды“ и „Къ интеллигентнымъ людямъ“, а равно и въ распространеніи ихъ вполнѣ доказывається обстоя- тельствами всего дѣла вполнѣ. Къ сему необходимо присовокупить, что, сознаваясь отчасти, какъ это было указано, въ основательности взводимыхъ противъ него обви- нений, Плотниковъ дѣлаетъ это въ формѣ, доказывающей съ его стороны неискрен- ность, а навѣстный фанатизмъ, съ которымъ онъ относится къ своему преступному дѣлу. Такой общій выводъ подтверждается всѣми показаніями его при слѣдствіи, а равно и заявленіемъ его въ Московское Жандармское Управление, озаглавленнымъ: „То-ли челобитная! Гляны!“ которое слѣдуетъ, какъ онъ объяснилъ при слѣдствіи „понимать буквально“.

Относительно крестьянина Ананія Васильева. Крестьянинъ Ананій Ва- сильевъ познакомился съ Долгушинымъ впервые въ то время, когда послѣдній завѣ- дывалъ мастерской Верещагина въ С.-Петербургѣ, т. е. въ 1872 году. Тогда же Долгушинъ обратилъ на него свое вниманіе и пригласилъ приходитъ къ нему учиться, чѣмъ Ананій Васильевъ и воспользовался. Тогда же, по словамъ обвиняемаго, зашла рѣчь о томъ, чтобы „идти въ народъ“, при чемъ ему предлагалось разносить въ на- родѣ книжки, съ тѣмъ, чтобы выручку за нихъ онъ обращалъ въ свою пользу. Такое дѣло Ананій Васильевъ призналъ для себя невыгоднымъ и предложеніе это не осу- ществилось. При переѣздѣ Долгушина въ Москву Ананій Васильевъ поступилъ къ нему въ услуженіе, но въ половинѣ июня отошелъ, потому что Долгушинъ не пла- тилъ слѣдующаго ему по уговору жалованья. Въмѣсто 70 рублей, кои онъ считалъ себя въ правѣ требовать отъ Долгушина, онъ получилъ шесть, при чемъ Дмоховскій, по его въ томъ удостовѣренію, бросилъ ему такую фразу: „что дачу купили не для того, чтобы помѣщать, а чтобы это дѣло дѣлать“, а Долгушинъ на дорогѣ изъ Сареево въ Москву „далъ ему въ шею“. Въ концѣ августа Ананій Васильевъ вер- нулся въ Москву и снова отправился на дачу Долгушина. Печатаніе прокламацій тамъ было уже окончено, а потому и понятно, что Ананій Васильевъ не видѣлъ, какъ это дѣлалось. При немъ шли уже окончательная совѣщанія о распространеніи прокламацій. При этомъ всѣ, т. е. Долгушинъ, Дмоховскій, Папкинъ, Плотниковъ и онъ, Васильевъ, изъявили готовность идти для ихъ распространения. Съ этою цѣлью обвиняемые отправлены въ Москву и, порѣшивъ идти въ путь, на квартирѣ крестья- нина Кирилла Кондратьева-Курдаева подѣлили между собою прокламаціи, при чемъ Ананій Васильевъ получилъ, какъ онъ говоритъ, штукъ 30 „Русскому народу“ и столько же „Какъ должно жить по закону природы и правды“. Затѣмъ обвиняемый уступилъ въ дорогу „впередъ всѣхъ“ и дѣятельно занялся распространеніемъ, ука- завъ при слѣдствіи и мѣста, гдѣ раздавалъ прокламаціи. Онъ раздавалъ ихъ всездѣ: и путникамъ, которымъ нравилась его рѣчи, и гдѣ ночевалъ, и рабочимъ, рабо- тавшимъ на дорогахъ. Какъ ему было говорено, что „Христосъ этимъ же занимался“, такъ и онъ говорилъ это всѣмъ. Вернулся Ананій Васильевъ въ Москву тогда, когда у него остались на рукахъ только двѣ прокламаціи, и, получивъ отъ ревельскаго гражданина Циммермана 10 р. на дорогу, отправился на родину, въ Тверскую гу- бернію, гдѣ и былъ арестованъ. Весь изложенный разсказъ почерпнуть изъ соб- ственныхъ вполнѣ чистосердечныхъ показаній Ананія Васильева, подтверждаемыхъ и обстоятельствами всего дѣла. Но, независимо отъ сего, показаніе Васильева о дѣятельности на дачѣ подтверждается показаніями Долгушиной и Сахаровой, кои также указываютъ на него, какъ на лицо, соглашавшееся взять на себя дѣло про- паганды въ народѣ. Что касается до распространения прокламацій, то, помимо раз- сказа о совершенномъ съ этою цѣлью путешествіи самого обвиняемаго и показанія его о томъ, что, еще проживая на дачѣ въ дер. Сареево онъ ходилъ съ Долгуши- нымъ читать прокламаціи „Одному мужику“, предварительнымъ слѣдствіемъ собраны слѣдующія доказательства: а) съ 12-го на 13-е сентября 1873 г., какъ о томъ со- гласно показываютъ свидѣтели крестьяне Московской губерніи, Клинскаго уѣзда, дер. Токсина: Егоръ Григорьевъ Малюшкинъ, Григорій Ивановъ Синацынъ, Давыдъ Ивановъ, Семенъ Степановъ и Илья Григорьевъ—къ Давыду Иванову попросился ночевать „паренекъ“, остриженный по-русски, въ черной суконной поддевкѣ и въ сапогахъ съ подковками. За ночьгъ онъ далъ Давыду Иванову книжку, изъ которой Илья Григорьевъ прочиталъ при нихъ всѣхъ страницы 3 или 4. Крестьяне при этомъ заявляютъ, что ничего изъ нея не поняли, что книжка была „ни божественная, ни сказка“, и что они порѣшили, что она „годна только на папироски“. Книжка эта, отобранная при дознаніи жандармскимъ унтеръ-офицеромъ, оказалась прокламаціею „Русскому народу“, а „паренекъ“, давшій ее Давыду Иванову, по описанію, сдѣ- ланному послѣднимъ и съ его словъ другими, есть безъ сомнѣнія никто другой, какъ крестьянинъ Ананій Васильевъ. б) Крестьянинъ Московской губерніи, Клинскаго уѣзда, дер. Воловниковой, Яковъ Матвѣевъ Смирновъ объяснилъ при слѣдствіи, что 10-го сентября 1873 года зашелъ къ нему и сталъ проситься ночевать молодой крестьянинъ, какъ онъ узналъ вполнѣ слѣдствіи, Ананій Васильевъ Смирновъ дать ноч- легъ согласился. Описывая затѣмъ разговоръ свой съ прохожимъ, онъ говоритъ, что коснулся вопроса о женитьбѣ. На это тотъ отвѣтилъ: „я еще молодъ и притомъ,

можетъ быть, меня завтра свяжутъ". Затѣмъ Ананій Васильевъ началъ читать ему книжку, которая „начиналась съ Евангелія“ и въ которой потомъ говорилось, что не слѣдуетъ съ крестьянъ брать оброковъ, и что Царь обдѣлилъ ихъ землею“. Въ благодарность за ужинъ Ананій Васильевъ оставилъ ему двѣ книжки, кои и были впоследствии отобраны полиціею. По предъявленіи во время дознанія обвиняемаго Смирнову, онъ былъ имъ признанъ за того самаго, о коемъ свидѣтельствуется, а при предъявленіи при слѣдствіи прокламацій „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“, онъ призналъ ихъ за такія книжки, какія получилъ отъ Ананія Васильева. в) Осенью 1873 года,—какого именно числа—не помнитъ, крестьянинъ Московской губерніи, Клинскаго уѣзда, дер. Крюкова Дмитрій Ивановъ Журавлевъ, находясь въ своей избѣ, увидѣлъ чрезъ окно молодого человѣка, одѣтаго въ русской кафтанъ. Незвѣстный подошелъ къ окну и предложить купить у него книжку, а когда Журавлевъ отказался, то далъ ему книжку даромъ. Она была озаглавлена „Русскому народу“. Впоследствии далъ читать эту книжку крестьянину одной съ нимъ деревни Василію Николаеву, отъ котораго она затѣмъ и была отобрана. Николаевъ сдѣланную на него ссылку подтвердилъ. г) Около „Воздвиженья“ (14-го сентября) 1873 года крестьянинъ Московской губерніи, Клинскаго уѣзда, дер. Высокаго, Павелъ Захаровъ Морковниковъ, подѣлажа къ деревнѣ Воловниково, вагналъ молодого человѣка, который безъ предварительныхъ разговоровъ далъ ему двѣ книжки. Морковниковъ ихъ взялъ, прочиталъ и, по его въ томъ удостовѣреніи, ничего въ нихъ не понялъ. Книжки эти были у него впоследствии отобраны и по предъявленіи при слѣдствіи прокламацій „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“ свидѣтель призналъ ихъ за точно такія, какія получилъ отъ неизвѣстнаго. д) Крестьянинъ Московской губерніи, Волоколамскаго уѣзда, Петръ Павловъ Кондауровъ, державшій въ 1873 году въ деревнѣ Кузьминской питейное заведеніе, показалъ, что осенью или лѣтомъ, навѣрное не помнитъ, видѣлъ на улицѣ человѣка, который спрашивалъ у него дорогу на слободу. Пока съ нимъ объяснялся, проходили дѣти изъ училища. Незвѣстный предложилъ имъ купить книжки и, одинъ изъ мальчиковъ, Парфенъ Ивановъ, одну книжку за двѣ копейки купилъ. Когда неизвѣстный доставалъ книжку изъ сумки, свидѣтель видѣлъ, что тамъ были еще такія же. Незвѣстный средняго роста, безъ усовъ и бороды, одѣтъ былъ въ поддевку тонкаго сукна. Мальчикъ Парфенъ Ивановъ сдѣланную на него ссылку подтвердилъ, добавивъ, что книжка была у него отобрана жандармомъ и что „начиналась съ текста евангелія отъ Матѳея“. Кондауровъ и Парфенъ Ивановъ, которымъ при дознаніи были предъявлены Ананій Васильевъ, признали его за то самое лицо, которое продавало книжки.

е) Крестьянинъ Московской губерніи, Волоколамскаго уѣзда, Алексѣй Ионовъ Волковъ объяснилъ при слѣдствіи, что 14-го сентября 1873 года, возвратившись домой съ работы, засталъ неизвѣстнаго просившаго ночлежъ и назваващагося разносчикомъ книгъ. Изъ разговоровъ этого человѣка свидѣтель, по его въ томъ удостовѣренію, замѣтилъ, „что книжки, кои онъ разносилъ, надо передавать изъ селенія въ селеніе, изъ волости въ волость“. Незвѣстный читалъ ему книжки, и свидѣтель, понявъ, что онъ „развратныя“ и что въ нихъ говорится, что надобно „возмутить Россію“, замѣтилъ разносчику, что съ такими книжками „можно пропасть“, на что тотъ отвѣчалъ: „все равно пропадать—не всѣмъ же пропадать“. По совѣту нѣкоторыхъ крестьянъ, потребовали у неизвѣстнаго паспортъ, который и читалъ крестьянинъ Кузьма Петровъ. При этомъ крестьянинъ Алексѣй Поповъ добавилъ, что онъ знаетъ, что у неизвѣстнаго одну книжку взялъ сынъ его Петръ. Въ дополненіе къ этому показанію крестьянинъ Кузьма Петровъ, съ своей стороны подтверждающа сдѣланную на него ссылку, объяснилъ, что прохожій оказался по паспорту крестьяниномъ Тверской губерніи Ананіемъ Васильевымъ, а сынъ Алексѣя Ионова Петръ Алексѣевъ, подтверждающа также показаніе отца о книжкѣ, добавилъ, что неизвѣстный, оказавшійся Ананіемъ Васильевымъ, былъ у нихъ въ домѣ еще ранѣе того дня, когда видѣлъ его отецъ, а именно 12-го сентября, ходилъ съ нимъ и Яковомъ Васильевымъ на фабрику и склонялъ его взять у него книжки и раздавать грамотнымъ, или отправиться вмѣстѣ съ нимъ ихъ разносить, отъ чего свидѣтель отказался. Наконецъ, крестьянинъ Яковъ Васильевъ, утверждая, что находился въ избѣ Алексѣя Ионова въ это время, когда неизвѣстный прохожій, читалъ ему книжку, присовокупилъ, что на фабрику съ нимъ ходилъ точно и, получивъ отъ него книжку, самъ читалъ, но „не понявъ, извѣлъ на папиросы“. При дознаніи видно, что всѣмъ указаннымъ свидѣтелямъ былъ предъявленъ Ананій Васильевъ, и что они признали его за того самаго, о коемъ показывали. Къ сему слѣдуетъ присовокупить, что обвиняемый Ананій Васильевъ, затрудняясь, какъ видно изъ его показаній при слѣдствіи, назвать всѣхъ тѣхъ лицъ, коимъ прокламаціи роздалъ, заявилъ, однако, что вполне подтверждаетъ ссылку на него всѣхъ тѣхъ, кои были ему при дознаніи предъявлены. Такимъ образомъ, обвиненіе крестьянина Ананія Васильева въ распространеніи прокламаціи „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“ опирается на собственномъ, вполне искреннемъ его сознаніи, согласномъ и съ обстоятельствами дѣла.

Относительно мѣщанки Татьяны Порфирьевой Сахаровой. Сахарова,

какъ видно изъ слѣдственнаго производства, чистосердечно сознавшись въ участіи, которое принимала въ настоящемъ дѣлѣ, въ виду близкихъ отношеній съ Дмоховскимъ, такъ сказать, самостоятельной роли въ преступной дѣятельности главныхъ обвиняемыхъ не играла. Будучи близка къ Дмоховскому еще съ того времени, когда находилась въ Петербургѣ въ услуженіи у его родителей, и сошедшись съ нимъ вновь въ Москвѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1873 года, она была свидѣтельницей всѣхъ подготовительныхъ къ пропагандѣ разговоровъ на дачѣ Долгушина въ дер. Сареево, видѣла прокламаціи еще въ рукописи; видѣла, какъ ихъ печатали на дачѣ и въ Москвѣ въ домѣ Степанова; знала, что собираются ихъ распространять въ народѣ, и затѣмъ все-таки не приняла никакихъ мѣръ къ предупрежденію предпріятого зла, хотя имѣла на то и время, и возможность, хотя и понимала преступность того, что вокругъ нея дѣлалось постепенно изо-дня въ день. Такая виновность Сахаровой не можетъ быть оправдана ссылкой на ея отношенія къ Дмоховскому, кои, составляя, безъ сомнѣнія, обстоятельство смягчающее, отнюдь не могутъ быть поводомъ къ непривлеченію Сахаровой къ должной по закону отвѣтственности предъ судомъ за попустительство, въ коемъ она и изобличается какъ собственными показаніями, вполне согласными съ обстоятельствами дѣла, такъ равно показаніями дворянки Аграфены Дмитріевой Долгушиной и крестьянина Анаанія Васильева, коими все сказанное о положеніи въ настоящемъ дѣлѣ Сахаровой вполне подтверждается.

Относительно Дворянина Дмитрія Иванова Гамова. Гамовъ былъ первоначально сельскимъ учителемъ въ дер. Меглицяхъ Новгородской губерніи, по затѣмъ, узнавъ что открывается учительское мѣсто на фабрикѣ Товарищества Реутовской Мануфактуры въ окрестностяхъ Москвы, чрезъ посредство Шербакова, бывшего своего товарища, а нынѣ доктора этой фабрики, получилъ тамъ мѣсто учителя. По отъезду директора Реутовской Мануфактуры, инженера-технолога Байковского, Гамовъ не полюбился ему съ первыхъ же дней, потому что распустилъ школу и сталъ писать требованія въ дерзкомъ тонѣ.

Затѣмъ, 3-го декабря 1873 года, бухгалтеръ Тереневъ принесть ему прокламацію „Какъ должно жить по закону природы и правды“, которая взята была первоначально у рабочаго Ельпидифора Мартынова и пройдя чрезъ нѣсколько рукъ дошла до Теренева. Г. Байковскій, по его словамъ, тотчасъ заподозрѣвъ Гамова, прокламацію сжегъ, но заявилъ, однако, обо всемъ случившемся въ Московское Жандармское Управленіе. Обвиняемый Гамовъ первоначально при слѣдствіи показалъ, что ни о какихъ прокламаціяхъ ничего не знаетъ, и что рабочимъ Ельпидифору Мартынову и Семену Егорову давалъ читать книги только изъ школьной бібліотеки. При вторичномъ, однако, допросѣ Гамовъ сообщилъ, что рабочими Ельпидифоромъ Мартыновымъ и Семеномъ Егоровымъ, въ виду особаго ихъ рвенія учиться, заинтересовался исключительно и, давъ имъ перечитать все, что было въ бібліотекѣ, далъ подѣ конецъ двѣ брошюры: „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“, рекомендованныя ему бывшимъ его товарищемъ Баскинымъ. По удостовѣренію Гамова, онъ брошюры самъ не читалъ и, передавая ихъ Мартынову и Егорову, не зналъ объ ихъ содержаніи, что извѣстно было и послѣднимъ. Но и это второе показаніе Гамова оказывается въ свою очередь невѣрнымъ. Допрошенный при предварительномъ слѣдствіи крестьянинъ Ельпидифоръ Мартыновъ объяснилъ, что двѣ прокламаціи: „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“, получилъ отъ бывшего учителя фабричной школы Гамова. Передавая эти прокламаціи Гамовъ говорилъ: „чтобы ихъ давали читать какъ можно болѣе, а дойдетъ до конторы, заявили-бы, что купили въ Москвѣ на толкучкѣ“. Гамовъ „хвалилъ“ прокламаціи, называлъ ихъ „хорошими“ и говорилъ, что въ случаѣ его допроса, онъ, когда будетъ выпущенъ, еще дастъ такія же книжки“. Что же касается до крестьянина Семена Егорова, то онъ при слѣдствіи показалъ, что предъявленныя ему прокламаціи похожи на тѣ, кои видѣлъ у Ельпидифора Мартынова и что послѣдній точно сообщалъ ему, что Гамовъ, передавая ему прокламаціи, говорилъ, чтобы дать ихъ читать народу. Такимъ образомъ дѣлается совершенно яснымъ, что показаніе Гамова о томъ, что онъ далъ крестьянамъ прокламаціи, не прочтя ихъ предварительно самъ, несправедливо. Напротивъ того, изъ показанія Мартынова, заподозрѣвъ неискренность коего не представляется никакихъ основаній, прямо видно, что Гамовъ передавалъ ему прокламаціи, зная что передаетъ, и съ преступною притомъ цѣлью — распространенія ихъ въ народѣ. Точно такъ же неосновательнымъ представляется и объясненіе Гамова о способѣ полученія прокламаціи отъ бывшего товарища Баскина, какъ по той обстановкѣ, при которой это, по словамъ обвиняемаго, было сдѣлано, такъ и потому, что, по наведенной при слѣдствіи справкѣ, ссылка на Баскина оказалась ссылкой на лицо умершее.

Относительно дворянина Александра Сергѣева Чикова. Въ августѣ 1873 г. студентъ Технологическаго Института Поповъ встрѣтилъ въ Петербургѣ на Обуховской площади бывшего своего товарища по гимназій Чикова, который, узнавъ, что Поповъ собирается ѣхать на родину, въ область Войска Донскаго, просилъ его отвезти письмо и посылку на имя г. Грачевскаго, кои и отдалъ проѣздомъ на станціи Чертковъ Грязе-Царицынской линіи желѣзной дороги. Поповъ согласился, и Чиковъ

отнесъ ему на домъ и то, и другое. Впослѣдствіи оказалось, что въ посылкѣ, кромѣ книгъ, находились двѣ прокламаціи: „Къ интеллигентнымъ людямъ“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“. Допрошенный по этому предмету Чиковъ, сознаваясь при слѣдствіи, что посылку съ прокламаціями точно просилъ Попова передать Грачевскому, для чего такую и отнесъ на квартиру первого, относительно какъ цѣли, съ которою посылалъ ихъ, такъ и способа полученія прокламацій, а равно и всего того, что относится до посѣщенія имъ села Гуляевки, сослался на показанія, данныя имъ при дознаніи. Во время же дознанія Чиковъ первоначально объяснилъ, что въ юнѣ 1873 года, бывъ на родинѣ, воспользовался удобнымъ случаемъ и посѣтилъ село Гуляевку, крестьянская жизнь котораго его интересовала уже давно. Проѣздомъ случайно познакомился на станціи Чертковъ съ однимъ изъ служащихъ на ней Грачевскимъ, коему и послалъ чрезъ Попова прокламаціи „въ видахъ того, чтобы познакомить его съ тѣмъ направленіемъ, которымъ онѣ проникнуты и приобщить его, такъ сказать, къ образу мыслей и къ той дѣятельности, которымъ онъ, Чиковъ, сочувствовалъ, т. е. дѣятельности, имѣющей цѣлью народное образование и освобожденіе его изъ-подъ тѣхъ невыгодныхъ условій, въ которыхъ онъ, по его мнѣнію, находится“. О способѣ приобрѣтенія прокламацій Чиковъ, по его въ томъ удостовѣренію, ничего сказать не можетъ, ибо не помнитъ какимъ образомъ и гдѣ ихъ получилъ, но знаетъ, что онѣ у него находятся съ начала 1873 года. Къ этому Чиковъ добавилъ, что брошюрамъ онъ „особаго значенія не придавалъ, хотя и раздѣлялъ высказанныя въ нихъ убѣжденія“. Въ слѣдующемъ затѣмъ показаніи, данномъ при дознаніи, Чиковъ въ разъясненіе того, что собственно интересовало его въ селѣ Гуляевкѣ, указалъ на бывшія тамъ „столкновенія“, а относительно цѣли, съ которою посылалъ Грачевскому прокламаціи, выразилъ, что сдѣлалъ это для того, чтобы Грачевскій, ознакомившись съ направленіемъ и убѣжденіемъ, выраженными въ обращеніи къ интеллигентнымъ людямъ, усвоилъ бы себѣ основную идею этого обращенія, приглашающаго каждаго образованнаго человѣка идти въ народъ, чтобы возбудить его къ протесту во имя лучшаго общественнаго устройства. Другая же брошюра послана была для того, чтобы онъ, Грачевскій, въ случаѣ, если усвоитъ себѣ упомянутый образъ мыслей, принялъ бы мѣры къ распространенію идей, изложенныхъ въ брошюрѣ, въ простомъ народѣ, для котораго она назначалась. Такимъ образомъ Чиковъ собственнымъ сознаніемъ, согласнымъ съ обстоятельствами дѣла, изобличается въ распространеніи прокламацій преступнаго содержанія, направленныхъ къ возбужденію народа противъ существующей власти. Что же касается до способа приобрѣтенія имъ прокламацій, то хотя обвиняемый и даетъ по этому поводу очевидно ложное показаніе, но способъ этотъ, однако, слѣдствіемъ остался необнаруженнымъ.

Относительно ревельскаго гражданина Эмилія Эмилиева Циммермана. Обвиняемый крестьянинъ Ананій Васильевъ въ показаніи, данномъ имъ при слѣдствіи, окончивъ разсказъ о путешествіи, предпринятомъ имъ съ цѣлью распространенія прокламацій, между прочимъ, говоритъ, что возвратившись обратно въ Москву, былъ у Циммермана и, сообщивъ ему объ арестѣ двухъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ, просилъ у него выдать ему его платье и бѣлье, а также снабдить прокламаціями для раздачи на родинѣ, въ Тверской губерніи. Циммерманъ, по удостовѣренію Васильева, въ свою очередь сообщивъ ему, что Дмоховскій и Долгушинъ еще на свободѣ, о прокламаціяхъ сказалъ, что теперь ихъ у него нѣтъ и велѣлъ приходить на другой день. Ананій Васильевъ это исполнилъ и, получивъ отъ Циммермана 10 руб., ушелъ на родину. Обвиняемый Циммерманъ, отвергая при слѣдствіи всякое участіе въ настоящемъ дѣлѣ вообще и показаніе Ананія Васильева въ томъ смыслѣ, какъ оно дано, въ частности сознался однако, что Ананій Васильевъ у него былъ, сообщалъ о двухъ арестованныхъ, говорилъ, что у него имѣются двѣ прокламаціи, кои онъ совѣтовалъ ему изорвать, и что точно далъ ему 10 руб. на дорогу. Такимъ образомъ, если даже и не придавать показанію Ананія Васильева безусловной вѣры, то Циммерманъ уже и по собственному признанію достаточно изобличается въ томъ, что, зная, что у Ананія Васильева имѣются двѣ прокламаціи, вмѣсто донесенія о томъ надлежащей власти, еще снабдилъ его деньгами для прохода на родину.

Относительно дворянина Василя Петровича Сидорацкаго. Сидорацкій будучи привлеченъ къ дѣлу по обвиненію въ распространеніи прокламацій преступнаго содержанія, первоначально при слѣдствіи показалъ, что передающую имъ португей-юнкеру Циммербергу прокламацію „Къ интеллигентнымъ людямъ“ онъ получилъ отъ неизвѣстнаго господина, познакомившись съ нимъ въ публичной библиотекѣ. Затѣмъ, по этому предмету онъ далъ другое показаніе, въ которомъ какъ на лицо, отъ котораго получена имъ означенная выше прокламація, указываетъ на бывшаго воспитанника Артиллерійскаго училища Завадскаго, который, какъ оказалось, по наведеннымъ справкамъ, умеръ. Не придавая, въ виду обстоятельствъ дѣла, передачѣ прокламацій Циммербергу значенія распространенія таковыхъ, Сидорацкій, однако, по собственному сознанію вполне изобличается въ имѣнніи прокламацій преступнаго содержанія безъ надлежащаго на то разрѣшенія начальства.

Относительно сына священника Ивана Флегонтова Авессаломова. Преслѣдованіе противъ Авессаломова возбуждено по тому поводу, что у него найдена была прокламація „Русскому народу“. Авессаломовъ при слѣдствіи показалъ, что однажды, въ августѣ 1873 года, къ нему пришелъ его знакомый Соловьевъ (относительно коего, впрямь до разысканія его, слѣдствіе Правительствующимъ Сенатомъ приостановлено) и прочитавъ ему названную выше брошюру, такую у него оставилъ. Какъ на причину, почему не обратилъ на нее должнаго вниманія, Авессаломовъ указываетъ на то, что Соловьевъ человекъ пустой и болтунъ, который весьма часто говоритъ всякій вздоръ безъ толку.

Такое объясненіе, если даже и дать ему полную вѣру, не можетъ быть признано обстоятельствомъ, снимающимъ съ обвиняемаго всякую личную отвѣтственность въ настоящемъ случаѣ, и поступокъ его, по собственному въ томъ показанію, представляется вполне доказаннымъ и воспрещеннымъ имъніемъ у себя прокламацій преступнаго содержанія безъ всякаго на то предусмотрѣннаго закономъ разрѣшенія.

Относительно дочери купца 2-й гильдіи Александры Яковлевой Ободовской. По обыску, произведенному у Ободовской, найдена была у нея прокламація „Русскому народу“, съ 17-й страницы начиная. По поводу этого Ободовская при слѣдствіи объяснила, что какимъ образомъ попалъ къ ней неполный экземпляръ названной прокламаціи, она не знаетъ, но думаетъ, что случайно въ какой-нибудь книгѣ. По ей въ томъ удостовѣренію, она до обыска этой прокламаціи не только не читала, но и не видала. Принимая во вниманіе голословность оправданій Ободовской, а съ другой — знакомство ея съ Чиковымъ, лицомъ, по собственному сознанию обвиняемомъ въ распространеніи прокламацій преступнаго содержанія, изложенное объясненіе представляется незаслуживающимъ уваженія и Ободовская, достаточно избалованною въ томъ, что имѣла у себя прокламацію преступнаго содержанія внѣ дозволенныхъ условій, предусмотрѣнныхъ для сего закономъ. На основаніи всего вышеизложеннаго обвиняется:

Дворянинъ Александръ Васильевъ Долгушинъ — въ томъ, что составивъ самъ двѣ прокламаціи: „Русскому народу“ и „Къ интеллигентнымъ людямъ“, направленные къ возбужденію открытаго неповиновенія Верховной Власти, въ сообществѣ съ другими лицами не только напечаталъ какъ эти прокламаціи, такъ равно и прокламацію „Какъ должно жить по закону природы и правды“, такого же направленія, какъ и двѣ первыя, но и распространялъ ихъ съ цѣлію возбудить населеніе къ бунту, что составляетъ преступленіе предусмотрѣнное въ ст. 251 Улож. о наказ. изд. 1866 года; дворяне Левъ Адольфовъ Дмоховскій, Иванъ Ивановъ Папинъ и Николай Александровъ Плотниковъ — въ томъ, что напечатавъ при взаимномъ участіи и при участіи Долгушина прокламаціи упомянутыхъ выше названій и содержанія, распространяли таковыя съ цѣлію возбудить населеніе къ бунту, что предусмотрѣно также ст. 251 Улож. о наказ.; крестьянинъ Ананій Васильевъ и дворяне Дмитрій Ивановъ Гамовъ и Александръ Сергѣевъ Чиковъ — въ томъ, что не участвуя ни въ составленіи, ни въ печатаніи указанныхъ выше прокламацій, распространяли таковыя съ цѣлію возбужденія къ возстанію противъ Верховной Власти, что предусмотрѣно въ той же 251 ст. Улож. о наказ.; мѣщанка Татьяна Порфирьева Сахарова — въ томъ, что зная о совершенныхъ обвиняемыми Долгушинымъ, Дмоховскимъ, Папинымъ, Плотниковымъ и Ананіемъ Васильевымъ преступленіяхъ и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣній Правительства, не исполнила этой своей обязанности, что составляетъ дѣяніе, наказуемое по ст. 125 и 251 Улож. о наказ.; ревельскій гражданинъ Эмилій Эмилиевъ Циммерманъ — въ томъ, что узнавъ, что крестьянинъ Ананій Васильевъ распространялъ прокламаціи преступнаго содержанія, изъ коихъ двѣ еще у него находились на рукахъ, не дошелъ о томъ надлежащей власти, что предусмотрѣно ст. 126 Улож. о нак., и наконецъ, дворянинъ Василій Петровъ Сидорацкій, сынъ священника Иванъ Флегонтовъ Авессаломовъ и дочь купца 2-й гильдіи Александра Яковлева Ободовская — въ томъ, что имѣли у себя прокламаціи преступнаго содержанія, безъ разрѣшенія на то высшаго начальства, что составляетъ дѣяніе предусмотрѣнное въ 3-й части ст. 251 Улож. о нак. (изд. 1866 года).

По прочтеніи обвинительнаго акта всѣ подсудимые были удалены изъ залы, за исключеніемъ Долгушина. Подсудимые спрашивались каждый отдѣльно, послѣ вопроса одного, онъ вводился изъ залы засѣданія, и затѣмъ вводился слѣдующій подсудимый, такъ что во время вопроса одного, прочіе подсудимые въ залѣ не находились.

Предс. Подсудимый Долгушинъ! Вы выслушали обвинительный актъ и знаете, что обвиняетесь въ томъ, что составили, напечатали и распространяли прокламаціи противозаконнаго содержанія. Признаете-ли себя въ этомъ виновнымъ? Подс. Я признаю себя виновнымъ только въ сочиненіи и печатаніи прокламаціи „Русскому народу“ — болѣе ни въ чемъ. В. Что же вы сдѣлали съ ними по печатаніи? — О. Относительно чего? — В. Относительно прокламаціи. О. Ничего. В. Можетъ быть уничтожили или оставили гдѣ-нибудь? Можетъ быть взялъ ихъ кто-нибудь другой? О. Не знаю, я могу сказать только, что не распространялъ. В. А печатали какимъ способомъ? О. Обыкновеннымъ типографскимъ. В. Ручнымъ станкомъ? О. Да. В. Имѣли

шрифтъ? О. Имѣлъ все, что нужно для печатанія. В. Затѣмъ вы не знаете, куда дѣвались прокламаціи? О. Не знаю. Подсудимый удаленъ; введенъ Дмоховскій. На тотъ же вопросъ предсѣдателя о виновности, подсудимый отвѣчалъ: „Нѣтъ, не признаю“. Введенъ подсудимый Папинъ. На тотъ же вопросъ предсѣдателя подсудимый отвѣчалъ: Нѣтъ, не признаю“. Введенъ подсудимый Плотниковъ. Предсѣдатель повторилъ тотъ-же вопросъ. Подс. Въ криминальномъ смыслѣ — нѣтъ. Предс. Въ чемъ же вы признаете себя виновнымъ! О. Въ печатаніи прокламаціи къ „Русскому народу“ и въ передачѣ одного экземпляра. В. Кому? О. Крестьянину Ивану. В. Слѣдовательно вы признаете фактъ, но не признаете виновности. Вы говорите, что дѣйствительно не печатали прокламаціи. О. Участвовалъ въ печатаніи. В. Наборъ вашъ былъ? О. Нѣтъ. В. Можете сказать, чей онъ былъ? О. Нѣтъ, не могу сказать. В. Гдѣ это происходило? О. На дачѣ въ Сареево. В. Вы передали одинъ экземпляръ? О. Да, только одинъ. В. А напечатано было много? О. Я не помню точно числа, но если принять за точное показаніе одного лица, именно Васильева, что ему было дано до 30 экземпляровъ той и другой прокламаціи, то думаю, что у меня не больше 30 экземпляровъ „Къ русскому народу“ и 30 „Какъ надо жить по закону природы и правды“; за исключеніемъ одного экземпляра, я передалъ всѣ остальные Дмоховскому. Сенаторъ Евреиновъ. Въ какомъ количествѣ были напечатаны прокламаціи? Подс. Миѣ неизвѣстно. В. Когда была уничтожена типографія? О. На дачѣ, въ промежутокъ времени между 14-мъ іюня и 7 іюля. В. Когда она была перевезена въ другое мѣсто? О. Я не знаю, была-ли куда перевезена. В. Въ уничтоженіи ея вы не участвовали? О. Нѣтъ. В. А въ устройствѣ типографіи въ Сареево вы участвовали? О. Да. В. Слѣдовательно, вамъ должно быть извѣстно, кто и устраивалъ? О. По мнѣнію моему, всѣ вмѣстѣ: Долгушинъ, Дмоховскій, я и Папинъ. В. На какія средства вы это дѣлали? О. Деньги были у нѣкоторыхъ лицъ. В. Вы не участвовали въ денежныхъ расходахъ на типографію? О. Моихъ вкладовъ не было. Кн. Мещерскій. Вамъ неизвѣстно, кто сочинялъ прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“? Подс. не знаю. Сенаторъ Евреиновъ. Одновременно прокламаціи печатались, или въ разное время? Подс. Въ разное время: по опечатаніи одной, начинали другую. В. Конечно, кто-нибудь редактировалъ эти прокламаціи и, вѣроятно, у васъ было совѣщаніе? О. Я сказалъ, что участвовалъ только въ печатаніи прокламаціи „Къ русскому народу“. В. Но вы знали, что эту прокламацію сочинилъ, или по крайней мѣрѣ, кто редактировалъ ее? При томъ вы, вѣроятно совѣщались, изложить и на какихъ основаніяхъ? О. По этому поводу я не хочу давать объясненій. По просьбѣ сторонъ, спрошены вновь подсудимые Долгушинъ и Дмоховскій. Введенъ подсудимый Долгушинъ. Предс. Вслѣдствіе показаній спрошенныхъ подсудимыхъ и ходатайства сторонъ я обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ; не хотите-ли дать объясненіе болѣе подробное, напримѣръ, относительно того, что предшествовало печатанію и составленію прокламаціи. Подс. Я написалъ и печаталъ въ дер. Сареево воззваніе „Русскому народу“. В. Что побудило васъ? О. Я указалъ въ ней на недостатки современнаго порядка вещей... на народъ, страдающій отъ бѣдности. В. Содержаніе ея намъ извѣстно, а не хотите-ли указать тѣ обстоятельства, при которыхъ вы сочинили и печатали? О. Я изучилъ жизнь народа практически... В. Вы печатали въ Сареево? О. Да. В. Сколько было напечатано экземпляровъ? О. Тысячи полторы. В. Не хотите-ли сказать, куда онѣ дѣвались? Не извѣстно-ли вамъ это, такъ какъ изъ обвинительнаго акта вы видѣли, что прокламаціи были въ обращеніи въ народѣ? Не извѣстно-ли вамъ, какъ онѣ туда попали? При первомъ моемъ допросѣ вы сказали, что не знаете. Если вы и теперь остаетесь при этомъ-же, то я спрашивать васъ болѣе не буду. О. Дѣло въ томъ, что я занимался не одинъ. В. Плотниковъ говорить, что онъ передалъ только одинъ экземпляръ. О. Я не могу назвать тѣхъ личностей, которыя тутъ участвовали. — В. Я этого и не требую. Но вашъ защитникъ считалъ для вашей же пользы необходимымъ разспросить васъ подробнѣе. О. Миѣ трудно отвѣчать на ваши вопросы. Сенаторъ Евреиновъ. Прокламаціи было три. Всѣ онѣ печатались въ одной типографіи. Вы говорите, что печатали одну. Но вы вѣроятно знали, что были еще и другія прокламаціи? Подс. Я ничего не знаю относительно прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“ и миѣ неизвѣстно, гдѣ онѣ печатались, а „Какъ жить“ печаталось на дачѣ, во я въ этомъ не участвовалъ. В. Кто же участвовалъ? О. Я не знаю. Прис. пов. Угнѣ просить предложить подсудимому вопросъ относительно того, какое участіе въ дѣлѣ принималъ подсудимый Дмоховскій. Подс. Долгушинъ. Онъ на дачѣ былъ только два раза до 14-го іюня, а печатаніе началось послѣ 14-го. Предс. А въ городѣ? Подс. Я не знаю. Я продалъ типографію, но что съ нею дѣлали — миѣ неизвѣстно. В. Былъ участникомъ Папинъ? О. Не знаю. Введенъ подсудимый Дмоховскій. Предсѣдатель предложилъ ему такой же вопросъ, какъ Долгушину, вслѣдствіе ходатайства сторонъ. Подс. Я въ печатаніи и распространеніи не признаю себя виновнымъ. Но знаю, что печатаніе происходило на дачѣ. Предс. Вы въ Сареево часто бывали? О. Бывалъ часто. В. Тамъ происходило печатаніе? О. Въ то время меня не было. Я бывалъ часто послѣ 15-го августа. В. Вамъ передалъ типографію Долгушинъ? О. Передалъ, и я признаю себя виновнымъ, что у меня были типографскія принадлежности, которыя я перевезъ въ Москву на квартиру въ домѣ Степанова. В. А употре-

бляли-ли ихъ въ дѣло? О. Нѣтъ, не употреблялъ, но желалъ сдѣлать употребленіе. Сенаторъ Евреиновъ. Какое вы хотѣли сдѣлать употребленіе? Подс. Я хотѣлъ печатать статьи противъ частной поземельной собственности. Введенъ подсудимый Папинъ. Предс. Вълѣдствіе показаній вашихъ товарищей и ходатайства сторонъ я предлагаю вамъ, не желаете-ли дать показанія относительно вашего участія въ печатаніи прокламацій, такъ какъ есть показанія Долгушина и Плотникова, что они участвовали. Вы бывали въ Сареево? О. Бывалъ. В. Происходило тамъ печатаніе? О. Нѣтъ. В. Когда печатаніе перенесено было въ Москву, т. е. когда Дмоховскій приобрѣлъ типографію отъ Долгушина и перевезъ ее въ домъ Степанова, вы тамъ бывали? О. Нѣтъ, мнѣ ничего не было извѣстно и я ничего не видѣлъ. Введенъ подсудимый Чиковъ. Подс. Я признаю только послышку; что же касается до распространенія, то это отрицаю. В. Слѣдовательно, вы признаете себя виновнымъ въ томъ, что послали прокламацію? О. Послалъ. В. Какую? О. „Къ интеллигентнымъ людямъ“. В. Кому? О. Грачевскому, служащему на Царицынской желѣзной дорогѣ. В. Отъ кого вы ее получили? О. Не могу сказать, такъ какъ подобныя вещи, въ той средѣ, гдѣ я жилъ, весьма легко переходятъ изъ рукъ въ руки; по этому я не могъ замѣтить ни времени, ни того случая, который былъ при этомъ, чтобы запомнить личность, которая мнѣ передала прокламацію. В. Гдѣ же это было? О. Я полагаю въ Петербургѣ, въ 1872 или въ 1873 году. Я относился къ этому безразлично. Думалъ, что прокламація печаталась за границей, и это фактъ совершенно частный, а не общій. В. Не можете-ли припомнить, когда это было? О. Теперь думаю, что это было по приѣздѣ въ Петербургъ. В. Вы когда приѣхали въ Петербургъ? О. Въ августѣ. Я долженъ замѣтить, что въ то время у меня были брошюры, напечатанныя въ Цюрихѣ, подъ названіемъ: „Какъ жить по закону природы и правды“. В. Куда же онѣ дѣвались? О. Случалось передавать своимъ, а иногда уничтожалъ. В. Вы сказали, что одинъ экземпляръ передали? О. Только одинъ экземпляръ. Сенаторъ Евреиновъ. Вы сказали, что не помните, отъ кого получили, потому что вращались въ извѣстной средѣ. Изъ кого-же состояла эта среда? Подс. Преимущественно изъ молодежи, студентовъ. В. У васъ бывали сходбища, собранія? О. Нѣтъ, никогда не велись регулярные разговоры; рѣшительнаго ничего не было. В. Кто въ этихъ разговорахъ участвовалъ? О. Это могло случиться просто: могли передавать знакомымъ въ кухмистерской. В. Нѣтъ вы сказали, что это было въ средѣ, въ которой вы вращались. Кто же въ этихъ разговорахъ участвовалъ? О. Студенты. В. Было нѣсколько человекъ въ этой средѣ? О. Нельзя сказать, что нѣсколько человекъ. Я былъ депутатомъ въ Технологическомъ Институтѣ, а потому у меня было большое знакомство. Кто былъ студентомъ, тотъ знаетъ, какія отношенія между студентами. В. Но вы раздѣляли тѣ взгляды, которые выражены? О. Я не отрицаю, что раздѣлялъ. (Засѣданіе прервано на 10 минутъ). По возобновленіи засѣданія введенъ подсудимый Гамовъ. Предс. Какъ вы слышали изъ обвинительнаго акта, вы обвиняетесь въ томъ, что распространяли прокламаціи противозаконнаго содержанія. Признаете-ли себя въ этомъ виновнымъ? Подс. Нѣтъ. В. Вы не распространяли? О. Не распространялъ, но далъ двѣ прокламаціи, не зная ихъ преступнаго содержанія, т. е. неумышленно. В. Значитъ, вы признаете только фактъ и отрицаете виновность. Подъ какимъ названіемъ вы передали прокламаціи? О. „Къ русскому народу“ и „Какъ надо жить по закону природы и правды“. В. Кому вы ихъ передавали? О. Рабочимъ Семенову и Мартынову. В. Откуда вы ихъ получили? О. Мои товарищи передали. В. Они умеръ? О. Да. Но о смерти его я не зналъ при слѣдствіи, а я могу привести обстоятельства свиданія съ нимъ. В. Вы не передавали? О. Нѣтъ. В. Откуда товарищъ вашъ получил, не говорилъ вамъ? О. Нѣтъ. Сенаторъ Евреиновъ. А съ подсудимыми вы были знакомы? О. Ни одного изъ нихъ не знаю.

Предс. Вы были учителемъ? Подс. Да. Сен. Евреиновъ. Гдѣ? Подс. Въ началѣ 1873 года я отправленъ въ Торовичскій уѣздъ и былъ учителемъ въ школѣ въ селѣ Меглицяхъ, но, по независимымъ отъ меня обстоятельствамъ, я оставилъ школу. Въ июлѣ отправленъ въ Москву отыскивать другого рода занятія. Тамъ въ продолженіе полутора мѣсяца я не находилъ себѣ никакого мѣста, и поиски мои были совершенно напрасны. Положеніе мое было незавидное, потому что не было никакихъ средствъ къ существованію. Квартиры тоже не было. Идя разъ черезъ Тверской бульваръ, я услышалъ стукъ изъ ресторана, пошелъ туда и увидѣлъ бывшаго товарища по гимназій Шербакова. Я сказалъ ему свое положеніе и онъ предложилъ переѣхать къ нему жить, пока отыщется занятіе. Тамъ я узналъ, что директоръ фабрики г. Байковскій желаетъ улучшить школу и былъ недоволенъ своимъ прежнимъ учителемъ. Объ этомъ онъ говорилъ съ Н. С. Шербаковымъ, который предложилъ мнѣ это мѣсто, зная меня за человека преданнаго педагогическому дѣлу. Вначалѣ я не соглашался поступить, такъ какъ могъ ожидать такихъ же независящихъ отъ меня обстоятельствъ, какія были въ Меглицкой школѣ. Нужно замѣтить, что я собственно имѣлъ намѣреніе занять денегъ у Шербакова и уѣхать на родину; но такъ какъ денегъ я не занялъ, положеніе мое было незавидное, то я рѣшился поступить на фабрику. Такъ какъ желаніе Байковского было улучшить школу, то, по моему совѣту, были куплены новѣйшія пособія: счеты, рельефный глобусъ и т. д. Потомъ я замѣнилъ Ушинскаго, такъ какъ онъ учитъ читать механически, такъ что

ученики не могли рассказать, что читали. Отсюда я вывелъ, что многіе не знали даже грамоты. Поэтому я считалъ необходимымъ переимѣнить руководство и для этого куплена была книга „Для первоначальнаго чтенія“ Водовозова. Я считалъ это руководство лучшимъ, потому что тамъ есть навѣстная система; притомъ рассказъ написанъ такимъ образомъ, что постепенно переходитъ отъ легкаго къ трудному. Затѣмъ я раздѣлилъ учениковъ на двѣ группы: на грамотныхъ и неграмотныхъ. Занятія въ школѣ шли съ 9 часовъ утра до 4 пополудни. Въ это время были промежутки: для обѣда часть и послѣ обѣда получасовой промежутокъ. Въ эти промежутки я устроилъ дѣтскія игры, потому что былъ убѣжденъ, что это одно изъ весьма хорошихъ средствъ, чтобы замѣнить старыя приемы, потому что послѣ физическаго упражненія дѣти садились за занятія съ большою охотою. Сен. Евреиновъ. Это касается системы вашего преподаванія. Сколько времени вы пробыли въ фабричной школѣ? Подс. Около трехъ мѣсяцевъ. В. Что васъ побудило оставить ее? О. Неприятное столкновение съ директоромъ Байковскимъ, состоявшее въ томъ, что я написалъ ему записку слѣдующаго содержанія: „Покорнѣйше прошу контору прислать плотника или столяра, чтобы задѣлать щели въ полу, такъ какъ изъ этихъ щелей изъ кухни шель угаръ. Въ противномъ случаѣ я принужденъ буду прекратить на время занятія“. В. Когда вы были уволены, то куда поступили? О. На другой день я былъ арестованъ.

Предс. А крестьяне, которымъ вы давали прокламаціи, учились у васъ въ школѣ? Подс. Нѣтъ. Они были только одинъ день. По приѣздѣ моемъ они пришли въ школу освѣдомиться, не привезъ ли я имъ новенькихъ книжечекъ? В. Вы и дали имъ двѣ брошюры. Вы ихъ читали? О. Нѣтъ. В. А заголовокъ видѣли? О. Видѣлъ. Сен. Евреиновъ. Съ кѣмъ вы были въ Москвѣ знакомы; напр. изъ ученаго міра? Вѣдь, не сосредоточивались же вы сами въ себѣ, а враждались въ какомъ-нибудь обществѣ? Подс. Кажется, изъ слѣдствія извѣстно, кто были мои знакомые. Я былъ знакомъ съ Н. С. Щербаковымъ и съ бывшимъ товарищемъ, слушателемъ Петровской академіи Аносовымъ и Князевымъ. Введенъ подсудимый Ананій Васильевъ. Предс. Вы обвиняетесь въ томъ, что распространяли прокламаціи возмутительнаго содержанія. Признаете ли вы себя въ этомъ виновнымъ? Подс. Да. В. Расскажите, какъ было дѣло? О. Какъ было? В. Да, когда это было? О. Ну, въ сентябрѣ. В. Чѣмъ началось? Вы прокламаціи получили? О. Да. В. Отъ кого? О. Отъ Долгушина. В. Сколько? О. Я ихъ не считалъ, но думаю . . . я считалъ послѣ . . . Думаю, 30 паръ—значитъ 60. В. Отъ одного Долгушина получили? О. Нѣтъ, тутъ были Дмоховскій, Папинъ. В. Кто вамъ далъ? О. Долгушинъ. В. Одинъ? О. Позвольте. . . Да, Долгушинъ одинъ. В. Подъ какимъ заглавіемъ? О. „Какъ должно жить по закону природы и правды“ и „Къ русскому народу“. В. Получивши прокламаціи, вы пошли ихъ раздавать? О. Раздавалъ. В. Это было въ Москвѣ? О. Я шель по петербургской дорогѣ. В. Выдача была вамъ сдѣлана въ Москвѣ? О. Да. В. Въ чьемъ домѣ? О. Домъ не знаю, только въ квартирѣ Курдаева. В. Тутъ вы ихъ дѣлили? О. Да, дѣлили. В. Такъ что кромѣ васъ получали и другіе? О. Да, я видѣлъ въ ящикѣ. . . Долгушинъ выдвинулъ ящикъ и далъ мнѣ . . . тутъ былъ Дмоховскій . . . и Плотниковъ и Папинъ. В. А до сентябрю вы знали Долгушина? О. Зналъ. В. Давно? О. Я зналъ, какъ у Верещагина жилъ. В. Вы на заводѣ у него работникомъ были? О. Да. В. Тогда знакомство начали съ Долгушинымъ? О. Да. В. А потомъ, когда переселились въ Сареево? О. Тогда взяли меня въ работники. В. Сколько времени вы были въ работникахъ? О. Два мѣсяца. В. Въ то время работали прокламаціи? О. Нѣтъ, я этого не видѣлъ, потому что я пришелъ 24-го, что ли то, апрѣля; изъ Петербурга проѣхалъ домой на Пасху и потомъ къ нему, а ушелъ въ іюнѣ. В. Потомъ опять приѣхали къ нему? О. Потомъ пришелъ въ послѣднихъ числахъ августа. В. Тутъ и была вамъ передача прокламацій? Вы не были у него въ услуженіи? О. Я самъ не зналъ зачѣмъ пришелъ, я хотѣлъ мѣсто искать и зашелъ къ нему. Онъ мнѣ предложилъ прокламаціи раздавать. В. Послѣ іюня въ Сареевѣ никто не жилъ? О. Нѣтъ, не жили. В. Когда вы были тамъ въ іюнѣ, Долгушинъ жилъ одинъ тамъ? О. Одинъ и жена его жила. В. А кромѣ? О. Жили еще чей домъ. В. А изъ обвиняемыхъ не жилъ-ли кто? О. Нѣтъ, приѣзжали. В. Гдѣ вы стали распространять прокламаціи? О. Я вышелъ въ Тверскія ворота и потомъ по петербургскому шоссе, потомъ свернулъ къ дому князя Голицына и потомъ пошелъ . . . къ Воскресенскому пробрался. В. Вы гдѣ были въ Тверской губерніи? О. Нѣтъ, въ Московской. В. Прокламаціи вы раздавали равнымъ крестьянамъ даромъ? О. Извѣстное дѣло: я желалъ возмутить дѣйствительно народъ. В. Кѣмъ вы были научены? О. Долгушинымъ и другими сообщниками. Я съ коихъ поръ зналъ это. Они все убѣждали, что Правительство озоруетъ и т. д. В. Вамъ говорили, что полезно распространять? О. Да, что дѣло будетъ полезное. Говорили, что вообще лучшей надо порядокъ, а этотъ нехорошъ. В. Сколько вы роздали? О. Двѣ осталось . . . Я по двѣ штуки отдавалъ. В. Такъ, значить, четыре осталось? О. Я не знаю . . . Двѣ осталось только „Къ русскому народу“. В. Вы знали крестьянъ, которымъ давали прокламаціи? Вы видѣли ихъ при слѣдствіи? О. Не знаю. В. Пришедши въ Москву, куда вы дѣвали прокламаціи? О. Я отдалъ ихъ товарищу. В. Какому? О. Калистрату. В. Для чего? О. Прямо

такъ, подержать до времени. В. Потомъ спрашивали у него назадъ? О. Нѣтъ, я узналъ, что искали. Одну разорвалъ, а другія—не знаю. В. Пришедши въ Москву, вы давали кому-либо отчетъ въ томъ, что вы дѣлали? О. Я сказалъ Циммерману, что раздалъ прокламаціи. В. Почему же именно ему сказали? О. Они дали адресъ купцу Циммерману, Дмоховскій написалъ Сказали, когда раздашь всё, приходи къ нему, онъ снабдитъ деньгами. Я пришелъ къ Циммерману и сказалъ. В. Вы получили деньги отъ Циммермана? О. 10 рублей. В. Куда вы пошли? О. Отправился на родину. В. Въ деревнѣ долго прожили? О. Дня три или четыре, а потомъ былъ арестованъ. В. Гдѣ жили? О. Въ Тверской губерніи и уѣздѣ. В. У васъ родители есть? О. Есть. Сенаторъ Евреиновъ. Когда вы жили въ Петербургѣ у Долгушина, кто его ездѣщалъ? Подс. Къ нему ѣздило много. В. Кто былъ, не припомните-ли личностей? О. Я помню Да какъ сказать очень много было Что же это, какъ? В. Изъ тѣхъ лицъ, которыя теперь здѣсь, бывали у него? О. Вотъ что: Я видѣлъ Дмоховскаго, Плотникова, Папина Еще изъ этихъ лицъ были ну да, изъ этихъ лицъ ну да, больше ничего В. Еще кто собирался къ нему изъ молодыхъ людей? О. Ну, другіе молодые люди пріѣзжали. В. Часто собранія эти бывали? О. Какъ сказать нерѣдко. В. Напримѣръ, сколько человѣкъ бывало? О. Какъ тутъ какъ сказать не сразу, потому что, какъ вамъ сказать потому что приходили больше и меньше В. Сколько числомъ? О. Числомъ? В. Да. О. Вообще, его знакомые, что-ли? В. Ну да, знакомые. О. Не знаю, много пріѣзжало. В. Изъ крестьянскаго сословія были? О. Все больше эти самые учащіеся студенты господа. В. Въ Москву никто не пріѣзжалъ? О. Одинъ только пріѣзжалъ. Я по крайней мѣрѣ видѣлъ Тихотскаго. В. Кто онъ такой? О. Онъ будто-бы харьковскій. В. Студентъ? О. Студентъ, что-ли, я не знаю. В. Больше никто не пріѣзжалъ изъ знакомыхъ Долгушина, которые здѣсь бывали у него въ Петербургѣ? О. Никого больше, еще Дмоховскій былъ. В. Вы видѣли въ усадьбѣ Долгушина типографскія принадлежности? Вѣдь васъ должно было это интересовать? О. Видите-ли: какъ сказать я не видаль. В. Но вы въ комнаты входили? О. Что же въ деревенской избѣ жили безъ комнатъ Что же тутъ У него ящикъ стоялъ на полу, потомъ швейная машина стояла. В. Они скрывали, что дѣлаютъ? О. Когда жили на дачѣ, что-ли? В. Да. О. Нѣтъ, тогда мы оба работали, пахали. В. Въ Москвѣ посѣщали Долгушина, когда пришли въ Москву? О. Это послѣ того, какъ были распространены прокламаціи. В. Слѣдовательно, вы получили ихъ въ усадьбѣ? О. Нѣтъ. Прис. пов. Полетаевъ просилъ спросить, гдѣ подсудимый былъ въ дѣствѣ въ услуженіи? Подс. Я жилъ въ Твери въ разныхъ мѣстахъ изъ деревни ушелъ съ 12 лѣтъ. Предс. Куда же вы поступили? Подс. На спичечный заводъ въ Твери. В. Сколько времени тамъ были? О. Былъ мѣсяца два. В. Потомъ? О. Потомъ жилъ въ кабацкѣ недѣля три. В. Не въ услуженіи? О. Въ услуженіи. В. Какихъ лѣтъ были? О. 12 лѣтъ. Я лѣто прожилъ въ булочной, въ кабацкѣ, на заводѣ; потомъ жилъ въ деревнѣ, потомъ 16 лѣтъ въ Петербургѣ пріѣхалъ и поступилъ на фабрику Верещагина. В. Теперь сколько вамъ лѣтъ? О. Девятнадцать. Товарищъ оберъ-прокурора просилъ спросить подсудимаго подробнѣе относительно разговоръ о пропагандѣ въ Сареево, а затѣмъ, не извѣстно-ли подсудимому: не ходилъ-ли Долгушинъ въ какую-нибудь деревню и не распространялъ-ли тамъ прокламацій? потомъ, въ какомъ количествѣ была запашка или какое количество было посѣва и, наконецъ, не извѣстенъ-ли подсудимому эпизодъ съ Максимомъ Курдаевымъ, происшедшій вслѣдствіе нѣкоторыхъ слуховъ. Пред. (къ подс.) Вы слышали вопросъ? Не можете-ли рассказать? Подс. Я не разобралъ въ чемъ дѣло.—В. Былъ сговоръ о томъ, какъ идти въ народъ? О. Это было, даже въ Петербургѣ, а о томъ, какъ идти,—въ Сареевѣ извѣстно было, если въ Петербургѣ началось. В. Былъ чемъ же заключался этотъ уговоръ? Кто тутъ былъ? О. Мы съ Долгушинымъ двое были. Извѣстно, такъ какъ, напримѣръ, онъ мнѣ рассказывалъ: извѣстное дѣло, это одинаковое убѣжденіе Больше ничего. В. Вы пахали съ Долгушинымъ землю на дачѣ? О. Пахали. В. Много-ли? О. Десятинъ 5 или 6; онъ говорилъ 8; но только не больше. В. А, знаете-ли что-нибудь о крестьянинѣ Курдаевѣ? О. О крестьянинѣ Курдаевѣ? В. Да. Вы знали его? О. Зналъ. В. Слыхали-ли, что съ нимъ происходило? О. Я не знаю что-то. В. Можетъ быть Курдаевъ вамъ что говорилъ? О. Онъ ничего не говорилъ. В. Напримѣръ, относительно распространенія прокламацій? О. Ничего. Сенаторъ Евреиновъ. Вы говорите, что пахали землю; это для посѣва или подъ огородъ? Подс. Картошку посѣяли. В. Сколько распахали? О. Не болѣе десятины. В. Продавали картошку? О. Не знаю: я уже уѣхалъ тогда въ деревню, послѣ того какъ посадили картошку. В. Позвольте васъ спросить: вы говорите, что прокламаціи раздавали даромъ; на какія же средства вы ходили по деревнямъ, и чѣмъ вы существовали? О. Мнѣ далъ Дмоховскій 11 рублей, купилъ сапоги и поддевку. Дмоховскій далъ Папину денегъ, а онъ далъ намъ: мнѣ и Плотникову по 11 рублей, а остальные—«это мнѣ, говорить, на пути въ леворверъ» что-ли. Товарищъ оберъ-прокурора просилъ спросить, участвовали ли при разговорѣ въ Сареево о пропагандѣ: Дмоховскій, Плотниковъ и Папинъ; затѣмъ не слышалъ-ли подсудимый чего-нибудь по поводу разговоръ о томъ, что дачники дѣлаютъ фальшивыя деньги?

Пред. Участвовали ли въ разговорѣ Дмоховскій, Папинъ и Плотниковъ? Подс. Въ уговорѣ? В. Въ соглашеніи, какъ идти въ народъ? О. Кто участвовалъ? В. Дмоховскій, Папинъ и Плотниковъ? О. Какъ сказать... В. Не говорили-ли вамъ чего-нибудь о слухахъ относительно дѣланія фальшивыхъ денегъ? О. Я пришелъ къ Долгушину, онъ сказалъ, что вотъ слухъ про насъ, что мы, говоритъ, деньги дѣлаемъ, а, потомъ пошелъ слухъ, что книжки читаемъ. Прис. пов. Полетаевъ просилъ спросить: давали-ли подсудимому читать какія-нибудь книжки? Предс. Давали вамъ читать что-нибудь? Подс. Давали. В. Что же вы читали? О. Книжку „Эмма“ и еще „Стенку Разина“. В. Вы хорошо читаете? О. Нѣтъ, плохо. В. Кто васъ училъ? О. Въ деревнѣ крестьяне. Присяж. пов. Спасовичъ просилъ разъяснить, когда именно ушелъ подсудимый изъ Сареево? Пред. Если вы числа точно не припомните, то можетъ быть припомните: въ началѣ, срединѣ или въ концѣ іюня? Под. Я ушелъ, 12-го, что-ли, числа, въ срединѣ, такъ что онъ рассчиталъ по 20-е. В. Не помните-ли; 14-го или 18-го числа вы тамъ еще были. О. Можетъ быть до 14-го или 16-го, уже не дальше 16-го и не раньше 12-го. Прис. пов. Спасовичъ просилъ спросить о томъ, что когда шелъ разговоръ о пропагандѣ, то Дмоховскій выразилъ-ли желаніе лично идти на пропаганду? Предс. Когда другіе говорили, что полезно идти въ народъ, то Дмоховскій желалъ и самъ? Подс. Дѣйствительно.... странное дѣло... что жъ ему не выражать? Я отъ него много слышалъ, что желаетъ вести это дѣло.... Ну да, выражалъ, что пропаганду вести слѣдуетъ. В. Не желалъ-ли онъ самъ лично идти? Подс. (подумавъ). Да, онъ дѣйствительно желалъ. В. Когда вы пришли къ Циммерману, то говорили ему, что двухъ уже арестовали? О. Говорилъ. В. Про кого это вы говорили? О. Про Долецкаго и Плотникова. В. Отъ кого же вы это узнали? О. Я слышалъ отъ Марьи Курдаевой. Прис. пов. Слонимскій просилъ спросить, былъ-ли Папинъ въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя уговаривали подсудимаго идти въ народъ? Подс. Папинъ былъ. Пред. Въ Петербургѣ не печатали какой-нибудь книжки? Подс. Не знаю. В. А тамъ Папинъ предлагалъ вамъ идти въ народъ? О. Тутъ было.... Позвольте, какъ сказать, потому что же.... я прѣхалъ, больше ничего.... В. Деньги отъ кого получили? О. Отъ Дмоховскаго, т. е. отъ Папина, т. е. при этомъ Папинъ былъ. В. Былъ онъ въ числѣ тѣхъ, которые уговаривались идти въ народъ? О. Былъ, былъ. Прис. пов. Слонимскій. Я желалъ бы выяснитъ степень участія Папина. Предс. Подсудимый уже сказалъ, что онъ участвовалъ въ стговорѣ идти въ народъ; этого достаточно. Присяж. пов. Слонимскій. Въ Москвѣ или въ Петербургѣ? Предс. Онъ говоритъ, что и въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Подс. Да и въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Введена подсудимая Сахарова. Предс. Вы обвиняетесь въ томъ, что знали, что Долгушинъ, Дмоховскій, Плотниковъ и Папинъ составили, напечатали прокламаціи; что это было при васъ, и что, слѣдовательно, имѣя возможность довести объ этомъ до свѣдѣнія Правительства, вы этой обязанности не исполнили. Признаете-ли себя въ этомъ виновною? Подсудимая. Нѣтъ, не признаю себя виновной. Я не была участницей.... По отношеніямъ къ челоуѣку... Предс. Вы не обвиняетесь въ участіи, а обвиняетесь только въ томъ, что знали, такъ какъ проживали вмѣстѣ. Не были-ли вы свидѣтельницей того, что дѣлалось? Подс. Нѣтъ, при мнѣ не печаталось. Я была только два раза на дачѣ... В. Въ какое это время было? О. Потому я уѣхала въ Москву съ Долгушиной и ничего не знала. В. Въ какое это время было? О. Я тогда больна была. Я ничего даже не помню. В. Затѣмъ вы переѣхали въ домъ Стенанова? О. Да. В. Съ кѣмъ тамъ жили? О. Съ Дмоховскимъ. В. Тамъ не происходило что-нибудь въ квартирѣ? О. Нѣтъ. В. Не видели-ли шрифтовъ, станка? О. Ящики стояли въ одной комнатѣ. В. А съ чѣмъ они были? О. Не знаю. В. Послѣ того переѣхали на другую квартиру. Тамъ не печатались прокламаціи? О. Нѣтъ, при мнѣ ничего не дѣлали. В. Вы жили вмѣстѣ на квартирѣ, должны были знать, что въ ней дѣлается. О. Я не признаю себя виновною. Если я жила, то... отношенія мои... мое положеніе. В. Если вы были такъ близки, то могли знать? О. Я ничего не знаю. Товарищъ оберъ-прокурора просилъ спросить: не знала-ли подсудимая чего-нибудь о томъ, что говорилось о пропагандѣ въ Сареево? Предс. Въ Сареево вы сколько времени были? Подс. Первый день, два, а потомъ не помню... недѣлю или двѣ. В. Не слышали-ли тамъ, что собирались печатать прокламаціи и говорили, что ихъ нужно распространить? О. Были разговоры, но я по своей болѣзни не всегда бывала при нихъ. В. Какіе жъ разговоры? О. Я не помню. В. Кто участвовалъ въ этихъ разговорахъ, не помните? О. Нѣтъ. Сенаторъ Евреиновъ. Вы видѣли, кто тамъ бывалъ? Подс. Долгушинъ и Плотниковъ приходили. В. А еще? О. Не помню хорошенько. Князь Мещерскій. О чемъ они разговаривали, когда вамъ случилось бывать при этихъ разговорахъ, не помните? Подс. Не припомнить всѣхъ хорошенько. Введенъ подсудимый Циммерманъ. Предс. Вы обвиняетесь въ томъ, что знали отъ Васильева, что онъ распространяетъ прокламаціи и не донесли объ этомъ? Признаете-ли вы себя виновнымъ въ этомъ? О. Нѣтъ, не признаю себя виновнымъ. В. У васъ бывалъ Васильевъ? О. Былъ. В. Что же онъ говорилъ вамъ? О. Относительно распространенія ничего не говорилъ. В. Денегъ вы ему давали? О. Давалъ. В. Сколько? О. Десять рублей. В. Съ какою цѣлью? О. Онъ говорилъ, что нужно на родину съѣздить. В. Почему вы его знали? О. Я съ нимъ познакомился у Дмоховскаго. В. Вы у него бывали? О. Да, когда жилъ въ

Петербургѣ. В. Какъ же Васильевъ зналъ, что вы живете въ Москвѣ и зналъ вашу адресъ? О. Этого я и самъ не знаю. В. Васильевъ говорилъ вамъ о распространеніи прокламацій? О. Нѣтъ. Сенаторъ Евреиновъ. А сказалъ онъ вамъ, что у него есть прокламація? Подс. Да, онъ сказалъ, что есть. В. Вы не полюбопытствовали узнать въ чемъ онъ заключаются? О. Нѣтъ. В. Вѣдь за какую-нибудь послугу вы дали ему 10 рублей? О. Нѣтъ, ни за какую послугу. Товарищъ оберъ-прокурора просилъ спросить: не зналъ-ли подсудимый, что прокламаціи содержатъ въ себѣ нѣчто антиправительственное? Предс. Вы заголовки прокламацій видѣли? Подс. Нѣтъ. В. А онъ говорилъ вамъ объ арестованіи двухъ? О. Да, онъ говорилъ, какъ я объяснялъ на слѣдствіи, что двое арестованы, и при этомъ сказалъ, что и у него есть прокламаціи. В. Онъ не показывалъ ихъ вамъ? О. Нѣтъ. Можетъ быть онѣ съ нимъ и не были. Вообще я этимъ не интересовался и не обратилъ на это никакого вниманія. В. Что вы сказали ему тогда? О. Я посоветовалъ разорвать и уничтожить, чтобы не вышли какія-нибудь непріятности. Товарищъ оберъ-прокурора. Я просилъ-бы разъяснить, какія это непріятности? Слѣдуетъ-ли понимать ихъ такимъ образомъ, что подсудимый зналъ смыслъ прокламацій? Подс. Понятное дѣло, потому что когда говорятъ „прокламація“, то значить, что это что-нибудь запрещенное. Сенаторъ Евреиновъ. Вы были въ Петербургѣ знакомы съ Дмоховскимъ? Подс. Да. В. А въ Москвѣ бывали у него? О. Нѣтъ. Онъ у меня бывалъ раза два или три. В. Гдѣ вы познакомились? О. Черезъ Тихотского, его родственника. В. Съ другими подсудимыми вы не были знакомы? О. У Долгушина я бывалъ, когда онъ жилъ на фабрикѣ. Остальныхъ не знаю. Вообще у него народу много бывало. Тамъ я увидѣлъ Васильева и обратиться на него вниманіе, потому что крестьянинъ, а бывалъ тоже въ этомъ обществѣ. Введенъ подсудимый Сидорацкій. Предс. Вы обвиняетесь въ томъ, что имѣли у себя прокламаціи, не имѣя на это надлежащаго разрѣшенія. Признаете-ли вы себя виновнымъ? Подс. Нѣтъ. Введенъ подсудимый Авессаломовъ. На такой же вопросъ предсѣдателя подсудимый отвѣчалъ: Я не могу сказать, что хранилъ. Одна у меня была. Предс. Какая была у васъ прокламація? Подс. Она озаглавлена: „Къ русскому народу“. В. Отъ кого вы ее получили? О. Отъ Соловьева. В. Отъ офицера? О. Онъ говорилъ, что былъ офицеръ. В. Съ какою цѣлью онъ вамъ передалъ? О. У насъ никакого разговора о передачѣ не было. Онъ былъ у меня, показалъ прокламаціи и уходя оставилъ ее, можетъ быть, по разсѣянности. В. Вы оставили ее у себя и не заявили объ этомъ? О. Нѣтъ, не заявилъ. В. Вы никому ее не передавали? О. Нѣтъ. Она попала на полку въ книгу гдѣ и была найдена во время обыска. Прис. повѣр. Буймистровъ просилъ спросить о томъ, прочиталъ-ли Соловьевъ прокламацію всю, или частями, и читалъ-ли конецъ. Предс. Вы слышали, читалъ прокламацію? Подс. Когда Соловьевъ пришелъ ко мнѣ, я только-что проснулся послѣ обѣда. Онъ присѣлъ на кровать и перелистывая брошюрку, мѣстами читалъ. В. Вы не можете сказать всю-ли онъ ее прочиталъ? О. Онъ перебиралъ быстро и не могъ всей прочесть. В. Читалъ-ли онъ конецъ? О. Я не хотѣлъ его слушать. Прочиталъ-ли онъ до конца, я не могу сказать. В. Потомъ, когда Соловьевъ ушелъ, забывъ прокламацію, и когда вы ее замѣтили, вы не прочли ее сами? О. Нѣтъ. Товарищъ оберъ-прокурора просилъ спросить: не помнитъ-ли подсудимый, какое было содержание тѣхъ мѣстъ прокламаціи, которыя были прочитаны. Предс. Не можете-ли припомнить, какія мѣста читались при васъ? Подс. Не могу сказать, не помню. Я не хотѣлъ обращать на это никакого вниманія. Введена подсудимая Обо довская. Предс. Вы обвиняетесь въ томъ, что имѣли у себя прокламацію, не имѣя на то права. Признаете-ли вы себя въ этомъ виновною? Подс. Нѣтъ, не признаю. Затѣмъ были введены всѣ подсудимые, которые и заняли свои мѣста. Прис. пов. Утинъ. На основаніи 720 ст. я имѣю честь просить васъ, г. предсѣдатель, не сочтете-ли вы возможнымъ сообщить подсудимому Долгушину все то, что говорилось другими подсудимыми въ его отсутствіе? Предс. Нѣтъ, я не признаю это нужнымъ. Прис. пов. Спасовичъ. Я просилъ-бы передать подсудимому Дмоховскому тѣ показанія подсудимыхъ, которыя отячаютъ его участь. Предс. Вы ихъ слышали, слѣдовательно будете имѣть возможность выяснить это показаніями самихъ подсудимыхъ впоследствии. Затѣмъ введены всѣ свидѣтели. Въ числѣ введенныхъ свидѣтелей оказалась явившаяся впоследствии и свидѣтельница Долгушина. Товарищъ оберъ-прокурора полагалъ допросить всѣхъ свидѣтелей подъ присягою, за исключеніемъ малолѣтняго Хухрикова. Что касается до свидѣтельницы Долгушиной, то еще до прочтенія обвинительнаго акта, вслѣдствіе неявки Долгушиной, товарищъ оберъ-прокурора просилъ прочесть показаніе ея, какъ безвѣстно-отсутствующей. Присяж. пов. Утинъ находилъ, что показаніе ея не можетъ быть прочтено, такъ какъ ея, женѣ одного изъ подсудимыхъ долженъ быть предложенъ вопросъ, желаетъ-ли она дать показаніе или нѣтъ. Всѣ остальные защитники присоединились къ этому заявленію. Свидѣтельница Долгушина, спрошенная первоприсутствующимъ о томъ, желаетъ-ли она дать показаніе, заявила, что не желаетъ. Товарищъ оберъ-прок. находилъ, что на основаніи 705 ст. Уст. Уг. Суд. свидѣтельница Долгушина въ правѣ отказаться отъ дачи показаній на судѣ, но нѣтъ закона, который запрещалъ-бы въ подобномъ случаѣ прочтеніе показанія свидѣтеля. Принимая во вниманіе, что показаніе Долгушиной внесено въ обвинительный актъ

законно, и что изъ этого показанія обвинительная власть сдѣлала извѣстные выводы, обвинитель полагаѣтъ, что Судъ не откажетъ ему въ прочтеніи показанія Долгушиной, которымъ будутъ подкрѣплены эти приведенные имъ выводы. Прис. пов. Утинъ указалъ на то, что подобный вопросъ восходилъ на разрѣшеніе Уголовнаго Кассационнаго Департамента, который въ своихъ рѣшеніяхъ неоднократно разъяснялъ ст. 705 въ томъ смыслѣ, что свидѣтель, дававшій показаніе на предварительномъ слѣдствіи, можетъ отказаться отъ показанія на судѣ, а потому послѣ подобнаго отказа прочтеніе его показанія на судѣ допущено быть не можетъ. Прис. пов. Спасовичъ между прочимъ указалъ на то, что показаніе Долгушиной должно быть изъято изъ дѣла уже потому, что, вслѣдствіе отказа, оно не можетъ быть повѣрено на судѣ. Прис. пов. Слонимскій указалъ на то, что Долгушина давала свое показаніе на предварительномъ слѣдствіи въ качествѣ обвиняемой, между тѣмъ, какъ теперь, она является свидѣтельницею, а потому полагаѣтъ, что все, что она показала на предварительномъ слѣдствіи, должно считаться, за ея отказомъ дать показаніе на судѣ, какъ въ несуществующимъ для Суда. Прис. пов. Герке высказалъ, что на основаніи 444 ст. Уст. Угол. Суд., при приводѣ свидѣтелей къ присягѣ и при отводѣ отъ допроса подъ присягою, а равно при освобожденіи нѣкоторыхъ лицъ вовсе отъ свидѣтельства, слѣдуетъ руководствоваться правилами указанными въ 704—709 ст., что, по ст. 705, въ указанныхъ въ ней случаяхъ свидѣтелю предоставляется право отказаться давать показаніе, данное такимъ свидѣтелемъ, на предварительномъ слѣдствіи, еще могло бы быть прочитано въ крайнемъ случаѣ, если бы были соблюдены правила, изложенныя въ указанныхъ статьяхъ на предварительномъ слѣдствіи; но въ данномъ случаѣ изъ дѣла не видно, чтобы женѣ обвиняемаго, спрошенной на предварительномъ слѣдствіи, было представлено право, предоставляемое ей 705 ст. Независимо отъ этого, онъ просилъ во всякомъ случаѣ не давать вѣры показанію Долгушиной, данному ею на предварительномъ слѣдствіи. Судъ удалился для совѣщанія. По выходѣ, г. первоприсутствующій объявилъ, что Правительствующій Сенатъ постановилъ прочесть показаніе Долгушиной. Прис. пов. Утинъ просилъ повторить Долгушиной вопросъ, не пожелаетъ-ли она дать показаніе на судѣ, въ виду постановленія Правительствующаго Сената. На вопросъ первоприсутствующаго Долгушина снова отказалась отъ дачи показанія. Затѣмъ прочитано слѣдующее: „Зовутъ меня Аграфена Дмитриевна Долгушина, урожденная Скорпякова, 28 лѣтъ, родилась въ Тобольской губерніи, въ гор. Березовѣ. Вѣры православной, жена дворянина; окончила курсъ акушерства въ Петербургѣ, въ Маринской акушерской школѣ; родители мои: отецъ, надворный совѣтникъ Д. Г. Скорпяковъ, былъ судьей въ Тобольской губерніи, въ г. Ялотуровскѣ; мать, Ольга Александровна, жила при мужѣ. Кромѣ меня у нихъ есть сынъ и двѣ дочери; изъ нихъ братъ живетъ въ Сибири; одна сестра — Массина, а другая сестра Амвросова — въ Сибири же. 1872 г. осенью мы жили въ Петербургѣ вмѣстѣ съ мужемъ Александромъ Васильевичемъ Долгушинымъ на Петербургской сторонѣ, по Большому Проспекту, въ домѣ Меркѣ, гдѣ была лудильная мастерская Верещагина, управляющимъ которой былъ мой мужъ. Въ то же время на Кронверскомъ проспектѣ, въ д. 7, кв. 7 жили наши знакомые Левъ Топорковъ, Иванъ и А. Папины, Иванъ Ротовъ, Тихоміровъ, Муравьева и Горностаева. Съ Топорковымъ, Папиными и Ротовымъ мой мужъ былъ знакомъ еще въ Сибири; съ остальными же мы познакомились уже въ Петербургѣ. Иногда мы собирались всѣ вмѣстѣ по вечерамъ и занимались рѣшеніемъ разныхъ вопросовъ, изъ которыхъ главнѣйшій былъ вопросъ о „нормальномъ человѣкѣ“. При этомъ разбирались потребности человѣка съ его физической стороны, и мы пришли къ тому убѣжденію, что бѣдность и невѣжество суть главнѣйшія причины, почему большинство не удовлетворяетъ своимъ физиологическимъ потребностямъ. Дойдя до этого, каждый изъ насъ заявлялъ согласіе помогать, кто какъ можетъ, уничтоженію этихъ причинъ; образованіе народа было поставлено на первомъ мѣстѣ. Я не могла бывать на каждомъ изъ этихъ вечеровъ, потому что кормила ребенка. На одномъ изъ этихъ собраній, кажется въ январѣ 1873 года, Дмоховскій высказалъ желаніе имѣть типографскій станокъ. При всѣхъ-ли это было имъ высказано — я навѣрное сказать не могу, равно не знаю, для чего былъ нуженъ этотъ станокъ. Кончивъ въ то время курсъ акушерства въ Маринской школѣ въ Петербургѣ, я думала искать мѣста акушерки, но мужъ мой сказалъ мнѣ, что мастерская Верещагина переводится въ Москву и будетъ-ли ему мѣсто при мастерской, онъ не знаетъ, но такъ какъ въ Петербургѣ для него занятія не представляется, то и звалъ меня ѣхать съ нимъ въ Москву. Въ февралѣ мужъ мой, замѣтивъ себя временно Дмоховскимъ (въ конторѣ Верещагина), уѣзжалъ куда-то на мѣсяцъ, и вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ мы собрались и переѣхали въ Москву. Кажется это было 3-го апрѣля. Въ Москвѣ мы остановились въ нумерахъ дома Кохаовскаго, на Большой Никитской улицѣ. Въ этихъ нумерахъ у насъ былъ только Кириллъ Курдаевъ, котораго мой мужъ зналъ еще въ заведеніи Верещагина, гдѣ Курдаевъ былъ подмастерьемъ. Курдаевъ предложилъ мужу моему купить землю близъ деревни Сареево, изъ которой Курдаевъ былъ родомъ. Мужъ мой скоро согласился на это, такъ какъ онъ имѣлъ намѣреніе заняться сельскимъ хозяйствомъ, купилъ пустошь въ Сареевѣ, Звенигородскаго уѣзда, у крестьянина Шевелева. Вслѣдъ за

этимъ мы вскорѣ съ мужемъ переѣхали къ матери К. Курдаева въ Сареево, гдѣ пробыли май мѣсяцъ 1873 года, между тѣмъ, какъ устраивалась наша дача на купленной у Шевелева землѣ. Въ то время, когда мы жили у Курдаевой, къ намъ пріѣзжалъ Дмоховскій по возвращеніи изъ-за границы. Въ то же время у насъ жилъ Ананій Васильевъ, который занимался обработкою земли вмѣстѣ съ моимъ мужемъ. Во время пребыванія у насъ Дмоховскаго, никакихъ разговоровъ, касающихся настоящаго дѣла, не было. Въ началѣ іюня мы переѣхали во вновь отстроенную дачу. Здѣсь Дмоховскій продолжалъ насъ посѣщать, но всегда урывками и больше ночью. Къ концу іюня къ намъ переѣхали на дачу Иванъ Папинъ и Плотниковъ. Въ то же время переѣхалъ къ намъ Дмоховскій съ Сахаровою. Вотъ здѣсь какъ-то разъ вечеромъ кто-то изъ нихъ, кажется Дмоховскій, сказалъ, что здѣсь нужно заняться печатаніемъ. Услыхавъ это, я заявила, что въ такомъ случаѣ я не желаю оставаться съ ребенкомъ на дачѣ. Вслѣдствіе этого мужъ мой и въ особенности Дмоховскій назначили дать мнѣ 15 рублей, съ тѣмъ, чтобы я ѣхала въ село Иваново, Владимирской губерніи и занялась тамъ акушерствомъ. Но я ѣхать на 15 руб. въ назначенное мѣсто и притомъ съ ребенкомъ не рѣшилась, а, переговоривъ съ Татьяною Порфирьевой Сахаровой, мы рѣшились съ нею уѣхать въ Москву, гдѣ я сняла съ нею квартиру, на Шаболовкѣ. Когда я жила на дачѣ, то мнѣ запрещено было въ послѣднее время входить въ маленькую комнату и смотрѣть лежавшія тамъ на столѣ, покрытыя простынею, вещи. Какъ попали эти вещи на дачу, къ мѣ привезены — я не знаю. Помню только, что, понимая рискъ этого дѣла, не принимая лично ни малѣйшаго въ немъ участія и сознавая, что затѣмъ я остаюсь одна для моего ребенка, я даже изъ простаго любопытства не желала видѣть этихъ вещей. Мнѣ тяжело было видѣть суматоху, съ которою трудился мой мужъ съ товарищами, и все это заставило меня, несмотря на скудные средства, переѣхать съ Сахаровою въ Москву на Шаболовку. На этой квартирѣ я съ Сахаровою прожила двѣ недѣли. Въ то время къ намъ пріѣзжали иногда мой мужъ, Дмоховскій, Папинъ и Плотниковъ. Послѣдніе двое были, кажется, одинъ разъ. Прибѣгали они всегда не надолго, спѣша и суетливо, такъ что сынъ мой, рѣдко видя отца, сталъ называть его Александромъ Васильевичемъ. При этихъ посѣщеніяхъ они не разеказывали намъ о своей дѣятельности. Затѣмъ наняла квартиру на Коровьемъ валу, въ домѣ Михайловской, куда переѣхалъ и мужъ мой; Сахарова же переѣхала къ Дмоховскому въ домъ Степанова. Въ домѣ Михайловской я прожила недѣли двѣ и переѣхала на дачу, гдѣ уже никакихъ вещей не было. Это было или въ самыхъ послѣднихъ числахъ іюля, или же въ первыхъ числахъ августа. До 15-го августа жила на дачѣ съ ребенкомъ почти одна, и мужъ бывалъ весьма рѣдко. Съ 15-го же августа мужъ мой, Дмоховскій и Сахарова переѣхали на дачу, а Папинъ и Плотниковъ стали часто бывать. Въ то же время пріѣхалъ и Ананій Васильевъ. Здѣсь начались бесѣды и разсужденія, какъ идти въ народъ и разъяснить ему, что онъ не понимаетъ вполне своего грустнаго положенія. Всѣ, не исключая и Ананія Васильева, согласились принять въ этомъ участіе, т. е. заняться разноскою книгъ, читать и разъяснять ихъ народу, причемъ я видѣла книжки „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“. Впрочемъ, первую книжку и видѣла раньше въ рукописи у моего мужа, въ домѣ Кохановской. Откуда взялась вторая книжка — мнѣ неизвѣстно. Въ первыхъ числахъ сентября мой мужъ, Дмоховскій, Папинъ, Плотниковъ и Ананій Васильевъ уѣхали съ дачи, а нѣсколько дней спустя уѣхала и Сахарова, забравъ всѣ свои вещи. Собравшись идти въ народъ, всѣ вышеупомянутые мужчины при разговорахъ разсматривали висѣвшія на стѣнахъ дачи карты губерній: Московской, Владимирской, Нижегородской и Псковской, которыя привезъ на дачу Дмоховскій, и которыя они, уѣзжая съ дачи, ваяли съ собою. Вернувшись какъ-то на дачу, мужъ мой сказалъ, что они уже отпразднись, но куда кто пошелъ, онъ мнѣ не сказалъ. Въ первыхъ же числахъ сентября пріѣхалъ къ намъ въ первый разъ случайно Долецкій, и у него съ мужемъ моимъ зашелъ разговоръ о продажѣ этой дачи. Вслѣдствіе этого, думая оставить дачу, я, по предложенію Долецкаго, познакомилась съ его женою и ночевала одну ночь у нихъ. Я видѣлась тамъ съ Дмоховскимъ, который просилъ меня передать Сахаровой, чтобы она готовилась переѣзжать, такъ какъ онъ нанялъ ей квартиру у Крестовской Заставы. 14-го сентября, когда дача была уже продана Долецкому, я переѣхала въ Москву. Первую ночь я переночевала опять у Долецкихъ, а потомъ переѣхала на квартиру Сахаровой въ домъ Гурина, у Крестовской заставы. Проживъ 3 или 4 дня, я видѣла что принесли Дмоховскому деревянный столъ, къ которому онъ въ темную комнату приносилъ желѣзаную доску. На другой день былъ привезенъ деревянный ящикъ, изъ котораго Дмоховскій вынулъ какую-то вещь, поставилъ ее въ темную комнату и заперъ дверь. Дмоховскій въ этой квартирѣ бывалъ рѣдко, но когда бывалъ, всегда возился въ темной комнатѣ. На третій или четвертый день вечеромъ Сахарова, придя отъ Долецкихъ, сказала, что Долецкій и Курдаевъ арестованы. Вслѣдствіе этого Дмоховскій тотчасъ предложилъ мнѣ убираться съ этой квартиры, и самъ перевезъ меня въ номеръ гостиницы около Петербургскаго вокзала. На третій день послѣ моего переѣзда въ этотъ номеръ, часу въ пятомъ, когда ко мнѣ пришла Сахарова, я попросила ее остаться съ ребенкомъ, а сама думала сходить къ Долецкимъ, но

дорогою, идя уже отъ Далецкаго, была арестована и доставлена въ Жандармское Управление“. По поводу прочитаннаго показанія Долгушиной Дмоховскій далъ слѣдующее объясненіе: „Я познакомился съ Долгушинымъ въ концѣ декабря 1872 года въ Петербургѣ. При мнѣ онъ въ Петербургѣ прожилъ не болѣе какъ 4—5 дней, послѣ чего отправился, какъ сказалъ, въ Сибирь. Познакомился онъ со мною для того, чтобы передать мнѣ мастерскую, такъ что на совѣщаніяхъ, если они и были у Долгушина я участвовать не могъ, такъ какъ былъ съ нимъ въ Петербургѣ не болѣе 3 дней. Относительно того, считалъ-ли я необходимымъ пріобрѣсть типографскій станокъ, этого я отрицать не стану, такъ какъ желаніе пріобрѣсть типографскій станокъ, желаніе устроить типографію у меня было. Затѣмъ относительно Петербурга болѣе въ показаніи ничего не имѣется. Относительно дачи я скажу слѣдующее: когда я вернулся изъ-за границы, то былъ у Долгушиной 12-го мая. Но при этомъ у меня никакого разговора съ подсудимымъ не было. Тогда, онъ говорилъ, что купилъ дачу преимущественно для того, чтобы заниматься сельскимъ хозяйствомъ, что онъ и дѣлалъ. Послѣ того я пріѣхалъ на дачу 21-го числа съ Тихомскимъ, и тогда разговоровъ не было никакихъ. Вскорѣ послѣ этого я пріѣхалъ въ воскресенье, и опять-таки разговоровъ никакихъ не было. 6-го числа въ Москву пріѣхала Сахарова, послѣ чего дня черезъ три, 9-го числа, она, я и свидѣтель Курдаевъ отправились на дачу Долгушина. Вслѣдствіе дождя я слѣзъ и вернулся въ Москву, такъ что подсудимая Сахарова пріѣхала на дачу одна, а не со мною. Числа 12-го я получилъ отъ Долгушина письмо, въ которомъ онъ просилъ пріѣхать на дачу и въ которомъ было, между прочимъ, сказано, не могу-ли я занять для жены денегъ для переѣзда въ Москву. 13-го вечеромъ, не дожидаясь окончанія работъ на заводѣ, я пріѣхалъ на дачу поздно, такъ какъ она находится въ 35 верстахъ отъ Москвы. Долгушинъ сказалъ мнѣ, для чего онъ вызвалъ меня и, между прочимъ, былъ разговоръ о томъ, куда переѣхать Долгушиной и Сахаровой. Когда я спросилъ, для чего нужно переѣзжать съ дачи, то Долгушинъ сказалъ, что предполагается заниматься на дачѣ печатаніемъ. О томъ, что произошло на дачѣ печатаніе, я зналъ. Рано утромъ я уѣхалъ, скаавъ, что если достану денегъ, то вернусь, и тогда на другой день мы можемъ отправиться. Я досталъ денегъ и, не ожидая окончанія работъ, отправился на дачу, сказалъ, что досталъ денегъ и потому на другой день можемъ отправиться въ Москву. Долгушина уѣхала съ дачи, главнымъ образомъ, для того, чтобы заниматься акушерствомъ, а Сахарова—для того, чтобы, во 1-хъ нанять квартиру, такъ какъ у Долгушиной паспорта не было и слѣдовательно на свое имя она квартиры нанять не могла и, во 2-хъ, для того, чтобы она могла присматривать за сыномъ Долгушиной. 14-го по утру, часовъ въ семь, мы выѣхали съ дачи съ Курдаевымъ на станцію желѣзной дороги и пріѣхали въ Москву. Я забылъ еще сказать, что въ то время на дачѣ при мнѣ были, кажется, Панинъ и Плотниковъ, но при этомъ никакихъ типографскихъ работъ не было. Вещи были дѣйствительно привезены, но лежали не въ комнатахъ, про которую говоритъ Долгушина, а находились въ подпольѣ. Относительно того, будто-бы Долгушиной было запрещено входить и смотрѣть, что тамъ находится, я долженъ сказать, что это было бы совершенно излишнее. Если бы вещи находились на дачѣ, то запрещать не было бы надобности, потому что дача была не болѣе, какъ маленькая комната, раздѣленная перегородкой безъ дверей. Слѣдовательно такихъ предосторожностей не для чего было принимать. Вотъ почему у Долгушина, когда къ нему приходили крестьяне, которые бывали у него довольно часто, не могли ничего у него видѣть. Итакъ, 14-го числа мы пріѣхали въ Москву. Долгушина и Сахарова остались на время у Курдаева въ его мастерской жестяныхъ издѣлій. Я туда пришелъ вечеромъ и рѣшили, что Сахарова отправится въ Петербургъ, продать находящуюся у меня на квартирѣ мою собственную мебель и привезетъ нѣкоторыя принадлежности для квартиры, которую онъ наймутъ. Квартиру въ это время онѣ нащали на Шабаловкѣ и около 13-го числа переѣхали на эту квартиру и жили на этой квартирѣ безвыѣздно до 15-го июля, т. е. до переѣзда Сахаровой въ домъ Степанова ко мнѣ. Во время жительства Сахаровой и Долгушиной на Шабаловкѣ, я приходилъ къ нимъ почти ежедневно. Такъ какъ дать имъ денегъ сразу на нѣсколько дней я не имѣлъ возможности, то я приходилъ, чтобы дать имъ денегъ. Послѣ 14-го я на дачѣ не былъ до привоза вещей. О томъ, что тамъ дѣлалось, я зналъ, но не принималъ участія потому, что Долгушинъ не говорилъ, что моя помощь необходима. Когда я переѣхалъ на квартиру въ домъ Степанова, Долгушина, какъ помнится, можетъ быть и приходила, но во всякомъ случаѣ безъ меня, такъ какъ я ее не видалъ и, кажется, въ показаніи Долгушиной относительно квартиры Степанова болѣе ничего не имѣется. Послѣ 15-го августа я пріѣхалъ съ Сахаровой на дачу и бывалъ на дачѣ до 31-го августа, когда въ послѣдній разъ ушелъ отсюда съ Плотниковымъ и Долгушинымъ. Пріѣхалъ туда я разъ пять, и въ это время у насъ разговора о распространеніи прокламатій не было; разговоръ же о томъ, чтобы идти въ народъ былъ. Апаній пришелъ 29-го числа, слѣдовательно, при мнѣ былъ и при Долгушинѣ и Плотниковѣ не болѣе двухъ дней. Онъ пришелъ 29-го, я ушелъ съ Долгушинымъ и Плотниковымъ 31-го. Опять-таки и при Васильевѣ разговора о распространеніи не было, были

только разговоры о томъ, чтобы идти въ народъ. Кто и что говорилъ — хорошо не помню. Но вообще разговоръ былъ, я этого не отрицаю, и можетъ быть, что и я принималъ въ немъ участіе. Относительно показанія Долгушиной о картахъ я долженъ сказать, что карты эти были приобретены мною. Послѣ 31-го августа до 8-го числа я жилъ у Долецкаго. Туда приходили Долгушинъ, Папинъ и Плотниковъ, но опять-таки здѣсь никакихъ разговоровъ не было. 8-го числа я нанялъ квартиру въ домѣ Гурина, о которомъ разскажу впослѣдствіи болѣе подробно. На эту квартиру переѣхала, между прочими, Сахарова, которая переѣхала уже тогда, когда вещи были перевезены и спрятаны въ комнату, которая была постоянно заперта, такъ что подсудимой Сахаровой, едва-ли было извѣстно, что тамъ находилось. Впрочемъ Долгушина такъ и показываетъ, что комната была заперта и во время работы туда никого не пускали. 14-го числа Сахарова отправилась по моей просьбѣ къ Курдаеву привести заказанныя ему мною лампы и чтобы принести денегъ на дорогу Долгушиной въ Петербургъ, такъ какъ она хотѣла туда ѣхать. Сахарова, возвратясь отъ Курдаева, сказала, что онъ арестованъ, кромѣ того сказала, что арестованъ Максимъ Кондратовъ. Такъ какъ они были знакомы съ Долгушинымъ, то я имѣлъ полное основаніе предполагать, что въ этой квартирѣ будетъ обыскъ, и, не желая подвергать Долгушину отвѣтственности, просилъ ее выѣхать. Она согласилась. Когда она уѣхала къ Долецкому, пришли я и Сахарова. Послѣ того я видѣлся съ Долгушинымъ и рѣшилъ съ нимъ, что я отвезу его сына къ сестрѣ его жены, что мною и было сдѣлано. Подс. Дмоховскій въ дополненіе показалъ: Около 2-го іюля я и Долгушинъ отправились на дачу, взяли находившіяся тамъ типографскія принадлежности: столъ деревянный, разобранный станокъ, одинъ боченокъ съ красками и пескомъ, который былъ насыпанъ для того, чтобы краска не разливалась, такъ какъ доньшка у боченка не было. Затѣмъ было 5 или 6 пудовъ шрифта; въ кассѣ буквы лежали отдѣльно. Кромѣ этихъ вещей ничего не было. Нѣкоторыя буквы были даже смѣшаны, такъ какъ онъ былъ въ употребленіи. На другой день утромъ, часа въ 4 утра, я и Долгушинъ выѣхали въ Москву. Но такъ какъ наша лошадь только что привезла насъ изъ Москвы и устала, то Долгушинъ пошелъ въ деревню и подрядилъ Тихонова. Когда онъ подѣхалъ, я отпрегъ свою лошадь и уѣхалъ на ней. Что касается до Семена Михайлова, то онъ не могъ видѣть меня, такъ какъ онъ подошелъ позже Тихонова. Послѣ того, часа въ 2 или 3, явился мальчикъ Хухриковъ и уѣхалъ верхомъ на лошади, которая была взята отъ его отца. Затѣмъ вещи я перенесъ въ одну изъ комнатъ, которую я и заперъ. Послѣ того Долгушинъ нанялъ извозчика. Сенаторъ Евреиновъ. Въ какомъ видѣ были вещи? Подс. Дмоховскій. Онѣ были уже въ употребленіи. Введенъ свидѣтель Михаилъ Антоновъ Хухриковъ, который на вопросъ первоприсутствующаго, что ему извѣстно по дѣлу, отвѣчалъ: Извѣстно, что пріѣзжалъ Долгушинъ поставить лошадь и просилъ дать ей сѣна, сказалъ, что пріѣдетъ вечеромъ и отдастъ деньги. Онъ пріѣхалъ съ возомъ, лошадь пристала; онъ просилъ найти ломового извозчика. Я говорю: мы сами ломовые извозчики.—„Можешь, говорить, довести?“ Можешь, говорю.—„Сколько стоитъ?“—Рубль серебромъ.—Онъ согласился. Мы запрягли, сынъ отвезъ, а телѣгу привезли назадъ вечеромъ на ломовомъ. Товарищъ оберъ-прок. Вашъ сынъ возилъ вещи? Свид. Да. В. Говорилъ онъ, куда ихъ отвезъ? О. Нѣтъ, В. Вашъ сынъ отвезъ телѣгу, которая осталась тамъ? О. Она возвращена на ломовомъ извозчикѣ. Прис. пов. Спасовичъ. Вы живете въ Москвѣ? Свид. Въ Москвѣ, около Дорогомиловской заставы. В. Къ вамъ телѣгу привезли поломанную? О. Нѣтъ, только лошадь оставили. В. Чью лошадь? О. Крестьянина. В. Кромѣ этого Долгушина нигдѣ не видѣли въ это время? О. Нигдѣ не видѣлъ. Прис. пов. Утинъ. Вы давно знаете Долгушина? Свид. Не такъ давно. Онъ можетъ быть разъ 10 ѣздилъ къ намъ; пріѣзжалъ когда верхомъ, когда въ телѣгѣ; оставить лошадь и пойдетъ пѣшкомъ. Помогъ вернуться, отдастъ за сѣно 20 или 25 коп. и уѣдетъ. Товар. оберъ-прок. Вы знаете теперь его? Свид. Да, узнаю. В. Посмотрите и скажите, который онъ. Свид. (Указывая на Долгушина). Вотъ этотъ самый. Прис. пов. Утинъ. Вы не получали отъ него какихъ-либо книжекъ? Свид. Нѣтъ. В. Въ какое время знали вы Долгушина? О. Годъ тому назадъ. Введенъ свидѣтель Михаилъ Михайловъ Хухриковъ, который на вопросы товарища оберъ-прокурора показывалъ, что телѣгу онъ оставилъ во дворѣ, а самъ возвратился верхомъ. Введенъ свидѣтель Тихоновъ, который показывалъ, что у Долгушина дорогою сломалась телѣга и пристала лошадь. Онъ просилъ свидѣтеля помочь ему. Свидѣтель взялся. Господь было двое. Выпрягли лошадей, и одинъ изъ нихъ уѣхалъ верхомъ, а свидѣтель довезъ на своей лошади телѣгу до двора, а тамъ передоложилъ вещи въ свою телѣгу и взялся доставить за два рубля въ Москву. Сенаторъ Евреиновъ. Какія вещи вы перекладывали? Свид. Вотъ такой столикъ (показывая на столъ изъ числа вещественныхъ доказательствъ) деревянный, два боченка, насыпанные желтымъ пескомъ сверху. Я сталъ спрашивать, что такое? Неужели у васъ въ Москвѣ нѣтъ такого песку? Онъ сказалъ, что это краска. Потомъ были очень тяжелыя вещи, покрытыя рогожами и обвязанныя; еще были ящики. В. Не знаете-ли что было въ этихъ ящикахъ? О. Я не знаю какъ называть.... буквы были. Всего возъ былъ не меньше 25 пудовъ. Лошадь шла тихо. Мы

за ней шли пѣшкомъ и разговоръ имѣли. Онъ сталъ спрашивать, чѣмъ занимаюсь. Я объяснилъ и спросилъ, что это за слова? Онъ говоритъ, что работаютъ его товарищи. Приѣхали къ Хухрикову на дворъ. Я свою лошадь выпрягъ и заложилъ было его лошади, но она не пошла, потому что нездорова была — такъ лихорадка, что-ли. Потомъ взяли дворникову лошадь, не знаю за какую цѣну и куда. Телѣгу и ему повѣрилъ, потому что онъ свою лошадь оставилъ мнѣ. Товар. оберъ-прок. Между вещами, которые вы перекладывали, не замѣтили-ли чужуиной доски? Свид. Была, была. В. Похожа-ли вотъ на эту, которая лежитъ на столѣ? О. Похожа. В. Также съ дырами? О. Да. Тяжелая, такъ что вдвоемъ мы насилу переложили. В. Вы не видали его товарища? Нѣтъ, потому что я бѣгалъ за лошадью. Прис. пов. Утинъ. Не давалъ-ли этотъ господинъ читать какія-нибудь книжки. Свид. Нѣтъ, не давалъ.

Прис. пов. Спасовичъ. Вы живете въ деревнѣ Оборвихъ? Свид. Да. В. Сколько это верстъ въ Москву? О. 18. В. Когда происходило о чемъ показываете? О. Передъ Ильинимъ днемъ дня за два, за три или пять. В. Вы видѣли буквы, которыми плотно сложены—гранки? О. Нѣтъ, онѣ были разсыпаны. Первоприсутствующий. Вы знали Долгушина? Свид. Нѣтъ, не зналъ. По просьбѣ товарища оберъ-прокурора спросилъ снова М. А. Хухриковъ, который показалъ, что лошадь Долгушинимъ была оставлена у него, но свидѣтель не видѣлъ, кто ее оставилъ; было только двѣ лошади: Долгушина и крестьянина. Прис. пов. Слонимскій. (Къ свидѣтелю Тихонову). Вы грамотный? Свид. Нѣтъ. В. Откуда вы узнали что это буквы? О. У насъ одинъ снималъ дачу, онъ имѣлъ въ Москвѣ типографію и я нѣсколько разъ возилъ его туда, и наши люди жили въ типографіи. Введенъ свидѣтель Семень Михайловъ. На вопросъ, что ему извѣстно, онъ объяснилъ: Я знаю Афанасія Тихонова. Онъ на своей лошади возилъ вещи въ Москву. Я пришелъ къ нему попросить лошади въ Москву, а они уже запрягли. Меня просили пособить перекладывать вещи. Первоприсутствующий. Какія были вещи? Свид. Тутъ была большая доска, тяжелая, обвязанная рогожами. Я спросилъ, на что эта доска? Онъ сказалъ, что прованское масло дѣлали, а что теперь она не годится и везутъ въ Москву. Потомъ были два боченка леску. Товарищъ оберъ-прокурора. Вещи тяжелыя были? Свид. Въ доскѣ было пудовъ пять. В. Не видали ли карточной рамки? О. Нѣтъ. В. А про боченки спросили, что въ нихъ? О. Нѣтъ. В. Ящиковъ съ перегородками не видали? О. Нѣтъ. В. Вы одного барина видѣли или двоихъ? О. Двоихъ; одинъ впередъ уѣхалъ. В. Вы его замѣтили? О. Да. В. Такъ что, если бы вамъ показать его, вы узнали бы его? О. Могу. В. Посмотрите, не узнаете ли? Свид. указалъ на Долгушина и Дмоховскаго и о послѣднемъ сказалъ, что этотъ ѣхалъ верхомъ. Прис. пов. Утинъ. Вы не получали какихъ-либо книжекъ или брошюркъ отъ этого господина. Свид. Нѣтъ ничего. Прис. пов. Спасовичъ. Какъ велики были бочки? Свид. Такъ по нашему сказать въ полведра вина. В. Тяжелыя? О. Порядочно тяжелыя. В. Какъ вещи лежали? О. Въ телѣгѣ. В. Но были онѣ уложены во что-нибудь, или просто лежали? О. Нѣтъ, просто. В. Такъ что всѣ ихъ можно было видѣть? О. Да. В. Вы знаете, что такое буквы? О. Этого не видалъ. В. И набранныхъ не видали? О. Нѣтъ. Первоприсутствующий. Вы Долгушина давно знаете? Свид. Жилъ тутъ неподалеку, проѣзжалъ на дачу чрезъ нашу усадьбу. Сенаторъ Евреиновъ. Далеко ихъ дача отъ вашей деревни? Свид. Верстъ пять. Подс. Долгушинъ. Я уже имѣлъ случай сказать о томъ, что происходило на дачѣ печатаніе. Подс. Папинъ. Я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ относительно показанія Долгушиной для того, чтобы характеризовать собранія, которыя происходили осенью 1872 года и на которыхъ я бывалъ. Когда въ сентябрѣ 1872 г. я приѣхалъ въ Петербургъ, то вскорѣ встрѣтилъ Долгушина, къ которому сталъ ходить сначала рѣдко, потомъ чаще, такъ какъ у него собиралось довольно значительное количество людей, съ которыми хорошо проводилось время и гдѣ велась бесѣда о разныхъ вопросахъ, которые имѣли значеніе, если не для настоящаго, то для будущаго. Я хочу только указать на то, что здѣсь велись разговоры, имѣвшіе чисто теоретическое значеніе и не имѣвшіе никакой практической цѣли. У насъ часто возникалъ вопросъ о пропагандѣ, и въ этомъ отношеніи я вполне подтверждаю показаніе Долгушиной. Для разъясненія этого вопроса я долженъ сдѣлать ссылку на одинъ ученый трудъ, для того, чтобы слишкомъ не распространяться. (Здѣсь подсудимый началъ приводить научныя теоріи, существующія по этому вопросу, и хотѣлъ сдѣлать ссылку на исторію Фридриха Поля, автора сравнительной статистики, но былъ остановленъ первоприсутствующимъ). Затѣмъ подсудимый въ доказательство того, что всѣ эти разсужденія имѣли чисто теоретическую цѣль, привелъ то, что собранія происходили преимущественно по воскресеньямъ, въ свободное отъ занятій время; что вообще собирались знакомые, полузнакомые и даже совершенно незнакомые. Подс. Долгушинъ заявилъ, что жена его въ показаніи своемъ перепутала всѣ числа; показаніе же Дмоховскаго въ этомъ отношеніи совершенно вѣрно. Введенъ свидѣтель Максимъ Курдаевъ, который на вопросъ первоприсутствующаго объяснилъ, что онъ караулилъ дачу, когда они оттуда уѣхали. Товарищъ оберъ-прокурора. Кто жилъ на дачѣ дѣтомъ? Свид.

Долгушинъ, Сахарова прѣѣжала, потомъ Дмоховскій, Папинъ и Плотниковъ. В. А г-жа Долгушина жила? О. Жила. В. Не помните ли, не прѣѣжалъ ли къ вамъ въ околотокъ исправникъ? О. Былъ такой случай. В. По этому поводу не спрашивали васъ о чемъ-нибудь? О. Долгушинъ спрашивалъ. Я говорю: исправникъ былъ. „По какому, говоритъ, дѣлу?“ Говорю: арестантовъ спрашивали. Тѣмъ и кончилось. В. Не ходили ли какіе-нибудь слухи объ этихъ господахъ, которые жили на дачѣ? О. Молва распространялась будто бы деньги дѣлаютъ. В. Какъ въ эту молву объясните, почему она явилась? О. Такъ что завѣшены окна были и съ мужиками ходили въ трактирное заведеніе; бывало уже 9 часовъ, а окна все завѣшены; нужно вставать, а они спятъ, дѣловъ никакихъ не имѣютъ. Чѣмъ же живутъ? В. Не спрашивалъ ли у васъ чего-нибудь Долгушинъ по поводу этихъ слуховъ? О. Нѣтъ, этого ничего не было. В. Не говорилъ ли онъ вамъ, чтобы вы не смѣли повторять этихъ слуховъ? О. Нѣтъ, когда опустѣлъ домъ, молва распространилась, что вотъ деньги дѣлаютъ; за дворомъ былъ наведенъ станокъ. Болѣе я ничего не видѣлъ. В. По поводу этихъ слуховъ вы ничего не говорили съ Долгушинимъ? О. Послѣ этого я распространялъ; по-деревенски товарищамъ сказалъ, что вѣроятно деньги дѣлаютъ; станокъ нашелъ такой же, какъ у моего брата, котораго арестовали за фальшивыя деньги. Когда Долгушинъ прѣѣхалъ, прислалъ за мной Васильева. Васильевъ сказалъ, чтобы я явился вечеромъ. Я пришелъ, онъ наставилъ на меня „леворверъ“ прямо и говоритъ: „болтаешь; не смѣй больше пустяковъ говорить“. В. Еще ничего не говорилъ? О. Только сказалъ, чтобы не болтать. В. Если будете болтать? О. „Вотъ тебѣ, говоритъ, жизнь кончу“. В. Кромѣ Долгушина, кто тутъ былъ еще? О. Всѣ: Дмоховскій, Папинъ, Плотниковъ и Васильевъ. Прис. пов. Утинъ. Когда нашли станокъ? Свид. Когда они уѣхали. Первоприсутствующій. А когда они уѣхали? Свид. Я покосъ косилъ къ Петрову дню—въ это время. Товарищъ оберъ-прокурора. Дача велика была? Свид. 4¹/₂ десятины съ усадьбою. В. Пахатной земли много было? О. Такъ, съ ¹/₄ десятины. В. Сколько можетъ быть засѣяно на этомъ кускѣ? О. Четверть ржи можно засѣять средней рукой. В. Огородъ былъ? О. Былъ небольшой. В. Что тамъ было? О. Капуста. В. А картофель былъ посаженъ? О. Картофель былъ на горѣ. В. Кромѣ картофеля другихъ овощей не было? О. Нѣтъ. В. А хлѣбъ? О. Хлѣба ничего не было посажено. В. Покосъ былъ? О. Осталая земля подъ покосомъ и кустарниками по буграмъ. Прис. пов. Утинъ. Часто видали Долгушина? Свид. Онъ у насъ въ деревнѣ жилъ до постройки дачи. В. А потомъ видѣли? О. Видѣлъ. В. Не давалъ ли онъ вамъ какихъ-нибудь прокламацій? О. Ничего не давалъ. Подс. Дмоховскій. Когда Долгушинъ жилъ на дачѣ, вы не бывали у него? Свид. Нѣтъ. В. Слѣдовательно, о тѣхъ лицахъ, которыя бывали у него, не можете сказать? О. Не могу. В. Слѣдовательно, вы говорили о томъ времени, когда Долгушинъ вернулся изъ Москвы. О. Да. В. Вы говорите, что часто видѣли Долгушина; а Васильевъ былъ при этомъ? О. Былъ. В. Когда онъ прѣѣхалъ? О. Не помню. Подс. Дмоховскій. Показаніе это невѣрно въ томъ отношеніи... Первоприсутствующій. По вашему оно можетъ быть невѣрно, но вы не можете сказать, чтобы оно и для другихъ представлялось невѣрнымъ. Введенъ свидѣтель Кириллъ Курдаевъ, который показалъ, что ему ничего неизвѣстно. Товар. оберъ-прокур. Не помните ли, въ концѣ августа или началѣ сентября прѣѣжали къ Долгушину его товарищи? Свид. Нѣтъ, не помню. В. Кромѣ Долгушина вы знали кого-нибудь изъ его товарищей? О. Дмоховскаго зналъ. В. А еще кого? О. Папина и Плотникова. В. А Васильева знаете? О. Знаю. В. Не оставляли ли въ квартирѣ какихъ-либо вещей? О. Мебель стояла, были ящики. В. Съ чѣмъ? О. Не смотрѣлъ. В. А машина швейная была? О. Была. В. Вы не знаете, куда она дѣвалась? О. Въ закладъ отдали. В. Не знаете ли куда? О. На Арбатѣ. В. Когда была привезена машина, приблизительно въ какомъ мѣсяцѣ? О. Лѣтомъ, а въ какомъ мѣсяцѣ положительно опредѣлить не могу. В. Какая мебель была? О. Комодъ, диванъ, стулья. В. Въ комодѣ были какія-нибудь вещи? О. Я не смотрѣлъ, не знаю. В. Ящики при васъ вынималъ? О. Не видѣлъ. Прис. пов. Утинъ. Не давали ли вамъ читать какихъ-нибудь прокламацій? Свидѣтель молчить. Первоприсутствующій. Вы знаете, что такое прокламація? Свид. Теперь то я знаю, понялъ. Прис. пов. Утинъ. Не давали ли вамъ читать какія-нибудь книжки? Свид. Нѣтъ, ничего не давали. Подс. Дмоховскій. Помните, какъ въ началѣ іюня вы везли насъ съ Сахаровой? Не доѣзжая до дачи, я слѣзъ въ деревнѣ и вернулся въ Москву? Свид. Помню. В. Такъ что съ вами я не прѣѣжалъ на дачу? О. Нѣтъ. В. Вы принесли лампу и приходили взять денегъ въ домъ? О. Нѣтъ. Первоприсутствующій. Лампу приносили? О. Нѣтъ. Тов. оберъ-прокур. Квартира у васъ была большая? Свид. Порядочная, три комнаты. Прис. пов. Слонимскій. У васъ есть рабочіе? Свид. Есть. В. Такъ что, когда вы уходили, то кто-нибудь остается въ комнатѣ? О. Да. В. Слѣдовательно, если кто приходилъ къ Долгушину, то можно было замѣтить это? О. Они ходили, но только не могу опредѣлить времени когда. В. Всѣ одновременно бывали? О. Не знаю, можетъ быть были, а можетъ не были всѣ вмѣстѣ. В. Дѣло состоитъ въ томъ, что у васъ въ комнатѣ всегда кто-нибудь оставался; а вѣдь ваша комната отдѣлялась отъ ихъ только деревянной перегородкой? О. Да. В. Рабочіе бывали постоянно? О. Постоянно. В. Если бы всѣ

собрались вмѣстѣ, то кто-нибудь могъ бы это знать? О. Нѣтъ, этого я не слышалъ. Прис. пов. Утинъ. Не говорилъ ли вамъ кто-нибудь изъ рабочихъ: не давали ли имъ прокламацій? О. Нѣтъ, да у насъ и грамотныхъ то не очень много.

Затѣмъ засѣданіе въ 5¼ часовъ пополудни было прервано до 11 ч. утра слѣдующаго дня. Засѣданіе открыто въ 11 часовъ утра. По просьбѣ товарища оберъ-прокурора спрошенъ свидѣтель Кириллъ Курдаевъ, который показалъ, что онъ принималъ участіе въ покупкѣ дачи Долгушиннымъ. Товарищъ оберъ-прокурора. Какъ это произошло? вы ли предложили, или онъ васъ спрашивалъ? Свид. Онъ спросилъ. Онъ разговаривалъ со мною, и я сказалъ, что у насъ есть двѣ дачи: одна большая, другая маленькая. Онъ хотѣлъ купить маленькую. Введенъ свидѣтель Ѳедоръ Аванасьевъ, который показалъ: ѣхавъ въ Москву, я встрѣтилъ молодыхъ людей, которые просили меня подвезти одного изъ нихъ въ Москву и спросили, сколько я возьму. Я спросилъ 40 коп., они давали 20, говоря, что у нихъ нѣтъ больше денегъ. Они просили меня довести его до Калужскаго рынка, но я сказалъ, что туда и за цѣлковый не поѣду. Они говорятъ: „возьми 20 коп., правда больше нѣтъ“.—Ну, какъ нѣтъ, такъ, пожалуй доведу. Вотъ мы и поѣхали. Я сталъ спрашивать, откуда онъ. Онъ сказалъ, что одинъ изъ нихъ выстроилъ домикъ и онъ туда прѣѣзжалъ. А откуда, спрашиваю, самъ? „Я, говорить, петербургскій, живу у купца Плотникова въ кожевникахъ, изъ рыбьей чешуи клей дѣлаю“. Такъ мы ѣхали и разговаривали. Подѣхали къ Кунцовой рошѣ. Онъ сказалъ, что „вотъ у васъ скоро солдатчина будетъ по новому, и будетъ, говорить, не очень хорошо“. Потомъ онъ сталъ говорить: „Что вотъ вамъ земли не дали“. Я говорю: „Что же дѣлать!“ Онъ говоритъ: „У меня вотъ двѣ книжки есть: „Стеняка Разинъ“ и „Пугачевъ“. Вотъ „Пугачевъ“. Вотъ почиталъ бы. Хорошо“. Первоприсутствующій. Вы грамотный? Свид. Да. Я говорю: ничего, почитаю. Онъ сказалъ: „У меня теперь нѣту, но когда случай будетъ, я у тебя побываю въ деревнѣ“. Доѣхали до Москвы, до Смоленскаго рынка, онъ отдалъ 20 коп. и я поѣхалъ продавать товаръ, а онъ ушелъ. Я продалъ товаръ, купилъ, что нужно и поѣхалъ домой. Проходить съ недѣлю. Былъ я на работѣ, прѣѣзжаю домой къ своему двору. Солнце было уже низко. Приходятъ двое молодыхъ людей и спрашиваютъ: „Ты Ѳедоръ Аванасьевъ?“ Я, говорю. „Сдѣлай милость, говорятъ, сдѣлай намъ зеркало и объясни цѣну“. Я говорю: мы еще не работаемъ, а когда станемъ работать, тогда и о цѣнѣ поговоримъ. Они мнѣ мѣрку принесли и говорятъ: „Поговоримъ о цѣнѣ“. Я говорю: теперь не о чѣмъ говорить. Потомъ они стали звать въ кабакъ. Я говорю: не пью. „Ну, говорятъ, пойдемъ чаю попьемъ“. Я говорю: въ кабакъ не хожу и чай пить. „Ну такъ, проводи насъ, говорятъ, по крайней мѣрѣ“. Проводить, отчего не проводить. Мы пошли за деревню. Дорогой они говорятъ, принесли двѣ книжки. Я сказалъ: не нужно мнѣ,—я неграмотный; попыталъ, что отъ нихъ будетъ. Они говорятъ: „Такъ мы тебѣ почитаемъ“. Почитайте, говорю, отчего не почитать, я послушаю. Затѣмъ одинъ началъ читать. Я вижу, книжка не та, какъ они говорили, „Стеняка Разинъ“. Потомъ онъ дочитался до обороковъ, что платить не надо, что они незаконны. Я говорю: какъ оброки незаконны? Богъ велѣлъ платить; въ писаніи сказано: „воздадите кесарево кесареви и Божія Богови“. Они говорятъ, что это было тогда, когда Господь ходилъ по землѣ, а теперь, говорятъ, этого не должно. Какъ, говорю, не должно и спрашиваю; какъ книги печатаны? Я знаю книги: „Житія святыхъ отецъ“, богослужебныя книги . . . Онъ говоритъ: „Хорошо, скоро узнаешь. Мы тебѣ, говорятъ, объ этомъ скажемъ“. Я и спрашиваю: какъ человѣку на томъ свѣтѣ? будетъ что или нѣтъ? „Мы, говорятъ, скажемъ тебѣ это послѣ“. Я сказалъ, что я такъ слышалъ, что ничего не будетъ—такъ, поглядѣть, что они скажутъ. Въ то время было уже очень темно. Онъ говоритъ: „Правда, говорить, не будетъ“. Я и сказалъ: ты, говорю, напрасно говоришь. Я самъ знаю кое-что; за все нужно будетъ отвѣчать. Послѣ этого они пошли за рѣку, а я пошелъ домой. Не помню, больше недѣли прошло—или двѣ прошло. Нашъ крестьянинъ Сидоровъ ѣздилъ въ Москву. Дорогой онъ встрѣтилъ какого-то человѣка, который спросилъ его: „Ты изъ Грибанова?“ Да, говорятъ. „Знаешь Федора Афанасьева, зеркальщика?“ Знаю, говорить. „Отвези, говорятъ, ему письмо“. Какое такое письмо, отъ кого? „Нужно, говорятъ, товару привезти“. Крестьянинъ привезъ мнѣ письмо и отдалъ. Я разорвалъ конвертъ, гляжу, а тамъ тѣ самыя книжки. Думаю, что-то не ладно. Такъ прошло дня три—четыре. Я пошелъ на похороны и спросилъ священника на счетъ этихъ книжекъ. Священникъ сказалъ: „Покажи“. Я взялъ книжки и пошелъ къ нему. Онъ поглядѣлъ и говоритъ, что за эти книжки худо будетъ, уничтожь ихъ, чтобы не было; да и не поминай никому о нихъ“. На другой день я уничтожилъ ихъ. Первоприсутствующій. Какое было заглавіе книжекъ? Свид. Одна была „Русскому народу“—ищите и обрящете, толчите и отверзается вамъ; а другую не помню. Одна въ 4 листка, широкая, а другая маленькая, узкая. Товарищъ оберъ-прокурора. Когда вы ѣхали въ Москву съ господиномъ, вы говорили ему, что занимаетесь зеркальнымъ мастерствомъ? Свид. Говорилъ. Онъ спрашивалъ, и я ему даже образцы показывалъ; у меня въ кармазѣ были рамки. В. Не помните-ли, въ какой книжкѣ толкуется, что обороковъ платитъ не нужно? О. Думается, что въ маленькой. В. Вы припомните лицо того человѣка, котораго возили? О. Удостоверитъ не могу хорошо,

можетъ быть, ошибусь. В. Но если вамъ показать его, то узнаете, можетъ быть? О. Крѣпко не могу сказать, что узнаю. Первоприсутствующій. Потрудитесь взглянуть, не узнаете-ли вотъ этихъ людей? Свидѣтель осматриваетъ подсудимыхъ и указывая на Долгушина: „Вотъ этотъ приносилъ читать книжки“. Товарищъ оберъ-прокурора. А не узнаете-ли того, котораго подвозили за 20 коп.? Свидѣтель еще разъ осматривая подсудимыхъ: „Нѣтъ, того не могу узнать. Я описывалъ его: высокий, худощавый“. Прис. пов. Утинъ. Гдѣ находится ваша деревня? Свид. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ. В. Далеко отъ Сареево? О. Верстахъ въ пяти. В. Онъ вынималъ вамъ книжки? О. Вынималъ изъ кармава и давалъ читать. В. Вы твердо это помните? Первоприсутствующій. Вѣдь онъ вамъ уже отвѣчалъ, что помнитъ, что же вы еще спрашиваете? Прис. пов. Утинъ. Вамъ Сидоровъ не рассказывалъ, какіе были два господина? Свид. Нѣтъ, ничего не говорилъ. Подс. Дмоховскій объяснилъ, что въ августѣ, послѣ 15-го числа, онъ ѣздилъ разъ пять изъ Москвы на дачу Долгушина и съ дачи въ Москву; ѣздилъ постоянно съ попутными крестьянами, а потому не можетъ отвергать возможности, что въ одну изъ этихъ поѣздокъ онъ познакомился съ крестьяниномъ Ѳедоромъ Аванасевымъ. Разбирая затѣмъ показанія, которыя далъ свидѣтель относительно того молодого человѣка, котораго онъ подвозилъ, подсудимый объяснилъ, что, можетъ быть, именно онъ и ѣздилъ съ Аванасевымъ, но лично его не помнитъ. Разговоръ о клевереніи онъ могъ съ нимъ имѣть, потому что говорилъ объ этомъ предметѣ и съ другими крестьянами. Далѣе Аванасевъ показываетъ, что молодой человѣкъ, котораго онъ возилъ, говорилъ ему о томъ, что у крестьянъ земля мало, или она плохая. Подсудимый этого не отрицаетъ, такъ какъ разговоръ съ крестьянами о землѣ былъ вслѣдствіе того, что земельный вопросъ вообще очень его интересовалъ. Былъ-ли разговоръ о книжкахъ „Стенка Разинъ“ и „Пугачевъ“, подсудимый хорошо не припомнитъ, но отвергаетъ возможность такого разговора не желаетъ, потому что, дѣйствительно, могъ указывать на эти сочиненія. Наконецъ, относительно разговора о солдатчинѣ, т. е. о всеобщей воинской повинности, подсудимый заявилъ, что разговоръ объ этомъ онъ имѣлъ со всѣми крестьянами, но говорилъ совершенно противное тому, что показалъ свидѣтель, а именно, онъ, подсудимый, никогда не говорилъ и не могъ говорить, что со введеніемъ всеобщей воинской повинности будетъ хуже, а не лучше. Относительно того, что онъ не приходилъ къ Аванасеву и читалъ ему прокламаціи, Судъ можетъ удостовѣриться изъ показанія самого Аванасева. Съ своей стороны онъ, подсудимый, заявилъ, что никому объ Аванасевѣ не говорилъ, въ деревню его не ходилъ и прокламаціи тамъ никому не читалъ. По просьбѣ прис. пов. Спасовича спрошенъ вновь Аванасевъ. Прис. пов. Спасовичъ. Одну прокламацію вамъ читали? Первоприсутствующій. Вы знаете, что такое прокламація? Свид. Нѣтъ, не понимаю. Первоприсутствующій. Книжка. Свид. Одну читали, что оброкъ не нужно платить. Прис. пов. Спасовичъ. Долго онъ читалъ? О. Не могу показать . . . только до этихъ словъ почитали и положили въ кармавъ и у насъ пошла ужъ рѣчь о другомъ. В. Вамъ онъ не предлагалъ взять книжки? О. Онъ говорилъ, что я вамъ принесъ книжки, а я сказалъ, что мнѣ не нужно. Введенъ свидѣтель Сидоровъ. На вопросъ показать, что ему извѣстно, свидѣтель отвѣчалъ: вотъ что я знаю. Какъ я ѣхалъ изъ Москвы, дѣло было празднично—воскресенье, а числа не припомню. . . . послѣ Рождества Богородицы, осень. Попадаютъ мнѣ на Раадорской горѣ двое мужчинъ и женщина на лошади. Женщина съ мужичиной поѣхали въ Москву, а одинъ мужичина подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ: „Ты не изъ Грибанова-ли?“ Я говорю: да. „Знаешь Аванасева?“ Какъ, говорю, не знать. „Сдѣлай милость, отвези письмо“. Я спрашиваю: отъ кого это письмо? Говоритъ: „Отъ хозяина, закажь есть“. Говорю: съ удовольствіемъ, отвести мнѣ не тяжело“. Я взялъ письмо. Этимъ и кончилось. Онъ побѣждалъ догонять своихъ, а я поѣхалъ своей дорогой. Домой пріѣхалъ вечеромъ поздно. Утромъ, на другой день увидѣлъ Аванасева и сказалъ: „Тебѣ письмо привезъ, попочуй чайкомъ“. „Какое письмо?“ говорить. Я говорю: „не знаю, отъ прикащика что-ли“. Онъ взялъ письмо и распечаталъ. Послѣ я съ нимъ не видѣлся—былъ неадоровъ. Потомъ спросилъ: какое письмо это?—Говоритъ: „книжки“. Какія, говорю? „Да такъ, говорить, въ нихъ хорошаго нѣтъ“. Первоприсутствующій. Вы сами не видѣли ихъ: большія или маленькія? Свид. Какія онѣ ростомъ—я не видѣлъ; Аванасевъ только сказалъ: „пустякъ“ говорить. Товарищъ оберъ-прокурора. Вы помните въ лицо этого человѣка? Свид. Помните. В. Посмотрите здѣсь, не можете-ли узнать? Свид. (осматривая подсудимыхъ и указывая на Долгушина). Вотъ этотъ самый человѣкъ. Прис. пов. Утинъ. Васъ спрашивали объ этомъ на слѣдствіи? Свид. Да. В. Показывали вамъ этого человѣка? О. Я сказалъ, что онъ ростомъ небольшой, рубашка на немъ была красная и плисовые штаны. В. На слѣдствіи вы говорили, что крѣпко признать этого человѣка не можете. Отчего же вы теперь такъ сразу узнали? О. Конечно, я теперь его вижу во второй или третій разъ. Прис. пов. Утинъ. (обращаясь къ Суду). Во время предварительнаго слѣдствія свидѣтель не признавалъ подсудимаго. Первоприсутствующій. Ваше замѣчаніе присутствіе уже слышало. Введенъ свидѣтель Верещагинъ. На вопросъ, что ему извѣстно по дѣлу, свидѣтель отвѣчалъ: Я знаю Долгушина и Дмоховскаго. Первопри-

существовавшей. Почему же вы их знаете? Свид. Долгушина узналъ я осенью 1872 г., когда искалъ бухгалтера для заведения, которое у меня было. Мой повѣренный публиковалъ объ этомъ въ газетахъ, вслѣдствіе того, что нашъ бухгалтеръ отходилъ. По приѣздѣ моемъ въ Петербургъ повѣренный мой сказалъ мнѣ, что заявился бухгалтеръ Александръ Васильевичъ Долгушинъ. При этомъ повѣренный мой считалъ нужнымъ предупредить меня, что Долгушинъ судился по нечаевскому дѣлу, заявивъ, что положеніе его крайне затруднительное, такъ какъ вслѣдствіе его судимости, ему никто не даетъ мѣста, а между тѣмъ онъ находится въ весьма трудныхъ семейныхъ обстоятельствахъ. В. Сколь времени онъ у васъ служилъ? О. До 1-го марта 1873 года. В. Потомъ вы его потеряли изъ виду, или видѣли еще? О. Видѣлъ еще въ Москвѣ, а потомъ уже не видѣлъ. В. А Дмоховскаго какъ знаете? Онъ у васъ жилъ? О. Нѣтъ, онъ занималъ мѣсто Долгушина около мѣсяца, такъ какъ Долгушинъ, уѣзжая оставилъ его вмѣсто себя. В. Куда же потомъ дѣвался Дмоховскій? О. Когда при переводѣ мастерской въ Москву было отказано г. Долгушину, то вмѣстѣ съ приѣздомъ его окончились занятія по мастерской и г. Дмоховскаго. В. И вы болѣе его не видѣли? О. Нѣтъ, видѣлъ по приѣздѣ его изъ-за границы. В. Онъ ѣздилъ за-границу по вашему порученію? О. Нѣтъ, порученіе было дано Фризелемъ, моимъ довѣреннымъ, завѣдывающимъ мастерской въ Москвѣ. В. Какое порученіе? О. Узнать о машинахъ. Такъ какъ онъ говорилъ, что ѣдетъ за границу по порученію заводчика Платонова, то одновременно съ этимъ онъ и былъ нанятъ за извѣстную плату узнать о новѣйшихъ машинахъ нашего производства. По возвращеніи его изъ-за границы онъ сообщилъ мнѣ тѣ свѣдѣнія, которыя привезъ по этому порученію. Я просилъ его передать ихъ Фризелю. Товарищъ оберъ-прокурора. Вы изволили говорить, что Долгушинъ находился у васъ на службѣ. Скажите, вы отказали ему отъ мѣста до перевода мастерской въ Москву? Свид. Да. В. Такъ что этотъ отказъ былъ совершенно окончательный? О. Я отказалъ и этимъ окончились всѣ наши отношенія. Прис. пов. Утинъ. Вы приняли Долгушина на службу, потому что онъ былъ оправданъ по нечаевскому дѣлу? Свид. Да. В. Онъ жилъ въ томъ помѣщеніи, гдѣ на опредѣлѣна была мастерская? О. Сначала онъ жилъ на своей квартирѣ, а когда сталъ завѣдывать мастерской, то переѣхалъ жить туда. В. Эта квартира была большая? О. Четыре комнаты. Эта квартира была назначена для управляющаго мастерской, Сенаторъ Евреиновъ. Квартира эта была совершенно отдѣльная? Свид. Совершенно отдѣльная. В. Онъ одинъ жилъ въ ней? О. Одинъ. До него занималъ эту квартиру прежній завѣдывающій мастерской. Прис. пов. Спасовичъ. Вы закрыли мастерскую не потому, что были дурно ведены дѣла? Свид. Я хотѣлъ имѣть ближайшій надзоръ за мастерской и потому перевелъ ее въ Москву. В. Не были-ли мотивированы этотъ переводъ дурными дѣйствіями по мастерской? О. Нѣтъ, приходо-расходныя книги были совершенно вѣрны; остальные книги были недостаточно удовлетворительны, потому что не совсѣмъ хорошо были ведены. В. Когда былъ здѣсь г. Фризель? О. Онъ былъ въ мартѣ. В. Т. е., когда онъ могъ дать порученіе Дмоховскому за границу? О. Вѣроятно, въ это время, т. е. въ мартѣ. В. Въ чемъ порученіе состояло? О. Въ изслѣдованіи новѣйшихъ усовершенствованій за границей по нашему производству съ цѣлью удешевить его. В. Для этого дѣйствительно надо было ѣхать за границу? О. Да, тѣмъ болѣе, что я собирался послать одного технолога. В. Вы знали, что Дмоховскій писалъ по этому поводу г. Фризелю? О. Да, писалъ. В. Какія условія были относительно вознагражденія? О. Если онъ привезетъ свѣдѣнія довольно удовлетворительныя, то получить за это 300 рублей. Онъ долженъ былъ представить отчетъ объ этомъ, и, какъ кажется, представилъ его въ половинѣ мая. В. Происходилъ у васъ расчетъ съ Дмоховскимъ по этому предмету? О. Да, онъ получилъ 200 рублей, а 100 остались за нами. В. Въ послѣдній разъ, когда вы видѣли Дмоховскаго? О. Въ Москвѣ, въ мастерской, одинъ разъ. Прис. пов. Утинъ. Сколько у васъ получалъ жалованья Долгушинъ? Свид. 70 руб. въ мѣсяцъ при готовой квартирѣ, если не ошибаюсь. Подс. Дмоховскій объяснилъ, что Долгушинъ, уѣзжая и прося его замѣнить его мѣсто, сказалъ ему, что въ кассѣ мастерской (не слышно) 400 рублей и что если понадобится, то можетъ смѣло дать изъ своихъ денегъ. Онъ выдалъ до 600 р. Замѣняя Долгушина, онъ управлялъ мастерскою съ первыхъ чиселъ января до первыхъ чиселъ марта. Такимъ образомъ Верещагинъ остался ему долженъ до 1.000 р. Онъ отправился къ нему переговорить относительно его дома въ 1.000 р. Переговоривъ, онъ вернулся въ Петербургъ и здѣсь видѣлся съ Фризелемъ, который сказалъ ему, что желаетъ послать специалиста за границу, но при этомъ не далъ прямого порученія. Въ это же время подсудимый видѣлся съ Платоновымъ, который говорилъ, что ему было бы интересно узнать послѣднія усовершенствованія за границей по производству клееваренія и что, если кто привезетъ удовлетворительный отвѣтъ, то онъ за это заплатитъ. Поэтому подсудимый, имѣя уже въ виду желаніе Фризеля, сказалъ Платонову, что имѣетъ нѣкоторыя порученія, для исполненія которыхъ поѣдетъ за границу. Затѣмъ онъ переговорилъ съ Фризелемъ, съ которымъ условился относительно вознагражденія за порученіе за границу, куда и отправился 17-го или 18-го числа. За границей онъ посѣтилъ фабрику Ж. и нѣсколько другихъ. Что же касается порученія Платонова, то исполнить его не могъ, да и не ручался за исполненіе, потому

что посѣщеніе фабрикъ этого производства чрезвычайно затруднено. Подсудимый зналъ это раньше, а потому и не условливался съ Платоновымъ зарабѣе о вознагражденіи. Что касается до порученій Фризеля, то послѣдній сказалъ, что въ случаѣ удовлетворительнаго отвѣта онъ, подсудимый, можетъ рассчитывать на вознагражденіе въ 300 руб. Вернувшись изъ-за границы въ маѣ, подсудимый видѣлся съ Верещагиннымъ, рассказалъ ему о своей заграничной поѣздкѣ и выражалъ желаніе получить 400 руб. На это Верещагинъ сказалъ, что если отчетъ будетъ удовлетворителенъ, то подсудимый получить 400 руб., причѣмъ 200 руб. получить тотчасъ же, а другіе 200 руб. тогда, когда при помощи свѣдѣній, привезенныхъ изъ-за границы, будетъ устроенъ заводъ штамповой посуды. Послѣ этого подсудимый видѣлся съ Фризелемъ нѣсколько разъ въ Москвѣ. Фризель предлагалъ ему дополнительные вопросы относительно его отчета и, найдя отчетъ и отвѣтъ его удовлетворительными, передалъ ему чекъ на полученіе 200 руб., которые онъ и получилъ. Введенъ свидѣтель купецъ Платоновъ. На вопросъ, что ему извѣстно по настоящему дѣлу, онъ отвѣчалъ: Я объ этомъ дѣлѣ совершенно ничего не знаю. Первоприсутствующій. Дмоховскаго знаете? Свидѣт. Знаю. В. У васъ есть заводъ? О. Есть, клеваренный. В. Дмоховскій занимался у васъ на заводѣ? О. Занимался мѣсяцъ съ чѣмъ-то. Онъ представилъ на Политехническую выставку въ Москвѣ проектъ приготовленія клея изъ рыбьей чешуи, и такъ какъ я имѣлъ клеваренный заводъ, то пригласилъ его заниматься. Потомъ вслѣдствіе того, что онъ занимался крайне неудовлетворительно, я долженъ былъ съ нимъ разстаться. В. Вы давали ему порученіе за-границу? О. Когда я въ первый разъ познакомился съ нимъ и предложилъ ему заниматься у меня на заводѣ, тогда онъ сказалъ, что не можетъ, потому что ему нужно было ѣхать по своимъ дѣламъ за границу. В. Такъ что онъ ѣздилъ за границу безъ вашего порученія? О. Я не давалъ ему порученія, а говорилъ только, что не можетъ-ли онъ познакомиться за границей съ нашимъ производствомъ. В. А по возвращеніи изъ-за границы? О. Онъ мнѣ сообщилъ, что можетъ пріѣхать ко мнѣ на заводъ и заниматься. В. Отчета по вашему производству о заграничной поѣздкѣ онъ вамъ не давалъ? О. Нѣтъ никакого. В. Вознагражденія ему не было выдано? О. Онъ мнѣ ничего не сказалъ такого, что заслуживало бы вознагражденія. В. Впередъ вы съ нимъ не уговаривались? О. Нѣтъ. Товарищъ Оберъ-прокурора. Когда Дмоховскій поступилъ къ вамъ на заводъ, онъ усердно занимался дѣломъ? Свид. Первое время, дней 6 или 7, занимался, а потомъ сталъ манкировать, такъ что дошелъ до того, что я не считалъ возможнымъ оставлять его болѣе. В. Онъ обязанъ былъ находиться на заводѣ цѣлый день? О. Непремѣнно долженъ былъ быть цѣлый день. Онъ жилъ на заводѣ, а потомъ переѣхалъ, и тогда являлся только послѣ обѣда, и то не каждый день. В. До котораго часа онъ сидѣлъ на заводѣ? О. Вообще въ послѣднее время онъ совершенно плохо занимался. Я самъ не жилъ на заводѣ и не могу точно опредѣлить время; но, вообще, онъ занимался въ послѣднее время мало. Прис. пов. Спасовичъ. Не можете-ли опредѣлить числа, съ котораго поступилъ къ вамъ Дмоховскій? Свид. Кажется въ маѣ, но точно числа не припомню. Первоприсутствующій. Если не можете опредѣлить времени точно, то постарайтесь вспомнить приблизительно. Свид. Кажется, во второй половинѣ мая. Прис. пов. Спасовичъ. Сколько онъ получалъ въ мѣсяцъ? Свид. Сто рублей. В. У васъ все было готово для производства? О. Кромѣ чешуи, которой не было еще пріобрѣтено. В. Но сначала нужно было заниматься опытами? О. У меня заводъ работалъ клей; но Дмоховскій предлагалъ только особый матеріалъ, а для этого дѣйствительно нужно было производить опыты. В. Не замѣчали-ли вы, что къ Дмоховскому ходитъ много знакомыхъ. О. Такъ какъ я не живу на заводѣ, то не знаю. В. Не было-ли у васъ въ концѣ іюня разговора о томъ, что у него бывають гости? О. Онъ вообще манкировалъ. В. Скажите, въ ему отказали, или онъ не согласился на нѣкоторыя условія? О. Въ виду того, что я не былъ совершенно удовлетворенъ его занятіями... В. Не писалъ-ли онъ вамъ письма, что не можетъ продолжать у васъ занятій? О. Въ виду того, что произошли пререканія, онъ дѣйствительно написалъ, что постоянно не можетъ у меня заниматься. В. Когда это было? О. Въ концѣ іюня. В. Затѣмъ онъ писалъ вамъ другое письмо о томъ, что согласился получать по 50 руб. въ мѣсяцъ. О. Да, это было приблизительно въ іюль, когда онъ рѣшилъ, заниматься приготовленіемъ аппарата. Первоприсутствующій. А когда онъ пересталъ окончательно получать отъ васъ и половинное жалованье? Свид. Не позже начала августа. В. Значитъ, съ конца мая и до начала августа вы имѣли съ нимъ сношенія? О. Сначала сношенія у насъ были постоянныя, а потомъ совершенно случайныя. Онъ говорилъ, что не желалъ получать вознагражденія за посѣщеніе фабрики, а ему было интересно узнать результатъ аппарата. Прис. пов. Спасовичъ. Какого рода должность была у Дмоховскаго на вашемъ заводѣ? Имѣлъ-ли онъ въ своемъ распоряженіи рабочихъ? О. Нѣтъ, онъ былъ только по своей специальной части, т. е. приготовленія клея изъ рыбьей чешуи. Подс. Дмоховскій объяснилъ, что, кажется, 16-го марта, къ нему явился Платоновъ и сказалъ, что ему желательно переговорить съ нимъ, подсудимымъ. На другой день онъ пришелъ къ нему и они говорили о клевареніи, при чемъ возбуждался вопросъ о пользѣ сѣздить за границу и посмо-

трѣтъ новѣйшіе приемы производства. Подсудимый сказалъ, что можетъ быть поѣдетъ за границу и если привезетъ отвѣтъ, то за него онъ долженъ заплатить. На это Платоновъ согласился и далъ записку, въ которой были написаны вопросы, на которые онъ желалъ получить отвѣты. За границей, относительно клеваренія онъ не могъ собрать свѣдѣній. Возвратившись изъ-за границы, онъ брался устроить Платонову заводъ для обработки рыбьей чешуи за 300 руб., но Платоновъ заявилъ, что не зачѣмъ устраивать новаго завода, потому что заводъ уже есть и предложилъ подсудимому 100 руб. въ мѣсяцъ. Вслѣдствіе этого предложенія онъ поѣхалъ въ Москву. Около 20-го мая онъ пріѣхалъ туда, а 22-го поступилъ на заводъ. Сколько помнитъ подсудимому, чешуи не было, а потому до послѣднихъ чиселъ іюня онъ приносилъ мало пользы заводчику и заявилъ ему, что будетъ совершенно излишне платить 100 руб. въ мѣсяцъ. Въ концѣ іюня подсудимый сталъ устанавливать приборъ. Дня два спустя этого у него были Папинъ и Плотниковъ и техникъ Лазаревъ. Въ то время въ сосѣднюю комнату вошелъ Платоновъ и сталъ говорить, что онъ, подсудимый, небрежно занимается, что принимаетъ гостей, которыхъ даже оставляетъ у себя ночевать. Разговоръ этотъ былъ слышенъ въ комнатѣ подсудимаго, вслѣдствіе чего онъ пошелъ къ Платонову и сказалъ ему, что не желаетъ болѣе оставаться у него на заводѣ. Платоновъ сказалъ, что не знаетъ, что подсудимый съ другими находится въ сосѣдней комнатѣ. Подсудимый повторилъ свою просьбу и при расчетѣ намекалъ Платонову на 14-е число, когда онъ не былъ на заводѣ, за что слѣдуетъ вычесть, но Платоновъ не хотѣлъ этого. Такимъ образомъ въ концѣ іюля разсчитались, но Платоновъ просилъ окончить приборъ. Подсудимый сказалъ, что подумаетъ объ этомъ и числа 28-го или 29-го написалъ ему письмо о томъ, что онъ согласенъ окончить приборъ за 50 руб. въ мѣсяцъ, но на заводѣ не останется, а переѣдетъ на свою квартиру и будетъ являться на заводъ по жрѣ надобности. Платоновъ на это согласился и тогда подсудимый сталъ заниматься устройствомъ прибора. Когда приборъ былъ установленъ и чешуя приобрѣтена, то, интересуясь результатами опытовъ, онъ просилъ Платонова позволить ему бывать на заводѣ и наблюдать за производствомъ бесплатно. На это Платоновъ сказалъ, что не зачѣмъ заниматься бесплатно, а что онъ можетъ заниматься обработкой раствора и если ему нѣтъ времени, то можетъ ходить въ послѣобѣденное время. Такимъ образомъ онъ посѣщалъ заводъ до первыхъ чиселъ августа. Платоновъ заплатилъ ему за это 28 рублей. Отошелъ онъ отъ Платонова потому, во-первыхъ, что онъ уѣхалъ на Нижегородскую ярмарку, а во-вторыхъ, потому, что работа на заводѣ прекратилась. Введенъ Свидѣтель Степановъ. На вопросъ, что ему извѣстно по настоящему дѣлу и есть-ли у него домъ, онъ отвѣчалъ, что имѣетъ въ Москвѣ домъ, и что Дмоховскій нанималъ у него квартиру. Онъ переѣхалъ въ домъ свидѣтеля въ 20-хъ числахъ іюля, а 15-го августа съѣхалъ, такъ что жилъ около 26 дней. Первоприсутствующій. Вы живете сами въ этомъ домѣ? Свид. Нѣтъ, я живу въ другомъ. В. Такъ что, кромѣ Дмоховскаго въ этомъ домѣ никого не было? О. Никого. В. Онъ нанималъ у васъ квартиру самъ для себя. О. Да. В. Неизвѣстно-ли вамъ: одинъ онъ жилъ, или съ кѣмъ-нибудь? О. Съ нимъ жила какая-то женщина. В. Образъ его жизни былъ вамъ извѣстенъ? О. Вообще онъ жилъ скромно. В. Вы посѣщали его? О. Въ квартирѣ его не было, но приходилъ въ домъ во дворъ. В. Откуда вы имѣете свѣдѣнія о томъ, что жизнь его была скромная? О. Женщина, которая жила съ Дмоховскимъ, приходила къ моимъ и онѣ говорили, что квартиранты живутъ тихо. Товарищъ оберъ-прокурора. Въ качествѣ домохозяйина вамъ случалось приходиться смотрѣть домъ? Свид. Когда онъ жилъ, я ни разу не былъ у него на квартирѣ. В. Не въ квартирѣ, а такъ за порядкомъ дома? О. У меня дворникъ занимался этимъ домомъ. В. Но вамъ случалось проходить около дома? О. Да, я ходилъ около дома, проходя на службу. В. Не обращали-ли вы вниманія на окна: были они закрыты? О. Да, окна были закрыты постоянно, исключая кухоннаго окна. В. Чѣмъ были закрыты, т. е. завѣшны чѣмъ-нибудь, или закрыты ставнями? О. Нѣтъ, завѣшны. В. Васъ не подстрекало любопытство спросить дворника по этому предмету? О. Нѣтъ. В. Мимо дома вы проходили въ разное время, т. е. утромъ и вечеромъ? О. Случалось въ разное время, потому что я проходилъ мимо дома, идя по дѣламъ службы. В. Такъ что изъ вашихъ словъ я не долженъ выводить того заключенія, что окна были завѣшны. Введенъ свидѣтель Соловьевъ, который показалъ, что онъ былъ дворникомъ дома Степанова. Первоприсутствующій. Кто тамъ жилъ? Свид. Жилецъ. В. Какъ фамилія? О. Не знаю, какъ фамилія. В. Онъ одинъ жилъ? О. Нѣтъ, двое, какая-то съ нимъ женщина. В. Какъ же вы не знаете? Развѣ они паспорта не предъявляли? О. Нѣтъ, предъявляли. Я отмѣчалъ, только не помню фамилію. В. Онъ занималъ весь домъ? О. Весь, это особый домъ. В. Сколько комнатъ? Шесть. В. Когда онъ тамъ жилъ, вы ничего не замѣчали особеннаго? О. Нѣтъ, особеннаго ничего. В. Въ квартиру ходили? О. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. В. Кто же ему носилъ дрова и воду? О. Дрова—они сами нанимали, а воду сами у насъ изъ колодца брали. Товарищъ оберъ-прокурора. Вы ничего не замѣчали особеннаго въ квартирѣ съ ея наружной стороны? Свид. Ничего. В. На окнахъ были шторы? О. Были.

В. Онѣ поднимались и опускались, какъ обыкновенно, или постоянно были открыты или закрыты? О. Нѣтъ, закрыты. В. Закрыты только утромъ и вечеромъ, а днемъ? О. Когда пойду мимо, то всѣ закрыты. В. А вамъ приходилось во всякое время дня ходить? О. Намъ туда не приходится ходить, а когда пойдешь, то закрыты, а иной разъ открыты. В. Не памятно-ли вамъ, что вы видѣли, окна постоянно закрытыми? О. Да, всегда были закрыты. В. Вы ходили къ нимъ въ квартиру? О. Да, былъ. В. Тамъ ничего не замѣтили особеннаго? О. Ничего. В. Вы не видѣли запачканой стѣны или она была чиста? О. Чиста. В. Пятенъ не замѣчали нигдѣ? О. Нигдѣ не замѣчалъ. Первоприсутствующій. Припомните и скажите правду: не замѣтили-ли вы пятенъ на стѣнахъ послѣ отъѣзда Дмоховскаго? О. Я не замѣчалъ пятенъ. Товарищъ оберъ-прокурора просилъ первоприсутствующаго спросить свидѣтеля Степанова относительно этихъ пятенъ. Приглашенъ свидѣтель Степановъ. Первоприсутствующій. Послѣ выѣзда Дмоховскаго вы осматривали квартиру? Свид. Да, я былъ въ квартирѣ одинъ. В. Не замѣтили-ли вы тамъ чего-нибудь? О. Я замѣтилъ пятна на стѣнѣ, но только тогда не думалъ, что это послѣ Дмоховскаго остались пятна, а скорѣе подгаля, что прежние жильцы. В. До выѣзда Дмоховскаго вы осматривали квартиру? О. Не могу сказать утвердительно, осматривалъ или нѣтъ. В. Какого рода были эти пятна и въ какихъ мѣстахъ? О. У прежнихъ жильцовъ стоялъ въ этой комнатѣ столъ, и я думалъ, что на немъ, вѣроятно, стояла бутылка съ масломъ, которое было пролито. В. Какія были пятна? О. Чисто-масляныя были на обояхъ, какъ, напримѣръ, отъ деревяннаго масла. В. Краски не было? О. Краски не замѣтилъ. В. А пятенъ на полу не замѣчали? О. Нѣтъ. В. Такъ что вы утверждаете, что пятна дѣйствительно были, и что пятна эти произошли отъ масла; но послѣ Дмоховскаго они появились, или ранѣе, вы положительно сказать не можете? О. Да. В. Въ какой комнатѣ вы нашли эти пятна? О. Я называю ее спальней. В. Не та-ли это комната, которая была въ срединѣ безъ оконъ на улицу и въ которой было два окна во дворѣ? О. Да, она была въ срединѣ, и потому я называю ее спальней. Первоприсутствующій. Вы говорите, что тутъ стоялъ столъ. Не припомните-ли, на какой высотѣ замѣтили пятна? О. Параллельно высотѣ стола, такъ что какъ будто масло было разлито по столу и протекло на стѣну. Подсудимый Дмоховскій. Г. Степановъ говорилъ о комнатѣ съ двумя окнами выходящей во дворъ, рядомъ съ кухней. Я желалъ бы знать, выходили-ли эти окна на тотъ дворъ, куда выходили окна его собственной квартиры. Это можетъ сказать дворникъ Соловьевъ. Свид. Соловьевъ. Да, они выходили къ нимъ на дворъ. В. Такъ что изъ оконъ квартиры хозяйна были видны эти окна? О. Видны. В. Слѣдовательно, если бы эти окна были постоянно занавѣшены то хозяйинъ видѣлъ-бы это? О. Я не знаю; окна высоко (не слыхатъ). Первоприсутствующій. Покажите, какъ они были высоко. Свид. Такъ аршина полтора, если съ улицы, а со двора выше, потому что домъ на горѣ. Подс. Дмоховскій. На этомъ дворѣ, кажется, паслась корова хозяйская? Не припомните-ли, что было разбито стекло въ окнѣ? Свид. Помню. В. Вы постоянно приходили за коровой и въ это время не слыхали-ли какого-нибудь шума въ моей квартирѣ? О. Нѣтъ, я ничего не слыхалъ. Свидѣтель Соломатинъ, который показалъ, что живетъ въ Москвѣ и что когда Дмоховскій привезъ къ нему вещи, то его не было дома, а вещи приняла его жена. Первоприсутствующій. Почему онъ къ вамъ привезъ вещи? Свид. Я его знаю, такъ какъ его отецъ у Шепелевыхъ былъ повѣреннымъ, а я управляющимъ. Въ настоящее время его сестра тоже у насъ по имѣнію Шепелевыхъ повѣреннымъ. Онъ поставилъ къ намъ вещи и потомъ чрезъ нѣсколько дней были взяты три маленькіе ящика, а четвертый ящикъ большой, такъ около 2 аршинъ длины и одного аршина вышины, оставался. В. Вамъ извѣстно, что было въ этихъ ящикахъ? О. Не знаю. В. Кто отдавалъ ему три маленькіе ящика? О. Тоже жена отпускала. Потомъ ихъ опять привозила къ намъ Сахарова. В. Чрезъ сколько времени? О. Тоже дня чрезъ три или 4. Сахарова сказала, что это ящикъ Дмоховскаго. Послѣ того недѣли чрезъ двѣ пріѣхалъ Дмоховскій съ ломовымъ извозчикомъ, засталъ меня дома и просилъ отдать ему вещи. Мы втроемъ навалили эти ящики, при чемъ я спрашивалъ, что въ нихъ лежитъ. Онъ сказалъ, что это его машина. Первоприсутствующій. Тяжелы были ящики? О. Маленькіе пуда по три, а въ большомъ пудовъ 15 или 20. В. Куда же онъ ихъ отвезъ? О. Не знаю. Онъ ничего не сказалъ. В. Ихъ при васъ не откупоривали? О. Нѣтъ, но дворникъ говорилъ, что онъ вынималъ при немъ какія-то вещи. Товарищъ оберъ-прокурора. Здѣсь въ числѣ вещественныхъ доказательствъ находится одинъ большой ящикъ. Посмотрите, не похожъ-ли онъ на тотъ, который былъ у васъ? Свид. (посмотрѣвъ ящикъ) По винтамъ я могу припомнить, что это, кажется, тотъ самый, но полагаю, что тотъ былъ побольше. Первоприсутствующій. Посмотрите, хорошенько, потомъ скажите. Свид. (посмотрѣвъ снова) Утвердительно не могу сказать... крышка такая же съ винтами. Подс. Дмоховскій. Этотъ ящикъ тотъ самый и еще три ящика а дѣйствительно привозилъ. Послѣдній разъ я взялъ ихъ, кажется, числа 11-го октября. Свид. Я ящика не припомню, но полагаю, что въ половинѣ сентября. Дмоховскій. Тогда привозила ящики Сахарова. Первоприсутствующій (къ свидѣтелю). Не припомните-ли числа? Свид. Не припомню. Думаю, что въ половинѣ сентября или позднѣе. Подс. Дмоховскій объяснилъ, что вещи были

привезены въ домъ Степанова послѣ того какъ онъ приобрѣлъ отъ Долгушина типографскія принадлежности. Вещи эти состояли изъ типографскаго станка, шрифта, боченка съ краской и пр. Такъ какъ онъ не предполагалъ начать печатаніе въ домѣ Степанова, то они были имъ сложены лишь до тѣхъ поръ, пока будутъ готовы ящики для укладки вещей. Когда ящики были готовы, то, уложивъ въ нихъ вещи, онъ отвезъ ящики къ Соломатинымъ. Это было въ концѣ іюня, и объ этомъ никто не зналъ. Послѣ этого онъ дѣйствительно бралъ отъ Соломатиныхъ 3 маленькіе ящика, а изъ большаго вынулъ только прессъ и перевезъ его въ домъ Гурина, гдѣ спрятали въ темной комнатѣ. Онъ предполагалъ устроить новый станокъ, чтобы обойтись безъ помощи того, который онъ приобрѣлъ у Долгушина, такъ какъ онъ не годился. Ящики были взяты 8-го числа? ихъ отдавалъ ему дворникъ. Дней чрезъ 5, т. е. 13-го числа, въ день передъ отъѣдомъ (не слышно) имъ были привезены остальные вещи. Онъ думалъ въ домѣ Гурина заняться передѣлкою станка. На другой день, т. е. 14-го числа, Сахарова была у Долецкихъ и, придя оттуда, сказала, что Долецкій арестованъ. Вслѣдствіе этого подсудимый имѣлъ основаніе предполагать, что будетъ обыскъ и въ домѣ Гурина. Тогда онъ разобралъ станокъ, краску перелилъ изъ боченка въ кувшинъ. Наконецъ, 15-го числа вещи были уложены въ три ящика и отвезены въ послѣдній разъ къ Соломатинымъ Сахаровою, но о томъ, что было въ этихъ ящикахъ она не знала. Отъ Соломатиныхъ вещи были взяты подсудимымъ около 10-го или 11 октября. Введена свидѣтельница Соломатина, которая показала, что Дмоховскаго знаетъ. Первоприсутствующій. Къ вамъ были привезены вещи и вы ихъ принимали? Свид. Да. В. Какія? О. Три маленькіе ящика и четвертый большой. В. Что въ нихъ было? О. Я не видѣла. В. Долго они у васъ стояли? О. Не припомню, недѣли три или мѣсяць. В. Когда ввѣли назадъ? О. Дворникъ отпустилъ, мужа дома не было и дворникъ сказалъ, что большой ящикъ остался. В. Вы этотъ ящикъ видѣли хорошо? В. Хорошо видѣла. В. Не знаете-ли, посмотрите? Свид. (посмотрѣвъ ящикъ) Кажется тотъ самый, но положительно не могу сказать. В. Сначала были взяты три ящика маленькіихъ, а потомъ за большимъ прѣбужали? В. Три ящика взялъ Дмоховскій, а потомъ наваздъ привезла ихъ дѣвушка и говорить, что прислалъ Дмоховскій. Я вѣдѣла дворнику положить. Послѣ всѣхъ вещи ввѣли. Введенъ свидѣтель Смирновъ, который показалъ, что онъ жилъ въ Москвѣ, въ домѣ Шелелевыхъ. Первоприсутствующій. Вы были дворникомъ? Свид. Да. В. При васъ привозили вещи отъ Дмоховскаго? О. При мнѣ увозили три ящика, а изъ большаго онъ вытащилъ что-то. В. Посмотрите вотъ этотъ ящикъ. Свид. (посмотрѣвъ) Это тотъ самый. В. Что онъ вынималъ изъ него? Свид. Не могу знать. В. Еще что вамъ извѣстно? О. Дѣвушка увозила три маленькіе ящика, которые передъ тѣмъ увозилъ Дмоховскій. Введенъ свидѣтель Соловьевъ, который показалъ, что въ первыхъ числахъ сентября прошлаго года явился какой-то господинъ, называвшій себя Николаемъ Андреевичемъ Львовымъ и смотрѣлъ квартиру; онъ былъ два раза, покончилъ только въ 3-й разъ, когда и задалъ задатокъ; а потомъ переѣхалъ 9-го или 10-го числа. Первоприсутствующій. Вы дворникъ дома Гурина? Свид. Дворникъ. В. Что же дальше было? О. Потомъ онъ отдалъ по 1-е октября деньги. Когда же я сталъ спрашивать паспортъ—у нашего столяра былъ взятъ мальчикъ, и я пришелъ къ хозяину за его паспортъ—тамъ я видѣлъ, что столъ работаетъ, и такой чудной мнѣ показался, съ вырѣзками. Я спросилъ: куда онъ это такой дѣлаетъ? Онъ сказалъ: „вашему потайному лицу“. Я говорю: какой потайной? „Да, говорить, у него окна все завѣшены“. Я пошелъ къ жильцу за паспортъ, постучалъ разъ, другой. Мнѣ съ выдержкой отворили, Смотрю, а они чай пьютъ. Я сталъ спрашивать паспортъ, онъ сказалъ: „подожди, я еще не разобрался“. Потомъ, на 4-й день, я опять сталъ спрашивать паспортъ. Онъ опять говорить: „Подожди, успѣешь“. Потомъ я былъ на 6-й день. Онъ отдалъ тогда паспортъ одной Сахаровой и говорить: „Запиши квартиру на ея имя и съ нея будешь получать деньги. А вашъ, говорю, паспортъ? „На что онъ тебѣ, говорить, я не буду здѣсь жить“. Гдѣ же, говорю, вы будете жить?—„Я, говорить, по заводамъ буду жить“. Первоприсутствующій. Долго онъ жилъ послѣ этого? Свид. Нѣтъ, дня черезъ 3 уѣхалъ, въ Петербургъ сказалъ. Дня черезъ три, я легъ часовъ въ 11 на покой, потому что у насъ ночью сторожъ есть. Потомъ слышу колокольчикъ звонить, Я выбѣгаю босикомъ. Вижу: стоитъ человекъ—это сыщикъ былъ. „Что ты, говорить, выскочилъ босой, простудисья, поди одѣнься, потому что мы съ тобой долгое время будемъ“. Когда я одѣлся и вышелъ, онъ спрашиваетъ: „Ты водку пьешь?“ Нѣтъ, говорю, поздно теперь.—„А чай, говорить, пойдешь пить?“ Зачѣмъ, говорю, я пойду? Я васъ отъ роду первый разъ вижу.—„Пойдемъ, говорить, не бойся!“ Я говорю, не пойду. Вдругъ онъ вынимаетъ и даетъ мнѣ 50 коп. Я говорю: зачѣмъ я возьму и по какому случаю ты мнѣ даешь? Онъ говорить: „Бери, когда дають и бѣги, когда бьютъ“; потомъ спрашиваетъ: „ну, что, говорить, у тебя живетъ Татьяна Порфирьева?“ Я говорю: живетъ. „Не ходитъ-ли къ ней, говорить, какой-нибудь мужчина молодой, съ черною бородкою, невысокаго роста? Его зовутъ Александръ Васильевичъ Долгушинъ?“ Я сказалъ, что такого никогда не видалъ. В. Вы можете узнать того человека, который нанималъ у васъ квартиру? О. Могу. В. Посмотрите, не узнаете-ли? Свид. (указывая на Дмоховскаго). Вотъ этотъ самый господинъ, В. Раз-

скажите, что дальше было? О. Я ему ничего не могъ сказать. Потому онъ говорить: „Поди къ Порфирьевой и спроси: дѣйствительно-ли она знаетъ его мѣсто жительства, да скажи, говорить, что прїѣзжала госпожа, въ пролеткѣ и велѣла тебѣ сказать, что если Порфирьевой некогда сегодня, то она завтра заѣдетъ. Я не поинялъ тогда, потому что было поздно. На другой день я говорю Порфирьевой, что была госпожа и общалась прїѣхать. Она мнѣ сказала, если она прїѣдетъ, то скажи, чтобы она сама пришла сюда; но если не поидетъ, то я къ ней выйду“. Товарищъ оберъ-прокурора. Вы только тогда замѣтили, что окна у жилища были завѣшены, когда вамъ столяръ назвалъ его потайнымъ баринномъ? Свид. У нихъ окна дѣйствительно были завѣшены завсегда. У меня были другія дѣла. В. Вы говорили, что были нѣсколько разъ въ квартирѣ. О. Былъ. В. Каждый разъ вамъ приходилось дожидаться, пока отворять, или это было только одинъ разъ? О. Нѣтъ приходилось раза 2 или 3 быть. В. Всегда васъ заставляли дожидаться? О. Всегда съ выдержкой. Сенаторъ Евреинновъ. Посѣщаль-ли еще кто-нибудь вашихъ жильцовъ? Свид. Не могу сказать, потому что не видѣлъ. Два хода было къ нимъ, былъ съ мостовой ходъ, былъ съ улицы. Я не видѣлъ. Введенъ Свидѣтель Осиповъ. Первоприсутствующій. Помня присягу, которую вы дали, покажите правду о всемъ томъ, что вамъ извѣстно по настоящему дѣлу? Свид. Что извѣстно. Первое дѣло, пришелъ ко мнѣ Дмоховскій, вотъ, стало быть, онъ (показываетъ на Дмоховскаго пальцемъ). В. Вы жили въ Москвѣ. О. Жилъ я въ Москвѣ. В. Въ чьемъ домѣ? О. Въ домѣ купца Гурина. В. Вы чѣмъ занимаетесь? О. Столяръ-съ. В. Зачѣмъ къ вамъ пришелъ Дмоховскій? О. Пришелъ въ квартиру заказывать столъ, столъ такой особенный. Я спросилъ три рубля. Они отвѣтили, что за деньгами дѣло не станеть, только дѣлай поскорѣй. Я спросилъ, для чего имъ нужно такой столъ. Онъ отвѣтилъ: „Товарищъ просилъ заказать и сказалъ, чтобы за деньгами не стоять. В. Какой въ столъ дѣлали? Свид. (указывая на столъ, находящійся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ). Вотъ этотъ самый. В. Вы сказали, что столъ особенный; почему онъ былъ особенный? Вы по рисунку дѣлали? О. Рисунка не было, но онъ лично растолковалъ. Товарищъ оберъ-прокурора. Взгляните: предъ вами лежатъ бруски; не вы-ли ихъ дѣлали? Свид. (посмотрѣвъ). Точно такъ, я дѣлалъ. В. Когда? О. Почти въ то же время. Онъ сначала бруски заказалъ и когда я кончилъ — должно быть 15 числа — тогда на другой день онъ пришелъ и сталъ просить сдѣлать столъ. Подс. Дмоховскій. Бруски были заказаны 13-го, а получены 14-го. Свид. Такъ какъ въ этихъ моихъ показаніяхъ насчетъ доски было сказано, что доска желѣзная, но такъ какъ теперь дѣло идетъ къ окончанію, то дѣйствительно я не покупалъ и не ходилъ покупать съ Дмоховскимъ; дѣйствительно, я во второмъ показаніи сказалъ, что доску я съ Дмоховскимъ не покупалъ и даже не видалъ. Дѣйствительно, я не покупалъ, но только въ крышку стола она была врѣзана дѣйствительно мною. В. Говорили-ли вы дворнику обо мнѣ, какъ о потайномъ жильцѣ? Свид. Дѣйствительно, ко мнѣ приходилъ дворникъ. Мы чай пили, къ разговору... Первоприсутствующій. Какъ звали дворника? Свид. Позвольте, я спрашиваю дворника, какой господинъ проживаетъ у васъ въ квартирѣ? Онъ отвѣтилъ, что онъ уѣхалъ. Я сказалъ, что неужели? Онъ только собирается уѣхать; ему, говорю, столъ дѣлается. Дворникъ говоритъ: „какой столъ?“. А вотъ, говорю, погляди. Дворникъ поглядѣлъ. Я спрашиваю его: чѣмъ жилецъ занимается? Дворникъ говоритъ: „ѣздитъ по заводамъ“. Я спросилъ: по какимъ? Онъ отвѣтилъ: не знаю; кажется, говорить, по „виннымъ“, на что у меня съ моей стороны есть свидѣтели. Тов. оберъ-прокурора. Не замѣчали-ли вы сами, что окна въ квартирѣ жилища были всегда завѣшены? Свид. Окна дѣйствительно были занавѣшены, только подозрѣнія въ этомъ я никакого не имѣлъ. В. Не называли-ли вы Дмоховскаго потайнымъ жильцомъ? О. Никакъ нѣтъ. Прис. пов. Спасовичъ. Почему вы интересовались тѣмъ, что дѣлаетъ этотъ господинъ? Свид. Какъ же — интересно. Мнѣ столъ заказываютъ, стало быть, я обязанъ сдѣлать. В. Но кромѣ стола, какой же вы особенный интересъ имѣли? О. Особеннаго интереса не было. Какой же интересъ? Если я сдѣлалъ столъ за 3 рубля, такъ что-же? Введенъ свидѣтель отставной рядовой Федоровъ. Свидѣтель этотъ говорилъ такъ тихо и невнятно, что записать его показаніе во всей полнотѣ не было возможности. Сущность его заключается въ слѣдующемъ: свидѣтель вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, крестьяниномъ Щербаковымъ, шель изъ Москвы на родину. Дорогой ихъ догналъ какой-то человекъ и присоединился къ нимъ. Когда они сѣли отдохнуть, незнакомецъ вынулъ изъ кармана бумагу и сталъ смотрѣть по ней деревни и села. Затѣмъ они отправились далѣе. Въ одномъ селѣ, по приглашенію спутника, заходили пить чай, послѣ чего свидѣтель и Щербаковъ пошли дальше, а незнакомецъ остался. Переночевавъ въ деревнѣ Шелковѣ, они продолжали свой путь и, отойдя версты четыре, догнали того же самого незнакомца. Они удивились, какъ онъ, оставшись позади, очутился впереди ихъ. Онъ объяснилъ это тѣмъ, что его подвели дровенники, которымъ, какъ онъ сказалъ, онъ купилъ полштофъ водки. Перейдя деревню, незнакомецъ сталъ „разговоръ имѣть такой, что будетъ жить единогласно, гладно-кровно, не будетъ кориться. Тогда всѣ будутъ равны и можно устроить рай на землѣ безъ Бога“. Когда сѣли отдохнуть, незнакомецъ рассказывалъ, что „въ одномъ мѣстѣ

были три міра и не подписывались на уставную грамоту три года. Изъ нихъ былъ одинъ умный человѣкъ, который всѣ три міра содержалъ и не давалъ подписываться. Потомъ, во время Царскаго проѣзда, подавали Государю Императору хлѣбъ-соль, и Государь Императоръ принялъ". Далѣе свидѣтель сказалъ, что незнакомецъ показалъ имъ пистолеть, который онъ вынулъ изъ праваго бокового кармана, повернулъ туда и сюда и опять положилъ. Пройдя еще немного, въ то время, когда свидѣтель немного отсталъ, незнакомецъ вынулъ Евангеліе, взялъ изъ него книжку и далъ Щербакову. Щербаковъ мнѣ говоритъ: „мнѣ некуда положить, возьми“. Я взялъ и положилъ за пазуху. Пришли въ Можайскъ. Онъ пошелъ на желѣзную дорогу, а мы прошли черезъ городъ и пришли на ночлегъ въ деревню Дурькино. Я положилъ книжку на окно. Приходитъ хозяинъ и говоритъ: „что это за книжка?“ Я сказалъ, что намъ человѣкъ прохожій далъ. Хозяинъ взялъ книжку и положилъ къ себѣ на хлѣбъ. Они въ то время ужинали. У него учитель былъ. Поужинавши, они пошли въ питейное заведеніе спать и взяли книжку съ собою почитать. Переночевавши — это было 13-го или 14-го сентября — я говорю Щербакову: пойдемъ. Потомъ глянулъ на окно: гдѣ же книжка? Хозяйка говоритъ: „спросите у хозяина“. Пришелъ хозяинъ и спрашиваетъ: „а гдѣ въ эту книжку взяли?“ Говоримъ: прохожій шель съ нами и далъ. „А кто онъ, говоритъ, такой?“ Мы сказали, что не можемъ знать, что за человѣкъ; не похоже, чтобы крестьянинъ, а либо приказчикъ, либо господинъ какой. Мы указали какое у него обличіе и одежда. Онъ былъ въ красной рубахѣ, въ плисовыхъ шароварахъ, жилетъ и сапогахъ съ длинными голенищами. Хозяинъ сказалъ: „я васъ не отпущу, потому что книжка опасная, препровожу къ мировому судѣ“. Ну, извольте, говоримъ. Повели насъ къ десятскому, а тотъ говоритъ: „мнѣ некогда, по дѣламъ отправляюсь“. Пошли къ сотскому и тотъ же. У насъ онъ спросилъ свидѣтельства, мы показали, онъ посмотрѣлъ и пустилъ домой. Первоприсутствующій. А подъ какимъ заглавіемъ была книжка? Свид. „Православному народу“. В. Вы не знаете по фамиліи того человѣка, который далъ ее вамъ? О. Тотъ разъ не знаю. А теперь? О. Теперь знаю: Иванъ Ивановичъ Папинъ. Тов. оберъ-прокурора. Посмотрите тутъ на столѣ лежитъ пистолеть и маленькая книжка — Евангеліе. Тѣ-ли это вещи, которыя вы видѣли у Папина? Свид. (посмотрѣвъ). Пистолеть тотъ самый, но чехоль не тотъ, тогда былъ колѣшевый, старый и сумочка. Евангеліе то самое. В. Папинъ не читалъ вамъ книжки? О. Только одну страничку. В. Вы твердо помните, что книжка называлась „Православному народу?“ О. Онъ сказалъ, „Поученіе міру“. В. Вы грамотный? О. Немножечко. В. Было-ли въ этой книжкѣ что-нибудь изъ Евангелія? О. Нѣтъ, изъ Евангельскаго слова онъ не читалъ. В. Но что было въ ней? О. Ничего не могу запомнить, кромѣ что читалъ страничку. В. А что говорилось на этой страничкѣ? О. Не могу припомнить. Прис. пов. Слонимскій. Вы долго пробыли въ Москвѣ? Свид. Съ 28-го августа по 10-е сентября. В. Въ которомъ часу вы оттуда вышли? О. Въ третьемъ часу; на 14-ой верстѣ ночевали. В. Возлѣ какой деревни вы встрѣтили незнакомца? О. Среди дороги. В. Когда? О. Это было 14-го числа. В. Онъ много съ вами говорилъ? О. Я не могу всего упомянуть. В. Далеко-ли онъ съ вами прошелъ? О. 11-го числа мы дошли до села Кубишкаго, тамъ онъ остался чай пить. В. Книжки тогда онъ вамъ не показывалъ, а только общій разговоръ былъ? О. Да. В. А когда встрѣтился во второй разъ, онъ вамъ одну книжку показывалъ или нѣскольکو? О. Нѣтъ, только одну. В. Онъ говорилъ вамъ о содержаніи этой книжки, т. е. что въ ней написано? О. Сказалъ, что поученіе міру. В. Въ чемъ же заключалось это поученіе: жить по религіи, ходить въ церковь? О. Нѣтъ, тамъ прямо говорилось, что не будемъ другъ другу кориться, что можно сдѣлать рай на землѣ безъ Бога. В. Вы твердо помните въ лицо этого господина? О. Твердо. В. Такъ что узнаете его теперь? О. Да. В. Посмотрите. Свид. (посмотрѣвъ и указывая на Папина). Вотъ этотъ. Подс. Папинъ. Я долженъ заявить, что всѣ показанія Федорова подтверждаю. Введенъ свидѣтель Митаевъ, который показалъ, что содержитъ постоялый дворъ и питейное заведеніе въ деревнѣ Дурькино; не помнитъ котораго числа, но это было въ пятницу, онъ приходитъ домой ужинать и увидѣлъ на окнѣ книжку, о которой узналъ, что она принадлежитъ прохожій, расположившимся на ночлегъ у него въ домѣ. Поужинавъ, онъ съ учителемъ своимъ пошелъ спать въ питейное заведеніе и взялъ книжку съ собою. Придя туда, онъ посмотрѣлъ книжку и замѣтилъ, что на ней нѣтъ ни подписи цензора, ни типографіи. Тогда онъ попросилъ учителя почитать книжку. „Прочитавши, я опредѣлилъ — говоритъ свидѣтель — что эта книжка не иначе, какъ сочиненіе изъ Царства Польскаго, а потому я думалъ оставить ее до утра и спросить, кто имъ далъ эту книжку. Утромъ я пригласилъ ихъ въ заведеніе и сталъ спрашивать, нѣтъ-ли у нихъ еще другой книжки. Они сказали, что нѣтъ. Я спросилъ, гдѣ они взяли эту. Они стали рассказывать про одного прохожаго, назвавшаго себя адвокатомъ, который и далъ имъ эту книжку. Я говорю, что отправлю ихъ мировому судѣ, и повелъ ихъ къ сотскому, котораго и сталъ просить, чтобы онъ свелъ ихъ къ мировому судѣ. Сотскій отказался „потому что, говоритъ, имъ некогда, я иду съ повѣтками“ Тогда я сказалъ сельскому старостѣ. Онъ сказалъ, что это „не мое дѣло, что это дѣло сотскаго“, и бросилъ книгу на окно. Я взялъ ее къ себѣ, чтобы представить мировому

судѣ. Я оставилъ ихъ у него, и онъ потомъ ихъ отпустилъ. Они разсказывали, въ чемъ одѣтъ прохожій человѣкъ, и говорили, что онъ долженъ придти въ Дурькино, потому что шель въ эту деревню. Но этой личности не оказалось". Далѣе свидѣтель показалъ, что на другой день къ нему прѣехали начальникъ станціи и еще господинъ Соколовъ, которые, узнавъ, что у свидѣтели есть книжка, просили дать ее имъ, но онъ отказалъ, говоря, что ему нужно представить книжку мировому судѣ. Они сказали, что на станціи есть жандармъ и просили дать до понедѣльника. Онъ далъ, и они возвратили ее. Въ среду онъ отвезъ книжку мировому судѣ, но и тамъ ее не приняли. Послѣ этого проѣзжалъ исправникъ, который былъ на слѣдствіи, онъ и взялъ книжку. Товарищъ оберъ-прокурора. Вы сказали, что у мирового судьи книжку не приняли. Самъ мировой судья не принялъ? Свид. Нѣтъ, у мировому судѣ не показывалъ, а показывалъ письмоводителю. В. Что же онъ сказалъ? О. Онъ сказалъ, что это не важная книжка, что нынче корреспонденція дозволяется. В. Вы книжку всю читали? О. Всю. В. Почему вы вывели заключеніе, что она должна быть изъ Польши? О. Во время Польскаго мятежа я возилъ поляковъ и дорогой они давали мнѣ такіа нравоученія, что дѣло производится неправильно, что не такъ поступаютъ... В. Однимъ словомъ, въ книжкѣ высказывались такіа же мысли, какія вы слышали отъ поляковъ? О. Я видѣлъ съ ними сходство. В. Что же говорилось въ книжкѣ? О. Теперь не могу припомнить. Подс. Долгушинъ. Но вы, вѣроятно, помните хотя что-нибудь? Свид. Что же я могу помнить? Тамъ, первое въ заглавіи стоитъ „Русскому народу“, въ слогѣ есть слово изъ Евангелія. Я слышалъ тоже отъ лицъ, которыхъ возилъ; они разговаривали нѣкоторыя слова. Мнѣ казалось признать ихъ къ тому... В. Къ чему? О. Такъ, я сказываю... Первоприсутствующій. Онъ сказалъ, что черезъ годъ онъ содержанія не можетъ припомнить. Подс. Долгушинъ. Я интересуюсь этимъ вопросомъ потому, что я авторъ этой книжки и для меня интересно... Первоприсутствующій. Содержаніе книжки намъ извѣстно. Прис. пов. Слонимскій. Послѣ того, какъ вы взяли эту книжку, вы поджидали прохожаго, который далъ книжку Федорову? Свид. Да, поджидалъ этого адвоката. В. Зачѣмъ? О. По смыслу книжки хотѣлъ его задержать и представить къ мировому судѣ. Введенъ свидѣтель Жарковъ, который показалъ, что былъ учителемъ дѣтей Митаева, книжку читалъ: она озаглавлена „Къ Русскому народу“. Первоприсутствующій. Вы всю книжку прочитали? Свид. Всю. В. Когда кончили, что вы сказали? О. Я сказалъ, что этихъ лицъ надо арестовать. Товарищъ оберъ-прокурора. Вы поняли, вѣроятно, что книжка противозаконнаго содержанія? Свид. Очень даже. По просьбѣ прис. пов. Слонимскаго спрощенъ вновь свидѣтель Федоровъ, который на вопросъ: говориль-ли онъ Митаеву, что адвокатъ пройдетъ черезъ Дурькино, отвѣчалъ отрицательно и объяснилъ, что онъ сказалъ только, что адвокатъ шель лишь до Можайска и повернулъ на желѣзную дорогу. Введенъ свидѣтель Иванъ Тихоновъ. На вопросъ, что ему извѣстно по настоящему дѣлу, отвѣчалъ: „Послѣ рабочей поры мы пошли потомъ на сторону. Шли по каменной дорогѣ. Выходить къ намъ со стороны и говорить: „ахъ, въ приустали, и я приусталь, пойдемте вмѣстѣ, я вамъ прочитаю книжку—будетъ поваднѣе“. Дошли до села. Онъ говоритъ: „Пожалуй, я вамъ книжку то дамъ“. Я говорю: зачѣмъ, мы не грамотные, мы не знаемъ, „Ну говорить, кому-нибудь дадите почитать“. Мы взяли, не знаяши, что за книжка. Пришли на вокзалъ и сидимъ. Только къ намъ онъ же подходитъ и говоритъ: „ахъ, господя, я забылъ спросить васъ, какой вы губерніи и уѣзда и какого села“. Я спросилъ: а зачѣмъ ты насъ это спрашиваешь“. Онъ сказалъ что можетъ быть, побываю къ вамъ и съ вами въ карты поиграю“. Мы сказали и онъ записалъ въ тетрадку. Мы отравились, а онъ ушелъ отъ насъ. Пріѣзжаемъ въ Егорьевскъ, тамъ работали; потомъ я ушелъ въ другое мѣсто и про эту книжку забылъ. Она осталась подъ головами, гдѣ я спалъ. Потомъ черезъ двѣ недѣли я пришелъ за рубашкой, которая лежала тоже подъ головами, и тогда приказчикъ взялъ книжку. Потомъ насъ разыскивали вездѣ, гдѣ мы работали“. Первоприсутствующій. Вы хорошо видѣли эту книжку? Свид. Какъ же, видѣлъ. В. Вы совсѣмъ неграмотные? О. Нѣтъ. В. Заглавія книжки не знаете? О. Нѣтъ. Товарищъ оберъ-прокурора. Вамъ прохожій читалъ эту книжку? Свид. Читалъ. В. Что въ ней говорилось? О. Мы не понимали ничего. В. Если вамъ эту книжку показать, то вы узнаете? О. Можетъ быть, коли такая. (Свидѣтелю предъявлена книжка). Свид. Такой величины, только та оклеена была. Тов. Оберъ-прокурора. Тонкая была книжка, или толстая? О. Нѣтъ, тонкая. Прис. пов. Герке. Не припомните-ли, что въ этой книжкѣ говорилось? Свид. Не помню. В. Прохожій читалъ вамъ всю ее? О. Не могу я тебѣ этого сказать. В. Вы у него не спрашивали, откуда эта книжка? О. Онъ сказалъ: „изъ духовнаго завѣщанія, божественная“. Вѣдь мы не понимали какая. Тов. оберъ-прокурора. Вы не можете узнать въ лицо этого человѣка, помните его? Свид. Помню. В. Не можете-ли указать, посмотрите. Свид. (посмотрѣвъ на подсудимыхъ и указывая на Плотникова). Вотъ этотъ. Прис. пов. Герке. Насколько вы можете припомнить, было-ли въ этой книжкѣ говорено что-нибудь противъ Царя? Свид. Не помню. Подс. Плотниковъ объяснилъ, что онъ, дѣйствительно, встрѣтился въ августѣ съ этими крестьянами и

передалъ имъ прокламацію, при обстоятельствахъ совершенно сходныхъ съ тѣмъ, какъ показывалъ свидѣтель; но что при этомъ не говорилъ, что книжка составлена въ Духовной Консистеріи. (Къ свидѣтелю). Вы дѣйствительно повѣрили, что будто-бы эта книжка изъ Духовнаго Вѣдомства? Свид. Намъ сказали, что изъ Духовной Консистеріи. В. Не было-ли дѣло такъ, что я вамъ замѣтилъ, что книжка написана вообще текстами изъ священнаго писанія, или можетъ быть вы сами, читая книжку, дошли до того предположенія, что, вѣроятно, эта книжка печаталась въ Духовномъ вѣдомствѣ? О. Ничего не помню. Ты мнѣ только сказалъ, что вышла изъ духовнаго завѣщанія. Потомъ ты говоришь: „пожалуй, я вамъ эту книжку дамъ“. Первоприсутствующій. Подсудимый васъ спрашиваетъ, точно-ли онъ говорилъ вамъ, что книжка духовная, или нѣтъ? Свид. Ничего онъ не говорилъ. Говорилъ, что изъ духовной вышла, а онъ ничего намъ не сказалъ. Подс. Плотниковъ. Вы говорите, что онъ вамъ сказалъ, что книжка изъ Духовной Консистеріи? Это вы про меня говорите, т. е. про то лицо, которое дало вамъ книжку? Свид. Про тебя. Подс. Я этого не говорилъ. Введенъ свидѣтель Павелъ Соловьевъ, который на вопросъ что ему извѣстно по дѣлу показавъ: „Мы шли дорогою осенью...“ Первоприсутствующій. Кто шель? Свид. Мы съ батюшкой. В. Кто вашъ батюшка? О. Иванъ Тихоновъ. Первоприсутствующій. Продолжайте далѣе. Свид. Мы шли. Встрѣтился намъ человекъ. Мы идемъ своей стороною, а онъ своей стороною. Мы опередили его немного, а онъ перешелъ черезъ дорожку къ намъ и говоритъ: „вы, господа, пристали и я присталъ. Не хотите-ли я вамъ книжку почитаю, веселѣе будетъ идти“. И спрашиваетъ: „Вы грамотные?“ Батюшка сказалъ, что вотъ сынъ знаетъ немного. Онъ сказалъ: „ну, такъ вотъ я вамъ почитаю—время скорѣе пройдетъ“. Началь онъ читать эту книжку. Потомъ не доходя до села, онъ сказалъ: „не угодно-ли господа, я вамъ эту книжку подарю?“ Батюшка говоритъ, зачѣмъ намъ, мы читать не знаемъ. Онъ говоритъ: „да вѣдь книжка ничего—божественная“, и далъ намъ. Мы пошли. Сидимъ на вокзалѣ, ѣдимъ хлѣбъ, глядимъ—онъ подходитъ и говоритъ: „господа, я забылъ спросить васъ, какой вы губерній, уѣзда и имѣнія? Карадаша у него не было, а у меня было,—я цифирь на работѣ писалъ,—хотѣлъ дать ему свой. „У меня, говоритъ, свой есть, только очинить надо и попросилъ ножичка. Я далъ ножичекъ, онъ очинилъ карандашъ, и потомъ записалъ насъ и говоритъ: „прощайте, я говорю, я васъ въ дому побываю“. Потомъ мы отправились на поѣздъ въ Егорьевскъ. Мѣсяца два прошло; его, стало быть, поймали и посадили въ полицію, а книжку не нашли. Я отправился работать въ другую деревню верста за 10. Туда пріѣхали исправникъ и товарищъ прокурора и спрашиваютъ: „вы, говорятъ, Павелъ Яковлевичъ Соловьевъ?“ Я, говорю, „Вамъ, говорятъ, такой-то молодецъ давалъ книжку?“ Давалъ. Товарищъ прокурора говоритъ: „гдѣ же она?“ Я говорю: „здѣсь нѣтъ, мы въ городѣ Егорьевскѣ жили“.—„Какъ же, говорятъ, разыскать ее?“ Я говорю: коли цѣла, такъ найдется. Потомъ меня взяли, вечеромъ, привезли; вдругъ прикащикъ книжку приноситъ, онъ взялъ ее, гдѣ мы работали, въ сараѣ; она была подъ головами, а ее взялъ прикащикъ у насъ. Тов. оберъ-прокурора. Что въ этой книжкѣ было написано? Свид. Я немножко понималъ. Тамъ сказано: безданию, безошлинно жить; оброкъ не платить. Прис. пов. Герке. Вы не спросили этого человека, откуда эта книжка? Свид. Ничего не говорилъ. Первоприсутствующій. Вы все время были вмѣстѣ съ отцомъ? Свид. Вмѣстѣ. В. Человекъ этотъ читалъ вамъ ее дорогою? О. Читалъ. Прис. пов. Герке. Всю прочелъ? Свид. Нѣтъ, не всю. Онъ не много читалъ. „Я, говоритъ, ее уже читалъ“. В. Говорилось тамъ что-нибудь о Царѣ, о властяхъ? О. О Царѣ забылъ, потому давно время. Тов. оберъ-прокурора. Не помните-ли, какъ она называлась? Свид. „Русскому народу“. Подс. Плотниковъ. Вы говорите, что я говорилъ вамъ, будто бы книжка божественная. Можетъ быть, я говорилъ такъ, что ученіе, которое въ ней заключается, подтверждается словами Евангелія, напримеръ, отъ Матеея? Свид. Онъ называлъ божественной. В. Можетъ быть, я сказалъ такъ, что то, что говорилось въ книжкѣ, подтверждается библейскими словами, или просто называлъ библейскою? Свид. (обращаясь къ подсудимому). Если бы я зналъ хорошо грамотъ, навѣрное я посмотрѣлъ-бы и тебѣ тотъ же разъ не уйти бы съ вокзала. Тебя тогда бы взяли жандармы. Введенъ свидѣтель Давидъ Ивановъ, который на вопросъ, что ему извѣстно по настоящему дѣлу, показавъ, что у него была книжка. Первоприсутствующій. Откуда вы ее получили? Свид. Шель человекъ. В. Кто такой, не знаете? О. Не знаю. В. Какая была книжка? О. А кто ее знаетъ. В. Куда она дѣбалась? О. Отобрали. В. Кто? О. Ставовой. В. Какъ вы получили? О. Онъ ночевалъ у меня, прохожій былъ, и за ночлегъ отдалъ книжку. Тов. оберъ-прокурора. Вы узнали-бы того человека, который ночевалъ у васъ? Свид. Можетъ быть. В. Вы не просили кого-нибудь читать эту книжку? О. У насъ есть одинъ грамотный, онъ прочиталъ двѣ странички. В. Какъ вы ее поняли? О. Ничего не понималъ. В. Вагляните, не узнаете-ли того человека, который вамъ далъ книжку? Свид. (Посмотрѣвъ на подсудимыхъ и показывая на Васильева). Вотъ этотъ. Введенъ свидѣтель Смирновъ, который на вопросъ, что ему извѣстно, показавъ, что двѣ книжки даны ему какимъ-то прохожимъ, который ночевалъ у него. Первоприсутствующій. Вы грамотны? Свид. Умѣю читать по печатному. В.

Читали вы книжку? О. Нѣтъ. В. Что вы съ ней сдѣлали? О. Я предъявлялъ ее на деревнѣ и говорилъ, что вотъ прохожій оставилъ двѣ книжки. В. Нашлись грамотные въ деревнѣ и читали книжку? О. Читали. В. Поняли, что въ ней написано? О. Ничего не поняли. Вѣдь какой нашъ народъ? В. Потому, что было? О. Продолжалось до того, когда прѣхалъ становой и взялъ книжку. Тов. оберъ-прокурора. Какое названіе книжки? Свид. Не помню. Первоприсутствующій. Онѣ обѣ одинаковой величины? Свид. Одинаковой. В. Зачѣмъ онѣ вамъ ихъ далъ? О. Онѣ дать переслать въ другую деревню. Тов. оберъ-прокурора. Неужели вы совсѣмъ ничего не поняли, что тамъ написано? Свид. Ничего. В. Узнаете-ли вы теперь того человѣка, посмотрите? Свид. (осматривая подсудимыхъ). Гдѣ онъ, виноватый-то.... (Указывая на Васильева) Да, вотъ, онъ самый. Введенъ свидѣтель крестьянинъ Журавлевъ, который показалъ, что пріядя съ работы, онъ сидѣлъ у окна и въ это время по улицѣ шелъ прохожій, который подошелъ къ нему и показалъ книжки. Свидѣтель сказалъ, что у него нѣтъ денегъ, чтобы купить. Тогда прохожій сказалъ: „возьми такъ“. Свидѣтель взялъ книжку, поглядѣлъ, и такъ какъ плохо читаетъ, то положилъ ее и ушелъ на работу. Первоприсутствующій. Какое заглавіе книжки? Свид. Не помню. Тов. оберъ-прокурора. Книжка маленькая была? Свид. Такъ три листика маленькихъ. В. Давали читать ее кому-нибудь? О. Сосѣду давалъ. В. Что онъ объ ней говорилъ? О. Ничего, да я его и не спрашивалъ. В. А вы узнали бы того человѣка, который далъ вамъ книжку? О. Кто его знаетъ, можетъ быть, и призналъ бы. Тов. оберъ-прокурора. Попробуйте, посмотрите. Свид. (осмотрѣвъ подсудимыхъ). Нѣтъ, не знаю. Введенъ свидѣтель Кандауровъ, который показалъ, что онъ былъ на улицѣ, когда къ нему подошелъ какой-то человѣкъ и сталъ спрашивать дорогу. Въ это время проходили дѣти изъ училища, къ которымъ этотъ человѣкъ подошелъ и сталъ предлагать книжки, говоря, что онѣ будто бы нужны для ученія. Одинъ мальчикъ согласился купить. Свидѣтель спросилъ, нѣтъ ли у прохожаго азбучки для своихъ дѣтей. Онъ сказалъ, что нѣтъ. Первоприсутствующій. А вы книжки отъ него не получили? Свид. Нѣтъ. Тов. оберъ-прокурора. Онъ продавалъ книжки или даромъ давалъ? Свид. Нѣтъ, продалъ за двѣ копейки. В. Теперь вы бы его узнали? О. Какъ же не узнали? Тов. оберъ-прокурора. Посмотрите. Свид. (указывая на Васильева). Вотъ, этотъ. Введенъ свидѣтель Алексѣй Волковъ, который показалъ что у него ночевалъ прохожій и оставилъ ему одну книжку; онъ думалъ, что божественная, но посмотрѣвъ, сказалъ что съ такими книжками пропадешъ. Тов. оберъ-прокурора. Почему вы это думали? Свид. Да онъ говорилъ, чтобы передавать отъ села до села, изъ конторы въ контору, что оброкъ платить не нужно. Какъ же не платить, этого нельзя? В. Вы узнали бы того человѣка? О. Тогда узналъ. Можетъ быть и теперь узнаю. Тов. оберъ-прокурора. Посмотрите. Свид. (указывая на Васильева). Вотъ онъ самый. Введенъ свидѣтель Кузьма Рыковъ, который показалъ: „14-го сентября я шелъ и зашелъ къ Якову Рыкову: тамъ сидитъ этотъ человѣкъ—Ананій Васильевъ. Первоприсутствующій. Почему вы знаете, что это Ананій Васильевъ? Свид. Послѣ узналъ. Рыковъ далъ мнѣ читать паспортъ и я увидѣлъ, что прохожій изъ Тверской губерніи. Потомъ я пошелъ домой, а онъ ушелъ изъ села. Тов. оберъ-прокурора. Не было-ли у васъ послѣ разговора о томъ, не давалъ-ли этотъ прохожій книжки? Свид. Нѣтъ. В. Почему же паспортъ отъ него требовали? О. Потому что онъ неизвѣстный человѣкъ. В. Не слышали-ли вы послѣ, что онъ раздавалъ книжки? О. Да, послѣ слышалъ. Введенъ свид. Петръ Волковъ, который показалъ, что въ его отсутствіе пришелъ прохожій и попросился у его матери ночевать. Она пустила. Когда свидѣтель пришелъ домой, то спросилъ, что это за человѣкъ. Мать сказала, что съ книжками. Когда свидѣтель поужиналъ къ нему пришелъ товарищъ Степановъ и позвалъ на фабрику ночевать. Въ это время прохожій сталъ читать имъ книжку, но они не могли ничего разобрать въ ней. Затѣмъ отправились на фабрику и „для охоты“ пригласили съ собою и прохожаго. На фабрикѣ онъ сталъ разъяснять имъ книжку, на что Степановъ отвѣчалъ: „намъ надо управлять крестьянствомъ нашимъ, а когда управимъ по крестьянству, то будемъ работать къ чему привычны“. Придя по утру домой, прохожій положилъ книжку на столъ, сказавъ, что даромъ дастъ и ушелъ изъ избы. Первоприсутствующій. Кому вы давали книжку? Свид. Мы отдали ее прочитать. Намъ сказали, что это книжка нехорошая. Тогда мы отправились съ ней къ жандарму, онъ и отобралъ книжку и пошли разыскивать. Товарищъ оберъ-прокурора. Можете вы узнать этого человѣка? Свид. Могу сейчасъ. Товарищъ оберъ-прокурора. Посмотрите. Свид. (посмотрѣвъ и указавъ на Васильева). Самый вотъ этотъ. Введенъ свидѣтель Яковъ Рыковъ, который на вопросъ, что ему извѣстно по дѣлу, отвѣтилъ: „Извѣстно“. Первоприсутствующій. Что? Свид. Я зашелъ за Волковымъ къ Рыкову. Тутъ пришелъ какой-то человѣкъ. Потомъ онъ сталъ предлагать книжку. Я спросилъ: сколько за все нужно. Онъ сказалъ: „я, говоритъ, бесплатно даю“. В. Вы грамотный? О. Да. В. Не помните-ли какъ называется книжка? О. Я позабылъ. В. А какой величины? О. Небольшая, тоненькая. Товарищъ оберъ-прокурора. Можете узнать того человѣка, который далъ вамъ книжку? Свид. Какъ-же могу (смотреть на подсудимыхъ и указываетъ на Васильева). Введенъ свидѣтель Бай

ковскій (директоръ Реутовской мануфактуры), который показалъ, что въ первыхъ числахъ декабря бухгалтеръ принесъ къ нему прокламацію: „Какъ должно жить по закону природы и правды“. Свидѣтель прочиталъ первую страницу и нашелъ, что нужно донести объ этомъ и онъ донесъ начальнику Жандармскаго Управленія. Бухгалтеръ объяснилъ свидѣтелю, что прокламацію получилъ отъ конторщика Иванова, который, въ свою очередь, получилъ ее будто бы отъ смотрителя П. Васильева. Какъ она попала къ послѣднему свидѣтелю неизвѣстно, но онъ послѣ узналъ, что смотритель получилъ ее отъ рабочаго Е. Мартынова. Первоприсутствующій. Вы представили эту прокламацію? Свид. Нѣтъ, я немедленно ее сжегъ и только донесъ. Товарищъ оберъ-прокурора. Вамъ не приходило въ голову, кто-бы могъ пустить эту прокламацію въ ходъ? Свид. Подозрѣнія ни на кого не было. В. Вы довольны были занятіями учителя Гамова? О. Г. Гамовъ и имѣлъ только то, что на предложеніе мое держать въ порядкѣ школу, такъ какъ на учениковъ жаловались рабочіе, помѣщавшіеся надъ училищемъ, что имъ не даютъ спать, г. Гамовъ не согласился и заявилъ, что по его педагогическимъ возрѣніямъ, онъ этого сдѣлать не можетъ и просилъ уволить его. В. Сколько времени онъ у васъ пробылъ? О. Онъ поступилъ съ 15 сентября. Въ виду его отказа состоялось увольненіе въ тотъ же день. Прис. пов. Гаевскій. Не писалъ-ли вамъ Гамовъ о томъ, что онъ откажется отъ занятій, если въ школѣ будетъ угарно попрежнему? Свид. Да, дѣйствительно, онъ требовалъ, чтобы шели задѣлани; но требованіе его было выражено въ такой формѣ, которая мнѣ не понравилась. Доказательствомъ того, что эта форма не могла никому понравиться, служить то, что записку его я отослалъ г. Щербакову, который мнѣ его рекомендовалъ, и отослалъ безъ всякаго съ моей стороны письма. Щербаковъ, прочитавъ эту записку, выразилъ, что г. Гамову слѣдовало выражаться болѣе вѣжливо. В. Слѣдовательно, причина отказа заключалась въ томъ, что въ школѣ было угарно? О. Нѣтъ, а вслѣдствіе того, что г. Гамовъ не согласился учредить требуемый мною порядокъ въ школѣ. В. Установленіе какого порядка вы требовали? Вы находили, что ученики распушены? О. Они шумѣли до того, что не давали спать рабочимъ. В. Шумъ этотъ былъ въ промежуткахъ занятій, когда Гамовъ установилъ игры для дѣтей? О. Я просилъ, чтобы ученики не производили шума, и что могутъ выходить на дворъ, но не бѣгать по столамъ, не играть въ чехарду и т. п., особенно въ присутствіи ихъ учителя. В. Вы не слышали, чтобы Гамовъ передавалъ кому-нибудь прокламаціи? О. Нѣтъ, не слышалъ. В. Бывалъ Гамовъ по праздникамъ въ Москвѣ? О. Мнѣ это сдѣлалось извѣстнымъ только 3-го числа, когда я услышалъ заявленіе смотрителя о томъ, что рабочіе собрались принести жалобу на шумъ въ училищѣ. Я послалъ за Гамовымъ, его не было дома и мнѣ сказали, что онъ еще не возвратился изъ Москвы. В. Котораго числа поступилъ къ вамъ Гамовъ и когда уволенъ? О. Поступилъ 15 сентября, а уволенъ 4-го декабря. В. Неизвѣстно-ли вамъ, не привозилъ-ли онъ какихъ-нибудь книгъ изъ Москвы? О. Не знаю. Товарищъ оберъ-прокурора. Не слышали-ли вы, что по вечерамъ, когда къ Гамову входили въ квартиру, то онъ прячетъ что-то. Свид. Мнѣ говорили, что когда кто заходитъ въ его квартиру, то онъ свою работу тотчасъ прячетъ въ столъ. Это мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ послѣ того, какъ мы узнали, что Гамовъ разыскивается Жандармскимъ Управленіемъ. Подс. Гамовъ. Вчера я говорилъ, что у меня были назначены для дѣтей часы въ промежутки занятій, въ которые дѣти занимались играми. Я считалъ это самымъ необходимымъ условіемъ и средствомъ для ученическихъ занятій дѣтей, такъ какъ дѣти послѣ физическаго упражненія занимаются съ большимъ вниманіемъ, а слѣдовательно и успѣхомъ. Поэтому предложеніе директора уничтожить эти игры заставило меня не согласиться принять эту мѣру. Вотъ причины, почему я сказалъ директору, что продолжать занятія не могу. Затѣмъ я, какъ это уже говорилъ, написалъ записку къ г. директору относительно задѣлки щелей и полагаю, что въ ней нѣтъ ничего, что могло-бы показаться неприятнымъ. Я уже приводилъ ея содержаніе и теперь напомню только, что въ ней было выражено: „Покорнѣйше прошу контору“ и т. д. Введенъ свидѣтель Мартыновъ, который показалъ, что онъ находился работникомъ на Реутовской мануфактурѣ и былъ въ числѣ учениковъ школы, Первоприсутствующій. Давалъ вамъ учитель читать какія-нибудь книжки? Свид. Давалъ. В. Какія? О. Разсказы разные, степные очерки, потомъ далъ „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“. В. Кому вы ее передали? О. Товарищу Василію Кусакину. В. А вы сами не читали ее? О. Нѣтъ, не пришлось читать. В. Когда учитель далъ вамъ эти книжки, онъ говорилъ, чтобы вы передавали ихъ другимъ? О. Да, говорилъ, чтобы, когда прочитаемъ, передавали бы прочимъ. Товарищъ оберъ-прокурора. Онъ объяснилъ вамъ, откуда взялъ ихъ? Свид. Этого не говорилъ. В. А не говорилъ какъ поступить, на случай если эту книжку поймутъ? О. Онъ сказалъ, чтобы мы объяснили, что купили на рынкѣ, а если, говоритъ, ничего не будетъ, то можно будетъ достать другихъ. В. Но говорилъ-ли онъ, что бы вы не сказывали, что книжки получили отъ него? О. Говорилъ. В. Изъ этого вы не поняли, что книжки запрещенныя? О. Нѣтъ, ничего не поняли. Сенаторъ Евреиновъ. Многіе читали эти книжки? Свид. Мы двое, потому что только двое взрослые и были въ училищѣ. Товарищъ оберъ-прокурора. Не да-

валъ-ли онъ вамъ читать сначала Чернышевскаго? Свид. Нѣтъ. Прис. пов. Гаевскій. Довольны-ли вы были вашимъ учителемъ? Свид. Онъ ничего намъ особаго не дѣлалъ. В. Лучше-ли онъ былъ для васъ, нежели прежній учитель? О. Оба учили читать и писать, ничему особому не учили. В. Которому изъ учителей вы были болѣе благодарны? О. И г. Гамову и преждему, такъ какъ обиды не видѣли. В. Послѣ обученія были игры? О. Были игры для малолѣтнихъ. В. Было въ школѣ угарно? О. Правда, бывало часто угарно. В. Не предлагалъ-ли вамъ Гамовъ учить васъ отдѣльно? О. Мы говорили, что если будете хорошо учить, то стали-бы деньги платить. В. Не говорили-ли вамъ учитель чего-нибудь противъ Правительства? О. Этого ничего не говорилъ. В. А когда онъ давалъ книжки, не говорилъ, что онъ самъ ихъ не читалъ? О. Онъ сказалъ, что книжки хорошия, но, впрочемъ, я, говоритъ, самъ не знаю какого онѣ содержанія. Подс. Гамовъ. Имѣю честь обратить вниманіе Суда на это показаніе. Прис. пов. Гаевскій. Книги для школы покупалъ г. Гамовъ? Свид. Были книги, только я не знаю.... В. Вы понимаете что значить прокламація? О. Совершенно не понимаю. В. Въ школѣ бывалъ директоръ фабрики во время классовъ? О. Иногда мы его видѣли во время нашихъ занятій. Введенъ свидѣтель Семенъ Егоровъ, который показалъ, что былъ рабочимъ на Реутовской мануфактурѣ и ходилъ въ школу вмѣстѣ съ Мартыновымъ. Что учитель давалъ книжки и между прочимъ „Русскому народу“; при этомъ говорилъ, чтобы они „давали народу“, чтобы не рассказывали имъ отъ кого получили, а если дойдеть до конторы, то сказали бы, что купили въ Москвѣ. Товарищъ оберъ-прокурора. Хвалилъ онъ вамъ эти книжки, когда давалъ читать, или просто далъ? Свид. Хвалилъ—хвалили. Далѣе на вопросъ защиты, свидѣтель показалъ, что Гамовъ продолжалъ заниматься со свидѣтелемъ и его товарищемъ отдѣльно, за что они желали платить ему. Свидѣтель получалъ на фабрикѣ 40 коп. въ день. Прис. пов. Гаевскій. Вы знаете, что значить прокламація? Свид. А Богъ ее знаетъ, книжка такъ книжка и есть. В. А что значить пропаганда? О. Нѣтъ, не знаю. Подс. Гамовъ. Когда я вамъ давалъ книжки изъ библиотеки, кромѣ этихъ двухъ, а также изъ своихъ, говорилъ я, чтобы вы давали ихъ читать народу? Свид. Говорили. — Этимъ окончился допросъ свидѣтелей и первоприсутствующій объявилъ, что присутствіе выслушаетъ прокламаціи при закрытыхъ дверяхъ, вслѣдствіе сего сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи публики изъ залы засѣданія. По прочтеніи двухъ прокламацій, засѣданіе въ шестомъ часу было прервано до 11 часовъ слѣдующаго дня. По открытіи засѣданія въ 11 часовъ утра, первоприсутствующій объявилъ, что судъ приступитъ къ чтенію прокламацій при закрытыхъ дверяхъ и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы публика была удалена на это время изъ залы засѣданія. По прочтеніи этихъ документовъ, публика снова была впушена въ залу. Затѣмъ стороны заявили ходатайства о прочтеніи различныхъ документовъ. Потомъ были прочтены слѣдующіе документы: 1. Протоколъ осмотра. 1874 года января 4-го дня членъ Московской Судебной Палаты Крахтъ, при товарищѣ прокурора Судебной Палаты Постельниковѣ и товарищѣ прокурора Московскаго Окружнаго Суда Демидовѣ, въ присутствіи нижеподписавшихся понятыхъ, на основаніи 330 ст. Уст. Угл. Суд., производилъ предварительный осмотръ нижепоименованнымъ предметамъ, подлежащимъ освидѣтельствуванію и излѣдованію черезъ свѣдущихъ людей. По осмотру оказалось, что въ числѣ предметовъ, подлежащихъ изслѣдованію находятся: 1) Некрашенный сосновый столъ, взятый у Порфирьевой, длиною 1 $\frac{1}{2}$ арш., шириною 14 $\frac{1}{2}$ вершковъ, о 4-хъ ножкахъ, соединенныхъ перекладинами. Толщина доски стола $\frac{3}{4}$ вершка, высота стола 1 арш. 2 $\frac{1}{2}$ вершка, считая по направленію перпендикулярному длинѣ стола; съ обѣихъ сторонъ выемки имѣются 4 квадратныя дыры. На разстояніи 5-вершковъ на правой сторонѣ выемки, считая по тому-же направленію, двѣ круглыя дыры. Въ выемкѣ помѣщается желѣзная доска, по длинѣ и ширинѣ равная длинѣ и ширинѣ самой выемки; толщина этой доски приблизительно $\frac{1}{8}$ вершка. На доскѣ этой имѣются 4 квадратныя дыры, соотвѣтственно дырамъ выемки, и 4 круглыя дыры; изъ послѣднихъ 2, находящаяся съ правой стороны доски на разстояніи каждая 5 вершковъ, считая отъ двухъ противоположныхъ крышекъ доски, соотвѣтствуютъ круглымъ дырамъ выемки. Остальныя двѣ на разстояніи 7 $\frac{1}{2}$ вершковъ, считая по направленію перпендикулярному ширинѣ доски, помѣщаются на двухъ противоположныхъ сторонахъ доски и въ выемкѣ соотвѣтственныхъ дыръ не имѣютъ. Противъ выемки, на нижней части столовой доски прикрѣплены двѣ дубовыя планки, въ которыхъ продолблены квадратныя дыры, совпадающія съ дырами выемки и прежней доски; длина этихъ планокъ равна ширинѣ выемки; ширина же 2 $\frac{1}{4}$ вершка. На разстояніи 5 вершковъ, считая по направленію перпендикулярному длинѣ стола, имѣются съ каждой стороны по 2 дыры, по виду и величинѣ сходныя съ имѣющимися на желѣзной доскѣ. Какъ на поверхности стола, такъ и на поверхности желѣзной доски, замѣтны слѣды масла и черной краски. На лицевой сторонѣ стола печать 4-го квартала Сусцевской части. 2) Столъ, ножки котораго выкрашены красной краской и при немъ желѣзный листъ. Длина стола 1 арш. 7 $\frac{1}{2}$ вершковъ, ширина 14 вершковъ, высота 1 аршинъ. Листъ желѣзный, концы котораго загнуты, длиною въ ширину стола, шириною $\frac{1}{2}$ аршина. Какъ въ длину, такъ и въ ширину листа, по краямъ имѣются дыры, совпадающія, если приложить листъ къ лѣвой сторонѣ стола,

съ дырами, имѣющимися на столѣ. На листѣ, равно какъ и на столѣ, слѣды черной краски и печать 4-го квартала Сушевой части. 3) Поливной кувшинъ съ черной краской; печать 4-го квартала Сушевой части. 4) Желѣзный валь длиной 1 аршинъ $\frac{1}{2}$, вершка, въ диаметрѣ $\frac{5}{8}$ вершка; на одномъ изъ концовъ валика выемка, имѣющая форму параллелоипеда и подъ нею цифра „3“. На валикѣ слѣды краски. 5) Деревянный валикъ длиною $\frac{3}{4}$ арш., въ диаметрѣ $\frac{1}{8}$ вершка, на которомъ замѣтны слѣды черной краски и приложена печать 4-го квартала Сушевой части. 6) Три деревянные четырехугольныя планки, двѣ длиною 1 арш. $8\frac{1}{2}$ вершк. и одна длиною 1 арш. 3 вершка, шириною всѣ $\frac{1}{8}$ вершка, толщиною $\frac{1}{2}$ вершка, на каждой печать 4-го квартала Сушевой части и слѣды черной краски. 7) Сосновая планка длиною 1 арш. 5 вершковъ, шириною вообще менѣе 1 вершка, толщиною $\frac{1}{2}$ вершка. На одной сторонѣ замѣтны слѣды надписи „Осторожно“. На одномъ изъ концовъ планки имѣется дыра, проходящая всю толщину планки. На одномъ боку планки слѣды клея. На планкѣ печать помощника Начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія въ Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздахъ. 8) Двѣ мужскія кумачныя рубашки со слѣдами черной краски, на нихъ печать 4-го квартала Сушевой части. 9) Женское платье ситцевое со слѣдами черной краски, и на немъ печать 4-го квартала Сушевой части. 10) Клеенка черная длиною 3 арш. 3 вершка, шириною $1\frac{1}{4}$ арш., со слѣдами черной краски и на ней печать. 11) Проволочный прутикъ длиною $\frac{1}{2}$ арш., съ одного конца загнутый въ видѣ кольца; печать. 12) Два полотноца и одна тряпка со слѣдами черной краски и масла, и къ нимъ приложена печать 4 квартала Сушевой части. 13) Картонная рамка длиною 11 вершковъ, шириною $\frac{1}{2}$ аршина о 8 отдѣленіяхъ; каждое отдѣленіе длиною почти 4 вершка, шириною 2 вершка. Среднія отдѣленія заклеены бумагою, на которой видны слѣды краски. На краяхъ рамки просохшія пески. На рамкѣ печать Помощника Начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія въ Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздахъ. 14) Столъ некрашенный длины 1 арш. 7 вершковъ, ширины $\frac{3}{4}$ аршина, вышиной 1 арш., на оборотной сторонѣ слѣды черной краски. На лицевой сторонѣ печать Помощника Начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія въ Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздахъ. 15) Макулатурный листъ, на которомъ печать помощника начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія въ Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздахъ. 16) Одинъ подмокий экземпляръ прокламаціи „Русскому народу“, на которомъ печать помощника начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія въ Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздахъ. 17) 23 экземпляра прокламаціи „Русскому народу“, величиною въ $\frac{1}{8}$ долю листа, на 21 страницѣ; 24 экземпляра „Какъ должно жить по закону природы и правды“, въ 4-ю долю листа на 7 страницахъ; 3 экземпляра „Къ интеллигентнымъ людямъ“, величиною въ 4-ю долю листа на 1 страницѣ, взятые у бывшего студента Николая Александрова Плотникова. 18) Экземпляры прокламацій, отобранныя при дознаніи у крестьянъ: Тиханова и Яковлева—1 экземпляръ прокламаціи „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“; Чистякова по одному экземпляру прокламацій „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“; Морковникова—1 экземпляръ прокламаціи „Какъ должно жить по закону природы и правды“; Журавлева.—по одному экземпляру прокламацій „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“; Гэрыкина—одинъ экземпляръ прокламацій „Русскому народу“; Иваново и Вилкова—у каждого по одному экземпляру прокламацій „Русскому народу“, и „Какъ должно жить по закону природы и правды“. 19) Одинъ экземпляръ прокламаціи „Русскому народу“, начиная съ 17 стр., отобранный у Ободовой. 20) Прокламація, приложенная къ Петербургскому дознанію: 1 экземпляръ „Русскому народу“, 1 экземпляръ „Какъ должно жить по закону природы и правды“ и 2 экземпляра „Къ интеллигентнымъ людямъ“. 21) Столбикъ набора въ 6 строкъ и тринадцать литеръ. 22) 26 экземпляровъ прокламацій „Русскому народу“, величиною въ 8-ю долю листа на 21 страницѣ, 23 экземпляровъ прокламацій „Какъ должно жить по закону природы и правды“ въ 4 долю листа на 7 страницахъ и 7 экземпляровъ прокламацій „Къ интеллигентнымъ людямъ“, величиною въ 4-ю долю листа, на одной страницѣ, взятыя у бывшего студента Ивана Ивановича Папина. 23) Некрашенный столъ, размѣрами сходный съ описаннымъ въ п. 14, имѣющей слѣды черной краски. На лицевой сторонѣ стола печать помощника начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія въ Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздахъ. II. По осмотру экспертами предъявленныхъ имъ трехъ прокламацій, а именно: 1) „Къ интеллигентнымъ людямъ“, 2) „Къ Русскому народу“ и 3) „Какъ должно жить по закону природы и правды“ и на предложенные имъ вопросы они отвѣтили: На 1-й вопросъ: были-ли означенныя три прокламаціи напечатаны однимъ шрифтомъ? Всѣ три прокламаціи напечатаны не только однимъ и тѣмъ-же шрифтомъ, но и однимъ и тѣмъ-же наборомъ. Это доказывается, какъ одинаковымъ характеромъ и очертаніемъ прописныхъ и строчныхъ буквъ во всѣхъ трехъ прокламаціяхъ, такъ и множествомъ ошибокъ и неправоподобностей, сдѣланныхъ при наборѣ и неизмѣнно повторяющихся во всѣхъ экземплярахъ, какъ отобранныхъ у Папина и Плотникова, такъ и доставленныхъ изъ С.-Петербурга. Наборъ во всѣхъ проклама-

пяхъ сдѣланъ безъ шпонъ и имѣющіеся пробѣлы задѣланы квадратами и бабашками. При печатаніи прокламаціи „Къ Русскому народу“ употреблялась въ дѣло картонная рамка, подъ названіемъ „рашкетъ“ о 8 отверстіяхъ, находившаяся по имѣющимся на ней признакамъ въ сырѣмъ мѣстѣ, которая служила для накладки на форму. Доказательствомъ тому, что рамка эта употреблялась именно для печатанія прокламаціи „Къ Русскому народу“, служить, во 1-хъ, то, что въ ея отверстіе вполне входятъ полосы набора сказанной прокламаціи, и во 2-хъ, что на верхней оконечности одного изъ отверстій имѣются оттиски цифръ 18 и 5, а другого 1 и 0, (верхней части какой-нибудь круглой цифры 2, 3 или 9), которыя обозначаютъ страницы, входившія въ эти отверстія. Затѣмъ эксперты, обративъ вниманіе на заклеенныя отверстія этой рамы, не подходящія къ формату другихъ прокламацій а между тѣмъ носящія слѣды давленія и пятенъ отъ бабашекъ, пришли къ заключенію, что рамка эта въ томъ видѣ, въ которомъ она теперь находится, должна была быть въ употребленіи для напечатанія чего-либо другого неизвѣстнаго. Затѣмъ эксперты, принимая во вниманіе, что въ прокламаціи „Русскому народу“ весьма часто встрѣчается между строчными капительныя буквы б и ѣ, а въ прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“ таковыя же буквы у и с, которыхъ въ прокламаціи „Какъ должно жить по закону природы и правды“, почти нѣтъ, признали, что наборъ всѣхъ этихъ прокламацій сдѣланъ былъ полный и что онѣ печатались не постепенно одна за другою, съ разборкою формъ, а въ одно время, или другими словами, весь наборъ всѣхъ 3 прокламацій стоялъ въ готовности, чтобы имѣть возможность оттиснуть каждую изъ нихъ по мѣрѣ надобности. Въ отдѣльности можно предполагать, что прокламація „Какъ должно жить по закону природы и правды“ печаталась въ два приема. Поводомъ къ такому предположенію служитъ то, что въ нѣкоторыхъ экземплярахъ этой прокламаціи строки на первой полосѣ сначала до слова „отдѣленія“ и на нѣкоторыхъ другихъ полосахъ сошли съ прямой линіи, тогда какъ на другихъ экземплярахъ этого отступа или кривизны не имѣется и линія совершенно прямая. Впрочемъ, утвердительно сказать, что прокламація эта была отпечатана въ два раза нельзя, да и упомянутая кривизна могла быть замѣчена и исправлена въ моментъ самаго печатанія, какъ была исправлена прихватка, находящаяся на стр. 21 нѣкоторыхъ экземпляровъ прокламаціи „Русскому народу“ и не видная на другихъ. Вообще, судя по тому, что всѣ ошибки и несправильности въ прокламаціяхъ, сдѣланныя при наборѣ (напр. черныя дефты на б стр. прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“, неправильный абзацъ или отступъ на стр. 17 прокламаціи „Русскому народу“, неправильная разбивка словъ на стр. 7 прокламаціи „Какъ должно жить по закону природы и правды“ и т. п.) неизмѣнно повторяются во всѣхъ экземплярахъ, какъ взятыхъ въ Москвѣ, такъ и доставленныхъ изъ Петербурга,—эксперты пришли къ единогласному заключенію, что всѣ сказанныя прокламаціи печатались въ одинъ приемъ и однимъ и тѣмъ-же наборомъ. На 2-й вопросъ: подходятъ-ли къ шрифту этихъ прокламацій столбикъ набора въ 6 строкъ и 13 литеръ, найденныхъ при обыскѣ у Александра Долгушина? Шрифтъ, отобранный у Долгушина и находящійся въ наборѣ, тотъ самый, которымъ отпечатаны всѣ выше-означенныя прокламаціи. Но хотя эти шесть набранныхъ строкъ и составляютъ текстъ изъ прокламаціи „Русскому народу“ (стр. 14 и 15), однако наборъ этотъ въ употребленіи не былъ. Это ясно видно, во 1-хъ, изъ того, что на литерахъ нѣтъ слѣдовъ краски; во 2-хъ, что наборъ этотъ не сходенъ съ наборомъ, которымъ печаталась прокламація по разбивкѣ, между словами, и въ 3-хъ, что строки въ этомъ наборѣ отдѣлены шпонами, между тѣмъ какъ прокламаціи печатаны безъ шпонъ. На основаніи этихъ данныхъ можно предположить: или, что наборъ этотъ есть второй наборъ, который готовился для новаго изданія прокламаціи „Русскому народу“, или что вся прокламація первоначально была набрана со шпонами, которыя впоследствии были выкинута для уменьшенія формата страницы. На 3-й вопросъ: какой именно этотъ шрифтъ, — экспертъ Рись объяснилъ, что шрифтъ, употребленный для печатанія всѣхъ трехъ прокламацій, есть шрифтъ словолитни Флинчъ (бывшей Дреслера) въ Франкфуртѣ, Брюсселѣ и С.-Петербургѣ, отличный на кегель 12 и значащійся по образцамъ его комиссіонера въ Петербургѣ Франца Марка подъ № 68. Хотя по сличеніи литеръ, отобранныхъ у Долгушина, съ нѣкоторыми образцами литеръ Франца Марка, выписанными изъ С.-Петербурга и взятыми въ московскихъ типографіяхъ изъ числа выписанныхъ отъ того же Франца Марка, сказалось, что литеры эти имѣютъ между собою нѣкоторое отлічіе въ формѣ отливки, тѣмъ не менѣе экспертъ Рись положительно утверждаетъ, что шрифтъ этотъ долженъ быть приобрѣтенъ въ С.-Петербургѣ отъ Франца Марка и даже его отливки. Предположеніе свое онъ подтверждаетъ, во 1-хъ, тѣмъ, что въ отливкѣ одного Франца Марка буква на литерѣ ставится не по серединѣ кегеля, а нѣсколько выше, тогда какъ во всѣхъ московскихъ и другихъ петербургскихъ словолитняхъ буква эта ставится по серединѣ, такъ что если при наборѣ буква по ошибкѣ будетъ поставлена вверхъ ногами, то она при печатаніи не выйдетъ изъ прямой линіи, между тѣмъ въ прокламаціяхъ „Русскому народу“ стр. 21, строка 20, въ словѣ единый, „Какъ должно жить по закону природы и правды“ стр. 2, строка 39, въ словѣ добродѣтельными и во множествѣ другихъ словъ буквы и, о, поставленныя въ наборѣ вверхъ ногами, вышли

изъ прямой линіи, что ясно показывается, что шрифтъ для этихъ прокламацій былъ употребленъ петербургскій, отливки Франца Марка; во 2-хъ, тѣмъ, что въ прокламаціяхъ весьма часто встрѣчаются математическіе знаки: напр., знакъ равенства (=), употребляемый вмѣсто тире (—) и ударенія на буквахъ, каковыя принадлежності отпускаются при шрифтахъ покупателямъ только однимъ Францемъ Маркомъ, тогда какъ московскими словолитными знаки равенства и буквы съ удареніемъ отпускаются только по особому требованію и за особую плату, а къ шрифту русскому не прикладываются. На 4-й вопросъ: въ какомъ количествѣ нуженъ шрифтъ для отпечатанія брошюръ подобныхъ по объему вышеназваннымъ? Чтобы напечатать одновременно всѣ три экземпляра прокламаціи, необходимо имѣть: 1) для прокламаціи „Русскому народу“ шрифтѣвъ съ наборомъ до 4 пудовъ; 2) для прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“ до 20 фунтовъ и 3) для прокламаціи „Какъ должно жить по закону природы и правды“ до 3 пудовъ, при чемъ чистаго шрифта должно быть отъ 5 до 6 пудовъ и до 2 пудовъ прибора. На 5-й вопросъ: можно-ли опредѣлить по наружному виду этихъ произведеній средства типографіи, въ которой они печатались? Оtvѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ предшествующемъ пунктѣ. Разаумѣется, кромѣ шрифтѣвъ съ приборомъ, въ типографіи должны были находиться и другія принадлежности для тисненія: квадраты, бабашки, типографскія чернила и пр. и главное тискальннй прессъ или станокъ, который, судя по чистотѣ печати въ прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“, былъ довольно хорошій или хорошо приспособленный. Вообще-же средства типографіи были не велики. На 6-й вопросъ, сдѣлали-ли наборъ людьми опытными въ этомъ дѣлѣ? Наборъ всѣхъ трехъ прокламацій вообще плохъ и показываетъ неопытность въ наборномъ дѣлѣ лицъ, его дѣлавшихъ. Это доказывается: во 1-хъ, неодинаковою разбивкою словъ; во 2-хъ, неправильными абзацами или отступами; въ 3-хъ, употребленіемъ во многихъ мѣстахъ вмѣсто тире дефисовъ или знаковъ равенства, и въ 4-хъ, наконецъ, переносами, сдѣланными либо совершенно безъ дефисовъ, либо съ дефисомъ, но не на своемъ мѣстѣ. Подобныхъ уклоненій отъ наборныхъ правилъ не допустить въ своемъ наборѣ не только хорошій наборщикъ, но и ученикъ, нѣсколько времени пробывшій въ типографіи; наконецъ, нерепутанность шрифтѣвъ въ кассахъ, гдѣ со строчнымъ шрифтомъ былъ перемѣшанъ капитель, также свидѣтельствуетъ о неопытности распоряжающихся. На 7-й вопросъ: какія машины необходимы для печатанія? Типографское печатаніе можно производить различно, даже просто безъ всякихъ машинъ и прессовъ, одною рукою или щеткою. Но эти прокламаціи, какъ сказано выше, печатаны прессомъ, при чемъ употреблялась катушка для накатыванія красокъ и рашетки, накладываемый на наборъ, чтобы не марать края бумаги. Это та самая картонная рамка, съ отверстіями, о которой говорилось въ первомъ отвѣтѣ. Экспертъ Рись, обративъ вниманіе на картонъ этой рамы, высказалъ предположеніе, что картонъ этотъ, извѣстный подъ названіемъ нѣмецкаго, полученъ изъ склада Франца Марка, торгующаго этими картонами въ С.-Петербургѣ. На 8-й вопросъ: одинаковая-ли бумага употреблена для печатанія всѣхъ трехъ прокламацій? бумага всѣхъ трехъ прокламацій одинаковая, русскія фабрикъ, съ тѣмъ только отличіемъ, что бумага прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“, какъ видно, не была мочена при печатаніи между тѣмъ какъ бумага прочихъ двухъ прокламацій частями была мочена. На 9-й вопросъ: могъ-ли взятый у Порфирьевой столъ съ выемкой на лицевой сторонѣ и дырами замѣнить необходимыя машины для печатанія? При извѣстныхъ приспособленіяхъ на этомъ столѣ могъ быть устроенъ прессъ, и столъ этотъ могъ служить орудіемъ для печатанія прокламацій. Это предположеніе подтверждается остатками масла на прикрѣпленной къ столу желѣзной плитѣ или доскѣ съ дырами и слѣдами на ней рельсовъ, по которымъ долженъ былъ двигаться наборъ. Но по отсутствію на столѣ слѣдовъ типографской краски нельзя утверждать, чтобы онъ былъ въ употребленіи. На 10-й вопросъ: могутъ-ли имѣть значеніе при печатаніи другія вещи, а именно: желѣзный листъ съ дырами, желѣзная доска съ дырами, желѣзный круглый валь, деревянный валикъ, деревянные угольные бруски? Желѣзный листъ могъ служить для катанія краски, но чтобы на немъ дѣйствительно каталась краска, утвердительно сказать нельзя, по отсутствію на немъ слѣдовъ оной; впрочемъ, листъ этотъ могъ быть хорошо смытъ. О желѣзной плитѣ съ дырами, имѣющей на себѣ слѣды масла, сказано въ предыдущемъ отвѣтѣ: она служила необходимою частью устроеннаго домашннмъ образомъ пресса. Что касается круглаго желѣзнаго вала, то былъ-ли онъ частью пресса и какою именно, — опредѣлить невозможно. Скорѣе всего можно предположить, что онъ могъ служить для катанія по набору при воспроизведеніи оттисковъ безъ пресса. Деревянный валикъ могъ быть заготовленъ для катушки, но такъ какъ онъ не имѣетъ на обѣихъ своихъ концахъ дыры, то утверждать этого нельзя. Дубовые учильные бруски служатъ обыкновенно марзанами для заколачиванія формъ; но имѣющіеся на лицо бруски въ дѣлѣ не были. Деревянная плашка, съ надписью „осторожно“ по размѣру своему похожа на крышку ящика, въ которомъ обыкновенно пересылаютъ шрифты. Подобные ящики вмѣщаютъ въ себѣ шрифтовъ отъ 6 до 8 пудовъ. По мнѣнію Риса, ящикъ этотъ, судя по укупоркѣ винтами, а не гвоздями, петербургскій, схожій съ употребляемыми Францемъ Маркомъ. Наконецъ, имѣющіеся при дѣлѣ клочки пе-

чатной бумаги составляют макулатуру или испорченные листы печатных прокламаций. На 11-й вопрос: употреблялась ли черная краска, взятая у Порфирьевой? Краска эта, по освидетельствованию экспертов, оказалась низкого сорта, слабая, машинная и болѣе всякой другой пригодная для печатанія этихъ прокламаций, почему съ утвердительною можно сказать, что она употреблялась въ дѣло. Слѣды этой краски съ масломъ имѣются на клеенкѣ, полотенцѣ, порткахъ, рубашкѣ и женскомъ платѣ. Полотенце и рубашка были въ употребленіи при печатаніи и потомъ вымыты. Слѣды этой-же краски и масла ясно замѣтны на крашеномъ и двухъ некрашенныхъ столахъ, что свидѣтельствуешь, что они употреблялись при печатаніи прокламаций, т. е. на нихъ могли лежать наборъ и бумага для печатанія, отпечатанные экземпляры и проч. На 12-й вопросъ: могъ-ли столъ о 5 ножкахъ съ откосомъ служить для печатанія? Столъ о 5 ножкахъ могъ, какъ и другіе столы, служить для печатанія, въ особенности если на немъ былъ устроенъ механизмъ для тисненія. Прис. пов. Спасовичъ. По поводу только что прочитаннаго документа я хотѣлъ-бы сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Во-первыхъ, изъ экспертизы видно, что всѣ три прокламации печатались однимъ наборомъ. Во-вторыхъ, самое печатаніе производилось, кажется, въ одинъ приемъ, потому что, хотя въ нѣкоторыхъ экземплярахъ прокламации „Какъ нужно жить по закону природы и правды“ есть кривыя и прямыя линіи, но это могло произойти при мытьѣ набора, а именно, когда нужно было мыть наборъ, то линія могла искривиться. Кромѣ того, сами эксперты говорятъ, что печатаніе могло быть произведено въ одинъ приемъ. Наконецъ, во всѣхъ прокламацияхъ буквы совершенно одинаковы, за исключеніемъ прокламации „Къ интеллигентнымъ людямъ“, которая печаталась на немоченой бумагѣ. Въ 3-хъ, обращаю вниманіе на то, что средства типографіи были очень ограничены; шрифту было всего 7 1/2 пудовъ, затѣмъ весь шрифтъ былъ перемѣшанъ, самое-же печатаніе производилось людьми неумѣлыми, неопытными въ этомъ дѣлѣ. Наконецъ, въ 4-хъ, въ эту рамку, вмѣщую 8 отверстій и находящуюся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, какъ разъ входила плитка, наборъ прокламации „Русскому народу“. III. Протоколъ осмотра, 1874 года, февраля 15 дня, членъ Московской Судебной Палаты Крахтъ, при товарищѣ прокурора Палаты Постельниковѣ, и товарищѣ прокурора Окружного суда Демидовѣ, въ присутствіи понятыхъ, на основаніи 315, 317, 318, 319 и 321 ст. Уст. Угол. Суд. въ дополненіе къ протоколу 22 января 1873 года, производилъ осмотръ двухъ полотенецъ, взятыхъ на дачѣ дворянина Долгушина, деревяннаго ящика, взятаго у мѣшаники Порфирьевой, 1 экземпляра прокламации „Русскому народу“, отобраннаго у крестьянина Максимова, 2 записныхъ книжекъ и текста съ 5-ю печатями, взятыхъ у крестьянина деревни Сареево Максима Кондратьева Курдаева, образцовъ шрифта и бабашекъ, доставленныхъ изъ частныхъ типографій по дѣлу. По осмотру оказалось: 1. Два полотенца, взятые на дачѣ дворянина Александра Васильева Долгушина, носятъ на себѣ слѣды черной типографской краски и ржавчины, при чемъ къ одному изъ нихъ (концы котораго не окаймлены красными полосками) съ обѣихъ сторонъ присохъ песокъ. На полотенцахъ печать помощника начальника Жандармскаго Управленія въ Русскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ. 2. Ящикъ, взятый при описи вещей у мѣшаники Порфирьевой, сосноваго дерева, сдѣланъ изъ строганыхъ досокъ, вышиною 1 арш. 4 1/2, верх. шириною 1 арш. 3/4, длиною 1 арш. 8 3/4, верхка; крышка ящика состоитъ изъ нѣсколькихъ нестроганыхъ и одной строганой доски и на послѣдней есть двѣ дыры, служившія для ея прикрѣпленія къ ящику винтами. Какъ на внутренней, такъ и на внѣшней сторонѣ стѣнокъ ящика, замѣтны слѣды черной краски. 3. Одинъ экземпляръ прокламации „Русскому народу“, отобранный крестьяниномъ Максимовымъ у рядоваго Филиппа Федорова и крестьянина Михаила Щербакова, на 21 стран., форматъ его въ 1/8 долю, скрѣпленный по листамъ секретаремъ при прокурорѣ Смоленскаго Окружного суда. Прокламация эта, какъ по внѣшнему виду, такъ и по содержанію вполне сходна съ тѣми, кои были подвергнуты освидѣтельствованію и наслѣдованію черезъ свѣдущихъ людей 4-го января 1874 года. 4. Двѣ записныя книжки, взятые по обыску у крестьянина Максима Курдаева, формата въ 1/8 долю листа, содержатъ въ себѣ записки объ оброчной и подушной недоимкѣ, расходъ, поминованіе разныхъ лицъ за здравіе, частью-же содержатъ въ себѣ слова и фразы, значеніе которыхъ, въ связи съ прочимъ, непонятно. 5. Конвертъ съ 5-ю печатями и на немъ адресъ: Въ г. Москву на Смоленскомъ рынкѣ, близъ Смоленской Божіей Матери, въ мучной лабазѣ, Ивану Федоровичу, со вложеніемъ денегъ 4 руб., а васъ прошу передать въ деревню Митлово Григорію Годіонову, а васъ прошу передать въ деревню Шареву Авдотѣ Никоновой. 6. Шесть бабашекъ металлическихъ, употребляемыхъ при печатаніи, по виду и по измѣренію вполне сходны между собою и имѣютъ на одной изъ сторонъ выемки. 7. Двѣ бабашки по виду и по измѣренію сходны между собою, но отличаются отъ описанныхъ въ предшествующемъ §, какъ вообще, такъ и въ частности. 8. а) Образцы шрифта петербургской отливки цицеро № 68, кегель 12 л, словолитня „Маркъ и Ко.“ б) Образцы шрифта „Флинша“ отливки цицеро № 68 кегель 12, словолитня „Маркъ и Ко.“ в) Образцы шрифта № 68 russisch отливки „И. Гольдберга“, г) Образцы шрифта № 68 französisch отливки „Безобразова“. Постановлено: „О вышеизложенномъ составить протоколъ, объяснивъ въ немъ, что изъ числа поименованныхъ выше пред-

метовъ бабашки и образцы шрифта, взятые при дознаніи изъ разныхъ словолитенъ для сліянія, съ этою цѣлью были предъявлены экспертамъ 4 января 1874 года.

IV. Отношеніе прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты прокурору Московской Судебной Палаты № 202. Въ ночь съ 13 на 14 декабря 1873 года на австрийской границѣ, между Дорниеревскимъ и Волковецкимъ пограничными постами, были замѣчены 4 неизвѣстныхъ человѣка, пытавшіеся изъ Австріи перейти границу тайнымъ образомъ и имѣвшіе при себѣ нѣсколько мѣшковъ. Замѣтивъ преслѣдованіе ихъ пограничною стражею, люди эти бросили токъ и скрылись въ австрийскихъ владѣніяхъ. По вскрытіи оставленныхъ ими мѣшковъ, въ нихъ оказалось 1441 экз. разныхъ книгъ и брошюръ, изданныхъ за границею на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, революціоннаго содержанія, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, было нѣсколько экземпляровъ брошюры на русскомъ языкѣ, имѣющей характеръ революціоннаго воззванія къ народу, подъ заглавіемъ: „О мученикѣ Николаѣ и какъ долженъ жить человѣкъ по закону правды и природы“. Сравненіе этого воззванія съ однимъ изъ воззваній, о печатаніи и распространеніи которыхъ производится въ настоящее время слѣдствіе въ Москвѣ, а именно подъ заглавіемъ: „Какъ должно жить по закону природы и правды“, приводитъ къ тому заключенію, что послѣднее есть лишь незначительное сокращеніе перваго, при чемъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ, оно составляетъ простую перепечатку, слово въ слово, упомянутой прокламаціи заграничнаго изданія. Въ виду вышеизложеннаго, признавая, что сравненіе означенныхъ воззваній можетъ имѣть значеніе для предварительнаго слѣдствія по производившемуся въ Москвѣ дѣлу, имѣю честь препроводить при семъ на распоряженіе вашего превосходительства одинъ экземпляръ прокламаціи „О мученикѣ Николаѣ и т. д.“. V. Протоколъ осмотра. 1874 года, февраля 15 дня, членъ Московской Судебной Палаты Крахтъ, при товаришѣ прокурора Палаты Постельниковѣ и товаришѣ прокурора Окружнаго Суда Демидовѣ, въ присутствіи понятыхъ, на осн. 330 ст. Уст. Угол. Суд. производилъ осмотръ одного экземпляра брошюры, озаглавленной: „О мученикѣ Николаѣ и какъ долженъ жить человѣкъ по закону правды и природы“, на 28 стран., каждая въ $\frac{1}{8}$ долю листа, подлежащаго освидѣтельствованію черезъ свѣдущихъ людей. По сравненіи означенной брошюры съ одною изъ прокламацій: „Какъ должно жить по закону правды и природы“, оказалось, что содержаніе послѣдней составляютъ выдержки изъ брошюры перепечатанныя, за исключеніемъ нижеслѣдующаго, безъ всякаго измѣненія, съ соблюденіемъ пунктуатіи. Исключеніе составляетъ: 1) измѣненіе заглавія прокламаціи. Въ заглавіе прокламаціи не вошли слова „О мученикѣ Николаѣ“ и затѣмъ слѣдующія („Какъ долженъ жить человѣкъ по закону правды и природы“) построены въ формѣ безличнаго предложенія („Какъ должно жить по закону природы и правды“). 2) Начало прокламаціи соотвѣтствуетъ 7-й строкѣ на 1-й страницѣ брошюры. Слова: „Расскажите народу“ и т. д. до „По закону природы“ въ прокламаціи передѣланы такъ: „Идите въ народъ и говорите ему всю правду до послѣдняго слова и какъ человѣкъ долженъ жить по закону природы“. Наибольше существенное отступленіе отъ пунктуатіи, соблюдаемой въ брошюрѣ, представляютъ: а) употребленіе въ прокламаціи многоточія тамъ, гдѣ въ брошюрѣ употреблены точки; б) своеобразное употребленіе въ прокламаціи ариѳметическаго знака равенства (=); в) употребленіе въ прокламаціи ариѳметическаго знака равенства тамъ, гдѣ въ брошюрѣ стоитъ тире; г) употребленіе въ прокламаціи ариѳметическаго знака равенства въ тѣхъ мѣстахъ текста, въ которыхъ въ брошюрѣ начинается красная строка. Затѣмъ, въ текстъ прокламаціи не вошли слѣдующія мѣста брошюры: а) первая б строкъ брошюры на 1-й страницѣ отъ словъ „въ память мученика“ до словъ „пытками пытали“; б) съ 14-й строки на 1-й страницѣ до 68-й строки на 3-й страницѣ отъ словъ „растутъ люди одинаково“ до словъ „но какъ же можетъ человѣкъ служить человѣку“; в) часть 75-й, 76-я, 77-я и часть 78-й строки на 3-й страницѣ отъ словъ „точно такъ же, какъ жеребенокъ“ до „какъ бы вы ихъ перевоспитали“; г) часть 78-й и 79-я строки на страницѣ 3-й слова „жеребенокъ всегда останется лошадыю, ребенокъ всегда человѣкомъ, но...“; д) часть 272-й строки на 9-й страницѣ до 464-й строки отъ словъ „а послѣ перваго шага“ до словъ „блѣдному для жилья разное мѣсто отводится“; е) часть 469-й строки на 15-й страницѣ до 551-й строки на 16-й страницѣ отъ словъ „расскажу я вамъ, беззаконники“ до словъ „для спасенія человѣчества“; ж) часть 577-й строки на 18-й страницѣ до 585-й строки на 19-й страницѣ отъ словъ „вы преступники — беззаконники“ до „далеко отъ мѣста жительства“; з) часть 672-й и 673-й строкъ на страницѣ 21-й слова: „злѣбный плодъ отъ злого сѣмени“; и) часть 744-й строки до 758-й строки на страницѣ 24-й отъ словъ „нѣтъ, законные правители“ до „надъ нимъ не возвышаться“; і) часть 783-й и 784-й строки на страницѣ 25-й слова: „и въ общественное владѣніе земли, дома народу дающіе, вотъ законные правители“; к) часть 786-й и 787-я строки на страницѣ 25-й слова: „чрезъ злѣйшее преступленіе получающихъ силу великую“; л) часть 792-й, 793-я и часть 794-й строки на страницѣ 25-й слова: „Іона рекъ небеснымъ голосомъ: слушайте правду великую, неизмѣнную, вѣковѣчную“; м) часть 806-й до 830-й строки на страницѣ 26-й отъ словъ „было время злое“ до „на блаженство людямъ данному“. По осмотрѣ брошюры „О мученикѣ Николаѣ“ г. г. экс-

перты: старшій инспекторъ для надзора за типографіями и т. п. заведениями въ Москвѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Никитинъ и младшій инспекторъ для надзора за типографіями и т. п. заведениями въ Москвѣ, коллежскій совѣтникъ Марьянцъ заявили: По разсмотрѣніи прокламаціи „О мученикѣ Николаѣ“ и по сличеніи отдѣльныхъ словъ этой брошюры со словами прокламаціи „Какъ должно жить по закону природы и правды“ оказалось, что шрифтъ этой прокламаціи, хотя и одинаковый, т. е. по рисунку и характеру, но другой отливки, а именно: литеры брошюры „О мученикѣ Николаѣ“ отлиты шире, чѣмъ шрифтъ прокламаціи „Какъ должно жить и т. д.“, а потому и разстояніе буквъ между собою въ брошюрѣ дальше одна отъ другой, чѣмъ въ прокламаціи, въ которой буквы сжатѣе. На этомъ основаніи нельзя сказать, чтобы обѣ эти прокламаціи печатались въ одной и той же типографіи. Относительно же мѣста печатанія брошюры „О мученикѣ Николаѣ“, т. е. печаталась ли она за границею, опредѣлить трудно, но только можно сказать одно, что типографскія средства при печатаніи означенной брошюры были достаточны и типографія была правильно организована. Прис. пов. Спасовичъ. Тутъ приведены только начала и окончанія выдержекъ, вездѣ здѣсь говорится „отъ“ такнхъ-то словъ „до“ такнхъ-то, но не опредѣлены разниці между двумя сравниваемыми брошюрами относительно содержанія. Поэтому позвольте мнѣ изложить въ двухъ словахъ, въ чемъ здѣсь существенная разниціа. Брошюра „Какъ нужно жить по закону природы и правды“ сокращена почти въ половину противъ брошюры „О мученикѣ Николаѣ“. Изъ этой послѣдней выброшена главная мысль. Вы видѣли, что въ брошюрѣ „О мученикѣ Николаѣ“ говорится, что человѣку нельзя служить у человѣка — значитъ, противъ личнаго найма. Точно такъ же выброшены всѣ тирады относительно домовладѣльцевъ и о томъ, что дома должны быть общинною собственностью. Точно такъ же исключены всѣ примѣры относительно французскаго и англійскаго войска. Наконецъ, въ выраженіяхъ, относящихся къ русской исторіи, мы находимъ значительное смягченіе. Вообще относительно рѣзкости есть громадная разниціа между первообразомъ, т. е. брошюрой „О мученикѣ Николаѣ“ и брошюрой „Какъ нужно жить по закону природы и правды“.

VI. Письмо Чикова къ Грачевскому. С.-Петербургъ 1873 г., августа 28-го дня. Любезный Михаилъ Федоровичъ! Посылаю вамъ съ этимъ подателемъ нѣсколько народныхъ книжекъ, изъ которыхъ, конечно, вы сдѣлаете должное употребленіе. Нужно замѣтить, что книжки эти не совсѣмъ хороши, но, во всякомъ случаѣ, за немнѣишемъ лучшихъ, будете покуда пользоваться а худшими. Эти книжки хороши, какъ средство къ подходящему толкованію; сами же собою непосредственно онѣ не могутъ дать отвѣтовъ на вопросы нашего крестьянина. Потому употребить ихъ съ пользою можно только при вашемъ личномъ занятіи съ рабочими людьми. Если будутъ вамъ подмѣчены какіе-либо факты, выдающіеся изъ ряда обыкновенныхъ изъ жизни народа, то сообщите по слѣдующему адресу: въ городъ Петербургъ, на углу Литейной и Бассейной, въ редакцію „Биржевыхъ Вѣдомостей“, ея превосходительству Ольгѣ Андреевнѣ Свентицкой, съ передачей Александрѣ Яковлевнѣ. При этомъ въ книжкѣ „Про старинныя времена“ найдете два листка, изъ которыхъ сдѣлаете тоже должное употребленіе. Изъ Черкаска Иванъ Яковлевичъ (въ сентябрѣ) думаетъ побывать у васъ. Тогда, вѣроятно, найдете поговорить кое о чемъ съ этой личностью. Попшите ему билетъ по данному вамъ адресу. Я говорилъ съ нимъ объ этомъ во время моего проѣзда чрезъ Черкасскъ. Иванъ Яковлевичъ отправится въ Москву. Слѣдовательно, что только нужно будетъ, онъ исполнитъ всѣ наши требованія. Ж. „В.“ еще не выходилъ, да вмѣсто его предполагается теперь газета, такъ какъ это скорѣй будетъ пособникомъ дѣлу. Мой привѣтъ — Александръ Чиковъ. P. S. Податель—хотя личность мало интересна, слѣдовательно, отъ него ничего не можете узнать. На дняхъ я уѣзжаю изъ Петербурга на западъ. Присмотритесь, пожалуйста, къ гулявцамъ. Пишу, что называется, на ходу. Поэтому недосказанное что-либо постарайтесь дополнить сами. Для васъ лично я вложитъ книжку сборникъ „Недѣля“. Помѣщая здѣсь, между прочими, „маршъ“ нашихъ демократовъ. Авторъ этого гимна — одинъ извѣстныхъ намъ социалистъ, имя котораго вы, между прочимъ, встрѣтите въ сборникѣ „Недѣля“.

VII. По осмотру оказалось: 1) Въ числѣ вещей, отобранныхъ у Ивана Папина нмѣются: Относящіеся къ дѣлу: 1) Евангеліе на русскомъ языкѣ, стереотипное изданіе, въ сафьянномъ переплетѣ зеленого цвѣта, и въ немъ, именно въ Евангеліи отъ Матѣея, на нѣкоторыхъ мѣстахъ подчеркнуты карандашемъ выраженія, включенныя затѣмъ въ прокламацію „Русскому народу“, а именно: а) напечатанный въ началѣ этой прокламаціи текстъ: „Ищите и обрящите, стучите и отворится вамъ, ибо всакій, кто ищетъ — находитъ и стучащему отворяютъ“. (Еван. отъ Мат. гл. 7); б) послѣ разсужденія о пережнѣ настоящаго порядка и о требованіи со стороны бѣдныхъ классовъ лучшей для нихъ участи, на страницѣ 14-й той же прокламаціи слѣдующіе тексты: „И поведутъ васъ къ правителямъ и царямъ... и будутъ отдавать въ судилища, и въ церквахъ своихъ будутъ бить васъ и будете ненавидимы всѣми за Мое имя; и не бойтесь убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убить; а бойтесь болѣе Того, кто можетъ и душу, и тѣло погубить въ гееннѣ... сберегающій душу свою,

потеряет ее, и потерявший ее ради Меня, сбережет ее... И не думайте, что я пришел миръ принести на землю; но миръ, не спокойствіе пришелъ Я принести на землю, но мечъ — воюю“. (Матѳея гл. 10). Сверхъ того отмѣчены не вошедшіе въ прокламацію въ главѣ 3-й — тексты 4, 10, въ главѣ 4-й — тексты 8, 9, 10, 11, въ главѣ 5-й — тексты 3, 6, 10, 11, 34, въ главѣ 6-й — тексты 22, 23, 24, въ главѣ 7-й — тексты 6, 13, 19, 21, 22, 23, въ главѣ 9-й — тексты 10, 11, въ главѣ 10-й — тексты 11, 14, 16, 19, 25, и 27, въ главѣ 13-й — текстъ 14, въ главѣ 14-й — текстъ 6, въ главѣ 18-й — тексты 25 и 26, въ главѣ 24-й — текстъ 2. Внесенные въ прокламацію, но не отмѣченные карандашемъ: а) на 9-й стран. и 10-й сверху: И, такъ во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними, ибо въ этомъ законъ и пророки“. (Матѳея, глава 7, 12); на 2-й страницѣ снизу и 3-й сверху текстъ: „Люди, любите другъ друга, живите по братски между собой, говорить Онъ (Исусъ Христосъ) и да не будетъ между вами ни рабовъ, ни знатныхъ, а будьте всѣ вы равны“ (Мат., глава 23, 8); „Всѣ же знаютъ, что Исусъ Христосъ приходилъ на землю исполнить законъ, а не нарушить его“. (Отъ Матѳея, гл. 5, 17); б) помѣщенная послѣ приведенныхъ въ прокламацію словъ: „Да что вы, братья, опомнитесь! При такихъ порядкахъ не можетъ быть справедливости, а только одно угнетеніе бѣдныхъ, темныхъ людей!.. И дѣйствительно... что мы видимъ? Видимъ, что всякій, кто только можетъ, старается надуть и прижать своего ближняго! Правительство беретъ съ народа непомерные боробы всѣмъ, чѣмъ только можно — и деньгами, и имуществомъ, и людьми“ — ссылка, что въ Евангеліи Исусъ Христосъ говоритъ, что „Этого не слѣдуетъ дѣлать“. См. Матѳея гл. 17, 24, 26, изъ главъ 17-й — тексты 25, 26 и 24-й — текстъ 9-й — отмѣчены карандашемъ. Послѣ разсужденій о положеніи бѣдныхъ и богатыхъ классовъ на 12-й и 13-й страницѣхъ прокламаціи включены изъ Евангелія отъ Матѳея главы 23-й тексты: 4, 5, 7, 14, 23, 27, 33, 35, каковыя карандашемъ не отмѣчены; 2) Карта Московской губерніи съ подробнымъ указаніемъ городовъ и всѣхъ селеній. На поляхъ этой карты написано карандашемъ: „Павловское, Введенское и Аксиньевское“. 2) Револьверъ тульской работы съ шестью зарядами, завернутый въ клеенчатый чехолъ, клеенчатая сумка зеленого цвѣта и коротенькая деревянная курительная трубочка. Вещи эти видѣли на Папинѣ въ Гжатскомъ уѣздѣ. 4) Стихи революціоннаго содержанія, писанные карандашемъ на полудистѣ и четвертой долѣ листа: а) „Свобода“, б) „Ослушная пѣснь“, в) „Ахъ ты, сукинъ сынъ, проклятый становой“, г) „Ахъ, солдатское житье“, д) „Страданьемъ и тоской твоя томится грудь и е) „Возстанемъ, братья, за дѣло святое“. Первый куплетъ „Ослушной пѣсни“: „Пусть, какъ единый человекъ, вся Русь замученная встанетъ, освободимъ себя на вѣкъ, земли родной на всѣхъ достанетъ“, включенъ въ прокламацію „Русскому народу“ и значится въ концѣ оной.

VIII. У Дмитрія Гамова: относящіяся къ дѣлу: 1) Евангеліе одинаковаго формата, какое найдено у Папина, но безъ всякихъ отмѣтокъ; 2) рукописная тетрадка въ $\frac{1}{2}$ долю листа, куда вошли: а) каталогъ разнымъ книгамъ; б) выписка изъ сочиненія Лассалля; в) выписка изъ сочиненія Миртова „Культура и Мысль“; г) изъ сборника „Недѣля“.

IX. Протоколъ, 1872 года, сентября 14-го дня, корпуса жандармовъ генераль-майоръ Воейковъ, прибывъ съ мѣстными надзирателямъ и двумя понятыми, свидѣтелямъ, Сущевской части, 1-го квартала, въ домъ Коротяева, произвелъ, на основаніи 21 и 25 ст. закона 19-го мая 1871 года, по сообщеніи о семъ прокурору Московской Судебной Палаты, въ квартирѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Безомынина и прибывшаго къ нему по родству и остановившагося ночевать въ отдѣльномъ мезонинѣ бывшаго студента Московскаго Университета 3-го курса юридическаго факультета Ивана Папина обыскъ. Господинъ Папинъ найденъ спящимъ. При обыскѣ оказался на русской печкѣ принадлежащій ему карманный, незаряженный револьверъ съ четырьмя зарядами пулями и литографированная тетрадка „Слова вѣрующаго къ народу“; въ самой печкѣ, въ клеенчатой сумкѣ, — пакетъ съ печатными бумагами подъ заглавіемъ: „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“; въ той же сумкѣ — литографированныя тетрадки съ вышеназваннымъ заглавіемъ: „Слова вѣрующаго къ народу“, красная кумачная рубашка и разныя тетради, книги и записки. Постановилъ: опечатавъ эти вещи, представить ихъ начальнику Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія, пригласивъ для объясненія г. Папина въ Московское Губернское Жандармское Управленіе. Прис. пов. Слонимскій просилъ обратить вниманіе на то, что у подсудимаго Папина найдены только двѣ прокламаціи: „Къ русскому народу“ и „Какъ нужно жить по закону природы и правды“.

X. Протоколъ, 1873 года, сентября 16-го дня, Корпуса Жандармовъ поручикъ Поповъ прибылъ 1-го стана, Звенигородскаго уѣзда, въ пустошь Пекрушкяну, въ домъ бывшаго студента С.-Петербургскаго Технологическаго Института Александра Васильева Долгушина, вмѣстѣ съ помощникомъ исправника Кобылинскимъ, помощникомъ начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія въ Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздѣ майоромъ Колотинскимъ, при двухъ стороннихъ свидѣтеляхъ: московскомъ мѣщанинѣ Михаилѣ Николаевѣ Дибровѣ и крестьянинѣ Верхушковской волости, деревни Кольчуги, Яковѣ Егоровѣ, для производства, на

основаніи ст. 25 закон. 19-го мая 1871 года, обыска. У Долгушина нашли домъ его запертымъ, и, отыскавъ находившагося при немъ сторожа, крестьянина сельца Сареево Максима Кондратьева Курдаева, который объяснилъ, что Долгушинъ вмѣстѣ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ Дмитріемъ Ивановичемъ, фамиліи котораго не знаетъ, пріѣхавъ изъ Москвы на разсвѣтѣ 14-го числа сентября, тотчасъ же началъ собираться и часовъ въ 12 дня того же числа уѣхалъ вмѣстѣ съ женой и вѣщами въ Москву на подводѣ крестьянки сельца Сареево Матрены Степановой, объявивъ вышеупомянутому сторожу, что домъ свой съ землею продалъ Дмитрію Ивановичу, который и просилъ Кондратьева быть у него также сторожемъ, самъ же уѣхалъ часомъ раньше Долгушина на станцію желѣзной дороги Одинцево. При этомъ Кондратьевъ заявилъ, что часть вещей была отправлена женою Долгушина въ Москву съ крестьяниномъ сельца Сареево Ефимомъ Антоновымъ за день раньше. Приказавъ затѣмъ сторожу отпереть домъ, нашли его совершенно пустымъ, кромѣ необходимой мебели. При осмотрѣ затѣмъ дома найденъ былъ въ углу стоящимъ на полкѣ деревянный, неокрашенный, ручной работы крестъ, на которомъ вверху сдѣлана надпись: „Во имя Христа“, а на перекладинѣ креста: „Свобода, равенство, братство“. Надписи на стѣнахъ на одной: „O Cod, o soul, o glory of liberty, Night and day their lightening, their light... We row like Slaves.... But if thy finger touch us these take flight. What man shall stop us and what Cod shall smite us?“ На другой: „Quae medicamenta non sanant—ferrum sanant, quae ferrum non sanat—ignis sanat“ (Hippocrates). Надъ дверью въ комнату: „Segui il tuo corso; e lascia dir le genti! Ne sers que lui: sa cause est sainte. Il souffre et tout homme auprès du peuple est l'envoyé de Dieu“. Въ столѣ найдена расходная книжка и адресъ г-жи Румянцевой. Постановилъ: найденныя вещи, опечатавъ печатами казенными помощника исправника и помощника начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія, маіора Колотинскаго, представить для разсмотрѣнія къ начальнику Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія, опечатавъ тѣмъ же печатами надписи на стѣнахъ для предохраненія отъ уничтоженія. Товарищъ оберъ-прокурора. Переводъ надписей, найденныхъ на стѣнахъ, имѣется при дѣлѣ. Я только хотѣлъ указать на то, что надписи эти имѣютъ тенденціозный характеръ. Прис. пов. Утинъ. Надписи эти не заключаютъ въ себѣ революціоннаго характера. Напротивъ того, всѣ онѣ носятъ на себѣ религіозный характеръ, и если будетъ прочитанъ переводъ, то Судъ убѣдится въ этомъ.

XI. Протоколъ. 1873 года, октября 19-го дня, помощникъ начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія въ Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздахъ маіоръ, Колотинскій, въ присутствіи товарища прокурора Московскаго Окружнаго Суда Демидова, Корпуса жандармовъ поручика Полова, исправляющаго должность Звенигородскаго исправника Кобылинскаго, при двухъ стороннихъ свидѣтеляхъ: крестьянахъ села Усова, 1-го стана Звенигородскаго уѣзда, Григорій Филипповъ и Петръ Антоновъ Тряпкинъ и сельскихъ старостахъ: деревни Сареево Никитѣ Борисовѣ и села Усова Дмитріѣ Васильевѣ, на основаніи закона 19-го мая 1871 года ст. 25 и предписанія начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія отъ 17-го сентября, за № 1.023, произвождалъ обыски: во 1-хъ, въ деревнѣ Сареево, въ домѣ отсутствующаго крестьянина Кирилла Кондратьева Курдаева, при бытности брата его Максима Курдаева, гдѣ и были найдены на дворѣ въ сѣнѣ двѣ записныя книжки и конвертъ съ 5-ю печатами на имя Авдотьи Никоновой; во 2-хъ, въ той же деревнѣ Сареево, въ домѣ крестьянина Максима Кондратьева Курдаева, при бытности его самого, гдѣ ничего относящагося къ дѣлу не найдено; въ 3-хъ, осмотрѣно было русло всей рѣчки Медвѣники, начиная отъ дер. Сареево до Петрушкинской пустоши, гдѣ жилъ на дачѣ Долгушинъ; но по осмотру ничего относящагося къ дѣлу не оказалось; наконецъ, въ 4-хъ, былъ сдѣланъ осмотръ дачи и дома, въ которомъ жилъ лѣтомъ 1873 года Александръ Васильевъ Долгушинъ, при чемъ кромѣ того, что значится въ протоколѣ отъ 16-го сентября сего года, найдено: всѣ имѣющіяся въ домѣ двери носятъ на себѣ слѣды прикосновенія рукъ и пальцевъ, выпачканныхъ какой-то черною краской, такковыя же слѣды замѣчаются и на двухъ столахъ, найденныхъ въ первой комнатѣ; слѣды, какъ будто брызги черной краски, замѣчаются тоже на стѣнахъ: 1) въ кухнѣ, направо отъ окна, и 2) въ маленькой дальней комнатѣ налѣво отъ окна, на перегородкѣ и на полу. Въ имѣемомся подъ губою подвалѣ не найдено ничего; замѣчены лишь на потолкѣ подвала вбитые небольшіе гвозди проволочныя и загнутые, служившіе какъ будто для развѣски чего-то; около этихъ гвоздиковъ мѣстами тоже замѣчаются черныя пятна. Въ заднемъ чуланѣ избы и подъ поломъ чулана ничего найдено не было. При вскрытіи затѣмъ пола въ сѣняхъ дома сначала была усмотрѣна почти въ серединѣ сѣней печатная бумага полуизгнившая и заплѣснѣвшая, по разсмотрѣніи которой оказалось, что это первый листъ прокламаціи „Русскому народу“; вслѣдъ затѣмъ въ этомъ же мѣстѣ былъ найденъ столбикъ набора, перевязанный веревочкою, въ шесть строчекъ, изъ которыхъ пятая неполная отъ вывалившихся литеръ; длина этого столбика въ два вершка, а ширина въ $\frac{1}{2}$ вершка. Далѣе, въ сторонѣ избы, лежала картонная рама въ 8 отдѣлений, изъ которыхъ

4 заклеены бѣлой бумагой и выпачканы черной краской. При дальнѣйшемъ тщательномъ осмотрѣ въ разныхъ мѣстахъ поднятаго пола сѣней найдены измятыя клочки невыведшаго вполне оттиска, по видимому также прокламаціи, 13 литеръ шрифта, два выпачканныя въ черной краскѣ полотенца и клочекъ бумаги, выпачканный въ черной краскѣ, съ надписями: „Счету товаровъ“, „Ессену“, „Верещагину“, „Въ имуществѣ Ленбовъ“. Въ маленькой дальней комнатѣ подѣ лавкой лежала часть доски въ 1 арш. 5 в. длины, на которой ясно видна надпись, хотя и въ половину буквъ: „Осторожно“. Обыски и осмотры начались въ 10¹/₂ часовъ утра и окончились въ 5 часовъ вечера. Домъ Долгушина предъ осмотромъ оказался опечатаннымъ и всѣ печати цѣлы. Постановлено: о всемъ вышеизложенномъ составить настоящій протоколъ, вещи, опечатавъ печатью помощника начальника жандармскаго Управленія Звенигородскаго и Ружскаго уѣздовъ, приобщить къ дѣлу, домъ Долгушина снова опечатать и поручить надзору сельскаго старосты села Усова“.

XII. Протоколъ. 1873 года сентября 18-го дня, Корпуса жандармовъ штаб-капитанъ Ермолаевъ, прибывъ съ мѣстнымъ надзирателемъ, капитаномъ Кузьминскимъ и двумя понятными—свидѣтелями: крестьяниномъ Тульской губерніи, Веневскаго уѣзда, Василіемъ Мяхайловымъ Спрешинымъ и безсрочнымъ рядовымъ Григоріемъ Васильевымъ, Пречистенской части 4-го квартала въ Старокожошѣнную улицу, въ домѣ Арбузова въ квартиру братьевъ Николая и Василія Плотниковыхъ, произвелъ у нихъ на основаніи 21 и 25 ст. закона 19-го мая 1871 года и по сообщеніи о семъ прокурору Московской Судебной Палаты, самый строгій и тщательный обыскъ, при чемъ оказалось: разныя тетради, писанныя Николаевымъ Плотниковымъ по-нѣмецки и по-русски, тетради Василія Плотникова, писанныя по-русски. Во всѣхъ этихъ перепискахъ найдено подозрительное. Во время обыска стоявшій на часахъ на дворѣ у оконъ городской Иванъ Маховъ замѣтилъ выкинутый изъ окна узелъ и свертокъ бумаги, въ которыхъ оказалось также подозрительное. Въ то же время былъ сдѣланъ обыскъ въ той комнатѣ, откуда выброшены были вещи, но ничего предсудительнаго не оказалось. На спросъ Николая и Василія Плотниковыхъ, не ихнѣли вещи, они отказались отъ нихъ, а потомъ Николай Плотниковъ заявилъ, что онѣ принадлежатъ ему, и что онъ зналъ, что у него будутъ дѣлать сегодня обыскъ и когда мы стучались въ дверь, выбросилъ въ окно. Обо всемъ вышеизложенномъ постановилъ: бумаги опечатать, составить протоколъ и представить все начальнику Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія. Товарищъ оберъ-прокурора. Такъ какъ въ этомъ протоколѣ не сказано, что именно найдено подозрительнаго, а указано только на то, что найдены подозрительныя вещи, то я въ дополненіе считаю своею обязанностью объяснить суду, что всѣ тѣ вещи, которыя были признаны подозрительными, были опечатаны, затѣмъ протоколъ подписанъ самимъ подсудимымъ и при первомъ же отобранномъ отъ него показаніи онъ не отвергалъ того, что всѣ указанныя въ протоколѣ вещи суть вещи подозрительныя, и въ числѣ ихъ прокламаціи революціоннаго содержанія найдены именно у него. Прис. пов. Герке. Въ этомъ протоколѣ нѣтъ того официальнаго заявленія, которое необходимо при составленіи подобныхъ протоколовъ, т. е. нѣтъ точнаго указаанія на то, какія именно подозрительныя вещи были найдены, а сказано только: „Разныя“ подозрительныя вещи. Затѣмъ, въ дополненіе къ этому, я имѣю честь заявить Суду, что Плотниковъ, подписывая протоколъ, указалъ на то, что, по его мнѣнію, въ этихъ вещахъ не заключается ничего подозрительнаго. Надпись была прочитана, она слѣдующаго содержанія: XIII. „О существованіи и точности обыска свидѣтельствую, но замѣчаю при этомъ, что тетради на французскомъ и русскомъ языкахъ подозрительными не считаю. Бывшій студентъ Петербургскаго Университета Николай Плотниковъ. Подс. Плотниковъ заявилъ, что, дѣйствительно, у него кромѣ прокламацій „Русскому народу“ и „Какъ нужно жить по закону природы и правды“, были еще три прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“, но, вслѣдствіе небольшого числа ихъ, воспоминаніе объ этихъ трехъ прокламаціяхъ у него совершенно исчезло, и вотъ поэтому то онъ и отказался отъ того, что у него были эти три прокламаціи.“

XIV. Протоколъ. 1873 года, сентября 29-го дня, Корпуса Жандармовъ поручикъ Поповъ, прибывъ съ мѣстнымъ надзирателемъ Байковымъ и двумя сторонними свидѣтелями: — отставнымъ рядовымъ Гаврилой Лукинымъ, купцомъ Иваномъ Васильевымъ Лебедевымъ и крестьяниномъ Кирилломъ Кондратьевымъ Курдаевымъ въ опечатанную квартиру ярославскаго мѣщанинъ Татьяны Порфирьевой, помѣщающейся въ Сущевской Части, 4-го квартала, въ домѣ купца Гурина, въ которой 27-го сего сентября былъ произведенъ обыскъ, и найдя печати въ цѣлости, приступилъ, на основаніи 25 ст. закона 19-го мая 1871 года, къ производству выемки, при чемъ взято мужское платье; пальто и двѣ поддевки были предъявлены крестьянину Курдаеву, который показалъ, что поддевка синеватаго сукна и пальто, принадлежитъ Александру Васильеву Долгушину, на которомъ онъ видѣлъ, носившимъ ихъ въ Москвѣ, когда Курдаевъ видѣлъ его въ послѣдній разъ. Постановилъ: опечатавъ, представить въ Московское Губернское Жандармское Управление.

XV. Протоколъ. 1873 года, октября 10-го дня, произведшій дознаніе адъютавъ Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія, штабъ-капитанъ Лудкинъ,

расмотрѣвъ представленную приставомъ Сущевской Части при отношеніи отъ 7-го октября за № 6679 опись имущества ярославской мѣщанки Татьяны Порфирьевой, находящейся въ Сущевской Части, 4-го квартала, на 1-й Мѣщанской улицѣ, въ домѣ Гурина, нашелъ необходимымъ сдѣлать выемку упоминаемыхъ въ описи: чугуновой плиты и 6 горшковъ, вслѣдствіе чего, прибывъ въ означенную квартиру, въ присутствіи товарища прокурора Московскаго Окружнаго Суда Демидова, помощника надзирателя Локтаева и при двухъ понятыхъ стороннихъ свидѣтеляхъ: крестьянина Ярославской губ.. Угличскаго уѣзда, деревни Федякова, Капитона Андреева Туницына и юрьевскаго мѣщанина Ивана Ивапова Горяинова, жителейующихъ того же квартала; первый—въ домѣ Лебедева, и второй—въ томъ же домѣ Гурина, произвелъ означенную выемку, при чемъ оказалось, что все имущество Порфирьевой было сложено на дворѣ, въ особомъ сарайчикѣ и заперто всякими замкомъ, ключъ отъ котораго хранился у дворника, которому означенное имущество сдано было на храненіе; все сложенное имущество въ отдѣльности было найдено съ приложенными къ каждой вещи печатями конторы мѣстнаго квартала. Изъ числа вещей была взяты для приобщенія къ дѣлу: во-первыхъ, чугунная доска или желѣзная, длиною 15 $\frac{1}{2}$, вершк. и шириною 7 $\frac{1}{2}$, вершк. и имѣющая на узкихъ бокахъ по двѣ четырехугольныя дыры и въ срединѣ двѣ маленькія и двѣ нѣсколько побольше круглыя дыры, на доскѣ имѣются слѣды черной краски; во-вторыхъ, изъ пяти горшковъ одинъ глиняный, заключающій въ себѣ черную краску. По объясненію помощника надзирателя Локтаева и одного изъ бывшихъ при описи понятыхъ, верейскаго купца Михаила Васильева Лебедева, живущаго въ томъ же кварталѣ и на той же улицѣ, въ своемъ домѣ, вышеозначенная доска и кувшинъ съ краской были найдены при описи имущества Порфирьевой въ дровяномъ сараѣ, въ углу за дровами. О всемъ вышеизложенномъ постановлено: составить настоящій протоколъ, который вмѣстѣ со взятыми вещами приобщить къ дѣлу. Прис. пов. Спасовичъ заявить, что, тѣ вещи, которыя показаны въ этомъ протоколѣ принадлежащими Порфирьевой, принадлежать Дмоховскому, и если онѣ показаны принадлежащими Порфирьевой, то только потому, что квартира была записана на ея имя, нанята же она была Дмоховскимъ. Подсудимый Дмоховскій подтвердилъ это заявленіе защитника.

XVI. Протоколъ. 1873 года, ноября 28-го дня, Корпуса Жандармовъ генераль-майоръ Воейковъ, прибывъ съ мѣстнымъ надзирателемъ и понятыми сторонними свидѣтелями въ домъ временно московскаго купца и ревельскаго гражданина Эмиля Романовича Циммермана, Мѣщанской части 1-го квартала, произвелъ, на основаніи 21 и 25 ст. закона 19-го мая 1871 года и по сообщеніи о томъ прокурору Московской Судебной Палаты, въ особомъ помѣщеніи, занимаемомъ сыномъ домовладѣльца Эмилиемъ Циммерманомъ, а равно въ кладовыхъ и сараяхъ, самый строгій обыскъ. Въ означенной квартирѣ найдены: переписка, литографированная тетрадка: „Слова вѣрующаго къ народу“, нѣмецкія книги цюрихской печати объ интернаціональномъ союзѣ, сочиненія Чернышевскаго и Михайлова и фотографическія карточки. Означенныя вещи, опечатавъ, постановилъ: представить къ начальнику Московскаго Жандармскаго Управленія, о чемъ и составилъ сей протоколъ. Затѣмъ прочитанъ переводъ надписей на дачѣ Долгушина: Переводъ: латинской надписи: „Что не можетъ быть излѣчено лѣкарствомъ, то излѣчивается желѣзомъ, а чего не можетъ излѣчить желѣзо, то излѣчивается огонь“ (Гиппократъ); итальянской: „Иди твоимъ путемъ и предоставь говорить народу“; французской: „Служи только ему, ибо его дѣло—естъ дѣло священное. Онъ страдаетъ, и всякій человѣкъ вблизи народа—естъ посланникъ Бога“; англійской: „О Богъ, о душа, о слава свободы, и днемъ, и ночью ихъ молнія и свѣтъ.... Мы гребедемъ, какъ рабы.... Но если твой перстъ коснется насъ, то они бѣгутъ. Какой человѣкъ остановитъ насъ и какой Богъ поразитъ насъ?“ Первоприсутствующій. Въ виду окончанія судебного слѣдствія, не желаетъ ли кто-нибудь дополнить его и разъяснить что-нибудь опросомъ свидѣтелей? Нужны ли еще сторонамъ свидѣтели? (Стороны не изъявили желанія спрашивать свидѣтелей). Въ такомъ случаѣ свидѣтели могутъ удалиться. Прис. пов. Матросовъ. По поводу прочтенія нѣкоторыхъ документовъ и заявленія, сдѣланнаго г. Дмоховскимъ, подсудимая Сахарова желаетъ дать объясненія. При этомъ я долженъ заявить, что она стѣсняется и стѣснялась давать объясненія, такъ какъ не имѣетъ возможности передать все въ послѣдовательномъ порядкѣ. Поэтому она проситъ облегчить ея задачу, предлагая ей тѣ вопросы, которые судъ найдетъ необходимыми сдѣлать для разъясненія дѣла. Первоприсутствующій (къ подсудимой Сахаровой). Если вы считаете нужнымъ представить какія-либо объясненія, то сдѣлайте милость, не стѣсняйтесь. Подс. Сахарова. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ — платье, запачканное черною краской. Я хотѣла объяснить, что оно могло запачкаться тогда, когда я выносила ящикъ.—В. Только это вы желали сказать, или еще что-нибудь? (Подсудимая молчитъ). Только теперь вамъ и есть возможность сказать что-либо въ свое оправданіе, потому что когда судебное слѣдствіе окончится, то затѣмъ, во время рѣчи, нельзя уже будетъ ссылаться на то, на что не было указано во время судебного слѣдствія. Подсудимая. Я была свидѣтельницей приготовленія къ печатанію. В. Что-же, у васъ были эти столы? О. Да, столы, наборъ. В. Вы видѣли сдѣ-

ланный наборъ, или разсыпанный? О. Разсыпанный въ ящикахъ. В. При васъ не набирали? О. Нѣтъ. В. Не печатали? О. Нѣтъ. В. А съ чего набирали, вамъ извѣстно? О. Нѣтъ. В. Сколько времени вы жили въ Москвѣ? О. Я. въ Москвѣ остановилась въ гостиницѣ, потомъ перѣехала на дачу въ Сареево. В. Тамъ дня два были? О. Да. В. Въ эти два дня ничего особеннаго не видѣли? О. Нѣтъ. В. Оттуда куда перѣехали? О. Съ Долгушиной въ Москву. В. Потомъ вы еще въ Сареево ѣздили? О. Да, въ августѣ. В. Сколько времени вы тамъ пробыли тогда? О. Недѣли двѣ. В. Вы жили въ домѣ Долгушина? О. Да. В. И въ это время вы ничего особеннаго не замѣчали? При васъ ничего не печаталось? О. Нѣтъ. В. А откуда вы перѣехали въ домъ Степанова? О. Съ Шабаловки. В. Живя въ домѣ Степанова, вы ничего особеннаго не замѣчали? О. Нѣтъ, ничего; видѣла только, что ящики стояли. В. Что въ нихъ было? О. Буквы для печатанія. В. Но самага печатанія при васъ не было? О. Нѣтъ. В. А когда вы жили въ домѣ Гурина, что тамъ видѣли? О. Тамъ въ комнатахъ стояли ящики. В. Но свидѣтельницамъ печатанія не были? О. Нѣтъ. В. А съ дачи куда выѣхали? О. Въ домъ Гурина, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. В. Долго-ли тамъ оставались? О. Недѣли двѣ. В. Потомъ вы куда поѣхали? О. Я была арестована. Подс. Плотниковъ. Говорятъ, что я давалъ такое показаніе, что хотѣлъ идти на пропаганду революціонныхъ идей. Но дѣло въ томъ, что когда старое міросозерцаніе сталкивается съ новымъ міросозерцаніемъ, когда старыя идеи сталкиваются съ новыми идеями, то старыя идеи уступаютъ натиску новыхъ... Первоприсутствующій Намъ этого не нужно, намъ нужны лишь факты. Подс. Я только хотѣлъ сказать, что въ этомъ смыслѣ новыя идеи считаются революціонными.... Первоприсутствующій. Я опять повторяю, что намъ нужны только факты, а не эти объясненія. Подс. Я объясняю это только для того, чтобы не дать поводъ къ слишкомъ рѣзкому объясненію со стороны нѣкоторыхъ изъ судей. Такимъ образомъ, я разумѣлъ революціонныя идеи въ сферѣ.... Первоприсутствующій. Намъ вовсе не нужно знать; намъ не нужно знать того, какъ вы понимаете революціонныя идеи, вы укажите только на факты. Подс. Если нужны только факты, то мое объясненіе можетъ сократиться. Подс. Гамовъ. Я желаю объяснить то противорѣчіе, которое находится въ показаніи Мартынова. Въ одно изъ воскресеній, возвращаясь по обыкновенію пѣшкомъ изъ Москвы, мнѣ попался рабочій, живущій на фабрикѣ лѣтъ 20, и передалъ слѣдующее обстоятельство, что одинъ изъ рабочихъ прочиталъ книжку (прокламацію) и сказалъ: „А за эту книжку нашего брата свяжутъ“. Вотъ послѣ этого-то я началъ подозревать въ этой книжкѣ преступность и вслѣдствіе этого говорилъ Мартынову, что если онъ не успѣетъ ее принести и книжка попадетъ до возвращенія ко мнѣ въ контору, то чтобы онъ сказалъ, что купилъ ее въ Москвѣ на толкучкѣ. Но до этого разговора я не зналъ содержанія книжки. Затѣмъ первоприсутствующій объявилъ судебное слѣдствіе оконченнымъ, и засѣданіе закрыто. Судебное слѣдствіе оконченнымъ, и засѣданіе закрыто. Судебныя пренія назначены на слѣдующій день въ 11 часовъ утра. По открытіи засѣданія первоприсутствующій объявлялъ, что присутствіе приступить къ выслушанію преній, и предоставилъ слово обвинителю. Товарищъ оберъ-прокурора, послѣ нѣсколькихъ замѣчаній объ общемъ значеніи настоящаго дѣла, приступилъ къ слѣдующему изложенію фактической его стороны. Осенью 1872 года, въ домѣ Меркъ, на Петербургской сторонѣ, проживалъ нѣкто Долгушинъ, замѣчу мимоходомъ, тотъ самый, который судился по нечаевскому дѣлу, принадлежа къ кружку сибиряковъ, на квартирѣ этого Долгушина осенью 1872 года собиралась молодежь. Собранія эти бывали довольно многолюдны, какъ это видно изъ показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ равно и изъ показаній, которыя вы слышали здѣсь на Судѣ. Ананій Васильевъ, котораго показанія вы не только слышали, но котораго нѣкоторые изъ васъ лично допрашивали, заявилъ, что онъ, конечно, не можетъ опредѣленно сказать, на сколько многолюдны бывали собранія, но что „на-роду бывало много“. На предложенный ему вопросъ: „Кто они были, изъ какой среды?“ онъ отвѣтилъ: „А кто ихъ знаетъ, кажется, студенты“. Слѣдовательно, очевидно собиралась молодежь. Вотъ на этихъ-то собраніяхъ, по объясненію Долгушиной, показаніе которой было здѣсь прочитано и на которое я, слѣдовательно, имѣю полное право ссылаться, зашла рѣчь „о нормальномъ человѣкѣ“. На этихъ-то вечерахъ, гдѣ говорилось о нормальномъ человѣкѣ, между прочемъ молодежью бывали и всѣ главные обвиняемые по настоящему дѣлу. Главными обвиняемыми я называю Долгушина—хозяйина дома, Дмоховскаго, Папина и Плотникова. Ананій Васильевъ бывалъ тамъ, такъ сказать, мимоходомъ, потому что въ то время онъ находился, какъ рабочій, въ мастерской у г. Верещагина, которую завѣдывалъ Долгушинъ. Скоро, однако, эти теоретическія бесѣды полудилософскаго содержанія перешли на болѣе практическую почву. Иніціатива въ этомъ дѣлѣ, какъ видно изъ предварительнаго слѣдствія, принадлежитъ Дмоховскому. Онъ первый заикнулся о типографскомъ станкѣ, слѣдовательно, онъ первый какъ бы приложилъ теорію къ практикѣ. Затѣмъ, какъ видно изъ предварительнаго слѣдствія, а равно изъ показаній, данныхъ на судѣ, Ананія Васильева, разговоры эти приняли чисто практическій характеръ. Между прочимъ, Ананій Васильевъ даетъ по этому поводу весьма интересное показаніе. Оно заключается въ томъ, что ему было предложено еще въ Петербургѣ „идти въ народъ“—

разносить книжки, при чемъ условія были таковы, что онъ отправлялся разносить, продавать эти книжки по извѣстной цѣнѣ, вѣроятно, весьма не высокой, и чтобы все, что выторгуешь, получалъ въ свою пользу. Васильевъ было согласился и пошелъ. Но потомъ, пораздумавъ, онъ пришелъ къ тому заключенію, что это будетъ невыгодно, что если положить жалованье, то еще можно будетъ пойти, а здѣсь совершенно неизвѣстно, насколько это будетъ выгодно, насколько вознаградится его трудъ. Поэтому онъ откаался отъ продажи на такихъ условіяхъ. Послѣ этихъ вечеровъ мы видимъ, что съ марта мѣсяца главные обвиняемые перебираются въ Москву. Долгушинъ переѣхалъ первый. Ему было отказано Верещагинымъ, у котораго онъ служилъ, потому что мастерская Верещагина въ то время была переведена въ Москву. Верещагинъ здѣсь на судѣ на весьма категорически поставленный ему вопросъ отвѣчалъ предъ вами, что всѣ отношенія его къ Долгушину закончились въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ окончательно расчитанъ, и въ Москвѣ Верещагинъ не имѣлъ съ нимъ ровно ничего общаго, видѣлъ его въ Москвѣ только одинъ разъ, когда онъ приходилъ по поводу покупки или продажи сѣна, слѣдовательно по вопросу, не касающемуся мастерской.—На предварительномъ слѣдствіи подсудимый Долгушинъ старался объяснить свой переѣздъ въ Москву тѣмъ соображеніемъ, что мастерская передана, и что онъ хотѣлъ найти мѣсто. Насколько это соображеніе вѣрно—легко усмотрѣть изъ сейчасъ сказаннаго. Затѣмъ Дмоховскій уѣзжаетъ за границу. Объ этой заграничной поѣздкѣ я буду говорить подробно, когда буду разбирать дѣятельность каждаго подсудимаго отдѣльно. Въ настоящее время считаю достаточнымъ сказать, что эта поѣздка за границу осталась, повидимому, не разъясненною, сколько-нибудь удовлетворительно, Дмоховскимъ. Я представлю по этому предмету своевременно свои соображенія, которыя могутъ нѣкоторымъ образомъ указать на цѣль, съ которой подобная поѣздка могла быть сдѣлана. Какъ бы то ни было, но послѣ возвращенія Дмоховскаго изъ-за границы, онъ также перебирается въ Москву и поступаетъ на клеваренный заводъ купца Платонова. Мѣсяць спустя послѣ этого переѣзжаютъ въ Москву Папинъ и Плотниковъ. Ни на предварительномъ слѣдствіи, ни на судѣ, подсудимыми не было указано никакихъ причинъ, сколько-нибудь разумныхъ и выясняющихъ, почему они, т. е. Папинъ и Плотниковъ, перебрались въ Москву.

Вслѣдствіе этого невольно приходишь къ тому убѣжденію, что переѣздъ подсудимыхъ въ Москву обусловливался не какимъ-нибудь отдѣльнымъ для каждаго домашнимъ обстоятельствомъ, но одною общою цѣлью. Что дѣлаютъ затѣмъ эти господа, переѣхавъ въ Москву? Долгушинъ покупаетъ дачу по близости деревни Сареево. На предварительномъ слѣдствіи Долгушинъ утверждалъ, что дача была навязана ему Кирилломъ Курдаевымъ, что онъ ему совѣтовалъ купить дачу. Вы, вѣроятно, помните, я допрашивалъ Курдаева по этому предмету, и онъ категорическимъ образомъ заявилъ, что онъ никогда не совѣтовалъ Долгушину покупать дачу, что инициатива этого дѣла принадлежитъ Долгушину, а что онъ, свидѣтель, только помогалъ ему отыскать дачу, при чемъ предлагалъ двѣ, изъ которыхъ одну Долгушинъ считалъ для себя дорогою, а другую купилъ. Что это за дача—вамъ также извѣстно изъ моихъ разспросовъ и показаній свидѣтелей и подсудимыхъ. Дача состояла изъ куска земли примѣрно въ 5 десятинъ. Тамъ было посажено немного, какъ говорили дѣятели, картофеля и капусты, которые занимали, много-много, $\frac{3}{4}$ десятины. Долгушинъ утверждалъ, что купилъ дачу съ цѣлью заняться хозяйствомъ. Я полагаю, что мнѣ не нужно доказывать, что подъ занятіемъ хозяйствомъ всякій разумѣетъ такое занятіе, отъ котораго онъ можетъ получить извѣстную выгоду. Непонятно, какой выгоды могъ ожидать Долгушинъ отъ такого ничтожнаго посада картофеля и капусты. Ужъ это много, если бы хватило всего на собственное его употребленіе. Такимъ образомъ, нельзя не заключить, что самая покупка дачи была сдѣлана не съ цѣлью хозяйства, а съ цѣлью уединиться, выбрать такой уголокъ потемнѣе, гдѣ можно было бы заняться тѣмъ преступнымъ дѣломъ, которымъ подсудимые дѣйствительно и занимались. Это видно изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, изъ всѣхъ показаній; я разумно показанія Долгушиной, Сахаровой и Ананія Васильева. Подсудимые занимались тамъ печатаніемъ прокламацій, которое началось въ іюнѣ. Кстати—я, гг. судьи, ходатайствую предъ вами о томъ, чтобы вы не обращали особаго вниманія на числа. Достаточно будетъ, какъ я, по крайней, мѣрѣ полагаю, если будутъ указаны только мѣсяцы. Вы изволили, вѣроятно, убѣдиться, что свидѣтели затрудняются опредѣлять числа. Въ самомъ дѣлѣ, есть такіе свидѣтели, которыхъ большинство крестьяне, отъ которыхъ трудно требовать припомнить число, да и вообще для каждаго труднѣе припоминаются числа, нежели извѣстное событіе, извѣстный фактъ, обратившій на себя почему-либо вниманіе. Сверхъ того, въ данномъ случаѣ эта точность въ числахъ и не имѣетъ существеннаго значенія. Итакъ, въ іюнѣ началось печатаніе прокламацій. При этомъ предварительно были собраны, вродѣ осеннихъ вечеровъ въ Петербургѣ, но уже съ инымъ характеромъ. Здѣсь опять впервые, по показанію Долгушиной, завелъ рѣчь о печатаніи Дмоховскій. Когда было окончено печатаніе въ Сареево и когда главные обвиняемые по дѣлу, подъ которыми я разумно Долгушина и Дмоховскаго, благословили, такъ сказать, преступную дѣятельность остальныхъ трехъ, тѣ отправились въ началѣ сентября распространять про-

кламація, а Долгушинъ и Дмоховскій воздержались отъ этого и перебрались въ Москву въ домъ Степанова, гдѣ и продолжали свою преступную дѣятельность по части печатанія прокламацій. Въ сентябрѣ же мѣсяцѣ начались аресты, и такимъ образомъ этой преступной дѣятельности былъ положенъ конецъ. Вотъ тотъ общій очеркъ настоящего дѣла, который я считалъ своею обязанностью представить вамъ. Затѣмъ я перехожу къ обвиненію каждаго подсудимаго отдѣльно... Но еще одно слово въ доподненіе къ общему очерку. Я позволилъ себѣ сказать, говоря о подсудимыхъ, что это молодежь и молодежь недоучившаяся. Я забылъ упомянуть, что доказательства того у меня, конечно, на лицо. Возьмемъ главныхъ изъ обвиняемыхъ. Долгушинъ окончилъ курсъ въ гимназіи, немножко побылъ въ Технологическомъ Институтѣ, и тѣмъ кончилъ. Дмоховскій — единственный изъ всѣхъ — окончилъ курсъ въ Технологическомъ Институтѣ. Палинъ — но тутъ дѣлѣй формулярный списокъ: Тобольская Гимназія, Московскій Университетъ, Медицинская Академія, Лѣсной Институтъ, Петербургскій Университетъ, и нигдѣ онъ не кончилъ курса. Плотниковъ въ томъ же родѣ. Теперь перехожу къ обвиненію каждаго изъ подсудимыхъ.

Долгушинъ представляется мнѣ по дѣлу главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ томъ смыслѣ, что ему принадлежала инициатива всего дѣла. Припомните, гг. судьи, что у него въ квартирѣ начались собранія въ Петербургѣ; припомните также, что онъ обвиняется по обвинительному акту и сознался на судѣ въ сочиненіи одной прокламаціи: „Русскому народу“, но обвиняется, какъ я буду имѣть честь сказать далѣе, въ сочиненіи двухъ прокламацій: „Русскому народу“ и „Къ интеллигентнымъ людямъ“. Затѣмъ у него же, Долгушина, печатались на дачѣ прокламаціи; онъ же продолжалъ печатать ихъ вмѣстѣ съ Дмоховскимъ въ Москвѣ въ домѣ Степанова. Наконецъ, онъ же обвиняется мною въ распространеніи прокламацій. Характеризуя каждое изъ этихъ обвиненій, я буду имѣть случай указать, почему я называю Долгушина лицомъ, около котораго группировались всѣ остальные. Объясню, почему признаю его виновнымъ въ сочиненіи двухъ прокламацій. Въ сочиненіи прокламаціи „Русскому народу“ онъ сознался предъ вами, а потому говорить по этому предмету я не буду. Ограничусь только указаніемъ на то, что по предварительному слѣдствію онъ въ этомъ обвиняется вполне его несчастною женою, которая заявила, что видѣла прокламацію въ рукописи, написанною задолго до печатанія. Вѣроятно, въ виду этого, а, можетъ быть, и по другимъ соображеніямъ, Долгушинъ не отрицалъ больше своей виновности въ сочиненіи этой прокламаціи. Въ отпечатаніи прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“ мы имѣемъ не менѣе искреннее и чистосердечное, а потому и заслуживающее полнаго довѣрія признаніе подсудимой Сахаровой, данное ею на предварительномъ слѣдствіи. Она положительно и ясно заявила, что въ то время, когда проживала въ домѣ Степанова съ Дмоховскимъ, къ нему приходилъ Долгушинъ и они вмѣстѣ печатали прокламаціи, что она своими глазами видѣла, какъ это дѣлалось, что видѣла прокламацію „Къ интеллигентнымъ людямъ“, сочиненную Долгушинымъ, въ домѣ Степанова еще въ рукописи. Прис. пов. Спасовичъ обратилъ вниманіе Суда на то, что показаніе Сахаровой не можетъ быть предметомъ судебныхъ преній, такъ какъ о немъ не было упомянуто во время судебного слѣдствія. Первоприсутствующій замѣтилъ, что онъ понимаетъ, что хочетъ сказать г. защитникъ, но мнѣніе его не совсѣмъ вѣрно. При этомъ онъ просилъ товарища оберъ-прокурора въ дальнѣйшемъ изложеніи показанія Сахаровой придерживаться судебного слѣдствія. Товарищъ оберъ-прокурора. Итакъ, мнѣ представляется совершенно доказаннымъ, что авторъ „Къ интеллигентнымъ людямъ“ есть Долгушинъ. Затѣмъ я приступаю къ доказательству печатанія прокламаціи. Въ печатаніи прокламацій подсудимые въ настоящее время полусознались сами. Я говорю полусознались, потому что они сознаются только въ печатаніи въ Сареево и отвергаютъ печатаніе въ домѣ Степанова. Но, независимо отъ сознанія подсудимыхъ, въ дѣлѣ имѣются положительныя доказательства, что печатаніе прокламацій происходило и въ домѣ Степанова. Относительно печатанія въ Сареево имѣются слѣдующія доказательства. Свидѣтели Хухриковы, которые были допрошены, на судебномъ слѣдствіи объяснили передъ вами подробно, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ подсудимые перевозили вещи и притомъ какія вещи. Вещи эти принадлежали Долгушину. Затѣмъ, какъ объяснили свидѣтели, онѣ были тяжелы, завернуты въ рождоу, сквозь которую видны были винты, какъ показываетъ Семенъ Михайловъ, который помогалъ перекладывать вещи, и Тихановъ, который взялся довести ихъ до Дорогомиловской слободы. Такимъ образомъ, независимо отъ сознанія подсудимыхъ, обстоятельство это достаточно доказывается свидѣтелями, и въ виду этого сознанія я считаю излишнимъ распространяться далѣе. Затѣмъ я обращаю вниманіе Суда только на весьма характеристическое показаніе Максима Курдаева. Крестьянинъ этотъ — родной братъ Кириллу Курдаеву, съ которымъ Долгушинъ былъ знакомъ еще въ Петербургѣ, такъ какъ онъ былъ въ числѣ рабочихъ въ мастерской Верещагина, и былъ нанятъ Долгушинымъ въ качествѣ сторожа. Этотъ Максимъ Курдаевъ заявилъ, что въ дер. Сареево, какъ онъ, такъ и другіе его односельцы, заподозрили въ Долгушинѣ и его гостяхъ (при чемъ онъ назвалъ остальныхъ 3-хъ главныхъ подсудимыхъ) въ дѣланіи фальшивой монеты. На

вопрос мой, почему крестьяне пришли к такому заключению, онъ сказалъ, что вставали они очень рано, ложились поздно, окна всегда были занавѣшены и т. д., такъ что все указывало на совершенную таинственность. При этомъ еще важнѣе показаніе Максима Курдаева о томъ, какимъ образомъ поступилъ Дмоховскій, когда узналъ, что распространены такіе слухи, и когда узналъ, что въ окологдѣ находился исправникъ. Долгушинъ пригласилъ черезъ Васильева свидѣтеля Курдаева къ себѣ и спросилъ: правда-ли, что о нихъ говорятъ, и потомъ сказалъ, чтобы онъ никому не смѣлъ повторять этихъ слуховъ и даже пригрозилъ, въ случаѣ ослушанія, пистолетомъ. Показаніе это дано на судѣ. Такимъ образомъ, печатаніе прокламацій въ Сареево представляется совершенно доказаннымъ помимо сознанія подсудимыхъ. Что же касается до печатанія прокламацій въ домѣ Степанова, то, не указывая въ подробности на показаніе, данное по этому поводу, Сахаровою, я полагаю, что печатаніе это доказывается уже тѣмъ, что въ выписано изъ этого показанія въ обвинительномъ актѣ, который былъ прочитанъ передъ Судомъ. Обращаясь къ доказательствамъ распространенія прокламацій. Относительно распространенія ихъ первымъ и однимъ изъ главныхъ показаній является показаніе Ананія Васильева. Ананій Васильевъ прямо заявилъ, что онъ ходилъ въ какую-то деревню вмѣстѣ съ Долгушинымъ и тамъ читали одну прокламацію крестьянамъ. Независимо отъ этого показанія, имѣются еще другія доказательства, повторенныя передъ вами на судѣ. Я хочу сказать о показаніяхъ Федора Афанасьева и Ивана Сидорова, который передалъ Афанасьеву письмо, врученное ему Долгушинымъ. Федоръ Афанасьевъ—зеркальщикъ, объяснилъ, что къ нему пришли двое молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ постарше, съ черною бородакою, въ которомъ онъ призналъ здѣсь на судѣ Долгушина, и другой помоложе, лица котораго твердо не припомнитъ. Они пришли къ нему въ деревню и стали расправлять о томъ, можетъ-ли онъ взять заказъ на зеркала. На отрицательный отвѣтъ со стороны Афанасьева Долгушинъ просилъ пустить ихъ въ избу, чтобы подробнѣе переговорить о заказѣ. Афанасьевъ нашелъ это совершенно излишнимъ, такъ какъ подробно говорить о заказѣ тогда было не время. Поэтому онъ заявилъ, что не зачѣмъ идти въ избу. Тогда его пригласили пойти въ кабакъ напиться чаю. Афанасьевъ и на это приглашеніе отвѣчалъ отказомъ. Наконецъ, его попросили проводить и онъ согласился. Дорогою Долгушинъ сознался Афанасьеву, что они пришли не для заказа зеркалъ, а затѣмъ, чтобы дать почитать ему книжку. При этомъ зеркальщикъ Афанасьевъ подробно указалъ, какого рода была эта книжка. Этимъ дѣло и кончилось. На этотъ разъ Афанасьевъ книжку не взялъ. Послѣ этого, спустя нѣсколько дней, къ нему пришелъ его одоселецъ Сидоровъ и принесъ письмо отъ неизвѣстнаго чловека, который впоследствии оказался Долгушинымъ, и котораго онъ призналъ здѣсь на судѣ. По показанію Сидорова Долгушинъ, увидѣвъ его на улицѣ при выѣздѣ изъ Москвы, спросилъ: не изъ той-ли онъ деревни, гдѣ живетъ зеркальщикъ Афанасьевъ. На утвердительный отвѣтъ Долгушинъ просилъ Сидорова передать письмо зеркальщику Афанасьеву, что тотъ и исполнилъ. Въ этомъ письмѣ, по показанію Афанасьева, оказались двѣ прокламаціи. Зная уже, какого содержанія эти книжки, Афанасьевъ показалъ ихъ на всякій случай священнику и когда тотъ сказалъ, что книжки дурныя, что за нихъ можетъ достаться, онъ ихъ уничтожилъ. Такимъ образомъ, я думаю, что распространеніе прокламацій со стороны Долгушина представляется вполнѣ доказаннымъ. Затѣмъ миѣ остается обратиться къ содержанію самыхъ прокламацій. Подробно по этому поводу говорить считаю излишнимъ, такъ какъ эти прокламаціи были прочитаны передъ вами и ограничиваюсь только самымъ краткимъ указаніемъ. Первая прокламація — „Къ интеллигентнымъ людямъ“ весьма короткая, есть открытое воззваніе къ оружію противъ существующаго Правительства и написана спеціально для людей, до нѣкоторой степени подготовленныхъ, которые могли бы подобнаго рода брошюру распространять между другими лицами и преимущественно въ средѣ крестьянскаго населенія. Затѣмъ слѣдующая прокламація— „Какъ должно жить по закону природы и правды“, главнѣйшимъ образомъ старается развить вопросъ о равноправности людей на землю, однимъ словомъ, проводитъ крайнія соціальныя идеи и кончается точно такъ же, какъ и прокламація „Къ интеллигентнымъ людямъ“, хотя въ менѣе рѣзкой формѣ, т. е. воззваніемъ къ оружію. Наконецъ, послѣдняя прокламація—„Русскому народу“, написанная болѣе сдержанно нежели двѣ предыдущія, но тѣмъ не менѣе, по моему мнѣнію, болѣе ихъ вредная, потому что поддѣлывается подъ тонъ крестьянской рѣчи, написана языкомъ простымъ, удобопонятнымъ простолудину; она заключаетъ въ себѣ рѣзкое порицаніе Правительства и старается возбудить въ крестьянахъ самые дурные инстинкты и ненависть къ высшимъ сословіямъ, при чемъ также содержитъ въ себѣ воззваніе къ открытому возстанію. Подсудимый сознался, какъ я уже говорилъ, въ сочиненіи воззванія къ „Русскому народу“. Послѣ этого невольно задаешь себѣ вопросъ, почему онъ не сознается въ сочиненіи прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“. Я полагаю, что причина этому очень проста: во 1-хъ, удобнѣе сознаться въ сочиненіи къ „Русскому народу“ уже потому, что оно написано въ болѣе скромныхъ выраженіяхъ, слѣдовательно, есть возможность постараться придать ей невинное свойство, затѣмъ есть другая причина и, по мнѣнію моему, самая важная, а именно это то, что другой подсудимый—Дмо-

ховскій, какъ я уже имѣлъ случай указать вамъ, милостивые государи, сознается въ томъ, что онъ знаетъ о печатаніи прокламацій въ Сареево, но только отрицаетъ свое участие а равно участие въ печатаніи въ домѣ Степанова вмѣстѣ съ Долгушинымъ. Отсюда понятно, что если бы Долгушинъ сознался въ сочиненіи прокламацій „Къ интеллигентнымъ людямъ“, которая была напечатана въ Москвѣ, то ему пришлось бы затронуть интересы своего товарища, чего онъ не хочетъ. Вотъ почему онъ сознается въ сочиненіи воззванія къ „Русскому народу“ и отказывается отъ сочиненія прокламацій „Къ интеллигентнымъ людямъ“. Затѣмъ перехожу къ слѣдующему подсудимому — Дмоховскому. Если я сказалъ, что Долгушину принадлежитъ инициатива всего дѣла, что онъ, такъ сказать, глава предпріятія, то итъ бы малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Дмоховскій есть душа всего дѣла. Вотъ соображенія, на которыхъ я основываюсь. Я прошу припомнить, что первая инициатива о заведеніи типографскаго стапка, еще въ Петербургѣ, въ то время, когда вопросъ стоялъ только на теоретической почвѣ, принадлежить Дмоховскому. Далѣе имъ, Дмоховскимъ, были куплены географическія карты. Для чего онѣ были куплены, и въ свое время буду имѣть честь указать при разсмотрѣніи дѣятельности Панина и Платонова, теперь же ограничусь только указаніемъ на то, что съ этими картами они отравились для распространенія прокламацій. И такъ, Дмоховскій купилъ эти карты и привезъ ихъ на дачу въ Сареево, чего онъ и самъ не отрицалъ здѣсь на судебномъ слѣдствіи. Далѣе влияние Дмоховскаго было настолько велико даже на самого Долгушина, что даже въ семейномъ вопросѣ, въ вопросѣ о томъ, гдѣ должна жить жена Долгушина, Дмоховскій играетъ первостепенную роль, какъ это мы видимъ изъ прочитаннаго здѣсь показанія г-жи Долгушиной. Она говоритъ, что когда, искугавшись затѣйнаго дѣла, вмѣстѣ съ Сахаровой рѣшилась уѣхать въ Москву, Дмоховскій настаивалъ, чтобы выдавать ей по 15 рублей въ мѣсяцъ и отправитъ въ село Иваново, Владимірской губерніи. Далѣе изъ показанія Ананія Васильева видно, что Дмоховскій посылалъ Васильева къ Циммерману, когда Васильевъ окончилъ распространеніе прокламацій и вернется въ Москву. Изъ показанія того же Васильева видно, что деньги при отправленіи въ разноску прокламацій выдавались Дмоховскимъ, хотя самъ Васильевъ и получилъ ихъ отъ Панина. Наконецъ, припомните еще одно обстоятельство, которое, хотя, повидимому, не имѣетъ значенія, но можетъ быть важно въ виду мною сказаннаго. Это то, что когда Долгушинъ, разставаясь съ Ананіемъ Васильевымъ, не рассчитался съ нимъ, какъ слѣдуетъ, оставшись должнымъ ему 70 рублей, то часть этого долга выплатилъ опять такіи Дмоховскій. Такимъ образомъ, совокупности неложногого указываютъ на то, что Дмоховскій руководилъ дѣломъ и имѣлъ влияние не только на остальную компанію, но даже на Долгушина, котораго я ставлю во главѣ всего дѣла. Точно также я считаю излишнимъ указывать подробно на дѣятельность Дмоховскаго осенью 1872 года и ограничусь только указаніемъ на станокъ. Затѣмъ, какъ я сказалъ, въ половинѣ марта Дмоховскій уѣхалъ изъ Петербурга за границу. Зачѣмъ онъ ѣздитъ за границу, онъ этого объяснить никакъ не можетъ. Онъ старался объяснить это тѣмъ, что уѣзжалъ за границу по порученіямъ Платонова и Верещагина. Между тѣмъ показаніемъ г. Платонова, даннымъ какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и здѣсь на судѣ, стараніе Дмоховскаго объяснить подобнымъ порученіемъ свою отлучку совершенно опровергается. Что говорить по этому поводу г. г. Платоновъ и Верещагинъ? Г. Верещагинъ прямо говоритъ, что Дмоховскаго никогда не посылалъ ни съ какимъ порученіемъ за границу, а что самъ Дмоховскій сказалъ ему, что ѣдетъ за границу, и только тогда г. Верещагинъ, пользуясь этимъ случаемъ, просилъ Дмоховскаго исполнить одно небольшое порученіе, за что обѣщалъ известное вознагражденіе, думая, со словъ самаго Дмоховскаго, что онъ собирается ѣхать за границу по порученію г. Платонова. Почему г. Верещагинъ могъ знать, что Дмоховскій имѣетъ порученіе за границу отъ Платонова? Очевидно не иначе, какъ со словъ самаго Дмоховскаго. Съ другой стороны, г. Платоновъ далъ показаніе въ томъ же родѣ, т. е. что никогда не давалъ Дмоховскому никакого порученія за границу, а, узнавъ отъ него самого, что онъ уѣзжаетъ за границу, точно также просилъ его исполнить нѣкоторыя порученія. Кромѣ того, самая сумма вознагражденія, полученнаго Дмоховскимъ отъ Верещагина, указываетъ ясно, что посылать нарочно человѣка за границу немислимо за такіи деньги, самому же ѣхать—нужно имѣть болѣе важныя причины. Какія это были причины, подсудимый не далъ вамъ объясненій. Затѣмъ мнѣ предстоитъ доказать виновность подсудимаго, какъ въ печатаніи, такъ и въ распространеніи прокламацій, притомъ виновность въ печатаніи, какъ на дачѣ въ деревнѣ Сареево, такъ и въ домѣ Степанова въ Москвѣ. Обвиненіе Дмоховскаго въ печатаніи прокламацій на дачѣ въ деревнѣ Сареево основано, главнѣйшимъ образомъ, на двухъ показаніяхъ: на показаніяхъ г-жи Долгушиной и Сахаровой, совершенно подтвердившей показаніе Долгушиной. На показаніе Сахаровой и подробно указывать не буду, но что оно было согласно съ показаніемъ Долгушиной, это я считаю себя въ правѣ сказать, такъ какъ это выражено въ обвинительномъ актѣ. Что касается до доказательствъ о томъ, что Дмоховскій участвовалъ въ печатаніи прокламацій съ Долгушинымъ въ домѣ Степанова, то, независимо отъ показанія лицъ, на которыхъ я уже указалъ, имѣются еще косвенныя улики, заключающіяся въ показаніи домовладѣльца

Степанова и его дворника и, наконецъ, въ показаніи дворника дома Гурина. Свидѣтель Степановъ показалъ вамъ, что онъ замѣчалъ, что шторы на окнахъ квартиръ Дмоховскаго постоянно были спущены. Я спросилъ его, что, можетъ быть, онъ замѣчалъ это только утромъ, но онъ отвѣчалъ, что проходилъ мимо дома и въ другое время, но видѣлъ всегда спущенныя шторы. Безъ сомнѣнія, это показаніе, въ виду другихъ объясненій, приобретаетъ весьма серьезное значеніе. То же самое показываетъ и дворникъ дома Степанова. Затѣмъ Соломатинъ показали, что къ нимъ изъ дома Степанова были привезены Дмоховскимъ вещи. Какія это были вещи, они не знали, но знаютъ только, что вещи были тяжелыя и при томъ небольшого объема, такъ что Дмоховскій долженъ былъ объяснить имъ, что это его машина, значить, вещи металлическія. Въ томъ же родѣ и показаніе дворника дома Соломатина. Такимъ образомъ, мнѣ представляется совершенно яснымъ, что въ домѣ Степанова печатались прокламаціи. Самъ Дмоховскій, сознавая, что въ виду свидѣтельскихъ показаній трудно отрицать все безусловно, какъ онъ это дѣлалъ на предварительномъ слѣдствіи, въ настоящее время здѣсь на судѣ заявилъ, что не отрицаетъ того обстоятельства, что, дѣйствительно, купилъ у Долгушина по окончаніи печатанія въ Сареево станокъ, шрифтъ и другія принадлежности тисненія, что перевезъ эти вещи въ Москву въ домъ Степанова, оттуда къ Соломатинымъ, отъ нихъ одинъ разъ бралъ 3 ящика и что въ домѣ Гурина онъ предлагалъ печатать, и даже заявилъ, что печатать, а именно преимущественно сочиненія, направленные противъ собственности. Значить было предположеніе, не приведенное въ исполненіе. Далѣе онъ не отрицаетъ, что заказалъ столяру столъ, который обратилъ на себя особенное вниманіе своею формою. Столъ этотъ находится здѣсь передъ вами, и столяръ подтвердилъ, что это тотъ самый, который онъ сдѣлалъ для Дмоховскаго. Дмоховскій не отрицаетъ этого, я думаю, потому, что отрицать было бы уже невозможно. Затѣмъ мнѣ приходится сказать, почему я полагаю справедливымъ обвинять Дмоховскаго и въ распространеніи прокламацій. Здѣсь я долженъ сказать, что какъ Долгушинъ, такъ и Дмоховскій, очевидно, какъ мнѣ кажется, считая себя главными руководителями, держались соотвѣтствующимъ образомъ въ отношеніи другихъ. Мы это видимъ даже изъ дѣятельности Долгушина. Всѣ порѣшили идти на пропаганду и распространять прокламаціи, какъ это положительно видно изъ показанія Долгушиной, но однако-жъ привели это рѣшеніе въ исполненіе только Панинъ, Плотниковъ и Васильевъ, т. е. люди, по моему убѣжденію, приспособленные, главными лицами для выполнения черной работы, а Долгушинъ и Дмоховскій берегли себя на работу болѣе важную. Что эта была за работа — видно изъ обвинительнаго акта въ томъ мѣстѣ его, гдѣ говорится о печатаніи прокламацій въ Москвѣ. Дмоховскій, подобно Долгушину, поступаетъ относительно распространенія также; онъ не является систематическимъ распространителемъ и относительно его имѣется только одно указаніе крестьянина Федора Аванасьева — зеркальщика, на показаніе котораго я уже имѣлъ честь передъ вами сослаться. Онъ говорилъ, что къ нему въ деревню приходилъ подъ предлогомъ заказа зеркалъ, а на самомъ дѣлѣ навязать ему книжки, Долгушинъ съ какимъ-то другимъ молодымъ человѣкомъ, котораго онъ не помнитъ настолько, чтобы признать въ комъ-либо изъ подсудимыхъ. Я думаю, что этотъ молодой человѣкъ былъ никто иной, какъ Дмоховскій. Убѣжденіе мое въ этомъ основано на слѣдующихъ соображеніяхъ. Панинъ, Плотниковъ и Васильевъ пустились энергически на дѣло распространенія только тогда, когда былъ данъ для этого сигналъ Дмоховскимъ и Долгушиннымъ въ Сареево, ранѣе этого изъ всѣхъ показаній, въ томъ числѣ и изъ показанія г-жи Долгушиной, о дѣятельности этихъ 3-хъ лицъ ничего не видно. Все, о чемъ говорить г-жа Долгушина, она говоритъ либо о мужѣ, либо о Дмоховскомъ, слѣдовательно, роль остальныхъ была второстепенная, исполнительная, подчиненная. Это первое основаніе. Второе основаніе: къ кому приносили прокламаціи Долгушинъ и неизвѣстный? Къ зеркальщику. На какомъ основаніи Долгушину пришло въ голову отправиться въ деревню, гдѣ живетъ зеркальщикъ Аванасьевъ, и почему онъ знаетъ, что тамъ живетъ этотъ зеркальщикъ? Указаніе на это мы видимъ въ сознаніи самого Долгушина, которое онъ сдѣлалъ на предварительномъ слѣдствіи. Сознаніе это заключается въ томъ, что онъ прямо заявилъ, что о Федорѣ Аванасьевѣ, зеркальщикѣ, сказалъ ему Дмоховскій, сказать, что Федоръ Аванасьевъ живетъ въ такой-то деревнѣ и занимается зеркальными мастерствомъ. Но и этого недостаточно. Еще есть косвенная улика, которая указываетъ на то, что не самъ Долгушинъ узналъ объ Аванасьевѣ. Мы имѣемъ въ дѣлѣ свѣдѣніе, которое совершенно и всецѣло восстановлено на судебномъ слѣдствіи, что однажды въ Москву ѣхали Долгушинъ, Дмоховскій и съ ними одна изъ женщинъ, Долгушина или Сахарова. Лошадь ихъ устала, и Дмоховскій просилъ проѣзжавшаго крестьянина, которымъ и былъ Аванасьевъ, довести его до Москвы. Сторговались за 20 копѣекъ и Аванасьевъ привезъ Дмоховскаго въ Москву. Дорогой, какъ показываетъ Аванасьевъ, господинъ худощавый, съ длиннымъ носомъ, молодой человѣкъ высокаго роста, спрашивалъ его, чѣмъ онъ занимается и между прочими разговорами сталъ говорить о томъ, что скоро начнется солдатчина по новому положенію, но что этотъ

порядокъ никуда не годится, что онъ очень тяжело и предложилъ двѣ книжки: „Стеньку Разина“ и „Пугачева“; далѣ говорилъ о томъ, что оброки тяжелы, надѣлы плохи, однимъ словомъ, пропагандировалъ въ томъ смыслѣ, какъ написано въ прокламаціи. Въ виду этого показанія и въ виду того, что этотъ крестьянинъ, кромѣ того, говорить еще, что молодой человекъ просилъ подвезти его не къ Смоленскому рынку, а къ Калужскимъ воротамъ, откуда было весьма близко до квартиры Дмоховскаго. Дмоховскій сознался здѣсь на судѣ въ томъ что, дѣйствительно, то былъ онъ, или, точнѣе сказать, онъ не отрицаетъ возможности, чтобы то былъ онъ, такъ какъ онъ говорилъ съ крестьянами о солдатчинѣ, о землѣ и другихъ вещахъ, которыя его интересовали. Притомъ Дмоховскій дѣлаетъ оговорку, что онъ говорилъ о солдатчинѣ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, да и немисливо, чтобы онъ говорилъ, что новый порядокъ рекрутской повинности дуренъ, потому что онъ таковъ, что Дмоховскій долженъ былъ по своимъ убѣжденіямъ отнестись къ нему сочувственно, какъ къ повинности всесословной. Я не вижу, впрочемъ, въ этомъ объясненіи никакой логики. Очевидно, что цѣль Дмоховскаго состояла не въ томъ, чтобы сказать правду, и, какъ видно изъ всей его дѣятельности, цѣль эта заключалась въ томъ, чтобы возстановить крестьянъ противъ Правительства, внушить недобѣріе ко всемъ реформамъ. Съ этой стороны онъ дѣйствовалъ логично, если говорилъ то, что показываетъ Аванасьевъ. По этимъ основаніямъ, я глубоко убѣжденъ въ томъ, что неизвѣстный молодой человекъ, котораго зеркальщикъ признать не можетъ, есть никто иной, какъ Дмоховскій. Затѣмъ самое объясненіе, которое дѣлаетъ Дмоховскій на Судѣ, обставляя его довольно эффектно, на самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакого значенія. Въ чемъ создается Дмоховскій? Въ томъ, что онъ зналъ, что происходитъ печатаніе въ Сареево, но онъ не проговорился ни разу о томъ, что ему извѣстно, что именно печатается. Далѣ онъ сознается въ томъ, что можетъ быть позволилъ себѣ говорить такія вещи, о которыхъ показываетъ зеркальщикъ. Здѣсь, во-первыхъ, онъ говоритъ „можетъ быть“, а во вторыхъ, если-бы даже онъ и говорилъ все то дѣйствительно, то это было-бы только неумѣстной рѣчью. Далѣ онъ сознается въ томъ, что купилъ типографскія принадлежности съ цѣлю печатать сочиненія противъ собственности, но сейчасъ же заявилъ, что не привелъ этого намѣренія въ исполненіе. Ясно, такимъ образомъ, что сознаніе подсудимаго не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Считаю не лишнимъ еще разъ обратиться ваше вниманіе на то, что весьма тщательная ссылка подсудимаго на числа не доказываетъ ничего. Очевидно, что Дмоховскій, указывая на цѣлый рядъ чиселъ, который я теперь не припомню, имѣлъ въ виду опровергать этимъ извѣстныя свидѣтельскія показанія, направленные противъ него. Но я имѣлъ честь заявить вамъ и полагаю, что вы отнесетесь къ показаніямъ свидѣльскимъ съ совершеннымъ довѣріемъ. Нельзя требовать, чтобы они точно помнили числа, достаточно, что они указываютъ на событія, въ особенности, когда эти свидѣтельскія показанія совершенно сходны между собою и съ обстоятельствами дѣла. Затѣмъ перехожу къ подсудимому Папину. Подсудимый Папинъ обвиняется мною въ томъ, что участвовалъ въ печатаніи прокламацій въ деревнѣ Сареево, а равно и въ томъ, что принималъ участіе въ подготовительныхъ разговорахъ по поводу пропаганды въ народѣ. Подсудимый Папинъ сознанія на предварительномъ слѣдствіи не учинилъ. Здѣсь на судѣ было нѣчто похожее на сознаніе въ нѣкоторыхъ частяхъ обвиненія, на которыя я буду имѣть честь указывать въ свое время. Итакъ, онъ обвиняется въ участіи въ печатаніи прокламацій, на основаніи тоже показанія г-жи Долгушиной, совершенно сходнаго съ показаніемъ Сахаровой. Что же касается до распространенія прокламацій, то, какъ я уже имѣлъ случай указать раниѣе, дѣятельность его представляется въ этомъ отношеніи несравненно болѣе энергическою, нежели дѣятельность Долгушина и Дмоховскаго, которые уличаются въ распространеніи только въ отдѣльныхъ случаяхъ. Папинъ остается вѣренъ состоявшемуся въ Сареево уговору и, получивъ извѣстное число прокламацій въ Москвѣ при раздачѣ на квартирѣ Курдаева, именно 60 экземпляровъ, какъ показалъ Апаній Васильевъ, отправляется и добросовѣстно распространяетъ ихъ согласно уговору. Относительно этого обстоятельства имѣются слѣдующія свидѣтельскія показанія. Во-первыхъ, показанія Федорова. О показаніи Щербакова я не буду здѣсь говорить, во-первыхъ, потому что онъ здѣсь не былъ, а во-вторыхъ, потому, что оно совершенно сходно съ показаніемъ Федорова, допрошеннаго вами здѣсь на Судѣ. Федоровъ объяснилъ, что когда онъ шелъ съ Щербаковымъ, то къ нему подошелъ молодой человекъ и завелъ съ нимъ первоначально разговоръ, а потомъ далъ прокламацію „Русскому народу“. Свидѣтель говоритъ, что онъ далъ ее Щербакову, который передалъ ее ему. При этомъ подсудимый разсматривалъ при свидѣтелѣ карту и показывалъ револьверъ, Евангеліе и другія вещи. Относительно содержанія прокламаціи, хотя показаніе свидѣтеля, данное на судѣ, не совсѣмъ точно, но точнаго показанія о содержаніи прокламаціи и трудно было требовать отъ простолюдина. Тѣмъ не менѣе, изъ показанія его видно, что дѣло шло именно о той прокламаціи, въ распространеніи которой подсудимый обвиняется. Далѣ Федоровъ передаетъ весьма интересный разговоръ о томъ, какимъ образомъ онъ и Щербаковъ попались съ полученною прокламаціею въ деревнѣ Дурыкино. Когда они туда пришли, започевали у крестьянина Митаева, который держалъ постоянный дворъ и питейное заведеніе, то положили на

окно ту прокламацію, которую получили отъ подсудимаго Папина. Я говорю, что они получили отъ Папина, потому что онъ былъ признанъ Федоровымъ на Судѣ за того человѣка, который въ его глазахъ передалъ книжку Щербакову. Свидѣтели съ Щербаковымъ заснули, а на другой день Митаевъ спросилъ ихъ, откуда они получили книжку, при чемъ заявилъ, что она преступнаго содержанія и ихъ слѣдуетъ задержать, и для этого онъ принялъ соотвѣтствующія мѣры, т. е. повелъ ихъ сначала къ сотскому, а потомъ къ старостѣ. Благодаря бездѣятельности этихъ лицъ, они не были задержаны. Далѣе Митаевъ показалъ, что взялъ книжку сначала изъ простаго любопытства, а когда прочиталъ ее вмѣстѣ съ учителемъ, то пришелъ къ окончательному убѣжденію, что она антиправительственнаго содержанія. Какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и здѣсь на Судѣ, Митаевъ заявлялъ, что онъ предполагалъ, что книжка эта идетъ изъ Польши. Кто знаетъ нашего простолюдина, тому извѣстно, что подъ словомъ „изъ Польши“ они разумѣютъ антиправительственное направленіе. Подсудимый Долгушинъ здѣсь на Судѣ пыталъ весьма подробно разспрашивать свидѣтеля, почему онъ пришелъ къ подобному заключенію. Миѣ кажется, что онъ не могъ или не хотѣлъ понять того объясненія, которое далъ на эти вопросы свидѣтель. Вотъ все, что я имѣлъ сказать о подсудимомъ Папинѣ, какъ относительно печатанія прокламацій, такъ равно и относительно распространенія ихъ. Я полагаю, что доказано то и другое. Миѣ остается сказать только нѣсколько словъ относительно попытки подсудимаго объяснить какіе то теоретическіе его взгляды на разные предметы; но подсудимый былъ совершенно во время остановленъ г. предсѣдателемъ. Тѣмъ не менѣе изъ этой попытки видно, что Папинъ представляется личностью, которая пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы, ребячески порисоваться. Затѣмъ миѣ приходится перейти къ подсудимому, заявившему себя „человѣкомъ безъ религіи“, и хочу сказать о подсудимомъ Плотниковѣ. Подсудимый Плотниковъ на предварительномъ слѣдствіи не сознавался ни въ чемъ. Здѣсь же мы слышали его сознаніе въ томъ, что онъ участвовалъ въ печатаніи прокламацій. Подробно, какъ происходило это дѣло, онъ не рассказывалъ, но, однако, его сознаніе болѣе справедливо чѣмъ то, которое сдѣлалъ въ этомъ отношеніи подсудимый Папинъ. Плотниковъ на вопросъ о томъ, какъ происходило дѣло, сказалъ: „Всѣ мы равно виноваты“. Я считаю долгомъ обратить вниманіе на это сознаніе, потому что, несмотря на то, что оно явилось поздно, тѣмъ не менѣе все таки можетъ до нѣкоторой степени уменьшить мѣру наказанія подсудимому въ томъ случаѣ, если онъ будетъ признанъ виновнымъ. Плотниковъ обвиняется въ участіи въ печатаніи прокламацій, на основаніи тѣхъ же показаній, о которыхъ я имѣлъ уже случай упомянуть. По поводу Папина, что касается до распространенія прокламацій, то Плотниковъ, независимо отъ собственнаго сознанія, упоминается и показаніями свидѣтелей. Онъ самъ сознался, что передалъ одинъ экземпляръ воззванія „Русскому народу“ свидѣтелю Тихонову. То же показывается свидѣтель Тихоновъ и его сынъ—Соловьевъ. При этомъ изъ рассказа послѣднихъ видно, что встрѣтившись съ Плотниковымъ, они вовсе съ нимъ не заговаривали, но что онъ первый началъ бесѣду и началъ ее чтеніемъ прокламаціи, въѣрая, что она изъ Духовной Консисторіи и что вообще духовного происхожденія. Такимъ образомъ, онъ самъ навязалъ имъ прокламацію. Здѣсь я не могу не обратить вашего вниманія на весьма характеристическое показаніе Соловьева. На вопросъ, предложенный ему подсудимымъ: правда-ли, что свидѣтелю говорилъ подсудимый о томъ, что прокламація изъ Духовной Консисторіи, а не самъ-ли свидѣтель это вычиталъ изъ книжки, послѣдній заявилъ, что онъ человѣкъ малограмотный, но что если бы былъ болѣе грамотный, то узналъ бы, что это за книжка и тогда подсудимый еще въ то время не дошелъ бы до станціи желѣзной дороги, а былъ бы представленъ жандарму. Такимъ образомъ, я полагаю, что обвиненіе Плотникова, какъ въ принятіи участія въ печатаніи прокламаціи на дачѣ въ Сареево, такъ равно и въ распространеніи представляется, совершенно доказаннымъ. Перехожу къ подсудимому Гамову. Подсудимый Гамовъ находился въ послѣднее время въ качествѣ учителя на Реутовской мануфактурѣ, которая расположена въ окрестностяхъ Москвы. Изъ объясненій, данныхъ свидѣтелемъ Байковскимъ, какъ на предварительномъ, такъ и на судебномъ слѣдствіи видно, что Гамовъ занимался своимъ дѣломъ, по миѣнью свидѣтеля, не вполне удовлетворительно, но крайней мѣрѣ, г. Байковскій не былъ имъ доволенъ. Правда, подсудимый старается объяснить, что Байковскій былъ неправъ. Но я не буду разбирать этого обстоятельство; для меня существуетъ тотъ фактъ, что Байковскій, а равно и его знакомый, товарищъ подсудимаго, рекомендовавшій Гамова, были имъ недовольны. Самъ подсудимый, такимъ образомъ, рассказываетъ обстоятельства дѣла, до него относящіяся: онъ поступилъ на фабрику по рекомендаціи своего товарища, которому было извѣстно, что на фабрикѣ ищутъ человѣка, который могъ бы поправить дѣла школы. Въ видахъ этого поправленія онъ и поступилъ на фабрику. Посмотримъ теперь, что сдѣлалъ Гамовъ въ этомъ отношеніи. Изъ дѣла мы видимъ, что крестьяне Мартыновъ и Егоровъ были единственные взрослые люди, пожелавшіе учиться въ школѣ фабрики, и подсудимый даетъ имъ двѣ прокламаціи: „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“, хваля эти книжки и совѣтуетъ не только самимъ ихъ читать, но давать читать и другимъ, подъ условіемъ

не говорить, что эти книжки получены отъ него, Гамова, и если бы дѣло дошло до конторы, то сказать, что книжки куплены на толкучкѣ. Относительно этого предмета свидѣтели Мартыновъ и Егоровъ дали весьма подробное показаніе здѣсь на Судѣ. Подсудимый Гамовъ на предварительномъ слѣдствіи и здѣсь говорилъ, что онъ, дѣйствительно, сознаетъ себя виновнымъ въ томъ, что передалъ этия крестьянамъ прокламаціи, но содержанія ихъ не зналъ, не имѣлъ о немъ ни малѣйшаго понятія, такъ какъ, получивъ отъ своего товарища, не читалъ ихъ, и что вся вина его состоитъ именно въ томъ, что онъ, не посмотрѣвъ эти книжки, передалъ ихъ рабочимъ, во что онъ говорилъ имъ о томъ, что не читалъ. Сирошенные по этому предмету свидѣтели Мартыновъ и Егоровъ, дѣйствительно, заявили, что, насколько имъ помнится, Гамовъ говорилъ имъ, что не читалъ книжки, но свидѣтели вмѣстѣ съ тѣмъ показали, что Гамовъ говорилъ имъ, что если прокламаціи дойдутъ до начальства, то чтобы они не показывали, что получили отъ него, и сказали бы, что купили на рынкѣ. Послѣ этого мыслимо-ли предполагать, чтобы Гамовъ не зналъ и преступнаго содержанія прокламаціи, чтобы онъ придавалъ имъ значеніе невинныхъ книжекъ, которыя получилъ отъ человѣка весьма образованнаго, его товарища, которому онъ не могъ вполнѣ не довѣрять, именно отъ Баснина. Баснинъ былъ одинъ изъ тѣхъ лицъ, которыя привлечены по Нецаевскому дѣлу, о чемъ, конечно, зналъ Гамовъ. Уже одно это не могло давать Гамову повода вѣрить въ безупречность книжекъ, какъ это онъ старается доказать. Затѣмъ я имѣю честь обратить ваше вниманіе на обстоятельство, имѣющее второстепенное значеніе, но тѣмъ не менѣе, по мнѣнію моему, довольно важное. Изъ разсказа подсудимаго Гамова здѣсь на Судѣ видно, что онъ былъ всецѣло преданъ педагогическому дѣлу, что онъ заботился только о томъ, чтобы школа шла хорошо; что для этого, по его мнѣнію, было необходимо измѣнить систему преподаванія, вслѣдствіе чего онъ наставлялъ на покупкѣ разныхъ книгъ, рельефныхъ глобусовъ и другихъ тому подобныхъ вещей. Мнѣ кажется весьма страшнымъ, что у такого человѣка, дѣятельность котораго, по его словамъ, направлена на такое свѣтлое и высокое дѣло, какъ образованіе народа, оказалась, какъ видно изъ протокола, библиотека, состоящая изъ книгъ безусловно тенденціознаго содержанія. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на такія сочиненія, какъ напр. Флеровскаго, и на другія политико-экономическаго содержанія, которыя никакъ не подходятъ къ той дѣятельности, которую занимался и которой былъ такъ преданъ Гамовъ. Въ заключеніе, хотя я и могъ бы упомянуть объ объясненіи Гамова, которое онъ далъ въ концѣ судебного слѣдствія, но оно до такой степени несостоятельно, что опровергать его я считаю совершенно излишнимъ. Перехожу къ подсудимому Чикову. Относительно Чикова былъ выставленъ обвинительною властью одинъ свидѣтель Поповъ, который на судъ не явился. Впрочемъ, показаніе его въ настоящее время представляется совершенно второстепеннымъ, въ виду сознанія подсудимаго, что онъ дѣйствительно передавалъ ему посылку, въ которой заключалось письмо съ прокламаціями къ Грачевскому. Чиковъ воспользовался тѣмъ, что товарищъ его Поповъ ѣхалъ въ область Войска Донскаго и передалъ посылку Грачевскому, служащему на Грязе-Царицынской желѣзной дорогѣ. Фактъ этотъ Чиковъ признаетъ всецѣло. Что касается приобрѣтенія прокламацій, то на предварительномъ слѣдствіи Чиковъ далъ показаніе, что прокламаціи эти попались ему въ Петербургѣ въ концѣ августа 1872 года, когда онъ покупалъ какія-то книги. Затѣмъ вы слышали, что здѣсь на Судѣ Чиковъ, вѣроятно въ виду того, что по ходу дѣла нельзя было уже поддерживать, что онъ получилъ прокламаціи въ августѣ 1872 года, т. е. раньше того, какъ онѣ были напечатаны, счелъ нужнымъ заявить, что получилъ ихъ въ августѣ 1873 года, но отъ кого и при какихъ обстоятельствахъ, онъ объ этомъ не далъ объясненія. Показаніе его въ этомъ отношеніи замѣчательно. Онъ говоритъ, что не помнитъ, откуда взялись у него прокламаціи, потому что передача такихъ брошюръ, была дѣломъ обыкновеннымъ въ той средѣ, въ которой онъ вращался. На вопросъ о томъ, въ какой именно средѣ онъ вращался, оказалось, что это та среда, на которую онъ совершенно напрасно клевететь. Я не могу согласиться, чтобы въ этой средѣ, средѣ студенческой, подобнаго рода брошюры составляли такое нормальное, обыкновенное явленіе, что на нихъ даже никто не обращалъ никакого вниманія. Такимъ образомъ, я убѣжденъ, что Чиковъ достаточно изблжняется въ распространеніи прокламацій, и считаю совершенно излишнимъ повторить все то, что внесено въ обвинительный актъ, который вы слышали здѣсь, а равно и говорить о томъ, съ какою цѣлью Чиковъ отослалъ прокламаціи. Я полагаю, что достаточно, если скажу, что онъ отослалъ ихъ съ цѣлью пропаганды, съ цѣлью распространенія въ народѣ. Вы, конечно, замѣтили, что, упоминая о главныхъ обвиняемыхъ, я обошелъ Анаіи Васильева и Сахарову, которые стояли ближе къ главнымъ виновнымъ, нежели сейчасъ упомянутыя мною лица. Я сдѣлалъ это по тому соображенію, что обвиняемые Васильевъ и Сахарова находились въ этомъ дѣлѣ въ совершенно исключительномъ положеніи. Начну съ Анаіи Васильева. Чистосердечное сознаніе, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи, и не менѣе чистосердечное сознаніе, сдѣланное здѣсь передъ вами на Судѣ, избавляетъ меня отъ необходимости указывать вамъ на цѣлый рядъ свидѣтелей, которые обвиняютъ его въ томъ, въ чемъ призналъ онъ себя

виновнымъ, а именно въ распространеніи прокламацій. Васильевъ не отвергаетъ ничего. Онъ разсказалъ какъ было дѣло, и его показаніе совершенно совпадаетъ съ показаніями Сахаровой и Долгушиной. Онъ прибылъ въ Сареево вмѣстѣ съ Долгушинымъ изъ Петербурга, нанявшись къ нему въ качествѣ рабочаго; онъ принималъ участіе во всѣхъ разговорахъ, которые тамъ были; потомъ, поссорившись за неразсчетъ, ушелъ къ себѣ въ деревню. Но вернувшись въ Москву, зашелъ опять къ Долгушину и попалъ опять въ прежнюю колею, въ тѣ же сѣти, изъ которыхъ онъ думалъ было выбраться, и былъ согласенъ на то, чтобы идти распространять прокламаціи. Подробно объяснялъ вамъ всѣ показанія подсудимаго, данныя имъ относительно того, какія мѣры принимались, чтобы склонить его къ этому, я не буду. Ограничусь только указаніемъ на то, что, читая его показаніе, невольно обливаются сердце кровью, когда видишь, что у этого Васильева—крестьянина, молодого человека, чтобы не сказать мальчика, преступные люди старались отнять все, что у него было, а было у него очень немногое: онъ только зналъ грамоту и молитвы. Положимъ, что грамотѣ они научили его нѣсколько больше, научили читать прокламаціи; въ отношеніи же религіозномъ они отняли у него и молитвы, потому что учили не молиться, говоря, что это вадоръ. Итакъ они отправили его на дѣло распространенія прокламацій, и онъ добросовѣстно исполнилъ это порученіе. При этомъ я прошу васъ замѣтить тотъ способъ, посредствомъ котораго онъ раздавалъ прокламаціи. Онъ даже не раздавалъ ихъ, собственно говоря, а просто кидалъ всякому, кого бы ни встрѣтилъ, предлагая каждому книжку ни съ того, ни съ сего. Я не буду здѣсь указывать на свидѣтельскія показанія, кромѣ лишь одного. Мы имѣемъ свидѣтеля, у котораго Ананій почевалъ и которому отдалъ прокламацію за ночлегъ. Когда ему сказали, что это книжка такая, за которую ему можетъ достаться, что ему пора бы жениться, онъ махнулъ рукою и сказалъ, что ему уже не жениться, потому что не сегодня, такъ завтра заберутъ. Это показаніе характеризуетъ дѣятельность Васильева. Онъ сдѣлалъ это, какъ самъ выразился, такъ: „Миѣ было сказано, что Христосъ такъ дѣлалъ, такъ дѣлалъ и я“. Конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Ананій виновенъ въ распространеніи прокламацій, что онъ понималъ то, что распространяетъ вещи весьма преступнаго содержанія, но, тѣмъ не менѣе, онъ заслуживаетъ полнаго состраданія независимо оттого, что онъ несовершеннолѣтній, независимо отъ степени его развитія, еще и по тому чистосердечному сознанию, которое онъ сдѣлалъ, какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и здѣсь на Судѣ. Такимъ образомъ, обвиняя Васильева я считалъ долгомъ сказать гораздо больше въ пользу снисхожденія, нежели въ пользу его обвиненія. Что касается до Сахаровой Первоприсутствующій. Я просилъ бы васъ не касаться подробностей показанія Сахаровой, даннаго на предварительномъ слѣдствіи, за исключеніемъ того, что находится въ обвинительномъ актѣ. Товарищъ оберъ-прокурора. Относительно Сахаровой я буду ссылаться только на показаніе, данное Долгушиной, прочитанное здѣсь на Судѣ, и на тѣ нѣсколько словъ, которыя сама подсудимая сказала вамъ здѣсь. Изъ показанія Долгушиной видно, что Сахарова была въ близкихъ отношеніяхъ къ подсудимому Дмоховскому; что она вмѣстѣ съ нимъ была у нихъ на дачѣ, что вмѣстѣ съ Долгушиной, испугавшись дѣятельности мужчинъ на дачѣ, рѣшилась оттуда уѣхать и дѣйствительно уѣхала въ Москву. Затѣмъ изъ показанія Долгушиной видно, что Сахарова поселилась вмѣстѣ съ Дмоховскимъ въ домѣ Степанова. Уже изъ этихъ показаній ясно, что Сахарова не могла не знать о преступной дѣятельности Дмоховскаго и Долгушина въ домѣ Степанова. Давъ весьма подробное показаніе на предварительномъ слѣдствіи, Сахарова здѣсь на Судѣ рѣшилась сказать лишь нѣсколько словъ на первый вопросъ о виновности. Впослѣдствіи она заявила желаніе объясниться болѣе подробно передъ Судомъ, но объясненія эти оказались весьма краткими. Изъ нихъ можно было видѣть только попытку до извѣстной степени сказать правду, но у нея не хватило воли настолько, чтобы выговорить все, что было. Она сказала нѣсколько словъ, не имѣющихъ даже второстепеннаго значенія, т. е. относительно платья, замараннаго черною краскою. Я обвиняю Сахарову въ попустительствѣ, потому что изъ дѣла видно, что она видѣла преступную дѣятельность своими глазами отъ самаго ея начала до конца. Но, обвиняя Сахарову въ попустительствѣ, я считаю долгомъ, въ виду ея прежняго сознанія, обратить ваше вниманіе на исключительное положеніе подсудимой. Изъ дѣла видно, что въ то время, когда печатались и распространялись прокламаціи, Сахарова была въ извѣстномъ положеніи, и отецъ ея ребенка былъ Дмоховскій. Она сама сказала здѣсь на Судѣ, что отношенія ея къ Дмоховскому мѣшаютъ ей говорить. Вотъ все, что относительно Сахаровой я считалъ нужнымъ заявить. Затѣмъ миѣ остается приступить къ разъясненію дѣятельности второстепенныхъ лицъ. Начну съ подсудимаго Циммермана. Подсудимый Циммерманъ обвиняется въ томъ, что зная, что Васильевъ распространялъ прокламаціи, не донесъ объ этомъ, кому слѣдуетъ. Обвиненіе это основано на показаніи Васильева, даннаго имъ, какъ на предварительномъ, такъ и на судебномъ слѣдствіи, при чемъ послѣднее значительно разъясняетъ первое. Васильевъ на предварительномъ слѣдствіи показалъ, что когда онъ, окончивъ разноску прокламацій, съ двумя изъ нихъ, оставшимися у него, пришелъ въ Москву, какъ это было ему сказано, и отпра-

вился къ Циммерману, у котораго просилъ еще прокламаціи, этотъ отвѣчалъ, что новыхъ нѣтъ, чтобы онъ шелъ домой и далъ ему 10 рублей. Васильевъ ушелъ въ свою деревню. Здѣсь на Судѣ Васильевъ пѣсколько подробнѣе объяснилъ это обстоятельство. Онъ говоритъ, что пришелъ къ Циммерману по указанію, заранее сдѣланному ему Дмоховскимъ. Дѣйствительно, представляется крайне нелогичнымъ, почему Васильевъ пришелъ именно къ Циммерману. Объясненіе Васильева, только-что мною приведенное, какъ нельзя болѣе соответствуетъ всѣмъ обстоятельствамъ дѣла. Такимъ образомъ, Васильевъ является къ Циммерману и проситъ прокламаціи, но тотъ взаимѣ ихъ даетъ 10 руб. При этомъ Васильевъ считалъ своимъ долгомъ доложить Циммерману, что двое арестованы. Циммерманъ не отрицаетъ этого и говоритъ, что дѣйствительно къ нему приходилъ Васильевъ, говорилъ, что у него остались двѣ прокламаціи, говорилъ, что двое арестованы и что онъ, Циммерманъ, далъ ему 10 руб. На вопросъ о томъ, почему и за какую послугу онъ далъ Васильеву 10 руб., т. е. нелогично, чтобы онъ далъ ему деньги ни съ того, ни съ сего, Циммерманъ объяснилъ, что далъ потому, что Васильевъ сказалъ, что ему нужно идти въ деревню и потому, что онъ былъ съ нимъ знакомъ. Миѣ кажется, что подобное объясненіе не заслуживаетъ никакого вниманія, не говоря уже о томъ, что вообще представляется страннымъ знакомство Циммермана съ крестьяниномъ Васильевымъ, чело-вѣкомъ неразвитымъ. Онъ далъ ему 10 руб., хотя сумму небольшую, но все-таки никто не бросаетъ же денегъ, хотя бы имѣлъ достаточныя средства, всякому встрѣчному. Тѣмъ болѣе странно, что Циммерманъ бросилъ эти деньги лицу, которое сказало ему, что онъ распространялъ прокламаціи, чего Циммерманъ и самъ не отвергаетъ, утверждая лишь, что не зналъ содержанія этихъ прокламаціи. Между тѣмъ на дополнительный вопросъ онъ сказалъ, что понималъ, что рѣчь идетъ о такихъ вещахъ, которыя содержать въ себѣ иѣчто антиправительственное. Поэтому я считаю доказаннымъ, что Циммерманъ виновенъ въ недонесеніи, такъ какъ онъ зналъ, что Ананій Васильевъ распространялъ прокламаціи не только противозаконнаго, но и революціоннаго содержанія, онъ зналъ это уже потому, что самое названіе прокламаціи указывало на это. Въ заключеніе я считаю долгомъ такъ же, какъ я сдѣлалъ это относительно Гамова, обратить ваше вниманіе на бібліотеку Циммермана. Изъ протокола осмотра этой бібліотеки видно, что она состояла специально изъ книгъ съ навѣстнымъ характеромъ. Здѣсь на первомъ планѣ оказались такія книги, какъ напр., цюрихское изданіе объ интернаціональномъ обществѣ и т. д. Этихъ указаній, я полагаю, достаточно для того, чтобы охарактеризовать личность Циммермана и то, насколько можно дать вѣры тому показанію, которое онъ сдѣлалъ какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и здѣсь на Судѣ. Что касается меня, то я отказываюсь вѣрить этому показанію. Затѣмъ перехожу къ подсудимому Сидорацкому. Сидорацкій обвиняется въ имѣнн у себя прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“, не имѣвъ на то разрѣшенія надлежащей власти. На предварительномъ слѣдствіи есть два показанія подсудимаго Сидорацкаго: одно о томъ, что онъ получилъ прокламацію въ бібліотекѣ, а второе о томъ, что онъ получилъ ее отъ своего знакомаго, воспитанника Артиллерійскаго Училища. По справкѣ оказалось, что этотъ господинъ умеръ, и тѣмъ дѣло кончилось. Затѣмъ дальнѣйшихъ объясненій, откуда онъ взялъ прокламацію, въ дѣлѣ не имѣется. Не придавая этой передачѣ значенія характера распространенія, я считаю необходимымъ обвинить Сидорацкаго въ имѣнн прокламаціи безъ разрѣшенія начальства. Затѣмъ подсудимый Авессаломовъ обвиняется въ томъ же преступленіи, какъ и Сидорацкій, а именно, по его собственному удостовѣренію, сдѣланному, какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и здѣсь на Судѣ, въ томъ, что однажды къ нему пришелъ его знакомый Соловьевъ въ то время, когда онъ спалъ, разбудилъ его, сѣлъ къ нему на постель и сталъ читать прокламацію „Русскому народу“. Подсудимый, по его объясненію, не обращалъ на это никакого вниманія, потому что зналъ Соловьева за челоуѣка всегда болтающаго вздоръ. Далѣе подсудимый заявилъ, что какъ-нибудь Соловьевъ уронилъ прокламацію въ квартирѣ, и какъ она попала къ нему въ шкафъ, — онъ не знаетъ. Насколько странно подобное объясненіе, я распространяться не буду. Скажу только, что оно не заслуживаетъ никакого уваженія, и Авессаломовъ, какъ миѣ кажется, долженъ быть признанъ виновнымъ въ имѣнн у себя прокламаціи безъ разрѣшенія начальства. Въ заключеніе миѣ остается сказать о подсудимой Ободовской. Подсудимая Ободовская была знакома съ Чиковымъ. По собственнымъ ея словамъ, Чиковъ являлся къ ней вслѣдствіе того, что крайне интересовался педагогическимъ дѣломъ, которымъ занималась и Ободовская. Миѣ кажется страннымъ, что Ободовская, отецъ которой владѣетъ собственнымъ домомъ здѣсь въ Петербургѣ, слѣдовательно челоуѣкъ, имѣющій средства, идетъ на скудное содержаніе учительницы, которое она получала, по ея словамъ, въ Новгородской губерніи. Далѣе, по словамъ Ободовской, Чиковъ, поговоривъ съ нею объ общемъ дѣлѣ, т. е. о дѣлѣ грамотности народа, ушелъ, упросивъ, однако, чтобы она разрѣшила ему писать ей. Ободовская на это согласилась, но съ тѣмъ, чтобы онъ адресовалъ письма не на ея имя, а на имя Свентикой, которая носитъ титулъ превосходительства. Г-жа Ободовская объясняетъ это предположеніемъ, что письма на ея имя будутъ распечатаны. Я полагаю, что всѣ эти объясненія Ободовской до-

статочно указываютъ на то, что она очень хорошо понимала, что за личность Чиковъ и какого рода народнымъ образованіемъ онъ интересуется, потому что она считала необходимымъ просить его адресовать письма на другое лицо, чтобы они не попали въ другія руки, если бы были адресованы на ея имя. Съ своей стороны и Чиковъ понималъ Ободовскую, потому что притти впервые и просить вести корреспонденцію — немислимо. Ободовская обвиняется въ томъ, что хранила отрывокъ одной изъ прокламацій со страницы 17-й. По этому предмету она объяснила, что не отрицаетъ этого факта, но говоритъ, во-первыхъ, что прокламація была неполная и, во-вторыхъ, что она ее не читала и даже не видала до обыска и что отрывокъ этотъ попался къ ней неизвѣстнымъ образомъ. Такого рода заявленіе, въ виду мною сказаннаго, нельзя не признать совершенно голословнымъ. Всѣ мы очень хорошо знаемъ, что никому подобнаго рода вещи не попадаютъ случайно. Въ виду изложеннаго мною, я полагаю, что Ободовская достаточно изблчается въ томъ, что имѣла прокламацію преступнаго содержанія безъ разрѣшенія начальства. Такимъ образомъ, я считаю задачу свою оконченною. Присяжный повѣренный Утинъ, защитникъ Долгушина, указавъ умѣренность и справедливость, съ которою отнесся къ настоящему дѣлу представитель обвинительной власти, и на сознание, сдѣланное на Судѣ подсудимымъ Долгушинымъ въ составленіи брошюры „Русскому народу“, вошелъ въ подробный обзоръ содержанія этой брошюры, которая, по мнѣнію защиты, имѣеть чисто теоретическій характеръ и не содержитъ въ себѣ никакихъ воззваній къ такимъ дѣйствіямъ, которыя бы имѣли цѣлю революціонное движеніе въ обыкновенно принимаемомъ смыслѣ этого слова. Если же въ концѣ брошюры и указаны прямо средства, которыми могутъ осуществиться требованія, заявляемыя авторомъ ея, то изъ этихъ средствъ нѣкоторыя представляются чисто идеальными, неосуществимыми и поэтому, по мнѣнію защиты, совершенно безвредными; другія же касаются такихъ условій общественнаго строя, какъ паспортная система и развитіе народныхъ школъ, на необходимость коренныхъ улучшеній обращено вниманіе самого Правительства. Затѣмъ, отрицая виновность Долгушина, какъ въ составленіи и печатаніи прокламацій: „Къ интеллигентнымъ людямъ“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“, такъ равно и въ распространеніи всѣхъ упомянутыхъ изданій, защитникъ перешелъ къ установленію состава того преступленія, въ которомъ Долгушинъ можетъ быть признанъ виновнымъ. Настаивая на томъ, что въ брошюрѣ „Русскому народу“ не содержитсяъ воззванія противъ Верховной власти, и что она поэтому не можетъ подходить подъ дѣйствіе 251 ст. Улож. о нак., защитникъ полагалъ, что если даже въ оборотѣ этомъ признать воззваніе къ противодѣйствію распоряженіямъ Правительства, то и въ такомъ случаѣ Долгушинъ могъ бы подлежать отвѣтственности, установленной вновь изданнымъ, 4-го іюля сего года, закономъ о провозаконныхъ сообществахъ. Въ заключеніи своей рѣчи защитникъ указалъ на обстоятельства, вызывающія снисхожденіе къ Долгушину, а именно, на невозможность опасаться особеннаго вреда отъ брошюръ, приписываемыхъ Долгушину, въ виду прочности и непоколебимости общественнаго строя въ Россіи, и паличныя условія обвиняемаго: его молодость, близость его отношеній къ тому классу народа, блага котораго онъ желалъ, и идеальныя увлеченія, свойственныя его возрасту. Присяжный повѣренный Спасовичъ, защитникъ Дмоховскаго, началъ свою рѣчь съ разбора содержанія прокламацій „Какъ должно жить по закону природы и правды“, „Русскому народу“ и „Къ интеллигентнымъ людямъ“. Первая прокламація, по мнѣнію защитника, составляетъ простую перепечатку, съ нѣкоторыми только сокращеніями, брошюры „Овеликомученикѣ Николаѣ“, а вторая—вольное этой же брошюрѣ подражаніе. Обративъ затѣмъ вниманіе суда на нѣкоторыя встрѣчающіяся въ этой прокламаціи нелогичности, на невѣрность историческаго объясненія ея причинъ неравенства между людьми, присяжный повѣренный Спасовичъ нашелъ, что прокламація эта, если и можетъ вызвать кару закона, то только вслѣдствіе того, что въ ней оспаривается право собственности, но за то, по мнѣнію его, можетъ быть назначено взыскаііе только по 1038 или же по 1036 ст. Улож. Если же прокламація эта и изобилуетъ выраженіями, возбуждающими вражду, то она все-таки не заключаетъ въ себѣ воззванія къ бунту, такъ какъ выраженія эти, по произвидимому этою прокламаціею общему впечатлѣнію, нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ. Относительно второй прокламаціи „Русскому народу“, присяжный повѣренный Спасовичъ, обративъ сначала вниманіе на несомнѣнно предлагаемыхъ ею началахъ „свободы“ и „равенства“, какъ необходимыхъ условій для искорененія существующаго зла, и останавливаясь затѣмъ на тѣхъ практическихъ требованіяхъ, которыя предлагаются для осуществленія указанныхъ началъ, находить, что одни изъ этихъ требованій имѣютъ характеръ соціальныя и цѣликомъ заимствованы изъ той же брошюры „О мученикѣ Николаѣ“, а другія составляють не болѣе какъ проекты административной реформы, которые были разбираемы въ печати, и притомъ одны изъ нихъ уже осуществлены, а другіе осуществляются въ близкомъ будущемъ. Но ни въ одномъ мѣстѣ прокламаціи не затрагивается вопроса о формѣ правленія, и нѣтъ въ ней никакого воззванія къ бунту. Что же касается, наконецъ, до третьей прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“, то, указавъ сначала на признаки, доказывающіе одновременное составленіе ея съ двумя первыми, присяжный повѣренный

Спасовичъ обратилъ вниманіе на то, что она не могла быть составлена социалистами, къ разряду которыхъ относится себя и Дмоховскій, такъ какъ конецъ ея, не имѣя ничего общаго съ началомъ, носящимъ социальный характеръ, представляетъ уже характеръ политической. Находя; такимъ образомъ, что 251 ст. Улож. имѣть примѣненія къ настоящему случаю не можетъ, присяжный повѣренный Спасовичъ въ заключеніе разбора содержанія означенныхъ прокламацій обратилъ вниманіе на то, что послѣдствія этихъ прокламацій были неважны, что никакого волненія прокламаціи эти произвести не могли и что преступленіе настоящее вытекаетъ изъ заблужденій ума, а не испорченности сердца, противъ чего лучшимъ средствомъ служить время. Переходя затѣмъ въ частности къ разсмотрѣнію обвиненія Дмоховскаго, присяжный повѣренный Спасовичъ, на основаніи данныхъ слѣдствія, пришелъ къ тому заключенію, что Дмоховскій, хотя и зналъ о замыслѣ кружка и даже содѣйствовалъ ему, по непосредственно своей руки составленію и распространенію прокламацій не прилагалъ. Обративъ, между прочимъ, вниманіе на разговоръ его съ зеркальщикомъ Аванасьевымъ, въ чемъ только и можно было-бы видѣть его непосредственное въ этомъ дѣлѣ участіе, присяжный повѣренный Спасовичъ замѣтилъ, что и этотъ разговоръ, имѣя характеръ совѣта, не заключалъ въ себѣ рѣшительно ничего революціоннаго. Такимъ образомъ, изъ анализа всѣхъ обстоятельствъ, по мнѣнію защитника, вытекаетъ, что Дмоховскій находился только около предпріятія, и если можетъ подлежать отвѣтственности, то только, какъ укрыватель и пособникъ преступленія, предусмотрѣннаго 1036 и 1027 ст. Улож.; если же онъ виноватъ въ большемъ, то можетъ быть обвиненъ въ пособничествѣ по 274 ст. Улож. Наконецъ, если онъ будетъ признанъ виновнымъ въ возбужденіи къ бунту, то къ нему долженъ быть примѣненъ новый законъ 4-го іюня 1874 года. Присяжный повѣренный Слоимскій, защитникъ Папина, указавъ на то, что дѣятельность общества, по мнѣнію обвинительной власти, была направлена къ разрушенію основъ общественной жизни, права собственности и вмѣстѣ съ тѣмъ къ переустройству государства, вслѣдствіе чего явилось воззваніе къ бунту противъ Государя и государства, обратилъ вниманіе на несомнѣтельность этихъ двухъ ученій и на ихъ полное противорѣчіе и по цѣли, и по средствамъ, такъ какъ первое ученіе, носящее названіе коммунистическаго, стремится къ подавленію индивидуальной воли, въ чемъ бы она ни проявлялась, и поэтому нуждается въ центральной и даже деспотической власти, а, напротивъ того, второе выше всего ставитъ личную свободу каждаго члена государства и потому стремится къ нападенію на верховную центральную власть. Такимъ образомъ, или обвиняемые не понимали сами, что дѣлали, и въ такомъ случаѣ не подлежатъ отвѣтственности, или же если признавать ихъ послѣдовательными, то нельзя смѣшивать ихъ съ противниками, политическими дѣятелями и подвергать большему наказанію, чѣмъ они заслуживаютъ. Разбирая затѣмъ факты дѣла съ самаго возникновенія этого общества до конца его, присяжный повѣренный Слоимскій находилъ, что исходною точкою этого общества было отысканіе способовъ къ удовлетворенію фیزیологическихъ потребностей, такъ называемаго, нормальнаго человѣка. Съ этою цѣлью члены его шли пропагандировать то, что имъ казалось здоровыми экономическими идеями. Изъ показаній всѣхъ спрошенныхъ по этому дѣлу оказывается, что вся пропаганда ихъ вращалась вокругъ поземельныхъ надѣловъ или большихъ оброковъ и стремилась къ разрушенію частной собственности и, какъ результатъ этого, къ возбужденію вражды неимущихъ классовъ къ имущимъ, но совершенно не было рѣчи ни о Царѣ, ни о государствѣ. Если бы народъ видѣлъ въ этихъ прокламаціяхъ что-либо похожее на бунтъ противъ Верховной власти, то вслѣдствіе того, что въ сознаніи его власть Верховная стоитъ несокрушимо, твердо, онъ распорядился бы въ этомъ случаѣ своимъ судомъ. Указавъ затѣмъ на то, что Папинъ обвиненіемъ выставляется то главнымъ, то второстепеннымъ дѣятелемъ, присяжный повѣренный Слоимскій по фактамъ дѣла пришелъ къ тому выводу, что Папинъ являлся далеко не важнымъ дѣятелемъ. Онъ не усвоилъ себѣ всѣхъ убѣжденій кружка и въ дѣлѣ распространенія прокламацій дѣйствовалъ крайне нерышительно, не энергично и даже бояливо, колеблясь на каждомъ шагѣ: онъ не пользуется каждаымъ представляющимся къ тому удобнымъ случаемъ, и, даже имѣя случай, онъ не тотчасъ же приступаетъ къ исполненію своей задачи. Въ виду вышеизложеннаго, присяжный повѣренный Слоимскій просилъ Судъ отнестись къ Папину возможно снисходительно. Присяжный повѣренный Герке, защитникъ Плотникова, не смотря на выраженное его клиентомъ желаніе нести одинаковую съ другими отвѣтственность, находилъ, что роль Плотникова въ этомъ дѣлѣ весьма второстепенная. По собственному сознанію его, которое вполне подтверждается обстоятельствами дѣла, онъ виноватъ только въ томъ, что принималъ участіе въ печатаніи прокламацій „Русскому народу“ и въ передачѣ одного экземпляра крестьянину Тиханову; но имѣть никакихъ доказательствъ къ обвиненію его въ составленіи всѣхъ трехъ прокламацій и въ распространеніи первыхъ двухъ. У него, по мнѣнію г. Герке, не было вообще рѣшимости къ распространенію прокламацій, такъ какъ передача одной только прокламаціи крестьянину Тиханову и прочтеніе изъ нея тому же Тиханову только мѣкоторыхъ мѣстъ не могутъ доказать таковой рѣшимости. Указавъ затѣмъ на то, что Плотниковъ попалъ на скамью подсудимыхъ не потому, чтобы имѣлъ злую и благо-

даря предшествовавшей исторіи своей жизни; исключительности своего положенія, особенной впечатлительности и отчасти даже болѣзненности, просилъ отнестись къ нему даже съ большею снисходительностью, чѣмъ къ другимъ. Въ виду этого и находя что въ прокламаціи „Русскому народу“ нѣтъ воззванія къ бунту, и что она имѣетъ цѣлью не политической, а социальный переворотъ, г. Герке просилъ примѣнить къ Плотникову законъ 1874 года о тайныхъ обществахъ, не имѣющихъ политической цѣли. Присяжный повѣр. Полетаевъ, защитникъ Ананія Васильева, находилъ, что появленіе Васильева на скамьѣ подсудимыхъ составляетъ явленіе совершенно необыкновенное. Въ государственныхъ преступленіяхъ обыкновенно участвуютъ лица съ извѣстнымъ образованіемъ, какъ это и въ настоящемъ дѣлѣ. Чтобы вмѣнить дѣяніе лицу, необходимо, чтобы оно желало и знало послѣдствія этого дѣянія и его послѣдствій. Между тѣмъ, какъ другіе обвиняемые, обладающіе извѣстнымъ образованіемъ, давали на судѣ обстоятельныя объясненія, изъ которыхъ видно, что они ясно понимали значеніе всего задуманнаго и его послѣдствій, Ананій Васильевъ не могъ по своему невѣжеству и неразумію, дать такихъ объясненій и на всѣ вопросы повторялъ почти только одно слово: „Да“. Онъ зналъ только, что существуютъ слова „пропаганда“, „прокламація“, но не понималъ совершенно значенія этихъ словъ, смутно только соединяя съ этими словами понятіе о чемъ-то нехорошемъ. Подъ возстаніемъ, которое онъ, по его словамъ, хотѣлъ произвести, онъ также разумѣлъ совсѣмъ другое, смотря на него какъ на мірскую сходку, сопровождающую шумомъ, бранью и дракою. Если же онъ не могъ имѣть, по своему глубокому невѣжеству и неразумію, надлежащаго понятія о возстаніи, то еще менѣе могъ знать послѣдствія этого и совершенно уже не могъ оцѣнить значенія ихъ по отношенію къ общественной жизни и государственному порядку. Находя, такимъ образомъ, что Васильевъ совсѣмъ не понималъ значенія и послѣдствій своего дѣянія и поэтому близко подходитъ къ категоріи лицъ, которымъ преступленіе не можетъ быть вмѣнено и указавъ затѣмъ на его неиспорченность нравственную, въ виду которой онъ заслуживаетъ болѣе другихъ состраданія и снисхожденія, присяжный повѣренный Полетаевъ просилъ Судъ исходатайствовать совершенное помилованіе его кліенту. Присяжный повѣренный Гаевскій, защитникъ Гамова, не касаясь общихъ вопросовъ о содержаніи и значеніи прокламаціи въ виду того, что вопросы эти уже были подробно разработаны другими защитниками, ограничился подробнымъ разборомъ той статьи Улож. о нак., по которой обвиняется подсудимый Гамовъ и разсмотрѣніемъ виновности сего послѣдняго. 2-я часть 251 ст. Улож., примѣняемая обвинительною властью къ Гамову, требуетъ, по мнѣнію защиты, для ея примѣненія наличности трехъ признаковъ: распространенія воззваній, злаго умысла преступной, ясно опредѣленной цѣли, т. е. возбужденія къ бунту или явному неповиновенію Верховной власти; при отсутствіи одного изъ этихъ признаковъ невозможны существованіе самого преступленія и его наказуемость. Разсматривая съ этой точки зрѣнія дѣяніе Гамова, защитникъ доказывалъ, что дѣйствія этого обвиняемаго не совмѣщаются въ себѣ вовсе указанныхъ признаковъ. При этомъ защитникъ обратилъ вниманіе Суда на то, что передача одного экземпляра прокламаціи или чтеніе ея лицомъ, непонимающимъ смысла ея, такимъ слушателямъ, которые также не понимаютъ смысла прочитаннаго и самого слова „прокламація“, не могутъ называться распространеніемъ; что дѣйствіямъ Гамова, нельзя приписывать злаго умысла, коль скоро не было самаго факта, предполагающаго этотъ умыселъ, т. е. распространенія; наконецъ, что тѣ двѣ прокламаціи, въ которыхъ обвиняется Гамовъ не содержатъ въ себѣ прямого воззванія къ какому-либо дѣйствію, направленнымъ противъ власти. Разобравъ затѣмъ показанія свидѣтелей, относящіеся до Гамова, защитникъ доказывалъ, что показаніе одного изъ нихъ, Байковского, не уличаетъ вовсе обвиняемаго въ какомъ-либо дѣйствіи, имѣющемъ прямое отношеніе къ его обвиненію; объясненія же двухъ другихъ свидѣтелей Мартынова и Егорова не опровергаютъ показанія обвиняемаго о томъ, что онъ, передавая имъ прокламаціи, предупреждалъ, что самъ ихъ не читалъ. Если же Гамовъ при этомъ совѣтовалъ давать читать прокламаціи, какъ можно болѣе и впоследствии училъ показывать, что они купили ихъ въ Москвѣ на толкучкѣ, то первый изъ этихъ совѣтовъ защитникъ объяснилъ чисто педагогическими цѣлями, желаніемъ развить грамотность въ народѣ, а второй тѣмъ, что онъ узналъ о содержаніи прокламаціи гораздо позже, много времени спустя послѣ передачи ихъ свидѣтелямъ. Относительно способа полученія прокламаціи Гамовымъ защитникъ доказывалъ справедливость объясненія обвиняемаго о томъ, что онъ получилъ ихъ отъ своего товарища Баснина, котораго Гамовъ зналъ за чловѣка честнаго и хорошаго и имѣющаго при этомъ извѣстный авторитетъ въ дѣлѣ народнаго обученія, а потому и повѣрилъ рекомендаціи его относительно книгъ.. Указавъ въ заключеніе на то, что при обыскѣ у Гамова не было обнаружено ничего предосудительнаго или могущаго служить какому-либо обвиненіемъ, что онъ не былъ вовсе знакомъ и не имѣлъ ничего общаго съ прочими обвиняемыми по этому дѣлу, и, наконецъ, на многочисленность семейства обвиняемаго, которое онъ содержалъ своими трудами, защитникъ просилъ полнаго оправданія Гамова. Присяжный повѣренный Соколовскій, защитникъ Чикова, объяснилъ, что 251 ст. Улож. могла бы

быть примѣнена къ настоящему дѣлу только тогда, если бы составленію и распро-
страненію прокламаціи предшествовала подготовительная работа, заключающаяся въ
распространеніи въ средѣ общества недовольства противъ Правительствѣ, или если бы
члены этого кружка предполагали, что въ обществѣ находится столько разрушитель-
ныхъ элементовъ, что достаточно одной искры, чтобы произвести общественный по-
жаръ. Самая форма выраженій прокламацій указываетъ, что составители знали, что
въ народѣ нѣтъ матеріала для воссозданія предположеннаго ими идеала, на что, по
мнѣнію защитника, указываетъ самая форма ихъ выраженія. Прокламація, по мнѣнію
г. Соколовскаго, не пишется въ формѣ разговора учителя съ ученикомъ, а пишется
горячимъ словомъ равнаго къ равному. Къ Чикову 251 ст. Улож. не можетъ быть
примѣнена тѣмъ болѣе, что по объясненію его, вопли правдоподобно и ничѣмъ не
опровергнутому, прокламацію онъ получилъ случайно отъ неизвѣстнаго ему человѣка.
Ни съ кѣмъ изъ другихъ главныхъ участниковъ этого дѣла онъ не былъ знакомъ,
за исключеніемъ одной только Ободовской. Но и въ этомъ послѣднемъ знакомствѣ
не было также рѣшительно ничего противозаконнаго. Въ этомъ отношеніи г. Соко-
ловскій обратилъ вниманіе и на то, что на судѣ прослѣжена вся жизнь Чикова и
въ ней ничего предосудительнаго не было усмотрѣно. Уловія, при которыхъ имъ
была передана прокламація Грачевскому, также указываютъ на то, что передача эта
была сдѣлана не съ противозаконною цѣлью, и что онъ не имѣлъ намѣренія этимъ
склонить Грачевскаго къ принятію участія въ этомъ дѣлѣ. Это доказывается также
характеромъ письма къ Грачевскому. Съ Грачевскимъ ранѣе этого онъ случайно по-
знакомился на станціи и изъ разговоровъ съ нимъ узналъ, что онъ желаетъ поступить
въ студенты; передавая прокламаціи Грачевскому, онъ просто хотѣлъ этимъ пустить
ему, какъ новичку, пылъ въ глаза, подлиберальничать. Далѣе г. Соколовскій обра-
тилъ вниманіе на то, что прокламаціи не могли принести никакого вреда, и въ под-
твержденіе этого сослался на свидѣтелей, удостовѣряющихъ, что прочитанныхъ имъ
прокламацій они или совершенно не понимали, или же понимали совершенно иначе.
Указавъ въ заключеніе на то, что такая горсть людей, како представляется настоящій
кружекъ, не могла никакимъ образомъ поколебать основъ русской жизни, г. Соко-
ловскій обратился къ Суду съ просьбою о милосердіи ко всѣмъ подсудимымъ. При-
сяжный повѣренный Матросовъ, защитникъ Сахаровой, указалъ на то, что о
подсудимой нѣтъ въ дѣлѣ ни одного намека на нервы періодъ дѣятельности глав-
ныхъ обвиняемыхъ, т. е. до отъѣзда ихъ изъ Петербурга. Нахождение же ея вмѣстѣ
съ ними въ Сареево защитникъ объяснялъ только личными ея отношеніями къ Дмо-
ховскому. Затѣмъ защитникъ остановился на разъясненіи того обстоятельства, ко-
торое обвинительною властью было принято за разнорѣчивость ея показаній, объясняя
его простою неразвитію обвиняемой и непониманіемъ ею сущности того дѣла, въ
участіи въ которомъ она обвинялась. Отвергая воплиъ это участіе въ виду неразви-
тости, отсутствія воспитанія и какихъ-либо познаній у Сахаровой, защитникъ про-
силъ о полномъ ея помилованіи. Присяжный повѣренный Куперникъ, защит-
никъ Циммермана, остановившись сначала на томъ преступленіи, въ которомъ обви-
няется Циммерманъ, что недонесеніе не есть самостоятельное преступленіе, и отвѣт-
ственность за него только тогда существуетъ, когда доказано главное преступленіе.
Указавъ затѣмъ разницу въ понятіи о преслѣдованіи политическихъ преступленій въ
государствахъ, гдѣ существуютъ организованные политическіе союзы и партіи, при-
сяжный повѣренный Куперникъ, не находя въ прокламаціяхъ ничего преступнаго,
замѣтилъ, что мысли этихъ прокламацій въ иной формѣ могли бы быть высказаны
даже въ нашей печати при ея настоящемъ положеніи. Перейдя къ анализу недоне-
сенія по Уложенію о наказ., защитникъ замѣтилъ, что каждый можетъ имѣть свой
взглядъ на преступленіе, и если присяжный засѣдатель, не смотря на несомнѣнность
факта преступленія, можетъ по разнымъ, ему одному только извѣстнымъ соображе-
ніямъ, оправдать виновнаго, то нѣтъ основанія отнимать права свободнаго убѣжденія
отъ cadaго частнаго лица и требовать, чтобы оно доносило о каждомъ преступленіи,
тѣмъ болѣе, что для раскрытія преступленій въ государствахъ существуютъ особые
органы. Обративъ, наконецъ, вниманіе на разницу въ обвиненіи Циммермана по обви-
нительному акту и по обвинительной рѣчи и находя, что это послѣднее по слѣдствію
ничѣмъ не подтверждается, г. Куперникъ замѣтилъ, что Циммерману не было даже
надобности доносить, такъ какъ преступный замыселъ и виновные были уже обнару-
жены самимъ Правительствомъ, и въ заключеніе просилъ полнаго оправданія своего
кlientа. Присяжный повѣренный Брутъ, защитникъ Сидорацкаго, ограничился
указаніемъ на отсутствіе данныхъ къ обвиненію этого подсудимаго и на то, что если
обвиненіе это и было основано на собственномъ сознаніи, сдѣланномъ имъ на пред-
варительномъ слѣдствіи, то сознаніе это не было провѣрено на судѣ. Въ виду этого
защитникъ требовалъ признанія обвиненія Сидорацкаго недоказаннымъ. Присяжный
повѣренный Буймистровъ, защитникъ Авессаломова, признавая подсудимаго ви-
новнымъ лишь въ имѣніи у себя прокламаціи „Русскому народу“, которую онъ, по
словамъ защитника, получилъ случайно, благодаря своей специальности учителя, и въ
недонесеніи о томъ Правительству, указавъ на высказанное Авессаломовымъ несо-
чувствіе этой прокламаціи, на его прежнюю безупречную дѣятельность и на то, что,

не объявляя Правительству объ имѣемой у него прокламаціи, онъ руководствовался исключительно опасеніемъ неблагопріятныхъ для него послѣдствій въ нравственноиъ и матеріальномъ отношеніи, которыя бы онъ могъ этимъ на себя навлечь. Въ концѣ своей рѣчи защитникъ просилъ снисхожденія для подсудимаго во вниманіе къ его бѣдственному положенію и тѣмъ стѣснительнымъ послѣдствіямъ, съ которыми сопряжено привлеченіе его къ настоящему дѣлу, заявивъ при этомъ, что Суду не трудно бытъ снисходительнымъ. „Вамъ стоить только вспомнить, сказалъ г. Вуймистровъ, Того, именемъ Котораго вы судите, вспомнить, что нашъ Государь далекъ отъ всякой суровости, и какія добрыя, въ высшей степени человѣческой начала, Онъ преподалъ новому суду“. Подсудимая Ободовская, не пожелавшая имѣть защитника, указывая на то, что у нея былъ найденъ лишь отрывокъ прокламаціи „Русскому народу“, утверждала, что отрывокъ этотъ попалъ къ ней совершенно случайно, вѣроятно съ какою-либо книгою, и что она не обратила на него никакого вниманія, если даже и видѣла его въ числѣ бывшихъ у нея писанныхъ или печатныхъ листовъ, такъ какъ онъ представлялся ей не болѣе, какъ лоскутомъ, неудобнымъ даже для чтенія. Выразивъ затѣмъ свое несочувствіе распространенію прокламаціи, подсудимая объяснила свое знакомство съ подсудимымъ Чиковымъ, которое, по ея словамъ, ограничилось 3—4 свиданіями, общности ихъ профессіи — народнаго учителя; занятія же свои этимъ предметомъ, не смотря на то, что, имѣя средства къ жизни, она не нуждалась въ жалованьи учительницы, Ободовская объяснила исключительно тѣмъ интересомъ, который это дѣло представляло въ ея глазахъ. Товарищъ оберъ-прокурора въ возраженіяхъ противъ защиты остановился на нѣкоторыхъ предметахъ особенной важности относительно политической стороны дѣла. Въ возраженіи защитнику Долгушина товарищъ оберъ-прокурора замѣтилъ, что, хотя въ прокламаціи не указывается прямо на верховную власть, тѣмъ не менѣе, смыслъ ихъ и направленіе приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію, что онѣ имѣли въ виду эту именно власть, подразумеваемую въ прокламаціяхъ подъ выраженіями: „Правительство“ и т. п. Приведенные защитникомъ доводы о томъ, что прочія прокламаціи, кромѣ прокламаціи „Русскому народу“, не могли быть составлены Долгушинымъ, и что онъ можетъ подлежать отвѣтственности лишь по новому закону о противозаконныхъ сообществохъ, обвинитель опровергалъ тѣмъ, что прокламаціи эти были предназначены для различныхъ слоевъ общества, чѣмъ и объясняется разница въ изложеніи и направленіи воззваній и тѣмъ, что законъ 7-го іюля сего года имѣетъ въ виду дѣйствіа, направленные противъ распоряженій Правительства, а не противъ самаго Правительства или верховной власти, какими представляются дѣйствія Долгушина. Отвѣчая защитнику Дмоховскаго, товарищъ оберъ-прокурора указалъ на значеніе свидѣтельскихъ показаній относительно побѣдки его за границу и причины, по которымъ обвиняемые были принуждены прекратить печатаніе прокламаціи въ Сареве и перевести его въ Москву, а также на особое значеніе дѣлежа прокламаціи между обвиняемыми, доказывающаго ихъ прямое намѣреніе распространять воззваніе. Далѣе товарищемъ оберъ-прокурора были сдѣланы возраженія на объясненія защитника Гамова о томъ, что этотъ обвиняемый не зналъ о содержаніи прокламаціи, и наконецъ, указалъ на то, что всѣ обстоятельства, приведенныя защитникомъ Чикова въ его оправданіе, занесены въ обвинительный актъ. На возраженія товарища оберъ-прокурора были сдѣланы замѣчанія защитниками Долгушина, Дмоховскаго, Гамова и Чикова. Изъ нихъ первый повторилъ объясненія относительно обвиненія Долгушина въ составленіи прокламаціи „Какъ жить по закону природы и правды“ и „Къ интеллигентнымъ людямъ“, настаивая на признаніи этого обвиненія недоказаннымъ, а также относительно примѣненія къ Долгушину наказанія. Присяжный повѣренный Спасовичъ остановился на значеніи свидѣтельскихъ показаній, уличающихъ, по мнѣнію обвинителя, его кліента и на возможности примѣнить къ нему новый законъ о противозаконныхъ сообществохъ. Защитникъ Гамова объяснилъ заявленія, сдѣланныя его кліентомъ во время засѣданія и, наконецъ, присяжный повѣренный Соколовскій указывалъ на различіе данныхъ, приведенныхъ относительно подсудимаго Чикова въ обвинительномъ актѣ и тѣхъ, которыя выяснились на судѣ и на обстоятельстве, доказывающія несочувствіе обвиняемаго насильственнымъ переворотамъ. Первоприсутствующимъ было предложено всѣмъ обвиняемымъ: не желаютъ ли они представить еще чего-либо въ свое оправданіе? Подсудимый Дмоховскій призналъ себя виновнымъ въ томъ, что ему было извѣстно все, что дѣлалось на дачѣ Долгушина, что онъ участвовалъ во всѣхъ предположеніяхъ, составлявшихся Долгушинымъ, Папинымъ и Плотниковымъ и, наконецъ, въ приобретеніи станка съ намѣреніемъ устроить тайную типографію для печатанія сочиненій, направленныхъ противъ частной собственности, но отрицалъ существованіе въ этихъ дѣйствіяхъ преступнаго умысла и просилъ снисхожденія для трехъ обвиняемыхъ, которые привлечены къ дѣлу по винѣ его, Долгушина, Папина и Плотникова. Подсудимые Плотниковъ, Гамовъ и Чиковъ точно также въ краткихъ словахъ повторили сказанное о сущности ихъ убѣжденій и дѣйствій: остальные затѣмъ обвиняемые никакихъ заявленій не сдѣлали. Затѣмъ Судъ удалился для постановки вопросовъ и по возвращеніи въ залу засѣданія были прочитаны проекты вопросовъ. По прочтеніи первоначальной редакціи вопросовъ

защитники просили дать им вопросный листъ и нѣсколько времени на совѣщаніе въ виду сложности дѣла, что и было имъ предоставлено, и засѣданіе прервано до 12 часовъ слѣдующаго дня. Засѣданіе 14-го іюля. По открытіи засѣданія присяжный повѣренный Спасовичъ отъ имени всѣхъ защитниковъ просилъ Судъ объ измѣненіи поставленнаго имъ проекта вопросовъ. Измѣненіе, о которомъ ходатайствовали защитники, состояло, главнымъ образомъ, въ постановкѣ вопроса о событіи отдѣльно отъ вопроса о виновности каждаго изъ подсудимыхъ и въ опредѣленіи этого событія тѣми различными признаками, которыми Уложение о нак. опредѣляетъ преступленія, предусмотрѣнные 251, 274 и 318 статьями этого Уложения. Затѣмъ присяжный повѣренный Герке прочелъ составленный защитниками проектъ вопросовъ, затѣмъ Судъ удалился для обсужденія заявленія защитниковъ и по совѣщаніи первоприсутствующій прочелъ слѣдующую редакцію вопросовъ: 1) Доказано ли, что дворянинъ Александръ Васильевъ Долгушинъ, 25 лѣтъ, по предварительному соглашенію съ другими лицами, съ цѣлью составленія, печатанія и распространенія воззваній, направленныхъ къ возбужденію бунта и явнаго неповиновенія верховной власти завелъ типографію, находившуюся сперва въ дер. Саревое, потомъ переведенную въ Москву въ домъ Сгепанова? 2) Изобличаются-ли въ соглашеніи и совокупныхъ съ Долгушинымъ по упомянутому въ 1-мъ пунктѣ предмету дѣйствійхъ: а) дворянинъ Л. А. Дмоховскій, 23 лѣтъ, б) дворянинъ И. И. Панинъ, 25 лѣтъ, в) дворянинъ Н. А. Плотниковъ, 23 лѣтъ? 3) Составлены и напечатаны-ли этими лицами въ упомянутой въ 1-мъ пунктѣ типографіи воззванія „Русскому народу“, „Какъ должно жить по закону природы и правды“ и „Къ интеллигентнымъ людямъ“, назначенныя для распространенія съ указанною въ 1-мъ вопросѣ цѣлью и по содержанию своему этой цѣли соотвѣствующія? 4) Были-ли означенныя воззванія распространяемы черезъ печатаніе и раздачу ихъ различнымъ лицамъ изъ крестьянскаго сословія и другимъ? 5) Если воззванія эти были распространяемы, то виновны-ли: а) Долгушинъ въ томъ, что управлялъ совершенными съ тою цѣлью дѣйствіями другихъ лицъ и что сверхъ того переслалъ крестьянину Аванасьеву по одному экземпляру воззванія „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“; б) Дмоховскій—въ частіи съ Долгушинымъ по предмету управления вышеозначенными дѣйствіями относительно распространенія тѣхъ воззваній; в) Панинъ — въ передачѣ воззванія „Русскому народу“ крестьянину Щербакову и рядовому Федорову съ тою же цѣлью; г) Плотниковъ — въ передачѣ воззванія „Русскому народу“ крестьянину И. Тихонову съ тою же цѣлью; е) крестьянинъ А. Васильевъ, 19 лѣтъ, въ передачѣ воззванія „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“ Д. Иванову, крестьянину А. Смирнову и другимъ лицамъ около 60 экземпляровъ; ж) дворянинъ Д. Гамовъ, 26 лѣтъ, въ передачѣ съ тою же цѣлью воззванія „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“ крестьянамъ Мартынову и Егорову; з) дворянинъ А. Чиковъ, 26 лѣтъ, въ отсылкѣ съ тою же цѣлью съ студентомъ Поповымъ служащему на Грязе-Царицкой желѣзной дорогѣ Грачевскому воззванія „Къ интеллигентнымъ людямъ“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“? 6) Если Долгушинъ, Дмоховскій, Панинъ и Плотниковъ не виновны по 5-му вопросу, то не виновны-ли они въ составленіи противозаконнаго сообщества съ цѣлью произвести въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ возстаніе противъ Государя и государства, или ниспроверженіе Правительства, или перемѣну образа правленія, но не обнаруживъ умысла дѣйствовать насильственно? 7) Если Гамовъ и Чиковъ не виновны по 5-му пункту, то не виновны-ли они въ томъ, что имѣли у себя, безъ дозволенія на то, означенныя въ томъ вопросѣ противозаконныя воззванія, которыя передали другимъ лицамъ безъ умысла на распространеніе? 8) Виновна-ли мѣщанка Т. П. Сахарова, 26 лѣтъ, въ томъ, что находясь при совершеніи противозаконныхъ дѣяній, указанныхъ въ 3-мъ вопросѣ и сознавая преступность оныхъ, не принимала никакихъ мѣръ къ предупрежденію предпріятого зла, хотя и имѣла къ тому время и возможность? 9) Виновенъ-ли рижскій мѣщанинъ Э. Циммерманъ, 24 лѣтъ, въ томъ, что, зная со словъ подсудимаго А. Васильева, что послѣднимъ распространены экземпляры воззванія „Русскому народу“, не донесъ объ этомъ, какъ бы слѣдовало, надлежащей власти? 10) Виновенъ-ли дворянинъ В. П. Сидорацкій, 20 лѣтъ, въ томъ, что получивъ воззваніе подъ заглавіемъ „Къ интеллигентнымъ людямъ“, держалъ оное у себя, не имѣя на то разрѣшенія начальства? 11) Виновенъ-ли сынъ священника Н. Ф. Авессаломовъ, 23 лѣтъ, въ томъ, что, получивъ воззваніе „Русскому народу“, держалъ оное у себя, не имѣя на то разрѣшенія начальства — и 12) Виновна-ли дочь купца А. Я. Ободовская, 26 лѣтъ, въ томъ, что имѣющуюся у нея часть воззванія „Русскому народу“ хранила у себя безъ разрѣшенія начальства? По утвержденіи этой редакціи Судъ удалился на совѣщаніе, продолжавшееся 1½ часа и по возвращеніи первоприсутствующій прочиталъ утвердительные отвѣты на всѣ вопросы, за исключеніемъ 6-го, который оставленъ безъ отвѣта. Затѣмъ первоприсутствующій объявилъ, что Судъ удалится для постановленія приговора. 15-го сего іюля, ровно въ 2 часа по полудни Особое Присутствіе Правительствующаго Сената объявило слѣдующую резолюцію по дѣлу о составленіи, напечатаніи и распространеніи прокламацій: „1874 года, іюля 15-го дня, по Указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ

въ особомъ присутствіи въ слѣдующемъ составѣ: первоприсутствующій сенаторъ Я. Я. Чемадуровъ, сенаторы: А. Г. Евреиновъ, Н. О. Тизенгаузенъ, князь Н. М. Голицынъ, Б. Н. Хвостовъ, Ф. К. Шульцъ, предводители дворянства: тверской губернской князь Б. В. Мещерскій, опочекій уѣздный А. А. Померанцевъ, одесскій городской голова Н. А. Новосельскій и парголовскій волостной старшина И. Зоринъ, при оберъ-секретарѣ Г. И. Трахтенбергѣ и товарищѣ оберъ-прокурору Стадольскомъ, — выслушавъ дѣло по обвиненію дворянъ: Долгушина, Дмоховскаго, Папина и другихъ въ составленіи, печатаніи и распространеніи воззваній преступнаго содержания и пренія сторонъ, находятъ виновными: 1) подсудимыхъ Долгушина, Дмоховскаго, Папина, Плотникова, Васильева и Гамова въ распространеніи составленныхъ и напечатанныхъ для этой цѣли первыми 4-мя въ заведенной ими типографіи воззваній: „Русскому народу“, „Какъ должно жить по закону природы и правды“ и „Къ интеллигентнымъ людямъ“, каковыя воззванія направлены къ возбужденію явнаго неповиновенія Верховной власти и бунту; 2) Подсудимаго Сахарову въ томъ, что она, узнавъ о напечатаніи и выпускѣ въ обращеніе Долгушиннымъ и его сообщниками означенныхъ противозаконныхъ воззваній не донесла объ этомъ; 3) подсудимаго Циммермана въ томъ, что узнавъ отъ упомянутаго выше Васильева объ учиненномъ симъ послѣднимъ распространеніи сихъ воззваній, не донесъ объ этомъ и 4) подсудимыхъ Чикова, Сидорацкаго, Авессаломова и Ободовскую въ томъ, что они, получивъ первый — воззвание „Какъ должно жить по закону природы и правды“ и „Къ интеллигентнымъ людямъ“, второй — сіе послѣднее воззваніе, третій — воззвание „Русскому народу“ и четвертая часть этого послѣдняго воззванія, — держали оныя у себя, не имѣя на то разрѣшенія подлежащаго начальства. Вслѣдствіе сего и признавая подсудимыхъ Долгушина и Дмоховскаго — зачинщиками содѣяннаго преступленія и примѣняя къ настоящему дѣлу 251 и 126 и нижеприводимыя статьи Улож. о нак., а относительно подсудимаго Васильева и ст. 775 Уст. Угол. Суд., Правительство сіе Сенатъ опредѣляетъ: 1) дворянъ: Александра Долгушина, 25 лѣтъ и Льва Дмоховскаго, 23 лѣтъ, на основаніи 1-й части 251, 13, 118 и 19 (степ. 5) ст. Улож. о нак., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ съ послѣдствіями въ 25 ст. Улож. о нак. опредѣленными; 2) дворянъ: Ивана Папина, 25 лѣтъ, Николая Плотникова, 23 лѣтъ, на основаніи 1-й части 251, 119, 134 п. 2-го, 135 и 19 (степ. 7-й) ст. Улож. о наказ., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ на 5 лѣтъ съ тѣми же послѣдствіями; 3) дворянина Дмитрія Гамова, 26 лѣтъ, на основаніи 1-й части 251 и 19 (степ. 5) ст. Улож. о нак., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 8 лѣтъ; 4) крестьянина Ананія Васильева, 19 лѣтъ, признать подлежащимъ, на основаніи 1-й части 251, 119, 134 п. 2-го и 4-го, 135, 139 и 19 (степ. 7-й) ст. Улож. о наказ., лишить всѣхъ правъ состоянія и ссылкъ въ каторжныя работы на заводахъ на 2 года и 8 мѣсяцевъ, но въ виду представляющихся по дѣлу особыхъ уваженій къ облегченію участи сего подсудимаго, всеподданнѣйше ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ, чрезъ Министра Юстиціи, о замѣнѣ этого наказанія для него, Васильева, 2-хъ лѣтнимъ заключеніемъ въ рабочемъ домѣ безъ лишенія правъ; 5) мѣшанку Татьяну Сахарову и гражданина Эмилиа Циммермана, 24 лѣтъ, на основаніи 126 ст. Улож. о нак. подвергнуть аресту: 1-ую на 1 мѣсяць, а послѣдняго на 2 недѣли; 6) дворянина Александра Чикова, 24 лѣтъ, дворянина Василя Сидорацкаго, 20 лѣтъ, купеческую дочь Александру Ободовскую, 26 лѣтъ, и священническаго сына Ивана Авессаломова, 29 лѣтъ, на основаніи 3 ч. 251, 140 (п. 5) ст. Улож. о нак. подвергнуть аресту: Чикова на 2 мѣсяца, Сидорацкаго на 3 дня, Ободовскую на 7 дней и Авессаломова на 7 дней, и изъ нихъ Чикова отдать потомъ подъ надзоръ полиціи на 2 года; 7) судебныя по настоящему дѣлу издержки взыскать съ осужденныхъ лицъ, а въ случаѣ несостоятельности ихъ, принять на счетъ казны и 8) приговоръ относительно дворянъ Долгушина, Дмоховскаго, Папина, Плотникова и Гамова, согласно съ 945 ст. Уст. Угол. Суд., представить чрезъ Министра Юстиціи на Высочайшее Его Императорскаго Величества Усмотрѣніе.

1875 годъ.

Правительственный Вѣтникъ.

(№№ 158, 159, 160 и 162.)

Дѣло о Дьяковѣ, Сиряковѣ, Герасимовѣ, Александровѣ, Зайцевѣ, Яисонѣ, Ельцовѣ и Вячеславовѣ, обвиняемыхъ въ политическомъ преступленіи.

(Засѣданіе Особого присутствія Правительствующаго Сената.)

Предсѣдательствуетъ первоприсутствующій сенаторъ А. Г. Евреиновъ; присутствуютъ сенаторы: М. Н. Туруновъ, Н. О. Тизенгаузенъ и Б. Н. Хвостовъ

и сословные представители дворянства: тверской губернской князь Б. В. Мещерский, вышневолоцкій уѣздный Н. В. Сназизъ-Тормасовъ, одесскій городской голова Н. А. Новосельскій и волостной старшина парголовской волости И. Зоринъ, при оберъ-секретарѣ Г. И. Трахтенбергѣ. Обвиняете товарищ оберъ-прокурора Н. Н. Шрейберъ; защищаютъ присяжные повѣренные: Бардовскій — Герасимова, Боровиковскій — Александрова, Ольхинъ — Зайцева, Михайловъ — Янсова, Богаевскій — Ельцова и Вячеславова. Подсудимые Дьяковъ и Сиряковъ защищаются сами. По спросѣ первоприсутствующимъ подсудимыхъ о ихъ имени, отчествахъ, фамилии, званіи, вѣроисповѣданіи и о томъ, получили-ли они копии съ обвинительнаго акта, были прочитаны послѣдній, содержащій въ себѣ слѣдующія данныя: Въ началѣ апрѣля мѣсяца сего 1875 года, рабочій фабрики Чешера, крестьянинъ Яковъ Самойловъ и безсрочно-отпускной бомбардиръ Антонъ Андреевъ подали начальнику с.-петербургскаго губернскаго жандармскаго управления заявленія, въ коихъ изъяснили: 1-й, что на дворъ фабрики Чешера въ квартиру рабочихъ Михаила Васильева, Матвѣя Тарасова, Никифора Кондратьева и др., приходилъ молодой человекъ, который читалъ имъ, послѣ занятій, о старинѣ, а потомъ о самарскомъ голодѣ. Когда Тарасовъ, Кондратьевъ и др. перѣхали на новую квартиру на Черную Рѣчку, то чтенія тамъ продолжались. Бывая у нихъ, слышалъ чтеніе книги „Хитрая Механика“; и 2-й, что въ концѣ марта 1875 года, братъ его, безсрочно-отпускной рядовой Яковъ Андреевъ, работающій на фабрикѣ Чешера, принесъ ему „Исторію одного французскаго крестьянина“, объяснивъ, что подобныя книги въ квартиру рабочихъ, живущихъ въ Выборгской части, на дачѣ Бобонина, носятъ студенты. Забѣгивъ, что въ принесенной книгѣ нехорошо говорится, онъ ходилъ къ брату нѣсколько воскресеній и заставалъ тамъ читавшаго студента и нѣсколькихъ рабочихъ. Послѣ чтенія былъ разговоръ о томъ, что нужно всѣмъ соединиться и произвести бунтъ. Студентъ говорилъ, что нужно уничтожить купцовъ, дворянъ и Царя. При этомъ Антонъ Андреевъ представилъ книги: „Емельку Пугачева“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, „Хитрую Механику“, полученныя имъ отъ студента и рабочаго фабрики Чешера, Василія Герасимова и присвокупилъ, что Герасимовъ съ фальшивымъ паспортомъ отправился въ Выборгъ. Произведенными, вслѣдствіе сего, дознаніемъ и предварительнымъ слѣдствіемъ обнаружено: 1) что судентъ с.-петербургскаго университета Вячеславъ Михайловъ Дьяковъ, подъ именемъ Василія Михайлова, войдя въ концѣ 1874 г. въ знакомство съ нѣкоторыми рабочими фабрики Чешера, злоумышленно распространялъ сначала между ними, а потомъ между нѣкоторыми нижними чинами лейбъ-гвардіи московскаго полка и другими лицами, какъ непосредственно, такъ и чрезъ посредство другихъ лицъ, сочиненія, имѣющія цѣлью возбудить къ бунту и что въ означенной преступной дѣятельности Дьякова приняли завѣдомое участіе студентъ с.-петербургскаго университета Алексѣй Ивановъ Сиряковъ, подъ именемъ Алексѣя Иванова и рабочіе фабрики Чешера, жившіе на Выборгской Сторонѣ, по Головинскому переулку, на дачѣ Бобонина № 24, с.-петербургскіе мѣщане Василій Герасимовъ и Дюмидъ Александровъ; 2) что музыкантъ лейбъ-гвардіи московскаго полка Трофимъ Зайцевъ и фельдшерскій ученикъ того же полка Юрій Янсонъ находились въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ означенныхъ выше лицъ, получали отъ нихъ упомянутыя преступныя сочиненія и знали объ ихъ преступной дѣятельности, и 3) что студенты с.-петербургской медико-хирургической Академіи Владиміръ Ельцовъ и Всеволодъ Вячеславовъ имѣли означенныя преступныя сочиненія. Предъ Рождествомъ 1874 года рабочій фабрики Чешера, находящейся на Выборгской Сторонѣ, крестьянинъ Тверской губерніи Степанъ Зарубай познакомилъ рабочихъ этой фабрики, крестьянъ Никифора Кондратьева и Мавѣя Тарасова съ крестьяниномъ Калужской губерніи Федосѣемъ Шиловымъ, который перешелъ на ту же фабрику. Шиловъ рассказывалъ Тарасову и Кондратьеву, что, когда онъ работалъ на кожевенной фабрикѣ, къ нимъ ходилъ господа, снимали для нихъ квартиру и носили имъ книжки. Когда Кондратьевъ и Тарасовъ сказали Шилову, что хорошо бы доставать новенкія книжки для чтенія, то Шиловъ познакомилъ ихъ со сторожемъ бібліотеки, что въ клиникѣ, Ивановъ Тимошеевымъ и приносилъ отъ него книжки. Передъ самымъ Новымъ годомъ Тимошеевъ въ трактирѣ противъ московскихъ казармъ, встрѣтившись съ Кондратьевымъ и Тарасовымъ, познакомилъ ихъ съ Василіемъ Михайловымъ (оказавшимся студентомъ с.-петербургскаго университета Вячеславомъ Михайловымъ Дьяковымъ), который съ тѣхъ поръ сталъ ихъ посѣщать. При слѣдствіи Матвѣя Тарасовъ объяснилъ, что въ первый же вечеръ знакомства Василій Михайловъ на квартирѣ Кондратьева, когда они жили еще во дворѣ фабрики Чешера, говорилъ, что много расходовъ государственныхъ, что одного процента платимъ 90 милліоновъ, и что когда бы не было государства, не было бы и такихъ расходовъ; за симъ ходилъ на квартиру свидѣтеля познакомиться съ его товарищами по квартирѣ и остался у Кондратьева ночевать. Въ третій приходъ на квартиру свидѣтеля Михайловъ принесъ рукопись о самарскомъ голодѣ, читалъ и толковалъ ее имъ, при чемъ было человекъ шесть рабочихъ. Чрезъ нѣсколько времени свидѣтель вмѣстѣ съ Кондратьевымъ перѣхали, по просьбѣ Михайлова, на новую квартиру (на Черной рѣчкѣ, № 1), на занятіе которой

Михайловъ далъ 10 руб. сер. и просилъ, чтобы какъ можно больше народа опредѣлили бы на квартиру и приглашали къ себѣ слушать, какъ онъ будетъ читать. На эту квартиру Василій Михайловъ ходилъ къ нимъ часто, раза по три-четыре въ недѣлю, по буднямъ вечеромъ, а по праздникамъ поутру; приносилъ книги, читалъ ихъ имъ, въ томъ числѣ „Хитрую Механику“ и просилъ раздавать рабочимъ книги, которыя передавалъ ему и Кондратьеву. Далъ имъ всего около 60 книжекъ, но нѣкоторыя бралъ назадъ, такъ что осталось книжекъ сорокъ, которыя они и представили въ два раза чиновнику Назорову. Василій Михайловъ читалъ также рукопись: „Мужичкую копейку“, какъ мужикъ зарабатываетъ копейку, и какъ эта копейка опять идетъ къ купцу и „О ассоціаціяхъ“, и дѣлалъ толкованіе, что, вотъ, говорить, живутъ тамъ въ Англіи рабочіе въ довольствіи и никакого раасору нѣтъ; можно, говорить, намъ отобрать отъ фабрикантовъ всѣ фабрики, уничтожить Правительстве, побить всѣхъ господъ, отобрать ихъ землю и подѣлить между крестьянами. Говорилъ, что настоящее положеніе полтора или два года больше не протянется, только нужно вырвать кореня; а если пошинбешъ только сучья, то пойдутъ отростки и опять будетъ то же, что теперь. Толковалъ, что и въ войскахъ тоже не дремлютъ, офицеры многіе за нихъ и не будутъ командовать чтобы мужиковъ бить. Недѣли за двѣ до масленицы Михайловъ, привелъ къ нимъ Алексѣя Иванова (омазавшагося студентомъ с.-петербургскаго университета Алексѣемъ Ивановымъ Сиряковымъ), говоря, что ему самому некогда ходить къ нимъ, потому что „мѣстовъ, куда надо ходить распространять — много —, а насъ народу мало“, а теперь будетъ ходить Алексѣй Ивановъ, носить книжки и читать. Въ первое посѣщеніе Алексѣй Ивановъ началъ толковать о географіи, говорилъ о мѣстахъ, гдѣ народъ живетъ безъ правительства, и что тѣмъ, которые живутъ безъ правительства—лучше. Во второй разъ Алексѣй Ивановъ принесъ „Пугачева“, но прочелъ не всю и толковалъ, что Пугачевъ дѣлалъ ошибки потому, что началъ жить по-царски, а о престанороды забылъ; поэтому, если случится бунтъ, имъ не нужно давать одному человѣку такое препорученіе, какое имѣлъ Пугачевъ. При этомъ свидѣтель, будучи неграмотнымъ, описалъ изображеніе, имѣвшееся на книжкѣ „Пугачевъ“. Въ третій разъ Алексѣй Ивановъ пришелъ къ нимъ вмѣстѣ съ Василіемъ Михайловымъ и Алексѣй дочитывалъ Пугачева. Тутъ они толковали, какъ надо разѣхаться по сторонамъ и распространять о томъ, какъ Правительство притѣсняетъ, и раздавать книжки, и предлагали ему, Тарасову, ѣхать въ село Иваново, Шуйскаго уѣзда, съ означенною цѣлью. Всего Алексѣй Ивановъ былъ разъ пятнадцать у нихъ, но не всякій разъ читалъ, а, бывало, придетъ, поведетъ въ трактиръ, угоститъ чаемъ и водкой. Свидѣтель Никифоръ Кондратьевъ, подтверждая въ существенныхъ чертахъ показаніе Тарасова, между прочимъ объяснилъ, что Василій Михайловичъ читалъ имъ рукопись „О самарскомъ голодѣ“, „Календаръ“, „Четыре брата“, „Хитрую механику“, „Пугачева“, „Пѣсенникъ“, листокъ „Чтой-то братцы плохо живется“. При чтеніи Михайловъ говорилъ, что Правительству не нужно, а также капиталистовъ; чтобы фарники и заводы достались въ общественную пользу, земли всѣ подѣлить поровну, чтобы всѣ были равны; говорилъ, что эти книги нужно раздавать народу, чтобы приучить народъ дѣлать возстаніе, при которомъ уничтожить Правительство и господъ; что это и въ другихъ державахъ такъ будетъ. Свидѣтелю и Тарасову Василій Михайловъ давалъ „Хитрую механику“, „О четырехъ братьяхъ“, „Французскаго крестьянина“, „Пѣсенникъ“, „Чтой-то, братцы, плохо живется“, „Безоброчный“, „Фабричныя очерки“, другихъ не помнитъ. Всѣ книги, которыя онъ получалъ отъ Василія Михайлова, свидѣтель представилъ чиновнику полиціи Назорову, котораго свидѣтель зналъ съ 1874 г. по другому дѣлу о студентахъ, раздававшихъ книжки; боясь, чтобы съ Василіемъ самимъ не попасть въ отвѣтъ, они съ Тарасовымъ заявили о Василіи Назорову. Алексѣй Ивановъ (студентъ Сиряковъ) читалъ имъ „Хитрую механику“, „Ассоціацію“, другихъ не помнитъ; при чемъ толковалъ о Правительствѣ, землѣ и проч., то же, что и Михайловъ. Алексѣй Ивановъ далъ свидѣтелю, чтобы раздавать народу книжки: „О четырехъ братьяхъ“ и листокъ „Чтой-то братцы“, а Тарасову при немъ, свидѣтелъ, „Хитрую механику“, „Пугачева“ и „Чтой-то, братцы“. Михайловъ и Алексѣй Ивановъ уговорили жившаго со свидѣтелемъ крестьянина Шилова ѣхать на родину для раздачи книжекъ, и Василій далъ Шилову на дорогу 6 руб. и разныхъ книгъ, а сверхъ того сторожъ бібліотеки Тимофеевъ далъ отъ себя Шилову 4 руб. Отправленіе Шилова было въ началѣ Великаго поста, потому что крестьянинъ Зарубай писалъ изъ Тверской губерніи, что нужны книжки, и въ письмѣ было сказано: жатвы много, а дѣлателей мало. Письмо это читалъ имъ Василій, было оно у Шилова, а кому было писано—не знаетъ. Независимо отъ сего крестьянинъ Яковъ Самойловъ объяснилъ, что въ то время, когда онъ жилъ съ крестьяниномъ Тарасовымъ во дворѣ фабрики Чешера, Василій Михайловъ читалъ тамъ первый разъ книжку о русскихъ древностяхъ, а второй разъ о самарскомъ голодѣ; но прочтеніи сталъ разяснять, что рабочему нужно стать заодно; подлинныхъ словъ не помнитъ, онъ не договаривалъ, но видно, что противъ Правительства говорилъ. Человѣкъ 12 было рабочихъ при его чтеніи и толкованіи. Потомъ, когда Тарасовъ переѣхалъ на новую квартиру, то одинъ разъ Василій Михайловъ при немъ, Самойловъ, читалъ кажется „У переноса“; здѣсь говорилось, что одинъ

подадь отъ міра прошеніе Императору, и прональ изъ-за этого. Означенные выше Тимофеевъ и Шиловъ были разыскиваемы, но по настоящее время не найдены. На Выборгской сторонѣ по Головинскому переулку, на дачѣ Бобонина, № 24, жили: 1) уроженецъ Лифляндской губерніи Матисъ Рейкасъ; 2) Нарвскій мѣщанинъ Микель Классонъ; 3) Кронштадтскій мѣщанинъ Александръ Янсонъ; 4) временно-отпускной рядовой Яковъ Андреевъ Крамие; 5) С.-Петербургскій мѣщанинъ Павелъ Александровъ и обвиняемые 6) Діомидъ Александровъ и 7) Василій Герасимовъ. Изъ лицъ жившихъ на дачѣ Бобонина объяснили: 1) Павелъ Александровъ — что предъявленнаго ему студента Дьжкова знаеть подъ именемъ слесаря Василія Михайлова; съ нимъ его познакомилъ Діомидъ Александровъ недѣли за двѣ или ранѣе до Рождества. Діомидъ его привелъ въ квартиру, когда они жили еще на дачѣ Базунова, на Малой Невкѣ. Въ первый приходъ Василій Михайловъ читалъ имъ „Французскаго крестьянина“ и про „Четырехъ братьевъ“. Послѣ его ухода началъ читать „Французскаго крестьянина“ Діомидъ съ того мѣста, на которомъ остановился Михайловъ и, окончивъ чтеніе, сказалъ, что прочелъ всю книжку. Когда они переѣхали на дачу Бобонина (что, по показанію Рейкаса, было 23-го февраля), Михайловъ ходилъ къ нимъ въ недѣлю раза 2—3, болѣе по праздникамъ. Всякій разъ читалъ книжки: прочелъ „Пугачева“, читалъ два раза что-то писанное, не помнитъ что; говорилъ что если будетъ бунтъ и наша возьметъ, то выборныхъ поставятъ, Царя и купцовъ не будетъ; что нужно дружище быть, что солдатъ не надо бить, что солдаты побьдутъ на Царя, что солдатъ надо тоже учить, давать имъ книжки, чтобы они на насъ не пошли. Свидѣтель видѣлъ, что Михайловъ давалъ Герасимову раза три какія-то книжки; какія—не знаеть, видѣлъ только „Иѣсенникъ“. Онъ также давалъ книжки и Діомиду Александрову. Книги полученные отъ Михайлова Герасимовымъ и Діомидомъ Александровымъ, лежали у нихъ въ незапертомъ столѣ, а на ночь они куда-то выносили ихъ изъ квартиры, завернувъ ихъ въ тряпку, говоря, что бояться обыска. Герасимовъ и Діомидъ Александровъ получали книжки, чтобы раздавать ихъ другимъ; кому именно rozdali—не знаеть, но видѣлъ, что Герасимовъ раза три давалъ книжки своимъ знакомымъ, приходившимъ въ ихъ квартиру по воскресеньямъ а однажды въ субботу далъ солдату Трофиму Зайцеву и двумъ ученикамъ его, кажется, по двѣ книжки. Кромѣ того, Герасимовъ далъ при свидѣтелѣ солдату Яну Сандеру, пришедшему въ ихъ квартиру, одинъ разъ какія-то двѣ или три книжки, и листокъ „Чтой-то братцы“, а другой разъ „Пугачева“. Радавалъ-ли книжки Діомидъ Александровъ — не знаеть, по онъ часто уходилъ изъ дома и иногда уносилъ книжки по двѣ; но приносилъ-ли ихъ обратно—не знаеть, только разъ видѣлъ, что принесъ назадъ одну книжку. Свидѣтель былъ однажды въ казармахъ лейбъ-гвардіи московскаго полка съ Василіемъ Герасимовымъ. Изъ нихъ Герасимовъ читалъ солдатамъ „Чтой-то, братцы, плохо живется“, а потомъ Михайловъ читалъ про „Четырехъ братьевъ“. Сперва они были въ 9-й ротѣ, а послѣ пошли къ музыкантамъ; у послѣднихъ Герасимовъ и Михайловъ читали тѣ-же книжки. Въ 9-й ротѣ во время чтенія было много солдатъ, но свидѣтель можетъ назвать одного Яну Сандера. Точно также и въ музыкантской во время чтенія были солдаты, но свидѣтель знаеть только Зайцева. Въ этотъ разъ Герасимовъ оставилъ въ 9-й ротѣ Яну Сандеру сколько-то книжекъ, но сколько — не замѣтилъ. Янъ Сандеръ сперва не хотѣлъ ихъ брать, а потомъ взялъ-ли, не знаеть. Также по окончаніи чтенія въ музыкантской Герасимовъ оставилъ Зайцеву три книжки, сверху свидѣтель видѣлъ „Пугачева“. Затѣмъ въ другой разъ, на слѣдующей за первымъ посѣщеніемъ недѣлѣ, свидѣтель былъ въ московскихъ казармахъ съ однимъ Василіемъ Герасимовымъ: сперва они тоже зашли въ 9-ю роту, а потомъ въ музыкантскую. Въ обоихъ мѣстахъ Герасимовъ читалъ тѣ-же книжки, что и въ первый разъ, и еще „Пугачева“. Послѣ чтенія далъ Яну Сандеру двѣ или три книжки; сверху видѣлъ листокъ „Чтой-то, братцы“, а Зайцеву; 1) „Пугачева“, 2) про „Четырехъ братьевъ“ и 3) листокъ „Чтой-то, братцы“. Послѣ Рождества, порядочно спустя какъ они познакомились съ Михайловымъ, Діомидъ Александровъ привелъ къ нимъ на квартиру чело-вѣка, по ремеслу слесаря, но крайней мѣрѣ онъ самъ и Діомидъ такъ говорили, Алексѣя Иванова (оказавшагося студентомъ Алексѣемъ Ивановымъ Сиряковымъ); о томъ, что онъ студентъ—свидѣтель не знаеть. Посѣщая ихъ квартиру, Алексѣй Ивановъ прочелъ печатный листъ о томъ, что хотяя крестьянъ установить по новымъ правамъ; говорилъ что крестьянамъ хуже будетъ, но хорошо не понялъ. Въ другой разъ читалъ изъ большой печатной книги „Стенька Разинъ“, какъ тотъ восвалъ за крестьянъ, и говорилъ, что его неправильно считаютъ разбойникомъ, что онъ стоялъ за крестьянъ и уничтожалъ господъ и купцовъ. Засимъ прочелъ изъ „Пугачева“ часть о томъ, какъ Пугачевъ господъ билъ. Недѣли три или четыре передъ Пасхой Матвѣй Тарасовъ, у котораго свидѣтель (на фабрикѣ Чешера) работалъ, какъ у подмастерья въ комплектѣ, предложилъ ему итти къ полнейскому чиновнику Назорову, говоря что долженъ заявить ему объ всемъ и такимъ образомъ будетъ безопасенъ. Сперва свидѣтель не довѣрялъ Тарасову, но потомъ, будучи выпивши, согласился. Свидѣтель былъ разъ шесть или больше у Назорова и все разсказывалъ. Ходить было далеко, приходилось прогуливать время, а Назоровъ давалъ ему на

извозчика когда 1 руб., когда 50 коп. Назоровъ говорилъ, что когда ему дадутъ книжки, чтобы ихъ приносили ему. Свидѣтель и просилъ Алексѣя Иванова дать книжки; послѣдній принесъ, когда свидѣтеля дома не было, шесть книгъ: „Пугачева“, „О четырехъ братьяхъ“ и два листка: „Чтой-то братцы“; еще какія—не знаетъ, книги эти и 5 руб. Алексѣй Ивановъ отдалъ для врученія свидѣтелю Якову Андрееву. Три книги свидѣтель отдалъ Назорову, а остальные сжегъ, потому что Антонъ Андреевъ хотѣлъ доносить. 2) Временно-отпускной рядовой Яковъ Андреевъ Крампе—что присутствовавшій при допросѣ студентъ Дьяковъ ему извѣстенъ подъ именемъ Василя и называлъ себя слесаремъ; въ первый разъ увидѣлъ его въ ихъ квартирѣ (на дачѣ Бобонина), кажется, на масляной. Приходилъ онъ два—три раза въ недѣлю, приносилъ книжки и читалъ ихъ жившимъ въ квартирѣ рабочимъ; при немъ, свидѣтель, читалъ: „Французскаго крестьянина“, „Пугачева“, „Хитрую механику“; другихъ книгъ не помнитъ. Иногда Василій при чтеніи толковалъ рабочимъ прочитанное; говорилъ, что нужно, чтобы всѣ были за одно, что тогда начальства будетъ не нужно, что будетъ одинъ выборный, что еще говорилъ—не помнитъ. На третьей или четвертой недѣлѣ поста, взялъ тихонько у Діомида Александрова изъ-подъ тюфяка „Французскаго крестьянина“, гдѣ еще лежали такія же двѣ книжки свидѣтель далъ брату своему, Антону Андрееву, который, прочтя ее самъ, приходилъ въ квартиру ихъ и, какъ говорилъ, приобрѣлъ еще 4—5 экземпляровъ запрещенныхъ книгъ. Герасимовъ при немъ говорилъ рабочимъ, что студентъ ему будетъ платить деньги за то, чтобы онъ раздавалъ книги на сахарномъ заводѣ Кеннга, куда и поступилъ, но пробылъ недолго. Герасимовъ, живя на ихъ квартирѣ, читалъ и про себя и вслухъ другимъ рабочимъ разныя книжки. Помнитъ, что читалъ вслухъ „Стенку Разина“ и „Пугачева“, причемъ хвалилъ Пугачева, что Пугачевъ стоялъ за народъ, грабилъ помѣщиковъ. Герасимовъ ему говорилъ, что получалъ книжки отъ Василя. Тѣ три книжки, которыя лежали подъ тюфякомъ у Діомида Александрова, были даны послѣднему Василю (Дьяковомъ) при свидѣтелѣ, и вообще нерѣдко случалось, что Василій оставлялъ разныя книжки Діомиду Александрову, Діомидъ Александровъ также самъ читалъ вслухъ „Французскаго крестьянина“ и другія книги—не знаетъ какъ назвать. Кромѣ Василя, Діомиду Александрову давалъ два раза пять или шесть книжекъ и маленькіе листки, въ родѣ газетъ, въ присутствіи свидѣтеля, другой студентъ. Алексѣй Ивановъ Сыряковъ; 18-го или 19-го апрѣля, въ субботу Алексѣй Ивановъ далъ ему, Крампе, пять книгъ для передачи Павлу Александрову и 5 руб., для передачи Діомиду, заплатившему за харчи Герасимова. Этотъ же Алексѣй читалъ однажды книгу о какихъ то правахъ. Герасимовъ говорилъ, что всякому встрѣчному раздастъ эти книжки. Вечеромъ однажды при немъ Діомидъ спросилъ Герасимова, вынесъ-ли онъ съ квартиръ или спрятались-ли книги, на что Герасимовъ отвѣчалъ утвердительно. 3) Крошгадтскій мѣщанинъ Александръ Янсонъ, 4) нарвскій мѣщанинъ Микель Классонъ и 5) уроженецъ Лифляндской губерніи Матисъ Рейкасъ, признали присутствовавшаго при ихъ допросѣ студента Дьякова за лицо (по показанію первыхъ двухъ, это лицо называло себя Василюмъ), которое въ ихъ квартирѣ читало книжки, но свидѣтели (не зная хорошо по-русски) не понимали, что читалось. Свидѣтели видѣли книжки у Герасимова, а Рейкасъ, сверхъ того, и то, что Герасимовъ ихъ уносилъ. По словамъ Рейкаса и Янсона, квартиру ихъ часто посѣщалъ солдатъ, который шилъ рабочимъ сапоги; изъ нихъ Янсонъ удостовѣряетъ, что это былъ солдатъ московскаго полка, сапожникъ Трофимъ. Свидѣтель Антонъ Андреевъ при слѣдствіи не спрошенъ, а перозысканіемъ его мѣста жительства. Въ виду показаній, данныхъ Никифоровымъ Тарасовымъ и Павломъ Александровымъ, исправляющимъ должность товарища прокурора с.-петербургской судебной палаты были истребованы отъ чиновника Назорова переданныя ему означенными лицами книжки и таковыя приобрѣсны къ дѣлу. Въ числѣ означенныхъ книгъ, между прочимъ, находятся: 1) Хитрая механика, 8 экземпляровъ. 2) Сказка о четырехъ братьяхъ 8 экземпляровъ. 3) Сборникъ новыхъ стиховъ и пѣсенъ 6 экземпляровъ. 4) Емелка Пугачевъ 5 экземпляровъ, 5) Исторія французскаго крестьянина 3 экземпляра. 6) Листокъ „Чтой-то братцы“ 8 экземпляровъ. 7) „О мученикѣ Николаѣ“ 2 экземпляра и другіе. Независимо отъ вышеизложеннаго обнаружено слѣдующее: 1) Изъ обвиняемыхъ, мѣщанинъ Василій Герасимовъ былъ задержанъ на станціи Финляндской желѣзной дороги 11 минувшаго апрѣля, и при немъ, между прочимъ, найдено: 1) Паспортъ на имя крестьянина Олонецкой губерніи, Петрозаводскаго уѣзда, Шуйской волости, Василя Павлова Трофимова, отъ 15-го февраля 1875 г., № 381. 2) Четыре экземпляра воззванія: „Чтой-то братцы“. 3) Одинъ экземпляръ книжки „Емелка Пугачевъ“. 4) Три экземпляра книжки „Сказка о четырехъ братьяхъ“ и 5) Билетъ III-го класса на проѣздъ до станціи Паргала. По обыску въ имуществѣ рабочихъ завода Кеннга, помѣщавшихся по сосѣдству съ Василюмъ Герасимовымъ, найденъ у крестьянина Петра Лукина „Сборникъ новыхъ стиховъ и пѣсенъ“, причемъ Лукинъ объяснилъ, что онъ получилъ его отъ рабочаго Павла Петербургскаго на папиросы, такъ какъ онъ, Лукинъ, неграмотенъ. По объясненію Герасимова, поступивъ на фабрику Честера и поселившись въ квартирѣ рабочихъ на дачѣ Бобонина, онъ познакомился тамъ съ

Василієм Михайловымъ, который, посѣщая ихъ часто, почти всегда приносили съ собою разныя книги, которыя имъ оставляли ихъ для раздачи другимъ. Это были: „Исторія французскаго крестьянина“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, Емелка Пугачевъ“, „Хитрая механика“, „Пѣсенникъ“ и „Чтой-то, братцы“. Читая, Василій Михайловъ объяснял и велъ разговоръ о томъ, что было въ книжкахъ; говорилъ постоянно о бѣдности и притѣсненіяхъ простаго народа, что эти притѣсненія идутъ отъ Царя, дворянъ и чиновниковъ, и что для избавленія отъ этихъ притѣсненій нужно соединиться и бунтовать. Бунты, по словамъ Василія Михайлова, должны были начаться въ разныхъ мѣстахъ, такъ чтобы войско ничего не могло сдѣлать съ бунтующими и, когда бунты удадутся, то нужно просить Царя, чтобы сдѣлалъ легче народу. Передавая книжки для раздачи другимъ, Михайловъ говорилъ, что онъ также будетъ раздавать въ другихъ мѣстахъ и тогда сразу узнаютъ во многихъ мѣстахъ, что нужно бунтовать, Василій Михайловъ говорилъ, что можетъ также достать денегъ и паспорты кому нужно. Когда посѣщавшій ихъ квартиру солдатъ, сапожникъ Трофимъ Зайцевъ, сообщилъ Василію Михайлову, что въ ихъ казармѣ дѣлали обыскъ и генераль нашелъ книжку „Хитрую механику“, то Михайловъ рѣшилъ отправить его, Герасимова, навремя изъ Петербурга, опасаясь, что его заберутъ; въ трактирѣ на Большой Дворянской улицѣ, въ присутствіи Павла Александрова, Михайловъ записалъ его, Герасимова, примѣты и спрашивалъ, какой дать лучше ему паспортъ: мѣщанскій или крестьянскій, а въ четвергъ на Страстной недѣлѣ далъ ему фальшивый паспортъ, запрещенныя книги, отобранныя отъ него, Герасимова, при задержаніи, совѣтуютъ раздавать тѣмъ, кто умѣетъ читать, и на дорогу 8 руб. сер. Ранѣе сего Михайловъ далъ ему еще 5 руб. сер. на харчи, когда у него, Герасимова, болѣла рука и, сверхъ того обѣщалъ ему давать деньги на содержаніе за услуги по пропагандѣ и по раздачѣ запрещенныхъ книгъ. При задержаніи, онъ, Герасимовъ, назвалъ себя Трофимовымъ. На заводѣ Книга онъ, Герасимовъ, пробылъ 5 дней и тутъ далъ „Хитрую механику“ или „Сказку о четырехъ братьяхъ“ рабочему Павлу и, кроме того, оставилъ неграмотному рабочему подъ его подушкою — двѣ-три книжки. Алексѣй Ивановъ (Сириковъ) былъ въ ихъ квартирѣ три раза: одинъ разъ читалъ о „Стенкѣ Разинѣ“, а другой разъ о правахъ, говоря, что права эти, по согласію Государя, утверждены; что не будетъ теперь ни судовъ, ни мировыхъ, а только губернаторы и волостные головы, отчего крестьянамъ будетъ такъ худо, что и жить нельзя. Герасимову кажется, что Диомидъ Александровъ давно былъ знакомъ съ Михайловымъ и что чрезъ него рабочіе ихъ квартиры познакомились съ Михайловымъ, и не будь Диомида, они не знали бы студентовъ и не видѣли бы книгъ. Диомидъ Александровъ постоянно говорилъ въ ихъ квартирѣ о притѣсненіяхъ, о плохой жизни рабочихъ и о необходимости все это измѣнить. Онъ, Диомидъ, также говорилъ, какъ Михайловъ, что нужно Государя, Правительство уничтожить; землю и имущество раздѣлить поровну, и что безъ Правительства мы сами лучше сумѣемъ справиться. Далѣе, изъ показаній Герасимова видно, что чрезъ его посредство нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка начали посѣщать квартиры рабочихъ фабрики Чешера, живущихъ на дачѣ Бабонина, а именно: 1) музыкантъ Трофимъ Зайцевъ, который шилъ и чинилъ рабочимъ означенной квартиры сапоги, а также шилъ таковыя и по заказу Василія Михайлова (Дьякова) и былъ давно знакомъ Герасимову. Посѣщая ихъ, Зайцевъ, какъ полагаетъ Герасимовъ, слыхалъ чтеніе Михайловымъ преступныхъ книгъ и его расказы противъ Царя и Правительства. Самъ онъ, Герасимовъ, въ казармахъ бывалъ у Зайцева, разъ десять по поводу починки сапоговъ, книгъ ему не давалъ, но видѣлъ, какъ ему, Зайцеву, далъ двѣ книжки Михайловъ, которыя Зайцевъ на другой день принесъ обратно. 2) и 3) Рядовые 9-й роты московскаго полка Янъ Сандеръ и Вильямъ Пельгасъ, съ коими Герасимовъ познакомился въ трактирѣ противъ московскихъ казармъ и приглашалъ къ себѣ на квартиру. Въ Благовѣщенье, онъ, Герасимовъ, съ рабочимъ Павломъ Александровымъ, отправился въ казармы въ 9-ю роту; ихъ провели къ Сандеру; поговоривъ кое о чемъ, онъ, Герасимовъ, сталъ читать „Чтой-то братцы“, но прочитавъ строчки три, пересталъ, потому что Сандеръ и Пельгасъ уже одѣлись. Не замѣтилъ, чтобы кто-либо изъ солдатъ, бывшихъ въ казармахъ, слыхалъ его чтеніе; къ тому же онъ не могъ читать громко, не имѣя голоса. По дорогѣ на дачу Бабонина они встрѣтили Михайлова, который по приходѣ на квартиру рабочихъ читалъ „Сказку о четырехъ братьяхъ“. Солдаты сидѣли тамъ, гдѣ происходило чтеніе, и ихъ угощали чаемъ. Независимо отъ сего, Герасимовъ, по объясненію, былъ давно знакомъ — 4) съ фельдшерскимъ ученикомъ московскаго полка Юріемъ Янсономъ и, встрѣтившись въ кабакѣ на третьей или четвертой недѣлѣ великаго поста, возобновилъ знакомство. Видѣлся съ нимъ не болѣе четырехъ разъ въ лазаретѣ московскаго полка. Онъ, Герасимовъ, давалъ Юрію Янсону: 1) „Сказку о четырехъ братьяхъ“, 2) листокъ „Чтой-то братцы“ и, кажется, 3) „Пугачева“ и 4) „Хитрую Механику“. Давалъ эти книги, чтобы Янсонъ читалъ самъ и давалъ читать другимъ. Говорилъ ему, какъ училъ его Василій Михайловъ, что Царя, Правительства и начальства слушаться не надо, и что, когда народъ будетъ бунтовать, то чтобы солдаты ихъ не били; что тогда жить будетъ лучше, потому что всѣ будутъ равны, и все достояніе будетъ общее. Онъ, Герасимовъ,

говорилъ Зайцеву и Янсону, что такихъ, какъ студенты и они, раздающіе книги, много. Онъ говорилъ это со словъ Дьякова, но въ дѣйствительности Герасимовъ знаетъ такихъ только Дьякова, Алексѣя Иванова и Діомида Александрова. При слѣдствіи Герасимовъ призналъ себя виновнымъ только въ полученіи подложнаго паспорта на имя крестьянина Василія Трофимова и въ именованіи себя Трофимовымъ, но не призналъ себя виновнымъ въ распространеніи съ цѣлью возбудить къ бунту, тѣхъ книгъ, которыя получалъ отъ Дьякова, и объяснилъ, что самъ ихъ не читалъ, кромѣ листка „Чтой-то, братцы“ и хотя бывалъ, когда Дьяковъ читалъ на ихъ квартирѣ Діомиду Александрову и его товарищамъ разныя книжки и объяснялъ ихъ, но не понималъ къ чему эти книги, и мало когда слушалъ его чтеніе и объясненія. Раздавалъ книжки, которыя ему давалъ Дьяковъ, потому что его просили доставать книжки, да и Дьяковъ обещалъ давать ему деньги за распространіе его книжекъ. О томъ, что книжки нехорошія, узналъ только въ верное воскресенье, когда Зайцевъ сообщилъ Дьякову о бывшемъ въ ихъ казармѣ обыскѣ. Тутъ Дьяковъ объяснилъ ему, что книги были противъ Царя и Правительства, и что когда народъ узнаетъ изъ этихъ книжекъ, какъ его ловко обдѣлываютъ господа съ Царемъ, то сдѣлаетъ бунтъ, какъ это было въ Америкѣ, или гдѣ-то не помнить, и если его, Герасимова, поймутъ, что давалъ Янсону книги, то будетъ ему, Герасимову, бѣда. Вотъ только въ это время узналъ онъ, что книги эти нехорошія, а раньше этого не зналъ. Наложены выше и прочитанныя Герасимову показанія его, данныя имъ при дознаніи, онъ подтвердилъ и при слѣдствіи съ слѣдующими замѣненіями: 1) Дьяковъ, читая книжки, говорилъ о бѣдности и притѣсненіяхъ простаго народа; что притѣсненія идутъ отъ Царя, дворянъ и чиновниковъ, но не слышалъ, чтобы Дьяковъ говорилъ, что нужно бунтовать, чтобы избавится отъ этого. Объ этомъ слышалъ отъ Діомида Александрова, который это говорилъ при немъ Герасимову раза два. 2) Передавая книжки Юрію Янсону, онъ, Герасимовъ, не говорилъ, что не надо слушаться Царя, начальства и Правительства. Въ первый разъ Янсонъ взялъ самъ со стола „Стенку Раина“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“. Онъ, Герасимовъ, былъ тогда выпивши и не помнить, какъ Янсонъ взялъ книжки и ушелъ. Рядовые 9-й роты московскаго полка Янъ Сандеръ и Вильямъ Пельгасъ объяснили, что они познакомились съ Герасимовымъ въ трактирѣ; Герасимовъ съ ними заговорилъ и былъ у нихъ въ казармѣ съ другимъ рабочимъ, при чемъ, по показанію Сандера, пришедшіе въ казармахъ книгъ не читали, а Пельгасъ не выдалъ, читали-ли, потому что были заняты работою. Но на квартирѣ рабочихъ неизвѣстный имъ человекъ, встрѣтившійся имъ по дорогѣ и въ которомъ Янъ Сандеръ призналъ студента Дьякова, читалъ сказку о томъ, какъ четырехъ братьевъ въ Сибирь сослали. По объясненію Сандера, означеннаго Дьякова онъ въ казармахъ у нихъ не выдалъ. Послѣ обнаруженія у рядоваго московскаго полка Ларичева книжки „Хитрая Механика“, фельдфебель Яковъ Червяковъ, получивъ приказаніе отыскать „Сказку о четырехъ братьяхъ“, которую видѣли прежде у Юрія Янсона, познакомился чрезъ посредство послѣдняго съ мѣщаниномъ Герасимовымъ, который вслѣдствіе просьбы Янсона, передалъ ему, въ присутствіи Червякова „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и два экземпляра листка „Чтой-то братцы“. При этомъ, по показанію Червякова, Герасимовъ, когда они были въ трактирѣ, хвалилъ книжку; говорилъ, что листокъ еще интереснѣе, и приглашалъ ихъ притти на Черную рѣчку, гдѣ какой-то студентъ будетъ читать книжки и гдѣ можно еще достать таковыхъ. Упомянутая книжка „Сказка о четырехъ братьяхъ“ и два экземпляра листка „Чтой-то братцы“ препровождены и приобщены къ дѣлу. Независимо отъ сего, музыкантъ Иванъ Жмудскій объяснилъ, что когда, однажды, онъ съ Зайцевымъ ходилъ на квартиру Василія Чухонца (Герасимова), гдѣ Зайцевъ долженъ былъ получить деньги за сапоги съ присутствовавшего при допросѣ свидѣтеля, студента Дьякова, извѣстнаго ему подъ именемъ Василія, то при уходѣ ихъ Василій Чухонецъ (Герасимовъ) далъ ему, Жмудскому, книжку „Сказку о четырехъ братьяхъ“. Герасимовъ ходилъ въ музыкантскую команду разъ или два раза въ недѣлю, при чемъ разъ видѣлъ у музыканта Зайцева его, Герасимова, вмѣстѣ съ Василіемъ (Дьяковымъ). Далѣе, рабочіе фабрики Чешера Матвѣй Тарасовъ и Никифоръ Кондратьевъ объяснили: 1) что Герасимовъ и Діомидъ Александровъ сами ему говорили, что получаютъ книги отъ Василія Михайлова, чтобы раздавать ихъ рабочимъ. Герасимовъ говорилъ, что Діомидъ носитъ книги рабочимъ пивовареннаго завода за Нарвской заставой и что Діомидъ познакомилъ Василія съ рабочими. Василій Герасимовъ однажды вслухъ читалъ, постомъ, въ трактирѣ, листокъ „Чтой-то братцы“, но онъ, Тарасовъ, и бывшій съ нимъ Михаилъ Андреевъ его остановили. Герасимовъ заругался, говоря, что если мы такъ будемъ бояться, то никогда цѣли не получимъ. При этомъ въ трактирѣ было человекъ четыре постороннихъ; и 2-й, что Герасимовъ и Діомидъ Александровъ ему также говорили, что они раздавали книжки, получаемыя отъ студентовъ, а Діомидъ Александровъ говорилъ еще, что будто бы онъ съ Василіемъ (Дьяковымъ) ходили раздавать книжки на какой-то пивоваренный заводъ. Въ присутствіи свидѣтеля однажды Василій (Дьяковъ) далъ Діомиду двѣ книжки: „Хитрую механику“ и „О четырехъ братьяхъ“. Отобранный при задержаніи Герасимова, паспортъ оказался написаннымъ на имя крестьянина Оло-

пецкой губерніи, Петрозаводскаго уѣзда, Шуйской волости, Сунскаго общества, деревни Андреево-Новолока, Василя Павлова Трофимова. Выданъ 15-го февраля 1875 г. за печатью Шуйскаго волостнаго правленія и подписью волостнаго старшины Васкова и волостнаго писаря Зайцева. По произведенному начальником олоонецкаго губернскаго жандармскаго управленія розыску, крестьянина Василя Павлова Трофимова, ни по семейнымъ спискамъ, ни по ревизскимъ сказкамъ въ Шуйской волости не оказалось, равно обнаружено, что писаря Зайцева съ 1869 г. и по настоящее время въ означенной волости не было. Хотя же въ Шуйской волости и былъ волостной старшина Осипъ Васковъ, но онъ былъ въ должности по 1875 годъ. При этомъ къ дѣлу приложены подписи бывшаго старшины Васкова и оттискъ печати Шуйскаго волостнаго правленія, не имѣющія тождества съ подписью и печатью на паспортѣ. II) Обвиняемый Діомидъ Александровъ былъ задержанъ въ казармахъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, 18-го минувшаго апрѣля, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Онъ пришелъ въ гости къ музыканту Зайцеву, который доложилъ фельдфебелю Ильѣ Андрееву, что пришедшій знаетъ также про книжки. Вслѣдствіе сего, надъ нимъ было установлено наблюденіе. Во время нахождения Діомида Александра въ казармахъ, Зайцевъ угощалъ его чаемъ и, сверхъ того, они выпили вмѣстѣ одну сороковуху (на 15 коп.), при чемъ Діомидъ Александровъ, въ присутствіи Зайцева, музыкантскаго ученика Федотова, музыканта Антона Моргуна и унтеръ-офицера Ивана Павлова сталъ разсказывать о Пугачевѣ, что Пугачевъ собиралъ народъ, grabbed помѣщиковъ, вѣшалъ и сажалъ ихъ на колъ, что войска переходили къ нему, потомъ разсказывалъ, что во Франціи была революція, сдѣлали бунтъ, повѣсили короля; что такая революція будетъ у насъ, что двѣ части Россіи уже подготовлено, а одну часть договорить нетрудно; что мужиковъ больше, чѣмъ солдатъ; солдатъ 800.000, а мужиковъ 82.000.000, да и солдаты не пойдутъ противъ отцовъ и матерей, а перейдутъ на ихъ сторону; что ежели бы не было Государя Императора и господъ, то лучше было-бы, потому что мы, говоритъ, теперь работаемъ на господъ и на казну, платимъ подати, а какъ бы перебить ихъ всѣхъ, то что мы бы сработали, то раздѣлили бы поровну, не было-бы ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Все это онъ разсказывалъ отъ себя, никто его не разспрашивалъ, причѣмъ былъ выпивши, но не пьянъ. Говорилъ еще, что такихъ, какъ онъ, толкователей, которые подготавливаютъ народъ 1.500, а сыщиковъ только 500. Діомидъ Александровъ при слѣдствіи не призналъ себя виновнымъ въ распространеніи, съ цѣлью возбудить къ бунту, книгъ, которыя доставлялъ Дьяковъ; послѣдняго зналъ подъ именемъ Василя Михайлова и считалъ его за токаря; познакомился съ нимъ предъ Масляной этого года, въ трактирѣ, на Выборгской сторонѣ, по Большому Сампсоніевскому проспекту, чрезъ рабочаго фабрики Чешера Петра Кривецкаго, который сказалъ ему, обвиняемому, что отъ Василя Михайлова можетъ получить книжки для чтенія. Кривецкій, какъ слышалъ обвиняемый, умеръ наканунѣ Пасхи, въ Петропавловской больницѣ. (По отзыву конторы этой больницы, Кривецкій на излѣченіе въ больницу въ текущемъ году не поступалъ). Послѣ сего Михайловъ (Дьяковъ) посѣщалъ ихъ квартиру и читалъ имъ вслухъ „Сказку о четырехъ братьяхъ“, листокъ „Что-то братцы“, „Хитрую механику“, рукопись „О самарскомъ голодѣ“, „Исторію французскаго крестьянина“, но послѣднюю не всю, причѣмъ Михайловъ оставилъ ее въ ихъ квартирѣ, и онъ, Александровъ, спрятавъ ее за шпалеру и потомъ прочелъ конецъ; увидя, что тамъ говорится неладно, о кровопролитіи, что всякій послѣдній воръ убиваетъ кого хочетъ и что, вообще, книга вредная, за которую придется отвѣчать, онъ, Александровъ, сжегъ ее въ четвергъ на Страстной. Другихъ книгъ не видѣлъ и отъ Михайлова не получалъ. Самъ книгъ никому не передавалъ. Подчасъ Михайловъ казался ему подозрительнымъ человѣкомъ, и онъ какъ-то съ хозяиномъ Рейфасомъ говорилъ, что не полякълъ онъ, что смущаетъ народъ и читаетъ запрещенныя книжки. При дознаніи не показывалъ о знакомствѣ съ Василиемъ Михайловымъ со страха, думая, что ежели покажетъ на него, а другіе запрутся, что онъ же останется въ отвѣтѣ. Въ пятницу, на Святой, пошелъ въ казармы къ музыканту Зайцеву снести свои сапоги починить вновь, такъ какъ онъ ихъ скверно починилъ. Зайцевъ сказалъ, что на дняхъ былъ именинникъ, и оставилъ пить чай, послалъ за водкою. Онъ, Александровъ, выпилъ стаканъ и нѣсколько рюмокъ водки, отчего совсѣмъ охмѣлѣлъ. Зайцевъ сталъ его спрашивать, есть-ли у нихъ книги, которыя были прежде, и онъ отвѣтилъ, что нѣтъ никакихъ. Не помнить, сколько времени тамъ пробылъ и о чемъ говорилъ, былъ пьянъ и не знаетъ за что его задержали. III) Обвиняемый студентъ с.-петербургскаго университета Алексѣй Сиряковъ объяснилъ, что съ квартирою чухонцевъ (работчіе, жившіе на дачѣ Бобонина) познакомился чрезъ Дьякова съ цѣлью познакомиться съ петербургскими рабочими. Желаніе познакомиться съ ними родилось въ немъ вслѣдствіе размышленій о несовершенствѣ настоящаго государственнаго строя, при которомъ жизнь рабочихъ классовъ почти невыносима. Съ Дьяковымъ ранѣе знакомства съ рабочими разговоровъ о пропагандѣ и соціальной революціи не было, но оказалось, что они на эти вопросы смотрятъ одинаково, т. е., что необходимо выяснитъ рабочимъ ихъ положеніе и указать выходъ изъ него въ соціальной революціи. Чтеніе „о правахъ“, какъ говорятъ рабочіе, было не что

шное, какъ чтеніе проекта комиссіи „о всесословности волости“. Читался проектъ съ цѣлью выяснитъ, что интересы привилегированныхъ классовъ далеки отъ интересовъ рабочихъ 19-го апрѣля, кромѣ дозволенныхъ, передалъ по просьбѣ Дьякова въ квартирѣ Чухонцевъ еще два экземпляра „Емельки Пугачева“ и два экземпляра листка „Что-то братцы“, которые получилъ отъ Дьякова. Въ нѣкоторыхъ изъ послѣдней рабочихъ онъ говорилъ имъ о тяжкомъ положеніи рабочихъ и, можетъ быть указывалъ выходъ изъ этого положенія въ социальную революцію. Передача книгъ рабочимъ была сдѣлана съ цѣлью усвоенія ими тѣхъ идей, которыя тамъ проводятся; книги переданы имъ предъупрежденному ему Якову солдату (Якову Андрееву Крампе) вмѣстѣ съ 5 руб. сер. въ уплату долга за Герасимова. Подтверждая эти показанія при слѣдствіи, Сирыковъ не призналъ себя виновнымъ въ распространеніи сочиненій и воззваній съ цѣлью возбудить къ бунту и присвокупилъ, что онъ выдавалъ себя за слесаря, чтобы рабочіе не стѣснялись его. Самъ рабочимъ не читалъ никакихъ книгъ. Кромѣ 19-го апрѣля, книгъ никому не передавалъ. IV) Обвиняемый студентъ с.-петербургскаго университета Вячеславъ Дьяковъ былъ задержанъ 12-го минушаго апрѣля, вмѣстѣ съ ремесленникомъ Александромъ Крухмаловымъ; послѣдній объяснилъ, что познакомился съ Дьяковымъ въ трактирѣ близъ Сампсоньевскаго моста. Въ разговорѣ съ нимъ Дьяковъ говорилъ, что рабочіе зарабатываютъ мало, потому что начальство скверное, да нѣмцы мастера и что дѣло это можно поправить учась грамотѣ, и хотѣлъ рекомендовать ему людей, которые хорошо могутъ учить грамотѣ. Тогда же Дьяковъ просилъ похлопотать ему мѣсто чернорабочаго на патронномъ заводѣ. Въ день задержанія Дьяковъ пришелъ къ свидѣтелю, чтобы итти съ нимъ на патронный заводъ, куда они и шли, но по дорогѣ были задержаны. Обвиняемый Вячеславъ Дьяковъ объяснилъ, что онъ познакомился, первоначально, чрезъ посредство сторожа библиотеки медико-хирургической академіи, Ивана Тимофеева, съ крестьяниномъ Никифоромъ Кондратьевымъ, въ квартирѣ Кондратьева—съ мѣщаниномъ Дюмидомъ Александровымъ, а чрезъ послѣдняго съ его совкратившими. Не признавая себя виновнымъ ни въ распространеніи сочиненій и воззваній съ цѣлью возбудить къ бунту, ни въ составленіи или передачѣ Герасимову подложнаго паспорта на имя крестьянина Василія Павлова Трофимова, Дьяковъ не отрицаетъ того обстоятельства, что онъ распространялъ книги „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Хитрую механику“, „Емельку Пугачева“, „Исторію одного французскаго крестьянина“, воззваніе, начинающееся: „Что-то братцы“, и „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“; но распространяя эти сочиненія, онъ не имѣлъ въ виду возбужденія къ бунту, а распространялъ ихъ съ цѣлью выясненія нѣкоторыхъ социально-экономическихъ вопросовъ и отчасти съ воспитательною цѣлью. Всѣ названныя книги, за исключеніемъ „Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, онъ читалъ рабочимъ и сопровождалъ свое чтеніе объясненіями, кромѣ того читалъ имъ отрывокъ изъ журнала „Впередъ“ о самарскомъ голодѣ; читалъ-ли воззваніе „Что-то братцы“ не помнитъ. Содержаніе книгъ, которыя распространялъ, было ему извѣстно, и было извѣстно, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заключалось воззваніе къ бунту. Въ началѣ знакомства съ рабочими, жившими на дачѣ Бобонина, онъ не давалъ книгъ для распространенія, а оставлялъ по одному экземпляру для чтенія. Потомъ уже, съ цѣлью распространенія, онъ давалъ Василію Герасимову по нѣсколькимъ экземпляровъ и говорилъ, что чтеніе этихъ книгъ должно сопровождаться толкованіями въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ толковалъ, т. е. въ смыслѣ разъясненія социально-экономическихъ вопросовъ. Дюмиду Александрову никакихъ сочиненій и воззваній для распространенія не давалъ. Всего распространялъ 50—60 экземпляровъ книгъ разныхъ названій; въ это же число входятъ книги, оставленныя имъ Вячеславу для сохраненія. Средствъ для исхода изъ настоящаго положенія отъ себя рабочимъ не предлагалъ, а дѣлалъ указаніе на тѣ попытки, которые представляетъ исторія Россіи, попытки Пугачева и Разина; указывалъ на исторію французской революціи, на борьбу, которая постоянно ведется между рабочими и капиталистами въ Западной Европѣ—но ни одно изъ этихъ средствъ отъ себя не предлагалъ, потому что не считалъ себя въ правѣ говорить рабочему о томъ, что онъ самъ долженъ былъ рѣшать. По отношенію къ царской власти, онъ говорилъ рабочимъ, что во многихъ случаяхъ она находится въ зависимости отъ лицъ, которыя считаются ея пособниками. Въ доказательство приводилъ Императора Александра I, который не могъ совершить нѣкоторыхъ изъ реформъ, кои совершены въ нынѣшнее царствованіе, потому что встрѣтилъ отпоръ многихъ вліятельныхъ лицъ. Поэтому онъ не могъ говорить, будто все зло отъ Царя. Книги, найденныя у лицъ, находящихсѣ съ нимъ въ соприкосновеніи, получилъ, но первоначальнымъ объясненіямъ, отъ неизвѣстнаго ему Петра Федорова, а по послѣднему показанію отъ лица, коего назвать не желаетъ. Отобранныя при его арестованіи—зѣмтки на листахъ бумаги и программа социально-революціонной пропаганды составлены имъ; рукопись изъ четырехъ тетрадей подъ заглавіемъ: „Воля“, „Палочная и голодная кабала“, „Машины и торговые погромы“ и „Англія“ переданы ему Петромъ Федоровымъ. Алексѣя Сирыкова съ Кондратьевымъ познакомилъ онъ Дьяковъ. Давалъ ему, Сирыкову, народныя заграничныя изданія, для передачи кому-либо изъ рабочихъ, живущихъ на дачѣ Бобонина, и въ то же время далъ 5 рублей для пере-

дачи имъ на уплату за харчи Герасимова. До этого однажды еще далъ Герасимову 5 рублей. Узнавъ, что Герасимова ищутъ и могутъ арестовать за переданный въ казармы книги, онъ посоветовалъ ему уѣхать на время изъ Петербурга и далъ ему 8 р. с. и нѣсколько книжекъ социально-революціоннаго содержанія, но паспорта не давалъ. Нижнимъ чинамъ московскаго полка книгъ никакихъ самъ не давалъ и Герасимову не поручалъ передавать книги нижнимъ чинамъ, а о передачѣ такихъ Герасимовымъ узналъ недѣли за 2—3 до пасхи. На квартирѣ рабочихъ познакомился съ солдатомъ Зайцевымъ; на этой же квартирѣ видѣлъ одинъ разъ еще двухъ-трехъ солдатъ. У Зайцева въ казармахъ былъ два раза, ему были заказаны сапоги, но ничего не читалъ и въ смыслѣ пропаганды ничего не говорилъ. Ремесленника Крухмалова не просилъ о мѣстѣ на патронномъ заводѣ. V. Обвиняемый, музыкантъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, Трофимъ Зайцевъ объяснилъ, что знакомый его Василій Герасимовъ пригласилъ его на квартиру рабочихъ, жившихъ на дачѣ Бобонина. Посѣщалъ онъ ихъ неоднократно, шилъ и чинилъ имъ сапоги. Придя туда, 20-го марта, утромъ, онъ засталъ тамъ молодого человѣка Василя Михайлова (Дьякова). Когда Герасимовъ сказалъ Василю Михайлову, что его, Зайцева, нечего бояться, то Михайловъ началъ читать по писанной тетради, собравшимся тамъ рабочимъ; изъ читаннаго помнитъ о нѣкоторыхъ, объясненныхъ имъ въ показаніи, оскорбительныхъ для Его Императорскаго Величества мѣстахъ. Пробывъ часа два, онъ, Зайцевъ, ушелъ домой, причемъ Михайловъ заказалъ ему, по рекомендаціи Герасимова, сшить большіе сапоги. 22-го марта онъ вновь былъ вечеромъ на дачѣ Бобонина съ товарищемъ, рядовымъ Ивановымъ Жмудскимъ, для того, чтобы получить съ Василя Михайлова и другихъ рабочихъ деньги и, получивъ деньги, они съ Жмудскимъ хотѣли уйти, но Василій Герасимовъ, при Василю Михайловѣ, далъ ему, Зайцеву, для чтенія „Хитрую механику“, а Жмудскому „Сказку о четырехъ братьяхъ“. 23-го марта, утромъ, по приглашенію Василя Герасимова и другихъ рабочихъ, былъ также на дачѣ Бобонина. Въ этотъ день Василій Михайловъ что-то читалъ собравшимся тамъ рабочимъ съ другихъ квартиръ, а онъ, Зайцевъ, съ четырьмя рабочими сидѣлъ въ сосѣдней каморкѣ и игралъ въ карты и не слышалъ что читалось. Въ этотъ день Герасимовъ провозжалъ его, Зайцева, и, купивъ чаю и сахару, пошелъ вмѣстѣ съ нимъ, Зайцевымъ, въ ихъ полковой лазаретъ къ неизвѣстному солдату (Янсону) и взявъ у него изъ-подъ подушки двѣ книжки: 1) „Емелька Пугачева“ и 2) „Очерки фабричной жизни“, передалъ ихъ ему, Зайцеву; Герасимовъ и Янсонъ говорили между собою по-чухонски. 4-го апрѣля, вечеромъ, заходилъ къ нему въ казармы Герасимовъ и, взявъ прежде данныя книжки, а равно „Исторію одного французскаго крестьянина“, которую Герасимовъ какъ-то занесъ къ нему въ казармы, пригласилъ его въ воскресенье къ себѣ. Относительно всѣхъ поименованныхъ выше книгъ, Зайцевъ сначала при дознаніи объяснилъ, что онъ ихъ читалъ, а при слѣдствіи показалъ, что онъ посмотрѣлъ только въ „Сказкѣ о четырехъ братьяхъ“ одно мѣсто о томъ, какъ монахи устроили, что икона плакала. Эти книги, вмѣстѣ съ двумя цензурными, также полученными отъ Герасимова „Фабричная жизнь“ и „Безобразный“, лежали въ его, Зайцева, незапертомъ комодѣ и самъ онъ книгъ никому изъ товарищей не давалъ, но когда у него спрашивали, нѣтъ-ли чего почитать, онъ, Зайцевъ, говорилъ, чтобы взяли въ комодѣ и такимъ образомъ, можетъ кто изъ товарищей прочесть ту или другую изъ полученныхъ отъ Герасимова книгъ. Въ воскресенье, 6-го апрѣля, когда, онъ, Зайцевъ, былъ на дачѣ Бобонина, то говорилъ, что у нихъ въ полку также нашли книгу; на это Герасимовъ замѣтилъ, что оттого-то они и отобрали у него книжку, когда услышали, что въ полку ищутъ. На слова его, Зайцева, что же въ этихъ книжкахъ, что они боятся, Герасимовъ, Дьяковъ и Діомидъ Александровъ разъяснили, что эти книжки строго воспрещаются, что въ нихъ говорится о бунтѣ, и тогда только (по объясненію, данному при слѣдствіи) онъ, Зайцевъ, узналъ настоящее объ этихъ книжкахъ. Тутъ всѣ трое стали говорить объ уничтоженіи Правительства, бунтѣ, что не будетъ Царя, всѣ будутъ равны и проч., но какъ онъ хорошо знаетъ, что въ Россіи ничего такіе люди подѣлать не могутъ, то подумалъ, что они болтаютъ пустое, Михайловъ былъ у него на пятой недѣлѣ великаго поста въ казармѣ съ Герасимовымъ и рабочимъ Яковомъ и сидѣлъ подлѣ него, Зайцева, когда онъ писалъ ноты, но ничего преступнаго не говорилъ. Относительно обстоятельство, сопровождавшихъ задержание Діомида Александрова, Зайцевъ далъ показаніе, согласное съ изложенными выше показаніями свидѣтелей. Нижніе чины музыкантской команды объяснили: 1) Музыкантскій ученикъ Николай Ѳедотовъ, что на просьбу свидѣтеля что нибудь почитать, Зайцевъ сказалъ ему: „возьми въ комодѣ“. Свидѣтель видѣлъ тамъ книжки: „Пугачева“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Фабричную жизнь“ и нѣкоторыя другія; первая двѣ прочелъ — и 2) Музыкантъ Антонъ Моргунъ, что увидавъ въ комодѣ Зайцева книжку „Исторію французскаго крестьянина“, попросилъ ее у него. Прочиталъ страници 25, ничего не понялъ. Свидѣтель слышалъ, какъ ихъ музыкантъ Яковлевъ читалъ „Пугачева“. VI. Обвиняемый, прикомандированный къ лазарету московскаго полка фельдшерскій ученикъ Юрій Янсонъ при слѣдствіи объяснилъ, что онъ встрѣтился на пятой недѣлѣ поста съ своимъ знакомымъ Герасимовымъ въ квартирѣ, противъ ихъ казармъ; онъ, Янсонъ, былъ выпивши, а Герасимовъ еще уго-

стиль его. Изъ трактира они пошли на дачу Бобонина, гдѣ Герасимовъ опять угостилъ такъ, что онъ сдѣлался быстро пьянъ и взявъ у Герасимова „Вѣстникъ Европы“, „Емелку Пугачева“, Сказку о четырехъ братьяхъ“ и „Хитрую Механику“, ушелъ. Въ воскресенье на шестой недѣлѣ поста, въ лазаретъ къ нему пришелъ Герасимовъ съ Зайцевымъ и принесъ конфекъ на 10 чаю и сахару. Тогда онъ возвратилъ Герасимову его книги, кромѣ книжки „О четырехъ братьяхъ“, которой Герасимовъ не хотѣлъ брать, такъ какъ она была запачкана и въ крови. Въ этотъ разъ Герасимовъ говорилъ: „смотри, сколь праведно эти книжки говорятъ, что бѣдный народъ страдаетъ отъ начальства, что простой народъ работаетъ только на господъ; гдѣ простой человѣкъ могъ бы заработать 10 или 20 руб., онъ зарабатываетъ только 3 или 4 рубля, а остальные идутъ для начальства и для господъ“. О солдатахъ Герасимовъ говорилъ, что ежели будутъ бунтоваться, то чтобы солдаты не били бунтовщиковъ, а били свое начальство. При этомъ былъ и Зайцевъ, который тутъ же взялъ у Герасимова книжку „Емелку Пугачева“, такъ что у Герасимова остались двѣ книжки. Относительно полученія отъ Герасимова при фельдфебелѣ Червяковѣ „Сказки о четырехъ братьяхъ“ и листка „Что-то, братцы“. Янсонъ далъ объясненіе, въ существѣ, согласное съ изложеннымъ выше показаніемъ Червякова. При осмотрѣ командиромъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, имущества солдатъ, у рядоваго Родіона Ларичева была найдена „Хитрая Механика“, которая перешла къ нему отъ унтеръ-офицера Осипа Елесина, а послѣдному была передана ефрейторомъ Василіемъ Кирѣевымъ, объяснившимъ, согласно съ показаніемъ рядоваго Данилы Ежова, что означенная книжка была брошена Ежову 26-го марта, когда они были дежурными по лазарету, больнымъ солдатамъ. По предъявленіи имъ Юрія Янсона, какъ отдѣльно, такъ и въ числѣ другихъ книжекъ цинновъ, бывшихъ въ означенный день на излѣченіи въ лазаретѣ, Ежовъ и Кирѣевъ признали въ Юріѣ Янсонѣ больнаго солдата, бросившаго „Хитрую Механику“. Упомянутая „Хитрая Механика“ приобщена къ дѣлу. Противъ сего обвиняемый Янсонъ заявилъ, что Кирѣевъ и Ежовъ невѣрно показываютъ, что въ 3 часа, 26-го марта, онъ, одѣтый въ больничное платье, бросилъ имъ „Хитрую Механику“, потому что въ 1-мъ часу дня, въ этотъ день, его, Янсона, изъ лазарета выписали и онъ ушелъ оттуда. Это можетъ подтвердить фельдфебель Яковъ Червяковъ, госпитальный вахтеръ унтеръ-офицеръ Рейтцъ и врачъ, статскій совѣтникъ Подобѣдовъ. Старшій врачъ московскаго полка Подобѣдовъ увѣдомилъ, что Янсонъ выписанъ изъ лазарета 26-го марта, въ первомъ часу; фельдфебель Червяковъ показалъ, что 26-го марта въ 10 часовъ утра, докторъ, какъ всегда, обошелъ лазаретъ и выписалъ въ числѣ другихъ п Янсона; сряду по выпискѣ у больныхъ отбирается больничная одежда и дается постоянная. Такъ было и съ Янсономъ, который, какъ выписанный въ этотъ день изъ лазарета, не былъ наряженъ на службу при лазаретѣ, и около трехъ часовъ дня въ лазаретѣ вовсе не былъ, а былъ въ особой отъ лазарета казармѣ для лазаретной прислуги. Вахтеръ лазаретный Рейтцъ показалъ, что Янсонъ служилъ съ нимъ при лазаретѣ и хорошо помнитъ, что онъ выписанъ 26-го марта; въ первомъ часу свидѣтель отобралъ у него больничное платье и далъ ему постоянную одежду; тутъ же сряду Янсонъ ушелъ изъ лазарета и въ этотъ день свидѣтель его болѣе въ лазаретѣ не видалъ. VII и VIII. При производствѣ по сему дѣлу дознанія, признано было необходимымъ произвести обыскъ въ квартирѣ студента медико-хирургической академіи Владимира Ельцова, результатомъ коего было обнаруженіе слѣдующихъ книгъ противозаконнаго содержанія: 1) Журналъ „Впередъ“ № 2; 2) „По поводу самарскаго голода; 3) „Хитрая Механика“; 4) Три экземпляра брошюры „Русскія социально-революціонной молодежи“; 5) Два экземпляра „Сборника новыхъ русскихъ пѣсенъ“; 6) „Въ память столѣтія Пугачевщины“; 7) „Емелка Пугачевъ“; 8) Двѣ книги въ переплетѣ, содержащія въ себѣ статьи изъ журнала „Впередъ“; 9) „Die Bakounisten an der Arbeit“; 10) „Les pretendus scissions dans l'international“. Сверхъ того отобрана была переписка, между которой найдены выписки изъ книжки „Хитрая Механика“. Относительно этихъ книгъ и выписокъ студентъ медико-хирургической академіи Ельцовъ и жившій прежде въ той же квартирѣ студентъ медико-хирургической академіи Всеволодъ Вечеславовъ при слѣдствіи объяснили: 1) Вечеславовъ, что за нѣсколько дней до праздника, онъ былъ на квартирѣ у Ельцова, когда никого не было дома. Пришелъ Дьяковъ, который бывалъ на этой квартирѣ довольно часто и спросилъ, куда положить одну вещь на сохраненіе, тогда онъ указалъ комодъ Ельцова. Дьяковъ положилъ туда что-то завернутое въ бумагу. Когда пришелъ Ельцовъ, онъ, Вечеславовъ, просилъ не трогать вещь, которая положена ему въ комодъ. По виду пакки можно было заключить, его это были книги. Выписки изъ „Хитрой Механики“ сдѣланы имъ, такъ какъ его заинтересовала запрещенная книга. Подозрѣвать, что она была оставлена Дьяковымъ, но видѣлъ ее еще въ февралѣ въ грудѣ книгъ, принадлежавшихъ Ельцову и его соквартирантамъ и 2) Ельцовъ, что о существованіи найденныхъ у него книгъ узналъ лишь за нѣсколько дней до ареста и только въ послѣднее время узналъ, что ихъ принесъ студентъ Дьяковъ и, найдя дома одного Вечеславова, положилъ ихъ въ комодъ его, Ельцова, по указанію Вечеславова. 7-го или 9-го апрѣля, перебирая бѣлье, нашелъ книги и просмотрѣлъ изъ нихъ двѣ: „Пугачева и „Хитрую Механику“. Выписки въ тетради, найденной у него 12-го апрѣля,

сдѣланы Вечеславовымъ. Изъ метрическихъ свидѣтельствъ видно, что студентъ Вячеславъ Дьяковъ, сынъ дьякона, родился 24-го февраля 1854 года и что студентъ Алексѣй Сиряковъ, сынъ священника, родился 13-го января 1855 года, а изъ свидѣтельства инспектора студентовъ медико-хирургической академіи оказывается, что студентъ Вечеславовъ сынъ коллежскаго регистратора и что онъ родился 6-го ноября 1854 года. Изъ разсмотрѣнія сочиненій, которые были преимущественно распространяемы между рабочими фабрики Чешера и нижними чинами лейбъ-гвардіи московскаго полка, а именно: 1) „Хитрая Механика“, 2) „Сказка о четырехъ братьяхъ“, 3) „Исторія одного французскаго крестьянина“. 4) „Емелька Пугачевъ“, 5) „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, 6) листокъ „Чтой-то, братцы“ и 7) статья изъ журнала „Впередъ“. „О самарскомъ голодѣ“, видно, что при различіи предметовъ, составляющихъ частное содержаніе каждаго изъ названныхъ сочиненій, всѣ они имѣютъ своимъ общимъ предметомъ возбужденіе населенія къ повсемѣстному насильственному возстанію скопомъ и заговоромъ противъ Государя и Государства, въ видахъ испроверженія Правительства во всемъ Государствѣ, перемѣны образа правленія и сокрушенія всего существующаго государственнаго строя и порядка. На основаніи всѣхъ вышеназложенныхъ данныхъ обвиняются: 1. Студентъ с.-петербургскаго университета, сынъ дьякона, Вячеславъ Дьяковъ, 21-го года, въ томъ: А) что въ теченіе времени, отъ начала настоящаго года до 12-го минувшаго апрѣля, съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, распространялъ между рабочими фабрики Чешера, нижними чинами лейбъ-гвардіи московскаго полка и другими лицами, непосредственно и чрезъ посредство соглашенныхъ имъ на то сообщниковъ, сочиненія по содержанію своему направленныя къ означенной выше цѣли, какъ-то: 1) „Хитрую Механику“, 2) „Исторію французскаго крестьянина“, 3) „Сказку о четырехъ братьяхъ“, 4) „Емельку Пугачева“, 5) „Сборникъ новыхъ стиховъ и пѣсенъ“, 6) листокъ „Чтой-то, братцы“ и 7) статью изъ журнала „Впередъ“, „О самарскомъ голодѣ“ и другія, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 13, 118 и второю частью 251-й ст. улож. о нак. и Б) что 11-го апрѣля сего года далъ мѣщанину Василию Герасимову завѣдомо подложный паспортъ, съ приложенной къ оному фальшивою печатью; на имя крестьянина Василія Трофимова, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 296 и 975 ст. улож. о нак. П. Студентъ с.-петербургскаго университета Алексѣй Сиряковъ, сынъ священника, 20-ти лѣтъ, въ томъ, что принявъ, по предварительному соглашенію съ обвиняемымъ Дьяковымъ, участіе въ его преступленіи, распространялъ, съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту между рабочими фабрики Чешера сочиненія, направленныя къ означенной выше цѣли, какъ-то: „Емельку Пугачева“, 2) Сказку о четырехъ братьяхъ“, 3) листокъ „Чтой-то, братцы“ и другія, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 13, 119, 139 и второю частью 251-й ст. улож. о нак. III С.-Петербургскій мѣщанинъ Василій Герасимовъ, 22-хъ лѣтъ, въ томъ, что принявъ, по предварительному соглашенію съ обвиняемымъ Дьяковымъ, участіе въ его преступленіи, распространялъ съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, между разными лицами и нижними чинами лейбъ-гвардіи московскаго полка сочиненія, по содержанію своему направленныя къ означенной выше цѣли, какъ-то: 1) „Емельку Пугачева“, 2) „Исторію французскаго крестьянина“; 3) „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и другія, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 13, 119, и второю частью 251 ст. улож. о нак. IV. С.-Петербургскій мѣщанинъ Діомидъ Александровъ, 25 лѣтъ, въ томъ, что принявъ, по предварительному съ обвиняемымъ Дьяковымъ соглашенію, участіе въ его преступленіи, распространялъ, съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, между разными лицами и нижними чинами лейбъ-гвардіи московскаго полка сочиненія, по содержанію своему направленныя къ означенной выше цѣли, какъ-то: 1) „Исторію французскаго крестьянина“ и другія, посредствомъ передачи оныхъ не обнаруженнымъ слѣдствіемъ лицамъ, чтенія вслухъ въ присутствіи другихъ лицъ второй половиною „Исторіи французскаго крестьянина“ и изъясненій содержанія сочиненій, возбуждающихъ къ бунту, нѣкоторымъ нижнимъ чинамъ московскаго полка; что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 13, 119 и второю частью 251-й ст. улож. о нак. V и I Музыканты лейбъ-гвардіи московскаго полка Трофимъ Зайцевъ, 29-ти лѣтъ и рядовой 7-й парковой артиллерійской бригады, прикомандированный къ фельдшерской командѣ лейбъ-гвардіи московскаго полка Юрій Янсонъ, 24-хъ лѣтъ, въ томъ, что зная о злоумышленномъ распространеніи нѣкоторыми изъ обвиняемыхъ по сему дѣлу сочиненій, направленныхъ по своему содержанію къ возбужденію бунта, какъ-то: 1) „Емельки Пугачева“, 2) „Хитрой Механики“, „Сказки о четырехъ братьяхъ“, и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія Правительства, не исполнили сей обязанности, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 126 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, изд. 1869 года. VII и VIII, Студенты Императорской медико-хирургической академіи, Владиміръ Ильцовъ, 22-хъ лѣтъ, и Всеволодъ Вечеславовъ, 20-ти лѣтъ, въ томъ, что имѣли, безъ дозволенія надлежащаго начальства, сочиненія, направленныя къ возбужденію населенія къ бунту, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное четвертою частью 251, а относительно Вечеслава и 5 п. 140-й ст. улож. о нак. Вслѣдствіе сего вышеназванные Дьяковъ, Сиряковъ, Герасимовъ, Александровъ, Зайцевъ, Янсонъ, Ильцовъ и Вечеславовъ, на основаніи 14 ст. Высочайше утверждснаго, 7-го іюня 1872 г.,

мнѣнія Государственнаго Совѣта, предаются суду особаго присутствія Правительствующаго Сената, уставленнаго для сужденія дѣлъ о преступленіяхъ Государственныхъ. По прочтеніи обвинительнаго акта, на вопросы первоприсутствующаго о виновности подсудимый Дьяковъ заявилъ, что онъ отвѣчать не желаетъ; подсудимый Сиряковъ также заявилъ, что отвѣчать не желаетъ; подсудимые Герасимовъ, Зайцевъ, Янсонъ, Ельцовъ и Вечеславовъ отвѣчали, что виновными себя не признаютъ; подсудимый Александровъ заявилъ, что книжекъ никому не давалъ. Изъ числа вызванныхъ свидѣтелей не явилось двое: одинъ за смертью, другой за болѣзью. Товарищъ оберъ-прокурора полагалъ на основаніи 626 ст. уст. угол. суд. показанія ихъ прочесть и засѣданіе продолжать. Защита, съ своей стороны, точно также не встрѣтила препятствія къ продолженію дѣла. По приводѣ явившихся свидѣтелей къ присягѣ, они были допрошены и показанія ихъ заключались въ слѣдующемъ: Свид. Тарасовъ (крестьянинъ) показалъ, что крестьянинъ Зарубай приходилъ въ заведеніе и приносилъ книжки, потомъ познакомилъ ихъ съ Шиловымъ. Послѣдній познакомилъ ихъ съ библиотекою. Разъ свидѣтель, Шиловъ и Кондратьевъ отправились къ Тимошееву и дорогой зашли въ трактиръ гдѣ пили чай, тамъ съ нимъ познакомился Михайловъ, который читалъ книжку. Когда свидѣтель вошелъ въ комнату, то при его входѣ Василій Михайловъ (Дьяковъ) читать пересталъ и начали разговаривать; о чемъ шла рѣчь, свидѣтель не слышалъ, такъ какъ сидѣлъ съ товарищами за другимъ столикомъ. Потомъ Михайловъ сталъ говорить, нельзя-ли ему познакомиться съ артелью, къ которой принадлежалъ свидѣтель. Онъ скавалъ, что можно. Завязался разговоръ, причѣмъ Михайловъ говорилъ, что начальство обижаетъ народъ; потомъ онъ пошелъ къ нимъ на квартиру, куда сталъ приходилъ и приносить книжки. Сначала читалъ „Древнюю Русь“. Свидѣтель сказалъ, что такія книжки имъ уже давалъ Зарубай. Послѣ этого Михайловъ принесъ книжку „О самарскомъ голодѣ“ и сталъ читать. Прочитавъ не всю, позвалъ ихъ въ трактиръ и тамъ спросилъ, нельзя-ли опредѣлить на фабрику его товарища, котораго называлъ Алексѣемъ Ивановымъ. Ему обѣщали исполнить просьбу. Онъ пришелъ въ слѣдующій разъ и опять позвалъ свидѣтеля въ трактиръ. Тамъ за однимъ столомъ уже сидѣлъ Алексѣй Ивановъ съ другимъ человѣкомъ, тоже Алексѣемъ Ивановымъ. Ему сказали, чтобы онъ пришелъ на другой день. Онъ пришелъ въ обѣдъ и ночевалъ, а на слѣдующее утро свидѣтель попросилъ хозяина принять его на работу, сказавъ, что это его землякъ. Послѣ этого, спустя дня четыре, Михайловъ сталъ говорить свидѣтелю и другимъ жившимъ съ нимъ рабочимъ, чтобы они сняли другую квартиру, потому что „въ этой неудобно“, свидѣтель сказалъ, что для этого у нихъ нѣтъ денегъ. Михайловъ спросилъ сколько нужно и свидѣтель сказалъ, что на первый разъ надо рублей 10. Черезъ нѣсколько дней онъ далъ имъ 50 р. 50 коп. Они прискали квартиру и переѣхали: свидѣтель, Кондратьевъ и Шиловъ. На новую квартиру Михайловъ приносилъ книжки и рассказывалъ, что нужно „перейти правительству, фабрикантовъ и купцовъ; если, говорить, будетъ Царь, то опять будетъ Правительство“. На это мы сказали, говорилъ свидѣтель, что „невозможно жить безъ правительства, потому что тогда, кто сильнѣе, тотъ и завладѣетъ“. Разъ онъ принесъ книжку „соціацію“ и рассказывалъ, какъ живутъ въ Англіи: „заведутъ маленькую лавку, а потомъ откроютъ мельницу и сами управляютъ безъ всякаго правительства. Такъ будетъ и у насъ“. Потомъ говорилъ, что денегъ совсѣмъ не нужно, потому что, если понадобится кому какой-либо товаръ, то можно размѣняться. Книжки, которыя имъ приносилъ Михайловъ, а потомъ Алексѣй Ивановъ (Сиряковъ), они представили чиновнику Назорову. Шилову Михайловъ далъ 6 руб., нѣсколько книжекъ—штукъ шесть—и отправилъ его домой. Книжки были: „Какъ плохо живется“, „Хитрая механика“ и еще какія-то, свидѣтель не помнитъ. Михайловъ говорилъ, что имъ нужно разѣхаться по Россіи, и спрашивалъ, нѣтъ ли гдѣ у свидѣтеля знакомыхъ. Онъ сказалъ, что у него есть знакомые въ Ивановѣ, куда Михайловъ просилъ свидѣтеля ѣхать. Потомъ онъ привелъ Алексѣя Иванова и сказалъ, что „этотъ человѣкъ такой же, какъ и я; мѣста у насъ много, а людей мало, и потому мнѣ нѣтъ времени“. Алексѣй Ивановъ училъ рабочихъ географіи по глобусу и читалъ разныя книги: „Хитрую механику“, „Пугачева“ и другія. Все это продолжалось около четырехъ мѣсяцевъ. Когда Михайловъ сталъ просить свидѣтеля, чтобы онъ ѣхалъ въ Иваново, то онъ на это согласился, потому что ему не дозволено было противиться Михайлову и говорить противъ него. Но вмѣсто Иванова свидѣтель переѣхалъ на другую квартиру, и туда Михайловъ и Ивановъ перестали къ нимъ ходить, такъ что свидѣтель встрѣчалъ Михайлова только на улицѣ. Спустя нѣкоторое время на квартиру къ свидѣтелю пришли Герасимовъ и Андреевъ, и всѣ отправились въ трактиръ. Придя туда, Герасимовъ вынулъ книжку „Что-то братцы“, подошелъ къ другому столу и сталъ читать. Свидѣтель замѣтилъ, зачѣмъ Герасимовъ читаетъ въ трактирѣ, и сказалъ, что поэтому не будетъ съ ними сидѣть. Въ это же время былъ разговоръ, что солдаты московскаго полка читаютъ книжки и что „дѣло тамъ идетъ хорошо“, какъ говорилъ Герасимовъ, причѣмъ прибавлялъ, что не хорошо одно, а именно—тамъ строго, и если узнаетъ начальство, то солдаты вѣшать будутъ. Обвиняемый Александровъ читалъ при свидѣтелѣ только одну книжку „Жизнь природы“, и больше свидѣтель о немъ ничего не знаетъ. Свидѣтель призналъ

въ подсудимыхъ Дьяковѣ—Василія Михайлова, въ Сиряковѣ—Алексѣя Иванова, а также узналъ Герасимова и Александра. На вопросы товарища оберъ-прокурора о томъ, что свидѣтелю известно о дѣятельности Герасимова и Александра, Тарасовъ показалъ, что Герасимовъ читалъ только книжку въ трактирѣ, а Александровъ не имѣлъ съ нимъ никакого дѣла; онъ говорилъ, что только что оставилъ нѣкоторыя книжки за Нарвскою заставой на пивоваренномъ заводѣ. При чтеніи книжекъ въ квартирѣ свидѣтеля присутствовали Кондратьевъ, его жена, племянникъ, мальчикъ лѣтъ 14-ти и Нуромскій. Иногда въ квартиру заходили Герасимовъ и Александровъ за Михайловымъ и уводили его. На вопросы защиты свидѣтель показалъ, что съ Герасимовымъ онъ познакомился мѣсяца за 1½, до его ареста. Книжки передали и сдѣлали заявленіе чиновнику Назорову, потому что онъ былъ имъ уже известенъ съ прошлаго года по подобному же дѣлу. Прис. пов. Бардовскій. Въ то время, когда вы слушали чтеніе книгъ, вы желали о нихъ донести? Свид. Тарасовъ. Желалъ. Я только хотѣлъ посмотреть, что будетъ дальше. На дальнѣйшіе вопросы другихъ защитниковъ свидѣтель показалъ, что подсудимаго Александра онъ знаетъ года два. Сыщикомъ свидѣтель не состоитъ. Онъ видѣлъ подсудимаго Янсона въ трактирѣ въ то время, когда Герасимовъ еще не былъ арестованъ; онъ сидѣлъ съ Андреевымъ, о которомъ Александровъ сказалъ, что его нужно остерегаться, потому что онъ сыщикъ. Противъ этого показанія подсудимые заявленій никакихъ не сдѣлали. Свид. Кондратьевъ (крестьянинъ) показалъ, что, идя съ Шиловымъ, они встрѣтили Михайлова, познакомились, и онъ сталъ бывать у нихъ на квартирѣ, куда приносилъ книжки „Древнюю Русь“, „Самарскій голодъ“ и др. и читалъ ихъ. Потомъ уговаривалъ отыскать другую квартиру и общалъ помочь. Впоследствии дѣйствительно далъ 9 р. 50 коп. и прослѣ еще 50 коп. Потомъ онъ просилъ опредѣлить на заводъ въ работу Алексѣя Иванова (Нуромскаго). Онъ приходилъ съ нимъ въ трактиръ, гдѣ съ ними познакомились Тарасовъ, Шиловъ и свидѣтель. Тарасовъ опредѣлилъ Иванова на работу. Затѣмъ они перѣехали на новую квартиру, на Черную рѣчку, куда Алексѣй Ивановъ (Сиряковъ) сталъ ходить вмѣсто Михайлова и читать книжки, потому что Михайлову, какъ онъ заявилъ, „было много другихъ дѣловъ“. Михайловъ и Сиряковъ толковали, что можно жить безъ правительства. Свидѣтель и его товарищи говорили, что нельзя. Тогда, сказалъ свидѣтель, они принесли „соціалію“ и объяснили, что въ другихъ земляхъ живутъ безъ правительства. Мы видимъ, что дѣло нехорошо, пошли и сказали чиновнику Назорову. Онъ велѣлъ намъ давать согласіе и сказалъ, что намъ ничего за это не будетъ. Мы такъ дальше и продолжали“.

Обозрѣвъ лежащія на столѣ вещественныя доказательства, отобранныя на слѣдствіи книжки, свидѣтель указалъ на тѣ, которыя имъ читали подсудимые, причемъ добавилъ, что они просили распространять эти книжки, „но мы не смѣли этого дѣлать, потому что тутъ есть опасность“. Первоприсутствующій. Подсудимые объясняли вамъ содержаніе книжекъ? Свид. Кондратьевъ. Все говорили, чтобы правительство ниспровергнуть и завести общества. На вопросы товарища оберъ-прокурора свидѣтель показалъ, что при немъ подсудимый Дьяковъ давалъ книжки Александру. Относительно отправки Шилова на рудину свидѣтель объяснилъ, что Зарубай писалъ, чтобы прислали книжекъ „этого содержанія“. Михайловъ далъ ему 6 руб., книжекъ и отправилъ его въ деревню. На вопросы защиты свидѣтель показалъ, что Герасимовъ пришелъ въ первый разъ съ Тимоеевымъ. Онъ говорилъ, что нужно все спровергнуть. Сначала свидѣтель и его товарищи слушали книжки съ цѣлью узнать, что это такое, а потомъ увидѣли, что это запрещено и донесли. Съ Тарасовымъ свидѣтель знакомъ съ малолѣтства, а съ подсудимымъ Александровымъ года два. Свид. Самойловъ показалъ, что на квартиру на Выборгской, гдѣ онъ жилъ съ другими рабочими, приходилъ Василій Михайловъ. Сперва онъ принесъ и читалъ „Русскую древность“, какъ князья жили; потомъ онъ принесъ писанную книгу „О самарскомъ голодѣ“ и много толковалъ о томъ, какъ народъ обижаетъ помѣщики. Свидѣтелю не нравилось это чтеніе. Тарасовъ, Кондратьевъ и Шиловъ сняли потомъ особую квартиру. При чтеніи говорили, что землю надо отобрать у помѣщиковъ, встать всѣмъ за одно и вооружиться, вообще разъяснялъ каждое слово, которое написано было въ книжкахъ. На вопросы сторонъ свидѣтель показалъ, что въ числѣ другихъ читалась книжка „У перевоза“. Читали книжки внятно, такъ что понять можно было все. Говорили, что если больше читать, то больше будешь знать. Въ какой день встать всѣмъ за одно—не говорили; говорили только объ этомъ, какъ о возможномъ. Свид. Антонъ Андреевъ (крестьянинъ) показалъ, что съ подсудимымъ работалъ вмѣстѣ. Ему дали книжку „Французскій крестьянинъ“. Онъ почиталъ ее и увидѣлъ, что тамъ написано „совсѣмъ неправильно“, и сказалъ, что почитать, какія еще есть книжки. „Я съ ними, сказалъ свидѣтель, много ходилъ и много своихъ денегъ истратилъ, чтобы познакомиться. Я и сталъ съ ними находиться, пока всѣхъ ихъ не переловили“. При чтеніи книжекъ свидѣтель находился самъ. Подсудимые объясняли, чтобы не было Правительства, а чтобы народъ управлялся самъ. При этомъ свидѣтель указалъ на Дьякова, Сирякова, Герасимова и Александра, замѣтивъ, что послѣдніе двое были „союзниками“ первыхъ. Онъ ходилъ съ Дьяковымъ и Герасимовымъ въ московскій полкъ. Изъ другихъ подсудимыхъ онъ знаетъ

Янсона, съ которымъ познакомился на Выборгской сторонѣ. Въ казармахъ московскаго полка при немъ книгъ солдатамъ не давали, а говорили только, что не будетъ Царя, ни господъ, ни купцовъ, а будутъ только одни крестьяне. Герасимовъ „руководилъ на сахарномъ заводѣ Кенга“, куда онъ поступилъ, по совѣту Михайлова, чтобы раздавать рабочимъ книжки. Свидѣтель познакомился съ Герасимовымъ черезъ своего брата, который жилъ съ нимъ на одной квартирѣ. Черезъ Герасимова онъ познакомился съ Александровымъ, а потомъ съ Михайловымъ и Ивановымъ. Съ Янсономъ познакомился въ квартирѣ одной женщины, съ которою онъ, свидѣтель, жилъ. Янсонъ хвастался, что у него есть разныя книжки, но свидѣтель ихъ не видѣлъ. Янсонъ хотѣлъ ихъ принести, но не принесъ. Что написано въ книжкахъ—онъ говорилъ, но свидѣтель этого разговора не помнитъ. Въ трактирѣ, на первый или на второй день Пасхи, съ Михайловымъ былъ и Янсонъ, но „объ этихъ дѣлахъ въ то время не разговаривали, потому что онъ сказалъ про меня, что я сыщикъ. Я сказалъ, что это неправда, и я вовсе не занимаюсь этими дѣлами“. Послѣ допроса этого свидѣтеля первоприсутствующій сдѣлалъ перерывъ на полчаса. По возобновеніи засѣданія продолжался допросъ свидѣтелей. Свид. Павелъ Александровъ показавъ, что онъ съ товарищами былъ въ трактирѣ, и съ ними Василій Михайловъ. Потомъ онъ сталъ ходить на квартиру Тарасова и читалъ тамъ книжки: „Четырехъ братьевъ“ и др. Затѣмъ они перѣехали на другую квартиру, куда Михайловъ сталъ ходить чаще и привелъ Алексѣя Иванова, который вмѣсто него сталъ читать книжки. Ходили въ квартиру Герасимовъ и Александровъ, которые также читали книжки. Съ Герасимовымъ свидѣтель также ходилъ въ московскія казармы. Съ Михайловымъ свидѣтель познакомился черезъ Александрова. Книжки, большую частью, давалъ Михайловъ, и онѣ обыкновенно лежали на столикѣ. Въ московскій полкъ свидѣтель ходилъ съ Герасимовымъ, а потомъ съ Михайловымъ. Были у музыкантовъ, потомъ ходили въ 9-ю роту, а оттуда въ трактиръ. Изъ трактира пошли на квартиру свидѣтеля и тамъ читали „Что-то, братцы“, а потомъ „Четырехъ братьевъ“. При этомъ Герасимовъ говорилъ солдатамъ, что „чѣмъ за Царя стоять, лучше за своего брата“. Потомъ говорили, „чтобы не было Царя и господъ, а лучше отъ себя поставимъ управляющихъ или кого тамъ“. Свидѣтель призналъ подсудимыхъ Дьякова, Сирякова, Герасимова, Александрова и Янсона. На вопросы товарища оберъ-прокурора свидѣтель показавъ, что на дачѣ Вазунова Александровъ читалъ „Что-то, братцы“ и „Французскаго крестьянина“. Что именно читалось въ книжкѣ „Исторія французскаго крестьянина“, свидѣтель не помнитъ, потому что неграмотный. Михайловъ давалъ книжки Герасимову и Александрову и говорилъ, чтобы они тоже шли къ рабочимъ и раздавали. Алексѣй Ивановъ также приносилъ книжки, штукъ 6. Тутъ были „Пугачевъ“, „Что-то, братцы“ и др. Въ казармахъ Герасимовъ читалъ о „Четырехъ братьяхъ“. При этомъ чтеніи присутствовалъ подсудимый Зайцевъ. Герасимовъ хотѣлъ дать въ казармахъ книжку, но въ первый разъ ее не взяли, и онъ далъ въ другой разъ Зайцеву. Какая была книжка, свидѣтель не замѣтилъ. Алексѣй Ивановъ читалъ на дачѣ Бобонина „Пугачева“, „Стеньку Разина“ и „Французскаго крестьянина“. Онъ и Михайловъ объясняли: „не нужно раздѣлять, а чтобы сообща владѣть“. На вопросы защиты свидѣтель показавъ, что жилъ на квартирѣ вмѣстѣ съ Герасимовымъ; читалъ „Хитрую Механику“ и слышалъ, какъ говорили, что „скоро Царя не должно быть“. Михайловъ, давая Александрову книги, говорилъ: „самъ прочитаешь—другимъ людямъ передай“. Давалъ-ли Александровъ кому-нибудь книги, свидѣтель не видѣлъ. Онъ три раза уходилъ съ книгами изъ квартиры, и свидѣтель только одинъ разъ видѣлъ, что онъ принесъ книжки назадъ. Въ казармахъ были четыре раза: два раза въ музыкантской и два раза въ 9-й ротѣ. Свидѣтель неграмотенъ и отличалъ книги по картинкамъ и по оберткѣ. „По оберткѣ, сказалъ свидѣтель, я узнаю, а если оторвать, то не узнаю“. Изъ книжекъ, лежавшихъ на столѣ, свидѣтель дѣйствительно отыскалъ и назвалъ „Пугачева“, „Хитрую Механику“ и „Четырехъ братьевъ“. У чиновника Назорова, свидѣтель бывалъ разъ 10 и получалъ иногда деньги на извозчика. Подс. Зайцевъ противъ показанія свидѣтеля заявилъ, что онъ въ казармахъ у него никогда не былъ. Подс. Герасимовъ заявилъ, что онъ былъ только одинъ разъ въ казармахъ. Свид. Крампе (временно-отпускной рядовой) показавъ, что ходилъ на квартиру, гдѣ жили Герасимовъ и Александровъ, и гдѣ Василій Михайловъ и Алексѣй Ивановъ читали книжки. Александрова и Герасимова они подкупали ходить къ рабочимъ и читать книжки. Въ присутствіи свидѣтеля читались: „Исторія французскаго крестьянина“, „Пугачевъ“ и еще какія-то, свидѣтель не помнитъ, потому что неграмотенъ. При чтеніи объясняли, что будетъ вольно и что Царей не нужно. Свидѣтель призналъ первыхъ четырехъ подсудимыхъ, а остальные ему неизвѣстны. При чтеніи книжекъ находились только тѣ, которые жили въ квартирѣ и вообще чело-вѣкъ 6. Раздавали-ли подсудимые книжки постороннимъ, свидѣтель не видѣлъ. „Исторію французскаго крестьянина“ свидѣтель взялъ отъ подсудимаго Александрова изъ-подъ подушки и передалъ ее своему брату; тотъ прочиталъ и сказалъ, что эту книжку запрещено читать. У Александрова было нѣсколько подобныхъ книжекъ. Онъ читалъ книжки, но мало, и слушателей не собиралъ. Алексѣй Ивановъ разъ давалъ свидѣтелю книжку для передачи Павлу Александрову. Подсудимому Александрову (Дюмиду)

Алексѣй Ивановъ далъ денегъ и книжекъ и велѣлъ поступить на заводъ, чтобы онъ тамъ ихъ читалъ и раздавалъ. Михайловъ и Ивановъ ходили въ блузахъ, назывались мастерами, но кто они были свидѣтели не зналъ. Они говорили, что кто будетъ разнашивать книжки, то ему за это будутъ платить. Герасимовъ и Александровъ прятали книжки на ночь гдѣ-то во дворѣ. На квартирѣ, кромѣ подсудимыхъ Герасимова и Александрова, жили: Тарасовъ, Коидратевъ и Андреевъ. Знакомство свидѣтеля съ Михайловымъ началось такъ: въ праздникъ онъ пришелъ въ квартиру Тарасова и другихъ и изъ кухни услышалъ, что въ другой комнатѣ читаютъ книжку; онъ вошелъ и сталъ слушать; читалъ Михайловъ. Свид. Рейкасъ (уроженецъ Лифляндской губерніи) показалъ, что „онъ раза три видѣлъ, какъ читали книжки Герасимовъ и Михайловъ“. Свидѣтель по русски плохо знаетъ; какія книжки читали—ему неизвѣстно, похожія на тѣ, которыя лежатъ на столѣ вещественныхъ доказательствъ. Свид. Классонъ (нарвскій мѣщанинъ) показалъ, что онъ по русски плохо понимаетъ и неграмотенъ. Василій Михайловъ читалъ какія-то книжки; по картинкамъ свидѣтель узналъ книжку о Пугачевѣ. Свид. Александръ Янсонъ (кронштадскій мѣщанинъ) показалъ, что два раза видѣлъ Михайлова, какъ онъ читалъ книжки, но что онъ читалъ—свидѣтель ничего не понималъ. Съ подсудимымъ Янсономъ свидѣтель ни въ какомъ родствѣ не состоитъ. Ему говорилъ Герасимовъ, что ходить въ казармы. Свидѣт. Крухмаловъ (ремесленникъ) показалъ, что познакомился съ Дьяковымъ въ трактирѣ, играя на биллиардѣ; они разговорились. Дьяковъ спросилъ, сколько свидѣтель зарабатываетъ, на что тотъ отвѣчалъ, что мало, только 15 руб. Дьяковъ на это сказалъ, что это отъ того, что мастера нѣмцы и начальство скверное. Потомъ онъ говорилъ, что нужно учиться грамотѣ, чтобы лучше жить и хотѣлъ привести къ такимъ людямъ, которые учатъ. Затѣмъ онъ просилъ нельзали его опредѣлить на мѣсто. Свидѣтель обѣщалъ рекомендовать его на патронный заводъ и эту просьбу повторилъ, придя къ свидѣтелю недѣли черезъ двѣ или три. Свидѣтель отправился съ нимъ къ своимъ знакомымъ на заводъ, но дорогою ихъ задержали. Свид. Сандеръ (рядовой) показалъ, что разъ осенью его товарищъ пригласилъ въ трактиръ угоститься, потому что онъ писалъ ему домой письмо, откуда ему прислали 25 руб. Въ трактирѣ пили чай, водку и красное вино. Тутъ они встрѣтили одного человѣка, именно Василя Герасимова, который заговорилъ съ ними по чухонски и пригласилъ ихъ къ себѣ на квартиру. Они сказали, что сначала надо къ нимъ зайти, а потомъ и они придутъ. Потомъ дѣйствительно пришелъ Герасимовъ съ какимъ-то другимъ, маленькимъ, фамиліи котораго свидѣтель не знаетъ. Свидѣтель съ товарищемъ хотѣли ихъ угостить, но они сказали, что не затѣмъ пришли и пригласили въ трактиръ. Тамъ заказали чаю за 15 коп. и взяли сооровушку водки. Герасимовъ приглашалъ ихъ къ себѣ на квартиру, но они отговаривались сначала, потому что боялись опоздать на учење, а потомъ согласились и пошли. Дорогою они встрѣтили какого-то человѣка, съ которымъ Герасимовъ остановился, а свидѣтель съ товарищемъ и съ маленькимъ пришли на квартиру къ Герасимову. Вскорѣ пришелъ и Герасимовъ съ человѣкомъ, съ которымъ встрѣтились дорогою. Тутъ ихъ угощали чаемъ и супомъ. Человѣкъ, который встрѣтился дорогою, взялъ книжку и сталъ читать. Посидѣвъ нѣсколько времени, свидѣтель сказалъ, что имъ пора идти. Ихъ сначала остановили, а потомъ пригласили придти въ воскресенье, въ 9 часовъ вечера. Они обѣщали и ушли, но больше не приходили и этихъ людей не видѣли. Книжку, которую читалъ чужой человѣкъ, онъ называлъ сказкой о четырехъ братьяхъ. На вопросы товарища оберъ-прокурора свидѣтель показалъ, что Герасимовъ, когда былъ въ 9-й ротѣ съ маленькимъ человѣкомъ, никакой книжки не читалъ. Человѣкъ, котораго они встрѣтили на дорогѣ въ казармахъ не былъ. Вслѣдствіе этого показанія, по просьбѣ товарища оберъ-прокурора, была дана очная ставка Сандеру съ Павломъ Александровымъ. На очной ставкѣ оба свидѣтеля остались при своихъ показаніяхъ. Свид. Ларичевъ показалъ, что разъ унтеръ-офицеръ Елесинъ читалъ книжку; его потребовали по службѣ, и онъ оставилъ книжку на столѣ или далъ свидѣтелю—последній не припомнитъ, но онъ взялъ эту книжку, немного прочелъ, но тутъ „погнали на ужинъ“. Книжку онъ положилъ въ столикъ, а послѣ уложилъ ее въ сундукъ. Затѣмъ последовалъ приказъ, чтобы осмотрѣть всѣ вещи солдатъ. На этомъ осмотрѣ нашли у свидѣтеля книжку. Это была „Хитрая Механика“. Изъ той странички, которую свидѣтель прочелъ, онъ ничего не понималъ. Свид. Елесинъ (унтеръ-офицеръ) показалъ, что въ мартѣ мѣсяцъ онъ былъ дежурнымъ по ротѣ. Ему далъ книжку дежурный въ лазаретѣ, сказавъ: „Не угодно ли почитать“. Онъ прочелъ страницу, но тутъ его потребовали къ фельдфебелю, онъ бросилъ книжку и больше ея не видалъ. Книжка была озаглавлена „Хитрая Механика“. Изъ того, что прочелъ, ничего не понималъ. Свид. Кирѣевъ (ефрейторъ) показалъ, что 26-го марта онъ былъ дежурнымъ по лазарету и сидѣлъ съ Ежовымъ, двевальнымъ. Мимо ихъ прошелъ больной рядовой Янсонъ въ кухню; возвращаясь оттуда онъ бросилъ книжку и сказалъ: „на-те, читайте“. Свидѣтель взялъ книжку и только успѣлъ прочитать заголовокъ: „Хитрая Механика“, какъ его потребовали въ канцелярію. Онъ побѣжалъ, оставивъ у Ежова. Получивъ приказъ въ канцеляріи онъ зашелъ въ свою роту, гдѣ дежурнымъ былъ Елесинъ и расказалъ о книжкѣ.

Елесину попросилъ дать ему эту книжку. Свидѣтель взялъ ее у Ежова и отдалъ Елесину. Свид. Ежовъ (рядовой) показалъ, что онъ сидѣлъ съ Кирѣевымъ въ госпиталѣ; мимо ихъ проходилъ больной Янсонъ и бросилъ книжку. Кирѣевъ сталъ было ее читать, но его потребовали, и онъ отдалъ книжку свидѣтелю. Въ четыре часа свидѣтель смѣнился и пришелъ въ роту. Книжка была у него за обпалогомъ. Зашелъ Кирѣевъ и спросилъ книжку, которую онъ ему и отдалъ. Свид. Червяковъ (фельдфебель) показалъ, что онъ получилъ приказаніе отъ поручика Постникова розыскать у солдатъ книжку подъ заглавіемъ: „Сказка о четырехъ братьяхъ“. Свидѣтель спросилъ Янсона о книжкѣ, которая у него была раньше, но онъ сказалъ, что ея у него нѣтъ. Свидѣтель объяснилъ ему, что книжку хочетъ почитать завѣдывающій лазаретною частью. Тогда Янсонъ сказалъ, что сбѣгаетъ на фабрику и, можетъ быть, достанетъ книжку у своего знакомаго Герасимова. Возвратясь съ фабрики, онъ заявилъ, что Герасимова на фабрикѣ уже нѣтъ, и просилъ вторично сходить туда узнать, куда Герасимовъ дѣвался. Оказалось, что Герасимовъ перешелъ на сахарный заводъ Кенита. Свидѣтель отправился вмѣстѣ съ Янсономъ туда, вызвали Герасимова и пошли въ трактиръ пить чай. Въ трактирѣ Герасимовъ передалъ книжку Янсону, а послѣдній передалъ ее свидѣтелю, который въ свою очередь представилъ ее поручику Постникову. Въ трактирѣ Герасимовъ говорилъ, что книжка полезная и предлагалъ свидѣтелю придти къ нему на квартиру въ воскресенье, гдѣ будетъ собраніе, будутъ читать лекцію и тамъ можно получить много книжекъ. Подс. Герасимовъ заявилъ, что свидѣтель говоритъ неправду, такъ какъ онъ книжку не хвалилъ и не читалъ. Подс. Моргунъ (музыкантъ) показалъ, что къ Зайцеву пришелъ неизвѣстный человѣкъ, котораго онъ пригласилъ пить чай. „При мнѣ, сказалъ свидѣтель, человѣкъ этотъ началъ разговоръ о Пугачевѣ, какъ онъ дѣлалъ злыя дѣйствія— господь вѣшалъ и сказалъ, что то же и теперь можно сдѣлать и что двѣ части Россіи подготовлены, а третью легко будетъ подговорить. Не знаю, кто сказалъ: „что если бы солдаты не было“. На это онъ говоритъ, что солдаты только 800.000, а мужиковъ 82.000.000. Потомъ сказалъ, что Правительство наняло 500 агентовъ ловить насъ, а насъ 1.500. Человѣкъ этотъ называлъ себя Тимошеевымъ. При этомъ разговорѣ были музыканты Павловъ и Ѳедотовъ. Свидѣтель указалъ на подсудимаго Александрова, какъ на того человѣка, который говорилъ о Пугачевѣ. Дальше свидѣтель объяснилъ: „Потомъ онъ еще говорилъ, что во Франціи революція была; Король Наполеонъ хотѣлъ убѣжать, на границѣ его поймали, привезли въ Парижъ, прочитали ему указъ и повѣсили“. На вопросы сторонъ свидѣтель показалъ, что у Зайцева книжка лежала въ комодѣ; онъ взялъ ее и почиталъ въ одномъ мѣстѣ о монахахъ. Свидѣтель подумалъ, что нехорошо читать такую книжку, потому что это было воскресенье. О разговорѣ Александрова свидѣтель заявилъ старшему и его арестовали. Подс. Александровъ заявилъ, что противъ этого показанія онъ ничего не имѣетъ сказать, потому что онъ въ то время былъ пьянъ. Подс. Зайцевъ, объяснилъ, что когда онъ узналъ, что книжку потребовалъ адъютантъ, онъ доложилъ фельдфебелю, какъ только пришелъ Александровъ, что это тотъ человѣкъ, который давалъ книжку. Свид. Ѳедотовъ (музыкантскій ученикъ) показалъ, что у Зайцева сидѣлъ незнакомый свидѣтелю человѣкъ, который рассказывалъ о Пугачевѣ, „какъ онъ вѣшалъ помѣщиковъ, и говорилъ, что это можно сдѣлать и теперь, чтобы не было надъ ними начальства“. Зайцевъ угощалъ этого человѣка водкой; онъ былъ выпивши, но не пьянъ. Разъ свидѣтель попросилъ у Зайцева какую нибудь книжку почитать. Зайцевъ сказалъ, чтобы онъ взялъ книжку въ комодѣ. Тамъ было двѣ: „Пугачевъ“ и „Сказка о четырехъ братьяхъ“. Содержаніе книжекъ по мнѣнію свидѣтеля, „было глупо“. Свид. Павловъ (унтеръ-офицеръ) показалъ, что онъ слышалъ, какъ Александровъ говорилъ: „было бы хорошо, если бы не было Правительства“. Говорилъ, что такихъ толкователей 1.500, а сыщиковъ нанято ловить ихъ только 500. По просьбѣ защиты Павлову былъ предъявленъ свидѣтель Павелъ Александровъ. Свидѣтель Павловъ заявилъ, что этотъ человѣкъ въ музыкантскомъ отдѣленіи не былъ. Свид. Рейтцъ (лазаретный вахтеръ) показалъ, что Янсонъ былъ выписанъ изъ лазарета 26-го марта въ первомъ часу дня. При выпискѣ обыкновенно госпитальныя вещи отбираются у больного и отправляются въ складъ, но халаты остаются на койкахъ. Свид. Андреевъ (отставной фельдфебель) показалъ, что на Страстной недѣлѣ его призвалъ къ себѣ полковой адъютантъ и спросилъ о Зайцевѣ, чѣмъ онъ занимается. Свидѣтель сказалъ, что онъ сапожный мастеръ; ходягъ къ нему мужики, но что они говорятъ, свидѣтель не знаетъ. Адъютантъ приказалъ наблюсти, не бываютъ-ли у Зайцева люди, которые „распускаютъ ложные слухи противъ Правительства“, и нѣтъ-ли у него книжки подъ заглавіемъ „Сказка о четырехъ братьяхъ“. Свидѣтель пришелъ къ Зайцеву и спросилъ нѣтъ-ли у него какой-нибудь сказки почитать знакомому свидѣтелю мальчику. Зайцевъ сказалъ, что такой книжки теперь у него нѣтъ, а есть только книжка „Указаніе на путь истинны“. Свидѣтель смотрѣлъ и у другихъ солдатъ книжекъ, но ничего не нашелъ. На Святой недѣлѣ пришелъ къ Зайцеву человѣкъ. Зайцева въ это время не было, а въ комнатѣ, по обыкновенію, находился свидѣтель для наблюденія; когда пришедшій спросилъ Зайцева, который былъ въ это время въ садикѣ,

свидѣтель пригласилъ обождать и позвалъ Зайцева, который тотчасъ-же явился. Затѣмъ, улучивъ минуту, онъ заявилъ свидѣтелю, что пришедшій человѣкъ занимается „этими дѣлами“. Свидѣтель сказалъ, чтобы Зайцевъ пригласилъ его выпить чаю и угостилъ водкой, а самъ между тѣмъ побѣждалъ доложить полковому адъютанту. Послѣдній пришелъ въ казармы и, чтобы не подавать вида о причинѣ посѣщенія и разспросилъ Зайцева, приказалъ ему принести къ себѣ на квартиру сапожный инструментъ, а свидѣтель сказалъ, что пришедшій человѣкъ можетъ быть невиновать, а потому приказалъ прежде его угостить, пригласить нѣсколькихъ свидѣтелей, и если онъ будетъ говорить что-нибудь противъ Правительства, тогда доложить дежурному по полку. Когда гость сталъ разсказывать о французской революціи, о Пугачевѣ и проч., свидѣтель отправился и доложилъ дежурному по полку, который доложилъ полковнику, и полковникъ приказалъ взять этого человѣка подъ арестъ. За этого человѣка свидѣтель призналъ подсудимаго Александрова. На вопросы защиты свидѣтель показалъ, что на Александрова указалъ Зайцевъ и что безъ этого указація его не могли бы узнать. Когда проходилъ мимо комнаты Зайцева Моргуны, то Зайцевъ пригласилъ его выпить чаю для того, чтобы онъ слышалъ, что будетъ говорить Александровъ. Свидѣтель не говорилъ ничего Зайцеву о томъ, что нужно поимать человѣка, который даетъ книжки, а Зайцевъ самъ хотѣлъ его найти. Свид. Аванасьевъ показалъ, что онъ жилъ въ одной квартирѣ съ подсудимымъ Гльцовымъ и еще съ двумя студентами. У нихъ были одинъ комодъ о четырехъ ящикахъ; каждому принадлежалъ одинъ ящикъ; всѣ они заперались однимъ ключемъ, и когда случалось уходить изъ квартиры всѣмъ, то ключъ оставляли въ известномъ мѣстѣ. Подсудимый Вячеславъ жилъ на этой же квартирѣ, но раньше до свидѣтеля. Случалось, что вещи иногда попадались по ошибкѣ въ чужой ящикъ. Въ квартирѣ былъ сдѣланъ обыскъ, нашли запрещенныя книги. Передъ обыскомъ студенты готовились къ экзамену. Затѣмъ по просьбѣ товарища оберъ-прокурора, были прочитаны два показанія неявившихся свидѣтелей Пельгаса (рядовой) и Жмудскаго (музыканта). Показаніе перваго заключается въ слѣдующемъ: видѣлъ-ли я до сего предъявляемого мнѣ человѣка (предъявленъ былъ Вячеславъ Дьяковъ) — не знаю. Не помню когда, давно уже вечеромъ въ праздникъ, я былъ съ рядовымъ нашей роты Сандеромъ въ трактирѣ около нашихъ казармъ; тутъ подошелъ къ намъ какой-то работникъ, я былъ пьянъ и не помню о чемъ говорили; этотъ работникъ говорилъ по-русски и по-чухонски. На другой день этотъ работникъ съ другимъ молодымъ человѣкомъ очень маленькаго роста, съ бѣлыми волосами, пришли къ намъ въ казарму. Говорившій по-чухонски звалъ къ себѣ и я съ Сандеромъ отправился къ нему на вольную квартиру, куда-то на Черную рѣчку, а передъ тѣмъ заходили въ трактиръ. Читали-ли эти люди у насъ въ казармахъ какія книги, я не видалъ, такъ какъ былъ занятъ работою. Дорогою мы встрѣтили какого-то человѣка съ черными волосами, безъ бороды, котораго я видѣлъ въ первый разъ. Этотъ человѣкъ тоже пошелъ съ нами и когда мы пришли на квартиру, то встрѣтившійся съ нами на дорогѣ человѣкъ читалъ громко какую-то книжку, какъ онъ потомъ сказалъ „Четыре брата“. Мы тутъ поѣли супу, напились чаю и пробывъ недолго. Книгу, которую читали въ квартирѣ о томъ, что четырехъ братьевъ сослали въ Сибирь, а также никакихъ другихъ книгъ я ни отъ кого не подучалъ, какъ тутъ въ квартирѣ, такъ и въ казармахъ; предлагали-ли мнѣ, чтобы я взялъ книги, я не знаю; того, чтобы давали Сандеру книги и онъ ихъ бралъ, я не видѣлъ. Я былъ на этой квартирѣ только одинъ разъ, а также только одинъ разъ видѣлъ вышеупомянутыхъ двухъ человѣкъ въ казармахъ. Музыканта нашего полка Трофима Зайцева не знаю“. Показаніе Жмудскаго слѣдующаго содержания: „Недѣли за три передъ Пасхой, въ субботу, я съ музыкантомъ Зайцевымъ пошелъ въ какой-то домъ на Черной рѣчкѣ; здѣсь Зайцевъ долженъ былъ получить деньги за сапоги, которыя онъ шилъ для присутствующаго здѣсь студента Дьякова известнаго мнѣ подъ именемъ Василія. Придя на квартиру къ рабочимъ, мы не застали никого: черезъ полчаса пришли рабочіе, а затѣмъ и Василій, который; получивъ сапоги, заплатилъ тутъ-же за нихъ деньги. Ни рабочіе, ни Василій ничего намъ не разсказывали; получивъ деньги, мы тотчасъ же ушли, и передъ уходомъ нашимъ Василій (чухонецъ) далъ мнѣ „Сказку о четырехъ братьяхъ“; далъ-ли онъ тутъ какую-нибудь книгу Зайцеву — не видалъ. Придя домой, я началъ было читать эту „Сказку“, да ничего не понималъ. Зайцевъ тогда взялъ у меня ее и просилъ Моргуна почитать вслухъ; я задремалъ скоро, не сталъ слушать и пошелъ спать. Василія (Дьякова) я видѣлъ у насъ въ музыкантской командѣ только одинъ разъ; былъ онъ тогда у Зайцева, тутъ же былъ и Василій (чухонецъ); читали-ли они что—я не знаю, ничего не видалъ. Въ другихъ ротахъ ни Василія Дьякова, ни Василія чухонца я не видалъ и не знаю, ходили-ли они. Василій чухонецъ ходилъ въ нашу команду разъ или два раза въ недѣлю, можетъ быть, онъ и чаще бывалъ, да я не видѣлъ. Давалъ-ли Василій-чухонецъ Зайцеву или кому-нибудь изъ солдатъ книжки, я не знаю. У Зайцева я видѣлъ „Хитрую механику“ и „Сказку“, которую далъ мнѣ Василій-чухонецъ, я видѣлъ у Зайцева въ комодѣ, но куда эти книжки дѣвались потомъ, не знаю. Давалъ-ли Василій (Дьяковъ) книги Зайцеву или другимъ солдатамъ, не знаю“. По прочтеніи этихъ показаній стороны просили дополнить судебное свидѣтельство

ками на цѣкоторые документы. По выслушаніи заявленій по этому предмету, особое присутствіе Правительствующаго Сената опредѣлило: во 1-хъ, въ ходатайствѣ защиты о прочтеніи сочиненій, составляющихъ предметъ настоящаго дѣла, отказать, предоставивъ сторонамъ ссылаться при судебныхъ преніяхъ на тѣ мѣста означенныхъ сочиненій, на которыя они найдутъ нужнымъ указать; во 2-хъ, въ ходатайствѣ сторонъ о допросѣ подсудимыхъ, которымъ было предоставлено, на основаніи 683 ст. уст. угол. суд., право представить объясненія по содержанию выслушанныхъ судомъ свидѣтельскихъ показаній—отказать, предоставивъ, какъ самимъ подсудимымъ, такъ и защитникамъ наложить въ защитительныхъ рѣчахъ тѣ объясненія, которыя они признаютъ необходимымъ дать въ свое оправданіе на основаніи 744, 745, 747 и 749 ст. уст. угол. суд., и въ 3-хъ, согласно ходатайству сторонъ, разрѣшить имъ ссылаться на всѣ имѣющіяся въ дѣлѣ документы, акты осмотровъ и обысковъ. Затѣмъ судебное слѣдствіе было объявлено оконченнымъ и засѣданіе прервано до слѣдующаго дня. По возобновленіи засѣданія Товарищъ оберъ-прокурора Н. Н. Шрейдеръ сказалъ: „Г. г. сенаторы, г. г. сословные представители. Произведенное передъ вами судебное слѣдствіе раскрыло во всей подробности цѣль и намѣренія главныхъ по этому дѣлу обвиняемыхъ и степень виновности каждаго изъ привлеченныхъ къ этому дѣлу лицъ. Дѣятельность нѣкоторыхъ по этому дѣлу обвиняемыхъ состояла въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержания не только между обыкновенными гражданами, съ цѣлью возбудить ихъ къ бунту, но упомянутыя сочиненія распространялись и между нѣкоторыми нижними чинами лейбъ-гвардіи московскаго полка, съ цѣлью и ихъ привлечь къ участію въ насильственнымъ возстаніи скопомъ и заговоромъ противъ Государя и Государства. Доказанныя стремленія вовлечь въ преступленіе, направленное къ сокрушенію Государства, такихъ лицъ, которыя по самому существу своихъ обязанностей призваны къ его охраненію, такихъ лицъ, которыя по силѣ закона призваны къ защитѣ Престола и Отечества отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, сообщаетъ этимъ стремленіямъ такую важность, что я на это обстоятельство считаю долгомъ обратить особенное ваше вниманіе. Если вслѣдствіе легкомыслія однихъ, недостаточной развитости чувства долга у другихъ, или, наконецъ, вообще недостаточной развитости третьихъ, означенныя преступныя стремленія не встрѣтили съ самаго начала въ средѣ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, коимъ были передаваемы сочиненія преступнаго содержания, того отпора котораго эти преступныя стремленія въ дѣйствительности требовали, то это частное уклоненіе отъ долга службы и присяги сами же нижніе чины московскаго полка старались, по возможности, заглядитъ дѣйствіями, о которыхъ я буду говорить впоследствии. И это желаніе нижнихъ чиновъ по возможности заглядитъ свой проступокъ краснорѣчивѣе всего доказываетъ, что въ русской арміи живетъ тотъ духъ воинской дисциплины и та глубокая преданность Престолу и Отечеству, которыя съ такою силою проявляются всегда и всюду, когда обстоятельства того потребуютъ. Но это желаніе нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи московскаго полка по возможности заглядитъ свой проступокъ, какъ находящееся внѣ воли главныхъ по этому дѣлу обвиняемыхъ, не умаляетъ значенія ихъ преступныхъ попытокъ поколебать твердою доблестью русскаго солдата и въ особенности не умаляетъ значенія дѣйствій того изъ обвиняемыхъ, отъ котораго шли эти преступныя стремленія и который, сообразно этимъ стремленіямъ, направляя дѣятельность соглашенныхъ имъ на то сообщниковъ“. Затѣмъ товарищъ оберъ-прокурора обратился къ разбору свойства тѣхъ преступленій, въ которыхъ обвиняются подсудимые и между прочимъ указалъ на значеніе злоумышленія, о которомъ говорится во 2-й части 251 ст. улож. о нак. При несознаніи обвиняемыхъ въ злоумышленномъ распространеніи преступныхъ сочиненій, эта злоумышленность явствуетъ: во 1-хъ, изъ содержания распространявшихся сочиненій, ибо нельзя распространять какія-бы то ни было сочиненія съ иною цѣлью, кромѣ той, чтобы были усвоены тѣ мысли и идеи, которыя въ распространяемыхъ сочиненіяхъ содержатся. По настоящему дѣлу были распространяемыя книжки: „Хитрая механика“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, „Емелька Пугачевъ“, Исторія французскаго крестьянина“ и другія. Каждая изъ нихъ имѣетъ свое частное содержаніе. Такъ, напримѣръ „Исторія французскаго крестьянина“ говоритъ о французской революціи. Въ книжкѣ „Емелька Пугачевъ“ рассказывается о бунтѣ, произведенномъ государственнымъ преступникомъ Пугачевымъ и т. д. Но если выкинуть въ содержаніе всѣхъ этихъ сочиненій, то, несмотря на различіе ихъ частнаго содержанія, нельзя не убѣдиться въ томъ, что всѣ они клонятся къ одной цѣли — къ возбужденію населенія къ поголовному насильственному возстанію противъ Государя и Государства, съ цѣлюю перемѣны существующаго образа правленія и сокрушенія всего государственнаго строя и порядка. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ книжекъ въ подробности указывается, какъ подлежить произвести возстаніе. Въ одной изъ книжекъ прямо говорится, что Пугачевымъ были пролиты рѣки крови, а что въ настоящее время прольются моря крови. Во 2-хъ, признакъ злоумышленности явствуетъ изъ количества распространявшихся сочиненій. Если преступныя сочиненія были передаваемы въ значительномъ числѣ, какъ это было по настоящему дѣлу, то тогда уже нѣтъ мѣста указанію на то, что

преступныя сочиненія были передаваемы без злаго умысла, а лишь для удовлетворенія празднаго любопытства, но, конечно, передача даже одного экземпляра преступнаго сочиненія сообщникомъ преступленія, т. е. лицомъ дѣйствующимъ по предварительному соглашенію съ главнымъ распространителемъ, есть также передача злоумышленная. По настоящему дѣлу обыкновенный способъ распространенія сочиненій, заключающійся въ передачѣ или раасылкѣ экземпляровъ сочиненія, былъ признанъ обвиняемыми недостаточнымъ. Сверхъ сего, преступныя сочиненія читались, съ цѣлю сдѣлать извѣстнымъ ихъ содержаніе, и людямъ неграмотнымъ. Мало того, чтенія эти были сопровождаемы преступными толкованіями съ тою цѣлю, чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ и яснымъ, къ чему именно читаемыя книжки клоняты. Обративъ затѣмъ вниманіе на свойство преступленій недонесенія о злоумышленномъ распространеніи сочиненій и имѣнія преступныхъ сочиненій, г. товарищъ оберъ-прокурора перешелъ къ изложенію уликъ, собранныхъ противъ каждаго изъ обвиняемыхъ и началъ съ подсудимаго Дьякова. Студентъ Дьяковъ, окончивъ курсъ въ вологодской духовной семинаріи, въ сентябрѣ 1874 г. поступилъ въ с.-петербургскій университетъ и, не достигнувъ еще совершеннолѣтія, почти одновременно, въ концѣ прошлаго года, съ преступною цѣлю вошелъ въ знакомство съ двумя группами рабочихъ фабрики Чешера, принявъ на себя имя Василія Михайлова. Остававливаясь сначала на дѣятельности обвиняемаго Дьякова въ той группѣ рабочихъ, которые жили сначала во дворѣ фабрики Чешера, а потомъ въ домѣ Прокофьева, г. товарищъ оберъ-прокурора указалъ, что обвиняемый Дьяковъ сталъ приносить рабочимъ этой группы книжки преступнаго содержанія, просилъ распространять ихъ; далѣе, самъ читалъ эти книжки въ присутствіи рабочихъ, сопровождавъ чтенія преступными толкованіями. Впослѣдствіи, какъ показываютъ свидѣтели, онъ предложилъ рабочимъ перѣѣхать съ фабрики на другую квартиру, и когда они отвѣтили, что у нихъ для этого нѣтъ денегъ, то онъ далъ имъ 10 руб. По перѣѣздѣ рабочихъ на новую квартиру, онъ еще чаще посѣщалъ ихъ, приносилъ имъ преступныя сочиненія, читалъ ихъ, давалъ объясненія и просилъ раздавать книжки другимъ рабочимъ. Спустя нѣсколько времени онъ заявилъ, какъ объяснили свидѣтели, что ему самому нѣтъ времени ходить къ рабочимъ, потому что у него есть много другихъ мѣстъ, куда ему также ходить нужно, и что онъ приведетъ къ нимъ другого человѣка, который также какъ и онъ, будетъ носить имъ книжки, читать и толковать ихъ. И дѣйствительно онъ привелъ къ нимъ обвиняемаго Сирякова подъ именемъ Алексѣя Иванова и этотъ послѣдній, согласно данному Дьяковымъ обѣщанію, приносилъ рабочимъ преступныя сочиненія, читалъ ихъ и сопровождалъ чтеніе преступными толкованіями. Здѣсь же, на этой квартирѣ, въ домѣ Прокофьева, обвиняемые Дьяковъ и Сиряковъ склоняли крестьянина Тарасова ѣхать на родину, обѣщаясь снабдить его книжками преступнаго содержанія, съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ тамъ распространялъ, но эта побѣдка не состоялась. Затѣмъ они успѣли уговорить крестьянина Шилова, нерозысканнаго и по сіе время, ѣхать на родину съ цѣлю распространенія въ народѣ сочиненій преступнаго содержанія, и обвиняемый Дьяковъ снабдилъ Шилова деньгами на дорогу и сочиненіями преступнаго содержанія. Вторая группа рабочихъ, съ которыми велъ знакомство обвиняемый Дьяковъ, проживала сначала на дачѣ Базунова, а потомъ на дачѣ Бобонина. Дѣятельность Дьякова среди этой группы рабочихъ была тождественна съ дѣятельностью его между рабочими первой группы; онъ также и сюда приносилъ сочиненія преступнаго содержанія, читалъ ихъ, сопровождалъ эти чтенія преступными толкованіями и, передавая рабочимъ книжки преступнаго содержанія, просилъ раздавать ихъ другимъ лицамъ. Жившіе на этой дачѣ рабочіе, мѣщане Герасимовъ и Діонидъ Александровъ, приняли дѣятельное участіе въ преступной дѣятельности Дьякова. Изъ нихъ Герасимовъ, склоненный Дьяковымъ, поступилъ на сахарный заводъ Кенига для распространенія между рабочими этого завода преступныхъ сочиненій, и это обстоятельство подтверждается не только показаніями свидѣтелей, но и актомъ обыска, при коемъ у одного рабочаго, близко помятавшася отъ Герасимова, найдена была книжка преступнаго содержанія, именно „Пѣсенникъ“. Для облегченія Герасимова въ исполненія порученій по распространенію преступныхъ сочиненій, обвиняемый Дьяковъ, какъ показали свидѣтели, снабдилъ его деньгами, одинъ разъ давъ 5 руб., а другой разъ приславъ столько же. На этой-то квартирѣ завязались сношенія обвиняемыхъ съ нижними чинами лейбъ-гвардіи московскаго полка. Сношенія эти, какъ доказано свидѣтельскими показаніями, завязались чрезъ посредство Герасимова. Обвинитель твердо убѣжденъ въ томъ, что мысль о томъ, чтобы войти въ близкія преступныя сношенія съ нижними чинами, принадлежала не Герасимову. Изъ тѣхъ преступныхъ толкованій, коими обвиняемый Дьяковъ сопровождалъ чтеніе книжекъ „Хитрой Механики“ и другихъ толкованій, которыя выяснились изъ свидѣтельскихъ показаній, несомнѣнно явствуетъ, что мысль распространенія преступныхъ сочиненій между нижними чинами принадлежала Дьякову, и что по его почину Герасимовъ возобновлялъ знакомство съ тѣми изъ нихъ, которыхъ зналъ прежде, и заводилъ новыя знакомства, заговаривая съ солдатами въ трактирѣ, угощая ихъ и заманивая ихъ къ себѣ на квартиру, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ присутствовали при чтеніи Дьяковымъ преступныхъ сочиненій, и гдѣ нѣкоторымъ изъ

нихъ Герасимовъ при уходѣ вручалъ сочиненія преступнаго содержанія. Обстоятельство о томъ, читаль-ли дѣйствительно Дьяковъ въ казармахъ московскаго полка въ 9-й ротѣ и въ музыкантской командѣ преступныя сочиненія, осталось недостаточно разъясненнымъ, въ виду того, что по этому предмету существуетъ противорѣчье между свидѣтельскими показаніями. Обвинитель не счелъ нужнымъ останавливаться на этомъ обстоятельстве, такъ какъ для обвиненія подсудимаго Дьякова достаточно и другихъ обнаруженныхъ судебнымъ слѣдствіемъ данныхъ. Далѣе обвинитель указалъ на то, что обвиняемый Дьяковъ хотѣлъ чрезъ посредство свидѣтеля Крухмалова поступить чернорабочимъ на патронный заводъ, куда они уже и шли, но были задержаны, и что Дьяковъ, когда ему сдѣлалось извѣстнымъ, что преступленіе его и его сообщниковъ обнаружено, рѣшилъ отправить Герасимова изъ Петербурга, снабдивъ его на дорогу деньгами, фальшивымъ паспортомъ на имя Трофимова и сочиненіями преступнаго содержанія, съ коими Герасимовъ и былъ задержанъ на станціи Финляндской желѣзной дороги. Въ заключеніе г. товарищъ оберъ-прокурора представилъ основанія, по которымъ считаетъ Дьякова главнымъ виновнымъ. Переходя за сѣмъ къ обвиняемому Алексѣю Сирякову, г. обвинитель высказалъ, что Сиряковъ, бывъ товарищемъ обвиняемаго Дьякова по вологодской семинаріи и по с.-петербургскому университету, сдѣлался его товарищемъ и по преступной дѣятельности. Обвиняемый Сиряковъ былъ введенъ Дьяковымъ къ рабочимъ, которые жили въ домѣ Прокофьева, а потомъ и къ рабочимъ, жившимъ на дачѣ Бобонина, гдѣ онъ, по показаніямъ свидѣтелей, вполне замѣнилъ Дьякова. Изъ этихъ показаній свидѣтелей явствуетъ, что Сиряковъ въ точности исполнилъ обѣщаніе, данное Дьяковымъ рабочимъ: онъ приносилъ имъ сочиненія преступнаго содержанія, читалъ имъ „Пугачева“, „Хитрую механику“ и другія и сопровождалъ эти чтенія такими же преступными толкованіями, какими сопровождалъ чтенія обвиняемый Дьяковъ; Сиряковъ точно также раздавалъ рабочимъ эти сочиненія и просилъ ихъ передавать другимъ. Далѣе, онъ участвовалъ въ отправленіи Шилова на родину для революціонной пропаганды и въ склоненіи къ тому же Тарасова, неимѣвшему, однако, успѣха; наконецъ, онъ, также какъ Дьяковъ, принялъ на себя имя Алексѣя Иванова и выдавалъ себя за слесаря. Затѣмъ товарищъ оберъ-прокурора обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторые изъ рабочихъ, а именно, Тарасовъ, Павелъ Александровъ, Антонъ Андреевъ и другіе, не распространяли тѣхъ преступныхъ сочиненій, которыя получали отъ обвиняемыхъ Дьякова и Сирякова, а представляли ихъ въ сыскное отдѣленіе. Если бы изъ этого было выведено заключеніе, что они были агентами сыскаго отдѣленія, то такое заключеніе было бы несправедливо, потому что обстоятельства дѣла указываютъ, что означенные свидѣтели сами первоначально слушали чтенія преступныхъ сочиненій, не доводя о томъ до свѣдѣнія Правительства, и лишь впоследствии опомнились и, опасаясь отвѣтственности, заявили о преступной дѣятельности обвиняемыхъ Дьякова и другихъ чиновнику сыскаго поллиціи, который былъ извѣстенъ рабочимъ фабрики Чешера, по розыскамъ, которые онъ производилъ на этой фабрикѣ въ прошломъ году. Подсудимый Герасимовъ, присутствуя первоначально при чтеніяхъ сочиненій преступнаго содержанія, впоследствии принялъ участіе въ преступленіи Дьякова и Сирякова. Какъ доказано свидѣтельскими показаніями, онъ, получая сочиненія преступнаго содержанія отъ Дьякова, читалъ ихъ вслухъ другимъ лицамъ и распространялъ ихъ. Изъ показанія Павла Александра видно, что Герасимовъ въ присутствіи свидѣтеля раздавалъ три раза преступныя книжки своимъ знакомымъ, приходившимъ въ ихъ квартиру. Свидѣтель Антонъ Андреевъ также показалъ, что Герасимовъ давалъ ему сочиненія преступнаго содержанія. Затѣмъ онъ согласился поступить на заводъ Кенига съ цѣлью распространять тамъ между рабочими преступныя сочиненія, что подтверждается, какъ уже было замѣчено раньше, не только свидѣтельскими показаніями, но и актомъ обыска, произведеннаго на заводѣ Кенига. У того-же Герасимова, при его задержаніи на станціи Финляндской желѣзной дороги, были найдены сочиненія преступнаго содержанія и притомъ не по одному экземпляру, а по нѣсколько, какъ это видно изъ акта обыска. У него же былъ найденъ и фальшивый паспортъ на имя крестьянина Трофимова. Далѣе, обвиняемый Герасимовъ былъ тѣмъ лицомъ, чрезъ посредство котораго нижніе чины лейбъ-гвардіи московскаго полка вошли въ сношенія съ обвиняемымъ, получали сочиненія преступнаго содержанія и присутствовали при чтеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ. Изъ показаній рядовыхъ Пельгаса и Сандера видно, что Герасимовъ завелъ съ ними знакомство въ трактирѣ, угощалъ ихъ тамъ и зазвалъ къ себѣ на квартиру, гдѣ они слышали чтеніе обвиняемымъ Дьяковымъ „Сказки о четырехъ братьяхъ“. По показанію Павла Александра, въ его присутствіи, Герасимовъ неоднократно давалъ музыканту Зайцеву сочиненія преступнаго содержанія, какъ, напримѣръ, „Емелька Пугачевъ“ и „Сказка о четырехъ братьяхъ“. Свидѣтели Ларичевъ, Ежовъ, Кирѣевъ и Елесинъ показали о томъ, какъ попала въ московскій полкъ „Хитрая Механика“, отобранная впоследствии на смотру вещей нижнихъ чиновъ у Ларичева. Книжка эта попала къ нему отъ Янсона, къ коему она, также какъ и „Сказка о четырехъ братьяхъ“, которую прежде видѣли у Янсона, могла быть передана только тѣмъ лицомъ, къ которому самъ же Янсонъ потомъ обратился за полученіемъ „Сказки о

четырёх братьях" по требованию фельдфебеля Червякова, а это лицо был Герасимовъ. Наконецъ, изъ показанія свидѣтеля Павла Александрова видно, что Герасимовъ въ самыхъ казармахъ московскаго полка читалъ сочиненія преступнаго содержанія. Что касается подсудимаго Дюмида Александрова, то, не касаясь вопроса о томъ, когда и какъ онъ познакомился съ Дьяковымъ и Сирыковымъ, потому что вопросъ этотъ остался неразъясненнымъ, г. обвинитель высказалъ, что Александровъ жилъ сначала на дачѣ Базунова, а потомъ на дачѣ Бобонина. Изъ показаній свидѣтелей оказывается, что Дьяковъ неоднократно приносилъ и передавалъ Александрову сочиненія преступнаго содержанія съ цѣлью дальнѣйшаго ихъ распространенія. Хотя по дѣлу не обнаружено лицъ, которымъ Александровъ передавалъ сочиненія, но обстоятельство это представляется доказаннымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: свидѣтели Кондратьевъ и Тарасовъ показали, что Александровъ самъ имъ объяснял, что получаемыя отъ Дьякова книжки онъ передаетъ другимъ. Показанія этихъ свидѣтелей заслуживаютъ довѣрія, потому что въ то время, когда Александровъ рассказывалъ имъ о своей дѣятельности, онъ не имѣлъ никакихъ причинъ недовѣрять свидѣтелямъ Тарасову и Кондратьеву. Александровъ видѣлъ, что имъ, какъ и ему, Дьяковъ передавалъ сочиненія преступнаго содержанія, съ цѣлью ихъ дальнѣйшаго распространенія, и не зналъ, что Тарасовъ и Кондратьевъ представляли ихъ начальству. Въ подтвержденіе того, что Дюмидъ Александровъ не вводилъ на себя напраснаго обвиненія, когда рассказывалъ, что передавалъ другимъ лицамъ сочиненія преступнаго содержанія, товарищ оберъ-прокурора указалъ на то, что по дѣлу несомнѣнно доказано, что Александровъ получалъ отъ Дьякова неоднократно и въ значительномъ числѣ сочиненія преступнаго содержанія и не объяснилъ, куда онъ ихъ дѣвалъ. Далѣе, свидѣтель Павелъ Александровъ показалъ, что обвиняемый Дюмидъ Александровъ, уходя съ квартиры, неоднократно уносилъ съ собою тѣ книжки, которыя получалъ отъ Дьякова, и только одинъ разъ онъ видѣлъ, что Дюмидъ Александровъ принесъ одну обратно. Что же касается до вопроса о томъ, былъ ли Дюмидъ Александровъ способенъ, такъ сказать, съ духовной точки зрѣнія, распространять сочиненія преступнаго содержанія, то для разрѣшенія этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ достаточно указать на тѣ преступные рассказы, которые дозволилъ себѣ Дюмидъ Александровъ въ казармахъ московскаго полка, когда пришелъ къ музыканту Зайцеву. Независимо отъ сего, Дюмидъ Александровъ содѣйствовалъ преступленію обвиняемаго Дьякова еще и тѣмъ, что читалъ вслухъ, въ присутствіи другихъ лицъ, сочиненія преступнаго содержанія, которыя получалъ отъ Дьякова, и хотя, какъ показалъ одинъ свидѣтель, читалъ вслухъ рѣже, чѣмъ Герасимовъ, но, тѣмъ не менѣе, читалъ вслухъ предъ другими лицамъ. Наконецъ, Дюмидъ Александровъ содѣйствовалъ преступленію обвиняемаго Дьякова и тѣмъ, что въ казармахъ московскаго полка рассказывалъ, въ присутствіи нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ, содержаніе книжекъ: „Емелка Пугачевъ“ и „Исторія французскаго крестьянина“, приводя изъ нихъ преимущественно тѣ мѣста, которыя представляются наиболѣе выдающимися, и сопровождалъ свои рассказы толкованіями еще болѣе преступнаго характера, какъ о томъ съ большою подробностью объяснили на судѣ музыкантъ Моргуновъ и другіе нижніе чины. Въ отношеніи музыканта лейбъ-гвардіи московскаго полка Зайцева, товарищ оберъ-прокурора высказалъ, что изъ показанія Павла Александрова видно, что Герасимовъ неоднократно передавалъ Зайцеву сочиненія преступнаго содержанія; по показанію свидѣтеля Жмудскаго, въ присутствіи Зайцева, Герасимовъ далъ свидѣтелю: „Сказку о четырехъ братьяхъ“. Свидѣтели: музыканты Фодотовъ и Моргуновъ видѣли у Зайцева „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Пугачева“ и „Исторію французскаго крестьянина“. Наконецъ, изъ дѣла видно, что Зайцевъ неоднократно посѣщалъ квартиру рабочихъ, жившихъ на дачѣ Бобонина, а также присутствовалъ тамъ при чтеніи сочиненій преступнаго содержанія. Такимъ образомъ Зайцевъ неоднократно получалъ сочиненія преступнаго содержанія, присутствовалъ при чтеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, видѣлъ, что въ его присутствіи была передана Жмудскому книжка преступнаго содержанія и, слѣдовательно, не могъ не знать и не понимать, что означенныя книжки передавались съ злоумышленною цѣлью; онъ, однако, нарушивъ святость присяги, не довелъ о томъ до свѣдѣнія Правительства. Но въ послѣдствіи Зайцевъ ономнилъ и, насколько могъ, способствовалъ задержанію Дюмида Александрова, когда онъ пришелъ къ нему въ гости. Зайцевъ самъ заявилъ фельдфебелю Андрееву, что пришелъ тотъ человекъ, который про книжки знаетъ, и когда Дюмидъ Александровъ сталъ рассказывать о содержаніи сочиненій „Емелки Пугачева“ и „Исторіи французскаго крестьянина“, онъ же, Зайцевъ, доложилъ объ этомъ фельдфебелю. Въ отношеніи подсудимаго Янсона товарищ оберъ-прокурора, касаясь лишь тѣхъ даныхъ, которыя выяснились изъ свидѣтельскихъ показаній, указалъ на показаніе свидѣтеля Червякова о томъ, что у Янсона видѣли „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и что именно вслѣдствіе сего онъ обратился, по порученію начальства, къ Янсону съ требованіемъ о томъ, чтобы достать такую же книжку. Засимъ, приведа соображенія, основанныя на показаніяхъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи московскаго полка Ларичева, Елесина, Кирѣева, Ежова и Рейца, товарищ оберъ-прокурора вывелъ заключеніе, что „Хитрая Механика“, которая была найдена

командиромъ полка у рядоваго Ларичева, принадлежала обвиняемому Янсону. Въ подтвержденіе Янсономъ о злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, обвинитель привелъ, между прочимъ, показаніе фельдфебеля Червякова о томъ, что Янсонъ по первому его требованію взялся добыть „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и дѣйствительно добылъ ее отъ Герасимова, при личномъ присутствіи Червякова, и обратилъ вниманіе на показаніе Антона Андреева, которому Янсонъ самъ рассказывалъ, что онъ можетъ доставить отъ знакомаго ему человѣка книжки преступнаго содержанія, которыя по сему дѣлу были распространяемы. Такимъ образомъ, Янсонъ зналъ, кѣмъ распространялись означенныя сочиненія, и, однако, не довелъ о томъ до свѣдѣнія начальства. Затѣмъ, по мнѣнію г. товарища оберъ-прокурора и Янсонъ старался нѣсколько заглядить свой проступокъ тѣмъ, что по требованію начальства добылъ у Герасимова „Сказку о четырехъ братьяхъ“. Относительно студентовъ Ельцова и Вечеслава, обвинитель указалъ на то, что имѣніе Ельцовымъ сочиненій преступнаго содержанія подтверждается найденными у него при обыскѣ книжками, изъ коихъ на каждой рукою обвиняемаго написано: отобрана или взята у меня. Виновою же Вечеслава подтверждается тѣмъ, что при обыскѣ въ квартирѣ, гдѣ онъ прежде жилъ, найдены выписки изъ „Хитрой Механики, сдѣланныя его рукою. Первоприсутствующій. Подсудимый Дьяковъ, вамъ принадлежитъ слово. Подс. Дьяковъ. Говоритъ что-нибудь въ свою защиту послѣ того, что въ числѣ свидѣтелей выступили три агента сыскаго полиціи, я не нахожу уместнымъ. Подс. Сиряковъ. Я считаю защиту невозможною въ виду тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ заявилъ Дьяковъ. Присяжи. пов. Бардовскій (защитникъ подсудимаго Герасимова), изложивъ въ началѣ своей рѣчи сущность обвиненія, высказалъ, что по статьямъ 251 и 249 улож. о нак. существеннымъ признакомъ караемаго ими преступленія признается то, чтобы лицо, къ которому слѣдуетъ приложить этотъ уголовный законъ, распространяло книги преступнаго содержанія съ цѣлью возбудить къ бунту или явному неповиновенію власти верховной. По коренному правилу уст. угол. судопр. не обвиняемый долженъ доказать, что онъ невиновенъ, а обвинитель долженъ доказать виновность подсудимаго, и тѣмъ строже положено наказаніе за извѣстное преступленіе, тѣмъ строже судъ долженъ относиться къ уликамъ, представляемымъ его разсмотрѣнію обвинительною властью, и если эти улики возбуждаютъ сомнѣніе, то оно должно быть истолковано въ пользу обвиняемаго. По отношенію къ Герасимову обвинительная власть указываетъ на группу свидѣтелей, которыхъ г. защитникъ въ свою очередь раздѣляетъ на двѣ категоріи: къ первой относятся тѣ лица, которыя слушали содержаніе преступныхъ сочиненій, не сочувствуя имъ, а лишь съ цѣлью донести объ этомъ надлежащей власти; ко второй группѣ относятся солдаты. Изъ первой группы свидѣтелей Тарасовъ показалъ, что Герасимовъ читалъ книжку въ трактирѣ, толкуя содержаніе ея въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ дѣйствовать такъ, какъ въ ней говорится; свидѣтель Кондратьевъ показалъ, что это было не въ трактирѣ, а въ квартирѣ. Затѣмъ въ этой же группѣ есть показанія Антона Андреева и Павла Александрова; изъ нихъ Андреевъ удостовѣряетъ только тотъ фактъ, что будто бы Герасимовъ передавалъ ему книжки, а Павелъ Александровъ указываетъ на то, что Герасимовъ въ казармахъ московскаго полка читалъ и толковалъ преступныя сочиненія. Обращаясь къ вопросу о томъ, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на показанія этихъ свидѣтелей, г. защитникъ находитъ, что можно вполне довѣрять только такимъ свидѣтелямъ, которые нисколько не заинтересованы въ дѣлѣ. Между тѣмъ указанные свидѣтели сдѣлали доносъ, на основаніи котораго было сдѣлано слѣдствіе, и обвиняемые привлечены къ отвѣтственности. Слѣдовательно эти лица уже заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ доносъ оправдался, другими словами, чтобы подсудимые были обвинены. На этомъ основаніи г. защитникъ полагаетъ, что къ показаніямъ этихъ свидѣтелей нельзя относиться съ тѣмъ довѣріемъ, какъ къ показаніямъ безпристрастныхъ свидѣтелей; нельзя относиться къ нимъ съ довѣріемъ еще и потому, что они сами себя противорѣчатъ, какъ, напримѣръ, Андреевъ и Тарасовъ, и, наконецъ, потому, что эти лица сами не довѣряютъ другъ другу. Такъ, Павелъ Александровъ не повѣрилъ Тарасову, когда тотъ говорилъ, что нужно донести. Что касается показаній второй группы — солдатъ, то г. защитникъ согласно съ обвинительною властью полагаетъ, что этимъ лицамъ нужно вѣрять, и ихъ показанія совершенно опровергали показанія свидѣтелей первой группы. Такъ, напримѣръ, Павелъ Александровъ говоритъ, что Герасимовъ читалъ и объяснял въ казармахъ преступныя сочиненія, между тѣмъ солдаты совершенно отрицаютъ это показаніе. Свидѣтель Червяковъ показалъ, что, дѣйствительно, по его просьбѣ, далъ ему книжку, но самъ г. представитель обвинительной власти сказалъ, и это слѣдуетъ изъ смысла 251 ст., что одно имѣніе книжки и передача ея другому не можетъ быть подвормою подѣянія второй части этой статьи. Такимъ образомъ, если Герасимовъ и можетъ быть обвиняемъ, то только въ имѣніи у себя сочиненій преступнаго содержанія, или, въ крайнемъ случаѣ, въ томъ, что, зная о распространеніи книгъ, онъ не донесъ объ этомъ правительству. Во всякомъ же случаѣ, судебное слѣдствіе дало, по мнѣнію защитника, достаточный матеріалъ для того, чтобы придти къ убѣжденію, что если Герасимовъ и передавалъ книжки, то у него не было той цѣли, которую ему приписываетъ обви-

нительная власть. Это видно изъ самаго содержанія распространявшихся книжекъ. Основная мысль этихъ сочиненій есть неравенство распредѣленія богатствъ. Г. защитникъ не утверждаетъ, чтобы распространеніе этихъ книгъ было не преступно, но это преступленіе предусмотрѣно въ особыхъ спеціальныхъ статьяхъ улож. о нак. Такъ, въ „Хитрой Механикѣ“ говорится, что копѣйка, заработанная мужикомъ, идетъ не на тотъ предметъ, на который слѣдуетъ; въ „Сказкѣ о четырехъ братьяхъ“ говорится, что они были возмущены неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ. Если бы подсудимые имѣли цѣлью произвести возстаніе, или воззваніе къ бунту, то они, конечно, избрали бы книжки съ другимъ содержаніемъ. Указавъ далѣе на то, что Герасимовъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ подсудимаго Дьякова, который точно такъ же не имѣлъ цѣлью возбужденіе къ бунту, г. защитникъ указалъ на показанія свидѣтелей чухонцевъ, которые плохо говорятъ по-русски и съ которыми Герасимовъ говорилъ по-чухонски. Эти свидѣтели не упоминали о томъ, чтобы Герасимовъ говорилъ имъ какія-нибудь возмутительныя рѣчи, между тѣмъ какъ ему всего удобнѣе было подѣлится своими мыслями—приписываемыми ему обвиненіемъ—съ этими лицами. Далѣе, г. защитникъ указалъ на то, что въ каждомъ преступленіи нужно обращать вниманіе: во-1-хъ, какой вредъ произошелъ отъ преступленія и, во-2-хъ, на ту обстановку, среди которой жилъ, родился и воспитывался подсудимый. Что касается перваго обстоятельства, то не подлежитъ сомнѣнію, по миѣнію Г. защитника, что въ данномъ случаѣ никакихъ вредныхъ послѣдствій для государства не произошло, потому что книжки распространялись только между немногими лицами. Относительно втораго обстоятельства г. защитникъ объяснилъ, что Герасимовъ не знаетъ своихъ родителей; онъ былъ отданъ въ воспитательный домъ, отуда въ деревню къ чухнамъ, а потомъ поступилъ на фабрику. Подобныя условія воспитанія, очевидно, таковы, что они не могли дать человѣку такого воспитанія и образованія, которые удержали бы его отъ преступной мысли. Первые знакомые Герасимова были такія лица, какъ Павель Александровъ и другіе, которые вмѣсто того, чтобы остановить его, сказали, что то, что написано въ книжкахъ, есть вздоръ, они, напротивъ, старались вовлечь и вовлекли его въ преступленіе. Прис. пов. Боровиковскій (защитникъ подсудимаго Александрова) высказалъ, что онъ не станетъ отвергать вѣкоторой виновности своего кліента, но задача суда заключается въ томъ, чтобы опредѣлить свойство и степень его вины. Не останавливаясь на разсмотрѣніи содержанія преступныхъ книжекъ и не разбирая вопроса о томъ, закладывали ли онѣ въ себѣ возбужденіе къ бунту, или только сословную вражду, во всякомъ случаѣ ихъ нельзя не признавать опасными, но опасность эта была не такъ велика, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Обвинительная власть указала, какъ на признакъ большой опасности, на то обстоятельство, что пропаганда вносилась въ среду войскъ. Но только тотъ, кто не знаетъ русской жизни и вѣками испытанной преданности русскаго солдата Царю и Отечеству, можетъ задаться затѣею проводить туда пропаганду. Г. защитникъ согласенъ съ обвинительною властью, что эта вѣрность и преданность русскаго солдата была доказана самымъ блестящимъ образомъ въ настоящемъ дѣлѣ. Изъ цѣлага полка привлечены только двое, а всѣ остальные, которымъ было сколько-нибудь извѣстно о преступленіи, старались искренно и даже самъ подсудимый Зайцевъ едва не менѣе другихъ способствовали къ раскрытію преступленія. Подсудимый Александровъ обвиняется, во-первыхъ, въ томъ, что передавалъ полученныя отъ Дьякова книжки нераскрытымъ слѣдствіемъ лицамъ, во-вторыхъ, что читалъ вторую половину „Исторіи французскаго крестьянина“ вслухъ и, въ-третьихъ, въ томъ, что рассказывалъ содержаніе книжки „Емелька Пугачевъ“ въ казармахъ московскаго полка. По первому предмету въ обвинительномъ актѣ сказано, что Александровъ передавалъ книжки „нераскрытымъ слѣдствіемъ лицамъ“. Это значитъ почти то же, что обвинять человѣка въ нераскрытомъ преступленіи. Все обвиненіе Александрова основано на оговорѣ его Герасимовымъ и на слухахъ. Но Герасимовъ, оговаривая Александра, выразился, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, что ему кажется, что Александровъ былъ давно знакомъ съ Дьяковымъ и, что не будь Диомиды, не было бы и книжекъ. Такимъ образомъ, въ этомъ оговорѣ не заключается утвержденія какого-либо опредѣленнаго факта и, дѣйствительно, этотъ оговоръ опровергается свидѣтельскими показаніями. Такъ, свидѣтель Тарасовъ заявилъ, что Александрова познакомилъ съ Дьяковымъ онъ, Тарасовъ. Въ обвинительномъ актѣ, въ подтвержденіе оговора Герасимова, было указано на то, что Александровъ старался заводить знакомства; но изъ показаній свидѣтелей видно, что Александровъ вовсе не старался заводить знакомствъ, онъ не совывалъ къ себѣ въ квартиру, а просто, какъ показалъ свидѣтель Крампе, онъ пришелъ въ квартиру, услышалъ то, что въ другой комнатѣ читаютъ, вошелъ и, такимъ образомъ, познакомился. Свидѣтель Тарасовъ и Кондратьевъ упомянули, что будто-бы Александровъ говорилъ имъ, что онъ распространялъ книжки на пивоваренномъ заводѣ, но по самымъ тщательнымъ розыскамъ между рабочими этого завода не открыто никакихъ слѣдовъ революціонной пропаганды. Далѣе, эти же свидѣтели не говорятъ, какія книжки распространялъ Александровъ, а между тѣмъ въ числѣ найденныхъ книгъ оказались и дозволенныя цензурою, какъ напримѣръ „Стенька Разинъ“.

Затѣмъ ни одинъ свидѣтель не показалъ, чтобы Александровъ далъ ему какую-нибудь преступную книжку или при немъ передалъ кому-нибудь другому. Такимъ образомъ остаются одни догадки и слухи о виновности Александрова въ взводимомъ на него преступленіи, а съ другой стороны, въ дѣлѣ есть указанія на такія обстоятельство, которыя исключаютъ всякое сомнѣніе въ невинности Александрова. Такъ, подсудимый Дьяковъ на предварительномъ слѣдствіи сказалъ, что онъ распространялъ книжки, но Александрову никогда для распространения не давалъ. Свидѣтель Павелъ Александровъ сказалъ, что будто-бы при немъ Дьяковъ давалъ Александрову книги. Но въ дѣлѣ нѣтъ указанія, чтобы Дьяковъ давалъ Александрову книги не для собственнаго чтенія, а для распространенія. Есть одно указаніе, что Александровъ вмѣстѣ съ Герасимовымъ выносили на ночь книжки изъ квартиры и прятали ихъ на дворѣ. Но это можно объяснить тѣмъ, что книги для распространения находились у Герасимова, а Александровъ, вѣроятно, только помогалъ ему прятать эти книжки. Что касается обвиненія Александрова въ томъ, что онъ читалъ вторую половину „Исторіи французскаго крестьянина“, то г. защитникъ указалъ на то, что Александровъ дѣйствительно окончилъ чтеніе этой книжки, начато Дьяковымъ, но по окончаніи чтенія не дѣлалъ никакихъ объясненій. Относительно третьяго обвиненія, заключающагося въ томъ, что Александровъ разсказывалъ въ казармахъ содержаніе книжки „Емелька Пугачевъ“, г. защитникъ полагалъ, что для того, чтобы признать подсудимаго виновнымъ по 251 ст. улож. о наказ., необходимо признать, что Александровъ говорилъ публично рѣчь. Между тѣмъ, его слушали только четыре человѣка, и притомъ для того, чтобы быть свидѣтелями, и онъ говорилъ не рѣчь, а лишь нѣсколько словъ подъ вліяніемъ выпитаго вина. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. защитника, къ Александрову не можетъ быть примѣнена 251 ст. улож. о наказ. и онъ можетъ быть признанъ виновнымъ только или въ имѣніи у себя запрещенныхъ книгъ, или въ недонесеніи. Прис. повѣр. Ольхинъ (защитникъ подсудимаго Зайцева), переходя къ фактической сторонѣ дѣла, не отрицалъ, что Зайцевъ бывалъ въ квартирѣ рабочихъ, но кромѣ одного простаго появленія, тамъ ничего не было, какъ это утверждаютъ свидѣтели, которые говорятъ, что никакихъ преступныхъ разговоровъ не происходило. Подсудимый, какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ, въ тѣхъ краткихъ словахъ, которыя онъ успѣлъ сказать, прямо заявилъ, что онъ дѣйствительно получилъ нѣкоторыя книжки, но не понималъ и то небольшое, что въ нихъ читалъ. Такъ изъ „Сказки о четырехъ братьяхъ“ онъ прочиталъ только одно мѣсто о монастырѣ. Что касается указанія на то, что Зайцевъ присутствовалъ при чтеніи Герасимовымъ въ казармахъ преступныхъ сочиненій, то объ этомъ заявилъ только одинъ свидѣтель, Павелъ Александровъ, показанію котораго самъ обвинитель не придаетъ серьезнаго значенія. Этотъ же свидѣтель показывалъ, что, однажды, вмѣстѣ съ Герасимовымъ и Дьяковымъ они были въ 9-й ротѣ московскаго полка, а оттуда перешли въ музыкантскую. Противъ этого показанія, несмотря на то, что всѣ подсудимые во время судебного слѣдствія ничего не возражали на показанія свидѣтелей, не только Зайцевъ, но и другой подсудимый, Герасимовъ, заявили, что это показаніе ложно. Это заявленіе подтвердили и свидѣтели. Рядовой Сандеръ и утеръ-офицеръ Павловъ положительно и съ большою твердостью заявили, что подсудимые Герасимовъ и Дьяковъ не были въ музыкантской и что изъ 9-й роты они прямо отравились въ трактиръ. Наконецъ, невозможно допустить, чтобы въ казармѣ, въ присутствіи цѣлаго полка солдатъ, въ то время, когда тамъ то и дѣло проходили офицеры, происходило публичное чтеніе книжекъ возмутительнаго содержанія. Въ дѣлѣ есть одно обстоятельство, которое не оспаривается и обвинительною властью—это участіе Зайцева въ раскрытіи преступленія. Свидѣтели показали, что Зайцевъ прямо указалъ на Александрова, и что онъ способствовалъ его поимкѣ; онъ угощалъ его чаемъ и водкой, онъ пригласилъ нижнихъ чиновъ быть свидѣтелями того, что говорилъ Александровъ. Такимъ образомъ, изъ слѣдствія оказывается, что Зайцевъ не присутствовалъ ни при какихъ чтеніяхъ и разясненіяхъ; что если онъ самъ и прочелъ нѣсколько страничекъ, то рѣшительно не доказано, чтобы онъ понималъ ихъ содержаніе. Далѣе есть показаніе нѣсколькихъ свидѣтелей, которые говорятъ, что брали у Зайцева читать книжки, но никто изъ нихъ не понялъ ихъ; что книжки лежали въ неапертомъ комодѣ или просто валялись на немъ; и когда кто-нибудь просилъ у Зайцева дать ему что-нибудь почитать, то онъ говорилъ: „возьми тамъ въ комодѣ“. Очевидно, что Зайцевъ вовсе не понималъ преступнаго значенія этихъ книжекъ, и какъ онъ, такъ и тѣ, которые брали у него книжки и читали, относились къ нимъ, какъ къ сказкѣ о Ерусаланѣ Лазаревичѣ. Относительно юридической стороны дѣла г. защитникъ высказалъ, что ст. 126 улож. о наказ., наказывающая за недонесеніе, какъ и всякая другая статья, требуетъ сознательныхъ дѣйствій человѣка. Она указываетъ на знаніе о преступленіи и на возможность донести о немъ до свѣдѣнія Правительства. Слѣдовательно, человѣкъ долженъ прежде всего знать, совершается-ли преступленіе, и быть убѣжденнымъ въ этомъ. По мнѣнію г. защитника, сдвигая законодатель имѣлъ въ виду наказывать за недонесеніе о такомъ преступленіи, въ которомъ недонесшій еще сомнѣвался. Если взять всю фактическую обстановку обвиненія Зайцева, то тутъ можетъ быть одно изъ двухъ: или онъ виновенъ

въ распространѣніи книжекъ, или рѣшительно ни въ чемъ виновенъ. Самъ обвинитель признаетъ, и это совершенно справедливо, что Зайцевъ не можетъ быть обвиняемъ въ распространѣніи книжекъ, потому что, давая читать ихъ другимъ, онъ не имѣлъ никакого злого умысла. Значитъ, онъ не понималъ преступности книжекъ, а если понималъ, то на немъ не лежало обязанности доносить. Обвинение, взводимое на Зайцева, усиливается еще на основаніи 4 п. 89 ст. воин. уст. о пак., въ которомъ сказано, что наказаніе увеличивается на одну или двѣ степени, когда при содѣяніи преступленія или проступка нарушена святость присяги или прямая обязанность военной службы. Относительно нарушенія святости присяги г. защитникъ доказалъ, что Зайцевъ не можетъ понести наказанія за полное нарушеніе спеціальной воинской присяги, такъ какъ въ ней находится фраза, которая помѣщена въ общей присягѣ на вѣрноподданство. Фраза эта слѣдующая: „объ ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо своевременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допускать тѣшиться“. Такимъ образомъ, за нарушеніе приведенной клятвы онъ можетъ быть наказанъ не какъ за нарушеніе спеціальной воинской присяги въ качествѣ военнаго чина, а какъ обыкновенный гражданинъ, принявшій присягу на вѣрноподданство. Если сдѣлать иначе, то само собою разумѣется, что за нарушеніе этой клятвы обыкновеннымъ гражданиномъ онъ не можетъ быть наказанъ. Въ заключеніе защитникъ обратилъ вниманіе суда на малограмотность подсудимаго, которая доказываетъ, что онъ узналъ о преступности сочиненій, которыя ему давали, только отъ полковаго адъютанта. Прис. повѣр. Михайловъ (защитникъ подсудимаго Янсона) высказалъ, что для того, чтобы обвинить подсудимаго въ томъ преступленіи, которое на него возводится, необходимо доказать, что онъ зналъ о преступности сочиненій, имѣлъ возможность донести объ этомъ Правительству и не донесъ. Защитникъ несогласенъ съ товарищемъ оберъ-прокурора, который сказалъ, что судебное слѣдствіе вполне разъяснило всѣ обстоятельства дѣла. Относительно Янсона, судебное слѣдствіе ничего не разъяснило, и если можно говорить объ его обвиненіи, то только на основаніи обвинительнаго акта. Въ обвинительномъ актѣ изложенъ оговоръ Герасимова, и въ одномъ мѣстѣ говорится, что Герасимовъ „давно былъ знакомъ съ Янсономъ и, встрѣтившись въ кабацкѣ, возобновилъ знакомство, давалъ ему книжки, говорилъ, что такихъ, какъ студенты и они раздающіе книги, много“. Въ другомъ мѣстѣ на той же страницѣ сказано, что „передавая книжки Янсону, онъ, Герасимовъ, не говорилъ, что не надо слушаться Царя, начальства и Правительства“. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что говорилъ-ли Герасимовъ Янсону эти слова, или нѣтъ, есть весьма важное и существенное обстоятельство: если Герасимовъ говорилъ и Янсонъ, принявъ это къ руководству, то онъ можетъ быть обвиняемъ въ томъ преступленіи, въ которомъ обвиняется, т. е. въ сознательномъ недонесеніи о преступленіи. Но если этихъ словъ не было сказано, то обвиненіе падаетъ. Такимъ образомъ, это обстоятельство представляется весьма существеннымъ, а между тѣмъ оно осталось неразъясненнымъ. Ни одинъ свидѣтель не удостоверялъ этого обстоятельства и самъ Герасимовъ ничего о немъ не говорить. Слѣдовательно, оно во всякомъ случаѣ остается сомнительнымъ, а такъ какъ всякое сомнѣніе должно быть истолковано въ пользу подсудимаго, то защитникъ полагалъ, что обстоятельство это слѣдуетъ признать недоказаннымъ и Янсона невиновнымъ. Если же Правительствующій Сенатъ не согласится съ этими доводами, то защитникъ просилъ примѣнить къ подсудимому самую низшую степень наказанія, которая допускается закономъ и соответствуетъ обстоятельствамъ дѣла. Прис. повѣр. Богаевскій (защитникъ подсуд. Ельцова и Вечеславова), высказалъ, что изъ показаній, данныхъ Ельцовымъ на предварительномъ слѣдствіи и свидѣтелемъ Аванасьевымъ на судѣ, видно, что Ельцовъ человѣкъ бѣдный, воспитывавшійся на свой счетъ и добывавшій для этого деньги работою; онъ жилъ вмѣстѣ съ товарищами на квартирѣ, гдѣ прежде жилъ Вечеславовъ. Если Ельцовъ и зналъ Дьякова, то зналъ чрезъ товарища Четвертухина, который воспитывался вмѣстѣ съ Дьяковымъ въ семинаріи. Свидѣтель Аванасьевъ показалъ, что у нихъ былъ комодъ о четырехъ ящикахъ, которые запирались однимъ ключемъ; случилось нерѣдко, что ящики оставались незапертыми. Разъ, въ отсутствіи Ельцова, пришелъ Дьяковъ и просилъ Вечеславова положить свертокъ. Хотя Вечеславовъ и подовервалъ, что въ сверткѣ были книги, но не считалъ себя вправѣ допрашивать Дьякова, что это за книги и положилъ книги въ первый открытый ящикъ комода. По несчастью для Ельцова, ящикъ былъ его. Не подлежитъ сомнѣнію, что Ельцовъ не участвовалъ въ принятіи отъ Дьякова книгъ, и онъ даже не зналъ, что книги положены въ его ящикъ. Дни за четыре до обыска онъ случайно увидѣлъ „Хитрую механику“. Что ему было дѣлать: идти и доносить — но это очевидно было для него невозможно, и притомъ на кого же доносить, потому что онъ не зналъ, что книги принадлежатъ Дьякову. Книги были принесены не Вечеславова или Ельцову, а просто въ квартиру четырехъ студентовъ, и если попали въ ящикъ Ельцова, то совершенно случайно. Его еще можно было-бы обвинять, если-бы слѣдствіе указало на вѣстный образъ его мыслей, если бы были какія-нибудь данныя, по которымъ можно было-бы заключить о его политической неблагонадежности, но на это нѣтъ ни малѣй-

шаго указанія въ дѣлѣ. Еще меньше въ дѣлѣ есть уликъ противъ Вечеслава. Онъ обвиняется только потому, что у него нашли выписку изъ запрещенной книги. При дѣлѣ находится большая тетрадь, въ которую вшиты всѣ бумаги, отобранныя у Вечеслава: тамъ есть письма его и другія бумаги, изъ которыхъ видно, что онъ весьма любящій и почитительный сынъ, братъ, что онъ строго относится къ своимъ обязанностямъ, учится прилежно и, вообще, человекъ серьезный. Въ числѣ этихъ бумагъ найденъ одинъ клочекъ, въ которомъ счетомъ находится 50 словъ, выписанныхъ изъ „Хитрой механики“, записанныя въ формѣ вопросовъ, какъ напримѣръ: „почему косвенные налоги тяжелѣе прямыхъ?“ и т. п. Дѣло въ томъ, что у Вечеслава была привычка, при чтеніи каждой книги, дѣлать себѣ подобныя вопросы. Въ тѣхъ же бумагахъ есть другая выписка изъ политической экономіи, въ формѣ такихъ же вопросовъ. „Хитрая механика“ очевидно принадлежала не ему, потому что въ противномъ случаѣ ему не затѣмъ было бы дѣлать изъ нея выписки. Она случайно попала къ нему на глаза—онъ прочелъ и записалъ для памяти нѣкоторые вопросы. Между тѣмъ законъ для обвиненія по 4-й части 251 ст. улож. о нак. требуетъ, чтобы обвиняемый имѣлъ у себя запрещенную книгу. Указавъ затѣмъ на то, что хотя подсудимымъ угрожаетъ небольшое наказаніе — арестъ, но за нимъ еще слѣдуетъ отдача подъ надзоръ полиціи, а состоящая подъ надзоромъ полиціи не могутъ оставаться въ академіи, „я ходатайствую, сказалъ защитникъ, передъ вами, г.г. судьи, объ оправданіи обвиняемыхъ. Не увеличивайте и безъ того огромное количество недоучившихся молодежи. Неизвѣстно, какой профессоръ можетъ уничтожить въ головѣ ученика преступную мысль, но извѣстно, что доучившіеся люди не идутъ туда, куда идутъ недоучившіеся“. Затѣмъ было представлено послѣднее слово подсудимымъ. Подс. Герасимовъ заявилъ, что онъ не читалъ преступныхъ книгъ другимъ и что свидѣтели показали объ этомъ неправильно. Подс. Зайцевъ сказалъ, что Павелъ Александровъ никогда у него въ казармахъ не былъ и онъ даже не зналъ, гдѣ тотъ живетъ. Подс. Янсонъ объяснилъ, что „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и „Хитрую механику“ онъ представлялъ въ дежурную комнату, откуда онъ черезъ четыре дня были ему возвращены, и такимъ образомъ онъ вовсе не зналъ, что онъ преступны. Послѣ этого особое присутствіе постановило на свое разрѣшеніе слѣдующіе вопросы: I. Виновенъ-ли подсудимый Вячеславъ Дьяковъ въ томъ, что съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, распространялъ между рабочими фабрики Чешера, нижними чинами лейб-гвардіи московскаго полка и другими лицами, непосредственно или чрезъ посредство соглашенныхъ имъ на то сообщниковъ, сочиненія, по содержанию своему, направленныя къ означенной выше цѣли, какъ-то: 1) „Хитрую механику“, 2) „Исторію французскаго крестьянина“, 3) „Сказку о четырехъ братьяхъ“, 4) „Емельку Пугачева“, 5) „Сборникъ новыхъ стиховъ и пѣсень“, 6) листокъ „Что-то, братцы“ и 7) статью изъ журнала „Впередъ“ о самарскомъ голодѣ? II. Виновенъ-ли подсудимый Алексѣй Сиряковъ въ томъ, что по предварительному соглашенію съ обвиняемымъ Дьяковымъ, участвуя въ его преступленіи, распространялъ, съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, между рабочими фабрики Чешера сочиненія, направленныя къ означенной выше цѣли, какъ-то: „Емельку Пугачева“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и листокъ „Что-то, братцы“? III. Виновенъ-ли подсудимый Василій Герасимовъ въ томъ, что по предварительному съ обвиняемымъ Дьяковымъ соглашенію, участвуя въ его преступленіи, распространялъ, съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, между нижними чинами лейб-гвардіи московскаго полка и другими лицами сочиненія, по содержанию своему направленныя къ означенной выше цѣли, какъ-то: 1) „Емельку Пугачева“, 2) „Сказку о четырехъ братьяхъ“, 3) „Исторію французскаго крестьянина“? IV. Виновенъ-ли подсудимый Діомидъ Александровъ въ томъ, что по предварительному съ обвиняемымъ Дьяковымъ соглашенію, участвуя въ его преступленіи, распространялъ, съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, между различными лицами сочиненія, направленныя, по содержанию своему, къ означенной выше цѣли, какъ-то: „Исторію французскаго крестьянина“ и другія, и содѣйствовали преступленію Дьякова также тѣмъ, что читалъ вслухъ въ присутствіи другихъ лицъ вторую половину „Исторіи французскаго крестьянина“ и изыскивалъ нѣкоторымъ нижнимъ чинамъ московскаго полка содержание сочиненій, возбуждающихъ къ бунту? V. Виновенъ-ли подсудимый Трофимъ Зайцевъ въ томъ, что зная о злоумышленномъ распространеніи нѣкоторыми изъ обвиняемыхъ по сему дѣлу лишь сочиненій, направленныхъ къ возбужденію бунта, какъ-то: 1) „Емельку Пугачева“, 2) „Хитрой механики“, 3) „Сказки о четырехъ братьяхъ“, и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія Правительства, не исполнилъ сей обязанности? VI. Виновенъ-ли подсудимый Юрій Янсонъ въ томъ, что, зная о злоумышленномъ распространеніи нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ по сему дѣлу лишь сочиненій, направленныхъ къ возбужденію бунта, какъ-то: 1) „Емельку Пугачева“, 2) „Хитрой механики“, 3) „Сказки о четырехъ братьяхъ“, и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія Правительства, не исполнилъ своей обязанности? VII. Виновенъ-ли подсудимый Владиміръ Ельцовъ въ томъ, что безъ дозволенія надлежащаго начальства имѣлъ у себя сочиненія, направленныя къ возбужденію населенія къ бунту? VIII. Виновенъ-ли подсудимый Всеволодъ Вечеславовъ въ томъ, что безъ дозволенія начальства имѣлъ у себя сочиненія, направленныя къ возбужденію населенія къ бунту? Защита

подсудимыхъ Герасимова и Александрова просила поставить о нихъ слѣдующіе вопросы: если Герасимовъ не виновенъ по 3-му, а Александровъ по 4-му вопросамъ, то не виновны-ли они въ томъ, что, зная о злоумышленномъ распространеніи нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу лицъ сочиненій, направленныхъ къ возбужденію бунта, и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія Правительства, не исполнили этой обязанности и имѣли у себя нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій безъ надлежащаго разрѣшенія начальства. Первоприсутствующій, по совѣщаніи съ судьями, объявилъ: имѣя въ виду, что судебное слѣдствие не обнаружало никакихъ данныхъ, изъ которыхъ истекло бы основаніе къ постановкѣ дополнительныхъ вопросовъ, о которыхъ ходатайствуетъ защита, особое присутствіе опредѣлило ходатайство это оставить безъ послѣдствій. Послѣ этого судъ удалился для совѣщанія, и по выходѣ въ залу засѣданія первоприсутствующій объявилъ, что на всѣ предложенные вопросы особое присутствіе единогласно положило отвѣтить: Да, виновны. По выслушаніи заключенія товарища оберъ-прокурора и заявленій защиты о примѣненіи наказанія судъ снова удалился для совѣщанія и вынесъ слѣдующую резолюцію:

„Выслушавъ дѣло и пренія сторонъ, признавая: 1) подсудимыхъ Вячеслава Дьякова, 21 года, Алексѣя Сирякова, 20 лѣтъ, Василія Герасимова, 22-хъ лѣтъ, и Діомида Александрова, 25 лѣтъ, виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ во 2 ч. 251 ст. ул. о нак.; 2) рядоваго Трофима Зайцева, 29 лѣтъ и Юрія Янсона, 24-хъ лѣтъ, виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 126 ст. улож. о нака., и 3) подсудимыхъ Владиміра Ельцова, 22 лѣтъ, и Всеволода Вячеслава, 20 лѣтъ, виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 4 ч. 251 ст. улож. о нак., и обращая вниманіе на особенно важное значеніе настоящаго дѣла въ томъ отношеніи, что преступныя дѣйствія первыхъ четырехъ подсудимыхъ направлены были не только къ возбужденію къ бунту между фабричными рабочими, но и къ поколебанію въ нижнихъ воинскихъ чинахъ одного изъ гвардейскихъ полковъ преданности ихъ Престолу и Отечеству и долга повинновенія установленному законами начальству, на основаніи улож. о наказ. ст. 251, 118, 119, 139, 140, 126, 19 (степ. 5), 39 (степ. 2 и 3), 34 (степ. 2) и воинск. уст. о наказ. (изд. 1869 г.), ст. 49 (степ. 5) и II примѣч. къ прилож. къ ст. 6, опредѣляетъ: 1) Вячеслава Дьякова, Алексѣя Сирякова, Василія Герасимова и Діомида Александрова лишитъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ: Дьякова на десять лѣтъ, Герасимова и Александрова на девять лѣтъ и Сирякова на шесть лѣтъ; 2) Трофима Зайцева и Юрія Янсона лишитъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію имъ присвоенныхъ, или службою приобрѣтенныхъ, и отдать въ военно-исправительныя роты на одинъ годъ и девять мѣсяцевъ; 3) Владиміра Ельцова и Всеволода Вячеслава подвергнуть аресту: перваго изъ нихъ — на десять дней, а втораго — на шесть дней, и 4) служебныя издержки, если таковыя были употреблены по настоящему дѣлу, взыскать съ упомянутыхъ виновныхъ, а въ случаѣ несостоятельности ихъ принять на счетъ казны“.

1876 годъ.

Правительственный Вѣтникъ.

(9-го декабря. № 276).

6-го сего декабря, къ концу совершавшагося въ Казанскомъ соборѣ богослуженія, начали въ значительномъ числѣ собираться въ храмъ молодые люди, по вѣщности коихъ можно было предполагать, что они принадлежать къ числу учащейся молодежи. Въ группахъ молодыхъ людей замѣтны были также и женщины. Во время молебна какъ молодые люди, такъ и прикинувшія къ нимъ женщины, вели себя крайне непринлично: они переходили съ мѣста на мѣсто, разговаривали, смѣялись и какъ будто о чемъ-то сговаривались. По окончаніи богослуженія, толпа этихъ необычныхъ посѣтителей храма спустилась съ входной лѣстницы собора и, отойдя отъ него лишь на нѣсколько шаговъ, остановилась и скупилась. Стоявшій среди толпы молодой человекъ обратился къ окружающимъ его съ слѣдующими словами: „мы всегда чтимъ этотъ день въ память сосланныхъ въ каторжную работу...“ и произнесъ засимъ нѣсколько фамилій и невнятныхъ словъ, закончилъ свою рѣчь крикомъ: „да здравствуетъ свобода, ура!“ Крикъ этотъ былъ подхваченъ окружающими его лицами. Затѣмъ тотъ же молодой человекъ вынулъ изъ-за пазухи стоявшаго около него крестьянскаго мальчика красный флагъ съ надписью на немъ крупными буквами: „Земля и воля“, и

махалъ имъ, продолжая кричать „ура!“ При этомъ нѣсколько человекъ, стоявшихъ въ центрѣ группы, подняли на руки крестьянскаго мальчику, который тоже кричалъ ура, махая флагомъ. Между тѣмъ изъ толпы раздавался голосъ, предлагавшій не расходиться и направиться всемъ вмѣстѣ по Невскому проспекту; другіе же, напротивъ, крикомъ изъявляли желаніе разойтись какъ можно поспѣшнѣе. Въ это время подошлѣ околоточный надзиратель съ городовыми, которые были встрѣчены принимающими участіе въ безпорядкѣ лицами сначала бранью, а потомъ побоями. Стоявшая до этой минуты въ сторонѣ, удивленная этой цѣлѣною выходкою, публика, при видѣ сопротивленія, оказаннаго чинамъ полиціи, исполнившимъ свою обязанность, бросилась на помощь городовымъ, смяла разрушителей порядка и сообщила съ полиціею арестовала 32 человекъ, изъ коихъ 11 женщинъ. Остальная часть участниковъ безпорядка, при такомъ оборотѣ дѣла, быстро разбѣжалась въ разныя стороны.

Дознаніе начато на основаніи закона 19 мая 1871 года.

Оглавленіе

	Стран.
Предисловіе	III
1825 годъ.	
Первое правительственное сообщеніе о событіи 14 декабря	1
Высочайшій манифестъ о томъ же	3
Подробное описаніе происшествія 14 декабря	4
1826 годъ.	
Прибавленіе къ подробному описанію	6
Первое сообщеніе о возстаніи войскъ Муравьева-Апостола	7
Дальнѣйшія сообщенія о томъ же	7
Первое сообщеніе о ходѣ слѣдствія надъ декабристами	9
Высочайшій манифестъ о волненіяхъ среди крестьянъ	12
Высочайшій манифестъ объ учрежденіи Верховнаго Уголовнаго Суда надъ декабристами	12
Донесеніе слѣдственной комиссіи	14
Списокъ лицъ, преданныхъ Верховному Суду	45
Высочайшій манифестъ о дѣлѣ декабристовъ	48
Высочайшая благодарность Дибичу	49
Верховный Уголовный Судъ	49
Роспись государственнымъ преступникамъ	55
Указъ Верховному Суду	61
Выписка изъ протокола Верховнаго Суда	63
Высочайшій приказъ объ исключеніи осужденныхъ изъ списковъ войскъ	63
Приговоръ надъ соучастниками Сергѣя Муравьева-Апостола	64
Высочайшій приказъ россійскимъ войскамъ	67
Высочайшій приказъ о наказаніяхъ офицерамъ, замѣшаннымъ въ заговорѣ, но не преданнымъ суду	68
1827 годъ.	
Приговоръ надъ поручикомъ Усовскимъ	69
Приговоръ надъ офицеромъ Вегелинымъ и др.	69
Донесеніе Варшавскаго слѣдственнаго комитета	70
Приговоръ надъ офицерами Старковымъ и Тантыковымъ	94
Приговоръ надъ майоромъ Раевскимъ	94
1830 годъ.	
Приговоръ надъ кн. С. С. Оболенскимъ	94
Приговоръ надъ Дороховымъ	94
Высочайшій манифестъ о возстаніи въ Польшѣ	95
1831 годъ.	
Указъ Сенату о мѣрахъ къ подавленію возстанія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западнаго Края	96

Высочайшій манифестъ объ окончаніи польскаго возстанія	97
Указъ главнокомандующему дѣйствующей арміей	97
Указъ объ облегченіяхъ наказаній нѣкоторымъ изъ декабристовъ	98
Указъ о наказаніяхъ виновнымъ въ польскомъ возстаніи	98

1837 годъ.

Приговоръ надъ Масловскимъ	102
--------------------------------------	-----

1839 годъ.

Приговоръ надъ Вейсомъ и др.	102
--------------------------------------	-----

1840 годъ.

Указъ о лицахъ, замѣшанныхъ въ заговорѣ Канарскаго	103
--	-----

1848 годъ.

Приговоръ по дѣлу Холмскаго	103
---------------------------------------	-----

1849 годъ.

Приговоръ по дѣлу Петрашевскаго и петрашевцевъ	104
--	-----

1856 годъ.

Амнистія декабристамъ	109
---------------------------------	-----

1861 годъ.

Приговоръ надъ М. Л. Михайловымъ	111
--	-----

1862 годъ.

Арестъ тверскихъ мировыхъ посредниковъ	111
Высылка профессора Павлова	111
Приговоръ надъ офицеромъ Обручевымъ	112
Запрещеніе двухъ воскресныхъ школъ	112
Увольненіе отъ службы братьевъ гр. Ростовцевыхъ	112
Закрытіе народныхъ читаленъ и шахматнаго клуба	113
Закрытіе всѣхъ воскресныхъ школъ въ войскахъ	113
Закрытіе повсемѣстно воскресныхъ школъ и читаленъ	113
Закрытіе общества для пособія учащимся	113
Приговоръ надъ офицеромъ Янковскимъ	114
Казнь офицеровъ Аригольдта, Сливницкаго и Ростковскаго	114
Преданіе суду офицера Григорьева	115
Приговоръ надъ тверскими мировыми посредниками	115
Преданіе суду офицеровъ Даниловича и друг. и приговоръ надъ ними	116
Приговоръ надъ юнкеромъ Кудрявымъ	116
Приговоръ надъ офицеромъ Григорьевымъ	116
Приговоръ надъ подполковникомъ Красовскимъ	117
Приговоръ надъ учителемъ Викторovýmъ	117
Приговоръ надъ офицерами Посниковымъ и Еллинскимъ	117

1863 годъ.

Приговоръ надъ студентомъ Яковлевымъ	118
Приговоръ надъ студентомъ Беневольскимъ и др.	118
Приговоръ надъ студентомъ Вороновымъ и др.	119
Приговоръ надъ офицеромъ Ушаковымъ	119
Приговоръ надъ юнкеромъ Шукшта	119
Приговоръ надъ офицеромъ Крушевскимъ	120
Приговоръ надъ мѣщаниномъ Мартыановымъ	120
Приговоръ надъ дворяниномъ Муравскимъ	120
Приговоръ надъ лекаремъ Павловскимъ	120
Приговоръ надъ студентомъ Сунгуровымъ	121
Приговоръ надъ студентами Фрязиновскимъ и др.	121

1864 годъ.

Стран*

Приговоръ надъ студентами Стахеничемъ и Цвѣтковымъ	122
Приговоръ надъ врачомъ Стржижевскимъ	122
Приговоръ надъ Н. Г. Чернышевскимъ	123
Публичное объявленіе приговора Чернышевскому	123
Приговоръ надъ учителемъ Курбаковскимъ	123
Дѣло о заговорѣ въ Казани	123
Приговоръ надъ Д. И. Писаревымъ и др.	125
Казнь офицеровъ Иваницкаго, Мрочка и Станкевича въ Казани	126

1865 годъ.

Высочайшій рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ о московскомъ дворянскомъ собраніи	126
Приговоръ надъ студентомъ Самаринымъ и гимназистомъ Бекеновымъ	127
Приговоръ надъ Н. А. Серно-Соловьевичемъ и др.	128
Публичное объявленіе имъ приговора	130
Приговоръ надъ инженеромъ Дейхманомъ	130
Казнь офицера Черныка	130

1866 годъ.

Дѣло о послабленіяхъ властей, оказанныхъ М. Л. Михайлову въ Тобольскѣ	130
Правительственное сообщеніе о покушеніи Каракозова на жизнь государя	134
Назначеніе Муравьева председателемъ слѣдственной коммисіи	135
Пожалованіе дворянства Коммисарову	135
Свѣдѣнія о Каракозовѣ	135
Публичное объявленіе приговора Мосолову и др.	137
Указъ объ учрежденіи Верховнаго Уголовнаго Суда	137
Свѣдѣнія о сообщникахъ Каракозова	137
Извѣстіе о возмущеніи ссыльныхъ поляковъ въ Сибири	141
Приговоръ надъ Каракозовымъ	141
Казнь Каракозова	142
Приговоръ надъ докторомъ Кабылинымъ	142
Приговоръ надъ солдатомъ Невѣдомскимъ	143
Дѣло каракозовцевъ	144
Приговоръ надъ офицеромъ Куязевымъ	151

1867 годъ.

Высочайшее повелѣніе о закрытіи петербургскаго земства	152
Приговоръ надъ офицеромъ Нечмировымъ	152
Рѣшеніе Сената по дѣлу петербургскаго земства	152
Телеграмма о покушеніи Березовскаго на жизнь государя въ Парижѣ	153
Показанія Березовскаго	154
Свѣдѣнія о Березовскомъ	154
Процессъ Березовскаго	155

1871 годъ.

Процессъ нечаевцевъ	159
-------------------------------	-----

1872 годъ.

Процессъ Гончарова	227
------------------------------	-----

1873 годъ.

Процессъ Нечаева	229
Правительственное сообщеніе объ учащихъ въ Цюрихѣ русскихъ женщинахъ	252

1874 годъ.

Правительственное сообщеніе о 19 эмигрантахъ	253
Процессъ Долгушина и др.	254

1875 годъ.

Процессъ Дьякова и др.	318
--------------------------------	-----

1876 годъ.

Правительственное сообщеніе о демонстраціи на Казанской площади	345
---	-----

Русская Историческая Библиотечка.

№ 6.

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ въ Россіи въ XIX вѣкѣ.

Сборникъ

политическихъ процессовъ и другихъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи революціонныхъ и оппозиціонныхъ движеній въ Россіи.

Составленъ подъ редакцію

Б. Базилевскаго.
(В. Богучарскаго).

Томъ второй.

(1877 годъ).

Цѣна 1 руб.

Складъ
при книгоиздательствѣ
„Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону

Типографія „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на-Дону.

Предисловіе.

Первый томъ изданія, носящаго названіе „Государственныя преступленія въ Россіи“, включаетъ въ себѣ официально опубликованныя свѣдѣнія о политическихъ процессахъ и другіе относящіяся къ исторіи революціонныхъ и оппозиціонныхъ движеній въ Россіи матеріалы, за промежутокъ времени 1825—1876 годъ. Изъ такихъ данныхъ составилась книга размѣромъ около сорока печатныхъ листовъ. Въ семидесятихъ годахъ прошлаго вѣка социальное-революціонное движеніе въ Россіи настолько разрослось, что настоящій томъ не вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ политическихъ процессовъ всего за одинъ только 1877 годъ. Сюда не вошелъ, между прочимъ, знаменитый въ свое время «процессъ 193-хъ», который самъ по себѣ такъ обширенъ, что, вѣроятно, заполнитъ собою одинъ весь слѣдующій (третій) томъ нашего изданія. Второй томъ отличается отъ перваго еще и тѣмъ, что къ официальнымъ отчетамъ о политическихъ процессахъ мы прибавили нѣкоторыя дополненія, въ отчеты эти не вошедшія и напечатанныя въ нелегальныхъ изданіяхъ. Изъ того же источника заимствовали мы и краткіе отчеты о разбиравшихся въ 1877 году нѣкоторыхъ политическихъ дѣлахъ, ни въ официальныхъ, ни въ частныхъ изданіяхъ въ Россіи вовсе не появлявшихся.

Этотъ томъ перепечатывается съ нашего заграничнаго изданія почти безъ всякихъ измѣненій.

В. Богуцарскій.

Оглавленіе

второго тома сборника „Государственныя преступленія
въ Россіи“.

Томъ второй.

Предисловіе III

1877 годъ.

Дѣло о демонстраціи на Казанской площади	1
Сенатское рѣшеніе по этому же дѣлу	119
Дѣло о „противозаконномъ сообществѣ“ или такъ называ- емый „процессъ пятидесяти“	128
Рѣчь С. И. Бардиной	327
Рѣчь П. А. Алексѣева	331
Рѣчь С. И. Агапова	333
Дѣло „Южно-Русскаго Рабочаго Союза“	334
Дѣло студента Сергѣева и др.	344
Дѣло доктора Покрышкина и др.	346

1877 годъ.

Правительственный Вѣстникъ.

(№№ 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 27, 31),

Дѣло о преступной демонстраціи, бывшей на Казанской площади, въ С.-Петербургѣ, 6-го декабря 1876 г.

Засѣданія особаго присутствія Правительствующаго Сената для разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ¹⁾.

Предсѣдательствовалъ первоприсутствующій сенаторъ К. К. Петерсъ; присутствовали: сенаторы: М. Н. Похвисневъ, К. К. Ранненкампфъ, Д. Д. Нееловъ, Н. О. Тизенгаузенъ и Б. Н. Хвостовъ; сословные представители: предводители дворянства: черниговскій губернский, отставной штабсъ-капитанъ Н. И. Неплюевъ, и вышневолоцкій уѣздный П. И. Сназинъ-Тормасовъ, псковской городской голова Сутгофъ и стародеревенскій волостной старшина П. Лукьяновъ, при исправляющемъ должность оберъ-секретаря В. В. Поповъ. Обвинялъ товарищъ прокурора с.-петербургской палаты К. И. Поскочинъ. Подсудимыхъ защищали присяжные повѣренные: Архангельскій, Бардовскій, Буймистровъ, Гантоверъ, Знамеровскій, Каміонко, Неклюдовъ, Ольхинъ, Полуянскій, Турчаниновъ и помощникъ присяжнаго повѣреннаго Граціанскій. По слѣдствію опроса подсудимыхъ со стороны защиты были сдѣланы слѣдующія заявленія: присяжный повѣренный Неклюдовъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы разрѣшено было допросить свидѣтелей, которые доставлены имъ въ зданіе суда. Хотя онъ прежде заявлялъ ходатайство о вызовѣ и допросѣ этихъ свидѣтелей и ему въ этомъ было отказано за пропускомъ установленнаго 557 статьею уст. угол. суд. семидневнаго срока, но онъ полагаетъ, что это частное опредѣленіе можетъ быть отмѣнено въ виду тѣхъ данныхъ, которыя онъ представитъ въ настоящее время. Такъ какъ настоящее дѣло, въ силу Высочайшаго повелѣнія, слушается судомъ безъ производства предварительнаго слѣдствія, то подсудимые при врученіи имъ обвинительнаго акта не были знакомы съ дознаніемъ, къ которому не примѣняется порядокъ, указанный для предварительнаго слѣдствія, относительно предъявленія дѣла подсудимому. Такимъ образомъ, подсудимый при полученіи обвинительнаго акта зналъ только то, въ чемъ онъ обвиняется, но всѣ обстоятельства дѣла, добытыя дознаніемъ, ему не были извѣстны. Далѣе защитникъ замѣтилъ, что ни подсудимые, ни защита физически не могли воспользоваться семидневнымъ срокомъ, такъ какъ обвинительный актъ врученъ подсудимымъ 7-го января, а для

¹⁾ Дѣло разсматривалось съ 18 по 25 января. Ред.

защитниковъ производство открыто было съ 10-го января, семидневный же срокъ кончался 15-го числа; поэтому ни подсудимые ни защита не имѣли возможности знать, чѣмъ нужно дополнить слѣдствіе. Дополненіе со стороны защиты представляется тѣмъ болѣе важнымъ, что при первоначальномъ излѣдованіи фактовъ еще не было извѣстно, что дознаніе превратится въ предварительное слѣдствіе, такъ какъ Высочайшее повелѣніе послѣдовало лишь 17 декабря, когда дознаніе было почти окончено, а, слѣдовательно, и лица, производившія дознаніе, могли въ то время думать, что ихъ дѣйствія по первоначальному изслѣдованію будутъ провѣряться. Въ виду всего этого, защитникъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи допросить представленныхъ имъ свидѣтелей, иначе защита подсудимыхъ поставлена будетъ въ крайнее затрудненіе. Первоприсутствующій. Кто же эти свидѣтели? Прис. пов. Неклюдовъ. Мѣщане Ивановъ и Любимовъ. Прис. пов. Бардовскій, ссылаясь на доводы, представленные предыдущимъ защитникомъ, ходатайствовалъ о допросѣ тѣхъ свидѣтелей, которые были имъ указаны въ прошеніи, поданномъ въ особое присутствіе Сената. Прис. пов. Буймистровъ ходатайствовалъ о допросѣ двухъ свидѣтелей, Дубенскаго и Мерцалова, на томъ основаніи, что онъ заявилъ просьбу о предоставленіи, ему вызвать этихъ свидѣтелей за день до засѣданія и такимъ образомъ, исполнилъ формальность, указанную въ 576-й ст. уст. угол. суд. Прис. пов. Каміонко заявилъ, что онъ узналъ, что присяжный стряпчій Серебрянниковъ можетъ свидѣтельствовать о томъ, гдѣ находился подсудимый наканунѣ и утромъ 6-го декабря, а потому просилъ допустить къ свидѣтельству г. Серебрянникова. Прис. пов. Ольхинъ, присоединяясь ко всѣмъ тѣмъ мотивамъ, которые были изложены выше, заявилъ, что III и IV тома дѣла переданы были защитникамъ только вчера. Въ III томѣ оказались весьма существенныя въ пользу подсудимой Ивановой свидѣтельскія показанія Миртова и Вебера, но такъ какъ онъ, защитникъ, довольно поздно кончилъ чтеніе дѣла, то не могъ подать заявленія о допросѣ этихъ лицъ. Хотя онъ и заготовилъ объ этомъ прошеніе, но въ то время въ канцеляріи уже не было никого, кто могъ бы принять его. Адресы свидѣтелей указаны на 25 и 28 листахъ III тома дѣла, изъ котораго видно, что они содержались въ домѣ предварительнаго заключенія, но выпущены оттуда или нѣтъ—ему неизвѣстно. Поэтому, если они не окажутся въ мѣстѣ ихъ жительства, то, значить, находятся въ тюрьмѣ. Въ виду существенности показанія этихъ свидѣтелей, защитникъ просилъ ихъ вызвать и допросить. Пом. прис. пов. Граціанскій заявилъ, что 15-го января онъ просилъ вызвать нѣкоторыхъ свидѣтелей и экспертовъ. Свидѣтели вызваны всѣ, за исключеніемъ одного врача, который вызывался какъ экспертъ, а въ вызовѣ экспертовъ было отказано на томъ основаніи, что порядокъ освидѣтельствующаго, по ст. 335 уст. гражд. суд., относится къ окружному суду, а не къ Правительствующему Сенату. Между тѣмъ, освидѣтельствованіе при дознаніи было произведено на основаніи 353 и 354 ст. уст. угол. суд. Но въ виду того, что въ вызовѣ экспертовъ особымъ присутствіемъ уже отказано, онъ, защитникъ, проситъ вызвать того же врача въ качествѣ свидѣтеля. Товарищъ прокурора далъ заключеніе по всѣмъ изложеннымъ заявленіямъ, причемъ находилъ, что заявленія Бардовскаго, Неклюдова и Граціанскаго касаются тѣхъ вопросовъ, которые уже были въ разсмотрѣніи особаго присутствія Правительствующаго Сената и разрѣшены. Поэтому безъ точныхъ указаній со стороны защиты на какія-либо новыя обстоятельства, которыя могли бы измѣнить состоявшіяся опредѣленія, не представляется основаній къ удовлетворенію предъявленныхъ защитою ходатайствъ. Заявленія Каміонко и Буймистрова касаются новыхъ обстоятельствъ, которыя могутъ имѣть значеніе при рѣшеніи дѣла; а потому, на

основаніи 557 ст. уст. угол. суд., прокуроръ полагалъ, что слѣдуетъ удовлетворить это ходатайство; что же касается заявленія г. Ольхина, то прокуроръ указалъ на то, что III томъ составляетъ отдѣльную часть дѣла, которая, на основаніи закона 19-го мая 1871 года, была направлена въ административномъ порядкѣ. Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ не свидѣтельскія показанія, а объясненія обвиняемыхъ по другому дѣлу, въ числѣ которыхъ находятся и показанія Вебера и Миртова. Поэтому прокуроръ полагалъ, что ходатайство защитника не подлежитъ удовлетворенію. Защитники Неклюдовъ, Ольхинъ и Бардовскій настаивали на своихъ ходатайствахъ. Послѣ совѣщанія Правительствующій Сенатъ объявилъ слѣдующее постановленіе: выслушавъ заявленія защитниковъ, присяжныхъ повѣренныхъ: Неклюдова, Бардовскаго, Граціанскаго, Ольхина, Каміонко и Буймистрова, и принимая во вниманіе, что относительно допроса свидѣтелей, о которыхъ просятъ первые пятеро, ходатайство ихъ оставлено безъ послѣдствій по опредѣленію Правительствующаго Сената, за пропусченіемъ указаннаго въ 557 ст. уст. угол. суд. срока, а потому и на основаніи 577 ст. уст. угол. суд. Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ оставить ходатайство по этому предмету безъ послѣдствій. Затѣмъ, принимая во вниманіе согласіе обвинителя на допросъ указанныхъ прис. пов. Буймистровымъ свидѣтелей Миртова и Вебера по тѣмъ обстоятельствамъ, на которыя указываетъ защитникъ, особое присутствіе опредѣлило допустить этихъ свидѣтелей къ допросу. Подс. Чернавскій. Я не поручаю своего дѣла г. Буймистрову. Я защищаться совсѣмъ не буду. Я только расскажу, въ чемъ состоитъ мой проступокъ. Подс. Григорьевъ. Я прошу защищать меня г. Полуянскаго. Предс. Отчего же вы отказались, когда защитникъ былъ вамъ назначенъ судомъ? Подс. Григорьевъ. Я имѣлъ въ виду частнаго защитника, но онъ не могъ. Прис. повѣр. Полуянскій изъявилъ согласіе принять защиту, къ чему и допущенъ первоприсутствующимъ. По прочтеніи предложенія министра юстиціи о послѣдовавшемъ до доклада его Высочайшемъ повелѣніи относительно примѣненія къ настоящему дѣлу 545 ст. уст. угол. суд., разрѣшающей приступать къ составленію обвинительнаго акта и разсмотрѣнію дѣла безъ предварительнаго слѣдствія, съ предоставленіемъ особому присутствію права примѣнять 626 и 627 ст. уст. угол. суд., былъ прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія: 1876 года 6-го декабря, въ понедѣльникъ, Казанскій соборъ былъ переполненъ молящимися, въ числѣ которыхъ рѣзко отдѣлялись, по своей внѣшности, поведенію и отсутствію благоговѣнія, молодые люди обо-его пола, привлеченные, повидимому, въ храмъ какимъ-то постороннимъ молитвѣ побужденіемъ. Большинство изъ нихъ принадлежало, судя по одеждѣ, къ учащейся молодежи; они стояли, разбившись на кучки, шептались, пересмѣивались, переходили съ мѣста на мѣсто, какъ будто о чемъ-то сговариваясь, кто-то изъ нихъ дѣлалъ помѣтки въ записной книжкѣ. Все это обратило на себя вниманіе молившихся; нѣкоторые изъ постоянныхъ посѣтителей собора обращались къ вахтеру Богачеву и церковному старостѣ Рабутовскому съ вопросомъ, почему набралось такъ много «студентовъ»? Купецъ Гуковъ, уходя послѣ обѣдни, обратилъ вниманіе Рабутовскаго на поведеніе, какъ онъ выразился, «студентовъ» и рассказалъ, между прочимъ, что когда кто-то изъ богомольцевъ далъ свѣчу одной изъ «студентокъ», то та приняла ее съ гримасою и видимымъ неудовольствіемъ, а затѣмъ свѣча эта далѣе не передавалась; товарищи молодой женщины при этомъ смѣялись. Вахтеръ Богачевъ по настоянію публики спросилъ одного изъ молодыхъ людей о цѣли ихъ прихода въ соборъ; ему отвѣтили: «не твое дѣло.» Послѣ общаго молебна церковь значительно опустѣла, такъ какъ публика начала выходить понемногу по окончаніи литургіи, и въ хра-

мѣ оставалась только толпа молодежи, человѣкъ въ 150, и нѣсколько частныхъ лицъ—заказчиковъ молебновъ. Городовой Есипенко, которому Рабутовскій сообщилъ, послѣ разговора съ Гуковымъ, о толкахъ и неудовольствіи богомольцевъ, собирался уже отправиться съ докладомъ къ приставу о сборищѣ молодежи въ соборѣ, но былъ оттиснуть ею отъ двери, въ которую она выходила скученною массою. Понимая, что затѣвается какой-то беспорядокъ, Есипенко бросился вслѣдъ за выходящими и побѣждалъ дать знать о происходившемъ въ 1-й участокъ Казанской части, помѣщающійся на Малой-Конюшенной улицѣ. Въ это время изъ толпы молодежи, вышедшей на площадь, выступилъ высокій блондинъ, снялъ шапку и началъ громко говорить, горячася и размахивая руками. Остальные сформовали около произносившаго рѣчь тѣсный кругъ; удивленные этимъ зрѣлищемъ богомольцы, недоумѣвая, стояли поодоль къ портикѣ храма, на ступеняхъ лѣстницы и на самой площади. Молодой человѣкъ говорилъ, какъ показываютъ о томъ свидѣтели Рабутовскій, Александра Товбичъ, Абрамовъ и Кашинцевъ, а также обвиняемый Поповъ, о гнетѣ правительства и его несправедливости, о ссылкахъ лучшихъ русскихъ людей, каковы Чернышевскій, Долгушинъ, Нечаевъ и др., о бѣдственномъ положеніи русскаго народа, у котораго для взысканія податей продаютъ послѣднюю корову. Рѣчь была окончена при крикахъ «браво», «браво» и аплодисментахъ столпившейся около говорившаго молодежи. Въ тотъ же моментъ былъ выкинутъ надъ этою толпою красный флагъ съ надписью «земля и воля»; но такъ какъ онъ былъ не на древкѣ и взлетѣлъ комкомъ, то молодые люди подняли и подбрасывали небольшого роста парня, въ полушубкѣ, который, взлетая на воздухъ, держалъ флагъ развернутымъ въ обѣихъ рукахъ. Эта выходка сопровождалась криками «ура» и бросаніемъ въ воздухъ шапокъ. Все описанное, какъ говорятъ нѣкоторые свидѣтели, было видно даже съ Невскаго проспекта. Прибывшій на мѣсто преступленія въ то время, какъ вскидывали флагъ, чиновникъ полиціи Васильевъ бросился прямо въ толпу и схватилъ уже сзади высокаго молодого человѣка, махавшаго этимъ флагомъ, какъ былъ сбить сильнымъ ударомъ, нанесеннымъ ему въ голову, упалъ на землю, гдѣ его топтали ногами, и успѣлъ только крикнуть публикѣ: «держите его». Прибѣжавшій для содѣйствія чиновнику Васильеву околотошный надзиратель Успенскій былъ принятъ толпою такъ же, какъ и Васильевъ. Видя, что полиція уже извѣщена о происшествіи и слыша учащенные призывные свистки городскихъ, нѣкоторые изъ толпы начали кричать: «братцы, идите плотнѣе, не расходитесь; кто подойдетъ, тотъ уйдетъ безъ головы»; призывъ этотъ, сочувственно принятый всѣми, выдвинулъ впередъ молодую женщину, блондинку, съ распустившимися косами, которая кричала: «впередъ, за мною!» Молодежь сплотилась еще тѣснѣе и тронулась отъ собора по направленію къ памятнику Кутузова. Въ этомъ мѣстѣ подоспѣли нѣсколько городскихъ, прибѣжавшихъ на свистки съ Васильевымъ и Успенскимъ во главѣ, но были отбиты, и тутъ только публика, смотрѣвшая до того на происшествіе съ недоумѣніемъ, вступилась за полицейскихъ чиновъ, начала помогать имъ и забирать виновныхъ, которыхъ отводила, по указанію полиціи, въ участокъ. При этомъ производившая демонстрацію толпа вступила въ драку съ чинами полиціи и помогавшими имъ частными лицами. Мѣщанинъ Пантелѣевъ, бывшій въ числѣ содѣйствовавшихъ полиціи, получилъ отъ одного изъ сопротивлявшихся ударъ въ затылокъ какимъ-то твердымъ орудіемъ, который такъ оселомилъ его, что онъ съ трудомъ дошелъ домой. Многіе изъ публики и всѣ участвовавшіе въ задержаніи чины полиціи были избиты: Успенскій, Васильевъ, Москвинъ, Кашинцовъ, Ефимовъ, Субботинъ, Егоровъ, Трещовъ и др.; нѣкоторымъ изорвали, кромѣ того, платье.

Продолжая такимъ образомъ сопротивленіе, производившая демонстрацію толпа дошла до угла Невскаго проспекта и Казанской площади (домъ Лѣсникова), гдѣ, наконецъ, беспорядокъ былъ прекращенъ. Видя, что сочувствіе общества и сила не на ихъ сторонѣ, болѣе осторожные бросили своихъ сообщниковъ еще ранѣе, разбѣгаясь въ разныя стороны; самые же рѣшительные поддерживали борьбу до конца, продолжая сопротивляться по дорогѣ въ участокъ и буйствовать даже въ его стѣнахъ. Одинъ изъ обвиняемыхъ, Боголюбовъ, дравшійся все время на площади, не хотѣлъ подчиниться обыску въ участкѣ, и когда его принудили къ тому силою, то онъ выхватилъ висѣвшій на тесьмѣ подъ платьемъ заряженный револьверъ, взвелъ курокъ, направилъ дуло въ упоръ въ сторожа Клибика, но тотъ успѣлъ отвести пистолетъ въ сторону и въ то же время вырвать барабанъ съ патронами, разсыпавшимися по полу. Спущеннымъ Боголюбовымъ куркомъ прищемило палецъ Клибику и этому только вполнѣ случайному обстоятельству послѣдній обязанъ жизнью; палецъ, разсѣченный и прижатый къ патрону, предотвратилъ выстрѣлъ. По словамъ Боголюбова, онъ взялъ пистолетъ, думая пострѣлять изъ него въ цѣль гдѣ-нибудь вдали отъ города; защищался же имъ, какъ орудіемъ, отбиваясь въ участкѣ отъ нападавшихъ на него людей, курка не взводилъ и намѣренія стрѣлять не имѣлъ. Въ участкѣ найденъ былъ между дверями другой карманный заряженный револьверъ, брошенный кѣмъ-нибудь изъ задержанныхъ. Кромѣ того, на Малой Конюшенной былъ найденъ, при задержаніи обвиняемаго Тимофеева, чугунный наручникъ, брошенный, очевидно, однимъ изъ участниковъ демонстраціи. По участію въ вышеизложенныхъ преступныхъ дѣйствіяхъ привлечены нижеслѣдующія лица: студенты медико-хирургической академіи: Иванъ Антоновъ Гервасій, Александръ Николаевъ Бибергаль и Яковъ Ефимовъ Гуровичъ; студентъ института инженеровъ путей сообщенія Василій Семеновъ Надеждинъ; личные почетные граждане: Архипъ Петровъ Боголюбовъ, Евгений Константиновъ Бочаровъ, Михаилъ Михайловъ Чернавскій и Григорій Игнатьевъ Громовъ; ученикъ Императорской академіи художествъ Илья Родіоновъ Поповъ; сыновья купцовъ Николай Яковлевъ Фалинъ и Семень Львовъ Геллеръ; мѣщане: Ефимъ Захаровъ Новаковскій, Василій Яковлевъ Ивановъ (онъ же Савельевъ) и Александръ Ивановъ Морошкинъ; крестьяне: Яковъ Семеновъ Потаповъ, Василій Тимофеевъ и Матвѣй Григорьевъ; дочь дворянина Варвара Константинова Ильяшенко, слушательница женскихъ медицинскихъ курсовъ, дочь чиновника Лидія Васильева Николаевская; дочь маіора Софья Андреева Иванова и дочь купца, еврейка Фелиція Исакова Шефтель. Одинъ изъ свидѣтелей происшествій—Абрамовъ, бывший въ сборѣ и на площади, замѣтилъ, что молодой человѣкъ, котораго толпа поднимала со знаменемъ въ рукахъ, скрылся еще до окончанія свалки, сопровождаемый нѣсколькими молодыми людьми, отдѣлившимися отъ толпы. Опасаясь, при этой обстановкѣ, задерживать молодого парня, Абрамовъ слѣдилъ за нимъ до Большой Садовой, гдѣ шедшіе раздѣлились: одни пошли по Садовой, а молодой человѣкъ въ нагольномъ полушубкѣ направился къ публичной библиотекѣ. Остановленный, по заявленію Абрамова, городовымъ, неизвѣстный былъ доставленъ въ участокъ, а затѣмъ препровожденъ съ задержавшимъ его городовымъ Вишняковымъ и заявителемъ Абрамовымъ въ с.-петербургское губернское жандармское управленіе, гдѣ по обыску Вишняковъ нашелъ у него въ панталонахъ флагъ изъ кумача съ нашитыми на немъ бѣлыми шелковыми шнурками словами: «земля и воля». Во время препровожденія задержаннаго въ жандармское управленіе онъ, при проѣздѣ мимо Аничкина дворца, кричалъ: «да здравствуетъ свобода!» Арестованный, на допросѣ 6-го декабря, назвалъ крестьяниномъ Тверской губ.,

Старицкаго уѣзда, дер. Казнакова, Яковомъ Потаповымъ и показали, что находится подъ слѣдствіемъ по государственному преступленію, по которому привлечался въ Кіевской губ., куда ѣздилъ безъ опредѣленной цѣли. Въ Кіевѣ онъ содержался нѣсколько мѣсяцевъ подъ стражею и былъ высланъ на родину, откуда, въ сентябрѣ 1876 г., пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на фабрику Тортона, гдѣ работалъ и прежде. Не отрицая факта нахождения у него въ карманѣ флага, Потаповъ объяснилъ, что поднялъ его послѣ того, какъ толпа двинулась отъ Казанскаго собора къ памятнику Кутузова. Флагъ этотъ онъ нашелъ лежащимъ на землѣ и взялъ его безъ всякой цѣли скрыть слѣды преступленія, такъ какъ самъ участія въ безпорядкѣ не принималъ, а зашелъ въ Казанскій соборъ помолиться. Спрошенный за симъ, 11-го декабря, Потаповъ отказался отъ первоначальнаго своего заявленія о томъ, что работалъ на фабрикѣ Тортона, и не указалъ, гдѣ именно проживалъ съ самага пріѣзда въ С.-Петербургъ. По его словамъ, выѣхалъ онъ изъ деревни въ концѣ сентября, имѣя пять рублей, на которые и жилъ до задержанія, нигдѣ не работая; сапоги куплены имъ въ Твери, а красная кумачевая рубаха въ Петербургѣ; полушубокъ же взятъ изъ деревни. По пріѣздѣ въ Петербургъ бывалъ у дяди Трифонова, служащаго у Тортона, который помогалъ ему деньгами, видѣлся и съ братомъ своимъ Арсеніемъ, работающимъ на той же фабрикѣ, и шель къ нему обѣдать, выйдя 6-го декабря изъ Казанскаго собора. При задержаніи денегъ у него, Потапова, вовсе не было. Въ Кіевѣ онъ называлъ себя Петромъ Сергѣевымъ. Допрошенные, по указанію обвиняемаго, братья его Арсеній Потаповъ и дядя Трофимъ Трифоновъ объяснили, что не видѣли Якова болѣе двухъ лѣтъ; получая на фабрикѣ 20 и 23 р. въ мѣсяць, онъ безъ всякой видимой причины въ 1874 г. бросилъ мѣсто и болѣе на фабрику Тортона не возвращался. До Трифонова дошли слухи, что Яковъ попался въ Кіевѣ, но причины поѣздки его туда онъ уяснить себѣ не можетъ; по слухамъ, ходившимъ на фабрикѣ, на Якова, прежде работающаго и хорошаго мальчика, дурно повліяло знакомство со студентами, и дальнѣйшую судьбу его Трифоновъ предвидѣлъ, служа на фабрикѣ 18 лѣтъ. Къ дѣлу этимъ же свидѣтелемъ представлено письмо отъ 17 ноября 1876 года, присланное старикомъ Потаповымъ къ сыну его Арсенію, въ которомъ онъ говоритъ, что Яковъ ушелъ, «наказавъ его на 10 рублей», причемъ убѣдительно просилъ двѣнадцатилѣтняго Арсенія помочь ему изъ заработанныхъ имъ денегъ. Спрошенный, въ свою очередь, отецъ Потаповыхъ разсѣялся, что сынъ его Яковъ былъ присланъ по этапу изъ Кіева 27-го іюня 1876 года и скрылся изъ деревни послѣ Покрова (1 октября). Вся одежда, въ которой сынъ его Яковъ теперь ходитъ, приобрѣтена имъ послѣ выѣзда изъ деревни; въ деревнѣ же онъ ходилъ въ старыхъ разорванныхъ сапогахъ, въ пестрядинной рубахѣ и унесъ у него, свидѣтеля, поддевку. Денегъ у Якова въ деревнѣ не было. Предъявленный свидѣтелямъ: Кашинцову, Богданову и Рябинину, Яковъ Семеновъ Потаповъ былъ признанъ за парня, котораго подымали изъ толпы съ флагомъ въ рукахъ. Противъ всѣхъ приведенныхъ уликъ обвиняемый заявлялъ только, что всѣ свидѣтели «врутъ». Такою же неискренностью и неправдоподобностью отличаются объясненія всѣхъ остальныхъ привлеченныхъ къ дознанію лицъ. Такъ, Архипъ Петровъ Боголюбовъ, проживающій въ Петербургѣ безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій и покушавшійся на жизнь сторожа Клибика, показалъ первоначально, что 6-го декабря, послѣ часа пополудни, пошелъ со своей квартиры (Преображенская, № 20) гулять на острова и попалъ совершенно случайно къ Казанскому собору во время безпорядка; задержанъ онъ былъ какимъ то постороннимъ лицомъ безъ всякаго основанія. При вторичномъ допросѣ Боголюбовъ измѣнилъ свои объясненія, говоря, что пошелъ вмѣстѣ съ своимъ сожителемъ Преоб-

раженскимъ, послѣ часа, на Васильевскій островъ, за Смоленское кладбище, съ цѣлью пострѣлять изъ заряженнаго имъ дома пятью патронами револьвера; говорилъ ли объ этомъ Преображенскому, не знаетъ. Шли они изъ дому такъ: по Малой Итальянской, Литейной, Невскому; онъ повернулъ на Большую-Садовую, а Преображенскій пошелъ дальше. Дойдя до Чернышева переулка, обвиняемый повернулъ направо и вышелъ къ Казанскому собору. Свидѣтели: Успенскій, Трещовъ, Егоровъ, Кубовъ, Ивановъ и Богдановъ признали Боголюбова за личность, особо выдававшуюся во время безпорядка 6-го декабря; онъ билъ околоточнаго и дрался съ публикою. Свидѣтели Преображенскій и Товбичъ удостовѣрили, что Боголюбовъ изъ дому вышелъ до полудня и что Преображенскій не могъ ему солгуствовать, такъ какъ не выходилъ 6-го декабря изъ квартиры. Привлеченные къ дознанію евреи Яковъ Ефимовъ Гуровичъ—студентъ медико-хирургической академіи, Фейга Шефтель, готовящаяся къ поступленію на женскіе медицинскіе курсы, и Хаимъ Зельмановичъ Новаковскій, именующійся золотоношскимъ, Полтавской губерніи, мѣщаниномъ и по ремеслу сапожникомъ, оказались не только хорошими знакомыми, но Гуровичъ и Новаковскій даже собственниками (второй женатъ на сестрѣ Гуровича, Софѣ). По словамъ Гуровича, онъ пошелъ около полудня съ квартиры своей (Петербургская сторона, Малая-Вульфога улица, № 30) по Большой Дворянской, черезъ крѣпость, по набережной, мимо Зимняго дворца и по Невскому купить себѣ книгу въ магазинѣ Черкесова. Проходя мимо Казанской площади, онъ увидѣлъ у собора толпу народа и поднимавшійся красный флагъ, остановившись на тротуарѣ, отдѣляющемъ площадь отъ Невскаго, среди любопытныхъ, онъ былъ побитъ и арестованъ дворниками и полиціею разгонявшими зрителей. Одинъ изъ дворниковъ говорилъ: «мы васъ, поляковъ, всѣхъ перерѣжемъ». Далѣе Гуровичъ показалъ, что проживдетъ на квартирѣ вмѣстѣ съ товарищемъ Виленцомъ, но вышелъ изъ дому одинъ и никого по дорогѣ знакомыхъ не встрѣчалъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до 6-го декабря по сосѣдству съ ними поселилась незнакомая ему дѣвица, фамиліи ея не знаетъ, которая 6-го декабря утромъ, когда онъ уходилъ, кажется, была дома. Квартиру наняла она отъ хозяина Макарова. Съ своей стороны Фейга Шефтель объяснила, что ходила въ Казанскій соборъ посмотреть, какъ молятся православные; остановилась послушать, что говорятъ на площади, на нее напала полиція; била ли кого, не помнитъ, но съ нею обращались возмутительно. По выходѣ изъ церкви увидѣла толпу, въ которой высокій блондинъ говорилъ о Чернышевскомъ и о трудахъ его для народа по предоставленію ему земли и воли; послѣ этой рѣчи подняли парня съ краснымъ знаменемъ, съ надписью: «земля и воля». О демонстраціи ранѣе ничего не знала и участія въ безпорядкахъ не принимала. Живетъ она въ одной квартирѣ съ Виленцомъ и Гуровичемъ; послѣдній предложилъ ей помѣщеніе, уступивъ свою комнату. Свидѣтели Макаровъ и Виленецъ показали, что съ 3 или 4 декабря поселилась съ Гуровичемъ Шефтель, которая отдѣльной комнаты у Макарова не нанимала, а впущена была съ согласія Виленца, ея стараго знакомаго, и по просьбѣ Гуровича—бесплатно. 6-го декабря утромъ Гуровичъ и Шефтель вышли изъ дому вмѣстѣ, часу въ 10 утра. Виленецъ того же числа, часовъ въ 11, слышалъ въ студенческой бібліотекѣ медико-хирургической академіи, что въ Казанскомъ соборѣ въ этотъ день будетъ отслужена панихида по умершимъ въ домѣ предварительнаго заключенія политическимъ арестантамъ. Предъявленная свидѣтелямъ Шефтель была признана Ритчеромъ, Успенскимъ и Ивановымъ за дравшуюся и бившую околоточнаго надзирателя; Ефимовъ, Богдановъ и Васильевъ указываютъ на нее, какъ на шедшую во главѣ толпы и кричавшую «впередъ, за мною». Гуровичъ признанъ Ефимовымъ за участника въ безпорядкахъ,

Хаймъ Новаковскій, сиротенный два раза, показалъ, что прїѣхалъ въ Петербургъ два мѣсяца тому назадъ съ цѣлью лѣчиться и открыть сапожную мастерскую. 6-го декабря, часовъ въ 11, отправился съ женою къ сестрѣ ея Копилевичъ, у которой взялъ два рубля на театръ; пробывъ здѣсь не долго, перешли по крѣпостнымъ мосткамъ и вышли на Невскій къ Малой Коношенной. На площади Казанск. собора было смятеніе, говорили объ оскрѣбленіи въ церкви священника; движимые любопытствомъ, они зашли въ соборъ, но тамъ все было тихо. Выйдя обратно на площадь—не помнитъ, была ли съ нимъ жена или нѣтъ,—услыхалъ крики: «студенты бунтуютъ» и отправился въ участокъ, куда вѣли арестованныхъ. У стоявшаго тутъ городского, бляха № 131, онъ спросилъ: въ чемъ дѣло?—«Студенты бунтуютъ», отчалъ этотъ.—Пьяные, что ли?—«Нѣтъ».—Почему бунтуютъ?—«Не знаю.» Послеъ этого разговора ходилъ съ женою по Невскому и прислушивался къ толкамъ; затѣмъ опять пошелъ къ собору, гдѣ его арестовалъ, по совѣту дворника, городской, бляха № 180. Новаковскій просилъ предъявить его означеннымъ двумъ городovýmъ, убѣжденный, что если не по лицу, то по платью они его припомнятъ (Новаковскій имѣетъ черную баранью шубу, съ большимъ откладнымъ воротникомъ, длиннорунную и покрытую свѣтло-сѣрымъ сукномъ). Во второмъ показаніи Новаковскій добавилъ, что отъ жены слышалъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, о предполагавшейся въ Исаакіевскомъ соборѣ панихидѣ объ убитыхъ въ Сербіи; говорили, что тамъ будутъ и профессора, и военные и будутъ требовать войны, но эта панихида не состоялась. 5-го декабря жена, при квартирномъ хозяинѣ Ивановѣ и подмастерьѣ его Петровскомъ, сообщила о такой же панихидѣ, назначенной на 6-е декабря въ Казанскомъ соборѣ; вная, что первая не состоялась, онъ считалъ разговоръ жены пустою болтовнею. Спрошенные, по указанію Новаковского, свидѣтели Ивановъ и Петровскій заявили, что при нихъ Софья Новаковская не говорила мужу о предполагавшейся на 6-е декабря панихидѣ; Копилевичъ же (сестра Новаковской) удостовѣрила, что еще до 5-го декабря слышала, что въ Казанскомъ соборѣ готовится какая то торжественная служба, о чемъ, между прочимъ, говорилъ ей 5-го декабря Виленецъ, сожитель Гуровича, и Шефтель. Городовой Москвинъ, бляха № 131, показалъ, что съ Новаковскимъ 6-го декабря вовсе не разговаривалъ, а напоминаетъ, какъ его вѣли въ участокъ; городской Малковъ, бляха № 180, 6-го декабря былъ въ нарядѣ у церкви св. Николы Морскаго и около Казанскаго собора находится не могъ. Свидѣтели Васильевъ и Ивановъ видѣли Новаковского въ толпѣ, производившей безпорядки. Жена обвиняемаго Новаковского, Софья, показала, что 6-го декабря вмѣстѣ съ мужемъ пришла въ Казанскій соборъ, но тамъ, за тѣсною, разошлась съ нимъ. Простоявъ въ церкви съ часъ, она вышла на площадь, гдѣ нашла мужа и перебѣжала съ нимъ во время свалки на Невскій; впоследствии они опять подходили къ собору, чтобы разузнать о происшедшемъ, но были задержаны. Не помнитъ, отъ Гуровича или кого другаго, но она слыхала о панихидѣ, назначенной на 6-е декабря въ Казанскомъ соборѣ. Цѣль этой панихиды была молитва по убитымъ въ Сербіи; Шефтель знаетъ, но мало; Гуровича, кажется, видѣла въ соборѣ. Обвиняемый Евгеній Константиновъ Бочаровъ, прїѣхавшій въ Петербургъ въ августѣ 1875 г. съ тѣмъ, чтобы поступить въ технологическій институтъ, проходилъ мимо Казанской площади, увидѣлъ безпорядокъ и былъ задержанъ безъ всякой причины. Онъ слышалъ о панихидѣ въ Казанскомъ соборѣ, но не знаетъ, о комъ она должна была быть отслужена, и не помнитъ, отъ кого получилъ это извѣстіе; шель изъ дому (Обуховскій проспектъ, домъ Шольца) безъ всякой опредѣленной цѣли и заходяще посмотрѣть готовальню въ магазинъ Рихтера, хотя денегъ при себѣ не имѣлъ. Показаніе это опровергается объясненіями сви-

дѣтелей Лаврентьева и Молодыхъ, удостовѣрившихъ, что Бочаровъ пошелъ въ Казанскій соборъ, и заявленіями Москвина, Кубова, Иванова и Богданова, признающихъ Бочарова за личность, участвовавшую въ безпорядкѣ 6-го декабря и отбивавшую Шефтель. Привлеченный къ дознанію мѣщанинъ города Корчевы, Тверской губерніи, Александръ Ивановъ Морошкинъ, по ремеслу слесарь, но нигдѣ не работающій, заявилъ, что 6 декабря отправился утромъ къ знакомой Амаліи Александровнѣ, фамилии которой не знаетъ, проживающей по Казанской улицѣ въ домѣ, номеръ котораго ему неизвѣстенъ; за симъ зашелъ къ товарищу Карльсону, выйдя отъ котораго на Екатерининскій каналъ, попалъ въ свалку около Казанскаго собора; видѣлъ красный флагъ и былъ арестованъ неизвѣстными ему лицами. Провѣренныя свидѣтельскими показаніями объясненія Морошкина опровергнуты; къ братьямъ Карльсонамъ пришелъ онъ рано утромъ, когда они только встали, и уходя заявилъ, что идетъ въ Казанскій соборъ. По словамъ квартирной хозяйки Морошкина, Мальдиной, онъ переѣхалъ отъ нея въ началѣ декабря и просилъ выписать его за городъ. Купеческій сынъ Николай Яковлевъ Фалинъ, прибывшій въ Петербургъ, по его объявленіямъ, изъ Москвы 30 ноября, оказался арестованнымъ за безпорядки на Казанской площади. Пошелъ онъ, по его словамъ, утромъ 6 декабря изъ дому (Измайловскій проспектъ, домъ № 17) купить фуражку, увидѣлъ у Казанскаго собора драку и началъ останавливать городского, бившаго кого-то; публика арестовала его, Фалина, за это вмѣшательство; его били, и онъ потерялъ при этомъ фуражку и 5 рублей. Лѣто 1876 года провелъ въ Крыму. У него былъ произведенъ обыскъ въ 1873 году по поводу знакомства его съ государственнымъ преступникомъ Чиковымъ, а въ началѣ 1876 года онъ былъ задержанъ при обыскѣ у обвинявшагося тоже въ государственномъ преступленіи Дьяконова, у котораго жилъ, пріѣхавъ изъ-за границы по вызову правительства. Квартирная хозяйка Фалина, Гро-Греванъ, знающая прошлое его, передаетъ разсказъ обвиняемаго о томъ, что онъ пріѣхалъ не изъ Москвы, а изъ-за границы. Она, намекая на прежнюю прикосновенность Фалина къ государственнымъ преступленіямъ, говорила ему: «что же, по старому будетъ съ вами?»—но онъ возражалъ и увѣрялъ, что будетъ жить теперь смирно. Кромѣ того, изъ показаній той же Гро-Греванъ и технолога Георгіевскаго, у котораго въ комнатѣ жилъ Фалинъ, видно, что онъ ушелъ изъ дому не 6, а 5 декабря, и съ того времени неизвѣстно имъ, гдѣ находился. Фалинъ признанъ за участника въ безпорядкѣ свидѣтелями Есипенко, Трещовымъ и Субботинымъ. Далѣе привлечены къ дѣлу Иванъ Антоновъ Гервасій и Александръ Николаевъ Бибергаль, окончившіе курсъ въ керченской гимназіи, состоящіе студентами медико-хирургической академіи и проживающіе на одной квартирѣ (Таврическая, № 19). Оба они, по ихъ объясненіямъ, утромъ 6 декабря отправились разновременно на Васильевскій островъ: первый—въ патріотическій институтъ провѣдать племянницу, второй—узнать адресъ стариннаго знакомаго своего, студента с.-петербургскаго университета, юриста Лейбовича, съ которымъ, живя въ Петербургѣ 3 года, не видѣлся давно. Побудительною причиною, какъ говоритъ Бибергаль, заставившею его разыскать Лейбовича, было то, что лѣтъ 6—7 тому назадъ онъ выдалъ въ Керчи портному вексель въ 26 руб., который хотя и не предъявленъ ко взысканію, но безпокоилъ его именно 6 декабря, такъ какъ онъ надѣялся получить стипендію и, слѣдовательно, имѣлъ въ виду расплатиться съ этимъ долгомъ. Несмотря на то, что оба обвиняемые изъ одной квартиры шли въ одну и ту же мѣстность, на Васильевскій островъ, оба попали на Казанскую площадь, но разными путями. Гервасій шелъ по Невскому, а Бибергаль по набережной, перешелъ Неву и, подойдя къ зданію университета, узналъ отъ какого-то неизвѣстнаго чело-

вѣка, встрѣченнаго имъ на улицѣ, что Лейбовичъ окончилъ курсъ и, слѣдовательно, адреса его въ университетѣ нѣтъ. Тогда Бибергаль, возвращаясь домой, на Таврическую улицу, пошелъ на Николаевскій мостъ и затѣмъ на Невскій, гдѣ у Казанскаго собора задержанъ въ то время, когда хотѣлъ обойти дравшихся. Гервасій же, по его словамъ, задержанъ при слѣдующей обстановкѣ: когда онъ проходилъ мимо сопротивлявшихся полиціи, то съ него сняли шляпу, надѣли чужую шапку и накинули на плечи чужой клѣтчатый пледъ; его въ такомъ видѣ арестовали, вѣроятно, по ошибкѣ. О всемъ этомъ онъ тотчасъ же заявилъ въ участкѣ; шапки же при немъ даже чужой не оказалось. Оба обвиняемые признаны за дравшихся въ толпѣ, а Гервасій, кромѣ того, и за махавшаго краснымъ флагомъ, свидѣтелями Ритчеромъ, Успенскимъ, Трещовымъ, Кашинцовымъ, Кубовымъ, Ивановымъ и Сидоровымъ. Студентъ института инженеровъ путей сообщенія Василій Семеновъ Надеждинъ, по его показанію, шелъ изъ музея академіи наукъ въ столовую для нуждающихся воспитанниковъ института; замѣтивъ толпу, онъ обратился съ разспросами къ товарищу своему Влезкову, стоявшему на Невскомъ. Городовой, находившійся вблизи, арестоваль при этомъ обвиняемаго. Влезковъ, разысканный въ С.-Петербургѣ лишь по окончаніи дознанія, объяснилъ, что проходилъ 6 декабря по Казанской площади въ половинѣ второго часа пополудни, остановился разспросить о происшествіи, и въ это время подошелъ къ нему студентъ института, фамиліи котораго не зналъ, и былъ задержанъ на его, свидѣтеля, глазахъ штабсъ-офицеромъ, но за что, не знаетъ. На другой день Влезковъ узналъ, что арестованный — Надеждинъ. Свидѣтели Успенскій и Васильевъ признали Надеждина: первый — за личность, наносившую ему 6 декабря 1876 года удары, а второй — за участвовавшаго въ безпорядкѣ. Обвиняемый сынъ протодіакона Смоленскаго собора Михаилъ Михайловъ Чернавскій, прибывшій въ Петербургъ 19 сентября для отбыванія воинской повинности и ничѣмъ опредѣленнымъ не занимающійся, и купеческій сынъ Семень Львовъ Геллеръ, привлекавшійся къ дѣлу о безпорядкѣ при объявленіи приговора государственнымъ преступникамъ Плотникову и Панину, ѣздившій въ Сербію въ качествѣ добровольца и вернувшійся лишь двѣ недѣли тому назадъ, не признали себя виновными въ участіи въ демонстраціи и сопротивленіи власти, произведенныхъ на Казанской площади 6 декабря. По словамъ Чернавскаго, проживающаго на Сытнорыночной улицѣ, на Петербургской сторонѣ, онъ въ 12 часовъ утра вышелъ изъ своей квартиры, отправился на Васильевскій островъ въ кухмистерскую великой княгини Елены Павловны, гдѣ пробылъ три четверти часа, торопясь въ публичную библіотеку. На площади былъ задержанъ публикою, кричавшею: «студенты бунтуютъ». По словамъ квартирной хозяйки Чернавскаго, Роговой, онъ вышелъ изъ дому не въ 12, а въ десять часовъ утра. Геллеръ, по его объясненію, 5 декабря услышалъ отъ неизвѣстной ему личности о чемъ-то готовившемся въ Казанскомъ соборѣ. 6 декабря, отправившись въ церковь, онъ тамъ уже узналъ, что предполагается отслужить панихиду по умершимъ въ домѣ предварительнаго заключенія политическимъ арестантамъ. Былъ арестованъ за то, что заступился за какую-то женщину, которую билъ кто-то изъ публики. Происходившаго на площади не видѣлъ и назвать личность, сообщившую ему о предполагавшейся въ Казанскомъ соборѣ демонстраціи, не пожелалъ. Свидѣтели: Ефимовъ, Сидоровъ, Богдановъ и Трещовъ признали Геллера и Чернавскаго за участниковъ безпорядка, причемъ Сидоровъ указалъ на Чернавскаго, какъ на перваго бросившагося изъ толпы на городского. Ученикъ Императорскій академіи художествъ, сынъ священника Илья Родіоновъ Поповъ, на допросѣ заявилъ, что онъ агентъ управляющаго секретнымъ отдѣленіемъ градоначальника Колышкина и подалъ ему, послѣ ареста, заявле-

ніе, прося освободить изъ-подъ стражи. Поповъ разсказываетъ о задержаніи своемъ слѣдующее: 5 декабря, вечеромъ, онъ услышалъ отъ знакомой Метелицыной, что на завтра готовится въ Казанскомъ соборѣ нѣчто новое, революціонное. Желая оказать услугу Колышкину, онъ отправился на сборище, взявъ съ собою свою сожительницу, изъ боязни быть побитымъ, такъ какъ студенты знаютъ его за агента. Видѣлъ онъ слѣдующее: въ толпѣ студентовъ, вышедшихъ изъ церкви, произнесъ рѣчь какой-то неизвѣстный ему блондинъ. Онъ говорилъ о Чернышевскомъ, несправедливо посланномъ правительствомъ; упоминалъ, что, благодаря подобной мѣрѣ, революціонное дѣло тормозится, тогда какъ Чернышевскій могъ бы подвинуть его впередъ на нѣсколько лѣтъ. Дальнѣйшія подробности происшествія Поповъ разсказываетъ согласно съ обстоятельствами, приведенными въ началѣ обвинительнаго акта и установленными показаніями свидѣтелей. Арестъ обвиняемаго, по его словамъ, произошелъ тогда, когда онъ намѣревался отправиться къ Колышкину, съ тѣмъ, чтобы сообщить ему о происшествіи. Поповъ признанъ свидѣтелями Ефимовымъ и Кубовымъ за участника въ безпорядкѣ 6 декабря. По словамъ квартирной хозяйки, Ефимовой, Поповъ жилъ у нея съ 1 декабря безъ прописки. Показанія остальныхъ обвиняемыхъ мужчинъ, слесарей: Матвѣя Григорьева, Василя Яковлева Иванова (онъ же Савельевъ), Григорія Игнатьева Громова и Василя Тимофеева, сводятся къ слѣдующему. Всѣ они, кромѣ послѣднго, безъ работы; Ивановъ и Громовъ, кромѣ того, проживали безъ прописки. Григорьевъ, живущій на Невѣ, по перевозной набережной, 6 декабря вздумалъ пойти на заводъ Нобеля, по ту сторону рѣки, на Выборгской сторонѣ, а попалъ на Казанскую площадь; другой дороги онъ не знаетъ. На площади ничего, кромѣ драки, не видѣлъ. Громовъ, ночевавшій, по его словамъ, на 6 декабря на Петербургской сторонѣ, желая пройти на Исаакіевскую площадь, вышелъ прямо къ Казанскому собору, простоялъ обѣдню и молебенъ, вышелъ на площадь и ничего не видѣлъ и не слышалъ, такъ какъ не имѣетъ обыкновенія обращаться. На него напали сзади и арестовали. Тимофеевъ, проживающій за Невскою заставой, пошелъ 6 декабря, часу въ 12-мъ, на заводъ Берда, хотя знакомыхъ у него тамъ нѣтъ, но онъ надѣялся все-таки найти кого-нибудь изъ земляковъ. Когда онъ проходилъ по Малой Конюшенной, то былъ задержанъ и доставленъ въ участокъ. Шелъ все время одинъ. Ивановъ оказался носящимъ фамилію Савельева, а не Иванова; онъ утромъ, вмѣстѣ съ знакомымъ Крутиковымъ, ночевавшимъ будто бы у него на новой квартирѣ, на Петербургской сторонѣ, вышелъ изъ дому, заходилъ въ трактиръ на Васильевскомъ островѣ, наконецъ, во время драки попалъ на уголъ Малой Конюшенной и Невскаго; здѣсь его кто-то избилъ, напавъ сзади; ничего происходившаго не видѣлъ и нанесенными побоями доведенъ былъ до безпамятства. По провѣркѣ этого объясненія обнаружено, что самъ Савельевъ (онъ же Ивановъ) ночевалъ не дома, а у слесаря Городничаго (на Петербургской сторонѣ), знакомаго Крутикова, которому утромъ, уходя, Савельевъ сказалъ, что идетъ въ городъ. Свидѣтели Успенскій, Васильевъ, Москвинъ и Есиленко видѣли Григорьева, Громова и Савельева (Иванова) въ толпѣ молодежи, сопротивлявшейся полиціи; Тимофеевъ же задержанъ чиновникомъ полиціи Васильевымъ на Малой Конюшенной, по указанію какого-то офицера, какъ участникъ безпорядка. Вслѣдъ за задержаніемъ Тимофеева былъ представленъ чиновнику Васильеву поднятый тутъ же на улицѣ чугунный наручникъ. Задержанныя 6-го декабря на площади Казанскаго собора дочь чиновника, не имѣющая занятій, и недавно освобожденная изъ-подъ стражи по дѣлу о распространеніи запрещенныхъ сочиненій, Лидія Васильева Николаевская и слушательница медицинскихъ курсовъ Варвара Константинова Ильшаненко объяснили, что

отправились вмѣстѣ покупать особо прочную и дешевую обувь въ одну изъ улицъ за Казанскимъ соборомъ въ магазинъ, о которомъ знали лишь по слухамъ. Задержаны онѣ были безъ всякаго повода около лавокъ Милютина и доставлены въ участокъ. Последняя обвиняемая, дочь майора Софья Андреева Иванова, привлеченная въ Москвѣ по обвиненію въ государственномъ преступленіи, состоящая на порукахъ, проживала въ Петербургѣ безъ опредѣленныхъ занятій и безъ прописки; огправилась она, по ея словамъ, въ Казанскій соборъ помолиться, не зная о предполагавшейся демонстраціи, затѣмъ по окончаніи литургіи, выйдя на площадь, была задержана по ошибкѣ. Между тѣмъ, Николаевская, Ильяшенко и Иванова признаны за участницъ въ безпорядкѣ свидѣтелями Успенскимъ, Васильевымъ, Ефимовымъ, Ивановымъ и Сидоровымъ. Относительно же Ивановой дочь унтеръ-офицера Ольга Щукина показала, что наканунѣ происшествія на Казанской площади Иванова ночевала у нея и вмѣстѣ съ нею отправилась въ соборъ, зная, что тамъ предполагается панихида по умершимъ въ домѣ предварительнаго заключенія политическимъ арестантамъ. Въ отношеніи обвиняемаго Александра Бибергалья выясняется по дѣлу еще одно обвиненіе. Во время охраненія полиціею имущества его послѣ ареста обнаружено, между другими бумагами, стихотвореніе, писанное рукою Бибергалья и съ поправками, сдѣланными, повидимому, имъ же. Содержаніе этого стихотворенія отличается явно возмутительнымъ содержаніемъ. Въ немъ говорится о рабочихъ, возвращающихся послѣ трудовъ на родину, гдѣ ожидаетъ ихъ все старая бѣдность и больныя въ отрѣпьяхъ дѣти. Одинъ изъ числа пришедшихъ, обращаясь къ товарищамъ, говорить: пора перестать работать на враговъ, бояръ и поповъ, пора рабочей семьѣ соединиться и перестать кормить своихъ злодѣевъ. Бибергаль призналъ, что стихи списаны имъ «ради курьеза», но не сочинены, и онъ ихъ никому не показывалъ. Поправки въ нихъ его рукою—сдѣланы, можетъ быть, для исправленія слога. 1. Посему обвиняются—студенты медико-хирургической академіи: Иванъ Антоновъ Гервасій, Александръ Николаевъ Бибергаль, Яковъ Ефимовъ Гуровичъ; студентъ института инженеровъ путей сообщенія Василій Семеновъ Надеждинъ; личные почетные граждане: Архипъ Петровъ Боголюбовъ, Евгенийъ Константиновъ Бочаровъ, Михаилъ Михайловъ Чернавскій, Григорій Игнатьевъ Громовъ; ученикъ Императорской академіи художествъ Илья Родіоновъ Поповъ; сыновья купцовъ: Николай Яковлевъ Фалинъ и Семень Львовъ Геллеръ; мѣщане: Ефимъ Захаровъ Новаковскій, Василій Яковлевъ Ивановъ (онъ же Савельевъ) и Александръ Ивановъ Морошкинъ; крестьяне: Тверской губерніи, Старицкаго уѣзда, дер. Казнакова, Яковъ Семеновъ Поталовъ, Новгородской губерніи, Боровичскаго уѣзда, Василій Тимофеевъ и Ярославской губерніи, Мышкинскаго уѣзда, дер. Голуханова, Матвѣй Григорьевъ; дочь дворянина Варвара Константинова Ильяшенко, дочь чиновника Лидія Васильева Николаевская, дочь майора Софья Андреева Иванова и дочь купца, еврейка Фелиція Исакова Шефтель—въ томъ, что 6-го декабря 1876 года, по окончаніи богослуженія въ Казанскомъ соборѣ, въ который они собрались вслѣдствіе распространившихся между ними свѣдѣній о готовившемся на это число выраженіи враждебныхъ правительству мнѣній, выйдя съ другими не разысканными лицами на площадь, образовали изъ себя толпу, слушали произносившуюся изъ среды ихъ рѣчь, направленную къ порицанію установленнаго законами государственнаго порядка и образа правленія, выражали сочувствіе этой рѣчи громкими криками и знаками одобренія, поднимали красный флагъ съ революціоннымъ воззваніемъ «земля и воля», а затѣмъ толпою же, получившею вслѣдствіе вышеизложеннаго, характеръ явно возмутительнаго дѣйствія, двинулись отъ собора по площади, чѣмъ и

сдѣлались участниками преступленія, предусмотрѣннаго 2-мъ отдѣломъ 252 ст. улож. о наказ. 2. Всѣ поименованныя въ пунктѣ 1-мъ лица обвиняются еще и въ томъ, что во время совершенія преступленія, изложеннаго выше, оказали явное, соединенное съ насиліемъ, сопротивленіе полицейской власти, которая съ помощью частныхъ лицъ приступила къ прекращенію описаннаго противозаконнаго дѣянія и къ задержанію виновныхъ въ немъ лицъ, причемъ изъ числа ихъ: 3. Обвиняемые Гервасій, Бибергаль, Боголюбовъ, Бочаровъ, Надеждинъ, Чернавскій и Фейга Шефтель непосредственно участвовали въ сопротивленіи, нанося удары чинамъ полиціи и помогавшимъ имъ частнымъ лицамъ и отбивая арестованныхъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 262, 264, 266 и 12 улож. о наказ. 4. Личный почетный гражданинъ Архипъ Петровъ Боголюбовъ обвиняется еще и въ томъ, что 6-го декабря 1876 года, въ помѣщеніи 1-го участка Казанской части, сопротивляясь полицейскимъ служителямъ во время обыска, умышленно посягнулъ на жизнь служителя Клибика, спустивъ курокъ заряженнаго револьвера, направленнаго въ означеннаго Клибика, причемъ выстрѣла не послѣдовало по независившимъ отъ него, Боголюбова, обстоятельствамъ, т. е. въ преступленіи, поименованномъ въ ст. 9 и 1 ч. 1.455 улож. о наказ., по прод. 1872 г. 5. Студентъ медико-хирургической академіи Александръ Николаевъ Бибергаль обвиняется, кромѣ поименованнаго въ 1, 2 и 3 пп., еще и въ томъ, что составилъ стихи возмутительнаго содержанія, не распространяя ихъ, что соотвѣтствуетъ преступленію, предусмотрѣнному 3 ч. 251 ст. улож. о наказ. Въ виду всего изложеннаго, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 17-й день декабря 1876 года и ст. 2 п. 2, 12 п. б, 13 и 14 Высочайше утвержденныхъ, 7-го іюня 1872 года, правилъ о судопроизводствѣ по государственнымъ преступленіямъ, поименованные выше обвиняемые, въ числѣ двадцати одного человѣка, предаются суду особаго присутствія Правительствующаго Сената.

По прочтеніи обвинительнаго акта первоприсутствующій предложилъ подсудимому Боголюбову вопросъ: признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ томъ, что 6-го декабря 1876 года намѣренно принялъ участіе въ дѣйствіяхъ толпы на площади предъ Казанскимъ соборомъ, собравшейся съ цѣлью дерзостаго порицанія установленнаго государственнаго устройства и порядка, каковая цѣль и была выражена произнесеніемъ рѣчи, криками одобренія и выставленіемъ флага съ надписью: «земля и воля»? Подсуд. Боголюбовъ. Намѣреніе имѣлъ, но тамъ я не присутствовалъ. Первоприсутствующій спросилъ, признаетъ ли себя подсудимый виновнымъ въ сопротивленіи, соединенномъ съ насиліемъ чинамъ полиціи? Подс. Боголюбовъ. Первое мое показаніе отрицаетъ второе. На вопросъ о виновности въ посягательствѣ на жизнь полицейскаго служителя Клибика подсудимый отвѣчалъ отрицательно. Затѣмъ первоприсутствующій предложилъ каждому изъ подсудимыхъ вопросы о виновности: во-первыхъ, въ намѣренномъ участіи въ дѣйствіяхъ толпы, и, во-вторыхъ, въ сопротивленіи полицейской власти. Подсудимые отвѣчали: Подс. Гервасій (на оба вопроса). Не признаю. Подс. Бочаровъ. Я не признаю себя виновнымъ ни въ чемъ. Подс. Надеждинъ. Я невиновенъ. Подс. Чернавскій. Признаю себя виновнымъ въ томъ, что рѣшилъ присутствовать на панихидѣ по политическимъ преступникамъ и тѣмъ почтить ихъ память. Въ сопротивленіи полицейской власти участвовалъ, но удара не удалось нанести. Я хотѣлъ нанести ударъ околоточному надзирателю, но онъ уклонился. Первоприсутствующій. Не припомните ли, въ какомъ мѣстѣ площади это было? Подс. Чернавскій. Не помню.—В. Ближе къ Казанскому мосту или въ другомъ мѣстѣ?—О. Вся площадь не велика; не могу указать.—В. Вы тамъ были одни?—О. Я былъ въ толпѣ.—В. Знакомые были?—О. Нѣкоторые бы-

ли знакомые; тѣ, которые говорили, что будетъ слушаться панихида.— В. Вы присутствовали при произнесеніи рѣчи?—О. Присутствовалъ.—В. Содержаніе ея слышали?—О. Слышала, но въ ней не содержалось порицанія государственному порядку, а содержалось выраженіе сочувствія Чернышевскому и другимъ арестованнымъ по политическимъ дѣламъ. Такъ какъ панихиду не удалось отслужить, потому что это былъ царскій день, то служили молебень за здоровье арестованныхъ.—В. Послѣ рѣчи вскидывали флагъ?—О. Да.—В. Онъ былъ на древкѣ или нѣтъ?—О. Нѣтъ, поднимали молодого человѣка въ полушубкѣ, который держалъ флагъ.—В. Вы замѣтили въ лицо этого молодого человѣка?—О. Нѣтъ.—В. Крики одобренія, рѣчи были?—О. Да. На вопросъ о виновности въ намѣренномъ участіи въ толпѣ подсудимая Шефтель отвѣчала: да. Первоприсутствующій. Вы обвиняетесь въ томъ, что, идя впереди толпы, вы говорили: «за мною, впередъ». Признаете ли себя въ этомъ виновною?—Подсуд. Шефтель. Нѣтъ. В. Въ соборѣ были?—О. Была.—В. Когда оттуда вышли, куда отправились—на площадь?—О. Да.—В. Слышали рѣчь?—О. Слышала.—В. Содержаніе ея помните?—О. Да, помню. Я въ своихъ показаніяхъ говорила, что въ рѣчи говорилось о Чернышевскомъ и о сосланныхъ вообще, что много людей ссылаютъ и самыхъ лучшихъ людей.—В. Когда явилась полиція и стала прекращать беспорядокъ, вы сопротивлялись?—О. Можетъ быть.—В. Вы лично никому не нанесли ударовъ?—О. Не помню.—В. Вы однѣ были тамъ?—О. Да, я пришла одна.—В. Знакомыхъ не было тамъ?—О. Нѣтъ, нѣкоторые были.—В. Гдѣ же вы ихъ встрѣтили?—О. Въ соборѣ и на площади.—В. Можете кого-нибудь назвать?—О. Нѣтъ, не желаю. На вопросъ о намѣренномъ участіи въ толпѣ, подсудимый Бибергаль отвѣтилъ: я желаю, чтобы обстоятельства дѣла такъ выяснились. На вопросъ о виновности въ сопротивленіи полиціи, подсудимый отвѣчалъ: это я совершенно отрицаю. Первоприсутствующій. Вы обвиняетесь еще въ томъ, что составили найденное въ вашихъ бумагахъ вами писанное исправленное стихотвореніе, направленное къ возбужденію бунта и явнаго неповиновенія власти верховной.—Подс. Бибергаль. Это обстоятельство я считаю столь малозначительнымъ, что даже возражать не желаю. Слѣдующіе подсудимые, на вопросы о виновности въ намѣренномъ участіи въ толпѣ и въ сопротивленіи полиціи, отвѣчали: Подс. Гуровичъ. Нѣтъ, не признаю.—Подс. Громовъ (на первый вопросъ). Нѣтъ. (На второй.) Это совершенно ложно.—Подс. Поповъ. Я признаю, что я былъ свидѣтелемъ беспорядка, но лично участія не принималъ. Сопротивленія совершенно никакого не оказывалъ.—Подс. Фалинъ (на первый вопросъ). Нѣтъ, я себя не признаю виновнымъ. (На второй.) Мнѣ кажется это страннымъ. Мое сопротивленіе заключалось въ томъ, что меня полиція била. Подс. Геллеръ (на первый вопросъ). Нѣтъ, не признаю. (На второй.) Мнѣ не приходилось сталкиваться на площади съ полиціей, чтобы оказывать ей сопротивленіе.—Подс. Новаковскій, Ивановъ (Савельевъ) и Морошкинъ на оба вопроса отвѣчали отрицательно.—Подс. Потаповъ (на первый вопросъ). Нѣтъ.—Первоприсутствующій. Вы же признаете себя виновнымъ въ томъ, что васъ поднимали и вы развѣтывали флагъ?—Подс. Потаповъ. Меня не подымали и я не развѣтывалъ флага. На вопросъ о сопротивленіи полиціи, подсудимый отвѣчалъ: совершенно нѣтъ. Въ обвинительномъ актѣ не показано, чтобы я тамъ дѣлалъ беспорядки.—Подс. Тимофеевъ (на первый вопросъ). Не могу признать себя виновнымъ, потому что я не былъ въ то время. (На второй.) Въ сопротивленіи я участія не принималъ, а меня въ участкѣ околочный надзиратель билъ. Подс. Григорьевъ, Ильяшенко, Николаевская и Иванова на оба вопроса отвѣчали отрицательно. Послѣ краткаго перерыва были опрошены и приведены къ

присягѣ свидѣтели, а за симъ начался ихъ допросъ. Свид. Гуковъ на вопросъ первоприсутствующаго показалъ: 6-го декабря я пришелъ въ церковь; это было передъ херувимской. Сначала я ничего не замѣтилъ, но потомъ увидалъ, что изъ окружающихъ меня никто не крестился. Это меня взволновало, я осматрѣлся и вижу, что тутъ все не русскіе типы, а большею частью польскіе и еврейскіе. Затѣмъ они начали между собою шептаться и вообще вели себя довольно неприлично, т. е. не такъ, какъ подобаетъ въ церкви. Послѣ обѣдни я подошелъ къ помощнику церковнаго старосты и спросилъ изъ любопытства: что это за посѣтители такіе, которыхъ я не привыкъ встрѣчать въ соборѣ? Онъ говоритъ, что это, можетъ быть, пришли иностранцы, которые часто бываютъ, чтобы посмотреть на соборъ. Я замѣтилъ, что они очень неприлично ведутъ себя. Г. Рубатовскій (помощникъ старосты) сказалъ мнѣ: «что же, вы хотите учить ихъ?» Я отвѣтилъ: слѣдовало бы нѣкоторыхъ. «Что же они такое дѣлаютъ?» спросилъ онъ. Я говорю, что, между прочимъ, видѣлъ, что когда была передана свѣчка поставить къ образу, то молодой мужчина и дѣвица съ этою свѣчкою неприлично обращались, какъ будто хотѣли бросить ее или смять, вообще, не хотѣли передать ее. Затѣмъ, послѣ второго молебна, я вышелъ изъ собора и отправился домой. Когда я выходилъ изъ церкви, гдѣ я стоялъ при входѣ перваго придѣла, молодые люди пошли внутрь собора.—Тов. прокурора. Они отличались чѣмъ-либо отъ другихъ молящихся по своему внѣшнему виду?—Подс. Гуковъ. Нужно было полагать по костюмамъ, что это была учащаяся молодежь.—В. Какъ они стояли?—О. Ихъ было очень много, приблизительно я могъ видѣть человекъ сто. Они стояли почти сплошь, а я былъ въ серединѣ. Прис. пов. Бардовскій. Когда кончился второй молебенъ?—Подс. Гуковъ. Я въ половинѣ втораго пришелъ домой, а до дому мнѣ минуты двѣ ходьбы.—В. Не замѣтили ли вотъ этихъ двухъ (Боголюбова и Гервасія)?—О. Нѣтъ.—В. День былъ морозный?—О. Нѣтъ.—В. Не покрывалось ли лицо инеемъ, если пробыть на воздухѣ $\frac{1}{4}$ часа?—О. Не думаю. Прис. пов. Гантоверъ. Вы не были въ то время, когда около собора флагъ выкидывали?—Свид. Гуковъ. Нѣтъ.—Прис. пов. Полуянскій. Вы сказали, что замѣтили польскіе типы: какіе это и чѣмъ они отличаются?—Свид. Гуковъ. Вообще они выдаются отъ русскихъ.—В. Есть ли вотъ изъ всѣхъ этихъ подсудимыхъ польскіе типы?—Нѣтъ, тутъ больше русскіе.—На вопросъ прис. пов. Неклюдова свидѣтель показалъ, что неприличное поведеніе молодыхъ людей въ соборѣ выразилось тѣмъ, что они говорили, смѣялись и переходили съ мѣста на мѣсто; говорили на польскомъ языкѣ. На вопросъ прис. пов. Каміонко свидѣтель показалъ, что обращеніе со свѣчкою онъ понималъ, какъ неуваженіе; было ли это незнаніе, что съ нею дѣлать, свидѣтель сказать не можетъ. Прис. пов. Буймистровъ. Молодую дѣвушку, взявшую свѣчку, вы не признаете изъ здѣсь сидящихъ?—Свид. Гуковъ. Нѣтъ.—На вопросъ прис. пов. Ольхина о томъ, почему свидѣтель полагаетъ, что это была учащаяся молодежь, послѣдній отвѣчалъ: у нихъ принято большею частью одѣваться въ пледы, что въ обыкновенномъ человекѣ рѣдко встрѣтишь, и притомъ извѣстно, что въ медико-хирургической академіи большею частью еврейскіе типы, но можетъ быть я и ошибаюсь. Свид. Рубатовскій на вопросъ первоприсутствующаго показалъ: Въ концѣ обѣдни 6-го декабря ко мнѣ подошелъ г. Гуковъ и сказалъ: «что это у васъ такъ много студентовъ въ соборѣ?» Я пошелъ посмотреть и, дѣйствительно, увидѣлъ, что ихъ много было. Я вышелъ изъ церкви, позвалъ городского и просилъ его сообщить полиціи. Вернувшись въ соборъ, я сталъ за выручку. Когда всѣ вышли изъ собора, я заперъ сундукъ и также вышелъ. На площади у портика я увидѣлъ толпу, среди которой говорились какія то слова, которыхъ не припомню. Затѣмъ под-

няли какого то мальчика въ полушубкѣ и кричали «ура». Потомъ отъ собора толпа пошла по направленію къ памятнику Кутузова. Тов. прок. Потрудитесь разсказать подробнѣе, что вамъ передавалъ г. Гуковъ?—Свид. Рубатовскій. Онъ сказалъ: «что это много у васъ студентовъ—не думаютъ ли они что-нибудь сдѣлать: не демонстрація ли какая?» Потомъ разсказалъ, что они неприлично себя держали, мѣшали другимъ молиться.—В. Гдѣ находилась толпа, когда вы ходили смотрѣть?—О. Они ходили по собору между царскимъ мѣстомъ и каедрю.—В. Не припомните ли при этомъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя обратили на себя ваше вниманіе?—О. Они разговаривали между собою. Одинъ вынималъ книжечку и дѣлалъ какія то отмѣтки.—В. Почему вы заявили городовому?—О. Я хотѣлъ предупредить, чтобы не случилось чего-нибудь.—В. Что же вы предполагали?—О. Меня удивило, что такъ много собралось, чего никогда не случалось.—В. Когда вы вернулись въ церковь, что дѣлали молодые люди?—О. Также ходили толпою и потомъ вышли.—В. Много лицъ оставалось въ соборѣ публики?—О. Послѣ общаго молебна многіе вышли, такъ что въ соборѣ было просторно.—В. Какимъ числомъ вы можете опредѣлить толпу молодыхъ людей и публику, оставшуюся въ соборѣ?—О. Всѣхъ было человѣкъ 200 или 300.—В. Сколько времени прошло отъ того, когда толпа вышла изъ церкви и когда вы вышли?—О. Я почти слѣдомъ шель.—В. На площади уже стояла толпа?—О. Да.—В. Она стояла отдѣльно отъ зрителей?—О. Отдѣльно. Зрители кучками окружали ее, но между ними и толпою было свободное пространство.—В. Съ какого мѣста вы наблюдали?—О. Съ портика, такъ что мнѣ хорошо все видно было.—В. Не припомните ли содержанія рѣчи, которая тамъ произносилась?—О. Всю рѣчь мнѣ не было слышно. Я слышалъ только нѣкоторыя слова, что народъ русскій—хорошій народъ, что продается послѣдняя корова и послѣдняя лошадь.—В. Не упоминались ли какія-нибудь имена?—О. Не слышалъ.—В. По окончаніи рѣчи что было?—О. Кричали «ура», и потомъ поднятъ былъ флагъ.—В. Вы видѣли этотъ флагъ?—О. Видѣлъ. Онъ красный и на немъ написано бѣлыми буквами, но что—не могъ разобрать.—В. Вы можете признать то лицо, которое держало флагъ и которое поднимало?—О. Нѣтъ, не могу.—В. Послѣ того, какъ флагъ поднимался, не говорилъ ли еще кто-нибудь?—О. Говорилъ прежде одинъ, а потомъ другой, но я не помню, чьи были тѣ слова, о которыхъ я показалъ—перваго или втораго. Затѣмъ они пошли отъ собора и остановились у памятника Кутузова; шли толпою; я слѣдовалъ за ними; въ это время раздавались свистки городовыхъ.—В. Вы видѣли, что была драка съ городовыми или съ другими лицами изъ публики?—О. Я видѣлъ, что городовые вскакивали въ толпу и сейчасъ же убѣгали оттуда.—В. Видѣли насильственныя дѣйствія городовыхъ противъ толпы?—О. Нѣтъ.—В. Гдѣ былъ прекращенъ безпорядокъ?—О. Между памятникомъ Кутузова и домомъ Лѣсникова на углу Невскаго. Тутъ толпа смѣшалась съ публикою.—В. Вы не можете удостовѣрить, что раньше этого убѣгалъ кто-нибудь изъ толпы?—Не замѣтилъ.—Прис. пов. Бардовскій. Священникъ не разсказывалъ вамъ, что въ тотъ день заказывалъ молебенъ человѣкъ, похожій на учащагося?—Свид. Рубатовскій. Нѣтъ.—В. Не было ли разговора о томъ, что кто то просилъ служить панихиду?—О. Слухъ носился, но я прашивалъ священника и онъ сказалъ, что никто не обращался.—В. Не замѣтили ли вы въ толпѣ вотъ этихъ двухъ лицъ (Боголюбова и Гервасія)?—О. Нѣтъ.—В. Далеко ли вы находились отъ говорившаго рѣчь?—О. Шаговъ 10 или 15.—В. Не разсматривали ли его лица?—О. Видѣлъ, но припомнить не могу.—В. Не замѣтили ли вы, чтобы кто-нибудь изъ толпы билъ городовыхъ?—О. Нѣтъ.—В. А не били ли городовые?—О. Тоже не видалъ.—В. Не обращался ли кто-

нибудь изъ полицейскихъ къ толпѣ съ требованіемъ разойтись?—О. Слышны были крики гороховыхъ: «расходитесь».—Прис. пов. Гантоверъ. Парень, котораго поднимали со знаменемъ, былъ въ дубленкѣ?—Свид. Рубатовскій. Въ дубленкѣ.—В. Онъ одинъ изъ всей толпы былъ въ дубленкѣ?—О. Одинъ.—В. Не признаете ли вы вотъ этого (Потапова)?—О. Въ лицо не припомню.—В. О панихидѣ вы слышали раньше или позже 7-го декабря?—О. На другой день вахтеръ собора говорилъ, что когда публика заявила, что въ церкви много студентовъ, то онъ обратился къ нимъ съ вопросомъ, и они сказали, что хотятъ панихиду служить.—Прис. пов. Полуянскій. Не слышали ли вы въ толпѣ какихъ-нибудь латинскихъ восклицаній?—Свид. Рубатовскій. Нѣтъ.—Прис. пов. Буймистровъ. Сколько времени прошло, когда толпа вышла изъ Казанскаго собора и когда вы слышали рѣчь?—Свид. Рубатовскій. Можетъ быть $\frac{1}{4}$ часа или $\frac{1}{2}$ часа.—В. Толпа отправилась къ монументу Кутузова спокойно или нѣтъ?—О. Нѣтъ, не спокойно.—В. Много ли было гороховыхъ въ то время?—О. Человѣкъ пять или шесть.—Прис. пов. Архангельскій. Въ которомъ часу вы вышли отъ обѣдни?—Свид. Рубатовскій. Въ часъ или около часу—не помню хорошо.—В. Въ толпѣ были женщины и сколько примѣрно?—О. Было три или четыре въ сборѣ. На вопросы прис. пов. Неклюдова свидѣтель показалъ, что въ сторонѣ къ Малой-Конюшенной также была толпа, но небольшая. На вопросъ, какое впечатлѣніе получилъ свидѣтель, когда видѣлъ арестованіе: забирали ли такихъ, на которыхъ указывали, или просто по наружности, т. е. такихъ, которые подходили къ типу учащейся молодежи, свидѣтель отвѣчалъ: «да, къ типу». Свидѣтель помнитъ одинъ случай: когда вели женщину, то какой то молодой человѣкъ ударилъ ведущаго, тогда его также ударили, и онъ упалъ. Его подняли за волосы и отвели въ участокъ. На вопросы прис. пов. Ольхина свидѣтель показалъ, что толпа во время рѣчи стояла тѣсною кучкою. Отдѣлялся ли кто-нибудь изъ толпы, вскакивалъ ли на портикъ храма и дѣлалъ ли какія-нибудь знаки—свидѣтель не видалъ. Свидѣтелю, по распоряженію первоприсутствующаго, былъ предъявленъ флагъ, о которомъ свидѣтель замѣтилъ, что онъ похожъ на тотъ, который онъ видѣлъ. На вопросы товарища прокурора свидѣтель показалъ: смѣшеніе публики съ толпою, т. е. общая свалка произошла между монументомъ Кутузова и домомъ Лѣсникова, ближе къ послѣднему, такъ что часть толпы заходила на Невскій и даже затрудняла движеніе. До прихода толпы къ памятнику никто не былъ задержанъ, потому что въ это время было мало полиціи. На вопросы прис. пов. Бардовскаго свидѣтель показалъ, что на древкѣ знамени никто не держалъ, но что мальчикъ, котораго поднимали, развѣтывалъ его и такъ неловко, что свидѣтель не могъ разобрать. Въ началѣ флагъ былъ брошенъ комомъ. Прис. пов. Неклюдовъ. Въ то время, когда вы слушали рѣчь, публика вокругъ толпы была многочисленнѣе ея?—Свид. Рубатовскій. Гораздо.—В. До прибытія гороховыхъ, никто изъ публики не протестовалъ противъ толпы?—О. Этого не видалъ.—В. Такъ что публика безпрепятственно позволила толпѣ итти до памятника Кутузова?—О. Безпрепятственно. (Засѣданіе было прервано до 11 часовъ утра слѣдующаго дня).

Подсудимый Гуровичъ заявилъ, что онъ избираетъ своимъ защитникомъ г. Рычкова, который и принялъ на себя защиту. Свид. Александра Товбичъ (дочь губернскаго секретаря) показала: Наканунъ 6-го декабря, вечеромъ, когда я лежала больная въ постели, ко мнѣ пришла Метелицына, которая сообщила, что на завтра что то затѣвается на Казанской площади, что объ этомъ носятся слухи. На другой день я отправилась съ Поповымъ въ церковь; пришла довольно поздно. Когда вышли изъ церкви, я увидѣла, что народъ расходится, поэтому я обратилась къ Попову и ска-

зала, что слухъ былъ, значить, ложный, что, вѣроятно, ничего не будетъ, и мы уже двинулись домой, но вдругъ я увидѣла, что собралась большая толпа народа, въ средѣ которой одинъ человекъ говорилъ рѣчь. Всей рѣчи я не могла разслушать: до меня долетали отдѣльныя фразы изъ рѣчи. Насколько помню, говорилось о народѣ, о людяхъ, которые пострадали за народъ, упоминалось имя Чернышевскаго и другихъ; говорилось, что у народа отнимаютъ послѣднюю корову и послѣднюю курицу. При этомъ было страшное волненіе въ толпѣ, стали кричать «ура», подняли какого то мальчика и бросили что то красное, кажется, флагъ съ какою-то надписью, но съ какою—я не разсмотрѣла. Потомъ толпа стала расходиться. Тутъ полиція приняла мѣры, раздались страшные свистки. Мы пошли домой, и, когда прошли мимо толпы, я сзади услышала страшный крикъ, обернулась и увидѣла сцену, на которую указала Попову: полиція и народъ напали на какого то высокаго роста мужчину, который накрытъ былъ платкомъ, и очень его били, а онъ хотѣлъ отъ нихъ уйти. Мы невольно остановились и, не разбирая кто и что, инстинктивно хотѣли защитить, но, когда мы остановились, мнѣ былъ нанесенъ ударъ въ голову, съ Попова сорвали пледъ и насъ потащили. Меня такъ сдавили за горло, что я чуть-чуть не задохлась. Я сказала: за что насъ тянуть? Мнѣ отвѣтили: «тамъ послѣ разберутъ». Поповъ хотѣлъ защищаться, но я сказала: пойдемъ безъ сопротивления. Но насъ тащили и привели въ участокъ. Все время я не отходила отъ Попова ни шагу, слѣдовательно, онъ драться отдѣльно не могъ. Тов. прокурора. Какъ вамъ объяснила Метелицына, что будетъ на площади?—Свид. Товбичъ. Она ничего не объяснила.—В. На дознаніи вы опредѣлительнѣе показали, что именно она вамъ говорила.—О. Мнѣ кажется, я сказала такъ, какъ и теперь.—В. Вы сказали, что затѣвается что то революціонное?—О. Я. не знаю.—В. Кто писалъ ваше показаніе?—О. Я сама писала, но не помню, можетъ быть, я такъ и сказала. Я до сихъ поръ не могу притти въ себя. Если я услышу дома какой-нибудь стукъ, то думаю, что я сижу въ тюрьмѣ.—В. Если бы вы не получили этихъ свѣдѣній, то все-таки пошли бы на площадь?—О. Нѣтъ. Теперь я очень сожалью, что пошла.—В. Что заставило васъ итти?—О. Просто посмотрѣть, что будетъ. Я вообще настолько занята личными своими дѣлами, что объ этомъ особенно не думала. Притомъ же я была давно больна, а тутъ мнѣ сдѣлалось легче, такъ что мнѣ хотѣлось пройтись. Поповъ сказалъ: «пойдемъ», и пошла.—В. Чего же вы ожидали на площади?—О. Сказали, что что то затѣвается.—В. Что же именно?—О. Вѣроятно, что-нибудь, я не дала себѣ отчета. Понятно, что если затѣвается что-нибудь, то или рабочіе, или кто-нибудь.—В. Почему же вы знали, что рабочіе затѣваютъ?—О. Слухомъ земля полнится. Было и по газетамъ извѣстно, какого рода бывали дѣла.—В. Значить, вы понимали такъ, что будетъ нѣчто такое, о чемъ печаталось въ газетахъ, т. е. извѣстнаго рода движеніе, за которое судятъ?—О. Я не могла предположить, чтобы что-нибудь особенное было, какая-нибудь особаго рода демонстрація, и открытой я не могла ожидать.—В. Слѣдовательно, вы признаете, что демонстрація была серьезная?—О. Не то, что серьезная, но меня удивило, что на улицѣ производится такой безпорядокъ.—В. Какое же впечатлѣніе на васъ произвелъ общій характеръ рѣчи?—О. Человѣкъ хотѣлъ доказать людямъ, чтобы они больше поняли свое положеніе.—В. Какъ же это было понято?—О. Онъ говорилъ: вотъ насколько васъ притѣсняютъ, отнимаютъ послѣднее.—В. Какъ обращался говорившій къ окружающимъ, какъ онъ называлъ ихъ?—О. Кажется, назвалъ «братья» или «рабочіе», вѣрно не помню.—Прис. пов. Бардовскій. Въ какомъ часу вы пришли на площадь?—Свид. Товбичъ. Я была еще въ церкви.—В. На какомъ мѣстѣ площади была произносима рѣчь?—О. Недалеко отъ церкви.—

В. Изъ общаго характера рѣчи вы не могли вывести заключенія, чтобы она клонилась къ явному возбужденію противъ верховной власти?—О. Нѣтъ, это не могу сказать. До меня долетали отдѣльныя фразы.—В. Вы не видѣли, чтобы кто-нибудь изъ этой толпы нападалъ на городовыхъ?—О. Нѣтъ.—В. А обратно?—О. Когда раздались крики «расходись», то полиція и нѣкоторые изъ публики бросились на толпу.—В. На площади была одна или двѣ толпы?—О. Не замѣтила, вся площадь была полна.—В. Вы стояли вмѣстѣ съ Поповымъ?—О. Да, вмѣстѣ, и насъ вмѣстѣ взяли въ участокъ. Но онъ пришелъ безъ всякой цѣли.—В. Не замѣтили ли вы, чтобы кто-нибудь держалъ знамя на древкѣ?—О. Нѣтъ, не видала.—В. Васъ арестовалъ городской?—О. Да, полиція вмѣстѣ съ народомъ.—В. Въ участкѣ вы были отдѣлены отъ мужчинъ? Отдѣлены.—В. Тамъ васъ не били?—О. Нѣтъ, дорогой били, чуть-чуть не задушили, но я сказала, что не буду сопротивляться. На вопросы прис. пов. Знамеровскаго свидѣтельница показала, что знакома съ Поповымъ, еще когда онъ былъ въ екатеринославской семинаріи. Здѣсь онъ учился въ академіи художествъ и всегда былъ занятъ дѣломъ. Она жила вмѣстѣ съ нимъ. Никто у нихъ не бывалъ. Жили на средства, которыя Поповъ иногда получалъ отъ работы, и затѣмъ присылали родные какъ его, такъ и ея. Здоровье его плохо; онъ страдаетъ аневризмомъ. Никогда не говорилъ, чтобы получалъ деньги отъ какого-нибудь генерала. Наканунѣ 6-го декабря Поповъ уходилъ изъ дому, но послѣ Метелицыной онъ, кажется, оставался дома. На вопросы прис. пов. Гантова свидѣтельница показала, что мальчикъ, котораго вскидывали съ флагомъ, былъ маленькій, лѣтъ 11 или 12. Въ лицо его не замѣтила. Онъ былъ одѣтъ въ полушубокъ. На вопросы прис. пов. Буймистрова: когда полиціи собралось много, то свидѣтельница слышала отдѣльный крикъ, вышедшій изъ толпы: «Господа расходиться по домамъ, по домамъ». На вопросы прис. пов. Каміонко, Архангельскаго и Турчанинова: толпа сначала двигалась прямо, а когда стали кричать «по домамъ», то пошли во всѣ стороны. Въ толпѣ были и женщины. Когда свидѣтельница взяли и когда она говорила, что ихъ напрасно берутъ, то ей отвѣчали, что если бы не были виноваты, то и не взяли бы. При этотъ отпустились разныя шуточки, напримѣръ: «вотъ подхватили парочку». На вопросы товарища прокурора: свидѣтельница пришла въ церковь къ концу службы, стояла ближе къ царскимъ вратамъ. Толпы молодежи въ церкви не видѣла. На площади она стояла «скорѣе въ числѣ зрителей», чѣмъ въ толпѣ. Пстомъ зрители смѣшивались съ толпою. Народъ говорилъ, что нужно позвать полицію. Сестра свидѣтельница содержала прежде комнаты. У нея жили студентки. Это продолжалось не долго. Свидѣтельница не была ни разу на этой квартирѣ, потому что въ это время была больна. Послѣ 6-го декабря жилища разошлись, и сестра переѣхала на другую квартиру. Метелицына выдержала экзаменъ въ фельдшерской школѣ. У ея матери свидѣтельница жила на квартирѣ. Кричали «расходиться» и полицейскіе и голоса изъ толпы. На вопросы защиты свидѣтельница показала, что крики эти раздались въ то время, когда полиція начала собираться. Поповъ никакого сочувствія не выражалъ: онъ стоялъ молча и смотрѣлъ, чѣмъ все это кончится, такъ что относился скорѣе безучастно. Причиною того, что ихъ взяли, былъ пледъ, который былъ у Попова, и то обстоятельство, что они очутились близко къ человѣку, котораго тащили. Пледъ и пальто, бывшіе на свидѣльницѣ, пропали. Первоприсутствующій. Подсудимая Шефтель, вы вчера говорили, что были въ соборѣ и потомъ на площади, что слышали тамъ рѣчь и что вы находились въ средѣ толпы?—Подсудимая Шефтель. Да.—В. Въ которомъ часу вы туда пришли?—О. Часовъ въ 11.—В. Одна?—О. Совершенно одна.—В. Много тамъ встрѣтили вашихъ знакомыхъ?

—О. У меня не особенно много знакомых. Человѣкъ десять видѣла.—
В. По какому поводу вы пришли?—О. По поводу распространившихся слуховъ.
—В. Отъ кого вы узнали?—О. Я не желаю называть.—В. Вы вмѣстѣ съ
толпою вышли изъ собора?—О. Да.—В. Гдѣ же вы стояли въ толпѣ?—
О. Приблизительно шагахъ въ пяти отъ человѣка, который говорѣлъ.—В. Вы
хорошо слышали его рѣчь?—О. Нѣтъ, всего нельзя было разслышать.—
В. Вы прежде не знали содержанія этой рѣчи?—О. Нѣтъ.—В. Не слышали о
томъ, по какому поводу она будетъ говорить?—О. Я думала, что по по-
воду панихиды объ умершихъ въ домѣ предв. заключенія.—В. Въ то вре-
мя, когда была произнесена рѣчь, что дѣлала толпа?—О. Особеннаго ни-
чего не дѣлала. В. Крики одобренія были?—О. Да, кричали «ура», но не
всѣ, конечно.—В. Знамя выкидывали?—О. Да.—В. Оно на древкѣ было?—
О. Нѣтъ, комкомъ бросили, а потомъ поднимали человѣка, который его
развертывал.—В. Вы знаете этого человѣка?—О. Нѣтъ.—В. Потомъ что
дѣлала толпа послѣ этой рѣчи?—О. Когда взбросили красный флагъ, то
начали расходиться, а когда напала полиція, то сказали, чтобы держаться
плотнѣе, и пошли къ Невскому.—В. Содержаніе рѣчи, которую вы все-та-
ки слышали, не можете ли возстановить?—О. Я не всю слышала. Повторю,
что говорила вчера. Говорившій обратился со словами: «братцы» и началъ го-
ворить, что лучшихъ людей ссылаютъ. Упоминалъ фамиліи Чернышев-
скаго и Нечаева. Другихъ не слышала.—В. О Пугачевѣ упоминалось?
—О. Нѣтъ, не слышала.—В. Говорилось о положеніи крестьянъ?—О. До
меня доносилось, что продаютъ послѣднюю корову.—В. Кто васъ взялъ?
О. Кажется, Богдановъ, изъ толпы.—В. Не полицейскій?—О. Нѣтъ. Свид.
Пантелеевъ (мѣщанинъ) показалъ: Это было 6-го декабря. Мы—носиль-
щики и стоимъ у Казанскаго моста. Видимъ, у собора собралось много
народа. Думали, что Государя Императора ожидаютъ. Потомъ видимъ, на
паперти много молодого народа и одинъ что-то читаетъ или рассказываетъ.
Потомъ, по окончаніи, закричали «ура». Взяли мальчишку лѣтъ 17 или
18 и подбросили кверху. У него въ рукахъ было красное полотно съ
золотыми буквами: «земля и воля». Потомъ они пошли къ памятнику Ку-
тузова. Городоные подошли, но ихъ стали бить и мы за это вступились.
Тов. прок. Полиція прежде на нихъ напала, или они на полицію?—Свид.
Пантелеевъ. Нѣтъ полиція говоритъ: «что вы дѣлаете?»—а они ихъ бить.
Мнѣ тоже попало плюхи три, или четыре.—В. Чѣмъ васъ ударили?—О. Не
знаю; только не кулакомъ, потому очень чувствительно было. Свидѣтелю
предъявленъ флагъ. Свид. Пантелеевъ. Этотъ самый и есть. Прис. повѣр.
Бардовскій. Вы помогли городовымъ брать ихъ?—Свид. Пантелеевъ.
Мы не брали ихъ.—В. Съ какой же стати васъ ударили?—О. Потому, что
заступились за полицію.—В. Вы тоже, значитъ, били ихъ?—О. Разумѣется,
я раза два или три залѣпилъ кому то. Съ какой стати—меня будутъ бить,
а я буду молчать.—В. Но древкѣ знамя было?—О. Нѣтъ, не было.—В. Од-
на толпа была на площади, или двѣ?—О. Народъ стоялъ на паперти, а
они внизу. Мы ужъ потомъ разобрали, что это были бунтовщики.—В. Об-
ратили вы вниманіе на одежду ихъ: въ ней было что-нибудь особенное?—
О. Короткіе пальты, шали, брюки въ сапоги, все молодые.—В. Такъ что
заключеніе о бунтовщикахъ вы основали на лѣтахъ и одеждѣ?—О. Да, все
такіе были. Прис. пов. Знамеровскій. Вамъ полиція указывала кого брать,
или вы сами брали?—Свид. Пантелеевъ. Тутъ брали кого поймали; также
и мы, правъ онъ или виноватъ—мы почему знаемъ.—В. Но со стороны
полиціи были указанія?—О. Тутъ ихъ было человѣкъ пятьдесятъ; полиція
кого замѣтила, тѣхъ и взяли.—В. Слѣдовательно, вы сами руководствова-
лись при арестованіи?—О. Зачѣмъ? Тутъ полиція была.—В. Значитъ, поли-
ція указывала?—О. Да, тутъ брали, кто былъ. Прис. пов. Ганговеръ. Въ

чемъ былъ мальчикъ, котораго подбрасывали?—Свид. Пантелеевъ. Въ по-лушубкѣ.—В. Въ лицо его замѣтили?—О. Нѣтъ. Прис. пов. Ольхинъ. Въ самомъ началѣ собранія толпы, вы гдѣ стояли?—Свид. Пантелеевъ. Въ началѣ мы не были. Мы пришли, когда половина всей службы кончилась. Прис. пов. Неклюдовъ. Вы называли ихъ бунтовщиками только потому, что шумъ былъ, или въ самыхъ ихъ дѣйствіяхъ признавали что-нибудь?—Свид. Пантелеевъ. Полиція видитъ, что «земля и воля». Это что-нибудь значить. Мы почему знаемъ.—В. Кто же вамъ сказалъ, что это бунтъ?—О. Полиція говорила. Потомъ мы сами видимъ. Стали полицію бить—ужъ это видно, что бунтуютъ. Видимъ флагъ,—значить, что неблагополучно. Прис. пов. Турчаниновъ. Кто первый пришелъ изъ полицейскихъ?—Свид. Пантелеевъ. Высокій бѣлокурый городской. Онъ подалъ свистокъ; его свалили. Потомъ пришелъ Максимовъ, и его свалили. Мы подбѣжали и стали отталкивать. Я попалъ въ средину.—В. Вы сами брали кого-нибудь?—О. Нѣтъ.—В. А городовые что дѣлали?—О. Поймали которыхъ и отвели въ участокъ. На вопросы другихъ защитниковъ свидѣтель показалъ, что когда толпа дошла до памятника и городской даль свистокъ, то на него напали и свалили; потомъ Максимова сшибли; потомъ еще какого-то маленькаго. Свид. Семеновъ (отставной рядовой) на предложеніе первоприсутствующаго рассказать, какъ было дѣло, показалъ: Какъ было дѣло? Видишь ты, ваше превосходительство, какъ, значить, обѣдня отошла, значить, потомъ молебень отошелъ. Всѣ православные пошли домой, а эти вышли сверху, спустились съ крыльца, а мы со стороны смотримъ. Хорошо. Вотъ, потомъ сошлись, потомъ, одинъ рукой махаетъ (махетъ рукой). Я далече стоялъ, не разобралъ. Махалъ, махалъ, потомъ подхватили мальчика, и давай поднимать. Потомъ говорятъ: земля и воля. Потомъ, вдругъ, пошли съ правой руки около Кулузова. Вмѣстѣ, кучей, говорятъ, пойдёмъ. Городовой—свистки. Тутъ, какъ какой городской упадетъ—сейчасъ объ полъ топтать. Мы вступились. Тутъ собрались: значить приставъ пришелъ, сталъ хватать. Схватилъ одного, я говорю: позвольте, ваше высокоблагородіе, я его сведу. Потомъ меньше ихъ стало, а было человекъ до ста. Больше ничего говорить не могу. Тов. прок. Вы далеко стояли отъ толпы?—Свид. Семеновъ. Около монумента, справа.—В. Вы грамотный?—О. Нѣтъ.—В. Почему же вы знали, что земля и воля?—О. Тутъ читали люди. У насъ грамотные есть. Прис. повѣр. Бардовскій. Вы сказали, что ихъ было около ста. Кого это?—Свид. Семеновъ. А этихъ молодцовъ.—В. Почему вы узнавали ихъ, вѣдь, тутъ народа много было? Свидѣтель на этоъ и еще на другіе вопросы защитниковъ и первоприсутствующаго не могъ отвѣчать и молчалъ, и, наконецъ, сказалъ: «Я больше не могу говорить. Какъ угодно, ваше превосходительство». Прис. пов. Бардовскій. Полицейскіе вамъ знакомы?—Свид. Семеновъ. Знакомы.—В. Вы по указанію полиціи забирали, или сами?—О. Слава Богу, мы трудимся своимъ трудомъ. Защитникъ повторилъ вопросъ.—О. Я вамъ говорю, одного отвелъ въ участокъ. Прис. пов. Знамеровскій. Потомъ, что вы дѣлали?—Свид. Семеновъ. Пошелъ, чайку напился—съ горя, значить. Первоприсутствующій. Того человека, котораго вы отводили, не можете признать?—Свид. Семеновъ. Не примѣтилъ. Прис. пов. Буйми-стровъ. Отчего вы говорите, что съ горя пошли чаю пить?—Свид. Семеновъ. Дѣло праздничное было; мы хотѣли прежде чай пить. Свид. Ритчеръ (приставъ 1-го участка Казанской части) показалъ, что утромъ 6-го декабря онъ былъ занятъ въ управленіи участка текущими дѣлами. Около 1-го часа къ нему прибѣжалъ городской Есипенко и заявилъ, что на площади Казанскаго собора собралась толпа народа и что изъ среды ея одинъ человекъ говорилъ какую-то рѣчь, на что народъ отвѣчалъ громкими

криками «ура». Онъ тотчасъ же одѣлся и отправился на площадь. По дорогѣ Есипенко добавилъ, что онъ замѣтилъ этихъ людей еще въ церкви; что они отличались своимъ костюмомъ, длинными волосами, очками и пледомъ, и что въ числѣ ихъ были женщины съ короткими волосами. Они обращали на себя вниманіе молящихся, переходя съ мѣста на мѣсто. Онъ хотѣлъ раньше доложить приставу и къ концу молебна хотѣлъ выйти изъ церкви, но былъ оттѣсненъ толпою отъ выхода и, такимъ образомъ, былъ нѣкоторое время задержанъ въ церкви. Выйдя на площадь, свидѣтель увидѣлъ значительную массу публики, стоявшую кучками. Въ это время къ нему подошелъ чиновникъ полиціи Васильевъ, который находился въ большомъ волненіи и объяснилъ, что онъ возвращался на квартиру, но, увидѣвъ на площади собравшуюся толпу, пошелъ туда и замѣтилъ, что изъ среды было выброшено красное знамя, услышалъ, что говорилась рѣчь, изъ которой до него долетали отдѣльныя слова: «Чернышевскій, Лондонъ, свобода». На это толпа отвѣчала криками «ура» и «живіо». Онъ бросился въ толпу, протискался до говорившаго и уже наложилъ на него руку, но въ это время получилъ такой сильный ударъ, что упалъ на-земь, гдѣ его стали бить. Одежда его была въ безпорядкѣ: вся въ снѣгу, часть воротника оторвана. Потомъ къ свидѣтелю подошли нѣкоторые изъ публики и заявили, что многіе изъ участвовавшихъ въ толпѣ побѣжали по Невскому и вошли въ домъ Лѣсникова. Онъ отправился туда, чтобы сдѣлать осмотръ, но на встрѣчу ему попались какіе-то два человѣка, ведущіе третьяго. Этотъ третій оказался Гервасій. Ведущіе объяснили, что это лицо держало знамя. Васильевъ это подтвердилъ, а Гервасій отрицалъ, но какъ-будто догадывался, почему онъ задержанъ. Онъ заявилъ, что стоялъ и видѣлъ издали безпорядокъ, что въ это время какое-то лицо, проходя мимо его, сорвало съ него шапку, надѣло на него другую и накинуло пледъ, который онъ тутъ и передалъ свидѣтелю. При этомъ онъ замѣтилъ, что недоразумѣніе произошло отъ того, что на говорившемъ была такая же шляпа, которую проходившій человѣкъ надѣлъ на него. Но Васильевъ утверждалъ, что онъ узнаетъ Гервасія. Затѣмъ свидѣтель увидалъ, что ведутъ двое мужчинъ какую-то женщину. Волосы ея были растрепаны, одежда въ безпорядкѣ, такъ что вся эта процессія имѣла весьма непривлекательный видъ. Свидѣтель приказалъ отпустить ей руки, замѣтивъ, что она сама пойдетъ. Ведущій ему объяснилъ, что эта женщина нанесла удары околоточному. Въ это время подошелъ къ нимъ Успенскій, который подтвердилъ это заявленіе. Затѣмъ свидѣтель просилъ стоящую публику разойтись, и, когда всѣ стали расходиться, онъ отправился въ управленіе участка. Туда было приведено до двадцати мужчинъ и до десяти женщинъ. Они были отдѣлены другъ отъ друга. Принималъ ихъ помощникъ пристава. Затѣмъ къ свидѣтелю явился сторожъ участка и принесъ револьверъ съ вырваннымъ барабаномъ, объяснивъ, что одинъ изъ задержанныхъ сильно сопротивлялся и, когда привели его въ участокъ, онъ направилъ дуло пистолета въ сторожа Клибика, который схватилъ за барабанъ и вырвалъ его, такъ что пули высыпались. Сопротивлявшійся крѣпко держалъ пистолетъ, и пока Клибикъ вырывалъ, онъ нѣсколько разъ взводилъ курокъ и спускалъ, причѣмъ курокъ упалъ на палецъ сторожа. Потомъ принесли другой револьверъ, который нашли между дверями квартиры участка, а затѣмъ Васильевъ представилъ желѣзный кастетъ. На вопросы товарища прокурора свидѣтель показалъ, что въ то время, когда онъ просилъ публику расходиться, онъ изъ полиейцскихъ штабъ-офицеровъ былъ одинъ. Подойдя къ одной кучкѣ, онъ просилъ разойтись; всѣ подвинулись, но одинъ молодой человѣкъ, въ фуражкѣ съ чернымъ околышемъ, остался впереди. Сидѣлъ и просилъ его уходить, но онъ просилъ сказать нѣ-

чину, почему его удаляютъ. На это свидѣтель отвѣтилъ, что всякая сходка есть нарушеніе порядка, а потому онъ проситъ уйти. На это молодой человѣкъ сказалъ, что просьбу можно и не исполнить. «Такъ я вамъ приказываю», сказала свидѣтель. Въ это время кто-то изъ публики сказалъ, что этотъ господинъ отвѣчаетъ очень рѣзко, и что онъ одинъ изъ тѣхъ, которые были въ толпѣ. Свидѣтель приказалъ его взять, и его отвели въ участокъ. Фразы, приписываемыя свидѣтелю и сказанныя будто бы имъ молодому человѣку, что онъ можетъ попасть не домой, а съ нимъ, свидѣтелемъ,—послѣдній не говорилъ. Узнать этого человѣка въ числѣ подсудимыхъ свидѣтель не могъ и хорошо эту личность не помнитъ. На вопросы защиты свидѣтель показалъ, что въ день 6-го декабря былъ морозъ градусовъ до десяти; тумана не было; день былъ вообще средній. Въ участкѣ мужчины находились въ темной комнатѣ, отдѣленной отъ другой тонкою перегородкою. Когда стали развозить арестованныхъ по мѣстамъ заключенія, то Боголюбовъ заявилъ, что его побили и просилъ свидѣтельство. Генераль Козловъ предложилъ ему заявить объ этомъ тамъ, куда онъ будетъ доставленъ. Побитые чины полиціи были освидѣтельствованы въ тотъ же день вечеромъ. Пока арестованные находились въ темной комнатѣ, свидѣтель никакого крика оттуда не слыхалъ. Подс. Боголюбовъ. Но вы приходили на мои крики въ комнату, когда меня били. Свид. Ритчеръ. Нѣтъ, я къ вамъ не приходилъ. Далѣе свидѣтель показалъ, что арестованныхъ приводили въ участокъ большею частью частныя лица. Были ли кто-либо изъ арестованныхъ отпущены вслѣдствіе оказавшейся ошибки при взятіи—свидѣтелю неизвѣстно. Былъ только такой случай: изъ трактира того дома, гдѣ находится участокъ, вышли два человѣка, которые стали толкаться въ публикѣ, наполнявшей Конюшенную улицу. Когда ихъ просили уходить, то они не хотѣли. Вслѣдствіе этого городской привелъ ихъ въ участокъ. Но въ виду того, что и безъ нихъ было много дѣла (въ участкѣ была масса народа, съета), свидѣтель приказалъ ихъ освободить. Когда приводили арестованныхъ съ площади, то по возможности записывались лица, которыя приводили. На другой день къ свидѣтелю явился одинъ изъ носильщиковъ (Ефимовъ) и заявилъ, что онъ можетъ дать показаніе. Поэтому свидѣтель отправилъ его въ жандармское управленіе. При дознаніи свидѣтелю предъявляли десять или одиннадцать женщинъ, но онъ призналъ только одну—Шефтель. Молодой человѣкъ, котораго свидѣтель приказалъ арестовать, не говорилъ особенно дерзкихъ словъ, но дерзкимъ свидѣтель находилъ его тонъ и вообще поведеніе. Рана Клибика была незначительная: крови было не много. Актовъ о задержаніи не было составляемо, а только въ книгу записывались тѣ, кто приводилъ. Впрочемъ, всѣ ли были записаны—свидѣтель не знаетъ. Когда предвидится большое стеченіе публики, то посылаются агенты сыскаго отдѣленія. Были ли они 6-го декабря—свидѣтелю неизвѣстно. Свидѣтель слышалъ, что будто бы въ числѣ арестованныхъ есть лицо, служащее въ секретномъ отдѣленіи, но свидѣтель достоверно этого не знаетъ, потому что ему неизвѣстны всѣ агенты отдѣленія. Прис. пов. Неклюдовъ просилъ особое присутствіе выдать ему свидѣтельство для полученія относительно защищаемого имъ подсудимаго справки изъ той книги участка, въ которую записывались приводившіе арестованныхъ. Пом. прис. пов. Граціанскій присоединился къ этому заявленію относительно своего кліента. Прис. пов. Бардовскій (къ свидѣтелю). Вы видѣли Боголюбова въ участкѣ: въ какомъ онъ видѣ былъ?—Свид. Ритчеръ. Видно было, что помятъ. Лицо въ крови было.—Подс. Боголюбовъ. Я вамъ не заявлялъ, что меня били?—Свид. Ритчеръ. Заявляли, когда васъ увозили. Затѣмъ особое присутствіе удалилось для совѣщанія, и по выходѣ первоприсутствующій объявъ тѣ, что, вѣсивъ заявленіе за-

щиты относительно справокъ, присутствіе опредѣлило вытребовать полицейскую книгу къ завтрашнему засѣданію.

Свид. Успенскій (околоточный надзиратель) показалъ, что 6 декабря онъ съ 6 часовъ утра стоялъ на Невскомъ проспектѣ и слѣдилъ за работами, тамъ производившимися, вплоть до проѣзда Его Императорскаго Величества. Когда Государь изволилъ проѣхать, онъ пошелъ въ участокъ, и, возвращаясь оттуда, встрѣтился съ городовымъ, который сказалъ ему, что на площади бунтуютъ. Онъ отправился туда. Тамъ онъ увидѣлъ Васильева, подходящаго къ толпѣ, которая шла отъ собора къ памятнику Кутузова. Кто-то его ударилъ, и онъ упалъ. Свидѣтель побѣждалъ черезъ Невскій, потерялъ дорогой даже галоши, и впереди толпы увидѣлъ женщину, которая встрѣтила его пощечинами; кто-то схватилъ за плотку и кто-то ударилъ въ голову; вообще стали его бить, такъ что перебили ему сухожиліе на ногѣ. Но онъ успѣлъ схватить женщину, которую передалъ пѣвчему Казанскаго собора Богданову, и еще двухъ или трехъ лицъ передалъ кому-то изъ публики. Съ него сорвали шапку и кепи. Затѣмъ онъ бросился за однимъ господиномъ и, догнавъ его около часовни у Гостиного Двора, арестовалъ. Потомъ задержалъ еще нѣкоторыхъ. На вопросы товарища прокурора свидѣтель показалъ, что, выбѣжавъ на площадь, онъ видѣлъ, что изъ толпы что-то поднималось. Замѣтилъ, что поднимали какого-то человѣка въ полушубкѣ и красный кусокъ какой-то матеріи. Тов. прок. Кто васъ билъ?—Свид. Успенскій. Боголюбовъ и, какъ я прежде указывалъ, Надеждинъ, но теперь относительно Надеждина я утвердительно не могу сказать. Въ то время я былъ въ весьма возбужденномъ состояніи и могъ ошибиться. Теперь же, по совѣсти, утверждать не могу. Что же касается г. Боголюбова, то я утверждаю, что онъ дѣйствительно меня билъ.—В. Потомъ еще кто?—О. Одна дама, блондинка.—Первоприсутствующій. Вы можете ее узнать?—Свид. Успенскій (показываетъ на первую изъ сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ—Шефтель). Я передалъ ее Богданову. Но на него напало человѣкъ пять, тогда я шашкой сталъ отбивать его отъ нихъ.—Первоприсутствующій. Кого еще можете узнать изъ подсудимыхъ?—Свидѣтель указываетъ на Бибергалья, Николаевскую, Григорьеву и Громова. Подс. Боголюбовъ. Въ чемъ я былъ?—Успенскій. Не могу припомнить.—В. Вы твердо увѣрены, что именно я васъ билъ?—О. Да. Вы схватили меня за глотку и оборвали петлички. Я васъ хорошо запомнилъ. Отъ всѣхъ остальныхъ, которые меня били, я отбилъ какъ нельзя лучше, а отъ васъ не могъ.—Подс. Григорьевъ. Меня даже ружьемъ били. Онъ взялъ ружье у солдата и замахивался на меня. Еще двое изъ подсудимыхъ заявили, что свидѣтель билъ ихъ. Свид. Успенскій. Я долженъ сказать, что ни одинъ солдатъ, который прослужилъ хотя два дня, стоя на часахъ, никому не дастъ взять у него ружье. Это неправда.—Подс. Громовъ. Я имѣлъ дѣло съ свидѣтелемъ, когда онъ производилъ обыскъ. При обыскѣ онъ и городской образовали изъ себя заставу: сначала одинъ ударилъ, потомъ другой; потомъ, когда начали обыскивать, то просто отрывали карманы. Я спрашивалъ его, на какомъ основаніи онъ бьетъ меня: увѣренъ ли онъ, что я лицо виновное? Онъ сказалъ, что не увѣренъ. Тутъ стоялъ солдатъ съ ружьемъ, который сказалъ ему: господинъ, не «пускайте крови», т. е. чтобы билъ такъ, чтобы не пускать крови. Свид. Успенскій. Я былъ командированъ по распоряженію пристава произвести обыскъ. Въ то время на это никто не рѣшался, потому что у Боголюбова былъ найденъ револьверъ, потомъ ножи были найдены. Въ комнатѣ ихъ было двадцать два человѣка. Мы предполагали, что у каждаго есть оружіе. Когда я отворилъ дверь, то вся толпа двинулась ко мнѣ. Я сказалъ, чтобы выходили по одному, но никто не шелъ, и я сталъ вы-

таскивать силой по одному. При обыскѣ у одного я нашелъ бумагу, которая указываетъ на ихъ сговоръ. Потомъ была найдена изорванная записка, еще болѣе важная.—Подс. Громовъ. Нѣкоторые не соглашались выходить, потому что били тѣхъ, которые выходили. Когда Боголюбова обыскивали, онъ кричалъ. Поэтому мы всѣ опасались.—Первоприсутствующій. Вы развѣ знали Боголюбова?—Подс. Громовъ. Его фамилія произносилась. Его били буквально два часа; били безъ всякой причины; били ужасно. Онъ просилъ оставить, но они продолжали бить. Мы кричали: господа, перестаньте бить. Кто-то сказалъ, что у него пистолетъ. Потомъ его втокнули къ намъ въ каморку. Я видѣлъ его окровавленнаго. При этомъ Успенскій отпускалъ разныя пошлости. Я удивляюсь, какъ такой человѣкъ приведенъ сюда свидѣтелемъ.—Первоприсутствующій. Это не ваше дѣло.—Тов. прок. Показаніе, данное вами на дознаніи, вы подтверждаете?—Свид. Успенскій. Подтверждаю, за исключеніемъ Надеждина. Во второй разъ, какъ меня призывали, изъ трехъ предъявленныхъ мнѣ лицъ я не могъ узнать, котораго видѣлъ. Они нѣсколько схожи, и я смѣшивалъ ихъ. Я былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи... Когда человѣка бьютъ, понятно, что будетъ возбужденъ.—Подс. Григорьевъ (къ первоприсутствующему, указывая на свидѣтеля). Моя личность должна быть имъ знакома, потому что они очень меня били: разъ ударилъ по глазу, а другой по носу.—Тов. прок. У васъ лицо было въ порядкѣ?—Свид. Успенскій. Меня свидѣтельствовавъ врачъ. У меня было два рога: одинъ разсѣченный, а другой вздутый.—В. Скоро ли послѣ заарестованія пріѣхали генераль Козловъ и прокуроръ судебной палаты?—О. Вскорѣ, такъ черезъ часъ или съ чѣмъ-нибудь.—Свид. Успенскій, на вопросы прис. пов. Бардовскаго, показалъ, что онъ пришелъ, когда уже одна часть толпы сошла съ лѣстницы собора, а другая, предшествуемая дамой, шла около памятника Кутузова. Когда свидѣтель перебѣ алъ Невскій, онъ слышалъ въ толпѣ возгласы: «вивать коммуна!», «Лондонъ!», «регат полиція!». Въ чемъ выражалось участіе Гервасія—свидѣтель съ достовѣрностью сказать не можетъ, но только ему врѣзалась въ память его физиономія. Онъ раньше хотѣлъ схватить его, но это не удалось. Вскорѣ по отправленіи Шефтель, подсудимый Боголюбовъ схватилъ свидѣтеля за глотку, потомъ онъ попалъ въ толпу и очутился на Казанскомъ мосту. Въ чемъ былъ одѣтъ Боголюбовъ—онъ не припомнитъ. Когда онъ пришелъ въ участокъ, то нашелъ Боголюбова лежащимъ на заваленкѣ, и его все еще не могли укротить. На замѣчаніе о томъ, что свидѣтель на дознаніи твердо показалъ на Надеждина, какъ на участника, свидѣтель отвѣтилъ: Да; но теперь, по принятіи присяги и на томъ основаніи, что Надеждинъ говоритъ, что онъ тамъ не былъ, а также вслѣдствіе сходства въ личностяхъ, я могу ошибиться—дѣйствительно ли это былъ Надеждинъ или другой. В. Не допускаете ли вы возможности ошибки въ отношеніи Боголюбова?—О. Нѣтъ, я его хорошо помню.—В. Кто доставилъ его въ участокъ?—О. Не знаю, онъ былъ уже тамъ, когда я пришелъ.—В. Слова: «регат полиція» кто изъ подсудимыхъ произносилъ?—О. Не знаю, я слышалъ ихъ въ то время, когда меня ударили.—Подс. Григорьевъ. Я сомнѣваюсь въ личности свидѣтеля: тотъ былъ въ формѣ, а этотъ теперь въ штатскомъ и въ очкахъ.—Первоприсутствующій. Судъ не сомнѣвается.—Подс. Боголюбовъ. Какой видъ былъ у меня въ участкѣ?—Свид. Успенскій. Не такой, какъ теперь.—В. Кровь шла у меня?—О. Да, вѣроятно.—В. Кровь шла?—О. Да.—В. Я утиралъ платкомъ?—О. Можетъ быть.—В. Вы должны помнить; вы нравоученіе мнѣ читали тогда.—О. Послѣ, можетъ быть.—В. Нѣтъ, въ то время вы говорили мнѣ, что «васъ въ третьемъ отдѣленіи высѣкутъ».—О. Нѣтъ, я этого не говорилъ.—Подс. Григорьевъ. Онъ говорилъ: «но-

жами бы ихъ—хорошо бы было...»—Подс. Шефтель (перебивая). Помните ли вы, какъ прежде чѣмъ сказали мнѣ что-нибудь, вы сбили мнѣ шляпу?—Свид. Успенскій. Этого не могу сказать. Я показываю правду передъ судомъ, какъ, принявшій присягу. Когда я подошелъ къ вамъ, я сказалъ: «что вы дѣлаете?» и тутъ еще кое-что сказалъ, а вы по лицу ударили меня обѣими руками. Но я до васъ не дотрогивался, потому что въ то время еще не зналъ, за кого была публика: за насъ или за васъ. Публики было очень много, и она стояла въ недоумѣннн.—В. Какъ же, я безъ шляпы была?—О. Говорятъ, что васъ тащили человекъ десять. Поэтому естественно, что вы были безъ шляпы; но я отъ васъ получилъ двѣ плюхи хорошихъ.—Прис. пов. Неклюдовъ. Вы здѣсь признали Боголюбова, Гервасія и Бибергаль, а относительно другихъ не можете съ полною достовѣрностью указать?—Свид. Успенскій. Когда я былъ вскорѣ въ участкѣ, то я могъ узнать многихъ, но теперь утвердительно сказать не могу.—В. Изъ тѣхъ, которыхъ вы вполне достовѣрно признавали, не можете ли назвать еще кого?—О. Нѣкоторыхъ я здѣсь не вижу (смотреть на подсудимыхъ). Больше никого. (Затѣмъ свидѣтель указалъ на Григорьева и Громова.) Еще былъ третій, котораго здѣсь нѣтъ, и вѣсть я ихъ смѣшивалъ.—Прис. пов. Архангельскій. Вы указывали на Николаевскую; гдѣ вы ее видѣли?—Свид. Успенскій. У памятника Кутузова.—В. Она впереди шла?—О. Да.—В. Почему она осталась у васъ въ памяти?—О. Стриженные волосы, черная барашковая шапочка... Сначала публика обращалась къ намъ и говорила, какъ можно такъ обращаться, но когда мы объяснили, въ чемъ дѣло, и заявили, что насъ бьютъ, тогда уже и полици не нужно было, потому что сама публика заступилась за насъ и забирала. Далѣе на вопросы защитниковъ свидѣтель показалъ, что Шефтель шла впереди толпы, но предводительствовала ли, или нѣтъ—свидѣтель не знаетъ. Кромѣ словъ: «что вы дѣлаете?», свидѣтель сказалъ еще: «вздумали бунтоваться!» или что-то въ родѣ этого, но дерзостей не говорилъ. Свидѣтель воспитывался въ семинаріи и потому латинскій языкъ ему извѣстенъ. Какъ только онъ передалъ Шефтель, на него напали и оборвали шашку, но онъ успѣлъ ее вернуть и держалъ въ рукахъ. Когда нѣсколько человекъ напало на Богданова, который бралъ Шефтель, то свидѣтель сталъ его отбивать и ударялъ шашкой въ ножнахъ по рукамъ. Этимъ ему удалось освободить Богданова, котораго сильно били. Свидѣтель не говорилъ толпѣ—разойтись. Въ первомъ своемъ показаніи онъ только предположительно сказалъ, что зная, кажется, было на дровкѣ. Онъ видѣлъ только лоскутъ. Принималъ ли какое-нибудь дѣйствіе Бибергаль—свидѣтель не знаетъ, онъ только видѣлъ, что Бибергаль былъ въ толпѣ.—Подс. Громовъ. Когда насъ вывели изъ каморки, то Успенскій сказалъ о женщинахъ такъ, что я считаю нужнымъ умолчать при публикѣ. Въ началѣ публика не смѣшивалась съ толпою и стояла поодаль.—Подс. Николаевская. Вы говорите, что примѣтили меня по короткимъ волосамъ, а развѣ тамъ не было другихъ женщинъ съ короткими волосами?—Свид. Успенскій. Похожей на васъ не было: кто былъ выше, кто блондинка. Вообще, я вашу личность замѣтилъ.—Прис. пов. Буймистровъ. Васъ свидѣтельствовавшій врачъ Бенуа въ этотъ же день?—Свид. Успенскій. Да.—В. Не извѣстно ли вамъ, что онъ призналъ, что найденные на васъ знаки принадлежать къ легкимъ поврежденіямъ, не имѣющимъ вреднаго вліянія на здоровья?—О. Нога у меня болитъ и до сихъ поръ.—Прис. пов. Гантверъ. Сколько лицъ было отправлено изъ участка въ домъ предварительнаго заключенія?—Свид. Успенскій. Мужчинъ 21 или 22 и 11 женщинъ.—В. Не замѣчали ли вы въ числѣ арестованныхъ кого-нибудь въ полушубкѣ?—О. Нѣтъ, не видалъ.—Прис. пов. Бардовскій обратилъ вниманіе особаго присутствія

на то, что въ обвинительномъ актѣ на 10 страницѣ говорится, что будто бы Ритчеръ и Успенскій показали, что Гервасій дрался въ толпѣ и махальъ флагомъ: но оба эти свидѣтеля подтвердили здѣсь что они этого не видали.—Подс. Бибергаль. Я хочу разъяснить, какъ было, не оправдывая себя, а какъ свидѣтель. Я былъ въ соборѣ. Въ своей защитѣ я не буду говорить о томъ, какъ я узналъ, что въ Казанскомъ соборѣ предполагается панихида. Между прочими отправился и я туда. Послѣ окончанія молебна начали выходить по очереди. Я не зналъ, что будетъ говорить рѣчь, и направился уходить. Но мы услышали голосъ: «господа, вернитесь!» Движимый любопытствомъ, я вернулся и тогда слышалъ рѣчь. Въ это время въ портикѣ собора стояли городской и надзиратель. Они стояли совершенно спокойно, когда кучка была еще маленькая. Они какъ будто ждали, чтобы совершилось то, что совершилось, чтобы потомъ хватать и бить. Времени было достаточно, чтобы предупредить случившееся, потому что рѣчь продолжалась значительное время, но никто этого не сдѣлалъ. Я заявляю, что многіе изъ насъ уже разошлись, потому что не знали, что будетъ произноситься рѣчь. Она произносилась какъ желаніе одного, который выразилъ сожалѣніе, что многіе люди погибаютъ, но ничего не говорилъ враждебно правительству.—Первоприсутствующій. Какъ же это такъ? Что вы называете «враждебнымъ правительству?»—Подсуд. Бибергаль. Выразить враждебное—это значитъ ругательство. В. Только въ этомъ вы понимаете враждебность?—О. Приглашаютъ что-нибудь сдѣлать. Но тутъ человѣкъ выражаетъ лишь уваженіе къ человѣку, который погибаетъ въ каторгѣ.—В. Слѣдовательно, вы были въ соборѣ?—О. Да.—В. Вышли изъ собора и видѣли, какъ собрались люди и потомъ одинъ изъ нихъ сталъ говорить рѣчь?—О. Да.—В. Вы обратили на это вниманіе, вернулись и слушали рѣчь?—О. Да, но я слышалъ не всю.—В. Какъ же васъ взяли?—О. Я выслушалъ рѣчь и двинулся итти домой, обернулся какъ-то и увидѣлъ знамя; мимолетно я остановился посмотреть. Въ это время раздалась свистки; прибѣжали городовые, и не то, чтобы публика, а дворники стали хватать и бить. Я не дрался, но если бы кто-нибудь меня ударилъ, я не смолчалъ бы. Меня держали дворникъ и городской за руки.—В. Какъ же это васъ безъ всякаго повода взяли?—О. Видите ли, у меня пальто потертое: я съ виду смахиваю на студента.—В. Только поэтому?—О. Я увѣренъ, что если бы полиціи приказали, то она забрала бы всѣхъ студентовъ на улицѣ.—Первоприсутствующій. Вы не можете знать, что сдѣлала бы полиція.—Подс. Григорьевъ. Я стоялъ на панели; ко мнѣ подошли двое господъ и кинулись съ крикомъ «полякъ». Я просилъ объяснить «за что», но мнѣ говорили одно: «ты полякъ, иди въ участокъ». Меня встрѣчали кулаками, хватали за волосы.—В. Вы только это имѣете заявить?—О. Я сунулся въ карманъ; тамъ книжка была, но ея не оказалось.—Подс. Гуровичъ. Для того, чтобы особому присутствію ясно представилось, какъ безчеловѣчно съ нами обращались...—Первоприсутствующій. Вы могли объ этомъ заявить, когда я васъ спрашивалъ. Садитесь.—Свид. Васильевъ (полицейскій чиновникъ) показалъ, что 6 декабря онъ возвращался изъ участка и, не доходя до Невскаго проспекта, ему встрѣтился городской Есипенко, который сказалъ, что на площади происходитъ бунтъ. Свидѣтель приказалъ ему бѣжать къ приставу, а самъ онъ бросился на площадь. У церкви на возвышеніи онъ увидѣлъ человѣка, который махальъ флагомъ. Пока онъ подбѣжалъ ближе, толпа уже двинулась отъ собора по направленію къ памятнику Кутузова, и это шествіе имѣло видъ процессіи. Въ толпѣ онъ увидѣлъ человѣка въ сѣрой шапкѣ, который, какъ ему показалось, держалъ раньше этого знамя; онъ протолкался къ нему и толкъ его хотѣлъ схватить, чтобы его арестовать, какъ ему нанесенъ былъ даръ, отъ коего врагъ оступался.

Тогда его стали топтать ногами, и когда онъ вскочилъ на ноги, то уви-
дѣлъ, что в кругъ него происходитъ общая свалка. Свидѣтель не пом-
нитъ, какимъ образомъ ему пришлось очутиться у самаго собора. Послѣ
побоевъ онъ былъ чрезвычайно взволнованъ и растерянъ. Потомъ онъ очу-
тился на углу Невскаго проспекта и уже здѣсь задержалъ нѣкоторыхъ
лицъ, по указанію публики, а именно двухъ человѣкъ, которыхъ самъ
прежде видѣлъ въ толпѣ, именно Гервасія, который, на сколько помнитъ
свидѣтель, находился въ толпѣ, но онъ ли былъ съ флагомъ—утвердитель-
но сказать не можетъ. При его арестѣ онъ былъ безъ шапки. Въ то вре-
мя изъ публики голоса кричали: «вы не ошибились, онъ былъ съ флагомъ».
Затѣмъ свидѣтель арестовалъ женщину, которую видѣлъ въ толпѣ и ко-
торая оказалась Ильашенко, и, наконецъ, взявъ еще двухъ, по указанію
артиллерійскаго офицера. Кто-то сказалъ, что одинъ изъ этихъ послѣднихъ
бросилъ кастетъ. Свидѣтель нашелъ его и представилъ приставу. Одинъ
изъ нихъ есть подсудимый Тимофеевъ, а другого свидѣтель не помнитъ.
На вопросы товарища прокурора свидѣтель показалъ, что онъ увидѣлъ,
какъ махали знаменемъ отъ дома Гансена, т. е. чрезъ всю площадь. Онъ
схватилъ ту личность, которая, какъ ему казалось, держала флагъ, но его
ударили, онъ упалъ а этотъ человѣкъ скрылся. Онъ кричалъ, чтобы его
задержали. Изъ подсудимыхъ свидѣтель призналъ Тимофеева, Гервасія и
Шефтель. Тов. прок. Выдавались они чѣмъ-нибудь изъ толпы?—Свид.
Васильевъ. Г-жа Шефтель шла впереди всѣхъ и кричала, но что—не пом-
ню. (Затѣмъ свидѣтель, осмотрѣвъ еще разъ подсудимыхъ, указалъ на
Николаевскую). Она также шла почти впереди, за Шефтель, и тоже кри-
чала. —В. Почему же вы задержали Ильашенко?—О. Она торопилась уйти
съ какимъ-то мужчиной, который ушелъ. Вообще вся ея фигура показа-
лась подозрительною.—В. Почему же его не задержали?—О. Не умѣю объ-
яснить. На вопросы защиты свидѣтель показалъ, что былъ ли флагъ на
древкѣ—онъ не видѣлъ. Личность, находившаяся около флага или маха-
вшая имъ, была очень похожа на Гервасія. Вначалѣ публика вообще не
принимала участія въ движеніяхъ толпы, такъ что между нею и толпою
было разстояніе въ пять или шесть саженъ. Когда у дома Лѣсникова онъ
арестовалъ Гервасія по указанію публики, то кому онъ передалъ его—не
помнитъ. Тимофеева въ толпѣ свидѣтель не видалъ, и онъ былъ аресто-
ванъ по указанію артиллерійскаго офицера уже тогда, когда свалка кон-
чилась. Офицеръ этотъ сказалъ свидѣтелю, что двое какихъ-то молодыхъ
людей прячутся подъ воротами дома. Онъ отправился, и, дѣйствительно, подъ
воротами шведской церкви увидѣлъ двухъ людей. Прис. пов. Полуянскій.
Такъ что вы повѣрили неизвѣстному офицеру и арестовали этихъ людей?
—Свид. Васильевъ. Я не имѣлъ причины ему не вѣрить.—В. Не были ли
арестованы другія лица, которыхъ потомъ пустили?—О. Раньше я задер-
жалъ, по указанію публики, г-жу Товбичъ, которая является здѣсь свидѣ-
тельница; ее изъ участка освободили. Далѣе свидѣтель показалъ, что по
окончаніи схватки какая-то женщина переходила отъ одной кучки къ дру-
гой. Кто-то сказалъ, что эта госпожа принадлежитъ къ той толпѣ, кото-
рая шумѣла на площади. Свидѣтель спросилъ ее, что ей угодно. Она отвѣ-
тила, что хочетъ знать, что происходило. Свидѣтель арестовалъ ее и ото-
слалъ въ участокъ одну. Подсудимаго Иванова свидѣтель не призналъ и
объяснилъ, что на дознаніи онъ на него не указывалъ. Прис. пов. Архан-
гельскій. Вы задержали Николаевскую?—Свид. Васильевъ. Нѣтъ, я толь-
ко видѣлъ ее въ толпѣ у монумента Кутузова.—В. Вы сказали, что она
кричала?—О. Тутъ почти всѣ кричали.—В. Но кричала ли именно она?
—О. Указать какъ на отдѣльную личность—не могу; помню, что она вы-
давалась изъ другихъ какъ-то особенно своими манерами. Кто ее задер-

жалъ—не знаю. Пом. прис. пов. Граціанскій. Кромѣ уже сказанныхъ вами личностей, вы не признаете никого изъ сидящихъ здѣсь?—Свид. Васильевъ (осмотрѣвъ еще разъ подсудимыхъ). Признаю вотъ этого (показываетъ на Новаковского). Я видѣлъ его въ толпѣ.—В. Новаковский что-нибудь дѣлалъ?—О. Нѣтъ, я видѣлъ его только въ толпѣ.—В. Когда это было въ которомъ часу?—О. Около часу. На вопросы прис. пов. Турчанинова свидѣтель показаль, что рѣчи не слышалъ. До прихода его изъ полицейскихъ было только двое или трое городовыхъ; изъ нихъ Мо квинъ даваль свистки. Свидѣтель сказалъ городovýmъ просто: «задерживайте», не указывая ни на кого. Толпу онъ не приглашалъ расходиться. Подс. Новаковский. Въ то время, когда вамъ предъявляли меня на дознаніи, вы показали, что моя наружность вамъ незнакома и признаете только по шубѣ. Почему же вы теперь указываете на мою личность? Можете ли вы утвердительно сказать, что помните мое лицо и видѣли меня на площади, или вы видѣли меня уже въ участкѣ?—Свид. Васильевъ. Потому что я видѣлъ вашу личность въ судебной палатѣ, но раньше признавалъ васъ по шубѣ.—В. На какомъ мѣстѣ вы меня видѣли?—О. Не припомню; вообще, въ толпѣ, во время схватки.—В. Что дѣлала въ это время толпа?—О. Отбивалась отъ полиціи и носильщиковъ. Одна часть толпы отъ собора двинулась къ памятнику, а другая оставалась на мѣстѣ и завязала драку съ городowymi, какъ бы желая дать время уйти переднимъ. Далѣе свидѣтель показать, что на дознаніи ему предъ являли подсудимыхъ въ той одеждѣ, въ которой они были взяты, причемъ они надѣвали свои головные уборы. Въ то время онъ узналъ восемь человѣкъ: пять мужчинъ и трехъ женщинъ. У дома Лѣсникова, послѣ задержки студента Граматина, свидѣтеля ударила какая-то женщина, но кто—онъ не знаетъ. Гервасій былъ задержанъ въ пальто, безъ шляпы. На томъ человѣкѣ, который махаль знаменемъ, была сѣрая мѣховая шапка или шляпа—свидѣтель хорошенько не замѣтилъ. Когда записывалъ подсудимыхъ въ Казанскомъ участкѣ, свидѣтель видѣлъ фізіономію Боголюбова въ синякахъ и съ всклокоченными волосами. По распоряженію первоприсутствующаго, подс. Ивановъ надѣлъ пальто и шапку. Свидѣтель осмотрѣлъ его, но признать не могъ. Прис. пов. Неклюдовъ обратилъ вниманіе на то, что Васильевъ какъ теперь, такъ и на дознаніи не признавалъ Иванова. Прис. пов. Знамеровскій. Чрезъ кого была арестована Товбичъ?—Свид. Васильевъ. Не помню. Взялъ ее я, но вель ее, кажется, городской Осиповъ.—В. Съ ней не было мужчины?—О. Народу было такъ много, что трудно припомнить.—Подс. Боголюбовъ. Когда вы записывали наши адреса, не слышали ли въ то время мое заявленіе, что насъ били городской и Успенскій?—Свид. Васильевъ. Что то вы заявляли, но хорошо не помню, что именно. Нѣкоторые подсудимые заявили, что они также жаловались на то, что ихъ били. Свид. Влезковъ (студентъ) показаль: между половиною перваго и вторымъ часомъ дня 6 декабря я шелъ по Казанской улицѣ и подходилъ къ Невскому. На площади я увидѣлъ нѣсколько кучекъ народа, приблизительно отъ пяти до десяти человѣкъ въ каждой. Я поинтересовался узнать, въ чемъ дѣло. Съ перваго раза я подумаль, что случилось какое-нибудь происшествіе, напр., не переѣхали ли кого-нибудь. Подойдя къ одной кучкѣ я спросилъ, въ чемъ дѣло, но мнѣ не могли объяснить хорошенко: сказали, что изъ Казанскаго собора хотѣли вынести турецкія и персидскія знамена. Я отправился къ другой кучкѣ. Въ это время я встрѣтилъ Надеждина, поздоровался съ нимъ, но обмѣнялись ли мы нѣсколькими словами или нѣтъ—не помню. Когда я подошелъ ко второй кучкѣ, стоявшей на панели Невскаго проспекта, противъ дверей собора, то со стороны Невскаго подошелъ полицейскій чиновникъ, если не ошибаюсь, тотъ, который находится въ члѣ

свидѣтелей, и предложилъ намъ разойтись, но нѣкоторые изъ бывшихъ въ кучкѣ попросили его разсказать, въ чемъ дѣло. Онъ сказалъ, что самъ не знаетъ, а что когда будетъ сдѣланъ допросъ арестованнымъ, тогда объяснится. Его стали просить, чтобы онъ разсказалъ, что ему извѣстно, и онъ объяснилъ, что вышло нѣсколько человѣкъ изъ собора; одинъ говорилъ рѣчь, другой выбрасывалъ красный флагъ. Когда окончились эти объясненія, къ этой кучкѣ подошелъ и Надеждинъ, который слышалъ, вѣроятно, послѣднія слова полицейскаго чиновника; кажется, это былъ приставъ. Когда онъ окончилъ объясненіе, Надеждинъ обратился къ нему съ вопросомъ о причинѣ сборища. Приставъ предложилъ ему идти домой. Онъ отвѣтилъ, что пойдетъ, но на это приставъ отвѣтилъ, что вопросъ раздвояется: или онъ пойдетъ домой, или съ нимъ. Надеждинъ спросилъ: «зачѣмъ я пойду съ вами? Тогда приставъ взялъ его за край пальто и передалъ полицейскому солдату. Надеждинъ пошелъ за городовымъ, не сопротивляясь, а я пошелъ домой. Тов. прок. Гдѣ вы живете?— Свид. Влезковъ. На Николаевской улицѣ, № 18.—В. Почему васъ нельзя было разыскать въ Петербургѣ.—О. Не знаю.—В. Когда вы прописались?—О. Въ первыхъ числахъ декабря.—В. Послѣ 6-го или раньше?—О. Кажется, 5-го или 4-го.—В. А не 8-го?—О. Не обратилъ на это вниманія.—В. Какъ вы появились потомъ въ числѣ свидѣтелей?—О. Меня потребовали 21-го числа телеграммой на 22-е.—В. А передъ тѣмъ вы не являлись къ шефу жандармовъ лично?—О. Являлся съ инспекторомъ института, такъ какъ онъ узналъ, что я былъ на площади, изъ моего разсказа бывшему моему профессору, который передалъ инспектору.—В. Вслѣдствіе этого инспекторъ и поѣхалъ съ вами къ шефу жандармовъ?—О. Да.—В. Почему вы долго не прописаны были?—О. Я думалъ получить переходный листокъ со старой квартиры, заходилъ туда, но не засталъ дворника.—В. Слѣдовательно, это было неумышленно?—О. Совершенно.—В. Надеждина давно знаете?—О. Съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ въ институтъ.—В. Знали вы его фамилію до того или нѣтъ?—О. Зналъ.—В. Отчего же при дознаніи вы показали, что не знали?—О. Я не вспомнилъ.—В. Вы даже, указавъ на мѣсто скамьи, гдѣ обыкновенно сидѣлъ Надеждинъ, сказали, что вотъ этого арестовали, но не назвали фамиліи. Скажите, которое изъ вашихъ показаній вѣрно?—О. Я фамилію Надеждина зналъ настолько, что могъ припомнить ее, когда мнѣ сказали.—В. Когда съ приставомъ объяснялся Надеждинъ, то онъ вѣжливъ былъ?—О. Я не замѣтилъ, чтобы онъ былъ грубъ.—Прис. пов. Буймистровъ. Хотя вы не прописывались, но вы не скрывались?—Свид. Влезковъ. Нисколько. Инспекторъ института можетъ подтвердить, что я все время являлся въ институтъ. Даже я получилъ отъ инспектора письмо по адресу, который имѣется въ институтѣ.—В. Слѣдовательно, если бы къ вамъ пришли на квартиру, то нашли бы васъ тамъ?—О. Вѣроятно.—В. Надеждинъ на одномъ съ вами курсѣ?—О. На одномъ.—В. Когда на другой день вы пришли въ институтъ, то случайно разъяснилось, что одного изъ вашихъ взяли?—О. Я первый сказалъ объ этомъ бывшему моему профессору, имѣя въ виду, что онъ скажетъ начальству.—Свидѣтель Дубенскій (студентъ) показалъ, что давно знаетъ Надеждина—еще съ училища и семинаріи; въ прошломъ году жилъ съ нимъ три мѣсяца вмѣстѣ. Онъ прилежно занимался науками; сверхъ того, что онъ долженъ былъ знать, какъ студентъ, онъ старался узнать предметы шире. Такъ, напримѣръ, онъ старался изучить астрономію, для чего ходилъ въ публичную бібліотеку, гдѣ читалъ сферическую тригонометрію. Онъ не имѣетъ рѣшительно ничего и пріѣхалъ сюда только съ пятьюдесятью рублями. Изъ семейныхъ у него есть мать и двѣ сестры. Свид. Мерцаловъ (студентъ) показалъ, что Надеждина знаетъ хорошо; нѣсколько времени жилъ

съ нимъ вмѣстѣ. Онъ занимался очень прилежно, такъ что каждый день приходилъ около 6 или 7 часовъ вечера. Онъ объяснялъ это тѣмъ, что до двухъ часовъ онъ былъ въ институтѣ, а остальное время въ публичной библиотекѣ; 6-го декабря, часовъ въ 10 утра, онъ звалъ свидѣтеля въ академію наукъ въ минералогическій отдѣлъ, но свидѣтель отказался, такъ какъ былъ тамъ уже два раза. Надеждинъ сказалъ: «пойдемъ туда», такъ какъ въ этотъ день онъ готовилъ минералогію и потому хотѣлъ посмотреть оригиналы. Знакомыхъ у него, кромѣ свидѣтеля и еще двухъ-трехъ человѣкъ туляковъ, никого не было. Шапочное знакомство его ограничивалось человѣками тремя изъ студентовъ путей сообщения. Свид. Ефимовъ (безсрочно-отпускной рядовой) показалъ: Я переносчикъ мебели. 6-го декабря хотѣлъ идти въ гости въ главный штабъ. Пошелъ домой, отвязалъ фартукъ и пришелъ на мѣсто, гдѣ мы постоянно стоимъ—у Казанскаго моста. Вижу, у собора собралось много публики. Я остановился. Думалъ, что ожидаютъ Государя Императора. Потомъ начали кричать «ура», а сами въ шапкахъ. Тогда я увидѣлъ, что дѣло тутъ другого рода. Я побѣжалъ въ средину толпы и не могу понять, въ чемъ дѣло. Кричатъ: «воля наша! воля наша!» Я остановился и увидѣлъ нашего же носильщика. Спросилъ его, что такое. Онъ сказалъ, что технологи бунтуютъ. Я говорю: уходить не нужно; надо сказать публикѣ, чтобы задержатъ. Потомъ они пошли по площади. «Держаться, говорить, нужно.» Одинъ городской осмѣлился схватить одного изъ толпы: «Что, говорить, вы безобразите—въ участокъ». Тогда нѣсколько человѣкъ схватили его и начали бить. Я заступился и отбилъ отъ него четверыхъ. Я схватилъ одного, у котораго былъ платокъ, но онъ вывернулся, и платокъ остался у меня на рукахъ. Потомъ, когда поразгоняли всѣхъ, я уже не присутствовалъ и въ гости не пошелъ, а стоялъ на своемъ мѣстѣ. Потомъ ко мнѣ подошли три человѣка. Я замѣтилъ, что они были въ толпѣ. Спрашиваютъ меня: чѣмъ тутъ дѣло кончилось. Я сказалъ имъ нѣсколько словъ, а самъ все приглядываюсь къ нимъ, и вижу, что совершенно они были; говорю: спросите вонъ городского, а онъ не далечестоялъ. Думаю, что отъ нихъ будетъ. Городовой сказалъ имъ, что я только не хочу рассказывать, а что все видѣлъ. Они опять ко мнѣ. Одинъ и даетъ мнѣ 15 копеекъ и проситъ рассказать. Я говорю: которыхъ забрали, которыхъ сейчасъ возьмутъ. Они поклонились и пошли. Я показалъ городовому пальцемъ. Онъ ихъ пригласилъ въ участокъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ отвели ихъ. На другой или на третій день я явился въ полицію, принесъ платокъ и рассказалъ. На вопросъ, узнаетъ ли свидѣтель кого-либо изъ подсудимыхъ, онъ указалъ на Боголюбова, какъ на того, который давалъ ему 15 копеекъ. Потомъ, посмотрѣвши пристальнѣе, заявилъ: твердо не могу сказать. Я тогда узнавалъ ихъ, что они присутствовали въ толпѣ, а теперь не могу признать. Знаю только, что вотъ этотъ (показываетъ на Боголюбова) шибко дрался. Какъ кого хватить—такъ тотъ и свалится. Тов. прок. Тѣхъ, кого вы признавали на дознаніи, вы вѣрно ихъ узнавали?—Свид. Ефимовъ. Я совершенно зналъ. (Снова осматриваетъ подсудимыхъ и не можетъ признать ни одного). Время порядочно прошло и одежда другая—во всемъ перемѣна.—В. Когда вамъ ихъ показывали, то они были одѣты въ верхнемъ платьѣ и въ шапкахъ?—О. Точно такъ. На вопросы защиты свидѣтель показалъ, что трое разспрашивавшихъ подходили къ нему часу въ третьемъ. Въ чемъ былъ одѣтъ тотъ, который далъ ему 15 коп., свидѣтель не можетъ припомнить; онъ былъ «испуганъ такъ, что ноги тряслись». Сначала не задерживали никого, а когда полиція хотѣла брать, они стали драться, и свидѣтель съ другими заступился. «Меня еще Богъ миловалъ—попало только сзади, а Кашинцову (городовому) попало и спереди и сзади». Когда городской пригласилъ указанныхъ

выше трехъ въ участокъ, они сначала не хотѣли итти; тогда свидѣтель пошелъ и сказалъ: «вы, господа, дали мнѣ 15 коп. за рассказъ. Какъ же вы не хотите итти. Пожалуйте». Прис. пов. Гантоверъ. Вы видѣли, какъ мальчика подбрасывали?—Свид. Ефимовъ. Видѣлъ. В. Не можете ли объяснить, какъ это было?—О. Не могу объяснить. Видѣлъ только, что онъ все раскидывалъ флагъ. Его поднимутъ, кричатъ «ура», а онъ раскидываетъ надъ головами флагъ.—Тов. прок. Когда задержали трехъ лицъ, то ихъ не били?—Свид. Ефимовъ. Никакъ нѣтъ. Они смирно пошли. Они за родовымъ, а я сзади.—Прис. пов. Рычковъ. Передъ тѣмъ, какъ трое пришли къ вамъ, вы задерживали кого-нибудь? Не вспомните ли кого-нибудь изъ подсудимыхъ?—Свид. Ефимовъ. Не могу узнать.—В. Вы тогда сразу и замѣтили, что они присутствовали въ толпѣ?—О. Узналъ. Одинъ Гервасій. Онъ билъ Кашинцова и я его отпихнулъ; я такъ его запомнилъ, точно давно зналъ. Другихъ видѣлъ, что они присутствовали въ толпѣ.—Прис. пов. Бардовскій. Какой изъ себя этотъ Гервасій?—Свид. Ефимовъ. Рыжая борода; здоровый (подсудимый Гервасій—молодой человекъ, средняя роста, безъ усовъ и бороды).—Прис. пов. Ольхинъ. Что случилось съ тѣми 15 копейками, которые вы получили?—Свид. Ефимовъ. Въ кошелекъ остались. Въ полицию у меня ихъ не взяли. Никто не признался къ нимъ. Свид. Москвинъ (городовой) показалъ: я стоялъ 6 числа противъ Казанскаго собора на посту. Въ 1-омъ часу дня молебень сталъ отходить, и публика начала расходиться. Смотрю—около собора сдѣлался скопъ: выкинули вродѣ флага и стали кричать «ура». Я бросился бѣжать туда. Подбѣжалъ, а толпа пошла къ Кутузову. Я пошелъ за ними и говорю: что такое, господа, дѣлаете. Задній закричалъ: «передніе, стой!» Остановились и стали меня колотить. Я подаль свистки. Потомъ явились другіе городовые и публика, и ихъ стали забирать и доставлять въ участокъ. Тов. прок. Васъ самихъ побили?—Свид. Москвинъ. Меня очень били.—В. Не можете ли признать, кто билъ?—О. Не могу.—В. На дознаніи вы признавали кого-нибудь?—О. Призналъ троихъ.—В. Отчего вы теперь стѣняетесь—посмотрите хорошенько? Свидѣтель осматриваетъ подсудимыхъ и указываетъ на Бочарова и Григорьева. Прис. пов. Бардовскій. Вы видѣли, какъ махали флагомъ?—Свид. Москвинъ. Видѣлъ.—В. Онъ былъ на деревкѣ?—О. Не замѣтилъ.—В. Посмотрите на этихъ двухъ (Боголюбова и Гервасія), не били ли они васъ?—О. Всѣхъ нельзя признать. Тогда меня очень побили.—В. Не слышали ли вы рѣчь, которая произносилась тамъ?—О. Какую рѣчь? Нѣтъ.—Прис. пов. Турчаниновъ. Что носильщики дѣлали?—Свид. Москвинъ. Пособляли брать въ участокъ.—В. Вы показывали, кого брать?—О. Они и сами видѣли, которые дерутся. На слѣдующіе вопросы свидѣтель показалъ, что онъ арестовалъ человекъ пять, передавая ихъ дворникамъ для отправленія въ участокъ. Видѣлъ, что заарестовали человекъ въ сѣрой бараньей шубѣ. Вели его городовою и кто-то изъ публики. (Подсудимый Новаковскій надѣлъ шубу, и свидѣтель призналъ его за того, который былъ арестованъ). Прис. пов. Буймистровъ. Бочаровъ васъ лично не билъ?—Свид. Москвинъ. Не могу знать: можетъ быть, попало и отъ него. Всѣ били. Трудно разобрать. Удары сыпались со всѣхъ сторонъ, какъ дождь. Такъ и клюкаютъ. (Засѣданіе было прервано до 11 часовъ утра слѣдующаго дня).

Первоприсутствующій. Вълѣдствіе заявленнаго вчера ходатайства защиты объ истребованіи изъ 1-го участка Казанской части той книги, въ которой записывались арестованныя лица, особое присутствіе истребовало эту книгу. Въ ней подъ 6-мъ числомъ записаны только адресы нѣкоторыхъ изъ свидѣтелей, вызванныхъ въ настоящее засѣданіе. Затѣмъ никакихъ другихъ указаній въ этой книгѣ нѣтъ.—Прис. пов. Полуянскій ходатай-

ствовалъ объ исправленіи нѣкоторыхъ невѣрностей въ обвинительномъ актѣ, а именно, въ обвинительномъ актѣ сказано, что подсудимый Громовъ проживалъ безъ прописки и безъ мѣста. Между тѣмъ, когда онъ содержался въ тюрьмѣ, то чрезъ прокурорскій надзоръ ему было прислано 28 руб. 90 коп., какъ заработанные имъ на фабрикѣ Голубева. Изъ квитанціи, которую защитникъ представилъ, видно, что подсудимый до 6 декабря работалъ на заводѣ.—Тов. прок. не оспаривалъ факта передачи подсудимому 28 р. 90 к. за работу на заводѣ, но оставилъ за собою право разъяснить это обстоятельство впослѣдствіи.—Прис. пов. Неклюдовъ заявилъ, что въ обвинительномъ актѣ относительно подсудимаго Иванова также есть невѣрные свѣдѣнія. Тамъ сказано, что онъ былъ безъ мѣста, а, между тѣмъ, изъ представленнаго защитникомъ официального удостовѣренія видно, что Ивановъ цѣлый годъ работалъ на патронномъ заводѣ.—Свид. Трещовъ (городовой) показалъ, что 6 декабря онъ стоялъ на посту на Невскомъ противъ Большой Конюшенной, услышалъ свистокъ, а потомъ другой, и побѣжалъ на Казанскую площадь. Прибѣжавъ туда, онъ увидѣлъ, что нѣсколько человекъ бьютъ Успенскаго; онъ бросился отнимать его, но самъ подвергся побоямъ, причѣмъ ему были нанесены три раны; онъ взялъ одного изъ тѣхъ, который его билъ, и представилъ въ участокъ. Изъ числа подсудимыхъ свидѣтель указалъ на Бибергаль, который наносилъ ему удары, потомъ на Боголюбова и Новаковскаго. При этомъ свидѣтель добавилъ, что на дознаніи онъ признавалъ личности вѣрно, но теперь запямятовалъ. Притомъ же въ то время ему показывали ихъ въ томъ платьѣ, въ какомъ они были на площади. Боголюбовъ не наносилъ ему ударовъ. Гервасія и Геллера онъ не видѣлъ. Слышалъ, какъ кричали «ура», но флага не видѣлъ и рѣчи не слышалъ. Боголюбовъ билъ надзирателя и другихъ.—Подс. Бибергаль. Въ своемъ показаніи на дознаніи вы говорили, что держали кого-то, а въ это время васъ кто-то другой билъ, и что того, котораго держали, вы не выпустили и отвели въ участокъ.—Свид. Трещовъ. Нѣтъ, тотъ самый наносилъ ударъ, котораго я держалъ.—Подс. Бибергаль просилъ прочесть показаніе свидѣтеля въ виду разнорѣчія.—Тов. прок. просилъ судъ удостовѣрить, что никакого разнорѣчія въ показаніи свидѣтеля нѣтъ, кромѣ того, что онъ теперь не можетъ признать нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ признавалъ на дознаніи.—Свид. Трещовъ, указавъ еще на Новаковскаго, сказалъ, что онъ «совался въ той толпѣ».—Пом. прис. пов. Граціанскій. Отчего вы не признавали его на дознаніи, когда вамъ его предъявляли?—Свид. Трещовъ. Я показывалъ.—Тов. прок. Въ чемъ онъ былъ одѣтъ?—Свид. Трещовъ. Въ барашковой шубѣ съ воротникомъ.—В. Воротникъ большой?—О. Нѣтъ, средній.—Первоприсутствующій. Какого цвѣта была шуба?—Свид. Трещовъ. Чернаго.—Подс. Бибергаль снова просилъ разъяснить указанное имъ выше обстоятельство.—Первоприсутствующій (къ свидѣтелю). Вы указывали на одного изъ подсудимыхъ, который былъ въ шубѣ. Вы не ошиблись ли?—Свид. Трещовъ. Нѣтъ.—В. Вы помните, что это лицо было въ шубѣ чернаго сукна?—О. Такъ точно.—Подс. Геллеръ. Я былъ въ барашковомъ пальто, а этотъ свидѣтель на дознаніи указалъ на меня (подсудимый одѣлся въ пальто и шапку). Свидѣтель осмотрѣлъ его и сказала: «никакъ нѣтъ».—Подс. Геллеръ. Мнѣ положительно помнится, что свидѣтель указывалъ на меня 13 декабря.—Свид. Трещовъ. Нѣтъ, это не та шуба.—Прис. пов. Рычковъ. На дознаніи вы ясно помнили?—Свид. Трещовъ. Ясно, кажется.—В. Какой воротникъ былъ у шубы?—О. Тотъ воротникъ былъ длинный, а этотъ съ перерывомъ.—По распоряженію первоприсутствующаго подс. Фалинъ надѣлъ свою шубу. Свид. Трещовъ. Въ эту эту самый; на эту шубу похоже. Подс. Фалинъ. На дознаніи меня предъявля-

ли свидѣтелю съ непокрытой головой, потому что у меня не было шапки. Мнѣ сбили ее на площади, а теперь шапка другая. Когда насъ предъявляли, кажется, свидѣтелю Трещову, то мы входили въ комнату и насъ подвели; подвели меня—онъ сказалъ: «видѣлъ»; подвели другого—сказалъ тоже: «видѣлъ». Всѣхъ видѣлъ. Когда я его спросилъ, гдѣ онъ меня видѣлъ, то майоръ сказалъ, что «это послѣ». Оказывается, что Трещовъ, дѣйствительно, всѣхъ видѣлъ, но не на площади, а въ участкѣ. Тогда онъ указалъ на нѣкоторыхъ, и, когда меня предъявили ему во второй разъ, онъ не указалъ на меня, а сказалъ, что видѣлъ только въ участкѣ.—Свид. Трещовъ. Никакъ нѣтъ; я видѣлъ ихъ на площади. (Подс. Новаковскій одѣлся; шуба покрыта сѣрымъ сукномъ, мѣхъ овчинный, черный, длинный). Свид. Трещовъ. Нѣтъ, я такой шубы не видалъ.—Свид. Есипенко (городозой) показалъ, что 6 декабря онъ стоялъ на часахъ у собора. Къ нему вышелъ староста и сказалъ, что нужно дать знать въ участокъ о томъ, что въ церкви скопилась большая толпа студентовъ. Немного погодя, онъ пошелъ въ церковь, чтобы удостовѣриться. Въ то время молебствіе отошло, и вся толпа пошла плотною массою изъ церкви. Онъ хотѣлъ выйти, но его оттѣснили, такъ что онъ вышелъ изъ церкви уже по выходѣ толпы. Когда онъ вышелъ на площадь, то увидѣлъ толпу молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ говорилъ: «подходи, господа, подходи». Онъ побѣждалъ въ участокъ и дорогою слышалъ крики «ура». Доложивши приставу, который тотчасъ же отправился на площадь, онъ также явился туда. Тамъ ему передалъ мужчину, котораго онъ свелъ въ участокъ. Придя туда, господинъ этотъ направилъ ему въ грудь пистолетъ и спустилъ курокъ, но выстрѣла не послѣдовало, потому что въ барабанѣ не было двухъ зарядовъ и курокъ опустился на пустой стволъ барабана. Человѣкъ этотъ снова сталъ взводить курокъ. Тогда свидѣтель успѣлъ схватить за пистолетъ и пока вырывалъ, человѣкъ спускалъ нѣсколько разъ курокъ, такъ что ранилъ ему на правой рукѣ указательный палецъ, который попалъ подъ курокъ. Вернувшись изъ участка, онъ засталъ толпу уже у памятника Кутузова. Изъ подсудимыхъ свидѣтель указалъ на Боголюбова, какъ на того, который хотѣлъ стрѣлять въ него изъ пистолета, и потомъ на Громова и Морошкина. Подс. Ивановъ надѣлъ свое верхнее платье. Свидѣтель его не призналъ.—Прис. пов. Неклюдовъ заявилъ, что это уже четвертый свидѣтель, который не признаетъ подсудимаго.—Тов. прок. объяснилъ, что въ обвинительномъ актѣ, въ концѣ стр. 11-й и на 12-й, изложено, что всѣ рабочіе, обвиняемые по настоящему дѣлу, сведены въ одну группу, затѣмъ разобраны ихъ показанія и указаны огуломъ всѣ свидѣтели, которые показываютъ противъ cadaго изъ этихъ обвиняемыхъ. Такимъ образомъ, станвится очевиднымъ, что противъ подсудимаго Иванова является одинъ свидѣтель Успенскій, показанія же прочихъ свидѣтелей относятся до другихъ подсудимыхъ. — Присяжный повѣренный Неклюдовъ прочелъ изъ обвинительнаго акта выраженіе, относящееся до Иванова, и замѣтилъ, что оно по своему построению давало ему право относить показанія всѣхъ свидѣтелей и къ Иванову.—Затѣмъ свид. Трещовъ осмотрѣлъ подсудимаго Фалина и призналъ его за того человѣка, который былъ возлѣ толпы предъ самою церковью. На вопросъ защиты свидѣтель показалъ, что въ толпѣ кто то говорилъ рѣчь, но онъ не слушалъ, потому что спѣшилъ въ участокъ. Дорогой онъ встрѣтилъ Успенскаго, которому заявилъ о случившемся. Отъ собора до участка бѣжалъ менѣе пяти минутъ. Когда вернулся, Успенскій передалъ ему дѣвицу; онъ ее отвелъ, возвратился снова и взялъ еще одного (Боголюбова). Личность этой дѣвицы свидѣтель не припомнитъ. Когда онъ вырывалъ пистолетъ у Боголюбова, то закричалъ: «помогите, хотятъ застрѣлить». Подскокиль, и

они оторвали барабанъ. Свидѣтелю были предъявлены два пистолета разныхъ системъ: одинъ взятый у Боголюбова, а другой найденный между дверьми; свидѣтель указалъ на маленькій пистолетъ и показалъ, какимъ образомъ онъ держалъ барабанъ, причемъ курокъ при спускѣ попадалъ на основаніе указательнаго пальца правой руки. Далѣе свидѣтель показалъ, что Фалина онъ видѣлъ стоявшимъ недалеко отъ церкви. Боголюбова свидѣтелю передалъ Успенскій. Подсудимый былъ въ лѣтнемъ пальто. Подсуд. Фалинъ. Я разъясню, какъ попалъ на площадь. 28-го числа я пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Москвы, чтобы получить свои документы изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, куда они были пересланы въ 1875 году изъ технологическаго института по поводу вызова меня изъ-за границы. Документы были мнѣ необходимы, чтобы держать экзаменъ на учителя. 2-го декабря я получилъ справку изъ института и отправился въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но тамъ не могъ ихъ найти. 5-го декабря утромъ вмѣстѣ съ товарищемъ я отправился изъ дому въ публичную бібліотеку, оттуда часа въ три я пошелъ въ одно знакомое семейство обѣдать. Вечеромъ вмѣстѣ съ этимъ семействомъ отправился въ театръ и ночевалъ въ этомъ семействѣ. На дознаніи я не заявлялъ, что не ночевалъ дома. На другой день, 6-го декабря, утромъ я отъ нихъ (они живутъ у Семеновскаго моста) въ 1-мъ часу отправился на уголъ Невскаго и Казанской улицы въ шляпный магазинъ купить фуражку. Подходя къ углу Невскаго, я увидѣлъ на Казанской площади толпу. Нѣкоторые спѣшили туда же. Пошелъ и я за ними. У собора я увидѣлъ слѣдующую картину: шагахъ въ семи или восьми отъ тротуара дома Лѣсникова происходила свалка. Я былъ пораженъ этимъ. Обратился къ публикѣ и спросилъ: что такое? Въ это время съ противоположной стороны набѣжало еще нѣсколько человѣкъ, такъ что я очутился въ самой толпѣ. Въ это время слышу: «а! бунтоваты!», и я получилъ ударъ, отъ котораго упалъ. Когда я поднялся, ко мнѣ подскочили двое городовыхъ и стали меня бить; народъ окружилъ, и удары такъ и сыпались. Въ этой свалкѣ я потерялъ деньги. Я такъ былъ ошеломленъ, что не помню, какъ меня привели въ участокъ. Такимъ образомъ, показаніе этого свидѣтеля, что онъ меня видѣлъ, я отрицаю. Знакомые, у которыхъ я ночевалъ—семейство Серебренникова. Подсуд. Бибергаль. Я снова обращаюсь съ просьбою, чтобы Трещовъ былъ спрошенъ: была ли его та личность, которую онъ держалъ и потомъ отвелъ въ участокъ, т. е. я, —или, какъ онъ говорилъ на дознаніи, онъ меня держалъ, а въ это время его кто-то билъ.—Первоприсутствующій (къ свидѣтелю Трещову). Этого подсудимаго задержали вы?—Свид. Трещовъ. Я.—В. И привели въ участокъ тоже вы?—О. Я.—Подс. Бибергаль. Я прошу, чтобы его показаніе было прочитано. Тамъ онъ говоритъ, что онъ держалъ того, котораго привелъ въ участокъ, а въ то время его билъ другой.—Первоприсутствующій (къ свидѣтелю). Вы утверждаете, что онъ васъ билъ?—Свид. Трещовъ. Да, билъ; когда я сталъ отнимать Успенскаго, то этотъ господинъ наскочилъ на меня и сталъ бить. Я схватилъ его и держалъ. Въ это время меня тоже били, но я его не выпустилъ и отвелъ въ участокъ.—Свид. Ивановъ (новоладожскій мѣщанинъ) показалъ, что онъ шелъ вмѣстѣ съ своимъ знакомымъ Сидоровымъ по Казанской улицѣ. Выйдя на площадь, они услышали крики и думали, что проѣхалъ Государь. Но тотчасъ же увидѣлъ, что шумѣла молодежь. Затѣмъ онъ видѣлъ, что околоточный Васильевъ ворвался въ толпу и взялъ одного, который впослѣдствіи оказался Гервасіемъ. Въ это время толпа нахлынула на околоточнаго и Гервасію удалось отдѣлаться отъ полицейскаго. Свидѣтель хорошо не знаетъ—Гервасій или другой ударилъ Васильева, такъ что онъ свалился. Потомъ онъ увидѣлъ женщину, которую вели изъ толпы, и которая была по

лицу ведшихъ ее. Затѣмъ была общая свалка, окончившаяся арестомъ нѣсколькихъ лицъ. Толпу свидѣтель увидѣлъ у памятника Кутузова. Флага не видалъ. Отъ нѣкоторыхъ изъ публики слышалъ, что читалось какое-то воззваніе къ народу и выкидывался красный флагъ. Подходя къ собору, свидѣтель между криками «ура» слышалъ одинъ разъ крикъ «свобода». Затѣмъ свидѣтель указалъ на подсудимыхъ Гервасія и Шефтеля. Другихъ не призналъ, заявивъ, что на дознаніи онъ видѣлъ ихъ въ томъ костюмѣ, въ которомъ видѣлъ ихъ на площади. Осмотрѣвъ еще разъ подсудимыхъ, онъ указалъ на Николаевскую, которую видѣлъ въ толпѣ. Затѣмъ подсудимые Новаковскій и Фалинъ надѣли свои шубы; свидѣтель призналъ Новаковского, причѣмъ объяснилъ на вопросъ товарища прокурора, что теперь указываетъ вѣрно; что же касается тѣхъ, которыхъ онъ опозналъ на дознаніи, то онъ говорилъ въ то время только предположительно. Прис. пов. Бардовскій. Когда вы видѣли Гервасія, что онъ дѣлалъ?—Свид. Ивановъ. Я видѣлъ, когда его задержалъ Васильевъ.—В. Онъ шумѣлъ или нѣтъ?—О. Не могу положительно сказать: при такомъ стеченіи народа, въ такой суматохѣ трудно было замѣтить.—В. Гдѣ это было?—О. Ближе къ памятнику Кутузова.—В. Вы видѣли, что Гервасій билъ Васильева?—О. Я видѣлъ, что Васильева ударили, и онъ свалился, но Гервасій или другой—не могу утвердительно сказать. Какъ будто Гервасій.—В. Какъ онъ былъ одѣтъ?—О. Въ пальто и круглой мягкой шляпѣ. Подс. Гервасій. На мнѣ былъ пледъ?—Свид. Ивановъ. Я видѣлъ издали, поэтому не замѣтилъ—на васъ ли былъ пледъ или на другомъ.—Прис. пов. Архангельскій. Вамъ предъявляли на дознаніи Николаевскую?—Свид. Ивановъ. Предъявляли. Я видѣлъ ее въ толпѣ у памятника Кутузова.—В. Не помните ли, куда отъ васъ Сидоровъ ушелъ?—О. У памятника я его потерялъ.—В. Кто задержалъ Николаевскую?—О. Не замѣтилъ.—Пом. прис. пов. Граціанскій. Что дѣлалъ Новаковскій въ толпѣ?—Свид. Ивановъ. Толпа двигалась, и онъ шелъ въ ней. Когда начался арестъ и полиціи было мало, то сама публика приняла участіе и заступилась за полицію.—Подсуд. Николаевская. Когда вамъ предъявляли меня, то вы не утвердительно говорили, что именно меня видѣли, а сказали: «кажется».—Свид. Ивановъ. Я и теперь также говорю, что кажется.—Тов. прок. Вы пришли въ тотъ моментъ, когда наносили удары Васильеву?—Свид. Ивановъ. Онъ врѣзался въ толпу, арестовалъ этого господина (Гервасія) и держалъ его; но молодежь накинулась на Васильева, и тутъ сдѣлалась общая свалка.—В. Тутъ вы и видѣли Гервасія?—О. Да, въ это время. Прис. пов. Бардовскій обратилъ вниманіе особаго присутствія на то, что показаніе Иванова не подтверждено свидѣтелемъ Васильевымъ, который показалъ, что задержалъ Гервасія уже у дома Лѣсникова и по указанію постороннихъ лицъ. Тов. прок. не нашелъ разнорѣчія между показаніями обоихъ свидѣтелей. Спрошенъ свидѣтель Васильевъ, который показалъ: съ угла Конюшенной и Невскаго я увидѣлъ въ толпѣ флагъ; побѣжалъ туда и схватилъ личность, которая, какъ мнѣ казалось, держала флагъ и была похожа на Гервасія, но въ это время меня ударами сбили съ ногъ. Впослѣдствіи мнѣ указали на Гервасія, какъ на того, который держалъ флагъ. Прис. пов. Бардовскій заявилъ, что свидѣтель измѣнилъ свое показаніе. Свид. Васильевъ объяснилъ, что онъ вчера говорилъ то же, что теперь, а именно, что первый разъ онъ задержалъ Гервасія у собора, а потомъ у дома Лѣсникова. Свид. Сидоровъ (мѣщанинъ) показалъ, что 6-го декабря онъ былъ въ Казанскомъ соборѣ у обѣдни. Въ церкви онъ замѣтилъ «особенную публику». Люди были молодые и одѣты особеннымъ образомъ. Когда начался молебенъ, онъ ушелъ въ магазинъ, а оттуда пошелъ домой обѣдать съ своимъ знакомымъ Ивановымъ. Подходя къ собору, они услышали шумъ и отъ пуб-

лики узнали, что бунтуютъ студенты. Другіе называли ихъ поляками. Говорили, что поднимали флагъ, произносили имя Чернышевскаго и другихъ. Прибѣжалъ околоточный, раздались свистки; околоточный ворзался въ толпу. Свидѣтель видѣлъ, что первымъ изъ полиціи подбѣжалъ къ толпѣ городской, но его «сшибли». Послѣ этого публика приняла участіе и стала помогать полиціи. Тутъ произошла общая свалка. На вопросы обвиненія и защиты свидѣтель показалъ, что шумѣвшую толпу тотчасъ же можно было отличить отъ зрителей. Общее впечатлѣніе получалось такое, что когда полиція приступила къ арестамъ, то ее приняли побоями. Съ Ивановымъ свидѣтель разошелся потому, что ихъ раздѣлила толпа, шедшая отъ собора къ Невскому. Изъ середины ея нѣсколько лицъ бросилось на зрителей, которые раздвинулись, и вотъ тутъ свидѣтель отдѣлился отъ Иванова. Свидѣтель помогъ арестовать двухъ лицъ. Арестовывали не зря, а тѣхъ, которые шумѣли. При этомъ было указаніе полиціи и собственное убѣжденіе. «Брали тѣхъ, сказалъ свидѣтель, которые выскакивали изъ толпы и бросались на публику». Свидѣтель самъ видѣлъ, какъ били одного кучера, который хотѣлъ перейти черезъ площадь, и еще одного человѣка изъ зрителей. Прис. пов. Архангельскій. Вы не признаете подсудимую Николаевскую за ту женщину, которая была въ толпѣ?—Свид. Сидоровъ. Признаю и нѣтъ. Утвердительно сказать не могу. На вопросъ прис. пов. Знамеровскаго, какъ велика была толпа, свидѣтель такъ опредѣлилъ, указывая на залу суда: «какъ отъ оконъ и до дверей». Свид. Самуилъ Егоровъ (приписанный къ Кузьминской волости Гдовскаго уѣзда) показалъ, что, выйдя съ Малой Конюшенной на Казанскую площадь, онъ увидѣлъ тамъ толпу, а потомъ услышалъ крики «ура», перешелъ черезъ проспектъ, подошелъ къ толпѣ и увидалъ, что бьютъ околоточнаго, который закричалъ: «нѣтъ ли кого-изъ военнаго званія?» Свидѣтель бросился къ нему на помощь въ толпу. Околоточный далъ ему человѣка, котораго онъ отвелъ въ участокъ. При этомъ его кто-то два раза ударилъ. Первоприсутствующій. Вы можете узнать того, котораго отводили?—Свид. Егоровъ. Узнаю (смотритъ и показываетъ на Бочарова). Подсудимый Бочаровъ. Это не вѣрно. На вопросы товарища прокурора свидѣтель показалъ, что когда онъ услышалъ «ура», то въ то же время увидѣлъ красный флагъ, поднимавшійся надъ толпою. Свидѣтель видѣлъ, какъ били родовыхъ и околоточнаго Успенскаго. Тов. прок. Вы не ошибаетесь, что этого (показываетъ на Бочарова) вели въ участокъ. (Егоровъ молчитъ). Первоприсутствующій. Не бойтесь; говорите.—Свид. Егоровъ. Я думаю о томъ, на какомъ мѣстѣ нахожусь, а объ этомъ дѣлѣ... недѣли три прошло... я могу позабыть. Я тогда показалъ на человѣка высокаго роста. Я указалъ на Боголюбова. Я ошибся. Я видѣлъ вотъ этого (показываетъ на Бочарова).—В. Теперь вы удостовѣряете, что не Боголюбова, а Бочарова вели?—О. Вотъ этого (указываетъ на Бочарова).—Прис. пов. Бардовскій. Знамя на древкѣ было или въ рукахъ?—Свид. Егоровъ. Не видѣлъ.—В. Вы точно помните, что на дознаніи не то лицо показали?—О. Да, я ошибался.—Тов. прок. Изъ толпы его взяли?—Свид. Егоровъ. Изъ толпы.—В. Которая шумѣла и дралась?—О. Такъ точно. Свид. Кубовъ (мѣщанинъ) показалъ, что 6-го декабря онъ шелъ изъ Круглага рынка обѣдать въ Мучной переулочъ на квартиру. На углу Невскаго и Казанской площади онъ увидѣлъ много публики и изъ любопытства вошелъ въ толпу. Тамъ неизвѣстно кто ударилъ его по затылку. «Я упалъ и побоялся вставать»; лежа взглянулъ исподтишка и вижу, что какая-то дама схватила меня за волосы и начала таскать; потомъ еще увидѣлъ стриженую. Потомъ я вскочилъ на ноги и увидѣлъ, что околоточный надзиратель барахтается съ господиномъ. Околоточный проситъ помощи; я помогъ,

и его повели. На углу Невского кто-то сказалъ околоточному: «возьмите и того, которому носъ разбили». Околоточный вернулся и пригласилъ въ участокъ того, у котораго носъ былъ разбитъ. Отведя арестованнаго въ участокъ, свидѣтель возвращался по Конюшенной и встрѣтилъ нѣсколькихъ человекъ, которыхъ вели туда городовые и публика. Его пригласили опять помочь; онъ помогъ и въ участкѣ записали его адресъ. Въ то время, когда его ударили и онъ лежалъ, на немъ изорвали одежду. Били и тогда, когда онъ велъ арестованнаго. Свидѣтель такъ разсказалъ эту сцену: «Когда мы съ околоточнымъ вели господина, то и меня, и околоточнаго, и господина били.» На вопросъ: почему били всѣхъ троихъ, свидѣтель объяснилъ: «господина били изъ публики: говорили, что онъ полякъ, а насъ били эти господа за то, что мы вели.» На вопросы товарища прокурора свидѣтель показалъ, что вели господина высокаго роста, смуглаго. Взяли его на серединѣ площади. Когда брали, онъ сопротивлялся, а потомъ пошелъ смиренно. Изъ подсудимыхъ женщинъ свидѣтель не могъ узнать ту, которая таскала его за волосы, а изъ мужчинъ онъ сначала указалъ на Боголюбова, а потомъ на Бочарова. Далѣе онъ указалъ на Попова и объяснилъ, что увидѣлъ его, когда возвращался изъ участка и ему попались навстрѣчу арестованные. вмѣстѣ съ Поповымъ была и какая-то женщина. Свидѣтель указалъ на Николаевскую. Прис. повѣр. Полуянскій заявилъ, что свидѣтель, вѣроятно, ошибается и принимаетъ Николаевскую за Товбичъ. Предъявлена свидѣтельница Товбичъ. Свидѣтель заявилъ, что можетъ быть онъ и ошибается. Прис. пов. Знамеровскій. Вотъ этотъ человекъ (указываетъ на Попова) шелъ вмѣстѣ съ женщиной?—Свид. Кубовъ. вмѣстѣ—В. Онъ не сопротивлялся?—О. Сопротивленія не имѣлъ. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что когда свидѣтелю предъявляли подсудимыхъ въ жандармскомъ управленіи, то онъ не могъ хорошо ихъ разсмотрѣть, потому что въ комнатѣ было темно, а когда они были предъявлены ему въ зданіи окружнаго суда, то онъ узналъ и показалъ на Бочарова. (Свидѣтельница Товбичъ одѣлась въ тотъ костюмъ, въ которомъ она была, а именно въ пальто, шляпку и платокъ). Свид. Кубовъ, осмотрѣвъ ее и Николаевскую, заявилъ, что онъ встрѣтилъ женщину, которая болѣе похожа на Николаевскую. Подс. Поповъ заявилъ, что свидѣтель на дознаніи не признавалъ его. Тов. прок. заявилъ, что свидѣтель такого показанія на дознаніи не давалъ. Было прочтено это показаніе, изъ котораго видно, что свидѣтель видѣлъ, какъ Попова провели съ какою-то женщиною мимо его; гдѣ ихъ взяли—не знаетъ и не можетъ вспомнить, была ли которая-либо изъ предъявленныхъ ему женщинъ на площади. Первоприсутствующій. Вы видѣли Попова съ женщиною?—Свид. Кубовъ. Видѣлъ женщину, но не могу указать личность. На дальнѣйшіе вопросы обвиненія и защиты свидѣтель показалъ, что подсудимаго Боголюбова онъ видитъ сегодня въ четвертый разъ; на дознаніи показывалъ вѣрно и это показаніе подтверждаетъ. Прис. пов. Полуянскій заявилъ, что защитѣ неизвѣстно, что именно показывалъ свидѣтель на дознаніи. Первоприсутствующій замѣтилъ, что защитнику это должно быть извѣстно, такъ какъ дѣло всѣмъ защитникамъ было открыто. Тов. прокурора ходатайствовалъ, въ виду заявленія Полуянскаго, о прочтеніи показанія свидѣтеля Кубова. Вслѣдствіе этого, показаніе это было прочтено. Сущность его не противорѣчитъ тому, что свидѣтель показалъ на судѣ. Свид. Кашинцовъ (носильщикъ) показалъ: мы постоянно находимся у Казанскаго собора. Случилось мнѣ 6-го декабря, въ первомъ часу, быть у собора. Вдругъ я взглянулъ къ церкви и вижу: собирается толпа народу къ подъѣзду, гдѣ изволитъ приѣзжать царская фамилия. Насъ было двое: я и Пантелеевъ. Я оглянулся и говорю: «Семень Семеньчъ! Должно

быть царская фамилія будетъ у собора». Онъ посмотрѣлъ и сказалъ: «Если бы прѣехала царская фамилія, то на лѣстницѣ выстали бы красный коверъ.»—«Постой,» говорю я—«погляжу», и побѣжалъ къ толпѣ. Забрался въ середину, слышу—одинъ разговариваетъ громкимъ голосомъ, руками махаетъ, поворачивается на всѣ стороны. Говоритъ, какъ русскій царь неправильно дѣлаетъ. Также русское правительство неправильно дѣлаетъ и какъ обижаютъ бѣдныхъ, а богатыхъ награждаютъ. Проговорилъ эти слова, потомъ замолчалъ. Потомъ толпа подняла руки кверху, захопала въ ладоши и закричала: «браво, браво!» Я не понялъ, къ чему это было дѣло. Потомъ вдругъ мальчика деревенскаго въ шубѣ сейчасъ бросили кверху, а онъ красное полотно раскрылъ. Потомъ они нѣсколько разъ кидали его кверху. Какъ метнуть—такъ онъ развернетъ красное полотно. Потомъ они закричали «ура», и нѣкоторые шапки кверху кидали. Тогда мальчика опустили въ середину. Потомъ кто-то сказалъ: «Теперь братцы, идите плотно, а кто къ намъ подойдетъ, тотъ безъ головы пойдетъ.»—Пошли къ Кутузову монументу. Я вышелъ изъ толпы. Слышу—городовой далъ нѣсколько свистковъ. Въ то время городовыхъ мало было. Народу много стояло, только никто не прикасался. Городовой захватилъ одного и остановилъ. Человѣка два повернулось—одинъ въ ухо, а другой—въ другое. Я схватился за городского. Говорю: нельзя такъ безобразить. Они начали на меня нападать. Я разсердился. Думаю: ну, такъ все равно: коли меня бить, такъ я васъ не выпущу. Схватилъ одного, повалилъ и лежу на немъ. Тутъ меня кто за рукавъ, кто за полу, кто за что—все пальто разорвали и стали пинками бить. Какой-то лавочникъ увидалъ, что человѣка такъ терзаютъ, ну, и заступился. Потомъ, на которомъ я лежалъ, взялъ я его, и кажется, его отвелъ городской. Я всталъ не въ своемъ умѣ, ошалѣвши; побѣжалъ на площадь и вижу, они дѣлаютъ разсыпной строй, а ихъ хватаютъ. У меня пальто осталось на площади у церкви. Я подумалъ: побили, да еще и пальто унесутъ. Воротился къ церкви, взялъ пальто и домой.—Первоприсутствующій. Можете вы узнать того, который держалъ красное знамя?—Свид. Кашинцовъ. Мальчикъ былъ. Узнаю. Онъ лицомъ былъ ко мнѣ.—Первоприсутствующій. Посмотрите на подсудимыхъ.—Свид. Кашинцовъ (указываетъ на Потапова). Вотъ этотъ самый. Затѣмъ свидѣтелю предъявленъ флагъ, который онъ призналъ за тотъ самый, который видѣлъ.—Тов. прок. Какъ стояла шумѣвшая толпа: отдѣльно или смѣшивалась съ зрителями?—Свид. Кашинцовъ. Совсѣмъ отдѣльно: все равно, какъ я теперь стою здѣсь. Народъ остановился и глядитъ только. Никто не подходилъ.—В. На дознаніи вы признавали еще кого-нибудь?—О. Я узналъ того, кто первый далъ мнѣ плюху (смотритъ на подсудимыхъ). Теперь они перемѣнились. Не могу признать.—В. А тогда вѣрно показывали?—О. Вѣрно.—Прис. пов. Гантоверъ. Вы далеко стояли отъ говорившаго?—Свид. Кашинцовъ. Вотъ какъ до этого стола (показываетъ на столъ вещественныхъ доказательствъ, стоящій впереди его шага на четыре).—В. Не замѣтили ли вы мальчика съ флагомъ раньше въ толпѣ?—О. Нѣтъ.—В. Публика далеко была отъ толпы?—О. Сажени на три.—В. Не могли они этого мальчика взять изъ публики?—О. Не знаю.—Защитникъ просилъ, чтобы подсудимому было разрѣшено самому развернуть флагъ. Первоприсутствующій. Если это въ пользу защиты и подсудимый желаетъ, то можетъ.—Прис. пов. Гантоверъ. Это его желаніе.—Свид. Кашинцовъ. Онъ лучше меня знаетъ, какъ развертывалъ.—Подс. Потаповъ беретъ флагъ, развертываетъ его и спрашиваетъ свидѣтеля: «какъ я махалъ?»—Свид. Кашинцовъ. Я показывалъ.—Подс. Потаповъ. Я все не махалъ.—Первоприсутствующій. Такъ какъ подсудимый отвергаетъ это обстоятельство, то, г. судебный приставъ, возьмите у него

флагъ. Подсудимый, садитесь.— Прис. пов. Гантоверъ. Не помните ли, свидѣтель, Ефимовъ вмѣстѣ съ вами былъ?—Свид. Кашинцовъ. Нѣтъ, я на площади долго не стоялъ. Когда мнѣ наклали, я взялъ пальто и ушелъ. Подс. Потаповъ. Слушайте, господинъ Кашинцовъ. Вы показали на меня, что будто бы я держалъ флагъ, а на дознаніи вы не признали. Вы не сказали, что это флагъ, а сказали, что «вижу что-то красное».—Свид. Кашинцовъ. Я сразу сказалъ: красное съ бѣлыми буквами, съ аршинъ длиною.—В. Почему вы на дознаніи 7-го числа меня не узнали? Вы сказали, что только полушубокъ признаете.—О. Я стоялъ около стѣны въ III Отдѣленіи, когда допрашивали, и слышу, что кто-то пришелъ. Я, какъ только оглянулся, такъ сразу тебя и узналъ (обращаясь къ суду): точно какъ сердце услышало, что это тотъ мальчикъ.—Прис. пов. Турчаниновъ. Не слышали вы въ рѣчи, которая говорилась, фамилій: «Чернышевскій», «Нечаевъ»?—Свид. Кашинцовъ. Нѣтъ, не слыхалъ. Онъ говорилъ: какъ царь неправильно дѣлаетъ и какъ правительство неправильно обиждаетъ.—В. Слово «царь» вы слышали?—О. Да, слышалъ.—Прис. повѣр. Неклюдовъ. Вы сказали, что когда началась свалка, то толпа была въ разсыпномъ строю? Свид. Кашинцовъ. Такъ точно. Я тогда какъ всталъ, уже лавочники вышли, и толпа стала разсыпаться.—В. Такъ что въ то время публика была въ перемежку съ ними?—О. Да.—Тов. прок. Люди, шумѣвшіе въ толпѣ, отличались отъ лавочниковъ?—Свид. Кашинцовъ. Лавочники были въ фартукахъ, а это какой-то странный народъ былъ: шапки вострыя, волосы длинные—совсѣмъ не то.—Прис. пов. Неклюдовъ. Слѣдовательно, брали тѣхъ, которые отличались такимъ костюмомъ?—Свид. Кашинцовъ. Нѣтъ, зря не брали. Кого возьмутъ—онъ сейчасъ кому въ ухо, кому носъ разобьетъ. Вотъ поэтому ихъ и брали.—Тов. прок. Сколько разъ вы видѣли этого мальчика?—Свид. Кашинцовъ. Да сегодня четвертый разъ.—Прис. пов. Гантоверъ. Какъ его поднимали?—Свид. Кашинцовъ. Извѣстно: какъ мы начальство поднимали, такъ и они его.—Свид. Рябининъ (крестьянинъ) показалъ: 6-го числа я былъ въ Казанскомъ соборѣ. Выйдя изъ церкви, я услышалъ голосъ, говорящій на русскомъ языкѣ, поспѣшилъ узнать что такое и пошелъ по направленію къ говорящему. На площади стояла толпа народу. Въ это время изъ толпы подняли мальчика, у котораго, какъ я выразился на дознаніи, была какая-то тряпка, которая впоследствии оказалась флагомъ, и которою онъ размахивалъ. Были слышны голоса: «да здравствуетъ», но что—я не слыхалъ. Потомъ нѣсколько разъ прокричали дружно «ура». Послѣ этого толпа плотною кучкою потянулась къ Невскому и у памятника Кутузова стала бить какого-то старика. Я пошелъ сзади толпы. Мнѣ хотя и странно было, но я хотѣлъ узнать, въ чемъ дѣло. Потомъ стали бить городовыхъ и околоточныхъ. Въ это время публика бросалась, но еще боялась приступить: который подбѣжитъ и остановится. Я отвернулся отъ толпы и закричалъ: «берите, ловите, держите!». Вскорѣ со всѣхъ сторонъ набросился разный народъ, и тутъ многихъ захватили. Когда я былъ повернувши отъ толпы, то мнѣ два раза попало, но такъ легко, что, какъ мнѣ сказали, объ этомъ не стоитъ и поминать. Когда толпа подвинулась къ Невскому, тутъ вскорѣ ее разбили и многихъ захватили; потомъ пріѣхалъ градоначальникъ, и все кончилось.—Первоприсутствующій. Вы разсмотрѣли въ лицо челоуѣка, котораго поднимали—можете его узнать?—Свид. Рябининъ. Можетъ быть, припомню.—В. Флагъ видѣли?—О. Видѣлъ. Было нѣсколько буквъ на немъ. Въ III Отдѣленіи я его узналъ (предъявленъ флагъ): чисто на-чисто такого размѣра. Затѣмъ свидѣтель осматриваетъ подсудимыхъ и, показывая на Потапова, говоритъ: вотъ этотъ самый былъ съ флагомъ.—Тов. прок. Въ церкви вы не обратили вниманія

на что-нибудь?—Свид. Рябининъ. Я запоздалъ; соборъ былъ почти полонъ, и мнѣ пришлось стоять у первой колонки, шагахъ въ трехъ отъ входа. Я замѣтилъ вокругъ себя стоявшихъ людей. Я полагалъ, что это студенты или чухонцы. Когда у нихъ кончается обѣдня, то они часто приходятъ въ соборъ. Въ одного я долго всматривался. Мнѣ хотѣлось знать, будетъ онъ Богу молится или не будетъ. Можетъ быть, я его и теперь узналъ бы. Кругомъ много стояло такихъ. Человѣкъ до пятнадцати толпилось. Приходили и останавливались—чисто на-чисто безъ всякаго разговора.—Прис. пов. Бардовскій Вы присутствовали въ то время, когда пріѣхалъ градоначальникъ?—Свид. Рябининъ. Да, былъ.—В. Онъ обращался къ толпѣ съ приглашеніемъ разойтись?—О. Онъ сказалъ: «расходитесь, господа, по домамъ»—и разошлись.—Прис. пов. Гантоверъ. Вы далеко находились отъ толпы, изъ которой бросали мальчика?—Свид. Рябининъ. Я стоялъ на паперти, а толпа—сейчасъ тутъ внизу.—В. Вы хорошо примѣтили мальчика?—О. Хорошо: надбюсъ, что не ошибся.—В. Что у него было на головѣ?—О. Этого не помню.—Подс. Потаповъ. Вы меня видѣли на дознаніи въ III Отдѣленіи?—Свид. Рябининъ. Да, мнѣ васъ приводили.—В. Вы какъ показали?—О. Я никакъ не показалъ. Меня спросили: этотъ ли былъ? Я сказалъ—этотъ.—В. Вы показали такъ: прокуроръ спросилъ: «Этотъ мальчикъ?» Вы сказали: «я не могу признать.»—О. Это пустяки. Тов. прок. Вы сами явились свидѣтельствовать, или васъ вызывали?—Свид. Рябининъ. Никто не вызывалъ. Я самъ явился.—Прис. пов. Ольхинъ. Сколько вамъ было показано мальчиковъ въ полушубкахъ—одинъ или нѣсколько человѣкъ?—Свид. Рябининъ. Одинъ.—Подс. Потаповъ. Я прошу прочесть показаніе этого свидѣтеля.—Первоприсутствующій. Противорѣчія въ его показаніи нѣтъ. Поэтому особое присутствіе не можетъ разрѣшить чтеніе этого показанія.—Свид. Абрамовъ (отставной канцелярскій служитель) показалъ: 6-го декабря, утромъ, около 12 часовъ, я былъ въ Казанскомъ соборѣ. Тамъ я увидѣлъ много молодыхъ людей, которые ходили по церкви, разговаривали между собою. Я спрашивалъ, что это значитъ, но не получилъ отвѣта и потому рѣшился ожидать. Послѣ молебна молящіеся стали расходиться, а эти молодые люди остановились между колоннами портика. Человѣкъ около десяти соскочило внизъ, на площадь. Въ числѣ ихъ былъ крестьянскій мальчикъ въ полушубкѣ. Онъ сталъ махать руками и звать: «идите на площадь». Однако, немногіе пошли. Одинъ молодой человѣкъ изъ этой толпы сказалъ: «становитесь плотнѣе», и произнесъ: «Господа! Мы собрались сюда для того, чтобы почтить этотъ день, день воспоминанія ссылки извѣстныхъ честныхъ дѣятелей—Чернышевскаго, Михайлова, Чайковскаго, Нечаева, Долгушина и другихъ лицъ. Чернышевскій былъ честный человѣкъ: онъ защищалъ рабочихъ, жилъ съ крестьянами, возставалъ противъ гнета ихъ. У крестьянъ продаютъ послѣднюю корову», и тому подобное. Въ это время онъ обратился къ собору и сказалъ: «Народъ!»... Мальчикъ вынулъ изъ-за пазухи и подаль ему флагъ. Онъ бросилъ его кверху. Когда флагъ упалъ, другіе его подхватили и снова бросили кверху. Потомъ флагъ очутился опять у мальчика, котораго подняли, и онъ сталъ махать имъ. Въ это время остальные, стоявшіе между колоннами, сошли внизъ и слились вмѣстѣ съ толпою. Тутъ послышались возгласы: «Да здравствуетъ свобода!» Потомъ я услышалъ голосъ: «Не расходиться по домамъ, а итти всѣмъ вмѣстѣ по Невскому». Въ это время подошли городовые и околоточный. Онъ схватилъ одного молодаго человѣка, но тотъ его ударилъ, и онъ отскочилъ. Стали давать свистки. Затѣмъ произошла свалка. Тѣмъ временемъ толпа подвинулась ближе къ Невскому, и тутъ подоспѣла публика въ защиту городовыхъ. Я смотрѣлъ за мальчикомъ, который былъ съ флагомъ. Мно-

ихъ арестовали, а онъ остался. Вѣроятно потому, что, по платью онъ не былъ похожъ ни на одного изъ тѣхъ, которыхъ арестовали. Онъ стоялъ на углу Невскаго и канала. Около него было нѣсколько человѣкъ, бывшихъ въ толпѣ. Затѣмъ они пошли по Невскому, и я отправился за ними. Я хотѣлъ его арестовать, но городовыхъ не было. Только у публичной библіотеки я встрѣтилъ городского, которому указалъ на мальчика, сказавъ, что у него есть знамя. Насъ повели въ участокъ. Тамъ я объяснилъ, въ чемъ дѣло. Оттуда насъ отправили въ штабъ, а потомъ въ секретное отдѣленіе градоначальника. При обыскѣ былъ найденъ у мальчика въ карманѣ флагъ. По предложенію товарища прокурора свидѣтель осмотрѣлъ подсудимыхъ и, указавъ на Потапова, заявилъ: вотъ этотъ самый. Я съ нимъ даже разговаривалъ, когда шли въ толпѣ отъ собора къ Невскому, но онъ ничего не отвѣчалъ. Я за нимъ слѣдилъ. Онъ ушелъ, когда уже многихъ арестовали.—Прис. пов. Гантоверъ. Въ соборѣ вы видѣли мальчика?—Свид. Абрамовъ. Нѣтъ.—В. Когда вы съ нимъ объяснялись, то знали, что у него есть въ карманѣ флагъ?—О. Зналъ. Я видѣлъ, что флагъ остался у него.—В. Когда вы явились съ нимъ къ приставу Спасской части, вы заявляли, что у него флагъ?—О. Я отдалъ его городовымъ, которымъ велѣлъ держать его за руки, чтобы онъ не могъ ничего вынуть изъ кармана, а самъ пошелъ къ приставу и сказалъ, что у мальчика революціонный флагъ. Когда мы ѣхали съ нимъ на извозчикѣ, я держалъ его за руки. Около Аничкова дворца онъ сталъ кричать: «Да здравствуетъ свобода!» Я ему зажалъ ротъ рукою, потому что въ это время на Невскомъ было много публики и на крикъ обратили вниманіе. Съ нами ѣхалъ городской, который сидѣлъ на передкѣ.—Прис. пов. Турчаниновъ. Вы всю рѣчь слышали?—Свид. Абрамовъ. Почти всю. Что могъ запомнить, то я и передалъ.—В. Не помните, произносилось ли слово «царь» или нѣтъ?—О. Не помню. не было говорено.—Прис. пов. Неклюдовъ просилъ дать очную ставку Кашинцову и Абрамову, посредствомъ которой выяснить, были ли дѣйствительно произносимы дерзкія слова или нѣтъ. Такъ какъ Кашинцовъ человѣкъ необразованный, то онъ могъ понять неправильно. Первоприсутствующій. Я долженъ обратить вниманіе защиты на то, что подсудимые вовсе не обвиняются въ произнесеніи дерзкихъ словъ противъ Его Императорскаго Величества. Они обвиняются въ томъ, что порицали установленныя законами порядки правленія. Прис. пов. Неклюдовъ (къ свидѣтелю). Призывалъ ли говорившіи слушателей къ какому-нибудь дѣйствіямъ?—Свид. Абрамовъ. Видно было, что цѣль была. Но это вышло очень комедіально. Онъ обратился къ собору, взывая къ народу, а между тѣмъ тамъ никого не было.—В. Но желанія насильственныхъ дѣйствій не выражалось?—О. Нѣтъ, не слыхалъ.—Свид. Вишняковъ (городовой) показалъ, что 6-го декабря онъ стоялъ на посту на углу Невскаго и Большой Садовой. Подходить какой-то господинъ и, показавъ на мальчика, сказалъ, чтобы его задержать, потому что онъ ушелъ съ Казанской площади. Свидѣтель пригласилъ господина съ собою; они взяли мальчика, посадили на извозчика и поѣхали въ участокъ. Тамъ господинъ пошелъ къ помощнику пристава, а свидѣтелю приказалъ сматрѣть за мальчикомъ, чтобы онъ не вынулъ чего-нибудь изъ кармана. Оттуда они отправились къ Пантелеймону и, когда проѣзжали мимо Аничкина дворца, мальчикъ закричалъ: «Да здравствуетъ свобода!». Свидѣтель сказалъ ему, что такъ кричать онъ не позволитъ, и велѣлъ извозчику повернуть въ Караванную. Въ канцеляріи жандармскаго управленія ему приказали обыскать мальчика, и онъ нашелъ у него въ карманѣ красный кумачный флагъ съ бѣлыми буквами: «земля и воля». Предъявленный свидѣтелю флагъ онъ призналъ за тотъ самый, который нашелъ у Потапова при обыскѣ. Затѣмъ, осмотрѣвъ подсудимыхъ, онъ призналъ Потапова. Когда

свидѣтель его арестовалъ, онъ спросилъ: «за что меня взяли?» На что свидѣтель отвѣтилъ ему, что это объяснять въ участкѣ. Дорогой онъ ругалъ господина, который приказалъ его называть «мазурикомъ». Свид. Субботинъ (мѣщанинъ) показалъ: былъ я посланъ въ домъ Сулова по Екатерининскому каналу. Шелъ мимо Казанскаго собора и увидѣлъ толпу. Это меня заинтересовало, и я остановился. Въ это время я замѣтилъ, что-то красное подняли, я подошелъ ближе. Тутъ начала прибывать полиція; раздались свистки; толпа моментально рассыпалась по кучкамъ и стали другъ друга колотить. Не знаю, ударилъ ли кто городского или нѣтъ, но онъ упалъ на землю и закричалъ: «помогите». Я бросился къ нему на помощь и получить ударъ по носу. У меня потекла кровь, я закрылся платкомъ и хотѣлъ итти домой. Но околоточный надзиратель остановилъ меня и попросилъ итти въ участокъ. Городовой препроводилъ меня въ участокъ. Тамъ записали и уволили домой.—Тов. прок. Сильно васъ ударили?—Свид. Субботинъ. Кровь сильно шла; носъ распухъ. Съ недѣлю больно было.—В. Не замѣтили ли вы, что въ участкѣ били арестованныхъ?—О. Нѣтъ, не видалъ.—В. Кого-нибудь изъ тѣхъ лицъ, которыхъ вы видѣли въ толпѣ, можете теперь узнать?—О. Вѣроятно, не могу. Но одинъ есть примѣтный. Въ прошлый разъ я узналъ его; не знаю, теперь могу ли (осматриваетъ подсудимыхъ и показываетъ на Фалина).—Подс. Фалинъ. Гдѣ въ меня видѣли?—Свид. Субботинъ. На Казанской площади.—В. Въ то время что происходило?—О. Васъ вели въ участокъ. Пальто у васъ было снято съ плечъ.—В. Какъ же вы на предварительномъ слѣдствіи показывали, что вы видѣли не на площади, а въ разгаръ схватки, а схватка произошла у дома Лѣсникова?—О. Я тамъ схватки не видалъ, а видѣлъ свалку у Казанскаго собора.—В. Слѣдовательно, вы видѣли, какъ меня держали?—О. Видѣлъ, какъ вели, и вы рвались. Свид. Клибикъ (сторожъ 1-го участка Казанской части) показалъ, что 6-го декабря было доставлено въ участокъ шесть человѣкъ; потомъ привели еще двухъ. Они сѣли на ящики, стоявшій около стѣны арестантской. Свидѣтель стоялъ близко одного изъ нихъ. Сидѣвшій вынулъ револьверъ и хотѣлъ стрѣлять, но онъ схватилъ за барабанъ и держалъ, стараясь вырвать, но не могъ. Тутъ подошелъ Есипенко, и они вырвали барабанъ, такъ что у арестованнаго въ рукахъ осталось дуло и рамка, въ которую вставляется барабанъ. Въ это время его не обыскивали, да и невозможно было обыскивать никого, потому что, какъ только приведутъ однихъ, слѣдомъ ведутъ другихъ. По предъявленіи револьверовъ, свидѣтель указалъ на тотъ, который побольше, и показалъ, какъ вынулъ барабанъ. При этомъ свидѣтель добавилъ, что у него былъ раненъ средній палецъ лѣвой руки, но какимъ образомъ — куркомъ или острымъ угломъ рамки, онъ не знаетъ, но думаетъ что куркомъ, такъ какъ державшій револьверъ спускалъ курокъ. — Прис. пов. Бардовскій. Много было народу въ той комнатѣ?—Свид. Клибикъ. Человѣкъ семь или болѣе.—В. Въ васъ былъ направленъ револьверъ или въ другого?—О. Въ меня. — В. Вы или городской Есипенко вышибли барабанъ? — О. Нѣтъ, я; Есипенко послѣ подошелъ.—В. Когда подошелъ Есипенко, барабанъ былъ уже у васъ въ рукахъ?—О. Онъ былъ на полу.—В. Не могли ли вы смѣшать два движенія: можетъ быть, онъ хотѣлъ откинуть револьверъ отъ себя, или же дѣйствительно хотѣлъ васъ застрѣлить? — О. Я видѣлъ только, что онъ револьверъ вынимаетъ изъ пазухи на черной лентѣ и хочетъ стрѣлять.—В. Не можете ли вы объяснить причину, почему онъ хотѣлъ въ васъ стрѣлять?—О. Потому что я сторожъ Казанской части.—В. Патроны были со шпильками?—О. Нѣтъ, безъ шпильковъ. — Тов. прок. Тутъ еще кто-нибудь помогать?—Свид. Клибикъ. Тутъ на него насочило нѣсколько человѣкъ; вышла суматоха.—Прис. пов. Полуянскій. Вы видѣли въ участкѣ

подсудимаго Громова?—Свид. Клибикъ. Не припомню. Былъ одинъ, бѣлен-
кій такой (осматриваетъ подсудимыхъ).—Подс. Громовъ. Очень уди-
вительно, что вы не видѣли меня. Вы были главнымъ помощникомъ г. Успен-
скаго. Вы не отпустили ни одного, чтобы не ударить раза четыре или пять.
—Первоприсутствующій. Подсудимый! Вы могли заявить эту жалобу въ
свое время. Здѣсь это къ дѣлу вовсе не относится. (Къ свидѣтелю). Вы
можете признать того, который хотѣлъ стрѣлять?—Свил. Клибикъ. Могу
(указываетъ на Боголюбова, какъ на того, который хотѣлъ стрѣлять.
Затѣмъ признаетъ Григорьева и Бочарова).—Подс. Григорьевъ. Такъ какъ
Клибикъ на дознаніи говорилъ, что мы шумѣли, то какимъ образомъ онъ
видѣлъ, что мы шумѣли, когда мы были въ отдѣльной комнатѣ?—Свид.
Клибикъ. Когда отворяли двери, чтобы впустить туда новыхъ арестантовъ,
то тѣ, которые тамъ были, бросались къ двери и не пускали.—Подс. Бо-
чаровъ. Когда насъ привели, то начали обыскивать. «Не противьтесь», го-
ворять, «мы сейчасъ обыщемъ». Я вовсе не противился, но на меня набро-
силась цѣлая толпа, личностей которыхъ не могу припомнить.—Первопри-
сутствующій. Какихъ личностей: полицейскіе?—Подс. Бочаровъ. Нѣтъ,
меня одинъ полицейскій освободилъ отъ толпы. Это были дворники что-ли,
или лавочники. вмѣсто того, чтобы обыскивать, они начали наносить мнѣ
удары въ голову.—Первоприсутствующій. Вы могли обо всѣхъ этихъ
обидахъ заявить жалобу въ свое время начальству тѣхъ лицъ, которыя вамъ
нанесли обиду.—Подс. Григорьевъ. При составленіи протокола я заявилъ,
что мнѣ подставили фонарь, но майоръ сказалъ, что, вѣдь, и вы колотили.
Я просилъ, чтобы занести въ протоколъ, но этого не исполнили.—Свид.
Преображенскій (студентъ) показалъ, что знакомъ съ Боголюбовымъ, но
не очень коротко, потому что знакомство это продолжалось не болѣе по-
лумѣсяца. Хотя они жили на одной квартирѣ, но свидѣтель—студентъ, а
Боголюбовъ—человѣкъ посторонній. Изъ разговоровъ, которые были обык-
новенно нахожу, такъ какъ они вмѣстѣ ходили въ публичную библиоте-
ку заниматься, свидѣтель не можетъ вывести ничего опредѣленнаго о его
міросозерцаніи. Пріѣхалъ онъ сюда, вѣроятно, найти службу, но искалъ ли
онъ себѣ мѣсто—свидѣтель не знаетъ. Шестое декабря свидѣтель провель
дома. Собирались ли служить панихиду по убитымъ въ Сербіи—свидѣтель
не слышалъ.—Прис. пов. Бардовскій просилъ спросить подсудимаго Боча-
рова о томъ, что происходило въ участкѣ, гдѣ случилось яко-бы покуше-
ніе на убійство. На вопросъ первоприсутствующаго подс. Бочаровъ
показалъ, что онъ покушенія на выстрѣлъ не видѣлъ, но что, когда ихъ
привели въ участокъ съ Боголюбовымъ, то на каждого наскочила толпа и
начала бить. Затѣмъ онъ услышалъ крики, что у Боголюбова пистолетъ.
Комната, гдѣ это происходило, величиною сажени въ двѣ ширины и 2½
длины. На него, Бочарова, напала кучка людей, человѣкъ шесть или семь.
Это были частныя лица. Защитили его городовые.—Подс. Боголюбовъ. Я
не буду объяснять, какъ попалъ въ участокъ, а скажу только то, что тамъ
было. Когда меня привели, кажется, съ Бочаровымъ, то тотчасъ же на насъ
набросилось нѣсколько человѣкъ и начали бить. Я ничего не видѣлъ, по-
тому что меня пригнули къ сундуку, стоявшему около стѣны кутузки. Би-
ли очень сильно—по головѣ, по шеѣ, по спинѣ. Я думалъ, что убьютъ. Я
выхватилъ револьверъ и хотѣлъ имъ ударить, но въ тотъ же моментъ всѣ
отстранились, и я услышалъ голоса: «а, у него пистолетъ!» и на меня тот-
часъ же бросился Клибикъ, схватилъ за пистолетъ, дернулъ и вырвалъ ба-
рабанъ. Тутъ бросились на меня всѣ и начали бить по лицу. Били долго
времени; потомъ стали тащить барабанъ. Я сказалъ, что сниму и отдамъ,
но они продолжали тащить и оборвали тесьму. Нѣсколько разъ принимали
меня бить. Я сталъ кричать: «карауль». На мои крики прибѣжалъ,

кажется, помощникъ пристава, и сказалъ, чтобы не били. Но онъ сказалъ такимъ тономъ, что можно и бить. Только что онъ вышелъ, они начали меня опять бить. Послѣ исторіи съ револьверомъ, въ комнату вбѣжалъ Успенскій, который орудовалъ всѣмъ. Онъ и Клибикъ преимущественно меня били; били и дворники. Успенскій говорилъ: «а, вы стрѣлять! Вотъ валь въ III Отдѣленіи перепорятъ всѣхъ и въ Холмогоры сошлютъ». Потомъ онъ поставилъ городовыхъ, которые, дѣйствительно, уже не позволяли бить. Самъ Успенскій въ то время только острилъ. Въ то время у меня текла съ лица кровь, и я вытирался платкомъ. Вотъ этимъ самымъ (показываетъ весь окровавленный платокъ). Потомъ меня толкнули въ кутузку. Я вошелъ туда, какъ шальной. Меня начали спрашивать, отчего я весь въ крови. Потомъ, черезъ нѣсколько времени, насъ перевели въ другую комнату, гдѣ записали адреса, но обыска никакого не дѣлали. Обыскъ дѣлали послѣ того, какъ перевели въ другую комнату, и обыскивали при свѣчахъ. Я требовалъ, чтобы былъ составленъ медицинскій актъ о побояхъ, но мнѣ въ этомъ отказали.—Подс. Чернавскій. Я слышалъ изъ кутузки, какъ Боголюбовъ кричалъ «караулъ», и слышалъ, какъ его били.—Свид. Товбичъ показала, что Боголюбовъ нанималъ у нея комнату. Знакомыхъ у него не было. Онъ занимался, кажется, перепискою, потому что она видѣла у него на столѣ бумаги. Хорошо она съ нимъ не была знакома.—Тов. прок. Вы всѣмъ не знали Боголюбова?—Свид. Товбичъ. Знала только, какъ хозяйка квартиры.—В. Когда онъ нанялъ квартиру?—О. Не могу припомнить, но спустя дня три или четыре, какъ я сняла.—В. А когда вы сняли квартиру?—О. Въ сентябрѣ, кажется.—В. Много жильцовъ было у васъ?—О. Всего было человѣкъ семь.—В. Одни мужчины жили?—О. Нѣтъ, были студентки.—В. Теперь у васъ тѣ же жильцы?—О. Нѣтъ, я оставила квартиру.—В. Послѣ 6 декабря?—О. Да, кажется.—В. На сколько времени вы ее снимали?—О. Срокъ былъ неопредѣленъ... Я продержала съ мѣсяца.—В. 6 декабря убирали комнату Боголюбова?... У васъ прислуга была?—О. Нѣтъ. Я иногда сама дѣлала.—В. 6 декабря заходили въ комнату Боголюбова?—О. Не помню... Думаю, что ходила, кажется, что передъ обѣдомъ—до двухъ часовъ. Прис. пов. Бардовскій. Наканунѣ 6-го декабря или за нѣсколько дней вы не слыхали, что имѣеть быть панихида или молебень въ Казанскомъ соборѣ?—Свид. Товбичъ. Ничего не слыхала.—Свид. Макаровъ (мѣщанинъ) показалъ, что Гуровичъ ушелъ изъ дому утромъ 6 декабря. Онъ жилъ у свидѣтеля на квартирѣ съ товарищемъ Виленцомъ. Они занимали двѣ разныя комнаты. За недѣлю до Николая съ ними поселилась дѣвушка (Шефтель). Она заняла комнату Гуровича. 6 декабря ушелъ сначала Гуровичъ, а потомъ Шефтель. Она не была прописана, потому что не доставила паспорта.—Тов. прок. Почему вы на дознаніи показали, что они вмѣстѣ ушли?—Свид. Макаровъ. Я не обратилъ тогда на это особеннаго вниманія.—В. Значить, вы тогда сказали неправду?—О. Дѣйствительно, такъ. Я въ то время испугался. Я никогда не ходилъ по такимъ мѣстамъ. Теперь я говорю сущую правду.—Подс. Гуровичъ. Между показаніемъ свидѣтеля, даннымъ на дознаніи, и теперь оказывается противорѣчіе. По этому поводу я долженъ объяснить, что я отрицалъ на дознаніи мое знакомство съ Шефтель. Свидѣтель говоритъ совершенную правду теперь. Я отрицалъ знакомство мое съ Шефтель потому только, что самъ, попавшись нечаянно, не желалъ указывать на другихъ лицъ, причемъ упустилъ изъ виду такое обстоятельство, котораго и не могъ предвидѣть, т. е. что свидѣтель покажетъ неправду.—Подсудимая Шефтель. Мнѣ хотѣлось, чтобы объяснили, какъ мы размѣстились по комнатамъ. Когда я пришла на квартиру, тогда была г-жа Новаковская. При ней я заплатила деньги за квартиру и заняла комнату, которая была побольше, а В. женщ.

и Гуровичъ помѣстились въ одной комнатѣ. — Свидѣтель Макаровъ. Вы мнѣ не платили денегъ, и я не получалъ.—Тов. прок. Вы Новаковскихъ знаете?— Свид. Макаровъ. Они ходили къ нимъ.—В. Въ лицо можете узнать Новаковского?—О. Могу. (Смотрить на подсудимыхъ, но не можетъ узнать.)—Присяжный пов. Рычковъ. Гуровичъ долго у васъ жилъ до 6-го декабря?—Свид. Макаровъ. Съ мѣсяцъ.—В. Не говорилъ ли онъ, что собирается домой?—О. Да, я слышалъ. Онъ собирался около 7-го или 14-го декабря уѣхать.—Подс. Гуровичъ. Не знаете ли, что меня удерживало въ Петербургѣ?—Свид. Макаровъ. Вы говорили, что ожидали денегъ.—Свид. Виленецъ (студентъ) показалъ: 6-го декабря, часовъ въ 11 утра, ушелъ Гуровичъ, а затѣмъ, сколько еще помнится, ушла нѣсколько спустя Шефтель. Тов. прок. Вы вмѣстѣ съ Гуровичемъ жили—въ одной комнатѣ?—Свид. Виленецъ. Сначала жили въ отдѣльныхъ комнатахъ. Но такъ какъ Гуровичъ хотѣлъ уѣхать 7-го декабря, и въ это время пришла дѣвица Шефтель и сказала, что у нея нѣтъ квартиры,—она искала, но не нашла,—то я вмѣстѣ съ Гуровичемъ рѣшились уступить ей одну изъ комнатъ.—В. Такъ что вы свою комнату уступили ей, а сами переехали къ Гуровичу?—О. Да.—В. При дознаніи вы говорили, что Гуровичъ васъ просилъ уступить комнату для Шефтели?—О. Нѣтъ. Но онъ первый сказалъ, что не худо было бы уступить комнату.—В. Какъ вы провели день 6-го декабря?—О. Часовъ въ квартирѣ не было, но думаю, что въ началѣ 11-го я проснулся. Въ это время Гуровичъ уходилъ.—В. Вамъ слышны были голоса Шефтели и Гуровича?—О. Да, они говорили громко и смѣялись. Затѣмъ я опять вздремнулъ, и когда снова проснулся, Гуровича уже не было, но Шефтель была еще дома.— В. На дознаніи вы показывали другое. Какія вы получили свѣдѣнія, которыя заставляютъ теперь васъ говорить, что Шефтель ушла послѣ?—О. Я слышалъ ея голосъ, а голоса Гуровича не слышалъ. Далѣе свидѣтель показалъ, что онъ вспомнилъ объ этомъ обстоятельстве послѣ того, какъ вернулся изъ жандармскаго управления. Сначала онъ не придавалъ этому никакого значенія, но послѣ показанія сталъ припоминать подробности и вспомнилъ. Г-жа Копилевичъ—родная сестра Гуровича; Новаковская также его сестра. Свидѣтель знаетъ ихъ обѣихъ. Отъ Копилевичъ онъ не слышалъ о предполагавшейся панихидѣ. Изъ дому онъ отправился въ 12-часу въ библиотечку медико-хирургической академіи; тамъ онъ услышалъ, что будто бы въ Казанскомъ или Исаакіевскомъ соборѣ будетъ служить панихида, какъ говорили одни—объ убитыхъ въ Сербіи, а другіе—о политическихъ преступникахъ; но еще раньше онъ отъ кого-то слышалъ, что будетъ служить панихида въ Исаакіевскомъ соборѣ о павшихъ въ Сербіи русскихъ волонтерахъ. Въ библиотекѣ онъ пробылъ часа два и пришелъ прямо домой. Онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ и легъ. На другой день приходила Копилевичъ и справлялась, почему Гуровичъ долго нейдетъ къ ней; недѣли двѣ уже не былъ. Говорила, что въ соборѣ произошло что-то страшное, что тысяча человекъ взяты. Свидѣтель—землякъ съ Гуровичемъ и былъ знакомъ съ нимъ еще на родинѣ. Гуровичъ собирался ѣхать домой 7 декабря, такъ какъ этотъ день считается днемъ роспуска студентовъ. Хотя онъ могъ бы уѣхать и нѣсколькими днями раньше, но тогда нужно было просить начальство. Кромѣ того, онъ не получалъ еще денегъ, которыхъ ожидалъ. Въ послѣднее время Гуровичъ съ Новаковскимъ были въ дурныхъ отношеніяхъ и, повидимому, избѣгали другъ друга. Свидѣтель полагалъ, что Гуровичъ 6-го декабря ушелъ въ библиотечку, такъ какъ имѣлъ обыкновеніе ходить туда въ праздничные дни. Шефтель также землячка свидѣтеля. Когда въ маѣ свидѣтель пріѣхалъ домой въ Житомиръ, то узналъ тамъ, что Шефтель уже уѣхала. По пріѣздѣ въ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ

іюля, онъ скоро встрѣтилъ ее у своей родственницы Виленцъ. Она приготавлилась къ экзамену на домашнюю учительницу, и свидѣтель часто заставлялъ ее за книгами. Но потомъ она сказала, что на экзаменѣ обрѣзалась по одному предмету. Свидѣтель видѣлъ у нея разные учебники по исторіи, географіи, математикѣ и т. п., и другія книги для чтенія, но какія именно—не помнить. По его мнѣнію, она должна была жить экономко, потому что получала изъ дому только рублей двадцать. Комнаты, въ которыхъ помѣщались свидѣтель Гуровичъ и Шефтель, расположены такъ: двери изъ нихъ выходятъ въ кухню, а между комнатами есть еще одна, которую занималъ хозяинъ. Тов. прок. указалъ на слѣдующія противорѣчія въ показаніяхъ свидѣтеля, данныхъ имъ на дознаніи и на судѣ: на дознаніи Виленцъ прямо показалъ, что Шефтель была допущена на квартиру по настоятельной просьбѣ Гуровича, такъ что свидѣтелю это было даже непріятно, и онъ уступилъ только потому, чтобы не назвали его эгоистомъ; далѣе онъ говорилъ, что пришелъ въ бібліотеку академіи не въ первомъ, а въ одиннадцатъ часоѣ утра, что тамъ говорили ему о предполагающейся панихидѣ, но не заявлялъ, что слышалъ объ этомъ раньше, какъ говоритъ теперь здѣсь. Теперь онъ говорилъ, что будто бы Копилевичъ заходила узнать о братѣ только потому, что онъ давно у нея не былъ, между тѣмъ какъ по показанію при дознаніи оказывается, что она говорила свидѣтелю, что беспокоится о Яковѣ, и куда онъ дѣлся, не знаетъ, что она явилась на слѣдующій день и заявила свое безпокойство относительно сестры и мужа ея. По этимъ основаніямъ прокуроръ просилъ прочесть показанія Виленца. Прис. пов. Рычковъ, въ виду того, что свидѣтель самъ заявилъ суду, что въ настоящее время онъ измѣняетъ свое прежнее показаніе, придавая фактамъ, о которыхъ его спрашиваютъ, большее значеніе, нежели прежде, а также и того, что существеннаго разнорѣчія между показаніями свидѣтеля не имѣется, не нашелъ ни малѣйшаго основанія къ прочтенію письменнаго показанія, тѣмъ болѣе, что свидѣтель подтверждаетъ показаніе, которое далъ здѣсь, на судѣ, подъ присягою. Первоприсутствующій объявилъ, что въ виду того, что разнорѣчіе въ показаніи свидѣтеля нѣкоторымъ образомъ разъяснилось, особое присутствіе не считаетъ нужнымъ читать его показаніе. Пом. прис. пов. Граціанскій. Небыло ли слуховъ о томъ, чтобы на предполагавшейся панихидѣ объ убитыхъ въ Сербіи было заявлено о желаніи относительно войны съ турками?—Свид. Виленцъ. Говорили что-то вродѣ того, что будетъ устроена процессія съ цѣлью просить объявленія войны Турціи. При этомъ говорилось, что будетъ участвовать не одна молодежь, но и люди солидные. Я слышалъ это въ кухмистерской В. К. Елены Павловны. (Засѣданіе прервано до 11-ти часоѣ слѣдующаго дня.)—Подс. Бибергалъ. Я прошу, чтобы назначенный мнѣ защитникъ былъ освобожденъ отъ защиты. Я не желаю имѣть защитника.—Свид. Богдановъ (крестьянинъ) показалъ: я вышелъ изъ заведенія и увидѣлъ на площади, что народу собравшись много было. Подошелъ ближе и вижу, что поднимаютъ мальчика и красный флагъ. Потомъ закричали «ура». Тутъ была женщина, которая сказала: «за мною, впередъ!» Я взялъ ее и подвелъ къ околоточному Успенскому. Онъ велѣлъ отвести ее въ участокъ. Тутъ трое на меня набросились, но Успенскій оттолкнулъ ихъ. Я сдалъ ее въ участокъ. На вопросы товарища прокура свидѣтель показалъ, что вышелъ изъ церкви часу въ 12-мъ и отправился въ заведеніе напротивъ. Пробылъ тамъ минутъ 10 или 15 и хотѣлъ итти домой. Но, выйдя на площадь, гдѣ увидѣлъ толпу народа, подошелъ къ ней и взялъ женщину. Мальчикъ, котораго поднимали, былъ въ полушубкѣ. При поднятіи онъ развертывалъ флагъ. На флагѣ было написано «воля», а еще что—не замѣтилъ. Когда велъ женщину въ участокъ, то она говорила ему:

«вѣдь вы за это награду не получите?»—Тов. прок. Вы можете узнать эту женщину или тѣхъ, которые напали на васъ?—Свид. Богдановъ. Можетъ быть, узнаю.—В. Когда вамъ въ первый разъ показывали ихъ, вы узнали?—О. Узналъ.—В. Тогда вы твердо помнили, что это тѣ самыя личности, и не ошиблись?—О. Нѣтъ, не ошибался (свидѣтель смотреть на подсудимыхъ и указываетъ на Боголюбова, Потапова, Шефтель, Бочарову и Чернавскаго).—Прис. пов. Буймистровъ. Гдѣ вы арестовали эту женщину?—Свид. Богдановъ. Почти посреди Казанской площади.—В. Что Бочаровъ дѣлалъ?—О. Я не знаю, хотѣлъ ли онъ отбить женщину или нѣтъ, только они втроемъ набросились на меня.—В. Вы одни привели Шефтель въ участокъ или вдвоемъ?—О. Одинъ.—В. И все время вели одни?—О. Одинъ.—Прис. пов. Неклюдовъ. Вы слышали рѣчь, которая говорилась въ толпѣ?—Свид. Богдановъ, Нѣтъ.—В. Не встрѣтили ли вы дорогой пристава Ритчера?—О. Нѣтъ, не замѣтилъ.—В. Вы знаете пристава Казанской части?—О. Знаю.—В. Не встрѣчали вы его, и онъ не говорилъ вамъ нечего?—О. Нѣтъ.—Подс. Чернавскій. Вы меня гдѣ видѣли?—Свид. Богдановъ. Вы набросились на меня.—В. Вы на дознаніи показывали просто, что видѣли меня въ толпѣ?—О. а, вы въ толпѣ и были, а потомъ, когда набросились на меня, то отдѣлились.—Прис. пов. Бардовскій. Не припомните ли, отъ кого отбивался Боголюбовъ?—Свид. Богдановъ. Не помню. Онъ бросился на меня, но его Успенскій отбилъ.—В. Когда Успенскій отбилъ отъ васъ Боголюбова, то онъ арестовалъ его или нѣтъ?—О. Не знаю.—Тов. прок. Вы бѣжали къ толпѣ?—Свид. Богдановъ. Бѣжалъ.—В. И въ это время видѣли, что тамъ выкидывали флагъ?—О. Да, но когда я подбѣжалъ, то его уже опустили.—В. Вы взяли Шефтель изъ толпы?—О. Нѣтъ, она была отдѣлившись и шла впереди, а за нею толпа. Потомъ смѣшались всѣ.—Прис. пов. Буймистровъ. Когда Успенскій вошелъ въ толпу, то что онъ сказалъ?—Свид. Богдановъ. Не могу объ этомъ ничего сказать—не помню. Свидѣтелю предъявленъ былъ флагъ, который онъ и призналъ за тотъ, что видѣлъ на площади.—Свид. Лаврентьевъ (слушатель с.-петербургскаго университета) показалъ: 6-го декабря, утромъ, я былъ у Бочарова; пробылъ тамъ не особенно долгое время. При мнѣ Бочаровъ ушелъ, какъ онъ сказалъ, въ технологическій институтъ, чтобы исполнить чертежъ. Возвращаясь домой, я встрѣтилъ его на дорогѣ и на вопросъ, куда онъ идетъ, онъ сказалъ: «въ соборъ, на панихиду». Больше относящагося къ дѣлу мы ни о чемъ не разговаривали.—Тов. прок. Вы давно знаете Бочарова?—Свид. Лаврентьевъ. Давно.—В. Чѣмъ онъ занимался и давно ли въ Петербургѣ?—О. Здѣсь онъ живетъ второй годъ. Въ прошломъ году онъ поступилъ въ технологическій институтъ.—В. Гдѣ жилъ Бочаровъ на квартирѣ?—О. На Обуховскомъ проспектѣ, недалеко отъ технологическаго института.—В. А вы куда шли отъ него?—О. Домой въ Чернышевъ переулокъ.—В. Гдѣ же вы встрѣтили его?—О. Вотъ этого не могу указать.—В. Вы шли по Фонтанкѣ?—О. Да.—В. Онъ вамъ навстрѣчу шелъ или вы его догнали?—О. Не помню х рошо.—В. Онъ васъ звалъ въ соборъ?—О. Нѣтъ.—Прис. пов. Буймистровъ. Въ квартирѣ, гдѣ живетъ Бочаровъ, живутъ еще студенты?—Свид. Лаврентьевъ. Въ другой комнатѣ жилъ еще одинъ студентъ—Молодыхъ.—В. До его ухода въ институтъ, не былъ ли какой-либо общій разговоръ, напр., о качествахъ нашихъ учебныхъ заведеній?—О. Такого разговора не было.—Первоприсутствующій. Въ вашемъ показаніи есть нѣкоторое недоразумѣніе. Вы говорите, что были у Бочарова на квартирѣ, а затѣмъ вы ушли?—Свид. Лаврентьевъ. Да.—В. Бочаровъ остался дома?—О. Нѣтъ, онъ раньше меня ушелъ.—В. Не помните ли, встрѣтили вы его или негнали?—О. Не могу сказать навѣрное.—В. Сколько времени прошло отъ

ухода Бочарова до вашего возвращенія домой и гдѣ вы были въ то время?—О. Я былъ у Молодыхъ.—В. Неприглашали ли васъ итти на панихиду?—О. Нѣтъ.—Подс. Бочаровъ. Могъ ли я стѣсняться вашимъ присутствіемъ, такъ чтобы не могъ уйти даже безъ всякой цѣли?—Свид. Лаврентьевъ. Конечно, могли уйти.—В. Не помните ли моего разговора съ Молодыхъ насчетъ выбора отдѣленія: химическое или механическое?—О. Кажется, говорили объ этомъ.—В. Съ кѣмъ я знакомъ?—О. Большею частью съ земляками.—Свид. Молодыхъ (студентъ) показалъ: я жилъ вмѣстѣ съ Бочаровымъ. 6-го декабря, въ 11 час. утра, онъ ушелъ въ технологической институтъ. Я остался дома до половины второго, а затѣмъ поѣхалъ къ Лаврентьеву. Лаврентьевъ мнѣ сказалъ, что встрѣтилъ Бочарова, который заявилъ ему, что пошелъ въ соборъ. Вечеромъ я узналъ, что на Казанской площади произошла какая то исторія. Такъ какъ Бочаровъ домой не явился, то я думалъ, не арестовали ли его. Отъ одного студента я узналъ, что его дѣйствительно арестовали.—Тов. прок. Въ какое время дня вы были у Лаврентьева?—Свид. Молодыхъ. Въ 3-мъ часу.—В. По какому поводу зашелъ у васъ разговоръ о Бочаровѣ?—О. Лаврентьевъ спрашивалъ, не вернулся ли Бочаровъ изъ института. Я сказалъ, что нѣтъ и что не могъ еще вернуться въ то время, когда я ушелъ изъ дому. Тутъ Лаврентьевъ и сообщилъ мнѣ, что видѣлъ его идущимъ изъ института и что онъ сказалъ, что идетъ въ соборъ.—Прис. пов. Буймистровъ. Въ институтѣ у васъ есть репетиціи?—Свид. Молодыхъ. Есть, каждую недѣлю по одной.—В. Посѣщеніе лекцій отмѣчается?—О. Да.—В. Сколько времени живете съ Бочаровымъ?—О. Съ начала нынѣшняго учебнаго года.—В. Какъ шли его занятія?—О. Успѣшно.—В.—Много занятій въ институтѣ?—О. Работы не мало (перечисляетъ предметы, въ числѣ которыхъ находятся черченіе и рисованіе).—В. Черченіе—это трудное занятіе?—О. Для начинающихъ работать это не легко.—В. Предъ уходомъ Бочарова изъ квартиры былъ общій разговоръ объ отдѣленіяхъ?—О. Былъ разговоръ обо мнѣ, такъ какъ мнѣ предстояло избрать ту или другую спеціальность. Бочаровъ говорилъ, что нужно избрать то, что нравится и къ чему я чувствую призваніе. Тутъ зашелъ разговоръ вообще о нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ Бочаровъ отстаивалъ существующее у нихъ преподаваніе.—В. Въ то время вы не замѣчали въ немъ никакого волненія?—О. Нѣтъ, не замѣтилъ онъ былъ спокоенъ, какъ обыкновенно.—Свид. Карльсонъ (мѣщанинъ) показалъ, что 6-го декабря у него былъ подсудимый Морошкинъ который ушелъ отъ него утромъ, сказавъ, что идетъ «въ Казанск...»—свидѣтель не разслышалъ: въ Казанскую (улицу) или въ Казанскій (соборъ); думалъ, что онъ пошелъ въ соборъ, такъ какъ былъ праздникъ. Морошкинъ въ это время былъ безъ работы. Онъ—слесарь. Передъ тѣмъ онъ работалъ на чугунно-литейномъ заводѣ Когана подъ фирмою Плинке, но тамъ ему было отказано за неимѣніемъ работы. Свидѣтель работалъ въ арсеналѣ, рекомендовалъ туда же Морошкина, но его здѣсь не приняли также за неимѣніемъ работы. Съ Морошкинымъ свидѣтель знакомъ года два или три. Онъ ходилъ иногда къ какой-то знакомой или родственницѣ, жившей на Казанской улицѣ; фамиліи ея не знаетъ.—Прис. пов. Турчаниновъ представилъ справку адреснаго стола, въ которой значится, что Амалия, на которую ссылался подсудимый, дѣйствительно живетъ на Казанской улицѣ, въ домѣ № 9, и затѣмъ аттестатъ изъ конторы Плинке о томъ, что Морошкинъ служилъ на заводѣ токаремъ и что ему было отказано по неимѣнію работы.—Свид. Потаповъ (Арсеній, братъ подсудимаго 12 л.) послѣ разъясненія первоприсутствующимъ, что по закону онъ имѣетъ право отказаться отъ показанія, заявилъ, что можетъ показывать.—Тов. прок. Гдѣ вы служите?—Свид. Потаповъ. У Тортона.—В. Что тамъ дѣлаете?—О. На прядильныхъ машинахъ.—В. Вы вмѣстѣ жили съ бра-

томъ?—О. Вмѣстѣ, какъ изъ деревни пріѣхали.—В. Давно вы не видали брата?—О. Какъ изъ деревни пріѣхали—мѣсяца полтора съ нимъ жили. Онъ ушелъ, и я его не видалъ больше.—В. Вы слышали, что онъ былъ въ деревнѣ?—О. Слышалъ, что былъ нынѣшнимъ лѣтомъ.—В. Вы получили отъ отца письмо?—О. Получилъ.—В. Что онъ писалъ?—О. Что братъ Яшка ушелъ; на 10 руб. его наказалъ.—Защитникъ Потапова заявилъ, что подсудимый поручилъ ему отказаться отъ допроса свидѣтеля, не желая ставить его въ непріятное положеніе.—Свид. Трифоновъ (крестьянинъ, дальній родственникъ Потапова) показалъ, что служить на фабрикѣ Тортона; подсудимаго Потапова опредѣлилъ на фабрику онъ, свидѣтель, или кто-то изъ родныхъ, назадъ тому лѣтъ пять или шесть. Сначала онъ работалъ хорошо, такъ что достигъ 23 руб. жалованья. Года два тому назадъ онъ ушелъ съ фабрики и съ тѣхъ поръ свидѣтель его не видалъ. Когда уходилъ, онъ сказалъ, что поступаетъ въ кухонные мужики къ господамъ, у которыхъ жила его сестра. Впослѣдствіи былъ слухъ, что онъ оказался въ Кіевѣ. На вопросъ, почему Яковъ ушелъ съ фабрики, свидѣтель объяснилъ, что мелькомъ онъ слышалъ, будто бы Яковъ познакомился со студентами. Затѣмъ онъ слышалъ отъ отца Потапова, вытребованнаго сюда, что Якова прислали подъ стражею въ деревню прошлымъ лѣтомъ.—Свид. Потаповъ (крестьянинъ, отецъ подсудимаго) также пожелалъ дать свое показаніе и объяснилъ, что передъ покосомъ прислали Якова въ деревню. Онъ жилъ до осени и занимался крестьянскими работами, а потомъ ушелъ, когда его, свидѣтеля, не было дома. Передъ тѣмъ онъ просилъ купить ему сапоги, но ему было сказано, что денегъ теперь нѣтъ, а что когда придетъ зима, и они будутъ возить дрова, тогда можно будетъ купить сапоги. Уходя изъ дому, онъ сказалъ матери, что пойдетъ зарабатывать деньги. Свидѣтель спрашивалъ сына, какъ онъ попалъ въ Кіевъ. Онъ сказалъ, что работалъ тамъ на заводѣ. За неимѣніе паспорта его «пригнали въ деревню съ сотскимъ». Свидѣтеля и еще нѣсколькихъ крестьянъ изъ деревни вызывалъ судебный слѣдователь въ городъ Старицу, а когда они явились, то онъ сказалъ, что кіевскій слѣдователь «не пишетъ никакой вины», что нужно было вызвать только одного свидѣтеля, а что другихъ потребовали напрасно. Мужики хотѣли взыскать съ него за то, что ѣздили къ слѣдователю, но слѣдователь отказалъ имъ. Свидѣтель писалъ Арсенію, что Яковъ наказалъ его на 10 руб. Но онъ не укралъ эти деньги, а съ свидѣтеля взыскали въ волостномъ правленіи 4 р. 13 коп. за доставку Якова, да потратился на проѣздъ въ Старицу къ слѣдователю. На вопросъ защиты, можетъ ли свидѣтель въ чемъ-нибудь обвинять сына, Потаповъ отвѣтилъ: «чего же обвинять. Онъ какъ у Тортона жилъ, присылалъ денегъ въ деревню. Дурного ничего не дѣлалъ». Свидѣтель полагаетъ, что Якову 17-й или 18-й годъ. Когда онъ ушелъ, то денегъ у него не было.—Подс. Потаповъ. Я имѣю то сказать, что у меня деньги были, когда изъ Кіева я административнымъ порядкомъ былъ присланъ домой. Я объяснялъ прокурору и адресъ давалъ, гдѣ можно узнать, что денегъ у меня было 12 р. Прокуроръ сказалъ мнѣ, что это не имѣетъ никакого значенія, а это имѣетъ много значенія, потому что я проживалъ то время съ этими деньгами.—Свид. Крутиковъ (отставной титулярный совѣтникъ) показалъ: наканунѣ 6-го декабря, вечеромъ, часу въ 10 или 11, я зашелъ къ своему знакомому Городничему, съ которымъ жилъ года два назадъ вмѣстѣ на квартирѣ. Тамъ я встрѣтилъ слесаря Иванова, который звался и Савельевымъ. Я остался ночевать у Городничаго; вмѣстѣ со мной остался и Ивановъ. Утромъ встали часовъ въ 8, напились чаю и вышли всѣ вмѣстѣ. Они пошли на ту сторону, а я на Васильевскій островъ. Въ этотъ день у меня тамъ было двое именинъ. Черезъ Неву мы шли по мосткамъ отъ Мытнаго

перевоза къ биржѣ. Они люди молодые, ходятъ скоро, и я отъ нихъ отсталъ. На стрѣлкѣ у биржи я потерялъ ихъ изъ виду. На другой день я узналъ о демонстраціи изъ газетъ. Тов. прок. Вамъ не извѣстно, что квартиры принадлежала Иванову?—Свид. Крутиковъ. Нѣтъ, я считалъ, что она принадлежитъ Городничему.—Прис. пов. Неклюдовъ. Вы видѣли, что они переходили черезъ Большую Неву?—Свид. Крутиковъ. Нѣтъ, не видѣлъ.—В. Какъ Городничій и Ивановъ называли другъ друга?—О. Городничій звалъ его Васильемъ, Васькой и Савельевымъ, а онъ звалъ Городничимъ, и его всѣ такъ звали—оригинальная фамилія.—Прис. пов. Неклюдовъ заявилъ, что въ обвинительномъ актѣ поставлено въ вину подсудимому его неискреннее показаніе въ томъ отношеніи, что онъ «оказался носящимъ фамилію Савельева, а не Иванова». Но, на основаніи документовъ, онъ вовсе не Савельевъ, а Ивановъ, какъ это видно изъ его паспорта, который былъ прописанъ.—Подс. Ивановъ. Я при дознаніи указывалъ на тѣ источники, откуда прок. Кобыльскій могъ узнать о моей двойной фамиліи. Я указывалъ на Сиротскій судъ и на Императорское человѣколюбивое общество, гдѣ воспитывался. Тамъ я значился подъ фамилію Савельева, а затѣмъ, почему мѣщанское общество перемѣнило мою фамилію и сдѣлало меня Ивановымъ—я не знаю. Такъ какъ Городничій слышалъ отъ моего товарища Зюбина о моей фамиліи, то иногда называлъ меня Савельевымъ. Г. прокуроръ Кобыльскій могъ узнать, что фамилія моя не ложная и не псевдонимъ, но мои доводы остались безъ всего. На дальнѣйшіе вопросы свид. Крутиковъ показалъ, что Ивановъ говорилъ Городничему, что нужно идти на ту сторону что то купить. Для жителей Петербургской стороны и Васильевского острова «тою стороною» называются центральныя части города. Прис. пов. Неклюдовъ просилъ ссылаться на пакетъ подъ литерою Т, гдѣ находится видъ подсудимаго, на удостовѣреніе патроннаго завода, гдѣ подсудимый работалъ до послѣдняго дня, и на показаніе подсудимаго, данное имъ на дознаніи 8-го декабря, гдѣ онъ указывалъ на обѣ свои квартиры: на ту, которую прокуроръ не считаетъ свою квартирою, и на прежнюю, изъ чего видно, что онъ вовсе не скрывалъ своего мѣста жительства. Свидѣтельница Копилевичъ (вдова провизора, родная сестра Гуровича) пожелала дать показаніе.—Тов. прок. Когда вы узнали, что вашъ братъ и Новаковскій арестованы?—Свид. Копилевичъ. На другой день.—В. Вы въ хорошихъ отношеніяхъ съ братомъ?—О. Да, но рѣдко видѣлись, потому что далеко живемъ. В. Когда видѣлись послѣдній разъ?—О. Нѣсколько дней раньше. Онъ заходилъ и взялъ у меня денегъ.—В. Когда вы начали беспокоиться о его отсутствіи, то приходили на квартиру къ нему?—О. Приходила на другой день утромъ. 6-го декабря я шла въ публичную бібліотеку. Я раньше знала, что будетъ панихида. Увидѣла, толпу, остановилась и спросила. Мнѣ сказали, что панихида была, что произошла драка, такъ какъ возстали поляки, и что арестовали 1000 студентовъ.—В. Вы знали, что братъ вашъ будетъ на панихидѣ?—О. Нѣтъ, но я предполагала, что въ числѣ 1000 человѣкъ могъ и онъ попасть.—В. Вы высказали это опасеніе сожителю вашего брата Виленцу?—О. Нѣтъ, я его не видѣла въ этотъ разъ. Тамъ былъ подмастерье, или хозяинъ квартиры, который сказалъ, что братъ не ночевалъ. Потомъ я приходила второй разъ и тогда видѣла Виленца, но онъ ничего мнѣ не сказалъ, потому что самъ ничего не зналъ.—В. Онъ вамъ совѣтовалъ пойти въ участокъ?—О. Нѣтъ, я сама спросила городского. Онъ сказалъ, что всѣ арестованные находятся въ участкѣ, и я отправилась туда.—В. Отъ кого вы слышали, что будетъ панихида?—О. Не помню. Говорили, что будетъ панихида о славянахъ, но опредѣленнаго ничего не знала, не знала даже, въ какомъ соборѣ—Казанскомъ или Исаакіевскомъ. Далѣе свидѣтельница показала, что она спраши-

вала Виленца, но онъ сказалъ, что ничего не знаетъ. Новаковскій былъ у нея 6-го декабря утромъ, взялъ денегъ и спросилъ, будетъ ли она вечеромъ въ театрѣ съ ними. Онъ также былъ у нея дня за два и говорилъ, что предполагается панихида, но гдѣ и когда—не зналъ.—Тов. прок. На дознаніи вы, кажется, сказали, что Новаковскій спросилъ, будете ли вы не въ театрѣ, а на площади?—Свид. Копилевичъ. Зачѣмъ быть на площади. Я не помню, чтобы говорила о площади, да и незачѣмъ было говорить. Если въ моемъ показаніи это сказано, то это, вѣроятно, ошибка.—Прис. пов. Рычковъ. Когда вы послѣдній разъ видѣли Гуровича?—Свид. Копилевичъ. Не могу вспомнить точно: кажется, дня за три или за четыре.—В. Сколько онъ взялъ у васъ денегъ?—О. Рубля два или съ чѣмъ то.—В. Онъ говорилъ вамъ, что собирается ѣхать домой?—О. Да, онъ хотѣлъ ѣхать, но не могъ, потому что еще не получалъ денегъ.—В. Послѣднее время въ какихъ отношеніяхъ онъ былъ съ Новаковскимъ?—О. Не въ хорошихъ. Одинъ о другомъ высказывались не совсѣмъ хорошо.—В. Вы слышали отъ брата о панихидѣ?—О. Нѣтъ, онъ ничего не говорилъ.—На вопросы защитника подс. Новаковскаго свидѣтельница показала, что пріѣхала въ Петербургъ вмѣстѣ съ Новаковскимъ въ концѣ сентября. Здѣсь онъ хотѣлъ открыть сапожную мастерскую, хлопота ѣ объ этомъ, но заболѣлъ. Самъ онъ не жаловался свидѣтельница, но сестра (жена Новаковскаго) говорила ей, что онъ сильно тосковалъ, по ночамъ плакалъ, говорилъ, что какой то червякъ гложетъ его въ груди. Сама свидѣтельница заставляла иногда его по утрамъ мрачнымъ, съ опухшими глазами. Въ Екатеринославѣ онъ тоже тосковалъ, но не такъ сильно. Въ послѣднее время онъ значительно похудѣлъ, сдѣлался блѣденъ. Средства на открытіе мастерской онъ имѣлъ, такъ какъ получилъ за жену приданаго тысячи двѣ или три. Свидѣтельница пріѣхала въ Петербургъ лечиться.—Тов. прок. Вы утверждаете, что Виленецъ ничего вамъ не говорилъ о панихидѣ?—Свид. Копилевичъ. Ничего. И я не показывала этого на дознаніи.—В. Слѣдовательно, если этотъ фактъ есть въ нашемъ показаніи, то, значитъ, онъ нарочно написанъ?—О. Я не знаю, что сказать.—В. Вы подписали показаніе?—О. Подписала. В. Читали его?—О. Мнѣ читали.—В. Вы показали, что когда спросили Виленца, то онъ сказалъ вамъ: «да, и я это слышалъ, но подробностей не знаю»?—О. Нѣтъ. Виленецъ сказалъ, что ничего не знаетъ—будетъ панихида или нѣтъ.—Тов. прок. просилъ судъ удостовѣрить, что обстоятельство, о которомъ онъ говорилъ, находится въ показаніи свидѣтельницы. Прис. пов. Рычковъ, съ своей стороны, просилъ обратить вниманіе, что свидѣтельница по напоминаніи этого обстоятельства удостовѣрила, что этого не показывала.—Прис. пов. Неклюдовъ. Вы сказали, что вамъ прочитали ваше показаніе?—Свид. Копилевичъ. Да.—В. Какой тамъ былъ вообще принятъ порядокъ?—О. Допрашивалъ кто-то въ военной формѣ и записывалъ, а потомъ прочиталъ, и я подписала.—Тов. прок. Вамъ же предлагали написать самимъ?—Свид. Копилевичъ. Нѣтъ.—Прис. пов. Неклюдовъ. А вы хорошо владѣете письмомъ, такъ что могли бы и сами написать?—Свид. Копилевичъ. Могла бы.—Прис. пов. Неклюдовъ заявилъ, что хотя показаніе Копилевичъ специально до его кліента не относится, но такъ какъ по процессуальнымъ вопросамъ защита солидарна то онъ проситъ особое присутствіе обратить вниманіе на то, что въ судебной практикѣ, установленной касационнымъ сенатомъ, напоминаніе свидѣтелю показанія, даннаго на предварительномъ слѣдствіи, не допускается до перекрестнаго допроса прежде, нежели противная сторона допроситъ свидѣтеля; между тѣмъ прокуроръ держится совершенно иной системы. — Первоприсутствующій. Это обстоятельство могло бы имѣть значеніе на судѣ присяжныхъ засѣдателей. Но оно не мо-

жетъ имѣть значенія въ судѣ особаго присутствія, которому всѣ акты слѣдствія открыты. По просьбѣ прокурора и защитника подсудимаго Гуровича, переспрошенъ свидѣтель Виленецъ, причемъ свидѣтельница Копилевичъ и свидѣтель Макаровъ были удалены изъ залы засѣданія.—Тов. прок. Вчера вы удостовѣрили, что г-жа Копилевичъ пріѣзжала къ вамъ и главнымъ образомъ беспокоилась тѣмъ, что Гуровичъ не былъ у нея уже недѣлю двѣ. Откуда вы почерпнули эти свѣдѣнія? — Свид. Виленецъ. Насколько мнѣ помнится, она сказала, что долго не видала Гуровича. — В. Но вчера вы опредѣлили это время?—О. Я сказалъ по собственному предположенію, но я могъ ошибиться. — В. Г-жа Копилевичъ говоритъ, что васъ не видѣла, когда приходила въ первый разъ. — О. Она приходила такъ часто послѣ ареста Гуровича, и притомъ прошло болѣе мѣсяца съ тѣхъ поръ, такъ что теперь я не могу навѣрное сказать, въ первый пріѣздъ я ее видѣлъ, или во второй, или въ третій. Я заявилъ на дознаніи, что она явилась потому, что беспокоилась, что Гуровичъ у нея долго не былъ, и она слышала, что арестовано 1000 студентовъ. Я успокаивалъ ее, говорилъ, что, вѣроятно, онъ не попался, потому что не замѣчалъ, чтобы онъ приготовлялся.—Прис. пов. Рычковъ. Вы видѣлись съ Копилевичъ послѣ того, какъ были въ студенческой библиотекѣ?—Свид. Виленецъ. Да, послѣ.—В. Не замѣчали ли вы въ Гуровичѣ какой-нибудь особой заботливости, приготовленія къ чему-нибудь?—О. Замѣчалъ только приготовленіе къ отъѣзду.—В. Не имѣлъ ли онъ учащенныхъ свиданій съ какими-нибудь лицами? — О. Нѣтъ. — В. Слѣдовательно, особой дѣятельности вы не замѣчали въ немъ?—О. Нѣтъ.—Свид. Ивановъ (петербургскій мѣщанинъ) показалъ, что Новаковскіе жили у него на квартирѣ; самъ Новаковскій занимался работой, хотѣлъ открыть сапожную мастерскую, спрашивалъ о ремесленной управѣ и о томъ, гдѣ покупается товаръ. Работалъ онъ съ мѣсяцъ, а потомъ заболѣлъ и пересталъ работать. Наканунѣ 6 декабря мужъ и жена за чаемъ или за обѣдомъ въ кухнѣ говорили между собою о томъ, что въ Казанскомъ соборѣ будетъ панихида по убитымъ въ Сербіи. Говорила это жена и звала мужа съ собою въ соборъ. Новаковскій не хотѣлъ итти. На другой день утромъ свидѣтель ушелъ изъ дому, а когда вернулся, то уже не засталъ Новаковскихъ дома. Свидѣтель—по ремеслу сапожникъ. Новаковскіе переѣхали къ свидѣтелю 13 октября. Свидѣтелю извѣстно, что Новаковскій ходилъ къ доктору, потому что по возвращеніи домой посылалъ въ аптеку. Онъ жаловался на свою болѣзнь, былъ скучный, «невеселаго характера». Сначала онъ работалъ инструментомъ свидѣтеля, а потомъ купилъ свой. Онъ остался у свидѣтеля въ верстакѣ.—Тов. прок. Почему на дознаніи вы показали иначе?—Свид. Ивановъ. Оттого, что я сробѣлъ, а онъ жилъ безъ паспорта. Поэтому и показалъ, что онъ жилъ у меня мало.—В. Почему вы тогда показали, что никакого разговора о панихидѣ не слышали? — О. Я принялъ теперь присягу.—Пом. прис. пов. Граціанскій. Почему онъ жилъ безъ прописки? — Свид. Ивановъ. Онъ ожидалъ какую-то бумагу себѣ.—Подс. Новаковскій. Дѣло было такъ: я пріѣхалъ въ Петербургъ и поселился на Малой Посадской. Предъявилъ свои документы въ части для прописки. Въ томъ числѣ представилъ и свидѣтельство изъ екатеринославской ремесленной управы. Но паспорта мнѣ не возвратили. Я нѣсколько разъ просилъ. Потомъ мнѣ прислали, чтобы я снялъ копію съ свидѣтельства. Документы мнѣ не выдавали безъ всякой причины. Говорили, что нельзя выдать, что нужно къ градоначальнику. Между тѣмъ я выѣхалъ до срока изъ квартиры, потому что она была не чиста и сыра. Мы сняли ее второпяхъ, чтобы не жить въ гостиницѣ. Документы мнѣ возвратили съ надписью, что такъ какъ я еврей, то не имѣю права жить въ Петербургѣ. Я отправился въ участокъ и объяснилъ, что я представилъ ремесленное свидѣтельство,

по которому позволяется жить. Мнѣ сказали, чтобы я представилъ свидѣтельство о томъ, что не состою подъ судомъ и не былъ замѣченъ по дѣламъ контрабанды. Поэтому я написалъ родителямъ, чтобы они вытребовали изъ управы такое свидѣтельство.—Свидѣтельница Гро-Греванъ (дерптская мѣщанка) показала, что подсудимый Фалинъ остановился на квартирѣ у ея жильца Георгіевскаго. 4 декабря вечеромъ Фалинъ ушелъ и болѣе не возвращался. При разговорѣ его съ Георгіевскимъ она слышала, что онъ пріѣхалъ изъ-за границы. Между прочимъ она говорила Фалину: «прошлый годъ васъ полиція требовала, а нынче что будетъ?» Онъ отвѣтилъ: «ничего не будетъ; я буду скромно жить». — Подс. Фалинъ. Я пріѣхалъ сюда вечеромъ 20 ноября прошлаго года и остановился у Георгіевскаго; когда мы съ нимъ разговаривали, вошла Гро-Греванъ. Такъ какъ я раньше жилъ на этой квартирѣ, то она знала меня. Я рассказывалъ Георгіевскому, что былъ въ Крыму, проѣздомъ былъ въ Москвѣ и т. п. Можетъ быть, свидѣтельница приняла Крымъ за за-границу. Относительно разговора о полициі: въ прошломъ году я пріѣхалъ изъ-за границы и также остановился у Георгіевскаго. Въ обвинительномъ актѣ указано на то, что въ началѣ 1876 г. я былъ задержанъ при обыскѣ у Дьяконова, съ которымъ я будто бы жилъ на одной квартирѣ. Тутъ оказались нѣкоторыя невѣрности, такъ какъ я жилъ тогда у Георгіевскаго. По этому поводу меня и требовали въ полицію.—Свид. Тимоѣева (мѣщанка) показала, что подсудимая Иванова жила у нихъ на квартирѣ недѣли двѣ; ночевала дома только раза три. Свидѣтельница не видала, чтобы она работала. Вещи ея состояли изъ чемодана, подушекъ и одѣяла.—Свид. Щукина (дочь унтеръ-офицера) показала, что 6 декабря пошла вмѣстѣ съ Ивановой въ Казанскій соборъ на панихиду, но панихиды не было. Когда вышли на площадь, то тамъ было много народу. Свидѣтельница остановилась посмотри́тъ и слышала, какъ что-то читали; потомъ подняли мальчика, набросили на голову какой-то красный лоскутокъ и кричали «ура». Потомъ пришла полиція и случилась драка. Она хотѣла уйти, но тутъ ее арестовали.—Тов. прок. Вы на какую панихиду отправились? — Свид. Щукина. По убитымъ въ Сербіи.—В. Кто вамъ сообщилъ, что будетъ служить панихида? — О. Я слышала въ кухмистерской Елены Павловны наканунѣ. Студенты разговаривали. — В. Подсудимая Иванова у васъ ночевала?—О. У меня. — В. Лично васъ никто не приглашалъ на панихиду?—О. Никто.—В. Когда вы познакомились съ Ивановой?—О. Въ концѣ осени.—В. Кто предложилъ вамъ итти на панихиду: Иванова вамъ, или вы Ивановой?—О. Я предложила. — В. Что тамъ читали?—О. Я не слыхала, потому что далеко стояла. — В. Но что-нибудь слышали?—О. Что-то такое—Долгушинцы, Чернышевы. — В. Что кричали?—О. Не могла разобрать: «ура» или что-то вродѣ этого.—Прис. пов. Олхинъ. Знала ли Иванова напередъ о панихидѣ?—Свид. Щукина. Вѣроятно, нѣтъ, потому что она спрашивала, что это за панихида?—В. Такъ что если бы васъ не было, то она и не пошла бы?—О. Не пошла бы.—В. Въ церкви вы вмѣстѣ стояли?—О. Нѣтъ, я нѣсколько впередъ прошла, а она осталась. — Прис. пов. Знамеровскій. Гдѣ васъ взяли? — Свид. Щукина. Около памятника Кутузова.—В. Не выражали ли вы соболѣзнованія о томъ, что арестовали мужчину и женщину? — О. Да. Когда арестовали Товбичъ, я сказала: за что? — В. Не слыхали ли фамилію этого мужчины, который былъ съ Товбичъ?—О. Слыхала, что Поповъ.—В. Отъ кого?—О. Товбичъ говорила.—В. Кто ихъ арестовалъ?—О. Двое рабочихъ или приказчиковъ. Товбичъ плакала. Я сказала: за что вы тащите ихъ, что они сдѣлали? Но тутъ и меня взяли. — Тов. прок. Вы Товбичъ давно знаете?—Свид. Щукина. Я видѣла ее раньше, но не была знакома.—В. Гдѣ видѣли?—О. Не знаю.—В. Метеліцину знаете?—О. Тоже видала, но гдѣ—не знаю; вѣроят-

но, въ кухмистерской — В. Вы лично чѣмъ занимаетесь? — О. Я училась въ Маринскомъ родовспомогательномъ домѣ. — В. Можетъ быть, вы познакомились по поводу этихъ курсовъ? — О. Нѣтъ, не на курсахъ. — В. Чѣмъ объяснить ваши указанія, данная вами на дознаніи, на Метелицыну? — О. Она знала, что у меня есть сочиненія Некрасова и приходила просить книгу. — В. Признаете ли вы свое показаніе, данное на дознаніи, правильнымъ? — О. Нѣтъ, оно неправильно. — Прис. пов. Ольхинъ. Что вы признаете неправильнымъ? — Свид. Щукина. Что Метелицына приходила за книгами, а про соборъ ничего не говорила. — В. Но вы давали такое показаніе? — О. Не помню. Я была арестована, находилась въ такомъ состояніи... Прис. пов. Неклюдовъ. Вамъ объявили, что васъ спрашиваютъ, какъ свидѣтельницу, или какъ обвиняемую? — Свид. Щукина. Конечно, какъ обвиняемую. — В. Вы думаете это потому, что были арестованы; но было ли вамъ объявлено, въ качествѣ кого васъ допрашиваютъ? — О. Когда освободили, тогда объявили, что буду допрошена, какъ свидѣтельница. — Прис. пов. Ольхинъ. Вы вообще отзываетесь незнаніемъ Метелицыной, а между тѣмъ говорите, что она у васъ была? — Свид. Щукина. Я знала ее въ лицо, но не была съ нею хорошо знакома. — В. Зная ее въ лицо, можетъ быть, вы разговаривали что-нибудь о панихидѣ? — О. Не помню. — В. Не говорила ли она, что панихида будетъ о заключенныхъ? — О. Нѣтъ, этого не говорила. — В. Между тѣмъ это находится въ вашихъ показаніяхъ на дознаніи? — О. Не знаю. — В. Оба эти показанія вы давали подъ арестомъ? — О. Всѣ показанія подъ арестомъ. Да, во второмъ показаніи было написано о панихидѣ по политическимъ преступникамъ. Прокуроръ спрашивалъ, и я сказала, что по убитымъ въ Сербіи. Но прокуроръ говоритъ: «оставьте, пожалуйста, Сербію; всѣмъ извѣстно, что панихида была по политическимъ преступникамъ». Я такъ и написала, потому что все равно. — В. Ивановой вы говорили, что будетъ панихида по политическимъ преступникамъ? — О. Нѣтъ, я говорила, что по сербамъ. — Тов. прокурора. Слѣдовательно, вамъ прокуроръ подсказывалъ? — Свидѣтельница Щукина. Конечно. Онъ сказалъ: «оставьте эту панихиду — извѣстно всѣмъ, что по политическимъ преступникамъ». Я сказала, что мнѣ все равно, по комъ панихида. — В. Какой прокуроръ васъ допрашивалъ? — О. Кобыльскій. — Присяжн. повѣр. Ольхинъ заявилъ, что во второмъ показаніи Щукиной нѣтъ указанія на то, чтобы она Ивановой говорила, что будетъ панихида по политическимъ преступникамъ. Этимъ окончился допросъ свидѣтелей обвиненія и было приступлено къ допросу свидѣтелей защиты. Свид. Ивановъ (онъ же Уваровъ, дворникъ) показалъ, что подсудимый Громовъ жилъ у нихъ на квартирѣ до 5-го декабря. Былъ прописанъ. Сказалъ, что переѣзжаетъ на другую квартиру. Есть отмѣтка (подастъ отмѣтку). Во все время, пока Громовъ жилъ, ничего подозрительнаго за нимъ не замѣчалось. — Свид. Фалинъ (отецъ подсудимаго) пожелалъ дать показаніе. Говорилъ со слезами на глазахъ и, видимо, усиливался сдерживать слезы. — Прис. пов. Каміонко. Гдѣ вашъ сынъ жилъ лѣтомъ? — Свид. Фалинъ. Въ Крыму, до 9-го ноября. — В. Онъ возвратился къ вамъ? — О. Да. — В. Неизвѣстно ли вамъ, когда онъ уѣхалъ изъ Москвы, куда и зачѣмъ? — О. Уѣхалъ 29-го ноября въ Петербургъ за своими бумагами. — В. Не замѣчали ли вы чего-нибудь за нимъ въ послѣднее время? — О. Ничего. Онъ всегда былъ хорошей. — В. Не знаете ли чего-нибудь о его жизни здѣсь? — О. Не знаю. Мнѣ только Серебряниковъ передавалъ, что онъ у нихъ ночевалъ съ 5 на 6-е число. — В. Семейство Серебряникова вы знаете? — О. Нѣтъ. Онъ у меня самъ былъ и рассказывалъ, что 5-го числа сынъ былъ съ ними въ театрѣ и ночевалъ у нихъ. — Свид. Георгіевскій (технологъ) показалъ, что зналъ Фалина года чтыре; жилъ съ нимъ вмѣстѣ. — Прис. пов. Каміонко. Не было ли разговора о томъ,

откуда онъ пріѣхалъ въ послѣдній разъ?—Свид. Георгіевскій. Онъ говорилъ, что пріѣхалъ изъ Москвы и что большую часть лѣта и осень провель въ Крыму у одного знакомаго помѣщика.—В. Почему хозяйка квартиры Гро-Греванъ показала, что онъ говорилъ, что пріѣхалъ изъ-за границы?—О. Вѣроятно, она не вслушалась, или не поняла. Фалинъ разсказывалъ о жизни въ Крыму, о тамошней природѣ. Вѣроятно, она подумала, что Крымъ за границей.—В. Наканунѣ 6-го декабря Фалинъ былъ дома или нѣтъ?—О. Наканунѣ въ 12-мъ часу дня онъ ушелъ, сказавъ, что ночевать, вѣроятно, не придетъ, но не сказалъ, гдѣ былъ намѣренъ ночевать.—Подс. Фалинъ. Какъ мы провели день 5-го декабря?—Свид. Георгіевскій. Изъ квартиры мы вышли вмѣстѣ; потомъ на Садовой разошлись. Послѣ встрѣтились въ публичной библиотекѣ, гдѣ пробыли до закрытія.—В. Г-жа Гро-Греванъ показала, что я нѣсколько разъ не ночевалъ дома?—О. Разъ или два не ночевали.—Прис. пов. Каміонко. Не знаете ли вы семейство Серебряниковыхъ?—Свид. Георгіевскій. Нѣтъ, но послѣ слышалъ, что Фалинъ съ 5 на 6-е декабря ночевалъ у Серебряниковыхъ. Это передавалъ мнѣ господинъ, который приходилъ 6-го декабря и спрашивалъ Фалина. Онъ говорилъ, что они вмѣстѣ съ нимъ жили въ Крыму, что вечеромъ въ театрѣ они условились увидѣться на другой день въ четыре часа на квартирѣ Фалина. Я просилъ его подождать, но ему не было времени. Послѣ моего допроса этотъ господинъ встрѣтился со мною и сообщилъ, что въ ночь съ 5 на 6-е декабря Фалинъ ночевалъ у Серебряниковыхъ.—Свид. Краснокутская (дочь купца) показала, что съ подлудимой Николаевской не знакома; только видѣла ее у подсудимой Ильяшенко, съ которой жила вмѣстѣ на одной квартирѣ. Дня за два или за три до 6-го декабря у нихъ, была Николаевская, и онѣ условились съ Ильяшенко, чтобы въ праздникъ итти купить ботинки. Въ понедѣльникъ, 6-го декабря, Ильяшенко дѣйствительно вышла изъ дому въ первое часу; хотѣла зайти за Николаевской, чтобы вмѣстѣ итти за ботинками.—Подс. Ильяшенко. Я хочу сдѣлать поправку къ моему показанію. Я показала, что зашла на квартиру Николаевской, между тѣмъ я встрѣтила ее у воротъ, и мы съ нею отправились.—Свид. Короленко (студентъ) показалъ, что Николаевскую знаетъ.—Прис. пов. Архангельскій. Чѣмъ она занималась въ послѣднее время? Свид. Короленко. Достоверно мнѣ неизвѣстно, такъ какъ лично она мнѣ объ этомъ не говорила. Но отъ тѣхъ, которые ее знаютъ лучше, я слышалъ, что она намѣрена была готовиться на медицинскіе курсы.—В. 6-го декабря вы ее видѣли?—О. Видѣлъ. Я пришелъ къ моей знакомой Тиссенъ на Литейную, чтобы простить я съ нею передъ ея отъѣздомъ, но не засталъ дома. Были только Николаевская и другая женщина, которую не знаю. Онѣ мнѣ сообщили, что Тиссенъ отправила свои вещи на вокзалъ и сама ушла куда то, но обѣщалась зайти домой. Я рѣшился подождать и ждалъ около получаса. Такъ какъ Тиссенъ не приходила, то я хотѣлъ уйти. Николаевская въ это время собиралась и сообщила другой госпожѣ, что идетъ покупать башмаки. Мы пошли вмѣстѣ и у воротъ встрѣтили другую студентку, которую я тоже раньше видѣлъ, г-жу Ильяшенко. Николаевская замѣтила ей, что она думала, что та не придетъ и хотѣла одна итти покупать башмаки. Затѣмъ мы всѣ втроемъ пошли по Литейной, потомъ повернули направо, по какой улицѣ—не знаю, потому что я съ этой частью города не знакомъ; потомъ опять повернули направо и затѣмъ разошлись на Б. Итальянской улицѣ: онѣ пошли къ Невскому, а я по Итальянской.—В. Николаевская въ гостяхъ была у Тиссенъ?—О. Нѣтъ, она жила съ ней на одной квартирѣ, на Литейной, противъ главнаго казначейства.—В. Не говорили, куда онѣ шли покупать?—О. Кажется, въ Варшавскій магазинъ.—В. Въ которомъ часу вы вышли отъ Тиссенъ?—О. Думаю, что это

было около половины второго, потому что я вышелъ изъ дому съ 7-й линіи Васильевскаго острова, между Большимъ и Среднимъ проспектами, около 12-ти, и шелъ пѣшкомъ. На это потребовалось, вѣроятно, около часа, да у Тиссеня я пробылъ минутъ 20 или съ полчаса.—Пом. прис. пов. Граціанскій просилъ спросить свидѣтеля Иванова, который показалъ, что къ Новаковскому ходило «совсѣмъ мало народу»; приходила сестра и то рѣдко. Пом. прис. пов. Граціанскій. Не можете ли указать, которая изъ сидящихъ здѣсь женщинъ бывала у Новаковскихъ?—Свид. Ивановъ (осмотрѣвъ). Не могу признать.—В. Не было ли еще за мѣсяцъ слуховъ, что будетъ служить панихида?—О. Слышалъ отъ одного заказчика, что въ Исаакіевскомъ соборѣ будетъ панихида по сербамъ.—Первоприсутствующій. Вы говорили, что Новаковскій работалъ. Какъ по вашему—зналъ онъ свое ремесло?—Свид. Ивановъ. Коли работалъ, такъ, значитъ, зналъ. У насъ не тяжелое мастерство. Шилъ новые сапоги, кроилъ; все самъ дѣлалъ.—Тов. прок. Отъ заказчика вы не слыхали, что на панихидѣ будутъ войны требовать?—Свид. Ивановъ. Говорили о войнѣ, но я этимъ не занимался. Не могу припомнить.—Свидѣтельница Новаковская (жена подсудимаго) пожелала дать показаніе и на вопросы защитника показала, что они пріѣхали въ Петербургъ мѣсяца четыре тому назадъ; мужъ хотѣлъ открыть здѣсь мастерскую. По пріѣздѣ остановились въ гостиницѣ, а потомъ нашли квартиру на Петербургской сторонѣ, въ Малой Посадской улицѣ. Оттуда переѣхали, кажется, въ октябрѣ, на другую квартиру. Сначала онъ работалъ, а потомъ сдѣлался боленъ. Сталъ скученъ, тосковалъ, плакалъ; предпочиталъ уединеніе. Ходилъ въ лечебницу доктора Сикорскаго (психіатра); но послѣднее время онъ не сталъ къ нему ходить и говорилъ, что не считаетъ его докторомъ. Вообще, онъ чего-то боялся; говорилъ, что противъ него заговоръ. Ночь съ 5-го на 6-е декабря провелъ очень дурно, такъ что утромъ чувствовалъ себя не хорошо; былъ очень угрюмъ и задумчивъ.—Пом. прис. пов. Граціанскій. Почему вы отправились на Казанскую площадь 6-го декабря?—Свид. Новаковская. Мы пошли въ соборъ посмотреть службу. Дорогой заходили къ сестрѣ, чтобы занять денегъ. Послѣ службы мы хотѣли пойти въ театръ взять билеты, такъ какъ въ этотъ день участвовала Патти. Я хотѣла чѣмъ-нибудь развлечь мужа.—В. Вы слышали, что въ соборѣ что-то будетъ?—О. Слышала, что будетъ панихида по умершимъ сербамъ.—В. Не передавали ли объ этомъ мужу?—О. Да, я говорила.—В. Что онъ сказалъ вамъ на это?—О. Онъ отказывался итти; говорилъ, что навѣрное ничего не будетъ, потому что мы раньше слышали, что будетъ панихида въ Исаакіевскомъ соборѣ, но ея не было.—В. Не слышали вы, что будетъ участвовать на панихидѣ?—О. Говорили, что будутъ всѣ власти.—В. Не было ли разговора о томъ, что будетъ заявлено какое-нибудь желаніе?—О. О войнѣ говорили: адресъ что-ли хотѣли о войнѣ.—В. Долго ли вы пробыли въ соборѣ?—О. Полчаса или больше. Мужъ вышелъ нѣсколько раньше, потому что онъ былъ ближе къ дверямъ. Когда я вышла и стояла на паперти, онъ стоялъ внизу и искалъ меня глазами. Когда увидѣлъ, то подаль мнѣ руку и помогъ сойти. Онъ былъ чѣмъ-то испуганъ.—В. Не спрашивали ли вы кого-нибудь, что случилось?—О. Мы спросили одного городского, высокаго роста, блондина; онъ стоялъ на углу улицы, гдѣ участокъ. Мужъ спросилъ: «что за суматоха?» Городовой сказалъ, что затѣяли скандалъ студенты. Мужъ замѣтилъ: «что, они пьяны, что-ли?» Городовой говорить: нѣтъ. Потомъ мы пошли на площадь, когда уже все утихло. Я была заинтересована и хотѣла узнать, въ чемъ дѣло. Мужъ сказалъ, что не стоитъ; но я все-таки пошла, и онъ за мною. Мы еще не успѣли никого спросить, какъ насъ взяли и отвели въ участокъ.—В. Когда васъ привели въ участокъ, тамъ уже

были женщины арестованныя?—О. Было, кажется, шесть.—В. Въ какихъ отношеніяхъ вашъ мужъ находился въ послѣднее время къ Гуровичу?—О. Они въ ссорѣ.—В. Почему вы не открыли мастерскую?—О. Денегъ еще не присылали, а потомъ онъ серьезно заболѣлъ.—В. Получили вы деньги и сколько?—О. Получили въ ноябрѣ 1000 руб.—В. Если бы не достало этихъ денегъ, то имѣли ли вы возможность добыть?—О. Да, отъ моихъ родителей.—Тов. прок. Вы какой вѣры?—Свид. Новаковская. Еврейка.—В. Что васъ заставило относиться съ такимъ сочувствіемъ къ панихидѣ?—О. Просто по любопытству; я не выражала сочувствія.—В. Когда вы слышали о панихидѣ?—О. Еще за мѣсяцъ раньше.—В. А о панихидѣ 6-го декабря.—О. За нѣсколько дней.—В. Отъ кого?—О. Не помню.—В. Послѣ того, какъ васъ арестовали, въ участокъ привели еще кого-нибудь?—О. Послѣ меня еще одну привели.—В. Въ послѣднее время вы съ своимъ мужемъ имѣли свиданіе въ тюрьмѣ?—О. Имѣла.—В. Сколько разъ вы его видѣли?—О. Два раза въ недѣлю.—В. По какому поводу вамъ было разрѣшено свиданіе?—О. По поводу моихъ прошеній и потому, что онъ былъ боленъ.—В. Что вызвало васъ подать прошеніе отъ 12-го января?—О. Потому что около того времени мужъ получилъ обвинительный актъ, а я не получила, слѣдовательно, онъ понялъ, что я не въ числѣ подсудимыхъ. Поэтому я спросила, значусь ли я въ числѣ свидѣтелей. Онъ говоритъ, что нѣтъ. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ, я говорю. «Подай, говоритъ, прошеніе.»—Пом. прис. пов. Граціанскій. Вы теперь на свободѣ или подѣ арестомъ?—Свид. Новаковская. Подѣ арестомъ.—В. Почему?—О. Не знаю; мнѣ не объясняли.—Подс. Новаковскій. Не помнишь ли ты примѣты городского, который насъ арестовалъ?—Свид. Новаковская. Высокаго роста, блондинъ.—В. Узнали бы его?—О. Вѣроятно.—В. Онъ прямо подошелъ и арестовалъ?—О. Онъ подошелъ съ какимъ-то человѣкомъ—рабочимъ, и тотъ указалъ на мужа и сказалъ: «это студентъ».—В. Вы спрашивали только у городского или еще у кого-нибудь?—О. Кажется, проходящихъ спрашивали.—Пом. прис. пов. Граціанскій, въ виду того, что обстоятельства ареста Новаковскихъ остаются неразъясненными, просилъ предъявить свидѣтельница городовыхъ. Были предъявлены городовые, околоточные Васильевъ и Успенскій. Свидѣтельница осмотрѣла ихъ, но не признала никого. Она указала только на одного, сказавъ, что онъ «кажется похожъ». Городовой заявилъ, что онъ только видѣлъ, какъ повели Новаковскаго. Тов. прок. представилъ особому присутствію прошеніе Новаковской отъ 12-го января, поданное въ судебную палату. Затѣмъ предстоялъ допросъ свидѣтелей, вызванныхъ защитою Новаковскаго для показаній относительно состоянія его здоровья въ домѣ предварительнаго заключенія. Первоприсутствующій, съ согласія сторонъ, распорядился приглашеніемъ въ залу засѣданія двухъ врачей-экспертовъ для присутствованія при допросѣ означенныхъ выше свидѣтелей. Защитникъ подсудимаго просилъ разрѣшить его кліенту удалиться изъ залы засѣданія на время допроса этихъ свидѣтелей и заключенія экспертовъ, такъ какъ заявилъ самъ подсудимый: «Со мной можетъ случиться припадокъ во время экспертизы. Я не могу вынести ея.» Первоприсутствующій разрѣшилъ подсудимому удалиться. Свид. Поляковъ (старшій надзиратель дома предварительнаго заключенія) на вопросъ защитника Новаковскаго показалъ, что во время своего дежурства, въ ночь съ 29 на 30-е декабря, часа въ два ночи, онъ услыхалъ стукъ въ одной изъ камеръ и обратился на это вниманіе. Подошелъ къ дверямъ камеры и посмотрѣлъ въ зрительное стекло. Тамъ онъ увидѣлъ человѣка (Новаковскаго), стоящаго на кровати, который произвоилъ какія-то дѣйствія руками вверхъ—и отворилъ фортку. Свидѣтель спросилъ, что тотъ дѣлаетъ, но не получилъ никакого отвѣта. Онъ даль знать

помощнику управляющаго. Тотъ пришелъ, открылъ форточку и спросилъ арестанта, что онъ дѣлаеть. Арестантъ соскочилъ съ кровати и началъ бросаться изъ угла въ уголъ; потомъ опять вскочилъ на кровать и сталъ опять что-то дѣлать руками. Тогда помощникъ управляющаго приказалъ открыть двери. Вошли въ камеру силой, такъ какъ арестантъ препятствовалъ отворить двери. Затѣмъ его связали простынями, принесли горячую рубашку, надѣли и привязали его къ кровати. У камеры остался младшій надзиратель, который впослѣдствіи сказалъ, что Новаковскій просится развязать. Свидѣтель доложилъ помощнику управляющаго, который приказалъ развязать. Новаковского развязали, и онъ лежалъ уже спокойно. Кромѣ этого случая свидѣтель ничего за подсудимымъ не замѣчалъ. Когда надѣвали на него рубашку, то онъ не давался: хватался руками за что придетъся; глазами водилъ въ стороны.—Свид. Ишукъ (младшій надзиратель) показалъ, что болѣзненные припадки съ Новаковскимъ онъ замѣчалъ и раньше. Такъ, на примѣръ, когда свидѣтель приходилъ къ нему, то иногда онъ говорилъ: «жена пришла, зачѣмъ она пришла?» Это повторялось нѣсколько разъ до случая 30-го декабря. Въ это время взглядъ его былъ не хорошъ; глаза страшные. Когда свидѣтель подошелъ къ форточкѣ и посмотрѣлъ въ стекло, то увидалъ, что Новаковскій стоитъ на кровати и привязываетъ къ форточкѣ полотенце съ салфеткою. Онъ сильно сопротивлялся, когда его вязали. Послѣ того, какъ надѣли рубашку, черезъ нѣсколько времени онъ успокоился и сталъ просить, чтобы его развязали.—Свид. Куреленковъ (помощникъ управляющаго домомъ предварительнаго заключенія) показалъ, что за нѣсколько дней до 30-го декабря Новаковскій обнаруживалъ нѣкоторыя болѣзненныя явленія, по отзывамъ надзирателей, такъ, на примѣръ, не принималъ пищи, былъ разстроень, и вообще его поступки казались подозрительными. Объ этомъ было заявлено доктору, и онъ былъ въ камерѣ, но что сдѣлалъ—свидѣтель не знаетъ.—Свид. Өоминь (фельдшеръ) показалъ, что подавалъ помощь Новаковскому 30-го декабря. Нашелъ его въ сильно возбужденномъ состоянн; пульсъ былъ возвышенъ; зрачки расширены, глаза мутноваты, плакалъ, ходилъ шибко по комнатѣ; въ то время онъ былъ совершенно боленъ. Докторъ говорилъ свидѣтелю, что пользовалъ Новаковского раньше отъ желудочнаго катарра.—Выслушавъ показанія свидѣтелей, экспертъ, врачъ Баталинъ, высказалъ, что кромѣ свидѣтельскихъ показаній, имъ выслушанныхъ, при освидѣтельствѣванн Новаковского 10-го января экспертиза имѣетъ въ виду показаніе врача, пользовавшаго подсудимаго раньше и свидѣтельство врача дома предварительнаго заключенія. При освидѣтельствѣванн оказалось, что Новаковскій съ умѣренно развитою мускулатурою; органы пищеваренія не измѣнены; ненормальностей и уродливостей черепа не замѣчено; темперамента невропатическаго. Выраженіе лица плаксивое; по временамъ воодушевленное. Обо всемъ, что касается предшествовавшей жизни, говоритъ толково, разсудительно, такъ что нельзя замѣтить ни малѣйшихъ слѣдовъ галлюцинацій; когда же былъ ему предложенъ вопросъ о его заключенн, то онъ сталъ плакать, говорилъ, что ничего не помнитъ; что болятъ руки, что его вязали, и пр., и никакихъ подробностей объяснить не могъ. Принимая во вниманн показаніе врача Сикорскаго, который показалъ, что подсудимый страдаетъ разстройствомъ нервной системы, эксперты въ то время заключали, что Новаковскій 30 декабря находился, вѣроятно, въ припадкѣ истерическомъ или въ припадкѣ умопомѣшательства. Но, имѣя въ виду свидѣтельства доктора дома предварительнаго заключенія, эксперты находили, что Новаковскій страдаетъ только разстройствомъ нервной системы, при каковомъ состоянн малѣйшая возбуждающая причина вызываетъ истерическіе припадки; такъ какъ при такомъ болѣзненномъ состоянн, зави-

сящемъ отъ разстройства чувствительныхъ центровъ, малѣйшая причина можетъ вызывать психическія измѣненія, то Новаковскій 30-го декабря могъ быть въ припадкѣ изступленія и не помнить того, что съ нимъ произошло по окончаніи припадка. На этомъ основаніи эксперты пришли къ заключенію, что Новаковскій психически здоровъ.—Пом. прис. пов. Граціанскій. Его нервное разстройство постоянное, такъ что отъ малѣйшей причины съ нимъ могутъ повто яться подобные припадки?— Эксп. Баталинъ. Совершенно вѣрно. Я долженъ сказать, что вся суть нашего заключенія основана на показаніи врача, пользовавшаго подсудимаго раньше, такъ какъ мы видѣли его о ень короткое время. На дальнѣйшіе вопросы экспертъ Баталинъ объяснилъ между прочимъ, что такое разстройство нервной системы можетъ со временемъ, при неблагоприятныхъ условіяхъ, перейти въ умопомѣшательство, т. е. въ болѣзнъ центральной мозговой системы. Точно опредѣлить границу между разстройствомъ нервной системы и разстройствомъ уже психическимъ чрезвычайно трудно. Другой экспертъ добавилъ, что явленія, происходившія, по показаніямъ свидѣтелей, съ Новаковскимъ, можно отнести къ истерическимъ нервозамъ. При нервномъ разстройствѣ истерическіе припадки могутъ быть такъ сильны, что человѣкъ можетъ не помнить того, что онъ дѣлаетъ, но послѣ онъ бываетъ совершенно здоровъ. Моментъ, когда нервное разстройство переходитъ въ психическую болѣзнъ, трудно уловимъ. Неблагопріятныя условія могутъ ускорить этотъ переходъ. Этимъ окончился допросъ всѣхъ свидѣтелей и экспертовъ и первоприсутствующій спросилъ стороны, чѣмъ желаютъ онѣ дополнить судебное слѣдствіе. Обвиненіе и защита просили прочесть или позволить сослаться на различные документы. Между прочимъ прокуроръ просилъ разрѣшенія сослаться на брошюру заграничнаго изданія, которую онъ представилъ особому присутствію, и на прошеніе жены Новаковскаго отъ 12-января. Защита съ своей стороны находила, что ссылки на эту брошюру допускать не слѣдуетъ, такъ какъ она не можетъ составлять судебного доказательства, что она представляетъ собою не болѣе какъ корреспонденцію неизвѣстнаго лица въ журналъ, издающійся въ Лондонѣ и воспрещенный въ Россіи. Ее нельзя приурочить ни къ показанію свидѣтеля, которое можетъ быть провѣрено на судѣ и противъ котораго можетъ быть предъявленъ отводъ, ни къ тѣмъ актамъ предварительнаго слѣдствія, которые добиваются при условіи указанныхъ закономъ гарантій. Но если особое присутствіе разрѣшитъ ссылку на эту брошюру, то защита ходатайствовала, чтобы она была прочитана. Подс. Чернавскій сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: «На вопросъ г. первоприсутствующаго я отвѣчалъ, что признаю себя участн.комъ сопротивленія полиціи, и заявлялъ, что я хотѣлъ нанести ударъ околоточному надзирателю, но не объяснилъ почему. Теперь я заявляю, что полиція, когда арестовали участниковъ демонстраціи, была ихъ, вообще, обращалась съ ними возмутительно. Я хотѣлъ нанести ударъ полицейскому, чтобы отбить отъ него арестованнаго.—Подс. Бибергаль. Я желалъ бы, чтобы былъ прочитанъ актъ освидѣтельствванія докторомъ надзирателя Успенскаго, такъ какъ онъ заявилъ здѣсь, что ему перебили сухожилие. Всякій знаетъ, что съ перебитымъ сухожилиемъ нельзя двигаться. Затѣмъ прошу сослаться на циркуляръ градоначальника по полиціи 1872 года, гдѣ указано, какъ полицейскіе чины должны обращаться съ публикою. Оба эти подсудимые не имѣютъ защитниковъ, такъ какъ отказались отъ нихъ.—Подс. Боголюбовъ просилъ слова, которое ему и было предоставлено. Онъ заявилъ, обращаясь къ первоприсутствующему: на вопросъ вашъ, признаю ли я себя виновнымъ въ преднамѣренномъ присутствіи на демонстраціи, я отвѣчалъ, что намѣреніе имѣлъ, но не признаю себя виновнымъ. Теперь я объясню это. Я зналъ, т. е. слышалъ о де-

монстраціи 6-го декабря, и зналъ ея цѣль, зналъ, что будутъ осуждаться дѣйствія правительства, т. е. что цѣль демонстраціи будетъ имѣть такой смѣсль, что будутъ осуждаться дѣйствія правительства по отношенію къ политическимъ преступникамъ. Затѣмъ я зналъ, что демонстрація должна выразиться въ панихидѣ. Я вышелъ часовъ въ 12 изъ квартиры. Я раньше хотѣлъ избѣгнуть этихъ объясненій; но теперь не могу и прямо буду говорить. Такъ какъ въ 12 часу еще было рано, и мнѣ было нужно зайти по одному очень важному для меня дѣлу, то я зашелъ и оттуда отправился въ соборъ. Я шель по Садовой, потомъ повернулъ по Чернышеву переулку. На дознаніи я показалъ, что шель...—Первоприсутствующій. Всѣ эти обстоятельства, которыя вы объясняете, были предметомъ судебнаго слѣдствія. Они разъяснились къ къ вашимъ защитникамъ, такъ и тѣми свидѣтелями, которые давали здѣсь свои показанія. Поэтому, если вы желаете, то дайте простое и ближайшее оъясненіе того, какимъ образомъ вы очутились на площади и какъ были взяты.—Подс. Боголюбовъ. Меня на предварительномъ слѣдствіи спрашивали, какимъ путемъ я шель, а потому я полагаю, что это важно. Я шель по Чернышеву переулку; вышелъ на канаву. Тутъ я услышалъ шумъ. Подойдя къ собору, я не нашель уже никого. Видѣлъ только нѣсколько группъ публики. Я подошелъ къ одной и спросилъ: «что случилось?» Тутъ стоялъ человекъ въ енотовой шубѣ съ кокардой. Вдругъ онъ обернулся, взялъ меня за пледъ и сказалъ: «это изъ тѣхъ же», потомъ подозвалъ городского. Городовой—высокаго роста, у него была сѣдая борода или баки онъ и повелъ меня въ участокъ. На предварительномъ слѣдствіи я не заявлялъ, что такой городской меня призель. Но когда насъ предъявляли, одинъ дворникъ мнѣ призналъ и сказалъ, что онъ меня вель, что получилъ меня отъ городского съ сѣдою бороною...—Первоприсутствующій. То, что вы говорите, теперь допросомъ свидѣтелей провѣрено быть не можетъ. Вы объяснили, какимъ образомъ попали на площадь и какимъ образомъ были взяты: этого достаточно для особаго присутствія. Наконецъ, впослѣдствіи вы будете имѣть право послѣдняго слова въ которомъ можете высказать то, что признаете нужнымъ.—Подс. Боголюбовъ. Я хотѣлъ только этимъ сказать, что я бы настаивалъ, если бы зналъ, что этотъ городской не будетъ вызванъ, чтобы его вызвали. На дознаніи, когда я говорилъ объ этомъ городономъ, мнѣ сказали, что онъ будетъ вызванъ.—Подс. Новаковскій. Я желалъ бы разъяснить одно обстоятельство, которое поставлено въ обвинительномъ актѣ по отношенію ко мнѣ, какъ противорѣчіе. Первое противорѣчіе указано, что будто бы хозяйнъ квартиры не слышалъ о панихидѣ.—Первоприсутствующій. Вы начинаете доказывать такія обстоятельства, которыя уже провѣрены судебнымъ слѣдствіемъ. Если хотите сообщить что-нибудь новое, то скажите.—Подс. Новаковскій. Относительно городского № 180 дѣло было такъ: городской привелъ меня въ участокъ; затѣмъ меня обыскали. Я былъ послѣднимъ. Затѣмъ, когда переписывали насъ, я замѣтилъ этого городского. Я просилъ, чтобы его позвали, чтобы онъ сказалъ свой номеръ. Онъ подошелъ къ дверямъ и прокричалъ, кажется, 180.—Особое присутствіе удалилось для совѣщанія и по выходѣ первоприсутствующій объявилъ: выслушавъ заявленія сторонъ, особое присутствіе опредѣлило: разрѣшить сторонамъ ссылаться на всѣ тѣ акты, относительно которыхъ предъявлены ходатайства, исключая, во-первыхъ, брошюры, такъ какъ содержаніе ея взято изъ журнала, обращеніе котораго въ Россіи воспрещено, а потому и не можетъ быть оглашено, почему какъ прочтеніе ея, такъ и ссылка на нее не могутъ быть допущены, и, во-вторыхъ, представленнаго нынѣ со стороны обвиненія прошенія Новаковской, такъ какъ оно не принадлежитъ къ актамъ слѣдственнаго производства, извѣстнымъ обѣимъ сторо-

намъ.—Засимъ первоприсутствующій объявилъ судебное слѣдствіе оконченнымъ, отложивъ судебныя пренія до слѣдующаго дня.—Подсудимый Чернавскій. Я считаю нужнымъ заявить, что на вопросъ г. первоприсутствующаго, признаю ли я себя виновнымъ, я отвѣтилъ, что не признаю себя виновнымъ. Я хотѣлъ этимъ сказать, что признаю, что былъ въ Казанскомъ соборѣ на панихидѣ по политическимъ преступникамъ, умершимъ въ домѣ предварительнаго заключенія; признаю, что слышалъ рѣчь, что сочувствовалъ этой рѣчи, но того, чтобы во всѣхъ этихъ моментахъ поступкахъ заключалось что-нибудь преступное, я не признаю. Засимъ особое присутствіе перешло къ слушанію преній сторонъ. Въ виду многочисленности произнесенныхъ рѣчей, которыя продолжались въ теченіе двухъ засѣданій, и въ виду подробнаго отчета о судебномъ слѣдствіи, приводимъ пренія сторонъ только въ существенной ихъ части. Тов. прок. Поскочинъ сказалъ, что въ продолженіи послѣднихъ четырехъ дней передъ Правительствующимъ Сенатомъ развернулась вся картина того происшествія, которое имѣло мѣсто на Казанской площади 6-го декабря истекшаго года. Этотъ матеріалъ, разработанный какъ со стороны обвиненія, такъ равно и со стороны защиты, долженъ представить, по мнѣнію обвинителя, достаточныя данныя для того, чтобы установить тотъ или иной взглядъ на это явленіе. По убѣжденію прокурора, всякое явленіе въ нашей жизни, всякое преступное дѣяніе должно быть разсматриваемо не односторонне. Оно должно быть обсуждаемо какъ съ внѣшней стороны, оцѣниваемо по внѣшнимъ признакамъ, которые можно прослѣдить глазомъ, такъ равно и по внутреннему содержанію дѣянія. Первый вопросъ, вопросъ самый интересный въ настоящемъ дѣлѣ, вопросъ, который рѣшаетъ дѣло въ ту или другую сторону, заключается въ томъ: что дѣйствительно произошло на Казанской площади 6-го декабря 1876 года? Что дѣйствительно тамъ было? Какъ дѣйствительно нужно взглянуть на это происшествіе? Былъ ли это только простой уличный безпорядокъ, или онъ перешелъ границы ничтожнаго проступка, предусмотрѣннаго уст. о нак., нал. мир. суд., и носить въ себѣ задатки преступленія, подсуднаго особому присутствію Правительствующаго Сената? Посему, для разрѣшенія этого перваго вопроса, необходимо обратиться къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя установлены на судебномъ слѣдствіи и которыя доказываютъ, что обвиненіе можно считать несомнѣнно доказаннымъ по отношенію къ происшествію 6-го декабря. Обвинитель сослался при этомъ на показанія Рабутовскаго и Гукова. Эти свидѣтели были въ самомъ соборѣ во время службы, видѣли все, что произошло, и могли оцѣнить по достоинству, по заслугамъ, дѣяствія и поведеніе лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя сознались въ настоящемъ засѣданіи въ томъ, что они дѣйствительно были въ соборѣ, объяснивъ при этомъ и самую цѣль своего туда прибытія. Общій характеръ поведенія собравшейся 6-го декабря молодежи въ Казанскомъ соборѣ доказывалъ отсутствіе всякаго молитвеннаго настроенія съ ихъ стороны и давалъ право предполагать какую-нибудь иную, опредѣленную и общую всѣмъ цѣль собранія. Подобная оцѣнка появленія молодежи въ соборѣ подтверждается свидѣтелемъ Рабутовскимъ, который, выслушавъ мнѣніе, высказанное Гуковымъ о поведеніи молодежи, собравшейся въ церкви, и провѣривъ впечатлѣнія этого свидѣтеля, лично нашелъ нужнымъ позвать городского Есипенко и направить его въ полицію для того, чтобы извѣстить о происходившемъ пристава. Но этого своевременнаго увѣдомленія полиціи не удалось выполнить. Въ то время, когда Есипенко собирался выйти изъ собора, толпа молодежи хлынула одною волною и вышла на паперть. Есипенко былъ оттиснутъ отъ дверей и долженъ былъ выждать, пока всѣ находившіеся въ толпѣ вошли. Только-что молодежь вышла изъ собора, она немедленно сошла на площадь и образо-

вала кружокъ. Изъ среды его выдѣлился человѣкъ, произнесшій рѣчь. Рѣчь эта несомнѣнно является направленной противъ правительства, порицающей дѣйствіе его и самый общественный строй нашего отечества. Эта рѣчь была встрѣчена одобреніемъ. Всѣ, окружавшіе говорившаго, хлопали въ ладоши и кричали «браво». Вслѣдъ затѣмъ былъ выброшенъ флагъ съ надписью: «земля и воля». Этотъ флагъ встрѣченъ былъ также единодушными криками «ура», криками сочувствія. Затѣмъ тотъ же флагъ былъ поднимаемъ молодымъ парнемъ, котораго высоко взбрасывали на рукахъ надъ толпою. Въ эту минуту появляется первое вмѣшательство полиціи въ лицѣ чиновника Васильева. Васильевъ подбѣжалъ къ толпѣ послѣ того, какъ увидѣлъ развѣвующійся флагъ, бросился въ нее, но былъ сбитъ съ ногъ и не могъ удержать дальнѣйшаго развитія безпорядка. Въ то же время вся толпа—при крикахъ: «держаться вмѣстѣ, вперед!»—направилась къ Невскому проспекту, причемъ свидѣтель Абрамовъ удостовѣряетъ, что руководители толпы прямо указывали на этотъ путь слѣдованія. Несмотря на всѣ усилія нѣсколькихъ чиновъ полиціи, шествіе не могло быть ими остановлено: ихъ били, отгоняли, сбивали съ ногъ, и свидѣтельскими показаніями несомнѣнно установлено, что безпорядокъ не могъ бы быть остановленъ силою только администраціи, дѣйствовавшей на площади, и что безпорядокъ былъ устраненъ, порядокъ восстановленъ, и виновныя лица арестованы только при содѣйствіи постороннихъ лицъ, которыя приняли сторону полицейскихъ чиновъ. Этими данными, по мнѣнію прокурора, обрисовывается самый фактъ настолько, насколько онъ могъ быть разъясненъ на судебномъ слѣдствіи. Это та обстановка, изъ которой обвиненію приходится черпать выводы о томъ, какой законъ предусматриваетъ преступное дѣяніе, о которомъ идетъ рѣчь, и разсмотрѣть вопросъ о томъ, насколько представляется фактическихъ, дѣйствительныхъ данныхъ для обвиненія подсудимыхъ въ томъ дѣяніи, которое постановлено въ обвинительномъ актѣ. Законъ этотъ—252 ст. улож. о нак. Несомнѣнно, сказалъ обвинитель, что самими существенными факторами, характеризующими происшествіе 6 декабря 1876 г., являются, во-первыхъ, та рѣчь, которая была произнесена, и, во-вторыхъ, тотъ флагъ, который явился здѣсь на судѣ въ качествѣ вещественнаго доказательства. Рѣчь, сказанная на площади, конечно, должна быть восстановлена только въ предѣлахъ слышаннаго на судебномъ слѣдствіи. Свидѣтели, которые говорили объ этой рѣчи—Шефтель, Товбичъ, Чернавскій, Рабутовскій и Абрамовъ. Эти свидѣтели удостовѣрили, что въ рѣчи говорилось о посланныхъ за государственныя преступленія, о судомъ признанныхъ преступникахъ, каковы Чернышевскій, Долгушинъ, Нечаевъ, какъ о лучшихъ людяхъ Россіи. Далѣе указывалось, что они старались работать на пользу народа, за что, вмѣсто благодарности, взамѣнъ сочувствія, томятся на каторгѣ. Затѣмъ свидѣтельница А. Товбичъ указывала со словъ говорившаго рѣчь, что русскій народъ тѣснятъ; что онъ находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что за подати продается послѣдняя корова, сводится со двора послѣдняя лошадь, снимаются крыши съ домовъ. Вотъ суть показаній свидѣтелей, и она восстанавливаетъ вполнѣ смыслъ рѣчи. Самымъ нагляднымъ, самымъ яснымъ изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній по этому же предмету есть показаніе Кашинцова, который, конечно, не могъ понять всего того, что говорилось, не зналъ именъ, не могъ ихъ восстановить передъ судомъ, не могъ даже рассказать болѣе или менѣе подробно о томъ, что дѣйствительно говорилось; но онъ, руководствуясь своимъ здравымъ смысломъ, понялъ направленіе рѣчи, на что она была, онъ созналъ, что рѣчь шла противъ порядка, существующаго у насъ въ обществѣ, и противъ правительства. Такимъ образомъ, едва ли можетъ быть споръ о томъ, какой смыслъ должно придать этой рѣчи. Но мало того.

Рѣчь эта могла бы быть не услышана многими, она относилась ближе всего къ лицамъ, которыя окружали говорившаго, а тѣ зрители, которые находились на площади, не смѣшивались съ толпою, слушавшею рѣчь. Но затѣмъ появляется продолженіе этой рѣчи, появляется флагъ съ надписью «земля и воля». Это есть уже болѣе наглядное воззваніе. То, что нельзя было слышать, можно было видѣть. Въ подтвержденіе этого прокуроръ указалъ на свидѣтелей Васильева, Богданова, Москвина и Семенова, которые видѣли флагъ развѣвающимся издали, такъ, напр., съ угла Малой Конюшенной. Что касается до девиза, который былъ на этомъ флагѣ, то этого девиза, по обстоятельствамъ настоящаго дѣла, касаться подробно нечего. Но тѣ принципы, которые провозглашаются подъ словами «земля и воля», достаточно понятны: это—принципы революціоннаго движенія. Свидѣтели жднннгія флага, не будучи вовсе подготовлены къ правильной оцѣнкѣ этого именно факта, тѣмъ не менѣе вполне отчетливо и сознательно отнеслись къ нему, понявъ все его значеніе. Свидѣтель Пантелеевъ сознавалъ, что за словами «земля и воля», вышитыми на красномъ флагѣ, кроется «что-то худое», что на площади «неблагополучно»; свидѣтель Сидоровъ, человекъ болѣе развитой, понялъ весь смыслъ поднятія флага, назвавъ провозглашенные имъ принципы «нечестными». Наконецъ, свидѣтель Аврамовъ настолько созналъ значеніе флага, что задержалъ личность, уносившую его съ площади—обвин емаго Якова Потапова. Такимъ образомъ, обвинитель утверждаетъ, что 6-го декабря 1876 года, въ Петербургѣ, въ центрѣ города, на Казанской площади, публично, при стеченіи народа, былъ произведенъ безпорядокъ съ противоправительственной цѣлью, и что этотъ фактъ достаточно подтверждается тѣми обстоятельствами, которыя раскрылись на судебномъ слѣдствіи. Но къ этому обвиненію присоединяется еще и другое, а именно—сопротивленіе власти. Въ этомъ отношеніи въ законѣ прежде всего требуется, чтобы та власть, которой оказано сопротивленіе, была властью, установленною закономъ. Въ этомъ отношеніи, кажется, не можетъ быть спора; полицейскіе чины, дѣйствовавшіе на площади, являются несомнѣнно закономъ установленными органами правительства. Даже частные люди, помогавшіе полиціи, по ея просьбѣ, при этой обстано кѣ, отчасти утрачиваютъ чисто частный характеръ, являясь помощниками законной власти, какъ бы понятными. Но во всякомъ случаѣ изъ дѣла видно, что сопротивленіе касалось не только частныхъ лицъ, но и полиціи, почему фактъ сопротивленія существуетъ. Затѣмъ возникаетъ вопросъ о томъ, правильно ли поступила полиція, когда, не обращаясь къ толпѣ съ требованіемъ разойтись, прямо приступила къ арестамъ. Въ уложеніи о наказаніяхъ есть статья 269, которая указываетъ на то, что тѣ изъ участвовавшихъ въ преступномъ противодѣйствіи властямъ законнымъ, которые, безъ понятія особыхъ необыкновенныхъ мѣръ для ихъ усмиренія, или же хотя и по надлежащемъ пригот вленіи къ принятію такихъ мѣръ, но по сдѣланному затѣмъ воззванію начальства разойдутся и оставятъ свое намѣреніе, освобождаются отъ всякаго наказанія, если они притомъ не учинили какого-либо другого преступленія. Если Правительствующій Сенатъ признаетъ, что дѣйствительно была произнесена рѣчь, поднимался флагъ, т. е. признаетъ существованіе признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 252 ст. улож. о нак., то является невозможнымъ примѣненіе 269 статьи. Только тогда могла быть рѣчь о томъ, что полиція должна была сдѣлать воззваніе, когда не было бы совершено другого преступленія; но когда явились первые полицейскіе чины, чтобы возстановить порядокъ, преступленіе уже было совершено—произнесена рѣчь, поднять флагъ, оказано сочувствіе высказанному въ рѣчи воззрѣнію. Такимъ образомъ, полиціи не только не представлялось надобности обращаться къ толпѣ съ требованіемъ разой-

тись, но она не была и въ правѣ сдѣлать этого; она обязана была только взять виновныхъ въ совершенномъ преступленіи. Что же касается обращенія градоначальника съ требованіемъ разойтись, то оно относилось къ тѣмъ зрителямъ, которые собрались на шумъ и беспорядокъ, происшедшіе на площади. По этому обвиненію—въ сопротивленіи полиціи, обвинитель выдѣлилъ лицъ, непосредственно участвовавшихъ въ беспорядкѣ, которыя, какъ доказано судебнымъ слѣдствіемъ, дѣйствительно дрались и били тѣхъ, которые хотѣли ихъ арестовать. Но, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію уликъ противъ подсудимыхъ, прокуроръ разсмотрѣлъ два вопроса, касающіеся всѣхъ подсудимыхъ и которые стоятъ на границѣ между оцѣненнымъ дѣяніемъ по закону и тою частью обвиненія, которая будетъ касаться уликъ, собранныхъ противъ каждаго изъ обвиняемыхъ. Первый вопросъ—о предумышленности появленія молодежи въ соборѣ. Предумышленность эта стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія; она установлена какъ свидѣтельскими показаніями, такъ и показаніями подсудимыхъ: Бибераля, Чернавскаго, Шефтель, Бочарова и Боголюбова. Свидѣтельница Товбичъ удостовѣрила, что всѣ лица, которыя явились въ соборъ, пришли съ преднамѣренною цѣлью отслужить панихиду по умершимъ въ домѣ предварительнаго заключенія политическимъ арестантамъ. Особенно яснымъ въ этомъ отношеніи является показаніе обвиняемаго Боголюбова, который заявилъ, что хотя не былъ въ соборѣ, потому что опоздалъ, но шелъ туда и имѣлъ о ну цѣль—осужденіе дѣйствій правительства. Сверхъ того, преднамѣренность и сговоръ быть въ соборѣ для служенія панихиды устанавливается и показаніями обвиняемыхъ говорящихъ, что они встрѣтили въ церкви знакомыхъ, людей одинаковыхъ взглядовъ и пришедшихъ съ тою же цѣлью. Наконецъ, на предумышленность появленія молодежи, 6 декабря, въ Казанскомъ соборѣ, указываютъ приглашенія, о которыхъ было говорено на судебномъ слѣдствіи Александромъ Товбичъ и при дознаніи Поповымъ. Нельзя также не обратить вниманія и на то, что появленіе въ церкви всѣхъ участниковъ демонстраціи не можетъ быть объяснено религиознымъ побужденіемъ. Поведеніе ихъ во время службы слишкомъ рельефно это доказало. Наконецъ, весьма характерно сборище въ православномъ соборѣ людей иной религіи, именно евреевъ; оно указываетъ несомнѣнно, что эти люди пришли туда только потому, что сочувствовали внутреннему смыслу панихиды по умершимъ политическимъ арестантамъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію обвинителя, прибытіе обвиняемыхъ въ соборъ, съ цѣлью отслужить панихиду, является дѣйствіемъ прямо преднамѣреннымъ, въ которомъ усматривается стремленіе выразить правительству враждебныя чувства. Второй вопросъ—объ участіи каждаго изъ обвиняемыхъ въ толпѣ, представляется однимъ изъ самыхъ существенныхъ для обвиненія. Нѣтъ сомнѣнія, что демонстрація была задумана заранѣе отъ начала до конца; кромѣ того, все, что было задумано, приведено и въ исполненіе; не удалось только распространить беспорядокъ далѣе, т. е. выйти на одну изъ оживленнѣйшихъ улицъ Петербурга и тѣмъ еще болѣе развить, хотя бы только по внѣшности, движеніе, долженствовавшее имѣть окраску движенія рабочаго. На эту предумышленность демонстраціи указываетъ флагъ, очевидно, заготовленный раньше, и сказанная, конечно, обдуманно, рѣчь, выводы которой согласовались съ девизомъ «земля и воля». Но при этомъ обвинитель не считаетъ себя вправѣ утверждать, что всѣ подсудимые преднамѣренно собрались въ соборъ, придумавъ и устроивъ эту демонстрацію въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ она произошла; но во всякомъ случаѣ тѣ лица, которыя устроили всю демонстрацію, должны были имѣть въ виду ту почву, на которой имъ придется дѣйствовать; они были увѣрены, что если люди собрались на панихиду, тобы выразить правительству свое неодобреніе, то

они пойдутъ и далѣе, и, дѣйствительно, ~~главные виновники~~ не ошиблись въ расчетѣ. Стоило имъ только крикнуть, и образовался тотъ ошлотъ, который былъ необходимъ для произнесенія рѣчи. Могутъ сказать, что на призывъ могли подойти и лица постороннія, но, какъ доказано показаніями свидѣтелей, зрители происшествія находились въ такомъ недоумѣніи, что только стояли и смотрѣли на происходившее и ни одинъ изъ нихъ не рѣшился подойти къ толпѣ молодежи. Въ томъ, что производившіе беспорядокъ рѣзко отдѣлялись отъ другихъ еще въ церкви, что изъ нихъ тотчасъ же по выходѣ изъ собора образовался кружокъ съ цѣлью дать возможность произнести безъ помѣхи рѣчь, обвинитель усматриваетъ признаки умысла со стороны тѣхъ, которые образовали толпу около говорившаго. Весьма рельефнымъ доказательствомъ существованія этого умысла служить, по мнѣнію прокурора, показаніе свидѣтельницы А. Товбичъ, которая пришла въ соборъ, зная для чего, т. е. для панихиды, но, видя, что таковая не осуществилась, все-таки чего-то ждала и, наконецъ, подумала, что ничего другого не будетъ. Что же могло быть еще «другое», если люди шли только для присутствованія на панихидѣ? Очевидно, что свидѣтельница Александра Товбичъ наглядно разъяснила предъ судомъ скрытый умыселъ, сознательныя дѣйствія каждой личности, примкнувшей по первому призыву къ говорившему рѣчь. Каждый ждалъ только почина, и починъ взялъ на себя неизвѣстный ораторъ. Рѣчь его, очевидно, могла быть произнесена только потому, что каждый изъ стоявшихъ въ кружкѣ сдѣлалъ физически невозможнымъ арестъ говорившаго. Если бы ораторъ явился на площадь одинъ и сталъ говорить, тогда дѣло кончилось бы иначе. Одно городового было бы достаточно, чтобы прекратить беспорядокъ и отправить виновнаго въ участокъ. Такимъ образомъ, лица, составлявшія ошлотъ для говорившаго, образовавшія плотную живую стѣну вокругъ говорившаго, криками одобренія принимавшія каждое его слово, поднимавшія флагъ съ девизомъ «земля и воля», могли находиться въ толпѣ только намѣренно; случайности тутъ не было. Есть одно обстоятельство, которое подтверждаетъ это мнѣніе. Свидѣтель Рабутовскій на подробные вопросы защиты удосто- вѣрилъ, что зрители не смѣшивались съ шумѣвшею толпою до тѣхъ поръ, пока не приступлено было къ арестамъ. Толпа же эта была та самая, которая находилась въ соборѣ, отличаясь отъ другихъ молящихся, которая вышла оттуда на площадь, какъ одинъ человекъ, и которая, наконецъ, при появленіи полиціи направилась къ памятнику кн. Кутузова, стараясь прорваться на Невскій проспектъ. Такимъ образомъ, является нѣсколько отдѣльныхъ моментовъ, когда умыселъ каждаго изъ участниковъ въ толпѣ долженъ былъ проявиться сильнѣе или ослабнуть. Они собрались въ церковь на панихиду, но затѣмъ выходятъ изъ церкви толпою; когда ихъ призываютъ, они останавливаются и слушаютъ рѣчь. Тутъ уже каждый не могъ не отдать себѣ отчета въ томъ, что слышалъ. Одобряя рѣчь, встрѣчая криками «ура» поднятіе флага, всѣ участники въ толпѣ, окружавшей говорившаго, доказали свою съ нимъ солидарность и умышленность своихъ дѣйствій. Сколько моментовъ было для того, чтобы уйти, чтобы не подвергать себя отвѣтственности. Нѣкоторые это и сдѣлали. Если затѣмъ другіе остались, если были арестованы и теперь находятся на судѣ весьма немногіе изъ числа производившихъ беспорядокъ, то понятно, что это лица, наиболѣе выдававшіяся. Если и возможна въ данномъ случаѣ ошибка, то она будетъ самою исключительною, вслѣдствіе особенности самой обстановки дѣла. Въ усмиреніи принимали участіе посторонніе люди, смотрѣвшіе на дѣло спокойно, имѣвшіе время наблюдать за виновными и приступившіе къ содѣйствію полиціи только по ея просьбѣ. Такимъ образомъ, всякая личность, которая была въ толпѣ и была арестована, тѣмъ самымъ уже ули-

чается въ участіи въ демонстраціи. Затѣмъ обвинитель представилъ данныя, на основаніи которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало признать, что опознавшіе подсудимыхъ свидѣтели не ошибались. Конечно, и въ этомъ отношеніи будетъ возбуждено сомнѣніе, но разрѣшить это сомнѣніе—дѣло суда, а онъ, обвинитель, будетъ разсматривать эти данныя съ точки зрѣнія судебного слѣдствія. Каждый свидѣтель давалъ свои показанія подъ присягою, каждый разспрашивался подробно—можетъ ли онъ признать и кого именно? Если въ настоящемъ засѣданіи нѣкоторые изъ свидѣтелей отзывались запямятованіемъ и не могли признать указанныхъ ими при дознаніи подсудимыхъ, то обстоятельство это совершенно понятно: съ тѣхъ поръ, какъ обвиняемые предъявлялись на дознаніи, прошло 5 недѣль; сверхъ того, самая обстановка суда должна была повліять на каждого свидѣтеля; обвиняемые, съ своей стороны, одѣты иначе, чѣмъ при дознаніи: тамъ они предъявлялись въ томъ, въ чемъ они были на площади и притомъ въ шапкахъ. Обвинитель считаетъ существенно опровергнутою только ту часть предъявленія, которая прямо отвергнута свидѣтелями на судѣ. Такъ, напримѣръ, свидѣтель Успенскій отозвался, что не рѣшается признать Надеждина и Савельева (Иванова), а Трещовъ—Геллера. Посему прокуроръ считаетъ эту улику противъ означенныхъ подсудимыхъ опровергнутою, но не можетъ сказать того же о Поповѣ, который, хотя не признанъ на судѣ, но былъ признанъ прежде, причемъ свидѣтель Ефимовъ сослался на протоколъ предъявленія отъ 12 декабря, утверждая правильность первоначальнаго своего объясненія при дознаніи. Очевидно, слѣдовательно, что этотъ протоколъ отъ 12 декабря имѣеть противъ Попова доказательную силу. Подобный выводъ прокуроръ основывалъ и на томъ, что каждый свидѣтель, давая показаніе свое подъ присягою и утверждая на судѣ прежде данныя имъ объясненія, тѣмъ самымъ возводитъ тѣ объясненія на степень прежняго показанія. Обвиненіе утверждаетъ, что свидѣтели, признававшіе обвиняемыхъ, были зрителями, видѣвшими происходившее на площади отъ начала до конца. Они имѣли достаточно времени всмотрѣться въ личности, намѣтить тѣхъ людей, которые особенно выдавались. Посему не будетъ увлеченіемъ со стороны обвиненія, если оно будетъ строить на этихъ критическихъ провѣренныхъ данныхъ самую существенную улику противъ обвиняемыхъ. Если Правительствующій Сенатъ признаетъ справедливымъ тотъ взглядъ, который высказанъ обвиненіемъ о значеніи нахождения каждого обвиняемаго въ толпѣ, то логическимъ послѣдствіемъ отсюда будетъ возведеніе признанія подсудимыхъ свидѣтелями въ лицо—въ существенную и безспорную улику. Далѣе прокуроръ указалъ, что есть подсудимый, непризнанный ни при дознаніи, ни на судѣ. Это—Морошкинъ. Съ этого именно подсудимаго обвинитель и началъ изложеніе уликъ. При этомъ онъ указалъ на весьма интересное для обвиненія обстоятельство—неправдоподобность всѣхъ объясненій подсудимыхъ о причинахъ, приведшихъ ихъ 6 декабря на Казанскую площадь. Что могло быть проще, сказала прокуроръ, какъ выясненіе обстоятельствъ, зачѣмъ и почему человѣкъ шелъ по извѣстному направленію; нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ подсудимыхъ, взятый ошибочно, по недоразумѣнію, сумѣлъ бы поставить вопросъ такъ, какъ онъ теперь стоитъ въ отношеніи Надеждина. Между тѣмъ, Морошкинъ далъ такого рода указанія о причинѣ, приведшей его на Казанскую площадь, которая далеко не убѣждаетъ въ своей правдивости и не исключаетъ предположенія о приходѣ Морошкина къ Казанскому собору ради участія въ демонстраціи. Положимъ, Морошкинъ никѣмъ не признанъ, но вѣроятно ли его объясненіе, въ которомъ онъ говоритъ, что шелъ въ Казанскую улицу къ знакомой: назвать фамилію ея подсудимый не сумѣлъ, указать точно япеса не могъ. На свѣдѣніи защитникъ Морошкина являлся, представилъ спра

ку о томъ, что на Казанской улицѣ проживаетъ личность, которая носить то же имя и отчество, котораго Морошкинъ назвалъ на дознаніи, но обвинитель не спорилъ противъ предъявленія этого документа, хотя и имѣлъ бы къ тому основаніе, только потому, что онъ не придаетъ этой справкѣ серьезнаго значенія. Можно ли теперь провѣрить, что указанная въ справкѣ личность тождественна съ неизвѣстною, о которой прежде говорилъ Морошкинъ. На эту тождественность Морошкинъ не указалъ даже на судѣ, по предъявленіи справки. Противъ Морошкина есть еще улика весьма вѣская—это то, что онъ, уходя утромъ 6 декабря отъ своего товарища Карльсона, сказалъ, что идетъ въ Казанскій соборъ. Повѣрить ли судъ тому, что свидѣтель говорилъ прежде, или тому, что онъ говорилъ теперь—это дѣло совѣсти судей; но обвиненіе убѣждено, что Карльсонъ въ первомъ своемъ показаніи говорилъ правду. Здѣсь онъ имѣлъ видъ челоука который не хочетъ сказать того, что онъ знаетъ, между тѣмъ, на дознаніи онъ прямо заявилъ, что Морошкинъ шелъ въ Казанскій соборъ. Здѣсь же, понимая значеніе своего показанія, онъ, очевидно, хотѣлъ выгородить своего товарища. Затѣмъ, второй по очереди, обвиняемый Ивановъ, онъ же Савельевъ, указывалъ, что съ 5 на 6 декабря онъ ночевалъ у себя дома и что къ нему пришелъ его знакомый Крутиковъ, который и ночевалъ у него. Между тѣмъ, оказывается, что Ивановъ ночевалъ не у себя дома, а на квартирѣ у Городничаго, и что Крутиковъ пришелъ въ гости не къ Иванову, а къ Городничему. Свидѣтель Крутиковъ показалъ, что онъ зналъ Иванова но никогда не посѣщалъ его. Затѣмъ обвиняемый говорилъ о томъ, что на другой день онъ вмѣстѣ съ Крутиковымъ ушелъ изъ дому и разошелся съ нимъ, не желая его угощать. Между тѣмъ, Крутиковъ говоритъ, что въ этотъ день онъ шелъ на двое именинъ и, слѣдовательно, не нуждался въ угощеніи со стороны обвиняемаго. Далѣе, Ивановъ говоритъ, что онъ пошелъ на Васильевскій островъ, куда шелъ и Крутиковъ, тогда какъ послѣдній утверждаетъ, что Ивановъ заявилъ ему о намѣреніи пойти «на ту сторону», а «тою стороною», по словамъ Крутикова, жители Петербургской стороны и Васильевского острова называютъ центральную часть Петербурга. Слѣдовательно, Ивановъ шелъ въ тотъ центръ, гдѣ онъ дѣйствительно и оказался. Относительно задержанія показаніе Иванова тоже неправдоподобно; онъ говоритъ, что кто-то налетѣлъ на него сзади, билъ и арестовалъ. Наконецъ, Ивановъ расходится съ Крутиковымъ и въ томъ, что отрицаетъ бытность съ ними 6 декабря пріятели Иванова, Городничаго, каковое обстоятельство несомнѣнно, судя по словамъ Крутикова. Затѣмъ слѣдуетъ третій обвиняемый, Тимофеевъ, относительно котораго, какъ заявилъ обвинитель, преслѣдованіе по дѣлу, однородному съ настоящимъ, было прекращено только 26 августа. Онъ былъ арестованъ по настоящему дѣлу на Малой Конюшенной, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Подсудимый утверждаетъ, что шелъ одинъ. Между тѣмъ, свидѣтель Васильевъ говоритъ, что ихъ было двое, что они были ему указаны артиллерійскимъ офицеромъ, который обратилъ на нихъ вниманіе потому, что они прятались подъ воротами одного изъ домовъ на Малой Конюшенной. Такимъ образомъ, является двойное противорѣчіе въ показаніи обвиняемаго. Онъ былъ вдвоемъ, и они прятались подъ воротами, значитъ, и у него, и у его товарища было какое-нибудь основаніе скрываться въ то время, когда производились аресты. Затѣмъ, когда ихъ вели въ участокъ, то кто-то изъ нихъ оставляетъ на пути кастетъ—одинъ изъ тѣхъ инструментовъ, который связывалъ этихъ двухъ лицъ съ тѣмъ, что происходило на Казанской площади, такъ какъ свидѣтель Пантелеевъ утверждаетъ, что онъ получилъ два удара по головѣ какимъ-то тупымъ орудіемъ. Что кастетъ былъ въ дѣйствиіи—это весьма вѣроятно. «Но ря-

домъ съ этимъ, продолжалъ обвинитель, поддерживая обвиненіе противъ Ивана, Морошкина и Тимофеева, убѣжденный, что противъ нихъ есть улики, я не смѣю ни по совѣсти, ни по закону поддерживать обвиненіе, разрушенное на судѣ. А съ такимъ обстоятельствомъ въ настоящую минуту мнѣ приходится стать лицомъ къ лицу. Я говорю о подсудимомъ Надеждинѣ. Я долженъ прежде всего обратиться къ показаніямъ, породившимъ обвиненіе, и коснуться ихъ подробнѣе для выясненія положенія моего въ отношеніи защиты подсудимаго, котораго я выдѣлю изъ числа обвиняемыхъ. Я снимаю съ Надеждина обвиненіе и высказываю мое глубокое убѣжденіе, что привлеченіе его къ дѣлу является прискорбнымъ недоразумѣніемъ, отвѣтственность за которое прокуратура не можетъ принять на себя. Когда составлялся обвинительный актъ, то имѣлись противъ Надеждина, какъ вамъ извѣстно, слѣдующія улики: во-первыхъ, онъ былъ задержанъ на Казанской площади; во-вторыхъ, онъ былъ признаваемъ нѣсколькими свидѣтелями, которые удостовѣрили, что дѣйствительно видѣли его тамъ въ числѣ дѣйствовавшей толпы. Свидѣтель, околоточный надзиратель Успенскій, прямо говорилъ, что эта личность — та самая, которая ему нанесла ударъ. Свидѣтель Ритчеръ отрицалъ, чтобы у него былъ послѣ окончанія безпорядка какой-нибудь разговоръ съ Надеждинымъ на площади, отрицалъ и арестъ имъ, Ритчеромъ, Надеждина. На судебномъ слѣдствіи эти обстоятельства измѣнились. Какъ подтвержденіе объясненій обв. Надеждина, явилось показаніе Влезкова, который удостовѣрилъ самымъ точнымъ образомъ, при какихъ обстоятельствахъ совершился арестъ Надеждина. Онъ былъ арестованъ приставомъ послѣ окончанія безпорядка, вслѣдствіе неумѣстныхъ заявленій и нежеланія удалиться съ площади. Предъ этимъ правдивымъ разсказомъ упали показанія Успенскаго, совершенно измѣнилось категорическое заявленіе пристава Ритчера. Оба они отказались отъ прежнихъ объясненій и остается только пожалѣть, что подобнаго рода необдуманнаго показанія влекутъ за собою ошибки и ошибки весьма тягостныя. Поведеніе пристава тѣмъ болѣе необъяснимо, что, благодаря его заявленію, не дано было вѣры показанію Влезкова, студента института инженеровъ путей сообщенія, гдѣ воспитывается и Надеждинъ. Наконецъ, я не могу забыть тѣхъ двухъ свидѣтелей, которые были вызваны со стороны защиты и разъяснили передъ нами характеръ и личныя свойства Надеждина, человѣка скромнаго и серьезно работающаго надъ изученіемъ своей специальности. По всѣмъ этимъ основаніямъ я считаю себя обязаннымъ отказаться отъ обвиненія Надеждина и ходатайствовать передъ вами, гг. сенаторы и гг. сословные представители, о признаніи Надеждина по суду оправданнымъ.» (Сдѣланъ перерывъ на десять минутъ).

По возобновленіи засѣданія, товарищъ прокурора продолжалъ изложеніе уликъ, начавъ съ подсудимаго Геллера. Онъ не признанъ никѣмъ изъ свидѣтелей. На дознаніи на него указывалъ свидѣтель Трещовъ, но спрошенный здѣсь, на судѣ, отказался отвѣчать утвердительно, хотя подсудимый былъ одѣтъ въ то самое платье, въ которомъ находился на площади и въ которомъ его предъъявляли свидѣтелю при дознаніи, 12-го декабря. Тѣмъ не менѣе обвиненіе не считаетъ себя въ правѣ не поставить противъ Геллера уликъ, которыя приводятъ къ убѣжденію, что обвиняемый участвовалъ въ безпорядкахъ 6-го декабря. Подсудимый заявилъ, что онъ шелъ на панихиду по умершимъ въ домѣ предварительнаго заключенія политическимъ арестантамъ. Если припомнить скрытый смыслъ этой панихиды, то очевидно, что Геллеръ шелъ въ соборъ, зная предположеніе выразить правительству враждебныя чувства. Онъ не отвергаетъ, что былъ въ соборѣ и арестованъ на площади, но говоритъ, что задержанъ былъ только за то, что заступился за личность, которую хотѣли взять въ

полицію. Подсудимый Геллеръ, какъ извѣстно Правительствующему Сенату, былъ уже разъ замѣшанъ въ демонстраціи при объявленіи приговора государственнымъ преступникамъ Плотникову и Панину. Если бы Геллеръ не хотѣлъ присутствовать на панихидѣ, если бы онъ не имѣлъ умысла и желанія поддержать лично выраженіе чувствъ молодежи къ правительству, то онъ, какъ человѣкъ уже опытный въ такихъ дѣлахъ, слѣдовательно, болѣе осторожный, не пошелъ бы туда. Если же онъ считалъ нужнымъ даже вступаться за тѣхъ лицъ, которыя производили безпорядокъ и которыхъ арестовывали, то обстоятельство это, въ ряду представленныхъ выше соображеній, свидѣтельствуетъ, что хотя Геллеръ и не былъ признанъ на судѣ свидѣтелями за участника въ демонстраціи 6-го декабря, но тѣмъ не менѣе есть поводъ думать, что Геллеръ виновенъ въ безпорядкахъ, произведенныхъ на Казанской площади. Засимъ прокуроръ перешелъ къ обвиняемому Попову, котораго призналъ свидѣтель Ефимовъ. Самъ подсудимый не отрицаетъ бытности своей въ сборѣ и того, что находился въ толпѣ, зная заранѣе, что 6-го декабря на Казанской площади готовится нѣчто революціонное. Такимъ образомъ, это заявленіе Попова, сопоставленное съ показаніемъ Ефимова, представляется достаточно вѣскою уликою, убѣждающею, что Ефимовъ не ошибался, признавая въ Поповѣ личность, которая содѣйствовала главнымъ руководителямъ безпорядка. Подсудимый Гуровичъ точно также былъ признанъ тѣмъ же свидѣтелемъ Ефимовымъ, не узнавшимъ его, однако, на судѣ, но подтверждавшимъ справедливость первоначальнаго своего показанія. Самъ Гуровичъ далъ объясненіе слѣдующаго содержанія. Ушелъ онъ изъ дому одинъ и былъ арестованъ, неизвѣстно почему, въ то время, когда переходилъ по тротуару, отдѣляющему Невскій проспектъ отъ Казанской площади. Между тѣмъ, здѣсь на судѣ Гуровичъ нѣсколько видоизмѣнилъ свое первое показаніе. Онъ указывалъ прежде на то, что никогда не видѣлъ и даже не зналъ фамиліи обвиняемой Шефтель; на судебномъ слѣдствіи Гуровичъ выяснилъ знакомство съ Шефтель, объясняя прежнее свое заявленіе ошибкою. Онъ не думалъ, что его показаніе будетъ провѣрено допросомъ свидѣтелей. Слѣдовательно, Гуровичъ признаетъ нужнымъ не отрицать только того, что несомнѣнно подтверждено и доказано свидѣтельскими показаніями, того, что установлено на такихъ данныхъ, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ своей безошибочности. Едва ли подобный образъ дѣйствій Гуровича даетъ право вѣрить въ искренность его показаній. Обвинитель полагаетъ, что Гуровичъ имѣлъ основаніе, ради собственной безопасности, отказываться отъ знакомства съ Шефтель. Гуровичу невыгодно было стать рядомъ съ Шефтель—она занимаетъ слишкомъ видное мѣсто въ дѣлѣ. Гуровичъ и теперь еще продолжаетъ отрицать одно-временный выходъ свой 6-го декабря изъ общей квартиры съ Шефтель, встрѣчая въ этомъ случаѣ поддержку въ искаженныхъ показаніяхъ свидѣтелей Виленца и Макарова. Оба эти лица показали діаметрально противоположное тому, что говорили при дознаніи. Слѣдовательно, Гуровичъ колеблется, онъ добавляетъ то, чего нельзя было не добавить, а съ другой стороны, продолжаетъ отрицать, при помощи измѣненныхъ здѣсь на судѣ показаній свидѣтелей, то обстоятельство, что онъ вышелъ вмѣстѣ съ Шефтель. Эта тактика вполне понятна: Гуровичу необходимо разорвать ту связь, устранить то знакомство, которое ему невыгодно. Онъ энергически, ради собственнаго спасенія, долженъ отрицать то обстоятельство, что вышелъ изъ дому вмѣстѣ съ Шефтель. Но эта уловка слишкомъ легко разгадывается. Вѣроятно ли, дѣйствительно, чтобы Гуровичъ, находящійся въ академіи, давшей суду наибольшей контингентъ подсудимыхъ, чтобы Гуровичъ, вращаясь въ томъ кружкѣ, гдѣ всѣ свѣдѣнія о проис-

шествіяхъ, подобныхъ разсматриваемому, распространяются быстро и сохраняются въ самомъ достовѣрномъ видѣ, чтобы этотъ подсудимый не зналъ дѣйствительной цѣли сборища въ Казанскомъ соборѣ, когда объ этомъ знала гораздо ранѣе Шефтель? Она шла прямо на панихиду. Вѣроятно ли рядомъ съ этимъ то, что Гуровичъ, который жилъ съ нею въ одной квартирѣ, который утромъ 6-го декабря разговаривалъ съ нею, вышелъ вмѣстѣ изъ дому и, наконецъ, взялъ на той же площади, гдѣ и Шефтель,— вѣроятно ли, что онъ не зналъ ничего о предположенномъ и арестованъ по ошибкѣ? По этимъ основаніямъ товарищъ прокурора считалъ въ отношеніи Гуровича обвиненіе несомнѣнно доказаннымъ. Что касается обвиняемыхъ Григорьева и Громова, то, во-1-хъ, оба они признаны свидѣтелями, и, во-2-хъ, оба даютъ такого рода показанія, которыя, при сопоставленіи съ показаніями свидѣтелей, приводятъ къ убѣжденію въ виновности обоихъ. Показанія ихъ сходны между собою въ той невѣроятности, которая составляетъ ихъ отличительную черту. Оба они живутъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ города: Григорьевъ—за Невскою заставою, Громовъ—на Петербургской сторонѣ. Григорьевъ очутился на площади Казанскаго собора и на вопросъ, почему и зачѣмъ онъ пришелъ туда, онъ объяснилъ, что шелъ на Выборскую сторону. Слѣдовательно, находясь на одной сторонѣ рѣки, противъ Выборской стороны, онъ пошелъ не черезъ рѣку, а въ противоположную сторону—къ центру города. Этого обвиняемаго призналъ свидѣтель Москвинъ за то лицо, которое было въ толпѣ. Если бы Григорьевъ былъ человѣкомъ невиноватымъ, если бы онъ попался случайно, то онъ не давалъ бы такого показанія. Между тѣмъ, оказывается изъ показанія Клибика еще и то, что, когда обвиняемый былъ привезенъ въ участокъ, то онъ продолжалъ буйствовать, усложняя и безъ того трудное положеніе полиціи. Подобная оцѣнка объясненій Григорьева, по мнѣнію обвинителя, даетъ ему право не вѣрить въ невиновность этого обвиняемаго. Обвиняемый Громовъ, съ своей стороны, далъ показаніе, которое еще болѣе невѣроятно, чѣмъ объясненія Григорьева. Громовъ говоритъ, что съ Петербургской стороны онъ пошелъ на Исаакіевскую площадь, а попалъ къ Казанскому собору, вошелъ въ соборъ, простоялъ обѣдно и молебень, затѣмъ вышелъ на площадь и въ это время на него кто-то напалъ сзади, повалилъ и взялъ. На вопросъ о томъ, видѣлъ ли онъ, что происходило на площади, онъ отвѣчалъ, что не видѣлъ, потому что не имѣетъ привычки оборачиваться. Позволительно усомниться въ справедливости этого объясненія. Уже одно любопытство должно было заставить его обернуться. Появленіе массы зрителей на площади объясняется только этимъ понятнымъ чувствомъ; люди сбѣгались со всѣхъ сторонъ, улица и площадь были покрыты любопытными, даже движеніе экипажей по Невскому приостановилось. Невѣроятно, чтобы Громовъ, вышедшій изъ собора послѣ молебна, слѣдовательно, когда уже начался беспорядокъ, не обернулся и не посмотрѣлъ, что происходитъ вокругъ него. Поэтому признаніе обвиняемаго свидѣтелемъ Есипенко за ту личность, которая была въ толпѣ, является достовѣрнымъ, и обвиненіе нисколько не затрудняется высказать убѣжденіе о виновности Громова. Далѣе, обвинитель остановился нѣсколько долѣе на подсудимомъ Новаковскомъ. Первое показаніе Новаковскаго имѣетъ весьма серьезное значеніе. Онъ давалъ это показаніе тотчасъ послѣ происшествія, находясь въ томъ положеніи, когда ему физически невозможно было ни съ кѣмъ сговориться. Онъ показалъ, что пошелъ съ женою въ соборъ. Подходя къ площади, онъ увидѣлъ шумѣвшую толпу и поинтересовался узнать, что происходитъ. Ему сказали, что оскорбили священника; вслѣдствіе этого онъ отправился въ соборъ. Тамъ было все тихо. Потомъ онъ вернулся назадъ и началъ разспрашивать у

всѣхъ о происшествіи. Такимъ образомъ, онъ какъ будто бы нарочно на-
прашивался на непріятности. Онъ ходилъ по площади, переходилъ отъ од-
ной группы людей къ другой, разспрашивалъ и, наконецъ, дѣйствительно
былъ арестованъ. Во второмъ показаніи онъ говоритъ, что шелъ въ со-
боръ потому, что слышалъ о предполагавшейся панихидѣ по убитымъ въ
Сербіи, при этомъ слышалъ, что панихида будетъ оставлена особенною
торжественностью, что въ ней будутъ принимать участіе гражданскія и
военныя власти, и даже, почему-то, профессора; наконецъ, предполагалось,
въ концѣ концовъ, требовать войны. Вотъ то представленіе, которое онъ
имѣлъ о панихидѣ, назначенной на 6 декабря въ Казанскомъ соборѣ. Изъ
этихъ двухъ показаній можно сдѣлать слѣдующій выводъ: первое объясне-
ніе, очевидно, выдуманно въ моментъ ареста; оно схвачено, такъ сказать,
налету. Затѣмъ, когда Новаковскій одумался, когда припомнилъ, что вмѣ-
стѣ съ нимъ взята жена, показаніе которой ему неизвѣстно, то онъ дол-
женъ былъ, естественно, постараться приблизиться хотя отчасти къ истинѣ,
дабы не очень разойтись съ объясненіями своей жены. Вотъ съ этою цѣлью
и выдуманъ второй рассказъ. Онъ заключаетъ въ себѣ весьма существен-
ное обстоятельство, предумышленное появленіе въ соборѣ для панихиды;
но рядомъ съ этимъ Новаковскій не хотѣлъ разъяснить настоящей цѣли
ея, ему, очевидно, извѣстной. Тогда онъ придумываетъ такую панихиду, на
которой не удивительно было бы встрѣтить, кромѣ православныхъ, и лю-
дей другихъ вѣроисповѣданій. Ихъ могло привлечь туда любопытство. Для
подтвержденія этого своего объясненія обвиняемый вызвалъ свою жену въ
качествѣ свидѣтельницы. Прежде Новаковская ничего подобнаго не говори-
ла, но здѣсь, измѣняя свои первоначальныя объясненія, она поддержала
мужа и повторила его рассказъ о торжественной панихидѣ, какъ заучен-
ный урокъ. А что это былъ именно урокъ, сказанный наизусть, съ чу-
жихъ словъ, то это ясно изъ того, что Новаковскій имѣлъ въ тюрьмѣ сви-
даніе съ женою послѣ врученія обвинительнаго акта, когда онъ могъ взвѣ-
сить и оцѣнить разногласіе въ показаніяхъ своихъ и жены. Прокуроръ
не винитъ Софію Новаковскую: она жена, она могла поэтому измѣнить
свое показаніе, она не рѣшилась поддержать первое свое объясненіе, такъ
какъ она уличала бы имъ мужа. Желая достигнуть столь полезныхъ для
себя результатовъ, Новаковскій представился душевно-больнымъ, собрался
даже повѣситься, но во-время зашумѣлъ въ камерѣ, пришли служители,
фельдшеръ, докторъ—и Новаковскій остался живъ. Благодаря этой болѣз-
ни, ему были разрѣшены свиданія съ женою, благодаря же этимъ свида-
ніямъ, измѣнились показанія Софіи Новаковской и слились слово въ слово
съ объясненіемъ ея мужа. Положеніе Новаковского, будто бы сапожника,
далеко не сходно съ положеніемъ на скамьѣ обвиняемыхъ дѣйствительныхъ
рабочихъ. Появленіе послѣднихъ на судѣ рядомъ съ такъ называемою ин-
теллигенціею—фактически необъяснимо; Новаковскій же не посторонній для
нея человѣкъ; онъ въ средѣ ея имѣетъ не только знакомыхъ, но и близ-
кихъ людей, черезъ которыхъ могъ получать и получалъ самыя достовѣр-
ныя свѣдѣнія о томъ, что должно было произойти на Казанской площади.
Если судъ согласится съ выводами обвиненія относительно студента медико-
хирургической академіи Гуровича, родного брата жены Новаковского, то
долженъ будетъ притти къ убѣжденію, что та ссора, о которой говорилось
на судебномъ слѣдствіи и которая будто бы существуетъ между Гуровичемъ
и Новаковскимъ, нужна послѣднему такъ же, какъ нужно было Гуровичу
доказать, что онъ не вмѣстѣ съ Шефтель вышелъ изъ дому. «Тутъ, ска-
залъ прокуроръ, судъ имѣетъ дѣло съ вымысломъ, но вымысломъ логиче-
ски необходимымъ, свидѣтельствующимъ о ловкости и Гуровича и Нова-
ковского. Имъ обоимъ нужно порвать нити, связывающія ихъ съ преступ-

леніемъ, они дѣлають это. Одинъ отталкиваетъ отъ себя всѣми силами уличающую его Шефтель, другой опровергаетъ существованіемъ ссоры съ Гуровичемъ возможность заподозрить, что онъ, Новаковскій, имѣлъ вѣрное представленіе о готовившемся на 6 декабря безпорядкѣ». Но на этомъ только не останавливается ложь въ отношеніи Новаковского и Гуровича, она тянетъ за собою свидѣтельницу Копилевичъ, родную сестру Гуровича, товарища его Виленца, квартирныхъ хозяевъ Макарова и Иванова. Всѣ они измѣняютъ свои первоначальныя объясненія, причѣмъ всѣ эти измѣненія касаются все того же разъединенія Гуровича съ Шефтель и Новаковского съ Гуровичемъ. При дознаніи было доказано, что Шефтель вышла вмѣстѣ съ Гуровичемъ, на судѣ объяснялось противное. При дознаніи было установлено, что Новаковскій звалъ Копилевичъ на «площадь»; на судѣ приглашеніе это отнесено къ театру. При дознаніи Ивановъ, квартирный хозяинъ Новаковского, показалъ, что послѣдній переѣхалъ дня за три или четыре до 6 декабря; на судѣ же объяснилъ, что жили у него Новаковскіе мѣсяца полтора. При дознаніи Ивановъ разговоры о панихидѣ не слыхалъ; на судѣ же повторилъ весь рассказъ Новаковского о молитвѣ за убитыхъ въ Сербіи и т. д. Обвинитель допускаетъ, что подъ впечатлѣніемъ допроса и обстановки свидѣтель могъ скрыть, что Новаковскіе жили у него болѣе мѣсяца, но онъ ничѣмъ не можетъ объяснить тѣхъ противорѣчій, которыя встрѣчаются далѣе въ показаніи Иванова. По этимъ соображеніямъ едва ли можно допустить возможность повѣрить, что Новаковскій говоритъ правду. Противъ него свидѣлствуютъ факты болѣе несомнѣнные, чѣмъ противъ другихъ. Однимъ изъ такихъ фактовъ является та измѣнническая шуба, по которой всякій свидѣтель узнавалъ Новаковского. Дѣйствительно, эта шуба не можетъ не броситься въ глаза всякому, и притомъ это такой солидный костюмъ, что едва ли кто-нибудь могъ арестовать Новаковского только потому, что онъ былъ въ такомъ платьѣ. Такимъ образомъ, Новаковскій съ этой стороны лишенъ и той возможности, которою пользовались другіе обвиняемые, возможности ссылаться на особенность своего костюма. Что касается подсудимаго Фалина, то въ отношеніи его въ обвинительномъ актѣ было представлено одно обстоятельство, которое опровергнуто на судебномъ слѣдствіи. Это обстоятельство—пріѣздъ Фалина изъ-за границы. Обвинитель не считаетъ себя въ правѣ умолчать объ изложенномъ, но считаетъ, что во всякомъ случаѣ пріѣздъ Фалина въ Петербургъ не объясняется выслушаннымъ на судѣ по сему предмету заявленіемъ этого подсудимаго. Если и допустить, что онъ дѣйствительно пріѣхалъ сюда за своими бумагами, то почему же онъ послалъ прошеніе о выдачѣ ихъ по почтѣ? Ему извѣстно было, что на прошеніе послѣдуетъ отвѣтъ и вышлютъ документы черезъ полицію. Такимъ образомъ, обвинитель не знаетъ, зачѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ Фалинъ, не имѣющій никакихъ опредѣленныхъ занятій, но знаетъ, что пріѣхалъ Фалинъ за недѣлю до происшествія 6 декабря и что былъ на Казанской площади. Прокурора нисколько не удивило появленіе Фалина въ числѣ подсудимыхъ, такъ какъ онъ неоднократно привлекался къ дѣламъ, подобнымъ настоящему, и ранѣе. Въ оправданіе свое Фалинъ говоритъ, что шелъ на Казанскую площадь купить шляпу, между тѣмъ не сохранилъ и той, которая на немъ была. Съ другой стороны, свидѣтели указываютъ на него какъ на личность, принимавшую участіе въ безпорядкахъ. Самое объясненіе и желаніе купить шапку, данное первоначально, очевидно, не заученное, даетъ поводъ думать, что подсудимый на вопросъ, куда и зачѣмъ ходилъ, въ виду потерянной шапки, легче всего, при нежеланіи сказать правду, могъ додуматься до даннаго имъ объясненія. Затѣмъ прокуроръ представилъ улики противъ подсудимаго Бочарова. Этотъ обвиняемый говоритъ, что изъ дому пошелъ чертить въ институтъ и что затѣмъ онъ не

признаетъ себя виновнымъ въ участіи въ безпорядкѣ. Но относительно Бочарова имѣются два показанія свидѣтелей Лаврентьева и Молодыхъ, изъ которыхъ оказывается, что Бочаровъ дѣйствительно высказалъ желаніе итти въ чертежную и пошелъ какъ будто бы по направленію къ институту, но очутился на Казанской площади. Здѣсь является извѣстная связь между показаніями Бочарова, съ одной стороны, Николаевской и Ильяшенко,—съ другой. Всѣ эти лица шли съ извѣстною цѣлью по различнымъ направленіямъ, а оказались у Казанскаго собора. Бочаровъ шель чертитъ, а оказался на площади и свидѣтелемъ Богдановымъ признанъ за ту личность, которая отбивала отъ него Шефтель. Затѣмъ показаніями Кубова, Москвина и Егорова доказано, что Бочаровъ былъ на площади и принималъ участіе въ безпорядкахъ. Точно то же удостовѣрено и въ отношеніи Николаевской и Ильяшенко. Онѣ говорятъ, что ходили покупать обувь. Можетъ быть; но и Бочаровъ пошелъ въ институтъ, а оказался же на площади. Обвинитель не отрицаетъ, что Николаевская и Ильяшенко пошли покупать обувь; онъ готовъ этому вѣрить, но вѣритъ тоже, что и Николаевская и Ильяшенко замѣчены были въ шумѣвшей толпѣ, что онѣ участницы безъ порядка. Обѣ подсудимыя, о которыхъ идетъ рѣчь, нашли нужнымъ сослаться на свидѣтельницу Краснокутскую, которая была вызвана послѣ того, какъ обвиняемымъ во время хода дознанія предложено было указать своихъ свидѣтелей, отъ чего онѣ тогда отказались. Посему обвиненіе считаетъ себя обязаннымъ отнестись особенно строго къ объясненіямъ Краснокутской. Всякое показаніе, которое должно подтвердить только одно извѣстное мелкое обстоятельство, должно быть точно опредѣлительно и во всѣхъ подробностяхъ подтвердить сдѣланную на него ссылку. Этой-то точности и опредѣлительности не замѣчается въ показаніи Краснокутской. Между тѣмъ подсудимыя Ильяшенко и Николаевская, говорившія, какъ оказывается, при Краснокутской, точно указывали, почему и какую именно обувь предполагали онѣ купить. Всего этого свидѣтельница не знаетъ. Не признавая вообще значенія за тѣмъ обстоятельствомъ, куда собирались итти обвиняемыя, прокуроръ тѣмъ не менѣе не считаетъ возможнымъ включить объясненія Краснокутской въ число вообще доказательствъ на судѣ, за недостоверностью ея показанія. Наконецъ, въ отношеніи Николаевской и Ильяшенко является и еще одно обстоятельство, свидѣтельствующее о неправдоподобности ихъ объясненій. Онѣ говорятъ, что были задержаны вмѣстѣ и доставлены въ участокъ на одномъ извозчикѣ. Между тѣмъ свидѣтель Васильевъ разъяснилъ тотъ порядокъ, которымъ произведенъ имъ арестъ Ильяшенко. Онъ говоритъ, что лично не видѣлъ Ильяшенко въ толпѣ, но задержалъ ее въ то время, когда она убѣгала съ угла Невскаго и Казанской площади съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ. Послѣдній успѣлъ скрыться. Кто же былъ спутникомъ Ильяшенко? По показанію студента Короленько, вызваннаго защитой, онъ разстался съ Ильяшенко въ Большой Итальянской. Кто же бѣжалъ съ нею съ площади? Значитъ, около собора она встрѣтила другихъ знакомыхъ. Почему же она не представила ихъ свидѣтелями? Эти лица несомнѣнно могли бы удостовѣрить, что Васильевъ ошибается, и установить точно, куда именно, вмѣсто магазина обуви, попала Ильяшенко. При разсмотрѣніи вопроса о виновности подсудимой Ивановой необходимо припомнить, что она находится подъ слѣдствіемъ по другому обвиненію въ однородномъ преступленіи и, отданная въ Москвѣ на поруки, проживала въ С.-Петербургѣ безъ прописки и безъ всякихъ занятій. Обвинитель указалъ на то, что Иванова наняла себѣ квартиру, которая числилась за ней двѣ недѣли и на которой она только три раза ночевала. На сколько она занималась шитьемъ—неизвѣстно, но извѣстно, что все ея имущество заключалось въ чемоданчикѣ, одѣялѣ и подушкѣ. Изъ пер-

воначального показанія свидѣтельницы Щукиной видно, что 5-го декабря Иванова пришла къ ней ночевать, приглашая на-завтра въ Казанскій соборъ на панихиду по умершимъ политическимъ арестантамъ. Свидѣтельница Щукина нѣсколько измѣнила свое показаніе на судѣ. Здѣсь она говорила о панихидѣ по павшимъ въ Сербіи нашимъ соотечественникамъ. Разнорѣчіе это объяснено на судѣ. Нужно было указать, что Иванова шла не на ту панихиду, которая имѣла цѣлью выразить враждебныя чувства правительству, а на другую, вполне законную. Дѣло суда повѣритъ тому или другому показанію свидѣтельницы, но обвинитель признаетъ необходимымъ указать на одно объясненіе Щукиной, которое не можетъ быть признано подтверждающимъ его правдивость. Очевидно, что указаніе ею какъ на причину, объясняющую разногласіе въ ея показаніяхъ, на прокурора, который подсказалъ будто бы отвѣтъ о цѣли панихиды, представляется вымысломъ самымъ беззащѣтнымъ. Фактъ, указывающій на противоправительственную цѣль панихиды, выяснили и при дознаніи и на судѣ не только свидѣтели, но и подсудимые. Чѣмъ же могло бы быть объяснено стремленіе прокурора подсказать то, что и безъ показанія Щукиной являлось по дѣлу несомнѣннымъ? Затѣмъ тов. прок. перешелъ къ тѣмъ обвиняемымъ, которые дали на судѣ показанія, измѣнившія ихъ первоначальныя объясненія, и признавшіе кромѣ того солидарность свою со всѣми тѣми лицами, которыя руководили демонстраціею на площади Казанскаго собора. Эти обвиняемые—Шефтель, Боголюбовъ и Чернавскій. Каждый изъ нихъ сдѣлалъ сознаніе, но сознанія эти совершенно различны. Если взять сознаніе Шефтеля, то можно притти къ убѣжденію, что оно болѣе или менѣе искренно, и хотя въ немъ есть много недоговореннаго, хотя оно ничѣмъ не подтверждено, но это сознаніе человѣка, который, можетъ быть, посидѣвъ на скамьѣ подсудимыхъ, опомнился. Совсѣмъ другое значеніе имѣютъ сознанія Боголюбова и Чернавскаго. Сознаніе Чернавскаго, которое имъ дано въ первый день появленія его на судѣ, было рѣзко; оно было неестественно, въ немъ звучала фальшь, рѣзавшая ухо. Чернавскій въ одно и то же время говорилъ: «Я сочувствую, я солидаренъ съ тѣми взглядами, которые высказывались въ рѣчи; я шель туда преднамѣренно»; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отвергалъ такіе факты, такія обстоятельства, противъ которыхъ спорить нельзя. Для того, чтобы быть послѣдовательнымъ, Чернавскому нельзя было отрицать нанесеніе ударовъ чинамъ полиціи. Свидѣтель Сидоровъ доказалъ ему въ глаза, что онъ говоритъ неправду, что онъ дрался и билъ городского, Чернавскій же это отрицаетъ. Такимъ образомъ, онъ явился на судѣ человѣкомъ, которому хотѣлось показать, что онъ страдаетъ за свои убѣжденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не прочь былъ столкнуть съ себя часть вины. Подсудимый пошелъ далѣе. Онъ присовокупилъ, что хотѣлъ ударить околоточнаго, «но это ему не удалось». Подсудимый Боголюбовъ не говорилъ ничего до вчерашняго дня. Обстоятельство это имѣетъ свое значеніе. Только вчера, по окончаніи судебного слѣдствія, когда были уже спрошены всѣ свидѣтели, Боголюбовъ, ознакомившись со всѣмъ матеріаломъ, который противъ него имѣетъ обвиненіе, заявилъ, что онъ также солидаренъ съ принципами «земля и воля», что шель на панихиду, но не дошелъ, что цѣль панихиды было желаніе высказать правительству враждебныя чувства. Боголюбовъ самъ сказалъ, что далъ первое показаніе для того, чтобы уйти изъ дѣла; онъ полагаетъ и теперь, что не потеряна вся надежда, онъ думаетъ, что объясненіе его такъ и будетъ принято на вѣру, т. е. что онъ шель и не дошелъ. Но обвинитель убѣжденъ, что Боголюбовъ шель, дошелъ и сдѣлалъ все, даже болѣе, чѣмъ другія лица. Онъ явился однимъ изъ самыхъ рѣзко выдѣлявшихся; его признаніе не возбуждало ни колебаній ни сомнѣній. Самый характеръ Бого-

любова, характеръ болѣе прямой, говоритъ за его участіе. Онъ дѣйствовалъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Подсудимый обвиняется еще и въ покушеніи на убійство. «Я прежде всего стою, сказалъ прокуроръ, за то, чтобы здѣсь на судѣ было несомнѣнно доказано предъявляемое обвиненіе, чтобы обвиненіе явилось съ такими аргументами, противъ которыхъ нельзя было бы представить ничего особенно серьезнаго. Я глубоко убѣжденъ, что обвиняемый Боголюбовъ виноватъ и, можетъ быть, болѣе всѣхъ тѣхъ, которые сидятъ съ нимъ рядомъ, но я не могу сказать, чтобы онъ былъ виновенъ въ покушеніи на убійство, потому что изъ троекратнаго допроса я убѣдился въ невозможности доказать, что онъ дѣйствительно покушался на столь тяжкое преступленіе. Я представляю, какъ обстоятельство, особенно увеличивающее вину подсудимаго, то, что онъ шелъ на площадь для выраженія противоправительственныхъ мнѣній и вооружился револьверомъ. Это вооруженіе не шутка, и хотя теперь не выставляется мною, какъ отдѣльное обвиненіе, тѣмъ не менѣе имѣетъ для Боголюбова существенное значеніе какъ улика; но я не могу сказать, чтобы я былъ убѣжденъ, что Боголюбовъ хотѣлъ стрѣлять въ Клибика, такъ какъ на судебномъ слѣдствіи я понялъ, что въ суетѣ, происходившей въ участкѣ, въ суматохѣ, вполне понятной и усиленной еще буйствомъ обвиняемыхъ, естественно могло породиться обвиненіе въ покушеніи на убійство. Я прошу васъ, гг. сенаторы и гг. сословные представители, припомнить показаніе Успенскаго, представившаго намъ наглядно картину того, что происходило въ участкѣ. Маленькая комнатка участка совмѣщала массу людей; въ ней собрались частныя лица, и дворники, и полицейскіе, и обвиняемые; все это шумѣло, кричало, и въ это то время происходитъ такая сцена: Боголюбовъ сопротивляется; противъ него нужно было употребить силу, но онъ не сдавался, защищаясь, какъ могъ. Я уже сказалъ, что онъ человѣкъ болѣе прямой, чѣмъ другіе, и онъ это доказалъ: онъ выхватилъ револьверъ и началъ имъ отбиваться. Клибикъ, нашедшій передъ тѣмъ въ снѣгахъ другой заряженный револьверъ, очевидно, испугался, ему представилось, что въ него стрѣляютъ. Я понимаю положеніе Клибика. Это честный человѣкъ, онъ говорилъ то, въ чемъ глубоко убѣжденъ, говорилъ, что Боголюбовъ покушался на его жизнь. Но я не могу связать желаніе выстрѣлить съ поступкомъ Боголюбова. Есипенко тоже показалось, что и въ него цѣлился Боголюбовъ. Боголюбовъ дерзокъ, грубъ, онъ позволилъ себѣ выхватить для драки съ полицейскими служителями заряженный револьверъ, онъ забывалъ въ эту минуту о всей безразсудности и опасности подобнаго поступка, онъ даже наносилъ удары пистолетомъ, но я не могу сказать, что онъ хотѣлъ застрѣлить человѣка, хотѣлъ его смерти. Показанія Клибика и Есипенко убѣждаютъ меня въ противномъ. Посему отъ этой части обвиненія, поставленнаго противъ Боголюбова, считаю долгомъ отказаться.» Затѣмъ обвинитель перешелъ къ разбору показаній подсудимыхъ Гервасія и Бибергала. Сознаніе Бибергала отчасти соприкасается съ объясненіями Боголюбова и Чернавскаго, но еще болѣе ихъ уклончиво. На вопросъ: признаетъ ли подсудимый себя виновнымъ, онъ отвѣтилъ: «пусть обстоятельства дѣла это докажутъ». Затѣмъ онъ нашелъ нужнымъ на другой же день, въ виду тѣхъ обстоятельствъ, которыя разъяснились противъ него, сказать, что онъ былъ на Казанской площади, что онъ сочувствуетъ всему, что тамъ произошло, и что имѣлъ намѣреніе присутствовать и въ сборѣ и на площади. Такимъ образомъ, онъ самъ устранилъ всякое сомнѣніе въ своей виновности, вслѣдствіе чего обвиненію не приходится касаться тѣхъ объясненій подсудимаго, которыя были даны имъ въ первый разъ и которыя опровергнуты имъ же самимъ. Подсудимый подтверждаетъ основную мысль обвиненія, что существенною уликою въ данномъ дѣлѣ яв-

ляются собственныя показанія обвиняемыхъ, которыя неправдоподобно разъясняютъ, почему каждый изъ нихъ былъ на Казанской площади. Бибергаль посему и не нашель возможнымъ остаться при первомъ своемъ неясномъ объясненіи. Но рядомъ съ подсудимымъ Бибергалемъ находится Гервасій, который соединенъ съ нимъ узами воспитанія. Они оба изъ одной, керченской гимназіи, жили вмѣстѣ въ Петербургѣ, были арестованы одновременно на Казанской площади и расходчтс только теперь. Давая показанія на судѣ, Бибергаль откинулъ свои первыя объясненія, понимая, что они невозможны. Гервасій же остался при своемъ первомъ показаніи, которое особенно невѣроятно въ виду его близкаго знакомства съ Бибергалемъ, въ виду того, что онъ проживалъ съ нимъ на одной квартирѣ, въ виду общности ихъ воспитанія. Обвинитель не утверждаетъ, что свидѣтель Васильевъ призналъ Гервасія несомнѣнно. Онъ говоритъ только, что личность эта крайне похожа на того человѣка, который сгоялъ въ толпѣ, когда махали флагомъ. Затѣмъ Гервасія признаетъ цѣлый рядъ свидѣтелей за личность, наносившую побои полицейскимъ и которая вообще выдавалась изъ толпы. Что же говоритъ противъ этого подсудимый? Онъ указываетъ на то, что былъ задержанъ на углу Невскаго и Казанской площади совершенно неправильно, но при этомъ разъясняетъ возможность этой прискорбной ошибки тѣмъ, что, вѣроятно, тотъ человѣкъ, который обратился на себя всеобщее вниманіе, этотъ второй Гервасій, набросилъ на него свой пледъ и надѣлъ свою шапку; что этимъ только внезапнымъ переодѣваніемъ подсудимый обязанъ упорнымъ показаніямъ противъ него свидѣтелей. Здѣсь необходимо прежде всего обратить вниманіе на то, что Гервасій слишкомъ поспѣшно сдѣлалъ заявленіе о такомъ непонятномъ происшествіи, которое даже съ перваго взгляда устраняетъ то довѣріе, которое можно было бы дать словамъ подсудимаго. При первомъ появленіи въ участокъ Гервасій началъ рассказывать всѣмъ о томъ, что у него чужой пледъ и шапка, которой, впрочемъ, вовсе не оказалось. На этомъ пледѣ и на этой шапкѣ онъ строитъ свою защиту и хочетъ ими опровергнуть всѣ свидѣтельскія показанія. Какъ обстоятельство, подтверждающее обвиненіе Гервасія, служить отзывъ зрителей его ареста. Свидѣтель Васильевъ подтвердилъ на судѣ, что когда онъ подбѣжалъ къ Гервасію, то публика кричала: «вы не ошиблись, это тотъ самый». Этотъ отзывъ зрителей, наблюдавшихъ за всѣмъ происходившимъ, восполняетъ и подтверждаетъ показаніе Васильева о личности Гервасія. Это обстоятельство является одною изъ уликъ весьма серьезныхъ противъ Гервасія, такъ что недостаетъ только одного, чтобы онъ самъ прямо сказала, что виновенъ. Въ отношеніи подсудимаго Потапова прокуроръ высказалъ, что подсудимый Бибергаль, отвѣчая на вопросъ о виновности по поводу составленія стиховъ возмутительнаго содержанія, сказалъ, что это вздоръ, что объ этомъ не стоитъ говорить. Обвинитель полагаетъ, что какъ ни ничтожны эти стихи по мнѣнію самого Бибергала, но тѣмъ не менѣе они служатъ связью между тою такъ называемою интеллигенціею, находящеюся на скамьѣ подсудимыхъ, и тѣмъ крестьяниномъ, который поднималъ флагъ. «Кто является, сказалъ обвинитель, самымъ рельефнымъ дѣятелемъ, провозгласителемъ тѣхъ принциповъ, которые выражаются въ словахъ «земля и воля»? Потаповъ, деревенскій мальчикъ, человѣкъ, который не знаетъ даже грамоты. Онъ приходитъ на Казанскую площадь, приноситъ флагъ, его поднимаютъ, онъ старательно развѣртываетъ этотъ флагъ для предъявленія зрителямъ, и онъ же является хранителемъ его. Онъ уноситъ флагъ, покидая толпу во время арестовъ. Онъ уходитъ, прикрываемый лицами, принадлежащими къ той же интеллигенціи. Что же это за связь между Потаповымъ и молодежью, называющею себя учащеюся и находящеюся здѣсь на общей всѣмъ

скамьѣ подсудимыхъ? Что за связь между Потаповымъ, Тимофеевымъ, Громовымъ и Морошкинымъ съ этими людьми? Есть ли у нихъ общіе интересы? Одни изъ нихъ должны работать, трудиться, зарабатывать насущный кусокъ хлѣба, тогда какъ другіе заняты интересами болѣе высшими, интересами науки. Что же это за связь? Эту связь наглядно указываетъ вся жизнь Потапова, то состояніе нравственнаго паденія, до котораго онъ дошелъ, наконецъ, тотъ фактъ, то необъяснимое положеніе, въ которомъ вы видите соединеніе на одной скамьѣ Потапова съ Бибергелемъ, студентомъ медико-хирургической академіи третьяго курса. Вотъ надъ чѣмъ стоитъ поразмыслить, вотъ что составляетъ такое обстоятельство, которое придаетъ наглядно серьезное значеніе безпорядку 6-го декабря. Вотъ почему на этотъ безпорядокъ нельзя смотрѣть слишкомъ легко. Что такое былъ Потаповъ прежде? Это былъ простой мальчикъ, хорошій работникъ, который уже съ 12-ти лѣтъ поддерживалъ свою семью, который трудился,—и чѣмъ же онъ сдѣлался теперь? Онъ является здѣсь передъ вами однимъ изъ самыхъ главныхъ дѣятелей, и если обвиненіе не выдѣляетъ его какъ главнаго виновнаго, то потому, что не находитъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы поставить противъ него это обвиненіе. Потаповъ, господа судьи, это такая страшная улика противъ всѣхъ обвиняемыхъ изъ интеллигенціи, это такая разбитая въ началѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ порочная жизнь простого русскаго человѣка, что, мнѣ кажется, она не можетъ не оставить, въ каждомъ, знакомомъ съ дѣломъ, самаго тяжелаго, самаго грустнаго впечатлѣнія. Эта, оторванная отъ семьи и честнаго труда, личность Потапова отгѣняетъ смыслъ девиза «земля и воля». Все нравственное значеніе этого дѣла 6-го декабря 1876 года заключается въ томъ непонятномъ соединеніи разнородныхъ, чуждыхъ другъ другу элементовъ нашего общества, связанныхъ предъ вами, гг. сенаторы и гг. сословные представители, однимъ общимъ для всѣхъ ихъ обвиненіемъ».

Присяжный повѣренный Бордовскій (защитникъ Боголюбова и Гервасія) упомянулъ о томъ, что четыре дня, которые судъ посвятилъ настоящему дѣлу, вмѣняютъ ему, защитнику, въ обязанность перейти прямо къ существу обвиненій, предъявленныхъ противъ подсудимыхъ, ввѣрившихъ ему свою защиту. Оба подсудимые обвиняются, по обвинительному акту, по второй части 252 ст. улож. о наказ. Статья эта гласитъ: «За составленіе и распространеніе писанныхъ или печатныхъ сочиненій и за произнесеніе публичныхъ рѣчей, въ которыхъ, хотя и безъ прямого и явнаго возбужденія къ возстанію противъ верховной власти, усиливаются оспаривать или подвергать сомнѣнію неприкосновенность правъ ея, или же дерзостно отрицать установленный государственными законами образъ правленія или порядокъ наслѣдія престола». Изъ точнаго и буквальнаго смысла этой статьи видно, что опредѣленному въ этой статьѣ наказанію подвергаются тѣ, которые путемъ печати, письма или устнаго слова будутъ произносить рѣчи, коими подвергается сомнѣнію неприкосновенность правъ верховной власти, или дерзостно порицается установленный законами образъ правленія, или порядокъ наслѣдія престола. Такимъ образомъ, статья эта имѣетъ въ виду преступленія, направленныя противъ власти верховной. Справедливость такого толкованія подтверждается, во-первыхъ, тѣмъ, что статья эта находится въ отдѣлѣ, озаглавленномъ «о бунтѣ противъ власти верховной», и, во-вторыхъ, что для примѣненія этой статьи необходимо, чтобы лицо «участвовало въ распространеніи». Такимъ образомъ, для состава преступленія, предусмотрѣннаго указанной статьею, необходимы два существенные признака: первый, чтобы объектомъ преступленія была верховная власть, и второй, чтобы данное лицо распространяло отзвы, тѣмъ или другимъ способомъ направленные противъ верховной власти. Справедливость этого

подтверждается и прежнему практикою особаго присутствія Правительствующаго Сената по дѣлу о распространеніи преступныхъ сочиненій въ лейбъ-гвардейскомъ московскомъ полку. По тому дѣлу одни изъ преданныхъ суду лицъ обвинялись въ томъ, что они читали служащимъ въ полку книги преступнаго содержанія, и сверхъ того были преданы суду и тѣ, которые не только слушали чтеніе этихъ книгъ, но и сочувствовали такому чтенію. Вторая категорія этихъ лицъ обвинялась не по 252 ст., а въ недонесеніи о преступленіи: слушая вредныя сочиненія, они не донесли своевременно о томъ правительству. Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, защитникъ высказалъ, что по отношенію къ его кліентамъ Боголюбову и Гервасію, обвиняющихся по 252 ст., во-первыхъ, фактически не доказаны тѣ дѣянія, которыя имъ приписываются, и, во-вторыхъ, эти дѣянія не соотвѣтствуютъ преступленію, предусмотрѣнному помянутой статьею. Обращаясь къ разсмотрѣнію фактическихъ обстоятельствъ, защитникъ сдѣлалъ нѣсколько слѣдующихъ отступленій. Первое отступленіе касалось обвинительнаго акта. Въ этомъ отношеніи, хотя защитѣ и было заявлено третьяго дня, что обвиняемыхъ будутъ судить не на основаніи обвительнаго акта, а на основаніи того, что было на судѣ, но тѣмъ не менѣе защитникъ считалъ бы свою задачу не исполненною, если бы не коснулся обвинительнаго акта, такъ какъ, во-первыхъ, на основаніи его обвиняемые преданы суду, на основаніи его они уже подвергнуты были почти двухмѣсячному одиночному заключенію и, во-вторыхъ, первое впечатлѣніе суда и публики составляетъ также на основаніи этого акта. Что касается до редакціи этого обвинительнаго акта, то въ немъ встрѣчаются погрѣшности даже противъ тѣхъ актовъ дознанія, на основаніи которыхъ онъ составленъ. Еъ доказательство того, что это указаніе защитника не голословно, онъ обратилъ вниманіе Правительствующаго Сената на тѣ заявленія, которыя были сдѣланы защитниками во время судебного слѣдствія и на слѣдующее: на страницѣ 1-й обвинительнаго акта говорится, что нѣкоторые изъ молящихся обращались къ Рабутовскому, а между тѣмъ оказалось, что обращался Гуковъ. Далѣе, въ обвинительномъ актѣ сказано, что у городского Клибика палецъ былъ разсѣченъ, между тѣмъ оказалось, что все разсѣченіе состояло въ небольшой царапинкѣ. Затѣмъ по отношенію къ подсудимому Гервасію указанъ рядъ свидѣтелей, которые, будто-бы, признаютъ его за лицо, которое махало флагомъ и дралось, а между тѣмъ изъ тѣхъ актовъ дознанія, на основаніи которыхъ составленъ обвинительный актъ, видно, что, большинство указанныхъ свидѣтелей ничего подобнаго не говорило. Второе отступленіе касается того общаго правила, которое должно быть примѣняемо въ каждомъ уголовномъ процессѣ при разсмотрѣніи уликъ, представляемыхъ противъ подсудимыхъ. Правило это состоитъ въ томъ, что въ каждомъ преступномъ дѣлѣ, совершается ли оно сообща или однимъ лицомъ, будетъ ли это государственное или обыкновенное уголовное преступленіе, должна быть несомнѣнно доказана преступная воля каждаго изъ обвиняемыхъ. Это правило до того несомнѣнно, что оно положено въ основаніе уголовного процесса всякой европейской страны. На этомъ же зиждутся и наши судебныя уставы. А что эти уставы должны примѣняться и въ особомъ присутствіи Правительствующаго Сената, то это явствуетъ изъ Высочайше утвержденныхъ правилъ 7-го іюня 1872 г., которыми установлено особое присутствіе и въ которыхъ сказано, что дѣло о государственныхъ преступленіяхъ производится общимъ порядкомъ уголовного судопроизводства съ изытіями, въ нижеслѣдующихъ статьяхъ указанными. Въ нижеуказанныхъ статьяхъ нѣтъ того исключенія, чтобы не примѣнялось это общее правило относительно доказательствъ, которое примѣняется въ каждомъ

уголовномъ дѣлѣ. Третье отступленіе касается той системы, которой держится обвинитель въ настоящемъ дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее: обвинитель каждый разъ, когда приводитъ противъ кого-либо улики, говоритъ, какимъ образомъ и на какія именно улики онъ будетъ обращать вниманіе, а когда приводитъ улики, то совершенно противоположно своимъ же указаніямъ. Представитель обвинительной власти говоритъ: «я беру только тѣ улики, которыя подтверждены на судѣ и не считаю нужнымъ ссылаться на акты дознанія». Между тѣмъ, оказывается, что въ числѣ свидѣтелей показаны такіе, которые положительно подтвердили, что они не могутъ сказать, чтобы это былъ Гервасій. Далѣе, обвинительная власть, касаясь подсудимаго Иванова, говоритъ: «я не буду говорить о томъ, что онъ уже былъ привлеченъ къ дѣлу о государственномъ преступленіи», т. е. онъ прямо обращаетъ вниманіе особаго присутствія на то, что онъ самъ считаетъ недостойнымъ того, чтобы на это бы о обращено вниманіе суда.—Первоприсутствующій замѣтилъ, что передъ особымъ присутствіемъ всѣ акты дѣла открыты, а слѣдовательно, и на указанное защитникомъ обстоятельство прокуроръ могъ сослаться.—Послѣ этого замѣчанія защитникъ высказалъ, что въ отношеніи Боголюбова и Гервасія представитель обвиненія не указалъ, какія именно ихъ дѣйствія онъ относитъ къ преступленію, предусмотрѣнному 252 ст. улож. о нак., какія къ преступленію, предусмотрѣнному 264 и 266 ст. Но, слѣдуя тому что сказано въ обвинительномъ актѣ, нужно полагать, что обвинительная власть видитъ преступленіе, предусмотрѣнное 252 ст. въ томъ, что подсудимые собрались въ церковь, что, выйдя изъ церкви на площадь, они аплодировали тому, что говорилось въ рѣчи, и поднятію флага. Защитникъ желалъ бы спросить обвиненіе, какія улики въ этомъ преступленіи обнаружены противъ подсудимаго Боголюбова? Гдѣ тѣ свидѣтели, которые утверждали бы, что Боголюбовъ совершилъ тѣ дѣйствія, въ которыхъ обвиненіе видитъ признаки этого преступленія? Есть свидѣтели противъ Боголюбова, которые утверждаютъ, что онъ старался сопротивляться полиціи, но все это относится къ тому времени, когда уже кончилась рѣчь, въ которой представитель обвиненія видитъ преступленіе, предусмотрѣнное 252 ст. улож. о нак. Ни въ обвинительномъ актѣ, ни въ актахъ дознанія нѣтъ ни одного лица, которое указывало бы, что Боголюбовъ былъ въ церкви, чтобы онъ былъ въ толпѣ слушателей рѣчи. Что касается подсудимаго Гервасія, то защитникъ, не касаясь свидѣтелей, которые показывали на дознаніи и которые не подтвердили своихъ показаній на судѣ, указалъ, что только два свидѣтеля показывали передъ особымъ присутствіемъ противъ Гервасія, а именно Ивановъ и Васильевъ. Но что же они показали? Свидѣтель Ивановъ показалъ, что видѣлъ человѣка, похожаго на Гервасія, стоявшаго около лица, произносившаго рѣчь. Свидѣтель Васильевъ заявилъ, что на дознаніи онъ Гервасія не узналъ, а здѣсь говоритъ, что, кажется, онъ похожъ на того, котораго онъ хотѣлъ схватить, но не схватилъ. Такимъ образомъ, Ивановъ ставится въ прямое противорѣчіе съ Васильевымъ: Ивановъ говоритъ, что Васильевъ бралъ Гервасія, а Васильевъ отрицаетъ это; затѣмъ одинъ говоритъ, что онъ былъ посреди площади, а другой—что это было у дома Лѣсникова. Нельзя же осуждать человѣка въ такомъ тяжкомъ государственномъ преступленіи на основаніи такихъ показаній свидѣтелей, которые говорятъ, что по долгу присяги и совѣсти они не могутъ сказать, чтобы это было именно то самое лицо. Никакой судья не можетъ признать фактъ болѣе доказаннымъ, нежели признаетъ то лицо, на основаніи показанія котораго судѣ приходится дѣлать свое заключеніе. Судъ можетъ признать человѣка виновнымъ только въ томъ случаѣ, если нѣтъ никакого сомнѣнія; онъ не можетъ итти далѣе показанія свидѣтелей, и

если свидѣтель изъясвилъ сомнѣніе въ личности обвиняемаго, то судья не можетъ его обвинить. Такимъ образомъ, по мнѣнію защитника, въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ фактическихъ данныхъ для обвиненія подсудимыхъ Боголюбова и Гервасія въ томъ дѣяніи, которое имъ приписывается по 252 ст. Но, допустивъ на минуту, что особое присутствіе не согласится съ этимъ взглядомъ и будетъ разрѣшать этотъ вопросъ, примѣняя эту статью закона къ Боголюбову и Гервасію, защитникъ находитъ, что, какъ сказано имъ выше, для примѣненія этой статьи необходимо, чтобы лицо распространяло преступную мысль. Распространеніе это можетъ быть сдѣлано путемъ печати, или письма, или устнаго произнесенія. Здѣсь идетъ только вопросъ о произнесеніи рѣчи. Но самъ обвинитель говоритъ, что рѣчь произносилъ одинъ, который не пойманъ. Какимъ же образомъ за произнесеніе рѣчи привлечены къ суду 21 человекъ? Затѣмъ, какая должна быть эта рѣчь? Законъ, ст. 252, гласитъ, что рѣчь должна быть «о бунтѣ противъ верховной власти»; она должна «дерзостно порицать установленный законами образъ правленія». Но самъ обвинитель указывалъ на то, что заключалось въ этой рѣчи. Въ ней говорилось, что лучшіе люди ссылаются, что баринъ продаетъ послѣднюю корову укрестьянина. Это говорилось тѣми свидѣтелями, противъ которыхъ ничего нельзя сказать. Это говорили Абрамовъ и Кашинцовъ, выставленные обвиненіемъ. Правда, Кашинцовъ говорилъ здѣсь нѣчто противоположное Абрамову, но самъ обвинитель не вѣритъ ему. Это и понятно, потому что Абрамовъ все-таки человекъ нѣсколько образованный, а Кашинцовъ простой крестьянинъ, человекъ совѣмъ съ другими понятіями; онъ могъ не дослышать или не понять. Но развѣ въ этой рѣчи есть преступленіе, предусмотрѣнное 252 ст. улож. о наказ.? Развѣ есть какое-нибудь преступленіе въ томъ, что человекъ хочетъ служить панихиду? Наша церковь не запрещаетъ молиться о покойникахъ, кто бы они ни были. Говорятъ, что здѣсь было знамя съ надписью «земля и воля» и преступность видятъ въ этихъ словахъ. Развѣ эти слова «земля и воля», высказываютъ порицаніе образу правленія, развѣ они составляютъ оскорбленіе верховной власти? Но что же тутъ преступнаго? Положеніе 19 февраля пр. никнuto этимъ принципомъ. Но, можетъ быть, обвинительная власть примѣняетъ эту статью не по буквальному ея смыслу, а по аналогіи? Но по аналогіи она не можетъ быть примѣняема въ данномъ случаѣ. По аналогіи примѣняются только тогда, когда преступленія по роду своему сходны, когда важность нарушенія того или другого права одинакова? Но развѣ можно сравнивать важность преступленія противъ власти верховной, когда оно ея вовсе не касается? Въ данномъ случаѣ преступленіе касается распоряженій судебныхъ и другихъ мѣстъ, и только за это можно наказывать виновныхъ, но не касается тѣхъ законовъ, которые ограждаютъ верховную власть. По всѣмъ этимъ соображеніямъ защитникъ полагаетъ, что особое присутствіе не примѣнить къ дѣянію подсудимыхъ того наказанія, на которое указываетъ обвиненіе. Переходя затѣмъ ко второй части своей защиты г. Бардовскій высказалъ, что представитель обвинительной власти говоритъ, что подсудимые виновны въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 264 ст. улож. о наказ. Статья эта говоритъ: «за противодѣйствіе такого рода, произведенное хотя невооруженными людьми, однако же съ явнымъ насиліемъ и безпорядками, или же напротивъ вооруженными, хотя и безъ явнаго съ ихъ стороны насилія, виновные подвергаются» такому-то наказанію. Какого рода противодѣйствіе—объясняется въ статьѣ 263, гдѣ сказано: «За явное противъ властей, правительствомъ установленныхъ, возстаніе, съ намѣреніемъ или воспрепятствовать обнародованію Высочайшихъ указовъ, манифестовъ, законовъ или другихъ постановленій и объявленій правительства, или же

не допустить исполненія указовъ или предписанныхъ правительствомъ распоряженій и мѣръ, или принудить сіи власти къ чему-либо несогласному съ ихъ долгомъ, когда такое принужденіе или противодѣйствіе будетъ произведено вооруженными чѣмъ-либо людьми и сопровождаемо съ ихъ стороны насиліемъ и беспорядками, виновные приговариваются» къ такому-то наказанію. Обѣ эти статьи взяты изъ уложенія изданія 1845 года. Когда издавалось это уложеніе 1845 г., то прежде былъ изданъ проектъ уложенія, который потомъ былъ Высочайше утверждёнъ, и въ которомъ приводились тѣ основанія, въ силу которыхъ принимался тотъ или другой законъ. Для того, чтобы лучше истолковать законъ, обыкновенно слѣдуетъ обращаться къ его источнику. Вотъ тотъ мотивъ, который написанъ подъ статью 283: «При опредѣленіи наказанія за преступленія сего рода въ нашемъ проектѣ, мы признали нужнымъ и правильнымъ раздѣлить противозаконное сопротивление на два рода: первый, когда виновные хотѣли оказать препятствіе исполненію какихъ-либо общихъ, до всего государства или цѣлаго края касающихся, дѣйствій правительства, какъ-то: обнародованію Высочайшихъ манифестовъ, указовъ и т. п., или приведенію ихъ въ исполненіе; второй— когда оно имѣло цѣль частную, напримѣръ, препятствованіе исполненію судебного приговора». О первомъ родѣ сопротивления говорится въ статьяхъ 283, 284 и 285. Такимъ образомъ, если бы были признаны всѣ тѣ факты, на которые указываетъ обвиненіе, то спрашивается: неужели возможно примѣнить эту статью? Развѣ подсудимые препятствовали исполненію какого-либо указа, манифеста, постановления? Обвинительная власть говоритъ: «собралась толпа, слушала рѣчь», но это—особое преступленіе. Затѣмъ городской врываеется въ толпу, которая его не пускаетъ и наноситъ ему удары. Какое же это преступленіе? Развѣ городской исполняетъ какой-нибудь указъ или манифестъ? Преступленіе есть, и оно прямо указано въ законѣ, а именно въ ст. 30 и 31 уст. о наказан., налагаемыхъ мировыми судьями. Въ ст. 30 говорится: «За ослушаніе полицейскимъ или другимъ стражамъ, а также волостнымъ или сельскимъ начальникамъ, при отправленіи ими должности, когда требованія сихъ лицъ были законны, виновные подвергаются денежному взысканію не свыше 15 рублей. Когда ослушаніе оказано жандармамъ и другимъ полицейскимъ служителямъ, наряженнымъ для соблюденія порядка при многочисленномъ стеченіи народа, то виновные подвергаются аресту не свыше семи дней или денежному взысканію не свыше 25 рублей». А въ статьѣ 31 сказано: «За оскорбленіе полицейскихъ или другихъ стражей, служителей судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ, во время отправленія ими должности, виновные подвергаются за обиду дѣйствіемъ аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ». Статьи эти также взяты изъ уложенія о наказаніяхъ 1845 г., въ которомъ точно также есть статьи, соотвѣтствующія этимъ преступленіямъ. Защитникъ прочелъ эти статьи и замѣтилъ, что, такимъ образомъ, выходитъ, что въ данномъ случаѣ подсудимыхъ невозможно судить за то, въ чемъ они обвиняются. Обращаясь къ разбору уликъ противъ Боголюбова, защитникъ замѣтилъ, что хотя онъ лично и вполне увѣренъ въ правдивости Боголюбова, но свидѣтели утверждаютъ, что онъ дрался, что онъ присутствовалъ въ толпѣ, что онъ нарушалъ общественную тишину. Если такъ, то онъ только за это и долженъ судиться. Что касается до подсудимаго Гервасія, то если держаться воззрѣнія обвинителя, что нужно ссылаться только на показанія свидѣтелей, которые были допрошены на судѣ, то защитникъ утверждаетъ, что есть свидѣтели, которые указывали, что, хотя Гервасій былъ въ толпѣ, но что онъ ничего не дѣлалъ, ударовъ не наносилъ и, вообще, своимъ поведеніемъ не нарушалъ тишины и порядка, такъ что по отношенію къ нему нельзя примѣнить и ту статью закона, которая можетъ быть примѣнена

къ подсудимому Боголюбову. Если Правительствующій Сенатъ не раздѣлитъ взгляда защиты относительно примѣненія къ настоящему дѣлу устава о наказаніяхъ, налагаемаго мировыми судьями, то ему придется разрѣшить вопросъ о томъ, кто былъ главный виновникъ и кто участникъ. Вопросъ этотъ разрѣшается 12 ст. улож. о наказаніи. Въмѣстѣ съ этимъ защитникъ счелъ долгомъ указать, что преступленіе, предусмотрѣнное 264 ст. улож. о наказ., принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ полагается огромная разница между наказаніемъ главнаго виновнаго и наказаніемъ участника, и послался на рѣшеніе угол. касс. департ. Правительств. Сената за 1871 г., № 87. Въ отношеніи подсудимаго Гервасія обвиненіе не указало ни одного факта, который свидѣтельствовалъ бы о томъ, что онъ принималъ участіе въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ властей установленныхъ. Что же касается подсудимаго Боголюбова, то, хотя есть нѣкоторые свидѣтели, которые указываютъ, что Боголюбовъ дрался, но, очевидно, что это могло быть для помощи главному виновному. Но есть еще одно соображеніе, которое доказываетъ, что здѣсь не было сопротивленія, предусмотрѣннаго 264 ст. улож. о наказ. Въ 1862 году, когда, по случаю освобожденія крестьянъ, встрѣчались частыя недоразумѣнія между властями и крестьянами, и происходило то, что называлось возстаніемъ, то было предписано всѣмъ гражданскимъ властямъ, чтобы онѣ, когда случится возстаніе, являлись передъ возставшими и прежде всего сказали имъ 3 раза, чтобы они разошлись. Если это было сдѣлано, и толпа разошлась, то участвовавшіе въ ней никакому наказанію не подвергались, а если не разошлась, то власти уполномочены были дѣйствовать силой. До тѣхъ поръ, пока не было сдѣлано такого обращенія къ возставшимъ, власти не могли употреблять насильственныхъ дѣйствій и военную силу. Было ли сдѣлано такое обращеніе въ настоящемъ случаѣ? Вопросъ этотъ весьма важенъ, потому что, если бы оно было сдѣлано и толпа разошлась, то никто не былъ бы преданъ суду. Разобравъ данныя, имѣвшіяся въ этомъ отношеніи по настоящему дѣлу, защитникъ нашелъ, что воззванія разойтись, обращеннаго къ шумѣвшей толпѣ со стороны полиціи, сдѣлано не было. Изъ сказаннаго онъ выводитъ, что если особое присутствіе найдетъ возможнымъ примѣнить 264 ст. ул., то оно должно будетъ разрѣшить, во-первыхъ, вопросъ о томъ, кто главный виновный и кто участникъ, и, во-вторыхъ, о томъ, что подсудимые не могутъ подлежать наказанію на томъ основаніи, что не было сдѣлано воззванія разойтись. Что касается насильственныхъ дѣйствій, то они были вызваны тогда, когда ихъ еще не могли употребить. «Обращаясь за симъ,—сказалъ защитникъ, къ частнымъ обстоятельствамъ, уменьшающимъ вину подсудимыхъ, я долженъ заявить, что по отношенію къ Боголюбову я не буду приводить никакихъ такого рода обстоятельствъ, потому что, дѣйствительно, Боголюбовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые не желаютъ раскрывать свою душу передъ судомъ. Что же касается до подсудимаго Гервасія, то это человѣкъ совсѣмъ другой. Онъ—сынъ казака; когда ему было 12 лѣтъ, онъ лишился родителей. Съ этого юнаго возраста онъ не имѣлъ тѣхъ руководителей, которые необходимы при первыхъ шагахъ человѣка. Онъ поступилъ стипендіатомъ въ керченскую гимназію и, несмотря на то, что былъ предоставленъ самому себѣ, вышелъ изъ гимназіи съ серебряною медалью и пріѣхалъ сюда, чтобы окончить свое образованіе. Изъ этого вы видите, что это человѣкъ серьезный, который желалъ и желаетъ трудиться. Когда вы будете постановлять свой приговоръ, я прошу васъ вспомнить объ этомъ молодомъ человѣкѣ, который только 5—6 мѣсяцевъ тому назадъ мечталъ, какъ онъ окончитъ курсъ,—явится въ то общество, которое его воспитывало и будетъ тамъ работать.

Присяжный повѣренный Буймистровъ (защитникъ подсудимыхъ Бочарова, Шефтель и Надеждина): «Я коснусь кратко того, что мы слышали на судебномъ слѣдствіи,—сказалъ защитникъ,—и передамъ то впечатлѣніе, которое испытала защита при показаніи свидѣтелей. Тутъ рассказывалось о происшествіи, которое было 6-го декабря на Казанской площади. Когда показывали свидѣтели Рабутовскій и Товбичъ, защита испытывала спокойное чувство, не волновалась. Отчего? Оттого, что она не слыхала ни въ показаніи Рабутовскаго ни въ показаніи Товбичъ ничего такого, что приурочивало бы это дѣло къ той грозной статьѣ, на которую указываетъ прокуроръ—къ ст. 252 улож. о наказ. Тутъ не слышали порицанія образа правленія. Но былъ моментъ, г. судьи, когда защита испытала совершенно другое чувство—это тогда, когда пришелъ свидѣтель Кашинцовъ, носильщикъ. Онъ напугалъ защиту. Онъ говорилъ, что «я стоялъ около этой толпы такъ близко, какъ у этого стола и я все слышалъ, все знаю». Скажите, что же вы знаете? И въ его показаніи слышались такія указанія, которыя, дѣйствительно, мучили спокойствіе защиты. Слышались слова «Царь,» что «Царь обижаетъ бѣдныхъ, награждаетъ богатыхъ». Но, г. судьи, къ счастью это показаніе Кашинцова, на которое указывало обвиненіе, и которое оно выставило какъ такое показаніе, которое резюмируетъ это дѣло силою своего русскаго здраваго смысла—не было правильно. Дѣло въ томъ, что тутъ былъ другой русскій и здравый умъ, который гораздо здоровѣе, нежели умъ Кашинцова. Онъ ослабилъ это показаніе, поколебалъ его и уничтожилъ. Нѣтъ болѣе предъ вами показанія Кашинцова! Явился Абрамовъ. Отличать носильщика Кашинцова отъ Абрамова не зачѣмъ; въ ихъ видѣли и не стоитъ этимъ заниматься. Спрашиваютъ Абрамова: слышали слово «Царь»?—«Нѣтъ.» Защитѣ легче. Спрашиваютъ: «слыхали ли порицаніе правительства»—«Нѣтъ! еслибы я слышалъ, то хорошо бы запомнилъ: я стоялъ въ пяти шагахъ отъ говорившаго.» Итакъ, показаніе Кашинцова убито, исчезло и, можетъ быть, у васъ изъ его показанія осталось одно выраженіе: «Я былъ тогда не въ своемъ умѣ.» Меня, дѣйствительно, озадачило это показаніе, потому что оно такъ приурочивало все дѣло къ преступленіямъ государственнымъ, какъ будто бы Кашинцовъ зналъ эти законы. Для меня, а, можетъ быть, и для васъ остается это необъяснимымъ: откуда онъ могъ знать это, откуда это знаніе у носильщика? Игакъ, какова же сущность рѣчи?»—Изложивъ затѣмъ, по показанію свидѣтеля Абрамова, сущность имъ произнесенной рѣчи, защитникъ разобралъ подробно значеніе настоящаго дѣла, значеніе и силу свидѣтельскихъ показаній вообще, указалъ на невозможность примѣненія къ этому дѣлу 252 ст. ул. о нак. и привелъ ст. 1035 ул. о нак., въ которой за напечатаніе оскорбительныхъ и направленныхъ къ колебанію общественнаго довѣрія отзывовъ о дѣйствующихъ въ Имперіи зѣлогахъ, или о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ, виновный подвергается: заключенію въ тюрьмѣ отъ 2 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ, или аресту отъ 4 дней до 3 мѣсяцевъ, или, наконецъ, денежному взысканію не свыше 500 рублей. «Итакъ, какія же наказанія опредѣляетъ эта статья? Тюрьму, арестъ и штрафъ. Отчего же наше законодательство такъ спокойно смотритъ на печатное? Вѣдь, печатное производитъ иногда, можетъ быть, болѣе впечатлѣнія, нежели воззваніе въ рѣчи. Рѣчи могутъ и не слышать, могутъ не понимать, какъ это было и въ настоящемъ случаѣ. Печатное же можно прочитать, проникнуть въ прочитанное глубже, а, между тѣмъ, какое же наказаніе? Отчего же на это смотритъ такъ спокойно законъ? Оттого, что онъ увѣренъ въ томъ, что эти воззванія не поколеблютъ основы государства и не страшны!» Затѣмъ защитникъ перешелъ собственно къ защитѣ своихъ кліентовъ и въ отно-

шеніи Бочарова высказалъ, что прокуроръ придаетъ значеніе сознанию, но отгнѣнилъ сознание нѣкоторыхъ подсудимыхъ. Такъ, показанію Бочарова прокуроръ не вѣритъ: «чертить задумалъ итти въ технологическій институтъ, а очутился на Казанской площади». Конечно, такъ отрывочно сопоставляя эти два факта, можно сдѣлать такой выводъ. Но, къ сожалѣнію, обвинитель не указалъ на тѣхъ свидѣтелей, которые показали, что, дѣйствительно, у Бочарова было желаніе итти 6 декабря чертить въ технологическій институтъ. Бочаровъ говорилъ, что зналъ о панихидѣ и о томъ, что затѣвается молодежью, узналъ 6 декабря въ технологическомъ институтѣ. Этому слѣдуетъ вѣрить, оттого что наканунѣ того дня, когда онъ пошелъ въ технологическій институтъ, мы слышали, какую бесѣду велъ онъ съ своими товарищами и въ какомъ спокойномъ состояніи онъ находился. Свидѣтели показываютъ, что онъ, дѣйствительно, пошелъ чертить въ технологическій институтъ. Если бы онъ зналъ раньше объ этой панихидѣ, то не нужно было бы ему итти въ институтъ. Когда человѣкъ готовится итти на площадь, когда затѣвается серьезное дѣло, которое можетъ завести далеко, станетъ ли онъ совершенно спокойно поднимать общіе вопросы, говорить съ товарищами, о томъ, какъ морить на наши учебныя заведенія, о томъ, даютъ ли они хорошее образованіе или нѣтъ, и защищать то мнѣніе, что, дѣйствительно, наши вышія учебныя заведенія стоятъ на той высотѣ призванія, на которой они должны стоять, и что для приобрѣтенія общаго образованія есть другія средства. Если бы человѣкъ задумалъ итти на эту площадь, развѣ сталъ бы онъ такъ разсуждать? Онъ не былъ бы спокоенъ, не думалъ бы объ этихъ вещахъ, а, между тѣмъ, эти факты установлены судебнымъ слѣдствіемъ. Но онъ зналъ о панихидѣ, ему говорили, что будетъ участвовать молодежь, но будутъ ли говорить рѣчь, какого она будетъ содержанія, закончится ли она выбрасываніемъ флага, пойдетъ ли толпа дальше—этого онъ рѣшить льно не зналъ, потому что человѣку, какъ онъ, труженику, занимающемуся, врядъ ли можно рѣшиться на такое дѣло. Сопровитвеніе его и участіе въ толпѣ сводится къ показаніямъ двухъ свидѣтелей—Кубова и Егорова, которые говорили, что онъ былъ въ толпѣ, но чтобы онъ билъ кого-нибудь—этого они не утверждали. Указываетъ свидѣтель Богдановъ, что онъ отбивалъ Шефтель, когда ее заарестовали и вели. Бочаровъ это отрицаетъ. Положимъ, что это было такъ, но вѣдь бываютъ извѣстныя положенія человѣка, когда онъ невольно теряетъ свое душевное спокойствіе, когда дѣйствительно, онъ не можетъ владѣть самимъ собою. Если онъ видитъ извѣстную картину, которая его возмущаетъ, если онъ видитъ, что женщину ведутъ такимъ образомъ, какъ показывалъ Ритчеръ, неужели же онъ можетъ спокойно относиться къ этой картинѣ? Мы, вѣдь, возмущаемся грубостью обращенія съ животными, мы протестуемъ противъ тѣхъ жестокостей, которыя иногда употребляются противъ нихъ. У насъ есть цѣлое общество покровительства животнымъ, и неужели же, когда придется судить человѣка за то, что онъ освободилъ другого отъ оскорбленія, защитилъ его, то значить онъ виновенъ и его слѣдуетъ подвергнуть наказанію? Этотъ фактъ слѣдуетъ забыть и не слѣдуетъ его ставить въ улику подсудимому по обвиненію, которое на него взводится. Обвиненіе говоритъ, что для него несомнѣнно,—что кто былъ въ толпѣ, тотъ и виновенъ. Но это говоритъ обвиненіе, а защитникъ увѣренъ, что не такъ думаетъ судъ. Въ самомъ дѣлѣ, неммыслимо, чтобы судьи разсуждали такъ: видѣли въ толпѣ, и довольно, значить—виновенъ. Такой пріемъ—былъ бы крайне несправедливъ. Есть другой пріемъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе поспѣшности хода дѣла, слѣдствіе не собрало никакихъ свѣдѣній о тѣхъ, кого судятъ, какъ стоятъ эти люди къ обществу, какое ихъ положеніе? Все это было мало выясне-

но. Что это мало выяснено по отношенію къ Бочарову, видно изъ того, что въ обвинительномъ актѣ онъ названъ пріѣхавшимъ въ 1875 г. поступивъ въ технологическій институтъ и считается до сихъ поръ такимъ пріѣхавшимъ, хотя свидѣтели сказали здѣсь, что этотъ пріѣхавшій давно поступилъ въ институтъ и въ настоящее время состоитъ на второмъ курсѣ. Если бы судьи знали подсудимаго, знали въ какомъ онъ семействѣ и обществѣ живетъ, знали образъ его занятій и мыслей, то они, вѣроятно, замѣтили бы, что онъ сюда непричастенъ. Этотъ пріемъ употреблялся тогда, когда разбирали арестованныхъ. Нѣкоторые заарестованные больше не судятся, потому что, когда узнали ихъ положеніе въ обществѣ, когда узнали, что это люди трудящіеся, то ихъ освободили. Въ данномъ случаѣ долженъ былъ быть употребленъ этотъ же пріемъ. Матеріаль, который для этого есть, сосредоточивается въ показаніяхъ нѣкоторыхъ свидѣтелей и въ томъ удостовѣреніи, которое защитникъ представилъ вчера особому присутствію. Изъ этого удостовѣренія видно, что Бочаровъ—технологъ 2 курса, что онъ исправно посѣщалъ лекціи; въ этомъ удостовѣреніи отмѣчено; что изъ 266 лекцій онъ пропустилъ 47, по болѣзни и другимъ причинамъ, что, когда дѣло подходитъ къ 6 декабря, то онъ пропускаетъ въ недѣлю только двѣ лекціи, а послѣднюю недѣлю только одну. Сверхъ того, Бочаровъ посѣщаетъ и репетиціи въ технологическомъ институтѣ; суду еще извѣстно, что Бочаровъ исполнялъ чертежи и представлялъ ихъ до срока. Можетъ быть все это мелочь, но когда нѣтъ никакихъ фактовъ, которые можно представить для характеристики личности, невольно берешь и мелочь. Бочаровъ узналъ о панихидѣ; онъ пошелъ. Но дѣло въ томъ, что если бы онъ зналъ, что тамъ будетъ, если бы онъ раздѣлялъ тѣ убѣжденія, то всякому, кого бы онъ ни встрѣтилъ, онъ сказалъ бы: «пойдемте, всѣ идутъ, это дѣло хорошее». Онъ и встрѣчаетъ своего товарища Лаврентьева, когда шелъ на панихиду въ Казанскій соборъ; но говорилъ ли онъ ему: «пойдемте на панихиду?» Нѣтъ онъ не звалъ его. Онъ имѣлъ возможность, выходя изъ квартиры въ институтъ съ Молодыхъ, сказать ему: «пойдемте на панихиду: чѣмъ больше, тѣмъ лучше». Но ничего этого Бочаровъ не говорилъ. Когда подумаешь обо всемъ этомъ, то невольно придешь къ мысли, что дѣйствительно Бочаровъ былъ только любопытенъ, не зналъ этого дѣла, и судить его за него нѣтъ твердыхъ основаній. За любопытство онъ наказанъ сильно. Онъ получилъ оскорбленіе, удары; онъ просидѣлъ въ домѣ предварительнаго заключенія въ отдѣльной камерѣ. «Я полагаю, сказалъ защитникъ, что вы все это взвѣсите и не будете рѣшать такъ, что онъ былъ въ толпѣ, а потому и виноватъ». Переходя къ защитѣ подсудимой Шефтель, защитникъ заявилъ: «Здѣсь другое отношеніе, мнѣ легче ее защищать. Другое отношеніе и со стороны обвиненія. Г. прокуроръ говоритъ: «г-жа Шефтель сдѣлала сознаніе; оно искренне; это такое сознаніе, которое даетъ право полагать, что если Шефтель и шла на панихиду, была тамъ, слушала рѣчь, то она опомнится и никогда уже не вернется на ту скамью, на которой теперь сидитъ». Болѣе о ней обвиненіе ничего не сказало. Какъ звучитъ это обвиненіе? Не звучитъ ли оно, гг. судьи, оправданіемъ? Если бы я былъ увѣренъ, что и вы совершенно такого же мнѣнія, то, конечно, защита моя приостановилась бы, и дѣло кончено. Но такое отношеніе защиты къ дѣлу невозможно. Я долженъ остановиться на показаніяхъ свидѣтелей, разобрать ихъ и показать вамъ, что дѣйствительно точка зрѣнія обвиненія о томъ, что Шефтель не слѣдуетъ обвинять, совершенно правильная. Послушайте свидѣтельскія показанія, которыя были противъ Шефтель. Подумаешь о нихъ и усомнишься, правду ли они говорятъ о ней. Вы спросите, отчего усомнишься? Оттого, что ей 16 лѣтъ, что она жила въ семьѣ, недавно оставила ее, но вдругъ

является на площади, въ публичномъ мѣстѣ, такъ грубо относится къ тѣмъ, кто ее не обижаетъ, и колотить всѣхъ, кто ее встрѣчаетъ. Миѣ кажется, что, сопоставивъ эти обстоятельства, дѣйствительно можно усомниться въ правдивости показаній свидѣтелей. Я напомню вамъ, что здѣсь масса свидѣтелей показала одинъ фактъ. Они говорили, что, когда кончилась рѣчь, толпа густою, плотною массою шла до памятника Кутузова. Какимъ образомъ вяжется это съ показаніемъ Богданова? Онъ говоритъ, что, когда толпа разбѣгалась, Шефтель кричала «впередъ, за мною». Толпа вновь собралась. Такого факта ни одинъ свидѣтель не утверждалъ. Зачѣмъ эти крики «впередъ», когда толпа и безъ того идетъ впередъ? Затѣмъ Васильевъ говоритъ, что она какъ бы предводительствовала, махала руками. Но я укажу на свидѣтеля Успенскаго, который ближе знаетъ Шефтель. Что же онъ говоритъ?—Видѣли ее?—Да видѣли!—Шла она впереди, предводительствовала, дѣлала что-нибудь?—Этого я не видѣлъ. Свидѣтель Ивановъ показывалъ, что когда ее вели, она была ведшихъ или имѣла намѣреніе бить. А какъ же связать это съ показаніемъ Богданова, противорѣчіе въ показаніи котораго вы, вѣроятно, замѣтили? Онъ зналъ пристава Ритчера: «я, говоритъ, одинъ ее взялъ, одинъ велъ ее въ участокъ и привелъ въ участокъ; она ничего не дѣлала». Приставъ же Ритчеръ, что вамъ рассказывалъ? Онъ рассказывалъ, что онъ видѣлъ, какъ два человѣка вели Шефтель. Сопоставьте это показаніе Ритчера съ показаніемъ Богданова. Какимъ образомъ, когда женщина находится въ такихъ тискахъ, она могла при этомъ дѣлать жесты и бить тѣхъ, которые ее вели? Если сопоставить эти показанія, то вы не повѣрите показанію Ритчера, а повѣрите тому, что говоритъ Богдановъ: что онъ одинъ велъ ее, и она его не била. Остается одинъ свидѣтель—Успенскій. Шефтель говоритъ, что била ли она, или не била его—не помнитъ. Положимъ такъ случилось, какъ говоритъ Успенскій. Но, гг. судьи, дѣйствительно есть моменты, когда человѣкъ теряетъ свое самообладаніе. Развѣ Успенскій, которому, по его словамъ, было нанесено оскорбленіе обѣими руками г-жею Шефтель, развѣ онъ вошелъ въ толпу такъ тихо, такъ нѣжно, какъ онъ говорилъ здѣсь на судѣ, а не ворвался такъ рѣзко, какъ говорилъ свидѣтель Абрамовъ, и не говорилъ ли такихъ вещей, которыя могли возмутить каждого, слышавшаго ихъ? Успенскій говоритъ: «я вошелъ въ толпу и еще сказалъ кое-что». Я просилъ его, въ виду того, что онъ говорилъ о значеніи принятой присяги, сказать это кое-что. Но нѣтъ. Успенскій не рѣшился этого сказать. Если Успенскій врѣзался въ толпу и сказалъ дерзкія слова, то неужели человѣкъ, выслушавши эти слова, долженъ былъ оставаться равнодушнымъ и перенести это?» Я не раздѣляю мнѣнія, чтобы за дерзкія слова нужно сейчасъ же драться, обращаться къ грубымъ приемамъ. Нѣтъ, я этого не раздѣляю. Но неужели вы не видите массы примѣровъ, что люди по своему образованію, по своимъ понятіямъ, по своей подготовкѣ—враги этой рѣзкости, но бывають такіе моменты, когда возвышаютъ голосъ и говорятъ такимъ языкомъ, какимъ никогда не говорили? Неужели же вы не видите такихъ случаевъ, когда человѣкъ съ такими понятіями рѣшается ударить, оскорбить, нанести ужасную грубость, послѣ чего раскаивается? Мы не были свидѣтелями и не можемъ сказать такъ ли это было или нѣтъ. Но я полагаю, что ни съ того, ни съ сего Шефтель дѣлать этого не могла, это неестественно. Мы видимъ, какъ вела себя Шефтель здѣсь; ни въ словахъ ни въ манерахъ ея нѣтъ рѣзкости, она несвойственна ея натурѣ. Зачѣмъ же, имѣя эти мелкіе факты, будемъ мы навязывать лицу несвойственныя ему качества? Во всякомъ случаѣ, гг. судьи, такъ ли вы посмотрите, какъ говоритъ обвиненіе, или, можетъ быть, у васъ есть другая точка зрѣнія. но, когда вы будете судить Шефтель, не забудь-

те того, въ чемъ я представилъ удостовѣреніе, что ей было только 16 лѣтъ, когда случилось это происшествіе. Не забудьте того, оскорбленія, которое было нанесено ей—ее видѣли безъ шляпки, избитою, съ растрепанными волосами. Неужели же она сама это сдѣлала? Вѣдь, кто-нибудь привелъ ее въ это состояніе? Тѣхъ, которые привели ее въ это состояніе, здѣсь нѣтъ, мы ихъ не видимъ. Не могу еще не указать на то, что она была заключена въ домъ предварительнаго заключенія въ отдѣльной камерѣ. Вы скажете: «что за важность? многіе сидятъ». Ахъ, г. судьи! легко говорить, не испытавши! По моему мнѣнію, эта предварительная камера устроена у насъ сообразно съ самой лучшей системой этого рода. Но дѣло въ томъ, что, когда выйдешь изъ эту камеру, какъ случается намъ защитникамъ, при объясненіяхъ съ подсудимыми, когда затворятъ желѣзную дверь, то чувствуешь себя въ какомъ то ужасномъ желѣзномъ сундукѣ. Я ничего болѣе о Шефтель сказать не могу, и перехожу теперь къ защитѣ Надеждина. Защита эта чрезвычайно легка. Въ настоящее время обвиненіе отказалось, и мнѣ остается сказать, что Надеждинъ шелъ случайно, какъ шли другіе, попалъ въ полицію и въ судъ по недоразумѣнію—какъ говоритъ прокуроръ, и защитѣ ничего не остается къ этому добавить». Въ подтвержденіе невинности Надеждина защитникъ сослался на свидѣтельство института, которое удостовѣряетъ, что это одинъ изъ лучшихъ учениковъ. Въ институтѣ защитнику всѣ заявили, что Надеждинъ не могъ участвовать въ этомъ дѣлѣ и попалъ случайно. Въ заключеніе, послѣ нѣсколькихъ общихъ разсужденій, защитникъ сказалъ: «Убѣдилъ ли я васъ, г. судьи, въ томъ, въ чемъ старался убѣдить, или же нѣтъ, но во всякомъ случаѣ я не могу умолчать о томъ правѣ, которое предоставляетъ вамъ законъ—снисходительно отнестись къ подсудимымъ и уменьшить наказаніе на двѣ степени. Конечно, это право, которымъ можно пользоваться или нѣтъ, но самое положеніе ваше, какъ высшихъ судей въ государствѣ, обязываетъ васъ являть примѣры снисходительности и не итти вразрѣзъ съ общимъ духомъ нашего новаго законоположенія».

Присяжный цовѣренный Гантоверъ (защитникъ подсудимаго Потапова) указалъ прежде всего на одну ошибку, вкравшуюся въ обвинительный актъ, по которому Потаповъ обвиняется, во-первыхъ, въ томъ, что участвовалъ, подобно другимъ подсудимымъ, въ той демонстраціи, которая устраивалась 6-го декабря 1876 года, и затѣмъ, что онъ сопротивлялся полицейской власти при его арестѣ. Защитникъ смѣетъ думать, что изъ судебного слѣдствія Правительствующей Сенатъ пришелъ къ тому убѣжденію, что это послѣднее обвиненіе вкралось въ обвинительный актъ по ошибкѣ и совершенно напрасно взводится на подсудимаго. Такимъ образомъ, остается одно обвиненіе въ томъ, что Потаповъ участвовалъ въ демонстраціи. Каждому уголовному суду, разсматривающему извѣстное преступленіе, прежде всего нужно разрѣшить вопросъ, дѣйствительно ли совершилось, приписываемое подсудимымъ дѣяніе, и если совершилось, то какое участіе принимаетъ въ этомъ дѣяніи тотъ, котораго считаютъ виновнымъ, а засимъ возникаетъ еще вопросъ, и весьма существенный, о томъ, насколько можетъ быть это дѣяніе вмѣнено въ вину подсудимому. Значеніе того дѣянія, которое имѣло мѣсто 6-го декабря, разсмотрѣно другими защитниками, а потому прис. пов. Гантоверъ ограничилъ свою задачу тѣмъ, какое участіе принималъ Потаповъ въ настоящемъ дѣлѣ. Прокурорская власть, объясняя это происшествіе, указывала на причину собранія лицъ въ церковь, на ихъ поведеніе, на рѣчь, которая произносилась, на аплодисменты и крики одобренія, которые были выражены, но все это Потапова касаться не можетъ. Дѣло въ томъ, что онъ ничѣмъ не уличенъ въ томъ, что дѣйствительно находился на площади

Казанскаго собора и чтобы его связывала какая-то общая мысль, общее желаніе съ тою толпою, которая явилась въ соборъ. Подсудимый объясняетъ, что онъ попалъ туда случайно: зашелъ помолиться Богу и, возвращаясь оттуда, у памятника Кутузова нашель тотъ флагъ, который составляеть главную противъ него улику. Насколько это объясненіе справедливо, защитникъ судить не можетъ, но позволяетъ себѣ представить свои соображенія по этому предмету. Изъ дѣла видно, что когда у собора произошла свалка, на углу Большой Садовой и Невскаго проспекта арестовывается Потаповъ; городской Вишняковъ и частное лицо Абрамовъ сажаютъ его на извозчика и отправляютъ въ участокъ, а оттуда его препровождаютъ въ жандармское управленіе, гдѣ производятъ обыскъ и находятъ у него флагъ. Возможно ли повѣрить подсудимому, что онъ попалъ на площадь случайно? По мнѣнію защитника, какъ въ гражданскомъ процессѣ, такъ и въ уголовномъ соблюдается одно общее правило, по которому то, что утверждается на судѣ, должно быть доказано. Если утверждаютъ, что Потаповъ пошелъ въ соборъ съ намѣреніемъ принять участіе въ толпѣ, производившей безпорядокъ, то это должно быть какимъ-либо способомъ удостовѣрено. Такъ, по отношенію къ другимъ подсудимымъ говорятъ, что были распространены слухи между ними, что одинъ встрѣтилъ другого своего знакомаго, а тотъ указываетъ на третьяго и такъ далѣе. Потаповъ стоитъ особнякомъ, онъ не встрѣчался ни съ кѣмъ изъ подсудимыхъ, онъ не показываетъ ни на кого, никто и на него не показываетъ. Ясно, что какую бы то ни было связь его появленія у Казанскаго собора съ тѣмъ, что тамъ происходило, нельзя считать доказанною. Возможность находки флага обвиняемымъ объясняется и по обстоятельствамъ дѣла. Нѣсколько свидѣтелей—Рябининъ, Кашинцовъ и другіе, показали, что толпа послѣ произнесенія рѣчи какимъ-то блондиномъ, взмахивала этимъ флагомъ, и такъ какъ не было дровка, то они взбросили мальчика, который держалъ флагъ въ рукахъ. Здѣсь между свидѣтелями является нѣкоторое разногласіе. Такъ, Рябининъ говоритъ, что Потаповъ развертывалъ флагъ, значитъ, онъ совершилъ сознательное дѣйствіе; между тѣмъ другіе свидѣтели, болѣе достовѣрные, какъ Абрамовъ, Кашинцовъ и Пантелеевъ, говорятъ, что онъ держалъ флагъ, не развертывая его. Если принять во вниманіе это обстоятельство и то, что въ толпѣ никто подсудимаго раньше не замѣтилъ, никто изъ свидѣтелей не указалъ, чтобы видѣлъ его въ толпѣ прежде, нежели его стали подбрасывать, то можно было бы поставить такую дилемму, что то лицо, которое сидитъ здѣсь на скамьѣ, не тождественно съ тѣмъ, которое въ толпѣ поднимали. И дѣйствительно, эта тождественность выводится только на томъ основаніи, что у него полушубокъ. Свидѣтели: Кашинцовъ, Богдановъ и Рябининъ признаютъ его за то лицо, которое тогда поднимали; но если обратить вниманіе на слова Кашинцова, который, по его признанію, находился въ такомъ положеніи, что не могъ отдавать себѣ яснаго отчета въ томъ, что онъ видѣлъ, и который говоритъ, что мальчикъ появился только на секунду, такъ что онъ не видѣлъ, въ шапкѣ былъ мальчикъ или нѣтъ, то едва ли можно сказать, что Кашинцовъ видѣлъ дѣйствительно Потапова. Дѣйствительно, трудно себѣ представить, чтобы можно было такъ хорошо запомнить лицо, появившееся на секунду, стоя отъ него въ 20 или болѣе шагахъ, тѣмъ болѣе, что крестьянскіе мальчики въ большинствѣ бѣлокурые и имѣютъ одинаковый видъ. Обвиненіе указываетъ на то, что Потаповъ попалъ туда не случайно, а съ опредѣленною преступною цѣлью. Какъ видно изъ судебного слѣдствія, онъ привлекался въ Кіевской губерніи по уголовному преступленію. Какъ онъ ни молодъ, но уже одно чувство самосохраненія должно было ему подсказать, когда нагрянула полиція и стала брать, что слѣдуетъ бросить этотъ флагъ. Пота-

повь—хотя бы инстинктивно, не могъ не понять, что за нимъ могутъ слѣдить и найти у него этотъ флагъ. Между тѣмъ, свидѣтель Абрамовъ говоритъ, что онъ шелъ впереди его и не подозрѣвалъ, что онъ можетъ быть арестованъ, а когда арестовали, то онъ нисколько не сопротивлялся. «Вотъ ісѣ тѣ улики, сказалъ защитникъ, которыя приведены въ обвинительномъ актѣ и здѣсь на судѣ въ подтвержденіе того, что Потаповъ участвовалъ въ томъ дѣяніи, о которомъ въ настоящее время идетъ рѣчь. Но я думаю, что я не исполнилъ бы своей обязанности защитника, если бы ограничился одними такими отрицательными объясненіями. Я по необходимости долженъ предвидѣть тотъ случай, что особому присутствію Сената могутъ представиться всѣ эти улики достовѣрными. Поэтому я считаю своимъ долгомъ представить нѣкоторыя другія объясненія. Если извѣстное дѣяніе совершится извѣстнымъ лицомъ, которое принимаетъ въ немъ какое-либо участіе, то само собою предполагается, что тутъ должна существовать какая-либо связь, какое-либо соотношеніе между тѣмъ, кто дѣлаетъ и между дѣломъ, имъ произведеннымъ, такъ что дѣло само по себѣ не можетъ быть принято на судѣ ни въ какое вниманіе. Я хочу сказать, что въ уголовномъ производствѣ имѣетъ значеніе не самое дѣяніе, а та преступная воля, то намѣреніе, та рѣшимость, которая, такъ сказать, напала на извѣстное лицо, совершившее извѣстное дѣяніе. Можетъ ли быть это положеніе примѣнимо въ данномъ случаѣ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, защитникъ находилъ, что, если Потаповъ дѣйствительно участвовалъ, то участвовалъ болѣе физически, чѣмъ нравственно, т. е., что онъ силою внѣшнихъ обстоятельствъ могъ попасть въ эту среду; онъ могъ участвовать, такъ сказать, только своимъ тѣломъ, не имѣя ни познаній ни пониманія о томъ, что онъ совершаетъ. Если судъ убѣдится, что Потаповъ дѣйствительно не принималъ въ этомъ дѣлѣ участія душою, то его дѣяніе не можетъ быть поставлено ему въ вину, потому что законъ караетъ только дѣйствія сознательныя. Если обратить вниманіе на происхожденіе подсудимаго, на отсутствіе у него всякаго образованія, на его молодость, то нельзя не притти къ заключенію, что такой мальчикъ не можетъ совершить такого важнаго, такого тяжкаго преступленія, каковы преступленія государственныя. Защитникъ увѣренъ, что подсудимый не только не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое государство, но онъ не знаетъ даже что такое губернское правленіе. Въ этомъ отношеніи весьма характерно показаніе свидѣтеля Абрамова, который, указавъ на то, что онъ видѣлъ какъ мальчикъ вынулъ будто бы изъ-за пазухи флагъ, какъ его поднимали съ нимъ и какъ онъ ушелъ, говоритъ, что подозрѣвалъ дѣйствительно ли это крестьянскій мальчикъ. Въ самомъ дѣлѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы малолѣтній крестьянскій мальчикъ могъ принимать въ этомъ дѣлѣ такое сознательное участіе, которое ему приписывается. Прокурорская власть, желая доказать связь Потапова съ настоящимъ дѣломъ, указала, между прочимъ, на стихотвореніе Бибергаля, сказавъ: вотъ посредствомъ чего связывается одинъ съ другими. Но такъ какъ въ дѣлѣ не установлено такого факта, чтобы Бибергаль имѣлъ какія-либо отношенія къ Потапову или наоборотъ, чтобы стихи эти могли попасть въ руки Потапова, то эта связь должна быть признана недоказанною и должна быть совершенно устранена изъ дѣла. Далѣе защитникъ просилъ судъ обратить вниманіе на ту жалкую роль Потапова, которая ему приписывается по показаніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей: его посылаютъ, ему приказываютъ сдѣлать тои то, и онъ исполняетъ; онъ привыкъ слушаться, самъ не сознавая того, что онъ дѣлаетъ, что исполняетъ. Сверхъ того, то дѣяніе, въ которомъ его обвиняютъ, по его узкимъ понятіямъ, не могло быть ему доступно: ему велѣли махать флагомъ, и онъ считаетъ это за шалость, но не за ту шалость, которая пре-

дусмотрѣна 250 ст. улож. о наказ. Ему говорятъ: «позови того-то и того-то», и онъ сзываетъ, не придавая этому ничего преступнаго. Вотъ почему Потапова нельзя осудить за то дѣяніе, которое ему приписывается, т. е., что онъ сознательно, намѣренно совершилъ извѣстное преступленіе». Въ заключеніе защитникъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы `былъ поставленъ вопросъ: дѣйствовалъ ли обвиняемый съ полнымъ разумѣніемъ, а въ виду всего сказаннаго, просилъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно.

Прис. пов. Знамеровскій (защитникъ подсудимаго Попова), между прочимъ, въ рѣчи своей высказалъ, что въ прошедшемъ году у насъ въ Россіи было много овацій и манифестацій по случаю борьбы христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ. Публика чествовала добровольцевъ и провожала на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ криками «ура», служила панихиды по убитымъ, такъ что наконецъ всякая овація уже казалась обыквенною. Вдругъ въ Петербургѣ осенью прошлаго года появляется молва, какъ выяснилось на судебномъ слѣдствіи, что будетъ большая общая панихида по убитымъ въ Сербіи, а въ извѣстной части общества молодежи, что будетъ панихида по умершимъ преступникамъ въ домѣ предварительнаго заключенія. Большинство людей изъ молодежи, какъ должно полагать, руководствовалось слѣдующею мыслью: правительство не препятствуетъ молиться за убитыхъ въ Сербіи, а церковь наша не возбраняетъ молиться даже и за большихъ грѣшниковъ, тѣмъ болѣе, что Спаситель нашъ на крестѣ молился за своихъ убійць. Когда наступило 6 декабря, то нѣтъ ничего удивительнаго, что много молодыхъ людей собралось въ Казанскомъ соборѣ. Панихиды не было, и когда вышли молодые люди изъ собора, то произнесеніе рѣчи и бросаніе флага было дѣломъ случайнымъ, дѣяніемъ одного лица или нѣсколькихъ. Послышавшіеся крики «ура» и «живіо», по показанію пристава, показываютъ, что публика не понимала—въ чемъ дѣло. Образовавшуюся же драку между молодыми людьми и полиціею нужно отнести къ совершенно отдѣльному проступку, не имѣющему политическаго характера. Дѣйствительные же виновники демонстраціи не существуютъ, они не открыты. Поэтому нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить, какая цѣль руководила составленіемъ подобной демонстраціи и какія должны были быть отъ нея послѣдствія. Привлеченныя къ дѣлу лица въ большинствѣ, а въ томъ числѣ и подсудимый Поповъ, отрицаютъ всякую солидарность съ этой демонстраціей. Переходя потомъ лично къ самому Попову и къ обстоятельствамъ, подавшимъ поводъ привлечь его къ отвѣтственности, защитникъ объяснилъ, что подсудимый Поповъ выдѣляется рѣзко изъ цѣлой группы прочихъ подсудимыхъ. Его положеніе весьма щекотливо въ томъ отношеніи, что онъ, Поповъ, заявилъ себя агентомъ управляющаго секретнымъ отдѣленіемъ с.-петербургскаго градоначальства. Обвинительная власть, не придавая этому значенія, обвиняетъ его въ участіи въ преступной демонстраціи. По мнѣнію защитника, это обвиненіе несправедливо, и чтобы исполнѣ его опровергнуть, онъ позволяетъ себѣ коснуться нѣсколько жизни Попова. По происхожденію Поповъ сынъ сельскаго священника, учился въ приходскомъ духовномъ училищѣ и въ семинаріи. По рассказамъ Попова, система воспитанія въ духовныхъ училищахъ направлена къ тому, чтобы всѣ учащіеся получая извѣстное образованіе, приходили, кромѣ того, въ прикосновеніе съ своимъ начальствомъ посредствомъ заявленій какъ о своемъ матеріальномъ положеніи, такъ равно о всякаго рода встрѣчаемыхъ сомнѣніяхъ, однимъ словомъ—что думаютъ сами и что другіе думаютъ и творятъ—заявляя. При такомъ направленіи Поповъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы посвятить себя изученію живописи. Отъ природы Поповъ—тихий и боязливый, а притомъ въ Петербургѣ у него развилась болѣзнь сердца. Средствъ къ жизни у Попова никакихъ не было и поэтому онъ пробивалъ

ся кое-какъ изо дня въ день. Встрѣчаясь по своимъ занятіямъ съ молодыми людьми, ему приходилось выслушивать вопросы, критику какъ обыкновенной жизни, такъ равно и общественнаго строя. Въ то же время на Попова находили какая-то тоска и боязнь. Нужда и крайность еще болѣе усиливали это нравственное состояніе духа. Въ прежніе годы, когда Поповъ находился въ училищѣ, онъ могъ бы объяснить свое положеніе учителю или ректору; въ Петербургѣ же у него нѣтъ никакихъ знакомыхъ. До Попова доходятъ слухи, что наблюденіе за учащеюся молодежью имѣетъ управляющій секретною канцелярією при с.-петербургскомъ градоначальствѣ и что онъ даетъ вспомошествованіе. Поповъ направляется въ сентябрѣ прошедшаго года къ управляющему секретной канцелярією. Что происходило при первомъ свиданіи Попова съ управляющимъ—неизвѣстно; но констатировать тѣмъ, что Поповъ получилъ немного денегъ. Такимъ образомъ, вступивъ однажды на скользкій путь, другого выхода не оставалось, какъ только доносить разнаго рода небылицы, которыя управляющій называлъ «несообразностями». Управляющій отдѣленіемъ говоритъ: «приходите съ чѣмъ-нибудь вѣрнымъ и съ данными». Поповъ дожидается случая. Наканунѣ 6-го декабря, въ воскресенье, 5-го декабря, около 9 часовъ вечера, приходитъ какая-то молодая дѣвушка, знакомая съ квартирною хозяйкою Попова, и говоритъ, что завтра будетъ панихида, соединенная съ чѣмъ-то революционнымъ. Поповъ нанималъ двѣ маленькія, холодныя комнаты на Петербургской сторонѣ за 5 руб. въ мѣсяцъ, и въ одной изъ нихъ помѣщалась его родственница Александра Товбичъ. Теперь представился Попову вопросъ, что дѣлать съ этимъ извѣстіемъ. Слѣдуетъ ли итти къ управляющему канцелярією, чтобы сообщить ему извѣстіе, или остаться дома и провѣрить его. Но какимъ образомъ и какими средствами? У Попова не было никакихъ знакомыхъ. Нужно замѣтить, что Поповъ ни съ кѣмъ изъ подсудимыхъ не былъ знакомъ. Управляющій отдѣленіемъ требовалъ доносить только что-нибудь вѣрное. Въ то время много говорили о панихидахъ по убитымъ добровольцамъ въ Сербіи. Такимъ образомъ, панихида являлась бы официально разрѣшенной надлежащею властью. Въ это время Товбичъ ему говоритъ, что она никогда не была въ Казанскомъ соборѣ, и такъ какъ Николинъ день—большой праздникъ, то она желаетъ помолиться и вмѣстѣ осмотрѣть храмъ. Поповъ передъ Товбичъ скрывалъ, что онъ знакомъ съ управляющимъ отдѣленіемъ. На другой день Поповъ съ Товбичъ отправляются въ Казанскій соборъ. Они прибыли туда поздно. Панихиды не видали, а увидели зрѣлище: небольшую толпу, въ серединѣ которой какая-то личность произносила рѣчь, развертывалось знамя и затѣмъ свалка отдѣльныхъ личностей съ полицейскими, дворниками и носильщиками. Поповъ съ Товбичъ оставляютъ площадь и проходятъ мимо дома Лѣсникова, гдѣ наталкиваются на сцену: нѣсколько простолудиновъ бьютъ лежащаго молодого человѣка. Поповъ останавливается, а какъ онъ былъ въ пледѣ, то его арестуютъ. Толпа придавала дурное значеніе пледу. Вообще, въ этотъ день пледъ игралъ весьма плачевную роль. Могутъ возразить, что если Поповъ считалъ себя агентомъ управляющаго секретнымъ отдѣленіемъ, то для чего онъ не помогалъ полиціи заарестовать участвовавшихъ. На это можно найти отвѣтъ, стоитъ только посмотрѣть на Попова: маленькій ростомъ, тщедушный, чѣмъ бы онъ помогъ? Силы были неравныя. Послѣ изложенія этой фактической стороны дѣла защитникъ обратился къ свидѣтелямъ, которые говорили о Поповѣ: Товбичъ, отставной рядовой Ефимовъ и мѣщанинъ Владиміръ Кубовъ. Товбичъ рассказала согласно вышеизложенному. Когда Ефимову предъявили подсудимыхъ, то онъ призналъ Попова въ числѣ лицъ, которыхъ онъ видѣлъ въ толпѣ производившихъ безпорядки на площади. Кубовъ—что онъ видѣлъ Попова въ то время, когда его съ

Товбичъ провели мимо него въ участокъ, гдѣ ихъ взяли, а что они дѣлали, того не знаетъ. Наконецъ, начальникъ секретнаго отдѣленія при градоначальникѣ сообщилъ прокурору: «Нѣкто Илья Родіоновъ Поповъ являлся ко мнѣ съ предложеніемъ своихъ услугъ по части агентуры и, выпрашивая подъ разными предлогами деньги, сообщалъ свѣдѣнія, поражавшія своею несообразностью, почему я еще задолго до 6-го декабря запретилъ этому человѣку ко мнѣ являться и затѣмъ уже нигдѣ его не видѣлъ». На судебномъ слѣдствіи показали въ отношеніи Попова: во-первыхъ, приставъ Ритчеръ слышалъ, что былъ арестованъ агентъ тайной полиціи; во-вторыхъ, Товбичъ описала жизнь Попова, его болѣзненное состояніе и говорила, что Поповъ постоянно дома сидѣлъ, знакомыхъ не имѣлъ, не выражалъ знаковъ одобренія при произнесеніи рѣчи на площади, въ толпѣ не былъ и не дрался; въ третьихъ—Ефимовъ. На этомъ свидѣтелѣ защитникъ нашелъ необходимымъ остановиться и указать, возможно ли дать безусловную вѣру его показаніямъ, даннымъ при дознаніи. Здѣсь, на судѣ онъ началъ разсказъ съ того самодовольствія, что могъ арестовать двухъ человѣкъ, которые спрашивали у него, что случилось на площади, затѣмъ онъ объявилъ, что узнаетъ кто былъ изъ подсудимыхъ на площади, и особенно Гервасія, котораго примѣты хорошо ему врѣзались въ памяти. Но, между тѣмъ, Ефимовъ заявилъ, что онъ никого не можетъ признать изъ подсудимыхъ за тѣхъ лицъ, которыхъ видѣлъ на площади. Такимъ образомъ, прежнее показаніе Ефимова противъ Попова, за даннымъ имъ здѣсь на судѣ, не существуетъ. Въ-четвертыхъ, Кубовъ подтвердилъ прежнее свое показаніе, что онъ видѣлъ Попова съ какою-то женщиною на Малой-Кониюшенной, когда ихъ вели уже въ участокъ, и въ-пятыхъ, Ольга Щукина говорила о предполагавшейся панихидѣ по убитымъ въ Сербіи 6-го декабря и что она, проходя мимо дома Лѣсникова, увидѣла, какъ ея знакомую Товбичъ ведутъ въ участокъ какіе-то два простолудина и что она при этомъ выразила соболѣзнованіе, за что и была арестована. Изъ этихъ данныхъ, по мнѣнію защитника, явно обнаруживается неприкосновенность Попова къ преступной демонстраціи. Прокуроръ въ обвинительной своей рѣчи давалъ безусловную вѣру показаніямъ г-жи Товбичъ, однако, при этомъ обвиняетъ Попова, основываясь на показаніяхъ самого Попова и показаніи Ефимова. Но вѣря показаніямъ Товбичъ, нужно повѣрить и тому, что съ достовѣрностью она утверждала, а именно, что Поповъ никакого участія въ демонстраціи не принималъ. Что же касается показаній самого Попова, то они заключаютъ въ себѣ лишь только разсказъ очевидца о томъ, что было на площади, и показанія Ефимова, данныя здѣсь, ничего не говорятъ противъ Попова. По мнѣнію защитника, на судѣ обнаружилась полная невиновность Попова, а потому къ заключенію онъ просилъ судъ признать Попова невиновнымъ во взводимомъ на него преступленіи.

Присяжный повѣренный Рычковъ (защитникъ Гуровича и Геллера), присоединяясь къ тѣмъ общимъ соображеніямъ о характерѣ и сущности настоящаго дѣла, которыя были представлены предыдущими защитниками, обратился непосредственно къ защитѣ подсудимаго Гуровича. Указавъ на то, что обвиненіе выставляетъ противъ Гуровича двѣ улики: во-первыхъ, показаніе свидѣтеля Ефимова, который призналъ его за одного изъ тѣхъ лицъ, которыя присутствовали на площади и производили безпорядокъ, и, во-вторыхъ, его близкое знакомство съ нѣкоторыми лицами, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ признаются подозрительными,—защитникъ напомнилъ показаніе Ефимова. Этотъ свидѣтель говорилъ здѣсь, что онъ можетъ признать только нѣкоторыхъ изъ тѣхъ лицъ, которыя были ему предъявлены на предварительномъ дознаніи и которыхъ онъ тогда

призналъ за лицъ, участвовавшихъ 6 декабря въ демонстраціи. Дѣйстви- тельно, онъ указалъ такихъ лицъ, но Гуровича въ числѣ ихъ не оказа- лось. На вопросъ обвинителя, онъ подтвердилъ, что лицо, на которое онъ указывалъ на предварительномъ дознаніи, есть именно то лицо, которое онъ видѣлъ на площади. Поэтому обвинитель и поддерживаетъ обвиненіе. Для того, чтобы разобрать значеніе этой улики, защитникъ считалъ нуж- нымъ остановиться на томъ, какое значеніе могло имѣть предъявленіе подсудимыхъ на дознаніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Гуровичъ нахо- дился 6 декабря на площади—это признаетъ и подсудимый, и онъ, защит- никъ. Но отъ одного присутствія на площади до обвиненія въ государствен- номъ преступленіи еще очень далеко. Для этого нужно устроить какой- нибудь переходъ отъ одного къ другому. Но этого перехода не сущест- вуетъ относительно Гуровича. Ефимовъ на предварительномъ дознаніи го- ворить, что онъ видѣлъ Гуровича на площади. Но ни на дознаніи, ни здѣсь, на судѣ, онъ не указывалъ на то, что онъ видѣлъ Гуровича произ- водившимъ безпорядокъ, участвовавшимъ въ толпѣ, которая произвела демонстрацію 6 декабря. Кромѣ того, защитникъ видитъ въ показаніи Ефимова весьма очевидные признаки недоразумѣнія, и вотъ почему. Оче- видно, если онъ и видѣлъ Гуровича на площади, то могъ видѣть его толь- ко мелькомъ, случайно, ненадолго. Между тѣмъ, онъ не затруднился на дознаніи, черезъ два дня послѣ того, какъ было происшествіе, указать на Гуровича, какъ лицо, которое видѣлъ на площади принимавшимъ участіе въ демонстраціи. Очевидно, что на дознаніи, когда онъ видѣлъ Гуровича вч второй разъ, онъ долженъ былъ съ большою твердостью запомнить норты его лица, тѣмъ болѣе, что черты этого лица представляются доволь- ео рѣзкими и необыкновенными. Между тѣмъ, здѣсь Ефимовъ положи- тельно отказался указать Гуровича, и на предложенный ему со сторо- ны защиты вопросъ: узнаетъ-ли онъ Гуровича за лицо, видѣнное на площади?—онъ отвѣчалъ положительно, что не узнаетъ. Такимъ об- разомъ, эта первая улика, по мнѣнію защитника, падаетъ въ силу того, что Ефимовъ не подтвердилъ сдѣланной на него обвиненіемъ ссылки. Вто- рою уликою выставляется противъ Гуровича то, что онъ былъ знакомъ съ Шефтель; что если Шефтель знала о демонстраціи, то, слѣдовательно, и Гуровичъ долженъ былъ о ней знать, а если зналъ и попалъ на пло- щадь, то, значитъ, виноватъ въ участіи въ этой демонстраціи. Защитникъ полагаетъ, что едва ли возможно основываться на одной этой уликѣ. Что значитъ знакомство съ Шефтель? Гуровичъ теперь не отрицаетъ этого знакомства, и объяснилъ здѣсь, что отрицалъ его прежде потому, что не зналъ, замѣшана ли Шефтель въ дѣло или нѣтъ, и просто изъ чувства доброжелательства къ своей знакомой не хотѣлъ впутать ея имя въ это дѣло. Какого же рода было знакомство Гуровича съ Шефтель? спрашиваетъ защитникъ. Было ли оно такого рода, которое указываетъ на извѣст- ное сочувствіе другъ къ другу, на тождество ихъ убѣжденій? Нѣтъ, это знакомство не имѣло такого характера. Изъ показанія Виленца видно, что Гуровичъ увидѣлся съ Шефтель за два или три дня до происшествія по тому поводу, что, уѣзжая домой, онъ предложилъ ей занять временно его комнату. Что Гуровичъ собирался уѣхать домой, то это, по мнѣнію за- щитника, подтверждается показаніями Виленца, Макарова, Копилевичъ и письмомъ отца Гуровича, при которомъ препровождены деньги. Итакъ, то обстоятельство, что Гуровичъ уступилъ свою комнату Шефтель, не можетъ служить никакимъ основаніемъ къ его обвиненію. Затѣмъ, кромѣ отсутствія уликъ, въ дѣлѣ, по мнѣнію защитника, есть много обстоя- тельствъ, которыя устраняютъ всякое сомнѣніе въ виновности Гуровича. Въ этомъ отношеніи весьма сильнымъ доводомъ является показаніе свидѣ-

геля Виленца. Здѣсь, на судѣ, Виленецъ нѣсколько видоизмѣнилъ свое прежнее показаніе, и, основываясь на этомъ, прокуроръ заподозриваетъ показаніе Виленца въ явной невѣрности, полагая, что онъ желаетъ выгородить Гуровича изъ дѣла, показывая такія обстоятельства, которыя служатъ къ уничтоженію обвиненія. Но защитникъ не думаетъ, чтобы прокуроръ привелъ достаточно доводовъ къ тому, чтобы можно было вывести это заключеніе. Почему Виленецъ могъ знать, что въ интересахъ Гуровича и что не въ интересахъ его? Предполагать здѣсь подсказываніе свидѣтелю, по мнѣнію защиты, невозможно. Для того, чтобы дѣлать такое предположеніе, нужно имѣть весьма вѣскія доказательства, которыхъ, однако, обвиненіе не представило. Кромѣ того, чѣмъ особенно рѣзко отличалось показаніе Виленца, данное имъ на судѣ, отъ того, которое было дано имъ на дознаніи? Тамъ онъ сказалъ, что Гуровичъ вышелъ вмѣстѣ съ Шефтель, а здѣсь говоритъ, что послѣ ухода Гуровича онъ слышалъ голосъ Шефтеля; какъ тогда, такъ и теперь свидѣтель говоритъ, что изъ комнаты онъ не выходилъ и что о совмѣстномъ уходѣ онъ судилъ по ихъ голосамъ. Отчего же нельзя предположить, что онъ теперь вспомнилъ то обстоятельство, которое тогда забылъ? На предварительномъ дознаніи Виленецъ показывалъ, что Гуровичъ ушелъ между 10 и 11 часами, а здѣсь говоритъ, что онъ ушелъ между 11 и 12 часами. Но такое ничтожное разнорѣчіе не можетъ служить основаніемъ къ тому, чтобы заподозривать все его показаніе, тѣмъ болѣе, что защитникъ готовъ согласиться съ тѣмъ, что Гуровичъ вышелъ не между 11 и 12 часами, а между 10 и 11 часами. Изъ этого никакого вывода дѣлать нельзя. Извѣстно, что квартира Гуровича помѣщалась на Петербургской сторонѣ, въ Вульфовой улицѣ, слѣдовательно, очень далеко отъ Казанскаго собора. Изъ этого защитникъ выводитъ, что если бы Гуровичъ шелъ на площадь дѣйствительно съ цѣлью принять участіе въ демонстраціи, то онъ долженъ бы былъ выйти гораздо раньше того времени, къ которому приурочиваютъ его выходъ, а именно, по крайней мѣрѣ, въ 9 часовъ или въ началѣ десятого. Такимъ образомъ, то разнорѣчіе, которое было въ показаніи Виленца, не имѣетъ существеннаго значенія. Знакомство Гуровича съ Шефтель не было такого рода, чтобы можно было заключить, что оно установилось съ цѣлью обоимъ принять участіе въ демонстраціи. Это подтверждается показаніемъ Виленца, который на предлагавшіеся ему на слѣдствіи вопросы: не замѣчалъ ли онъ въ Гуровичѣ въ послѣднее время чего-нибудь особеннаго, не говорилъ ли онъ о своихъ предположеніяхъ,—отвѣчалъ отрицательно и сказалъ, что Гуровичъ говорилъ о своемъ желаніи уѣхать домой, какъ только получитъ деньги. Но на его бѣду деньги долго не высылались, онъ были присланы только 5 декабря, «и, можетъ быть, это—единственная причина, сказалъ защитникъ, почему Гуровичъ не дома, а здѣсь на судѣ». Обвинитель говоритъ, что Гуровичъ, очевидно, виновенъ, такъ какъ его сестра, Копилевичъ, на другой день послѣ происшествія съ явной заботой объ его участіи пріѣзжала къ нему на квартиру, распрашивала, гдѣ онъ, почему его не видно, не попался ли онъ въ ту исторію, о которой только и говорили въ городѣ? Изъ этого обвинитель выводитъ, что Гуровичъ былъ такимъ подозрительнымъ лицомъ, что сестра его, какъ только узнала объ этомъ происшествіи, тотчасъ же предположила, что Гуровичъ въ немъ участвовалъ и попался. Но если вспомнить показаніе Копилевичъ, то слѣдуетъ придти къ иному заключенію, нежели то, которое выводитъ обвинитель. Копилевичъ слышала, что 6-го декабря произошла какая-то исторія, имѣющая серьезное значеніе и по которой заарестована тысяча, а можетъ быть и болѣе студентовъ. Но тысяча—это такая громадная цифра, сказалъ защитникъ, что у каждого, имѣющаго знакомыхъ или родственниковъ въ

числѣ студентовъ, участію которыхъ онъ интересуется, могло возникнуть опасеніе, что они находятся въ числѣ арестованныхъ. Вотъ единственная причина, почему Копилевичъ, забѣгая о братѣ, отправилась на его квартиру. Въ первый свой приходъ она не застала никого, кромѣ хозяйки квартиры, Макарова, отъ котораго ничего не могла узнать. Во второй разъ она застала Виленца. Здѣсь опять является разнорѣчіе, на которое прокуроръ указывалъ какъ на обстоятельство, доказывающее виновность Гуровича. Это разнорѣчіе заключается въ томъ, что на предварительномъ дознаніи свидѣтель говорилъ, что у него былъ разговоръ о панихидѣ, а здѣсь, на судебномъ слѣдствіи, существованіе этого разговора тотъ и другой отрицали. Но какое же значеніе имѣетъ это разнорѣчіе, если оно и есть?—спрашиваетъ защитникъ. Вѣдь объ этой панихидѣ, объ этой демонстраціи можно было не знать до тѣхъ поръ, пока ея не было, но послѣ того, когда она совершилась, когда о ней говорилъ весь Петербургъ—не знать и не говорить о ней, было бы даже странно и непонятно, и находить въ этомъ разговорѣ какой-либо матеріалъ для обвиненія—едва ли возможно. Касаясь обвиненія подсудимаго Новаковского, сказалъ защитникъ, прокуроръ указалъ и тутъ на нѣкоторыя черты, изъ которыхъ можно бы вывести заключеніе о виновности Гуровича. Онъ указывалъ на то, что Гуровичъ съ Новаковскимъ родственники, что оба они попались въ этой исторіи, и что изъ этого можно вывести связь между этими лицами. Здѣсь защитникъ считалъ нужнымъ указать на то, что свидѣтели положительно безусловно подтвердили существованіе между ними за послѣднее время размолвки, ссоры, въ дѣйствительности которой едва ли возможно сомнѣваться. Существованіе этой ссоры служить достаточнымъ доказательствомъ, что связи между дѣйствіями этихъ двухъ лицъ не существуетъ. Поэтому, если бы и были какія-нибудь основанія для обвиненія Новаковского, то они вовсе не падаютъ на Гуровича. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, не отрицая того, что Гуровичъ присутствовалъ 6-го декабря на Казанской площади и былъ тамъ заарестованъ, защитникъ считалъ себя вправѣ положительно отрицать всякое его участіе въ демонстраціи на томъ основаніи, что обвиненіе не представило къ этому никакихъ данныхъ. Обращаясь къ защитѣ подсудимаго Геллера, защитникъ сказалъ, что противъ него не существуетъ даже тѣхъ уликъ, которыя выставлены противъ Гуровича. Въ протоколѣ предварительнаго дознанія записано, что Трещовъ указалъ на Геллера, какъ на одного изъ участниковъ 6-го декабря. Здѣсь, когда ему указали на Геллера въ томъ костюмѣ, въ которомъ его арестовали, Трещовъ заявилъ, что у того, котораго онъ видѣлъ на площади, былъ воротникъ не съ такимъ мѣхомъ, какъ у пальто Геллера. Такимъ образомъ, очевидно, что Трещовъ въ то время ошибся, усмотрѣвъ можетъ быть общее сходство между подсудимымъ и другимъ лицомъ. Это обстоятельство послужило основаніемъ къ ошибкѣ и въ обвинительномъ актѣ. Несмотря на то, что прокуроръ призналъ существованіе этой ошибки, обвиненіе противъ Геллера все-таки поддерживается, и поддерживается не на основаніи какихъ-нибудь данныхъ, а на основаніи того, во-первыхъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ Геллеръ оказался прикосновеннымъ къ дѣлу о безпорядкахъ при объявленіи приговора Плотникову, и во-вторыхъ, что онъ, въ качествѣ чловѣка опытнаго, вѣроятно, не явился бы на площадь, если бы не участвовалъ въ демонстраціи. Защитникъ признается, что ему странно слышать такое обвиненіе. Дѣло въ томъ, что Геллеру въ настоящее время едва 19 лѣтъ, объявленіе же приговора Плотникову произошло въ 1874 году, т. е. почти три года назадъ. Неужели же, спрашиваетъ защитникъ, дѣйствіе, совершенное почти ребенкомъ 15—16-ти лѣтъ, можетъ служить основаніемъ для обвиненія его, впоследствии въ такомъ тяжкомъ

преступленіи, какъ государственное? Кромѣ того, гдѣ же та опытно-ть, на которую указываетъ прокуроръ? Въ чемъ она выразилась? Неужели въ томъ, что подсудимый достигъ 20 лѣтъ? Такимъ образомъ, по мнѣнію защитника, это основаніе, приводимое прокуроромъ, не выдерживаетъ никакой критики. Затѣмъ защитникъ указалъ на то свидѣтельство петербургскаго градоначальника, въ которомъ сказано, что Геллеръ съ 1870 года не замѣшанъ ни въ чемъ предосудительномъ, и это обстоятельство должно послужить достаточнымъ основаніемъ для оправданія Геллера. Покончивъ съ фактической стороною дѣла, защитникъ считалъ своею обязанностью указать на слѣдующее весьма важное обстоятельство въ настоящемъ дѣлѣ: всѣ подсудимые, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, поименованныхъ въ третьемъ пунктѣ обвинительнаго акта, обвиняются въ томъ, что они оказали явное, соединенное съ насиліемъ, сопротивленіе полицейской власти. Въ этомъ дѣяніи обвиняются и Гуровичъ и Геллеръ. Хотя это дѣяніе не подведено подъ какую-либо статью, тѣмъ не менѣе защитникъ находилъ нужнымъ коснуться этого обвиненія и разобрать, возможно ли примѣнить къ такого рода противодѣйствію, въ которомъ обвиняются подсудимые, какую-либо статью улож. о наказ. или уст. о нак., нал. мир. суд. Дѣло въ томъ, что обвинитель указываетъ на то, что нѣкоторыми лицами было оказано непосредственное сопротивленіе полиціи и частнымъ лицамъ. Защитникъ допускаетъ возможность этого сопротивленія, но отрицаетъ возможность непосредственнаго сопротивленія, которое не выразилось въ какихъ-либо положительныхъ дѣяніяхъ, въ которыхъ ни одинъ изъ подсудимыхъ первой категоріи не только не обвиняется, но даже на такія дѣянія и не указывается. Поэтому защитникъ полагаетъ, что самага дѣйствія, которое слѣдуетъ признать сопротивленіемъ полиціи—въ настоящемъ дѣлѣ не существуетъ, а потому устраняется и самое обвиненіе. Мнѣ остается сказать, заключилъ г. Рычковъ, что Геллеръ и Гуровичъ оба несовершеннолѣтніе. Я полагаю, что одно это должно служить основаніемъ къ тому, что къ ихъ участи Правительствующій Сенатъ отнесется снисходительно, а потому и смѣю ожидать относительно ихъ обоихъ оправдательнаго приговора. (Засѣданіе прервано до 11 часовъ слѣдующаго дня).

Присяжный повѣренный Полуянскій (защитникъ подсудимыхъ Громова, Григорьева и Тимофеева) сказалъ, что наша будничная жизнь складывается изъ мелкихъ фактовъ, повторяющихся ежедневно и которые мы дѣлаемъ просто механически, не давая себѣ въ томъ отчета, и, если вдругъ отъ насъ потребуютъ строгаго отчета въ томъ, что мы дѣлали въ извѣстную минуту—почему пошелъ по той улицѣ, а не по этой, когда тутъ путь короче на 30 шаговъ—мы скажемъ: просто пошелъ по этой; спросятъ, почему не видалъ того, что происходило—мы отвѣтимъ: просто не обратилъ вниманія. Но этимъ не удовольствуются и запишутъ въ протоколъ: шелъ не по ближайшей улицѣ, не обратилъ вниманія на то, на что долженъ былъ обратить, и впослѣдствіи это явится въ качествѣ улики. Въ законѣ существуетъ ст. 310 т. XV, въ которой сказано, что надлежитъ наблюдать, что чѣмъ сильнѣе обвиненіе, взводимое на подсудимаго, тѣмъ должны быть и сильнѣе улики. Защитникъ настаиваетъ на томъ, чтобы особое присутствіе руководствовалось этою статьею, но если оцѣнка уликъ предоставлена внутреннему убѣжденію, то во всякомъ случаѣ нельзя допустить противу оложную теорію, т. е. чѣмъ сильнѣе обвиненіе, тѣмъ слабѣе могутъ приниматься улики. Въ настоящемъ дѣлѣ противъ подсудимыхъ, кромѣ самыхъ слабыхъ и совершенно безразличныхъ обстоятельствъ, никакихъ уликъ не имѣется. Противъ Громова и Григорьева обвиненіе сказало, что есть свидѣтельскія показанія. Какія же? Показаніе Успенскаго. Это показаніе распадается на двѣ части: показаніе, которое

онъ далъ на предварительномъ дознаніи, и другое, которое онъ далъ на судѣ. Здѣсь на судѣ онъ сказалъ, что онъ примѣтилъ на площади трехъ лицъ, что двухъ изъ нихъ, а именно Григорьева и Громова онъ, «кажется», замѣтилъ, но больше замѣтилъ третье лицо, которое здѣсь не находится. На предварительномъ дознаніи онъ говорилъ нѣсколько иначе. Онъ говорилъ, что Громовъ и Григорьевъ производили безпорядки, но какіе—не объяснилъ. А между безпорядкомъ на улицѣ и государственнѣмъ преступленіемъ слишкомъ большая разница. Но такъ какъ Успенскій давалъ свое показаніе на судѣ подъ присягою, то во всякомъ случаѣ это присяжное показаніе должно имѣть перевѣсъ, и оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано уликою. Въ отношеніи Громова показывалъ еще другой свидѣтель—городовой Есипенко, который говорилъ, что Громовъ стоялъ у толпы. А на вопросъ, что онъ дѣлалъ, свидѣтель показалъ «ничего». Неужели то обстоятельство, что Громовъ стоялъ около толпы и ничего не дѣлалъ, можетъ служить уликою? Въ отношеніи Григорьева показывалъ тотъ же Успенскій и городовой Москвинъ. Послѣдній говоритъ, что видѣлъ Григорьева въ толпѣ, что онъ дрался съ толпою. Допускаю даже, что Москвинъ положительно и точно помнитъ, что это былъ Григорьевъ, защитникъ находить, что драка съ толпою еще ничего не значитъ, и если виноватъ Григорьевъ въ чемъ-либо, то его можно обвинить въ дракѣ и притомъ не съ полиціей, а съ толпою, такъ какъ той связывающей нити, что дерущійся есть участникъ въ демонстраціи, въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ. Въ отношеніи подсудимаго Тимофеева, прокуроръ замѣтилъ, что онъ не будетъ касаться того, что Тимофеевъ когда-то былъ привлеченъ къ политическому дѣлу, но, однако же, прокуроръ объ этомъ не упомянулъ. Защитникъ желалъ бы, чтобы прокуроръ коснулся этого предмета, потому что тогда онъ имѣлъ бы возможность возражать и представить опроверженіе. Въ настоящее время достаточно указать на тотъ фактъ, что Тимофеева не признали возможнымъ предать суду, и что его совершенно освободили, слѣдовательно, онъ является такимъ лицомъ, которое не признано участникомъ въ государственномъ преступленіи. По настоящему же дѣлу—когда и гдѣ его взяли? Свалка кончилась въ первомъ часу или, можетъ быть, въ четверть второго, а подсудимаго взяли на Малой Конюшенной уже въ третьемъ часу. Какимъ образомъ его берутъ? Проходитъ полицейскій Васильевъ, и ему заявляетъ какой-то неизвѣстный артиллерійскій офицеръ, что подозрительный человѣкъ прячется въ воротахъ. Въ чемъ онъ показался подозрительнымъ—въ политическомъ ли преступленіи, или въ чемъ другомъ, этого неизвѣстный офицеръ не объяснилъ. Такимъ образомъ, одного простаго указанія на человѣка было для Васильева достаточно, и онъ взялъ Тимофеева. Нельзя не сказать, что такое арестованіе слишкомъ произвольно. Обвиненіе говоритъ, что Тимофеева взяли безъ уликъ, но въ отношеніи его обнаружались такія улики, которыя достаточны для того, чтобы поддерживать обвиненіе. Какія же это улики? Вотъ какія: Тимофеевъ говоритъ, что онъ былъ одинъ, а между тѣмъ офицеръ сказалъ Васильеву, и Васильевъ показалъ здѣсь, что ихъ было двое. Но на Малой Конюшенной въ то время было не только двое, но цѣлая масса людей. Да, наконецъ, если взяли двоихъ, то гдѣ же этотъ другой? Его здѣсь нѣтъ. Затѣмъ, говорятъ, что будто бы Тимофеевъ невѣрно объясняетъ, что онъ шелъ на заводъ Берда, потому что знакомыхъ тамъ не имѣлъ. Но подсудимый удостовѣряетъ, что на заводѣ Берда находится цѣлая артель его земляковъ. День былъ праздничный, онъ могъ итти туда, надѣясь кого-нибудь встрѣтить. Во всякомъ случаѣ, это объясненіе не можетъ служить никакой уликою. Но говорятъ, что противъ подсудимаго есть самая силь-

ная улика, заключающаяся въ томъ, что на Малой Конюшенной былъ найденъ кастеть и что этотъ кастеть связываетъ Тимофеева съ демонстраціей, которая произошла у собора. По мнѣнію защитника, бывають такого рода обвиненія, въ отношеніи которыхъ достаточно повторить самое обвиненіе—и это будетъ служить его опроверженіемъ. Наконецъ, послѣднее обстоятельство, приводимое въ качествѣ улики, это то, что будто показанія самихъ обвиняемыхъ бросають на нихъ нѣкотораго рода тѣнь. Что же показали эти подсудимые? На судѣ они еще не представили своихъ объясненій, а есть только ихъ показанія, данныя на дознаніи. Но извѣстно, что на подобнаго рода показанія не только на судѣ присяжныхъ, но даже на судѣ военномъ, гдѣ нѣтъ присяжныхъ, на судѣ безъ присяжныхъ и въ самомъ Правительствующемъ Сенатѣ никогда на эти показанія подсудимыхъ не позволяютъ ссылаться. Если прокуроръ считалъ эти показанія особенно важными, то онъ имѣлъ возможность посредствомъ вызова свидѣтелей возстановить ихъ, но онъ этимъ не воспользовался, несмотря на то, что теперь пользуется этими показаніями, какъ уликою противъ подсудимыхъ. Это обстоятельство вынуждаетъ защитника возстановить показаніе Громова. Говорять, что онъ пошелъ къ знакомому, а попалъ въ Казанскій соборъ. Что же тутъ удивительнаго? Русскій человѣкъ не рѣдко заходитъ въ церковь, а это былъ праздничный день. Далѣе говорятъ, что Тимофеевъ, живя на Калашниковской пристани, шелъ на Выборгскую сторону черезъ Казанскую площадь; но, вѣдь, это не значитъ, чтобы онъ попалъ на Выборгскую сторону черезъ Америку. Здѣсь на судѣ, можетъ быть, нѣкоторыми подсудимыми выражена нѣкоторая рѣзкость, но обстоятельство это объясняется, во-первыхъ, ихъ относительно малымъ развитіемъ, во-вторыхъ, ихъ шестинедѣльнымъ арестомъ, и, наконецъ, въ-третьихъ, тѣми ударами и побоями, которые имъ были, дѣйствительно, нанесены. Къ этому защитникъ прибавилъ, что нужно имѣть въ виду самый характеръ подсудимыхъ; это не тѣ личности, которыя, получивъ ударъ въ одно щеку, подставляютъ другую. Это личности изъ другой категоріи, которыя на одинъ ударъ отвѣчаютъ двумя. Такимъ образомъ, защитникъ полагаетъ, что обвиненіе въ такомъ страшномъ преступленіи не доказано и что противъ подсудимыхъ не представлено достаточныхъ уликъ.

Присяжный повѣренный Неклюдовъ (защитникъ подсудимаго Иванова) прежде всего разобралъ процессуальные вопросы о томъ, были ли при арестованіи подсудимыхъ и производствѣ дознанія соблюдены тѣ законы, которые гарантируютъ личность каждаго и правильность дѣйствій властей. Вопросъ этотъ, по мнѣнію защиты, тѣмъ болѣе важенъ въ настоящемъ случаѣ, что противъ большинства подсудимыхъ одною изъ главныхъ, а противъ Иванова единственною уликою приводится самый фактъ заарестованія. Прокуроръ говоритъ, что Ивановъ былъ задержанъ посторонними людьми, и если задержанъ, то, значитъ, не даромъ, значитъ, онъ виноватъ. Но прокуроръ не можетъ отвергать, по мнѣнію защиты, возможность ошибокъ при арестѣ, такъ какъ уже при дознаніи оказались эти ошибки, и многіе изъ арестованныхъ были выпущены. Вообще, защита не можетъ согласиться въ этомъ отношеніи съ обвинительною властью и убѣждена, что судъ не будетъ смотрѣть на фактъ арестованія, какъ на серьезную улику. Не говоря уже о томъ, что арестовывали частныя лица, которыхъ защита не можетъ признать органами правительственной власти; не говоря о томъ, что и эти лица и полиція руководствовались при арестахъ одною внѣшностью, причемъ типичные признаки «бунтовщиковъ» были чрезвычайно неопредѣленны, но и самыя причины, по которымъ арестовывали, были крайне разнообразны. Защитникъ доказывалъ, что при этомъ не

были соблюдены тѣ правила закона, которыя можно назвать нашимъ habeas corpus. По этимъ законамъ, если бы они соблюдались, личность обвиняемыхъ была у насъ вполне гарантирована; имъ предоставлены всѣ тѣ гарантіи, которыя предоставлены всѣмъ другимъ гражданамъ. Если же и сущствуетъ въ обществѣ противоположное мнѣніе, то оно неправильно. Переходя затѣмъ къ изложенію законовъ, защитникъ указалъ на то, что законы эти обязательны и въ отношеніи обвиняемыхъ по государственнымъ преступленіямъ. На основаніи Высочайше утвержденного мнѣнія Государственного Совѣта, 19-го мая 1871 года, «о дѣйствіяхъ чиновъ корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій государственныхъ», всѣ тѣ гарантіи, которыя находятся въ уставѣ угол. суд., должны быть примѣняемы, за указанными изъятіями, и къ подсудимымъ по государственнымъ преступленіямъ. Гарантіи же эти суть слѣдующія: ст. 257 уст. угол. суд. говоритъ о томъ, въ какихъ случаяхъ полиція можетъ принимать мѣры къ пресѣченію подозрѣваемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія, а именно: «Когда подозрѣваемый застигнутъ при совершеніи преступнаго дѣянія или тотчасъ послѣ его совершенія; когда потерпѣвшіе отъ преступленія или очевидцы укажутъ прямо на подозрѣваемое лицо; когда на подозрѣваемомъ или въ его жилищѣ найдены будутъ явные слѣды преступленія; когда вещи, служащія доказательствомъ преступнаго дѣянія, принадлежатъ подозрѣваемому или оказались при немъ; когда онъ сдѣлалъ покушеніе на побѣгъ или пойманъ во время или послѣ побѣга, и, наконецъ, когда подозрѣваемый не имѣетъ постоянного жительства или осѣдлости.» При этомъ для полиціи, которая въ данномъ случаѣ замѣняла судебного слѣдователя или лицо прокурорскаго надзора были обязательны правила устава угол. суд., по которымъ слѣдовало составить постановленіе о взятіи подъ стражу, гдѣ должно было быть точно означено: кѣмъ именно и когда сдѣлано постановленіе; званіе, имя, отчество и фамилія или прозвище задержаннаго лица; преступленіе, въ которомъ задержанный обвиняется или подозрѣвается, и основаніе задержанія. Въ концѣ постановленія должна быть подпись того, кѣмъ оно сдѣлано. Затѣмъ постановленіе о взятіи подъ стражу предъявляется обвиняемому при самомъ отправленіи его въ мѣсто заключенія и во всякомъ случаѣ до истеченія сутокъ отъ времени его задержанія. Вотъ тѣ статьи закона, которыми должна была руководствоваться полиція. Далѣе, въ ст. 11 уст. угол. суд. говорится, что судья или прокуроръ, до свѣдѣнія коего дошло, что въ предѣлахъ его участка или округа кто-либо содержится не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія, долженъ принять мѣры къ содержанію его въ установленномъ порядкѣ. Въ ст. 10-й говорится, что каждый судья и каждый прокуроръ, который въ предѣлахъ своего участка или округа удостовѣрится въ содержаніи кого-либо подъ стражею, безъ постановленія уполномоченныхъ на то мѣстъ и лицъ, обязанъ немедленно освободить неправильно лишеннаго свободы. Въ комментаріяхъ къ этимъ статьямъ сказано, что всякое произвольное задержаніе кого-либо неподлежащею властью составляетъ преступное насиліе. Кромѣ того, въ ст. 348 улож. наказ. говорится, что за взятіе подъ стражу кого-либо хотя и по законнымъ, достойнымъ уваженія причинамъ, но безъ соблюденія установленныхъ на то правилъ, виновное въ томъ должностное лицо приговаривается къ такому-то наказанію. Наконецъ, въ ст. 1540 изображено: «кто, по какой бы то ни было причинѣ и съ какимъ бы то ни было намѣреніемъ, кромѣ лишь случаевъ, въ коихъ задержаніе и самое предварительное заключеніе по уликамъ или подозрѣніямъ, или же въ видѣ наказанія, дозволено или предписано закономъ, самовольно и насильственно лишить кого-либо свободы, тотъ приговаривается» къ такимъ-то наказаніямъ—отъ заключенія въ

тюрмѣ до лишенія всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ въ Сибирь. Очевидно, что при такой послѣдовательности законоположенія личностя каждого, казалось бы, гарантирована достаточно. Но какъ въ настоящемъ случаѣ эти законы были примѣнены къ дѣлу? Могутъ сказать, что полиція, по самой обстановкѣ происшествія, не могла строго соблюсти эти правила. Но едва ли это такъ. Свидѣтель Ритчеръ на вопросъ защиты о томъ, въ чемъ заключалась сумятица и не отъ того ли она произошла, что сами полицейскіе были растеряны, сказалъ, что полиція дѣйствовала совершенно спокойно, даже, прибавилъ онъ, законно. Между тѣмъ, оказывается, что при всемъ этомъ спокойствіи и законности нѣтъ даже никакого слѣда соблюденія законной процедуры. Подсудимые въ теченіе сутокъ допрошены не были. Въ дѣлѣ первый протоколъ о допросѣ Иванова есть только отъ 8 декабря, когда онъ уже находился въ рукахъ жандармскаго управленія. Свидѣтель Ритчеръ говорилъ, что въ полиціи арестованные и арестующіе записывались въ какую-то черновую книгу, но когда особое присутствіе вытребовало эту книгу, то и въ ней не оказалось ничего. Такимъ образомъ, остается неизвѣстнымъ—гдѣ былъ задержанъ Ивановъ, когда, кѣмъ и за что; онъ взятъ безъ протокола, безъ указанія свидѣтелей, даже безъ всякой записки въ черновую книгу. Итакъ, дѣятельность полиціи кончилась; началось дознаніе на основаніи закона 19 мая 1871 г. Подсудимые сидятъ въ одиночномъ заключеніи и единственными законными защитниками и представителями ихъ интересовъ являются чины корпуса жандармовъ и прокурорскаго надзора. Собираются свѣдѣнія, причемъ заявленія подсудимыхъ не принимаются во вниманіе, такъ какъ для провѣрки такого простаго обстоятельства, что Ивановъ есть въ то же время и Савельевъ, указаніе его уважено не было. Какъ бы то ни было, дознаніе происходитъ, составляется обвинительный актъ. Этотъ обвинительный актъ, отъ котораго прокуроръ не отказался, сдѣлавъ только нѣкоторыя измѣненія, служитъ основаніемъ къ обвиненію. Не касаясь той части этого акта, отъ которой отказался прокуроръ, защитникъ обратился къ другимъ уликамъ, представленнымъ противъ Иванова. Первою уликою представляется то, что Ивановъ былъ безъ мѣста. Въ рѣчи своей прокуроръ не упоминалъ объ этомъ и защитѣ неизвѣстно, будетъ ли онъ настаивать на этой уликѣ или нѣтъ, но она полагаетъ, что поддерживать ее невозможно послѣ того удостовѣренія патроннаго завода, въ которомъ говорится, что Ивановъ работалъ тамъ больше года, и что во всю предшествовавшую демонстраціи недѣлю, т. е. до 4-го декабря, онъ посѣщаль заводъ, слѣдовательно, онъ не можетъ быть названъ человѣкомъ безъ мѣста. Кромѣ того, защита утверждаетъ, что онъ былъ на заводѣ и 5-го декабря, въ воскресенье, но не можетъ этого удостовѣрить официальной справкою, потому что праздничныя работы не записываются. Представитель обвинительной власти говорилъ относительно Надеждина, что это — человѣкъ трудящійся, работающій. Защита полагаетъ, что этотъ же самый фактъ удостовѣренъ и въ отношеніи Иванова. Подобная невѣрность обвинительнаго акта, по мнѣнію защитника, тѣмъ болѣе странна, что свѣдѣнія объ этомъ содержатся даже въ актахъ дознанія, а именно въ томѣ III, на листѣ 43 находится протоколъ объ охраненіи имущества Иванова, причемъ приставъ производилъ дознаніе о занятіяхъ Иванова. Въ этомъ протоколѣ сказано прямо, что у Иванова ничего подозрительнаго не найдено, что онъ постоянно работалъ на заводѣ и что 5 декабря его тамъ видѣли. Далѣе обвиненіе говоритъ, что Ивановъ жилъ безъ прописки. Но и это ошибочно, такъ какъ на оборотѣ его паспорта, находящагося въ дѣлѣ, означено, что онъ былъ прописанъ на послѣдней своей квартирѣ по Ма-

лому проспекту, въ домѣ № 47. Слѣдующею уликою противъ Иванова представлялось то, что онъ будто бы неправильно показалъ относительно своей квартиры, именно, что будто бы свидѣтель Крутиковъ ночевалъ у него, тогда такъ свидѣтель говоритъ, что онъ ночевалъ у Городничаго. Защита не можетъ разсказать въ подробности всю эту исторію, такъ какъ, по причинамъ отъ нея независящимъ, не имѣла возможности вызвать свидѣтелей, но она полагаетъ, что если бы подсудимый и дѣйствительно путался насчетъ квартиры, то обстоятельство это не имѣетъ ровно никакого значенія и ему не можетъ быть придано смысла укрывательства, потому что Ивановъ при первомъ же допросѣ указалъ на обѣ свои квартиры; онъ взялъ новую квартиру у Городничаго, тамъ ночевалъ, а вещи его оставались на старой квартирѣ, гдѣ онъ и былъ прописанъ. Нѣтъ ничего необыкновеннаго въ томъ, что Ивановъ перемѣнилъ квартиру: на его паспортѣ означены пять прописокъ о перемѣнѣ квартиръ въ теченіе времени съ 18-го февраля прошлаго года, и эта подвижность вполне понятна: онъ—человѣкъ рабочій, бѣдный; онъ не нанимаетъ квартиры по контракту и переѣздъ съ одной на другую для него не составляетъ такихъ затрудненій, какъ для человѣка состоятельнаго. Наконецъ, ему ставится въ улику и то, что онъ сказалъ Крутикову, что пойдетъ на ту сторону. Но если бы онъ не сказалъ этого, тогда обвиненіе утверждало бы, что онъ скрывалъ. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что Ивановъ попалъ на уголъ Конюшенной и Невскаго. Но подсудимый на дознаніи показалъ, что онъ шелъ къ матери за Невскую заставу. Что же тутъ удивительнаго, что онъ попалъ на Невскій? Это была прямая дорога съ Петербургской стороны за Невскую заставу. «Хотя обвинитель приводитъ еще улики, сказалъ защитникъ въ заключеніе, но онѣ слишкомъ мелочны, чтобы предстояла надобность опровергать ихъ. Я не буду говорить вамъ ни о какихъ обстоятельствахъ, смягчающихъ вину подсудимаго, потому что человѣкъ этотъ взять совершенно неправильно и ни малѣйшаго его участія въ происшествіи не доказано».

Присяжный повѣренный Каміонко (защитникъ подсудимаго Фалина) высказалъ, что онъ не находитъ въ дѣлѣ ни одного обстоятельства, ни одной улики противъ своего кліента. Прокуроръ находилъ, что показаніе подсудимыхъ неправдиво, неискренно, и это послужило поводомъ къ преданію многихъ суду. Въ отношеніи Фалина обвиненіе указываетъ, что онъ неправду говоритъ о томъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ за документами и что шелъ купить фуражку. Между тѣмъ, Фалинъ, спрошенный на другой день происшествія, показалъ, что лѣто онъ провель въ Крыму, въ ноябрѣ пріѣхалъ въ Москву и въ концѣ этого мѣсяца отправился въ Петербургъ за документами, которые ему были нужны, чтобы держать экзаменъ на учителя. Конечно, пославши просьбу по почтѣ, можно было этимъ же путемъ ожидать и присылки документовъ, но дѣло въ томъ, что они не возвращены ему и до сихъ поръ. Попали они въ министерство по слѣдующему случаю: въ 1875 году Фалинъ вздумалъ ѣхать за границу, получилъ удостовѣреніе полиціи о томъ, что за нимъ никакихъ дѣлъ нѣтъ. Свидѣтельство это было по порядку отослано въ секретное отдѣленіе, гдѣ собирались справки и гдѣ оно пролежало цѣлый мѣсяцъ. Потомъ ему выдали паспортъ и онъ уѣхалъ, но, по несчастію, въ отдѣленіи не сдѣлано было отмѣтки, вслѣдствіе чего было признано, что Фалинъ уѣхалъ безъ дозволенія начальства и онъ былъ вызванъ изъ-за границы. Вотъ по какому недоразумѣнію документы его остались въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Отецъ подсудимаго, свидѣтель Фалинъ, удостовѣрилъ, что сынъ его дѣйствительно провель лѣто въ Крыму; вернулся въ Москву 6-го ноября, а 29-го уѣхалъ въ Петербургъ за полученіемъ до-

кументовъ. Такимъ образомъ, показаніе подсудимаго оправдалось. Сговора между ними, очевидно, не могло быть. Другое неблагоприятное для подсудимаго обстоятельство состояло въ томъ, что онъ на дознаніи показаль, что былъ дома, а, между тѣмъ, свидѣтельница Гро-Греванъ удостовѣрила, что Фалинъ съ 5-го на 6-е декабря не ночеваль дома. Но свидѣтели Фалинъ и Георгіевскій удостовѣрили, что подсудимый вечеръ 5-го декабря провель въ театрѣ съ семействомъ присяжнаго стряпчаго Серебряникова и ночеваль у нихъ. Если подсудимый не сказалъ этого на дознаніи, то по причинѣ весьма понятной, онъ не желаль сдѣлать неприяности семейству Серебряникова. Быть какимъ-нибудь образомъ прикосновеннѣму къ государственному преступленію во всякомъ случаѣ неприяно, и это какъ нельзя больше испыталь на себѣ Фалинъ. Онъ успѣшно окончилъ гимназію и поступилъ въ технологическій институтъ. Между тѣмъ, возникло политическое дѣло, въ которомъ былъ замѣшанъ Дьяконовъ, который жилъ у Фалина три дня. У Фалина былъ сдѣланъ обыскъ: нашлись нѣкоторыя вещи, онъ былъ задержанъ и имѣль очень много неприяностей, такъ что долженъ былъ оставить институтъ, хотя и не былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Слѣдующее неблагоприятное для Фалина обстоятельство заключается въ показаніи свидѣтельницы Гро-Греванъ о томъ, что онъ будто-бы пріѣхаль изъ-за границы. Но на судѣ разъяснилось это обстоятельство. Оказалось, что свидѣтельница не совсѣмъ тверда въ географіи: она Бессарабію и Крымъ считаетъ заграничными мѣстностями. Затѣмъ защитникъ привель показаніе Фалина о томъ, какъ онъ попалъ на площадь и какъ его арестовали, причемъ онъ въ церкви не былъ, рѣчи не слыхаль и флага не видалъ. Прокуроръ ссылается на свидѣтелей, которые показали, что видѣли Фалина на площади. Но онъ и самъ не отрицаетъ, что былъ на площади; онъ сказалъ еще на дознаніи, что подошелъ къ толпѣ, и, видя, какъ полицейскіе бьютъ какого-то человѣка, спросилъ, за что они бьютъ, и тотчасъ же самъ былъ взятъ. Свидѣтели Есипенко и Трещовъ показали, что видѣли Фалина, но на вопросъ, что онъ дѣлаль, они отвѣчали: «ничего, стоялъ». Свидѣтель Субботинъ показалъ, что видѣль только, какъ Фалина вели въ участокъ. Свидѣтели Рабутовскій и Абрамовъ показали, что составилъ маленькій кружокъ, всего человѣкъ тридцать, которые были непосредственными участниками демонстраціи. Если бы свидѣтели показали, что Фалинъ былъ въ числѣ этихъ тридцати, тогда можно было бы сказать, что онъ участвовалъ въ демонстраціи. Но въ дѣлѣ нѣтъ и тѣни такого указанія; подтвердилось только то, чего самъ Фалинъ не отрицаетъ. Не повторяя того, какимъ образомъ производились аресты, не говоря о томъ, что брали только молодежь въ пладахъ, съ длинными или стриженными волосами, защитникъ сослался на слова самого прокурора, который говоритъ, что арестовывали по указанію публики. Можетъ быть, что поэтому-то дѣйствительно виновные и остались неарестованными: это и понятно, потому что кто былъ виновать, тотъ не лѣзъ въ драку—ему нужно было спастись, а не драться. Такимъ образомъ, защитникъ считаетъ себя вправѣ смѣло утверждать, что подсудимый Фалинъ въ церкви не былъ, рѣчи не слыхаль, вообще въ демонстраціи не участвовалъ и ни малѣйшаго сопротивленія полиціи при своемъ арестѣ не оказываль. Если же онъ и былъ арестованъ, то во всякомъ случаѣ подобнаго рода аресты—неизвѣстными личностями, по указанію неизвѣстныхъ людей, нельзя ставить подсудимымъ въ вину въ такомъ важномъ преступленіи, какъ государственное. «Еще Екатерина Великая сказала, что лучше оправдать десять виновныхъ, нежели осудить одного невиннаго. Наши судебные уставы 1864 г. придерживаются того же правила. Въ нихъ говорится, что всякое сомнѣніе, всякая недомолвка, всякая недоказанность должны быть объяснены въ пользу подсудимаго.

Гг. сенаторы, гг. сословные представители! Вы—отцы семейства, вамъ понятно горе отца, горе матери потерять свое дитя, отъ котораго они ожидаютъ поддержки въ своей старости, въ которомъ они видятъ продолженіе своего бытія. Я не позволилъ бы себѣ просить васъ о снисхожденіи или оправданіи, если бы я былъ убѣжденъ, что онъ преступникъ, что онъ нарушитель государственнаго порядка. И вотъ почему я прошу васъ убѣдительно обратиться ваше вниманіе на всѣ обстоятельства, которыя я разсказалъ вамъ съ полною откровенностью. Я глубоко убѣжденъ, что вы произнесете подсудимому Фалину оправдательный приговоръ. То страданіе, то мученіе, которое онъ вынесъ въ теченіе почти двухмѣсячнаго заключенія, да послужить ему на будущее время урокомъ не вмѣшиваться и ни за кого не заступаться, если это не его дѣло».

Присяжный повѣренный Архангельскій (защитникъ Николаевской) прежде всего обратилъ вниманіе особаго присутствія на указаніе прокурора на то, что подсудимая Николаевская недавно освобождена изъ-подъ стражи по дѣлу о распространеніи запрещенныхъ сочиненій. Защита не знаетъ, что хотѣлъ этимъ сказать прокуроръ. Если онъ хотѣлъ сказать, что Николаевская продолжаетъ итти прежнею дорогою, то опроверженіемъ этого можетъ служить обыскъ квартиры подсудимой, по которому у нея не оказалось ничего подозрительнаго. Кромѣ того, она по тому дѣлу не только не была осуждена, но и не судилась и освобождена. Не касаясь затѣмъ значенія происшествія и арестовъ, такъ какъ это было разобрано подробно другими защитниками, г. Архангельскій обратился прямо къ уликамъ противъ его кліентки. Обвинитель говорилъ, что Ильяшенко и Николаевская задержаны лицами, которыя видѣли ихъ на площади. Между тѣмъ, никто изъ чиновъ полиціи не показалъ, чтобы Николаевская кѣмъ-нибудь изъ нихъ была задержана. Свидѣтель Сидоровъ на дознаніи говорилъ, что будто бы онъ задержалъ Николаевскую, но здѣсь, на судѣ, онъ заявилъ, что положительно не можетъ этого сказать. Въ обвинительномъ актѣ выставленъ еще свидѣтель—Ивановъ, но и онъ сказалъ, что рѣшительно не можетъ утверждать, что Николаевская участвовала въ толпѣ. Далѣе, обвинитель ссылается на двухъ свидѣтелей: Успенскаго и Васильева. Васильевъ показалъ, что видѣлъ Николаевскую въ толпѣ, когда она находилась у памятника Кутузова, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ, что Николаевская не кричала, а свидѣтель Успенскій показалъ, что Николаевскую онъ видѣлъ около Невскаго проспекта и что въ числѣ шумѣвшихъ она не была. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ показаній нельзя притти къ заключенію, чтобы Николаевская была виновна во взводимомъ на нее преступленіи. Въ пользу ея оправданія говорятъ свидѣтельница Краснокутская и свидѣтель Короленко. Прокуроръ отозвался объ этихъ свидѣтеляхъ, что они не были указаны прежде, и потому имъ не слѣдуетъ вѣрить. Но если подсудимой было предоставлено право вызвать ихъ, то этотъ отзывъ не имѣетъ никакого значенія. Правда, свидѣтельница Краснокутская сначала показала только, что Николаевская съ Ильяшенко пошли покупать обувь, но на вопросъ защиты она сказала, что изъ разговора ихъ слышала, что онѣ идутъ въ Варшавскій магазинъ, а изъ показанія пристава Ритчера видно, что такой магазинъ дѣйствительно есть въ Казанской улицѣ. Наконецъ, свидѣтель Короленко подробно объяснилъ: когда онъ вышелъ изъ дому, когда пришелъ на квартиру, гдѣ жила Николаевская, сколько времени тутъ пробылъ и вышелъ вмѣстѣ съ Николаевскою, у воротъ они встрѣтили Ильяшенко, пошли всѣ вмѣстѣ и расстались въ Итальянской во второмъ часу пополудни. Изъ этого показанія оказывается, что Николаевская въ то время, когда происходилъ беспорядокъ, даже не могла быть на площади, такъ какъ беспорядокъ происхо-

диль въ первомъ часу, а, по показанію Короленко, подсудимыя Николаевская и Ильяшенко разстались съ нимъ и пошли на Невскій уже во второмъ часу. Во всякомъ случаѣ, обстоятельство это заставляеть сильно сомнѣваться въ томъ, что Николаевская участвовала въ беспорядкахъ, а тамъ, гдѣ есть не только значительное, но даже самое малѣйшее сомнѣніе—нѣтъ мѣста обвиненію. Поэтому защитникъ просилъ подсудимую оправдать.

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Граціанскій (защитникъ подсудимаго Новаковскаго) сказалъ: прокуроръ въ своей рѣчи указывалъ на то, что первое показаніе Новаковскаго, данное имъ на дознаніи, правдиво а второе не вѣрно, потому что онъ имѣлъ возможность сговориться. По мнѣнію защитника, это не справедливо. Подсудимый во второмъ показаніи ничего не измѣнилъ; онъ только дополнилъ первое. Затѣмъ въ обвинительномъ актѣ говорится, что объясненіе подсудимаго о томъ, что они съ женою слышали разговоръ объ оскорбленіи священника, ничѣмъ будто бы не подтвердилось. Но возможно ли такое обстоятельство? Защитникъ полагаетъ, что не только возможно, но и было непременно. Они вышли изъ квартиры съ Петербургской стороны въ 11 часовъ, заходили къ Копилевичъ, жившей на Вульфовой улицѣ, и оттуда пошли въ соборъ. Очевидно, что они могли прийти далеко за 12 часовъ. Въ то время уже толковали, что въ церкви много молодежи, рассказывалась исторія о небрежномъ обращеніи со свѣчкою. Вовсе не мудрено, если эта исторія прошла черезъ десять устъ, что она обратилась въ оскорбленіе священника. Они пошли въ соборъ. Слѣдующимъ противорѣчіемъ въ показаніи Новаковскаго указано то, что, по его словамъ, онъ подходилъ къ городовому Москвину и спрашивалъ, а Москвинъ этого не подтвердилъ. Свидѣтель этотъ показалъ, что онъ не можетъ упомнить всѣхъ, кто къ нему подходилъ, но кажется, что «въ этой шубѣ не подходилъ». Такимъ образомъ, если свидѣтель не помнитъ всѣхъ, кто къ нему подходилъ, то какимъ же образомъ онъ можетъ помнить отрицательное обстоятельство. Кромѣ того, Москвинъ все-таки видѣлъ Новаковскаго, но только въ другомъ положеніи; значить, во всякомъ случаѣ встрѣча была. Четвертое противорѣчіе заключается въ показаніи о панихидѣ. О ней говорится во второмъ показаніи подсудимаго. Прокуроръ не вѣритъ свидѣтелямъ Виленцу и Щукиной, которая говорила, что была панихида въ Исаакіевскомъ соборѣ; но при чемъ же тутъ Ивановъ? На его показаніе также наброшена тѣнь подозрѣнія, что онъ измѣнилъ свое показаніе: сказалъ, что Новаковскій жилъ два дня, а не полтора мѣсяца. Но это понятно, потому что Новаковскій жилъ безъ вида, и Ивановъ боялся привлеченія за это къ отвѣтственности. Но пусть даже Иванову не повѣрятъ. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что о панихидѣ говорила жена подсудимаго еще при первомъ допросѣ, слѣдовательно, когда они не могли сговориться, потому что свиданіе съ мужемъ было дозволено ей послѣ врученія обвинительнаго акта. Вообще, по мнѣнію защитника, панихида играла роль приманки: ею воспользовался тотъ, кто задумалъ продѣлать всю эту исторію, чтобы собрать побольше людей. Если бы онъ сталъ прямо говорить: «пойдемте заявлять на площадь», то вмѣсто ста или двухсотъ человѣкъ, можетъ быть, не пришло бы и двухъ—трехъ. Далѣе, въ обвинительномъ актѣ и въ рѣчи прокурора говорилось о знакомствѣ Новаковскаго съ Шефтель и родствѣ съ Гуровичемъ. Защитникъ Гуровича уже сказалъ, что они съ Новаковскимъ были не особенные пріятели, да и вообще, по мнѣнію защитника, обстоятельство это важнаго значенія имѣть не можетъ. Если бы они и были пріятели, то и это еще не доказывало бы преступности одного или другого. Что же касается до знакомства съ Шефтель, то свидѣтель Макаровъ, хозяинъ

квартиры Шефтель, на вопросъ защиты, узнаеть ли онъ въ числѣ подсудимыхъ Новаковскаго, осмотрѣвъ подсудимыхъ, сказалъ, что не можетъ узнать. Затѣмъ хозяинъ квартиры Новаковскаго, въ свою очередь, не могъ узнать Шефтель. Въ отношеніи свидѣтелей, которые опознали Новаковскаго, защитникъ объяснилъ, что Васильевъ пришелъ въ то время, когда исторія съ флагомъ уже покончилась. Васильевъ вскочилъ въ толпу, его ударили, и онъ побѣжалъ къ Ритчеру докладывать. На вопросъ, когда онъ видѣлъ Новаковскаго, свидѣтель сказалъ: «почти во время свалки», значить, въ свалкѣ онъ не былъ. Другой свидѣтель, Ивановъ, заявилъ, что онъ пришелъ, когда толпа была уже у памятника, слѣдовательно, Новаковскій не могъ слышать рѣчи. Вообще, слѣдствіемъ положительно доказано, что Новаковскій во время произнесенія рѣчи тамъ не былъ. Свидѣтель Кашинцовъ показалъ, что человекъ въ такой шубѣ, въ какой былъ Новаковскій, онъ не замѣтилъ ни одного, а между тѣмъ, толпа была не велика: по показанію Абрамова, человекъ въ тридцать. Даже тѣ свидѣтели, которые говорятъ, что видѣли Новаковскаго около памятника, не могли сказать, что онъ дѣлалъ. Съ другой стороны, свидѣтели почти единогласно показывали, что толпа смѣшалась съ публикою. По свидѣтельству Кашинцова, она шла къ памятнику въ перемежку съ зрителями; Рабутовскій говоритъ, что около памятника толпа смѣшалась съ публикою. Другіе свидѣтели удостовѣрили тотъ же фактъ. Что касается шубы Новаковскаго, то не свидѣтели первые указывали на нее, а самъ Новаковскій просилъ показать имъ шубу, надѣясь, что свидѣтели вспомнятъ, что человекъ въ такой шубѣ они не видали. Если бы Новаковскій былъ виноватъ, то, конечно, онъ старался бы скрыть эту шубу, которая могла его выдать. Есть одно обстоятельство, которое нѣсколько поясняетъ причину ареста Новаковскаго. По показанію свидѣтелей, во время происшествія городскихыхъ было человекъ шесть, между тѣмъ, здѣсь явилось только четверо и изъ нихъ никто не узналъ Новаковскаго и не могъ сказать, когда и гдѣ его арестовали. Одинъ изъ свидѣтелей рассказывалъ, что его освободилъ отъ побоевъ городской Максмовъ изъ Спасской части, а между тѣмъ, его на судѣ не было. Такимъ образомъ, указаніе Новаковскаго о томъ, кто, когда и гдѣ его арестовалъ—должно быть признано вѣрнымъ, пока не будетъ доказано противное. Онъ говорилъ, что его взяли, когда онъ разспрашивалъ городского о происшествіи. Городовой Москвинъ говоритъ, что видѣлъ, какъ Новаковскаго провели городской и какой-то человекъ въ фартукѣ. Это было уже въ то время, когда все кончилось и на Невскомъ, гдѣ стоялъ Москвинъ, было спокойно. Объ этомъ же свидѣтельствуется и жена подсудимаго, которая уже никакой возможности не имѣла сговориться съ городovýmъ. Сверхъ того свидѣтельница Новаковская показала, что ее привели въ участокъ, гдѣ уже находилось шесть арестованныхъ женщинъ. Это подтверждаетъ заявленіе подсудимаго, что онъ былъ арестованъ послѣднимъ. Такимъ образомъ, противъ Новаковскаго, не представлено доказательствъ его виновности въ томъ тяжкомъ преступленіи, которое взводится на него обвинительною властью. Нельзя итти дальше свидѣтельскихъ показаній, и если разсматривать Новаковскаго какъ участника, то нужно доказать, въ чемъ же заключалось его участіе, а для этого въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ данныхъ. Наконецъ, защитникъ перешелъ къ освидѣтельствуванію Новаковскаго въ умственныхъ способностяхъ и разобралъ показанія свидѣтелей и экспертизу, на основаніи которой несомнѣнно слѣдуетъ признать разстройство Новаковскаго доказаннымъ. Его нервная система до такой степени разстроена, что его можно признать душевнобольнымъ. Вопросъ о томъ, дѣйствовалъ ли Новаковскій—человекъ здоровый, придется разрѣшить особому присутствію.

Присяжный повѣренный Ольхинъ (защитникъ подсудимыхъ Ивановой и Ильяшенко), коснувшись личныхъ интересовъ своихъ клиентокъ, объяснилъ, что относительно Ивановой въ дѣлѣ не существуетъ рѣшительно ни одной улики; ни одинъ свидѣтель на нее здѣсь не указалъ; она все время сидѣла никѣмъ не замѣченная; она сама молчала, и о ней всѣ молчали. Что касается до обвиняемой Ильяшенко, то обвиненіе противъ нея упало, но упало по другимъ причинамъ. Есть свидѣтели, которые видѣли ее на площади, но вмѣстѣ съ тѣмъ появленіе ея тамъ объяснилось очень просто и естественно; однако же, несмотря на это, представитель обвиненія не считалъ нужнымъ отказаться отъ обвиненія Ивановой и Ильяшенко. Противъ Ивановой не существуетъ рѣшительно никакихъ уликъ, но обвинитель говоритъ, что свидѣтели, которые не узнали ея здѣсь, давали прежде какія-то показанія. Но если бы онъ хотѣлъ уличить свидѣтелей въ противорѣчій, то обязанъ былъ просить прочесть ихъ показанія, данныя на дознаніи, потребовать объясненія, почему могло произойти противорѣчіе, и потомъ, когда это противорѣчіе объяснилось бы, сослаться на показанія. Разъ эти показанія не были прочитаны на судѣ, они должны быть устранены изъ актовъ слѣдствія. Но на нихъ дѣлается ссылка слѣдующимъ образомъ: «Я—говоритъ прокуроръ—задавалъ свидѣтелямъ вопросъ, подтверждаютъ ли они все то, что говорили на дознаніи, и хорошо ли тогда помнили. Да, говорятъ свидѣтели, тогда мы помнили». Такимъ образомъ, на основаніи только того, что свидѣтели, не желая себя компрометировать, говорятъ: «да, мы тогда вѣрно показали, мы помнили», и только поэтому показанія ихъ принимаются за доказательства. Свидѣтель Ефимовъ на дознаніи указалъ на семь человекъ; теперь же онъ призналъ только одного Боголюбова, и притомъ за кого же? За того человека, который далъ ему 15 коп. Между тѣмъ, оказывается, что эти 15 коп. даны часу въ третьемъ, когда Боголюбовъ уже давно сидѣлъ подъ арестомъ. Слѣдовательно, Ефимовъ здѣсь никого не призналъ. Затѣмъ нужно припомнить сцену, какъ свидѣтель не могъ признать Гервасія; онъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на подсудимыхъ, но не нашелъ между ними Гервасія, а тотъ сидитъ рядомъ съ Боголюбовымъ. Ефимовъ даже далъ описаніе фигуры Гервасія, не похожее ни на одного изъ подсудимыхъ. Попалась Ефимову подсудимая Ильяшенко. Она его спросила, признаетъ ли онъ ее. Ефимовъ сказала: «Нѣтъ, я ихъ не видѣлъ». Тогда она съ укоромъ сказала: зачѣмъ же вы признавали меня на дознаніи? —«А если признавалъ, отвѣтилъ Ефимовъ, то, значитъ, такъ и есть». Можетъ ли такое показаніе служить доказательствомъ? Свидѣтель Успенскій призналъ на дознаніи 10 человекъ, а здѣсь призналъ только Шефтель и Николаевскую, причѣмъ сознался, что напрасно показывалъ при дознаніи на Надеждина, будучи тогда разстроенъ и взволнованъ. Затѣмъ онъ смѣшиваетъ трехъ и говоритъ, что не знаетъ, почему показалъ на того, другого или третьяго. Успенскій сказалъ, что его обуздала присяга, и что онъ показываетъ теперь осмотрительнѣе. Свидѣтель Иванъ Исаевъ Ивановъ узнаетъ Николаевскую, но прибавляетъ, что лица ея онъ хорошо не помнитъ. Сидоровъ, который былъ крайне взволнованъ, указалъ на Боголюбова, а потомъ взаимнѣн его призналъ Чернавскаго. Николаевскую онъ какъ будто бы призналъ, но потомъ отказался. Егоровъ заявилъ, что онъ ошибся. Кубовъ смѣшалъ Николаевскую и Товбичъ, которая нисколько одна на другую не похожи. Дѣло въ томъ, что Ильяшенко съ Николаевскою шли по дѣлу, встрѣтили толпу и, естественно, убѣжали. За то только, что Васильева кто-то ударилъ, развѣ можно было арестовать Ильяшенко; а тутъ подвернулась и товарка ея, которую тоже взяли, посадили обѣихъ на извозчика и привезли въ участокъ. Онѣ говорятъ, что ходили покупать обувь.

На Казанской улицѣ, дѣйствительно, есть магазинъ обуви, въ который онѣ и шли. Обвиненіе говорить, что обстоятельство это мало доказано. Но какъ же доказать? Вѣдь, изъ магазиновъ не посылаютъ повѣстокъ, которыя можно было бы представить въ доказательство. Слѣдовательно, остаются только свидѣтели, защита ихъ и представила. Товарищъ прокурора не вѣрится этимъ свидѣтелямъ по двумъ основаніямъ: во-первыхъ, онъ говоритъ, зачѣмъ эти свидѣтели не были предварительно указаны на дознаніи. На это защита отвѣчаетъ, что Ильяшенко говорила, что она указывала на то, что можетъ представить доказательства, и, кажется, указывала на свидѣтелей. Но дѣло это было ведено весьма быстро, а потому свидѣтелей вызвали, сняли краткій допросъ и болѣе ничего не требовали. Судъ очень хорошо знаетъ, что объ окончаніи дознанія никому изъ подсудимыхъ не было заявлено; они прямо получили обвинительный актъ, прежде чѣмъ узнали, что дознаніе окончено. Мало того, тутъ существуетъ еще чисто нравственная причина, обязывающая каждаго изъ подсудимыхъ не указывать свидѣтелей, потому что имъ придавали такое огромное значеніе, спрашивали, съ кѣмъ знакомъ, въ самихъ знакомствахъ видѣли подозрительное, такъ что честный человѣкъ обязанъ былъ молчать о своихъ знакомствахъ. Это сдѣлала и Ильяшенко, и, по мнѣнію защитника, совершенно правильно и честно. Съ той минуты, когда явилась малѣйшая возможность указать свидѣтелей, она, еще не видавшись съ своимъ защитникомъ, подала просьбу о вызовѣ этихъ свидѣтелей. Во всякомъ случаѣ юристъ не долженъ ставить въ укоръ не юристу, что онъ не знаетъ всѣхъ порядковъ и правилъ процесса. Затѣмъ прокуроръ не вѣрится показанію Краснокутской на томъ основаніи, что въ ея присутствіи Николаевская и Ильяшенко сговаривались итти покупать ботинки, а между тѣмъ, Ильяшенко въ своемъ показаніи говоритъ, что онѣ хотѣли итти покупать варшавскую обувь. Но ботинки бываютъ и варшавскаго приготвленія и другіе. Виновата ли тутъ свидѣтельница, которая не помнитъ хорошоенько, о чѣмъ происходилъ разговоръ—о ботинкахъ или о варшавской обуви? Во всякомъ случаѣ на разницѣ въ словахъ «ботинки» и «варшавская обувь» строить обвиненіе весьма смѣло. Что касается до Короленко, то прокуроръ говоритъ о немъ: какой же это свидѣтель, онъ не помнитъ улицъ, по которымъ шелъ! Въ этомъ отношеніи защитникъ сослался на практику многихъ обвинителей, которые говорятъ, что только тотъ свидѣтель достовѣренъ, который не помнитъ мельчайшихъ подробностей, да и нельзя помнить каждую мелочь, если не сговориться съ подсудимымъ. Спрашивается, что же мы будемъ требовать отъ свидѣтеля: точныхъ до мелочей или не вполне точныхъ показаній? Но на такихъ показаніяхъ—какая обувь, по какой улицѣ шелъ и т. п., нельзя основывать обвиненія. Судьи слышали и видѣли свидѣтеля; какъ онъ имъ кажется—честный или нѣтъ? Вотъ на чѣмъ должно основываться. Относительно Ивановой также поддерживается обвиненіе, но здѣсь защитникъ еще болѣе стѣсняется говорить объ обвинительномъ актѣ, чѣмъ въ отношеніи Ильяшенко. Въ обвинительномъ актѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ то важное указаніе, что Иванова—человѣкъ не совсѣмъ чистый, что она привлекалась по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Мало того, прокуроръ въ своей рѣчи сказалъ, что хотя въ обвинительномъ актѣ указывается на это обстоятельство, но онъ говоритъ о немъ не будетъ, а между тѣмъ, этимъ сказано все. Къ дѣлу представлено отношеніе товарища оберъ-прокурора Правительствующаго Сената, въ которомъ говорится, что «Иванова прикосновена къ находящемуся въ моемъ разсмотрѣніи дѣлу о противозаконной пропагандѣ и изобличается въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 252 ст. ул. о нак.». Какое же значеніе можетъ имѣть эта бумага? Она можетъ доказывать только одно: что Иванова, правильно или не-

правильно, вызывалась въ судъ, и больше ничего. Это доказываетъ только то, что она можетъ быть и оправдана. «Покончивъ съ этою стороною, ска- залъ защитникъ, перейдемъ къ уликамъ. Гдѣ же улики? Здѣсь случилась курьезная перестановка ролей. Мы видѣли здѣсь Щукину, которая явилась свидѣтельницей, а обвиняемою явилась Иванова. Я спрашивалъ себя, поче- му не Иванова свидѣтельница, а Щукина не обвиняемая? Потому что вотъ что говорится въ обвинительномъ актѣ: «Щукина показала, что наканунѣ происшествія на Казанской площади Иванова ночевала у нея и вмѣстѣ съ ней отправилась въ соборъ, зная, что тамъ «предполагается панихида». За- тѣмъ Щукина показала, что приглашеніе итти въ соборъ исходило отъ нея, Щукиной; она сообщила Ивановой, что будетъ панихида по убитымъ въ Сербіи, и Иванова пошла. За что же ее судятъ? Щукина прямо говорить, что она пригласила Иванову, а между тѣмъ Щукина только свидѣтельница. Я очень радъ этому, но и Иванова должна быть только свидѣтельницею по этому дѣлу.

Присяжный повѣренный Турчаниновъ (защитникъ Морошкина) вы- сказалъ, что по ходу судебного слѣдствія онъ предполагалъ, что находит- ся въ такомъ же положеніи, въ какомъ защита Надеждина, т. е. онъ ду- малъ, что обвинитель откажется поддерживать обвиненіе противъ Морош- кина. Но прокуроръ поддерживаетъ противъ подсудимаго свое грозное об- виненіе, а потому и защита должна по необходимости отражать это обви- неніе во всей его совокупности. Къ тому же, защитнику Морошкина, какъ говорящему послѣднимъ, приходится свести доводы защиты въ одно. Пер- вый и самый главный вопросъ, который возбужденъ защитою въ настоящемъ дѣлѣ и который естественно вытекаетъ изъ обвинительнаго акта и судеб- наго слѣдствія, заключается въ томъ: почему здѣсь есть обвиненіе въ го- сударственномъ преступленіи? Въ этомъ отношеніи защитникъ нашелъ въ обвинительномъ актѣ только два слова, которыя могли бы припи- выаемыя подсудимымъ дѣйствія связать съ государственнымъ преступленіемъ; но и эти два слова находятъ не въ изложеніи обстоятельство дѣла, а въ за- ключительномъ пунктѣ обвинительнаго акта, гдѣ упоминается о рѣчи, на- правленной къ порицанію образа правленія. Эти два слова о порицаніи образа правленія вводятъ дѣло въ то положеніе, въ которое оно поста- влено, т. е. вводятъ обвиненіе въ разрядъ преступленій государственныхъ. Но эти два слова поставлены только въ заключительной части обвинитель- наго акта, между тѣмъ какъ въ описаніи происшествія этихъ двухъ словъ не встрѣчается. Самая рѣчь на второй страницѣ обвинительнаго акта изло- жена такъ, что о порицаніи образа правленія въ ней ничего не упомянуто. Въ вопросахъ, которые предлагались подсудимымъ въ началѣ засѣданія пер- воприсутствующимъ, подсудимыхъ спрашивали только о виновности въ по- рицаніи государственнаго порядка. Затѣмъ, необходимо разсмотрѣть тѣ за- коны, которыми караются государственныйя преступления и которые изложе- ны въ III раздѣлѣ улож. о нак. Общій духъ и смыслъ этого III раздѣла имѣетъ одну и ту же мысль, которая проводится чрезъ всѣ его статьи, именно, неприкосновенность лица монарха и формы правленія. Въ отноше- нии неприкосновенности верховной власти въ этомъ III раздѣлѣ понятіе о преступленіи устанавливается весьма широкое; оно захватываетъ собою не только приготовленіе, но, какъ сказано въ 249 ст., и всякое злоумышле- ніе. Но это широкое понятіе о преступленіи, съ точки зрѣнія приведенія въ исполненіе преступнаго умысла, не распространяется дальше верховной власти. Сюда нельзя ничего подводить, ничего подставлять, кромѣ непри- косновенности особы императора, верховной власти и цѣлости отечества. Всякое другое подведеніе будетъ несогласно съ этими законами и произ- вольно. Сюда нельзя подводить и установленнаго законами государствен-

наго порядка, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ. Сюда нельзя подводить даже всего, о чемъ говорится въ основныхъ государственныхъ законахъ въ 1-й части I тома свода законовъ. Такъ, въ основныхъ государственныхъ законахъ установлены правила о вѣрѣ, упомянуто, что въ Россіи есть господствующая религія; но всѣ преступленія противъ нея не подведены подъ разрядъ преступленій государственныхъ, а выведены въ особый 2-й раздѣлъ уложенія. Такъ, естъ постановленія о законахъ, о силѣ ихъ и значеніи, и тѣмъ не менѣе всякое преступленіе противъ отдѣльныхъ законовъ не составляетъ никакого посягательства, не заключаетъ въ себѣ никакого нарушенія и не признается преступленіемъ государственнымъ; напротивъ того, обсужденіе законовъ прямо разрѣшено сводомъ законовъ. Поэтому защитникъ полагалъ, что въ настоящемъ дѣлѣ, гдѣ не указывается никакихъ такихъ обстоятельствъ, въ которыхъ выражалось бы посягательство на неприкосновенность власти верховной, порицаніе образа правленія или порядка наслѣдія, невозможно примѣнять какія бы то ни было наказанія, установленныя въ законахъ о государственныхъ преступленіяхъ. Власть обвинительная нигдѣ не говоритъ, чтобы въ этомъ дѣлѣ было что-нибудь направлено противъ власти верховной; она говоритъ только, что въ произнесенной рѣчи было сказано, что несправедливо поступаетъ правительство. Хотя тутъ и говорится о правительствѣ, но, какъ было уже упомянуто, правительство вовсе не естъ верховная власть: это естъ совокупность всѣхъ тѣхъ учреждений и установленій, которыя дѣйствуютъ на основаніи законовъ, исходящихъ отъ верховной власти, дѣйствуютъ ея именемъ и по ея предписанію. Объ этихъ установленіяхъ законъ нигдѣ не запрещаетъ имѣть какія бы то ни было сужденія, и нѣтъ закона, который запрещалъ бы разсуждать о томъ, дѣйствительно ли нужно такое-то постановленіе или такое-то учрежденіе. Всѣ эти учрежденія ограждаются въ своемъ существованіи; къ нимъ требуется уваженіе, исполненіе ихъ предписаній; но неуваженіе къ нимъ, или неисполненіе ихъ предписаній и даже явное оскорбленіе и вообще сужденіе о нихъ вовсе не касается верховной власти, которая по закону стоитъ одна, высоко, недосгаемо. Представитель обвинительной власти не далъ въ обвинительной рѣчи никакого объясненія въ этомъ отношеніи. Насколько защитникъ могъ понять изъ обвинительнаго акта, порицаніе образа правленія приписывалось тому символическому знаку, который явился въ видѣ краснаго флага съ надписью. Но, по мнѣнію защиты, символическія дѣйствія принимаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ ясно выражается то, что въ нихъ хотятъ видѣть. Законы, которыми караются государственныя преступленія, ничего не говорятъ объ этихъ символическихъ дѣйствіяхъ. Напротивъ того, ст. 252 даетъ право заключить, что въ этомъ преступленіи нужно ясное и точное выраженіе того недовѣрія или порицанія верховной власти, о которомъ говорится въ этой статьѣ, и притомъ съ выраженіемъ цѣли порицать установленный государственными законами образъ правленія. Въ томъ дѣйствіи, которое было въ настоящемъ дѣлѣ и на которое ссылается обвинительная власть, по мнѣнію защиты, вовсе нельзя видѣть неуваженія или порицанія верховной власти. Этотъ флагъ, это символическое дѣйствіе должно быть принимаемо не отдѣльно, не по предполагаемому значенію, которое хотѣли ему дать, а въ связи съ тѣмъ, что говорилось въ произнесенной рѣчи, а въ ней говорилось о волѣ, о необходимости усилить матеріальныя средства народа, увеличить нѣкоторыя права, но безъ всякаго ихъ отношенія къ власти верховной. Тѣ выраженія рѣчи, которыя помѣщены въ обвинительномъ актѣ, о томъ, что правительство поступаетъ несправедливо—эти выраженія сами по себѣ никакимъ образомъ не могутъ достигать верховной власти. Всѣмъ извѣстно, а въ осо-

бенности сословнымъ представителямъ, которымъ, вѣроятно, случалось слышать гдѣ-нибудь въ далекомъ захолюстѣ разсужденія простолюдиновъ о томъ, что исправникъ гнететь, становой притѣсняетъ, посредникъ дѣйствуетъ неправильно, что всѣ эти разсужденія оканчивались однимъ выводомъ, что правительство гнететь, причемъ тотчасъ же указывается, что если бы царь былъ близко и зналъ, то онъ не позволилъ бы этого дѣлать. Но гдѣ же въ этомъ хотя бы и порицаніи правительства—дерзостное порицаніе верховной власти? Затѣмъ, всѣ другія обстоятельства, которыхъ приведено шесть въ заключительной части обвинительнаго акта, не даютъ никакого права заключать о томъ, чтобы здѣсь могла быть рѣчь объ отрицаніи правъ или даже значенія верховной власти. Защитникъ находитъ необходимымъ исключить изъ обвинительнаго акта еще нѣкоторыя слова, которыя, по его мнѣнію, попали въ него не совершенно правильно, такъ какъ они не вытекаютъ изъ того, что говорится въ самомъ же актѣ. Такъ сказано, что «люди собрались вслѣдствіе распространившихся между ними свѣдѣній о готовившемся на это число выраженіи враждебныхъ правительству мнѣній». Изъ актовъ дознанія и изъ того, что было на судѣ, видно, что никогда не говорилось о томъ, что предполагается выраженіе какихъ бы то ни было мнѣній. Предполагалось только, что будетъ панихида. Установкою, что лица пришли для выслушанія выраженія мнѣній, самый приходъ ихъ приводится въ связь съ слушаніемъ рѣчи. Между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности этого не было. Произреченіе же рѣчи, никѣмъ нежданной, не можетъ быть постановлено въ вину участвовавшимъ въ толпѣ. Затѣмъ всѣ другія части обвиненія, поставленныя въ обвинительномъ актѣ, не заключаютъ въ себѣ указаній ни на какія дѣйствія, которыя могли бы подходить подъ преступленіе, предусмотрѣнное 252 ст. улож. о нак. Правда, есть въ обвинительномъ актѣ слова «порицаніе установленнаго законами государственнаго порядка». Но защитникъ не знаетъ, что значитъ «установленный законами государственный порядокъ». Изъ терминологіи нашего свода законовъ извѣстно, что есть законы основные, есть законы о порядкѣ управленія, но нигдѣ нѣтъ, законовъ «государственнаго порядка». Правда, есть еще въ обвинительномъ актѣ слова: «Толпою, получившею, вслѣдствіе вышеизложеннаго, характеръ явно возмутительнаго дѣйствія, двинулись отъ собора по площади, чѣмъ и сдѣлались участниками преступленія, предусмотрѣннаго 2 отдѣломъ 252 ст. улож. о нак.». Но и это обвиненіе также не подходитъ подъ тѣ слова, которыя стоятъ въ улож. о наказ. въ раздѣлѣ о государственныхъ преступленіяхъ. «Возмутительными дѣйствіями» могутъ быть на общепонятномъ и юридическомъ языкѣ и такія дѣйствія, которыя ничего противозаконнаго въ себѣ не заключаютъ. Употребленіе въ обвинительномъ актѣ такихъ словъ, которыми не выражаются признаки, установленныя закономъ уголовнымъ, доказываетъ, что нѣтъ этихъ признаковъ, и что нельзя употребить надлежащихъ словъ, которыми должно бы точно опредѣлить преступленія. Законъ употребляетъ слово «возмущеніе» не только противъ верховной власти. Такъ, на примѣръ, въ статьяхъ объ оскорбленіи и явномъ неуваженіи судебнымъ мѣстамъ и чинамъ употребляются слова «явное возстаніе» противъ порядка управленія. Но такое возстаніе не есть еще преступленіе государственное. Итакъ, по мнѣнію защиты, въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ преступленія государственнаго, а есть одинъ простой уличный безпорядокъ. Но если бы признавать что-нибудь большее, то является еще вопросъ: можно ли то, что произошло, ставить въ вину обвиняемымъ? Ст. 123 улож. о наказ. говоритъ, что могутъ быть случаи, когда, при совершеніи условленнаго преступленія, одинъ сдѣлаетъ гораздо болѣе, чѣмъ было условлено; а здѣсь не было даже условія, и потому сдѣланное однимъ распространяетъ на

другихъ нѣтъ возможности. Обвинительная власть говоритъ, что если бы кто не хотѣлъ принимать участія, то имѣлъ полную возможность уйти и не участвовать въ демонстраціи, для чего и было нѣсколько удобныхъ моментовъ. Но, во-первыхъ, нельзя не признать, что все произошло въ самое короткое время (минуты 3—5), и, во вторыхъ, нельзя не замѣтить другого мѣста изъ обвинительной рѣчи, гдѣ прокуроръ при обвиненіи подсудимаго Громова говорилъ о весьма естественномъ любопытствѣ. По мнѣнію защиты, это соображеніе совершенно правильно; оно естественно объясняетъ, что люди не ушли въ тѣ моменты, въ которые могли уйти, а остались. Если любопытно было для одного, то не менѣе любопытно и для другихъ. Перейдя къ другому обвиненію—въ сопротивленіи полицейской власти, защитникъ высказалъ въ дополненіе къ приведенному другими защитниками, что толкованіе относительно 269 ст. уложен. о наказ., которое выводилъ представитель обвинительной власти изъ этой статьи, не можетъ быть допущено. По мнѣнію обвиненія, полиція обязана предложить толпѣ разойтись только въ томъ случаѣ, если не было никакого нарушенія порядка со стороны участниковъ толпы. Но такой случай совершенно невозможенъ, потому что одно образование толпы уже можетъ считаться нарушеніемъ порядка. Прокуроръ говоритъ, что полиція хотѣла сдѣлать прекращеніе противозаконнаго дѣянія, а какъ это противозаконное дѣяніе заключалось въ томъ только, что толпа двинулась и пошла, то все, что можно было сдѣлать полиціи—это потребовать отъ толпы разойтись. Ничего подобнаго здѣсь сдѣлано не было. Но затѣмъ возникаетъ вопросъ о томъ, что не такъ нужно понимать обязанность полиціи, будто она должна была только прекратить бизпорядокъ, что обязанность ея заключалась въ арестованіи. И вотъ здѣсь-то, при исполненіи этой обязанности полиціи, и совершилось то, что теперь называютъ сопротивленіемъ, будто-бы соединеннымъ съ явнымъ насиліемъ, которое преслѣдуется по 266 ст. улож. о наказ. Но если бы обвиненіе такъ поставило вопросъ, имѣя въ виду 315 ст., которая говоритъ о препятствіяхъ къ задержанію подлежащихъ содержанію подъ стражею, то, можетъ быть, вышелъ бы и другой разговоръ. Между тѣмъ, обвиненіе приравниваетъ это къ такимъ дѣяніямъ, которыя ставятся наравнѣ съ тѣми, для усмиренія которыхъ требуется принятіе необыкновенныхъ мѣръ. По мнѣнію защиты, къ данному случаю не можетъ быть примѣнена и 315 ст., такъ какъ изъ показаній полицейскихъ вовсе не видно, чтобы они заявляли какое-нибудь требованіе о томъ, чтобы было задержано то или другое лицо. Такимъ образомъ, въ настоящемъ дѣлѣ не было и того нарушенія, которое преслѣдуется этою статьею, не говоря уже о совершенной невозможности пр мнѣнтіе взгляды, высказанный обвинителемъ о томъ, что всякое лицо, самовольно вмѣшавшееся въ прекращеніе безпорядка становится тѣмъ самымъ агентомъ власти и ограждается дѣйствіемъ тѣхъ страшныхъ законовъ, о которыхъ говорили всѣ защитники. Затѣмъ защитникъ перешелъ къ разбору уликъ, выставленныхъ противъ подсудимаго Морошкина, и обратилъ вниманіе особаго присутствія на показаніе Морошкина, приведенное въ обвинительномъ актѣ, показавшаго на первомъ же допросѣ, что онъ пошелъ къ одной знакомой своей матери, которую знаетъ и назвалъ по имени и отчеству, но забылъ фамилію, такъ какъ фамилія нѣмецкая и ему затруднительно было помнить ее. Онъ и шелъ, чтобы попросить денегъ выкупить свое платье. Что онъ тогда нуждался въ тепломъ платьѣ—это обстоятельство не представляется сомнительнымъ. Что онъ не умѣлъ назвать номера дома, гдѣ проживала знакомая, это ровно ничего не значить, потому что стоило только предложить ему показать домъ, и подсудимый показалъ бы самый домъ. Что Морошкинъ нуждался въ то время въ средствахъ, это видно изъ представ-

леннаго защитою свидѣтельства завода, гдѣ удостовѣряется, что Морошкину было отказано отъ работы вслѣдствіе уменьшенія производства. Морошкинъ—молодой человекъ 18 лѣтъ, идетъ по площади, видитъ столкновение—неужели, въ самомъ дѣлѣ, нужно ставить ему въ вину, что онъ не ушелъ оттуда? Онъ останавливается, и его берутъ. Другіе защитники уже указали достаточно ясно, какое значеніе можно придавать самому факту арестованія. Ни изъ дѣла, ни изъ свидѣтельскихъ показаній на судѣ не видно, кто его взялъ и что онъ тамъ дѣлалъ. Обвиненіе говоритъ, что если онъ шелъ туда, значитъ, виноватъ. Не говоря о томъ, что итти туда вовсе не значило итти на совершеніе государственнаго преступленія, и о томъ, что это обстоятельство остается недоказаннымъ, защитникъ указалъ на свидѣтельство Карльсона, который говоритъ, что подсудимый пошелъ въ Казанск... улицу или соборъ—не знаетъ, и такъ какъ былъ праздникъ, то онъ предположилъ, что Морошкинъ сказалъ ему, будто онъ пошелъ въ соборъ. Представитель обвинительной власти не вѣритъ этому показанію и говоритъ, что вѣрно только то показаніе, которое записано въ протоколѣ при дознаніи, а, между тѣмъ, въ отношеніи обвиненія Боголюбова въ покушеніи на убійство прокуроръ самъ призналъ, что изъ перекрестнаго допроса на судѣ онъ убѣдился, что не можетъ поддерживать этого обвиненія. Если такимъ образомъ онъ вынужденъ по отношенію къ Боголюбову признать извѣстное значеніе за перекрестнымъ допросомъ—этою лучшею стороною новаго уголовного процесса—значитъ, онъ признаетъ, что свѣдѣнія, которыя онъ имѣлъ до перекрестнаго допроса изъ одного дознанія, еще недостаточны. Такъ и въ данномъ случаѣ. Карльсона на дознаніи могли спросить, пошелъ ли Морошкинъ въ Казанскій соборъ, и онъ могъ отвѣтить утвердительно по своему предположенію, а когда здѣсь спросили его подробнѣе, то онъ объяснилъ, почему онъ такъ показалъ, и въ этихъ двухъ показаніяхъ нельзя даже видѣть никакого противорѣчія. Затѣмъ защитникъ обратилъ вниманіе особаго присутствія на ст. 143 улож. о нак., которая говоритъ о вовлеченіи въ преступленіе несовершеннолѣтнихъ другими совершеннолѣтними. Наконецъ, защитникъ находилъ, что той связи между подсудимыми Потаповымъ, Морошкинымъ и другими лицами рабочаго класса и лицами, находящимися въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, на которую указывалъ прокуроръ, вовсе не существуетъ, по крайней мѣрѣ, эта связь ничѣмъ не подкрѣплена. Прокуроръ высказалъ такое положеніе, что эта связь составляетъ отличительный признакъ нашего времени, что на нее слѣдуетъ обратить особое вниманіе, и что одни люди должны работать физическимъ трудомъ работника, а другіе работать въ другомъ направленіи, заниматься другими, высшими интересами. На чемъ основано это разграниченіе—защита не знаетъ и полагаетъ, что послѣ того, какъ явился Высочайшій манифестъ 19-го февраля 1861 г., вслѣдствіе котораго открылась полная возможность всякому заниматься тѣмъ, чѣмъ онъ желаетъ, такое подраздѣленіе не можетъ быть принимаемо въ какое-либо вниманіе. Во всякомъ случаѣ, связи Морошкина съ кѣмъ бы то ни было изъ настоящихъ подсудимыхъ не существуетъ. Былъ спрошенъ только одинъ свидѣтель, его знакомый, такой же какъ и онъ рабочій, Карльсонъ, добывающій себѣ хлѣбъ своимъ трудомъ. Въ заключеніе защитникъ снова обратилъ вниманіе особаго присутствія на тѣ юношескіе годы; въ которыхъ находится большинство подсудимыхъ.

Первоприсутствующій. Подсудимый Чернавскій! Вы, какъ отказавшійся отъ защитника, имѣете теперь право слова. Что вы имѣете сказать въ свою защиту? Подс. Чернавскій. Я имѣю сказать по поводу упрека, который брошенъ мнѣ обвиненіемъ. Обвинитель сказалъ, что я, признаваясь въ нѣкоторыхъ своихъ дѣйствіяхъ, часть ихъ утаиваю, чтобы умень-

шить свое наказаніе. Обвинитель ссылается на свидѣтеля Сидорова, который сначала указаль на Боголюбова, а потомъ на меня, и на основаніи его показаній отвергаетъ мои показанія. Я не знаю, можно ли заключить изъ моего отвѣта на первый вопросъ первоприсутствующаго, что я хочу уменьшить себѣ наказаніе. Я заявилъ, что признаю себя виновнымъ въ участіи въ сопротивленіи полиціи. Я заявилъ, что хотѣлъ нанести ударъ, но не пришлось, потому что воспрепятствовали обстоятельства. Слѣдовательно, былъ ли ударъ или нѣтъ—я думаю, что это обстоятельство не особенно можетъ уменьшить наказаніе. Что же касается моего мнѣнія, то во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ полиціи я не вижу ничего преступнаго. Мнѣ брошенъ еще другой упрекъ, который приводитъ меня въ недоумѣніе. Обвинительная власть заявляетъ, что я какъ будто рисуюсь, хочу показаться страдальцемъ за свои убѣжденія. Я не знаю, о какихъ убѣжденіяхъ толкуетъ обвинительная власть. Развѣ убѣжденія такая несложная штука, что съ однимъ крикомъ «ура» они могутъ развернуться передъ прокурорскимъ взоромъ? Развѣ онъ побываль въ моей душѣ, чтобы утверждать, что я хочу рисоваться? Больше ничего не имѣю. Подс. Бибергаль. Въ своей защитѣ я долженъ коснуться тѣхъ обстоятельствъ, которыя относятся собственно до меня. Все обвиненіе противъ меня построено на тѣхъ разъясненіяхъ, которыя даны на судѣ. Изъ этихъ разъясненій вы знаете, что 6-го декабря я былъ въ Казанскомъ соборѣ на панихидѣ, затѣмъ вышелъ на площадь и видѣлъ это ужасное красное знамя. Теперь будетъ умѣстно объяснить, отчего я отвѣчалъ на первый вопросъ первоприсутствующаго, что обстоятельства дѣла разъяснить. Но на тотъ же вопросъ, признаю ли я себя виновнымъ, я и теперь не могу отвѣчать, сдѣлалъ ли и какое-либо преступленіе. Если уважать память товарищей—а изъ тѣхъ людей, по которымъ предполагалось служить панихиду, многие были моими товарищами, сидѣли на одной школьной скамьѣ со мною—если это есть преступленіе, то, понятно, я тогда виноватъ. Затѣмъ, я видѣлъ знамя и слышалъ рѣчь. Но развѣ, имѣя глаза, можно не видѣть, и, имѣя уши, можно не слышать? Что касается сопротивленія полиціи, то обвиненіе не считало возможнымъ повторять это на судѣ, слѣдовательно, эта часть обвиненія падаетъ. Этимъ я кончилъ бы, но есть нѣкоторое обстоятельство, которое обрушилось на меня, благодаря заботливости полиціи о моемъ имуществѣ. Было найдено какое-то завалывшееся стихотвореніе, которое представлено суду. Я это обстоятельство не затронулъ бы, потому что стихотвореніе не читалось на судѣ, о немъ не было преній, такъ что судъ не долженъ объ этомъ судить, и самъ прокуроръ не настаиваетъ; онъ сдѣлалъ только заключеніе о связи между мною и Потаповымъ. Но законъ караетъ дѣйствія, а не идеи. Поэтому я не буду возражать противъ этого. Первоприсутствующій. Подсудимый Боголюбовъ, вы имѣете право послѣдняго слова. Подс. Боголюбовъ. Сказать что нибудь новаго—я ничего не имѣю. Развѣ подтвердить тѣ показанія, которыя я сдѣлалъ, что обстоятельства ареста были таковы, какъ я говорилъ, и что показанія Успенскаго я не могу себѣ объяснить: была ли тутъ недобросовѣстность или недоразумѣніе. Могло быть и то и другое. Подс. Гервасій. Въ виду соображеній, представленныхъ нашей защитой, и преимущественно моимъ защитникомъ, я считаю излишнимъ говорить о себѣ что-либо. Подс. Поповъ. Такъ какъ мой защитникъ высказалъ все, то въ добавленіе я не могу ничего сказать, кромѣ того, что я клянусь передъ Богомъ, что въ демонстрацію, въ которой меня обвиняютъ, положительно пошаль безъ всякаго сознанія. Я хотя о ней и зналъ заранѣе, т. е. наканунѣ, но я тогда не могъ донести о ней управляющему секретнымъ отдѣленіемъ, потому что въ послѣднее время онъ со мною обходилъ не хо-

рошо и сказалъ, чтобы я въ другой разъ безъ всякихъ данныхъ ему не докладывалъ ни о чемъ. Такъ какъ этотъ слухъ могъ оказаться ложнымъ, то наканунѣ я не считалъ нужнымъ докладывать и боялся, что онъ могъ выгнать меня. 6-же декабря я отправился на эту демонстрацію съ цѣлью увидѣть и тогда пойти и донести. Вотъ все, что я могу сказать. Подс. Потаповъ. Я не могу ничего особаго сказать, потому что я неграмотный. Защитникъ мой все сказалъ. Подс. Геллеръ. 18-го января, когда первоприсутствующій предложилъ мнѣ вопросъ, признаю ли я себя виновнымъ, я отвѣчалъ отрицательно. Это и подтвердилось отсутствіемъ свидѣтелей, которые показали бы что-нибудь такое, что могло быть противъ меня. Въ виду этого я признаю себя не виновнымъ въ соучастіи въ демонстраціи и обращаюсь къ Правительствующему Сенату, прося его справедливости, чтобы въ виду тѣхъ мученій, которыя намъ пришлось испытать въ управленіи Казанскаго участка, привлечены были къ отвѣтственности Успенскій, Клибикъ и Ритчеръ за тѣ дѣйствія, которыя они позволили себѣ въ отношеніи ко мнѣ и къ моимъ товарищамъ по обвиненію. Подс. Гуровичъ. Я не имѣю ничего добавить къ тому, что сказалъ мой защитникъ. Подс. Громовъ. Ничего не имѣю. Подс. Тимофеевъ. Тоже не имѣю ничего. Подс. Шефтель. Мой защитникъ сказалъ все, что можно было сказать. Подс. Бочаровъ. Я тоже ничего не имѣю. Подс. Надеждинъ. Обстоятельства объяснили мою невинность. Подс. Чернавскій. Такъ какъ прокуроръ коснулся моихъ убѣжденій, то считаю долгомъ заявить, что я не обнаружилъ никакихъ своихъ убѣжденій тѣмъ, что сочувственно относился къ рѣчи. Я обнаружилъ только человѣчскія чувства къ страдальцамъ за убѣжденія.— Остальные подсудимые заявили, что сказать ничего не имѣютъ. (По объявленіи первоприсутствующимъ судебныхъ преній оконченными, засѣданіе прервано до часу пополудни слѣдующаго дня).

По открытіи засѣданія прочитанъ вопросный листъ о виновности подсудимыхъ слѣдующаго содержанія: 1. Виновенъ ли подсудимый, личный почетный гражданинъ А. П. Боголюбовъ, въ томъ, что 6-го декабря 1876 г. намѣренно принялъ участіе въ дѣйствіяхъ шумѣвшей на площади передъ Казанскимъ соборомъ въ Петербургѣ толпы, собравшейся съ цѣлью дерзостнаго порицанія установленнаго законами образа правленія, каковая цѣль и была выражена публичнымъ произнесеніемъ однимъ изъ толпы лицомъ рѣчи, соотвѣтствующей упомянутой цѣли, и выставленіемъ флага съ революціонной надписью: «земля и воля»? Такой же вопросъ поставленъ относительно всѣхъ остальныхъ подсудимыхъ, и сверхъ того слѣдующіе вопросы: 8. Совершая изложенное въ первомъ вопросѣ преступленіе, дѣйствовало ли подсудимая Шефтель съ полнымъ разумѣніемъ? 10. Совершая изложенное въ первомъ вопросѣ преступленіе, дѣйствовалъ ли подсудимый Потаповъ съ полнымъ разумѣніемъ? 17. Совершая изложенное въ первомъ вопросѣ преступленіе, находился ли подсудимый Новаковскій въ припадкѣ умоизступленія или безпамятства? 25. Виновенъ ли подсудимый Боголюбовъ въ томъ, что при оказанномъ упомянутою въ первомъ вопросѣ толпою явномъ, соединенномъ съ насиліемъ, сопротивленіи чинамъ мѣстной полиціи, приступившимъ въ силу возложенной на нихъ закономъ обязанности къ прекращенію описаннаго противозаконнаго дѣянія и къ задержанію участвовавшихъ въ ономъ, наносилъ удары чинамъ полиціи? Такого же содержанія вопросъ поставленъ о подсудимыхъ: Гервасіи, Бибергалъ, Бочаровъ, Надеждинъ, Чернавскомъ и Шефтель. 32. Совершая преступленіе, изложенное въ 25-мъ вопросѣ, дѣйствовала ли подсудимая Шефтель съ полнымъ разумѣніемъ? 33. Виновенъ ли подсудимый студентъ медикохирургическаго академіи Я. Е. Гуровичъ въ томъ, что при оказаніи вышеупомянутою толпою означеннаго въ 25-мъ вопросѣ насилія съ

противленія полицейской власти, онъ помогаль тѣмъ изъ среды толпы лицамъ, въ дѣйстви:хъ которыхъ непосредственно выразилось это сопротивление? 34. Виновны ли въ преступленіи, изложенномъ въ 33-мъ вопросѣ, подсудимые: Громовъ, Поповъ, Фалинъ, Геллеръ, Ивановъ (Савельевъ), Моршквинъ, Тимофеевъ, Григорьевъ, Ильяшенко, Николаевская, Иванова, Потаповъ и Новаковский? 35. Совершая изложенное въ 33-мъ вопросѣ преступленіе, дѣйствовали ли подсудимый Потаповъ съ полнымъ разумѣніемъ? 36. Совершая изложенное въ 33-мъ вопросѣ преступленіе, находился ли подсудимый Новаковский въ припадкѣ умоизступленія или совершеннаго безпамятства? 37. Виновенъ ли подсудимый Боголюбовъ въ томъ, что 6-го декабря 1876 г., въ помѣщеніи 1-го участка Казанской части, сопротивляясь полицейскимъ служителямъ, умышленно посягнувъ на жизнь служителя Клибика, спустивъ курокъ заряженнаго револьвера, направленнаго въ означеннаго Клибика, причеиъ выстрѣла не послѣдовало оттого, что Клибикъ успѣлъ отвести револьверъ въ сторону и въ то же время вырвать барабанъ съ патронами, разсыпавшимися по полу? и 38. Виновенъ ли подсудимый Бибергаль въ томъ, что оставилъ найденное, въ его бумагахъ, писанное и исправленное его рукою стихотвореніе возмутительнаго содержанія, направленное къ возбужденію бунта и явнаго неповиновенія власти верховной? Защита просила, въ дополненіе этихъ вопросовъ, поставить слѣдующіе: вопросъ 1-й изложить согласно обвинительному акту въ слѣдующей редакціи: виновенъ ли Архипъ Боголюбовъ въ томъ, что 6-го декабря 1876 г., по окончаніи богослуженія въ Казанскомъ соборѣ, въ которомъ онъ вмѣстѣ съ другими лицами былъ вслѣдствіе распространившихся между ними слуховъ о готовившемся на это число выраженіи враждебныхъ правительству мнѣній, вышелъ съ другими лицами на площадь, слушалъ произносившуюся изъ среды нихъ рѣчь, направленную къ нарушенію установленнаго законами государственнаго порядка и образа правленія, выражалъ сочувствіе какъ означенной рѣчи, такъ и поднятію флага съ революціоннымъ воззваніемъ «земля и воля», громкими криками и знаками одобренія, а затѣмъ вмѣстѣ съ толпою двинулся отъ собора къ площади? Затѣмъ защита просила раздѣлить 25-й вопросъ на два, а именно: 1. Оказаль ли сопротивление и 2. наносилъ ли удары, причеиъ сдѣлать прибавленіе по признакамъ 269 ст. улож. о нак., а именно: 1. Виновенъ ли Боголюбовъ въ томъ, что оказалъ явное, соединенное съ насиліемъ, сопротивление служителямъ мѣстной полиціи и не ушелъ добровольно съ мѣста безпорядка послѣ сдѣланнаго полиціей воззванія съ предложеніемъ разойтись? Затѣмъ поставить вопросъ по признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго 38 ст. уст. о нак., нал. мир. суд., въ такой формѣ: 2. Если подсудимый Архипъ Боголюбовъ не виновенъ по 25-му вопросу, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что вмѣстѣ съ другими лицами нарушилъ 6-го декабря 1876 г. тишину и спокойствіе на Казанской площади, учинилъ буйство и нанесъ удары полицейскимъ служителямъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей по возстановленію тишины и порядка? Далѣе защита просила поставить вопросъ по статьѣ 143 улож. о наказ. относительно несовершеннолѣтнихъ подсудимыхъ, а именно: если подсудимый Иванъ Антоновъ Гервасій виновенъ въ одномъ изъ вышеозначенныхъ преступныхъ дѣяній, то не былъ ли онъ вовлеченъ въ это преступленіе другимъ совершеннолѣтнимъ лицомъ? Затѣмъ поставить дополнительный вопросъ къ вопросамъ 25 и 26, чтобы, согласно ст. 266 улож. о нак., имѣть возможность раздѣлить обвиняемыхъ на главныхъ виновниковъ и участниковъ, а именно: «Если подсудимый Архипъ Боголюбовъ виновенъ по 25-му вопросу, то, совершая означенное въ этомъ вопросѣ дѣйствіе, не помогаль ли онъ другимъ главнымъ виновникамъ означеннаго преступленія?» Нако-

нецъ, не признавая подсудимыхъ виновными въ государственномъ преступленіи, защита просила поставить вопросъ примѣнительно къ статьѣ 1035 улож. о нак., а именно: «Если Архипъ Боголюбовъ не виновенъ по 1-му вопросу, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что 6-го декабря 1876 г. на площади Казанскаго собора, при обстоятельствахъ, описанныхъ въ первомъ вопросѣ, слушалъ рѣчь, направленную къ колебанію общественнаго довѣрія къ дѣйствующимъ въ Имперіи законамъ или постановленіямъ и распоряженіямъ правительственныхъ и судебныхъ установленій, выражалъ какъ означенной рѣчи, такъ и поднятію краснаго флага съ воззваніемъ «земля и воля» громкими криками одобреніе и вмѣстѣ съ толпою двинулся отъ собора къ площади?» По выслушаніи заключенія товарища прокурора, который признавалъ возможнымъ удовлетворить ходатайство защиты только въ отношеніи постановки вопроса по ст. 143 улож. о нак., остальные же ходатайства удовлетворенію не подлежащими, и, рассмотрѣвъ заявленіе защиты, особое присутствіе не признало возможнымъ сдѣлать требуемыя измѣненія въ постановленныхъ имъ вопросахъ, а также поставить указанные защитой новые вопросы и въ дополненіе постановленнымъ, по неимѣнію въ виду надлежащихъ къ тому основанийъ въ судебномъ слѣдствіи. Засимъ особое присутствіе утвердило постановленные имъ вопросы и удалилось для совѣщанія, послѣ коего первоприсутствующій провозгласилъ слѣдующіе отвѣты: На вопросъ 1-й: Да, виновенъ. На этотъ же вопросъ относительно остальныхъ подсудимыхъ данъ такой же утвердительный отвѣтъ, за исключеніемъ подсудимыхъ Надеждина, Иванова (Савельева) и Морошкина, на вопросъ о которыхъ былъ отвѣтъ: Нѣтъ, не виновенъ. На вопросъ 8-й: Да, съ полнымъ разумѣніемъ. На 10-й: Да, съ полнымъ разумѣніемъ. На 17-й: Не находился. На вопросы: 25-й, 26-й, 27-й, 28-й, 30-й и 31-й: Да, виновенъ. На 29-й (о Надеждинѣ): Нѣтъ, не виновенъ. На вопросъ 32-й: Да, съ полнымъ разумѣніемъ. На вопросъ 33-й: Да, виновенъ, за исключеніемъ Иванова (Савельева) и Морошкина, на вопросъ о которыхъ былъ отвѣтъ: Нѣтъ, не виновенъ. На вопросъ 35-й: Да, съ полнымъ разумѣніемъ, и на 36-й: Нѣтъ, не находился. На вопросъ 37-й: Нѣтъ, не виновенъ, и на вопросъ 38-й: Да, виновенъ. Товарищъ прокурора: На основаніи 1-го пункта 771 ст. уст. угол. суд., въ виду состоявшагося рѣшенія особаго присутствія Правительствующаго Сената, я полагаю бы въ настоящее время освободить обвинявшихся Надеждина, Иванова и Морошкина изъ-подъ стражи и признать ихъ по суду оправданными. Первоприсутствующій: Г. частный приставъ! сдѣлайте распоряженіе, чтобы подсудимые: Ивановъ, Морошкинъ и Надеждинъ не были отводимы въ тюрьму (Засимъ засѣданіе было прервано до часу пополудни слѣдующаго дня).

По открытіи засѣданія, первоприсутствующій предложилъ товарищу прокурора, въ виду состоявшагося рѣшенія особаго присутствія, дать заключеніе о наказаніи подсудимыхъ. Товарищъ прокурора. Въ виду послѣдовавшихъ отвѣтовъ о виновности подсудимыхъ, я полагаю примѣнить статьи закона, указанныя въ обвинительномъ актѣ, а именно: 251, 252, 262 и 264 улож. онаказ. Затѣмъ я имѣю честь ходатайствовать передъ особымъ присутствіемъ Правительствующаго Сената о снисхожденіи для тѣхъ подсудимыхъ, которые являются несовершеннолѣтними и которые вмѣстѣ съ тѣмъ выказали въ своихъ объясненіяхъ въ извѣстной степени чистосердечное сознаніе и къ числу которыхъ я причисляю подсудимую Шефтель. Первоприсутствующій предложилъ защитѣ сдѣлать заявленія въ отношеніи примѣненія наказанія. Никто изъ защитниковъ не сдѣлалъ никакого заявленія. Сами подсудимые также. Особое присутствіе поставило на свое разрѣшеніе вопросъ: какому подлежатъ по закону наказанію признанные

виновными по настоящему дѣлу подсудимые? Послѣ чего оно удалилось для совѣщанія.

Резолюція Судебной Палаты.

25-го января, въ 3^{1/2} часа пополудни, объявлена слѣдующая резолюція по дѣлу о преступной демонстраціи, бывшей на Казанской площади 6-го декабря 1876 года: 1877 года, января отъ 18-го до 25-го, по указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, въ особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, выслушавъ дѣло и пренія сторонъ, призналъ: 1. Подсудимыхъ Боголюбова, Гервасія, Бибергалья, Чернавскаго, Бочарова, Шефтель, Гуровича, Громова, Попова, Фалина, Геллера, Тимофеева, Григорьева, Потапова, Новаковскаго, Ильяшенко, Николаевскую и Иванову—участниками въ дерзостномъ порицаніи установленнаго государственными законами образа правленія. 2. Сверхъ того, первыхъ шестерыхъ—главными виновными въ насильственномъ сопротивленіи полицеской власти, а остальныхъ двѣнадцать—участниками въ этомъ сопротивленіи, и Бибергалья—виновнымъ въ составленіи стихотворенія, направленнаго къ возбужденію бунта. 3. Надеждина, Морошкина и Иванова (онъ же Савельевъ)—не виновными по настоящему дѣлу. Вслѣдствіе сего и на основаніи ст. 251 ч. 3, 252 ч. 2, 264, 266, 134, 139, 150, 152, 19 степ. 3, 5 и 7 и 20 ст. улож. о наказ. и ст. 774 и 775 уст. уг. суд., Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1. Боголюбова—24 лѣтъ, Бибергалья—22, Чернавскаго—22, Бочарова—21 года и Гервасія—19 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы: Боголюбова, Бибергалья и Чернавскаго—въ рудникахъ на 15 лѣтъ, а Бочарова и Гервасія—въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ; 2. Фалина—24 лѣтъ, Новаковскаго—25, Николаевскую—21, Ильяшенко—22, Иванову—20 и Гуровича—18 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе; 3. Шефтель—16 лѣтъ, Потапова—16, Геллера—20, Попова—21 года, Громова—23, Григорьева—18 и Тимофеева—23 лѣтъ, признать подлежащими, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ: Шефтель—въ каторжныя работы на 6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, а всѣхъ прочихъ шестерыхъ—въ Сибирь на поселеніе; но во вниманіе къ свойственному ихъ лѣтамъ легкомыслію, къ отсутствію той обдуманности въ дѣйствіяхъ, которая представляется относительно лицъ, оказавшихся болѣе виновными по настоящему дѣлу, и наконецъ, къ тому, что трое изъ сихъ подсудимыхъ, принадлежитъ къ крестьянскому сословію, могли быть вовлечены въ преступленіе только вліяніемъ той чуждой этому сословію среды, изъ которой исходятъ преступныя стремленія, порождающія дѣла, подобныя настоящему—повергнуть сіе особое уваженіе на милостивое воззрѣніе Государя Императора и ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ упомянутымъ выше семью подсудимымъ опредѣленнаго имъ по закону наказанія: ссылкой Шефтель, Геллера, Попова и Громова на житье въ Тобольскую губернію, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а въ отношеніи крестьянъ Потапова, Тимофеева и Григорьева—отдачею ихъ въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей на пять лѣтъ, съ порученіемъ ихъ тамъ особому попеченію монастырскаго начальства для исправленія ихъ нравственности и утвержденія ихъ въ правилахъ христіанскаго долга; 4. Надеждина, Иванова (Савельева) и Морошкина оправдать; 5. настоящій приговоръ относительно Бочарова, Ильяшенко и Ивановой, на основаніи 945 ст. уст. угол. суд., представить, прежде исполненія, на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе. Засимъ первоприсутствующій объявилъ, что приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ 8-го февраля, въ 10 часовъ

утра. На вопросъ, кто изъ подсудимыхъ желаетъ получить копию съ приговора, всѣ подсудимые заявили желаніе получить копию.

Сенатское рѣшеніе по дѣлу Боголюбова¹⁾.

(№ 40. 1877 года марта 7-го дня ²⁾).

По жалобамъ арестантовъ: Боголюбова, Гервасія, Фалина, Бочарова, Новаковскаго, Потапова, Ильяшенко, Ивановой и Николаевской и присоединившихся къ нимъ Бибергала, Чернавскаго, Геллера и Гуровича на приговоръ особаго присутствія Правительствующаго Сената.

Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ В. Г. Черноглазовъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. А. Червинскій; заключеніе давалъ Исполняющій обязанности Оберъ-Прокурора Д. Б. Бергъ.

Правительствующій Сенатъ въ особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ разсматривалъ дѣло о преступномъ сходбищѣ, бывшемъ на Казанской площади, въ С.-Петербургѣ, 6 декабря 1876 года. Согласно постановленнымъ вопросамъ и состоявшемуся затѣмъ приговору, особое присутствіе нашло, что въ числѣ прочихъ подсудимыхъ, преданныхъ суду по обвиненію въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 3 ч. 251, 2 ч. 252, 262, 264 и 266 ст. улож. о наказ., личный почетный гражданинъ Архипъ Боголюбовъ, студенты медико-хирургической академіи: сынъ урядника Иванъ Гервасій и мѣщанинъ Александръ Бибергаль, потомственный почетный гражданинъ Михаилъ Чернавскій, студентъ технологическаго института Евгений Бочаровъ, студентъ медико-хирургической академіи, купеческій сынъ Яковъ Гуровичъ, купеческій сынъ Николай Фалинъ, купеческій сынъ Семень Геллеръ, крестьянинъ Яковъ Потаповъ, мѣщанинъ Ефимъ Новаковскій, дочь дворянина Варвара Ильяшенко, дочь майора Софья Иванова и дочь чиновника Лидія Николаевская—виновны въ томъ: 1, что 6 декабря 1876 года намѣренно приняли участіе въ дѣйствіяхъ шумѣвшей на площади передъ Казанскимъ соборомъ толпы, собравшейся съ цѣлью дерзостнаго порицанія установленнаго законами образа правленія, каковая цѣль и была выражена публичнымъ произнесеніемъ однимъ изъ той толпы лицомъ соотвѣтствующей упомянутой цѣли рѣчи, криками одобренія этой рѣчи и выставленіемъ флага съ революціонною надписью: «земля и воля»; 2, что всѣ означенные подсудимые участвовали въ оказанномъ толпою явномъ, соединенномъ съ насиліемъ, сопротивленіи чинамъ мѣстной полиціи, приступившимъ, въ силу возложенной на нихъ закономъ обязанности, къ прекращенію вышеизложеннаго противозаконнаго дѣянія и къ задержанію участвовавшихъ въ ономъ, причѣмъ Боголюбовъ, Гервасій, Бибергаль, Чернавскій и Бочаровъ принимали непосредственное участіе въ означенномъ насильственномъ сопротивленіи, нанося удары чинамъ полиціи, и являются вслѣдствіе сего главными виновными, прочіе же помогли лишь имъ въ насильственномъ сопротивленіи. Подсудимый же Бибергаль, независимо отъ участія въ вышеупомянутыхъ преступныхъ дѣйствіяхъ, оказывается виновнымъ и въ томъ еще, что составилъ найденное въ его бумагахъ, написанное и исправленное его рукою стихотвореніе, по содержанию своему направленное къ возбужденію бунта и явнаго неповиновенія Власти Верховной.

1) Рѣшенія Общѣхъ Собраній Кассационныхъ и Перваго и Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената 1877 г., стр. 101—110.

2) Мы перепечатаваемъ цолностью это сенатское рѣшеніе, въ виду того, что оно приобрѣло въ нашей судебной практикѣ руководящее значеніе и легло въ основу самыхъ послѣднихъ судебныхъ рѣшеній по дѣламъ о политическихъ демонстраціяхъ.

Обращаясь къ опредѣленію наказанія, коему подлежатъ подсудимые за преступныя дѣянія, въ коихъ они признаны виновными, Правительствующій Сенатъ нашель: 1. что первое изъ означенныхъ дѣяній, заключающееся въ участіи въ дерзостномъ порицаніи установленнаго законами образа правленія, предусмотрѣно во 2-й ч. 252 ст. улож. о нак.; 2. что второе преступленіе, въ которомъ признаны виновными подсудимые по сему дѣлу, по признакамъ своимъ соотвѣтствуетъ преступленію, предусмотрѣнному въ 264 ст. улож. о наказ., такъ какъ въ настоящемъ случаѣ явное противъ полицейской власти насиліе, учиненное толпою буйствовавшихъ людей, направлено было къ тому, чтобы этимъ путемъ воспрепятствовать исполненію со стороны полиціи закономъ предписываемыхъ оной, въ подобныхъ случаяхъ, мѣръ, которыя, согласно 159 ст. XIV т. уст. о предупр. и прес. прест., могли состоять только въ томъ, чтобы заставить разойтись шумное и безпорядочное скопище людей, дерзнувшихъ публично порицать установленный законами образъ правленія, и задержать виновныхъ въ такомъ дѣяніи лицъ, и 3. что преступленіе, въ коемъ оказывается виновнымъ подсудимый Бибергаль, а именно: составленіе стихотворенія вышеупомянутого преступнаго содержанія, предусмотрѣно въ 3ч. 251 ст. улож. о наказ.

Вслѣдствіе всего изложеннаго, принимая въ соображеніе совокупность преступленій (152 ст. улож. о наказ.), степень участія каждаго изъ подсудимыхъ, возрастъ ихъ, а равно и обстоятельства, увеличивающія и уменьшающія вину, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: 1. подсудимыхъ Боголюбова, Бибергалья, Чернавскаго, Бочарова и Гервасія лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу: Боголюбова, Чернавскаго и Бибергалья въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ, а Бочарова и Гервасія въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ; 2. Фалина, Новаковского, Ильяшенко, Иванову, Николаевскую и Гуровича лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе, и 3. участь подсудимыхъ Геллера и Потапова повергнуть Монаршему милосердію, съ тѣмъ: не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству, во уваженіе особыхъ смягчающихъ вину ихъ обстоятельствъ, Всемилостивѣйше повелѣтъ слѣдующее имъ по закону наказаніе — лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ Сибирь на поселеніе, — замѣнить въ отношеніи Геллера ссылкой на житье въ Тобольскую губернію съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, а въ отношеніи Потапова отдачею его въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей на пять лѣтъ, съ порученіемъ его тамъ особому попеченію монастырскаго начальства, для исправленія его нравственности и утвержденія въ правилахъ христіанскаго и вѣрноподданническаго долга. На этотъ приговоръ всѣ поименованные выше подсудимые принесли Общему Собранію Касціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената жалобы на неправильное примѣненіе къ нимъ законовъ о наказаніи. Въ этихъ жалобахъ Архипъ Боголюбовъ и Иванъ Гервасій объясняютъ: 1. что 2ч. 252 ст. улож. о нак., по прямому смыслу ея, опредѣляетъ наказаніе изобличеннымъ въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій, направленныхъ противъ Верховной Власти, и всѣмъ участвовавшимъ завѣдомо въ этомъ преступленіи; они же, подсудимые, не признаны виновными ни въ распространеніи сочиненій, ни въ произнесеніи рѣчей, о которыхъ упоминается въ 1 ч. 252 статьи, ни въ участіи въ этихъ преступленіяхъ, а лишь въ участіи въ выраженіи одобренія рѣчи, т. е. въ сочувствіи ей. Но участіе въ самомъ преступленіи и сочувствіе ему не одно и то же, и въ практикѣ особаго присутствія Правительствующаго Сената, по дѣлу о распространеніи преступныхъ сочиненій въ лейбъ-гвардіи Московскомъ полку, подобный случай—именно слушаніе и сочувствіе чтенію книгъ

преступнаго содержанія, подводился подъ понятіе недонесенія о преступленіи; 2. что ст. 264 улож. о нак. и объясняющая ее 263 ст. говорятъ о противодѣйстви властямъ, произведенномъ съ явнымъ насиліемъ и непремѣнно съ намѣреніемъ или воспрепятствовать обнародованію Высочайшихъ указовъ, манифестовъ, законовъ, или другихъ постановленій и объявленій правительства, или же не допустить исполненія указовъ или предписанныхъ правительствомъ распоряженій и мѣръ, или принудить эти власти къ чему-либо несогласному съ ихъ долгомъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ изъ вышеупомянутыхъ преступныхъ дѣйствій подсудимые не обвинялись, и они признаны виновными въ сопротивленіи съ насиліемъ чинамъ мѣстной полиціи при арестованіи ихъ, т. е. въ ослушаніи и оскорбленіи дѣйствіемъ тѣхъ чиновъ, что предусмотрено въ 30 и 31 ст. уст. о наказ., и 3 что въ вопросахъ о виновности, разрѣшенныхъ особымъ присутствіемъ, не предусмотрено тѣ обстоятельства, изъ которыхъ можно было бы вывести, чтобы они, подсудимые, были главными виновниками безпорядковъ, ибо непосредственное участіе, которое по рѣшенію особаго присутствія, они принимали въ сопротивленіи власти, одинаково характеризуетъ какъ главныхъ виновниковъ, такъ и участниковъ, такъ какъ и эти послѣдніе могутъ помогать главнымъ виновникамъ, принимая непосредственное участіе въ преступленіи (ст. 12 улож. о наказ.). А потому въ виду правила, что всякое сомнѣніе должно толковаться въ пользу подсудимыхъ и разъясненія Правительствующаго Сената 1871 г. № 807, особое присутствіе не имѣло основаній примѣнять законъ о главныхъ виновникахъ.

На основаніи изложеннаго, Боголюбовъ и Гервасій ходатайствуютъ объ измѣненіи состоявшагося объ нихъ приговора, замѣнивъ опредѣленное въ немъ наказаніе указаннымъ въ 30 и 31 ст. уст. о наказ. Къ этой жалобѣ присоединились: Николай Фалинъ, Александръ Бибергаль, Михаилъ Чернавскій, Семень Геллеръ, Яковъ Гуровичъ и Ефимъ Новаковскій, который вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ, что въ приговорѣ не указано, въ чемъ именно состоитъ его участіе, что явно нарушаетъ 12 ст. улож. о наказ., разъясненную въ такомъ же смыслѣ и Правительствующимъ Сенатомъ во многихъ рѣшеніяхъ, въ особенности, по дѣлу Талтыкова, 1870 г. номеръ 367; Евгеній Бочаровъ, заявляя также желаніе присоединиться къ поданнымъ уже кассационнымъ жалобамъ и объясняя, что порицаніе дѣйствій агентовъ правительственной власти не должно быть подводимо подъ карательный законъ, предусматривающій оспариваніе или подверженіе сомнѣнію неприкосновенности правъ Верховной Власти, или же дерзостное порицаніе установленнаго государственными законами образа правленія, которое особое присутствіе отождествляетъ съ порядкомъ государственнаго управленія, и что явное противъ властей правительствомъ установленныхъ возстаніе, съ явнымъ насиліемъ и безпорядками (263 и 264 ст. улож. о нак.), не имѣетъ ничего общаго въ упорномъ нарушеніемъ цѣлою толпою людей общественной тишины въ публичныхъ мѣстахъ, хотя бы такой безпорядокъ и прекращенъ былъ силою (2 и 3 п. 38 ст. уст. о наказ.),—ходатайствуетъ объ измѣненіи состоявшагося объ немъ приговора, а вмѣстѣ съ тѣмъ просить, на основаніи 249 и 252 ст. учрежд. суд. уст., войти въ сношеніе съ Министромъ Юстиціи о неправильномъ содержаніи его, по распоряженію прокурорскаго надзора с.-петербургской судебной палаты въ одиночномъ заключеніи, которому онъ не можетъ уже подлежать, какъ осужденный приговоромъ особаго присутствія Правительствующаго Сената.

Наконецъ, Яковъ Потаповъ, Варвара Ильяшенко и Софья Иванова, приводя противъ правильности примѣненія къ преступнымъ дѣяніямъ ихъ 2 ч. 252 и 264 ст. улож. о наказ. тѣ же самыя возраженія, которыя изложены въ кассационной жалобѣ Боголюбова и Гервасія, и, находя съ сво-

ей стороны, что къ нимъ должны быть примѣнены 30 и 38 ст. уст. о нак., —объясяють въ своей жалобѣ, что особое присутствіе Правительствующаго Сената вышло изъ предѣловъ обвинительнаго акта, обвинительная формула котораго не соотвѣтствуетъ признакамъ 252 ст. ул. о нак., что знамя съ надписью «земля и воля» не можетъ быть названо революціоннымъ, какъ потому, что этотъ девизъ можетъ служить настолько же знакомъ мирнаго ходатайства, какъ и требованія, такъ и по существу своему вовсе не обозначаетъ нападковъ на существующій образъ правленія, такъ какъ «земля» есть понятіе чисто экономическое, а не политическое, а «воля» обозначаетъ всякую льготу. Кромеъ этого, они указываютъ на нарушеніе 20 ст. улож. о наказ. не обозначеніемъ въ приговорѣ особаго присутствія Правительствующаго Сената, въ отдаленнѣйшія или въ не столь отдаленныя мѣста Сибири они должны быть отправлены. Къ этой послѣдней жалобѣ присоединилась Лидія Николаевская.

По выслушаніи заключенія исп. об. Оберъ-Прокурора, а равно объясненія защитниковъ подсудимыхъ (присяжныхъ повѣренныхъ Турчанинова и и Ольхина) Общее Собраніе Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената находитъ: 1. что указаніе подсудимыхъ на признаніе ихъ виновными лишь въ томъ, что они выражали одобреніе или сочувствіе произнесенной на Казанской площади рѣчи, и, слѣдовательно, могли подлежать наказанію лишь, какъ за недонесеніе, или же, какъ объясняютъ нѣкоторые изъ подсудимыхъ, не должны были быть вовсе подвергаемы наказанію, —не соотвѣтствуетъ тѣмъ фактическимъ признакамъ ихъ преступнаго дѣянія, въ которомъ они признаны виновными. Особое присутствіе нашло, что подсудимые намѣренно приняли участіе въ дѣйствіяхъ шумѣвшей на площади передъ Казанскимъ соборомъ толпы, собравшейся съ цѣлью дерзостнаго порицанія установленнаго закономъ образа правленія, каковая цѣль и была выражена публичнымъ произнесеніемъ однимъ изъ той толпы лицомъ соотвѣтствующей рѣчи. Выраженіе «намѣренно» опредѣляетъ, что они знали цѣль, съ которою собралась толпа, и приняли участіе въ дѣйствіяхъ означенной толпы криками одобренія и выставленіемъ революціоннаго знамени съ надписью: «земля и воля». Такое преступное дѣяніе прямо соотвѣтствуетъ 252 ст. улож. о нак., предусматривающей, между прочимъ, дерзостное порицаніе установленнаго закономъ образа правленія, и подвергаетъ всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ преступленіи, по 2 ч. 252 ст., установленному въ первой части этой статьи наказанію. Что таковое именно смыслъ 2 ч. 252 ст.—подтверждается слѣдующими соображеніями: а) если предположить, что выраженіе: «всѣ участвовавшіе завѣдомо въ семъ преступленіи» относится только къ упоминаемому въ этой части ст. 252 злоумышленному распространенію сочиненій, оспаривающихъ или подвергающихъ сомнѣнію неприкосновенность правъ Верховной Власти, или же дерзостно порицающихъ установленный государственными законами образъ правленія или порядокъ наслѣдія престола, то въ такомъ случаѣ участвовавшіе въ составленіи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ распространеніи сочиненій подобнаго рода подлежали бы наказанію, по ст. 117 общей части уложенія, одною или двумя степенями ниже главныхъ виновныхъ, тогда какъ участвовавшіе только въ злоумышленномъ распространеніи такихъ сочиненій подвергались бы большому наказанію, безъ смягченія, полагаемаго ст. 117-ю. Для уразумѣнія точнаго смысла вышенаведенныхъ словъ закона: «и вообще всѣ участвовавшіе завѣдомо въ семъ преступленіи», употребленныхъ во 2 ч. 252 ст. такъ, какъ и въ соотвѣтствующей ей 2-ой ч. 251 ст. улож., необходимо прежде всего замѣтить, что по законоположеніямъ разд. III улож. о нак., о государственныхъ преступленіяхъ, всѣ участники въ этихъ преступленіяхъ под-

вергаются наказаніямъ въ предѣлахъ рода и степени, указанныхъ для главныхъ виновныхъ лицъ (ст. 243, 244, 1 ч. 245, 1 ч. 249, 254 и 259 улож.), за извѣстїемъ особенно поименованныхъ случаевъ (ст. 250). Если сравнить содержаніе 251 и 252 ст. уложен. съ первоначальнымъ изложеніемъ ихъ въ проектѣ уложенія, внесенномъ въ 1844 году на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, то должно притти къ убѣжденію, что и въ этихъ узаконеніяхъ сохранено общее правило разд. III улож. о наказаніяхъ за государственныя преступленія, одинаковыхъ въ предѣлахъ рода и степени для всѣхъ участвовавшихъ въ этихъ преступленіяхъ лицъ. Преступленіе, предусмотрѣнное 1 ч. 251 ст. уложен., опредѣлено было въ 1 ч. 271 ст. проекта уложенія 1844 г. буквально тѣми же словами, въ которыхъ оно перешло въ послѣдующія изданія улож. о нак., 1845, 1857 и 1866 г.; во 2-й части 271 ст. проекта первоначально выражено было: «тому же наказанію подвергаются и участвовавшіе завѣдомо въ семь преступленій»; изъ этого изложенія представляется яснымъ, что подъ «участвовавшими въ семь преступленій» разумѣлись здѣсь участвовавшіе въ предусмотрѣнныхъ 1-ю частью той же 271 ст., соотвѣтствующей 1 части 251 ст. улож. о наказ. 1866 г., составленіи и распространеніи объявленій, воззваній, сочиненій и изображеній, возбуждающихъ къ бунту или явному неповиновенію Верховной Власти. При разсмотрѣніи проекта уложенія въ законодательномъ порядкѣ, 2-я часть 271-й ст. была измѣнена присоединеніемъ, послѣ выраженія: «тому же наказанію подвергаются», словъ: «изоблеченные въ злоумышленномъ распространеніи такихъ сочиненій»; очевидно, что законодательная власть признала необходимымъ выдѣлить особый видъ преступленія, предусмотрѣннаго 1 ч. 251 ст., или, точнѣе сказать, особый видъ участія въ семь преступленій, пояснивъ, что тѣмъ же наказаніямъ, которымъ подвергаются составители и вмѣстѣ съ ними распространители сочиненій, предусмотрѣнныхъ въ 251 ст. улож., подлежатъ одни только распространители сочиненій сего рода; но при этомъ нѣтъ никакого основанія заключить, чтобы слова: «и, вообще, всѣ участвовавшіе завѣдомо въ семь преступленій» отнесены были на этотъ разъ законодателемъ исключительно къ распространенію сочиненій, предусмотрѣнныхъ означеннымъ узаконеніемъ. Совершенно такимъ же образомъ, первоначальное содержаніе 1-й части 272 ст. проекта уложенія 1844 г. перешло въ послѣдующія изданія улож. о нак., и нынѣ изложено въ 1-й части 252 ст. улож. 1866 г., но въ ст. 272 проекта не было законоположенія, соотвѣтствующаго 2-й ч. 252 ст. 1866 г.; о публичномъ же произнесеніи рѣчей съ преступною цѣлью, указанною въ ст. 252, упомянуто было не во 2-й ч. 272 ст. проекта подобно 2 ч. ст. 271 проекта, а въ 1 ч. 272 ст., какъ сохранилось это и донынѣ въ изложеніи 1-й части 252 ст. улож.; объ участвовавшихъ же въ преступленіи, предусмотрѣнномъ означеннымъ указаніемъ, было совершенно умолчано въ 272 проекта улож. 1844 г., но въ изданіи уложенія 1845 г., равно какъ и послѣдующихъ, очевидно, съ тою же цѣлью, какую имѣла законодательная власть при измѣненіи ст. 271 проекта, внесена была 2-я часть 253 ст. улож. въ словахъ, соотвѣтствующихъ 2-й части 251 ст. улож., а именно: «тому же наказанію подвергаются изоблеченные въ злоумышленномъ распространеніи такихъ сочиненій и вообще всѣ участвовавшіе завѣдомо въ семь преступленій» разумѣлъ всѣхъ участвовавшихъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ ст. 252 улож. 1866 г., а не «участвовавшихъ только въ распространеніи преступныхъ сочиненій, предусмотрѣнныхъ означенною статьею». в) Возраженіе, что участіе въ произнесеніи рѣчи невозможно, потому что она произносится лишь однимъ лицомъ, за форму выраженій котораго и за самое изложеніе рѣчи не могутъ подлежать отвѣтственности лица, слушающія и одобряющія ее, такъ какъ они не мо-

гуть предусмотрѣть, что именно будетъ высказанно этимъ лицомъ въ своей рѣчи,—не имѣеть достаточнаго основанія. Всѣ намѣренно участвовавшіе въ дѣйствіяхъ толпы, имѣвшей цѣлью дерзостное порицаніе установленнаго государственными законами образа правленія, которое и выразилось произнесеніемъ соотвѣтствующей рѣчи и выставленіемъ революціоннаго флага,—знали и цѣль собранія толпы, знали и то, какимъ способомъ эта цѣль будетъ выражена, и въ какомъ именно смыслѣ будетъ произнесена рѣчь, имѣвшая своей задачей порицаніе существующаго образа правленія. Извѣстность этой задачи и этой цѣли указываетъ преступность участія подсудимыхъ, а не тѣ выраженія, въ которыя облечено было дерзостное порицаніе установленнаго государственными законами образа правленія, и которыя, само собою разумѣется, могли зависѣть лишь отъ произносившаго эту рѣчь лица, бывшаго выразителемъ мысли, общей всѣмъ участвовавшимъ въ дѣйствіяхъ собравшейся толпы. Что же касается до объясненія подсудимыхъ Погапова, Ильяшенко и др. о значеніи надписи на флагѣ: «земля и воля», то Общее Собраніе Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената признаетъ такое объясненіе не подлежащимъ, въ силу 29 ст. Высочайше утвержденныхъ 7-го іюня 1872 года правилъ, своему обсужденію, такъ какъ особымъ присутствіемъ надпись эта признана революціонною. 2. Жалоба подсудимыхъ на неправильное примѣненіе къ нимъ 264 и 266 ст. улож. о нак. также не можетъ быть признана заслуживающею уваженія. Указываемыя подсудимыми 30, 31 и 38 ст. уст. о нак. не могутъ имѣть примѣненія къ признаннымъ особымъ присутствіемъ фактическимъ признакомъ преступнаго дѣянія, состоявшаго въ томъ, что они толпою, и съ явнымъ насиліемъ, оказали сопротивленіе распоряженіямъ полицейской власти, предпринятымъ, согласно 159 ст. XIV т. св. зак. уст. пред. и прес. прест., для разсѣянія этой толпы и задержанія виновныхъ. Очевидно, что такое преступное дѣяніе не соотвѣтствуетъ ни 38 ст., предусматривающей нарушеніе общественной тишины и спокойствія, нарушеніе не соединенное ни съ однимъ изъ признаковъ сопротивленія правительству и неповиновенія установленнымъ правительствомъ властямъ (1872 года № 1791)—ни 31 ст., предусматривающей оскорбленіе словами и дѣйствіемъ нижнихъ полицейскихъ служителей, съ цѣлью униженія ихъ чести и достоинства, а не явное, съ насиліемъ, сопротивленіе имъ; ни 30-й статьѣ, карающей простое неповиновеніе или неисполненіе законнаго требованія полицейскихъ или другихъ сгражей. Ослушаніе или неповиновеніе есть собственно преступное упущеніе, неисполненіе требуемаго по закону, а не содѣяніе чего-либо воспрещеннаго закономъ. Преступное дѣяніе подсудимыхъ могло быть подведено лишь подъ общее опредѣленіе подобнаго рода преступленій, выраженное въ 262 ст. улож. о нак., — преступленій, состоящихъ во всякомъ явномъ и упорномъ неповиновеніи и сопротивленіи какой-либо власти, правительствомъ установленной. Наши уголовные законы признаютъ два главныхъ рода сопротивленія нѣсколькихъ лицъ правительственной власти, которые и предусмотрѣны въ улож. о нак. въ ст. 263 и 270. Обращаясь къ основаніямъ, которыя имѣлись въ виду при составленіи этихъ статей, оказывается, что въ дѣйствовавшихъ, до уложенія о наказаніяхъ, уголовныхъ законахъ, каравшихъ сопротивленіе толпою законнымъ властямъ вообще, не было сдѣлано никакого различія между разными видами сопротивленія, а потому при составленіи уложенія о наказ. найдено нужнымъ и правильнымъ раздѣлить противозаконное сопротивленіе на два главныхъ рода: первый, когда виновные хотѣли оказать препятствіе исполненію какихъ-либо общихъ до всего государства или цѣлаго края касающихся дѣйствій правительства, какъ-то: обнародованію манифестовъ, законовъ и т. п.

или приведенію ихъ въ исполненіе, и второй, когда сопротивленіе имѣло цѣль частную, наприм., сопротивленіе исполненію судебного приговора и т. п. Этимъ двумъ родамъ сопротивленія и соотвѣтствуютъ: первому—ст. 263, а второму—270 ст. улож. о наказ. Независимо отъ этихъ главныхъ родовъ сопротивленія толпы правительственной власти, улож. о наказ. предусматривало еще третій родъ этого сопротивленія въ раздѣлѣ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія въ ст. 1280 (изд. 1857 г.), въ которой было сказано: «если собравшаяся на улицѣ, площади или въ другомъ публичномъ мѣстѣ толпа людей дозволитъ себѣ хотя и не столь важныя безпорядки, какъ тѣ, о которыхъ упоминается въ ст. 296—298, 300, 301 и 306 (соотвѣтствующихъ 262 и слѣд. ст. улож. изд. 1866 г.), но шумъ, крикъ или иныя неприличныя дѣйствія и по требованію полиціи немедленно не разоидется, то виновные» и т. д. Статья эта при изданіи устава о наказаніяхъ исключена изъ уложенія и вошла въ составъ ст. 38 уст. о нак. О примѣненіи этой послѣдней статьи къ данному дѣлу, очевидно, не можетъ быть рѣчи, такъ какъ статья эта предусматриваетъ спеціально слушаніе полиціи толпы, собравшейся исключительно съ цѣлью нарушенія законовъ благочинія, а не съ иною какою-либо противозаконною цѣлью. Обращаясь засимъ къ тѣмъ двумъ родамъ противоцѣльности правительственной власти, которые предусматрѣны въ ст. 263 и улож. о наказ., оказывается, что согласно объясненію къ этимъ статьямъ въ проектѣ уложенія, въ нихъ указаны тѣ же признаки, свойственные каждому изъ этихъ родовъ сопротивленія власти а именно: въ ст. 263 противоцѣльность должно быть въ видѣ явнаго возстанія противъ правительствомъ установленыхъ властей, съ намѣреніемъ или не допустить обнародованія какого-либо закона или проведенія онаго (а равно какого-либо правительственнаго распоряженія) въ исполненіе, или же принудить правительственныя лица къ исполненію чего-либо противнаго ихъ долгу, тогда какъ въ ст. 270 говорится о сопротивленіи къ приведенію въ исполненіе судебныхъ опредѣленій или иныхъ распоряженій властей, правительствомъ установленныхъ, или законнымъ дѣйствіямъ чиновника при отправленіи имъ должности. Такимъ образомъ, возстанія и противоцѣльность, о которомъ говорится въ ст. 263—269, имѣетъ характеръ вызывающій или нападающій, имѣющій цѣлью не допустить правительственную власть исполнить ея обязанность, или принудить ее къ чему-либо несогласному съ ея долгомъ, тогда какъ противоцѣльность, предусматрѣнная въ ст. 270, имѣетъ скорѣе характеръ, сопротивляющійся только какому-либо дѣйствіямъ правительственныхъ органовъ или требованіямъ ихъ, обращеннымъ къ извѣстнымъ лицамъ. Независимо отъ сего, возстаніе, о которомъ говорится въ ст. 263, должно быть направлено противъ какого-либо закона или правительственнаго распоряженія вообще, а потому имѣетъ характеръ общій, тогда какъ въ статьѣ 270 сопротивленіе имѣетъ характеръ болѣе частный, такъ какъ оно можетъ быть только направлено противъ судебного приговора или требованія должностнаго лица, обращеннаго къ извѣстнымъ лицамъ. Установивъ, такимъ образомъ, признаки, отличающіе противоцѣльность правительству, имѣющее характеръ общій, отъ такого, которое имѣетъ характеръ частный законъ, однако же, не нашелъ возможнымъ остановиться исключительно на этомъ различіи признаковъ, для разъясненія въ каждомъ данномъ случаѣ вопроса, подходит ли сопротивленіе подъ ст. 263 или 270.

Въ статьѣ 270-й положительно выражено, что сопротивленіе, т. е. сопротивленіе, имѣющее характеръ частный, только въ такомъ случаѣ можетъ быть подводимо подъ ст. 270, когда такое сопротивленіе оказано было не болѣе, какъ тремя лицами. Изъ сего слѣдуетъ, что, хотя при со-

ставленія уложенія найдено было необходимымъ сдѣлать различіе между упомянутыми выше 2-я видами сопротивленія властямъ, правительствомъ установленнымъ, и опредѣлить за каждое изъ нихъ, сообразно съ ихъ важностью, отдѣльное наказаніе, но это различіе въ наказаніи признано было возможнымъ допустить лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда число лицъ, участвовавшихъ въ сопротивленіи, не превышаетъ трехъ человѣкъ. Если же этого условія не существуетъ, то сопротивленіе, хотя имѣющее частный характеръ, должно быть разсматриваемо, какъ возстаніе, предусмотрѣнное въ ст. 263—268. Что такова именно была мысль законодателя при изданіи улож. о наказ., доказывается тѣмъ, что въ улож. о наказ. нѣтъ вовсе статьи, которая предусматривала бы специально сопротивленіе, учиненное болѣе, чѣмъ тремя лицами. Далѣе, во всѣхъ статьяхъ Уложенія (ст. 633, 688, 755, 756, 803, 1262), которыя предусматриваютъ сопротивленіе властямъ при совершеніи различнаго рода преступленій, всегда сдѣлана ссылка на ст. 263 и 270. Сопротивленіе, о которомъ говорится въ этихъ статьяхъ, по свойству своему принадлежитъ къ сопротивленію, имѣющему частный характеръ, т. е. соотвѣтствуетъ по признакамъ своимъ сопротивленію, предусмотрѣнному въ ст. 270, но если въ статьяхъ этихъ сдѣлана ссылка и на ст. 263-ю, то это, очевидно, потому, что наказаніе за такое преступленіе должно быть опредѣлено и по ст. 263—269, въ случаяхъ, когда въ сопротивленіи участвовало болѣе трехъ человѣкъ.

Примѣняя изложенныя соображенія къ преступному дѣянію 6-го декабря, когда сопротивленіе было оказано цѣлою толпою, съ явнымъ насиліемъ противъ полиціи, выразившимся въ нанесеніи ударовъ, когда полиція, въ виду обнаружившейся преступной цѣли собравшейся толпы, обязана была безотлагательно прибѣгнуть къ предписаннымъ ей 159 ст. XIV т. св. зак. уст. пред. и прес. прест. мѣрамъ—нельзя не признать, что къ такому дѣянію могла быть примѣнена лишь 264 ст. улож. но никакъ не 270-я, а тѣмъ менѣе 30, и 31 или 38-я ст. уст. о наказ.; 3. что указаніе подсудимыхъ на неизложеніе съ достаточной ясностью въ поставленныхъ на разрѣшеніе особаго присутствія вопросахъ обстоятельствъ, изъ которыхъ на точномъ основаніи 12 ст. улож. о наказ. выведено заключеніе, что Боголобовъ, Гервасій, Бибергаль, Чернавскій и Бочаровъ были главными виновными оказаннаго сопротивленія,—не имѣетъ основанія. Главными виновными (ст. 12-я) въ преступленіяхъ, учиненныхъ нѣсколькими лицами, безъ предварительнаго соглашенія, признаются, между прочимъ, непосредственно совершившіе преступленіе. Означенные подсудимые, какъ признано особымъ присутствіемъ, сами нанесли удары чинамъ полиціи, т. е. признаны непосредственными виновниками того явнаго насилія, которое сопровождало оказанное толпою сопротивленіе; и 4. что, какъ видно изъ приговора, подсудимые Потаповъ, Ильяшенко, Иванова и Николаевская, на основаніи 2 п. 152, 2 ч. 252, 264 и 266 статей подлежали наказанію по 7 степ. 19 ст. улож. о наказ., а именно: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжныя работы на время отъ 4 до 6 лѣтъ, но въ виду уменьшающихъ вину ихъ обстоятельствъ, на основаніи 774 ст. уст. угол. суд., это наказаніе понижено имъ на 2 степени и опредѣлено по 2-й степ. 20-й статьи; такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что мѣстомъ ссылки на поселеніе особое присутствіе избрало менѣе отдаленныя мѣста Сибири.

Что касается до жалобы тѣхъ же подсудимыхъ: Потапова, Ильяшенко, Ивановой и Николаевской, что особое присутствіе Правительствующаго Сената вышло изъ предѣловъ обвинительнаго акта, и жалобы подсудимаго Бочарова на распоряженіе прокурорскаго надзора с.-петербургской судебной палаты объ одиночномъ содержаніи его, то жалобы ихъ въ этомъ отношеніи, за силою 29-й статьи Высочайше утвержденныхъ въ 7 день іюня

1872 года правилъ судопроизводства по государственнымъ преступленіямъ, не подлежатъ разсмотрѣнію Общаго Собранія.

По изложеннымъ соображеніямъ Общее Собрание Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената опредѣляетъ: кассационныя жалобы подсудимыхъ: Архипа Боголюбова, Ивана Гервасія, Александра Бибергалья, Михаила Чернавскаго, Евгенія Бочарова, Якова Гуровича, Николая Фалина, Семѣна Геллера, Якова Потапова, Ефима Новиковскаго, Варвары Ильашенко, Софьи Ивановой и Лидіи Николаевской оставить безъ послѣдствій, разъяснивъ, что наказаніе подсудимымъ, присужденнымъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, опредѣлено особымъ присутствіемъ по 2-й степени 20-й ст. улож. о наказ.

1877 годъ.

Правительственный Вѣстникъ.

(№№ 39, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 60, 62, 64 и 66.)

Дѣло о разныхъ лицахъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи по составленію противозаконнаго общества и распространенію преступныхъ сочиненій.

Засѣданія особаго присутствія Правительствующаго Сената для разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Предсѣдательствуетъ первоприсутствующій, сенаторъ К. К. Петерсъ; присутствуютъ сенаторы: М. Н. Похвисневъ, К. К. Ренненкампфъ, Д. Д. Нееловъ, Н. О. Тизенгаузенъ и Б. Н. Хвостовъ; сословные представители: предводители дворянства—черниговскій губернской, отставной штабсъ-капитанъ Н. И. Неплюевъ и выш. еволецкій уѣздный, майоръ П. И. Сназинъ-Тормасовъ; псковскій городской голова Сутгофъ и стародеревенскій волостной старшина П. Лукьяновъ, при исправляющемъ должность оберъ-секретаря В. В. Поповъ. Обвиняетъ исправляющій должность товарища оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента К. Н. Жуковъ; защищаютъ присяжные повѣренные: Бардовскій, Боровиковскій, Борщовъ, Войцеховскій, Герардъ, Гернгроссъ (помощникъ присяжнаго повѣреннаго), Зубаревъ, Коршъ, Люстигъ, Нечаевъ (помощникъ присяжнаго повѣреннаго), Ольхинъ, Полетаевъ, Спасовичъ, Хартулари и Шванебахъ.

По исполненіи обычныхъ формальностей прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія: 28 марта 1875 г. въ Московское Губернское Жандармское Управление явился рабочій ткацкой фабрики купца Шibaева въ г. Москвѣ, крестьянинъ Яковъ Яковлевъ, и, представляя двѣ книги преступнаго содержанія: «Емелька Пугачевъ» и «Исторія французскаго крестьянина», заявилъ, что 25 и 27 марта онъ получилъ эти книги отъ крестьянъ Ивана Васильева Баринова и Василія Григорьева, по прозванію Вѣтрова. Допрошенный, по поводу сдѣланнаго имъ заявленія, Яковъ Яковлевъ объяснилъ, что ему неоднократно случалось бывать въ трактирахъ вмѣстѣ съ Иваномъ Васильевымъ Бариновымъ и фабричнымъ, крестьяниномъ Николаемъ Васильевымъ. При свиданіяхъ иванъ Бариновъ и Николай Васильевъ, объясняя ему, что собственность должна быть общою, что крестьянъ нужно сравнить во всемъ съ другими сословіями и что все это должно быть скоро приведено въ исполненіе, совѣтовали проводить подобныя мысли въ народъ, устраивать съ этою цѣлью кружки, собирать возможно большее число послѣдователей таковыхъ мыслей и взглядовъ. При этомъ Бариновъ и Васильевъ говорили, что такихъ кружковъ въ Москвѣ и Петербургѣ очень

много и что въ Москвѣ, на фабрикѣ Носовыхъ, живутъ двѣ образованныя дѣвушки, въ качествѣ простыхъ рабочихъ, съ единственною цѣлью распространять вышеизложенныя идеи между рабочими фабрики. 25 марта Николай Васильевъ, по совѣту Барина, далъ Яковлеву для чтенія книгу «Емелька Пугачевъ» и совѣтовалъ Яковлеву обращаться за книгами къ фабричному Василию Григорьеву Вѣтрову. Вслѣдствіе совѣта Васильева, Яковлевъ обратился къ Вѣтрову и получилъ отъ послѣдняго «Исторію французскаго крестьянина». По прочтеніи означенныхъ книгъ Яковлевъ, убѣдившись въ преступномъ ихъ содержаніи, рѣшился заявить о полученіи книгъ начальству, что и исполнилъ. При послѣднемъ свиданіи съ Яковомъ Яковлевымъ, Николай Васильевъ приглашалъ Яковлева придти 29 марта въ трактиръ у Покровскаго моста и общалъ познать Яковлева съ однимъ господиномъ, который можетъ подробно разсказать, какимъ образомъ предполагается осуществить весь планъ уравненія крестьянъ съ другими сословіями. 29 марта, въ указанномъ Яковлевымъ трактирѣ, были задержаны вмѣстѣ съ нимъ крестьянинъ Московскои губ., Дмитровскаго уѣзда, дер. Высоковой Николай Васильевъ и крестьянинъ Боровскаго уѣзда, дер. Добриной Иванъ Васильевъ Бариновъ. При Николаѣ Васильевѣ оказался узлъ грязнаго бѣлья, по преимуществу женскаго, относительно котораго онъ заявилъ, что такое куплено имъ на рынкѣ. Подтверждая въ общихъ чертахъ объясненіе Якова Яковлева, обвиняемый Иванъ Васильевъ Бариновъ показала, что онъ давно уже знакомъ съ рабочимъ Николаемъ Васильевымъ. Этотъ послѣдній свелъ его съ другимъ рабочимъ Петромъ Алексѣевымъ. Васильевъ и Алексѣевъ убѣдили его, Барина, пристать къ ихъ революціонному кружку, имѣющему цѣлью сравнять всѣ сословія, уничтожить правительство, дворянъ и произвести рѣзню. Прочитавъ двѣ переданныя ему этими лицами книги: «Сказку о четырехъ братьяхъ» и «Что-то братцы», Бариновъ, усмотрѣвъ преступность ихъ содержанія, пожелалъ отстать отъ кужка, но Николай Васильевъ и Петръ Алексѣевъ объяснили ему, что теперь уже поздно, и въ случаѣ его, Барина, отказа онъ можетъ погибнуть. Вслѣдствіе такой угрозы Бариновъ продолжалъ получать книги преступнаго содержанія и познакомился черезъ Николая Васильева съ какимъ-то Михаиломъ Петровымъ, принадлежащимъ къ тому же революціонному кружку. Книга «Емелька Пугачевъ» передана Якову Яковлеву имъ, Бариновымъ, по совѣту Васильева. Обвиняемый Николай Васильевъ отказался отъ всякаго участія въ революціонной пропагандѣ, опровергалъ оговоръ Яковлева и не пожелалъ указать своего мѣстожительства. Между тѣмъ братъ Барина, Прокофій Бариновъ, съ своей стороны, подтвердилъ, что оговоренныя Бариновымъ лица и передъ нимъ развивали тѣ же преступныя идеи о необходимости бунта и уничтоженія правительства. Черезъ четыре дня послѣ ареста Николая Васильева, въ Жандармское Управленіе явилась крестьянка Дарья Иванова Скворцова и, объявивъ себя любовницей Николая Васильева, заявила, что въ виду ареста Васильева она желаетъ указать тѣхъ лицъ, которыхъ его погубили. Скворцова указала при этомъ адресъ общей квартиры этихъ лицъ, добавивъ, что лица эти, собираясь переѣхать на новую квартиру, уложили уже всѣ свои вещи. Вслѣдствіе подобнаго заявленія Скворцовой и по ея указанію, 4 апрѣля былъ произведенъ въ Москвѣ, въ домѣ Корсакъ, обыскъ. По обыску, въ отдѣльномъ флигелѣ, были арестованы 7 человекъ мужчинъ и двѣ женщины. Изъ женщинъ одна была одѣта въ крестьянское платье, другая въ обыкновенное городское. Обѣ онѣ отказались объявить свое званіе и назвались первая буквой А, а вторая Софьей Илларионовой—съемщицей квартиры. Изъ семи мужчинъ одинъ, назвавшийся сначала буквой Б, заявилъ затѣмъ, что онъ дворянинъ Иванъ Джа-

бадари; другой назвался буквой В, третій—крестьяниномъ Василюмъ Григорьевымъ, четвертый—мѣщаниномъ Степаномъ Ивановымъ, пятый—мѣщаниномъ Семеномъ Ивановымъ Агаповымъ, шестой и седьмой—крестьянами Петромъ Алексѣевымъ и Пафнугіемъ Николаевымъ. Въ печныхъ душникахъ квартиры найдены были два паспорта: одинъ на имя крестьянки Анны Степановой и другой на имя крестьянина Федора Михайлова. По показанію Дарьи Скворцовой, она жила въ Москвѣ вмѣстѣ съ Николаемъ Васильевымъ до февраля мѣсяца 1875 г. на фабрикѣ Турне. Передъ праздниками Рождества у Васильева сталъ бывать его знакомый Петръ Алексѣевъ. Съ появленіемъ Петра Алексѣева Васильевъ началъ ходить по трактирамъ, и у него пропала охота къ работѣ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1875 г. Николай Васильевъ объявилъ Скворцовой, что онъ больше жить на фабрикѣ не будетъ, а найметъ квартиру и приметъ къ себѣ нахлѣбниковъ-слесарей, вслѣдствіе чего Скворцова переѣхала съ Васильевымъ въ особую квартиру въ Москвѣ, въ Сыромятникахъ, въ домѣ Костомарова. У нихъ на этой квартирѣ поселились женщины подъ именами Аннушки, Маши и Наташи и мужчины: Михаилъ, Федоръ и Василий. Званія ихъ ей, Скворцовой, неизвѣстны, но изъ разговоровъ она понимала, что лица эти живутъ подъ чужими именами и съ чужими паспортами. Маша и Наташа поступили работницами на фабрику Носовыхъ, а Аннушка на фабрику Лазарева. Разъ какъ-то Федоръ привезъ какія-то книги, которыя Михаилъ черезъ недѣлю куда-то увезъ. Въ праздничные дни къ жильцамъ на квартиру приходили разные рабочіе и этимъ послѣднимъ читались книги: «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Хитрая механика» и др. Изъ лицъ одного съ ними образа мыслей ходили въ квартиру какой-то Иванъ Ивановичъ, крестьянинъ Петръ Алексѣевъ и Иванъ Бариновъ. Скворцовой извѣстно, что къ той же компаніи принадлежали еще двѣ сестры: Наташа и Вѣра и женщины, которыхъ называли хохлячкой Оеклушей, Сашей и Дуняшей. Онѣ всѣ одно время жили у нихъ на квартирѣ. Все это общество вообще разсуждало часто о томъ, что они отвергаютъ Бога, религію, бракъ, хотятъ уравнивать бѣдныхъ и богатыхъ, устроить бунтъ и рѣзню, уничтожить правительство чиновниковъ и дворянъ, а для подготовкы крестьянъ къ возстанію раздавать имъ книжки и совѣтовать больше читать ихъ. Въ субботу, на маслянной недѣлѣ, въ отсутствіе всѣхъ жильцовъ изъ квартиры приходилъ какой-то господинъ—спрашивалъ Наташу. Заподозрѣвъ въ этомъ господинѣ сыщика, всѣ жильцы немедленно переѣхали на другую квартиру, скрывъ свой адресъ отъ Скворцовой. Переѣхавъ въ свою очередь съ Васильевымъ на новую квартиру въ Лефортово, Скворцова стала стирать и шить бѣлье на эту же компанію. Бѣлье приносилъ и относилъ Николай Васильевъ, а иногда и хохлячка Оеклуша. Такъ какъ за бѣлье деньги платили неаккуратно, то она вынуждена была отыскать квартиру этихъ лицъ. Въ это время Николай Васильевъ былъ арестованъ, и она рѣшилась для спасенія его выдать правительству лицъ, сбившихъ Васильева съ пути. Всѣ участники этой компаніи собирались послѣ Пасхи разъѣхаться по разнымъ губерніямъ для преступной пропаганды на фабрикахъ и въ народѣ, при чемъ всѣ они угрожали Скворцовой убить ее, если она ихъ выдастъ; бѣлье, отобранное у Васильева въ трактирѣ, Скворцова признала за бѣлье, принадлежащее лицамъ, арестованнымъ въ домѣ Корсакъ. Изъ числа лицъ, арестованныхъ въ этомъ домѣ, Дарья Скворцова признала въ Иванѣ Джабадари—человѣка, называвшагося Михаиломъ, въ Степанѣ Ивановѣ—Иваномъ Ивановичемъ, въ лицѣ, назвавшемся буквой В.—Федора, въ женщинѣ, назвавшейся буквой А,—Машу и въ Софьѣ Илларионовнѣ—Аннушку. Затѣмъ, при дальнѣйшемъ производствѣ дознанія, изъ числа арестованныхъ въ Москвѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Тулѣ и Кіевѣ лицъ Скворцова признала:

въ княгинѣ Циціановой (рожденной Хоржевской) хохлачку Ѳеклушу, въ дочеряхъ коллежскаго ассесора Вѣрѣ и Ольгѣ Люботовичъ—Вѣру и Наташу, въ дочери почетнаго гражданина Александровой—Сашу и въ дворянкѣ Лидіи Фигнеръ—Дуняшу, при чемъ относительно послѣдней Скворцова, не зная при дознаніи имени Фигнеръ, объяснила, что Дуняшу иногда звали «Лидькой». Съ своей стороны, въ отмѣну перваго своего показанія, Николай Васильевъ вполнѣ подтвердилъ со всѣми вышеизложенными подробностями показаніе Скворцовой, добавивъ, что съ Михаиломъ и Ѳедоромъ его познакомилъ крестьянинъ Петръ Алексѣевъ. Въ это время Михаилъ и Ѳедоръ жили на одной квартирѣ съ Васильевымъ. Михаилъ угонялъ его бросить фабрику и, нанявши отдѣльную квартиру съ Скворцовой, взять ихъ къ себѣ въ нахлѣбники, что Васильевъ и исполнилъ. Мебель и посуду для квартиры купилъ Михаилъ. Кромѣ лицъ названныхъ выше, къ той же компаніи принадлежитъ, по словамъ Васильева, крестьянинъ Филать Егоровъ, который бывалъ у него на квартирѣ въ Сыромятникахъ. При этомъ Николай Васильевъ подтвердилъ вполнѣ какъ показаніе Якова Яковлева, такъ и оговоръ Ивана Барина. Задержанный при обыскѣ въ домѣ Корсакъ, московскій мѣщанинъ Семенъ Ивановъ Агаповъ, показалъ, что онъ живетъ въ одной квартирѣ съ слесаремъ Петромъ Степановымъ, назвавшимся при арестѣ Степаномъ Ивановымъ. Попалъ онъ къ нему на квартиру будто бы совершенно случайно и съ 24 марта поселился у него. Лицо, назвавшееся Петромъ Степановымъ, внушало ему мысли о необходимости уравниенія всѣхъ сословій и обѣщало ему, Агапову, познакомиться его съ своими товарищами, распостраняющими среди рабочихъ тѣ же идеи. Съ этою цѣлью, они вдвоемъ, 31 марта, ходили въ домъ Корсакъ, но тамъ застали только одну Софью Илларионову, придя же во второй разъ 3 апрѣля, были арестованы вмѣстѣ съ другими лицами. На чердакѣ дома у Петра Степанова спрятано много запрещенныхъ книгъ, изъ числа которыхъ одну, «Емелька Пугачевъ», Петръ Степановъ читалъ ему вслухъ. Къ Степанову приходила какая-то Ѳеклуша, и они вмѣстѣ куда-то уходили. Крестьянъ Пафнутія Николаева и Петра Алексѣева Агаповъ знаетъ давно, и они говорили ему, что бѣжали съ фабрику, гдѣ работали, боясь отвѣтственности за распространеніе между рабочими книгъ преступнаго содержанія. По указанію Агапова, въ домѣ Ѳедоровой, гдѣ проживалъ Агаповъ со Степановымъ, былъ произведенъ обыскъ, по которому, на чердакѣ, зарытыми въ землю и спрятанными подъ крышу, были найдены слѣдующія, принадлежащія, по словамъ Агапова, Степанову книги: «Исторія французскаго крестьянина», «Парижская коммуна», «Хитрая механика» 2 экземпляра, «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ», «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Емелька Пугачевъ», «О мученикѣ Николаѣ» и 2 экземпляра «Чтой-то братцы». Кромѣ того, найденъ былъ блокчекъ масляной бумаги, на которомъ оказались снятыми съ паспорта Агапова подписи. Паспорты Агапова и лица, жившаго съ нимъ подъ именемъ Петра Степанова Мудрова, представлены хозяйкой дома Матреной Ѳедоровой, причемъ какъ Ѳедорова, такъ и дворникъ ея дома Иванъ Щедринъ признали въ Степанѣ Ивановѣ своего жильца, Петра Степанова Мудрова. Ивановъ, назвавшійся при обыскѣ въ домѣ Корсакъ иркутскимъ мѣщаниномъ Степаномъ Ивановымъ, показалъ, что именами Петра Степанова и Ивана Иванова онъ никогда не назывался, что онъ австрійскій подданный, бывшій студентъ Технологическаго Института Александръ Осиповъ Лукашевичъ, и что въ домѣ Корсакъ онъ попалъ случайно, будучи приглашенъ неизвѣстнымъ ему господиномъ, какимъ-то Павловымъ, придти къ нему, Павлову, для полученія столярной работы. Съ своей стороны, крестьянинъ Василій Григорьевъ, утверждая, что таково его званіе, объяснилъ,

что онъ, имѣя надобность въ мебели, желалъ купить ее у Сухаревой башни, но тамъ, неизвѣстная ему женщина пригласила его за покупкой мебели къ себѣ въ квартиру въ д. Корсакъ, куда онъ пришелъ и гдѣ его арестовали. По указанію Василія Григорьева была разыскана его квартира, и у домовою хозяйки былъ отобранъ паспортъ, по которому Василій Григорьевъ проживалъ. Паспортъ этотъ оказался, по справкамъ, подложнымъ. По показанію хозяина дома Кузьмина и его жены, Григорьевъ переѣхалъ къ нимъ лишь 29 марта. Къ нему приходилъ какой-то человекъ по имени Иванъ и двѣ хорошо одѣтыя женщины. Въ квартирѣ Григорьева найдено пальто, въ карманѣ котораго оказался паспортъ, выданный тифлискимъ полиціймейстеромъ на имя дворянина Михаила Мачеваріани. По предъявленіи Кузьмину и его женѣ обвиняемаго, назвавшагося буквою В., они признали въ немъ того Ивана, который ходилъ къ Василію Григорьеву и два раза у него ночевалъ. Въ виду таковыхъ данныхъ, Василій Григорьевъ измѣнилъ свое показаніе и объяснилъ, что его зовутъ Василіемъ Григорьевымъ Георгіевскимъ, что онъ потомственный почетный гражданинъ, воспитывался въ Технологическомъ Институтѣ и былъ въ Медико-Хирургической Академіи, но курса нигдѣ не окончилъ. Паспортъ, по которому онъ проживалъ, подложный и купленъ имъ въ Орлѣ. Пальто и видъ Мачеваріани принадлежатъ неизвѣстному ему человеку, по имени Ивану. Съ Иваномъ онъ познакомился случайно, на улицѣ и не знаетъ ни его званія, ни мѣсто жительства. Затѣмъ крестьяне Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, деревни Новинской, Петръ Алексѣевъ и Пафнутій Николаевъ, не признавая себя виновными въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, показали, однако, что они бѣжали—перый съ фабрики Тимашева, а второй—съ фабрики Соколова, боясь отвѣтственности за распространеніе подобныхъ книгъ. Послѣ побѣга съ фабрикъ они проживали въ Москвѣ безъ опредѣленныхъ занятій и мѣста жительства. При этомъ Петръ Алексѣевъ объяснилъ нахожденіе свое въ домѣ Корсакъ тѣмъ, что былъ приглашенъ ночевать неизвѣстной ему женщиной, а Пафнутій Николаевъ—тѣмъ, что въ домъ Корсакъ привелъ его Петръ Алексѣевъ чего послѣдній не подтвердилъ. Дворянинъ Тифлисскаго губерніи Иванъ Спиридоновъ Джабадари показалъ, что съ Софьею Илларионовой, фамилію которой онъ не скажетъ, онъ познакомился въ 1874 г. за границей въ Парижѣ. Встрѣтивъ случайно ее въ Москвѣ, приходилъ разъ пять на ея квартиру, въ домѣ Корсакъ, гдѣ и былъ въ одно изъ таковыхъ посѣщеній задержанъ. Изъ числа арестованныхъ лицъ, кромѣ Илларионовой, знаетъ только Николая Васильева, у котораго бывалъ въ Сыромятникахъ нѣсколько разъ. Изъ остальныхъ арестованныхъ съ нимъ лицъ никого не знаетъ и въ распространеніи революціонныхъ идей и книгъ преступнаго содержанія виновнымъ себя не признаетъ. Незавѣстный мужчина, назвавшійся буквою В., до самаго конца дознанія отказывался какъ отъ объясненія своего имени, такъ и отъ дачи какихъ бы то ни было показаній. Между тѣмъ званіе этого лица было обнаружено слѣдующимъ образомъ: при дальнѣйшемъ производствѣ дознанія въ Москвѣ, въ квартирѣ именовавшагося дворяниномъ Зедгенидзе (кн. Циціанова), по обыску, въ числѣ другихъ бумагъ была найдена конія письма одного арестанта. Въ письмѣ этомъ арестантъ говоритъ, что онъ откроетъ свое званіе на предварительномъ слѣдствіи, перечисляетъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей, проживающихъ на Кавказѣ, и утверждаетъ, что, дѣйствуя на этихъ товарищей именемъ автора письма и поработавъ надъ ними, можно сдѣлать изъ нихъ хорошихъ пропагандистовъ. По предъявленіи фотографической карточки лица, назвавшагося буквою В., на Кавказѣ, лицамъ, указаннымъ въ вышеприведенномъ письмѣ, дворянинъ Трофимъ Бульбугъ и помощникъ землемѣра

Авазовъ признали въ этой карточкѣ: первый—своего знакомаго, а второй—своего товарища по школѣ межевщиковъ, дворянина Михаила Чекоидзе, причемъ дополнили, что Чекоидзе, не кончивъ курса въ школѣ межевщиковъ, уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда за-границу. По полученіи этихъ свѣдѣній съ Кавказа обвиняемый Иванъ Джабадари призналъ также это лицо за Чекоидзе, показавъ, что онъ хорошо его знаетъ и въ 1874 г. ѣздилъ вмѣстѣ съ нимъ за-границу. Михаилъ Чекоидзе первоначально отрицалъ справедливость уличающихъ его показаній и только, при заключеніи дознанія, призналъ свое настоящее званіе, заявивъ, что по существу дѣла онъ никакихъ показаній давать не желаетъ. Арестованныя въ домѣ Корсакъ двѣ женщины показали слѣдующее: а) Неизвѣстнаго званія женщина, назвавшаяся сначала буквою А., объяснила, что ее зовутъ Бетя Абрамовна Каминская, что она дочь мелитопольскаго купца. Въ 1874 г. она жила въ Цюрихѣ, затѣмъ въ Бернѣ. За-границей она познакомилась съ Софьей Илларионовой, съ которой, по возвращеніи изъ-за границы, и жила вмѣстѣ въ Петербургѣ. Здѣсь онѣ условились изучать бытъ русскаго народа, съ какою цѣлью, пріѣхавъ въ Москву, поселились вмѣстѣ въ домѣ Корсакъ, гдѣ и были арестованы. По показанію Каминской, обвиняемыхъ Ивана Джабадари и букву В. Каминская также знала за-границей. б) Обвиняемая Софья Илларионова, первоначально отказавшаяся объявить свое званіе, а на послѣдующемъ допросѣ объяснившая, что она дворянка Тамбовской губерніи Бардина, показала, что пріѣхала въ Москву съ своимъ знакомымъ, какимъ-то Павловымъ. Этотъ послѣдній скоро уѣхалъ изъ Москвы, а она наняла себѣ квартиру въ д. Корсакъ, куда къ ней пріѣхала жить ея подруга Каминская. Въ преступной пропагандѣ виновной Бардина себя не признала. Джабадари и букву В. она знаетъ по заграничной жизни, но—какъ званіе послѣдняго она не скажетъ. Остальныя лица, арестованныя съ ней вмѣстѣ, ей неизвѣстны и собрались у ней въ квартирѣ для покупки мебели, посуды и старья, которое она желала продать, переѣзжая на новую квартиру. Съ своей стороны, обвиняемыя сестры Любатовичъ, княгиня Циціанова, Александрова и Фигнеръ отрицаютъ показаніе Николая Васильева и Скворцовой, уличающихъ ихъ въ томъ, что они проживали у Васильева въ Сыромятникахъ подъ вымышленными именами. Между тѣмъ, преступная дѣятельность вышеисчисленныхъ обвиняемыхъ, кромѣ обстоятельствъ, уже указанныхъ, вполне доказывается слѣдующими данными, обнаруженными дознаніемъ: 1. По отношенію къ обвиняемымъ Софьѣ Бардиной, Бети Каминской, Ольгѣ Любатовичъ, Вѣрѣ Любатовичъ, княгинѣ Циціановой и Варварѣ Александровой показанія Дарьи Скворцовой и Николая Васильева наши себѣ полное подтвержденіе въ объясненіяхъ обвиняемаго Семена Агапова, подтвердившаго то обстоятельство, что лица эти проживали въ квартирѣ Васильева, въ Сыромятникахъ, подъ тѣми именами, какъ о томъ показали Скворцова и Васильевъ, причемъ Агаповъ призналъ въ княгинѣ Циціановой ту самую Оеклушу, которая приходила нѣсколько разъ и уводила за собой жившаго съ Агаповымъ Лукашевича. Кромѣ того, по предъявленіи Каминской и Бардиной мастеру фабрики Лазаревыхъ въ Москвѣ Ивану Юрсу и служащимъ на той же фабрикѣ Григорію Петрову, Терентію Григорьеву и Павлу Игнатьеву, они признали въ Бардиной работницу, жившую на фабрикѣ подъ именемъ Анны Зайцевой, а въ Каминской женщину, приходившую съ Зайцевой наниматься на фабрику подъ видомъ простыхъ работницъ. При этомъ свидѣтели объяснили, что Бардина, работая на фабрикѣ, ходила по ночамъ въ мужскія спальни и читала рабочимъ книжки. Разъ какъ-то ее засталъ въ спальнѣ Григорій Петровъ и выгналъ съ фабрики, причемъ, на постели рабочихъ Бардиной забыты были: «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ», и «Хитрая механика». Книжки эти оста-

лись у рабочихъ, и первая изъ нихъ представлена къ дѣлу, а вторая затерялась. Затѣмъ сторожъ фабрики Носовыхъ Архипъ Барышниковъ, конторщикъ той же фабрики Никита Мухановъ и рабочій Ефимъ Даниловъ признали въ Каминской работницу ихъ фабрики, солдатку Марью Краснову, а Никита Мухановъ, кромѣ того, призналъ въ Ольгѣ Любатовичъ работницу Наталью Волкову. По показаніямъ этихъ лицъ, Каминская ходила къ рабочимъ на мужскую половину, читала «Сказку о четырехъ братьяхъ» и «Чтой-то братцы», а Ефиму Данилову передала «Хитрую механику», которую онъ съ Барышниковымъ сжегъ, увидавъ, что книжка дурная. Проживали эти лица на фабрикахъ по подложнымъ паспортамъ. Дѣло по обвиненію дочери купца Бети Каминской дальнѣйшимъ производствомъ прекращено, такъ какъ она, во время дознанія, впала въ тяжкую душевную болѣзнь. Что касается до обвиняемой Лидіи Фигнеръ, то Дарья Скворцова объяснила, что Лидія Фигнеръ подъ именемъ Дуняши работала на какой-то фабрикѣ, на Дѣвичьемъ полѣ, въ Москвѣ, гдѣ ее поймали при чтеніи запрещенныхъ книгъ. Дуняша, бросивъ на фабрикѣ свой сундукъ и паспортъ, по которому жила, успѣла съ фабрики скрыться. Въ подтвержденіе показанія Скворцовой дознаніемъ обнаружено, что на Дѣвичьемъ полѣ, на фабрикѣ Губнеръ, съ 19 марта до 5 апрѣля 1875 г., проживала какая-то солдатка Авдотья Степанова, замѣченная по своему особенному развитію, и что солдатка эта, оставивъ на фабрикѣ свой сундукъ и паспортъ, куда-то скрылась. По предъявленіи Лидіи Фигнеръ рабочимъ фабрики Губнеръ, Григорію Васильеву, Прасковѣ Федоровой и Ольгѣ Ивановой, эти свидѣтели показали, что Фигнеръ похожа на женщину, называвшуюся Авдотьей, но только послѣдняя ходила не въ городскомъ, а въ крестьянскомъ платьѣ. (Фигнеръ была предъявлена свидѣтелямъ въ городскомъ платьѣ).

2. По отношенію къ обвиняемому Ивану Джабадари, Петру Алексѣеву, Пафнутію Николаеву и Филату Егорову дознаніемъ выяснены слѣдующія данныя: а) 24 марта 1875 г., вслѣдствіе заявленія приказчика ткацкой фабрики братьевъ Тюляевыхъ, было обнаружено распространеніе книгъ преступнаго содержанія между рабочими этой фабрики. По произведенному обыску на чердакѣ фабрики найдено 6 экземпляровъ «Хитрой механики», столько же экземпляровъ «Сказки о четырехъ братьяхъ», 5 экземпляровъ «Чтой-то братцы» и по одному экземпляру «Крестьянскіе выборы» и «Исторія французскаго крестьянина». Книги эти, какъ оказалось, принесены на фабрику рабочимъ Афанасіемъ Ермолаевымъ и получены имъ отъ его родного племянника крестьянина Филата Егорова, того самаго, который, по показанію Николая Васильева, посѣщалъ Джабадари въ его квартирѣ, въ Сыромятникахъ. Получены были Ермолаевымъ эти книги при такихъ обстоятельствахъ: Филатъ Егоровъ, придя на фабрику Тюляевыхъ передъ масляной недѣлей 1875 г., вызвалъ въ трактиръ Ермолаева и Ефрема Платонова. Въ трактирѣ они нашли Филата Егорова и съ нимъ двухъ незнакомыхъ имъ людей—слесаря Михаила и какого-то Федора. Лица эти угощали ихъ водкой и чаемъ. Черезъ нѣсколько времени тотъ же Егоровъ снова позвалъ ихъ обоихъ въ трактиръ и съ ними еще нѣсколько рабочихъ. Въ этотъ разъ въ трактирѣ былъ только Егоровъ съ Михайлой, и послѣдній, угощая рабочихъ чаемъ, толковалъ имъ про какое-то братство. Послѣ этого Егоровъ приходилъ съ крестьяниномъ Акимомъ Трофимовымъ и, вызова снова Ермолаева и Платонова въ трактиръ, передалъ каждому изъ нихъ по одному экземпляру «Хитрой механики!» «Сказки о четырехъ братьяхъ» и «Чтой-то братцы». Кромѣ этихъ книгъ Филатъ Егоровъ передалъ Ермолаеву великимъ постомъ цѣлый свертокъ книгъ, совѣтуя читать ихъ самому и давать читать другимъ рабочимъ, что Ермолаевъ и началъ дѣлать. Когда же рабочіе, прочитавъ книги, стали говорить, что книги эти нехороши, онъ,

Ермолаевъ, запряталъ ихъ на чердакъ и болѣе читать никому не давалъ. То же самое подтвердили Платоновъ и Трофимовъ, добавивъ, что, узнавъ о вредномъ направленіи книгъ, они сожгли эти книги. Кромѣ того, Ефремъ Платоновъ заявилъ, что еще въ началѣ 1875 г. въ Москву пріѣхалъ его односелецъ, крестьянинъ Петръ Алексѣевъ, и, придя къ нему съ какимъ-то неизвѣстнымъ ему человѣкомъ, вызвалъ его въ трактиръ и передалъ «Сказку о четырехъ братьяхъ», совѣтуя ее прочесть. Черезъ нѣсколько времени Петръ Алексѣевъ снова вызвалъ его въ трактиръ, гдѣ познакомилъ его съ личностью, которую онъ называлъ пріѣхавшимъ изъ Петербурга слесаремъ Михайлой. Этотъ послѣдній далъ ему «Хитрую механику» и «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ». Затѣмъ, по показанію рабочаго Филиппа Иванова, тотъ же Петръ Алексѣевъ передалъ и ему, Иванову, «Хитрую механику» и «Емельку Пугачева». Не сознавая преступности содержанія этихъ книгъ, Филиппъ Ивановъ читалъ ихъ рабочимъ вслухъ. Обвиняемый Филатъ Егоровъ былъ разысканъ и задержанъ въ Москвѣ Афанасіемъ Ермолаевымъ и его женой, а Петръ Алексѣевъ, въ ночь производства обыска на фабрикѣ Тимашева, съ фабрики скрылся и былъ задержанъ только въ ночь на 4 апрѣля въ числѣ прочихъ въ домѣ Корсакъ. По предъявленіи обвиняемаго Ивана Джабадари рабочимъ тюляевской фабрики, онъ былъ признанъ за того самаго Михайла, который угощалъ вмѣстѣ съ Филатомъ Егоровымъ рабочихъ въ трактирѣ чаемъ. б) 28 марта московской полиціи съ фабрики купцовъ Емельянова и Рошфоръ дано было знать, что между рабочими фабрики появились «Хитрая механика» и «Сказка о четырехъ братьяхъ», вышедшія изъ рукъ рабочихъ Власа и Никифора Алексѣевыхъ. Хотя по обыску на фабрикѣ не было найдено книгъ преступнаго содержанія, но Власъ и Никифоръ Алексѣевы показали, что подобныя книги у нихъ были и получили они ихъ отъ своего родного брата Петра Алексѣева. Книги эти они давали читать двумъ рабочимъ, но, узнавъ, что это дурныя книги, немедленно сожгли ихъ. в) Независимо отъ распространенія книгъ на тюляевской фабрикѣ, крестьянинъ Филатъ Егоровъ уличается еще въ передачѣ крестьянину Богородскаго уѣзда, дер. Тереньковой, Мирону Александрову Емельянову трехъ книгъ преступнаго содержанія, а именно: «Хитрой механики», «Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ» и «Чтой-то братцы». Книги эти были привезены въ деревню Теренькову, по показанію Мирона Александрова Емельянова, Филатомъ Егоровымъ, который хвалилъ ихъ ему и совѣтовалъ прочитать. Неоднократный пріѣздъ Филата Егорова въ деревню Теренькову удостовѣренъ показаніями крестьянъ означенной деревни и крестьянина Семена Григорьева Емельянова, съ которымъ Филатъ Егоровъ въ первый разъ пріѣзжалъ въ дер. Теренькову. г) 28 марта 1875 г., въ Москвѣ, на фабрикѣ купца Соколова, у рабочихъ фабрики Осипа Павлова и Тимофея Васильева былъ отобранъ одинъ экземпляръ «Хитрой механики». Спрошенный по этому поводу Осипъ Павловъ показалъ, что 20 марта Тимофей Васильевъ принесъ ему книжку «Чтой-то братцы» и просилъ ее посмотреть, какая она, но онъ, Павловъ, за недосугомъ не успѣлъ прочесть книжку, и Васильевъ отдалъ ее назадъ рабочему той фабрики Пафнутію Николаеву, отъ котораго онъ ее и получилъ. Тимофею Васильеву, вполне подтверждая показаніе Осипа Павлова, добавилъ, что и отобранную у него «Хитрую механику» онъ получилъ отъ того же Пафнутія Николаева, который насильно навязалъ ему эти книги, ибо онъ ему, Васильеву, какъ человѣку совершенно неграмотному, не были нужны. Показаніе Павлова и Васильева о способѣ пріобрѣтенія ими книгъ преступнаго содержанія нашло себѣ полное подтвержденіе въ томъ обстоятельстве, что въ самый день отобранія у Васильева «Хитрой механики» Пафнутій Николаевъ, бросивъ на фабрикѣ свои вещи, неизвѣстно куда скрылся и былъ задер-

жанъ въ числѣ прочихъ въ домѣ Корсакъ. Какъ ранѣе было сказано, обвиняемые Иванъ Джабадари, Петръ Алексѣевъ и Пафнутіи Николаевъ не сознались въ совершенныхъ ими преступленіяхъ, крестьянинъ же Филатъ Егоровъ, хотя первоначально и отказывался отъ всякаго участія въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, но затѣмъ, будучи уличенъ вышеизложенными обстоятельствами дѣла, объяснилъ, что въ трактирѣ, около фабрики Тюляевыхъ, онъ познакомился съ двумя слесарями—Михайломъ, Василиемъ и еще третьимъ ему неизвѣстнымъ. У этихъ лицъ онъ бывалъ на квартирѣ, иногда ночевалъ и встрѣчалъ у нихъ разныхъ мужчинъ и женщинъ. Въ этой квартирѣ онъ видѣлъ принадлежавшій Михайлѣ чемоданъ. Изъ чемодана Михайло доставалъ книги и давалъ Филату Егорову, прося его раздавать ихъ рабочимъ. Въ первый разъ Михайло далъ ему 6 экземпляровъ «Хитрой механики», «Сборника новыхъ пѣсень и стиховъ» и «Чтой-то братцы», а во второй разъ, кромѣ тѣхъ же книгъ, еще «Исторію французскаго крестьянина», «Парижскую Коммуну» и «Емельку Пугачева», часть этихъ книгъ онъ распродалъ, а часть у него растащили. Затѣмъ Филатъ Егоровъ призналъ, что рабочимъ тюляевской фабрики, а равно и Мирону Емельянову книги преступнаго содержанія были переданы имъ, Филатомъ Егоровымъ. По предъявленіи Егорову Ивана Джабадари, Егоровъ призналъ въ немъ того Михайла, который снабжалъ его книгами. Изъ обстоятельствъ дѣла, изложенныхъ выше, видно, что изъ числа лицъ, проживавшихъ въ г. Москвѣ, сначала въ квартирѣ крестьянина Николая Васильева въ Сыромятникахъ, а затѣмъ въ домѣ Корсакъ, въ квартирѣ Бардиной, и занимавшихся преступной пропагандой на московскихъ фабрикахъ, отъ дознанія успѣли скрытыя пять женщинъ, а именно: Ольга и Вѣра Любатовичъ (Наташа и Вѣра), Лидія Фигнеръ (Дуняша), Варвара Александрова (Саша) и княгиня Александра Циціанова, рожденная Хоржевская (хохлячка Оеклуша). Возникшимъ въ августѣ 1875 г., почти одновременно въ Иваново-Вознесенскѣ, Москвѣ, Тулѣ, Кіевѣ и Одессѣ, дознаніемъ обнаружено, что женщины эти и послѣ арестовъ, произведенныхъ по дознанію о дворянинѣ Джабадари и другихъ, не оставили свои преступныя затѣи и продолжали заниматься той же пропагандой, которой занимались и ранѣе. Соединившись снова съ нѣсколькими лицами одного съ ними образа мыслей, онъ снова сплотились въ организованное преступное сообщество, имѣвшее свой уставъ съ достаточно опредѣленными условіями совмѣстной дѣятельности, цѣлями, которыхъ сообщество это стремилось достигнуть, съ кассой и управленіемъ преступнаго сообщества. Потерпѣвъ неудачу на московскихъ фабрикахъ, въ силу несочувствія фабричнаго населенія къ идеямъ, пропагандируемымъ обвиняемыми, а также вслѣдствіе возникшаго о нихъ дознанія, лица, составившія преступное сообщество, организовавши въ Москвѣ управленіе (администрацію), замыслили перенести свою дѣятельность въ г. Иваново-Вознесенскъ, Одессу, Кіевъ и Тулу, что вполне согласуется съ показаніями Николая Васильева и Дарьи Скворцовой, утверждавшихъ, что послѣ Пасхи 1875 г. пропагандисты, проживавшіе въ д. Корсакъ, хотѣли разъѣхаться по губерніямъ для преступной пропаганды на провинціальныхъ фабрикахъ. Въ вышеуказанныхъ городахъ члены сообщества, имѣя постоянное между собой сношеніе, старались поступать на фабрики и, гдѣ это удавалось, распространяли между рабочими уже исчисленныя выше книги преступнаго содержанія. Что дѣятельность членовъ сообщества, обнаруженная дознаніемъ, возникшимъ въ августѣ 1875 года, есть продолженіе того же дѣла, которое задумано было лицами, арестованными въ домѣ Корсакъ, это доказывается какъ характеромъ самой дѣятельности, приемами пропаганды, взаимной перепиской членовъ, сношеніями съ арестованными лицами, а так-

же и тѣмъ, что, съ одной стороны, главными лицами и-руководителями въ организованномъ сообществѣ являются тѣ пять женщинъ, которыя скрылись изъ дома Корсакъ, а, съ другой стороны, участіемъ въ ивановской общинѣ двухъ лицъ, освобожденныхъ на поруки по доз анію о Джабадари и другихъ. Дознаніемъ доказано, что Лидія Фигнеръ и Варвара Александрова играли главную роль въ обществѣ пропаганд стовъ въ Иваново-Вознесенскѣ, Ольга Любатовичъ въ Одессѣ и Тулѣ, княгиня Цицианова въ Кіевѣ и Вѣра Любатовичъ въ Москвѣ, какъ членъ администраціи сообщества. Агаповъ и Бариновъ были членами ивановской общины. Рядомъ произведенныхъ по сему предмету дознаній обнаружено слѣдующее.

I.

Въ началѣ августа мѣсяца 1875 г. служащій въ г. Иваново-Вознесенскѣ, на фабрикѣ Зубкова, крестьянинъ Александръ Трухинъ отобралъ у рабочаго фабрики Тимофея Бурова книгу подъ заглавіемъ «Сказка о четырехъ братьяхъ». Убѣдившись въ ея вредномъ направленіи, Трухинъ передалъ книгу начальству фабрики, а это послѣднее заявило о томъ мѣстной полиціи. Спрошенный по поводу этой книжкѣ, крестьянинъ Тимофей Буровъ объяснилъ, что онъ получилъ книгу отъ рабочаго фабрики Зубкова, Ивана Петрова, принадлежащаго къ компаніи московскихъ ткачей, поселившихся въ домѣ Кисина. Фабричные прозвали этихъ ткачей «неумѣльми» на томъ основаніи, что на вопросы: зачѣмъ они пріѣхали въ Иваново-Вознесенскъ изъ Москвы, когда въ Москвѣ своихъ фабрикъ много,— ткачи говорили, что они еще плохо работаютъ, а въ Москвѣ берутъ на фабрики только умѣлыхъ. Полиціей, по указанію Тимофея Бурова, въ д. Кисина произведенъ былъ обыскъ, при которомъ задержаны были три женщины: Топоркова, Елисавета и Екатерина и одинъ мужчина—Семень Агаповъ. По заявленію Бурова, не оказалось на лицо еще одной женщины Александры и двухъ мужчинъ: Ивана Петрова и Евтропій Николаева. Послѣдній былъ задержанъ въ то время, когда возвращался домой съ фабрики и, увидавъ у дома полицію, хотѣлъ скрыться. Женщина Александра была арестована на фабрикѣ Зубкова, гдѣ она работала. По заявленію всѣхъ арестованныхъ лицъ, Иванъ Петровъ за нѣсколько дней до обыска уѣхалъ въ Москву. Женщины Елисавета и Александра назвали себя буквами А и Б. а всѣ остальные лица тѣми именами, подъ которыми они жили и работали на фабрикахъ. По обыску въ домѣ Кисина найдено 245 экземпляровъ книгъ и газетъ преступнаго содержанія, копіи съ рукописи «Экспедиція шефа жандармовъ», разная письма, документы и 253 р. сер. денегъ. Кромѣ того, у женщины, назвавшейся буквою А., въ кошелькѣ оказались два почтовыхъ листа и одинъ полулистъ, исписанные шифромъ, и какое-то письмо, которое А., скомкавъ въ рукъ, хотѣла проглотить, но письмо было отобрано и положено на столъ. Въ это время женщина, по имени Александра, схватила снова это письмо и сунула себѣ въ ротъ; когда же жандармы схватили Александру, желая отнять у нея письмо, то Евтропій Николаевъ бросился на одного изъ жандармовъ и сталъ его душить, призывая остальныхъ пропагандистовъ на помощь. Эти послѣдніе, въ свою очередь, напали силой на жандармовъ, но при содѣйствіи всѣхъ лицъ, присутствовавшихъ при обыскѣ, порядокъ былъ восстановленъ, и письмо у Александры отобрано. Кромѣ того, при обыскѣ отобраны простонародные женскіе костюмы и разная вещества для вытравленія чернилъ. Затѣмъ, по обыску, на фабрикѣ Лопатина найдены три книги преступнаго содержанія («Исторія одного французскаго крестьянина», «Сказка о четырехъ братьяхъ» и «Чтой-то братцы»). Изъ числа отобранныхъ въ домѣ Кисина писемъ, записокъ и бумагъ, осо-

бенаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія: 1. Записки, писанныя шифрами, по дешефрированіи ихъ, оказались адресами для сношенія съ разными мѣстностями имперіи, одна изъ нихъ—рецептъ для вывода и уничтоженія чернилъ и красокъ и другая—замѣтка о количествѣ революціонныхъ книгъ и газетъ, отправленныхъ въ г. Иваново-Вознесенскъ, причемъ показанное въ этой замѣткѣ количество отправленныхъ экземпляровъ соответствуетъ, приблизительно, кол. честву книгъ и газетъ, найденныхъ въ домѣ Кисина. 2. Письмо отъ 19 іюля 1875 г., адресованное изъ Москвы въ Иваново-Вознесенскъ. Въ немъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста: «...Новостей много, есть и хорошія, есть и скверныя. Начнемъ съ отцовъ: пріѣхали отцы Михайла и Бетьки (подъ этими именами, какъ ранѣе сказано, извѣстны Иванъ Джабадари и Каминская), ...отыскали тетку (т. е. Бардину), она сидитъ въ городской части... Дѣло Федора (т. е. Чекоидзе) будто бы подвигалось и было готово, только прогнали служителя тюрьмы и сношенія прекратились. Съ юга вообще неутѣшительныя вѣсти. И. А. и Соня на-отрѣзъ отказались остаться въ Одессѣ. Съ ними въ Одессѣ имѣли наши разговоръ и онъ вышелъ изъ нашей организаціи, разошелся съ нами. ... Тульскіе ведутъ себя преступно. Огромное у нихъ знакомство между рабочими—и еще ни одной революціонной книги не читали. Мы думаемъ, что не мѣшало бы туда переселиться Ольгѣ и Ванюшѣ, такъ какъ имъ въ Одессѣ нельзя оставаться... Надя ушла на работу... Если только почему-нибудь Ольгѣ нельзя будетъ уѣхать въ Тулу, то придется отнять челоуѣка отъ васъ въ виду того, что тамъ огромное знакомство и прелестная почва—нужно только подталкиваніе, и, во-2-хъ, этого Злобина можетъ И. А. перетянуть, тогда Тула ушла у насъ изъ рукъ, а этого нельзя дѣлать. Никакихъ вѣстей ни отъ Саратовца, ни отъ Егора, а о Тулѣ подавно. Фекулаша (т. е. княгиня Циціанова) вышла замужъ за князя Мутрука. О Гамке (т. е. Гамкредидзе) знаете, Кабарда обвѣнчалась съ Россіей» (свадьба его съ Тумановой). Затѣмъ, въ письмѣ слѣдуетъ разсказъ о нѣсколькихъ мѣстныхъ беспорядкахъ, происшедшихъ, будто-бы, въ разныхъ краяхъ имперіи, частью вымышленныхъ, частью преувеличенныхъ; разсказъ этотъ кончается словами: «Вотъ оно какъ, а прочтите въ добавокъ циркуляръ Палена... какъ трусить правительство нашихъ революціонеровъ, а ничего подѣлать не можетъ... Платъе получите съ Катей... Посылаемъ книги, посылаемъ револьверы съ патронами. Убивайте, стрѣляйте, работайте, бунтуйте. Одесская община предложила принять въ нашу организацію Санчо (кличка въ общинѣ князя Циціанова)... Московскіе члены организаціи согласны... вообще остановка за вами, а то всѣ согласны». Письмо это писано, по заключенію экспертовъ, рукою обвиняемаго Здановича. 3. Въ письмѣ отъ 19 іюля имѣется приписка отъ 26-го іюля 1875 г. Авторъ приписки, объясняя, почему одинъ изъ ивановскихъ пропагандистовъ долженъ отправиться въ Тулу, между прочимъ, говоритъ: «въ письмѣ Рыжій объясняетъ вамъ положеніе дѣлъ и почему это нужно... Вездѣ недостатокъ людей, а больше всего скопилось въ Ивановѣ-Вознесенскѣ... порѣшили выслать оттуда въ Тулу одну изъ бабъ... Не все только то приходится дѣлать, что пріятно, напр., Рыжему не хотѣлось ѣхать на границу, а, между тѣмъ, онъ поѣхалъ.» Ранѣе авторъ, говоря о сапогахъ (т. е. о фальшивыхъ паспортахъ и видахъ на жительство), которые трудно достаются, продолжаетъ: «Теперь относительно меня вамъ извѣстно, что я согласилась остаться въ администраціи только мѣсяцъ, да и въ программѣ сказано такъ, а сегодня 26 іюля—какъ разъ мѣсяцъ, такъ что я предлагаю, чтобы кто-нибудь изъ васъ замѣнилъ меня въ этой должности. Работать я, вѣроятно, поѣду въ Кіевъ. Вѣроятно, отъ васъ не потребуется челоуѣка въ Тулу. Ольга, должно быть, пойдетъ туда. Сношенія съ заклю-

ченными идутъ своимъ чередомъ. Завтра будетъ попытка къ освобожденію Федора (т. е. Чекоидзе).» Приписка отъ 26 іюля писана обвиняемой Вѣрой Любатовичъ. Именно это письмо женщины, арестованная въ д. Кисина, желали во время обыска уничтожить. 4. Письмо къ Аннѣ безъ числа за подписью: Евгенія. Евгенія, сообщая Аннѣ о своемъ путешествіи и о посѣщеніи ею какой-то социалистки, говорить, что вездѣ, гдѣ она ни была, замѣчался сильный недостатокъ людей. Затѣмъ, предупреждая Анну о принятіи мѣръ къ тому, чтобы не «ухнуть», Евгенія продолжаетъ: «о вашихъ ивановскихъ дѣлахъ я слышала разговоръ вовсе не съ радостнымъ чувствомъ. Вы идете скорыми шагами къ погрому, который останется безслѣднымъ для Ив. и въ то же время ужаснымъ для общаго хода дѣлъ. Вы ведете дѣло болѣе неосторожно, чѣмъ оно велось въ Москвѣ. Что-жъ, ухайте, господа, но помните, что одинъ, два погрома—и мы остались на мели. Вѣра хочетъ уѣхать въ Кіевъ, надо, чтобы кто-нибудь пріѣхалъ ее замѣстить. Рыжого нѣтъ, въ Москвѣ осталось народу изъ рабочихъ мало... Мой дружескій привѣтъ всѣмъ товарищамъ.» Письмо это, какъ оказалось, написано обвиняемой Евгеніей Субботиной. 5. Письмо, начинающееся словами: «Милая Аня» и подписанное «Твой Митрій», заключаетъ въ себѣ изліяніе тоски по поводу разлуки съ любимой женщиной. Между тѣмъ, при разсмотрѣніи этого письма, оказалось, что надъ нѣкоторыми изъ буквъ проставлены цифры, совокупность же всѣхъ цифръ составила письмо, шифрованное по отобранному въ Ивановѣ шифру «Эй Фомичъ.» Въ написанномъ такимъ способомъ письмѣ пропагандисты предупреждали, что попытка къ освобожденію Федора не удалась, что Катька уже давно уѣхала къ нимъ отъ Гамки и предупреждались быть осторожнѣе, ибо къ нимъ направился сыщикъ съ длинной бородой. 6. Черновое и перебѣленное письмо, написанное Александровой и составляющее отвѣтъ на приписку отъ 26 іюля. 7. Что касается до рукописи «Экспедиція шефа жандармовъ», то рукопись эта есть точная копія печатной записки, имѣющей сво. мѣ предметомъ общее изложеніе обстоятельствъ послѣднихъ политическихъ процессовъ и данныхъ добытыхъ дознаніемъ, произвожденнымъ генераль-лейтенантомъ Слезкинымъ подъ наблюденіемъ прокурора Саратовской Судебной Палаты Жихарева. Въ письмѣ 19 іюля упоминается о посылкѣ этой рукописи, и рукопись называется циркуляромъ графа Палена, причемъ сообщается, что циркуляръ отправленъ за границу для напечатанія его отдѣльной брошюрой съ должными комментаріями. 8. Отобранные у обвиняемыхъ паспорта Евтропія Николаева, Александры Ивановой, Ольги Ивановой и Елисаветы Ушаковой оказались по справкамъ подложными и, очевидно, сфабрикованы самими обвиняемыми, что доказывается уже тѣмъ, что къ двумъ паспортамъ одному Тульской, а другому Тверской губерніи приложена одна и та же печать Новоселовскаго волостнаго правленія. Какъ оказалось, впоследствии, паспорта эти писаны рукою обвиняемаго Здановича. Такимъ образомъ, путемъ одного обыска и содержаніемъ отобранной при немъ переписки вполне разъяснилась цѣль, съ которой арестованныя лица прибыли въ Иваново-Вознесенскъ. Значительная для рабочихъ людей сумма денегъ, найденная по обыску, большое количество преступнаго содержанія книгъ, по характеру и способу изложенія предназначенныя для распространенія въ народѣ, совмѣстное жительство всѣхъ этихъ лицъ и проживательство ихъ по фальшивымъ видамъ—достаточно доказывали, что арестованныя лица принадлежать къ числу пропагандистовъ. Кроме того, найденная у пропагандистовъ переписка приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что лица, писавшія и получившія письма, принадлежать къ одному и тому же противозаконному сообществу, къ составу котораго слѣдетъ также отнести и лицъ, задержанныхъ въ д. Корсака, въ Москвѣ; что

въ порядкѣ дѣйствій пропагандистовъ, въ основѣ и раздѣленіи ихъ труда и дѣятельности лежитъ извѣстная программа, уставъ; что къ тому же обществу принадлежать пропагандисты, живущіе въ Тулѣ, Одессѣ и Кіевѣ; что въ Москвѣ находится администрація этого сообщества, посылающая въ провинціи пропагандистамъ бѣлье, книги, газеты, оружіе, фальшивые паспорта, распоряжающаяся разсылкой по губерніямъ и перемѣщеніемъ изъ губерній въ губернію лицъ этого сообщества, озачивающаяся принятіемъ въ сообщество новыхъ членовъ, поддерживающая общія между членами сношенія, а равно и организуемая сношенія съ арестованными лицами, содѣйствуя ихъ побѣгамъ. Между тѣмъ, дознаніемъ вполне доказано, что лица, арестованныя въ домѣ Кисина, поступивъ на фабрики, приступили уже на самомъ дѣлѣ къ распространению среди рабочихъ книгъ преступнаго содержанія. Дознаніе обнаружило слѣдующіе факты: 28 мая 1875 г. въ г. Иваново-Вознесенскѣ прибыли изъ Москвы цеховая Анна Топоркова, мѣщанинъ Семень Агаповъ и крестьянинъ несуществующаго Ревякинскаго уѣзда Евтропій Николаевъ. Поселившись вмѣстѣ въ домѣ Бурылиной, лица эти стали прискивать себѣ мѣста на фабрикахъ. При содѣйствіи случайно познакомившагося съ ними крестьянина Косьмы Семенова, Агаповъ поступилъ на фабрику Зубкова, а Евтропій Николаевъ на фабрику Лопатина. Въ концѣ іюня на квартиру къ означеннымъ лицамъ пріѣхалъ крестьянинъ Иванъ Васильевъ и поступилъ также на фабрику Зубкова, гдѣ назвался Иваномъ Петровымъ. Недѣлю спустя, пріѣхали еще двѣ женщины Александра Иванова и Елисавета Ушакова, поступившія на ту же фабрику Зубкова. Вслѣдъ за симъ вся компанія переселилась на новую квартиру, въ д. Кисина, куда за нѣсколько дней до обыска пріѣхала еще крестьянка Ольга Иванова. Всѣ лица, поселившіяся въ домѣ Кисина, старались не отличаться вообще отъ жизни фабричныхъ. Они вмѣстѣ спали, женщины ходили босикомъ, въ простомъ платьѣ, сами себѣ носили воду, принимали у себя рабочихъ и угощали ихъ чаемъ. Плохо зная ткацкое ремесло, пропагандисты, подъ предлогомъ скорѣе ему выучиться, пригласили къ себѣ ткача Михаила Широкова. Черезъ Широкова они познакомились съ фабричными Павломъ Широковымъ, Тимофеемъ Александровымъ и другими. Агаповъ и Иванъ Петровъ, съ своей стороны, приводили къ себѣ фабричныхъ, и когда, такимъ образомъ, около пропагандистовъ составилъ кружокъ знакомыхъ рабочихъ, ими приступлено было къ распространенію между рабочими книгъ преступнаго содержанія. Такъ, вышеозначенныя лица, а равно и рабочіе Василій Лаврентьевъ и Егоръ Борисовъ читали: «Исторію французскаго крестьянина», «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Богъ-то Богъ», «Чтой-то братцы» и газету «Впередъ». Книги эти давались рабочимъ Евтропиемъ Николаевымъ, Семеномъ Агаповымъ и Александромъ Ивановой. По удостовѣренію свидѣтелей, подтвердившихъ все вышеизложенное, до пріѣзда пропагандистовъ въ Иваново-Вознесенскѣ подобныхъ книгъ между рабочими не было. Кромѣ того, задержанный въ квартирѣ пропагандистовъ мѣщанинъ Федоръ Жарковскій, нынѣ уже сосланный, объяснилъ, что онъ познакомился съ пропагандистами черезъ Семена Агапова, пригласившаго его къ себѣ. Всѣ жившія вмѣстѣ лица, какъ мужчины, такъ и женщины уговаривали его поступить на полное содержаніе ихъ съ тѣмъ, чтобы ѣхать пропагандировать въ Петербургъ или Тулу. Въ Тулѣ, какъ говорили они, у нихъ уже былъ пропагандистъ какой-то слесарь. Во время этихъ посѣщеній Анна Топоркова дала ему «Хитрую механику», «Парижскую Коммуну» и 3 номера газеты «Впередъ». Книги и газеты были найдены въ мѣстѣ, указанномъ Жарковскимъ. Затѣмъ обвиняемый мѣщанинъ Семень Ивановъ Агаповъ, тотъ самый, который ранѣе сего былъ задержанъ въ домѣ Корсакъ въ Москвѣ, давая сначала уклончивыя показанія

объяснилъ затѣмъ, что въ Москвѣ, послѣ освобожденія изъ-подъ ареста, онъ познакомился съ Владиміемъ Александровымъ, арестованнымъ въ Ив.-Вознесенскѣ подъ именемъ Евтропія Николаева. Этотъ послѣдній предложилъ Агапову ѣхать на пропаганду въ Кіевъ, Одессу или Иваново-Вознесенскъ. Агаповъ выбралъ послѣдній городъ, куда вмѣстѣ съ Александровымъ и Топорковой и отправился. Познакомившись съ рабочими, они приглашали ихъ къ себѣ, и здѣсь рабочимъ читали ь книги. Книги эти были привезены Лидіей Фигнеръ и Варварою Александровой, пріѣхавшими въ Иваново подъ именами Елисаветы и Екатерины. Всѣ его сотоварищи уговаривали Агапова быть какъ можно дѣягельнѣе по раздачѣ рабочимъ книгъ, причемъ Александровъ говорилъ ему, Агапову, что отъ преслѣ ованія полиціи всегда легко скрыться у товарищей-пропагандистовъ въ Москвѣ, въ домѣ Эйнбротдтъ на Спиридоновкѣ, въ квартирѣ, нанятой на имя Лидіи Фигнеръ. Живя въ Иваново-Вознесенскѣ, онъ отъ своихъ товарищей зналъ, что въ то же время указанная при дознаніи о Джабадари Ѳекла (кн. Ц. ціанова) и Ольга (Любатовичъ) занимались преступной пропагандой, первая— въ Кіевѣ, а вторая—въ Одессѣ. Въ Ивановѣ хозяйство чъ завѣдывала Топоркова, деньги же хранились у Лидіи Фигнеръ, и каждый изъ пропагандистовъ обязанъ былъ вносить свои заработки въ общую кассу. Изъ остальныхъ арестованныхъ въ домѣ Кисина лицъ крестьянинъ Евтропій Николаевъ, буквы А. и Б., отказываясь сначала объявить свое званіе, показали затѣмъ 1. Буква А., что она уроженка Казанской губерніи, дворянка Лидія Фигнеръ, пріѣхала въ Иваново-Вознесенскъ единственно съ цѣлю изучить быть фабричныхъ и преступной пропагандой не занималась, хотя и признала, что отооранная при обыскѣ книги принадлежать ей. Въ Москвѣ, въ домѣ Эйнбротдтъ, она жила въ квартирѣ, перешанной ей ея знакомой по жизни за границей Марьей Субботиной. 2. Буква Б., что она дочь почетнаго гражданина Варвара Александрова и въ Иваново-Вознесенскѣ пріѣхала съ тою же цѣлю, какъ и Фигнеръ, которой совсѣмъ не знаетъ. 3. Евтропій Николаевъ, что онъ сынъ статскаго совѣтника Владиміръ Петровъ Александровъ, пріѣхалъ въ Иваново изучать быть народа, что Топоркову и Лидію Фигнеръ зналъ еще въ Москвѣ. Книги привезены были Фигнеръ и Александровой. Затѣмъ Александровъ, признавая себя, согласно со свидѣтельскими показаніями, виновнымъ въ томъ, что давалъ фабричнымъ рабочимъ читать книги преступнаго содержанія, отъ дальнѣшаго разъясненія дѣла отказался. 4. Обвиняемая московская цеховая Анна Топоркова, утверждая также, что пріѣздъ ея въ Иваново имѣлъ единственно цѣлю знакомство съ бытомъ фабричныхъ, показала, что никого изъ арестованныхъ лицъ она не знаетъ, и всѣ они случайно поселились на ея квартирѣ. 5. Далѣе, послѣдняя изъ арестованныхъ лицъ первоначально назвала себя брод гою Екатериной Петровой, но затѣмъ, будучи уличена Владиміромъ Александровымъ и справками въ С.-Петербургѣ, признала, что она жена дворянина Екатерина Гамкрелидзе, рожденная Туманова. По показанію Гамкрелидзе, она пріѣхала въ Иваново-Вознесенскъ только для того, чтобы проститься со своей знакомой Лидіей Фигнеръ передъ отъѣздомъ съ мужемъ на Кавказъ. Наконецъ, въ Москвѣ былъ арестованъ и послѣдній изъ ивановскихъ пропагандистовъ, крестьянинъ Иванъ Васильевъ Бариновъ, тотъ самый, который ранѣе сего содержался подъ стражей по дознанію о дворянинѣ Джабадари и др. По предъявленіи Баринова рабочимъ фабрики Зубкова, эти послѣдніе признали Баринова за рабочаго Ивана Петрова, распространявшаго между ними книги преступнаго содержанія. Обвиняемый Бариновъ, отрицая всякое съ своей стороны участіе въ распространеніи книгъ и въ знакомствѣ, за исключеніемъ Агапова, съ лицами, арестованными въ домѣ Кисина, при-

зналъ, однако, что онъ жилъ на фабрикѣ Зубкова рабочимъ, объясняя это тѣмъ, что ему стыдно было жить въ Москвѣ послѣ того, какъ онъ былъ арестованъ по политическому дѣлу.

II.

Изъ переписки, отобранной у арестованныхъ въ Иваново-Вознесенскѣ лицъ, видно, что въ июль мѣсяцѣ 1875 г. въ г. Тулѣ проживалъ на заводѣ одинъ изъ членовъ преступнаго сообщества, нѣкто Злобинъ, занимаемая преступной пропагандой, что Злобинъ имѣлъ непосредственное сношеніе съ Москвою и другими членами того же сообщества и что пропагандисты настолько дорожили Злобинымъ, что боялись его потерять. Съ другой стороны, та же переписка доказываетъ, что московское управленіе общины считало недостаточнымъ пребываніе въ Тулѣ одного Злобина, а желало образовать въ Тулѣ общину, подобную иваново-вознесенской; для чего предполагалось командировать въ Тулу изъ Одессы Ольгу и Ванюшу, или же взять кого-нибудь изъ ивановской общины. Послѣднее по времени письмо удостовѣряетъ, что въ Тулу направлена именно Ольга. Вслѣдствіе таковыхъ указаній, въ г. Тулѣ былъ арестованъ сынъ коллежскаго ассесора Иванъ Андреевъ Злобинъ, по обыску, у него произведенному, найденъ былъ только списокъ книгъ преступнаго содержанія, но самыхъ книгъ, а равно и ничего предосудительнаго найдено не было. Оказалось, однако, что Злобинъ служилъ до самаго ареста на тульскомъ оружейномъ заводѣ простымъ рабочимъ, и слесаремъ, что со времени появленія Злобина на заводѣ между рабочими появились книги, изъятія изъ обращенія и запрещенныя, какъ напр., «Мірской учетъ», «Люди прежде и теперь» и «Юровая». Эти книги были предоставлены рабочими начальнику завода, генераль-лейтенанту Нотбекъ. По показанію 15 человекъ мастеровыхъ завода и въ томъ числѣ Гаврилы Алферова, Василя Мансурова и Михаила Милованова, Иванъ Андреевъ Злобинъ разновременно давалъ имъ читать: «Очерки фабричной жизни», «Безоброчный», «У перевоза», «Дѣдушка Егоръ», «Юровая», «О силахъ земли», «Мірской учетъ», «Крестьянскіе выборы» и «Люди прежде и теперь». Книги эти Злобинъ самъ предлагалъ рабочимъ, частью книги были старыя, а частью еще новыя, неразрѣзанныя. Давая книги, Злобинъ требовалъ, чтобы ихъ возвращали ему въ руки. По поводу книгъ онъ заводилъ съ рабочими разговоры и споры и объяснялъ рабочимъ содержаніе книгъ. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Иванъ Андреевъ Злобинъ не призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ какому-либо преступному сообществу и безусловно отрицалъ показанія свидѣтелей, утверждая, что никакихъ книгъ онъ не давалъ рабочимъ тульского завода. Между тѣмъ, кромѣ переписки, отобранной въ Иваново-Вознесенскѣ, принадлежность Злобина къ тому же преступному сообществу доказывается показаніями губернскаго секретаря Введенскаго, жившаго съ Злобинымъ, утверждающаго, что Злобина посѣщали Иванъ Семеновъ Фетисовъ, Григорій Зайцевъ, лично въ похаживая на обвиняемаго Кардашева, т. е. всѣ тѣ лица, которыхъ, какъ будетъ это доказано ниже, безспорно принадлежать къ числу членовъ преступнаго сообщества. Затѣмъ, по показанію обвиняемаго Ковалева, объ арестѣ Злобина, подъ именемъ «Ваньки», ему говорила Ольга Любатовичъ, и Ковалеву извѣстно, что Злобинъ принадлежалъ къ компаніи пропагандистовъ. Жившій вмѣстѣ съ Злобинымъ чиновникъ Введенскій представилъ три письма, полученныя имъ для передачи Злобину. Въ одномъ изъ нихъ отъ 26 августа, писанномъ обвиняемымъ Млодецкимъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже, Млодецкій спрашиваетъ о томъ: «пріѣхали ли тѣ, которыхъ вы знаете», и этотъ вопросъ, очевидно, касается

пріѣзда изъ Кіева въ Тулу пропагандистовъ, образовавшихъ тульскую общину. Послѣ ареста и отсылки Злобина въ Москву, 7 сентября 1875 г., къ полиціймейстеру г. Тулы явился солдатскій сынъ Василій Онуфріевъ Ковалевъ и заявилъ, что въ домѣ Кузовлева проживаетъ нѣкая Махоткина, у которой собираются лица, пропагандирующія преступныя идеи среди рабочихъ, и что онъ, Ковалевъ, самъ принадлежитъ къ этому обществу. Вслѣдствіе такого заявленія Ковалева, въ домѣ Кузовлева былъ произведенъ обыскъ, по которому въ квартирѣ дочери губернскаго секретаря Александры Махоткиной были задержаны, кромѣ послѣдней, крестьяне Николай и Иванъ Едуковы, Григорій Зайцевъ и Иванъ Семеновъ Фетисовъ. По обыску въ квартирѣ Махоткиной найдено 12 экземпляровъ книгъ преступнаго содержанія, бѣлье и крестьянское платье, все это было уложено въ особый чемоданъ. Такія же книги найдены были и въ другомъ чемоданѣ, который былъ признанъ Григоріемъ Зайцевымъ за принадлежащій ему. Кромѣ того, у Махоткиной отобрано было запечатанное письмо, спрятанное ею подъ платьемъ. Квартира въ домѣ Кузовлева была нанята Махоткиной вмѣстѣ съ братомъ ея Петромъ, успѣвшимъ во время обыска скрыться вмѣстѣ съ другимъ лицомъ, называвшимся Герасимомъ Петровымъ. Письмо, отобранное у Махоткиной и ею написанное, было адресовано въ Кіевъ на имя какой-то Гельфманъ для передачи Вѣрѣ Глѣбовой. Письмо это шифровано, а по разборѣ шифра оказалось слѣдующаго содержанія: «Ты переврала адресъ, деньги нельзя получить, пришли имя и адресъ пославшаго, тогда выдадутъ деньги. Василій такъ болтаетъ о томъ: откуда пріѣхалъ, гдѣ бралъ книги, знакомится съ такою сволочью, что не нынче — завтра влопаетъ насъ и расскажетъ все, что знаетъ о насъ. Совѣтую вамъ перемѣнить квартиру. Пиши адресъ». Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Василій Онуфріевъ Ковалевъ показалъ слѣдующее: весною и лѣтомъ 1875 года онъ работалъ въ г. Кіевѣ, на сахарномъ заводѣ. На томъ же заводѣ былъ работникъ по имени Герасимъ Петровъ. Этотъ Петровъ часто носилъ на заводъ книги преступнаго содержанія— «Хитрую механику», «Сказку о 4 братьяхъ», «Сказку о копейкѣ», газету «Работникъ» и давалъ читать какъ ему, Ковалеву, такъ и другимъ рабочимъ. Нѣсколько времени спустя, Петровъ познакомилъ его, Ковалева, съ тѣми лицами, отъ которыхъ Петровъ получалъ упомянутыя книги. Лица эти были: какой-то Иванъ, Марья, Николай Степановъ съ женой, Прохоръ, Михайло, какой-то офицеръ Петръ, который на службу ходилъ въ формѣ, а въ компанію приходилъ въ рабочей блузѣ, Григорій Зайцевъ и акушерка Гельфманъ. Познакомившись съ ними, Ковалевъ узналъ, что они принадлежатъ къ какому-то тайному обществу, желающему возбудить народъ къ бунту, уничтожить правительство, чиновниковъ, дворянъ, баръ, купцовъ и оставить однихъ мужиковъ, подѣливъ между послѣдними всю землю. Убѣждая Ковалева бросить работу на заводѣ, лица эти говорили, что дадутъ ему свою работу и отправятъ его въ Тулу на пропаганду. Когда онъ согласился на это, то ему было объявлено, что онъ поѣдетъ въ Тулу съ Герасимомъ Петровымъ. Изъ Кіева въ Тулу Ковалева съ Петровымъ отправляли Прохоръ, Михайло и какая-то княгиня Марья. Эта княгиня дала Петрову адресъ въ Тулу, по которому надо было узнать, гдѣ имъ можно остановиться. Адресъ этотъ оказался адресомъ квартиры Злобина. Затѣмъ имъ было вручено по 5 р. на дорогу и на билеты до Тулы. При нихъ Прохоръ и Михайло составили фальшивые паспорта и вручили имъ для предьявленія въ Тулѣ. Деньги на дорогу выдавалъ Прохоръ изъ ихъ общественной кассы, которая обыкновенно хранилась у офицера Петра. Пріѣхавъ въ Тулу, Герасимъ Петровъ ходилъ по адресу, данному княгиней Марьей. Не заставъ тамъ никого дома, Петровъ и Ковалевъ пошли къ

оружейному заводу дожидаться, когда рабочіе пойдутъ обѣдать. Въ это время съ завода вышелъ Петръ, котораго Ковалевъ зналъ еще въ Кіевѣ подь именемъ Ваньки. Петръ, предупредивъ Ковалева о томъ, чтобы онъ не называлъ его Ванькой, привелъ ихъ на квартиру, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ Махоткиной. На той же квартирѣ жили два брата Едуковыхъ, какой-то Гриша и Иванъ Фетисовъ. Марью (такъ называли въ Тулѣ Махоткину) Петръ звалъ сестрой, а про Едуковыхъ говорилъ, что это хорошие люди, грамотные, сразу узнали всѣ ихъ дѣла, которыя они и поведутъ теперь вмѣстѣ. Къ вечеру того же дня Петръ нашель для Герасима Петрова и Ковалева квартиру въ домѣ Куракова. Герасимъ Петровъ вскорѣ уѣхалъ на фабрику въ село Панино, гдѣ находился уже Иванъ Семеновъ Фетисовъ а Ковалевъ остался на квартирѣ Куракова, которому Петръ заплатилъ деньги впередъ, съ тѣмъ, что если изъ Кіева или Одессы придутъ еще рабочіе, то съ тѣхъ уже денегъ болѣе не брать. Ковалевъ прожилъ недолго у Куракова и затѣмъ переселился въ домъ Алифановой. До отъѣзда своего Герасимъ Петровъ читалъ рабочимъ, приходившимъ къ Куракову, «Парова машина». Поселившись у Куракова, Ковалевъ говорилъ primero, что присланъ изъ Кіева бунтовать народъ, на что Кураковъ сказалъ, что онъ это знаетъ и что нужно взбунтовать всю Россію. Кураковъ при этомъ говорилъ, что знаетъ Фетисова, хвалилъ его и хвастался, что не выдалъ Фетисова, когда за нимъ приходили жанцармы. Все это общество постоянно собиралось въ квартирѣ Махоткиной. Тамъ рабочимъ читались книги. Ковалевъ слышалъ, какъ Едуковы поочередно читали вслухъ «Хитрую механику». По приѣздѣ Ковалева изъ Кіева, Махоткина говорила ему, что въ Тулѣ полагался на-дняхъ Ванька, котораго арестовали и отправили въ Москву. Въ Тулѣ Махоткина дала Ковалеву «Хитрую механику» и «Сказку о четырехъ братьяхъ» для того, чтобы онъ постарался передать ихъ рабочимъ. Книги эти Ковалевъ отдалъ какимъ-то сапожникамъ; когда же онъ, Ковалевъ, сталъ въ другой разъ просить у Махоткиной книгъ, то Махоткина укоряла его въ томъ, что онъ даетъ книги рабочимъ, не узнавши ихъ сначала хорошенько. Ковалеву извѣстно, что на квартирѣ гдѣ жилъ Злобинъ, былъ какой-то нужный Петру киевскій адресъ. Послѣ сдѣланнаго Ковалевымъ заявленія полиціи, Кураковъ упрекалъ за это Ковалева, говоря, что это не поможетъ, ибо сколько ни будутъ такого народа забирать—ихъ болѣе б деть, и они добьются того, чего хотятъ. Показаніе Василія Ковалева нашло себѣ полное подтвержденіе въ обстоятельствахъ дѣла, обнаруженныхъ дознаніями, произведенными въ Кіевѣ и Тулѣ. Такъ, по показанію домохозяина г. Тулы, крестьянина Михаила Родіонова, Махоткина вмѣстѣ съ братомъ своимъ Петромъ прожили у него съ 24 по 30 августа, причемъ Махоткина называлась Марьей и говорила, что приѣхала въ Тулу изъ Кіева. Съ ними на квартирѣ жили еще два человѣка по словамъ Махоткиной, нахлѣбники. Съ 4 сентября Махоткина переселилась въ домъ Кузовлевыхъ по показанію которыхъ она жила съ братомъ своимъ Петромъ и товарищемъ послѣдняго. Ходила она въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, была постоянно дома, готовила кушанье и ходила за водой; мужчины же уходили на работу. Всѣ они выдавали себя за простыхъ рабочихъ. По показанію обвиняемаго Ивана Александра Куракова, лѣтомъ 1875 г., у него жилъ Иванъ Семеновъ Фетисовъ около 2-хъ мѣсяцевъ и затѣмъ уѣхалъ на работу въ село Панино. Послѣ Фетисова въ его комнатѣ поселились рабочіе Василій и Герасимъ. Къ Фетисову ходили Николай и Иванъ Едуковы и какой-то Петька, называвшійся братомъ Махоткиной. Кромѣ того жившій въ одно время съ Фетисовымъ въ домѣ Куракова крестьянинъ Павелъ Дороговъ показалъ, что у Куракова нѣсколько дней прожили Григорій Зайцевъ и Петръ. Фетисовъ въ скоромъ времени

уѣхалъ съ Григоріемъ въ село Панино, оставивъ за собою комнату, а Петръ перешелъ къ Махоткиной. У Фетисова, при участіи Куракова, часто собирались рабочіе чело­вѣкъ по 5-ти, въ томъ числѣ Петька, Гришка, Герасимъ Петровъ, и подолгу за чаемъ шумѣли и говорили о трудной жизни рабочихъ. Дороговъ слышалъ разъ, какъ Герасимъ Петровъ въ этой компаніи читалъ книгу на малороссійскомъ языкѣ. Эта компанія считала Фетисова за адвоката изъ старшихъ. Фетисовъ уговаривалъ и Дорогова пристать къ ихъ компаніи, но Дороговъ, услыхавъ разъ отъ Фетисова замѣчаніе о томъ, что «иконы—деревяшки», прекратилъ съ нимъ всякія сношенія. Какое значеніе для пропагандистовъ имѣла квартира Куракова, видно изъ того, что бѣжавшій, во время убьсыка у Махоткиной, обвиняемый Герасимъ Петровъ цѣлый день скрывался у Куракова, что удосто­вѣрено показаніемъ свидѣ­тельницы Елисаветы Григорьевой. Затѣмъ хозяйка послѣдней квартиры Ковалева, Алифанова, и жилецъ ея Дмитрій Матвѣевъ объяснилъ, что Ковалевъ мало бывалъ дома. На разспросы, куда онъ ходитъ, Ковалевъ отвѣчалъ, что на Павшинскую улицу, гдѣ у него живутъ товарищи, и хвалился, что у нихъ есть хорошія книги. Матвѣевъ, прочитавъ принесенную ему Ковалевымъ «Сказку о четырехъ братьяхъ», бросилъ ее и сказалъ, что на эту книгу стоитъ наплевать. По поводу этой книги Ковалевъ завязалъ споръ съ Матвѣевымъ, доказывая, что Бога и св. мощей нѣтъ. При этомъ Ковалевъ говорилъ, что всѣ они, пріѣхавшіе въ Тулу, принадлежать къ одному тайному обществу, которое не признаетъ царя и разсылаетъ своихъ людей въ разныя мѣста бунтовать народъ. Когда это общество, по словамъ Ковалева, «настанетъ», и бунтъ удастся, то никто податей платить не будетъ, земля раздѣлится поровну между всѣми, и вмѣсто царя будетъ выборный отъ народа. Съ цѣлью бунтовать народъ прислана въ Тулу и ихъ компанія. Про Марью Ковалевъ говорилъ, что она барышня богатая, но зовется просто «Машкой», ибо между ними это такъ принято. На всѣ доводы Ковалева, Матвѣевъ доказывалъ ему, что всѣ эти рассказы пустяки, что ничего подобнаго въ Россіи произойти не можетъ, и совѣтовалъ ему бросить глупости, заниматься дѣломъ, а о своихъ преступныхъ товарищахъ довести до свѣдѣнія полиціи, что Ковалевъ, послѣ нѣкотораго колебанія, и сдѣлалъ. Кураковъ, дѣйствительно, при свидѣтелѣ упрекалъ Ковалева за сдѣланное имъ заявленіе полиціи и упрекалъ его именно въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ о томъ показалъ Ковалевъ. Свѣдѣнія такого же рода получены были отъ свидѣтеля, допрошеннаго въ городѣ Воронежѣ, куда 2 сентября пріѣзжалъ за своими вещами обвиняемый Николай Едуковъ. По показанію Щукина, Николай Едуковъ, рассказывая о своей тульской жизни, говорилъ: жизнь наша хорошая, хозяйка, у которой мы живемъ, бѣдовая, богатая, читаетъ намъ книги—все запрещенныя, противоправительственныя; получаетъ она жалованье отъ тайнаго общества, которому служить. Въ виду изложенныхъ выше данныхъ, доказывающихъ, что Иванъ Фетисовъ съ Григоріемъ Зайцевымъ и Герасимомъ Петровымъ ѣздилъ на работу въ село Панино, произведено было дознаніе объ ихъ пребываніи въ этомъ селѣ, и по дознанію оказалось, что Иванъ Фетисовъ съ Григоріемъ Зайцевымъ поступили на заводъ въ село Панино 22 августа, а Герасимъ Петровъ— 3 сентября, и что затѣмъ всѣ трое 7 сентября оставили заводъ. По показанію рабочихъ панинскаго завода: Михаила Шильникова, Андрея Оськина и Михаила Кукина,—Фетисовъ, Зайцевъ и Петровъ жили съ ними на одной квартирѣ. Всѣ трое выдавали себя за родственниковъ, были между собою очень дружны и о чемъ-то часто шушукались. У нихъ былъ одинъ общій сакъ-воажъ и, какъ свидѣтели полагаютъ, въ немъ были книги. Заключаютъ они это изъ того, что разъ какъ-то Фетисовъ поругался съ Зайцевымъ за то, что послѣдній требовалъ у Фетисова книгъ для раздачи ра-

бочимъ, а Фетисовъ говорилъ, что этого нельзя сдѣлать, впрочемъ, свидѣтель Кукинъ самъ видѣлъ у нихъ «Очерки фабричной жизни», «Дѣдушка Егоръ». Разъ какъ-то Фетисовъ рассказывалъ вслухъ «Сказку о четырехъ братьяхъ». Фетисовъ держалъ строго Зайцева и Петрова и однажды отобралъ у нихъ какое-то письмо, которое они куда-то хотѣли отправить. Всѣ трое часто въ разговорахъ вспоминали о какомъ-то Петрушкѣ и Марьѣ. По справкамъ оказалось, что Петька, выдававшій себя за брата Махоткиной, проживалъ въ Тулѣ по паспорту крестьянина Петра Сидоренко, и какъ его паспортъ, такъ и паспорта Зайцева и Ковалева, оказались фальшивыми и написанными обвиняемыми по кievскому дознанію Григоріемъ Александровымъ и Млодецкимъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Это обстоятельство снова подтверждаетъ заявленіе Ковалева о фабрикаціи въ Кіевѣ подложныхъ паспортовъ. Доказательствомъ тому, что Александра Махоткина, она же Марья, проживала въ Кіевѣ, несмотря на полное съ ея стороны отрицаніе этого обстоятельства, служатъ наведенныя въ Кіевѣ справки, изъ которыхъ видно, что Махоткина прожила въ Кіевѣ, въ «Грандъ-Отель» съ 13 по 17 мая 1875 г. и въ гостиницѣ «Россія» съ 7 по 9 августа; конторщикъ послѣдней изъ нихъ призналъ въ Махоткиной именно то лицо, которое подъ этимъ именемъ останавливалось въ гостиницѣ. На свидѣльствѣ костромскаго полицейскаго управленія на имя Махоткиной имѣются явки этого свидѣтельства въ полиціи г. Кіева 13 мая и 7 августа; затѣмъ съ 14 по 20 августа Александра Махоткина, а по показанію свидѣтелей Голубева и Горшкова, именно то лицо, которое арестовано въ Тулѣ, проживала въ Москвѣ въ 171 номерѣ гостиницы Попова и 20 августа вышла изъ гостиницы вмѣстѣ съ Зайцевымъ и другимъ лицомъ, называвшимся ея братомъ. Съ другой стороны, изъ показанія дворянки Елисаветы Хоржевской видно, что она лѣтомъ 1875 г. познакомилась въ Одессѣ съ дѣвицей, называвшейся Ольгой. Ольга пріѣхала къ ней, какъ знакомая сестры ея Александры Хоржевской (княгини Циціановой). Въ августѣ мѣсяцѣ съ разрѣшенія своего отца Елисавета Хоржевская поѣхала въ Петербургъ для поступленія въ родовспомогательное заведеніе, Ольга же предложила проводить ее до Москвы. Въ Кіевѣ онѣ остановились по приглашенію Ольги у Гельфманъ. Ольга уѣхала въ Москву и просила Хоржевскую захватить къ ней и привезти съ собой для Ольги два крестьянскихъ сарафана, сказавъ, что она остановится въ гостиницѣ Кокорева подъ именемъ Махоткиной. Хоржевская, осмотрѣвъ Кіевъ, поѣхала въ Москву, но Ольги уже не застала, ей сказали, что она уѣхала съ двумя какими-то молодыми людьми. Узнавъ, что она опоздала для поступленія въ заведеніе, Хоржевская вернулась и захватила въ Кіевѣ, гдѣ въ это время была ея сестра. Два сарафана, найденные у нея, принадлежатъ Ольгѣ. Все вышеизложенное, несомнѣнно, указывало на то, что личность, именуемая Александрю Махоткиною, проживаетъ по виду ей не принадлежащему; вслѣдствіе чего были приняты мѣры отыскать Александрю Махоткину, которая и была найдена въ г. Твери, гдѣ состоитъ акушеркой при земской больницѣ. По предъявленіи акушеркѣ Махоткиной свидѣтельства костромскаго полицейскаго управленія, Махоткина признала его за принадлежащее ей и ею утраченное гдѣ-то, еще въ сентябрѣ 1874 г. Въ фотографической карточкѣ Марья Махоткина признала одну изъ тѣхъ дѣвицъ, съ которыми она слушала курсъ акушерства въ Петербургѣ, въ Калинкинской больницѣ. По предъявленіи женщины, арестованной въ Тулѣ, коллежскому ассесору Любатовичъ и его женѣ, они признали въ ней: первый—свою родную дочь, а вторая—падчерицу Ольгу Любатовичъ. Привлеченная къ дознанію дочь коллежскаго ассесора Ольга Спиридонова Любатовичъ, выдавая себя за Махоткину до того времени, пока не была признана своимъ отцомъ и мачехой, сначала

утверждала, что жила въ Одессѣ и Кіевѣ и пріѣхала въ Тулу къ своему брату Петру, съ которымъ и поселилась; затѣмъ, отказавшись отъ того, что она проживала въ Кіевѣ, уклонилась дать разъясненіе о цѣли, съ которой она пріѣхала въ Тулу, а равно и отказалась отъ всякаго знакомства съ кѣмъ-либо изъ лицъ, привлеченныхъ къ дознанію. При дальнѣйшемъ развитіи дознанія Ольга Любатовичъ, въ виду собранныхъ противъ нея уликъ, нѣсколько измѣнила свои показанія и объяснила, что Петръ Сидоренко ей не братъ, а называли его такъ, ибо ей, какъ дѣвушкѣ, неудобно было жить съ лицомъ ей постороннимъ. Съ Сидоренко она знакома была 2 мѣсяца въ Кіевѣ и затѣмъ, когда онъ уѣхалъ въ Тулу на работу, то пригласилъ ее письмомъ пріѣхать въ Тулу для того, чтобы вмѣстѣ держать квартиру и нахлѣбниковъ. Поселившись въ Тулѣ, она познакомилась съ Зайцевымъ и Герасимомъ Петровымъ, какъ знакомыми Сидоренко. Вещи и книги, найденныя въ ея квартирѣ, принадлежать ей и Сидоренко. Объ отобранномъ у ней видѣ на жительство на имя Махоткиной Любатовичъ показала, что нашла его случайно въ вагонѣ желѣзной дороги. Затѣмъ, назвавшійся при арестѣ крестьяниномъ Григоріемъ Петровымъ Зайцевымъ объявилъ, что онъ дворянинъ Кіевской губерніи Григорій Петровъ Сидорацкій. Выйдя изъ кіевской военной гимназіи, въ мартѣ 1875 года, съ цѣлью уйти отъ родителей, заняться слесарнымъ ремесломъ и самому зарабатывать хлѣбъ, онъ добылъ отъ знакомаго ему Михайлы паспорть на имя Зайцева и съ нимъ пріѣхалъ въ Тулу. Михайло, выдавая ему паспортъ, говорилъ, чтобы съ нимъ быть осторожнѣе и предлагалъ ему, Сидорацкому, денегъ на дорогу, но онъ отъ этого отказался. Пріѣхавъ въ Тулу 7 сентября, Сидорацкій въ трактирѣ познакомился съ Ковалевымъ, который привелъ его къ женщинѣ Марьѣ, гдѣ онъ и былъ въ тотъ же день арестованъ. Какъ попали къ нему въ сакъ-вояжъ книги, онъ не знаетъ, и онѣ ему не принадлежать. Обвиняемый крестьянинъ Иванъ Семеновъ Фетисовъ объяснилъ сначала, что онъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1875 г., уѣхалъ съ родины на заработки. Въ Тулѣ, въ вокзалѣ, онъ случайно познакомился съ Иваномъ Едуковымъ, съ которымъ зашелъ въ трактиръ. Изъ трактира Фетисовъ пошелъ искать себѣ квартиру и, случайно, попалъ въ ту квартиру, гдѣ производился обыскъ, и его задержали. Уличенный наведенными справками въ томъ, что онъ ушелъ съ родины въ 1870 году, жилъ сначала въ Петербургѣ, гдѣ былъ знакомъ съ арестованнымъ по этому же дѣлу Злобинымъ, и что еще 13 мая 1875 г. онъ поступилъ слесаремъ въ тульскую паровозную мастерскую, Иванъ Фетисовъ, признавъ эти факты, показалъ, что въ концѣ августа онъ жилъ на панинскомъ сахарномъ заводѣ, гдѣ будто бы познакомился съ Зайцевымъ и Герасимомъ Петровымъ, въ квартиру же Махоткиной пришелъ потому, что знакомъ съ Едуковымъ по паровозной мастерской. Отъ всякаго участія въ пропагандѣ Фетисовъ отказался. Затѣмъ, обвиняемые крестьяне Иванъ и Николай Ивановы Едуковы показали, что они, около Пасхи 1875 г., перешли на работу изъ Воронежа въ Тулу, такъ какъ въ Воронежѣ уменьшили заработную плату. Въ мастерской въ Тулѣ они познакомились съ какимъ-то Петромъ Махоткинымъ, который и пригласилъ ихъ къ знакомой Махоткину женщинѣ Марьѣ въ нахлѣбники. 2 сентября Николай Едуковъ уѣхалъ въ Воронежъ за своими вещами и вернулся только 7 сентября, въ день ареста. Ковалева и Зайцева они совсѣмъ не знаютъ. Бывали ли у Махоткина сборища—тоже не знаютъ, въ пропагандѣ не участвовали и никакихъ преступныхъ разговоровъ въ квартирѣ Махоткина не слыхали. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, по показаніямъ Ковалева, Матвѣева и Григорьевой, мѣщанинъ Иванъ Кураковъ не призналъ себя виновнымъ ни въ томъ, что принадлежалъ къ сообществу пропагандистовъ, ни въ томъ, что зналъ о существо-

ваніи лицъ, занимающихся преступной пропагандой. Несмотря на принятія мѣры, лица, называвшіяся Петромъ Сидоренко и Герасимомъ Петровымъ, разысканы не были.

III.

Изъ переписки, отобранной у обвиняемыхъ въ Иваново-Вознесенскѣ, видно, что лица, проживавшія въ Москвѣ и въ Иваново-Вознесенскѣ, принадлежащія къ одному и тому же преступному сообществу, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ членами общины, живущими въ Кіевѣ. По показанію обвиняемаго Семена Агапова, ему извѣстно было, что хохлячка Оеклуша (Александра Хоржевская, она же княгиня Цицианова) занималась преступной пропагандой въ Кіевѣ въ то время, когда Агаповъ съ другими обвиняемыми жилъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ. По обыску въ Тулѣ у обвиняемой Ольги Любатовичъ было отобрано письмо, приготовленное ею къ отправкѣ въ Кіевъ на имя акушерки Гельфманъ. По указанію Ковалева, въ Кіевѣ дѣйствительно существовалъ кружокъ людей, поставившихъ себѣ задачей не только распространеніе книгъ преступнаго содержанія, но и пріобрѣтавшихъ новыхъ членовъ для своей общины, разсылая ихъ по другимъ губерніямъ. Какъ на членовъ такого кружка, Ковалевъ указалъ на княгиню Марью, офицера Петра, у котораго хранилась касса общины, Прохора, Михаила и Герасима Петрова. Эти лица, какъ утверждаетъ Ковалевъ, уговаривали его ѣхать для пропаганды въ Тулу и снабдили его и Герасима Петрова деньгами на проѣздъ, адресами въ Тулу и фальшивыми паспортами. Личность, назвавшаяся Михайломъ, снабдила фальшивымъ паспортомъ и обвиняемаго Сидорацкаго. Въ силу такихъ обстоятельствъ дѣла, у акушерки Гельфманъ, въ г. Кіевѣ, былъ произведенъ обыскъ, но ничего предосудительнаго у Гельфманъ найдено не было. Въ числѣ книгъ, принадлежащихъ Гельфманъ, найдена книжка изъ бібліотеки Донцова на имя Глѣбовой. При обыскѣ Гельфманъ отказалась отъ знакомства съ Глѣбовой. Между тѣмъ, показаніями квартирной хозяйки, у которой жила Гельфманъ, Марины Казимировой и дочери ея Александры, было обнаружено, что у Гельфманъ ежедневно собирается очень много молодыхъ людей и женщинъ, и что Гельфманъ ведетъ значительную переписку. Вслѣдствіе этого за квартирой Гельфманъ былъ учрежденъ надзоръ, и въ этой квартирѣ въ самый день обыска были задержаны: неизвѣстнаго званія чело­вѣкъ, отказавшійся назвать себя, мужчина, назвавшійся Михаиломъ Степановымъ Петровымъ, и женщина Марья Горощенкова. Затѣмъ, послѣ ареста Гельфманъ, на ея имя, для передачи Вѣрѣ Григорьевнѣ, были получены два письма. Одно изъ Москвы отъ 10 сентября такого содержанія: «Жду съ нетерпѣніемъ кого-нибудь къ себѣ на подмогу. Напишите отъ себя Рыжему, чтобы онъ непременно пріѣзжалъ, измѣнивъ предварительно свой наружный видъ и принявъ къ свѣдѣнію, что по прежнимъ мѣстамъ жительства ходить не надо, on le cherche.... Черезъ нѣкоторое время я вамъ сообщу квартиру, на которую можно будетъ являться. Пиши сейчасъ, по полученіи сего письма, получила ли деньги сполна на адресъ Минье. Мутруку напиши тоже, чтобы пріѣхалъ, но только не на этотъ адресъ, а зашелъ бы къ Минье, гдѣ узнаетъ мой адресъ. Была вчера у Ольги, она, слава Богу, жива и здорова, Волченюкъ шлетъ поклонъ. Прощай, напиши одесскій адресъ немедленно. Je suis seule. Пусть извѣстятъ Эсельяни, чтобы онъ остерегался всего дурнаго». Письмо это частью было зашифровано. Другое письмо, полученное на имя Вѣры Григорьевны, было адресовано изъ Орла и къ нему приложено 300 руб. денегъ. Письмо такого содержанія: «Посылаю Вамъ триста руб., а Вы перешлите тому, кому слѣдуетъ». Подписано

«Воейкова». Кромѣ того, къ дѣлу была вытребована депеша, посланная въ Кіевъ изъ Одессы отъ имени Аристаховой, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже. Депеша эта слѣдующаго содержанія: «Кіевъ. Большая Васильевская, домъ Ткаченко, Гельфманъ. Вѣра, не присылай сюда ни одного письма, я уѣзжаю, скоро вышло своей адресъ». По заключенію экспертовъ, какъ оба приведенныя выше письма, такъ и депеша писаны Надеждой Субботиной, принадлежность которой къ московской общинѣ доказывается обстоятельствами дѣла, ниже изложенными. Сопоставивъ эти письма и депешу Надежды Субботиной съ обстоятельствами дѣла, обнаруженными дознаніями въ Тулѣ и Ивановѣ-Вознесенскѣ, получится полное доказательство того, что лица, составлявшія кіевскую общину, принадлежатъ къ одному обществу съ общинами ивановской и тульской, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и вполне опредѣлится характеръ квартиры акушерки Гельфманъ, какъ мѣста, гдѣ сосредоточивались взаимныя сношенія другихъ общинъ съ общиною кіевскою. Допрошенная по обстоятельствамъ дѣла, мозырская мѣщанка Геся Мироновна Гельфманъ показала, что она окончила курсъ акушерства въ 1874 году, жила одна и никого въ Кіевѣ знакомыхъ не имѣетъ, а равно не знаетъ тѣхъ лицъ, которыя были арестованы въ ея квартирѣ. Затѣмъ, при дальнѣйшихъ допросахъ Гельфманъ измѣнила свое показаніе и объяснила, что подъ именемъ Вѣры Григорьевны она знала какую то молодую женщину, съ которой познакомилась въ ботаническомъ саду, въ августѣ мѣсяцѣ 1875 г. Уѣзжая изъ Кіева, Вѣра Григорьевна взяла ея адресъ съ цѣлью переписываться, и этимъ только Гельфманъ объясняетъ полученіе ею писемъ на имя Вѣры Григорьевны. По предъявленіи трехъ лицъ, задержанныхъ въ квартирѣ Гельфманъ, обвиняемому Ковалеву, этотъ послѣдній призналъ въ нихъ именно тѣхъ лицъ, о которыхъ онъ заявлялъ въ Тулѣ. Такъ, неизвѣстнаго человѣка Ковалевъ призналъ за Прохора, Михаила Петрова за Михайла и Марью Горошенкову за княгиню Марію. Назвавшійся Михаиломъ Петровымъ на первомъ допросѣ показалъ, что онъ крестьянинъ Черниговской губерніи, Сосницкаго уѣзда, дер. Ивановки, и живетъ въ Кіевѣ съ своей беременной сестрой Натальей, которой понесла добилась помощь акушерки, вслѣдствіе чего онъ пришелъ къ Гельфманъ, гдѣ и былъ задержанъ. На другой день послѣ ареста, Михаилу Петрову было предложено указать его квартиру, и онъ привелъ въ домъ Котикова. По осмотру означенной квартиры, живущихъ въ ней не оказалось, а найдено было много изорванной бумаги. По показанію хозяина дома Котикова, Петровъ жилъ съ какимъ-то товарищемъ и беременной женщиной, которая въ день ареста Петрова ночью съ квартиры неизвѣстно куда скрылась. Между тѣмъ, дознано было, что передъ переѣздомъ въ домъ Котикова Михаилъ Петровъ съ своимъ товарищемъ проживалъ съ 15 іюля до 19 августа въ квартирѣ Анны Продьминой, а конецъ августа вмѣстѣ съ тѣмъ же товарищемъ и еще съ какой-то женщиной въ домѣ Вѣтровой. Михаилъ Петровъ, неизвѣстный человѣкъ и Марья Горошенкова были признаны указанными выше лицами за тѣхъ, которые жили въ квартирѣ Продьминой и въ домѣ Вѣтрова, причѣмъ неизвѣстный человѣкъ назывался Прохоромъ. По показанію свидѣтельницы Анны Продьминой у Петрова и Прохора каждый вечеръ бывали сборища, на которыхъ всѣ говорили тихо, и двери въ комнаты всегда запирали. Въ предъявленныхъ Продьминой Ковалевъ и обвиняемыхъ Григори Александровѣ, Продьмина признала лицъ, посѣщавшихъ Петрова и Прохора. Съ другой стороны, хозяйка дома Вѣтрова и сосѣдка по ея дому, мѣщанка Богданова, признали въ Горошенковой женщину, нанимавшую домъ Вѣтровой и жившей у нихъ съ Петровымъ и Прохоромъ. По показанію свидѣтельницъ, всѣ эти лица прожили въ домѣ Вѣтровой одну недѣлю. Съѣхали они внезапно потому, что изъ

лицъ, посѣщавшихъ жильцовъ, Вѣтрова узнала свою знакомую акушерку Елисѣеву. Елисѣева была въ это время беременна. Вслѣдъ за симъ было обнаружено, что личность, назвавшаяся Михаиломъ Петровымъ, часто посѣщала отставного штабсъ-капитана Подгородецкаго, застрѣлившагося 5-го октября, ранѣ возбужденія настоящаго дѣла. Кіевская мѣщанка Марья Драгунова, жившая одно время съ Подгородецкимъ, а затѣмъ постоянно его посѣщавшая, признала въ Петровѣ и Прохорѣ лицъ, часто бывавшихъ у Подгородецкаго. Подгородецкій говорилъ свидѣтельницамъ, что эти лица—студенты, и что черезъ нихъ онъ познакомился съ какимъ-то господиномъ «рыжей бородой» и многими другими, что онъ, Подгородецкій, этому знакомству очень не радъ, да дѣлать нечего, когда знакомятъ. Студенты приносили Подгородецкому читать книги: «Богъ то Богъ, да самъ не будь плохъ», «Сказку о копѣйкѣ», «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ» и др. Подгородецкій получалъ письма на имя Петрова и передавалъ ихъ Петрову при его посѣщеніяхъ. Вслѣдствіе указанія Драгуновой на то, что оба арестованныя въ квартирѣ Гельфманъ лица—студенты, было обнаружено ихъ званіе, и оказалось, что оба они бывшіе студенты Петровской Земледѣльческой Академіи. Изъ нихъ Михаилъ Петровъ, проживавшій по паспорту крестьянина Калужской губерніи, Жиздринскаго уѣзда, Троицкой волости,—отставной подпоручикъ артиллеріи Михаилъ Воронковъ, а второй, извѣстный подъ именемъ Прохора, дворянинъ Мартынъ Александровъ Млодецкій. Затѣмъ, назвавшійся Михаиломъ Петровымъ, признавая свое званіе, объяснилъ, что выйдя въ 1873 г. въ отставку, онъ поступилъ въ Петровскую Академію, откуда вышелъ, не окончивъ курса въ 1874 году. Не имѣя никакихъ средствъ къ жизни и въ то же время желая изучить быть рабочихъ, Воронковъ досталъ себѣ за три рубля фальшивый паспортъ, съ которымъ и проживалъ въ Кіевѣ, работая на желѣзной дорогѣ и въ мастерскихъ. На работѣ онъ познакомился съ Мартыномъ Млодецкимъ и поселился съ нимъ и знакомой Млодецкаго Натальей Егоровой. Кто такой Млодецкій и Егорова, онъ, Воронковъ, не скажетъ. Съ Млодецкимъ бывалъ у Подгородецкаго и давалъ ему читать книги, дозволенная цензурой. Воронковъ получалъ отъ своего брата письма черезъ Подгородецкаго. Съ своей стороны, дворянинъ Мартынъ Млодецкій показалъ, что живетъ въ Кіевѣ съ лѣта 1875 г., ранѣ сего пріѣзжалъ въ Кіевъ нѣсколько разъ и разъѣзжалъ по разнымъ мѣстамъ, но, гдѣ именно и у кого въ Кіевѣ останавливался, не скажетъ. Гельфманъ знаетъ и бывалъ, какъ у знакомой. Адресъ Гельфманъ онъ, Млодецкій, получилъ отъ кого-то въ Москвѣ. Съ Михаиломъ (Воронковымъ) онъ жилъ, Наталья же Егорова жила не съ нимъ, Млодецкимъ, а съ Михаиломъ. Знаетъ Млодецкій и офицера Петра, живущаго на полигонѣ. Познакомился съ нимъ черезъ Гельфманъ и, по порученію Марьи, ходилъ къ офицеру Петру за полученіемъ 100 руб. денегъ. За этими деньгами Млодецкій ходилъ, зная, что Петръ обязанъ былъ ихъ дать. Въ преступной пропагандѣ и въ принадлежности къ революціонному сообществу Млодецкій виновнымъ себя не призналъ, добавивъ, однако, что, можетъ быть, о существованіи такого общества и слышалъ. По предъявленіи Млодецкому письма отъ 26-го августа, присланнаго въ Тулу обвиняемому Злобину, Млодецкій призналъ, что такое писано имъ, но дать по этому поводу какое-либо разъясненіе отказался. Задержанная 9-го сентября въ квартирѣ Гельфманъ женщина, назвавшаяся Марьей Горощенковой, показала, что она дочь инженера, Александра Сергѣева Хоржевская. Отецъ ея живетъ въ Одессѣ, а она пріѣхала въ Кіевъ недавно, безъ особенной цѣли, только потому, что Кіевъ ей очень нравится. Въ Кіевѣ она знаетъ одну Гельфманъ, но гдѣ съ нею познакомилась—не помнитъ. По обыску у Хоржевской найдена записная

книжка, телеграфная квитанция, а в узел мужская рубашка и грязная мужская блуза. О записной книжке и квитанции Хоржевская показала, что нашла их на улице, а о грязном белье объяснила, что получила его от Гельфмань. Виновной в принадлежности к преступному сообществу и распространении книг Хоржевская себя не признала, а равно и отказалась от совместного с Млодецким и Воронковым проживания в доме Ветровой. Между тем, дознание обнаружено, что Александра Хоржевская, это та самая личность, которая вышла замуж за дворянина Кикодзе, выдавая его за князя Цицианова, о чем будет сказано ниже, и жила в Сыромятниках у Скворцовой под именем хохлачки Еклуши. Затем, по показанию свидетеля Михаила и Матрены Пахилевичей, Хоржевская в августе 1875 г. вместе с Ковалевым, под видом простой крестьянской девушки, приходила к ним нанять квартиру. По осмотру записной книжки, найденной при Хоржевской, в ней замечены адреса, записанные шифром, в числе их тульский адрес «Ива—у С—м—нову Криво—огов. ул. домъ Куракова», т. е., очевидно, адрес Ивана Семенова Фетисова, а сношение киевского кружка с Фетисовым еще ранее было удостоверено в Туле показаниями Ковалева. Сношения Хоржевской с обвиняемым Здановичем, членом московской администрации, доказываются тем, что шифр «бродяжникъ», «грѣховодникъ», найденный у Здановича, какъ это удостоверено экспертами, писанъ рукою Хоржевской (княгиней Цициановой). Кроме того, в 20 числахъ августа мѣсяца в Москвѣ было получено изъ Кіева письмо, адресованное на имя обвиняемой по московскому дознанию Елены Медвѣдовой. В этомъ письмѣ, несомнѣнно написанномъ Хоржевской, эта послѣдняя проситъ увѣдомить скорѣе о новомъ адресѣ квартиры в Москвѣ, в которой могли бы остановиться рабочіе и интеллигентные, имѣющіе пріѣхать изъ Кіева. Письмо это было зашифровано. В виду показанія Василя Ковалева и Мартына Млодецкаго, были приняты мѣры къ отысканію личности, извѣстной подъ именемъ офицера Петра, живущаго на полигонѣ. Личность эта была разыскана, и офицеръ Петръ оказался техническимъ мастеромъ 1 разряда кіевского полигона, Григоріемъ Александровымъ Александровымъ. По произведенному у Александрова обыску у него было найдено 50 экземпляровъ книгъ и газетъ преступнаго содержанія, пять листовъ гербовой бумаги, на лѣвомъ углу которыхъ имѣются оттиски фальшивыхъ печатей разныхъ полицейскихъ и волостныхъ правленій, два клочка бумаги, на которыхъ записаны шифры «Эй, Фомичъ» и «одному тебѣ», вырѣзанные на аспидныхъ кружкахъ печати полицейскихъ и волостныхъ правленій, аспидный кружокъ, на которомъ еще ничего не вырѣзано, нѣсколько заостренныхъ проволокъ и желѣзная палочка, красная для печатей краска, рукопись «Разсказъ бывалаго солдата» и другая «Говоритъ честный человекъ, говорящій правду». Эксперты-граверы, осмотрѣвъ печати на аспидныхъ кружкахъ, признали, что онѣ вырѣзаны неумѣлой рукою и притомъ тѣми орудіями, которыя найдены у Александрова. Допрошенный, въ качествѣ обвиняемаго, Григорій Александровъ призналъ себя виновнымъ в принадлежности къ преступному сообществу, имѣвшему цѣлю распространение революціонныхъ идей и книгъ въ массѣ народа, но подробныхъ по дѣлу объясненій не далъ, а показалъ, что Прохора и Марью онъ знаетъ. У него, Александрова, хранились деньги, которыя скоплялись иногда до 150 р. Деньги эти передавались ему Прохоромъ и Николаемъ (личность эта не разыскана). Прохоръ дѣйствительно бралъ у него деньги для отправки въ Тулу Герасима и Василя. Гельфманъ и Михайла тоже знаетъ и въ обществѣ этомъ встрѣчалъ Сидорацкаго, Василя и Герасима. Самъ онъ въ обществѣ пропагандистовъ своимъ именемъ не назывался, а извѣстенъ былъ подъ именемъ Петра.

Блуза и рубашка, взятая у Хоржевской, принадлежать ему. Листы гербовой бумаги, фальшивыя печати, формы паспортовъ и билетовъ приобрѣтены имъ въ кабакѣ для себя; краска куплена для мѣтки бѣлья. Рукописи приготовлены для печати, но, кѣмъ писаны, не скажетъ. Относительно книгъ Александровъ, отказываясь сначала указать, отъ кого онѣ имъ получены, объяснилъ затѣмъ, что онѣ переданы ему умершимъ Подгородецкимъ. По заключенію экспертовъ, паспортъ на имя Николая Егорова (скрывшагося) и письмо, взятое въ Туль и начинающееся словами: «Ваше письмо получено», писаны рукой Хоржевской (кн. Циціановой). Паспортъ на имя Григорія Зайцева написанъ Александровымъ, а два другіе паспорта на имя Василия Ковалева и Петра Сидоренко — Млодецкимъ. Въ подтвержденіе показанія Василия Ковалева о томъ, что на сахарномъ заводѣ, гдѣ онъ жилъ, распространеніемъ преступнаго содержанія книгъ занимался крестьянинъ Герасимъ Петровъ, на означенномъ заводѣ былъ произведенъ обыскъ, и у рабочихъ были найдены книжки: «Богъ то Богъ», «Емелька Пугачевъ», «Сказка о копейкѣ», «Хитрая механика» и др. По показанію рабочихъ книги эти были принесены на заводъ Герасимомъ Петровымъ. Наконецъ, 14 сентября Ковалевъ сдѣлалъ новое заявленіе о томъ, что къ кievской общинѣ пропагандистовъ принадлежатъ еще крестьянинъ Родіонъ Максимовъ и дворникъ дома Денисовой, Петръ Акимовъ Островъ. Родіонъ Максимовъ по дознанію разысканъ не былъ; что же касается до крестьянина Петра Острова, то оказалось, что онъ 13 сентября, т. е. наканунѣ заявленія Ковалева и черезъ 4 дня послѣ обыска у Гельфманъ, скрылся изъ Кіева, захвативъ съ собою 25 р. денегъ, данныхъ ему г. Денисовой для покупки въ аптекѣ лѣкарства. Островъ былъ разысканъ на родинѣ, въ дер. Дубровкѣ, Мстиславскаго уѣзда; по произведенному у него обыску были найдены 12 сочиненій преступнаго содержанія въ количествѣ 20 экз., и среди нихъ такія, содержаніе которыхъ недоступно пониманію простаго крестьянина, а потому и не могли быть даны Острову для прочтенія. Кроме того, у него найдены три листа бумаги съ печатями волостныхъ правленій и съ печатью и подписью адъютанта Костромскаго пѣхотнаго полка, четыре разныхъ документа на имя повивальной бабки Елисѣевой, три паспорта на имя Маріи Горощенковой, Родіона Максимова и Петра Акимова и три заграничныхъ лотерейныхъ билета. Спрошенный по обстоятельству дознанія крестьянинъ Петръ Островъ показалъ, что всѣ найденныя у него книги онъ получилъ отъ скрывшагося крестьянина Родіона Максимова. Книги эти даны были ему для прочтенія, а документы, у него отобранные, находились между книгами и газетами.

IV.

9 августа 1875 г. арестованныя въ г. Иваново-Вознесенскѣ лица препровождались изъ Иваново-Вознесенска въ г. Шуу по желѣзной дорогѣ подъ жандармскимъ конвоемъ. Въ это время на Иваново-Вознесенской станціи желѣзной дороги былъ замѣченъ какой-то господинъ, который, стукнувъ въ окно вагона, переговаривался знаками съ одной изъ арестованныхъ женщинъ. Вслѣдствіе этого, господинъ этотъ былъ задержанъ и оказался дворяниномъ Антимозомъ Евдовымъ Гамкрелидзе, а въ числѣ женщинъ, задержанныхъ въ Ивановѣ, находилась жена его, Екатерина Петровна Гамкрелидзе. Гамкрелидзе, какъ оказалось, жилъ въ Москвѣ, въ 12 номерѣ гостиницы «Украина». По произведенному у Гамкрелидзе обыску у него найдено было до 300 экземпляровъ книгъ преступнаго содержанія, рукопись «Сказка о Мудрицѣ Наумовнѣ» — книги, появившейся позднѣе среди пропагандистовъ уже отпечатанной, — 3 револьвера, изъ которыхъ два заряженныхъ, и посылка съ

лѣкарствами на имя Бегляра Мартынова Степанова въ Шемаху. Во время обыска въ квартирѣ Гамкрелидзе явился и былъ задержанъ неизвѣстный мужчина, предъявившій заграничный паспортъ на имя князя Кочакидзе. Когда обыскъ въ квартирѣ Гамкрелидзе подходилъ къ концу и о томъ составлялся надлежащій протоколъ, въ номеръ заглянули послѣдовательно неизвѣстные женщина и мужчина. Женщина была задержана, а мужчина, увидавъ жандармовъ и полицію, бросился бѣжать, но посланными за нимъ городовыми былъ задержанъ и приведенъ въ номеръ Гамкрелидзе. Незвѣстные мужчина и женщина стали при этомъ поносить производившаго обыскъ прапорщика Ловягина неприличными словами. По окончаніи обыска прапорщикъ Ловягинъ, поручивъ мѣстному помощнику надзирателя Ѳедорова присмотръ за арестованными лицами, съ цѣлью отпрятиться изъ номера Гамкрелидзе, сталъ надѣвать поданную ему городовымъ шинель; въ это время неизвѣстный мужчина, вынувъ изъ кармана револьверъ, выстрѣлилъ въ г. Ловягина. Вслѣдъ за первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй. Въ то же время неизвѣстная женщина бросилась на надзирателя Ѳедорова, душила его за горло, стараясь освободить изъ рукъ послѣдняго стрѣлявшаго мужчину. Оба выстрѣла не имѣли дурныхъ послѣдствій, ибо обѣ пули пролетѣли мимо Ловягина, ударились въ стѣнку и дверь комнаты. Обстоятельства вышеизложенныя подтверждены показаніями Ловягина, Ѳедорова и свидѣтелей Ивана Евтихѣева, Григорія Галактіонова, купца Николая Васильева, а равно и осмотромъ 12 номера «Украины», гдѣ найдены были въ стѣнѣ и двери слѣды пуль и самая пуля. Незвѣстные мужчина и женщина отказались давать какія-либо показанія, причемъ стрѣлявшій въ Ловягина мужчина добавилъ, что онъ имѣлъ цѣлью убить Ловягина. Затѣмъ, дальнѣйшимъ ходомъ дознанія было обнаружено, что женщина, душившая Ѳедорова,—дочь коллежскаго ассесора, Вѣра Любатовичъ, а мужчина, стрѣлявшій въ Ловягина,—князь Александръ Циціановъ, проживавшій въ Москвѣ, въ домѣ Толстой, подъ именемъ и по виду дворянина Зедгендзе. По окончаніи обыска были приняты мѣры наблюденія за появленіемъ въ 12 номерѣ «Украины» новыхъ лицъ, причемъ задержаны были явившіеся въ этотъ номеръ дочь штабсъ-капитана Евгенія Субботина вмѣстѣ съ сыномъ священника Михаиломъ Овчинниковымъ и бывший студентъ Медико-Хирургической Академіи Иванъ Рождественскій. Арестованный въ квартирѣ Гамкрелидзе и назвавшійся княземъ Кочакидзе заявилъ послѣ обыска, что въ его квартирѣ остался значительный денежный капиталъ. Вслѣдствіе чего, была немедленно осмотрѣна квартира князя Кочакидзе и въ ней найдено 8545 руб. кредитными билетами, билетъ С.-Петербургскаго Учетнаго Банка на имя Тумановой въ 1100 руб., записная книжка, кистень и два большихъ ключа отъ другихъ квартиръ. Находясь подъ стражей, лицо, назвавшееся княземъ Кочакидзе, покушалось тайно отъ производившихъ дознаніе переслать три письма черезъ жандармскаго унтеръ-офицера Дунева. Два изъ этихъ писемъ были зашифрованы. Одно изъ нихъ предназначалось къ отправкѣ въ Одессу на имя князя Микеладзе, другое—въ Орель на имя Афонскаго и, наконецъ, третье на нѣмецкомъ языкѣ было адресовано на имя дрезденскаго почтамта. Это послѣднее письмо, подписанное фамиліей Кардашева, послужило къ обнаруженію званія лица, именовавшагося княземъ Кочакидзе. По предъявленіи писемъ обвиняемому, онъ сознался, что его зовутъ Степаномъ Мартыновымъ Кардашевымъ, что онъ—отставной коллежскій регистраторъ и числится студентомъ дрезденской политехнической школы. Вслѣдъ за симъ произведенъ былъ обыскъ въ домѣ Толстой, въ квартирѣ именовавшагося дворяниномъ Зедгендзе князя Александра Циціанова, и по обыску въ особомъ чемоданѣ найдено значительное количество книгъ преступнаго содержанія, переписка, письма и записки, писанныя шифрами,

фальшивая печать, подложные и отравленные виды на жительство и записныя книжки. Въ дорожной сумкѣ найдена копія съ письма, писаннаго, какъ оказалось потомъ, арестантомъ Чекоидзе, и послужившая основаніемъ къ обнаруженію званія Чекоидзе, какъ о томъ сказано выше. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ квартиры оказались переписка, книги и прокламаціи: тамъ найдены «Колоколь», прокламація «Народной Расправы», прокламація на мало-россійскомъ языкѣ, печать Гжатской управы, револьверъ, красныя и черныя чернила, порошки и жидкость въ склянкахъ, а также женская одежда и бѣлье, вѣнчальные цвѣты и тафта подъ ноги, употребляемая при вѣнчаніи. Затѣмъ, 19 сентября въ Москвѣ получена телеграмма начальника харьковскаго жандармскаго управленія о томъ, что изъ Кишилева черезъ Харьковъ на Москву съ пассажирскимъ поѣздомъ, подъ видомъ кожевеннаго товара, отправлено три ящика революціонныхъ книгъ, вѣсомъ 8 пудовъ 13 фунтовъ, по квитанціи на предъявителя. Обстоятельство это сдѣлалось извѣстнымъ вслѣдствіе того, что въ предположеніи воспользоваться кожевенымъ товаромъ, одинъ ящикъ былъ артельщиками украденъ и замѣненъ тюкомъ съ дровами, а книги были распроданы торговцамъ, о чемъ въ Харьковѣ производится особое дѣло. 19 сентября на станціи Московско-Курской желѣзной дороги задержанъ былъ неизвѣстнаго званія человекъ, явившійся за полученіемъ означенныхъ трехъ мѣстъ. Этотъ неизвѣстный покушался бѣжать со станціи, но былъ задержанъ и назвался Вернеромъ. По справкамъ оказалось, что Вернеръ прибылъ въ Москву 18 сентября, остановился въ номерахъ Гурьева. Сдавъ свой чемоданъ швейцару Якову Поршакову, Вернеръ тотчасъ же ушелъ, вечеромъ заходилъ на полчаса и болѣе не возвращался. По предъявленіи Поршакову неизвѣстнаго, задержаннаго на станціи 19 сентября, онъ былъ признанъ за того самаго Вернера, который остановился въ номерахъ Гурьева. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго неизвѣстный отказался объявить свое званіе и просилъ называть его Иваномъ Андреевымъ, объясняя, что паспортъ Вернера, у него отобранный, онъ купилъ на Хитровомъ рынкѣ. По осмотру товарныхъ мѣстъ, за полученіемъ которыхъ по накладной явился Иванъ Андреевъ, найдены въ одномъ изъ нихъ дрова, кирпичи и мусоръ, а въ другихъ двухъ до 2450 экземпляровъ книгъ преступнаго содержанія. Затѣмъ, по обыску у самого Ивана Андреева, кромѣ паспорта Вернера, отобранъ заряженный револьверъ, рукописная на почтовой бумагѣ «программа дѣятельности, уставъ революціонера и организація тайнаго общества»; на отдѣльномъ почтовомъ листѣ «условія межобиннаго сношенія», списокъ адресовъ въ Швейцаріи, Сербіи, Вѣнѣ, Моравіи и Карлсруэ, квитанція на товаръ, оказавшійся книгами преступнаго содержанія, шифры: «бродяжникъ», «грѣховодникъ», «заискиваніе» и т. д., записная книжка, листокъ бумажки, на которомъ написанъ такой расходъ: перевозчикамъ 5 руб., номеръ Одесса 2 р. 50 к., номеръ Кишин. 6 р., отсылка 25 р.; письмо, начинающееся словами: «признаюсь, критика ваша на мое письмо вышла крайне плоха». Въ номерѣ у Ивана Андреева найдены 2 склянки съ жидкостями для окраски волосъ. Иванъ Андреевъ во время ареста имѣлъ волосы на головѣ и усахъ темные, но по осмотру головы оказалось, что волосы крашены. Это обстоятельство подтвердилось тѣмъ, что съ теченіемъ времени волосы приняли ихъ естественный цвѣтъ съ рыжимъ оттѣнкомъ. Иванъ Андреевъ отказался отъ того, что найденныя у него бумаги принадлежать ему, а равно и отказался давать какія-либо объясненія. По дознанію въ г. Кишиневѣ оказалось, что всѣ три мѣста товара были отправлены однимъ лицомъ, назвавшимся Нахтѣевымъ. Во все время производства дознанія назвавшійся Иваномъ Андреевымъ упорно скрывалъ свое имя и званіе, но тѣмъ не менѣе было обнаружено, что онъ

кавказскій уроженецъ, сынъ отставнаго штабсъ-капитана, Георгій Феликсовъ Здановичъ, и цѣлый рядъ лицъ, допрошенныхъ по этому поводу на Кавказѣ, удостовѣрилъ его званіе. Въ виду подобнаго удостовѣренія и самъ Иванъ Андреевъ призналъ себя за Здановича. Изъ числа лицъ, знавшихъ Здановича, бывший воспитанникъ Технологическаго Института Николай Дмитріевъ показалъ, что онъ зналъ Здановича еще въ 1871 г. и встрѣчалъ его въ Петербургѣ у обвиняемаго Ивана Джабадари, у котораго въ то же время бывалъ и Чекоидзе. Товарищи и знакомые звали Здановича «Рыжимъ». Здановичъ этимъ названіемъ не обижался, и оно обратилось въ кличку, усвоенную самимъ Здановичемъ до того, что онъ въ письмахъ подписывался Георгіемъ Рыжимъ. Лѣтомъ 1874 г. Дмитріевъ былъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ Джабадари и Чекоидзе, къ этимъ послѣднимъ Здановичъ писалъ письма изъ Петербурга, адресуя къ «братьямъ-гражданамъ», и подписывался Рыжимъ. Здановичъ отличался фразерствомъ, либеральностью взглядовъ и открыто признавалъ себя противникомъ русскаго правительства. Показаніе Дмитріева относительно клички «Рыжій» подтвердилъ Юселиани, знавшій Здановича еще въ то время, когда онъ воспитывался въ Петербургѣ. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что показаніе Дмитріева и Юселиани служитъ прямымъ опроверженіемъ показаній Джабадари, Чекоидзе и Здановича, утверждавшихъ, что первые двое незнакомы съ послѣднимъ. Отобранная у Здановича (Рыжаго) программа революціонной дѣятельности и оказавшаяся, по заключенію экспертовъ, писанной его рукою является для всего дѣла документомъ особенно важнымъ и существеннымъ. Документъ этотъ представляетъ отчетливую характеристику образа дѣйствій пропагандистовъ и основаній, на которыхъ учреждено было тайное общество съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка управленія. Документъ этотъ служитъ самой убѣдительною уликою къ обвиненію всѣхъ привлеченныхъ по настоящему дѣлу лицъ, преступная дѣятельность которыхъ вполнѣ согласовалась съ началами, положенными въ основаніе этой программы, и, такимъ образомъ, сама программа не представляется однимъ только проектомъ, но была осуществлена и примѣнена на дѣлѣ. Содержаніе означеннаго документа слѣдующее: I. Принципы, на которыхъ основывается организація. 1. Абсолютное равенство всѣхъ членовъ во всѣхъ дѣлахъ организаціи; 2. полная солидарность; 3. полное довѣріе и откровенность въ дѣлахъ организаціи. II. Способъ учрежденія общины. 1. Всякая новая община учреждается членами одной изъ существующихъ общинъ, на основаніи программы этой общины. III. Условія пріема въ члены общины. 1. Только та личность, которая искренно и всецѣло посвятила себя революціонной дѣятельности, можетъ быть членомъ общины. 2. Любовь и дружба не должны служить помѣхою для революціонной дѣятельности; всякій долженъ быть готовъ ради дѣла порвать всѣ личныя связи. 3. Самоотверженность и способность хранить тайны — необходимыя качества члена организаціи. 4. Членъ долженъ быть въ положеніи простаго работника, объ исключеніяхъ рѣшаетъ община. 5. Личность должна быть способна къ исполненію, по крайней мѣрѣ, одной изъ главныхъ функцій революціонной дѣятельности. 6. Личность, прежде чѣмъ быть принятою въ члены общины, должна быть испытана на дѣлѣ. 7. Пріемъ членовъ долженъ быть единогласный. IV. Обязанности членовъ общины. 1. всѣ дѣла организаціи членъ долженъ хранить въ тайнѣ. 2. Каждый членъ долженъ давать отчетъ общинѣ о своей революціонной дѣятельности. 3. Всѣ свѣдѣнія, касающіяся какой-нибудь партіи, кружка или лица, находящагося внѣ нашей организаціи, или въ связи съ ней, членъ обязанъ сообщать общинѣ, за исключеніемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя въ революціонной практикѣ называются секретными; но для прочности дѣла признается необходимымъ сообщать въ

подробностяхъ нѣсколькимъ лицамъ организациі по выбору общины. 4. Членъ общины не въ правѣ вступать въ договоры въ важныхъ дѣлахъ съ лицами, кружками и партіями, состоящими внѣ нашей организациі, безъ согласія общины, а въ мелкихъ дѣлахъ обращается за совѣтомъ къ администраціи. 5. Свѣдѣнія, получаемыя чрезъ общину о дѣятельности лица, партіи или кружка, не могутъ быть никому сообщены безъ согласія общины. 6. Членъ обязанъ выполнять возложенныя на него общиною порученія. 7. Членъ общины не имѣетъ права отлучаться изъ мѣста своего нахожденія безъ согласія общины. 8. Членъ общины не въ правѣ переходить изъ одной общины въ другую безъ обоюднаго согласія общинъ. 9. Членъ не можетъ имѣть личной собственности. V. Права члена. 1. Всѣ члены имѣютъ право на равное участіе въ дѣлахъ общины. 2. Каждый членъ имѣетъ право требовать нужныя свѣдѣнія отъ управленія. 3. Каждый членъ имѣетъ право контроля. 4. Члену предоставляется право созывать исключительныя собранія. VI. Администрація. 1. Управленіе назначается для того, чтобы текущія дѣла не останавливались бы отъ того, что всѣ члены общины находятся на работѣ. 2. Управленіе освобождается отъ работъ на фабрикахъ, заводахъ и мастерскихъ. 3. Члены управленія назначаются не по выбору, а по очереди и взаимному согласію членовъ. 4. Въ управленіи должны пребывать всѣ члены общины. 5. Въ составъ управленія должны всегда входить члены какъ изъ интеллигенціи, такъ и изъ рабочихъ. 6. Число членовъ управленія опредѣляется общиною сообразно ея нуждамъ. (Въ настоящее время управленіе состоитъ изъ трехъ членовъ). 7. Каждая очередь управленія продолжается мѣсяць. 8. Управленіе должно вести постоянныя сношенія съ другими общинами по части книжнаго дѣла, денегъ и вообще веденія переписки по дѣламъ общинъ. 9. Управленіе обязано заботиться о наймѣ квартиръ и снабженіи ихъ всѣмъ нужнымъ. 10. Управленіе хранитъ книги, деньги въ количествѣ, опредѣленномъ общиною, адреса и т. д. 11. Управленіе должно предупреждать объ опасности, угрожающей членамъ общины и вообще организациі. 12. При арестѣ кого-либо изъ членовъ общины, управленіе должно увѣдомлять объ этомъ всѣхъ членовъ какъ своей, такъ и другихъ общинъ. 13. Управленіе поддерживаетъ сношеніе съ заключенными и сообщаетъ общинѣ о причинахъ ареста и о показаніяхъ кого-либо изъ членовъ общины. 14. При выдачѣ суммъ на какія-либо предпріятія свыше опредѣленной цифры, управленіе обязано предварительно снестись объ этомъ съ общиною. 15. Права управленія. а) Управленіе можетъ входить въ сношеніе съ революціонными кружками, стоящими внѣ общины; б) управленіе снабжаетъ революціонные кружки деньгами, книгами и всѣмъ нужнымъ для революціонной дѣятельности, въ размѣрѣ, опредѣленномъ общиною. 16. Дѣйствіе администраціи контролируется всей мѣстной общиною. 17. Для удобства сношенія одной мѣстной общины съ другой, послѣдняя увѣдомляется о личномъ составѣ управленія. VII. Способъ дѣйствій во время пропаганды. 1. Члену общины предоставляется полнѣйшая самостоятельность въ способѣ революціонной дѣятельности, не вредя самой организациі общины. 2. Членъ общины долженъ стараться поставить себя въ денежномъ отношеніи къ тѣмъ, среди которыхъ онъ пропагандируетъ, такъ чтобы они относились къ нему, какъ къ работнику, иначе говоря, онъ не долженъ допускать никакихъ денежныхъ подарковъ. 3. Членъ общины дѣйствуетъ при пропагандѣ только отъ своего имени, не подавая ни малѣйшаго вида о существованіи у него организованнаго кружка или артели до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые изъ членовъ общины не признаютъ его належащимъ, и пока вся община не признаетъ нужнымъ сообщить о своей организациі. 4. Членъ общины не имѣетъ права приводить кого-либо на квартиру общины, не удостовѣривъ хотя бы нѣкоторыхъ изъ членовъ въ

благонадежности его. 5. Пропагандирующій не долженъ довольствоваться лишь тѣмъ, что пропагандируемый согласенъ имѣть тѣсную связь съ нимъ, или съ нѣсколькими другими, а обязанъ выпытать у него, сочувственно ли онъ относится къ идеѣ общинной организаціи. 6. Членъ пропагандистъ обязанъ, во имя идеи организаціи, не пропускать ни одного революціоннаго кружка, ни даже одной революціонной силы. 7. Тайну организаціи общины каждый членъ доводитъ до такого максимума, что онъ отрекается отъ близкаго знакомства даже передъ революціонерами, не входящими въ организацію, если отреченіе такого рода не вредитъ общинѣ. VIII. Группа наиважнѣйшихъ способовъ при пропагандѣ. 1. Способъ простого разговора; 2. способъ чтенія книжекъ, какія находятъ нужнымъ пропагандистъ; 3. способъ возбужденія; 4. способъ простого сплачиванія; 5. способъ созданія организованнаго кружка, находящагося внѣ организаціи общины; 6. община обязываетъ своихъ членовъ учреждать кассы, библиотеки среди организованныхъ ими кружковъ; 7. члены общины, живущіе среди рабочихъ, должны еще стремиться къ тому, чтобы на мѣстахъ жительства устраивались сходки организованныхъ ими кружковъ. IX. Объ агитаціи. А. Разница между пропагандой и агитаціей состоитъ въ томъ, что первая служитъ для выясненія взглядовъ на революціонное дѣло, а агитація имѣетъ цѣлью побудить личности или кружки прямо на активную революціонную дѣятельность. В. Агитація идетъ рядомъ съ пропагандой, она состоитъ: а) въ побужденіи другихъ лицъ и кружковъ къ пропагандѣ, б) къ образованію артелей, кассъ и библиотекъ и в) къ образованію органовъ внѣ нашей организаціи. С. Чистая агитація. 1. Въ мирное время: а) она ведется посредствомъ организованныхъ шаекъ; б) шайки образуются или лицами нашей организаціи, или же лицами, стоящими внѣ нашей организаціи; въ послѣднемъ случаѣ необходимо, чтобы существующая шайка довѣряла бы одному изъ членовъ общины; в) цѣль подобныхъ шаекъ—наводитъ страхъ на правительство и на привилегированные классы и, кромѣ того, отводитъ взоры правительства отъ революціонныхъ дѣятелей; г) поднимать духъ народа и этимъ дѣлать его болѣе способнымъ къ принятію революціонныхъ идей; д) черезъ нихъ пріобрѣтать денежные средства для дѣятельности общины; е) употреблять ихъ на помощь при освобожденіи заключенныхъ; ж) направленіе шаекъ должно быть чисто соціально-революціонное. 2. Во время бунтовъ: а) при бунтахъ дѣятельность членовъ состоитъ въ направленіи бунтовъ; б) при бунтахъ выдвигаются личности, и члены общины должны давать имъ направленіе соціально-революціонное; в) относиться сочувственно къ движенію другихъ общинъ, наша община помогаетъ средствами и всѣмъ, чѣмъ можетъ, и рядомъ съ этимъ, если она находитъ возможнымъ, призываетъ къ движенію въ своемъ мѣстѣ; г) участіе членовъ общины въ самомъ движеніи допускается въ такомъ размѣрѣ, чтобы община не уничтожалась и тѣмъ не вредила всеобщей организаціи. X. Денежная сторона организаціи. 1. Каждая община имѣетъ свой самостоятельный фондъ. 2. Средства для пополненія фонда должны быть такія, которыя не вредили бы безопасности и кредиту организаціи. Вообще, каждый членъ обязанъ добывать средства изъ доступныхъ ему источниковъ по своему усмотрѣнію. Никто изъ членовъ общины не можетъ исключительно заниматься добычаніемъ денежныхъ средствъ; отдѣльные же случаи, когда необходимо участіе извѣстныхъ лицъ, рѣшаетъ община. 3. Храненіе денегъ поручается управленію общины. Большія суммы не должны сохраняться на рукахъ управленія. Онѣ будутъ храниться по частямъ въ банкахъ. 4. Сумма, необходимая на постоянные расходы управленія и каждаго члена, опредѣляется общимъ собраніемъ сообразно нуждамъ на мѣсяцъ. 5. Кромѣ того, какъ управленіе, такъ и каждый членъ должны располагать

непредвидѣнные расходы не свыше количества опредѣленнаго общиною.

6. Заемъ у лицъ, стоящихъ внѣ организаціи, заключается отдѣльными членами . XI. Книжное дѣло. 1. община высылаетъ на время лицъ, устраивающихъ сношенія съ издателями книгъ. 2. Эти же лица устраиваютъ пути для перевозки книгъ черезъ границу и затѣмъ передаютъ управленію.

XII. О собраніяхъ общины. 1. Община собирается разъ въ мѣсяцъ для обсужденія текущихъ дѣлъ. 2. Время и мѣсто назначаются управленіемъ. 3. Собраніе считается дѣйствительнымъ только тогда, когда всѣ члены предупреждены и отсутствующіе заявятъ причину неявки. Условія межобщиннаго сношенія. 1. Пользованіе взаимно деньгами изъ общаго фонда. 2. Увѣдомленіе объ общинномъ шифрѣ. 3. Пользованіе общимъ словомъ для телеграммъ. 4. Необходимо давать знать о паролѣ путемъ телеграммы. 5. Извѣщеніе о кличкахъ личнаго состава администраціи. 6. Извѣщеніе о введѣ новаго члена. 7. Предупрежденіе общинами другъ друга объ опасности. 8. Увѣдомленіе о движеніи въ своей мѣстности, а также въ мѣстностяхъ, гдѣ не имѣется общины всероссійской организаціи. 9. Совѣщаніе объ устройствѣ и содержаніи типографіи и книжное дѣло за границей. 10. О періодическихъ изданіяхъ. 11. Увѣдомленіе о секретныхъ адресахъ общины. Обращаясь затѣмъ къ обстоятел.ствамъ дѣла, разясненнымъ дознаніемъ, слѣдуетъ остановиться прежде всего на значеніи тѣхъ документовъ, книгъ и переписокъ, которые были найдены по обыскамъ въ Москвѣ, въ квартирахъ князя Циціанова, Гамкрелидзе и Кардашева. По подробному осмотру разнаго рода переписокъ, бумагъ и вещей, найденныхъ въ домѣ Толстой у князя Циціанова, оказалось, что вещи и бумаги принадлежатъ какъ князю Циціанову, такъ и дворянину Николаю Федорову Цвилленеву. Среди массы бумагъ были найдены: 1. Виды на жительство на имя Шатрова, Полякова и студента Смирнова, изъ которыхъ первые два оказались фальшивыми. 2. Два вытравленныхъ вида на жительство, очевидно приготовленные для составленія подложныхъ видовъ, причеиъ въ той же квартирѣ отобраны были всѣ необходимые для составленія подложныхъ документовъ матеріалы: снимки печати и печать. 3. Разныя рукописи—изъ нихъ одна: «о необходимыхъ условіяхъ подготовки для успѣха дѣятельности пропагандиста, рѣшившагося итти въ народъ въ качествѣ рабочаго»; другая, рассказъ солдата о томъ, какъ царь, бары, чиновники, купцы и кулаки-міроѣды обируютъ мужичка и, наконецъ, третья—корреспонденція о бывшихъ въ Кіевѣ безпорядкахъ. Двѣ послѣднія рукописи, повидимому, были приготовлены для печати. Первая рукопись «О необходимыхъ условіяхъ подготовки» написана Цвилленевымъ, а рассказъ солдата писанъ рукою Вѣры Любатовичъ. 4. Адресы разныхъ лицъ, написанные шифромъ. 5. Записныя книжки, изъ которыхъ одна оказалась принадлежащею обвиняемому Овчинникову. Въ книжкѣ, принадлежащей Цвилленеву, найденъ шифръ: «Чаше держать экзамены». 6. Нѣсколько шифрованныхъ писемъ отъ обвиняемаго Георгіевскаго, написанныхъ имъ изъ-подъ стражи и указывающихъ, какимъ образомъ можно организовать побѣгъ. Письма эти были зашифрованы по шифру: «Чаше держать экзамены». 7. Письмо отъ арестанта дворянина Чекоидзе. Подлинникъ этого письма, также шифрованный, не найденъ, а отобранъ переводъ съ него, писанный Вѣрой Любатовичъ. Письмо это было зашифровано по шифру: «Эй Фомичъ», найденному въ Иваново-Вознесенскѣ, какъ это разяснено самимъ Чекоидзе въ письмѣ его къ Рыжему (Здановичу), во время содержанія ихъ обоихъ въ тюремномъ замкѣ. 8. Переписка съ другими сообщниками, находившимися на свободѣ. Изъ нея обращаютъ на себя вниманіе: а) письмо отъ 4-го іюля, какъ оказалось по сличенію почерковъ, написанное рукою Лидіи Фигнеръ.

Въ письмѣ этомъ сообщается, что время проходитъ бездѣтельно, такъ какъ знакомыхъ мало и сойтись ни съ кѣмъ не успѣли. «Всѣ сдѣлались членами клуба, за исключеніемъ пишущей Анюты.» Внизу письма приписка: «бабѣ здѣсь совершенно достаточно и было бы прекрасно, если бы больше не наѣзжало». б) Шифрованная по ключу «Эй Фомичъ» записка такого содержанія: «пришли немедленно копію Волчанскаго паспорта». в) Письмо отъ 30 іюня: «Вѣра, передай Катѣ (очевидно, Вѣра Люботовичъ и Екатерина Гамкрелидзе), чтобы она подождала письма, которое получить отъ Михаила Ивановича, знакомаго Рыжаго, тамъ просятъ сдѣлать кое-какія покупки». 9. Революціонныя книги и клочекъ бумаги, на которомъ написано карандашемъ: «напиши на этомъ клочкѣ, сколько книгъ ты взялъ, когда первый разъ отправился, какія и куда». Внизу написано: «Работ. 1 и 2 около 37, 2 и 3 по 20, Коммуна 5, Сказка 5, Пугачъ 6 и мелкія брошюрки». Съ другой стороны, по обыску въ квартирѣ дворянина Гамкрелидзе было найдено до 300 книгъ преступнаго содержанія и рукопись «Сказка о Мудрицѣ Наумовнѣ», написанная частью рукой обвиняемаго Овчинникова. По показанію Гамкрелидзе, эти книги и рукопись были даны ему на сохраненіе княземъ Циціановымъ. Правдоподобность подобнаго объясненія Гамкрелидзе доказывается сопоставленіемъ слѣдующихъ обстоятельствъ: какъ это будетъ объяснено ниже, съ княземъ Циціановымъ проживала Вѣра Люботовичъ, куда она переѣхала только передъ обыскомъ. Между тѣмъ, изъ переписки, найденной въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, видно, что члены ивановской общины требовали присылки изъ Москвы копіи именно съ этой рукописи и, судя по отвѣту Вѣры Люботовичъ, требовали этого именно отъ нея, такъ какъ она отказывалась ее переписывать, а предлагала нанять писцовъ. Такимъ образомъ, нельзя не считать вполне доказаннымъ, что у Вѣры Люботовичъ была означенная рукопись и что она легко могла попасть въ квартиру Гамкрелидзе тѣмъ путемъ, какъ онъ это утверждаетъ. Сопоставивъ результаты, добытые обысками въ квартирахъ Циціанова и Гамкрелидзе, съ обязанностями, возлагаемыми программой на администрацію общины и имѣя въ виду, что въ квартирахъ найдены складъ книгъ преступнаго содержанія, фальшивые виды на жительство, рукописи преступнаго содержанія, приготовленныя для печати, шифрованные адреса разныхъ лицъ, шифрованная переписка съ разными пропагандистами, отчетъ о выдачѣ книгъ, предметы, необходимые при совершеніи браковъ, шифрованная переписка съ арестантами, членами того же сообщества—нельзя не притти къ полному убѣжденію въ томъ, что въ домѣ Толстой была обнаружена квартира, въ которой помѣщалась администрація общества и жили члены этой администраціи, обязанной хранить книги, адреса и т. п. (п. 10), снабжать общины и членовъ ея всѣмъ необходимымъ (п. 15), поддерживать сношеніе и вести переписку съ другими общинами и членами общины (п. 8), устраивать и вести сношенія съ заключенными (п. 13). Между прочимъ, на ту же администрацію общины программа возлагаетъ обязанность нанимать и устраивать квартиры (п. 9), очевидно, какъ пріютъ для членовъ общины, гдѣ бы они могли скрыться отъ преслѣдованій, какъ о томъ свидѣтельствуемъ показаніе обвиняемаго Агапова и свидѣтеля Корнюхина. Дознаніемъ обнаружено, что и квартира князя Циціанова въ д. Толстой не была его квартирой, а принадлежала какъ ему, такъ и обвиняемой Вѣрѣ Люботовичъ и дворянину Николаю Цвилленеву, хотя и была нанята на имя дворянина Зедгенидзе, по виду котораго проживалъ князь Циціановъ. Что квартира въ домѣ Толстой была квартирой администраціи общины, это еще яснѣе доказывается слѣдующими обстоятельствами дѣла: изъ показанія обвиняемаго Семена Иванова Агапова видно, что въ то время, когда часть пропагандистовъ жи-

ла въ Иваново-Вознесенскѣ, то «всѣми дѣлами въ Москвѣ заправляли Вѣра и Рыжій», приче́мъ Вѣра жила въ домѣ Эй́нбродтъ подѣ и́менемъ Лидіи Фигнеръ, находившейся въ это время въ Ивановѣ. Влади́миръ Алекса́ндровъ въ то же время говори́лъ Агапову, что отъ преслѣдованія полиціи весьма легко укрыться именно въ домѣ Эй́нбродтъ. Съ другой стороны, важное въ этомъ отноше́ніи значе́ніе имѣетъ письмо 19 и 26 іюля, найденное въ Ивановѣ. Въ этомъ письмѣ сообщаютъ всѣ тѣ свѣдѣнія, сообщать которыя членамъ общества обяза́тельно для администраціи, оно же удосто́вряетъ, что всѣ необходимыя для пропагандистовъ вещи доставляются лицами, писавшими это письмо; въ немъ сообщаются предположе́нія о пере́мѣщеніи членовъ изъ одной общины въ другую, разъясняется необходи́мость подчиняться распоряже́ніямъ администраціи и сообщается о принятіи въ общину новаго сочлена Санчо. При этомъ лицо, сдѣлавшее въ письмѣ приписку отъ 26 іюля, говоритъ о себѣ, какъ о членѣ администраціи, и указываетъ на то обстоятельство, что оно, какъ это предписывается программой, прослужило въ администраціи \ свой мѣсяць и требуетъ замѣну себя кѣмъ-либо изъ ивановскихъ пропагандистовъ. Не лишнимъ будетъ замѣтить также, что это письмо удосто́вряетъ существованіе организаціи кличекъ и указываетъ на цѣль, которую имѣютъ пропагандисты: «убивайте, стрѣляйте, работайте, бунтуйте»—пишетъ авторъ этого письма. Такимъ образомъ, несомнѣннымъ представляется, что согласно съ программой общины, письмо это написано въ Иваново-Вознесенскѣ лицами, составлявшими администрацію общины, а какъ выше было уже сказано—письмо это написано Рыжымъ (Здановичемъ) и Вѣрою Любатовичъ. Между тѣмъ, дознаніемъ доказано, что Вѣра Любатовичъ и Рыжій (Здановичъ) проживали въ это время въ д. Эй́нбродтъ. По справкамъ оказалось, что первоначально въ д. Эй́нбродтъ квартира занята была обвиняемой Марьей Субботиной, которая и проживала тамъ съ 5 по 26-е мая 1875 года. Затѣмъ квартира эта была передана Марьей Субботиной Лидіи Фигнеръ, что признала и послѣдняя, и отъ чего Марья Субботина отказалась. Квартира въ домѣ Эй́нбродтъ, какъ снова удосто́вряютъ справки, съ 30 мая до 6 августа числилась за Лидіей Фигнеръ, несмотря на то, что Фигнеръ съ конца іюня или первыхъ чиселъ іюля мѣсяца жила по подложному паспорту въ Иваново-Вознесенскѣ. Въ это время въ домѣ Эй́нбродтъ, проживала подѣ и́менемъ Фигнеръ Вѣра Любатовичъ. Это обстоятельство удосто́врено показаніями Агапова, кухарки г-жи Эй́нбродтъ Софьи Красновой и дочери священника Ансеровой, знавшихъ проживавшую въ домѣ Эй́нбродтъ Вѣру Любатовичъ подѣ и́менемъ Лидіи Фигнеръ. Такимъ образомъ, изъ изложеннаго ясно, что квартира администраціи общины до 6 августа помѣщалась въ д. Эй́нбродтъ. Затѣмъ, въ августѣ мѣсяцѣ Вѣра Любатовичъ вмѣстѣ съ княземъ Циціановымъ и Кардашевымъ приходили нанимать и наняли квартиру въ д. Толстой. Въ этой квартирѣ поселились первые двое, приче́мъ квартирой завѣдывала Вѣра Любатовичъ, у которой и хранился отъ квартиры ключъ. Обстоятельства эти вполне подтверждены показаніями дворника дома Толстой, Ивана Жохова. Кардашевъ жилъ на отдѣльномъ квартирѣ, но зато въ д. Толстой найдены всѣ вещи третьяго лица, дворянина Цвилленева, приче́мъ въ его чемоданѣ найдена часть бумагъ, о которыхъ сказано выше. Очевидно, что та же администраціа, которая находилась въ д. Эй́нбродтъ, перебралась на новую квартиру въ д. Толстой, но при этомъ составъ администраціи нѣсколько измѣнился. Въ д. Эй́нбродтъ въ составъ администраціи входили Вѣра Любатовичъ и Здановичъ (Рыжій). Какъ выше указано, Вѣра Любатовичъ желала выйти изъ администраціи, но, не будучи никѣмъ замѣнена, осталась въ ней, ибо, въ противномъ случаѣ она должна была уѣхать на работу въ Кіевъ. Что касается до Здановича (Ры-

жаго), то онъ выбыль изъ Москвы по порученію общины на границу и, такимъ образомъ, выбыль изъ администраціи. О немъ Вѣра Любатовичъ писала въ Иваново: «Рыжему не хотѣлось ѣхать на границу, а между тѣмъ онъ поѣхалъ». О немъ же Евгенія Субботина писала въ Иваново Аннѣ, что его нѣтъ въ Москваѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что, согласно программѣ, администрація въ то время должна была состоять изъ трехъ лицъ. Дознаніе не могло опредѣлить третье лицо, входившее въ составъ администраціи въ д. Эйбродтъ, но въ д. Толстой найдены вещи и бумаги, принадлежащія тремъ лицамъ: Любатовичъ, князю Циціанову и Цвилленеву, а подобное сочетаніе трехъ лицъ вполне соотвѣтствуетъ требованіямъ программы. Переѣзжая изъ дома Эйбродтъ, Вѣра Любатовичъ приняла мѣры скрыть свое мѣстопробываніе. Такъ, въ полиціи Лидія Фигнеръ 6 августа была отмѣчена выѣхавшею въ Казань, а дворнику дома Эйбродтъ была указана ея адресъ, № 12 гостиницы «Украина», каковой адресъ и былъ сообщенъ дворникомъ свидѣтельницамъ Ансеровой. Къ этому обстоятельству слѣдуетъ присоединить и то, что въ № 12 «Украины», въ квартирѣ Гамкрелидзе, найдена часть общиннаго имущества (книги и рукопись), переданная ему на храненіе членами администраціи. Все вышеизложенное ясно доказываетъ исполненіе администраціей требованія программы о наймѣ и устройствѣ квартиръ, а, съ другой стороны, служитъ прямымъ доказательствомъ того значенія, которое имѣли въ общинѣ обвиняемые Здановичъ, Вѣра Любатовичъ, кн. Циціановъ, Цвилленевъ, Гамкрелидзе и Кардашевъ. Затѣмъ, по отношенію къ обвиненію отставнаго коллежскаго регистратора Кардашева, дознаніемъ обнаружено, что этотъ послѣдній хранилъ при себѣ и расходовалъ деньги, составлявшія матеріальныя средства общины. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что Кардашевъ, принадлежа къ кавказскимъ уроженцамъ, давно былъ знакомъ съ главными по настоящему дѣлу обвиняемыми: Чекоидзе, Джабадари, княземъ Циціанозымъ и другими. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1875 г. Кардашевъ пріѣзжалъ въ Москву изъ Петербурга и жилъ вмѣстѣ съ Чекоидзе въ гостиницѣ Шевалдышева. Ранѣе указано было, что вслѣдъ затѣмъ Чекоидзе, вступивъ въ общину пропагандистовъ, былъ 4-го апрѣля уже арестованъ въ числѣ прочихъ въ домѣ Корсака, Кардашевъ же, какъ объ этомъ свидѣтельствуется его собственноручная записная книжка, укрылся за границу. Изъ той же записной книжки видно, что, находясь за границей, Кардашевъ велъ переписку съ Рыжимъ, съ Вѣрою Любатовичъ и съ другими лицами, отмѣченными только буквами, и что приблизительно въ концѣ іюня мѣсяца 1875 г. Кардашевъ снова прибылъ въ Россію. По показанію Красновой, служителей гостиницы «Украина» и дворника дома Толстой, Жохова, Кардашевъ часто посѣщалъ Гамкрелидзе и Вѣру Любатовичъ. Какъ выше было указано, у Кардашева было найдено 8545 руб. денегъ и билетъ 1100 рублей на имя Тумановой. Въ книжкѣ Кардашева записаны такіе расходы: Санчо 15 руб., Санчо 25, Волч. 20 руб., Гамкѣ 15 р., Свадьба 41 руб. Ниже будетъ подробно объяснено значеніе этихъ именъ, теперь же будетъ достаточно указать, что имена Санчо, Гамка, Волченокъ—суть клички членовъ преступнаго сообщества. Эти записи свидѣтельствуютъ о томъ, что Кардашевъ расходовалъ деньги на членовъ общины. Принимая во вниманіе безусловное правило, устанавливаемое программой, по которому ни одинъ членъ общества не долженъ имѣть личной собственности, но получаетъ необходимыя для него средства отъ общины и что денежные средства общины не должны храниться въ администраціи общины, то станетъ совершенно ясно, что денежные суммы, отобранныя у Кардашева, составляютъ денежный фондъ преступнаго сообщества. Соображеніе, только что изложенное, находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ обстоятельствахъ дѣла. Какъ оказалось, Кардашевъ ѣздилъ

въ города Тулу и Орель вмѣстѣ съ княземъ Циціановымъ (Зедгенидзе). Въ Тулѣ Кардашевъ, согласно показанію свидѣтеля Введенскаго, видѣлся съ обвиняемымъ Злобинымъ, а въ Орлѣ, какъ это удостовѣрила прислуга гостиницы Тотъень, останавливался въ этой гостиницѣ и видѣлся съ обвиняемой Марьей Субботиной. Кромѣ того, поѣздка эта удостовѣрена и самимъ Кардашевымъ. Расходъ на эту поѣздку, какъ по отношенію къ Кардашеву, такъ и по отношенію къ князю Циціанову, записанъ въ той же книжкѣ Кардашева, да и расходъ на жизнь и поѣздки самого Кардашева, принадлежавшаго той же общинѣ и носившаго кличку Мавра, въ виду вышеизложеннаго, — не могутъ не быть отнесены на счетъ общиннаго фонда. Еще болѣе значенія имѣеть для дѣла находеніе у Кардашева билета петербургскаго ссуднаго банка въ 1100 рублей на имя Тумановой. Билетъ этотъ былъ выданъ матерю Тумановой дочери ея Екатеринѣ, какъ приданое при выходѣ послѣдней замужъ за обвиняемаго Антимоза Гамкрелидзе. Бракосочетаніе Гамкрелидзе съ Тумановой послѣдовало 13-го іюля 1875 г. въ Москвѣ. Въ обычной книгѣ въ числѣ свидѣтелей брака расписался князь Александръ Циціановъ, на свадьбѣ распоряжался всѣмъ тотъ же князь Циціановъ, а въ числѣ присутствующихъ находились, кромѣ того, Вѣра Люботовичъ, Кардашевъ и обвиняемая Варвара Батюшкова, о которой будетъ сказано ниже. Свадьба эта была совершена при особой, исключительной обстановкѣ. Невѣста пріѣхала въ церковь въ сопровожденіи квартирной хозяйки Сидоровой неодетая въ подвѣчное платье, поведение лицъ во время бракосочетанія поражало постороннихъ лицъ полнымъ пренебреженіемъ къ обрядности бракосочетанія. Въ церкви не были даже приготовлены или приглашены необходимыя свидѣтели и одного изъ нихъ пришлось разыскивать. Немедленно послѣ свадьбы и закуски въ номерахъ Рубиной, молодая уѣхала, оставивъ своего молодого мужа ночевать одного, а затѣмъ супруги Гамкрелидзе, какъ это указано выше, разъѣхались совсѣмъ, причѣмъ Екатерина Гамкрелидзе отправилась въ Иваново-Вознесенскъ на преступную пропаганду. Билетъ въ 1100 руб., поступившій въ приданое Екатеринѣ Гамкрелидзе, перешелъ къ Кардашеву, а у этого послѣдняго записано въ записной книжкѣ выдача 15 р. Гамкѣ и 41 р. расхода по свадьбѣ, причѣмъ именно Кардашевымъ уплачены деньги священнику за вѣнчаніе Гамкрелидзе. Лучшимъ доказательствомъ тому, какое значеніе этому браку придавали сами обвиняемые, служитъ письмо, найденное въ Ивановѣ, въ которомъ пишутъ слѣдующее: «не желаете ли получить по почтѣ М-ше Гамку, хотя она и вышла замужъ за Катю, но все-таки теряетъ право называться мадамшею». Самъ Антимозъ Гамкрелидзе показалъ, что тотчасъ же послѣ свадьбы онъ рѣшилъ выдать женѣ своей отдѣльный видъ для проживанія во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи. Очевидно, такимъ образомъ, что бракъ Гамкрелидзе имѣеть фиктивное значеніе и заключенъ былъ съ единственною цѣлью пріобрѣтенія приданнаго, которое вслѣдъ за бракосочетаніемъ и поступило въ общій фондъ къ обвиняемому Кардашеву. Слѣдуетъ замѣтить, что бракъ Гамкрелидзе не былъ единственнымъ явленіемъ подобнаго рода среди этого преступнаго сообщества. Членами сообщества былъ заключенъ другой бракъ съ тѣмъ же характеромъ. Ранѣе неоднократно уже упоминалось имя обвиняемой княгини Циціановой, задержанной въ Кіевѣ подъ именемъ Марьи Горощенковой. Оказалось, что именуемая себя княгиней Циціановой, рожденная Хоржевская, вышла замужъ за князя Александра Циціанова въ г. Одессѣ и вѣнчалась съ нимъ 13 іюля 1875 г., т. е. въ тотъ же самый день, когда кн. Александръ Циціановъ присутствовалъ въ качествѣ свидѣтеля въ г. Москвѣ при бракосочетаніи супруговъ Гамкрелидзе. Произведеннымъ по этому предмету дознаніемъ обнаружено, что въ Одессѣ, при содѣйствіи обвиняемыхъ Ольги Лю-

батовичъ и Надежды Субботиной, въ домъ Хоржевскихъ, къ отцу обвиняемой, былъ введенъ Александромъ Хоржевской подъ именемъ князя Александра Цицианова дворянинъ Кикодзе, скрывшійся и дознаніемъ не разысканный. Эта личность обвѣнчалась съ Александрой Хоржевской по документамъ князя Цицианова. Обстоятельства эти вполне удостовѣрены свидѣтельскими показаніями отца, сестры Хоржевской и свидѣтелей бракосочетанія, которымъ была предъявлена фотографическая карточка Кикодзе, такъ и сличеніемъ подписей въ обѣихъ обьскныхъ книгахъ. Хоржевской выдано было приданое, неизвѣстно куда исчезнувшее, а, между тѣмъ, сама Хоржевская является дѣйтельнымъ членомъ кievской общины, имѣвшей свой самостоятельный денежный фондъ. Между тѣмъ, была совершена попытка заключить еще третій бракъ такого же характера. Дочь священника г. Москвы, Екатерина Ансерова, воспитывалась въ гимназіи вмѣстѣ съ сестрами Субботинными, подъ влияніемъ которыхъ пожелала вмѣстѣ съ ними и на ихъ средства ѣхать за-границу, на что родители Ансеровой не согласились. Тогда Евгенія Субботина предложила Ансеровой получить свободу путемъ фиктивного брака съ однимъ господиномъ по фамилии Юселіани, который для знакомства съ Ансеровой приходилъ нѣсколько разъ въ церковь, а затѣмъ просилъ у отца Ансеровой позволенія бывать у нихъ въ домѣ, въ чемъ священникъ Ансеровъ ему отказалъ. Въ виду подобной неудачи Евгенія Субботина уговорила Ансерову ѣхать, составила планъ побѣга и дала Ансеровой для жизни на первое время послѣ побѣга 35 рублей. Ансерова, узнавъ въ это время, что Субботина арестована, прервала съ ней всякое знакомство. Желая окончательно раздѣлаться съ Субботинными, Ансерова принесла должные ей Евгеніи Субботиной 35 рублей въ гостиницу «Украину», вслѣдствіе чего и была препровождена къ дознанію. По словамъ Ансеровой, бракъ этотъ устраивался для того, чтобы Ансерова, получивъ отъ отца приданое, могла бы передать его своему мужу, а сама за это получила бы полную свободу. По предъявленіи Кардашева Ансеровой эта послѣдняя признала въ немъ того господина, который выдавалъ себя за Юселіани. Кардашевъ, съ своей стороны, не отвергая того, что желалъ познакомиться съ Ансеровой, но получивъ отказъ, не сознался въ томъ, что выдавалъ себя за Юселіани. Показаніе Ансеровой нашло себѣ полное подтвержденіе въ показаніи ея отца. Что устройство фиктивныхъ браковъ входило въ расчеты членозъ преступнаго сообщества, тому, кромѣ примѣровъ вышеприведенныхъ, служить доказательствомъ письмо, найденное у обвиняемой Варвары Батишковой, причемъ и это письмо доказываетъ, что цѣль подобныхъ браковъ есть пріобрѣтеніе матеріальныхъ средствъ. Въ письмѣ этомъ лицо, оставшееся необнаруженнымъ, пишетъ, что до выхода замужъ оно не можетъ получить завѣщанныхъ ему денегъ, а потому проситъ найти на фиктивный съ нимъ бракъ охотника, который согласился бы «продѣлать эту комедь». Письмо оканчивается замѣчаніемъ, что въ данномъ случаѣ цѣль оправдываетъ средства. Въ виду подобныхъ фактовъ, значеніе билета Петербургскаго Ссуднаго Банка въ 1100 рублей, найденнаго у Кардашева, становится совершенно яснымъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что какъ самъ Кардашевъ, такъ мужъ и жена Гамкрелидзе дали по этому поводу самыя разнорѣчивыя показанія и не умѣли объяснить, какимъ образомъ билетъ Тумановой попалъ къ Кардашеву. Въ продолженіи всего дознанія Кардашевъ упорно отказывался объяснить, откуда получены имъ эти суммы, утверждая, что это будетъ сдѣлано имъ впоследствии, и что лично ему принадлежитъ билетъ въ 1100 р. На другомъ допросѣ Кардашевъ измѣнилъ свои показанія и показалъ, что всѣ деньги принадлежатъ ему, исключая билета въ 1100 руб., который ему не принадлежитъ. Причина, по которой Кардашевъ медлилъ

дать какія-либо объясненія по поводу найденныхъ у него денегъ, вскорѣ объяснила ъ. По обыску, произведенному 1 декабря 1875 г. въ квартирѣ обвиняемыхъ Надежды Георгіевской и Екатерины Введенской, были найдены 4 конверта, доставленные изъ тюремнаго зѣмка. По вскрытіи означенныхъ конвертовъ въ нихъ оказались письма, написанныя Кардашевымъ къ его братьямъ Бегляру и Сергію Степановымъ въ Шемаху и Елисаветполь. Въ этихъ письмахъ Кардашевъ просить своихъ братьевъ устроить такъ, чтобы при допросѣ одинъ изъ братьевъ или мать Кардашева показали бы, что деньги 9.000 р. даны ими для коммерческихъ оборотовъ Кардашеву. Для того, чтобы подкрѣпить подобное показаніе, Кардашевъ посылаетъ имъ написанныя задъими числами письма, въ которыхъ даетъ отчетъ въ употребленіи этого капитала. Кромѣ того, приложено еще письмо отъ 5 августа 1875 г., въ которомъ Кардашевъ пишетъ къ брату, что пріѣхалъ въ Москву для устройства типографскаго дѣла, но компаньонъ его надулъ, и дѣло не состоялось. Это послѣднее письмо его братъ долженъ былъ представить при допросѣ къ дознанію для доказательства того, съ какою цѣлью Кардашевъ пріѣхалъ въ Москву. Въ отдѣльныхъ конвертахъ оказались векселя, написанные на имя Бегляра и Елисаветы Степановой по 9000 руб., на каждое имя. Всѣ эти письма и векселя должны были быть отправлены черезъ Георгіевскую и Введенскую съ нарочно посланнымъ человѣкомъ на Кавказъ. Въ письмѣ на имя Бегляра Степанова, въ которомъ Кардашевъ излагаетъ весь планъ дѣйствій, предпринимаемый имъ для введенія правосудія въ заблужденіе, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста: «Полагаютъ, что эти деньги у меня кружковья, членскія, т. е. что это сборъ съ революціоннаго кружка. Теперь вся суть у меня пока вертится на томъ, чтобы найти человѣка, который взялся бы сказать, что это его деньги, что онъ мнѣ ихъ далъ... Спасите деньги, хотя чужія для васъ, но для меня это деньги дорогихъ мнѣ людей. Нарочно, чтобы передать вамъ мое письмо, снаряжается человѣкъ». Въмѣстѣ съ этими письмами въ той же квартирѣ было найдено еще письмо Кардашева, въ которомъ этотъ послѣдній учитъ, какъ надо ѣхать въ Шемаху и, между прочимъ: говорить, «я положительно не знаю, что же будетъ дальше: то предлагаете новый планъ, то письмо. Если хотите мой планъ выполнить, то пришлите мнѣ еще два листа почтовой бумаги: очень, очень важно написать ихъ. Они послужатъ славнымъ доказательствомъ для моего оправданія. Во всякомъ случаѣ вашъ планъ пусть остается въ резервѣ, а если хотите, двигайте понемногу вашъ планъ, но я увѣренъ, что дѣло съ моимъ однимъ вполне удастся, развѣ если у васъ нѣтъ господина для отправки туда». Значеніе денежныхъ суммъ, отобранныхъ у Кардашева, разъяснено самимъ Кардашевымъ въ шифрованномъ письмѣ на имя князя Микеладзе. Въ немъ Кардашевъ, сообщая объ арестахъ Рыжему и предупреждая его о томъ, что его ищутъ, пишетъ: «Въ Москвѣ всѣ деньги до 10 тысячъ взяты». Съ другой стороны, Здановичъ (Рыжій) въ письмѣ, отобранномъ въ квартирѣ Георгіевской и Введенской, напоминаетъ лицамъ, которымъ адресованы письма, о ихъ нравственной обязанности озаботиться, чтобы задуманный планъ къ спасенію арестованнаго капитала удался, ибо въ противномъ случаѣ капиталъ для дѣла пропадетъ. Допрошенный по поводу найденныхъ у Георгіевской писемъ, Кардашевъ, признавая ихъ за свои, отказался дать какія-либо объясненія, но по поводу денежныхъ расходовъ, записанныхъ въ его книжкѣ, объяснилъ, что подъ именемъ Гамки, Санчо и Волченка онъ зналъ Гамкрелидзе, кн. Циціанова и Вѣру Любатовичъ, которымъ и давалъ деньги, но въ долгъ. Такимъ образомъ, взаимное сопоставленіе всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ и писемъ, писанныхъ самимъ обвиняемымъ, приводитъ къ окончательному и несомнѣн-

ному убѣжденію въ томъ, что въ рукахъ Кардашева находился фондъ московской революціонной общины, а самъ Кардашевъ былъ кассиромъ этой общины. Послѣ ареста членовъ администраціи преступнаго сообщества, была вновь произведена попытка членами сообщества создать новую администрацію въ квартирѣ дочерей священниковъ Надежды Георгіевской (сестры обвиняемаго Георгіевского) и Екатерины Введенской. Эта попытка не удалась вслѣдствіе своевременнаго и случайнаго обнаруженія ея. 1 декабря приставомъ Суцевской части составленъ былъ актъ о томъ, что въ принесенномъ Надеждою Георгіевской брату своему хлѣбѣ найдена шифрованная записка отъ Надежды Георгіевской къ ея брату. По дешифрированіи записки оказалось, что въ ней сообщалось Георгіевскому о способѣ сношеній, установленныхъ съ арестантами въ Срѣтенской и Суцевской частяхъ, и извѣщеніе о безпорядкахъ въ Технологическомъ Институтѣ. По поводу означенной записки, признанной Георгіевской за написанную ею, былъ произведенъ у Георгіевской обыскъ, и оказалось, что она живетъ вмѣстѣ съ Екатериной Введенской. Передъ началомъ обыска какъ Георгіевская, такъ и Введенская стремительно бросились къ столу и успѣли изорвать нѣсколько бумагъ, но отъ дальнѣйшихъ насильственныхъ дѣйствій были удержаны. По обыску у нихъ были отобраны: 1. письма, приготовленные для отправки на Кавказъ, написанныя Кардашевымъ, о которомъ сказано выше; 2. шифрованное письмо, по своему содержанію, очевидно, написанное обвиняемымъ Гамкрелидзе; 3. два листа почтовой бумаги, исписанные шифромъ, какъ оказалось потомъ письмо Рыжаго изъ тюрьмы къ пропагандистамъ; 4. ключекъ бумаги съ шифрованными письмомъ Василия Георгіевского и 5. переводы шифрованныхъ писемъ (Рыжаго) Здановича. Что касается до писемъ Кардашева, то содержаніе и значеніе ихъ указано выше; въ письмѣ Гамкрелидзе этотъ послѣдній проситъ лицо, которое поѣдетъ на Кавказъ, повидаться въ Одессѣ съ братомъ Гамкрелидзе и условиться съ нимъ о томъ, какія брать его долженъ дать показанія для того, чтобы бракъ Гамкрелидзе съ Тумановой потерялъ свой фиктивный характеръ. Въ шифрованныхъ письмахъ Здановичъ, обращаясь къ членамъ сообщества, оставшимся на свободѣ, даетъ подробныя наставленія о пользѣ устройства мастерскихъ для веденія пропаганды въ народѣ, разъясняетъ, какъ нужно поступать для окончанія начатаго авторомъ писемъ труда по составленію словаря для телеграммъ, предусмотрѣннаго въ программѣ организациі, напоминаетъ лицамъ, которымъ адресованы письма, о ихъ нравственной обязанности озаботиться, чтобы задуманный планъ къ спасенію арестованнаго капитала удался, ибо въ противномъ случаѣ капиталъ для дѣла пропадетъ, сообщаетъ, что авторъ письма писалъ Медвѣдовой наставленіе, какъ она должна показывать, и увѣдомляетъ, что необходимо увѣрить, что «Рыжій» на свободѣ за границей и что онъ, авторъ писемъ, не есть Рыжій, причемъ спрашиваетъ, посланы ли его документы на родину, подговорены ли свидѣтели и какой отвѣтъ послѣднихъ. Спрошенныя по поводу найденныхъ у нихъ переписокъ, Георгіевская и Введенская отказались дать какія-либо объясненія, утверждая, что письмо Кардашева и Гамкрелидзе принесены въ ихъ квартиру неизвѣстнымъ человѣкомъ, причемъ Георгіевская признала, что переводъ писемъ Рыжаго сдѣланъ ею. Въ тотъ же вечеръ, когда произведенъ былъ у означенныхъ выше лицъ обыскъ, въ ихъ квартиру явился мужчина, одѣтый по-дорожному. При задержаніи его, мужчина этотъ бросилъ на землю записку, оказавшуюся шифрованной. По доставленіи его въ жандармское управленіе неизвѣстный отказался объявить о своемъ званіи и успѣлъ схватить со стола и изорвать брошенную имъ записку. Затѣмъ, на послѣдующемъ допросѣ неизвѣстный оказался бывшимъ студентомъ С.-Петербургскаго Университета Алексѣемъ Ивановымъ (Нуромскимъ).

Прибытіе свое на квартиру Георгіевской Нуромскій объяснил знакомствомъ, но указать свою квартиру и давать какія-либо объясненія отказался. Содержась уже подъ стражей, Нуромскій, получивъ черезъ обвиняемаго Агапова записку, отвѣчалъ на нее письмомъ, въ которомъ излагалась сущность данного имъ при дознаніи показанія, причемъ самое письмо было зашифровано по ключу, бывшему въ употребленіи среди членовъ преступнаго сообщества. Такимъ образомъ, произведеннымъ у Георгіевской и Введенской обыскомъ вполне доказано, что черезъ нихъ и въ ихъ квартирѣ вновь были организованы сношенія съ арестованными лицами; что Георгіевская и Введенская принимали дѣятельное участіе въ томъ, чтобы отыскать человѣка для отправки его съ письмами на Кавказъ, что они вели со Здановичемъ переписку о продолженіи преступной пропаганды и что имъ содѣйствовали въ этомъ отношеніи обвиняемый Нуромскій. Такого рода дѣятельностью безспорно составляетъ часть обязанностей, возлагаемыхъ программой на администрацію общества. Кромѣ вышеуказанныхъ обвиняемыхъ, дознаніемъ обнаружена принадлежность къ той же преступной организациіи еще цѣлаго ряда лицъ. Прежде всего слѣдуетъ остановиться на томъ дѣятельномъ участіи, которое принимали въ дѣлахъ общины три сестры: Марія, Евгенія и Надежда Дмитріевы Субботины. Выше нѣсколько разъ уже упоминались имена этихъ лицъ. При производствѣ дознанія объ ивановскихъ пропагандистахъ обнаружено было, что московская цеховая Анна Топоркова по убѣжденію и на средства Субботиныхъ ѣздила въ Цюрихъ, откуда вернувшись, посвятила себя преступной пропагандѣ. Тѣ же Субботины убѣждали свидѣтельницу Ансерову ѣхать вмѣстѣ съ ними за границу и предлагали ей на это свои средства. Затѣмъ, настоящимъ дознаніемъ къ обвиненію Субботиныхъ обнаружены слѣдующія данныя. Какъ выше было сказано, обвиняемый Степанъ Кардашевъ покушался отправить черезъ унтеръ-офицера Дунева два письма: одно въ Орелъ на имя присяжнаго повѣреннаго Афонскаго и другое въ Одессу на имя князя Микеладзе. Письмо, адресованное Афонскому, состоитъ изъ двухъ частей: въ первой, не зашифрованной части, Кардашевъ проситъ Афонскаго передать это письмо Маріи или Евгеніи Субботинымъ, которыя «прочтутъ, что написано шифромъ», а Афонскій не пойметъ, да это ему и не нужно. Вторая часть письма зашифрована по общинскому ключу «Эй Фомичъ». Въ ней Кардашевъ сообщаетъ Субботинымъ, что «наши московскіе друзья больны ужасно, эпидемически, начиная съ Волчен., Санчо и Мавра и кончая уже чертъ знаетъ кѣмъ, пусть извѣстятъ кому найдутъ нужнымъ». Написаніе подобнаго письма Кардашевымъ къ Субботинымъ служитъ непосредственнымъ доказательствомъ того, что Евгенія и Марія Субботинымъ извѣстенъ не только шифръ, употребляемый общиною, но извѣстны клички членовъ общины и тѣ лица, кого объ арестахъ слѣдуетъ предупредить. Затѣмъ, по отношенію къ Евгеніи Субботиной слѣдуетъ имѣть въ виду, что она устраивала неудавшійся фиктивный бракъ Ансеровой съ Кардашевымъ, выдавая послѣдняго за Иоселіани, что письмо отъ Евгеніи къ Аннѣ, найденное въ Иваново-Вознесенскѣ, въ которомъ Евгенія выражаетъ свое прямое сочувствіе дѣятельности пропагандистовъ и беспокоится о томъ, что дѣло ведется слишкомъ неосторожно, написано, какъ признали эксперты и отчасти сама Субботина, тою же Евгеніею Субботиною. Затѣмъ, прибытіе Субботиной изъ Петербурга съ обвиняемымъ Михаиломъ Овчинниковымъ, несомнѣннымъ членомъ общины, причемъ оба эти лица прямо съ желѣзной дороги прибыли вмѣстѣ въ № 12 «Украины», въ квартиру Гамкрелидзе, служитъ яснымъ доказательствомъ принадлежности Субботиной къ преступному сообществу. Нельзя при этомъ не обратить вниманія и на то, что въ квартирѣ администраціи общины найдена была абониментная книжка

Евгени Субботиной изъ библиотеки Улитиныхъ. Уликами къ обвиненію Маріи Субботиной служатъ, кромѣ письма Кардашева, наемъ ею квартиры въ д. Эйбродтъ и передача этой квартиры Лиди Фигнеръ. Въ письмѣ, отобранномъ въ Иваново-Вознесенскѣ, сообщается, что Манька хлопочетъ о сапогахъ, а сапоги эти, какъ разъяснилъ обвиняемый Агаповъ, на языкѣ членовъ общины значить фальшивые виды на жительство. Въ письмѣ Евгени Субботиной, найденномъ по обыску у Маріи Субботиной, первая говоритъ о необходимости предупредить «Маньку» объ арестахъ, произведенныхъ въ Москвѣ, а по показанію самой Евгени Субботиной подъ именемъ Маньки она понимала сестру свою Марію Субботину. Близкія сношенія Маріи Субботиной съ членами общины доказываются показаніями прислуги гостиницы Тотъень въ г. Орлѣ, признавшей въ фотографической карточкѣ Маріи Субботиной женщину, поѣщавшую Кардашева во время его пріѣзда въ Орель. Какое значеніе имѣла Марія Субботина среди пропагандистовъ, и насколько эти послѣдніе о ней заботились, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что Кардашевъ, увѣдомляя Рыжаго объ арестахъ въ Москвѣ, находилъ нужнымъ дать знать о томъ, что во время обыска у Гамкрелидзе имя Маріи Дмитріевны Субботиной было записано. Наконецъ, лица, знавшія Марію Субботину, какъ напр., вдова штабсъ-капитана Четвергова и сынъ священника Царевскій приходили для свиданія съ Марьей Субботиной въ 12 № гостиницы «Украина», что съ своей стороны указываетъ также на близость сношеній Субботиной съ Гамкрелидзе, однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ преступной общины. При изложеніи обстоятельствъ дѣла, относящихся до дѣятельности пропагандистовъ въ г. Кіевѣ, указаны были улики къ обвиненію третьей сестры, Надежды Дмитріевны Субботиной. Здѣсь не лишнимъ будетъ припомнить, что, при содѣйствіи той же Надежды Субботиной, Александра Хоржевская вышла замужъ за дворянина Кикодзе, выдавая его за князя Циціанова. Кромѣ того, дознаніемъ, произведеннымъ въ Москвѣ, къ обвиненію Надежды Субботиной, а вмѣстѣ съ нею и дочери титулярнаго совѣтника Елены Медвѣдовой обнаружены слѣдующія данныя. Обвиняемый Степанъ Кардашевъ, кромѣ письма на имя Афонскаго, покушался переслать черезъ унтеръ-офицера Дунева еще другое—въ Одессу на имя князя Микеладзе. Въ этомъ шифрованномъ письмѣ Кардашевъ пишетъ Рыжему, что въ Москвѣ всѣ схвачены, деньги до 10 тыс. руб. взяты и что пишущій слыветъ еще пока подъ именемъ князя Кочакидзе. «Санчо далъ два выстрѣла по офицеру, но не попалъ, это очень хорошо, а то бы бѣда... Тебя ищутъ, книгъ захватили пропасть, бумагъ ничего, кажется, у Санчо и Вѣры кое-что... Всѣ бумаги у Медвѣдихи, но, кажется, уже былъ шпіонъ, но это пустяки, ты можешь спросить о ней въ гостиницѣ Чернышева у Винницкой. Вообще, дѣла очень плохи». Вслѣдствіе указанія, слѣланнаго Кардашевымъ въ этомъ письмѣ на Винницкую, была разыскана «Медвѣдиха», которая оказалась дочерью титулярнаго совѣтника Еленю Медвѣдовой. По обыску у Медвѣдовой ничего предосудительнаго найдено не было, но изъ показанія самой Медвѣдовой и Винницкой выяснилось, что Медвѣдова весьма близко была знакома съ Кардашевымъ, скрывшимся отъ дознанія дворяниномъ Кикодзе, женившимся подъ именемъ князя Циціанова на Хоржевской, поѣщала Гамкрелидзе и имѣла для передачи лицамъ, пріѣзжавшимъ въ Москву, адресъ послѣдняго. У ней же, какъ свидѣтельствуетъ письмо Кардашева, хранились важныя для общины бумаги. Изъ шифрованного грузинской азбукой письма Елены Медвѣдовой, написаннаго ею во время нахождения ея подъ стражей, видно, что она знала Рыжаго, а изъ указаннаго выше письма Рыжаго (Здановича), найденнаго у Георгіевской, ясно, что Медвѣдова принадлежала къ тому же преступному сообществу. На другой день послѣ ареста Елены Мед-

вѣдовой на ея имя получена была изъ Одессы депеша, подписанная Аристарховою, такого содержанія: «Вѣра, не присылай ни одного письма, я уѣзжаю, скоро вышлю свой адресъ». Затѣмъ, въ 20-хъ числахъ августа изъ Кіева на имя Медвѣдовой получено было письмо, написанное, какъ это безусловно признано, княгиней Александрою Циціановой. Въ этомъ письмѣ Циціанова проситъ, какъ можно скорѣе, увѣдомить ее о новомъ адресѣ квартиры въ Москвѣ, въ которой могли бы остановиться рабочіе и интеллигентные, имѣющіе пріѣхать изъ Кіева. Спрошенная по поводу этихъ обстоятельствъ, Елена Медвѣдова не дала никакихъ объясненій, ссылаясь на то, что всѣ письма и депеши, ею полученныя, принадлежали не ей, а жещинѣ, съ которой она случайно познакомилась на бульварѣ и по просьбѣ которой получала для передачи какой-то Матвѣевой всѣ ея письма. Указать это лицо или мѣсто ея жительства Медвѣдова отказалась. По произведенному въ г. Одессѣ обыску у князя Пармена Микеладзе ничего подозрительнаго найдено не было, но были отобраны двѣ квитанціи на отправленныя въ Москву и Кіевъ депеши. По показанію кн. Микеладзе, лѣтомъ 1875 г. онъ познакомился въ Одессѣ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, называвшимся Иваномъ Григорьевымъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ знакомства Иванъ Григорьевъ, говоря, что онъ цѣлый день бываетъ на работахъ и что почтальонамъ трудно его разыскывать, просилъ князя Микеладзе получать отъ родныхъ письма на его, Микеладзе, имя, на что послѣдній и согласился. Вслѣдствіе этого князь Микеладзе сталъ получать письма изъ Москвы, Кіева и Кишинева. Одно письмо было изъ Яссъ, что подстрекнуло любопытство князя Микеладзе, и онъ письмо это распечаталъ, но прочесть не могъ, ибо оно было написано шифрами. Всѣ получаемыя письма князь Микеладзе передалъ Ивану Григорьеву, такъ какъ самъ Микеладзе ни отъ кого никогда писемъ не получалъ. Разъ какъ-то Иванъ Григорьевъ позвалъ Микеладзе кататься въ лодкѣ и тамъ познакомилъ его съ дѣвушкой, которую звали Надькой. Послѣ этого князь Микеладзе поощрять Надьку и получилъ отъ нея для прочтенія «Парижскую коммуну». Надька въ свою очередь познакомила его съ семействомъ Хоржевскихъ. Двѣ депеши, посланныя по квитанціямъ найденнымъ у князя Микеладзе, сданы на станцію имъ по прѣсбѣ Надьки. Содержанія депешъ онъ не помнитъ, но обѣ онѣ подписаны Аристарховою. Князь Микеладзе указалъ въ Одессѣ квартиры, гдѣ жили Иванъ Григорьевъ и Надька. Дешеши, сданныя на станцію Микеладзе, оказались именно тѣми, которыя были адресованы на имя Медвѣдовой въ Москву и Гельфманъ въ Кіевъ. Эксперты признали, что подлинныя депеши, доставленныя къ дознанію телеграфнымъ начальствомъ, написаны рукою Надежды Субботиной. По предявленіи Надежды Субботиной кн. Микеладзе, онъ призналъ ее за ту самую Надьку, которую онъ зналъ въ Одессѣ. По указаніямъ кн. Микеладзе было дознано, что въ Одессѣ проживалъ неизвѣстнаго званія человѣкъ, подъ именемъ Ивана Григорьева, скрывшійся съ квартиры 29 августа, т. е. немедленно послѣ ареста князя Микеладзе, бросивъ на квартирѣ свое бѣлье и не заплативъ хозяйкѣ за квартиру. Съ другой стороны, оказалось, что въ домѣ Тихонова въ Одессѣ, указанномъ княземъ Микеладзе, жили двѣ женщины: одна подъ именемъ Махоткиной, а другая подъ именемъ Степановой. Обѣ онѣ выдавали себя за швей, и 29 августа, въ тотъ же день, когда скрылся Иванъ Григорьевъ, съѣхали съ квартиры. Въ Степановой, какъ выше сказано, князь Микеладзе призналъ Надежду Субботину, а въ карточкѣ Ольги Любатовичъ квартирная хозяйка признала Махоткину, жившую у ней со Степановой. Хоржевскіе отецъ и дочь признали въ Субботиной знакомую Александры Хоржевской, бывавшую у нихъ въ домѣ подъ именемъ Надежды. Сверхъ того дознаніемъ вполне доказано, что лѣтомъ 1874 г. Надежда

Субботина жила въ Орлѣ у жены губернскаго секретаря Погорѣльской вмѣстѣ съ Лидіею Фигнеръ. Надежда Субботина при допросѣ категорически отказалась отъ всякаго знакомства съ княземъ Микеладзе и Хоржевскими. Послѣ обыска въ 12 № гостиницы «Украина», въ кватирѣ Гамкрелидзе, былъ задержанъ бывшій студентъ Медико-Хирургической Академіи Иванъ Рождественскій. Въ карманѣ у него найдено было письмо на имя Ивана съ требованіемъ о высылкѣ разныхъ преступнаго содержанія книгъ, какъ-то: «Хитрая механика», «Сказка о 4-хъ братьяхъ» и др. Какъ оказалось, Рождественскій пріѣхалъ въ тотъ же день въ Москву изъ Владикавказа и свое появленіе въ гостиницѣ объяснилъ тѣмъ, что адресъ гостиницы данъ ему какимъ-то неизвѣстнымъ господиномъ на желѣзной дорогѣ, а отобранное у него письмо, вѣроятно, кѣмъ-либо ему дорогой подложено. Въ имуществѣ Рождественскаго найдены книги, изъятыя изъ обращенія, а въ записной книжкѣ адресъ дома Эйнебротъ съ замѣткою: спросить «Рыжаго Йоселани». Дознаніемъ обнаружено, что Рождественскій служилъ лекаремъ на Ростовско-Владикавказской желѣзной дорогѣ на станціяхъ Прохладной и Кубинской. Въ разговорахъ съ лицами своей среды, Рождественскій нерѣдко высказывалъ, что система настоящаго правленія не достигаетъ своей цѣли, заставляя народъ нести тяжелый трудъ и не давая ему возможности выйти изъ нищеты. Съ рабочими желѣзной дороги Рождественскій находилъ въ близкихъ отношеніяхъ и часто давалъ имъ читать книги. По показанію мѣстнаго фельдшера Григорія Гея, онъ самъ читалъ книгу, данную ему Рождественскимъ, заглавія которой не помнитъ, но въ которой описывается страданіе народа отъ непосильнаго труда, а по удостовѣренію крестьянина Акима Зойкина рабочіе при немъ читали книгу, полученную ими отъ Рождественскаго, въ которой рассказывалось о ссылкѣ въ Сибирь одного мужика за то, что по избранію своего общества онъ подалъ на помѣщика жалобу за взысканіе лишняго оброка. Ранѣе указано было, что вмѣстѣ съ обвиняемой Евгеніей Субботиной въ 12 № гостиницы «Украина» прибылъ сынъ священника Михаилъ Павловъ Овчинниковъ. Слѣдуетъ припомнить, что записная книжка Овчинникова найдена была среди бумагъ въ квартирѣ администраціи общины въ домѣ Толстой. Часть рукописи преступнаго содержанія «Сказка о Мудрицѣ Наумовнѣ» написана рукою Овчинникова, что призналъ и самъ Овчинниковъ. По показанію служителей гостиницы «Украина», Овчинниковъ часто посѣщалъ квартиру Гамкрелидзе. Отказываясь отъ всякаго знакомства съ Гамкрелидзе, Кардашевымъ, Вѣрою Любатовичъ и кн. Циціановымъ, Овчинниковъ показалъ, что съ Евгеніей Субботиной онъ случайно познакомился въ день его пріѣзда въ Москву на станцію желѣзной дороги, и Субботина пригласила его вмѣстѣ ѣхать въ гостиницу «Украина», гдѣ, по словамъ Субботиной, у нея есть знакомый. Между тѣмъ, самъ Овчинниковъ показалъ, что онъ служилъ писаремъ въ Петербургѣ, въ Главномъ Штабѣ. Выйдя въ отставку, онъ, на средства своей любовницы, поѣхалъ лѣчиться въ Цюрихъ, откуда черезъ нѣсколько времени переселился въ Эйдкуненъ, на русскую границу, гдѣ и проживалъ у какого-то еврея. Въ Эйдкуненѣ онъ жилъ потому, что тамъ хорошъ воздухъ. Возвратясь изъ-за границы, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ, а жилъ своими собственными средствами. Будучи оставленъ на свободѣ, Овчинниковъ вслѣдъ за тѣмъ былъ арестованъ по поводу пострекательства свидѣтеля Корнюхина на преступную пропаганду, о чемъ будетъ сказано ниже. Всѣ вышеназванныя лица, допрошенные въ качествѣ обвиняемыхъ, кромѣ показаній, въ подлежащихъ мѣстахъ настоящаго обвинительнаго акта указанныхъ, въ большинствѣ случаевъ уклонялись давать какія-либо показанія, стараясь скрыть свои взаимныя сношенія, и упорно отказывались отъ всякаго другъ съ другомъ знакомства. Между тѣмъ, ихъ взаимная связь и при-

надлежность къ одному и тому же преступному сообществу, кромѣ обстоятельствъ дѣла, подробно изложенныхъ, доказывається общностью имущества, употребленіемъ условныхъ кличекъ и шифровъ. Кромѣ пользования каждымъ изъ обвиняемыхъ денежными средствами изъ общественныхъ суммъ, показаніями самихъ подсудимыхъ и ихъ взаимною перепискою, вполне доказано, что всѣ необходимыя вещи, бѣлье, оружіе получались пропагандистами отъ администраціи общества, всѣ заработанныя деньги вносились въ общую кассу. Нагляднымъ доказательствомъ общности имущества служатъ осмотры бѣлья, найденнаго у разныхъ обвиняемыхъ. Изъ этихъ осмотровъ видно, что всѣ почти женщины носили бѣлье, принадлежащее всѣмъ имъ вмѣстѣ, а въ квартирѣ администраціи находился складъ бѣлья съ мѣтками всѣхъ обвиняемыхъ. Затѣмъ, программа общества предписываетъ членамъ его употребленіе кличекъ. Изъ изложеннаго видно, что клички дѣйствительно употреблялись между обвиняемыми. Здановичъ носилъ кличку Рыжого, князь Цицановъ—Санчо, Карлашевъ,—Мавра, Вѣра Люботовичъ—Волченка, Вѣрки, Гамкрелидзе—Гамки, Надежда Субботина—Нальки, Лидія Фигнеръ,—Лидьки, Кикодзе—Кики. Эти клички извѣстны были всѣмъ обвиняемымъ, и они употребляли ихъ въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ и перепискахъ. Такъ, въ письмахъ Рыжого (Здановича) и Люботовичъ къ ивановскимъ пропагандистамъ употреблены однѣ только клички, чѣмъ доказывается значеніе этихъ кличекъ членами ивановской общины. Кардашевъ употреблялъ эти же клички въ письмѣ къ Субботинимъ, Надежда и Евгения Субботины сами употребляютъ въ письмахъ и телеграммахъ клички, и подобное обстоятельство не можетъ не служить прямымъ доказательствомъ принадлежности лицъ, знающихъ клички, къ преступному сообществу. Еще болѣе значенія для обвиненія вышеназванныхъ лицъ въ принадлежности ихъ къ преступному сообществу служитъ употребленіе ими общихъ шифровъ для взаимной переписки. Единство шифровъ, употреблявшихся разными лицами въ разныхъ мѣстахъ, не можетъ не служить прямымъ доказательствомъ принадлежности какъ писавшаго шифрованную записку, такъ равно и лица, которому она предназначалась, къ одному и тому же сообществу, тѣмъ болѣе, что употребленіе шифровъ осуществляетъ собою въ дѣйствительности программу организациі революціонныхъ общинъ, отобранную у Здановича, въ которой есть подробное указаніе на значеніе шифровъ, какъ способа сношеній между членами преступнаго сообщества. 1. Такъ, въ бумагахъ Цвиленева въ квартирѣ администраціи былъ найденъ шифръ: «Чаще держать экзамены». Этимъ шифромъ была ведена переписка администраціи съ Василиемъ Георгіевскимъ во время нахождения послѣдняго подъ стражей. Содержаніемъ писемъ доказано, что письма эти написаны Георгіевскимъ. Переводъ одного изъ этихъ писемъ сдѣланъ обвиняемой Екатериною Гамкрелидзе, документы найдены въ квартирѣ администраціи. 2. Наболѣе употреблявшійся между пропагандистами шифръ былъ найденъ и разобранъ по бумагамъ иваново-вознесенской общины. Шифромъ этимъ: «Эй, Фомичъ, кубышкою владѣй» были написаны слѣдующіе адреса, письма и записки: а) Адреса, найденные въ Иваново-Вознесенскѣ. б) Письмо, найденное въ Иваново-Вознесенскѣ, за подписью «Твой Митрій», въ которомъ ивановскіе пропагандисты предупреждали о томъ, что къ нимъ направилъ сыщикъ. в) Письмо, найденное въ квартирѣ администраціи и написанное Лидіей Фигнеръ, въ которомъ эта послѣдняя проситъ о высылкѣ копии съ Волчанскаго паспорта. г) Письмо отъ 3 августа Михаила Чекоидзе, переводъ котораго, написанный Вѣрою Люботовичъ, найденъ въ дорожной сумкѣ въ квартирѣ администраціи. д) Два письма Кардашева: одно въ Орель—Субботинимъ, другое въ Одессу—Рыжему. е) Двѣ записки, найденныя въ Иваново-Вознесенскѣ—

списокъ книгъ и рецептъ, какъ вытравлять чернила. 3. Послѣ ареста ивановской общины, когда шифръ «Эй, Фомичъ» сдѣлался уже извѣстнымъ, начали попадаться письма, писанныя шифромъ: «Эй, подлець, негодная тварь». Этимъ шифромъ написаны: а) Письмо княгини Циціановой на имя Елены Медвѣдовой. б) Письмо, отобранное у Ольги Люботовичъ въ Тулѣ. в) Письмо, написанное Надеждой Субботиной въ Кіевѣ на имя Гельфманъ, въ которомъ требуется скорѣйшій прїѣздъ Рыжаго въ Москву, такъ какъ въ Москвѣ всѣ арестованы. 4. Шифромъ «Быстро рѣшающіе задачи»,—написаны записки, писанныя Чекоидзе и Вѣрою Люботовичъ къ Рыжему, во время совмѣстнаго содержанія ихъ подѣ стражей въ тюрьмѣ, а также и записка, брошенная и затѣмъ изорванная Алексѣемъ Нуромскимъ. 5. Обвиняемая Надежда Георгіевская желала передать своему брату записку, написанную по шифру: «Неумѣстно безпощадно грубиянствуй». 6. Шифръ: «Южный цвѣтушій лѣсъ» употреблялся для сношеній арестованныхъ лицъ съ новой администраціей. Этимъ шифромъ написаны найденныя въ квартирѣ Георгіевской и Введенской письма Гамкрелидзе и Здановича. 7. Посредствомъ седьмого шифра: «Привычки завсегда дѣлаются потребны» переписывались, содержась подѣ стражей, обвиняемые Батюшкова и Цвилевъ. 8. Обвиняемый Нуромскій покушался черезъ дежурнаго мушкетера передать записку, написанную восьмымъ шифромъ: «Рубятъ цвѣтушій южный лѣсъ». 9. Шифръ: «Бродяжникъ, грѣховодникъ», найденный у Здановича, писанъ рукою кн. Циціановой. Кромѣ того, найдено было у разныхъ лицъ еще семь шифровъ, но документовъ, ими записанныхъ, обнаружено не было. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что способъ употребленія шифровъ и написанія ими записокъ и писемъ былъ у всѣхъ обвиняемыхъ одинъ и тотъ же. Онъ состоялъ въ томъ, что составлялась табличка, раздѣленная продольными и, поперечными линиями на 9 или 10 клѣтокъ. Въ этихъ клѣткахъ расписывалась фраза, составляющая шифръ, такъ что въ каждую клѣтку приходилось по одной буквѣ. Каждый какъ продольный, такъ и поперечный рядъ клѣтокъ обозначался цифрой, такъ что каждая клѣтка, а слѣдовательно, и каждая находившаяся въ ней буква соответствовала двумъ цифрамъ: одной продольнаго ряда клѣтокъ, а другой—поперечнаго ряда. Такимъ образомъ, изъ перечисленныхъ шифровъ и документовъ, ими написанныхъ, видно, что обвиняемые употребляли сами или имъ предназначались письма, писанныя условными и притомъ однообразно употребляемыми шифрами, и это обстоятельство, какъ и было уже замѣчено выше, служить непосредственнымъ доказательствомъ принадлежности всѣхъ ихъ къ одному преступному сообществу. Все вышеизложенное, доказывая существованіе преступнаго сообщества и нахождение администраціи общинъ въ Москвѣ, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что послѣ ареста обвиняемыхъ въ Москвѣ, въ домѣ Корсакъ, преступная пропаганда перенесена была, главнымъ образомъ, изъ Москвы въ губерніи. По крайней мѣрѣ дознаніемъ не обнаружено, что въ самой Москвѣ члены сообщества дѣятельно занимались преступной пропагандой. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы члены сообщества, проживавшіе въ Москвѣ, оставались бы вполне бездѣятельны. Въ Москвѣ была сдѣлана попытка выслать на пропаганду свидѣтеля Корнюхина, и изъ Москвы же отправлены были книги преступнаго содержанія въ Саратовскую губернію. Въ этомъ отношеніи дознаніемъ обнаружены слѣдующія данныя: 1. Въ августѣ 1875 года въ жандармское управленіе явился крестьянинъ Андрей Степановъ Корнюхинъ и, представляя три книги преступнаго содержанія («Парижская Коммуна», «Сказка о четырехъ братьяхъ» и «Хитрая механика»), заявилъ, что 5 августа къ нему приходилъ нѣкто Григорій Сбромірскій вмѣстѣ съ крестьяниномъ Николаемъ Федоровымъ. Сбромірскаго Корнюхинъ зналъ ранѣе, такъ какъ братъ

Корнюхина жилъ работникомъ въ переплетной мастерской Сбромірскаго. Среди разгово́ра о жалованіи и заработкахъ Сбромірскаго обща́ль Корнюхину номѣстить его куда-то на должность слесаря съ жалованіемъ въ 25 р. въ мѣсяцъ и велѣлъ притти за этимъ къ с. бѣ на квартиру. 15 августа Корнюхинъ пришелъ къ Сбромірскому и засталъ у него того же Николая Феодорова. Отсюда втроемъ они отправились на лугъ близъ Смоленскаго вокзала, куда вслѣдъ за ними пришли Иванъ Васильевъ Бариновъ и Михаилъ Овчинниковъ. Здѣсь всѣ четверо стали уговаривать Корнюхина ѣхать въ Орель или Тулу для того, чтобы поступить на фабрику и распространять среди рабочихъ книги преступнаго содержанія, за что обща́ли Корнюхину 25 р. жалованья въ мѣсяцъ. Видя нерѣшительность Корнюхина, Овчинниковъ доказывалъ ему, что бояться нечего, что въ случаѣ бѣды товарищи его предупредятъ, выручатъ, и у нихъ всегда можно скрыться, причемъ приводилъ въ примѣръ себя и рассказывалъ о задержаніи его въ гостиницѣ «Украина» вмѣстѣ съ Субботиной. Когда Корнюхинъ согласился, то ему тутъ же переданы были представленныя имъ книги и на другой день велѣно явиться въ трактиръ близъ Сухаревой башни для полученія сапогъ, денегъ на дорогу и паспорта. Корнюхинъ долженъ былъ вслѣдъ за тѣмъ отправиться въ Тулу. На другой день въ указанномъ Корнюхинымъ трактирѣ были задержаны Сбромірскаго, Бариновъ, Овчинниковъ и Феодоровъ, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что самъ Корнюхинъ немедленно послѣ его заявленія и до ареста означенныхъ лицъ былъ задержанъ въ жандармскомъ управленіи. Заявленіе Корнюхина нашло подтвержденіе, кромѣ ареста означенныхъ лицъ, въ томъ, что по показанію свидѣтеля Голубкина, у котораго живетъ братъ Корнюхина, Сбромірскаго приходилъ разузнавать адресъ Андрея Корнюхина, а вслѣдъ за тѣмъ этотъ послѣдній говорилъ свидѣтелю, что Овчинниковъ, Сбромірскаго и Бариновъ посылаютъ его на пропаганду въ Тулу, а по показанію свидѣтеля Макарова въ тотъ день, о которомъ говоритъ Корнюхинъ, какой-то молодой человѣкъ заходилъ за Корнюхинымъ и увелъ его куда-то съ собой. Изъ числа арестованныхъ въ трактирѣ лицъ, Николай Феодоровъ оказался крестяниномъ Иваномъ Тимофеевымъ Смирновымъ, нынѣ уже сосланнымъ по другому дѣлу. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Сбромірскаго, не отвергая того, что онъ былъ у Корнюхина, а затѣмъ со всѣми остальными на лугу у Смоленскаго вокзала, въ разговорѣ Корнюхина на пропаганду не сознался и утверждалъ, что разговоръ былъ самый обыкновенный и книгъ Корнюхину никто не передавалъ. Овчинниковъ и Бариновъ съ своей стороны, не сознаваясь въ разговорѣ Корнюхина, утверждали, что на лугу они не были и свое присутствіе въ трактирѣ у Сухаревой башни объяснили простой случайностью. Между тѣмъ, связь этихъ лицъ съ остальными пропагандистами доказывается, во-первыхъ, участіемъ въ разговорѣ Корнюхина, Овчинникова и Баринова, несомнѣнныхъ членовъ преступнаго сообщества, и запиской, написанной Смирновымъ во время содержанія его подъ стражей. Записка эта заключаетъ въ себѣ слѣдующія фразы, обращенныя къ арестантамъ: «Желалъ бы знать, что дѣлается на волѣ, есть ли кто изъ нашихъ, нужно бы кое-что сообщить... конспирировать (по объясненію Смирнова, шифровать) не умѣю. Отвѣчайте также, но если нужно конспирируйте, навѣрное разберу». 2. 1-го августа 1875 г. начальнику саратовскаго жандармскаго управления членами мѣстной полиціи было дано знать, что у нѣкоторыхъ бывшихъ воспитанниковъ саратовской духовной семинаріи есть книги преступнаго содержанія. По произведеннымъ обыскамъ, дѣйствительно, у Дмитрія Соколова и у Александра Иванова были найдены: «Сказка о копейкѣ», «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Пугачевъ», «Что-то братцы» и др. Показаніями, какъ Соколова и Иванова, такъ и другихъ свидѣтелей, вполне доказано, что книги

получены ими изъ квартиры коллежскаго регистратора Павла Трубецкаго при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ половинѣ іюля мѣсяца въ г. Саратовѣ, въ квартиру Павла Трубецкаго пріѣхалъ сельскій учитель Александръ Виноградовъ и привезъ тукъ съ книгами, прося передать книги брату Трубецкаго, Александру Трубецкому. Разсмотрѣвъ книги и увидавъ, что эти книги запрещенныя, Павелъ Трубецкой велѣлъ сестрѣ своей сжечь ихъ, но оказалось, что сестра, Марья Трубецкая, и свояченица Елизавета Потапова не сожгли книгъ, а вечеромъ въ тотъ же день рассказали Иванову, Сушкову и Николаю Трубецкому о томъ, что у нихъ есть запрещенныя книги. Въ тотъ же вечеръ названныя выше лица, заинтересовавшись тѣмъ, что книги запрещенныя, пришли къ Трубецкому въ домъ и разобрали книги. Часть книгъ Ивановъ взялъ себѣ; то, что осталось, Павелъ Трубецкой на другой день сжегъ. Сельскій учитель Виноградовъ, подтверждая вполнѣ ссылку на него Павла Трубецкаго, объяснилъ, что лѣтомъ 1875 г. въ село Алмазовъ-Яръ, гдѣ онъ, Виноградовъ, служитъ сельскимъ учителемъ, пріѣхалъ изъ Москвы сынъ мѣстнаго священника Александръ Бѣляевскій, котораго Виноградовъ зналъ еще по семинаріи, какъ своего товарища. Узнавъ въ іюль мѣсяцѣ, что Виноградовъ ѣдетъ въ Саратовъ, Бѣляевскій прислалъ къ нему на квартиру съ своимъ отцомъ, священникомъ Бѣляевскимъ, зашитыя въ холстъ книги и просилъ передать этотъ тукъ въ Саратовѣ Александру Трубецкому, а если его не застанетъ, то оставить у брата послѣдняго, Павла Трубецкаго. Виноградовъ, не зная, какія книги зашиты въ холстъ, исполнилъ порученіе Бѣляевскаго. Показаніе Виноградова подтвердилъ какъ свидѣтель Зубковскій, такъ отецъ и сынъ Бѣляевскіе. Вслѣдствіе такихъ показаній у Александра Бѣляевскаго былъ произведенъ обыскъ, по которому были найдены: «Сказка о копейкѣ», «Сборникъ пѣсенъ и стиховъ», «Государственность и Анархія», «Анархія по Прудону» и «Программа работниковъ» Лассалля. Привлеченный къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго бывшій студентъ Петровской Земледѣльческой Академіи, Александръ Петровъ Бѣляевскій, показалъ, что зимой 1874 и 1875 гг. въ Петровской Академіи между студентами появились запрещенныя книги: «Исторія французскаго крестьянина», «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Сборникъ пѣсенъ и стиховъ» и друг. По поводу этихъ книгъ онъ, Бѣляевскій, съ товарищемъ своимъ Александромъ Трубецкимъ рѣшили распространять подобныя книги въ народѣ. Эта рѣшимость укрѣпилась еще болѣе подъ вліяніемъ частнаго учителя Льва Иванова, съ которымъ Бѣляевскій познакомился у кого-то изъ товарищей въ Академіи. Левъ Ивановъ, часто посѣщая Бѣляевскаго и Трубецкаго, говорилъ, что онъ, Ивановъ, можетъ снабжать ихъ революціонными книгами. На этомъ основаніи Трубецкой, уѣзжая въ іюнь мѣсяцѣ на каникулы въ Саратовскую губернію, обратился къ Иванову съ просьбой дать ему книгъ, и получилъ отъ Иванова разныя запрещенныя книги: «Сказку о копейкѣ», «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Исторію французскаго крестьянина», «Сборникъ пѣсенъ и стиховъ» и др. Всѣ эти книги при Ивановѣ и Бѣляевскомъ были уложены въ чемоданъ Трубецкаго. Передъ отъѣздомъ самого Бѣляевскаго въ Саратовскую же губернію, Левъ Ивановъ просилъ Бѣляевскаго отвезти еще книгъ Трубецкому, на что Бѣляевскій и согласился. Въ условленное время Бѣляевскій для полученія книгъ сошелся съ Ивановымъ въ Москвѣ на Тверскомъ бульварѣ. Отсюда Ивановъ повелъ Бѣляевскаго на квартиру къ какой-то Батюшковой. Батюшкову они не застали дома и остались ее ожидать. Черезъ нѣсколько времени Батюшкова пришла и принесла съ собою завернутыя въ простыни книги, всего вѣсомъ около полпуда. Бѣляевскій, отнесъ книги къ себѣ домой, простыню, въ которой онѣ были завязаны, лично возвратилъ черезъ нѣсколько времени Батюшковой. Всѣ книги были запрещенныя, и онъ, по

пріѣздѣ въ Саратовскую губернію, отправилъ ихъ черезъ Виноградова къ Трубецкому. Бѣляевскій еще въ Саратовѣ указалъ квартиру Льва Иванова. Вслѣдствіе показанія Бѣляевского былъ произведенъ обыскъ въ домѣ матери Александра Трубецкого и среди книгъ, ему принадлежащихъ, были найдены: «Парижская коммуна» и «Сказка о четырехъ братьяхъ». Сынъ священника, бывшій студентъ Петровской Академіи Александръ Егоровъ Трубецкой, не признавая себя виновнымъ въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, не подтвердилъ показанія Бѣляевского, отъ знакомства съ Львомъ Ивановымъ отказался и объяснилъ, что найденныя у него книги преступнаго содержанія получены имъ отъ умершаго товарища по академіи Полякова. Для того, чтобы убѣдиться въ справедливости показаній Бѣляевского, ему при дазнаніи было предъявлено 28 фотографическихъ карточекъ, въ числѣ которыхъ находились карточки Иванова и Батюшковой. Бѣляевскій, не колеблясь, узналъ ихъ и отдѣлилъ отъ прочихъ карточекъ, а по предъявленіи ему Иванова и Батюшковой призналъ ихъ за тѣхъ, о которыхъ даны имъ показанія. Вслѣдъ за тѣмъ, Бѣляевскому предложено было указать въ Москвѣ квартиры Иванова и Батюшковой, и онъ безошибочно указалъ ихъ квартиры, что сверхъ того подтвердилось справками въ домовыхъ книгахъ. По произведеннымъ обыскамъ въ квартирѣ Льва Иванова ничего предосудительнаго не найдено, а у Батюшковой найдено нѣсколько книгъ, изъятыхъ изъ обращенія, и 9 номеровъ заграничнаго изданія «Впередъ». Кромѣ того, у Батюшковой отобрано: 1. рукопись—описание соціально-политической борьбы рабочихъ въ Германіи; 2. письмо, подписанное «твой отецъ капуцинъ», въ которомъ авторъ письма проситъ устроить фиктивный бракъ, и содержаніе котораго приведено уже ранѣе; 3. записки отъ имени Аркадасаго, личности скрывшейся отъ дознанія, произведеннаго генераль-лейтенантомъ Слезкинымъ подъ наблюденіемъ прокурора Саратовской Судебной Палаты; 4. письмо съ неразборчивою подписью, очевидно, касающееся распространенія книгъ преступнаго содержанія. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что «посылаю въ Москву кое-что изъ книгъ, но не знаю, какое количество тутъ необходимо, а потому коли у барышень, которымъ я ихъ послалъ, будетъ недостаточно, то сообщите. Передайте барышнямъ, что недостающее количество № 3-хъ я перешлю со скоро имѣющейся быть оказіей». Всѣ перечисленные документы были вынуты находившимся при обыскѣ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ изъ приемника отхожаго мѣста, куда таковыя были брошены тайкомъ Батюшковой, часть этихъ бумагъ была вырвана Батюшковой изъ рукъ жандарма и засунута ею себѣ въ ротъ съ цѣлью ихъ проглотить, но бумаги были у нея отобраны. Во время обыска въ квартирѣ Батюшковой были задержаны обвиняемый Николай Федоровъ Цвилленевъ, о которомъ сказано выше, дворянинъ Николай Аносовъ, проживавшій въ Москвѣ подъ именемъ и по виду отставнаго губернскаго секретаря Захарова. Аносовъ предается суду по дознанію, произведенному генераль-лейтенантомъ Слезкинымъ. Въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у Батюшковой, найдены были двѣ четвертушки бумаги съ разными адресами въ Тулѣ, Вологдѣ, Вологодской губерніи, Москвѣ, Иркутскѣ, Уральскѣ, Вяткѣ, Саратовской губерніи, Терской области, Курской губерніи, Кіевѣ, Рязани, Смоленскѣ и Вильнѣ. Всѣ эти адреса принадлежатъ, очевидно, тѣмъ лицамъ, черезъ посредство которыхъ ведутся сношенія по преступной пропагандѣ. Въ этомъ убѣждаетъ, во-первыхъ, отказъ Батюшковой отъ знакомства съ этими лицами; во-вторыхъ, нежеланіе ея объяснить, откуда получены ею адреса; и, въ третьихъ, самые адреса. Такъ, найдены адреса Окушко и Андреевскаго въ Вильнѣ. По справкамъ оказалось, что оба лица привлечены по обвиненію въ преступной пропагандѣ въ Виленской губерніи; адреса Блинова, Щуравина,

Грачева—суть адреса лицъ, обвиняемыхъ по политическому дознанію, производящемуся въ Вятской губерніи. Дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Варвара Батюшкова и оставшій штабсъ-капитанъ Левъ Ивановъ, несмотря на собранныя противъ нихъ улики, не признали себя виновными ни въ принадлежности къ преступному сообществу ни въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, причемъ они отказались отъ взаимнаго между собою знакомства, а равно и отъ знакомства съ Бѣляевскимъ. Между тѣмъ, знакомство Батюшковой съ Ивановымъ вполне доказано показаніемъ квартирной хозяйки, у которой жилъ Ивановъ, мѣщанки Домасюкъ. По предъявленіи фотографической карточки Батюшковой въ числѣ другихъ карточекъ, Домасюкъ признала въ ней особу, посѣщавшую Иванова. Домасюкъ подтвердила свое показаніе и по предъявленіи ей самой Батюшковой. Содержась подъ стражей въ Москвѣ въ Сущевской части, Батюшкова передала бывшему жандармскому унтеръ-офицеру Буланову шифрованныя письма для передачи обвиняемому Цвиленеву. Въ этихъ письмахъ Батюшкова сообщаетъ Цвиленеву и спрашиваетъ его совѣта о томъ, какъ ей отдѣлаться отъ показанія Бѣляевского. Предлагая свой планъ, она говоритъ: «Я отъ этого ничего не жду, а все какъ будто надо попутать». Затѣмъ Батюшкова сообщаетъ Цвиленеву свѣдѣнія о Чекоидзе, Джабадари, Петрѣ Алексѣевѣ, Георгіевскомъ, Введенской и Ольгѣ, какъ о лицахъ, извѣстныхъ Цвиленеву, причемъ къ имени Ольги не присоединяетъ даже фамиліи Любатовичъ. При этомъ Батюшкова выражаетъ свое безпокойство о чемоданѣ Цвиленева. (Въ его чемоданѣ, въ квартирѣ администраціи, были найдены различныя бумаги, указанныя ранѣе сего). Она пишетъ: «А какъ меня мучилъ вашъ чемоданъ, все казалось—я во всемъ виновата». Бывшій унтеръ-офицеръ Булановъ, приговоренный въ настоящее время къ арестантскимъ ротамъ за содѣйствіе арестантамъ въ ихъ тайныхъ между собою сношеніяхъ, подтвердилъ, что приведенныя выше письма написаны и переданы ему Батюшковой, а письма эти служатъ непосредственнымъ доказательствомъ принадлежности какъ Батюшковой, такъ и Цвиленева къ тому преступному сообществу, о которомъ произведено настоящее дознаніе.

* * *

Независимо отъ обстоятельствъ дѣла вышеизложенныхъ, дочь коллежскаго ассесора Ольга Спиридонова Любатовичъ привлечена къ отвѣтственности за то, что лѣтомъ 1872 г. при возвращеніи изъ за-границы тайно провезла въ Москву и Петербургъ письма отъ различныхъ лицъ, проживавшихъ за-границей, въ чемъ сама Ольга Любатовичъ признала себя виновною и уличается показаніями свидѣтельницъ Бурениной и Александровой.

* * *

По тщательному разсмотрѣнію и соображенію всѣхъ обстоятельствъ дѣла оказывается, что произведенныя дознанія, начавшіяся весной 1875 года въ Москвѣ, а затѣмъ послѣдовательно производившіяся въ 1875 и 1876 гг. во Владимірской, Саратовской губерніяхъ и городахъ: Тулѣ, Кіевѣ и Одессѣ, обнаружили несомнѣнное существованіе тайнаго организованнаго общества, задавашагося цѣлью ниспроверженія существующаго порядка управленія и водворенія анархическихъ началъ въ русскомъ обществѣ. Это общество состояло первоначально изъ одного кружка лицъ и существовало въ Москвѣ. Создалось оно подъ руководствомъ и непосредственнымъ вліяніемъ лицъ, оставившихъ Россію, переселившихся за-границу, преимущественно въ Швейцарію и возвратившихся обратно въ отечество съ един-

ственною цѣлью заняться пропагандой революціонныхъ идей среди рабочаго класса имперіи. Таковы обвиняемые: Здановичъ, Кардашевъ, Чекоидзе, Джабадари, князь Циціановъ, Бардина, Фигнеръ, Топоркова, Александрова и сестры Субботины. Испуганные дознаніемъ, возникшимъ въ мартѣ 1875 г., причемъ многіе изъ названныхъ лицъ были арестованы, оставшіеся на свободѣ члены сообщества перенесли свою практическую дѣятельность въ губерніи, разбитыя на отдѣльные кружки, называемые въ программѣ «общинами», и основали въ Москвѣ центральное управленіе общинами подъ именемъ администраціи. Обнѣренное дознаніемъ преступное сообщество имѣло свой уставъ, точно исполняемый въ мѣхъ отдѣльными членами, и кассу, имѣвшую въ своемъ распоряженіи капиталъ почти въ десять тысячъ рублей. Отдѣльныя общины образовались преимущественно въ большихъ городахъ: Кіевѣ, Тулѣ, Одессѣ, Иваново-Вознесенскѣ, гдѣ имѣются фабрики и заводы съ значительнымъ количествомъ рабочихъ и мастеровыхъ. Эти отдѣльныя общины имѣли назначеніе вести непосредственно дѣло пропаганды революціонныхъ идей, общая же связь между общинами и сношеніе съ другими революціонными общинами поддерживались управленіемъ, «администраціей» преступнаго сообщества. Преступная пропаганда—«работа», какъ говорятъ обвиняемые,—лежала, главнымъ образомъ, на членахъ общинъ, именуемыхъ «рабочими». Члены общины, исполнявшіе обязанности рабочихъ, занимались на фабрики, заводы и въ мастерскія подъ видомъ простолудиновъ и, стараясь не отличаться ни по наружности ни по образу жизни, костюму и привычкамъ отъ другихъ рабочихъ, входили въ сношеніе съ послѣдними, заводили съ ними знакомство, старались узнавать образъ мыслей, понятія и убѣжденія каждаго отдѣльнаго лица. Затѣмъ, сообразно особенностямъ и индивидуальнымъ способностямъ того или другаго фабричнаго или мастерового, начинали дѣйствовать въ смыслѣ революціонной. заводя прежде всего рѣчь о трудности жизни рабочаго, о недостаточной оплатѣ его труда, эксплуатаціи его со стороны фабрикантовъ и о возможности улучшенія положенія рабочихъ. Заинтересовавъ слушателей съ этой стороны, пропагандисты переходили къ указанію средствъ, которыми можно, по ихъ мнѣнію, достигнуть улучшенія быта рабочихъ. При этомъ рабочимъ толковалось, что земля принадлежитъ простому классу народа и должна быть раздѣлена между всѣми поровну, что фабричный трудъ долженъ приносить пользу только однимъ рабочимъ и что для этого необходимо уничтожить власти, помѣщиковъ, кушцовъ, фабрикантовъ и всѣхъ зажиточныхъ крестьянъ. Объясненіе подобнаго рода оканчивалось прямымъ воззваніемъ къ уничтоженію существующаго порядка путемъ вооруженнаго возстанія всей массы народа противъ правительства и царя. Словесная пропаганда революціонныхъ идей поддерживалась книжками преступнаго содержанія, которыя въ значительномъ количествѣ раздавались рабочимъ, читались и толковались имъ пропагандистами въ вышеуказанномъ направленіи. Обязанности «администраціи», ясно очерченныя въ программѣ революціонной дѣятельности, приложенной къ дознанію, выполнялись членами, входившими въ ея составъ, вполне согласно съ этой программой, и заключались въ снабженіи пропагандистовъ всѣмъ необходимымъ: адресами, книгами, деньгами, бѣльемъ, бѣдой, фальшивыми паспортами, въ устройствѣ квартиръ, въ передвиженіи членовъ, «рабочихъ», изъ одной мѣстности въ другую, въ сношеніяхъ и организаціи побѣговъ арестованныхъ членовъ общества. Хотя преступная дѣятельность членовъ сообщества и не была успѣшна, хотя повсемѣстно, при первыхъ же попыткахъ дать болѣе широкое развитіе пропагандѣ революціонныхъ идей и книгъ, обвиняемые встречались съ полнымъ несочувствіемъ рабочаго класса народа къ идеямъ, ими пропагандируемымъ, несочувствіемъ, кончавшимся обыкновенно тѣмъ, что

сами рабочіе выдавали полиціи пропагандистовъ,—тѣмъ не менѣе, имъ удалось сбить съ пути нѣсколькихъ весьма немногихъ рабочихъ и лицъ, принадлежащихъ къ одному съ ними сословію. Часть изъ этихъ лицъ примкнула къ пропагандистамъ и присоединилась къ преступному сообществу, сдѣлавшись членами сообщества. Другая часть, не вступая въ сообщество въ качествѣ членовъ, но пользуясь книгами отъ обвиняемыхъ первой группы, старалась распространять эти книги среди простого народа. На основаніи вышеизложеннаго, всѣ обвиняемые по настоящему дѣлу, согласно съ падающимъ на каждого изъ нихъ обвиненіемъ, распредѣляются на слѣдующія группы: 1. Дворянинъ Тифлисскаго губерніи, Иванъ Спиридоновъ Джабадари, 22 лѣтъ; дворянинъ Михаилъ Чекоидзе, 24 лѣтъ; сынъ штабсъ-капитана Георгій Феликсовъ Здановичъ, 26 лѣтъ; отставной коллежскій регистраторъ Степанъ Мартыновъ Кардашевъ, 25 лѣтъ; сынъ священника Василій Григорьевъ Георгіевскій, 25 лѣтъ; бывший студентъ С.-Петербургскаго Технологическаго Института, Александръ Осиповъ Лукашевичъ, 22 лѣтъ; крестьянинъ Московской губ., Дмитровскаго уѣзда, деревни Высокой, Николай Васильевъ, 30 лѣтъ; дворянка Софья Илларионова Бардина, 22 лѣтъ; дворянка Лидія Николаева Фигнеръ, 21-го года; потомственная почетная гражданка Варвара Иванова Александрова, 22 лѣтъ; именующая себя княгиней Циціановой, жена дворянина Александра Сергѣева Кикодзе, рожденная Хоржевская, 23 лѣтъ; дочери коллежскаго ассесора Ольга Спиридонова, 24 лѣтъ, и Вѣра Спиридонова Любатовичъ, 21 года; крестьянинъ Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, д. До́риной, Иванъ Васильевъ Бариновъ; московскій мѣщанинъ Семень Ивановъ Агаповъ; крестьянинъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, д. Новинской, Петръ Алексѣевъ, 26 лѣтъ; крестьянинъ той же губе; ни, уѣзда и деревни Пафнутій Николаевъ, 29 лѣтъ; крестьянинъ Смоленской губерніи, Гжатскаго уѣзда, д. Сычихи, Филать Егоровъ, 23 лѣтъ; сынъ статскаго совѣтника Владиміръ Петровъ Александровъ, 20 лѣтъ; московская цеховая Анна Григорьева Топоркова, 21 года; жена дворянина Екатерина Петрова Гамкрелидзе, 21 года, рожденная Туманова; бывший воспитанникъ Технологическаго Института, Иванъ Андреевъ Злобинъ, 25 лѣтъ; крестьянинъ Рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда, Иванъ Семеновъ Фетисовъ, 24 лѣтъ; дворянинъ Григорій Петровъ Сидорацкій, 18 лѣтъ; крестьянинъ Владимірской губ., Суздальскаго уѣзда, села Жадинскаго, Иванъ Ивановъ Едуковъ, 24 лѣтъ; крестьянинъ той же деревни Николай Ивановъ Едуковъ, 25 лѣтъ, солдатскій сынъ Василій Онуфриевъ Ковалевъ, 21 года; тульскій мѣщанинъ Иванъ Александровъ Кураковъ, 36-ти лѣтъ, отставной подпоручикъ Михаилъ Федоровъ Воронковъ, 25 лѣтъ; дворянинъ Мартынъ Александровъ Млодецкій, 23 лѣтъ; техническій мастеръ 1 разряда кievскаго артиллерійскаго полигона Григорій Александровъ Александровъ, 23 лѣтъ; мозырская мѣщанка Геся Миронова Гельфманъ, 22 лѣтъ; крестьянинъ Кіевской губерніи Петръ Акимовъ Островъ, 31 года; дворянинъ Антимось Евдовъ Гамкрелидзе, 23-хъ лѣтъ; князь Александръ Циціановъ, 25 лѣтъ; дворянинъ Николай Ѳедоровъ Цвиленева, 23 лѣтъ; дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Варвара Николаева Батюшкова, 25 лѣтъ; дочери штабсъ-капитана Надежда Дмитріева Субботина, 20 лѣтъ, Евгенія Дмитріева Субботина и Марья Дмитріева Субботина, 21 года; дочь титулярнаго совѣтника Елена Петрова Мѣдведева, 25 лѣтъ; дочь священника Надежда Григорьева Георгіевская, 18 лѣтъ; дочь священника Екатерина Александрова Введенская, 20 лѣтъ; студентъ С.-Петербургскаго Университета, Алексѣй Ивановъ Нуромскій, 21 года, и сынъ священника Михаилъ Павловъ Овчинни-

ковъ обвиняются въ томъ, что составили и принимали участіе въ противозаконномъ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ отд. 2 ст. 250 улож. о наказ. 2. Сверхъ того, подсудимые Джабадари, Чекоидзе, Здановичъ, Кардашевъ, Лукашевичъ, Васильевъ, Бардина, Фигнеръ, Александрова, Кикодзе (княгиня Циціанова-Хоржевская), Ольга и Вѣра Любатовичъ, Бариновъ, Агаповъ, Алексѣевъ, Николаевъ, Егоровъ, Александровъ, Топоркова, Екатерина Гамкрелидзе, Фетисовъ, Ковалевъ, Сидорацкій, Воронковъ, Млодецкій, Александровъ, Антимось Гамкрелидзе, князь Циціановъ, Цвилленевъ, Батюшкова, Надежда Субботина и Овчинниковъ—обвиняются въ распространеніи печатныхъ сочиненій, имѣвшихъ цѣлью возбудить къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной—въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 251 улож. о наказ. 3. Въ томъ же преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 251 улож. о наказ., обвиняются и тѣ лица, которыя, не принадлежа къ составу преступнаго сообщества, тѣмъ не менѣе получили отъ членовъ того сообщества и распространяли книги, имѣвшія цѣлью возбужденіе къ явному неповиновенію Власти Верховной. Таковы: студентъ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, Иванъ Рождественскій, 30 лѣтъ; отставной штабсъ-капитанъ артиллеріи Левъ Андреевъ Ивановъ; потомственный почетный гражданинъ Григорій Алексѣевъ Сбромірскій, 27 лѣтъ; бывшіе студенты петровской земледѣльческой академіи, Александръ Петровъ Бѣляевскій, 20 лѣтъ, и Александръ Егоровъ Трубецкой, 19 лѣтъ. 4. Независимо отъ вышеизложеннаго, обвиняемые князь Александръ Циціановъ и дочь коллежскаго ассесора Вѣра Любатовичъ обвиняются въ томъ, что во время обыска въ квартирѣ дворянина Гамкрелидзе съ цѣлью лишить жизни прапорщика Ловягина и помощника квартальнаго надзирателя Ѳедорова, первый изъ нихъ сдѣлалъ по Ловягину два выстрѣла изъ револьвера, а вторая душила руками Ѳедорова, но намѣренія своего привести въ исполненіе не успѣли, такъ какъ князь Циціановъ промахнулся, а Вѣра Любатовичъ была удержана бывшими при обыскѣ свидѣтелями. Преступныя дѣянія, въ совершеніи которыхъ обвиняются князь Циціановъ и Вѣра Любатовичъ, предусмотрѣны ст. 114 и 1455 улож. о наказ. 5. Наконецъ, дочь коллежскаго ассесора Ольга Любатовичъ обвиняется въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 1126 улож. о наказ. А потому всѣ вышеозначенные обвиняемые, согласно § 2 закона 7 іюня 1872 г., предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, учрежденнаго для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Составленъ въ С.-Петербургѣ. Ноября 30 дня 1876 г. Подлинный подписалъ исправляющій должность Товарища Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената Жуковъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: И. Д. Оберъ-Секретаря Б. Поповъ.

* * *

На вопросъ первоприсутствующаго, признаютъ ли подсудимые себя виновными въ составленіи и участіи въ противозаконномъ сообществѣ, всѣ 45 обвиняемыхъ въ этомъ преступленіи отвѣчали отрицательно, причемъ сдѣлали заявленія: Подс. Бариновъ. Прошу покорнѣйше считать мое показаніе неправильнымъ. Подс. Ковалевъ. Мои доказатель тва есть ложь. Я объявляю это раньше. Подс. Островъ. Я въ одномъ виноватъ—что безъ вѣдома уѣхалъ изъ Кіева, а въ остальномъ ни въ чемъ не виноватъ. На

вопросъ о виновности въ распространеніи преступныхъ сочиненій полсудимые отвѣчали: Подс. Здановичъ. Не признаю. Подс. Циціановъ (князь). Признаю, что держалъ у себя книги и выдавалъ рабочимъ. Подс. Любатовичъ (Вѣра), Цвилленевъ, Гамкрелидзе (Антимось) и Фигнеръ. Не признаю. Подс. Чекоидзе. Я только одну книжку переслалъ товарищу Подс. Александрова (Варвара). Цѣль моей поѣздки въ Иваново-Вознесенскъ была вести пропаганду. Насколько же сдѣлано на практикѣ, это будетъ видно изъ показанія свидѣтелей. Подс. Кардашевъ, на вопросъ о виновности въ томъ, что, храня денежныя суммы, принадлежашія противозаконному сообществу, расходовалъ ихъ на покупку и привозъ изъ-за границы книгъ, возбуждъ ющихъ къ бунту, зная, что онѣ распространяются между членами общества, къ которому онъ принадлежалъ, заявилъ, что не признаетъ себя виновнымъ. На вопросъ о виновности въ передачѣ преступныхъ сочиненій разнымъ лицамъ, въ видахъ распространенія и возбужденія рабочаго населенія къ бунту и въ чтеніи этихъ книгъ рабочимъ, подсудимые отвѣчали: Подс. Джабадари. Не признаю себя виновнымъ, потому что показаній рабочихъ объ этомъ нѣтъ. Подс. Егоровъ. Не признаю себя виновнымъ, но признаю, что давалъ книжки. Я не признаю ихъ преступными. Подс. Алексѣевъ. На предположеніе составителя обвинительнаго акта и на ваше я не желаю давать никакихъ отвѣтовъ. Первоприсутствующій. Вы могли сказать просто, что не признаете себя виновнымъ. Подс. Николаевъ. Не признаю. Подс. Любатовичъ (Ольга). Нѣтъ, не признаю. Подс. Бардина. По поводу своей дѣятельности никакихъ объясненій давать не желаю. Подс. Васильевъ. Никогда не передавалъ. Подс. Бариновъ. Не признаю. Книжку далъ, но виновнымъ себя не признаю. Подс. Александровъ (Владиміръ). Я не отрицаю того, что распространялъ революціонныя идѣи, но никакихъ показаній относительно своей дѣятельности давать не желаю. Подс. Агаповъ. Книжки распространялъ, но виновнымъ себя не признаю. Подс. Топоркова. Жарковскому книгъ никогда не дала. Подс. Ковалевъ (на вопросъ, признъ-етъ ли себя виновнымъ въ томъ, что передалъ тремъ неизвѣстнымъ сапожникамъ одинъ экземпляръ «Сказки о четырехъ братьяхъ»). Признаю себя виновнымъ въ томъ, что получилъ отъ неизвѣстнаго человѣка книжки и показывалъ сапожникамъ и спрашивалъ ихъ, какія это книги. Они сказали—противоправительственныя. Я понесъ въ часть. Я получилъ ихъ отъ неизвѣстнаго человѣка съ фальшивымъ паспортомъ. Я не признаю, чтобы на какъ-нибудь лицо доносилъ. Я былъ обезпеченъ 12.000 награды; меня поили виномъ. Больше я не признаю себя виновнымъ ни въ чемъ. Подс. Фетисовъ, Александровъ (Григорій), Воронковъ, Ивановъ, Субботина (Надежда) и Хоржевская (Циціанова). Нѣтъ, не признаю. Подс. Млодеукиі. Нѣтъ, не признаю. Это обвиненіе могло явиться только благодаря крайнему пристрастію прокуратуры. Подс. Батюшкова не признала факта передачи книгъ Бѣляевскому. Подс. Бѣляевскій заявилъ, что передалъ книги Трубецкому, а получилъ ихъ отъ неизвѣстнаго. Под. Трубецкой на вопросъ, признаетъ ли себя виновнымъ въ томъ, что, получивъ отъ Ивана книги, распространялъ ихъ среди рабочаго населенія Саратовской губерніи, отвѣтилъ нѣтъ. Подс. Овчинниковъ и Сбромірскій, на вопросъ о передачѣ разныхъ книгъ съ цѣлью возбудить къ бунту Корнюхина, отвѣчили, что не признаютъ себя виновными. Подс. Рождественскій, на вопросъ о передачѣ рабочимъ книжекъ, отвѣтилъ: признаю, что передавалъ книги, но незапрещенныя. Подс. Циціановъ (князь), на вопросъ, признаетъ ли себя виновнымъ въ томъ, что во время обыска, съ цѣлью лишить жизни Ловягина, сдѣлалъ на него два выстрѣла изъ револьвера, но не совершилъ убійства, потому что не попалъ, отвѣтилъ: выстрѣлы были сдѣланы, но лич-

ностью Ловягина я вовсе не занимался. Умысла убить его не имѣлъ, но извѣстныя обстоятельства вызвали меня на выстрѣлы. Въ обвинительномъ актѣ очень эластично выражено, что я будто бы показалъ, что имѣлъ цѣлью убить. Я вовсе не такъ показалъ. На вопросъ, съ какою цѣлью стрѣлялъ, я сказалъ: съ какой обыкновенно стрѣляютъ, чтобы попасть въ цѣль. Но я предумышленной цѣли не имѣлъ. Первоприсутствующій. Подсудимая Вѣра Любатовичъ, вы обвиняетесь въ томъ, что во время обиска въ квартирѣ Гамкрелидзе, когда Циціановъ выстрѣлилъ изъ револьвера, вы бросились на Ѳедорова, схватили его за горло и стали душить съ цѣю лишить жизни. Признаете ли вы себя въ этомъ виновною?—Подс. Любатовичъ (смѣется, смѣются и другіе подсудимые). Нѣтъ, не признаю. Первоприсутствующій. Прошу не смѣяться и вести себя на судѣ прилично. Подс. Любатовичъ. Я его вовсе не хотѣла душить. А когда пять человѣкъ бросились на Циціанова и могли его убить, я бросилась, чтобы его не задушили. Подс. Любатовичъ (Ольга) на вопросъ о виновности въ томъ, что лѣтомъ 1872 г. тайно провозила книги въ Россію, отвѣтила: это было такъ давно, что я забыла. Дѣйствительно, были письма, которыя я возила за границу, а провозила ли въ Россію—не помню. Подс. Алексѣевъ. Я прошу слова. Я хочу сдѣлать замѣтки противъ обвинительнаго акта. Первоприсутствующій Вы это можете сдѣлать во время судебного слѣдствія. Подс. Чекоидзе. Я прошу прочесть письмо. Я не знаю, въ чемъ меня обвиняютъ. Первоприсутствующій. Вы можете все это разъяснить на судебномъ слѣдствіи, когда будутъ представлены доказательства за и противъ васъ. Подс. Ковалевъ. Я не нахожу возможнымъ, чтобы меня включили въ число этихъ лицъ. Я глупъ, а они не настолько глупы, чтобы со мною знакомиться. Я платилъ оброкъ и находился на работѣ. Довольно будетъ, что я просидѣлъ полтора года въ одиночномъ заключеніи... Первоприсутствующій. Остановитесь. Вы будете имѣть время на судебномъ слѣдствіи сдѣлать свои заявленія. Въ виду многосложности настоящаго дѣла, а также большаго числа подсудимыхъ и того, что нѣкоторые обстоятельства не касаются всѣхъ обвиняемыхъ, особое присутствіе признано возможнымъ и удобнымъ произвести судебное слѣдствіе по отдѣльнымъ дознаніямъ, вслѣдствіе чего опредѣлило раздѣлить подсудимыхъ на слѣдующія группы: во-1-хъ, по дознанію въ злоумышленномъ распространеніи преступныхъ книгъ между рабочими на московскихъ фабрикахъ отнесены слѣдующіе подсудимые (перечислены 17 человѣкъ); во-2-хъ, по дознаніямъ, произведеннымъ въ Иваново-Вознесенскѣ, отнесены (перечислены 11 человѣкъ); въ-3-хъ, по дознаніямъ, произведеннымъ въ Тулѣ и Кіевѣ, отнесены (перечислены 17 человѣкъ); наконецъ, къ 4-му отдѣлу отнесены (перечислены 27 человѣкъ). Защитники и подсудимые заявили ходатайство о дозволении всѣмъ подсудимымъ присутствовать во все время судебного слѣдствія, причемъ защитники просили дать имъ время совѣщаться между собою по этому предмету. Подсудимые сдѣлали при этомъ множество заявленій и нѣкоторые въ такой рѣзкой формѣ, что первоприсутствующій сдѣлалъ нѣсколькимъ замѣчанія и заявилъ, что тѣ, которые еще разъ позволяютъ себѣ что-либо подобное, будутъ удалены изъ залы засѣданія. Затѣмъ были опрошены и приведены къ присягѣ свидѣтели, послѣ чего сдѣланъ перерывъ для совѣщанія защитниковъ. По возобновленіи засѣданія, присяжный повѣренный Герардъ заявилъ слѣдующее: 1. На основаніи 613 ст. уст. угол. суд., предсѣдатель суда можетъ распорядиться, чтобы судебное слѣдствіе производилось въ отношеніи къ одному, а потомъ въ отношеніи къ другому изъ обвиняемыхъ въ совмѣстномъ совершеніи преступления; но онъ не вправѣ устранять никого изъ нихъ отъ предъявленія замѣчаній по существу всего дѣла; что въ силу этой статьи закона под-

судимый, приобщенный по одному обвинительному акту къ другимъ подсудимымъ, не можетъ быть отстраненъ отъ права дѣлать замѣчанія относительно всего того, что происходитъ на судѣ; что въ этомъ отношеніи законъ не только негдѣ не стѣсняетъ подсудимаго, но, напротивъ того, это его право подтверждается статьею 630 и указомъ, что отстраненіе подсудимаго отъ присутствованія при какомъ-либо дѣйствіи на судѣ можетъ послѣдовать единственно въ случаяхъ, указанныхъ въ 729 ст. уст. угол. суд., но и въ этихъ случаяхъ, въ силу этой статьи, по возвращеніи его въ залу засѣданія, предсѣдатель суда долженъ сообщить ему съ точностью все, что происходило въ его отсутствіе; что такой порядокъ значительно затруднилъ бы ходъ судебного слѣдствія, вмѣсто того, чтобы облегчить его, а потому мы находимъ, что въ силу закона за каждымъ подсудимымъ должно быть признано право присутствовать въ залѣ засѣданія въ теченіе всего судебного слѣдствія, хотя бы допрашиваемые свидѣтели не касались его непосредственно въ дѣлѣ участія. 2. По примѣненію къ настоящему дѣлу необходимость эта ощущается еще сильнѣе, ибо изъ шестидесяти подсудимыхъ сорокъ пять обвиняются въ составленіи одного противозаконнаго сообщества, и, слѣдовательно, всякій вопросъ, касающійся участія одного подсудимаго въ этомъ сообществѣ и самаго характера этого сообщества, не можетъ не имѣть значенія для судьбы и остальныхъ подсудимыхъ. 3. Каждый изъ насъ, защитниковъ, считаетъ для себя обязательнымъ пользоваться указаніями подсудимыхъ, болѣе близко знакомыхъ со всѣми подробностями дѣла. Имѣя это въ виду, мы просимъ Правительствующій Сенатъ предоставить всѣмъ подсудимымъ право присутствовать при судебномъ слѣдствіи, при разсмотрѣніи и тѣхъ отдѣловъ, въ которые они не включены по предположенію особаго присутствія Сената. Независимо отъ этого, защитники просили допустить во всякомъ случаѣ нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, не имѣющихъ защитниковъ или заинтересованныхъ въ тѣхъ отдѣлахъ, изъ которыхъ они исключены. Выслушавъ всѣ эти заявленія, особое присутствіе удалилось для совѣщанія, послѣ котораго первоприсутствующій объявилъ: «Особое присутствіе, оставаясь при томъ постановленіи, что судебное слѣдствіе должно производиться по группамъ, приняло во вниманіе ходатайство защиты, и вслѣдствіе этого разрѣшило оставаться всѣмъ подсудимымъ при производствѣ слѣдствія по отдѣльнымъ группамъ.» Затѣмъ былъ сдѣланъ перерывъ на $\frac{1}{2}$ часа.

По возобновленіи засѣданія, первоприсутствующій заявилъ слѣдующее: Прежде, чѣмъ приступить къ производству судебного слѣдствія, я долженъ напомнить подсудимымъ, что, въ виду сдѣланнаго особымъ присутствіемъ разрѣшенія присутствовать имъ при допросѣ всѣхъ по этому дѣлу свидѣтелей, они должны вести себя не такъ, какъ вели до сихъ поръ, и что если они будутъ затруднять ходъ засѣданія неумѣстными заявленіями и вообще вести себя такъ, какъ вели до настоящаго времени, то я, въ силу данной мнѣ власти, буду удалять ихъ изъ залы засѣданія. Затѣмъ особое присутствіе приступило къ производству слѣдствія по первой группѣ. Свидѣтель Яковъ Яковлевъ (крестьянинъ) показалъ: Я былъ знакомъ съ крестьяниномъ Иваномъ Васильевымъ Бариновымъ, а этотъ познакомилъ меня съ Николаемъ Васильевымъ. Иванъ Васильевъ далъ мнѣ книжку по совѣту Николая Васильева. Съ Николаемъ Васильевымъ мы пили чай, и онъ говорилъ, что нужно сдѣлать такъ: ты согласишься пятокъ приготовить, и я тоже пятокъ подговорю, и такимъ манеромъ соберется 4000, а за границей уже всѣ готовы.—Первоприсутствующій. Какую книжку вы получили?—Свидѣтель Яковлевъ. «Емелька Пугачевъ».—Тов. оберъ-прок. По какому поводу и для чего онъ говорилъ, что нужно собраться?—Свид. Яковлевъ. Такое мнѣніе, чтобы сдѣлать бунтъ. Чтобы всякій свой хлѣбъ

ѣль, а чтобы чужой трудъ не съѣдали. Я говорю: какъ это можно сдѣлать?—«А такъ, говорить, можно: ты пятокъ подговоришь и другой еще пятокъ подговорить, а такимъ манеромъ 4000 соберется».—В. Николай Васильевъ не общалъ васъ познакомиться съ кѣмъ-нибудь?—О. Завтра, говорить, познакомлю тебя съ человѣкомъ, который все можегъ подробно разъяснить. Мы съ нимъ о религіи заговорили, и онъ мнѣ это сказалъ.—В. Что же вы сдѣлали?—О. Жандармскому управленію заявилъ и двѣ книжки принесъ: «Емелька Пугачевъ» и «Французскій писатель». Эту я получилъ отъ Вѣтрова.—В. Какъ вы ее получили? — О. Иванъ Васильевъ говорилъ, что у Вѣтрова есть книжки.—В. Въ жандармскомъ управленіи вы сказали, гдѣ можно найти этихъ лицъ?—О. Я сказалъ, что мы будемъ въ трактирѣ на Покровкѣ. Со мной отправился сыщикъ, и я показалъ ему этотъ трактирѣ. На другой день я пришелъ, подждалъ ихъ на улицѣ, и, когда усмотрѣлъ Ивана Васильева и Николая Васильева, мы пошли въ трактирѣ. — В. При васъ ихъ взяли?—О. При мнѣ. Съ Николаемъ было два узла, 65 р. денегъ и на диванъ онъ бросилъ закладку свинцовую (гирька). «Я, говорить, ношу ее на случай». Свидѣтелю предъявлены книжки, которыя онъ призналъ за полученныя имъ. Прис. пов. Боровиковскій. Вы грамотны?—Свид. Яковлевъ. Малограмотный.—В. Читали книжки?—О. Читать не пришлось. Когда я услышалъ, что онѣ строго воспрещены, я ихъ и предоставилъ. — В. Кто вамъ сказалъ, что онѣ запрещены?—О. Мой братъ. Онъ служить приказчикомъ на фабрикѣ. -- Подс. Васильевъ. Когда я познакомился съ вами? — Свид. Яковлевъ. Въ первое или второе воскресенье великаго поста.—В. Бариновъ вамъ передавалъ обо мнѣ? — О. Нѣтъ. Я лишняго не сгласенъ говорить.—В. Книгу вы при мнѣ получили?—О. При васъ, въ трактирѣ.—В. Отъ Баринова вы слышали, что я былъ грамотный?—О. Нѣтъ.—В. Знаете, грамотный я или нѣтъ?—О. Я зналъ васъ только двѣ недѣли и не дай Богъ знаться съ такимъ народомъ. — В. Вы слышали: былъ ли я грамотенъ?—О. Я видѣлъ, что вы расписывались, когда васъ взяли и протоколъ составили.—Подс. Васильевъ. Яковлевъ говорить, что я въ протоколъ при арестѣ моимъ расписался. Но какъ я до ареста не зналъ читать ни одной буквы, такъ могъ ли я говорить съ нимъ такую идею, то, что за границей—такую подвижную вещь...—Первоприсутствующій. Скажите яснѣе, на что вы хотите обратить вниманіе.—Подс. Васильевъ. Онъ подтвердилъ, что я писалъ...—Свид. Яковлевъ. Вы, конечно, сперва упирались, а потомъ васъ принудили и вы подписались.—Подс. Васильевъ. Ну, скажите, пожалуйста, гиря мнѣ принадлежитъ? — Свид. Яковлевъ. Да, вы сами это знаете. Смерть не страшна, въ комъ совѣсть чиста. — В. Гирю при мнѣ взяли?—О. Вы бросили ее на диванъ, а раньше мнѣ показывали и говорили, что для случая залѣпить кому-нибудь. — В. Кому же залѣпить?—О. Не знаю, кому ты хотѣлъ залѣпить. — В. Скажи, пожалуйста, когда меня увели въ особую комнату, при мнѣ оказалась гиря эта самая? — О. Да, вѣдь, взяло же ее правительство. Что лишній разговоръ затѣвовать.—В. Какъ къ намъ жандармы пришли?—О. Пришли протокулярно одѣты, какъ купечество, и сидѣли прогивъ насъ. Я затѣялъ съ вами разговоръ. Говорю: вотъ какъ на наши деньги гуляютъ. А вы сказали: тише, тише...—В. Я одно у васъ спрашиваю: когда увели меня въ особую комнату, то при обыскѣ гиря оказалась при мнѣ или нѣтъ?—О. Чего вы лишнее толкуете. Вы на диванъ ее бросили; а кто ее взялъ—не знаю. Вѣдь, она попала сюда, значитъ, ясное доказательство, это, братъ, ужъ извините.—В. Я опять одно спрашиваю, оказалось ли... — О. И я одно буду говорить.—В. Когда меня привели въ другую комнату, оказалась ли гиря при мнѣ?—О. Я не знаю (махнулъ рукою). Первоприс. Свидѣтель нѣсколько разъ сказалъ, что видѣлъ, какъ вы бросили гирю на диванъ. — Подс. Ва-

сильевъ. Почему же она не оказалась у меня, когда я бросилъ ее на диванъ. (Къ свид.) Почему вы не сказали тогда?—О. Вы не сбивайте, пожалуйста. Тамъ есть мое показаніе. Прис. пов. Ольхинъ. Тѣ книги, о которыхъ вы говорили, вы сами разобрали, какого онѣ рода, или вамъ кто-нибудь сказалъ?—Свид. Яковлевъ. Я не то что по книгамъ, а по разговорамъ разобралъ. Тутъ нечего было и книжки разбирать.—В. Кромѣ вашего брата, вамъ никто не говорилъ о томъ, что книжки запрещенныя?—О. Тутъ общій разговоръ былъ, что запрещенныя.—В. Гдѣ же этотъ разговоръ пошелъ?—О. Да они самимнѣ говорили, чтобы опасаться, что строго запрещено.—Прис. пов. Боровиковскій. Отъ Барина вы слышали ли что-нибудь, онъ говорилъ вамъ что-нибудь?—Свид. Яковлевъ. Нѣтъ, онъ только далъ книжку.—Подс. Васильевъ. Прокуроръ, который дознаніе дѣлалъ и обвиненіе на меня писалъ, будетъ обвинять меня, что я признался въ показаніяхъ своихъ, что именно оговоръ Барина и Яковлева не подтверждалъ, но этого показанія у меня не было. Подс. Джабадари просилъ спросить Яковлева, не встрѣчалъ ли онъ его въ Москвѣ.—Свид. Яковлевъ. Я вашу личность не знаю. Свид. Прокофій Баринъ (братъ подсудимаго) показалъ, что получилъ книжку отъ брата, который сказалъ, что ее далъ ему Петръ Алексѣевъ. Свидѣтель читалъ ее и, увидавъ, что она противозаконная, сжегъ. Николая Васильева зналъ, а Алексѣева и въ глаза не видалъ. Подс. Алексѣевъ. Г. Баринъ, не говорилъ ли вашъ братъ, отъ какого Петра Алексѣева онъ получилъ книжку? Петровъ Алексѣевыхъ много можетъ быть.—Свид. Баринъ. Нѣтъ не говорилъ.—Подс. Джабадари. Въ обвинительномъ актѣ говорится, что свидѣтель призналъ Михаила Петрова, т. е. меня, а между тѣмъ онъ меня не признавалъ.—Свид. Баринъ. Меня еще въ жандармскомъ управленіи спрашивали, но я его не знаю.—Подс. Васильевъ. Можетъ быть, не слышали ли вы отъ брата или отъ меня какихъ-нибудь предсказаній противъ этихъ книжекъ, что вы сожгли.—Свид. Баринъ. Касательно этого—нѣтъ.—Прис. пов. Боровиковскій. Съ братомъ своимъ вы часто видѣлись?—Свид. Баринъ. На одной фабрикѣ жили.—В. Онъ давалъ вамъ книжку, какъ брату?—О. Я самъ бралъ. Я имѣлъ право въ его сундукъ ходить, такъ какъ я старшій братъ.—В. Говорилъ ли вамъ онъ, что нужно рѣзать, убивать?—О. Нѣтъ; я читалъ, а онъ слушалъ. Я по священному писанію опровергалъ книжку.—Подс. Алексѣевъ. Позвольте допросить подсудимаго Барина о томъ, отъ какого Петра Алексѣева получилъ онъ книжки и передалъ Прокофью Барину—отъ меня или отъ другого лица.—Подс. Баринъ. Я не бралъ отъ Петра Алексѣева книжекъ. Я его и не зналъ совсѣмъ. Прошу оставить безъ вниманія мое первое показаніе, потому что я неправильно говорилъ.—Подс. Джабадари. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что подсудимый Баринъ упоминалъ о кружкѣ, въ число котораго входилъ Михаилъ Петровъ, т. е. я. Я теперь хочу знать, признаетъ ли онъ въ лицѣ моемъ Михаила Петрова, который говорилъ ему о революціонныхъ идеяхъ.—Подс. Баринъ. Я со вчерашняго дня вижу васъ только первый разъ. Въ виду разнорѣчія устнаго показанія свидѣтеля Барина съ его показаніемъ на предварительномъ слѣдствіи, товарищъ оберъ-прокурора просилъ прочитать это послѣднее. Изъ показанія этого, между прочимъ, видно, что свидѣтель говорилъ на слѣдствіи, что пилъ чай съ Петромъ Алексѣевымъ, рабочимъ съ фабрики Тимашева, причемъ Петръ Алексѣевъ говорилъ ему, что существуютъ хорошія книжки, совѣтовалъ прочитать и исполнять то, что тамъ написано; черезъ недѣлю братъ принесъ книжку «Хитрая механика», и въ теченіе великаго поста—листокъ «Чтой-то, братцы», «Емельку Пугачева» и другія. Свидѣтель читалъ ихъ, но, убѣдясь въ преступномъ содержаніи, сжегъ. Чтеніе это произвело различіе впе-

чтлѣніе на фабричныхъ: большинство слушавшихъ смѣялись; были такіе, которые выражали сочувствіе, и были такіе, которые находили книги преступными и говорили, что ихъ нужно сжечь. Свидѣтель съ братомъ и Н. Васильевымъ, задержаннымъ вмѣстѣ съ братомъ 29 марта, сходилъсь рара три въ трактирѣ, и каждый разъ Васильевъ говорилъ, что книжки нужно болѣе распространять, что нужно готовить народъ къ возстанію, нужно образовывать кружки одномысленныхъ, въ которыхъ постоянно читать, и, когда силы достаточно развернутся, то произвести революцію и перерѣзать господь, чиновниковъ, купцовъ и богатыхъ крестьянъ. Свидѣтель убѣждалъ брата, что дѣло задумано нехорошее, что евангеліе предписываетъ уважать власти, а не возставать противъ нихъ, но, «повидимому, братъ мой сочувствовалъ не моимъ словамъ, а внушеніямъ Алексѣева и Васильева». Далѣе въ этомъ показаніи, между прочимъ, сказано, что никакого Михаила Петрова свидѣтель не знаетъ. Подс. Джабадари снова обратилъ на это обстоятельство вниманіе. Тов. об. прок. замѣтилъ, что въ обвинительномъ актѣ не говорится того, на что указываетъ подсудимый. Подс. Васильевъ. (къ свидѣтелю). Разскажите, что я вамъ говорилъ; говорилъ ли то, что прочитано въ показаніи.— Свид. Бариновъ. Здѣсь написано много. Я не знаю. Вы мнѣ ничего не говорили. Много тутъ есть лишняго. Показаніе было только на одной страницѣ написано.—Первоприсутствующій. Вы грамотный?—Свид. Бариновъ. Грамотный.—В. Подписывали показаніе?—О. Подписалъ. Свидѣтелю предъявляется показаніе. Онъ осматриваетъ и говоритъ: «Да, я подписалъ».— Прис. пов. Боровиковскій. Можете прочитать, что написано?— Свид. Бариновъ. Нѣтъ.—В. Знаете, что значать слова: «сочувствіе», «одномысленныхъ», «революція»?—О. Нѣтъ, не знаю. «Революцію» послѣ узналъ, что это бунтъ.—Прис. повѣрен. Ольхинъ. Вамъ тогда прочитывали показаніе?—Свид. Бариновъ. Прочитали.—В. Такъ читали, какъ здѣсь?—О. Не могу припомнить.— Подсудимый Васильевъ. Вы знали меня давно?—Свид. Бариновъ. Я ходилъ къ вамъ, какъ вы жили на фабрикѣ до распространенія этихъ книжекъ за два года или больше; пили чай, но я ничего отъ васъ не слыхалъ.—В. Я зналъ грамотъ или нѣтъ?—О. Этого я не знаю.—В. Отъ брата не слыхали?—О. Ничего не говорилъ. Свид. Дарья Скворцова показала: Приѣхалъ Петръ Алексѣевъ изъ Петербурга и приходитъ въ заведеніе, въ которомъ мы жили. Вызываетъ за ворота Н. Васильева. Онъ былъ занятъ дѣлами и послалъ меня; я вышла. Всѣ личности его знакомыхъ я знаю, но этого никогда не видала. Я стала спрашивать: какъ объ васъ сказать. Онъ говоритъ: скажите, что Петръ Алексѣевъ изъ Петербурга приѣхалъ. Я сказала Н. Васильеву, а онъ говоритъ: скажи, чтобы подождалъ меня въ трактирѣ. Потомъ Н. Васильевъ пошелъ въ трактирѣ. Такъ было время съ недѣлю или больше: то до обѣда, то послѣ обѣда уйдутъ. Я стала спрашивать, а они не сказывали, куда ходили. Я пошла въ трактирѣ посмотреть и вижу ихъ—сидятъ, народу много. Я сказала Н. Васильеву: вамъ нужно домой итти. Они пошли. Я спрашивала его: что вы прежде не ходили, а теперь стали ходить? Онъ сказалъ: ты ничего не знаешь. Я еще погодила. Потомъ онъ приходитъ и говоритъ: поѣдемъ на квартиру. Что мы, говорю, дѣлать будемъ? У насъ, говоритъ, нахлѣбники будутъ; Петръ Алексѣевъ нахлѣбниковъ нашель. Я сказала, что у насъ нѣтъ ничего, нужно все покулатъ. Это, говоритъ, дѣло наше. Мы поѣхали на квартиру. Народъ, вижу, приходитъ одѣтый и хорошо и плохо, а личности ихъ доказываютъ, что народъ хорошій, т. е. лицомъ изъ благородныхъ. Я спросила разъ и два; они говорятъ: если наши женщины приѣдутъ, то ихъ пригласить. Приѣхала ихъ женщина, и я пригласила. Я спросила, гдѣ онъ живуть, и она сказала, что на машинахъ. Потомъ другая приѣхала, потомъ

еще двѣ, такъ всего собралось семь женщинъ. Онѣ пошли потомъ искать на фабрикахъ мѣста. Съ фабрики приходили комнѣ, а все не сказываютъ ничего. Ходятъ, живутъ, а не говорятъ, что дѣлаютъ. Потомъ пріѣзжаетъ одинъ господинъ передъ масляницей и привозитъ онъ книгу чемаданъ очень порядочный. Потомъ мнѣ говорятъ: нельзя ли ихъ убрать подальше; а я ничего не сказала. Потомъ я говорю Н. Васильеву, что Ѳедоръ привезъ книги и велитъ убрать, а онъ отвѣтилъ: скажи имъ, чтобы они увезли эти книги. Пришелъ Михайло, и я ему сказала. Онъ разсердился на меня, взялъ и повезъ книги. Я все вижу, что что-то не такъ, а не знаю хорошо-ли. Въ пятницу на масляницѣ всѣ ушли, а я осталась одна. Мнѣ все хочется узнать. Пришелъ Н. Васильевъ и одна дѣвушка Маша. Я сказала, что съ Носовой фабрики приходилъ приказчикъ и спрашивалъ Машу и Наташу, и я ему сказала, что не знаю, когда вы будете дома. Они сейчасъ примѣтили, что это—шпіонъ, и потомъ переѣхали на другую квартиру. Намъ съ Н. Васильевымъ кормиться стало нечѣмъ, и я говорю: поѣдемъ въ Лефортову часть. Мы поѣхали. Потомъ имъ бѣлье негдѣ было стирать, потому что костюмы были все разные. Они говорятъ Николаю: не будетъ ли Дарья стирать. Я согласилась, стирала и относила имъ бѣлье. Но они меня стали очень бояться и говорятъ: мы будемъ сами носить бѣлье. Я больше и не ходила. Потомъ они съ своей квартиры опять съѣхали. Когда Н. Васильева забрали, я стала разузнавать, гдѣ онъ сидитъ. Пошла къ Николаевской машинѣ, они тамъ все жили. Вижу идетъ мужчина; я спросила е о, гдѣ Н. Васильевъ. Его, говорить, взяли, поди въ жанарское управление, тамъ узнаешь. Я была. Потомъ опять пошла къ вокзалу и вижу въ домѣ окна занавѣшены. Думаю, должно быть они тутъ, потому что они все занавѣшивали окна. Я постучала. Михайло выглянулъ. Что же, говорю, вы не скажете, что Н. Васильева взяли. Онъ говоритъ: тебѣ жалко, а намъ десять разъ жалчѣе. Онъ, говоритъ, въ жандармскомъ управленіи. Я, говорю, была уже тамъ. Тутъ я у нихъ ночевала двѣ ночи. Они стали увязывать чемаданчики и разговариваютъ, чтобы я уходила. Такъ какъ мнѣ обидно показалось, то я пошла въ жандармское управление и доказала. Тов. об.-прок. Кто обзаведеніе покупалъ? Свид. Скворцова. Василій съ нами ходилъ.—В. На квартирѣ въ домѣ Костомарова кто у васъ жилъ?—О. Василій, Михайло, Ѳедоръ, Петръ Алексѣевъ; приходилъ и Иванъ Ивановичъ, небольшого роста; а женщины — Маша, Наташа, Ѳеклуша, Саша, Вѣра, Аннушка и Дуняша.—В. Разговоры ихъ васъ не поражали? — О. Мнѣ некогда было ихъ слушать; я по хозяйству занята.—В. Въ Бога они вѣрили?—О. Они Бога на небеси признавали, а только личность не признавали.—В. Говорили о томъ, чтобы уравнивать богатыхъ и бѣдныхъ? — О. Былъ разговоръ, чтобы жили всѣ равно, а не могу сказать, какъ это будетъ, чтобы жили всѣ равно. — В. А былъ разговоръ о томъ: оставаться ли въ Москвѣ или уѣхать?—О. По разнымъ мѣстамъ хотѣли разѣхаться весной, когда будетъ потеплѣе.—В. Вы знате Филата Егорова?—О. Тоже ходилъ къ нимъ на фатеру въ домѣ Костомарова. — В. Маша и Аннушка гдѣ работали?—О. Маша и Наташа работали у Носовыхъ, а Аннушка у Лазарева. Дуняша на Дѣвичьемъ полѣ, но не знаю, на какой фабриктѣ.—В. Отчего Дуняша оставила фабрику?—О. Не знаю. Тогда онѣ уже однѣ жили. Я пришла къ нимъ, а Дуняша лежитъ на постели. Я спрашиваю: что это вы? Она говоритъ: я совсѣмъ было попалась, но въ чемъ, не говорила. Подс. Джабадари. Когда пріѣхалъ Алексѣевъ, до Рождества или послѣ? Свид. Скворцова. До Рождества.—В. Когда наняли квартиру у васъ?—О. Послѣ Рождества.—В. Когда же послѣ?—О. Я не знаю числа; скоро послѣ Крещенія, мы мѣсяцъ прожили на этой квартирѣ.—В. Когда же наняли квартиру: черезъ два дня или черезъ десять дней послѣ Рождества? — О. Я не помню

теперь. Знаю только, что послѣ Рождества. Подс. Джабадари. Я напираю на это потому, что въ то время я жилъ въ другомъ мѣстѣ. Можно спросить подсудимую Медвѣдеву? Первоприсутствующій. Это совершенно не нужно въ виду того, что свидѣтельница не говоритъ положительно дня. Подс. Джабадари. Значитъ, показаніе это не имѣетъ силы? Первоприсутствующій. Это оцѣнить особое присутствіе. Подс. Джабадари. Потомъ въ показаніи Скворцовой... она говоритъ, что Михайло купилъ мебель... Свид. Скворцова. Михайло давалъ деньги Василю, и онъ со мною ходилъ. Потомъ Михайло далъ и мнѣ самой въ руки пять рублей. Подс. Джабадари. О чемъ тамъ говорили: о рѣзнѣ и бунтѣ говорили? Свид. Скворцова. Это говорили.—В. А какъ же вы сейчасъ сказали, что только о Бѣгѣ говорили и объ уравненіи?—О. И это говорили. — Подсудимый сдѣлалъ еще нѣсколько подобныхъ вопросовъ, на что первоприсутствующій замѣтилъ, что вопросы подсудимаго указываютъ на его совершенное незнание съ судебными уставами Подс. Джабадари. До арестовъ видѣли Михаила Петрова? Свид. Скворцова. Я не знала Петрова; онъ назывался Михайломъ, а отчества я не знала. — В. Послѣ того, какъ они отъ васъ скрылись, вы не встрѣчали кого-нибудь изъ нихъ?—О. Михайло приходилъ въ Лефортову разъ или два. Хохлуша бѣлье приносила. Подс. Джабадари. Я свидѣтельница призналъ самъ, а въ обвинительномъ актѣ сказано, что я не признаю. Первоприсутствующій. Вы теперь признаете? Прис. пов. Спасовичъ. По закону я защитникъ Джабадари; но онъ самъ находилъ нужнымъ допрашивать свидѣтельница. Позвольте мнѣ предложить ей нѣсколько вопросовъ (къ свидѣтельницамъ). Вы не имѣли участія въ ихъ разговорахъ и дѣлаете только свое заключеніе, что они ведутъ къ бунту? Свид. Скворцова. Они говорили только между собою. — В. Такъ что вы только прислушивались; о бунтѣ была у нихъ рѣчь, они сговаривались?—О. Если бы я была ученая, то я лучше еще могла бы разказать, а теперь не могу разказать. Говорили, чтобы у насъ не было великаго государя.—Затѣмъ свидѣтельница, по распоряженію первоприсутствующаго, осмотрѣла подсудимыхъ и опознала тѣхъ, о которыхъ показывала, причѣмъ въ отношеніи подсудимаго Баринава заявила, что онъ бывалъ у Васильева прежде и что «въ этой компаніи» она его не считаетъ. Подс. Васильевъ. Какъ я хотѣлъ снять квартиру? Свид. Скворцова повторяетъ разказъ вышеприведенный.—В. Не говорилъ ли я вамъ, что своимъ дѣломъ заниматься будемъ, и пріискалъ квартиру для собственнаго своего дѣла?—О. Нѣтъ, не говорили.—В. Не говори ли я, что тебя выучу за станкомъ работать?—О. Ничего этого не было.—Подс. Чекоидзе заявилъ, что онъ послѣ масляницы пріѣхалъ въ Москву и жилъ въ гостинницѣ Швалдышева. Прис. пов. Спасовичъ. Вы указали въ числѣ другихъ на Вѣру Любатовичъ. Она тоже хотѣла уѣхать весною? Свид. Скворцова. Не слыхала.—В. Такъ что не можете сказать, всѣ ли они собирались ѣхать весною, или только нѣкоторые.—О. Не могу этого сказать. Подс. Чекоидзе. Когда покупали мебель, былъ ли съ вами еще третій, Ѳедоръ? Свид. Скворцова. Ѳедоръ покупалъ мебель не ходилъ, но при немъ Михайло давалъ деньги.—Подс. Филатъ Егоровъ. Къ кому я приходилъ? Свид. Скворцова. Къ товарищамъ своимъ Михаилу и Ѳедору.—В. Почему вы знаете, что я зналъ Михайла?—О. Я вижу —приходите, спрашиваете его, разговариваете съ нимъ. Подс. Чекоидзе. Какъ же вы показали, что я приходилъ только обѣдать, а теперь говорите, что я жилъ у васъ и нанималъ квартиру?—Свид. Скворцова. Приходили обѣдать и ужинать и ночевали.—В. Значитъ, жилъ?—О. Жили; у васъ было сто квартиръ. Придете, ночуете одну ночь здѣсь, другую тамъ...—В. Вы говорите: сто квартиръ. Укажите хоть пять или двѣ, или одну.—О. Я видѣла васъ въ Красномъ Селѣ, когда приносила бѣлье.

Свид. Щедринъ (дворникъ дома Федорова) по предъявленіи подсудимыхъ опозналъ сначала Фетисова за жившаго въ этомъ домѣ Мудрова, а потомъ узналъ подсудимаго Лукашевича. Свид. Еедоръ Кузьминъ показаль, что у него на квартирѣ жилъ Василій Григорьевъ, къ которому раза два приходилъ товарищъ. Послѣ его ареста приходили къ нему какія-то двѣ дѣвушки. Ни Григорьева, ни товарища, ни дѣвушекъ свидѣтель въ числѣ подсудимыхъ признать не могъ. Подс. Георгіевскій. Я самъ признаю свидѣтеля. Подс. Чекоидзе. Вы видѣли меня? Свид. Кузьминъ. Не могу признать. Свид. Иванъ Юрсъ показаль, что служить на фабрикѣ Лазарева мастеромъ. Разъ пришли 2 дѣвушки и просили работы. Ихъ принялъ. На другой пришла только одна Аннушка и принесла паспортъ. Ее опредѣлили въ отдѣльное отдѣленіе, и она работала, какъ слѣдуетъ, «мирно, тихо». Потомъ ее перевели въ другое отдѣленіе, полегче. Она работала три недѣли тамъ. Разъ ночью въ мужской спальнѣ она стала книжку читать. Пришелъ приказчикъ и говоритъ: «Зачѣмъ ты, Аннушка, здѣсь? Мужикамъ нужно вставать въ 4 часа утра; имъ нужно отдохнуть.» Прогналъ ее. На другой день утромъ Аннушка жаловалась хозяину, что приказчикъ дерется. Хозяинъ сказалъ, что не позволитъ драться. Но она сказала, что не хочетъ больше оставаться на фабрикѣ и просила расчета. Въ это время въ контору пришелъ приказчикъ и разсказаль, за что онъ ее прогналъ изъ мужской сальной. Ей дали расчетъ, и она ушла. Недѣли черезъ полторы свидѣтель въ своемъ отдѣленіи замѣтилъ толпу рабочихъ, которые при его входѣ разошлись; остался только одинъ, который на вопросъ: что такое? сказалъ, что ничего. Свидѣтель вернулся назадъ и сталъ за дверь въ темномъ корридорѣ. Собралось человекъ двѣнадцать, и одинъ держаль въ рукахъ книжку. Книжка эта оказалась «Хитрая механика». Не умѣя читать, свидѣтель приказаль одному прочитать ему эту книжку. Отойдя къ окну, мужикъ сталъ читать. «Я думаль сначала, говоритъ свидѣтель, что онъ меня дурачитъ». Поэтому онъ перевернулъ нѣсколько листовъ и опять заставилъ читать. Видитъ, что опять не хорошо. Перевернулъ еще нѣсколько листовъ, и мужикъ еще прочелъ. Свидѣтель убѣдился, что мужикъ, значитъ, не вретъ, а читаетъ, что напечатано; тогда онъ спросилъ: откуда взяли книжку. Мужикъ сказалъ, что изъ другихъ отдѣленій. Свидѣтель замѣтилъ: «Эта книга нехорошая. Эта книга бунтъ учиняетъ. Я сказалъ хозяину, молодому Лазареву, онъ смѣется, говоритъ: мужикъ, должно быть, тебя дурачилъ. Я сказалъ: три мѣста даваль читать, и все не хорошо. Онъ сказалъ: когда папаша пріѣдетъ, скажешь ему». Но когда тотъ пріѣхаль и приказаль принести книжку, то ея не оказалось. Давали три рубля, но мужики сказали, что у нихъ книжку украли. Затѣмъ они объяснили, что Аннушка продавала эти книжки, кому за три, а кому за пять копеекъ; знакомымъ давала даромъ. Хозяинъ сообщил о случившемся въ жандармское управленіе. Когда свидѣтель явился туда и увидѣлъ Аннушку, то спросилъ ее: «Аннушка, какъ ты попала сюда?—Я, говоритъ, тебя не знаю. Я сказалъ: какъ не знаешь; я пятьсотъ человекъ свидѣтелей поставлю; маленькія дѣти тебя знаютъ.—А она все говоритъ, что на фабрикѣ Лазарева не жила». По предъявленіи подсудимыхъ, свидѣтель узналъ Бардину. (Засѣданіе прервано до 11-ти часовъ утра слѣдующаго дня).

Свид. Григорій Петровъ показаль, что служить приказчикомъ на фабрикѣ Лазарева. Аннушка жила на фабрикѣ пять недѣль. Когда онъ засталъ ее читающею книжку въ спальнѣ рабочихъ, то приказаль ей уйти. Но она не слушалась, и онъ «вынужденъ былъ» взять ее за руку и вывести. У рабочихъ были отобраны: «Хитрая механика» и «Сказка о чetyрехъ братьяхъ». Они говорили, что Аннушка дала имъ книжки въ трак-

гирѣ. Свидѣтель призналъ подсудимую Бардину. Свид. Павелъ Игнатовъ (рабочій фабрики Лазарева) показалъ: Когда мы жили на фабрикѣ Лазарева, тамъ жила Аннушка; читала у насъ въ спальнѣ книжки при огнѣ; когда пришелъ приказчикъ, свѣчку погасили. Аннушка ушла, а книжки оставила на постели. Послѣ мы взяли ихъ и читали. Тов. оберъ-прок. Какія книги читала вамъ Аннушка?—Свид. Игнатовъ. «О четырехъ братьяхъ», «Хитрая механика» и «Пѣсенникъ»—книги до шестіи было.—В. Она неясняла, когда читала?—О. Скажетъ, когда не поймешь.—В. Не осталась ли какой-нибудь книжки у васъ?—О. У меня «Пѣсенникъ» остался. Я передалъ его хозяину. Свид. Никита Мухановъ (управляющій фабрикою Носовыхъ) показалъ: 5-го февраля 1875 года приходятъ двѣ дѣвушки и просятъ работы. По взгляду моему, онѣ къ работѣ были неспособны. Я имъ отказалъ. Онѣ говорили, что не здѣшнія, что въ Москвѣ знакомства не имѣютъ и просили имъ дать работу. Я сказалъ, что считаю ихъ неспособными, что у насъ работа грязная, а вы одѣты чисто. Онѣ говорили, что мы не имѣемъ средствъ къ существованію. Я убѣдилъ ихъ просьбою и взялъ. Спросилъ паспорта, изъ которыхъ одна оказалась солдаткой Тамбовской губерніи, Марія Петрова Краснова, а другая—Наталія Семенова Волкова, крестьянка Костромской губерніи. На другой день 6-го февраля, онѣ вступили въ работу. Черезъ недѣлю въ будни онѣ стали проситься со двора, а у насъ въ будни не имѣютъ права уходить безъ разрѣшенія конторы. Я сказалъ имъ: дайте ваши книжки, и отпустилъ ихъ на нѣсколько часовъ. Онѣ сказали, что имъ нужно сходить къ знакомымъ. Я говорю: какъ же вы, когда нанимались, говорили, что у васъ знакомыхъ нѣтъ. Онѣ говорили: «все-таки кто-нибудь найдется». Я подумалъ, что имъ не нравится у насъ работать и что онѣ хотятъ поискать другого мѣста. Я сказалъ: хорошо, сходите, только приходите къ 6-ти часамъ дня. Онѣ были въ ночной смѣнѣ. Онѣ отправились со двора и пришли аккуратно въ 6 часовъ. Я увидѣлъ ихъ исправность. Проходитъ еще двѣ недѣли. Это было въ воскресенье, когда народу не запрещается уходить куда угодно. Во вторникъ сторожъ отъ переднихъ воротъ приводитъ въ контору Наталію Семенову Волкову. По нашимъ правиламъ, кто не явился въ понедѣльникъ, то въ слѣдующіе дни недѣли приводится въ контору. Когда ее привели, я взялъ ея книжку, сдѣлалъ ей рассчетъ, паспортъ ей въ руки и за ворота. Вторая живетъ. Жила мѣсяцъ и 10 дней. Въ пятницу на масляницѣ она приходитъ и просится со двора. Я сказалъ, что у насъ пятницу еще работаютъ и что раньше завтрашняго дня итти со двора нельзя. На другой день она ушла и явилась въ среду на первой недѣлѣ. Сторожъ привелъ ее въ контору. Я радъ былъ, что она не во время явилась. Сейчасъ же ей рассчетъ, паспортъ и за ворота. На пятой или на шестой недѣлѣ меня предупредила полиція, что у насъ на фабрикѣ читаются какія-то книжки возмутительнаго содержанія. Я, ничего не зная, далъ слово, что приму мѣры разузнать. Пришелъ въ контору. Тутъ слухъ пронесся, что читаетъ книжки крестьянинъ Ефимъ Даниловъ. Я вызвалъ его и спросилъ: какія ты книжки читаешь?—«Я говоритъ, никакихъ не читаю.» Я захотѣлъ обыскать Данилова. Прошелъ въ спальню и велѣлъ ему отпереть сундукъ. Были тамъ книжки, но простыя: часословъ и другія. Я говорю: нѣтъ, не такая нужна книжка, а противозаконнаго содержанія.—«Нѣтъ, говоритъ, у меня.» Потомъ слухъ прошелъ, что какую-то книжку сожгли. Узналъ, что это сторожъ Барышниковъ. Позвалъ его.—«Сжегъ ты книжку?»—«Сжегъ.»—«Какъ ты смѣлъ?»—«Виновать, говоритъ, потому что скоро случилось; прибѣжалъ Даниловъ и говоритъ: сожги. Я и бросилъ въ печку.»—«Ты зналъ, какая это книжка: спрашиваю.»—«Нѣтъ, говоритъ, не зналъ.» Я за Даниловымъ. Онъ сказалъ: «виноватъ, испугался.» Я заявилъ объ этомъ

полиціи. Затѣмъ 4-го апрѣля меня потребовали въ жандармское управленіе, гдѣ мнѣ показываютъ эту солдатку Краснову. Я призналъ и назвалъ ее. Ее спросили: какъ васъ зовутъ? Она такой отвѣтъ нехорошій сказавала—говорить: буквой А зовутъ. Потомъ ее увели прочь. Я рассказалъ все, какъ теперь, и составили актъ. Въ августѣ или сентябрѣ меня опять потребовали въ жандармское управленіе. Являюсь; меня пригласили сѣсть за общій столъ. Тутъ сидѣли генераль, прокуроръ и какая-то барышня, разодртая отлично. Генераль меня спрашиваетъ: «Не можете ли узнать, не жила ли эта барышня у васъ на фабрикѣ?» Мнѣ это странно показалось. Тогда она была одѣта простенько, хотя и отличалась отъ крестьянскаго быта, тогда же было замѣтно, что не простого званія. Удивительно, я подумалъ, а фізіономія въ память вѣдалась. Тогда я думалъ: образованная, а просится въ такую грязную работу. Поэтому я очень запомнилъ личность этой Волковой. Осмотрѣвши ее хорошо, я сказалъ: да, она называлась Наталіей Семеновою Волковою. Тогда она сказала: «нѣтъ, я не крестьянка; я благородная.» Дѣйствительно, говорю, похоже, что благородная, да у насъ то жила подъ именемъ крестьянки. Потомъ составили актъ. По осмотрѣ подсудимыхъ, свидѣтель указалъ на Ольгу Любатовичъ, но другой указать не могъ. (То была Каминская, которой нѣтъ въ числѣ подсудимыхъ). Свид. Ефимъ Даниловъ показалъ, что Марія Петровна, работница, до 3-хъ разъ приходила въ мужскую спальню и читала книжки: «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Хитрую механику», «Чтой-то, братцы, какъ намъ тяжело живется»—и дала свидѣтелю «Хитрую механику». Когда у него сдѣлали обыскъ, онъ испугался, не зналъ, что дѣлать съ книжкой, и отдалъ ее сторожу, прося сжечь. Свидѣтели: Григорій Васильевъ (помощникъ приказчика на фабрикѣ Губнера), Прасковья Федорова и Ольга Иванова (работницы) показали, что на фабрикѣ жила работница Авдотья; ушла съ фабрики внезапно, оставивъ свой сундучекъ съ вещами, паспортъ и не получивъ расчета. Всѣ трое указали на подсудимую Фигнеръ. Свид. Аванасій Ермолаевъ (рабочій на фабрикѣ Тюляевыхъ) показалъ, что подсудимый Егоровъ, познакомившись съ нимъ черезъ Акіма Трофимова, пригласилъ его въ трактиръ чай пить и просилъ позвать еще кого-нибудь. Свидѣтель сказалъ, что знаетъ всѣхъ, на что Егоровъ сказалъ: «Зови; у меня денегъ на всѣхъ хватитъ». Свидѣтель набралъ человекъ пять, пошли въ трактиръ, напились чаю и вернулись въ заводъ. Еще раньше Егоровъ далъ свидѣтелю двѣ книжки. Потомъ въ одно изъ воскресеній онъ встрѣтилъ его и пошли вмѣстѣ. Егоровъ зашелъ въ какой-то домъ, прося свидѣтеля подождать—онъ дождался; Егоровъ вышелъ и позвалъ въ трактиръ, пришли его товарищи, напились чаю, и Егоровъ предложилъ взять у него книжекъ. «Дай, говоритъ, платочекъ, я книжекъ тебѣ дамъ.» Я далъ платочекъ, пошли въ домъ: тамъ онъ сталъ давать мнѣ книжки и насовалъ въ карманы. Мнѣ идти съ книжками было неспособно въ карманахъ, я завязалъ ихъ въ платочекъ и принесъ на заводъ. Свидѣтель не зналъ, какія это были книжки. Но потомъ на заводѣ пошелъ разговоръ, что книжки неудобны. Онъ не зналъ, что съ ними дѣлать. Двѣ книжки сжегъ, а остальные не успѣлъ, потому что «народъ сталъ вставать», и онъ снесъ ихъ на чердакъ и положилъ къ трубѣ, гдѣ впоследствии, по его указанію, ихъ и нашли. Свид. Ефремъ Платоновъ показалъ, что онъ изъ одной деревни съ Петромъ Алексѣевымъ, отъ котораго получилъ книжку «О крестьянскихъ выборахъ». Затѣмъ отъ товарища его, Егорова, получилъ сказку «О четырехъ братьяхъ», «Хитрую механику» и «Пѣсенникъ». Свид. Акімъ Трофимовъ подтвердилъ ссылку на него Ермолаева и, между прочимъ, показалъ, что Егоровъ пригласилъ обоихъ ихъ въ трактиръ и тамъ далъ имъ книжки.

По выходѣ изъ трактира онъ сказалъ свидѣтелю: «смотри, читать вслухъ опасайся». Свидѣтель послѣ этого не зналъ, что дѣлать съ книжкой, и сжегъ ее. Недѣли чергъ двѣ, увидѣвшись съ Ермолаевымъ, взялъ у него еще одну книжку: посмотрѣлъ мѣстахъ въ двухъ, ничего хорошаго не понялъ, взялъ и сжегъ. Кн жка была цвѣтомъ синенькая, подъ заглавіемъ «Степь Моздокская» и другая, желтенькая: «О братьяхъ». Это было до масляницы. Свид. Семенъ Зотовъ ходилъ по приглашенію Ермолаева въ трактиръ чай пить. Тамъ видѣлъ неизвѣстнаго человѣка, «по виду не изъ русскихъ», который просилъ его рассказать, какъ онъ ѣздилъ въ Нарву. Онъ сказалъ, что ѣздилъ: работать не работалъ, а только убытокъ себѣ получилъ. Человѣкъ этотъ заплатилъ за чай. Тов. оберъ-прок. Можете теперь вы признать этого человѣка?—Свид. Зотовъ. Надо быть, что признаю. Мы его въ жандармскомъ управленіи свидѣтельствовали (указываетъ на подсудимаго Джабадари). Свид. Ѳаддей Игнатовъ показалъ, что по приглашенію Ермолаева ходилъ въ трактиръ чай пить. Тамъ сидѣлъ въ приличной одежѣ неизвѣстный человѣкъ черной масти; курилъ табакъ; рѣчей съ нимъ въ производили; онъ потчивалъ только папиросами.—Прис. пов. Спасовичъ. Чаемъ угощалъ васъ онъ?—Свид. Игнатовъ. Угощенія не было, а деньги отдавалъ этотъ чернѣйшій человѣкъ (осматриваетъ подсудимыхъ и указываетъ на Джабадари). Свид. Осипъ Павловъ показалъ: Мнѣ Тимофей Васильевъ книжку далъ и говорить, что ему Пафнуть Николаевъ далъ почитать. Я сказалъ: положи до праздника. Но въ то время приказикъ у насъ ее отобралъ и насъ предоставили въ полицію.—Тов. оберъ-прок. Какое названіе книжки было?—Свид. Павловъ. Не могу упомнить.—Прис. пов. Бардовскій. Не говорилъ вамъ Тимоѳей Васильевъ, чтобы остерегаться съ этой книжкой?—Свид. Павловъ. Не слыхалъ.—Свид. Тимоѳей Васильевъ показалъ, что получилъ книжку отъ Николаева, и такъ какъ самъ онъ грамотъ не знаетъ, то предлагалъ ее почитать Павлову. Книжка называлась «Хитрая механика». Николаевъ скрылся съ завода безъ разчета. Книжки хранились у него въ сундукѣ, откуда онъ и досталъ свидѣтелю книжку.—Подс. Николаевъ. Я книгъ вамъ не давалъ. Онѣ лежали на окнѣ, и я даже не могъ знать, когда ихъ брали.—Свид. Васильевъ Нѣтъ, онъ мнѣ изъ сундука далъ.—Подс. Николаевъ. Я далъ бы тому, который грамотенъ.—Свид. Васильевъ. Вы дали мнѣ, такъ какъ мы земляки.—Подс. Николаевъ. Странное дѣло: зачѣмъ вы взяли, когда не грамо ны.—Свид. Васильевъ. Подъ праздники мы читаемъ сказки, чтобы скуку разогнать.—Свид. Власъ Алексѣевъ (братъ подсудимаго) показалъ, что у него были двѣ книжки братниныхъ и что была еще книжка, которую ему встрѣтилось купить, но оказалось, что она «значить намъ негодна, и я ее прекратилъ—сожегъ».—Свид. М. ронъ Емельяновъ показалъ: Тотъ человѣкъ, который книжки давалъ, сперва съ братомъ моимъ, а потомъ съ братнинымъ зятемъ пріѣзжалъ въ деревню. Далъ книжекъ пять, вродѣ сказокъ.—Первоприсутствующій. Вы грамотны?—Свид. Емельяновъ. Нѣтъ. У свидѣтеля товарищъ былъ грамотный и для него онъ взялъ книжки; названія ихъ не помнѣть, но это были тѣ самыя, которыя онъ отдалъ при обыскѣ. Человѣкъ этотъ (подсудимый Егоровъ) пріѣзжалъ два раза. Когда ночевалъ, то читалъ какую то нехорошую книжку.—Подс. Егоровъ заявилъ, что свидѣтеля знаетъ.—Прочитанъ былъ протоколъ обыска, произведеннаго по указанію Дарьи Скворцова въ домѣ Корсакъ. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что тамъ застали семерыхъ мужчинъ и двухъ женщинъ; при нихъ найдены деньги, паспорта, письма, разная записки и друга въ щѣ въ чемаданахъ и узлахъ. Загѣмъ другой протоколъ обыска, въ домѣ Ѳедоровой, гдѣ проживалъ подсудимый Агаповъ вмѣстѣ съ Лука-

шевичемъ, удостовѣряетъ, что по указанію Агапова на чердакѣ дома найдены разныя книжки преступнаго содержанія, принадлежавшія, по заявленію Агапова, жившему съ нимъ вмѣстѣ Степанову. Всѣ эти книжки, записки, письма и паспорта были предъявлены сторонамъ и подсудимъ. Подс. Агаповъ призналъ книжки за тѣ самыя, которыя найдены въ домѣ Ѳедоровой. Подс. Лукашевичъ заявилъ, что книжки тѣ самыя, которыя ему предъявляли въ жандармскомъ управленіи. Паспортъ тогъ самый, съ которымъ онъ жилъ въ домѣ Ѳедоровой. Наконецъ, расчетная тетрадь та самая, по которой онъ работаль на заводѣ. Прис. пов. Бардовскій просилъ обратить вниманіе, что подсудимый Бариновъ при первомъ же допросѣ указалъ свое мѣсто жительства и гдѣ работаль. По просьбѣ подсудимаго Джабадари прочитано постановленіе жандармскаго управленія о производствѣ обыска въ домѣ Корсакъ. Подс. Джабадари. Дѣло въ томъ, что я обвиняюсь въ укрывательствѣ своей фамиліи, между тѣмъ, я не имѣлъ никакого на то намѣренія и мотивироваль свой отказъ сказать фамилію тѣмъ, что мнѣ не было предъявлено постановленія о производствѣ обыска. Я пришелъ 3-го апрѣля на квартиру Бардиной въ домѣ Корсакъ съ тѣлюю взять у нея денегъ на дорогу, такъ какъ я отправлялся съ Чекоидзе на Кавказъ. Въ 6 часовъ вечера насъ застали тамъ жандармы и гороховыя. Ихъ было чрезвычайно много, и на вопросъ, что нужно, они сказали, чтобы мы не беспокоились. Я заявилъ, что вы представляете власть и силу, но я не позволю, чтобы меня арестовали безъ постановленія прокурорскаго надзора и жандармской власти. Поручикъ замѣтилъ, что такого постановленія не полагается и что они могутъ арестовать насъ, когда угодно. Я напираль на этомъ постановленіи и говорилъ, что хотя я невѣжда въ знаніи законовъ, но что это есть первая гарантія, что должны представить прокурорское постановленіе. Тутъ произошла сцена, не совсѣмъ пріятная для насъ и для нихъ, такъ что мы приостановили арестъ до полуночи, когда пріѣхаль генераль Воейковъ, который былъ недоволенъ, что мы протестовали противъ ареста, и на эт мѣ основаніи были поломаны двери и нанесено оскорбленіе многимъ...—Первоприсутствующій. Вы прокурорскому надзору объ эт мѣ заявляли? —Подс. Джабадари. Заявлялъ товарищу прокурора Кларку.—В. Писменно?—О. Нѣтъ, на словахъ. Изъ моего показанія видно, что я мотивироваль свой отказъ сказать фамилію непредъявленемъ мнѣ прокурорскаго постановленія. Но когда насъ привезли въ жандармское управленіе и я убѣдился, что нахожусь тамъ и что взявшіе насъ жандармы не переодѣтыя личности, я сейчасъ же сказалъ свою фамилію и званіе, и что живу въ номерахъ Келлера, а въ квартирѣ Бардиной былъ въ гостяхъ.—Подс. Лукашевичъ. Въ обвинительномъ актѣ вкралась маленькая ошибка въ отношеніи причины, по которой я явился въ домъ Корсакъ. Тамъ сказано, что я пришелъ къ Павлову для полученія столярной работы. Дѣйствительно, я такъ показалъ, но это было тогда, когда я назывался Ивановымъ, а потомъ я сказалъ свою настоящую фамилію. —Подсуд. Алексѣевъ. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что будто бы я приглашенъ былъ на квартиру въ домѣ Корсакъ ночевать.... —Тов. оберъ-прок. Я имѣю честь заявить особому присутствію, что въ обвинительномъ актѣ дѣйствительно сказано: «ночевать». Это ошибка. Алексѣевъ утверждалъ при дознаніи, что онъ приходилъ нанимать квартиру.—Подс. Чекоидзе. Въ теченіе всего времени отъ самаго ареста я просилъ предъявить мнѣ обвиненіе, но мнѣ оно не было предъявлено. Только 23 декабря, при заключеніи дознанія, мнѣ было предъявлено, что я обвиняюсь въ соучастіи въ тайномъ обществѣ. Тогда я написалъ свою настоящую фамилію.—Первоприсутствующій. Васъ на дознаніи не допрашивали о чемъ-нибудь? — Подс. Чекоидзе. Допрашивали только фамилію сказать; предъявляли меня рабочимъ, но они отъ меня от-

казались, за исключеніемъ Скворцовой, которая сказала, что я приходилъ къ ней на квартиру. Между тѣмъ, постановлено было, что я содержусь п. дѣ стражею за упорное молчаніе.—По повѣду предъявленія книжекъ, отобранныхъ у подсудимаго Алексѣева, прис. пов. Ольхинъ заявилъ, что въ цѣлой пачкѣ этихъ книгъ оказывается только два экземпляра запрещенныхъ, а затѣмъ идутъ: «Стенные очерки» Левитова, «Крестыанскіе выборы», «Сила солому ломить» и другія тому подобныя. Хотя эти сочиненія очень часто встрѣчаются въ дѣлахъ, подобныхъ настоящему, но ни одна изъ этихъ книгъ не издаана помимо цензуры. Впослѣдствіи на нѣкоторыя изъ этихъ книжекъ обращено было вниманіе, но онѣ не могутъ быть причислены къ преступнымъ.—Тов. оберъ-прок. замѣтилъ, что распространеніе этихъ книгъ и не ставится въ вину подсудимымъ.—Подс. Георгіевскій. Паспортъ, который у меня нашли, дѣйствительно мнѣ принадлежалъ. Я хотѣлъ съ нимъ поступить на работу, потому что по своимъ документамъ я не имѣлъ возможности получить работу. Дѣло въ томъ, что на свидѣтельствѣ о принадлежности моей къ духовному званію, несмотря на то, что это свидѣтельство выдается навсегда, написано, что я былъ студентомъ. Такимъ образомъ, меня сдѣлали вѣчнымъ студентомъ, и я не могъ съ этимъ вѣдомъ найти работы. Назвался же подложнымъ именемъ потому, что я совершенно не думалъ, чтобы меня обвиняли въ какомъ-нибудь сообществѣ, потому что противъ меня никакого преслѣдованія не было и до полученія обвинительнаго акта я не думалъ, чтобы я былъ причисленъ къ сообществу.—Первоприсутствующій. Новѣдъ вы были допрашиваемы при дознаніи по извѣстному обвиненію и вамъ предъявляли постановленіе о заключеніи васъ подъ стражу, а въ этомъ постановленіи всегда указываются тѣ статьи закона, по которымъ лицо обвиняется.—Подс. Георгіевскій. Мнѣ ни разу не заявляли, чтобы я обвинялся въ соучастіи въ сообществѣ.—Подс. Николаевъ. Я книжку получилъ отъ Павлова. Познакомился съ нимъ въ трактирѣ. Онъ сказалъ мнѣ адресъ своей квартиры. Когда я скрылся, то пришелъ къ нему на квартиру.—Первоприсутствующій. Почему же вы скрылись?—Подс. Николаевъ. Я зналъ, что сдѣлали обыскъ.—Предъявлена справка о томъ, что Евгенія Субботина наняла 3-го апрѣля въ гостиницѣ Руднева, въ Москвѣ, 120 номеръ, отдала деньги за мѣсяць впередъ, но въ тотъ же день ушла и болѣе не возвращалась.—Подсудимая Субботина (Евгенія) заявила, что она жила въ номерѣ этой гостиницы, но не въ 120 номерѣ, а въ другомъ.—Подсудимая Субботина (Марья) заявила, что она приходила въ номера къ сестрѣ и ночевала у нея.—Подс. Лукашевичъ. Сначала я занимался перепискою, но эта работа крайне невыгодна и непостоянна. Поэтому я рѣшилъ воспользоваться моимъ знаніемъ слесарнаго мастерства, пріобрѣтленнымъ въ технологическомъ институтѣ, и искать работы по этой части на фабрикѣ. Будучи студентомъ, я не могъ найти такого мѣста и поэтому принужденъ былъ воспользоваться подложнымъ паспортомъ; и дѣйствительно, съ этимъ паспортомъ жилъ въ домѣ Ѳедоровой. Затѣмъ были найдены книжки, которыя здѣсь были мнѣ предъявлены; но обыскъ былъ произведенъ безъ меня, въ присутствіи Агапова, который самъ указалъ на эти книжки. Я же увидѣлъ ихъ первый разъ только въ жандармскомъ управленіи. Поэтому я желаю спросить подсудимаго Агапова, подтверждаетъ ли онъ прежній свой оговоръ, что эти книжки мои?—Подс. Агаповъ. Оговоръ этотъ я совершенно отрицаю. Бумаги масляныя и съ надписями принадлежатъ мнѣ, но, откуда получены, я не желаю показывать. Книги же принадлежатъ Лукашевичу.—Подс. Бардина. Я откъ зываюсь отъ прежнихъ показаній по отношенію Джабадари и Чекоидзе. Я познакомилась съ ними лѣтомъ 1874 года за границей. За недѣлю до ареста я встрѣтилась съ Джабадари въ Москвѣ на улицѣ и дала свой

адресъ. Они были у меня нѣсколько разъ просить денегъ взаймы на дорогу. Я сказала, что въ настоящее время нѣтъ, но что должна получить и просила зайти. Относительно другихъ подсудимыхъ я подтверждаю ихъ показанія. Потомъ въ обвинительномъ актѣ есть маленькая ошибка: сказано, что я пріѣхала въ Москву съ Павловымъ, между тѣмъ, я на дознаніи показала, что встрѣтила Павлова только за три дня до ареста.—Подс. Джабадари. Такъ какъ первая группа кончается, и я узнаю изъ свидѣтельскихъ показаній, что меня нельзя обвинять ни въ распространеніи книгъ, ни въ пропагандѣ, потому что даже свидѣтели подтверждаютъ мое показаніе, то поэтому я считаю нужнымъ объяснить, какимъ образомъ я былъ знакомъ съ рабочими. Я не отрицаю, что меня могли знать Зотовъ, Игнатовъ и другіе, на томъ основаніи, какъ я съ перваго раза показалъ, что ходилъ въ Сыромятники вмѣстѣ съ хозяиномъ квартиры, Васильевымъ, у котораго жилъ въ Красномъ Селѣ. Между тѣмъ, я обвиняюсь въ томъ, что пропагандировалъ революціонныя идеи и распространялъ книжки. Я признаю, что ходилъ на квартиру въ Сыромятники, и очень можетъ быть, что на этой квартирѣ меня знали многіе изъ рабочихъ, но они ничего не показываютъ, чтобы я говорилъ съ ними что-нибудь. Они говорятъ только, что сидѣлъ съ ними въ трактирѣ и курилъ папиросы, но не говорятъ, чтобы я пропагандировалъ или давалъ книги. Я былъ проѣздомъ въ Москвѣ и долго жить не хотѣлъ. Думалъ поступить въ московскій университетъ, но раздумалъ, и ожидалъ выѣзда, но денежные обстоятельства не позволяли. Отъ Бардиной я долженъ былъ получить 60 руб. Я получилъ письмо отъ отца, который требовалъ, чтобы я скорѣе оставилъ Москву; Запрѣля, когда я хотѣлъ выѣхать, меня арестовали.—Подс. Суббогина (Евгенія) заявила, что она два мѣсяца жила безъ паспорта, потому что онъ находился въ жандармскомъ управленіи, а свидѣтельства его не хотѣли прописывать. Она просила возвратитъ паспортъ, но ей не возвращали. На этомъ первоприсутствующій объявилъ судебное слѣдствіе по первой группѣ оконченнымъ. Защита представила списки документовъ, почерки которыхъ желала проверить черезъ вызванныхъ по ея ходатайству въ судъ экспертовъ. Обвинитель просилъ нѣсколько минутъ времени для разсмотрѣнія этихъ списковъ и по возобновленіи засѣданія далъ заключеніе. Защита частью настаивала на сличеніи указанныхъ ею документовъ и частью измѣнила прежнее указаніе на извѣстные документы. Подс. Здановичъ заявилъ: «Такъ какъ прокурорскій надзоръ требуетъ, чтобы почеркъ документовъ, приписываемыхъ мнѣ, былъ сличенъ съ показаніемъ, которое я самъ писалъ, то, чтобы не ввести экспертовъ въ заблужденіе, я заявляю, что всѣ мои показанія писаны фальшивою рукою, т. е. я перемѣнялъ почеркъ во время написанія показаній». Затѣмъ онъ призналъ, что «Программа революціонной дѣятельности» писана его рукою. Первоприсутствующій объявилъ, что постановленіе особаго присутствія, по ходатайству защиты о сличеніи почерковъ, въ виду многочисленности указанныхъ документовъ, будетъ объявлено на слѣдующій день, и что особое присутствіе въ настоящее время приступить къ производству слѣдствія по второй группѣ. Затѣмъ прочтенъ протоколъ объ арестѣ и обыскѣ въ Иваново-Вознесенскѣ. Сущность его изложена въ обвинительномъ актѣ и кромѣ этого въ немъ еще значително, что обыскъ въ квартирѣ подсудимыхъ и составленіе протокола были приостановлены вслѣдствіе того, что противъ дома собралась значительная толпа народа, заставившая власти усомниться въ сохраненіи порядка, арестованныхъ лицъ и вещественныхъ доказательствъ; къ тому же явился хозяинъ дома, Кисинъ, въ нетрезвомъ состояніи и, когда его вывели, онъ вошелъ въ средину толпы, «сталъ разсуждать, и толпа стала прибывать». Поэтому арестованные были отправлены подъ стражу, а вещественныя доказательства

опечатаны и перенесены въ полицейское управленіе. Наконецъ, сказано, что вслѣдствіе буйства и для усмиренія ткача Николаева ему связали руки, причѣмъ у оного жандарма оказался укушеннымъ палець. Этотъ протоколъ ткачи и ткачихи подписать отказались. Первоприсутствующій. Подсудимый Агаповъ, въ прочитанномъ протоколѣ встрѣчается ваша фамилія. Не желаете ли поэтому объяснить что-либо, напримѣръ, какимъ образомъ вы попали въ Иваново-Вознесенскъ, когда уже были задержаны въ Москвѣ, въ домѣ Корсакъ? Подс. Агаповъ. Послѣ освобожденія изъ-подъ стражи, я отправленъ въ Иваново-Вознесенскъ на пропаганду. — В. Въ чемъ должна была заключаться пропаганда? — О. Устная пропаганда и распространеніе книгъ.—В. Вы по собственному побужденію это сдѣлали?—О. По собственному.—В. Почему же вы пришли въ домъ Кисина?—О. Я съ Владиміромъ Александровымъ встрѣтился на станціи Новки, и мы вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали и отыскали квартиру.—В. Долго пробыли въ этой квартирѣ?—О. Мѣсяца два.—В. Какимъ образомъ вы пропагандировали?—О. Знакомился съ рабочими, говорилъ, читалъ книги.—В. Какія книги? — О. Вообще революціонныя, онѣ извѣстны.—В. Вы это дѣлали одинъ или съ другими?—О. Иногда вмѣстѣ съ Александровымъ; но болѣе ни съ кѣмъ. Первоприсутствующій. Подсудимый Владиміръ Александровъ, что вы имѣете сказать? Подс. Влад. Александровъ. Я ничего не желаю говорить. Я не отрицаю, что распространялъ революціонныя идеи посредствомъ устной пропаганды и книгъ, но не желаю давать объясненій, такъ какъ дѣйствовалъ по своему убѣжденію.—По просьбѣ защиты былъ спрошенъ свидѣтель Бариновъ, который показалъ, что братъ его пришелъ въ деревню около 20 августа и пробылъ три недѣли. Говорилъ, что былъ въ Москвѣ, а говорилъ ли, что былъ въ Иваново-Вознесенскѣ, свидѣтель не помнитъ. (Засимъ всѣ свидѣтели первой группы были отпущены совсѣмъ, и засѣданіе прервано до 11 часовъ утра слѣдующаго дня).

По открытіи засѣданія въ залу были приглашены эксперты. Первоприсутствующій прочелъ постановленіе особаго присутствія. Затѣмъ документы для сличенія почерковъ были вручены экспертамъ, и они удалились въ особую комнату. Свид. Нилъ Литвиновъ показалъ, что «Сказку о четырехъ братьяхъ» онъ получилъ черезъ мальчика Зобаева, который занимался у него въ конторѣ писцомъ. Свидѣтель тотчасъ же далъ знать Зубкову, который на второй или третій день пріѣхалъ, и началось слѣдствіе. Зобаеву передалъ книжку Трухинъ. «Я прочиталъ, сказала свидѣль, въ газетахъ, что какой-то господинъ хотѣлъ отправиться въ Иваново-Вознесенскъ съ подобнымъ порученіемъ и сталъ слѣдить за появленіемъ запрещенныхъ книгъ на фабрикѣ». Свид. Тимоѣей Буровъ показалъ, что кумъ его, Широковъ, училъ ткать одну женщину, которая пригласила его къ себѣ въ гости и просила, чтобы онъ, Широковъ, приводилъ къ ней своихъ родственниковъ или хорошихъ знакомыхъ. Ихъ попотчевали чайкомъ. Свидѣтель увидѣлъ на окнѣ книжку и сталъ ее смотрѣть. Одинъ изъ бывшихъ въ квартирѣ мужчинъ спросилъ: «грамотѣ знаешь?»—Знаю, говорю.—«Это, говоритъ, книжка пустышная, а вотъ возьми «Сказку о четырехъ братьяхъ.»—«У меня на фабрикѣ отобрали книжку, и меня представили въ полицію.» Въ полиціи свидѣтель рассказалъ, откуда взялъ книжку и указалъ квартиру пропагандистовъ. Книжку далъ ему Иванъ Петровъ. Тамъ жилъ еще Николай и четыре женщины, которыя одѣвались просто «по рабочему». Свидѣтель былъ подъ арестомъ съ недѣлю. Въ первое посѣщеніе свидѣтель былъ въ домѣ Бурылина, а во второе—въ домѣ Кисина, книжку получилъ дня за два или за три до Спаса Преображенія. Свидѣтель призналъ подсудимыхъ: Екатерину Гамкрелидзе, Баринава, Александра и другихъ, которыхъ видѣлъ въ Ивановѣ. Подс. Вл. Александровъ. Буровъ

сначала сказалъ въ полицію, что купилъ книжку на базарѣ, а когда былъ подъ строгимъ арестомъ, онъ показалъ, что ему дали. Первоприсутствующій. Здѣсь свидѣтель далъ показаніе подъ присягою. На вопросы защиты свид. Буровъ показалъ, что при обыскѣ присутствовалъ; протоколъ подписывалъ у полиціймейстера въ домѣ, кажется, на другой день обыска. Толпу передъ домомъ Кисина незамѣтилъ. Подс. Фигнеръ заявила, что свидѣтель улицу видѣть не могъ, потому что сидѣлъ въ задней комнатѣ. Подс. Вл. Александровъ. Въ обвинительномъ актѣ сказано только, что при помощи жандармовъ былъ восстановленъ порядокъ при обыскѣ. Но дѣло было такъ: когда я пришелъ на квартиру въ домъ Кисина, которая была нанята на мое имя, я нашелъ тамъ полиціймейстера Успенскаго, его помощника и 8 человекъ жандармовъ. Когда я спросилъ, что имъ нужно, то полиціймейстеръ кричалъ на меня и велѣлъ раздѣваться, говоря, что нужно обыскать. Я просилъ показать предписаніе прокурора, но онъ сказалъ, что это не полагается. На ихъ сторонѣ была сила, и я далъ себя обыскать, послѣ чего сѣлъ въ углу. Въ это время Александрова хотѣла уничтожить какую-то записку, но на нее бросились два жандарма и стали душить за горло, такъ что языкъ высунулся. Я бросился на нихъ и отбилъ ее. Но на меня напали 6 жандармовъ, побили и связали, а потомъ еще въ сѣняхъ били. Первоприсутствующій. Вы, значитъ, подтверждаете то, что изложено въ протоколѣ. Подс. Фигнеръ. Я хочу указать на противозаконныя дѣйствія полиціймейстера Успенскаго. Протоколъ составленъ не на мѣстѣ обыска и не сейчасъ послѣ него. Спустя часоу 6 или 7 онъ сталъ составлять протоколъ, послѣ того какъ насъ привели въ полицію. Я стала свидѣтельницей спора между полиціймейстеромъ и его помощникомъ относительно того, гдѣ найденъ былъ кошелекъ съ шифрами. Полиціймейстеръ говорилъ, что у меня въ карманѣ, а помощникъ отрицалъ это, и я отрицала. Теперь я нахожу показаніе унтеръ-офицера, что я достала кошелекъ изъ кармама, между тѣмъ, я достала его изъ стола. Я не отрицаю, что кошелекъ принадлежитъ мнѣ, а это показаніе жандарма для меня ново. Вѣроятно, протоколъ составленъ не въ одномъ экземплярѣ, потому что въ томъ протоколѣ, который тогда составляли, этого показанія не было. Изъ прочитаннаго показанія Кузьмы Семенова, между прочимъ, видно, что подсудимый Агаповъ, поступивъ на фабрику ткачемъ, ткать совсѣмъ не умѣлъ и учился у свидѣтеля. Онъ приходилъ къ нему въ гости; разъ получилъ отъ него листокъ «Чтой-то братцы», который онъ прочиталъ и отдалъ назадъ. Потомъ получилъ еще «Сказку»; прочиталъ, но не могъ понять и далъ ее прочитать Аванасію, «такъ какъ онъ хорошо знаетъ по божественному». Аванасій сказалъ, что тутъ все пустое. Свидѣтель возвратилъ сказку Семену (Агапову). Потомъ Семень и Николай читали «Хитрую механику» и «Богъ да Богъ.» «Въ ней ругали кушцовъ—книга пустая, и я пересталъ къ нимъ ходить.» Свид. Михаилъ Широковъ показалъ, что училъ одну дѣвицу ткать; она его пригласила къ себѣ въ гости и просила приводить съ собой другихъ. Онъ сходилъ. Тамъ его «чайкомъ угостили и водочки поднесли.» Потомъ онъ былъ съ Буровымъ, причеуъ повторилъ показаніе Бурова относительно получения книжки. Свид. Аванасій Андреевъ показалъ, что съ нимъ на фабрикѣ работалъ Иванъ Пѣтровъ, которому онъ помогалъ. Былъ у него въ гостяхъ и видѣлъ тамъ Николая и трехъ женщинъ. Былъ по приглашенію дѣвицы, которая звала чайку попить. Кузьма Семеновъ давалъ свидѣтелю читать книжку, которую онъ возвратилъ Семенову. Подс. Вл. Александровъ. Я признаю этого свидѣтеля. Свид. Егоръ Борисовъ показалъ, что разъ къ нимъ въ комнату, на фабрикѣ Лопатина, Василій Ильичевъ принесъ книжку и сказалъ: «Отъ скуки почитайте; книжка очень любопытная.» Свидѣ-

тель не обратилъ на нее вниманія, и она цѣлую недѣлю валялась на окнѣ. Свид. Василій Ильичевъ показалъ, что съ нимъ на фабрику Лопатина жилъ человекъ, называвшійся «Евстратіемъ Николаевымъ.» Разъ онъ увидаль у него книжку «Оч рки рабочей жизни» и попросилъ почитать. Онъ далъ. «Потомъ мнѣ пришлось, сказалъ свидѣтель, въ одномъ отдѣленіи съ нимъ работать. Между работой разговорку завели. Я спросилъ, кто онъ и откуда. Онъ говоритъ: «Тульской губерніи мѣщанинъ.» Я сказалъ, что далеко заѣхаль работать въ Иваново; въ Москвѣ ближе и лучше — «Ну, говоритъ, вездѣ испробовать надо. Однако, говоритъ, въ Москвѣ рабочіе стали поправляться.»—Чѣмъ, спрашиваю?—«А вотъ, говоритъ, есть книжки такія; они читаютъ, дѣлаютъ стачки: бросятъ работу и стануть требовать уменьшенія часовъ работы и прибавки жалованья. Если угодно, я, говоритъ, покажу такую книжку.»—Я сказалъ: покажи.—Онъ принесъ двѣ книжки: «Четырехъ братьевъ» и «Исторію французскаго крестьянина». «О четырехъ братьяхъ» я прочиталь, а другую отдалъ Егору Борисову. Потомъ я ушелъ на праздникъ въ деревню; мнѣ вышло другое мѣсто, въ Иваново я больше не вернулся и ихъ не видаль». Тов. оберъ-прокурора просилъ прочитать показаніе отсутствующаго свидѣтеля Жарковскаго. Прис. пов. Ольхинъ и Боровиковскій просили не читать этого показанія. Особое присутствіе, принимая во вниманіе, что всѣ документы, находящіеся въ производствѣ, подлежатъ разсмотрѣнію особаго присутствія; что въ силу этого вопросъ о прочтеніи показанія отсутствующаго свидѣтеля имѣетъ особое значеніе только на судѣ съ присяжными засѣдателями, и что прочтеніе показанія Жарковскаго дастъ возможность защитѣ и подсудимымъ представить суду, если они то найдутъ нужнымъ, свои возраженія по поводу этого показанія, постановило: прочесть показаніе Жарковскаго. Вслѣдствіе этого прочитано слѣдующее показаніе Жарковскаго. «Федоръ Михайловъ Жарковскій, иваново-вознесенскій мѣщанинъ, 20-ти лѣтъ, православный, грамотный, холостой, проживаю въ городѣ Иваново-Вознесенскѣ и въ послѣднее время мѣсяцевъ шесть занимался въ депо желѣзной дороги помощникомъ слесаря, куда поступилъ 1 февраля текущаго года, а недѣли за полторы или за двѣ до этого числа я прибылъ изъ Владиміра, гдѣ содержался въ тюрьмѣ по дѣлу Шрейдера. Недѣли за четыре до нынѣшняго дня, я однажды пришелъ въ трактиръ Бутова, находящейся въ г. Иваново-Вознесенскѣ, и пилъ пиво. Когда я за столомъ въ трактирѣ Бутова сидѣлъ и пилъ пиво, то за другой столъ сѣлъ неизвѣстный мнѣ дотолѣ Агаповъ, который предложилъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ выпить пива. Я не старался догадаться, зачѣмъ незнакомый мнѣ человекъ желаетъ меня угощать; выпили мы съ нимъ три бутылки пива и онъ меня спрашиваль, кто я и гдѣ работаю, что я ему и объяснилъ, и въ свою очередь я узналъ отъ него, что онъ пріѣзжій изъ Москвы, Семень Ивановъ Агаповъ, пріѣхаль въ Иваново-Вознесенскъ мѣсяца два или три, работалъ на заводѣ у Шипова молотобойцемъ, а теперь прійскиваетъ мѣсто. Въ это первое свиданіе я не рассказываль Агапову, что сидѣлъ въ острогѣ. Выпивши три бутылки пива, мы потомъ еще употребляли какое-то вино и я сдѣлался такъ сильно пьянъ, что поѣхаль прямо домой на извозчикѣ, а Агаповъ остался. Въ это свиданіе Агаповъ только говорилъ, что когда-нибудь увидимся, но меня въ гости къ себѣ не приглашалъ и не рассказываль, гдѣ онъ квартируетъ. Точно также въ этотъ разъ онъ мнѣ не объяснилъ, есть ли у него пріѣхавшіе съ нимъ товарищи и почему онъ пріѣхаль для работы изъ Москвы въ Иваново-Вознесенскъ. На другой день или дня черезъ два, я шелъ съ работы домой, и когда я проходилъ мимо дома Кисина, то Агаповъ закричалъ мнѣ въ окно, чтобы я зашелъ къ нему на новоселье. Это было въ 6 часовъ вечера, и я, не заходя къ Ага-

пову, отправился сперва късебѣ домой, гдѣ пробыль съ полчаса только, пе-реодѣлся и пошелъ къ Агапову. Въ квартирѣ его я увидаль самого Ага-пова, другого мужчину, который называется Николаемъ или Николаевымъ, и третьяго, мнѣ неизвѣстнаго мужчину, лѣтъ 30-ти, ростомъ выше Агапо-ва, т. е. средняго роста; одѣтъ этотъ неизвѣстный былъ въ ситцевой ру-башкѣ, не помню какого цвѣта, и жилетъ; полагаю, что онъ изъ простого сословія, но рѣчь смахивала на московскую; съ черной бородой; тутъ же была одна женщина рыжеватая, которую называли Анной. Всѣ они сидѣ-ли, пили чай и на столѣ стояла бутылка водки. Агаповъ пригласиль меня пить чай и тутъ я узналъ, что одного изъ мужчинъ зовуть Николаемъ. Въ этотъ разъ я у Агапова былъ не долго и никакихъ особенныхъ раз-говоровъ у насъ не было. Агаповъ говорилъ только, что въ Москвѣ на фабрикахъ жить лучше, но я не спрашиваль его, почему же если въ Москвѣ жить лучше, а онъ прїѣхаль въ Иваново-Вознесенскъ. Послѣ того я неоднократно, разъ шесть, посѣщаль квартиру Агапова, иногда за-ходилъ въ рабочіе дни вечеромъ, а иногда по праздникамъ. Ходиль я ту-да отъ скуки, потому что мои товарищи изъ деревни Воронянкава, кото-рые ходять гулять въ нашу улицу, заняты были крестьянскими работами. Во время посѣщеній моихъ Агапова я первоначально встрѣчалъ тамъ, кромѣ вышеупомянутой Анны, еще двухъ женщинъ, изъ которыхъ одну называли Елизаветой, а какъ звали другую—не знаю. Послѣ того я уви-далъ тамъ еще четвертую женщину, которую называли Ольгою, она черно-рабочая. Женщина эта появилась въ квартирѣ Агапова не задолго до на-шего арестованія, но въ точности времени опредѣлить не могу; мужчинъ же, кромѣ указанныхъ мною, я у Агапова не встрѣчалъ. При мнѣ никого другихъ гостей изъ мѣстныхъ жителей или рабочихъ не бывало. Хотя я спрашиваль Агапова объ отношеніяхъ его къ женщинамъ, но онъ мнѣ объ этомъ ничего не объяснялъ. Въ разговорахъ рассказываль Агапову, что я былъ заарестованъ по дѣлу Шрейдера, и объяснялъ, что Шрейдеръ сынъ генераль-маіора, который работалъ на фабрикѣ Лопатина въ ученикахъ слесарныхъ, съ которымъ я познакомился на работѣ и ходиль вмѣстѣ гу-лять и который, удалившись изъ Иванова, оставиль своей квартирной хо-зяйкѣ взятыя изъ библіотеки книги для передачи мнѣ, а въ числѣ этихъ книгъ оказались три книжки, именно: «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Исторія одного французскаго крестьянина» и третья, кажется, «Стѣнка, Разинъ» въ стихахъ; что, прочитавъ эти книги, я нашель, что онъ дурныя, и сжегъ ихъ, и что послѣ того начались розыски Шрейдера, и я былъ за-арестованъ. На это Агаповъ мнѣ ничего не говорилъ, чтобы у нихъ въ квартирѣ былъ складъ книгъ преступнаго содержанія и чтобы ему случа-лось самому читать эти книги. Агаповъ только совѣтоваль мнѣ уѣхать изъ Иванова на работу куда-нибудь въ другое мѣсто, Москву или Петер-бургъ, такъ какъ тамъ лучше заработка. Женщины въ разговоръ нашъ не вмѣшивались и во время моихъ посѣщеній занимались или шитьемъ, или пили чай, иногда читали книги, но не вслухъ, и книги, какъ я могъ замѣтить, бы-ли изъ общественной мѣстной библіотеки; пѣсенъ онѣ при мнѣ не пѣли и стиховъ не говорили. Однажды Агаповъ мнѣ сказалъ, что онъ поступиль къ Зубкову, а о Николаѣ я зналъ, что онъ живетъ у Лопатина, но въ какой долж-ности— мнѣ неизвѣстно. Какъ можно было замѣтить примойхъ посѣщеніяхъ, всѣ обращались съ требованіями подать что-либо—къ Аннѣ; но кто былъ глав-нымъ распорядителемъ изъ мужчинъ—я не знаю. Я преимущественно былъ знакомъ съ Агаповымъ, а съ Николаемъ объяснялся мало и съ женщинами также почти былъ незнакомъ. Съ Агаповымъ или къмъ-либо изъ жившихъ съ нимъ я гулять никуда не ходиль, а ходиль иногда съ Агаповымъ въ трактиръ пить чай и въ кабакъ пить вино; вообще, хотя я съ Агаповымъ

былъ знакомъ только 3 недѣли, но сдружился съ нимъ, потому что у меня такой характеръ. Сживаль я въ квартирѣ у Агапова часовъ до 8 вечера, а иногда и до 10, но рѣдко. Повторяю, что никогда во время посѣщеній моихъ я не имѣлъ съ Агаповымъ и другими его товарищами никакихъ преступныхъ разговоровъ. При мнѣ Иванъ Кузьминъ Кисинъ никогда въ квартирѣ Агапова не бывалъ, а только я слышалъ при разговорѣ съ Агаповымъ или его товарищами, что въ день переѣзда ихъ въ домъ Кисина, или на другой день, Кисинъ пьяный ломился къ нимъ въ дверь и вообще кричалъ имъ, зачѣмъ они сюда пришли; но когда они объяснили ему, что они жильцы, то онъ ушелъ. Женщины, какъ я слышалъ отъ Агапова, именно двѣ, Елизавета и другая, мнѣ неизвѣстная по имени, были ткачихи, кажется, у Зубкова, но работали ли онѣ—я не знаю. Что дѣлали Ольга и Анна, я тоже не знаю. Анна только стряпала. Въ разговорахъ я никогда не любопытствовалъ узнать у Агапова о денежныхъ средствахъ его и его товарищей. Человѣка съ черною бородою, котораго я увидаль у Агапова въ первое мое посѣщеніе, я, кажется, только и видѣлъ одинъ разъ, а потомъ я его уже тамъ болѣе не встрѣчалъ. Наканунѣ нашего заарестованія я, по случаю праздника Преображенія, весь день не работалъ; часовъ до 2-хъ былъ дома, а затѣмъ шлялся: ходить въ рошу одинъ, потому что товарищей не было, потомъ въ этотъ же вечеръ былъ у Агапова часовъ до 7, а потомъ вмѣстѣ съ нимъ были въ разныхъ питейныхъ заведеніяхъ часовъ до 10, пили чай, а водку пили мало. Ходили мы просто для того, чтобы гулять. Въ 10 часовъ мы разошлись по домамъ. На другой день, 7 числа, я опоздалъ на работу, потому что пилъ чай. Увидавъ, что я опоздалъ, пошелъ домой, сходилъ купаться, а потомъ къ Агапову. Это было часовъ въ 8 или 9 утра. Когда я шелъ мимо Агапова, то онъ зазвалъ меня и спросилъ, не знаю ли я какой квартиры. Я ему указалъ на домъ Ирины Ѳедоровой Тихомировой. Я не знаю, ея ли это домъ, потому что у нея живъ еще отецъ. Домъ этотъ расположенъ сзади нашей усадьбы: огородъ нашъ и огородъ Тихомировой сходятся вмѣстѣ. Когда мы пришли съ Агаповымъ, то застали дома одну Ирину Ѳедорову и она намъ указала переднюю комнату, которая перегорожена и гдѣ въ прихожей квартируетъ приставъ Харлампій Ивановъ съ своей женою, а передняя часть этой комнаты свободна. Но Ирина не отдала тогда окончательно въ наймы эту комнату, а сказала, чтобы пришли, нѣсколько позже, когда будетъ дома ея отецъ. Мы отправились съ Агаповымъ въ кабакъ, а потомъ на рѣку купаться, и послѣ того снова пришли къ Тихомировымъ, но Ирины уже не застали. Дома былъ отецъ ея Ѳедоръ Ѳедоровичъ, который предложилъ условіе, чтобы въ этой комнатѣ, находящейся въ верхнемъ этажѣ, не курить табаку и указалъ другую комнату въ нижнемъ этажѣ, но не рѣшился сказать цѣны безъ дочери. Агаповъ говорилъ Тихомировымъ, что квартирантовъ будетъ шесть человѣкъ. Почему Агаповъ и его товарищи хотѣли съѣхать изъ дома Кисина—я не знаю. Отъ Тихомировыхъ мы отправились къ Агапову, и едва я успѣлъ тамъ выпить чашку чаю, какъ явилась полиція и насъ заарестовали. Когда я съ Агаповымъ возвратился отъ Тихомирова, то Николая дома не было, а также въ первый разъ, когда я въ этотъ день приходилъ къ Агапову и пилъ чай у того самаго окна, на которомъ лежали книги преступнаго содержанія, но до обыска книгъ этихъ я не замѣтилъ. Въ настоящее время мнѣ при допросѣ заявляется, что въ числѣ книгъ преступнаго содержанія, лежавшихъ на окнѣ, находились: «Сказка о четырехъ братьяхъ» и «Исторія одного французскаго крестьянина», но я объясняю, что несмотря на то, что подобныя книги въ прошломъ году были у меня въ рукахъ, но тѣмъ не менѣе лежавшія на окнѣ въ квартирѣ Агапова книги мнѣ не бросились въ глаза. Во время

шелъ Кисинъ и сталъ у дверей, а когда его удалили, то онъ сталъ подъ окномъ на улицѣ; былъ онъ выпивши, но я не слыхалъ, чтобы онъ кричалъ. Во время обыска я видѣлъ, какъ у одной изъ женщинъ, которую я не знаю какъ зовутъ, вырвали письмо, но я не знаю, откуда появилось у нея это письмо, и не видалъ, какъ она себѣ его взяла въ ротъ, потому что все происходило скоро. Оказавшіяся при мнѣ вещи: ключъ отъ ящика съ инструментомъ, кронъ-цикуль, а не клещи, какъ они названы въ полицейскомъ актѣ, мои собственныя, а марка изъ депо есть табельный номеръ, по которому повѣряется приходъ рабочему. Во время обыска я слышалъ, что жандармы передавали полиціймейстеру, что задержанныя женщины объясняются между собою на иностранномъ языкѣ, но я самъ ни во время обыска, ни при прежнихъ посѣщеніяхъ Агапова не слыхалъ, чтобы женщины эти разговаривали между собою на иностранномъ языкѣ; также я не видывалъ, чтобы онѣ объяснялись какими-либо условными знаками. Посѣщая квартиру Агапова, я только бывалъ у нихъ въ передней комнатѣ, а въ другихъ помѣщеніяхъ ихъ квартиры не бывалъ. Ходя въ квартиру Агапова, я не зналъ, что посѣщаль шайку преступниковъ. Я не содѣйствовалъ имъ въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, ни въ сношеніяхъ съ другими лицами той же преступной шайки, находящимися въ другихъ мѣстностяхъ. Въ дополненіе къ данному мною вчера показанію заявляю, что около мѣсяца тому назадъ, когда я не былъ на работѣ, то пришель въ мастерскую неизвѣстный мнѣ человекъ, оказавшійся потомъ Агаповымъ, и спрашивалъ Андріяна Жарковского. Я сказалъ, что я Федоръ Жарковскій, и неизвѣстный пригласилъ меня притти въ трактиръ Бутова. Здѣсь въ трактирѣ Агаповъ спросилъ меня, знаю ли я Марью Андрееву, и когда я сказалъ, что знаю, то Агаповъ сказалъ, что она писала ему обо мнѣ и онъ искалъ меня мѣсяца полтора, такъ какъ обо мнѣ писано было, что я живу у Шипова. При посѣщеніяхъ моихъ Агапова, онъ и товарищи его увлекали меня, чтобы я уѣхалъ изъ Иванова-Вознесенска, говоря, что здѣсь за мною наблюдаютъ и намекали мнѣ, что мнѣ будетъ все содержаніе, если я поѣду съ цѣлью пропаганды въ Петербургъ или куда-нибудь. Я говорилъ имъ, что здѣсь за мною слѣдятъ, что недавно за мною присылалъ полиціймейстеръ и поэтому-то они мнѣ и предлагали уѣхать. Читалъ я у нихъ на квартирѣ книгу «Хитрую механику», но кто далъ эту книгу — не помню, только одна изъ женщинъ. При мнѣ получено было однажды письмо, въ которомъ подъ строками были написаны цифры. Предложеніе мнѣ уѣхать дѣлали мнѣ всѣ, но преимущественно Агаповъ и одна изъ женщинъ. Николаевъ говорилъ менѣ другихъ. Незадолго до дня ареста, когда я былъ у Агапова, то пріѣхали къ нимъ какіе-то люди на лошадяхъ, которыхъ я, впрочемъ, не видѣлъ, а слышалъ только бубенчики, и Агаповъ куда-то уходилъ или уѣзжалъ съ однимъ изъ пріѣзжихъ, который средняго роста, черноватый, съ небольшою бородою. Письмо, о которомъ я сказалъ, одна изъ женщинъ читала, а другая карандашемъ писала цифры. Рассказывали они, что въ Серпуховѣ была стачка рабочихъ въ числѣ 4000 чел. и сдѣлано было, какъ желали рабочіе, т. е. чтобы въ праздникъ не работать. О Марьѣ Андреевой Агаповъ говорилъ, что она въ Курской губ., а Шрейдеръ въ Петербургѣ. О Тулѣ они мнѣ говорили, что туда нужны люди и предлагали ѣхать туда; говорили мнѣ, что тамъ у нихъ есть хорошій человекъ, слесарь, но имени и фамиліи его я не знаю, можетъ быть, они мнѣ говорили, но я забылъ. Полиціймейстеръ призывалъ меня еще до моего знакомства съ Агаповымъ, спрашивалъ меня о моей семьѣ, моемъ званіи, лѣтахъ и вѣроисповѣданіи, спрашивалъ меня, правда ли, что я будто бы хожу въ лѣсъ читать книги. Я ему отвѣтилъ, что этого не бывало, и онъ мнѣ сказалъ, что мнѣ нужно осторож-

нѣе, потому что я нахожусь подъ надзоромъ. Объ этомъ то, т. е. что нахожусь подъ надзоромъ, я между разговорами и рассказывалъ Агапову и его товарищамъ. Когда при мнѣ подъ письмомъ подписывались цифры, то я не любопытствовалъ узнать, зачѣмъ это дѣлается; они мнѣ только объясняли, что это шифрованное письмо, но я не спрашивалъ ихъ, съ кѣмъ производится такая переписка и почему она не пишется обыкновеннымъ письмомъ. Вообще я долженъ объяснить, что никакихъ опредѣленныхъ разговоровъ относительно пропаганды съ Агаповымъ и его товарищами не имѣлъ. Однажды, когда я читалъ у нихъ книгу «Пугачевцы», то на предложеніе ихъ куда-либо мнѣ уѣхать, я спрашивалъ ихъ, какія на это есть средства и откуда они берутся, какими цѣлями они руководятся, и выражалъ, что если я уже разъ приму ихъ предложеніе, такъ сказать, продамъ имъ, то и долженъ буду исполнять возлагаемая на меня обязанности, для чего, конечно, я долженъ сперва узнать все, такъ какъ, быть можетъ, мнѣ будутъ поручать то, что противно моей совѣсти, и тогда отказываться уже будетъ трудно. Собственно говоря, я имѣлъ сношенія или знакомство съ Агаповымъ и его товарищами по слѣдующимъ моимъ соображеніямъ, которыя я имъ однако-же не высказалъ. Еще прежде, когда я былъ знакомъ съ Шрейдеромъ, онъ говорилъ мнѣ, что въ Петербургѣ можно получить мѣсто за жалованіе около семидесяти рублей въ мѣсяцъ и при работѣ не болѣе 6-ти часовъ въ сутки. По семейнымъ обстоятельствамъ и своему нездоровью я долженъ былъ искать себѣ болѣе удобнаго мѣста и предполагалъ, что Агаповъ или его товарищи могли содѣйствовать мнѣ въ полученіи такового мѣста. Когда пріѣзжали въ квартиру Агапова какіе-то люди, о которыхъ я упомянулъ въ показаніи своемъ 17-го августа, то я не замѣтилъ, чтобы кто-либо изъ нихъ былъ особенно въ родственныхъ отношеніяхъ къ лицамъ, проживавшимъ въ означенной квартирѣ. Когда я прочелъ книжку «Хитрая механика», то они спрашивали моего мнѣнія какъ объ этой книгѣ, такъ и о «Сказкѣ о четырехъ братьяхъ» и другихъ прочтенныхъ мною книжкахъ, и я имъ высказалъ, что это ерунда и еще какъ-то выразился—не помню. На вопросъ ихъ, почему таково мое мнѣніе, я, не желая выразиться болѣе рѣзко, сказалъ, что «Сказка»—сказка и есть. Кромѣ упомянутыхъ уже мною книгъ, они дали мнѣ еще книгу «Коммуна», другую, названія которой не помню, и 3 листа какой-то газеты; все это я оставилъ у себя въ домѣ и еще не читалъ. Книги эти мнѣ дала Анна Григорьева.» Изъ протокола обыска квартиры Жарковского видно, что тамъ найдено въ комодѣ подъ дномъ нижняго ящика одна книга подъ названіемъ: «Парижская коммуна» № 2, изд. 1874 г. въ Женевѣ, три номера газеты подъ названіемъ «Впередъ» за № 1, 2 и 3; въ кушеткѣ въ ящикѣ оказалась одна книга со штемпелемъ иваново-вознесенской публичной бібліотеки подъ названіемъ «Пугачевцы», томъ третій, часть первая, «Два Коновода», сочиненіе Ев. Салиаса, изд. въ 1874 г. Въ жилетѣ Ѳедора Жарковского найдена записка, довольно смятая и ношенная, въ которой написано: «Всеобщая Исторія Берте» и проч. Болѣе ничего и нигдѣ въ помѣщеніяхъ дома Жарковского pozorительнаго не найдено.—Затѣмъ свидѣтели 2-й группы были отпущены. Подс. Фигнеръ заявила, что книги, найденныя у Жарковского, принадлежатъ ей и она, завернувъ ихъ въ бумагу, просила Топоркову передать свертокъ Жарковскому. Подс. Агаповъ объяснилъ, что былъ знакомъ съ Жарковскимъ, но не говорилъ ему ни о Марьѣ, ни о Шрейдерѣ, а слышалъ отъ него, что онъ былъ арестованъ, потому что жилъ вмѣстѣ съ Шрейдеромъ. Подс. Топоркова. Я хорошо не могу припомнить обстоятельства, о которомъ говоритъ Фигнеръ, но отъ себя я не давала Жарковскому книгъ. Я въ Иваново-Вознесенскѣ жила и поѣхала туда не съ

цѣлью пропаганды. Съ Фигнеръ я познакомилась за границей въ маѣ 1875 года. Недѣли за двѣ до отъѣзда въ Иваново я случайно встрѣтила ее въ Петербургѣ и возобновила съ нею знакомство. Во время нашихъ разговоровъ вопросъ коснулся рабочаго движенія на Западѣ. Я сказала, что не нахожу книгъ по этому вопросу и что странно, что такое важное общественное явленіе какъ-будто никого не интересуеть. Она сказала, что если этотъ вопросъ васъ интересуеть, то можно обойтись безъ книгъ и изучить его лично, на практикѣ, и что она можетъ доставить мнѣ этотъ случай, напр., приискать мѣсто кухарки, и что если я согласна принять это предложеніе, то она дастъ мнѣ адресъ. Недѣли черезъ двѣ она пришла и дала мнѣ адресъ, куда мнѣ отправиться и гдѣ я буду жить. Тутъ я опредѣленного ей ничего не сказала. Между тѣмъ, предложеніе ея мнѣ очень понравилось. Я считала страшнымъ зломъ, что рабочіе живутъ у насъ хуже скота. Но какъ помочь, я не знала. Я искала этихъ средствъ. Я не могла относиться безучастно къ этому вопросу. Фигнеръ представляла мнѣ такой прекрасный, рѣдкій случай—самой познакомиться съ рабочимъ вопросомъ. Я, не долго думая, согласилась и, не видя въ томъ ничего преступнаго, отправилась съ своимъ паспортомъ въ Иваново-Вознесенскъ. Тамъ я занималась исключительно только однимъ хозяйствомъ. Первоприсутствующій. А собранія тамъ бывали? Подс. Топоркова. У насъ на квартирѣ не было собраній. Къ жильцамъ моимъ ходили гости.— В. Какіе гости?— О. Рабочіе.— В. Какъ вы одѣвались?— О. Я была переодѣта; выдавала себя за женщину простого сословія.— По просьбѣ прис. повѣр. Люстига предложенъ былъ вопросъ подсудимому Агапову о томъ, какъ именовалась подсудимая Гамкрелидзе, подсудимый отвѣтилъ, что она называлась Екатериною. Подс. Вл. Александровъ. Невѣрность показанія Жарковскаго произошла оттого, что его держали въ шуйской банѣ; не было помѣщенія, и вслѣдствіе дурнаго содержанія, надѣясь получить свободу, онъ далъ такое показаніе. (Засѣданіе прервано до 11-ти часовъ утра слѣдующаго дня).

По открытіи засѣданія въ залу были приглашены эксперты, которымъ во вчерашнемъ засѣданіи были предложены слѣдующіе вопросы: 1. Письмо, отобранное въ г.Кіевѣ у обвиняемой Ольги Любатовичъ и адресованное на имя Гельфманъ, подвергнуть сличенію съ почеркомъ Ольги Любатовичъ на ея прошеніи 14 декабря 1876 года, находящимся въ производствѣ Правительствующаго Сената, причемъ эксперты должны сличить съ почеркомъ Любатовичъ адресъ на конвертѣ, слова, встрѣчающіяся въ шифрованномъ письмѣ, и надпись на оборотѣ письма. 2. Сличить переводъ письма арестанта, писанный чернилами на почтовой бумагѣ, съ почеркомъ обвиняемой Екатерины Гамкрелидзе въ протоколахъ допроса, въ томѣ V на листахъ 160—161. 3. Сличить почеркъ, которымъ писаны паспорта на имя крестьянъ Петра Матвѣева Сидоренко и Василя Иванова Юркова, съ почеркомъ обвиняемаго Млодецкаго на протоколѣ допроса тома IV листа 71 и прошенія 14 декабря 1876 г. въ производствѣ Правительствующаго Сената. 4. Сличить почеркъ, которымъ писано письмо, начинающееся словами: «Другъ Ваня», съ надписью, сдѣланной на конвертѣ, приложенномъ къ письму и въ протоколѣ допроса обвиняемаго Рождественскаго, тома V листа 347. 5. Сличить почеркъ, которымъ писаны письма: первое за подписью Воейковой и второе, начинающееся словами: «Милѣйшій другъ», съ протоколами допросовъ Надежды Субботиной, тома V листовъ 251—255. 6. Сличить: а) почеркъ, которымъ писаны паспорта на имена Елизаветы Ушаковой, Александры Ивановой, Ольги Ивановой и Евтропія Николаева; б) почеркъ, которымъ написанъ полулистъ почтовой бумаги и на которомъ сдѣлана надпись: «протоколъ номеръ 4-й, содержа-

щій въ себѣ изложене программы»; в) изъ сшитыхъ въ отдѣльную пачку листовъ, почеркъ, которымъ писанъ счетъ расходовъ, адресъ: Спасская ул., Докучаевъ переулокъ; г) почеркъ, которымъ писано письмо 19-го юля 1875 года, отобранное въ Иваново-Вознесенскѣ, съ почерковъ протоколовъ допроса обвиняемаго Здановича (онъ же Вернеръ и Иванъ Андреевъ) на листахъ 32, 33 и 34 тома X. На эти вопросы эксперты отвѣчали: На 1-й вопросъ: Почеркъ руки на письмѣ, адресованномъ на имя Гельфманъ, совершенно сходенъ съ почеркомъ адреса на конвертѣ письма по слѣдующимъ признакамъ: по манерѣ письма, которая на этихъ двухъ документахъ одинакова, а равно и по отдѣльнымъ буквамъ: В, я, в, с, р, д, б, ж, ф, т, ь, е, а, также знакъ краткій надъ буквой й. Надпись на оборотѣ письма «прошу передать В. Глѣбовой» сдѣлана тѣмъ же лицомъ, которое писало конвертъ, и все вышеупомянутое имѣетъ положительное сходство съ почеркомъ руки на прошеніи на имя прокурора окружнаго суда, отъ 14-го декабря 1876 года. На 2-й вопросъ: Почеркъ руки «переводъ письма арестанта» сходствуетъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквахъ, какъ, на примѣръ, прописныхъ: О, В и строчныхъ: у, др (эти двѣ буквы въ связи между собою), т, которая пишется какъ цифра 7, съ почеркомъ протокола допроса на листахъ 160 и 161. Хотя сходство указанныхъ буквъ такъ велико, что трудно допустить случайное ихъ появленіе въ текстѣ «переводъ письма арестанта», но, несмотря на это, сказать утвердительно не можемъ, писанъ ли этотъ переводъ почеркомъ руки Гамкредидзе, по недостаточности найденнаго нами матеріала. На 3-й вопросъ: Почеркъ руки на паспортахъ крестьянъ: Петра Матвѣева Сидоренко и Василя Иванова Юркова по манерѣ письма и отдѣльнымъ строчнымъ буквамъ: а, р, к, е,— имѣетъ значительное сходство съ почеркомъ, которымъ писано прошеніе въ особое присутствіе Правительствующаго Сената отъ 14 декабря 1876 года. При этомъ считаемъ необходимымъ присовокупить, что почеркъ руки Млодецаго на протоколѣ допроса до того измѣненъ сравнительно съ почеркомъ прошенія, что мы не признали возможности даже сличать паспорта съ протоколомъ его допроса. На 4-й вопросъ: Почеркъ руки, писавшей письмо, начинающееся словами: «Другъ Ваня», имѣетъ сходство съ почеркомъ руки на конвертѣ, что ясно можно видѣть по совершенно однородной шаткости почерка и по слову «Другъ», въ которомъ буквы разставлены такъ, что изобличаютъ привычку одного и того же лица: въ обоихъ случаяхъ въ словѣ «другъ» слогъ «гъ» отставленъ отъ слова «дру», а также буква «у» въ томъ же словѣ писана совершенно одинаково. Что же касается до почерка протокола, то хотя онъ представляется на первый взглядъ какъ бы несхожимъ съ почеркомъ письма и конверта, но по внимательномъ разсмотрѣніи и въ протоколѣ встрѣчаются буквы, какъ, на примѣръ, х, н, з, (эта послѣдняя пишется какъ французская буква s), въ особенности же буква н, которая пишется Рождественскимъ въ одномъ случаѣ какъ буква и, а въ другомъ—какъ буква н, и это послѣднее видоизмѣненіе этой буквы, написанной правильно, встрѣчается въ такой же совершенно формѣ на письмѣ и на конвертѣ, а потому можно допустить, что какъ письмо, такъ и надпись на конвертѣ писаны какъ бы его, Рождественскаго, рукою. На 5-й вопросъ: Сличали почеркъ руки, писавшей письма: 1-е за подписью Воейковой и 2-е, начинающееся со словъ: «Милѣйшій другъ», съ протоколами допроса на страницахъ 251 и 255, и нашли сходство только въ отдѣльныхъ буквахъ: прописное П и строчныхъ: ж, х (начало этой послѣдней пишется какъ французская буква s), к, и въ связи двѣ буквы ва. Такъ какъ болѣе никакихъ признаковъ сходства въ сличаемыхъ документахъ не представляется, то мы не можемъ опредѣлить, писано ли это почеркомъ руки писавшаго протоколъ.

а) Четыре паспорта по почерку имѣютъ нѣкоторое сходство съ почеркомъ руки на протоколахъ тома X, листовъ 32, 33 и 34, но это сходство до того незначительно, что мы не можемъ принять его въ соображеніе для вывода заключенія, написаны ли паспорта рукою, подписавшей протоколы, хотя и встрѣчаются одинаковые приемы написанія буквъ; такъ, напримѣръ, буква л, написанная какъ французская буква h, буквы д, р, а также весьма многія буквы съ подсрочной чертой—имѣютъ къ слѣдующей буквѣ особенную характерную привязку, если таковыя буквы находятся въ срединѣ слова. б) Почеркъ исписаннаго полулиста съ почерками вышеупомянутыхъ протоколовъ имѣетъ сходство, хотя написанъ мельче и сжатѣе. Слѣдующія буквы совершенно между собою схожи: прописныя С, В., строчныя д, р, у. в) Почеркъ сшитыхъ въ одну пачку листовъ имѣтъ сходство съ почеркомъ протоколовъ и по тѣмъ же вышеуказаннымъ признакамъ. г) Почеркъ письма отъ 19-го іюля 1875 года имѣетъ сходство съ тѣми же протоколами и по тѣмъ же признакамъ.—Послѣ перекрестнаго допроса экспертовъ были прочитаны слѣдующія письма, найденныя у подсудимыхъ: I. «Вы начинаете свое письмо словами «прежде всего»; начнемъ и мы такимъ же манеромъ. Прежде всего мы должны поставить вамъ на видъ, что вы имѣете неимовѣрныя претензіи; будто не знаете условій здѣшнихъ. Второе, напрасно силитесь вы доказать, что письмо ваше написано правильно: никакой чортъ его не пойметъ. Мы его хранимъ, какъ документъ. Мы не крючкотворы и на этомъ покончимъ полемику съ вами, хотя при желаніи можно было бы найти многое, за что васъ выругать слѣдуетъ. Но Богъ съ вами, прощаемъ.—Новостей много, есть хорошія и скверныя. Начнемъ съ «отцовъ.» Приѣхали отцы Михаила и Бетьки. Прежде первый, затѣмъ и второй. Дѣло Михаила, какъ передавалъ отецъ, стоитъ очень хорошо: его, быть можетъ, выпустятъ на поруки подъ залогъ. Посмотримъ. Дѣло Бетьки неизвѣстно. Отецъ поѣхалъ хлопотать въ Питеръ. Интересно, что не мы ихъ отыскивали и познакомили другъ съ другомъ, а сами снюхались и рассказали каждый про свое горе другому. Оказалось, что они имѣютъ точки соприкосновенія и соединились. Мы думаемъ, что скоро составится кружокъ «отцовъ». Отыскали тетку, она сидитъ въ городской части. Написали письмо; она почему-то поблѣднѣла, разорвала его и бросила на полъ. Не знаемъ объясненія этой странности. Письмо, писано рукою Вѣры. Дѣло Федора будто бы подвигалось и было готово, только прогнали слушателя тюрьмы и сношенія прекращены. Михаилъ проситъ уговорить Ивана Вас. отказаться отъ своего показанія на него, что онъ познакомился съ нимъ чрезъ Николая и зналъ, какъ Михаила Петрова. Жени нѣтъ, уѣхала домой. Я думаю скоро уѣхать по дѣлу о пути. Путь пропалъ: перехватила Гинцбурята, т. е. устроили такимъ образомъ, что и книги должны провозиться черезъ нашъ путь. Нужно уничтожить подковы. Вотъ каковы эти Гинцбурята проклятые, а мы большіе дураки: довѣряемъ имъ, а они проводятъ насъ. Съ юга вообще неутѣшительныя вѣсти. Ив. Ал. и Соня наотрѣзъ отказались остаться въ Одессѣ и уѣхали въ Кіевскую губернію въ деревню. Съ нимъ въ Одессѣ наши имѣли разговоръ и онъ вышелъ изъ нашей организаціи, разошелся съ нами. Мотивируетъ это тѣмъ, что онъ прежде ошибался, думая, что возможна какая-нибудь организація. Сколько его не убѣждали, «онъ остался непоколебимъ, какъ скала». Поступилъ въ какую-то шайку, не признающую будто бы организаціи, но выѣстъ съ тѣмъ съ такой сильной централизаціей, что они не должны знать другъ друга, раздѣляются на разряды и т. д., какъ обыкновенно бываетъ. Изъ Одессы пишутъ, что насчетъ этой компаніи ходятъ неодобрительныя слухи. Вообще, мы мало что понимаемъ въ этой комедіи. Это писали наши, а онъ самъ ничего объ этомъ намъ не писалъ, только мотивируетъ свой

отъездъ изъ Одессы тѣмъ, что ему тамъ опасно оставаться, имѣя много знакомыхъ. Ерунда, тысячу разъ ерунда. Здѣсь что-то не ладно; узнаемъ, посмотримъ. Была Вѣра въ Тулѣ. Тульскіе ведутъ себя преступно. Огромное у нихъ знакомство между рабочими и еще ни одной революціонной книги не читали имъ, «по осторожности»—моль. Хороша осторожность! Почва очень хорошая, сдѣлать возможно весьма многое, только нужно послать туда кого-либо болѣе энергичнаго, чѣмъ эти рыбообразные дѣятели, осторожные пропагандисты, осколки Ив. Ал—ва. Мы думаемъ, что Ольгѣ и Ванюшѣ не мѣшало бы туда переселиться, такъ какъ имъ положительно нельзя въ Одессѣ оставаться. Ихъ ищутъ, на нихъ сдѣланъ доносъ негодяемъ Зигеромъ. Вахтель по тому же доносу сидитъ. Надя нашла уже работу. Василию тоже общали. Если только почему-нибудь нельзя будетъ Ольгѣ уѣхать въ Тулу, то придется отнять человѣка отъ Вас., такъ какъ необходимо, въ виду, во-первыхъ, того, что тамъ огромное знакомство и прелестная почва, нужно только подталкиваніе, а, во-вторыхъ этого Злобина можетъ Ив. Ал. перетянуть. Тогда Тула ушла у насъ изъ рукъ, а этого нельзя дѣлать. Сапоговъ ни откуда нѣтъ. Никакихъ вѣстей ни отъ саратовца, ни отъ Егора, а въ Тулѣ недавно: смѣнили писаря, есть новыи, съ которымъ Злобинъ общался поговорить, но Аллахъ вѣдаетъ, когда все это будетъ. Впрочемъ, Женя пишетъ, «что есть надежда, что Маня скоро получитъ. Надежды-то много, да толку мало. Ѳеклуша вышла замужъ за князя Мутрука. Свадьба сыграна, отецъ доволенъ, общалъ деньги, но теперь не имѣетъ на рукахъ, и то хорошо. Знаете: Кабарда обвинчалась съ Россіей. Къ вопросу о Кабардѣ—пріѣхалъ Мут. сюда и рассказалъ много утѣшительнаго насчетъ Кабарды. Сильное возбужденіе въ мѣстной молодежи, борьба партій (политикановъ и социалистовъ). Социалисты берутъ верхъ. Вообще, страшная оживленность и жизнь. Въ Сванетіи (мѣстность на Кавказѣ, племя съ особымъ языкомъ, но большинство говоритъ по-грузински, живутъ въ неприступной котловинѣ, въ горахъ) бунтъ, вырѣзали гарнизонъ солдатъ, перебили начальниковъ, засорили дороги. Все это произошло по поводу акциза—наложили акцизъ на водку. Они не признаютъ такого беззаконія и вольные сванетинцы сговорились и взялись за свои всегда готовыя оружія. Подробности еще неизвѣстны, но дѣло должно быть жаркое: отъ намѣстника посланъ Трубецкой усмирять бунтъ. Въ Кутаисѣ схвачены осетинцы, пригнавшіе табунъ лошадей. Арестъ мотивируется тѣмъ, что будто бы они присланы отъ осетинцевъ къ грузинамъ для «переговоровъ». Дай Богъ! Поговариваютъ, что взбунтуется Абхазія. Черкесы, прогнанные въ Турцію, на сторожѣ, готовые совершенно, и только ждутъ случая. Кавказъ, словомъ, на военной ногѣ. Туда послали въдесятеро больше солдатъ, чѣмъ было до сихъ поръ. Это Кавказъ, а вотъ поглядите на Россію. 1. Посылаемъ кор. (другую) о Чичеринѣ. 2. Былъ бунтъ рабочихъ въ Серпуховѣ, на фабрикѣ Коншина. Бунтовало 4000 чел., требовали отмены работы подъ праздникъ, т. е. ночь субботы. Отказались работать. Стачка продолжалась 14 дней. Ихъ удовлетворили вполнѣ. Пріѣзжалъ туда губернаторъ и другіе, обходились съ народомъ очень вѣжливо, льстили рабочимъ до безобразія. Видно струхнули. Подробную кор. получили скоро. 3. Былъ бунтъ въ Тулѣ на казенномъ заводѣ. Мастера потеряли или прокутили машины; стали спрашивать съ рабочихъ, которые отказались и стали бунтовать, когда на нихъ наложили штрафъ въ уплату растроченныхъ машинъ. Подробностей не знаемъ. Злобинъ общалъ корреспонденцію. 4. Въ Питерѣ была стачка каменщиковъ противъ частнаго хвэзина. 5. На-дняхъ въ главномъ штабѣ крикнули: «да здравствуетъ революція!»; сейчасъ (быскъ, но ничего не нашли. Хотѣли прогнать писаря, крикнувшаго такую «дерзкую фразу», но почему-то помилосердство-

вади. 6. Въ Питерѣ читали недѣли 3 или 4 тому назадъ на Конной площади приговоръ одному «адъютанту», который, какъ говорятъ одни, найденъ за печатнымъ станкомъ во Владимірской губерніи, въ селѣ Павловѣ; другіе говорятъ, что на фабрикѣ. Такъ, этотъ «адъютантъ» говорилъ революціонную рѣчь. «Это ничего, ребята, что насъ казнятъ ссылаютъ; не падайте духомъ, продолжайте свое дѣло. Долой всѣ власти!» Телеграфировали и прислали барабанщиковъ, которые заглушили «проклятаго революціонера». Вотъ оно какъ! А прочтите въ добавокъ циркуляръ Палена, который пересылаемъ вамъ. Какъ труситъ наше правительство революціонеровъ и ничего подѣлать не можетъ. Дѣлаетъ промахи, рядъ непослѣдовательностей; для нихъ гибель, намъ на руку. Циркуляръ посланъ для отпечатанія за границу отдѣльною брошюрою, съ должными комментаріями. Онъ будетъ имѣть успѣхъ громаднй. Платеъ получите съ Кагею, съ нею же книги дозволеннаго содержанія. Такъ какъ здѣсь не особенно много имѣется денегъ, то пока посылаемъ 100 руб. Посылаемъ книги, посылаемъ револьверы съ патронами. Убивайте, стрѣляйте работайте, бунтуйте! Горькая наша доля! Карабкаться приходится Вѣрѣ и мнѣ: мы думаемъ сбѣжать. Началось дѣло Дьякова. Мы будемъ посылать номера газетъ, гдѣ будетъ отчетъ о дѣлѣ. Первый номеръ отсылаемъ теперь же. Кажется, не успѣли выслать интереснаго циркуляра. Пошлемъ съ Катею. 19-го іюля 75 года. Москва Р. Не желаете ли получить по почтѣ M-lle Гамку; хотя она и вышла замужъ за Катю, но все-таки теряеть права называться мадамшею. Одесская община предложила принять въ нашу организацію Санчо, мотивируя тѣмъ, что, кромѣ его качествъ, какъ человѣка, еще и то, что онъ будетъ на Кавказѣ, а намъ необходимо имѣть тамъ своего человѣка. Московскіе чл. организаціи согласны и поддерживаютъ предложенія одесскихъ; вообще, остановка только за вами, а то всѣ согласны».—

II. «Отвѣчайте, вы или нѣтъ—С. К . . . ли. Напрасно ты пускаешь въ меня мокрыми ракетами, онѣ меня не трогаютъ, потому что, какъ тебѣ извѣстно, я не изъ слюнявыхъ Пора бы тебѣ отучиться отъ сантиментальностей; ей Богу, онѣ тебѣ не къ лицу; впрочемъ, мое такое мнѣніе, что онѣ ни къ кому нейдутъ. Объясни мнѣ, пожалуйста, чѣмъ это мы обидѣли роднаго человѣка; тѣмъ, что дѣло требовало пребыванія твоего (или кого-нибудь изъ Ив., для насъ все равно, и мы прямо на тебя не указывали)? Въ Тулѣ Рыжій выше объясняетъ положеніе дѣлъ въ Тулѣ и зачѣмъ это нужно. О бѣднй родной человѣкъ, какъ дѣйствительно тебя обижаютъ, я бы на твоемъ мѣстѣ непременно расплакалась!! Однако, разберемъ вполне серьезно, имѣли ли мы право предложить Иванъ переѣхать въ Тулу? Я думаю —да. А основанія вотъ какія: какъ вамъ извѣстно, вездѣ недостатокъ людей, а больше всего сконилось народу въ Ив., такъ что меньше всего будетъ ущерба для дѣла, если отнять одного человѣка у Ив. На этомъ основаніи мы было порѣшили сдѣлать предложеніе Ив., чтобы они выслали одну изъ бабъ въ Тулу. Кажется, ничего здѣсь нѣтъ ужаснаго и никакого преступленія противъ роднаго человѣка?! Не все только то приходится дѣлать, что пріятно; наприкладъ, Рыжему очень не хотѣлось ѣхать за границу, а между тѣмъ, онъ поѣхалъ, когда дѣло того требуетъ; мнѣ очень и очень не хотѣлось и не хочется сидѣть здѣсь и исполнять всѣ ваши глупые капризы и прихоти, а я сижу. Напиши, пожалуйста, Сашка, послала ли ты денегъ саратовцамъ на сапоги или нѣтъ; отъ нихъ до сихъ поръ нѣтъ письма. Напиши, что дѣлать и какъ къ нимъ можно обратиться. Ты, кажется, забыла, что родить сапоговъ нельзя; ты знаешь, съ какимъ трудомъ они достаются, и потому мы не виноваты, что ихъ нѣтъ. Равно—навсегда говорю вамъ, что прихотей вашихъ исполнять не буду, а приказаній или требованій подавно. У меня

не только свѣту въ окошкѣ, что вы. Наумовнѣ переписывать не буду; если хотите, нанимайте писцовъ, а я отказываюсь быть писцомъ для Иванова. Посылаю вамъ дяковское дѣло; буду вамъ высылать только тѣ номера, въ которыхъ есть что-нибудь интересное, а ежедневно высылать не буду; считаю это требованіе съ вашей стороны прихотью. Теперь относительно меня. Вамъ извѣстно, что я согласилась остаться въ администраціи только мѣсяць, да и въ программѣ сказано такъ, а сегодня 26 іюля, какъ разъ мѣсяць, такъ что я предлагаю, чтобы кто-нибудь изъ васъ замѣнилъ меня въ этой должности. Долно занимать эту должность я не хочу; мнѣ кажется, что непріятныя должности должны падать равномѣрно на всѣхъ, а не на одного человѣка. Прошу мнѣ на это скорѣе отвѣтить. Дольше оставаться не хочу. Работать я, вѣроятно, поѣду въ Кіевъ. Вѣроятно, отъ васъ не потребуется человѣка въ Тулу, Ольга должно быть поѣдетъ туда. Сношенія съ заключенными идутъ своимъ чередомъ. Завтра будетъ попытка къ освобожденію Федора. 26 іюля 1875 г. Москва».—III. «Анна, давно я тебѣ не писала, но теперь пользуюсь случаемъ, чтобы написать тебѣ нѣсколько строкъ. Вчера только я возвратилась изъ путешествія, измыкалась страсть какъ; ѣздила и по желѣзной и на перекладныхъ (200 верстъ отмахала), останавливалась не больше какъ на одинъ день. Приходилось быть въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Опять пришлось мнѣ быть въ положеніи социалистки. Ахъ, Анна, въ этотъ разъ это положеніе показалось мнѣ еще ужаснѣе, можетъ отъ присоединенія къ другимъ непріятностямъ—цѣлованье ногъ, поклоны, съ одной стороны, дранье кожи—съ другой. Я смотрѣла, смотрѣла, вертѣлась, вертѣлась, но, наконецъ, терпѣнье мое лопнуло, и я разразилась истерикой. Была я еще у одной социалистки—условія для пропаганды прекрасныя, народъ отличный, особенно замѣчательныя бабій элементъ. Какіхъ интересныхъ личностей приходилось видѣть—такихъ удалцовъ мало, описала бы, да мѣста не хватитъ, т. е. главное времени. Условія же жизни этой пропагандистки самыя ужасныя: безъ всякой связи, оторванная отъ всего міра, безъ книгъ, безъ средствъ, принужденная работать съ утра до ночи, чтобы поддерживать свое существованіе. Хорошая, толковая она женщина и хорошо бы дѣло у нея пошло, если бы были средства, а во-вторыхъ люди. Людей, людей, давайте, слышитесь отовсюду! Но гдѣ же ихъ взять, а недостатокъ чувствуется ошутительный. Грѣшно будетъ вамъ, господа, если вы не примете всѣхъ зависящихъ отъ васъ мѣрѣ, чтобы не ухнуть. О вашихъ ив. дѣлахъ я слушала разсказъ (Вѣры) вовсе не съ радостнымъ чувствомъ. Вы идете скорыми шагами къ погрому, который останется безслѣднымъ для Ив. и въ то же время ужаснымъ для общаго хода дѣлъ. Вы ведете дѣло даже болѣе неосторожно, чѣмъ оно велось прежде въ Москвѣ! Что же, ухайте, господа, но помните, что одинъ, два погрома—и мы остались на мели. Вѣра хочетъ уѣзжать въ Кіевъ, надо чтобы кто-нибудь пріѣхалъ замѣстить ее; хорошо было бы, если бы пріѣхала ты. Рыжого нѣтъ здѣсь; я ѣду сегодня для дѣлъ матери (въ Питеръ) на нѣсколько дней. Въ Москвѣ осталось народу изъ рабочихъ мало—всѣ разѣхались на покость, но съ августа опять всѣ съѣдутся и наступитъ опять жаркое время. Нѣсколько словъ о себѣ лично. Я работаю положительно запоемъ, вездѣ, гдѣ попадается, хорошая система страшно напряжена—боюсь, какъ бы струнка не лопнула, будетъ скандалъ! Чтой-то скверно чуется мнѣ. Мнѣ предстоитъ одна страшная непріятность, но писать тебѣ объ ней не буду—потомъ, когда совершится. Однако, довольно—il ne faut pas.... поговорила бы я съ тобой! Твоя Евгенія. P. S. Маня скучаетъ, ужасно больна, была у доктора, онъ прописалъ ей кумысъ. Мой дружескій привѣтъ всѣмъ товарищамъ; скажи имъ, что я обязуюсь высылать вамъ газету, напиши только адресъ, куда». — Затѣмъ

были предъявлены различныя вещественныя доказательства и нѣкоторыя изъ нихъ прочитаны, какъ, напр., адреса и другія. Подсуд. Фигнеръ. Письма, отобранныя въ Ивановѣ, принадлежать мнѣ и писаны ко мнѣ. Они писаны по адресу въ Иваново-Вознесенскъ, Аннѣ. Я ее знала раньше и этимъ объясняется, что въ нѣкоторыхъ письмахъ, обращаясь ко мнѣ, называютъ меня Анной.—Подс. Здановичъ. Письмо 19 іюля приписывается мнѣ, хотя эксперты утвердительно не сказали, что оно писано моею рукою; но такъ какъ прокуроръ обращаетъ на это особое вниманіе и подчеркиваетъ фразу: «убивайте, стрѣляйте, работайте, бунтуйте», и на основаніи этой фразы ставитъ все дѣло на иную точку, то я желалъ бы знать, придается ли этой фразѣ серьезное значеніе?—Первоприсутствующій. Теперь не время для этого. Это будетъ предметомъ судебныхъ преній. — Подс. Здановичъ. Изъ разныхъ мѣстъ письма видно, что эта фраза не имѣетъ серьезнаго значенія и что буквально ее нельзя понимать. Наконецъ, я просилъ бы допросить арестованныхъ въ Ивановѣ лицъ о томъ, получено ли это письмо шифрованнымъ, или было написано обыкновенными буквами. — В. Кого же именно вы хотите спросить?—О. Кого-нибудь изъ ивановцевъ.— В. Укажите кого.—О. Я не знаю, потому что не знаю, у кого нашли это письмо. — В. Если кто-нибудь изъ ивановцевъ пожелаетъ заявить, то можеть.—Подс. Здановичъ. Я хочу спросить, что есть ли это письмо копія съ шифрованного или самый оригиналъ?—Подс. Фигнеръ. Это письмо писано ко мнѣ. Оно получено зашифрованнымъ и было разобрано тамъ на мѣстѣ.—Первоприсутствующій. Кѣмъ же оно было писано?—Подс. Фигнеръ. На этотъ вопросъ я отказываюсь отвѣчать. — Подс. Джабадари. Въ этомъ письмѣ упоминается о Михаилѣ. Подъ этимъ именемъ подразумеваютъ меня. Я хотѣлъ бы спросить, на какомъ основаніи Здановичъ дѣлаетъ свое замѣчаніе. Принимаетъ ли онъ эти письма на себя, и если онъ отрицаетъ тотъ фактъ, что письмо принадлежитъ ему, то почему онъ сдѣлалъ такое заявленіе?—Первоприсутствующій. Эти пренія вовсе не разясняютъ дѣла, и я признаю ихъ излишними.—Прис. пов. Люстигъ, между прочимъ, проситъ сослаться на опись вещей Екатерины Гамкрелидзе, въ виду того, что обвиненіе удостовѣряетъ, что она ходила въ крестьянскомъ платьѣ, а, между тѣмъ, по описи такого платья не значится. Тов. оберъ-прок. замѣтилъ, что Гамкрелидзе была взята въ крестьянскомъ платьѣ. Прис. пов. Спасовичъ просилъ прочесть экспертизу сличенія почерка, которымъ написана приписка 26 іюля, съ почеркомъ Вѣры Любатовичъ. Изъ этой экспертизы видно, что вообще всѣ протоколы показаній, писанные рукой Вѣры Любатовичъ, съ которыми сличалось лишь письмо 26 іюля, такъ и другіе документы, указанные въ обвинительномъ актѣ, писаны искаженнымъ почеркомъ. Въ сличаемыхъ же документахъ тѣмъ не менѣе встрѣчается много буквъ и даже отдѣльныхъ словъ, которыя имѣютъ несомнѣнное сходство съ почеркомъ Вѣры Любатовичъ на протоколахъ. Письмо 26 іюля имѣетъ наименьшее сходство съ ея почеркомъ. Послѣ этого особое присутствіе приступило къ производству судебного слѣдствія по третьей группѣ. Тов. оберъ-прок. заявилъ, что онъ долженъ сдѣлать слѣдующія двѣ поправки въ обвинительномъ актѣ: во-первыхъ, въ обвинительномъ актѣ сказано, что скрывшійся Герасимъ Петровъ Лепесинъ скрывался въ Тулѣ, въ квартирѣ Куракова, между тѣмъ, по показанію свидѣтельницы Матвѣевой, онъ не скрывался въ квартирѣ Куракова, а она видѣла Лепесина вмѣстѣ съ Кураковымъ на площади. Во-вторыхъ, при дознаніи было сдѣлано начальникомъ воронежскаго жандармскаго управленія указаніе на свидѣтеля Щукина, и, согласно съ этимъ указаніемъ, объясненія Щукина внесены въ актъ. Допрошенный затѣмъ Щукинъ не далъ прямого отвѣта по этому предмету. Вызванный на судъ Щукинъ не явился и потому не-

возможно точно обслѣдовать справедливость заявленія, сдѣланнаго воронежскимъ жандармскимъ управленіемъ. Въ виду этого представляется справедливымъ выраженія, приписанныя Щукинымъ Едукову, исключить изъ числа уликъ къ обвиненію Николая Едукова. Прочитанъ протоколъ обыска, произведеннаго въ Тулѣ въ квартирѣ Махоткиной. Сущность его изложена въ обвинительномъ актѣ. Первоприсутствующій. Подсудимый Иванъ Едуковъ, вы были въ квартирѣ Махоткиной въ то время, когда производился тамъ обыскъ?—Подс. Едуковъ. Нѣтъ, я пришелъ, когда обыскъ уже начался.—В. По какому поводу вы пришли? — О. Я тамъ жилъ.—В. У Махоткиной?—О. Я зналъ только, что она Марья. Подсудимая Ольга Любатовичъ заявила, что назвалась Махоткиной только при обыскѣ. Первоприсутствующій (къ подсудимому Ивану Едукову). Какъ вы сошлись съ Марьей?—Подс. Иванъ Едуковъ. Черезъ посредство Сидоренки. Онъ назывался Махоткинымъ. Я работалъ съ нимъ вмѣстѣ на желѣзной дорогѣ и онъ рекомендовалъ меня къ ней на квартиру. — В. Сколько времени вы тамъ жили?—О. Съ 24 августа по 7 сентября.—В. Вы одни жили?—О. Нѣтъ, и братъ мой Николай жилъ.—В. А еще кто-нибудь жилъ?—О. Петръ Сидоренко.—Первоприсутствующій. Подсудимый Николай Едуковъ, вы жили у Махоткиной? — Подс. Н. Едуковъ. Жилъ. — В. Какъ туда попали? — О. Черезъ посредство Петра Сидоренко, въ одно время съ братомъ. — Первоприсутствующій. Подсудимый Фетисовъ, вы жили у Махоткиной?—Подс. Фетисовъ. Нѣтъ.—В. Во время обыска у нея были? — О. Я попалъ въ концѣ обыска или въ серединѣ.—В. По какому поводу вы пришли туда?—О. Въ тотъ день я встрѣтился съ товарищемъ по ремеслу Иваномъ Едуковымъ и съ нимъ пошелъ искать себѣ мѣста. Онъ пригласилъ меня къ себѣ: говорилъ, что можно и ночевать.—В. Вы первый разъ были на квартирѣ Махоткиной? — О. Да, первый разъ. Прежде я ее не зналъ. — Первоприсутствующій. Подсудимый Сидорацкій, вы были въ квартирѣ у Махоткиной?—Подс. Сидорацкій. Нѣтъ, я пріѣхалъ только въ тотъ день въ Тулу, когда меня арестовали на квартирѣ Махоткиной.—В. Какимъ образомъ вы, только что пріѣхавъ въ Тулу, попали прямо къ Махоткиной? —О. Я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Въ одномъ вагонѣ сидѣли Фетисовъ и Едуковъ. Не имѣя гдѣ остановиться, я узналъ отъ нихъ, что есть квартира, на которой можно прожить нѣсколько дней.—В. По какому поводу вы пріѣхали изъ Кіевской губерніи въ Тулу?—О. Если желаете выслушать мои показанія, то я могу разъяснить, какимъ образомъ я получилъ паспортъ на имя Зайцева.—В. Отъ кого вы его получили?—О. Отъ технического мастера кіевского полигона Григорія Александрова. — В. Вещи ваши были на квартирѣ Махоткиной?—О. Да, былъ сакъ-воляжъ.—В. Что у васъ въ немъ было?—О. Было бѣлье; сакъ-воляжъ былъ не запертъ. Во время обыска изъ него вынули пачку книгъ, завязанныхъ въ платокъ. Я тогда же заявлялъ, что вещи, завязанныя въ платокъ, мнѣ не принадлежатъ.—В. Вы были при самомъ обыскѣ?—О. Да, былъ.—В. Развѣ вы не видали тѣхъ дѣйствій, которыя тамъ производились? Какъ могъ этотъ узелъ попасть къ вамъ въ сакъ-воляжъ?—О. Я думаю, что его положили еще въ селѣ... Подс. Ольга Любатовичъ. Петръ Сидоренко взялъ книги изъ моей комнаты и положилъ въ сакъ-воляжъ Сидорацкаго.—Подс. Сидорацкій. Мое показаніе, приведенное въ обвинительномъ актѣ, относительно того, что я будто бы получилъ паспортъ отъ Михайлы, не вѣрно. Я тогда желалъ скрыть имя того лица, отъ котораго получилъ. Теперь я назвалъ его фамилію и желаю объяснить тѣ причины, по которымъ я взялъ фальшивый паспортъ. Лѣтомъ 1875 года, не желая продолжать ученіе въ училищѣ, а имѣя намѣреніе зачислиться въ ремесло слесарей, я просилъ у матери, чтобы она дала мнѣ паспортъ. Она отказала. Тогда я обратился къ своему знакомому Александръ

рову и просилъ, не можетъ ли онъ достать мнѣ паспортъ. Онъ обѣщалъ и просилъ меня притти въ одну изъ библиотекъ, такъ какъ полигонъ былъ очень далеко отъ моей квартиры. Въ библиотекѣ онъ вручилъ мнѣ паспортъ. Такъ какъ поздно было итти домой и къ тому далеко, то онъ пригласилъ меня переночевать въ одной квартирѣ, чтобы потомъ ѣхать въ Тулу. Такимъ образомъ я попалъ въ квартиру на Дмитровкѣ. Утромъ я уѣхалъ въ Тулу. Въ Тулѣ я зашелъ въ трактиръ и тамъ познакомился съ Фетисовымъ, который жилъ въ домѣ Куракова. Онъ пригласилъ меня къ себѣ; я согласился и прожилъ нѣсколько дней у него на квартирѣ. Потомъ мы отправились въ село Панино.—Первоприсутствующій. Почему вы не обучались слесарному ремеслу въ Кіевѣ?—Подс. Сидорацкій. Вслѣдствіе того, что мать не хотѣла, и такъ какъ у меня былъ фальшивый паспортъ, то меня могли тамъ разыскать. Кромѣ того, я слышалъ, что въ Тулѣ много фабрикъ и заводовъ.—В. (По просьбѣ защиты). Вы пріѣхали вмѣстѣ съ Фетисовымъ и обоими Едуковыми?—О. Кажется, Иванъ Едуковъ былъ. Мы всѣ пріѣхали изъ Панина. Я долженъ заявить, что въ обвинительномъ актѣ есть невѣрность: тамъ сказано, будто бы изъ Москвы я уѣхалъ изъ гостиницы вмѣстѣ съ Марьей Махоткиной, но я въ то время былъ уже въ селѣ Панинѣ. Я пріѣхалъ въ Тулу числа 16-го или 17-го и поступилъ на заводъ 19-го, а Махоткина выѣхала изъ Москвы только 19-го августа. У Фетисова прожилъ дня три. Квартира его была совершенно отдѣльная.—Подс. Иванъ Едуковъ. Я не ѣхалъ въ вагонѣ, это братъ ѣхалъ.—Подс. Николай Едуковъ. Да, я.—Подс. Ольга Любатовичъ. При мнѣ показывали прислугѣ гостиницы карточку Сидорацакого, но прислуга отрицала его.—Первоприсутствующій. Подсудимый Григорій Александровъ, что вы имѣте сказать?—Подсудимый Григорій Александровъ. Я не отрицаю показанія Сидорацакого.—В. Откуда вы получили паспортъ?—О. Не желаю объяснить.—Первоприсутствующій. Подсудимый Кураковъ, жили у васъ Едуковы?—Подс. Кураковъ. Нѣтъ, жилъ у меня Фетисовъ. Послѣднее время проживали нѣсколько дней Григорій и Петръ. Я не заявлялъ объ этомъ, потому что они не были прописаны.—В. Вы не знали этихъ лицъ?—О. Нѣтъ.—В. Вы были хозяиномъ квартиры?—О. Хозяинъ; но они къ нему приходили.—Подс. Сидорацкій. Квартира Фетисова отдѣльная, такъ что Кураковъ не могъ видѣть, кто бывалъ у Фетисова.—Первоприсутствующій. Подсудимая Ольга Любатовичъ, вы признаете, что жили въ Тулѣ?—Подс. Ольга Любатовичъ. Подъ именемъ Марьи жила. Во время обыска назвалась Махоткиной, потому что у меня былъ паспортъ на Махоткину. Свид. Василій Мансуровъ показалъ, что мастерской Злобинъ раздавалъ рабочимъ тульского оружейнаго завода разныя книжки и въ томъ числѣ свидѣтель бралъ четыре книжки, изъ коихъ три возвратилъ, а четвертую Злобинъ ему подарилъ. Онъ говорилъ объ этой книжкѣ съ товарищемъ; разговоръ услышалъ мастеръ и доложилъ генералу, которому свидѣтель и представилъ книжку. Это были «Очерки фабричной жизни», а три, которыя возвратилъ: «Юровая ярмарка», «Безобразный» и «У перевоза».—Прис. пов. Ольхинъ замѣтилъ, что всѣ эти книги не запрещенныя.—Тов. оберъ-прок. заявилъ, что Злобинъ и не обвиняется въ распространеніи запрещенныхъ книгъ.—Свид. Николай Аксеновъ показалъ, что также получилъ отъ Злобина книжку о томъ, отчего происходитъ громъ и молнія; затѣмъ читалъ «Юровую ярмарку», «О разведеніи картофеля» и еще одну, которую не помнитъ.—Свид. Александръ Введенскій показалъ, что весною 1874 года Злобинъ пріѣхалъ въ Тулу. Осенью уѣхалъ въ Петербургъ и вернулся обратно въ февралѣ 1875 года и въ скоромъ времени поступилъ на ружейный заводъ. Вскорѣ по его пріѣздѣ свидѣтель получилъ

два или три письма съ передачею Злобину, и передалъ. Нѣсколько разъ видалъ его товарищею; одного, котораго видѣлъ нѣсколько разъ, звали Иваномъ Семеновымъ (Фетисовъ). Послѣ ареста Злобина, свидѣтель получилъ для передачи ему еще три письма. Изъ числа подсудимыхъ свидѣтель опозналъ Фетисова. Подс. Фетисовъ. Я никогда не былъ у Злобина и первый разъ вижу Введенскаго здѣсь на судѣ. Свид. Введенскій призналъ еще подсудимаго Сидорацкаго. Подс. Сидорацкій. Вы ошибаетесь, я ни разу не былъ у Злобина. Свид. Введенскій. Я васъ узнаю. На дознаніи свидѣтель узнавалъ еще подсудимаго Кардашева, но не лично, а по фотографической карточкѣ: въ то время Кардашевъ былъ безъ бороды, а теперь съ бородою. Поэтому свидѣтель не могъ признать его въ числѣ подсудимыхъ. Тов. оберъ-прокур. объяснилъ, что онъ съ своей стороны уже сдѣлалъ заявленіе о томъ, что свидѣтель не призналъ на судѣ Кардашева, а это заявленіе въ интересахъ подсудимаго. Свид. Михаилъ Родіоновъ показалъ, что у него на квартирѣ всего одну недѣлю жила Марья (Махоткина) и потомъ переѣхала на другую. Жило ихъ трое, а именно: Марья, Петръ, а третьяго свидѣтель не знаетъ, какъ звать. Подсудимые: Ольга Любатовичъ и оба Едуковы признали, что жили вмѣстѣ на квартирѣ. Свид. Наталья Кузовлева показала, что у нея на квартирѣ жила дѣвушка Махогкина и двое мужчинъ, которыхъ не знаетъ, какъ звать. Ходили они въ крестьянскомъ платьѣ. Мужчины уходили на работу, а дѣвушка готовила кушанье и вообще занималась хозяйствомъ. Свид. Павелъ Дороговъ показалъ, что нанялъ квартиру у Куракова, гдѣ жилъ Иванъ Семеновъ (Фетисовъ). Черезъ нѣсколько времени къ нему пріѣхали изъ Кіева товарищи Григорій и Петръ, а еще черезъ нѣсколько времени пріѣхали Василій и Герасимъ. Къ нимъ ходили люди, читали книжки и вели разговоры. Потомъ Иванъ Семеновъ и Герасимъ отправились въ Панино, а остальные перешли на другую квартиру. Какія книжки читали—свидѣтель не знаетъ, но помнитъ одну на малороссійскомъ языкѣ. Въ время разговоровъ спорили. Во все это свидѣтель не вслушивался, такъ какъ приходилъ домой не на долго, имѣя постоянныя занятія на станціи желѣзной дороги. Разъ Фетисовъ вечеромъ завелъ разговоръ со свидѣтелемъ о томъ, отчего онъ не богатъ. Свидѣтель сказалъ, что не всѣмъ быть богатыми, что нужно быть кому-нибудь и бѣднымъ. Вообще онъ долго спорилъ съ нимъ, опровергалъ его доводы, и онъ, какъ будто разсердившись, сказалъ: «Ты не знаешь, какому Богу молиться: ты молишься деревяшкамъ». На это свидѣтель отвѣтилъ, что разговаривать съ нимъ, Фетисовымъ, больше не будетъ. Свидѣтель жилъ съ Фетисовымъ въ одной квартирѣ около мѣсяца. Въ Панино они уѣхали недѣли за двѣ до ареста. Въ квартирѣ оставались Василій и Герасимъ. Когда читали книжки, то Кураковъ при этомъ, кажется, не былъ: онъ неграмотный и въ собраніяхъ свидѣтель не всегда его видалъ. Помощн. прис. пов. Нечаевъ. Какъ вы поняли разговоръ объ иконахъ. Не то ли онъ хотѣлъ сказать, что иконы имѣютъ значеніе только по тѣмъ изображеніямъ, которыя на нихъ написаны, а не самая доска?—Свид. П. Дороговъ. Я не знаю, что онъ хотѣлъ сказать, но я понималъ, что онъ безбожникъ. Свидѣтель призналъ подсудимыхъ Сидорацкаго, Фетисова и Едуковыхъ. Подс. Фетисовъ. Дѣйствительно, я называлъ деревяшками, но онъ не понималъ меня. Я говорилъ въ томъ смыслѣ, что лику написанному нужно вѣрить, а не дереву. Когда пріѣхали Ковалевъ и Герасимовъ въ Тулу, я въ то время жилъ уже въ Панинѣ. Свид. Акулина Алифанова показала, что къ ней появился Ковалевъ и просилъ взять его въ нахлѣбники. Но она не рѣшилась. Жившій у нея Матвѣевъ (отставной рядовой) посоветовалъ ей взять Ковалева, и она послушалась. Онъ ходилъ на работу, а вечеромъ приносилъ книжки. Принесъ одну и заставилъ Мат-

вѣва читать. Тотъ нѣсколько прочиталъ и сказалъ: «Наплевать въ эту книжку», и сталъ уговаривать Ковалева: «оставь, говорить, эти глупости и будешь ты отъ Бога награжденъ. Богъ у насъ одинъ и царь одинъ.» Свид. Дмитрій Матвѣевъ. Василій Ковалевъ пришелъ 1-го или 2-го сентября проситься на квартиру; хотя я не имѣлъ своего дома, но я просилъ хозяйку, какъ будто у меня предчувствіе сердца было. Она послушалась и приняла его. На другой день Ковалевъ сталъ меня склонять въ ихъ дѣла. Но я, какъ твердый своему отечеству и присягѣ, не согласился и убѣдительно его просилъ, чтобы онъ покончилъ это свое дѣло. Онъ сталъ проносить разныя вещи: «Ты, говорить, не имѣешь богатства, а другіе богаты.» Я говорю, если не далъ Богъ мнѣ богатства, то нельзя его отбирать у другихъ съ разбоемъ. Да и какъ быть: возьмемъ мы съ тобой, говорю, двѣ чашки—одна хорошая, а другая плохая. Кому брать хорошую и кому плохую? Ты скажешь, что тебѣ хорошую, а я скажу—мнѣ. Какъ же мы будемъ дѣлить богатство? Одинъ раздоръ будетъ, и мы другъ друга только перебьемъ. Онъ говоритъ: «Такъ и будетъ: будемъ убивать, всѣхъ убьемъ.» Я говорю: Какъ стадо коровъ нельзя пустить безъ пастуха, такъ и намъ нельзя быть безъ царя. Если у насъ не будетъ царя, не будетъ начальниковъ, не будетъ войска, тогда правительства иностранныя придутъ, и какъ мочалкой, будутъ нами помыкать. Онъ сталъ клониться на мою сторону. Потомъ говоритъ: «А что, дадутъ мнѣ тысячу рублей—я все скажу?» Тутъ я ему насулилъ нѣсколько тысячъ, обѣщаль и чиновъ. Онъ согласился высказать и все предъявилъ пристава.—Гов. оберъ-прокурора. Онъ не говорилъ вамъ, откуда его прислали?—Свид. Матвѣевъ. Изъ Кіева.—В. Не говорилъ ли онъ вамъ, съ кѣмъ живетъ онъ въ Тулѣ?—О. Онъ говорилъ только о Герасимовѣ и о дѣвушкѣ. Называлъ ее Маріей. Онъ сердился на нее, потому что занялъ у нея сорокъ копеекъ; она ихъ требовала, а онъ не имѣлъ.—В. Вы ему говорили, что онъ получить награду?—О. Да, я самъ отъ себя говорилъ.—В. Васъ никто не просилъ это сдѣлать?—О. Никто этого и не зналъ, пока онъ не объяснилъ частному приставу, и дѣло дошло до тайной полиціи.—В. Кураковъ не бывалъ у Ковалева?—О. У насъ случилось мертвое тѣло, Кураковъ былъ въ понятыхъ, и я былъ. Онъ сталъ мнѣ дѣлать упреки, что я уговорилъ Ковалева объяснить на товарищѣй. Это, говорить, не твое дѣло: обошлось бы безъ тебя. Ковалевъ слышалъ этотъ разговоръ нашъ, пошелъ и донесъ жандармскому генералу.—Подс. Ковалевъ. Когда я пришелъ къ вамъ, то книжки тогда при мнѣ были или не были?—Свид. Матвѣевъ. При тебѣ не было; ты принесть ихъ послѣ. Сначала «Сказку о четырехъ братьяхъ» изустно говорилъ, а потомъ принесть «Хитрую механику.» Эту книжку онъ нарочно сходилъ и взялъ, чтобы снести ее въ часть. Онъ просилъ найти человѣка, чтобы написать прошеніе. Я ему сказалъ, что это не нужно, а что можно такъ рассказать, а ужъ тамъ поймутъ. Онъ хотѣлъ весь чемоданъ взять: возьму, говорить, съ книгами и представлю. Я ему запретилъ это, такъ какъ тогда они всѣ разбѣгутся. Онъ послушалъ и взялъ только эту книжку «Хитраго механика.»—Подс. Ковалевъ. Это невѣрно: у меня вовсе не было чемодана.—Свид. Матвѣевъ. Я этого и не говорилъ.—Прис. пов. Коршъ. Скоро Ковалевъ подался на ваше убѣждение? Свид. Матвѣевъ. Скоро. Онъ три дня прожилъ и вскорѣ сталъ уже выслушивать меня и свои предлоги оставилъ.—В. Онъ говорилъ вамъ, кто его прислалъ изъ Кіева?—О. Говорилъ, что изъ своего общества. Поминалъ о какой-то княгинѣ, объ акушеркѣ, о дѣвушкѣ—Помощн. прис. пов. Нечаевъ. Вы не знали въ Тулѣ Фетисова?—Свид. Матвѣевъ. Зналъ. Въ то время, когда братъ пріѣзжалъ за паспортомъ, я приходилъ къ нему и тамъ увидѣлся съ Фетисовымъ. Я спрашивалъ, пригосудилъ онъ или

нѣтъ. Онъ сказалъ, что безъ мѣста.—Присяжн. пов. Борщовъ. Вы не знаете, почему Ковалевъ переѣхалъ съ той квартиры?—Свид. Матвѣевъ. Онъ сказалъ, что тамъ они живутъ всѣ на своемъ содержаніи. Но я, говоритъ, не могу, оттого, что дорого.—В. Вы хорошо знаете Куракова?—О. Знаю, мы родственники съ нимъ.—В. Какое у него семейство?—О. Остались мальчикъ и дѣвочка. Жена умерла. У нихъ былъ домъ. Родительница его продала и купила другой.—Подс. Фетисовъ. По обвинительному акту извѣстно, что когда Герасимъ Петровъ пріѣхалъ съ Ковалевымъ въ Тулу, то я уже въ это время въ селѣ Панинѣ жилъ. Я Матвѣева совсѣмъ не зналъ.—Подс. Ковалевъ. Свидѣтель говоритъ, что я у Куракова на квартирѣ жилъ. Я поступилъ на квартиру къ хозяйкѣ своей. Ходилъ на работу, а вечеромъ приходилъ домой. Разговоровъ съ нимъ не имѣлъ никакихъ особенныхъ относительно пропаганды. Когда пришелъ вечеромъ въ субботу, то я двѣ книжки принесъ, которыя получилъ отъ неизвѣстнаго чело-вѣка, и ему показалъ. Онъ прочиталъ книжки и говоритъ, что онѣ противоправительственныя: заяви, говоритъ, въ полицію; получишь за это себѣ награду.—Свид. Елизавета Матвѣева (жена предыдущаго свидѣтеля) подтвердила показаніе мужа и между прочимъ объяснила относительно разговора между Ковалевымъ и ея мужемъ: «Онъ (Ковалевъ) свои законы говорилъ, а мой свои говорилъ.» Ковалевъ приносилъ двѣ книжки и говорилъ, что получилъ ихъ отъ Маріи, жившей въ домѣ Кузовлева. Разъ приходилъ Герасимъ и спрашивалъ Ковалева, но его не было дома. Потомъ свидѣтельница видѣла Герасима вмѣстѣ съ Ковалевымъ гулявшими по площади во время представленія акробатовъ.—Подс. Ковалевъ. Свидѣтельница никакъ не могла мѣня видѣть. Я пріѣхалъ изъ Кіева и зашелъ къ Марьѣ, такъ какъ знакомъ былъ. Потомъ дѣйствительно я пообѣдалъ у Едуковыхъ. Такъ какъ я показалъ, что получилъ отъ неизвѣстнаго чело-вѣка книжки, то я получилъ ихъ отъ Петра, а не отъ Марьи.—Первоприсутствующій. Кто это Петръ?—Подс. Ковалевъ. Сидоренко.—Свидѣтель Михаилъ Шильниковъ показалъ, что работалъ въ мастерской вмѣстѣ съ Иваномъ Семеновымъ. Потомъ онъ ушелъ, а впослѣдствіи ушелъ и свидѣтель и поступилъ на заводъ въ Панино. Иванъ Семеновъ былъ уже тамъ вмѣстѣ съ Зайцевымъ, котораго онъ называлъ двоюроднымъ братомъ. Потомъ къ нимъ прибылъ третій—Герасимъ. Оттуда они, взявши расчетъ, уѣхали 7-го сентября. Свидѣтель получилъ отъ нихъ книжку «Исторія фабричной жизни», которую онъ представилъ директору завода. «Сказку о четырехъ братьяхъ» рассказывалъ Иванъ Семеновъ. Они говорили свидѣтелю, что прежде жили въ Кіевѣ. Изъ тульскихъ знакомыхъ «поминали дѣвку Машку». Подс. Фетисовъ и Сидорацкій признали свидѣтеля. Прочитано показаніе неявившагося свидѣтеля Михаила Кукина. Между прочимъ, изъ этого показанія видно, что Фетисовъ, Зайцевъ и Петровъ проживали вмѣстѣ съ свидѣтелемъ на квартирѣ въ Панино. Зайцевъ и Герасимъ называли себя родственниками. Петровъ пріѣхалъ послѣ въ Панино. При встрѣчѣ съ толпою рабочихъ онъ прямо подошелъ къ Ивану Семенову. Между Зайцевымъ и Фетисовымъ были близкія отношенія и они постоянно на постели шушукались. Говорили, что у Ивана Семенова въ Тулѣ есть хорошія книжки, которыя онъ хотѣлъ привезти. Жена свидѣтеля слышала, какъ Иванъ Семеновъ ругался съ Герасимомъ изъ-за книжекъ. Иванъ Семеновъ рассказывалъ «Сказку о четырехъ братьяхъ». Свидѣтель хорошо ее не разслушалъ, потому что былъ занятъ чтеніемъ библіи. Разговоровъ противоправительственныхъ отъ Ивана Семенова не слышалъ. Потомъ Иванъ Семеновъ ушелъ съ завода, хотѣлъ отправиться въ Кіевъ или Курскъ, а потомъ ушелъ Зайцевъ, говоря, что безъ Ивана ему нечего оставаться. Свид. Семень Голубевъ показалъ, что одна госпожа занимала номеръ въ го-

стинницѣ, бывшей Кокорева, въ Москвѣ. Свидѣтель подавалъ ей чай и вообще прислуживалъ. Уѣхала она одна.— Подс. Ольга Любатовичъ. Я признаю, что была въ гостинницѣ, но Сидорацкаго тамъ не было. Стороны заявили ходатайство о предьявленіи и прочтеніи нѣкоторыхъ вещественныхъ доказательствъ. Предьявленъ паспортъ Махоткиной, на которомъ есть огмѣтки о проживательствѣ ея въ Кіевѣ. Подс. Ольга Любатовичъ. У меня отобрали всѣ бумаги и не возвратили. Поэтому я принуждена была пользоваться этимъ паспортомъ.— Подс. Ковалевъ. Такъ какъ по пріѣздѣ изъ деревни въ Кіевъ на сахарный заводъ я нанялся здѣсь по контракту на шесть мѣсяцевъ и взялъ пятнадцать рублей впередъ, то обязанъ былъ исполнить контрактъ. Я не хотѣлъ оставаться и просилъ директора дать расчетъ. Онъ сказалъ, что «я представляю тебя къ мировому судѣ». Тогда я бросилъ деньги и паспортъ—купилъ подложный и поѣхалъ въ Тулу. Я пріѣхалъ съ Герасимомъ, съ которымъ жилъ на заводѣ въ Кіевѣ. По пріѣздѣ въ Тулу онъ уѣхалъ въ Панино, а я остался. Пришли мы съ Герасимомъ, гдѣ жила Марья; послѣ обѣда пошли искать работу, а потомъ я нашелъ себѣ квартиру. Взялъ двѣ книжки отъ Петра Сидоренко и показалъ сапожнику (свид. Матвѣевъ). Онъ сказалъ, что книжки противоправительственныя. Заявите, говоритъ, ихъ въ часть. Я предьявилъ это дѣло и сказалъ, что проживаю по подложному паспорту и имѣю двѣ книжки. Представьте ихъ куда слѣдуетъ, а меня препроводите на родину. Приставъ познакомилъ меня съ генераломъ и съ прокуроромъ. Тогда начались допросы. Я, дѣйствительно, всѣхъ не могъ знать лично. Видѣть видалъ на подобіе этихъ личностей, но всѣхъ не зналъ. Мнѣ уже тамъ сказали, что я къ тайному обществу принадлежалъ, а я никакого общества не зналъ. Затѣмъ мнѣ говорили, чтобы я на судѣ сказалъ, что я все доподлинно знаю.— Первоприсутствующій. А вы почему это знаете?— Подс. Ковалевъ. Когда повезли въ Кіевъ, меня посадили въ тюремный замокъ. Я хотѣлъ объяснить вышему начальству, если бы могъ подать прошеніе, но я сидѣлъ за замкомъ. Мнѣ разная грубости произносили за то, что я хотѣлъ разяснить. Меня сажали такъ, что не было звука, никакого зрѣнія. Больше ничего не имѣю. По просьбѣ защиты Ковалевъ спрошенъ о томъ, принадлежалъ ли Злобинъ къ пропагандистамъ. Подс. Ковалевъ. Относительно Злобина я ничего не говорилъ и не понималъ его.— Прис. пов. Ольхинъ. Говорила ли Ольга Любатовичъ, что Злобинъ извѣстенъ компаніи подъ именемъ Ваньки?— Подс. Ковалевъ. Нѣтъ, не говорила.— Подс. Ольга Любатовичъ. Я Злобина совсѣмъ не знаю, слѣдовательно, не могла и говорить. Затѣмъ были предьявлены три письма, изъ которыхъ прочитано два, содержаніе ихъ изложено въ обвинительномъ актѣ. Подс. Хоржевская и Млодецкій признали, что они писаны ими. Затѣмъ въ отношеніи третьяго письма Любатовичъ заявила, что оно писано не ея рукою, но экспертиза признала, что оно писано ею, и она сказала: «а потому мнѣ все равно». Первоприсутствующій. Оно у васъ было отобрано?— Подс. О. Любатовичъ. Да, на постели.— Подс. Млодецкій. На дознаніи я призналъ письмо своимъ и сказалъ, что болѣе разяснять не буду. Я сдѣлалъ это потому, что не хотѣлъ компрометировать одну личность, которая умерла, и теперь я могу сказать. Письмо это писано мною по просьбѣ Подгородецкаго. Онъ былъ боленъ и не могъ писать. Онъ далъ мнѣ черновое письмо и я переписалъ. О значеніи этого письма я и теперь ничего не могу сказать. Прочитано письмо, писанное по шифру «Эй, подлець». Между прочимъ, говорится: «Ты переврала адресъ. Деньги нельзя получить.» Далѣе, что Василій болтаетъ, откуда пріѣхалъ и гдѣ бралъ деньги. Выражается неудовольствіе на знакомство «съ такою сволочью»; что онъ «скоро влопаеъ»

насъ». Наконецъ, совѣтуется перемѣнить квартиру. На оборотѣ сказано: «Прошу передать Глѣбовой». Подс. Хоржевская заявила, что всѣ письма на имя Глѣбовой присылались къ ней на имя Хоржевской. Прочитанъ протоколъ обыска въ Кіевѣ въ квартирѣ Гельфманъ; протоколъ обыска въ квартирѣ Горощенковой, въ домѣ Вѣтровой; протоколъ обыска у крестьянина Острова. Предметы, найденные при этихъ обыскахъ, указаны въ обвинительномъ актѣ. Тов. оберъ-прок. обратилъ вниманіе на то, что одной изъ книжекъ, взятыхъ у Горощенко, оказались адреса Злобина и Фетисова. Первоприсутствующій. Подсудимый Островъ, не желаете ли объяснить, какимъ образомъ оказались у васъ эти книжки, гербовые листы и чужіе виды.—Подс. Островъ. Начальству извѣстно, что я крестьянинъ Мстиславскаго уѣзда, деревни Дубровки. До 1870 года я жилъ, какъ всѣ крестьяне, и имѣлъ землю, но въ 1871 году, обѣднѣвъ и лишившись средствъ къ пропитанію, я выпросилъ годовой паспортъ и пошелъ въ Кіевъ работать на фабрику. Тамъ у меня родственники были: дядя пятнадцать лѣтъ монахомъ въ монастырѣ и одна сродственница кухаркой. Черезъ нихъ я нашелъ себѣ мѣсто у барыни Денисовой. Далѣе подсудимый съ мельчайшими подробностями разсказалъ свою жизнь въ дворникахъ. Что же касается найденныхъ при немъ книгъ и бумагъ, то онъ объяснилъ, что, желая отправиться на родину, онъ просилъ свою хозяйку дать ему разсчетъ. Но она медлила. Разъ къ нему приходитъ рабочій, мусорщикъ Родіонъ, и приноситъ «огромный тюкъ книжекъ, между которыми газеты торчатъ. Онъ сказалъ: что ты, Петръ, грамотъ знаешь, а я не знаю — почитай. Чьи книги — спрашиваю?—Онъ сказалъ: наши.—Куда несешь?—Къ тебѣ.—На что? — Читать.—Нашелъ, говорю, время читать. Я ему отказался наотрѣзъ читать. На это онъ сказалъ: хочешь—читай, хочешь—нѣтъ; другое время найдешь—почитаешь. Тутъ есть хорошія книги — можешь выбрать. Пусть, говоритъ, у тебя полежать. А я не разслышалъ, что есть дурныя книги, и сказалъ: положи на полку, нехай лежать. Онъ положилъ и исчезъ—по сихъ поръ его не видалъ. Я дождался, пока мнѣ деньги барыня отдастъ».—Первоприсутствующій. А какъ попали къ вамъ фальшивые паспорта на имя Елисеевой, Горощенковой и другихъ.—Подс. Островъ. А вотъ, я жду себѣ денегъ, а книги лежатъ безъ вниманія. 14 сентября приказали мнѣ купить лекарства въ аптекѣ и дали бумажку 25 руб. Я взялъ и посчиталъ, сколько мнѣ приходится. Сосчиталъ за четыре съ половиною мѣсяца 22 руб. 50 коп. Я забираю 2 руб. 50 к., собрался идти, глянулъ на полку и вижу—добрый человѣкъ книги бросилъ, я забралъ ихъ съ собою и пошелъ. Я пробылъ дома съ недѣлю. Пришли десятскій и становой. Спросилъ: покажи паспортъ. Какой, говорю, паспортъ, когда я дома. У тебя, говоритъ, книжки есть, непопозволенная какою-то цензурою. Вотъ, говорю, извольте, а я не знаю. Сталъ онъ разворачивать, а въ книжкахъ были заворочены панскіе виды, штукъ шесть. Я такъ и ахнулъ. Меня взяли и привезли въ Кіевъ.—Прочитанъ протоколъ обыска въ комнатѣ, занимаемой Григоріемъ Александровымъ, причемъ были найдены книги и газеты преступнаго содержанія, гербовая бумага, печати, вырѣзанныя на аспидныхъ кружкахъ, краска и проч. Первоприсутствующій. Подсудимый Григорій Александровъ. Вы признаете, что всѣ эти вещи найдены у васъ?—Подс. Григорій Александровъ. Да, дѣйствительно всѣ были найдены. Я показалъ, что книги взялъ у Подгородецкаго. Въ то время я уже зналъ, что онъ умеръ, и я хотѣлъ воспользоваться его смертью, чтобы свалить съ своей шеи. Откуда я получилъ книги—сказать не желаю.—Подс. Хоржевская. Книги были даны Александрову на храненіе мною. Свид. Марина Казимірова показала, что у нея нанимала комнату акушерка. Къ ней много ходило мужчинъ, приходили и женщины. Свидѣтельница это не нравилось, и она

стала настоятельно отказывать отъ квартиры. Въ тотъ день, когда ихъ арестовали, акушерка собиралась выбраться съ квартиры. Одно время они получили деньги съ почты, и тогда собралось четверо мужчинъ и двѣ дѣвушки. Послѣ ареста приходили спрашивать акушерку, и эти лица были арестованы жандармомъ, который сидѣлъ въ квартирѣ. Подс. О. Любатовичъ заявила, что она первая наняла эту квартиру. Сначала она жила въ гостиницѣ «Grand Hôtel», а потомъ переѣхала на эту квартиру. Подс. Гельфманъ заявила, что она жила въ этой квартирѣ. Подс. Хоржевская объяснила, что она познакомила Ольгу Любатовичъ съ Гельфманъ. Любатовичъ собиралась уѣхать, квартира оставалась бы пустая, а такъ какъ Гельфманъ искала квартиру, то подсудимая прѣсила Любатовичъ передать свою квартиру Гельфманъ. Прочитано показаніе свидѣтельницы Екименко, дочери Казиміровой. Сущность этого показанія изложена въ обвинительномъ актѣ. Свид. Михаилъ Котиковъ показалъ, что у него квартировали двое мужчинъ и женщина, называвшаяся сестрою одного изъ мужчинъ. Прожили они десять дней. Это было въ августѣ 1875 г. Постоянно жили одинъ мужчина и женщина, а другого мужчину видѣлъ только одинъ разъ. Говорили, что мужчины работаютъ въ мастерской на желѣзной дорогѣ. Женщина была беременна. Съ квартиры они выбрались до свѣту, часа въ два. Прис. пов. Коршъ. Вы утверждаете, что они жили у васъ десять дней въ августѣ?—Свид. Котиковъ. Да, въ августѣ. — Подс. Воронковъ. Сколько дней жилъ я у васъ?—Свид. Котиковъ. Десять дней. —Первоприсутствующій. Вы признаете его?—Свид. Котиковъ. Да, этотъ. —Подс. Воронковъ. Я признаю свидѣтеля.—Въ виду противорѣчія относительно времени, въ которое подсудимые жили у Котикова, товарищъ оберъ-прокурора просилъ прочитать его показаніе, такъ какъ въ немъ сказано, что «вотъ одиннадцатый день, какъ они наняли у меня квартиру», а показаніе это дано 10 сентября. Свид. Котиковъ. Не припомню хорошенько: это было во время пріѣзда Государя. Подс. Воронковъ замѣтилъ, что пріѣздъ Государя былъ въ августѣ. Прис. пов. Коршъ (къ свидѣтелю). Вы можете разъяснить это разнорѣчіе?—Свид. Котиковъ. Нѣтъ.—В. Подсудимые у васъ жили въ августѣ или въ сентябрѣ? — О. Въ августѣ жили.—В. Сколько времени прошло послѣ того, когда они у васъ жили и когда васъ допрашивали?—О. Мѣсяца полтора. — Тов. оберъ-прок. Тогда выйдетъ, что они жили въ іюлѣ. Свид. Анна Продьма показала, что у нея квартировали два господина. Одинъ находился постоянно, а другой приходилъ черезъ два или три дня. Квартирантъ говорилъ, что онъ кузнецъ на вокзалѣ. Впослѣдствіи онъ сказалъ, что не можетъ платить за квартиру, потому что дорого, и выѣхалъ. Первоприсутствующій. Вы помните обѣ эти личности? — Свидѣтельница Продьма. Могла бы припомнить.—Подс. Воронковъ. Я признаю свидѣтельницу.—Свид. Продьма. Этотъ жилъ, а потомъ приходилъ высокій блондинъ.—Подс. Молодецкій. Не я ли?—Свид. Продьма. Да, вы.—Прис. пов. Коршъ. Кромѣ этихъ лицъ, жила у васъ еще какая-нибудь женщина?—Свид. Продьма. Приходила какая-то молоденькая женщина, босая, въ крестьянской одеждѣ.—В. Какъ проводили они праздники?—О. Никогда не были дома. Къ нимъ приходили товарищи и уводили ихъ. Свидѣтельница не могла узнать изъ числа подсудимыхъ ту женщину, которая приходила. Прис. пов. Коршъ. Къ Воронкову приходилъ кто-нибудь?—Свид. Продьма. Иногда приходили.—В. Книгъ у него не видали?—О. Кромѣ сору, ничего не было, даже постели не было, на чемъ спать; двери у него всегда были закрыты.—В. Вы не показывали, что онъ запирался съ кѣмъ-то приходившимъ и говорили тихо?—О. Кажется, нѣтъ.—Первоприсутствующій. Г. защитникъ, вы не имѣете права дѣлать свидѣтельницамъ вопросы въ тогѣ утвер-

дительной формѣ. Вы можете ей предложить вопросъ въ обыкновенной формѣ, а не утвердительно.—Прис. пов. Коршъ. Я такъ сказалъ, чтобы она лучше поняла. (Къ свидѣтельницамъ). Гостей у него не бывало?—Свид. Продьма. Нѣтъ, приходили, но сейчасъ же уходили съ нимъ вмѣстѣ.—В. Можете узнать кого-нибудь изъ тѣхъ, кто приходилъ?—О. Нѣтъ.—Подс. Воронковъ. Чемодана у меня не было?—Свид. Продьма. У васъ была только одна поддевка.—В. Чтенія въ квартирѣ были?—О. Нѣтъ. Кроме гармоніи, я у васъ ничего не слыхала. (Засѣданіе было прервано до 11 часовъ утра слѣдующаго дня).

По просьбѣ прис. пов. Корша спрошена вновь свидѣтельница Продьма. Прис. пов. Коршъ. Когда васъ допрашивали въ Кіевѣ, вамъ предъявляли кого-нибудь изъ арестованныхъ?—Свид. Продьма. Фотографическія карточки показывали.—В. А въ лицо можете теперь узнать?—О. Теперь лица измѣнились. Времени прошло много. По карточкамъ узнаю.—Защита просила предъявить подсудимыхъ Ковалева и Григорія Александрова. Встаетъ подс. Ковалевъ. Свид. Продьма. Онъ приходилъ къ тому, который у меня квартировалъ.—Встаетъ подс. Григорій Александровъ. Свид. Продьма. Да, и этотъ приходилъ.—Подс. Александровъ. Я ни разу не былъ въ этомъ домѣ.—Свид. Продьма. Вы приходили и спрашивали меня, дома ли квартиранты?—Подс. Ковалевъ. Я даже не знаю, изъ какого города свидѣтельница. Ихъ домъ я совершенно не знаю.—Свид. Вѣтрова показала, что она поручила Богдановой сдать квартиру на Деміевкѣ въ своемъ домѣ. Вскорѣ Богданова дала знать, что квартиру она сдала какой-то женщинѣ. Свидѣтельница пришла, чтобы спросить паспортъ. Она застала еще какихъ-то двухъ женщинъ и мальчика. Женщины тотчасъ же ушли, а квартирантка сказала, что паспортъ у мужа и что онъ придетъ въ воскресенье и принесетъ. Свидѣтельница пришла въ воскресенье, но женщина сказала, что мужъ еще не приходилъ; потомъ она всгрѣтила дочь Богдановой, которая ей сообщила, что жильцовъ уже нѣтъ въ квартирѣ. Женщина называлась курской мѣщанкой и говорила, что мужъ ея плотникъ и работаетъ гдѣ-то на Крещатикѣ. Изъ двухъ женщинъ, встрѣченныхъ на квартирѣ, свидѣтельница узнала въ одной акушерку, такъ какъ прежде мыла на нее бѣлье. Свидѣтельница спрашивала у жилицы, почему такъ скоро ушли эти двѣ женщины. Она сказала, что это горничныя и что имъ нужно итти на Крещатикъ. Осмотрѣвъ подсудимыхъ, свидѣтельница указала на Хоржевскую, какъ на свою жилицу, которая заявила, что признаетъ свидѣтельница.—Свид. Сусанна Богданова показала, что разъ пришла по деревенски одѣтая женщина и спросила, нѣтъ ли квартиры. Свидѣтельница указала ей на комнату въ домѣ Вѣтровой, которую та просила отдать. Женщина взяла ее. Съ ней была одна торбочка. Она сказала, что пришла изъ Курска къ мужу, который былъ въ Кіевѣ въ плотникахъ и долженъ былъ поступить на сахарный заводъ. Свидѣтельница дала знать Вѣтровой, которая приходила къ жилицѣ спрашивать паспортъ. Разъ, придя изъ города, свидѣтельница узнала отъ дочери, что жилицы уже нѣтъ. Вмѣстѣ съ нею находился какой-то мальчикъ въ масляной рубашкѣ. Она называла его братомъ. Приходили еще двѣ женщины. Мужчинъ никакихъ не видала. Квартира была занята осенью, передъ прїѣздомъ Государя.—Прочитаны показанія свидѣтеля Никифора Пахилевича и его жены. Изъ показаній, между прочимъ, видно, что къ нимъ приходила какая-то женщина съ братомъ и нанимала квартиру. По виду супруги думали, что женщина не въ состояніи будетъ платить за квартиру, а потому отказали, и согласились только позволить имъ переночевать. Они переночевали и ушли. Въ предъявленныхъ свидѣтелямъ княгинѣ Циціановой и Ковалевѣ они признали тѣхъ, которые приходили на-

нимать квартиру.—Подс. Хоржевская. Я на этой квартирѣ не жила, не ночевала ли—не помню.—Подс. Ковалевъ. Я на этой квартирѣ не былъ.—Свид. Марія Драгунова показала, что часто видѣла двухъ лицъ, бывавшихъ у Подгородецкаго. Одинъ назывался Михаилъ Петровъ, а другой Шаремскій. Они приносили Подгородецкому книги: «Богъ да Богъ», «Сказка о копейкѣ», «Сборникъ русскихъ пѣсенъ и стиховъ» и еще нѣсколько другихъ книгъ, заглавія которыхъ свидѣтельница не знаетъ. Она спрашивала Подгородецкаго, что это за личности, но онъ отвѣчалъ: это не твое дѣло; тебѣ это лишнее знать. Разъ назвалъ ихъ московскими студентами, а потомъ говорилъ, что они работали на вокзалѣ. Кромѣ того, свидѣтельница разъ видѣла, что приходила какая-то женщина. На имя Подгородецкаго было получено нѣсколько писемъ изъ Москвы и повѣстка съ деньгами для передачи Петрову. Подгородецкій говорилъ свидѣтельницамъ, что онъ познакомился съ Шаремскимъ на вокзалѣ, а черезъ него съ Петровымъ, который познакомилъ его еще съ однимъ господиномъ, съ рыжею бородой. Подгородецкій нерѣдко говорилъ, что недоволенъ этимъ знакомствомъ. Онъ ничѣмъ не занимался, но приносилъ по 10, 15 и 20 р., а откуда бралъ, свидѣтельница не знаетъ. Послѣднее время онъ получилъ мѣсто учителя и хотѣлъ ѣхать. Подгородецкій говорилъ, что книжки, приносилъ большею частью Петровъ, сказывая, что самъ бралъ отъ рыжаго студента. Свидѣтельница признала подсудимыхъ Воронкова и Млодецкаго за видѣнныхъ ею Петрова и Шаремскаго.—Свид. Елизавета Хоржевская (сестра подсудимой) показала, что въ концѣ мая или началѣ июня 1875 г. познакомилась въ Одессѣ черезъ свою сестру съ дѣвушкою, которая называлась Ольгой. Вмѣстѣ съ нею онѣ выѣхали изъ Одессы. Свидѣтельница отправлялась въ Петербургъ, чтобы поступить въ Надеждинское училище. Въ Кіевѣ остановились въ гостиницѣ, а потомъ перебрались на квартиру къ Гельфманъ. Свидѣтельница должна была остаться нѣсколько времени въ Кіевѣ, такъ какъ не хватило денегъ на дальнѣйшій путь, и она ожидала отъ отца. Ольга называлась Махоткиной. Въ тотъ же день, какъ перебрались къ Гельфманъ, Ольга уѣхала въ Москву, сказавъ свидѣтельницамъ, что она можетъ ее найти въ гостиницѣ Кокорева и просила привезти ей два платья. Получивъ деньги, свидѣтельница поѣхала въ Петербургъ, но въ Москвѣ узнала, что уже поздно и возвратилась назадъ. Придя въ Кіевѣ въ квартиру Гельфманъ, она была задержана. Въ Москвѣ она уже не застала Ольгу. Ей сказали, что она куда-то уѣхала съ господиномъ среднихъ лѣтъ. Свидѣтельница предъявлены платья, изъ которыхъ она указала на два, которыя возила къ Ольгѣ.—Подс. Ольга Любатовичъ. Я признаю. Два, или три, или шесть платьевъ—мнѣ все равно.—Тов. оберъ-прок. (къ свид. Хоржевскому, отцу подсудимой). По какому поводу уѣхала ваша дочь Елизавета изъ Одессы?—Свид. Хоржевскій. Она была за границей, пріѣхала, сказала, что ей нужно ѣхать, и поѣхала.—В. Развѣ у васъ обѣ дочери, Александра и Елизавета, были за границей?—В. Елизавета не была.—В. Я спрашиваю о Елизаветѣ.—О. Она поѣхала по своимъ дѣламъ.—В. Не знаете ли, съ какою цѣлью?—О. Не могу знать. Она сказала, что ей нужно поѣхать, и поѣхала.—В. Вмѣстѣ съ нею никто не поѣхалъ?—О. Никто.—В. Не посѣщала ли вашъ домъ дѣвушка подъ именемъ Ольги?—О. Посѣщали знакомыя, но я на это вниманія не обращалъ. Имени и въ лицо ихъ не знаю.—Первоприсутствующій. Не можете ли сказать что-нибудь относительно брака вашей дочери?—Свид. Хоржевскій. Когда она пріѣхала изъ-за границы, она сказала, что желаетъ выйти замужъ. Я сказалъ: съ Богомъ. Пріѣхалъ женихъ; она мнѣ представила его, и въ теченіе двухъ недѣль состоялся бракъ.—Тов. оберъ-прок. За кого вышла ваша дочь?—Свид. Хоржевскій. За князя Циціанова.—В. Не можете ли узнать его здѣсь?—О. (осмот-

рѣвъ подсудимыхъ). Не могу вамъ сказать.—Подс. князь Циціановъ. Я заявляю, что не я былъ женихомъ. Я уговорился съ Хоржевской заключить фиктивный бракъ и просилъ своего знакомаго исполнить это за меня, такъ какъ самому мнѣ нельзя было ѣхать въ Одессу. Знакомый взялъ мои бумаги, чтобы совершить обрядъ.—Прис. пов. Зубаревъ (къ свидѣтелю). Приданое вы дали за дочерью?—Свид. Хоржевскій. Платье, бѣлье и вообще расходъ стоилъ 1500 р., изъ числа которыхъ я далъ ей деньгами только 200 р. на дорогу.—Первоприсутствующій. Подсудимая Хоржевская, что вы имѣете сказать?—Подс. Хоржевская. Я подтверждаю, что цѣль брака была не для полученія денегъ, такъ какъ денегъ я не получила, а бракъ былъ заключенъ съ тою цѣлью, чтобы отецъ вѣрилъ, что судьба моя вполне обезпечена и не безпокоился обо мнѣ.—На этомъ былъ окончень допросъ свидѣтелей по дѣлу Тулы и Кіева.

Предъявлены и прочитаны двѣ депеши отъ имени Аристарховой на имя Гельфманъ и Медвѣдовскаго о томъ, чтобы не присылать въ Одессу и Москву ни одного письма. Дешеши подсудимая Надежда Субботина признала за свои. Прочитано письмо изъ Москвы отъ 10 сентября слѣдующаго содержанія: «Милѣйшіи другы! Жду съ нетерпѣніемъ кого-нибудь на помощь. Вы не можете себѣ представить мое ужасное положеніе. Напишите отъ себя Рыжему, чтобы онъ пріѣзжалъ, измѣнивъ предварительно свой наружный видъ и принявъ къ свѣдѣнію, что по прежнимъ мѣстамъ жительства ходить не надо,—on le cherche. Посылаю адресъ исключительно для послѣдняго: Демидовскій малый переулокъ, домъ Михайлова, второй отъ угла переулка, квартира наверху, во флигелѣ г-жи Майеръ, спроситъ Станчинскаго, тамъ спроситъ Антона, который ему укажетъ, куда идти. Черезъ нѣкоторое время я вамъ сообщу квартиру, на которую можно являться; но нужно замѣтить, что она общая съ гинебу и другими; чортъ возьми, какъ пакостно. Пиши сейчасъ по полученіи сего письма и получила ли деньги сполна на адресъ Миньэ. Мутруку напиши тоже, чтобы пріѣхалъ, но только не на этотъ адресъ, а зашелъ бы къ Миньэ, гдѣ узнаетъ мой адресъ. Была вчера у Ольги. Она, слава Богу, жива и здорова; волченокъ шлетъ поклонъ. Прощай. Напиши одесскій адресъ немедленно; je suis seule. Пусть извѣстятъ Эсенъяни, чтобы онъ остерегался всего дурного». Подс. Надежда Субботина заявила, что это письмо не ея, такъ какъ она въ то время жила въ Одессѣ. Предъявлены различныя вещественныя доказательства, и въ числѣ ихъ, между прочимъ, рукопись подъ заглавіемъ «Человѣкъ, любящій правду» и «Разсказъ солдата», а также счетъ книгъ, въ котораго извѣдно ихъ движеніе—приходъ и расходъ. Прис. пов. Зубаревъ обратилъ вниманіе суда на то, что въ числѣ вещественныхъ доказательствъ находятся документы Гельфманъ, посланные ей изъ Гадячской управы, которые были адресованы на имя Донецкой, съ задачей Гельфманъ. Прочитанъ обыскъ на сахарномъ заводѣ и экспертиза печатей. Первоприсутствующій. Подсудимый Григорій Александровъ, желаете дать какія-нибудь объясненія по поводу экспертизы?—Подс. Григорій Александровъ. Я уже вчера заявилъ, что относительно найденнаго у меня я показаній давать не желаю. По просьбѣ защиты, подсудимымъ Ковалеву и Хоржевской были предложены вопросы о томъ, былъ ли первый знакомъ съ Гельфманъ и если бывалъ у нея, то что дѣлалъ, и когда происходилъ разговоръ, о которомъ упоминается въ обвинительномъ актѣ, начинающійся словами: «весною и лѣтомъ онъ работалъ на сахарномъ заводѣ», и т. д., и по какому поводу вторая познакомила съ Гельфманъ и какія у нихъ были отношенія? Подс. Ковалевъ. Относительно Хоржевской я долженъ заявить, что я квартировалъ на Деміевкѣ и не бывалъ въ Кіевѣ, такъ какъ у насъ не дозволено ходить съ завода, и я не имѣлъ счастья познакомиться ни съ

къмъ изъ нихъ и расхаживать. Потомъ я долженъ заявить, что книгъ не бралъ отъ Герасима Петрова, такъ какъ я неграмотный. Но, дѣйствительно, Герасимъ давалъ книги рабочимъ. Это было въ юнѣ мѣсяцѣ. Я былъ знакомъ съ нимъ еще до пожара на заводѣ. Подс. Хоржевская. Я познакомилась съ Гельфманъ въ кухмистерской. Это было не задолго до того, какъ Ольга Любатовичъ пріѣхала въ Кіевъ. Я встрѣчала ее въ кухмистерской нѣсколько разъ и бесѣдовала съ нею. Когда Любатовичъ пріѣхала въ Кіевъ и я встрѣтилась съ нею, то посовѣтовала ей нанять квартиру, такъ какъ въ гостинницѣ жить было дорого. Любатовичъ пошла искать квартиру и наняла. Но такъ какъ она должна была уѣхать и квартира оставалась пустою, то, чтобы не пропадать ей даромъ, при встрѣчѣ въ кухмистерской съ Гельфманъ, я предложила ей эту квартиру, и она согласилась взять ее. Сестры своей я не видала и просила, чтобы ей не говорили, что я въ Кіевѣ, потому что для нихъ въ то время я была на Кавказѣ. Прис. пов. Коршъ просилъ спросить подсудимаго Ковалева относительно его показанія о томъ, что Герасимъ Петровъ познакомилъ его съ Марьей и Николаемъ. Подс. Ковалевъ. Я не знаю, какой это Николай, я зналъ только одну Марью, которая называется теперь Хоржевской. Подс. Воронковъ. Въ обвинительномъ актѣ есть нѣсколько вопросовъ, которыхъ нельзя разъяснить на судебномъ слѣдствіи; тамъ сказано, что я познакомился съ Млодецкимъ на работѣ. Но я познакомился съ нимъ въ то время, когда жилъ подъ видомъ студента. Потомъ сказано, что съ Натальей Егоровой меня познакомилъ Млодецкій. Я не знаю, откуда произошла эта ошибка. Я этого не говорилъ, я сказалъ, что меня познакомилъ Подгородецкій, и такъ сказано въ протоколѣ. Ошибка произошла, можетъ быть, потому, что протоколъ очень большой, прокуроръ показывалъ много карточекъ, такъ что писавшій перемѣшалъ фамиліи. Я пришелъ къ Подгородецкому, который сказалъ, что Наталья беременна и не имѣетъ денегъ и что нѣтъ ли гдѣ-нибудь свободной квартиры. Я сказалъ, что у меня есть двѣ комнаты и въ одной она можетъ жить. Съ Подгородецкимъ я учился вмѣстѣ въ артиллерійскомъ училищѣ три года, значитъ, его хорошо зналъ. Подс. Млодецкій. На дознаніи я показалъ, что слышалъ о Гельфманъ еще въ Москвѣ. Это обстоятельство помѣщено въ обвинительномъ актѣ, и прокуроръ, повидимому, придаетъ этому обстоятельству большое значеніе. Дѣйствительно, я знакомъ былъ съ Вагинымъ, который переписывался съ Гельфманъ. Отъ него я слышалъ, что она живетъ въ Кіевѣ, и онъ совѣтовалъ мнѣ познакомиться съ нею. Такимъ образомъ я и познакомился. Подс. Воронковъ. Относительно писемъ я раньше говорилъ, что получалъ письма отъ брата и изъ Воронежа отъ родителей. Млодецкого съ Подгородецкимъ познакомилъ я. Мои родители были не богаты. Пища моя была всегда: квасъ, лукъ, рѣдька. Я занимался обыкновенными домашними работами. Крыльцо нужно починить—я почию; вообще дѣлалъ все по хозяйству. Въ военной гимназіи я изучалъ разныя ремесла: столярное, переплетное и другія. У сестры въ деревнѣ я научился полевымъ работамъ. Умѣю косить такъ, что съ любымъ косцомъ поспорю. Вообще вся моя жизнь была такова, что физическій трудъ шель у меня наравнѣ съ умственнымъ образованіемъ. На этомъ основаніи обвинять меня въ томъ, что я пошелъ въ качествѣ рабочаго на желѣзную дорогу, будетъ не совсѣмъ удобно. Это все равно, какъ обвинять каменщика, что онъ кладетъ стѣну, или сапожника, что онъ шьетъ сапоги. Когда мнѣ нечего было ѣсть, я считалъ удобнымъ зарабатывать себѣ хлѣбъ простымъ физическимъ трудомъ, такъ какъ Подгородецкій, житель Кіева, получившій хорошее образованіе, не могъ найти себѣ уроковъ. Слѣдовательно, мнѣ уже не было никакой возможности зарабатывать деньги въ этой сферѣ. На этомъ осно-

вани, не имѣя денегъ, я поступилъ на вокзалъ, гдѣ получалъ рубль въ день. Я хочу еще сказать, почему я не сказалъ своей фамилиі при первомъ допросѣ. Родители мои—люди пожилые; отцу болѣе 80 лѣтъ. Въ семьѣ у насъ было четырнадцать человѣкъ, изъ которыхъ осталось только два сына. Я съ своей стороны, такъ же, какъ и они меня, уважаемъ другъ друга. Я слышалъ раньше, что если скажу, кто я, то произведутъ обыскъ и у родителей. Если къ нимъ придутъ ночью, съ шумомъ явятся жандармы, скажутъ: сынъ арестованъ по политическому дѣлу, то они не перенесутъ. Поэтому я скрылъ свою фамилію. А когда мнѣ сказали, что вопросъ о родителяхъ меня не касается и позволили мнѣ писать къ нимъ письма, въ которыхъ я постепенно приготовилъ ихъ, тогда я сказалъ свою фамилію. За то, что я не говорилъ фамилиі, меня содержали въ части, гдѣ мнѣ никакого содержанія не полагалось. Я получалъ только 5 коп. въ сутки и ѣлъ одинъ хлѣбъ, спалъ на голомъ полу, такъ какъ арестованъ былъ въ лѣтней одеждѣ и никакихъ вещей при мнѣ не было. Первоприсутствующій. Вы прежде служили гдѣ-нибудь? Подс. Воронковъ. Служилъ въ артиллеріи. —В. Что же васъ побудило выйти въ отставку и идти въ рабочіе?—О. Я вышелъ сначала по домашнимъ обстоятельствамъ: мое присутствіе тамъ было необходимо. Я полгода пробылъ дома. Потомъ я хотѣлъ изучить агрономію и поступилъ въ Петровскую Академію. Но такъ какъ я раньше зналъ эту науку, то оставался тамъ одинъ годъ и оставаться дольше считалъ излишнимъ. Этого года мнѣ было достаточно, чтобы осмотрѣть практическія занятія. Званіе, даваемое тамъ, не имѣетъ въ официальномъ мѣрѣ никакого значенія. Еще и потому я считалъ излишнимъ тамъ оставаться, такъ какъ мѣстъ никакихъ не даютъ. Я скрылъ отъ родителей выходъ изъ академіи, почему долженъ былъ нѣсколько времени жить въ Москвѣ. Подс. Млодецкій. Обвинительный актъ указываетъ, что я долго скрывалъ свою фамилію и говоритъ, что только вслѣдствіе указанія Драгуновой фамилія открылась. Это совершенно не такъ было. Когда меня арестовали, я сказалъ, что я особенно взволнованъ грубостью жандармовъ и поэтому не хочу давать никакихъ показаній. Тогда прокуроръ сказалъ, что онъ принужденъ будетъ отправить меня въ качествѣ бродяги въ часть. На другой день я заявилъ свою фамилію. Только черезъ четыре дня меня начали допрашивать. Относительно 100 рублей я прошу спросить Александра. Я заявляю, что приходилъ за ними по порученію Хоржевской, такъ какъ она указала, что Петровъ обязанъ былъ ихъ дать, потому что это деньги ея личныя. Подс. Хоржевская. Деньги дѣйствительно были мои, но находились на сохраненіи у Александра. Подс. Г. Александровъ. Я подтверждаю показаніе Млодецкого, а отъ прежнихъ своихъ показаній отказываюсь. При дѣлѣ имѣются блуза и рубашка, и я признаю ихъ за свои. Затѣмъ въ обвинительномъ актѣ сказано, что будто я показалъ, что встрѣчалъ Сидорацкаго въ обществѣ пропагандистовъ, между тѣмъ, я показалъ только, что его зналъ и что онъ бывалъ у меня на полигонѣ. Затѣмъ особое присутствіе приступило къ судебному слѣдствію по 4-й группѣ. Было прочитано нѣсколько актовъ осмотровъ и обысковъ подсудимыхъ и квартиръ. Первоприсутствующій. Подсудимый князь Циціановъ, вы сдѣлали два выстрѣла?—Подс. кн. Циціановъ.. Сдѣлалъ. Но я долженъ замѣтить, что какъ въ актѣ, такъ и въ протоколѣ говорится не такъ, какъ случилось. Я не знаю, почему обвинитель говоритъ, будто я явился сейчасъ же послѣдовательно послѣ Любатовичъ, тогда какъ актъ говоритъ противное. Я явился послѣднимъ. Увидѣвъ полицію, я прихлопнулъ дверь и побѣжалъ, и меня остановилъ не какой-то купецъ, а погнался за мной периодѣтый. Я упалъ на улицѣ, онъ схватилъ меня и притащилъ. Я обратился къ Ловягину и

спросилъ, гдѣ прокуроръ и есть ли предписаніе объ обыскѣ? Онъ сказалъ, что этого не требуется; тогда я заспорилъ съ нимъ и далъ два выстрѣла. Потомъ я хочу заявить, почему я пришелъ въ эту квартиру. Тамъ находилась моя сумка съ книгами и три револьвера. Я за этими вещами и зашелъ. Относительно же сказаннаго въ актѣ, что послѣ выстрѣла я случайно упалъ, то этого не было; меня свалили. Первоприсутствующій. Подс. Вѣра Люботовичъ, вы признаете, что...—Подс. Люботовичъ. Признаю себя виновною въ томъ, что я не желала убить Ѳедорова. Я вступилась за Циціанова, котораго они могли убить. Потомъ я хотѣла сдѣлать замѣчаніе относительно того, что въ актѣ невѣрно изложено. Говорятъ, что я пришла вмѣстѣ съ Циціановымъ. Это неправда. Я пришла сама и сидѣла до Циціанова часа 4. Послѣ меня пришелъ князь Кочекидзе (полсудимый Кардашевъ). Такъ что обвинять меня въ томъ, что я хотѣла убить, не можетъ быть и рѣчи объ этомъ. Свид. Григорій Галактионовъ (швейцаръ гостиницы «Украина») показалъ, что 11-го августа прошлаго года явились поручикъ Ловягинъ и помощникъ надзирателя Ѳедоровъ, пригласили Евтихіева и приступили къ обыску въ № 12-мъ. Въ это время заглянула въ номеръ какая-то дама и тотчасъ же пошла назадъ, но ее вернули. Потомъ пришелъ мужчина, который назвался княземъ Кочекидзе и подаль поручику свой паспортъ. Его также пригласили остаться и онъ сѣлъ на диванъ. Затѣмъ пришелъ еще мужчина, который, заглянувъ въ номеръ, прихлопнулъ дверь и побѣжалъ, но черезъ нѣсколько времени онъ былъ приведенъ. На вопросъ, кто онъ, мужчина не давалъ отвѣтовъ, ходилъ по комнатѣ и щипалъ себѣ бороду, «дѣлая разныя выраженія». Когда поручикъ Ловягинъ, покончивъ писать, всталъ съ своего мѣста и просилъ подать пальто, тогда вдругъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ, а затѣмъ другой. Свидѣтель послѣ перваго же выстрѣла подскочилъ къ стрѣлявшему и толкнулъ его подъ локоть, вслѣдствіе чего пуля пролетѣла въ окно надъ дверью. Послѣ этого свидѣтель ухватилъ стрѣлявшаго за спину, повалилъ на полъ, легъ на него и сталъ отнимать револьверъ. Указательный палецъ правой руки попалъ подъ курокъ и онъ долго не могъ освободить его. «Происшествіе стрѣльбы кончилось въ 4 часа пополудни.» Полиція явилась часовъ въ 11 утра и вскорѣ начался обыскъ. Когда свидѣтель, лежа на стрѣлявшемъ, отнималъ револьверъ, къ нему на помощь бросился Ѳедоровъ. «Я лежалъ сверху, а онъ сбоку.» Тогда на Ѳедорова бросилась барышня и стала царапать ему лицо. Ѳедоровъ вскочилъ и сталъ отбиваться. Ѳедоровъ—мужчина невысокаго роста, плотный, а женщина также небольшого роста, худощавая. Послѣ заарестованія этихъ лицъ, свидѣтелю было дано знать, что если кто придетъ и будетъ спрашивать Гамкрелидзе, то «останавливать и препровождать въ кварталъ черезъ полицію.» Такимъ образомъ было арестовано нѣсколько человѣкъ. Свид. Иванъ Евтихіевъ показалъ, что когда пришла полиція и его пригласили, то Гамкрелидзе дома не было. Принесли ключъ, отперли и приступили къ обыску. Вскорѣ пришла дама, которую задержали, потомъ явился мужчина, который назвалъ себя княземъ Кочекидзе и показалъ заграничный паспортъ. Затѣмъ пришелъ еще мужчина, который, заглянувъ въ номеръ, бросился бѣжать, но былъ остановленъ. Онъ былъ очень взволнованъ; ходилъ по комнатѣ, щипалъ себѣ бороду и «говорилъ разныя слова», которыхъ свидѣтель сказать на судъ не можетъ. Когда Ловягинъ сталъ надѣвать шинель, раздался выстрѣлъ, а послѣмъ другой. «Всѣ бросились бѣжать, явились жандармы и полиція, и всѣ три лица были арестованы.» Когда свидѣтель вернулся въ номеръ, то стрѣлявшій былъ уже связанъ. Послѣ ареста было приказано задержать тѣхъ, кто будетъ спрашивать двѣнадцатый номеръ. Обыскъ начался въ половинѣ пятаго часаве чера, а окончился около восьми часовъ, арестованные уве-

дены около двѣнадцати часовъ ночи. Второй мужчина явился около семи часовъ вечера. Была сдѣлана очная ставка Евтихіеву и Галактіонову относительно времени обыска, но Галактіоновъ не могъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Онъ то говорилъ, что обыскъ начался въ 4-е часа, то, что Ловягинъ и Федоровъ пріѣхали утромъ и приступили къ обыску; Евтихіевъ остался при своемъ показаніи. Свид. Николай Власьевъ показалъ, что онъ квартировалъ въ гостиницѣ «Украина.» Придя домой часа въ 4-е, ему въ подъѣздѣ встрѣтилась барышня, которая, миновавъ его, побѣжала. Въ корридорѣ его встрѣтилъ городской и спросилъ, не видалъ ли онъ барышню. Онъ сказалъ и пошелъ въ свой номеръ. Упившись чаю, онъ вышелъ посмотреть, что дѣлается. Заглянувъ въ двѣнадцатый номеръ, онъ увидѣлъ, что встрѣтившаяся ему барышня сидитъ на диванѣ. Вдругъ мимо его пробѣжалъ какой-то господинъ по корридору; онъ бросился за нимъ; господинъ споткнулся и упалъ, и свидѣтель его остановилъ. Потомъ онъ опять ушелъ въ свой номеръ, но его попросили къ Ловягину. Онъ явился и рассказалъ, какъ задержалъ господина. Ловягинъ сказалъ: благодарю. «А барышня сидитъ и говоритъ мнѣ: вы отличились, поймали; вамъ за это пятачокъ на чай дадутъ. Я говорю: очень благодаренъ». Только что я хотѣлъ давать показаніе, вдругъ слышу выстрѣлъ, и я сейчасъ бросился бѣжать. Подс. Кардашевъ объяснилъ, что онъ зашелъ въ гостиницу, но ему сказали, что теперь чужихъ не принимаютъ. Онъ вышелъ изъ гостиницы, но на улицѣ его догналъ какой-то полицейскій и попросилъ вернуться. Онъ пришелъ. Прочитано слѣдующее показаніе помощника надзирателя 4 квартала Арбатской части, Федорова: «Вчера, въ пятомъ часу пополудни, прапорщикъ московскаго жандармскаго дивизиона Ловягинъ пригласилъ меня въ домъ Миклашевскаго для обыска номера двѣнадцатаго. Прибывъ туда, двѣнадцатый номеръ оказался запертымъ; мы потребовали отъ него ключъ и затѣмъ вошли туда, пригласивъ съ собою, для присутствованія при обыскѣ, завѣдывающаго номерами въ домѣ Миклашевскаго, Евтихіева, и двухъ корридорныхъ—Гришина и Морозова. По обыску было найдено до двухъ сотъ экземпляровъ разныхъ книгъ противозаконнаго содержанія. Въ то время, когда составлялся по этому предмету протоколъ, какая-то барыня, задержанная по сему дѣлу, отворила дверь изъ корридора въ номеръ, посмотрѣла на насъ и затѣмъ побѣжала назадъ. Ловягинъ сказалъ мнѣ, чтобы я велѣлъ догнать эту барыню; я послалъ за ней городскихъ. Тутъ корридорный Гришинъ сказалъ намъ, что барыня эта очень часто бывала у Гамкрелидзе, который занималъ номеръ, въ которомъ мы производили обыскъ. Вскорѣ барыню эту привели. Войдя въ номеръ, она начала съ того, что выругала насъ собаками и затѣмъ продолжала бранить насъ всячески; на вопросы Ловягина о ея званіи и жительствѣ она не отвѣчала и объяснила, что вообще отвѣчать намъ ничего не будетъ, затѣмъ Ловягинъ пригласилъ эту барыню остаться въ номерѣ. Мы продолжали заниматься своимъ дѣломъ; но минутъ черезъ десять въ номеръ заглянулъ какой-то неизвѣстный мужчина и также пошелъ назадъ; Ловягинъ приказалъ задержать и его; мужчина этотъ зашелъ въ номеръ и сказалъ свое званіе, мѣстоительство и отдалъ Ловягину свой паспортъ; онъ оказался князь Кочакидзе; велъ онъ себя прилично и никому никакихъ оскорбленій не дѣлалъ. Ловягинъ пригласилъ и его остаться въ номерѣ. Послѣ того уже около восьми часовъ вечера, когда мы уже оканчивали протоколъ обыска, въ номеръ заглянулъ изъ корридора еще какой-то неизвѣстный мужчина и затѣмъ быстро побѣжалъ назадъ отъ номера по корридору; это мнѣ показалось очень подозрительно и я велѣлъ бывшимъ въ корридорѣ городovýmъ, Вдовину и Чибисову, поймать его и привести. Городовые привели его къ намъ, сказавъ, что его уже задержалъ на подъѣздѣ купецъ Власьевъ; вслѣдствіе этого

былъ приглашенъ къ намъ и Власевъ для отобранія показанія. Приведенный неизвѣстный мужчина былъ крайне взволнованъ; какъ только онъ вошелъ въ номеръ, разобралъ насъ собаками, затѣмъ сталъ быстро ходить по комнатѣ и какъ-то неестественно щипалъ свою бороду; на вопросы Ловягина о его званіи и мѣстожительствѣ, онъ не отвѣчалъ и вообще отъ дачи какихъ бы то ни было отвѣтовъ отказался. Послѣ этого, минутъ черезъ пять, Ловягинъ кончилъ протоколъ и, подойдя къ отворенной двери изъ номера въ корридоръ, позвалъ меня и сталъ говорить мнѣ вполголоса, чтобы я остался здѣсь, караулилъ бы трехъ задержанныхъ лицъ и найденныя по обыску книги, а самъ онъ поѣдетъ за жандармами, съ которыми и отправитъ задержанныхъ лицъ въ жандармское управленіе. Въ это время задержанный неизвѣстный мужчина, стоя возлѣ кровати, выхватилъ изъ-подъ надѣтаго на немъ платья револьверъ и выстрѣлилъ изъ него по направленію въ меня и Ловягина; пуля въ насъ не попала, пролетѣвъ черезъ отворенную дверь въ корридоръ, гдѣ ударилась въ каменную стѣну. Я и бывшіе тутъ городовые Вдовинъ, Чибисовъ и купецъ Власевъ бросились на стрѣлявшаго, онъ въ это время еще разъ выстрѣлилъ по тому же направленію, но кто-то изъ насъ толкнулъ его подъ руку, въ которой онъ держалъ револьверъ, а потому пуля прошла выше, черезъ стекло надъ дверью и ударилась въ верхнюю часть каменной стѣны въ корридорѣ. Власевъ ушелъ, а я съ двумя городовыми, желая обезоружить стрѣлявшаго, схватились съ нимъ; между нами произошла свалка, всѣ мы упали на полъ; въ такомъ положеніи ноги мои находились подъ городовыми, а руками я держалъ стрѣлявшаго за руку, въ которой былъ револьверъ; тогда задержанная барыня, видя мое беззащитное положеніе, сѣла возлѣ меня, одной рукой стала душить меня за шею, а другою за горло, такъ что я не могъ дышать. Наконецъ, чрезъ нѣсколько времени намъ удалось сладить съ стрѣлявшимъ, въ то время и барыня бросила душить меня. Отнявъ револьверъ, я приказалъ связать стрѣлявшаго, и когда его связали, то обыскалъ, и когда вынулъ изъ кармана его брюкъ складной ножикъ, то онъ сказалъ мнѣ: «Очень радъ, что убилъ одну собаку, и жалѣю, что не убилъ тебя: этотъ ножикъ былъ предназначенъ для этого; впрочемъ, еще не уйдешь, будетъ тебѣ тоже». Затѣмъ, по просьбѣ прис. пов. Спасовича, прочитаны слѣдующія четыре показанія: I. «Звать меня Николаемъ Николаевичемъ, фамилія Ловягинъ, прапорщикъ московскаго жандармскаго дивизіона, вѣроисповѣданія православнаго, 25 лѣтъ, подъ судомъ не былъ, живу въ Каретномъ ряду, въ Косомъ переулкѣ, въ домѣ Яковлева. Съ четвертаго часа дня сего числа я, по порученію начальства, производилъ по политическому дѣлу обыскъ въ номерѣ двѣнадцатомъ меблированныхъ комнатъ въ домѣ Миклашевскаго, занимаемаго дворяниномъ Гамкрелидзе; обыскъ производился въ отсутствіи послѣдняго и для присутствованія при обыскѣ были приглашены мною помощникъ надзирателя 4 квартала Арбатской части, понятые люди, корридорные при домѣ Миклашевскаго — Иванъ Ивановъ Гришинъ, Иванъ Васильевъ Морозовъ и завѣдывающій домомъ Миклашевскаго, Иванъ Дмитріевъ Евтихѣевъ. Обыскъ я кончилъ часамъ къ девяти вечера и составлялъ по этому предмету актъ; по обыску было найдено то, что предполагалось найти. Мнѣ оставалось только подписать свою фамилію, какъ изъ корридора заглянула въ номеръ неизвѣстная мнѣ женщина, нынѣ задержанная по сему дѣлу, и, увидавъ меня, бросилась назадъ. Корридорный Иванъ сказалъ мнѣ, что женщина та близкая особа къ Гамкрелидзе и часто у него бываетъ; мнѣ слѣдовало по моей обязанности задержать ее впредь до разслѣдованія, какъ лицо близкое къ Гамкрелидзе, который обвинялся по политическому дѣлу, а потому я приказалъ задержать эту женщину; ее догнали уже на Спиридоновкѣ и пригласили ко мнѣ. Я спро-

силъ ея, кто она, гдѣ живеть и чѣмъ занимается; она положительно отказалась отъ дачи какихъ бы то ни было отвѣтовъ и бранила меня самыми скверными словами; я послалъ за городовыми, чтобы препроводить задержанную женщину въ жандармское управленіе; въ то время посмотрѣлъ изъ корридора въ номеръ еще неизвѣстный человѣкъ и затѣмъ, увидавъ меня, отстранился, вѣроятно, тоже хотѣлъ уйти, но я пригласилъ его войти. Онъ вошелъ и на вопросы мои объяснилъ свою фамилію, свое званіе и подалъ мнѣ свой паспортъ; онъ оказался князь Кочекидзе и на вопросъ мой объяснилъ, что онъ пришелъ къ Гамкрелидзе, какъ къ своему хорошему знакомому. Я долженъ былъ, по своей служебной обязанности, задержать и его, о чемъ ему и объявилъ; затѣмъ былъ приглашенъ письмоводитель квартала для составленія акта о задержаніи означенныхъ женщины и Кочекидзе, а самъ я предполагалъ ѣхать за жандармами, съ которыми слѣдовало препроводить задержанныхъ лицъ въ жандармское управленіе. Въ то время заглянулъ изъ корридора въ номеръ еще неизвѣстный человѣкъ, впослѣдствіи въ меня стрѣлявшій, и также, увидавъ меня, пошелъ назадъ. Корридорный Гришинъ сказалъ мнѣ, что и этотъ господинъ бывалъ у Гамкрелидзе. Я послалъ двухъ городовыхъ и бывшего тутъ же купца Власьева пригласить его ко мнѣ; его привели въ номеръ минутъ черезъ восемь; онъ былъ очень разсерженъ, сталъ кричать, какъ смѣли его задержать. Я объяснилъ ему причину приглашенія его ко мнѣ и просилъ его объяснить мнѣ о своемъ званіи и жительствѣ. Онъ отказался отъ дачи отвѣта, а только продолжалъ бранить меня. Я сказалъ помощнику надзирателя, чтобы онъ имѣлъ караулъ надъ означенными тремя лицами, а самъ собрался ѣхать за жандармами для препровожденія задержанныхъ лицъ въ жандармское управленіе, и только что я подошелъ къ двери, ведущей изъ номера корридора—она была уже отворена,—какъ послѣдній пришедшій мужчина выстрѣлилъ въ меня. Это меня, конечно, озадачило. Затѣмъ онъ выстрѣлилъ въ меня въ другой разъ; пуля пролетѣла возлѣ праваго уха такъ близко, что я почувствовалъ сильный ожогъ и упалъ на колѣно, и на меня упалъ городской, державшій мою шинель. Во время выстрѣловъ стрѣлявшій стоялъ возлѣ коммоды. Бывшіе при этомъ свидѣтели схватили стрѣлявшаго и тѣмъ прекратили ему дальнѣйшую возможность стрѣлять въ меня. Изъ чего стрѣлялъ въ меня неизвѣстный человѣкъ, объяснить не могу—не замѣтилъ этого. Показанное мною готовъ подтвердить подъ присягою. Послѣ происшествія я немедленно отправился въ жандармское управленіе заявить о случившемся и затѣмъ тотчасъ возвратился назадъ». — II. «Звать меня Егоръ Андреевъ, фамилія Вдовинъ, унтеръ-офицеръ штаба московской полиціи, служу городовымъ въ 4 кварталѣ Арбатской части, вѣроисповѣданія православнаго, 48 лѣтъ, подъ судомъ не былъ, грамотѣ не знаю. Вчера вечеромъ, часу въ седьмомъ за мной прислалъ помощникъ надзирателя, нашего квартала изъ дома Миклашевскаго, чтобы я туда пришелъ; я тотчасъ отправился туда. Помощникъ надзирателя, прапорщикъ московскаго жандармскаго дивизіона, Ловягинъ, были въ № 12, они тамъ производили обыскъ, и когда я пришелъ, то писали протоколъ; тамъ были понятые, городовые Чибиковъ и Лебедевъ, какая-то неизвѣстная тамъ барыня, задержанная по сему дѣлу, и неизвѣстный мужчина, оказавшійся впослѣдствіи князь Кочекидзе. Прапорщикъ Ловягинъ приказалъ мнѣ съ другими городовыми караулить двухъ послѣднихъ лицъ, и потому я остался въ номерѣ. Вскорѣ еще какой-то неизвѣстный мужчина посмотрѣлъ изъ корридора въ номеръ и затѣмъ, посмотрѣвъ, побѣжалъ назадъ; Ловягинъ приказалъ мнѣ догнать его и привести въ номеръ. Я побѣжалъ его догонять, за мной городской Чибисовъ; сбѣжавъ въ швейцарскую, оказалось, что человѣка того уже

задержалъ на подъѣздѣ какой-то купецъ. Этого человѣка мы привели въ № 12. Онъ отказался дать отвѣты Ловягину и не сказалъ своего званія, своей фамилии и своего мѣста жительства. Человѣкъ этотъ былъ очень взлоханъ, все рвалъ себѣ бороду и бранилъ бывшихъ въ номерѣ прапорщика Ловягина и помощника надзирателя. Наконецъ, послѣ этого Ловягинъ собрался куда-то ѣхать и подошелъ къ самой двери, ведущей изъ номера въ корридоръ, которая была отворена. Только что Ловягинъ подошелъ къ двери и велѣлъ подать себѣ шинель, какъ приведенный нами неизвѣстный человѣкъ, стоявшій возлѣ кровати, не болѣе какъ въ четырехъ шагахъ отъ Ловягина, выхватилъ откуда-то у себя револьверъ и выстрѣлилъ прямо въ Ловягина; но пуля прошла мимо чрезъ отворенную дверь въ корридоръ и ударилась въ каменную стѣну корридора. Послѣ перваго же выстрѣла я и другіе, бывшіе въ номерѣ, но кто именно, въ суматохѣ не замѣтилъ, бросились на стрѣляющаго. Въ то время онъ еще выстрѣлилъ изъ того же револьвера по направленію къ Ловягину, но кто-то изъ бросившихся на него толкнулъ его руку, въ которой онъ держалъ револьверъ, и пуля не достигла своего назначенія. Она прошла выше, чрезъ стекло надъ дверью, и также ударилась въ каменную стѣну корридора. Тутъ уже мы схватили стрѣляющаго, произошла свалка: стрѣлявшій, я и еще кто-то упали на полъ; я старался вырвать у него револьверъ, но онъ меня кусалъ и старался не дозволить этого, а самъ, между прочимъ, кричалъ: «жаль, если я не убилъ его». Наконецъ, съ трудомъ удалось вырвать у него револьверъ; затѣмъ мы его связали. Въ этой суматохѣ я не замѣтилъ, душила ли задержанная барыня нашего помощника надзирателя. Болѣе мнѣ по сему дѣлу ничего неизвѣстно; все же мною показанное готовъ подтвердить подъ присягою.» Остальныя два показанія, городовыхъ Григорія Чибисова и Петра Лебедева, совершенно сходны съ предыдущимъ показаніемъ унтеръ-офицера Вдовина, за исключеніемъ только одного обстоятельства въ показаніи городского Лебедева, который сказалъ: «Когда мы возились на полу и помощникъ надзирателя Федоровъ съ нами, то задержанная женщина накинута на послѣдняго и стала щипать его за шею и горло.» Прочитанъ протоколъ обыска квартиры Кардашева, причемъ, между прочимъ, найдены: кистень, 8545 р. денегъ и билетъ на имя Тумановой въ 1100 руб. съ переводомъ. Первоприсутствующій. Подсудимый Кардашевъ, эти деньги дѣйствительно найдены въ вашей квартирѣ?—Подс. Кардашевъ. Да, я самъ просилъ сдѣлать обыскъ.—В. Вы назывались княземъ?—О. Да, это былъ единственный мой видъ. Затѣмъ былъ прочитанъ протоколъ обыска квартиры Зедгенидзе въ домѣ Толстой, при которомъ найдены были слѣдующіе предметы: большой незаряженный револьверъ, какой-то бѣлый порошокъ въ синей коробкѣ, три сигнатурки для наружнаго употребленія на имя г. Цвиленева; до 60-ти экземпляровъ разныхъ книгъ и брошюръ, большею частью революціоннаго содержанія, въ числѣ коихъ находились: «Историческое развитіе интернаціонала»; «По поводу самарскаго голода»; «Русской сціально-революціонной молодежи»; «Гражданская война во Франціи»—Карла Маркса; «Бунтъ Стеньки Разина»—Костомарова; «Послѣдняя революція»—Гамбона; «Лѣтопись народнаго движенія»; «Очерки политической экономіи»—Чернышевскаго; «Правительство и молодое поколѣніе»; «Руководство сельскимъ кузнецамъ и слесарямъ»; «Очерки фабричной жизни»—Галицкаго; «Записки декабристовъ»; газета «Колоколъ»; «Проклаіаціи въ память людямъ 14-го декабря 1825 года»; «Къ офицерамъ русской арміи»; «Къ женщинамъ»; «Къ дворянству»; «Изданіе Ощества Народной Расправы»; брошюра «Ходъ судьбы»; «Въ память столѣтія Пугачевщины»; «Письма безъ адреса»—Чернышевскаго; «Программа работниковъ»; «Задачи революціонной пропаганды въ Рос-

сін»—Ткачева; журналъ «Впередъ»; «Хитрая механика»; «Сказка о четырехъ братьяхъ»; «Сборникъ новыхъ пѣсень и стиховъ»; «Сказка о копейкѣ»; «Богъ-то Богъ»; «Дѣдушка Егоръ»; «Стенька Разинъ»; «Вольный атаманъ Степанъ Тимофеевичъ Разинъ»; «Исторія французскаго крестьянина»; «Антропологической принципъ философіи»—Чернышевскаго; «Чтой-то братцы»; газета «Работникъ»; литографированный экземпляръ «Политической программы западно-европейской демократіи»; прошнурованные документы дворянина Николая Цвиленева. Затѣмъ найдены свидѣтельства Н. Ф. Цвиленева; аттестатъ его же; довѣренность на имя его отца отъ дочери; двѣ книжки на имя слушателя технологическаго института С. Златопольскаго и М. Хоимскаго; свидѣтельство на имя сына губернскаго секретаря А. Б. Шагрова; листъ гербовой бумаги рублеваго достоинства, мытый, съ печатью внизу какаго полицейскаго управленія, съ отмѣткой сбоку карандашемъ: «Полякову»; вытравленный бланкъ плакатнаго паспорта съ печатью внизу какакой-то мѣщанской управы; вытравленный бланкъ плакатнаго паспорта съ двумя вытравленными на оборотѣ штемпелями явки въ кварталѣ, изъ коихъ на одной читается ясно слово «Хамовнической»; записная книжка съ вложенными въ оную записками и фотографическою карточкою Пугачева; слѣпокъ съ печати на бумагѣ Юхновскаго уѣзда, Дубровскаго волостнаго правленія. Въ прихожей комнатѣ найдены три корзинки съ раннимъ женскимъ платьемъ и бѣльемъ, въ которомъ оказались: фотографическая карточка съ надписью на оборотѣ «Назаровой» и внизу «Суббот.»; брошюра на французскомъ языкѣ: «Нечаевъ, политическій онъ преступникъ или нѣтъ.» Затѣмъ перечислены еще нѣсколько найденныхъ вещей, и между прочимъ слѣдующія французскія книги: «Aide-toi toi-même» «Les huit journées de Mai» и брошюра, начинающаяся словами Notre Association и т. д. Кромѣ того, найдены четыре дамскія шляпки; цвѣты вѣнчальные въ коробкѣ, розовая тафта для подножекъ при бракѣ, икона Божіей Матери въ серебряной ризѣ. Первоприсутствующій. Подсудимый князь Циціановъ, вы жили подъ именемъ Зидгеннидзе?—Подсудимый князь Циціановъ. Проживаль.—В. Вещи, означенныя въ протоколѣ, найдены дѣйствительно у васъ?—О. Эти вещи находились у меня, но я не былъ при обыскѣ. Мнѣ предложили присутствовать при обыскѣ, но такъ какъ самъ хозяинъ—Гамкрелидзе отсутствовалъ, то я отказался быть при обыскѣ, предоставивъ его полиціи, но я не отказывался давать показанія по тѣмъ вещамъ, которыя найдутся у меня. Между тѣмъ, до сихъ поръ вещей мнѣ никакихъ не представляли и не требовали никакихъ объясненій. Я долженъ дать объясненіе по нѣкоторымъ вещамъ, потому что тамъ есть нѣкоторыя вещи Цвиленева, и указать, при какихъ обстоятельствахъ онѣ попали на мою квартиру. Съ Цвиленынымъ я познакомился въ первыхъ числахъ августа 1875 года на курской желѣзной дорогѣ. Я вошелъ въ вагонъ, кажется, на послѣдней станціи къ Москвѣ. Разговорившись съ нимъ, мы познакомились и съ вокзала поѣхали вмѣстѣ на одномъ извозчикѣ. Я сообщилъ ему одинъ фактъ, который вычиталъ изъ «Экспедиціи шефа жандармовъ». Онъ попросилъ у меня «Экспедицію» для прочтенія. Я далъ, и мы разстались, уговорившись встрѣтиться на Никитскомъ бульварѣ, куда онъ обѣщаль принести назадъ «Экспедицію». Такъ какъ у меня не было квартиры, то мы и условились видѣться на бульварѣ. 9-го августа мы сошлись и я, взявъ у него рукопись, пригласилъ къ себѣ въ домъ Толстой, гдѣ я нанялъ квартиру съ 6-го августа. Онъ оставался у меня около получаса. Въ это время я, желая поручить кому-нибудь чемоданъ, въ которомъ находились революціонныя книги, спросилъ, не знаетъ ли онъ кого-нибудь или не можетъ ли поставить въ свою квартиру на нѣсколько дней. Онъ указалъ мнѣ свой адресъ и взялъ съ собою двѣ рукописи: о солдатѣ и корреспон-

денцію изъ Кіева о безпорядкахъ въ Чигиринскомъ у. 9-го же числа я отвезъ къ нему чемоданъ и сказалъ, что 10-го зайду за рукописями. Утромъ 10-го числа я взялъ у него корреспонденцію, а рукопись о солдатѣ онъ обѣщалъ возвратить черезъ нѣсколько дней, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ запереть въ мой чемоданъ его вещи: дорожную сумку и свертокъ бумагъ. Я положилъ ихъ въ чемоданъ. При уходѣ онъ позвалъ хозяйку, показалъ ей меня и сказалъ, что если я приду безъ него, то чтобы она отдала чемоданъ. 11 числа я узналъ отъ одного офіціального лица, который присутствовалъ при арестѣ Цвиленева, что онъ арестованъ. Я тотчасъ же отправился на его квартиру, чтобы взять чемоданъ для того, чтобы ради моихъ вещей ему не пришлось отвѣчать. Хозяйки въ то время не было дома, я обождалъ съ полчаса; она пришла и спросила о Цвиленевѣ: кто этотъ господинъ и куда онъ ушелъ? Я сказалъ, что это студентъ и въ настоящее время находится на дачѣ; взялъ свои вещи и отправился къ себѣ на квартиру. Жлая всѣ подозрительныя вещи унести изъ квартиры, я уложилъ ихъ въ этотъ же чемоданъ, причемъ развернулъ вещи Цвиленева. Такимъ образомъ, легко могло случиться, что я смѣшалъ свои вещи съ его. Но изъ вещей, найденныхъ въ этомъ чемоданѣ, мнѣ принадлежали: два вытравленныхъ вида, записная книжка и нешифрованные адреса, а потомъ мелкія записки. Что касается рукописи о солдатѣ, то хотя она приписывается Вѣрѣ Любатовичъ, но я заявляю, что она объ ней не знала. Я знаю лицо, которое писало рукопись, но указать его не могу.—На вопросъ защиты о томъ, какимъ образомъ къ подсудимому попали женскія вещи, князь Циціановъ объяснилъ, что онъ проживалъ на дачѣ у своего пріятеля, которому пришлось выѣхать изъ Москвы. На время своего отсутствія онъ поручилъ ему корзинку съ вещами и кое-какую мебель. Все это онъ перевезъ къ себѣ на квартиру. Потомъ Гамкрелидзе занесла нѣсколько платяевъ, которыя онъ также положилъ въ корзинку. Первоприсутствующій. Подсудимый Цвиленевъ, какимъ образомъ попалъ вашъ чемоданъ на квартиру Циціанова? Подс. Цвиленевъ. Я имѣлъ случай объяснить какимъ образомъ, но теперь я сдѣлаю слѣдующія измѣненія. Когда я спросилъ въ жандармскомъ управленіи, за что я задержанъ, мнѣ сказали, что по обвиненію въ тайномъ обществѣ. А я никакой администраціи въ то время и не предполагалъ. Потомъ я не указалъ на квартиру при дознаніи вслѣдствіе того, что съ нею было связано посѣщеніе моей сестры. Въ настоящее время я совершенно подтверждаю показаніе Циціанова и повторяю, что дѣйствительно было такимъ образомъ. — Прочитаны актъ о задержаніи назвавшагося Вернеромъ, который явился на курской вокзалъ желѣзной дороги за полученіемъ товара, которымъ оказались книги преступнаго содержанія, и протоколъ обыска квартиры Вернера. Первоприсутствующій. Подсудимый Здановичъ, вы были задержаны на станціи? Подс. Здановичъ. Я.—В. И у васъ были найдены перечисленныя въ протоколѣ вещи?—О. Да, у меня.—Свид. Яковъ Поршаковъ (швейцаръ мебелированныхъ комнатъ Гурьева) показалъ, что пріѣхалъ господинъ, назвавшійся фамилією Вернеръ, занялъ номеръ, велѣлъ отнести туда чемоданъ и самъ ушелъ. Трое сутокъ его не было; явилась полиція и опечатала чемоданъ. Свид. Гурій Линьковъ показалъ, что служитъ въ гостиницѣ въ городѣ Орлѣ. Разъ пріѣхали два господина, заняли комнату № 16 и вскорѣ ушли. Послѣ обѣда пришла какая-то дѣвушка и спросила № 16. Она хотѣла дожидаться, но свидѣтель не пустилъ ее въ номеръ. Она ушла. Черезъ нѣсколько времени явились жильцы и съ ними двѣ дѣвушки и приказали подать самоваръ. Вечеромъ одинъ изъ жильцовъ уѣхалъ. Дня черезъ два господинъ попросилъ перевести его въ номеръ подешевле. Свидѣтель перевелъ, а потомъ черезъ нѣсколько времени постоялецъ уѣхалъ. Это было

въ июлѣ и августѣ.—Подс. Кардашевъ и князь Циціановъ заявили, что они вмѣстѣ были въ Орлѣ. Свид. Сергѣй Новиковъ (другой служитель той же гостиницы) подтвердилъ показаніе предыдущаго свидѣтеля, причемъ добавилъ, что жившій нѣсколько дней былъ князь Кочакидзе, какъ было означено въ его паспортѣ. Свид. Софья Краснова показала, что она жила въ прислугахъ у хозяйки Эйнбродтъ, гдѣ жила Субботина, а потомъ была записана Фигнеръ, и еще одна женщина приходила. На вопросъ, жила ли Вѣра Люботовичъ, свидѣтельница отвѣтила отрицательно. Затѣмъ, осматривая подсудимыхъ, она указала на Фигнеръ, какъ на ту, которая приходила, и на Вѣру Люботовичъ, какъ на ту, которая жила подъ именемъ Фигнеръ.—Подс. Евгенія Субботина заявила, что она жила у Эйнбродтъ, а Марья Субботина—что она бывала тамъ. Первая объяснила, что она перѣехала къ Эйнбродтъ и жила съ сестрою. Имѣя намѣреніе уѣхать въ Петербургъ и встрѣтись съ Фигнеръ, она предложила ей взять квартиру, и она взяла. Послѣ этого подсудимая уѣхала въ Петербургъ, а сестра ея—въ деревню. Это было въ маѣ. Фигнеръ подтвердила показаніе Евгениі Субботиной. Прис. пов. Бардовскій заявилъ, что Фигнеръ показывала, что она приняла квартиру отъ Евгениі Субботиной, а между тѣмъ, въ обвинительномъ актѣ сказано, что она сдала Марьѣ Субботиной. Тов. оберъ-прок. замѣтилъ, что на дознаніи, какъ это изложено въ обвинительномъ актѣ, Фигнеръ показала, что она приняла квартиру отъ Марьи Субботиной. Прис. пов. Бардовскій возразилъ, что законъ запрещаетъ читать, а слѣдовательно, и рассказывать на судѣ показанія подсудимыхъ, данныя на предварительномъ слѣдствіи. Тов. оберъ-прок. объяснилъ, что рѣшеніями угол. касс. департамента Правительствующаго Сената неоднократно было разъяснено, что показаніе подсудимаго, данное на предварительномъ слѣдствіи и внесенное въ обвинительный актъ, служить предметомъ судебного слѣдствія и провѣряется допросомъ подсудимаго, а потому ссылка на него стороной не составляетъ нарушенія закона. Въ силу такого толкованія обвиненіе имѣетъ полное право ссылаться на показанія обвиняемаго, занесенныя въ актъ. Прис. пов. Бардовскій замѣтилъ, что на основаніи рѣшеній Сената дозволяется читать показаніе подсудимаго только въ томъ случаѣ, если онъ самъ этого потребуетъ. Подс. Фигнеръ. Я проживала тамъ и приняла квартиру отъ Евгениі Субботиной. Я, дѣйствительно, на дознаніи показала, что приняла квартиру отъ Марьи Субботиной, но на самомъ дѣлѣ это было не такъ. Тов. оберъ-прок. обратилъ вниманіе особаго присутствія, насколько правильно было заявленіе защиты. (Засѣданіе прервано до 11 час. слѣдующаго утра).

Тов. оберъ-прок. указалъ на имѣющіеся въ дѣлѣ документы, а именно справки изъ домовыхъ книгъ, виды на жительство и проч., изъ которыхъ видно, въ какое время и гдѣ проживали Субботины, Кардашевъ и Чекоидзе; что Марья Субботина жила въ гостиницѣ Шевалдышева, 5 мая перѣехала въ домъ Эйнбродтъ, гдѣ прожила до 26 мая, а съ того времени въ этой квартирѣ поселилась Фигнеръ и прожила до 6 августа. Тѣми же справками доказывается, что въ февралѣ 1875 г. въ гостиницѣ Шевалдышева проживалъ Кардашевъ у Чекоидзе.—Свид. Иванъ Жоховъ показалъ, что жильцы проживали въ домѣ Толстой семь дней и 11 августа скрылись неизвѣстно куда. Спустя два дня, онъ на третій утромъ объявилъ объ этомъ управляющему, который сказалъ, что нужно заявить въ кварталъ. Свидѣтель хотѣлъ идти со двора, но ему встрѣтился поручикъ и спросилъ: всѣ ли жильцы дома. Онъ отвѣтилъ, что не всѣ. Пошли въ часть, куда пріѣхалъ судебный слѣдователь и взялъ свидѣтеля за Бутырскую заставу. Тамъ онъ призналъ господина и дѣвушку, а потомъ въ жандармскомъ управленіи узналъ послѣднюю. Тов. оберъ-прок. Кто нанималъ у васъ квартиру?

Свид. Жоховъ. Двое мужинъ и одна дѣвушка.—В. Оба господина жили? —О. Оба.—В. У кого былъ ключъ отъ квартиры? — О. У дѣвушки. Она больше ихъ приходила.—В. Когда мужчины приходили домой, случалось, что квартира была заперта?—О. Другой разъ придуть, спросятъ: дѣвушка здѣсь? Я скажу, что нѣтъ; они вернутся и послѣ приходятъ съ нею вмѣстѣ. Прис. пов. Хартулари. Вы говорите, что всѣ трое жили въ квартирѣ? Свид. Жоховъ. Всѣ.—В. Не помните ли, не показывали ли вы иначе, а именно, не говорили ли, что жили только одинъ мужчина и женщина, а другой мужчина лишь приходилъ? — О. Никакъ нѣтъ. Трое приходили; я квартиру показывалъ. Первоприсутствующій. Вы хорошо ли помните, что въ теченіе этихъ семи дней жили постоянно двое — мужчина и женщина, а третій только приходилъ, или... Свид. Жоховъ. Они всѣ жили постоянно. Всѣ трое приходили ночевать въ квартиру. Ну, а иной разъ и не замѣтишь. Прис. пов. Хартулари просилъ прочитать изъ дознанія показаніе свидѣтеля. Тов. оберъ-прок. призналъ, что, дѣйствительно, на дознаніи Жоховъ показалъ, что жили мужчина и женщина, другой же только приходилъ, т. е. приходилъ Кардашевъ. — Защита этимъ объясненіемъ была удовлетворена. Прочитанъ протоколъ осмотра бумагъ Цвиленева, по которому оказалось: въ связкѣ съ надписью «Изъ чемодана Цвиленева»: 1. два бланка плакатныхъ паспортовъ съ приложенными на нихъ печатями, но вытравленнымъ текстомъ, слѣды коего ясно замѣтны; на оборотѣ одного ясно замѣтны слѣды двукратной прописки паспортовъ въ полиціи, причемъ на одной ясно читается: «Хамовнической части, домъ №, записанъ... надзиратель». Въ одномъ изъ этихъ бланковъ былъ вложенъ на клочкѣ бумаги, на оборотѣ исписанной, оттискъ печати «Оханскаго уѣзда, добровскаго волостного правленія», очевидно, фальшивый. 2. Два листа гербовой бумаги рублеваго достоинства и листъ простой бумаги; на одномъ изъ гербовыхъ листовъ написано: «свидѣтельство, выданное изъ херсонскаго городского полицейскаго управленія на прожитіе сыну губернскаго секретаря Александру Борисову Шатрову, за № 164» и съ приложеніемъ голубой печати, но безъ означенія въ оставленномъ пробѣлѣ «года, мѣсяца и числа», а потому, очевидно, фальшивое; на другомъ гербовомъ листѣ приложена голубая печать саратовскаго городского управленія, но текстъ вытравленъ, и слѣды прежняго письма ясно замѣтны; на этомъ листѣ подъ гербомъ написано карандашемъ: «Полякову»; на простомъ же листѣ бумаги написано карандашемъ: «черное свидѣтельство саратовскаго городского полицейскаго управленія на имя окончившаго курсъ въ саратовской духовной семинаріи Михаила Полякова отъ 7 августа 1874 г., за № 13588». 3. Двѣ книжки, выданныя на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ за уменьшенную плату, отъ 25 апрѣля за № 553 и отъ 14 мая за № 586, на имя слушателей с.-петербургскаго технологическаго института Михаила Холенскаго и Савелія Златопольскаго. 4. Аттестатъ медико-хирургической академіи за № 801, отъ 7 апрѣля 1875 года, выданный на имя Николая Ѳедорова Цвиленева, удостовѣряющій о томъ, что онъ, оставшись на второй годъ на первомъ курсѣ, вышелъ изъ академіи по собственному желанію, и свидѣтельство на его же имя, выданное елецкимъ предводителемъ дворянства 1874 г. 21 мая за № 92. 5. Довѣренность, выданная штабсъ-капитану Ѳедору Михайловичу Цвиленеву дочерью его Александрю и засвидѣтельствованная у московскаго нотаріуса Павлова 23 іюля 1875 года. 6. Письмо на пяти съ половиною листахъ почтовой бумаги малаго формата, безъ означенія времени и подписи. По смыслу этого письма оно писано особой, находящейся въ замужествѣ за Иваномъ Ивановичемъ изъ Кропивны, къ лицу проживавшему прежде въ Петербургѣ, съ которымъ она была въ Тулѣ въ близкихъ отношеніяхъ, а въ Петербургѣ въ любовной связи; ^{зачело} это, какъ видно

изъ письма, посвятило себя пропагандѣ социальной революціи. Затѣмъ отвѣтъ на это письмо, безъ конца, имѣющій сходство руки съ почеркомъ дворянина Цвиленева. 7. Письмо на имя казака Ивана Петровича Арѣхова, писанное изъ Новочеркасска и подписанное «твой А. Емельяновъ», не имѣющее особаго значенія. 8. Разныя письма, записки, писанныя большею частью рукой, похожей на почеркъ руки Цвиленева, не имѣющія особаго значенія. 9. Содержитъ въ себѣ двѣ рукописи, одну чернилами, а другую карандашомъ, послѣдняя, повидимому, писана рукой Цвиленева, содержащая въ себѣ рефератъ «о необходимыхъ условіяхъ подготовки для успѣха дѣятельности пропагандиста, рѣшившагося идти въ народъ въ качествѣ рабочаго». 10. Тетрадь въ коричневой оберткѣ, писанная карандашомъ, повидимому, также рукою Цвиленева, содержащая въ себѣ замѣтку по тому же предмету, что и въ № 9-мъ. 11. Связка разныхъ бумагъ, завязанная бѣлой тесьмой, въ которой находится: а) билетъ, выданный изъ тульской духовной консисторіи, 10-го августа 1873 года, за № 5216, на имя окончившаго курсъ въ семинаріи Ивана Смирнова; на этомъ билетѣ имѣются слѣдующія явки въ полиціи: 20 августа 1873 г., 2-го участка, Нарвской части, С.-Петербурга, домъ № 9, квартира № 16; затѣмъ 19 го сентября того же года, 2-го участка Петербургской части, города С.-Петербурга, домъ № 9, по Каменноостровскому проспекту, и 27-го августа 1874 года, 2-го квартала, Тверской части, города Москвы, домъ № 101, съ отмѣткой карандашомъ «изъ гор. Тулы жилецъ.» б) Запечатанное письмо съ надписью на конвертѣ: «заказное» въ Карасубазаръ, Таврической губерніи, «его благородію» имя, отчество и фамилія вычищены, а внизу «прошу передать Ивану Ивановичу»; письмо это отъ 10-го іюля, за подписью Аргамонцевъ, начинается такъ: «Милостивый государь, вашъ хорошій знакомый Теофанъ Никандровичъ просилъ передать вамъ прилагаемую записочку. Еще проситъ васъ уничтожить находящіяся у васъ его бумаги, и т. д.» Упомянутая въ письмѣ записочка состояла изъ двухъ четвертушекъ папирсной бумаги, тщательно сложенныхъ въ маленькій квадратикъ; на этихъ листочкахъ замѣнены слѣды письма, вытравленнаго, по всей вѣроятности, лимономъ, почему эти листочки были положены подъ горячій утюгъ, отъ дѣйствія котораго текстъ письма выступилъ, но такъ неясно, что можно прочесть только отдѣльные слова: в) Поль-листа бумаги, писанной, повидимому, рукою Цвиленева и содержащей въ себѣ окончаніе письма № 6; въ текстѣ этого письма упоминаются имена Арк. и Ив. г) На поль-листѣ бумаги малороссійская пѣсня. д) Записная книжка, черная «Notes», въ этой книжкѣ вложено: 1. шифръ «чаще держать экзамень, хорошо писать формулы, бѣгло резюмировать цѣлыя и дроби»; 2. почтовый листъ синей бумаги, вѣроятно, съ адресами, писанными шифромъ, но другимъ; между цифръ попадаютъ слѣдующія слова: по Курск., Курскъ, Орель, Архипова, Рыльскъ, Петерб. д. 13 кв. № 5, и 3. фотографическая карточка г-жи Преображенской. 12. Двѣ статьи, очевидно, приготовленныя для печати, одна содержащая въ себѣ разсказъ отставнаго солдата о томъ, какъ власти, бары, чиновники, купцы и кулаки-міроѣды обираютъ мужика, по всей вѣроятности, для изданія брошюрою, а другая, писанная почеркомъ, похожимъ на руку Цвиленева, содержитъ въ себѣ корреспонденцію, по всей вѣроятности въ газету «Впередъ» или «Работникъ», о бывшихъ безпорядкахъ въ Киевской губерніи. Обѣ эти статьи были вложены въ конвертъ съ надписью «Петрушѣ.» 13. Чистая записная книжка въ $\frac{1}{8}$ долю листа, въ кожаномъ переплетѣ, въ портфель коей вложены на двухъ листахъ почтовой бумаги малаго формата программа вопросовъ для собранія статистическихъ данныхъ, по содержанію такихъ же, какъ и найденныя въ связкѣ бумагъ съ надписью: изъ «ручного сакъ-вояжа.» Осталь-

ныя бумаги, тутъ же находившіяся, особаго значенія не имѣютъ. Затѣмъ записная книжка меньшаго размѣра, также чистая, въ ней вложено: портретъ Пугачева и двѣ записки: одна—списокъ книгъ, внизу коего написано «по слѣдующему адресу: въ Александровскій уѣздъ, Влад. губ., на станцію Константиново, въ больницу села Шеметова доктору», на оборотѣ написано: «уг. Ф. и Набер. д. Жукова, кварт. 24»; отдѣльно записано: Мих. Ивановъ. Клочекъ сѣрой бумаги, на которомъ, между прочимъ, сдѣлана отмѣтка: «Пѣвческій мостъ, д. Калугина № 33, квартира г-жи Мунотъ, узнать адресъ Ив. Ив. Борамона», затѣмъ ляпись въ гусиномъ перѣ. 14. Клочекъ бумаги, на которомъ написано: «Изв. прежде Негровскій. Блоче-Броневскій. Подходить и рекомед. по знак. съ барын. (студ. юристъ) въ списокъ не оказ. Въ припадкѣ говорилъ, что онъ Негровскій, который пригласилъ вступить въ шпіоны. Разспрашивалъ про книги.» 15. Конвертъ съ разными мелкими записочками, по разсмотрѣніи коихъ оказалось слѣдующее: записка, писанная карандашемъ на папирсной бумагѣ, въ текстѣ встрѣчаются зашифрованныя слова; эта записка лежала въ листѣ почтовой бумаги, исписанномъ со всѣхъ сторонъ, на которомъ написанъ переводъ той записки, зашифрованной, какъ оказалось по провѣркѣ, по ключу «чаще держать экзакмень.» Содержаніе записки слѣдующее: «Если И. Л... принять, то, значитъ, сдѣлана половина дѣла, и другая его половина такова: иля вдоль Рагож. улицы и пройдя ворота части и самую часть, увидишь заборъ, за этимъ заборомъ наше мѣсто гулянья. Минута—и за заборомъ, ублаготворивши, разумѣется, извѣстнымъ образомъ компаньона; остальное понятно изъ прежняго. Необходимо только припасти верхнее платье, фуражку, да намѣтить невдалекѣ цирюльню, такъ какъ, вѣроятно, изъ части будетъ погоня и нужно будетъ поскорѣе измѣнить образину. Помощникъ же, по усмотрѣнію, будетъ ожидать въ установленномъ мѣстѣ или же скажетъ адресъ притона. Затрудненіе въ одномъ: нѣтъ возможности опредѣлить день гулянья. Очень можетъ быть, что помощникъ придетъ раза два или три напрасно; нужно дожидаться погожихъ дней и въ эти дни дѣлать расчетъ по числу народа; если жданье возможно, то дать знать, кашлянувъ два раза пальцами, начиная съ воскресенья слѣд. воскр. 1, понед. 2, субб. 7. Если въ указанный день не придется гулять и слѣдующіе дни будутъ погожіе, то на 2-й или на 3-й день непременно буду гулять. Въ назначенный день помощникъ необходимо долженъ проѣхать во время благовѣста къ вечернѣ и поддержать себя хоть за носъ, потому что нужно быть увѣреннымъ, дѣлая скачекъ. Время гулянья съ 6 часовъ вечера. Удалось бы одному, а потомъ можно бы попытать и насчетъ остальныхъ. Нечего въ зубы-то смотрѣть! Если такъ не придется, я все-таки попытаю какимъ-нибудь образомъ; при удачѣ выиграю, при неудачѣ мало потеряю. Важно знать, по моему ли дѣлу Мерцаловъ арестованъ? Успѣли ли передать ему о взаимномъ незнаніи? гдѣ находится? Можно сноситься? Если по моему дѣлу, то мнѣ обухъ по головѣ. Никакъ не ожидалъ этого, иначе не такъ бы повелъ дѣло. Въ этомъ случаѣ меня и его зарѣжутъ по горло, а жаль его, трудно найти подобныхъ людей для извѣстнаго дѣла. Если успѣли передать—такъ какъ мой девизъ: знать не знаю и т. д., называть его мужиковымъ потомъ. Хозяйка признала Ѳедора на очной ли ставкѣ? Вѣдь, имя неизвѣстно ей, а я сказалъ, что онъ называется Ивановъ. Не подумайте, что про него, это сказано про неизвѣстнаго человѣка, нанимавшаго со мной квартиру. Отвѣтить по возможности при: вечернемъ разговорѣ только не въ самые сумерки, но при закатѣ солнца въ сумерки глядѣть иногда бываетъ подозрительно. Тебѣ ходить здѣсь не слѣдуетъ совсѣмъ. Внутреннія сношенія до сихъ поръ невозможны. Въ

случаѣ крайности одинъ изъ двухъ ловкихъ парней долженъ разговаривать съ часовымъ, а другой бросать въ форточку, что нужно, или же черезъ заборъ, при гуляньѣ, хотя послѣднее сопряжено съ большими затрудненіями насчетъ дня». Подлинная записка была сложена маленькимъ квадратомъ. Письмо, писанное карандашемъ и чернилами, слѣдующаго содержания: «Когда нужно передать что-нибудь, то нужно приходиться вскорѣ по окончаніи благовѣста къ обѣднѣ или къ вечернѣ, или же за нѣсколько минутъ до благовѣста, а послѣдній въ солнечный день только. Отъ звона ничего не слышно. Название дома нужно сказать на всякій случай. А отъ носителя хозяевъ можно прямо сказать: признали—нѣтъ, согласенъ—нѣтъ. Домъ квар. справа, послѣд. мой бѣжать можно тому, что ѣздитъ съ однимъ унтеромъ, а не съ двумя; по моему единственно такъ: въ день свиданія нужно нанять лихача и ждать въ условленномъ мѣстѣ, если отсюда, то у народнаго театра; унтера можно сдѣлать на нѣсколько минутъ бездѣятельнымъ, нужно только припасти нюхательнаго табаку; но такая штука рискованная. Помни, если пойдетъ только на это, я желалъ бы, чтобы продѣлали эту штуку Федоръ или Жанъ, если есть сношеніе съ ними и существуютъ тѣ условія, о которыхъ сказано, потому что срокъ моего наказанія въ самомъ худшемъ случаѣ меньше и легче ихъ—скорѣе явится возможность дѣйствовать. Справьтесь, между прочимъ, о мѣрѣ наказанія по буквѣ закона за поддѣлку и проживание и за то и другое вмѣстѣ. Если указать на тебя и Надю неудобно, то извѣстить, а тоже о днѣ свиданія. Страхъ за Тулу было одно изъ главныхъ причинъ, заставившихъ назвать крестьянъ. Хотя по спокойномъ обсужденіи, опасность была не такъ велика, какъ представилась въ критическую минуту. Между другими причинами играла очень важную роль пословица «рискъ святое дѣло», хотя для меня онъ оказался грѣшнымъ, но обстоятельства заставляли рискнуть. Справьтесь у знающихъ, какой есть трактиръ въ Орлѣ, а то я совсѣмъ ничего не знаю, хотя работала на курской дорогѣ с. масл. пять недѣль и некому даже подтвердить о моемъ прибытіи. Насчетъ унтера безуспѣшно, хотя билетъ размѣненъ. Когда деньги будутъ пересылаться контраб., то мелкими бумажками. При настоящихъ условіяхъ жить бы нешто, да на бѣду тюрьма возбуждаетъ во мнѣ энергію, а такъ какъ надлежащаго исхода ей нѣтъ, она разрѣшается паскуднымъ нравственнымъ состояніемъ. Николай Васильевъ съ женой отказ. отъ меня, больше, кромѣ (огляев.), свид. некому, если сочтете нужнымъ, попробуйте привести въ исполненіе планъ насчетъ ко. респонд. чрезъ кондукторовъ; на случай сдѣлаю нѣкоторыя указанія. На ряжско-вяземской дорогѣ можно съ Вас. Никифор., изъ Лѣскова, въ Тулѣ на Курскъ съ Петнеоргскимъ (это имя сверху зашифровано шифромъ «чаще держать экзаменъ»), въ Скуратовѣ, а чрезъ нихъ и съ другими и по мѣрѣ надобности переводить въ другое мѣсто. Ихъ знаютъ Паша и Ваня. Пусть Мишка сдѣлаетъ списокъ хорошихъ историч. сочиненій и потребов. изъ нихъ доставлять какъ возможно достать. Въ настоящее время одно изъ сильныхъ желаній моихъ устан. корреспонд. съ... (имя замаскировано чернилами, но можно догадаться, что тутъ стояло Жибодари)—близокъ локоть, да не укусишь. Изъ девят. арест. двое выпущ. еще на страстной нед. Панфут., а другой не знаю. Говор. громче.»—Записка на 1/8 сѣрой бумаги слѣдующаго содержания: «Г. Кремеръ или Сиротскій, прошу васъ, дорогіе друзья, оказывать этому господину возможную помощь въ случаѣ, если ему понадобится.—Зундъ».—Въ ней оказались завернутыми три бумажки съ адресами; первая написана шифромъ, не подходящимъ къ имѣющимся ключамъ. Бумажка эта была надорвана, а потому она наклеена на другой листъ бумаги. На второй бумажкѣ значатся адреса: «Лозово-сѣвастопол. ж. д., ст. Славгородъ въ Варварскую экономич. конто-

ру такого-то»; на оборотѣ «нѣм. ул. Мицкунскому, въ суконномъ магаз. Пашкевича. Ржевъ Конская пл., близъ кузницъ, домъ Филатова, Ивану Матвѣвичу Филатову». Третій кусочекъ—«на Семеновской улицѣ красильное заведеніе Григорія Ѳедоровича Тюльпина, спр. Александру Дав. На Косой улицѣ, домъ Трубникова Агаѣю Сем.»; внизу—«Никитѣ Сергѣев. Серг.»; на оборотѣ «Зиновій Сѣровъ учит. школа или Виктор, подл. нимъ Конная площ. близъ кузницъ д. Татьяны Емельяновны Шаровой, второй отъ угла». Затѣмъ: «Швейковскій (банкъ) у него Линдъ. То. Вас. Ив. Покровскій». Далѣе на трехъ бумажкахъ записаны слѣдующіе адреса: «Нестроевая рота Несвицкаго полка рядовой Ѳедоръ Лизуновъ шорникъ; Арину Савельевну или Серебряника (брата ея). Близъ Сивцаго вражка большой Власьевскій пер., д. Львова, кварт. Данилова; станція Пахомово—Данилову и въ г. Кралевецъ (Черниговъ) село Ярославецъ, священнику Мироненкову, съ передачей въ село Зачирки Александру Ѳедоровичу». Всѣ эти адреса и записки вложены въ особый конвертъ подл. № 15 лит. а. 16. Переписка Знаменскаго, студента Петровской академіи, который находился подл. стражею. Въ особомъ пакетѣ съ надписью «изъ ручного сакъ-вояза» взяты въ числѣ вещественныхъ доказательствъ въ квартирѣ Задгенидзе. 1. Записная книжка въ переплетѣ, въ которой въ числѣ разныхъ замѣтокъ на одной страницѣ написано: «14-го января, служу по прежнему, работаю какъ воль. Послѣ сцены съ начальствомъ отмѣтчикъ что-то очень деликатенъ сталъ, прежде, когда заговаривалъ со мной, называя меня: вы или Овчинниковъ, а теперь прибавленіе творитъ Г.» Затѣмъ на послѣдней страницѣ записаны имена: «Островскій» и «Иванъ Ивановичъ». 2. Рукопись, заключающая въ себѣ программу вопросовъ для собранія статистическихъ свѣдѣній. Въ числѣ вопросовъ имѣются слѣдующіе: Нѣтъ ли библиотекъ, стремящихся къ развитію въ молодомъ поколѣніи идей, на которыхъ должна быть построена новая жизнь общества,—идей социальныхъ?... Насколько развито въ разныхъ слояхъ общества царепочитаніе? Какъ относятся къ нечаевскому дѣлу? 3. Письмо отъ 4 іюля, начинающееся словами: «Дорогой другъ», въ которомъ пишется, что «время проходить бездѣятельно, знакомыхъ пока еще мало, сойтись ни съ кѣмъ еще не успѣли, но надѣются, что скоро переимѣнится въ нашу пользу. Для того, чтобы сойтись съ обществомъ, нужно быть членомъ клуба, что уже всѣми сдѣлано, за исключеніемъ меня и Анюты. Всѣ посѣщаютъ клубъ, я же не могу, по недостатку гардероба, а Анюта должна заняться хозяйствомъ; вообще, ждутъ съ нетерпѣніемъ, какъ окажется возможность выйти изъ пассивнаго положенія». Внизу слѣдующая приписка: «Басѣ здѣсь совершенно достаточно и было бы прекрасно, если бы сюда больше не наѣзжало ихъ». Кромѣ того, между строкъ написано карандашемъ нѣсколько строчекъ цифръ, а въ письмо вложенъ листокъ синей почтовой сумаги, на которомъ написано карандашемъ: «Пришли немедленно копію болчанскаго паспорта». По провѣркѣ этой фразы съ вышеозначенными Вифрами, по ключу шифрами «эй, Ѳомичъ», означенная фраза оказалась цевреводомъ тѣхъ знаковъ по этому шифру. 4. Три тетради неоконченныхъ птатей. 5. Ключекъ бумаги отъ газеты, на которомъ написано карандашемъ: «напиши на этомъ клочкѣ, сколько книгъ ты взялъ (когда одинъ разъ отправился), какія и куда?» а внизу: «работн. 1 и 4 около по 37, 2 и 3 по 20, комм. 5, сказки 5 пугачъ—60 и мелкія брошюрки». 6. Ключки бумаги отъ разорваннаго счета прачки на женское бѣлье. 7. Письмо отъ 30 іюля, подписанное «Вашъ Пат.», слѣдующаго содержанія: «Вѣра! Передай Катѣ, чтобы она подождала письма, которое она получитъ отъ Михаила Ивановича, знакомаго Рыжаго, тамъ просятъ сдѣлать кое-какія покупки»... кончается такъ: «Нашъ привѣтъ всѣмъ роднымъ. Не забы-

вайте же, черти». 8. Двѣ книжки на проѣздѣ по желѣзнымъ дорогамъ по уменьшенной цѣнѣ, выдаваемые слушателямъ С.-Петербургскаго Технологическаго Института, безъ начальныхъ листовъ. 9. На клочкѣ тонкой почтовой бумаги шифрованная записка, писанная грузинской азбукой, по переводѣ которой содержаніе записки оказалось слѣдующее: «2-ое Ниж. п—ровъ, черные волосы, высокаго роста, 30 лѣтъ, 5-ое внизу, черный, круглолицый, 20 лѣтъ, низенькій; 5-ое вверху, молодой, черный, продолговатое лицо, худощавый; 6-ое вверху, деревенскій, черный, низенькій, 19 лѣтъ; 5-ое вверху. Барышня высокаго роста, русая, лицо продолговатое, 25 лѣтъ. 2-ое вверху. Средній ростъ, круглое лицо, русая». Кромѣ того, въ числѣ этихъ бумагъ найдена фотографическая карточка съ надписью на оборотѣ карандашомъ: «Надѣ 1872 г.», а внизу: «11, принадлежит Вѣрѣ Андреевнѣ Шатиловой». — По предъявленіи указанныхъ предметовъ, Цвилленевъ и Циціановъ большею частью признали своими. Цвилленевъ не призналъ своимъ ключъ къ шифру и рукопись: «Иди въ народъ въ качествѣ рабочаго». Прочитано письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорится: «Твоя наука не поможетъ, когда меня не вызываютъ. Поэтому поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Я откроюсь, но на предварительномъ слѣдствіи. Георгіевскій показываетъ хорошо. А вотъ что: поѣхалъ ли кто-нибудь изъ нашихъ въ казачество, на Уралъ, въ Казань и т. д. Въ Екатеринодарѣ рекомендую слѣдующихъ землемѣровъ: Иванъ Жуковъ, Григорій Рыболоченко, Николай Соколовъ. Во Владикавказѣ — Атабегова, Аванасьева и Вертепова. Они хорошіе и, пожалуй, пропагандисты, если надъ ними поработать малость. На нихъ можете дѣйствовать отъ моего имени. Я могу писать въ Тифлисъ—Трофимъ Бульбухъ, женская гимназія Авазова. Еще разъ повторяю: напиши Петру о его петербургскомъ дѣлѣ и напиши адресъ, куда я могъ бы послать рядового унтера... Письмо выдать... Я послалъ Зуду официальную записку; прошу денегъ; у меня въ управленіи—ни гроша, а я не могу тратить свои. Я вызвалъ прокурора—хочу выругать: обѣщался книгъ и надулъ. Приници Петра съ чернилами. Посылаю шифръ. При нуждѣ пригодится». Замѣлъ излагается ключъ шифра и въ заключеніе говорится: «Когда откроюсь—деньги высылайте. Онъ получитъ черезъ прокурора Жмурки». Подписано: «Шатилова, 3-го августа». — Подс. Чекоидзе объяснилъ, что не помнитъ, чтобы письмо было шифровано. Хотя шифръ «Эй, Ѳомичъ» онъ знаетъ, но утверждаетъ не можетъ, чтобы письмо было писано этимъ шифромъ. Онъ съ Циціановымъ обыкновенно велъ переписку по шифру «Быстро рѣшающей задачи». Первоприсутствующій. Подсудимая Вѣра Любатовичъ, вы дѣлали переводъ этого письма? Подс. Вѣра Любатовичъ. Нѣтъ. Подс. кн. Циціановъ. Письмо это было, дѣйствительно, шифровано, но не по шифру «Эй, Ѳомичъ», а по другому. Переводъ письма сдѣланъ моею рукою, но измѣненнымъ почеркомъ, потому что я постоянно мѣнялъ почеркъ, когда приходилось дешифровать.—Предъявлено еще одно письмо, которое подсудимая Гамкрелидзе и Георгіевскій не признали. Циціановъ заявилъ, что оно взято на его квартирѣ и что переводъ сдѣланъ подъ его диктовку. — Прочитанъ актъ осмотра бѣлья, отобраннаго въ квартирѣ Циціанова. Оно оказалось мужскимъ и женскимъ и съ мѣтками разныхъ обвиняемыхъ. Подс. князь Циціановъ заявилъ, что двѣ корзины съ платьемъ и бѣльемъ даны были ему на храненіе его знакомымъ. Кромѣ того, заносила бѣлье и Гамкрелидзе. Подс. Гамкрелидзе заявила, что часть бѣлья она занесла передъ отъѣздомъ въ Иваново-Вознесенскъ, такъ какъ квартира ея была непомѣстительна, и просила Циціанова сохранить до ея возвращенія.—Прочитанъ актъ осмотра отобранныхъ у Кардашева бумагъ. Въ числѣ другихъ вещей была записная книжка, въ которой записано, когда и отъ кого получены пись-

ма; разные расходы: за билетъ на проѣздъ, пошлины въ таможенѣ за провозъ вещей, на свадьбу Гамкѣ 15 руб. и т. д. По предъявленіи указанныхъ въ актѣ предметовъ, подс. Кардашевъ заявилъ, что всѣ письма писаны имъ. По предъявленіи нижеслѣдующаго письма подс. Вѣра Любатовичъ заявила черезъ своего защитника, что въ письмѣ этомъ не упомянуто о Волченкѣ. Подс. Кардашевъ заявилъ, что онъ писалъ къ Вѣрѣ Дмитріевнѣ Глѣбовой. Тов. оберъ-прок. заявилъ, что въ письмѣ упоминается «Волченокъ». Прис. пов. Спасовичъ замѣтилъ, что онъ разобралъ только одну букву В, а затѣмъ какія-то каракули. Прис. пов. Хартулари заявила, что нѣтъ возможности разобрать это слово. Письмо это, на имя Николая Аѳонскаго, слѣдующаго содержанія: «Многоуважаемый Николай Ѳедоровичъ. Передайте, Бога ради, какъ можно поскорѣе Марьѣ или Евгеніи, что наши московскіе друзья больны ужасно, эпидемически, начиная съ Волченка, Санчо и Мавра и кончая ужъ чортъ знаетъ чѣмъ и кѣмъ; пусть извѣстятъ, кому найдутъ нужнымъ». Прис. пов. Бардовскій. Не пожелаетъ ли Кардашевъ дать объясненія, почему здѣсь упоминается Марья Субботина. — Подс. Кардашевъ. Я дамъ объясненіе, какъ было въ дѣйствительности, хотя не знаю, насколько это будетъ относиться къ Марьѣ и Евгеніи Субботинымъ. Въ началѣ августа Зидгендзе (кн. Циціановъ), надѣясь, что меня выпустятъ на другой день, когда мы сидѣли съ нимъ рядомъ, сообщилъ мнѣ шифръ «Эй, Ѳомичъ» и просилъ написать къ Аѳонскому и князю Микеладзе о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя сообщаются въ этихъ письмахъ. Письма эти не назначались Субботинымъ, а должны были быть переданы знакомому кн. Циціанова въ Орлѣ, фамилію котораго я не зналъ. Я второпяхъ адресовалъ къ Субботинымъ. Кромѣ того, изъ письма видно, что я говорилъ отъ третьяго лица. — Подс. князь Циціановъ. Адресъ Евгеніи и Маріи былъ сообщенъ мною, потому что не было дѣйствительнаго прямого пути, по которому можно бы было послать письма къ лицу, которому я хотѣлъ сообщить краткія свѣдѣнія о моемъ арестѣ. Я припомнилъ адресъ Аѳонскаго, который сообщенъ мнѣ былъ Лидією Фигнеръ, а редакцію письма я изложилъ въ томъ видѣ, что въ первой половинѣ должна быть высказана просьба сестрамъ Субботинымъ отыскать лицо и способъ, какимъ образомъ отыскать и передать письмо, а другая половина шифрованная назначалась моему знакомому, и просилъ подписаться Лидіей Фигнеръ, такъ какъ Субботиныхъ лично я не зналъ. Относительно адреса Микеладзе — то онъ данъ мною. Я хотѣлъ сообщить только, что въ Москвѣ были аресты. Тамъ говорится, что бумаги всѣ у Медвѣдихи. Когда Кардашевъ былъ у меня, я намѣренъ былъ отнести чемоданъ Медвѣдовой, которой адресъ зналъ. Вѣроятно Кардашевъ сообразилъ, что я уже успѣлъ передать бумаги. — Подс. Евгенія Субботина. Когда я уѣзжала изъ Москвы, то дала Фигнеръ адресъ Аѳонскаго, чтобы она писала Николаю Ѳедоровичу для передачи Марьѣ Дмитріевнѣ, а сестру свою Марью просила, если получатся письма, то пересылать мнѣ въ Петербургъ. Поэтому и поставлены рядомъ Марья и Евгенія. По просьбѣ тов. оберъ-прокурора спрошенъ подс. Кардашевъ о значеніи разныхъ кличекъ, и онъ объяснилъ, что клички эти употреблялись не въ смыслѣ организации. Подсудимый зналъ, напримѣръ, Вѣру, Гамку. Послѣднее есть сокращенное Гамкредидзе, но онъ не зналъ, что Вѣра была Любатовичъ. Его самого прозвали Мавромъ. Вообще, всѣ эти названія не имѣли смысла кличекъ, а смыслъ имени. Кромѣ того, эти клички были общеизвѣстны. Это не было кружковымъ секретомъ. Изъ показанія свидѣтеля Дмитріева видно, что онъ зналъ, напримѣръ, Рыжаго. Вообще, это были названія, которыя были извѣстны всему студенческому кружку. Первоприсутствующій. Употребляя эти клички, вы не поинтересовались знать настоящихъ именъ и фамилій этихъ лицъ? — Подс. Кардашевъ. Ка-

кая мнѣ надобность? Я сходился съ ними, разговаривалъ, нанималъ вмѣстѣ квартиру, и больше ничего.—Подс. Лкбатовичъ замѣтила, что ее еще съ дѣтства звали волченкомъ. Прочитано показаніе свидѣтеля Дмитріева, въ которомъ говорится: Николай Гавриловъ Дмитріевъ, 23 лѣтъ, воспитывался въ тифлисской реальной гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1873 году. Занимаюсь преподаваніемъ уроковъ, живу постоянно въ городѣ Тифлисѣ, на Мостовой улицѣ, въ домѣ гражданина Мугарова, вмѣстѣ съ родителями. холостъ. Окончивъ лѣтомъ 1873 года курсъ наукъ въ тифлисской реальной гимназіи, я тогда же отправился въ Петербургъ, гдѣ вступилъ въ технологическій институтъ, и, пробывъ тамъ годъ, лѣтомъ 1874 года отправился въ Парижъ съ цѣлю поступить въ тамошнюю политехническую школу. Со мною для той же цѣли поѣхали въ Парижъ тогда же изъ Петербурга: студентъ с.-петербургскаго технологическаго института Иванъ Спиріоновичъ Кузьминъ, студентъ медико-хирургической академіи Иванъ Спиридоновичъ Джабадари, Лука Иванишевичъ и бывшій воспитанникъ михайловскаго артиллерійскаго училища Михаилъ Чекоидзе. Всѣ мы имѣли заграничные паспорта, выданные намъ изъ канцеляріи с.-петербургскаго градоначальника. Отношенія мои къ вышеозначеннымъ лицамъ были дружескія только къ Джабадари и Кузьмину, съ остальными же я сошелся только въ дорогѣ и во время послѣдующей жизни нашей въ Парижѣ, гдѣ жили всѣ на одной квартирѣ, изучая французскій языкъ и посѣщая публичныя лекціи въ политехнической школѣ. Пробывъ въ Парижѣ три мѣсяца, я и Кузьминъ, за неимѣніемъ средствъ къ жизни, возвратились обратно въ Петербургъ, остальные же наши товарищи остались въ Парижѣ, не имѣя средствъ къ выѣзду и ожидая таковыхъ отъ родныхъ изъ Россіи. Во время пребыванія нашего въ Парижѣ Джабадари, между прочимъ, получилъ письмо изъ Петербурга отъ своего товарища, студента медико-хирургической академіи Георгія Здановича, въ которомъ онъ разспрашивалъ о нашей жизни въ Парижѣ и сообщалъ текущія новости Петербурга. Подробностей содержанія этого письма я не помню; помню только, что оно начиналось фразой: «Братья граждане» и было подписано, вмѣсто фамиліи Здановича, «Георгій Рыжій». Означеннаго Здановича я зналъ лично въ Петербургѣ еще до поѣздки въ Парижъ, хотя знакомство мое съ нимъ было шапочное, встрѣчая его изрѣдка у Джабадари въ квартирѣ его, а также въ кухмистерской, гдѣ мы вмѣстѣ обѣдали. Его товарищи и знакомые называли его рыжимъ по той причинѣ, что онъ имѣлъ рыжевато-краснаго цвѣта бороду. Здановичъ не обижался этой кличкой и самъ иногда поддерживалъ ее, какъ это выразилось и въ письмѣ, писанномъ имъ къ Джабадари, гдѣ онъ, какъ я выше упомянулъ, подписался даже «Георгій Рыжій». Здановича я мало зналъ и не искалъ случая съ нимъ сблизиться, такъ какъ отъ товарищей своихъ слышалъ о немъ не совсѣмъ лестные отзывы, а именно, что онъ фразеръ, очень либераленъ и любитъ высказывать громкія либеральныя фразы. О его антиправительственной дѣятельности я ничего не знаю. О Здановичѣ я слышалъ, что онъ уроженецъ Кавказа, гдѣ имѣетъ имѣніе въ одной изъ 2-хъ губерній, Кутаисской или Тифлисской, и что въ одномъ изъ этихъ губернскихъ городовъ онъ воспитывался въ гимназіи. Изъ лицъ, знающихъ Здановича и могущихъ признать его личность, могу поименовать: студента медико-хирургической академіи Худадова и студента горнаго института Ивана Кузьмина, воспитывающихся въ настоящее время въ Петербургѣ, кромѣ того, также студента медико-хирургической академіи Вершанова; другихъ же лицъ, знающихъ Здановича, припомнить не могу. По возвращеніи въ октябрѣ мѣсяцѣ 1874 года изъ-за границы въ Петербургъ и, пробывъ тамъ до февраля мѣсяца 1875 г., я, желая поступить въ Лѣсной Институтъ, но не имѣя къ тому средствъ, уѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ и на-

ходилъся съ того времени безвыѣздно. По возвращеніи изъ-за границы я Здановича болѣе не встрѣчалъ нигдѣ, но, находясь уже въ Тифлисъ, съѣзжалъ отъ отца Джабадари и отъ студента медико-хирургической академіи Худадова, прѣѣзжавшаго въ 1875 г. на каникулы на Кавказъ, что Джабадари, Чекоидзе и Здановичъ арестованы въ Москвѣ, по обвиненію ихъ въ антиправительственной пропагандѣ, которой они занимались въ Москвѣ, о чемъ я тогда и написалъ въ Парижъ къ Иванишевичу, называя Джабадари и Чекоидзе дядюшками Грессотами, а Здановича Георгіемъ Рыжимъ. Изъ предъявленныхъ мнѣ двухъ фотографическихъ карточекъ, на одной изъ нихъ, гдѣ изображенъ мужчина съ бородой и въ пальто, я признаю вышеупомянутаго Здановича, другая же карточка, т. е. личность на ней изображенная, мнѣ неизвѣстна, хотя и напоминаетъ кого-то изъ моихъ знакомыхъ, но кого именно, не могу вспомнить. Бывшаго слушателя петровской земледѣльческой академіи Георгія Кобіева я не знаю и никогда о немъ ничего не слыхалъ. Студента же Лѣснаго Института Юсепьяни я зналъ еще въ бытность свою въ Петербургѣ, гдѣ онъ въ то время воспитывался. Въ настоящее время онъ уже окончилъ курсъ въ Лѣсномъ Институтѣ и недѣлю тому назадъ я его встрѣчалъ въ Тифлисъ, гдѣ онъ, кажется, находится и въ настоящее время.—Прочитаны: актъ обыска у Аюнскаго и письмо матери Субботиной къ ея сестрѣ, Аюнской, въ которомъ она, между прочимъ, говоритъ, что она возвратилась изъ-за границы. «При мнѣ ничего не дѣлали; была на собраніи Интернаціонала, видѣла и слышала все и осталась довольна». Рассказываетъ о томъ, какъ дочери ея были приняты Лавровымъ (Миртовымъ), о свихъ знакомствахъ, о времени препровожденія, и т. п. Прис. пов. Бардовскій просилъ особое присутствіе удостовѣриться изъ дѣла, что мать Субботиныхъ съ 14-го сентября 1874 года арестована.—Прочитано еще письмо Евгеніи Субботиной, въ которомъ она извѣщаетъ Николая Федоровича о томъ, что по возвращеніи изъ Петербурга она была арестована на одинъ день; говоритъ, что если соглашались оставить ее въ покоѣ, то будетъ у нихъ дней черезъ шесть, что въ Москвѣ сильные аресты, о чемъ просить сообщить Марьѣ Субботиной. Подс. Е. Субботина объяснила, что она этимъ письмомъ предупреждала сестру, Марью, «потому что я разъ попалась, будучи не замѣшана ни въ чемъ. Меня оставили подъ домашнимъ арестомъ и я не могла знать, въ чемъ меня обвиняютъ». Свид. князь Микеладзе показалъ: Я объявилъ на предварительномъ слѣдствіи, что письмо, которое мнѣ было предъявлено, не мое, а принадлежало Ивану Григорьеву, съ которымъ я познакомился въ Одессѣ на бульварѣ. Получалъ письма и передавалъ ему. Содержанія этихъ писемъ не знаю. Тов. оберъ-прок. Вы долго были знакомы съ Иваномъ Григорьевымъ? Свид. кн. Микеладзе. Съ мѣсяцъ; но личность его мнѣ неизвѣстна.— В. По какому поводу вы познакомились?—О. Я сидѣлъ на бульварѣ, на скамейкѣ; онъ подошелъ, подсѣлъ ко мнѣ и началъ говорить, причемъ сказалъ свое имя. Потомъ онъ пришелъ ко мнѣ на квартиру и просилъ передавать ему письма, которая будутъ приходиться на мое имя, потому что почтальону трудно его отыскать на завздѣ, гдѣ онъ работалъ. Онъ приходилъ, и я отдавалъ ему письма.— В. Онъ не знакомилъ васъ съ кѣмъ-нибудь?— О. Познакомилъ съ дѣвушкой Надеждой (Субботина).— В. Вы бывали у нея?— О. Раза два былъ.— В. У нея никого не встрѣчали?— О. Нѣтъ.— В. Не давала ли она вамъ какихъ-нибудь книгъ для прочтенія?— О. Иванъ Григорьевъ давалъ «Парижскую коммуну».— В. Вы, кажется, объясняли на дознаніи, что книжка дана вамъ Надеждою?— О. Нѣтъ, Иваномъ Григорьевымъ, но въ квартирѣ Надежды.— В. Не давала ли она вамъ какихъ-нибудь писемъ или записокъ?— О. Разъ давала только 2 депеши для отправки. Но

куда и содержанія ихъ.—не помню. В. Не знакомили ли васъ Григорьевъ или Субботина еще съ кѣмъ-нибудь?—О. Субботина познакомила съ Хоржевской.—Прис. пов. Бардовскій. Что васъ свело съ Григорьевымъ?—Свид. кн. Микеладзе. Познакомились просто на бульварѣ.—В. Изъ подсудимыхъ, кромѣ Надежды Субботиной и Хоржевской, никого не знаете?—О. Никого.—В. Вы твердо помните, что не сами взяли книжку въ квартирѣ Субботиной?—О. Нѣтъ, не самъ.—В. Вы привлекались въ качествѣ обвиняемаго?—О. Въ качествѣ свидѣтеля.—В. Но были арестованы?—О. Былъ.—В. Послѣ какого показанія васъ выпустили?—О. Не помню.—В. Ольгу Любатовичъ не знаете?—О. Нѣтъ. Прис. пов. Хартулари. Письма, которыя вы получали для передачи Григорьеву, были простыя или шифрованныя? Свид. князь Микеладзе. Я не распечатывалъ писемъ. Только впоследствии, когда получилъ письмо изъ Яссы, я изъ любопытства его распечаталъ, и оно оказалось шифрованнымъ.—В. Не получали ли писемъ на имя Рыжаго.—О. Рыжаго я не знаю.—Прис. пов. Зубаревъ. Вы кого у Хоржевскихъ знали? Свид. кн. Микеладзе. Только одну Вѣру Сергѣевну.—Первоприсутствующій. Подсудимая Ольга Любатовичъ, знали вы свидѣтеля Микеладзе? Подс. О. Любатовичъ. Я не нахожу нужнымъ отвѣчать.—Тов. оберъ-прокур. Почему вы распечатали письмо изъ Яссы? Свид. князь Микеладзе. Потому что часто стали приходять письма. — Присяжный повѣрен. Войцеховскій. Куда вы дѣли эти письма.—Свид. кн. Микеладзе. Передалъ Ивану Григорьеву.—Прис. пов. Бардовскій. Онъ не былъ въ претензіи, что распечатали? Свид. кн. Микеладзе. Онъ не зналъ. Я распечаталъ опять.—Свид. Елизавета Хоржевская показала, что сестра вернулась изъ-за границы въ декабрѣ 1874 года.—Прис. пов. Бардовскій. Не принимала ли участія въ свадьбѣ вашей сестры одна изъ Субботиныхъ? Свид. Е. Хоржевская. Никто не принималъ никакого участія. Она сама познакомила своего жениха съ нами.—Свид. Прасковья Тихонова показала, что у нея нанимали квартиру двѣ молодыя дѣвушки, но когда это было—не припомнить; прожили онѣ 1 мѣсяць. Одна называлась Махоткиной, а другая, кажется, Степановой. У нихъ былъ одинъ молодой человекъ, о которомъ онѣ сказали, что это квартирантъ. Свидѣтельница спросила паспортъ, но онѣ сказали, что ему вышлютъ, и она отказала имъ отъ квартиры. Подсудимая Надежда Субботина и Ольга Любатовичъ признали, что жили въ Одессѣ у свидѣльницы, причемъ Любатовичъ добавила, что оба паспорта ея.—Прочитанъ протоколъ ареста Евгении Субботиной и Овчинникова. Подс. Е. Субботина объяснила: Я была въ Петербургѣ и пріѣхала въ Москву. На станціи въ Москвѣ я встрѣтила Овчинникова, съ которымъ познакомилась еще въ Петербургѣ, и предложила ему ѣхать вмѣстѣ въ гостинницу «Украина». Когда пріѣхали, я спросила номеръ. Мнѣ предложили въ пятьдесятъ копеекъ, но я спросила получше. Когда отыскивали номеръ, я остановилась передъ доской и увидѣла фамилію, о которой я слышала. Я спросилъ, не здѣсь ли Гамкредидзе. Мнѣ сказали, чтобы я подождала; потомъ явилась полиція, и меня арестовали. Подс. Овчинниковъ. Я подтверждаю это показаніе и присовокупляю, что когда мы ѣхали въ «Украину», то Субботина мнѣ не говорила, что у нея есть знакомые въ гостиницѣ. Свид. свящ. Ансеровъ показалъ, что между его дочерью и Субботиною были отношенія дружбы еще съ гимназіи, въ которой онѣ обучались. Субботины приглашали ее ѣхать за границу и даже предлагали свои средства на прожитіе. Она сильно просилась, но родители не рѣшились отпустить. Тов. оберъ-прокурора. Не предлагали ли ей выхода въ замужество?—Свид. Ансеровъ. Я злялся одинъ фиктивный женихъ. Въ какой-то праздникъ я выхожу изъ церкви. На дорогѣ мнѣ встрѣчается какой-то молодой человекъ и проситъ знакомства съ

моимъ семействомъ. Я спрашиваю о причинѣ. Онъ говоритъ: я молодой человекъ и хочу устроиться. Я понялъ, что рѣчь идетъ о моей дочери и сказалъ: если таково ваше намѣреніе, то пріемъ знакомства, мнѣ кажется, не совсѣмъ обыкновеннымъ. Поэтому я ему отказалъ и до квартиры не допустилъ.—В. Почему вы думали, что женихъ фиктивный?—О. Это послѣ объяснилось. Дочь слышала объ этомъ отъ Субботиныхъ. Дѣло въ томъ, что мы не рѣшались отпустить дочь для получения высшаго образованія иначе, какъ послѣ того, какъ она выйдетъ замужъ. Въ этихъ видахъ, вѣроятно, и было устроено предложеніе.—В. Кто изъ Субботиныхъ предлагалъ поѣздку за границу?—О. Евгенія Дмитриевна. Впослѣдствіи мы предложили дочери ѣхать въ С.-Петербургъ, куда рѣшались отпустить ее съ теткой. Субботина дала дочери 35 рублей денегъ, съ тѣмъ, чтобы она ушла самовольно изъ моего дома и гдѣ-нибудь пока скрывалась. Она возвратила эти деньги Субботинымъ.—Прис. пов. Бардовскій. Могли бы вы дать приданое за дочерью?—Свид. Ансеровъ. Я не знаю, почему въ обвинительномъ актѣ сказано, что приданое должно поступить мужу, который дастъ ей за это свободу. Этого никогда не могло быть, чтобы она передала свои деньги чужому.—В. Не говорила ли ваша дочь, что Евгенія Субботина очень добра, помогаетъ бѣднымъ и т. п.—О. Она совершенно уѣрена была, что все дѣлалось отъ доброты сердца. Мы ничего не могли сказать противъ этого и даже въ то время, когда она была арестована, мы не вѣрили, думали, что это неправда.—В. Ваша дочь была арестована?—О. Нѣтъ.—В. Когда вы узнали о 35 рубляхъ?—О. Послѣ того, какъ дочь была допрошена. Еще въ 1873 году мать Субботиныхъ предлагала нашей дочери ѣхать вмѣстѣ съ ея дочерьми за границу; предлагала даже свои средства и обѣщала привозить дочь мою два раза въ годъ для свиданія. Но мы отказались отъ этого. Они насъ мучили три года, мы были точно въ осадѣ. Хороша доброта! Теперь мы благодаримъ начальство, что насъ избавили.—В. Осуществилось желаніе вашей дочери быть математикомъ?—О. У нея вообще развита любознательность, и она имѣетъ отличныя математическія способности, и ее постоянно преслѣдовала мысль быть математикомъ. Но теперь она отъ всего этого отказалась. Она теперь все бросила и занимается съ своими младшими сестрами. На вопросъ, можетъ ли свидѣтель узнать жениха, Ансеровъ сказалъ, что едва ли припомнитъ. Подс. Кардашевъ. Вы не знаете меня, бабушка?—Свид. Ансеровъ. Вотъ теперь узнаю.—В. Вы спросили у меня тогда фамилію какого-то поляка?—О. Не помню.—В. Я желалъ бы знать, если это не ваша семейная тайна, какую роль игралъ этотъ полякъ?—Свид. Ансеровъ (подумавъ). Не знаю рѣшительно никакого поляка и не помню, спрашивалъ ли васъ; можетъ быть, вы своимъ пріемомъ навели меня на какую-нибудь мысль.—Прис. пов. Бардовскій. Вы, кажется, показывали, что вашу дочь уговаривала Субботина уйти изъ дому?—Свид. Ансеровъ. Я слышалъ отъ дочери, что она хотѣла это сдѣлать по вліянію Субботиныхъ.—Подс. Евгенія Субботина. Когда я училась въ гимназіи вмѣстѣ съ Екатериною Ансеровою, она мнѣ постоянно говорила, что не можетъ жить въ семьѣ, что положеніе ея тамъ не выносимо, и она хотѣла избавиться. Она даже говорила еще въ гимназіи, что согласится на фиктивный бракъ. Я ей говорила, что лучше итти замужъ, нежели переносить тѣ непріятности, которымъ она подвергалась.—Свид. Ансеровъ (въ недоумѣніи). Какія же могли быть непріятности, когда мы только на дѣтей и смотримъ, только о нихъ и заботимся. Рѣдкое семейство найдетъся, чтобы родители такъ любили своихъ дѣтей и дѣти своихъ родителей. Свид. священникъ Сахаровъ показавъ, что онъ вѣнчалъ Гамкрелидзе по документамъ, которые онъ вполне нашелъ достаточными. При этомъ два свидѣтеля были привезены брачу-

примся, а другихъ двухъ позаимствовали отъ другой свадьбы, бывшей въ этотъ день. Деньги платилъ, кажется, Циціановъ. Подс. князь Циціановъ заявилъ, что онъ подтверждаетъ показаніе священника, такъ какъ дѣйствительно расходовалъ деньги онъ, получивъ ихъ отъ Гамкрелидзе. Другіе два свидѣтеля, приготовленные заранѣе, не поняли адреса и проѣхали въ другую церковь, почему не поспѣли ко времени. «Въ обвинительномъ актѣ сказано, замѣтилъ подсудимый, что мы относились къ обряду съ пренебреженіемъ. Но этого не было. Дѣйствительно, женихъ и свидѣтели не явились во фракахъ, но все-таки мы были одѣты какъ обыкновенные люди. Я на дознаніи отрицалъ, что былъ свидѣтелемъ на свадьбѣ, такъ какъ думалъ, что мой а. есть повліяетъ на этотъ бракъ и повредитъ Гамкрелидзе и его суд, угб». Присяжн. пов. Люстигъ (къ свидѣтелю). При вѣнчаніи вы не замѣтили какой-нибудь необычайной обстановки, неуважительнаго отношенія къ обряду... — Свидѣтель Сахаровъ. Нѣтъ, ничего не замѣчалъ. — В. Только молодая не была въ вѣнчалномъ платьѣ?—О. Это часто бываетъ, что вѣнчаются въ обыкновенныхъ домашнихъ костюмахъ. — Свидѣтельница Евфімія Сидорова показала, что была въ церкви на свадьбѣ и потомъ съ матерью Тумановой въ номерахъ на закуску, откуда въ 11 часовъ ночи уѣхали домой. Тамъ остались четверо мужчинъ и двѣ женщины.—Тов. оберъ-прок. Какъ молодые люди вели себя въ церкви?—Свид. Е. Сидорова. Ничего, только они не молились Богу. Этому я удивилась. (Осматриваетъ подсудимыхъ и показываетъ на подсудимыхъ Екатерину Гамкрелидзе и Вѣру Любаговичъ, и больше никого признать не можетъ). —Подс. Кардашевъ. Я признаю, что былъ на закуску. — Первоприсутствующій. Какъ же вы туда попали?—Подс. Кардашевъ. Я былъ приглашенъ послѣ свадьбы. — Подсуд. Гамкрелидзе (къ свидѣтельницамъ). Я женихъ; какъ же вы меня не узнаете?—Свид. Сидорова. Вы теперь пополнѣли.—Свид. Екатерина Рубилина показала, что завѣдуетъ меблированными комнатами своей сестры и что подсудимые нанимали номеръ, гдѣ была закуска; когда всѣ разѣхались, то остался въ номерѣ ночевать одинъ молодой супругъ. Прочитанъ протоколъ задержанія подсудимаго Рождественскаго. Первоприсутствующій. Подсудимый Рождественскій, вамъ было предъявлено письмо, которое начинается словами: «Другъ Ваня». Вы узнаете его своимъ?—Подс. Рождественскій. Нѣтъ. Я имѣю честь просить позволить мнѣ рассказать мою поѣздку въ 1874 году. Затѣмъ онъ разсказалъ, что принужденъ былъ уѣхать изъ Петербурга вслѣдствіе болѣзни легкихъ, по совѣту профессора Боткина. На югъ онъ поступилъ на Владикавказскую желѣзную дорогу лекаремъ и пробылъ тамъ 1½ года. Когда дорога была построена, и его обязанности окончились, онъ поѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью продолжать ученіе. На одной изъ станцій къ нему подошелъ служащій дороги и просилъ передать письмо въ Петербургъ. На указаніе, что для этого есть почта, тотъ замѣтилъ, что не знаетъ адреса, и просить передать въ академію. Въ это время дали звонокъ, Рождественскій поспѣшилъ въ вагонъ, и въ это время господинъ этотъ вихнулъ ему въ карманъ письмо. Во время пути онъ совершенно забылъ объ этомъ обстоятельстве. Такъ какъ онъ пріѣхалъ въ Москву въ 8 часовъ утра, а поѣздъ въ Петербургъ отправлялся только въ 5 часовъ вечера, то онъ захотѣлъ воспользоваться этимъ временемъ и пошелъ въ университетъ, съ цѣлью пріобрѣсти лекарскую программу и спросить о порядкѣ и времени экзаменовъ, разсчитывая, что, если въ Петербургѣ не придется держать экзамена, то можно явиться въ Москву. Дорогою онъ вспомнилъ, что день былъ праздничный, а именно Успеніе, слѣдовательно, въ университетѣ не могъ получить желаемыхъ справокъ. Поэтому онъ хотѣлъ зайти къ какому-нибудь студенту на квартиру, но никого не зналъ. Тутъ

онъ вспомнилъ адресъ изъ записной книжки своей покойной жены, которая безъ него оставалась въ Петербургѣ на женскихъ курсахъ, и отправился на Спиридоновку въ домъ Эйнбродтъ. Придя туда, онъ не зналъ кого спросить и спросилъ, не живутъ ли тутъ студенты. Ему сказали, что жили, но переѣхали въ гостиницу «Украина». Онъ пришелъ туда, спросилъ № 12 и его арестовали. Пом. прис. пов. Гернгроссъ замѣтилъ, что въ протоколѣ обыска Рождественскаго не указано, въ какомъ видѣ найдено письмо: запечатаннымъ или распечатаннымъ. Подс. Рождественскій заявилъ, что, когда приставъ взялъ это письмо, то просилъ позволенія распечатать его. Спустя недѣли двѣ, товарищъ прокурора, въ присутствіи подсудиимаго, говорилъ приставу, что онъ убѣжденъ, что письмо было дано для передачи. Прочитано письмо слѣдующаго содержания: «Другъ Ваня. Сходи къ Евангулову, когда то будетъ нужно, и вышли или пусть онъ вышлетъ книженокъ, которыя мнѣ понадобятся; обознач. слѣдующ.: а) «О четырехъ братьяхъ»; б) «Хитрая мех.»; с) «Истор. крестьян.»; д) «Чтой-то, братцы»; е) «Богъ-то Богъ». Сообщи хотя кой-какія новости. Особеннаго ничего не пишу, потому времени нѣтъ; если же хочешь знать кой о чемъ, то тебѣ можетъ сообщить податель этого письма. Будетъ время, сообщу кой-какія интересныя штучки».—Свид. Мителенкампфъ (бывшій мировой судья Ставропольской губерніи) показалъ, что познакомился съ Рождественскимъ по поводу его жалобы на мясника, который поставлялъ въ лазаретъ порченное мясо. Мясникъ былъ признанъ виновнымъ и наказанъ. Свидѣтель бывалъ у Рождественскаго и онъ у него. На станцію Прохладную, гдѣ свидѣтель имѣлъ пребываніе, пріѣзжалъ ставропольскій жандармскій начальникъ и просилъ свидѣтеля рассказать словесно о томъ, что онъ знаетъ о Рождественскомъ, причемъ предупредилъ, что протокола о показаніи составлять не будетъ. Свидѣтель весьма неопредѣленно рассказалъ все то, что было ему извѣстно, а именно, что Рождественскій склоненъ былъ многія темныя общественныя стороны объяснять виною правительства, а не самого общества, какъ находить свидѣтель, но подробностей и данныхъ, на основаніи которыхъ онъ пришелъ къ такому заключенію, онъ не можетъ сказать, потому что отношенія его къ Рождественскому были не настолько близки; это было давно и, наконецъ, онъ не имѣлъ повода особенно прислушиваться къ тому, что высказывалось Рождественскимъ.— Пом. прис. пов. Гернгроссъ. Не употреблялъ ли онъ такого выраженія, что чрезвычайно недоволенъ дѣйствіями нашего правительства и находить, что при нынѣшней системѣ правленія дѣло дальше итти не можетъ?— Свид. Мителенкампфъ. Въ разговорѣ со мною онъ не могъ употребить такихъ выраженій, въ виду того, что въ его глазахъ я былъ офиціальное лицо, и я не позволилъ бы себѣ это слушать.—В. Не было ли у него враговъ вслѣдствіе исторіи съ мясникомъ?—О. Я отъ него самого слышалъ, что станичный атаманъ, урядникъ Данильчекъ, старался причинить ему разныя неудобствія и что мясникъ вовсе пересталъ отпускать мясо.— В. Когда вину нѣкоторыхъ явленій онъ приписывалъ правительству, то какъ вы принимали: было ли это его убѣжденіе, т. е. объяснялъ ли онъ это ошибкою правительства, или говорилъ съ цѣлю агитации и вообще относился враждебно?—О. Я смотрѣлъ на эти сужденія съ такой точки зрѣнія, что Рождественскій совершенно не знакомъ съ задачами государства и поэтому судить вполнѣ ошибочно. Свид. Григорій Гей (фельдшеръ лазарета въ Прохладной) показалъ, что въ 1875 г. въ лазаретѣ лежалъ съ переломленными ребрами и раздавленной ступней крестьянинъ Заикинъ, который просилъ у доктора Рождественскаго почитать какую-нибудь книжку, и такъ какъ онъ былъ неграмотный, то свидѣтель читалъ ему; потомъ онъ просилъ другую и затѣмъ третью книжку. Въ первой былъ рассказъ ста-

рика возвратившагося изъ ссылки; во второй говорилось о фабрикѣ, какихъ-то двухъ братьяхъ, и третья была подъ заглавіемъ «Гдѣ лучше». При чтеніи Рождественскій не присутствовалъ и никакихъ разъясненій при свидѣтелѣ не дѣлалъ.—Свид. Акимъ Заикинъ показалъ, что былъ зашибленъ лѣсомъ и лежалъ въ Прохладной въ лазаретѣ. Онъ вылежалъ 17 сутокъ на спинѣ. «Мнѣ было тяжело лежать, сказалъ свидѣтель, поэтому я просилъ Ивана Александровича (Рождественскій), чтобы далъ мнѣ вродѣ какой сказки. Читать я не умѣю, но ради скуки просилъ; они дали одну книжка. Ее мнѣ Гей читалъ. Потомъ другую дали. Три штуки давалъ».—Пом. прис. пов. Гернгроссъ. Вы долго лежали въ лазаретѣ?—Свид. Заикинъ. 30 сутокъ.—В. Рождественскій хорошо ухаживалъ за вами?—О. Хорошо ходилъ. Я благодарю. Если бы не они, то мнѣ не жить. (Спрошенные свидѣтели были уволены, и засѣданіе прервано до 11-ти часовъ слѣдующаго дня).

Прочитанъ актъ слѣдующаго содержанія: 1875 года, декабря 1-го дня, въ Сущевскомъ частномъ домѣ, жандармскій унтеръ-офицеръ Иванъ Горбачевъ, осматривая принесенныя содержащемуся при части погоственному почетному гражданину Василию Григорьевичу Георгіевскому его сестрою вещи и пищу, нашелъ въ моемъ присутствіи въ намазанномъ масломъ бѣломъ хлѣбѣ завернутую въ свинцовую бумагу записку, которую я, приставъ Сущевской части, маіоръ Жариковъ, препроводилъ вмѣстѣ съ сестрою Георгіевскаго на распоряженіе московскаго губернскаго жандармскаго управленія. Прочитанъ актъ осмотра квартиры дочери священника Надежды Григорьевны Георгіевской, проживающей вмѣстѣ съ дочерью священника Екатерины Александровны Введенской, гдѣ застали спящую на кровати дочь дворянина Вѣру Андреевну Шатилову. При входѣ въ квартиру для производства обыска, Георгіевская, а также Введенская стремительно бросились къ столу и разорвали нѣсколько записочекъ, которыя были отобраны и опечатаны. По обыску оказались: переплетенная книга съ замѣтками и названіями разныхъ сочиненій, четыре запечатанныя письма, на имя какого-то Б—ляръ Мартыновича Степанова, въ собственныя руки, два листа бумаги, написанные цифреннымъ шифромъ, и клочекъ почтовой бумаги, содержащій въ себѣ письмо, повидимому, отъ содержащагося подъ стражей въ настоящее время Василя Георгіевскаго. О всѣхъ этихъ вещахъ Георгіевская отозвалась незнаемѣмъ. Во второй комнатѣ у Введенской найдено три экземпляра «Сила соломѣ ломить»—Наумова; одинъ экземпляръ сочиненія Чернышевскаго «Объ общинномъ владѣніи землей»; два экземпляра журнала «Впередъ» и пять писемъ на ея имя, которыя она признала за свои, а также и всѣ вышепоименованныя книги. Стоявшій въ ея комнатѣ станокъ пріобрѣтенъ ею для переплетанія книгъ. Все вышеизложенное опечатано для представленія въ московское губернское жандармское управленіе. При составленіи протокола Георгіевская, стоявшая у окна, отправилась на минуту изъ комнаты и тотчасъ по ея выходѣ прапорщикомъ Ловягинымъ былъ усмотрѣнъ человекъ, бѣжавшій съ лѣстницы, за коимъ былъ посланъ полицейскій унтеръ-офицеръ Петръ Бердешниковъ, который и поймалъ его въ Спиридоньевскомъ переулкѣ. Человекъ этотъ оказался врачомъ Василиемъ Семеновичемъ Ивановскимъ, при коемъ по обыску оказался портъ-монэ съ тремястами рублей серебромъ и нѣсколькими почтовыми марками. По пріѣздѣ поручика Чурсина на мѣсто обыска, жилищею дома Варгина, мѣщанкою Анной Никитиной Титовой, передано ему было письмо, полученное ею по ошибкѣ отъ почтальона и уже вскрытое ею, письмо это на имя Георгіевской и начинается словами: «Сегодня я получила отъ тебя, милая моя Надя» и кончается: «пиши же, милая моя Надя, ко мнѣ», которое тоже опечатано. При

составлені протокола въ квартиру г-жи Георгіевской явилась неизвѣстная женщина, которая сначала не хотѣла назвать своего званія, но послѣ объясвила, что она домашняя учительница Крамеръ, живущая въ томъ же кварталѣ въ домѣ Оболенскаго. По обыску при ней ничего не оказалось. Первоприсутствующій. Подс. Георгіевская, вы признаете дѣйствительность произведеннаго обыска и найденныя при этомъ вещи?—Подс. Георгіевская. Я признаю, но не всё. Напримѣръ, конвертовъ на имя Кардашева.—Первоприсутствующій. Подсудимая Введенская, вы признаете дѣйствительность обыска и найденныя книги и письма?—Подс. Введенская. Конверты принесены утромъ 1-го декабря для передачи Георгіевской. Они были запечатаны, и я не знала, что тамъ находится. Протоколъ составленъ не совсѣмъ правильно. Сказано, что я рвала письма, но этого не было. Къ столу я не бросалась и писемъ не рвала, такъ какъ я не знала содержанія ихъ. Встрѣтивъ у дверей жандарма, я хотѣла вернуться къ столу, но жандармы тотчасъ же удержали меня и осмотрѣли мои руки. У меня ничего не оказалось. Подс. Георгіевская. Я подтверждаю ея показаніе. Предъявлены разорванныя письма, причемъ Георгіевская признала, что нѣкоторыя разорвала она, изъ которыхъ одна записка писана ея рукою, а остальные—не знаетъ. Введенская заявила, что никакихъ писемъ не рвала. Шифрованныя письма предъявлены подсудимому Здановичу, который заявилъ: «Письма эти мои, только я не могу объяснить, какимъ образомъ они попали на квартиру Георгіевской и Введенской. Они писаны къ лицу, которое до сихъ поръ на свободѣ. На дознаніи я не зналъ, что письма найдены у Георгіевской и Введенской, и я этого никакъ не могъ предположить.» Предъявлены письма подсудимому Кардашеву, который заявилъ, что одно письмо писано не его рукою, а остальные письма его. Первоприсутствующій. Не желаете ли дать объясненіе относительно денегъ, найденныхъ у васъ, такъ какъ на дознаніи вы отказались дать по этому предмету объясненіе?—Подс. Кардашевъ. Я далъ полное объясненіе, какое только могъ, и теперь, если угодно, повторю. Въ іюнѣ 1874 года я за границей получилъ извѣстіе, чтобы ждалъ письма. Затѣмъ я получилъ анонимное письмо, въ которомъ говорилось, что Чекоидзе арестованъ и что онъ не признается, а потому на него смотрятъ какъ на важнаго преступника; что его нужно убѣдить сознаться; причемъ мнѣ совѣтовали взять его бумаги и постараться его убѣдить, чтобы онъ назвалъ себя, дабы я могъ взять его на поруки. Для этой цѣли я досталъ денегъ и, воспользовавшись его паспортомъ, переѣхалъ черезъ южную границу, такъ какъ черезъ сѣверную боялся ѣхать, потому что меня тамъ могли узнать, и пріѣхалъ въ Москву. Авторомъ анонимнаго письма оказался князь Циціановъ. Оказалось, что мой пріѣздъ былъ излишнимъ, потому что Чекоидзе я не могъ убѣдить; онъ вообще имѣлъ чрезвычайно упорный характеръ. Переписка съ нимъ происходила черезъ Циціанова, но какимъ образомъ—я не знаю. Деньги такимъ образомъ остались у меня. Впослѣдствіи я докажу, что онъ не могли принадлежать организаціи. Мнѣ дала ихъ одна личность, которую я не хочу назвать. Я могъ употребить ихъ какъ желалъ, и такимъ образомъ съ юридической стороны онъ какъ бы принадлежалъ мнѣ, но съ нравственной стороны я долженъ былъ употребить ихъ только для извѣстной цѣли, а именно, чтобы взять на поруки Чекоидзе. Поэтому деньги эти не принадлежали обществу. Пакетъ попалъ къ Георгіевской вслѣдствіе того, что на меня было подозрѣніе, и я придумалъ найти довѣреннаго чело-вѣка, который сказалъ бы, что деньги его. Я придумалъ написать къ роднымъ... Я рассчитывалъ, что, видя меня въ несчастіи, они могли бы согласиться на мое требованіе. Теперь я радъ, что письма мои попались. Я переписывался съ Кивидзе, который долженъ былъ самъ поѣхать или найти

вѣрнаго человѣка для доставленія письма на Кавказъ, потому что я опасался послать его по почтѣ. Я нашелъ такого господина, который предложилъ мнѣ свои услуги; но какъ письма попали къ Введенской и Георгиевской—я не могу объяснить. Я ихъ вовсе не знаю. Объясненіе это лежитъ на Кивидзе и на обвиняемыхъ. Позвольте мнѣ рассказать о моемъ первомъ пріѣздѣ. Я начну свою исторію. Въ 1864 году я поступилъ въ школу межевщиковъ въ Тифлисѣ. Вмѣстѣ со мною поступилъ Чекоидзе. Я кончилъ курсъ въ 1871 году и три года служилъ. Потомъ, по обстоятельствамъ, которыя, если вы найдете нужнымъ, я могу рассказать, но которыя не особенно будутъ приятны и мнѣ, и вамъ, я долженъ былъ выйти въ отставку. Насъ шесть братьевъ. Я поѣхалъ домой въ отпускъ, и по моей просьбѣ мы раздѣлились. Каждому изъ насъ досталось по 3500 руб. Это время было горячее; въ Цюрихѣ стали относиться критически къ тому, что дѣлается здѣсь. Родные знали это и просили держаться дальше, если я поѣду за границу, и избѣгать того, что осуждается въ Россіи. Поэтому я поѣхалъ въ Дрезденъ. Всѣмъ извѣстно, что это самое спокойное мѣсто. Я пріѣхалъ туда, не зная нѣмецкаго языка, и мнѣ пришлось трудиться цѣлый годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я долженъ былъ пополнить мои знанія, чтобы поступить въ политехническую школу. Черезъ 8 мѣсяцевъ я уже могъ поступить, а еще черезъ полгода профессора нашли возможность дать мнѣ стипендію Новаковского. Чекоидзе также кончилъ курсъ и поступилъ въ Петербургъ въ артиллерійскую школу. Мы съ нимъ переписывались, но во время моихъ усиленныхъ занятій въ Дрезденѣ я долго не писалъ къ нему. Оказалось, что въ 1874 г. онъ былъ въ Парижѣ съ другими товарищами, а на обратномъ пути онъ заѣхалъ ко мнѣ въ Дрезденъ. Онъ ѣхалъ въ Москву, но какія имѣлъ цѣли—я не зналъ. Мы хотѣли предпринять путешествіе въ Москву вмѣстѣ, но въ то время у меня были большія занятія, и я обѣщалъ пріѣхать на праздники съ цѣлью посмотреть Москву. Онъ уѣхалъ одинъ. Въ половинѣ февраля я выѣхалъ изъ Дрездена. Въ Москвѣ мы съѣхались, какъ было условлено, въ гостиницѣ Шевалдышева, слѣдовательно, въ обвинительномъ актѣ сказано не вѣрно, что я со всѣми обвиняемыми знакомъ. Я зналъ только Чекоидзе и Гамкрелидзе. Но если бы я и зналъ всѣхъ, то это не служитъ доказательствомъ моей виновности. Я пріѣхалъ къ Чекоидзе въ гостиницу Шевалдышева. Въ то время никакихъ сходовъ не было. Обвинительный актъ говоритъ, что я тогда уже пропагандировалъ, слѣдовательно, былъ членомъ кружка. Но, если бы такъ, то, вѣроятно, Скворцова видѣла бы хотя разъ, что я бывалъ въ кружкѣ, или кто-нибудь изъ рабочихъ меня встрѣчалъ бы, тѣмъ болѣе, что нашъ типъ кидается въ глаза. Въ половинѣ марта я уѣхалъ назадъ за границу. Slѣдовательно, я не могъ знать, какъ утверждаетъ обвинительная власть, что будутъ аресты, и я не укрывался, потому что въ то время не было арестовъ. Я взялъ заграничный паспортъ у губернатора. Чекоидзе также взялъ паспортъ и хотѣлъ ѣхать на югъ, потому что онъ былъ боленъ. Я выѣхалъ раньше его. Второго пріѣзда я уже кратко коснулся. Это было для взятія Чекоидзе на поруки и для убѣжденія его объявить свою фамилію.—Прис. пов. Хартулари. Не пожелаютъ ли подсудимые, на которыхъ ссылается Кардашевъ, подтвердить или опровергнуть его показанія.—Первоприсутствующій. Если желаютъ, то могутъ.—Подс. Чекоидзе. Я съ Кардашевымъ знакомъ со школы, гдѣ вмѣстѣ учились. Кончивъ курсъ, я поступилъ въ артиллерійское училище, но по болѣзни вышелъ. Въ апрѣлѣ я хотѣлъ держать экзаменъ въ технологическій институтъ, но тамъ въ это время не принято экзаменовать, а, по предписанію доктора, я долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга. Я выѣхалъ за границу 7 іюня 1874 г. и прожилъ тамъ по декабрь. Мы были вмѣстѣ съ Джабадари и Дмитриевымъ.

Джабадари уѣхалъ изъ Парижа въ сентябрѣ. Въ показаніи Дмитріева говорится, что получено письмо: «Братья, граждане!», но Джабадари получалъ письма только отъ отца, а Дмитріевъ отъ двоихъ знакомыхъ. Я же не получалъ писемъ. Я остался въ Парижѣ, потому что хотѣлъ поступить въ политехническую школу, но въ концѣ 1874 г. я получилъ письмо отъ отца, чтобы пріѣхалъ немедленно. Я переписывался еще съ Кардашевымъ и поѣхалъ къ нему въ Дрезденъ. Я не зналъ его адреса тамъ и могъ его найти только въ русской церкви, гдѣ онъ пѣлъ. Я нашелъ его и пригласилъ вмѣстѣ ѣхать въ Россію. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я остановился у товарищемъ оказать ему маленькую услугу. Онъ какимъ-то образомъ попался въ передачѣ журнала «Впередъ», за что преслѣдовался. Онъ спросилъ, не знаю ли я какого-нибудь способа какъ-нибудь его укрыть. Я сказалъ, что можно только посредствомъ паспорта. Онъ явился черезъ недѣлю и попросилъ у меня паспортъ. Я, какъ товарищъ, далъ ему. Послѣ этого я находилъ неловкимъ оставаться въ Петербургѣ и поѣхалъ въ Москву. Тамъ я встрѣтилъ Кардашева и сказалъ, что беру для себя паспортъ, который и былъ взятъ при помощи медицинскаго свидѣтельства изъ канцеляріи московскаго губернатора. Взявъ паспортъ, я выѣхалъ въ Петербургъ, а Кардашевъ уѣхалъ въ Дрезденъ. Я передалъ паспортъ товарищу, а самъ взялъ адресъ съ цѣлью уѣхать на Кавказъ. Я поселился въ Москвѣ въ номерахъ Зимина и жилъ здѣсь три дня. Затѣмъ нѣсколько дней жилъ въ номерахъ вмѣстѣ съ Джабадари, а потомъ переѣхалъ на Медвѣжью улицу. Спустя нѣсколько дней, мнѣ предлагаютъ другую комнату, лучшую. Я былъ удивленъ этимъ, но послѣ объяснилъ это слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ то время долженъ былъ пріѣхать князь Циціановъ, котораго мы ждали вмѣстѣ съ Джабадари. Въ одинъ изъ вечеровъ заходитъ ко мнѣ жандармскіи офицеръ, кажется, г. Буцкевичъ, останавливается въ дверяхъ и обозрѣваетъ комнату. Наконецъ, онъ извинился, что попалъ не туда. Если мнѣ перемѣнили комнату, то значить арестъ мой предполагался заранѣе. Я уже посѣщалъ домъ Корсака. Я вмѣстѣ съ Джабадари встрѣтился съ Бардиной и посѣщалъ ее. Я день ото дня ждалъ ареста, хотя не предполагалъ за что. Князь Циціановъ уѣхалъ, взявъ бумаги Джабадари, а я взялъ свидѣтельство изъ артиллерійскаго училища, и такъ какъ у Джабадари не было денегъ, то онъ долженъ былъ взять ихъ у Бардиной. Джабадари явился поздно, когда Циціановъ долженъ былъ уже уѣхать. Я остался съ одними своими документами и вмѣстѣ съ Джабадари отправился къ Бардиной, гдѣ былъ задержанъ. Спустя полтора года, я не давалъ никакихъ объясненій, потому что въ апрѣлѣ попался въ перепискѣ. — Подс. Гамкрелидзе. Съ Кардашевымъ я былъ знакомъ лѣтъ 5 или 6 назадъ. Въ Москвѣ встрѣтился, когда онъ пріѣхалъ изъ-за границы. Самъ Кардашевъ мнѣ говорилъ, что Циціановъ писалъ ему, гдѣ меня разыскать. Потомъ я желаю еще дать объясненіе относительно билета на 1100 руб., найденнаго у Кардашева. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что будто бы билетъ поступилъ въ приданое моей жены, но когда я просилъ у тещи руку дочери, я не зналъ даже о приданомъ и не требовалъ. Но этотъ билетъ, какъ говорила мнѣ жена, принадлежалъ ей. Этотъ билетъ былъ у меня. Я нуждался въ деньгахъ и говорилъ это при Кардашевѣ. Кардашевъ предложилъ мнѣ деньги, и я взялъ. Мнѣ нужно было обезпечить ему мой долгъ, а мнѣ деньги нужны были какихъ-нибудь недѣли на двѣ; въ виду этого, я считалъ лишнимъ мѣнять билетъ и потому я ему передалъ его съ тѣмъ, что когда верну ему деньги, то онъ возвратитъ мнѣ билетъ; а если не въ состояніи буду уплатить, то онъ размѣняетъ и часть оставитъ за долгъ, а остальные вышлетъ мнѣ изъ-за границы.—Подс. Джабадари. Я вполне подтверждаю показаніе

ніе Чекоидзе относительно его отношеній ко мнѣ. Что касается его отношеній къ Кардашеву, то я этого не знаю.—Прис. пов. Спасовичъ, въ виду того, что въ записной книжкѣ Кардашева попадаются разныя буквы и слова, которыя обвиненіемъ истолковываются, какъ относящіяся къ Вѣрѣ Люботовичъ, просиль спросить Кардашева, записывалъ ли онъ въ книжку что-нибудь подобное.—Подс. Кардашевъ. Мою записную книжку я велъ очень аккуратно. Тамъ записано, что была переписка съ «Вѣрой», съ «буквой А», съ «Рыжимъ» и т. д. Такъ какъ здѣсь обвиняется какой-то рыжій, то обвиненіе видѣло, что и другія лица, бывшія со мною въ перепискѣ, были въ пропагандѣ. Но по одному имени «Вѣра» нельзя заключать, что это Вѣра Люботовичъ. Я писалъ письма и до сихъ поръ пишу къ этимъ буквамъ, и самъ прокуроръ пропускаетъ ихъ, не находя ничего преступнаго. Я переписывался съ «Рыжимъ», но я могъ переписываться съ какимъ угодно рыжимъ, и это не могло быть преступно. Г. Здановича я никогда и нигдѣ не встрѣчалъ, а «Вѣра» это была Вѣра Дмитріевна Глѣбова на Кавказѣ. Она пріѣхала сюда и теперь, кажется, въ медицинской академіи. Я переписывался съ нею. Теперь относительно паспорта—почему я жилъ подъ чужимъ. Въ послѣдній пріѣздъ, когда я увидѣлъ, что мои заботы излишни относительно Чекоидзе, мнѣ нужно было вырваться самому. Такъ какъ я не имѣлъ своихъ документовъ, то обратился къ Гамкрелидзе, который ничего не могъ мнѣ найти, потому что онъ былъ, кажется, проѣздомъ. Но такъ какъ онъ часто встрѣчалъ Циціанова, то обѣщаль мнѣ достать паспортъ. Я просиль его достать лучше чужой, но настоящей паспортъ, нежели фальшивый. Онъ мнѣ досталь видъ кн. Кочакидзе. Паспортъ былъ потертый, старый. Гамкрелидзе въ то время собирался ѣхать на югъ по своимъ дѣламъ, и я также хотѣлъ ѣхать. Въ Москвѣ нельзя было достать заграничнаго паспорта, и я напрасно хлопоталъ въ канцеляріи губернатора три дня. Поэтому я нашель нужнымъ поѣхать куда-нибудь въ провинцію и тамъ взять заграничный паспортъ. Для этого я пріѣхалъ въ Орель. Можетъ быть, у меня были женщины въ номерѣ, но это не были Субботины, и объяснять какія это женщины—нѣтъ надобности. Я жилъ въ Орлѣ лишь столько времени, сколько нужно было, чтобы взять заграничный паспортъ. Затѣмъ 13-го іюля уѣхалъ въ Москву. Тамъ я встрѣтилъ князя Циціанова и ходилъ съ нимъ нанимать квартиру. Я пробылъ тамъ четыре дня и видѣлъ на квартирѣ у Циціанова Вѣру Люботовичъ, но вовсе не интересовался знать, живетъ ли она съ Циціановымъ или нѣтъ. Такимъ образомъ, объясняется, почему я имѣлъ заграничный паспортъ. Я не хочу сказать, что не виновень въ нарушеніи установленнаго закономъ порядка, но въ томъ не было никакой опасности, если я жилъ подъ другимъ именемъ. Насчетъ денегъ 1100 руб. Гамкрелидзе объяснилъ все какъ было. Ему нужны были деньги, а онъ имѣлъ только этотъ билетъ, по которому нужно было получить деньги черезъ годъ. Я ему предложилъ денегъ. Противорѣчія въ моемъ показаніи не было, если я сказалъ сначала, что этотъ билетъ мой, а потомъ—что не мой. Если бы Гамкрелидзе уплатилъ мнѣ деньги, то билетъ не мой, а если бы не заплатилъ, то билетъ мой.—Подс. кн. Циціановъ. Я подтверждаю его показаніе относительно всего, что онъ показалъ. Дѣйствительно, я вызывалъ его изъ-за границы по поводу дѣла Чекоидзе. Я считалъ себя обязаннымъ отправить его обратно и далъ ему видъ. Относительно квартиры я могъ заявить, что это была простая встрѣча. Когда я хотѣлъ мѣнять квартиру, мы вмѣстѣ пошли и наняли; я заплатилъ задатокъ и взялъ квартиру для себя. Кардашевъ тутъ выразилъ относительно проживанія моего вмѣстѣ съ Люботовичъ на квартирѣ. Онъ такъ сказалъ, что не зналъ жила ли со мною Вѣра Люботовичъ. Дѣйствительно, она взяла для себя одну комнату въ этой квартирѣ и проживала

тамъ. Но изъ этого нельзя дѣлать какихъ-нибудь намековъ.—Первоприсутствующій. Подсудимыя Георгіевская и Введенская, уважь найдено разное платье—мужское и женское, крестьянское и городское. Не можете ли вы дать объясненіе по этому предмету?—Подс. Георгіевская. Эти вещи принадлежать мнѣ, но я не знала, какія это вещи. Мой братъ, уѣзжая изъ Петербурга, оставилъ мнѣ узель съ вещами. Когда его арестовали въ Москвѣ, и я поѣхала туда, то взяла эти вещи. Я думала, что онѣ ему понадобятся. На дознаніи я показала, что купила эти вещи, но я это показала для того, чтобы не компрометировать брата.—Прис. пов. Хартуларі, перечисляя документы, на которые просилъ ссылаться, упомянулъ о билетѣ Тумановой въ 1100 рублей, на которомъ, по его заявленію, нѣтъ передаточной надписи.—Тов. оберъ-прокурора просилъ предъявить этотъ билетъ. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, находящихся въ мѣстѣ засѣданія особаго присутствія, этого билета не было, такъ какъ онъ хранится въ зданіи Правительствующаго Сената, какъ объявилъ объ этомъ первоприсутствующій, распорядившись, чтобы билетъ былъ доставленъ къ слѣдующему засѣданію. На другой день билетъ былъ предъявленъ сторонамъ, и на немъ оказалась бланковая надпись госпожи Тумановой, за свидѣтельствовавшая нотаріусомъ. Относительно прочитаннаго показанія свидѣтеля Дмитріева подсудимый Джабадари заявилъ, что изъ этого показанія не видно, чтобы онъ познакомилъ Дмитріева съ Здановичемъ и что Дмитріевъ не получалъ письма «братъ, граждани!» Подс. Здановичъ. Я считаю нужнымъ заявить, что я письма Джабадари въ Парижъ не писалъ и къ нему на квартиру не ходилъ. Относительно Дмитріева, который говоритъ, что познакомился со мной въ Петербургѣ, замѣчу, что въ 1871 г. его не было въ Петербургѣ, такъ какъ онъ кончилъ курсъ въ 1873 году. Подс. Чекоидзе. Я зналъ Здановича за Юселіани, какъ мнѣ его представляли.—Была предъявлена записка подсудимой Георгіевской къ ея брату, которую она признала за свою. Прочитанъ актъ о задержаніи подсудимаго Нурумскаго. Первоприсутствующій. Подсудимый Нурумскій, вы были задержаны?—Подс. Нурумскій. Да, былъ.—В. Вы признаете фактъ изорванія записки?—О. Да, но только я не изъ рукъ жандарма вырвалъ, а со стола взялъ.—Прочитанъ актъ осмотра записки, которая была дана свидѣтелю Богданову для передачи содержащемуся въ заключеніи, причемъ неизвѣстный былъ задержанъ и отказался какъ отъ передачи записки Богданову, такъ и отъ дачи показаній и не заявилъ своей фамилии. Затѣмъ была прочитана записка, данная Богданову, въ которой, между прочимъ, просятъ отвѣчать поскорѣе и говорится, что по полученіи отвѣта приступятъ къ дѣлу. Просятъ писать о болѣе удобномъ пути, если таковой найдется. Спрашиваютъ, не нужно ли денегъ. Первоприсутствующій. Подсудимый Агаповъ, вы приходили въ тюрьму.—Подс. Агаповъ. Я приходилъ.—В. Вы передавали записку Богданову?—О. Я передалъ, но того человека, которому она была назначена, не оказалось въ городской части. Я ошибся.—В. (по просьбѣ защиты). Но вы кого спрашивали?—О. Фамилію забылъ.—В. Имя и отчество сказали?—О. Алексѣй Ивановъ. Нурумскій тоже Алексѣй Ивановъ, но я его не зналъ.—Свид. Ольга Карабанова показала, что у нея на квартирѣ жили Георгіевская и Введенская. Въ ея отсутствіе ихъ взяла. Введенская вела себя хорошо; она каждое утро отправлялась на уроки и являлась въ четыре часа. Георгіевская находилась дома. Посѣщали ихъ нѣсколько мужчинъ, въ числѣ которыхъ черный былъ часто. Свидѣтельница разъ поглядѣла въ ключное отверстіе двери и видѣла, что Георгіевская сидѣла и писала, а съ нею сидѣлъ черный мужчина. Затѣмъ свидѣтельница однажды видѣла въ комнатѣ Георгіевской пепель отъ сожженной бумаги. Квартира состояла изъ двухъ комнатъ; первую

занимала Георгіевская, а вторую Введенская. Приходила одна женщина, бѣлокурая, которую называли Вѣра Андреева, и мужчина, Иванъ Ивановичъ. Свид. Кондратій Богдановъ (мушкетеръ городской части) показалъ, что на Новый Годъ, когда онъ былъ дежурнымъ, къ нему пришелъ пожарный служитель и сказалъ, что какой-то мужчина спрашиваетъ Богданова. Свидѣтель вышелъ и видитъ, что спрашивавшій ему незнакомъ. Онъ спросилъ, что ему нужно? Неизвѣстный сказалъ: «Я хочу просить васъ кое о чемъ, но сейчасъ не могу сказать. Пойдемте въ трактиръ». На это свидѣтель сказалъ, что не можетъ отлучиться въ трактиръ, а если угодно, то пожалуйста въ кабакъ—выпьемъ по стаканчику. Пошли въ кабакъ. Тамъ неизвѣстный просилъ его передать записочку Алексѣю Иванову, высокаго роста, сухощавому, содержавшемуся подъ арестомъ. Свидѣтель не соглашался, говоря, что это дѣло опасное. Но неизвѣстный просилъ и свидѣтель взялъ у него записку, три карандаша и получилъ 3 руб. Имѣя намѣреніе задержать этого человѣка, онъ просилъ его дойти вмѣстѣ съ нимъ до частнаго дома, чтобы спроситься у начальства и пойти въ трактиръ попить чайку. Неизвѣстный остался у воротъ, а свидѣтель побѣжалъ въ канцелярію, передалъ записку и деньги и заявилъ обо всемъ старшему унтеръ-офицеру. Посмотрѣли списокъ заключенныхъ, но въ немъ Алексѣя Иванова не оказалось. Свидѣтель пошелъ къ неизвѣстному и сказалъ, что итти чай пить онъ не можетъ, и спросилъ, вѣрно ли онъ назвалъ арестанта, такъ какъ въ списокъ такого не оказалось. «Я сказалъ ему, продолжалъ свидѣтель, что самъ смотрѣлъ списки». Онъ отвѣтилъ: «пойду домой и узнаю хорошенько, а завтра приду». Я пошелъ и сказалъ въ канцеляріи, гдѣ мнѣ сказали, что когда онъ придетъ, то чтобы заявить. На другой день онъ пришелъ и сталъ приглашать меня въ трактиръ. Я сказалъ, что пойду попрошусь. Прихожу къ канцелярію и заявилъ. Старшій унтеръ-офицеръ сталъ приглашать его въ канцелярію; онъ сталъ упираться, но видитъ, что ничего не сдѣлаешь, долженъ былъ итти. Его привели прямо къ частному приставу, которому унтеръ-офицеръ еще съ вечера передалъ все. Приставъ сталъ спрашивать: «кто вы такой», и вынимаетъ изъ стола деньги и записку. «Это ваши?» Онъ говоритъ: «Я ему ничего не давалъ». «Кто вы такой?» «Я, говоритъ, этого сказать не хочу». Его приказали отвести въ жандармское управленіе, а тамъ его уже признали служащіе, потому что онъ тамъ уже былъ. Подс. Агаповъ. Такъ какъ я раньше не содержался, какъ политическій преступникъ, то я не могъ знать, что всѣ арестанты сидятъ подъ фамиліями, а не подъ именами. Первоприсутствующій. Подсудимая Медвѣдева, въ прочитанномъ здѣсь письмѣ на имя Микеладзе, между прочимъ, упоминается, что всѣ бумаги у Медвѣдихи; кажется, былъ шпіонъ, но это пустяки и т. д. Затѣмъ у Георгіевской и Введенской было найдено шифрованное письмо, гдѣ говорится, что писали Медвѣдовой наставленіе, какъ она должна показывать. Вы имѣете что-нибудь общее со всѣмъ этимъ?—Подс. Медвѣдева. Совершенно ничего не имѣю общаго и не знаю, что они говорили. Я прошу авторовъ писемъ сказать—почему они это говорили. Подс. Здановичъ. Я не писалъ писемъ Медвѣдовой, но мнѣ для моихъ показаній нужно было написать. Медвѣдеву я вовсе не знаю. Подс. Кардашевъ. Вчера Циціановъ объяснилъ, какимъ образомъ было сдѣлано предложеніе. Я слышалъ, что Циціановъ 11-го или 10-го числа думаетъ какія-то бумаги отнести къ Медвѣдовой, и я полагалъ, что онъ ихъ отнесъ. Но это оказалось невѣрно и бумаги были уже взяты. Кромѣ того, я долженъ заявить, что здѣсь произошло маленькое недоразумѣніе. Циціановъ предложилъ вопросъ, что онъ не жилъ съ Вѣрой Любатовичъ, и я этого не говорилъ. Я хотѣлъ сказать, что не зналъ, квартировала ли она у него или только приходила. Первоприсутствующій

щій. Подсудимая Медвѣдева, вы получали депеши отъ Аристарховой?—Подс. Медвѣдева. Нѣтъ, онѣ получены послѣ ареста. Я получила письмо для передачи знакомому— Гамкрелидзе. Затѣмъ я получила письмо исключительно для одной Матвѣевой. Поэтому я и сказала на нее относительно всѣхъ писемъ.— Первоприсутствующій. Подсудимая Ольга Любатовичъ, телеграммы къ кому были адресованы?— Подс. Ольга Любатовичъ. На имя Медвѣдовой.—Подс. Медвѣдева. Она дѣйствительно говорила мнѣ, что изъ Одессы придетъ телеграмма и просила, чтобы я ей передала ее. Она говорила это, когда прѣехала въ Москву и видѣлась со мною дней за пять до ареста. Подс. Хоржевская. Письма я писала. Они были назначены Циціанову, а Медвѣдеву я вовсе не знаю; я писала на ея имя потому, что мнѣ дали этотъ адресъ. Подс. кн. Циціановъ. Я адресъ этотъ узналъ отъ Гамкрелидзе. Я полагаю, что если поручу Медвѣдовой бумаги, то она взяла бы ихъ. Подс. Медвѣдева. Я безъ малѣйшаго колебанія взяла бы. Предъявлено письмо къ Медвѣдовой, въ которомъ ее прямо называютъ Елена Петровна. Подс. Медвѣдева. Я не знаю шифра, поэтому не знаю, то ли это письмо, которое мнѣ было предъявлено и которое получено на мое имя послѣ моего ареста. Предъявлена записка, писанная грузинскими буквами. Подс. Медвѣдева. Я не могу признать этого клочка. Я даже сама не могу разобрать, что тутъ написано. Разъ я писала для того, чтобы испытать часового, который предложилъ мнѣ передать записку. Въ показаніи сказано, что будто бы я сама подозвала его и даже дала ему 20 коп.—Предъявлено еще письмо Медвѣдовой, которая на вопросъ первоприсутствующаго, чѣмъ объяснить, что оно адресовано къ ней, показала: «Исключительно однимъ предположеніемъ, что кто-нибудь изъ знакомыхъ говорилъ о моей личности. Можетъ быть, вышло какое-нибудь недоразумѣніе. Изъ обвиняемыхъ знаю одного только Гамкрелидзе, съ которымъ познакомилась въ Петербургѣ». Тов. оберъ-прокурора ходатайствовалъ о предъявленіи и прочтеніи еще письма, писаннаго Медвѣдовой, когда она содержалась подъ стражею. Подс. Медвѣдева признала это письмо за свое, писанное во время заключенія. Въ письмѣ этомъ, между прочимъ, говорится: «черезъ ваши ли руки шли письма Рыжаго? Если да, то кому отдали, ибо я не получала, также и отъ другихъ не имѣю извѣстія. Открыть ли Рыжій? Четвероногіе были увѣрены, что онъ—Иоселіани. Если еще не догадались сами, то вотъ средство сообщаться: завернуть записку въ свинцовый листокъ комкомъ и бросить на дно таза умывальника. Въ хлѣбъ не кладите; избѣгайте дежурства Дмитріева. Если удастся завести сношенія съ другими часовыми, то сообщите мнѣ. Кто-то въ пятomъ—не знаю . . . пусть четвертый скажетъ—что унималъ меня вчера. . . вчера унтеръ поставилъ часового у моей двери. Мнѣ даже стучать неудобно, ибо въ сосѣднихъ номерахъ жандармы, кого увозили, кого привозили. . . . Рядовой Комковъ предложилъ передать письмо, не вѣрьте, Иуда—мое въ управленіе отдалъ». Свидѣтель Андрей Корнюхинъ показалъ: Я познакомился съ Сбромирскимъ въ 1872 году, когда онъ имѣлъ свою переплетную мастерскую. У него работалъ одинъ мой землякъ и родной мой братъ. Я приходилъ туда читать разныя книги и былъ коротко знакомъ съ Сбромирскимъ. Когда онъ бросилъ мастерскую, я съ годъ его не видалъ, а въ августѣ 1875 г. я съ братомъ жилъ въ деревнѣ Дубровкахъ. Туда явился Сбромирскій. Мы пошли съ нимъ въ трактиръ, выпили чаю, и онъ говоритъ: «приходи въ Дьяковскую улицу» и указалъ квартиру. Я говорю: «въ случаѣ меня спросятъ, кого нужно, то кого спросить?» Онъ говоритъ: «скажи, Овчинникова». Я пришелъ. Выходитъ женщина и спрашиваетъ, кого мнѣ нужно. Я спросилъ Овчинникова. Ко мнѣ вышелъ мужчина и говоритъ, что Сбромирскаго нѣтъ дома, подождите. Мы написали чаю,

а потомъ вмѣстѣ пошли. Прошли нѣсколько улицъ. Онъ зашелъ въ одинъ домъ и вынесъ оттуда двѣ книжки «Хитрую механику» и «Сказку о четырехъ братьяхъ», и сказалъ, чтобы я опасался съ этими книжками, и назначилъ свиданіе на Чистыхъ Прудахъ. Я отправился домой. Прочитавши книжки, вижу, что онъ нехорошаго содержанія. Я побезпокоился отдать ихъ назадъ. Онъ далъ мнѣ еще книжку, и ту, прочитавши, я ему возвратилъ. Потомъ онъ велѣлъ приходить на квартиру въ Грязновскій переулокъ. Тамъ онъ назначилъ мнѣ свиданіе въ воскресенье на Чистыхъ Прудахъ. Я прихожу; дожидался до 3-хъ часовъ, но его не было, и я направился было домой, но мнѣ попадается человѣкъ, кото,аго я встрѣчалъ у него. Онъ спрашиваетъ: куда? Я говорю: къ Сбромирскому ходилъ. Онъ отвѣчаетъ: у насъ переполохъ, такъ какъ Овчинникова арестовали; если желашу увидѣть Сбромирскаго, то пойдемъ. Пошли мы къ Смоленскому вокзалу, въ мастерскую; тамъ я встрѣтилъ Баринова и Сбромирскаго. Посидѣли; пошли въ трактиръ пить чай. Овчинникова я не видалъ. Сбромирскій назначилъ мнѣ свиданіе на 15 августа. Когда я пріѣхалъ въ послѣдній разъ, тогда увидѣлъ Овчинникова. Онъ рассказывалъ, что былъ въ жандармскомъ управленіи, и такъ какъ тамъ былъ обыскъ, то кто-то въ жандармскаго офицера выстрѣлилъ, но не ранилъ его; жалко, говорилъ, что не ранили; его нужно было бы убить. Потомъ мы отправились въ трактиръ и вышли въ поле у Смоленскаго вокзала. Тотъ человѣкъ, который пріѣхалъ съ Сбромирскимъ, взялъ изъ-подъ забора книжки и передалъ ему. Они спросили меня: можно ли у меня ночевать? Вотъ, говорятъ, этотъ человѣкъ пойдетъ съ тобою. Мы отправились съ этимъ господиномъ. Утромъ отправились опять туда. Овчинниковъ и Сбромирскій говорили, что мы возьмемъ тебя на заводъ и ты будешь получать хорошія деньги, а если тебя возьмутъ, то также какъ и Баринова—однажды взяли, но отпустили; если возьмутъ, то мы не осгавимъ твоихъ родителей, будемъ помогать имъ. Поговорили, и я отправился отъ нихъ. Еще до этого я приходилъ къ своему земляку Васильеву, который меня спрашивалъ, зачѣмъ ко мнѣ приходилъ Сбромирскій. Я говорю, предлагаетъ книжки. Онъ говоритъ: «Какія это книжки? Вотъ, говоритъ, въ вѣдомостяхъ написано, что есть книжки нехорошія». Это было въ то время, когда судили, и онъ получалъ вѣдомости. Сталъ читать названія книжекъ. Я слышу: «Хитрая механика» и «Сказка о четырехъ братьяхъ». Что мнѣ дѣлать, говорю, — книжки такія предлагаетъ Сбромирскій. Онъ говоритъ: пойди и объяви. Я взялъ книжку и объявилъ. У насъ было назначено свиданіе у Сухаревой башни. За нами уже слѣдили послѣ того, какъ я объявилъ: они пришли четверо, пошли въ трактиръ и тамъ насъ арестовали. Тов. оберъ-прокурора. Куда же они хотѣли васъ послать на заводъ?—Свид. Корнюхинъ. Хотѣли, кажется, въ Тулу.—В. Кто же принималъ участіе въ уговорѣ васъ?—О. Сбромирскій и тутъ же былъ Овчинниковъ. Онъ даже обѣщалъ сдѣлать паспортъ, только достань, говоритъ, бланкъ.—В. А Бариновъ?—О. Бариновъ былъ молчаливъ; онъ тогда собирался, кажется, въ Иваново. Онъ былъ скучень. Разъ какъ-то сказалъ: скоро и меня возьмутъ. — В. Какія книжки вамъ давали читать?—О. «Хитрая механика», «Парижская коммуна» и «Сказка о четырехъ братьяхъ». Я все это представилъ въ жандармское управленіе.—Прислов. Войцеховскій. Вы сказали, что первоначально возвращали книжки Сбромирскому?—Свид. Корнюхинъ. Онъ опять далъ мнѣ и велѣлъ поберечь.—В. Слѣдовательно, ихъ дали вамъ только на сохраненіе? — О. Хочешь—самъ читай, хочешь—отдавай кому-нибудь.—В. Для какой цѣли васъ приглашали на лугъ у Смоленскаго вокзала?—О. Сбромирскій пригласилъ: я думалъ получить хорошее мѣсто отъ нихъ; они мнѣ предлагали.—В. Какъ зовутъ того, который ночевалъ у васъ? — О. Кажется, Николай Онъ съ

Сбромирскимъ первый разъ приходилъ ко мнѣ. — Прис. пов. Боровиковскій. Вы Баринава знали раньше?—Свид. Корнюхинъ. Нѣтъ.—В. Придя на лугъ, вы тамъ встрѣтили Баринава?—О. Да, онъ тамъ съ Сбромирскимъ дожидаясь Николая.—В. Почему вы знаете, что дожидали?—О. Потому что Николай мнѣ говорилъ, что здѣсь ихъ свиданіе. — В. У васъ была своя квартира и у нихъ была—почему же они не дѣлали свиданія на квартирѣ?—О. У нихъ была квартира, но только что они сдѣлали свиданіе, то перѣехали на другую.—В. А къ вамъ нельзя было ходить?—О. Незачѣмъ ко мнѣ. Въ первый разъ у меня былъ Сбромирскій; въ другой разъ ночевалъ только Николай. У меня одна комната и тутъ вмѣстѣ живетъ хозяинъ.—Подс. Овчинниковъ. Все, что показываетъ Корнюхинъ, ложно. Я никогда на лугу его не видалъ и книгъ ему не давалъ. Я былъ на лугу съ Сбромирскимъ. Когда я содержался, то мнѣ рассказывали, что когда Корнюхинъ явился съ книгами, то его угощали чаемъ и дали 5 рублей денегъ. Подс. Бариновъ. Онъ показываетъ ложь изъ ненависти или за награду. Подс. Сбромирскій. Корнюхинъ раньше былъ знакомъ мнѣ. Съ Овчинниковымъ я знакомъ по семинаріи. Мнѣ нужно было сдѣлать вещи для токарнаго станка, и я просилъ Корнюхина. На лугу были: Овчинниковъ, Николай Ѳедоровъ, я и Корнюхинъ. Не помню, былъ ли Бариновъ или нѣтъ. Корнюхину никакихъ книгъ не передавали на лугу. Я видѣлъ, что Николай Ѳедоровъ передавалъ ему какой-то узелокъ, но по формѣ его нельзя заключить, чтобы были тамъ книги. У Сухаревой башни мы собрались не для того, чтобы отправить Корнюхина въ Тулу, потому что, когда насъ арестовали, у насъ не было и денегъ, такъ что не на что было отправить. На лугу былъ простой разговоръ о томъ, что не было денегъ и Овчинниковъ былъ безъ мѣста. Говорили, какимъ образомъ устроить положеніе Овчинникова. Потомъ отправились подъ Сухареву, чтобы продать кое-какія вещи. Подс. Овчинниковъ. Я подтверждаю это показаніе. Прис. пов. Войцеховскій (къ свидѣтелю). Что вы можете объяснить о томъ, что съ вами было въ жандармскомъ управленіи?—Свид. Корнюхинъ. Когда я самъ пришелъ и объявилъ, отдавъ книжки, меня спросили: гдѣ назначено свиданіе? Я сказалъ, что у Сухаревой башни. Тогда отправились туда чиновники и насъ арестовали.—В. Вы, кажется, содержались въ тюрьмѣ—въ какое время?—О. Въ маѣ 1874 года.—В. За что?—О. За передѣлку паспорта.—Прис. пов. Боровиковскій. Не сказали ли вы сами Баринову, чтобы онъ пришелъ въ трактиръ у Сухаревой?—Свид. Корнюхинъ. Нѣтъ, я не имѣлъ надобности.—Подс. Бариновъ. Я былъ наканунѣ съ Корнюхинымъ. Я былъ безъ мѣста, и онъ сказалъ мнѣ: приходи, можетъ быть, мѣсто окажется. Подс. Сбромирскій. Баринава не было съ нами въ трактирѣ, т. е. онъ не сидѣлъ съ нами; онъ въ другомъ отдѣленіи находился, а тутъ только Николай Ѳедоровъ, я, Овчинниковъ и Корнюхинъ были. Свид. Петръ Голубкинъ показалъ, что въ первыхъ числахъ августа 1875 года приходилъ Сбромирскій и спрашивалъ, гдѣ живетъ Корнюхинъ. Свидѣтель спросилъ, зачѣмъ ему нуженъ Корнюхинъ. Онъ сказалъ, что ему выходитъ мѣсто на заводѣ; свидѣтель сказалъ адресъ и далъ мальчика (брата Корнюхина), съ которымъ Сбромирскій отправился въ деревню Дубровки. На другой день пришелъ Корнюхинъ, котораго свидѣтель спросилъ, дѣйствительно ли Сбромирскій нашелъ ему мѣсто на заводѣ? Онъ отвѣтилъ, что они должно быть сами безъ мѣста болтаются. Спустя дня четыре, Корнюхинъ говорилъ свидѣтелю, что его хотятъ отправить на заводъ. На это свидѣтель замѣтилъ, что Корнюхинъ не имѣетъ паспорта, и спросилъ, съ чѣмъ онъ поѣдетъ. Затѣмъ Корнюхинъ сказалъ, что господа предлагаютъ ему книжки и кладутъ жалованья 40 рублей въ мѣсяцъ. «Какія», го-

ворю, «это книжки они тебѣ предлагаютъ?» Я, говорить, не знаю. Я въ то время получалъ вѣдомости; сталъ читать про книжки и спросилъ Корнюхина: есть такія книжки? Онъ говорить—есть. Ну, говорю, ты за это не берись. потому что за эти книжки судятъ. Когда получишь, представь ихъ въ жандармское управленіе. Свид. Сергѣй Макаровъ покъ... одного работникъ его, Корнюхинъ, разъ приводилъ одного человѣка... Утромъ встали, сходили напиться чаю; послѣ этого они ушли. Подс. Смирнскій. Этотъ человѣкъ былъ Иванъ Тимоѣевъ Смирновъ. Прочитанъ протоколъ обыска въ домѣ священника Бѣляевского, причемъ были найдены книжки: сочиненія Чернышевскаго, Лассаля, изданія революціонной партіи, сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ и другіе. Прочитанъ протоколъ обыска кѣ... Трубецкаго, причемъ найдены: «Парижская коммуна», «Сказка о четырехъ братьяхъ» и друг. Первоприсутствующій. Подсудимый Бѣляевскій, чѣмъ вы объясните находеніе у васъ книгъ, указанныхъ въ протоколѣ?—Подс. Бѣляевскій. Большая часть этихъ книгъ была получена мною отъ товарища по Петровской академіи въ 1875 году, а «Сказку о копейкѣ» и другія я оставилъ изъ тѣхъ книгъ, которыя получилъ отъ него для передачи въ Саратовъ. В. Вы много получили книгъ для передачи въ Саратовъ?—О. Да, много. Когда въ 1875 году кончились экзамены въ академіи, то мнѣ ничего не оставалось болѣе дѣлать, вѣхать домой—я не имѣлъ денегъ. Поэтому большую часть времени я проводилъ или въ паркѣ академіи, или когда была работа—то на работѣ. Разъ, въ паркѣ, послѣ обѣда, я сидѣлъ на скамейкѣ и курилъ. Ко мнѣ подошелъ господинъ, сѣлъ рядомъ и попросилъ закурить. Потомъ онъ сталъ разспрашивать о жизни Петровской академіи, о порядкахъ тамошнихъ. Я рассказывалъ, что мнѣ было извѣстно. Потомъ онъ узналъ, что я сдалъ экзамень, но не уѣхалъ домой. Онъ спросилъ: почему? Я сказалъ, что денегъ нѣтъ. Онъ спросилъ: имѣю ли я знакомыхъ въ Саратовѣ? Я сказалъ, что есть знакомые. Онъ спросилъ, что если можете передать книги, то я могу дать вамъ денегъ на дорогу. Я согласился на это. Онъ далъ мнѣ книги и десять рублей; при этомъ онъ сказалъ какого рода книги. Съ идеями, которыя проводятся въ этихъ книгахъ, я былъ прежде знакомъ изъ политической экономіи и социальныхъ наукъ. Кромѣ того, товарищъ мой, Поляковъ, давалъ мнѣ раньше читать книги, напр., «Сказку о четырехъ братьяхъ». Когда Поляковъ лежалъ въ больницѣ, и я его посѣщалъ, то онъ рассказывалъ мнѣ объ этихъ книгахъ. Этотъ господинъ велѣлъ мнѣ притти за полученіемъ книгъ на Николаевскую желѣзную дорогу. Я пришелъ, и онъ мнѣ передалъ ихъ. Онъ просилъ передать ихъ кому-нибудь въ Саратовѣ и сказалъ, что если мнѣ угодно, то я могу взять себѣ, сколько хочу. Такимъ образомъ, я привезъ книжки домой. Однажды, когда я узналъ, что сельскій учитель Виноградовъ ѣдетъ въ Саратовъ, я попросилъ отца, который поѣхалъ съ требой, передать туюкъ съ книгами Виноградову, чтобы онъ передалъ ихъ въ Саратовѣ Трубецкому, такъ какъ, хотя у меня были знакомые кромѣ Трубецкаго, но я не зналъ ихъ адреса. Дома у меня никто не могъ видѣть книгъ и никто ихъ не бралъ и не читалъ. Я никому ихъ не показывалъ и даже никому о нихъ не говорилъ.—Первоприсутствующій. Вы были знакомы съ Трубецкимъ?—Подс. Бѣляевскій. Онъ мой товарищъ по семинаріи.—В. Вы предупреждали его о томъ, что пришлете книги?—О. Нѣтъ.—В. Какое же, вы думали, онъ сдѣлаетъ изъ нихъ употребленіе?—О. Собственно говоря, я исполнилъ только просьбу лица, которое передало мнѣ книги и просило просто передать въ Саратовъ, не назвавъ даже личности.—Первоприсутствующій. Подсудимый Трубецкой. Вы какъ получили книги?—Подс. Трубецкой. Относительно книгъ, найденныхъ у меня, я вполне подтверждаю показаніе, данное мною на дознаніи,

что я олучилъ ихъ отъ товарища своего, Полякова, въ то время, когда онъ лежалъ въ больницѣ. Книги я взялъ для прочтенія, но такъ какъ Поляковъ вскорѣ померъ и книги возвратить мнѣ было некому, то я держалъ ихъ у себя.—В. А относительно книгъ, полученныхъ отъ Бѣляевскаго. Я ихъ не получалъ, такъ какъ онѣ были присланы въ Саратовъ въ то время жилъ за двѣсти верстъ отъ Саратова. — Тов. оберъ-прок. заявилъ, что по официальнымъ справкамъ, имѣющимся въ дѣлѣ изъ академіи, видно, что Бѣляевскій и Трубецкой находились въ академіи только съ 31-го августа 1874 г., а Поляковъ умеръ 4-го мая 187 г., слѣдовательно, гораздо ранѣ поступленія подсудимыхъ въ академію—Подс. Бѣляевскій и Трубецкой утверждали, что поступили въ академію вмѣстѣ съ Поляковымъ и что онъ умеръ въ маѣ 1875 года. Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій присяжный повѣренный Геррадь представилъ телеграммы изъ Петровской академіи и саратовской семинаріи, изъ которыхъ видно, что, дѣйствительно, подсудимые поступили въ академію осенью 1875 года, и что Поляковъ умеръ въ маѣ того же года. Затѣмъ были прочитаны слѣдующіе четыре акта: I. По Трехпрудному переулку въ домѣ Буханова, въ квартирѣ, занимаемую дочерью дѣйствительнаго статскаго совѣтника Варварою Николаевною Батюшковой, производившіе обыскъ застали двухъ неизвѣстныхъ людей, назвавшихся: 1. дворяниномъ Орловской губерніи, Елецкаго уѣзда, Николаемъ Ѳедоровымъ Цвилленевымъ; 2. дворяниномъ Захаровымъ. У всѣхъ упомянутыхъ личностей былъ произведенъ самый строгій обыскъ, причемъ оказалось: у г-жи Батюшковой расказъ «Митюха»; «Степные очерки» Левитова; «Юровая»; «Мірской учетъ»; газета «Впередъ»; «Крестыанскіе выборы» и рукопись на русскомъ языкѣ. У г. Цвилленева рукопись на трехъ полулистахъ и переписка; у г. Захарова аттестатъ, выданный изъ областного правленія войска Донскаго за № 10579. Все найденное при обыскѣ опечатано для представленія начальнику жандармскаго управленія. II. Былъ сдѣланъ осмотръ бумагамъ, найденнымъ въ карманѣ у задержаннаго въ квартирѣ Батюшковой дворянина Николая Цвилленева, причемъ оказалось: 1. Рукопись на одномъ полулистѣ и одной четвертушкѣ простой бумаги, выражающая взглядъ на стремленіе молодежи. 2. Клочекъ бумаги съ адресами Лучшева и Иванова, и 3. записка на одномъ полулистѣ и одной четвертушкѣ почтовой бумаги, начинающаяся словами: «Задаваясь вопросомъ— можно ли». III. По окончаніи обыска въ квартирѣ Батюшковой, она просила позволенія отлучиться, и ее сопровождалъ жандармскаго дивизіона унтеръ-офицеръ Иванъ Милитинскій; по выходѣ Батюшковой изъ отхожаго мѣста, Милитинскій нашелъ тамъ рукопись на четвертушкѣ и при передачѣ оной Милитинскимъ прапорщику Ловягину, Батюшкова, вырвавъ изъ рукъ Милитинскаго эту рукопись съ словами: «я этого не позволю» и разорвавъ оную на двое—руку вложила къ себѣ въ ротъ, а другую передала мгновенно сидѣвшему рядомъ съ ней Цвилленеву, сказавъ ему: «жуйте», и они оба тутъ же начали жевать, но общими усиліями клочки этой рукописи были вынуты изъ рта какъ Батюшковой, такъ и Цвилленева; послѣ того тѣмъ же унтеръ-офицеромъ Милитинскимъ была передана пачка разныхъ записокъ, вынутая имъ изъ пріемника. Все отобранное и найденное въ пріемникѣ опечатано для представленія начальнику жандармскаго управленія. IV. По осмотру бумагъ, отобранныхъ по обыску у дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Варвары Батюшковой, оказалось: 1. въ числѣ бумагъ, выброшенныхъ Батюшковой во время обыска въ отхожее мѣсто, находятся: а) Статья, написанная на двухъ листахъ почтовой бумаги, начинающаяся словами: «Германія» и оканчивающаяся «продолженіе слѣдуетъ», заключаетъ въ себѣ описаніе соціально-политической борьбы рабо-

чихъ союзовъ въ Германіи и пріемовъ, употребляемыхъ агитаторами для веденія среди рабочаго населенія Германіи соціально-революціонной пропаганды. б) Письмо, подписанное: «Твой отецъ, Капуцинъ», отъ 31-го іюля, на имя «Дорогой Нади», въ которомъ говорится, что госпожа, его писавшая, не можетъ получить денегъ, отказанныхъ ей по завѣщанію, затѣе выхода замужъ, и проситъ Надю, а также проситъ попросить Варю и Наташу похлопотать и найти какого-нибудь охотника, который согласился бы «продѣлать эту комедь»; говорится, что въ этомъ случаѣ «цѣль полнѣе оправдываетъ средства»; спрашивается, не согласится ли на это Николай или Семенычъ, и прибавляется: «Неужели изъ нихъ никто не согласится, если только они незаняты въ настоящее время болѣе важными дѣлами». в) Записка, писанная карандашомъ на имя Паши отъ имени К. Аркадаккаго, въ которой говорится, что какой-то «баринъ хочетъ поучиться сельскимъ работамъ и чтобы поэтому предоставить ему возможность исполнить его желаніе». г) Писанные на двухъ четвертушкахъ адреса разныхъ лицъ: въ Туль, Вологодской губерніи, Вологдѣ, Москвѣ, Иркутскѣ, Уральскѣ, Вяткѣ, Саратовской губерніи, Терской области, Курской губерніи, Киевѣ, Рязани, Смоленскѣ и Вильнѣ. Всѣ эти адреса принадлежатъ несомнѣнно тѣмъ лицамъ, чрезъ посредство коихъ ведутся сношенія по преступной пропагандѣ. Въ этомъ убѣждаетъ, во 1-хъ, отказъ Батюшковой отъ знакомства съ этими лицами; во 2-хъ, нежеланіе ея объяснить происхожденіе этихъ адресовъ, и, въ 3-хъ, самый внѣшній видъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напр., Вологодской губерніи г. Готьма, Мардарію Разумниковичу Ржаницину, въ скобкахъ— Ал. Каменскому; Вологда, ученику 6-го класса духовной семинаріи Ал. Ник. Баженову, въ скобкахъ — Фадееву; Вятка, Преображенская улица, собств. д. св. Блиновъ, Леонид. Алекс. Шуравину, тире Грачев. Въ числѣ адресовъ записано: «Фарисовъ долженъ идти въ учителя семинаріи»; далѣе — «Прахуд. письмо доставл. и узнать насчетъ мѣста въ Пермской губерніи»; наконецъ, особо тою же рукою сдѣлана отмѣтка: «Поповъ — книги?!» д) Записка, подписанная Н. Армф. на имя Александра Сергѣевича, въ которой г-жа, по всей вѣроятности, Армфельтъ, благодаритъ за обиліе мѣстъ, но говоритъ, что теперь, пожалуй, не придется воспользоваться ни однимъ, ибо ей нашли мѣсто въ Полтавской губерніи у годового доктора; проситъ, когда будутъ писать Ивану Григорьевичу, сказать ему, чтобы не рѣшался ни на одно мѣсто, не предупредивъ, и говоритъ, что она плохо вѣритъ въ энергію Ивана Григорьевича. е) Письмо съ неразборчивою подписью, очевидно, касающееся распространенія книгъ преступнаго содержанія, слѣдующее: «Получивъ ваше письмо, гдѣ вы пишете о согласіи барыни на предлагаемое мѣсто, я немедленно послалъ письмо къ барину съ просьбой обстоятельно изложить условія. Онъ же пришлетъ и указанія, по которымъ можно будетъ его разыскать. Посылаю въ Москву кое-что изъ книгъ, но не знаю, какое количество тутъ необходимо, а потому коли у барышенъ, которымъ я ихъ послалъ, будетъ недостатокъ, то сообщите». Затѣмъ на оборотѣ приписка: «Передайте барышнямъ, что недостающее количество № 3-хъ я перешлю съ скоро имѣющейся быть оказіей». Остальныя бумаги особаго вниманія на себя не обращаютъ. Первоприсутствующій. Подсудимая Батюшкова. Вы признаете дѣйствительность того, что описано въ прочитанныхъ актахъ?—Подс. Батюшкова. Эти бумаги у меня найдены.—Первоприсутствующій. Подсудимый Цвиленевъ. У васъ были найдены бумаги?—Подс. Цвиленевъ. У меня.—Подс. Батюшкова (по осмотрѣ предъявленныхъ вещей). Изъ этихъ бумагъ мнѣ принадлежатъ только три письма и стихотвореніе. Остальныя бумаги мнѣ не принадлежатъ. Онѣ даны мнѣ были на храненіе.—Свид. Цвиленевъ (по осмотрѣ бумагъ). Это тѣ самые до-

кументы, которые найдены у меня.—Прис. пов. Герардъ обратилъ вниманіе на опечатку въ обвинительномъ актѣ, въ которомъ сказано, что найдено девять номеровъ газеты «Впередъ», тогда какъ найденъ только девятый номеръ.—Тов. оберъ-прок. подтвердилъ это заявленіе.—Свид. Анна Домасюкъ показала, что у нея на квартирѣ жилъ подсудимый Ивановъ; его посѣщали двѣ молодыя особы, изъ которыхъ одна приходила и нанимать квартиру. При этомъ свидѣтельница указала на подсудимую Батюшкову, какъ похожую на ту, которая приходила нанимать квартиру и бывала у Иванова. Свид. Дмитрій Соколовъ показалъ, что въ іюлѣ 1875 г. Ивановъ (свидѣтель) сказалъ, что получилъ запрещенныя книги и не знаетъ, что съ ними дѣлать, и такъ какъ жилъ на квартирѣ у офицера, то считалъ неудобнымъ сжечь ихъ дома, а потому просилъ свидѣтеля взять книжки и уничтожить. Онъ взялъ, но въ тотъ день не успѣлъ уничтожить, а на другой день ихъ конфисковали. Свид. Александръ Ивановъ показалъ, что Николай Трубецкой (братъ подсудимаго) сказалъ ему, что къ нимъ на квартиру привезли много книгъ. Онъ отправился къ Трубецкому и взялъ нѣсколько книгъ. Просмотрѣвъ нѣкоторыя, онъ увидѣлъ, что онѣ незаконнаго содержанія, и онъ передалъ ихъ Соколову для уничтоженія. Свид. Александръ Виноградовъ показалъ, что въ половинѣ іюля 1875 года онъ, въ качествѣ сельскаго учителя, былъ командированъ земствомъ на съѣздъ учителей въ Саратовъ. За нѣсколько дней до отъѣзда, священникъ Введенскій привезъ ему тюкъ съ книгами, зашитыми въ холстѣ, и просилъ передать въ Саратовѣ. Адресъ былъ на имя Александра Трубецкого. Отыскавъ квартиру Трубецкихъ, свидѣтель передалъ тюкъ Павлу Трубецкому и просилъ его возвратитъ холстѣ. Получивъ холстѣ обратно, свидѣтель по пріѣздѣ домой отослалъ его священнику. Какія были книги, свидѣтель не знаетъ. Свид. Павелъ Трубецкой (братъ подсудимаго) показалъ, что, получивъ посылку съ книгами отъ Виноградова и затѣмъ осмотрѣвъ книги, увидѣлъ, что онѣ «неподходящія». Онъ отдалъ ихъ сестрѣ, сказавъ: «Спрячь куда; я немного засну, затопимъ печку и сождемъ». Когда онъ всталъ, къ нему пришелъ гость, а сестра съ свояченицею пошли гулять и встрѣтили брата Николая, которому сообщили о посылкѣ. Когда гость ушелъ, я опять легъ спать. Утромъ и спрашиваю, гдѣ книги? Женщины говорятъ, что были братъ Николай, Ивановъ и Соколовъ и взяли — и вотъ только осталось. Я сейчасъ же ихъ сжегъ. Я просидѣлъ полтора года въ тюрьмѣ. Я пять лѣтъ торговалъ виномъ; у меня были кабаки. Какія мои убѣжденія?... Я по три тысячи въ годъ наживалъ отъ кабаковъ. Меня такія книги не могли прельстить. Пять лѣтъ я состоялъ на службѣ. Былъ саратовскимъ купцомъ. Если я не представилъ эти книжки, то это была, должно быть, воля Божія. За это мнѣ Богъ послалъ: я полтора года высидѣлъ.—Прис. пов. Герардъ. Какихъ былъ убѣжденныхъ братъ вашъ Александръ? — Свид. П. Трубецкой. Онъ у меня жилъ въ теченіе четырехъ лѣтъ. Уѣзжая изъ Саратова, я поручалъ ему ходить по кабакамъ. Я считалъ его за самага нравственнаго человѣка. — Свид. Михаилъ Зубковскій показалъ, что служилъ въ вотчинной конторѣ Устинова кассиромъ. Пріѣхалъ священникъ Бѣляевскій и просилъ передать учителю Виноградову, котораго въ то время не было дома, тюкъ съ книгами. Когда вернулся Виноградовъ, свидѣтель передалъ ему тюкъ. — Затѣмъ прочитано слѣдующее показаніе сосланнаго въ арестантскія роты бывшаго унтеръ-офицера моск вскаго жандармскаго дивизиона Ивана Буланова. «Въ сентябрѣ 1875 года я былъ постоянно назначаема въ караулъ въ Суцевскую часть до послѣдняго времени. Заболѣвъ простудою, я недѣлю пролежалъ въ дивизионномъ лазаретѣ и по выздоровленіи былъ вчера назначенъ въ нарядъ на гулянье на Дѣвичьемъ полѣ, откуда возвратясь, былъ тотчасъ же обысканъ дежурнымъ

по дивизиону офицеромъ, приче́мъ собственно при мнѣ́ оказалось: письмо, писанное арестованнымъ подь именемъ Ивана Андреева, съ надписью на немъ поручика Чурсина, которую мнѣ́ приказано было дать прочесть Ивану Андрееву, а другое письмо, начинающееся словами: «Для васъ буду го-день, прощайте, братцы», принадлежить мнѣ́; писано оно съ моихъ словъ рядовымъ московскаго жандармскаго управления Ивановымъ; записка, пи-санная арестованною Батюшковой о книгахъ; бумага съ надписью ка-рандашемъ «Цвиленеву»—№ 1-й, которая была мнѣ́ отдана Батюшковой для передачи Цвиленеву; другая бумага, № 2-й, съ надписью «Цвиленеву», получена мною около двухъ недѣль тому назадъ въ Гороховомъ тракти-рѣ на Садовой, отъ студента Степанова, чернаго собой, приходившаго для этого ко мнѣ́ въ казармы и пившаго у меня чай; кошелекъ съ 6 руб. 12 коп.; въ сундукѣ моемъ взяты разныя записки и книги; девять же бро-шюръ разныхъ названій, народнаго изданія, куплены мною у разносчика на Дѣвичьемъ полѣ́ вчера для собственнаго чтенія. Оставшіеся въ моемъ сундукѣ́ три пузырька съ жидкостью также принадлежатъ мнѣ́: это ка-кое-то лѣкарство, переданое мнѣ́ врачомъ Ивановскимъ для лѣченія моего горла отъ сипоты. По освобожденіи изъ-подъ стражи врача Ивановскаго изъ Суцевской части, онъ на другой день приходилъ въ названную часть за полученіемъ оставшихся своихъ денегъ и, увидавъ меня тамъ въ кара-улѣ́, завелъ со мной разговоръ, приче́мъ, отрекомендовавшись врачомъ, предложилъ мнѣ́ пользоваться мое горло отъ хрипоты. На другой день, по смѣнѣ́ съ караула, часовъ въ 7 вечера, ко мнѣ́ явился мальчикъ изъ трак-тира Бакастова, у Петровскихъ воротъ, и сказалъ, что меня вызываетъ въ трактиръ какая-то женщина. По приходѣ́ въ трактиръ, я никакой женщи-ны не видалъ, но тамъ былъ г. Ивановскій, который пригласилъ меня съ́сть съ собою и передалъ двѣ́ склянки съ лѣкарствомъ отъ сипоты въ горлѣ́, которыя я и принялъ отъ него. Находя, что неловко сидѣть съ лицомъ, только что выпущенныхъ изъ-подъ ареста, и не желая навлечь на себя подозрѣнія, я все это высказалъ г. Ивановскому и потому, выпивъ только одинъ стаканъ чаю, сейчасъ же съ нимъ простился. При этомъ г. Ива-новскій назначилъ день для слѣдующаго со мной свиданія въ этомъ же трактирѣ́, и, дѣйствительно, въ тотъ день приходилъ за мной мальчикъ изъ трактира, но я изъ боязни туда не пошелъ. Послѣ́ этого я съ г. Ива-новскимъ не видался, такъ какъ онъ вскорѣ́ былъ арестованъ и проси-дѣлъ ночь въ Суцевской части, когда я былъ тамъ въ караулѣ́, но раз-говоровъ съ нимъ я уже не имѣлъ никакихъ. Спустя недѣлю по арестѣ́ г. Ивановскаго, часу въ 12 ночи, пришелъ къ подѣ́зду Суцевскаго част-наго дома какой-то молодой человекъ съ черной бородой и чрезъ поли-цейскаго часоваго вызвалъ меня; онъ просилъ меня передать арестован-ной Батюшковой полфунта чаю отъ ея будто-бы матери. Я ему предлю-жилъ передать этотъ чай частному приставу, на что онъ отозвался позд-нимъ временемъ; послѣ́ чего я согласился взять отъ него чай для переда-чи по назначенію чрезъ частнаго пристава, но передать его забыть, и чай до сего времени лежитъ у меня въ сундукѣ́. Въ разговорѣ́ со мной этотъ молодой человекъ предложилъ мнѣ́ свое знакомство и спросилъ, буду ли я завтра дома въ казармахъ, на что я отвѣтилъ ему утвердительно. На другой день, около девяти часовъ вечера, пришелъ ко мнѣ́ мальчикъ изъ трактира «Лондонъ», противъ Петровскихъ казармъ, и сказалъ, что меня зоветъ въ трактиръ какая-то женщина. Придя въ трактиръ, я женщины никакой не нашелъ, а увидалъ вышеназваннаго мною молодого человекъ (Степанова) съ черной бородой, который пригласилъ меня пить вмѣстѣ́ чай. За чаемъ онъ началъ спрашивать меня, кто именно содержится изъ по-литическихъ арестантовъ въ Суцевской части, спрашивалъ: не сидитъ ли

Кардашевъ, Иванъ Андреевъ, Батюшкова. Тутъ я понялъ, что этотъ молодой человѣкъ желаетъ завести сношенія чрезъ меня съ арестованными, и, дѣйствительно, онъ началъ говорить со мной объ этомъ и далъ мнѣ двѣ записки для передачи Ивану Андрееву и Батюшковой, которыя я и взялъ, но ихъ по назначенію не передалъ, а бросилъ въ сортиръ; Андрееву и Батюшковой сказалъ только, что имъ кланяется госпо инъ съ черной бородой, на что они просили меня также отвѣтить этому господину поклономъ и подробнѣе разспросить его, кто онъ такой. По смѣнѣ съ караула, я вечеромъ пошелъ на Страстной бульваръ, гдѣ предложилъ мнѣ видѣться съ собою для полученія отвѣтовъ Степановъ, и встрѣтилъ его тамъ съ другимъ молодымъ человѣкомъ, также съ черной бородой, но нѣсколько выше его ростомъ. Для объясненій я попросилъ ихъ побѣхать въ Гороховъ трактиръ на Садовую, гдѣ и высказалъ имъ все неудобство письменныхъ сношеній, передалъ поклоны отъ Андреева и Батюшковой и предложилъ лучше имѣть сношенія устныя. На желаніе Андреева и Батюшковой знать, кто онъ такой, молодой человѣкъ съ черной бородой отвѣтилъ, что онъ Степановъ, послѣ чего я и зналъ его подъ этой фамиліей. Такъ какъ Гороховъ трактиръ долженъ былъ скоро запереться, а Степанову хотѣлось еще со мной говорить, то онъ и предложилъ мнѣ побѣхать въ гостиницу «Англія» на Петровкѣ. По приѣздѣ втроемъ въ «Англію», мы помѣстились въ отдѣльной комнатѣ наверху, и здѣсь Степановъ сталъ уговаривать меня устроить побѣгъ изъ Суцевской части содержащимся тамъ князю Циціанову и Ивану Андрееву, высказывая при этомъ, что если уже я взялся имъ псмогать, то долженъ довести дѣло до конца, иначе они меня убьютъ. Въ виду ихъ угрозы я согласился съ ними, но только на словахъ. Побѣгъ условились устроить ночью въ мое дежурство; я долженъ былъ подпоить караульныхъ, вывести Циціанова и Ивана Андреева, которыхъ ожидалъ бы Степановъ съ своими знакомыми, и всѣ вмѣстѣ и я съ ними скрыться. Это было недѣли полторы тому назадъ. На другой день послѣ этого разговора я былъ въ караулѣ, и хотя Степановъ просилъ меня передать Циціанову и Андрееву условія ихъ побѣга и хотя сами они разспрашивали меня о Степановѣ, но я сказалъ имъ, что еще мнѣ не удалось съ нимъ видѣться, такъ какъ я не желалъ приводить ихъ планъ въ исполненіе. Въ это же дежурство я просилъ Батюшкову написать кому-нибудь записку будто бы для того, чтобы, отдавъ ее Степанову, заслужить больше съ его стороны къ себѣ довѣрія; на самомъ же дѣлѣ думалъ устроить, при чьемъ-нибудь посредствѣ изъ своихъ товарищей, поимку Степанова съ его знакомымъ такъ, чтобы при немъ была улика. Это—та самая записка, которая отобрана у меня по обыску, № 1. Я забылъ сказать, что въ Гороховомъ трактирѣ Степановъ передалъ мнѣ записку, отобранную у меня подъ № 2, для передачи Батюшковой. Наканунѣ дежурства своего, въ которое долженъ былъ устроиться побѣгъ, я обязалъ Степанову явиться на Страстной бульваръ для окончательныхъ взаимныхъ условій, но, по случаю болѣзни, туда итти не могъ. На третій день моей болѣзни ко мнѣ пришелъ мальчикъ и вызвалъ на Страстной бульваръ, но я, увидавъ тамъ Степанова, сказалъ, что въ настоящее время по болѣзни, условія исполнить еще не могу и назначилъ для свиданія нынѣшній вечеръ на Рождественскомъ бульварѣ для переговоровъ, на самомъ же дѣлѣ для поимки ихъ. Чась для свиданія назначенъ десятый вечера, въ половинѣ. Письмо, отобранное у меня, начинающееся словами: «Милые мои друзья»... я предназначалъ къ передачѣ сегодня при свиданіи на Рождественскомъ бульварѣ Степанову для того собственно, чтобы еще болѣе увѣрить ихъ въ своей готовности помогать имъ. Показаніе это унтеръ-офицеръ Иванъ Булановъ на предложеніе его подписать не могъ

вслѣдствіе сильнаго нервнаго потрясенія. По приходѣ Буланова въ спокойное состояніе, онъ на предложенные ему вопросы объяснилъ: Я желаю дать исполнѣніе откровенное, чистосердечное показаніе. Бывая въ караулѣ за лицами, арестованными по политическимъ дѣламъ, я исполнялъ свои обязанности по службѣ въ точности по долгу присяги, но только до тѣхъ поръ, пока не былъ арестованъ докторъ Ивановскій, который, содержась въ Суцевской части, сталъ со мною весьма ласково поговаривать и предложилъ, какъ докторъ, лечиться мнѣ отъ сиropy въ горлѣ, уговорилъ меня сходить съ написанною имъ запискою къ его знакомому Александру Сергѣевичу Бутурлину, жившему на Пречистенкѣ, причѣмъ сказалъ, что онъ, Ивановскій, прописалъ въ этихъ запискахъ лѣкарство и что Бутурлинъ мнѣ купить его. Я, дѣйствительно, по сажѣ изъ караула, на другой же день былъ у Бутурлина; сначала онъ, увидавъ меня какъ жандарма, испугался, но, прочитавъ записку, обошелся со мной ласково, ничего особеннаго со мной не говорилъ, и я вскорѣ отъ него ушелъ, онъ же обѣщаль принести самъ ко мнѣ лѣкарство. Въ слѣдующій вечеръ, когда я былъ въ караулѣ въ Суцевской части, Бутурлинъ принесъ ко мнѣ туда двѣ скляночки лѣкарства, вызвалъ меня изъ части чрезъ часового и передалъ ихъ мнѣ, причѣмъ передалъ записочку къ Батюшковой, которую я и доставилъ по принадлежности. Бутурлинъ далъ мнѣ четыре рубля денегъ и просилъ меня бывать у него, когда будетъ нужно. Я согласился; но въ скоромъ времени у него не былъ, такъ какъ докторъ Ивановскій былъ уже освобожденъ изъ-подъ стражи и началъ заводить со мной знакомство на свободѣ. Выше я сказалъ, что д-ръ Ивановскій, придя въ Суцевскую часть за своими деньгами и увидавъ меня въ корридорѣ, завелъ со мною разговоръ о болѣзни моего горла; по поводу этого онъ сказалъ, что даннаго Бутурлинымъ мнѣ лѣкарства для меня недостаточно, но чтобы я пришель на Петровскій бульваръ въ пять часовъ вечера, послѣ моей сѣмны изъ караула, гдѣ онъ обѣщаль дать новое лѣкарство и осмотрѣть мое горло въ трактирѣ «Эрмитажъ». Явившись по этому приглашенію на Петровскій бульваръ, я встрѣтилъ уже дожидавшаго меня тамъ Ивановскаго, который и повелъ меня въ трактиръ, гдѣ по его приказанію былъ поданъ чай и водка. Лѣкарства онъ мнѣ никакого не далъ и горло не смотрѣлъ, а прямо началъ разговоръ съ слѣдующаго: «Я пригласилъ тебя сюда, сказалъ онъ мнѣ, съ тою цѣлью, чтобы поговорить о дѣлѣ, а выльчу я тебя послѣ». На мой вопросъ: «О какомъ дѣлѣ?»—Ивановскій, подавая мнѣ двѣ записки, сказалъ: «а вотъ о какомъ», и началъ убѣждать меня передать одну изъ нихъ Батюшковой, а другую Ивану Андрееву. Когда я не соглался на его просьбу, то онъ сталъ объяснять мнѣ такъ ласково и сердечно всю тягость солдатской службы и бѣднаго положенія народа и свою готовность постоянную, несмотря на свои неоднократные аресты, служить родному дѣлу, что довелъ меня до слезъ, и я послѣ этого вполне ему отдался: взялъ отъ него вышеназванныя письма для передачи и десять рублей данныхъ имъ денегъ. Въ это же время Ивановскій, объяснивъ мнѣ, что въ жандармской формѣ мнѣ съ нимъ видѣться неудобно, обѣщаль принести мнѣ статское платье, обязавъ меня за полученіемъ его явиться дня черезъ четыре въ трактиръ Саврасенкова на Тверскомъ бульварѣ, куда кстати принести отвѣтъ ему отъ Батюшковой. Въ назначенное время въ трактирѣ этомъ я получилъ отъ Ивановскаго статское платье и передалъ ему отвѣтъ отъ Батюшковой, онъ сказалъ, чтобы я чрезъ сутки приходилъ на Тверской бульваръ вечеромъ уже въ статскомъ платьѣ, и тогда обѣщаль со мной говорить о дѣлѣ. Являсь по этому приглашенію, я встрѣтилъ на бульварѣ Ивановскаго съ его сестрой— женщиной высокаго роста— и другой женщиной, называвшеюся Вѣрой Мирной.

Ивановскій отрекомендовалъ мнѣ этихъ женщинъ, заставилъ меня съ ними пойти въ трактиръ Саврасенкова, а самъ остался на бульварѣ. Въ трактирѣ я съ барышнями пилъ чай, онѣ разспрашивали меня объ арестованныхъ и, давъ три рубля, просили передать ихъ Чекоидзе, а на второй день праздника Рождества Христова притти къ нимъ въ гости, для чего дали адресъ, мною уничтоженный; квартира ихъ на Поварской, въ переулкѣ, гдѣ вторично былъ арестованъ Ивановскій. Деньги Чекоидзе мною были переданы. На другой день Рождества, часу въ 11-мъ вечера, я пришелъ къ Ивановскому; при входѣ увидаль, что отъ него выходилъ Александръ Сергѣевичъ Бутурлинъ и въ комнатахъ у него засталъ четырехъ женщинъ: сестру Ивановскаго, Вѣру Мирную и двухъ мнѣ неизвѣстныхъ. Во время питья чая всѣ они разспрашивали меня объ арестованныхъ, особенно о Джабадари и Иванѣ Андреевѣ, съ цѣлью, чтобы «я передалъ имъ записки». Сначала я говорилъ, что ихъ нѣтъ въ Суцевской части, но видя, что они мнѣ не вѣрятъ и знаютъ, что Джабадари и Андреевъ находятся въ Суцевской части, я согласился на передачу переписки. Тогда Ивановскій и Вѣра Мирная стали писать записки цифрами на небольшомъ лоскуткѣ бумаги, которыя, взявъ, я и передалъ по назначенію Джабадари и Ивану Андрееву. На мой вопросъ о содержаніи записокъ, они отвѣтили: «тебѣ въ этомъ нѣтъ надобности». Не давая мнѣ еще написанныхъ записокъ, Ивановскій предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ Александру Сергѣевичу Бутурлину, куда мы и отправились. У Бутурлина я видѣлъ его жену и трехъ молодыхъ мужчинъ, мнѣ неизвѣстныхъ, про которыхъ, на вопросъ мой: что это за люди, Бутурлинъ отвѣтилъ: «ничего, это люди наши». Во время бесѣды Бутурлинъ убѣждалъ меня быть на ихъ сторонѣ, помогать въ передачѣ записокъ, но самъ никакой записки не написалъ. У Бутурлина я просидѣлъ съ полчаса времени и въ первомъ часу ночи поѣхалъ домой. При выходѣ Ивановскій передалъ мнѣ двѣ сказанныя записки и 25 рублей денегъ, прося изъ нихъ отдать 5 р. Ивану Андрееву, 5 р. Чекоидзе и 5 р. Джабадари, остальные 10 рублей оставить себѣ для праздника, причемъ обязалъ меня являться по вечерамъ, черезъ сутки, для свиданія съ нимъ, на Страстной бульваръ; но я, изъ опасенія, отъ этого отказался и назначилъ свиданіе черезъ четыре дня, въ какое время и явился, принеся ему отвѣтъ отъ Джабадари и Ивана Андреева. Съ бульвара Ивановскій повезъ меня въ харчевню, куда-то на Садовую, гдѣ мы съ нимъ и закусили. При этомъ Ивановскій просилъ меня видѣться съ нимъ чаще, но я ему въ этомъ отказалъ, сказавъ ему, что начальство наше строго подтверждаетъ исполнять свои обязанности честно, вслѣдствіе слуховъ, что между арестованными существуютъ сношенія, и сказалъ ему, что на Страстной бульваръ явлюсь черезъ недѣлю, куда по истеченіи этого времени я и явлюся. Въ этотъ разъ Ивановскій далъ мнѣ четыре записки для передачи заключеннымъ въ Суцевскомъ частномъ домѣ; но кому именно—теперь запомнилъ. Ивановскій просилъ отвѣты на эти письма принести ему черезъ недѣлю на Тверской бульваръ; но я принесъ ему только три отвѣта, такъ какъ отвѣта отъ Чекоидзе взять не успѣлъ; отъ кого были прочіе отвѣты—я забылъ. Въ это свиданіе Ивановскій просилъ меня видѣться съ нимъ непременно чрезъ сутки, но между тѣмъ онъ на другой день ночью былъ привезенъ въ Суцевскую часть арестованнымъ, гдѣ я былъ въ то время въ караулѣ. Утромъ во время отбирания мною чайниковъ изъ камеръ арестованныхъ, Ивановскій, когда я ему сказалъ: «Не долго же вы напрыгали», отвѣтилъ: «Ничего, братъ; а вотъ что я тебѣ скажу: иди ты по смѣнѣ непременно къ Бутурлину и принеси мнѣ отъ него 5 руб. денегъ». Когда явился я къ Бутурлину, то онъ уже зналъ объ арестѣ Ивановскаго и далъ для Ивановскаго 5 руб. и мнѣ 23 руб.,

причемъ предложилъ видаться съ нимъ не въ его квартирѣ, называя это для себя неудобнымъ, а на Тверскомъ бульварѣ; когда же я ему возразилъ, что его я мало знаю, думая при этомъ кончить сношенія, то онъ началъ меня уговаривать, далъ упомянутые 23 р. и сказалъ, что «мы всѣ одинаковые, какъ я, такъ и Ивановскіе и другіе; ужь если взяли за это дѣло, то будемъ вести его до нашей смерти, ему не измѣнимъ и тебѣ насъ бояться нечего». Бутурлинъ назначилъ мнѣ свиданіе на Тверскомъ бульварѣ дня черезъ три, куда пришелъ съ нимъ молодой человѣкъ небольшого роста, лѣтъ 26 или 27, худощавый, съ небольшою окладистой черной бородкой и баками, про котораго Бутурлинъ, рекомендуя мнѣ, сказалъ: «обращайся съ нимъ какъ со мной и Ивановскимъ»; мы пошли въ трактиръ, гдѣ упомянутый молодой человѣкъ назвался студентомъ Степановымъ, и тутъ же онъ далъ мнѣ двѣ записки, одну для передачи Ивану Андрееву, а другую не помню кому; Бутурлинъ сказалъ, что онъ уѣзжаетъ теперь изъ Москвы на двѣ недѣли. Взятая мною записка я передалъ кому слѣдовало и отвѣты принесъ въ условленное время на Тверской бульварѣ, гдѣ передалъ ихъ уже Степанову, причемъ онъ хотѣлъ передать мнѣ вновь три записки, но я сказалъ, что такъ часто не согласенъ брать отъ него записокъ, такъ какъ это можетъ быть замѣчено, и взялъ только одну на имя Джабадари, которую ему и передалъ. Дней черезъ пять я опять съ нимъ видѣлся на томъ же бульварѣ, также вечеромъ, принесъ ему отвѣты отъ Джабадари и ѣздилъ съ нимъ въ трактиръ, причемъ я взялъ отъ него двѣ записки для передачи Кардашеву и Циціанову, которыя и передалъ; отвѣты на нихъ получилъ, но ихъ при свиданіи съ Степановымъ ему не отдалъ, а бросилъ въ сортиръ, потому что Степановъ въ это время сталъ меня уговаривать объ устройствѣ побѣга изъ Суцевской части Кардашева, Ивана Андреева и Циціанова, и я сказалъ ему, въ такомъ случаѣ нужно прекратить передачу записокъ, такъ какъ я, боясь за побѣгъ, по моему мнѣнію, главнаго преступника Циціанова и передачу отъ него записокъ, сталъ думать совсѣмъ прекратить свои сношенія съ Степановымъ и арестованными лицами. Степановъ имѣлъ у себя четыре записки къ арестованнымъ лицамъ, но я ихъ не взялъ, и мы разошлись съ тѣмъ, чтобы о побѣгѣ названныхъ лицъ переговорить при слѣдующемъ свиданіи, которое было назначено мною въ трактиръ «Лондонъ», и я сказалъ, чтобы онъ послалъ за мной изъ трактира мальчика. Продолженіе разговора о побѣгѣ трехъ арестованныхъ лицъ и назначеніе мною въ указанномъ мѣстѣ свиданія я сдѣлалъ съ тою цѣлью, чтобы Степановъ указалъ мнѣ еще и другихъ лицъ, которыя желаютъ этого побѣга, такъ какъ я хотѣлъ знать всѣхъ ихъ и всѣхъ выдать начальству. Черезъ сутки Степановъ прибылъ въ сказанный трактиръ и по условію прислалъ за мной. Позднѣе Степановъ предложилъ мнѣ идти вмѣстѣ съ нимъ въ трактиръ «Англія» на Петровкѣ, гдѣ мы встрѣтили знакомаго Степанову какого-то молодого человѣка, выше его ростомъ, волосы на головѣ большіе, черные, борода небольшая, клинышкомъ; причемъ Степановъ сказалъ мнѣ, что по желанію моему онъ привелъ другаго, назвалъ его фамилію, но я теперь ее забылъ. Здѣсь они оба стали усиленно требовать отъ меня, чтобы я согласился на побѣгъ Кардашева, Ивана Андреева и Циціанова, предлагая слѣдующій способъ: напонтъ всѣхъ жандармовъ въ караулъ чаемъ съ тою жидкостью, которую они мнѣ дадутъ, и отъ которой всѣ должны проспать около шести часовъ. Видя, что Степановъ требуетъ настойчиво исполненія его плана и посылаетъ своего товарища за упомянутою жидкостью, я сталъ просить оставить это до будущаго свиданія, съ чѣмъ соглашался и товарищъ Степанова, но сей послѣдній до того былъ разгоряченъ, что схватилъ своего товарища за грудь и сказалъ ему съ угрозою, чтобы немедленно желаетъ освобожденія изъ-подъ

ареста Кардашева, Циціанова и Ивана Андреева. Поговоривъ довольно горячо съ своимъ товарищемъ, Степановъ, однако же, согласился съ нимъ и съ моею просьбою отложить ихъ намѣреніе до будущаго свиданія, черезъ сутки, въ томъ же трактирѣ. Являсь на это свиданіе съ положительнымъ желаніемъ откататься отъ содѣйствія къ побѣгу названныхъ лицъ, Степановъ и его товарищъ стали убѣждать меня сначала ласково, но потомъ Степановъ уже потребовалъ настойчиво, говоря, что если я взялся, то долженъ исполнить, а затѣмъ рѣшительно выразилъ, что если я не соглашусь на побѣгъ этихъ лицъ въ первый мой караулъ въ Сущевской части, то онъ придетъ ко мнѣ въ казармы и убьетъ меня; приэтомъ высказывалъ, что я за каждое освобожденное лицо получу по тысячѣ рублей, что долженъ бѣжать вмѣстѣ съ ними и чтобы ожидать его, Степанова, и товарища его на подъѣздѣ чьнаго дома, куда они общались притти. Видя угрозы и вмѣстѣ съ тѣмъ опасаясь, чтобы Степановъ не причинилъ мнѣ побоевъ тутъ же, я согласился съ его желаніемъ, взялъ отъ него ту самую жидкость, которую долженъ былъ налить въ чай караульнымъ жандармамъ, и общался исполнить его требованіе въ слѣдующій вечеръ, такъ какъ я на другой день долженъ былъ быть въ караулѣ. Эту всю ночь я не спалъ, я пошелъ въ сортиръ и тамъ, разбивъ склянку съ данною мнѣ Степановымъ жидкостью, рѣшилъ не ходить въ караулъ и сказался больнымъ, прося отправить меня въ околотокъ, куда я утромъ и явился, было у доктора, который нашелъ во мнѣ простуду. Въ это время меня страшно мучила совѣсть и мнѣ казалось, что всѣ на меня смотрятъ какъ на человѣка, совершившаго преступленіе. Дня черезъ два ко мнѣ два раза приходилъ мальчикъ изъ трактира Бакастова и вызывалъ меня; въ первый разъ я отказался итти, сказавъ, что не здоровъ, но во второй разъ пошелъ и увидалъ въ трактирѣ Степанова, съ которымъ вышелъ на Страстной бульваръ; я объяснилъ ему, что теперь нездоровъ и что желаніе ихъ приведу въ исполненіе по выздоровленіи, чѣмъ его и успокоилъ; для окончательныхъ же соглашеній просилъ его притти во вторникъ, 10 числа, на Петровскій бульваръ (число это я помню потому, что накануне былъ арестованъ), на что онъ и согласился. Все это я сдѣлалъ для того, чтобы въ сказанное время взять какъ Степанова, такъ и другихъ съ нимъ и передать начальству, которое заранѣе хотѣлъ предупредить чрезъ старшаго вахмистра. Такъ какъ совѣсть сильно мучила меня этимъ дѣломъ, а частью оттого, что я былъ здоровъ и могъ исполнять службу, я попросилъ 9-го числа старшаго вахмистра назначить меня куда-нибудь въ нарядъ, а на другой день и въ караулъ, только не въ Сущевскую часть, и въ то же время просилъ новобранца Иванова написать мою диктовку упомянутое въ показаніи моемъ письмомъ, цѣль написанія котораго была единственно та, чтобы убѣдить Степанова и его товарищей притти въ какой-либо трактиръ, гдѣ всѣхъ ихъ и взять. Но я не успѣлъ передать этой записки, такъ какъ по возвращеніи моемъ изъ наряда я тотчасъ же былъ обысканъ и арестованъ. Давая вполне чистосердечное и откровенное показаніе, я положительно подтверждаю, что никто изъ нижнихъ чиновъ московскаго жандармскаго дивизіона не зналъ о моихъ сношеніяхъ съ арестованными лицами и ихъ знакомыми, находящимися на свободѣ, и вообще о всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ по этому предмету. Соглашаясь на предложеніе врача Ивановскаго получать отъ него даровые совѣты и лѣкарства, я никакъ не могъ предвидѣть, чтобы Ивановскій намѣревался сдѣлать изъ меня человѣка, совершающаго преступленіе; постоянно меня лаская и угощая, давая деньги и снабдивъ меня статскимъ платьемъ, онъ неоднократно высказывалъ мнѣ, что я долженъ для него дѣлать все, что ему нужно. Такія же ласковыя обхожденія со мною его знакомыхъ Степанова, Бутурлина и Эндаурова, привлекли меня къ нимъ. Пере-

давъ первыя полученныя мною отъ нихъ записки арестованнымъ лицамъ, я тогда же созналъ, что сдѣлалъ дѣло незаконное, но совѣсть мучила меня лишь только до первыхъ съ ними свиданій, при которыхъ они постоянно старались разными объясненіями убѣдить меня и, называя «золотымъ челомъ», успокоивали тѣмъ, что, если я и пострадаю за родное дѣло и буду сосланъ даже на край свѣта, то они меня и тамъ выручатъ. Когда же я получилъ отъ Степанова склянку жидкости для усыпленія караула и вывода изъ Сущевской части троихъ арестованныхъ лицъ, то на меня напалъ какой-то страхъ и я не зналъ, что съ собою дѣлать; склянку эту вслѣдствіе страха я разбилъ, а потомъ сталъ обдумывать, какъ бы мнѣ удобнѣе выдать означенныхъ лицъ начальству; заявить же послѣднему объ этомъ боялся до передачи ихъ всѣхъ головою. Написанное подъ мою диктовку новобранцемъ Ивановымъ письмо мнѣ казалось вѣрнымъ планомъ къ аресту всѣхъ названныхъ мною лицъ на мѣстѣ.—Этимъ былъ окончень допросъ и чтеніе показаній свидѣтелей обвиненія, а затѣмъ приступлено къ допросу свидѣтелей защиты. Свид. Полетаева показала, что Введенская жила у нея съ 20 сентября по 20-е декабря. Отецъ привезъ ее учиться и она все время аккуратно ходила слушать лекціи. Ея не посѣщаль совершенно никто. На Рождество она уѣхала къ отцу, и больше свидѣтельница ея не видала. Свид. профессоръ Герье показалъ, что въ 1874 г. къ нему являлся священникъ Введенскій и объяснилъ, что, старшей своей дочери онъ желалъ дать хорошее образованіе, съ тѣмъ, чтобы она воспитала своихъ младшихъ сестеръ, и просилъ помѣстить ее на женскіе курсы, устроенные профессорами и которыми завѣдывалъ свидѣтель. Затѣмъ онъ получилъ письмо отъ одного изъ знакомыхъ учителей, который указывалъ на способности Введенской и на бѣдность ея отца. Свидѣтель принялъ Введенскую и освободилъ отъ платы за лекціи. Она занималась очень усердно. Свидѣтель замѣтилъ, что она была не вполне развита и въ ней было много дѣтскаго: такъ, она тяготилась обществомъ взрослыхъ и, бывая въ одной знакомой семьѣ, старалась находиться въ обществѣ дѣтей. Кромѣ этихъ курсовъ, читались еще лекціи при гимназіи по вечерамъ. Введенская, кажется, посѣщала и лекціи. Свид. священникъ Александръ Введенскій показалъ, что дочь его получила первоначальное образованіе въ женскомъ духовномъ училищѣ, гдѣ заслужила одобреніе за успѣхи въ наукахъ и отличное поведеніе. Видя такія способности, онъ захотѣлъ дать ей дальнѣйшее образованіе. Но въ Тулѣ сдѣлать это было невозможно, такъ какъ гимназія не даетъ права быть учительницей среднихъ училищъ. Въ Москвѣ онъ не имѣлъ никого знакомыхъ. Обратился къ профессору Герье, который принялъ ученицу. Но свидѣтель не зналъ, куда помѣстить ее на квартиру. Случайно нашлась добрая старушка (Полетаева), и дочь помѣстилась у нея. На каникулы и на праздники она пріѣзжала домой, гдѣ занималась съ сестрами и помогала матери. Свидѣтель навѣщаль ее и въ Москвѣ. Въ одинъ изъ этихъ пріѣздовъ онъ пробылъ съ утра до вечера у нея на квартирѣ, когда она жила у своей товарки по училищу, Ивановской, пересмотрѣлъ всѣ вещи и ничего подозрительнаго не замѣтилъ. Въ сентябрѣ она написала, что поселилась на квартирѣ съ Георгіевскою. Она занималась очень успѣшно. «У меня—сказалъ свидѣтель—еще три сына воспитываются въ заведеніяхъ и двѣ дочери въ училищѣ. Она видѣла, какъ мнѣ трудно. Поэтому она и обратила серьезное вниманіе на средства отца». Свид. Спиридонъ Любатовичъ (отецъ подсудимыхъ) показалъ, что въ началѣ января 1875 года Ольга пріѣхала изъ Чернигова въ Москву прямо въ семью; жила до Святой и поѣхала въ Петербургъ, такъ какъ желала поступить въ академію, но не поступила, потому что у нея не было документовъ. Вслѣдствіе этого, она вскорѣ воз-

вратилась и, по совѣту доктора, уѣхала въ Крымъ. Въ августѣ вернулась на короткое время. Что касается Вѣры, то она воспитывалась сначала дома, потомъ въ гимназіи и затѣмъ поступила на женскіе курсы. Такъ какъ она вообще слабого здоровья и сбѣлалась больною, то свидѣтель послалъ ее для пользованія за границу, гдѣ уже была ея сестра. Когда онѣ возвращались, на границѣ ихъ захватили и привезли въ Черниговъ. Впослѣдствіи свидѣтель узналъ, что нѣтъ никакого основанія содержать ихъ подъ арестомъ, а потому обратился съ просьбой объ освобожденіи къ жандармскому генералу Слезкину, который предложилъ взять ихъ на поруки. Свидѣтель согласился и послалъ за дочерьми своего сына, который привезъ ихъ. «Они оцѣнили ихъ—сказалъ свидѣтель— одну въ 2000, а другую въ 1000 рублей». Вѣру еще съ дѣтства, влѣдствие ея угрюмаго характера, мать называла волченкомъ. Затѣмъ свидѣтель заявилъ, что невѣрно показаны лѣта обѣихъ Люботовичъ, и представилъ метрическое свидѣтельство Вѣры, по которому ей только двадцать лѣтъ, а Ольга старше ее всего на одинъ годъ и три недѣли. (Засѣданіе прервано до 11 час. утра слѣдующаго дня).

Свид. Федоръ Цвилленевъ (отецъ подсудимаго) показалъ, что лѣтомъ 1875 года его сынъ находился въ Москвѣ студентомъ медико-хирургической академіи, и они видѣлись почти каждый день, пока свидѣтель пріѣзжалъ въ Москву повидаться съ сестрою. Свид. Александра Вагина (сестра подсудимаго Цвилленева) показала, что лѣтомъ 1875 года братъ ея былъ въ Москвѣ. Нѣкоторыя вещи подсудимаго—платье и бѣлье, находились у свидѣтельницы. Ихъ передала ей сестра, которая взяла вещи съ квартиры Цвилленева. Свид. Марія Кравцова показала, что назадъ тому годъ и 8 мѣсяцевъ къ ней пришелъ незнакомый господинъ и нанялъ у нея комнату поденно, причемъ говорилъ, что если прищеть товарища, то останется, такъ какъ одному невыгодно. На третій день она спросила у него видъ, но онъ сказалъ, что еще не знаетъ, останется ли, о чемъ обѣщаль узнать въ тотъ же день. Затѣмъ онъ ушелъ, и свидѣтельница его больше не видала. Онъ говорилъ, что если не придетъ самъ за вещами, то пришлетъ сестру. Дня черезъ три она пришла и взяла вещи. У него были только маленькій чемоданчикъ, подушка и одѣяло.—Подс. кн. Циціановъ. Не помните ли, свидѣтельница, такого обстоятельства, что вашъ жилецъ, наканунѣ того, какъ скрылся, показывалъ вамъ своего товарища и сказалъ: «если меня не будетъ дома и этотъ человекъ придетъ, то выдайте ему чемоданъ».—Свид. Кравцова. Я не помню этого. Онъ, кажется, сказалъ, что сестра придетъ.—Прис. пов. Герардъ. У него былъ еще другой чемоданъ?—Свид. Кравцова. Другого я не видала. Можетъ быть, подъ кроватью стоялъ. Припоминаю, какъ во снѣ, что, когда я входила спрашивать видъ, то какой-то господинъ стоялъ у окна спиною ко мнѣ, такъ что его личности не помню.—Подс. кн. Циціановъ. Не помните ли, что приходившаго за чемоданомъ вы спрашивали, кто такой вашъ жилецъ, и я сказалъ, что студентъ и отлучился на дачу?—Свид. Кравцова. Нѣтъ. Онъ говорилъ только о сестрѣ. (Осматриваетъ подсудимыхъ и, указывая на Цвилленева, говоритъ, что эта личность ей нѣсколько знакома). Свид. Витютина (сестра подсудимаго Цвилленева) показала, что по запискѣ брата она ходила къ Кравцовой, заплатила ей 15-го октября за квартиру и взяла вещи: желтый чемоданчикъ съ одеждой, подушку, одѣяло и, кажется, еще маленькій сакъ-воляжъ. Свид. Сергѣй Щукинъ показалъ, что служилъ на Владикавказской желѣзной дорогѣ и одно время жилъ въ Прохладной. Тамъ онъ былъ знакомъ съ Рождественскимъ, у котораго бывалъ. Рабочіе его любили, потому что онъ всегда стоялъ за правыхъ людей и старался исполнять справедливыя требованія рабочихъ. У

него было много книгъ специальныхъ по медицинѣ. Ни въ разговорахъ съ нимъ, ни вообще въ его дѣятельности свидѣтель не замѣчалъ ничего особеннаго. Свид. баронъ Розень показалъ, что Рождественскій пользовалъ его жену и въ теченіе мѣсяца бывалъ ежедневно; свидѣтель заходилъ и къ нему; онъ вообще наблюдалъ за своими подчиненными, служащими на желѣзной дорогѣ, и за Рождественскимъ никогда ничего не замѣчалъ предосудительнаго. Онъ былъ болѣзненный и говорилъ, что пріѣхалъ отдохнуть. Свид. Гавріиль Каменскій показалъ, что Рождественскій обращался съ рабочими хорошо; ничего особеннаго за нимъ не замѣчалъ. Онъ говорилъ, что страдаетъ грудью, и идетъ кровь горломъ. Прочитано показаніе свид. Пантенкова, жившаго работникомъ у священника Бѣляевскаго. Свидѣтель не слыхалъ, чтобы сынъ священника говорилъ что-нибудь о правительствѣ и вообще толковалъ съ крестьянами; книгъ не читалъ и не давалъ; занимался полевыми работами. Прочитанъ протоколъ о предъявленіи подсудимой Гамкрелид е крестьянамъ, изъ которыхъ только одинъ ее призналъ. Затѣмъ стороны просили дозволенія ссылаться на различные документы и вещественныя доказательства, послѣ чего было предъявлено множество вещественныхъ доказательствъ, причемъ подсудимые одни предметы признавали, другіе отрицали. Относительно письма, отобраннаго у подсудимаго Здановича въ тюрьмѣ, онъ объяснилъ слѣдующее: на этомъ письмѣ выставлено число, когда оно писано, кажется, 25 октября; оно найдено черезъ 3 или 4 дня, такъ что лежало у меня нѣсколько дней въ карманѣ. Оно попало мнѣ случайно: я взялъ его изъ дырочки въ дверяхъ камеры. Ключъ шифра, которымъ оно написано, мнѣ не былъ извѣстенъ, и я полагаю, что оно назначено не мнѣ. Я думалъ, что часовой ошибкой всунулъ въ щель двери, и я хотѣлъ при слѣдующемъ дежурствѣ часового передать письмо назадъ. Если бы я могъ его прочитать, то не сталъ бы держать у себя, зная, что можетъ быть обыскъ.—Подс. Чекоидзе. Письмо это я послалъ Циціанову, и какъ письмо, такъ и приписка сдѣланы мною. Здановичъ сказалъ, что будто бы найдена переписка у меня или у Вѣры Люботовичъ; но у меня нѣтъ писемъ Вѣры Люботовичъ.—Подс. Джабадари заявилъ, что письмо должно было поступить къ третьему лицу, которое должно было передать его Циціанову. Предъявлено нѣсколько писемъ Батюшковой, которая заявила: это мои письма. Я отказывалась отъ нихъ потому, что въ то время думала, что они не будутъ разобраны.—Первоприсутствующій. Подсудимый Гамкрелидзе, у васъ была найдена «Сказка о мудрицѣ Наумовой»?—Подс. Гамкрелидзе. Обыскъ былъ произведенъ безъ меня, но должно быть найдена у меня. — Первоприсутствующій. Половина этой рукописи писана рукою Овчинникова? — Подс. Овчинниковъ. Да, это я писалъ—съ страницы 39 по 45. Я переписывалъ ее для одного господина, съ которымъ встрѣтился на бульварѣ. Я его спросилъ: нѣтъ ли у него переписки какой-нибудь. Онъ вынулъ изъ кармана рукопись, одну часть далъ мнѣ, а другую оставилъ у себя. Я спросилъ, куда ему принести. Онъ сказалъ, что его можно встрѣтить каждый день на бульварѣ. Я переписалъ, на другой день возвратилъ ему рукопись и то, что написалъ, и получилъ деньги. Я спросилъ его фамилію, и онъ сказалъ: Шулъгинъ.—Первоприсутствующій. Подсудимый Чекоидзе, на Кавказѣ у двухъ лицъ найдены ваши письма. Я укажу вамъ на одно, которое вамъ сейчасъ будетъ предъявлено. Признаете ли вы его или нѣтъ? — Подс. Чекоидзе. Письмо, которое начинается: «Дорогой другъ мой» — мое, о другихъ я не знаю. Прочитано письмо, которое начинается: «Дорогой другъ мой» и въ которомъ означаются подробности ареста. Затѣмъ прочитана вторая записка, въ которой, между прочимъ, сказано: «какъ ухнули наши псевдонимы». Просятъ прислать рублей 10 или 15 и сказать, кто рядомъ

въ № 3. Далѣ прочитано весьма длинное письмо, приписываемое обвиненіемъ Здановичу, писанное имъ изъ тюрьмы и которое начинается такъ: «Братцы! Дерзкая и отчаянная мысль пришла мнѣ въ голову — не только доказать, что я не «Рыжій», но даже выпутаться самому». Затѣмъ въ письмѣ излагается съ мельчайшими подробностями планъ, какъ это сдѣлать; говорится, что исполненіе этой работы должно быть сдѣлано ловко и смѣло. Указывается, что нужно найти свидѣтелей, которые должны показать извѣстнымъ образомъ, причемъ означаются и самыя показанія. Далѣ спрашивается: «Какъ вамъ кажется? Посмотрите трезвыми глазами, и если найдете, что это невыполнимо, я упорно буду молчать». Прочитано письмо, подписанное Чекондзе и начинающееся: «Дорогой Георгій! Вотъ уже 16 дней, какъ я получилъ твое письмо и теперь только собрался писать отвѣтъ». Далѣ въ немъ, между прочимъ, говорится, что во Владикавказъ пересланы «нашимъ студентамъ книги заграничнаго изданія», что нѣкоторые студенты оставили ученіе и отправились въ народъ. Описываются стачки, причемъ въ числѣ рабочихъ были студенты. Говорится, что вслѣдствіе того, что правительство запретило принимать на фабрики семейства рабочихъ, бывшихъ въ стачкѣ, между студентами были организованы сборы и собрано около 2000 рублей, которые отданы семействамъ рабочихъ. Говорится о томъ, что сборы продолжаютъ и что часть ихъ идетъ на содержаніе лицъ, занимающихся перевозкою книгъ изъ-за границы; что хотя правительство узнало всѣ хитрости этихъ людей, такъ что это занятіе сдѣлалось очень трудно, но все-таки есть лица, которыя дѣйствуютъ прямо и смѣло. Въ заключеніе авторъ обращался съ просьбой: «Устрой подписку въ пользу студентовъ, но такъ, чтобы было шито и крыто». Прочитана записка Георгіевской, которая начинается такъ: «Ну-съ, чтобы тебѣ написать новенькаго. Жизнь обычная, изо-дня въ день... Николая Ѳедоровича перевезли въ городскую». Далѣ говорится, что «форточки очень удобно говорить между собою и вполне безпрепятственно». Спрашивается: «Скажи, въ чемъ тебя обвиняютъ и можешь ли отдѣлаться». Спрашивается, какъ фамилія того унтера, который, кажется, еще недавно дежурнымъ былъ. Говорится, что Джабадари пишетъ, что съ Сушевской частью можно завести сношенія черезъ унтера. Далѣ сообщается новость, что въ Петербургѣ академическая библіотека перешла въ руки правительства; что былъ безпорядокъ въ технологическомъ институтѣ, но студенты разсудили, что пользы отъ этого нѣтъ, явились съ повинной и выдали пятнадцать чловѣкъ зачинщиковъ. Подс. Георгіевская заявила, что она Джабадари и Николая Ѳедоровича вовсе не знаетъ и только отъ кого-то слышала, что они сидятъ. Подсудимые Джабадари и Цвилленевъ заявили, что они Георгіевскую не знали. Подсудимая Георгіевская объяснила, между прочимъ, что ей одинъ знакомый показалъ очень удобный способъ переписки посредствомъ цифръ, которому она скоро научилась. Онъ далъ ей разобрать одну записку и она разобрала. Тогда онъ вручилъ ей еще нѣсколько записокъ, не разобранныхъ и уже разобранныхъ, и запрещенныя книги, которыхъ она до того времени не видала, и ей хотѣлось узнать, что это за книги. Все это онъ далъ ей съ тѣмъ, чтобы она сохранила нѣкоторое время. «Когда я спросила, отъ кого эти письма, онъ сказалъ, что отъ арестованныхъ. Я сказала, что хотѣла завести сношенія съ братомъ. Онъ отвѣтилъ, что есть возможность вести сношенія съ Сушевской частью. Я взяла записки и книги, и такъ какъ мнѣ нужно было условиться съ братомъ, то я пришла передать ему записку въ хлѣбѣ. Шифръ я составила сама и хотѣла переписываться съ единственною цѣлью развлечь брата, такъ какъ при свиданіяхъ не позволялось говорить ни о чемъ. Шифръ этотъ не былъ найденъ ни у кого болѣе и я не знаю ни одного изъ подсудимыхъ. Я не могла принадежать

къ тайному обществу.» Первоприсутствующій. Вы полагали, что брать вашъ прочитаетъ то шифрованное письмо, которое вы ему хотѣли передать?—Подс. Георгіевская. Да, потому что я ему передала шифръ на словахъ во время свиданія. Прис. пов. Герардъ просилъ сослаться на отрывокъ письма, найденнаго у Цвиленева. Прис. пов. Спасовичъ просилъ прочитать этотъ документъ, такъ какъ онъ весьма важенъ для уясненія сущности дѣла. Тов. оберъ-прокурора не встрѣтилъ препятствія къ его прочтенію. Прочитанъ отрывокъ письма неизвѣстнаго автора, найденный въ бумагахъ Цвиленева и писанный, по его сознанию, его рукою и находящійся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ подъ № 55-мъ. Отрывокъ этотъ слѣдующаго содержания: «Я объясняю это безконтрольнымъ подчиненіемъ одному своему преобладающему чувству, чувству чисто личному—удовлетворить своему стремленію дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи во что бы то ни стало, и недостаткомъ критики или нежеланіемъ критиковать. Надо же, наконецъ, оглянуться на прожитое. Нужно же, наконецъ, пользоваться уроками событій. Пора перестать колотить лбомъ въ стѣну. Она не выноситъ этой деликатной обстановки и ей хочется дѣлать въ обстановкѣ «грубой», «демократической.» Но она забываетъ, что если она теперь вздумаетъ осуществить свои порывы, то черезъ мѣсяцъ будетъ олять въ тюрьмѣ и уже не скоро освободится, а этимъ окончательно лишаетъ себя возможности когда-нибудь что-нибудь сдѣлать. Далѣе, такіе порывы въ настоящее время, когда столько людей сидятъ въ тюрьмахъ, есть (пусть проститъ мнѣ) крайній эгоизмъ и подчиненность личному чувству. Всѣ власти теперь встревожены и на-сторожѣ. Нервная система и чувство мести въ нихъ возбуждены. Онѣ боятся больше, чѣмъ есть основанія. Всякая новая попытка въ томъ же родѣ не только скоро обнаружится и бесполезно кончится гибелью тѣхъ, кто ее предпринялъ, но и будетъ усиливать и поддерживать это возбужденіе во властяхъ, которыя еще сильнѣе будутъ дѣйствовать противъ тѣхъ, кто въ ихъ рукахъ, желая утратить и прекратить всякія будущія попытки. Ужъ не говоря о томъ, что всякая новая попытка, а за ней аресты, будутъ безконечно отдалять рѣшеніе участи тѣхъ, кто въ рукахъ властей, она будетъ утверждать послѣднихъ въ убѣжденіи, что остались еще нити и корни, что нужно напрячь всѣ силы для искорененія и примѣрно строгаго наказанія. Въ виду этого, развѣ не крайне эгоистично слѣдовать своему чувству, не обращая вниманія на участь сотенъ, которая отъ того безконечно ухушится. Я ужасно злостью въ виду такихъ порывовъ, обнаруживающихъ стремленіе удовлетворить своему чувству и нежеланіе вдуматься въ дѣло. Это кромѣ того принесетъ громадный вредъ самому народу, вызывая рядъ стѣснительныхъ законодательныхъ мѣръ, которыя вредно отразятся въ народной жизни, затѣмъ окончательно погубить и тѣхъ 10—15 человекъ, которые, быть можетъ, еще остались нетронутыми, такъ что не останется и на закваску, не говоря уже о традиціи, которая у насъ не могла никогда образоваться. Это одна, болѣе наглядная, сторона дѣла. Но есть другая, которая вынесетъ болѣе возраженій, такъ сказать, сторона принципиальная. Тутъ, впрочемъ, я распространяться не буду. Точно ли всѣ вопросы рѣшены и не допускаютъ сомнѣній? Неужели опыты ничего не говорятъ? Что такое народъ? На первые два вопроса отвѣтъ отрицательный. Вопросы не только не рѣшены, но и поставлены невѣрно, опытъ долженъ привести къ сомнѣнію. Дѣло въ томъ, что русскій радикализмъ есть только отвлеченное умозаключеніе, основанное на ненадежной подкладкѣ чувства, незнаніи натуры и потребностей русскаго человѣка и условій исторической жизни его и вообще человѣка. Пока эти практическія по преимуществу и частью теоретическія свѣдѣнія не получатся, ни къ какому заключенію придти нель-

зя, а тѣмъ менѣе можно что-нибудь предпринимать. Что русскій радикализмъ не знаетъ ни человѣка вообще, ни русскаго въ особенности—это фактъ неоспоримый. Что онъ хочетъ навязать русскому человѣку образъ мыслей и идеалы, усвоить которые онъ неспособенъ, это извѣстно изъ знакомства. Радикализмъ сулитъ ему журавля въ небѣ, когда а priori и изъ общихъ познаній о человѣческой природѣ можно заключить, что всякому невѣжественному и неразвитому человѣку прежде всего дорога его собственная жизнь, а кругъ его потребностей ограничивается хлѣбомъ и женой, и все, что выше этихъ потребностей, для него недоступно до тѣхъ поръ, пока они не будутъ удовлетворены и пока послѣ того вы не разовьете въ немъ человѣческаго достоинства и мысли. Въ русскомъ человѣкѣ, кромѣ этого, разная социальная невзгода довели потребности до такого минимума, что, во-первыхъ, нужно слишкомъ большую нужду, чтобы онъ протестовалъ; во-вторыхъ, слишкомъ немного уступокъ нужно, чтобы заставить его замолчать и уступать. Если призрачное освобожденіе крестьянъ отдалило народное возстаніе на нѣсколько десятковъ лѣтъ, то затѣмъ при серьезныхъ попыткахъ къ возстанію достаточно будетъ уменьшить налогъ, подарить выкупъ или увеличить десятину надѣла на душу, чтобы отдалить возстаніе еще на десятки лѣтъ, если правительство изъ благоразумія захочетъ пойти на уступки, а не захочетъ, то, быть можетъ, обойдется и войскомъ. Небольшія уступки матеріальныя заставятъ охотнѣе уступить и выдать своихъ вожаконъ и интеллигентныхъ пропагандистовъ, а это будетъ до тѣхъ поръ, пока въ народѣ не создастся самостоятельная, народная мысль и болѣе или менѣе человѣческая культура, которую еще нужно создать не заграничными книгами, не возбужденіемъ къ возстанію, а медленнымъ человѣческимъ развитіемъ и вліяніемъ тамъ, гдѣ этому не мѣшаютъ окончательно неблагоприятныя условія. Но послѣднее пришлось только къ слову. Времена Пугачева прошли. Государственность успѣла подавить воинственные, кочевые инстинкты народа, одомашнить его, а, съ другой стороны, увеличить до огромныхъ размѣровъ свои силы. Потомъ, оставаясь въ умственномъ отношеніи почти тѣмъ же, народъ сталъ болѣе миролюбивъ и выносливъ, подняться ему трудно и нѣтъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Да и при успѣхѣ, при умственномъ состояніи народа, онъ рѣшительно ничего не добьется и попадетъ въ руки или диктатуры, или кулакамъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Я не отрицаю возможности, возстанія, какъ результата цѣлаго ряда причинъ. Но увѣренъ, что оно можетъ быть только независимо отъ всякихъ искусственныхъ вліяній, чисто стихійно, силою вещей, и руководиться оно будетъ стихійными силами, и кто сумѣетъ понять духъ такого народнаго движенія и воспользоваться имъ, тотъ только и будетъ въ выигрышѣ, и успѣхъ или неуспѣхъ его для народа будетъ зависѣть отъ степени добросовѣстности тѣхъ, кто станеть во главѣ его, ибо народная революція есть стихійная сила, а не принципъ, не логическій выводъ, не математическая программа. Такой она и быть не можетъ. Поэтому революціонность возводить въ принципы—по моему абсурдъ. Революціонность можетъ быть только въ чувствѣ отдѣльнаго человѣка и въ періодическихъ порывахъ массы. Масса, какъ стихія, не облагаетъ критикой, а въ извѣстные моменты дѣйствуетъ по инстинкту. Но личность обязана руководствоваться критикой и не должна строить своихъ принциповъ на стихійныхъ побужденіяхъ массы, а, разсматривая послѣднія, какъ историческую и культурную неизбѣжность, свою роль ограничивать слѣдующимъ: внимательнымъ изученіемъ массы и отдѣльныхъ единицъ ея, прививать отдѣльнымъ единицамъ сознаніе и критику, но ни въ какомъ случаѣ не тенденціозную и поджигательную, и вносить въ массу (насколько это возможно) элементы человѣческой культуры и затѣмъ все предо-

ставить переработкѣ самого народа и исторіи. Дальше этого роль и интеллигентныхъ единицъ идти не можетъ. И всякое отступленіе отъ этой, такъ с азаты, естественной программы также пагубно и для интеллигентныхъ единицъ и для народа, какъ всякое отступленіе отъ законовъ природы. Революціонность, какъ принципъ, есть аномалія, это перенесеніе инстинкта въ область логики, т. е. неестественное совокупленіе. Она (революціонность) мыслима, какъ неизбѣжный фактъ, но не какъ принципъ. И вся дѣятельность мыслящихъ единицъ должна быть направлена на внесеніе сознанія въ тенденцію, въ возможную въ народѣ революціонность. Но все это, такъ сказать, общая теорія, и наши условія усложняютъ дѣло. Людей нѣтъ совѣмъ и остающимся нужно щадить себя. Громадное большинство арестованныхъ было на ложномъ пути; они погибли безъ всякой пользы. Оставшіеся должны, наконецъ, одуматься. Такая мизерная группа ничего не можетъ сдѣлать даже въ томъ направленіи, какое я считаю истиннымъ. Поэтому она должна съжаться и составить ядро будущей сознательной радикальной партіи, а пока вглядываться въ среду, среди которой живетъ, изучать ее и народъ, изучать условія его жизни и культурный строй, вырабатывать фундаментъ программы, увеличивать по возможности число адептовъ только сознательныхъ и мыслящихъ, а не дѣтей, и ждать. Всякія революціонныя книжки нужно бросить въ печь. Все это вздоръ и белиберда. Настанетъ, быть можетъ, скоро время, когда понадобится сознательно-радикально-народная партія, истинная поборница народныхъ интересовъ, не призрачная, вродѣ анархизма, и тогда-то ея не окажется. Ее-то и нужно создать, а пока ждать и работать медленно, но прочно, въ этомъ направленіи. Пора отдѣлаться отъ очарованія «мужицкой» обстановки, и не заботиться о внѣшности, сохраняя сущность. Эти юные порывы безъ критики ни къ чему не поведутъ, окромѣ вреда. Тутъ не знаю, ясно ли я высказалъ свою мысль. Прочти это кому слѣдуетъ непременно и прибавь отъ меня, что я сильно боюсь, чтобы она не погубила себя совершенно безъ пользы своими порывами, т. е., что если она послѣдуетъ имъ, то навѣрное погубить себя, преслѣдуя цѣль, отъ которой черезъ годъ-два откажется сама». Подс. Александра объяснила, что шифрованное письмо «мой Дмитрій» разобрано двумя руками: ея и Фигнеръ. «Когда меня спросили, сказала подсудимая, мое ли письмо, то я сказала: да, мое. Этимъ я признала не только то, что я участвовала въ корреспонденціи, но также и то, что это былъ отвѣтъ на шифрованное письмо отъ 26 іюля. На вопросъ, предложенный мнѣ о томъ, какое могло быть письмо къ Фигнеръ, я пропустила время дать отвѣтъ. Теперь я заявляю, что по моему письму ясно, что я участвовала въ корреспонденціи, арестованной въ Иваново-Вознесенскѣ». Первоприсутствующій спросилъ подсудимыхъ, чѣмъ съ своей стороны они желаютъ еще дополнить судебное слѣдствіе. Подсудимые представили слѣдующія объясненія. Подс. Лукашевичъ. Во время судебного слѣдствія по 3 группѣ шла рѣчь о паспортахъ, и я не указалъ, изъ какого источника я получилъ свой паспортъ. Въ Москвѣ у Иверской часовни всегда находится нѣсколько личностей, занимающихся писаніемъ различныхъ просьбъ; тамъ же продаютъ и гербовую бумагу, гдѣ неизвѣстно лицо предлагаетъ всякому написать, что ему нужно. Я слышалъ, что эти личности снабжаютъ нуждающихся паспортами на чужое имя. Когда я убѣдился, что на заводъ нельзя поступить иначе, какъ называя себя мастеровымъ, я обратился къ этимъ господамъ и досталъ себѣ паспортъ. Кромѣ того, я желаю объяснить, что адресъ квартиры въ домѣ Корсака далъ мнѣ Павловъ, съ которымъ я мало былъ знакомъ. Это посѣщеніе не имѣло значенія. Я просто послѣ работы хотѣлъ развлечься, пришелъ вмѣстѣ съ Агаповымъ и былъ арестованъ. Противъ меня есть показаніе только Сквор-

цовой. Она говоритъ, что меня называли Иваномъ Ивановичемъ. Я могъ придти на эту квартиру, потому что въ то время, въ февралѣ, я не имѣлъ паспорта, и чтобы отыскать занятія я старался расширить кругъ знакомыхъ, такъ что могъ быть и въ этой квартирѣ, но это не можетъ служить доказательствомъ моего участія. Относительно названія Степаномъ Ивановымъ—я этимъ хотѣлъ избѣгнуть обвиненія въ прожительство въ подложному виду. Подс. Владиміръ Александровъ. Письмо, которое найдено было въ Ивановѣ, относилось также и ко мнѣ. Подс. Нуромскій. 17 октября 1875 года, по неимѣнію чѣмъ заплатить за слушаніе лекцій, я поѣхалъ на родину. Въ Москвѣ оставался у родственниковъ. Съ Георгіевской я былъ знакомъ еще въ Питерѣ. Въ Москвѣ, такъ какъ я ничего не дѣлалъ, я сталъ отыскивать своихъ товарищей и, между прочимъ, отыскалъ квартиру Георгіевской. Былъ у нея два раза. Наканунѣ я пришелъ въ ея квартиру, увидѣлъ записку цифрами, заинтересовался и напросился разобратъ. Но такъ какъ мнѣ не тотъ былъ данъ шифръ, то я и не могъ разобратъ. На другой день я пришелъ спросить, почему не могу разобратъ, и тутъ меня арестовали. Записку я изорвалъ. Не говорилъ своей фамиліи дней пять потому, что не былъ составленъ актъ, что у меня записка отобрана. Когда мнѣ предъявили записку, я сказалъ, что это моя, и не имѣлъ причины скрывать фамиліи. Относительно костюма, то у меня было единственное платье—полушубокъ. Прис. пов. Войцеховскій просилъ спросить Георгіевскую, подтверждаетъ ли она послѣднее обстоятельство. Подс. Георгіевская. Я его всегда видѣла въ полушубкѣ. Первоприсутствующій. Подсудимый Цвилленевъ, что вы можете сказать относительно рукописи № 55? Подс. Цвилленевъ. Я не признаю. Этотъ документъ писанъ моею рукою и списанъ съ письма, которое находилось у Батюшковой.— В. Откуда вы получили это письмо?— О. Мнѣ давала его Батюшкова прочесть, а такъ какъ то мѣсто, которое касается принципиальной стороны, согласно съ моимъ личнымъ взглядомъ, то я и списалъ его. Это то самое письмо, которое она хотѣла разжевать. Подс. Батюшкова. Это письмо одного моего знакомаго, фамиліи котораго я не желаю сказать. Подс. Бѣляевскій. Когда я рассказывалъ исторію, то не могъ указать личностей. Вслѣдствіе этого мнѣ особенно не вѣрили и говорили, что мы уже знаемъ о томъ, что у васъ съ Трубецкимъ были книги, которыя вы отослали въ Саратовъ. Поэтому я рѣшился оговорить личности, хотя я ничего не могъ сказать. Иванова я видѣлъ разъ, или два, а Батюшкову видѣлъ одинъ разъ, отыскивая Иванова. Затѣмъ я показалъ на Трубецкого. Я основывался на томъ, что при его отъѣздѣ я укладывалъ ему книги, но какого онъ содержанія, я не могъ разобратъ. Во время моего допроса жандармъ принесъ пакетъ съ книжками. Офицеръ говоритъ: вотъ книги, которыя отобраны отъ Трубецкого. Это давало мнѣ предположеніе, что отчасти и моимъ показаніямъ повѣрятъ. Я надѣялся помощью этихъ показаній освободиться, потому что мнѣ сказали, что если скажете отъ кого получили, то за это ничего не будетъ. Потомъ меня начала мучить совѣсть, что я оговорилъ этихъ личностей. Къ лѣту нужно было ожидать слѣдствія. Опасаясь слѣдствія, которое могло все раскрыть, я сдѣлалъ заявленіе товарищу прокурора и разсказалъ причины, почему я оговоръ свой просилъ снять съ меня. На основаніи этого заявленія я былъ вызванъ и съ меня снятъ допросъ и составленъ протоколъ. Куда дѣвался этотъ протоколъ— я не знаю, но при дѣлѣ онъ не находится. Подс. Хоржевская. Адресъ, дѣйствительно, тутъ есть, но я не знаю, какъ онъ ко мнѣ попалъ. Подс. Егоровъ. Показанія писаны жандармами, исключая перваго, и все есть по вынужденію проклятой тюрьмы. Прис. пов. Боровиковскій просилъ спросить Фигнеръ, Александрову, Топоркову, Вл.

Александрова и Агапова о томъ, въ какихъ отношеніяхъ къ нимъ былъ Бариновъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ. Первоприсутствующій. Если они пожелаютъ дать эти объясненія, то могутъ. Подс. Фигнеръ. Я не могу дать, потому что когда пріѣхала, Бариновъ уже былъ тамъ. Раньше я его не знала. Подс. Александрова. Я съ нимъ только въ Ивановѣ познакомилась. Подс. Топоркова. Я также его не знала. Онъ пришелъ нанять квартиру. Подс. Агаповъ. Я познакомился съ нимъ въ жандармскомъ управленіи, когда насъ освободили послѣ перваго ареста. Прис. пов. Боровиковскій. Не можете ли объяснить причину отъѣзда его въ Иваново-Вознесенскъ, вы не приглашали ли его? Первоприсутствующій. Это такой вопросъ, на который подсудимый, можетъ быть, затруднится отвѣтить. Подс. Агаповъ. Онъ жаловался, что на плохомъ мѣстѣ живетъ—хотѣлъ получше.—На вопросъ, предложенный по просьбѣ присяжнаго повѣреннаго Зубарева, какимъ образомъ Гамкрелидзе познакомился съ Медвѣдовой, подсудимый показалъ: я познакомился съ нею въ Петербургѣ и въ Москвѣ видѣлся. Когда наѣзжалъ изъ Петербурга, я заѣзжалъ къ ней. Она знакома была съ Кардашевымъ въ гостиницѣ «Украина»; я поручилъ Медвѣдовой получать и передавать письма мнѣ.—На вопросъ, предложенный по просьбѣ присяжнаго повѣреннаго Борщова, при какихъ обстоятельствахъ подсудимый Ковалевъ познакомился съ Едуковыми и когда онъ видѣлъ, что они читали книжки собравшемуся народу, Ковалевъ показалъ: «Я у Едуковыхъ былъ одинъ разъ, когда пріѣхалъ изъ Кіева въ Тулу, и я видѣлъ у нихъ не «Хитрую механику», я ошибся; я человѣкъ неграмотный и неопытный. Я слышалъ, что они «Московскія Вѣдомости» читали. Первоприсутствующій. Какъ же вы попали къ Едуковымъ? Подс. Ковалевъ. Меня Сидоренко завелъ, такъ какъ онъ работалъ вмѣстѣ съ ними.—В. (По просьбѣ присяжнаго повѣреннаго Корша). Знали ли вы лично подсудимаго Острова или слышали отъ Родіонова? — О. Дѣйствительно, я слышалъ отъ двоюроднаго брата моего Родивона, но лично Острова не знаю.—Далѣе на вопросы, предложенные защитой, подсудимые отвѣчали. Подс. Александрова. Познакомилась съ Топорковой въ Ивановѣ. Подс. Вл. Александровъ. Познакомился съ нею за одинъ или два дня до отъѣзда въ Иваново. Подс. Агаповъ. Познакомился на станціи Новки. Подс. Фигнеръ. Вообще не знаю Рождественскаго. Подс. Субботины не знали и не слышали о немъ. Подс. Гамкрелидзе (супруги) ничего не знали о Рождественскомъ. Подс. Бариновъ. Мнѣ надоѣло въ Москвѣ 18 и 19 часовъ въ день работать. Я съ Агаповымъ познакомился на Оминой, мы въ теченіе двухъ недѣль были безъ мѣста, и я ночевалъ у его матери. Я просилъ: когда будешь на мѣстѣ, то увѣдомь. Онъ обѣщаль. Я пріискалъ мѣсто, но такъ какъ мнѣ невыгодно было и Агаповъ прислалъ письмо: если желаешь, говорить, жить, то пріѣзжай въ Иваново-Вознесенскъ, то я поѣхалъ. Подс. Ковалевъ. Млодецкій не причиненъ этому дѣлу. Паспортъ я не отъ него взялъ. Я купилъ у солдата. Подс. Ба тюшкова заявила, что Введенской не знала. Подс. Хоржевская. Относительно тѣхъ лицъ, съ которыми была знакома въ Кіевѣ, я могу сказать, что съ Млодецкимъ я знакома. Я встрѣчалась съ нимъ у Гельфманъ и иногда у другихъ лицъ, а также съ Александровымъ (Григорій). О существованіи Петра я не слышала. У меня на квартирѣ были книги, а послѣ ареста ихъ кто-нибудь унесъ, такъ какъ я не возвращалась въ квартиру. Относительно документовъ я не знаю, какъ они ко мнѣ попали. Подс. Любатовичъ. Тульскихъ я знаю только тѣхъ, которые пріѣхали изъ Кіева: Герасима Петрова, Сидоренко и Ковалева. Я наняла квартиру недалеко отъ завода, чтобы близко было рабочимъ.—Засимъ первоприсутствующій объявилъ судебное слѣдствіе оконченнымъ, и въ виду обширности и сложности дѣла, желая пре-

доставить сторонамъ время приготовиться къ преніямъ, отложилъ засѣданіе до пятницы, 4-го марта.

Товарищъ оберъ-прокурора К. Н. Жуковъ въ началѣ своей рѣчи высказалъ, что, со времени учрежденія особаго присутствія для сужденія политическихъ дѣлъ, предъ Правительствующимъ Сенатомъ не мало проходило дѣлъ, по которымъ разныя лица обвинялись въ совершеніи государственныхъ преступленій. Особому присутствію пришлось разрѣшить дѣло о первой попыткѣ организовать сообщество съ цѣлью итти въ народъ и распространять въ немъ революціонныя идеи путемъ раздачи книгъ возмутительнаго содержанія—это дѣло Долгушина и его сообщниковъ. Затѣмъ по остальнымъ дѣламъ обвинялись одно, два, три лица, и дѣла эти не имѣли между собою прямой, непосредственной связи. Они не давали возможности опредѣлить, въ чемъ именно заключалась пропаганда, гдѣ она черпала силы, откуда и какъ она шла и какими средствами она располагала. Въ 1874, а затѣмъ въ 1875 году возникли два большихъ дѣла, обратившихъ на себя вниманіе всего общества. Если къ прежнимъ отдѣльнымъ проявленіямъ преступной пропаганды общество наше относилось равнодушно, то дознанія 1874, а затѣмъ 1875 года не могутъ не обратиться на себя особаго вниманія общества, потому что они наглядно доказываютъ, что среди русскаго общества есть не мало людей, стремящихся, путемъ распространенія среди рабочаго люда Имперіи революціонныхъ идей, поднять народъ, возбудить его къ бунту. Понятно, что общество не можетъ отнестись безучастно къ подобному явленію. Особому присутствію Правительствующаго Сената въ настоящее время предстоитъ разрѣшить второе изъ этихъ дѣлъ—дѣло, возникшее въ Москвѣ въ 1875 году. Какъ ни великъ, какъ ни важенъ для оцѣнки значенія преступной пропаганды матеріалъ, доставленный настоящимъ дѣломъ, тѣмъ не менѣе правильные и точные по сему предмету выводы могутъ быть сдѣланы лишь тогда, когда особое присутствіе ознакомится съ другимъ, возникшимъ въ 1874 году, дѣломъ. Лишь изъ сопоставленія этихъ двухъ дѣлъ получится достаточно полное представленіе о томъ, какое общественное значеніе имѣютъ явленія, о которыхъ идетъ рѣчь. Приступая къ изложенію данныхъ, выработанныхъ дознаніемъ въ Москвѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Тулѣ, Кіевѣ и Одессѣ, товарищъ оберъ-прокурора заявилъ, что особое присутствіе изъ судебного слѣдствія убѣдилось, что по настоящему дѣлу обнаружено существованіе такого организованнаго сообщества, которое имѣло цѣлью распространеніе въ народѣ революціонныхъ идей, которое стремилось въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ побудить народъ къ открытому возстанію противъ власти Верховной, къ ниспроверженію существующаго порядка управленія и всего общественнаго строя Имперіи. Затѣмъ товарищъ оберъ-прокурора замѣтилъ, что матеріаломъ для обвиненія лицъ, преданныхъ суду особаго присутствія, служатъ, прежде всего и главнымъ образомъ, тѣ письменныя доказательства и документы, которые имѣются въ дѣлѣ. Документы этиз аключаются въ перепискѣ подсудимыхъ между собою, перепискѣ, въ которой ясно выражена цѣль, къ которой стремились обвиняемые, и указаны тѣ средства, которыя они употребляли для осуществленія своей цѣли. Документы эти, удостовѣряющіе непосредственную связь между всѣми подсудимыми, могутъ быть названы прямыми, неопровержимыми доказательствами, на которыхъ главнымъ образомъ товарищъ оберъ-прокурора и построилъ свои выводы для обвиненія преданныхъ суду лицъ. Другой рядъ доказательствъ представляютъ показанія свидѣтелей, спрошенныхъ на судѣ. Свидѣтельскія показанія по настоящему дѣлу могутъ служить къ обвиненію того или другаго подсудимаго въ распространеніи книгъ возмутительнаго содержанія, къ обличенію ихъ въ совершеніи от-

дѣльныхъ преступленій, которыя вмѣняются въ вину подсудимымъ, и только отчасти касаются вопроса о существованіи преступнаго сообщества. Третій разрядъ доказательствъ будетъ заимствованъ изъ показаній подсудимыхъ, данныхъ ими на судѣ или занесенныхъ въ обвинительный актъ. Особое присутствіе могло убѣдиться изъ обвинительнаго акта, что большинство обвиняемыхъ при дознаніи отказалось дать показанія и разъяснить чѣмъ-нибудь дѣло. Изъ числа обвиняемыхъ дали подробное показаніе при дознаніи слѣдующія лица: Ковалевъ, Н. Васильевъ, Егоровъ, Агаповъ и Бѣляевскій; но всѣ они на судебномъ слѣдствіи отказались отъ прежнихъ объясненій. И въ всѣхъ таковыхъ показаній подсудимыхъ товарищъ оберъ-прокурора остановится лишь на тѣхъ, которыя нашли себѣ полное подтвержденіе при дознаніи и послужили къ дальнѣйшему развитію дѣла. Характеръ показаній остальныхъ подсудимыхъ измѣнился на судебномъ слѣдствіи. Одни изъ нихъ, отрицая свою виновность, стараются объяснить имѣющіяся противъ нихъ улики въ свою пользу; другіе, сознаваясь впервые на судѣ въ совершеніи извѣстныхъ дѣяній, вмѣняемыхъ имъ въ вину, принимаютъ всю тяжесть обвиненія на свои плечи, выражая тѣмъ самымъ желаніе, чтобы на нихъ сосредоточилось обвиненіе. Цѣль ихъ заключается въ томъ, чтобы этимъ путемъ выгородить остальныхъ подсудимыхъ, не менѣе ихъ изоблеченныхъ показаніями свидѣтелей и письменными документами. Къ подобнаго рода показаніямъ подсудимыхъ слѣдуетъ относиться осторожно. Необходимо разобрать эти показанія, взять изъ нихъ то, что подтверждается обстоятельствами дѣла, а остальное откинуть, какъ незаслуживающее уваженія. Затѣмъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда не предстояло возможности принимать извѣстныя обстоятельства на свою отвѣтственность, подсудимые прибѣгали къ другой системѣ. Особое присутствіе могло убѣдиться, что по нѣкоторымъ группамъ не всѣ обвиняемые были обнаружены, а пять или шесть изъ нихъ успѣли скрыться отъ преслѣдованія, и вотъ на этихъ-то лицъ подсудимые, состоящіе на-лицо, и желаютъ обратить тяжесть обвиненія, ссылаясь на нихъ какъ на болѣе виновныхъ. Такъ, на примѣръ, по первой группѣ изъ показанія Бардиной и другихъ, данныхъ ими при дознаніи, видно, что они ссылались на нѣкоего Павлова, который будто-бы находился въ Москвѣ; но, несмотря на всѣ принятія мѣры, Павловъ не только не былъ разысканъ, но и нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы лицо это дѣйствительно существовало. Въ третьей группѣ—киевской—нѣтъ на-лицо Сидоренко и Петрова, а въ одесской—И. Григорьева. Слѣдовало ожидать, что подсудимые будутъ выставлять этихъ лицъ главными по дѣлу виновными. Такъ и случилось. Съ этими показаніями подсудимыхъ слѣдуетъ поступить такъ же, какъ и съ показаніями, ранѣе укзанными. По поводу показаній подсудимыхъ нельзя не замѣтить, что при окончаніи судебного слѣдствія подсудимые дава и свои объясненія въ разъясненіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя они считали для себя важными. Объясненія эти не могутъ быть названы показаніями. Они давались въ формѣ разговоровъ между защитою и подсудимыми. Разговоръ происходилъ въ такомъ родѣ: не желаетъ ли подсудимый такой-то сказать, не онъ ли познакомилъ такую-то съ такимъ-то; не отъ такого-то ли обвиняемаго слышалъ онъ о такомъ-то обстоятельствѣ?... Обвиняемые, конечно, спѣшили подтвердить все то, что для защиты было необходимо. Такого рода объясненія не могутъ имѣть для дѣла никакого существеннаго значенія, и обвинитель не будетъ на нихъ останавливаться, предоставляя ихъ въ полное распоряженіе защиты. Затѣмъ товарищъ оберъ-прокурора коснулся тѣхъ мелкихъ уликъ, которыя при производствѣ дознанія, въ виду отказа обвиняемыхъ отъ показаній, не могли быть точно обслѣдованы, и отъ которыхъ представитель обвинительной власти отказывался на судебномъ

слѣдствіи всякій разъ, когда не могъ убѣдиться въ правильности улики. Въ этомъ смыслѣ нѣсколько измѣнились обстоятельства, касающіяся Едуковыхъ, подсудимыхъ по тульской группѣ. Передъ началомъ судебного слѣдствия товарищъ оберъ-прокурора указывалъ на невозможность точно обслѣдовать показаніе неявившагося свидѣтеля Щукина. Обстоятельства слѣда, вытекавшія изъ этого показанія, должны быть исключены изъ числа уликъ и обвиненія Едуковыхъ. Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что на судебномъ слѣдствіи также измѣнились нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся Воронкова и Млодецкого по кievской группѣ. Совмѣстное сожительство, которое вмѣнялось въ улику Млодецкому и Воронкову, не подтвердилось на судѣ показаніями свидѣтелей. По нимъ оказывается, что эти лица не жили вмѣстѣ, и, такимъ образомъ, выводъ обвинительнаго акта, основанный на этой уликѣ, падаетъ самъ собою. Точно также товарищъ оберъ-прокурора отказался на судебномъ слѣдствіи и отъ опознанія Кардашева свидѣтелемъ Введенскимъ, устанавливавшаго связь между Кардашевымъ по московской и Злобинымъ по тульской группѣ. По отношенію къ Кардашеву отстраняется и другой выводъ обвинительнаго акта, а именно, посѣщеніе Кардашева Субботинными въ Орлѣ. Затѣмъ всѣ остальные улики, изложенныя въ обвинительномъ актѣ, остались вполнѣ неприкосновенными и даютъ полную возможность поддерживать обвиненіе во всѣхъ его существенныхъ частяхъ. Если по отношенію къ весьма немногимъ обвиняемымъ и придется нѣсколько видоизмѣнить обвиненіе, то это будетъ указано при подробномъ изложеніи уликъ къ обвиненію каждаго изъ подсудимыхъ. «Я, можетъ быть, упустилъ изъ виду одно или два изъ мелкихъ обстоятельствъ, измѣнившихъ свой характеръ на судебномъ слѣдствіи, сказалъ товарищъ оберъ-прокурора, хотя и вѣлъ во все время надлежащія замѣтки, но забывчивость возможна, въ особенности при такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ настоящее. Въ такомъ случаѣ защита исправитъ ошибку, которая, можетъ быть, вкралась въ моей рѣчи, и укажетъ на обстоятельства, которыя были заявлены на судебномъ слѣдствіи. Теперь я перехожу къ изложенію обстоятельствъ, служащихъ къ обвиненію предстоящихъ предъ особымъ присутствіемъ лицъ въ организациі тайнаго общества, имѣющаго цѣлью распространеніе революціонныхъ идей, и съ этою цѣлью распространявшихъ книги преступнаго содержанія въ средѣ рабочаго населенія». Первая попытка къ распространенію такихъ книгъ, или лучше сказать, первыя данныя, указывающія на существованіе людей, задавшихъ указанною выше цѣлью, была обнаружена въ Москвѣ въ концѣ марта и началѣ апрѣля 1875 года. Въ то время было открыто распространеніе книгъ преступнаго содержанія на семи московскихъ фабрикахъ, а именно: Шибаева, Горячева, Носова, Тюляевыхъ, Соколова, Лазарева и Рошфоръ, причемъ задержаны и представлены въ жандармское управленіе и самыя книги, имѣющія цѣлью прямое воззваніе къ бунту и къ явному сопротивленію власти Верховной. Первымъ по времени было обнаружено распространеніе книгъ на шибаетовской фабрикѣ. Работникъ этой фабрики, Яковлевъ, представилъ, по собственному побужденію, въ жандармское управленіе книги преступнаго содержанія и указалъ на лицъ, отъ которыхъ получены были эти книги. Вслѣдствіе этого заявленія были задержаны обвиняемые Н. Васильевъ и Бариновъ. Въ связи съ распространеніемъ книгъ на шибаетовской фабрикѣ обнаружено такое же и на фабрикѣ Горячева, гдѣ проживалъ родной братъ Баринова, Прокофій Бариновъ. Эти два лица удостовѣрили тѣ данныя, которыя послужили къ развитію настоящаго дѣла. Прокофій Бариновъ при дознаніи, что видно изъ прочитаннаго на судѣ показанія, и Яковъ Яковлевъ удостовѣрили, что Васильевъ, Бариновъ и Петръ Алексѣевъ говорили и толковали имъ о томъ, что необходимо стараться образовать особые кружки изъ 4, 5 лицъ,

имѣющихъ цѣлью возбудить народъ къ бунту. Когда кружки эти достигнутъ того, что привлекутъ въ число своихъ членовъ отъ четырехъ до пяти тысячъ рабочихъ, то можно будетъ приступить прямо къ явному возстанію. Говорили тоже, что собственность должна быть общею, что дворянство, купечество и крестьянство не должны существовать, что богатыхъ и бѣдныхъ также не должно быть, а что на развалинахъ того общественнаго строя, который существуетъ въ настоящее время, должно водвориться царство рабочихъ. Насколько заслуживаютъ довѣрія показанія этихъ свидѣтелей, можно убѣдиться изъ правдиваго разсказа свидѣтеля Яковлева, который былъ подвергнутъ подробному перекрестному допросу и на всѣ вопросы подсудимыхъ и ихъ защитниковъ отвѣчалъ одно, что сбить его нельзя, что онъ отправился заявить о книгахъ потому, что видѣлъ въ нихъ преступное содержаніе; что, по словамъ Баринаова, онъ получилъ эти книги отъ брата своего, который называлъ какого-то Петра Алексѣева, передавашаго ему книги, и котораго онъ будто бы не знаетъ. Между тѣмъ, при дознаніи онъ указывалъ, какой Петръ Алексѣевъ снабжалъ его книгами; точно также Баринаовъ указывалъ и на Н. Васильева, а равно и на своего брата. Въ то же время было обнаружено распространеніе книгъ на фабрикахъ Лазарева. По приказанію приказчика и рабочихъ этой фабрики, распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія занималась дѣвушка, называвшаяся Аннушкою. Эта Аннушка поражала свидѣтелей тѣмъ, что по наружному виду не принадлежала къ рабочему сословію. Когда она нанималась на фабрику, то ей совѣтовали наняться въ горничныя, и только послѣ неотступной просьбы она была принята въ число работницъ. Поселившись на фабрикѣ, Аннушка посѣщала ночью мужскія спальни рабочихъ, читала имъ книжки и, застигнутая за чтеніемъ книгъ, была выгнана изъ спальни, а потомъ отказалась отъ работы и ушла съ фабрики. Обвиняемая Бардина была признана за ту Аннушку, о которой идетъ рѣчь. Таковыя показанія свидѣтелей были настолько основательны, настолько дышали правдою, что подсудимая Бардина вынуждена была на судѣ сознаться въ томъ, что она, дѣйствительно, распространяла книги на фабрикѣ Лазарева, и вслѣдствіе такого сознанія особое присутствіе признало ненужнымъ продолжать допросъ свидѣтелей по этому обвиненію. Затѣмъ распространеніе книгъ на фабрикѣ Носовыхъ подтверждается показаніемъ свидѣтеля Муханова, который былъ спрошенъ на судѣ. На эту фабрику почти одновременно съ появленіемъ Бардиной и Лазарева нанялись двѣ дѣвушки, въ которыхъ Мухановъ призналъ Каминскую и Ольгу Любатовичъ; одна изъ нихъ жила подъ именемъ Натальи, другая называлась Марією. Каминская на фабрикѣ занималась распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія и тѣмъ же способомъ, какъ и Бардина. Каминская, какъ уже сказано, была опознана при дознаніи, но не находится теперь на судѣ, потому что впала въ тяжкую болѣзнь, и дѣло о ней прекращено. Такимъ образомъ, распространеніе книгъ на фабрикахъ Шибаева, Горячева, Носова и Лазарева—Васильевымъ, Бариновымъ, Бардиною, Каминской и Ольгою Любатовичъ вполне доказано. Далѣе, тѣ же самыя книги распространялись еще и на фабрикѣ Тюляевыхъ. По показанію свидѣтелей Ермолаева, Платонова, Трофимова, Зотова и Игнатова, дѣло происходило такъ: разъ какъ-то къ Ермолаеву пришелъ родственникъ его, обвиняемый Филатъ Егоровъ, и познакомилъ его съ какою-то неизвѣстною личностью, назвавшеюся Михаиломъ; свиданіе это происходило въ трактирѣ, гдѣ Филатъ Егоровъ передалъ Ермолаеву нѣсколько книгъ преступнаго содержанія. Такія же книги были переданы Платонову и Трофимову. Книги эти носили слѣдующія названія: «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Чтой-то братцы» и «Богъ то Богъ».

Словомъ, это были книги, характеристика которыхъ будетъ изложена нѣсколько позже. Нѣкоторыя изъ полученныхъ книгъ свидѣтели читали рабочимъ, но, убѣдясь, что онѣ преступнаго содержанія, частью сожгли ихъ, а частью спрятали на фабрикѣ Тюляева, гдѣ онѣ и были найдены. Книги, заключающія въ себѣ преступное содержаніе, были переданы свидѣтелямъ Филатомъ Егоровымъ вмѣстѣ съ личностью, появившеюся въ трактирѣ и извѣстной подъ именемъ Михаила. При предъявленіи подсудимыхъ свидѣтелямъ, этотъ Михаилъ оказался обвиняемымъ Джабадари, связь котораго съ Егоровымъ, знакомство и распространеніе чрезъ него книгъ, возбуждающихъ къ бунту, будутъ изложены далѣе. Кромѣ распространенія книгъ на тюлевской фабрикѣ, было обнаружено такое же и на соколовской фабрикѣ. На этой фабрикѣ свидѣтелямъ Павлову и Васильеву книгъ преступнаго содержанія были переданы обвиняемымъ Пафнутіемъ Николаевымъ, скрывшимся съ фабрики и бросившимъ тамъ расчетъ и свои вещи немедленно послѣ обыска у рабочихъ этой фабрики. Независимо отъ всего сказаннаго, книги того же рода были переданы на фабрикѣ Рошфора Власу и Никифору Алексѣевымъ братомъ ихъ, обвиняемымъ Петромъ Алексѣевымъ. Такимъ образомъ, въ силу сказаннаго устанавливается несомнѣнно виновность Васильева, Барина, Филата Егорова, Пафнутія Николаева, Петра Алексѣева, Каминской, Бардиной, Ольги Люботовичъ и Джабадари въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія на тѣхъ семи московскихъ фабрикахъ, которыя поименованы ранѣе. Когда затѣмъ, по показанію Яковлева, были арестованы Васильевъ и Бариновъ, въ жандармское управленіе явилась личность, которая интересовалась судьбою Васильева и пожелала обнаружить лицъ, которыя побудили его стать на преступный путь и заняться распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія. Это была свидѣтельница Скворцова, заявившая, что лица, сманившія Васильева съ работы и толкнувшія его на путь пропаганды, проживаютъ въ Москвѣ въ домѣ Корсакъ. Въ этомъ домѣ былъ произведенъ обыскъ и при обыскѣ въ квартирѣ, нанятой на имя Бардиной, задержаны Бардина, Каминская, скрывшіеся съ фабрикѣ Николаевъ, Алексѣевъ, Джабадари, Чекоидзе, Георгіевскій, Лукашевичъ и Агаповъ. Вся обстановка жизни въ домѣ Корсакъ указывала, что названныя лица жили именно въ этомъ домѣ, такъ какъ у нихъ найдено большое количество платья, бѣлья и другихъ вещей, принадлежавшихъ тѣмъ, которые были задержаны тутъ. По показанію Скворцовой, задержанныя въ домѣ Корсакъ, ранѣе переселенія въ этотъ домъ, проживали у нея въ Сыромятникахъ, въ домѣ Костомарова. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ они поселились вмѣстѣ и начали заниматься однимъ и тѣмъ же дѣломъ, весьма ясно разрѣшается показаніемъ Скворцовой, по словамъ которой, Васильевъ былъ простымъ рабочимъ и пользовался хорошимъ положеніемъ на фабрикѣ, считаясь лучшимъ работникомъ. Передъ Рождествомъ 1874 г. въ Москвѣ появился обвиняемый Алексѣевъ, который посѣщалъ Н. Васильева, и съ этого времени характеръ Васильева измѣнился, онъ оставилъ работу, началъ посѣщать трактиры и исчезать съ фабрики. Скворцова нѣсколько разъ останавливала Васильева, но это не помогло, и онъ заявилъ ей, что перестанетъ работать на фабрикѣ, что они снимутъ квартиру и возьмутъ къ себѣ нахлѣбниковъ. На вопросъ Скворцовой, какимъ образомъ они, не имѣя средствъ и возможности, обставятъ квартиру, чтобы пускать нахлѣбниковъ и откуда возьмутъ денегъ на обустройство—Николай Васильевъ отвѣчалъ, что средства на это дастъ новый его знакомый Михаилъ. И, дѣйствительно, Михаилъ Джабадари выдалъ деньги на покупку всего необходимаго. Покупали вещи Скворцова съ Василіемъ—обвиняемымъ Георгіевскимъ; при выдачѣ денегъ принималъ участіе и Чекоидзе, котораго свидѣтельница знала подъ именемъ Федора. Слѣдуетъ замѣтить, что знакомство

Николая Васильева съ Михаиломъ и Федоромъ было сдѣлано не въ этотъ разъ; по объясненію Н. Васильева, занесенному въ обвинительный актъ, онъ раньше переѣзда въ Сыромятники познакомился съ Федоромъ и Михаиломъ еще въ домѣ за Москвою-рѣкой, черезъ Петра Алексѣева, который свелъ его съ этими лицами. Едва успѣли поселиться эти лица въ Сыромятникахъ, къ нимъ явились другія, о которыхъ Скворцову предупреждали, что придутъ нѣсколько женщинъ. И, дѣйствительно, въ эту квартиру прибыли Бардина, Каминская, Хоржевская, Ольга Любатовичъ, Фигнеръ и Александрова; всѣ эти лица жили подъ чужими именами. Такъ, Бардина называлась Аннушкой, Любатовичъ звали Наташею, Фигнеръ—Дуняшею, Александрова именовалась Сашей, Хоржевская—Феклушей, то-есть всѣ онѣ значились подъ тѣми же именами, подъ которыми проживали на фабрикахъ, занимаясь распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія. Каминская, подъ именемъ Маши, жила на фабрикѣ Носова вмѣстѣ съ Любатовичъ, работавшей подъ именемъ Наташи; Фигнеръ извѣстна была на фабрикѣ Гюбнеръ подъ именемъ Дуняши. Что эти лица были тѣ самыя, которыя проживали и на фабрикахъ, прямымъ доказательствомъ тому служитъ показаніе Скворцовой, которая не ошиблась въ прозвищахъ и указала именно на фабрики, гдѣ проживали уже извѣстныя личности. То же самое подтверждается и по отношенію къ Джабадари, который назывался Михаиломъ, и къ Чекоидзе, котораго Скворцова называетъ Федоромъ. Кромѣ того, изъ переписки, найденной въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, оказывается, что въ этой перепискѣ Чекоидзе называется самими обвиняемыми Федоромъ; Хоржевская въ той же перепискѣ носитъ имя Феклуши. Показаніе Скворцовой, слѣдовательно, подтверждается самими подсудимыми въ ихъ письмахъ другъ къ другу. Кромѣ этой переписки, при обыскѣ еще найдены фальшивые паспорта на имя Аннушки и Федора. Затѣмъ, кромѣ лицъ, уже указанныхъ, квартиру въ домѣ Костомарова посѣщали и другіе обвиняемые—Бариновъ, Филать Егоровъ, а Иваномъ Ивановичемъ, посѣщавшимъ эту квартиру, оказался обвиняемый Лукашевичъ. Итакъ, домъ Костомарова въ Сыромятникахъ, а затѣмъ домъ Корсакъ составляли центръ, гдѣ собиралась группа пропагандистовъ, гдѣ большинство изъ нихъ проживало, и откуда шло распространеніе книгъ на нѣсколькихъ фабрикахъ. Что лица, жившія у Скворцовой, имѣли у себя значительное количество книгъ—это доказываетъ показаніемъ той же Скворцовой, удостоверяющей, что разъ какъ-то Федоръ, т.-е. Чекоидзе, привезъ цѣлый чемоданъ съ книгами, и когда она передала объ этомъ Васильеву, то по требованію послѣдняго чемоданъ былъ увезенъ куда-то Михаиломъ (Джабадари). Обстоятельство это какъ нельзя лучше указываетъ на то, что Михаилъ и Федоръ суть одни изъ главныхъ лицъ, которыя снабжали остальныхъ подсудимыхъ книгами. Кромѣ того, къ обвиненію Джабадари въ снабженіи книгами другихъ служитъ показаніе подсудимаго Егорова, который, хотя на судѣ и отказался отъ него, но оно дано имъ при дознаніи и занесено въ обвинительный актъ; онъ тогда подробно рассказывалъ, когда, какъ и какого рода книги онъ получилъ отъ Джабадари, котораго зналъ лишь подъ именемъ Михаила. Всѣхъ этихъ данныхъ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о значеніи дома Костомарова въ Сыромятникахъ. Показаніе Скворцовой въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія и и представляетъ собою полную картину того, что происходило въ этомъ домѣ. Она говоритъ, что жившія тамъ лица по своему разговору и отношеніямъ другъ къ другу не могутъ быть причислены къ простымъ рабочимъ; разговоръ ихъ былъ о томъ, что вѣрить въ Бога не слѣдуетъ, что богатые и бѣдные должны быть равными между собою и что этого можно достигнуть путемъ бунта. На вопросы защиты Скворцова отвѣчала, что

разговоръ былъ именно о бунтѣ, такъ какъ говорилось, что Государя не нужно. Заподозривъ нахлѣбниковъ въ дурныхъ дѣлахъ, Скворцова сказала Наташѣ (Любатовичъ), что ее спрашивалъ какой-то господинъ; тогда вся компанія немедленно отъ нихъ переѣхала въ домъ Корсакъ. Несмотря на это, связь Н. Васильева и Скворцовой съ бывшими нахлѣбниками не прервалась. Н. Васильевъ посѣщалъ домъ Корсакъ, а Скворцова стирала на эту компанію бѣлье, что продолжалось до ареста какъ Васильева, такъ и лицъ, проживавшихъ въ домѣ Корсакъ. Далѣе товарищъ оберъ-прокурора приступилъ къ опредѣленію той роли, которую играли Георгіевскій, Лукашевичъ и Агаповъ. По показанію Н. Васильева, Георгіевскій жилъ за Москвой-рѣкой вмѣстѣ съ Джабадари и Чекоидзе. Когда подсудимые сняли квартиру въ домѣ Костомарова, то Георгіевскій съ Скворцовой ходили покупать все необходимое для новой квартиры на деньги, выданныя тѣми лицами, которая въ настоящее время обвиняются въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія. Послѣ того Георгіевскій постепенно посѣщалъ квартиру въ домѣ Костомарова, жилъ на квартирѣ въ домѣ Кузьмина, подъ именемъ простого рабочаго Василя Григорьева, по фальшивому паспорту, и арестованъ въ домѣ Корсакъ, въ квартирѣ тѣхъ же пропагандистовъ, которые жили въ домѣ Костомарова. Связь Георгіевскаго съ компаніей въ домѣ Корсакъ устанавливается, такимъ образомъ, вполне и принадлежность его къ этому обществу становится несомнѣнной. Принадлежность эта еще болѣе доказывается письмами Георгіевскаго къ администраціи общества, найденными по обыску въ домѣ Толстой у кн. Циціанова и Цвиленева. Письма эти предлагаютъ планъ побѣга изъ-подъ стражи для Георгіевскаго, но этотъ послѣдній говоритъ, что важнѣе всего дать возможность бѣжать Федору, т. е. Чекоидзе. На основаніи таковыхъ данныхъ, товарищъ оберъ-прокурора обвинялъ Георгіевскаго въ принадлежности къ преступному сообществу и обратилъ вниманіе на то, что Георгіевскій не обвиняется въ распространеніи книгъ. Георгіевскій далъ неправдоподобное объясненіе своего появленія въ домѣ Корсака и не могъ объяснить причины своего пріѣзда въ Москву. Другой подсудимый, Лукашевичъ, также находился въ непосредственной связи съ лицами, жившими въ домѣ Костомарова. Онъ, бывший студентъ технологическаго института, какъ и Георгіевскій, проживалъ въ Москвѣ въ качествѣ простого работника и посѣщалъ домъ Костомарова, называясь ложно именемъ Ивана Ивановича. Вмѣстѣ съ Лукашевичемъ былъ взятъ и Агаповъ, который заявилъ на первомъ допросѣ, что онъ дѣйствительно проживалъ съ Лукашевичемъ, который тогда называлъ себя Степаномъ Ивановымъ; что онъ живетъ въ домѣ Федорова вмѣстѣ съ нимъ и что у Лукашевича хранятся книги преступнаго содержанія, изъ которыхъ онъ видѣлъ—«Исторія французскаго крестьянина», «Парижская коммуна», и что одну изъ подобныхъ книгъ, а именно «Емельянъ Пугачевъ», Лукашевичъ читалъ ему, Агапову, съ цѣлью побудить его заняться распространеніемъ книгъ революціоннаго содержанія. На судебномъ слѣдствіи Агаповъ отъ этого показанія отказался, но оно подтверждается протоколомъ обыска, при которомъ на чердакѣ дома, гдѣ проживалъ Лукашевичъ, найдены книги, названныя Агаповымъ. Нахожденіе въ квартирѣ Лукашевича книгъ преступнаго содержанія ясно указываетъ на принадлежность его къ тому сообществу, о которомъ идетъ рѣчь и которое занималось распространеніемъ революціонныхъ идей. Остальные задержанные лица: Петръ Алексѣевъ, Пафнутій Николаевъ, оказались тѣми рабочими, о которыхъ говорилось ранѣе и которые бѣжали съ фабрики послѣ того, какъ было обнаружено распространеніе на тѣхъ фабрикахъ книгъ именно этими рабочими. Теперь необходимо посмотрѣть, откуда появились всѣ тѣ лица, которые собирались на квартиру въ домѣ

Костомарова и затѣмъ были задержаны въ домѣ Корсака. Прослѣдивъ, на основаніи документовъ, исторію появленія этихъ людей, особое присутствіе можетъ удостовѣриться, что главные обвиняемые и большая часть подсудимыхъ, за исключеніемъ Васильева, Барина, Агапова, Николаева и Егорова, никогда не жили въ Москвѣ. Они проживали сначала въ Петербургѣ, потомъ за границей, какъ, напримѣръ, Чекоидзе, Джабадари, Бардина, Каминская, Фигнеръ, Хоржевская и другіе. Эти лица въ концѣ 1874 года пріѣхали изъ-за границы, изъ Цюриха и Парижа, въ Петербургъ, а затѣмъ въ Москву. Одинъ изъ нихъ—Джабадари, исключенный изъ медико-хирургической академіи за дерзость, сдѣланную имъ по поводу отпѣтокъ на экзаменѣ, тотчасъ же послѣ исключенія изъ академіи отправился за границу, и едва успѣлъ вернуться, какъ былъ задержанъ въ Москвѣ за распространеніе среди народа преступныхъ книгъ. Другой получилъ образованіе въ михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, откуда вышелъ, не кончивъ курса, и вмѣстѣ съ Джабадари и свидѣтелемъ Дмитріевымъ, показаніе котораго было прочитано, отправился также за границу. Это было въ 1874 году. Чѣмъ занимался Чекоидзе за границею—видно изъ письма его Атабекову, жившему на Кавказѣ, въ которомъ Чекоидзе говоритъ о распространеніи книгъ революціоннаго содержанія среди народа, пишетъ объ отправкѣ этихъ книгъ на Кавказъ, указывая при этомъ, что онъ идетъ изъ-за границы; что за границею есть большое число лицъ, которые занимаются приготовленіемъ книгъ преступнаго содержанія для распространенія ихъ въ народѣ. Изъ этого небольшого разсказа особое присутствіе убѣдится, въ какомъ настроеніи Чекоидзе отправился за границу осенью 1874 года, и станетъ яснымъ, почему Чекоидзе, вернувшись въ февралѣ 1876 года, пріѣхалъ прямо въ Москву на пропаганду. Затѣмъ Бардина, Ольга Любатовичъ и Александрова вернулись осенью 1874 г. вмѣстѣ изъ-за границы, причемъ и багажъ у нихъ былъ общій. Фигнеръ вернулась оттуда же въ началѣ 1874 г., а Хоржевская около Рождества того же года. Такимъ образомъ, всѣ эти лица собрались въ Россію и въ началѣ 1875 г. появляются въ домѣ Костомарова и играютъ роль распространителей книгъ преступнаго содержанія. Очевидно, что лица эти возвращались изъ-за границы уже съ предвзятой цѣлью заняться пропагандой по извѣстному плану, и по пріѣздѣ этотъ планъ осуществили. Сдѣланъ небольшой перерывъ.

Первоприсутствующій сдѣлалъ замѣчаніе, что во время рѣчи товарища оберъ-прокурора кто-то изъ подсудимыхъ позволилъ себѣ сдѣлать какое-то возраженіе, вслѣдствіе чего первоприсутствующій предупредилъ подсудимыхъ, что, если еще разъ повторится подобная выходка, то онъ приметъ самую строгія мѣры къ обузданію этой дерзости. Тов. оберъ-прокурора, покончивъ изложеніе обстоятельствъ, касающихся первой группы подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія на московскихъ фабрикахъ, по возобновленіи засѣданія сдѣлалъ еще нѣсколько замѣчаній, относящихся къ этой категоріи лицъ и къ тому, откуда и какъ прибыла въ Москву большаю часть подсудимыхъ. Въ этомъ отношеніи обвинитель высказалъ, что Георгіевскій и Лукашевичъ не могутъ быть причислены къ лицамъ, проживавшимъ въ Москвѣ, такъ какъ они воспитывались и жили въ Петербургѣ. Изъ крестьянъ, преданныхъ суду въ качествѣ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу, Алексѣевъ принадлежитъ къ рабочимъ Петербурга, гдѣ и проживалъ до Рождества 1874 г.; въ это время онъ появляется въ Москвѣ и можетъ быть названъ первымъ распространителемъ книгъ преступнаго содержанія среди рабочихъ. Такія книги при посредствѣ Алексѣева были доставлены на фабрики Шибаева и Горячева, и Алексѣевъ принималъ дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы познакомить лицъ, поселившихся въ домѣ Костомарова, съ рабочими на московскихъ фабрикахъ. Между прочимъ, Але-

сѣвъ съ своей стороны содѣйствовалъ знакомству рабочихъ съ Федоромъ, Васильемъ и Михаиломъ; онъ же содѣйствовалъ тому, чтобы книги преступнаго содержанія распространялись между рабочими тѣми лицами, съ которыми свелось знакомство. Что касается распространенія книгъ въ деревнѣ Тереньковой, то дѣло это заключается въ томъ, что Филать Егоровъ, приходившій въ деревню съ Емельяновымъ, передалъ тамъ три книги, находящіяся при дѣлѣ, и, когда возникло дознание, то Егоровъ былъ признанъ за лицо, доставившее эти книги. Здѣсь товарищъ оберъ-прокурора счелъ нужнымъ замѣтить, что, несмотря на значительное количество фабрикъ, на которыхъ распространялись книги преступнаго содержанія, въ числѣ подсудимыхъ находится вообще весьма мало крестьянъ. По показанію свидѣтелей, [большинство рабочихъ относилось нечувствительно къ идеямъ пропагандистовъ и книгамъ, распространяемымъ ими. Нагляднымъ доказательствомъ тому служить то обстоятельство, что почти всѣ дѣла начаты по указаніямъ и доносамъ самихъ крестьянъ, получившихъ отъ обвиняемыхъ преступныя книги. Тѣмъ не менѣе, нельзя не замѣтить, что въ числѣ рабочихъ на фабрикахъ были и такіе, которые относились хотя и не вполне сочувственно къ пропагандѣ и содержанію распространяемыхъ между ними книгъ, но все-таки неохотно давали показанія по дѣлу; другіе же укрывали лицъ, распространявшихъ книги. На подобнаго рода явленіе слѣдуетъ обратить вниманіе и остановиться на немъ въ интересахъ общественныхъ. Изъ числа привлеченныхъ къ дѣлу лицъ за распространеніе книгъ на фабрикахъ, нѣкоторые были обнаружены еще при дознаніи, происходившемъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Это дознание представляло такого рода данныя, которыя не указывали еще вполне на развитіе дѣла пропаганды, не указывали на то, чтобы лица, привлеченныя въ качествѣ подсудимыхъ, составляли непосредственное тайное сообщество и пріѣхали въ Москву для того, чтобы распространять книги. Изъ протоколовъ апрѣльскаго дознанія видна нѣкоторая связь съ тѣмъ дѣломъ, которое производилось въ 1874 г., и особое присутствіе можетъ убѣдиться въ томъ изъ постановленія, по которому апрѣльское дѣло было присоединено къ дознанію 1874 года. Затѣмъ въ августѣ мѣсяцѣ 1875 г. были обнаружены новыя общины въ Ивановѣ, Тулѣ и Кіевѣ и установилась уже прямая связь между лицами, пропагандировавшими въ Москвѣ, съ обществами, открывшими свою преступную дѣятельность въ Иваново-Вознесенскѣ, Тулѣ, Кіевѣ и Одессѣ. Всѣ лица, участвовавшія въ этихъ обществахъ, слились въ одно цѣлое, правильно организованное сообщество. Въ августѣ мѣсяцѣ 1875 года въ Ивановѣ-Вознесенскѣ возникло новое дознание, которое обнаружило новую группу лицъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, занимавшихся распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія. Изъ допроса свидѣтелей Бурова, у котораго была найдена «Сказка о четырехъ братьяхъ», видно, что книга эта была получена въ домѣ, гдѣ прѣживали «неумѣлые московскіе ткачи». Былъ произведенъ обыскъ, причемъ оказалось, что въ комнатѣ въ 6 кв. аршинъ жили вмѣстѣ четыре женщины и трое мужчинъ. Всѣ эти лица имѣли видъ простыхъ рабочихъ и старались не выдѣляться отъ остальныхъ рабочихъ; какъ женщины, такъ и мужчины ходили въ рускомъ, сами готовили себѣ пищу, носили воду и исполняли всѣ черныя работы. Это совмѣстное сожителство молодыхъ, образованныхъ дѣвушекъ съ простыми рабочими, нахожденіе у нихъ 245 книгъ преступнаго содержанія на-ряду съ обстановкою, при которой они жили, и значительно для рабочихъ суммою денегъ, у нихъ найденныхъ, большое количество шифрованной переписки и подложныхъ на званіе документовъ, все это прямо указывало, съ кѣмъ приходилось мѣстной власти имѣть дѣло. При обыскѣ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ не всѣ задержанныя лица открыли свои

званія; одни изъ нихъ назывались именами, подъ которыми жили на фабрикахъ, другія назывались буквами А, Б, а одна изъ женщинъ—бродягою, непомянутою родства. Въ числѣ задержанныхъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ оказались лица, жившія раньше въ Москвѣ въ домѣ Костомарова и работавшія на московскихъ фабрикахъ, а именно: Фигнеръ, Александрова, Агаповъ. Обвиняемые по ивановской группѣ: Фигнеръ, Александрова, Агаповъ и Александровъ признали себя виновными въ томъ, что пріѣхали въ Иваново съ цѣлью распространить книги преступнаго содержанія и дѣйствительно ихъ распространили на ивановскихъ фабрикахъ, а потому, не останавливаясь долге на опредѣленіи виновности указанныхъ лицъ, товарищъ оберъ-прокурора приступилъ къ изложенію объясненія о преступной пропагандѣ Топорковой и Баринова. Эти лица отрицаютъ свою виновность въ принадлежности къ преступному сообществу и объясняютъ появленіе свое среди фабричнаго населенія Иванова-Вознесенска случайными обстоятельствами. Топоркова говоритъ, что, зная Фигнеръ еще за границей, она встрѣтилась съ нею въ Петербургѣ. Въ разговорѣ съ Фигнеръ Топоркова выразила ей желаніе поближе познакомиться съ «рабочимъ вопросомъ», на что Фигнеръ и предложила ей поѣхать въ Иваново и поступить простой кухаркой въ какую-либо рабочую артель. Топоркова исполнила совѣтъ Фигнеръ и такимъ образомъ попала въ домъ Кисина, гдѣ и была арестована. Насколько показаніе Топорковой согласно съ обстоятельствами дѣла, можно видѣть изъ слѣдующаго: Топоркова находилась въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ семействомъ Субботиныхъ, съ которыми и на ихъ средства она уѣхала за границу и проживала въ Цюрихѣ. Затѣмъ Топоркова является первою изъ обвиняемыхъ въ Иваново-Вознесенскѣ въ сопровожденіи Агапова и Александрова, пріѣхавшихъ, по ихъ собственному показанію, съ цѣлью пропаганды. Совмѣстный пріѣздъ всѣхъ этихъ лицъ доказывается показаніемъ свидѣтеля Семенова, при содѣйствіи котораго была нанята на имя Топорковой квартира и по рекомендаціи котораго Агаповъ и Александровъ поступили на фабрики. Едва только Топоркова съ товарищами устроилась въ Ивановѣ, какъ туда пріѣзжаютъ Фигнеръ и Александрова, причемъ, по показанію Агапова, съ появленіемъ Фигнеръ и Александровой явились книги, которыя потомъ уже начали распространяться среди рабочихъ ивановскихъ фабрикъ и были отобраны при обыскѣ. По удостовѣренію того же Агапова, хозяйкой въ ихъ квартирѣ была Топоркова, деньги же хранились и расходовались Фигнеръ, и ей обязаны были отдавать члены этой общины всѣ заработанныя деньги. Кромѣ того, вся переписка съ лицами, жившими въ домѣ Кисина, адресовалась на имя Топорковой, а нѣкоторыя письма написаны несомнѣнно къ самой Топорковой. Изъ этихъ писемъ оказывается, что Топоркова не была простою кухаркою, какъ она говоритъ, но принимала въ преступной дѣятельности такое же участіе, какъ и всѣ остальные. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ письмо Евгеніи Субботиной къ Аннѣ Топорковой. Затѣмъ Топоркова уличается и въ распространеніи книгъ среди рабочихъ, доказательствомъ чему служитъ показаніе Жарковскаго, который утверждаетъ, что получилъ отъ Топорковой «Хитрую механику», «Парижскую коммуну» и газету «Впередъ»; Жарковскій указалъ приэтомъ мѣсто, гдѣ были спрятаны книги. На судебномъ слѣдствіи подсудимая Фигнеръ заявила, что эти книги переданы Жарковскому не Топорковою, а ею, Фигнеръ; что она, завернувъ ихъ въ бумагу, просила Топоркову передать свертокъ Жарковскому. Но это объясненіе Фигнеръ вполне противорѣчитъ показанію Жарковскаго. Такимъ образомъ, обстановка, при которой Топоркова появилась въ Ивановѣ, обстановка жизни пропагандистовъ въ домѣ Кисина, показанія свидѣтелей и

отобранная переписка вполне доказываютъ, что Топоркова не только принадлежала къ общинѣ пропагандистовъ, поселившихся въ Ивановѣ, но и сама распространяла книги преступнаго содержанія. О распространеніи такихъ же книгъ обвиняемымъ Бариновымъ много говорить не для чего. Фактъ этотъ удостовѣренъ категорически свидѣтелями-рабочими Зубковской фабрики. Кромѣ лицъ, задержанныхъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, о которыхъ уже сказано, была задержана тамъ же еще одна ткачиха, одѣтая въ простое русское платье, какъ это удостовѣряетъ протоколъ обыска. Женщина эта, назвавшаяся бродягой Екатериной Петровой, пріѣхала въ Иваново-Вознесенскъ за нѣсколько дней до обыска. Она оказалась потомъ женой обвиняемаго Гамкрелидзе, причѣмъ самый бракъ оказался, по выраженію обвиняемыхъ, «фиктивнымъ». Пріѣздъ въ Иваново Екатерины Гамкрелидзе сопровождался слѣдующими обстоятельствами. О пріѣздѣ Екатерины Гамкрелидзе ивановцы были предупреждены лицами, жившими въ Москвѣ. Изъ Москвы писали, что бѣлье и книги присылаютъ съ Катей, съ нею же общаются прислать и рукопись «экспедицію шефа жандармовъ». Затѣмъ въ другомъ письмѣ сообщается, что Катя давно уѣхала въ Иваново отъ Гамки. Съ другой стороны, изъ Иванова писали въ Москву и просили Катю, имѣющую къ нимъ пріѣхать, исполнить до пріѣзда порученія знакомаго Рыжаго. Вслѣдъ за тѣмъ Екатерина Гамкрелидзе появляется въ Ивановѣ, проживаетъ въ д. Кисина и, въ этомъ домѣ, въ числѣ документовъ, отбираютъ рукопись, которую должна была привезти Катя. Очевиднымъ становится, что Екатерина Гамкрелидзе есть именно та Катя, которую ожидали въ Иваново изъ Москвы, и это обстоятельство служить несомнѣннымъ доказательствомъ принадлежности Екатерины Гамкрелидзе къ сообществу пропагандистовъ. Совокупность уликъ, ранѣе изложенныхъ, образъ дѣйствій пропагандистовъ, способъ распространенія ими книгъ преступнаго содержанія, сношенія ихъ съ лицами, живущими въ другихъ городахъ Имперіи, устанавливаютъ полную связь между лицами, жившими въ Ивановѣ, и пропагандистами, дѣйствовавшими въ то же время въ Тулѣ и Москвѣ. Это доказывается еще болѣе документами, найденными въ Ивановѣ. Въ домѣ Кисина были отобраны различные документы и переписка, имѣющая весьма серьезное значеніе для дѣла. Въ этихъ письмахъ лицамъ, живущимъ въ Иваново-Вознесенскѣ, сообщается также о ходѣ пропаганды среди рабочаго населенія другихъ мѣстностей, указывается на то, чѣмъ занимаются отдѣльныя личности въ Тулѣ, Кіевѣ и Одессѣ, дается отчетъ о положеніи одесской и тульской общины, говорится о томъ, что лица, проживающія въ Тулѣ въ качествѣ пропагандистовъ, «дѣйствуютъ преступно»: несмотря на то, что почва для пропаганды въ Тулѣ прелестна, рабочимъ ни одной революціонной книги не читали, а затѣмъ требуется согласіе ивановцевъ на принятіе въ общество новаго члена Санчо—князя Циціанова. Такимъ образомъ, непосредственная связь обвиняемыхъ ивановской группы съ лицами, составлявшими общины въ Тулѣ и Кіевѣ, и съ администраціей сообщества въ Москвѣ устанавливается вполне и доказывается не свидѣтельскими показаніями, а собственноручными письмами обвиняемыхъ. Тѣ же письма доказываютъ и существованіе организованнаго сообщества. Письмо 19-го іюля предлагаетъ ивановцамъ пріемъ въ организацию новаго члена, а приписка къ тому письму отъ 26-го іюля написана лицомъ, состоящимъ въ администраціи и не желающимъ служить въ этой же должности далѣе срока, указаннаго въ программѣ устава—которымъ должны руководствоваться члены организациі. Письму этому нельзя не придать особеннаго значенія, а вопросъ о томъ, откуда этотъ документъ исходитъ и кѣмъ онъ написанъ, будетъ разрѣшенъ впоследствии, когда будутъ разбираться дѣйствія лицъ, проживавшихъ въ Москвѣ и составля-

всѣхъ администрацію сообщества. Дальнѣйшія подробности товарищъ прокурора призналъ излишними, такъ какъ все имъ приведенное достаточно доказываетъ какъ виновность лицъ, проживавшихъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, такъ и въ принадлежности ихъ къ одному преступному, организованному сообществу. (Перерывъ на $\frac{1}{4}$ часа).

Излагая обстоятельства дѣла, касающіяся обвиняемыхъ, задержанныхъ въ Иваново-Вознесенскѣ, и обращая вниманіе на документы и переписку, которые были у нихъ отобраены, товарищъ оберъ-прокурора высказалъ, что онъ уже имѣлъ случай указать, что въ письмѣ отъ 19-го іюля устанавливается непосредственная связь между Иваново-Вознесенскомъ и Москвою, съ одной стороны, и съ лицами, проживавшими въ Тулѣ и Кіевѣ—съ другой. Говоря объ Одессѣ, авторъ этого письма утверждаетъ, что изъ его организаціи вышли два лица, обозначенныя въ письмѣ буквами, но что эти Иванъ и Соня—дознаніемъ не обнаружено. Въ письмѣ выражается, что эти лица, войдя въ какую-нибудь другую шайку, перетянуть къ себѣ Злобина, живущаго въ Тулѣ, и что такимъ образомъ Тула легко можетъ уйти изъ рукъ, а этого допускать не слѣдуетъ. По дознанію въ Тулѣ оказалось, что, дѣйствительно, на оружейномъ заводѣ въ качествѣ простого работника работалъ бывшій студентъ технологическаго института, Злобинъ. По показанію рабочихъ шуйскаго завода, Злобинъ хотя и не входилъ съ ними въ какія-либо преступныя бесѣды, но тѣмъ не менѣе снабжалъ ихъ книгами, не принадлежащими къ числу тѣхъ книгъ, которыхъ распространеніе преслѣдуется закономъ, но извѣстный подборъ коихъ указываетъ на цѣль, преслѣдуемую Злобинымъ, причемъ всѣ эти книги оказались запрещенными, изъятыми изъ обращенія. Несмотря, однако же, на то, что Злобинъ не распространялъ книгъ преступнаго содержанія, товарищъ оберъ-прокурора полагаетъ, что онъ вполнѣ изобличается въ принадлежности къ тѣмъ лицамъ, которыя составляли преступное общество въ Иваново-Вознесенскѣ и Москвѣ: доказательствомъ тому служитъ письмо 19-го іюля, въ которомъ Злобинъ прямо названъ членомъ сообщества, и письма, полученныя въ Тулѣ послѣ ареста Злобина на его имя. Въ одномъ изъ этихъ писемъ, написанномъ вслѣдъ за пріѣздомъ обвиняемаго изъ Кіева въ Тулу, Злобина спрашиваютъ о томъ: «пріѣхали ли тѣ, которыхъ онъ знаетъ», а въ другомъ просятъ сообщить объ адресѣ «сестрицы Ольги.» Оба письма изъ Кіева, и одно изъ нихъ писано обвиняемымъ по кіевской группѣ Млодецкимъ, другое—Хоржевскою. Всѣ лица, какъ это выяснено далѣе, пріѣзжающія въ Тулу на пропаганду, направляются прежде всего къ Злобину и по его указаніямъ разыскиваютъ и товарищей. Послѣ ареста Злобина, къ полиціеістеру города Тулы явилась никому неизвѣстная личность, о существованіи которой въ Тулѣ никто не подозрѣвалъ—подсудимый Ковалевъ. Онъ заявилъ полиціи, что въ Тулѣ существуетъ цѣлое общество пропагандистовъ, которое уже приступило къ распространенію книгъ среди рабочаго населенія города Тулы. Этотъ Ковалевъ явился съ повинною, по собственному побужденію; здѣсь же на судѣ онъ отнимаетъ у особаго присутствія возможность отнестись къ нему снисходительно, отказываясь отъ всѣхъ благоприятныхъ для него послѣдствій явки съ повинной, и говоря, что показаніе, которое онъ далъ при дознаніи, есть ложь и было имъ дано по общанію награды въ 12000 рублей. При какихъ обстоятельствахъ Ковалевъ явился съ повинной—видно изъ показанія свидѣтеля Матвѣева. Ковалевъ обратился къ Матвѣеву, рассказывая ему о тѣхъ преступныхъ замыслахъ, о которыхъ онъ наслушался среди общества, гдѣ онъ живетъ. Матвѣевъ, съ своей стороны, сталъ доказывать невозможность какого-либо «бунтовскаго» движенія среди рабочихъ въ Россіи, и посовѣ-

товаль Ковалеву заявить обо всемъ правительству. Ковалевъ колебался и потомъ обратился къ Матвѣеву съ вопросомъ, не дадутъ ли ему за его открытіе рублей 1000, а когда Матвѣевъ сказалъ, что за такое показаніе осыплютъ Ковалева наградами, то Ковалевъ и отправился заявить о всемъ полиціи. Слѣдовательно, обмѣнаніе 12000 руб. происходило отъ Матвѣева, который не имѣлъ никакихъ отношеній къ кому-либо изъ лицъ, принадлежащихъ къ правительству. Въ виду отказа Ковалева отъ признанія и что онъ самъ привлеченъ къ дѣлу—къ его показанію надо относиться осторожно, повѣряя его обстоятельствами дѣла. Слѣдуя этимъ путемъ, нѣтъ никакой возможности отказаться отъ искренности перваго показанія Ковалева, потому что каждое заявленіе его, сдѣланное въ Тулѣ, подтверждается безусловно дознаніемъ въ Кіевѣ, и въ доказательствахъ тому нѣтъ недостатка. Ковалевъ, являсь въ полицейское управленіе, во 1-хъ, указалъ на такихъ лицъ, о существованіи которыхъ никто не подозрѣвалъ. Ковалевъ даетъ свое показаніе съ такою подробностью, что почти каждое слово его подтверждается путемъ дознанія; а это возможно только тогда, когда показаніе справедливо и согласно съ истиной. Итакъ, Ковалевъ прежде всего указалъ при дознаніи, что въ домѣ, гдѣ проживаетъ нѣкая Махоткина, собирается нѣсколько лицъ, принадлежащихъ къ тѣмъ, которые занимаются пропагандою революціонныхъ идей въ Тулѣ. Вслѣдствіе этого, былъ произведенъ обыскъ, и въ квартирѣ Махоткиной, при обстановкѣ почти такой же, какъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, была арестована Махоткина, два брата Едуковы, Фетисовъ и Сидорацкій; во время обыска успѣли скрыться Сидоренко и Петровъ. Затѣмъ въ квартирѣ этой найдены вещи, принадлежащія арестованнымъ лицамъ, и книги преступнаго содержанія. У самой Махоткиной отобрано шифрованное письмо на имя акушерки Гельфманъ въ Кіевъ. Въ этомъ письмѣ говорится о Ковалевѣ, какъ о личности, для пропагандистовъ крайне опасной, и совѣтуется перемѣнить въ Кіевѣ квартиру. Такимъ образомъ, обстановкой квартиры и найденными въ ней вещественными доказательствами вполне устанавливается значеніе этой квартиры и лицъ, ее занимавшихъ. Затѣмъ, по показанію Ковалева, поселившіяся въ Тулѣ лица прибыли изъ Кіева, откуда прибылъ и онъ вмѣстѣ съ Петровымъ, причемъ они посланы были княгиней Маріей, при содѣйствіи Михаила, Прохора и офицера Петра. Имъ былъ данъ адресъ, гдѣ они могутъ найти другихъ сотоварищей въ Тулѣ, и адресъ этотъ оказался адресомъ Злобина. Далѣе, по показанію Ковалева, первая квартира, гдѣ занимались пропагандисты и лица, принадлежащія къ преступному сообществу, была квартира въ домѣ Куракова, у обвиняемаго Фетисова. Одновременно съ письмами 19-го іюля, говорилось о необходимости усилить пропаганду въ Тулѣ; Фетисовъ появляется на тульскихъ фабрикахъ и имѣетъ близкія сношенія съ Злобинымъ. Всѣ обвиняемые, собиравшіеся въ Тулѣ, посѣщаютъ квартиру Фетисова, запираются въ отдѣльную комнату, читаютъ запрещенныя книги и на этихъ сборищахъ увлекаютъ въ свою среду рабочихъ, потомъ Едуковыхъ. Свидѣтель Дороговъ, удостовѣряя существованіе этихъ сборищъ, показалъ, что и его склонялъ Фетисовъ сойтись съ ними, утверждая, что этимъ путемъ Дороговъ выйдетъ изъ того бѣднаго положенія, въ которомъ они находятся. Дороговъ сначала посѣщалъ этихъ лицъ, но потомъ отказался отъ знакомства съ ними. При этихъ разговорахъ находились Иванъ и Николай Едуковы, которые потомъ и были задержаны при обыскѣ въ квартирѣ Ольги Любатовичъ и гдѣ они вслухъ читали лицамъ, посѣщавшимъ Махоткину, «Хитрую механику». Сама Любатовичъ, какъ оказалось по справкамъ, въ виду которыхъ обвиняемая сама признала этотъ фактъ, пріѣхала изъ Кіева съ Петромъ Сидоренко и проживала ранѣе сего въ Одессѣ въ домѣ Тихонова. Сидоренко назывался, по показанію Ковалева, Иваномъ. Такимъ

образомъ, предположеніе письма 19 іюля, объ усиленіи тульской общины Ольгою и Ванюшей, осуществилось, и показаніе Ковалева о принадлежности этихъ лицъ къ кievской группѣ снова подтвердилось. Ковалевъ утверждалъ при дознаніи, что книги преступнаго содержанія распространялись въ Тулѣ Ольгою Любатовичъ. Свидѣтель Матвѣевъ подтвердилъ такое показаніе. Онъ утверждаетъ, что Ковалевъ, передавая ему «Хитрую механику» и «Сказку о четырехъ братьяхъ», говорилъ, что получилъ эти книги изъ квартиры Маріи и что тамъ есть цѣлый чемоданъ съ книгами. По обыску у Любатовичъ былъ, дѣйствительно, найденъ сакъ-вояжъ съ книгами такого рода. Остается сказать нѣсколько словъ о двухъ обвиняемыхъ, Сидорацкомъ и Кураковѣ. Сидорацкій пріѣхалъ изъ Кіева, гдѣ среди членовъ кievской общины его видалъ Ковалевъ. По пріѣздѣ въ Тулу, Сидорацкій уѣхалъ съ Фетисовымъ на пропаганду въ село Панино. Заявленіе это сдѣлано Ковалевымъ тогда, когда онъ еще не зналъ, что Сидорацкій и Фетисовъ уже возвратились въ Тулу. Доказано, что оба эти лица были задержаны у Махоткиной въ день своего возвращенія изъ Панина въ Тулу. Сидорацкій воспитывался въ Кіевѣ въ военномъ училищѣ, ему только шестнадцать лѣтъ, и онъ является мальчикомъ, сбитымъ съ толку тѣми лицами, съ которыми онъ пришелъ въ столкновение въ Кіевѣ. Подъ вліяніемъ этихъ лицъ Сидорацкій вздумалъ бѣжать изъ родительскаго дома и уѣхалъ въ Тулу. Для этого получилъ подложный паспортъ на имя Зайцева отъ подсудимаго Григорія Александрова. Прибывъ въ Тулу, Сидорацкій поселился съ Фетисовымъ и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ отправился въ село Панино, гдѣ съ Фетисовымъ и поступилъ рабочимъ на сахарный заводъ. Сюда же въ Панино нѣсколько времени спустя пріѣзжаетъ скрывшійся отъ дознанія Герасимъ Петровъ. Замѣчательно, что Петровъ пріѣхалъ въ Панино къ Фетисову, несмотря на то, что не зналъ его даже въ лицо. Всѣ три пропагандиста поселились вмѣстѣ. Приступить къ распространенію книгъ имъ не удалось. Фетисовъ пробовалъ рассказывать рабочимъ «Сказку о четырехъ братьяхъ», но увидѣлъ несочувствіе рабочихъ къ такимъ рассказамъъ и, убѣдившись въ бесполезности своего пребыванія въ селѣ Панинѣ, всѣ трое черезъ нѣсколько же дней возвратились въ Тулу и явились въ квартиру Любатовичъ-Махоткиной—передъ самымъ обыскомъ. По отношенію къ Сидорацкому товарищъ оберъ-прокурора высказалъ, что въ виду молодости лѣтъ этого подсудимаго, правительствующему сенату придется поставить вопросъ о полномъ разумѣнн Сидорацкаго, разрѣшеніе котораго вполнѣ зависитъ отъ особаго присутствія; но обвинитель, съ своей стороны, думаетъ, что, принимая во вниманіе обстоятельства дѣла, было бы справедливо признать его дѣйствовавшимъ безъ полнаго разумѣнія, т. е. признать, что Сидорацкій по слабому развитію умственныхъ способностей не могъ отдавать себѣ полнаго отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, чего онъ желаетъ. Кромѣ лицъ, о которыхъ было уже сказано, привлеченъ къ отвѣтственности мѣщанинъ Кураковъ, хозяинъ того дома, въ которомъ жилъ Фетисовъ и гдѣ происходили сходки. Основаніемъ къ тому служило показаніе Ковалева, утверждавшаго, что пропагандистъ Кураковъ принадлежалъ къ тому же сообществу, членами котораго состояли Ковалевъ и всѣ остальные обвиняемые. Ковалевъ удостовѣрялъ, что Куракову хорошо была извѣстна дѣятельность Фетисова и его, Ковалева; что Ковалевъ говорилъ Куракову о томъ, для чего онъ присланъ изъ Кіева, и что Кураковъ хвалилъ намѣреніе этихъ лицъ возбудить народъ къ бунту. Затѣмъ послѣ того, какъ Ковалевъ сдѣлалъ заявленіе въ полицейскомъ управленіи, Кураковъ будто бы упрекалъ Ковалева за это и говорилъ, что онъ напрасно это сдѣлалъ, что людей съ такого рода идеями очень много, и сколько ихъ ни сажай, ихъ все-таки останется столько, что они будутъ въ состояніи добиться того, чего хотятъ. Такое показаніе Ковалева было

подтверждено при дознании и показанием свидетеля Матвѣева. На судѣ свидетель Матвѣевъ не подтвердилъ разсказа Ковалева; этотъ свидетель говоритъ, что, встрѣтясь съ Кураковымъ въ качествѣ понятого, послѣдній упрекать не Ковалева, а его, Матвѣева, за то, что онъ посовѣтовалъ Ковалеву сдѣлать доносъ въ полицію, причемъ не выражалъ своего сочувствія пропагандѣ, а говорилъ только, что Матвѣеву не для чего было въ это дѣло мѣшаться. Хотя и это показаніе доказываетъ, что Кураковъ не былъ чуждъ лицамъ, занимавшимся въ Тулѣ преступной пропагандой, но настаивать долго на принадлежности Куракова къ сообществу товарищъ оберъ-прокурора не призналъ нужнымъ, но указалъ на то, что во всякомъ случаѣ на Куракова несомнѣнно падаетъ обвиненіе въ знаніи о совершаемыхъ преступленіяхъ Фетисовымъ и лицами, его посѣщавшими, и въ недонесеніи о томъ правительству. Заявляя о существованіи въ Тулѣ общества людей, занимающихся распространеніемъ среди рабочихъ книгъ преступнаго содержанія и революціонныхъ идей, Ковалевъ показалъ, что онъ и Герасимъ Петровъ, какъ уже сказано выше, были присланы въ Тулу изъ Кіева, причемъ онъ указалъ на княгиню Марью, офицера Петра, Михаила и Прохора, какъ на лицъ, которыя занимались пропагандой и распространеніемъ книгъ между рабочимъ населеніемъ города Кіева. Показаніе Ковалева подтвердилось и по отношенію къ указаннымъ имъ лицамъ. У Махоткиной, какъ это уже указано было, отобрано письмо на имя акушерки Гельфманъ. По обыску въ Кіевѣ у Гельфманъ ничего преступнаго найдено не было, но зато въ ея квартирѣ было арестовано три лица: мужчина, назвавшійся Михаиломъ Петровымъ, другой, оказавшійся впоследствии Прохоромъ, и женщина Марія Горощенкова (обвиняемая княгиня Циціанова - Хоржевская), т. е. тѣ самые Михаилъ, Прохоръ и княгиня Марья, названныя еще въ Тулѣ Ковалевымъ. Подробнымъ дознаніемъ, произведеннымъ въ Кіевѣ обо всѣхъ этихъ лицахъ, установилась между ними взаимная связь, и показаніе Ковалева подтвердилось во всей подробности. Взаимная связь этихъ лицъ доказана взаимнымъ ихъ знакомствомъ, посѣщеніемъ всѣми этими лицами квартиры Гельфманъ, а равно и квартиры, гдѣ жили Воронковъ и Хоржевская. Квартира Гельфманъ имѣетъ для дѣла особое значеніе. На имя Гельфманъ шла изъ Кіева и въ Кіевъ вся переписка съ лицами, находившимися въ другихъ городахъ и составлявшими отдѣльныя общины. Такъ, письмо Любатовичъ было адресовано въ Кіевъ на имя Гельфманъ съ передачею Вѣрѣ Глѣбовой. Депеша Надежды Субботиной, подъ именемъ Аристарховой изъ Одессы, и ея же письмо, подъ именемъ Воейковой изъ Орла и Москвы, точно также адресованы на то же имя. Гельфманъ объясняетъ полученіе этихъ писемъ тѣмъ, что она ихъ передавала лицамъ, ей совершенно неизвѣстнымъ. Объясненіе это опровергнуто самими обвиняемыми. Хоржевская должна была признать, что письма эти предназначались для нея, причемъ признала, что Гельфманъ ея знакомая. Далѣе, по показанію хозяйки дома, въ которомъ проживала Гельфманъ, кромѣ полученія писемъ, у Гельфманъ происходили собранія изъ четырехъ и пяти человекъ. Въ свою очередь, Ковалевъ также говорилъ, что познакомился съ обвиняемыми въ этой же квартирѣ. Какъ оказалось, у Гельфманъ не только бывали сборища, но у нея и останавливались пропагандисты, пріѣзжавшіе въ Кіевъ, какъ, напримѣръ, Ольга Любатовичъ. Такимъ образомъ, ясно опредѣлились и значеніе квартиры Гельфманъ, и принадлежность самой Гельфманъ къ преступному сообществу. Относительно личности Хоржевской товарищъ оберъ-прокурора остановилъ вниманіе на томъ, что это то лицо, которое еще въ мартѣ мѣсяцъ проживало въ Москвѣ въ квартирѣ Скворцовой подъ именемъ хохлачки Оеклуши. Относительно своего образа дѣйствій по распространенію книгъ

преступнаго содержанія, Хоржевская принимаетъ на себя положительно все. Но насколько это вѣрно, докажутъ обстоятельства дѣла. Винодность же Хоржевской, приписываемая ей обвинительнымъ актомъ, подтверждается показаніемъ Ковалева и тѣхъ лицъ, гдѣ жила Хоржевская, а также и обстановкой ея квартиры. Связь Хоржевской съ этими лицами доказывается показаніемъ свидѣльницъ Вѣтровой и Богдановой, также и тѣмъ, что эта квартира была оставлена лицами, въ ней жившими, немедленно послѣ того, какъ Вѣтрова признала въ одной изъ женщинъ свою знакомую акушерку Елисеѣву, скрывающуюся отъ дознанія. Далѣе, то обстоятельство что лица, проживавшія въ Кіевѣ, а именно: Хоржевская, Михаилъ, Прохоръ и офицеръ Петръ, снабжали лицъ, отправлявшихся въ Тулу, всѣмъ необходимымъ, доказывается еще слѣдующимъ: офицеръ Петръ, газысканный по указанію Ковалева и являвшійся на службу въ формѣ, ходилъ въ квартиру Гельфманъ въ одеждѣ простаго рабочаго. Онъ оказался техническимъ мастеромъ кіевского полигона Григоріемъ Александровымъ. Въ квартирѣ его найдены значительный складъ книгъ преступнаго содержанія, подложные виды на жительство, всѣ матеріалы для поддѣлки подобныхъ видовъ и инструменты, которыми вырѣзывались найденныя у него фальшивыя печати. Это обстоятельство снова согласно вполнѣ съ показаніемъ Ковалева въ Тулѣ, утверждавшаго, что офицеръ Петръ не только состоитъ кассиромъ общества, но и завѣдуетъ всѣмъ имуществомъ общества. Александровъ при дознаніи далъ уклончивые отвѣты. Признавая себя виновнымъ въ томъ, что, можетъ быть, онъ зналъ о существованіи сообщества, онъ здѣсь, на судѣ, отказался отъ прежняго показанія, заявивъ приэтомъ, что найденныя у него книги принадлежатъ Хоржевской. При дознаніи и на судѣ Александровъ утверждалъ, что виды на жительство принадлежатъ ему и что онъ приобрѣлъ ихъ въ кабацѣ. Онъ не отвергаетъ также и того, что Сидорацкій отправился въ Тулу съ подложнымъ видомъ, полученнымъ отъ Александра, причемъ путемъ экспертизы доказано, что паспортъ этотъ составленъ самимъ Александровымъ. Затѣмъ снабженіе книгами лицъ, отправлявшихся въ Тулу, доказывается обстоятельствами дѣла, уже изложенными ранѣе, а распространеніе книгъ на сахарномъ заводѣ города Кіева удостовѣряется Ковалевымъ и доказывається найденными на заводѣ книгами, причемъ Хоржевская обстоятельство этихъ не отвергаетъ. Принадлежность обвиняемаго Млодецкаго—Прохора—къ сообществу не подлежитъ сомнѣнію. Она доказывается письмомъ въ Тулу на имя Злобина, о которомъ уже было говорено. Млодецкій (Прохоръ) вмѣстѣ съ Воронковымъ (Михаилъ), Хоржевскою и Александровымъ отправляли Ковалева съ Герасимомъ Петровымъ въ Тулу, причемъ имъ даны подложные паспорта и Прохоръ ходилъ за деньгами на дорогу къ Александрову. Паспорты оказались поддѣланными Хоржевскою и Млодецкимъ. Всѣ обвиняемые признали, что Млодецкій ходилъ къ Александрову за деньгами, но этому факту стремятся придать нѣсколько иное значеніе. На судѣ Хоржевская утверждала, что деньги эти принадлежали ей, но находились на сохраненіи у Александра. То же самое подтверждалъ Александровъ, забывая свое же объясненіе о томъ, что у него скоплено до 150 рублей денегъ, которые доставлялись ему не Хоржевской, а Млодецкимъ. Роль Воронкова, какъ члена сообщества, точно также вполнѣ опредѣлилась. Отставной подпоручикъ артиллеріи, затѣмъ вмѣстѣ съ Млодецкимъ студентъ Петровской академіи, онъ одновременно съ Млодецкимъ появляется въ Кіевѣ, гдѣ поступаетъ въ число чернорабочихъ, постоянно посѣщаетъ всѣ сборища, принимаетъ участіе въ отправкѣ Ковалева въ Тулу, живетъ въ квартирѣ съ акушеркой Елисеѣвой и другимъ лицомъ, скрывшимся съ квартиры потихоньку ночью въ день Воронкова.

и затѣмъ арестуется въ квартирѣ Гельфманъ. Далѣе, по отношенію къ Воронкову и Млодецкому существуетъ показаніе свидѣтельницы Драгуновой, уличающей ихъ въ распространеніи преступныхъ книгъ. Эта свидѣтельница утверждала, что къ нѣкому Подгородецкому, нынѣ умершему, часто приходили Воронковъ и Млодецкій и приносили ему книги преступнаго содержанія. Свидѣтельница подробно указала, какія это книги. По кievской группѣ, кромѣ названныхъ уже лицъ, въ качествѣ обвиняемаго привлечень крестьянинъ Островъ по слѣдующимъ основаніямъ: по показанію Ковалева, въ Кіевѣ къ преступному сообществу въ числѣ другихъ принадлежали дворникъ дома Денисьевой, Островъ, и чернорабочій Максимовъ. По дознанію оказалось, что вслѣдъ за обыскомъ въ домѣ Гельфманъ, Островъ скрылся изъ Кіева, захвативъ съ собою 25 рублей денегъ, данныхъ ему хозяйкою дома для полученія лѣкарства. По розысканію Острова на родинѣ, въ Могилевской губерніи, у него найдены были книги преступнаго содержанія и въ числѣ прочихъ такія, которыя недоступны пониманію простаго крестьянина, виды на жительство: Маріи Горощенковой—подъ именемъ которой задержана Хоржевская, и скрывавшихся отъ дознанія Николая Егорова и акушерки Елисѣевой. Такимъ образомъ, существенная часть показанія Ковалева снова вполнѣ подтвердилась. Нахожденіе у Острова книгъ преступнаго содержанія и виды на жительство устанавливаютъ непосредственную связь его съ лицами, жившими въ Кіевѣ. Здѣсь, какъ и въ прежнихъ случаяхъ, является желаніе свалить все на скрывшагося Максимова, котораго Островъ зналъ хорошо и который принесъ будто-бы ему найденныя у него книги. Объясненіе это, по мнѣнію обвинителя, врядъ ли заслуживаетъ уваженія, и онъ поддерживаетъ поэтому обвиненіе Острова въ принадлежности къ преступному сообществу. (Сдѣланъ перерывъ на одинъ часъ.)

По выходѣ въ залу засѣданія, первоприсутствующій заявилъ, что засѣданіе особаго присутствія, вслѣдствіе болѣзни сословнаго представителя, продолжаться не можетъ, а потому и прерывается до 11 часовъ слѣдующаго дня.

Товарищъ оберъ-прокурора, продолжая свою рѣчь, остановился прежде всего на томъ, что тѣ данныя, которыя были изложены по отношенію къ кружкамъ въ Москвѣ въ д. Косгомарова, въ Ивановѣ, Тулѣ и Кіевѣ, позволяютъ теперь сдѣлать выводъ о томъ, составляла ли каждая изъ этихъ группъ самостоятельное общество, или же эти группы находились во взаимной между собою связи и образовали изъ себя то противозаконное сообщество, въ которомъ подсудимые обвиняются. Первоначально кружокъ обвиняемыхъ, занимавшихся пропагандою преступныхъ идей и распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія среди рабочаго населенія, образовался въ Москвѣ. Отъ апрѣльскаго дознанія успѣли скрыться подсудимые: Фигнеръ, Александрова, Хоржевская, Ольга Любатовичъ и ея сестра Вѣра Любатовичъ. Изъ этихъ лицъ Фигнеръ и Александрова являются во главѣ ивановской общины, Хоржевская—въ Кіевѣ, Ольга Любатовичъ—сначала въ Одессѣ, а потомъ въ Тулѣ. Такимъ образомъ, тѣ лица, которыя принадлежали къ московскому кружку и занимались распространеніемъ преступныхъ сочиненій, явились во главѣ другихъ кружковъ, образовавшихся въ Ивановѣ, Кіевѣ и Тулѣ. Взаимная связь этихъ четырехъ группъ прежде всего обуславливается происхожденіемъ отъ перваго кружка, который возникъ въ апрѣлѣ 1875 г. въ Москвѣ. Дальнѣйшими доказательствами этой связи служитъ письмо отъ 19-го іюля, отобранное въ Ивановѣ, и взаимная переписка лицъ составившихъ кружки, которая была отобрана въ Ивановѣ, Кіевѣ и Тулѣ. Затѣмъ переписка, отобранная въ Москвѣ въ квартирѣ кн. Цицанова и у обвиняемыхъ во время

содержанія ихъ подѣ стражею, приводитъ къ тому же убѣжденію. Такъ, въ одномъ изъ писемъ, Чекоидзе говоритъ объ арестѣ лицъ въ Ивановѣ и называетъ ихъ «наши ивановскіе друзья». Онъ укоряетъ этихъ друзей за то, что они дали возможность обнаружить его званіе. Въ письмѣ отъ 19-го іюля сообщаются въ Иваново всѣ обстоятельства, касающіяся обвиняемыхъ по апрѣльскому дознанію: упоминается о Бардиной, Джабадари, Чекоидзе, и общается освобожденіе Чекоидзе изъ-подъ ареста. Это же письмо устанавливаетъ связь Москвы и Иванова съ Одессою—предложеніемъ выбрать новаго члена сообщества и указаніемъ на невозможность такого избранія безъ согласія ивановцевъ. Оно же говоритъ о необходимости образовать тульскую общину. Тульскій кружокъ, согласно письму 19—26 іюля, образовывается изъ лицъ, пріѣхавшихъ изъ Одессы и Кіева. Такимъ образомъ, всѣ эти кружки связываются между собою въ одно цѣлое; они дѣйствуютъ въ извѣстномъ, опредѣленномъ направленіи, поддерживаютъ между собою постоянныя сношенія, дѣйствуютъ по одному опредѣленному плану, одними приемами и средствами. Одесская община не была обнаружена, но обнаружены только нѣкоторыя лица, несомнѣнно принадлежавшія къ сообществу; поэтому жизнь и дѣятельность одесской общины осталась неизвѣстною. Въ другихъ же трехъ мѣстностяхъ: Ивановѣ, Кіевѣ и Тулѣ, дѣятельность лицъ, образовавшихъ кружки, однообразна. Пріѣзжая въ извѣстную мѣстность, эти лица прежде всего устраиваютъ пріюты, или, говоря языкомъ закона, притоны, куда могутъ пріѣзжать и гдѣ могутъ жить члены общества, гдѣ происходятъ сборища и вообще устраивается центръ дѣятельности кружковъ. Такими притонами въ Москвѣ были квартиры сначала въ домѣ Костомарова, а потомъ въ домѣ Корсакъ; въ Ивановѣ—домъ Кисина, въ Тулѣ—Кузовлева, и въ Кіевѣ—отчасти квартира Воронкова, въ домѣ Комарова, а отчасти квартира Хоржевской, у Вѣтровой. Центромъ сборищъ въ Кіевѣ служила квартира акушерки Гельфманъ. Устроившись такимъ образомъ, члены кружка изыскиваютъ такую квартиру, такое лицо, черезъ которое можно было бы вести переписку и которое принадлежала къ сообществу, было бы лицомъ надежнымъ. Вести переписку по адресу притона рискованно, необходимъ другой адресъ. Этотъ приемъ одинаковъ во всѣхъ общинахъ. Правда, въ первомъ московскомъ кружкѣ не было такого лица и квартиры, но въ то время была первая попытка, первый приступъ къ развитію общины, причемъ всѣ члены сообщества были на лицо въ Москвѣ. Вотъ почему при обыскѣ въ домѣ Корсакъ никакой переписки не найдено, тогда какъ при дальнѣйшихъ обыскахъ въ провинціальныхъ общинахъ находится уже значительная переписка. Затѣмъ и въ Москвѣ, когда образовалось нѣсколько провинціальныхъ общинъ, устроилась квартира, черезъ которую проходила вся переписка между членами московскаго кружка и провинціальными общинами—это квартира Медвѣдовой. Въ Кіевѣ подобной квартирой была квартира Гельфманъ и въ Тулѣ—квартира Злобина. Цѣль всѣхъ кружковъ или общинъ одна и та же—распространеніе преступныхъ идей среди рабочихъ той мѣстности, гдѣ находятся члены кружка, распространеніе посредствомъ извѣстныхъ, излюбленныхъ пропагандистами книгъ, а конечная цѣль такой пропаганды—если не теперь, то въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, насильственный переворотъ и ниспроверженіе существующаго въ Россіи порядка управленія. Любимыми книгами пропагандистовъ во всѣхъ общинахъ были: «Хитрая механика», «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ», «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Емелька Пугачевъ». Говорить о содержаніи этихъ книгъ обвинитель считалъ излишнимъ, въ виду того, что оно извѣстно особому присутствію какъ по настоящему дѣлу, такъ и по другимъ дѣламъ, прежде имъ разсмотрѣннымъ, и заявилъ Google, что

большинство этихъ книгъ содержитъ въ себѣ прямое воззваніе народа къ бунту. Всѣ тѣ лица, которыя занимались пропагандою въ Москвѣ, Ивановѣ, Тулѣ и Кіевѣ, приступая къ своей преступной дѣятельности, старались прежде всего поддѣлаться подъ образъ жизни, тонъ и обычаи простого народа. Они одѣвались въ крестьянское платье, ходили босикомъ, исполняли всѣ черныя, домашнія работы, наконецъ, назывались уменьшительными, презрительными именами, какъ, напримѣръ: Машка, Вѣрка, Лидька и т. д. Но въ этой поддѣлкѣ подъ образъ жизни и обычаи рабочихъ выражается полное незнаніе того народа, къ которому они обращали свою пропаганду. Очевидно, что вся эта поддѣлка, которою пропагандисты желали показать свою солидарность съ народомъ, не могла обмануть народъ. И, дѣйствительно, изъ показаній свидѣтелей оказывается, что едва только эти лица являются на фабрики, ихъ тотчасъ же узнаютъ; узнаютъ, что они вовсе не рабочіе, и стараются какъ можно скорѣе отъ нихъ отдѣлаться. Въ этомъ отношеніи стоитъ только припомнить показанія рабочихъ московскихъ фабрикъ. Однообразный способъ дѣйствій членовъ этого общества простирается до самыхъ мелкихъ подробностей, даже до способа защиты при дознаніи. Такъ, во всѣхъ кружкахъ бесполезный и малоосмысленный отказъ обнаружить свое званіе, называя себя одними буквами азбуки, попытка уничтожить документъ, стараясь его проглотить. Связь провинціальныхъ группъ и перваго кружка между собою должна быть признана вполне доказанною, принадлежностію этихъ группъ къ одному преступному сообществу внѣ всякихъ сомнѣній. Но этого мало. Сообщество, о которомъ идетъ рѣчь, члены котораго были «на работѣ» въ провинціи, имѣло и свое управленіе, администрацію. Администрація эта находилась въ Москвѣ. Ивановская переписка доказываетъ, что изъ Москвы идутъ предложенія о выборѣ новыхъ членовъ, о перемѣщеніи членовъ одной группы въ другую; изъ Москвы слѣдятъ внимательно за развитіемъ пропаганды, даже ѣздятъ на мѣсто посмотреть, какъ идетъ дѣло. Подобное путешествіе было совершено Вѣрой Любатовичъ въ Тулу, какъ это значится въ письмѣ отъ 19 іюля. Москва снабжаетъ ивановскихъ пропагандистовъ бѣльемъ, платьемъ, оружіемъ, книгами, вообще всѣмъ для нихъ необходимымъ. Это обстоятельство подтверждается тѣмъ, что въ Москвѣ существуетъ складъ, что тамъ есть центральное управленіе, руководящее дѣломъ, приобретающее все необходимое для пропагандистовъ, разсылающее необходимые предметы по общинамъ. Кіевская группа находилась также въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Москвою. Такъ, Хоржевская пишетъ изъ Кіева въ Москву о томъ, что въ Москвѣ необходимо устроить квартиру, гдѣ могли бы останавливаться рабочіе и интеллигентные члены кіевской группы, которымъ нужно уѣхать въ Москву; сообщается перемѣна адресовъ; туда же уѣдутъ передъ учрежденіемъ новой тульской общины лица, для образованія ея предназначенныя. Наконецъ, письмо отъ 26 іюля категорически указываетъ на существованіе администраціи сообщества въ Москвѣ, образованной по опредѣленной программѣ. Это письмо говоритъ о нежеланіи его автора оставаться долѣе срока, опредѣленнаго программой, членомъ администраціи и онъ требуетъ замѣнить его въ этой должности. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ данныхъ представляется несомнѣннымъ, что всѣ четыре общины составляютъ одно преступное сообщество, главное управленіе котораго находится въ Москвѣ. Случай помогъ обнаружить мѣсто пребыванія администраціи и отдать въ руки правосудія ея членовъ. Во время ареста пропагандистовъ въ Ивановѣ, при отправкѣ ихъ по желѣзной дорогѣ, было задержано лицо, которое переговаривалось знаками съ одною изъ арестованныхъ женщинъ. Лицо это оказалось обвиняемымъ Антимосомъ Гамкрелидзе, а женщина, съ которою онъ переговаривался, его женою, Екатери-

ною Гамкрелидзе, состоявшею членомъ ивановскаго кружка и прибывшей въ Иваново изъ Москвы не задолго до производства обыска и ареста. Этотъ арестъ Антимоса Гамкрелидзе послужилъ тѣмъ исходнымъ пунктомъ, который далъ возможность обнаружить составъ и мѣстопробываніе администраціи сообщества. У Гамкрелидзе было найдено большое количество книгъ преступнаго содержанія, револьверы и рукопись «Сказка о Мудрицѣ Наумовой». Во время обыска въ квартиру Гамкрелидзе явились и были задержаны еще три лица—Кардашевъ, кн. Циціановъ и Вѣра Любатовичъ. Арестъ этихъ трехъ лицъ далъ возможность обнаружить дѣло во всѣхъ подробностяхъ. Послѣ обыска въ квартирѣ Гамкрелидзе, было совершенно новое преступленіе однимъ изъ задержанныхъ лицъ. Въ то время, когда поручикъ Ловягинъ, окончивъ обыскъ, сталъ надѣвать шубу, въ него внезапно и почти въ упоръ были сдѣланы 2 выстрѣла, очевидно, съ цѣлью его убить, такъ какъ стрѣлять въ человѣка на разстояніи 4-5 шаговъ невозможно, не имѣя намѣренія совершить убійство. Вслѣдствіе выстрѣловъ, на Циціанова бросились городовые и помощникъ надзирателя Федоровъ, обезоружили его и задержали. Въ этой свалкѣ приняла участіе и обвиняемая Вѣра Любатовичъ. Такимъ образомъ, на Циціанова падаетъ обвиненіе въ покушеніи на умышленное убійство, и это доказывается рядомъ свидѣтелей, какъ потерпѣвшимъ Ловягинымъ, такъ и понятыми, бывшими при обыскѣ. По обвинительному акту, Вѣра Любатовичъ обвиняется въ намѣреніи лишить жизни помощника надзирателя Федорова. На судебномъ слѣдствіи обстоятельство это не подтвердилось. Свидѣтели показали только, что Любатовичъ въ свалкѣ бросилась на Федорова и царапала ему лицо. Вслѣдствіе этого обвинитель заявилъ, что онъ не можетъ поддерживать обвиненія Любатовичъ въ покушеніи на убійство Федорова, но что во всякомъ случаѣ въ дѣйствіяхъ ея выражается сопротивленіе силою чиновнику, находившемуся при исполненіи обязанностей службы. Итакъ, въ квартирѣ Гамкрелидзе были задержаны: Кардашевъ, Вѣра Любатовичъ и князь Циціановъ, которые, по показанію прислуги, часто посѣщали Гамкрелидзе и, какъ впоследствии оказалось, имѣютъ въ дѣлѣ особое серьезное значеніе. Любатовичъ и Циціановъ сначала отказались объявить свое званіе, фамилію и мѣсто жительства, но все это вскорѣ было обнаружено. Оказалось, что кн. Циціановъ и Вѣра Любатовичъ жили вмѣстѣ въ домѣ Толстой; въ ихъ квартирѣ, въ двухъ чемоданахъ, было найдено большое количество преступнаго содержанія книгъ, разная переписка, револьверы и въ особыхъ корзинахъ значительное количество бѣлья и платья мужского и женскаго и предметы, необходимые при совершеніи браковъ, а именно, тафта подъ ноги, цвѣты и вѣнчальныя свѣчи. Изъ числа всѣхъ этихъ вещественныхъ доказательствъ обращаетъ на себя особое вниманіе масса различныхъ бумагъ, значительная переписка и большое количество книгъ преступнаго содержанія. Все это указывало на то, что въ квартирѣ этой былъ складъ сообщества. Среди различныхъ бумагъ были найдены виды на жительство на имя Шатрова, Полякова и Смирнова, причемъ нѣкоторые оказались подложными: найдены вытравленные виды, приготовленные для поддѣлки фальшивыхъ паспортовъ и разные предметы, необходимые для самой поддѣлки: печати, краски и пр.; далѣе найдены шифрованные адреса, переписка съ арестованными лицами, переписка о взятіи обвиняемыхъ на поруки, записныя книжки и, наконецъ, письмо 4-го іюля. Переписка съ арестованными состояла изъ трехъ писемъ. Два изъ нихъ по своему содержанію доказываютъ, что они написаны обвиняемымъ по апрѣльскому дознанію, Георгіевскимъ. Въ нихъ говорится, какимъ образомъ можно организовать побѣгъ изъ Рогожской части; говорится о необходимости прискаты квартиру въ городѣ Орлѣ, на которую Георгіевскій могъ бы сослаться о Че-

коидзе, ходившемъ къ нему, когда онъ жилъ въ домѣ Кузьмина. Все это всецѣло относится къ показанію Георгіевскаго, данному при дознаніи. Переводъ одного изъ этихъ шифрованныхъ писемъ приписывается Екатеринѣ Гамкрелидзе, потому что эксперты нашли сходство съ ея почеркомъ. При повѣркѣ экспертизы эксперты дали нѣсколько уклончивое объясненіе, вслѣдствіе чего обвинитель не настаивалъ на томъ, что переводъ сдѣланъ рукою Екатерины Гамкрелидзе, тѣмъ болѣе, что и безъ того противъ нея представляется слишкомъ достаточно доказательствъ того, что она была членомъ преступнаго сообщества. Затѣмъ былъ найденъ еще переводъ одного письма, писаннаго арестантомъ. Чекоидзе самъ признаетъ, что письма принадлежатъ ему, переводъ же этого письма сдѣланъ обвиняемой Вѣрою Люботовичъ. Экспертиза признала, что почеркъ, которымъ писанъ этотъ переводъ, написанъ тѣмъ же лицомъ, которое писало въ Иваново письмо отъ 26-го іюля, а это послѣднее, какъ далѣе будетъ доказано, несомнѣнно писано Вѣрою Люботовичъ. Затѣмъ письмо отъ 4-го іюля написано обвиняемой Фигнеръ, а записка писано Александровою. Кромѣ того найдены три рукописи, приготовленныя для печати, о подготовкѣ пропагандиста, рѣшившагося идти въ народъ «разсказъ солдата», и корреспонденція о безпорядкахъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ. Изъ нихъ разсказъ солдата писанъ Вѣрою Люботовичъ, а на рукописи о подготовкѣ пропагандиста сдѣланы замѣтки рукою обвиняемаго Цвиленева. Изъ записныхъ книжекъ одна оказалась принадлежащею подсудимому Цвиленеву, другая—Циціанову и третья—Овчинникову. Такимъ образомъ изъ обнаруженныхъ обыскомъ бумагъ оказывается, что въ перепискѣ принимали участіе Овчинниковъ, Георгіевскій, Чекоидзе, Вѣра Люботовичъ, Фигнеръ и Александрова, а изъ другихъ предметовъ оказались вещи, принадлежащія Цвиленеву и Овчинникову; кромѣ того въ квартирѣ этой найдены складъ бѣлья, принадлежащаго большинству подсудимыхъ: Туманъвой, Бардиной, Фигнеръ, Субботинимъ, Хоржевской и другимъ. Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ доказываетъ, по мнѣнію обвинителя, что квартира въ домѣ Толстой была помѣщеніемъ администратіи сообщества. Но квартира эта была занята незадолго до обыска. Поэтому является вопросъ, гдѣ же до переѣзда на эту квартиру жили лица, занимавшія ее? Въ Ивановѣ былъ арестованъ, между прочимъ, обвиняемый Агаповъ, который и показалъ, что пропагандисты могутъ находить въ Москвѣ всякую себѣ поддержку и могутъ скрываться отъ преслѣдованія у лицъ, живущихъ на Спиридоновкѣ въ домѣ Эйнбродтъ. При этомъ онъ говорилъ, что квартира эта нанята на имя Фигнеръ, но что тамъ проживаетъ подъ ея именемъ другое лицо. Домъ этотъ былъ разысканъ и оказалось, что показаніе Агапова справедливо. Дознаніемъ было обнаружено, что квартира была нанята сначала Маріей Субботиной, а затѣмъ съ 26-го мая была Субботиною передана Фигнеръ и до 6-го августа числилась за нею. Между тѣмъ, Фигнеръ съ конца іюня жила уже въ Ивановѣ, а, слѣдовательно, весь іюль находится въ Москвѣ не могла. По предъявленіи здѣсь на судѣ свидѣтельница Красновой подсудимыхъ, она указала на Вѣру Люботовичъ какъ на Фигнеръ, жившую въ ихъ домѣ. Такимъ образомъ оказывается, что лицо, къ которому пропагандисты должны были обращаться за помощію и которое обязано было оказывать имъ эту помощь, была Вѣра Люботовичъ. Съ 6-го августа Вѣра Люботовичъ поселилась вмѣстѣ съ Циціановымъ въ домѣ Толстой. Такимъ образомъ и домъ Эйнбродтъ, и домъ Толстой были тѣми центрами, въ которыхъ помѣщалась администрація сообщества. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ письмо отъ 19-го іюля и приписка къ нему отъ 26 іюля. Прежде нежели представить доказательство тому, къ кому были написаны эти письма и приписка, обвинитель призналъ необходимымъ остановиться на обстоятельствахъ ареста одного изъ

главныхъ и видныхъ дѣателей этого сообщества: 13-го сентября въ Москвѣ была получена депеша, которая давала знать, что по желѣзной дорогѣ изъ Кишинева, черезъ Харьковъ и Москву, прошло подъ видомъ кожевеннаго товара три ящика съ книгами преступнаго содержанія. Обнаружилось это вслѣдствіе того, что артельщики желѣзной дороги въ Харьковѣ подмѣнили одно изъ этихъ мѣстъ, думая украсть кожевенный товаръ, и затѣмъ стали распродавать похищенные ими такимъ образомъ книги. Вслѣдствіе подобной депеши, въ Москвѣ слѣдили за появленіемъ лица, которое должно было явиться за полученіемъ товара. Оно дѣйствительно явилось и было арестовано. Лицо это оказалось сначала Вернеромъ, а затѣмъ Ивановъ Андреевымъ, каковымъ продолжало называться почти до окончанія дознанія. Несмотря на упорное заpiresательство, званіе Ивана Андреева было обнаружено—онъ оказался обвиняемымъ Здановичемъ. Здановичъ былъ арестованъ на другой день своего пріѣзда въ Москву. Онъ остановился въ номерахъ на Моросейкѣ, сдалъ свои вещи швейцару, ушелъ и болѣе не возвращался. Взять онъ былъ бронеютомъ, но, пробывши нѣкоторое время подъ арестомъ, волосы приняли свой естественный цвѣтъ и получили рыжій цвѣтъ. Въ номерѣ Здановича, между другими вещами, была найдена краска для волосъ. Такимъ образомъ оказалось, что по цвѣту волосъ онъ могъ носить ту кличку, которая такъ часто упоминается въ этомъ дѣлѣ. При арестѣ Здановича у него отобраны были: программа устава сообщества, адреса, совершенно тождественные съ адресами, найденными у Хоржевской, ключъ къ шифру, писанный этою послѣднею и счетъ расходовъ по поѣздкѣ въ Кишиневъ и Одессу. Въ двухъ тюкахъ, пришедшихъ по желѣзной дорогѣ, вмѣсто кожевеннаго товара найдены до 2500 экземпляровъ книгъ преступнаго содержанія. Затѣмъ обвинитель перешелъ къ доказательству того, кѣмъ писаны письма 19-го и 26-го іюля въ Иваново. Онъ остановилъ вниманіе на слѣдующихъ обстоятельствахъ. Авторъ приписки состоитъ членомъ администраціи и не хочетъ долѣе оставаться въ этой должности; онъ желаетъ ѣхать работать въ Кіевъ. Евгенія Субботина въ письмѣ на имя Анны Топорковой объясняетъ, что Вѣра не желаетъ оставаться членомъ администраціи и думаетъ уѣхать на работу въ Кіевъ. Такимъ образомъ, письмо отъ 26 іюля писано Вѣрою. Далѣе, въ отвѣтъ на письмо отъ 26 іюля, Александрова пишетъ автору этого письма, что ивановскіе члены не желаютъ ѣхать въ Тулу, и предлагаетъ, чтобы осуществился проектъ отправки въ Тулу сестры автора, Ольги. Дѣйствительно, проектъ о высылкѣ изъ Одессы въ Тулу Ольги осуществился, и въ этомъ послѣднемъ городѣ была арестована обвиняемая Ольга Люботовичъ, сестра Вѣры Люботовичъ. Несомнѣннымъ становится, что письмо 26 іюля было написано Вѣрою Люботовичъ.—Съ другой стороны, авторъ письма отъ 19 іюля пишетъ, что онъ долженъ уѣхать изъ Москвы на границу «по дѣлу о пути», т. е. устроить сношеніе съ за границей по доставленію книгъ преступнаго содержанія. Письмо 26 іюля увѣдомляетъ, что письмо отъ 19 іюля написано Рыжимъ; Евгенія Субботина сообщаетъ Топорковой о томъ, что Рыжій уѣхалъ изъ Москвы. По показанію свидѣтелей, Дмитріева и Иоселиани, Рыжимъ звали Здановича, и кличку эту самъ Здановичъ употреблялъ въ сношеніяхъ съ товарищами. Здановичъ былъ въ Кишиневѣ, что доказывается его письмами, и онъ арестованъ при полученіи имъ книгъ, высланныхъ имъ въ Москву изъ Кишинева. Очевидно, что письмо отъ 19 іюля писано Здановичемъ, что признано и экспертами, сличавшими почеркъ. Здановичъ настойчиво отказывался отъ этого письма, что вполне понятно такъ какъ положеніе «Рыжаго» представляется настолько серьезнымъ и важнымъ, что признать себя «Рыжимъ» крайне неудобно. Ни объ одномъ изъ обвиняемыхъ, за исключеніемъ Чекоидсе, не было приложено членами

остававшимися на свободѣ, столько старанія для скрытія отъ преслѣдованія, какъ о «Рыжемъ». Они принимаютъ особыя мѣры, чтобы предупредить его и спасти. Кардашевъ сообщаетъ черезъ Микеладзе, что въ Москвѣ происходятъ аресты, что деньги взяты, что бумаги находятся у Медвѣдихи. Чтобы поставить «Рыжаго» въ извѣстность, неизвѣстное лицо пишетъ на имя Елены Петровны: Предупредите Георгія, чтобы онъ остерегался. Лица, которыя желаютъ предупредить «Рыжаго» объ опасности, сообщаютъ о томъ въ Одессу и Кіевъ. Въ Одессу сообщаетъ Кардашевъ, а въ Кіевъ получено письмо, подписанное Воейковою, но писанное Надеждою Субботиною, какъ это доказываетъ надпись на письмѣ, сдѣланная Субботиною. Она сообщаетъ, что она одна въ Москвѣ и необходимо присутствіе «Рыжаго», но чтобы онъ перемѣнилъ наружность и не ходилъ по старымъ адресамъ. Наконецъ, Здановичъ самъ признаетъ это обстоятельство въ своемъ шифрованномъ письмѣ, найденномъ на квартирѣ Георгіевской и Введенской, и въ письмѣ, найденномъ на Кавказѣ. Въ первомъ письмѣ онъ настаиваетъ на томъ, чтобы были приняты мѣры ввести въ заблужденіе производившихъ дознаніе и опровергнуть то обстоятельство, что его признаютъ за «Рыжаго». Но еще большимъ доказательствомъ служить письмо на Кавказъ, гдѣ говорится: «Дерзкая и отчаянная мысль пришла мнѣ въ голову не только доказать, что я «Рыжій», но даже выпутаться самому» и т. д. Сопоставленіе всѣхъ этихъ данныхъ несомнѣнно доказываетъ, что Здановичъ есть тотъ самый «Рыжій», о которомъ идетъ дѣло. Содержаніе письма 19 іюля, писаннаго Здановичемъ, доказываетъ, что онъ находился въ администраціи сообщества одновременно въ Вѣро Люботовичъ. Далѣе обвинитель перешелъ къ участію въ дѣлѣ подсудимаго Цвиленева, на которое указываютъ вещественныя доказательства. Изъ протокола обыска видно, что въ чемоданѣ Цвиленева найдены главныя вещественныя по дѣлу доказательства, самый чемоданъ арестованъ въ квартирѣ администраціи. Цвиленевъ отрицаетъ принадлежность себѣ этихъ вещей, и защита, сознавая серьезность подобнаго обстоятельства, вызвала свидѣтелей, которыя должны были доказать, что вещи эти не принадлежатъ Цвиленеву. Въ чемоданѣ были найдены документы на званіе Цвиленева; довѣренность, принадлежащая ему; нѣкоторыя рукописи, которыя признаны имъ за свои. Все это приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію въ томъ, что чемоданъ съ этими вещами принадлежалъ Цвиленеву. Противъ этого выставленъ рассказъ обвиняемыхъ, сдѣланный на судѣ. Но если бы эти вещественныя доказательства не находились у Цвиленева на храненіи, если бы онъ не принималъ участія въ этомъ сообществѣ, то могъ бы еще при первомъ предъявленіи этихъ вещественныхъ доказательствъ объяснить, какимъ образомъ документы на его званіе, довѣренность и рукописи попали въ этотъ чемоданъ. Онъ могъ это сдѣлать тѣмъ болѣе, что въ то время Циціановъ, Вѣра Люботовичъ и Кардашевъ были уже арестованы, слѣдовательно, онъ не выдавалъ никого. Но Цвиленевъ не далъ тогда никакихъ указаній, что мотивируется здѣсь тѣмъ, будто квартиру его посѣщала сестра, и онъ не хотѣлъ ее компрометировать. Теперь здѣсь говорятъ, что Цвиленевъ, случайно познакомившись съ Циціановымъ, получилъ отъ него рукопись, извѣстную подъ названіемъ: экспедиція шефа жандармовъ; что, получивъ эту рукопись, Цвиленевъ принесъ ее обратно Циціанову въ условленное мѣсто, послѣ чего сталъ бывать у Циціанова. Черезъ нѣсколько дней Циціановъ принесъ къ Цвиленеву свой чемоданъ на храненіе, въ этотъ чемоданъ Цвиленевъ положилъ пачку своихъ бумагъ. Послѣ ареста Цвиленева чемоданъ этотъ былъ взятъ обратно Циціановымъ изъ квартиры Цвиленева. При этомъ Циціановъ сослался на показаніе хозяйки квартиры, которую будто бы Цвиленевъ просилъ выдать чемоданъ Циціанову. Затѣмъ Циціановъ, отыскивая въ чемоданѣ какіе-то документы,

спуталъ ихъ съ Цвиленевскими. Но, по мнѣнію обвинителя, это крайне сложное и смутное объясненіе не выдерживаетъ критики и опровергается показаніемъ свидѣтелей, вызванныхъ защитой. Циціанову не было никакой надобности носить чемоданъ къ Цвиленеву, такъ какъ у Циціанова была своя квартира и, сверхъ того, была квартира въ домѣ Эйнбродтъ, гдѣ онъ могъ оставить свои вещи. По осмотру чемодана судебнымъ слѣдователемъ удостовѣрено, что всѣ бумаги, находившіяся въ немъ, были завернуты отдѣльными пачками. Въ одной изъ пачекъ, завернутой въ черновой паспортъ Полякова, находились бумаги Цвиленева, и если признать только эту пачку за принадлежащую Цвиленеву, то окажется, что ему принадлежала большая часть наиболѣе важныхъ для дѣла документовъ. Такъ, въ ней находились: письмо въ Карасубазаръ, книжка съ шифромъ, по которому прочтены письма Георгіевскаго, и шифрованные адреса, въ которыхъ слова буквами писаны Цвиленевымъ, — что имъ самимъ признано. Такимъ образомъ, если признать, что эта пачка составляла ту, которую Цвиленевъ положилъ въ чемоданъ Циціанова, то этимъ нисколько не ослабляется значеніе и сила разбираемой улики. Защитѣ не только не удалось путемъ свидѣтельскихъ показаній доказать принадлежность чемодана Циціанову, но наоборотъ—свидѣтели вполне опровергли объясненія подсудимыхъ. Хозяйка квартиры, свидѣтельница Кравцова, показала на судѣ, что Цвиленевъ нанялъ у нея комнату посуточно; что вещи его состояли только изъ чемодана, подушки, одѣяла и, кажется, сакъ-воаяжа. Послѣ усиленныхъ настояній защиты, свидѣтельница показала, что можетъ быть, былъ и еще чемоданъ гдѣ-нибудь подъ кроватью, но она его не видала. Затѣмъ она вполне отрицала ссылку на нее Циціанова и утверждала, что Цвиленевъ говорилъ только о томъ, чтобы она отдала вещи его сестрѣ. Сестра подсудимаго показала, что она дѣйствительно получила отъ Кравцовой чемоданъ, подушку, одѣяло и сакъ-воаяжъ. Кромѣ того, Кравцова показала, что Цвиленевъ не говорилъ, что нанимаетъ квартиру посуточно, въ виду намѣренія ѣхать въ деревню, а потому, что хочетъ пріискать товарищей, чтобы вмѣстѣ жить. Хотя отецъ Цвиленева подтвердилъ, что сынъ собирался къ нему пріѣхать, но насколько подсудимый относился прямодушно къ своему отцу—доказываетъ слѣдующее обстоятельство: на вопросъ обвинителя отецъ Цвиленева показалъ, что онъ видѣлся съ сыномъ въ іюлѣ 1875 г. въ Москвѣ, причемъ подсудимый говорилъ ему, что онъ находится еще и понынѣ студентомъ медико-хирургической академіи. Между тѣмъ, справка академіи доказываетъ, что въ то время онъ былъ уже уволенъ изъ академіи.

Послѣ перерыва, который обыкновенно дѣлается въ 2 ч. для обѣда подсудимыхъ, товарищъ оберъ-прокурора, продолжая свою рѣчь, остановилъ вниманіе особаго присутствія на программѣ революціоннаго сообщества, найденной у Здановича и признанной имъ. Одинъ изъ параграфовъ этой программы опредѣляетъ, что новыя общины учреждаются членомъ одной изъ существующихъ. Этотъ параграфъ былъ осуществленъ въ общинахъ: ивановской, кievской и тульской. Существованіе одесской общины не доказано, доказано только присутствіе тамъ Люботовичъ и Субботиной. Названная же три общины дѣйствительно были организованы лицами, принадлежавшими къ тому ядру сообщества, которое представляетъ московскій кружокъ въ домѣ Корсакъ. Такъ, во главѣ ивановской общины стояли Фигнеръ и Александрова, которыя принадлежали къ московскому кружку. Во главѣ кievской общины, по крайней мѣрѣ, главнымъ ея дѣятелемъ, была Хоржевская, проживавшая еще въ квартирѣ Скворцовой подъ именемъ хохлушки Оеклуши. Наконецъ, тульская община была основана Ольгой Люботовичъ. Такимъ образомъ, всѣ эти три общины были основаны членами мо-

сковскаго кружка. Далѣ программа устанавливаетъ, что лицо можетъ быть принято не иначе какъ по единогласному избранію всѣхъ членовъ общины. Въ письмѣ отъ 19 іюля предлагается принятіе новаго члена Санчо, т. е. князя Циціанова, причемъ указывается, что всѣ согласны и только требуется согласіе членовъ ивановской общины. Далѣ, по программѣ членъ сообщества не имѣетъ права отказываться отъ порученія, которое на него будетъ возложено. Въ письмѣ отъ 26 іюля говорится о томъ, что на Здановича было возложено порученіе устроить путь съ за границу и что несмотря на то, что этого ему не хотѣлось, онъ долженъ былъ подчиниться требованію устава. Въстѣ съ тѣмъ авторъ письма, т. е. Вѣра Любатовичъ, говоритъ, что не все* приходится дѣлать, чего хочется. Такимъ образомъ, члены считали своею обязанностью подчиняться распоряженіямъ, исходящимъ отъ администраціи. Въ отдѣлѣ объ организаціи, въ программѣ говорится, что въ настоящее время управленіе состоитъ изъ трехъ членовъ. Это служитъ прямымъ указаніемъ на то, что программа уже приводится въ исполненіе, что въ то время въ составѣ его были три члена. Далѣ, по программѣ члены сообщества вступаютъ въ администрацію по очереди или по взаимному соглашенію и находятся тамъ въ продолженіи одного мѣсяца. Въ письмѣ отъ 26-го іюля Вѣра Любатовичъ указываетъ именно на этотъ срокъ. Затѣмъ по той же программы на членахъ администраціи лежитъ обязанность по храненію книгъ, адресовъ, денегъ, по предупрежденію объ опасности, поддержанію сношеній съ арестованными, по содѣйствію побѣгамъ, по снабженію пропагандистовъ всѣмъ необходимымъ, и т. д. Всѣ эти предписанія дѣйствительно исполнялись тѣми лицами, которыя составляли администрацію. Такимъ образомъ представляется достаточно доказаннымъ, что программа осуществлялась, что она была положена въ основаніе той дѣятельности, которая составляла цѣль преступнаго сообщества. Затѣмъ обвинитель перешелъ къ обвиненію тѣхъ лицъ, которыя приходили въ соприкосновеніе съ сообществомъ, т. е. тѣхъ, которыя, состояя его членами, не входили въ составъ отдѣльныхъ группъ и не принадлежали къ администраціи. Первымъ изъ такихъ лицъ представляется арестованный при обыскѣ въ гостиницѣ «Украина» подсудимый Кардашевъ именовавшійся тогда княземъ Кочекидзе. Тотчасъ по арестованіи онъ заявилъ, что у него на квартирѣ находится значительная сумма денегъ. Поэтому былъ произведенъ обыскъ и дѣйствительно найдено около 8500 руб. и билетъ въ 1100 руб., принадлежащій Тумановой, съ ея бланковой надписью. Дознаніемъ вполне опредѣлилось, какое значеніе имѣлъ этотъ капиталъ. Но прежде нежели представить доказательство этого значенія капитала, обвинитель остановился на личности подсудимаго, и высказалъ, что Кардашевъ въ 1873 году уѣхалъ за границу, гдѣ находился студентомъ дрезденской политехнической школы. Въ февралѣ 1875 года онъ впервые является въ Москву, одновременно съ Чекоидзе. Какое значеніе имѣлъ этотъ пріѣздъ, можно видѣть изъ той дѣятельности, которою занимался Чекоидзе, а эта дѣятельность видна изъ обстоятельствъ, которыя касались распространенія преступныхъ сочиненій на московскихъ фабрикахъ. Уже въ то время Чекоидзе является членомъ кружка, однимъ изъ лицъ, жившихъ въ Сыромятникахъ въ домѣ Костомарова. Такимъ образомъ устанавливается первая связь Чекоидзе съ Кардашевымъ и появленіе Кардашева въ Москвѣ въ то время, когда основывалось преступное сообщество. Во второй разъ Кардашевъ пріѣхалъ въ Москву изъ-за границы въ концѣ іюня 1875 года подъ чужимъ именемъ, проживалъ въ Москвѣ и получилъ въ Орлѣ новый заграничный паспортъ на имя князя Чекоидзе. Въ этотъ пріѣздъ прежде всего представляется страннымъ то обстоятельство, что Кардашевъ, живя въ Дрезденѣ, проѣхалъ на югъ черезъ Яссы, что до-

казывается его записной книжкой и собственнымъ показаніемъ на судѣ. Черезъ Яссы лежалъ тотъ путь, по которому получались книги изъ-за границы и по которому Здановичъ привезъ книги въ Москву. Кардашевъ говоритъ, что онъ былъ вызванъ Циціановымъ, сообщившимъ ему объ арестѣ Чекоидзе. Кардашевъ досталъ за границую деньги и пріѣхалъ въ Москву съ цѣлью освободить Чекоидзе подъ замогъ. Объясненіе это подтверждено Циціановымъ, который вообще подтверждаетъ всѣ показанія, служащія къ облегченію участи другихъ и къ ухудшенію участи его самого. Но при первомъ сопоставленіи этого объясненія съ обстоятельствами дѣла, представляется страннымъ слѣдующее: Кардашевъ ѣдетъ изъ-за границы съ тѣмъ, чтобы войти въ сношенія съ властями, т. е. просить объ освобожденіи изъ-подъ ареста политическаго арестанта, но при этомъ ѣдетъ съ чужимъ паспортомъ и является въ Москву не только подъ чужимъ именемъ, но подъ именемъ Чекоидзе, котораго именно и желаетъ освободить изъ подъ ареста. Очевидно, что если бы онъ имѣлъ дѣйствительно эту цѣль, то, конечно, принялъ бы и соотвѣтствующія мѣры. Во все время пребыванія въ Москвѣ Кардашевъ не приводитъ въ исполненіе того намѣренія, съ которымъ пріѣхалъ изъ Дрездена. Онъ не обращается ни къ кому съ ходатайствомъ объ освобожденіи Чекоидзе и объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Что же онъ дѣлаетъ? Указывая на взаимныя отношенія между лицами, съ которыми Кардашевъ приходилъ въ прикосновеніе, можно указать только на тѣхъ обвиняемыхъ, которые имѣютъ наиболѣе серьезное значеніе въ дѣлѣ. Онъ имѣлъ непосредственныя сношенія съ Вѣрой Любатовичъ и княземъ Циціановымъ. Желая возвратиться за границу, онъ хотѣлъ взять заграничный паспортъ. Казалось бы, что онъ могъ его взять въ Москвѣ, но онъ ѣдетъ брать его внѣ Москвы, и ѣдетъ не въ ближайшій городъ, а въ Орель, причемъ его сопровождаетъ Циціановъ; въ Орлѣ они видятся съ какою-то женщиною. Этою женщиною предполагалась Марія Субботина, но утверждать это не представляется достаточныхъ доказательствъ. Въ Орлѣ дѣйствительно Кардашевъ получилъ заграничный паспортъ, но для полученія его присутствіе Циціанова вовсе не представлялось необходимымъ, а, между тѣмъ, путешествіе Циціанова оплачивалось Кардашевымъ, какъ это видно изъ предъявленныхъ на судебномъ слѣдствіи счетовъ. Затѣмъ сношеніе Кардашева съ членами общества подтверждается тѣмъ, что во время бракосочетанія Гамкрелидзе онъ присутствуетъ на закускѣ. Въ то же время, при участіи Евгеніи Субботиной, покушается устроить фиктивный бракъ съ дѣвичествомъ Ансеровой и является къ отцу Ансеровой въ качествѣ жениха. Въ этомъ отношеніи весьма характерно показаніе священника Ансерова. Его дочь имѣла несчастіе воспитываться вмѣстѣ съ Субботиними, подъ влияніемъ которыхъ она пожелала ѣхать за границу, причемъ Субботины предлагали ей для этого свои средства. Вліяніе Субботиныхъ на Ансерову видно изъ показанія ея отца, который говоритъ, что семья его въ теченіи трехъ лѣтъ держалась Субботиними въ осадномъ положеніи; въ теченіи трехъ лѣтъ онъ долженъ былъ обращать вниманіе только на то, чтобы молодая дѣвушка не погибла, чтобы она не вступила на тотъ путь, который теперь довела Субботиныхъ до скамьи подсудимыхъ. Когда родители воспротивились этой поѣздкѣ, тогда Ансеровой было предложено бѣжать, вступивъ въ фиктивный бракъ. Кардашевъ отправился къ священнику и просилъ принять его въ свою семью, но священникъ отказалъ ему въ этомъ. Вотъ чѣмъ занимался Кардашевъ въ то время, когда онъ жилъ въ Москвѣ только затѣмъ, по его показанію, чтобы выручить изъ подъ стражи Чекоидзе. Что касается отобраннаго капитала, то значеніе его объясняется книжкой, отобранной у Кардашева, въ которой записаны, между прочимъ, слѣдующіе расходы: выдано 40 рублей Санчо, т. е. Циціанову

выдано Волченку, т. е. Вѣрѣ Любатовичъ; Гамкѣ на свадьбу, т. е. Гамкрелидзе; на поѣздку Цицианова вмѣстѣ съ Кардашевымъ въ Орель. Всѣ эти записи, относясь къ членамъ общества, указываютъ на то, что Кардашевъ расходовалъ деньги непосредственно на общественныя надобности. Въ числѣ денежныхъ суммъ былъ найденъ билетъ Тумановой въ 1100 р. По объясненію Кардашева, а затѣмъ и Гамкрелидзе, билетъ этотъ былъ отданъ Кардашеву въ обезпеченіе долга Гамкрелидзе въ количествѣ 200 р. Но, просматривая записную книжку Кардашева, которая ведена вполне аккуратно, въ ней, однако, не находится выдачи этой суммы, тогда какъ записана выдача тому же Гамкрелидзе на свадьбу сумма гораздо меньше этой. Не менѣе страннымъ представляется и то обстоятельство, что сумма около 9000 руб., выданная Кардашеву для извѣстной цѣли, а именно на внесеніе залога за Чекоидзе, вмѣсто того расходуется на издержки членовъ общества. Но значеніе этихъ денегъ вполне опредѣляется перепискою, отобранною у подсудимыхъ. Только что былъ взятъ Кардашевъ подъ стражу, тотчасъ же было сообщено членамъ, что деньги до 10000 руб. взяты. Кардашевъ долго не давалъ объясненій по поводу этихъ денегъ, и только на судѣ впервые объяснилъ, откуда и для какой цѣли получилъ онъ эту сумму. До этого же времени онъ принималъ мѣры для доказательства, будто этотъ капиталъ принадлежитъ не преступному сообществу, а частнымъ лицамъ—его роднымъ. Съ этою цѣлью имъ былъ написанъ цѣлый рядъ писемъ и векселей задними числами, которые отобраны въ квартирѣ Георгіевской. Въ этихъ письмахъ Кардашевъ проситъ, чтобы мать или братья сказали, будто дали ему деньги для извѣстнаго торговаго предпріятія и, между прочимъ, говорится, что это деньги дорогихъ ему людей. Между тѣмъ, онъ легко могъ бы указать то лицо, которое дало ему деньги, тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакой опасности въ представленіи залога. Но онъ этого не дѣлаетъ. Въ найденномъ въ квартирѣ Георгіевской и Введенской шифрованномъ письмѣ, писанномъ изъ-подъ стражи Здановичемъ, говорится, что на лицахъ, оставшихся на свободѣ, лежитъ обязанность принять всѣ мѣры для спасенія капитала, который въ противномъ случаѣ «пропадетъ для дѣла.» Что касается билета въ 1100 руб., то нахождение его въ рукахъ Кардашева объясняется бракомъ Гамкрелидзе съ Тумановою. Оба эти лица жили въ С.-Петербургѣ, а затѣмъ появились въ Москвѣ—они не говорятъ. Послѣ заключенія брака супруги немедленно разъѣзжаются. При вѣнчаніи и на закускѣ въ номерахъ Костина присутствуютъ только одни члены общества и между ними обвиняемая Батюшкова. Затѣмъ обвинитель привелъ многія фактическія доказательства тому, что, разъѣхавшись немедленно послѣ свадьбы, супруги не жили вмѣстѣ и потому. А какъ сами члены общества относились къ этому браку и какое значеніе онъ имѣлъ, видно изъ извѣщенія ивановскихъ пропагандистовъ объ этомъ бракѣ. Въ письмѣ говорится: «Не желаете ли получить мадамъ-азель Гамку по почтѣ: хотя она вышла замужъ за Костю, но не получила права называться мадамшею». Не менѣе замѣчательно то обстоятельство, что Кардашевъ, записывая выдачу денегъ Гамкрелидзе, записалъ отдѣльно расходъ на свадьбу. Изъ этого очевидно, что издержки на свадьбу сдѣланы на общественныя деньги. Такимъ образомъ, переходъ билета въ 1100 р. и приобщеніе его къ тѣмъ суммамъ, которыя находились у Кардашева, становится яснымъ. Это—имущество, принадлежащее членамъ общества; была попытка доказать, что билетъ переданъ безъ права получить по немъ деньги; но особое присутствіе удостовѣрилось, что посредствомъ нотаріальной бланковой надписи билетъ былъ обращенъ въ безымянный. Такимъ образомъ, принадлежность Кардашева и супруговъ Гамкрелидзе къ преступному сообществу не подлежитъ сомнѣнію. Роль Антимоса Гамкре-

лидзе, какъ членъ сообщества, этимъ не ограничивается; № 12 гостиницы, гдѣ онъ жилъ, постоянно посѣщался пропагандистами, а когда администрація переѣзжала на новую квартиру въ домъ Толстой, то въ № 12 сосредоточивались всѣ посѣщенія лицъ; даже всѣ приѣзжіе, которые жили внѣ Москвы, знали, что нужно явиться въ 12 номеръ, гдѣ и были задержаны. Тамъ былъ найденъ складъ книгъ, оружіе и «Сказка о мудрицѣ Намумовой». Этихъ данныхъ достаточно для опредѣленія той роли, которую играли въ этомъ дѣлѣ супруги Гамкрелидзе. Затѣмъ въ письмѣ на имя Рыжаго Кардашева пишеть, что всѣ бумаги находятся у Медвѣдихи, адресъ которой можно узнать у Виницкой. Была разыскана Виницкая, а затѣмъ и Медвѣдева. Письмо Кардашева прежде всего доказываетъ, что Медвѣдева была лицомъ, пользовавшимся особымъ довѣріемъ. Кромѣ того, черезъ квартиру Медвѣдовой происходили всѣ сношенія членовъ сообщества, жившихъ въ другихъ городахъ, съ Москвою. Сверхъ того, принадлежность Медвѣдовой къ сообществу доказывается шифрованнымъ письмомъ, въ которомъ Здановичъ пишеть, что онъ боится, какъ бы Медвѣдева не разболтала всего ей извѣстнаго. Сама Медвѣдева пишеть въ одномъ письмѣ: «обнаруженъ ли Рыжій», испрашиваетъ, не шли ли черезъ лицъ, содержащихся вмѣстѣ съ нею подъ стражею, письма отъ Рыжаго къ ней. Эти факты избличаютъ Медвѣдеву въ принадлежности къ преступному сообществу. Послѣ ареста лицъ въ квартирѣ Гамкрелидзе и обыска въ домѣ Толстой, администрація сообщества была уничтожена. Тогда сдѣлана была попытка организовать нѣчто похожее на администрацію, которая служила бы центромъ для лицъ, еще оставшихся на свободѣ, и гдѣ сосредоточилась бы переписка съ арестованными обвиняемыми для устройства побѣговъ и подговора свидѣтелей. Такое мѣсто было устроено въ квартирѣ Георгіевской и Введенской. Обыскъ этой квартиры вызванъ былъ появленіемъ Георгіевской въ Сушевской части съ покушеніемъ передать въ хлѣбъ записку Георгіевскому. Въ запискѣ этой указывалось, что авторъ ея, т. е. Георгіевская, поддерживаетъ сношенія съ остальными арестованными лицами, причемъ упоминался Николай Федоровичъ Цвилленевъ и Джабадари. Вообще содержаніе записки доказывало, что Георгіевская знаетъ тѣ обстоятельства, которыя касаются обвиняемыхъ по настоящему дѣлу. По обыску въ ея квартирѣ были найдены: письмо Кардашева, приготовленное для отправки на Кавказъ, шифрованные письма отъ Здановича и Гамкрелидзе, съ переводами ихъ, сдѣланными рукою Георгіевской,—чѣмъ ясно доказывается, что лица, жившія въ квартирѣ Георгіевской, исполняютъ часть тѣхъ обязанностей, которыя по программѣ лежатъ на администраціи. Дальнѣйшее разслѣдованіе показало, что квартиру эту посѣщаль Ивановскій, съ которымъ, по показанію хозяйки квартиры, Георгіевская запиралась въ особой комнатѣ и что-то писала. Когда явились съ обыскомъ, то Георгіевская и Введенская бросились къ столу и хотѣли уничтожить записку, оказавшуюся переводомъ шифрованныхъ писемъ. Кромѣ того, сношеніе Георгіевской и Введенской съ арестованными лицами и другими членами сообщества, оставшимися на свободѣ, доказывается появленіемъ въ квартирѣ ихъ Нуромскаго, принесшаго къ нимъ шифрованную записку. Нуромскій, по доставленіи въ жандармское управленіе, вырвалъ изъ рукъ офицера предъявлявшаго ему эту записку, и изорвалъ ее. Записка оказалась написанною по весьма употребительному въ сообществѣ ключу. По тому же ключу самимъ Нуромскимъ была написана записка во время содержанія его подъ стражей. Появленіе Нуромскаго въ квартирѣ Георгіевской и Введенской въ дорожномъ платьѣ и одновременно съ врачомъ Ивановскимъ, при которомъ найдено было около 200 р. денегъ, можетъ быть объяснено письмами Кардашева и Гамкрелидзе, въ тотъ же день доставленными изъ тюрьмы. Въ письмахъ этихъ пред-

полагалось послать нарочнаго съ тѣми письмами на Кавказъ. Факты, только что изложенные, не могутъ не служить къ обвиненію Георгіевской и Введенской въ принадлежность къ преступному сообществу. Перехода къ обвиненію Субботинныхъ, товарищъ оберъ-прокурора указалъ, что имя ихъ въ настоящемъ дѣлѣ встрѣчается очень часто съ самаго перваго возникновенія сообщества, съ апрѣльскаго дознанія. 3 апрѣля, наканунѣ ареста лицъ въ домѣ Корсакъ въ Москвѣ, Евгенія Субботина пріѣхала въ Москву и заняла номеръ въ гостинницѣ Руднева, отдавъ деньги за мѣсяць впередъ. Несмотря на такую уплату, Субботина въ тотъ же день ушла изъ номера и болѣе не возвращалась, а такое исчезновеніе ея страннымъ образомъ совпадаетъ съ арестомъ обвиняемыхъ въ домѣ Корсакъ. Всѣ три сестры Субботины долгое время жили въ Цюрихѣ, куда увезли съ собой и на свои средства обвиняемую Топоркову. Чѣмъ занимались въ Цюрихѣ Субботины и Топоркова, видно изъ письма матери, которое было прочитано. Въ немъ указывается на собранія молодежи, на отношенія между ними и эмигрантами; на честь, которую оказалъ Лавровъ, принявши любезно Субботинныхъ; на посѣщеніе ими засѣданій интернационала и проч. Результатомъ таковыхъ занятій было то, что Топоркова прямо изъ-за границы поступила членомъ ивановской общины и поселилась простою работницею въ домѣ Кисина. Такой же участи подверглась бы и Ансерова, если бы благодаря ея родителю не спасло ее отъ дурного вліянія Субботинныхъ. Въ настоящее время вся семья Субботинныхъ содержится подъ стражей и обвиняется въ государственныхъ преступленіяхъ. Здѣсь три Субботины: Евгенія, Марья и Надежда, а изъ записки министра юстиціи, копія съ которой была найдена въ числѣ другихъ вещественныхъ доказательствъ, видно, что и мать Субботинныхъ, и воспитанница ихъ Шатилова привлечены къ отвѣтственности по такому же преступленію. Принадлежность Евгениі Субботиной къ тайному сообществу доказывается ея письмомъ къ Топорковой въ Иваново-Вознесенскъ, которое она признала. Въ письмѣ этомъ она сожалѣетъ, что въ Ивановѣ дурно ведется дѣло, что если они «ухнутъ», то это будетъ дурно для общаго хода дѣла. Что касается Марьи и Надежды Субботинныхъ, то противъ нихъ представляются слѣдующія улики. На судѣ опредѣлилось ясно стремленіе Евгениі Субботиной принять на себя извѣстныя улики, чтобы тѣмъ доказать непринадлежность къ сообществу другихъ сестеръ, но попытка эта оказывается неудачною въ виду доказательствъ, имѣющихся въ дѣлѣ. Такъ, Марья Субботина является основательницею квартиры въ домѣ Эйнбродтъ. Она передала ее Фигнеръ, а затѣмъ подъ именемъ Фигнеръ проживала Вѣра Любатовичъ. Указаніе на Марью Субботину сдѣлано самою Фигнеръ, которая на судѣ отказалась отъ этого заявленія. Евгенія Субботина говоритъ, что она проживала подъ именемъ Марьи Субботиной, такъ какъ она не имѣла своего вида, отобраннаго отъ нея курскимъ жандармскимъ управленіемъ, именно ея метрическое свидѣтельство. Между тѣмъ оказалось, что у нея былъ видъ, который былъ прописанъ въ полиціи. Во время арестовъ, первое лицо, о которомъ вмѣстѣ съ Рыжимъ заботятся обвиняемые, была Марья Субботина, чѣму служитъ доказательствомъ письмо Кардашева къ Микеладзе. Затѣмъ второе письмо Кардашева, адресованное Аѳонскому, предназначалось какъ Евгениі, такъ и Марьѣ Субботиннымъ. Письмо было зашифровано по очень употребительному среди членовъ сообщества ключу. Отсюда понятно, что ключъ этотъ—составлявшій великій секретъ—былъ извѣстенъ какъ Евгениі, такъ и Марьѣ Субботиннымъ. Далѣе, въ письмѣ въ Иваново отъ 19 іюля говорится, что трудно достать сапоги. Изъ дѣла извѣстно, что подъ именемъ «сапоговъ» разумѣются фальшивые виды на жительство. Въ этомъ письмѣ говорится: «Женя пишетъ, что есть надежда, что Маня скоро получитъ».

ніе двухъ именъ, Евгеніи и Марьи, ясно свидѣтельствуесть, о комъ идетъ рѣчь въ письмѣ. Очевидно, Марья Субботина надѣется добыть подложные виды для членовъ сообщества. Надежда Субботина не менѣе своихъ сестеръ избличается въ томъ же преступленіи. Она проживала подъ чужимъ именемъ въ Одессѣ, вмѣстѣ съ Ольгою Люботовичъ. По показанію свидѣтеля Микеладзе, Субботина извѣстна была подъ именемъ Надьки. Эта Надька, т. е. Надежда Субботина, познакомила Микеладзе съ семействомъ Хоржевскихъ. Проживательство Субботиной вмѣстѣ съ Ольгою Люботовичъ доказано показаніями хозяйки дома, справками изъ домовыхъ книгъ и собственнымъ сознаніемъ обвиняемыхъ на судѣ. Затѣмъ изъ дѣла извѣстно, что князь Микеладзе былъ арестованъ въ Одессѣ 21 августа, а 20 августа Надежда Субботина передала ему двѣ телеграммы для отправки въ Кіевъ на имя Гельфманъ и въ Москву на имя Медвѣдовой, то-есть въ квартирѣ пропагандистовъ. Въ депешахъ этихъ сообщалось, что Надежда Субботина перемѣняетъ свой адресъ и скоро сообщитъ новый, а до тѣхъ поръ проситъ не посылать писемъ. Наконецъ, неоспоримымъ доказательствомъ принадлежности Надежды Субботиной съ сообществу служатъ письма ея къ Гельфманъ, подписанныя Воейковой. Въ Кіевѣ были получены два такихъ письма, одно съ 300 рублей, а въ другомъ говорится что Субботина въ Москвѣ одна, всѣ арестованы, что нужно сообщить Рыжему, дабы онъ скорѣе пріѣзжалъ, причеъ перемѣнилъ бы наружность и не ходилъ бы по старымъ адресамъ, и что вообще дѣла идутъ плохо. Экспертиза признала, что письма эти несомнѣнно написаны Надеждою Субботиной. Въ настоящее время на судѣ защита пыталась доказать, невозможность посылки этихъ писемъ Надеждою Субботиной; но обвинитель опровергнулъ это покушеніе. Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, привлечены къ дѣлу еще Сбромірскій и Овчинниковъ. Эти лица вмѣстѣ съ обвиняемымъ Бариновымъ обвиняются въ попыткѣ выслать изъ Москвы свидѣтеля Корнюхина на пропаганду въ Тулу. По показанію Корнюхина, Сбромірскій пригласилъ его къ себѣ въ квартиру Овчинникова, гдѣ познакомилъ его съ Иваномъ Тимофеевымъ Смирновымъ и Овчинниковымъ. Здѣсь Корнюхину были переданы преступнаго содержания книги для прочтенія. Нѣсколько времени спустя, Смирновъ и Сбромірскій пригласили его на лугъ около смоленскаго вокзала. Туда собрались всѣ названныя выше лица, уговаривалъ Корнюхина ѣхать на пропаганду въ Тулу и передали тѣ книги, которыя Корнюхинъ представилъ въ жандармское управленіе. Свиданіе для полученія паспорта и денегъ для отъѣзда въ Тулу было назначено въ трактирѣ у Сухаревой башни. Въ трактирѣ, по указанію Корнюхина, и были задержаны Сбромірскій, Смирновъ, Овчинниковъ и Бариновъ. Такимъ образомъ, заявленіе Корнюхина нашло себѣ подтвержденіе въ самомъ арестѣ. Изъ числа этихъ арестованныхъ лицъ Бариновъ и Овчинниковъ несомнѣнно принадлежали къ тайному сообществу. Такъ, Бариновъ принималъ участіе въ распространеніи книгъ преступнаго содержания сначала въ Москвѣ, затѣмъ въ Ивановѣ, а Овчинниковъ, арестованный въ 12 № гостиницы «Украина», оказался лицомъ, писавшимъ часть рукописи «О мудрицѣ Наумовой», и его книжка найдена въ имуществѣ администраціи общества. —Послѣ обѣденнаго перерыва товарищъ оберъ-прокурора представилъ улики къ обвиненію Рождественскаго, Батюшковой, Иванова, Бѣляевскаго, и Трубецкого. Но предварительно онъ заявилъ относителъво Надежды Субботиной, что не поддерживаетъ обвиненія ея въ распространеніи книгъ преступнаго содержания, такъ какъ оно было основано на показаніи князя Микеладзе, которъй на судѣ отказался отъ своего прежняго показанія. Точно также онъ не обвиняетъ Сидорацкаго въ распространеніи книгъ преступнаго содержания. Что же касается Цвиленева, то хотя въ его чемоданѣ оказались главные документы тайнаго сообще-

ства, но представитель обвинительной власти не обвиняет его въ принадлежности къ администраціи сообщества. Однако, и лицо, не принадлежащее къ администраціи, можетъ оказать такое серьезное содѣйствіе сообществу, что по своей отвѣтственности можетъ стоять даже выше, нежели лицо, принадлежащее къ составу администраціи, и участіе Цвиленева представляется именно настолько важнымъ. Относительно Рождественскаго обвинитель высказалъ, что судебное слѣдствіе не дало достаточнаго матеріала для обвиненія его въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія. По мнѣнію обвинителя, Рождественскій тѣмъ не менѣе долженъ быть признанъ виновнымъ въ принадлежности къ сообществу, въ виду слѣдующихъ данныхъ: явившись въ Москву, онъ направился прямо въ 12 № гостинницы «Украина», значеніе котораго въ настоящемъ дѣлѣ достаточно определено. Изъ бумагъ, оказавшихся у Рождественскаго, видно, что ему была извѣстна квартира администраціи сообщества въ домѣ Эйнбродтъ. Между тѣмъ, на основаніи программы революціоннаго сообщества, лицо, не принадлежащее къ составу сообщества, не должно посѣщать тѣ мѣста, гдѣ сосредоточивается главная дѣятельность участниковъ. Онъ говоритъ, что № 12 былъ ему указанъ въ домѣ Эйнбродтъ, но онъ не показываетъ кто сообщилъ ему этотъ адресъ, хотя и имѣлъ къ тому возможность. Сверхъ того, у него при заарестованіи была найдена записка, въ которой требовалась присылка книгъ преступнаго содержанія, такъ какъ онъ будутъ ему нужны; записка эта оказалась писанною самимъ Рождественскимъ. Такимъ образомъ, оказывается, что Рождественскій имѣлъ прямыя, непосредственныя сношенія съ администраціей сообщества и получалъ отъ этого управленія книги преступнаго содержанія, а эти данныя уличаютъ Рождественскаго въ принадлежности къ сообществу. Въ отношеніи распространенія книгъ въ Саратовской губерніи является главнымъ основаніемъ для обвиненія—оговоръ подсудимаго Бѣляевскаго. Обстановка, при которой сдѣланъ этотъ оговоръ, слѣдующая: въ Саратовѣ у семинаристовъ Иванова и Соколова были найдены при обыскѣ книги преступнаго содержанія. Изъ показаній на судѣ разъяснилось, что книги получены ими были изъ дома Павла Трубецкого, которому привезъ ихъ изъ деревни учитель Виноградовъ. Здѣсь обвинитель изложилъ подробно показаніе свидѣтелей Виноградова, Трубецкого и совершенно доказанное показаніе Бѣляевскаго о томъ, что онъ получалъ книги отъ Батюшковой и Иванова. Весь оговоръ Бѣляевскаго былъ прдтвержденъ во всѣхъ подробностяхъ обстоятельствами дѣла; но на судѣ онъ пытался неправдоподобными объясненіями снять этотъ оговоръ. Но обвинитель доказывалъ виновность Батюшковой и Иванова въ передачѣ книгъ преступнаго содержанія Бѣляевскому. Вслѣдствіе оговора Бѣляевскаго, у Батюшкой былъ произведенъ обыскъ, во время котораго повторилась одна изъ сценъ, ставшихъ обыкновенными при обыскахъ по настоящему дѣлу, а именно, Батюшкова разорвала письмо, часть сунула себѣ въ ротъ, а другую отдала Цвиленеву, сказавъ ему: «жуй». Въ числѣ документовъ, отобранныхъ у Батюшковой, найдено письмо, въ которомъ авторъ проситъ устроить фиктивный бракъ, такъ какъ иначе нельзя получить деньги, при чемъ о бракѣ проситъ хлопотать Батюшкову и ея пріятельницу Армфельдъ. Затѣмъ въ другомъ письмѣ есть указаніе, что лицо, писавшее его, и лицо, которому оно адресовано, занимались распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія. Въ отношеніи виновности Батюшковой обвинитель указалъ еще на то, что во время содержанія ея подъ стражею, съ ней вступилъ въ сношеніе врачъ Ивановскій, значеніе котораго въ этомъ дѣлѣ извѣстно изъ прочитаннаго показанія жандармскаго унтеръ-офицера Буланова. Переписка происходила между Чекоидзе, Здановичемъ, Кардашевымъ и Батюшковою. Одно сопо-

ставленіе этихъ лицъ уясняетъ то положеніе Батюшковой, которое она занимала въ сообществѣ. По мнѣнію обвинителя, она принадлежала къ организациі тайнаго сообщества и занималась распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія. Распространеніе этихъ книгъ со стороны Трубецкого основано также на оговорѣ Бѣляевского, по показанію котораго Трубецкой увезъ съ собою большое количество этихъ книгъ, но по обыску у него найдена незначительная ихъ часть. Передача Ивановымъ этихъ книгъ Трубецкому составляетъ, по мнѣнію обвинителя, прямое ихъ распространеніе. Въ квартирѣ Батюшковой былъ задержанъ Цвиленевъ, при которомъ найдены нѣкоторые документы, изъ коихъ на одинъ было обращено вниманіе защиты, и онъ былъ прочитанъ. Это отрывокъ какого-то письма, въ которомъ авторъ отрекается отъ дѣятельности по распространенію книгъ преступнаго содержанія, указываетъ на несостоятельность этого приѣма и гзоритъ, вообще, о невозможности возбужденія народа. Но какое бы толкованіе ни придала защита этому документу, во всякомъ случаѣ, онъ не принадлежитъ никому изъ лицъ, преданныхъ суду по настоящему дѣлу, такъ какъ, по показанію самого Цвиленева, документъ этотъ списанъ съ письма, находившагося у Батюшковой и принадлежащаго неизвѣстному. Если же Цвиленевъ сочувствуетъ идеямъ, изложеннымъ въ этомъ письмѣ, то ему предстоитъ объяснить совершенно противоположныя идеи, изложенныя Цвиленевымъ въ рукописи о безпорядкахъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ и въ замѣткахъ на рукописи пропагандиста, рѣшившагося итти въ народъ. Однимъ словомъ, документъ этотъ, по мнѣнію обвинителя, къ оправданію кого-либо изъ обвиняемыхъ служить не можетъ. Окончивъ изложеніе уликъ, по отношенію къ каждому изъ обвиняемыхъ, товарищъ-оберъ-прокурора сдѣлалъ подробные выводы изъ всего дѣла. Онъ указалъ на то, что основаніе преступному сообществу положено кружкомъ лицъ, собравшихся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Москвѣ. Всѣ эти лица, за исключеніемъ Георгіевского, Лукашевича, Петра Алексѣева и мѣстныхъ рабочихъ, являются простыми эмиссарами изъ-за границы. Всѣ они жили въ Швейцаріи и затѣмъ въ Парижѣ; всѣ они возвратились одновременно въ Россію, а частью и вмѣстѣ, въ одномъ поѣздѣ, въ концѣ 1874 года, и, проѣхавъ черезъ Петербургъ и захвативъ оттуда Георгіевского, Лукашевича и Петра Алексѣева, основали кружокъ въ Москвѣ въ первыхъ же мѣсяцахъ 1875 года, т. е. въ январѣ и февралѣ, сначала за Москвой-рѣкой, а послѣ въ домѣ Костомарова и Корсака. Кружокъ этотъ выдѣлилъ изъ себя нѣсколькихъ членовъ, образовавшихъ общины въ Ивановѣ, Кіевѣ и Тулѣ. Всѣ эти общины управлялись администраціею, находившеюся въ Москвѣ, и, такимъ образомъ, составляли одно цѣлое преступное сообщество. По личному составу своему, дѣйствовавшее въ Москвѣ, Ивановѣ, Кіевѣ и Тулѣ, сообщество не принадлежало къ мѣстнымъ жителямъ, а состояло изъ людей пришлыхъ, ничего общаго съ мѣстными рабочими не имѣвшими. Самая незначительная часть членовъ сообщества принадлежала къ мѣстнымъ рабочимъ. Такъ,—въ Москвѣ къ сообществу примкнуло 5 человекъ, въ Ивановѣ—ни одного, въ Тулѣ и Кіевѣ по 3 человека. Большая часть обвиняемыхъ явилась для пропаганды или изъ Петербурга, или изъ-за границы; таковыхъ 29 человекъ, всѣ они принадлежали когда-то къ учащейся молодежи или къ слушательницамъ женскихъ курсовъ. Образовавшееся преступное сообщество имѣло свою опредѣленную программу—уставъ и располагало довольно значительными средствами. Цѣль сообщества ясно выражена въ программѣ. Ею предписывается, устная и путемъ распространенія книгъ, пропаганда среди народа анархическихъ началъ и дѣйствительная агитация къ бунту и вооруженному возстанію. Идеи, проповѣдуемыя членами сообщества, весьма ясно и отчетливо изложены въ книгѣ, рас-

пространявшихся ими среди народа. Отрицание религии, семьи, частной собственности, уничтожение всѣхъ классовъ общества путемъ поголовнаго избіенія всего, что выше простого и притомъ бѣднаго крестьянина—вѣтъ тѣ идеи, которыя положены въ основаніе книжкѣ, распространяемыхъ въ народѣ. Почти всѣ изъ нихъ оканчиваются воззваніемъ къ вооруженному возстанію. Нѣтъ сомнѣній, что члены сообщества не имѣли въ виду возбудить народъ къ бунту сейчасъ, немедленно, но точно также ясно, что они имѣли въ виду, путемъ подобной пропаганды, подготовить народъ къ бунту и вызвать таковой въ будущемъ. Вотъ почему всѣ обвиняемые, за исключеніемъ Бѣляевского, Трубецкого, Иванова и Сбромірскаго, обвиняются въ совершеніи преступленія, предусмотрѣннаго 2-мъ отд. ст. 250, и составъ этого преступленія безспорно по настоящему дѣлу доказанъ. Указавъ на непосредственную связь ученія, проповѣдуемаго членами сообщества, съ ученіями интернаціоналовъ; указавъ на особенныя, характеристическія черты, свойственныя только русской пропагандѣ, обвинитель высказалъ нѣсколько соображеній объ общемъ характерѣ и значеніи этого дѣла для русскаго общества; а затѣмъ, въ виду крайняго утомленія послѣ двухдневной рѣчи, просилъ особое присутствіе перейти къ дальнѣйшимъ преніямъ.

По открытіи засѣданія слово было представлено защитѣ. Присяжный повѣренный Спасовичъ (защитникъ Георгіевского, Джабадари и Вѣры Любатовичъ), установивъ въ началѣ своей рѣчи ту точку зрѣнія, съ которой, по его мнѣнію, нужно было бы судить настоящее дѣло, въ отношеніи подсудимаго Георгіевского въ сущности высказалъ, что Георгіевскій—сынъ бѣднаго священника, обремененнаго значительнымъ семействомъ, и сверхъ того неудавшійся студентъ; онъ не былъ въ Цюрихѣ и находился только въ Петербургѣ, толкаясь въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ былъ въ технологическомъ институтѣ, но долженъ былъ выйти; былъ въ медико-хирургической академіи, но тоже вышелъ оттуда по недостатку средствъ; онъ бѣдствовалъ до того, что долженъ былъ ночевать въ ночлежныхъ заведеніяхъ; а по приѣздѣ въ Москву, поставилъ себѣ задачею поступить куда-нибудь слесаремъ на заводъ Но тутъ встрѣтилось затрудненіе: ему мѣшали бумаги, въ которыхъ онъ назывался студентомъ, а извѣстно, что если студентъ придетъ на фабрику просить простой работы, то на него смотрятъ подозрительно. Вотъ почему онъ прибѣгъ къ преступленію, за которое теперь не можетъ судиться, такъ какъ въ выводахъ обвинительнаго акта это преступленіе не помѣщено: онъ купилъ себѣ за 5 рублей подложный паспортъ, въ которомъ, впрочемъ, назывался собственнымъ именемъ и отчествомъ. Жилъ онъ бѣдно, въ квартирѣ за 6 руб. У него не найдено ни одной книжки, нѣтъ ни одного доказательства въ дѣлѣ, чтобы онъ кому-нибудь читалъ или рассказывалъ книжки; у него въ квартирѣ не было ни сборищъ ни сходокъ, такъ что противъ него есть только двѣ улики, а именно: показаніе Скворцовой, которая будто бы его видѣла въ числѣ тѣхъ людей, которые образовали первоначальный кружокъ и жили въ домѣ Корсакъ, и что его арестовали вмѣстѣ съ другими лицами. Но когда Скворцовой былъ на судѣ предъявленъ Георгіевскій, то она его не признала, слѣдовательно, эта улика падаетъ. Что касается другой улики—ареста Георгіевского въ домѣ Корсакъ вмѣстѣ съ другими, то при этомъ арестѣ Георгіевскій заявилъ, что онъ зашелъ купить мебель, но это, очевидно, неправда, потому что у него не было денегъ, и онъ не имѣлъ мѣста, гдѣ уставить мебель. Затѣмъ, онъ назвался Василюмъ Григорьевымъ, и это понятно, потому что онъ былъ застигнутъ врасплохъ, а совѣсть у него не была чиста; онъ жилъ по фальшивому паспорту, слѣдовательно, откровенность для него была нудобна. Онъ зашелъ просто по знакомству съ людьми, съ которыми встрѣ-

чался въ медицинской ака еміи, и которые могли его пригласить. Такимъ образомъ, противъ Георгіевскаго нѣтъ ни одной данной для обвиненія его въ принадлежности къ противозаконному сообществу, если не смѣшивать простое знакомство съ членами сообщества съ самимъ сообществомъ. Но, когда онъ былъ посаженъ въ тюрьму, онъ явился членомъ сообщества. Но это сообщество было не революціонное, а тюремное; въ такого рода сообщество вступить всякій отъ скуки и бездѣлья, по единству интересовъ заключенія. Если бы упрекать Георгіевскаго за то, что, содержась подъ стражей, онъ вступилъ въ политическое сообщество, то это обвиненіе было бы невѣрно. Содержась въ тюрьмѣ, онъ имѣлъ не революціонныя цѣли, а гораздо ближайшую цѣль—выйти изъ тюрьмы. Такимъ образомъ, въ его сношеніяхъ не можетъ быть и рѣчи объ образованіи политическаго заговора: сидя въ тюрьмѣ, онъ не могъ замышлять о ниспроверженіи государства. По этимъ основаніямъ защитникъ выразилъ надежду, что Георгіевскій, какъ попавшій въ это дѣло случайно и ничѣмъ не уличаемый, будетъ оправданъ. Въ отношеніи подсудимаго Джабадари защитникъ прежде всего доказывалъ, будто бы не существовало того противозаконнаго сообщества, которое разумѣетъ законъ; что это былъ кружокъ единомышленниковъ, а не тайное сообщество людей, имѣющихъ одну цѣль, которую они рѣшились осуществить общими средствами. Къ Джабадари не можетъ быть отнесенъ ни одинъ изъ признаковъ, указанныхъ въ обвинительномъ актѣ: онъ не получалъ денегъ изъ общественныхъ суммъ, не имѣлъ клочки, не разносилъ книжекъ, не обладалъ шифромъ, и во всемъ дѣлѣ нѣтъ ни одного его письменнаго документа. Противъ него могутъ быть выставлены только двѣ улики: 1. арестованіе его въ домѣ Корсакъ, необъявленіе своей фамиліи и 2. показаніе Скворцовой. Но арестованіе могло случиться вслѣдствіе простаго знакомства фамилію же свою не открывалъ онъ лишь до обличенія его допра, по его мнѣнію, въ законную форму. Изъ показанія Скворцовой нельзя вывести ничего обвиняющаго. Она говоритъ, что Джабадари поселился въ домѣ Костомарова и далъ 5 руб. на покупку мебели. Это доказываетъ только, что онъ нѣкоторое время долженъ былъ оставаться на этой квартирѣ. Она говоритъ, что онъ привезъ чемоданъ съ книгами, который, по указанію Васильева, куда-то отправилъ изъ квартиры. Но неизвѣстно, какія это были книги. Переходя къ обвиненію Джабадари въ распространеніи преступныхъ сочиненій, защитникъ выразилъ, что ст. 251 улож. о наказ. обязываетъ судъ разобрать содержаніе распространяемыхъ книжекъ и опредѣлить ихъ значеніе, но какія книжки передавалъ Джабадари—этотъ вопросъ остается неразрѣшеннымъ. Противъ него приводится только, что онъ былъ въ трактирѣ съ рабочими тюляевской фабрики, приглашенными сюда Филатомъ Егоровымъ; но, по словамъ свидѣтелей—Ермолаева, Зотова и Игнатова, въ трактирѣ сидѣлъ неизвѣстный имъ черный человѣкъ, не изъ русскихъ, который угощалъ ихъ и говорилъ съ ними о предметахъ, самыхъ обыденныхъ. На фабрикахъ Джабадари не работалъ, своихъ идей въ пропаганду не вносилъ, и если вертѣлся около рабочихъ, то имѣлъ видъ человѣка, лишь знакомящагося съ бытомъ крестьянина. Если въ средѣ этого сообщества можетъ находиться человѣкъ, подобный писавшему то письмо, съ котораго копія найдена у Цвиленева, человѣкъ, который убѣжденъ, что всѣ эти революціонныя книжки нужно бросить въ печь, — такой человѣкъ, пойдя въ народъ, конечно, пойдетъ только затѣмъ, чтобы просто ознакомиться съ его бытомъ. Но изъ этого нельзя выводить виновности въ пропагандѣ. Въ отношеніи обвиненія Вѣры Люботовичъ, въ покушеніи на убійство помощника надзирателя Федорова, защитникъ замѣтилъ, что это обвиненіе совершенно не подтвердилось судебнымъ слѣдствіемъ. Она обвиняется еще въ распростра-

нені преступныхъ книжекъ, но ни въ обвинительномъ актѣ ни въ рѣчи прокурора не было указано никакихъ данныхъ для этого обвиненія. Говорится только, что она жила на одной квартирѣ съ Циціановымъ, гдѣ былъ найденъ складъ различныхъ книжекъ; но ничѣмъ не доказано, чтобы она кому-нибудь давала книжки. Въ отношеніи обвиненія В. Любатовичъ въ организаціи сообщества, защитникъ, между прочимъ, замѣтилъ, что она женщина весьма молодая, бойкая, дѣятельная, побывавшая во множествѣ разныхъ мѣстъ, вслѣдствіе чего могло произойти заключеніе, что она имѣла участіе если не въ организаціи сообщества, то, по крайней мѣрѣ, въ общеніи съ членами сообщества. Она несовершеннолѣтняя: только 26 іюля 1875 года ей исполнилось 21 годъ, была больна и за-границу отправлена врачомъ. Въ дѣлѣ нѣтъ указаній о томъ, что она дѣлала за-границей. Возвращаясь оттуда, она вмѣстѣ съ сестрой была арестована на границѣ, по подозрѣнію въ провозѣ писемъ, и отправлена въ Черниговъ. Освобожденная въ мартѣ 1875 года и вновь арестованная въ августѣ, она въ этотъ короткій промежутокъ времени успѣла пожить и въ домѣ Костомарова, и въ домѣ Эйнбродтъ, и вмѣстѣ съ Циціановымъ въ домѣ Толстой, и, наконецъ, была взята въ нумерахъ гостинницы «Украина». Сверхъ того, противъ нея представляется множество и письменныхъ документовъ, изъ которыхъ главнѣйшій есть приписка отъ 26-го іюля 1875 года въ письмѣ отъ 19 іюля. Разобравъ въ подробности значеніе и смыслъ этой приписки, защитникъ находилъ, что она можетъ указывать только на степень участія Любатовичъ въ организаціи, но онъ полагалъ, что особое присутствіе не поставитъ подсудимой во главѣ этой преступной организаціи и не припишетъ ей первенствующаго значенія, котораго въ дѣйствительности она не имѣла. Затѣмъ онъ указывалъ на нѣкоторыя обстоятельства, которыя могутъ быть, по его выраженію, даже неприятными для самой подсудимой, а именно,—что она въ своихъ показаніяхъ желаетъ придать себѣ больше значенія, нежели въ дѣйствительности имѣла. Но тутъ необходимо принять во вниманіе ея возрастъ и полъ. «Относительно возраста,—сказалъ г. Спасовичъ,—я не думаю, чтобы равноправность можно было довести до уровня всѣхъ возрастовъ. Остается неравноправность уголовная: кто больше молодъ, тотъ будетъ нести отвѣтственность гораздо меньше, и только это справедливо. Относительно же пола, я позволю себѣ высказать, что, по моимъ понятіямъ, слѣдуетъ смотрѣть на женщинъ съ нѣкоторою снисходительностью, и, при равныхъ условіяхъ виновности, невозможно допустить, чтобы мужчина и женщина были одинаково наказуемы». Присяжный повѣренный Ольхинъ (защитникъ Фигнеръ, Лукашевича, Топорковой, Владимира Александрова, Млодецкаго и Злобина) высказалъ относительно Лукашевича, что противъ него, по обвинительному акту и въ рѣчи прокурора, выставлены уликами только слѣдующія данныя: что онъ былъ арестованъ въ домѣ Корсакъ; что жилъ по подложному паспорту; что Скворцова называла его Иваномъ Ивановичемъ и указывала какъ на лицо, приходившее къ ея жильцамъ въ гости; что онъ жилъ съ Агаповымъ, которому, по его словамъ, читалъ книжку. Въ опроверженіе этихъ уликъ, защитникъ прежде всего изложилъ рассказъ самого Лукашевича на судебномъ слѣдствіи о томъ, что по пріѣздѣ его въ Москву онъ не имѣлъ средствъ, занимался перепискою и былъ вынужденъ пойти въ рабочіе, для чего добылъ себѣ фальшивый паспортъ. Изъ экономіи и просто случайно онъ поселился на квартирѣ вмѣстѣ съ Агаповымъ, который былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ подсудимыхъ и познакомилъ съ ними Лукашевича; этотъ послѣдній ходилъ на квартиру Скворцовой съ намѣреніемъ добыть себѣ болѣе выгодную работу. Въ одно изъ такихъ посѣщеній его арестовали вмѣстѣ съ другими. По мнѣнію защитника, подобнаго рода арестъ не можетъ быть

уликою,—онъ пришелъ туда просто, какъ знакомый; оговоръ противъ него со стороны Агапова ничѣмъ не подтвердился, и самъ Агаповъ на судебномъ слѣдствіи снялъ оговоръ. Онъ говорилъ на дознаніи, что Лукашевичъ читалъ ему «Емельку Пугачева», но въ подтвержденіе этого нѣтъ ни свидѣтелей ни какихъ-нибудь другихъ данныхъ. Оговоръ Агапова объясняется желаніемъ вырваться изъ-подъ стражи, и, дѣйствительно, онъ былъ освобожденъ послѣ даннаго имъ показанія. Въ защиту Топорковой г. Ольхинъ прочиталъ ея показанія на судебномъ слѣдствіи и доказывалъ справедливость и естественность этого разсказа, а именно,—что она была въ Иваново-Вознесенскѣ съ единственною цѣлью изучить на практикѣ бытъ рабочихъ. Что касается до ея знакомства съ членами сообщества, то съ Александровымъ ее познакомила Фигнеръ только за два дня до поѣздки въ Иваново, а съ Агаповымъ она встрѣтилась лишь на станціи Новки, по пути въ Иваново-Вознесенскъ. Собственно эта поѣздка не составляетъ никакой улики, потому что никому не воспрещается поѣхать въ Иваново-Вознесенскъ; точно также наблюденіе за рабочимъ движеніемъ, по мнѣнію защитника, не можетъ быть поставлено въ улику и не составляетъ никакого преступленія. Въ Ивановѣ она не поступала на фабрику, никому не давала революціонныхъ книжекъ и не сдѣлала рѣшительно ничего для пропаганды. Она избрала роль стряпухи, чтобы имѣть возможность наблюдать за жизнью рабочихъ и стоять въ сторонѣ. Что касается обвиненія въ распространеніи революціонныхъ книгъ, а именно,—въ передачѣ «Хитрой механики» и трехъ номеровъ газеты «Впередъ» Жарковскому, то она передала ихъ завернутыми въ узлѣ и не знала, что это были революціонныя сочиненія. Относительно Злобина защитникъ объяснилъ, что изъ письма 19-го іюля, на которомъ основывается все обвиненіе Злобина, вовсе не видно, чтобы онъ былъ членомъ организаци, а, напротивъ, о немъ говорится какъ о человѣкѣ, котораго еще нужно залучить въ сообщество. Такъ, въ письмѣ сказано, что Злобина могутъ перетянуть. Значитъ, Злобинъ не принадлежалъ ни къ какой компании пропагандистовъ, и, имѣя вліяніе между рабочими, онъ былъ такимъ человѣкомъ для пропагандистовъ, котораго они желали привлечь къ себѣ и боялись, чтобы его не перетянули. Если ему были извѣстны нѣкоторыя изъ лицъ, обвиняемыхъ въ сообществѣ, то изъ этого нельзя дѣлать заключенія, чтобы самъ Злобинъ былъ не просто ихъ знакомымъ, а участникомъ, сочленомъ. Свидѣтель Введенскій показалъ, что Злобинъ никакихъ книжекъ не распространялъ, не агитировалъ среди рабочихъ и былъ такимъ отличнымъ работникомъ, что его хотѣли сдѣлать помощникомъ механика. Слѣдовательно, ему и некогда было заниматься пропагандой. Относительно Млодецкого защитникъ указалъ, что письмо его къ Злобину, которое выставляется уликою въ принадлежности его къ сообществу, писано имъ подъ диктовку Подгородецкого, слѣдовательно, уликою служить не можетъ. То обстоятельство, что онъ ходилъ за деньги по просьбѣ Хоржевской, есть не болѣе, какъ простая услуга; если и допустить, что деньги принадлежали общественной кассѣ, то и тогда Млодецкій не можетъ быть обвиняемъ въ принадлежности къ противозаконному сообществу, такъ какъ онъ зналъ только, что деньги эти составляютъ собственность Хоржевской. Что касается поддѣлки паспортовъ, то эксперты признали сходство съ почеркомъ Млодецкого только въ четырехъ буквахъ, и на вопросъ защитника, признаютъ ли они это сходство настолько значительнымъ, чтобы признать паспорта написанными рукою Млодецкого, эксперты отвѣтили отрицательно. По обвиненію его въ распространеніи революціонныхъ книжекъ, есть только одно показаніе свидѣтельницы Драгуновой, но оно настолько неудовлетворительно, что на немъ невозможно основывать обвиненіе. Драгунова говоритъ, что къ Подгородецкому при-

ходили Шаремскій и Петровъ, и что отъ Подгородецкаго она слышала, что онъ получилъ отъ нихъ книжки. Но, во-первыхъ, Млодецкій не назывался Шаремскимъ, а, во-вторыхъ, изъ показанія свидѣтельницы не видно, кто именно изъ указанныхъ ею двухъ лицъ давалъ Подгородецкому книжки. Что касается другихъ обвиняемыхъ, которые во всемъ сознались и приняли на себя полную отвѣтственность за всѣ свои дѣянія, то каждый изъ нихъ заявилъ защитнику, что не желаетъ защиты съ фактической стороны. Стносительно этихъ подсудимыхъ, защитникъ указалъ лишь на ихъ искренность и чистосердечное сознание. Присяжный повѣренный Хартулари (защитникъ подсудимаго Кардашева) высказалъ относительно уликъ противъ него, что въ 1863 году онъ поступилъ въ школу кавказскихъ межевщиковъ вмѣстѣ съ Чекоидзе, и тамъ между ними возникли дружескія отношенія, которыя не прерывались до настоящаго времени, несмотря на то, что Кардашевъ разстался съ Чекоидзе въ 1871 году, окончивши ранѣе его курсъ наукъ; а затѣмъ въ 1873 году онъ уѣхалъ въ Дрезденъ для окончанія образованія въ тамошней политехнической школѣ. Спустя почти два года, а именно въ январѣ 1875 г., къ нему совершенно неожиданно пріѣхалъ Чекоидзе, возвращавшійся изъ Парижа въ Россію. Чекоидзе, пріѣхавшій въ Москву раньше Кардашева, поселился въ квартирѣ общины, какъ членъ ея; а затѣмъ, когда узналъ о пріѣздѣ Кардашева, котораго, какъ постороннее лицо, онъ не могъ привести въ квартиру общины, но желая провести съ нимъ вмѣстѣ нѣсколько дней, какъ съ другомъ дѣтства, переѣхалъ самъ къ нему въ гостиницу Шевалдышева и отдалъ въ прописку свой паспортъ. На основаніи данныхъ, добытыхъ дознаніемъ, защитникъ вывелъ слѣдующія положенія: во-1-хъ, Кардашевъ былъ человѣкъ со средствами, по наслѣдству послѣ отца; 2. онъ имѣлъ опредѣленныя занятія, преслѣдовалъ чисто научныя цѣли въ качествѣ студента дрезденской политехнической школы, каковымъ состоялъ до дня ареста; 3. отношенія Кардашева къ обвиняемому Чекоидзе были не болѣе, какъ отношенія дружескія по школѣ межевщиковъ, а не вслѣдствіе какой-либо политической цѣли; 4. Кардашевъ прибылъ въ Москву одинъ, безъ Чекоидзе, пріѣхавшаго ранѣе, и не въ мартѣ 1875 г., какъ удостовѣряла обвинительная власть, а 25 или 26 февраля; 5. Кардашевъ выѣхалъ обратно изъ Москвы въ Дрезденъ въ первой половинѣ марта мѣсяца того же года, задолго до ареста Чекоидзе, послѣдовавшаго лишь 4 апрѣля и котораго Кардашевъ предвидѣть не могъ. Что касается отобранной у Кардашева записной книжки, которая въ глазахъ прокурора составляетъ весьма сильную улику противъ подсудимаго, то защитникъ полагаетъ, что подсудимый, ведя свои ежедневныя замѣтки о всемъ сдѣланномъ и затраченномъ, преслѣдовалъ одну только цѣль экономическую. Въ противномъ случаѣ онъ имѣлъ бы полную возможность, если не уничтожить самую книжку, то по крайней мѣрѣ стереть написанное карандашемъ все, сколько-нибудь его компрометирующее. Одинъ фактъ существованія переписки Кардашева можетъ служить только доказательствомъ его знакомства съ революціонерами; но одного знакомства, безъ всякаго дѣйствія, въ которомъ выразилась бы солидарность политическаго убѣжденія съ ними, не можетъ быть достаточнымъ для обвиненія его въ участіи въ политическомъ преступленіи. Что касается второго пріѣзда Кардашева въ Москву въ іюлѣ 1875 г., то онъ пріѣхалъ съ цѣлью взять Чекоидзе на поруки. Кардашевъ зналъ изъ анонимнаго письма, что Чекоидзе былъ арестованъ по политическому дѣлу; онъ зналъ также и объ опасности, угрожавшей ему, какъ человѣку близко знакомому съ Чекоидзе, но несмотря на это поѣхалъ въ Москву. Это могъ сдѣлать только человѣкъ, котораго умственные способности не въ нормальномъ состояніи, или же который проникнуть намѣреніями, не имѣвшими

никакого преступнаго характера, каковымъ и является Кардашевъ. По указанію анонимнаго письма, онъ отыскалъ Гамкрелидзе въ гостинницѣ «Украина», чтобы получить болѣе подробныя свѣдѣнія о причинахъ ареста Чекоидзе. Въ теченіе двухъ недѣль онъ узналъ, что попытка его въ отношеніи Чекоидзе не можетъ имѣть успѣха и собирався возвратиться въ Дрезденъ. Посѣщая Гамкрелидзе, онъ познакомился тамъ съ Зидгенидзе (князь Циціановъ), Вѣрою Люботовичъ и другими; тамъ онъ и былъ арестованъ. Условія, при которыхъ онъ былъ задержанъ, и поведение его во время ареста, удостовѣренныя свидѣтелями, таковы, что не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что для него было совершенно чуждымъ дѣло преступнаго сообщества. Придя въ номеръ, онъ не обратился въ бѣгство, не оказалъ никакого сопротивленія и по первому предложенію полиціи предъявилъ свой паспортъ, указалъ свою квартиру и даже просилъ прозвѣсти въ ней обыскъ съ цѣлью сохранить бывшія у него деньги. Содержась подъ арестомъ и ожидая со дня на день своего освобожденія, онъ получилъ отъ Циціанова просьбу сообщить въ Одессу о томъ, что онъ и Вѣра Люботовичъ арестованы, причемъ Циціановъ сообщилъ ему одинъ изъ шифровъ: «Эй, Θомичъ». Но надежда на освобожденіе погибла, и Кардашевъ, воспользовавшись случаемъ, отправилъ письмо, желая исполнить просьбу Циціанова. Если бы Кардашевъ былъ членомъ московскаго революціоннаго кружка, то, зная секретныя адреса квартиръ кружка, онъ не остановился бы, какъ въ свой первый, такъ и во второй рискованный прїѣздъ въ Москву, сначала въ гостиницѣ Шевальдышева, а потомъ въ гостиницѣ Мамонтова, но проживалъ бы въ квартирахъ общины. Относительно обвиненія Кардашева въ томъ, что онъ былъ кассиромъ сообщества, защитникъ поддерживалъ правдивость объясненія подсудимаго, а именно, что деньги, найденныя въ его квартирѣ, даны ему лицомъ, которое онъ не желаетъ назвать, съ единственною цѣлью внести за Чекоидзе залогъ, а билетъ Тумановой въ 1100 рублей находился у него въ обезпеченіе ссуды, сдѣланной имъ Гамкрелидзе.

Прис. пов. Люстигъ (защитникъ Екатерины Гамкрелидзе) указалъ прежде всего на то, что отъ обвиненія подсудимой въ распространеніи книгъ, возбуждающихъ къ бунту, прокуроръ отказался, и, такимъ образомъ, остается обвиненіе ее только въ участіи въ противозаконномъ сообществѣ. Уликами въ этомъ отношеніи представляются, во-первыхъ, переводъ шифрованнаго письма, сдѣланный будто-бы ею; но вслѣдствіе показанія экспертовъ обвинитель не поддерживаетъ этой улики. Сверхъ того, въ то время, когда переводъ письма долженъ былъ быть сдѣланъ въ Москвѣ, подсудимая находилась въ Петербургѣ. Второю уликою является ея фиктивный бракъ съ Гамкрелидзе. Защитникъ доказывалъ, что бракъ этотъ былъ вовсе не фиктивный, и приводилъ показанія свидѣтелей, что супруги жили вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, доказывать фиктивность или дѣйствительность этого брака невозможно и безцѣльно. Передача ею билета въ 1100 руб. Кардашеву защитникъ объяснялъ показаніями Кардашева и Гамкрелидзе о томъ, что билетъ служилъ Кардашеву обезпеченіемъ долга Гамкрелидзе. Что касается записи въ памятной книжкѣ Кардашева о выдачѣ 40 рублей на свадьбу, то эта записи, по объясненію защитника, не относится къ настоящему дѣлу, такъ какъ изъ показанія священника, вѣнчавшаго Гамкрелидзе, видно, что деньги платилъ Циціановъ, а не Кардашевъ, который при вѣнчаніи даже не присутствовалъ. Невозможность цѣли этого брака, доказываемой прокуроромъ, обнаруживается изъ того, что мать подсудимой настолько любитъ свою дочь, что никогда ей ни въ чемъ не отказывала, и для того, чтобы получить свой билетъ въ 1100 рублей, ей вовсе не нужно было устраивать фиктив-

наго брака, а было бы достаточно спросить его у матери. Что касается пребывания ея въ Ивановѣ, то она явилась туда только за три дня до арестовъ въ домѣ Кисина; она не была ни на одной изъ фабрикъ, ни одной книжки никому не передавала и не читала. Она была знакома съ Фигнеръ и прѣѣхала только къ ней. Если Фигнеръ и другія лица, жившія въ домѣ Кисина, занимались пропагандой, то Гамкрелидзе не могла ничего знать о ихъ дѣятельности. Затѣмъ защитникъ, на основаніи содержанія программы сообщества, объяснялъ, что Гамкрелидзе не удовлетворяла требованіямъ этой программы, а потому заключилъ, что она не можетъ быть признана виновною въ принадлежности къ противозаконному сообществу. Прис. пов. Боровиковскій (защитникъ Баринова) указалъ, что подсудимый обвиняется въ передачѣ одной книжки Бурову и въ покушеніи дать книжку Корнюхину. Но Корнюхинъ показалъ на судѣ, что когда его уговаривали ѣхать въ Тулу, Бариновъ молчалъ; что книгъ онъ ему никакихъ не давалъ. Такимъ образомъ, это обвиненіе падаетъ само собою. Затѣмъ свидѣтель Яковлевъ, землякъ Баринова, говорить, что онъ далъ ему книжку по совѣту Николая Васильева, но на предварительномъ слѣдствіи свидѣтель говорилъ наоборотъ. Свидѣтель Прокофій Бариновъ, братъ подсудимаго, показалъ, что бралъ книжки изъ сундука брата самъ, по праву старшинства. Свидѣтельница Скворцова признала Баринова, приходившаго въ ея квартиру, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявила, что не считала его въ компаніи ея жильцовъ. Затѣмъ удостовѣрено, что въ домѣ Корсакъ Бариновъ не жилъ; онъ проживалъ въ Ивановѣ въ домѣ Кисина, но и оттуда ушелъ добровольно на родину. Свидѣтель Гуровъ удостовѣрилъ, что никакихъ разговоровъ отъ Баринова не слышалъ. Вообще, противъ Баринова не представляется никакихъ уликъ въ распространеніи революціонныхъ книжекъ. Прис. пов. Полетаевъ (защитникъ Ковалева) высказалъ затруднительность своего положенія въ виду того, что положеніе Ковалева является двойственнымъ: поведеніе его на судѣ и во время дознанія. Разсказавъ показаніе Ковалева, сдѣланное имъ на дознаніи, защитникъ указалъ на то, что отношеніе Ковалева къ остальнымъ подсудимымъ слишкомъ косвенное, что онъ не имѣлъ тѣсной съ ними связи, изъ чего можно заключить, что онъ вовсе не зналъ о существованіи сообщества. Давая очень нескладное показаніе на судѣ, Ковалевъ вызвалъ даже смѣхъ другихъ подсудимыхъ; но если бы онъ имѣлъ съ ними близкую связь, то эти люди не смѣялись бы надъ нимъ. Далѣе защитникъ указалъ на то, что Ковалевъ не знаетъ грамотъ, и если ему давали революціонныя книжки и онъ передалъ ихъ какимъ-то сапожникамъ и Матвѣеву, то вовсе не сознавая ихъ преступности. Затѣмъ онъ указалъ на заявленіе подсудимаго въ полицію, какъ на такое обстоятельство, которое по закону достаточно для того, чтобы подсудимому была оказана пощада. Если же онъ на судѣ измѣнилъ свое поведеніе, то нужно принять во вниманіе его положеніе: онъ открылъ всѣхъ сообщниковъ, они были арестованы и, понятно, что ему стало больно, что онъ донесъ на нихъ. Подъ вліяніемъ этого тяжелаго чувства онъ сказалъ не то, что говорилъ прежде. Прис. пов. Зубаревъ (защитникъ Ольги Любатовичъ, Хоржевской, Медвѣдовой и Гельфманъ) высказалъ, что Гельфманъ занимаетъ въ настоящемъ дѣлѣ положеніе, рѣзко отличающееся отъ положенія большинства другихъ подсудимыхъ. Она обвиняется въ принадлежности къ тайному сообществу единственно на томъ основаніи, что на нее адресовались письма лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя не отрицаютъ своей принадлежности къ сообществу. Но всѣ письма и телеграммы адресовались на Гельфманъ для передачи другимъ лицамъ, и въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ указаній, чтобы ей самой были извѣстны шифры и содержаніе писемъ. По обыску у нея не

найдено ни запрещенныхъ книгъ ни какихъ-либо документовъ, которыя указывали бы на принадлежность ея сообществу. Такимъ образомъ, ей ставится въ вину только то, что она, будучи знакома съ Хоржевскою, исполнила ея просьбу—быть посредницею при передачѣ писемъ. Сверхъ того, ее обвиняютъ въ томъ, что квартира ея служила мѣстомъ сходокъ членовъ сообщества. Но изъ показанія хозяйки квартиры видно, что никакихъ сборищъ въ квартирѣ Гельфманъ не было; приходили только три-четыре человекъ студентовъ и студентокъ, ея личныхъ знакомыхъ, но что они говорили между собою—ей неизвѣстно. Но изъ того, что она была знакома съ Хоржевскою и Ольгою Любатовичъ и оказала имъ самую обыкновенную услугу въ передачѣ писемъ, по мнѣнію защитника, невозможно дѣлать заключенія о ея принадлежности къ тайному сообществу. Въ дѣлѣ есть указаніе, что, кромѣ квартиръ Гельфманъ и Медвѣдовой, подсудимые имѣли цѣлый рядъ лицъ, на имя которыхъ можно было бы адресовать письма, но никто изъ нихъ не привлеченъ къ этому дѣлу. Медвѣдова стигъ въ томъ же положеніи, какъ и Гельфманъ, съ тою лишь разницею, что обвиненіе не говоритъ, чтобы квартира ея была мѣстомъ сборища. Изъ откровеннаго ея признанія на судѣ оказывается, что она была знакома только съ Кикодзе и Любатовичъ. Заявленіе это было подтверждено опросомъ другихъ подсудимыхъ, которые заявили, что не знаютъ Медвѣдовой. Въ доказательство сего защитникъ привелъ показанія свидѣтелей и различные документы. Относительно письма, писаннаго Медвѣдовою изъ тюрьмы, защитникъ сослался на объясненіе Спасовича, что въ тюрьмѣ Медвѣдова, какъ и многие другіе, вошла въ составъ общества, но не того, которое преслѣдуетъ прокуроръ, а общества, возникшаго въ тюрьмѣ между заключенными, которое имѣло цѣлью только достиженіе личнаго освобожденія, а не ниспроверженія государственнаго порядка. Такимъ образомъ, ни Гельфманъ ни Медвѣдова не могутъ быть признаны членами тайнаго сообщества, и если въ ихъ дѣйствіяхъ можно усмотрѣть что-нибудь, то это только неосторожность и неумѣтность принятія на себя опаснаго порученія.—Относительно Ольги Любатовичъ и Хоржевской защитникъ сказалъ, что обѣ подсудимыя уполномочили его заявить суду, что онѣ не ходятъ нужнымъ отрицать участія въ томъ тайномъ сообществѣ, въ принадлежности къ которому ихъ обвиняютъ. Но, тѣмъ не менѣе, защитникъ доказывалъ, будто бы не только не существовало организациі этого сообщества, но даже отрицалъ и существованіе общинъ въ Кіевѣ и Тулѣ, на томъ основаніи, что Хоржевская въ Кіевѣ и Ольга Любатовичъ въ Тулѣ находились столь короткое время, что не могли организовать общины, для принятія въ члены которой было необходимо, по программѣ, испытаніе и другія условія. Прис. пов. Борщовъ (защитникъ Едковыхъ и Куракова) указалъ прежде всего на то, что прокуроръ при разсмотрѣніи дѣла по тульской группѣ отказался отъ показанія Елизаветы Медвѣдовой по отношенію къ Куракову и отъ показанія Щукина по отношенію къ Едукову, такъ что обвиненіе опирается только на оговоръ Ковалева и на показаніе свидѣтеля Дорогова о томъ, что у Фегисова собирались Едуковы и что они жили въ квартирѣ Ольги Любатовичъ; наконецъ, на показаніи Матвѣева о томъ, что Кураковъ укорялъ его за то, что онъ убѣдилъ Ковалева донести. Хотя при этомъ прокуроръ сдѣлалъ оговорку, что онъ не настаиваетъ на обвиненіи Куракова въ принадлежности къ тайному сообществу и проситъ признать виновнымъ только въ недонесеніи, но тѣмъ не менѣе защитникъ счелъ нужнымъ еще доказывать невѣрность всякаго рода показаній Ковалева противъ Куракова. Въ заключеніе защитникъ сказалъ, что изъ выраженной упрека, сдѣланнаго Кураковымъ Матвѣеву, никакъ нельзя вывести того заключенія, чтобы Кураковъ зналъ о существованіи сообще-

ства—онъ могъ упрекнуть просто по своей добротѣ, по чувству человѣколюбія. Въ отношеніи Едуковыхъ—изъ увѣдомленія воронежскаго жандармскаго офицера видно, что Едуковы занимались слесарною работою и вели себя хорошо. Когда работа уменьшилась, то сначала Иванъ, а потомъ Николай перебрались въ Тулу и работали здѣсь въ паровозной мастерской; по приглашенію Сидоренко, оба Едуковы переѣхали къ нему на квартиру, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ Ольгою Любатовичъ. Это было въ августѣ, а въ началѣ сентября, когда Николай вернулся изъ Воронежа, куда онъ ѣздилъ за своими вещами, то вечеромъ того же дня они были арестованы. Что касается оговора Ковалева, что будто бы Сидоренко отзывался о нихъ, какъ о людяхъ, которые будутъ дѣлать общее дѣло, то, если бы это и было справедливо, все-таки это есть только личное мнѣніе Сидоренко, который могъ видѣть въ Едуковыхъ будущихъ дѣятелей сообщества, но, по мнѣнію защитника, это не можетъ служить уликою въ принадлежности Едуковыхъ къ сообществу. Изъ показанія Дорогова нельзя вывести заключенія о томъ, что именно читалось въ квартирѣ Фетисова въ присутствіи Едуковыхъ. На квартиру къ Махоткиной они перешли просто потому, что Сидоренко обошелся съ ними ласково, а они желали знаній и хотѣли кое-чему поучиться. Указавъ на короткое время знакомства Едуковыхъ съ пропагандистами и на нѣкоторыя другія соображенія, защитникъ пришелъ къ заключенію, что Едуковы не только не принадлежали къ составу сообщества, но даже не знали о его существованіи.—Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Нечаевъ (защитникъ Фетисова и Сидорацкаго), рассказавъ вначалѣ біографію Фетисова, объяснилъ, что, по показанію Дорогова, въ квартирѣ Фетисова были разговоры и читались разныя книжки, но ни въ этихъ разговорахъ ни въ книжкахъ онъ ничего особеннаго не замѣтилъ. Поселившись съ Сидорацкимъ, который просилъ учить его слесарному мастерству, на заводѣ въ селѣ Панино, въ одной квартирѣ вмѣстѣ съ рабочими Шильниковымъ и Кукинымъ, Фетисовъ продолжалъ заниматься работою. Оба свидѣтеля, Шильниковъ и Кукинъ, показали, что ничего особеннаго ни отъ Фетисова ни отъ Сидорацкаго не слышали. Только разъ какъ-то Фетисовъ рассказывалъ сказку «О четырехъ братьяхъ». Но сказка эта состоитъ изъ четырехъ частей, изъ которыхъ, какъ можно заключить по показаніямъ свидѣтелей, Фетисовъ рассказывалъ первую часть, которая не включаетъ въ себѣ ничего противозаконнаго. Указавъ далѣе на то, что Фетисовъ не подходитъ ни къ одному изъ признаковъ, характеризующихъ, по словамъ прокурора, пропагандиста, защитникъ относительно другихъ уликъ объяснилъ, что, если Фетисовъ говорилъ съ Дороговымъ о трудностяхъ рабочей жизни и сочувственно относился къ рабочимъ, то это не можетъ быть поставлено въ улику, потому что, по мнѣнію защитника, кто стоитъ за народъ, тотъ стоитъ за правительство. Что касается знакомства его съ Злобинымъ, то знакомство это въ Петербургѣ ничѣмъ въ дѣлѣ не доказано, а изъ знакомства съ нимъ въ Тулѣ нельзя вывести обвиненія, такъ какъ Злобинъ вовсе не былъ ни бунтовщикомъ ни революціонеромъ и не раздавалъ возмутительныхъ книжекъ. Нахожденіе адреса Фетисова у Хоржевской ничего не доказываетъ, потому что записала адресъ Хоржевская, а не Фетисовъ. Его могли намѣтить и записать его адресъ—въ этомъ онъ не при чемъ. Можетъ быть, и Ковалеву пропагандисты говорили, что хорошо было бы привлечь Фетисова въ свою партію, но Ковалевъ, желая показать больше того, нежели слышалъ, сказалъ только въ формѣ предположенія, что Фетисовъ находился въ сношеніяхъ съ пропагандистами. Такимъ образомъ, нѣтъ ни одной улики, на основаніи которой Фетисова можно было бы обвинить въ принадлежности къ противозаконному сообществу. Что касается ареста Фетисова въ квартирѣ

Любатовичъ, то и это пребываніе его въ квартирѣ объясняется весьма естественно тѣмъ, что онъ былъ хорошъ съ Едуковыми, съ которыми находился въ постоянныхъ сношеніяхъ. Сверхъ того пропагандисты стремились привлечь его къ своей дѣятельности и сначала старались расположить его къ себѣ. Онъ явился къ нимъ въ первый разъ, и такъ неудачно, что былъ арестованъ. Что касается подсудимаго Сидорацкаго, то прокуроръ отказался отъ обвиненія его въ распространеніи противозаконныхъ книжекъ и находить въ отношеніи принадлежности къ сообществу, что онъ былъ сбить съ толку другими и дѣйствовалъ безъ разумнія. Дѣйствительно, это сообщество представляло тѣсный союзъ людей, соединившихся для достиженія противоправительственныхъ цѣлей, а потому имъ нужно было быть крайне осторожнымъ: невозможно допустить, чтобы они Сидорацкому—этому 16-тилѣтнему мальчику—довѣрили свою тайну. Можетъ быть, члены сообщества имѣли его въ виду для будущаго, и, желая выработать изъ него пропагандиста, помѣстили его сначала въ среду рабочихъ и дали фальшивый паспортъ, воспользовавшись его юношескими стремленіями къ самостоятельности. Въ Туль и Панино, какъ это видно изъ показаній свидѣтелей, Сидорацкій не заявилъ себя ни малѣйшимъ подозрительнымъ дѣйствіемъ, онъ не сдѣлалъ ничего предосудительнаго. Въ квартиру Любатовичъ онъ явился изъ Панино, и если въ его сакъ-вояжѣ нашлись книги, то потому, что Петровъ ихъ сунулъ ему, и обвинитель не придастъ никакого значенія этой уликѣ.—Прис. пов. Коршъ (защитникъ Воронкова и Острова). Приведа разсказъ Воронкова о его семейномъ положеніи и причинахъ пріѣзда въ Кіевъ, гдѣ разсчитывалъ получить какія-нибудь занятія черезъ пріятеля своего, Подгородецкаго, защитникъ указалъ далѣе, что Подгородецкій оказался самъ безъ денегъ, безъ занятій и больной, съ одною надеждою получить мѣсто сельскаго учителя. Тогда Воронковъ отправился въ Бѣлую-Церковь, но черезъ мѣсяць возвратился въ Кіевъ, гдѣ опять не нашелъ подходящихъ занятій. Когда деньги вышли, онъ снова поступилъ на вокзалъ работать въ кузницѣ, и работалъ до самаго ареста. Такимъ образомъ, во всей его жизни нѣтъ времени, въ которое онъ могъ бы заниматься пропагандою, и, дѣйствительно, ничего объ этомъ не обнаружено. Далѣе защитникъ утверждалъ, что Хоржевская, пробывъ въ Кіевѣ отъ конца іюля по 9-е сентября, не могла въ такое короткое время организовать общины, а изъ сего защитникъ выводилъ заключеніе, что Воронковъ не могъ принадлежать къ тайному сообществу. Что касается квартиры у Котикова, гдѣ Воронковъ жилъ съ какою-то женщиною и ея мужемъ, то обвиненіе ставить ему это въ улику, считая мужа и жену членами сообщества, такъ какъ они скрылись изъ квартиры въ ту ночь, когда былъ арестованъ Воронковъ. Но въ дѣлѣ есть свѣдѣніе, что Воронковъ тотчасъ послѣ ареста просилъ отправиться къ нему въ квартиру, но въ этомъ ему было отказано за позднимъ временемъ. Если бы желаніе Воронкова было исполнено, тогда было бы доказано, кто тамъ жилъ, а если этого не сдѣлано, то невозможно ставить въ улику Воронкову обстоятельство, отъ его воли не зависѣвшее. Исчезновеніе же этихъ жильцовъ можетъ быть объяснено весьма понятно и далеко не излишнею предосторожною не быть арестованными и не просидѣть въ тюрьмѣ, можетъ быть, продолжительное время. Съ Млодецкимъ онъ дѣйствительно былъ знакомъ по возвращеніи изъ Бѣлой-Церкви, но фактъ ихъ сожителства по дѣлу ничѣмъ не доказанъ. Что касается показанія Драгуновой о томъ, что Воронковъ и Млодецкій познакомили Подгородецкаго съ человѣкомъ, имѣвшимъ рыжую бороду, то этому показанію нельзя давать вѣры, потому что, по разсужденію защитника, Подгородецкій, какъ житель Кіева, вовсе не нуждался въ пріобрѣтеніи знакомыхъ. Если Воронковъ и познакомилъ съ кѣмъ-нибудь

Подгородецкаго, то развѣ только съ Млодецкимъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію защиты, обвиненіе Воронкова въ принадлежности къ сообществу представляется недоказаннымъ, такъ какъ ни съ кѣмъ изъ членовъ онъ не былъ знакомъ, ни у него въ квартирѣ, ни при немъ ничего предосудительнаго не было найдено. Остается только его знакомство съ Млодецкимъ, Подгородецкимъ и еще то обстоятельство, что онъ раза три заходилъ къ Гельфманъ условиться относительно приѣма у женщины, жившей въ домѣ Котикова, но на основаніи только этихъ знакомствъ невозможно утверждать, чтобы Воронковъ былъ самъ членомъ сообщества. Что касается обвиненія въ распространеніи книгъ, то оно не доказано рѣшительно ничѣмъ. Если и допустить вѣрность показанія Драгуновой о томъ, что Воронковъ принесъ Подгородецкому какія-то двѣ книжки, то Подгородецкій не былъ рабочимъ, въ распространеніи книгъ среди которыхъ обвиняется подсудимый: онъ былъ его товарищъ, и кому же не случилось передавать пріятелю какую-нибудь книжку, хотя и заграничную; за это невозможно преслѣдовать по 250 ст. улож. Касательно подсудимаго Острова, защитникъ полагалъ, что первое мѣсто въ числѣ оправданныхъ по этому дѣлу должно принадлежать Острову. Противъ него приводится только одно обстоятельство, а именно — обыскъ, при которомъ найдено нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ были и незапрещенныя, а также и чужіе паспорта. Нѣтъ сомнѣнія, что Островъ говорилъ правду, что книги ему передалъ Родіонъ, и что онъ вовсе не подозревалъ въ этой пачкѣ ничего преступнаго. Онъ ушелъ изъ Кіева, спустя четыре дня послѣ обыска у Гельфманъ, слѣдовательно, если бы ему была необходимость скрыться, то онъ не ожидалъ бы четыре дня. Затѣмъ, придя въ деревню, онъ положилъ эту связку книгъ и бумагъ на полку подъ образа, вмѣстѣ со своими божественными книгами, гдѣ все это и было взято. До обыска онъ жилъ въ деревнѣ двѣ недѣли и въ это время не принималъ никакихъ мѣръ, чтобы спрятать пачку. Если бы онъ зналъ, какія это книги и бумаги, то, конечно, имѣлъ слишкомъ достаточно времени уничтожить ихъ или спрятать. Когда явился становой и спросилъ, есть ли у него книги, Островъ сейчасъ же вытащилъ всѣ и отдалъ. Прис. пов. Бардовскій (защитникъ подсудимыхъ Субботиныхъ и Николаева) высказалъ, что въ рѣчи прокурора вкрались двѣ неточности, а именно, — что Николаевъ былъ будто бы въ домѣ Колтомарова, и что о немъ Скворцова показала какъ о лицѣ, бывшемъ въ компаніи съ другими. Ни того, ни другого обстоятельства не существуетъ. Что касается показанія Тимоѳея Васильева о томъ, что онъ получилъ книжку преступнаго содержанія отъ Николаева, то этотъ послѣдній отрицаетъ это обстоятельство. Кому изъ нихъ вѣрить, — это дѣло суда; но, если и признать, что Васильеву передалъ книжку Николаевъ, то нельзя не обратить вниманія на то, что оба они неграмотные, слѣдовательно, оба могли не знать, что книжка преступная. Въ томъ, что онъ скрылся послѣ того, какъ на фабрикѣ былъ обыскъ, и нашли книжку, о чемъ ему сказали рабочіе въ трактирѣ, нѣтъ ничего компрометирующаго. Онъ получилъ книжку отъ Павлова, и весьма естественно, что, узнавъ объ обыскѣ, пошелъ къ Павлову спросить, какую онъ далъ ему книжку. Для обвиненія Николаева въ принадлежности къ тайному сообществу, представляются уликами показаніе Скворцовой и арестъ подсудимаго вмѣстѣ съ другими. Но Скворцова не дала на судѣ обвинительнаго показанія, а изъ протокола ареста въ домѣ Корсакъ видно, что Николаевъ назвался своимъ именемъ, слѣдовательно, ему нечего было бояться и скрываться. Въ отношеніи Субботиныхъ защитникъ указалъ, что прокуроръ, упоминая о ихъ дѣятельности, не объяснилъ въ обвинительномъ актѣ, къ какому кружку онъ принадлежали, а между тѣмъ въ обвинительной рѣчи онъ заявилъ, что

онѣ были руководительницами. Но въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы признать правильнымъ заявленіе прокурора о томъ, что семейство Субботиныхъ революціонное, и что онѣ потратили на это дѣло свое состояніе. То обстоятельство, что Топоркова на ихъ счетъ училась въ Цюрихѣ, не можетъ служить доказательствомъ преступности Субботиныхъ. Точно также онѣ хотѣли помочь получить образованіе и дѣвицѣ Ансеровой, которая жаловалась имъ на свое стѣснительное положеніе въ семьѣ. Противъ Евгениі Субботиной выставлено письмо, дѣйствительно доказывающее, что она была знакома съ членами кружка и даже сочувствовала имъ. Она созналась въ томъ, что знала о сообществѣ, она признаетъ всѣ улики и даже больше, чѣмъ ихъ предъявляютъ противъ нея; а если она не говоритъ, что была членомъ общества, то только изъ одного опасенія повредить этимъ другимъ, которые не признаютъ существованія организаціи. Если будетъ признано сообщество, и что она была его членомъ, то особое присутствіе приметъ во вниманіе ея чистосердечное сознаніе. Въ отношеніи Марьи Субботиной приведенная прокуроромъ улика, что она проживала въ домѣ Эйнбротъ, упадетъ послѣ показаній Евгениі Субботиной и Фигнеръ. Что же касается письма, въ которомъ сказано, что Манька хлопочетъ о сапогахъ, то обвинителемъ не доказано, что это письмо писано знакомымъ Марьи Субботиной, и она не можетъ отвѣчать за то, что другіе напишутъ о Манькѣ. Затѣмъ, посѣщеніе ею гостиницы въ Орлѣ не подтверждено прислугою. Она не жила ни въ одномъ изъ мѣстъ, гдѣ находились кружки, но проживала въ деревнѣ, гдѣ ничего подозрительнаго у нея не обнаружено; она нигдѣ не была въ качествѣ простой работницы, и вообще нѣтъ данныхъ, чтобы признать ее участницею тайнаго общества, въ распространеніи же книгъ она не обвиняется. Въ отношеніи Надежды Субботиной защитникъ доказывалъ, что, несмотря на ея собственное признаніе о письмахъ и телеграммахъ, она тѣмъ не менѣе невиновна, такъ какъ тѣми обстоятельствами дѣла, которыя разобралъ защитникъ, опровергаются ея собственныя показанія. Если она сама возводитъ на себя обвиненіе, то, по мнѣнію защитника, она принадлежитъ къ числу людей, для которыхъ страдать въ то время, когда страдаютъ близкіе, есть необходимость: ея мать и сестра сидѣли въ заключеніи, и она не хотѣла оставаться на свободѣ. Защитникъ выразилъ увѣренность, что Надежда Субботина выйдетъ оправданною. Въ заключеніе онѣ привелъ уменьшающія вину обстоятельства относительно Николаева и Субботиныхъ. Прис. пов. Войцеховскій (защитникъ подсудимыхъ Георгіевской, Введенской, Нуромскаго и Сбромірскаго) высказалъ, что его кліенты были арестованы уже въ то время, когда не существовало администраціи общества, и главные его дѣятели были взяты. Письмо, найденное въ хлѣбѣ, которое Георгіевская желала передать арестованному брату, заключаетъ въ себѣ самыя обыкновенныя свѣдѣнія, такъ что всякій прокуроръ разрѣшилъ бы его передать заключенному. Прокуроръ говоритъ, что она была знакома съ Джабадари и Цвиленевымъ, но она только знала, что они содержатся вмѣстѣ съ ея братомъ, при посѣщеніи котораго, по предположеніямъ защитника, она могла встрѣчаться съ родными и знакомыми другихъ заключенныхъ, а отъ нихъ могла знать о Цвиленевѣ и Джабадари. При обыскѣ у нея найдено письмо Карлашева, запечатанное въ конвертъ, и шифрованное письмо Здановича, переведенное ею. Относительно этого послѣдняго письма защитникъ привелъ разсказъ Георгіевской о томъ, будто бы къ ней явился челоувѣкъ незнакомый и разъяснилъ тайны шифра. Могло быть также, что друзья заключенныхъ видѣли Георгіевскую, узнали, что она сестра одного изъ арестованныхъ и поэтому нашли удобнымъ поручить ей дешифрированіе писемъ. Но знаніе ею шифра нельзя

считать доказательствомъ, что она была членомъ сообщества. Если бы переписка шла черезъ нее, то и это ничего не доказывало бы. Напримѣръ, князь Микеладзе также былъ посредникомъ въ передачѣ писемъ, но къ слѣдствію онъ не привлеченъ. Относительно Введенской защитникъ указалъ на то, что при обыскѣ письмо было изорвано не ею, а Георгіевскою, которая сама заявила объ этомъ. Затѣмъ онъ привелъ показанія свидѣтелей, на основаніи которыхъ прослѣдилъ всю ея жизнь. Жизнь эта была такова, что Введенская, бывъ занятою утромъ и вечеромъ уроками, не имѣла и времени посвящать себя на службу сообществу, а его программа требуетъ, чтобы человѣкъ всецѣло отдался дѣятельности сообщества. Въ отношеніи Нуромскаго защитникъ объяснилъ, что Нуромскій, бывъ уволенъ изъ технологическаго института за неплатежъ денегъ, возвращался на родину и остановился въ Москвѣ у своихъ дальнихъ родственниковъ, которые были такъ залуганы, что позволили ему пробить нѣсколько дней только съ тѣмъ условіемъ, что онъ не сдѣлаетъ имъ никакой непріятности. Онъ узналъ, что Георгіевская въ Москвѣ, и бывала у нея. Однажды въ видѣ курьеза она показала ему шифръ, который онъ взялся разгадать; когда же на другой день онъ пришелъ съ своею работою надъ шифромъ, то былъ задержанъ. Будучи обязанъ словомъ, даннымъ своимъ родственникамъ, онъ отказался указать свою квартиру, гдѣ находился его паспортъ. Онъ предпочелъ лучше страдать и потерять паспортъ, нежели сдѣлать непріятности своимъ родственникамъ. Что касается квартиры Георгіевской и Введенской, то нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы ее считать центромъ сообщества, такъ какъ въ квартирѣ ничего не было найдено. Относительно Сбромірскаго защитникъ указалъ на то, что онъ механикъ, до послѣдняго времени занималъ должность машиниста и даже не былъ арестованъ. Это доказываетъ, что власти настолько считали его дѣйствія непреступными и улики противъ него незначительными, что ему была предоставлена полная свобода, которою онъ пользовался до самаго призванія его въ судъ. Противъ него высказывается только одно показаніе Корнюхина, говорившаго, будто бы Сбромірскій давалъ ему преступныя книжки. Защитникъ разобралъ это показаніе и доказывалъ, что оно не заслуживаетъ довѣрія, причѣмъ упомянулъ о судимости Корнюхина за кражу и поддѣлку паспорта. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Гернгроссъ (защитникъ подсудимаго Рождественскаго) указалъ на то, что прокуроръ отказался отъ обвиненія Рождественскаго въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія. Но прокуроръ перешелъ къ обвиненію Рождественскаго въ принадлежности къ тайному сообществу. По мнѣнію защиты, переходъ этотъ неправиленъ, потому что обвинитель можетъ измѣнять обвиненіе только въ томъ случаѣ, если на судебномъ слѣдствіи откроются новыя обстоятельства, которыя не были внесены въ обвинительный актъ, а въ данномъ случаѣ такихъ обстоятельствъ нѣтъ. Но если и признать, что прокуроръ въ правѣ измѣнять такимъ образомъ свое обвиненіе, то оно представляется недоказаннымъ. Повторивъ показаніе подсудимаго о его поѣздкѣ на Владикавказскую желѣзную дорогу, о причинахъ, ее вызвавшихъ, и прослѣдя, по показаніямъ свидѣтелей, его дѣятельность на станціи Прохладной, защитникъ объяснилъ, что по окончаніи своихъ занятій Рождественскій отправился въ Петербургъ съ цѣлю продолжать неоконченное по болѣзни ученіе въ медико-хирургической академіи. Пріѣхавъ въ Москву, онъ желалъ узнать, на какихъ основаніяхъ можно держать экзаменъ въ московскомъ университетѣ на тотъ случай, если нельзя будетъ поступить въ академію. Повторивъ далѣе рассказъ самого подсудимаго о томъ, какъ онъ отыскивалъ кого-нибудь изъ студентовъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ былъ арестованъ, защитникъ высказалъ, что под-

судимый, во все время своего пребывания на станці Прохладной, не вступалъ въ ближайшее общеніе съ рабочими и заботился лишь о своемъ госпиталѣ. При своемъ арестѣ онъ не скрылъ ни своей фамиліи ни своего званія. Что же касается записки, найденной при немъ, то нѣтъ основанія не вѣрить его показанію, что записку эту онъ получилъ отъ кого-то изъ служащихъ на желѣзной дорогѣ для передачи какому-то Патшину. Эксперты, сличавшіе почеркъ Рождественскаго съ этою запискою, признали сходство только нѣсколькихъ отдѣльныхъ буквъ. Очевидно, что подобная ркспертиза не можетъ служить доказательствомъ, потому что подобнаго пода сходство въ нѣсколькихъ буквахъ можно найти во всякихъ рукописяхъ, писанныхъ разными лицами. Затѣмъ письмо это начинается словами: «Другъ Ваня», а между тѣмъ Рождественскій былъ въ домѣ Эйнебродтѣ, гдѣ жили Субботины и Фигнеръ, и въ гостиницѣ «Украина», гдѣ жилъ Антимозъ Гамкрелидзе, слѣдовательно, оно писано не къ нимъ. Поэтому предположеніе обвиненія, что Рождественскій написалъ это письмо съ тѣмъ, чтобы оставить его въ квартирѣ, если никого не застанетъ дома, неосновательно. Затѣмъ въ запискѣ этой просятъ прислать книжечку противозаконнаго содержанія, а между тѣмъ самъ прокуроръ отказался отъ обвиненія Рождественскаго въ распространении преступныхъ сочиненій. Слѣдовательно, для чего же ему нужны были эти книги? Онъ ѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ, конечно, нельзя будетъ заниматься распространеніемъ этихъ книгъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію защитника, несомнѣнно, что письмо писано не Рождественскимъ. По этимъ основаніямъ онъ просилъ оправдать Рождественскаго. Прис. пов. Шванебахъ (защитникъ подсудимаго Бѣляевскаго) высказалъ, что показаніе Бѣляевскаго на дознаніи значительно измѣнено имъ на судѣ; но измѣненіе это касается другихъ подсудимыхъ, а въ отношеніи его самого оно осталось то же. Онъ показалъ, что вмѣстѣ съ Трубецкимъ, ознакомившись съ содержаніемъ книжечки, вознамѣрился пойти въ народъ для ихъ распространенія и съ этой цѣлью отправилъ тюкъ книгъ въ Саратовъ. Но возникаетъ вопросъ о томъ, насколько это намѣреніе было осуществлено, такъ какъ отъ этого зависитъ степень виновности подсудимаго. Въ этомъ отношеніи защитникъ указалъ на показаніе свидѣтеля Виноградова, который отвезъ книги въ Саратовъ и оставилъ ихъ въ квартирѣ у брата Трубецкого, откуда онѣ не дошли до подсудимаго Трубецкого. Кромѣ этой отсылки книгъ Бѣляевскимъ, въ дѣлѣ нѣтъ ни одного факта, который могъ бы служить доказательствомъ того, чтобы Бѣляевскій привелъ свое намѣреніе въ исполненіе. Законъ, строго преслѣдуя распространеніе преступныхъ сочиненій, требуетъ для признанія наличности преступления, чтобы книги были сообщены новому лицу, которое ихъ еще не знаетъ. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ Бѣляевскій отправилъ книги такому лицу, съ которымъ они вмѣстѣ ознакомились съ книгами и рѣшились ихъ распространять. Слѣдовательно, эта передача не можетъ быть подводима подъ понятіе, выраженное въ 251 ст. улож. о наказ. Затѣмъ, изъ показанія свидѣтелей видно, что Бѣляевскій, занимаясь полевыми работами вмѣстѣ съ крестьянами, никакихъ книгъ имъ не передалъ и никакихъ преступныхъ идей въ средѣ ихъ не пропагандировалъ. Въ виду всего этого защитникъ находилъ, что дѣяніе Бѣляевскаго составляетъ только приготовленіе къ преступленію, и въ заключеніе указалъ на обстоятельства, уменьшающія его вину. (Засѣданіе было прервано до 11 часовъ слѣдующаго дня.)

Прис. пов. Герардъ (защитникъ подсудимыхъ Цвиленева, Батюшковой, Иванова и Трубецкого), изложивъ общія соображенія относительно преступленія—распространенія книгъ противозаконнаго содержанія, перешелъ къ опроверженію уликъ противъ Трубецкого и, между прочимъ, вы-

сказалъ, что если и признать справедливымъ показаніе Бѣляевского, данное имъ на дознаніи, что Трубецкой получалъ книги отъ Иванова, которыя у него при обыскѣ и найдены, то все-таки его нельзя признавать виновнымъ въ распространеніи книгъ, такъ какъ для этого необходимо доказать, что онъ передавалъ кому-нибудь книги, а такихъ доказательствъ не представлено. Поэтому его можно признать виновнымъ только въ имѣніи у себя этихъ книгъ. Далѣе защитникъ доказывалъ, будто Трубецкой получилъ книги не съ цѣлью распространенія ихъ, но что даже и въ такомъ случаѣ необходимо признать, что это было только покушеніе на преступленіе, остановленное по собственной волѣ Трубецкого, такъ какъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, пока у него находились книги, онъ ни одной изъ нихъ никому не передавалъ. Что касается отсылки тюка съ книгами на его имя въ Саратовъ, то этихъ книгъ онъ не получалъ, такъ какъ въ то время былъ за 200 верстъ отъ Саратова, а изъ того, что онъ были ему посланы, невозможно дѣлать заключенія, что онъ дѣйствительно желалъ распространять книжки. Можетъ быть, Трубецкой въ разговорѣ съ Бѣляевскимъ и выражалъ, что было бы полезно распространять такія книжки, но, сказавъ защитникъ, неизвѣстно, дѣйствительно ли онъ имѣлъ рѣшимость ихъ распространять. Это было только субъективное впечатлѣніе самого Бѣляевского, и если признать Трубецкого виновнымъ въ рѣшимости распространять книжки, то признаніе это будетъ основано не на томъ, что самъ Трубецкой думалъ, а на томъ, что объ немъ думалъ Бѣляевскій. Относительно обвиненія Батюшковой и Иванова въ распространеніи книгъ противозаконнаго содержанія, защитникъ замѣтилъ, что противъ нихъ нѣтъ ни одной улики ни одного доказательства ихъ виновности. Ивановъ обвиняется въ распространеніи книгъ посредствомъ передачи ихъ Трубецкому и Бѣляевскому. Слѣдовательно, нужно установить фактъ знакомства Бѣляевского и Трубецкого съ Ивановымъ. Но фактъ этотъ ничѣмъ не установленъ. Такимъ образомъ, противъ Иванова и Батюшковой остается только одинъ оговоръ Бѣляевского. Въ этомъ отношеніи защитникъ доказывалъ, что показаніе подсудимаго составляетъ такого рода доказательство, которое не заслуживаетъ довѣрія. Невозможно знать, какими побужденіями руководствуется подсудимый, давая то или другое показаніе; извѣстно только, что у него на первомъ планѣ стоитъ не достиженіе истины, а самозащита. Поэтому и самъ законъ не допускаетъ чтенія на судѣ показаній подсудимаго. Указавъ на то, что Бѣляевскій на судѣ измѣнилъ свое прежнее показаніе, защитникъ замѣтилъ, будто признаніе Бѣляевскимъ Иванова и Батюшковой, съ указаніемъ ихъ квартиры, обнаруживаетъ только, что Бѣляевскій зналъ Иванова и Батюшкову, но это не доказываетъ, чтобы онъ былъ съ ними знакомъ, бывать у нихъ, и что они его знали. Далѣе онъ указалъ на то, что при обыскѣ у Батюшковой найденъ только одинъ № газеты «Впередъ», а у Иванова не найдено ничего. Переходя къ обвиненію Батюшковой и Цвиленева въ принадлежности къ тайному обществу, защитникъ упомянулъ о томъ, что прокуроръ отказался отъ обвиненія Цвиленева въ принадлежности къ администраціи общества. Затѣмъ защитникъ доказывалъ, что подсудимые не могутъ быть признаны членами сообщества. Ни тотъ ни другая не были простыми рабочими, не появлялись на фабрикахъ, не носили кличекъ, не скрывали при арестѣ своихъ именъ и званій и т. д. Если они были знакомы съ нѣкоторыми изъ обвиняемыхъ въ принадлежности къ сообществу, то это знакомство не составляетъ доказательства принадлежности ихъ самихъ къ этому сообществу. Шифрованные адреса, найденные у Цвиленева, по мнѣнію защитника, также не заключаютъ въ себѣ ничего преступнаго. Что же касается перепишки изъ тюрьмы, которая указываетъ на знакомство съ Чекоидзе, Джабадари, Люба-

товичъ и другими, то это знакомство, объяснилъ защитникъ, только тюремное, и не можетъ быть поставлено уликою въ такомъ важномъ преступленіи. Затѣмъ, разбирая признаніе прокуроромъ за улику общность убѣжденій подсудимыхъ, защитникъ высказалъ, что если въ числѣ обвиняемыхъ по этому дѣлу есть нѣсколько лицъ, которыя увлеклись «рабочимъ вопросомъ» и хватили черезъ край, то большинство изъ обвиняемыхъ, въ томъ числѣ Цвиленева и Батюшкову, нельзя признавать виновными въ государственномъ преступленіи. Въ дѣлѣ нѣтъ указанія, чтобы эти лица сочувствовали указаннымъ въ программѣ цѣлямъ сообщества и преслѣдовали ихъ. Напротивъ, изъ вещественнаго доказательства № 55 видно, что у нихъ стремленія были другія. Въ этомъ документѣ говорится, что молодежь шла ложнымъ путемъ, что нужно бросить эту любовь къ мужицкой обстановкѣ, что нужно сжечь всѣ эти книжки, что если итти въ народъ, то только для узнанія дѣйствительныхъ его потребностей, а не въ качествѣ его руководителей, не зная этихъ потребностей; что нужно прежде всего поднять нравственную культуру народа и дать ему образование и не тенденціозными книжками, возбуждающими къ бунту, а мирнымъ путемъ развитія. Очевидно, по мнѣнію защитника, въ этомъ стремленіи нѣтъ ничего преступнаго. Послѣ сего первоприсутствующій предоставилъ слово тѣмъ подсудимымъ, которые отказались имѣть защитниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ заявили, что они ничего не имѣютъ сказать, а другіе представили объясненія, которыя заключали въ себѣ не столько опроверженіе выставленныхъ противъ нихъ уликъ, сколько общія соображенія и свои взгляды на значеніе настоящаго дѣла и на тѣ цѣли, которыя они преслѣдовали. При этомъ одинъ изъ подсудимыхъ, а именно крестьянинъ Алексѣевъ, позволилъ себѣ въ концѣ своей рѣчи дерзкія выраженія, за что и былъ остановленъ первоприсутствующимъ. Подсудимый Овчинниковъ не находился въ залѣ суда по болѣзни и представилъ письменное заявленіе, что онъ отказывается какъ отъ своей защиты, такъ и отъ права послѣдняго слова. Прокуроръ не пожелалъ представить возраженій, а потому всѣмъ подсудимымъ было предоставлено право послѣдняго слова, причемъ одни или повторяли доводы, высказанные уже защитой, или приводили общія соображенія; нѣкоторые же не имѣли ничего заявить.

Въ засѣданіи 14 марта, въ 12^{1/2} часовъ дня, были прочитаны постановленные особымъ присутствіемъ вопросы о виновности подсудимыхъ, послѣдовавшіе на нихъ отвѣты и состоявшаяся по дѣлу резолюція. Вопросы: 1. Было ли въ 1875 году въ городѣ Москвѣ нѣсколькими лицами составлено противозаконное сообщество, имѣвшее свою цѣлю, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, ниспроверженіе существующаго правительства въ государствѣ, причемъ сообщество это имѣло свое управленіе (администрацію) въ городѣ Москвѣ, состояло изъ нѣсколькихъ общинъ, именовавшихся шайками и находившихся въ Москвѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Кіевѣ, Тулѣ, и руководствовалось въ своей дѣятельности особымъ уставомъ, опредѣлявшимъ права и обязанности, какъ управленія сообщества, такъ и его отдѣльныхъ членовъ?—Отв. «Да, было составлено». Если означенное сообщество было составлено, то—2. виновенъ ли сынъ штабс-капитана Георгій Феликсовъ Здановичъ (20-ти лѣтъ) въ томъ, что вмѣстѣ съ другими лицами составилъ означенное въ первомъ вопросѣ противозаконное сообщество?—Отвѣтъ: «Да, виновенъ». На такіе же вопросы о виновности подсудимыхъ: Джабадари (22 л.), Чекоидзе (24 л.), Кардашевъ (25 л.), Лукашевичъ (22 л.), Бардиной (22 л.), Фигнеръ (21 г.), Александровой (23 л.), Хорженской (23 л.), Ольги (22 л.) и Вѣры (20 л.) Любаговичъ, Евгеніи (23 л.) и Надежды (20 л.) Субботиныхъ—послѣдовали отвѣты: «Да, виновенъ и виновна. 15. Виновенъ ли крестьянинъ Москов-

ской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, деревни Высокой, Николай Васильевъ, 30-ти лѣтъ, въ томъ, что вступилъ въ члены противозаконнаго сообщества, означеннаго въ первомъ в просѣ, зная о цѣляхъ того сообщества?— Отв. «Да, виновенъ». На такіе же вопросы о подсудимыхъ: Бариновъ (31 г.), Агаповъ (20 л.), Алексѣевъ (26 л.), Николаевъ (29 л.), Егоровъ (23 л.), Владиміръ Александровъ (20 л.), Топорковой (21 г.), Екатеринѣ Гамкрелидзе (20 л.), Злобинѣ (25 л.), Фетисовѣ (24 л.), Сидорацкомъ (менѣе 17 л.), Иванѣ (24 л.) и Николаѣ (19 л.) Едуковыхъ, Ковалевъ (20 л.), Воронковъ (25 л.), Млодецкомъ (23 л.), Григоріи Александровѣ (23 л.), Гельфманъ (22 л.), Антимосѣ Гамкрелидзе (23 л.), князѣ Циціановѣ (25 л.), Цвилленевъ (23 л.), Георгіевскомъ (25 л.), Марьѣ Субботиной (21 г.), Батюшковой (25 л.), Медвѣдовой (25 л.), Георгіевской (19 л.), Нуромскомъ (21 г.) и Овчинниковѣ (25 л.) — послѣдовали утвердительные отвѣты: «Да, виновенъ и виновна». На такіе же вопросы о подсудимыхъ: Кураковъ (36 л.), Островъ (31 г.), Введенской (20 л.) и Рождественскомъ (30 л.), даны отрицательные отвѣты: «Нѣтъ, не виновенъ, не виновна». 48. Если подсудимый Григорій Сидорацкій виновенъ въ совершеніи преступленія, указанного въ 15-мъ вопросѣ, то дѣйствовалъ ли онъ въ семъ случаѣ съ полнымъ разумѣніемъ?—Отв. «Не съ полнымъ разумѣніемъ». Виновенъ ли сынъ штабсъ-капитана Г. Ф. Здановичъ въ томъ, что съ цѣлью возбудить рабочее населеніе Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и для распространенія среди сего населенія книгъ, таковую цѣль имѣющихъ, каковы: «Хитрая механика», «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Емелька Пугачевъ», журналъ и газета «Впередъ» и другія, снабжалъ таковыми книгами членовъ сообщества, къ которому принадлежалъ самъ?—Отв. «Да, виновенъ». На такіе же вопросы о подсудимыхъ: Вѣрѣ Любатовичъ, князѣ Циціановѣ и Антимосѣ Гамкрелидзе, послѣдовали утвердительные отвѣты, а о подсудимыхъ Цвилленевѣ и Чекоидзе—отрицательные. 55. Виновенъ ли отставной ко шевскій регистраторъ Степанъ Мартыновъ Кардашевъ въ томъ, что съ цѣлью возбудить рабочее населеніе Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной путемъ распространенія среди сего населенія книгъ, сію цѣль преслѣдующихъ, расходовалъ на покупку и привозъ изъ-за границы таковыхъ книгъ суммы, принадлежащія противозаконному сообществу и у него, Кардашева, какъ члена того сообщества, хранившихся?—Отвѣтъ. «Нѣтъ, не виновенъ». 56. Виновенъ ли дворянинъ И. С. Джабадарі въ томъ, что подъ именемъ Михаила Петрова или слесаря Михаила, съ цѣлью возбудить рабочее населеніе города Москвы къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, распространялъ между рабочими книги, таковую цѣль преслѣдующія, а именно передалъ: а) работнику тюляевской фабрики Ефрему Платонову — книги подъ заглавіемъ «Хитрая механика» и «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ» и б) работнику той же фабрики Филату Егорову—по нѣсколько экземпляровъ «Хитрой механики», «Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ», «Чтой-то братцы», «Исторіи французскаго крестьянина», «Парижской коммуны» и «Емельки Пугачева»?— Отв. «Да, виновенъ». 57. Виновенъ ли крестьянинъ Смоленской губерніи, Гжатскаго уѣзда, деревни Сычихи, Филатъ Егоровъ въ томъ, что съ цѣлью возбудить рабочее населеніе Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной передалъ рабочимъ тюляевской фабрики Аванасію Ермолаеву, Ефрему Платонову и Акиму Трофимову книги, сію цѣль преслѣдующія: «Хитрую механику», «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Чтой-то братцы», «Исторію французскаго крестьянина», и крестьянину Мирону Емельянову—«Хитрую механику», «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ» и «Чтой-то братцы»?—Отв. «Да, виновенъ». 58. Виновенъ ли крестьянинъ Смоленской губ., Сычевскаго уѣзда,

дер. Новинской, Петръ Алексѣевъ въ томъ, что съ цѣлью возбудить рабочее население г. Москвы къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной передалъ рабочему тюляевской фабрики Ефрему Платонову и рабочимъ фабрики Рошфоръ Власу и Никифору Алексѣевымъ книги, сію цѣль преслѣдующія: «Хитрую Механику» и «Сказку о четырехъ братьяхъ»?—Отв. «Да, виновенъ». 59. Виновенъ ли крестьянинъ той же губерніи, уѣзда и деревни, Пафнугій Николаевъ въ томъ, что съ цѣлью возбудить рабочее население города Москвы къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной передалъ рабочему соколовской въ Москвѣ фабрики Тимсою Васильеву книги, сію цѣль преслѣдующія: «Хитрую механику» и «Чтой-то братцы».—Отв. «Да, виновенъ». 60. Виновенъ ли австрійскій подданный Александръ Осиповъ Лукашевичъ въ томъ, что съ цѣлю возбужденія рабочаго населенія Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной читалъ одну изъ имѣвшихся у него и преслѣдующую означенную выше цѣль книгъ, подъ заглавіемъ «Емелька Пугачевъ», мѣщанину Семену Агапову?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ». 61. Виновна ли дворянка Софія Илларионовна Бардина въ томъ, что, поступивъ на фабрику Лазаревыхъ въ Москвѣ подѣ именемъ работницы Анны Зайцевой, съ цѣлью возбудить рабочее население Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной читала рабочимъ той фабрики книги, сію цѣль преслѣдующія, и изъ нихъ «Хитрую механику» и «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ» оставила у тѣхъ рабочихъ?—Отв. «Да, виновна.» 62. Виновенъ ли крестьянинъ Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, деревни Высокой, Николай Васильевъ въ томъ, что вмѣстѣ съ другимъ лицомъ передалъ, съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія города Москвы къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, работнику шибавской въ городѣ Москвѣ фабрики Якову Яковлеву книгу, сію цѣль преслѣдующую—«Емельку Пугачева»?—Отв. «Да, виновенъ». 63. Виновенъ ли въ преступленіи, означенномъ въ 62 вопросѣ крестьянинъ Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, деревни Добриной, Иванъ Васильевъ Бариновъ?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ». 64. Виновна ли дворянка Лидія Николаевна Фигнеръ въ томъ, что съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія Иваново-Вознесенска къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и для распространенія среди того населенія книгъ, сію цѣль преслѣдующихъ, вмѣстѣ съ другимъ лицомъ снабдила таковыми книгами членовъ противозаконнаго общества, жившихъ въ Иваново-Вознесенскѣ, въ домѣ Кисина?—Отв. «Да, виновна». 65. Виновна ли въ совершеніи преступленія, означеннаго въ 64-мъ вопросѣ, дочь потомственнаго гражданина Варвара Иванова Александрова?—Отв. «Да, виновна». 66. Виновенъ ли сынъ сѣтскаго совѣтника Владиміръ Петровъ Александровъ въ томъ, что съ цѣлью, указанной въ 64 вопросѣ, распространялъ среди рабочихъ лопатинской въ городѣ Иваново-Вознесенскѣ фабрики книги, сію цѣль преслѣдующія, каковы: «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Богъ-то Богъ», «Чтой-то братцы»?—Отв. «Да, виновенъ». 67. Виновенъ ли московскій мѣщанинъ Семень Ивановъ Агаповъ въ томъ, что съ цѣлью, указанною въ 64-мъ вопросѣ, распространялъ среди рабочихъ зубковской фабрики въ городѣ Ивановѣ-Вознесенскѣ книги, сію цѣль преслѣдующія: «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Богъ-то Богъ», «Чтой-то братцы»?—Отв. «Да, виновенъ». 68. Виновенъ ли крестьянинъ Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, деревни Добриной, Иванъ Васильевъ Бариновъ въ совершеніи преступленія, указаннаго въ 67-мъ вопросѣ?—Отв. «Да, виновенъ». 69. Виновна ли московская цеховая Анна Григорьева Топоркова въ томъ, что съ цѣлью, указанной въ 64-мъ вопросѣ, передала иваново-вознесенскому мѣщанину Федору Жарковскому книги, сію цѣль преслѣдующія, каковы: «Хитрая механика» «Парижская

коммуна» и три номера газеты «Впередъ»?—Отв. «Нѣтъ, не виновна».

70. Виновна ли дочь коллежскаго ассессора Ольга Спиридонова Любатовичъ въ томъ, что съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія Тульской губерніи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и для распространенія среди того населенія книгъ, сію цѣль преслѣдующихъ, передала солдатскому сыну Василию Онуфріеву Ковалеву «Хитрую механику» и «Сказку о четырехъ братьяхъ», каковыя книги, согласно наставленію Любатовичъ, и были Ковалевымъ переданы другимъ рабочимъ?—Отв. «Да, виновна».

71. Виновенъ ли солдатскій сынъ Василій Онуфріевъ Ковалевъ въ томъ, что съ цѣлью, указанной въ 70-мъ вопросѣ, и, зная содержаніе книгъ, въ томъ же вопросѣ указанныхъ, передалъ «Хитрую механику» и одинъ экземпляръ «Сказки о четырехъ братьяхъ» неизвѣстнымъ ему сапожникамъ и второй экземпляръ той же сказки отставному рядовому Матвѣеву?—Отв. «Да, виновенъ».

72. Виновенъ ли крестьянинъ Рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда, Иванъ Семеновъ Фетицовъ въ томъ, что съ цѣлью, указанной въ 70-мъ вопросѣ, словесно передавалъ рабочимъ Панинскаго, Тульской губерни, завода содержаніе книги, сію цѣль преслѣдующей—«Сказку о четырехъ братьяхъ»?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ.»

73. Виновна ли именовавшая себя княгинею Циціановой дочь коллежскаго секретаря Александра Сергѣева Хоржевская въ томъ, что съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія Тульской и Кіевской губерній къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и для распространенія среди того населенія книгъ, сію цѣль преслѣдующихъ, вмѣстѣ съ другими лицами передала такыя книги: «Хитрая механика», «Богъ-то Богъ», «Сказка о копейкѣ», «Емелька Пугачевъ» и др.—скрывшимся Герасиму Лепесину, Петру Сидоренко и обвиняемымъ Ковалеву и Сидорацкому?—Отв. «Да, виновна».

74. Виновенъ ли техническій мастеръ 1-го разряда кіевскаго артиллерійскаго полигона Григорій Александровъ Александровъ въ томъ, что съ цѣлью возбудить рабочее населеніе Кіевской губерніи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и для распространенія среди сего населенія книгъ, такую цѣль преслѣдующихъ, каковыя: «Хитрая механика», «Емелька Пугачевъ» и др., снабжалъ такowymi книгами членовъ того противозаконнаго сообщества, къ которому принадлежалъ самъ?—Отв. «Да, виновенъ».

75. Виновенъ ли отставной подпоручикъ Михаилъ Сидоровъ Воронковъ въ томъ, что съ цѣлью, указанной въ 74-мъ вопросѣ, передалъ вмѣстѣ съ другимъ лицомъ нынѣ умершему отставному штабсъ-капитану Подгородецкому книги, сію цѣль преслѣдующія: «Богъ-то Богъ», «Сказку о копейкѣ», «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ» и др.?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ».

76. Виновенъ ли въ совершеніи преступленія, означеннаго въ 75-мъ вопросѣ, дворянинъ Мартынъ Александровъ Млодецкій?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ».

77. Виновна ли дочь штабсъ-капитана Надежда Дмитріева Субботина въ томъ, что съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной передала князю Микеладзе одну изъ книгъ, такую цѣль преслѣдующихъ, а именно «Парижскую коммуну»?—Отв. «Нѣтъ, не виновна».

78. Виновна ли дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Варвара Николаева Батюшкова въ томъ, что съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и для распространенія среди сего населенія книгъ, указанную цѣль преслѣдующихъ, передала значительное количество такovýchъ книгъ и въ числѣ прочихъ: «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Исторію французскаго крестьянина», «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ», бывшему студенту Петровской академіи Бѣляевскому?—Отв. «Да, виновна».

79. Виновенъ ли въ совершеніи преступленія, означеннаго въ 75-мъ вопросѣ, отставной штабсъ-капитанъ артиллеріи Левъ Андреевъ Ива-

новъ, 24 лѣтъ?—Отв. «Да, виновенъ». 80. Виновенъ ли тотъ же отставной штабсъ-капитанъ Левъ Андреевъ Ивановъ въ томъ, что съ цѣлью, указанной въ 78-мъ вопросѣ, передалъ студенту Петровской академіи Александру Трубецкому книги, таковую цѣль преслѣдующія, а именно: «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Сказку о копейкѣ», «Исторію французскаго крестьянина», «Сборникъ новыхъ пѣсень и стиховъ»? — Отв. «Да, виновенъ». 81. Виновенъ ли сынъ священника Александръ Петровъ Бѣляевскій, 20 лѣтъ, въ томъ, что, получивъ отъ Иванова и Батюшковой книги, означенныя въ 78-мъ вопросѣ, и съ цѣлью, указанной въ томъ же вопросѣ, передалъ таковыя бывшему студенту Петровской академіи Александру Трубецкому?—Отв. «Да, виновенъ». 82. Виновенъ ли сынъ священника Александръ Егоровъ Трубецкой, 19 лѣтъ, въ томъ, что, получивъ отъ Иванова книги, указанныя въ 80-мъ вопросѣ, распространялъ таковыя среди рабочаго населенія Саратовской губерніи, имѣя цѣлью возбудить то населеніе къ бунту или явному неповиновенію Верховной Власти?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ». 83. Если подсудимый Александръ Трубецкой не виновенъ въ совершеніи преступленія, изложеннаго въ 82-мъ вопросѣ, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что безъ дозволенія надлежащаго высшаго начальства имѣлъ у себя сочиненія, возбуждающія къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, зная содержаніе означенныхъ сочиненій?—Отв. «Да, виновенъ». 84. Виновенъ ли сынъ священника Михаилъ Павловъ Овчинниковъ въ томъ, что вмѣстѣ съ другими лицами передалъ крестьянину Корнюхину книги подъ заглавіемъ: «Парижская коммуна», «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Хитрая механика», имѣя цѣлью распространять таковыя книги среди рабочаго населенія Имперіи и согласно содержанію сихъ книгъ возбудить рабочее населеніе Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ». 85. Виновенъ ли въ совершеніи преступленія, указаннаго въ 84-мъ вопросѣ, потомственный почетный гражданинъ Григорій Алексѣевъ Сбромирскій, 25-ти лѣтъ? —Отв. «Нѣтъ, не виновенъ». 86. Виновенъ ли въ совершеніи преступленія, означеннаго въ 84-мъ вопросѣ, крестьянинъ Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, деревни Добриной, Иванъ Васильевъ Бариновъ?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ». 87. Виновенъ ли князь Александръ Константиновъ Циціановъ въ томъ, что во время обыска въ квартирѣ дворянина Гамкрелидзе умышленно, съ цѣлью лишить жизни прапорщика Ловягина, сдѣлалъ по немъ изъ револьвера два выстрѣла и не убилъ Ловягина только потому, что пули пролетѣли мимо Ловягина?—Отв. «Да, виновенъ». 88. Виновна ли дочь коллежскаго ассессора Вѣра Любатовичъ въ томъ, что во время обыска въ квартирѣ дворянина Гамкрелидзе умышленно, съ цѣлью лишить жизни помощника квартальнаго надзирателя Федорова, схватила Федорова руками за горло и старалась его задушить, но намѣренія своего привести въ исполненіе не успѣла, такъ какъ была удержана находившимися при обыскѣ свидѣтелями?—Отв. «Нѣтъ, не виновна». 89. Если дочь коллежскаго ассессора Вѣра Спиридонова Любатовичъ не виновна въ овершеніи преступленія, указаннаго въ 88-мъ вопросѣ, то не виновна ли она въ томъ, что, желая воспрепятствовать помощнику квартальнаго надзирателя Федорову арестовать стрѣлявшаго въ прапорщика Ловягина князя Циціанова, дозволила себѣ явное, противъ Федорова, насиліе, схвативъ его за горло? —Отв. «Да, виновна». 90. Виновна ли дочь коллежскаго ассессора Ольга Спиридонова Любатовичъ въ томъ, что лѣтомъ 1872 года, при возвращеніи своемъ изъ-за границы, тайно привезла въ Москву и въ Петербургъ письма отъ различныхъ лицъ, проживающихъ за границею? — Отв. «Нѣтъ, не виновна». 91. Если тульскій мѣщанинъ Иванъ Александровъ Кураковъ не виновенъ въ совершеніи преступленія, указаннаго въ 31-мъ вопросѣ, то

не виновенъ ли онъ въ томъ, что, зная о существованіи противузаконнаго сообщества, означеннаго въ 1-мъ вопросѣ, и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнилъ сей обязанности? — Отв. «Да, виновенъ». 92. Если крестьянинъ Кіевской губерніи Петръ Акимовъ Островъ не виновенъ въ совершеніи преступленія, указаннаго въ 36-мъ вопросѣ, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что, зная о существованіи противузаконнаго сообщества, означеннаго въ 1-мъ вопросѣ, и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнилъ сей обязанности?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ». 93. Если дочь священника Екатерина Александрова Введенская не виновна въ совершеніи преступленія, означеннаго въ 45-мъ вопросѣ, то не виновна ли она въ томъ, что, зная о существованіи противузаконнаго сообщества, означеннаго въ первомъ вопросѣ, и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнила сей обязанности?—Отв. «Да, виновна». 94. Если сынъ штабсъ-капитана Георгій Здановичъ виновенъ въ совершеніи преступленій, изложенныхъ во 2-мъ и 49-мъ вопросахъ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?—Отв. «Нѣтъ, не былъ вовлеченъ». 95. Если австрійскій подданный Александръ Осиповъ Лукашевичъ виновенъ въ преступленіяхъ, изложенныхъ въ 6-мъ и въ 60-мъ вопросахъ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— Отв. «Не былъ вовлеченъ». 96. Если дочь коллежскаго ассессора Вѣра Любатовичъ виновна въ совершеніи преступленій, изложенныхъ въ 12-мъ и 50-мъ вопросахъ, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?—Отв. «Не была вовлечена». 97. Если сынъ статскаго совѣтника Владиміръ Петровъ Александровъ виновенъ въ совершеніи преступленій, изложенныхъ въ 21-мъ и 66-мъ вопросахъ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?—Отв. «Не былъ вовлеченъ». 98. Если жена дворянина Екатерина Борисова Гамкрелидзе виновна въ совершеніи преступленія, изложеннаго въ 23-мъ вопросѣ, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— Отв. «Была вовлечена». 99. Если московскій мѣщанинъ Семень Ивановъ Агаповъ виновенъ въ совершеніи преступленій, изложенныхъ въ 17-мъ и 67-мъ вопросахъ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— Отв. «Былъ вовлеченъ». 100. Если крестьянинъ Владимірской губерніи, Суздальскаго уѣзда, села Жадинскаго, Николай Ивановъ Едуковъ, виновенъ въ преступленіи, изложенномъ въ 29-мъ вопросѣ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— Отв. «Былъ вовлеченъ». 101. Если солдатскій сынъ Василій Онуфриевъ Ковалевъ виновенъ въ совершеніи преступленій, изложенныхъ въ 30-мъ и 71-мъ вопросахъ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ эти преступленія другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— Отв. «Былъ вовлеченъ». 102. Если дочь штабсъ-капитана Надежда Дмитріева Субботина виновна въ совершеніи преступленій, изложенныхъ въ 14-мъ и 77-мъ вопросахъ, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?—Отв. «Была вовлечена». 103. Если дочь священника Надежда Георгіевская виновна въ совершеніи преступленія, изложеннаго въ 44-мъ вопросѣ, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— Отв. «Была вовлечена». 105. Если сынъ дьякона Алексѣй Ивановъ Нуромскій виновенъ въ совершеніи преступленія, изложеннаго въ 46-мъ вопросѣ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— Отв. «Не былъ вовлеченъ». 106. Если сынъ священника Александръ Пе-

тровъ Бѣляевскій виновенъ въ совершеніи преступленія, изложеннаго въ 81-мъ вопросѣ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?—Отв. «Былъ вовлеченъ». 109. Если подсудимый Григорій Сидорацкій виновенъ въ совершеніи преступленія, изложеннаго въ 26-мъ вопросѣ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— Отв. «Былъ вовлеченъ». 110. Если подсудимая Александра Хоржевская виновна въ совершеніи преступленій, изложенныхъ въ 10 и 73 вопросахъ, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ? Отв. «Была вовлечена». Условные вопросы, которые не требовали разрѣшенія, здѣсь не помѣщены. Резолюція. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, въ особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, выслушавъ дѣло и пренія сторонъ, признаетъ: 1. подсудимыхъ Георгія Здановича, Ивана Джабадари, Михаила Чекоидзе, Степана Кардашева, Александра Лукашевича, Софью Бардину, Лидію Фигнеръ, Варвару Александрову, Александру Хоржевскую, Ольгу Любатовичъ, Вѣру Любатовичъ, Евгенію Суббогину и Надежду Субботину—виновными въ составленіи въ 1875 году въ Москвѣ противозаконнаго сообщества, имѣвшаго своею цѣлю, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, ниспроверженіе существующаго правительства въ государствѣ; 2. подсудимыхъ Николая Васильева, Ивана Барнинова, Семена Агапова, Петра Алексѣева, Пафнутія Николаева, Филата Егорова (онъ же Лаврентьевъ), Владиміра Александрова, Анну Топоркову, Екатерину Гамкрелидзе, Ивана Здобина, Ивана Фетисова, Григорія Сидорацкаго, Ивана Едукова, Николая Едукова, Василия Ковалева, Михаила Воронкова, Мартына Млодецкаго, Григорія Александрова, Гесю Гельфманъ, Антимоса Гамкрелидзе, кн. Александра Циціанова, Николая Цвиленева, Василия Георгіевскаго, Марію Субботину, Варвару Батюшкову, Елену Медвѣдеву, Надежду Георгіевскую, Алексѣя Нуромскаго и Михаила Овчинникова—виновными въ принадлежности къ упомянутому выше противозаконному сообществу, съ знаніемъ о цѣляхъ онаго; 3. подсудимыхъ Ивана Куракова и Екатерину Введенскую—виновными въ знаніи о существованіи и означеннаго противозаконнаго сообщества и недонесеніи о томъ правительству; 4. подсудимыхъ Георгія Здановича, Ивана Джабадари, Николая Васильева, Ивана Барнинова, Петра Алексѣева, Пафнутія Николаева, Филата Егорова (онъ же Лаврентьевъ), Владиміра Александрова, Григорія Александрова, Антимоса Гамкрелидзе, кн. Александра Циціанова, Льва Ивлнова, Александра Бѣляевскаго, Софью Бардину, Лидію Фигнеръ, Варвару Александрову, Александру Хоржевскую, Ольгу Любатовичъ, Вѣру Любатовичъ, Семена Агапова, Василия Ковалева, Варвару Батюшкову—сверхъ сего, виновными въ злоумышленномъ, съ цѣлью возбужденія къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, распространеніи сочиненій соотвѣтствующихъ этой цѣли; 5. независимо отъ сего, кн. Александра Циціанова—виновнымъ въ покушеніи на умышленное убійство, остановленное обстоятельствами, отъ него не зависѣвшими; Вѣру Любатовичъ—виновною въ сопротивленіи, сопровождаемъ насиліемъ, распоряженіямъ полицейскаго чиновника при отпращиваніи должности; Александра Трубецкаго—виновнымъ въ имѣніи у себя, безъ дозволенія высшаго начальства, сочиненій, возбуждающихъ къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, и наконецъ, 6. Ивана Рождественскаго, Петра Острова и Григорія Сбромірскаго—невиновными по настоящему дѣлу.—Вслѣдствіе сего и на основаніи 19, 20, 31, 33, 34, 35, 38, 39, 49, 56, 73, 77, 114, 126, 129, 134, 137, 138, 139, 140, 143, 149, 150, 152, 153, 154, 250 (ч. 2), 251 (ч. 2, п. 4), 271, 1455 (ч. 1) (по продолженію 1872 г.) статей улож. о наказ., закона 4 іюня 1874 г., 774 и 775 статей устава угол. суд.—опредѣляетъ:

1. Кн. Александра Константинова Циціанова, крестьянина Смоленской губ., Сычевскаго уѣзда, д. Новинской, Петра Алексѣева, технического мастера 1 разряда Григорія Александрова Александрова, сына штабсъ-капитана Георгія Феликсова Здановича и сына ст. сов. Владиміра Петрова Александрова лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ: князя Циціанова и Петра Алексѣева—на десять лѣтъ; Григорія Александрова—на десять лѣтъ; Георгія Здановича—на шесть лѣтъ и восемь мѣсяцевъ, и Владиміра Александрова—на шесть лѣтъ, съ послѣдствіями, въ 25 ст. улож. о наказ. опредѣленными. 2. Дворянку Софью Илларионову Бардину, дочерей коллежскаго ассессора Ольгу Спиридонову и Вѣру Спиридонову Любатовичъ, дворянина Ивана Спиридонова Джабадари, дворянина Антимоса Евдова Гамкрелидзе, отставнаго коллежскаго регистратора Степана Мартынова Кардашева, дворянкѣ Лидію Николаеву Фигнеръ, дочь потомственнаго почетнаго гражданина Варвару Иванову *Александрову, именовавшую себя княгинею Циціановою, дочь коллежскаго секретаря Александру Сергѣеву Хоржевскую и московскаго мѣщанина Семена Иванова Агапова—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ: Софью Бардину и Ольгу Любатовичъ—на девять лѣтъ; Вѣру Любатовичъ—на шесть лѣтъ, Ивана Джабадари, Антимоса Гамкрелидзе, Степана Кардашева, Лидію Фигнеръ, Варвару Александрову, Александру Хоржевскую—на пять лѣтъ, и Семена Агапова—на три года и четыре мѣсяца, съ послѣдствіями, въ 25 ст. улож. о наказ. опредѣленными. 3. Дворянина Михаила Николаева Чекоидзе и австрійскаго подданнаго Александра Осипова Лукашевича лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. 4. Московскую цеховую Анну Григорьеву Топоркову, мозырскую мѣщанку Гесю Миронову Гельфманъ, лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключить въ рабочій домъ: Топоркову—на четыре года, а Гельфманъ—на два года. 5. Крестьянина Рязанской губ., Пронскаго уѣзда, Ивана Семенова Фетисова и крестьянина Владимірской губерніи, Суздальскаго уѣзда, села Жадинскаго, Ивана Иванова Едукова—лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдалить въ исправительное арестантское отдѣленіе на одинъ годъ и три мѣсяца каждаго. 6. Сына коллежскаго ассессора Ивана Андреева Злобина, дворянина Николая Федорова Цвиленева, сыновей священниковъ Василия Григорьева Георгіевскаго и Михаила Павлова Овчинникова, дочерей штабсъ-капитана Евгенію Дмитріеву, Марію Дмитріеву и Надежду Дмитріеву Субботинныхъ, дворянина Мартына Александрова Млодецкаго, сына дьякона Алексѣя Иванова Нуромскаго, отставнаго подпоручика Михаила Федорова Воронкова и дочь титулярнаго совѣтника Елену Петрову Медвѣдеву—лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье: Ивана Злобина, Николая Цвиленева и Евгенію Субботину—въ Иркутскую губернію; Василия Георгіевскаго и Михаила Овчинникова—въ Енисейскую губернію, съ воспрещеніемъ всѣмъ имъ отлучки изъ назначеннаго мѣста жительства въ продолженіе четырехъ лѣтъ и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе двѣнадцати лѣтъ; Мартына Млодецкаго и Надежду Субботину—въ Томскую губернію, съ воспрещеніемъ отлучки изъ назначеннаго мѣста жительства въ продолженіе двухъ лѣтъ и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе шести лѣтъ; Алексѣя Нуромскаго—въ Тобольскую губернію, съ воспрещеніемъ отлучки изъ назначеннаго мѣста жительства въ продолженіе одного года и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе четырехъ лѣтъ; Михаила Воронкова и Марію Субботину—въ Томскую губернію, и Елену Медвѣдеву—въ Тобольскую губернію. 7. Крестьянина Владимірской губерніи, Суздальскаго уѣзда, села Жадинскаго, Николая Иванова Едукова заключить въ рабочій домъ на

три мѣсяца. 8. Дворянина Григорія Петрова Сидорацкаго заключить въ смирительномъ домѣ на шесть недѣль. 9. Дочь священника Надежду Григорьеву Георгіевскую и жену дворянина Екатерину Борисову Гамкрелидзе—выдержать въ тюрьмѣ, первую—два мѣсяца, а вторую—шесть недѣль. 10. Тульскаго мѣщанина Ивана Александрова Куракова, дочь свящ. Екатерину Александрову Введенскую и сына свящ. Александра Егорова Трубецкого—подвергнуть аресту: Куракова—на 3 недѣли, а Введенскую и Трубецкого—на двѣ недѣли. 11. Дворянку Варвару Николаеву Батюшкову, отстав. штабсъ-капитана Льва Андреева Иванова, крестьянъ: Николая Васильева, Ивана Барина, Пафнутія Николаева, Филата Егорова (онъ же Лаврентьевъ), священническаго сына Александра Петрова Бѣляевского и солдатскаго сына Василия Ковалева—признать подлежащими лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы: Батюшкову на заводахъ на девять лѣтъ; Иванова, Васильева, Барина, Николаева и Егорова — въ крѣпостяхъ на тотъ же срокъ; Бѣляевского и Ковалева—на заводахъ на три года и четыре мѣсяца. Но, принимая въ уваженіе, во-1-хъ, что участіе подсудимыхъ Батюшковой, Иванова и Бѣляевского въ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія не имѣло по своимъ послѣдствіямъ того особеннаго значенія, въ какомъ представляется участіе подсудимыхъ, оказывающихся по настоящему дѣлу болѣе виновными дѣятелями; во-вторыхъ, что подсудимые Васильевъ, Баринъ, Николаевъ и Егоровъ (онъ же Лаврентьевъ) являются въ настоящемъ случаѣ участниками въ такомъ преступленіи, важность и значеніе котораго, по принадлежности ихъ къ крестьянскому сословію, не могли быть ими вполне сознаваемы, и потому участіе ихъ въ ономъ представляется послѣдствіемъ вовлеченія ихъ въ преступную дѣятельность другими лицами, стремившимися для своихъ собственныхъ цѣлей свращать низшія сословія съ пути закона и вѣрноподданническаго долга, и, въ-третьихъ, что подсудимый Ковалевъ, самъ собою являсь съ повинною, чистосердечнымъ признаніемъ своимъ способствовалъ къ обнаруженію значительнаго числа участниковъ въ преступленіи, составляющемъ предметъ настоящаго дѣла—повергнуть участь поименованныхъ восьмерыхъ подсудимыхъ на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора, ходатайствуя передъ Его Императорскимъ Величествомъ объ освобожденіи ихъ отъ каторжныхъ работъ, съ тѣмъ, чтобы Варвара Батюшкова, Александръ Бѣляевскій, Левъ Ивановъ, Николай Васильевъ, Иванъ Баринъ, Пафнутій Николаевъ и Филатъ Егоровъ (онъ же Лаврентьевъ) были сосланы на поселеніе въ менѣе отдаленныя мѣста Сибири, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, а Василия Ковалева сослать на житье въ Тобольскую губернію, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. 12. Сына дьячка Ивана Рождественскаго, крестьянина Петра Острова и потомственнаго почетнаго гражданина Григорія Сбромірскаго—оправдать. 13. Настоящій приговоръ, прежде исполненія въ отношеніи подсудимыхъ: Джабадари, Чекоидзе, Здановича, Кардашева, Бардиной, Фигнеръ, Хоржевской, Ольги и Вѣры Любатовичъ, Владиміра Александрова, Злобина, Воронкова, Млодецкаго Антимоса Гамкрелидзе, князя Циціанова, Цвиленева, Надежды, Марьи и Евгеніи Субботиныхъ, и Медвѣдовой, представить, на основаніи 945 ст. уст. угол. суд., на Высочайшее благоусмотрѣніе, и 14. судебныя по сему дѣлу издержки, на основаніи 993 ст., взыскать съ имущества подсудимыхъ.

* * *

На этомъ кончается помѣщенное въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» изложеніе «процесса пятидесяти». Въ немъ, конечно, не можетъ не броситься въ глаза умышленное умолчаніе о послѣднемъ словѣ подсудимыхъ,

о которомъ въ отчетѣ брошено вскользь всего нѣсколько строкъ. Между тѣмъ, на этомъ процессѣ подсудимыми было произнесено нѣсколько рѣчей, изъ которыхъ нѣкоторыя (Бардиной и Алексѣева) сдѣлались знаменными. Мы считаемъ своею обязанностью возстановить этотъ важный пробѣлъ правительственнаго отчета и потому помѣщаемъ здѣсь четыре извѣстныхъ намъ рѣчи по процессу пятидесяти. Рѣчи эти, изъ которыхъ нѣкоторыя были много разъ перепечатаны въ разныхъ нелегальныхъ изданіяхъ, мы заимствуемъ изъ V тома журнала «Впередъ» за 1877 годъ.

Рѣчь Софьи Илларионовны Бардиной.

Не отрицаю факта пропаганды на фабрикѣ Лазарева, я никакъ не могу согласиться съ обвиненіемъ, причисляющимъ меня къ организаціи: я не могла къ ней принадлежать уже по одной той причинѣ, что тогда (въ апрѣлѣ) этой организаціи, какъ видно, еще не существовало. Само обвиненіе колеблется назвать апрѣльскую группу подсудимыхъ организованнымъ тайнымъ обществомъ и говорить только, что это было какое-то ядро, какой-то зародышъ, изъ остатковъ коего впослѣдствіи выросла организаціи. Я не знаю, подъ какую вообще статью подводятся зародыши будущихъ организацій, не знаю, составляли ли другіе подсудимые такой зародышъ, или же организованное общество; знаю только хорошо, что я лично дѣйствовала совершенно самостоятельно, не сообразуясь съ какой-либо программой, выработанной какимъ-либо тайнымъ обществомъ. Обвиненіе опирается на фактъ моего знакомства съ нѣкоторыми подсудимыми, принадлежавшими впослѣдствіи къ этой организаціи, но здѣсь уже было прекрасно доказано многими, что фактъ знакомства не можетъ служить признакомъ принадлежности къ тайному обществу, такъ что мнѣ ничего больше не остается говорить объ этомъ. Обвиненіе напираетъ на совмѣстное будто-бы проживательство всѣхъ подсудимыхъ апрѣльской группы, но изъ судебного слѣдствія выяснилось, что всѣ они или имѣли свои собственныя квартиры, или проживали въ то время на фабрикахъ, а, слѣдовательно, не могли одновременно проживать у меня. Въ Сыромятникахъ вмѣстѣ съ другими я также не могла проживать по той простой причинѣ, что въ то самое время жила на фабрикѣ Лазарева, и сама свидѣтельница Дарья Скворцова показала, если Особое Присутствіе потрудится припомнить, что къ ней раньше всѣхъ явились двѣ женщины, Аннушка и Маша, которыя въ то время жили на машинахъ, т. е. на фабрикахъ. Между тѣмъ, съ московскихъ фабрикъ отпускаютъ рабочихъ только по праздникамъ до 10 часовъ вечера, слѣдовательно, я въ крайнемъ случаѣ могла приходить въ Сыромятники по праздничнымъ днямъ, но не жить тамъ. Обвиненіе считаетъ мою квартиру въ домѣ Корсакъ однимъ изъ революціонныхъ притоновъ, но я напомину Особому Присутствію, что въ такого рода мѣстахъ обыкновенно встрѣчается цѣлый складъ книгъ, шифрованная и нешифрованная переписка, адреса, химическіе реактивы и т. п.; у меня же не найдено ни одной революціонной книги, не взято ни до, ни послѣ ареста шифрованной переписки и даже абсолютно никакой переписки, ни одного документа, изъ котораго можно бы было заключить о моей принадлежности къ какому-либо тайному обществу. Обвиненіе весьма смѣло утверждаетъ, что въ письмѣ отъ 26-го іюля, найденномъ въ Иваново-Вознесенскѣ, упоминается моя фамилія, но обвиненіе, вѣроятно, забыло: тамъ моей фамиліи не находится, а упоминается какая-то кличка, которую обвиненіе, неизвѣстно почему, приписываетъ мнѣ. Я еще во время судебного слѣдствія имѣла удовольствіе просить обвинительную власть указать мнѣ тѣ основанія, опираясь на которыя, она приписываетъ мнѣ эту кличку, но обвини-

тельная власть не сочла нужнымъ этого сдѣлать, и я остаюсь въ прежнемъ недоумѣннн относительно этого обстоятельства. Въ томъ письмѣ говорится, что «тетка сидитъ въ Городской» и что «ей кто-то послалъ письмо, а она его изорвала», но вѣдь въ Городской сидѣла тогда не одна я— это разъ, во-вторыхъ, авторъ письма могъ ошибиться: ему могли сказать, что искомая имъ личность сидитъ въ Городской, тогда какъ ея могло тамъ и не быть. Такого рода ошибки могли легко случиться. Наконецъ, предположимъ даже, что эта кличка принадлежитъ мнѣ, что меня искали, обо мнѣ справлялись, но, вѣдь, въ программѣ лицъ, которымъ принадлежитъ это письмо, не сказано, что слѣдуетъ заводить сношенія только съ арестованными членами своей организацин, а вообще съ заключенными— это разъ; кличка же сама по себѣ ничего не доказываетъ, ибо опять въ той же самой программѣ не говорится, чтобы слѣдовало исключительно давать клички членамъ своей организацин: онѣ могли даваться и прочимъ знакомымъ. Что это такъ и было—доказываетъ слѣдующій фактъ: въ томъ же, кажется, письмѣ отъ 26-го юля говорится: «Одесская община предлагаетъ принять Санчо въ нашу организацин», слѣдовательно, личность, извѣстная подъ названіемъ Санчо, носила эту, какъ говоритъ обвиненіе, кличку ранѣе, чѣмъ она стала членомъ организацин—слѣдовательно, какъ простой знакомый. Я думаю, что доказательнѣе этого факта трудно что-нибудь представить въ данномъ случаѣ. Подобныя клички давались даже властямъ, такъ, напр., въ одномъ письмѣ было сказано, что четвероногіе дѣлали допросъ о томъ-то. Такимъ образомъ, строя обвиненія на кличкахъ, приходится и лицъ, производившихъ дознаніе, причислить къ преступной организацин... Я отказываюсь отъ чести принадлежать къ этой организацин не изъ страха наказанія, ибо противъ меня существуютъ болѣе вѣскія обвиненія, которыхъ я и сама не отрицаю, но я защищаюсь теперь потому только, что это мнѣ кажется пристрастнымъ, если не нелогичнымъ, пристрастнымъ и несправедливымъ даже съ юридической точки зрѣнія. Я съ своей точки зрѣнія ни въ чемъ не считаю себя виновной и подлежащей наказанію, ибо никакого вреда обществу или народу принести не желала и не принесла, надѣюсь. Конечно, меня такъ же, какъ и другихъ подсудимыхъ, обвиняютъ въ стремленіи разрушить священныя основы собственности, семьи, религіи, государства, въ возбужденіи къ бунту и стремленіи водворить анархію въ обществѣ. Все это было бы весьма ужасно, если бы было справедливо. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти обвиненія основаны на одномъ только недоразумѣнн, которое я и постараюсь теперь объяснить, если судъ меня выслушаетъ. Собственности я никогда не отрицала. Напротивъ, я осмѣливалась даже думать, что я защищаю собственность, ибо я признаю, что каждый человекъ имѣетъ право на собственность, обеспеченную его личнымъ производительнымъ трудомъ, и что каждый человекъ долженъ быть полнымъ хозяиномъ своего труда и его продукта. И скажете послѣ этого—я ли, имѣя такіе взгляды, подрываю основы собственности, или тотъ фабрикантъ, который, платя рабочему за одну треть его рабочего дня, двѣ трети беретъ даромъ? Или тотъ спекуляторъ, который, играя на биржѣ, разоряетъ тысячи семействъ, обогащаясь на ихъ счетъ и самъ не производя ничего? Коммунизма, какъ нѣчто обязательное, ни я, никто другой изъ пропагандистовъ также не проповѣдуемъ. Мы только выставляемъ на первый планъ право рабочего на полный продуктъ его труда. Затѣмъ, какъ онъ распорядится съ этимъ продуктомъ—обратить ли его въ общую или частную собственность—это уже его дѣло. Мы этихъ вопросовъ предрѣшать теперь не беремъ и не можемъ предрѣшать, принимая во вниманіе, что такой строй можетъ осуществиться только въ далекомъ будущемъ, и что подобныя детали могутъ быть выработаны толь-

ко практикой. Относительно семьи я также не знаю: подрывает ли ее тотъ общественный строй, который заставляетъ женщину бросать семью и идти для скуднаго заработка на фабрику, гдѣ неминуемо развращаются и она, и ея дѣти, тотъ строй, который вынуждаетъ женщину, вслѣдствіе нищеты, бросаться въ проституцію и который даже санкціонируетъ эту проституцію, какъ явленіе законное и необходимое во всякомъ благоустроенномъ государствѣ; или подрываетъ семью мы, которые стремимся искоренить эту нищету, служащую главнѣйшей причиной всѣхъ общественныхъ бѣдствій, въ томъ числѣ и разрушенія семьи? Относительно религіи я могу сказать только, что я всегда оставалась вѣрна ея духу и существеннымъ ея принципамъ въ томъ ихъ чистомъ видѣ, въ какомъ они проповѣдывались самимъ основателемъ христіанства. Кромѣ того, должна замѣтить, что ни одинъ свидѣтель и не говорилъ, что ему пропандировали что-либо относительно религіозныхъ вопросовъ, чтобы отрицали Бога и т. п. Свидѣтельница Дирья Скворцова говоритъ, напримѣръ: «Бога-то они на небесахъ признавали, только личность его не признавали», т. е. относились безразлично къ нѣкоторымъ обрядамъ церкви, къ почитанію иконъ и т. п. Поэтому о религіи я ничего больше говорить не буду. Въ подрываніи государства я столь-же мало виновата. Я вообще думаю, что усилія единичныхъ личностей подорвать государство не могутъ. Если государства разрушаются, то это обыкновенно происходитъ оттого, что они сами въ себѣ носятъ зародыши разрушенія. Такъ, напримѣръ, древнія государства исчезли съ лица земли, ибо они были основаны на рабствѣ,—на такомъ базисѣ, который, какъ давно извѣстно, не способствуетъ развитію обществъ. Конечно, если какое-нибудь данное государство держитъ свой народъ въ политическомъ, экономическомъ и умственномъ рабствѣ, если оно массой неплатныхъ податей, капиталистической эксплуатаціей рабочаго и другими ненормальными экономическими и политическими отношеніями доводитъ его до нищеты, болѣзней, преступленій—то, конечно, говорю я, такое государство само ведетъ себя къ гибели, но въ этомъ ужъ невиноваты единичныя личности и группы: а, слѣдовательно, не за что ожесточенно преслѣдовать и наказывать ихъ. Въ противномъ же случаѣ, т. е. если государство находится въ совершенно благонадежномъ состояніи, то усилія этихъ лицъ не могутъ грозить ему ровно никакой опасностью; слѣдовательно, наказывать ихъ опять-таки не представляется надобности. Вотъ почему для меня совершенно непонятна логика обвинительной власти, говорящей, что «конечно, опасности для государства тутъ никакой не можетъ быть», но что «опасность все-таки существуетъ»!... Мнѣ кажется, что рѣшеніе этой дилеммы можетъ быть только одно. Меня обвиняютъ въ возбужденіи къ бунту. Но къ непосредственному бунту я никогда не возбуждала народъ и не могла возбуждать, ибо полагаю, что революція можетъ быть результатомъ цѣлаго ряда историческихъ условій, а не подстрекательства единичныхъ личностей. Рѣзня сама по себѣ для меня, конечно, совсѣмъ нежелательна. Я вовсе не имѣю тѣхъ кровожадныхъ и свирѣпыхъ наклонностей, которыя всякое обвиненіе такъ охотно приписываетъ всѣмъ пропагандистамъ. Если бы тотъ идеальный общественный строй, о которомъ мы мечтаемъ, могъ быть осуществленъ безъ всякаго насильственнаго переворота, то, конечно, мы всѣ были бы рады этому отъ души. Я полагаю только, что насильственная революція при извѣстныхъ обстоятельствахъ, есть неизбежное зло, которое должно исчезнуть рано или поздно, помимо даже всякихъ усилій отдѣльныхъ лицъ или группъ... Предсѣдатель сенаторъ Петерсъ. Эти разсужденія не идутъ къ дѣлу.—Бардина. Я желаю только изложить свой взглядъ на революцію и пропаганду: думаю, что мои взгляды совпадаютъ со взглядами многихъ другихъ подсудимыхъ, и что поэтому мое объясненіе будетъ не

безполезно, если выставить гг. судьямъ пропагандистовъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Я, господа, принадлежу къ разряду тѣхъ людей, которые между молодежью извѣстны подъ именемъ мирныхъ пропагандистовъ. Задача ихъ—внести въ сознание народа идеалы лучшаго, справедливейшаго общественного строя, или же уяснить ему тѣ идеалы, которые уже коренятся въ немъ безсознательно; указать ему недостатки настоящего строя, дабы въ будущемъ не было тѣхъ же ошибокъ, но, когда наступить это будущее, мы не опредѣляемъ и не можемъ опредѣлить, ибо конечное его осуществленіе отъ насъ не зависитъ. Я полагаю, что отъ такого рода пропаганды до подстрекательства къ бунту еще весьма далеко. Обвиненіе говорить, что мы желаемъ уничтожить классы, и понимаетъ это въ такомъ смыслѣ, что мы хотимъ вырѣзать поголовно всѣхъ помѣщиковъ, дворянъ, чиновниковъ, купцовъ и всѣхъ богатыхъ вообще. Но это опять-таки недоразумѣніе. Мы стремимся уничтожить привилегіи, обуславливающія дѣленіе людей на классы—на имущихъ и неимущихъ, но не самая личности, составляющія эти классы. Я полагаю, что нѣтъ даже физической возможности вырѣзать такую массу людей, если бы у насъ и оказались такія свирѣпыя наклонности. Мы не хотимъ также основать какое-то царство рабочаго сословія, какъ сословія, которое, въ свою очередь, стало бы угнетать другія сословія, какъ то предполагаетъ обвиненіе. Мы стремимся ко всеобщему счастью и равенству постольку, поскольку оно не зависитъ, конечно, отъ личныхъ особенностей, отъ особенностей темперамента, пола, возраста и т. п. Это можетъ показаться утопичнымъ, но, во всякомъ случаѣ, ужъ кроваваго-то и безнравственнаго здѣсь ничего нѣтъ. На Западѣ такого рода пропаганда ведется каждодневно и рѣшительно никого не поражаетъ своимъ радикализмомъ, не смущаетъ умы и не волнуетъ общество—можетъ быть потому, что тамъ давно привыкли обсуждать всѣ подобныя вопросы, главнымъ образомъ, публично... Обвиненіе называетъ насъ политическими революціонерами; но если бы мы стремились произвести политическій *coup d'état*, то мы не такъ стали бы дѣйствовать: мы не пошли бы въ народъ, который еще нужно готовить да развивать, а стали бы искать и сплачивать недовольные элементы между образованными классами. Это было бы цѣлесообразнѣе, но дѣло то именно въ томъ, что мы къ такому *coup d'état* вовсе и не стремимся. Обвиненіе говоритъ еще, что мы хотимъ водворить анархію въ обществѣ. Да, мы действительно стремимся къ анархическому устройству общества, но дѣло въ томъ, что это слово въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ современная литература и я лично, вовсе не означаетъ безпорядка и произвола. Анархія, напротивъ, стремится водворить гармонію и порядокъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Она не есть произволь личностей, ибо она признаетъ, что свобода одного лица кончается тамъ, гдѣ начинается свобода другого. Она есть только отрицаніе той утѣсняющей власти, которая подавляетъ всякое свободное развитіе общества. Итакъ, разобравъ всѣ возводимыя на меня преступленія, я нахожу, что я въ сущности ни въ одномъ изъ нихъ не виновата. Но какъ бы то ни было, и какова бы ни была моя часть я, господа судьи, не прошу у васъ милосердія и не желаю его. Преслѣдуйте насъ, какъ хотите, но я глубоко убѣждена, что такое широкое движеніе, продолжающееся уже нѣсколько лѣтъ сряду и вызванное, очевидно, самимъ духомъ времени, не можетъ быть остановлено никакими репрессивными мѣрами...—Предсѣдатель сенаторъ Петерсъ. Намъ совсѣмъ не нужно знать, въ чемъ вы такъ убѣждены.—Бардина. Оно можетъ быть, пожалуй, подавлено на нѣкоторое время, но тѣмъ съ большей силой оно возродится снова, какъ это всегда бываетъ послѣ всякой реакціи подобнаго рода,—и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока наши идеи не вос-

торжествуютъ. Я убѣждена еще въ томъ, что наступитъ день, когда даже и наше сонное и лѣнивое общество проснется и стыдно ему станетъ, что оно такъ долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами, вырывать у себя своихъ братьевъ, сестеръ и дочерей и губить ихъ за одну только свободную исповѣль своихъ убѣждений! И тогда оно отомститъ за нашу гибель... Преслѣдуйте насъ—за вами пока матеріальная сила, господа; но за нами сила нравственная, сила историческаго прогресса, сила идеи, а идеи — увы!—на штыки не улавливаются!...

Рѣчь Петра Алексѣевича Алексѣева.

Мы, милліоны людей рабочаго населенія, чуть только станемъ сами ступать на ноги, бываемъ брошены отцами и матерями на произволь судьбы, не получая никакого воспитанія, за неимѣніемъ школъ и времени отъ непосильнаго труда и скуднаго за это вознагражденія. Десяти лѣтъ—мальчишками насъ стараются проводить съ хлѣба долой на заработки. Что же насъ тамъ ожидаетъ? Понятно, продаемъ капиталисту на сдѣльную работу изъ-за куска чернаго хлѣба, поступаемъ подъ присмотръ взрослыхъ, которые розгами и пинками приучаютъ насъ къ непосильному труду, питаемъ кое-чѣмъ, задыхаемся отъ пыли и испорченнаго, зараженнаго разными нечистотами воздуха. Спимъ гдѣ попало—на полу, безъ всякой постели и подушки въ головахъ, завернутые въ какое-нибудь лохмотье и окруженные со всѣхъ сторонъ безчисленнымъ множествомъ разныхъ паразитовъ... Въ такомъ положеніи нѣкоторые навсегда затупляютъ свою умственную способность, и не развиваются нравственныя понятія, усвоенныя еще въ дѣтствѣ; остается все то, что только можетъ выразить одна грубо воспитанная, всѣми забитая, отъ всякой цивилизаціи изолированная, мускульнымъ трудомъ зарабатывающая хлѣбъ рабочая среда. Вотъ что намъ, рабочимъ, приходится выстрадать подъ ярмомъ капиталиста въ этотъ дѣтскій періодъ. И какое мы можемъ усвоить понятіе по отношенію къ капиталисту, кромѣ ненависти? Подъ вліяніемъ такихъ жизненныхъ условій съ малолѣтства закаляется у насъ рѣшимость до поры терпѣть, съ затаенной ненавистью въ сердцѣ, весь давящій насъ гнетъ капиталистовъ и безъ возраженій переносить всѣ причиняемыя намъ оскорбленія. Взрослому работнику заработную плату довели до минимума; изъ этого заработка всѣ капиталисты безъ зазрѣнія совѣсти стараются всевозможными способами отнять у рабочихъ трудовую копейку и считаютъ этотъ грабѣжъ доходомъ. Самые лучшие, для рабочихъ, изъ московскихъ фабрикантовъ и тѣ, сверхъ скуднаго заработка, эксплуатируютъ и тиранятъ рабочихъ слѣдующимъ образомъ. Рабочій отдается капиталисту на задѣльную работу, безпрекословно и съ точностью исполнять всѣ рабочіе дни и работу, для которой поступилъ, не исключая и бесплатныхъ хозяйскихъ чередовъ. Рабочіе склоняются передъ капиталистомъ, когда имъ, по праву или не по праву, пишутъ штрафъ, боясь лишиться куска хлѣба, который достается имъ 17-ти часовымъ дневнымъ трудомъ. Впрочемъ, я не беру описывать подробности всѣхъ злоупотребленій фабрикантовъ, потому что слова мои могутъ показаться неправдоподобными для тѣхъ, которые не хотятъ знати жизни работниковъ и не видѣли московскихъ рабочихъ, живущихъ у знаменитыхъ русскихъ фабрикантовъ: Бабкина, Гучкова, Бутикова, Морозова и другихъ.—Предсѣдатель сенаторъ Петерсъ. Это все равно, вы можете этого не говорить.—Петръ Алексѣевъ. Да, дѣйствительно, все равно, вездѣ одинаково рабочіе доведены до самаго жалкаго состоянія. 17-ти часовой дневной трудъ—и едва можно заработать 40 копеекъ! Это ужасно! При такой дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ приходится выдѣлять изъ этого

скуднаго заработка на поддержку семейнаго существованія и уплату казенныхъ податей! Нѣтъ! При настоящихъ условіяхъ жизни работниковъ невозможно удовлетворять самымъ необходимѣйшимъ потребностямъ человека. Пусть пока они умираютъ голодной, медленной смертью, а мы, скрѣпя сердце, будемъ смотрѣть на нихъ до тѣхъ поръ, пока освободимъ изъ-подъ ярма нашу усталую руку, и свободно можемъ тогда протянуть ее для помощи другимъ! Отчасти все это странно, все это непонятно, темно и отчасти какъ-то прискорбно, а въ особенности сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ человѣку, который чуть ли не съ самой колыбели всю свою жизнь зарабатывалъ 17-ти часовымъ трудомъ кусокъ чернаго хлѣба. Я нѣсколько знакоомъ съ рабочимъ вопросомъ нашихъ собратьевъ-западниковъ. Они вногоемъ не походятъ на русскихъ: тамъ не преслѣдуютъ, какъ у насъ, тѣхъ рабочихъ, которые всѣ свои свободныя минуты и много бессонныхъ ночей проводятъ за чтеніемъ книгъ; напротивъ, тамъ этимъ гордятся, а объ насъ отзываются, какъ о народѣ рабскомъ, полудикомъ. Да какъ иначе о насъ отзываться? Развѣ у насъ есть свободное время для какихъ-нибудь занятій? Развѣ у насъ учатъ съ малолѣтства чему-нибудь бѣдняка? Развѣ у насъ есть полезныя и доступныя книги для работника? Гдѣ и чему они могутъ научиться? А загляните въ русскую народную литературу! Ничего не можетъ быть разительнѣе того примѣра, что у насъ издается для народнаго чтенія такія книги, какъ «Бова королевичъ», «Ерусланъ Лазаревичъ», «Ванька Каинъ», «Женихъ въ чернилахъ и невѣста во шахъ» и т. п. Оттого-то въ нашемъ рабочемъ народѣ и сложились такія понятія о чтеніи: одно—забавное, а другое — божественное. Я думаю: каждому извѣстно, что у насъ въ Россіи рабочіе все еще не избавлены отъ преслѣдованій за чтеніе книгъ; а, въ особенности, если у него увидятъ книгу, въ которой говорится о его положеніи—тогда ужъ держись! Ему прямо говорятъ: «ты, братъ, не похожъ на рабочаго, ты читаешь книги». И страннѣе всего то, что и иронія незаметно въ этихъ словахъ, что въ Россіи походить на рабочаго то же, что походить на животное. Господа! неужели кто полагаетъ, что мы, работники, ко всему настолько глухи, слѣпы, нѣмы и глупы, что не слышимъ, какъ насъ ругаютъ дураками, лѣнтями, пьяницами? Что ужъ какъ будто и, на самомъ дѣлѣ работники заслуживаютъ слыть въ такихъ порокахъ? Неужели мы не видимъ, какъ вокругъ насъ все богатѣютъ и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можемъ сообразить и понять, почему это мы такъ дешево цѣнимся и куда дѣвается нашъ невыносимый трудъ? Отчего это другіе роскошествуютъ, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство? Неужели мы, работники, не чувствуемъ, какъ тяжело повисла на насъ такъ называемая всеобщая воинская повинность? Неужели мы не знаемъ, какъ медленно и нехотя рѣшался вопросъ о введеніи сельскихъ школъ для образованія крестьянъ, и не видимъ, какъ сумѣли это поставить? Неужели намъ не грустно и не больно было читать въ газетахъ высказанное мнѣніе о наймѣ рабочаго класса? Тѣ люди, которые такого мнѣнія о рабочемъ народѣ, что онъ не чувствителенъ и ничего не понимаетъ, глубоко ошибаются. Рабочій же народъ, хотя и остается въ первобытномъ положеніи и до настоящаго времени не получаетъ никакого образованія, смотритъ на это какъ на временное зло, какъ и на самую правительственную власть, временно захваченную силою, и только для одного разнообразія ворочающую все съ лица да на изнанку. Да больше и ждать отъ нея нечего! Мы, рабочіе, желали и ждали отъ правительства, что оно не будетъ дѣлать тягостныхъ для насъ нововведеній, не станетъ поддерживать рутинныя и обезпечить матеріально крестьянина, выведетъ его изъ первобытнаго положенія и пойдетъ скорыми шагами впередъ. Но, увы! Если оглянемся назадъ, то получаемъ

полное разочарование, и если при этом вспомним незабвенный, предполагаемый день для русского народа, день, въ который онъ съ распростертыми руками, полный чувства радости и надежды обезпечить свою будущую судьбу, благодарилъ царя и правительство,—19-го февраля. И что же? И это для насъ было только одной мечтой и сномъ!.. Эта крестьянская реформа 19-го февраля 61 года, реформа, «дарованная», хотя и необходимая, но не вызванная самимъ народомъ, не обезпечиваетъ самыхъ необходимыхъ потребностей крестьянина. Мы по-прежнему остались безъ куска хлѣба съ клочками никуда не годной земли и перешли въ зависимость къ капиталисту. Именно, если свидѣтель, приказчикъ фабрики Носовыхъ, говоритъ, что у него за исключеніемъ праздничнаго дня всѣ рабочіе подь строгимъ надзоромъ, и неявившійся въ назначенный срокъ на работу не остается безнаказаннымъ, а окружающія ихнюю сотни подобныхъ же фабрикъ набиты крестьянскимъ народомъ, живущимъ при такихъ же условіяхъ.—значить—они всѣ крѣпостные! Если мы, къ сожалѣнію, нерѣдко бываемъ вынуждены просить повышенія пониженной самимъ капиталистомъ заработной платы, насъ обвиняютъ въ стачкѣ и ссылаютъ въ Сибирь—значить, мы крѣпостные! Если мы со стороны самого капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать расчета, вслѣдствіе перемѣны доброты матеріала и притѣсненія отъ разныхъ штрафовъ, насъ обвиняютъ въ составленіи бунта и прикладомъ солдатскаго ружья приневоливаютъ продолжать у него работу, а нѣкоторыхъ, какъ зачинщиковъ, ссылаютъ въ дальніе края,—значить, мы крѣпостные! Если изъ насъ каждый отдѣльно не можетъ подавать жалобу на капиталиста и первый же встрѣчный квартальный бьетъ намъ въ зубы кулакомъ и пинками гонитъ вонъ,—значить мы крѣпостные! Изъ всего мною вышесказаннаго видно, что русскому рабочему народу остается только надѣяться самимъ на себя и не отъ кого ожидать помощи, кромѣ отъ одной нашей интеллигентной молодежи... Предсѣдатель вскакиваетъ и кричитъ: «Молчите! Замолчите!» Петръ Алексѣевъ (возвысивъ голосъ, продолжаетъ): Она одна братски протянула къ намъ свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голосъ на всѣ слышанные крестьянскіе стоны Россійской Имперіи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значать и отчего это отовсюду слышны крестьянскіе стоны. Она одна не можетъ холодно смотрѣть на этого изнуреннаго, стонущаго подь ярмомъ деспотизма, угнетеннаго крестьянина. Она одна, какъ добрый другъ, братски протянула къ намъ свою руку и отъ искренняго сердца желаетъ вытащить насъ изъ затягивающей пучины на благопріятный для всѣхъ стонущихъ путь. Она одна, не опуская рукъ, ведетъ насъ, раскрывая всѣ отрасли для выхода всѣхъ нашихъ собратьевъ изъ этой лукаво построенной ловушки, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ насъ самостоятельными проводниками къ общему благу народа. И она одна неразлучно пойдетъ съ нами до тѣхъ поръ, пока (говоритъ, поднявъ руку) подымется мускулистая рука миллионовъ рабочаго люда... Предсѣдатель волнуется и, вскочивъ, кричитъ: «молчать! молчать!» Петръ Алексѣевъ (возвышая голосъ)... и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ!..

Рѣчь Семена Ивановича Агапова.

Гг. Судьи! Я не буду отрицать то, что я былъ пропагандистомъ, но я желаю высказать причины, которыя привели меня на скамью подсудимыхъ. Я—рабочій; я съ малолѣтства жилъ на фабрикахъ и на заводахъ, гдѣ былъ всегда честнымъ старательнымъ работникомъ. Я не намѣренъ утруждать вниманіе особаго присутствія описаніемъ тяжкаго, безотраднато

положенія нашихъ рабочихъ: оно болѣе или менѣе извѣстно всѣмъ и каждому. Очень понятно, что я искалъ какого-либо выхода изъ этого невыносимаго положенія. Я много думалъ о средствахъ улучшенія быта рабочихъ и, наконецъ, сдѣлался пропагандистомъ. Цѣль моей пропаганды заключалась въ томъ, чтобы подготовить рабочихъ къ социальной революціи, безъ которой имъ, по моему мнѣнію, никогда не добиться существеннаго улучшенія своего положенія. Я не раскаиваюсь въ своихъ поступкахъ, я твердо убѣжденъ въ томъ, что не сдѣлалъ ничего дурного, а только исполнилъ свой долгъ, долгъ честнаго рабочаго, искренно, всей душой преданнаго интересамъ своихъ бѣдныхъ, замученныхъ собратій! Больше сказать я ничего не имѣю.

За процессомъ пятидесяти послѣдовало разбирательство въ Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената дѣла лицъ, обвинявшихся въ принадлежности къ «Южно Русскому Рабочему Союзу». По этому дѣлу даже самаго краткаго отчета русское правительство дать не соблаговолило. Почему? Не потому ли, что обвиняемыми по дѣлу «Союза» явились почти исключительно рабочіе? Между тѣмъ, ко времени разбора этого дѣла (съ 23-го по 29-е мая 1877 г.) съ правительствомъ случилась такая непріятность: въ Петербургъ пріѣхалъ И. С. Тургеневъ и просилъ разрѣшенія присутствовать на процессѣ. Отказать знаменитому писателю было какъ-то неловко, и Тургеневъ, какъ передавалъ намъ это одинъ изъ учас.никовъ процесса, находился все время въ залѣ засѣданій суда, сидя за судейскими креслами. Это обстоятельство, видимо, дѣйствовало на судей, ибо за ходомъ разбиравшагося по-азиатски, безъ дневного свѣта, дѣла наблюдалъ «европеецъ» въ полномъ смыслѣ этого слова. И, все-таки, процессъ не былъ опубликованъ. Мы печатаемъ, поэтому, о немъ только обвинительный актъ и приговоръ, помѣщенные въ V-ой книжкѣ журнала «Впередъ».

Обвинительный актъ,

коимъ предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената: дворянинъ Евгенийъ Осиповъ Заславскій, 30 лѣтъ, итальянскій подданный Михаилъ Петровъ Сквери, 20 л., неизвѣстнаго происхожденія и званія Янъ Рыбицкій, именующій себя турецкимъ подданнымъ Христофоромъ-Яни Ръвицкиаъ 25 лѣтъ, мѣщане: одесскій, Федоръ Ивановъ Кравченко, 23 л., одесскій, Степанъ Дмитріевъ Луценко, 37 л., елисаветградскій, Петръ Максимовъ Силенко 27 л., ольвіопольскій, Виталисъ Яковлевъ Мрачковскій, 20 л., липовецкій, Степанъ Степановъ Наумовъ, 27 л., черкасскій Макаръ Романовъ Короленко, 19 л., нѣжинскій Михаилъ Ѳзмичъ Курганскій, 25 л., севастопольскій Николай Борисовъ Надачинъ, 24 л., и аккерманскій Капитонъ Мартыновъ Волошукъ, 35 л., сынъ священника Митрофанъ Яковлевъ Ляховичъ, 28 л., и безсрочно-отпускные унтеръ-офицеры Георгій Никифоровъ Тараненко, 36 л., и Федоръ Денисовъ Соколовъ, 36 л., по обвиненію ихъ въ государственныхъ преступленіяхъ, а Рыбицкій сверхъ того и въ проживательствѣ подъ именемъ турецкаго подданнаго, съ незаконно пріобрѣтеннымъ имъ турецкимъ паспортомъ.

Служащій машинистомъ на одесской желѣзной дорогѣ крестьянинъ Павелъ Толстоносовъ въ концѣ ноября 1875 г. заявилъ начальнику жандармскаго управленія г. Одессы, что образовалось революціонное общество съ цѣлью распространять въ народѣ противоправительственнаго содержанія книги, и что узналъ онъ объ этомъ въ трактирѣ отъ неизвѣстнаго ему молодого челоуѣка, который приглашалъ его вступить въ это общество. 10 го же декабря, въ доказательство справедливости своего заявленія, Тол-

стоносовъ представилъ тому же начальнику жандармскаго управленія 9 номеровъ газеты «Впередь», 3 номера газеты «Работникъ», «Сказку о 4-хъ братьяхъ» въ 2 экземплярахъ, «Сказку о Мудрицѣ Наумовнѣ», «Хитрую механику», «Очерки фабричной жизни», «Паровую машину», «Мужицкую правду», «Грамоту», «Исторію одного французскаго крестьянина», «Разныя мысли челоуѣка, не имѣющаго притязанія на философа», «Артели рабочихъ» и «Народныя чтенія въ солянѣмъ городкѣ». При слѣдствіи Толстоносовъ показалъ, что въ октябрѣ мѣсяцѣ 1875 г. случилось ему какъ-то зайти въ трактиръ «Парижъ», гдѣ онъ и принялся за чтеніе газетъ. Находившійся тамъ неизвѣстный ему челоуѣкъ, какъ оказалось внослѣдствіи, что именующій себя турецкимъ подданнымъ, Рывицкій, подоидя къ нему, сказалъ, что газетъ, которыя онъ читаетъ, не стоитъ читать, и предложилъ ему газету «Работникъ», прося по прочтеніи возвратить ее. Нѣсколько дней спустя, встрѣтивъ Рывицкаго на улицѣ, онъ, возвративъ ему газету «Работникъ», вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Рывицкій сообщилъ ему, что составилъ заговоръ противъ правительства и предложилъ вступить въ общество заговорщиковъ, присовокупивъ, что онъ, какъ поступающій позже другихъ, долженъ внести въ кассу и больше денегъ, а именно, 10 р. сер., и что книги и газеты онъ можетъ получать отъ членовъ общества, знакомыхъ ему рабочихъ желѣзной дороги, Мрачковскаго и Курганскаго. Подстрекаемый любопытствомъ и желаніемъ разузнать, въ чемъ дѣло, онъ обратился съ распросами къ Мрачковскому, который подтвердилъ, что общество дѣйствительно существуетъ, что оно имѣетъ много членовъ, и притомъ не въ одной Одессѣ, а повсюду, и что капитала собрано до 40 т. р., которые, въ случаѣ надобности, могутъ быть употреблены на оружіе. По приглашенію Мрачковскаго, онъ отправился на сходку въ трактиръ, гдѣ собралось челоуѣкъ до 30-ти и разсуждали о выборѣ депутатовъ и кассира, также объ удаленіи изъ общества Рывицкаго за то, что что онъ что-то разсказалъ своей женѣ. На этой сходкѣ, кромѣ Мрачковскаго, были: Курганскій, Кравченко, Короленко, Сквери и др. Послѣ этой сходки онъ сталъ получать отъ Мрачковскаго для чтенія: «Французскую революцію 1848 г.», «Исторію французскаго крестьянина» и газету «Впередь». Прочитавъ и возвративъ по принадлежности книги и газету, онъ, вслѣдствіе заявленія Мрачковскаго, что всѣ книги имъ сданы Силенкѣ, обратился къ послѣднему съ просьбою дать ему побольше книгъ, увѣряя, что онъ раздастъ ихъ другимъ въ престоющую ему побѣдку по линіи. Силенко далъ ему книги и газеты, которыя онъ затѣмъ и представилъ начальнику жандармскаго управленія. Кромѣ того, желая достать уставъ общества, онъ, по указанію того же Мрачковскаго, обратился къ Силенкѣ, а отъ послѣдняго узналъ, что уставъ можно получить отъ Кравченки, который, однако, не далъ ему этого устава, говоря, что онъ дастъ ему послѣ. Отъ Рывицкаго, кромѣ газеты «Работникъ», онъ получилъ тогда же и «Емельку Пугачева». По произведенному въ квартирѣ мѣщанина Федора Кравченко обыску, въ принадлежащемъ ему сундукѣ были найдены разныя книги и въ числѣ ихъ противоправительственнаго содержанія: «Сказка-говоруха» и «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ». Обвиняемый Витались Мрачковскій показалъ, что лѣтомъ 1875 г., бывая у знакомаго ему рабочаго желѣзной дороги, Курганскаго, видѣлъ, что онъ и другой рабочій, Короленко, читаютъ газету «Впередь». На просьбу его дать и ему эту газету, Курганскій и Короленко отвѣчали, что она запрещенная и что прежде чѣмъ получить ее для чтенія, онъ долженъ побывать на сходкахъ. Въ первый же праздничный день онъ отправился съ этими лицами въ трактиръ въ городскомъ саду, гдѣ собралось челоуѣкъ до 30-ти рабочихъ. Напившись чаю и ни съ кѣмъ не говоря, онъ ушелъ оттуда, а черезъ нѣсколько дней онъ получилъ отъ

Короленки газеты «Работникъ» Въ слѣдующій праздникъ, по приглашенію Короленки, онъ отправился на сходку за городъ. Въ этотъ разъ Сквери читалъ уставъ, называющійся, сколько ему помнится, «Уставомъ Южно-Россійскаго союза рабочихъ», который, какъ неоконченный, былъ взятъ Сквери для дополненія. На слѣдующей сходкѣ разрѣшались вопросы о займѣ Курганскому 25 р. и объ исключеніи Рывицкаго за невозвращеніе взятыхъ имъ изъ кассы денегъ. Кромѣ того участвовавшій, какъ въ этой такъ и въ предыдущихъ сходкахъ, дворянинъ Евгенийъ Заславскій говорилъ, что рабочіе обременены тяжелою работою и податями, и что, если правительство для нихъ ничего не сдѣлаетъ, то имъ слѣдуетъ взбунтоваться и идти даже противъ войска. Тогда же былъ принятъ и составленный Скверы уставъ, въ которомъ говорилось, что рабочіе должны быть одинъ за всѣхъ и всѣ за одного. На слѣдующей сходкѣ, имѣвшей собраться въ томъ же мѣстѣ, онъ не былъ, а когда наступили холода, то стали собираться по трактирамъ, но и тамъ онъ почти не бывалъ, хотя Силенко заставлялъ его ходить на сходки, говоря, что это необходимо, чтобы не забывали другъ друга. Общество имѣло кассу состоящую изъ взносовъ по 1 р. сер. въ мѣсяцъ и предназначавшуюся для вспоможенія не имѣющимъ мѣста рабочимъ. Для сбора съ рабочихъ денегъ въ кассу, которою завѣдовалъ Луценко, выбирались депутаты, на обязанности коихъ лежало и озанаконеніе рабочихъ съ составленнымъ Скверы уставомъ, который и выдавался депутатамъ, но въ сокращенномъ видѣ. Противоправительственнаго содержанія книги получалъ онъ отъ Силенки и Кравченки, и въ свою очередь раздавалъ ихъ рабочимъ Курганскому, Быстрѣвскому и одинъ разъ Толстоносову. Руководителями на сходкахъ и вездѣ между рабочими были: Заславскій, Сквери, Кравченко и Силенко. Кромѣ этихъ лицъ участвовали во всѣхъ сходкахъ: Короленко, Курганскій, Наумовъ, Рывицкій, Луценко и другіе. Послѣдняя сходка, на которой онъ присутствовалъ, происходила ночью въ квартирѣ Заславскаго. Въ комнату, въ которой собралось челоуѣкъ до 20-ти, Заславскій и Наумовъ притащили большой тюкъ запрещенныхъ книгъ и газетъ, которыя и розданы были присутствующимъ. Вполнѣ сознавая, что онъ, Мрачковскій, принадлежитъ къ противозаконному сообществу, онъ не имѣлъ возможности отстать отъ него, такъ какъ Кравченко и Силенко нѣсколько разъ говорили ему, что если онъ стаетъ удаляться или даже не повиноваться обществу, то его убьютъ. Обвиняемый, мѣщанинъ Макаръ Короленко, сознавая, что съ лѣта 1875 г. онъ присоединился къ сообществу рабочихъ, объяснилъ, что побудилъ его къ этому рабочій Силенко, который давалъ ему сначала запрещенныя книги: «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Хитрю механику» и другія, а затѣмъ сталъ внушать ему, что безъ правительства было бы гораздо лучше, и убѣждалъ, поступить въ общество, имѣющее цѣлью устроить, чтобы никто ничего своего не имѣлъ, и чтобы все было общее, что и будетъ достигнуто, когда такія общества распространятся по всей Россіи. Въ квартирѣ Рывицкаго, куда повелъ его Силенко, Заславскій говорилъ, что рабочіе платятъ много податей, а, между тѣмъ, всѣ деньги уходятъ на царскіе проѣзды и другія церемоніи. На сходкѣ, на которой разсуждали между прочимъ объ исключеніи Рывицкаго за болтливость, Заславскій училъ, что для привлеченія рабочихъ къ обществу, слѣдуетъ внушать имъ, что рабочимъ живется скверно, что безъ царя было бы лучше, а затѣмъ давать запрещенныя книги для чтенія. Если же послѣ того кто-нибудь изъ такихъ рабочихъ не пристанетъ къ обществу и будетъ для него опасенъ, то можно будетъ и убрать. Кромѣ Заславскаго руководителями общества были: Сквери, Кравченко и Силенко. Уставъ общества онъ видѣлъ у Кравченки и Силенки, но кѣмъ онъ былъ писанъ, не знаетъ. Мѣщанинъ Миха-

иль Курганскій (обвиняемый) показаль, что Короленко познакомилъ его сначала съ Рывицкимъ, а затѣмъ съ Заславскимъ, который и уговорилъ его принять участіе въ кассѣ, устроенной съ цѣлью помогать остающимся безъ мѣста рабочимъ. Внеся рублей до 2-хъ, онъ обратился къ Мрачковскому съ просьбой, чтобы ему изъ кассы выдали заимообразно 20 руб., въ чемъ ему отказали, по словамъ Мрачковскаго потому, что его мало знаютъ. Тогда онъ обругалъ Заславскаго, Короленко и Силѣнко, сказалъ, что и самъ всѣхъ ихъ знать не хочетъ. Послѣ этого, на сходкѣ за городомъ, куда онъ отправился по приглашенію Силенки, Заславскій и Сквери, сдѣлавъ ему выговоръ за то, что онъ обругалъ ихъ, и сказавъ, что ему будутъ выданы деньги, если онъ будетъ слушать и ходить туда, куда прикажутъ, присовокупили, что за нимъ будутъ слѣдить, и если онъ началъ что-либо о нихъ рассказывать, то убьютъ его. На этой сходкѣ читался уставъ такого же содержанія, какъ имѣющійся при дѣлѣ, хотя какъ будто короче послѣдняго. Въ обсужденіи этого устава принимали участіе Заславскій, Сквери, Кравченко и Силенко, которые, какъ онъ замѣтилъ, были главными лицами на сходкѣ, и находили, что въ уставѣ нужно кое-что прибавить и убавить, и затѣмъ раздать депутатамъ для прочтенія каждымъ изъ нихъ въ своемъ кружкѣ. Кромѣ этой онъ былъ еще на двухъ сходкахъ, одной за городомъ, на которой судили Рывицкаго за болтливость, и другой въ трактирѣ, на которой выбирали депутатовъ. На другіхъ сходкахъ онъ не бывалъ, но отъ Короленки и Силенки слышалъ, что сходки собираются часто. У Мрачковскаго онъ видѣлъ: «Сказку о 4-хъ братьяхъ», а Короленко давалъ ему читать кромѣ этой сказки еще «Емелька Пугачевъ», но откуда доставали эти книги они, не знаетъ. Мѣщанинъ Иванъ Чимеренко показаль, что весной 1875 г., узнавъ отъ Рывицкаго, что онъ, Сквери и Луценко, задумали учредить для рабочихъ ссудо-сберегательную кассу, отправился, по приглашенію Рывицкаго, къ нему на квартиру для обсужденія составленнаго Сквери устава для этой кассы. Въ числѣ собравшихся у Рывицкаго 10—12 человекъ были: Сквери, Луценко, Заславскій, Шатунскій и Кравченко. Заславскій утверждалъ, что составленный Сквери уставъ слѣдуетъ измѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы капиталъ оставался неприкосновеннымъ и чтобы рабочіе не могли взять обратно сдѣланныхъ ими взносовъ, и общалъ совмѣстно съ Сквери составить другой уставъ. Недѣли черезъ 2 или 3, Рывицкій и Сквери пригласили его за городъ въ садъ, куда явилось человекъ 15—20, и Заславскій объявилъ, что нѣтъ надобности въ ссудо-сберегательной кассѣ, а необходимо учредить общество, которое дѣйствовало бы противъ правительства, а ссудо-сберегательную кассу обратить въ кассу этого общества, причемъ кто-то замѣтилъ, что того, кто измѣнить обществу, можно убить. Въ чемъ именно должны были заключаться противоправительственныя цѣли общества, ему не было извѣстно, такъ какъ онъ всему этому не сочувствовалъ, старался держаться въ сторонѣ, отказался отъ депутатства, а въ іюлѣ мѣсяцѣ и совсѣмъ отсталъ отъ общества. Изъ одного лишь любопытства онъ въ августѣ мѣсяцѣ въ послѣдній разъ былъ на сходкѣ, на которой разсуждали объ исключеніи Рывицкаго. Вождемъ общества былъ Заславскій, который и старался первенствовать, а за нимъ главнымъ лицомъ былъ Сквери. Крестьянинъ Платонъ Тисельскій показаль, что осенью 1875 г. у него нанялъ квартиру, рабочей Силенко, который, имѣя у себя постоянно много книгъ и газетъ привозимыхъ, по его словамъ, изъ-за границы Ляховичемъ, сталъ давать ему для чтенія газеты «Впередъ» и «Работникъ» и книгу «Сказка о 4-хъ братьяхъ», говоря, что если мы будемъ читать эти книги, то не будетъ начальства и избавимся отъ платежа податей; что царя теперь не нужно; что онъ нуженъ былъ тогда, когда народъ былъ необразованъ, С

лось общество, которое добьется того, что будетъ равенство и свобода и что они сами будутъ управлять. Всѣ эти разговоры ему не нравились, онъ сталъ чуждаться Силенки и старался даже выжить его изъ квартиры, но Силенко называлъ его дурнемъ Божиимъ, ничего не понимающимъ, и грозилъ, что если онъ донесетъ на него, то узнаетъ объ этомъ общество и его убьютъ. Эти угрозы побудили его молчать. Книги и газеты, привозимыя Ляховичемъ, Силенко, какъ онъ говорилъ, получалъ отъ Заславскаго. Обвиняемый мѣщанинъ Петръ Силенко показалъ, что его вовлекъ въ преступленіе Кравченко, съ которымъ онъ сближился весною 1875 года, такъ какъ Кравченко постоянно говорилъ ему о безвыходномъ положеніи рабочихъ, о необходимости устроить кассу вспомошествованія нуждающимся рабочимъ и, давая ему для чтенія запрещенныя книги, убѣждалъ его не бояться, говоря, что у того, кто читаетъ такія книги, на лбу это не написано. На сходкахъ Заславскій много говорилъ противъ правительства; иногда на сходкахъ читали запрещенныя книги. Членомъ общества считался всякій, кто соглашался признать уставъ подъ названіемъ: «Уставъ Южно-Россійскаго союза рабочихъ». Главными лицами на сходкахъ и въ обществѣ были: Заславскій, Кравченко, Сквери и Луценко. Послѣдній былъ кассиромъ общества. Запрещенныя книги и газеты онъ получалъ и отъ Заславскаго, и, въ свою очередь, давалъ ихъ читать Короленкѣ, Тисельскому и разъ—Толстоносову. Обвиняемый дворянинъ Евгеній Осиповъ Заславскій при дознаніи ни въ чемъ виновнымъ себя не призналъ а при слѣдствіи отказался вовсе отъ дачи отвѣтовъ. Обвиняемый мѣщанинъ Федоръ Кравченко, не сознаваясь ни въ принадлежности къ Южно-Россійскому союзу рабочихъ, ни даже въ знакомствѣ съ Заславскимъ, объяснилъ, что о существованіи преступнаго сообщества рабочихъ ничего не зналъ, на сходкахъ не бывалъ никого въ общество не привлекалъ и устава никогда не видѣлъ. Относительно найденныхъ у него книгъ Кравченко показалъ, что «Сказку-говоруху» онъ купилъ у разносчика, а «Сборникъ пѣсенъ и стиховъ» получилъ отъ неизвѣстнаго человѣка на улицѣ. Что книги эти запрещенныя, ему извѣстно не было и онъ читать ихъ никому не давалъ. Обвиняемый Степанъ Луценко и именующій себя турецкимъ подданнымъ Христофоромъ Яни Рывицкимъ въ участіи въ противоправительственной пропагандѣ въ средѣ рабочихъ г. Одессы, въ принадлежности къ составившемуся съ этой цѣлью сообществу и въ знаніи о немъ виновными себя не признали. Итальянскій подданный Михаилъ Сквери (обвиняемый) показалъ, что по просьбѣ Луценки и Рывицкаго имъ былъ составленъ уставъ ссудо-сберегательной кассы, которую предполагалось устроить для рабочихъ. Заславскій нашель, что этотъ уставъ не годится, и передѣлалъ его сначала въ «уставъ братской кассы одесскихъ рабочихъ», въ которомъ говорилось о борьбѣ рабочихъ съ привилегированными классами и съ жизненными обстоятельствами, а затѣмъ окончательно въ «Уставъ Южно-Россійскаго союза рабочихъ». Этотъ послѣдній уставъ онъ, по просьбѣ же Заславскаго, переписалъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, изъ коихъ два приложены къ дѣлу. Принадлежа по молодости лѣтъ къ преступному обществу, единственнымъ руководителемъ коего былъ Заславскій, самъ онъ, Сквери, никакихъ преступныхъ идей не распространялъ и никого къ обществу не привлекалъ. Запрещенныя книги онъ получалъ на сходкахъ, гдѣ онъ ходилъ по рукамъ, и полагаетъ, что давалъ эти книги Заславскій, такъ какъ другого источника не было. Два экземпляра переписаннаго Скверн устава были случайно найдены въ снѣгу на улицѣ сыномъ одесскаго мѣщанина, мальчикомъ Петромъ Шепелевымъ, и приложены къ дѣлу. Въ этомъ «Уставѣ Южно-Россійскаго союза рабочихъ» говорится, между про-

чимъ, что рабочіе, сознавая, что установившійся нынѣ относительно рабочихъ порядокъ не соотвѣтствуетъ истиннымъ требованіямъ справедливости, что рабочіе могутъ достигнуть признанія своихъ правъ только путемъ насильственнаго переворота, который уничтожитъ всякія привилегіи и преимущества,—рабочіе южно-россійскаго края соединяются въ одинъ союзъ, поставляя себѣ цѣлю: а) пропаганду идеи освобожденія рабочихъ изъ-подъ гнета капитала и привилегированныхъ классовъ; б) объединеніе рабочихъ южно-россійскаго края и в) для будущей борьбы съ установившимся экономическимъ и политическимъ порядкомъ. О кассѣ союза говорится, что суммы ея предназначаются для пропаганды идеи освобожденія рабочихъ, впослѣдствіи же и для борьбы за эту идею. Въ 4 пунктѣ излагается правило союза: «одинъ за всѣхъ и всѣ за одного»; по 5-му пункту членъ союза, проговорившійся о существованіи послѣдняго постороннему лицу или не исполняющій въ точности своихъ обязанностей, считается измѣнникомъ; 6-ой пунктъ устава требуетъ отъ каждаго члена готовности на всякую жертву, какая окажется необходимою для спасенія союза. Остальные затѣмъ пункты заключаютъ въ себѣ правила относительно взносовъ, порядка расходованія суммъ, о кассирѣ, кружкахъ и депутатахъ. Въ уставѣ говорится еще, что союзъ раздѣляется на общества, которыхъ теперь два: одесское и ростовское. Обвиняемый, сынъ священника Митрофанъ Ляховичъ, сознаваясь въ томъ, что онъ, служа угольщикомъ на пароходѣ «Лазаревъ», привозилъ изъ-за границы запрещенныя книги и газеты, которыя, какъ онъ объяснилъ, были получаемы имъ въ Лондонѣ отъ русскихъ — Пустового и Ларіонова, показалъ, что въ первый разъ онъ продалъ 4 книги Волощуку за 1 р. 20 к., а остальные, по указанію Лыховскаго (послѣдній остался не разысканъ), вручилъ Рывицкому. Рывицкій познакомилъ его съ Заславскимъ, отъ котораго онъ получилъ письмо для передачи Пустовому. Въ этомъ письмѣ, которое онъ распечаталъ и прочиталъ, Заславскій писалъ, что онъ три года живетъ въ Одессѣ, что сперва дѣло шло съ трудомъ, но что теперь онъ имѣетъ уже до 40 человекъ, на которыхъ можетъ вполне положиться. Полученныя имъ второй разъ въ Лондонѣ книги и газеты онъ выбросилъ въ море и сжегъ письмо Пустового, такъ какъ въ немъ онъ писалъ Заславскому, что этому гусю, т. е., ему, Ляховичу, онъ обѣщалъ 50 р. с., а вы поступите, какъ знаете. О сообществѣ рабочихъ ему было извѣстно отъ Луценки, который передавалъ ему, что цѣль сообщества сдѣлать всѣхъ равными и свободными. Свидѣтель Незабитовскій показалъ, что обвиняемаго, именующаго себя Христофоромъ-Яни Рывицкимъ, онъ лѣтъ съ 11 или 12 зналъ за Яна Рыбицкаго, католика и русскаго подданнаго. Рыбицкій съ матерью, братомъ и сестрами жилъ тогда въ Каменецъ-Подольской губерніи, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ, свидѣтелемъ, 4 года учился чугунно-литейному мастерству на фабрикѣ помѣщика Мальковскаго. Почему Рыбицкій, по пріѣздѣ въ Одессу, назвалъ себя турецкимъ подданнымъ Рывицкимъ и православнымъ—не знаетъ, но онъ сознавался ему, что турецкій паспортъ купилъ у какого-то грека за 45 р. с. Рыбицкій, бывая у него весьма часто, приносилъ съ собою по нѣсколько номеровъ газеты «Впередъ», читалъ ихъ и рассказывалъ, что образовалось общество, думающее произвести революцію и перерѣзать всѣхъ правительственныхъ лицъ, что оно существуетъ не въ одной только Одессѣ, но почти во всей Россіи, и постоянно уговаривалъ его пристать къ этому обществу. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1875 г., на дачѣ у Рыбицкаго, онъ засталъ однажды Заславскаго, Луценко, Кравченко и другихъ. Всѣ они перешли въ рошу, куда собралось человекъ до сорока, по преимуществу рабочихъ. Луценко принесъ нѣсколько книгъ. Заславскій, который былъ, повидимому, главнымъ лицомъ, сталъ читать, сначала «Сказку о четырехъ братьяхъ», а затѣмъ «Про му-

жичью копѣйку», дѣлая свои объясненія и замѣчанія, которыми старался возбуждать собравшихся и слушавшихъ его противъ правительства. Послѣ чтенія Рыбицкій собиралъ деньги и отдавалъ ихъ Луценкѣ, какъ кассиру. Деньги эти, какъ объяснили Заславскій и Рыбицкій, предназначались для вспомошествованія рабочимъ и для посылки пропагандистовъ въ другія мѣста. На другихъ сходкахъ онъ не былъ, но разъ по дѣлу случилось ему быть у Заславскаго, который вмѣстѣ съ находившимися у него въ то время Рыбицкимъ и Кравченко велъ и тогда разговоръ противъ правительства. Рыбицкій далъ однажды женѣ его, свидѣтеля, спрятать болѣе 20-ти запрещенныхъ книгъ. Узнавъ объ этомъ, онъ бросилъ эти книги въ отхожее мѣсто, гдѣ онѣ на другой день были найдены однимъ рабочимъ и тогда же дворникъ сжегъ ихъ. Свидѣтельница Незабитовская о разговорахъ Рыбицкаго и о принесенныхъ имъ книгахъ показала то же, что и ея мужъ. Свидѣтель Дуральскій подтвердилъ, что обвиняемый Янъ Рыбицкій, котораго онъ знаетъ приблизительно съ 1854 г., дѣйствительно, пробылъ 4 года на заводѣ Мальковского, что въ той же мѣстности жили его мать, братъ и сестры, и что они считались польскими дворянами. По произведенному въ Волынской губерніи разслѣдованію, показанія Незабитовскаго и Дуральскаго о прежней жизни Рыбицкаго и о составѣ всей ихъ семьи подтвердились показаніями его сестеръ, удостовѣрившихъ, что всѣ члены ихъ семьи католики, что они въ дѣтствѣ лишились отца и проживали съ матерью, нынѣ умершею, и братьями въ Россіи, и что изъ братьевъ Янъ, дѣйствительно, переѣхалъ въ Одессу. Званіе Рыбицкихъ осталось не обнаруженнымъ. Изъ приложеннаго къ дѣлу паспорта, по которому проживалъ Рыбицкій, выдавая его за свой, видно, что онъ принадлежитъ турецкому подданному Христо-Ивану. Свидѣтель Сѣверинъ показалъ, что осенью или зимою 1875 года рабочій Гниляченко нашелъ въ отхожемъ мѣстѣ болѣе 20 книгъ: «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Емельку Пугачева» и другія. Узнавъ отъ Незабитовскаго, что книги эти запрещенныя, что ихъ нужно уничтожить, онъ отобралъ отъ Гниляченки взятую имъ для чтенія «Хитрую механику» и сжегъ всѣ книги. Свидѣтель Степанъ Ивановъ показалъ при дознаніи (при слѣдствіи онъ не былъ разысканъ), что съ декабря мѣсяца 1873 года онъ служилъ въ теченіе года ключникомъ при банѣ, которую содержали Заславскій и рабочіе Николай Наддачинъ, Изотовъ и Гренко. Деньги, которыя имѣли быть вырученными отъ содержанія бани, предназначались, по словамъ Наддачина, на устройство мастерской. Въ 1875 г., по закрытіи бани, онъ поступилъ въ типографію Заславскаго, который далъ ему какъ-то прочитатъ «Хитрую механику» и, внушая ему, что люди обогащаются трудомъ рабочихъ, что нужно уничтожить купцовъ, хозяевъ, господъ и правительство, что тогда всѣ будутъ работать и осуждать дѣла сообща, уговаривалъ его вступить въ образовавшійся съ этой цѣлью союзъ. Работникъ Заславскаго, Наумовъ, былъ свидѣтелемъ этихъ разговоровъ и, съ своей стороны, также убѣждалъ его, свидѣтеля, пристать къ обществу или союзу, говоря, что нужно уничтожить всѣхъ богатыхъ и начальство. Отъ Наумова онъ получилъ книжку безъ заглавія, которая и осталась у него. Отъ Заславскаго онъ слышалъ, что Николай Наддачинъ принадлежитъ къ обществу и уѣхалъ для пропаганды въ Керчь. Представленная Ивановымъ и приобщенная къ дѣлу книга, полученная имъ отъ Наумова, начинается словами: «То не вѣтеръ вѣетъ въ дубравушкѣ». Книга эта по содержанію оказалась «Сказкой-говорухой». Мѣщанинъ Дмитрій Гренко показалъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ квартирѣ рабочаго Изотова, неизвѣстные ему по фамиліямъ учителя преподавали рабочимъ русскій языкъ и математику, причемъ никакихъ противоправительственныхъ идей рабочимъ не внушали. Впослѣдствіи Заславскій сталъ

читать имъ политическую экономію и при этомъ высказывалъ, что правительство и фабрикантовъ слѣдуетъ уничтожить, а фабрики и заводы отдать рабочимъ. Мысли эти казались ему глупыми, а какое впечатлѣніе онѣ производили на другихъ, не знаетъ. Лекціи посѣщали: Изотовъ, Николай Наддачинъ, Кравченко и другіе. У Изотова была также и бібліотека, составленная изъ журналовъ и романовъ, полученная, какъ говорилъ Изотовъ, отъ какого-то семинариста Ковальскаго. За чтеніе книгъ изъ этой бібліотеки вносилось по 7 к. въ недѣлю. По предложенію Изотова была потомъ открыта баня, на которую были употреблены и собиравшіяся за чтеніе книгъ деньги, но пользы баня не дала и была закрыта. Къ обществу, которое стремилось бы измѣнить существующій государственный порядокъ, онъ не принадлежалъ и на сходкахъ не бывалъ, но слышалъ какъ-то отъ Кравченки, что между рабочими образовалось какое-то общество, а отъ Заславскаго, что за городомъ была сходка, на которой порѣшили уничтожить того, кто бы проболтался или вздумалъ выдать ихъ правительству. Крестьянинъ Дмитрій Изотовъ, подтверждая, что въ нанятой имъ и другими рабочими квартирѣ, въ 1872—74 гг. читались лекціи сначала студентами, а потомъ Заславскимъ, что была у нихъ и маленькая бібліотека, состоящая изъ учебниковъ и разныхъ русскихъ журналовъ, и что, наконецъ, была открыта баня, отъ содержанія которой участвовавшіе потерпѣли одни убытки, показалъ, что на лекціяхъ, Заславскій преступныхъ идей не проводилъ, но говорилъ, какъ-то, что фабриканты, эксплуатируютъ рабочихъ, а правительство этому покровительствуетъ. Замѣтивъ, однако, впослѣдствіи, что Заславскій преслѣдуетъ какія-то особенныя цѣли и, повидимому, старается къ чему-то подготовить рабочихъ и что у Николая Наддачина и Гренко появились полученныя ими, по ихъ словамъ, отъ Заславскаго запрещенныя книги: «Впередъ» и «Анархія», тогда же прекратилъ сношенія съ Заславскимъ, передалъ бібліотеку Наддачину и въ маѣ 1875 года уѣхалъ въ Харьковъ, такъ что образовалось ли затѣмъ какое-либо общество и бывали ли сходки, ему неизвѣстно. Показанія свидѣтелей: Бондаренки—о хорошихъ отношеніяхъ, существовавшихъ между Заславскимъ и Николаемъ Наддачинымъ, и Иванова—о принадлежности послѣдняго къ образовавшемуся въ Одессѣ союзу рабочихъ, а также оказавшееся въ уставѣ этого союза указаніе на существованіе кромѣ одесскаго еще и ростовскаго общества—все это вызвало предположеніе, что Наддачинъ, переѣхавшій изъ Одессы въ Ростовъ, отравленъ былъ туда для распространенія противоправительственной пропаганды. Хотя въ обнаруженныхъ дознаніемъ и слѣдствіемъ данныхъ предположеніе это и не нашло достаточнаго подтвержденія, но, по произведенному въ Ростовѣ въ мастерской желѣзной дороги, въ которой работалъ Наддачинъ, обыску, въ ящикѣ его оказались слѣдующія книги: «Русской соціально-революціонной молодежи», Сказка о копейкѣ», «Богъ-то Богъ, да самъ не будь плохъ», «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ», «Дѣдушка Егоръ» и брошюра «Чтой-то братцы». Наддачинъ, не признавая себя виновнымъ ни въ принадлежности къ образовавшемуся въ Одессѣ обществу рабочихъ, ни въ намѣреніи устроить такое же общество въ Ростовѣ, объяснилъ, что въ маѣ мѣсяцѣ 1875 г., оставшись въ Одессѣ безъ работы, онъ переѣхалъ въ Ростовъ, гдѣ и поступилъ въ мастерскія желѣзной дороги. Найденныя у него книги онъ получилъ отъ неизвѣстнаго ему человека, который, встрѣтивъ его на улицѣ и поспѣшно проходя мимо него, сунулъ ему эти книги въ руки. Придя домой, онъ прочиталъ эти книги и, убѣдившись, что онѣ запрещенныя, не захотѣлъ держать ихъ у себя на квартирѣ, а потому и отнесъ ихъ въ мастерскую. Книгъ этихъ онъ никому читать не давалъ. Крестьянинъ Викентій Зальницкій, 16 декабря 1875 г.,

представляя начальнику жандармскаго управленія г. Одессы книжку подъ заглавіемъ: «Народныя чтенія въ Солянѣмъ городкѣ» и оказавшуюся брошюрой, извѣстной подъ названіемъ «Хитрая механика», заявилъ, что онъ эту книгу получилъ отъ Ивана Телятникова, который объяснилъ ему при этомъ, что существуетъ общество съ цѣлью распространять противоправительственнаго содержанія книги, но никакихъ болѣе подробностей ему не передавалъ. При отъѣздѣ Телятникова въ Тираспольскій уѣздъ онъ видѣлъ у него еще три книжки. При слѣдствіи свидѣтель Зальницкій остался неразъсканнымъ и не спрошеннымъ. Свидѣтельница Семенюкова, хозяйка квартиры, въ которой жилъ Зальницкій, показала, что Телятниковъ, дѣйствительно, однажды принесъ книжку («Хитрую механику»), которую и прочелъ вслухъ, по просьбѣ Зальницкаго. Телятниковъ говорилъ, что эту книжку далъ ему какой-то Поляковъ. Въ другой разъ Телятниковъ, зайдя къ Зальницкому, принесъ опять одну или двѣ книжки, изъ которыхъ прочелъ то мѣсто, гдѣ говорится о монастыряхъ и мощахъ, и затѣмъ ушелъ, говоря, что уѣзжаетъ въ Тирасполь къ роднымъ. У проживающей въ селѣ Терновкѣ, Тираспольскаго уѣзда, сестры Телятникова, Анны Гродниковой, были отобраны «Сказка четырехъ братьяхъ», «Сказка-говоруха» и газета «Впередъ». Эти книги и газета, какъ заявила Гродникова, были у нея забыты братомъ, который никому этихъ книгъ не читалъ и не давалъ. Сама она неграмотна и содержанія не знаетъ. Сынъ священника, Иванъ Телятниковъ, показалъ, что въ декабрѣ мѣсяцѣ 1875 г., встрѣтивъ на улицѣ знакомаго рабочаго Полякова, зашелъ съ нимъ въ кабакъ, гдѣ Поляковъ далъ ему книгу: «Разказы бывалаго человѣка», говоря, что самъ онъ получилъ ее отъ содержателя пивной, Тараненки. Съ этой книгой онъ, Телятниковъ, въ тотъ же день зашелъ къ Зальницкому, которому, по его же просьбѣ, и прочиталъ ее. На другой день, отправившись къ Тараненкѣ, онъ попросилъ его дать и ему такихъ книгъ, какъ та, которая имъ дана была Полякову, что Тараненко и исполнилъ, вынувъ изъ комода и отдавъ ему «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Сказку-говоруху» и газету «Впередъ». Эти книги и газету онъ никому читать не давалъ и оставилъ ихъ у сестры. Мѣщанинъ Терентій Поляковъ, подтверждая, что переданную имъ Телятникову книгу онъ получилъ отъ Тараненки, показалъ, что самъ онъ ее не читалъ и содержанія ея не знаетъ, такъ какъ отдалъ ее въ тотъ же день, когда получилъ ее, и что Тараненко запрещенныя книги получаетъ, вѣроятно, отъ Соколова, съ которымъ онъ былъ въ дружбѣ и постоянно шептался. Свидѣтели Митрофанъ и Ирина Букановы показали, что живущая съ ними на одномъ дворѣ Гонората Виро, у которой квартировалъ Тараненко, заходя иногда къ нимъ, рассказывала, что у Соколова читались книги, въ которыхъ говорилось, что будетъ бунтъ, что не будетъ правительства и что всѣ будутъ равны. Послѣ ареста Тараненки Виро говорила, что бунтъ все-таки будетъ, такъ какъ всѣхъ арестовать нельзя. Обвиняемые Георгій Тараненко и Федоръ Соколовъ виновными себя въ распространеніи противоправительственнаго содержанія книгъ не признали. Свидѣтель, мѣщанинъ Яковъ Пантелеймоновъ, показалъ, что зимою 1875 г. въ трактирѣ «Парижъ» обвиняемый Волощукъ, находившійся тамъ вмѣстѣ съ Соколовымъ, разговорился съ нимъ, свидѣтелемъ, о книгахъ и, сообщивъ ему, что у него есть запрещенныя книги, которыя печатаются въ Лондонѣ и Лейпцигѣ и привозятся въ Одессу пароходами, предложилъ ему читать эти книги и затѣмъ передавать ихъ для чтенія другимъ. Когда онъ изъявилъ на это согласіе, Волощукъ сказалъ, что книги доставитъ ему Соколовъ. Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, Соколовъ вручилъ ему «Хитрую механику» и при этомъ объяснилъ, что въ 37 губерніяхъ существуютъ общества, которыя читаютъ такія книги и хотятъ сдѣлать такъ, какъ пишутъ въ этихъ книгахъ. По-

слѣ возвращенія имъ Соколову «Хитрой механики», онъ получилъ отъ него «Сказку о 4-хъ братьяхъ», а затѣмъ—«Исторію одного французскаго крестьянина». Обвиняемый Ляховичъ, съ которымъ онъ однажды встрѣтился въ томъ же трактирѣ «Парижъ», при немъ Волошукъ и Соколовъ, хваталъ, что на пароходѣ, на которомъ онъ служилъ, у него были зарыты въ уголь 32 ф. запрещенныхъ книгъ, и хотя былъ обыскъ, но книгъ не нашли. Полученная Пантелеймоновымъ отъ Соколова «Исторія французскаго крестьянина» представлена была имъ 31 декабря 1875 г. начальнику жандармскаго управленія г. Одессы. Мѣщанинъ Капитонъ Волошукъ (обвиняемый), отвергая справедливость показанія свидѣтеля Пантелеймонова, а также обвиняемаго Ляховича, будто онъ у послѣдняго покупалъ запрещенныя книги, показалъ, что онъ такихъ книгъ не имѣлъ, не читалъ и не распространялъ. Изъ всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ дѣла усматривается: 1. что въ 1875 году въ средѣ рабочихъ г. Одессы велась противоправительственная пропаганда, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ образованіе союза этихъ рабочихъ съ цѣлью въ будущемъ насильственно измѣнить существующій нынѣ государственный порядокъ; 2. что на сходкахъ этого союза читали и раздавали рабочимъ книги, возбуждающія къ бунту и явному неповиновенію власти верховной; 3, что основателемъ и руководителемъ этого союза былъ дворянинъ Евгеній Заславскій; 4, что въ немъ наиболѣе дѣятельными членами послѣ Заславскаго были: Кравченко, Рыбицкій, Силенко и Сквери; 5, что членами этого же общества, вполне сознававшими преступныя цѣли его и содѣйствовавшими ихъ достиженію, были также: Луценко, Наумовъ, Короленко, Мрачковскій и Курганскій; 6, что Николай Надачинъ, какъ произведеннымъ у него обыскомъ, такъ и собственными объясненіями, изобличается въ храненіи книгъ противоправительственнаго содержанія; 7, что Ляховичъ, Волошукъ, Тараненко и Соколовъ, объясненіями перваго изъ нихъ и показаніями свидѣтелей, вполне уличаются въ распространеніи того же преступнаго содержанія книгъ; и 8, что обвиняемый Янъ Рыбицкій, проживавшій съ дѣтства въ Россіи, приобрѣтя покупкою въ Одессѣ турецкій паспортъ на имя Христо-Ивана, сталъ проживать по этому паспорту, выдавая его за свой. Такимъ образомъ. Заславскій, Рыбицкій, Кравченко, Силенко, Сквери, Луценко, Наумовъ, Короленко, Мрачковскій и Курганскій обвиняются въ томъ, что составили сообщество, имѣвшее цѣлью въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ насильственно ниспровергнуть существующій государственный порядокъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ во 2 ч. 250 ст. Улож. Кромѣ того, всѣ эти лица, а также и Ляховичъ, Волошукъ, Соколовъ и Тараненко обвиняются въ томъ, что распространяли книги, возбуждающія къ бунту и явному неповиновенію Верховной Власти, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 251 ст. Улож. Николай Надачинъ обвиняется въ храненіи книгъ, указаннаго выше содержанія, что предусмотрѣно 4 отд. той же 251 ст. Улож. Наконецъ, Рыбицкій обвиняется еще и въ томъ, что приобрѣтя покупкою турецкій паспортъ на имя Христо Ивана, проживалъ по этому паспорту и подъ видомъ турецкаго подданнаго, что предусмотрѣно 977 ст. улож. Вслѣдствіе сего и согласно 2 п. 2-й, 3 и 14 ст. высочайше утвержденныхъ 7-го іюня 1872 г. правилъ о судопроизводствѣ по государственнымъ преступленіямъ, обвиняемые: Заславскій, Рыбицкій, Кравченко, Силенко, Сквери, Луценко, Наумовъ, Короленко, Мрачковскій, Курганскій, Ляховичъ, Волошукъ, Соколовъ, Тараненко и Надачинъ подлежатъ суду Особаго присутствія Правительствующаго Сената. Настоящій обвинительный актъ составленъ въ С.-Петербургѣ 24 марта 1877 г. Подлинный подписалъ товарищъ оберъ-прокурора Е. Де-Росси. Съ подлиннымъ вѣрно и. д. оберъ-секретаря В. Поповъ.

Приговоръ. Заславскій—каторга на 10 лѣтъ. Рыбицкій и Кравченко—каторга на 5 лѣтъ. Наумовъ, Силенко, Ляховичъ, Сквери и Мрачковскій—въ Сибирь на поселеніе. Лущенко, Короленко и Курганскій—въ арестанскія роты, первый—на два года, а послѣдніе—на годъ. Тараненко, Наддачинъ, Соколовъ и Волощукъ—къ трехмѣсячному тюремному заключенію.

Въ 1877 г. разбирались еще нѣсколько политическихъ дѣлъ, отчетовъ о которыхъ правительство не публиковало. Къ числу ихъ принадлежитъ разсматривавшееся въ Сенатѣ 8—10-го іюля дѣло Сергѣева, Маслова, и другихъ. Обвинительный актъ по этому дѣлу, равно какъ и относящіяся сюда же копии съ опредѣленія 1 департамента Правительствующаго Сената по дѣлу Покрышкиныхъ, мы воспроизводимъ изъ журнала «Впередь».

* * *

Обвинительный актъ, коимъ предаются суду Особого Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ студентъ с.-петербургскаго университета Сергѣй Ивановъ Сергѣевъ, учитель, сынъ причетника, Алексѣй Матвѣевъ Покровскій, крестьяне: Романъ Федоровъ Травинъ, Михаилъ Ивановъ Маркинъ и Федоръ Егоровъ Масловъ. I. При производствѣ предварительнаго слѣдствія о распространеніи въ с. Мураевнѣ, Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, сочиненій, по содержанію своему предусмотрѣнныхъ 245 и 251 ст. Улож. о нак., были привлечены, какъ обвиняемые, слѣдующія лица; 1. Студентъ с.-петербургскаго университета Сергѣй Ивановъ Сергѣевъ, учитель сельскаго двухкласснаго училища Алексѣй Матвѣевъ Покровскій и крестьяне села Мураевни: Романъ Федоровъ Травинъ, Михаилъ Ивановъ Маркинъ и Федоръ Егоровъ Масловъ. Обвиняемый Сергѣевъ, сознаваясь въ преступленіи, между прочимъ, объяснилъ, что онъ Сергѣевъ, лѣтомъ 1875 г., во время пребыванія своего въ селѣ Мураевнѣ, куда ѣздилъ для ознакомленія съ неизвѣстнымъ ему крестьянскимъ бытомъ, познакомившись черезъ посредство учителя Покровскаго съ крестьяниномъ Михаиломъ Маркинымъ передалъ послѣднему преступное сочиненіе, озаглавленное: «Сказка о 4-хъ братьяхъ». Обстоятельство сіе подтверждается показаніемъ обвиняемыхъ Алексѣя Покровскаго и Михаила Маркина, изъ коихъ первый, между прочимъ, объяснилъ, что передача вышеозначенной преступной книги имѣла мѣсто въ его, Покровскаго, квартирѣ, при чемъ студентъ Сергѣевъ прежде передачи «Сказки о 4-хъ братьяхъ» прочелъ вслухъ все это сочиненіе ему и бывшему тутъ же Маркину. Крестьянинъ Михаилъ Маркинъ, признавая, что, дѣйствительно, получилъ отъ Сергѣева преступное сочиненіе, озаглавленное: «Сказка о 4-хъ братьяхъ», сознался въ томъ, что передалъ эту книгу крестьянину Роману Травину. Обвиняемый крестьянинъ Романъ Федоровъ Травинъ, сознаваясь въ преступленіи, между прочимъ, объяснилъ: 1. что онъ Романъ Травинъ давалъ крестьянину Родіону Гашкину читать книгу озаглавленную: «Сказка о четырехъ братьяхъ», полученную имъ Травиннымъ, отъ крестьянина Маркина; 2. что ту же книгу, «Сказка о 4-хъ братьяхъ» онъ, Романъ Травинъ, читалъ крестьянамъ, собравшимся въ домѣ его, обвиняемаго, отца крестьянина Федора Травина во время этихъ починокъ у крестьянина Варѣоламея Козлова. Первое изъ этихъ обстоятельствъ подтверждается показаніемъ крестьянина Радіона Гашкина, а второе свидѣтельствомъ крестьянъ Тимофея Талбанова, Семена и Алексѣя Просняковыхъ, Николая Калашникова и другихъ, присутствовавшихъ при томъ, какъ Романъ Травинъ читалъ крестьянамъ вышеназванную книгу «Сказка о 4-хъ братьяхъ». При этомъ чтеніи, какъ видно изъ показаній вышеназванныхъ лицъ, присутствовалъ также и обвиняемый крестья-

нинъ Михаилъ Маркинъ. Изъ показаній Федора Егорова Маслова видно, что обвиняемый сей 1. читалъ крестьянамъ Роману Травину, Федору Маркину и Ефиму Сводневу преступное сочиненіе, озаглавленное: «Хитрая механика», и 2. передалъ крестьянину Алексѣю Есаулову преступное сочиненіе, озаглавленное: Сказка о 4-хъ братьяхъ». Обстоятельства сіи подтверждаются показаніями крестьянъ Романа Травина и Михаила Маркина, а также и свидѣтельствами крестьянъ: Григорія и Алексѣя Есауловыхъ, Ивана Шимарева, Павла Бѣляева и др. По содержанію своему вышеозначенныя книги: «Сказка о 4-хъ братьяхъ» и «Хитрая механика», должны быть признаны заключающими въ себѣ отзывы и сужденія, помѣщенные съ намѣреніемъ: 1, возбудить неуваженіе къ Верховной Власти; 2. возбудить къ явному неповиновенію Верховной Власти. II. На третьей недѣлѣ великаго поста 1876 г., въ среду, крестьяне села Мураевни, Данковского уѣзда, Григорій Николаевъ Селезневъ, Михаилъ Ермошкинъ, Романъ Федоровъ Травинъ, Михаилъ Ивановъ Маркинъ и др, перевозили къ пономарю Владиміру Иванову Боголюбову срубъ, находившійся на шахтахъ близъ села Мураевни. При этомъ между крестьянами зашелъ разговоръ о дождѣ, и Романъ Травинъ, указывая, на небо, сказалъ «Развѣ тамъ Богъ; тамъ прорва, чортъ». Маркинъ замѣтилъ, что это правда. Вечеромъ того же дня Романовъ Травинъ, находясь въ домѣ пономаря Боголюбова и увидавши, что окна церкви освѣщены лучами заходящаго солнца, сказалъ, что «Николай Чудотворецъ, апостолъ Петръ и Иванъ Богословъ принесли въ церковь четверть вина, зажгли тамъ сальныя свѣчи и хотятъ пьянствовать». Когда Селезневъ замѣтилъ ему, что онъ смѣется надъ святыней, Маркинъ сказалъ: «Какіе тамъ святые: они были пьяницы». Затѣмъ Маркинъ и Травинъ говорили, что Бога нѣтъ. Всѣ эти обстоятельства вполнѣ удостовѣрены показаніями свидѣтелей Селезнева и Ермошкина, при которыхъ Маркинъ и Травинъ богохульствовали.

На основаніи вышеизложеннаго обвиняются: студентъ С.-Петербургскаго университета, дворянинъ Сергѣй Ивановъ Сергѣевъ въ томъ, что онъ злоумышленно и съ намѣреніемъ распространить содержаніе преступной книги, озаглавленной: «Сказка о 4-хъ братьяхъ», передалъ оную крестьянину М. И. Маркину, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 2 ч. 245 и 2 ч. 251 ст. Ул. о нак.; 2. крестьянинъ Михаилъ Ивановъ Маркинъ въ томъ, что онъ злоумышленно и съ намѣреніемъ распространить содержаніе преступной книги, озаглавленной: «Сказка о 4-хъ братьяхъ», передалъ оную крестьянину Роману Федорову Травину, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 2 ч. 245 и 2 ч. 251 ст. Ул. о нак.; 3. крестьянинъ Романъ Федоровъ Травинъ въ томъ, что онъ злоумышленно и съ намѣреніемъ распространить содержаніе преступной книги, озаглавленной: «Сказка о 4-хъ братьяхъ», а) читалъ сіе сочиненіе крестьянину Родіону Гашкину и б) читалъ то же сочиненіе крестьянамъ, собравшимся въ домѣ его, обвиняемаго, отца, крестьянина Федора Федорова Травина, во время поминокъ, бывшихъ у крестьянина Варѣоломея Козлова, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 2 ч. 251 и 2 ч. 245 ст. Улож. о нак.; 4. крестьянинъ Федоръ Егоровъ Масловъ въ томъ, что онъ злоумышленно и съ намѣреніемъ распространить содержаніе преступныхъ книгъ, озаглавленныхъ: «Сказка о 4-хъ братьяхъ» и «Хитрая механика», а) передалъ первую изъ сихъ книгъ крестьянину Алексѣю Григорьеву Есаулову и б) читалъ вторую изъ нихъ вслухъ въ присутствіи крестьянъ: Михаила Маркина, Романа Травина и Ефима Своднева, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 2 ч. 251 и 2 ч. 245 ст. Улож. о нак.; 5. учитель сельскаго двухкласснаго училища, сынъ причетника Алексѣй Матвѣевъ Покровскій, въ томъ, что онъ, зная о злоумышленной передачѣ студентомъ Сер-

гъевымъ крестьянину Михаилу Маркину преступной книги, озаглавленной: «Сказка о четырехъ братьяхъ», содержаніе коей ему, Покровскому, было извѣстно, и, имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, таковой своей обязанности не исполнилъ, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 15, 2 ч. 244 и 2 ч. 251 ст. Улож. о нак. Кромѣ того, крестьяне Романъ Федоровъ Травинъ и Михаилъ Ивановъ Маркинъ обвиняются въ томъ, что, съ намѣреніемъ произвести соблазнъ, при свидѣтеляхъ произнесли вышепрописанныя слова богохуленія, т. е. совершили, преступленіе, предусмотрѣнное 177 ст. Улож. о нак. За такковыя содѣянные ими преступленія, вышепоименнованные: Сергѣй Сергѣевъ, Романъ Травинъ, Михаилъ Маркинъ, Федоръ Масловъ и Алексѣй Покровскій, на основаніи 2 и 3 ст. Высочайше утвержденного 7 іюня 1872 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, предаются суду Особого Присутствія Правит. Сената для сужденія о государственныхъ преступленіяхъ. Составленъ въ С.-Петербургѣ, декабря 14 дня, 1876 г. Подлинный подписалъ членъ консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, статскій совѣтникъ В. Роде.

Копія съ опредѣленія

1-го департамента Правительствующаго Сената.

(Къ дѣламъ г. Оберъ-Прокурора № 6149).

1876 года декабря 22 дня. По указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ слушали: предложенное г. оберъ-прокуроромъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената заключеніе товарища оберъ-прокурора Уголовнаго Кассационнаго Департамента Сената о прекращеніи слѣдствія по обвиненію въ государственномъ преступленіи статскаго совѣтника Федора Семенова Покрышкина, жены его Татьяны Аксентьевой Покрышкиной, дочери генераль-маіора Ольги Дмитріевой Мельниковой, крестьянъ Федора Федорова Травина и Родіона Матвѣева Гашкина. Приказали: разсмотрѣвъ заключеніе г. товарища оберъ-прокурора Угол. Касс. Департ. Прав. Сената о прекращеніи слѣдствія по обвиненію дочери генераль-маіора Ольги Мельниковой, крестьянъ Родіона Гашкина и Федора Травина въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, направленныхъ противъ Государя и Государства, Правительствующій Сенатъ находить, что противъ Мельниковой и Гашкина никакихъ уликъ, избличающихъ ихъ въ совершенія упомянутаго преступнаго дѣянія, ни дознаніемъ, ни слѣдствіемъ не обнаружено, и что Федоръ Травинъ, хотя и избличенъ въ томъ, что въ его домѣ сынъ его, Романъ Травинъ, распространялъ преступное сочиненіе «Сказка о четырехъ братьяхъ» посредствомъ чтенія этой книги крестьянамъ, собиравшимся въ домѣ обвиняемаго, но такъ какъ въ дознаніемъ, ни слѣдствіемъ не обнаружено, чтобы самъ Федоръ Травинъ передавалъ кому-либо названную книгу или инымъ образомъ распространялъ ея содержаніе нѣтъ данныхъ и представлялось бы основаніе предать его суду лишь за то что онъ, зная распространеніе Романомъ Травинымъ преступной книги и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, таковой обязанности своей не исполнилъ, каковое обвиненіе, однако-жь, въ виду того, что Романъ Травинъ родной сынъ Федора Травина, по силѣ ст. 128 улож. о наказ., не можетъ имѣть мѣста. Обращаясь засимъ къ разсмотрѣнію заключенія г. товарища оберъ-прокурора Угол. Касс. Департ. Прав. Сената относительно Покрышкина и его жены и сообразивъ таковое съ обстоятельствами, обнаруженными дознаніемъ и предварительнымъ слѣдствіемъ, оказывается:

1. Относительно статскаго совѣтника Федора Семенова Пок-

рышкина. При производствѣ въ маѣ 1875 г. начальникомъ рязанскаго губернскаго жандармскаго управленія дознанія по обвиненію крестьянъ Данковскаго уѣзда, села Мураевни, Федора Травина, Федора Маслова, Михаила Маркина и Родіона Гашкина въ произнесеніи дерзкихъ словъ противъ Государя Императора, между прочимъ, показали: а) скопинскій мѣщанинъ Иванъ Антоновъ Волковъ, что названные 4 крестьянина живутъ очень дружно съ учителемъ мураевнинскаго училища Алексѣемъ Покровскимъ, у котораго постоянно бывають и къ которому часто ходитъ живущій въ томъ же селѣ докторъ Покрышкинъ, который хорошо знакомъ съ Федоромъ Травинымъ и часто принимаетъ у себя Покровскаго и Травина, тогда какъ въ отношеніи другихъ крестьянъ Покрышкинъ не отличается особенною любезностью, и б) старшина Мураевнинской волости, крестьянинъ дер. Савинки, Леонъ Алексѣевъ Алексѣевъ, что крестьяне Федоръ Травинъ, Маркинъ, Масловъ, и Гашкинъ между собою дружны, начитаны, были знакомы съ пріѣзжавшими въ с. Мураевню студентами, а также съ бывшею акушеркою Ольгою Дмитріевой Мельниковой и ведутъ знакомство съ докторомъ Покрышкинымъ. При производствѣ сего дознанія показаніями спрошенныхъ обнаружено, что въ домѣ Федора Травина была книга преступнаго содержанія «Сказка о четырехъ братьяхъ» и что книга эта передавалась Романомъ Травинымъ для прочтенія нѣсколькимъ крестьянамъ. Спрошенные объ этой книгѣ показали: старшина Леонъ Алексѣевъ, что, откуда именно между крестьянами с. Мураевни стали появляться книги, онъ не знаетъ, но все зло началось съ того времени, когда въ этомъ селѣ поселились Покрышкинъ, Мельникова и студенты, и что удаленіе Покрышкина изъ Мураевни принесетъ весьма хорошія послѣдствія, такъ какъ онъ—корень зла. Крестьянинъ с. Мураевни, Иванъ Дроздовъ, что онъ слышалъ отъ жены повара Покрышкина, крестьянки Авдотьи Игнатъевой, что, когда арестовали Травина, Маркина, Маслова и Гашкина, то жены ихъ часто ходили къ доктору Покрышкину, который принималъ ихъ радушно и поилъ чаемъ. Фельдшеръ Иванъ Романовъ, что Покрышкинъ былъ въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ крестьянами Федоромъ Травинымъ, сыномъ его Романомъ, а также съ Маркинымъ и Масловымъ, что крестьяне эти часто посѣщали Покрышкина, но, что они вмѣстѣ говорили и дѣлали, показатель не знаетъ, такъ какъ съ приходомъ ихъ Покрышкинъ кончалъ пріемъ больныхъ и запиралъ на крючекъ дверь, ведущую въ аптеку. Вдова мѣщанина Надежда Васильева Овидова, что Покрышкинъ бывалъ на вечерахъ у Мельниковой, жившей у ней на квартирѣ, куда собиралось человекъ до 15 крестьянъ, которымъ Покрышкинъ и Мельникова подавали руки, здоровались съ ними, какъ съ равными, потомъ всѣ садились и вмѣстѣ пили чай, а затѣмъ двери запирались на крючокъ и послѣ чая никого изъ незнакомыхъ не впускали; слышно было, что они что-то читали и говорили. Учитель Алексѣй Матвѣевъ Покровскій, подтверждая запанибратскія отношенія съ крестьянами Мельниковой и Покрышкина, присовокупилъ, что сближеніе съ крестьянами проживавшихъ въ селѣ Мураевнѣ студентовъ (изъ числа коихъ Сергѣевъ далъ крестьянамъ книжку: «Сказка о четырехъ братьяхъ») произошло подъ вліяніемъ Мельниковой и Покрышкина, и что Покрышкинъ въ дѣлѣ извращенія понятій крестьянъ о Богѣ, государствѣ и вообще обо всемъ государственномъ строѣ сдѣлалъ больше всѣхъ; что онъ привезъ изъ Петербурга книгу: «Хитрая механика», что Покрышкинъ весьма ловко скрывалъ даже отъ своихъ знакомыхъ свои преступныя дѣйствія по отношенію къ крестьянамъ и, если крестьяне стараются скрыть поступки Покрышкина, то это происходитъ отъ тактичности самого Покрышкина и еще отъ того, что Покрышкинъ многимъ крестьянамъ давалъ деньги въ займы, что заставило

крестьянъ сильно къ нему расположиться. Крестьянинъ Романъ Травинъ, что книжка: «Хитрая механика» получена Масловымъ отъ Покрышкина и что Масловъ передалъ ее показателю. Крестьянинъ Прокофій Травинъ, что книги: «Хитрая механика» и «Емелька Пугачевъ» получены отъ Покрышкина и его жены. Крестьянинъ Федоръ Масловъ, подтверждая свое знакомство съ Покрышкинымъ, Мельниковой и студентами, присовокупилъ, что всѣ эти лица неоднократно, какъ ему, такъ и другимъ крестьянамъ, внушали, что правительство обижаетъ мужиковъ, беретъ много податей и проч., что рѣчи эти крестьянамъ нравились и что «Хитрая механика» и «Митюха» получены показателемъ отъ Покрышкина. При дальнѣйшихъ показаніяхъ Масловъ, подтверждая полученіе отъ Покрышкина книги: «Хитрая механика», отвергъ прежнее свое показаніе о внушеніи Покрышкинымъ крестьянамъ о притѣсненіи ихъ правительствомъ. По обыску, произведенному въ селѣ Муравевнѣ, найдены въ домѣ крестьянина Балва книга: «Стенька Разинъ» *), въ ригѣ крестьянина Дроздова «Хитрая механика». На основаніи изложенныхъ данныхъ, обнаружившихъ, что въ селѣ Муравевнѣ распространялась между крестьянами сего села пропаганда, направленная къ ниспроверженію существующаго порядка, распространеніемъ книгъ прест. пнаго содержанія, привлеченъ къ сему дѣлу статскій совѣтникъ Покрышкинъ. Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго, Покрышкинъ не призналъ себя виновнымъ въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, объясняя, что книги запрещенныхъ у себя не имѣлъ, съ крестьянами имѣлъ сношенія служебныя по званію доктора и члена правленія муравевнинскаго ссудо-сберегательнаго товарищества; книгу «Хитрая механика» Маслову не передавалъ, содержанія этой книги не знаетъ, но припоминаетъ, что, бывши весною въ Петербургѣ, на вербахъ, купилъ у разносчика почтовую бумагу и конверты, причемъ разносчикъ предложилъ вмѣсто сдачи взять находившіяся у него книги, какъ онъ ихъ называлъ, дѣтскія; взявъ эти книги, всего около 4 или 5 штукъ, ему показалось, что это чтеніе изъ Соляного Городка, и, будучи занятъ покупкою, сложилъ книжки съ бумагою и конвертами и затѣмъ ихъ не разсматривалъ; прѣбавши въ с. Муравевню, онъ, Покрышкинъ, также не обратилъ вниманія на купленные книжки, и легко могло случиться, что въ это время пришелъ по какому-нибудь дѣлу Масловъ и, видя книги, выпросилъ ихъ, или же спросилъ почитать эти книжки, и онъ, Покрышкинъ, далъ ему эти книги; но далъ ли онъ одну или нѣсколько книжекъ, рѣшительно не помнитъ. На предварительномъ слѣдствіи Федоръ Масловъ показалъ, что книгу: «Хитрая механика» онъ взялъ самъ съ окна у доктора Покрышкина и что отъ послѣдняго онъ книгъ запрещеннаго содержанія не получалъ, что первоначально его показаніе о томъ, что книгу «Хитрая механика» онъ получилъ отъ Покрышкина—несправедливо; что имѣющаяся въ этой книгѣ надпись: «Книга эта принадлежитъ мнѣ, Маслову, я получилъ ее отъ Покрышкина нынѣшнимъ годомъ по веснѣ», хотя и сдѣлана, дѣйствительно, показателемъ, но она несправедлива и сдѣлана въ надеждѣ черезъ это получить свободу. Изъ показанія крестьянина Романа Травина видно, что Масловъ говорилъ ему, что книгу «Хитрая механика» онъ получилъ отъ Покрышкина.

2. Относительно жены статскаго совѣтника Татьяны Аксентьевой Покрышкиной. При дознаніи крестьянка Наталья Ефимова Маркина 4 августа 1875 г. показала, что около мѣсяца тому назадъ жена доктора Покрышкина, уѣзжая къ мужу, котораго выслали изъ с. Муравени, передала показательницѣ какую-то книжечку, прося ее отдать Прокофію Травину, родному брату Романа Травина, но какая это книжка показа-

*) Изъ «Вѣстника Европы». Прим. ред. „Впередъ“.

тельница не знаетъ, потому что она неграмотная; книжку эту показательница отдала матери Травина, и что сегодня рано утромъ Романъ Травинъ просилъ показательницу, чтобы она не показывала, что книжку дала ей Покрышкина, а чтобы показала, что не знаетъ, какъ и откуда эта книжка къ ней попала. При вторичномъ допросѣ, произведенномъ въ октябрѣ, Маркина показала, что при уходѣ отъ Покрышкиной, послѣдняя передала ей что-то завернутое въ тряпку, прося свертокъ передать Травинымъ, но что именно было завернуто въ тряпкѣ, она не знаетъ, такъ какъ ее не развертывала, но предполагаетъ, что въ ней были книжки, и что свертокъ этотъ она отдала матери Травиныхъ, сказавъ, что получила его отъ Покрышкиной. Романъ Травинъ показалъ, что онъ, дѣйствительно, просилъ Наталью Маркину не показывать на жену доктора Покрышкина о полученіи отъ нея книжки, и что книжка эта была «Емелька Пугачевъ», какую книгу, равно какъ и книгу «Хитрая механика», данную Покрышкинымъ Маслову, братъ показателя, Прокофій Травинъ, сегодня утромъ сжегъ. Спрошенный 20 сентября Романъ Травинъ показалъ, что передъ отъѣздомъ изъ с. Мураевни Покрышкиной, она передала Натальѣ Маркиной 4 книги: 1 экземпляръ «Хитрой механики», 2 экземпляра «Сказки о 4 братьяхъ» и 1 экземпляръ «Емелька Пугачевъ» съ просьбою передать эти книги показателю, но какъ его въ это время не было дома, то Маркина передала ихъ брату его, Прокофію, а послѣдній, когда онъ, Травинъ, возвратился съ работы домой, передалъ ихъ ему, и онъ удостовѣряетъ, что тутъ были 4 книжки, что 3 изъ названныхъ книгъ, а именно: «Хитрая механика», «Сказка о 4-хъ братьяхъ» и «Емелька Пугачевъ» сожжены братомъ, Прокофіемъ, во время производства въ с. Мураевнѣ во второй разъ дознанія, а четвертая—«Сказка о 4-хъ братьяхъ», представлена показателемъ къ дознанію; три книжки, которыя были сожжены показателемъ, были спрятаны имъ особо, онъ ихъ и прежде намѣревался сжечь для того, чтобы не выдавать ни доктора Покрышкина, ни его жены, и «Сказку о 4 братьяхъ» оставилъ на случай улики студента Сергѣева и что экземпляръ «Сказки», полученный Маркинымъ отъ Сергѣева, показателемъ сожженъ въ маѣ мѣсяцѣ, потому что книга эта была стара и изорвана. Прокофій Травинъ показалъ, что онъ сжегъ 2 книжки: «Хитрая механика» и «Емелька Пугачевъ», полученныя отъ Покрышкина и его жены. При вторичномъ допросѣ Прокофій Травинъ показалъ, что не упомянуть въ какое именно время нынѣшнимъ лѣтомъ однажды мать его, Александра Степанова, принесла изъ дома Маркиныхъ переданныя ей лично Натальей Маркиной книжки, которыя были завернуты всѣ вмѣстѣ въ тряпицу, числомъ около трехъ, а можетъ быть, и болѣе, потому что всѣхъ показатель не разсматривалъ, но помнится ему, что ихъ было три, подъ названіемъ: «Хитрая механика», «Сказка о 4-хъ братьяхъ» и «Емелька Пугачевъ», а если тамъ и была еще одна, то ее показатель легко могъ не примѣтить, в особенности, если она была вложена въ другую книгу. Книги эти показатель всѣ до возвращенія брата хранилъ въ избѣ, а когда вернулся домой братъ Романъ, тотчасъ передалъ ему, а онъ, взявши ихъ, куда-то спряталъ и затѣмъ, спустя нѣсколько времени, сказалъ, что книги эти имъ спрятаны во рву огорода зарытыми въ навозѣ. Одну изъ нихъ, а именно: «Сказку о 4-хъ братьяхъ», показатель при обыскѣ вырылъ изъ навоза и передалъ брату, которая и была имъ тогда же представлена, а остальныя, по его же признанію, показатель сжегъ послѣ обыска. Когда онъ получилъ отъ своей матери книжки, то она ему не говорила, что Маркиной онъ были переданы женою доктора Покрышкина, объ этомъ показатель самъ догадался, потому что въ то время, кромѣ Покрышкиной, въ Мураевнѣ никого уже не было изъ числа такихъ лицъ, которыя могли бы передать онѣя. Крестъ-

янка Александра Степанова Травина показала, что свертокъ, дѣйствительно, получала отъ Маркиной и передала его сыну Роману. Спрошенная въ качествѣ обвиняемой, Татьяна Покрышкина показала, что виновною себя въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія не признаетъ и передачу Натальѣ Маркиной таковыхъ книгъ отвергаетъ, но что предъ отъѣздомъ она передавала Маркиной для передачи Травинѣмъ чтенія въ Солянномъ Городкѣ, но какого наименованія и сколько экземпляровъ не упомнитъ. На предварительномъ слѣдствіи Романъ Травинъ показалъ, что послѣ того, какъ Покрышкинъ былъ высланъ изъ с. Мураевни, однажды жена Маркина, Наталья Ефимова, принесла свертокъ книгъ и передала его брату Прокофію, сказавши при этомъ, что книги эти прислала показателю жена доктора Покрышкина; его, Травина, въ это время не было дома, когда же онъ возвратился съ поля домой, братъ Прокофій передалъ ему тѣ книги. Книги были завернуты въ газетной бумагѣ, развернувши бумагу, онъ нашель тамъ 4 книги; по наружному виду книги эти были немного подлиннѣе четверти листа, обернуты въ синюю тоненькую бумагу, тоненькія; онъ прочель заглавія всѣхъ 4 книжекъ; на оберткахъ были нарисованы моды и полукругомъ напечатано: «Чтенія Солянаго Городка». Всѣ 4 книги были одинаковы. Содержанія этихъ книгъ онъ не читалъ. Когда его заарестовали по настоящему дѣлу въ волостномъ правленіи, съ нимъ былъ братъ Прокофій, которому показатель сказалъ, чтобы онъ сжегъ тѣ книги, боясь нѣтъ ли въ нихъ чего-либо преступнаго. Другихъ какихъ-либо книгъ преступнаго содержанія ему, Травину, жена доктора Покрышкина не передавала. А что онъ показалъ при дознаніи, что переданныя книги были «Хитрая механика», «Сказка о 4-хъ братьяхъ» и «Емелька Пугачевъ», такъ это показалъ несправедливо, въ чемъ теперь и раскрывается и подтверждаетъ, что такихъ книгъ онъ отъ жены Покрышкина не получалъ, а переданныя ею книги были: «Чтенія Солянаго Городка». Когда показатель указалъ, что у него есть книга: «Сказка о 4-хъ братьяхъ» и что она зарыта въ навозѣ, то, по его указанію, братъ Прокофій, вмѣстѣ съ жандармомъ, нашли ту книгу въ навозѣ. Впрочемъ, братъ и самъ зналъ, гдѣ та книжка была спрятана. Эта книжка та самая, которую показатель получилъ отъ Маркина, а онъ отъ Сергѣева. Другой же таковой книжки у него не было и показаніе его, данное при дознаніи, что эта именно книга передана была ему женою доктора Покрышкина, несправедливо, какъ несправедливо и то обстоятельство, что первую книжку онъ сжегъ. Относительно обстоятельствъ, сопровождавшихъ обыскъ 4-го августа, при коемъ была найдена книга: «Сказка о четырехъ братьяхъ», имѣется въ дѣлѣ показаніе крестьянина Семена Герасимова Чоканова. При предварительномъ слѣдствіи Прокофій Травинъ остался за смертью не спрошенъ, а Наталья Маркина и Александра Травина подтвердили показанія, данныя при дознаніи. Обвиняемая Татьяна Покрышкина показала, что когда мужъ ея былъ высланъ въ Вятку (это было 29 іюня), то она стала собираться туда же; разбирая вещи и оставшіяся книги, она отложила попавшіяся ей книги для народнаго чтенія (много ли было этихъ книгъ и какого онѣ содержанія, она не помнитъ) съ цѣлью передать кому-либо изъ крестьянъ; книги эти она передала Маркиной, сказавъ, чтобы она передала ихъ крестьянамъ Травинѣмъ, такъ какъ знала, что они грамотные.

Изложенныя обстоятельства показываютъ, что между крестьянами с. Мураевни, Данковскаго уѣзда, Рязанской губ., появились книги преступнаго содержанія, направленныя противъ Государя и государства, и что изъ числа таковыхъ книгъ «Хитрая механика» появилась изъ дома д-ра Покрышкина, который, хотя и утверждаетъ, что названной книги у него не было, но изобличается въ томъ показаніями крестьянъ Федора Маслова,

Романа и Прокофія Травиныхъ и учителя Алексѣя Покровскаго. Показанія этихъ лицъ, въ связи съ показаніями крестьянъ Леона Алексѣева, Ивана Волкова, Ивана Дроздова, мѣщанки Надежды Овидовой и фельдшера Ивана Романова, свидѣтельствующихъ противъ Покрышкина, служатъ достаточнонымъ основаніемъ къ преданію его, Покрышкина, суду по обвиненію въ преступленіи, предусм. ст. 245 и 251 улож. о нак., тѣмъ болѣе, что объясненія Покрышкина о томъ, что книги преступнаго содержанія могли попасть къ нему безъ вѣдома его, случайно, при покупкѣ имъ бумаги и конвертовъ во время бытности его въ Петербургѣ, не заслуживаетъ никакого вѣроятія по своей неправдоподобности, такъ какъ нельзя допустить, чтобы лицо той сферы, къ которой принадлежитъ Покрышкинъ, вида, что ему, вмѣстѣ съ покупкой, завернули какія-то книги, не заинтересовалось бы узнать, что именно это за книги. Равнымъ образомъ оказывается неправдоподобнымъ объясненіе жены Покрышкина, Татьяны Покрышкиной, что она не знаетъ, какія именно книги она передала Натальѣ Маркиной для врученія Травинымъ, такъ какъ свидѣтельскими показаніями Романа и Прокофія Травиныхъ, Покрышкина изобличается въ передачѣ книгъ преступнаго содержанія, какъ-то: «Емелька Пугачевъ», «Хитрая механика» и «Сказка о 4-хъ братьяхъ», показанія же Александры Травиной и Натальи Маркиной убѣждаютъ, что названныя книги получены отъ Покрышкиной. — Основываясь на изложенномъ, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1. слѣдствіе по обвиненію дочери генераль-майора Ольги Мельниковой, крестьянъ Родіона Гашкина и Федора Травина по обвиненію сихъ лицъ въ распространеніи преступныхъ сочиненій противъ Государя и государства прекратить и 2. статскаго совѣтника Федора Семенова Покрышкина и жену его Татьяну Аксентьеву Покрышкину предать суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по обвиненію этихъ двухъ лицъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 245 и 251 ул. о нак., о чемъ для поставленія въ извѣстность оберъ-прокурора Угол. Касс. Деп. Прав. Сената, съ приложеніемъ дознанія и слѣдствія, всего 7 томовъ, а равно для увѣдомленія г. главнаго начальника III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, къ дѣламъ г. оберъ-прокурора передать двѣ копии съ сего опредѣленія. Министру же Внутреннихъ Дѣлъ дать знать указомъ. Подлинное за подписаніемъ Правительствующаго Сената. Февраля 22 дня 1877 г.

Приговоръ суда: Сергѣевъ—въ каторжныя работы на 4 года, но, принимая во вниманіе несовершеннолѣтіе его во время совершения преступленія—ссылка на поселеніе въ не столь отдаленныя мѣста Сибири. Покрышкинъ и Покрышкина—къ заключенію въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца и затѣмъ подъ надзоръ полиціи на 2 года. Маркинъ, Масловъ и Травинъ—къ аресту при полиціи на 2 мѣсяца и отдачѣ затѣмъ подъ надзоръ полиціи на годъ. Покровскій приговорень къ «строному выговору».

Журналъ
Русская Историческая Библіотека.
№ 7.

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ
ПРЕСТУПЛЕНІЯ ВЪ РОССІИ
ВЪ ХІХ ВѢКѢ.

Сборникъ

подъ редакціей

Б. Базилевскаго
(В. Богучарскаго).

Томъ третій.

(Процессъ 193-хъ).

Складъ
при
книгоиздательствѣ
Донская Рѣчь.

Типо-літографія „Енергія“. Спб., Загородный просп., 17.

Предисловіе.

18 октября 1877 года въ Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената съ участіемъ сословныхъ представителей началось разбирательство дѣла о „революціонной пропагандѣ въ Имперіи“, болѣе извѣстнаго подъ именемъ „Вольшого процесса“ и „Процесса 193-хъ“. Это знаменитое дѣло окончилось лишь 23 января 1877 года, т. е. тянулось свыше четырехъ мѣсяцевъ. Подробнаго отчета о процессѣ 193-хъ не существуетъ, хотя въ № 231 „Правительственнаго Вѣстника“ за 1877 годъ черными буквами на бѣлой бумагѣ напечатаны слѣдующія строки:

„Краткія свѣдѣнія о засѣданіяхъ особаго присутствія Правительствующаго Сената, по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, будутъ съ настоящаго времени постоянно печататься въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Къ опубликованію обвинительнаго акта будетъ приступлено по прочтеніи его въ засѣданіи особаго присутствія. Подробный же стенографическій отчетъ объ этомъ обширномъ дѣлѣ, вслѣдствіе невозможности своевременнаго его опубликованія на газетныхъ столбцахъ, будетъ отпечатанъ особо“.

Это, торжественно данное на страницахъ „Правительственнаго Вѣстника“, обѣщаніе не только никогда не было приведено въ исполненіе, но когда въ 1878 году нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ процессѣ и пригласившихъ на свой счетъ стенографовъ адвокатовъ, отпечатали также на собственный счетъ первую половину стенографическаго отчета о процессѣ, то книга эта была, по постановленію комитета министровъ, сожжена. (См. въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза мою статью: „цензурныя взысканія“).

По этой причинѣ о процессѣ 193-хъ намъ приходится дать здѣсь лишь крайне неполныя свѣдѣнія. Мы воспроизводимъ здѣсь полностью только обширный обвинительный актъ и приговоръ. Что касается остальныхъ частей процесса, то мы помѣщаемъ лишь тѣ отчеты о процессѣ, которые были напечатаны въ заграничномъ журналѣ „Община“ и знаменитую рѣчь И. Н. Мышкина. Затѣмъ мы прибавляемъ еще сюда же завѣщаніе осужденныхъ.

Наконецъ, чтобы покончить съ 1877-мъ годомъ, мы перепечатываемъ изъ заграничныхъ изданій тѣ немногія свѣдѣнія, которыя появились о никогда не опубликованныхъ правительствомъ нѣкоторыхъ другихъ политическихъ дѣлахъ того времени.

Редакторъ сборника Б. Базилевскій (В. Богучарскій).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	III
Засѣданіе Особаго Присутствія 18 октября	1
" " " 20 " 	3
" " " 21 и 22 октября (чтеніе обви- нительнаго акта)	4
Засѣданіе Особаго Присутствія 24 октября	243
" " " 25 " 	245
" " " 26 " 	250
" " " 27 " 	252
" " " 29 " 	254
" " " 2 ноября	258
" " " 3 " 	260
" " " 4 " 	261
" " " 7 " 	265
Рѣчь И. Н. Мышкина	270
Приговоръ	283
Конфирмація	302
Завѣщаніе осужденныхъ	303
Замѣтка о процессахъ Іонова и др.	304

1877 годъ.

Дѣло о революціонной пропагандѣ въ Имперіи.

(Процессъ 193-хъ).

Дѣло разбиралось въ Особомъ Присутствіи правительствующаго сената съ участіемъ сословныхъ представителей подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго сенатора Петерса. Присутствовали сенаторы: Похвисневъ, Реннекампфъ, баронъ Меденъ, Тизенгаузенъ и Хвостовъ. Сословные представители: губернской предводитель дворянства Черниговской губерніи Неплюевъ, Вышневолоцкій уѣздный Сназинъ-Тормасовъ, Новгородскій городской голова Журавлевъ и Стародеревенскій волостной старшина Лукьяновъ. При оберъ-секретарѣ Поповѣ. Въ присутствіи товарища оберъ-прокурора Желеховскаго и прокурора Екатеринбургскаго окружнаго суда Шубина.

Засѣданіе 18-го Октября.

Какъ только вошелъ судъ, присяжный повѣренный Спасовичъ обратился къ присутствію съ заявленіемъ, въ которомъ, указывая на необходимость для суда публичности и гласности, ходатайствовалъ предъ Особымъ Присутствіемъ о переносѣ засѣданій въ другую, болѣе помѣстительную залу, а до прискавія таковой отсрочить судебныя засѣданія. Кромѣ того, онъ просилъ судъ разрѣшить защитѣ пригласить своего стенографа. „Здѣсь—сказалъ Спасовичъ—мы не видимъ стенографа, но если бы онъ и явился, мы все-таки просили бы Особое Присутствіе о дозволеніи имѣть собственнаго стенографа, такъ какъ полный стенографическій отчетъ, особенно въ такомъ обширномъ дѣлѣ, какъ настоящее, существенно необходимъ для защиты“. Остальные защитники присоединились къ ходатайству Спасовича. Присяжный повѣренный Герардъ счелъ вужнымъ къ ходатайству Спасовича сдѣлать добавленіе, въ которомъ напомнилъ суду Особого Присутствія, что при введеніи нынѣ дѣйствующихъ судебныхъ уставовъ, необходимость гласности по отношенію къ суду Особого Присутствія мотивировалась тѣмъ, что отсутствіе публичности было бы противно достоинству Сената и подрывало бы вѣру въ его справедливость. Въ виду этого законодатель, предполагая первоначально не допускать гласности въ общіе суды, считалъ однако же необходимымъ сдѣлать исключеніе для Особого Присутствія Сената. Защитникъ подсудимаго Лопатина, присяжный

повѣренный Бардовскій, съ своей стороны, присовокупилъ, что дѣло его клиента (попытка освободить изъ-подъ стражи подсудимаго Волковскаго) не подсудно Особому Присутствію и, такъ какъ въ предполагаемомъ побѣгѣ главную роль по обвиненію играетъ Лопатинъ, а не Волковской, то, по точному смыслу закона, не Лопатинъ подлежитъ суду Особого Присутствія, а, наоборотъ, — Волковской подсуденъ окружному суду, почему защитникъ и ходатайствуетъ объ изъятіи дѣла его клиента изъ вѣдѣнія Особого Присутствія и о передачѣ его въ окружной судъ. Первоприсутствующій сенаторъ Петерсъ возразилъ Спасовичу и Герарду, что настоящее разбирательство гласно и публично, ибо въ противномъ случаѣ, онъ, первоприсутствующій, заявилъ бы объ этомъ въ самомъ началѣ засѣданія, что, сверхъ того, публика находится здѣсь и тамъ; (при этомъ Петерсъ указалъ рукою на мѣста позади судейскихъ креселъ). Кромѣ того, по словамъ Петерса, стенографъ правительствующаго сената былъ приглашенъ за засѣданія и не явился по неизвѣстнымъ для первоприсутствующаго причинамъ. Товарищъ оберъ-прокурора Желеховскій сдѣлалъ возраженіе защитнику Лопатина, гдѣ, не приводя особенныхъ доказательствъ, утверждалъ, что дѣло Лопатина подсудно именно Особому Присутствію. Послѣ заявленія прокурора судъ удалился на совѣщаніе и черезъ полчаса вынесъ постановленіе, въ которомъ отказалъ перенести засѣданіе въ другое мѣсто и призналъ Лопатина подсуднымъ суду Особого Присутствія. Желаніе же защиты имѣть своего стенографа найдено было возможнымъ удовлетворить. Подсудимый Коваликъ изъявилъ желаніе сдѣлать суду заявленіе, но первоприс. прервалъ его съ перваго же слова, объявивъ, что онъ можетъ дѣлать заявленіе въ свое время, теперь же онъ, первоприсут., не желаетъ его слушать. Послѣ этого начался допросъ подсудимыхъ объ ихъ имени, званіи и проч. Подс. Мышкинъ, на вопросъ о званіи, отвѣчаетъ: „Лишенный всѣхъ правъ арестантъ“. Первоприсут. Это не званіе. Мышк. Я такъ числюсь по бумагамъ. Первоприсут. Кто вашъ отецъ? Мышк. Солдатъ. Первопр. Ваше занятіе? Мышк. Занимался печатаніемъ запрещенныхъ правительствомъ книгъ. Первопр. Ваша религія? Мышк. Крещенъ безъ моего вѣдома, но обрядами православной церкви и, имѣя въ виду законъ, угрожающій за отпаденіе уголовнымъ преслѣдованіемъ, официально числился въ этой же церкви. Первопр. Гдѣ было ваше послѣднее мѣстожительство? Мышк. Арестованъ въ сибирской тайгѣ. Подс. Остаткинъ, на вопросъ о занятіяхъ, отвѣчалъ: „Готовился стать въ ряды народа для борьбы съ его вампирами“. Подс. Никифоровъ, на тотъ же вопросъ отвѣчалъ: „Былъ народнымъ учителемъ, занимался пропагандой“. Подс. Лопатинъ отвѣчалъ: „Такъ какъ заявленіе моего защитника о неподсудности моего дѣла Особому Присутствію не было уважено, и я тѣмъ самымъ лишенъ возможности предстать на судъ общественной совѣсти, а слѣдовательно, лишенъ всѣхъ гарантій справедливаго суда, которая представляетъ тотъ судъ, и такъ какъ мнѣ не было разрѣшено даже высказаться по этому поводу, то я не считаю для себя возможнымъ принять какое-нибудь участіе въ судѣ Особого Присутствія“. На это заявленіе первоприсутствующій замѣтилъ: „это не касается суда; значитъ — званіе, занятіе и мѣстожительство неизвѣстны“. Во все время засѣданія въ залѣ былъ большой шумъ отъ

разговора подсудимыхъ, не обращавшихъ на судъ никакого вниманія. Подъ конецъ засѣданія, при чтеніи списка свидѣтелей, подсудимый Чудновскій обратился къ первоприсутствующему съ замѣчаніемъ, что онъ не слыхалъ, здѣсь ли такой-то свидѣтель? Первоприс. отвѣчалъ, что въ этомъ отношеніи подсудимые, которые все время разговаривали между собою. Отвѣчая на это, подс. Черныявскій заявилъ, что такъ какъ судъ не уважилъ требованій защиты и вслѣдствіе этого остался судомъ закрытымъ, то подсудимые не относятся къ нему, какъ къ суду. Первоприс. прервалъ Черныявскаго, но изъ среды подсудимыхъ раздались крики: „слушайте, когда вамъ говорятъ!“ Первоприс. дослушалъ до конца, но потомъ распорядился о выводѣ Черныявскаго изъ залы. Тогда большинство подсудимыхъ поднялось съ мѣсть и раздались со всѣхъ сторонъ восклицанія: „всѣхъ уводите! мы всѣ не признаемъ суда!“ Были даже 2—3 восклицанія: „къ черту судъ!“ Подсудимые массою направились къ выходу, который загородили жандармы. Первоприс. громко кричалъ: „Объявляю засѣданіе закрытымъ! Жандармы, очистите залу!“

19-го Октября засѣданія не было „по причинѣ болѣзни одного изъ сенаторовъ“, какъ гласило объявленіе, вывѣшенное въ судѣ.

Засѣданіе 20-го Октября

открылось рѣчью первоприсутствующаго къ подсудимымъ, сущность которой заключалась въ приглашеніи подсудимыхъ не нарушать шумомъ и демонстраціями порядка засѣданія, такъ какъ для обѣихъ сторонъ, для суда и для подсудимыхъ, необходимо сохранять по возможности тишину и порядокъ. Подс. Мышкинъ (къ первоприс.). Я принадлежу къ числу подсудимыхъ, которые въ концѣ прошлаго засѣданія участвовали въ только что упомянутомъ вами безпорядкѣ. Хотя нашъ шумный, неоформленный протестъ разрился неожиданно для меня, но я не раскаиваюсь, что принялъ въ немъ участіе и не раскаиваюсь по слѣдующей причинѣ: Обвинительный актъ полонъ клеветъ... Первоприс. прерываетъ его, замѣчая, что составленіе обвинительнаго акта не зависитъ отъ Особаго Присутствія и что документы, представляемые суду, имъ не составляются. Подсуд. Мышк. Мы, главнымъ образомъ, настаиваемъ на необходимости публичности и гласности. Правда, вы въ прошломъ засѣданіи изводили объяснить, что судебное разбирательство производится публично, что публика и тамъ и здѣсь (жестъ рукой впередъ и назадъ). Да, дѣйствительно, за судейскими креслами есть нѣсколько мѣсть, вѣроятно, для лицъ судебного вѣдомства; и здѣсь, за двойнымъ рядомъ жандармовъ; примостились 3—4 субъекта. Неужели это та самая хваленая публичность, которая дарована новому суду на основаніи судебныхъ уставовъ? Называть это публичностью значить пронизировать, насмѣхаться надъ однимъ изъ основныхъ принциповъ новаго судопроизводства. Первоприс. Публичность гарантируется не присутствіемъ публики, а тѣмъ, что здѣсь есть стенографъ „Прав. Вѣст.“ и обо всемъ, происходящемъ здѣсь, будетъ напечатанъ стенографическій отчетъ. Подс. Мышк. По предыдущимъ примѣрамъ мы хорошо знаемъ, что отчеты „Прав. Вѣст.“ представляютъ собою лишь второй экземпляръ обвинительнаго акта; а мы желаемъ, чтобы намъ была дана

возможность выяснить наше дѣло предъ публикой и объясниться не предъ нѣсколькими чиновниками, а предъ цѣлымъ обществомъ, отъ лица котораго во многихъ органахъ русской печати была выражена на это надежда...
Первопр. Подсудимый, довольно! Подс. Мышк. Еще одно замѣчаніе. Мы глубоко убѣждены въ справедливости азбучной истины, что свѣта гласности боятся только люди съ нечистой совѣстью, старающіеся прикрыть свои грязныя, подлая дѣлишки, совершаемыя келейнымъ образомъ; зная это и искренно вѣря въ чистоту и правоту нашего дѣла, за которое мы уже не мало пострадали и еще довольно будемъ страдать, мы требуемъ полной публичности и гласности. Первопр. Подсудимый, довольно! Мышкинъ садится. Встаетъ Муравскій и заявляетъ: „Я вполне присоединяюсь къ заявленію моего товарища.“ Встаетъ большинство подсудимыхъ со словами: „И мы также!“ Въ этомъ засѣданіи начались опросъ и приведеніе къ присягѣ свидѣтелей. Во время присяги свидѣтелей подс. Мышкинъ заявилъ слѣдующій отводъ: „Въ каждомъ политическомъ процессѣ свидѣтель, который рѣшается дать показанія благоприятныя для подсудимаго и неблагоприятныя для властей, чрезъ одно это рискуетъ попасть въ разрядъ политически-неблагонадежныхъ людей и даже быть сосланнымъ въ какое-нибудь заолустье. „При такомъ сильномъ, гнетущемъ давленіи на свидѣтелей...“ Первоприс. „Вы можете предъявлять только законные поводы отвода, а это не законный.“ Подсуд. Мышк. Я отвожу свидѣтелей отъ присяги на томъ законномъ основаніи, что они состоятъ подъ опекой потерпѣвшаго лица, т. е. правительства. Подс. Чудновскій заявилъ отводъ одного свидѣтеля отъ присяги, такъ какъ этотъ свидѣтель сыщикъ, но, согласно мнѣнію товарища прокурора Желеховскаго, судъ не признавалъ такого отвода уважительнымъ. Засѣданіе прекратилось по окончаніи опроса и присяги свидѣтелей около 5 часовъ вечера.

Въ засѣданіяхъ 21 и 22 октября былъ прочтенъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

„Въ половинѣ мая 1874 г. финляндскимъ уроженцемъ Иоганомъ Пельконенъ была открыта въ гор. Саратовѣ, на Царицынской улицѣ, въ домѣ Превратухиной, башмачная мастерская, въ скоромъ времени обратившая на себя вниманіе полиціи страннымъ и подозрительнымъ поведеніемъ проживавшихъ въ ней лицъ, вслѣдствіе чего 31-го мая въ означенной мастерской былъ сдѣланъ обыскъ. Результаты обыска, равно какъ и произведеннаго вслѣдъ за симъ дознанія, привели къ несомнѣнному убѣжденію, что мастерская Пельконенъ служила притономъ для лицъ, принадлежавшихъ къ революціонному сообществу, имѣвшему развѣтвленія въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи; въ виду чего было признано необходимымъ сосредоточить въ однихъ рукахъ повсемѣстное разслѣдованіе преступной дѣятельности обнаруженнаго сообщества, каковое разслѣдованіе, по Высочайшему повелѣнію, и было возложено на начальника московскаго губернскаго жандармскаго управленія, генералъ-лейтенанта Слезкина. Произведенное послѣднимъ подъ наблюденіемъ прокурора саратовской судебной палаты, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жихарева, дознаніе вполне подтвердило дѣйствительное существованіе въ Россіи, въ періодъ времени 1873 — 1874 года, обширнаго преступнаго общества, стремившагося къ ниспроверженію существующаго государственнаго порядка; раскрыло дѣятельность

лицъ, принадлежавшихъ къ этому сообществу, и наглядно возстановило исторію его возникновенія и дальнѣйшаго развитія. Собранныя дознаніемъ данныя, не поколебленныя и предварительнымъ слѣдствіемъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что преступное сообщество, существованіе котораго было обнаружено въ Саратовѣ, возникло въ Петербургѣ въ 1873 г., и что оно находилось въ прямой преемственной связи съ прежними сообществами Долгушина, Натансона и др. Принадлежавшія къ этимъ сообществамъ лица, избѣжавшія преслѣдованія или наказанія и проживавшія большею частью въ Петербургѣ, продолжая, въ теченіе 1872 г., свою преступную дѣятельность, старались сблизаться съ рабочими, преимущественно фабричными и, подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ, возбуждали въ нихъ недовольство существующимъ порядкомъ и распространяли между ними революціонныя идеи, какъ путемъ устной пропаганды, такъ и посредствомъ возмутительнаго содержанія книгъ, привозимыхъ изъ-за границы и издаваемыхъ русскими эмигрантами. До 1873 года дѣятельность пропагандистовъ имѣла характеръ индивидуальный, въ началѣ же сего года, нѣкто Николай Васильевичъ Чайковскій, окончившій курсъ наукъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и принадлежавшій къ кружку Натансона, задаясь мыслью слитить разрозненныя силы агитаторовъ въ одно цѣлое, къ чему и приложилъ всѣ свои старанія, вскорѣ затѣмъ увѣнчавшіяся нѣкоторымъ успѣхомъ. Такимъ образомъ, возникъ первый революціонный кружокъ, носившій, по фамиліи своего основателя, названіе „кружка чайковцевъ“, по примѣру и подъ вліяніемъ котораго, въ теченіе того же года, образовалось нѣсколько другихъ кружковъ. Кружокъ „чайковцевъ“, а также и нѣкоторые другіе, поддерживали постоянную связь съ русскими эмигрантами, поселившимися преимущественно въ Цюрихѣ и другихъ городахъ Швейцаріи. Личныя сношенія членовъ кружковъ съ эмигрантами, издаваемыхъ послѣдними книги, въ значительномъ количествѣ ввозимыя тайными путями въ Россію, и поступленіе въ ряды пропагандистовъ, возвращавшихся изъ-за границы такъ называемыхъ „цюрихскихъ студентовъ“, къ развращенію которыхъ эмигранты прилагають особенное стараніе, — все это, взятое въ совокупности, имѣло рѣшительное вліяніе на направленіе „петербургскихъ кружковъ“. Означенные кружки вполне прониклись ученіями эмигрантовъ, каковыя ученія и легли въ основаніе всей дальнѣйшей дѣятельности кружковъ. Въ 1873-году русская эмиграція, считавшая до того времени „международною ассоціацію рабочихъ“ единственнымъ орудіемъ водворенія всеобщаго счастья на землѣ, стала группироваться около новой формулы обновленія человѣческаго рода — федерализма, основаннаго на коллективизмѣ и мутуализмѣ. Такое измѣненіе направленія русской эмиграціи явилось послѣдствіемъ пятаго конгресса международной ассоціаціи рабочихъ, происходившаго, въ 1872 г., въ гор. Гаагѣ. Исключенный постановленіемъ сего конгресса изъ числа членовъ ассоціаціи, за образованіе въ ея средѣ тайнаго общества, эмигрантъ Вакупинъ, усердно проповѣдывавшій идею федерализма въ швейцарскихъ секціяхъ ассоціаціи, образовалъ „Цюрихскую славянскую секцію“, которая и слилась съ секціями Юрской федераціи, не признававшими постановленій гаагскаго конгресса и избравшими своимъ девизомъ „федерализмъ“. По формулѣ федерализма, задача социальна-революціонной партіи состояла въ разрушеніи

всѣхъ государствъ, уничтоженіи всякаго государственнаго строя и буржуазной цивилизаціи и созданіи новаго строя путемъ вольной федераціи снизу вверхъ независимыхъ производительныхъ общинъ. Поставивъ свою задачею разрушеніе государства, славянская секція должна была, само собою разумѣется, вступить прежде всего въ борьбу съ тѣми высокими началами, коими обусловливается государственная жизнь народовъ, и дѣйствительно, въ своей программѣ секція объявила, что будетъ бороться противъ религіи, собственности и семьи. Пропагандируя въ своихъ сочиненіяхъ теорію федерализма, извѣстную также подъ именемъ „анархіи“, ибо основное положеніе ея заключается въ отрицаніи всякой власти, Бакунинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ проводилъ мысль о необходимости поголовнаго возстанія русскаго народа противъ Верховной Власти и доказывалъ неизбѣжность такового возстанія. Такое мнѣніе Бакунина, раздѣляемое большинствомъ эмигрантовъ, нашло себѣ поддержку и въ появившемся въ половинѣ 1873 г. журналѣ „Впередъ“, Лаврова, который разошелся съ партією Бакунина лишь по вопросу о способѣ веденія революціоннаго дѣла въ Россіи. Приверженцы Бакунина полагали, что пропагандисты должны немедленно „идти въ народъ“, организовать его для революціи и внушать ему революціонныя идеи съ цѣлью: вызвать возстаніе; Лавровъ же признавалъ, что навязывать народу революцію не слѣдуетъ, и что возстанію должно предшествовать сознаніе народомъ своихъ потребностей, разъясненіе которыхъ народу и составляетъ прямую задачу пропагандиста. Теорія Лаврова, требовавшая отъ агитатора извѣстной научной подготовки, крайне не понравилась русскимъ эмигрантамъ, и Лавровъ остался въ меньшинствѣ; но возникшій между нимъ и его противниками споръ породилъ ученіе, весьма категорически выраженное бѣжавшимъ за границу изъ мѣста ссылки государственнымъ преступникомъ Ткачевымъ въ изданной имъ въ апрѣлѣ 1874 г. брошюрѣ подъ заглавіемъ „Задачи революціонной пропаганды въ Россіи“. Въ означенной брошюрѣ, полемизируя съ Лавровымъ, Ткачевъ заявилъ, что „революціонная партія ставитъ своею главною первостепенною задачею не подготовленіе революціи вообще, а осуществленіе ея въ возможно ближайшемъ настоящемъ“; что „не слѣдуетъ придавать слишкомъ большого значенія вопросамъ, касающимся устройства наилучшаго порядка вещей въ будущемъ послѣ того, какъ революція совершитъ свою разрушительную миссію“, и что единственная цѣль „партіи дѣйствія“ должна заключаться «въ борьбѣ съ правительствомъ, въ борьбѣ съ установившимся порядкомъ вещей, — борьбѣ до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія“. Чудовищныя ученія Бакунина и Ткачева, господствовавшія среди эмигрантовъ, нашли себѣ, какъ сказано выше, сочувственный отголосокъ въ петербургскихъ революціонныхъ кружкахъ. Теорія федерализма составила, такъ сказать, *ria desideria* пропагандистовъ, практическая же ихъ дѣятельность получила направленіе, вполне согласное съ ученіемъ Ткачева, доказательствомъ чего служитъ, между прочимъ, написанный княземъ Краноткинскимъ, однимъ изъ видныхъ дѣятелей кружка чайковцевъ, трактатъ подъ заглавіемъ: „Должны ли мы заняться разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя?“, каковой вопросъ разрѣшался княземъ Краноткинскимъ въ отрицательномъ смыслѣ. Петербургскіе кружки усвоили себѣ не только догматическую часть ученій, выработанныхъ эмигрантами въ Швей-

паріи, но и въ организаціи своей дѣятельности послѣдовали указа-
ніямъ, преподааннымъ на сей предметъ цюрихскою славянскою секціею,
вслѣдствіе чего организація кружковъ выразилась въ формѣ отсутствія
какой-либо іерархіи и полной свободы выбора каждымъ агитаторомъ
какъ рода, такъ и способа пропаганды, при чемъ однако каждый про-
пагандистъ пользовался посильною помощію и содѣйствіемъ своихъ едино-
мысленниковъ. Такимъ образомъ, изъ всего вышеизложеннаго несомнѣнно
вытекаетъ, что петербургскіе революціонные кружки возникли и сложи-
лись подъ вліяніемъ двухъ факторовъ: во 1-хъ, оставшихся въ Россіи об-
ломковъ прежнихъ преступныхъ сообществъ Долгушина, Натансова и др.,
къ которымъ присоединились и нѣкоторыя личности, привлекавшіяся къ
дѣлу Нечаева, и во 2-хъ, русской эмиграціи, поселившейся въ Швейцаріи,
чѣмъ и обуславливается связь упомянутыхъ кружковъ, съ одной стороны,
съ предшествовавшими русскими политическими сообществами, а съ дру-
гой — съ западно-европейскою соціально-революціонною партіею. въ составъ
которой вошли русскіе эмигранты. Возникшіе въ Петербургѣ кружки, по-
полнявшіеся приливомъ новыхъ членовъ, преимущественно изъ числа сту-
дентовъ технологическаго института и медико-хирургической академіи, а
также слушательницъ женскихъ курсовъ той же академіи и акушерскихъ
курсовъ, раздѣлились на двѣ категоріи, изъ коихъ первая тотчасъ же при-
ступила къ пропагандѣ революціонныхъ идей между фабричными и завод-
скими рабочими, а другая занялась приготовленіемъ себя къ революціонной
дѣятельности. Исходя изъ того положенія, что узнать народъ и пользо-
ваться его довѣріемъ можно лишь въ томъ случаѣ, когда ищущій сбли-
женія съ народомъ будетъ жить жизнью народа, вращаясь въ его средѣ
въ качествѣ простаго рабочаго, многіе изъ агитаторовъ занялись изученіемъ
какого-либо мастерства или ремесла, чѣмъ и объясняется открытіе агита-
торами мастерскихъ, какъ-то, напр., кузнечныхъ въ Петербургѣ и Одессѣ,
столярныхъ въ Москвѣ и слесарныхъ въ Тулѣ. Сношенія кружковъ под-
держивались какъ личнымъ знакомствомъ членовъ между собою, такъ и
путемъ сходовъ, собиравшихся, между прочимъ, въ квартирѣ студента тех-
нологическаго института Головина, въ 12-й ротѣ Измайловскаго полка, на
каковыхъ сходахъ обсуждались вопросы революціонной теоріи и практиче-
скаго примѣненія ея къ дѣлу, чѣмъ уже были заняты нѣкоторые изъ про-
пагандистовъ. Въ концѣ 1873 г. преступная дѣятельность нѣкоторыхъ аги-
таторовъ въ средѣ петербургскихъ рабочихъ сдѣлалась извѣстною прави-
тельству, вслѣдствіе чего означенныя лица, скрываясь отъ преслѣдованія,
уѣхали изъ Петербурга. Въ числѣ такихъ лицъ находилось нѣсколько на-
иболѣе выдающихся членовъ кружка „чайковцевъ“, укравшихся въ Москвѣ,
гдѣ они проживали подъ чужими именами. Подъ ихъ вліяніемъ и руковод-
ствомъ сложились московскіе революціонные кружки съ такимъ же направ-
леніемъ, какъ и петербургскіе, имѣвшіе съ послѣдними прямую, непосред-
ственную связь. Около того же времени лицами, близко стоявшими къ пе-
тербургскимъ агитаторамъ, былъ основанъ кіевскій кружокъ, извѣстный
подъ названіемъ „кіевской коммуны“, а раннею весною 1874 г. глава од-
ного изъ петербургскихъ кружковъ, дворянинъ Сергій Филипповъ Кова-
ликъ, организовалъ кружокъ въ г. Харьковѣ. Кружки кіевскій и харьков-
скій вошли въ сношенія между собою. Кіевскій, личный составъ котораго

къ лѣту 1874 г. увеличился поступленіемъ въ число его членовъ многихъ петербургскихъ пропагандистовъ, кромя того вступилъ въ весьма близкую связь съ кружкомъ одесскихъ революціонеровъ; послѣдній же, основанный группою лицъ, проживавшихъ въ Цюрихѣ и усвоившихъ себѣ революціонное направленіе у самаго его источника, естественнымъ путемъ, въ силу своего происхожденія, слился съ петербургскими дѣятелями. Одновременно съ кружкомъ, образовавшимся въ Харьковѣ по инициативѣ Ковалика, въ этомъ городѣ возникъ другой кружокъ, весьма незначительный, основанный пропагандисткою, прибывшею изъ Москвы; этотъ послѣдній кружокъ, вскорѣ послѣ своего возникновенія, а именно къ лѣту 1874 года, слился съ таганрогскимъ кружкомъ, основаннымъ въ началѣ лѣта однимъ изъ петербургскихъ революціонныхъ дѣятелей. Весной 1874 г. петербургскіе кружки обнаружили стремленіе къ болѣе тѣсному сближенію между собою, къ составленію изъ себя одного органическаго цѣлаго; для этой цѣли избранные каждымъ кружкомъ делегаты собирались для совѣщаній, результатомъ которыхъ явилось устройство общей кассы, имѣвшей однако въ своемъ распоряженіи не болѣе 700 руб. Назначеніе кассы было—оказывать вспомошествованія какъ цѣлымъ кружкамъ, такъ и отдѣльнымъ членамъ оныхъ, отправлявшимся въ народъ, при чемъ въ кассѣ могли принимать участіе и отдѣльныя, не принадлежавшія къ кружкамъ лица, отъ которыхъ требовалась лишь нѣкоторая общая солидарность въ принципахъ, т. е. признаніе необходимости довести народъ до социальной революціи. Съ наступленіемъ лѣта члены петербургскихъ кружковъ двинулись въ народъ на пропаганду. Въ этотъ періодъ времени петербургскіе революціонные дѣятели совершенно слились со своими московскими единомышленниками и сообща приступили къ осуществленію своихъ преступныхъ замысловъ. Подъ вліяніемъ соединенныхъ элементовъ петербургскихъ и московскихъ пропагандистовъ возникли революціонныя кружки въ Нижнемъ-Новгородѣ, Пензѣ, Самарѣ, Саратовѣ и др. мѣстностяхъ. Такимъ образомъ, главныя силы революціонной партіи сосредоточились въ восточной половѣ Россіи, въ приволжскихъ губерніяхъ, что произошло не случайно, а въ силу заранее обдуманнаго плана дѣйствій и выработавшагося у большинства пропагандистовъ, на основаніи примѣровъ Стеньки Разина и Пугачева, убѣжденія, что революціонныя идеи найдутъ наиболѣе благоприятную для себя почву на востокѣ, въ приволжскихъ губерніяхъ, представлявшихся для революціонеровъ классическою страной бунтовъ и возмущеній. Въ этомъ послѣднемъ фазисѣ дѣятельности революціоннаго сообщества первенствующую роль занялъ пензенскій мѣщанинъ Порфирій Войноральскій, незаконный сынъ дворянина Ларіонова и княгини Кугушевой. Обладая, сравнительно, значительными денежными средствами и большою энергіею и предприимчивостью, Войноральскій весьма скоро сталъ во главѣ движенія; онъ устроилъ въ Москвѣ типографію, въ которой печатались революціонныя сочиненія, газыславшіяся затѣмъ въ разныя мѣстности (въ томъ числѣ въ Саратовъ, въ мастерскую Цельконеи) для брошюровки и распространенія ихъ въ народѣ, снабжалъ деньгами пропагандистовъ и самъ лично занимался организаціею кружковъ и пропагандою въ народѣ. Такимъ образомъ, революціонная пропаганда шла по двумъ главнымъ направленіямъ: юго-западному и восточному; первое направленіе выразилось въ возникновеніи кружковъ

харьковского, кievскаго, одесскаго и таганрогскаго, съ ихъ развѣтвленіями, а второе въ кружкахъ, образовавшихся въ Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Пензѣ, Самарѣ, Саратовѣ и т. д. Всѣ названные кружки хотя и раздѣлялись на двѣ нѣсколько обособленныя группы, тѣмъ не менѣе, связанныя между собою единствомъ происхожденія, ученія и преслѣдуемой цѣли, а также личными сношеніями своихъ членовъ, составляли одно цѣлое, одно преступное сообщество, нагляднымъ доказательствомъ чего служить то обстоятельство, что обыскъ, произведенный въ мастерской Пельконена, далъ возможность раскрыть всю дѣятельность сообщества. Вышніе приемы пропаганды были одни и тѣ же во всѣхъ кружкахъ. Пропаганда—подъ прикрытіемъ разныхъ профессій: доктора, фельдшера, народнаго учителя, простого рабочаго—велась или устно, или посредствомъ чтенія и раздачи революціонныхъ книгъ; содержаніе же пропаганды видовиѣнилось, смотря по тому, съ кѣмъ пропагандисты имѣли дѣло: съ лицами ли, принадлежащими къ простому народу, или же съ лицами, принадлежащими къ „интеллигенціи“, подъ каковыми терминомъ революціонные дѣятели подразумевали народныхъ учителей, студентовъ, семинаристовъ и гимназистовъ. Въ первомъ случаѣ пропагандистъ обыкновенно указывалъ на недостатокъ земли у крестьянъ, на тяжесть податей и налоговъ, и внушалъ мысль, что если бы всѣ крестьяне или рабочіе соединились и уничтожили правительство, истребивъ при этомъ высшіе классы, то не пришлось бы платить никакихъ податей, а земли было бы у cadaго съ избыткомъ, такъ какъ она вся принадлежала бы крестьянамъ; во второмъ случаѣ пропагандистъ большею частью старался доказать, ссылаясь на разные революціонные авторитеты, что экономическое положеніе народа отчаянное, что на обязанности всякаго порядочнаго человѣка лежать помочь народу выйти изъ такого положенія, что представляется возможнымъ только путемъ революціи, и что задача послѣдней должна состоять въ уничтоженіи Верховной Власти, всякаго правительства и государства, такъ какъ коренное измѣненіе къ лучшему положенію народа можетъ быть достигнуто только путемъ замѣны государства вольною федераціею производительныхъ общинъ. Независимо отъ сего, пропаганда, обращенная къ „интеллигенціи“, сопровождалась обыкновенно указаніемъ на то, что наука есть не что иное, какъ средство эксплуатировать народъ, что счастье народа можетъ быть создано и безъ науки, почему „интеллигентныя“ слушатели пропагандиста приглашались бросить ученіе и идти въ народъ, при чемъ объявлялось, что сообщество располагаетъ денежными средствами, которыми и будетъ снабжать своихъ новыхъ товарищей. Такое ученіе, основанное на теоріи Бакунина, возводящее невѣжество и лѣность на степень идеала и сулящее, въ видѣ ближайшаго осуществимаго блага, житье на чужой счетъ, могло, конечно, показаться заманчивымъ только для самой плохой части учащейся молодежи, и дѣйствительно, большинство завербованныхъ пропагандистами въ средѣ этой молодежи единомышленниковъ представляетъ изъ себя людей, занимавшихся чѣмъ угодно, только не науками, а потому и крайне легко относившихся къ вопросу о выходѣ изъ учебныхъ заведеній. Денежныя средства сообщества составлялись: изъ суммъ, отпускаемыхъ болѣе состоятельными вожакими дѣла, какъ, напримѣръ, Войноральскимъ; изъ взносов членовъ кружковъ; изъ суммъ, вырученныхъ отъ баловъ и другихъ увесе-

лений, устройствомъ которыхъ, подъ разными благовидными предлогами, занимались нѣкоторые петербургскіе кружки, и т. п. Вообще матеріальныя средства сообщества были незначительны. Между тѣмъ, безпрестанныя разъѣзды пропагандистовъ, покупка революціонныхъ книгъ и всякаго рода вспомошествованія требовали большихъ расходовъ. Такимъ положеніемъ вещей достаточно объясняется причина обнаруженной многими пропагандистами готовности къ совершенію всякихъ преступленій ради пріобрѣтенія денегъ. Главный контингентъ своихъ силъ въ количественномъ отношеніи сообщество черпало изъ той учащейся молодежи, о которой уже сказано выше. Преобладаніе такого элемента въ рядахъ пропагандистовъ, служа, съ одной стороны, доказательствомъ того, что какъ болѣе развитая среда, такъ и среда, лишенная образованія, но полная здраваго смысла, оставалась для революціонныхъ дѣятелей одинаково недоступными, съ другой—естественнымъ образомъ обрекало сообщество на совершенное безсиліе и ничтожество. Осенью 1874 года большинство пропагандистовъ было задержано и открытый ими весной того же года походъ противъ государства и цивилизаціи могъ считаться оконченнымъ, а сообщество разрушеннымъ, хотя нѣкоторые изъ его членовъ, успѣвшіе скрыться отъ преслѣдованія, и продолжали свою преступную дѣятельность до конца 1874 года и начала 1875 года. За періодъ всего своего существованія сообщество, съ его точки зрѣнія, достигло слѣдующаго результата: совращенія на всемъ пространствѣ Россіи, на которое распространялась дѣятельность всѣхъ силъ сообщества, двухъ-трехъ десятковъ лицъ изъ простаго народа, усвоившихъ себѣ суть революціоннаго ученія и пришедшихъ къ убѣжденію, что лишеніе ближняго его собственности и уничтоженіе власти, которая могла бы сему препятствовать, есть настоящая формула осуществленія, если не всеобщаго, то нѣхъ личнаго блага на землѣ. Таковую, въ краткомъ очеркѣ, представляется исторія возникновенія, развитія и дѣятельности преступнаго сообщества, образовавшагося въ Петербургѣ въ 1873 году и окончившаго свое существованіе въ концѣ 1874 года. Освѣщая отдѣльныя проявленія революціонной дѣятельности мѣстныхъ кружковъ, вышеизложенный очеркъ вмѣстѣ съ тѣмъ уяснитъ и значеніе нѣкоторыхъ не вполне рельефно восстановленныхъ обстоятельствъ дѣла.—Исходнымъ пунктомъ революціонной пропаганды въ Россіи, какъ уже сказано выше, былъ С.-Петербургъ, а изъ числа образовавшихся въ этомъ городѣ кружковъ, первымъ по времени возникновенія и главнымъ по вліянію, оказанному на дальнѣйшее развитіе революціоннаго дѣла, былъ кружокъ чайковцевъ, о которомъ упоминаютъ въ своихъ показаніяхъ обвиняемые: Митрофанъ Грипенковъ, Моисей Рабиновичъ, Левъ Горюдепкій и Александръ Низовкинъ. Послѣдній, весьма близко стоящій къ «чайковцамъ», въ показаніи своемъ подробно изложилъ исторію возникновенія этого кружка и дѣятельности многихъ изъ его членовъ въ Петербургѣ. По словамъ Низовкина, проживавшаго въ 1872 году на Выборгской сторонѣ, по Астраханской улицѣ, въ домѣ № 38, вмѣстѣ съ товарищами своими по Медико-Хирургической Академіи, дворяниномъ Анатоліемъ Сердюковымъ и нѣкимъ Доводчиковымъ, большою популярностью въ средѣ студенческаго міра пользовался въ то время студентъ Технологическаго Института Лисовскій, посвятившій всю свою жизнь на сближеніе съ

рабочими. съ дѣлю распространенія между ними противоправительственныхъ идей и нашедшій себѣ многихъ подражателей. Сближеніе съ рабочими: начиналось обыкновенно съ обученія ихъ грамотѣ, при чемъ такое обученіе играло лишь роль благовидной приманки, подъ прикрытіемъ которой внушались рабочимъ революціонныя идеи, какъ словесно, такъ и посредствомъ раздачи преступнаго содержанія книгъ, привозимыхъ изъ-за границы въ числѣ прочихъ и самимъ Лисовскимъ. По примѣру Лисовскаго, сблизился съ рабочими и студентъ университета Корнѣевъ, читавшій рабочимъ лекціи по географіи. Посѣтивъ однажды лекцію Корнѣева, Низовкинъ нашелъ такую крайне неудовлетворительною и предложилъ бывшимъ у Корнѣева рабочимъ собираться въ квартирѣ его, Низовкина, для слушанія лекцій по физиологіи, популярнымъ изложеніемъ которой изъявилъ готовность заниматься Доводчиковъ. Рабочіе согласились и стали посѣщать квартиру Низовкина и лекціи Доводчикова. Присутствовавшіе нѣскольکو разъ на этихъ лекціяхъ Лисовскій и Сердюковъ находили ихъ совершенно бесполезными для рабочихъ и полагали, что послѣднихъ слѣдуетъ поучать въ духѣ идеи рабочаго сословія, а также давать имъ для чтенія хорошія книги. Въ видахъ предоставленія рабочимъ возможности имѣть всегда подъ руками книги, Сердюковъ предложилъ устроить для нихъ бібліотеку, и привезъ однажды Низовкина въ неизвѣстную ему квартиру, по Владимірской улицѣ, указавъ ему большую кучу растрепанныхъ книгъ и журналовъ, предоставляя сдѣлать изъ нихъ выборъ по усмотрѣнію Низовкина: послѣдній, при содѣйствіи неокончившаго курса наукъ въ Вологодской гимназіи дворянина Михаила Васильева, разобралъ книги и привезъ ихъ на свою квартиру. Такимъ образомъ возникла бібліотека рабочихъ. Тѣмъ временемъ лекціи Доводчикова продолжались, привлекая рабочихъ съ заводовъ и фабрикъ, расположенныхъ на Выборгской сторонѣ, на Васильевскомъ островѣ и за Невскою заставой. Въ числѣ рабочихъ, посѣщавшихъ квартиру Низовкина, были рабочіе: Викторъ Обнорскій, Степанъ Васильевъ Митрофановъ, Сергій Ивановичъ Виноградовъ, Алексѣй Ильичъ Козловъ, Алексѣй Васильевъ Графовъ, Филиппъ Яковлевъ Вангесовъ и Дмитрій Николаевъ Смирновъ, къ которымъ впоследствии присоединился и Алексѣй Васильевъ Лавровъ. Означенные рабочіе интересовались чтеніями Доводчикова, сопровождавшимися опытами, но исключительно научное направленіе лекцій не нравилось Сердюкову, и онъ въ бесѣдахъ съ рабочими доказывалъ послѣднимъ, что существующій соціально-экономическій строй Россіи не совмѣстимъ съ интересами рабочихъ, что этотъ строй крайне вреденъ для русскаго народа, и что поэтому необходимо, во что бы то ни стало, разрушить его путемъ насилія рабочихъ массъ, въ средѣ которыхъ съ этою дѣлю и должна вестись дѣятельная пропаганда. Указывая рабочимъ на необходимость разрушенія существующаго порядка, Сердюковъ вмѣстѣ съ тѣмъ объяснялъ имъ и тотъ новый строй, который долженъ возникнуть на развалинахъ стараго порядка, и при этомъ говорилъ и объ общинномъ владѣніи землей, и о союзѣ промышленныхъ ассоціацій, и касался даже женскаго вопроса, стараясь внушить рабочимъ дѣлое революціонное міровоззрѣніе. Не довольствуясь своею личною пропагандой, Сердюковъ пригласилъ въ квартиру Низовкина дочь почетнаго гражданина Александрю Иванову Корнилову, недавно вернувшуюся изъ-за границы.

которая, въ сущности, говорила рабочимъ то же самое, что и Сердюковъ. Разница между пропагандой Сердюкова и Корниловой заключалась лишь въ формѣ изложенія: первый излагалъ предметъ, такъ сказать, въ догматической формѣ, т. е. выставлялъ прежде всего извѣстныя революціонныя положенія и затѣмъ уже пояснялъ ихъ рабочимъ; Корнилова же излагала свою пропаганду въ формѣ разсказовъ о своихъ заграничныхъ путешествіяхъ. Доказывая рабочимъ необходимость социальной революціи, Корнилова указывала на ихъ западно-европейскихъ товарищей, на революціонные и промышленные союзы послѣднихъ, на ихъ стачки и сходки, при чемъ разсказывала, что сама присутствовала въ Вѣнѣ на нѣсколькихъ сходкахъ, и показывала фотографическія изображенія нѣкоторыхъ ораторовъ изъ рабочихъ. Посѣщенія рабочими квартиры Низовкина въ скоромъ времени обратили на нее вниманіе лицъ, искавшихъ сближенія съ простымъ народомъ, и въ квартирѣ Низовкина появились Чайковскій и отставной артиллерійскій поручикъ Кравчинскій, съ которыми Низовкинъ познакомился черезъ Сердюкова. Кравчинскій сталъ приходить довольно часто и бесѣдовалъ съ рабочими, при чемъ его бесѣды всегда отличались преступнымъ характеромъ. Кромѣ этихъ лицъ, квартиру Низовкина навѣщали: отставной артиллерійскій поручикъ Дмитрій Михайловъ Рогачевъ, съ которымъ Низовкинъ былъ знакомъ еще въ то время, когда Рогачевъ воспитывался въ артиллерійскомъ училищѣ, студентъ медико-хирургической академіи Иванъ Ивановъ Гауэнштейнъ, нѣкто Шлейснеръ и др. Всѣ вышеназванные лица, а также студентъ с.-петербургскаго университета Дмитрій Клеменсъ и бывший студентъ Александръ Левашевъ, съ которыми Низовкинъ познакомился впоследствии, занимались пропагандою въ средѣ рабочихъ; изъ нихъ Чайковскій велъ свою преступную дѣятельность между мастеровыми патроннаго завода на Васильевскомъ островѣ, о чемъ Низовкинъ слышалъ отъ рабочихъ; Шлейснеръ агитировалъ за Невскою заставою, гдѣ Низовкинъ встрѣчалъ какъ его, такъ и Клеменса и Левашова, а Гауэнштейнъ занимался переводомъ на русскій языкъ привезенныхъ брошюръ, для распространенія таковыхъ между рабочими. Вышеназванныя личности, пропагандировавшія въ 1872 и въ началѣ 1873 г. въ средѣ петербургскихъ рабочихъ, и составили, по словамъ Низовкина, ядро той партіи, которая сложилась впоследствии, благодаря усиліямъ Чайковскаго. Такое показаніе Низовкина находитъ себѣ подтвержденіе въ объясненіяхъ рабочихъ, посѣщавшихъ лекціи Доводчикова—Митрофанова, Виноградова и др. Изъ показанія Митрофанова видно, что, при содѣйствіи Лисовскаго, имъ была въ 1873 году учреждена сапожная артель, которую нерѣдко посѣщалъ Лисовскій, приводившій съ собою и рабочаго Виктора Обнорскаго. Въ началѣ своихъ сношеній съ Митрофановымъ, Лисовскій былъ весьма сдержанъ, но впоследствии, не стѣняясь, сталъ выражать свое неудовольствіе по поводу образа дѣйствій правительства; Лисовскій ѣздилъ за границу и въ разные провинціальныя города Россіи: за границу овъ ѣздилъ для приобрѣтенія революціонныхъ книгъ, а въ провинцію—для пропаганды. Посѣщая въ 1872 г. лекціи студента Корнилова, Митрофановъ встрѣтился однажды у послѣдняго съ Низовкинымъ и, по его приглашенію, сталъ ходить на лекціи Доводчикова, гдѣ видѣлъ Сердюкова и Александра Корнилова, разсказывавшую объ интернаціоналѣ. Низовкинъ позна-

комилъ рабочихъ съ Кравчинскимъ, который и сталъ имъ читать лекціи по исторіи, а однажды принесъ съ собою брошюру на иностранномъ языкѣ и рассказывалъ ея содержаніе, а въ послѣдствіи принесъ нѣсколько экземпляровъ этой брошюры на русскомъ языкѣ и роздалъ такыя рабочимъ; брошюра называлась: „Слово вѣрующаго къ народу“. По словамъ Виноградова, онъ познакомился съ Низовкинымъ черезъ Обнорскаго, поселился впоследствии въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Низовкинъ и слушалъ лекціи Доводчикова и Кравчинскаго, изъ которыхъ послѣдній переводилъ рабочимъ брошюру, отлиграфированную затѣмъ на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Слово вѣрующаго къ народу“, и розданную рабочимъ. Виноградовъ встрѣчалъ у Низовкина—Лисовскаго и Левашева, звалъ Клеменса, Рогачева и видѣлъ однажды Чайковскаго. Какъ Митрофановъ, такъ и Виноградовъ подтвердили существованіе бібліотеки и удостоверяли относительно Гауэнштейна обстоятельства, которыя будутъ изложены ниже, свидѣтельствующія о преступной его дѣятельности, а Виноградовъ, кромѣ того, объяснилъ, что познакомился у сестры Купріянова съ Николаемъ Аполлоновымъ Чарушинымъ, студентомъ технологическаго института, при чемъ присовокупилъ, что Кравчинскій, Клеменсъ, Рогачевъ и Чарушинъ были люди весьма энергичные. Остальные рабочіе—Козловъ, Вангесовъ и Смирновъ—также подтвердили, что Доводчиковъ читалъ имъ лекціи и что существовала бібліотека для рабочихъ; нѣкоторые изъ нихъ присутствовали и на лекціяхъ Кравчинскаго, другіе же только слышали о немъ, равно какъ и о нѣкомъ Синегубѣ, учившемъ рабочихъ явно, не остерегаясь. Алексѣй Лавровъ, обнаружившій во время производства слѣдствія признаки разстройства умственныхъ способностей, тоже бывалъ, какъ это видно изъ его показанія, на лекціяхъ Доводчикова и Кравчинскаго, зналъ Клеменса и слышалъ о Синегубѣ и Чайковскомъ. Въ началѣ 1873 года Чайковскій сплотилъ, по словамъ Низовкина, большинство пропагандировавшихъ между рабочими лицъ въ одну партію и, такимъ образомъ, возникъ первый кружокъ, носившій названіе кружка „чайковцевъ“. Число „чайковцевъ“ было весьма значительно. Въ составъ кружка, по удостовѣренію Низовкина, вошли слѣдующія лица: Лисовскій, Лешаевъ, Сердюковъ, Александра Корнилова, Купріяновъ, Кравчинскій, Рогачевъ, Гауэнштейнъ, Клеменсъ, Чарушинъ, слушательница женскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи Анна Дмитриева Кувшинская, студентъ технологическаго института Леонидъ Владиміровъ Поповъ, студентъ того же института Степанъ Васильевъ Мокіевскій-Зубокъ, отставной артиллерійскій поручикъ Леонидъ Эмиануиловъ Шишко, дворяницъ, Сергѣй Силонъ Синегубъ, дворянка Софья Львова Перовская и рабочіе: Лавровъ, Обнорскій и Михаилъ Андреевъ Орловъ. Осенью 1873 года къ кружку „чайковцевъ“ присоединился, по показанію Низовкина, послѣ своего возвращенія изъ-за границы, князь Петръ Алексѣевъ Крапоткинъ, а по словамъ обвиняемаго, Моисея Рабиновича, къ тому же кружку принадлежала дочь купца Александра Яковлева Ободовская, нынѣ по мужу Сидоранкая. Сверхъ сего, какъ видно изъ обстоятельствъ дѣла, въ теченіе 1873 года къ кружку примкнули: дворянинъ Феляксъ Вадимовъ Волховской, сынъ священника Василій Аполлоновъ Стаховскій, студентъ с.-петербургскаго университета Левъ Александровъ Тихомировъ, дворянинъ Федоръ Михайловъ Либавскій, отставной подпору-

чикъ Александръ Викторовъ Ярцевъ и крестьянинъ Тверской губерніи Леонидъ Давыдовъ Румянцевъ. Всѣ вышеозначенныя лица, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ дѣла, были между собою знакомы. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ прежнимъ политическимъ кружкамъ, или же имѣли съ ними близкія сношенія. Такъ, основатель кружка Чайковскій привлекался къ дознанію о кружкѣ Натансона; Ободовская и Церовская, какъ оказывается изъ отобранной у первой переписки, были знакомы съ Натансономъ; Ободовская, кромѣ того, привлекалась къ дѣлу Долгушина и за храненіе у себя запрещенныхъ сочиненій была приговорена къ семидневному аресту, а Волховскій привлекался къ дѣлу Нечаева, но былъ по суду оправданъ и проживалъ затѣмъ въ г. Одессѣ. По словамъ Низовкина, организація кружка „чайковцевъ“ гласила, что между ними нѣтъ ни большихъ, ни меньшихъ, ни начальствующихъ, ни подчиненныхъ: всѣ равнозначущи, всѣ дѣйствуютъ независимо другъ отъ друга, но опираясь на соединительныя силы всѣмъ членовъ кружка и находя въ нихъ ту матеріальную поддержку, которая необходима для осуществленія задуманныхъ отдѣльными членами предпріятій. Убѣжденные въ томъ, что одна интеллигенція въ борьбѣ съ существующимъ порядкомъ ничего серьезнаго сдѣлать не можетъ, „чайковцы“ задумали почерпнуть свои силы изъ нѣдръ самаго народа, для каковой цѣли и стали дѣятельно сближаться съ рабочими или, какъ они выражались, „ходить въ народъ“. Сходясь съ рабочими, „чайковцы“ старались доводить до фанатической ненависти къ существующему порядку недовольство рабочихъ своимъ матеріальнымъ положеніемъ, обусловленнымъ разными экономическими причинами, и создавать такимъ образомъ революціонныхъ дѣятелей изъ среды самаго народа. Когда революціонная партія разовьетъ свои силы и будетъ располагать обширною агентурою, тогда, по плану „чайковцевъ“, должно было всплнуть всеобщее возстаніе какъ въ городахъ, такъ и среди сельскаго населенія, при чемъ движеніе массъ должно было начаться непременно разомъ, на томъ основаніи, что, при такомъ образѣ дѣйствій силы правительства будутъ поставлены между многихъ огней. Центрами возстанія должны были служить столицы, гдѣ, для дачи быстрого хода напору массъ, предполагалось образовать авангарды изъ людей смѣлыхъ и хорошо вооруженныхъ на средства партіи, на обязанности которыхъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, лежало бы овладѣніе прежде всего артиллерійскими казармами и крѣпостью. Вообще стратегическіе планы для овладѣнія столицами разрабатывались весьма тщательно членами кружка, служившими прежде въ военной службѣ, отъ которыхъ, какъ-то отъ Кравчинскаго и Рогачева, Низовкинъ, между прочимъ, слышалъ, что Москва съ ея извилистыми улицами и переулками представляетъ всѣ удобства для борьбы съ войскомъ. Конечная цѣль указаннаго Низовкинымъ стремленій и плановъ кружка „чайковцевъ“ состояла въ уничтоженіи государства и замѣнѣ нынѣ существующаго строя народной жизни „анархією“, что видно изъ показанія, даннаго при дознаніи Ярцевымъ, въ которомъ послѣдній, встрѣчавшійся съ Чайковскимъ, Снегубомъ, Шишко, Кравчинскимъ, Клеменсомъ, Чарушинымъ и многими другими „чайковцами“, объяснилъ, что упомянутыя лица признавали теоретически анархію идеаломъ общественнаго устройства. Ближайшею задачею своей революціонной дѣятельности „чайковцы“ при-

знавали лишь уничтожение существующаго порядка вещей посредствомъ революціи, отодвигая на второй планъ вопросъ о формѣ новаго строя жизни, т. е., иными словами, придерживались ученія Ткачева. Доказательствомъ такого направленія кружка „чайковцевъ“ служитъ составленная однимъ изъ его членовъ, княземъ Крапоткинъ, записка подъ заглавіемъ: „Должны ли мы заняться разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя“ — въ коей князь Крапоткинъ какъ бы устанавливалъ программу дѣйствій революціонной партіи въ Россіи. Въ означенной запискѣ цѣлымъ рядомъ доводовъ и соображеній доказывается сначала непригодность всѣхъ существующихъ формъ государственной жизни, а разрѣшеніе вопроса объ идеалѣ будущаго строя общества предоставляется народу. Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какимъ образомъ народъ можетъ осуществить свой идеалъ, авторъ записки находитъ, что единственнымъ для сего путемъ представляется насильственный социальный переворотъ, который не ограничился бы только неспроверженіемъ государственности, но и уничтожилъ бы весь существующій социальный и экономическій строй народной жизни; всѣ мирные пути прогресса отвергаются въ запискѣ и признаются даже вредными. Для подготовленія социальной революціи въ Россіи необходимо, по мнѣнію автора, образовать революціонную организацію, основными положеніями которой должны служить: полнѣйшее равенство всѣхъ ея членовъ, отсутствіе всякаго подчиненія всѣхъ одному или нѣсколькимъ лицамъ, отрицаніе обмана и насилія во взаимныхъ отношеніяхъ для достиженія своихъ цѣлей и въ то же время признаніе обмана и насилія вполне разумными и необходимыми средствами въ отношеніяхъ членовъ организаціи къ правительственной власти и представителямъ капитала. Подготовительная дѣятельность революціонной организаціи должна быть направлена, главнымъ образомъ, на увеличеніе числа ея единомышленниковъ въ средѣ крестьянства и городскихъ рабочихъ, посредствомъ дѣятельной пропаганды своихъ воззрѣній и усиленія неудовольствія противъ правительства. Участіе въ революціонной организаціи учащейся молодежи отвергается запиской. Въ организацію должны быть принимаемы только тѣ представители упомянутой молодежи, которые, бросивъ науку, отправятся въ народъ для пропаганды, отрѣшившись отъ всей своей предыдущей жизни не только въ принципѣ, но и во внѣшней ея формѣ, оставивъ всѣ свои привычки и поставивъ себя вполне въ положеніе рабочаго. Люди изъ народа признаются авторомъ записки наиболѣе надежными и полезными революціонерами. Для подготовленія такихъ дѣятелей агитаторы должны поселиться между крестьянами и вести осбдую пропаганду посредствомъ сближенія съ народомъ. Для приведенія въ извѣстность результатовъ пропаганды и выработки дальнѣйшихъ мѣръ въ запискѣ рекомендуется устройство періодическихкихъ съѣздовъ агитаторовъ, а затѣмъ авторъ записки обращаетъ особенное вниманіе на подготовку революціонныхъ дѣятелей изъ городскихъ рабочихъ, которые, возвращаясь на родину, могутъ распространять между крестьянами социальныя идеи, усвоенныя отъ агитаторовъ. Кромѣ устной пропаганды, признанной наиболѣе цѣлесообразною, авторъ допускаетъ и пропаганду литературную, въ видахъ которой революціонная организація должна озаботиться изготовленіемъ и распространеніемъ въ народъ книгъ, въ родѣ рассказовъ о сильныхъ и выдающихся личностяхъ изъ народа, кар-

тинъ безвыходности современнаго соціального строя, и т. п. Стачки рабочихъ и устройство артелей не одобряются авторомъ, такъ какъ означенныя мѣры въ свою очередь служатъ средствомъ къ скопленію капиталовъ и въ результатѣ оказываютъ вредное вліяніе на народъ. Мѣстныя волненія между рабочими и сопротивленіе властямъ признаются имѣющими для народа „воспитательное“ значеніе въ смыслѣ революціонномъ, почему, не совѣтуя агитаторамъ возбуждать подобныя явленія, дабы не отвлекать ими народа отъ стремленія къ достиженію главной цѣли—всеобщаго возстанія во имя кореннаго переворота, — авторъ находитъ тѣмъ не менѣе полезнымъ не препятствовать ихъ развитію, если только они вызываются естественнымъ путемъ. Въ заключеніе авторъ опредѣляетъ отношенія русской революціонной организаціи къ международной ассоціаціи рабочихъ и къ русскимъ эмигрантамъ, при чемъ, заявляя полное сочувствіе къ дѣятельности секцій федералистовъ и преимущественно ея русскихъ представителей, вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается отъ полной солидарности со всѣми партіями эмигрантовъ, признавая, что русская народная революціонная партія должна самобытно развиваться среди русскаго народа. Согласно указаніямъ князя Крапоткина, кружокъ „чайковцевъ“ занимался распространеніемъ революціонныхъ сочиненій, какъ среди учащейся молодежи, такъ и среди народа. По словамъ Низовкина, упомянутыя сочиненія привозились изъ-за границы или самими членами кружка, или чрезъ посредство контрабандистовъ, при чемъ торговля книгами находилась, главнымъ образомъ, въ рукахъ Чайковскаго, сестеръ Корниловыхъ, Сердюкова и др. Такое показаніе Низовкина подтверждается показаніемъ Рабиновича, по удостовѣренію котораго, народныя революціонныя книги, въ родѣ „Сказки о четырехъ братьяхъ“ и „Стѣнки Разина“, распространялись преимущественно „чайковцами“; кто именно изъ членовъ кружка завѣдывалъ специально ввозомъ изъ-за границы книгъ, Рабиновичу не извѣстно, хотя былъ слухъ, что этимъ занимался Купріяновъ, каковой слухъ, по мнѣнію Рабиновича, находилъ себѣ основаніе въ частыхъ поѣздкахъ Купріянова за границу. Не ограничиваясь ввозомъ въ Россію преступнаго содержанія книгъ, кружокъ Чайковскаго занимался и составленіемъ и изданіемъ таковыхъ; такъ, по показанію Низовкина, онъ слышалъ отъ Клеменса, что большинство революціонныхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ „Пѣсенникахъ“, составлено имъ, Клеменсомъ; тѣмъ же Клеменсомъ было передѣлано и приспособлено къ революціоннымъ цѣлямъ сочиненіе Шатріана „Исторія одного французскаго крестьянина“, и на средства „чайковцевъ“ же были изданы за границей „Стѣнка Разинъ“ и „Емелька Пугачевъ“. Въ этомъ отношеніи показаніе Низовкина подтверждается добытыми дознаніемъ и слѣдствіемъ данными, изъ которыхъ несомнѣнно вытекаетъ, что князь Крапоткинъ принималъ участіе въ составленіи книги „Емелька Пугачевъ“. Покупка и изданіе революціонныхъ книгъ, а также другія предпріятія, требовали большихъ расходовъ, вслѣдствіе чего „чайковцы“ и устроили кассу, которая, по показанію Низовкина, основанному на разсказахъ рабочаго Орлова, пополнялась, во-1-хъ, вкладами болѣе состоятельныхъ членовъ кружка, въ числѣ коихъ находилась и Александръ Корниловъ; во-2-хъ, сборами отъ устройства всякаго рода лотерей и деньгами, добывавшимися путемъ разныхъ хитростей, которыя придумывались для обираія довѣрчивыхъ и добрыхъ людей, въ чемъ особенно

отличались женщины, вдовившія въ составъ кружка, какъ передавалъ о томъ Низовкину Сердюковъ; и въ-3-хъ, случайными пожертвованіями и барышами отъ продажи революціонныхъ книгъ, торговля которыми велась отнюдь не въ убытокъ. Существованіе кассы кружка „чайковцевъ“ подтверждается также показаніями рабочихъ Якова Иванова и Егора Кудряшева. По словамъ Якова Иванова, Чарушинъ и Шышко показывали однажды рабочимъ 500 р. с., говоря, что эти деньги собраны ими для кассы; а по удостовѣренію Кудряшева, на одной сходкѣ, происходившей послѣ ареста Чарушина, князь Крапоткинъ, отвѣчая на заявленіе о томъ, что Чарушинъ обѣщалъ заплатить за харчи Кудряшева, объявилъ, что, такъ какъ теперь кассой завѣдуетъ онъ, Крапоткинъ, то и деньги будутъ выданы имъ. Независимо отъ сего, доказательствомъ существованія кассы „чайковцевъ“ служатъ отобранныя у Гауэнштейна при обыскѣ деньги, въ количествѣ 1.110 р. 73 к. с. По показанію Гауэнштейна, изъ числа означенныхъ денегъ 1.100 р. принадлежатъ слушательницѣ женскихъ курсовъ при Медико-Хирургической Академіи Вѣрѣ Иваницкой, поручившей ему незадолго до обыска помѣстить эти деньги въ банкъ; между тѣмъ спрошенная вслѣдствіе сего Иваницкая, хотя и показала, что дѣйствительно дала Гауэнштейну въ началѣ 1874 года на сбереженіе деньги безъ всякаго документа, но при этомъ не могла опредѣлить точной суммы переданныхъ Гауэнштейну денегъ. Такое показаніе Иваницкой, въ связи съ другими обнаруженными по отношенію къ Гауэнштейну обстоятельствами дѣла, приводитъ къ убѣжденію, что вышеупомянутыя деньги принадлежали кассѣ кружка „чайковцевъ“. Сохраняя, по удостовѣренію Низовкина, постоянную связь съ эмигрантами, отъ которыхъ и получались революціонныя сочиненія, кружокъ „чайковцевъ“ имѣлъ съ тѣмъ вошелъ въ близкія сношенія съ прочими петербургскими кружками, изъ коихъ нѣкоторые, какъ это будетъ изложено ниже, возникли подъ непосредственнымъ его влияніемъ, а также и внѣ Петербурга имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ Имперіи сношенія съ лицами, примкнувшими впоследствии къ дѣлу революціонной пропаганды. Такъ, Чарушинъ появлялся въ Москвѣ, въ средѣ студентовъ Петровской Академіи; онъ же и Гауэнштейнъ имѣли въ Казани сношенія со студентами тамошняго университета Овчинниковымъ; Ободовская — въ Москвѣ, со студентомъ университета Саблинымъ; Сердюковъ — съ дворяниномъ Иванчинимъ-Писаревымъ, проживавшимъ въ Ярославской губерніи; Корнилова и Перовская — въ Самарской губерніи, съ сельскою учительницей Сахаровою и т. д. Кромѣ сего въ Одессѣ, какъ будетъ изложено ниже, Волховской, и въ Кіевѣ, по словамъ Рабиновича, студенты университета Аксельроде, Левенталь и Лурье находились также въ сношеніяхъ съ кружкомъ „чайковцевъ“. Далѣе Ободовская, на связь которой съ кружкомъ Натансона было уже указано выше, вела съ сосланнымъ въ Архангельскую губернію Натансономъ переписку, изъ которой, между прочимъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста въ письмѣ, помѣченномъ 31 января: „...Самая ссылка вообще меня нисколько какъ-то не занимаетъ, а все думаю о той подготовкѣ, которую я долженъ себѣ дать въ ссылкѣ, подготовку такую, чтобы, куда бы ни забросила меня судьба, я могъ бы высоко держать знамя народнаго дѣла. Я убѣждаюсь . . . что всего страшнѣе, что полной системы или катехизиса совершенно пока еще нѣтъ у народной партіи, что о народѣ

можно пока сказать только—напрасно пророка о тѣни онъ просить. Итакъ, задача подготовки выясняется: собрать всѣ отдѣльныя зацѣты народнаго дѣла, всѣ отрывки и соединить ихъ въ одно стройное цѣлое, въ нѣчто такое, что дало бы партіи отвѣтъ на всѣ вопросы, возникающіе у личности . . . Просьба: всѣми силами старайся, чтобы друзья не разбрелись . . . Передай отъ меня поклонъ . . . и Перовской“. Наконецъ, въ концѣ 1873 года Порфирій Войноральскій, какъ видно изъ его собственнаго показанія, былъ уже знакомъ съ нѣкоторыми представителями кружка „чайковцевъ“, какъ-то: съ Кравчинскимъ и Рогачевымъ. Тотчасъ послѣ своего возникновенія кружокъ „чайковцевъ“ приступилъ къ осуществленію своихъ преступныхъ замысловъ и притомъ преимущественно въ Петербургѣ. Къ лѣту 1873 года многіе изъ его членовъ уѣхали изъ столицы, оставшіеся же въ Петербургѣ единомышленники ихъ ревностно занялись дѣломъ революціонной пропаганды. Рогачевъ, какъ видно изъ показанія обвиняемаго крестьянина Григорія Щеглова, поступилъ простымъ рабочимъ на заводъ Путилова; Кравчинскій, продолжавшій вплоть до весны чтеніе своихъ лекцій по исторіи, сводившихся въ сущности, по словамъ Низовкина, къ рассказамъ о бунтахъ Разина и Пугачева, превозносимыхъ имъ до небесъ, поселился въ началѣ лѣта вмѣстѣ съ Клеменсомъ около Киновен, въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ „Ключки“, въ квартирѣ рабочаго Орлова, что также удостоверяется показаніемъ Щеглова, одно время проживавшаго въ одной квартирѣ съ Орловымъ и другимъ рабочимъ, Игнатіемъ Бачинымъ. Проживъ съ недѣлю вмѣстѣ съ Кравчинскимъ и Клеменсомъ, Орловъ перѣѣхалъ на другую квартиру и поселился за Невскою заставой, а Кравчинскій и Клеменсъ, оставаясь въ Ключкахъ, продолжали свои занятія съ рабочими, приводимыми къ нимъ, уже вполне усвоившими себѣ революціонное направленіе—Обнорскимъ, Орловымъ и др. Пребываніе Кравчинскаго и Клеменса въ Ключкахъ подтверждается: во-1-хъ, показаніемъ Синегуба, изъ котораго видно, что, поселившись лѣтомъ 1873 года въ Ключкахъ, онъ засталъ уже тамъ Кравчинскаго; во-2-хъ, показаніемъ Орлова, признавашаго, что онъ жилъ нѣкоторое время въ Ключкахъ у Клеменса, и въ-3-хъ, показаніями рабочихъ Смирнова и Щеглова. По словамъ Смирнова, онъ былъ однажды въ Ключкахъ съ Обнорскимъ и слушалъ лекцію Кравчинскаго о политической экономіи; изъ показанія же Щеглова оказывается, что онъ отправился въ Ключки вмѣстѣ съ Орловымъ, по приглашенію послѣдняго, который и представилъ его двумъ лицамъ, оказавшимися Кравчинскимъ и Клеменсомъ, о знакомствѣ съ которыми Орловъ совѣтовалъ ему „не очень болтать“. Щегловъ посѣщалъ Кравчинскаго и Клеменса нѣсколько разъ и присутствовалъ на ихъ лекціяхъ, на одной изъ которыхъ Клеменсъ доказывалъ, что монахи дармоѣды и что Господь Богъ не можетъ обучить рабочихъ французскому языку, а онъ, Клеменсъ, можетъ. Какъ Клеменсъ, такъ и Кравчинскій, посѣщали, по словамъ Щеглова, общую его съ Орловымъ квартиру и приносили послѣднему книги; ту же квартиру, по удостовѣренію рабочаго Бачина, посѣщали Обнорскій и Виноградовъ, и чрезъ Орлова онъ, Бачинъ, познакомился съ Клеменсомъ, который въ свою очередь познакомилъ его съ Синегубомъ, у послѣдняго же онъ встрѣчался съ Рогачевымъ и Кравчинскимъ. Усвоивъ себѣ ученіе Кравчинскаго и Клеменса, Орловъ, по показанію Щеглова, отказался отъ нѣ-

эта на заводѣ, на которомъ до того времени работалъ, и, предавшись окончательно дѣлу революціонной пропаганды, сталъ жить, по словамъ Низовкина, на средства кружка „чайковцевъ“. Послѣдніе, по удостовѣренію того же Низовкина, возлагали большія надежды на Орлова и считали его будущимъ сельскимъ учителемъ— революціонеромъ, вслѣдствіе чего Кравчинскій и Клеменсъ возили его даже, какъ о томъ передавалъ Низовкину самъ Орловъ, въ Финляндію, къ Флеровскому (Берви). Вообще отношенія Орлова къ главнымъ дѣятелямъ кружка „чайковцевъ“ были настолько близки, что онъ даже былъ на „ты“ съ Крапоткинскимъ, какъ это удостовѣрилъ въ своемъ показаніи рабочій Митрофановъ. Желая оправдать довѣріе своихъ патროновъ, Орловъ знакомилъ ихъ съ рабочими, какъ-то Щегловымъ, Вачинскимъ и др. и для болѣе успѣшнаго распространенія революціонныхъ идей между своими товарищами принималъ на себя завѣдываніе бібліотекой рабочихъ. По собственному показанію Орлова, у него находились на храненіи книги рабочихъ, которыя онъ и раздавалъ для чтенія. Нахожденіе бібліотеки въ завѣдываніи Орлова подтверждается и показаніемъ Щеглова, по словамъ котораго Орловъ больше занимался раздачей книгъ, добывая ихъ у своихъ знакомыхъ и имѣя у себя складъ книгъ, въ числѣ коихъ Щегловъ видѣлъ два экземпляра „Гражданской войны во Франціи“, „Отщепенцевъ“, „Стеньку Разина“ и нѣсколько экземпляровъ „Исторіи одного французскаго крестьянина“. Хотя Щегловъ впоследствии эту часть своего показанія измѣнилъ, объяснивъ, что у Орлова онъ запрещенныхъ книгъ не видѣлъ, но достовѣрность первоначальнаго его показанія подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что у рабочаго Василія Тимоеева, которому Орловъ по собственному его показанію, передалъ впоследствии книги, была найдена записная книжка, въ которой въ числѣ другихъ книгъ записаны „Гражданская война во Франціи“ и „Отщепенцы“, передача Орловымъ книгъ Тимоееву подтверждается и показаніемъ Щеглова. Независимо отъ сего, изъ показанія самого Орлова оказывается, что у него былъ второй томъ сочиненій Лассалья, который, по его же словамъ, былъ имъ переданъ для переписки нѣкому Августину Блюмеру, а по удостовѣренію Виноградова, переписанный Блюмеромъ 2-й томъ Лассалья былъ при немъ, Виноградовъ, переданъ Митрофанову, передавшему его въ свою очередь Гауэнштейну. Такое показаніе Виноградова вполне подтверждается Митрофановымъ, по объясненію котораго Блюмеръ, пріѣдя однажды къ Низовкину, объявилъ, въ присутствіи его, Митрофанова, что 2-й томъ Лассалья имъ переписанъ, но что онъ не знаетъ, съ кого получить деньги; вслѣдствіе чего Митрофановъ, слышавшій отъ Виноградова, что Лассаль былъ данъ для переписки Орловымъ по порученію „чайковцевъ“, отнесъ рукопись къ Гауэнштейну, а полученныя отъ него деньги передалъ Блюмеру. Несмотря на всѣ нижеизложенныя собранныя противъ него улики, Орловъ виновнымъ себя не призналъ. Въ началѣ лѣта 1873 года кружокъ „чайковцевъ“ увеличился поступленіемъ въ число членовъ дворянина Федора Любавскаго, при чемъ обнаружались и сношенія съ «чайковцами» проживавшаго въ Одессѣ Волковскаго. Любавскій, не окончившій курса наукъ въ гимназій, при дознаніи показалъ, что въ мартѣ 1873 года онъ отправился изъ Москвы на Кавказъ черезъ Одессу. Въ этомъ послѣднемъ городѣ онъ зашелъ къ своей старой зна-

коймой Антоновой, вышедшей замужъ за Волховскаго, съ которымъ и познакомился, и который въ разговорѣ сталъ доказывать, что мирный прогрессъ представляется слишкомъ медленнымъ и что, по его мнѣнію, слѣдуетъ заняться изданіемъ книгъ, которыя бы разъяснили причину дурнаго положенія народа, а также и способы улучшить такое положеніе, при чемъ сообщилъ, что съ мѣсяцъ тому назадъ образовались уже кружки лицъ, занявшихся, съ цѣлю поднятія уровня народнаго развитія, распространеніемъ издаваемыхъ за границей книгъ соціального направленія. Волховской совѣтовалъ и ему, Любавскому, примкнуть къ ихъ кружку, поселиться въ деревнѣ и распространять книги, и при этомъ вручилъ Любавскому программу журнала „Впередъ“. Получивъ отъ Любавскаго согласіе содѣйствовать денежными средствами изданію книгъ, Волховской снабдилъ его письмомъ къ нѣкому Грибоѣдову (студенту Медико-Хирургической Академіи) въ Петербургъ, черезъ котораго онъ могъ бы познакомиться съ книгами, въ изданіи которыхъ предполагалъ принять участіе. Прибывъ въ апрѣлѣ въ Петербургъ, Любавскій, по его словамъ, отыскалъ Грибоѣдова и черезъ него познакомился съ Бѣляевымъ, оказавшимся Чайковскимъ, у котораго встрѣтилъ и Чарушина. Чайковскій передалъ Любавскому нѣсколько экземпляровъ „Стеньки Разина“ и „Пѣсенникъ“, а также „Программу рабочихъ“ Лассаля, при чемъ разговоръ зашелъ о кружкѣ; но Чайковскій былъ весьма сдержанъ съ Любавскимъ, „какъ съ новичкомъ“. Получивъ отъ Чайковскаго два письма: одно въ Москву, къ студенту Московскаго университета (по медицинскому факультету) Льву Александрову Тихомірову, а другое въ Самару, къ Сердюкову, Любавскій уѣхалъ въ Москву и познакомился съ Тихоміровымъ, который однажды, въ присутствіи знакомаго Любавскаго, студента университета Богданова, прочелъ имъ стихотвореніе „Аркадскій Принцъ“ и снискалъ даже съ него копію для Богданова. Отъ Тихомірова Любавскій получилъ и шифръ для переписки по слѣдующему поводу: въ письмѣ Волховскаго къ Грибоѣдову были шифрованныя мѣста; упомянувъ въ разговорѣ объ означенномъ письмѣ и шифрѣ, Любавскій обратился къ Тихомірову съ просьбой—показать употребляемый ими шифръ, что Тихоміровъ и исполнилъ. Пробывъ нѣкоторое время въ Москвѣ, Любавскій поѣхалъ въ Самару и по дорогѣ заѣхалъ въ Саратовъ къ своему знакомому Мосолову, который, выслушавъ его рассказъ о распространеніи книгъ, сталъ отговаривать его отъ участія въ этомъ дѣлѣ, при чемъ высказалъ, что онъ когда-то самъ увлекался подобными вещами, но что впоследствии убѣдился, что стояція во главѣ кружковъ лица часто дѣйствуютъ изъ личныхъ корыстныхъ цѣлей. Въ Самарѣ Любавскій отыскалъ Сердюкова и передалъ ему какъ письмо Чайковскаго, такъ и около 10 экземпляровъ „Стеньки Разина“, полученныхъ въ С.-Петербургѣ, при чемъ изъ разговора съ Сердюковымъ убѣдился, что послѣдній посвященъ въ дѣло изданія книгъ. Проживъ нѣкоторое время въ Самарской губерніи, Любавскій вернулся въ Москву, гдѣ пробылъ до конца іюня: въ этотъ періодъ времени онъ видѣлся нѣсколько разъ съ Тихоміровымъ, которому сообщилъ, что деньги на изданіе книгъ еще не готовы, и однажды встрѣтился у Тихомірова съ Чайковскимъ и Чарушинымъ. Въ концѣ іюня Любавскій отправился въ Петербургъ, явился къ Чайковскому, но не засталъ его дома и поручилъ какой-то барынѣ, проживавшей у Чайковскаго, пе-

редать послѣднему, что деньги имъ, Любавскимъ, еще не собраны. Къ вышеизложенному показанію Любавскій присовокупилъ, что имѣлъ намѣреніе пожертвовать на изданіе книгъ нѣсколько тысячъ рублей, расчитывая выручить деньги черезъ залогъ своего имѣнія, что полученный отъ Чайковскаго „Пѣсенникъ“ былъ имъ переданъ Богданову, и что Волховской, насколько онъ, Любавскій, могъ заключить изъ его словъ, не былъ вполне согласенъ съ безусловною необходимостью революціи, а желалъ, главнымъ образомъ, поднять умственный уровень народа, дабы онъ могъ ясно сознавать свои права. Любавскій былъ задержанъ въ Москвѣ, въ концѣ сентября, при чемъ у него было найдено, между прочимъ нѣсколько народныхъ книгъ и шифръ; по обыску у Тихомірова, произведенному въ началѣ октября, былъ отобранъ литографированный экземпляръ „Отщепенцевъ“, самъ же Тихоміровъ оказался выбывшимъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ задержанъ впоследствии въ квартирѣ Синегуба. При слѣдствіи Любавскій, подтверждая свое знакомство съ Волховскимъ, Чайковскимъ, Чарушинымъ, Сердюковымъ и Тихоміровымъ, а также полученіе отъ Чайковскаго «Стеньки Разина» и «Пѣсенника», во всемъ остальномъ отвергъ свое показаніе, данное при дознаніи, и объяснилъ, что „Пѣсенникъ“ былъ у него взятъ самимъ Богдановымъ, и что онъ обѣщалъ Чайковскому деньги за изданіе народныхъ книгъ въ родѣ „Двухъ Генераловъ“ Щедрина и рассказовъ Наумова. Любавскій виновнымъ себя не призналъ. Между тѣмъ, первоначальное показаніе Любавскаго находитъ себѣ подтвержденіе въ показаніи студента Ивана Александрова Богданова. По словамъ послѣдняго, Любавскій передалъ ему программу журнала „Впередъ“ и объяснилъ, что существуетъ Общество Распространенія Книгъ съ цѣлью подготовленія мирнаго социальнаго переворота, органомъ такового Общества и служитъ журналъ „Впередъ“, при чемъ предложилъ Богданову быть корреспондентомъ означеннаго журнала; далѣе Любавскій сообщилъ, что въ Петербургѣ только отдѣленіе вышеупомянутаго Общества, что руководители его находятся въ Женевѣ; что проживающій въ Одессѣ, привлекавшійся къ дѣлу Нечаева, Волховской состоитъ членомъ Общества; что онъ, Любавскій, ведетъ переписку съ Волховскимъ; что распространители книгъ должны составить по всей Россіи кружки, такъ чтобы кто-нибудь одинъ, получая книги прямо отъ Общества, раздавалъ ихъ другимъ членамъ Общества для распространенія; что Тихоміровъ состоитъ чѣмъ-то въ родѣ комиссіонера по распространенію запрещенныхъ изданій, и что онъ, Любавскій, хочетъ заложить свое имѣніе и часть полученныхъ денегъ передать кому-то на предметъ изданія книгъ. Кромѣ сего изъ показанія Богданова видно, что онъ познакомился черезъ Любавскаго съ Тихоміровымъ, видѣлъ на квартирѣ у послѣдняго нѣсколько экземпляровъ „Пѣсенника“ и „Стеньки Разина“, а также народныя книги, что Тихоміровъ передалъ ему и Любавскому рукописное стихотвореніе „Аркадскій Принцъ“, и что отъ Любавскаго онъ получилъ „Стеньку Разина“ и „Пѣсенникъ“. Тихоміровъ, признавая свое знакомство съ Любавскимъ и Богдановымъ, а также возможность передачи Любавскому „Аркадскаго Принца“, во всемъ остальномъ отвергъ показанія Богданова и Любавскаго, равно какъ и свое знакомство съ Чайковскимъ и Чарушинымъ. Волховской, оставшійся неразъсканнымъ во время производства дознанія по дѣлу Любавскаго и задержанный впоследствии по по-

воду павших на него новых обвиненій, отказался при слѣдствіи дать какія бы то ни было объясненія. Дѣло Любавскаго, по которому дознание производилось отдѣльно отъ настоящаго дѣла, прекращено въ отношеніи Тихомірова, и относящіяся до послѣдняго обстоятельства приведены лишь въ виду ихъ тѣсной связи съ преступною дѣятельностью Любавскаго. Лѣтомъ того же 1873 года произошло и сближеніе Ярцева съ кружкомъ „чайковцевъ“. Ярцевъ, проживая въ своемъ имѣніи, селѣ Андрушинѣ, Новоторжскаго уѣзда, познакомился въ Торжкѣ съ неокончившимъ курса наукъ въ Технологическомъ Институтѣ оберъ-офицерскимъ сыномъ Леонидомъ Владиміровичемъ Поповымъ, что подтверждается какъ показаніемъ Попова, такъ и показаніемъ Ярцева. Поводомъ къ такому знакомству послужило то обстоятельство, что Леонидъ Поповъ, занимавшій съ начала 1873 года должность учителя въ Новоторжской городской народной школѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ бібліотекаремъ въ частной бібліотекѣ Львовой, въ числѣ абонентовъ которой находился и Ярцевъ. Въ концѣ мая, какъ видно изъ показанія Попова, даннаго при дознаніи, поступилъ въ бібліотеку, въ качествѣ помощника бібліотекаря, крестьянинъ Леонидъ Давыдовъ Румянцевъ, который, послѣ отъѣзда Попова въ началѣ іюня въ Петербургъ, занялъ мѣсто бібліотекаря и также познакомился съ Ярцевымъ. Посѣщая довольно часто Петербургъ, гдѣ проживала его мать, Ярцевъ, по его собственному показанію, въ одно изъ такихъ посѣщеній, лѣтомъ 1873 года, встрѣтился съ Поповымъ, которому, между прочимъ, въ разговорѣ высказалъ желаніе имѣть помощникомъ по хозяйству кого-либо изъ образованныхъ людей, вслѣдствіе чего въ іюлѣ явился къ нему въ Андрушино Кравчинскій, а затѣмъ и Чайковскій. Доказательствомъ того, что Кравчинскій былъ присланъ къ Ярцеву Леонидомъ Поповымъ, служитъ показаніе Румянцева, изъ коего оказывается, что Кравчинскій, явившись къ нему въ Торжкѣ, объявилъ, что онъ знакомъ съ Поповымъ, который, не зная точнаго адреса Ярцева, предложилъ ему обратиться за такимъ къ Румянцеву. По словамъ Ярцева, у него бывали съ Кравчинскимъ бесѣды о необходимости распространенія образованія въ народѣ, въ видахъ содѣйствія чему было даже предложено устроить въ селѣ Андрушинѣ типографію, которая должна была помѣщаться въ подвалѣ, гдѣ складывался картофель. При дознаніи Ярцевъ объяснилъ, что для вышеуказанной цѣли онъ и Кравчинскій вырыли собственноручно въ подвалѣ яму. При слѣдствіи же Ярцевъ измѣнилъ свое показаніе, утверждая, что яма существовала съ давняго времени; существованіе означенной ямы подтверждается и актомъ осмотра. Около того же времени Ярцевъ познакомился и съ Ободовскою, прибывшею въ Торжокъ на учительскій сѣздъ, на который однако она не была допущена, и поселившеюся, по показанію Румянцева, въ одномъ съ нимъ домѣ, вслѣдствіе чего между ними также завязалось знакомство. По словамъ Ярцева, Ободовская тоже проживала нѣкоторое время въ Андрушинѣ, что подтверждается и показаніемъ одного андрюшинскаго крестьянина, объяснившего, что Ободовская пробыла у Ярцева лишь нѣсколько дней. Въ августѣ Ярцевъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, какъ онъ показалъ при дознаніи, разыскалъ Ободовскую, отъ которой узналъ адресъ Попова, а затѣмъ черезъ Попова познакомился съ Леонидомъ Шипко, а черезъ Кравчинскаго съ Синегубомъ. При слѣдствіи Ярцевъ измѣнилъ свое показаніе и объяс-

нилъ, что онъ познакомился съ Шишко чрезъ Кравчинскаго, а съ Синегубомъ чрезъ Шишко. Посѣщая Синегуба, Ярцевъ, по его словамъ, читалъ у него журналъ „Впередъ“ и завелъ новыя знакомства, а именно съ Тихомировымъ и Стаховскимъ. Относительно дальнѣйшей своей дѣятельности въ Петербургѣ и всего того, что происходило въ кружкѣ его новыхъ знакомыхъ, Ярцевъ далъ при слѣдствіи показаніе, вполне противорѣчащее тому, что онъ показалъ при дознаніи. Такъ, при слѣдствіи Ярцевъ объяснилъ, что о существованіи общества, имѣющаго цѣлью распространеніе противуправительственныхъ идей, онъ у Синегуба ничего не слышалъ, и что былъ только разговоръ о распространеніи въ народѣ книгъ съ цѣлью образованія народа; между тѣмъ при дознаніи Ярцевъ удостовѣрилъ, что, посѣщая Синегуба и Шишко, онъ встрѣчалъ у нихъ Чайковскаго, Клеменса, Чарушина, Лешаева, Корнилову, Кувшинскаго, Купріянова, Перовскую, Рогачева, Богомолова, Орлова, Лаврова и др., которыхъ онъ назвалъ „членами петербургскаго кружка“. Изъ знакомства съ означенными лицами онъ, Ярцевъ, вынесъ то убѣжденіе, что всѣ они держались одного направленія и стремились къ одной цѣли, а именно, къ пересозданію существующихъ нынѣ экономическаго и государственнаго порядковъ и замѣнѣ таковыхъ „авархіей“. Каждому члену кружка имѣлось въ обязанность развивать въ рабочихъ критическое отношеніе къ существующимъ порядкамъ съ тѣмъ, чтобы рабочіе впоследствии сами могли обучать другихъ въ томъ же направленіи. Кромѣ тенденціозныхъ книгъ Ярцевъ видѣлъ въ квартирѣ Шишко прокламацію „Къ русскимъ революціонерамъ“, у Синегуба же читалъ журналъ „Впередъ“ и „Слово вѣрующаго къ народу“. Далѣе, при слѣдствіи Ярцевъ показалъ, что однажды, придя къ Синегубу, онъ въ разговорѣ высказалъ, что у него есть знакомая артель каменщиковъ, въ которой работаютъ многіе изъ андрюшинскихъ крестьянъ, и что ему нужно передать нѣкоторымъ изъ нихъ письма, полученные на ихъ имя съ родины, вслѣдствіе чего Синегубъ и Стаховскій отправились вмѣстѣ съ нимъ къ каменщикамъ, но что ему неизвѣстно, говорилъ ли съ послѣдними Синегубъ; изъ объясненій же, данныхъ Ярцевымъ при дознаніи, оказывается, что его преступныя дѣянія были совершены подъ влияніемъ кружка лицъ, съ которыми онъ въ послѣднее время сошелся, и что подъ впечатлѣніемъ ихъ ученій онъ познакомилъ Синегуба и Стаховскаго съ каменщиками; наконецъ, при слѣдствіи Ярцевъ утверждалъ, что никакихъ запрещенныхъ сочиненій Румянцеву не передавалъ, и что ему неизвѣстно, какимъ образомъ оказалось у послѣдняго писанное рукой его, Ярцева, стихотвореніе „Барка“, которое онъ написалъ подъ чью-то диктовку, между тѣмъ какъ при дознаніи онъ показалъ, что стихотвореніе „Барка“, а также списокъ народныхъ книгъ съ объясненіемъ каждой изъ нихъ, были имъ написаны въ квартирѣ Шишко, при участіи Чарушина, Попова и Тихомирова. Первоначальныя показанія Ярцева находятъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующихъ обстоятельствахъ дѣла: По словамъ обвиняемаго Михаила Орлова, послѣдній познакомился съ Ярцевымъ въ квартирѣ Синегуба и встрѣчалъ у Ярцева Чарушина. Изъ показанія обвиняемаго Стаховскаго оказывается, во-1-хъ, что въ квартирѣ Синегуба кромѣ Ярцева бывали Рогачевъ, Кравчинскій, Перовская, Тихомировъ и другія лица, и во-2-хъ, что Синегубъ, въ присутствіи Ярцева, Рогачева, Тихомирова, Перов-

ской и еще каких-то женщин, читалъ журналъ „Впередъ“, послѣ чего происходили разговоры, разумѣется, противозаконнаго свойства, какъ выразился Стаховскій, потому что и самъ журналъ былъ революціонный. Въ показаніяхъ, данныхъ при дознаніи, Левъ Тихоміровъ объяснилъ, что однажды въ квартирѣ Синегуба, послѣ чтенія журнала „Впередъ“, были разговоры объ „анархіи“. По признанію самого Синегуба, онъ былъ знакомъ съ Шишко и Чайковскимъ, съ послѣднимъ съ 1871 г. Показаніями нѣсколькихъ крестьянъ, бывшихъ въ артели каменщиковъ, удостовѣрено, что Ярцевъ съ двумя неизвѣстными товарищами два раза приходилъ въ артель, при чемъ какъ Ярцевъ, такъ и его товарищи читали рабочимъ какія-то сказки, въ томъ числѣ и про Илью Муромца. При представленіи Ярцеву, во время производства дознанія, рабочаго Алексѣя Васильева Лаврова, Ярцевъ объяснилъ, что Лавровъ есть то самое лицо, о которомъ онъ говорилъ въ своемъ показаніи. Кромѣ сего, подтвержденіемъ показаній, данныхъ Ярцевымъ при дознаніи, служить записка Леонида Попова къ сестрамъ Корниловымъ, содержаніе каковой записки будетъ приведено ниже. Въ октябрѣ Ярцевъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Андрюшино, съ цѣлью продать свою землю крестьянамъ. Во время пребыванія Ярцева въ Петребургѣ, Синегубъ проживалъ за Невскою заставой, въ Смоленской слободѣ, въ домѣ № 33, куда онъ переселился въ сентябрѣ 1872 года; въ томъ мѣсяцѣ у него поселился товарищъ его по гимназій и Технологическому Институту—Стаховскій, который въ октябрѣ нанялъ себѣ отдѣльную квартиру недалеко отъ Синегуба, въ домѣ, помѣщавшемся противъ трактира „Рожокъ“; въ сентябрѣ же приѣхалъ изъ Москвы Левъ Тихоміровъ, который сталъ часто посѣщать Синегуба и, по его собственнымъ словамъ, около мѣсяца жилъ даже въ квартирѣ послѣдняго; наконецъ, въ октябрѣ, какъ видно изъ показаній Стаховскаго и Синегуба, Софья Перовская вмѣстѣ съ Рогачевымъ поселились рядомъ съ Синегубомъ, гдѣ и прожили около недѣли, что признано и самою Перовскою. Такимъ образомъ, въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ за Невскою заставой проживало нѣсколько лицъ, принадлежавшихъ къ кружку „чайковцевъ“; появленіе означенныхъ лицъ въ такой отдаленной, но преимущественно населенной рабочими мѣстности, имѣло, очевидно, характеръ не случайный, а находилось въ связи съ преступными дѣлами, преслѣдуемыми кружкомъ, и дѣйствительно, всѣ вышеназванные лица, какъ было обнаружено впоследствии, поселились за Невскою заставой единственно въ видахъ болѣе удобнаго сближенія съ рабочими. Квартиры Синегуба и Стаховскаго сдѣлались центрами революціонной пропаганды. Собирая у себя рабочихъ, подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ, какъ Синегубъ, такъ и Стаховскій читали рабочимъ возмутительнаго содержанія книги и, комментируя прочитанное, старались внушать своимъ слушателямъ революціонныя идеи. Такая дѣятельность Синегуба и Стаховскаго сдѣлалась извѣстной правительству въ началѣ ноября 1873 года, и 11-го числа того же мѣсяца были произведены обыски какъ у поименованныхъ лицъ, такъ и у рабочихъ, посѣщавшихъ ихъ лекціи. По обыску у рабочаго Степана Зарубаева, проживавшаго въ Смоленской слободѣ, въ домѣ № 80, вмѣстѣ съ другими рабочими, посѣщавшими Синегуба, было найдено, между прочимъ, 9 экземпляровъ „Степныхъ очерковъ“ и рукописное стихотвореніе „Илья

Муромецъ“. Въ квартирѣ другихъ рабочихъ, жившихъ въ домѣ № 82 и также обучавшихся у Синегуба, были найдены книги и тетради не преступнаго содержанія, а у одного рабочаго—Ивана Гришина, въ карманѣ оказались возмутительнаго содержанія стихотворенія: „Барка“, „Народъ и Царь“ и „Дума Ткача“. При обыскѣ у Синегуба найдено: рукописное воззваніе „Гей, работники, несите топоры, ножи съ собою“, „Къ рабочему народу“, „Стенька Разинъ“ и несомнѣнно писанный кѣмъ-либо изъ рабочихъ призывъ „Къ избіенію проклятаго племени чиновниковъ и собственниковъ, чтобы добыть свободу и подѣлить землю“. Во время производства обыска у Синегуба въ квартирѣ послѣдняго находились и были задержаны: рабочій Филиппъ Заозерскій и Левъ Тихоміровъ, назвавшійся Тигровичемъ. По обыску у Стаховскаго отобрана записная книжка, съ выписками изъ сочиненій Миртова (Лаврова), Лассала и Флеровскаго. Отобранная у Синегуба рукописныя воззванія и стихотвореніе оказались писанными рукой Синегуба, равно какъ и стихотворенія, найденныя у Гришина; а стихотвореніе „Илья Муромецъ“, взятое у Зарубаева—рукой Стаховскаго. По показанію Зарубаева, найденныя у него книги были принесены къ нему наканунѣ обыска отъ Синегуба однимъ изъ рабочихъ, а по удостовѣренію Заозерскаго, стихотворенія „Барка“ и др. были даны ему для прочтенія Синегубомъ, а имъ, Заозерскимъ, переданы Гришину. Характеръ занятій Синегуба съ рабочими вполне выясненъ рядомъ показаній обучавшихся у него лицъ. По словамъ послѣднихъ, Синегубъ читалъ имъ „Дѣдушку Егора“, „Митюху“ и другія народныя книги, а также „Илью Муромца“ и „Стеньку Разина“, при чемъ называлъ Илью и Разина героями и освободителями народа отъ баръ, которые, по его мнѣнію, притѣвняются бѣдныхъ и живутъ на счетъ народа, обремененнаго податями и рекрутчиной; доказывалъ необходимость отнятія земли у баръ и раздѣла ея между всѣми поровну, и пѣлъ преступнаго содержанія пѣсни, какъ-то „Барку“ и др. Кромѣ сего, изъ показаній тѣхъ же рабочихъ видно, что Синегубъ давалъ имъ деньги для найма квартиры и подарилъ имъ мебель, которую, какъ оказывается изъ показанія Синегуба, оставили ему Перовская и Рогачевъ. Давая рабочимъ деньги, Синегубъ, по удостовѣренію одного свидѣтеля, говорилъ, что у него деньги тоже крестьянскія, такъ какъ онъ получаетъ ихъ отъ своего отца, такого же „міроѣда“, какъ и другіе, почему и считаетъ нужнымъ тратить ихъ на пользу крестьянъ. Вышеизложенныя показанія рабочихъ находятъ себѣ подтвержденіе въ показаніи крестьянина Михаила Кошкарева, проживавшаго рядомъ съ квартирой нѣкоторыхъ рабочихъ, обучавшихся у Синегуба. По словамъ Кошкарева, онъ видѣлъ Синегуба, приходившаго нанимать квартиру для рабочихъ, вскорѣ послѣ переезда которыхъ слышалъ разговоръ ихъ съ Синегубомъ, доказывавшимъ, что до Рождества Христова не было податей, которыхъ и теперь платить не слѣдуетъ; кромѣ сего Кошкаревъ слышалъ однажды въ квартирѣ рабочихъ пѣніе: пѣли—„Барку“ и „Волюшку“. Помощникомъ Синегуба въ его занятіяхъ съ рабочими былъ Левъ Тихоміровъ, что признано и самимъ Тихоміровымъ, который отвергъ лишь преступный характеръ своихъ сношеній съ рабочими. Между тѣмъ изъ показаній Синегуба видно, что онъ считалъ Тихомірова за человѣка, могущаго стать въ его, Синегуба, ряды; а по удостовѣренію Стаховскаго, Тихоміровъ принадлежалъ къ числу лицъ

недовольных существующимъ порядкомъ. Независимо отъ сего, изъ показанія одного рабочаго оказывается, что Тихоміровъ присутствовалъ въ квартирѣ Синегуба при пѣніи пѣсни „Барка“, а по словамъ проживавшаго вмѣстѣ со Стаховскимъ студента Медико-Хирургической Академіи Константина Борисевича, Тихоміровъ въ занятіяхъ своихъ съ рабочими преслѣдовалъ ту же цѣль, что и Синегубъ и Стаховскій. Стаховскій былъ совершенно солидаренъ съ Синегубомъ и, собирая въ своей квартирѣ рабочихъ, внушалъ имъ тѣ же революціонныя идеи, которыя составляли суть ученія Синегуба. Изъ показаній обучавшихся у Стаховскаго рабочихъ видно, что Стаховскій читалъ имъ „Стенку Разина“, называлъ его освободителемъ и защитникомъ крестьянъ, которые работаютъ много, а живутъ бѣдно, платя оброкъ на господъ и чиновниковъ; указывалъ на Америку, гдѣ народъ живетъ безъ царя, говорилъ о чрезмѣрныхъ, по его мнѣнію, расходахъ на Императорскій дворъ и на правительство; внушалъ, что всѣ должны быть равны, что добиться всеобщаго равенства одному человѣку нельзя, но что достигнуть этого можно, если соберется много людей, и т. д. Показанія рабочихъ подтверждаются показаніемъ Борисевича, по удостовѣренію котораго Стаховскій, равно какъ и Синегубъ и Тихоміровъ, имѣли цѣлью уяснить рабочимъ недостатки нынѣ существующаго порядка вещей и указать имъ на лучшій порядокъ, при которомъ народъ управлялъ бы самъ собою, улучшилъ бы свое экономическое положеніе и достигъ бы того, что не было бы ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, а всѣ были бы равны. По словамъ Борисевича, Стаховскій читалъ рабочимъ книги и, поясняя прочитанное, указывалъ на то, что капиталъ есть не что иное какъ удержанная плата, слѣдующая рабочимъ, доказывалъ непроизводительное расходование государственныхъ доходовъ и рассказывалъ, что въ древности русскій народъ управлялся самъ собою, выбиралъ князей и назначалъ надъ ними судъ. При дознаніи Борисевичъ, описывая подробнѣе характеръ занятій Стаховскаго съ рабочими, пояснилъ, что Стаховскій доказывалъ необходимость измѣненія существующаго порядка, совѣтовалъ рабочимъ заявлять о своихъ требованіяхъ сообща и дѣйствовать противъ хозяевъ и вообще старался развить въ рабочихъ недовольство существующимъ порядкомъ и заставить ихъ стремиться къ измѣненію таковаго. Изъ числа учениковъ Синегуба одинъ рабочій, а именно Стенанъ Петровъ Зарубаевъ, усвоилъ себѣ революціонное направленіе и въ свою очередь занялся пропагандой. Преступная дѣятельность Зарубаева была обнаружена на родинѣ его, въ Тверскомъ уѣздѣ, куда онъ отправился послѣ освобожденія его изъ-подъ стражи, въ концѣ 1874 г. По прибытіи на родину, Зарубаевъ, какъ это удостовѣрено свидѣтельскими показаніями, роздалъ нѣсколькимъ лицамъ слѣдующія книги: „Исторію одного французскаго крестьянина“, „Пѣсенникъ“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „О мученикѣ Николаѣ“ и прокламацію „Что-то братцы“, при чемъ рассказывалъ, что у него въ Петербургѣ хорошее знакомство, что хотя онъ и мало работалъ, но имѣлъ достаточно денегъ, что онъ пріѣхалъ изъ Петербурга по чьему-то порученію, получивъ на расходы 78 р. и что онъ за подобныя книги уже содержался въ Литовскомъ замкѣ. Кромѣ сего изъ дѣла видно, что Зарубаевъ, еще до отъѣзда своего изъ Петербурга, въ ноябрѣ 1874 года, передалъ одному знакомому крестьянину „Сказку о четырехъ“

братьях» и «Стенку Разина». При обыскѣ у Зарубаева найдено: 2 экземпляра «Сказки о четырехъ братьяхъ», 2 экземпляра «0 мученикѣ Николаѣ», 3 экземпляра «Что-то братцы», «Стенки Разина» и «Пѣсенника», рукопись подъ заглавіемъ: «Съ чего слѣдуетъ начинать» (первое письмо къ рабочимъ) и нѣсколько тенденціозныхъ книгъ. Изъ показанія, даннаго Зарубаевымъ при слѣдствіи, видно, что онъ познакомился съ Синегубомъ еще въ то время, когда послѣдній жилъ въ Ключкахъ, Синегубъ, по словамъ Зарубаева, читалъ рабочимъ «Исторію одного французскаго крестьянина» и «Стенку Разина», а также пѣлъ «Барку», а Тихоміровъ говорилъ рабочимъ объ имѣвшей появиться «Сказкѣ о четырехъ братьяхъ»; незадолго до своего ареста Синегубъ передалъ ему, Зарубаеву, для чтенія и раздачи въ народѣ, около 40 книгъ, часть которыхъ была отобрана при обыскѣ, а остальные, хранившіяся въ деревянномъ сараѣ, не были найдены, и онъ эти книги впоследствии привезъ на родину. Признавая себя затѣмъ виновнымъ въ распространеніи революціонныхъ книгъ, Зарубаевъ вмѣстѣ съ тѣмъ пояснилъ, что распространялъ ихъ не въ народѣ, а между своими знакомыми и безъ противозаконной дѣли. Синегубъ, отрицавшій на первыхъ допросахъ свою виновность, при предъявленіи ему слѣдствія заявилъ, что признаетъ себя виновнымъ въ покушеніи на составленіе въ средѣ рабочихъ сообщества, съ цѣлью измѣненія существующаго экономическаго строя, а также въ составленіи найденныхъ у него при обыскѣ стихотвореній, писанныхъ карандашемъ, присовокупляя, что въ квартирѣ его происходили чтенія журнала «Впередъ» въ присутствіи другихъ лицъ, но кого именно, не помнитъ. Впоследствии, при предъявленіи Синегубу слѣдственнаго производства о Зарубаевѣ, онъ отказался отъ первыхъ двухъ пунктовъ сдѣланнаго имъ признанія. Стаховскій призналъ себя виновнымъ въ покушеніи на составленіе въ средѣ рабочихъ сообщества съ цѣлью измѣненія существующаго экономическаго порядка, а Левъ Тихоміровъ виновнымъ себя не призналъ. Между тѣмъ Ярцевъ, по приѣздѣ своемъ въ Андрушино, распродалъ крестьянамъ за 5.000 р. землю, купленную имъ у матери и братьевъ за 8.000 р., которые не были имъ еще уплачены, и какъ видно изъ его показанія, имѣлъ намѣреніе сдѣлаться «офеней», т. е. заняться продажей народныхъ книгъ, почему и обратился къ волостному старшинѣ съ просьбой о выдачѣ ему крестьянскаго паспорта. Въ это время Ярцевъ, усвоивъ себѣ ученіе «чайковцевъ», былъ уже въполнѣ съ ними солидаренъ, доказательствомъ чего служатъ какъ вышеприведенные его поступки, такъ и дальнѣйшій, удостовѣренный свидѣтельскими показаніями, образъ его дѣйствій. Состоя попечителемъ Дмитровской земской школы, въ которой учительницей была мѣщанка Ольга Шевырева, Ярцевъ, въ ноябрѣ 1873 года, посѣтилъ означенную школу и остался ночевать у сельскаго старосты; въ разговорѣ съ послѣднимъ Ярцевъ высказывалъ, что крестьянамъ жить трудно, что правительство тратитъ деньги на пустяки, и что было бы лучше, еслибы въ Россіи была республика, какъ во Франціи и въ другихъ земляхъ; увидѣвъ же духовное содержаніе книги, сказалъ, что «все это вздоръ», а въ дальнѣйшемъ разговорѣ доказывалъ, что бѣднымъ слѣдуетъ подняться и перебить богатыхъ, чтобы сравняться имуществомъ. Въ разговорахъ съ крестьянами Ярцевъ, какъ видно изъ показаній нѣкоторыхъ свидѣтелей, говорилъ, что за границей порядки лучше, потому что

тамъ нѣтъ государя, и что онъ, Ярцевъ, терпѣть не можетъ баръ—и всѣхъ бы ихъ перебилъ; кромя сего Ярцевъ давалъ нѣкоторымъ крестьянамъ читать книги и въ присутствіи крестьянъ напѣвалъ „Барку“. Въ этотъ періодъ времени проживалъ у Ярцева, въ Андриушинѣ, Румянцевъ, оставившій мѣсто бібліотекаря въ Торжкѣ и желавшій занять должность сельскаго учителя, съ каковою дѣлюю онъ, по его собственнымъ словамъ, ѣздилъ во Владимірскую губернію. Въ ноябрѣ Ярцевъ вмѣстѣ съ Румянцевымъ отправился въ Петербургъ, при чемъ, какъ видно изъ показанія крестьянина Емельяна Аверьянова, предъ отъѣздомъ зашли къ Аверьянову и пили у него чай, послѣ чего Ярцевъ сказалъ Румянцеву: „пиши, я продиктую имъ стихи“, и сталъ диктовать Румянцеву стихотвореніе: „Друзья, пріятели свободы“. Означенные стихи были впоследствии представлены Аверьяновымъ жандармскому офицеру. Ярцевъ и Румянцевъ подтвердили показаніе Аверьянова. Послѣ отъѣзда Ярцева въ Андриушино явились Кравчинскій и Рогачевъ и, несмотря на отсутствіе Ярцева, остались въ той мѣстности и нанялись въ пыльщики къ одному лѣсопромышленнику. Нѣсколько времени спустя, въ концѣ ноября, по распоряженію волостного старшины, которому поведеніе ихъ казалось подозрительнымъ, Кравчинскій и Рогачевъ были задержаны и отправлены къ становаму приставу, но дорогой успѣли бѣжать и появились затѣмъ: Кравчинскій въ Москвѣ, а Рогачевъ—въ Пензѣ, гдѣ и продолжали свою преступную дѣятельность. Поѣздка Кравчинскаго и Рогачева въ Андриушино была извѣстна оставшимся въ Петербургѣ членамъ кружка Чайковскаго, доказательствомъ чего служитъ письмо Рогачева или Кравчинскаго къ двоюродному брату Рогачева, дворянину Виктору Лехницкому. Означенное письмо, написанное, какъ можно заключить изъ его содержанія, послѣ ареста Кравчинскаго и Рогачева, было передано имъ, послѣ побѣга, крестьянину Ивану Клементьеву для опущенія въ почтовый ящикъ, при чемъ Клементьеву были даны и деньги на покупку почтовой марки. Клементьевъ опустилъ въ ящикъ письмо, забывъ приклеить къ нему марку, вслѣдствіе чего письмо не было отправлено и могло быть впоследствии приобщено къ дѣлу. Вышеупомянутое письмо, написанное на французскомъ языкѣ и притомъ крайне безграмотно, оказалось слѣдующаго содержанія: „мы не можемъ идти дальше вслѣдствіе внезапной болѣзни. Скажите, что Вы потеряли банковый билетъ Дмитрія, а не послали его нѣкому Ф. Покажите это письмо какъ можно скорѣе нашимъ друзьямъ. Скажите имъ, что надо послать Ф. или кого-нибудь изъ его друзей за всѣмъ, что онъ послалъ Ф.“ Лехницкій, разпрошенный по содержанію адресованнаго на его имя письма, объяснилъ, что по просьбѣ Рогачева имъ была послана въ Торжокъ, на имя Фонтузого, посылка съ бѣльемъ, а также указъ объ отставкѣ Рогачева. Вслѣдствіе такого показанія Лехницкаго, изъ Новоторжской почтовой конторы была вытребована къ дѣлу посылка на имя Фонтузого, по вскрытіи которой въ ней было найдены: двѣ красныя рубашки изъ кумача, двѣ пары нижняго бѣлья, записка на имя Дмитрія Александровича и указъ объ отставкѣ Рогачева. По прибытіи въ Петербургъ, Ярцевъ и Румянцевъ поселились на одной квартирѣ съ рабочимъ Михаиломъ Орловымъ и вскорѣ затѣмъ, 5-го декабря 1873 года, были арестованы вслѣдствіе разнесшагося въ Новоторжскомъ уѣздѣ и дошедшаго до свѣдѣнія подлежащихъ

властей слуха, ни на чемъ, впрочемъ, не основаннаго, о томъ, что Ярцевъ отправился въ Петербургъ съ цѣлью совершить ужасное злодѣяніе. При обыскѣ въ квартирѣ Ярцева, Румянцова и Орлова было найдено: у первого—упомянутый уже выше списокъ книгъ съ объясненіемъ ихъ содержанія, у второго—писанное рукой Ярцева стихотвореніе „Барка“, прокламація „Чтой-то братцы“ и записная книжка съ адресами Шишко, Ярцева и Александры Корниловой, а у послѣдняго—третій томъ сочиненій Чернышевскаго; кромѣ сего, въ чемоданѣ, оставленномъ Румянцевымъ во Владимірѣ, у мѣщанина Зубова, найдено письмо Ободовской къ Румянцеву, къ которому Ободовская, между прочимъ, сообщала о своемъ намѣреніи вести пропаганду среди раскольниковъ. При дознаніи Ярцевъ, сознаваясь въ своихъ преступныхъ дѣйствіяхъ, далъ чистосердечное показаніе, сущность котораго приведена уже выше, при чемъ возстановилъ даже текстъ составленнаго имъ воззванія къ народу, въ коемъ говорится о раздѣлѣ земли, о выборныхъ, которые будутъ управлять крестьянами, и о Стенькѣ Разинѣ и Пугачевѣ; при слѣдствіи же, измѣнивъ свое показаніе, Ярцевъ вмѣстѣ съ тѣмъ отвергъ и свою виновность. Румянцевъ не призналъ себя виновнымъ и, объяснивъ сначала, что прокламація „Чтой-то братцы“ была имъ получена отъ „чайковца“ Мокіевскаго-Зубова, впоследствии отъ такого показанія отказался. Черезъ нѣсколько дней послѣ ареста Ярцева былъ задержанъ и Леонидъ Поповъ, при обыскѣ у котораго была найдена книга *Mémoire présenté par la Fédération Jurassienne*, а также значительное количество народныхъ книгъ и сочиненій по рабочему вопросу. Поповъ, дававшій при дознаніи крайне неопредѣленныя и уклончивыя показанія, содержащія въ новоторжскомъ тюремномъ замкѣ, написалъ двѣ записки, которыя по доставленіи его въ Петербургъ, вручилъ сопровождавшему его жандармскому унтеръ-офицеру Бабичу съ просьбою передать таковыя Александрѣ Корниловой или ея сестрѣ Любови (нынѣ Сердюковой). Представленныя Бабичемъ въ жандармское управленіе записка Леонида Попова оказались слѣдующаго содержанія: 1) „Меня смертельно мучить проваль съ Гал—ко. Когда мнѣ объявили, что повезутъ въ Торжокъ, я былъ въ сильномъ волненіи, опасаясь Я—ва и за судьбу Ж—ва. Эта ошибка лежитъ на моей совѣсти, я себѣ не могу этого простить. И этотъ поступокъ, и позоръ кружка страшно мучить меня. Яр—въ рассказалъ все до мельчайшихъ подробностей, привирая, такъ наприхѣрь, приписывая мнѣ В а р к у. Онъ указалъ на Ш—ко. Б—ву, Кр—ву, Ч—го, Ж—ва и, безъ сомнѣнія, прочихъ. Онъ и солили и мнѣ, и Тигру, и С—гу. Показалъ онъ и на Оба—у. У него найдено письмо мое къ Лиду съ фамиліями Об—и Любимовой. Взяли у меня адресную книжку. Отъ адреса Н. Ив. Кр—вой не могъ отказаться. Есть адресъ Вер—го. Ярц. показалъ и на Ор. и на Бог—а. Показалъ о travail и каменщ. Моя пѣсенка спѣта, остается вамъ рѣшить хорошо ли. Если откажетесь отъ меня, то дайте gift (y), (яд). Прощайте, пишу изъ острога. Теперь, безъ сомнѣнія, везутъ въ Питеръ. Итакъ, бесѣдую съ вами послѣдній разъ. У меня былъ адресъ О. А. Маш—ой. Страшно тяжело. Пою пѣсни и привожу въ умиленіе жандармовъ. Занимался математикой, но все-таки невыносимъ наши дорог. Прощайте еще, дорогіе мои. Настрочите кабатчика и выдайте 5 р.. Филогр. Кромѣ

Ж—ва, (знакомъ съ нимъ) я отказался отъ всего. Ради Бога *Salve qui reut.* 2-я) „Что-то показали либералы? Вашъ судъ тяготѣетъ надо мною. Все бы вынесъ, но не нравственную каторгу. Какъ бы я желалъ слышать Вашъ приговоръ обо мнѣ (безпр...). Это было бы единственной поддержкой мнѣ. Въ темнотѣ, утромъ я призналъ другого за Ч—ка по голосу и росту. Какъ, право, это гадко. Здѣсь прокуроръ все старается польстить моей образованности“. Леонидъ Поповъ, по предъявленіи ему вышеприведенныхъ записокъ, призналъ, что таковыя писаны имъ и подлежали передачѣ одной изъ сестеръ Корниловыхъ. Изъ объясненій Попова и сопоставленія содержанія записокъ съ обстоятельствами дѣла оказывается, что въ запискахъ упоминаются фамиліи обвиняемыхъ: Шишко, Чайковского, Корниловой, Синегуба, Тихомирова, Ободовской, а также фамиліи студента Медико-Хирургической Академіи Богомолова и дворянки Батюшковой (нынѣ уже осужденной по другому дѣлу). Леонидъ Поповъ, товарищъ Синегуба и Чарушина по Технологическому Институту, не призналъ себя виновнымъ. По обыску, произведенному 5 января въ квартирѣ сестеръ Корниловыхъ, проживавшихъ вмѣстѣ съ Софією Перовскою, найдено слѣдующее: „Лексиконъ“ Рейфа, на первой страницѣ котораго написана фамилія Синегуба, „Прокотоль перваго конгресса союза швейцарскихъ рабочихъ“ на нѣмецкомъ языкѣ, пюрихскаго изданія, „*Mémoire présenté par la Fédération jurassienne*“, шифрованное письмо, принадлежащее, по заявленію Александры Корниловой, сей послѣдней, и документы Сергѣя Синегуба. Во время производства обыска, въ квартиру Корниловыхъ прибыли Анатолій Сердюковъ, слушательница женскихъ курсовъ Медико-Хирургической Академіи Анна Дмитриева Кувшинская, Степанъ Мокіевскій-Зубокъ, вольнослушатель Технологическаго Института, и Александра Ободовская. Александра Корнилова, изучавшая, по ея словамъ, въ 1872 году акушерство въ Вѣнѣ, объяснила, что интересовалась ходомъ рабочаго вопроса за границею, почему въ разговорѣ со своими знакомыми и сообщала, можетъ быть, нѣкоторыя по сему предмету свѣдѣнія; разъяснить содержаніе найденнаго у нея шифрованнаго письма Корнилова не пожелала, а также отказалась дать какія-либо объясненія о своихъ знакомствахъ; относительно же записокъ Леонида Попова заявила, что содержаніе таковыхъ для нея неопытно. Низовкинъ, по предъявленіи ему Александры Корниловой, призналъ въ ней ту личность, о которой онъ говорилъ въ своемъ показаніи. Александра Корнилова не признала себя виновною. Въ то время, когда Синегубъ, Стаховскій и прочія поименованныя выше сего лица агитировали за Невскою заставою, другіе члены кружка „чайковцевъ“ вели дѣятельную пропаганду среди рабочихъ, проживавшихъ на Выборгской сторонѣ. Однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ означенной мѣстности былъ Чарушинъ, еще въ 1872 году появившійся, какъ видно изъ показанія Виноградова, въ домѣ № 38 по Астраханской улицѣ, гдѣ жили Низовкинъ, Сердюковъ, Виноградовъ и сестра Купріянова. Лѣтомъ того же 1872 года Чарушинъ въ гор. Вяткѣ передалъ своему бывшему товарищу по Вятской гимназіи, студенту Казанскаго университета Евгенію Овчинникову, нѣсколько народныхъ книгъ, а также; по удостовѣренію Овчинникова, имѣлъ съ послѣднимъ разговоръ о томъ, что слѣдовало бы заняться распространеніемъ между рабочими свѣдѣній о различныхъ артельныхъ товариществахъ. Лѣ-

томъ въ 1873 году Чарушинъ, какъ уже сказано выше, появлялся съ Чайковскимъ въ Москвѣ у Льва Тихомирова, у котораго встрѣтился съ Любавскимъ, а осенью того же года приступилъ вмѣстѣ съ другими „чайковцами“ къ веденію пропаганды, вполне схожей какъ по содержанию, такъ и по приемамъ съ пропагандою Синегуба, Стаховскаго и др. Вмѣстѣ съ Чарушинымъ на Выборгской сторонѣ занимались пропагандой: Анна Кувшинская, жившая, по ея собственному показанію, на одной квартирѣ съ Чарушинымъ, Клеменсъ, Шишко, Купріяновъ, Гауэнштейнъ, Перовская и возвратившійся изъ-за границы князь Крапоткинъ. Послѣдній былъ извѣстенъ подъ фамиліей Бородина, а Кувшинская подъ именемъ Марьи Андреевны. На Выборгской сторонѣ, подобно тому какъ и за Невскою заставой, сближеніе съ рабочими происходило подъ предлогомъ обученія послѣднихъ грамотѣ; знакомясь съ рабочими, пропагандисты старались прежде всего пріобрѣсти ихъ довѣріе и затѣмъ постепенно развивали предъ ними свое ученіе. Изъ цѣлаго ряда свидѣтельскихъ показаній видно, что Чарушинъ заводилъ знакомство съ рабочими преимущественно въ трактирахъ и затѣмъ предлагалъ обучать ихъ грамотѣ; заручившись согласіемъ рабочихъ, Чарушинъ являлся къ нимъ, приводя съ собою Клеменса и Шишко, а затѣмъ предлагалъ рабочимъ приходить на уроки въ указываемыя имъ мѣста. Первоначально рабочіе собирались въ Казарменномъ переулкѣ, въ квартирѣ, въ которой жили Шишко и Перовская, предъ переселеніемъ послѣдней вмѣстѣ съ Рогачевымъ за Невскую заставу, что подтверждается и показаніями Шишко и Перовской; въ этой квартирѣ рабочіе впервые познакомились съ Перовскою и Купріяновымъ. Затѣмъ рабочіе были приглашены являться въ Крапивный переулокъ, въ квартиру студента С.-Петербургскаго Университета Хохрякова, гдѣ появились Анна Кувшинская и князь Крапоткинъ, и наконецъ, по предложенію Кувшинской и при содѣйствіи Крапоткина и Клеменса, было нанято особое помѣщеніе для рабочихъ на дачѣ Бабонина, въ Головинскомъ переулкѣ, гдѣ рабочихъ посѣщали Крапоткинъ, Клеменсъ, Кувшинская, Купріяновъ и Гауэнштейнъ. На обзаведеніе поселившимся на дачѣ Бабонина, рабочимъ были даны деньги, большую часть которыхъ внесъ Клеменсъ, а когда означенныя деньги оказались пропитыми, то Крапоткинъ сильно бранилъ за это рабочихъ и собралъ сходку для обсужденія ноступка послѣднихъ. На этой сходкѣ, — на которой присутствовали нѣсколько рабочихъ, а изъ числа „учителей“ Крапоткинъ, Клеменсъ, Купріяновъ и Кувшинская, — было рѣшено оставить на дачѣ Бабонина пропившихъ деньги рабочихъ изъ опасенія, чтобъ они не заявили о сношеніяхъ своихъ съ пропагандистами. Желая пріобрѣсти довѣріе и расположеніе рабочихъ, агитаторы, преимущественно Чарушинъ и Шишко, приглашали ихъ въ трактиры, гдѣ и угощали на свой счетъ, а впоследствии, въ видахъ окончательнаго закрѣпленія связи рабочихъ съ дѣломъ пропаганды, предложили рабочимъ устроить кассу для покупки книгъ и оказанія помощи товарищамъ, причемъ Чарушинъ и Шишко показывали 500 руб., говоря, что эти деньги собраны ими для кассы. Бесѣдуя съ рабочими въ трактирахъ, Чарушинъ и Шишко проводили ту мысль, что народъ терпитъ притѣсненія потому только, что не понимаетъ своего положенія, причемъ Чарушинъ и Шишко въ присутствіи рабочихъ пѣли пѣсни: „Долго насъ помѣщики душили“,

„Доля наша долюшка“ и „Барку“; впоследствии же, познакомившись поближе со своими слушателями, Чарушинъ сталъ имъ доказывать, что правительство, богачей, купцовъ и чиновниковъ надо уничтожить, для чего необходимо произвести бунтъ. Въ бесѣдахъ съ рабочими на собраніяхъ, происходившихъ въ Казарменномъ переулкѣ, Чарушинъ, Клеменсъ, Купріяновъ и Шишко высказывали, что рабочимъ слѣдуетъ избавиться отъ притѣсненій правительства, и что для этого необходимо уничтожить путемъ возстанія верховную власть и правительство, послѣ чего земля будетъ въ распоряженіи крестьянъ, а фабрики въ рукахъ рабочихъ. Присутствовавшая на этихъ сходкахъ Перовская, какъ видно изъ показаній рабочихъ, дѣятельнаго участія въ нихъ не принимала. На собраніяхъ въ Крапивномъ переулкѣ Чарушинъ, Клеменсъ, Шишко, Купріяновъ, а также Кувшинская и Крапоткинъ, тоже убѣждали рабочихъ въ необходимости произвести бунтъ для уничтоженія правительства. Бунтъ долженъ былъ начаться въ дальнихъ губерніяхъ на Волгѣ, какъ училъ Чарушинъ, при чемъ рабочимъ внушалось, что, получивъ достаточную подготовку, они должны будутъ разѣхаться по губерніямъ и пропагандировать въ деревняхъ и на фабрикахъ необходимость возстанія. Одному изъ рабочихъ, родомъ изъ Кинешемскаго уѣзда, Чарушинъ прямо предложилъ отправиться на родину съ нимъ или съ другимъ лицомъ, для возбужденія народа къ бунту, при чемъ, какъ узналъ впоследствии рабочій, предполагалось отправить съ нимъ Шишко. На дачѣ Бабонина, Крапоткинъ, Клеменсъ, Купріяновъ и Кувшинская развѣивали предъ рабочими тѣ же самыя ученія, и при этомъ Клеменсъ говорилъ, что если „вырвать дубъ, то надо вырывать и всѣ корни“, а Крапоткинъ высказывалъ, что недостаточно истребить дворянство и высшіе классы общества, а что слѣдуетъ уничтожить и Верховную Власть, потому что въ противномъ случаѣ высшіе классы вновь образуются. Гауэнштейнъ, приходившій на дачу Бабонина вмѣстѣ съ Купріяновымъ, говорилъ то же, что и другіе. Независимо отъ сего, Чарушинъ и Крапоткинъ говорили нѣкоторымъ рабочимъ, что мощей вѣтъ, и вообще старались подорвать въ своихъ слушателяхъ религіозное чувство. Послѣ ареста Чарушина, послѣдовавшаго въ началѣ января 1874 года, Шишко уговаривалъ рабочихъ не робѣть, а дѣйствовать такъ, какъ училъ Чарушинъ, и совѣтовалъ, въ случаѣ ареста, отзываться о всемъ незнаниемъ; такого же рода совѣты давала рабочимъ и Кувшинская. Параллельно съ такою устною пропагандой шла и книжная. Такъ, по удостовѣренію рабочихъ, Чарушинъ, Крапоткинъ, Клеменсъ, Шишко, Купріяновъ и Кувшинская читали имъ „Исторію одного французскаго крестьянина“, „Стенку Разина“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“, а также давали имъ означенныя книги для чтенія на руки; Гауэнштейнъ читалъ рабочимъ „Пѣсенникъ“ и „Исторію одного французскаго крестьянина“ или „Сказку о четырехъ братьяхъ“, а Крапоткинъ кромѣ сего, „Пугачевщину“ въ рукописи: впоследствии же Крапоткинъ привнесъ печатную книжку о Пугачевѣ и рассказалъ рабочимъ, что Пугачевщина была написана имъ, Крапоткинымъ, и что онъ посылалъ рукопись за границу, гдѣ она и была напечатана. Въ подтвержденіе своихъ показаній, вѣкоторыми рабочими были представлены къ дѣлу полученныя ими отъ пропагандистовъ книги, въ числѣ которыхъ находятся: „Пѣсенникъ“ и „Исторія одного французскаго кре-

стьянина“. Въ близкихъ отношеніяхъ съ лицами, пропагандировавшими на Выборгской сторонѣ, находились Богомоловъ и Мокіевскій-Зубокъ. Богомоловъ, какъ будетъ изложено ниже, устроилъ кузницу, въ которой работали, готовя себя къ революціонной дѣятельности, члены такъ называемаго кружка артиллеристовъ, а также Чарушинъ, который и былъ задержанъ въ квартирѣ Богомолова. Относительно Мокіевскаго-Зубка слѣдствіемъ выяснено слѣдующее: по показаніямъ двухъ рабочихъ, Крапоткинъ, узнавъ однажды, что на дачѣ Бабонина ночевали рабочіе, занимавшіеся прежде у студентовъ, сказалъ, что ихъ надо свести къ Зубку, вслѣдствіе чего вышеупомянутые двое рабочихъ, получивъ отъ Крапоткина записку, въ которой были написаны лишь слова: „Вашъ пріятель Бородинъ“, отправились къ Зубку по адресу, также указанному Крапоткинымъ. Мокіевскій-Зубокъ пригласилъ рабочихъ въ трактиръ, а узнавъ отъ нихъ желаніе Крапоткина, выразилъ готовность заниматься съ рабочими, для чего и хотѣлъ нанять особую квартиру, при чемъ объяснилъ, что, ожидая постоянно обыска, онъ у себя никого не принимаетъ, также не держитъ у себя книгъ, которыя, впрочемъ, скоро у него будутъ. Во время производства предварительнаго слѣдствія Мокіевскій-Зубокъ, находившійся подъ надзоромъ полиціи, скрылся изъ Петербурга и былъ въ послѣдствіи задержанъ въ Москвѣ, въ то время когда онъ покушался войти въ сношеніе съ содержавшеюся въ полипейскомъ домѣ Лузской части дочерью штабсъ-капитана Лидією Фигнеръ, обвинявшеюся въ государственномъ преступленіи и нынѣ уже осужденною. Преступная дѣятельность всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ сдѣлалась извѣстною правительству въ началѣ 1874 г., и всѣ они были задержаны, за исключеніемъ Шипко и Клеменса, успѣвшихъ скрыться отъ преслѣдованія и отправившихся въ Москву, гдѣ они вмѣстѣ съ Кравчинскимъ занялись организаціей московскихъ кружковъ. Чарушинъ былъ задержанъ въ квартирѣ Богомолова, при чемъ назвался купеческимъ сыномъ Петромъ Шуравнымъ. При обыскѣ у Чарушина были найдены: записная книжка, два письма, писанныя, очевидно, крестьяниномъ, одно изъ нихъ съ вырѣзанными фамиліями. Въ этомъ письмѣ сообщается, между прочимъ, что „насъ восемь человекъ нераздѣльныхъ, которые имѣютъ понятія“; записка, подписанная буквами Л. Ш.—„Податель сего, Чарушинъ, общій другъ мой, Югана и Чайковскаго“; рукописное воззваніе „къ земледѣльческому населенію“ и книги: „Сила солому ломить“, „Послѣдняя революція“ Гамбона, „Государственность и Анархія“ и „Историческое развитіе интернаціонала“. По обыску у князя Крапоткина найдено: нѣсколько сочиненій о международной ассоціаціи рабочихъ, пакетъ съ надписью „въ Москву“ съ 3-мя вытравленными паспортными блянками и шифрованной запиской, другое шифрованное письмо и заклеенное въ конвертъ письмо изъ Москвы на имя „Николая Алексѣевича“, подписанное буквою „К.“, въ каковомъ письмѣ говорится о путешествіи двухъ лицъ по Тульской и Рязанской губерніямъ, съ цѣлью революціонной пропаганды. По разборѣ писанныхъ шифровъ записки и письма оказалось, что въ запискѣ указывался способъ вытравленія текста паспортовъ и что письмо было получено изъ Москвы, отъ лица, несомнѣнно принадлежавшаго къ революціонному сообществу; въ означенномъ письмѣ, служащемъ нагляднымъ доказательствомъ исполнѣ установлен-

шихся къ веснѣ 1874 г. сношеній петербургскихъ агитаторовъ съ московскими, упоминается, между прочимъ, объ Обнорскомъ, Сердюковѣ и Фроленко, изъ коихъ послѣдній принадлежалъ къ московскому кружку студентовъ Петровской академіи. У Ивана Гауэнштейна были найдены деньги въ количествѣ 1110 руб. 73 коп., о которыхъ упомянуто уже выше, а также писанныя рукою кн. Крапоткина сочиненія: „Пугачевщина“ и „Должны ли мы заняться разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя“, съ поправками, сдѣланными рукою Гауэнштейна; часть 2 т. сочиненій Лас-сала; нѣсколько переписанныхъ изъ означенной книги статей и письмо Натансона, въ которомъ послѣдній рекомендуетъ Александру Христофоровичу своего друга и товарища по мысли и дѣлу. У Анны Кувшинской найденъ IV т. сочиненій Чернышевскаго, женевскаго изданія; а у Мокіевскаго-Зубка: 15 экз. „Дѣдушки Егора“, „Впередъ“, „Сила солому ломитъ“, „Стенька Разинъ“, „Емелка Пугачевъ“, „Гражданская война во Франціи“—Маркса и книга, на первой страницѣ которой написаны двѣ фамиліи—Франжоли и Лукашевичъ. У Софьи Перовской были найдены двѣ тетради, озаглавленные „Кассовая“ и „Главная“, а также тетрадь съ названіями стихотвореній: „Доля“, „Барка“, „Кузнецъ“, „Свобода“, „Дума“, и т. д. Купріяновъ былъ задержанъ въ дачѣ Бабонина, при чемъ у него была отобрана записная книжка, исписанная шифромъ; на дачѣ Бабонина оказалось значительное количество тенденціозныхъ книгъ. Купріяновъ призналъ себя виновнымъ въ томъ, что велъ пропаганду съ цѣлью измѣненія существующаго порядка, для чего знакомился съ рабочими и читалъ имъ книги: „Сказку о 4 братьяхъ“, „Пѣсенникъ“, „Стеньку Разина“, а также передалъ рабочимъ „Стеньку Разина“ и „Исторію одного французскаго крестьянина“. Гауэнштейнъ призналъ свое знакомство съ Нивовкинскимъ, Кравчинскимъ и Чайковскимъ, а также—что читалъ рабочимъ „Сказку о 4 братьяхъ“ и стихотворенія „Барку“ и „Аркадскій принцъ“, но при этомъ не пожелалъ объяснить цѣли такого чтенія. Шишко, признавая, что жилъ въ одной домѣ съ Перовскою, въ Казарменномъ переулкѣ, на вопросъ о виновности, отвѣчать отказался. Перовская, не отвергая своего знакомства съ Чайковскимъ, Рогачевымъ, Синегубомъ и Ободовскою, а также и то, что Шишко жилъ въ ея квартирѣ, въ Казарменномъ переулкѣ, виновною себя не признала, равно какъ и Чарушинъ, Мокіевскій-Зубокъ, Крапоткинъ и Кувшинская, изъ показанія которой, между прочимъ, видно, что она была знакома съ Чайковскимъ, Синегубомъ, Гауэнштейномъ и Перовскою. Крапоткинъ во время производства слѣдствія бѣжалъ изъ-подъ стражи. Изъ числа прочихъ лицъ, принадлежащихъ къ кружку „чайковцевъ“, Богомоловъ умеръ, Чайковскій, Левашевъ, Лисовскій, Грибоѣдовъ и Обнорскій не были разысканы, а Сердюковъ и Хохлаковъ обнаружили признаки разстройства умственныхъ способностей. Александра Ободовская, нынѣ Сидорацкая, бывшая сельская учительница въ Тверской губерніи, была знакома, какъ оказывается изъ ея собственнаго показанія, съ Флеровскимъ (Берви), Натансономъ, Левашевымъ, Корниловкою, Перовскою, Кувшинскою, Синегубомъ, Кравчинскимъ, Ярцевымъ, Румянцевымъ, Сердюковымъ и московскимъ пропагандистомъ Саблиннымъ. Кромѣ сего, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія обстоятельствъ дѣла, Ободовская была знакома почти со всѣми членами петербургскихъ кружковъ, а также

имѣла сношенія съ провинціальными агитаторами, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ходомъ революціонной пропаганды, въ которой и сама желала принять дѣятельное участіе. Отобранное у Румянцева письмо Ободовской, уже упомянутое, не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія и находитъ себѣ подкрѣпленіе въ оказавшемся у Ободовской письмѣ основателя сыроваренныхъ артелей въ Тверской губерніи Верещагина, въ которомъ послѣдній извѣщаетъ, что, согласно желанію Ободовской, онъ прискалъ ей мѣсто среди раскольниковъ. Вместе съ другими „чайковцами“ Ободовская имѣла непосредственное вліяніе на образованіе такъ называемаго кружка артиллеристовъ и, какъ видно изъ показанія Рабиновича, явилась даже представительницею сего кружка на происходившихъ весною 1874 года собраніяхъ депутатовъ всѣхъ почти петербургскихъ кружковъ „чайковцевъ“. При двукратномъ обыскѣ у Ободовской была найдена обширная переписка, при чемъ Ободовская выбросила за окно записку Саблина: „Былъ у васъ, не засталъ дома, если увидите Д., скажите ему, что онъ найдетъ меня въ редакціи „Знанія“, Лит., д. 62, кв. 12, пусть спроситъ прямо Н. А. С.—а“. Сидорацкая не признала себя виновною. Дальнѣйшее участіе Сидорацкой въ дѣлахъ общества будетъ указано ниже, при изложеніи преступной дѣятельности кружковъ и лицъ, съ которыми она находилась въ сношеніяхъ. Къ кружку „чайковцевъ“, безъ сомнѣнія, принадлежалъ первоначально и Низовкинъ, столь близко знакомый съ большинствомъ членовъ кружка и со всею его дѣятельностью, но въ концѣ 1873 или началѣ 1874 года между Низовкинымъ и „чайковцами“ произошелъ полный разрывъ, и Низовкинъ сталъ уговаривать рабочихъ не сходиться съ „чайковцами“. Рабочій Виноградовъ въ показаніи своемъ объяснилъ, что Низовкинъ относился враждебно къ кружку „чайковцевъ“, потому что послѣдніе дѣйствовали слишкомъ радикально; по мнѣнію же Митрофанова, Низовкинъ вооружилъ рабочихъ противъ „чайковцевъ“ изъ самолюбія. Какъ бы то ни было, въ началѣ 1874 года Низовкинъ несомнѣнно обнаружилъ стремленіе создать свой собственный кружокъ изъ тѣхъ рабочихъ, съ которыми онъ вошелъ въ сношенія еще въ 1872 году и для которыхъ, при содѣйствіи Сердюкова, имъ была устроена бібліотека. Вся преступная дѣятельность Низовкина тѣсно связана съ этою бібліотекою. Изъ показанія Виноградова видно, что пожертвованія на покупку книгъ сосредоточивались первоначально въ рукахъ Низовкина, передавшаго затѣмъ, по словамъ Митрофанова, на время своего отсутствія изъ Петербурга лѣтомъ 1873 года, завѣдываніе бібліотекою Обнорскому и Виноградову. 31 декабря того же года, по удостовѣренію нѣсколькихъ рабочихъ, Низовкинымъ была собрана въ квартирѣ рабочаго Смирнова сходка, на которой было постановлено, чтобы каждый рабочій платилъ извѣстный процентъ съ своего заработка на увеличеніе средствъ бібліотеки, а также была учреждена касса для оказыванія помощи рабочимъ, арестуемымъ по политическимъ дѣламъ. По показаніямъ другихъ, кассиромъ кассы былъ избранъ Лавровъ, кассиромъ бібліотечной кассы рабочій Волковъ, а бібліотекаремъ Смирновъ, при чемъ, для большого удобства, бібліотека была раздѣлена на три части: Василеостровскую, Выборгскую и Невскую (за Невскою заставою). Послѣ ареста Лаврова завѣдываніе кассою перешло къ Виноградову, а 3 марта 1874 года

Низовкинъ вновь собралъ сходку въ Измайловскомъ полку, на которой также говорилось о дѣлахъ библиотеки, при чемъ Низовкинъ убѣждалъ рабочихъ прервать сношенія съ „чайковцами“. Между тѣмъ уже въ концѣ 1873 года Виноградовъ, по его собственному показанію, приобрѣлъ на библиотечныя деньги 4 экз. „Гражданской войны во Франціи“, а въ началѣ 1874 года, поручилъ Митрофанову, по удостовѣренію послѣдняго, купить у Гауэнштейна „Государственность и Анархію“ и „Историческое развитіе интернаціонала“—что Митрофановъ и исполнилъ. Кромѣ сего, по словамъ Виноградова, имъ былъ полученъ отъ кого-то журналъ „Впередъ“ и нѣсколько экземпляровъ „Исторіи одного французскаго крестьянина“ и „Стеньки Разина“ отъ Низовкина; послѣднее обстоятельство подтверждается, во первыхъ, показаніями Митрофанова, изъ которыхъ оказывается, что для библиотеки было приобретено 15 экз. „Исторіи французскаго крестьянина“ и 10 экз. „Стеньки Разина“, и вторыхъ, показаніемъ Низовкина, удостовѣрившаго, что имъ было приобретено 15 экз. „Исторіи крестьянина“ и 10 экз. „Гражданской войны во Франціи“, которые и были затѣмъ переданы рабочимъ. Всѣ выше поименованныя книги поступили, по показанію Виноградова, въ библиотеку рабочихъ и самъ Виноградовъ давалъ ихъ читать своимъ товарищамъ. Изъ показаній нѣсколькихъ рабочихъ видно, что Виноградовъ передалъ имъ для чтенія „Исторію одного французскаго крестьянина“, „Стеньки Разина“ и „Слово вѣрующаго къ народу“, и по словамъ самого Виноградова, онъ давалъ для чтенія и журналъ „Впередъ“. По обыску у Виноградова найдены:—журналъ „Впередъ“ и „Государственность и Анархія“. Послѣ освобожденія изъ-подъ ареста Виноградовъ вмѣстѣ съ рабочимъ Карломъ Иванайнентъ, какъ видно изъ ихъ показаній, отправились за границу безъ паспортовъ, были въ Швейцаріи, видѣли Лисовскаго и разыскивали Обнорскаго, котораго однако не нашли, и затѣмъ, при возвращеніи въ Россію, были задержаны на границѣ. Виноградовъ призналъ себя виновнымъ съ принадлежности къ преступному сообществу. Низовкинъ, не отвергая передачи рабочимъ „Исторіи одного французскаго крестьянина“ и „Гражданской войны во Франціи“, тѣмъ не менѣе не признавалъ себя виновнымъ ни въ чемъ и объяснилъ, что сближеніе его съ рабочими было вызвано лишь желаніемъ содѣйствовать ихъ образованію. Такое объясненіе Низовкина, противорѣча всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, находитъ себя опроверженіе и въ показаніяхъ двухъ рабочихъ, по словамъ которыхъ Низовкинъ говорилъ, что необходимо уничтожить дворянъ, купцовъ и правительство и сдѣлать такъ, чтобы не было Царя и чтобы всѣ были равны. Въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ „чайковцами“ находился кружокъ, основанный въ концѣ 1873 г. народнымъ учителемъ Теофаномъ Никандровымъ Лермонтовымъ и носившій по фамиліи своего основателя названіе „кружка Лермонтова“, подъ каковымъ названіемъ онъ и былъ извѣстенъ между петербургскими революціонерами, что видно изъ показанія мѣщанина Моисея Рабиновича и дворянина Льва Городецкаго. Лермонтовъ, какъ слѣдуетъ заключить изъ показанія, даннаго при дознаніи Любавскимъ, принадлежалъ первоначально къ кружку Чайковскаго, съ которымъ разошелся въ началѣ 1873 г., потому что желалъ играть главную роль въ кружкѣ. Такое показаніе Любавскаго представляется весьма правдоподобнымъ въ виду того, что Лермонтовъ, подобно Чайковскому,

нѣлъ сношенія съ Натансономъ, что доказывается отобранною у Ободовской перепискою, а также и потому, что еще въ 1872 г. Лермонтовъ, по удостовѣренію Рабиновича, вращался въ средѣ „чайковцевъ“, у одного изъ которыхъ, а именно у Левашева, произошло первое знакомство Рабиновича съ Лермонтовымъ. Кромя Левашева, Лермонтовъ изъ кружка „чайковцевъ“ зналъ и Александру Ободовскую, которая въ письмахъ своихъ къ нему, называла его „дорогимъ другомъ“ и обращалась къ нему, употребляя мѣстоименіе „ты“. Относительно своего знакомства съ Ободовскою, Лермонтовъ объяснилъ, что сближенію ихъ содѣйствовало то обстоятельство, что оба они интересовались народнымъ образованіемъ, при чемъ Ободовская не была практически знакома съ народною школою, тогда какъ онъ, Лермонтовъ, былъ близко знакомъ съ дѣломъ народного образованія, вслѣдствіе чего, какъ выразился Лермонтовъ, они и должны были „сойтись, объединиться въ самое существѣ вопроса“. Между тѣмъ изъ дѣла видно, что не одинъ вопросъ о народномъ образованіи занималъ Лермонтова и Ободовскую. По обыску у послѣдней были отобраны, между прочимъ, два письма: одно изъ Опочки, отъ 4 мая, безъ обозначенія года, подписанное буквами „Ф. Н. Л.“, а другое, отъ 12-августа 1873 г. изъ Петербурга подписанное „Прокоповичъ“, относительно которыхъ Ободовская первоначально показала, что письмо изъ Опочки относится къ 1871 году и написано Лермонтовымъ, а что письмо за подписью „Прокоповичъ“ писано не къ ней; но впоследствии признала, что и это послѣднее письмо получено ею отъ Лермонтова, по возвращеніи ея изъ села Едимнова, Корчевскаго уѣзда, гдѣ она была нѣкоторое время учительницею въ школѣ при сыроваренномъ заводѣ Верещагина. Въ письмѣ отъ 4 мая Лермонтовъ извѣщалъ, между прочимъ, Ободовскую, что въ Петербургѣ онъ, вѣроятно, будетъ бочаромъ или кузнецомъ, а въ письмѣ отъ 12 августа сообщалъ свой адресъ: „5-я рота Измайловскаго полка, д. № 20, Якову Сыченкову — на внутреннемъ конвертѣ Ф. Н.“. Такой способъ переписки, а также желаніе Лермонтова сдѣлаться бочаромъ или кузнецомъ, становятся вполне понятными въ виду удостовѣреннаго Рабиновичемъ обязательства, что Лермонтовъ уже въ 1872 году доказывалъ ему, Рабиновичу, что единственный выходъ изъ существующаго порядка вещей заключается въ кровавой революціи. Лѣтомъ 1873 г. Лермонтовъ, по словамъ Рабиновича, ѣздилъ за границу, гдѣ и познакомился съ дворянкою Евгенією Константиновною Судзиловскою, которая, по возвращеніи въ Петербургъ, поселилась вмѣстѣ съ цюрихскою студенткою Варварою Ивановною Ваховскою, въ домѣ № 8, по Троицкому переулку, и стала посѣщать акушерскіе курсы. Въ это время Рабиновичъ, приготавливаясь къ поступленію въ Медико-Хирургическую Академію, жилъ въ квартирѣ дворянина Сергѣя Ковалика, куда его помѣстилъ одинъ изъ его знакомыхъ, съ которымъ онъ встрѣчался у Левашева: въ этой же квартирѣ поселился осенью 1873 г. и Лермонтовъ, подъ фамиліею Варуздина, введенный къ Ковалику, насколько помнитъ Рабиновичъ, Судзиловскою. Проживая на одной квартирѣ, Рабиновичъ и Лермонтовъ вошли въ болѣе близкія сношенія, и, по показанію Рабиновича, Лермонтовъ сталъ ему рассказывать о Бакунинѣ, съ которымъ былъ знакомъ лично, объ эмигрантѣ Сажинѣ, называвшемъ себя Россомъ, и о цюрихской жизни, развивалъ предъ нимъ анархическую теорію и, наконецъ, предложилъ Рабиновичу поѣхать за

границу, войти въ сношенія съ Сажинымъ и заняться ввозомъ въ Россію революціонныхъ сочиненій. Рабиновичъ принялъ предложеніе Лермонтова, вслѣдствіе чего они и ѣздили за границу, по возвращеніи откуда Рабиновичъ, вернувшійся ранѣе Лермонтова, поселился на квартирѣ Судзиловской. Вскорѣ затѣмъ пріѣхалъ Лермонтовъ, а также появились въ квартирѣ Судзиловской старые друзья Лермонтова — дочь генераль-майора Софья Александровна Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ и мѣщанинъ Куріакъ Родіоновъ Милоглазкинъ, изъ коихъ послѣдній былъ знакомъ съ Лермонтовымъ по Технологическому Институту, въ которомъ оба они слушали лекціи, а Лешернъ, какъ видно изъ ея показанія, познакомилась съ Лермонтовымъ въ 1871 году, въ одномъ изъ засѣданій педагогическаго общества. Въ 1873 году Лешернъ не была уже новичкомъ въ дѣлѣ революціонной пропаганды. Вскорѣ послѣ своего знакомства съ Лермонтовымъ, въ 1871 г., она отправилась въ имѣніе своей матери, село Меглецы, Боровичскаго уѣзда, гдѣ, по ея собственнымъ словамъ, завѣдывала дѣлами ссудо-сберегательнаго товарищества, а въ 1872 году открыла школу, учителемъ въ которой былъ Гамовъ, нынѣ осужденный по дѣлу Долгушина и др. Дѣятельность Гамова и Лешернъ имѣла послѣдствіемъ закрытіе школы и воспрещеніе Лешернъ быть гдѣ-либо учительницей, а вслѣдъ затѣмъ ей было запрещено заниматься и дѣлами ссудо-сберегательнаго товарищества. Не взирая на запрещеніе быть учительницей, Лешернъ продолжала учить крестьянскихъ дѣтей, внушая имъ при этомъ революціонныя идеи, доказательствомъ чего служить показаніе крестьянскаго мальчика Ивана Павлова Бондарева, по словамъ котораго, послѣ удаленія Гамова, стала учить Лешернъ. Занятія происходили по вечерамъ, въ помѣщеніи школы, при чемъ дверь затворялась съ внутренней стороны желѣзнымъ крючкомъ, а окна занавѣшивались занавѣсками. Лешернъ читала ученикамъ „Дѣдушку Егора“, „Стеньку Разина“ и др. книги, названія которыхъ Бондаревъ не помнитъ, и говорила, что надо сдѣлать бунтъ, перебить господъ, какъ Стенька Разинъ перебилъ бояръ, и что всѣ должны быть равны, при чемъ о чтеніяхъ приказывала не болтать. Хотя показаніе Бондарева, указавшаго лицъ, кромѣ него присутствовавшихъ на чтеніяхъ, сими послѣдними не было подтверждено, тѣмъ не менѣе справедливость объясненія Бондарева удостовѣряется слѣдующимъ показаніемъ становаго пристава Малиновскаго: по словамъ послѣдняго, получивъ отъ исправника приказаніе слѣдить затѣмъ, чтобы Лешернъ не учила въ школѣ, онъ однажды, осенью 1873 г., поздно вечеромъ, подѣлхалъ къ школѣ съ завязаннымъ колокольчикомъ и убѣдился, что въ школѣ занимаются: окна были закрыты изнутри, а дверь заперта. На стукъ — Лешернъ спросила: „кто стучитъ“ и долго не отворяла дверей; когда же, наконецъ, такыя были отперты, то онъ не останавливаясь разговаривать съ вышедшею къ нему Лешернъ, прошелъ прямо въ школу, гдѣ и засталъ двухъ или трехъ мальчиковъ, которые на его вопросъ, гдѣ остальные, отвѣтили, что тѣ ушли изъ школы по черной лѣстницѣ. Выше-названныя лица, т. е. Судзиловская, Лешернъ, Рабиновичъ и Милоглазкинъ, составили подъ руководствомъ Лермонтова кружокъ, что подтверждается показаніемъ самого Рабиновича. Ваховская, проживавшая въ одной квартирѣ съ Рабиновичемъ и Судзиловскою, очевидно, тоже примкнула къ кружку. Кружокъ Лермонтова придерживался теоріи Бакунина, что не-

сомнѣнно вытекаетъ какъ изъ приведеннаго уже разговора Лермонтова съ Рабиновичемъ, въ которомъ первый развивалъ ученіе объ анархіи, такъ и изъ того обстоятельства, что Судзиловская и Ваховская усвоили себѣ революціонное направленіе за границей, подъ непосредственнымъ вліяніемъ русскихъ эмигрантовъ, сближеніе съ которыми повліяло также и на окончательное посвященіе себя Лермонтовымъ дѣлу революціонной пропаганды. Программа практической дѣятельности кружка вполне выяснилась на сходкахъ, происходившихъ въ квартирахъ студентовъ Технологическаго Института, Головина и Чернышева. На означенныхъ сходкахъ, въ которыхъ принимали участіе лица, принадлежавшія къ разнымъ петербургскимъ кружкамъ, обсуждались, какъ видно изъ показанія Рабиновича, слѣдующіе вопросы: а) какимъ образомъ довести народъ до революціи; б) въ какомъ положеніи всего удобнѣе дѣйствовать среди народа: въ положеніи рабочаго, или же въ положеніи болѣе или менѣе привилегированномъ— въ качествѣ учителя, фельдшера, медика, земскаго дѣятеля; в) нужна ли для народнаго дѣятеля научная подготовка; г) какимъ образомъ дѣйствовать въ народѣ: пропагандируя ли социальнореволюціонныя истины, проповѣдая, такъ сказать, теоретически рабочую массу насчетъ ея положенія и уничтоженія властей, или же, опираясь на существующее въ народѣ недовольство, прямо, безъ предварительной подготовки, возбуждать народныя страсти, и д) если дѣйствовать послѣднимъ путемъ, то какимъ образомъ расположить свои дѣйствія: захватывать ли обширныя мѣстности, стараясь связать между собою разрозненные центры недовольства, или же ограничиваясь одною мѣстностью—селомъ, деревней и т. д., пользоваться подходящимъ случаемъ и вызывать бунтъ, вспышку? Вопросъ же о необходимости социальной революціи считался предрѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ. При обсужденіи вышеприведенныхъ вопросовъ кружокъ Лермонтова, какъ оказывается изъ показанія Рабиновича, высказался въ томъ смыслѣ, что пропагандировать въ народѣ слѣдуетъ въ положеніи рабочаго, возбуждая революціонныя страсти и распространяя свою дѣятельность на обширныя мѣстности, при чемъ научная подготовка признавалась для пропагандиста излишнею. Нѣкоторые изъ членовъ кружка употребляли въ перепискѣ шифръ, такъ напримѣръ: Лермонтовъ, Рабиновичъ и Лешеръ, при чемъ двое послѣднихъ, по словамъ Рабиновича, приняли шифръ, изобрѣтенный Коваликомъ и состоявшій изъ неприличныхъ словъ. Въ этомъ отношеніи показаніе Рабиновича подтверждается записками Лешеря, писанными ею впоследствии, во время содержанія ея подъ стражею въ Саратовскомъ тюремномъ замкѣ. Особой кассы у кружка не было и вообще денежные средства его были ограничены: расходы по перевозкѣ изъ-за границы книгъ покрывались частными средствами отдѣльныхъ лицъ, какъ-то, напримѣръ: сыномъ генераль-майора Михаиломъ Шрейдеромъ (скрывшимся) и Войнаральскимъ, отъ котораго Рабиновичъ получилъ 300 р., а Лермонтовъ, какъ видно изъ дѣла, очень нуждался въ деньгахъ. Кружокъ Лермонтова имѣлъ сношенія со всѣми прочими петербургскими кружками. Изъ „чайковцевъ“ посѣщали квартиру Судзиловской, по удостовѣренію Рабиновича, Ободовская, Чарушинъ, Богомоловъ и др., фамилій которыхъ онъ не помнитъ. Рабиновичъ, кромѣ сего, былъ знакомъ съ Купріяновымъ, Кравчинскимъ и др. Съ кружкомъ Ковалика въ близкихъ сношеніяхъ на-

ходились, какъ видно изъ вышеизложеннаго, Лермонтовъ, Рабиновичъ и Судзиловская, а также Ваховская, что доказывается запиской, отбранною впоследствии у Ковалика. Рабиновичъ, по его собственному показанію, работавшій нѣкоторое время въ устроенной агитаторами кузницѣ въ Боровой улицѣ, встрѣчался тамъ съ членами такъ называемыхъ кружковъ артиллеристовъ и оренбургцевъ, а Лешернъ была знакома съ нѣкоторыми членами кружка самарцевъ, доказательствомъ чего служатъ, во-1-ыхъ, показаніе Лешернъ, изъ котораго видно, что она знала Надежду Юргенсонъ; во 2-хъ, письма, отобранныя впоследствии у Лешернъ при ея задержаніи. Весною 1874 г. кружокъ Лермонтова принялъ участіе въ общемъ стремленіи кружковъ къ болѣе тѣсному сближенію между собою. Рабиновичъ, по его собственному показанію, явился представителемъ кружка Лермонтова въ собраніяхъ депутатовъ петербургскихъ кружковъ, послѣдствиемъ каковыхъ собраній было, какъ уже сказано выше, учрежденіе общей кассы. По словамъ Рабиновича, онъ и Ободовская находились нѣкоторое время въ числѣ лицъ, коимъ было поручено завѣдываніе кассою, основной капиталъ которой составилъ изъ 300 р. с., внесенныхъ членомъ кружка Чернышева—Каблицомъ, и изъ суммъ, собранныхъ со студенческихъ вечеровъ. Касса, по удостовѣренію Рабиновича, снабдила деньгами члена кіевскаго кружка Дробышъ-Дробышевскаго, уѣзжавшаго въ Кіевъ, а также петербургскихъ агитаторовъ Воронцова и Цвинева, бѣжавшихъ за границу. Кромѣ сношеній съ петербургскими кружками, кружокъ Лермонтова имѣлъ связи и съ революціонными дѣятелями другихъ мѣстностей. Лермонтовъ имѣлъ сношенія съ Волховскимъ, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія обстоятельствъ дѣла, а въ Кіевѣ, по показанію Рабиновича, съ членами мѣстнаго кружка Дебагоріо-Мокріевичемъ и Николаемъ Судзиловскимъ, братомъ Евгеніи Судзиловской. По словамъ Рабиновича, Лермонтовъ, въ концѣ 1873 г., послалъ его въ Кіевъ для устройства книжной агентуры, при чемъ далъ ему письмо къ Судзиловскому и поручилъ узнать отъ Дебагоріо-Мокріевича, имѣвшаго непосредственныя сношенія съ эмигрантомъ Сажинымъ, что случилось съ книгами, высланными послѣднимъ на южную границу. Судзиловская, Лешернъ и Рабиновичъ имѣли сношенія съ Войноральскимъ, познакомившимся съ Судзиловскою черезъ Анну Тушинскую, съ которою Судзиловская, какъ видно изъ ея показанія, встрѣчалась въ повивальномъ институтѣ. Милоглазкинъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ нижегородскимъ кружкомъ; Рабиновичъ—съ харьковскимъ и кіевскимъ и былъ знакомъ, по его собственнымъ словамъ, со многими московскими революціонными дѣятелями: съ Саблинымъ, Алексѣевою, братьями Аркадакскими и т. д.; Ваховская имѣла сношенія съ кіевскимъ кружкомъ, что видно изъ приложенной къ дѣлу копіи письма Дебагоріо-Мокріевича, а также и съ кружкомъ одесскихъ революціонеровъ, доказательствомъ чего служить показаніе, данное при дознаніи дворяниномъ Георгіемъ Трудницкимъ, принадлежавшимъ одно время къ одесскому кружку. По словамъ Трудницкаго, онъ видѣлся съ Ваховскою въ концѣ 1873 г. и старался склонить ее на путь мирнаго прогресса, но всѣ старанія его остались тщетными. Независимо отъ сего, Лермонтовъ поддерживалъ постоянныя сношенія съ русскими эмигрантами, преимущественно съ Сажинымъ, при содѣйствіи котораго и съ помощію Рабиновича организовалъ ввозъ въ

Росію, черезъ прусскую границу, книгъ революціоннаго содержанія. Сношеніе съ Сажинимъ, а также операція ввоза книгъ, подробно описаны Рабиновичемъ въ его показаніи. Изъявивъ, какъ уже было сказано выше, согласіе участвовать въ дѣлѣ ввоза въ Росію революціонныхъ книгъ, Рабиновичъ условился съ Лермонтовымъ насчетъ плана дѣйствій, при чемъ было рѣшено, что Лермонтовъ отправится за границу черезъ южныя губерніи, а Рабиновичъ черезъ сѣверныя, и что оба они съѣдутся въ Берлинъ, гдѣ и встрѣтятся съ Сажинимъ. Лермонтовъ далъ Рабиновичу шифрованную записку къ Сажину и указаль, какими образомъ разыскать въ Берлинѣ какъ его, такъ и Сажина, а именно, по приѣздѣ въ Берлинъ Рабиновичъ долженъ былъ спросить на почтѣ письмо на имя Ухтомскаго, въ какомъ письмѣ и долженъ былъ находиться адресъ Сажина, самому же Рабиновичу надлежало оставить на почтѣ свой адресъ въ письмѣ на имя Дзигоса. Пятаго или шестаго ноября 1874 г. Рабиновичъ, разставшись съ Лермонтовымъ, отправился въ Берлинъ, гдѣ и разыскалъ Сажина, а нѣсколько дней спустя приѣхалъ Лермонтовъ. Всѣ названныя лица провели вмѣстѣ дня два, совѣщаясь насчетъ перевозки и распространенія книгъ, послѣ чего Рабиновичъ съ Сажинимъ поѣхали въ пограничный прусскій городъ Шервиндъ, а Лермонтовъ остался въ Берлинѣ, ожидая возвращенія Сажина. Въ Шервиндѣ Рабиновичъ и Сажинъ отыскали контрабандиста, кельмейскаго мѣщанина Мовшу Вульфова Эдельштейна, которому назвали вымышленными именами: Рабиновичъ—именемъ „Котья“, а Сажинъ—именемъ „Будо“, и условились съ Эдельштейномъ, что послѣдній будетъ доставлять книги изъ Шервинда въ какой-нибудь городъ, находящійся за таможенною линіею, напр., въ Кейданы или Ковно, съ платою по 30 руб. съ пуда. Тотчасъ послѣ заключенія такого условія съ Эдельштейномъ, Сажинъ уѣхалъ въ Берлинъ, а оттуда вмѣстѣ съ Лермонтовымъ въ Прагу, а Рабиновичъ остался въ Шервиндѣ, дожидаясь присылки книгъ. Черезъ недѣлю книги были доставлены въ Шервиндъ. Эдельштейнъ, при помощи Рабиновича, перепаковалъ книги на чердакѣ дома контрабандиста Эрста Вратца и затѣмъ увезъ ихъ, сказавъ Рабиновичу, чтобъ онъ явился за полученіемъ таковыхъ въ Кейданы, къ еврею Вульфъ Розенблату, адресъ котораго и передалъ Рабиновичу. Не имѣя денегъ для уплаты слѣдующей Эдельштейну за перевозку книгъ суммы, Рабиновичъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ, какъ уже сказано выше, и поселился въ квартирѣ Судзиловской. Черезъ нѣсколько дней послѣ возвращенія Рабиновича, за книгами отправился упомянутый уже выше Шрейдеръ (скрывшійся), который, заплативъ изъ своихъ средствъ слѣдующія Эдельштейну деньги, получилъ отъ него квитанцію Варшавской желѣзной дороги, по которой Рабиновичъ впоследствии и получилъ тюки съ книгами. Доставленные такимъ образомъ книги „Государственность и Анархія“ и „Историческое развитіе интернаціонала“, были розданы петербургскимъ революціоннымъ дѣятелямъ, въ томъ числѣ и посѣщавшимъ квартиру Судзиловской — Чарушину, Ободовской, Богомолу, Кабицу, Ивану Чернышеву и др. Предъ отъѣздомъ изъ Шервинда Рабиновичъ оставилъ Эдельштейну, для переписки съ нимъ, адресъ жены технолога, Александры Ивановой Агарковой. По этому адресу было получено въ мартѣ 1874 г. извѣщеніе о прибытіи второго транспорта книгъ, за полученіемъ котораго также ѣздилъ Шрейдеръ, на этотъ

разъ въ Ковно, а въ іюнѣ самъ Рабиновичъ, получившій въ то время 300 руб. отъ Войновальскаго, отправился въ Кейданы за третьимъ транспортомъ, который и былъ имъ доставленъ въ Петербургъ, причеиъ Рабиновичъ для дальнѣйшей съ нимъ переписки сообщилъ Эдельштейну новый адресъ почетнаго гражданина Теодора Теодорова Орлова. По этому послѣднему адресу, равно какъ и по адресу Агарковой, Рабиновичъ получилъ нѣсколько писемъ, что подтверждается показаніями Агарковой и Орлова, изъ которыхъ послѣдній зналъ Рабиновича подъ именемъ Лемевн. Вышеизложенное показаніе Рабиновича подтверждается вполнѣ показаніемъ Мовши Эдельштейна, умалчивающаго лишь о второмъ транспортѣ книгъ, переданныхъ Шрейдеру въ Ковнѣ, а также и показаніемъ Вульфа Розенблата, удостовѣрившаго сношенія Рабиновича съ Эдельштейномъ. Кромѣ сего, изъ показанія Розенблата оказывается, что Эдельштейнъ въ началѣ августа 1874 г. отправилъ куда-то по желѣзной дорогѣ тюкъ, задѣланный въ деревянный ящикъ. Этотъ послѣдній тюкъ былъ найденъ 9-го августа 1875 г. въ пакгаузѣ Московской товарной станціи Николаевской желѣзной дороги, при разборкѣ непринятыхъ въ теченіе года кладей. Въ упомянутомъ тюкѣ, доставленномъ изъ Кейданъ, оказалось: 300 экземпляровъ сочиненія: „Русской соціально-революціонной молодежи“ по поводу брошюры „Задачи революціонной партіи въ Россіи“ — редактора журнала „Впередъ“; одинъ экземпляръ книги: *Kapital und Arbeit*. ein populärer Auszug aus „Das Kapital, von Karl Marx“ 8 экземпляровъ; 2 тома журнала „Впередъ“; 16 экземпляровъ „Письма безъ адреса“; „Неизданная статья Н. Г. Чернышевскаго“ и 46 №№ газеты „Der Volksstaat“ за 1874 г. Не отвергая своего участія въ дѣлѣ ввоза въ Россію книгъ, Эдельштейнъ виновнымъ себя не призналъ. Въ апрѣлѣ 1876 г. былъ задержанъ въ мѣстечкѣ Радзивиловъ бывшій студентъ Технологическаго Института Михаилъ Петровъ Сажинъ, высланный въ 1868 г. административнымъ порядкомъ въ городъ Вологду за участіе въ студенческихъ беспорядкахъ и бѣжавшій впоследствии за границу. Не признавая себя виновнымъ, Сажинъ объяснилъ, что ни Лермонтова, ни Рабиновича, ни Эдельштейна не знаетъ, и что дѣлать его пріѣзда въ Россію была вербовка волонтеровъ въ Герпетовину. Между тѣмъ, по предъявленіи Сажина Рабиновичу, послѣдній призналъ въ немъ то самое лицо, съ которымъ видѣлся въ Берлинѣ и ѣздилъ въ Шервиндъ, при этомъ, до предъявленія ему Сажина, Рабиновичъ не только пазвалъ его имя и отечество и описалъ совершенно вѣрно его примѣты, но даже указалъ на то, что Сажинъ пишетъ четко и старательно, что вполнѣ подтверждается показаніемъ Сажина, собственноручно имъ записаннымъ. Эдельштейнъ, которому Сажинъ также былъ предъявленъ, отозвался, что не можетъ съ увѣренностью сказать, былъ ли у него Сажинъ подъ именемъ Будо, такъ какъ послѣдняго онъ видѣлъ въ Шервиндѣ одинъ только разъ. Независимо отъ вышеизложеннаго, Сажинъ имѣлъ еще непосредственныя сношенія со студентомъ Медико-Хирургической Академіи, Исаакомъ Павловскимъ, основателемъ таганрогскаго кружка, которому тоже доставлялъ изъ-за границы книги революціоннаго содержанія, въ чемъ принималъ участіе и Эдельштейнъ. Участіе Сажина и Эдельштейна въ преступной дѣятельности Павловскаго будетъ изложено ниже. Теофанъ Лермонтовъ, подъ

именем слушателя Технологического Института Василия Матвѣева Иванова, былъ задержанъ 4-го января 1874 года въ квартирѣ Судзиловской, проживавшей въ то время вмѣстѣ съ Ваховскою въ 8-й ротѣ Измайловскаго полка, въ домѣ № 9. У Судзиловской были найдены книги: „Mémoire présenté par la Fédération Jurassienne“ и „Азбука социальныхъ наукъ“; у Лермонтова—замѣтки революціоннаго направленія и письмо воспитанника Нижегородской духовной семинаріи Михаила Духовскаго на имя Куріака Милоглазкина, а у находившейся во время обыска въ квартирѣ Судзиловской дочери полковника Клеопатры Блаудзевичъ были отобраны—дѣдцнадцать бумагъ, принадлежащихъ Сергѣю Ковалику и два свидѣтельства Вѣры Павловой Рогачевой, жены Дмитрія Рогачева. Лермонтовъ, отвергая свое появленіе въ квартирѣ Ковалика подъ именемъ Варуздина, побѣдку за границу съ Рабиновичемъ и участие свое въ дѣлѣ ввоза въ Россію революціонныхъ книгъ, объяснилъ, что съ августа по декабрь 1873 г. проживалъ въ Одессѣ и, слѣдовательно, не могъ совершить того, что приписываетъ ему Рабиновичъ, а также, что не онъ совратилъ Рабиновича, а напротивъ того, послѣдній старался склонить его, Лермонтова, къ революціонной дѣятельности и преслѣдовалъ его насмѣшками за нежеланіе участвовать въ пропагандѣ. Помню явной невѣроятности послѣдняго объясненія Лермонтова, которому въ 1873 г. было 25 лѣтъ, тогда какъ Рабиновичу въ то время едва минуло 17 лѣтъ, показаніе Лермонтова опровергается слѣдующими обстоятельствоми дѣла: проживающій на одной квартирѣ съ Коваликомъ дворянинъ Иванъ Павловъ Блаудзевичъ, какъ видно изъ его показанія, видѣлъ на означенной квартирѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, одновременно съ Рабиновичемъ, вѣскою Варуздина, котораго затѣмъ встрѣчалъ въ квартирѣ Судзиловской и Ваховской, въ 9-й ротѣ Измайловскаго полка. Сестра Ивана Блаудзевича, Клеопатра, также слышала фамилію Варуздина. Содержась подъ стражею въ домѣ предварительнаго заключенія, Лермонтовъ написалъ двѣ шифрованныя записки и передалъ таковыя для отправки арестанту Фролову, убравшему помѣщенія арестантовъ привилегированныхъ сословій, у котораго онъ и были отобраны. Означенныя записки, разобранныя посредствомъ шифра, указанного самимъ Лермонтовымъ, оказались слѣдующаго содержанія: „Старый Вашъ . . . прошу васъ немедленно вотъ что сдѣлать. Написать мнѣ, кто цѣль и гдѣ находится, писать можно только на булочныхъ кошеляхъ лимономъ; чтобы прочесть, надо погрѣть на огнѣ: всѣ бумаги отъ меня, по виду бѣлыя, такъ читать. Вмѣсто философіи вотъ бы этому научиться: какъ я ни ухищрялся, нѣтъ, не понималъ. Ради Бога вотъ что сдѣлайте: 1) сказать Монастыреву, чтобы непременно онъ измѣнилъ показаніе; я въ августѣ былъ, но бумагъ не оставлялъ, а потому онъ не иначе къ нему . . . прихватилъ съ книгами Жукова, или у Милоглазкина, или у другаго кого, а у этого я не ночевалъ и забылъ, и все это было въ послѣднихъ числахъ декабря, не иначе: 2) Фалину и „Жиду“ и „Милому“, что они видѣли мои документы разъ, когда въ декабрѣ, около 15, я былъ у перваго, сидѣли вмѣстѣ, я снялъ сюртукъ, они выпали, подняли тогда и разсматривали. А какіе документы, они сами знаютъ, видѣли, пусть припомнятъ, хоть не всѣ. Надо доказать, что они были при мнѣ до конца декабря. Въ этомъ вся сила, ибо съ августа по 18 декабря я жилъ въ О.: 3) въ августѣ, бывъ (около 12) у

Монастырева, я у него денег не просилъ на обѣдъ, это бывало ранѣе, а тогда я имѣлъ, ибо ѣхалъ въ Одессу. Видите, какъ онъ навралъ. На судѣ онъ долженъ все такъ измѣнить. Это можно. Вотъ она, гдѣ бы нужна ранѣе философія; 4) Лешнеръ напомнить, что я въ апрѣлѣ взялъ у нея 200 руб. въ долгъ, а лучше бы за переводъ чрезъ нее, но тогда мнѣ напишите книгу. Если не она (но прошу дать ей знать), то вы ее замѣнить должны въ этомъ, лучше переводъ; 5) дайте знать Волковскому, Зотову (чрезъ Васюкова) и ему самому, Ходько чрезъ Женю Са Я жилъ въ Одессѣ съ начала августа до начала декабря. Съ ними видѣлся, искалъ мѣста. Они на моей квартирѣ не были и не знали ее. Познакомился я съ 1 въ Питерѣ, со 2 въ Одессѣ, въ библиотекѣ, съ 3 въ Питерѣ, видѣлся онъ проѣздомъ, 4 какъ 2; какъ твое зворовье милая Саша, не успеешь поручи . . . До свиданія, жму... Здѣсь удрученно сношеніе по всей тюрьмѣ къ Чарушину, а Попову чрезъ меня. Молчать строго Послѣ васъ пусть другой кто ходитъ ко мнѣ, чтобы вести переписку. Прошу кого-нибудь принести въ тюрьму три рубля на имя крестьянина Ярославской губ., Васильевской волости, деревни Фролова, Василя Фролова, Пусть мущина и въ конторѣ скажетъ отъ родныхъ, такъ надо“. Къ этимъ шифрованнымъ запискамъ были приложены двѣ записки такого содержанія: 1) „На площадь Михаила Архангела, противъ церкви, домъ Ободовскаго—Александрѣ Яковлевнѣ Ободовской—Коломна“—и 2) „Просить, Ради Бога, всѣ эти четыре листа бѣлыхъ бумагъ снести по такому адресу: Коломна, на площади Михаила Архангела, противъ церкви, въ домѣ Ободовскаго, Александрѣ Яковлевнѣ Ободовской, или, если ея нѣтъ, по такому: около театра Берга, картографическое заведеніе Ильина, домъ его же, управляющему заведеніемъ, Александр-Меркулову Эндаурову, а Васѣ просить, Эндауровъ, всѣ эти бумаги передать Ободовской или Купріяновой скорѣе. Подателю заплатите по просьбѣ. Ради дружбы“. Кромѣ вышеприведенныхъ обстоятельствъ дѣла, наглядно доказывающихъ лживость показаній Лермонтова, весьма существенно уликой противъ послѣдняго является найденное у него при обыскѣ, письмо Духовскаго, служащее также къ изобличенію Милоглазкина въ распространеніи книгъ революціоннаго содержанія. Въ этомъ письмѣ, отъ 29-го декабря 1873 г., Духовской, между прочимъ, писалъ: „Очень радъ Вашему предложенію, г. Милоглазкинъ. Книги будутъ, я полагаю, полезны, въ особенности въ настоящее время: теперь у насъ время совершенно свободное и читать ихъ найдутся многіе, которые всегда не прочь узнать, что бы то ни было новое . . . въ вольномъ духѣ (позвольте такъ выразиться). Передать экземпляръ въ компанію, о которой вы говорите, нѣтъ никакого затрудненія. Адресовать можете на г-на Биткина, который обитаетъ въ Суетинской улицѣ, подъ № 6 (близъ Преподобнаго Сергія). Чѣмъ скорѣе Вы это исполните, тѣмъ больше я буду Вамъ благодаренъ—да и не одинъ я“. Вслѣдствіе сего письма, Духовской, какъ будетъ изложено ниже, получилъ отъ Милоглазкина нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ находилась: „Государственность и Анархія“, „Историческое развитіе интернаціонала“, „Отщепенцы“ и др., что подтверждается и показаніемъ сына священника Владимира Серебровскаго. По словамъ Духовскаго, вышеприведенное письмо къ Милоглазкину было отвѣтомъ на предложеніе послѣдняго снабдить его, Духовскаго, „книгами хорошими и дѣльными, разрѣшающими массу вопро-

совъ, не рѣшенныхъ многими“; затѣмъ книги были присланы Милоглазкинѣмъ, какъ видно изъ показанія Духовскаго, при слѣдующей запискѣ: „Воятся нечего, вотъ что на всякій случай запомните: если Васъ спросятъ, что такое получаете—говорите астролябію“. Милоглазкинъ, не отвергая посылки книгъ Духовскому, объяснилъ, что сдѣлалъ это подъ влияніемъ увлеченія, безъ всякой преступной цѣли. Въ виду вышеизложеннаго, нахожденіе въ рукахъ Лермонтова письма Духовскаго къ Милоглазкину, въ связи съ показаніемъ Рабиновича, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что книги посланы Милоглазкинѣмъ въ Нижній-Новгородъ съ вѣдома и при участіи Лермонтова. Задержанная одновременно съ Лермонтовымъ Варвара Ваховская, была затѣмъ освобождена изъ-подъ стражи и уѣхала къ отцу, въ Подольскую губернію, гдѣ, однако, оставалась недолго и по возвращеніи въ Петербургъ, въ концѣ 1874 года, занялась революціонною пропагандой. Въ отношеніи преступной дѣятельности Ваховской слѣдствіемъ обнаружено слѣдующее. Въ августѣ 1874 года, студентъ Технологическаго Института Эндауровъ явился въ мастерскую портнаго Чукуръ и предложилъ находившимся въ обученіи у послѣдняго крестьянскимъ мальчикамъ Михаилу Платонову и Ларіону Алексѣеву обучаться у него, Эндаурова, грамотѣ, и вслѣдствіе изъявленнаго Платоновымъ и Алексѣевымъ согласія, сталъ посѣщать ихъ почти ежедневно. Сначала Эндауровъ училъ Платонова и Алексѣева читать и писать, и читалъ имъ священныя книги, а впослѣдствіи, когда ученики къ нему привыкли, приносилъ имъ книги: „О землѣ и небѣ“, „Сказку о 4-хъ братьяхъ“, „Исторію одного французскаго крестьянина“ и „Хитрую механику“. Читая поименованныя книги, Эндауровъ вмѣстѣ съ тѣмъ объяснялъ прочитанное, при чемъ внушалъ своимъ ученикамъ, что рабочимъ тяжело жить, что трудомъ рабочихъ пользуются богатые, что рабочимъ и крестьянъ притѣсняютъ чиновники и правительство, и что для того, чтобы лучше жить, необходимо уничтожить правительство и чиновниковъ, послѣ чего всѣ будутъ равны; вышеназванныя книги Эндауровъ давалъ Платонову и Алексѣеву и на руки, совѣтуя читать эти книги и давать таковыя для чтенія другимъ. Около Рождества, вмѣсто Эндаурова явился новый учитель—неизвѣстная личность, назвавшаяся Николаешъ, который внушалъ Платонову и Алексѣеву то же, что и Эндауровъ, а предъ самымъ Рождествомъ новый учитель объявилъ, что вмѣсто него будетъ ходить и продолжать ученіе барышня, Варвара Ивановна Ваховская, которая дѣйствительно вскорѣ затѣмъ и явилась. Посѣщая Платонова и Алексѣева только по праздничнымъ днямъ, Ваховская читала имъ „Исторію одного французскаго крестьянина“, „Сказку о 4-хъ братьяхъ“ и „Хитрую механику“, употребляя при этомъ иногда оставшіяся послѣ Эндаурова книги, а иногда приносила свои. Комментируя прочитанное, Ваховская, подобно своимъ предшественникамъ, внушала Платонову и Алексѣеву, что правительство и чиновниковъ слѣдуетъ уничтожить. Все вышеизложенное вполне подтверждено при слѣдствіи показаніемъ Платонова; Алексѣевъ же, показывая въ общихъ чертахъ согласіе съ Платоновымъ, отозвался, что содержанія читанныхъ учителями книгъ и ихъ толкованій не помнитъ, при чемъ однако удостовѣрилъ, что Ваховская говорила что-то о рабочихъ. Достоверность показаній Платонова и Алексѣева подтверждается, во-1-хъ, показаніемъ родственника Платонова—

крестьянина Илья Егорова, объяснившего, что Платоновъ принесъ ему предъ Рождествомъ книги: „Сила солому ломить“, „Исторію одного французскаго крестьянина“ и „Хитрую механику“ и во-2-хъ найденною при обыскѣ въ квартирѣ Чукуръ книгой „Стенка Разинъ“ въ стихахъ. Эндуровъ и учитель Николай остались неразъсканными, а Ваховская, не отвергая своихъ занятій съ Платоновымъ и Алексѣевымъ, виновною себя не признала. Ваховская, какъ видно изъ ея показанія, была знакома съ Дебагоріо-Мокрѣвичемъ, членомъ кievскаго кружка, и видѣлась съ нимъ въ Цюрихѣ. Лермонтовъ и Ваховская были арестованы въ январѣ 1874 года, въ то время, когда Рабиновичъ, по порученію Лермонтова, ѣздилъ въ Кіевъ и Харьковъ. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Рабиновичъ засталъ Судзиловскую уже на новой квартирѣ, въ 12-й ротѣ, въ домѣ № 10, куда вскорѣ затѣмъ явилась и уѣзжавшая въ Новгородскую губернію Лешернъ, фонъ-Герцфельдъ. Послѣдняя привезла съ собою по словамъ Рабиновича, пять годовыхъ паспортныхъ бланковъ, а Милоглазкинъ вырѣзалъ двѣ печати волостныхъ правленій, Ярославской и Смоленской губерній, послѣ чего, составивъ для себя фальшивый видъ на жительство, Милоглазкинъ ушелъ въ народъ. Такое показаніе Рабиновича находитъ себѣ подтвержденіе въ показаніи Лешернъ, признавшей, что ею было приобретено нѣсколько паспортныхъ бланковъ, и отчасти въ показаніи Милоглазкина, объяснившего, что въ первой половинѣ апрѣля онъ отправился въ Рыбинскъ и затѣмъ черезъ Нижний въ Сызрань, гдѣ пробылъ до августа, занимаясь поденною работою, а въ началѣ августа уѣхалъ въ Нижний. Въ Нижнемъ-Новгородѣ Милоглазкинъ примкнулъ къ мѣстному революціонному кружку. Дальнѣйшая его дѣятельность будетъ изложена ниже. Судзиловская, въ концѣ марта или началѣ апрѣля, тоже уѣхала изъ Петербурга и отправилась, по приглашенію Войнаральскаго, въ село Степановку, Пензенской губерніи, гдѣ послѣдующая ея дѣятельность представляется тѣсно связанною съ дѣятельностью пензенскаго революціоннаго кружка. Оставшіеся въ Петербургѣ Лешернъ и Рабиновичъ поселились, по ихъ собственнымъ показаніямъ, на новой квартирѣ, а именно: въ 3-й ротѣ Измайловскаго полка, въ домѣ № 12, кв. № 4. Въ этой квартирѣ, по показанію Рабиновича, навѣщали его Лешернъ и студентъ Медико-Хирургической Академіи Дмитрій Андреевъ Бородулинъ, что подтверждается и показаніемъ сего послѣдняго, изъ котораго видно, что предъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга въ Рыбинскъ на каникулы, онъ сообщилъ свой адресъ Лешернъ, имѣвшей намѣреніе побывать лѣтомъ въ Рыбинскѣ. Хотя, по словамъ Бородулина, дѣль предполагаемой поѣздки Лешернъ не была ему извѣстна, но въ виду удостовѣренія Рабиновича о томъ, что Бородулинъ обѣщалъ найти для Лешернъ работу въ Рыбинскѣ и дальнѣйшей дѣятельности Бородулина, есть полное основаніе заключать, что послѣдній примкнулъ къ кружку и былъ посвященъ въ его замыслы. Кромѣ Бородулина, въ квартирѣ Рабиновича и Лешернъ появлялись, по показанію Лешернъ, студентъ С.-Петербургскаго университета Павелъ Семеновъ Троицкій и слушательница женскихъ курсовъ при Медико-Хирургической Академіи, Надежда Александрова Юргенсонъ: изъ нихъ Троицкій отправился впоследствии на пропаганду въ Рыбинскъ, гдѣ встрѣтился съ Лешернъ, а Юргенсонъ, получивъ отъ Лешернъ адресъ Судзиловской, уѣхала въ Пензу. Въ началѣ мая Рабиновичъ, по порученію

Ковалика, отправился въ Харьковъ и Кіевъ. Дорогой онъ остановился въ Москвѣ, гдѣ и познакомился съ многими мѣстными пропагандистами, а на обратномъ пути изъ Кіева получилъ отъ Войнаральскаго упомянутыя уже выше деньги на расходы по перевозкѣ книгъ и около половины мая вернулся въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ его пріѣзда ушла въ народъ Лешернъ, запасшись фальшивымъ паспортомъ, изготовленнымъ для нея Рабиновичемъ, съ каковымъ паспортомъ она и была впоследствии задержана; Рабиновичъ же въ іюлѣ, какъ уже сказано, ѣздилъ въ Кейдаи за третьимъ транспортомъ книгъ, а въ августѣ отправился въ Саратовъ. Дальнѣйшая дѣятельность Рабиновича и Лешернъ, а также дѣятельность Рабиновича въ Харьковѣ и Кіевѣ будутъ изложены ниже. Такимъ образомъ, за исключеніемъ арестованнаго Лермонтова и уѣхавшей къ роднымъ Ваховской, всѣ прочіе члены кружка къ лѣту 1874 г. уѣхали изъ Петербурга на пропаганду. Дворянинъ Сергій Филипповъ Коваликъ, о которомъ упоминалось уже нѣсколько разъ, былъ основателемъ третьяго изъ петербургскихъ кружковъ, извѣстнаго подъ названіемъ «кружка Ковалика». Означенный кружокъ возникъ слѣдующимъ образомъ: въ 1872 г. Сергій Коваликъ былъ выбранъ на должность мирового судьи въ Мглинскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи. нѣкоторое время былъ даже предсѣдателемъ Мглинскаго съѣзда мировыхъ судей, но выборы не были утверждены Правительствующимъ Сенатомъ, и Коваликъ уѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ встрѣтился со своими старыми знакомыми—студентомъ Института Путей Сообщенія, дворяниномъ Иваномъ Павловичемъ Блаватскимъ и сестрой его Клеопатрою, проживавшими осенью 1873 г. вмѣстѣ со студентомъ Технологическаго Института, Константиномъ Фростомъ, у Семеновскаго моста, въ д. № 88. Коваликъ тоже поселился въ квартирѣ Блаватскихъ, гдѣ и познакомился съ Рабиновичемъ и другими членами кружка Лермонтова. Кромѣ Блаватскихъ, Коваликъ нашелъ въ Петербургѣ, изъ числа своихъ знакомыхъ, бывшаго секретаря Мглинскаго съѣзда мировыхъ судей, Юсифа Каблица, посѣщавшаго, по удостовѣренію Рабиновича, квартиру Блаватскихъ, куда также приходили студенты Технологическаго Института Иванъ Яковлевъ Чернышевъ и Павелъ Александровъ Лемени-Македонъ. Въ концѣ 1873 г. Коваликъ уѣхалъ за границу, Клеопатра Блаватскія, по ея собственному показанію, поселилась съ Вѣрой Павловой Рогачевой, а Иванъ Блаватскій съ Лемени-Македономъ, поступившимъ на заводъ Лаврова, въ качествѣ простаго рабочаго, чему, по словамъ Рабиновича, не мало содѣйствовали уѣзжанія Ковалика. Въ началѣ 1874 года Иванъ Блаватскій переѣхалъ на новую квартиру у Чернышева моста, въ домъ № 68, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ поселился студентъ С.-Петербургскаго университета Митрофанъ Александровъ Гриценковъ. Означенную квартиру, какъ видно изъ показаній Гриценкова и Рабиновича, сталъ часто посѣщать Коваликъ послѣ своего возвращенія изъ-за границы, при чемъ Гриценковъ изъ проходившихъ разговоровъ узналъ, что Коваликъ послѣ своего пріѣзда обратился ко всѣмъ своимъ знакомымъ съ просьбой называть его Лукашевичемъ въ виду того, что его ищетъ полиція. Всѣ вышеназванныя лица, т. е. Иванъ и Клеопатра Блаватскія, Лемени-Македонъ, Фростъ, Каблица, Чернышевъ и Гриценковъ, составили подъ руководствомъ Ковалика кружокъ, къ которому, по удостовѣренію Рабиновича, прикнули студенты:

Медико-Хирургической Академіи, Николай Ивановъ Паевскій и С.-Петербургскаго университета, Александръ Константиновъ Артамоновъ. Чернышевъ и Каблицъ вскорѣ отдѣлились отъ кружка Ковалика и составили свой собственный кружокъ. Такое раздѣленіе кружка Ковалика произошло по всей вѣроятности, какъ можно заключить изъ показанія Гриценкова, почти одновременно съ возвращеніемъ Ковалика изъ заграничной поѣздки, т. е. въ концѣ февраля или началѣ марта 1873 года. Кружокъ Ковалика придерживался теорій Бакунина, доказательствомъ чего служить, во-1-хъ, вся дальнѣйшая дѣятельность Ковалика и, во-2-хъ, изобрѣтенный послѣднимъ шифръ, составленный изъ неблагопристойныхъ словъ. Означенный шифръ, какъ видно изъ показанія Рабиновича, долженъ былъ по предложеніямъ Ковалика сдѣлаться современемъ общимъ для всѣхъ анархическихъ кружковъ съ тѣмъ, чтобы въ перепискѣ каждый кружокъ обозначался буквою «а», съ присовокупленіемъ № кружка, такъ напримѣръ „а¹“ — должно было означать: первый анархическій кружокъ, „а²“ — второй анархическій кружокъ и т. д. Такое показаніе Рабиновича находитъ себѣ полное подтвержденіе въ обстоятельстве дѣла. При осуществленіи на практикѣ своихъ преступныхъ замысловъ Ковалика имѣлъ намѣреніе, по удостовѣренію Рабиновича, дѣйствовать слѣдующимъ образомъ: проникать подъ видомъ рабочіихъ въ народную среду, соединять между собою отдѣльныя недовольныя личности изъ народа и при удобномъ случаѣ вызвать возмущеніе. Кружокъ Ковалика находился въ сношеніяхъ со всѣми прочими петербургскими кружками; его отношенія къ кружку Лермонтова изложены уже выше, а изъ «чайковцевъ» съ нимъ имѣли сношенія — Ободовская, Кравчинскій, Клеменсъ, Рогачевъ и, вѣроятно, Чарушинъ и Богомолвъ: Коваликъ былъ знакомъ съ Ободовскою, что подтверждается отобранною въ Москвѣ у Ковалика запиской, и видѣлся въ Москвѣ, по словамъ Рабиновича, съ Кравчинскимъ и Клеменсомъ, а съ Рогачевымъ, какъ будетъ изложено ниже, пропагандировалъ на Волгѣ, въ Саратовѣ; Иванъ Владзевичъ, посѣщая квартиру Судзиловской, встрѣчался у нея, по всей вѣроятности, съ Чарушинымъ, Ободовскою и Богомолвымъ и, по его собственнымъ словамъ, былъ знакомъ съ Рогачевымъ, котораго знала и Клеопарта Владзевичъ, что видно изъ ея показанія, а также Гриценковъ, удостовѣрившій, что встрѣчался у Лехницкаго съ своими старыми знакомыми Рогачевымъ и дворяниномъ Анатоліемъ Ивановымъ Фаресовымъ. Сношенія кружка Ковалика съ прочими петербургскими кружками подтверждаются показаніями Рабиновича и Гриценкова, изъ которыхъ первый объясняетъ, что въ квартирѣ Владзевича, у Чернышева моста, устроилось нѣчто въ родѣ непрерывнаго собранія членовъ разныхъ кружковъ, а послѣдній удостовѣрилъ посѣщенія означенной квартиры слѣдующими лицами: Антовымъ, Тепловымъ, Усачевымъ и Нефедоровымъ — изъ кружка артиллеристовъ, Голоушевымъ, изъ кружка оренбуржцевъ и Городецкимъ — изъ кружка самарцевъ. Въ Петербургѣ Коваликъ имѣлъ сношенія: а) съ московскими революціонными дѣятелями, какъ-то: съ Олимпіадою Алексѣевою и Войно-ральскимъ, съ которымъ въ Петербургѣ познакомился черезъ Судзиловскую и Клеопатру Владзевичъ, что признано ею самою; б) съ кievскимъ революціоннымъ кружкомъ и в) съ таковымъ же харьковскимъ, основаннымъ самимъ Коваликомъ. Изъ дѣла не видно, чтобы кружокъ Ковалика имѣлъ

сношенія съ эмигрантами, хотя есть основаніе полагать, что во время своей заграничной повѣздки Коваликъ видѣлся съ представителями эмиграціи. Своей специальной кассы кружокъ Ковалика не имѣлъ, и нѣкоторые изъ его членовъ вообще нуждались въ деньгахъ, что видно изъ показанія Ивана Бладзевича, признавашаго, что самъ онъ и его сестра, Лемени-Македонъ. Паевская и Гриценковъ пользовались денежными средствами Ковалика. Представителемъ кружка на собраніяхъ депутатовъ петербургскихъ кружковъ явился, по удостовѣренію Рабиновича, Паевскій, такъ какъ самого Ковалика въ то время въ Петербургѣ не было. Впослѣдствіи Паевскій, уѣзжая на Волгу, въ свою очередь передалъ свои полномочія Артамонову, который, по словамъ Рабиновича, вмѣстѣ съ нимъ и Ободовскою завѣдывалъ общей кассой, въ которую, насколько помнитъ Рабиновичъ, внесъ 300 р. с., добытые имъ изъ университетской кассы. Собранія, происходившія въ квартирѣ Бладзевича и Гриценкова, имѣли такой же характеръ, какъ и собранія въ квартирѣ Головина. Еще въ то время, когда Бладзевичъ проживалъ у Семеновскаго моста, въ квартирѣ его была собрана, по его собственнымъ словамъ, сходка по поводу статьи „Знаніе и революція“ изъ журнала «Впередъ»; въ квартирѣ же у Чернышева моста, какъ видно изъ показанія Гриценкова, разсужденія вращались преимущественно около слѣдующей темы: положеніе народа бѣдственное, исправится оно только тогда, когда самъ народъ пойметъ свое положеніе; интеллигентной молодежи слѣдуетъ помочь въ этомъ народу, для чего молодежи надлежитъ побывать въ средѣ народа, вынести на себѣ всѣ тяжести, которыя выносить народъ, и говорить съ народомъ какъ съ братомъ. По словамъ Гриценкова, это были основныя положенія всѣхъ разсужденій, во время которыхъ высказывалась и мысль, что насильственный переворотъ—единственный путь улучшенія народной жизни. Кромѣ сего, на означенныхъ собраніяхъ, какъ видно изъ показанія Рабиновича, много говорили объ устроенной Чернышевымъ и кружкомъ артиллеристовъ въ Боровой улицѣ кузвечной мастерской и о томъ, какъ добыть для этой мастерской денегъ; въ упомянутой мастерской работалъ нѣкоторое время и Рабиновичъ, что подтверждается его собственнымъ показаніемъ. Цѣль устройства мастерской, по словамъ Гриценкова, состояла въ томъ, чтобъ имѣвшія намѣреніе отправиться въ народъ лица могли изучить нужное для нихъ ремесло. Около Насія 1874 года всѣ лица, собиравшіяся въ квартирѣ Бладзевича и Гриценкова, порѣшивъ идти въ народъ, вышли изъ учебныхъ заведеній: это послѣднее обстоятельство подтверждается показаніемъ Гриценкова. Въ маѣ весь кружокъ Ковалика, за исключеніемъ Артамонова, уѣхалъ на пропаганду; Артамоновъ же остался въ Петербургѣ въ качествѣ представителя кружка. Изъ членовъ кружка Ковалика пропагандой среди рабочаго населенія Петербурга занимались только Паевскій и Артамоновъ. Артамоновъ былъ знакомъ съ Низовкиннмъ, что видно изъ показанія рабочаго Митрофанова, удостовѣрившаго также, что въ квартирѣ Артамонова была однажды собрана сходка, на которой было рѣшено оказать вспомошествованіе семействамъ арестованныхъ рабочихъ—Лаврова и Зарубаева. Такимъ образомъ, Артамоновъ несомнѣнно вращался въ средѣ рабочихъ, имѣвшихъ сношенія съ „чайковцами“, что подтверждается и обварауженными слѣдствіемъ сношеніями его съ рабочими Щегло-

вымъ и Павломъ Григорьевымъ Бѣлиловымъ. Щегловъ, проживавшій въ некоторое время на одной квартирѣ съ рабочими Орловымъ и Бачинымъ, — что удостовѣрено показаніемъ послѣдняго, — и посѣщавшій, какъ уже сказано выше, лекціи Кравчинскаго и Клеменса въ Ключкахъ, сообщилъ Бачину предъ отъѣздомъ въ деревню, весной 1874 г., свое сожалѣніе о томъ, что въ деревнѣ придется оставаться безъ книгъ, на что Бачинъ, по словамъ Щеглова, отвѣтилъ, что книги можно получить отъ сапожника Александра Константинова, адресъ котораго извѣстенъ рабочему Пирогову. Вслѣдствіе такого указанія Бачина, Щегловъ, узнавъ отъ Пирогова адресъ Александра Константинова, отправился къ послѣднему, отъ котораго и получилъ слѣдующія книги: 1 экз. „Исторіи одного французскаго крестьянина“, 1 экз. „Отщепенцевъ“, 1 экз. „Степки Разина“, 3 экз. „Сила солону ломить“. 1 экз. „Сказка о 4 братьяхъ“, 2 экз. „Пѣсвенника“ и 1 экз. „Сборника новыхъ пѣсень и стиховъ“. Такое показаніе Щеглова находитъ себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ Пирогова и Бачина, изъ которыхъ видно, что Пироговъ получилъ отъ сапожника Николая Иванова (т. е. Паевского) письмо съ приглашеніемъ придти въ квартиру сапожника Александра Константинова, въ Мастерской улицѣ, въ домѣ № 5, каковое письмо было передано Пироговымъ Щеглову, и что Бачинъ былъ знакомъ какъ съ Николаемъ Ивановымъ, такъ и съ Александромъ Константиновымъ. При предъявленіи Щеглову и Бачину Александра Константинова Артамонова, первый призналъ въ немъ то самое лицо, отъ котораго имъ были получены вышепоименованныя книги, а второй удостовѣрялъ, что видѣлъ Артамонова съ сапожникомъ Николаемъ Ивановымъ. Адресъ: Большая-Мастерская, домъ № 5, Нина Иванова Сергѣева — оказалась записаннымъ въ шифрованныхъ запискахъ, отобранныхъ впоследствии у Войноральскаго при его задержаніи. Нина Иванова Сергѣева была знакома съ Артамоновымъ, который, по его собственному показанію, проживалъ одно время въ ея квартирѣ и передалъ ея адресъ Паевскому, когда послѣдній уѣзжалъ изъ Петербурга. Признавая свое знакомство съ Бачинымъ, Пироговымъ и Щегловымъ, Артамоновъ объяснилъ, что дѣйствительно давалъ Щеглову какія-то книги, но какія именно — не помнитъ, присовокупляя, что не имѣлъ намѣренія дать Щеглову книги преступнаго содержанія, хотя у него и были таковыя, оставленныя Паевскимъ. Получивъ отъ Артамонова книги, Щегловъ отправился на родину въ деревню Чуфариху, Кологривскаго уѣзда, гдѣ передалъ мѣстнымъ крестьянамъ книги: „Отщепенцы“, „Исторію одного французскаго крестьянина“, „Сборникъ новыхъ пѣсень и стиховъ“ и „Сказку о 4 братьяхъ“, советуя читать эти книги со вниманіемъ. Кромѣ сего, какъ удостовѣрено свидѣтельскими показаніями, Щегловъ 24-го іюля говорилъ нѣсколькимъ крестьянамъ слѣдующее: „дурачье вы, мужики, землю у васъ отняли, а налоги всякіе платите; почитали бы вы тѣ книжки, что я изъ Петербурга привезъ, тамъ узнали бы, какъ васъ правительство надувааетъ; я такихъ книжекъ съ полпуда привезъ, кому угодно, даромъ дамъ почитать, только читайте со вниманіемъ. Намъ, братцы, надо соединиться въ одно слово, въ одну душу и вооружиться противъ Царя и начальниковъ, тогда сила будетъ на нашей сторонѣ: земля будетъ наша, налоговъ платить не станемъ и будемъ жить господами“. Когда затѣмъ крестьяне, расходясь, стали креститься на образа,

то Щегловъ вновь обозвалъ ихъ дураками и богохульствовалъ; по удосто- вѣренію свидѣтелей, Щегловъ былъ навеселѣ, но на ногахъ стоялъ твердо и говорилъ съ сердцемъ, горячо. Не отвергая передачу крестьянамъ революціоннаго содержанія книгъ, Щегловъ ни въ чемъ виновнымъ себя не признавалъ. По обыску, произведенному въ домѣ Щеглова, у него были най- дены книги: „Пѣсенникъ“ и „Стенька Разинъ“. Во время своего пребы- ванія въ деревнѣ Чуфарихѣ, Щегловъ написалъ Пирогову письмо, въ ко- торомъ извѣщалъ о своемъ намѣреніи возвратиться въ Петербургъ и по- ручалъ попросить для него на дорогу денегъ у сапожника Александра Константинова. Вслѣдствіе такого письма Пироговъ отправился къ Кон- стантинову, который отозвался, что никакого Щеглова не знаетъ, но скоро послѣ затѣмъ явился къ Пирогову и попросилъ показать ему письмо Щег- лова, послѣ чего обѣщавъ доставить 10 р. с. Павелъ Григорьевъ Бѣли- ловъ, съ которымъ Артамоновъ и Паевскій также имѣли сношенія, работ- атъ на заводѣ, бывшемъ Семяникова, и былъ знакомъ, какъ видно изъ его показанія, съ Щегловымъ и Бачинымъ, изъ которыхъ послѣдній раз- сказывалъ ему, что посѣщавъ лекціи студентовъ, смѣялся надъ княземъ Кропоткинымъ и говорилъ, что отъ студентовъ слѣдуетъ брать книги, а если они будутъ учить вздору, то ихъ за это надо бить. Узнавъ отъ Бѣ- лилова, уѣзжавшаго въ началѣ лѣта 1874 г. въ деревню, что ему хотѣ- лось бы взять съ собою книгъ, Бачинъ при встрѣчѣ съ Николаемъ Ива- новымъ (т. е. Паевскимъ) сообщилъ послѣдному о желаніи Бѣлилова имѣть книги, и вслѣдствіе просьбы Паевского познакомилъ его въ трактирѣ съ Бѣлиловымъ. Паевскій обѣщавъ доставить книги и, спросивъ его адресъ, ушелъ, а черезъ нѣсколько дней явился въ квартиру Бѣлилова вмѣстѣ съ Александромъ Константиновымъ и принесъ нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, а также два экземпляра „Стеньки Разина“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“, при чемъ, какъ Паевскій, такъ и Константиновъ совѣтовали читать эти книги и давать ихъ для чтенія другимъ. Въ разговорѣ съ Паевскимъ и Константиновымъ, т. е. Артамоновымъ, Бѣлиловъ высказалъ, что хочетъ устроить въ деревнѣ кузницу, и что ему необходимо имѣть работника, вслѣдствіе чего Паевскій и Артамоновъ стали убѣждать Бѣли- лова непременно устроить кузницу, обѣщая оказать ему помощь и при- слать бесплатнаго работника. Скоро послѣ прибытія Бѣлилова на роди- ну, въ деревню Глинкино, Старицкаго уѣзда, пріѣхалъ къ нему Паевскій и сталъ рассказывать о притѣсненіи фабрикантами рабочихъ, при чемъ го- ворилъ, что работать должны всѣ и при этомъ упоминалъ о Рогачевѣ, который былъ баринкомъ и сдѣлался работникомъ, и о Бакунинѣ. Пробывъ нѣсколько дней въ Глинкинѣ, Паевскій уѣхалъ, попросивъ Бѣлилова при- ескать для одного изъ его знакомыхъ мѣсто волостного писаря или сель- скаго учителя и, вручивъ Бѣлилову два адреса, одинъ свой, а другой Нины Ивановой Сергѣевой, для переписки съ Артамоновымъ на случай нужды въ деньгахъ. Около Петрова дня Бѣлиловъ получивъ изъ Саратова письмо отъ Паевского, въ которомъ послѣдній, сообщая объ арестахъ въ Саратовѣ, упоминалъ о Рогачевѣ, сирваляся о кузницѣ и совѣтовалъ дѣйствовать энергичнѣе, а въ первыхъ числахъ іюля прибылъ неизвѣстный Бѣлилову молодой человекъ съ письмомъ отъ Александра Константинова и 15 р. с., присланными имъ же. Прибывшій человекъ, назвавшійся кре-

стьяниномъ Островскаго уѣзда Иваномъ Алексѣевымъ Гвоздевымъ и представившій въ удостовѣреніе своего званія трехмѣсячный паспортъ на имя Гвоздева, объявилъ, что онъ работникъ, присланный Константиновымъ, и дѣйствительно прожилъ у Бѣлилова въ качествѣ рабочаго до половины августа. Во время своего пребыванія въ Глинкинѣ назвавшійся Гвоздевымъ получалъ и отправлялъ письма, писанныя шифромъ, объяснить который, несмотря на просьбу Бѣлилова, отказался. Послѣ отъѣзда Гвоздева Бѣлиловъ написалъ ему по адресу Нины Сергѣевой письмо съ просьбой о присылкѣ денегъ на покупку избы, на каковую просьбу Константиновъ отвѣтилъ, что Гвоздевъ заболѣлъ, что на его мѣсто придетъ другой работникъ и что просимыя деньги будутъ высланы; несмотря однако на такое обѣщаніе, къ Бѣлилову никто болѣе не являлся. Проживавшій у Бѣлилова Гвоздевъ оказался неокончившимъ курса въ Вятской гимназій сынномъ священника, Петромъ Ивановымъ Неволинымъ, который объяснилъ, что въ апрѣлѣ 1874 г. отправился изъ гор. Вятки въ Петербургъ съ цѣлью поступленія въ Технологическій институтъ, при чемъ записка рекомендательнымъ письмомъ отъ нѣкоего Шуравина къ Артамонову. По дорогѣ въ Петербургъ онъ остановился въ Москвѣ у одного знакомаго студента Петровской Академіи и познакомился съ нѣкимъ Хмѣлевымъ, который, узнавъ о желаніи его, Неволина, подготовить себя къ практической дѣятельности прежде поступленія въ институтъ, снабдилъ его письмомъ къ своему дядѣ, помѣщику Псковской губ., Костюрину. Поработавъ нѣкоторое время у Костюрина въ качествѣ простаго рабочаго, онъ написалъ въ Петербургъ своей родственницѣ Софьѣ Синегубъ письмо съ просьбою о высылкѣ ему денегъ, по полученіи которыхъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ познакомился съ Артамоновымъ. Послѣдній, вслѣдствіе его просьбы о доставленіи работы, далъ ему письмо къ Бѣлилову, при чемъ въ шутку называлъ его Гвоздевымъ. Проживая у Бѣлилова, онъ однажды приложилъ къ одному письму шифрованный адресъ по шифру, сообщенному студентомъ медико-хирургической академіи Александромъ Поповымъ, но сдѣлалъ это безъ всякой противозаконной цѣли. Артамоновъ, признавая свое знакомство съ Неволинымъ, объяснилъ такое согласно съ показаніемъ послѣдняго. Между тѣмъ, изъ показанія Рабиновича оказывается, что Неволинъ былъ рекомендованъ Ободовской московскими революціонными дѣятелями, а по рекомендаціи Ободовской былъ помѣщенъ Артамоновымъ въ кузницу Бѣлилова. Такое объясненіе Рабиновича представляется вполне заслуживающимъ довѣрія въ виду того, что Рабиновичу, какъ видно изъ его показанія, были хорошо извѣстны отношенія Паевского и Артамонова съ рабочими и, между прочимъ, устройство Бѣлиловымъ кузницы при содѣйствіи Паевского. Неволинъ въ принадлежности къ преступному сообществу не призналъ себя виновнымъ. У Павла Бѣлилова было отобрано, между прочимъ, письмо Паевского, а также 2 экз. „Сказки о четырехъ братьяхъ“, а при обыскѣ у Артамонова были найдены слѣдующія книги: журналъ „Впередъ“ т. I, „Сила солому ломить“, „Мысли о социальной наукѣ будущаго“, „Биографія и дѣятельность Роберта Овена—основателя социализма въ Англіи“, 2 экз. „Апархін по Прудону“, „Задачи революціонной пропаганды въ Россіи“, „Сборникъ новыхъ пѣсень и стиховъ“: въ чемоданѣ у Артамонова между бѣльемъ былъ найденъ конвертъ съ

20 рублями, разложенными отдѣльно съ клочками бумаги, на которыхъ написаны фамиліи: Дубенскій, Тарановъ и Габель. Во время содержанія Артамонова подъ стражей въ полицейскомъ домѣ Спасской части, у содержавшагося тамъ же Богомолова были найдены 17 февраля 1875 года шифрованные записки Артамонова, въ коихъ послѣдній, указывая адресъ Григорія Щеглова, котораго „знають жена Синегуба и Клеменсъ“, просилъ уговорить его, а также передать Ободовской слѣдующее: 1) Пусть студентъ Николай (т. е. Шаевскій), который участвовалъ во всѣхъ похожденияхъ, поскорѣе уѣзжаетъ за границу, ибо фамилію его знаютъ. 2) Пусть узнають, если возможно, гдѣ сидитъ Неволинъ. 3) Пусть скажутъ Сергѣевой, чтобъ она не говорила, что я пилъ сапоги и уѣзжалъ на лѣто, что у меня бывали Пироговъ и Щегловъ, что она ихъ не видѣла и они мнѣ незнакомы, а если она уже сказала, то пусть переимѣнитъ показаніе на предварительномъ слѣдствіи. Въ другой шифрованной запискѣ Артамоновъ писалъ, что „кузнецъ Павелъ Григорьевъ (Бѣлиловъ) совсѣмъ подлець, мы съ нимъ завели кузницу въ деревнѣ и тамъ уже работалъ одинъ изъ нашихъ—Неволинъ“, просилъ разыскать Бачина и уговорить его—„я съ нимъ кое о чемъ говорилъ и въ присутствіи его общалъ дать книги этому подлецу, кузнецу, а также разыскать и вывезти за границу рабочаго Ивана Медвѣдева, ибо онъ ужасный трусъ, и если его арестуютъ, то онъ все расскажетъ, а знаетъ онъ многое: я ему помогъ ѣхать изъ Питера и познакомилъ съ другими, которые теперь считаются вожаками всего, а для меня только еще доставало, чтобы раскрылись мои связи съ ними“. Артамоновъ объяснилъ, что вышеприведенныя записки написаны не имъ, но противное несомнѣнно вытекаетъ какъ изъ содержанія записокъ, такъ и изъ показанія зрителя полицейскаго дома Спасской части. Подтверждая вышеизложенныя обстоятельства дѣла о Щегловѣ и Бѣлиловѣ, записки Артамонова вмѣстѣ съ тѣмъ указали на сношенія послѣдняго съ рабочимъ Медвѣдевымъ, разслѣдованіе каковыхъ сношеній въ свою очередь повлекло за собою раскрытіе преступной дѣятельности студентовъ Технологическаго Института Андрея Андреева Пыпина и Анатоля Андреева Чарыкова. Иванъ Ильичъ Медвѣдевъ, работавшій на заводѣ, бывшемъ Семянникова, былъ знакомъ, какъ видно изъ его показанія, съ Бачинымъ, Пироговымъ, Виноградовымъ, Бѣлиловымъ, Орловымъ, Чернышевымъ, Низовкинымъ и Клеменсомъ; посѣщалъ, по удостовѣренію Бѣлилова, лекціи студентовъ, о чемъ самъ рассказывалъ Бѣлилову; присутствовалъ, по словамъ Виноградова, на сходкѣ, устроенной Низовкинымъ 3-го марта 1874 г., что признано и самимъ Медвѣдевымъ и, наконецъ, какъ оказывается изъ показанія Бѣлилова, передалъ послѣднему для чтенія „Исторію одного французскаго крестьянина“ и книгу про Бакунина. 18 марта 1874 г. у Медвѣдева была произведена обыскъ, при чемъ у него были отобраны книги: „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Степка Разинъ“, „Вольный атаманъ Степанъ Тимоѣевичъ Разинъ“ и „Пролетаріатъ во Франціи“. Обязанный подпиской о неотлучкѣ изъ мѣста жительства, Медвѣдевъ тѣмъ не менѣе тотчасъ же послѣ обыска скрылся и былъ задержанъ лишь 21-го марта 1873 г. въ гор. Бродахъ съ паспортомъ на имя купца Бертольда. Отвергая свое знакомство съ Артамоновымъ, Медвѣдевъ объяснилъ, что былъ знакомъ съ Чарыковымъ и Пыпинымъ, въ квартирахъ которыхъ и скры-

вался, опасаясь послѣдствій обыска. Нѣкоторое время Медвѣдевъ проживалъ, какъ видно изъ его показанія, въ окрестностяхъ Петербурга, затѣмъ опять то у Пыпина, то у Чарыкова и, наконецъ въ мартѣ 1875 года уѣхалъ за границу, при чемъ предъ отъѣздомъ видѣлся съ Чарыковымъ. а самый отъездъ его былъ рѣшенъ въ квартирѣ Пыпина, въ присутствіи послѣдняго. Чарыковъ и Пыпинъ, работавшіе, какъ видно изъ ихъ показаній, на бывшемъ заводѣ Сомянникова, признали свое знакомство съ Медвѣдевымъ и проживание послѣдняго въ квартирахъ каждаго изъ нихъ, но при этомъ каждый объяснилъ, что ему неизвѣстно, бывалъ ли Медвѣдевъ у другого, и сверхъ сего оба отозвались незнаемъ о намѣреніи Медвѣдева уѣхать за границу. Между тѣмъ въ отношеніи Чарыкова и Пыпина слѣдствіемъ обнаружены слѣдующія данныя: Чарыковъ былъ знакомъ съ Сивегубомъ и, по словамъ послѣдняго, познакомилъ его съ Медвѣдевымъ. Пыпинъ присутствовалъ, по удостовѣренію Виноградова, на сходкѣ собранной Низовкинымъ 3-го марта 1874 г., что подтверждено Медвѣдевымъ, изъ показанія котораго видно, что онъ пришелъ на означенную сходку вмѣстѣ съ Пыпинымъ. Изъ показанія дворянина Льва Городецкаго оказывается, что онъ былъ знакомъ съ Пыпинымъ, а черезъ него познакомился съ Чарыковымъ, который и посѣщалъ сходки, происходившія въ квартирѣ членовъ самарскаго кружка. Пыпинъ и Чарыковъ, по словамъ Городецкаго, стояли за стачки фабричныхъ рабочихъ и обращали особое вниманіе, по выраженію Городецкаго, на умственное развитіе калинкинскихъ акушеровъ. Показаніе Городецкаго находитъ себѣ подтвержденіе въ показаніи Медвѣдева, изъ котораго видно, что Низовкинъ, Пыпинъ и Чарыковъ отзывались дурно о хозяевахъ и совѣтовали устраивать ассоціаціи. По словамъ того же Медвѣдева, Чарыковъ познакомилъ его съ Чернышевымъ, отъ котораго онъ получилъ найденныя у него при обыскѣ книги; самъ же Чарыковъ давалъ ему для чтенія „Пролетаріатъ во Франціи“, „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“ и т. п. книги. Изъ вышеизложеннаго нельзя не придти къ заключенію, что Пыпинъ и Чарыковъ, имѣвшіе сношенія съ революціонными дѣятелями разныхъ кружковъ и вращавшіеся въ средѣ рабочихъ, преслѣдовали тѣ же цѣли, къ которымъ стремились и прочіе пропагандисты. Сопоставляя такой, вытекающей изъ обстоятельствъ дѣла выводъ съ проживаніемъ укрывавшагося отъ преслѣдованія Медвѣдева въ квартирахъ Пыпина и Чарыкова, и съ бѣгствомъ Медвѣдева за границу, слѣдуетъ признать, что Пыпинъ и Чарыковъ, подобно Артамонову, были заинтересованы въ исчезновеніи Медвѣдева. Медвѣдевъ, Пыпинъ и Чарыковъ виновными себя не признали. Каблицъ и Чернышевъ, отдѣлившись отъ Ковалика, образовали новый кружокъ, въ составъ котораго вошли, по показанію Рабиновича, студентъ Технологическаго Института Николай Яковлевъ Стронскій, Вѣра Рогачева и, какъ видно полагаютъ, Фростъ. Кружокъ Каблица и Чернышева носилъ названіе „кружка вспышкочупускателей“ на томъ основаніи, что члены кружка, въ противность большинству пропагандистовъ, стояли за мѣстныя возстанія, вспышки. Такое происхожденіе названія кружка подтверждается показаніями Рабиновича и Гриценкова, изъ которыхъ, впрочемъ, послѣдній отъ этой части своего показанія отказался. На собраніяхъ делегатовъ всѣхъ кружковъ представителемъ „кружка вспышкочупускателей“ явился, по удостовѣренію

Рабновича, Каблиць, внесші въ общую кассу 300 руб. сер. изъ взятаго имъ за женою приданнаго. Члены кружка, чрезъ Каблица и Рогачеву, познакомились съ проживавшею въ то время въ Петербургѣ хорошею знакомою Ковалика, дворянкою Екатериною Константиновною Врепковскою, одною изъ основательницъ кievскаго кружка. Послѣдствіемъ такого знакомства было переселеніе весною 1874 года всего кружка въ Кіевъ и совершенное сліянiе его съ мѣстнымъ кружкомъ. Подъ вліяніемъ вышепоказанныхъ четырехъ кружковъ: Чайковского, Лермонтова, Ковалика и вспышкочупускателей, сложились и организовались кружки: артиллеристовъ, оренбуржцевъ и самарцевъ. „Кружокъ артиллеристовъ“ возникъ въ 1873 г. слѣдующимъ образомъ: въ 1872 г. воспитанники Михайловскаго артиллерійскаго училища Давыдъ Антовъ, Тепловъ, Усачевъ и Нефедовъ, товарищи по классу, стали посѣщать квартиру отставнаго поручика Егора Егоровича Емельянова, начальника снаряжательнаго отдѣла патроннаго завода, гдѣ встрѣчались съ Кравчинскимъ и Шишко, а по показанію Усачева и Антона, и съ Рогачевымъ. Кравчинскій, Шишко и Рогачевъ, по показанію Теплова, читали на собраніяхъ у Емельянова программы журнала „Впередъ“ и „Интернаціональнаго общества“, а также доказывали необходимость революціи, какъ единственнаго средства разорвать тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ, по ихъ словамъ, находилось общество; такого рода ученіе произвело на Теплова, по его собственному показанію, сильное впечатлѣніе, которому поддались, очевидно, и его товарищи, рѣшившіе вмѣстѣ съ Тепловымъ оставить Артиллерійское училище. Въ февралѣ 1873 г. Тепловъ вышелъ изъ училища, вслѣдъ за нимъ въ мартѣ Антовъ и Нефедовъ, а лѣтомъ и Усачевъ. Тепловъ поселился съ Антовымъ и Нефедовымъ на одной квартирѣ, въ которой кромѣ того жилъ тоже оставившій Артиллерійское училище дворянинъ Сидорацкій (женившійся впоследствии на Ободовской) и въ которой впоследствии поселились знакомые Антова, пріѣхавшіе лѣтомъ изъ Оренбурга п Уфы—дворянинъ Сергѣй Голоушевъ, дворянинъ Леонидъ Щигольевъ и мѣщанинъ Соломонъ Аранзонъ, а также Усачевъ и воспитанникъ Артиллерійскаго училища, оставившій такое по примѣру своихъ товарищей, сынъ статскаго совѣтника, Федоръ Фоминъ. Нефедовъ поступилъ въ Технологическій Институтъ; Фоминъ ѣздилъ въ Дерптъ съ цѣлю поступленія въ тамошній университетъ, но дерптскіе порядки ему не понравились и онъ вернулся въ Петербургъ, а Сидорацкій былъ арестованъ въ ноябрѣ 1873 г. по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Квартиру, въ которой жили всѣ эти лица, посѣщали: Шишко—по удостовѣренію Теплова, Усачева и Антова; студентъ Технологическаго Института, австрійскій подданный, Александръ Осиповъ Лукашевичъ и Купріяновъ—по показаніямъ Теплова и Фомина, а также съ недѣлю жилъ въ ней, по словамъ того же Теплова, Дробышевскій, товарищъ Усачева по Нижегородской гимназiи. Оставаясь, такимъ образомъ, подъ вліяніемъ Шишко, артиллеристы, съ другой стороны, подпали вліянію кружка Ковалика; такъ, изъ показанія Митрофана Гриценкова видно, что въ началѣ января онъ встрѣчалъ въ квартирѣ Ивана Блаудзевича—Антова, Теплова, Усачева, Нефедова и Голоушева, а по удостовѣренію Усачева, онъ съ Нефедовымъ былъ на сходкѣ у Чернышева, на которой Каблиць говорилъ о „стачкахъ и мѣстныхъ возстаніяхъ, какъ средствахъ воспитать

въ народѣ чувства, нужныя для того, чтобъ онъ могъ произвести революцію“. Вліяніе такого знакомства выразилось въ явно революціонномъ направленіи, которое усвоилъ себѣ кружокъ артиллеристовъ, что доказывається слѣдующимъ: По показанію Теплова, онъ считалъ нѣкоторое время „революцію историческою необходимостью, могущею произвести переворотъ въ строѣ государства“, почему и записывалъ въ тетрадь, отобранную у него при обыскѣ, тексты изъ Священнаго писанія, подтверждающіе, по его мнѣнію, такое положеніе. По показанію Фомина, у него послѣ прочтенія нѣсколькихъ запрещенныхъ книгъ, а также «Капитала»—Маркса и „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“—Флеровскаго, явилось убѣжденіе о необходимости измѣнить положеніе рабочаго класса: не будучи въ состояніи разрѣшить собственными силами вопросъ о томъ, какимъ способомъ такое измѣненіе можетъ быть достигнуто, онъ обратился за разъясненіемъ къ Теплому и Аитову, которые и указали ему на революцію. Въ одно изъ заявленій Аитова, написанныхъ послѣ задержанія его въ гор. Калугѣ, встрѣчаются слова: „прежде я былъ такого образа мыслей, что народъ можетъ достигнуть благосостоянія путемъ кровавыхъ революцій—теперь я этого не думаю“. По показанію Усачева, въ квартирѣ артиллеристовъ появились прокламаціи: „Къ интеллигенціи“ и „Къ русскому народу“, и однажды вечеромъ читались статьи Бакунина объ образованіи, послѣ чего между Тепловымъ и Голоушевымъ произошелъ по поводу прочитаннаго споръ, въ которомъ Голоушевъ доказывалъ необходимость дальнѣйшаго образованія, а Тепловъ отстаивалъ ту мысль, что можно вести пропаганду и съ тѣми знаніями, которыми обладали уже въ то время артиллеристы. Такое показаніе Усачева находитъ себѣ подтвержденіе и въ показаніи Щиголева, удостовѣрившаго, что въ квартирѣ артиллеристовъ появились книги «Впередъ» и «Анархія». Изъ переписки, отобранной у матери Голоушева, видно, что во второй половинѣ 1872 г. Голоушевъ писалъ своей матери, между прочимъ, слѣдующее... „я писалъ вамъ, что разъ, ставъ на какой-нибудь путь, вѣдь не сворачивать же съ него ни съ того ни съ сего. А путь нашъ, всѣмъ теперь извѣстное дѣло, не особенно покойный и безопасный. Надо не только сблизиться съ народомъ, надо просто идти въ него и слиться съ нимъ“... „Вы говорите противъ насильственныхъ переворотовъ; что вы называете насильственнымъ?... если я укажу возможность выйти изъ тяжелаго положенія человѣку, изъ котораго тянутъ сокъ... тутъ простое стремленіе выбиться изъ-подъ гнета, и я не думаю, чтобы вы употребили слово насиліе въ этомъ смыслѣ. Хорошо было бы, если бы возможенъ былъ мирный путь, но вспомните слова Іисуса Христа: не миръ пришелъ я принести на землю, а мечъ“. Артиллеристы, а также Голоушевъ, въ показаніяхъ своихъ стараются доказать, что направленіе кружка не было революціоннымъ, и что они, убѣжденные въ бѣдственномъ положеніи народа, обсуждали лишь вопросъ: какъ помочь народу выйти изъ этого положенія, при чемъ рѣшили отправиться на „рекогносцировку“, т. е. пойти въ народъ, отнюдь не съ цѣлью пропагандировать революцію, а исключительно съ намѣреніемъ узнать настоящее положеніе народа, а также его нужды и стремленія. Такое объясненіе, не согласуясь однако съ изложенными выше обстоятельствами дѣла, достаточно характеризующими направленіе кружка, находитъ себѣ полное опроверженіе въ дѣя-

тельности членовъ послѣдняго. По показанію Теплова, еще въ то время, когда онъ жилъ лишь съ Нефедовымъ и Сидорацкимъ, къ нимъ въ квартиру для сбереженія былъ отданъ къ-мъ-то ручной типографскій станокъ и шрифтъ для печатанія. Когда они переѣхали на другую квартиру, въ которой вмѣстѣ съ ними жили Усачевъ и др., станокъ этотъ хранился въ верхнемъ помѣщеніи квартиры, гдѣ раза два Шишко съ неизвѣстною личностью провели нѣсколько часовъ, заперевъ дверь на ключъ. Теплово пробовалъ печатать на этомъ станкѣ программу собиранія свѣдѣній о народномъ бытѣ, что видѣлъ и Усачевъ, какъ удостовѣрилъ сей послѣдній, но попытка Теплова, по его словамъ, не увѣнчалась успѣхомъ. Послѣ ареста Сидорацкаго и бывшаго воспитанника Артиллерійскаго училища Циммерберга, Теплово и товарищи его, опасаясь обыска, рѣшили отправить типографскій станокъ къ Емельянову, что и было исполнено. Желая однако продолжать начатыя опыты печатанія, Теплово, по его собственнымъ словамъ, обратился къ Емельянову съ предложеніемъ нанять гдѣ-либо квартиру и перевезти туда станокъ, при чемъ, въ виду изъявленнаго Емельяновымъ согласія, просилъ его рекомендовать ему, Теплово, кого-нибудь, кто могъ бы быть его помощникомъ въ задуманномъ имъ дѣлѣ. Емельяновъ рекомендовалъ Теплово воспитанника Техническаго Училища Гвоздева, съ которымъ Теплово нашель гдѣ-то за арсеналомъ квартиру, за которую платилъ Емельяновъ, давшій и мебель для этой квартиры и вмѣстѣ съ Тепловымъ перевезшій въ нее типографскій станокъ съ той квартиры, гдѣ онъ хранился. Несмотря однако на содѣйствіе Гвоздева, опыты печатанія остались, по словамъ Теплова, безуспѣшными, и онъ, уѣзжая изъ Петербурга, посоветовалъ Гвоздеву продолжать работу съ Аранзономъ. Какъ Емельяновъ, такъ окончившій курсъ въ Технической школѣ мастеръ 2-го разряда, Михайль Григорьевъ Гвоздевъ, отвергли показанія Теплова, при чемъ Емельяновъ объяснилъ, что зналъ Гвоздева, а сей послѣдній отозвался, что Теплово ему совершенно неизвѣстенъ, несмотря на призваніе его Тепловымъ за то самое лицо, о которомъ онъ упоминалъ въ своемъ показаніи. Несмотря на такія объясненія Емельянова и Гвоздева, показаніе Теплова представляется вполне правдоподобнымъ въ виду доказаннаго распространенія Гвоздевымъ революціонныхъ книгъ, что удостовѣрено кронштадскимъ мѣщаниномъ Александромъ Разумовскимъ. По словамъ сего послѣдняго, онъ въ мастерской арсенала купилъ за 15 коп. у Гвоздева, по его предложенію, „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и прокламацію „Чтой-то-братцы“, при чемъ Гвоздевъ советовалъ ему давать эти книги для чтенія и другимъ, поясняя, что онѣ „на то и печатаются“. Такое показаніе Разумовскаго подтвердилъ и Гвоздевъ, объясняя, что означенныя книги онъ купилъ на толкучемъ рынкѣ и, прочитавъ таковыя, продалъ ихъ Разумовскому, не зная, что онѣ запрещенныя. Теплово, работавшій нѣкоторое время послѣ выхода изъ Артиллерійскаго училища въ сваряжательной мастерской патроннаго завода, познакомился съ рабочимъ той же мастерской, крестьяниномъ Гдовскаго уѣзда, Михаиломъ Никифоровымъ (нынѣ умершимъ), который затѣмъ, по болѣзни, уѣхалъ на родину, гдѣ и завелъ школу. Въ устройствѣ этой школы принимали дѣятельное участіе Теплово и Аитовъ, какъ это видно изъ ихъ показаній, а также Щигольевъ и Голоушевъ. По обыску у Никифорова найдено довольно значительное количество народ-

ных и тенденціозныхъ книгъ, въ томъ числѣ: „Дѣдушка Егоръ“, съ приложеннымъ къ нему рукописнымъ листомъ, заключающимъ въ себѣ прямое воззваніе къ бунту, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, „Программа работниковъ“, брошюра „Какъ должно жить по закону природы и правды“, прокламація „Къ русскому народу“, а также три письма, изъ коихъ два отъ Щиголева, а третье отъ Теплова. Тепловъ въ своемъ письмѣ совѣтуетъ Никифорову просвѣщать темныхъ людей и общается прислать книгъ вродѣ „Дѣдушки Егоръ“. Щиголевъ въ одномъ письмѣ сообщаетъ Никифорову, что знаетъ его по рассказамъ общаго ихъ друга Теплова, что письмо Никифорова къ Аитову не застало послѣдняго въ Петербургѣ, что Голушевъ, получившій письмо предъ своимъ отъѣздомъ, просилъ Щиголева взять переписку съ Никифоровымъ на себя и общается прислать денегъ; въ другомъ же письмѣ Щиголевъ извѣщаетъ о посылкѣ денегъ, о скорой присылкѣ книгъ, и проситъ Никифорова писать подробнѣе о своихъ дѣлахъ, такъ какъ они интересуютъ не одного Щиголева, а и всѣхъ товарищей его, при чемъ прилагаетъ адресъ на имя Софьи Смиттенъ. Заботы Теплова и товарищей его о школѣ, какъ это видно изъ писемъ Никифорова, отобранныхъ у Щиголева, не пропали даромъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Никифоровъ извѣщалъ, что дѣла у него въ деревнѣ идутъ на столько хорошо, что могутъ радовать такихъ мыслящихъ людей, какъ Щиголевъ и его товарищи. Онъ, какъ Шовель, старается разъяснить человѣческія права народу, который начинаетъ уже цѣнить въ себѣ человѣческое достоинство и не раболѣпствуетъ предъ помѣщикомъ, какъ прежде. Въ другомъ письмѣ Никифоровъ благодаритъ за присылку „Пѣсенника“ и другихъ книгъ, и проситъ денегъ „для общей нашей пользы“. Михаилъ Никифоровъ, нынѣ умершій, объяснилъ при дознаніи, что деньги и книги для устроенной имъ въ селѣ Подоспѣ школы, онъ получалъ отъ Теплова и Щиголева, что народные рассказы, „Программа работниковъ“ и брошюры: „Къ русскому народу“ и „Какъ слѣдуетъ жить по закону природы и правды“, были привезены къ нему, Никифорову, въ село Подоспѣ, 24 декабря 1873 г., Тепловымъ и Аитовымъ, и что „Пѣсенникъ“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“ прислалъ въ іюлѣ 1874 г. Щиголевъ, котораго о полученіи этихъ книгъ онъ и увѣдомилъ письмомъ, писаннымъ солянымъ растворомъ, каковой способъ переписки былъ рекомендованъ Тепловымъ. Тепловъ и Аитовъ признали, что дѣйствительно на Рождествѣ 1873 г. ѣздили къ Никифорову въ село Подоспѣ и привезли ему народныя книги, а также брошюры: „Къ русскому народу“ и „Какъ слѣдуетъ жить по закону природы и правды“, при чемъ объяснили: Тепловъ—что брошюры эти были получены отъ Шишко, а Аитовъ—что брошюры были имъ взяты съ собою, вѣроятно, потому, что онѣ не запрещенныя. Щиголевъ, не отрицая посылки Никифорову книгъ, пояснилъ, что дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по порученію студента Воронцова и не зналъ содержанія книгъ, которыя были ему переданы для отсылки Никифорову завернутыми въ бумагу и запечатанными. Между тѣмъ, по обыску у самого Щиголева были найдены: „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Степка Разинъ“, извлеченіе изъ устава интернаціональнаго общества и стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Къ русскому народу“. Усвоивъ себѣ

революціонное направленіе и посвятивъ себя агитаторской дѣятельности, кружокъ „артиллеристовъ“, прежде чѣмъ идти въ народъ, счелъ необходимымъ, подобно большинству пропагандистовъ, изучить какое-либо ремесло. Затрудненія, которыя, по словамъ Антова, встрѣчались по сему предмету, были, какъ это видно изъ показаній Теплова, Антова и Нефедова, устранены Шишко. Явившись однажды, вскорѣ послѣ ареста Сидорацкаго, на квартиру артиллеристовъ, Шишко сообщилъ Антову и Теплову, что нѣсколько студентовъ рѣшили устроить слесарную мастерскую, и предложилъ имъ принять участіе въ томъ дѣлѣ, на что Антовъ и Тепловъ изъявили согласіе, при чемъ, въ виду предупрежденія Шишко о томъ, что много народу набирать не слѣдуетъ, порѣшили сообщить о вышеизложенномъ только Нефедову, который, подобно своимъ товарищамъ, охотно согласился на предложеніе Шишко. На другой день явился къ нимъ, по словамъ Теплова и Антова, студентъ Медико-Хирургической Академіи Богомоловъ (нынѣ умершій) съ запиской отъ Шишко и, сообщивъ свой адресъ, сказалъ, что къ нему можно придти хоть въ тотъ же день. Тепловъ, Антовъ и Нефедовъ послѣдовали приглашенію Богомолова, который и показалъ имъ, гдѣ-то на набережной Малой Невки квартиру, въ коей должна была помѣщаться мастерская, и гдѣ они встрѣтили австрійскаго подданнаго Александра Осипова Лукашевича. Работая въ означенной мастерской, артиллеристы, къ которымъ вскорѣ присоединился и Усачевъ, встрѣчались въ ней, по показанію Теплова, со студентомъ Медико-Хирургической Академіи Чернышевымъ (нынѣ умершимъ) и съ другимъ Чернышевымъ-технологомъ, членомъ кружка Каблица (скрывшимся отъ преслѣдованія), а по показанію Антова, сверхъ того и съ Владзевичемъ, Гриценковымъ и Шуравинимъ (Чарушинимъ). Вскорѣ затѣмъ было рѣшено заняться изученіемъ кузнечнаго мастерства. Богомоловъ и Лукашевичъ отыскивали кузнеца по Боровой улицѣ, гдѣ кромѣ нихъ стали работать Антовъ, Тепловъ, Нефедовъ и Усачевъ, къ которымъ присоединились Голоушевъ и Ошинъ, а по удостовѣренію Усачева и Антова, технологъ Чернышевъ и Шуравинъ (Чарушинъ). Въ началѣ 1874 г. артиллеристы, а вмѣстѣ съ ними и Александръ Осиповъ Лукашевичъ признали себя достаточно подготовленными и рѣшили идти въ народъ, для чего приобрѣли крестьянское платье и запаслись видами на жительство. Послѣдніе, по словамъ Теплова, были добыты слѣдующимъ образомъ: Тепловъ отправился къ Емельянову, сообщилъ ему о своихъ намѣреніяхъ и просилъ его дать нѣсколько адресовъ лицъ, у которыхъ овъ во время своего хожденія въ народъ, могъ бы найти пристанище для отдыха, а также семинарское свидѣтельство. Емельяновъ далъ Теплову и то и другое, а Тепловъ отправился на квартиру Циголева и Аранзона, гдѣ и передалъ Антову полученное отъ Емельянова свидѣтельство. Антовъ, по словамъ Теплова, ушелъ куда-то съ упомянутымъ свидѣтельствомъ и вскорѣ вернулся, принеся съ собой нѣсколько экземпляровъ свидѣтельствъ, составленныхъ по образцу принесеннаго Тепловымъ; имъ была приложена печать, нацарапанная Тепловымъ, по его выраженію, на свинцовой плиткѣ, и затѣмъ каждый изъ артиллеристовъ, т. е. Тепловъ, Антовъ, Усачевъ, Нефедовъ и Ошинъ получили по свидѣтельству. Такое показаніе Теплова находитъ себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ Нефедова и Усачева, по словамъ которыхъ

Тепловъ принесъ три или четыре семинарскія свидѣтельства, изъ которыхъ Нефедовъ и Усачевъ взяли себѣ по одному. Для переписки между собою и Петербургомъ ухажившіе въ народъ записались, по показанію Теплова и Усачева, шифромъ, предложеннымъ Лукашевичемъ, ключъ къ которому состоялъ изъ слѣдующихъ словъ: „горныя вершины снятъ во тѣмѣ ночной, богата жизнь царскихъ лакеевъ, въ будущемъ флютъ“, при чемъ по удостовѣренію тѣхъ же, Теплова и Усачева, письма въ Петербургъ должны были адресоваться на имя Софіи Измайловой, жившей на Литейной улицѣ, но получать эти письма должна была знакомая Александра Осипова Лукашевича—Ободовская, которую Тепловъ, по его словамъ, нѣсколько разъ видѣлъ съ Лукашевичемъ. Какъ Ободовская, такъ и Лукашевичъ противъ вышеизложеннаго показанія возражали, что они между собою незнакомы, при чемъ Лукашевичъ показалъ, что шифра артиллеристамъ не передавалъ, а Ободовская объяснила, что артиллеристовъ вовсе не знаетъ и никому не давала разрѣшенія писать ей по адресу Измайловой. Между тѣмъ: а) изъ показанія самой Сидорацкой (Ободовской) оказывается, что она знала нѣкую Софію Измайлову, служившую въ качествѣ гувернантки у присяжнаго повѣреннаго Богаевского, а также Емельянова, у котораго проживалъ ея мужъ; б) въ отобранной въ Москвѣ у Ковалика запискѣ, въ которой послѣдній указывалъ на лицъ, могущихъ быть полезными для его побѣга, встрѣчается слѣдующая фраза: „Ободовская, сказать ей, что она давала мнѣ записку въ Нижній къ артиллеристамъ, подписалася „Флютъ“, и в) какъ видно изъ отобраннаго у Щиголева письма Голоушева, послѣдній, сообщая о появленіи въ Орлѣ новой секты, основанной Маликовымъ, послѣдователями котораго сдѣлались Тепловъ и Аитовъ, просилъ сообщить объ этомъ „къ Архангелу“. (Сидорацкая жила близъ церкви св. Михаила Архангела, въ домѣ своего отца). Предъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга Тепловъ зашелъ къ Лукашевичу за картой Нижегородской губерніи и встрѣтилъ въ квартирѣ Лукашевича Купріянова, который предложилъ ему рекомендательную записку въ Нижній и, вслѣдствіе изъясненнаго Тепловымъ согласія, далъ ему адресъ: „Магазинъ Холтурина—Ливановъ“ и записку, въ которой было сказано, что подателямъ таковой можно довѣриться. Наконецъ, 2-го марта Тепловъ, Усачевъ, Нефедовъ и Фоминъ выѣхали изъ Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ, а чрезъ нѣсколько дней по тому же пути отправились Аитовъ и Лукашевичъ. Голоушевъ, Щиголевъ и Аранзонъ, оставаясь въ Петербургѣ, не прервали своихъ сношеній съ артиллеристами и кромѣ того съ присоединившимися къ нимъ лицами составили особенный кружокъ, носившій названіе „кружка оренбуржцевъ“ и „кружка Голоушева“. Въ составъ означеннаго кружка, кромѣ Голоушева, Щиголева и Аранзона, вошли: студентъ С.-Петербургскаго Университета, Дмитрій Федоровичъ, студенты Медико-Хирургической Академіи, Леонидъ Траубенбергъ и Петръ Воскресенскій, дочь надворнаго совѣтника Марія Веревокина и слушательница женскихъ курсовъ при Медико-Хирургической Академіи, Клеопатра Лукашевичъ. Голоушевскій кружокъ, какъ видно изъ показанія, даннаго Веревокиною при дознаніи, возникъ слѣдующимъ образомъ: во второй половинѣ 1873 года Веревокина проживала у нѣкоей Карповой, у которой жилъ также студентъ Медико-Хирургической Академіи Вейнбаумъ; квартиру Кар-

повой посѣщали Голоушевъ, Щиголевъ, Аранзонъ, Федоровичъ и Клеопатра Лукашевичъ, которые вмѣстѣ съ Карповою, Веревочкиною и Вейнбаумомъ составили кружокъ, распавшійся впоследствии на два, причиною чего было несогласіе во взглядахъ между Вейнбаумомъ и Карповою съ одной, и прочими лицами—съ другой стороны. Послѣ отпаденія Вейнбаума и Карповой, члены кружка продолжали собираться у Федоровича и Голоушева, причѣмъ на ихъ собраніяхъ появлялись и новыя личности—Траубенбергъ и Воскресенскій. На собраніяхъ читали запрещенныя книги, разсуждали о бѣдственномъ положеніи народа и его невѣжествѣ, о стачкахъ рабочихъ и объ артеляхъ, объ интернаціоналѣ, признававшемся „силою, которой принадлежитъ будущее“, и наконецъ, рѣшили бросить ученіе и „помочь народу отъ притѣсненій, эксплуатаціи и его собственнаго невѣжества“. Такое показаніе Веревочкиной находитъ себѣ подтвержденіе какъ въ объясненіяхъ нѣкоторыхъ членовъ кружка, такъ и въ дальнѣйшей ихъ дѣятельности. По словамъ Голоушева, онъ находилъ несовершеннымъ существующій въ Россіи государственный и социальный порядокъ и желалъ измѣненія означеннаго порядка, вслѣдствіе чего, съ цѣлью помочь скорѣйшему достиженію такого измѣненія, Голоушевъ вышелъ изъ Академіи и рѣшилъ сдѣлаться сельскимъ учителемъ, какъ это видно изъ отобранныхъ у него писемъ матери, въ которыхъ послѣдняя писала ему, что выходомъ изъ Академіи для поступленія въ сельскіе учителя онъ вступилъ на путь далеко не безопасный и совершенно безцѣльный, и уговаривала его продолжать образованіе. Федоровичъ, какъ оказывается изъ его показанія, вышелъ изъ университета съ тѣмъ, чтобы жить въ деревнѣ, изучить народъ и опредѣлить способами, какимъ было бы возможно достигнуть улучшенія экономическаго положенія народа и его нравственности. Веревочкина, по удостовѣренію Щиголева, сходилась во мнѣніяхъ съ Голоушевымъ. Лукашевичъ думала занять мѣсто сельской учительницы, а Воскресенскій считалъ необходимымъ изучить народъ прежде, чѣмъ избрать какую-либо дѣятельность. Всѣ означенныя лица, равно какъ и Аранзонъ, были, по словамъ Щиголева, недовольны существующимъ государственнымъ и социальнымъ строемъ. Такое недовольство раздѣлялъ и самъ Щиголевъ, что видно какъ изъ его показанія о томъ, что онъ пересталъ думать о своемъ поступленіи въ Технологическій Институтъ и также желалъ сдѣлаться сельскимъ учителемъ, такъ и изъ переписки Щиголева съ его родителями. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу Щиголевъ писалъ, что хотя высказываемыя имъ мысли и вычитаны изъ сочиненій Бакунина, но они вошли въ его плоть и кровь и, слѣдовательно, сдѣлались его собственными, и что коммунизмъ, проповѣдуемый Бакунинымъ, не выдуманъ, а есть идея Иисуса Христа. Мать Щиголева, въ письмѣ отъ 24-го іюня 1874 г., писала сыну, что желаніемъ своимъ занять постъ сельскаго учителя онъ прямо идетъ по скользкому и опасному пути Голоушева. Хотя члены кружка „оренбургцевъ“ въ показаніяхъ своихъ и стараются провести мысль, что они исключительно путемъ образованія, искорененія предрассудковъ и т. п. средствами желали содѣйствовать улучшенію матеріальнаго и нравственнаго положенія народа, тѣмъ не менѣе не можетъ подлежать сомнѣнію, что и кружокъ Голоушева усвоилъ себѣ явно революціонное направленіе, доказательствами чего служатъ показанія Щиголева и Веревочкиной, данныя при дознаніи, изъ которыхъ видно, что на собраніяхъ членовъ

кружка читали книгу „Анархія“ и журналъ „Висредѣ“, произведшіе сильное впечатлѣніе на Щиголева, а также говорили о возможности переворота въ пользу народа путемъ прямого возстановленія послѣдняго противъ эксплуатаціи капиталистовъ и противъ власти и рѣзко отзывались о существующемъ государственномъ строѣ, для преобразованія котораго предлагались „радикальнѣйшія мѣры“. Революціонное направленіе кружка обуславливалось и сношеніями его съ прочими петербургскими кружками: такъ—Голоушевъ, Щиголевъ и Аранзонъ сохранили прежнія свои связи; кромѣ сего, Голоушевъ, а также и Воскресенскій, какъ видно изъ показаній Льва Городецкаго, имѣли близкія отношенія къ кружку самарцевъ, къ которымъ присоединилась и Клеопатра Лукашевичъ; наконецъ, кружокъ оренбуржцевъ слился съ прочими революціонными кружками, что вытекаетъ изъ удостовѣреннаго Рабиновичемъ присутствія Траубенберга на происходившихъ весной 1874 г. собраніяхъ представителей петербургскихъ кружковъ. Изъ показанія того же Рабиновича, кромѣ сего видно, что кружокъ, къ которому принадлежитъ Траубенбергъ, часто устраивалъ балы и вечера, при чемъ вырученныя отъ такихъ вечеровъ деньги предназначались на веденіе пропаганды, что находитъ себѣ подтвержденіе и въ показаніи Веревопкиной, удостовѣрившей, что ей извѣстно о двухъ вечерахъ, устроенныхъ первый на Загородномъ проспектѣ, а второй—на Петербургской сторонѣ, оба съ платой за входъ по 1 руб. сер. Слившись съ прочими революціонными кружками и усвоивъ себѣ ихъ направленіе, „голоушевцы“, подобно другимъ революціоннымъ дѣятелямъ, уѣхали весной 1874 г. изъ Петербурга съ цѣлью вести пропаганду въ народѣ. Въ Петербургѣ остались Щиголевъ и Траубенбергъ, которыхъ товарищи поставляли въ извѣстность какъ о своей личной дѣятельности, такъ о дѣятельности другихъ пропагандистовъ, при чемъ въ сношеніяхъ соблюдалась осторожность: письма или вовсе не подписывались, или же подписывались лишь начальными буквами фамиліи писавшаго и несма часто пропагандисты назывались въ письмахъ не ихъ фамиліями, а прозвищами, ключъ къ которымъ дали въ своихъ показаніяхъ Щиголевъ и Голоушевъ. По словамъ перваго, у членовъ кружка и близкихъ къ нимъ лицъ были слѣдующія прозвища: Голоушева называли—„Львомъ“, Клеопатру Лукашевичъ—„Воробьемъ“, Оомина—„Емелькой“, Усачева,—„Кургузкой“, а Клеменса—„Бяхою“; но удостовѣренію же Голоушева, его называли и „Казенною вещью“, Траубенберга—„Верзилей“, а Воскресенскаго—„Малостью Петровичемъ“. Раньше другихъ уѣхалъ Голоушевъ, который, по прїѣздѣ въ Оренбургъ, какъ видно изъ показанія дворянина Евгенія Малышевича, рассказывалъ о студентахъ, отправившихся въ народъ на пропаганду, и совѣтовалъ Малышевичу послѣдовать ихъ примѣру и также идти въ народъ подъ видомъ иконописца или сельскаго учителя. По словамъ того же Малышевича, Голоушевъ привезъ съ собою нѣсколько экземпляровъ „Исторіи французскаго крестьянина“, „Отщепенцевъ“ и брошюру „Что дѣлается на родинѣ“, изъ каковыхъ книгъ онъ, Малышевичъ, въ квартирѣ Голоушева, по предложенію гимназиста Павла Орлова, взялъ нѣсколько экземпляровъ, которые затѣмъ возвратилъ Голоушеву, оставивъ у себя лишь „Исторію французскаго крестьянина“. Изъ Оренбурга Голоушевъ написалъ Веревопкиной письмо, въ которомъ извѣщалъ, что „началъ уже заниматься слесарнымъ ремесломъ и знакомиться съ рабочими“.

людомъ”, выражалъ свою досаду на Таранина (Антова), не привозящаго ему книгъ, на которыя большой запросъ; спрашивалъ Веревокину, знаетъ ли она что-нибудь отъ Тр. (Траубенберга) и присовокуплялъ, что „вообще наши съ нимъ дѣла здѣсь идутъ недурно . . .“ Въ другомъ письмѣ, на имя Щиголева, Голоушевъ сообщалъ о новой сектѣ Маликова въ Орлѣ, послѣдователями которой сдѣлались Тепловъ и Антовъ, и просилъ передать объ этомъ и другихъ новостяхъ къ Архангелу (Александрѣ Ободовской), а также просилъ прислать „народныя книги“ и „остальныя“. Веревокина въ маѣ уѣхала въ Уфу; по ея словамъ, цѣль таковой поѣздки заключалась въ томъ, чтобы видѣться съ Голоушевымъ, съ которымъ она имѣла намѣреніе вступить въ бракъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что такая цѣль дѣйствительно была у Веревокиной, какъ это видно изъ ея переписки съ Голоушевымъ, которому она, между прочимъ, писала, что въ іюлѣ она должна обвиняться, что если онъ не получитъ согласія своихъ родителей на вступленіе съ нею въ бракъ и не захочетъ обвиняться безъ такового согласія, то чтобы прямо написалъ ей объ этомъ, въ каковомъ случаѣ она найдетъ кого-либо другого. Но, помимо вышеуказанной цѣли, у Веревокиной была посомнѣнно и другая—идти въ народъ въ качествѣ члена революціоннаго кружка, доказательствомъ чего служатъ переписка Веревокиной. Въ этомъ же письмѣ, въ которомъ она побуждала Голоушева къ скорѣйшему вступленію съ нею въ бракъ, Веревокина писала: „Ты долженъ, ты обязанъ думать обо мнѣ, какъ о своемъ товарищѣ „по дѣлу“, и мое счастье и спокойствіе ты долженъ цѣнить, какъ счастье каждого изъ нашихъ. Теперь позволь тебѣ предложить одинъ вопросъ: можешь ли ты обвиняться со мной? Это надо мнѣ потому, что иначе я не могу ничего дѣлать, я связана. Это надо для меня потому, что если я не обвиняюсь, меня найдутъ и другихъ въ покоѣ не оставятъ. Я говорю теперь не какъ „твоя Маша“, а говорю просто, какъ одинъ изъ насъ. Имѣю ли я право напоминать тебѣ, какъ Голоушеву, что съ одной стороны, стоять помощь „собрату“, прямая выгода для всѣхъ . . . а съ другой, безпокойство твоего отца и только . . . О Сибири не стоить говорить, я рѣшительно не поѣду туда. Здѣсь больше надобности въ насъ, а тамъ? „А тамъ мы еще будемъ!“ Щиголевъ въ письмахъ своихъ къ Веревокиной, убѣждая ее сдѣлаться сельскою учительницей, подкрѣплялъ свои доводы тѣмъ соображеніемъ, что избранная Веревокиною дѣятельность будетъ ей не подъ салу. Такъ въ письмѣ отъ 24-го мая Щиголевъ писалъ . . . „я долго раздумывалъ о Вашей будущей жизни, и она представляется до того плохую, до того невыгодную для Васъ, а потому и для дѣла и людей, уважающихъ Васъ, что я рѣшился просить Васъ еще разъ хорошенько обдумать Ваше намѣреніе. Вамъ придется переходить изъ деревни въ деревню по жарѣ и холоду, но долго ли выдержать эти переходы Ваше не крѣпкое здоровье? Потомъ далѣе, для Васъ нуженъ чистый воздухъ, а Вамъ придется дышать такимъ, какого и здоровый человѣкъ съ непривычки не выноситъ. Марья Ивановна, Вы себя губите и изъ чего? Будетъ ли на столько плодотворна Ваша дѣятельность? Окупится ли принесенною Вами пользой Ваша личность? Конечно, нѣтъ. Знаете ли Вы, сколько Вамъ придется вынести борьбы противъ предразсудковъ? Но я, положимъ, увѣренъ, что Вы побѣдите, что Васъ будутъ слушать, за Вами пойдутъ, но

не много оттого, что Вы сами не долго будете идти вперед. Васъ скоро сломить физически неспособная жизнь. Не ходите, дорогая Марья Ивановна, лучше подождите мѣсяць, другой мѣста учительницы . . .“ Въ другомъ письмѣ отъ 31-го мая Щиголевъ писалъ . . . „я не знаю еще, согласитесь ли Вы со мною насчетъ дѣятельности учительницы или нѣтъ, но на всякій случай теперь подыскиваю мѣста, два уже намѣчены: одно, въ деревнѣ какой-то княгини-либералки, которая гонитъ старую учительницу за то, что та мало обращала вниманія „на пропаганду“, жалованіе тамъ 600 р. с. въ годъ, второе есть, но гдѣ хорошенько не знаю . . . о княгинѣ я навожу справки. Нѣкоторые говорятъ, что она будетъ помогать дѣлу, т. е. прикрывать учительницу, другіе же, что будетъ мѣшать ей. Определеннаго ничего не могъ еще узнать“. Наконецъ, въ письмѣ отъ 25-го іюля Щиголевъ, извѣщая, „что хлопочетъ о мѣстѣ учительницы у княгини-либералки“, увѣдомляетъ Веревоchina о смерти Луки (Лукашевичъ) и присовокупляетъ: „Вы берегите Ваше здоровье, вѣдь Вы по письму къ ней (т. е. къ Лукашевичъ) тоже склонны къ этой болѣзни, она свирѣпствуетъ въ Самарѣ, Саратовѣ и Москвѣ“. Веревоchina въ письмахъ къ Щиголеву писала, между прочимъ, слѣдующее: въ письмѣ отъ 17-го мая . . . „Вы вѣдь одинъ изъ запоздавшихъ, изъ нашихъ вѣдь почти никого не осталось (т. е. въ Петербургѣ). Напрасно вы говорите объ опасности смерти, дѣло главное-то въ томъ, что невозможно развернуться тамъ и сила угрожающая ляжетъ тяжело не на личность, а на дѣло . . .“; въ письмѣ отъ 12-го іюля изъ Уфы . . . „я справлялась здѣсь, можно ли держать экзаменъ на учительницу, отвѣтъ получила неудовлетворительный, т. е. что экзамены начнутся съ 1-го сентября. Вы видите, что Ваши совѣты не остались безъ вниманія, да и всѣ остальные порицаютъ избранную мной форму; я соглашаюсь, что она несостоятельна, какъ постоянная форма (и то для меня, такъ какъ здоровье не вынесетъ зимнихъ путешествій), но такъ какъ все равно теперь невозможно найти мѣста учительницы и до сентября, слѣдовательно, я свободна, то избираю эту неудобную по Вашему формѣ, какъ временную, именно потому, что другого ничего не представляется, а сидѣть даромъ до осени не имѣю малѣйшаго желанія . . . Теперь еще одно слово объ учительствѣ моемъ; княгиня, о которой Вы пишете, кажется мнѣ идеальной, или можетъ одинъ изъ пророковъ убѣдилъ ее“. Въ другомъ письмѣ Веревоchina сообщила Щиголеву, „что ѣздила въ деревню, въ верстахъ 20 отъ Уфы, гдѣ была очень хорошо принята крестьянами, но должна была отказаться отъ мысли поселиться въ этой деревнѣ потому, что впоследствии ее сочли за колдунью“. Въ слѣдующемъ письмѣ Веревоchina извѣщала, что „весь городъ заинтересовался узнать, что за таинственная особа, а тутъ еще одинъ изъ бывшихъ въ компаніи Вейнбаума взялся объяснить желающему узнать обо мнѣ. Рассказываетъ даже подробности, что очень плохо, конечно“; въ томъ же письмѣ Веревоchina писала: „Вы уже знаете о моей неудачѣ въ деревнѣ, теперь я надѣюсь, что результатъ получится иной. Я уйду съ парохода въ первый селѣ, если не удастся устроиться, то отправляюсь далѣе, гдѣ-нибудь да будетъ же удача . . . Думаю, что не захвораю, потому что просто не узнаю меня. Я явлюсь преобразившись, да и совѣтъ уже не подѣлать, предложитъ, съ которымъ было прослыла совѣтъ за колдунью. Что не

пишете Вы ничего о Петровичѣ? Зачѣмъ Трау уѣзжаетъ въ Финляндію? Здѣсь есть двѣ личности, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе, они ѣдутъ въ Питеръ осенью . . . одинъ юный купецъ, могущій сильно пригодиться капиталомъ, а другой гимназистъ, хорошій парень“. Извѣстивъ затѣмъ Щиголева телеграммой, чтобъ онъ въ письмахъ въ Уфу не писалъ ей о подробностяхъ, Веревошкина уже изъ села Пьянаго — Бора сообщила Щиголеву о своихъ разговорахъ съ крестьянами и просила адресовать ей письма въ Чистополь, куда она намѣрена была отправиться послѣ посѣщенія еще нѣсколькихъ деревень. Наконецъ, въ послѣднихъ письмахъ изъ Казани Веревошкина сообщала, что отправится въ одно село, „какъ бы за ягодами“, что она въ восторгѣ отъ совершенныхъ ею двухъ походовъ и присовокушляла: „книгъ мнѣ не надо, что касается ихъ чтенія, то онѣ расходятся крайне медленно; вѣтъ, здѣсь не книги нужны! людей-то больно мало, а то могло бы быть важное дѣло. Эхъ кабы народу побольше!“ Письма Веревошкиной къ Щиголеву, какъ оказывается изъ письма сего послѣдняго, полученнаго Веревошкиной въ Казани, читались съ большимъ удовольствіемъ: „ми и Вами довольны, какъ нельзя болѣе“, писалъ Щигольевъ, при чемъ сожалѣлъ, что Веревошкина выбрала своимъ мѣстопробываніемъ Казань, гдѣ „около города скверный воздухъ и легко можно умереть“; въ этомъ же письмѣ Щигольевъ извѣщалъ, что Малость Петровичъ занялся работою, но ничего не сообщаетъ о результатахъ, и спрашивалъ Веревошкину—зачѣмъ она желала заѣхать въ одно богатое село, поясняя, что онъ проѣхалъ бы мимо такового потому, что „сытое брюхо къ ученю глухо“. Изъ писемъ Веревошкиной къ Щиголеву кромѣ сего видно, что Федоровичъ пріѣхалъ въ Уфу почти одновременно съ нею. О пріѣздѣ своемъ Федоровичъ извѣстилъ Веревошкину письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ . . . „пріѣду въ Уфу; необходимо тамъ быть вотъ почему: къ тому времени туда пріѣдутъ много студентовъ изъ Казани. Отъ этого я жду большого толку. Предположить, что дѣло можетъ обойтись безъ меня, не могу, не по самолюбію, а вотъ почему: изъ нашихъ тамъ будете только Вы и Ст., остальные только полунаши. Изъ нашихъ Вы вначалѣ лицо незнакомое; Ст., мнѣ кажется, дѣло поведетъ не хорошо, просто, не справится,—я помогу. Я придумалъ для себя очень удобную форму и надѣюсь получить успѣхъ“. Еще въ февралѣ Федоровичъ, въ письмѣ къ своимъ роднымъ, проживавшимъ въ Уфимской губерніи, писалъ . . . „далѣе у меня къ Вамъ есть еще просьба, передать которую въ двухъ словахъ нельзя и о которой мы подробнѣе потолкуемъ, когда увидимся, теперь же я сестеръ попрошу встать въ самыя дружественныя отношенія къ крестьянамъ всѣхъ тѣхъ деревень, которыя сосѣдны нашей усадьбѣ. Переспросите ихъ, чѣмъ они болѣе всего недовольны, въ какихъ размѣрахъ желали бы получить лучшее, кого винять въ своемъ положеніи и желаютъ ли сами принять участіе въ улучшеніи этого положенія и какими путями, на кого надѣются, укажите, на кого они въ этомъ случаѣ могутъ надѣяться и пр.; скажите имъ, между прочимъ, что ихъ счастіемъ интересуются очень многіе, словомъ, бесѣдуйте съ ними почаще объ этихъ вещахъ, если это Вамъ возможно, и записывайте ихъ слова. Вы спросите, для чего имъ это нужно? я отвѣчу; не „имъ“, а Вамъ это очень нужно. Когда увидимся, то я Вамъ въ подробностяхъ все объясню, а теперь по-

куда можно и не говорить. Не довольствуясь возложеніемъ на своихъ сестеръ такого порученія, Федоровичъ по прїѣздѣ въ Уфу передалъ сестрамъ, какъ это видно изъ письма одной изъ нихъ, прокламацію и книги, очевидно, революціоннаго направленія, такъ какъ сестра Федоровича боялась переслать таковыя изъ деревни въ Уфу иначе, какъ съ знакомымъ лицомъ, о чемъ и писала брату, прося принять и ее въ общество честныхъ людей. Означенное общество, т. е. кружокъ Голоушева, нуждался въ деньгахъ, и Федоровичъ въ другомъ письмѣ къ сестрамъ просилъ ихъ похлопотать у своихъ знакомыхъ, чтобъ они пожертвовали что-нибудь въ „нашу кассу“, при чемъ присовокуплялъ, я вамъ уже говорилъ объ „обществѣ“. Чтеніе сестрами Федоровича книгъ и прокламацій, полученныхъ отъ брата, вредно отразилось на нихъ, о чемъ Федоровичъ успѣшилъ увѣдомить Веревочкину. Въ письмѣ къ послѣдней онъ писалъ . . . „Ну вотъ, я у своихъ въ деревнѣ, прїѣхалъ я, знаете, и удивился не мало. Такую нашелъ перемигну, что страсть! И какъ бы Вы думали, отчего она произошла? Я Вамъ не рассказывалъ, что сестры, бывъ еще въ городѣ, устроили чтеніе моихъ книгъ; потомъ онѣ взяли ихъ въ деревню, здѣсь еще разъ читали даже матери и, какъ оказывается, чтеніе это произвело на нихъ такое впечатлѣніе, что они совершенно переродились. Посылаю Вамъ письмо, которое было ими написано въ Уфу и послано въ тотъ день, когда я выѣхалъ изъ нея. Издивитесь. я, по правдѣ-го сказать, малость удивился. Миѣ обѣщаютъ помогать во всемъ! Каково!..“ Приложенная къ приведенному письму записка сестры Федоровича была та самая, о которой упомянуто уже выше и въ которой говорится о чтеніи сестрами Федоровича прокламацій, полученныхъ отъ брата. Проживая въ Уфимской губерніи, Федоровичъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, ходилъ по деревнямъ, помогалъ крестьянамъ въ полевыхъ работахъ, при чемъ бесѣдовалъ съ ними объ ихъ нуждахъ и столкновеніяхъ съ властями; характеръ таковыхъ бесѣдъ Федоровича съ крестьянами опредѣляется самъ собою изъ всего вышезложеннаго, а также изъ письма Федоровича къ Щиголеву, въ которомъ онъ, между прочимъ, просилъ прислать ему „Сказку“. Во время своего пребыванія въ Уфѣ Веревочкина видѣлась съ Голоушевымъ, прїѣхавшимъ изъ Оренбурга, гдѣ было его постоянное мѣстопробываніе. Въ Оренбургѣ Голоушевъ встрѣтился съ двумя лицами, съ которыми былъ знакомъ еще до своего отъѣзда въ Петербургъ, а именно: съ упомянутымъ уже выше гимназистомъ Павломъ Орловымъ и лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія Митрофаномъ Муравскимъ. Означенныя лица были извѣстны и прочимъ членамъ кружка, что видно какъ изъ переписки Орлова, такъ и изъ показанія Щиголева о томъ, что прозвище Орлова было „Павелъ“, а Муравскаго „отецъ Митрофанъ“. Орловъ былъ иволиѣ посвященъ въ дѣятельность Голоушева, доказательствомъ чего служить какъ изложенная уже выше передача Малышевичу книгъ, привезенныхъ изъ Петербурга Голоушевымъ, такъ и письмо Орлова къ Голоушеву, въ которомъ онъ совѣтуетъ послѣднему быть осторожнѣе и даже приостановить временно свою дѣятельность, которую впоследствии, по мнѣнію Орлова, можно продолжать, но только не въ формѣ учительства. Муравскій былъ, по всей вѣроятности, тотъ господинъ „уже бывалый“, который звалъ Голоушева въ Сибирь, рассказывая про нее много хорошаго, о чемъ Голоушевъ и писалъ Веревочкиной, не согла-

сившейся однако бѣжать въ Сибирь, какъ это уже изложено выше. Орловъ и Муравскій прикнули къ кружку „оренбургцевъ“, въ чемъ убѣждаетъ показаніе учителя оренбургскаго духовнаго училища Петра Марсова, по словамъ котораго въ іюнѣ 1874 г. Орловъ и Муравскій, въ селѣ Куроѣдовѣ, убѣждали его, Марсова, присоединиться къ революціонному кружку, организовавшемуся въ Оренбургѣ и другихъ городахъ; тому же Марсову Муравскій доказывалъ необходимость возбудить народъ къ возстанію съ цѣлью, какъ онъ говорилъ, восстановленія правъ человѣка, и для подкрѣпленія своихъ доводовъ давалъ Марсову читать журналъ „Впередъ“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Что дѣлается на родинѣ“ и „Лѣтопись рабочаго движенія“. Послѣ пребыванія въ селѣ Куроѣдовѣ, Муравскій отправился странствовать по Белебеевскому и Челябинскому уѣздамъ, во время какового путешествія написалъ письмо, найденное при обыскѣ у Орлова, въ которомъ, между прочимъ, сообщалъ, что „предполагаемыя затрудненія, страха и затѣмъ фіаско оказываются слишкомъ преувеличенными; въ дѣйствительности далеко не такъ, словомъ—я доволенъ“. Странствуя по деревнямъ, Муравскій занимался распространеніемъ революціонныхъ книгъ; такъ, уряднику Магнитской станицы Матвѣю Невзорову онъ читалъ „Сказку о четырехъ братьяхъ“; крестьянину Гаврилѣ Молчанову— книгу о томъ, какъ мировые посредники тиранили мужиковъ при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости; крестьянину Ивану Урастову— „Сказку о четырехъ братьяхъ“; крестьянину Ивану Цыганову— ту же сказку. Независимо отъ сего Муравскій передалъ Цыганову „Исторію французскаго крестьянина“, Матвѣю Веденѣеву— „Сказку о четырехъ братьяхъ“, а Семену Давыдову продалъ за 55 коп. три книги, въ числѣ которыхъ была „Исторія французскаго крестьянина“. При задержаніи Муравскаго въ городѣ Челябинскѣ у него были отобраны книги: „Пѣсенникъ“, „Исторія французскаго крестьянина“, „Лѣтопись рабочаго движенія“ и „Что дѣлается на родинѣ“, а также рукописная программа журнала „Впередъ“, „программа собранія свѣдѣній о народѣ“, писанная рукой Орлова, и стихи революціоннаго содержанія. Муравскій призналъ себя виновнымъ лишь въ имѣніи запрещенныхъ книгъ. Изъ имѣющейся при дѣлѣ справки видно, что Муравскій за произнесеніе дерзкихъ, оскорбительныхъ словъ противъ Государя Императора и приготовленіе къ возбужденію бунта—по Высочайше утвержденному мѣтнію Государственнаго Совѣта былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжныя работы на заводахъ на восемь лѣтъ; въ 1870 году Муравскому было разрѣшено проживать въ Оренбургской губерніи подъ надзоромъ полиціи. Разставшись съ Муравскимъ, Орловъ возвратился въ Оренбургъ, гдѣ впоследствии и былъ задержанъ, при чемъ у него, между прочимъ, были отобраны: а) черновое письмо, писанное его рукой къ неизвѣстному лицу, въ какомъ письмѣ упоминается объ Аранзонѣ, Голоушевѣ, Клеопатрѣ Лукашевичъ, Воскресенскомъ и Траубенбергѣ, а также сообщается, что „вторую серію карточекъ Анны Ивановны не придется увидать: надули Жиды“; б) тетрадь съ слѣдующимъ заглавіемъ: „запѣтка и выписки, матеріалы для плана работъ, необходимыхъ при всеобщей реорганизаціи общества“, и в) книга: „Объ общинномъ владѣніи землей“, Чернышевскаго. По объясненію Орлова, „карточки Анны Ивановны“ означали журналъ „Впередъ“.

Орловъ призналъ себя виновнымъ лишь въ имѣннн сочиненій Лассаля, Герцена и Чернышевскаго. Голоушевъ, побывавъ, какъ видно изъ его переписки, въ Пермской губерніи, отправился въ Яранскъ съ цѣлю занять тамъ мѣсто сельскаго учителя и 20 августа 1874 года былъ задержанъ, при чемъ изъ отобранной у него переписки оказалось, что онъ въ 1873 году передалъ проживавшимъ въ Оренбургѣ дѣвицамъ Маріи и Юліи Решко какія-то книги и программу. Спрошенная по сему предмету Юлія Решко объяснила, что дѣйствительно въ 1873 году получила отъ Голоушева и Давыда Аитова «Исторію интернаціонала», программу журнала «Впередъ» и нѣсколько прокламацій на французскомъ языкѣ. Еще ранѣе Голоушева, а именно 13 августа, была задержана въ Казани Марія Веревокина, у которой при обыскѣ было, между прочимъ, отобрано 10 экз. «Дѣдушка Егора», два экз. «На міру», «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Стенька Разинъ», «Сборникъ новыхъ пѣсень и стиховъ», «Исторія французскаго крестьянина», «Азбука социальныхъ наукъ» и «Объ общинномъ владѣнн земель» Чернышевскаго. Относительно найденныхъ у нея книгъ Веревокина объяснила, что народныя рассказы передалъ ей Щиголевъ, а революціонныя книги она получила отъ Голоушева для сохраненія таковыхъ, что подтвердилъ и Голоушевъ. Веревокина и Голоушевъ, а также Федоровичъ, задержанный 17 августа въ Уфимской губерніи, въ имѣнн его родителей, виновнымъ себя ни въ чемъ не признали, при чемъ Веревокина подтвердила сначала показаніе, данное ею при дознанн, за исключеніемъ той его части, въ которой рассказывала исторію раздѣленія кружковъ Вейнбаума и Голоушева, а впоследствии отвергла какъ объясненія, данныя ею при дознанн, такъ и показаніе свое, данное при слѣдствнн. Аранзонъ, уѣзжая изъ Петербурга, получилъ отъ Воронцова чрезъ посредство Траубенберга, какъ видно изъ показанн послѣдняго, два тюка съ книгамн, для доставленія таковыхъ въ Самару—Льву Городецкому. Такое показанн Траубенберга Аранзонъ подтвердилъ при дознанн, при слѣдствнн же объяснилъ, что книги были имъ получены отъ неизвѣстной личности и оставлены въ Самарѣ на пароходѣ изъ опасенія нажить изъ-за нихъ бѣду. Прїѣздъ Аранзона въ Самару съ книгами подтвердилъ и Городецкнй, по словамъ котораго, книги были запрещенныя и были оставлены Аранзономъ на пароходѣ, потому что «испугался преслѣдованн жандармовъ», какъ рассказываетъ объ этомъ Филодельфовъ, чрезъ котораго Аранзонъ разыскивалъ его, Городецкаго. По прїѣздѣ въ Оренбургъ, Аранзонъ написалъ три письма: Щиголеву, Веревокиной и Голоушеву. Первому онъ писалъ... «путешествіе мое было съ приключеніями, которыя неудобно писать. На пароходѣ я встрѣтился съ Бяхою (Клеменсомъ), онъ мнѣ рассказывалъ о своихъ походахъ и торопилъ меня сюда. Воробей (Клеопатра Лукашевичъ) женился, очень славный малый. Оренбургскаго Льва (Голоушевъ) здѣсь нѣту, онъ въ Уфѣ. Павелъ (Орловъ) тоже тамъ. Отецъ Митрофанъ (Муравскій) уходитъ отсюда. Емельюшка (Фоминъ) здѣсь, у своего патра, который держитъ его въ ежовыхъ; Кургузка (Усачевъ) тоже былъ здѣсь, я его не засталъ, онъ уѣзжалъ домой на погибельный Кавказъ... Левъ велъ себя здѣсь таинственно и странно, даже между „своими“, 18 іюня былъ я у твоихъ. Письмо твое я уничтожилъ дорогой, потому что нужно было. Я, не зная содержанн его, счелъ нужнымъ уни-

чтожить его, потому что я чуть-чуть не влопался из-за того, что далъ мнѣ Верзила (Траубенбергъ)... скажи Верзилѣ, что онъ сглушилъ, давъ мнѣ одинъ адресъ для передачи посылки, я имѣлъ много неприятностей из-за этого. а посылка, не знаю хорошенько, будетъ ли цѣла, можетъ быть, пропадетъ, что очень жаль... Напиши, что тетѣ извѣстно о молодомъ Халатѣ (Давыдѣ Антофѣ), говорятъ, что его ар... но я думаю враки... Твой Николаевъ». Щиголевъ, признавъ, что вышеизложенное письмо получено имъ отъ Аранзона, объяснилъ, что ему неизвѣстно, почему Аранзонъ подписался фамиліей Николаева. Въ письмѣ своемъ къ Веревокиной Аранзонъ сообщалъ нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія о своемъ путешествіи... «я встрѣтился на этомъ пароходѣ, писалъ Аранзонъ, съ однимъ мужикомъ, котораго я зналъ еще въ Питерѣ. Фамилію его не пишу. У насъ на квартирѣ всѣ его звали Бяха или Яй Богу..; мы очень обрадовались другъ другу. Я былъ очень радъ встрѣтить человѣка умнаго, который уже давно шляется, онъ же—встрѣтить интеллигентнаго знакомаго изъ Питера. Я ему рассказалъ о Питерѣ, онъ мнѣ вотъ что: въ Москвѣ дѣла очень хороши, лучше, чѣмъ въ Питерѣ. Вездѣ слушаютъ съ удовольствіемъ, но одно плохо, что слышанное не распространяется слушателями. Насчетъ работы говорилъ онъ, что очень трудно достать какую бы то ни было. Безъ денегъ пуститься въ дорогу не совѣтовалъ. Торонилъ меня ѣхать поскорѣе сюда, такъ какъ сюда должны были прійти два господина, одного изъ которыхъ я и нѣкоторые изъ нашихъ знаютъ лично, а о другомъ слышалъ. Разставшись съ нимъ на одной пристани, куда онъ направилъ свои стопы, я поѣхалъ дальше. Приѣхавъ въ С. (Самару), я остановился на постояломъ дворѣ и тотчасъ же пошелъ отыскивать нѣкую синьору. Когда я вошелъ въ тотъ домъ, я былъ озадаченъ тѣмъ страннымъ пріемомъ, который мнѣ тамъ сдѣлали... отвѣтомъ было, что адреса онъ не оставилъ... Сказавъ это, они чуть-чуть меня не вытолкали изъ дому. Пославъ ихъ ко всѣмъ чертамъ, я отправился къ А. (Лукашевичъ) и спросилъ дома ли А.". Далѣе Аранзонъ сообщалъ, что Лукашевичъ вышла замужъ безъ согласія родителей, и присовокуплялъ. "...въ другой разъ я вамъ напишу, какъ меня чуть-чуть не захлопали въ С. и дальнѣйшія путевыя приключенія". Въ письмѣ къ Голоушеву Аранзонъ писалъ: „Я пріѣхалъ сюда за деньгами, но кромѣ 25 р. ничего больше не заработалъ и не приобрѣлъ... Путешествіе мое было съ приключеніями, о которыхъ я написалъ М. И. (Веревокиной)... Позволь мнѣ, любезный другъ, что ты дѣлаешь? Ну, для чего ты поступаешь на это мѣсто? Или ты не чувствуешь, что тебя скоро прогонять?... Мой совѣтъ и моя просьба не поступать на мѣсто. Я увѣренъ, что вышеупомянутые доводы убѣдятъ тебя не брать это мѣсто. А то пропадешь безвремено и бесполезно. Дѣйствовать въ извѣстной тебѣ формѣ я совѣтую отложить пока. Да и самая форма не приноситъ хорошихъ результатовъ, почти никакихъ. Ты самъ, какъ видно изъ твоего письма къ П. А. (Орлову), жалуешься на неплодотворность твоей дѣятельности. Я могу тебѣ сказать, что всѣ жалуется на это. Бяха или Яй Богу (знаешь?), съ которымъ я видѣлся на пароходѣ и съ которымъ долго бесѣдовалъ, тоже жалуется на это самое. Онъ говорилъ, что слушаютъ-то, слушаютъ, но сами слышанное не распространяютъ, разговоры остаются разговорами.

Глубоко въ грудь они не западаютъ, въ одно ухо вошло, а въ другое вышло. Главная причина неплототворности нашего дѣла заключается въ отсутствіи развитія со стороны угнетенныхъ и въ нашемъ собственномъ шалопайствѣ. Для того, чтобы дѣятельность наша была плодотворна, нужно развивать отдѣльныхъ личностей и бросить шалопайство. Этого достигнемъ помощью извѣстнаго тебѣ плана поселиться въ деревнѣ и устроить крѣпкую организацію. Этотъ планъ обѣщаетъ вамъ, что не спинемъ даромъ и бесполезно, личную безопасность и возможность почти во всю нашу жизнь дѣйствовать (конечно, если не торопиться и не вести дѣло сбухту баракту, а разумно). Но ты скажешь, да для этого нуженъ „пропиталь“, а гдѣ ты его возьмешь? Я самъ это знаю и намѣренъ его достать, хотя не скоро... Чтобы достать этотъ „пропиталь“, я ѣду въ академію ковчать курсъ, потомъ поступить на мѣсто, скопить 3.000 р. и тогда за дѣло... Но ты можешь быть, подумаешь, что я охладѣлъ, струсилъ или что-нибудь другое... Нисколько... Повторяю еще разъ, хотя и долго ждать, но за то ужъ вѣрно и сдѣлаемъ кое-что, и это кое-что не пройдетъ безслѣдно... Если ты не одобришь мой планъ... то я буду просить тебя объ одномъ... за нами, конечно, слѣдять, повремени малость, оставь на время дѣятельность. Иначе ты погибнешь такъ же скоро и бесполезно, какъ Даудъ et tutti quanti, не сдѣлавъ ничего важнаго». Совѣтъ Голоушеву оставить на время „дѣятельность“ въ формѣ учительства, какъ слишкомъ явную и опасную, самъ Аранзонъ продолжалъ вести пропаганду въ болѣе простой формѣ. Такъ, слѣдствіемъ выяснено, что Аранзонъ далъ двѣнадцатилѣтнему крестьянину Павлу Царегородцеву „Сказку о четырехъ братьяхъ“, сказавъ ему при этомъ: „на, прочитай“, и что въ квартирѣ Орлова Аранзонъ доказывалъ Малышевичу, что надо идти въ народъ на пропаганду. Во второй половинѣ августа Аранзонъ уѣхалъ изъ Оренбурга и 13 августа явился въ гор. Казани на квартиру арестованной уже въ то время Веревочкиной. Не зная еще объ арестѣ Веревочкиной, Аранзонъ оставилъ ей слѣдующую записку: „Марья Ивановна! Сегодня, 23 августа, проѣздомъ въ Питеръ, я хотѣлъ было съ вами видѣться, но, къ сожалѣнію, мое желаніе не могло осуществиться, благодаря вашей глупости. Я еще долженъ захватить въ Яранскъ, гдѣ увижу Сергѣя, впрочемъ, буду ждать васъ въ конторѣ пароходства Дубровина до 7 часовъ вечера. Сообщу вамъ новость. Ѳ. (Ѳедоровичъ) умеръ въ Уфѣ, и тѣло его привезено сюда для погребенія. Причина смерти неизвѣстна. Извѣстный вамъ Аранзонъ“. Вслѣдствіе этой записки Аранзонъ былъ задержанъ того же 23-го августа на парходной пристани, гдѣ оказался и Павелъ Царегородцевъ, ѣхавшій къ родителямъ въ Яранскъ и объяснившій, что вмѣстѣ съ нимъ и Аранзонъ ѣхалъ Ѳоминъ, который 22-го августа отправился въ Нижній-Новгородъ. При задержаніи Ѳомина у него былъ найденъ ковровый мѣшокъ съ вещами, привалележавшими, по объясненію Ѳомина, Аранзону и переданнымъ ему послѣднимъ для доставленія въ Петербургъ; въ числѣ означенныхъ вещей оказалось нѣсколько крестьянскихъ рубахъ и сборникъ стихотвореній Митрофана М. Аранзонъ не призналъ себя виновнымъ. Воскресенскій, какъ видно изъ показанія Щиголева, отправился съ цѣлью изученія народа на астраханскіе рыбные промыслы. При слѣдствіи Воскресенскій не только не призналъ себя виновнымъ и отвергъ свое пребываніе въ Астра-

ханской губерніи, но даже заявилъ, что Щиголева, Голоушева, Аранзона и проч. членовъ кружка не знаетъ и никогда не видалъ. Между тѣмъ при обыскѣ у Воскресенскаго были найдены записки объ астраханскихъ рыбныхъ ловляхъ, а у Щиголева отобраны два письма Воскресенскаго, въ которыхъ заключается просьба о доставленіи послѣднему вновь вышедшихъ книгъ и паспорта, безъ котораго онъ ничего не можетъ сдѣлать, и упоминаются фамиліи Ушева и Траубенберга. По объясненію Щиголева, Воскресенскій написалъ ему вышеприведенныя письма изъ Курской губерніи, куда Воскресенскій первоначально отправился. Подъ фамиліей Ушева, по словамъ Щиголева, слѣдуетъ понимать Голоушева. Независимо отъ сего, 22 февраля 1875 г., въ гор. Казани было получено письмо на имя Ивана Николаева Гранильщикова слѣдующаго содержанія: „Здравствуйте пріятель! Давно уже собирался я писать тебѣ, да писать-то, признаться, нечего, путнаго ничего нѣтъ. Изъ Астраханской губерніи я долженъ былъ уѣхать, такъ какъ получилъ письмо изъ Курской, гдѣ мнѣ сказали, что дядюшка нашъ послѣ моего отъѣзда изъ Курской губерніи справлялся обо мнѣ, что я дѣлалъ, бывъ тамъ, гдѣ былъ, что обо мнѣ онъ все знаетъ и знаетъ даже, что я въ Астраханской губерніи. Тогда и поѣхалъ въ Тулу на родну. Не успѣлъ я пріѣхать, какъ обо мнѣ дядюшка сталъ справляться, и черезъ одного генерала отецъ мой узналъ, что этотъ дядюшка думаетъ навѣстить меня самъ затѣмъ, чтобы перерыть всю мою корреспонденцію. Конечно, я не желалъ скандала и поспѣшилъ въ Питеръ. Здѣсь, на другой день пріѣзда, явился къ здѣшнему моему дядюшкѣ, и онъ меня сталъ подробно разспрашивать, гдѣ былъ я, что дѣлалъ, кто мои знакомые и гдѣ они находятся, и наконецъ, объявилъ мнѣ, что не пуститъ меня изъ Питера, такъ какъ я ему повадоблюсь... Я было говорилъ ему, что мнѣ нечѣмъ жить, что я долженъ поэтому уѣхать отсюда, но онъ мнѣ объяснилъ, что, пожалуй, можетъ меня послать жить на глаза къ отцу и подъ присмотръ тамошняго дядюшки.. Собственно, дядюшка обо мнѣ, какъ оказывается, точныхъ свѣдѣній никакихъ не имѣлъ, и потому я ему ничего интереснаго для него не сказалъ, отъ знакомствъ всякихъ отперся... Знакомыхъ моихъ многихъ и очень многихъ я не засталъ въ Питерѣ, но несмотря на это, много другихъ знакомыхъ продолжаетъ уѣзжать отсюда, хотя и не въ такомъ количествѣ, какъ весной. Если можешь, передай, другъ, письмо это другимъ моимъ пріятелямъ, скажи имъ, что я живъ и здоровъ и что очень сожалѣю о постигшей ихъ неудачѣ въ осуществленіи ихъ плановъ... ты получишь, вѣроятно, денегъ еще разъ или два... въ этомъ случаѣ я хлопоталъ о посылкѣ ихъ тебѣ... Петровъ“. Воскресенскій призналъ, что вышеизложенное письмо написано имъ, но дать объясненіе по существу его отказался, между тѣмъ слѣдствиемъ обнаружено, что Гранильщикова, по просьбѣ содержавшагося въ казанскомъ тюремномъ замкѣ безсрочно-отпускного рядового Вауэра, передавалъ послѣднему адресованныя на имя его, Гранильщикова, письма, которыя Вауэръ, чрезъ другого арестанта, нѣкоего Садовскаго, доставлялъ Федорову, содержавшемуся въ то время подъ стражею въ г. Казани. Траубенбергъ, принимавшій участіе въ собраніяхъ представителей петербургскихъ кружковъ и пославшій чрезъ Аранзона въ Самару два тома революціонныхъ книгъ, остался въ Петербургѣ въ качествѣ представителя

кружка, на что указывает письмо Щиголева, в котором он писал, что до отъезда из Петербурга он занимает такую же должность. Как и Траубенберг, только в другом департаментѣ. Послѣ ареста Щиголева Траубенбергъ послалъ Орлову телеграмму, в которой извѣщалъ о смерти Леонида и просилъ сообщать такое извѣстіе Голоушеву и Федоровичу: вскорѣ затѣмъ Траубенбергъ самъ былъ задержанъ, при чемъ у него были найдены: документы Антова, Тешлова и Усачева, „Программа работниковъ“—Лассала и „Азбука социальныхъ наукъ“. Траубенбергъ не призналъ себя виновнымъ. Щиголевъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, имѣлъ намѣреніе отправиться въ Курскую губернію и ходить по ней подъ видомъ коробейника, но, какъ слѣдуетъ заключить изъ одного письма Щиголева, недостатокъ въ деньгахъ помѣшалъ ему уѣхать изъ Петербурга. Проживая въ послѣднемъ городѣ, Щиголевъ, какъ оказывается изъ всего вышеизложеннаго, принималъ живое участіе въ дѣлахъ своихъ единомышленниковъ, съ которыми и велъ дѣятельную переписку, прибѣгая иногда къ шифру, какъ это видно изъ письма, отобраннаго у Веревоичкиной, в которомъ Щиголевъ, между прочимъ, сообщилъ, что „отъ Голоушева получено письмо, но еще не все разобрано...“, а также изъ показаній Голоушева и самого Щиголева, признавшихъ, что у нихъ былъ шифръ. Поддерживая весьма усердно сношенія съ членами своего кружка, Щиголевъ имѣлъ съ тѣмъ велъ и обширную переписку съ родными, предъ которыми развѣивалъ свои такъ называемыя „убѣжденія“, почерпнутыя изъ сочиненій Бакунина. Доказательствомъ такого образа дѣйствій Щиголева служатъ письма его отца, который 20-го іюня 1874 г. писалъ, между прочимъ, сыну: „... съ возрѣніемъ твоимъ на уродливыя натуры я ни подъ какимъ предлогомъ не согласенъ; твои доводы на эту тему фальшивы, дерущіе своимъ дребезжаніемъ уши и, какъ я вижу, это любимая твоя тема для преній, т. е. твой конекъ... Мнѣніе твое, нѣтъ, оно не твое, а всецѣло почерпнуто изъ ученія Бакунина, навязывающаго всей Европѣ непримѣнимый къ дѣлу коммунизмъ...“. Мать Щиголева въ другомъ письмѣ отъ 25 іюня 1874 г. писала: „Послѣ отправленія отцомъ 20-го числа къ тебѣ письма по сію пору я и отецъ проводимъ ночи безъ сна, все черныя думы тѣснятся въ нашихъ головахъ въ отношеніи твоего ложнаго направленія, развитаго у тебя, какъ мы только теперь догадываемся, еще въ Оренбургѣ г-жею Г. Эта барыня съ перваго взгляда, пожалуй, покажется замѣчательнаго ума, но на дѣлѣ она не болѣе, какъ фразерка; это можетъ поддѣлать здравый и опытный умъ, а слѣпо вѣрующему и немыслящему фразерство можно доказать наглядными фактами, каковыя и привожу: Сережа ея, окончивъ курсъ гимназій съ золотомъ медалью, проводитъ въ академіи годъ осломъ, въ 19 лѣтъ женится; подогрѣтый чужою, ложною, возмутительною по принципу, идеей, готовится или поступаетъ въ сельскіе учителя, запасается для пропаганды тамъ преглупыми и возмутительными книжонками. Все перечисленное доказываетъ, что малый безъ ума, не имѣлъ и не имѣетъ ничего собственнаго, гордиться чужь по чужой идеѣ, а самъ не замѣчаетъ того, что онъ стучится въ двери тюрьмы. А что же мать, высоко тобою чтимая, какъ смотреть она на заблужденія сына, воспитаннаго ею по собственной своей идеѣ? Она все знаетъ и одобряетъ подвиги Сережи. Послѣднее возрѣніе богини

само собою доказываетъ то, что у нея трезваго ума никогда не было, а есть у нея бесспорно умъ, фальшиво направленный и пересыванный трескучими фразами, плѣняющій фантазіи мало мыслящихъ юношей. Собразивъ твои воззрѣнія вообще на вещи, намъ кажется, что и у тебя понятія походить на воззрѣнія Г. Въ особенности учительскій постъ поразителенъ для насъ. Намъ здѣсь уже видятся тюрьма, цѣпи и пр. и то, что ты пѣлый годъ ничему не учился и возжался съ Г. Леонидъ! время не ушло, прерви всѣ отношенія съ Г., забудь все то дурное и фальшивое, что могло быть между вами, займись своимъ дѣломъ по указанію отца...“ Несмотря на такіе разумные родительскіе совѣты, Щиголевъ не перемѣнилъ не только своего направленія, но и, подобно Федоровичу, старался совратить свою сестру Анну. Изъ черноваго письма Щиголева къ сестрѣ видно, что онъ совѣтовалъ ей быть „производительнымъ членомъ общества“, „вырваться изъ обыкновенной мѣщанской дорожки женщины и выйти на дорогу человѣка“, а также убѣждалъ ее учиться при содѣйствіи Орлова и Малышевича съ тѣмъ, чтобы поступить на женскіе курсы Медико-Хирургической Академіи. Въ чемъ именно должно было заключаться «ученіе», къ которому побуждалъ Щиголевъ свою сестру, о томъ не трудно составить себѣ понятіе изъ писемъ Орлова и содержанія тѣхъ книгъ, чтеніе которыхъ Щиголевъ рекомендовалъ сестрѣ. Такъ, Орловъ, къ которому Щиголевъ обращался съ просьбою заниматься съ его сестрою, писалъ Щиголеву: „По смыслу твоего письма, Леонидъ, видно, что ты навязываешь мнѣ «развиваніе». Ну, братъ, относительно этого извини. Я готовъ ее «обучать наукамъ», но развивать нѣтъ, ибо понялъ тщету сего занятія. Вы Юл. Клав. развивали втроемъ, а между тѣмъ не развили до того, чтобы понять, на сколько она пошла своимъ «немѣняніемъ мнѣній»... Изъ писемъ же Анны Щиголовой оказывается, что братъ совѣтовалъ ей читать нѣкоторыя книги, и что она читала: „Что дѣлается на родивѣ“ и другія, писать о которыхъ опасно. Въ числѣ таковыхъ книгъ была „Исторія французскаго крестьянина“, что удостовѣрилъ свидѣтель Малышевичъ; по словамъ послѣдняго, Щиголевъ письмомъ просилъ его взять у Голоушева книги, которыя имъ будутъ привезены изъ Петербурга и давать читать таковыя Аннѣ Щиголовой. Вслѣдствіе сего, получивъ отъ Голоушева чрезъ Орлова „Исторію французскаго крестьянина“, онъ, Малышевичъ, и передалъ означенную книгу Аннѣ Щиголовой. Такое показаніе Малышевича находитъ себѣ подтвержденіе въ одномъ письмѣ отца Щиголева, который писалъ сыну: „Книжонку, о которой ты сказалъ Анютѣ, читала ли она ее, я видѣлъ; она глупа, какъ пробка; читать ее можно, а мыслить по своему, а у кого мышленія своего нѣтъ, тому чтеніе всякой дряни вредно. Книжонка эта и пошленькіе стишки выпущены и распространяются для опутыванія людей несмыслящихъ; безозглая же толпа не вредна, разумъ возьметъ перевѣсъ, а злоумышленники Б. останутся въ дуракахъ, — это вѣрно, какъ дважды два четыре“. По обыску у Щиголева были, между прочимъ, отобраны: стихотвореніе революціоннаго содержанія, замѣтки объ интернаціональномъ обществѣ рабочихъ, писанныя рукою Щиголева разсказъ — „Дѣдушка Егоръ“, заключающій въ себѣ прямое воззваніе къ бунту, и книги: „Анархія по Прудону“ и „Сказка о четырехъ братьяхъ“. Содержась подъ стражею въ Казанскомъ тюремномъ замкѣ, Щиголевъ составилъ

стихотвореніе возмутительнаго содержанія, которое и было у него отобрано при обыскѣ, произведенномъ въ его камерѣ. Щиголевъ призналъ себя виновнымъ въ имѣніи запрещенныхъ сочиненій и составленіи отобраннаго у него въ тюрьмѣ стихотворенія, а также призналъ, что найденный у него разсказъ „Дѣдушка Егоръ“ составленъ имъ. Клеопатра Лукашевичъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ писемъ, уѣхала въ Самару, гдѣ и вошла въ составъ мѣстнаго революціоннаго кружка. Кромѣ всѣхъ вышеозначенныхъ лицъ съ кружкомъ „оренбургцевъ“, по словамъ Льва Городецкаго, имѣла близкія сношенія дочь титулярнаго совѣтника Надежда Юргенсонъ, присоединившаяся впоследствии къ самарскому кружку „Кружокъ Самарцевъ“, или Городецкаго, былъ основанъ въ 1878 г. пріѣхавшими изъ Самарской губерніи Львомъ Городецкимъ и Павломъ Чернышевымъ, принадлежавшими къ кружку самообразованія, существовавшему еще въ 1872 г. въ средѣ воспитанниковъ Самарской гимназіи. По словамъ Городецкаго, нашедшимъ себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ Владиміра Осипова и Василья Филадельфова, онъ, Городецкій, Осиповъ и Филадельфовъ, а также товарищи ихъ по гимназіи Викторъ Осташкинъ и Павелъ Червышевъ, въ 1872 г. составили кружокъ, имѣвшій цѣлью пополнить пробѣлы гимназическаго образованія путемъ чтенія и разсужденія о прочитанномъ. Въ 1873 г. кружокъ выработалъ даже уставъ, въ коемъ опредѣлялось какъ его цѣль, такъ и условія его существованія. По уставу, цѣль кружка заключалась въ „саморазвитіи“, котораго предполагалось достигнуть посредствомъ чтеній и составленія рефератовъ; собранія кружка должны были происходить на квартирахъ его членовъ, для которыхъ посѣщеніе собраній было обязательнымъ; былъ выбранъ даже завѣдующій дѣлами кружка, каковая обязанность была возложена на Городецкаго, а также былъ опредѣленъ порядокъ пріема новыхъ членовъ. По удостовѣренію Городецкаго, каждое лицо, изъявившее желаніе быть членомъ кружка, должно было первоначально считаться гостемъ и получало званіе члена лишь тогда, когда, по имѣнію кружка, „занявъ его развитію“, какъ выразился Городецкій, достаточно увеличивался. Первыми гостями были — Мишъ Никитичъ Милоглазкинъ и рекомендованный Городецкимъ лакей г. Малышева, крестьянинъ Никифоръ Ивановъ Емельяновъ. Къ веснѣ 1873 г., по удостовѣренію Городецкаго, кружокъ началъ усваивать себѣ противуправительственное направленіе, которое замѣчалось кромѣ него, Городецкаго, и у Осташкина, Осипова и Филадельфова. Городецкій мечталъ даже объ изданіи газеты съ цѣлью проведенія своихъ взглядовъ въ кружкѣ, для чего и приобрѣлъ литографскій камень; но желаніе Городецкаго не осуществилось, и до конца 1873 года противуправительственное направленіе нѣкоторыхъ изъ членовъ кружка въ осязательной формѣ не проявлялось. Въ концѣ лѣта Городецкій и Чернышевъ прибыли въ Петербургъ, гдѣ Чернышевъ и поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію; Городецкій же, имѣвшій намѣреніе поступить въ Технологическій Институтъ, и какъ видно изъ его собственнаго показанія, уже вполне усвоивъ себѣ мысль о необходимости измѣнить положеніе рабочаго класса въ Россіи, сталъ искать сближенія съ людьми одинаковаго съ нимъ образа мыслей. По словамъ Городецкаго онъ съ означенною цѣлью нѣсколько разъ посѣщалъ трактиръ, такъ называемую „Казанку“, гдѣ преимущественно сходились студенты, но всѣ его поиски

долгое время оставались тщетными; наконецъ, ему удалось познакомиться съ нѣсколькими революціонными дѣятелями, въ томъ числѣ и съ Мокіевскимъ-Зубкомъ. о которомъ ему сказали, что это одна изъ тѣхъ личностей, которыхъ онъ ищетъ и притомъ еще изъ лучшихъ, — но и на этотъ разъ сближеніе не состоялось. Повски Городецкаго продолжались до тѣхъ поръ, пока счастливый случай не доставилъ ему возможности побывать на сходкахъ, происходившихъ въ 12 й ротѣ Измайловскаго полка, въ квартирѣ Головина. На первой сходкѣ, на которой былъ Городецкій, присутствовало человѣкъ до 50; шуму было много, разсуждали о недостаткахъ существующаго государственнаго строя, но вообще выяснитъ себѣ предметъ разсужденій было трудно; на этой же сходкѣ Городецкій узналъ о полученіи изъ за границы сочиненій Бакунина. Черезъ недѣлю сходка у Головина повторилась, на которую народу собралось еще больше, чѣмъ на первую. За этой сходкой, какъ слышалъ Городецкій, слѣдовали и другія, продолжавшіяся до февраля 1874 г., но Городецкій на нихъ уже не присутствовалъ. Подъ влияніемъ означенныхъ сходокъ Городецкій окончательно усвоилъ себѣ революціонное направленіе, и когда однажды къ нему пришли Чернышевъ и студентъ Медико - Хирургической Академіи Бухъ, бывшій воспитанникъ Самарской гимназіи, то Городецкій, какъ видно изъ его показанія, сталъ доказывать имъ, что занятіе науками безплодно, что слѣдуетъ обратить вниманіе на бѣдствіе народа и стараться заинтересовать этимъ вопросомъ возможно большее количество лицъ. Краснорѣчье Городецкаго, по его собственному предположенію, подѣйствовало на Чернышева и Буха, которые чрезъ нѣсколько дней устроили въ своей квартирѣ сходку. На этой сходкѣ Городецкій встрѣтился со студентами Медико-Хирургической Академіи, Никитинымъ и Курдюмовымъ, принимавшими участіе и въ послѣдующихъ сходкахъ, на которыхъ также бывали студенты Медико-Хирургической Академіи, Николай Поповъ и Воронцовъ, и крестьянинъ Кожовъ. На этихъ сходкахъ, по удостовѣренію Городецкаго, обсуждались вопросы о томъ: въ чемъ заключается счастье, какимъ образомъ возможно избѣжать дуализма въ личности, и т. п.; затѣмъ стали разсматривать вопросы объ ассоціаціяхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, а послѣ пріобрѣтенія Городецкимъ сочиненія Бакунина — таковыя сдѣлались единственною темой разговоръ на сходкахъ. Сочиненія Бакунина, по словамъ Городецкаго, произвели на всѣхъ сильное впечатлѣніе; подъ ихъ влияніемъ, собиравшіяся на сходкахъ лица признали, что стремленія народа вполне выяснены, и пришли къ заключенію о необходимости вести въ народѣ пропаганду. Придя къ такому выводу, посѣтители сходокъ, какъ видно изъ показанія Городецкаго, въ январѣ 1874 г. составили свой особый кружокъ, въ составъ котораго вошли: Городецкій, Чернышевъ, Бухъ, Никитинъ, Курдюмовъ, Поповъ, Кожовъ и слушательница акушерскихъ курсовъ, мѣщанка Марѳа Герасимовна Жукова, вышедшая впоследствии замужъ за Никитина. Основанный подъ влияніемъ теорій Бакунина кружокъ самарцевъ, подобно прочимъ петербургскимъ кружкамъ, усвоилъ себѣ анархическое направленіе. По удостовѣренію Городецкаго, члены кружка были того мнѣнія, что революція въ Россіи должна произойти сама собою, въ силу историческаго хода вещей, вслѣдствіе чего считали своею задачею содѣйствовать, посредствомъ устной и книжной

пропаганды, сознанию народом идеала своего будущего устройства. Для осуществленія такой задачи члены кружка рѣшили идти въ народъ подъ видомъ простыхъ рабочихъ, разыскать недовольныхъ настоящимъ положеніемъ вещей и дѣйствовать на нихъ слѣдующимъ образомъ: развивая и выясняя устно или чтеніемъ, существующее уже недовольство, указывать на возможность выхода изъ настоящаго тяжелаго положенія лишь при условіи единодушнаго образа дѣйствій со стороны народа, въ доказательство чего ссылаться на бунты Стеньки Разина и Пугачева; затѣмъ изъяснять, что, дѣйствуя совокупными силами всего народа, слѣдуетъ добиваться общиннаго землевладѣнія, свободнаго перехода изъ одной общины въ другую и самоуправленія, а потому и уничтоженія правительства и администраціи; вопросъ о существованіи Верховной власти предполагали не затрогивать, такъ какъ само собою подразумевалось, что таковая будетъ уничтожена, въ виду ея несомнѣннаго сопротивленія требованіямъ народа. Каковою предполагалась устная пропаганда, таковою же должна была быть и книжная; самою пригодною для послѣдней книгой признавалась „Исторія одного французскаго крестьянина“, а также считалось полезнымъ распространять въ народѣ рассказы вродѣ „Митюхи“, „Дѣдушки Егора“ и др., какъ указывающіе на вредное вліяніе эксплуатаціи на народъ; книги же „Стенька Разинъ“ и „Сборникъ новыхъ пѣсень и стиховъ“ были признаны годными исключительно для лицъ болѣе или менѣе развитыхъ, какъ-то: народныхъ учителей, семинаристовъ и гимназистовъ. Для пріобрѣтенія подлежащихъ распространенію въ народѣ книгъ, а также для оказанія помощи нуждающимся членамъ кружка, была устроена, по словамъ Городецкаго, касса. Для означенной кассы нѣлось сначала въ виду добывать деньги путемъ изданія народныхъ книгъ, но такое предположеніе не осуществилось, а потому касса стала пополняться взносами, дѣлаемыми каждымъ изъ членовъ кружка; завѣдываніе же кассой было поручено Чернышеву. Изъ кассы было оказано вспоможеніе Никитину, а Городецкій на счетъ кассы взялъ себѣ нѣсколько книгъ изъ числа пріобрѣтенныхъ Чернышевымъ, а именно: „Объ общинномъ владѣніи земель“. Чернышевскаго, 2 экз. „Исторіи одного французскаго крестьянина“ и 5 экз. рассказовъ „Сила солону лопить“. Чернышевъ, Поповъ, Никитинъ и Курдюмовъ въ показаніяхъ своихъ отвергаютъ существованіе кружка, но правдивость показанія Городецкаго доказываетъ: а) Показаніемъ Комова, удостовѣрившаго существованіе кружка и объяснивавшего, что пѣль такового состояла „въ воздѣйствіи на развитіе народа въ смыслѣ сознанія имъ своего экономическаго положенія и возможности выхода изъ него“. б) Показаніемъ Рабиновича, по словамъ котораго въ числѣ петербургскихъ кружковъ былъ и кружокъ Городецкаго, членами котораго состояли извѣстные Рабиновичу—Городецкій, Бухъ, Курдюмовъ, Поповъ, Никитинъ и Комовъ. в) Показаніемъ Чернышева и Попова, признавшихъ какъ знакомство между собою всѣхъ лицъ, составлявшихъ, по словамъ Городецкаго, кружокъ, такъ и обсужденіе этихъ лицами читанныхъ ими статей по рабочему вопросу, и желаніе помочь народу легальнымъ путемъ выйти изъ сего тяжелаго положенія. г) Полнѣйшею дѣятельностью членовъ кружка. Кружокъ „самарцевъ“ имѣлъ сношеніе со всѣми петербургскими кружками; такъ, по словамъ Городец-

каго, на сходкахъ кружка бывали: Голоушевъ и Воскресенскій—изъ кружка „оренбуржцевъ“, Милоглазкинъ—изъ кружка Лермонтова и Сердюковъ—изъ кружка „чайковцевъ“, а также Воронцовъ и Чарыковъ; на этихъ же сходкахъ бывалъ Рабиновичъ, какъ оказывается изъ показанія послѣдняго, а по удостовѣренію Гриценкова, въ квартирѣ Блаждевичъ бывали Городецкій и Никитинъ, что и подтвердилъ Городецкій: наконецъ, черезъ Голоушева Самарскій кружокъ имѣлъ сношенія и съ кружкомъ артиллеристовъ, вмѣстѣ съ которыми въ мастерской Богомолова, какъ уже сказано выше, работалъ и Павелъ Чернышевъ, встрѣчаясь тамъ съ Чернышевымъ „вспышко - пускателемъ“, Ивановъ Блаждевичемъ, Александромъ Лукашевичемъ и Чарушинымъ, подъ фамиліей Шуравина. Весной 1874 г. кружокъ „самарцевъ“ окончательно слился съ прочими кружками, что видно изъ показанія Рабиновича, удостовѣрившаго, что на собраніяхъ представителей кружковъ делегатомъ отъ кружка „самарцевъ“ явился Курдюмовъ. Кромѣ всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ, къ самарскому кружку примкнула еще впоследствии, по словамъ Городецкаго, Надежда Юргенсонъ, имѣвшая близкія отношенія къ „оренбуржцамъ“. Весной 1874 г. самарцы двинулись въ народъ и, за исключеніемъ Попова и Комова, отправились въ Самарскую губернію. Комовъ, по его собственному показанію, послѣ отъѣзда изъ Петербурга работалъ на фабрикѣ у Морозова, въ Твери, затѣмъ былъ въ Богородскѣ и работалъ въ красильномъ заведеніи Морозова, въ Орѣховѣ, послѣ чего отправился на родину въ село Тейково, Владимірской губерніи, гдѣ и былъ арестованъ. Комовъ признавалъ себя виновнымъ въ принадлежности къ обществу, составившемуся для противозаконныхъ цѣлей; помимо такого признанія и всего вышеизложеннаго, виновность Комова подтверждается: а) Свидѣтельскими показаніями лицъ, удостовѣрившихъ, что Комовъ въ перепискѣ съ ними, сообщая, что нашелъ цѣль для своей жизни, высказывалъ, между прочимъ, такого рода мысли, что „если буржуазія воруетъ у рабочаго часть его трудовъ, то и рабочій имѣетъ такое же право воровать у буржуазіи, потому что, воруя, онъ беретъ свою собственность“, и что „не мѣшало бы агитировать по поводу крайняго обремененія народа поборами“. б) Показаніемъ Комова, даннымъ при дознаніи, въ которомъ онъ гораздо подробнѣе и откровеннѣе, чѣмъ при слѣдствіи, описывалъ направленіе кружка Самарцевъ и программу его дѣятельности. Въ означенномъ показаніи Комовъ объяснилъ, что, обсуждая экономическое положеніе народа, кружокъ пришелъ къ тому выводу, что выходъ изъ такого положенія представляется возможнымъ лишь при помощи социальнаго переворота, способствовать которому кружокъ и рѣшился путемъ пропаганды въ народѣ. Для опредѣленія цѣли этой пропаганды была назначена сходка, на которой, сознавъ необходимость вести социальную революціонную пропаганду въ народѣ, члены кружка рѣшили направлять существующее въ народѣ недовольство къ соединенной борьбѣ съ общими причинами, обуславливающими непригодность общественной жизни. Пропаганда социальнаго переворота, по словамъ Комова, не отдѣлялась отъ политической, которая силой обстоятельствъ должна быть послѣдствіемъ первой, такъ какъ при распаденіи всѣхъ формъ настоящаго общественнаго устройства существованіе политической власти, обуславливающей эти формы,

было бы невысказано. в) Письмомъ Комова къ Городецкому. г) Найденными при обыскѣ у Комова книгами, какъ-то: сочиненія Лассалля и „Крестьянскіе выборы“. д) Показаніемъ Городецкаго о томъ; что Комовъ, подобно другимъ членамъ кружка, имѣлъ прозвище, а именно, былъ извѣстенъ подъ именемъ Лохматова, каковое показаніе Городецкаго подтверждается найденнымъ у него адресомъ—Лохматову въ гор. Тверь, гдѣ, какъ сказано выше. Комовъ нѣкоторое время работалъ на фабрикѣ. Николай Поповъ, оставаясь въ Петербургѣ, поддерживалъ сношенія какъ съ уѣзжавшими въ Самару товарищами, такъ и съ членами другихъ кружковъ, и когда Софья Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ уѣзжала изъ Петербурга на пропаганду въ приволжскія губерніи, то Поповъ, по просьбѣ Рабиновича, далъ ей въ Самару рекомендательное письмо, приложивъ къ такому записку Паевского къ Ковалику, съ которою любой изъ самарскихъ революціонныхъ дѣятелей могъ явиться въ Николаевскъ; означенныя письма Попова и записка Паевского были впоследствии отобраны у Лешернъ при задержаніи ея въ гор. Саратовѣ. Николай Поповъ, не признавая себя виновнымъ, объяснилъ, что письмо для Лешернъ написано имъ по просьбѣ Буха и почти подъ его диктовку; между тѣмъ Рабиновичъ удостовѣрилъ, что упомянутое письмо было написано Поповымъ по просьбѣ его. Рабиновича, и что онъ обратился съ такою просьбой къ Попову, потому что Поповъ, какъ ему было извѣстно, принадлежалъ къ кружку „самарцевъ“. Остальные члены кружка, какъ уже сказано, отправились въ Самару, гдѣ и слились съ мѣстнымъ революціоннымъ кружкомъ, дѣятельность котораго будетъ изложена ниже. Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ кружковъ въ Петербургѣ существовали еще слѣдующіе кружки: „Кружокъ Воронцова“, студента Медико-Хирургической Академіи, имѣвшаго, какъ видно изъ дѣла, весьма близкія сношенія съ кружкомъ Ковалика, а по удостовѣренію Рабиновича—съ кружкомъ Городецкаго и со штабъ-капитаномъ Емельяновымъ и Ободовскою. Изъ членовъ сего кружка подлежалъ преслѣдованію одинъ Воронцовъ, успѣвшій, однако, какъ сказано выше, бѣжать за границу. „Кружокъ Троицкаго“, студента С.-Петербургскаго университета, державшійся, по словамъ Рабиновича, нѣсколько въ сторонѣ отъ прочихъ Петербургскихъ кружковъ. Преступная дѣятельность сего кружка обнаружена лишь въ отношеніи двухъ его членовъ: Троицкаго и дворянки Маріи Эдуардовой Гейшторъ. Гейшторъ имѣла сношенія со студентомъ Медико-Хирургической Академіи Исаакомъ Павловскимъ, основателемъ Таганрогскаго кружка, что будетъ изложено ниже: а Троицкій былъ знакомъ съ Рабиновичемъ, какъ видно изъ показанія послѣдняго, у котораго онъ бралъ книги. Въ маѣ 1874 г. Троицкій и Гейшторъ отправились на пропаганду въ Рыбинскій уѣздъ. „Кружокъ Павловскаго“, къ которому принадлежали Исаакъ и его братъ Ааровъ Павловскій, слушательница акушерскихъ курсовъ Эйделя Пумпянская и студентка Медико-Хирургической Академіи Зубковъ и Иванишевичъ. Этотъ кружокъ имѣлъ самостоятельныя сношенія съ Сажинымъ и занимался ввозомъ въ Россію книгъ революціоннаго содержанія, а лѣтомъ 1874 г. Исаакъ Павловскій основалъ кружокъ въ Таганрогѣ. Дѣятельность вышеупомянутыхъ лицъ будетъ изложена ниже. Такимъ образомъ, къ лѣту 1874 года большинство петербургскихъ революціонныхъ дѣятелей двинулось въ вародъ съ цѣлью осуществленія своихъ преступныхъ замысловъ.

Еще ранѣе, въ мартѣ или апрѣлѣ, Коваликъ ѣздилъ въ Харьковъ, гдѣ и основалъ революціонный кружокъ, вошедшій въ близкія отношенія съ кievскимъ кружкомъ, основаннымъ близкими къ Ковалику лицами: послѣдній кружокъ, въ дѣлахъ котораго Коваликъ принималъ живое участіе и который онъ посѣтилъ въ февралѣ 1874 г., въ свою очередь тѣсно связалъ свою дѣятельность съ дѣятельностью одесскаго кружка. Почти одновременно съ Коваликомъ появилась въ Харьковѣ пропагандистка изъ Москвы—Анна Андреева, также основавшая въ Харьковѣ небольшой кружокъ, слившійся впоследствии съ таганрогскимъ кружкомъ. Въ концѣ 1873 года дочь губернскаго секретаря, Анна Васильевна Андреева, уѣхала по собственному ея показанію, изъ Москвы, поселилась въ д. Скородцева (Харьковской губерніи), у дальней своей родственницы Кусаковой, въ разговорѣ съ которой обнаружила, по показанію коллежскаго регистратора Алексѣя Гаврилова Головачева, крайнее озлобленіе противъ существующаго политическаго строя. Изъ объясненій самой Андреевой видно, что она читала Кусаковой и Головачеву „Историческія письма“ Миртова (Лаврова), а также давала читать крестьянскимъ дѣтямъ привезенныя съ собою народныя книги, какъ-то: „О землѣ и небѣ“ и „Дѣдушка Егоръ“. Проживъ нѣкоторое время въ гор. Курскѣ, на урокахъ, Андреева весной 1874 г. пріѣхала въ Харьковъ, гдѣ и поселилась у своей матери. Въ Харьковѣ она познакомилась съ проживавшимъ у отставнаго надворнаго совѣтника Василя Емельянова Рашкевскаго ученикомъ технического желѣзно-дорожнаго училища, Феликсомъ Іосифовымъ Юркевичемъ, а чрезъ послѣдняго и съ товарищемъ его по училищу Семеномъ Ивановымъ Корабельниковымъ. Изъ показаній Корабельникова и въ особенности Юркевича, гораздо подробнѣе рассказывающаго обстоятельства дѣла, видно, что при посѣщеніяхъ ими Андреевой она рассказывала, что живетъ у своей матери подъ видомъ горничной, скрываясь отъ преслѣдованія, такъ какъ она подозрѣвается въ принадлежности къ революціонному кружку, имѣвшему цѣлью посредствомъ народнаго возстанія достигнуть измѣненія существующаго государственнаго и общественнаго строя, и что члены этого кружка уже пропагандируютъ въ народѣ въ качествѣ учителей, мастеровыхъ и вообще рабочихъ. Говоря о низшемъ классѣ народа, Андреева высказывала мысль, что онъ находится въ угнетенномъ, бѣдственномъ положеніи по винѣ правительства, и что если дать народу образованіе, то онъ пойметъ это и самъ посредствомъ возстанія выйдетъ изъ своего тяжелаго положенія: вслѣдствіе чего, по мнѣнію Андреевой, прежде всего необходимо озаботиться пріобрѣтеніемъ сторонниковъ пропаганды въ образованномъ классѣ съ тѣмъ, чтобы таковыя сначала обучали народъ, а потомъ дѣйствовали въ революціонномъ духѣ. По словамъ Юркевича, Андреева, излагая предъ ними все вышеизложенное, старалась вызвать въ нихъ участіе къ себѣ, но съ прямымъ предложеніемъ — сдѣлаться дѣятельными членами общества къ нимъ не обращалась; по объясненію же Корабельникова, Андреева предлагала ему возбуждать между рабочими, посредствомъ разговоровъ съ ними, неудовольствіе къ правительству. На собраніяхъ Андреевой читались книги, какъ напримѣръ, „Историческіе этюды“ Шапкова и сказки „Кота Мурлыки“, при чемъ Андреева поясняла прочитанное. Такъ, по удостовѣренію Юркевича, Андреева по поводу сказки „Кота Мурлыки“ гово- рилл,

что она написана съ цѣлю показать тяжелое положеніе рабочихъ, возбудить въ нихъ неудовольствіе къ правительству и, такимъ образомъ, вызвать возмущеніе. Книги давались имъ для чтенія и на домъ; Юркевичъ получилъ „Кота Мурлыку“, а Корабельниковъ „Дѣдушку Егора“⁴. По словамъ Корабельникова, Андреева совѣтовала имъ уѣхать лѣтомъ на практическія занятія въ Таганрогъ или Новочеркасскъ, гдѣ они будутъ имѣть возможность познакомиться съ членами общества, о которомъ она имъ рассказывала, и читать революціонныя книги. Предъ отъѣздомъ въ Таганрогъ Андреева предложила имъ списокъ книгъ, которыя, по ея мнѣнію, имъ слѣдовало читать, и сверхъ того, по показанію Юркевича, снабдила ихъ рекомендательными записками къ своей знакомой Шумковой, въ Новочеркасскѣ, въ которыхъ просила Шумкову познакомить ихъ съ какимъ-то Иваномъ Яковлевичемъ. Независимо отъ сего, Юркевичу была дана записка на имя нѣкоего Дилевскаго (найденная у Юркевича при обыскѣ), содержащая въ себѣ просьбу давать подателю оной книги для чтенія и помѣщеніе, удобное для сходокъ съ товарищами. Анна Андреева, не отвергая существа показаній Юркевича и Корабельникова, пояснила, что о принадлежности своей къ какому-либо революціонному кружку она имъ не говорила, а высказала лишь, что ее въ этомъ подозрѣваютъ. Она принадлежала къ московскому кружку, когда онъ преслѣдовалъ не преступныя цѣли, имѣла въ виду только поднятіе уровня народнаго образованія; но когда кружокъ измѣнилъ свое направленіе, то она совершенно отъ него отдѣлилась. При соединеніи къ какому-либо тайному обществу она Юркевичу и Корабельникову не предлагала, а говорила лишь, что было бы хорошо, еслибъ они, запасшись знаніями, пошли въ народныя учителя; Юркевичъ и Корабельниковъ не поняли нѣкоторыхъ ея объясненій и вывели изъ нихъ свои неосновательныя заключенія. На лѣто 1874 г. Юркевичъ былъ командированъ для практическихъ занятій въ Таганрогъ. Андреева тоже проживала лѣтомъ въ Таганрогѣ, гдѣ и познакомилась съ пріѣхавшимъ изъ Петербурга къ своимъ роднымъ студентомъ Медико-Хирургической Академіи Исаакомъ Павловскимъ и братомъ его, не окончившимъ курса наукъ въ Таганрогской гимназіи, Аарономъ, которыхъ, въ свою очередь, познакомилась съ Юркевичемъ. Въ теченіе лѣта Корабельниковъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ въ Таганрогъ и бывалъ у Андреевой, которая общалась, по его словамъ, достать для него журналъ „Впередъ“ и хотѣла познакомить съ какимъ-то Павловскимъ, но ни того, ни другого не сдѣлала. По показанію Андреевой, Павловскіе при первомъ же знакомствѣ съ нею предложили ей принять участіе въ составленіи бібліотеки для постепеннаго развитія гимназистовъ, на что она и согласилась, но впоследствии пришла къ убѣжденію, что цѣль бібліотеки была совершенно иная. Направленіе и дѣятельность Павловскихъ были гдѣ же, что и московскаго кружка; у нихъ она видѣла: „Исторію интернаціонала“, „Государственность и Анархію“, „Пѣсенникъ“ и журналъ „Впередъ“, а предъ отъѣздомъ своимъ Исаакъ Павловскій получалъ второй томъ журнала „Впередъ“, „Послѣднюю революцію“ Гамбона и др. книги. „Пѣсенникъ“ давали читать и ей, а одинъ экземпляръ такового Исаакъ Павловскій продалъ Юркевичу. Книги хранились у бывшаго воспитанника таганрогской гимназіи, мѣщанина гор. Ралковъ, Евгенія Фридрихова Юган-

сона, которому она, послѣ отъѣзда Исаака Павловскаго въ Петербургъ, объявила, что прерываетъ всякія съ ними сношенія и беретъ назадъ изъ бібліотеки свои книги. Ааронъ Павловскій самъ рассказывалъ ей о своей пропагандѣ въ какой-то деревнѣ, а Исаакъ Павловскій съ Іогансономъ, какъ ей извѣстно, также ходили на пропаганду. Такое показаніе Андреевой нашло себѣ подтвержденіе въ показаніи Юркевича, по удостовѣренію котораго, въ квартирѣ Павловскихъ, гдѣ проживалъ и Іогансонъ, происходили собранія, посѣщавшіяся и гимназистами. На этихъ собраніяхъ читалась „Исторія интернаціонала“ Вакунина, а другія запрещенныя книги, какъ-то: „Впередъ“, „Сказка о 4-хъ братьяхъ“ и „Пѣсенникъ“, давались ему для чтенія на домъ, какъ Павловскимъ, такъ и Андреевой; кромѣ сего, одинъ экземпляръ „Пѣсенника“ былъ проданъ ему Исаакомъ Павловскимъ за 1 р. с.; хотя при передачѣ этихъ книгъ ему и не говорилось, чтобъ онъ давалъ ихъ читать другимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ его просили завлекать въ члены кружка какъ можно больше знакомыхъ ему лицъ. Вслѣдствіе сего онъ предлагаетъ своимъ знакомымъ Иванову и Кузьменко познакомить ихъ съ кружкомъ. Исаакъ Павловскій и Андреева, будучи самими дѣятельными членами кружка, ѣздили, по словамъ Юркевича, куда-то по желѣзной дорогѣ; въ особенности Андреева часто отправлялась на заводъ Юза, какъ онъ думаетъ, съ цѣлью пропаганды, такъ какъ иначе ей туда не зачѣмъ было ѣздить, и притомъ раза два или три она увезла съ собою какъ бы узлы съ книгами. Цѣль кружка, насколько могъ понять Юркевичъ, состояла въ привлеченіи къ нему лицъ изъ образованнаго класса съ тѣмъ, чтобъ они путемъ пропаганды противоправительственныхъ идей въ народѣ возбудили его къ возстанію, послѣдствіемъ котораго было уничтоженіе сословій и равномерное распредѣленіе земли и капиталовъ между всѣми гражданами. Евгений Іогансонъ, подтверждая, что „Пѣсенникъ“ былъ переданъ Исаакомъ Павловскимъ Юркевичу, объяснилъ, что, бывая у Павловскихъ раза два въ недѣлю, онъ заставлялъ у нихъ Андрееву и Юркевича, при чемъ раза три ему случилось заставить Исаака Павловскаго читающимъ этимъ лицамъ какія-то книги. Исаакъ и Ааронъ Павловскіе, не отвергая того обстоятельства, что у нихъ въ домѣ были запрещенныя книги, какъ-то: „Впередъ“, „Пѣсенникъ“, въ 2, 3 экземплярахъ, и „Исторія одного французскаго крестьянина“, объяснили, что эти книги были привезены изъ Петербурга Исаакомъ Павловскимъ, который взялъ ихъ у своего товарища по Академіи, Иванишевича, единственно изъ желанія познакомиться съ литературою революціоннаго направленія. По словамъ Исаака Павловскаго, онъ прочелъ журналъ „Впередъ“; „Исторію французскаго крестьянина“, вслѣдствіе болѣзни глазъ, читалъ ему Іогансонъ. Одинъ экземпляръ „Пѣсенника“ онъ сжегъ, а остальные книги велѣлъ брату и Іогансону уничтожить; по показанію же Аарона Павловскаго, Андреева брала книги безъ вѣдома брата, и экземпляръ „Пѣсенника“, который братъ просилъ сжечь, передала, кажется, Юркевичу; у нея же самой онъ, Ааронъ Павловскій, видѣлъ „Государственность и Анархію“ и „Исторію интернаціонала“. Никто изъ нихъ къ революціонному кружку не принадлежалъ, и онъ на пропаганду не ходилъ, а читалъ лишь два раза у помѣщика Чикалева совершенно открыто, не видя въ этомъ ничего дурного, приказчику, садовнику и пастуху—

„Дѣдушку Егора“. Въ устройствѣ бібліотеки, состоящей изъ цензурныхъ книгъ, принимала, по словамъ Аарона Павловскаго, большое участіе Андреева, относительно которой Ааронъ Павловскій объяснилъ, что она рассказывала ему о раздатъ ею какихъ-то прокламацій и о своемъ намѣреніи пропагандировать революціонныя идеи въ будущемъ; а Исаакъ Павловскій показалъ, что Андреева, съ которою онъ познакомился случайно въ вагонѣ, постоянно заводила съ нимъ серіозные разговоры, желая показать, что она не изъ послѣднихъ, но при этомъ всегда обнаруживала такое невѣжество, что онъ сталъ надъ нею смѣяться; какъ-то разъ она привела къ нему Юркевича, изъ разговора съ которымъ онъ убѣдился, что это „чистый воръ“. . . Павловскіе, Андреева, Іогансонъ и Корабельниковъ виновными себя не признали, Юркевичъ же призналъ себя виновнымъ въ томъ, что вступилъ въ кружокъ Андреевой, зная о противозаконныхъ дѣлахъ его, заключавшихся въ стремленіи къ измѣненію незаконнымъ путемъ существующаго въ Россіи правительства и общественнаго строя, но при этомъ объяснилъ, что не имѣлъ намѣренія быть дѣятельнымъ членомъ кружка и что вступилъ въ таковой лишь съ цѣлью развить себя посредствомъ чтенія книгъ, имѣвшихъ въ этомъ кружкѣ. Независимо отъ такого признанія Юркевича, къ изобличенію его, а равно и остальныхъ несознавшихся обвиняемыхъ, слѣдствіемъ собраны слѣдующія данныя: изъ показанія Ракшевскаго, у котораго проживалъ Юркевичъ, и котораго родные Юркевича просили имѣть за симъ послѣднимъ, „разсуждающимъ такъ, что уши вянутъ слушать“, отповское вѣдѣніе—видно, что, по возвращеніи Юркевича изъ Таганрога, свидѣтель отобралъ у него книгу „Азбуку соціальныхъ наукъ“ и сжегъ ее, и что Юркевичъ взялъ однажды безъ спроса у него, Ракшевскаго, 1 т. журнала „Полярная звѣзда“. Этотъ журналъ былъ переданъ Юркевичемъ, по показанію воспитанника Харьковскаго техническаго училища Петра Ерастова Иванова, Корабельникову и воспитанику Дзюбину, а затѣмъ былъ отобранъ у Юркевича смотрителемъ училища Иваномъ Дмитріевымъ Туникомъ, который, между прочимъ, удостовѣрилъ, что однажды Корабельниковъ, вмѣсто заданнаго ему изложенія своими словами чего-то прочитаннаго изъ „Дѣтскаго Чтенія“, написалъ разсужденіе о рабочемъ классѣ, при чемъ сослался на Флеровскаго и „Азбуку соціальныхъ наукъ“. По показанію того же Петра Иванова, Юркевичъ весною 1874 г. сообщилъ ему о своемъ знакомствѣ съ Андреевою, скрывавшеюся отъ преслѣдованія правительства и проживавшею у своей матери подъ видомъ горничной, и рассказывалъ, что Андреева принадлежала къ кружку, задача котораго состояла въ поднятіи уровня народнаго образованія съ цѣлью учрежденія въ Россіи республики, и что члены кружка занимаются этимъ подъ видомъ рабочихъ. Юркевичъ предлагалъ Иванову познакомиться съ Андреевою, а когда онъ отъ этого отказался, то просилъ не рассказывать никому о его знакомствѣ съ Андреевою; у Юркевича Ивановъ видѣлъ сказки „Кота мурлыки“ и данную ему Андреевою записку къ Аниѣ Федоровнѣ. Лѣтомъ, когда Ивановъ былъ въ Таганрогѣ на практическихъ занятіяхъ, Юркевичъ вновь предлагалъ ему познакомиться съ Андреевою, съ каковымъ предложеніемъ обращался и къ студенту Института инженеровъ Путей Сообщенія, Василю Михайлову Кузьменко. Посвѣдая Андрееву

въ Таганрогѣ, Юркевичъ приносилъ отъ нея книги: „Сила соломѣ ломить“, „Пѣсенникъ“. Сказку о 4-хъ братьяхъ“ и др., которыя и давалъ читать разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и Кузьменко. Кромѣ сего Юркевичъ въ Таганрогѣ и Харьковѣ на работѣ, на улицѣ и въ квартирѣ, въ присутствіи другихъ, пѣлъ революціонныя пѣсни. О Павловскомъ Юркевичъ отзывался въ разговорахъ съ Ивановымъ какъ о умѣйшемъ членѣ и представителѣ кружка. Изъ показаній ученика технического училища Александра Васильева Быстровскаго оказывается, что Юркевичъ говорилъ ему объ Андреевой, но отказался познакомить его съ нею, говоря, что у него, Быстровскаго, „длинный языкъ“, у Юркевича онъ видѣлъ книги „Азбука социальныхъ наукъ“ и „Сборникъ пѣсенъ“, которыя онъ давалъ читать своимъ товарищамъ, и нѣкоторыя пѣсни, какъ-то: „Когда я былъ Царемъ Россійскимъ“ и „Дубинушка“ (Барка), онъ пѣлъ публично, и, наконецъ, Юркевичъ позволялъ себѣ дерзко отзываться объ Особѣ Государя Императора. Воспитанникъ того же училища Андрей Ивановъ Михелисъ показалъ, что Юркевичъ при другихъ лицахъ пѣлъ пародію на Аркадскаго принца, что подтвердилъ и служащій въ конторѣ начальника дистанціи въ Таганрогѣ бахмутскій мѣщанинъ Николай Николаевъ Петровъ. Кромѣ сего Михелисъ добавилъ, что онъ видѣлъ у Юркевича „Пѣсенникъ“, „Сила соломѣ ломить“ и „Сказку о 4-хъ братьяхъ“, какковыя книги Юркевичъ читалъ студентамъ Кузьменко и Ковалеву. Студенты Института Инженеровъ Путей Сообщенія Кузьменко и Александръ Николаевъ Ковалевъ, подтвердивъ сдѣланную на нихъ Ивановымъ и Михелисомъ ссылку, объяснили, что эти книги они сами брали у Юркевича безъ его на то предложенія; но такое объясненіе противорѣчитъ показанію самого Юркевича, который, будучи спрошенъ объ этомъ обстоятельстве, показалъ, что если и давалъ Кузьменко и Ковалеву читать вышеуказанныя книги, то дѣлалъ это лишь вслѣдствіе о томъ просьбы. Воспитанникъ технического училища Сергѣй Ивановъ Скворцовъ показалъ, что лѣтомъ 1874 года, во время практическихъ занятій на станціи Ставроково Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги, Корабельниковъ не разъ заводилъ съ нимъ разговоръ о бѣдственномъ положеніи низшаго класса народа и намекалъ на то, что землю слѣдуетъ отобрать отъ помѣщиковъ и раздѣлить ее поровну между крестьянами. На дознаніи Скворцовъ объяснилъ, что причину бѣдственнаго положенія народа Корабельниковъ видѣлъ въ монархическомъ образѣ правленія. Однажды при крестьянинѣ Портняго, у котораго Скворцовъ и Корабельниковъ квартировали, Корабельниковъ завелъ разговоръ о томъ, что правительство назначаетъ такихъ сельскихъ учителей, которые не умѣютъ говорить съ народомъ, и при этомъ указывалъ на одного своего богатаго знакомаго въ Таганрогѣ, говоря, что онъ пойдетъ въ учителя безвозмездно, изъ одной любви къ народу. Крестьянинъ Изюмскаго уѣзда, села Знаменскаго, Демьянъ Моисеевъ Портняго не подтвердилъ при слѣдствіи показанія Скворцова, хотя при дознаніи удостовѣрялъ, что Корабельниковъ читалъ въ разное время книги: „Митюху“, „О четырехъ братьяхъ“, про Разина и и др., названій которыхъ не упомянуть; крестьянинъ же Александръ Семеновъ Соенко показалъ, что Корабельниковъ говорилъ рабочимъ, что поны обманули народъ, что имъ досталось земли больше, чѣмъ народу, и что другіе народы живутъ хорошо потому, что у нихъ никакого царя нѣтъ; кромѣ сего,

при дознаніи Соенко удостовѣрилъ, что Корабельниковъ читалъ книжку „трудно живется“ („Что-то братцы“). Во время производства по настоящему дѣлу дознанія содержащійся одновременно съ Андреевою и Югансономъ въ таганрогскомъ тюремномъ замкѣ арестантъ Девойно Соллогуѣ (неразысканный при слѣдствіи) представилъ къ дѣлу полученныя отъ Андреевой и Югансона записки, содержаніе которыхъ, подкрѣпля собранныя уже доказательства существованія таганрогскаго кружка, вмѣстѣ съ тѣмъ привело къ обнаруженію сношеній этого кружка съ русскими эмигрантами и полученія кружкомъ непосредственно изъ-за границы книгъ преступнаго содержанія. Изъ этихъ записокъ, о которыхъ Андреева и Югансонъ показали, что таковыя дѣйствительно писаны ими, имѣютъ значеніе: 1) двѣ записки Андреевой, въ которыхъ она между прочимъ, писала: „отговариваться непониманіемъ я не могу, такъ какъ всѣ мои знакомые дали показанія, что я очень умна... имъ извѣстно о полученіи Павловскимъ предъ отъѣздомъ 2 тома „Впередъ“, Гамбона и пр. Напишите, что васъ спрашивали обо мнѣ, какъ вы характеризовали меня, мои отношенія къ Павловскимъ и кружку“, по показанію Андреевой, записка, въ которой помѣщена послѣдняя фраза, предназначалась Югансону, и 2) слѣдующія записки Югансона: подъ № 5 — „Съ Андреевою было мало общаго, она участвовала въ составленіи бібліотеки и только. Не знаю, въ чемъ ей можно помочь . . . Я спрашивалъ, нельзя ли сознаться въ томъ, что кажется извѣстнымъ“... подъ № 7: „Я твердъ и два мѣсяца отрицаю буквально все; уликъ много и въ сообществѣ, и въ томъ, что мной было взято много на себя“... подъ № 8: были нѣсколько разъ чтенія запрещенныхъ книгъ, журнала „Впередъ“ и Бакунина. Это извѣстно. Извѣстно, что у насъ были запрещенныя книги: „Впередъ“, „Что дѣлать“, Бакунина 2 т., были еще другія, про вихъ, кажется, неизвѣстно. Извѣстно, что запрещенныя книги хранились у меня. Отъ меня вѣроятно, потребуютъ признанія во всѣхъ дѣйствіяхъ студента, такъ какъ я съ нимъ вмѣстѣ жилъ отъ пріѣзда его въ Таганрогъ съ іюня до августа“... подъ № 9: „Нельзя ли притвориться сумасшедшимъ. Я за три дня предъ моимъ арестомъ писалъ письмо въ Петербъ, письмо это, кажется, въ рукахъ правительства. Если это такъ,—дѣло плохо. Тамъ встрѣчаются выраженія: наше дѣло и наши ряды“... подъ № 12: „У насъ здѣсь съ іюня 1874 г. составилъ кружокъ подъ руководствомъ студента. Составлена бібліотека изъ цензурныхъ книгъ. Бібліотека эта существовала подъ моею фирмою, но извѣстно, что она не моя. Изъ вопросовъ, предлагаемыхъ мнѣ, я вижу, что многое извѣстно. Нельзя ли мнѣ теперь сознаться въ томъ, что я полагаю извѣстнымъ уже“... и, наконецъ, подъ № 15, „Скверно вотъ что. Въ Сувалкской губ. получены книги: не задолго до ареста того, кто долженъ былъ ѣхать за ними, было получено письмо, какъ можно скорѣе прислать 175 р. с. и получить книги. Книги тамъ были самыя новыя, какихъ въ Россіи еще нѣтъ... жаль, если онѣ попадутъ въ руки правительства; это главный и безопасный путь, черезъ который можно было бы всегда получать книги. Мы здѣсь получили книги багажомъ, не знаю, открыто ли это, кажется, нѣтъ“. Относительно этой послѣдней записки Югансонъ при слѣдствіи объяснялъ, что о книгахъ, полученныхъ въ Сувалкской губ., онъ слышалъ отъ Исаака Павловскаго; о томъ же, кто долженъ былъ ѣхать

за книгами, отозвался незнаниемъ, а полученіе книгъ подъ видомъ багажа назвалъ пустою фразою. При дознаніи же Югансонъ удостовѣрилъ, что за книгами долженъ былъ ѣхать Исаакъ Павловскій, что изъ Петербурга на имя Павловскаго были получены багажомъ запрещенныя книги, въ числѣ которыхъ были двѣ книги Бакунина и журналъ „Впередъ“, и что, кромѣ того, нѣсколько запрещенныхъ книгъ было привезено изъ Новочеркасска Аарономъ Павловскимъ. Спрошенный по поводу записки Югансона подъ № 15 Исаакъ Павловскій показалъ слѣдующее: студентъ Медико-Хирургической Академіи Иванишевичъ (неразысканный), уѣзжая въ Парижъ, обѣщала выслать оттуда должную имъ студенту Зубкову сумму денегъ, но такъ какъ Зубковъ не могъ дать полного своего адреса, то и было рѣшено, что Иванишевичъ вышлетъ деньги Павловскому въ Таганрогъ, на имя родственника Павловскаго Шмаева, съ передачею квартировавшей въ домѣ Павловскихъ Смирновой, прямого же своего адреса онъ не далъ потому, что дома имѣли обыкновение читать его письма. Затѣмъ въ августѣ 1874 года онъ получилъ отъ Иванишевича, изъ Ковна, письмо, въ которомъ Иванишевичъ извѣщала, что въ мѣстечкѣ Кейдавахъ находятся высланные имъ тюки революціонныхъ книгъ, и въ виду того, что личность, которая должна была за ними пріѣхать, арестована, просилъ его, какъ честнаго человѣка, взять эти книги и заплатить за нихъ 175 р. Дня черезъ два послѣ сего онъ получилъ письмо, писанное, видимо, евреемъ, съ требованіемъ 175 р. за перевозку книгъ: съ деньгами этими онъ долженъ былъ или самъ поѣхать, или выслать ихъ на имя Эдельштейна, который и пришлетъ книги. Не желая, съ одной стороны, принимать высланныя книги, а съ другой, опасаясь поссориться съ Иванишевичемъ, онъ поручилъ Югансону написать Эдельштейну письмо о томъ, что онъ не знаетъ, что потребуется такая сумма денегъ, что просить подождать недѣлю, въ теченіе которой надѣется собрать деньги, и чтобъ Эдельштейнъ писалъ ему въ Курскъ, на имя Ивана Смирнова, до востребованія. Личность Смирнова, по словамъ Павловскаго, была вымышленная. Югансонъ не признавалъ того, чтобы по порученію Павловскаго онъ писалъ письмо Эдельштейну, но у послѣдняго было найдено письмо такого же содержанія, какъ письмо, написанное, по словамъ Павловскаго, Югансономъ, и по сличеніи почерка, кониъ писано это письмо, съ несомнѣннымъ почеркомъ Югансона, оказалось, что письмо это писано дѣйствительно симъ послѣднимъ. 5 февраля 1875 года въ мѣстечкѣ Кейдавахъ, Ковенской губ., былъ произведенъ обыскъ у занимавшагося контрабандой, еврея Вульфа Розенблата, и по обыску на чердакѣ дома, въ которомъ жилъ Розенблатъ было найдено два холщевыхъ тюка, прикрытыхъ плетенкою отъ телѣги. По вскрытіи этихъ тюковъ въ нихъ оказались книги преступнаго содержанія: 206 экз. „Анархіи по Прудону“, 48 экз. „Государственность и Анархія“, 48 экз. «Историческое развитіе интернаціонала», 31 экз. „Задачи революціонной партіи въ Россіи“. Относительно найденныхъ у него тюковъ Розенблатъ показалъ, что они были присланы къ нему изъ м. Шаки проживающимъ тамъ евреемъ Мовшею Эдельштейномъ, уже болѣе трехъ мѣсяцевъ тому назадъ, съ запискою, въ которой онъ просилъ хранить эти тюки до пріѣзда его самого или того, кого онъ пришлетъ. По произведенному вслѣдъ за симъ въ м. Шаки

у еврея Мовши Эдельштейна обыску, были найдены: 1) письмо слѣдующаго содержания: „Посылаю вамъ черезъ Ernst Bratz, Эдельштейнъ, три тюка книгъ (два изъ Цюриха и одинъ изъ Лондона) и прошу васъ перевезти ихъ. Когда перевезете, то пошлите письмо вмѣстѣ съ моимъ письмомъ, которое я посылаю вамъ съ этимъ письмомъ къ вамъ, запечатайте конвертъ и пошлите, за вещами прїѣдутъ. Вы должны только написать свой адресъ и сказать, сколько нужно денегъ за перевозку... Прощайте, вашъ Будо“; 2) записка, о которой показывалъ Павловскій, начинающаяся словами: „я совершенно не зналъ, что потребуется такая большая сумма...“ и кончающаяся словами: „отвѣчайте какъ можно скорѣе въ Курскъ, на имя Ивана Смирнова, до востребованія И. См...“ и 3) два конверта, безъ почтовыхъ штемпелей съ написанными на нихъ адресами, — на одной: „С.-Петербургъ, 3 рота Измайловскаго полка, домъ № 12, кв. № 4, Федору Федоровичу Орлову“, а на другомъ:—„Таганрогъ, кассиру на вокзалѣ Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дороги, Якову Шмаеву, для передачи Еленѣ Васильевнѣ Смирновой“. Изъ объясненій Эдельштейна оказывается: а) что письмо Будо онъ послалъ къ Орлову и Шмаеву въ новыхъ штемпельныхъ конвертахъ, а конверты, присланные Будо, остались у него, и что съ Будо онъ познакомился въ концѣ 1873 г. и тогда же началъ перевозить черезъ границу присылаемые Будо тюки книгъ и б) что третій тюкъ, о которомъ упоминается въ письмѣ Будо, былъ отбитъ пограничною стражею. Последнее обстоятельство вполне подтвердилось: 29 июля 1874 г., на Владиславской таможенной линіи дѣйствительно былъ задержанъ перевозимый контрабандистами тюкъ, по вскрытіи котораго въ немъ оказались книги: 533 экз. „Сборника новыхъ пѣсень и стиховъ“, 9 экз. „Сказки о четырехъ братьевъ“, 1 экз. „Государственность и Анархія“, 39 экз. „Анархія по Прудону“ и 18 экз. брошюры „О мученикѣ Николаѣ“. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Медико-Хирургической Академіей, видно, что Иванишевичъ отправился за границу лишь въ іюнь 1874 г., а изъ показанія обвиняемаго Моисея Рабиновича оказывается, что Будо, съ которымъ онъ былъ у Эдельштейна въ концѣ 1873 г., не Иванишевичъ, а Сажинъ, рукою котораго писано письмо за подписью Будо и адресы на имя Шмаева и Орлова. Такимъ образомъ, объясненіе Павловскаго о томъ, что книги были доставлены Эдельштейну Иванишевичемъ, и что онъ, Павловскій, совершенно случайно оказался замѣшаннымъ въ дѣло о ввозѣ книгъ, вслѣдствіе полученнаго имъ письма отъ Иванишевича, представляется вымышленнымъ и опровергается сверхъ того нижеслѣдующимъ: 13 февраля 1875 г., во время обыска у виленской мѣщанки Эйдели Пумпянской, къ ней явился студентъ Медико-Хирургической Академіи Моисей Нестеровскій, у котораго было отобрано письмо, помѣченное 12 февраля 1875 г., слѣдующаго содержания: „Пишу вамъ, дорогой мой другъ, послѣдній разъ, прошу васъ сильно, глубоко не указывать на меня на допросахъ . . . Итакъ, еще разъ и послѣдній не показывать на меня. Это необходимо для дѣла перевозки книгъ на будущее время, дѣло, которое теперь въ довольно печальномъ положеніи и которое станетъ абсолютно невозможнымъ, если вы укажете на меня, и необходимо для спасенія отъ гибели, для Россіи, во крайней мѣрѣ, восьми тысячъ человѣкъ . . . сваливайте на Судзиловскаго все... можете ли вы бѣжать? Какой вашъ планъ вашего побѣга? Ваши друзья

готовы употребить силу, если это совершенно необходимо . . . Я взялъ одну вашу медицинскую книгу Карпинскаго о малыхъ операціяхъ (часть письма, относящаяся до побѣга, на французскомъ языкѣ). Любящій васъ „Одиннадцатый“. Нестеровскій объяснилъ, что это письмо (незапечатанное) было ему дано студентомъ Медико-Хирургической Академіи, Зубковымъ, его товарищемъ по семинаріи, для передачи Пумпянской, которую онъ передъ тѣмъ два раза видѣлъ у сестры Исаака Павловскаго. Пумпянская, не признавая себя виновною въ принадлежности къ преступному сообществу, показала, какъ на дознаніи, такъ и при слѣдствіи, что отобранная у Нестеровскаго записка была прислана къ ней Зубковымъ для передачи Исааку Павловскому, и что объ этомъ просилъ ее лично самъ Зубковъ, отъ котораго она уже разъ, по дружбѣ къ Маріи Павловской, сестрѣ Исаака, передала сему послѣднему записку. При предъявленіи же Пумпянской слѣдственнаго производства, она изъѣвила свое показаніе и объяснила, что записку, подписанную „Одиннадцатый“, Зубковъ просилъ передать нѣкоей Цвиневой, которая была въ то время въ отъѣздѣ и скоро должна была вернуться. По имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ Цвинева была допрошена при дознаніи въ первый разъ 29 апрѣля 1875 года и не только не содержалась подъ стражею, но противъ нея не было даже принято никакой мѣры для пресѣченія ей способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Кромѣ сего, изъ показанія Цвиневой видно, что она, по окончаніи курса наукъ въ Псковской женской гимназіи, занималась преподаваніемъ въ частныхъ домахъ и медицинскихъ наукъ не изучала; между тѣмъ, по увѣдомленію Медико-Хирургической Академіи, оказывается, что книга Карпинскаго „О малыхъ операціяхъ“ употребляется какъ руководство на третьемъ курсѣ Академіи. По предъявленіи Исааку Павловскому письма за подписью „Одиннадцатый“, онъ объяснилъ, что таковое, судя по почерку, дѣйствительно писано Зубковымъ, но къ нему, Павловскому, не относится. Павловскій отказался также отъ двухъ записокъ, отобранныхъ у Чарушина и адресованныхъ къ Маріи Гейшторъ, въ которыхъ, между прочимъ, помѣщены слѣдующія выраженія: „вѣрю глубоко въ наше святое дѣло . . . пусть свирѣпствуетъ причина, она сама себя сжираетъ въ своемъ неистовствѣ. . . нельзя ли узнать объ Андреевой, т. е. объ ея образѣ жизни? Мнѣ говорить братъ, что она дѣлаетъ доносы на подругъ, что стучать. Эта стерва—второй экземпляръ Рабиновича“. По сличеніи почерка, которымъ писаны эти записки, съ несомнѣннымъ почеркомъ Исаака Павловскаго, оказалось, что записки писаны рукою сего послѣдняго. По обыскамъ, произведеннымъ въ квартирахъ Павловскихъ въ Таганрогѣ и Петербургѣ, найдено нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, тетрадь „Слово вѣрующаго къ народу“, нѣсколько стихотвореній преступнаго содержанія, записная книга библиотеки, тетрадь Аарона Павловскаго, въ которой на оборотѣ стр. 38 усмотрѣнъ шифръ и опытъ писанія имъ, и пачка писемъ, въ числѣ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе письмо безъ подписи, начинающееся словами: „Tu quoque brute . . .“, въ коемъ, между прочимъ, говорится о томъ, что „мы теперь по современнымъ способамъ мчмся съ дикою быстротою назадъ въ Николаевскія времена“, и что автору письма передавали, что Флеровскаго схватили и отправляютъ въ Сибирь, по поводу чего авторъ письма восклицаетъ: „Дожили жъ до такого положенія! А долго этого быть не можетъ, не могу

и не хочу вѣрить, чтобъ это долго такъ было“. Изъ числа этихъ вещественныхъ доказательствъ — „Слово вѣрующаго къ народу“ и преступныя стихотворенія, по словамъ Исаака и Аарона Павловскихъ, имъ не принадлежатъ, и какъ таковыя попали къ нимъ въ квартиру, имъ неизвѣстно; шифрованная азбука и опытъ писанія шифромъ писаны, по словамъ Аарона Павловскаго, имъ, но зачѣмъ и откуда онъ выписалъ эту азбуку — онъ не помнитъ; письмо же, начинающееся словами: Tu quoque, Врите, писано, по объясненію обоихъ братьевъ, Исаакомъ къ Аарону. Кружокъ лицъ, къ которому принадлежали, какъ видно изъ вышеннеложенаго, Исаакъ Павловскій и Зубковъ, чрезъ посредство одного изъ членовъ — студента Технологическаго Института Николая Абрамова Литошенко, снабжалъ книгами преступнаго содержанія гор. Харьковъ. Такъ, изъ показаній исключеннаго изъ Харьковской Семинаріи Михаила Θεоктистова Слѣсивцева, не окончившаго курса гимназіи Юрія Николаева Говорухи и жены дворянина Екатерины Дмитріевой Барковой, видно, что студентъ Харьковского Университета Апаньевъ (неразысканный) въ началѣ 1874 г. занимался продажей экземпляровъ журнала „Впередъ“, получаемаго имъ отъ Литошенко; солидарность же сего послѣдняго съ Павловскими, Зубковымъ и Апаньевымъ устанавливается отобранною у инженера Шмакова шифрованной запискою, присланною къ нему Литошенко для передачи неизвѣстной личности, означенной буквою „И“. Въ этой запискѣ Литошенко, между прочимъ, спрашиваетъ, не поздно ли онъ пріѣдетъ въ Харьковъ въ іюль 1874 г. для посылки изъ Бессарабіи, гдѣ, т. е. въ Бессарабіи, какъ видно изъ письма, отобраннаго у Нестеровскаго, Зубковъ былъ лѣтомъ 1874 г. вмѣстѣ съ другими членами сего кружка. Что посылка изъ Бессарабіи должна была состоять изъ запрещенныхъ книгъ, въ этомъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія дальнѣйшее содержаніе шифрованной записки Литошенко, который, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „во всякомъ случаѣ напишите пожалуйста, что у васъ тамъ дѣлается, и получился ли второй томъ и благополучно ли, сколько? Послали ли въ Харьковъ? Если нѣтъ, найдите случай и пришлите штукъ шесть, и если перешлете чрезъ харьковскаго жителя, то пусть поддержать у себя до моего пріѣзда, если же нѣтъ, то пусть запечатаетъ и отнесетъ по слѣдующему адресу: Морская улица, домъ № 5, и попроситъ хозяевъ этого дома (Апаньевыхъ) поберечь до моего пріѣзда. Далѣе Литошенко высказываетъ мысль, что „шататься совсѣмъ неподходящая вещь, ужасное недоуверіе и тѣмъ большее, чѣмъ больше радикальничать, впрочемъ, можетъ быть, такъ со мною случилось оттого, что я былъ въ барской одеждѣ. Отослали ли печатать Голодовку? Если бы скорѣе! Сопоставленіе такихъ фактовъ производятъ отличное впечатлѣніе . . .“. Вмѣстѣ съ шифрованной запискою было отобрано у Шмакова другое письмо Литошенко, въ которомъ сей послѣдній рассказываетъ, что лѣтомъ 1874 г., во время прѣзда со станціи Воронежской дороги Давыдово въ имѣніе своихъ родителей, онъ читалъ крестьянамъ „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и старался возбудить въ своихъ слушателяхъ негодованіе къ сословіямъ, а также къ Особѣ Государя Императора. Далѣе, описывая жизнь свою въ деревнѣ у родителей, Литошенко присовокупляетъ, что онъ не можетъ чувствовать себя счастливымъ, такъ какъ видитъ вездѣ кругомъ ужасную эксплуатацію про-

стого народа и, наконецъ, сообщаетъ о встрѣчѣ своей съ одною знакомою госпожею, въ которой онъ книгою Наумова пробудилъ совѣсть. Николай Литошенко, признавая, что вышеизложенное письмо и шифрованная записка писаны имъ, и что разборъ шифра вѣренъ, объяснилъ, что письмо и записка написаны имъ изъ желанія узнать, вскрываются ли на почтѣ письма, и что содержанія писемъ есть только плодъ его фантазіи. Такое крайне неправдоподобное само по себѣ объясненіе находитъ себѣ опроверженіе и въ обнаруженныхъ слѣдствіемъ преступныхъ дѣйствіяхъ Литошенко, вполне соответствующихъ содержанію его письма. Такъ, изъ показаній столара Родіоновскаго и отставного рядового Данилы Иванова оказывается, что Литошенко, на хуторѣ Маріенталь, у своихъ родителей, лѣтомъ 1873 г., давалъ Родіоновскому для чтенія разныя книги, названія которыхъ Родіоновскій не помнитъ, а уѣзжая осенью, сказалъ, что съ почты получатся книги, которая мать Литошенко передастъ ему, Родіоновскому. Дѣйствительно, около Покрова г-жа Литошенко передала Родіоновскому 8 или 9 книжекъ, въ числѣ которыхъ были: „Дѣдушка Егоръ“, рассказы „О землѣ и небѣ“ и какіе-то „очерки“. Затѣмъ весной 1874 г. Литошенко передалъ Родіоновскому „Сказку о четырехъ братьяхъ“, сказавъ при этомъ: „на тебѣ для просвѣщенія“. Сказку эту Родіоновскій началъ читать Данилѣ Иванову, но убѣдившись, что она богопротивная, порѣшилъ ее уничтожить и сталъ изводить на сигарки. Литошенко, несмотря на собраныя противъ него улики, виновнымъ себя не признавалъ. Почти одновременно съ кружкомъ Андреевой возникъ, весной 1874 г., въ Харьковѣ другой кружокъ, основателемъ котораго явился Сергій Коваликъ. Кружокъ этотъ образовался слѣдующимъ образомъ: въ февралѣ 1874 г. пріѣхали въ Харьковъ, проѣздомъ изъ Петербурга на Кавказъ, Григорій Лебедевъ и бывший студентъ Земледѣльческаго Института Викторъ Даниловъ и остановились въ квартирѣ родственника Данилова, дворянина Антонина Гродецкаго. Встрѣчаясь здѣсь съ студентами Харьковскаго университета, Николаемъ Крутиковымъ, Николаемъ Михайловымъ Барковымъ, женою Баркова Екатериною Дмитриевою и неокончившимъ курса гимназіи дворяниномъ Юріемъ Николаевымъ Говорухою-Отрокомъ,—Лебедевъ и Даниловъ сообщили имъ, по словамъ Говорухи-Отрока, что въ Петербургѣ появился журналъ „Впередъ“, при чемъ Лебедевъ, по ихъ просьбѣ, обѣщалъ написать въ Петербургъ письмо о доставленіи имъ этого журнала. Не дождавшись присылки журнала, Крутиковъ, Гродецкій и Барковъ съ женою, на шестой недѣлѣ Великаго поста, узнали, что журналъ можетъ быть пріобрѣтенъ у студента Ананьева, сложились и купили его за 7 р. сер. Между тѣмъ, на Өоминой недѣлѣ, въ квартирѣ Крутикова при Говорухѣ-Отрокѣ явился неизвѣстный человекъ, назвавшійся Лукашевичемъ и оказавшійся впоследствии Коваликомъ. Коваликъ привезъ съ собою отъ Лебедева на имя Гродецкаго письмо, въ которомъ говорилось о присылкѣ обѣщанныхъ Лебедевымъ книгъ, при чемъ Коваликъ тутъ же передалъ Говорухѣ и Крутикову книги: два экз. „Государственности и Анархіи“, нѣсколько экземпляровъ „Исторіи французскаго крестьянина“, „Отщепенцы“ и одинъ экз. драмы „Стенька Разинъ“. По приглашенію Говорухи и Крутикова, Коваликъ поселился на квартирѣ Крутикова и весь вечеръ рассказывалъ имъ Петербургскихъ кружкахъ, поставившихъ своею задачею проагандиро-

вать въ народѣ идеи ниспроверженія существующаго государственнаго строя, каковыя рассказы окончили прямымъ предложеніемъ, обращеннымъ къ Говорухѣ-Отроку и Крутикову, принять участіе въ революціонной пропагандѣ. Какъ Говоруха-Отрокъ, такъ и Крутиковъ изъявили на это свое согласіе, и тутъ же было рѣшено привлечь къ дѣлу постороннихъ лицъ и образовать, такимъ образомъ, революціонный кружокъ. Съ этою цѣлью въ этотъ же вечеръ Говоруха-Отрокъ отнесъ одинъ экземпляръ „Государственности и Анархіи“ къ Баркову, а на другой день выѣхавъ съ Крутиковымъ отправился въ семинарію и пригласилъ семинаристовъ на сходку въ квартиру Крутикова. Изъ показаній семинаристовъ Николая Иванова Моисеева, Дмитрія Васильева Дикарева и др. оказывается, что съ этого времени начался пѣлый рядъ сходокъ, изъ которыхъ первая, четвертая и пятая происходили на квартирѣ Крутикова, а вторая и третья на квартирѣ студента университета Кулашко, послѣ чего сходка продолжалась въ квартирахъ Баркова и студентовъ Ветеринарнаго института Емельянова и Ляшафаева, въ Карповскомъ саду и на Основѣ. На первой сходкѣ было нѣсколько человекъ семинаристовъ, а именно: Моисеевъ, Дикаревъ, Вѣляевъ, Даниловъ, Александръ Поповъ и др., Крутиковъ, Говоруха-Отрокъ и студентъ Кацъ. На этой сходкѣ главную роль игралъ Говоруха. Онъ говорилъ о ненормальности существующаго политическаго и экономическаго строя, который долженъ быть уничтоженъ посредствомъ революціи, о необходимости уничтоженія частной собственности и раздѣленія имущества поровну между всѣми гражданами и доказывалъ, что научныя занятія совершенно излишни и что единственнымъ честнымъ трудомъ представляется трудъ физическій. Въ доказательство правильности своихъ разсужденій Говоруха ссылался на книги „Государственность и Анархія“ и „Историческое развитіе интернаціонала“, которыя тутъ же и передалъ семинаристамъ съ просьбой прочесть таковыя, при чемъ особенное вниманіе семинаристовъ Говоруха обращалъ на прибавленіе отдѣльное отъ «Государственности и Анархіи», которое онъ прочелъ и просилъ семинаристовъ списать, что нѣкоторые и сдѣлали. Говоря затѣмъ о существующихъ во многихъ мѣстностяхъ кружкахъ, стремящихся къ измѣненію посредствомъ революціи существующихъ въ государствѣ порядковъ, Говоруха убѣждалъ семинаристовъ, какъ честныхъ людей, присоединиться къ этимъ кружкамъ и подъ видомъ рабочихъ идти въ народъ, возбуждая его къ возстанію. Въ заключеніе Говоруха пригласилъ семинаристовъ придти на слѣдующій день. Послѣ ухода семинаристовъ, какъ это видно изъ показаній Говорухы, пришли Барковъ и студентъ Колужный, которые изъявили согласіе принять участіе въ кружкѣ и идти въ народъ. По предложенію Баркова на слѣдующій день сходка была устроена въ квартирѣ студента Кулашко, у котораго затѣмъ состоялась и третья сходка. На этихъ сходкахъ присутствовали: Крутиковъ, Колужный, Барковъ, Кацъ, Говоруха-Отрокъ, Кулашко и жившій на одной съ Кулашко квартирѣ студентъ университета Петръ Денисовъ Арсеньевъ; изъ семинаристовъ, приведенныхъ Кацемъ, были: Моисеевъ, Дикаревъ, Даниловъ, Вѣляевъ, Александръ Поповъ, Петръ Фоминъ, Перцовъ, Титовъ, Федовскій, Клементьевъ, Веселовскій и Михаилъ Феоктистовъ Спѣсивцевъ. На эти двѣ сходки явился и Ковалыкъ, который началъ свою бесѣду съ семинаристами съ того, что спросилъ ихъ,

прочли ли они данныя имъ книги и не желаетъ ли кто сдѣлать какія-нибудь возраженія. Когда возраженій не послѣдовало, то Коваликъ сталъ говорить семинаристамъ, что въ виду бѣдственнаго положенія народа,— вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія между гражданами имуществъ и эксплуатаціи его привилегированными классами и правительствомъ,—имъ слѣдуетъ оставить ученіе и идти въ народъ, возбуждать его къ низверженію правительства и уничтоженію непроезжихъ классовъ общества: дворянства, духовенства, купечества и вообще всѣхъ тѣхъ, кто не зарабатываетъ себѣ кусокъ хлѣба трудомъ физическимъ. Совѣтуя семинаристамъ бросить ученіе, Коваликъ доказывалъ имъ, что наука, какъ дающая возможность эксплуатировать народъ, должна быть изгнана. Далѣе Коваликъ внушалъ семинаристамъ, что задача каждаго изъ нихъ должна состоять лишь въ разрѣшеніи существующихъ въ государствѣ порядковъ, такъ какъ въслѣдствіе народъ уже самъ создастъ новый порядокъ и, по всей вѣроятности, введетъ общинное устройство такъ, что Россія будетъ представлять изъ себя ипожество мелкихъ общинъ, ни отъ кого не зависящихъ и никѣмъ не управляемыхъ. Уговаривая семинаристовъ идти въ народъ, Коваликъ рассказывалъ имъ, что за границей и въ Петербургѣ образовалось революціонное общество, обязался высылать по первому требованію деньги тѣмъ, которые согласятся идти въ народъ, и совѣтовалъ прежде всего отправиться на фермы въ Пензенскую и др. губерніи, для изученія какого-нибудь ремесла съ тѣмъ, чтобы потомъ, подъ видомъ рабочаго, съ фальшивымъ паспортомъ, ближе сойтись съ народомъ, успѣшнѣе вести дѣло революціонной пропаганды. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ Коваликъ ссылался на „Государственность и Анархію“ и на „Исторію интернаціонала“; книги же „Исторію одного французскаго крестьянина“ и „Стенку Разина“ совѣтовалъ распространять въ народѣ. Говоруха, Барковъ и Кацъ поддерживали Ковалика, при чемъ Говоруха предлагалъ внести на надобности кружка 200 р. сер. и говорилъ объ устройствѣ спектакля, а Кулашко указывалъ на какого-то помѣщика, у котораго можно достать 1000 р. сер. Изъ присутствовавшихъ на сходкахъ семинаристовъ одинъ Спѣсивцевъ изъявилъ полную готовность идти въ народъ и примкнулъ къ кружку, членами котораго, по словамъ Говорухи-Отрока, были: онъ, Говоруха, Крутиковъ, Барковъ, Колужный, Кацъ и Кулашко. Послѣ послѣдней сходки, второй на квартирѣ Кулашко, Коваликъ уѣхалъ, оставивъ, по удостовѣренію Говорухи, для переписки съ нимъ шифръ, что подтвердилъ и Спѣсивцевъ, присовокупивъ, что шифръ этотъ состоялъ изъ неприличныхъ словъ. Послѣ отъѣзда Ковалика, Говоруха, Барковъ и Спѣсивцевъ ходили въ село Пересѣчное къ сельскому учителю Климентову съ цѣлью уговорить сего послѣдняго принять участіе въ пропагандѣ; но не застали Климентова дома и вернулись ни съ чѣмъ. Между тѣмъ сходки продолжались: студенты и семинаристы собирались въ квартирѣ Крутикова два раза, при чемъ на этихъ сходкахъ Говоруха продолжалъ въ разговорѣ съ семинаристомъ Раздольскимъ доказывать необходимость истребленія правительства и привилегированныхъ классовъ, и при этомъ, на заданный кѣмъ-то вопросъ: „какъ же ихъ уничтожить?“ отвѣтилъ: „да я самъ сейчасъ зарѣжу прокурора!“ Послѣ этихъ сходокъ Говоруха и Крутиковъ отдѣлились отъ кружка и болѣе въ

дѣлахъ его участія не принимали. Главой кружка сдѣлался Барковъ. Занявъ на двухъ послѣднихъ вышеуказанныхъ сходкахъ, въ квартирѣ Крутикова, первенствующую роль, Барковъ сохранялъ ее и на всѣхъ послѣдующихъ сходкахъ, происходившихъ у него, у ветеринаровъ Емельянова и Лишафаева и въ Карповскомъ саду. На этихъ сходкахъ, собиравшихся по указаніямъ Баркова, онъ совѣтовалъ отправляться на фермы, изучать какое-либо ремесло и затѣмъ идти въ народъ и распространять въ немъ запрещенныя книги, а также уговаривалъ семинариста Лонгинова вступить въ кружокъ, а Клементьева идти въ народъ подъ видомъ рабочаго: говоря затѣмъ о сохраненіи единодушія между революціонными кружками и о сношеніяхъ ихъ между собою, Барковъ доказывалъ необходимость изданія газеты, устройства кассы для оказанія помощи недостаточнымъ пропагандистамъ, библиотеки изъ революціонныхъ книгъ и кузницы, а также учрежденія агентоувъ, которые представляли бы собою мѣстные кружки. На одной изъ сходокъ у ветеринаровъ Барковъ читалъ и разъяснялъ программу революціонной пропаганды Бакунина, при чемъ по вопросу объ уничтоженіи правительства говорилъ, что личность Царя сама по себѣ не виновата, что слѣдуетъ дѣйствовать не противъ личностей, а противъ строя, что поэтому «Члены Царствующаго Дома должны быть устранены, т. е. должны, потерявъ власть, поступить въ разрядъ всѣхъ другихъ гражданъ». Кроиъ сего, по показанію Спѣсивцева, Барковъ два раза ходилъ съ нимъ, Спѣсивцевымъ, и ветеринаромъ Емельяновымъ въ село Алексѣевку, гдѣ преимущественно Барковъ разъяснялъ рабочимъ причины ихъ бѣдственнаго положенія, при чемъ всѣ они предлагали рабочимъ революціонныя книги, отъ принятія которыхъ рабочіе отказались. Это послѣднее обстоятельство призналъ и Барковъ, пояснивъ, что предлагалъ рабочимъ книгу «Исторію одного французскаго крестьянина». Предложеніе Баркова объ устройствѣ кассы и библиотеки осуществлялось; по словамъ Спѣсивцева, касса кружка находилась въ рукахъ Баркова, и въ ней, какъ говорилъ сей послѣдній, было около 175 р. с.; сумма эта составила чрезъ розыгрышъ въ лотерею незапрещенныхъ книгъ и продажу на сто руб. сер. книгъ революціоннаго содержанія. Существованіе кассы Барковъ призналъ какъ при дознаніи, такъ и при слѣдствіи, при чемъ не отвергъ и того обстоятельства, что касса находилась въ его завѣдываніи и что часть находившихся въ ней денегъ была выручена путемъ розыгрыша въ лотерею незапрещенныхъ книгъ. Библиотека, состоявшая приблизительно изъ 50 книгъ, въ числѣ которыхъ были: «Государственность и Анархія», «Историческое развитіе интернаціонала», «Сказка о 4-хъ братьяхъ», «Исторія одного французскаго крестьянина» и др., находилась также въ завѣдываніи Баркова. Однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ кружка былъ Колюжный, который и ввелъ въ кружокъ ветеринаровъ студента Медико-Хирургической Академіи Павла Дмитріева Максимова, находившагося въ Харьковѣ проѣздомъ въ Полтаву, гдѣ онъ хотѣлъ поступить въ какую-то сапожную мастерскую и рассказывавшаго о петербургскихъ революціонныхъ кружкахъ; Спѣсивцевъ также радѣлъ объ интересахъ кружка и, какъ видно изъ его показанія, познакомилъ Баркова съ семинаристами Лонгиновымъ и Николаемъ Поповымъ, изъ коихъ послѣднему послѣ отъѣзда Баркова были переданы на храненіе, въ маѣ 1874 г., запрещенныя книги съ тѣмъ, чтобъ онъ

ихъ давалъ читать только тѣмъ изъ семинаристовъ, которые изъявлять желаніе идти въ народъ. Коваликъ и послѣ отъѣзда изъ Харькова не прекратилъ своихъ сношеній съ образованнымъ имъ кружкомъ; по показанію Спѣсивцева, онъ нѣсколько разъ писалъ Баркову, извѣщая его о тѣхъ фермахъ, на которыхъ пропагандисты могли бы приготовить себя къ будущей своей дѣятельности, и въ концѣ апрѣля прислалъ Рабиновича, какъ это видно изъ показанія сего послѣдняго, съ запрещенными книгами и деньгами для кружка. По словамъ Рабиновича, онъ передалъ Баркову 256 р. сер. для кружка, нѣсколько бланковъ для фальшивыхъ паспортовъ и запрещенныя книги, въ числѣ которыхъ, по показаніямъ Спѣсивцева и Дюкова и объясненіямъ Баркова, даннымъ при дознаніи, было нѣсколько экземпляровъ «Государственности и Анархіи», «Историческаго развитія интернаціонала» и «Сказки о 4-хъ братьяхъ». Кромѣ сего Рабиновичъ передалъ ветеринару Емельянову 120 р. сер. для опредѣленія его въ казачій полкъ съ цѣлью облегченія перевозки изъ-за границы книги и бѣгства за границу революціонеровъ, а также 30 р. с. Спѣсивцеву. По показанію Баркова, данному при дознаніи, Рабиновичъ привезъ ему и письмо отъ Ковалика, въ которомъ сей послѣдній убѣждалъ кружокъ дѣйствовать энергичнѣе, обѣщая дальнѣйшую помощь деньгами и книгами. По случаю пріѣзда Рабиновича были устроены двѣ сходки — одна въ Карповскомъ саду, а другая на квартирѣ ветеринаровъ, на каковыхъ сходкахъ Рабиновичъ говорилъ о дѣятельности петербургскихъ революціонныхъ кружковъ, совѣтовалъ устроить что-то въ видѣ клуба, гдѣ бы можно было собираться для обмѣна мыслей по дѣлу пропаганды, читалъ приложение къ „Государственности и Анархіи“ и сообщилъ семинаристамъ адреса: а) Головина — въ Калужской губ., у котораго, по соглашенію Головина съ Коваликомъ, семинаристы могли обучаться какому-либо ремеслу, и б) мастерской, устроенной Войноральскимъ въ Пензѣ. Уѣзжая изъ Харькова, Рабиновичъ взялъ у Баркова адресъ семинариста Дюкова для того, чтобы вести чрезъ него переписку, такъ какъ лѣтомъ члены кружка должны были разъѣзжаться, что дѣйствительно и случилось. Въ отсутствіе уѣзжавшихъ членовъ кружка сходки продолжались въ Карповскомъ саду, и на нихъ появились новыя личности, введенныя ветеринарами, а именно: студенты Позинъ и Долинскій, изъ которыхъ послѣдній, по показанію Баркова, былъ никто иной, какъ Лебедевъ, уѣзжавшій весной на Кавказъ вмѣстѣ съ Даниловымъ. Въ августѣ появился въ Харьковѣ и Каблицъ, показавшій Дюкову фальшивый паспортъ на имя какого-то солдата, по которому свѣ жилъ, пропагандируя въ Астрахани, на Волгѣ и на Дону. На лѣто, какъ сказано выше, большинство членовъ кружка уѣхало изъ Харькова. Барковъ уѣхалъ въ Екатеринославскую губернію, гдѣ, какъ онъ рассказывалъ впослѣдствіи Дюкову, ходилъ по деревнямъ и кромѣ того съ Емельяновымъ былъ на Дону въ средѣ старообрядцевъ, которые, по его словамъ, такъ сильно возбуждены противъ правительства, что года черезъ два-три взбунтуются; возвратившись въ концѣ іюня въ Харьковъ, Барковъ взялъ у Дюкова „Исторію одного французскаго крестьянина“ и уѣхалъ въ Харьковъ. Спѣсивцевъ поѣхалъ на средства кружка въ Пензу, куда Барковъ высылалъ ему деньги на имя Каменскаго; по возвращеніи изъ Пензы, Спѣсивцевъ, какъ видно изъ его показанія, не засталъ въ Харьковѣ Баркова и пани-

саль ему въ Курскъ письмо съ просьбой о присылкѣ денегъ, на что получилъ отъ Баркова отвѣтъ, что семинаристы—дураки, которымъ помогать не слѣдуетъ, такъ какъ они не способны быть революціонерами. Кацъ уѣхалъ въ Екатеринославскую губернію съ цѣлью изучить кузнечное мастерство и добыть денегъ для кружка, а Колюжный и Кулашко отправились въ Полтавскую губернію, на хуторъ вдовы надворнаго совѣтника Надежды Колесниковой, гдѣ проживалъ и Максимовъ, и куда пріѣзжали—студентъ Технологическаго Института Николай Стронскій и дворянинъ Иванъ Чернышевъ. Во время пребыванія означенныхъ лицъ на хуторѣ Колесниковой, т. е. лѣтомъ 1874 года, между крестьянами Кобелянскаго уѣзда распространилась молва о предстоящемъ будто бы вскорѣ раздѣлѣ земли поровну между помѣщиками и крестьянами, при чемъ, какъ на источникъ этого слуха, молва указывала на студентовъ, проживавшихъ въ хуторѣ Колесниковой. Спрошенная по поводу вышеизложеннаго Надежда Фоминична Колесникова объявила, что въ Полтавѣ у нея была дѣйствительно сапожная мастерская, въ которую Максимовъ и Колюжный приходили иногда по личнымъ своимъ надобностямъ, какъ-то, напр., съ цѣлью заказать сапоги; Максимова, Колюжнаго и Стронскаго она знала съ давняго времени; Максимовъ былъ приглашенъ ею на лѣто 1874 г. въ Полтаву для полученія мѣста репетитора; пріѣхавъ весной и заболѣвъ, прожилъ нѣкоторое время у нея, а потомъ лѣтомъ пріѣзжалъ къ ней на хуторъ, гдѣ жилъ и ея знакомый Олевской, пригласившій къ себѣ Колюжнаго, Чернышева и Стронскаго. Пріѣхавъ весной 1874 года въ Полтаву, Максимовъ въ разговорѣ съ нею сталъ ей доказывать необходимость поднятія физическаго труда и образованія себя лишь на средства, добытыя такимъ трудомъ, присовокупляя, что не велика бѣда, если его выгонятъ изъ Академіи. По словамъ Максимова, его убѣжденія раздѣлялись въ Петербургѣ весьма многими лицами, и, какъ онъ говорилъ, Колесникова тоже согласилась бы съ нимъ, если бы прочла привезенныя имъ изъ Петербурга книги „Государственность и Анархія“ и журналъ „Впередъ“, которыхъ однако ей не далъ, объяснивъ, что всѣ книги имъ уже розданы. Лѣтомъ она раза четыре пріѣзжала на хуторъ и при этомъ не замѣчала, чтобы Максимовъ и Колюжный занимались распространеніемъ между крестьянами революціонныхъ идей, а слышала только отъ крестьянъ, что навыки работали иногда съ ними, о чемъ и рассказывала студенту Университета Св. Владиміра—Дымскому. Она получала нѣсколько разъ изъ Петербурга письма для передачи Максиму, который, распечатавъ однажды при ней письмо, нашель въ конвертѣ чистый листъ бумаги и сказалъ, что его надо смочить какииъ-то растворомъ и что тогда можно будетъ читать письмо. При дознаніи Колесникова пояснила, что Максимовъ доказывалъ ей необходимость уничтоженія правительства, высшаго образованія, сословій и введеніе имущественнаго равенства, а также, что Колюжный весной 1874 года просилъ у нея позволенія помѣстить въ сапожную мастерскую какииъ-то трехъ рабочихъ. Студентъ Левъ Дымскій удостовѣрилъ, что на Рождествѣ 1873 г. и около Пасхи 1874 г. онъ встрѣчался съ Максимовымъ въ квартирѣ Колесниковой и получилъ отъ него для чтенія «Государственность и Анархію» и журналъ «Впередъ», при чемъ Максимовъ объяснялъ ему, что въ Петербургѣ есть много людей, которые раздѣляютъ

идей, изложенных в этих книгах, и что многие из них идут в народ с целью пропагандирования революции. Возвращаясь однажды из хутора в Полтаву с Колесниковой, он узнал от последней, что проживающие в хуторе студенты увлекаются журналом „Вперед“ и другими подобными книгами, и что крестьяне советовали ей не оставлять ее сына в обществе этих лиц. Действительно, как это видно из поканий нескольких свидетелей местных жителей, общество „панчей“, проживавших на хуторе Колесниковой, могло принести только вред сыну ее последней, так как панчи проводили все свое время с крестьянами, которым читали разные книги, в том числе, по показанию Коложнего, „Сказку о 4-х братьях“, при чем внушали крестьянам необходимость вырвать панов и жидов, а также, как показывал один свидетель при дознании, лишить власти Царя, после чего земля будет общему. По обыску, произведенному в Петербурге, в квартире Стронского, у проживающего вместе с ним студента С.-Петербургского Университета Константина Ничипоренко было отобрано полученное им от Максимова письмо, написанное особыми чернилами, выходящими на бумагу лишь при смачивании их раствором азотной кислоты. В этом письме, подписанном „П. Перез...“, сообщается, между прочим, об обысках, бывших в Полтаве, и об аресте одного рабочего, который в пьяном виде проповедывал социальную революцию и называл Максимова и др. лиц ангелами, почему письмо следует адресовать не на имя „Н. О.“ в Полтаву, а на имя Кащенко (помещика, у которого Максимов жил в качестве учителя его детей) с надписью о передаче на втором, внутреннем пакете. Из числа лиц, принадлежавших к харьковскому кружку, Коложный, во время производства по сему делу следствия, обнаружил признаки расстройства умственных способностей, остальные же частью скрылись, частью были задержаны, как-то: Ковалик, Рабинович, Говоруха-Отрок, Барков, Спѣсивцев и Максимов. Из них Максимов не признал себя виновным ни в принадлежности к революционному сообществу, ни в распространении книг возмутительного содержания, прочие же признали себя виновными: Ковалик—в революционной пропаганде с целью возбуждения народа к возстанью, в учреждении харьковского революционного кружка и в распространении книг: „Государственность и Анархия“, „История одного французского крестьянина“ и др.; Рабинович—в такой же пропаганде и таком же распространении книг; Говоруха-Отрок—в принадлежности к революционному кружку и раздаче книг „Государственность и Анархия“; Барков—в принадлежности к революционному кружку, стремившемуся в далеком будущем к изменению посредством революции современного государственного и общественного строя и, наконец, Спѣсивцев—в принадлежности к кружку, целью которого состояла в возбуждении народа к изменению посредством революции существующего политического и экономического строя общества. Студенты Лебедев и Дашилов, приезд которых в гор. Харьков повлек за собою приезд Ковалика и образование харьковского революционного кружка, после отъезда своего на Кавказ не прервали своих сношений с гор. Харьковом: Лебедев не долго пробыл в Кавказе; летом 1874 г. он возвратился в Харьков, где

подъ именем Долинскаго и принималъ участіе въ сходкахъ мѣстнаго кружка, какъ это изложено выше, и сверхъ сего — занялся распространеніемъ революціонныхъ книгъ. Эта послѣдняя его дѣятельность была обнаружена слѣдующимъ образомъ: 2-го сентября 1874 г., у учителя Острогожскаго уѣзднаго училища Θεодосія Цебенко былъ произведенъ обыскъ, по которому, между прочимъ, найдено письмо отъ 29-го іюня, подписанное „М. Серебряковъ“, вслѣдъ затѣмъ было задержано въ гор. Острогожскѣ письмо изъ Харькова, на имя того же Θεодосія Цебенко, содержавшагося въ то время подъ стражей. По вскрытіи письма, оно оказалось писаннымъ 30-го августа, безъ подписи и слѣдующаго содержанія: „Любезный дя-дюшка Цебенко. Должно быть, уже сильно надоѣло ждать отъ меня письма... Я было подумывалъ кинуть ветеринарное, потому что совершенно потерялъ къ нему вкусъ, ну, да необходимость специальности для дѣла, которое я поставилъ себѣ цѣлью осуществить, удержала меня тамъ. Объ этомъ, впрочемъ, въ будущемъ, а въ настоящемъ я тебѣ скажу, что могу прислать книгъ очень хорошихъ, но только по случаю, потому что всѣ онѣ запрещенныя. Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ: „Государственность и Анархія“, „Исторія интернаціонала“, „Анархія по Прудону“, „Отщепенцы“, „Задачи революціонной пропаганды“ — Ткачева, „Исторія крестьянина“, переложенная на русскій ладъ, „Стенька Разинъ“ и т. п. Въ Харьковѣ духъ нашей братіи и вообще всѣхъ измѣнился къ лучшему; всѣ интересуются крайне подпольною лтературой. Дѣло Долгушина не сходитъ съ языка, всѣ трактуютъ, возмущаются, приходятъ въ препирательства и просто зачитываются цюрихскими изданіями. Но все это пахнетъ чѣмъ-то навѣянными извнѣ, временною экзальтаціей, а не продуманными убѣжденіями“. Письмо это оказалось писаннымъ тою же рукой, что и письмо отъ 28-го іюня, подписанное „М. Серебряковъ“, вслѣдствіе чего въ гор. Харьковѣ, у воспитанника Харьковскаго Ветеринарнаго Института Михаила Михайлова Серебрякова былъ произведенъ обыскъ, при которомъ, между прочимъ, найдено: а) записная книжка Серебрякова, съ написаннымъ чернилами каталогомъ тенденціозныхъ книгъ и со слѣдующими отиѣтками карандашомъ на 21 и 22-мъ листахъ: на 21-мъ: „Государ. и Анарх.“ — 1 руб. 50 коп., „Авархія по Пр.“ — 1 руб., „Истор. интер.“ — 1 руб. 50 коп., „Отщепенцы“ — 1 руб., „Задачи Ткачева“ — 25 коп., „Исторія крестьянина“ — 25 коп., „Стенька Разинъ“ — 10 коп., „Пѣсенникъ“ — 3 к., „Револ. молод.“ — 25 коп., „Послѣд. Революція“ (Гамбона) — 25 коп., „Париж. Коммун.“ — 1 р. 25 к., „Наука и револ.“ — 25 к., „Народн. дѣло“ — 25 к., „Впередъ II“ — 5 р., „Общип. земл.“ — Черныш. „Поллярная звѣзда“ — 1 р. 25 к., „Съ того берега“ — 10 коп., „0 мучен. Никол.“ — 20 к., „Офицеръ рус. ар.“ — 10 к.; „Русск. пѣсня“ — 15 к., „Степанъ Раз.“ — 10 к., „Четыре братья“ — 5 к. пѣсен.; на 22-мъ: „Развитіе интернаціон.“ — 5 р., „Государств. и Анарх.“ — 5 р., „Анарх. по Прудон.“ — 5 р., „Отщепенцы“ — 3 р., „Задачи Ткачева“ — 4 р., „Истор. крест.“ — 2 р., „Степанъ Разинъ“ — р., „Пѣсни“ — 5 р., „Впередъ“ — 1 р., „Коммуна“ — 1 р., „Народное дѣло“ — 1 р., „Мучен. Никол.“ — 1 р., „Проклама“ — р., „4 брата“ — 2 р. и б) зарытыя въ землю и отысканныя по указанію самого Серебрякова „Задачи революціонной партіи въ Россіи“ Ткачева и „Отщепенцы“. Прочія, оставшіяся у него книги, Серебряковъ

передалъ, какъ видно изъ его показанія, даннаго при дознаніи, лицу, назвавъ которое не пожелалъ, съ тѣмъ, чтобы таковыя были уничтожены, если у него, Серебрякова, будетъ сдѣланъ обыскъ. Серебряковъ, признавая себя виновнымъ въ распространеніи революціонныхъ книгъ между своими знакомыми съ цѣлью пропаганды революціонныхъ идей, объяснилъ, что письмо къ Цебенко, отъ 30-го августа, писано имъ, что подтвердила и экспертиза, и что книги были ему даны студентомъ Лебедевымъ, съ которымъ онъ познакомился случайно въ библиотекѣ воспитанниковъ Ветеринарнаго Института и который своими разсужденіями заставилъ его увѣривать въ необходимость улучшенія народнаго быта посредствомъ революціи. Лицъ, между которыми онъ распространялъ книги, Серебряковъ назвавъ не пожелалъ, кромѣ нѣкоего Курицына, оставшагося при слѣдствіи неразысканнымъ, несмотря на всѣ принятыя къ разысканію его мѣры. Лебедевъ застрѣлился во время производства дознанія по настоящему дѣлу. Викторъ Александровъ Даниловъ, разсказывающій о себѣ, какъ видно изъ показанія Екатерины Барковой, что онъ придерживается Бакунинскихъ убѣжденій, за которыя и не былъ принятъ на службу въ типографію Лаврова (Миртовъ), уѣхалъ на Кавказъ на деньги, собранныя членами харьковского кружка, которые затѣмъ посылали ему деньги и въ Тифлисъ. Поселившись въ селѣ Воронцовкѣ, среди молочанъ, Даниловъ встрѣтился тамъ, по собственному его показанію, съ давнишнею своею знакомой Марією Александровою Шавердовой. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ нанялся у крестьянина Козьмы Вучнева косить сѣно и, проводя въ работѣ будничные дни, по праздникамъ ходилъ къ Шавердовой, съ которою и занимался чтеніемъ книгъ, между прочимъ, „Стеньки Разина“ и „Сказки о четырехъ братьяхъ“; означенныя книги онъ читалъ и молочанамъ, по просьбѣ сихъ послѣднихъ. Пробывъ въ Воронцовкѣ около мѣсяца, Даниловъ отправился къ духоворцамъ, въ село Спасское, гдѣ и опредѣлился на должность сельскаго писаря. Признавъ, такимъ образомъ, что онъ читалъ молочанамъ въ селѣ Воронцовкѣ „Стеньку Разина“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“, Даниловъ тѣмъ не менѣе не призналъ себя виновнымъ въ распространеніи революціонныхъ сочиненій съ цѣлью возбужденія къ бунту, а также не призналъ и того, чтобы у него были какія-либо отношенія съ харьковскимъ революціоннымъ кружкомъ. Между тѣмъ, по обыску, произведенному у Данилова въ с. Спаскомъ, были найдены, между прочимъ: а) отрывокъ письма, писаннаго Даниловымъ, по его словамъ, къ бывшей студенткѣ Цюрихскаго университета Павловой, въ каковомъ письмѣ, описывая бытъ духоборцевъ, Даниловъ говорилъ: „и если бы не ихъ недостатокъ, вышли бы изъ нихъ народ. революціей сильно“ и б) полулистъ почтовой бумаги съ написанными на немъ славянскими буквами, противъ которыхъ поставлены цифры отъ 1 до 10, сверхъ сего на томъ полулистѣ написаны слова „Императоръ“ и „вольнодумъ“, при чемъ подъ каждою буквою этихъ словъ поставлены цифры. Во время же препровожденія Данилова къ жандармскому офицеру для допроса, Даниловъ бросилъ письмо, которое было поднато шедшимъ зади него мальчикомъ и передано Данилову, послѣ чего сей послѣдній, изорвавъ письмо въ клочки, бросилъ его вновь; означенные клочки были собраны сопровождавшимъ Данилова жандармскимъ унтеръ-офедеромъ и приобщены къ дѣлу. Въ этомъ письмѣ,

адресованномъ „коли въ Питерь, то въ Земледѣльческой институтъ (онъ же Лѣсной) студенту Глушкову: коли въ Харьковѣ, то студенту Крутикову или Гродецкому (послѣдняго можно найти въ аптекѣ Тутаева за Нечетью)“, Даниловъ описываетъ свое путешествие до села молоканъ (Воронцовки) и, между прочимъ, говоритъ: „я думалъ купно съ однимъ малымъ, наследникомъ тысячи десятинъ и тысячь четырнадцать денегъ, устроить нѣчто подобное фермѣ, а можетъ многимъ удалось бы и заняться какъ соціальною пропагандою, также и другимъ какимъ либеральнымъ дѣломъ . . . отправился я на Кавказъ вдвоемъ только, хотя въ Х. осталось нѣсколько людей прекрасныхъ . . . въ Тифлисъ, гдѣ я имѣлъ счастье познакомиться съ либеральною партіей мира и свободы и тутъ же разстался съ Лебедевымъ, онъ направился въ Россію . . . и я, наконецъ, пріѣхалъ въ деревню (молоканъ). Въ этой же деревнѣ проживала барынька, революціонерка изрядная, я назвалъ ее еще въ Тифлисъ . . . Ну, разумѣется, когда я пріѣхалъ, то первоначально разыскалъ барыньку, барынька моя довольна и въ восхищеніи отъ молоканъ. Народъ дѣйствительно порядочный, совершенно критически относится къ Царю и правительству, а самое главное, что безъ вида безъ всякаго, только зарекомендовавъ себя въ ихъ пользу или вѣрнѣе въ пользу вообще русскаго народа, можешь и прожить и пропагандировать, что твоей душѣ угодно . . . Такимъ манеромъ работалъ я по цѣлымъ недѣлямъ и въ воскресенье устраивалъ чтеніе революціонныхъ запрещенныхъ разсказовъ, хотя нужно отдать справедливость русской соціально-революціонной партіи, книгъ подходящаго содержанія очень мало; мы (т. е. я и барынька) достали всего двѣ книги, одна „Четыре брата“ и Стенька Разинъ“. Народу собиралось душъ до 15—10, послѣ каждого и во время чтенія поднимались разные разговоры, которые почти всегда поднималъ одинъ рыжій малый, лѣтъ 40, фразою: „ну, какъ же мы все это устроимъ?“ Подъ этими „все“ подразумевалось раздѣленіе земли и изгнаніе поповъ съ чинами и Царемъ; а оканчивались подобные разговоры фразою кого-нибудь изъ ребятъ: „это все такъ, да какъ его начинать, пусть, молъ, въ Россіи начнутъ, а мы ужъ поддержимъ“. Сюжетами для разговора были разные вопросы по самоуправленію и о землѣ преимущественно; были и такіе, которые не находили возможнымъ безъ Царя, и поднимались споры . . . если возбудить кто-либо вопросъ и необходимости Царя, правительства, Свѣтило (изъ молоканъ) читаетъ какого-то пророка, который говоритъ, что Цари даны за наказаніе, и потомъ о томъ, какъ придетъ время, когда Цари и всѣ сильные міра сего будутъ рабами низшаго класса. Такимъ манеромъ, работая по цѣлымъ недѣлямъ и по воскресеніямъ и праздникамъ, читая и ходя на чтеніе къ барынькѣ, я прожилъ мѣсяць . . .“ По поводу этого письма Даниловъ объяснилъ, что въ немъ онъ описывалъ только то, чего былъ свидѣтелемъ на молоканскихъ религіозныхъ сходкахъ, что фамилія „барыньки-революціонерки и рыжаго малаго“ не знаетъ, и что барынька эта—молоканка, приносившая ему молоканскія религіозныя книги. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что „барынька-революціонерка“ была не молоканка, а проживавшая въ с. Воронцовкѣ бывшая учительница женскаго института въ Тифлисъ, Марія Александрова Никитина, нынѣ Шавердова, по обыску у которой найдено, между прочимъ, писанное Шавердовою чер-

ново: письмо къ какому-то Аполлону Петровичу, изъ какогого письма видно, что Шавердова имѣла сношенія съ Дебагоріо-Макривичемъ, и что она имѣла въ виду переселиться съ другими лицами въ Америку, гдѣ предполагалось устроить коммуну. Шавердова, не отвергая, что жила въ с. Воронцовкѣ, гдѣ по праздникамъ бывалъ у нея Даниловъ, съ которымъ она познакомилась въ 1868—1869 гг. въ Петербургѣ, не признала себя виновною и объяснила, что никакого чтенія революціонныхъ книгъ молоканажъ не происходило, и что Даниловъ, говоря объ этомъ въ своемъ письмѣ, просто желалъ порисоваться передъ своими товарищами. Начальница института, въ которомъ Шавердова была учительницей, г-жа Колюбакина, удостовѣрила, что Шавердова пользовалась самою дурною репутаціей въ нравственномъ отношеніи и распространяла между воспитанницами самыя превратныя понятія о бракѣ, религіи и повиновеніи начальству, а также, что по внушенію и инициативѣ Шавердовой нѣсколько воспитанницъ уѣхало въ Цюрихъ. По вступленіи въ должность начальницы, г-жа Колюбакина, узнавъ о поведеніи Шавердовой, предложила ей удалиться изъ института. Въ мартѣ 1875 г. вновь было обнаружено распространеніе среди народа, въ гор. Харьковѣ, книгъ революціоннаго содержанія, поводомъ къ чему послужили: а) отобранное у кочегара на шерстомоечномъ заведеніи купца Алексѣева, мѣщанина Дрожникова и крестьянки Дубиновой книгъ: „Сила солому ломитъ“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“ и прокламаціи „Что-то братцы“ и б) заявленіе мастера вагонной мастерской Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дороги Роберта Фазеля о томъ, что въ печкѣ одного изъ отдѣлывающихся вагоновъ имъ найдена „Исторія одного французскаго крестьянина“. По объясненію Василія Дрожникова, отобранныя у него книги были имъ получены отъ какого-то Федора, работавшаго въ слесарной шерстомоечнаго заведенія; этотъ Федоръ отошелъ отъ мѣста, по показанію одного свидѣтеля, безъ всякаго повода, будто бы для обмѣна паспорта, который однако не былъ просроченъ; уходя, Федоръ набилъ сакъ-воляжъ какими-то брошюрами, какъ бы газетными листами, и положилъ туда еще толстую книгу. Вслѣдствіе сего и въ виду оказавшихся у другого рабочаго, Ивана Вѣлаго, книгъ, какъ-то: „На міру“, „Въ память столѣтія пугачевщины“, изданія журнала „Впередъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“ и „Сказка о четырехъ братьяхъ“, хозяинъ шерстомоечнаго заведенія, купецъ Алексѣевъ, поручилъ всѣмъ своимъ рабочимъ, въ случаѣ встрѣчи къмъ-либо изъ нихъ рабочаго Федора, представить послѣдняго въ жандармское управленіе. 24-го марта рабочіе Иванъ Хлопотовъ и Яковъ Столяренко встрѣтили Федора на Рыбной улицѣ, предъ слесарнымъ заведеніемъ, куда Федоръ, по его словамъ, хотѣлъ поступить, и задержали его. Хлопотовъ отправился за городомъ, а въ его отсутствіе Федоръ сталъ просить Столяренко отпустить его, предлагая за это деньги и говоря, что ему уже и въ полвѣка не выйти, а затѣмъ, войдя въ послѣдній дворъ, заступилъ въ щель, въ стѣнѣ дома, какую-то бумагу, похожую на газету. Бумага эта была вынута изъ щели посредствомъ клещей слесаремъ Закржевскимъ и оказалась прокламаціей „Что-то братцы“. Задержанное Хлопотовымъ и Столяренко лицо оказалось крестьяниномъ Старецкаго уѣзда, села Кознакова, Федоромъ Семеновымъ, который, не признавая себя виновнымъ въ распространеніи революціонныхъ книгъ, показалъ слѣдующее: по-

знакомившись случайно зимою 1874 г. въ гор. Петербургѣ съ личностью, называвшею себя Чукчаевымъ, онъ, по совѣту сего послѣдняго, отправился вмѣстѣ съ нимъ на югъ искать работы; еще до отъѣзда Чукчаевъ давалъ ему читать „Чтой-то братцы“ и „Исторію крестьянина“, но онъ, не читавъ этихъ книгъ, возвратилъ ихъ Чукчаеву; за Москвою къ нимъ присоединился, повидимому, знакомый Чукчаеву человекъ, назвавшій себя Павломъ Александровымъ, съ которымъ онъ и остался въ Харьковѣ, а Чукчаевъ поѣхалъ далѣе. Проживъ нѣкоторое время безъ работы, при чемъ за квартиру и харчи платилъ Павелъ Александровъ, они поступили на мѣста, а вскорѣ затѣмъ Павелъ Александровъ отправился въ Курскъ и, уѣзжая, оставилъ ему, Семенову, сакъ-воляжъ съ книгами, при чемъ совѣтывалъ читать ихъ, а отходя отъ мѣста, передать таковыя для той же цѣли кому-нибудь изъ рабочихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждалъ его, что если онъ попадется съ этими книгами, то ему будетъ плохо. Полученныя отъ Александра книги, за исключеніемъ „Чтой-то братцы“, онъ оставилъ Бѣлову, которому при этомъ не говорилъ, чтобъ онъ читалъ ихъ и передавалъ другимъ, а прокламацію „Чтой-то братцы“ взялъ съ собою изъ любопытства. Кромѣ Бѣлова, онъ никому никакихъ книгъ не давалъ. Такое во многихъ частяхъ неправдоподобное и противорѣчащее обстоятельствамъ дѣла показаніе Семеновъ измѣнилъ впоследствии, заявивъ, что Павелъ Александровъ, передавая ему книги, не совѣтывалъ ему читать таковыя или раздавать ихъ другимъ, а велѣлъ ихъ спрятать и никому не показывать; въ показаніи же, данномъ при дознаніи, Семеновъ объяснилъ, что Чукчаевъ велѣлъ ему остановиться съ Павломъ Александровымъ въ гор. Харьковѣ, получить отъ Александра книги, пристроиться гдѣ-нибудь за заводъ и тамъ ихъ раздавать. Иванъ Бѣловъ, оставшійся неразъясненнымъ при слѣдствіи, при дознаніи объяснилъ, что Семеновъ оставилъ ему книги для чтенія, говоря, что это хорошія книги, и что онъ за ними придетъ. Харьковскій цеховой Леонидъ Ефимовъ Романицкій удостовѣрилъ, что Павелъ Александровъ и Федоръ Семеновъ жили у него съ недѣлю, а затѣмъ первый изъ нихъ поступилъ въ вагонную мастерскую при желѣзной дорогѣ, а послѣдній въ шерстомоечное заведеніе купца Алексѣева. Проживая у него, эти лица читали разныя книги и приглашали его, Романицкаго, слушать чтеніе книжекъ „О французскомъ крестьянинѣ мужичкѣ“ и „О Гришкѣ безобразномъ“. О богатыхъ Александровъ отзывался нехорошо: такъ, на примѣръ, встрѣчая кого-либо на улицѣ въ хорошемъ пальто, говорилъ: онъ пальто укралъ, потому что не заработалъ его, укралъ у того, кто работаетъ“. Поступленіемъ Павла Александра въ качествѣ рабочаго въ вагонную мастерскую желѣзной дороги достаточно объясняется и появленіе между рабочими этой мастерской книгъ революціоннаго содержанія. Показаніями нѣсколькихъ человекъ рабочихъ положительно удостовѣрено, что Александровъ раздавалъ для чтенія прокламацію: „Чтой-то братцы“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Пѣсевичъ“ и „Емельку Пугачева“. при чемъ совѣтывалъ быть осторожнымъ съ этими книгами, такъ какъ онъ за прещенныя. По отзывамъ нѣсколькихъ лицъ, Александровъ не похожъ былъ на рабочаго, говорилъ хорошо и въ разговорахъ своихъ указывалъ рабочимъ на тяжелое ихъ положеніе и на скорое наступленіе для нихъ лучшей поры. Паспортъ, по которому Павелъ Александровъ

проживалъ, работая въ вагонной мастерской, выданный изъ Романо-Борисоглѣбскаго волостного правленія Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, 10 августа 1874 года, за № 1775, срокомъ на одинъ годъ, оказался фальшивымъ. Съ такимъ же подложнымъ видомъ Александровъ, какъ видно изъ дѣла, проживалъ и въ сентябрѣ 1875 года въ гор. Кіевѣ, въ столярной мастерской купца Кирилова, подъ именемъ крестьянина Николая Егорова, послѣ чего онъ ѣздилъ въ Одессу и, наконецъ, подъ именемъ Николая Петрова и Дмитрія Звѣрева проживалъ въ гор. Полтавѣ, гдѣ и былъ задержанъ, и гдѣ о немъ производится другое дѣло, по обвиненію его тоже въ революціонной пропагандѣ. Павелъ Александровъ, онъ же Николай Петровъ, объяснивъ, что онъ происхожденія своего не помнитъ, не призналъ себя виновнымъ ни въ принадлежности къ какому-либо революціонному кружку, ни въ распространеніи революціонныхъ книгъ. По его словамъ, онъ пріѣхалъ въ Харьковъ, въ январѣ 1875 г., для присканія себѣ работы, купилъ себѣ у кого-то на постояломъ дворѣ за два рубля паспортъ, случайно встрѣтился съ Семеновымъ, съ которымъ и жилъ нѣкоторое время, послѣ чего поступилъ въ вагонную мастерскую и, найдя на дорогѣ двѣ книжки, изъ которыхъ одна была подъ заглавіемъ: „Откуда и куда идутъ деньги“, передалъ таковыя рабочимъ; изъ Харькова же онъ уѣхалъ потому, что нашелъ на полотнѣ дороги 1500 р. сер., на которыя и путешествовалъ по разнымъ городамъ. Изъ дѣла видно, что въ этомъ путешествіи спутницей его была дѣвица Ксенія Елисеѣва, бывшая слушательница акушерскихъ курсовъ при Кіевскомъ Университетѣ. Знаніе личности, именующей себя Павломъ Александровымъ и Николаемъ Петровымъ, осталось необнаруженнымъ. Харьковскій кружокъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, имѣлъ чрезъ Каблица, Чернышева и Стронскаго сношенія съ кіевскимъ кружкомъ, въ дѣлахъ котораго Коваликъ принималъ также близкое участіе. Исполняя, какъ надо полагать, порученіе Ковалика, Рабиновичъ, уѣхавъ изъ Харькова, направился въ Кіевъ, при чемъ взявъ предъ своимъ отъѣздомъ адресъ Дюкова и оставилъ въ Харьковѣ, для переписки съ нимъ, адресъ дворянина Бенецкаго, въ Кіевѣ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ Рабиновичъ видѣлся, по его собственному показанію, съ дворянкою Екатериною Константиновною Брешковской, дворяниномъ Василиемъ Александровымъ Бенецкимъ, студентами Кіевскаго Университета Левенталями, жѣшанкою Марією Колѣнниною, дочерью коллежскаго регистратора Идальею Осиповою Польгеймъ и другими лицами, фамиліи которыхъ забылъ. Въ Кіевѣ же онъ узналъ, что студентъ Университета Николай Судзиловскій уѣхалъ въ гор. Николаевскъ Самарской губерніи. Всѣ вышеозначенныя лица принадлежали къ кіевскому революціонному кружку, носившему названіе „коммуны“ и возникшему въ сентябрѣ 1873 года слѣдующимъ образомъ: Въ январѣ 1872 года, дворянинъ Мекленбургъ-Шверинскаго Великаго Герцогства, бывший студентъ Медико-Хирургической Академіи, а въ то время студентъ Кіевскаго Университета, Василій Оедоровъ Фишеръ познакомился въ студенческой столовой съ дворянкою Екатериною Брешковскою, урожденною Вериго, хорошо знакомою съ Коваликомъ, съ которымъ и онъ, Фишеръ, въ свою очередь познакомился дѣломъ 1872 г., проживая въ Мглинскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, вмѣстѣ съ Брешковскою, у родителей сей по-

слѣдней. Затѣмъ, встрѣтившись съ Брешковской въ Кіевѣ, въ сентябрѣ 1871 г., Фишеръ поселился съ нею, ея сестрою Ольгою Ивановой (нынѣ умершею), дворяниномъ Венецкимъ и студентомъ Николаемъ Судзиловскимъ въ одной общей квартирѣ въ домѣ Горлова. Проживание означенныхъ лицъ въ домѣ Горлова подтверждается показаніемъ Фишера и выпискою изъ домовой книги. По показанію Фишера, вышедшаго въ это время изъ Университета, не окончивъ въ немъ курса наукъ, жители дома Горлова держались того убѣжденія, что, живя жизнію интеллигентныхъ людей, они живутъ въ сущности на счетъ народа, а потому и мечтали объ устройствѣ жизни такимъ образомъ, чтобы жить собственнымъ трудомъ; Брешковская же въ особенности мечтала объ устройствѣ фермы, которая могла бы служить образцомъ для другихъ и мѣстомъ, гдѣ желающіе могли бы выучиться рациональному хозяйству. Случай осуществити такія мечты, по мнѣнію коммуны, скорѣй представился: двоюродная сестра Брешковской, Александра Ильина Филиппъ, получившая въ наслѣдство отъ дяди имѣніе Горяны, Полоцкаго уѣзда, Витебской губерніи, и не утвержденная еще въ правахъ наслѣдства, написала въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1873 г. Брешковской письмо, въ которомъ жаловалась на свою безпомощность при приведеніи имѣнія въ порядокъ, вслѣдствіе чего Брешковская и Фишеръ рѣшили тотчасъ ѣхать въ Горяны для приведенія въ порядокъ всѣхъ дѣлъ имѣнія и для устройства въ немъ, если это окажется возможнымъ, образцовой фермы. Такая первоначальная цѣль поездки въ Горяны, по объясненію Фишера, данному при дознаніи, скорѣй измѣнилась и уступила мѣсто желанію воспользоваться для народваго дѣла или доходами съ имѣнія, или капиталомъ, вырученнымъ отъ продажи Горянь, для чего онъ, Фишеръ, и сталъ совѣтовать Брешковской взять у Филиппъ довѣренность, продать имѣніе и купить взамѣнъ его для Филиппъ другое, меньшее, воспользоваться остальными деньгами для устройства артели. Исполнить свой планъ Фишеръ однако не рѣшился и, проживъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ Горянахъ и сѣздивъ на счетъ Филиппъ въ Кіевъ и Петербургъ, въ мартѣ 1874 г. вернулся въ Кіевъ. Характеризуя свой образъ дѣйствій въ отношеніи Филиппъ, Фишеръ, при дознаніи, называлъ таковой „грязными продѣлками“ и признавалъ, что хотѣлъ „надуть Филиппъ“. По показанію Фишера, еще въ январѣ 1874 г. пріѣхалъ въ Горяны слесарь Иванъ Петровъ (Кукушкинъ, нынѣ умершій) съ письмомъ отъ Судзиловскаго и, проживъ нѣкоторое время въ Горянахъ, былъ затѣмъ помѣщенъ Фишеромъ къ помѣщику Курской губерніи Сергѣю Дмитріевичу Арцыбушеву; Брешковская же въ половинѣ января уѣхала въ Петербургъ, гдѣ и вошла въ сношенія съ мѣстными агитаторами, изъ числа которыхъ Коваликъ въ февралѣ поспѣшилъ отправиться въ Кіевъ, гдѣ и прожилъ нѣсколько дней въ коммунѣ, переселившейся въ то время въ домъ Леминскаго. Въ Петербургѣ Брешковская познакомилась съ женою поручика Вѣрою Павловою Рогачевою, проживавшею, по ея собственнымъ словамъ, въ квартирѣ Ковалика. Рогачева же въ свою очередь познакомилась у Брешковской съ студентомъ Медико-Хирургической Академіи Лейзеромъ Абовымъ Тетельманомъ, который, какъ видно изъ его показанія, былъ знакомъ съ Брешковскою еще въ началѣ 1873 г., а съ лѣта того же года находился съ нею въ интимныхъ отношеніяхъ, и въ квар-

тирѣ котораго Брешковская жила въ С.-Петербургѣ. Въ мартѣ Брешковская отправилась обратно въ Горяны, куда вмѣстѣ съ нею поѣхалъ и бывшій студентъ Кіевскаго Университета Іосифъ Каблиць, принадлежавшій, по показанію Рабиновича, равно какъ и Рогачева, къ кружку Чернышева, или „вспышко-пускателей“. Вслѣдъ за Брешковской и Каблицомъ пріѣхали въ Горяны Рогачева и нѣкая Цвинева, а въ іюлѣ и Тетельманъ. Проживая въ Горянахъ, всѣ эти лица находились между собою, по показанію одного свидѣтеля, въ самыхъ безцеремонныхъ отношеніяхъ; такъ, Фишеръ въ присутствіи женщинъ не стѣснялся ходить въ одномъ бѣльѣ, а Каблиць спалъ въ одной комнатѣ съ Брешковской и Цвиневою. Цѣлью пребыванія озваченныхъ лицъ у г-жи Филиппъ было, очевидно, желаніе воспользоваться ея деньгами, что несомнѣнно вытекаетъ изъ словъ, сказанныхъ впоследствии Фишеромъ г-жѣ Филиппъ, а именно, что „не она была ему нужна, а ея средства, и что у нихъ была лишь цѣль получить отъ нея тысячи двѣ или три денегъ“. Рогачева не долго жила у Филиппъ и отправилась въ Кіевъ, гдѣ и поселилась въ коммунѣ, въ домѣ Леминаскаго. Каблиць и Тетельманъ тоже впоследствии пріѣхали въ Кіевъ, равно какъ Брешковская и Фишеръ. Въ это время, т. е. весной 1874 г., коммуна окончательно получила характеръ революціоннаго кружка, число членовъ котораго увеличилось поступленіемъ въ него многихъ мѣстныхъ жителей, а также пріѣхавшихъ изъ Петербурга агитаторовъ. Въ числѣ послѣднихъ были: Рогачева, Каблиць, Тетельманъ, Чернышевъ, бывшій студентъ Технологическаго института Николай Яковлевъ Стронскій съ женою Татьяною, сестрою жены Каблица, дворянинъ Алексѣй Дробышъ-Дробышевскій, бывшій студентъ Технологическаго института Константинъ Фростъ; изъ мѣстныхъ жителей членами коммуны были: студенты Кіевскаго Университета Дебагоріо-Мокріевичъ, Левенталь, Аксельроде, Лурье, дочери врача Каминеръ, слушательница акушерскихъ курсовъ мѣщанка Марія Колѣвкіна, дворяне: Василій Ильясевичъ и Александръ Волькенштейнъ, сынъ священника Яковъ Стефановичъ, почетный гражданинъ Петръ Федоровъ Ларіоновъ, поступившій въ члены кружка чрезъ посредство Фишера и Дебагоріо-Мокріевича, почетный гражданинъ Николай Елисеѣвъ Гориневичъ, введенный въ кружокъ Ларіоновымъ, дочь коллежскаго регистратора Идалия Осипова Польгеймъ, введенная Аксельроде, и сельскій учитель Иванъ Дмитріевъ Трезвинскій, Брешковская, Фишеръ, Венецкій и Судзиловскій, какъ сказано выше, принадлежали къ кружку съ момента его возникновенія; Коваликъ и Рабиновичъ, если не состояли членами кружка, то принимали въ дѣлахъ его весьма близкое участіе, а студентъ Кіевскаго Университета Гавриилъ Георгіевъ Божко-Божинскій имѣлъ сношенія съ кружкомъ, по всей вѣроятности, чрезъ Левенталя и Аксельроде. Коммуна, помѣщавшаяся въ домѣ Леминаскаго и перешедшая впоследствии въ домъ Манкутевича, затѣмъ на Соломенку, въ домъ Сорокопуда, играла роль штабъ-квартиры кружка. Нѣкоторые изъ членовъ послѣдняго имѣли постоянное мѣстожителство въ коммунѣ, прочіе же приходили въ нее, какъ въ сборный пунктъ, въ которомъ кромѣ того всегда могли найти пристанище. Въ домѣ Леминаскаго, по показаніямъ Ларіонова, Идалии Польгеймъ и Стронскаго, жили постоянно: Брешковская, Ларіоновъ, Польгеймъ, Фростъ, Стронскій, Рогачева и Колѣвкіна;

въ домѣ Манкутевича, по показанію Гориновича и Ларіонова, постоянно пребывали: Ларіоновъ, Гориновичъ, Идалія Польгеймъ и Дробышъ-Дробышевскій; на Соломенкѣ, по удостовѣренію Гориновича, жили: онъ, Гориновичъ и Дробышевскій, а въ домѣ Сорокопуда — Дробышевскій, Фростъ и Стронскій; Ларіоновъ же и Польгеймъ, когда коммуна перешла на Соломенку, поселились отдѣльно въ домѣ Бирюкова. Въ домѣ Леминскаго проживали еще временно родственницы Брешковской—Вѣра Вериго и Александръ Филиппъ и нѣкто Ильницкій. Что кievскій кружокъ вообще и квартиры въ домахъ Леминскаго, Манкутевича и др. въ особенности, дѣйствительно носили названіе „коммуны“, это подтверждается показаніями Ларіонова, Гориновича, Идаліи Польгеймъ, Бенецкаго и другихъ лицъ, а также имѣющимися при дѣлѣ письмами Вѣры Вериго. По показанію Ларіонова, кievскій кружокъ держался идей Бакунина, изложенныхъ въ книгѣ „Государственность и Анархія“, т. е. отрицанія „всякой“ формы государственнаго управленія, всякаго авторитета, собственности и семейнаго союза; по словамъ же Гориновича — кружокъ имѣлъ цѣлю, посредствомъ соціально-революціонной пропаганды въ народѣ, возбудить таковой къ возстанію, ниспровергнуть путемъ революціи Верховную Власть и водворить анархію. Такія показанія Ларіонова и Гориновича находятъ себѣ подтвержденіе въ показаніи Идаліи Польгеймъ, удостовѣряющей, что изъ разговоровъ лицъ, проживавшихъ въ д. Леминскаго, а также лицъ, туда приходившихъ, она поняла, что лица эти составляютъ общество, задавшееся цѣлю устроить переворотъ въ политическомъ и соціальномъ строѣ Россіи, что должно было сопровождаться перерѣзаніемъ всѣхъ чиновниковъ и зажиточныхъ людей. Какъ выше сказано, средствомъ для осуществленія своего идеала анархіи кружокъ признавалъ пропаганду въ народѣ революціонныхъ идей. Для успѣшнаго веденія пропаганды кружкомъ были приобрѣтены: а) крестьянскіе костюмы, хранившіеся у Ларіонова, какъ это видно изъ собственнаго показанія; б) географическія карты юго-западныхъ губерній—Кіевской, Черниговской, Волынской, Подольской, Харьковской и Екатеринославской, съ которыми нѣкоторые изъ членовъ коммуны были впоследствии задержаны и которыя Идалія Польгеймъ наклеивала, по ея собственнымъ словамъ, на коленкоръ, по приказанію Ларіонова; в) книги революціоннаго содержанія, доставлявшіяся, по показанію Гориновича, изъ-за границы контрабандистами, что подтверждается найденною при обыскѣ у Ильсевича запиской, въ которой, какъ оказалось по собраннымъ свидѣніямъ, упоминаются фамиліи контрабандистовъ, занимающихся перевозкою черезъ границы книгъ революціоннаго содержанія и означенъ путь, которымъ можно перейти границу близъ м. Радзивилова; часть этихъ книгъ, по показанію Идаліи Польгеймъ, хранилась у нея; фальшивые паспорта для хожденія въ народъ дѣлались самими членами коммуны: Ларіоновымъ, Стефановичемъ, Гориновичемъ и Фишеромъ, въ чемъ они сознались, печати же волостныхъ правленій, прикладывавшіяся къ паспортамъ, были вырѣзаны Фишеромъ, чего послѣдній также не отрицаетъ. Печати хранились у Бенецкаго въ имѣніи, а затѣмъ, какъ видно изъ показанія Бенецкаго, были имъ переданы Дебагорію-Мокріевичу. Для письменныхъ сношеній между собою члены кружка употребляли шифръ; такихъ шифровъ было нѣсколько: такъ, Бенецкому, какъ онъ показалъ при дознаніи, были

извѣстны два шифра: одинъ по русско-французскому лексикону Рейфа, и другой, состоящій изъ циническихъ словъ, т. е. шифръ Ковалика, а Польгеймъ и Ларіоновъ употребляли шифръ по Евангелію, какъ это видно изъ показанія Польгеймъ и письма, написаннаго ею къ своему отцу, а также изъ показанія Ларіонова. Кромѣ сего, члены кружка употребляли шифръ, ключомъ къ которому служила, по показанію Рабиновича, одна изъ молитвъ — „Отче нашъ“ или „Богородица“, каковыми шифромъ было писано письмо, полученное Рабиновичемъ изъ Кіева и пересланное имъ въ Николаевскъ Ковалику или доктору Кадьяну, по адресу Штемпелина, при письмѣ его, Рабиновича, подписанномъ „Мими“. Послѣдній шифръ, а также шифръ по Евангелію, были извѣстны и Гориновичу. Денежныя средства коммуны были довольно ограничены. На удовлетвореніе потребностей ежедневной жизни обитателей домовъ Лежнинскаго, Манкутевича и друг. деньги собирались, по показанію Ларіонова, съ лицъ, жившихъ въ коммунѣ, при чемъ каждый вносилъ сколько могъ; отправлявшихся въ народъ снабжали деньгами, по показанію Гориновича, въ небольшомъ количествѣ Дебагоріо-Мокрѣвичъ и Стронскій. Венецкій, одинъ изъ состоятельныхъ членовъ кружка, поддерживалъ таковой денежными пособіями, какъ это видно изъ одного письма Вѣры Вериги, въ которомъ она пишетъ изъ Кіева, во время проживанія своего въ домѣ Лежнинскаго: „Вася Венецкій вчера прѣѣхалъ изъ деревни, привезъ намъ провизіи и денегъ“. По словамъ Гориновича. Ильясевичъ также давалъ деньги на содержаніе кружка. Независимо отъ сего, какъ видно изъ показанія Ларіонова, даннаго при дознаніи, кружокъ получалъ деньги изъ Петербурга, о чемъ рассказывалъ Ларіонову, между прочимъ, Дебагоріо-Мокрѣвичъ, и какъ Ларіоновъ слышалъ, деньги были присланы въ количествѣ 500 р. Такое показаніе Ларіонова находитъ себѣ подтвержденіе, во 1-хъ, въ письмѣ Каблицы къ Вѣрѣ Вериги, отъ 2 января, въ которомъ Каблицы, между прочимъ, пишетъ: „Вы знаете, что я весной прошлаго года одолжилъ Катѣ (т. е. Екатеринѣ Брешковской) 500 р., вы, вѣроятно, слышали отъ нея, что эти деньги не суть личная собственность, а назначены на „общественныя нужды“ . . . я считалъ себя въ правѣ дать взаимы 50⁰ р. с., потому что думалъ, что деньги пойдутъ на общественныя нужды“, и во 2-хъ, въ показаніи Рабиновича, удостовѣряющаго, что онъ оставилъ въ Кіевѣ „немного денегъ“. Несмотря, однако, на такія субсидіи, кружокъ вообще и члены его въ отдѣльности, почти постоянно нуждались въ деньгахъ. Такъ, Вѣра Верига въ одномъ изъ своихъ писемъ писала: „пришли денегъ съ первой почтой, а то у меня нѣтъ ни гроша и у коммуны тоже, а позавчера нужно было платить за квартиру“, а Ларіоновъ, въ письмѣ къ студенту Блюменфельду, проси одолжить отъ 35 до 50 р. „не на бонбошки, а на дѣло“, присовокупляя, что „или лично я, или кто другой тебѣ эти деньги во всякомъ случаѣ возвратить“. Въ виду такой нужды въ деньгахъ, члены кружка были постоянно заняты изысканіемъ средствъ къ улучшенію какъ своихъ финансовъ, такъ и финансовъ коммуны. Для этой цѣли старались, какъ изложено выше, добыть тѣмъ или другимъ путемъ, двѣ-три тысячи рублей отъ г-жи Филиппъ; для той же цѣли, какъ показала Польгеймъ при дознаніи, „сильно обирали“ нѣкоего Осоловскаго. Не довольствуясь и этимъ, члены кружка шли дальше; по показанію Гориновича, Ларіоновъ предлагалъ ему

поступить въ почталлоны на тотъ конецъ, чтобы въ случаѣ перевозки большой суммы денегъ увѣдомить его объ этомъ, а онъ съ товарищами ограбить почту; по словамъ Идалии Польгеймъ, Ларіонова, а какъ она показывала при дознаніи, вмѣстѣ съ нимъ Фростъ и Стронскій, предлагали ей сдѣлаться любовницею какого-то старика, курскаго помѣщика, съ тѣмъ, чтобъ обобрать его, отравить, а деньги доставить на пользу кружка. Фишеръ, по показанію Рогачевой, находящему себѣ подтвержденіе въ показаніи Филиппъ, въ Горянахъ сломалъ замокъ у сундука Филиппъ, взялъ оттуда шубы и заложилъ таковыя, говоря, что это ничего не значить, такъ какъ шубы будутъ потомъ возвращены, а изъ показаній Ильясевича и Идалии Польгеймъ, данныхъ при дознаніи, оказывается, что въ отсутствіе Ильясевича изъ квартиры его были унесены всѣ его вещи, и что это было сдѣлано Аксельроде, который послѣ того къ Ильясевичу болѣе не приходилъ. У многихъ изъ членовъ кружка были особыя прозвища или клички, часто встрѣчающіяся въ приложенной къ дѣлу перепискѣ агитаторовъ. Такъ, по показанію Ларіонова, Стронскаго, Дробышь-Дробышевскаго, Идалии Польгеймъ и отчасти Гориновича, носили прозвища: Рогачева — Дуньки, Стронская — Таньки, Стефановичъ — Степана и сына Брешковской. Брешковская — Кати, Стронскій и Гориновичъ — Николки, Колѣвнина — Маши, Дебагорио-Мокривичъ — Мокриды и Владиміра, Каблиць — Дѣдушки и Венецкій — Васьки; Тетельманъ, какъ можно заключить изъ его показанія о томъ, что онъ далъ свой адресъ Колѣвниной въ Одессу на имя „Коли“, носилъ это послѣднее прозвище. По словамъ Стронскаго, вышеозначенныя прозвища были „ласкательными именами“, употреблявшимися въ видѣ протеста противъ всего привилегированнаго и свойственныхъ послѣднему приличій. Несмотря, однако, на такое употребленіе членами коммуны между собою „ласкательныхъ именъ“, миръ и согласіе не всегда царствовали между ними. Изъ показанія Идалии Польгеймъ оказывается, что ссоры членовъ коммуны оканчивались въ большинствѣ случаевъ ссорами и драками, что подтвердилъ при дознаніи и Венецкій, слышавшій о дракѣ на вилкахъ между Каблицомъ и Фишеромъ и удостовѣрившій, что члены коммуны не довѣряли другъ другу и дѣйствовали безъ единодушія, а часто даже и не совѣмъ честно; впрочемъ, по словамъ Идалии Польгеймъ, эти ссоры и драки оканчивались довольно благополучно — онѣ разрешались общею попойкой. Послѣ этихъ пооекъ, какъ надо полагать, и происходили тѣ сцены, свидѣтелями которыхъ были Венецкій и Ильясевичъ, какъ видно изъ ихъ показаній, данныхъ при дознаніи, и о которыхъ со словъ Фишера показывалъ при слѣдствіи свидѣтель Юрьевъ. По словамъ Венецкаго, въ домѣ Леминскаго случалось, что спали въ повалку двѣ-три пары мужчинъ и женщинъ, между которыми были дѣвцы Каминеръ, Левенталь и Аксельроде; Ильясевичъ, придя однажды, по приглашенію Аксельроде, въ коммуцу часовъ въ 10 утра, засталъ спящими въ повалку паръ пять-шесть женщинъ и мужчинъ въ грязной и вонючей комнатѣ, среди разбросанныхъ кусковъ кожи и инструментовъ сапожнаго ремесла. свидѣтелю же Юрьеву Фишеръ рассказывалъ, что онъ жалъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ другими студентами и женщинами, что мужчины спали въ перемежку съ женщинами и что отношенія ихъ между собой были совершенно свободныя, на что Юрьевъ отвѣтилъ Фишеру, что это у нихъ былъ вертень

разврата. Къ осени 1874 года, когда началось преслѣдованіе членовъ кружка и нѣкоторые изъ нихъ были арестованы, въ коммуѣ проявилось весьма сильное возбужденіе и, какъ видно изъ показаній Ларіонова, Гориновича и Идалии Польгеймъ, было рѣшено противопоставить мѣрамъ правительства собственныя мѣры устрашенія, терроризировать, такъ сказать, правительство, пустивъ въ ходъ пожары, синильную кислоту, нитроглицеринъ и револьверы. Съ этою цѣлью Стронскій приобрѣлъ, по удостовѣренію Ларіонова, значительное количество морфія и хлороформа, каковыя вещества и оказались у нѣкоторыхъ членовъ коммуны при ихъ задержаніи, и пробовалъ гнать синильную кислоту; Ларіоновъ же запасся свѣдѣніями о способѣ приготовленія нитроглицерина, каковыя свѣдѣнія и занесъ въ свою записную книжку; Рогачева приобрѣла револьверъ и, какъ показывалъ о томъ на дознаніи Гориновичъ, собираясь ѣхать въ Петербургъ, говорила, что совершить что-то ужасное, а именно, какъ рассказывали Ларіонову, о чемъ онъ показывалъ при дознаніи, она хотѣла явиться къ шефу жандармовъ и выстрѣлить въ него. Вышеописанные преступныя замыслы не были, однако, приведены въ исполненіе, но дальнѣйшій образъ дѣйствій успѣвшихъ скрыться отъ преслѣдованія агитаторовъ не бѣствуетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что не раскаяніе остановило членовъ коммуны. 11-го іюня 1876 года коммунистами было совершено преступленіе, доказавшее, на какія страшныя злодѣянія они способны. Означеннаго числа, въ гор. Одессѣ, на Конной площади, вблизи вокзала желѣзной дороги, былъ найденъ лежащимъ съ пробитою головою Николай Елисѣевъ Гориновичъ, облитъ сверху того сѣрною кислотой, а около него оказалась записка со слѣдующими словами: „такова участь шпіона“. Приведенный въ сознание Гориновичъ объяснилъ, что покушеніе на его жизнь сдѣлано агитаторами, въ числѣ которыхъ былъ Яковъ Стефановичъ (носившій въ коммуѣ прозвище Степана и сына Брешковской), давшій сигналъ къ убійству. Гориновичъ, у котораго вытекли глаза и отвалились сожженные сѣрною кислотой носъ и одно ухо, остался живъ вопреки всякимъ ожиданіямъ. Покушеніе на убійство Гориновича заслужило полнѣйшее одобреніе лицъ, именующихъ себя „русскими революціонерами“. Издаваемый за границей органъ послѣднихъ „Набатъ“ (№ 10, сентября 1876 года), сообщивъ о преступленіи 11-го іюня, воскликнулъ: „По дѣломъ ему! почаще такія расправы. Надѣвайте шпіонамъ такія маски, какъ теперь на Гориновичъ!“ Такова основанная на показаніяхъ самихъ обвиняемыхъ общая характеристика кievской коммуны, ея цѣлей, нравовъ, дѣятельности и принциповъ, ее одушевлявшихъ; въ отношеніи же каждаго изъ ея членовъ въ отдѣльности дознаніемъ и слѣдствіемъ обнаружены нижеслѣдующія данныя: Стронскій принадлежалъ въ Петербургѣ, по показанію Рабиновича, къ кружку Чернышева, что находитъ себѣ подтвержденіе и въ показаніи Гриценкова, удостовѣряющаго, что Стронскій былъ хорошо знакомъ съ Чернышевымъ, съ которымъ и приходилъ въ квартиру Блаудзевичъ, гдѣ бывалъ и Фростъ. Въ началѣ лѣта 1874 года Стронскій со своею женой отправился въ Кіевъ съ цѣлью, какъ онъ объяснилъ при слѣдствіи, побывать въ народѣ, чтобы убѣдиться, насколько вѣрны положенія книги „Государственность и Анархія“ о томъ, что русскій народъ стремится къ безвластію и недоволенъ существующими порядками. По рекомендаціи Чернышева, Стронскій

помѣстился, по его собственнымъ словамъ, въ домѣ Леминскаго, гдѣ прожилъ недѣли три, а затѣмъ, оставивъ жену въ Кіевѣ, уѣхалъ съ Чернышевымъ въ Лубенскій уѣздъ, къ отцу въ имѣніе, при чемъ отъ станціи Ржищево до памятника Шевченко онъ и Чернышевъ шли пѣшкомъ въ полупростонародныхъ костюмахъ. Лѣтомъ того же 1874 года Стронскій ѣздилъ съ Чернышевымъ въ хуторъ Колесниковой, гдѣ проживали, какъ изложено выше, члены харьковскаго кружка Максимовъ и Колюжный, при чемъ, на основаніи уже изложенныхъ данныхъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что сойдясь въ хуторъ Колесниковой съ харьковскими агитаторами, Стронскій и Чернышевъ вмѣстѣ съ ними занимались пропагандою. Изъ показанія самого Стронскаго оказывается, что во время пребыванія его въ Полтавской губерніи у него были революціонныя книги, такъ какъ онъ признавалъ, что передалъ въ гор. Полтавѣ своему товарищу по Технологическому Институту Кочанову „Государственность и Анархія“ и „Что дѣлается на родинѣ“ съ цѣлью, какъ онъ выразился, поддержать Кочанова въ нравственномъ отношеніи, ибо замѣтилъ въ немъ задатки будущаго кулака. Возвратившись въ Кіевъ, Стронскій засталъ коммуны уже переселившуюся въ домъ Сорокопуда, гдѣ проживали, по показанію Гориновича, Дробышъ - Дробышевскій, Фростъ и братъ жены Стронскаго, Шукшичъ, и куда приходили Гориновичъ, Ларионовъ, Дебагорио-Мокрѣвичъ, Стефановичъ, Фишеръ, Татьяна Стронская и Вѣра Рогачева. По возвращеніи своемъ въ Кіевъ, узнавъ отъ Стефановича объ арестѣ Лурье, у котораго были найдены адреса Колѣнкиной и Брешковской, Стронскій рѣшилъ, какъ видно изъ его показанія, освободить Брешковскую и Колѣнку, если таковыя арестованы, для чего и приобрѣлъ хлороформъ и морфій съ цѣлью усыпить посредствомъ этихъ веществъ охраняющій арестантокъ конвой; вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ Стронскаго, имъ были приобретены, единственно съ цѣлью испытать свои способности по химіи, вещества, изъ которыхъ можно добывать что-то вродѣ синильной кислоты; но такое объясненіе Стронскаго опровергается изложенными выше показаніями нѣсколькихъ лицъ, удостовѣряющихъ, что коммуна хотѣла терроризировать правительство поджогами и убійствами, и что для этой цѣли Стронскій гвалтъ синильную кислоту и были приобретены морфій, хлороформъ и рецепты для добыванія взрывчатыхъ веществъ, какъ, напримѣръ нитроглицерина. Въ это же время, какъ видно изъ показанія Гориновича, Стронскій снабдилъ его деньгами, какъ лицо, ухажившее въ народѣ съ Ларионовымъ, при чемъ, какъ удостовѣрилъ Гориновичъ, Стронскій далъ ему деньги послѣ того, какъ онъ сказалъ ему, что идетъ въ народѣ съ цѣлью пропаганды. Вскрѣ затѣмъ Стронскій уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ арестованъ. Несмотря на все вышензложенное, Стронскій не признавалъ себя виновнымъ. Рогачева, по ея собственному показанію, будучи еще въ III классѣ Орловской гимназіи, поставила себѣ цѣлью быть полезною народу и трудиться вмѣстѣ съ нимъ; изъ гимназіи она вышла, не окончивъ курса, по случаю выхода замужъ за отставнаго поручика Дмитрія Рогачева и стала заниматься собственнымъ своимъ развитіемъ, читая книги и вращаясь въ средѣ молодежи, разсужденія которой о равенствѣ и любви къ ближнимъ, а также о поднятій умственно-нравственнаго уровня народа и необходимости революціи произвели на нее сильное впечатлѣніе.

Въ концѣ 1873 г. Рогачева была арестована по дѣлу о революціонной дѣятельности ея мужа, при чемъ у нея была отобраана книга „Исторія развитія интерпаціонала“. Освобожденная въ февралѣ 1874 г. Рогачева поступила подъ именемъ Авдотьи Даниловой въ работницы на прядильную фабрику Ламздорфа, на Охтѣ, гдѣ, какъ оказывается по показанію одного свидѣтеля и по справкѣ, наведенной въ табеляхъ мастеровъ фабрики, проработала около недѣли, а затѣмъ скрылась, не получивъ расчета. Въ это же время Рогачева, принадлежа, по показаніямъ Рабиновича и Гриценкова, къ кружку Чернышева и Каблица, бывала съ Тетельманомъ въ квартирѣ Владзевичъ, познакомилась, по ея собственному показанію, съ Врешковскою, приѣхавшею изъ Витебской губерніи, и скорѣй отправилась въ Горяны, гдѣ, какъ изложено выше, и проживала до отъѣзда въ Кіевъ и поселенія въ комунѣ въ домѣ Леминаскаго. Въ Кіевѣ Рогачева разказывала, по удостовѣренію Гориневича, о своей успѣшной дѣятельности въ Горянахъ, благодаря которой она довела одну крестьянскую дѣвушку до сознанія необходимости истребленія „пановъ“; проживая же въ Кіевѣ, Рогачева ходила работать, по ея собственнымъ словамъ, съ Татьяною Стронскою на монастырскіе огороды, а съ Софьею Каминеръ въ д. Хатово, гдѣ ее навѣщала Аксельроде; отправляясь на эти работы, Рогачева брала съ собою, по показанію Гориневича, „Сказку о 4-хъ братьяхъ“ и „Стеньку Разина“. Приобрѣтеніе револьвера Рогачева признала, объяснивъ, что таковой былъ ею купленъ съ цѣлью огражденія себя отъ опасностей во время путешествій по селеніямъ, въ которыхъ она работала. Осенью 1874 года Рогачева уѣхала изъ Кіева и была задержана въ Петербургѣ, гдѣ, по обыску, произведенному въ ея квартирѣ, были найдены: III томъ (заграничнаго изданія) Чернышевскаго, „Сказка о 4-хъ братьяхъ“, „Лѣтописи рабочаго движенія“ изъ I и II тома журвала „Впередъ“, „Отщепенцы“, статья „Знаніе и революція“ изъ I тома журнала „Впередъ“ и двѣ рукописи: одна подъ заглавіемъ „Введеніе“, а другая „Предисловіе къ первому изданію“. Рогачева признала себя виновною лишь въ имѣніи революціонныхъ книгъ. Гориневичъ, сознавшійся въ принадлежности къ тайному сообществу, имѣвшему цѣлью ниспроверженіе существующаго государственнаго строя, объяснилъ, что онъ ходилъ въ народъ два раза: въ первый разъ—съ Дробышъ-Дробышевскимъ съ цѣлью пропаганды, а второй—съ Ларіоновымъ съ цѣлью скрыться и избѣгнуть ареста. Отправляясь въ народъ съ Добрышевскимъ, они запаслись подложными видами на жительство и взяли съ собою книги, а именно: четыре экземпляра „Сказки о 4-хъ братьяхъ“, „Стеньку Разина“ въ прозѣ и стихахъ, „Отщепенцевъ“ и „Пѣсенникъ“: деньги на дорогу, десять рублей с., далъ Дебагоріо-Мокріевичъ. Пропаганда должна была состоять, по словамъ Гориневича, въ томъ, чтобы передать крестьянамъ содержаніе означенныхъ выше книгъ и тѣмъ возбудить ихъ къ возстанію противъ верховной власти и раздѣленію земли поровну. Дойдя до мѣстечка Шпалы, они работали тамъ на сахарномъ заводѣ, но весьма непродолжительное время, и должны были уйти, не успѣвъ сблизиться ни съ кѣмъ изъ рабочихъ. Отправляясь въ народъ съ Ларіоновымъ, онъ, Гориневичъ, получалъ деньги на дорогу отъ Стронскаго: въ этотъ разъ онъ книгъ не бралъ, а таковыя были у Ларіонова, взявшаго съ собою: „Исторію одного французскаго крестьяни-

на“, „Пѣсенник“, „Сказку о 4-хъ братьяхъ“, „Отщепенцевъ“ и др.; кромѣ сего Ларіоновъ запасся англійскими пилками, хлороформомъ и морфіемъ. Черезъ мѣстечко Ружинъ они направились на станцію желѣзной дороги Казатинъ, работали тамъ весьма недолго, а затѣмъ пошли назадъ въ Кіевъ, черезъ Ружинъ, гдѣ и были задержаны. При задержаніи Гориновичъ назвался крестьяниномъ Михалюкомъ и предъявилъ подложный паспортъ на имя Михалюка, но при немъ было найдено свидѣтельство Кіевской гимназіи на имя Гориновича, и онъ долженъ былъ открыть свое настоящее званіе. Дробышъ-Дробышевскій, не отвергая того, что ходилъ съ Гориновичемъ въ мѣстечко Шпалы и работалъ тамъ на заводѣ, пояснилъ, что сначала онъ дѣйствительно хотѣлъ пронагандировать на заводѣ, но отъ этого намѣренія вскорѣ отказался. Затѣмъ, отвергая существованіе революціоннаго кружка въ гор. Кіевѣ, Дробышевскій не призналъ себя виновнымъ ни въ чемъ. Такое показаніе Дробышевскаго опровергается, однако, какъ вышеизложеннымъ показаніемъ Гориновича, такъ и нижеслѣдующими обстоятельствами дѣла: по объясненію Гориновича, Дробышевскій находился въ сношеніяхъ съ петербургскими агитаторами Артамоновымъ и Сидорацкимъ, что представляется вполне правдоподобнымъ, такъ какъ Дробышевскій жилъ въ Петербургѣ, по его собственнымъ словамъ, на одной квартирѣ съ Фростомъ, а по показанію Теплова проживалъ нѣкоторое время въ общей квартирѣ Давыда Литова, Теплова, Усачева, Нефедова, Сидорацкаго, Голоушева и др. Независимо отъ сего, есть основаніе полагать, что и шифрованное письмо, полученное Рабиновичемъ изъ Кіева и пересланное имъ въ Николаевскъ по адресу Штемпелина, писано Дробышевскимъ; основаніями къ этому представляются, во-1-хъ, заявленіе Рабиновича о томъ, что письмо это писано, по его мнѣнію, Дробышевскимъ; во-2-хъ, заключеніе экспертовъ о томъ, что почеркъ, коимъ писано это письмо, имѣетъ нѣкоторое сходство съ безспорнымъ почеркомъ Дробышевскаго и, въ-3-хъ, совпаденіе времени пребыванія Дробышевскаго, по его собственному показанію, въ Жмеринкѣ со временемъ, когда и авторъ письма былъ въ этой мѣстности, а именно: письмо помѣчено 4-мъ іюля и изъ него видно, что лицо, писавшее его, прибыло въ Жмеринкѣ двѣ недѣли и недавно вернулось въ Кіевъ; Дробышевскій же, какъ видно изъ его показаній, пріѣхалъ въ Кіевъ 12-го іюня, затѣмъ черезъ нѣсколько дней поѣхалъ въ Жмеринку съ цѣлью заработать себѣ средства къ жизни физическимъ трудомъ и, вернувшись въ Кіевъ, поселился въ домъ Манкутевича, пробывъ въ Жмеринкѣ лишь нѣсколько дней. Такимъ образомъ, оказывается, что и Дробышевскій и авторъ письма были въ Жмеринкѣ во второй половинѣ іюня. Окончаніе означеннаго письма слѣдующее: „ . . . меня можно найти . . . въ домѣ Манкутевича, спросить Ларіонова, если меня не будетъ, то у него можно узнать, гдѣ я“. Въ половинѣ августа Дробышевскій ѣздилъ въ с. Пляски, гдѣ, по его собственному показанію, былъ у мѣстнаго сельскаго учителя, т. е. у Трезвинскаго, отъ котораго возвратился въ Кіевъ вѣстивъ съ сельскимъ учителемъ Ходько; выйдя въ Кіевъ изъ вагона, Дробышевскій бросился бѣжать въ противоположную отъ пассажирской платформы сторону, но былъ задержанъ жандармомъ. Содержась подъ стражею въ полицейскомъ домѣ 1 части гор. Нѣжина, Дробышевскій, по показанію мѣщанина посада Климова, Черняговской гу-

берніи. Смирнова, арестованнаго за неимѣніе письменнаго вида и содержавшагося въ одной камерѣ съ Дробышевскимъ и Трезвинскимъ, объяснилъ ему, Смирнову, что онъ государственный преступникъ, принадлежащій къ обществу, стремящемуся сдѣлать всѣхъ равными; что членовъ этого общества много въ Петербургѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Херсонѣ и Николаевѣ; что они дѣйствуютъ на народѣ, ходя по деревнямъ; что теперь уже весь черно-рабочій народъ Кіевской губерніи и многіе въ Петербургѣ согласны съ нами; что около Петербурга уже строятся погреба для склада оружія; что, хотя у нихъ теперь денегъ немного, но они намѣрены ограбить почту, которая ходитъ изъ Кіева, и что 4-го октября будетъ въ Петербургѣ собраніе ихъ единомышленниковъ, на которомъ будетъ много лицъ, пріѣзжихъ изъ-за границы. По словамъ того же Смирнова, Дробышевскій разговаривалъ съ Трезвинскимъ о какомъ-то ихъ единомышленникѣ „Васѣ“, живущемъ въ своемъ имѣніи около Бобрива; у этого „Васи“, какъ говорили Дробышевскій и Трезвинскій, хранилось много книгъ, которыя членами общества распространяются въ народѣ, и у него же, т. е. у „Васи“, каждый изъ нихъ можетъ найти безопасный пріютъ. Наконецъ, Дробышевскій предложилъ Смирнову вступить въ ихъ общество, и когда Смирновъ согласился, то Дробышевскій обѣщаль достать ему фальшивый паспортъ, дать денегъ и снабдилъ его четырьмя записками, съ которыми Смирновъ и долженъ былъ обратиться къ разнымъ лицамъ, а именно: отыскать сперва въ Кіевѣ, по указанному въ одной запискѣ адресу, Чернышева, который указалъ бы ему своего брата Ивана, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, помогъ бы Смирнову отыскать лицъ, о которыхъ говорится въ запискахъ. Въ подтвержденіе своего показанія, Смирновъ представилъ четыре записки, писанныя карандашомъ, слѣдующаго содержанія: а) Николай Федоровичъ Чернышевъ, въ Лебедской части, собст. . .“ „Николай Федоровичъ, покорнѣйше прошу васъ указать этому человѣку, гдѣ живетъ Владиміръ, Николка, Таня, Л—въ или вообще кто-нибудь изъ нашихъ, чтобъ онъ могъ тамъ остановиться. Имѣйте къ нему полное довѣріе. А. Д. Маруська Л—ва непремѣнно въ Кіевѣ; если вы знаете, гдѣ она живетъ, укажите ея квартиру. Если вы знаете, гдѣ живетъ Ильясевичъ, то спросите у него, гдѣ живутъ наши. можетъ быть, онъ знаетъ. Можетъ быть, въ Кіевѣ Катя. Во всякомъ случаѣ постарайтесь кого-нибудь отыскать. Можетъ быть, Иванъ въ Кіевѣ, укажите его. А. Д.“ б) „Спросить Николая Федоровича, а у Николая Федоровича спросить про Ивана, Владиміру, Степану или кому-либо изъ тому подобныхъ. Прошу васъ достать, во что бы то ни стало, паспортъ этому человѣку и, если нужно будетъ, сколько можете денегъ. А. Д.“ в) „Степану, Владиміру, Танѣ, Николкѣ или кому-либо изъ тому подобныхъ. Имѣйте съ этому человѣку полное довѣріе и постарайтесь поближе познакомиться его къ нашимъ дѣломъ. Это человѣкъ изъ рѣдкихъ. А. Д.“ г) „Василій Александровичъ Венецкій, имѣйте полное довѣріе къ этому человѣку и укажите ему какой-нибудь адресъ въ Кіевѣ, гдѣ бы онъ могъ остановиться и поближе познакомиться съ нашими людьми и дѣломъ. А. Д.“ По поводу этихъ записокъ Дробышевскій объяснилъ сначала, что таковыя дѣйствительно писаны имъ и были имъ же переданы Смирнову, впоследствии же отъ такого показанія отказался, давъ тѣмъ же не менѣе подробныя разъясненія по поводу этихъ записокъ. Такъ, по словамъ

Дробышевскаго, записки писаны „нѣсколько безтолково, потому что онъ былъ нездоровъ, когда писалъ таковыя“. Смирновъ принималъ въ немъ большое участіе, и онъ, желая получить отъ своихъ знакомыхъ помощь, хотѣлъ доставить имъ свѣдѣнія о себѣ чрезъ Смирнова, которому и далъ адресъ Чернышева, потому что полагае, что его знакомые не жили уже въ то время въ домѣ Манкутевича. По показанію Дробышевскаго: Владимиръ—это Дебагоріо-Мокріевичъ, Николай—Гориновичъ, Татьяна—Татьяна Стронская, Л—въ—Ларіоновъ, Марусяка Ларіонова—Идалия Польгеймъ-Катя — Брешковская, Степанъ — Стефановичъ; слова „познакомить его съ нашимъ дѣломъ“ слѣдуетъ по объясненію Дробышевскаго, читать такъ: „познакомиться отъ него съ моимъ дѣломъ“, а выраженіе „познакомить его съ нашими людьми“ слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что Смирнова слѣдовало познакомить съ лицами, съ которыми онъ, Дробышевскій, жилъ и которымъ Смирновъ могъ бы доставить о немъ свѣдѣнія; что же касается показанія Смирнова о всемъ слышанномъ имъ отъ Дробышевскаго, то сей послѣдній призналъ таковое несправедливымъ, при чемъ пояснилъ, что просьба, обращенная къ его знакомымъ о снабженіи Смирнова деньгами, была вызвана желаніемъ доставить Смирнову, въ видѣ вознагражденія за оказанную услугу, возможность выправить себѣ видъ на жительство. Несмотря на такое объясненіе Дробышевскаго, показаніе Смирнова, не допрошеннаго при слѣдствіи за неразысканіемъ его, представляется вполне достовѣрнымъ, такъ какъ, во-1-хъ, написаніе Дробышевскимъ представленныхъ Смирновымъ записокъ подтверждается письмомъ отца Идалии Польгеймъ къ Екатеринѣ Брешковской, писаннымъ во время содержанія ихъ обѣихъ подъ стражею въ гор. Нѣжинѣ, въ каковомъ письмѣ Польгеймъ спрашиваетъ Брешковскую, извѣстно ли ей содержаніе перехваченнаго письма Дробышевскаго; во-2-хъ, потому что нѣкоторые изъ указанныхъ Смирновымъ обстоятельствъ находятъ себѣ подтвержденіе въ дѣлѣ и могли сдѣлаться ему извѣстными лишь отъ лица, принадлежавшаго къ коммуѣ. Такъ, изъ показаній Идалии Польгеймъ, Гориновича и др. лицъ видно, что въ коммуѣ дѣйствительно говорили объ имѣющемъ быть въ Петербургѣ, 4 го октября 1874 г., съѣздѣ русскихъ агитаторовъ и эмигрантовъ, о чемъ Гориновичъ слышалъ отъ Мокріевича; на этотъ съѣздъ, по словамъ Гориновича, предполагалъ ѣхать Дробышевскій; разговоры объ ограбленіи почты, какъ изложено выше, тоже происходили въ коммуѣ, а имѣніе Бенедгго, носившаго кличку Васьки, какъ видно изъ показанія, даннаго при его дознаніи, дѣйствительно находится въ разстояніи всего 12 верстъ отъ станціи Бобрики; сверхъ сего, дополнительное показаніе Смирнова, въ которомъ онъ удостовѣряетъ, что Дробышевскій, по словамъ сего послѣдняго, при задержаніи его объяснилъ, что онъ до этого времени жилъ въ Петербургѣ, вполне подтверждается протоколомъ, въ которомъ изложены объясненія Дробышевскаго, данныя имъ тотчасъ послѣ его задержанія. Кромѣ всего вышезложеннаго, изъ показанія Гориновича оказывается, что Дробышевскій, какъ онъ самъ о томъ ему рассказывалъ, проживая въ Петербургѣ, занимался доставкой въ Артиллерійское училище запрещенныхъ книгъ. Ларіоновъ ввелъ Гориновича, по словамъ сего послѣдняго, въ коммуѣ, убѣждалъ его въ необходимости улучшенія нынѣ существующаго государственнаго строя пу-

темъ революціи, т. е. путемъ поголовнаго возстанія противъ верховной власти, вызваннаго посредствомъ распространенія въ народѣ возмутительныхъ книгъ и идей, въ доказательство чего давалъ ему читать книги: „Отщепенцы“, „Государственность и Анархія“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Стенька Разинъ“, а также другія мелкія книги и журналъ „Впередъ“. Какъ видно изъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ дѣла, Ларіоновъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ коммуны, онъ составлялъ подложные виды на жительство, вырѣзывалъ фальшивыя печати, заботился о приобрѣтеніи денежныхъ средствъ для кружка, для чего составлялъ предположенія объ ограбленіи почты, отравленія одного курскаго помѣщика и т. д., хранилъ у себя крестьянскіе костюмы, въ которыхъ агитаторы отправлялись на пропаганду, ходилъ въ народъ и, какъ видно изъ письма, отобраннаго у студента Блуменфельда, занимался вербовкою новыхъ членовъ кружка. Въ этомъ письмѣ Ларіоновъ, между прочимъ, пишетъ: „...Мнѣ одному изъ смертныхъ пришлось дѣйствительно обрѣсти микроскопическій уголокъ этого рая, это полное „дивнаго огня“ правды и честности дѣло (понимай сію аллегорію)... Будучи въ Кременчугѣ, я хотѣлъ было ѣхать въ Одессу, гдѣ и начать работать своими мускулами... извѣстные тебѣ „новые люди“ оказались, конечно, людьми такими же, какъ и всякій смертный, хотя, впрочемъ, между ними есть „бойцы“, которымъ я съ удовольствіемъ всегда пожму руку. Весело кажется будущее, хотя я не ручаюсь за особенно радостный исходъ его, по крайней мѣрѣ, для насъ... Я не могу самъ теперь ничего написать про извѣстное, въ настоящую минуту слившееся съ моимъ существованіемъ „дѣло“, для этого нужно перечитать тебѣ все посвященное представителями русской заграничной вольной прессы... Въ будущемъ я не откажусь помазать тебя муромъ посвященія, конечно, если получу убѣжденіе, что ты съ теплою вѣрой слушаешь моего глагола, а не яко Иуда или разбойникъ, а какъ другъ, братъ, а главное человѣкъ... сути письма не могли сообщить никому“. Письмо это писано въ іюнь 1874 года и признано Ларіоновымъ за писанное имъ. Въ другомъ письмѣ, отобранномъ по обыску у отца Идалии Польгеймъ и помѣченномъ 12-мъ іюня, Ларіоновъ писалъ: «прошу Васъ не скорбѣть относительно того, что Вашъ сынъ есть оппозииторъ начала собственности... Мы далеко не реформаторы, а только должны быть работниками, до того золотого періода намъ не дожить, а слѣдовательно, попусту спорить съ Вами было бы нелѣпо; скажу прямо: цѣль моя — общее благо, доктрина — отрицательное начало (отрицать все зло и стремиться къ уничтоженію его), а убѣжденія — всегда, вездѣ и во всемъ быть честнымъ... О мѣстѣ волостнаго писаря пожалуйста употребите всѣ усилія какъ можно скорѣе...“ Послѣдняя фраза этого письма объясняется показаніемъ Гориновича, изъ котораго видно, что Ларіоновъ желалъ быть волостнымъ писаремъ съ цѣлью завладѣть бланками паспортовъ и деньгами, вообще же, по словамъ Гориновича, Ларіоновъ придерживался того правила, что цѣль оправдываетъ средства. Насколько коммуна высоко цѣнила дѣятельность Ларіонова, видно изъ показанія Идалии Польгеймъ, удостовѣряющей, что, когда Ларіоновъ объявилъ свое намѣреніе оставить коммуна, если она, Польгеймъ, не согласится жить съ нимъ въ гражданскомъ бракѣ, то члены

кружка стали упрашивать ее принести себя къ жертву обществу, вслѣдствіе чего она и была вынуждена отдаться Ларіонову, не любя его. По показанію Гориновича, Ларіоновъ, уходя съ нимъ въ народъ, прямо высказалъ, что идетъ на пропаганду, для чего и взялъ съ собою означенныя выше сего книги съ цѣлью читать ихъ въ народѣ, хлороформъ же и морфій, по словамъ Гориновича, были взяты Ларіоновымъ, какъ онъ самъ говорилъ, съ цѣлью усыпить какого-нибудь содержателя корчмы для ограбленія его. Въ Ружинѣ Ларіоновъ, какъ извѣстно Гориновичу, передалъ отцу Идалию Польгеймъ нѣсколько книгъ, которыя затѣмъ, по показанію нѣсколькихъ свидѣтелей, Польгеймъ сталъ читать крестьянамъ. По обыску у Іосифа Польгейма были отобраны книги: „Государственность и Анархія“ и „Отшепенцы“, полученныя имъ, какъ видно изъ его показанія, даннаго при дознаніи, отъ Ларіонова, который, передавая ему книги, просилъ думать въ ихъ содержаніе и дать не позже 25-го сентября окончательный отвѣтъ: согласенъ ли онъ дѣйствовать съ нимъ заодно; при слѣдствіи же Іосифъ Польгеймъ остался неспрошеннымъ, такъ какъ пожелалъ воспользоваться правомъ, предоставленнымъ ему 705 ст. Уст. Уг. Суд. У Ларіонова, назвавшагося при задержаніи его въ м. Ружинѣ крестьяниномъ Петромъ Ивановымъ Федоровымъ, было отобрано: пять картъ Курской, Черниговской, Подольской, Волынской и Кіевской губерній, два экземпляра „Сказки о 4-хъ братьяхъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Пѣсенникъ“, „Евангеліе“, десять англійскихъ пилокъ для распливанія желѣза, порошокъ и пузырекъ съ жидкостью—по химическому изслѣдованію хлороформъ и морфій, клочки бумаги съ знаками шифровой азбуки, и замітки о дѣйствіи синильной кислоты и о способѣ ея добыванія, а также о способѣ добыванія нитроглицерина. Ларіоновъ показалъ при слѣдствіи, что Дебагоріо-Мокривичъ и Фишеръ (сей послѣдній подѣ фамиліей Бондаренко) въ селѣ Верхнягѣ, гдѣ онъ, Ларіоновъ, проживалъ, предложили ему принять участіе въ ихъ дѣлѣ, т. е. „въ сообществѣ, составившемся для борьбы за народное дѣло путемъ пропаганды въ народѣ социально-революціонныхъ идей“; такое предложеніе, подкрѣпленное увѣреніемъ, что сообщество располагаетъ матеріальными средствами для веденія борьбы, было принято Ларіоновымъ, который затѣмъ вскорѣ и отправился въ Кіевъ, въ домъ Леминскаго, адресъ котораго былъ данъ ему Дебагоріо и Фишеромъ. Объяснивъ, такимъ образомъ, свое поступленіе къ комму и не отвергая того, что онъ поддѣлывалъ паспорта, хранилъ у себя крестьянское платье, ходилъ въ народъ, далъ Польгейму революціонныя книги и имѣлъ при себѣ рецепты ядовитыхъ и взрывчатыхъ веществъ, а также хлороформъ и морфій, Ларіоновъ призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ преступному сообществу, имѣвшему цѣлью ниспроверженіе существующаго въ Россіи государственнаго строя. Независимо отъ настоящаго дѣла, о Ларіоновѣ производятся еще два другія: одно—по обвиненію его въ кражѣ лошади, совершенной въ Вологодской губерніи, а второе—по обвиненію въ присвоеніи денегъ, полученныхъ имъ изъ Корчевскаго уѣзднаго казначейства по довѣренности крестьянъ Городецкой волости, Корчевскаго уѣзда. Идалия Польгеймъ, по ея собственному показанію, убѣжала отъ матери, дурно съ нею обращавшейся и желавшею отдать ее въ монастырь, и была привезена изъ Каменецъ-Подольска Аксельроду, ко-

торый дорогою разспрашивалъ ее о томъ, довольна ли она правительствомъ и условіями общественной и частной жизни и при этомъ сообщилъ ей, что въ Кіевѣ составился кружокъ молодежи, поставившій себѣ цѣлю произвести въ Россіи переворотъ и улучшить положеніе низшаго класса населенія. Въ принадлежності къ этому кружку Польгеймъ себя, однако, виновною не признала, хотя, по ея словамъ, существованіе и цѣли кіевскаго тайнаго общества и были ей извѣстны. Такое объясненіе Идаліи Польгеймъ представляется не согласнымъ съ обстоятельствами дѣла и опровергается нижеслѣдующимъ: Идалія Польгеймъ, по ея же показанію, принимала участіе въ поддѣлкѣ видовъ на жительство, шила для Маріи Колѣвниной и другихъ крестьянскія рубашки, наклеивала на коленкоръ карты юго-западныхъ губерній и хранила у себя запрещенныя книги и инструменты для дѣланія печатей, которыя во время сдѣланнаго у нея обыска спрятала, а потомъ сожгла (кромя трехъ рѣзцовъ или шиль, представленныхъ ею къ дѣлу). Участіе Польгеймъ въ дѣлахъ коммуны не ограничивалось, однако, вышеизложеннымъ: она кромя сего предупреждала членовъ коммуны о грозящихъ имъ опасностяхъ и доставляла средства укрыться отъ преслѣдованія. Такъ: а) въ одномъ письмѣ къ отцу Польгеймъ писала; „...потомъ начали арестовывать, ловить, нужно было всѣмъ писать, предупреждать всѣхъ чертей и, я говорю, это было настоящее несчастіе...“; б) по просьбѣ Тетельмана, Польгеймъ, какъ она сама это удостовѣрила, ходила къ совершенно неизвѣстной ей личности, вдовѣ губернскаго секретаря Екатерины Жміевской, съ цѣлю вывѣдать отъ сей послѣдней, не была ли ею получена телеграмма, отъ чего, какъ ей говорилъ Тетельманъ, зависѣла жизнь двухъ лицъ; при посѣщеніи Жміевской Польгеймъ назвалась Петровскою и, видимо, интересовалась содержаніемъ телеграммы, подписанной „Екатерина Коренная“, каковую телеграмму, какъ будетъ изложено ниже, Брешковская послала въ Кіевъ послѣ ея задержанія, и в) при дознаніи Польгеймъ показала, что Дебагорію Мокріевичъ, скрываясь отъ преслѣдованія, прибѣжалъ къ ней, а она позвала цирюльника, который обрилъ Дебагорію бороду, купила ему пальто и продержала его у себя на квартирѣ три дня, послѣ чего онъ уѣхалъ за границу, повидавшись предъ тѣмъ съ Фростою и Стронскимъ, которыхъ она же пригласила къ нему: рассказывая о вышеизложенномъ, Польгеймъ положительно удостовѣрила, что она знала, что Дебагорію скрывался и думалъ бѣжать за границу, что она помогала ему исполнить свое намѣреніе. Кромя сего, какъ это видно изъ упомянутаго уже выше письма Польгеймъ къ отцу, она вела съ Ларіоновымъ, во время отсутствія послѣдняго изъ Кіева, шифрованную переписку и въ этомъ же письмѣ просила отца сообщить Ларіонову, что онъ долженъ показывать въ случаѣ вопроса его. Наконецъ, по показанію Горюновича, Польгеймъ ходила за деньгами къ Ильясевичу, которая сей послѣдній отпускала на содержаніе коммуны, а по удостовѣренію Ларіонова, Польгеймъ переписывалась съ Ваховскою, которая, по показанію Бенецакаго, данному при дознаніи, на пути изъ Петербурга въ Подольскую губернію останавливалась въ домѣ Лежинскаго. Вышеизложенный образъ дѣяствій Польгеймъ, въ виду признанія ея, что цѣли, къ которымъ стремилась коммуна, были ей извѣстны, не оставляетъ никакого сомнѣнія о

томъ, что Польгеймъ вполне сознательно принадлежала къ кievскому революціонному кружку и была даже однимъ изъ довольно дѣятельныхъ членовъ онаго. Тетельманъ, вращавшійся какъ изложено выше, въ средѣ петербургскихъ агитаторовъ и находившійся, въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Брешковскою, ѣздилъ, очевидно, въ Горяну съ тою же цѣлью, какъ и остальные, бывшіе у г-жи Филиппъ члены кievской коммуны. осенью же 1874 года, когда начались аресты, Тетельманъ принялъ самое дѣятельное участіе въ доставленіи агитаторамъ средствъ укрыться отъ преслѣдованія. Какъ изложено выше, Тетельманъ посылалъ Идалию Польгеймъ вывѣдать у Жмievской, какая была получена сею послѣднею телеграмма; по показанію самого Тетельмана, объ этомъ просилъ его Стефановичъ, жившій въ то время на его квартирѣ и сообщившій ему, что Брешковская въ Тульчинѣ и, можетъ быть, арестована. По удостовѣренію Идалии Польгеймъ, Тетельманъ далъ ей денегъ на покупку мужскаго платья, предназначавшагося для Стефановича, при чемъ, какъ Польгеймъ объяснила при дознаніи, деньги были ей переданы послѣ того, какъ она сообщила Тетельману о результатѣ своего визита къ Жмievской. Послѣдовавшее вслѣдъ за симъ исчезновеніе изъ Кіева Якова Стефановича, который до сихъ поръ остался неразысканнымъ, вполне объясняетъ вышеизложенный образъ дѣйствій Тетельмана. Давъ, такимъ образомъ, Стефановичу возможность скрыться, Тетельманъ хотѣлъ оказать ту же услугу и Брешковской и, по его собственнымъ словамъ, отправился въ Тульчинъ съ цѣлью повидаться съ Брешковскою и вызвать ее въ Кіевъ, но поѣхалъ слишкомъ поздно, такъ какъ Брешковская была уже арестована. Марія Колѣвникова, ходившая въ народъ съ Брешковскою, была тоже предметомъ заботъ Тетельмана, какъ это видно изъ его письма, отобраннаго у Вѣры Вериго, у которой послѣ ареста Брешковской проживала Колѣвникова. Въ этомъ письмѣ, адресованномъ, по собственному показанію Тетельмана, къ Колѣвниной, Тетельманъ писалъ: „Душенька, ты здѣсь будешь сидѣть не дальше 10-го января. Скоро мы приготовимъ тебѣ все, встрѣтимся въ одномъ мѣстѣ и уѣдемъ въ Москву. Прощай. Степанъ (т. е. Стефановичъ) въ Одессѣ. Адресъ: въ Одессу, Palais Royal Comptoir, № 17, Юлію Александровичу Тетельману. Въ двухъ конвертахъ, на внутреннемъ конвертѣ напишите „Колѣ“ и больше ничего. Напишите сейчасъ же мнѣ въ Одессу“. Въ отношеніи Колѣвниной заботы Тетельмана увѣнчались успѣхомъ: Колѣвникова скрылась и до настоящаго времени не разыскана. Не ограничиваясь доставленіемъ средствъ агитаторамъ скрываться отъ преслѣдованія, Тетельманъ заботился и объ арестованныхъ своихъ единомышленникахъ; такъ, онъ устроилъ, какъ видно изъ его показанія, вечеръ въ пользу политическихъ арестантовъ, о чемъ производилась переписка въ Кievской полиціи. По поводу этого вечера Тетельманъ, по его собственному показанію, въ декабрѣ 1874 года, писалъ Вѣрѣ Вериго: „Вѣра, все это кончилось не такъ страшно, какъ думали. Все насчетъ вечера. Васька (т. е. Бенецкій) заболѣлъ (т. е. арестованъ). Жалко. Пишутъ ли изъ Мглина. Вчера я туда писалъ, чтобы деньги выслали. Когда мое дѣло кончится, тогда напишу. Затѣмъ прощай“. Письмо это написано на одномъ листѣ бумаги съ вышеприведеннымъ письмомъ къ Маріи Колѣвниной. Въ Мглинѣ Тетельманъ былъ, по его словамъ, въ первой половинѣ декабря съ цѣлью добыть для Брешковской денегъ

отъ родственниковъ его, Верзго. Хотя дѣло о вечерѣ кончилось, по выраженію Тетельмана, „не такъ страшно, какъ думали“, тѣмъ не менѣе онъ считалъ нужнымъ скрыться изъ Кіева, а послѣ арестованія написалъ отобранную у него записку въ Москву Маріи Пассоверъ, общавшей ему, какъ видно изъ содержанія записки, „устроить передачу письма для Кати въ замокъ“. Марія Пассоверъ, по словамъ Тетельмана, была ему указана Стефановичемъ. Независимо отъ сего, Тетельманъ былъ въ гор. Москвѣ у Олимпиады Алексѣевой, какъ это видно изъ показанія сей послѣдней, а также въ Саратовской и Самарской губерніяхъ для свиданія съ мѣстными агитаторами, какъ это оказывается изъ отобраннаго у Евгеніи Судзиловской письма, несомнѣнно писаннаго Тетельманомъ въ концѣ августа 1874 г. Въ этомъ письмѣ Тетельманъ извѣщаетъ, „что онъ совершенно напрасно заѣхалъ къ дядѣ Николаю (Судзиловскій), потому что онъ уже давно заболѣлъ и уѣхалъ лѣчиться“, что „Даша (Надежда Юргенсонъ) тоже больна, подозрѣваютъ въ ней чахотку“, и что „адресъ, по которому писали до сихъ поръ въ Саратовъ, оказался невѣрнымъ“. Несмотря на всѣ вышеннеложенныя собранныя противъ него улики, Тетельманъ виновнымъ себя не признавалъ. Фишеръ и Брешковская были первыми основателями коммуны и, какъ указано выше, старались добыть отъ г-жи Филиппъ деньги для осуществленія замысловъ кружка. Преслѣдуя цѣли этого кружка, для которыхъ необходимы были люди, знакомые съ какимъ-либо физическимъ трудомъ, подъ предлогомъ занятія которыми они могли бы идти въ народъ для пропаганды, какъ Фишеръ, такъ и Брешковская старались пріискать лицъ, которыя согласились бы принять къ себѣ подъ видомъ рабочихъ ихъ единомышленниковъ, для доставленія таковымъ возможности изучить какое-либо ремесло или работу. Такъ, Фишеръ, помѣтившій уже, какъ сказано выше, подъ видомъ слесаря вѣскога Кукушкина къ помѣщику Арцыбушеву, обратился къ сему послѣднему съ письмомъ слѣдующаго содержанія: „Сергѣй Дмитріевичъ. Есть до Васъ просьба, состоящая въ слѣдующемъ: во-1-хъ, скажите, что съ Иваномъ Петровичемъ (т. е. Кукушкинымъ). Во-2-хъ, можно ли къ Вамъ пріѣхать мнѣ съ кѣмъ-нибудь или вѣсто меня прислать пару людей, желающихъ изучить сельско-хозяйственныя работы на практикѣ, т. е. самимъ поработать. Для этого они просятъ принять ихъ какъ рабочихъ, жалованья никакого, разумѣется, только снисхожденіе къ ихъ работѣ, т. е. не очень взыскивать, если не такъ сдѣлаютъ по неужнію. Напишите пожалуйста поскорѣе по слѣдующему адресу: Въ гор. Кіевъ, въ Университетъ Св. Владиміра, студенту Василію Ивановичу Костенко (нынѣ умершій),—просто, безъ передачи, оно и такъ дойдетъ прямо до меня . . . Вашъ Василій Фишеръ“. Въ свою очередь, Брешковская обратилась словесно съ такою же просьбой къ женѣ помѣщика Занаидѣ Юрьевой, при чемъ въ подкрѣпленіе своей просьбы ссылалась на то, что Арцыбушевъ уже согласился на такую просьбу. Юрьева, однако, не согласилась исполнить просьбу Брешковской, а написала Арцыбушеву письмо, въ которомъ, между прочимъ, писала: „ . . . у меня была К. К. (т. е. Катерина Константиновна Брешковская) и предлагала взять къ себѣ студентовъ и какихъ-то барынь и помѣститъ ихъ въ рабочіе, я ей отказала. При томъ она мнѣ говорила, что вы говорили ей, чтобъ она прислала къ вамъ, а

вы их помѣстите на мѣсто, но я ей плохо вѣрю. Мнѣ кажется, что она вретъ. Если же это правда, то не берите ихъ къ себѣ . . . можетъ, она вамъ не говорила ихъ предположенія; она хочетъ, чтобы эти рабочіе выданы были съ простыми людьми и втолковывала имъ ихъ глупую идею. Потому Фишера ищетъ полиція . . .“ Подъ „глупыми идеями“ Юрьева подразумѣвала тѣ теоріи, которыя Фишеръ и Брешковская неоднократно излагали предъ нею. По словамъ Юрьевой, Фишеръ и Брешковская не разъ вѣдали ей, что настоящее социальное положеніе русскаго народа должно подлежать измѣненію, состоящему въ томъ, чтобы земли были раздѣлены между всѣми поровну, чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, чтобы всѣ были равны и чтобы власть одного лица была уничтожена. Какъ Брешковская, такъ и Фишеръ рассказывали Юрьевой, что надъ достиженіемъ такой цѣли работаютъ цѣлое общество, члены котораго проводить вышеуказанныя убѣжденія въ народѣ, сближаясь съ нимъ подъ видомъ рабочихъ, при чемъ Фишеръ увѣрялъ, что если его сошлютъ въ каторгу, то онъ вернется изъ нея и приведетъ съ собою каторжниковъ, а Брешковская присовокупляла, что если помѣщики не согласятся на раздѣлъ земли, то ихъ перерѣжутъ, и совѣтовала Юрьевой откладывать деньги и присылать ей таковыя, поясняя, что деньги нужны, между прочимъ, для пріобрѣтенія въ разныхъ губерніяхъ участковъ земли съ цѣлью устройства пунктовъ свиданій для членовъ ихъ общества. По удостовѣренію Ипполита Юрьева, Фишеръ развивалъ и предъ нимъ тѣ же теоріи, при чемъ высказывалъ, что если Государь и помѣщики не согласятся на раздѣлъ земли, то Государи заставятъ согласиться, а помѣщиковъ перерѣжутъ. Дальнѣйшее участіе Фишера въ дѣлахъ коммуны выразилось, по собственному его показанію, въ поддѣлкѣ печатей для подложныхъ паспортовъ и въ хожденіи въ народъ вмѣстѣ съ Дебагоріо-Мокріевичемъ и Стефановичемъ съ цѣлью обучиться крестьянскимъ работамъ и, такимъ образомъ, подготовить себя къ пропагандѣ. Отправляясь въ народъ, Фишеръ запасся по его же показанію, фальшивымъ паспортомъ на имя Бондаренко; они работали сначала на станціи Жмеринкѣ, а затѣмъ были въ Браиловѣ и Немировѣ; у Стефановича разболѣлась нога, и онъ остался въ одномъ мѣстечкѣ около села Верхняги, куда Фишеръ отправился съ Дебагоріо, чтобы переговорить съ Ларіоновымъ, о чемъ изложено выше. Изъ села Верхняги Фишеръ и Дебагоріо вернулись къ Стефановичу, вмѣстѣ съ которымъ и направились обратно въ Кіевъ; въ Корсуни Фишеръ оставался нѣкоторое время вслѣдствіе болѣзни, а Стефановичъ пошелъ далѣе въ Кіевъ, вернувшись откуда передалъ Фишеру, какъ сей послѣдній показывалъ при дознаніи, приказаніе, а по показанію, данному при слѣдствіи, просьбу остаться въ Корсуни въ виду того, что въ Кіевѣ нашли нужнымъ, чтобы кто-нибудь жилъ въ этой мѣстности; Фишеръ на это не согласился, и они возвратились въ Кіевъ черезъ Каневъ. Брешковская, какъ видно изъ ея писемъ, а также писемъ Вѣры Вериги къ мужу послѣдней, ѣздила въ Курскую губернію „по общему дѣлу“ и входила въ сношенія съ такимъ количествомъ людей, являвшихся со всѣхъ концовъ отечества, что у нея „голова кругомъ пошла“; лѣтомъ же 1874 года Брешковская, какъ видно изъ ея показанія, даннаго при дознаніи, и показанія Ларіонова, ходила съ Марією Колѣвниною въ м. Бѣлозерье и Смылу, гдѣ онѣ

и занимались крестьянскими работами. Изъ показаній нѣсколькихъ свидѣтелей видно, между прочимъ, что съ Врешковской и Колѣнкиной былъ еще молодой человѣкъ, котораго Врешковская называла своимъ племянникомъ Степаномъ; Врешковская отказалась назвать своего спутника, но не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что это былъ Стефановичъ, носившій въ коммуѣ прозвище Степана. Такое пребыванiе Врешковской со Стефановичемъ въ м. Бѣлозерьѣ было извѣстно члену коммуны Лурье, по обыску у котораго найдены видъ, по которому Врешковская проживала до своего замужества, и записки о томъ, какимъ путемъ можно доѣхать до Бѣлозерья и какимъ образомъ разыскать тамъ русскую красильщицу и оставшего солдата. Нахожденiе адреса Врешковской у Лурье было извѣстно и остальнымъ членамъ коммуны, вслѣдствiе чего послѣ ареста Лурье, какъ изложено выше. Стронскiй, опасаясь ареста Врешковской и Колѣнкиной, заготовилъ морфiй и хлороформъ, которые намѣренъ былъ употребить къ дѣлу для освобожденiя Врешковской, еслибъ она была арестована. Осенью Врешковская вновь отправилась въ народъ и 24-го сентября 1874 года была задержана около гор. Тульчина, при чемъ по обыску у нея оказались: карты Кiевской и Херсонской губернiй, порошокъ морфiа, четыре рукописныя прокламацiи—одна черновая, а остальные за №№ 101, 112 и 103, оканчивающiяся воззванiемъ къ бунту, и фальшивый паспортъ на имя крестьянки Феклы Косовой, именемъ которой Врешковская и назвала себя при дознанiи. И въ этотъ разъ Врешковская ходила въ народъ не одна, что положительно доказывается показанiями нѣсколькихъ лицъ, удостоверяющихъ, что съ Врешковскою былъ молодой человѣкъ, котораго она называла своимъ сыномъ, Яковомъ, и который, оставивъ Врешковскую въ Тульчинѣ, куда-то ушелъ. Заключенная подъ стражу въ тульчинскомъ этапномъ домѣ, Врешковская обратилась къ одному изъ караулившихъ ее лицъ съ просьбой отприватить телеграмму, которую ему и передала вмѣстѣ съ двумя рублями: означенная телеграмма, приобщенная къ дѣлу, слѣдующаго содержанiя: „Кiевъ. Фундуклеевская. Домъ Харламова. Жмiевской. Сыпъ, заболѣла, не прiѣзжай. Катерина Коренная“. Врешковская, признавая, что отобранныя у нея прокламацiи были ею взяты съ цѣлью раздачи ихъ въ народъ, отказалась объяснить, кого хотѣла предупредить депешою, но не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что и въ этотъ разъ спутникомъ Врешковской былъ Стефановичъ, носившiй также прозвище „сына“ Врешковской, который затѣмъ, узнавъ, какъ сказано выше, чрезъ Тетельмана и Идалiю Польгеймъ о полученiи Жмiевскою депеши изъ Тульчина, немедленно скрылся изъ Кiева. Находясь подъ арестомъ, Врешковская продолжала свою пропагаторскую дѣятельность. Показанiями двухъ свидѣтелей, караулившихъ Врешковскую въ Тульчинѣ, удостоверяется, что Врешковская, которую они знали подъ именемъ Феклы Косовой, говорила имъ, что она посажена подъ арестъ за народъ, для котораго разносила грамоты, желая его избавить отъ преслѣдованiй начальства; что народу не слѣдовало бы бояться и слушаться начальства; что ему бы слѣдовало возстать съ оружиемъ въ рукахъ; что легко было бы справиться съ солдатами, которыхъ сравнительно съ народомъ ничтожное количество; что въ Тульчинѣ можно всѣхъ перерѣзать въ одинъ день, и что было такое вре-

мя, „гайдамачина“, когда народъ грабилъ и жилъ лучше, чѣмъ теперь. Брешковская признала себя виновною въ революціонной пропагандѣ съ цѣлью возбужденія народа къ возстанію для ниспроверженія существующаго государственнаго строя; Фашеръ же призвавъ себя виновнымъ лишь въ поддѣлкѣ печатей разныхъ волостныхъ правлений. Бенецкій вступилъ въ коммуны съ момента ея возникновенія, когда она помѣщалась еще въ домѣ Горлова, поддерживалъ таковую денежными средствами, какъ это изложено выше, и хранилъ у себя печати, прикладывавшіяся къ фальшивымъ паспортамъ, съ которыми члены коммуны отирались въ народъ. Признавая при слѣдствіи это послѣднее обстоятельство, Бенецкій объяснилъ, что онъ не подозрѣвалъ, чтобы печати имѣли какое-либо отношеніе къ революціонной пропагандѣ, и что у липъ, проживавшихъ въ коммунахъ,—хотя таковыя и высказали свое неудовольствіе на существующій въ государствѣ порядокъ,—онъ никакого стремленія къ революціонной дѣятельности не замѣчалъ. Такое объясненіе Бенецкаго, противорѣчащее всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, находитъ себѣ опроверженіе въ показаніи, данномъ самимъ Бенецкимъ при дознаніи; въ этомъ показаніи Бенецкій признавалъ существованіе кievскаго революціоннаго кружка и объяснилъ, что такое признаніе онъ дѣлаетъ подъ вліяніемъ того негодованія, которое возбуждаетъ въ немъ поведеніе его бывшихъ знакомыхъ, „которые занимались пропагандой и всегда дѣйствовали другъ къ другу безъ единодушія и даже часто не совѣсти честно“. Помимо такого показанія Бенецкаго, изъ котораго видно, что не только дѣятельность, но и взаимныя отношенія членовъ коммуны были ему хорошо извѣстны,—принадлежность Бенецкаго къ коммунахъ доказыаается слѣдующими данными: по показанію, данному при дознаніи Александромъ Костюринимъ, онъ былъ посланъ членомъ одесскаго революціоннаго кружка Макаревичемъ изъ Одессы въ с. Фастовцы предупредить народнаго учителя Франжоли о грозившемъ сему послѣднему арестѣ, при чемъ деньги на обратный путь Костюринъ долженъ былъ получить въ Кіевѣ отъ Семена Лурье; прѣбывая въ Фастовцы уже послѣ ареста Франжоли, Костюринъ отправился въ Кіевъ, гдѣ его арестовали и вмѣстѣ съ Дробышевскимъ препроводили въ Нѣжинъ, при чемъ дорогой Дробышевскій сообщилъ ему, что у студента Кіевскаго Университета Василя Александровича Бенецкаго также можно было получить деньги и сверхъ того фальшивый паспортъ; Гориневичъ при слѣдствіи удостовѣрялъ, что ѣздивъ по порученію Дебагоріо - Мокривича въ имѣніе Бенецкаго передать сему послѣднему, чтобы онъ привезъ въ Кіевъ печати, которыя находились у него, и видѣлъ у Бенецкаго запрещенныя книги, въ числѣ которыхъ были „Государственность и Анархія“, каковое показаніе Гориневича въ связи съ показаніемъ Костюрина и приведеннымъ выше сего разговоромъ, происходившимъ между Дробышевскимъ и Трезвинскимъ въ присутствіи Смирнова, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что у Бенецкаго былъ складъ революціонныхъ книгъ, принадлежащихъ кружку. Какъ это видно изъ писемъ Брешковской, сія послѣдняя вела свою корреспонденцію чрезъ Бенецкаго; такъ, въ одномъ письмѣ она писала: „ . . . мой адресъ слѣдующій: По витебско-Динабургской желѣзной дорогѣ, станція Горяны, Василю Александровичу Бенецкому“, а въ другомъ: „ . . . вся моя корреспонденція пойдетъ чрезъ

Бенецкого . . . ѣду изъ К. 15 іюня“. Изъ послѣдняго письма оказывается, что Бенецкій доставлялъ Врешковской письма въ то время, когда она была на пропагандѣ въ м. Вѣлозерѣ со Стефановичемъ и Колѣнвиною, такъ какъ изъ свидѣтельскихъ показаній видно, что Врешковская съ сопровождавшими ее лицами прибыла въ Вѣлозерье около Петрова дня, что совпадаетъ съ ея отъѣздомъ изъ Кіева 15-го іюня. Независимо отъ сего, Дробышъ-Дробышевскій въ запискѣ, которую Смирновъ долженъ былъ доставить Бенецкому, просилъ сего послѣдняго указать Смирнову „какой-нибудь адресъ въ Кіевѣ, гдѣ бы онъ могъ остановиться и поближе познакомиться съ нашими людьми и дѣломъ“, а изъ показаній Ларіонова и Фишера видно, что адресъ Ларіонова въ селѣ Верхняги былъ указанъ Фишеру и Дебагорію-Мокрѣвичу Бенецкимъ, узнавшимъ о Ларіоновѣ отъ своего товарища Монтвита, котораго Ларіоновъ просилъ познакомить его съ людьми, держащимися, какъ и онъ, Ларіоновъ, крайнихъ политическихъ убѣждений. Наконецъ, указаніе Коваликомъ, въ отобранной у него запискѣ, на Бенецкого, какъ на лицо, которое можетъ быть полезно для задуманнаго Коваликомъ побѣга, и перехваченная въ кіевскомъ тюремномъ замкѣ переписка между арестантами—исключаетъ всякое сомнѣніе въ виновности Бенецкого. Означенная переписка велась между Іосифомъ Польгеймомъ, Врешковскою и Бенецкимъ; Польгеймъ, сообщая Врешковской о томъ, что она неосновательно подозрѣваетъ Идалию Польгеймъ въ разоблаченіи дѣлъ кружка, вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ ее сообщить для передачи Вас. (Васкѣ) все, что ей извѣстно и въ особенности сущность ея показанія о Бенецкомъ, при чемъ излагаетъ вкратцѣ и первоначальное объясненіе Бенецкого при дознаніи. Къ этой запискѣ была приложена слѣдующая записка Бенецкого: „Катя. Отвѣчай Осипу Матвѣвичу Польгейму на его вопросы, я сюда попалъ, но не знаю по чьей милости; что ты обо мнѣ говоришь? Колька малый совершенно здоровъ, видаль... побѣжала къ роднымъ твоимъ. В. С. и Ф. здоровы. Твой Васкѣ“; нѣсколько словъ въ этой запискѣ нельзя было разобрать. Относительно этой записки Врешковская отозвалась, что, вѣроятно, она сочинена самимъ Польгеймомъ, но Бенецкій призналъ, что таковая писана имъ, при чемъ объяснилъ, что Колька это сынъ Врешковской, что къ роднымъ Врешковской уѣзжала Вѣра Вериго, и что онъ не помнитъ, кого онъ подразумѣвалъ подъ буквами В. С. и Ф. По обыску у Бенецкого были найдены инструменты сапожнаго мастерства, при чемъ родственники Бенецкого объяснили, что онъ хотѣлъ заниматься этимъ мастерствомъ. Несмотря на вышесказанное, Бенецкій виновнымъ себя не призналъ. Волкенштейнъ, бывшій въ 1874 году студентомъ Кіевского университета, приходилъ, по показанію Ларіонова, въ домъ Леминаскаго вмѣстѣ съ Чернышевымъ и принялъ къ себѣ въ имѣніе подъ видомъ рабочихъ Фроста и какого-то Бахановскаго. Хотя Ларіоновъ этого послѣдняго обстоятельства вполне удостовѣрить не могъ, тѣмъ не менѣе оно представляется весьма вѣроятнымъ въ виду найденной у Волкенштейна на описи его имѣнія записки, начинающейся словами: „Ал. Ал.! Не удастся ли вамъ увидать Бухан.“ Независимо отъ сего, чрезъ Волкенштейна велась переписка Каблица, какъ это видно изъ письма сего послѣдняго къ Вѣрѣ Вериго, о возвратѣ 500 р. с., въ которомъ Каблицъ писалъ: „...пишите по слѣдующему адресу: Въ Кіевѣ, въ университетъ,

студенту Волкенштейну, а внутри конверта для передачи Осипу Ивановичу“, и вообще, какъ это видно изъ дѣла, Волкенштейнъ былъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ Каблицомъ, который и успѣлъ скрыться за границу при участіи Волкенштейна, что доказывается нижеизложеннымъ: По обыску у Волкенштейна былъ найденъ чемоданъ съ вещами и документами Каблица, а также письмо изъ Лондона, подписанное „Ваша Morgensternъ“ съ вырѣзаннымъ клочкомъ бумаги, и входящая въ связи съ этимъ письмомъ, по объясненію Волкенштейна, тратта кievскаго коммерческаго банка на Лондонъ, въ суммѣ 4.517 р. с. Въ означенномъ письмѣ, извѣщающемъ Волкенштейна о прибытіи автора онаго въ Лондонъ, имѣется приписка: „Не забудьте сдѣлать то, что я васъ просилъ и какъ можно скорѣе, т. е. депешей“. По объясненію Волкенштейна, Каблицъ, уѣзжая за границу черезъ Одессу, передалъ ему 3.500 р. с., съ просьбою переслать таковыя въ мѣсто, которое онъ укажетъ письмомъ; получивъ недѣли черезъ три послѣ отъѣзда Каблица письмо изъ Лондона, онъ догадался, что оно было писано Каблицомъ, и получивъ затѣмъ телеграмму о посылкѣ денегъ за подписью Alex'a, или Каблица, послалъ оставленныя послѣднимъ деньги по указанному въ письмѣ адресу. Независимо отъ сего, у Волкенштейна былъ найденъ журналъ „Впередъ“ и книга съ надписью—„домъ Барсукова, флигель“, т. е. съ адресомъ Божко-Божинскаго. Объяснивъ, что журналъ „Впередъ“ принадлежитъ Каблицу, что записка о Бухановскомъ адресована не къ нему и что ему не было извѣстно, что Божко-Божинскій жилъ въ домѣ Барсукова, Волкенштейнъ виновнымъ себя не призналъ. Трезвинскій, сельскій учитель въ селѣ Шлискахъ, Борзенскаго уѣзда, имѣлъ сношенія съ коммуной чрезъ Дробышъ-Дробышевскаго, арестованнаго на возвратномъ пути отъ него въ Кіевъ, и, какъ надо полагать, чрезъ проживавшаго нѣкоторое время въ коммунѣ Ильницкаго, фамилія котораго значится на одной бумагѣ, отобранной у Трезвинскаго; независимо отъ сего, мѣсто сельскаго учителя было получено Трезвинскимъ, какъ онъ показалъ при дознаніи, чрезъ нѣкую Донецкую, которая, по показанію Идали Польгеймъ, была знакома съ Дебагоріо-Мокривичемъ. Кромѣ кievской коммуны Трезвинскій имѣлъ сношенія и съ одесскими агитаторами, что доказывается: во 1) показаніемъ Георгія Трудницкаго, удостовѣряющаго, что Владиміръ Жебуневъ рассказывалъ ему объ агитаторской дѣятельности Трезвинскаго въ Черниговской губерніи, и во 2) оказавшемся на нѣкоторыхъ книгахъ, отобранныхъ по обыску у Андрея Франколи, фамилією Трезвинскаго. Собирая постоянно у себя на квартирѣ своихъ учениковъ и мѣстныхъ хлопцевъ (парней), Трезвинскій въ разговорахъ съ ними внушалъ имъ, какъ это удостовѣрено нѣсколькими свидѣтельскими показаніями, что порядки у насъ дурные, что другіе люди живутъ лучше, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни старшинъ, ни головъ, а само общество распоряжается своими дѣлами, что у насъ бѣдные трудятся, а богатые ничего не дѣлаютъ, и что если бы всѣ селенія сговорились, то, дѣйствуя всѣ вмѣстѣ, могли бы все сдѣлать и завести новые порядки, при чемъ говорилъ, что другой, лучшій порядокъ, когда бѣдные отберутъ землю у богатыхъ, скоро наступитъ, и, показывая на свой большой ножъ, объяснилъ, что таковой ему пригодится рѣзать пановъ и жидовъ. Независимо отъ сего, изъ пред-

ставленной однимъ изъ учениковъ Трезвинскаго тетради оказывается, что Трезвинскій, подѣ предлогомъ диктовки, излагалъ ученикамъ разницу между монархією и республикой, самодержавнымъ и конституціоннымъ образами правленія. По обыску у Трезвинскаго было найдено много тенденціозныхъ книгъ, изъ которыхъ нѣкоторыя онъ давалъ читать своимъ ученикамъ, и большой складной ножъ. Трезвинскій не призналъ себя виновнымъ. Прочіе подлежащія преслѣдованію члены кievской коммуны успѣли скрыться и до настоящаго времени не разысканы, а Ильясевичъ обнаружилъ признаки разстройства умственныхъ способностей. Студентъ Киевскаго Университета Божко-Божинскій, адресъ котораго найдены были у Волкенштейна, проживалъ весною и лѣтомъ 1874 года въ г. Черниговѣ; посѣщая, по своимъ занятіямъ репетитора, много домовъ, онъ познакомился, между прочимъ, съ дочерью коллежскаго совѣтника Еленю Харченко и воспитанниками Черниговской семинаріи Егоромъ и Григоріемъ Имшенецкими. Еленѣ Харченко Божинскій далъ совѣтъ развить себя чтеніемъ книгъ, при чемъ рекомендовалъ читать Беккера и Лассала, а Егору Имшенецкому, при первомъ же съ нимъ знакомствѣ, сталъ рассказывать про Цюрихъ, Лаврова и издаваемый симъ послѣднимъ журналъ „Впередъ“, при чемъ, поясняя, что Лавровъ убѣдился въ возможности улучшенія быта русскаго народа только посредствомъ социальной революціи, и что многіе студенты, раздѣляя убѣжденія Лаврова, пошли въ народъ готовить социальную революцію, склонялъ и Имшенецкаго задаться тою же цѣлью и при этомъ напиралъ на то, что только глупцы и подлецы не раздѣляютъ мнѣнія Лаврова. Желая еще болѣе убѣдить Имшенецкаго въ справедливости своихъ словъ, Божинскій обѣщалъ принести ему журналъ „Впередъ“, и дѣйствительно чрезъ нѣсколько времени явился къ Имшенецкому со сказаннымъ журналомъ. Въ это свое посѣщеніе Божинскій засталъ у Имшенецкаго двоюроднаго его брата Григорія Имшенецкаго и семинариста Василя Тищенко и въ присутствіи всѣхъ этихъ лицъ прочелъ вступленіе „Впередъ“, при чемъ сопровождалъ свое чтеніе комментаріями, сущность которыхъ заключалась въ томъ, что въ Швейцаріи существуетъ революціонное общество, имѣющее цѣлью осчастливить все человѣчество путемъ социальной революціи, что этому обществу сочувствуютъ во всѣхъ государствахъ, а въ Россіи къ нему принадлежатъ много студентовъ всѣхъ университетовъ, кромѣ Дерптскаго, и что въ самомъ Черниговѣ есть много лицъ, сочувствующихъ этому обществу; поясняя цѣль означеннаго общества, Божинскій рассказалъ, что таковая состоитъ въ испроверженіи существующаго государственнаго строя и водворенія анархіи, при чемъ много рассказывалъ о Бакунинѣ и сообщалъ о существованіи въ Кіевѣ революціоннаго кружка. Затѣмъ Божинскій обратился къ Тищенко съ вопросомъ, желаетъ ли онъ добра русскому мужику, и высказалъ, что для блага народа нужно идти пропагандаровать въ немъ, съ цѣлью возбудить возстаніе противъ существующаго порядка, послѣ чего прямо предложилъ Тищенко сдѣлаться членомъ упомянутаго выше общества и идти въ народъ съ цѣлью пропаганды. На возраженіе Тищенко, что у него большое семейство, которому онъ долженъ помогать, Божинскій отвѣтилъ, что семейство Тищенко живетъ во всякомъ случаѣ лучше мужика, и что если понадобится какая-либо денежная помощь, то Тищенко получитъ таковую изъ

кассы, которая обыкновенно образуется при возникновении общества, а затѣмъ, объявивъ, что ожидаетъ прибытія изъ Кіева одного своего знакомаго, съ которымъ общалъ познакомить семинаристовъ, ушелъ, оставивъ журналъ „Впередъ“ съ просьбой прочесть таковой поскорѣе, такъ какъ въ немъ имѣютъ нужду и другія лица въ гор. Черниговѣ. Дѣйствительно, въ скоромъ времени пріѣхали изъ Кіева сначала Левенталь, а затѣмъ Аксельроде съ одною изъ сестеръ Каминеръ; Левенталь пробылъ въ Черниговѣ весьма недолго, но и въ этотъ краткій промежутокъ времени, познакомленный Божинскимъ съ Еленою Харченко, успѣлъ изложить предъ нею свою теорію о томъ, что рабочему народу можно помочь только путемъ революціи, которая должна имѣть цѣлью уничтоженіе, посредствомъ „рѣзни и убійства“, всѣхъ тѣхъ, кто угнетаетъ народъ, какъ-то: землевладельцевъ, фабрикантовъ и т. п.; для достиженія этой цѣли. поучаль далѣ Левенталь, необходимо идти въ народъ, по словамъ Левентала, слѣдовало въ качествѣ сельскаго учителя или учительницы, фельдшера или фельдшерицы или же подъ видомъ рабочаго. Вскорѣ послѣ отъѣзда Левентала пріѣхали Аксельроде и Каминеръ, которые и поселились въ квартирѣ Божинскаго. Послѣдній, во исполненіе даннаго имъ общанія, привелъ Аксельроде въ квартиру Егора Имшенецкаго, гдѣ Аксельроде и остался почевать вмѣстѣ съ Тищенко. Аксельроде въ разговорѣ съ Тищенко и Имшенецкимъ развивалъ ту же теорію, которую проповѣдывалъ предъ симъ и Божинскій, при чемъ разъяснялъ, что вся задача состоитъ въ уничтоженіи правительства и общественнаго строя путемъ насилія, иными словами—въ водвореніи анархіи, послѣ которой народъ устроитъ свой бытъ по своему усмотрѣнію. Далѣе, рассказавъ о существованіи въ Россіи многихъ революціонныхъ кружковъ, въ томъ числѣ и кіевскаго, Аксельроде совѣтовалъ Имшенецкому и Тищенко бросить семинарію, составить тѣсный кружокъ изъ надежныхъ и сочувствующихъ дѣлу лицъ и затѣмъ идти въ народъ для пропаганды. Егоръ Имшенецкій, Тищенко и Елена Харченко познакомились также и съ Каминеръ, которая рассказывала имъ про Цюрихъ, Бакунина и т. п., и для переписки съ нею и съ Аксельроде дала имъ шифръ: «Богъ завѣщаль намъ, чтобы мы жили по-братски въ духѣ любви какъ братья. Шафепельевъ.» Усилія Божинскаго, поддержанныя Аксельроде и Каминеръ, основать въ гор. Черниговѣ революціонный кружокъ, увѣнчались успѣхомъ. Кружокъ дѣйствительно составилъ изъ Егора и Григорія Имшенецкихъ и Тищенко, къ которымъ примкнули: семинаристъ Андрей Карповичъ, Елена Харченко, дочь титулярнаго совѣтника Марса Соколовская и сынъ священника, не окончившій курса гимназіи, Андрей Петровъ Ласкаронскій; но существованіе кружка было непродолжительное—оно прекратилось въ томъ же году лѣтомъ, когда всѣ члены кружка разъѣхались на каникулы. Во время своего кратковременнаго существованія кружокъ, какъ видно изъ показаній членовъ его, занимался чтеніемъ революціонныхъ книгъ, бесѣдами по поводу прочитаннаго, разсужденіями о пропагандѣ и о томъ, какъ идти въ народъ, при чемъ дѣлались предположенія объ устройствѣ кассы и т. п. Предъ каникулами каждый изъ посѣщавшихъ кружокъ изложилъ, что онъ намѣренъ дѣлать лѣтомъ, при чемъ оказалось, что нѣкоторые хотѣли заниматься простыми работами, а другіе думали поступить въ народныя или сель-

скіе учителя и учительницы. Книгами революціоннаго содержанія—„Государственность и Анархія“ и „Исторія развитія интернаціонала“, снабдилъ кружокъ Аксельродъ или Божинскій, который, какъ видно изъ показанія Елены Харченко, давалъ ей читать у себя на дому журналъ „Впередъ“ и „Государственность и Анархія“. Божко-Божинскій, у котораго по обыску найдена книга „Азбука соціальныхъ наукъ“—не призналъ себя виновнымъ. Кіевскій кружокъ, какъ было указано выше, имѣлъ чрезъ Ивана Трезвинскаго сношенія съ одесскими агитаторами; при разсмотрѣніи же дѣятельности сихъ послѣднихъ было обнаружено, что и другіе члены коммуны, а именно Стефановичъ и Семенъ Лурье принимали самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ одесскаго революціоннаго кружка, возникновеніе котораго весьма подробно объяснено дворяниномъ Георгіемъ Трудницкимъ. По показаніямъ послѣдняго, даннымъ при дознаніи и при слѣдствіи, онъ, желая поближе ознакомиться съ организаціею и дѣятельностью интернаціональнаго общества рабочихъ, осенью 1872 года отправился въ Цюрихъ, гдѣ вскорѣ сошелся съ пріѣзжавшими изъ Россіи дворянами Николаемъ, Владиміромъ и Сергѣемъ Жебуневыми, женою Николая—Зинаидою Ивановою, Марією Блиновой, вышедшею впоследствии замужъ за Владиміра Жебунева, дворяниномъ Петромъ Макаревичемъ, Анною Розенштейнъ, вышедшею впоследствии замужъ за Макаревича, дворяниномъ Георгіемъ Кобіевымъ, дворяниномъ Тимоѣемъ Квятковскимъ и другими. Всѣ эти лица составили кружокъ, желавшій путемъ науки дойти до познанія народнаго блага и, такимъ образомъ, рѣзко отличались отъ русскихъ эмигрантовъ-революціонеровъ, которые въ насмѣшку называли этотъ кружокъ „сумасшедшимъ орденомъ сень-жебунистовъ“. „Сень-жебунисты“ находили, что въ Россіи, странѣ земледѣльческой, народное благо осуществимо единственно путемъ развитія сельскихъ общинъ, почему и признали своею задачей содѣйствовать, съ одной стороны, улучшенію сельскаго хозяйства, а съ другой, вноси въ народъ соціальныя идеи и поднимая умственный его уровень, приготавливать народъ къ борьбѣ съ буржуазіей. Желая подготовить себя къ исполненію такой задачи, члены кружка Жебуневыхъ, въ февралѣ 1873 года, разъѣхались изъ Цюриха съ цѣлью изученія рациональнаго сельскаго хозяйства, а именно: Макаревичъ и Анна Розенштейнъ отправились въ Россію, а остальные переселились во Францію и всѣ занялись практическимъ изученіемъ сельскаго хозяйства. Въ іюнѣ 1873 года Трудницкій вернулся въ Россію и поселился въ своемъ имѣніи, куда въ сентябрѣ пріѣхалъ къ нему Николай Жебуневъ и настоялъ на продажѣ имѣнія съ тѣмъ, чтобы купить отдѣльные, небольшіе участки земли и завести на нихъ образцовое хозяйство. Съ цѣлью покупки такихъ участковъ Трудницкій, Николай Жебуневъ и чиновникъ Екатеринбургской Контрольной Палаты Константинъ Ивановъ отправились путешествовать по Саратовской и Самарской губерніямъ, но подходящихъ земель имъ найти не удалось, вслѣдствіе чего Николай Жебуневъ поѣхалъ обратно за границу, а Трудницкій поселился въ гор. Воронежѣ. Въ ноябрѣ 1873 г. къ Трудницкому пріѣхали Сергѣй Жебуневъ и Кобіевъ и объявили, что кружокъ радикально измѣнилъ свои убѣжденія и, прійдя къ заключенію, что только посредствомъ революціи можно достигнуть какихъ-либо результатовъ, перешелъ съ пути мирнаго прогресса на путь революціонный.

Сообщив такое извѣстіе Трудницкому и предложивъ ему внести его книги въ общую бібліотеку кружка (для чего имъ надлежало отправить въ Харьковъ къ Надеждѣ Леонтьевой, что Трудницкія и было исполнено), Сергій Жебуневъ и Кобіевъ отправились въ Москву, чтобы повидаться съ нѣкоторыми студентами Петровской Академіи, отличавшимися революціоннымъ направлениемъ, и съ цѣлью войти въ сношенія съ другими революціонными кружками. Въ томъ же ноябрѣ въ г. Кіевѣ состоялся съѣздъ членовъ кружка для совѣщаній относительно предстоящей дѣятельности; на этомъ съѣздѣ присутствовали, кромѣ Трудницкаго: Сергій Жебуневъ, Кобіевъ, Владиміръ Жебуневъ съ женою—Марією Блиновою и сельскіе учителя: австрійскій подданный Андрей Франжоли и жьщанинъ Михайль Кацъ; Николай Жебуневъ, не явившись лично, прислалъ письмо, въ которомъ излагалъ свои соображенія объ организаціи тайнаго общества. На этомъ съѣздѣ Сергій Жебуневъ и Кобіевъ сообщали, что изъ московскихъ дѣятелей къ нимъ присоединился Фроленко, студентъ Петровской Академіи, агитирующій уже въ средѣ фабричныхъ рабочихъ, а Владиміръ Жебуневъ передалъ Трудницкому о своемъ намѣреніи предложить на обсужденіе вопросъ: не слѣдуетъ ли обществу войти въ сношеніе съ разбойничьими и воровскими шайками, чтобы съ ихъ помощью добывать матеріальныя средства, нужныя на покупку и печатаніе запрещенныхъ книгъ. Совѣщанія членовъ кружка привели къ рѣшенію произвести революцію, но не регулировать ее, а предоставить народу полную автономію, результатомъ переустройства существующаго политическаго и соціальнаго строя долженъ быть бытъ федеральный союзъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга сельскихъ общинъ, не управляемыхъ никакими общими законами или представительными собраніями, т. е. анархія. Лучшимъ способомъ веденія революціонной пропаганды была признана вербовка агитаторовъ изъ среды самого народа, при чемъ была выработана слѣдующая программа дѣйствій: а) группами расселиться по Россіи; б) организація должна бытъ вполне федеральная; в) не составлять никакого общества подобно „нечаевцамъ“, не писать уставовъ, правилъ, программъ и т. п.; г) войти въ сношенія съ другими кружками революціонеровъ для передачи книгъ, брошюръ, прокламацій и для взаимной поддержки; д) не вести между собою переписки о революціонномъ дѣлѣ; е) не дѣйствовать на массу; ж) если кто будетъ сельскимъ учителемъ, то не дѣйствовать въ школахъ и вообще гдѣ бы то ни было публично на массу, а бытъ по наружности вполне благонамѣреннымъ; з) въ отношеніи религіи, обрядовъ, приличій и пр. не нарушать существующихъ понятій; и) о Царѣ крестьянамъ ничего худого не говорить; к) дѣйствовать путемъ разговоровъ съ отдѣльными личностями, находить въ селахъ людей протестующихъ и обращаться ихъ въ революціонеровъ; л) знакомить и соединять такія личности для того, чтобы въ случаѣ возстанія поднялось разомъ много сель. и м) въ городахъ дѣйствовать въ артели, пропагандируя возстаніе подъ видомъ обученія грамотѣ. Такимъ образомъ, кружокъ Жебуневыхъ поставилъ себѣ задачей осуществленіе идей, проповѣдуемыхъ Бачуиннымъ, при чемъ и въ образѣ своихъ дѣйствій рѣшалъ слѣдовать тѣмъ правиламъ и указаніямъ, которыя преподаются русскимъ революціонерамъ въ книгѣ „Государственность и Анархія“. Послѣ вышеуказаннаго съѣзда, члены кружка разъѣхались, по удостовѣренію Трудницкаго, съ цѣлью за-

нятся подготовленіемъ революціи. Владиміръ и Сергій Жебуны, Трудницкій и Кацъ поселились въ Конотопскомъ уѣздѣ; Владиміръ Жебуневъ (раньше другихъ) и Кацъ получили чрезъ Якова Стефановича мѣста сельскихъ учителей, первый въ селѣ Дештовкѣ, а второй въ селѣ Кошарахъ; затѣмъ Кацъ перешелъ въ село Великій-Самборъ, его мѣсто въ Кошарахъ занялъ, по рекомендаціи того же Стефановича, Трудницкій, помощникомъ у котораго былъ Сергій Жебуневъ; Андрей Франжолы занялъ мѣсто сельскаго учителя въ селѣ Фастовцахъ, Ворзеньскаго уѣзда, а Николай Жебуневъ и Макаревичъ съ женами, а также Кобіевъ, отправились въ Одессу, гдѣ затѣмъ Николаемъ Жебуновымъ и была устроена кузница. Поселившіеся въ Конотопскомъ уѣздѣ Владиміръ и Сергій Жебуны. Кацъ и Трудницкій, какъ это видно изъ ихъ собственныхъ показаній, часто посѣщали другъ друга и къ нимъ приходилъ изъ села Фастовца и Франжолы, что удостовѣряется показаніями какъ Владиміра Жебунова, такъ и самого Франжолы, а къ Кацу, въ Великій-Самборъ, пріѣзжала, по показанію квартирнаго хозяина Каца, дня на три какая-то дама, по объясненію Владиміра Жебунова и Трудницкаго, Анна Макаревичъ. Всѣ эти лица, приводя въ исполненіе постановленія кievскаго съѣзда, занялись пропагандою, дѣйствуя, по показанію Трудницкаго, очень осторожно и стараясь казаться вполне благонадежными, вслѣдствіе чего только въ отношеніи Сергія Жебунова и Каца, и то лишь отчасти, могло быть обнаружено, въ чемъ именно состояла ихъ агитаторская дѣятельность. Сергій Жебуневъ, уѣзжавшій изъ Кошаръ на время праздниковъ Св. Пасхи въ Одессу, вернулся съ цѣлымъ запасомъ революціонныхъ книгъ, которыя, по словамъ Трудницкаго, и раздалъ брату Владиміру, Кацу и крестьянину Александру Стрѣльцу, что подтвердилъ и сей послѣдній, объяснивъ, что получилъ отъ Сергія Жебунова книги: „Исторію одного французскаго крестьянина“, „О мученикѣ Николаѣ“, „Сборникъ пѣсней и стиховъ“ и брошюру: „Что-то братцы“. Передавая означенныя книги Стрѣльцу, Сергій Жебуневъ совѣтовалъ ему списать брошюру «Что-то братцы», чтобы лучше ее усвоить и передавать другимъ; по совѣту того же Сергія Жебунова, Стрѣлецъ передалъ затѣмъ имѣвшіяся у него книги крестьянину Харитону Панибратцу, который часто посѣщалъ Кошарскихъ учителей. Не ограничиваясь раздачею книгъ, Сергій Жебуневъ велъ и словесную пропаганду; такъ, по показанію Стрѣльца, онъ говорилъ ему и другимъ „хлопцамъ“, что всѣ должны быть равны, что надо идти на пановъ, побить ихъ и раздѣлить ихъ земли, послѣ чего можно будетъ обойтись и безъ Царя; по указаніямъ того же Сергія Жебунова и отчасти съ его словъ, Стрѣлецъ написалъ найденные у него при обыскѣ: „Разсказъ о бывшихъ въ 1861 и 1868 гг. возмущеніяхъ крестьянъ въ селѣ Кошарахъ“ и два воззванія, изъ которыхъ одно подъ заглавіемъ: „Штыцы съ желѣзными носами“, что по разъясненію, данному Сергѣемъ Жебуновымъ Стрѣльцу, должно было означать „пановъ“. Кацъ въ селѣ Великомъ-Самборѣ познакомился съ фельдшеромъ Семеновымъ, который, бывая у Каца довольно часто, встрѣчался у него съ Сергѣемъ Жебуновымъ и Стефановичемъ, а также съ крестьяниномъ Панибратцомъ. У Каца Семеновъ видѣлъ книги: „Впередъ“, „Исторію одного французскаго крестьянина“ и „О мученикѣ Николаѣ“, изъ которыхъ послѣднюю Кацъ читалъ Семенову.

Кромѣ означенныхъ книгъ, у Каца была еще книга „Стенька Разинъ“, которую видѣлъ квартирный хозяинъ Каца, передавшій сему послѣднему отъ учителя села Дептовки (Владимира Жебунева) какую-то записку, написанную непонятными буквами. Посѣщая агитаторовъ, поселившихся въ Конотопскомъ уѣздѣ, Стефановичъ и Франжоли, по удостовѣренію Трудницкаго, побуждали своихъ единомышленниковъ къ болѣе энергическому образу дѣйствій. Стефановичъ доказывалъ необходимость прямо идти въ народъ, запасшись фальшивыми крестьянскими паспортами и изучивъ какое-нибудь ремесло, а Франжоли объяснилъ свою неудачу на поприщѣ пропаганды непригодностью для этого дѣла должности сельскаго учителя, какъ препятствующей отчасти сближенію съ народомъ. Подъ вліяніемъ такихъ разсужденій, а также опасеній быть выданными Трудницкимъ, который уговаривалъ своихъ товарищей бросить задуманное дѣло, Владимиръ и Сергій Жебуневы, Кацъ и Франжоли сожгли бывшія у нихъ революціонныя книги и уличавшую ихъ переписку и разѣхались въ разныя стороны: Сергій Жебуневъ и Франжоли поѣхали въ Одессу, куда прибыли и Кацъ, побывавъ сначала въ Кіевѣ, гдѣ онъ, подѣ именемъ Михайлова, посѣщалъ, по удостовѣренію Ларионова, коммуны въ домѣ Леминскаго, а Владимиръ Жебуневъ уѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ, по собственному его показанію, поступилъ рабочимъ къ сапожнику Пенцишевскому, нибѣ въ виду открытій впослѣдствіи сапожную мастерскую. Владимиръ Жебуневъ былъ задержанъ въ Харьковѣ, при чемъ у него было найдено нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, а также сочиненія Прудова, Лассалля и т. п. Такимъ образомъ, за исключеніемъ Владимира Жебунева, лѣтомъ 1874 года весь кружокъ оказался въ сборѣ въ городѣ Одессѣ. Какъ было сказано выше, Николай Жебуневъ съ женою, тотчасъ послѣ кіевскаго съѣзда, поселились въ Одессѣ, гдѣ уже съ сентября 1873 года жилъ Петръ Макаревичъ съ женою. Николай Жебуновъ работалъ сначала въ слесарномъ заведеніи Рыхлицкаго, а затѣмъ открылъ свою собственную кузницу, въ которой работали перешедшіе къ нему отъ Рыхлицкаго—рядовой Августъ Шрейдеръ и сынъ дворянина Юрій Крыжановскій, и которая 15-го іюня была перенесена въ село Васильевку, находящееся въ 60 верстахъ отъ Одессы. Макаревичъ обучался сапожному мастерству и жилъ одно время на одной квартирѣ съ бывшимъ студентомъ Самуиломъ Чудновскимъ, съ которымъ и занимался ввозомъ въ Россію изъ-за границы революціонныхъ книгъ, а въ іюнѣ поселился вмѣстѣ съ Франжоли у сапожнаго мастера Свѣчнскаго; у Макаревича проживалъ, кромѣ того, одно время дворянинъ Александръ Костюринъ, какъ это видно изъ показанія сего послѣдняго. Юрій Крыжановскій и Александръ Костюринъ, спрошенные при дознаніи о дѣятельности Николая Жебунева и Петра Макаревича, дали первоначально уклончивыя показанія, но затѣмъ пожелали открытъ истину и объяснили слѣдующее: Александръ Костюринъ лѣтомъ 1874 года, чрезъ посредство брата своего, Виктора Костюрина, жившаго съ Андреемъ Франжоли, познакомился съ симъ послѣднимъ, у котораго встрѣчался затѣмъ съ бывшимъ студентомъ Петровской академіи, крестьяниномъ Иваномъ Павловымъ Стенюшкинымъ. По рекомендаціи Стенюшкина, Костюринъ поступилъ ученикомъ въ кузницу Николая Жебунева, у котораго видѣлъ много запрещенныхъ книгъ, какъ-то: „Пѣсенникъ“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“.

„Государственность и Анархія“, „Историческое развитие интернаціонала“ и др., а затѣмъ, когда у него заболѣла нога, перешелъ на жительство въ общую квартиру Франжоли и Макаревича. Въ кузницѣ Жебунева велись разговоры о томъ, какъ идти въ народъ, при чемъ Николай Жебуневъ передавалъ, что двое рабочихъ, Василій и Иванъ, къ которымъ онъ ходилъ, уѣхали на родину въ Курскую губернію, гдѣ и должны были заниматься пропагандой, для чего и были снабжены надлежащими книгами. Этихъ рабочихъ, Василя и Ивана, Костюринъ встрѣчалъ у Франжоли, общую квартиру котораго съ Макаревичемъ посѣщали Феликсъ Волховской, Леонидъ Голиковъ, Николай и Сергій Жебуневъ, Иванъ Глушковъ, Кацъ, Леонидъ Дическуло и какой-то Вильгельмъ (Лангансъ), изъ которыхъ двое послѣднихъ лѣтомъ 1874 года уѣхали въ Екатеринославскую губернію и поселились на границѣ ея съ Полтавскою губерніей. Всѣ вышепоименованныя лица, сходясь въ квартирѣ Макаревича и Франжоли, почти всегда разговаривали объ одномъ предметѣ, а именно о мѣрахъ къ скорѣйшему возбужденію возстанія; изъ разговоровъ этихъ же лицъ Костюринъ узналъ, что у многихъ заражается мысль объ организаціи вооруженнаго сопротивленія жандармамъ во время арестовъ, при чемъ высказывалось, что какъ арестъ Богомолова не мѣшалъ пугачевскому бунту, такъ и теперешніе аресты не помѣшаютъ возстанію. Проживая у Макаревича, Костюринъ видѣлъ, что Макаревичъ употреблялъ въ своей перепискѣ шифръ, основанный на двухъ стихотвореніяхъ: „Птичка Божія не знаетъ“ и „По синимъ волнамъ океана“ впоследствии же, когда Франжоли уѣхалъ обратно въ Фастовцы, Макаревичъ далъ Костюрину порученіе съѣздить къ Франжоли и предупредить его о грозившей ему опасности быть арестованнымъ, при чемъ снабдилъ Костюрина деньгами на проѣздъ на Фастовцы, объяснивъ, что на обратный путь деньги будутъ даны въ Кіевѣ Лурье, къ которому и поручилъ Костюрину заѣхать. Костюринъ пріѣхалъ, однако, въ Фастовцы уже послѣ ареста Франжоли, а затѣмъ былъ и самъ арестованъ въ Кіевѣ и отправленъ въ Нѣжинъ, при чемъ во время слѣдованія въ этотъ послѣдній городъ имѣлъ съ Дробышевскимъ разговоръ о Бевецкомъ, сущность котораго уже была изложена выше. Юрій Крыжановскій перешелъ въ кузницу Жебунева изъ слесарнаго заведенія Рыхлипкаго не задолго до Пасхи 1874 года по уговору Леонида Дическуло, посѣщавшаго лишь изрѣдка Николая Жебунева, потому, какъ онъ говорилъ, что, состоя подъ надзоромъ полиціи, боялся частыми посѣщеніями навлечь подозрѣніе полиціи на кузницу. При поступленіи Крыжановскаго въ кузницу Жебунева въ ней работали Августъ Шрейдеръ, Иванъ Павловъ (Стенюшкинъ) и какой-то плотникъ Павло, который, впрочемъ, въ скоромъ времени скрылся, укравъ 125 р. с.; кромя того, одно время работалъ въ кузницѣ, въ качествѣ ученика, молодой человекъ по имени Александръ Костюринъ. Сначала Николай Жебуневъ велъ себя очень осторожно, и лишь впоследствии, когда перестали стѣсняться Крыжановскаго, сей послѣдній понималъ, что Николай Жебуневъ занимался распространеніемъ преступнаго содержанія квигъ и пропагандою въ народѣ революціонныхъ идей. Весною Дическуло отправился на работу въ Евпаторію съ цѣлью пріискать подлежащихъ людей для пропаганды, а по возвращеніи рассказывалъ Николаю Жебуневу, что крымскіе татары—люди

весьма пригодные для революціоннаго дѣла и что ему удалось устроить въ самой Евпаторіи бунтъ между рабочими, возбудивъ ихъ противъ хозяина, который заставлялъ ихъ работать слишкомъ долго. Лѣтомъ 1874 г. Дическуло получилъ отъ кого-то 1.000 р. сер., изъ коихъ часть далъ Николаю Жѣбуневу, а остальные оставилъ у себя съ цѣлью завести мастерскую, которая впоследствии и была имъ открыта въ какой-то деревнѣ. Въ средній лѣта Николай Жѣбуневъ перенесъ свою кузницу въ село Васильевку, гдѣ его посѣщали Сергѣй Жѣбуневъ и Иванъ Глушковъ, братъ жены Николая Жѣбунова, проживавшіе нѣкоторое время у Жѣбунова въ Одессѣ. У Николая Жѣбунова онъ видѣлъ Макаревича съ неизвѣстнымъ ему молодымъ человѣкомъ и какую-то одѣвавшуюся въ крестьянское платье дѣвицу Елену, 16 лѣтъ, которая рассказывала, что отъ мужиковъ нельзя ожидать толку, потому что „станешь говорить имъ про дѣло, а они лѣзутъ обниматься“. Николай Жѣбуневъ и посѣщавшія его лица давали Крыжановскому читать „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Впередъ“, „Пѣсевичъ“, „Стѣнку Разина“, „Исторію одного французскаго крестьянина“, „Сила солому ломить“ и другія книги. Эти книги хранились подъ поломъ, а приносилъ ихъ Макаревичъ. Послѣдній, а также жена его, уговаривали Крыжановскаго раздавать книги другимъ, при чемъ Макаревичъ говорилъ, что и самъ распространяетъ книги, но между „болѣе благородными лицами“, такъ какъ простымъ людямъ ему раздавать книги неудобно, потому что онъ хорошо одѣвался. Къ Макаревичу, какъ извѣстно Крыжановскому, ходило много „благородныхъ“; самъ онъ былъ у него только разъ съ Николаемъ и Сергѣемъ Жѣбуневыми, Кацемъ, Глушковымъ и Стенюшкинымъ и видѣлъ у Макаревича Александра, у котораго болѣла нога. Кромя означенныхъ лицъ, у Николая Жѣбунова по воскресеньямъ бывали простые рабочіе, которымъ онъ читалъ запрещенныя книги и давалъ читать таковыя на домъ; независимо отъ сего, Жѣбуневъ раздавалъ книги въ артеляхъ, но дѣло это шло неуспѣшно, и онъ роздалъ, такимъ образомъ, не болѣе 20 книгъ. Переѣзжая съ кузницей въ село Васильевку, Николай Жѣбуневъ взялъ съ собою и революціонныя книги; когда же въ Васильевку пріѣхалъ Сергѣй Жѣбуневъ и сообщилъ объ арестѣ брата Владимира, то книги были уложены въ мѣшокъ и отвезены Крыжановскимъ въ Одессу къ Сергѣю Жѣбуневу, который ихъ взялъ и съ ними куда-то ушелъ. Отъ Сергѣя Жѣбунова Крыжановскій слышалъ, что онъ былъ учителемъ въ какой-то деревнѣ, гдѣ и подготовилъ одного парня къ ихъ дѣлу; въ это время, когда онъ былъ учителемъ, Сергѣй Жѣбуневъ, какъ слышалъ Крыжановскій, былъ въ компаніи съ Кацемъ и заодно съ братьями Жѣбуневыми дѣйствовалъ какой-то Трудницкій. У Александра (Костюрина), работавшаго въ кузницѣ Николая Жѣбунова, а потомъ, когда у него болѣла нога, жившаго у Макаревича, былъ братъ Викторъ, бывший студентъ Новороссійскаго Университета, о которомъ рабочій Павло рассказывалъ Крыжановскому, что онъ посѣщалъ артели рабочихъ и обучалъ ихъ тому же дѣлу, что и Жѣбуневъ, но обученіе его шло плохо. Содержась подѣ стражею, Крыжановскому пришлось однажды, по недостатку отдѣльныхъ камеръ, ночевать въ одной камерѣ съ Глушковымъ, который рассказалъ ему, что Николай Жѣбуневъ уѣхалъ съ женою въ Англію, успѣвъ скрыться

благодаря полученному отъ Ивана Павлова (Стенюшкина) извѣщенію о грозившемъ ему арестѣ. Хотя Крыжановскій при слѣдствіи остался неспрошеннымъ за неразысканіемъ его, а Александръ Костюринъ впослѣдствіи отъ своего показанія отказался, тѣмъ не менѣе правдивость вышеизложенныхъ показаній означенныхъ лицъ не можетъ подлежать сомнѣнію въ виду подтвержденія, которое эти показанія находятъ въ нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ дѣла. По объясненіямъ Трудницкаго, даннымъ при дознаніи и слѣдствіи, въ Одессѣ существовалъ особый революціонный кружокъ, главою котораго былъ Волховской; кружокъ этотъ имѣлъ сношенія съ кружкомъ Жебуневыхъ, и къ нему принадлежалъ также дворянинъ Леонидъ Голиковъ. Волховской и Голиковъ, привлекаясь къ дѣлу Нечаева, какъ выяснилось по дѣлу, дѣйствительно проживали въ Одессѣ и были между собою знакомы; Волховской, отказавшійся представить какія-либо объясненія, принадлежалъ также, какъ изложено выше, къ революціонному кружку Чайковскаго, имѣлъ сношенія съ Теофаномъ Лермонтовымъ и былъ знакомъ, какъ это доказано слѣдствіемъ, съ Викторомъ Костюринымъ; у Голикова же, объяснившего, что онъ кромѣ Волховскаго вовсе не знаетъ лицъ, принадлежавшихъ къ Одесскому кружку, были найдены фотографическія карточки Виктора Костюрина, Леонида Дическуло и Вильгельма Ланганса, а также неоконченная исповѣдь, въ которой Голиковъ, высказывая свое желаніе быть полезнымъ обществу, такъ какъ онъ не можетъ остаться равнодушнымъ къ бѣдствіямъ народа, вѣстѣ съ тѣмъ излагаетъ встрѣченныя имъ затрудненія при выборѣ дѣятельности, которая дала бы ему возможность привести наибольшую пользу и помощь народу. Сергій Жебуневъ, Кацъ и Глушковъ жили вѣстѣ на одной квартирѣ и занимались, первые двое—бондарнымъ, а послѣдній—столярнымъ ремесломъ. Изъ этихъ лицъ Кацъ призвалъ, что у него были книги: „Стенка Развигъ“, а также „Исторія французскаго крестьянина“, „Впередъ“ и „0 мученикъ Николаѣ“, каковыя книги онъ получилъ, по его словамъ, отъ Трудницкаго и сжегъ, не давая ихъ читать никому, а Глушковъ объяснилъ, что прѣехалъ лѣтомъ 1874 года въ Одессу, чтобы повидаться съ сестрою Зянаidou, женою Николая Жебунева. Глушковъ, какъ было указано выше, находился въ сношеніяхъ съ Даниловымъ, который и адресовалъ на имя Глушкова отобранное у него въ Ахалкалакахъ письмо, составляющее какъ бы отчетъ о революціонной дѣятельности Данилова на Кавказѣ, а Михаилъ Кацъ посѣщалъ подъ именемъ Михайлова въ гор. Кіевѣ коммуны въ домѣ Леминскаго, какъ это видно изъ показанія Ларионова. Андрей Франжоли, по собственному его показанію, проживалъ съ начала мая по 25-е іюня въ квартирѣ Макаревича, вѣстѣ съ которымъ, какъ это доказано свидѣтельскими показаніями, и обучался сапожному ремеслу въ мастерской Свѣчинскаго. По обыску, произведенному у Франжоли въ Фастовцахъ, было найдено нѣсколько книгъ съ фамиліями Макаревича и Трезвинскаго, а также три письма, написавныя Франжоли, изъ которыхъ одно на имя Лурье въ Кіевѣ, другое на имя Дубинина въ Одессу, а третье безъ конверта и адреса, начинающееся словами „Витька“. Въ означенныхъ письмахъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста: а) въ письмѣ Дубинину: „Петро! Наканунѣ полученія отъ васъ письма я послалъ вамъ письмо на адресъ старой квартиры . . въ

нѣтъ я просилъ объ адресѣ Витьки, о вашемъ и всѣхъ знакомыхъ здоровьи;—ваше молчаніе на Аннины письма смущало меня . . . ужасно не хорошо, что у васъ много новостей, но не прибавляете худыхъ ли, хорошихъ ли или безразличныхъ . . . пришлите мнѣ отложенныя книги. Пиши, получено ли первое письмо и что второе, меня смущаетъ слово „судебная“ на этомъ адресѣ . . . Пиши о вашемъ здоровьи и о вашихъ новостяхъ, но помни, что я нездоровъ и въ письмѣ будь остороженъ, рѣзкости меня тревожатъ. Виктора адресъ не забудь прислать. Сашкѣ ва третій день прїѣзда сюда послалъ письмо въ Умань, чтобъ она или ѣхала сюда, или послала документы съ прошеніемъ въ училищный совѣтъ въ Борзенскую уѣздную управу, и мѣсто ей хорошее выбралъ, да отъ нея ни слуху, ни духу, напиши, что тебѣ извѣстно о ней. О ногѣ Александра напиши . . .“; б) въ письмѣ къ Лурье: „Семень! вы, вѣроятно, получили чрезъ долговязаго господина лично или по почтѣ записку о моей болѣзни, мнѣ такъ совѣстно, что я ее писалъ . . . но потомъ, раздумавъ, рѣшилъ не придавать никакого знанія всѣмъ толкамъ о моей болѣзни; я надѣюсь ее вынести безъ всякихъ сильныхъ потрясеній, даже надѣюсь обойтись безъ перемѣны климата и мѣстности, и не глупа ли послѣ этого, скажите, моя записка . . . Если вы увѣдомили Аню и Петро о моей болѣзни, напишите имъ еще разъ, чтобъ они не беспокоились, что это просто плевка не стоитъ . . .“; в) въ письмѣ къ Витькѣ: „Предъ отъѣздомъ видѣлся съ Николаемъ . . . мнѣ кажется, что ты сдѣлаешь и глупость и подлость, если, желая загладить свое бездѣлье, задумаешь добыть результаты; ты ихъ не добудешь, а себя израсходуешь. Мы уже съ тобою говорили о невозможности добыть результаты; ты согласился, что твоя роль будетъ наблюдательная . . . я такъ былъ возбужденъ послѣднимъ положеніемъ дѣлъ, что когда ко всему присоединился отъѣздъ твой и Ани, въ особенности Ани...“ Независимо отъ сего, уже послѣ ареста Фравжоли на его имя были получены изъ Одессы два письма слѣдующаго содержания: первое—„. . . а наша тетушка Евфросинья Петровна такъ опасно заболѣла, что ее вчера отвезли въ Москву, понимаешь ли, чѣмъ это пахнетъ, перенесетъ ли она такое путешествіе; мы же пока, слава Богу, здоровы, хотя погода здѣсь теперь стала что-то не совсѣмъ хорошая, да и не у насъ однихъ; вонъ пишутъ, что и въ Крыму стала тоже плохая погода. Леонидъ и Колька недавно были у меня, они здоровы и у нихъ все хорошо, отправились на мѣсто, а Нѣмецъ теперь у меня сидитъ и тебѣ поклонъ шлетъ. Отъ Витьки очень часто получаю письма. Онъ пока еще на правахъ больного. Вотъ его адресъ: Его высоко. Павлу Андреевичу Илашко, городъ тебѣ извѣстенъ, а внутри конверта передать Виктору. Отъ Сашки ни слова; я не понимаю, что бы это значило. Я ей тоже писалъ. Иванъ Федоровичъ кланяется тебѣ, онъ здоровъ . . . деньги отъ матери Ани получены . . . посылаю тебѣ адресъ: въ Одессу, въ судебную палату, его высокоблагородію Василю Ивановичу Дубинину, прошу передать Федору Леонтьевичу. Витька пишетъ (сейчасъ получилъ письмо)“ . . . вещи отправилъ, но только въ Кіевъ, потому что на Плиски не приняли, въ Кіевъ же я послалъ квитанцію къ Семену; и прошу его сейчасъ же отправить вещи на станцію Плиски, а квитанцію тебѣ . . . Кромѣ сообщенныхъ новостей, есть и другія интересныя, которыя сообщу тогда,

когда пришлешь хорошей адресъ, хотя для одного или двухъ писемъ...“ Письмо это отмѣчено 17-мъ августа. Второе—, . . . извѣщали ли васъ, что Евфросинья Петрова заболѣла и даже очень. Вчера мнѣ говорили, что будто ищутъ Ольгу Р. . . ., но, можетъ быть, это еще невѣрно. Последнее извѣстіе отъ нея получилъ изъ Москвы, будетъ уже мѣсяцъ. Теперь же не знаю, гдѣ она. Полагаю, что въ Х. . . . Леонидъ здравствуетъ. Теперь еще не имѣю адреса, чтобы вамъ выслать. Постараюсь приготовить его къ слѣдующему письму, которое ждите недѣли черезъ полторы. Самъ я пробуду въ О. . . . мѣсяцъ, два. . . . Вѣроятно, до тѣхъ поръ соберется много новостей“. Франжоли призналъ, что отобранныя у него при обыскѣ письма писаны имъ, и объяснилъ, что „Петро“—это Макаревичъ, „Аня“—жена Макаревича, „долговязый господинъ“—Трезвинскій, „Семень“—Лурье и „Витка“—Викторъ Костюринъ; относительно же писемъ, полученныхъ послѣ его ареста, Франжоли объяснилъ, что письмо отъ 17 августа писано Макаревичемъ, что „Евфросинья Петровна“—одна знакомая его дама, фамилію которой онъ забылъ, и что къмъ писано второе письмо—ему неизвѣстно. Между тѣмъ изъ дѣла видно, что именно въ то время, когда было написано къ Франжоли письмо, извѣщавшее его о болѣзни и отправкѣ въ Москву Евфросиньи Цетровны, былъ арестованъ въ Одессѣ и отправленъ въ Москву Феликсъ Волховской. Макаревичъ, признавая, что письмо отъ 17-го августа писано имъ, отказался дать по содержанію онаго какія-либо объясненія, а Франжоли пояснилъ, что всѣ вышеизложенныя письма содержатъ лишь простой обитіе его мыслей съ людьми его близкими. По объясненію же Александра Костюрина, данному при дознаніи, тѣ мѣста въ письмѣ отъ 17-го августа, написанномъ Макаревичемъ еще до отъѣзда его, Александра Костюрина, изъ Одессы, гдѣ говорится о болѣзни и здоровьи разныхъ лицъ, а также о погодѣ въ Одессѣ и Крыму, имѣли цѣлью охарактеризовать отношенія упоминаемыхъ въ письмѣ лицъ къ производившемуся уже въ то время дознанію, а также дѣятельность лицъ, производившихъ таковое; упоминаемыя въ письмѣ имена означаютъ: „Леонидъ“—Дическуло, „Колька“—Маккавѣва, „Нѣмецъ“—Вильгельма (фамилія котораго Александръ Костюринъ не зналъ и который оказался Лангансомъ), „Саша“—Александрѣ Охременко, занимавшую должность сельской учительницы въ Черноостровѣ, и „Ольга Р. . . .“—дѣвицу Разузовскую. Такое объясненіе Александра Костюрина, вполне согласное съ обстоятельствами дѣла, находитъ себѣ подтвержденіе въ объясненіи Трудницкаго о томъ, что употреблявшіяся агитаторами въ перепискѣ выраженія: „заболѣлъ“, „дѣла идутъ хорошо“ и т. д. означали аресты, пропаганду и отношенія властей къ пропагандистамъ. Франжоли, принадлежа къ Одесскому революціонному кружку и имѣя сношенія съ кievской коммунной, находился кромя сего въ сношеніяхъ и съ петербургскими агитаторами, что видно изъ шифрованного письма Сидороцкой (Ободовской), подписаннаго „Раскольниковъ“ и адресованнаго, по всей вѣроятности, къ Александру Осипову Лукашевичу; въ этомъ письмѣ Сидороцкая писала: „вотъ адресъ Франжоли: станція Кіево-Курской желѣзной дороги Плиски, Андрею Франжоли. Шифромъ не пишите ему въ Одессу. Оказывается, это лучшая, живая, правдивая сила; для него существуетъ одно насущное

дѣло, и онъ не можетъ вовсе по жизненной натурѣ своей увлекаться расчетами какого бы то ни было калибра“. Независимо отъ сего, сношенія Фравжоли съ Лукашевичемъ подтверждаются еще слѣдующею стмѣткой, оказавшеюся въ отобранной у Фравжоли записной книжкѣ: „Лук. Екатеринбургскій проспектъ, домъ Яковлева, квар. № 5“. Лукашевичъ, какъ видно изъ приложенной къ дѣлу справки, проживалъ въ домѣ Яковлева съ 23 сентября по 25 декабря 1873 года. По показанію Макаревича и Фравжоли, нѣкоторое время въ ихъ квартирѣ проживали Александръ и Викторъ Костюрины; кромѣ сего, квартиру Макаревича посѣщало почти ежедневно, по удостовѣренію проживавшей рядомъ съ Макаревичемъ свидѣтельницы Солянниковой, много молодыхъ людей, повидимому, образованныхъ, но изъ коихъ нѣкоторые были одѣты мастеровыми и носили съ собою разные инструменты; обыкновенно собиралось человѣкъ пять-шесть, а раза три или четыре было такъ, что собралось въ квартирѣ Макаревича человѣкъ до пятнадцати; въ числѣ посѣщавшихъ Макаревича лицъ были и женщины, изъ которыхъ одна приходила, какъ замѣтила Солянникова, утромъ—одѣтая какъ горничная, а вечеромъ—барыней; во время такихъ собраній, несмотря на присутствіе многихъ лицъ, въ квартирѣ Макаревича бывала всегда такая тишина, точно въ ней никого не было; вообще поведеніе Макаревича и приходившихъ къ нему лицъ произвело на Солянникову такое впечатлѣніе, что у нея родилась мысль, не занимаются ли всѣ эти лица въ квартирѣ Макаревича „поддѣлкою фальшивыхъ ассигнацій“. Въ числѣ лицъ, приходившихъ къ Макаревичу, былъ нѣкто Желябовъ, фамилію котораго Солянникова слышала нѣсколько разъ. Отъ означеннаго Желябова было получено въ Петербургѣ, въ октябрѣ 1874 года, на имя студента Технологическаго Института Рафаила Казбеки шифрованное письмо, подлежащее передачѣ Аннѣ Макаревичъ, какъ это удостовѣрилъ самъ Желябовъ. По разборѣ шифра, которымъ было написано упомянутое письмо, оно оказалось слѣдующаго содержанія: „въ дополненіе ко всему сказанному пріѣхавшими пишу по просьбѣ Петра. Въ Цюрихѣ онъ былъ, Жёбуневыхъ зналъ мало, бывалъ рѣдко, изъ-за границы мы возвратились вмѣстѣ. Петръ видѣлъ въ Одессѣ Жёбуневыхъ раза два, Трудницкаго, который васъ видалъ, зналъ мало, Леонида Квятковскаго и Кобіева также мало, объ остальныхъ молчите. Пишите, что долженъ онъ сказать о вашей поѣздкѣ въ Ковотопъ? На случай вашего ареста, загодя просите своихъ родителей взять васъ на поруку или внести залогъ, предстоитъ такое чудесное предпріятіе, что я и этому письму не хочу довѣрять, но для успѣха нужны деньги. Я уже телеграфировалъ въ Кіевъ, не знаю вышлютъ ли. Если вы богаты, спѣшите сдѣлать переводъ ста руб. на контору Мааса въ Одессѣ. Дѣло спѣшное! Если будете высылать, то пришлите извѣщеніе телеграммой на имя Шестаковского, въ Коммерческое училище, учителю. Бѣда, нашъ прежній адресъ пересталъ служить. Я уговорилъ одну барыню дать свой адресъ на три недѣли, пишите: Одесса, Ланжероновскій переулокъ, въ складѣ швейныхъ машинъ Цорна, Евгеніи Петровнѣ. Ищу новаго адреса, найдя, напишу. На внутреннемъ конвертѣ ничего“. Несмотря на показаніе Солянниковой, крестьянинъ Андрей Ивановъ Желябовъ, исключенный изъ Новороссійскаго Университета за участіе въ безпорядкахъ 1872 года, отвергая свое зна-

комство съ Петромъ Макаревичемъ и другими лицами, принадлежавшими къ одесскому кружку, объяснилъ, что зналъ лишь одну Анну Розенштейнъ (Макаревичъ), которую встрѣчалъ нѣсколько разъ на улицѣ въ городѣ Одессѣ и которой написалъ изложенное выше письмо по просьбѣ неизвѣстнаго лица, передавшаго ему шифръ и адресъ Анны Макаревичъ; что же касается „сѣлаго предпріятія“, о которомъ упоминается въ письмѣ, то такое должно было состоять, по словамъ Желябова, въ доставленіи Аннѣ Макаревичъ возможности видѣться съ мужемъ во время прогулки сего послѣдняго. Евгенія Петровна, на имя которой Желябовъ просилъ адресовать ему письма въ Одессу, оказалась, по собраннымъ свидѣніямъ, вдовою поручика Окуньковой, удостовѣрившею при слѣдствіи, что Желябовъ въ сентябрѣ 1874 года просилъ у нея позволенія пользоваться ея адресомъ для любовной переписки, и получилъ чрезъ ея посредство два письма, изъ которыхъ одно было изъ Кишинева, а откуда было другое—ей неизвѣстно, такъ какъ оно было взято Желябовымъ въ ея отсутствіе. Сыпъ поручика Леонидъ Дическуло и прусскій подданный Вильгельмъ Лангансъ, несомнѣнно принадлежавшіе, по удостовѣренію Александра Костюрина, къ одесскому революціонному кружку, были задержаны въ устроенной ими бондарной мастерской, въ селѣ Попельнастомѣ, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, на границѣ Екатеринославской и Полтавской губерній. Означенная мастерская была открыта въ первыхъ числахъ іюня 1874 года Лангансомъ, который, назвавшись одесскимъ мѣшаниномъ Мартыномъ Петровымъ, нанялъ бондарнаго мастера крестьянина Ивана Лямина, назначивъ ему жалованье вдвое больше того, что онъ получалъ у стараго хозяина. Лангансъ, какъ это видно изъ показанія Лямина, былъ хозяиномъ мастерской, а Леонидъ (т. е. Дическуло) ученикомъ; кромѣ Дическуло былъ еще другой ученикъ Николай (Маккавѣль, о которомъ упоминается въ одномъ изъ вышеприведенныхъ писемъ); по словамъ Лямина никто изъ нихъ бондарнаго ремесла не зналъ, работали они мало и небрежно, отъ чего, при незначительности заказовъ, бондарна приносила убытокъ; Лангансъ и Дическуло, одѣвшіеся попростонародному, держали себя съ крестьянами какъ съ равными и въ разговорахъ съ ними указывали на преимущества жизни въ Америкѣ и на недостатокъ земли у крестьянъ, объясняя послѣднее явленіе избыткомъ земли у „пановъ“. По обыску, произведенному въ бондарнѣ, было найдено нѣсколько тенденціозныхъ книгъ и довольно значительное количество народныхъ разсказовъ, въ томъ числѣ „Дѣдушка Егоръ“ въ 22-хъ экземплярахъ, а также карты Екатеринославской, Херсонской, Полтавской и Подольской губерній. Независимо отъ сего, показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей удостовѣрено, что Дическуло, работая на слесарномъ заведеніи Рыхлицкаго, возбуждалъ рабочихъ противъ хозяина, доказывая, что Рыхлицкій заставляетъ ихъ слишкомъ много работать. Леонидомъ Дическуло, по удостовѣренію Рыхлицкаго, былъ приведенъ къ нему въ заведеніе и Николай Жебуневъ, который, проработавъ лишь одинъ день, открылъ свою кузницу и при содѣйствіи Дическуло переманилъ къ себѣ рабочихъ Шрейдера и Крыжановскаго. Все вышеизложенное, въ связи съ показаніями Трудницкаго и объясненіями, данными при дознаніи Юріемъ Крыжановскимъ и Александромъ Костюринымъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что кружокъ Жебуневыхъ, съ

присоединившимися впоследствии к нему лицами, преследовалъ тѣ же цѣли, что и кievская коммуна, съ которой онъ имѣлъ весьма близкія сношенія. Такой несомнѣнно вытекающей изъ обстоятельствъ дѣла выводъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ предсмертномъ объясненіи дворянина Георгія Трудницкаго, окончившаго жизнь самоубійствомъ. Въ упомянутомъ объясненіи Трудницкій, подтверждая безусловно всѣ данныя имъ показанія, между прочимъ, пояснилъ слѣдующее: онъ былъ вполне солидаренъ съ кружкомъ до того времени, пока члены его не рѣшили окончательно вызвать въ народѣ возстаніе; съ того же момента, когда онъ убѣдился, что рѣшеніе кружка неизмѣнно, что „рѣзня“ только и была у всѣхъ на умѣ, онъ, вполне сознавая весь вредъ, который принесла бы народу революція, разошелся съ кружкомъ и сталъ долгомъ своей совѣсти заявить правительству о планахъ своихъ бывшихъ единомышленниковъ. Его намѣреніе было—дождаться суда, подтвердить и разъяснить на судѣ свои показанія и затѣмъ лишиться себя жизни, такъ какъ, исполнивъ то, что онъ считалъ своею обязанностью, онъ тѣмъ не менѣе не могъ перевести мысли, что выдать людей, съ которыми дѣйствовалъ сначала заодно; мучимый этою мыслию и тяготясь жизнью, онъ оказался, однако, не въ силахъ дождаться окончанія дѣла. Трудницкій лишилъ себя жизни весной 1876 г. Несмотря на все вышезложенное, задержанные члены одесскаго революціоннаго кружка: Владиміръ и Сергій Жебуневы, Франжолі, Макаровичъ, Кацъ, Волховскій, Голицовъ, Глушковъ, Дическуло, Лангансъ, Викторъ Костюринъ и Желябовъ виновными себя ни въ чемъ не признали, прочіе же члены кружка, подлежащіе преслѣдованію, успѣли скрыться. Тимофей Квятковскій, о которомъ упоминаетъ въ своемъ показаніи Трудницкій, также занялся революціонною пропагандою. Проживая въ Петербургѣ съ 1869 года, Квятковскій, какъ видно изъ его показанія, былъ знакомъ съ Клеменсомъ, слушалъ лекціи въ университетѣ, затѣмъ перешелъ въ Технологическій Институтъ, выйдя изъ котораго въ началѣ 1873 года, побѣхалъ въ Цюрихъ, гдѣ и сошелся съ Жебуневыми, Макаровичемъ, Кобиевымъ и Трудницкимъ. По возвращеніи въ Петербургъ Квятковскій не прервалъ своихъ сношеній съ Жебуневыми; по его собственнымъ словамъ, лѣтомъ того же года онъ ѣздилъ къ нимъ въ деревню, а въ октябрѣ 1873 года Трудницкій, какъ оказывается изъ показанія, давшаго имъ при дознаніи, пріѣзжалъ въ Петербургъ для совѣщаній съ Квятковскимъ, о результатѣ которыхъ и телеграфировалъ Николаю Жебуневу въ Одессу. Лѣтомъ 1874 года Тимофей Квятковскій появился въ селѣ Хотушахъ, Тульскаго уѣзда, гдѣ и была обнаружена его преступная дѣятельность. Въ означенномъ селѣ существовала артель слесарей, дѣла которой шли очень плохо; о существованіи этой артели и положеніи ея дѣлъ Тимофей Квятковскій узналъ случайно, какъ видно изъ его показанія, отъ какого-то рабочаго на Курской желѣзной дорогѣ въ то время, когда онъ, весной 1874 года, проѣзжалъ изъ Петербурга въ деревню къ Жебуневымъ. Въ виду состоявшагося между нимъ и его братомъ Александромъ соглашенія примѣнить на практикѣ ученія социалистовъ объ артеляхъ, Тимофей Квятковскій написалъ своему брату въ Петербургъ письмо, въ которомъ предлагалъ воспользоваться представившимся случаемъ и ѣхать въ Хотуши подержать артель. Александръ Квятковскій принялъ предложеніе брата и въ

апрѣлѣ или началѣ мая 1874 г. пріѣхалъ въ Хотуши, гдѣ и открылъ слесарную мастерскую, въ которую поступили: пріѣхавшій изъ Петербурга, вышедшій изъ Медико-Хирургической Академіи, сынъ купца, Иннокентій Павловъ Пьянковъ, помощникъ мѣстнаго сельскаго учителя, сынъ священника Дмитрій Павловъ Соколовъ и нѣсколько человѣкъ рабочихъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1874 года въ Хотуши пріѣхалъ Тимошей Квятковскій, который и принялъ все дѣло въ свое завѣдываніе, а нѣсколько позже пріѣхалъ нѣкто Александръ Антоновичъ, званіе и фамилія котораго остались необнаруженными. Работа въ мастерской производилась не на артельномъ началѣ, а на основаніяхъ задѣльной платы; всѣ рабочіе и, какъ зовутъ они Квятковскихъ, Пьянкова, Соколова и Александра Антоновича — хозяева жили вмѣстѣ, при чемъ послѣдніе ничѣмъ по образу жизни не отличались отъ рабочихъ и ѣли вмѣстѣ съ ними. Хозяева желали кормить рабочихъ скоромною пищею въ дни постовъ, уговаривали ихъ ѣсть скоромное и доказывали, что поститься не слѣдуетъ, какъ равно не нужно молиться Богу, въ доказательство чего читали и толковали мѣста изъ Евангелія, взявъ таковое у мѣстнаго священника. Въ бесѣдахъ съ рабочими всѣ обвиняемые говорили имъ, что землю надо силой отобрать у помѣщиковъ, что всѣ должны быть равны между собою, что платить податей не слѣдуетъ, и что царя не надо, а слѣдуетъ государя выбирать на три года и смѣнять его, если это окажется пужнымъ. (Обвиняемые читали рабочимъ въ подтвержденіе таковыхъ мыслей разныя книги, изъ которыхъ свидѣтели, по заглавію, запомнили только „Сказку о четырехъ братьяхъ“: читали и толковали всѣ хозяева, какъ это видно изъ показаній рабочихъ, объяснившихъ также, что хозяева находились съ кѣмъ-то въ перепискѣ и получали письма, писанныя не обыкновеннымъ образомъ, а цифрами. Первыми уѣхали изъ Хотушъ Александръ Квятковскій и Пьянковъ, затѣмъ уѣхали Соколовъ и Тимошей Квятковскій, а хозяиномъ остался Александръ Антоновичъ. Послѣ отъѣзда Тимошея Квятковскаго, когда Александръ Антоновичъ остался одинъ съ рабочими, то разъ какъ-то напоивъ всѣхъ рабочихъ пьяными, онъ самъ скрылся изъ Хотушъ. Дѣла мастерской шли плохо, и когда всѣ хозяева скрылись, то имущество мастерской и всѣ инструменты, принадлежавшіе не хозяевамъ, а рабочимъ, были заарестованы мѣстнымъ трактирщикомъ Федюнинымъ за долгъ мастерской по забору харчей, такъ что рабочимъ пришлось выкупать ихъ у Федюнина на свой счетъ. По показанію рабочихъ, участіе ихъ въ мастерской привело ихъ только къ полному разоренію. Какое значеніе имѣла слесарная, устроенная обвиняемыми, видно изъ показанія свидѣтеля Вознесенскаго, которому Пьянковъ самъ говорилъ, что она была устроена для пропаганды среди рабочихъ новыхъ идей. Тимошей Квятковскій, не отвергая устройства мастерской, деньги на которую были даны имъ и братомъ, виновнымъ себя не призналъ, равно какъ и Пьянковъ и Соколовъ, изъ которыхъ послѣдній былъ задержанъ въ гор. Вильнѣ подъ именемъ студента Кіевскаго Университета Тарловскаго. Тимошей Квятковскій, содержась подъ домашнимъ арестомъ въ гор. Тулѣ, бѣжалъ и былъ задержанъ подъ именемъ и со свидѣтельствомъ солдатскаго сына Полякова въ гор. Ковнѣ въ то время, когда онъ покушался пробраться за границу. Выше сего было указано, что Макаревичъ вмѣстѣ съ Чудновскимъ занимались ввозомъ въ Россію

изъ-за границы революціонныхъ книгъ. Такая дѣятельность означенныхъ лицъ была обнаружена слѣдующимъ образомъ: Староконстантиновскій еврей Мовша Шмулевичъ Сима, содѣйствуя проскурвовскому исправнику въ разысканіи лицъ, занимающихся ввозомъ въ Россію черезъ австрійскую границу запрещенныхъ книгъ, вошелъ въ Подволочискъ въ сношенія съ евреемъ Іосъ Эллеромъ (онъ же Канторъ), который и предложилъ ему участвовать въ перевозкѣ книгъ. Сима, дѣйствуя по порученію исправника, согласился и условился съ Эллеромъ, чтобы книги были доставляемы ему за пять верстъ отъ границы, при чемъ на образецъ получилъ отъ Эллера книгу „Исторію одного французскаго крестьянина“, которую и представилъ исправнику. Въ условленное время книги были доставлены въ назначенное мѣсто, но исправнику не удалось задержать лицъ, доставившихъ книги, и они, бросивъ таковыя, успѣли скрыться. Отобранныя исправникомъ книги были упакованы въ пяти тюкахъ, при чемъ на двухъ тюкахъ оказались слѣдующія надписи: на тюкѣ № 2 „Culaus Kadajski, Bahnbeamter, Podwoloczyska, Galizien“, а на тюкѣ № 4 „В. 2. Wien. Oesterreish. Josephstadt, Landsgasse No. 11. Th. 42. Hr. Tschoudnoffsky“; по вскрытіи тюковъ въ нихъ было найдено: 523 экземпляра «Исторіи одного французскаго крестьянина», 92 экземпляра журнала „Впередъ“, 490 экземпляровъ „О мученикѣ Николаѣ“, 3 экземпляра „Отшепенцовъ“, три тетради за 1870, 1871 и 1872 годы журнала „Volkswilie“, 85 экземпляровъ „Стеньки Разина“, 390 экземпляровъ „Чтой-то братцы“, 148 экземпляровъ „Пѣсенника“, 155 экземпляровъ „Вольнаго атамана Степана Тимошеевича Разива“, 2 экземпляра „Программы работниковъ“, 9 экземпляровъ „Правды“, 10 экземпляровъ „Правдивыхъ идей“ Шевченко, 12 экземпляровъ „Позѣи того же Шевченко, „Гражданская Война во Франціи“, „Позвія Іосифа Федьковича“, „Трудень ли выкупъ земли“, „Reden Bebel's“, „Das Leben Jesu“, „Herr Bastias-Schultze“ von Delitsch и Perissent, „Dieu et la pre traille“, послѣднія книги въ одномъ экземплярѣ. Вышеозначенныя книги, какъ Эллеръ объяснилъ Симѣ, подлежали доставкѣ въ городъ Одессу еврею Зейликовичу для передачи нѣкому Ивану Ивановичу, который еженедѣльно справлялся у Зейликовича о томъ, доставленъ ли товаръ. Прибывъ въ Одессу, Сима узналъ отъ Зейликовича, что къ сему послѣднему дѣйствительно нѣсколько разъ приходилъ какой-то господинъ справляться, прибылъ ли товаръ или письмо, при чемъ Зейликовичъ разспрашивалъ Симу, какой товаръ долженъ быть доставленъ, такъ какъ онъ замѣтилъ, что справлявшійся о товарѣ господинъ соблюдалъ какую-то таинственность. Черезъ нѣсколько дней, въ виду того, что къ Зейликовичу упомянутый господинъ не появлялся, Сима отправился въ Волочискъ къ Эллеру; между тѣмъ, во время пребыванія Симы въ Одессѣ, на его имя было получено въ Проскуровѣ отъ Эллера письмо на еврейскомъ языкѣ, въ которомъ Эллеръ извѣщалъ о полученіи двухъ интересныхъ для Симы писемъ изъ Одессы и Кишинева и совѣтовалъ Симѣ отправиться самому въ Одессу, въ виду предстоящей получки 230 руб. сер., при чемъ пояснилъ, что прибыло еще пять мѣшковъ муки и просилъ немедленно отвѣта по телеграфу. Сима отправился самъ, какъ сказано выше, въ Волочискъ, гдѣ Эллеръ сообщилъ ему, что адресъ Ивана Иванова можно узнать у Ка-

дайского, кассира на станции желѣзной дороги въ Подволочискѣ, что фамилія Иванова вымышленная и что скрывающееся подъ этой фамиліей лицо есть Василій Фишеръ, оставившій Эллеру свои документы и проживающій въ настоящее время по другому паспорту на имя Шварценберга, при чемъ и вручилъ Симиѣ вышеозначенныя документы, безъ которыхъ Фишеръ, не зная совершенно Симу, могъ бы ему и не повѣрить. Означенные документы оказались свидѣтельствами: а) 3-й С.-Петербургской гимназіи о выдержаніи Василіемъ Фишеромъ экзамена изъ предметовъ, преподаваемыхъ въ первыхъ трехъ классахъ сей гимназіи и б) провизора Пеля о занятіяхъ Василія Фишера въ аптекѣ Пеля, въ городѣ С.-Петербурѣ; эти документы, равно какъ и письмо Эллера, были впоследствии представлены Симою къ дѣлу. Кадайскій, къ которому Сима обратился за адресомъ Ивана Иванова, заявилъ сначала, что онъ ничего не знаетъ; но когда Сима объяснилъ ему, что у него имѣются документы Фишера, то Кадайскій далъ Симиѣ, во-1-хъ, адресъ, по которому надлежало писать въ Одессу, а именно: „Петру Семенову Вашенко, до востребованія“; во-2-хъ, адресъ нѣкоего Генриха Попича въ Одессѣ, къ которому Сима долженъ былъ обратиться за дальнѣйшими справками, и, въ-3-хъ, записку на имя какого-то Семенова, которую показать Попичу. Означенные документы были также впоследствии представлены Симою къ дѣлу. Приѣхавъ вторично въ Одессу, Сима отправился къ Попичу и показалъ ему письмо на имя Семенова. на что Попичъ заявилъ, что Семенова не знаетъ, а можетъ быть, узнать о немъ отъ другихъ, при чемъ разспрашивалъ Симу, зачѣмъ ему нуженъ Семеновъ и долго ли онъ, Сима, пробудетъ въ Одессѣ; при второмъ же посѣщеніи его, Сима, объявилъ окончателю сему послѣднему, что Семенова не знаетъ и совѣтовалъ письмо Кадайскаго бросить въ печку. Дня черезъ два послѣ такого отвѣта Попича явился къ Симиѣ неизвѣстный человѣкъ съ большою черною бородой и спросилъ, не онъ ли Іосъ Эллеръ? Послѣ довольно продолжительныхъ объясненій между Симою и пришедшимъ къ нему лицомъ было, наконецъ, условлено, что передача книгъ произойдетъ въ квартирѣ еврея, у котораго будто бы хранились привезенныя Симою книги, и что незнакомецъ явится въ 7 часовъ вечера къ Симиѣ, съ которымъ и отправится на квартиру означеннаго еврея. Въ назначенное время Сима вышелъ на улицу, гдѣ уже находились переодѣтые жандармы; вскорѣ явился и незнакомецъ, съ которымъ Сима сѣлъ на извозчика и поѣхалъ на Молдаванку; явившіеся съ незнакомцемъ два товарища его, изъ которыхъ одинъ былъ Макаревичъ, поѣхали сзади на другомъ извозчикѣ, но отстали и, какъ видѣли жандармы, отыскивали на Молдаванкѣ указанный имъ Симою домъ, а затѣмъ куда-то уѣхали. Незнакомецъ былъ привезенъ Симою въ квартиру унтеръ-офицера корпуса жандармовъ Семенова, гдѣ онъ и былъ арестованъ, при чемъ у него оказалась надѣтою фальшивая борода. Арестованное, такимъ образомъ, 27 января 1874 г., лицо, имѣвшее при себѣ деньги въ количествѣ 240 руб. сер., оказалось сыномъ купца 2-й гильдіи Соломономъ Лейзеровымъ Чудновскимъ. Чудновскій, неокончившій курса въ Новороссійскомъ Университетѣ и исключенный изъ Медико-Хирургической Академіи за безпорядки и подстрекательства къ онымъ, объяснилъ, что Сима, который былъ ему совершенно неизвѣстенъ, нѣсколько разъ на улицѣ предлагалъ ему купить

какія-то заграничныя книги, вслѣдствіе чего онъ, наконецъ, и рѣшился отправиться съ Симою посмотрѣть предлагаемыя симъ послѣдніе книги, при чемъ надѣлъ фальшивую бороду, опасаясь, чтобы неизвѣстные ему люди, съ которыми онъ могъ встрѣтиться при осмотрѣ книгъ, узнавъ его личность, не могли бы его скопрометировать. Также объясненіе Чудновскаго находить себѣ полное опроверженіе какъ въ томъ обстоятельствѣ, что одинъ изъ задержанныхъ около Волочиска тюковъ съ книгами оказался съ приведенною выше надписью: „Wien, Oesterreich, Josephstadt, Landsgasse No. 11 Tschoudnowsky“, такъ и въ дальнѣйшемъ показаніи Чудновскаго, изъ котораго оказывается: а) что Чудновскій въ первой половинѣ 1873 года жилъ въ Вѣнѣ въ Josephstadt, въ улицѣ, названіе которой начинается буквою L (Landsgasse, какъ объяснилъ послѣдствіемъ Чудновскій) въ домѣ № 11; б) что съ Попичемъ онъ знакомъ съ гимназической скамьи и в) что за границу онъ ѣздилъ черезъ Волочискъ и вернулся тѣмъ же путемъ. Независимо отъ сего, объясненіе Чудновскаго о томъ, что онъ Фишера никогда не зналъ и впервые услышалъ его фамилію при слѣдствіи, представляется ложнымъ въ виду показанія Василя Фишера, удостовѣрившаго, что онъ былъ на одномъ курсѣ съ Чудновскимъ и въ 1869 году ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ вагонѣ изъ Петербурга до Орла, куда онъ, Фишеръ, былъ высланъ за участіе въ студенческихъ беспорядкахъ, за что въ одно съ нимъ время былъ высланъ въ Одессу и Чудновскій. Относительно оказавшихся у Эллера документовъ Фишера сей послѣдній объяснилъ, что бросилъ таковыя какъ ненужныя, и не знаетъ, какииъ образомъ они попали къ Эллеру, самъ же онъ въ Волочискѣ никогда не былъ. По справкѣ въ книгахъ Волочискаго пограничнаго пункта оказалось, что Чудновскій выѣхалъ за границу 6 января 1873 года, а вернулся 31 іюля того же года. Петръ Макаревичъ, отвергая всякое участіе свое въ дѣлѣ ввоза въ Россію революціонныхъ книгъ, объяснилъ, что онъ въ тотъ вечеръ, когда былъ арестованъ Чудновскій, вовсе изъ дома не выходилъ, и что жандармы, вѣроятно, ошиблись, принявъ за него кого-нибудь другого. Хотя жена и родные Макаревича и подтвердили его объясненіе, но показанія этихъ лицъ, въ особенности жены Макаревича, которая сама принадлежала къ революціонному кружку, не могутъ служить опроверженіемъ показаній трехъ унтеръ-офицеровъ корпуса жандармовъ, удостовѣряющихъ, что именно Макаревичъ былъ однимъ изъ двухъ товарищей Чудновскаго, отправившихся на извозчикѣ на Моллаванку и знавшихъ Макаревича, потому что онъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи. Независимо отъ всего вышеизложеннаго, въ виду показанія сельскаго учителя Ивана Козманова, есть полное основаніе полагать, что Макаревичъ еще лѣтомъ 1873 года въ С.-Петербургѣ вмѣстѣ съ Степюшкинымъ занимался распространеніемъ революціонныхъ книгъ. По словамъ Козманова, проживавшаго на одной квартирѣ съ Иваномъ Павловымъ Степюшкинымъ, сей послѣдній въ началѣ мая 1873 года. предъ отъѣздомъ его, Козманова, изъ Петербурга въ Екатеринбургъ, обратился къ нему съ просьбою—сходить къ нѣкому Макаревичу, котораго Козмановъ до того времени не зналъ, взять у него книги и отвезти таковыя въ Екатеринбургъ крестьянину Короткову; исполняя просьбу Степюшкина, Козмановъ отправился по данному ему адресу къ Макаревичу, въ одну

изъ ротъ Измайловскаго полка, передалъ Макаревичу записку Стенюшкина и получилъ книги: „Слово вѣрующаго къ народу“, „Пѣсенникъ“ и программу журнала „Впередъ“, при чемъ Макаревичъ, вручая ему означенныя книги, ничего объ нихъ не говорилъ. По предъявленіи Козманову фотографической карточки Макаревича, онъ заявлялъ, что не можетъ положительно удостовѣрить, тотъ ли это Макаревичъ, который вручилъ ему вышепоименованныя книги, но что ему кажется, что это тотъ самый. Макаревичъ, отвергая вполне показаніе Козманова, объяснилъ, что въ указанное симъ послѣднимъ время онъ, Макаревичъ, не былъ даже въ Петербургѣ. Несмотря на такое заявленіе Макаревича, нельзя не придти къ заключенію, что Козманову книги были переданы именно Петромъ Макаревичемъ, такъ какъ Козмановъ ходилъ за книгами по просьбѣ Ивана Павлова Стенюшкина, работавшаго впоследствии, какъ было уже указано выше, въ кузницѣ Николая Жсбунева и принадлежавшаго вмѣстѣ съ Макаревичемъ къ одесскому революціонному кружку. Петръ Макаревичъ не только распространялъ изданныя уже революціонныя книги, но и самъ занимался составленіемъ сочиненій, пригодныхъ для преступныхъ цѣлей его кружка; такъ, при обыскѣ у дворянки Евгении Завадской была отобрана книга „Подлиновцы“ съ слѣдующею надписью, сдѣланною рукой Макаревича: „Завадская, не можете ли вы написать народную книжку „Гайдамаки“ по Мордовцеву. Главное условіе—удобопонятность и простота языка, сжатость и легкость изложенія. Если согласны, то напишите, есть ли у васъ „Гайдамаки“ Мордовцева: если есть, то постарайтесь начать эту работу поскорѣе“. Завадская отозвалась, что не помнитъ, отъ кого получила книгу „Подлиновцы“ и кѣмъ сдѣлана на этой книгѣ надпись, но Петръ Макаревичъ призналъ, что надпись сдѣлана имъ, и что онъ обращался къ Завадской съ изложенною въ этой запискѣ просьбой, потому что считалъ ознакомленіе народа съ историческими явленіями необходимымъ условіемъ поднятія его умственнаго развитія. Упомянутая выше сего Завадская проживала въ 1872 году въ Цюрихѣ и, по словамъ Петра Макаревича, была подругою его жены, въ то время дѣвicy Анна Розенштейнъ; въ то же самое время проживали въ Цюрихѣ и сестры Субботины, къ матери которыхъ, вдовѣ штабсъ-капитана Софьѣ Александровоу Субботиноу, въ село Бѣлолѣстное, Курской губерніи, Завадская пріѣхала лѣтомъ 1874 года съ цѣлью занять мѣсто учительницы въ школѣ, состоявшей подъ попечительствомъ Софьи Субботиноу. Въ селѣ Бѣлолѣстномъ Завадская прожила, однако, только недѣлю и, узнавъ, что ее разыскиваютъ, уѣхала отъ Субботиноу, но была задержана на станціи Прохорово Курско-Харьковской желѣзной дороги. при чемъ у нея была найдена шифрованная азбука и нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ находились: „Мятюха“, „Очерки фабричной жизни“ и сочиненіи Карла Маркса и Лассаля, а также адресъ Макаревича. По обыску въ помѣщеніи, которое Завадская занимала у Субботиноу, было найдено нѣсколько тенденціозныхъ книгъ. Завадская виновною себя ни въ чемъ не признала, но не подлежитъ сомнѣнію, что она, будучи хорошо знакома съ сестрами Субботиними, предавшими уже суду по обвиненію въ государственномъ преступленіи, вмѣстѣ съ ними принадлежала къ преступному сообществу, преслѣдовавшему революціонныя цѣли, доказательствомъ

чего служить какъ найденная у нея шифрованная азбука, такъ и показаніе крестьянина Ивана Чернова. По словамъ этого свидѣтеля, отозвавшая Завадскую изъ села Бѣломѣстнаго на станцію Прохорово. Завадская дорогою рассказывала ему, что жила въ чужихъ краяхъ, гдѣ „мужики собрались да и поимѣтили Царей“, при чемъ, указывая на непроезжую, по ея мнѣнію, трату правительствомъ денегъ, совѣтовала собраться вмѣстѣ и не платить податей. Остановившись для отдыха верстахъ въ 15 отъ станціи Прохорово, у отставнаго рядового Стрѣльникова, Завадская много говорила съ нимъ послѣднимъ и обѣщала прислать ему книги, а также написала записку, которою просила Чернова передать Субботиной; записка эта была представлена Черновымъ къ дѣду и оказалась слѣдующаго содержания: „1874 года 1-го сентября. Дорога была прекрасная. Я ею очень довольна. Не знаю, какъ у васъ отразился мой отлѣздъ, но сама я за дорогу много узнала и рассказала. Пришлите дѣду книгъ, да непременно пѣсню про Царя Ивана Васильевича. У меня много было ихъ“. Кроми Субботиныхъ и Макаревича, Завадская имѣла сношенія и съ другими лицами, привлеченными въ качествѣ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу. Такъ, по объясненію Трудницкаго, Сергѣй Жебуневъ рассказывалъ ему, что Завадская хотѣла читать народу лекціи соціальнаго содержанія и раздѣляла мнѣнія кружка Жебуневыхъ, самъ же Трудницкій, будучи сельскимъ учителемъ въ селѣ Кошарахъ, получилъ отъ Завадской письмо, въ которомъ она просила его о высылкѣ ей книгъ тенденціознаго содержанія и сообщала, что ей удалось пробудить въ одномъ молодомъ человѣкѣ желаніе работать для блага народа. Все вышеннеложенное не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ той цѣли, съ которой Завадская желала занять мѣсто сельской учительницы въ школѣ села Бѣломѣстнаго. Попечительница означенной школы Софья Субботина не только потворствовала преступнымъ намѣреніямъ Завадской, но и сама занималась революціонной пропагандой; такъ, по вопросу о преподаваніи въ школѣ Закона Божія Субботина отзывалась, что знать не хочетъ „важней испорченной религіи“, говорила о деспотизмѣ въ Россіи, о несправедливости въ судахъ и сочувственно относилась къ Нечасу, называя его невиннымъ мученикомъ: въ разговорахъ съ крестьянами Субботина проводила мысль, что съ нихъ берутъ слишкомъ большія подати, которыя затѣмъ тратятся непроезжимо правительствомъ, говорила крестьянамъ, что „Царь беретъ съ васъ подати и солдатъ, а вы, какъ овцы, и деньги даете, и въ солдаты идете;—скоро всѣ будутъ равны, купцы и господа будутъ мужиками . . . : что обидно платить правительству такія большія деньги, и что она пойдетъ войной на Царя, котораго и свергнетъ съ престола“. Независимо отъ сего, какъ доказано слѣдствіемъ, Субботина осмѣливалась произносить дерзкія, оскорбительныя слова противъ Государя Императора. По обыскамъ, произведеннымъ въ мнѣніяхъ Субботиной, Елецкомъ и Ново-Оскольскомъ уѣздахъ, было найдено нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, оглавленіе, вырванное изъ книги „Историческое развитіе интернаціонала“, и довольно обширная переписка, характеризующая направленіе Субботиной и лицъ, съ которыми она переписывалась. Изъ этой переписки, между прочимъ, видно: а) что нѣкто Костревскій, потерявшій, по его собственнымъ словамъ, „фіаско“ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ за свои отношенія къ инспектору

народныхъ училищъ, и называющій себя въ видѣ насмѣшки „благонамѣреннымъ народнымъ учителемъ“, обращался къ Субботиной съ предложеніемъ занять мѣсто учителя въ одной изъ школъ, состоявшихъ подъ ея попечительствомъ, при чемъ не хотѣлъ даже входить въ обсужденіе условій денежнаго вознагражденія, потому что, какъ онъ писалъ, „главный-то интересъ—дѣло и честный человѣкъ (т. е. Субботина), и б) что вѣкто Постииковъ, называющій себя въ одномъ письмѣ „пролетаріемъ“ и имѣвшій, по его словамъ, общую дѣль съ Субботиной — „высшую степень счастья для народа“, развивалъ предъ Субботиной свои убѣжденія, состоявшія, главнымъ образомъ, въ томъ, что для „счастія народа“ необходимо отнять землю у имѣющихъ таковую и надѣлить сю поровну всѣхъ людей. Софья Субботина, не признавая себя ни въ чемъ виновной, между прочимъ, объяснила, что найденныя у нея при обыскѣ книги она приобрѣла для школы. Посвятивъ себя революціонной дѣятельности и доведя своимъ потворствомъ всѣхъ трехъ дочерей своихъ до совершенія преступленій, Софья Субботина не остановилась и на этомъ; она не пощадила и свою воспитанницу дворянку Вѣру Шатилову, которая, руководимая Субботиной, усвоила себѣ ея направленіе и вмѣстѣ съ нею занялась революціонной пропагандой. Показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей доказано, что Вѣра Шатилова, посѣщавшая съ Субботиной школу и сельскіе сходы, а также волостной судъ, и побуждавшая крестьянъ завести ссудо-сберегательную кассу, сказала одному крестьянину: „я прошу у вашихъ стариковъ руки подъ каску (кассу); а когда дадутъ, то поверну ихъ воевать на Царя“, а другому читала прокламацію „Что-то братцы“. По обыску, произведенному у Шатиловой въ Петербургѣ, была найдена, между прочимъ, книга „Mémoire présenté par la Fédération Jurassienne“, а у Софьи Субботиной было отобрано письмо Шатиловой, въ которомъ послѣдняя, между прочимъ, писала: „чортъ знаетъ, не знаю, просто, что дѣлать. Мои петербургскіе знакомые боятся конфискаціи имущества, но вѣдь конфискація будетъ въ пользу родственниковъ. Это вѣрно“. При обыскѣ въ квартирѣ Шатиловой присутствовала и пришедшая къ Шатиловой въ гости дочь капитана Лидія Фигнеръ, преданная суду вмѣстѣ съ сестрами Субботинными по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Вѣра Шатилова, не признавая себя ни въ чемъ виновною и отказываясь дать какія-либо объясненія по содержанію вышеприведеннаго письма, показала, что прокламацію „Что-то братцы“ дѣйствительно читала одному крестьянину съ цѣлью посмотрѣть, какое она произведетъ на него впечатлѣніе. Такимъ образомъ, обстоятельства дѣла приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію, что Софья Субботина и Вѣра Шатилова имѣли чрезъ Евгенію Завадскую, сестеръ Субботинныхъ и Лидію Фигнеръ непосредственныя сношенія съ революціонными кружками, съ которыми, какъ по образу мыслей, такъ и по своей дѣятельности, онѣ были вполне солидарны. Весной 1874 года, какъ уже сказано выше, петербургскіе агитаторы двинулись въ народъ, при чемъ многие изъ нихъ, какъ-то: Коваликъ, Гриценковъ, Лементи-Македонъ, Иванъ и Клеопатра Блаватевичъ, Антовъ и Александръ Осиповичъ Лукашевичъ остановились въ Москвѣ, гдѣ и вошли въ сношенія съ мѣстными революціонными дѣятелями. Еще ранѣе прибыли скрывшіеся отъ преслѣдованія въ Петербургѣ Кравчинскій, Клеменъ и Шишко,

подъ вліяніємъ которыхъ московская молодежь, собиравшаяся преимущественно въ квартирѣ жены титулярнаго совѣтника Олимпіады Григорьевой Алексѣевой, перешла отъ теоретическихъ разсужденій о необходимости помочь народу выйти изъ его тяжелаго положенія—къ практическому рѣшенію идти въ народъ съ цѣлью возбужденія его къ возстанію и ниспроверженію существующаго государственнаго строя. Въ квартирѣ Алексѣевой, въ концѣ 1873 года, сталъ собираться кружокъ лицъ, принадлежавшихъ большею частью къ студенческой молодежи. По собственному показанію Алексѣевой, у нея бывали студенты университета: Николай Алексѣевъ Саблинъ, Исаакъ Константиновъ Львовъ (нынѣ умершій) и Константинъ Васильевъ Аркадакскій, а также студентъ Петровской Академіи Николай Михайловъ Аносовъ; впоследствии въ кружокъ Алексѣевой, какъ видно изъ ея показанія, вошли: воспитанникъ Московской гимназіи Николай Александровъ Морозовъ и студентъ Университета Иннокентій Александровъ Устюжниковъ, которымъ въ мартѣ 1874 г. были введены: забайкальскій казакъ Николай Ивановъ Глушковъ и товарищъ послѣдняго—нижеудинскій купецъ Дмитрій Николаевъ Сѣрышевъ. Около того же времени у Алексѣевой появились, по ея же словамъ, Кравчинскій и Клеменсъ, подъ фамиліями Ельцинскаго и Михайлова, и Шишко, подъ руководствомъ которыхъ кружокъ Алексѣевой быстро усвоилъ себѣ революціонное направленіе. По словамъ дворянина Дмитрія Дубенскаго, посѣщавшаго собранія у Алексѣевой, Кравчинскій рисовалъ ужасныя картины народныхъ страданій, говорилъ, что долгъ cadaго честнаго человѣка—жертвовать собою для народнаго дѣла, что для этой цѣли необходимо открыть мастерскія, изучить какое-либо ремесло и затѣмъ, надѣвъ рабочій костюмъ, идти въ народъ и вести революціонную пропаганду; такого рода воззрѣнія находили себѣ, по словамъ того же свидѣтеля, полное сочувствіе и поддержку въ Клеменсѣ, Алексѣевой и Саблинѣ. Квартира Алексѣевой скоро прерратилась въ сборный пунктъ для дѣятелей пропаганды; въ ней, какъ видно изъ показанія Алексѣевой, стали появляться прибывшіе изъ Петербурга агитаторы Коваликъ, Антовъ, Бладзевичъ и Грипенковъ и кромѣ того студенты Петровской Академіи Александръ Андреевъ Малиновскій и Михаилъ Гавриловъ Соловцовскій, членъ кіевскаго кружка Тетельманъ, бывший мировой судья Горидищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи, Порфирій Ивановъ Войваральскій и помѣщикъ Ярославской губерніи Александръ Иванчичъ-Писаревъ, а также, по удостовѣренію Клеопатры Бладзевичъ, и Рабиновичъ, т. е. лица, всѣ безъ исключенія изоблеченныя въ революціонной пропагандѣ. Лица, принадлежавшія къ кружку Алексѣевой, собирались нѣсколько разъ и въ квартирахъ: а) Константина Аркадакскаго, гдѣ съ нимъ познакомился братъ Константина, окончившій курсъ семинаріи Алексѣй Аркадакскій, б) Дмитрія Дубенскаго и в) въ тайной студенческой библіотекѣ, членомъ которой Дубенскій сдѣлался, по его показанію, чрезъ посредство Алексѣевой. Усвоивъ себѣ революціонное направленіе, кружокъ Алексѣевой рѣшилъ приступить къ устройству мастерской, что видно изъ показанія самой Алексѣевой, удостовѣрившей, что въ квартирѣ Дубенскаго толковали объ устройствѣ мастерской, которая могла бы служить средствомъ сближенія съ рабочимъ людемъ. Въ то самое время, когда въ кружкѣ Алексѣевой шли разсужденія о революціонной пропа-

гандѣ, въ средѣ студентовъ Петровской Академіи образовался революціонный кружокъ, членами котораго были студенты: Михайлъ Федоровъ Фроленко (скрывшійся), Алексѣй Егоровъ Знаменскій, упомянутые уже выше Аносовъ, Соловцовскій и Малиновскій, а также Цвѣтковъ и Дружининъ (умершіе). Еще въ 1873 году, какъ это видно изъ показанія Анны Васильевой Андреевой, у Фроленко и Аносова появились книги: „Стенька Разинъ“, „Слово вѣрующаго къ народу“ и „Рѣчь Кастеляра“, которыя они и порѣшили распространять въ народѣ въ возможно большемъ количествѣ, съ цѣлью подготовленія народа къ разрушенію существующаго государственнаго и общественнаго строя; по словамъ той же Андреевой, въ 1873 году къ Фроленко пріѣзжалъ изъ Петербурга Чарушинъ, сообщившій, что многіе изъ петербургскихъ студентовъ уже отправились на пропаганду, а въ концѣ того же года, въ квартирѣ Аносова и Фроленко, въ домѣ Бѣлоусова, на Дѣвичьемъ полѣ, Аносовъ, въ присутствіи Андреевой, читалъ нѣсколькимъ рабочимъ „Исторію одного французскаго крестьянина“—Шатріана. Въ 1874 году лица, принадлежавшія къ означенному кружку, какъ это видно изъ показаній Знаменскаго, Соловцовскаго и Малиновскаго, собирались нѣсколько разъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ, на дачѣ Ивакина, и рѣшили отправиться лѣтомъ въ народъ, вслѣдствіе чего и признали необходимымъ открыть мастерскія для подготовленія себя къ предстоявшей дѣятельности. Такимъ образомъ, какъ кружокъ Алексѣевой, такъ и кружокъ студентовъ Петровской Академіи приступилъ къ устройству мастерскихъ. Первая мастерская была открыта Фроленко въ квартирѣ его, въ домѣ Бѣлоусова, но просуществовала не долго и въ ней работали почти исключительно самъ Фроленко и Аносовъ; въ февралѣ Фроленко перенесъ свою мастерскую на Прѣсню, гдѣ работали, по ихъ собственнымъ показаніямъ, Знаменскій, Соловцовскій, Малиновскій, а также и Аносовъ, при чемъ, какъ удостовѣрилъ свидѣтель Андрей Кулябо, были приняты большія предосторожности для воспрепятствованія постороннимъ лицамъ входа въ мастерскую. Въ квартиру Фроленко и Аносова, на Прѣснѣ, явились по данному имъ адресу прибывшіе изъ С.-Петербурга Аитовъ и Лукашевичъ, какъ это видно изъ ихъ показанія, такъ какъ, по словамъ Лукашевича, они остановились въ квартирѣ на Прѣснѣ, а по удостовѣренію Аитова, въ означенной квартирѣ они познакомились съ Фроленко и Аносовымъ и видѣли въ ней Кравчинскаго и Шишко. Означенная мастерская, какъ видно изъ показаній Знаменскаго и Кулябо, была закрыта въ началѣ марта съ переездомъ Фроленко и Аносова въ новую квартиру, въ Большой-Благовѣщенскій переулочекъ, въ домѣ Петровой, при чемъ, по словамъ Кулябо, Фроленко и Аносовъ, поселившись въ домѣ Петровой, выдали себя за семинаристовъ и, какъ видно изъ дѣла, предъявляли для прописки свидѣтельства, выданныя изъ семинаріи студентамъ Петровской Академіи Александру Фадѣеву и Алексѣю Знаменскому. Въѣхавъ съ Фроленко и Аносовымъ въ домѣ Петровой жилъ крестьянинъ Тверской губерніи Шиловъ (скрывшійся), который, равно какъ и крестьянинъ Григорій Крыловъ (нынѣ умершій), поддавшись ученіямъ агитаторовъ, раздѣляли ихъ преступные замыслы и дѣйствовали съ ними заодно. Участіе Крылова и Шилова въ дѣятельности московскихъ агитаторовъ было обнаружено по слѣдующему

поблизости крестьянскія села Заборьева Тверскаго уѣзда. Арсѣій Гавриловъ, весной 1873 года, имея нужду въ деньгахъ, обратился за таковыми къ Крылову, часто забывавшему въ чайную лавку Гаврилова въ селѣ Заборьинѣ; Крыловъ обещалъ Гаврилову добыть ему денегъ и на Пасху привезъ къ нему Шилова, сказавъ, чтобы онъ, Гавриловъ, ѣхалъ съ Шиловымъ въ Москву, гдѣ и получить обещанные 400 руб. сер. По приѣздѣ въ Москву Шилонъ свелъ Гаврилова на какую-то квартиру, гдѣ Гавриловъ встрѣтилъ нѣсколькихъ неизвѣстныхъ ему лицъ, изъ которыхъ одинъ, толстый и черныи, предложилъ Гаврилову выстроить на Волгѣ, верстахъ въ 35-ти отъ Твери, домъ и открыть въ немъ торговлю, какую онъ только захочетъ, отъ чего Гавриловъ отказался, подозревая, что въ этомъ предложеніи кроется что-то недоброе. Подозрѣніе Гаврилова было вполне основательно, такъ какъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что Аносовъ, Фроленко и нѣкоторые промышленники имели намереніе устроить въ домѣ Гаврилова притонъ для агитаторовъ. При дознаніи Гавриловъ указалъ какъ домъ, такъ и квартиру, въ которую его привелъ Шилонъ, при чемъ домъ оказался въ Благовѣщенскомъ переулкѣ, принадлежащій Петрову, а квартира тою самою, въ которой жили Фроленко и Аносовъ; по справкѣ же, наведенной въ полицейскіе домовые книги, оказалось, что по дому Петрова дѣйствительно были прописаны виды Фадѣева и Знаменскаго. Въ означенной квартирѣ Аносова и Фроленко мастерской не было; таковая помѣщалась, по удостовѣренію свидѣтельницы Лизуновой и Кулабки, въ домѣ Нестерова, противъ дома Петрова. Это была мастерская, устроенная Войнаральскимъ, въ которую и былъ перенесенъ верстакъ Аносова и др. Мѣшанинъ Профирій Войнаральскій въ 60-хъ годахъ былъ исключенъ изъ числа студентовъ Московскаго университета за участіе въ университетскихъ беспорядкахъ и высланъ подъ надзоръ полиціи въ Архангельскую губернію. Освобожденный изъ-подъ надзора въ 1873 году, Войнаральскій вскорѣ послѣ того былъ избранъ въ должность мирового судьи въ Городищенскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи. Въ октябрѣ 1873 года Войнаральскій отправился, по его собственному показанію, въ Петербургъ, съ цѣлью познакомиться съ тамошней молодежью, а въ декабрѣ того же года былъ уже знакомъ съ нѣкоторыми изъ главныхъ дѣятелей революціонной пропаганды, а именно съ Кравчинскимъ и Рогачевымъ, изъ коихъ первому онъ передалъ документы нѣкоего Свиридова, съ которыми Кравчинскій и проживалъ некоторое время у студента Овсянникова въ Казани, а второй въ это время состоялъ у него письмоводителемъ, подъ именемъ семинариста Василія Петрова Осипова. Побывавъ въ февралѣ 1874 года въ Москвѣ и познакомившись съ кружкомъ Аносова и Фроленко, Войнаральскій рѣшилъ открыть мастерскую, о чемъ, возвратясь въ Городище, и сообщилъ своей женѣ Надеждѣ Павловой, какъ это видно изъ показанія сей послѣдней. Послѣ того, какъ выборъ Войнаральскаго на должность мирового судьи не былъ утвержденъ Правительствующимъ Сенатомъ, Войнаральскій уѣхалъ съ женой въ Москву, оставивъ въ Пензѣ Рогачева; изъ Москвы, оставивъ жену въ Петровскомъ-Разумовскомъ, на дачѣ Ашиткова, въ квартирѣ дворянина Ивана Селиванова, Войнаральскій уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, чрезъ свою знакомую акушерку Анну Тушинскую, познакомился съ дѣвницей Евгеніей Судзиловской, которую и пригласилъ

въ Пензу для веденія пропаганды подъ видомъ продавальщицы въ устроенной имъ лавкѣ. Возвратившись въ Москву, Войнаральскій, просившій предъ своимъ отъѣздомъ Фроленко чрезъ Андрея Кулябко о присканіи квартиры для мастерской, нашель таковую уже нанятою; однако, квартира, найденная Фроленко, оказалась неудобною, въ особенности потому, что около нея стоялъ городской, и мастерская была переведена въ домъ Нестерова, а оставленную квартиру завали Фроленко и Аносовъ. Между квартирой послѣднихъ и мастерскою установилось постоянное сообщеніе, которое по возможности старались скрывать; вслѣдствіе требованія дворникомъ прописки паспортовъ, Войнаральскій недѣли черезъ двѣ оставилъ домъ Нестерова и перенесъ мастерскую на Бутырки, гдѣ кромя столярной была заведена еще и башмачная мастерская, въ которой обучалъ подмастерье Юганъ Пелькоенъ, приведенный Селивановымъ. Въ мастерскихъ на Бутыркахъ бывали, по словамъ Кулябко, Знаменскій, Соловцовскій, Фроленко, Аносовъ, Саблинъ, Исаакъ Львовъ, а также лицо, въ которомъ Кулябко нашель сходство съ Клеменсомъ; въ этихъ же мастерскихъ работали Антовъ и Лукашевичъ, отправившіеся изъ квартиры Фроленко въ народъ и приведенные, по словамъ Антова, по возвращеніи своемъ въ мастерскую Войнаральскаго, Фроленко, котораго они встрѣтили на улицѣ. По объясненію Антова, онъ видѣлъ въ мастерской на Бутыркахъ Кравчинскаго и Клеменса. Въ мастерской, по удостовѣренію Кулябко, Войнаральскій повѣсилъ на стѣнѣ сумку, въ которой было 400 или 500 руб. сер., каковыми деньгами каждый изъ посѣщавшихъ мастерскую могъ пользоваться безотчетно. Изъ книгъ Кулябко видѣлъ въ мастерской нѣсколько экземпляровъ «Отщепенцевъ», а по словамъ Знаменскаго, кромя того были еще «Впередъ», «Стенька Разинъ» и «Исторія одного французскаго крестьянина». Открывъ мастерскую, самъ Войнаральскій работалъ мало: онъ въ это время былъ большею частью въ разъѣздахъ; по показанію Антова, ходилъ съ нимъ въ народъ, а также велъ большую переписку, получая письма чрезъ студента Хорькова, въ Петербургѣ. Между тѣмъ, въ апрѣлѣ въ мастерской былъ арестованъ Исаакъ Львовъ, послѣ чего мастерская тотчасъ же была закрыта. Непосредственно за закрытіемъ мастерской на Бутыркахъ кружокъ Алексѣевой открылъ свою башмачную мастерскую на Спиридоновкѣ, въ домѣ Цемшъ, въ квартирѣ одного изъ своихъ членовъ Николая Иванова Глушкова, рѣшившагося, по его собственному показанію, на открытіе мастерской вслѣдствіе доводовъ Устюжанинова о необходимости революціи. По удостовѣренію Дмитрія Дубенскаго, въ мастерской Глушкова бывали: Кравчинскій, Алексѣева, Саблинъ, Морозовъ, Сѣрышевъ, оба Аркадакскіе, а также Антовъ, что подтвердилъ и сей послѣдній. Просуществовавъ дня три или четыре, мастерская, по показанію Глушкова, была, изъ опасенія полиціи, перенесена на Плющиху, въ домъ Печковскаго, гдѣ работали тѣ же лица, что и въ домѣ Цемшъ, кромя Антова, а руководителемъ работъ былъ Пелькоенъ. Но эта мастерская недѣли двѣ спустя была оставлена, и московскіе агитаторы, считая себя достаточно подготовленными къ практической дѣятельности, стали отправляться на пропаганду. Между тѣмъ изъ Петербурга пріѣхали отправлявшіеся въ народъ агитаторы: Коваликъ, Гриценковъ, Блаждевичъ, Лемени-Македовъ, а также прибылъ Рабиновичъ. Изъ нихъ

Рабиновичъ получилъ, по его словамъ, отъ Войнаральскаго чрезъ Аркадакскаго 300 руб. сер. и нѣсколько паспортныхъ бланковъ, съ которыми и уѣхалъ въ Петербургъ; Блаждевичъ и Лемени-Македонъ пристали къ Войнаральскому, а Коваликъ съ Гриценковымъ занялись пропагандою между студентами Петровской Академіи. По показанію Гриценкова, Коваликъ, имѣвшій отъ кого-то рекомендательное письмо къ одному изъ студентовъ названной Академіи, отправился съ нимъ, Гриценковымъ, въ Петровское-Разумовское, но не заставъ лица, которому письмо было адресовано, оставилъ такое одному изъ студентовъ для передачи его по принадлежности. Означенное письмо, какъ видно изъ показанія студента Петровской Академіи Бердникова, было адресовано товарищу его Леонтовичу (нынѣ умершему) и писано ихъ общимъ знакомымъ Волковымъ, рекомендовавшимъ Лукашевича. Отправившись на другой день къ Лукашевичу, Бердниковъ и Леонтоновичъ застали въ квартирѣ его неизвѣстное лицо, тоже пріѣхавшее изъ Петербурга, — Гриценкова, признавашаго, что онъ видѣлъ въ квартирѣ Ковалика двухъ студентовъ Петровской Академіи, — которое въ разговорѣ съ ними объяснило о своемъ намѣреніи идти въ народъ и «соединять его въ группы для протеста противъ существующаго государственнаго и общественнаго строя». Вскорѣ затѣмъ пришелъ и Лукашевичъ, говорившій о томъ же. На слѣдующій день Лукашевичъ съ своимъ товарищемъ Гриценковымъ былъ у Леонтовича, гдѣ Бердниковъ далъ ему, по его просьбѣ, рекомендательное письмо къ студенту Казанскаго университета Овчинникову, и гдѣ Лукашевичъ, въ присутствіи нѣсколькихъ студентовъ, доказывалъ, что «именно теперь надо идти въ народъ и поднимать его противъ существующаго строя». Вскорѣ затѣмъ Коваликъ, видѣвшійся въ Москвѣ, по словамъ Гриценкова, съ Ельцинскимъ и Михайловымъ (Кравчинскимъ и Клеменсомъ), а вмѣстѣ съ нимъ и Гриценковъ, уѣхали въ Ярославль. Почти одновременно съ закрытіемъ мастерской Войнаральскій приступилъ къ новому дѣлу, а именно — къ печатанію запрещенныхъ и революціонныхъ книгъ въ типографіи Мышкина, о чемъ будетъ изложено ниже. Сотрудниками Войнаральскаго на этомъ новомъ поприщѣ его дѣятельности изъ лицъ, принадлежащихъ къ кружкамъ Алексѣевой и студентовъ Петровской Академіи, явились Малюновскій, Соловцовскій и Иванъ Селявановъ, всѣ же прочіе, равно какъ и присоединившіеся къ нимъ, пріѣхавшіе изъ Петербурга революціонные дѣятеля, ушли въ народъ. Аносовъ съ Литовымъ отправились въ Нижній-Новгородъ, гдѣ уже находились Тепловъ, Нефедовъ, Усачевъ и Ооминъ; Александръ Осиповъ Лукашевичъ тоже пріѣхалъ въ Нижегородскую губернію и поселился въ селѣ Павловѣ. Первыми прибыли въ Нижній не останавливавшіеся почти въ Москвѣ — Тепловъ и Нефедовъ; по прибытіи въ Нижній, означенныя лица немедленно отправились, по ихъ собственнымъ показаніямъ, къ Холтурину и спросили у него адресъ Ливанова, къ которому ихъ и проводилъ бывшій у Холтурина крестьянинъ Николай Федоровъ Ваткинъ. Ливановъ, прочитавъ записку Купріянова, поданную ему Тепловымъ и Нефедовымъ, сталъ разспрашивать сихъ послѣднихъ о своихъ петербургскихъ знакомыхъ: дворянинѣ Львѣ Городецкомъ и студентѣ Медико-Хирургической Академіи Чернышевѣ. Тепловъ и Нефедовъ рассказали Ливанову и проживавшимъ

съ нимъ на одной квартирѣ семинаристамъ, въ числѣ которыхъ былъ Граціановъ, о движеніи, проявившемся среди петербургской молодежи, и о появленіи революціонныхъ книгъ, при чемъ, по просьбѣ присутствовавшихъ, Тепловъ, какъ это видно изъ его показанія, написалъ въ Петербургъ письмо о присылкѣ книгъ, адресовавъ такое на имя Емельянова, не полагая, однако, чтобы сей послѣдній могъ прислать просимыя книги. Изъ разговоровъ Ливанова и проживавшихъ вмѣстѣ съ нимъ лицъ Тепловъ вынесъ, по его собственнымъ словамъ, убѣжденіе, что въ Нижнемъ-Новгородѣ существуетъ кружокъ, руководимый Ливановымъ, который усвоилъ себѣ революціонное направленіе и стоялъ за пропаганду. Пробывъ одинъ день въ квартирѣ Ливанова, Тепловъ и Нефедовъ, какъ видно изъ ихъ показаній, ходили въ Балахну искать работы, но, не найдя таковой, вернулись въ Нижній, гдѣ поселились на квартирѣ братьевъ Серебровскихъ: Владиміра—семинариста и Павла—воспитанника арзамасскаго духовнаго училища. По словамъ Теплова, квартиру Серебровскихъ часто посѣщали Ливановъ, Виткинъ и другіе семинаристы, но сходокъ никакихъ не было, впоследствии же Ливановъ хотѣлъ устроить такыя и заявилъ однажды Теплову, что какъ ему, такъ и другимъ хотѣлось бы, чтобы Тепловъ или Нефедовъ прочли какой-нибудь рефератъ, доказывающій необходимость идти въ народъ для пропаганды революціи. Тепловъ, исполняя желаніе Ливанова, написалъ, какъ это видно изъ его показанія, рефератъ, въ которомъ доказывалъ лишь необходимость ознакомленія съ условіями жизни народа, каковой рефератъ не вызывалъ къ себѣ, по словамъ Теплова, никакого сочувствія. Вскорѣ затѣмъ прибыли Усачевъ и Оминъ, пришедшіе, какъ это оказывается изъ ихъ показаній, пѣшкомъ изъ Москвы чрезъ Рыбинскъ, Ярославль, Кострому и Кинешму; по словамъ Усачева, онъ и Оминъ, во время своего путешествія, въ разговорахъ съ крестьянами говорили имъ, что воинская повинность не принесетъ никакой выгоды крестьянамъ, а напротивъ того, окажется для нихъ тяжелѣе прежняго порядка и проводила параллель между нищетою народа и роскошью двора. Оминъ и Усачевъ тоже обратились къ Холтурину за адресомъ Ливанова, застали послѣдняго у Холтурина и были имъ самимъ отведены на его квартиру, гдѣ и проживали нѣкоторое время, а затѣмъ переселились въ квартиру Серебровскихъ, куда переѣхалъ, по словамъ Теплова, и Ливановъ. По объясненію Омина, въ квартирѣ Серебровскихъ говорилось, что надо идти въ народъ и проповѣдывать анархію, каковое мнѣніе подтвердилось и Тепловымъ, а также и пріѣхавшимъ впоследствии Антовымъ; такое показаніе Омина находитъ себѣ подтвержденіе и въ объясненіи Нефедова о томъ, что у Серебровскихъ собирався два раза семинаристы, которымъ Тепловъ читалъ написанную имъ статью о томъ, какиимъ долженъ быть пропагандистъ и „въ какой формѣ всего удобнѣе вести пропаганду“. Такимъ образомъ, показаніе Теплова о содержаніи составленнаго имъ реферата и о происходившемъ на сходкахъ въ квартирѣ Серебровскихъ представляется не вполне согласнымъ съ истиною, что подтверждается и дальнѣйшими собранными слѣдствіемъ свѣдѣніями о дѣятельности нижегородскаго революціоннаго кружка, основаннаго Ливановымъ. Сынъ священника Александръ Ивановъ Ливановъ былъ нѣкоторое время студентомъ Технологическаго Института, но вышелъ изъ

такового въ началѣ 1873 г., ѣздилъ въ Нижній, а затѣмъ въ Харьковъ съ цѣлю поступленія въ ветеринарный институтъ, но не выдержалъ экзамена и вернулся въ Петербургъ. Въ числѣ знакомыхъ Ливанова были, какъ указано уже выше, Городецкій, студентъ Медико-Хирургической Академіи Чернышевъ, а также, какъ это видно изъ показанія мѣщанинъ Горностаевой, Сердюковъ, Чарушинъ и Гауэнштейнъ; подъ вліяніемъ означенныхъ лицъ, Ливановъ проникся революціоннымъ направленіемъ и въ концѣ 1873 г. уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и занялся пропагандою. По удостовѣренію свидѣтеля Холтурина, Ливановъ говорилъ ему, что онъ вполне раздѣляетъ мнѣнія Бакунина, что имъ изъ Петербурга привезено много хорошихъ книгъ, и что онъ намѣренъ устроить литературные вечера съ цѣлю ознакомленія семинаристовъ съ неизвестными имъ явленіями общественной жизни. Впослѣдствіи Холтуринъ слышалъ, что Ливановъ дѣйствительно читалъ запрещенныя сочиненія въ квартирахъ семинариста Граціанова (гдѣ жилъ и Ливановъ) и Серебровскаго; въ мартѣ же 1873 г. въ Нижній къ Ливанову стали появляться студенты Тепловъ, Авосовъ, Антовъ, Лукашевичъ и др., о которыхъ Ливановъ говорилъ Холтуруину, что они оставили учебныя заведенія и ушли въ народъ съ цѣлю убѣдиться, дѣйствительно ли положеніе народа таково, какимъ его описываютъ. Ливановъ старался, по словамъ Холтурина, внушать ученіе Бакунина всѣмъ лицамъ, съ которыми ему приходилось сближаться: такъ, Ливановъ повліялъ на семинариста Александровскаго (нынѣ умершаго), который отправился въ село Павлово и занялъ тамъ мѣсто писмоводителя складочной артели, а самому Холтуруину Ливановъ передалъ сочиненія Бакунину: „Отщепенцы“, „Слово вѣрующаго къ народу“, „Гражданскую войну во Франціи“,— послѣднюю книгу Ливановъ передалъ Холтуруину съ цѣлю оправдать въ его глазахъ членовъ парижской коммуны, оказавшихъ, по словамъ Ливанова, великую услугу человечеству. Пропаганда Ливанова повліяла на нѣкоторыхъ лицъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ составила революціонный кружокъ, въ составъ котораго вошли семинаристы: Граціановъ, Александровскій, В. Серебровскій, Духовской и крестьянинъ Николай Биткинъ. Показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей удостовѣрено, что на сходкахъ Ливановъ читалъ сочиненія Бакунина „Стенку Разина“, „Отщепенцы“, „Исторію одного французскаго крестьянина“ и рефератъ, въ которомъ доказывалась необходимость пропаганды. Комментируя прочитанное, Ливановъ указывалъ на бѣдственное положеніе народа и убѣждалъ идти въ народъ—возбуждать его къ возстанію противъ правительства съ цѣлю уничтоженія монархическаго образа правленія. Биткинъ и Серебровскій раздѣляли мнѣнія Ливанова, но самыми горячими приверженцами его были Граціановъ и Духовской, изъ которыхъ послѣдній чрезъ землемѣра Милоглазина получалъ изъ Петербурга подъ видомъ инструментовъ революціонныя книги. Изъ показаній тѣхъ же свидѣтелей оказывается, что Ооиминъ и Усачевъ явились въ Нижній въ качествѣ пропагандистовъ, идущихъ въ народъ съ цѣлю возмущенія его, и что Нефедовъ и Тепловъ принимали участіе въ дѣлахъ кружка, при чемъ Нефедовъ говорилъ мало, а Тепловъ много и энергично. По словамъ одного свидѣтеля, Тепловъ на словахъ и въ написанномъ имъ рефератѣ рѣшительно доказывалъ необходимость идти въ

народъ для пропаганды возмущенія противъ Царя и притѣсненій привилегированныхъ классовъ, при чемъ рѣчи Теплова были такъ увлекательны, что дѣйствовали сильно даже на Ливанова, поступленіе котораго въ столярную мастерскую свидѣтель приписывалъ вліянію Теплова. Изъ членовъ кружка Граціановъ не призналъ себя виновнымъ, остальные же—Биткинъ, В. Серебровскій и Духовской не отрицали своей виновности, подтвердили сущность изложенныхъ выше свидѣтельскихъ показаній, при чемъ Биткинъ объяснилъ, что предъ отъѣздомъ своимъ въ Нижняго передалъ свой видъ на жительство Теплому, который при его участіи, по образцу приложенной къ свидѣтельству печати, вырѣзалъ таковыя изъ мѣла, что подтвердилъ и Тепловъ, а Духовской удостовѣрилъ, что дѣйствительно получилъ отъ Милоглазкина, подъ видомъ инструментовъ, запрещенныя книги, въ числѣ которыхъ были: „Государственность и Анархія“, „Исторія развитія интернаціонала“, „Отщепенцы“ и др., которыя онъ и давалъ читать другимъ липамъ. По словамъ Теплова, артиллеристы послали въ Петербургъ по адресу Измайловой шифрованное письмо, въ отвѣтъ на которое, вѣроятно, Ободовская обратилась къ нимъ съ просьбою не увѣзжать изъ Нижняго; появившіеся затѣмъ въ Нижнемъ Антовъ и Аносовъ объяснили Теплому причину такой просьбы, сообщивъ, что въ Москвѣ „было рѣшено направить всѣ силы на Уралъ“. Тотчасъ послѣ прибытія Антова и Аносова, Тепловъ отправился съ Аносовымъ въ село Павлово, гдѣ, по показанію Теплова, Александровскій ходилъ съ ними по мастерскимъ и, между прочимъ, какъ видно изъ показаній Николая Алексѣева Личадѣва, привелъ ихъ къ сему послѣднему, у котораго, по словамъ Теплова, онъ и Аносовъ купили рублей на 13 замковъ и пожей, при чемъ, какъ объяснилъ Личадѣвъ, одинъ изъ покупателей далъ ему для прочтенія книжку—„Исторію одного французскаго крестьянина“, найденную у Личадѣва при обыскѣ. При предъявленіи Личадѣву Аносова и Теплова, онъ объяснилъ, что не можетъ сказать, они ли или другія лица были приведены къ нему Александровскимъ; Тепловъ же призналъ, что Личадѣвъ похожъ на лицо, у котораго онъ съ Аносовымъ покупали стальныя издѣлія, но отвергъ передачу Личадѣву книги. По возвращеніи Аносова и Теплова въ Нижній, Тепловъ съ Антовымъ поѣхали въ Орель къ Меликову, основателю „богочеловѣческой“ религіи; изъ Орла Антовъ, съ цѣлью познакомиться съ сектою воздыханцевъ, отправился въ Калугу, гдѣ и былъ задержанъ, а Тепловъ, по его показанію, вернулся въ Нижній, гдѣ засталъ только Ливанова и Аносова, вскорѣ затѣмъ отправившихся въ Самару, послѣ чего пошелъ пѣшкомъ въ Орель, заходя по дорогѣ къ Биткину въ село Богородское и къ Александровскому въ село Павлово. Въ Муромѣ Тепловъ былъ арестованъ, при чемъ у него были, между прочимъ, отобраны выписки изъ Св. Писанія, служившія, по мнѣнію Теплова, подтвержденіемъ мысли о необходимости революціи. Несмотря на сдѣланное Тепловымъ при арестованіи его заявленія о томъ, что онъ никакихъ властей не признаетъ, онъ былъ тѣмъ не менѣе отпущенъ и направился въ Орель къ Меликову, а оттуда къ сестрѣ, въ Данковскій уѣздъ, гдѣ онъ и былъ вновь задержанъ и куда Емельяновъ, по его просьбѣ, высылалъ ему его документы вмѣстѣ съ документами Антова. Нефедовъ, по его собственнымъ словамъ, послѣ отъѣзда Антова и Теплова

ходить искать работы въ Арзамасъ, но не найдя таковой, вернулся въ Нижній, откуда вмѣстѣ со случайно встрѣченнымъ знакомымъ своимъ, вѣскимъ Жуковымъ, отправился въ Павлово къ Александровскому. Последній для ночлега привелъ Нефедова и Жукова къ крестьянину Перчанкину, по удостовѣренію котораго Нефедовъ, равно какъ и его товарищъ, въ разговорахъ доказывали плохое положеніе рабочихъ, съ которыхъ власти берутъ даже послѣднее, при чемъ внушали, что рабочимъ и крестьянамъ слѣдуетъ отказаться отъ уплаты податей и не робѣть даже предъ военною силою, такъ какъ рабочіе и крестьяне несравненно больше, чѣмъ солдаты. По словамъ Перчанкина, Нефедовъ и его товарищъ посоветовали ему прочесть книгу „Исторію одного французскаго крестьянина“, въ которой онъ найдетъ подтвержденіе всего высказаннаго ими, и пояснили, что означенную книгу онъ можетъ получить отъ Александровскаго, который черезъ нѣсколько дней и передалъ ему такую въ домѣ Личадѣва. Повидавшись у Перчанкина съ крестьяниномъ Коркинымъ (Лукашевичемъ), Нефедовъ отправился къ своему отцу, а затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ былъ арестованъ. Послѣ отъѣзда изъ Нижняго Тешлова и Автова Усачевъ и Оминъ отправились въ Оренбургъ, гдѣ встрѣтили Голоушева и Аранзона. Изъ Оренбурга Оминъ поѣхалъ въ Петербургъ съ Аранзономъ, но дорогою въ Нижнемъ былъ задержанъ, при чемъ у него было отобрано письмо отъ Емельянова (подписанное Евкубѣ) и сакъ-воажъ съ съ вещами Аранзона; Усачевъ же отправился къ роднымъ и поступилъ вольноопредѣляющимся въ 21-ю артиллерійскую бригаду, но вскорѣ затѣмъ былъ арестованъ. Тешловъ призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ сообществу, составившемуся для противозаконныхъ цѣлей, а Нефедовъ, Автовъ, Усачевъ и Оминъ виновными себя не признали. Нижегородскій кружокъ, какъ видно изъ всего вышензложеннаго, имѣлъ въ лицѣ Александровскаго своего постоянного агента въ селѣ Павловѣ, гдѣ также поселился пріѣзжавшій изъ Москвы Александръ Осиповъ Лукашевичъ. Последній, по показанію Личадѣва, поступилъ къ нему въ качествѣ рабочаго, но проработавъ нѣсколько дней перешелъ въ плотничную артель крестьянина Данилова, что подтвердилъ и Лукашевичъ, пояснившій, что въ с. Павловѣ онъ проживалъ по паспорту крестьянина Александра Петрова Коркина. Какъ Александровскій, такъ и Лукашевичъ вошли въ близкія отношенія съ Личадѣвымъ, который подъ ихъ влияніемъ и усвоилъ себѣ революціонное направленіе. Когда жандармскій офицеръ прибылъ для производства обыска въ домъ Личадѣва, братъ послѣдняго сдѣлалъ попытку вынести изъ дома книги: „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“ Флеровскаго, „Азбуку социальныхъ наукъ“ и нѣсколько томовъ сочиненій Добролюбова и Писарева; Личадѣвъ же на вопросъ, есть ли у него „Исторія одного французскаго крестьянина“ отвѣтилъ отрицательно. По произведенному вслѣдъ за сими обыску, упомянутая книга была найдена подъ подушкой въ люлькѣ ребенка Личадѣва и кромѣ того были найдены книги: „Очерки фабричной жизни“, „Пролетаріатъ во Франціи“, „Рабочіе союзы въ Англіи“, „Парижъ и революція 2-го декабря 1851 г.“, „Политическія движенія русскаго народа“, „Дѣдушка Егоръ и Митюха“. Относительно отобраннаго по обыску письма, подписаннаго „Алексѣй Петровъ“, Личадѣвъ объяснилъ, что ему неизвѣстно, ни—къмъ таковое пи-

сано, ни—кто упоминаемыя въ ономъ лица (Павель и Александръ Ивановичъ), пи—къмъ отрѣзана верхняя половина листа означеннаго письма. Между тѣмъ изъ показанія Лукашевича оказывается, что письмо было писано имъ и что упомянутыя въ немъ лица—Александровскій и Ливановъ. Личадѣвъ ни въ чемъ себя виновнымъ не призналъ. Въ числѣ членовъ нижегородскаго кружка, посѣщавшихъ село Павлово, былъ и Биткинъ, который, какъ видно изъ показанія Перчанкина, подтвержденнаго самимъ Биткинымъ, передалъ Перчанкину рукописную „Программу международного общества рабочихъ“; означенную программу Биткинъ вручилъ Перчанкину, вслѣдствіе вопроса послѣдняго о томъ, какими образомъ могутъ рабочіе выйти изъ того дурнаго положенія, о которомъ рассказывалъ Биткинъ. Въ іюлѣ Лукашевичъ переселился изъ с. Павлова въ Нижній-Новгородъ, куда вскорѣ прибыли, по показанію Владиміра Серебровскаго, Александровскій и Милоглазкинъ, тоже ходившій въ народъ. Означенныя три лица, по словамъ Серебровскаго, рѣшили ѣхать въ Москву, для чего Александровскій и Лукашевичъ, при содѣйствіи его, В. Серебровскаго, составили себѣ фальшивыя виды на жительство, первый—на имя Введенскаго, а второй—на имя Покровскаго. 16 августа Александровскій, Лукашевичъ и Милоглазкинъ уѣхали въ Москву, гдѣ и поселились въ Козицкомъ переулкѣ, при чемъ первые двое предъявили въ полицію составленные ими фальшивыя виды на жительство. 17-го августа въ квартирѣ Серебровскихъ былъ произведенъ обыскъ, по которому было найдено значительное количество книгъ по рабочему вопросу и народныхъ рассказовъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, карты разныхъ губерній, крестьянское платье, семинарское свидѣтельство Александровскаго и кошель съ ножами павловскаго издѣлія, принесенными, по словамъ Серебровскаго, изъ Павлова Тепловымъ и Аносовымъ, и съ которыми, по его же удостовѣренію, ходилъ въ народъ въ Макарьевскій уѣздъ Ливановъ. На другой день послѣ обыска въ квартирѣ Серебровскихъ, т. е. 18-го августа, въ Нижнемъ-Новгородѣ было получено на имя Владиміра Серебровскаго письмо съ петербургскимъ почтовымъ штемпелемъ, отъ 16-го числа того же мѣсяца. Означенное письмо, подписанное „твоя Раскольниковъ“, было выдержано на огнѣ, при чемъ обнаружилось, что между строкъ письма написано другое химическими чернилами и частью зашифрованное. Послѣднее письмо, какъ уже сказано выше, несомнѣнно писанное Сидорацкою (Ободовскою), заключало въ себѣ свѣдѣнія о положеніи революціоннаго дѣла по всей Россіи и было, по всей вѣроятности, предназначено для Лукашевича, такъ это слѣдуетъ заключить изъ того, что въ письмѣ сообщался адресъ Франжоли. Вскорѣ послѣ отъѣзда въ Москву Лукашевича, Александровскаго и Милоглазкина, въ Нижній-Новгородъ къ студенту Петровской Академіи Цвѣткову, знакомому Ливанова, явился крестьянинъ Григорій Ѳедоровъ Крыловъ, имѣвшій, какъ сказано выше, сношенія съ Аносовымъ, Флоренко и др., и принесъ съ собою два письма: одно отъ Милоглазкина къ Духовскому, а другое отъ Покровскаго (Лукашевича) къ Владиміру Серебровскому. Цвѣтковъ, не зная еще объ арестѣ Серебровскаго, отправился на квартиру послѣдняго съ Крыловымъ, гдѣ они и были задержаны, при чемъ Крыловъ назвался крестьяниномъ Гурьяновымъ и предъявилъ паспортъ, выданный на имя Гурьянова, а у Цвѣткова оказался билетъ на имя кре-

стьянина Нижне-Шкафтинской волости Орѣшкіна, писанный, по удостовѣренію Войнаральскаго, рукою Дмитрія Рогачева. Въ письмѣ Лукашевича, начинающемся словами: „Господа Нижегородцы“, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста: „Податель этого письма беретъ на себя слодить въ Павлово. Человѣкъ этотъ вполне хорошій, которому мы довѣряемъ все... Погромы происходятъ на всемъ пространствѣ матушки Россіи, но наше дѣло, въ лицѣ своихъ сторонниковъ, нисколько не падаетъ. Напротивъ, можно сказать, что всякій ударъ, отнимающій у насъ известное число товарищей, приноситъ въ то же время новыхъ, если не тутъ же, то въ другомъ мѣстѣ. Намъ изрядно стѣснили въ Москвѣ, здѣсь теперь ужасная бѣдность въ квартирахъ, большой недостатокъ въ адресахъ. Но за то въ провинціи наши дѣла идутъ довольно утѣшительно. Вездѣ наши слушаютъ и принимаютъ съ большимъ сочувствіемъ, книги расходуются съ успѣхомъ и производятъ хорошее впечатлѣніе... Но наша партія все-таки страдаетъ неорганизованностью... Нужно, чтобы каждый приобрѣлъ какое-либо ремесло или опредѣленное занятіе и затѣмъ разселиться всѣмъ на такомъ пространствѣ, чтобы была возможность легко сноситься между собою... и затѣмъ твердо укрѣпиться каждому на своемъ мѣстѣ... Такимъ образомъ, весь этотъ районъ въ теченіе одного или двухъ лѣтъ можно довести до значительнаго градуса революціонности и потомъ изъ него черпать силы для другихъ мѣстностей... Я лично, вполне сочувствуя этому плану, во не имѣя пока мѣста для усовершенствованія въ ремеслѣ, отправляюсь въ образѣ офени шляться и искать счастья; думаю съѣздить въ Питеръ и оттуда пройти всю Россію-матушку съ сѣвера на югъ... Не знаю, какъ въ Питерѣ, а здѣсь всѣ люди разѣхались, такъ что къ вамъ послать отсюда для житія некого... Оставаться же въ Нижнемъ, по нашему мнѣнію, вамъ не слѣдъ, особенно въ виду возможности разоблаченія татарина (Аитова), взятаго въ Калугѣ и плетущаго всякій вздоръ на основаніи новой вѣры... Денегъ теперь въ Москвѣ нѣтъ, но каждый день ждемъ изъ Питера и немедленно по полученіи будетъ вамъ выслана сумма... Адресъ мой: Большой-Козлицкій переулокъ, домъ Маркова.. Александръ Сергѣевичу Покровскому“ (последнія слова въ подлинномъ письмѣ зачеркнуты и вмѣсто ихъ написано карандашемъ: Петру Ивановичу Введенскому). Александръ Осиповъ Лукашевичъ призналъ, что вышеприведенное письмо написано имъ. Въ концѣ письма имѣется слѣдующая приписка, сдѣланная рукою Милоглазкіна: «Николаева мы не нашли, а тѣ, которые его знаютъ, уѣхали. Книжки мои взяты съ обѣщаніемъ нераслатъ вамъ (Впередъ Т. 2)». Означенный Николаевъ (Николай Судзиловскій), какъ это видно изъ показанія Серебровскаго, былъ лѣтомъ въ его квартирѣ вмѣстѣ съ Ливановымъ и рассказывалъ исторію своего побѣга съ Коваликомъ изъ Николаевска, Самарской губерніи, и уѣзжая въ Москву, переодѣлся въ платье Серебровскаго, почему сей послѣдній и просилъ Милоглазкіна разыскать Николаева и взять у него платье. По предъявленіи В. Серебровскому фотографической карточки Николая Судзиловскаго, онъ призналъ въ немъ личность, называвшуюся Николаевымъ. Вскорѣ затѣмъ на имя Серебровскаго было получено другое письмо отъ Лукашевича, въ которомъ послѣдній извѣщалъ объ арестѣ Милоглазкіна въ Москвѣ. Одновременно съ Милоглазкінымъ былъ

арестованъ и Александровскій, послѣ задержанія котораго было получено написанное къ нему Лукашевичемъ изъ Петербурга письмо, начинающееся словами: „Друже Петръ“ и заключающее въ себѣ извѣстіе о томъ, что мѣсто для Введенскаго найдено; между строкъ сего письма химическими чернилами было написано другое письмо, большею частью шифромъ. Александровскій умеръ, а Лукашевичъ, задержанный 3-го апрѣля 1873 года въ Москвѣ съ паспортомъ крестьянина Петра Степановича Мудрова, и Милоглазкинъ виновными себя не признали, при чемъ, однако, Милоглазкинъ объяснилъ, что дѣйствительно ходилъ въ народъ и уѣхалъ изъ Нижняго въ Москву вмѣстѣ съ Александровскимъ и Лукашевичемъ, а также, что прислалъ Духовскому запрещенныя книги. По обыску въ квартирѣ, нанятой Ливановымъ 1 іюля въ слободѣ Печорахъ, было найдено 6 экземпляровъ „Сказки о 4-хъ братьяхъ“, 2 экземпляра „Исторіи одного французскаго крестьянина“, «Сборникъ пѣсенъ и стиховъ», „Капиталь и трудъ“ Лассаля и двѣ рукописи—„Что дѣлать“ и „Какое положеніе наиболѣе удобно для сближенія съ народомъ“. Ливановъ, о поступленіи котораго въ столярную мастерскую воспитанникъ Самарской семинаріи Николай Петропавловскій писалъ судебному приставу Сызранскаго сѣзда мировыхъ судей Монстрову: „нужно тебѣ доложить, что Ливановъ поступилъ въ столярную мастерскую съ тою хорошею цѣлью, чтобы тѣснѣе слиться съ рабочими, жить ихъ жизнью, ненавидѣть ихъ ненавистью и пропагандировать принципы соціальной революціи“,—не призналъ себя виновнымъ; равнымъ образомъ не призналъ свою виновность и Аносовъ. Издившій вмѣстѣ съ Ливановымъ, какъ это изложено выше, въ Самарскую губернію и задержанный въ городѣ Москвѣ, въ квартирѣ дѣвицы Батюшковой (преданной суду по обвиненію въ государственномъ преступленіи), при чемъ назвалъ себя дворяниномъ Захаровымъ. При задержаніи Аносова у него были отобраны: книги—„Парижская коммуна“ и нѣсколько экземпляровъ газеты „Впередъ“. По объясненію Аносова, онъ познакомился съ Анитовымъ совершенно случайно на вокзалѣ предъ отъѣздомъ въ Нижній. Казакъ Николай Глушковъ и Дмитрій Сѣрышевъ поселились на дачѣ въ Петровскомъ-Разумовскомъ, гдѣ къ нимъ присоединился пріѣхавшій изъ Петербурга студентъ Технологическаго Института Иванъ Николаевъ Черныавскій. Выѣзжая изъ Москвы, Глушковъ взялъ, по его собственному показанію, у Устюжанинова „Сборникъ пѣсенъ и стиховъ“ и „Исторію одного французскаго крестьянина“ съ цѣлью распространенія таковыхъ сочиненій въ народѣ, а Сѣрышевъ, какъ это видно изъ его показанія, получилъ отъ Устюжанинова тенденціозную книгу „Крестьянскіе выборы“. По словамъ Глушкова и Сѣрышева, какъ они, такъ и Черныавскій, постоянно доказывавшій имъ необходимость революціонной пропаганды, въ половинѣ мая приступили къ исполненію своихъ преступныхъ замысловъ; посѣщая трактиры вмѣстѣ съ рабочими, они занялись распространеніемъ между послѣдними книгъ; такъ, Черныавскій передалъ рабочимъ „Сказку о 4-хъ братьяхъ“, а Глушковъ „Исторію одного французскаго крестьянина“ и Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“; Сѣрышевъ же, хотя самъ и не раздавалъ книгъ, былъ въ трактирѣ вмѣстѣ со своими товарищами, когда послѣдніе передавали рабочимъ книги. Показанія Глушкова и Сѣрышева нашли себѣ полное подтвержденіе въ показаніяхъ свидѣтелей-рабочихъ, ко-

торымъ переданы были книги; при чемъ выяснилось еще, что Чернявскій посѣщалъ рабочихъ и на ихъ квартирѣ. Какъ Сѣрышевъ, задержанный у воротъ дома, въ которомъ жилъ Устюжаниновъ, и выбросившій изъ кармана при заарестованіи его книгу „Крестьянскіе выборы“, такъ и Глушковъ признали себя виновными; Чернявскій же, арестованный 18-го іюля 1874 года въ городѣ Симбирскѣ, виновнымъ себя не призналъ, хотя и подтвердилъ передачу рабочимъ „Исторію одного французскаго крестьянина“ и, кажется, какъ онъ выразился, „Сказки о 4-хъ братьяхъ“. При задержаніи Чернявскаго, назвавшася студентомъ Московскаго Университета Егоровъ Ивановымъ Никитинымъ, у него были отобраны слѣдующія книги: литографированныя выдержки изъ журнала „Впередъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“, 20 экз. „Сборника новыхъ пѣсень и стиховъ“, „Мірской учетъ“, „У перевоза“. „Крестьянскіе выборы“ и „Отщепенцы“. Дѣятельность Устюжанинова, снабжавшаго книгами Глушкова и Сѣрышева до зимы 1874—1875 гг., осталась не обнаруженною. Въ 1875 г., предъ масленицею, Устюжаниновъ вѣстѣ съ дочерью статскаго совѣтника Вѣрою Николаевою Панютиной, при содѣйствіи дворянина Владиміра Николаева Щепкина, поселился въ деревнѣ Новинкахъ, Богородскаго уѣзда, у крестьянина Мурашева, при чемъ какъ у Устюжанинова, такъ и Панютиной были фальшивые паспорта, у перваго на имя крестьянина Николая Александрова Ковригина, а у послѣдней на имя солдатки Александры Никитиной Агаповой. Проживая въ Новинкахъ, Устюжаниновъ и Панютина занимались пропагандой. Такъ, когда одинъ крестьянинъ не пожелалъ читать пѣсенника, потому что „грѣхъ читать такія книги великимъ постомъ“, Устюжаниновъ разсердился на него и сказалъ: „вы ничего не понимаете, эти книги для васъ болѣзныя“ (т. е. о васъ соболѣзнуюція); такъ, Мурашевой, когда она говѣла, Устюжаниновъ и Панютина говорили, что „генералы, богатые и баре хорошо ѣдятъ и имъ это не грѣхъ“; въ другой же разъ, когда Мурашева стала учить своего сына молиться за Царя, они смѣялись надъ нею и доказывали, что Царя слѣдовало бы лишити власти, а министровъ и генераловъ повѣсить, имѣнія же ихъ раздѣлитъ поровну, въ доказательство чего ссылались на Пугачева и стали читать Мурашевой и ся сыну о томъ, какъ Пугачевъ „казнилъ да вѣшалъ богатыхъ“, поясняя при этомъ, „что если бы такъ всѣ взялся, то хорошо было бы жить“. Щепкивъ, принимавшій дѣятельное участіе въ поселеніи Устюжанинова и Панютиной въ деревнѣ Новинкахъ, навѣщалъ ихъ въ означенной деревнѣ и велъ съ ними переписку, при чемъ его письма, по прочтеніи ихъ, разрѣзывались на мелкіе куски; въ приложенномъ къ дѣлу письмѣ Устюжанинова, которое сей послѣдній вручилъ Мурашевой опустити въ почтовый ящикъ, Устюжаниновъ, давая Щепкину отчетъ въ израсходованныхъ деньгахъ, вѣстѣ съ тѣмъ просилъ объ изготовленіи лѣтнаго „для насъ“ костюма, присовокупляя, что костюмъ В. Н. купить сама, лишь бы Щепкивъ позаботился насчетъ денегъ, конецъ же письма—слѣдующій: „будутъ ли жить послѣ 6-го апрѣля наши друзья въ Протопоповскомъ переулкѣ и если переѣзжать квартиру, то сообщите точный адресъ“. Въ Протопоповскомъ переулкѣ, въ домѣ Корсакъ жили Бардина, Джабадари, Чикоидзе и др., преданные суду по обвиненію въ государственномъ преступленіи. По обыску, произведенному въ помѣщеніи, которое занимали въ деревнѣ Новин-

кахъ Устюжаниновъ и Панютина, было найдено значительное количество революціонныхъ сочиненій, какъ-то: 10 экз. „Что-то братцы“, 9 экз. „Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, 6 экз. „Сказки о 4-хъ братьяхъ“, „Хятрая механика“. „Исторія одного французскаго крестьянина“, а также прибавленіе А къ „Государственности и Анархія“. Кроме сего по обыску были найдены: паспортъ на имя Ковригина и писанная карандашемъ на клочкѣ бумаги записка слѣдующаго содержанія: „я хотѣла писать письмо, да она мѣшаютъ. Вдругъ она прочтеть. Не прѣхалъ ли Н. А. М.“ Панютина, признавъ, что означенная записка писана ею къ Устюжанинову, уѣхавшему на время въ Москву, объяснила, что Н. А. М.—студентъ Кіевскаго Университета Никита Андреевъ Мельниковъ, но имѣя въ виду, что адресъ Панютиной, писанный рукою Николая Александрова Морозова, найденъ въ деревнѣ Шелковой. у крестьянина Петра Союзова, есть полное основаніе призвать, что Н. А. М.—членъ кружка Алексѣевой, гимназистъ Николай Александровъ Морозовъ. Найденныя при обыскѣ у Панютиной и Устюжанинова книги были, по показанію Мурашевой, привезены означенными лицами изъ Москвы въ два пріема, первый разъ—на первой недѣлѣ великаго поста, когда Устюжаниновъ и Панютина ѣздили оба въ Москву, а второй разъ—на третьей недѣлѣ, когда уѣзжалъ изъ Новинокъ одинъ Устюжаниновъ. По обыску у Щепкина найдены книги: „Стенька Разинъ“, „Парижская коммуна“, статья изъ журнала „Впередъ“, „Отщепенцы“, „Сказка о 4-хъ братьяхъ“, 2 т. журнала „Впередъ“, „Объ общинномъ владѣніи землею“ Чернышевскаго, „Крестьянскіе выборы“, 17 экз. „На міру“, портретъ Лассала съ надписью, сдѣланною рукою Щепкина: „вы камень, на которомъ созиждется церковь настоящаго“, а также разнаго рода рукописи, въ томъ числѣ и преступнаго содержанія, въ числѣ которыхъ оказался писанный Щепкинскимъ и Устюжаниновымъ переводъ съ вѣнецкаго сочиненія: „Der moderne Socialismus и т. д.“, каковое сочиненіе, по заявленію главнаго управленія по дѣламъ печати, относится къ числу такихъ, которыя колеблютъ основы государственнаго порядка. Кроме сего у Щепкина была отобрана записная книжка, въ которой, между прочимъ, записанъ адресъ Лаврова въ Цюрихѣ. Устюжаниновъ умеръ, а Панютина и Щепкинъ виновными себя не признали, но тѣмъ не менѣе не подлежатъ никакому сомнѣнію, что Щепкинъ и Панютина была вмѣстѣ съ Устюжаниновымъ членами революціоннаго кружка и что Щепкинъ игралъ главную роль въ той пропагандѣ, веденіе которой приняли на себя Устюжаниновъ и Панютина. Вышеупомянутый Николай Морозовъ, а также Николай Саблинъ, принадлежавшіе оба къ кружку Алексѣевой, равно какъ и сія послѣдняя, въ началѣ мая 1864 года появились въ Даниловскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, въ селѣ Потаповѣ, имѣнни Иванчица-Писарева. Иванчинъ-Писаревъ, какъ это выяснено слѣдствіемъ, занимался веденіемъ революціонной пропаганды въ средѣ мѣстныхъ крестьянъ. Осенью 1873 года онъ устроилъ въ селѣ Потаповѣ столярную мастерскую, въ которой училъ рабочихъ пѣть революціонныя пѣсни: „Барка“, „Свобода“, „Пора собраться съ силами“ и др., и доказывалъ имъ необходимость возстанія противъ правительства; независимо отъ сего, Писаревъ занимался и распространеніемъ революціонныхъ книгъ; онъ читалъ и раздавалъ крестьянамъ: „Стеньку Разина“, „Исторію одного французскаго крестьянина“;

„Отщепенцовъ“, „Государственность и Анархія“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и устраивалъ народныя гулянья, на которыхъ пѣлись пѣсни возмугительнаго содержанія. Дѣятельными сотрудниками Иванчина-Писарева были проживавшіе въ селѣ Вятскомъ—земскій врачъ Иванъ Ивановъ Добровольскій, у котораго поселился Саблинъ, и земская акушерка, бывшая дюрихская студентка Марія Платонова Потоцкая, жившая въ одной квартирѣ съ Добровольскимъ и получившая мѣсто по рекомендаціи послѣдняго. Участіе Добровольскаго и Потоцкой въ пѣніи революціонныхъ пѣсенъ и устной пропагандѣ, а также распространеніе Добровольскимъ книгъ революціоннаго содержанія, вполне доказано показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей, удостовѣрившихъ полную солидарность означенныхъ лицъ съ Иванчинымъ-Писаревымъ. Послѣ Пасхи 1874 года въ селѣ Потаповѣ проживали нѣкоторое время и занимались пропагандою двѣ личности, назвавшіяся Василіемъ Семеновымъ Шевелевымъ и Иваномъ Кузьминымъ, которыхъ Иванчинъ-Писаревъ выдавалъ за своихъ хорошихъ знакомыхъ; между тѣмъ оказалось, по показанію Саблина, что Шевелевъ былъ Клеменсъ, а по показанію крестьянъ, Кузьминъ былъ Исаакъ Львовъ, арестованный въ мастерской Войнаральскаго на Бутыркахъ и вскорѣ затѣмъ освобожденный изъ-подъ стражи. Какъ выше сказано, въ маѣ 1874 года въ Потапово пріѣхали Алексѣева, Саблинъ и Морозовъ. Алексѣева, какъ это удосто вѣрено слѣдствіемъ, принимала участіе въ устраиваемыхъ Иванчинымъ-Писаревымъ народныхъ гуляньяхъ, на которыхъ пѣлись революціонныя пѣсни; Саблинъ, какъ это видно изъ показанія крестьянина Михаила Седыванова, старался занять мѣсто фельдшера въ Боровской волости, куда и ѣздилъ съ Иванчинымъ-Писаревымъ, а Морозовъ поступилъ, по его собственному показанію, въ кузницу въ деревнѣ Контевѣ для обученія кузнечному мастерству. Независимо отъ сего, по удостовѣренію нѣсколькихъ свидѣтелей, Саблинъ и Морозовъ читали рабочимъ въ мастерской Писарева революціонныя книги, разъясняли таковыя и говорили объ уничтоженіи правительства, а Саблинъ сверхъ того, въ Троицынъ день, въ трактирѣ села Боръ пѣлъ „Барку“ въ присутствіи многихъ крестьянъ. Въ концѣ мая дѣятельность Писарева стала извѣстна правительству, и Писаревъ скрылся; по обыску же въ селѣ Потаповѣ, въ нежиломъ домѣ были найдены спрятанными за карнизомъ подъ крышею въ большомъ количествѣ революціонныя книги, изъ которыхъ „Государственность и Анархія“, „Впередъ“, „Историческое развитіе интернаціонала“ и „Гражданская война во Франціи“—Добровольскій призналъ за принадлежащія ему. Пробывъ въ Потаповѣ около мѣсяца, Алексѣева, Саблинъ и Морозовъ въ то самое время, когда скрылся Иванчинъ-Писаревъ, возвратились въ Москву, гдѣ Алексѣева и поселилась въ нумерахъ Скворцова, на Моховой. Саблинъ вскорѣ затѣмъ уѣхалъ, по его собственному показанію, разыскивать Клеменса въ Петербургъ, откуда и отправился за границу; Алексѣева же и Морозовъ, въ виду послѣдовавшихъ около того времени въ Москвѣ арестовъ, выѣхали изъ Москвы и поселились въ Курской губерніи, въ имѣніи Софіи Леонтьевой, гдѣ и прожили до 13 августа. За день до ихъ отъѣзда пріѣхалъ къ Алексѣевой, какъ видно изъ ея показанія, Кравчинскій предупредить ее не ѣздить въ Москву. Отъ Леонтьевыхъ Алексѣева поѣхала съ Морозовымъ до Курска, откуда уже одна отправилась въ Одессу, а затѣмъ въ іюнѣ 1875 года

въ имѣніе своей матери, въ Тамбовскую губернію, гдѣ и была задержана. Разставшись съ Алексѣевою въ Курскѣ, Морозовъ вернулся, по его словамъ, въ Москву, откуда въ ноябрѣ поѣхалъ за границу, гдѣ и встрѣтился съ Саблянымъ 12-го марта 1876 года. Саблянь и Морозовъ были задержаны въ пограничномъ селеніи Кибартахъ на обратномъ пути въ Россію, при чемъ у Морозова оказалось прусское легитимационное свидѣтельство на имя Карла Энгеля, а у Саблина прусская легитимационная карта на имя Фридриха Вейсмана. Независимо отъ вышеизложеннаго, слѣдствіемъ обнаружены сношенія Саблина съ Сидорацкою (Ободовскою), что уже изложено выше, и Морозова—со скрывшимся, но изобличеннымъ въ государственномъ преступленіи крестьяниномъ Ивановъ Союзомъ. Въ домѣ брата послѣдняго—Петра Союзова, въ дер. Шелковой, Дмитровскаго уѣзда, было найдено нѣсколько записокъ, несомнѣнно писанныхъ Морозовымъ, въ числѣ которыхъ оказались слѣдующія: а) „поговорите съ нимъ и познакомьте съ кѣмъ-нибудь. Это братъ Ивана Осипова, про имя все знаетъ Н. М.“ и б) познакомьте съ народомъ побольше. Дѣло онъ знаетъ. Н. Воробьевъ“. На оборотѣ первой записки имѣется адресъ Вѣры Паниотиной, Добровольскій, Потоцкая, Алексѣева, Саблянь и Морозовъ виновными себя не признали. Въ Ярославской губерніи революціонная пропаганда велась еще въ Рыбинскомъ уѣздѣ и въ самомъ Ярославлѣ. Представителями революціонныхъ дѣятелей въ Рыбинскѣ были Дмитрій Бородулинъ, Павелъ Троицкій и Марія Гейшторъ, а также и Софія Лешернъ-фонъ Герцфельдъ, отправившаяся изъ Петербурга въ Саратовъ и останавливавшаяся нѣсколько дней въ Рыбинскѣ. Бородулинъ, уѣхавшій на лѣто, какъ сказано выше, изъ Петербурга въ Рыбинскъ, гдѣ онъ и поселился, объяснилъ на предварительномъ слѣдствіи, что въ началѣ іюня къ нему явился Троицкій съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Лешернъ, въ которомъ послѣдняя, между прочимъ, извѣщала, что дала разрѣшеніе Троицкому сообщить его знакомымъ адресъ Бородулина для корреспонденціи, а при дознаніи Бородулинъ удостовѣрилъ, что Троицкій и Лешернъ явились къ нему одновременно и что Лешернъ лично рекомендовала ему Троицкаго; послѣдній, по словамъ Бородулина, былъ у него раза два или три, а затѣмъ отправился въ село Коприно, гдѣ намѣренъ былъ провести лѣто, при чемъ, когда Троицкій, предъ уходомъ въ Коприно, явился къ нему въ послѣдній разъ, то вмѣстѣ съ нимъ была и Гейшторъ. Одновременное пребываніе въ Рыбинскѣ Троицкаго и Гейшторъ удостовѣряется и показаніемъ Лешернъ, изъ котораго оказывается, что она пробыла въ Рыбинскѣ дней десять и въ это время посѣщала какъ Бородулина, такъ и жившихъ вмѣстѣ на одной квартирѣ Троицкаго и Гейшторъ; изъ этого же показанія Лешернъ видно, что въ разговорахъ съ Бородулинымъ, она, быть можетъ, и говорила ему о дѣля поѣздки въ Саратовъ, состоявшей, по ея словамъ, въ томъ, чтобы ближе узнать „народъ и его политическій духъ“, что находитъ себѣ подтвержденіе и въ объясненіяхъ Бородулина о томъ, что Лешернъ, желая изучить бытъ волжскихъ рабочихъ, просила принскать ей мѣсто кухарки въ артели крючниковъ, а также говорила что-то о шифрѣ для переписки, о бывшихъ съ нею какихъ-то книгахъ и о своемъ намѣреніи называться русскимъ именемъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что Бородулинъ зналъ и настоящую дѣлю поѣздки Лешернъ, съ которою онъ,

какъ видно изъ дѣла, былъ вполне солидаренъ. Такъ, на дознаніи Бородулина призналъ, что Лешернъ показывала ему свой фальшивый паспортъ и передала ему шифръ для переписки съ нею. Такое показаніе Бородулина, данное при дознаніи, вполне подтверждается написаннымъ Лешернъ въ Саратовскомъ тюремномъ замкѣ и адресованнымъ ею на имя Бородулина письмомъ, въ которомъ Лешернъ писала: „Дмитрій замѣните первыя слова, что я вамъ дала выучить, слѣдующими . . .“, послѣ чего шифромъ написаны слова изъ шифра Ковалика; означенное письмо подписано „Варя“, т. е. именемъ, значащимся въ фальшивомъ паспортѣ, съ которымъ 17-го іюня Лешернъ была задержана въ Саратовѣ; далѣе въ письмѣ Лешернъ извѣщала Бородулина и Рабиновича о своемъ арестѣ, обращаясь къ обоимъ какъ къ лицамъ, въ одинаковой степени посвященнымъ въ дѣла и самой Лешернъ, и другихъ дѣятелей революціонной пропаганды, сообщала о своемъ намѣреніи ѣхать изъ-подъ стражи и просила Бородулина съѣздить въ Петербургъ— „неравно и тамъ, что не ладно“, при чемъ совѣтовала быть осторожнымъ. Независимо отъ вышеприведеннаго письма Лешернъ, вполне изобличающаго Бородулина въ принадлежности къ тайному революціонному сообществу, виновность Бородулина подтверждается слѣдующими обстоятельствами дѣла: а) въ своемъ показаніи Бородулинъ призналъ, что два раза навѣщала въ Копринѣ Троицкаго и Гейшторъ, которые впоследствии и оставили у него свое крестьянское платье; б) означенное платье, мужское и женское, было найдено при обыскѣ у Бородулина, удостовѣрившаго при слѣдствіи принадлежность такого вышеупомянутымъ лицамъ; в) по тому же обыску у Бородулина было найдено нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, какъ-то: „Очерки фабричной жизни“ въ 2-хъ экземплярахъ, „Клюдь Ге“ „Стѣнные очерки“, „Митюха“ и друг., фотографическія карточки Лас-саля и Чернышевскаго и холстинная обертка съ посылки съ адресомъ Дмитрія Бородулина, по поводу которой послѣдній при слѣдствіи показалъ, что въ концѣ іюня, въ то время, когда Троицкій и Гейшторъ были въ Копринѣ, онъ получилъ изъ Петербурга отъ неизвѣстнаго лица, подъ видомъ столярныхъ издѣлій, посылку съ книгами, въ числѣ которыхъ были: „Государственность и Анархія“, „Историческое развитіе интернаціонала“ и „Исторія одного французскаго крестьянина“, изъ каковыхъ книгъ часть была отобрана у него при обыскѣ, прочія же цензурныя разошлись неизвѣстно куда, а запрещенныя были имъ сожжены; и г) послѣ задержанія Бородулина, 14-го іюля, на его имя было получено въ Рыбинскѣ некое письмо, въ коемъ сообщали Бородулину, что „Варвару забрали въ Саратовѣ“ и совѣтовали ему быть осторожнымъ въ писмахъ; означенное письмо было написано Рабиновичемъ, что имъ и признано. Несмотря на собранныя противъ Бородулина улики, онъ не призналъ себя виновнымъ. Поселившись въ Копринѣ, Троицкій и Гейшторъ занялись пропагандою, доказательствомъ чего служитъ показаніе крестьянина деревни Лыгоцевъ Тимофея Андреева Ермолаева, удостовѣрившаго, что за нѣсколько дней до Петрова дня онъ пустилъ къ себѣ ночевать мужчину и женщину, которые на другой день рано утромъ ушли, при чемъ женщина, въ присутствіи мужчины, дала ему книгу, сказавъ: «вотъ тебѣ за ночлеги»; переданная ему книга была, по словамъ Ермолаева, „Сказка о 4-хъ братьяхъ“, что подтвердилъ и другой крестьянинъ той же деревни, которому

Ермолаевъ показывалъ оставленную ему книгу. По предъявленіи Троицкаго и Гейшторъ Ермолаеву, послѣдній призналъ въ нихъ тѣхъ именно лицъ, которые ночевали у него предъ Петровымъ днемъ и передали ему „Сказку о 4-хъ братьяхъ“. Независимо отъ вышеизложеннаго, изъ показанія Рабиновича видно, что Троицкій, послѣ возвращенія своего изъ Рыбинска, въ концѣ іюля, рассказывалъ ему о своей пропагандѣ въ Ярославской губерніи. Павелъ Семеновъ Троицкій и Марія Эдуардовна Гейшторъ, не признавая себя виновными, отвергли даже свою ночевку въ дер. Льговецъ и объяснили: Троицкій, что онъ Рабиновича и Лешернъ вовсе не знаетъ, а Гейшторъ, что незнакома съ Лешернъ, которую не видала и въ Петербургѣ, и что Лешернъ, вѣроятно, называетъ ея именемъ другое лицо; послѣднее объясненіе Гейшторъ дала при предъявленіи ей слѣдственнаго производства. Вслѣдствіе такого заявленія Гейшторъ была предъявлена Лешернъ фонъ-Герцфельдъ, которая показала, что предъявленную ей личность никогда не видала. Такое объясненіе Лешернъ, называвшей въ своемъ показаніи Гейшторъ по его имени и отчеству, въ виду несомнѣнности проживанія въ Рыбинскомъ уѣздѣ вмѣстѣ съ Троицкимъ, именно обвиняемой по настоящему дѣлу Маріи Эдуардовны Гейшторъ, что признано и сею послѣднею, а не какой-либо другою личностію, доказываетъ лишь полную солидарность между собою названныхъ лицъ и объясняется тѣмъ, что во время производства предварительнаго слѣдствія какъ Лешернъ, такъ и Гейшторъ содержались подъ стражею въ домѣ предварительнаго заключенія, въ которомъ, какъ доказано слѣдствіемъ, существовали тайныя сношенія не только между арестантами одного отдѣленія, но и между арестантами мужскаго и женскаго отдѣленія; Марія Гейшторъ находилась въ числѣ лицъ, сношенія которыхъ съ другими вполне доказаны записками, отобранными у Чарушина въ Петропавловской крѣпости, при переводѣ его туда изъ дома предварительнаго заключенія. Двѣ изъ означенныхъ записокъ, писанныя Исакомъ Павловскимъ, начинаются словами: первая — „Вотъ мы гдѣ съ вами, Марія Эдуардовна, побесѣдуемъ!...“, а вторая — „эту записку надо передать Марьѣ Гейшторъ“. По обыску въ квартирѣ, которую занимали въ Копринѣ Троицкій и Гейшторъ, была найдена тенденціозная книга: „Сила солону ломить“. Въ г. Ярославлѣ занимался пропагандой Коваликъ, прибывшій туда изъ Москвы съ Митрофаномъ Гриценковымъ. По словамъ послѣдняго, на пути въ Ярославль онъ и Коваликъ заѣхали въ Троицко-Сергіевскую Лавру къ семинаристу Остроумову и предъявили ему рекомендательное письмо отъ знакомой Остроумова Кривоуцкой на имя Македона, за котораго Гриценковъ себя и выдалъ. Въ означенномъ письмѣ Кривоуцкая просила Остроумова снабдить Македона рекомендаціей къ кому-либо изъ воспитанниковъ тамбовской семинаріи, что Остроумовъ и сдѣлалъ, давъ Гриценкову письмо къ брату своему Алексѣю, каковое письмо, по словамъ Гриценкова, взялъ къ себѣ Коваликъ. По прибытіи въ Ярославль Коваликъ (подъ фамиліею Лукашевича) отправился къ профессору Ярославскаго лицея Михаилу Духовскому, съ которымъ встрѣчался прежде въ Москвѣ, въ библиотекѣ Тюменевой, и познакомилъ его съ Гриценковымъ, назвавшимся Александровымъ, а чрезъ Духовскаго и его брата Евгенія Коваликъ и Гриценковъ въ свою очередь познакомились съ нѣсколькими студентами лицея. Задавшись мыслью вести пропаганду между семинаристами, Коваликъ ста-

рался знакомиться преимущественно со студентами, воспитывавшимися въ какой-либо семинаріи, и затѣмъ, подъ разными благовидными предлогами, выпрашивая у нихъ рекомендательныя письма къ ихъ прежнимъ товарищамъ. Такъ, выдавая себя за лицо, желавшее открыть въ г. Костромѣ библиотеку, Коваликъ получилъ отъ студента Виолентова письма къ воспитанникамъ Костромской семинаріи Невскому и Померанцеву, а узнавъ отъ студента Знаменскаго, что въ Калужской семинаріи Скворцовъ и Громовъ слывуть за самыхъ развитыхъ воспитанниковъ, просилъ Знаменскаго дать ему къ означеннымъ лицамъ письмо, отъ чего Знаменскій отказался. Гриценковъ, какъ видно изъ его показанія, присутствовалъ при разговорахъ Ковалика со студентами, у которыхъ Коваликъ, между прочимъ, спрашивалъ, читали ли они запрещенныя книги, какъ-то, наприимѣръ, „Государственность и Анархія“, и зналъ, что у Ковалика было четыре или пять экземпляровъ означенной книги, а также книга „Историческое развитіе интернаціонала“. Проживъ нѣсколько дней въ Ярославлѣ, Гриценковъ, имѣвшій, по его словамъ, отъ студента Воронцова письмо къ земскому врачу Добровольскому, отправился къ сему послѣднему, но вслѣдствіе постигшей его дороною болѣзни, долженъ былъ возвратиться въ Москву, откуда поѣхалъ къ роднымъ въ Орель, гдѣ и былъ арестованъ. Гриценковъ виновнымъ себя не призналъ. Оставшись послѣ отъѣзда Гриценкова въ Ярославлѣ, Коваликъ явился къ студенту Богданову, адресъ котораго узналъ отъ студента Оферьева, выдалъ себя за рязанскаго помѣщика, сообщилъ, что думаетъ въ скоромъ времени быть во Владимірѣ и просилъ Богданова назвать ему фамиліи нѣсколькихъ недостаточныхъ семинаристовъ, изъявляя готовность оказать имъ помощь. Уходя отъ Богданова, Коваликъ предложилъ ему прогуляться вмѣстѣ съ нимъ и во время прогулки, что было уже поздно вечеромъ, сказалъ, что у него есть хорошія книги, которыми онъ можетъ снабдить Богданова. Вслѣдствіе изъявленнаго Богдановымъ согласія, Коваликъ передалъ ему тутъ же двѣ книги, которыя вынулъ изъ бокового кармана и которыя оказались: „Государственность и Анархія“ и „Историческое развитіе интернаціонала“. Означенныя книги были представлены Богдановымъ директору лицея. Предъ отъѣздомъ изъ Ярославля Коваликъ зашелъ къ Михаилу Духовскому и оставилъ ему письмо для передачи такового Гриценкову, если сей послѣдній заѣдетъ опять въ Ярославль. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Коваликъ передалъ Богданову запрещенныя книги, Духовскій распечаталъ оставленное ему письмо и прочелъ таковое. Въ немъ совѣтовалось не оставаться въ Ярославлѣ, „гдѣ дѣлать нечего, а ѣхать, насколько помнитъ Духовскій, во Владиміръ—„русскій Манчестеръ“, какъ было сказано въ письмѣ; означенное письмо было Духовскимъ уничтожено. Изъ Ярославля Коваликъ направился въ Кострому, гдѣ и явился къ Невскому съ рекомендательнымъ письмомъ Виолентова. По удостоенію Невскаго, Коваликъ завелъ съ нимъ разговоръ о товарищескомъ общеніи между семинаристами и спросилъ, не можетъ ли онъ, Невскій, устроить кружки? Получивъ отрицательный отвѣтъ, Коваликъ обратился къ Невскому съ просьбою передать имѣющему прибыть въ Кострому товарищу его, Ковалика, Александрову книги и, вслѣдствіе согласія Невскаго, передалъ ему завернутый въ бумагу и опечатанный пакетъ. Въ іюлѣ Невскій получилъ непонятное для него письмо, и недѣлю спустя явилась къ нему неизвѣстная личность,

которая пониженнымъ голосомъ спросила: „быль у васъ Николаевъ?“ Означенный посѣтитель показался Невскому крайне подозрительнымъ, и такъ какъ въ полученномъ за недѣлю тому назадъ письмѣ упоминалась фамилія Николаева, то Невскій и заявилъ о всемъ вышеизложенномъ начальнику Костромскаго губернскаго жандармскаго управленія. Задержанная по указанію Невскаго невѣстная личность, справлявшаяся объ Николаевѣ, оказалась народнымъ учителемъ Самарской губерніи Владиміромъ Поповымъ (нынѣ умершимъ), а въ представленномъ Невскимъ пакетѣ, оставленномъ у него Коваликомъ, были найдены книги: „Государственность и Анархія“ и „Историческое развитіе Интернаціонала“. Калужскую семинарію, о воспитанникахъ которой сообщилъ ему свидѣнія Знаменскій, Коваликъ лично не посѣтилъ. предоставивъ пропагандировать въ ней своему знакомому—дворянину Аркадію Головину, бывшему воспитаннику Технологическаго института. По обыску у означеннаго Головина были найдены: „Стенка Разинъ“, „О мученикѣ Николаѣ“, нѣсколько тенденціозныхъ книгъ и выкъмъ не подписанное письмо, которое Коваликъ призналъ за написанное имъ. Въ означенномъ письмѣ Коваликъ совѣтовалъ посѣтить бібліотеку Шевыревыхъ, гдѣ собираются семинаристы, съ которыми Шевыревы и познакомятъ Головина, а затѣмъ сообщалъ, что лучшіе изъ семинаристовъ—Громовъ и Сьворцовъ, при знакомствѣ съ которыми можно сослаться на Знаменскаго, студента Ярославскаго лицея, что и Знаменскій будетъ въ Калугѣ въ іюнѣ и что слѣдуетъ обратить вниманіе на него и на другихъ лицейцевъ, которые будутъ съ нимъ; въ заключеніе Коваликъ писалъ, что „онъ (т. е. Знаменскій) предоставитъ такую же почву для пропаганды, какъ и семинаристы“. Головинъ, не признавая себя ни въ чемъ виновнымъ, объяснилъ, что найденныя у него при обыскѣ книги купилъ въ Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ и что къмъ писано вышеприведенное письмо не знаетъ, хотя и былъ у Знаменскаго, что подтвердилъ и сей послѣдній. Между тѣмъ изъ показанія Рабиновича оказывается, что въ Петербургѣ, въ квартирѣ брата Головина, собирались сходки членовъ разныхъ кружковъ, на которыхъ обсуждалась программа дѣятельности кружковъ, и что Головинъ изъявилъ согласіе принять къ себѣ въ имѣніе нѣсколько человекъ пропагандистовъ подъ видомъ рабочихъ, для доставленія имъ возможности изучить крестьянскія работы, вслѣдствіе чего при посѣщеніи, по просьбѣ Ковалика, Харьковскаго революціоннаго кружка, Рабиновичъ и далъ членамъ онаго адресъ Головина въ Калужской губерніи. Такое показаніе Рабиновича, въ связи съ письмомъ Ковалика, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ виновности Головина. Въ то же самое время революціонная пропаганда велась въ селѣ Ловати, Жиздринскаго уѣзда, земскимъ врачомъ Ивановомъ Козачкомъ вмѣстѣ съ проживавшими у него студентомъ Петербургскаго университета Введенскимъ и не окончившимъ курса Орловской гимназіи Николаемъ Махаевымъ. Въ числѣ знакомыхъ Козачка, окончившаго курсъ въ Медико-Хирургической Академіи въ 1873 году, былъ студентъ той же Академіи Василій Махаевъ, который, какъ видно изъ его письма, отобраннаго у земскаго врача Вятской губерніи Пересвѣтова, принадлежалъ къ петербургскимъ кружкамъ и занимался распространеніемъ революціонныхъ книгъ. Въ означенномъ письмѣ Василій Махаевъ (нынѣ умершій) сообщалъ, между прочимъ, что „Иванъ и еще нѣсколько человекъ, под-

взаимшия среди народа въ качествѣ медиковъ, учителей и рабочихъ. согласились сѣяться въ декабрѣ 1874 года . . . чтобы повѣдать другъ другу свои удачи и неудачи и выработать болѣе или менѣе опредѣленный планъ дѣйствія, наконецъ, посвятить новачковъ въ будущую дѣятельность, указывая имъ вѣрные пути для достиженія цѣли. вышеупомянутыя изъ своей практики". Василий Махаевъ признаетъ, что вышеприведенное письмо писано имъ и что упомянутый въ письмѣ „Иванъ“—земскій врачъ Иванъ Козачекъ. Въ началѣ лѣта 1874 года, къ Козачку, въ село Ловати, пріѣхали: братъ Василія Махаева—Николай Введенскій, а также на короткое время и самъ Василій Махаевъ. Проживая въ селѣ Ловати, Козачекъ, Николай Махаевъ и Введенскій, какъ вполне доказано свидѣтельскими показаніями, вели дѣятельную пропаганду между мѣстными крестьянами. Такъ, они внушали крестьянамъ, что земля должна быть раздѣлена между всѣми поровну, что подати платять только бѣдные и что не слѣдуетъ допускать продажу своего имущества на пополненіе недоимокъ, пѣли на улицѣ въ Ловати и въ Ночномъ пѣсни „Свобода-свободушка“, „Изъ-за матушки, изъ-за Волги“ и читали, а также раздавали крестьянамъ тенденціозныя и революціонныя книги. Введенскій раздавалъ крестьянскимъ мальчикамъ тенденціозныя книги на улицѣ и на дому, а Козачекъ и Махаевъ читали крестьянамъ „Сказку о четырехъ братьяхъ“, при чемъ разъясняли прочитанное. Независимо отъ сего, Козачекъ, какъ обнаружено слѣдствіемъ, далъ одному лицу „Исторію одного французскаго крестьянина“ и въ разговорахъ съ крестьянами старался поколебать въ нихъ религіозное чувство, въ чемъ ему также содѣйствовали Махаевъ и Введенскій. По обыску, произведенному 23 сентября 1874 года въ квартирѣ Козачка, у сего послѣдняго были найдены книги: „Дѣдушка Егоръ“ въ 21 экз., „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Гражданская война во Франціи“, Mémoire présenté par la Fédération jurassienne“ и нѣсколько другихъ тенденціозныхъ книгъ. Козачекъ, Махаевъ и Введенскій виновными себя не признали, при чемъ первые двое, не отвергая пѣнія пѣсень „Свобода-свободушка“ и „Изъ-за матушки, изъ-за Волги“, объяснили: Козачекъ, что пѣль означенныя пѣсни отъ нечего дѣлать, а Махаевъ, что не считалъ ихъ революціонными. Кромѣ сего изъ показанія Козачка оказывается, что у него былъ „Пѣсенникъ“. Продолжая свое путешествіе, Коваликъ изъ Костромы направился въ Нижній-Новгородъ, иѣя, какъ сказано выше, записку отъ Ободовской къ артиллеристамъ. Видѣлся ли Коваликъ въ Нижнемъ съ артиллеристами, осталось не выясненнымъ, но слѣдствіемъ вполне доказано, что Михаилъ Духовской пригласилъ нѣсколько человекъ семинаристовъ въ поле, за Петропавловскою церковью, гдѣ Коваликъ и студентъ Петровскій Академіи Цвѣтковъ (нынѣ умершій) внушали семинаристамъ необходимость оказанія помощи народу, для чего слѣдуетъ бросить ученье, идти въ народъ и возбуждать его къ возстанію противъ правительства. Коваликъ признаетъ, что видѣлся въ Нижнемъ съ семинаристами, но не далъ никакихъ по сему предмету объясненій, а Духовской, вполне подтвердивъ вышеизложенное, посоветовалъ, что имъ было дано Ковалику рекомендательное письмо къ Иванову, находившемуся въ то время въ Самарѣ. Означенное письмо было впоследствии найдено въ мастерской Целькопена, устроенной въ Саратовѣ Воиннаральскимъ, въ шифрованныхъ запискахъ котораго оказался записан-

нымъ и адресъ Духовскаго. Изъ Нижняго-Новгорода Коваликъ поѣхалъ въ Казань, гдѣ и явился къ студенту мѣстнаго Университета Евгению Овчинникову, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо отъ студента Петровской Академіи Бердника. У Овчинникова, знакомаго съ Чарушинымъ и Гауэнштейномъ, проживала, какъ видно изъ его показанія, въ январѣ 1874 года неизвѣстная личность, назвавшаяся Свиридовымъ и явившаяся къ нему по рекомендаціи Чарушина; означенный Свиридовъ, у котораго Овчинниковъ видѣлъ старый видъ на жительство Голоушева, получалъ нѣсколько писемъ, адресованныхъ на имя Овчинникова, а также телеграмму изъ Городища отъ Войнаральской, содержаніе которой, по словамъ Овчинникова, было слѣдующее: „передайте Тсигногородову, что мужа нѣтъ дома, деньги скоро будутъ посланы“. Относительно посѣщенія Ковалика, явившагося подъ именемъ Лукашевича, Овчинниковъ объяснилъ, что Коваликъ сообщилъ ему о движеніи въ средѣ петербургской молодежи и о появленіи запрещенныхъ сочиненій Бакунина и Лаврова, а также изъявилъ готовность позвонить его впоследствии съ результатами, къ которымъ придутъ люди, ушедшіе въ народъ, при чемъ для переписки съ ними далъ шифръ. Посредствомъ означеннаго шифра Овчинниковъ разобралъ полученное отъ Ковалика изъ Самары письмо, въ которомъ Коваликъ спрашивалъ, гдѣ онъ, Овчинниковъ; на каковое письмо Овчинниковъ послалъ тоже писанный шифромъ отвѣтъ по указанному адресу: въ Самару. Софѣй Семеновъ“; полного адреса Овчинниковъ не помнитъ, при чемъ просилъ адресовать ему письмо въ Университетъ на имя Соболева. Адресъ Овчинникова оказался въ шифрованныхъ письмахъ Войнаральскаго на имя Шершвадзе, а по обыску у Овчинникова найдено, между прочимъ, болѣе 30 экземпляровъ „Дѣдушки Егора“, „Гражданская война во Франціи“, „Стѣнка Развѣтъ“, „Государственность и Анархія“, „Историческое развитіе Интернаціонала“, „Азбука социальныхъ наукъ“, „Сказка о 4-хъ братьяхъ“, „Отщепенцы“, два экземпляра „Пѣсенника“, пять экземпляровъ „Устава международнаго общества рабочихъ“, „Политическая программа западно европейской демократіи“, „Слово вѣрующаго къ народу“, а также записка слѣдующаго содержанія: „Потрудитесь Овчинникова познакомиться съ вашими рабочими, онъ тотъ самый, о которомъ я говорилъ съ вами. Книги моя оставьте до весны; пріѣхать обратно въ Казань мнѣ нельзя“. Приведенная записка оказалась писанною Гауэнштейномъ, что призналъ и сей послѣдній, объясняя, что кому она была адресована, онъ не помнитъ и что Овчинникова лично не зналъ; по словамъ же Овчинникова, Гауэнштейнъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ и который въ концѣ 1873 года бывалъ у него нѣсколько разъ, прислалъ ему изъ Петербурга упомянутую записку по слѣдующему случаю: узнавъ изъ разговора съ Гауэнштейномъ, что въ Петербургѣ студенты знакомятся съ рабочими, и что Гауэнштейнъ знакомъ съ содержателями искусственныхъ минеральныхъ водъ въ Казани Шредеромъ, онъ, Овчинниковъ, пожелалъ сблизиться съ рабочими Шредера съ цѣлю чтенія имъ книгъ и сказалъ объ этомъ Гауэнштейну, который и обѣщавъ познакомить его съ Шредеромъ, но вскорѣ уѣхалъ и впоследствии прислалъ ему упомянутую записку. Независимо отъ сего, изъ показанія Овчинникова видно, что онъ получилъ отъ Чарушина нѣсколько экземпляровъ „Дѣдушки Егора“. Коваликъ удостовѣрилъ, что былъ въ Казани у Овчинникова,

которому и передать шифръ для переписки съ нимъ. Овчинниковъ виновнымъ себя не призналъ. Изъ Казани Ковалыкъ направился чрезъ Самарскую губернію въ городъ Саратовъ, куда и прибылъ въ концѣ мая и поселился въ мастерской Пельковена, устроенной Порфиріемъ Войнаральскимъ. Оставаясь въ Москвѣ, Войнаральскій, какъ сказано выше, занялся, по его собственному показанію, печатаніемъ запрещенныхъ и революціонныхъ сочиненій съ цѣлью распространенія ихъ въ народѣ, при чемъ ближайшимъ сотрудникомъ его явился домашній учитель, Нишольтъ Никитинъ Мышкинъ, стенографъ при Московскомъ окружномъ судѣ, содержавшій вѣстѣ съ ревельскимъ гражданиномъ Вильде типографію на Тверскомъ бульварѣ. Въ началѣ мая Мышкинъ отдѣлился отъ Вильде и перенесъ свою типографію на Арбатъ, въ домъ Орлова, гдѣ и занялся почти исключительно печатаніемъ запрещенныхъ сочиненій. Наборъ, верстаніе, печатаніе и т. д. означенныхъ сочиненій производились въ особомъ отдѣленіи типографіи, носившемъ названіе женской наборной, куда никто изъ непосвященныхъ въ преступную дѣятельность Мышкина не допускался. Въ типографіи постоянно работали: дочь коллежскаго секретаря Ефрузина Супинская, дочери коллежскаго ассесора Елена и Юлія Прушакевичи, дочь майора Софья Андреева Иванова, жена штабсъ-капитана Ольга Фетисова и дочь подполковника Елизавета Ермолаева. Супинская, Прушакевичи и дочь подполковника Ларисса Заруднева пріѣхали въ 1873 году въ Москву изъ Архангельска и поселились въ номерахъ Кокорева, гдѣ жили также штабсъ-капитанъ Ѳедотъ Фетисовъ съ женою. Здѣсь онѣ познакомились съ студентомъ Петровской Академіи Ивановъ Селивановымъ, какъ это видно изъ показанія послѣдняго, а также съ Фетисовыми, что удостовѣрено показаніемъ Ольги Фетисовой, а черезъ послѣднихъ съ братьями Аркадакскими и съ Мышкинымъ, который, по показаніямъ Ермолаевой, Елены Прушакевичъ и Зарудневой, доставлялъ имъ работу въ своей типографіи. Селивановъ, имѣвшій уже въ 1873 году сношенія съ дѣятелями революціонной пропаганды, какъ видно изъ отобранной у его брата Дмитрія, при обыскѣ въ квартирѣ Вѣры Рогачевой, 12-го декабря 1873 года, записки, въ которой заключалась просьба о доставленіи чрезъ Леоніда (Нишко) журналы „Впередъ“, познакомилъ прибывшихъ изъ Архангельска дѣвѣцъ съ Соловцовскимъ, что видно изъ показанія послѣдняго, а также, по показанію Супинской, и съ Войнаральскимъ. Ермолаева, Супинская, Прушакевичи, Фетисовы и Иванова поселились въ домѣ, въ которомъ помѣщалась типографія, равно какъ и Селивановъ и Войнаральскіе; проживаніе означенныхъ лицъ въ домѣ Орлова удостовѣряется ихъ собственными показаніями. Ермолаева, какъ видно изъ ея показанія, переписывала, по порученію Мышкина, для печатанія нѣкоторыя статьи Лассала, а также „Исторію одного изъ многострадальныхъ“ („Исторію одного французскаго крестьянина“). Въ наборѣ „Исторіи одного французскаго крестьянина“ принимали участіе Супинская, Ермолаева, сестры Прушакевичъ и Фетисова, по ихъ собственнымъ показаніямъ, а также Иванова, какъ это оказывается изъ показанія Супинской; корректуру держала Супинская и, по ея словамъ, Елена Прушакевичъ и Соловцовскій, а также Фетисова, по удостовѣренію нѣсколькихъ свидѣтелей, по показаніямъ которыхъ Елена Прушакевичъ и Супинская занимались верстаніемъ книгъ. Соловцовскій и Мали-

новскій, какъ это удостовѣрено нѣсколькими свидѣтелями, часто бывали въ типографіи, принимали иногда съ машины отпечатанные листы, а Малиновскій, сверхъ того, раза три или четыре вертѣлъ колесо машины во время печатанія. Фегисовъ, какъ видно изъ свидѣтельскихъ показаній, былъ корректоромъ въ типографіи и хорошо зналъ о характерѣ набираемыхъ книгъ, доказательствомъ чего служить то обстоятельство, что однажды Фегисовъ силою не пустилъ наборщицу Левшину въ ту комнату, гдѣ работала его жена и Софья Иванова. Заруднева, поселившаяся въ домѣ Львова, вблизи отъ типографіи, въ квартирѣ, отысканной Константиномъ Аркадакскимъ, согласилась, по ея собственному показанію, на предложеніе Мышкина брошюровать на своей квартирѣ запрещенныя книги, печатавшіяся въ его типографіи, вслѣдствіе чего къ ней были доставлены листы „Исторія одного французскаго крестьянина“, а также 1 и 2 томы Лассала и иногда означенные листы она сама брала къ себѣ изъ типографіи, большею же частью таковыя доставлялись ей Аркадакскимъ и Мышкинымъ. Въ типографіи работали весьма осторожно, отпечатанные листы тотчасъ уносились, равно какъ и макулатурные листы, что призвалъ самъ Мышкинъ: работа шла спѣшно, иногда работали и ночью. и, наконецъ, около половины мая была отпечатана въ значительномъ количествѣ экземпляровъ „Исторія одного французскаго крестьянина“, переименованная въ „Исторію одного изъ многострадалыхъ“, и передѣланная отчасти Мышкинымъ, что видно изъ его показанія. Кромѣ означенной книги, по словамъ Мышкина, Войнаральскаго и Супинской, были напечатаны еще сочиненія Лассала, прокламація „Что-то братцы“, выдержки изъ „Впередъ“ и штукъ 40—50 блявковъ для паспортовъ. Печатаніе означенныхъ книгъ и брошюръ производилось, какъ видно изъ показанія Войнаральскаго, большею частью на его средства. Заниматься брошюровкой отпечатанныхъ сочиненій въ Москвѣ Войнаральскій признавалъ неудобнымъ, а потому, по его собственнымъ словамъ, и отправилъ Клеопатру Блавдзевичъ въ Пензу, къ Рогачеву, съ тремя ящиками отпечатанныхъ листовъ, снабдивъ при этомъ Блавдзевичъ, какъ это видно изъ его показанія, фальшивымъ ведомъ на имя солдатки Псковской губерніи, Островскаго уѣзда, Толковской волости, Натальи Федоровой: такими фальшивыми паспортами Войнаральскій снабдилъ Ивана Блавдзевича и Лемени-Македона; первому былъ данъ видъ на имя крестьянина Ярославской губ., Ростовскаго уѣзда, Борисооглѣбской волости, Ивана Павлова Пѣтухова, а второму на имя крестьянина того же уѣзда и волости Александра Сѣрякова. Вышеизложенное признали какъ Войнаральскій, такъ и Иванъ Блавдзевичъ, при чемъ Войнаральскій пояснилъ, что означенные паспорта писаны его рукой и что приложенныя къ нимъ печати были вырѣзаны имъ же. Лемени-Македонъ и Иванъ Блавдзевичъ отправились въ гор. Саратовъ, куда вслѣдъ за ними поѣхали и Войнаральскій съ женою, Селивановымъ и Юлією Прушакевичъ, отправивъ туда же по желѣзной дорогѣ три ящика съ подлежащими брошюровкѣ листами; уѣзжая изъ Москвы, Войнаральскій оставилъ, какъ видно изъ его показанія, Константину Аркадакскому деньги для раздачи таковыхъ лицамъ, отправлявшимся въ народъ. Задумавъ заняться брошюровкой и распространеніемъ отпечатанныхъ въ типографіи Мышкина сочиненій изъ Москвы, Войнаральскій рѣшилъ устроить въ Саратовѣ мастерскую, которая должна была служить съ одной

стороны, удобнымъ мѣстомъ для брошюровки, а съ другой—притонъ для жить, ушедшихъ въ народъ. Съ этою цѣлью Войнаральскій въ началѣ мая 1874 года отправилъ въ Саратовъ Кулябко и Пельконева съ порученіемъ найти удобную квартиру и открыть въ ней мастерскую, при чемъ Кулябкѣ было рекомендовано познакомиться съ семинаристомъ Петромъ Андреевичемъ Ломоносовымъ, къ которому Иванъ Блудевичъ виѣлъ, какъ видно изъ его показанія, письмо отъ его брата, студента Медико-Хирургической Академіи, и съ дворяниномъ Анатолиемъ Ивановымъ Фаресовымъ, знакомымъ Рогачева. Кулябко въ точности исполнилъ порученіе Войнаральскаго и къ пріѣзду послѣдняго салонная мастерская была уже открыта Пельконевою, на Царвцшской улицѣ, въ домѣ Превратухиной. Войнаральскій и прибывшіе съ нимъ лица поселились въ означенной мастерской, состоявшейся изъ трехъ комнатъ, кухни и мезонина, при чемъ Иванъ Селивановъ и Юлія Прушакевичъ помѣстились въ небольшой комнатѣ въ мезонинѣ. Вскорѣ прибыли Леонъ-Македонъ и Иванъ Блудевичъ, принявшій названіе „Секунда“, какъ это видно изъ показанія Елены Прушакевичъ. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Саратовъ Войнаральскій послалъ Кулябко на вокзалъ желѣзной дороги за ящиками съ отпечатанными въ типографіи Мышкина листами, отправленными изъ Москвы, по словамъ Войнаральскаго, подъ видомъ сельтерской воды и лимонада, а самъ вскорѣ затѣмъ отправился въ Москву, откуда вернулся, по его собственному показанію, съ Еленою Прушакевичъ, а также привезъ съ собою еще нѣсколько ящиковъ съ отпечатанными листами. Между тѣмъ мастерскую Пельконева стали посѣщать Фаресовъ и Ломоносовъ, изъ которыхъ послѣдній особенно сдружился, по его показанію, съ Иваномъ Блудевичемъ и нѣсколько разъ почевалъ въ мастерской. Фаресовъ, посѣщая мастерскую Пельконева, вопліи раздѣлялъ убѣжденія ея обитателей, какъ это видно изъ показаній свидѣтелей Малѣевыхъ, которымъ онъ доказывалъ необходимость пропаганды и далъ для прочтенія „Исторію одного французскаго крестьянина“. Поручивъ Юлію и Еленѣ Прушакевичъ заняться фальцованіемъ „Исторіи одного изъ многострадальныхъ“, Войнаральскій, назвавшій себя Косьюмъ Захаровымъ Смирновымъ, что видно изъ его показанія, отправился съ Иваномъ Селивановымъ въ Самарскую губернію, а жену свою послалъ въ Тамбовъ къ губернскому секретарю Павлу Федосѣеву за полученіемъ денегъ. Въ отсутствіи Войнаральскаго въ мастерскую прибылъ изъ Пензы Рогачевъ, подъ именемъ Николая Куликова, вмѣстѣ съ Клеопатрою Блудевичъ, какъ удостовѣрила сія послѣдняя, а 30-го мая, по показанію той же Блудевичъ и ея брата, прибылъ и Коваликъ. Проживаніе всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ въ мастерской Пельконева подтверждается ихъ собственными показаніями, а также показаніемъ Андрея Кулябко. Какъ сказано выше, сестры Прушакевичъ занимались фальцованіемъ листовъ „Исторіи одного изъ многострадальныхъ“, въ чемъ имъ помогали, по словамъ Юліи Прушакевичъ, и Фаресовъ. Фальцованіе старались вести по возможности быстро изъ опасенія обыска: поэтому, по словамъ Ивана Блудевича, онъ и Леонъ-Македонъ тоже приняли участіе въ фальцованіи; опасенія обыска были настолько велики, что Иванъ Блудевичъ передалъ, какъ видно изъ его показанія, книгу „Государственность и Анархія“ на сохраненіе Фаресову, которому, а также и Ломоносову, для той же цѣли было отдано и нѣсколько ящиковъ съ листами отпечатанными въ Москвѣ

сочиненій; это послѣднее обстоятельство подтверждено показаніями Юліи Прушакевичъ, Фаресова и Ломоносова. Опасенія обитателей мастерской Пельконена были основательны, такъ какъ ихъ странное поведеніе и таинственность, которою они себя окружали, не могли не обратить на себя вниманіе мѣстныхъ властей. 31-го мая 1874 года, въ мастерской Пельконена, недѣли чрезъ двѣ послѣ ея открытія, былъ произведенъ обыскъ, по которому найдено, между прочимъ, слѣдующее: въ первой комнатѣ, представлявшей сапожную мастерскую—пара дамскихъ ботинокъ, единственное издѣліе мастерской, „Государственность и Анархія“ въ двухъ экземплярахъ, „Историческое развитіе интернаціонала“ въ двухъ экземплярахъ и выписки изъ сочиненій разныхъ авторовъ, въ томъ числѣ и Герцена; во второй комнатѣ—нѣсколько путеводителей и географическихъ картъ, билетъ на полученіе книгъ изъ библиотеки, выданный на имя Косьмы Захарова Смирнова, три запечатанные рекомендацiонныя письма: а) отъ Воронцова на имя сельскаго учителя Камышинскаго уѣзда Герольдова, б) отъ Криволицкой на имя студента Петровской Академіи Сокольскаго, въ Тамбовѣ и в) отъ Михайла Остроумова на имя брата Алексѣя, также въ Тамбовѣ, и два не запечатанныхъ письма: а) отъ Дмитрія Волохова на имя брата его Петра, въ посадь Дубровку, Саратовской губерніи и б) отъ Воронцова на имя дворянина Сергѣя Сомова, въ городъ Саратовъ; въ третьей комнатѣ—фальшивый аттестатъ на имя Лукашевича, портжоне съ тремя записками, на оборотѣ одной изъ которыхъ написанъ сокращенно шифръ изъ неприличныхъ словъ, данный Клеопатрѣ Блавдзевичъ, какъ видно изъ ея показаній, Коваликомъ, письмо отъ Воронцова на имя Владимира Лазарева, письмо послѣдняго на имя жены и видъ на жительство солдатки Натальи Оедоровой; въ кухнѣ, на полкѣ, въ темномъ углу—книга „Государственность и Анархія“, а въ стѣняхъ—поддевка байкова, въ кармапѣ которой оказалось свидѣтельство С.-Петербургской введенской прогимназіи на имя бывшаго ученика III класса Николая Куликова: въ свѣтелкѣ, занимаемой Селивановымъ и Юліею Прушакевичъ—сарафанъ послѣдней, красная рубашка и синіе нестриженные порты Селиванова и, наконецъ, въ чердакѣ мастерской—брошюра „Чтой-то братцы“, а за стѣнной свѣтелки, въ углу—покрытый шубою деревянный ящикъ, наполненный печатными листами. Черезъ нѣсколько дней мастерская была вновь обыскана, при чемъ на чердакѣ былъ найденъ засыпанный землею портфель Войнаральскаго, въ которомъ оказалось: а) 28 видовъ на жительство съ приложенными къ нѣкоторымъ изъ нихъ печатями Ленскаго, Толковскаго, Борисоглѣбскаго и Нижне-Шкафтинскаго волостныхъ правленій; б) два куска аспидной доски, одинъ съ вырѣзанною на немъ короною, а другой со словомъ „печать“; в) видъ на жительство солдатки Натальи Оедоровой, безъ печати; г) метрическое свидѣтельство Малиновскаго и два билета Фроленко, выданные ему изъ Петровской Академіи на слушаніе лекцій и на жительство въ Москвѣ; д) доверенность, выданная Войнаральскому дворяниномъ Эдуардомъ Каменскимъ; е) клочекъ бумаги съ надписью „Анатолій Фаресовъ“ и съ адресомъ на оборотѣ „Тамбовъ“, „Фока Мокеевичъ Свѣгиревъ“ и ж) письма разныхъ лицъ къ Войнаральскому. На томъ же чердакѣ, въ темномъ углу его былъ найденъ сакъ-воляжъ, въ которомъ оказалось: 32 экземпляра „Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, 26 экземпляровъ „Сказки о четырехъ брать-

яхъ“, 96 литографированныхъ листовъ (изъ сочиненій Лассала) и книга „Крестьянскіе выборы“. Означенныя книги и листы Войнаральскій призналъ за принадлежаніе ему. За обшивкою дома, подъ карнизомъ, было найдено нѣсколько пачекъ „Исторія одного французскаго крестьянина“, а также книги— „Историческое развитіе интернаціонала“, „Рабочій вопросъ“, „Степные очерки“, Очерки фабричной жизни“. „Отщепенцы“ и „Историческія письма Миртова“; значительное количество листовъ „Исторіи одного французскаго крестьянина“ было также найдено въ трубѣ и печкѣ, а въ кухнѣ, за обшивкою—свидѣтельство, выданное опочечкиимъ предводителемъ дворянства дѣвидѣ Натальѣ Наперстковой, взятое Клеопатрою Блавдзевичъ, по его показанію у Наперстковой, предъ отъѣздомъ изъ Петербурга. По третьему обыску, произведенному 10-го іюня въ мастерской, найдено: метрическое свидѣтельство Юліи Прушакевичъ, два билета, выданные изъ института инженеровъ Путей Сообщенія студенту Ивану Блавдзевичу, черновая телеграмма на имя Софіи Андреевой Ивановой и письмо, адресованное въ Самару Ивану Федоровичу Лукашевичу, слѣдующаго содержанія: „Гдѣ меня найти? Спросите у Л., оставьте мнѣ К. А. и И. Р. И., онѣ мнѣ нужны. Гдѣ найти Л..., узнайте въ томъ учебномъ заведеніи, гдѣ онъ находится до 12 часовъ. Secunda“. 31 мая Войнаральскаго, его жены и Селиванова не было въ мастерской, изъ прочихъ же обитателей ея Ковалекъ и Рогачевъ успѣли скрыться, остальные же были арестованы. Клеопатра Блавдзевичъ и Лемени-Македонъ, при задержаніи ихъ, назвали тѣми именами, которыя означены въ данныхъ имъ Войнаральскимъ фальшивыхъ паспортахъ, а Лемени-Македонъ, сверхъ того, во время самаго обыска написалъ подъ диктовку сестрѣ Прушакевичъ, какъ это видно изъ ихъ показаній, депешу Софьѣ Ивановой слѣдующаго содержанія: „Софьѣ Андреевнѣ Ивановой, Арбатъ, домъ Орлова. Потрудитесь передать Пудикову (т. е. Мышкину), чтобы онъ приготовился къ принятію нашихъ давно ожидаемыхъ знакомыхъ, которые только что посѣтили насъ въ Саратовѣ и, вѣроятно, посѣтятъ васъ вскорѣ“. Черновая означенной депеши, какъ сказано выше, была найдена въ мастерской, а полученіе таковой депеши не отрицаетъ въ своемъ показаніи и Мышкинъ. Содержась подъ стражею при 2-й полицейской части гор. Саратова, Юлія Прушакевичъ старалась склонить на свою сторону домошника пристава Артоболевскаго, рисовала ему въ самыхъ темныхъ краскахъ положеніе и бѣдствія народа и, наконецъ, обратилась къ нему съ просьбою о передачѣ записки сестрѣ ея Еленѣ. Въ означенной запискѣ Юлія Прушакевичъ учила сестру, какъ и что показывать на допросахъ, совѣтовала ей не признаваться въ брошюровкѣ и не говорить, какіе ящики увезли изъ мастерской Пельконена Ломоносовъ и Фаресовъ, объяснять потѣдку въ Саратовѣ цѣлью леченія въ Самарѣ и т. д. Въ отвѣтъ на эту записку Елена Прушакевичъ запискою же отвѣтила, „что она не памѣрена сознаться, что ни о Селивановѣ, ни о Войнаральскомъ ничего не говорила, но что о Москвѣ, кажется, все знаютъ“. Юлія Прушакевичъ разорвала записку сестры и бросила ее въ печь, но клочки записки были собраны и приложены къ дѣлу. Нѣсколько дней спустя Юлія Прушакевичъ вручила Артоболевскому два письма, подлежащія отправкѣ въ Москву: одно на имя Софіи Пластуновой, а другое на имя Ишолита Мышкина; въ конвертѣ, адресованномъ на имя Пластуно-

вой, оказался другой запечатанный конвертъ, съ надписью „Поляку Фрузу передать немедленно и лично“, по вскрытіи котораго въ немъ найдено письмо, адресованное, по словамъ Юліи Прушакевичъ, Ефрузизъ Сушицкой. Въ этомъ письмѣ Прушакевичъ, извѣщая о бывшемъ въ Саратовѣ обыскѣ, совѣтовала уничтожить всѣ письма, могущія компрометтировать кого-либо, просила извѣстить Косьму (т. е. Войнаральскаго), Иваночку (т. е. Селиванова), Союю (т. е. Иванову), Михаила и Алексѣя, которые хотѣли быть въ Саратовѣ (т. е. Михаила Соловцовскаго и Алексѣя Знаменскаго) и вообще дать знать всѣмъ, чтобы были готовы, а также передать обо всемъ Пудіку (т. е. Мышкину); въ этомъ же письмѣ Прушакевичъ учила показывать, что Косьма и Надежда Павловна (Войнаральскіе), а также и Иванъ (Селивановъ) у Пудика не жили и отзываться незнаеміемъ о томъ, куда они поѣхали. Въ письмѣ къ Мышкину Прушакевичъ писала, между прочимъ: „хорошо бы было скрыть, что мы работали у Вася въ типографіи; я увѣрена, что эта сволочь Уткинъ (управитель типографіи) будетъ намъ крайне опасенъ, хорошо бы его удалить. Имѣйте въ виду, что у Вася есть всѣ шансы для того, чтобы выйти изъ этого дѣла чистымъ; беспокоить только Уткинъ“. Въсѣмъ съ означеннымъ письмомъ Прушакевичъ вручила Артоболескому, предполагая, что онъ самъ поѣдетъ въ Москву, два адреса:—братъеевъ Аркадакскихъ на Арбатѣ, въ номерахъ „Гунибъ“, и студента Петровской Академіи Дружинина—„Петровское-Разумовское, выселки“. Уткинъ, о которомъ писала Прушакевичъ, сошелъ съ ума. Юлія Прушакевичъ, признавъ, что вышеприведенныя письма дѣйствительно писаны ею, тѣмъ не менѣе не признала себя виновною, равно какъ и сестра ея Елена; Иванъ Блаздзевичъ, удостовѣривъ, что найденное въ мастерской письмо на имя Лукашевича, подписанное „Secunda“, писано имъ къ Ковалику и заключало въ себѣ просьбу о присылкѣ книги „Государственность и Анархія“, призналъ себя виновнымъ лишь въ знаніи о существованіи тайнаго общества, а Клеопатра Блаздзевичъ, пояснивъ, что съ найденнымъ въ мастерской письмомъ Воронцовъ къ Лазареву она обращалась къ послѣднему подъ именемъ солдатки Натальи Федоровой съ дѣлюю поступить къ нему въ работницы, виновною себя ни въ чемъ не признала. Фаресовъ и Ломоносовъ, по ихъ же показаніямъ, передали хранившіеся у нихъ, взятые ими изъ мастерской, листы приходскому учителю Александру Ильину Виддинову, что подтвердилъ и сей послѣдній, признавшій, что ему было извѣстно, что принятые имъ листы были сочиненіе Лассалья и „Исторія одного французскаго крестьянина“, и что означенныя книги онъ взялъ изъ квартиры Фаресова, къ которому, какъ удостовѣрилъ Ломоносовъ, были предварительно перевезены и находившіеся у него, Ломоносова, ящикъ и чемоданъ; по словамъ Виддинова, имъ было взято два ящика, чемоданъ и черный узелъ,—послѣдній, какъ оказывается изъ показанія Фаресова, былъ доставленъ къ нему изъ мастерской въ самый день обыска, т. е. 31-го мая. Виддиновъ, по его собственному показанію, оставилъ у себя первый узелъ, въ которомъ были книги: „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Рѣчи Лассалья къ рабочимъ“ и по одному экземпляру „Сборника новыхъ пѣсень и стиховъ“ и „Сказки о 4-хъ братьяхъ“. Изъ означенныхъ книгъ Виддиновъ взялъ себѣ три, а остальные уничтожилъ, ящики же и чемо-

данъ были имъ отданы на сохраненіе одному помѣщику, послѣ отъѣзда котораго въ деревню, Виддиновъ, вмѣстѣ съ знакомымъ своимъ студентомъ Ивановымъ (Паевскимъ), свезъ книги въ село Большую-Дмитріевку, гдѣ передалъ таковыя слушателю Московскаго учительскаго института Тимоою Александрову Соловьеву и уѣздному учителю Александру Яковлеву Палимпсестову, что признали и сіе послѣдніе, объяснивъ, что ящики были спрятаны подъ поломъ въ квартирѣ Соловьева. Въ концѣ іюля Соловьевъ и Палимпсестовъ обратились къ своему знакомому, волостному писарю Степану Ильину Шелкунову, съ просьбою дозволить имъ перевести къ нему ящики и переплести паходившіяся въ нихъ книги, на что Шелкуновъ согласился и взялъ къ себѣ одинъ ящикъ, по затѣмъ, когда содержаніе находившихся въ немъ книгъ выяснилось для Шелкунова, то онъ заявилъ о вышеизложенномъ мѣстному губернатору. По обыску въ квартирѣ Соловьева и Палимпсестова найдено: въ комодѣ—два экземпляра „Книги для чтенія рабочимъ“, подъ перинкою—нѣсколько экземпляровъ той же книги и неполные листы „Исторіи одного французскаго крестьянина“, въ сакъ-воляжѣ—листы тѣхъ же книгъ, а въ подвалѣ—два ящика, въ одномъ изъ которыхъ лежало 10 пачекъ „Исторіи одного французскаго крестьянина“, а въ другомъ 34 связки той же книги и 6 пачекъ брошюры „Для простаго народа“: по обыску у Виддинова найдены: клочекъ бумаги, исписанный шифромъ, „Стенька Разинъ“, „Книги для чтенія рабочимъ“ и „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“. Виддиновъ, Палимпсестовъ и Соловьевъ виновными себя не признали. Послѣ перваго обыска въ мастерской Целколена, на имя послѣдняго были получены четыре письма. Въ первомъ находилась багажная квитанція отъ 28-го мая, за № 429, и записка: „продолженія не будетъ, или, если будетъ, то не скоро“. По вскрытіи полученнаго по означенной квитанціи ящика, въ немъ оказалось 13 пачекъ печатныхъ листовъ, начинающихся словами: „Вступленіе. Россія—страна еще не открытая“ (перепечатка изъ журнала „Впередъ“). Ящикъ оказался присланнымъ Мышкинымъ, рукою котораго писана и приложенная къ квитанціи записка, что признало самимъ Мышкинымъ, отправляла же ящикъ Супинская, какъ это видно изъ ея показанія. Второе письмо, адресованное на имя Юліи Прушакевичъ, было писано Ларисою Зарудневою и заключало въ себѣ просьбу о присылкѣ денегъ. Третье письмо, присланное на имя Пельколена съ передачею Смирнову, оказалось писаннымъ рукою Малиновскаго, какъ это видно изъ показанія сего послѣдняго: въ означенномъ письмѣ, начинающемся словомъ: „Порфирій“, встрѣчается слѣдующая фраза: „видѣлъ въ Самарѣ Ча или нѣтъ“, объяснить которую Малиновскій отказался. Четвертое письмо, начинающееся словами: „Милыя мои дѣвушки“, было подписано „Полякъ Фруза“ (Супинская) и имѣло приписку „отъ Лизки большой“, т. е. Ермолаевой. Между тѣмъ Надежда Войнаральская, ѣздившая по порученію мужа въ Тамбовскую губернію къ Федосеву за деньгами, вернулась въ Саратовъ; еще предъ отъѣздомъ своимъ въ Тамбовъ Войнаральская, исполняя данное ей мужемъ порученіе, написала Знаменскому и Соловцовскому письмо, въ которомъ извѣщала ихъ о приобритеніи въ городѣ Саратовѣ, у священника Архангельскаго, пусто-пожнией земли и о начатой на этой землѣ постройкѣ, и приглашала ихъ

пріѣхать заняться плотничнымъ ремесломъ, каковое обстоятельство подтверждено показаніями самой Войнаральской, Знаменскаго и Соловцовскаго: изъ Тамбова же Войнаральская, какъ видно изъ ея показанія, написала мужу шифрованное письмо, адресуя таковое въ Самару до востребованія, въ каковомъ письмѣ сообщила мужу, что послѣ его отъѣзда прибыли въ мастерскую Пельконева изъ Пензы Рогачевъ и Клеоптара Блаздевичъ и что, по словамъ Рогачева, Екатерина Николаевна (Судзиловская) черезъ мѣсяць переселится въ Саратовъ, а также что въ Пензѣ есть два гимназиста, которые могутъ работать въ типографіи, и еще одинъ человѣкъ, который можетъ быть печатникомъ. Получивъ отъ Оедосѣча деньги въ количествѣ 500 руб. с., Войнаральская, какъ сказано выше, вернулась въ Саратовъ въ то самое время, когда въ мастерской производился обыскъ. Увидѣвъ около своей квартиры полицію и узнавъ о случившемся, Войнаральская, по ея же словамъ, оставалась въ гостиницѣ, куда явился къ ней избѣжавшій ареста Рогачевъ и предложилъ ей ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Самару—отыскивать тамъ ея мужа. Изъявивъ на это согласіе, Войнаральская написала мужу письмо въ Самару, до востребованія, въ которомъ извѣщала „о холерѣ“ (арестахъ) и шифромъ присовокупила, что ѣдетъ съ Василіемъ Петровичемъ Орловымъ; далѣе, въ томъ же письмѣ Войнаральская писала: „хотя и всѣ больны, но при смерти еще нѣтъ никого; успѣла перетянуть, ахъ, что я, прекратить опасную боль на верху брюха, что ли, какъ назвать-то, не знаю“. Давъ обѣщаніе ѣхать съ Войнаральскою въ Самару, Рогачевъ, однако, вечеромъ того же дня отказался отъ своего намѣренія и, какъ видно изъ показанія Войнаральской, придя къ ней вечеромъ съ Фаресовымъ, объявилъ, что вмѣсто него поѣдетъ съ Войнаральскою сей послѣдній: при этомъ Рогачевъ получилъ отъ Войнаральской, по ея словамъ, 200 р. сер.; сто рублей на надобности его, Рогачева, а остальные для передачи Войнаральскому при свиданіи. На другой день Войнаральская и Фаресовъ были задержаны на пароходной пристани, куда они явились съ намѣреніемъ ѣхать въ Самару, что видно какъ изъ показанія Войнаральской, такъ и изъ показанія Фаресова. Содержась подъ стражей, Войнаральская нашла средство послать къ знакомому своему, Эдуарду Каменьскому, въ Пензу, письмо, въ которомъ извѣщала объ арестахъ въ Саратовѣ, умоляла сообщить „одному“ (т. е. Войнаральскому), чтобъ онъ не ѣхалъ ни въ Саратовъ, ни въ Пензу, а также излагала сущность первоначальныхъ своихъ показаній. Означенное письмо было получено Каменьскимъ и, какъ видно изъ его показанія, имѣло своимъ послѣдствіемъ отъѣздъ изъ Пензы Надежды Юргенсонъ, отправившейся предупредить Войнаральскаго о грозившей ему опасности. Войнаральская виновною себя не признала, а Фаресовъ призналъ себя виновнымъ въ сокрытіи книгъ революціоннаго содержанія. Остальные арестованныя въ мастерской Пельконева лица, т. е. Лемени-Македонъ и самъ Пельконецъ умерли, прочія же лица, посѣщавшія или проживавшія въ мастерской: Рогачевъ, Козаликъ и Ломоносовъ успѣли скрыться. Рогачевъ направился въ Тамбовъ, получивъ отъ Фаресова адресъ нѣкоего Никифорова. Фаресовъ, признавъ сначала, что адресъ Никифорова былъ имъ дѣйствительно данъ Рогачеву, вслѣдствіе просьбы послѣдняго объ указаніи ему въ Тамбовѣ лица, у котораго онъ могъ бы остановиться дня на

два, впоследствии от этого показанія отказался. На пути въ Тамбовъ Рогачевъ изъ Петровска послалъ въ Москву на имя Федора Фетисова телеграмму, въ которой извѣщалъ, что «вексель поданъ ко взысканію», каковая телеграмма, подписанная фамиліей Иванова, и была получена въ типографіи Мышкина, какъ это видно изъ показаній послѣдняго, Супинской и Федора Фетисова. Коваликъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, явился къ помѣщику Борису Малышеву въ село Вязовку, подѣ предложомъ найма дачи, и тайно отъ Малышева взялъ выданный послѣдному изъ Саратовскаго полицейскаго управленія видъ на жительство, съ которымъ впоследствии, уже подѣ именемъ Малышева, появился въ гор. Николаевскѣ у земскаго врача Кадьяна, къ которому явился и Ломоносовъ. Войнаральскій, какъ сказано выше, отправился съ Селивановымъ въ Самару: цѣлью его поѣздки было устройство притона на подобіе мастерской Пельконена въ Саратовѣ; въ означенномъ притонѣ, какъ видно изъ показанія Войнаральскаго, должна была жить знакомая его акушерка Надежда Иванова, а также Супинская—послѣдняя спеціально для брошюровки сочиненій, напечатанныхъ въ типографіи Мышкина. Планъ этотъ разстроился вслѣдствіе ареста Супинской, и Войнаральскій, пройдя вмѣстѣ съ Селивановымъ Самарскій, Бузулукскій и Бугурусланскій уѣзды и заарендовавъ, между прочимъ, у крестьянина Осокина постоянный дворъ, въ которомъ агитаторы могли бы находить себѣ пристанище, въ началѣ іюня съ тѣмъ же Селивановымъ вернулся въ Саратовъ. Мастерская Пельконена была въ то время уже закрыта; зайдя, по словамъ Войнаральскаго, въ сосѣдній съ мастерскою трактиръ, Войнаральскій и Селивановъ, прислушавшись къ толкамъ объ арестѣ проживавшихъ въ мастерской лицъ, поняли, что все открыто, а потому и рѣшили тотчасъ же отправиться въ Пензу распорядиться своимъ имуществомъ на случай ареста. Въ Пензѣ велась въ это время дѣятельная пропаганда членами революціоннаго кружка, основаннаго Войнаральскимъ и Рогачевымъ. Войнаральскій еще въ 1873 году, проживая въ Городищенскомъ уѣздѣ, познакомился въ домѣ помѣщицы Александры Селивановой со сосланнымъ за участіе въ польскомъ мятежѣ дворяниномъ Эдуардомъ Юліановымъ Каменскимъ, а чрезъ сего послѣдняго и съ акцизнымъ надзирателемъ Николаемъ Наулиновымъ Жилинскимъ и женою послѣдняго Ольгою Ивановою. Кромѣ означенныхъ лицъ, Войнаральскій сошелся еще съ проживавшею въ Городищахъ женою прапорщика Анною Степановою Тушинскою, съ которою и вступилъ въ весьма близкія отношенія, не прекратившіяся и послѣ того, какъ Тушинская уѣхала въ Петербургъ для слушанія акушерскихъ курсовъ, а Войнаральскій, въ октябрѣ 1873 года, женился на дочери мѣстнаго судейскаго слѣдователя Надеждѣ Павловой Дорониной. Приѣзжая въ Петербургъ изъ Пензы, Войнаральскій бывалъ у Тушинской, какъ видно изъ показаній послѣдней, познакомился чрезъ нее въ квартирѣ Лешернъ съ Евгеніемъ Судзиловскою и, по собственному своему показанію, давалъ Тушинской революціонныя книги заграничнаго изданія. Войдя, такимъ образомъ, въ среду петербургскихъ агитаторовъ, Войнаральскій вошелъ въ сношенія съ Коваликомъ, Клеопатрою Блаждевичъ и др., изъ которыхъ Кравчинскій и Рогачевъ, скрываясь отъ преслѣдованія, въ декабрѣ 1873 года, явились къ нему въ Городищенскій уѣздъ. Какъ видно изъ показанія Войнаральскаго, онъ передалъ Кравчинскому видъ на жительство семинариста Свиридова,

взятый у послѣдняго еще въ 1867 году, когда онъ, Войнаральскій, и Свиридовъ жили на одной квартирѣ въ гор. Вельскѣ, Вологодской губерніи, Рогачевъ же остался у него подъ видомъ письмоводителя и подъ именемъ тульского семинариста Василя Петрова Орлова, что призналъ и Рогачевъ. Усвоивъ себѣ, какъ уже сказано выше, революціонное направленіе, Войнаральскій въ мартѣ 1874 года переселился въ Москву, гдѣ и предался всецѣло дѣлу революціонной пропаганды, но предъ своимъ отъѣздомъ изъ Пензы рѣшился пріобрѣсти единомышленниковъ и въ этой мѣстности. Съ этою цѣлью Войнаральскій, явившись къ Каменскому, предложилъ ему послѣднему, какъ это видно изъ его показанія, взять къ себѣ и давать читать другимъ привезенныя Войнаральскимъ изъ Петербурга книги, на что Каменскій и изъявилъ согласіе; означенныхъ книгъ было штукъ до 30, въ числѣ которыхъ, по словамъ Каменскаго и перевозившаго эти книги семинариста Доброва, находились: «Исторія одного французскаго крестьянина», два или три экземпляра журнала «Впередъ», два экземпляра «Азбуки социальныхъ наукъ», два тома сочиненій Лассаля, «Чтой-то братцы», «Стенька Разинъ» и т. п. Заручившись содѣйствіемъ Каменскаго, Войнаральскій, прежде чѣмъ уѣхать изъ Пензы, нанялъ у вдовы коллежскаго ассесора Настаси Филипповой Цибишевой квартиру, въ которой могъ бы останавливаться во время своихъ пріѣздовъ изъ села Нижняго-Шкафта Орловъ (Рогачевъ), котораго и выдалъ Цибишевой за своего управляющаго, а также снялъ въ селѣ Степановкѣ лавочку, ибѣя въ виду предоставить въ ней мѣсто продавальщицы Судзиловской, обратившейся къ Войнаральскому, какъ видно изъ ея показанія, съ просьбою поискать ей мѣсто, удобное для ознакомленія съ народомъ. Исполняя свое обѣщаніе, Каменскій, послѣ отъѣзда Войнаральскаго въ Москву, сталъ распространять переданныя ему книги между своими знакомыми и учащеюся молодежью; такъ, по собственному сознанію Каменскаго, учащаяся молодежь получала отъ него книги чрезъ посредство гимназиста Петра Васильева Кротонова, что подтвердилъ и сей послѣдній, а по удостовѣренію Николая Жилинскаго и вдовы титулярнаго совѣтника Александры Николаевой Рудницкой, Каменскій далъ первому журналъ «Впередъ», а послѣдней «Исторію одного французскаго крестьянина». Преступная цѣль, съ которою Каменскій раздавалъ для чтенія вышеозначенныя книги, вполне выясняется какъ дальнѣйшимъ образомъ его дѣйствій, такъ и его направленіемъ, о которомъ свидѣтельствуетъ дворянка Владыкина; по словамъ послѣдней, Каменскій говорилъ ей, что всѣхъ богатыхъ нужно уничтожить, потому что они ничего не дѣлаютъ, что правительство должно быть низвергнуто и что даже церкви не должно существовать въ Россіи. Проживая въ селѣ Нижнемъ-Шкафтѣ, Рогачевъ въ свою очередь пропагандировалъ между крестьянами, въ средѣ которыхъ распространялъ и революціонныя книги, какъ-то: «Чтой-то братцы», «Стеньку Разина», «Исторію одного французскаго крестьянина» и т. д., каковой образъ дѣйствій Рогачева вполне доказанъ показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей. Не ограничиваясь пропагандою въ крестьянской средѣ, Рогачевъ, сверхъ того, поставилъ себѣ задачей возвращеніе учащейся молодежи въ городѣ Пензѣ. Посѣщая довольно часто означенный городъ, онъ уже съ февраля 1874 года началъ вести агитацію между учениками мѣстныхъ учебныхъ заведеній, первое знакомство съ которыми онъ

завелъ чрезъ посредство дворянина Алексѣя Кулябко, также служившаго письмоводителемъ у Войнаральскаго. По словамъ Кулябко, онъ, по просьбѣ Рогачева, познакомилъ послѣдняго съ гимназистами Викторомъ Ивановымъ Сабелькинымъ и Петромъ Васильевымъ Кротоновымъ, а также съ семинаристомъ Иваномъ Ивановымъ Добровымъ, которые, какъ видно изъ ихъ показаній, и были увлечены Рогачевымъ на путь революціонной дѣятельности. По удостовѣренію Доброва, Рогачевъ при первомъ же съ нимъ знакомствѣ завелъ разговоръ о необходимости литературныхъ вечеровъ и предложилъ программу книгъ для чтенія на этихъ вечерахъ; въ числѣ означенныхъ книгъ были сочиненія Флеровскаго, Лассаля, Овена, Фурье, Прудона и Чернышевскаго; далѣе Рогачевъ перевелъ разговоръ на положеніе рабочаго класса въ Россіи, а также излагалъ ученіе Шульце-Делича и Лассаля; при послѣдующихъ свиданіяхъ Рогачевъ сталъ высказываться вполнѣ; онъ желчно отзывался о дворянахъ, купцахъ и т. д., говорилъ, что они несправедливо владѣютъ землей, что освобожденіе крестьянъ не принесло послѣднимъ никакой пользы, доказывалъ необходимость пропаганды въ народѣ, говорилъ о дѣятельности Бакунина, объ интернаціональномъ обществѣ рабочихъ и разбиралъ вопросъ о томъ, какой образъ правленія представляется лучшимъ, при чемъ высказывался за анархію, т. е. федерацію общинъ при автономіи послѣднихъ, а въ концѣ концовъ совѣтовалъ Доброву идти въ народъ. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ, Рогачевъ рекомендовалъ Доброву, по показанію послѣдняго, прочесть «Государственность и Анархію», а также далъ ему журналъ «Впередъ» и нѣсколько другихъ книгъ, въ числѣ которыхъ былъ и первый томъ сочиненій Лассаля; журналъ «Впередъ» былъ доставленъ Доброву, по его словамъ, чрезъ Алексѣя Кулябко, который передалъ ему, что Войнаральскій рекомендуетъ прочесть статью «Наша программа», а Рогачевъ—статью «Что дѣлается на родинѣ», остальные же книги Добровъ получилъ лично отъ Рогачева въ квартирѣ Войнаральскаго. Сабелькину, какъ видно изъ его показанія, Рогачевъ при первомъ съ нимъ свиданіи предложилъ занять мѣсто сидѣльца въ питейномъ заведеніи, на что Сабелькинъ отвѣтилъ отказомъ, послѣ чего Рогачевъ предложилъ ему составить кружокъ для литературныхъ чтеній и далъ ему программу таковыхъ и билетъ на полученіе книгъ изъ библіотеки Иванова; впоследствии Рогачевъ сталъ горячо доказывать Сабелькину необходимость помочь рабочему классу, познакомилъ его съ Добровымъ и далъ ему читать „Государственность и Анархія“, „Историческое развитіе интернаціонала“, „Впередъ“, Лассаля и т. д. Кротонову, какъ оказывается изъ его показанія, Рогачевъ также совѣтовалъ читать книги по составленной имъ, Рогачевымъ, программѣ и внушалъ ему то же самое, что и Доброву и Сабелькину: сводя постоянно, по словамъ Кротонова, разговоръ на социальные вопросы, Рогачевъ пояснялъ, что на Пугачева и Разина слѣдуетъ смотрѣть не какъ на разбойниковъ, а какъ на людей, стремившихся къ облегченію положенія народа. Подъ вліяніемъ Рогачева, Добровъ, Сабелькинъ и Кротоновъ усвоили себѣ революціонное направленіе и въ свою очередь стали пропагандировать въ средѣ своихъ товарищей—воспитанниковъ семинаріи и гимназіи. Добровъ, какъ видно изъ показанія окончившаго курсъ семинаріи Ивана Иванова Ареопагитскаго, далъ ему послѣднюю книгу „Отщепенцы“ и „Впередъ“, а также, по словамъ самого Доброва, „Исторію одного французскаго

крестьянина“ и ввелъ его въ свой кружокъ, послѣ чего Ареопагитскій вмѣстѣ съ Добровымъ совратилъ семинариста Павла Покровскаго, какъ это оказывается изъ показанія послѣдняго, а Ареопагитскій сверхъ того передалъ „Впередъ“, по его собственному показанію, товарищу своему Морозову. Независимо отъ сего, цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній удостовѣрено, что Добровъ доказывалъ нѣсколькимъ лицамъ необходимость идти въ народъ и возбуждать его къ возстанію противъ правительства, поясняя, что только путемъ революціи возможно достигнуть измѣненія существующаго порядка, предлагалъ многимъ изъ своихъ товарищей вступить въ тайное общество, составившееся съ цѣлью ниспроверженія существующаго государственнаго строя и распространялъ революціонныя книги, какъ-то: „Впередъ“, „Стенька Разинъ“, „Историческое развитие интернаціонала“, „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“ и др. Между прочимъ, и Петръ Кротоновъ, какъ видно изъ его показанія, получилъ отъ Доброва „Впередъ“, „Стеньку Разина“ и „Историческое развитие интернаціонала“, а по удостовѣренію Эдуарда Каменскаго, самъ Добровъ написалъ какую-то прокламацію, въ которой говорилось, что не слѣдуетъ учиться, а надо идти въ народъ, а затѣмъ раздавалъ ее своимъ товарищамъ. Сабелькинъ, подобно Доброву, агитировалъ въ средѣ пензенской учащейся молодежи. По удостовѣренію нѣсколькихъ свидѣтелей, Сабелькинъ проводилъ мысль, что существующіе порядки неудовлетворительны, что исправить такъ-овые возможно единственно путемъ революціи, предлагалъ нѣсколькимъ лицамъ вступать въ образовавшееся въ Пензѣ тайное революціонное общество, которое было, по его словамъ, лишь вѣтвью существующаго такого же общества за границею и распространялъ книги: „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Государственность и Анархія“, „Впередъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Стеньку Разина“ и др., что видно и изъ показанія самого Сабелькина, признавашаго, что онъ послалъ въ гор. Чембары своему товарищу Плетневу нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ находились „Впередъ“, „Историческое развитие интернаціонала“ и сочиненія Лассалля. Слѣдуя призыву Доброва и Сабелькина, Кротоновъ также агитировалъ между своими товарищами по гимназіи, проводя тѣ же мысли, что и Сабелькинъ, и также занимался распространеніемъ революціонныхъ книгъ, которыя получалъ отъ Каменскаго и Жилинскаго. Доказательствомъ такого образа дѣйствій Кротонова служатъ показанія нѣсколькихъ свидѣтелей, Каменскаго и самого Кротонова. Такимъ образомъ, благодаря усиліямъ Войнаральскаго и Рогачева, образовался подъ ихъ руководствомъ пензенскій революціонный кружокъ, членами котораго были: Каменскій, Добровъ, Сабелькинъ, Кротоновъ, Ареопагитскій и Покровскій; направленіе означеннаго кружка, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, ничѣмъ не отличалось отъ направленія прочихъ кружковъ—пензенскій кружокъ прідерживался идей Вакуинпа и считалъ его формулу объ уничтоженіи государства и замѣнѣ такового федераціей вольныхъ общинъ единственнымъ способомъ улучшенія народнаго быта. Пензенскій кружокъ вскорѣ увеличился: членами его сдѣлались нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей и сверхъ того въ Пензу прибыли агитаторы изъ разныхъ мѣстъ Имперіи. Въ числѣ первыхъ находились: гимназистъ Миллеръ (нынѣ умершій) и Николай Жилинскій съ женою, прибывшіе же въ Пензу агитаторы были: Клеопатра Блаздовичъ, Судзиловская,

дочь титулярнаго совѣтника Надежда Юргенсонъ и членъ Харьковскаго революціоннаго кружка Спѣснцевъ. Жилинскій, какъ видно изъ его показанія, получилъ въ февралѣ отъ Каменскаго журналъ „Впередъ“ и „Исторію одного французскаго крестьянина“; прочитавъ означенныя книги, Жилинскій задумался, по его словамъ, надъ статьей о сажарскомъ голодѣ, понявъ, что Войнаральскій и Каменскій сочувствуютъ народу и самъ рѣшилъ примкнуть къ дѣлу, которому они служили. Вслѣдствіе сего, когда Войнаральскій, послѣ закрытія своей мастерской на Бутыркахъ, пріѣхалъ въ Пензу для полученія имущества, оставшагося послѣ смерти его отца, помѣщика Ларионова, и обратился къ Жилинскому съ просьбой принять на сохраненіе книги, оставленныя у Каменскаго, и тѣмъ съ революціонными сочиненіями, которые будутъ высылаемы изъ Москвы, то Жилинскій и его жена, какъ видно изъ ихъ показаній, а также показанія Каменскаго, изъ явили согласіе хранить у себя запрещенныя книги, заняться брошюрной изданіемъ, которые будутъ присланы изъ Москвы и, сверхъ того, вести переписку съ членами кружка по поводу дѣлъ послѣдняго. Уѣзжая обратно въ Москву, Войнаральскій, какъ удостовѣрили Жилинскіе, оставилъ имъ шифръ для веденія переписки и адресъ въ Москвѣ на имя Мышкина или Смирнова, а также просилъ прислать мѣсто для одной женщины, которая вскорѣ должна была пріѣхать въ Пензу: съ тою же просьбой Войнаральскій обратился, по словамъ Каменскаго, къ нему и, сверхъ того, просилъ распорядиться его деньгами и никогда не отказывать въ таковыхъ Орлову. Въ этотъ пріѣздъ свой Войнаральскій видѣлся съ Судзиловскою, прибывшею въ Пензу еще въ мартѣ. Приглашеніе Войнаральскаго ѣхать въ Пензу Судзиловская получила чрезъ посредство Тушинской, какъ это видно изъ показанія послѣдней, снабдившей Судзиловскую и адресомъ Цибишевой; около 15-го марта Судзиловская выѣхала изъ Петербурга и посѣтила въ Москвѣ мастерскую Войнаральскаго на Плющихѣ, гдѣ, какъ оказывается изъ показанія Судзиловской, и получила отъ Войнаральскаго нѣсколько книгъ для передачи таковыхъ Каменскому, при чемъ Войнаральскій сообщилъ ей, что въ случаѣ надобности, она можетъ обращаться за содѣйствіемъ къ Орлову. Пріѣхавъ въ Пензу подъ именемъ крестьянки Екатерины Николаевны Петровой, Судзиловская остановилась у Цибишевой, познакомилась чрезъ Орлова-Рогачева съ прочими членами кружка и, какъ видно изъ ея показанія, закупивъ, при содѣйствіи Рогачева, товаръ для лавочки, вмѣстѣ съ Рогачевымъ поѣхала въ село Степановку, гдѣ и открыла торговлю въ помѣщеніи, снятомъ Войнаральскимъ у крестьянина Романа Хромова. Проживая въ селѣ Степановкѣ, Судзиловская занималась пропагандой, но безуспѣшно, какъ это видно изъ показанія Доброва; по словамъ послѣдняго, Судзиловская рассказывала ему, что жила въ Степановкѣ съ цѣлью дѣйствовать на народъ въ извѣстномъ направленіи и что народъ относился къ ней недоброжелательно. Вскорѣ послѣ отъѣзда Войнаральскаго въ Москву Ольга Жилинская, какъ это видно изъ ея показанія, получила отъ Войнаральскаго письмо, въ которомъ онъ еще разъ спрашивалъ, согласна ли она принять на храненіе книги: на означенное письмо, писанное шифромъ, Жилинская, по ея собственнымъ словамъ, шифрованнымъ же письмомъ уведомила Войнаральскаго о своемъ согласіи. Вскорѣ затѣмъ, въ первой половинѣ мая, пріѣхала въ Пензу Клеопатра Владзе-

вичъ съ двумя или тремя тюками книгъ, отпечатанныхъ въ типографіи Мышкина и выданныхъ ею Цибишевой, у которой она остановилась, за красный товаръ для лавочки Судзиловской въ Степановкѣ; Бладзевичъ, называвшая себя солдаткой Натальею Ѳедоровою, явилась къ Каменьскому и передала ему, какъ видно изъ показанія послѣдняго, просьбу Войнаральскаго перевезти означенныя книги къ Жилинскимъ, что Каменьскимъ и было исполнено. Перевозка къ Жилинскимъ книгъ и помѣщеніе ихъ въ чуланѣ новаго, еще нестроеннаго дома, подтверждается, кромѣ показанія Каменьскаго, еще и показаніями Жилинскихъ, удостовѣрившихъ, сверхъ сего, и полученіе отъ Войнаральскаго, чрезъ контору транспортовъ, двухъ ящиковъ съ неброшюровавшими листами „Исторіи одного французскаго крестьянина“ и „Чтой-то братцы“. Клеопатра Бладзевичъ, давъ привезенныя ею тюки съ книгами переночевавъ одну ночь у Жилинскихъ, какъ это видно изъ показанія Жилинской, отправилась въ Степановку къ Судзиловской, у которой пробыла нѣсколько дней, при чемъ Судзиловская, какъ оказывается изъ ея показанія, знавшая уже Бладзевичъ въ Петербургѣ, выдавала ее за свою сестру. Почти одновременно съ Бладзевичъ прибылъ въ Пензу и членъ харьковскаго революціоннаго кружка Михаилъ Ѳеоктистовъ Спѣсивцевъ. По словамъ послѣдняго, онъ получилъ въ Харьковѣ отъ Моисея Рабиновича два письма—одно къ Войнаральскому, а другое къ Екатеринѣ Николаевой Петровой, т. е. Судзиловской, при чемъ Рабиновичъ объяснилъ, что Петрова имѣетъ лавочку въ Степановкѣ, въ 28 верстахъ отъ Пензы, и что у нея можно узнать адреса всѣхъ мѣстныхъ пропагандистовъ. По прибытіи въ Пензу, Спѣсивцевъ остановился у Цибишевой, адресъ которой былъ ему также сообщенъ Рабиновичемъ, а затѣмъ отправился въ Степановку къ Судзиловской, у которой и засталъ Клеопатру Бладзевичъ; вскорѣ послѣ прихода Спѣсивцева подѣхалъ молодой человекъ, назвавшійся, по словамъ Спѣсивцева, семинаристомъ Василюшъ Петровымъ Орловымъ (Рогачевъ), съ которымъ Бладзевичъ и Спѣсивцевъ тотчасъ и отправились въ Пензу, какъ это видно изъ показанія Судзиловской, при чемъ дорогой, по удостовѣренію Спѣсивцева, Рогачевъ рассказывалъ ему о своей пропагандѣ въ селѣ Нижнемяшкратѣ, а Бладзевичъ сообщила свѣдѣнія о пропагандѣ въ Кіевѣ. По пріѣздѣ въ Пензу, Клеопатра Бладзевичъ остановилась у Каменьскаго, а Рогачевъ и Спѣсивцевъ у Сабелькина; на другой день въ квартирѣ Цибишевой, гдѣ собрался Рогачевъ, Клеопатра Бладзевичъ и Спѣсивцевъ, Рогачевъ рассказалъ Сабелькину, какъ удостовѣрилъ послѣдній, о дѣятельности пензенскихъ агитаторовъ и о московской типографіи и просилъ Спѣсивцева спросить въ Харьковѣ, не пожелаетъ ли кто изъ семинаристовъ работать въ типографіи, а также просилъ Спѣсивцева написать члену харьковскаго кружка Кацу, намѣревавшемуся работать лѣтомъ въ кузницѣ у своего дяди, о принятіи въ означенную кузницу его, Рогачева. По словамъ Спѣсивцева, онъ исполнилъ просьбу Рогачева, но отвѣта изъ Харькова не получилъ. Желая подготовити себя къ пропагандѣ, Спѣсивцевъ, по его показанію, при содѣйствіи Рогачева и по рекомендаціи Каменьскаго, поступилъ въ обученіе къ столяру Ѳедору Ершову, при чемъ деньги за обученіе Спѣсивцева платилъ Ершову Каменьскій. Проживая въ Пензѣ, Спѣсивцевъ познакомился съ членами кружка и принималъ участіе въ устраиваемыхъ Рогачевымъ сходкахъ гимназистовъ и семинаристовъ. Означенныя сходки

начались еще въ мартѣ и имѣли цѣлью, съ одной стороны—поддерживать въ членахъ кружка изъ учащейся молодежи внушенное имъ направленіе, а съ другой—должны были служить средствомъ для пріобрѣтенія новыхъ единомышленниковъ. Первая сходка была собрана на 6-й подѣлѣ великаго поста въ квартирѣ гимназиста Разумовскаго, у котораго проживали, по показанію Доброва, нѣкоторое время Рогачевъ и Алексій Кулябко. По просьбѣ Рогачева, Добровъ, какъ это видно изъ его показанія, созвалъ въ квартиру Разумовскаго нѣсколько человекъ, семинаристовъ и гимназистовъ, а изъ членовъ кружка присутствовали, крохѣ Рогачева и Доброва, Сабелькинъ, Кротоновъ и Ареопагитскій. Вторая сходка состоялась, при содѣйствіи того же Доброва, въ квартирѣ гимназиста Францева, на которой изъ членовъ кружка присутствовали тѣ же лица, что и на первой сходкѣ. Третья сходка собралась, при содѣйствіи Доброва и Сабелькина, въ маѣ въ засѣнкѣ; на означенной сходкѣ, крохѣ упомянутыхъ выше членовъ кружка, присутствовала Евгенія Судзиловская, прибывшая изъ Степановки, а также былъ и Андрей Кулябко, пріѣхавшій изъ Москвы съ Войнаральскимъ. Четвертая сходка, во второй половинѣ мая, была устроена въ квартирѣ семинаристовъ Алмазова и Троянова; изъ членовъ кружка въ ней присутствовали: Рогачевъ, Добровъ, Сабелькинъ, Кротоновъ и Ареопагитскій. Пятая сходка, въ томъ же маѣ, была устроена у Козицинской мельницы и въ ней изъ членовъ кружка принимали участіе, между прочимъ, Спѣсивцевъ и Покровскій. Шестая и послѣдняя сходка была собрана въ квартирѣ члена кружка Миллера; на ней были члены кружка: Рогачевъ, Добровъ, Сабелькинъ, Кротоновъ, Покровскій и Спѣсивцевъ. Всѣ вышеозначенныя сходки имѣли одинъ и тотъ же характеръ. Цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній вполне доказано, что первенствующую роль на сходкахъ игралъ Рогачевъ, читавшій на многихъ изъ нихъ какую-либо статью, въ томъ числѣ и изъ журналовъ „Впередъ“, а затѣмъ комментировавшій прочитанное, при чемъ онъ убѣждалъ своихъ слушателей въ необходимости революціи и совѣтовалъ имъ бросить ученіе и идти въ народъ, готовить его къ возстанію, говоря, что не время учиться, когда страдаетъ меньшая братія; окончивались же обыкновенно сходки пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. На сходкѣ въ засѣнкѣ Судзиловская высказывалась въ томъ же духѣ, какъ и Орловъ, и поддерживала его въ спорѣ съ однимъ изъ присутствовавшихъ. Старанія Рогачева побудить своихъ слушателей къ пропагандѣ въ народѣ не прошли вовсе безслѣдно: изъ числа членовъ кружка, Сабелькинъ и Спѣсивцевъ, какъ видно изъ ихъ показаній, отправились на пропаганду въ мѣстечко Виляевку и селеніе Ельшанку, взявъ съ собою и революціонныя книги. Въ Виляевкѣ Сабелькинъ и Спѣсивцевъ ночевали у одного крестьянина, которому Сабелькинъ говорилъ, по словамъ Спѣсивцева, что крестьяне могли бы избавиться отъ претерпѣваемыхъ ими страданій, такъ какъ крестьянъ больше, чѣмъ тѣхъ, по винѣ которыхъ они страдаютъ, и читалъ при этомъ выдержки изъ „Стеньки Разина“. На другой день Сабелькинъ и Спѣсивцевъ отправились въ Ельшанку, гдѣ Сабелькинъ, по его собственному показанію, рассказывалъ одному крестьянину про французскую революцію и прочелъ ему брошюру «Стенька Разинъ» или «Что-то братцы», что подтвердилъ и Спѣсивцевъ, поясняя, что читанная Сабелькинымъ брошюра была «Что-то братцы». Независимо отъ показаній Сабелькина и Спѣсивцева, пре-

ступная дѣятельность Сабелькина въ Ельшанкѣ удостоверяется и показаніями свидѣтелей. Пробывъ еще нѣкоторое время въ Пензѣ, Спѣсивцевъ возвратился въ Харьковъ, при чемъ деньги на дорогу получилъ отъ членовъ пензенскаго кружка Жилинскихъ и Судзиловской, какъ видно изъ показаній Судзиловской и Сабелькина. Вскорѣ послѣ отъѣзда Спѣсивцева Жилинскій, получилъ изъ гор. Вольска, Саратовской губерніи два письма, подписанныя словомъ „Пожиже“. Въ первомъ письмѣ „Пожиже“ просилъ передать Спѣсивцеву, что дѣла идутъ хорошо и чтобъ онъ ѣхалъ въ Саратовъ; во второмъ же письмѣ заключалась просьба увѣдомить Спѣсивцева, чтобъ онъ не пріѣзжалъ, такъ какъ дѣла идутъ плохо. Означенныя письма, полученіе которыхъ удостоверяется показаніями Жилинскихъ, были, по ихъ словамъ, переданы Каменьскому для соответствующихъ распоряженій. Къ разъясненію приведенныхъ писемъ можетъ служить показаніе Спѣсивцева о томъ, что Рогачевъ, предъ отъѣздомъ своимъ въ Саратовъ, просилъ его по полученіи отвѣта изъ Харькова отъ Каца прибыть въ Саратовъ въ мастерскую Пельконена, пароль для входа въ квартиру былъ слѣдующій: „желаю быть сапожникомъ, хозяинъ изъ Бутырокъ“. Выданныя Спѣсивцеву деньги на путевые расходы были, какъ сказано выше, возвращены Каменьскому черезъ посредство Варакова, одного изъ главныхъ дѣятелей харьковскаго кружка. Пріѣхавъ съ Рогачевымъ и Спѣсивцевымъ изъ Степановки въ Пензу, Клеопатра Бладзевичъ рѣшила отправиться въ Саратовъ въ мастерскую Пельконена, куда вмѣстѣ съ нею отправился и Рогачевъ. Послѣдній, предъ своимъ отъѣздомъ, оставилъ Сабелькину свой адресъ и шифръ для переписки и просилъ Жилинскихъ помѣстить гимназиста Корнѣева въ мѣстную типографію Градковскаго, что Жилинскіе, какъ видно изъ показанія Ольги Жилинской, и обѣщали сдѣлать. Получивъ отъ Каменьскаго, по словамъ послѣдняго, деньги на дорогу, Рогачевъ и Бладзевичъ уѣхали изъ Пензы въ послѣднихъ числахъ мая, и какъ уже изложено выше, поселились въ мастерской Пельконена въ Саратовѣ, гдѣ Бладзевичъ и была задержана. Уѣзжая изъ Пензы, Рогачевъ запаса видомъ на жительство; онъ получалъ таковой отъ Жилинскихъ, которые передали ему выданное изъ С.-Петербургской Введенской прогимназіи свидѣтельство на имя воспитанника Жилинскихъ Николая Куликова, въ какомъ свидѣтельствѣ лѣта Куликова были вытравлены Рогачевымъ и Клеопатрою Бладзевичъ и замѣнены лѣтами, подходящими къ возрасту Рогачева. Передача Жилинскими Рогачеву свидѣтельства Куликова удостоверяется показаніями Каменьскаго и Ольги Жилинской, а исправленіе лѣтъ въ свидѣтельствѣ—показаніями Спѣсивцева, Клеопатры Бладзевичъ и Каменьскаго. О прибытіи Рогачева и Бладзевичъ въ Саратовъ Надежда Войнаральская, какъ сказано выше, сообщила мужу письмомъ, адресованнымъ въ Самару; въ означенномъ письмѣ Войнаральская писала, между прочимъ, что Рогачева въ Пензѣ можетъ замѣнить Сабелькинъ, что есть три наборщика-семинариста и гимназистъ-печатникъ, при чемъ упоминала о типографіи Градковскаго. Гимназистъ-печатникъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, былъ Корнѣевъ, а къ числу семинаристовъ, о которыхъ писала Войнаральская, принадлежали: Покровский, изъявившій на сходкѣ у Миллера, какъ это оказывается изъ показанія Кротона, согласіе работать въ московской типографіи, и Морозовъ, которому, по его словамъ, Рогачевъ

предлагалъ отправиться въ Москву для взученія типографскаго дѣла; съ такимъ же предложеніемъ, какъ удостовѣрилъ Морозовъ, Рогачевъ обращался еще къ одному лицу, фамилію котораго Морозовъ не помнитъ. Въ день отъѣзда Рогачева и Клеопатры Бладзевичъ, въ квартирѣ Цибишевой, какъ видно изъ показанія Спѣсивцева, появилась новая личность— слушательница женскихъ курсовъ Медико-Хирургической Академіи Надежда Александрова Юргенсонъ, прибывшая изъ Петербурга подъ именемъ крестьянки Дарьи Николаевой съ фальшивымъ паспортомъ на имя послѣдней. Юргенсонъ привезла съ собою, по словамъ Спѣсивцева, нѣсколько экземпляровъ „Сказки о 4-хъ братьяхъ“ и вскорѣ отправилась въ Степановку къ Судзиловской, къ которой, какъ видно изъ показанія послѣдней, и явилась по адресу, данному Лешернъ-фонъ-Герцфельдтъ. Вскорѣ послѣ прибытія Юргенсонъ Каменьскій получилъ отъ Надежды Войнаральской приведенное уже выше письмо, въ которомъ Войнаральская просила сообщить „одному“, чтобы онъ не ѣздилъ ни въ Саратовъ, ни въ Пензу. По удостовѣренію Каменьскаго, Жилинскій, узнавъ о содержаніи упомянутого письма, хотѣлъ самъ ѣхать въ Самару предупредить Войнаральскаго о грозившей ему опасности, но Каменьскій, выставивъ на видъ трудность разысканія Войнаральскаго, ходившаго „въ народъ“, предложилъ прислать въ Самару Дарью Николаевну, т. е. Юргенсонъ. Юргенсонъ согласилась отправиться на поиски Войнаральскаго и уѣхала изъ Пензы, получивъ, по словамъ Каменьскаго, адресъ акушерки Надежды Ивановой въ Самарѣ и письмо отъ Каменьскаго къ Войнаральскому. Уѣзжая изъ Пензы, Юргенсонъ, какъ это видно изъ показанія Каменьскаго, оставила ему свой фальшивый паспортъ; сказавъ, что онъ, можетъ быть, кому-нибудь пригодится, каковой паспортъ Каменьскій передалъ впоследствии Жилинскимъ. Не довольствуясь отправленіемъ Юргенсонъ въ Самару, Жилинскій, какъ видно изъ его показанія, послалъ акушеркѣ Ивановой телеграмму, подписанную „Лазаревъ“, въ которой просилъ увѣдомить Пароена Иванова, т. е. Войнаральскаго, чтобы онъ не ѣздилъ ни въ Пензу, ни въ Саратовъ. Вскорѣ послѣ сего, по словамъ Ольги Жилинской, ею было получено отъ Рогачева шифрованное письмо на имя Сабелькина. Письмо это, какъ видно изъ показанія Спѣсивцева, было прислано изъ Тамбова, и въ немъ Рогачевъ сообщалъ о саратовскихъ арестахъ, о томъ, что едва самъ не былъ задержанъ и просилъ увѣдомить его о кузницѣ Каца. Вслѣдствіе означеннаго письма, полученіе котораго подтверждается показаніемъ Н. Жилинскаго и не отвергается самимъ Сабелькинымъ, послѣдній послалъ Ареопагитскаго въ Степановку узнать отъ Судзиловской, по удостовѣренію Ареопагитскаго— успѣшно ли она распространяетъ въ народѣ противоправительственныя идеи, а по показанію Судзиловской— и съ цѣлью извѣстить ее о саратовскихъ арестахъ и дать ей совѣтъ уѣхать изъ Степановки. Между тѣмъ 7-го іюня прибыли въ Пензу Войнаральскій и Иванъ Селивановъ, узнавшіе въ Саратовѣ о закрытіи мастерской Пельконена и объ арестованіи проживавшихъ въ ней лицъ. Прибывъ въ Пензу, Войнаральскій не вошелъ въ городъ, а остановился у моста и послалъ Селиванова къ Цибишевой; Иванъ Селивановъ, по его собственному показанію, вызвалъ Цибишеву, которая, по просьбѣ Войнаральскаго, и привела къ нему Каменьскаго. Каменьскій, какъ это видно изъ его показанія, пригласилъ Войнаральскаго и Селиванова въ свою квартиру, гдѣ,

по словам Селиванова, их навѣщали Жилинскіе. Желая, на случай своего ареста, спасти для революціоннаго дѣла пожертвованный имъ на таковое капиталъ, Войнаральскій задумалъ посредствомъ безденежныхъ векселей перевести свои деньги на другихъ лицъ. Вслѣдствіе сего Войнаральскій, какъ видно изъ показанія Каменьскаго, обратился къ нему съ просьбою съѣздить въ Городище къ мировому судѣ Эндаурову, передать ему письмо и просить пріѣхать въ Пензу, захвативъ съ собою нотаріальную книгу и печать; такую просьбу Войнаральскаго Каменьскій поспѣшилъ исполнить. Выѣхавъ немедленно изъ Пензы, Каменьскій заѣхалъ къ Судзиловской, которую, какъ видно изъ ея показанія, извѣстилъ о пріѣздѣ Войнаральскаго, а на другой день, т. е. 8 іюня, утромъ, по его собственнымъ словамъ, вернулся въ Пензу съ Эндауровымъ. Войнаральскій заявилъ Эндаурову, по показанію Каменьскаго, о необходимости ликвидировать свои дѣла изъ опасенія, чтобы на его капиталъ не былъ наложенъ арестъ, и высказалъ желаніе выдать на имя Каменьскаго вексель въ 20.000 р., который затѣмъ и былъ написанъ на купленной Каменскимъ вексельной бумагѣ. Селивановъ тоже написалъ на имя Каменьскаго вексель въ суммѣ 6.000 р., а затѣмъ, по словамъ Каменьскаго, Войнаральскій самъ записалъ векселя въ книгу и сдѣлалъ на нихъ надпись, которую подписалъ Эндауровъ, возразившій на замѣчаніе Каменьскаго о томъ, что векселя пишутся заднимъ числомъ, т. е. отъ 3 іюня, что доказать это будетъ очень трудно. Покончивъ дѣло съ векселями, Войнаральскій обратился, по словамъ Каменьскаго, къ Эндаурову съ просьбой добыть ему бланкъ для подорожной, что Эндауровъ и обѣщалъ исполнить: дѣйствительно, на другой день, т. е. 9 іюня, Эндауровъ, по удостовѣренію Каменьскаго, прислалъ съ эстафетой, на имя жены Каменьскаго, бланкъ подорожной, въ который Войнаральскій и вписалъ текстъ, взявъ за образецъ подорожную Жилинскаго, доставленную симъ послѣднимъ именно для означенной цѣли. Помимо показанія Каменьскаго, выдача векселей Войнаральскимъ и Селивановымъ подтверждается и показаніями сихъ послѣднихъ, но при этомъ Селивановъ призналъ, что векселя писались въ Пензѣ и послѣ третьяго іюня, а Войнаральскій показалъ, что векселя были написаны и засвидѣтельствованы раньше, а именно того числа, которымъ они значатся выданными, и объяснилъ пріѣздъ Эндаурова лишь желаніемъ его, Войнаральскаго, исправить какую-то допущенную при составленіи векселей ошибку, состоявшую, насколько онъ помнитъ, въ томъ, что онъ былъ росписанъ въ нотаріальной книгѣ. Николай Ивановъ Эндауровъ, не признавая себя виновнымъ ни въ чемъ, объяснилъ, что векселя были написаны въ Городищахъ 3 іюня, что 7 іюня пріѣхалъ къ нему Каменьскій просить денегъ для Войнаральскаго, что вслѣдствіе этого онъ отправился въ Пензу виѣстѣ съ Каменскимъ, вручилъ Войнаральскому 500 р. и обѣщалъ прислать на другой день расчеты по дѣлу Войнаральскаго, которое было въ завѣдываніи его, Эндаурова, что и исполнилъ немедленно по возвращеніи въ Городище, пославъ расчеты съ эстафетою. Такое объясненіе Эндаурова, противорѣчащее какъ показаніямъ Каменьскаго и Ивана Селиванова, такъ и показанію Войнаральскаго, находитъ себѣ опроверженіе и въ слѣдующихъ обстоятельствахъ дѣла: По словамъ книгини Варвары Михайловой Кугушевой, матери Войнаральскаго, послѣд-

ній былъ въ Городищахъ у ея зятя Эндаурова одинъ и, пробывъ лишь нѣсколько часовъ, отправился въ Пензу, при чемъ Эндауровъ ему никакихъ документовъ не свидѣтельствовалъ; чрезъ нѣкоторое время, поздно вечеромъ, прїѣхалъ Каменьскій, съ которымъ Эндауровъ и поѣхалъ въ Пензу, по возвращеніи откуда, рассказалъ Кугушевой, что жена Войнаральскаго сидитъ въ острогѣ и что самого Войнаральскаго также разыскиваютъ. Эндауровъ показывалъ ей вексель сына на 20.000 руб. с. и говорилъ, что засвидѣтельствовалъ таковой въ Пензѣ. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ Городищенскимъ сѣздомъ мировыхъ судей, оказывается, что въ прошнурованной тетради бланковъ подорожныхъ по казенной надобности, въ іюнѣ 1874 года, безъ обозначенія числа рукою Эндаурова, записано: „выдана подорожная за № 276 мировому судѣ 1 участка Николаю Иванову Эндаурову на разѣзды по Городищенскому уѣзду. Подорожную получилъ мировой судья Н. Эндауровъ“. Означенная подорожная обратно представлена не была и со стороны Эндаурова заявленія объ уtratѣ бланка подано не было. Вексель Селиванова былъ представленъ къ дѣлу женою Каменьскаго, а вексель Войнаральскаго былъ отобранъ при обыскѣ у Эндаурова. По удостовѣренію Каменьскаго, вексель Войнаральскаго былъ взятъ Эндауровымъ для исправленія допущенной при составленіи векселя ошибки,—пропуска въ текстѣ векселя фамиліи Каменьскаго,—при чемъ Эндауровъ сказалъ, что у него есть писецъ, умѣющій подписываться подъ руку Войнаральскаго. Въ векселѣ Войнаральскаго, отобранномъ у Эндаурова, слово „Каменьскому“ дѣйствительно оказалось вписаннымъ между строкъ. Добывъ себѣ, какъ сказано выше, подорожную, Войнаральскій озаботился и прінсканіемъ какого-либо вида для Ивана Селиванова, что и возложилъ на явившагося къ нему Сабелькина. По удостовѣренію послѣдняго, онъ обратился по сему предмету къ Ареопагитскому, котораго и привелъ въ квартиру Каменьскаго, гдѣ Войнаральскій, какъ видно изъ показанія Ареопагитскаго, узнавъ, что у него есть свидѣтельство на свободное проживаниеъ, выданное изъ полиціи, сталъ просить передать ему таковое, что Ареопагитскій и сдѣлалъ. Кромѣ Сабелькина и Ареопагитскаго, Войнаральскій предъ своимъ отъѣздомъ изъ Пензы видѣлся съ Кротоновымъ, Покровскимъ и Судзиловскою, прибывшею изъ Степановки, какъ это видно изъ показаній Каменьскаго и Сабелькина, при чемъ Кротоновъ, по его собственнымъ словамъ, взялъ себѣ простонародный костюмъ Войнаральскаго. Независимо отъ сего, Войнаральскій, по его собственному показанію, поручилъ Каменьскому сѣздить въ Саратовъ развѣдать объ арестахъ и помочь арестованнымъ, при чемъ настоялъ, чтобы Каменьскій взял себѣ въ помощь семинариста Покровскаго, а съ цѣлью скрыть свое пребываніе въ Пензѣ Войнаральскій, по удостовѣренію Каменьскаго, написалъ на его имя письмо, будто бы писанное въ Самарѣ 1 іюня, въ какомъ письмѣ Войнаральскій просилъ Каменьскаго повидаться съ женой и отдать Юліи Прушакевичъ 150 р. с. долгу, присовокупляя, что самъ онъ ѣдетъ „на любимый сѣверъ“. Сдѣлавъ всѣ вышеизложенныя распоряженія, Войнаральскій уѣхалъ съ Селивановымъ въ Москву, при чемъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, получилъ отъ Жилинскаго для болѣе удобнаго сокрытія своей личности синія очки и форменную фуражку Жилинскаго. На другой же день послѣ отъѣзда Войнаральскаго, Каменьскій и По-

кровскій отправились въ Саратовъ, какъ это признано и ими самими; предъ отъѣздомъ Каменьскій передалъ Жилинскимъ портфель Войнаральскаго, что признано какъ Каменьскимъ, такъ и Жилинскими, при чемъ Николай Жилинскій удостовѣрилъ, что въ портфель былъ, между прочимъ, фальшивый паспортъ Юргенсонъ, оставленный послѣднею, какъ сказано выше, Каменьскому. Въ Саратовѣ Каменьскій навлекъ на себя подозрѣнiе и былъ допрошенъ, вслѣдствiе чего, по его просьбѣ, Покровскій послалъ Войнаральскому въ Москву, въ номера Скворцова, на имя Трубниковой предупредительную телеграмму, каковое обстоятельство удостовѣрено показанiями Каменьскаго и Покровскаго; не ограничиваясь этимъ, Каменьскій, какъ видно изъ его показанiя, отправилъ Покровскаго въ Москву для извѣщенiя Войнаральскаго о положенiи дѣлъ въ Саратовѣ и поручилъ Покровскому послать изъ Тамбова письмо, которое онъ, Каменьскій, написалъ къ Жилинской, адресъя такое на имя Ольги Владыкиной. Въ означенномъ письмѣ Каменьскій сообщалъ, по его словамъ, о „болѣзни Лазаря“ и о томъ, что у него были „доктора“, совѣтовалъ не пить „квасу“ и спрятать его подальше; письмо было передано Жилинской Владыкиною, которой, по ея показанiю, Жилинская и объяснила, что болѣзнь означала арестъ, квасъ—книги и т. д. По полученiи вышеозначеннаго письма портфель Войнаральскаго былъ, по словамъ Юли Жилинской, тотчасъ же уничтоженъ. Между тѣмъ Покровскій, не заставъ, по его собственному показанiю, Войнаральскаго въ Москвѣ, вернулся въ Саратовъ, а оттуда поѣхалъ въ Пензу, куда за нѣсколько дней предъ тѣмъ прибылъ и Каменьскій. Послѣ отъѣзда Войнаральскаго Жилинскiе, исполняя желанiе Рогачева, помѣстили гимназиста Корѣева въ типографiю Градковскаго, а воспитанника своего Куликова—къ переплетчику Доронину, имѣя въ виду, по показанiю Николая Жилинскаго, при содѣйствiи Куликова переплести присланныя изъ Москвы и хранившiяся у нихъ революцiонныя сочиненiя. Около этого времени, по показанiю Жилинскаго, было получено отъ Войнаральскаго письмо, въ которомъ онъ просилъ отдать присланныя изъ Москвы книги на сохраненiе какому-то крестьянину Городищенскаго уѣзда и извѣщалъ, что вскорѣ на мѣсто Рогачева прiдетъ другое лицо—Иванъ Николаевъ, какъ видно изъ показанiя Войнаральскаго, отказавшагося объяснить, кто именно долженъ былъ явиться подъ означенной фамилiей. Вслѣдствiе такого письма Каменьскій послалъ Кротонова, по словамъ послѣдняго, въ Городищенскiй уѣздъ, гдѣ Кротоновъ, по показанiю фопъ-Францева, просилъ послѣдняго передать сосѣдямъ его, Селивановымъ, письмо, въ которомъ говорилось что-то о запрещенныхъ книгахъ. Цѣль такой поѣздки Кротонова, на которую Каменьскій далъ ему 10 р., заключалась, очевидно, въ разысканiи того крестьянина, которому, въ силу письма Войнаральскаго, надлежало передать на сохраненiе революцiонныя книги, такъ какъ изъ показанiя Каменьскаго оказывается, что Кротоновъ, по возвращенiи въ Пензу сообщилъ, что крестьянинъ отказывается принять книги. Вскорѣ затѣмъ было поручено Каменьскимъ, по его удостовѣренiю, другое письмо отъ Войнаральскаго, въ которомъ онъ просилъ дать звать Судзиловской, чтобъ она не оставалась дальше въ Степановкѣ. Исполненiе такого порученiя Войнаральскаго Каменьскій возложилъ на Жилинскаго, который, какъ видно изъ его показанiя, и послалъ въ Степановку брата Ивана Селиванова—Дмитрiя. Вслѣдствiе

сего Судзиловская закрыла свою лавочку и переселилась въ Пензу, гдѣ, переночевавъ у Жилинской, поселилась у Цибшевой. Вскорѣ послѣ своего прѣзда Судзиловская явилась къ Каменьскому, какъ видно изъ его показанія, съ просьбой послать Рогачеву 200 р. с., въ чемъ Каменьскій ей отказалъ. Проживъ нѣкоторое время въ Пензѣ, Судзиловская переселилась по ея собственному показанію, въ деревню Перелогово, гдѣ жила прѣзжавшая не задолго предъ симъ изъ Петербурга Анна Тушинская. Кромя сего Войнаральскій, какъ видно изъ его показанія, сообщилъ въ Пензу два адреса, по которымъ слѣдовало ему писать въ Самару—Дегтерева и Колесникова, что подтверждается и показаніемъ Каменьскаго, удостовѣрившаго, что адресъ Колесникова онъ получилъ отъ Ольги Жилинской и записала таковой въ своей записной книжкѣ слѣдующимъ образомъ: на одной страницѣ было написано—„Михаилу 4 р. р.“, на слѣдующей—„послать въ Трофимовку“, а затѣмъ—„послать Колесникову 50 р.“, что и означало „Михаилу Трофимову Колесникову“. Такое показаніе Каменьскаго подтверждается отобранною у него при обыскѣ записною книжкой. Между тѣмъ Жилинскіе, науганные арестами, стали отказываться отъ агентуры и, по показанію Каменьскаго, вполне подтвержденному показаніемъ Ольги Жилинской, передали Каменьскому всѣ письма, шифры и адреса лицъ, съ которыми велась переписка по дѣламъ общества. Каменьскій, съ своей стороны, не рѣшился держать агентуру и, какъ видно изъ показанія Кротонова, поручилъ сему послѣднему написать въ Москву шифрованное письмо о томъ, чтобы на имя Каменьскаго и Жилинскихъ больше писемъ присылаемо не было. Несмотря, однако, на такую мѣру, въ августѣ, какъ видно изъ показаній Жилинскихъ, Николаемъ Жилинскимъ было получено изъ Москвы адресованное на имя его жены письмо, подписанное словами: „Африкановъ“ и „Шахъ Персидскій“. Въ означенномъ письмѣ заключалась просьба передать какому-то Вышеславцеву приложенную къ письму записку, въ которой Вышеславцева вызывали въ Москву, объясняя, что тинуть дѣло—значитъ портить его. Къ разъясненію сего обстоятельства можетъ служить отчасти показаніе Константина Аркадакскаго, по словамъ котораго, въ іюнѣ, во время пребыванія Войнаральскаго въ Москвѣ, послѣ прѣзда его изъ Пензы, онъ, Аркадакскій, и Войнаральскій изобрѣли для себя новыя прозвища, при чемъ Аркадакскій назвался Африкановымъ, но при этомъ Аркадакскій удостовѣрилъ, что подъ именемъ Африканова Жилинскому писемъ не писалъ. Оставленная Жилинскими и не принятая Каменьскимъ агентура перешла къ члену кружка Миллеру, что подтверждается: во 1) показаніями Войнаральскаго и Каменьскаго; во 2) найденными по обыску у Миллера адресами и шифрами, изъ которыхъ одинъ былъ слѣдующій: „и юю, носу, ѣли, черти, кобасу. тѣхъ, щей. пожике, влей, егда, взыша, тучь“; въ 3) однимъ изъ писемъ Войнаральскаго, отъ 12 іюля, адресованныхъ въ Москву на имя князя Шершевядзе, въ которомъ Войнаральскій извѣщалъ о новомъ бюро въ Пензѣ у Миллера; въ 4) отобранными при обыскѣ у Софинскаго въ Саратовѣ и Рѣчицкаго-Логинава въ Николаевскѣ адресами Жилинскихъ и Миллера и въ 5) показаніемъ Судзиловской о томъ, что она послала брату въ Николаевскъ для переписки съ нею адресъ Миллера. Миллеръ въ свою очередь пользовался иногда адресомъ гимназиста Александра Ушакова, что видно

изъ показанія послѣдняго, подтвержденіемъ котораго служитъ то обстоятельство, что адресъ Ушакова, писанный шифромъ, былъ найденъ при обыскѣ у гимназиста Осташкина въ Самарѣ. Не рѣшившись принять агентуру и передавъ таковую Миллеру, Каменьскій не пожелалъ даже посылать Войнаральскому деньги отъ своего имени. Изъ показанія Каменскаго видно, что онъ послалъ Войнаральскому въ Самару по адресу Колесникова 150 р. с., между тѣмъ изъ показанія Ушакова оказывается, что по просьбѣ Миллера онъ отправилъ Колесникову 25 р. с., а по удостовѣренію Тушинской, тотъ же Миллеръ, по порученію Каменскаго, просилъ ее переслать въ Самару 125 р. с. Оба денежные письма, какъ Ушакова, такъ и Тушинской были получены Колесниковымъ, который и представилъ таковыя къ дѣлу. Отказавшись отъ агентуры, Жилинскіе стали отказываться и отъ хранения революціонныхъ книгъ. По показанію Каменскаго, Жилинскіе заявили ему, что если отъ нихъ не возьмутъ книги, то они таковыя сожгутъ, вслѣдствіе чего Миллеръ, которому онъ сообщилъ объ этомъ, отправился въ Перелогово къ Тушинской просить ее взять къ себѣ на сохраненіе находившіяся у Жилинскихъ книги, на что Тушинская, какъ передавъ Миллеръ Каменскому, и изъявила свое согласіе; но перевозка книгъ въ Перелогово почему-то не состоялась, книги остались у Жилинскихъ и послѣ ареста Николая Жилинскаго были сожжены его женою. Посѣщеніе Тушинской Миллеромъ удостовѣряется показаніемъ ходившаго вмѣстѣ съ Миллеромъ въ Перелогово сына Цибиневой, а также показаніемъ Судзиловской и самой Тушинской, объяснившей, однако, что она отказалась принять къ себѣ книги. Вскорѣ послѣ сего Каменьскій, Тушинская и Судзиловская уѣхали изъ Пензы. Каменьскій 9 августа 1874 года былъ задержанъ въ гор. Минскѣ, при чемъ у него была отобрана, какъ связано выше, записная книжка съ адресомъ Колесникова. Судзиловская уѣхала въ Петербургъ, откуда написала Миллеру письмо, въ которомъ сообщала свой адресъ; „3-я рота Измайловскаго полка, д. № 12, кв. № 4. Мельникову (внутри Р.)“; въ этомъ же письмѣ Судзиловская писала, между прочимъ: „... въ Николаевскѣ переполохъ страшный. П. И. (Порфирій Ивановъ Войнаральскій) нужны деньги, онъ даже обращается сюда, вельзя ли выслать отсюда... Мѣста учительницъ нужны не одно, а желательно было бы три...“ Вышеприведенное письмо было отобрано при обыскѣ у Миллера и признано Судзиловскою за писанное ею. Вскорѣ по прїездѣ въ Петербургъ Судзиловская была арестована, при чемъ у нея были найдены документы Кириака Милоглазкина и неизвѣстно кѣмъ и для кого писанная записка: „эта та самая особа, о которой я Вамъ сообщалъ, что во вторникъ у Васъ будетъ“. Въ день задержанія Судзиловской было получено на ея имя выкѣмъ не подписанное, но несомнѣнно рукою Тетельмана письмо, въ которомъ послѣдній сообщалъ, что „дядя Николай (Николай Судзиловскій) давно заболѣлъ и уѣхалъ лѣчиться... что Даша (Юргенсонъ) тоже больна. Подозрѣваютъ въ ней чахотку...“ Судзиловская объяснила, что кѣмъ писано это письмо—ей неизвѣстно, но вмѣстѣ съ тѣмъ признала, что была знакома съ Тетельманомъ и что ей извѣстна только одна Даша—Дарья Николаевна (то есть Юргенсонъ), проживавшая одно время вмѣстѣ съ нею въ Степановкѣ. Тушинская изъ Перелогова отправилась въ Костромскую губернію, а оттуда въ гор. Усмань, Тамбовской губерніи, гдѣ и оста-

новилась у доктора Буховцева. Тушинская была задержана въ Усманскомъ уѣздѣ, въ имѣніи жены купца Богомолова, при чемъ у нея были найдены письма Войнаральскаго: „Дѣдушка Егоръ“, „Стенька Разинъ“, „Митюха“, „Очерки фабричной жизни“, „Рѣчь Лаврова Цюрихскимъ студентамъ“, сочиненія Чернышевскаго, шифръ, состоящій изъ нѣсколькихъ строкъ стихотворенія Некрасова „У параднаго подѣзда“ и между прочимъ, слѣдующіе адреса: а) 3 рота Измайловскаго полка, д. № 12. кв. № 4. Горелину (адресъ Рабиновича и Судзиловской); б) противъ Михаила Архангела собственный домъ (адресъ Сидорацкой (Ободовской)); в) акушеркѣ Надеждѣ Алекс. Бартеновой въ Самару; г) той же Надеждѣ Александровой, по мужу Ивановой, въ Москвѣ, въ нумерахъ Скворцова, на Моховой; д) по Спиридоновкѣ, домъ Гуляковой, спросить квартиру Малиновскаго (адресъ Аркадакскихъ) и др.; въ чемоданѣ же Тушинской, оставленной въ квартирѣ Буховцева, были найдены книги: „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“ въ двухъ экземплярахъ, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Впередъ“, „Государственность и Анархія“, „Историческое развитіе интернаціонала“ и значительное количество тенденціозныхъ книгъ, какъ-то: „Степные очерки“, „Митюха“ и т. д. Въ одномъ изъ отобранныхъ у Тушинской писемъ Войнаральскаго послѣдній поручалъ Тушинской увѣрить Ободовскую въ вѣрности Цыбишевой. Вскорѣ затѣмъ были задержаны и всѣ прочіе пензенскіе революціонные дѣятеля, кромѣ Войнаральскаго, Рогачева, Селиванова и Юргенсона; при чемъ у Доброва, Сабелькина и Покровскаго найдено: у перваго—книги: „Стенька Разинъ“ и два тома „Впередъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“ и сочиненія Лассалю; у втораго — написанный его рукою рассказъ о томъ: „За что и какъ бунтовались Почаевскіе мужики“, а у послѣдняго—полулисть чистой бумаги съ печатью Николаевской церкви, села Сіальской Пятины, Инсарскаго уѣзда. Сабелькинъ и Кротоновъ признали себя виновными въ принадлежности къ тайному сообществу, состоявшемуся съ цѣлью возбужденія народа къ возстанію противъ правительства и распространенія революціонныхъ книгъ; Жилинскій, Ареопагитскій и Покровскій — въ принадлежности къ вышеозначенному сообществу; Ольга Жилинская — въ распространеніи революціонныхъ книгъ. а Добровъ, Каменскій, Эндауровъ, Тушинская и Судзиловская виновными себя не признали. Войнаральскій и Селивановъ, какъ сказано выше, изъ Пензы отпавились въ Москву, гдѣ въ нихъ отсутствіе положеніе дѣлъ значительно измѣнилось. Къ началу іюня изъ членовъ кружковъ Алексѣевой и Петровской Академіи въ Москвѣ остались только братья Аркадакскіе, всѣ же прочіе выѣхали изъ Москвы, при чемъ дальнѣйшая дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ осталась не обнаруженною; къ числу послѣднихъ относятся Кравчинскій, Клеменсъ, Фроленко, успѣвшие вовсе скрыться отъ преслѣдованія, и Шишко, задержанный въ августѣ въ квартирѣ поручика артиллеріи Венюкова и не признавшій себя виновнымъ ни въ чемъ; остальные же, т. е. Соловцовскій, Знаменскій и Малиновскій были задержаны: первые двое—въ Тульской губ., а послѣдній—въ Вологодской губ., и въ отношеніи ихъ слѣдствіемъ обнаружено слѣдующее: Соловцовскій и Знаменскій выѣхали изъ Москвы въ началѣ мая, почти одновременно съ Войнаральскимъ, и отпавились въ Чернскій уѣздъ въ село Бабурино, гдѣ проживалъ отецъ Знаменскаго: въ Тулѣ, гдѣ они остановились на нѣкото-

рое время, Знаменскій, какъ видно изъ его показанія, встрѣтился со своимъ товарищемъ по семинаріи, сыномъ дьячка Іосифомъ Сильвестровымъ-Кирилловымъ, которому и передалъ нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ были: „Отщепенцы“, „Стѣнка Разинъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“ и статья изъ журнала „Впередъ“, каковыя книги Знаменскій получилъ, по его собственнымъ словамъ въ мастерской Войнаральскаго, на Бутыркахъ. Поселившись въ Бабуринѣ, Соловцовскій и Знаменскій, какъ это удостовѣрено показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей, занялись изученіемъ ремеслъ; первый—сапожнаго, а послѣдній—столярнаго; одѣвались въ крестьянское платье и старались сблизиться съ крестьянами. Въ первыхъ числахъ іюня Соловцовскій ѣздилъ изъ Бабурина въ Москву, гдѣ, по его собственному показанію, былъ у Сушинской, у которой хранились его документы, и въ квартирѣ братьевъ Аркадакскихъ въ домѣ Гулякова, а по удостовѣренію свидѣтельницы Ольги Кудрявцевой, ночевалъ даже въ типографіи Мышкина, въ комнатѣ Сушинской. Во время этой отлучки Соловцовскаго, Знаменскій, какъ видно изъ его показанія, получалъ отъ Войнаральской изъ Саратова письмо, подписанное „хозяйка въ Бутыркахъ“, въ которомъ она извѣщала Соловцовскаго и Знаменскаго о покупкѣ ея мужемъ участка земли и приглашала ихъ пріѣхать въ Саратовъ. Соловцовъ и Знаменскій были арестованы 25-го іюня въ Бабуринѣ, при чемъ Соловцовскій былъ найденъ зарывшимся въ солому и при задержаніи его назвался крестьяниномъ Гавриловымъ, работникомъ отца Знаменскаго. Ни Соловцовскій, ни Знаменскій виновными себя не признали. Іосифъ-Селиверстовъ-Кирилловъ получилъ отъ Знаменскаго въ Тулѣ вышеупомянутыя книги, отправился къ своему отцу въ Новосильскій уѣздъ, въ село Вышнее-Залогощъ, гдѣ и сталъ распространять между крестьянами означенныя книги, что удостовѣрено свидѣтелями Харибнымъ, Постниковымъ и Поляковымъ. Не отвергая полученія книгъ отъ Знаменскаго, Кирилловъ объяснилъ, что взялъ таковыя не съ цѣлю распространенія противоправительственныхъ идей, а съ цѣлю пріученія крестьянскихъ мальчиковъ къ толковому чтенію; но удостовѣренное показаніями мѣстныхъ священника и сельскаго учителя на правленіе Кириллова не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ той преступной цѣли, съ которою онъ распространялъ между крестьянами полученные имъ отъ Знаменскаго книги. Малиновскій, по его собственному показанію, ѣздилъ въ Александровскій уѣздъ къ нѣкому Богданову, работавшему въ плотничьей артели, личность котораго осталась неразъясненною, а затѣмъ въ Рыбинскъ съ цѣлю найти тамъ работу, но не найдя таковой, вернулся въ Москву, откуда прислалъ на имя давно умершей матери Знаменскаго писанное отчасти шифромъ письмо, въ которомъ сообщалъ, „что былъ у Богданова, что тотъ болѣе тамъ не будетъ, такъ какъ нашелъ это мѣсто для себя невыгоднымъ, главная причина та, что тамъ становой“. Отправляясь въ Александровскій уѣздъ, Малиновскій о своемъ намѣреніи поступить въ плотничью артель сообщалъ и Войнаральскому, въ Саратовѣ, въ упомянутомъ уже выше письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, спрашивалъ Войнаральскаго, „видѣлъ ли онъ въ Самарѣ Ча“? Изъ Москвы Малиновскій уѣхалъ въ Вологодскую губернію, гдѣ и былъ задержанъ, при чемъ у него была отобрана тетрадь, начинающаяся словами: „Послѣ рѣчей Бакунина читать“, переписка, характеризующая на правленіе Малинов-

скаго, и письмо, начинающееся словомъ: „Мишка“, адресованное въ Иваново-Вознесенскъ, на фабрику Лопатина, слесарю Михаилу Николаеву, въ которомъ сообщается адресъ „С. Г. Мельникову для передачи П. А. Лемени, Измайловскій полкъ, 3 рота, домъ № 12, кв. № 4“. Означенное письмо было писано Моисеемъ Рабиновичемъ, какъ видно изъ его показанія, къ сыну генералъ - майора Михаилу Шредеру (скрывшемуся); фамилію „Лемени“ Рабиновичъ назывался, по его словамъ, потому что у него былъ паспортъ Лемени-Македона. Малиновскій виновнымъ себя не призналъ. Такимъ образомъ, къ іюню 1874 г. въ Москвѣ остались только братья Аркадакскіе, продолжавшіе принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ типографіи Мышкина, въ которой въ концѣ мая или началѣ іюня появились двѣ новыя личности: бывший воспитанникъ самарской духовной семинаріи Назанаилъ Скворцовъ и жѣщанка Ольга Шевырева, познакомившаяся въ С.-Петербургѣ, въ концѣ 60-тыхъ годовъ, съ Назанаиломъ Скворцовымъ, служившимъ впоследствии въ тверскомъ земствѣ, получила, какъ видно изъ ея показанія, въ концѣ 1872 года, при содѣйствіи Скворцова, мѣсто сельской учительницы въ селѣ Дмитріевскомъ, Новоторжскаго уѣзда, гдѣ и познакомилась съ Ярцевымъ и Румянцевымъ. По увольненіи отъ должности учительницы, Шевырева, по ея словамъ, проживала нѣкоторое время въ Петербургѣ, а затѣмъ въ маѣ 1874 года прибыла со Скворцовымъ въ Москву, гдѣ они и поселились въ домѣ Гулякова, на одной квартирѣ съ братьями Аркадакскими, изъ которыхъ Константинъ былъ товарищъ Скворцова по семинаріи; означенная квартира, какъ видно изъ показанія Скворцова, числилась за Малиновскимъ, видъ котораго и былъ явленъ въ полиціи для прописки, своего же вида Скворцовъ не предъявлялъ. Аркадакскіе ввели Шевыреву и Скворцова въ типографію Мышкина, гдѣ Скворцовъ, по его собственному показанію, принималъ участіе въ печатаніи сочиненій Лассалья „Трудъ и Капиталъ для чтенія рабочимъ“, корректируя отпечатанные листы означенныхъ сочиненій, при чемъ ему было извѣстно и о печатаніи „Исторіи одного французскаго крестьянина“, а Шевырева, какъ видно изъ показанія свидѣтельницы Левшиной, стала учиться набирать подъ руководствомъ Супинской, но занималась въ типографіи лишь нѣсколько дней, что подтвердила и сама Шевырева, удостовѣрившая также, что въ типографіи работали оба брата Аркадакскіе и Скворцовъ. Въ типографіи Мышкина продолжали работать такъ же спѣшно, какъ и до отъѣзда Войнаральскаго; отпечатанныя сочиненія посылались подъ видомъ какого-либо товара въ Пензу и Саратовъ, какъ уже изложено выше, а также и въ Петербургъ, какъ показалъ о томъ Мышкинъ, при чемъ упаковкою и отправкою отпечатанныхъ листовъ занимались, по словамъ Мышкина, Аркадакскій и Скворцовъ, а также Фетисовъ, какъ это признано имъ самимъ, и работавшія въ типографіи женщины, что удостовѣрено свидѣтельскими показаніями. Извѣстія о саратовскихъ происшествіяхъ нарушили спокойствіе работавшихъ въ типографіи лицъ; первое извѣстіе—телеграмма Юліи Прушакевичъ на имя Софьи Ивановой, объ открытіи преступной дѣятельности обитателей мастерской Пельконева—было получено въ типографіи 2-го іюня, что призналъ и Мышкинъ, который вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ въ Рязань, успѣвъ, по его собственному показанію, предъ своимъ отъѣздомъ

отправить, при содѣйствіи Ермолаевой и Софьи Ивановѣй, по Николаевской желѣзной дорогѣ ящикъ съ отпечатанными листами. Послѣ отбѣзда Мышкина на имя Фетисова была получена другая телеграмма, посланная Рогачевымъ изъ Петровска, извѣщавшая, что „вексель поданъ ко взысканію“, а вслѣдъ загѣтъ, 6-го іюня, въ типографіи былъ произведенъ обыскъ. Въ день обыска приглашенныя въ полицію для дачи объясненій Софья Андреева Иванова и Сунинская обратились къ Левшиной, по показанію сей послѣдней, съ просьбой показать: первая—что работавшія въ типографіи женщины занимались перепискою, а не наборомъ, а Сунинская—что Мышкинъ уѣхалъ въ Смоленскъ; сверхъ сего Сунинская, какъ видно изъ ея показанія, поручила Фетисовой извѣстить Мышкина телеграммою о случившемся, для чего и дала Фетисовой адресъ Мышкина въ Рязани, каковое обстоятельство признано и Фетисовою. 9-го іюня вновь былъ произведенъ обыскъ въ типографіи и всѣ проживавшія въ ней лица были арестованы. При обыскахъ въ типографіи были, между прочимъ, отобраны слѣдующіе предметы: а) рукописная тетрадь на 112 страницахъ въ $\frac{1}{4}$ долю листа, подъ заглавіемъ: „Исторія одного изъ многострадалныхъ“ (передѣлка „Исторія одного французскаго крестьянина“); въ означенной рукописи во многихъ мѣстахъ сдѣланы отмѣтки „набрано“, нѣкоторые мѣста зачеркнуты, а на нѣкоторыхъ страницахъ сдѣлана отмѣтка „надо“, б) девять съ половиною печатныхъ сфальпованныхъ листовъ, составляющихъ экземпляръ книги, по содержанію схожей съ вышеозначенною рукописью; тѣ мѣста и выраженія, которыя въ рукописи зачеркнуты, въ составъ книги не вошли, подчеркнутыя же въ рукописи мѣста напечатаны; в) рукописная тетрадь въ $\frac{1}{4}$ долю листа на 118 страницахъ; въ ней каждый листъ разрѣзанъ; на нѣкоторыхъ листахъ написаны карандашемъ имена и фамиліи, какъ-то: Вася, Валя, Сунинской, Фетисову, Левшиной и др.; г) экземпляръ книги, начинающійся словами: „быть можетъ, читатель удивится“. . . , совершенно схожей съ рукописью, означенною подъ лит. в.; д) рукописная тетрадь въ $\frac{1}{4}$ долю листа на 55 страницахъ, подъ заглавіемъ „Книга для чтенія рабочимъ“, съ поимѣтками: „Левшиной, Некрасову“ и т. д.; е) печатный экземпляръ той же книги. „Для чтенія рабочимъ“, тождественной съ содержаніемъ первыхъ 41 стр. рукописи, означенной подъ лит. д., и ж) пять печатныхъ листовъ, начинающихся словами: „Господа, увлеченіе, сопровождавшее пренія этого процесса“ и т. д. Сочиненіе, начало котораго напечатано на указанныхъ подъ лит. ж) пяти листахъ, составляетъ, по заключенію московскаго цензурнаго комитета, переводъ книги Лассала, „Ferd. Lassalischer Kriminalprozess“, запрещенной въ Россіи. Ефрузина Сунинская, признавъ первоначально свое участіе въ печатаніи книгъ революціоннаго содержанія, съ цѣлью распространенія таковыхъ въ народѣ, впоследствии объяснила, что работала въ типографіи единственно изъ-за денегъ; равнымъ образомъ, и Ольга Фетисова, признавъ себя виновною „въ наборѣ запрещенныхъ книгъ“, пояснила, что работала у Мышкина изъ-за денежнаго заработка. Елизавета Ермолаева, не отвергая своего участія въ наборѣ „Исторія одного французскаго крестьянина“, виновною себя не признала; Ѳеодоръ Фетисовъ и Софья Андреева Иванова виновными себя также не признали. Находившіеся еще въ типографіи во время обыска отпечатан-

ные листы сочиненій Лассаля, не взятые лицами, производившими обыскъ, были доставлены Сковрцовымъ и Аркадакскимъ къ Зарудневой, а отъ нея, какъ видно изъ ея показанія, были тѣми же Сковрцовымъ и Аркадакскимъ отправлены въ Калугу. Означенные листы, отправленные 12 іюня въ Калугу на имя Маріи Федоровой Степановой, чрезъ общество страхованія и транспортированія кладей, были задержаны въ Калугѣ и оказались уложенными въ трехъ поштѣнціяхъ въ сундукъ, ящикъ и тюкъ. По предъявленіи вышеупомянутыхъ поштѣнцій Зарудневой, она признала ихъ за тѣ самыя, которыя были увезены изъ ея квартиры Сковрцовымъ и однимъ изъ братьевъ Аркадакскихъ. Лариса Заруднева признала себя виновною въ брошюровкѣ заѣждою „запрещенныхъ“ книгъ. Въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ обысками въ типографіи возвратился въ Москву Мышкинъ. Получивъ извѣщеніе о грозившей ему опасности, Мышкинъ какъ видно изъ его показанія, доѣхалъ по желѣзной дорогѣ до Коломны изъ Подольска, а оттуда отправился въ Москву на лошадахъ. Въ это же время прибыли въ Москву Войнаральскій и Селивановъ изъ Пензы и Рогачевъ изъ Тамбова. Мышкинъ видѣлся въ Марьиной роцѣ съ Аркадакскими, Сковрцовымъ и Фетисовымъ, а также съ Войнаральскимъ, Селивановымъ и Рогачевымъ, какъ это удостовѣрилъ Иванъ Селивановъ. Послѣ вышеозначеннаго свиданія Мышкинъ скрылся изъ Москвы. Войнаральскій, написавъ по его собственнымъ словамъ, Жилинской въ Пензу письмо о сохраненіи находившихся у нея книгъ, вмѣстѣ съ Рогачевымъ, которому далъ видѣ Археопагитскаго, направился въ Саратовъ; а Селивановъ поѣхалъ въ мѣстечко Сжѣлы, Киевской губерніи, къ товарищу своему Николаю Виноградову, у котораго 13-го августа 1874 года и былъ задержанъ. По обыску въ квартирѣ Виноградова были отобраны письма къ нему Селиванова, въ одномъ изъ которыхъ послѣдній просилъ Виноградова достать ему мѣсто на сахароваренномъ заводѣ, а также написанный на клочкѣ бумаги адресъ: „Тамбовъ, Семену Иванову Ареву, на Дубовой улицѣ, въ собственнои домѣ; внутри передать Иванову“. Означенный адресъ, по словамъ Селиванова, былъ присланъ ему изъ Саратова Войнаральскимъ. Иванъ Селивановъ виновнымъ себя не признавалъ. Вскорѣ послѣ обыска въ типографіи Мышкина, Шевырева уѣхала въ Калугу, куда 16-го іюня отправились также К. Аркадакскій и Наонаилъ Сковрцовъ, поселившіеся затѣмъ въ деревнѣ Черносвитинѣ подъ ложными фамиліями Нильсена и Петрова, что удостовѣрено свидѣтельскими показаніями и не отвергается Сковрцовымъ и Шевыревою, изъ которыхъ послѣдняя, по ея собственнымъ словамъ, выдала даже Сковрцова и Аркадакскаго за Нильсена и Петрова жандармскому офицеру, разспрашивавшему ее о проживавшихъ въ Черносвитинѣ личностяхъ. Пробывъ въ Черносвитинѣ недѣли три, Сковрцовъ и Аркадакскій вернулись въ Москву, откуда Шевырева, какъ видно изъ ея показанія, вскорѣ затѣмъ получила шифрованное письмо, въ которомъ ее просили справиться, получена ли въ квартирѣ общества „Двигатель“ посылка на имя Степановой; о томъ, къѣмъ было писано означенное письмо, Шевырева отозвалась незнаніемъ, поясняя, что шифръ былъ извѣстенъ какъ Аркадакскимъ, такъ и Сковрцову и Малиновскому. Наведя справки и узнавъ, что посылка не получена, Шевырева отвѣтила шифрованнымъ же письмомъ, адресовавъ таковое въ университетъ на имя студента Ивана Соколовскаго.

За получениемъ сего письма явился Скворцовъ, который, по распоряженію экзекутора университета Боровика, и былъ препровожденъ въ жандармское управленіе вмѣстѣ съ письмомъ на имя Соколовскаго. Въ означенномъ письмѣ, которое Шевырева признала за писанное ею, послѣдняя извѣщала, между прочимъ, что "... теперь стоитъ ужаснѣйшая гроза" (аресты). „Отъ этой грозы“, писала она, „можно захворать, и если съ Вами это случится, придется, конечно, лечь въ больницу. Постарайтесь увѣдомить въ какую именно, а то вѣдь больныхъ надо пощщать“. При обыскѣ, произведенномъ 3-го августа 1874 года въ квартирѣ Скворцова, былъ задержанъ Константинъ Аркадакскій, у котораго, между прочимъ, былъ найденъ адресъ Рабиновича (Лемена) и свидѣтельство Александра Малиновскаго. К. Аркадакскій, освобожденный впоследствии изъ-подъ стражи и отданный подъ надзоръ полиціи, скрылся; братъ его Алексѣй также успѣлъ скрыться отъ преслѣдованія. Задержаніе Скворцова повлекло за собою и арестованіе Шевыревой, у которой, между прочимъ, была найдена книга „Государственность и Анархія“. Скворцовъ и Шевырева виновными себя не признали. 29-го августа, въ то время, когда Скворцовъ содержался подъ стражей, у него были отобраны двѣ шифрованныя записки; одна изъ этихъ записокъ начинается словами: „Сынамъ революціи привѣтъ и братство“, а вторая, очевидно, предназначавшаяся для Шевыревой, слѣдующаго содержанія: „Вотъ уже три недѣли сижу я въ тюрьмѣ и только сегодня мой часовой рѣшился послать помимо жандарма эту писульку. Если еще не поздно и ты получишь ее, бѣги хоть въ преисподнюю, скрывайся. Твое письмо перехвачено, и когда я за нимъ дерзнулъ придти въ университетъ, меня забрали. На допросѣ я только и твердилъ, что я, не я, но ... меня посадили, сбѣлавъ обыскъ на квартирѣ, гдѣ понался Костя. Такъ какъ я отперся отъ письма, то они, въ виду тверской исторіи, навѣрное полагаютъ, что ты писала письмо, бѣги!... Носятся слухи, что Мышкинъ арестовалъ еще прежде насъ и доведенъ почти до полного сознанія, не знаю, не врутъ ли? Вѣрить имъ ни на грошъ нельзя. Это исчадіе ада, вѣроломнѣйшіе изъ всѣхъ предателей, которые когда-либо стояли поперекъ дороги Христа. Чтобы не опоздать предупредить тебя, я послалъ Лизѣ письмо, не знаю дошло ли ... Не знаю, спасусь ли отъ каторги ... Убѣжая въ Калугу, Константинъ Аркадакскій, какъ видно изъ показанія дочери коллежскаго совѣтника Татьяны Ивановой Лебедевой, обмѣнялся съ нею адресами; по словамъ Лебедевой, она переписывалась съ Аркадакскимъ, а также получила адресованныя на его имя въ университетъ письма и журналы. Татьяна Лебедева посѣщала собранія, происходившія въ квартирѣ Дмитрія Дубенскаго, и знала почти всѣхъ членовъ кружка Алексѣевой; такъ, по показанію свидѣтельницы Вѣры Лебедевой, Татьяна Лебедева была знакома съ Саблиннымъ, Исаакомъ Львовымъ, Клеменсомъ, Рогачевымъ и Кравчинскимъ, изъ которыхъ послѣдній велъ даже съ нею переписку, а по словамъ самой Лебедевой, она имѣла сношенія съ Морозовымъ, Алексѣевою, Аркадакскими и др.; въ маѣ мѣсяцѣ, когда члены московскихъ кружковъ пошли въ пародъ, Татьяна Лебедева, по ея собственному показанію, поселилась на Моховой, въ нумерахъ Скворцова, и приняла на сохраненіе студенческую бібліотеку, членами которой, между прочимъ, были: Кравчинскій, Клеменсъ, Исаакъ Львовъ, Аркадакскіе и

Шиловъ. Кругъ знакомства Татьяны Лебедевой, ея отношенія къ Аркадакскому и принятіе ею къ себѣ на сохраненіе вышеупомянутой библіотеки, уже достаточно указываютъ на принадлежность Лебедевой къ кружку московскихъ агитаторовъ, въ чемъ окончательно убѣждаетъ дальнѣйшій образъ ея дѣйствій. Изъ показанія Войнаральскаго оказывается, что предъ отъѣздомъ своимъ изъ Пензы, въ началѣ іюня, онъ далъ Каменьскому для переписки съ нимъ адресъ Лебедевой и проживавшей вмѣстѣ съ нею въ номерахъ Скворцова нѣкоей Срубниковой. Затѣмъ, изъ показанія Кротонова видно, что, по просьбѣ Каменьскаго, онъ написалъ шифрованное письмо въ Москву, которое, по удостовѣренію Сабелькина, было послано по адресу, оставленному ему Рогачевымъ. Означенное письмо было получено въ Москвѣ на имя Лебедевой при слѣдующей запискѣ: „Пушкино. Письмо, которое я Вамъ посылаю, я получилъ дня три тому назадъ изъ Пензы. Посылаю его, потому что самъ ничего не понимаю и, слѣдовательно, ничего не могу по немъ сдѣлать“. По разборѣ шифра, которымъ было писано письмо, оно оказалось такого содержанія: „Передайте знакомымъ, чтобы никто не писалъ на имя Каменьскаго, Жилинскаго и Ланковскаго; намъ тоже немного не здоровится. На имя Каменьскаго напишите письмо или два самаго невиннѣйшаго свойства и помяните здѣсь, что адресъ свой пришлете, когда будетъ нужно; на конвертѣ сдѣлайте надпись: „весьма нужно“. Независимо отъ сего, на имя Лебедевой было получено еще и другое шифрованное письмо, а адресъ ея, написанный шифромъ, былъ найденъ въ Саратовѣ, у Софинскаго. Держа, такимъ образомъ, у себя агентуру, Татьяна Лебедева, въ свою очередь, вела свою переписку черезъ посредство другихъ лицъ; такъ, изъ показанія Вѣры Лебедевой видно, что Татьяна Лебедева сообщила ей однажды, что дала ея адресъ нѣкоторымъ лицамъ, въ томъ числѣ и Аркадакскимъ. 9-го іюля, по словамъ Вѣры Лебедевой, она получила телеграмму о томъ, что на номера Скворцова подано ко взысканію; означенную телеграмму, подписанную, насколько ей помнится, фамиліей Шахова, она показала Татьянѣ Лебедевой, которая тотчасъ же разорвала какія-то два письма. Вышеприведенная телеграмма заключала въ себѣ, очевидно, предупрежденіе о предстоящемъ обыскѣ, который дѣйствительно и былъ произведенъ у Татьяны Лебедевой на другой день послѣ полученія телеграммы, т. е. 10-го іюля. Татьяна Лебедева виновною себя не признала. Послѣ задержанія Лебедевой на ея имя было получено письмо, отправленное, судя по почтовому штемпелю, 15 іюля изъ Полазгена, въ каковомъ письмѣ нѣкто, подписавшійся „Cousin“, извѣщалъ Татьяну Лебедеву о благополучномъ переходѣ черезъ границу; этотъ „Cousin“ оказался Мышкинымъ, какъ это видно изъ его показанія. Мышкинъ, пробывъ нѣкоторое время за границей, вернулся въ Россію и въ іюлѣ 1875 года былъ задержанъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 12-го іюля 1875 года, къ и. д. вилюйскаго окружнаго исправника, сотнику Жиркову, явилась личность въ мундирѣ жандармскаго офицера, назвалась поручикомъ корпуса жандармовъ Мещериновымъ и предъявила Жиркову телеграмму генераль-губернатора Восточной Сибири иркутскому жандармскому управленію объ оказаніи вилюйскимъ исправникомъ содѣйствія поручику Мещеринову при переводѣ государственнаго преступника Чернышевскаго изъ Вилюйска въ Благовѣщенскъ, сообщеніе иркутскаго жандармскаго управленія на имя

вильюйскаго исправника также объ оказаніи содѣйствія Мещеринову и предписаніе того же управленія на имя уатеръ-офицера корпуса жандармовъ Фомина такого же содержанія. На основаніи поименованныхъ документовъ назвавшійся поручикомъ Мещериновымъ хотѣлъ провезти обыскъ у Чернышевскаго и увезти послѣдняго въ Благовѣщенскъ, но не былъ къ этому допущенъ Жирковымъ, усомнившимся какъ въ личности Мещеринова, такъ и въ дѣйствительности возложеннаго будто бы на него порученія, а когда затѣмъ Мещериновъ изъявилъ желаніе отправиться въ Якутскъ, то Жирковъ приказалъ двумъ казакамъ, Семену Бубякину и Михаилу Маршинцеву, конвоировать Мещеринова до Якутска. На 8 станціи отъ Вильюйска къ нимъ присоединился ѣхавшій также въ Якутскъ мѣщанинъ Егоръ Чудановъ. Дорогой, когда всѣ означенныя лица ѣхали верхомъ и Бубякинъ находился впереди всѣхъ, Мещериновъ выстрѣлилъ въ него два раза изъ револьвера, при чемъ ранилъ его въ бедро, потомъ обернувшись, выстрѣлилъ въ Чуданова, у котораго пуля просвистѣла мимо лѣваго уха, и въ Маршинцева, послѣ чего бросился въ лѣсъ, въ которомъ и скрылся, но чрезъ нѣсколько дней былъ задержанъ Якутами. Выдававшій себя за поручика Мещеринова на первомъ допросѣ назвалъ сыномъ священника Титовымъ, воспитывавшимся въ Вологодской семинаріи, но затѣмъ, когда по наведенной справкѣ оказалось, что Титова въ Вологодской семинаріи никогда не было, призналъ, что онъ—Ипполитъ Мышкинъ и что цѣлью его поѣздки въ Вильюискъ было освобожденіе Чернышевскаго. При задержаніи Мышкина у него были отобраны стклянки съ жидкостями, оказавшимися, по заключенію иркутской врачебной управы, хлороформомъ и уксуснокислымъ морфіемъ. Содержась подъ стражей въ Иркутскѣ, Мышкинъ написалъ на имя своего брата письмо, въ которомъ, извѣщая о своемъ арестѣ пояснилъ, что звалъ, „на что шелъ“ и что „ждетъ его впереди“. Мышкинъ призналъ себя виновнымъ въ печатаніи книгъ, запрещенныхъ правительствомъ, и въ распространеніи таковыхъ, а также призналъ, что имѣлъ намѣреніе освободить Чернышевскаго, что для этой цѣли имъ были составлены подложные документы, съ которыми онъ явился къ вильюйскому исправнику, и не отвѣряя того, что стрѣлялъ въ лицъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Якутскъ, объяснилъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ дѣйствовалъ безсознательно. Войнаральскій и Рогачевъ изъ Москвы, какъ сказано выше, отправились, по удостовѣренію Ивана Селиванова, въ Саратовъ, а изъ показанія Войнаральскаго видно, что онъ, послѣ выѣзда изъ Москвы, былъ въ Тамбовѣ съ Рогачевымъ и съ личностью, называвшею себя Николаемъ Ивановымъ. Рогачевъ, какъ изложено выше, послѣ закрытія мастерской Пельконена въ Саратовѣ получилъ отъ Фаресова адресъ нѣкоего Никифорова въ Тамбовѣ. Означенный мѣщанинъ, Николай Степановъ Никифоровъ, учитель сельской школы въ селѣ Большомъ-Липовцѣ, въ показаніи, данномъ при дознаніи, объяснилъ, что онъ уже давно былъ знакомъ съ исключеннымъ изъ Тамбовской гимназіи Анатолиемъ Фаресовымъ, который въ разговорахъ съ нимъ высказывалъ неудовольствіе на существующій порядокъ вещей и отрицалъ право личной собственности, что доказывалъ и на дѣлѣ тѣмъ, что безъ стѣсненія бралъ чужое платье, и, занимая у Никифорова деньги, не признавалъ нужнымъ возвращать таковыя, а напоминанія о долгѣ находилъ странными. Въ октябрѣ 1873 года Фаресовъ поѣхалъ

его, Никифорова, въ селѣ Большомъ Липовцѣ, при чемъ раскрывалъ мѣстности около Брянска и Приволжье, куда и намѣренъ былъ отправиться съ цѣлью сближенія съ бурлаками, при чемъ, говоря о Брянскѣ, Фаресовъ съ особеннымъ уваженіемъ относился къ какому-то мировому судѣѣ, не называя его фамиліи; уѣзжая изъ Липовца, Фаресовъ сказалъ, что къ Никифорову явится липо подѣ фамиліей „Вышеславца изъ Тулы“, котораго и просилъ помѣстить въ оружейную мастерскую тамбовскаго мѣщанина Семена Иванова Арева и передалъ Никифорову для переписки съ нимъ адресъ: „въ гор. Брянскъ, Михаилу Михайловичу Попову, на почтѣ, до востребованія“; на внутреннемъ же конвертѣ надлежало написать: „Войнаральскій“ или буквы „П. Р.“, по каковому адресу онъ, Никифоровъ, и написалъ Фаресову письмо. На предварительномъ слѣдствіи Никифоровъ измѣнилъ свое показаніе, заявивъ, что никакого адреса Фаресовъ ему не передавалъ, и затѣмъ объяснилъ, что въ началѣ іюня 1874 года къ нему явился неизвѣстный человѣкъ, назвавшій себя Дмитріемъ Михайловымъ Вольскимъ, знакомымъ Фаресова, отъ котораго привезъ и записку. Вольскій, взявшій при себѣ паспортъ на имя студента Сергѣя Николаева Иванова, объяснилъ Никифорову, какъ видно изъ его показанія, что слышалъ отъ Фаресова объ устраиваемой въ Тамбовѣ артельной мастерской, чему онъ и его знакомые, располагающіе значительными средствами, очень сочувствуютъ. Но и это показаніе Никифоровъ измѣнилъ впослѣдствіи, утверждая, что съ Вольскимъ онъ познакомился безъ всякаго участія Фаресова. По словамъ Никифорова, Вольскій тоже просилъ его помѣстить Вышеславцова въ мастерскую Арева и передалъ Никифорову шифръ, по формѣ „пи“, какъ объяснилъ Никифоровъ при дознаніи, а также нѣсколько адресовъ; эти адреса, какъ можно заключить изъ показанія Никифорова, были слѣдующіе: а) „въ Брянскъ, до востребованія“ съ буквами Р. и П.; б) „Въ Московскій университетъ, студенту Плимуту“, на внутреннемъ конвертѣ—„Войнаральскій“ или „Аркадакскій“, и в) „въ Москву, на Арбатъ, въ прачешную Зензинову“, на внутреннемъ конвертѣ—„Войнаральскій“ или „Аркадакскій“. Фамилія Плимута, равно какъ и фамилія князя Шершивадзе были вымышленныя и были придуманы Войнаральскимъ и Логачевымъ для сношеній съ своими московскими единомышленниками; изъ дѣла видно, что однажды за полученіемъ письма на имя князя Шершивадзе явился въ университетъ Аркадакскій, котораго по этому случаю хотѣли задержать, но онъ успѣлъ скрыться; адресъ Зензинова былъ найденъ у Константина Аркадакскаго при задержаніи его въ квартирѣ Скворцова, вмѣстѣ съ адресомъ Лемени, т. е. Рабиновича. Изъ показаній студентовъ Харьковскаго Ветеринарнаго Института, Фирсова и Прозоровскаго, а также студента Харьковскаго университета Кульчицкаго, проживавшихъ лѣтомъ 1874 года въ гор. Тамбовѣ, видно, что Никифоровъ познакомилъ съ ними Вольскаго, съ которымъ приходилъ на квартиры Кульчицкаго и Прозоровскаго, при чемъ у Кульчицкаго Вольскій разспрашивалъ Фирсова о томъ, какъ относятся харьковскіе студенты къ дѣлу „народной пропаганды“, и рассказывалъ, что молодежь оставляетъ школьныя скамьи и идетъ въ народъ пропагандировать соціально-революціонныя идеи. Никифоровъ познакомилъ Вольскаго и съ Аревымъ, у котораго Вольскій и почевалъ. На другой день утромъ Вольскій разспрашивалъ Арева, по сло-

вамъ послѣдняго, о томъ, какъ идутъ въ Тамбовѣ артели, а когда пришелъ Никифоровъ, то Вольскій сообщалъ ему о своемъ отъѣздѣ и спросилъ, на чье имя можно прислать ему письма; получивъ отъ Никифорова отвѣтъ, что письма могутъ быть присылаемы на имя Арева, онъ записалъ адресъ послѣдняго; при этомъ, по показанію Арева, Никифоровъ просилъ его въ случаѣ, если будутъ присланы „цифирныя“, по выраженію Арева, письма, то передавать таковыя ему, а Вольскій спрашивалъ, при какихъ условіяхъ можно поступить въ мастерскую Арева, и обѣщалъ прислать какого-то человѣка. Послѣ отъѣзда Вольскаго изъ Тамбова Никифоровъ писалъ ему, по его собственнымъ словамъ, письмо въ Москву на имя Шлямута, а также на имя Зензинова, какъ онъ объяснилъ при дознаніи, и просилъ о присылкѣ 15 р. сер., въ отвѣтъ на что получилъ писанное шифромъ письмо, въ которомъ Вольскій извѣщалъ, что скоро самъ пріѣдетъ въ Тамбовъ. Вскорѣ затѣмъ, по показанію Никифорова, Вольскій дѣйствительно пріѣхалъ съ какимъ-то товарищемъ, называвшимся Ивановымъ, и привезъ съ собою книги, изъ которыхъ передалъ Никифорову: 7 экземпляровъ „Исторіи одного французскаго крестьянина“, 5 экз. „Иссеника“ и 5 экз. „Сказки четырехъ братьяхъ“. У Вольскаго въ этотъ разъ, по словамъ Никифорова, былъ паспортъ какого-то семинариста. По удостовѣренію Арева, во второй половинѣ іюня Никифоровъ былъ у него съ Вольскимъ, товарищемъ послѣдняго—Ивановымъ, мастеромъ изъ Тулы и еще третьимъ лицомъ, также называвшимъ себя Ивановымъ, при чемъ у Никифорова была узелочекъ съ книгами. Изъ сопоставленія обстоятельствъ дѣла нельзя не придти къ убѣжденію, что Вольскій-Ивановъ былъ Рогачевъ, а Ивановъ, мастеръ изъ Тулы—Войнаральскій. Такъ, пріѣздъ Вольскаго въ Тамбовъ въ началѣ іюня съ запиской отъ Фаресова совпадаетъ со временемъ отъѣзда Рогачева изъ Саратова, при чемъ, какъ сказано выше, ему былъ данъ Фаресовымъ адресъ Никифорова въ Тамбовѣ. Отъѣздъ Вольскаго изъ Тамбова въ Москву и пребываніе его въ послѣднемъ городѣ совпадаетъ со временемъ появленія въ Москвѣ Рогачева; адреса, оставленные Вольскимъ Никифорову указываютъ на сношенія Вольскаго съ Войнаральскимъ, и, наконецъ, вторичный пріѣздъ Вольскаго съ Ивановымъ въ Тамбовъ влолѣтъ совпадаетъ со временемъ отъѣзда изъ Москвы Рогачева и Войнаральскаго, при чемъ въ это время у Рогачева, согласно съ показаніемъ Никифорова, былъ видъ семинариста Ареопагитскаго, переданный ему, какъ изложено выше, въ Москвѣ Войнаральскимъ. Выводъ, къ которому приводятъ вышеуказанныя обстоятельства дѣла, находитъ себѣ подтвержденіе и въ показаніи Войнаральскаго, признавашаго свое пребываніе въ Тамбовѣ съ Рогачевымъ и Николаемъ Ивановымъ. Что же касается сего послѣдняго, о появленіи котораго въ Тамбовѣ свидѣлствуетъ также Аревъ, то есть основаніе полагать, что этотъ третій Ивановъ былъ Николай Паевскій, называвшій себя Николаемъ Ивановымъ и занимавшійся пропагандой въ Саратовѣ вмѣстѣ съ Войнаральскимъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Тамбова трехъ Ивановыхъ, Аревъ, какъ видно изъ его показанія, получилъ и передалъ Никифорову два шифрованныя письма; Никифоровъ же, по удостовѣренію Кульчицкаго и Прозоровскаго, передалъ первому: „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Сборникъ новыхъ пѣсень и стиховъ“ и „Исторію одного французскаго крестьянина“.

а послѣднему—тѣ же книги въ нѣсколькихъ экземплярахъ. 10-го іюля, по показанію Никифорова, къ нему явился давно ожидаемый Вышеславцевъ и просилъ его зайти вечеромъ къ Ареву, куда и самъ хотѣлъ придти, чего, однако, не исполнилъ, а на другой день Никифоровъ былъ арестованъ. Кто былъ Вышеславцевъ, осталось неразъясненнымъ. Адресъ Никифорова и Арева съ паролемъ: „Вышеславцевъ изъ Тулы“ былъ найденъ у Рѣчицкаго-Логина, агитировавшаго въ Николаевскѣ, Самарской губерніи, а также у Войнаральскаго, Селиванова, Миллера въ Пензѣ и Софинскаго въ Саратовѣ. Никифоровъ не призналъ себя виновнымъ ни въ принадлежности къ тайному сообществу, ни въ распространеніи книгъ революціоннаго содержанія. Прозоровскій, получивъ отъ Никифорова упомянутыя выше книги, передалъ часть таковыхъ для чтенія дочери мѣщанинъ, Дарьѣ Федоровой Воронцовой и студенту Московскаго университета Александрѣ Иванову Спиридонову, что подтверждается показаніемъ сихъ лицъ. При обыскѣ у Прозоровскаго было отобрано: два экземпляра „Сказки о четырехъ братьяхъ“, „Сборникъ новыхъ пѣсень и стиховъ“ и нѣсколько листковъ отъ означеннаго сборника, а также „Исторія одного французскаго крестьянина“. Прозоровскій, не признавая себя ни въ чемъ виновнымъ, объяснилъ, что передалъ книги Воронцовой и Спиридонову не для чтенія, а лишь для сохраненія таковыхъ; но такое объясненіе Прозоровскаго вполне опровергается показаніями Воронцовой и Спиридонова. Кромѣ Никифорова и Прозоровскаго въ Тамбовской губерніи распространеніемъ книгъ революціоннаго содержанія занимался еще и тамбовскій мѣщанинъ Сергѣй Антоновъ Стопане, проживавшій въ качествѣ домашняго учителя у помѣщика Янова, въ Усманскомъ уѣздѣ. Свидѣтельскими показаніями удостовѣрено, что Стопане давалъ читать «Сборникъ новыхъ пѣсень и стиховъ», «Исторію одного французскаго крестьянина» и «Сказку о четырехъ братьяхъ» коллежскому регистратору Михаилу Логвинову и самъ читалъ таковыя книги прислугѣ Янова — лакею Федору Яковлеву и горничной Дарьѣ Жиряковой. Стопане, не отвергая вышеизложеннаго, тѣмъ не менѣе не призналъ себя виновнымъ, но въ поданномъ впослѣдствіи на имя производившаго слѣдствіе члена московской судебной палаты Крайта заявленіи Стопане объяснилъ, что у него было желаніе вести революціонную пропаганду, такъ какъ онъ убѣдился въ необходимости пробужденія въ крестьянахъ сознанія ихъ силы и значенія въ государствѣ. Объяснить же, отъ кого имъ были получены книги, Стопане отказался. Изъ дѣла видно, что Стопане, не окончившій курса въ тамбовской гимназіи, былъ знакомъ съ Кульчицкимъ, Прозоровскимъ и Спиридоновымъ. Изъ Тамбова Войнаральскій, Рогачевъ и Паевскій направились въ Саратовъ, гдѣ еще ранѣе, въ концѣ мая или началѣ іюня, Паевскій и Рогачевъ, подъ фамилію Куликова, какъ это видно изъ показанія свидѣтеля, не окончившаго курса семинаріи Третьякова, вошли въ сношенія съ воспитанниками мѣстной семинаріи, при чемъ Паевскій, какъ уже сказано, принималъ участіе въ сокрытіи находившихся въ мастерской Цельковена революціонныхъ книгъ. Въ этотъ пріѣздъ свой Войнаральскій, по его собственнымъ словамъ, имѣлъ сношенія съ Рогачевымъ, Ивановымъ (Паевскимъ) и Коваликомъ, видѣлся съ семинаристами, съ которыми и ѣздилъ на островъ около Саратова, при чемъ былъ и Коваликъ, а съ означеннаго острова

отправился въ Покровскую слободу. Такое показаніе Войнаральскаго находить себѣ полное подтвержденіе въ показаніи Третьякова; по удостовѣренію послѣдняго, въ квартиру семинариста Гераклитова, гдѣ жилъ онъ, Третьяковъ, и собирались семинаристы, нѣсколько разъ приходили Ивановъ (Паевскій), Куликовъ (Рогачевъ) и Лукашевичъ (Коваликъ), а также одинъ разъ Войнаральскій, которые постоянно проводили мысль о необходимости пропагандировать народу объ уничтоженіи правительства; на сходкѣ же, происходившей на островѣ, въ которой принимали участіе Войнаральскій и Лукашевичъ, уѣхавшіе затѣмъ въ Покровскую слободу, рѣчь шла о необходимости принести пользу народу, и пѣлись пѣсни изъ революціоннаго пѣсенника; на этой же сходкѣ Коваликъ, по словамъ Третьякова, говорилъ, что лучше убить того мальчика, который на нихъ доказывалъ. Мальчикъ, о которомъ говорилъ Коваликъ, былъ, безъ сомнѣнія, Андрей Кулябко, показаніе котораго о происходившемъ въ мастерской Пельконена въ значительной степени содѣйствовало открытію преступной дѣятельности ея обитателей. Въ это же время Войнаральскій и его товарищи устроили въ Саратовѣ агентуру у состоявшаго подъ надзоромъ полиціи Григорія Алексѣева Софинскаго, а вскорѣ затѣмъ была устроена агентура и у воспитывавшагося въ Саратовской гимназіи оберъ-офицерскаго сына Владиміра Яковлева Мейера, также состоящаго подъ надзоромъ полиціи, доказательствами чего служатъ: а) Шифрованное письмо Войнаральскаго на имя Шершивадзе изъ Самары, отъ 25-го іюня, въ которомъ Войнаральскій, между прочимъ, писалъ: „... въ книгахъ недостатокъ, пошлите въ Саратовъ кого-нибудь, чтобы передали къ Софинскому, Большая Сергіевская улица, домъ Ржевкина, сказавъ „Вышеславцевъ-бунтъ“, отсюда возьметъ и Самара...“ б) Шифрованное письмо Паевского отъ 8-го іюля, на имя Николая Судзиловскаго Ковалику, въ коемъ Паевскій писалъ: „... дѣла въ Саратовѣ очень хороши... Агенты: Мейеръ (адресъ: Констаниновская улица домъ Яковлева, противъ табачной фабрики, къ Мейеру), Софинскій (на Сергіевской улицѣ, противъ церкви св. Сергія, домъ Ржевкина)...“ в) Записная книжка Рѣчацкаго-Логина, въ которой въ числѣ другихъ адресовъ былъ записанъ и слѣдующій: „Саратовъ, Григорій Алексѣевичъ Софинскій. Пароль: „Вышеславцевъ-бунтъ“. г) Такой же адресъ, найденный у Миллера въ Пензѣ. д) Шифрованное письмо Войнаральскаго отъ 21-го іюля, на имя Шершивадзе, въ коемъ имѣется слѣдующее указаніе: „... Въ Саратовѣ же новое бюро: Владиміръ Яковлевичъ Мейеръ, спросить о немъ у доктора Сигриста, на Константиновской улицѣ, д. Яковлевой“. е) Шифрованное письмо Рогачева на имя Шершивадзе, полученное въ Москвѣ 19-го іюля, въ которомъ Рогачевъ писалъ: „... Саратовскія дѣла идутъ хорошо... агентура у нѣкого Мейера“. ж) Найденные у Софинскаго адреса: Нины Ивановой Сергіевой (Артамонова), Ободовской, князя Шершивадзе, Татьяны Лебедевой, Никифорова (на Арева) и Жилинской—и з) Шифрованныя записки Войнаральскаго, въ которыхъ оказались записанными фамиліи Софинскаго и Мейера. Независимо отъ сего, свидѣтель Третьяковъ удостовѣрилъ, что послѣ отъѣзда Войнаральскаго, Паевского и Ковалика, Рогачевъ предложилъ ему брать у адвоката Боршова письма и приносить таковыя къ Мейеру, котораго онъ при этомъ увидѣлъ въ первый разъ. Войнаральскій,

уѣзжая въ Самару, обѣщался, по его собственному показанію, съ оставшіяся въ Саратовѣ дѣтелями адресами для веденія переписки, пропагандируя въ Самарѣ, какъ это будетъ изложено ниже, Войнаральскій не переставалъ слѣдить за ходомъ дѣла въ Саратовѣ, гдѣ его единомышленники продолжали свою преступную дѣятельность, достаточное понятіе о которой даютъ письма Рогачева на имя Шершвадзе и Паевского къ Ковалику. Рогачевъ въ своемъ письмѣ извѣщалъ, что „дѣла въ Саратовѣ идутъ хорошо: семинаристы отпавились на работу, заведены сношенія съ рабочими, приобретены четыре личности изъ бывшихъ сосланныхъ, съ сельскими учителями сношенія есть“; къ вышеизложенному Рогачевъ присовокуплялъ: „большое требованіе на народныя книги“. Паевскій писалъ Ковалику: „Лукашевичъ, дѣла въ Саратовѣ очень хороши. Мѣстныя туземныя силы соединяются въ организацію... Семинаристы (признаться, народъ не болно серьезный), сельскіе учителя и гимназисты вошли въ одинъ кружокъ (разъѣхались) и оставили при агентурѣ своего представителя. Есть нѣсколько ночлеговъ и одинъ притонъ въ горахъ на Большегорной улицѣ, № 154, въ нижнемъ этажѣ, спросить г-жу Цвѣткову, подробныя адреса у Мейера. Пароль „Бунтъ и Самозванецъ“. Организція страдаетъ недостаткомъ денегъ и не вѣдетъ вовсе сношеній съ городскимъ рабочими. О нашемъ дѣлѣ ходятъ самыя разпорѣчивыя слухи. Арестантовъ отправили въ Москву около половины іюня (ихъ 17 человекъ), конвой по два человека на душу (т. е. 34), съ экстреннымъ поѣздомъ. Носятся слухи: настоящія имена открыты, особенной важности дѣлу не придаютъ, говорить, главные виновники скрылись.“ Притонъ въ домѣ № 154, на Большегорной улицѣ, содержалъ сельскій учитель Павелъ Ефимовъ Князевскій, поселившійся въ квартирѣ Цвѣтковой въ концѣ іюня или началѣ іюля, и остававшійся одинъ во время поѣздки Цвѣтковой въ Ставрополь въ числившейся за нею квартирѣ. Князевскій, какъ видно изъ его собственнаго показанія, былъ знакомъ съ Мейеромъ, съ которымъ посѣщалъ ѣщавина Василия Меркулова; по удостовѣренію послѣдняго, Князевскій однажды въ разговорѣ съ нимъ о народномъ образованіи выразилъ неудовольствіе на правительственную опеку, а затѣмъ повелъ рѣчь о бѣдности мужиковъ и претерѣваемыхъ ими обидяхъ, при чемъ сказалъ, что скоро начнутъ „коллобродить“. На вопросъ Меркулова, что будетъ потомъ? Князевскій отвѣтилъ: „это правительство долой, установится другое“, а на замѣчаніе Меркулова, что все пойдетъ опять постарому, Князевскій возразилъ: „вѣтъ! управлять будутъ ученые“. Вышеприведенный разговоръ, по словамъ Меркулова, происходилъ въ присутствіи приведшихъ къ нему вмѣстѣ съ Князевскимъ коллежскаго регистратора Проконія Василескова Григорьева и нѣкогого Остроградскаго, о которомъ Князевскій въ своемъ показаніи объяснилъ, что это былъ воспитанникъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. Окончивъ упомянутый разговоръ, Князевскій какъ видно изъ показанія Меркулова, спросилъ послѣдняго, не возьмется ли онъ переписать книги? Изъ разговора Меркуловъ понялъ, что рѣчь шла собственно о брошюровкѣ и изъявилъ согласіе исполнить предложенную работу съ платою трехъ копѣекъ за книгу, при чемъ Князевскій объяснилъ Меркулову, что книги можно продавать, но только секретно, и обѣщалъ прислать книги на дняхъ. На другой или на третій

день пришел Мейеръ и принесъ 10 экземпляровъ рѣчи Лассаля къ рабочимъ и при этомъ далъ Князевскому для чтенія какое-то сочиненіе Маркса, а вскорѣ затѣмъ явился Князевскій и сказалъ, что принесетъ книги съ тѣмъ, чтобъ онѣ лежали у Меркулова подъ предлогомъ переплета таковыхъ и разспрашивалъ Меркулова о томъ, что онъ скажетъ въ случаѣ, если у него найдутъ эти книги, послѣ чего и принесъ двѣ довольно большія пачки книгъ; названій означенныхъ книгъ Меркуловъ при слѣдствіи не могъ припомнить, но при дознаніи объяснилъ, что книги были слѣдующія: „Задачи революціонной пропаганды въ Россіи“, 6 экземпляровъ, „Анархія по Прудову“, 7 экземпляровъ, „Государственность и Анархія“, 5 экземпляровъ, „Историческое развитіе интернаціонала“, 4 экземпляра, „Исторія одного французскаго крестьянина“, 2 экземпляра, „Отщепенцы“, 1 экземпляръ. „Книга для чтенія рабочимъ“, 6 экземпляровъ, и „Гражданская война“, 1 экземпляръ. Меркуловъ, отбравъ по экземпляру переданныхъ ему книгъ, представилъ таковыя мѣстному жандармскому начальнику, остальные же книги были у него взяты обратно Князевскимъ, который при этомъ объяснилъ, что таковыя будутъ отправлены вверхъ по Волгѣ. На основаніи вышеизложеннаго нельзя не придти къ заключенію, что Софинскій, Мейеръ и Князевскій принадлежали къ тѣмъ мѣстнымъ силамъ, которыя, по выраженію Паевского, соединились въ организацію съ цѣлью веденія революціонной пропаганды. Григорьевъ скрылся, а Софинскій, Мейеръ и Князевскій виновными себя не признали. Саратовскія „мѣстные силы“, подобно революціоннымъ дѣятелямъ другихъ мѣстностей, не останавливались предъ совершеніемъ преступленій, нагляднымъ доказательствомъ чего служить показаніе Третьякова, уже изложенное выше, а также письмо Паевского къ Ковалику. Въ письмѣ своемъ Паевскій, между прочимъ, сообщалъ Ковалику слѣдующее: „Григорьевъ предлагаетъ отнять деньги у барыни, покупающей хуторъ, для этого нужно, по крайней мѣрѣ, три человѣка, вооруженные револьверами (барыня тоже вооружена). Вася (Лукашевичъ) она знаетъ, курьеръ ея тоже, въ лицо. Прибавляю, — мѣсто для дѣйствій неудобно. Драма должна происходить около 15 сего мѣсяца. Отвѣтъ должны дать немедленно, согласны или нѣтъ. Нынѣ веду агитацію въ Покровской слободѣ и въ городѣ между народными учителями и скоро уѣзжаю на Тамбовъ, въ Москву, Кіевскую и Черниговскую губерніи, ожидаю денегъ изъ Пензы. Вышлю ихъ Войнаральскому, Рогачеву, вамъ. Здѣсь образуется общество поддѣлки ассигнацій съ революціонною цѣлью (личной цѣли для нихъ не существуетъ): 1) снабдить партію деньгами; 2) произвести финансовый кризисъ, когда надо. Я отношусь къ этому направленію вполне сочувственно и самъ его поддерживаю, но высказалъ, что въ программѣ партіи оно входитъ не можетъ и должно вестись отдѣльно—связь можетъ быть только тайная. . . Рогачевъ пошелъ внизъ (по Волгѣ) бурлакомъ, просилъ быть въ Харьковѣ (я или вы) и обдѣлать тамъ дѣло въ 200.000 р. с., владѣтели ихъ устраиваютъ ассоціацію; свѣдѣнія объ этомъ можно получить у меня или въ Тамбовѣ (черезъ Саратовъ) Н. Ив. черезъ недѣлю, пишете въ Черниговъ“. Паевскій скрылся, а Рогачевъ, отправившійся внизъ по Волгѣ въ качествѣ бурлака, остался неразысканнымъ до 14-го августа 1876 года, когда онъ былъ задержанъ въ Пе-

тербургѣ, въ квартирѣ освобожденной изъ-подъ стражи Клеопатры Блавдзевичъ, при обыскѣ, произведенномъ у послѣдней по вновь возникшему дѣлу. При задержаніи Рогачева онъ назвался сыномъ театрмейстера, Иваномъ Звонниковымъ, видъ на жительство котораго и былъ у него найденъ вмѣстѣ съ подложнымъ аттестатомъ, выданнымъ будто бы Звонникову нѣкимъ Шишко, содержащимъ въ Пензѣ складъ паровыхъ машинъ и т. п. Какъ при дознаніи, такъ и при слѣдствіи Рогачевъ продолжалъ именоваться Звонниковымъ и лишь въ виду показаній нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ и Низовкина, удостовѣрившихъ его личность, призналъ, что онъ дѣйствительно Рогачевъ, а также призналъ себя виновнымъ въ распространеніи запрещенныхъ книгъ, но отказался дать объясненія по существу дѣла. Кромя Рогачева, въ квартирѣ Клеопатры Блавдзевичъ, проглотившей во время обыска какую-то бумагу, была также задержана Анна Тушинская. Кромя вышепоименованныхъ лицъ, изъ числа петербургскихъ агитаторовъ посѣтили Саратовъ Рабиновичъ и Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ. Рабиновичъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, вслѣдствіе рассказовъ вернувшейся изъ Пензы Евгеніи Судзиловской о плодотворности революціонной дѣятельности на Волгѣ, отправился въ августѣ въ Саратовъ съ цѣлью пристать къ Войнаральскому; въ Москвѣ онъ встрѣтилъ Паевского, который сообщилъ ему, что Войнаральскій арестованъ, но тѣмъ не менѣе далъ ему рекомендацiонныя письма къ Мейеру и Софинскому, сказавъ, что въ Саратовѣ можно кое-что сдѣлать; по пріѣздѣ своемъ въ Саратовъ Рабиновичъ узналъ, что Мейеръ и Софинскій арестованы, а потому, пробывъ одинъ день въ Саратовѣ, подъ фамиліей Александрова, возвратился въ Петербургъ, откуда въ началѣ сентября, вслѣдствіе арестованія Судзиловской и Артамонова, уѣхалъ за границу, а по возвращеніи своемъ былъ задержанъ въ мартѣ 1875 года на станціи желѣзной дороги въ гор. Харьковѣ, при чемъ у него былъ отобранъ паспортъ на имя Роберта Дидерихса. Рабиновичъ далъ весьма подробное показаніе, въ которомъ призналъ какъ свою принадлежность къ сообществу, такъ и распространеніе имъ книгъ революціоннаго содержанія. Еще ранѣ Рабиновича, а именно 17-го іюня, появилась въ Саратовѣ изъ Рыбинска Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, которая тотчасъ послѣ своего пріѣзда отправилась въ мастерскую Пельконена, о закрытіи которой она еще не знала, гдѣ и была задержана. При обыскѣ у Лешернъ, одѣтой въ крестьянское платье и назвавшейся крестьянкою Лешевой, было, между прочимъ, найдено: 3 экз. „Исторіи французскаго крестьянина“, 4 экземпляра „Сказки о четырехъ братьяхъ“, „Стенька Разинъ“, „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, фальшивый паспортъ на имя крестьянки Варвары Лешевой, выданный будто бы изъ Баскаковскаго волостного правленія, пять листовъ гербовой бумаги 70 копѣчнаго достоинства съ приложенными къ нимъ печатями Баскаковскаго волостного правленія, свидѣтельство отъ предводителя дворянства Новгородской губерніи на имя дочери генераль-маіора Софіи Александровны Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, адресъ села Степановки, Гордищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи, адресъ Воронцова у Самсоніевскаго моста, по Невкѣ домъ № 14 (сверху написано 13), квартира Емельянова, записка: „Лукашевичъ! Съ подателемъ сей записки можете говорить. Онъ пріятель Бух....

и можетъ быть полезнымъ чѣмъ. Н. И. Паевскій“; конвертъ съ адресомъ: „въ Самару, Дворянская улица, домъ Прагера, спросить у Елизаветы Петровны Араповой о мѣстонахожденіи Льва Сергѣевича Городецкого, или Чернышева, или Никитина“. Въ означенномъ конвертѣ оказалось письмо слѣдующаго содержанія: „Рекомендую вамъ, братцы, одну барыню, Лешернъ, это та, о которой я писалъ къ Чернышеву отъ имени Буха. Она изъ компаніи Рабиновича, человѣка, съ нами вполне солидарнаго, какъ оказывается въ послѣднее время. Окажите ей всевозможное пособіе, насколько можете. Н. Поповъ. Она передастъ кому-нибудь изъ васъ небольшую записочку отъ Паевского, которою пусть воспользуются желающіе быть въ Николаевскѣ“; письмо въ Самару на имя Филадельфова, въ которомъ нѣкто Богдановичъ просилъ Филадельфова оказать Лешернъ всякое содѣйствіе и помощь и, наконецъ, ключокъ бумаги съ замѣткой: „въ духовную семинарію, спросить или Петра Ломоносова, или Фаресова“ и т. д. Во время содержанія Лешернъ подъ стражею въ Саратовскомъ тюремномъ замкѣ, смотритель послѣдняго представилъ прокурорскому надзору отобранный имъ у арестанта Салтунова конвертъ съ адресомъ: „въ Рыбинскъ, Дмитрію Андреевичу Бородулину“. По вскрытіи означеннаго конверта въ немъ оказались четыре записки, писанныя Лешернъ, слѣдующаго содержанія: а) „Митрей! Варя-то Александра, вмѣсто свободной волюшки, да попала въ клѣтку, гдѣ только и дѣло, что ходить ровно маятникъ, а либо сидѣть какъ кукла, а думу думати. Вотъ и отписала, только поздневенко, 10 руб. побереги; вѣдь, шубенка-то еще понадобится, Варя“; б) Григорій Егоровичъ! То, что не здѣсь сушила, то все разорено нонѣ, и я туда же въ ловушку подошла. Учись у себя и вспоминая твою спутницу Варю“; в) „Дмитр., замѣните первыя слова, что я вамъ дала выучить слѣдующими словами (читайте ихъ по шр.), но только не стѣсняйте ихъ нескромностью (далѣе слѣдуютъ написанныя шифромъ слова, при чемъ въ двухъ словахъ начальныя буквы написаны не шифромъ, а именно г и ж, слова взяты изъ непристойнаго шифра Ковалика), теперь остальные слова тѣ же, что я вамъ дала, понимаете! Ну, теперь читайте большую записку и потомъ передайте ее Р. Если можете, съѣздите лучше сами въ П—ръ, не равно и тамъ, что не ладно, переполохъ великій. Осторожно идите на квартиру, ибо знаютъ здѣсь, что я тамъ жила. Варя“; г) (большая записка, писанная шифромъ) „Бородулинъ и Рабиновичъ, пишу изъ Саратовской тюрьмы, арестовали у квартиры Войнаральскаго. Подчуютъ каторгой и проч., если буду запираяться, и свободой, если всѣхъ питерскихъ выдамъ. Я отринула и то и другое, я выбрала бѣгство, есть друзья арестанты, воры, которые здѣсь помогутъ. Меня перевезутъ въ Москву; если здѣсь не удастся, то тамъ буду надъ этимъ работать, мнѣ одинъ исходъ. Мойша, остерегайтесь, а также Бухъ, вообще Самарцы и Саратовцы, имена попались. Письмо Попова очень повредило, я его показала Пановымъ и извращу еще смыслъ письма, равно и вашу фамилію. Я здорова. Здѣсь подгадилъ Кулябко, все рассказалъ, подлець. Дайте вѣрный адресъ, куда писать, непременно скорѣе на адресъ: Саратовъ, 4 участка, 6 квартала, Аграфенѣ Ефимовой Краснощековой, въ собственный домъ, на Ильинской улицѣ. Это жена одного изъ друзей. Войнаральскаго здорово ищутъ. гдѣ онъ? Не можете ли указать убѣжища на первое время.

Я послала Филатову старшему письмо, чтобы прислалъ пятьдесятъ рублей. Это для Македона, ему легко ударить. Тутъ вѣдь еще нѣсколько сидятъ, вы, вѣрно, знаете... адреса, что при мнѣ были, всѣ свежала въ части, какъ только взяли... другъ Софія". Софія Лешернъ-фонъ-Герпфельдъ, не признавая себя ни въ чемъ виновною, показала, что отобранный у нея паспортъ на имя Варвары Лешевой былъ составленъ ею самою, назвать же лицо, снабдившее ее революціонными книгами, Лешернъ отказалась. Между тѣмъ Моисей Рабиновичъ призналъ, что паспортъ на имя Лешевой писанъ имъ, а изъ показанія Лешернъ, даннаго ею при дознаніи, оказывается, что найденныя у нея при обыскѣ революціонныя книги она взяла у Сидорацкой (Ободовской). Изъ писемъ, отобранныхъ у Лешернъ при ея задержаніи, оказывается, что Лешернъ имѣла намѣреніе вести пропаганду не только въ Саратовской губерніи, но и въ Самарской, куда вскорѣ послѣ своего послѣдняго пребыванія въ Саратовѣ перенесъ свою дѣятельность и Порфирій Войнаральскій. Въ Самарской губерніи существовали два центра революціонной дѣятельности: первый изъ нихъ находился въ гор. Николаевскѣ, гдѣ представителями революціонной пропаганды явились мѣстный земскій врачъ Александръ Александровъ Кадьянъ, членъ кievскаго кружка Николай Константиновъ Судзиловскій и дворянинъ Иванъ Федоровъ Рѣчицкій-Логиновъ, и куда, какъ сказано выше, прибыли Коваликъ, подъ именемъ Малышева, и Ломоносовъ, подъ именемъ Вѣлкина. Докторъ Кадьянъ въ показаніи своемъ, не отворгая знакомства съ Судзиловскимъ и Рѣчицкимъ, а также съ Малышевымъ и Вѣлкинымъ, объяснилъ происхожденіе таковаго слѣдующимъ образомъ: по его словамъ Судзиловскій прибылъ въ Николаевскъ въ началѣ марта 1874 г. съ цѣлью получить мѣсто участкаго фельдшера, исполняя нѣкоторое время, въ видѣ испытанія, фельдшерскія обязанности при больницѣ тюремнаго замка, а въ концѣ марта, по рекомендаціи Кадьяна, былъ назначенъ земскою управою на должность фельдшера въ село Пестравку, куда, однако, отправился лишь въ началѣ мая, будучи задержанъ въ Николаевскѣ сначала распутицей, а впоследствии поѣздкою въ Петербургъ Кадьяна, который, на время своего отсутствія возложилъ на него заведываніе больницей. При отъѣздѣ Кадьяна Судзиловскій обратился къ нему съ просьбою передать одному изъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ письмо, что Кадьянъ и исполнялъ, при чемъ лично видѣлся съ означеннымъ знакомымъ Судзиловскаго. По возвращеніи въ Николаевскъ, въ первыхъ числахъ мая, Кадьянъ, кромѣ Судзиловскаго, засталъ въ своей квартирѣ поселившееся въ ней неизвѣстное лицо, оказавшееся пріятелемъ Судзиловскаго, дворяниномъ Рѣчицкимъ, пріѣхавшимъ въ Николаевскъ съ намѣреніемъ купить участокъ земли и желавшимъ, въ ожиданіи совершенія предположенной покупки, которая могла состояться весьма не скоро, занять должность сельскаго писаря съ цѣлью собранія свѣдѣній объ экономическомъ положеніи Николаевскаго уѣзда. Желаніе Рѣчицкаго занять мѣсто писаря показалось Кадьяну весьма естественнымъ въ виду того, что означенная должность болѣе всякой другой могла доставить ему возможность собрать тѣ свѣдѣнія, которыми онъ интересовался, а потому Кадьянъ и не затруднился рекомендовать Рѣчицкаго мировому посреднику, благодаря каковой рекомендаціи Рѣчицкій и получилъ мѣсто сельскаго писаря въ селѣ Порубежкѣ. До своего назначенія на должность

писаря, что послѣдовало около половины іюня, Рѣчицкій жилъ у Кадьяна, котораго часто навѣщаль изъ Пестравки и Судзиловскій, весьма скоро, впрочемъ, а именно, тоже въ половинѣ іюня отказавшійся отъ должности фельдшера и проживавшій послѣ того въ Николаевскѣ. Со временемъ получена Рѣчицкимъ мѣста сельскаго писаря совпало появленіе въ Николаевскѣ того лица, которому Кадьянъ передалъ въ Петербургѣ письмо Судзиловскаго; означенное лицо было приведено къ Кадьяну Судзиловскимъ, при чемъ Кадьянъ узналъ, что фамилія его Малышевъ. Послѣдній пробылъ въ Николаевскѣ одинъ день и уѣхалъ съ Рѣчицкимъ, отправлявшимся въ Порубежку, но вскорѣ вернулся и поселился у Кадьяна съ тѣмъ, чтобы виослѣдствіи вмѣстѣ съ Судзиловскимъ ѣхать въ Саратовъ. Почти одновременно съ первымъ появленіемъ Малышева прибыли въ Николаевскъ два лица—нѣкто Ивановъ и гимназистъ Бѣлкинъ; Ивановъ пробылъ въ квартирѣ Кадьяна нѣсколько часовъ, и затѣмъ Кадьянъ его больше не видалъ; Бѣлкинъ же и лично и чрезъ Судзиловскаго просилъ Кадьяна доставить ему, какъ больному человѣку, возможность прожить лѣто гдѣ-нибудь въ деревнѣ, вслѣдствіе чего Кадьянъ рекомендовалъ Бѣлкина сосѣдней помѣщицѣ, г-жѣ Карповой, которая по просьбѣ Кадьяна и согласилась позволить Бѣлкину жить у нея на хуторѣ. 7-го іюля, въ день обыска, произведеннаго въ квартирѣ Кадьяна у Рѣчицкаго, Бѣлкинъ пріѣхалъ изъ имѣнія Карповой на одинъ день въ Николаевскъ и остановился у Кадьяна, который послѣ обыска и арестованія Рѣчицкаго далъ Бѣлкину 10 р. с. на выѣздъ изъ Николаевска, такъ какъ производившій обыскъ власти не разрѣшили Бѣлкину оставаться въ квартирѣ Кадьяна, а послѣдній призналъ возвращеніе его къ Карповой неудобнымъ, ибо послѣ обыска у него, Кадьяна, явилось подозрѣніе, что Бѣлкинъ замѣшанъ въ одномъ дѣлѣ съ Судзиловскимъ и Рѣчицкимъ. Къ такому показанію своему Кадьянъ присовокупилъ, что давалъ у себя пріютъ и оказывалъ разныя услуги всѣмъ вышепоименованнымъ лицамъ по просьбѣ Судзиловскаго, обществомъ котораго, какъ образованнаго человѣка, онъ весьма дорожилъ и преступной дѣятельности котораго не подозрѣвалъ. Такимъ образомъ, изъ показанія самого Кадьяна вытекаетъ, что квартира его служила сборнымъ пунктомъ для пропагандистовъ, избравшихъ Николаевскъ театромъ своихъ дѣйствій; что же касается объясненій Кадьяна о томъ, что преступная дѣятельность являвшихся къ нему лицъ не была ему извѣстна, а также о причинѣ, побуждавшей его доставлять пріютъ и оказывать всякаго рода содѣйствіе вовсе неизвѣстнымъ или мало знакомымъ ему лицамъ, то неосновательность таковыхъ, помимо призваннаго имъ самимъ образа его дѣйствій, доказывается еще и нижеслѣдующими обстоятельствами дѣла, раскрытыми дознаніемъ и слѣдствіемъ. Изъ приложенныхъ къ дѣлу писемъ Войнаральскаго на имя Шершивадзе и Ковалика на имя нѣкоей Ивлевой оказывается, что означенныя лица имѣли полное основаніе рассчитывать на содѣйствіе Кадьяна при опредѣленіи своихъ одиночашленницъ на должности акушеровъ, учительницъ и фельдшерницъ въ Николаевскомъ уѣздѣ. Такъ, въ шифрованномъ письмѣ, отправленномъ изъ Самары 25-го іюня, Войнаральскій писалъ: „Если кто желаетъ имѣть мѣсто учительницы и фельдшерницы въ Николаевскомъ уѣздѣ, то пусть обратится прямо къ земскому врачу Александру Кадьяну, только скорѣе...“, а Коваликъ въ концѣ іюня пи-

саль Ивлевой, въ Кирсановъ: „до 5 іюля положительно отвѣта дать нельзя. 5-го будетъ съѣздъ врачей, гдѣ подымется вопросъ объ акушеркѣ въ Ба-лаховѣ. Есть надежда довольно сильная... Быть можетъ, вопросъ рѣшится такъ, что придется нѣкоторое время ждать... Тогда не желаете ли посе-литься въ самомъ городѣ фельдшерией, сначала безъ жалованья... Адресъ не въ управу, а земскому врачу, или лучше: Василию Федоровичу Штемпе-лину, въ гор. Николаевскѣ. Только подчеркнуть и больше ничего.“ На имя упомянутого Штемпелина, провизора при земской аптекѣ, адресовались письма къ пропагандистамъ, проживавшимъ въ Николаевскѣ, что подтвер-дилъ и Рабиновичъ, удостовѣрившій, что имъ по адресу Штемпелина было послано Ковалику, въ Николаевскѣ, письмо за подписью Мими, съ прило-женіемъ полученной изъ Кіева шифрованной записки, при чемъ, по сло-вамъ Рабиновича, фамилія Штемпелина на конвертѣ была имъ подчеркнута для обозначенія, что письмо подлежитъ передать Ковалику или Кадьяну. По обыску у Штемпелина были найдены: 1 т. „Впередъ“, два экземпляра программы этого журнала и „Пѣсенникъ“; по объясненію Штемпелина журналъ „Впередъ“ и программа такового были имъ взяты у Кадьяна; откуда же и какимъ образомъ попалъ къ нему „Пѣсенникъ“, Штемпелинъ отозвался незнаніемъ. Не отвергая такого показанія Штемпелина, Кадьянъ объяснилъ, что журналъ „Впередъ“ былъ имъ взятъ для чтенія у Рѣчицкаго и лежалъ у него на письменномъ столѣ, откуда Штем-пелинъ легко могъ его взять, программу же журнала онъ получилъ въ маѣ 1873 года въ Вѣнѣ по почтѣ и передалъ такую Штем-пелину по просьбѣ послѣдняго; на конвертѣ, въ которомъ была ему прислана программа, былъ цюрихскій почтовый штемпель, а въ Цюрихѣ, по словамъ Кадьяна, могли знать о пребываніи его въ Вѣнѣ, такъ какъ на пути изъ Італіи онъ провелъ въ Цюрихѣ нѣсколько дней. При обы-скѣ у Кадьяна въ бумажникѣ его, лежавшемъ въ карманѣ сюртука, былъ найденъ лоскутокъ бумаги, исписанный на половину неизвѣстной рукою, а на половину рукою Кадьяна; по объясненію послѣдняго, данному при дознаніи, на означенномъ лоскутѣ бумаги изложена программа одного собра-нія, предполагавшагося въ Цюрихѣ, а по сличеніи содержанія этой программы съ программю журнала „Впередъ“, между ними оказалось большое сходство; независимо отъ сего у Кадьяна былъ найденъ чемо-данъ Судзиловскаго, въ которомъ находились, между прочимъ, долото, двѣ пилы и два подпилка. Обыскъ у Кадьяна былъ вызванъ заявленіемъ содержавшагося въ Николаевскомъ тюремномъ замкѣ арестанта Лихачева, который объявилъ начальнику мѣстнаго жандармскаго управленія слѣдую-щее: въ майскую сессію Самарскаго окружнаго суда, въ Николаевскѣ, слушалось дѣло Лихачева и Цоллова, защитниками которыхъ явились Суд-зиловскій Рѣчицкій-Логиновъ. Рѣчицкій въ разговорѣ съ Лихачевымъ объ-яснилъ послѣднему, что если его осудятъ, то ему будетъ оказана помощь для совершенія побѣга; „у насъ много такихъ, какъ вы, говорилъ Рѣ-чицкій, мы даемъ имъ пособія, мы этихъ людей припишемъ куда-нибудь, а приписку эту сдѣлаемъ такъ, что отправимъ, напримѣръ, тебя за гра-ницу, тамъ добудемъ иностранный паспортъ, а затѣмъ ты уже явишься не русскимъ подданнымъ“; на вопросъ же Лихачева, зачѣмъ имъ нужны арестанты, Рѣчицкій отвѣтилъ, что онъ потомъ подробно узнаетъ все,

при чемъ сказали: „намъ нуженъ такой народъ, который готовъ рѣшиться на все, а народу этого легче подобрать изъ васъ, ссылкинхъ, а изъ народа, на свободѣ находящагося, рѣшительныхъ людей подобрать труднѣе, тамъ народъ слабый“. Далѣе Рѣчицкій объяснилъ, что имъ нужны рѣшительные люди, потому что они хотятъ „порѣшить власть Царя“, и что заручившись такими людьми, они посылаютъ ихъ въ разныя мѣста раздавать книги. Въ слѣдующее свое посѣщеніе Рѣчицкій принесть Лихачеву пять книгъ: „Исторію французскаго крестьянина“, „Люди прежде и теперь“, „Чтой-то братцы“, „Стенку Разина“ и „Вольнаго атамана Степана Тимоеевича Разина“, каковыя книги и читались затѣмъ арестантами и однимъ изъ нихъ, Крючковымъ, были даже переплетены. Передавъ Лихачеву означенныя книги, Рѣчицкій условился съ нимъ, что если послѣдуетъ обвинительный приговоръ, то Лихачевъ ляжетъ въ больницу, откуда и совершить побѣгъ, и вѣсть съ тѣмъ вручилъ Лихачеву вырѣзанную на двухкопѣчной монетѣ фальшивую печать петровскаго волостного правленія съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если имъ послѣ совершенія побѣга не удастся скоро свидѣться, Лихачевъ могъ бы безъ затрудненія составить себѣ фальшивый паспортъ. Отъ Потлова Лихачевъ узналъ, что его защитникъ Судзиловскій „свой человекъ“, въ чемъ и онъ убѣдился изъ разговоровъ съ Судзиловскимъ; какъ Рѣчицкій, такъ и Судзиловскій говорили Лихачеву, что „все равно, что они, то и докторъ Кадьянъ“, поясняя при этомъ, что у нихъ „общее дѣло“, а Рѣчицкій кромѣ того сказалъ Лихачеву: „ты только ухитрись попасть въ больницу, а докторъ съ нами заодно, мы его предупредимъ, не выпишетъ“, и сообщилъ, что если послѣ побѣга Лихачевъ будетъ въ чемъ-либо нуждаться, то чтобы онъ писалъ письмо въ николаевскую земскую аптеку съ передачей Логинову, и добавилъ, что если будетъ получено письмо съ такимъ адресомъ, то все равно, попадаетъ ли оно въ руки его, Рѣчицкаго, или въ руки доктора Кадьяна, или Судзиловскаго. Послѣ состоявшагося о Потловѣ и Лихачевѣ приговора суда, коиимъ Потловъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, а Лихачевъ въ Сибирь на поселеніе, означенные арестанты, получивъ отъ Судзиловскаго долото, заявили себя больными, хотя въ дѣйствительности были совершенно здоровы, вслѣдствіе чего было отправлены въ больницу, гдѣ Кадьянъ, освѣдѣтельствовавъ Потлова, принялъ его немедленно, такъ какъ онъ уже прежде лежалъ въ больницѣ и былъ извѣстенъ Кадьяну, и спросивъ затѣмъ у Лихачева его фамилію и услыжавъ таковую, Кадьянъ взялся за голову, какъ бы припоминая что-либо; въ это время присутствовавшій при приѣмѣ арестантовъ Судзиловскій показалъ Кадьяну два пальца, послѣ чего Кадьянъ приказалъ принять и Лихачева. Лихачевъ и Потловъ, а также арестантъ Куловъ, тоже имѣвшій намѣреніе бѣжать, были помѣщены въ камеру, гдѣ лежалъ одинъ тяжело больной, ничего не знавшій о предполагаемомъ побѣгѣ; у окна означенной камеры были двѣ рѣшетки; наружная желѣзная и внутренняя деревянная, изъ которыхъ послѣдняя въ день поступленія Потлова и Лихачева въ больницу была снята по приказанію Кадьяна, будто бы для того, чтобы воздухъ былъ чище, а въ дѣйствительности, какъ рассказывалъ впоследствии арестантамъ Судзиловскій, съ тою цѣлью, чтобы можно было передать черезъ окно, что будетъ нужно. Прележавъ нѣсколько

дней въ больницѣ, Лихачевъ, не имѣя нахѣренія бѣжать, выписался изъ больницы, и его мѣсто занялъ арестантъ Бездняевъ, отъ котораго, равно какъ и Потлова, Лихачевъ узналъ впоследствии, что ими вмѣстѣ съ Куловымъ было совершено покушеніе на побѣгъ, при чемъ конвойные солдаты были опоены какимъ-то одуряющимъ веществомъ, переданнымъ Судзиловскимъ. Представляя въ доказательство справедливости всего вышеизложеннаго три книги: „Люди прежде и теперь“, „Вольный атаманъ Степанъ Тимоѣевичъ Разинъ“ и „Стенька Разинъ“, Лихачевъ присовокупилъ: а) что изъ остальныхъ книгъ, переданныхъ ему Рѣчицкимъ, „Исторію одного французскаго крестьянина“ онъ далъ отправившемуся съ партией изъ Николаевскъ въ Самару арестанту Крючкову, отъ котораго слышалъ, что ему также были переданы Судзиловскимъ и Рѣчицкимъ фальшивыя печати; б) что у того же Крючкова имѣется Евангеліе, на листахъ котораго Крючковъ для удержанія въ памяти фамилій лицъ, могущихъ оказать помощь въ случаѣ нужды, написалъ слова: „Аптекарь Кадьяновъ, Логинновъ“, и в) что Судзиловскій при немъ, Лихачевъ, передалъ Потлову десять порошковъ для усмиренія конвоя, каковыя порошки хранились въ тюрьмѣ у Лихачева и Крючкова, изъ которыхъ послѣдній, въ день отправленія партіи изъ Николаевска, всыпалъ восемь порошковъ въ одианъ, ради удобнѣйшаго сохраненія таковыхъ. Вслѣдствіе такого заявленія Лихачева, у арестантовъ, отправленныхъ въ Самару былъ произведенъ обыскъ, по которому было найдено: у арестанта Крючкова „Исторія французскаго крестьянина“, а внутри ея прокламація „Что-то братцы“ и Евангеліе на русскомъ языкѣ, въ переплетѣ котораго оказалось: четыре фальшивыя печати—одна петровскаго волостного правленія, двѣ балаковскаго волостного правленія и одна николаевскаго полицейскаго управленія; крокъ сего на нѣкоторыхъ страницахъ Евангелія усмотрѣны слова: „Аптекарь Кадьяновъ, Логинновъ“, а на внутреннихъ сторонахъ переплета надписи: „о здравіи Василія, Василія, Маріи, Ефима, Николая, Константина, Ивана Оедорова, о здравіи Александра, Александрова, Ивана Оедорова, Николая Константинова, Николая Александрова“; у арестанта Мордовина—Новый Заветъ, въ переплетѣ котораго оказались три фальшивыя печати—николаевскаго и новоузенскаго полицейскихъ управленій и балаковскаго волостного правленія, а на внутренней сторонѣ переплета надписи: „о здравіи Александра Александрова, Николая Константинова, Николая Оедорова, Логинновъ“; у арестанта Потлова—вшитые въ поджильникахъ три небольшіе бумажныя свертка съ порошкомъ, оказавшимся по изслѣдованію смѣсью рвотнаго камня съ пшечуановымъ корнемъ. Арестантъ Василій Крючковъ при дознаніи показалъ, что онъ слышалъ отъ Лихачева и другихъ арестантовъ, что одна изъ найденныхъ у него печатей была передана Лихачеву Рѣчицкимъ, который лично Крючкову обещалъ оказать содѣйствіе къ совершенію побѣга, говоря что заодно съ нимъ Кадьянъ и Судзиловскій; что „Исторія французскаго крестьянина“ и „Что-то братцы“ были переданы Рѣчицкимъ Лихачеву и затѣмъ имъ, Крючковымъ, были переплетены, и что, передавая означенныя книги, Рѣчицкій просилъ арестантовъ, въ томъ числѣ и Крючкова, раздавать таковыя по выходѣ на волю, при чемъ объяснилъ, что у нихъ составилось цѣлое общество въ губерніяхъ Петербургской, Московской, Харьковской и др., съ цѣлью лишить Царя власти. Показанія Лихачева и Крюч-

кова, подкрѣпленные результатами обыска у Потлова, Мордовина и Крючкова, нашли себѣ подтвержденіе и въ дальнѣйшихъ собранныхъ слѣдствіемъ данныхъ. Такъ, свидѣтельскими показаніями удостовѣрено, что съ появленіемъ въ тюремномъ замкѣ Судзиловскаго и Рѣчницкаго совпало и появленіе у арестантовъ революціонныхъ книгъ, и что между арестантами былъ слухъ о томъ, что студенты, какъ называли Судзиловскаго и Рѣчницкаго, недовольны правительствомъ и хотятъ возбудить народъ къ бунту. Изъ сообщенныхъ николаевскимъ земскимъ врачемъ свѣдѣній оказывается, что Лихачевъ и Потловъ поступили въ больницу 29-го мая, при чемъ, какъ видно изъ скорбныхъ листовъ, первый былъ одержимъ воспаленіемъ мочеиспускательнаго канала, которое при употребленіи одного спринцованія совершенно прошло, послѣ чего онъ 2-го іюня былъ выписанъ изъ больницы, а второй страдалъ хроническимъ воспаленіемъ мелкихъ дыхательныхъ путей, принималъ одну микстуру и 17-го іюня выписанъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ. Протоколомъ осмотра арестантскаго отдѣленія земской больницы, а также свидѣтельскими показаніями удостовѣрено покушеніе на побѣгъ въ ночь на 14-е іюня арестанта Потлова, въ одной камерѣ съ которымъ находились: Куловъ, Бездняевъ и Муницинъ, при чемъ изъ свидѣтельскихъ показаній видно, что у арестантовъ было долото, что деревянная рѣшетка въ окнѣ камеры, поставленная по приказанію смотрителя, была снята по распоряженію Кадьяна, что въ ночь покушенія на побѣгъ конвой былъ оценовъ какимъ-то одуряющимъ веществомъ и что Куловъ, Потловъ и Бездняевъ находились въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Судзиловскимъ. По показанію Потлова, онъ по личному опыту убѣдился въ усыпляющемъ дѣйствиіи найденныхъ у него порошковъ, принявъ нѣкоторую долю порошка. Наконецъ, изъ показанія свидѣтеля Монстрова видно, что революціонные дѣятели не пренебрегали для достиженія своихъ цѣлей и содѣйствіемъ преступниковъ; такъ, по словамъ Монстрова, членъ самарскаго кружка Петропавловскій сообщалъ ему, что существовавшая въ Самарѣ революціонная партія была не прочь сходитьса для своихъ цѣлей даже съ преступниками, которые, какъ люди ожесточенные, оказываются надежнѣе другихъ. Подтверждающееся такимъ образомъ обстоятельствомъ дѣла заявленіе Лихачева, въ связи съ другими уликами, собранными слѣдствіемъ и выше сего изложенными, приводитъ къ убѣжденію, что Кадьянъ дѣйствительно былъ „заодно“ съ Рѣчницкимъ и Судзиловскимъ. Независимо отъ всего вышеизложеннаго доказательствами виновности Кадьяна служатъ: а) Разпорѣчивыя его показанія о знакомствѣ съ Коваликомъ. Такъ, первоначально при дознаніи Кадьянъ показалъ, что Малышевъ его знакомый, котораго онъ зналъ въ Петербургѣ, когда Малышевъ былъ студентомъ университета, а онъ, Кадьянъ, студентомъ Медико-Хирургической Академіи, и который пріѣхалъ къ нему на нѣсколько дней прѣздомъ изъ Петербурга въ Саратовъ; въ слѣдствіи при дознаніи Кадьянъ измѣнилъ свое показаніе и объяснилъ, что съ Малышевымъ познакомился лишь въ апрѣлѣ 1874 г., когда ѣздивъ въ Петербургъ, слѣдующимъ образомъ: Судзиловскій просилъ его, по пріѣздѣ въ Петербургъ, послать по городской почтѣ записку, которую ему и вручилъ; на означенной запискѣ былъ написанъ адресъ, изъ котораго въ памяти Кадьяна остались лишь слова „Петербургская Страница“ и то, что фамилія была не Малышевъ; по пріѣздѣ въ Петер-

бургъ, онъ поступилъ согласно просьбѣ Судзиловскаго, послѣ чего къ нему явился какой-то господинъ, назвавшійся фамиліей, которую онъ не помнитъ, потому что не обратилъ на нее вниманія; этотъ самый господинъ пріѣхалъ въ Николаевскъ въ іюнѣ, гдѣ Кадьяну сказали, что его фамилія Малышевъ. Къ такому объясненію Кадьянъ присовокупилъ, что прежде свое показаніе о томъ, что былъ знакомъ съ Малышевымъ давно, вѣскольکو лѣтъ тому назадъ, онъ далъ съ тою цѣлю, чтобы не обращать на него вниманія и тѣмъ не усиливать падающаго на него, Кадьяна, подозрѣнія. Последнее свое показаніе о знакомствѣ съ Малышевымъ Кадьянъ повторилъ и при слѣдствіи. б) Письма Войнаральскаго и Ковалика. Первый въ письмѣ своемъ на имя Шершивадзе изъ Ставрополя-Самарскаго писалъ: „ . . . Въ Николаевскѣ погромъ: у пересыльныхъ оттуда арестантовъ нашли книги, арестованъ докторъ Кадьянъ, прочія скрылись . . . “ Коваликъ въ запискѣ, взятой въ квартирѣ мѣщанки Кирилловой, при арестѣ Войнаральскаго, сообщалъ: „былъ погромъ въ Николаевскѣ, докторъ Кадьянъ и Рѣчицкій, а можетъ быть, и Ломоносовъ арестованы, я и Судзиловскій едва уѣхали. Последнее время дѣло шло хорошо. Не знаю, какъ теперь, вѣроятно, то же, что и прежде. Было общано 300 р. с., намѣчены лица, дѣло будетъ продолжаться, я снова пойду туда“. в) Полученныя уже послѣ ареста Кадьяна два письма на его имя. Первое изъ означенныхъ писемъ было писано нѣкою Должанскою, которая, ссылаясь на Судзиловскаго, просила Кадьяна предоставить ей мѣсто учительницы въ одной изъ школъ николаевскаго земства; изъ писемъ той же Должанской на имя Судзиловскаго видно, что она была знакома съ Екатериною Брешковскою и Дебагорио-Мокривичемъ, имѣла намѣреніе отправиться въ Петербургъ учиться фельдшерству, но не акушерству, потому что „въ послѣднемъ случаѣ имѣла бы сношенія лишь съ женщинами“, и предпочитала бы вмѣсто учительства дѣлать что-либо другое, напр., торговать въ лавкѣ, кабакѣ и т. д.; второе письмо подлежало передачѣ проживавшей у Кадьяна вдовѣ студента Медико-Хирургической Академіи Лидіи Павловнѣ Барышевой и было прислано изъ Кіева ея сестрою, писавшею, между прочимъ: „ . . . о Судз. не могла справиться, отъ другихъ слышала о немъ дурно, но, повидимому, искренно преданъ общему интересу. Онъ былъ въ Цюрихѣ . . . удалось ли сойтись съ кр. или уже и надежду потеряла? “ По поводу сего письма Барышева, посѣщавшая, по ея словамъ, кое-какія лекціи и анатомическій театръ, объясняла при дознаніи, что сестра спрашивала, сошлась ли она съ крестьянами, потому что у нея, Барышевой, было желаніе „учить какъ малыхъ, такъ и взрослыхъ“. г) Пребываніе у Кадьяна неизвѣстной личности, которую свидѣтель Карповъ видѣлъ въ квартирѣ Кадьяна вмѣстѣ съ Малышевымъ; по словамъ Карпова, личность эта была брюнетъ, средняго роста, съ обритою бородою и усами. По показаніямъ же Лихачева и Крючкова, даннымъ при дознаніи, Кадьянъ приводилъ въ больницу неизвѣстную личность съ такими же примѣтами. ж) Прибытіе въ Николаевскъ Тетельмана, удостовѣренное его письмомъ къ Судзиловской. Кромѣ указанныхъ писемъ, послѣ задержанія Кадьяна были получены по адресу Штемпелина два письма, первое — отъ Рабиновича, въ которомъ онъ, между прочимъ, спрашивалъ, не больна ли „бѣлобрысая его сожительница“, т. е. Лешернъ, какъ объяснилъ Рабиновичъ при слѣдствіи; къ означенному

письму было приложено полученное от Дробышевскаго изъ Кіева, писанное шифромъ письмо; второе письмо было писано Паевскимъ къ Ковалику и уже приведено выше, и третье письмо, по адресу Судзиловскаго, отъ сестры его Евгеніи, въ которомъ послѣдняя сообщала брату, для веденія переписки съ нею, адресъ Миллера въ Пензѣ. Кадьянъ не призналъ себя виновнымъ. Задержанный при обыскѣ у Кадьяна Рѣчицкій-Логиновъ, препровожденный въ Самару, дорогой застрѣлился; въ записной книжкѣ Рѣчицкаго оказались написанные шифромъ адреса: въ Самарѣ — Осташкина, въ квартирѣ писца губернской земской управы Дегтерева, лозунгъ: сколько будетъ 20 и 18? Пономарева — въ квартирѣ судебного слѣдователя Кудряшева (у котораго Пономаревъ служилъ писцомъ); въ Пензѣ — Жилинскаго — подпись „пожиже“; въ Тамбовѣ — Арева, съ передачей Никифорову, пароль „Вышеславцевъ, мастеръ изъ Тулы“; въ Саратовѣ — Софинскаго, пароль „Вышеславцевъ-бунтъ“; въ Москвѣ — Шершивадзе. Ломоносовъ, находившійся подъ именемъ гимназиста Бѣлкина въ квартирѣ Кадьяна во время обыска, получивъ отъ Кадьяна 10 р., какъ сказано выше, немедленно уѣхалъ изъ Николаевска и былъ задержанъ 15-го іюля въ гор. Хвалынскѣ, при чемъ объявилъ, что настоящая его фамилія Ломоносовъ. Ломоносовъ виновнымъ себя не призналъ. 7-го іюля, т. е. въ день обыска у Кадьяна, Ковалика и Судзиловскаго не было въ Николаевскѣ; они находились у Карповыхъ, въ селѣ Марьинѣ, и 8-го іюля, узнавъ объ арестѣ Кадьяна и Рѣчицкаго, скрылись. Судзиловскій, какъ изложено выше, появился въ Нижнеѣ-Новгородѣ, отправился оттуда въ Москву и затѣмъ успѣлъ окончательно скрыться отъ преслѣдованія, Коваликъ же былъ задержанъ въ Самарѣ, вмѣстѣ съ членомъ самарскаго кружка Осташкинымъ, на постояломъ дворѣ Өминскаго, при чемъ назвался фамиліею Малышева и предъявилъ видъ на имя послѣдняго. Коваликъ призналъ, что принадлежалъ къ социально-революціонной партіи и что, съ цѣлью организовать силы этой партіи, велъ революціонную пропаганду какъ въ средѣ народа, такъ и въ средѣ интеллигенціи, подготавливая такимъ образомъ народное возстаніе. Относительно дѣятельности своей въ Николаевскѣ Коваликъ никакихъ объясненій не далъ, а старался лишь увѣрить, что Кадьянъ не принималъ никакого участія въ дѣятельности его, Ковалика, Судзиловскаго и Рѣчицкаго. Изъ показанія Ковалика оказывается, что онъ слышалъ о Кадьянѣ еще до пріѣзда послѣдняго въ Петербургъ въ апрѣлѣ 1874 года, и что Судзиловскій также „откуда-то добылъ“ адресъ Кадьяна. Во время содержанія Ковалика подъ стражей въ Москвѣ у него была отобрана записка, въ которой Коваликъ излагалъ планъ побѣга и указывалъ лицъ, могущихъ быть ему полезными въ этомъ случаѣ. Къ числу таковыхъ Коваликъ относилъ Ободовскую (Сидорацкую) и Ваховскую, которыя могутъ, писалъ онъ, познакомить съ Рабиновичемъ, Паевскимъ, Грипенковимъ и другими, а также, между прочимъ, ябкого Богусскаго, который предлагалъ ему въ Москвѣ напечатать прокламацію къ полякамъ, но при этомъ Коваликъ присовокупляетъ, что онъ мало знаетъ „московскихъ“. Другимъ центромъ революціонной дѣятельности въ Самарской губерніи былъ городъ Самара, гдѣ существовали два кружка, одинъ, — образовавшійся изъ кружка „саморазвитія“, къ которому принадлежалъ Городецкій, а другой — основанный Войнаральскимъ; между обоими круж-

ками установилась впоследствии тѣсная связь. Послѣ отъѣзда изъ Самары, осенью 1873 года, Городецкаго и Чернышева кружокъ „саморазвитія“ не прекратилъ своихъ занятій и число его членовъ стало постепенно увеличиваться. Осенью 1873 года вошли въ кружокъ: воспитанница Самарской женской гимназій Вѣра Николаевна Боголюбова (вышедшая впоследствии замужъ за Городецкаго), писецъ уѣздной земской управы, крестьянинъ села Каменки, Иванъ Ивановъ Бѣляковъ, писецъ губернской земской управы, крестьянинъ села Кротовки, Степанъ Николаевъ Дегтеревъ и крестьянинъ села Малаго Толкая Романъ Андреевъ Бодяжинъ. Вѣра Боголюбова, какъ видно изъ ея показанія, познакомилась съ кружкомъ чрезъ Филадельфова, а Бодяжинъ чрезъ Емельянова, что призвано ими обоими; Бѣляковъ еще въ первой половинѣ 1873 года познакомился съ Осташкинымъ, по его собственнымъ словамъ, въ квартирѣ Чернышева, а затѣмъ жилъ вмѣстѣ съ Филадельфовымъ, что подтвердили и Боголюбова, указавъ на Дегтерова, какъ на лицо, посѣщавшее квартиру Филадельфова. Въ началѣ января 1874 года въ составъ кружка вошелъ мѣщанинъ Павелъ Эрастовъ Александровъ, лакей г-на Бородина, познакомившійся, по его словамъ, съ членами кружка чрезъ Осипова, который давалъ въ домѣ Бородина уроки, а въ февралѣ того же года присоединился къ кружку товарищъ Осипова, Городецкаго, Филадельфова, Осташкина, Чернышева, Буха и Милоголовкина, воспитанникъ самарской гимназій, крестьянинъ села Грачевки Егоръ Егоровъ Лазаревъ. Пополнивъ свой составъ новыми личностями, кружокъ, какъ видно изъ показанія Вѣры Боголюбовой, продолжалъ свои занятія: сначала занимались чтеніемъ, а затѣмъ Осиповъ и Филадельфовъ стали доказывать, что нужно распространять образованіе въ народѣ, учить его быть самостоятельнымъ съ тѣмъ, чтобъ онъ впоследствии могъ самъ управлять собою, и внушать народу необходимость такого самоуправленія, вслѣдствіе чего всѣ разговоры въ кружкѣ сосредоточились на темѣ „что дѣлать?“ По показанію Боголюбовой, установленіе программы дѣйствій было возложено на Осипова, который чрезъ нѣсколько времени объявилъ, что планъ дѣйствій отысканъ, и въ очень мудреныхъ фразахъ возвѣстия необходимость „нравственной выработки“, при чемъ старался увѣрить членовъ кружка, что всѣ они „дрянь, никуда не годные люди“; хотя нѣкоторымъ членамъ кружка, какъ, напримѣръ, Боголюбовой, и тяжело было сознаться въ своей дрянности, тѣмъ не менѣе было рѣшено заняться нравственною выработкой путемъ чтенія и составленія рефератовъ, занятія же науками въ гимназій были признаны бесполезными, и Осиповъ сталъ внушать Боголюбовой, что она поступаетъ очень глупо, продолжая заниматься въ гимназій, вслѣдствіе чего Боголюбова, которой сильно надѣли нѣмецкіе переводы, стала хуже учиться и пропускать уроки. На собраніяхъ кружка, по словамъ той же Боголюбовой, читался въ это время сочиненія Овеа и Лассала, а Осиповъ вѣзлъ себѣ для разбора книгу Чернышевскаго „Что дѣлать?“, заранѣе взявъ всѣхъ, что онъ напишетъ такой разборъ, который и чрезъ сотню лѣтъ будетъ современнымъ. Такое обѣщаніе Осипова разрѣшилось, однако, ничѣмъ, и написавъ нѣсколько листовъ бумаги, Осиповъ, объявилъ, что имъ придуманъ новый планъ дѣйствій, а именно: „строга-научная подготовка“, и предложилъ заниматься анатоміей. Предложеніе Осипова и на этотъ разъ было принято, и Боголюбова, Филадель-

фовъ и Осиповъ начали изучать анатомію, всѣ же прочіе члены кружка продолжали заниматься чтеніемъ, собираясь, по временамъ, у Филадельфова. Филадельфовъ и Осиповъ не долго занимались анатоміей, какъ видно изъ показанія Филадельфова, въ скоромъ времени, вмѣстѣ съ Осташкинѣмъ, перешли къ изученію химіи и физики, въ каковыхъ занятіяхъ предполагалъ принять участіе и Лазаревъ; независимо отъ сего, Осташкинъ и Филадельфовъ, по словамъ послѣдняго, нѣкоторое время обучались столярному мастерству въ мастерской мѣщанина Зубкова. Въ февралѣ появились въ средѣ членовъ кружка сочиненія Бакунина, привезенныя изъ С.-Петербурга Осипову, какъ видно изъ его показанія, неизвѣстнымъ лицомъ, назвавшимся студентомъ Медико-Хирургической Академіи Ивановымъ, который объявилъ, что книги присланы товарищами Осипова. Означенныя книги, т. е. „Государственность и Анархія“ и „Историческое развитіе интернаціонала“, были посланы Осипову Городецкимъ, какъ оказывается изъ показанія послѣдняго, чрезъ посредство нѣкаго Мордвинова. Съ появленіемъ сочиненій Бакунина кружокъ оковчательно уклонился отъ первоначальной своей программы и принялъ вполне революціонное направленіе. Постепенный переходъ кружка отъ цѣлей самообразованія къ цѣлямъ революціоннымъ подтверждается и показаніемъ Бодяжина; по словамъ послѣдняго, въ концѣ 1873 года въ квартирѣ Бѣлякова читались сочиненія Писарева и велись разговоры о самарскомъ голодѣ, и въ это время Бодяжинъ получалъ для чтенія отъ Филадельфова и Осипова лишь народныя рассказы и статьи изъ журналовъ; въ январѣ 1874 года, на сходкахъ въ квартирѣ Филадельфова, темою для разговоровъ служили вопросы объ ассоціаціяхъ и объ улучшеніи быта рабочаго класса, при чемъ высказывалось, что народъ, находясь въ настоящее время подъ гнетомъ правительства, не понимаетъ своего бѣдственнаго положенія, которое и слѣдуетъ ему разъяснить; въ это же время Бодяжинъ получилъ отъ Емельянова книги: „Вольный атаманъ Степанъ Тимофеевичъ Разинъ“ и журналъ „Полярная Звѣзда“, а въ мартѣ на сходкахъ читали уже сочиненія Бакунина. Такимъ образомъ, къ веснѣ 1874 г. направленіе кружка получило характеръ чисто революціонный: въ это время, по словамъ Боголюбовой, Емельяновъ уже восхищался книгою „Стѣнка Разинъ“ и толковалъ о необходимости измѣнить ученіе Евангелія. Павелъ Александровъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, давалъ мѣщанину Щудовкину для чтенія журналъ „Впередъ“, а Боголюбова, вышедшая изъ гимназіи и поступившая въ фельдшерскую школу, снабжала послѣднюю, по удостовѣренію фельдшера Байкова, революціонными сочиненіями. Въ апрѣлѣ прибылъ въ Самару Городецкій, который, какъ видно изъ его собственнаго показанія, въ половинѣ марта отправился изъ Петербурга въ Смоленскую губернію, въ нѣмнѣе знакомаго ему помѣщика Органовича, гдѣ работалъ въ кузницѣ, пробовалъ заговаривать съ крестьянами объ ихъ положеніи и передалъ работавшему вмѣстѣ съ нимъ мальчику нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, какъ-то: „Дѣдушка Егоръ“ и „Митюха“; пробывъ у Органовича около мѣсяца, Городецкій направился въ Самару, черезъ Тамбовъ и Саратовъ, разыскивалъ, но безуспѣшно, въ послѣднемъ городѣ семинариста Ломоносова, къ которому имѣлъ письмо его брата, студента Медико-Хирургической Академіи, и въ послѣднихъ числахъ апрѣля пріѣхалъ въ

Самару, гдѣ и остановился въ квартирѣ Осипова. По словамъ Городецкаго, онъ привезъ въ Самару сочиненія Бакунина, журналъ „Впередъ“, „Исторію французскаго крестьянина“ и „Стенку Разина“, что подтвердилъ и Филадельфовъ, присовокупившій, что кромя вышепоименованныхъ книгъ, Городецкимъ была привезена съ собою и прокламація „Чтой-то братцы“. Около того же времени прѣехали — Чернышевъ, тоже привезшій книги, и Клеопатра Лукашевичъ, вышедшая вскорѣ затѣмъ замужъ за Осипова, а также Никитинъ съ женою и Курдюмовъ, проживавшіе нѣкоторое время у отца Никитина, пристава 2 стана Свияжскаго уѣзда, и прибывшіе въ Самару, по словамъ Городецкаго, съ цѣлью пропаганды; всѣ упомянутыя лица, кромя Клеопатры Лукашевичъ, остановились, какъ это видно изъ показаній Осипова и Филадельфова, въ квартирѣ послѣднихъ, гдѣ кромя Городецкаго жилъ еще и Бѣляковъ. Никитинъ и Курдюмовъ, по удостовѣренію Городецкаго, также привезли революціонныя книги, которыхъ, такимъ образомъ, накопилось въ кружкѣ значительное количество; въ среднѣ же лѣта, какъ уже было сказано выше, Арансонъ по порученію Траубенберга привезъ Городецкому еще транспортъ книгъ, не дошедшихъ, однако, по назначенію. Кромя вышепоименованныхъ лицъ, прибыли въ Самару члены кружка: Бухъ и Чернышевъ, изъ которыхъ первый скрылся, а послѣдній умеръ. Съ прѣздомъ петербургскитъ товарищей дѣятельность кружка оживилась и для окончательной выработки программы дѣйствій былъ устроенъ цѣлый рядъ сходокъ, изъ которыхъ первая происходила въ одномъ изъ залитыхъ разливомъ рѣки домовъ пригорода. Объ этой сходкѣ упоминаютъ въ своихъ показаніяхъ Филадельфовъ, Бѣляковъ и Городецкій; но первые двое, не отрицая посѣщенія означеннаго дома, стараются доказать, что это была лишь прогулка, между тѣмъ какъ Городецкій, прямо называя посѣщеніе залитаго водой дома сходкой, вѣстѣ съ тѣмъ удостовѣряетъ, что на этой сходкѣ вполне выяснилось, что члены самарскаго кружка пришли къ тѣмъ же выводамъ, какъ и ихъ петербургскіе товарищи, т. е. къ убѣжденію о необходимости пропаганды въ народѣ; по словамъ Городецкаго, на этой сходкѣ говорили больше всѣхъ Филадельфовъ и Лазаревъ, а изъ показаній Филадельфова и Бѣлякова слѣдуетъ заключать, что на сходкѣ присутствовали еще Осиповъ, Осташкинъ, Боголюбовъ, Емельяновъ, Никитинъ, Никитина, Курдюмовъ и Александровъ. Послѣдующія сходки происходили въ квартирѣ Осипова, Филадельфова и Бѣлякова, въ домѣ Заикина. По словамъ обвиняемаго Романа Бодяжина, на означенныхъ сходкахъ говорилось, что правительство обманываетъ народъ и злоупотребляетъ его довѣріемъ, что налоги слишкомъ тяжелы, и что освободиться отъ правительственнаго гнета можно только при помощи огня и меча, при чемъ Городецкій увѣрялъ присутствовавшихъ, что въ Смоленской губерніи народъ достаточно подготовленъ къ возстанію, и высказывалось также, что прибѣгать къ бунту не будетъ предстоять надобности, такъ какъ правительственный гнетъ спадетъ самъ собою такъ же, какъ исчезло крѣпостное право. Для достиженія желаемой цѣли, т. е. паденія правительства, лица, принимавшія участіе въ сходкахъ, предполагали сблизиться съ народомъ и внушать ему, что земля не должна быть ни помѣщичьею, ни государственною, а общинною, и что обществу должны принадлежать

также и желѣзные дороги; подобнаго рода мысли должны были проводиться всюду, гдѣ къ тому можетъ представиться удобный случай. Сверхъ сего, на сходкахъ читались революціонныя книги: „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Сказка о 4-хъ братьяхъ“ и прокламація „О мученикѣ Николаѣ, или какъ слѣдуетъ жить по закону природы и правды“, „Чтой-то братцы“; кромѣ таковыхъ книгъ, Бодяжинъ видѣлъ въ квартирѣ Осипова еще „Отщепенцевъ“ и „Счеты русскаго народа съ Домомъ Романовыхъ“. По словамъ Бодяжина, на сходкахъ бывали: Осташкинъ, Осиповъ, Филадельфовъ, Городецкій, Городецкая (Боголюбова). Чернышевъ, Бѣляковъ, Лазаревъ, Александровъ, Емельяновъ, Курдюмовъ и какая-то женщина, по имени Марѳа (Никитина); Бодяжинъ прожилъ въ маѣ мѣсяцъ въ Самарѣ только около двухъ недѣль, какъ это видно изъ его показанія, и въ этотъ же промежутокъ времени и посѣщалъ сходки въ домѣ Заикина. Показаніе Бодяжина находитъ себѣ полное подтвержденіе въ показаніяхъ свидѣтелей Байкова и Пудовкина. По удостовѣренію Байкова, все тайное самарское общество собиралось въ домѣ Заикина и устраивало здѣсь свои сходки подъ предсѣдательствомъ Городецкаго и Осипова; на собраніяхъ читали революціонныя книги и говорили о необходимости распространенія въ народѣ идей, которыми руководился кружокъ; девизъ общества былъ: „свобода, равенство и братство“, а цѣль его, какъ говорила свидѣтелю Вѣра Городецкая (Боголюбова), состояла въ томъ, чтобы путемъ революціи ниспровергнуть существующій порядокъ. Въ разговорахъ съ Байковымъ Городецкая отрицала право собственности и необходимость платить налоги и высказывала, что „надо идти въ народъ и склонять его къ возмущенію, чтобъ онъ бралъ въ руки оружіе для достиженія свободы“; изъ членовъ общества Байковъ зналъ Льва и Вѣру Городецкихъ, Владиміра и Клеопатру Осиповыхъ Филадельфова, Осташкина, Александрова, Емельянова, Лазарева, Бѣлякова и Дегтерева. По показанію Петра Пудовкина, присутствовавшаго на одной сходкѣ въ домѣ Заикина, члены кружка, въ его присутствіи, разсуждали о томъ, что нужно сдѣлать вслышку и взбунтовать народъ, при чемъ нѣкоторые доказывали, что сначала необходимо приготовить народъ къ возстанію; спорили очень долго, а затѣмъ Осиповъ, снявъ со стѣны висѣвшую на ней карточку какого-то жандармскаго офицера, положилъ ее на полъ и изрубилъ топоромъ, приговаривая, что всѣхъ жандармовъ слѣдуетъ уничтожить такимъ же точно образомъ. Изъ членовъ кружка Пудовкинъ былъ знакомъ съ Александровымъ, Осиповымъ, Клеопатрою Лукашевичъ, Львомъ и Вѣрою Городецкими, Филадельфовымъ, Осташкинымъ, Курдюмовымъ, Никитинымъ, Никитиной, Лазаревымъ, Бѣляковымъ, Бодяжинымъ, Милордовскими, Дегтеревымъ и Емельяновымъ. Байковъ и Пудовкинъ, какъ видно изъ ихъ показаній, были приглашаемы на сходки въ домѣ Заикина, первый—Вѣрою Городецкою, а послѣдній—Павломъ Александровымъ. Кромѣ Байкова и Пудовкина, члены кружка пытались склонить къ поступленію въ общество мѣщанина Михаила Бархатова, которому Емельяновъ сообщилъ о существованіи въ Самарѣ тайнаго общества, составившагося съ цѣлью ниспроверженія правительства и существующихъ порядковъ; введенный Емельяновымъ въ квартиру Осипова Бархатовъ познакомился съ Филадельфовымъ, Лазаревымъ, Никитинымъ,

Городецкимъ; Осиповымъ, Вѣляковымъ и Александровымъ, послѣ чего Осиповъ, Городецкій и Емельяновъ неоднократно уговаривали его, Бархатова, сдѣлаться членомъ ихъ общества, объясняя ему, что Царя, судовъ и чиновниковъ не нужно и что народъ управится самъ. Но довольствуясь устной пропагандою, члены кружка, для убѣжденія Байкова, Пудовкина и Бархатова въ справедливости развиваемыхъ предъ ними теорій, снабжали означенныхъ лицъ и революціонными книгами. Такъ, по показанію Байкова, Вѣра Городецкая давала ему для чтенія значительное количество книгъ и брошюръ, въ томъ числѣ и „Стеньку Разина“; Емельяновъ, по удостовѣренію Бархатова, передалъ послѣднему „Стеньку Разина“, „Сказку и четырехъ братьяхъ“, „Исторію одного французскаго крестьянина“ и др., а, по словамъ Пудовкина, имъ были получены: отъ Городецкаго — двѣ брошюры „Исѣенникъ“ и „Вольный атаманъ Степанъ Тимоосевичъ Разинъ“, отъ Клеопатры Лукашевичъ — сочиненія Бакунина, а отъ Осипова, Осташкина, Александра и Филадельфо — до 30 книгъ революціоннаго содержанія, которыя затѣмъ Александровъ взялъ отъ него обратно. Павелъ Александровъ призналъ передачу Пудовкину книгъ преступнаго содержанія, въ томъ числѣ и журнала „Впередъ“. Съ наступленіемъ лѣта самарскій кружокъ приступилъ къ осуществленію своихъ замысловъ; нѣкоторые изъ его членовъ, отправляясь на пропаганду, вовсе оставили Самару, другіе же временно отлучились изъ послѣдняго города. Владиміръ Осиповъ отправился къ Ставрополю къ своей матери, затѣмъ въ Казань, послѣ чего, по его собственному показанію, путешествовалъ по Вятской губерніи съ цѣлью ознакомленія съ народнымъ бытомъ и, наконецъ, былъ задержанъ въ Петербургѣ, подъ именемъ Никольскаго. Дѣятельность Осипова, послѣ его отъѣзда изъ Самары, осталась невыясненною, но повинность Осипова какъ въ принадлежности къ преступному сообществу, составившемуся съ цѣлью возбужденія народа къ возстанію противъ правительства, такъ и распространенія революціонныхъ книгъ, не можетъ подлежать сомнѣнію въ виду изложенныхъ выше сего обстоятельствъ дѣла. Осиповъ виновнымъ себя не признавалъ. Клеопатра Лукашевичъ, вышедшая замужъ за Осипова, отправилась въ Вятскую губернію, гдѣ 30 августа 1874 г. и была задержана подъ именемъ Маріи Михайловой въ кварталѣ сельской учительницы Клавдіи Кувшинской, въ селѣ Ивановкѣ, Орловскаго уѣзда. Проживая въ селѣ Ивановкѣ, Осипова, какъ выяснено слѣдствіемъ, принимала участіе въ крестьянскихъ работахъ и читала крестьянину, въ домѣ котораго жила, какую-то маленькую книжку о томъ, какъ „три брата жили въ пустынѣ, а одинъ изъ нихъ залѣзъ на лѣсину“. По обыску въ кварталѣ Осиповой было найдено: а) письмо какого-то Степана, въ которомъ послѣдній проситъ свою мать принять Марью Михайлову для обученія ея сельскимъ работамъ; б) синяя крестьянская рубашка и ситцевая юбка; в) карта Европейской Россіи; г) записки, писанная рукою Осиповой и начинающаяся словами: „Чтой-то вы, братцы, все жалуетесь на судьбу свою“, и д) книги: „Государственность и Анархія“, „Историческое развитіе интернаціонала“, „Клѣвь Гэ“, „Дѣдушка Егоръ“ и „Степанъ Тимоосевичъ Разинъ“. Клеопатра Осипова обнаружилла признаки разстройства умственныхъ способностей. Левъ Городецкій, какъ видно изъ его показанія, узнавъ отъ Никифора Емельянова,

что въ деревнѣ Смышляевкѣ есть „подходящій“ человекъ, содержатель питейнаго заведенія, отправился въ Смышляевку вмѣстѣ съ Владиміромъ Осиповымъ, взялъ съ собою нѣсколько книгъ, изъ которыхъ одна была не цензурная. Означенное путешествіе окончилось, однако, ничѣмъ, такъ какъ Городецкій и Осиповъ, видя, что крестьяне смотрятъ на нихъ подозрительно, вернулись въ Самару, не дойдя до Смышляевки. Вслѣдъ затѣмъ Городецкій, получивъ отъ Осташкина шифръ для переписки съ нимъ, отправился съ женой въ Николаевскій уѣздъ. По удовольствію Пудовкина, Городецкій убѣждалъ его снять въ упомянутомъ уѣздѣ землю и взять къ себѣ Городецкаго въ качествѣ кузнеца, а жену его поселить гдѣ-нибудь въ деревнѣ подъ видомъ простой крестьянки. Левъ и Вѣра Городецкіе были задержаны 21-го іюля 1874 года въ селѣ Троицкомъ, на пути въ Самару, при чемъ у нихъ, между прочимъ, оказались книги „Государственность и Анархія“ и „Общественное владѣніе земель“ Чернышевскаго. Павелъ Александровъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, ходилъ вмѣстѣ съ Чернышевымъ въ село Дубовъ-Умсть раздавать книги, а съ Никитинымъ ѣздилъ въ Бузулукскій уѣздъ съ тою же цѣлью, осуществить которую имъ, однако, не удалось; на возвратномъ пути въ Самару Александровъ и Никитинъ зашли въ село Грачевку къ Егору Лазареву, у котораго, какъ видно изъ его показанія, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ проживала Марѳа Никитина и бывалъ Бухъ. Независимо отъ сего, Павелъ Александровъ, какъ оказывается изъ показанія Бархатова, разбѣжжалъ съ Никифоромъ Емельяновымъ по окрестнымъ деревнямъ съ цѣлью возбужденія народа противъ правительства и распространенія книгъ преступнаго содержанія. Павелъ Александровъ призналъ себя виновнымъ въ томъ, что велъ преступную пропаганду. Никифоръ Емельяновъ, какъ видно изъ показанія Пудовкина, былъ посланъ самарскимъ кружкомъ на Сергіевскія минеральныя воды съ цѣлью веденія тамъ революціонной пропаганды, при чемъ Городецкій, Никитинъ и Бѣляковъ дали Емельянову книги, названія которыхъ Пудовкину неизвѣстны. Не отвергая свою поѣздку на Сергіевскія воды, Емельяновъ объяснилъ что при отъѣздѣ изъ Самары получилъ отъ Осипова книги: „Государственность и Анархія“, „Отщепенцы“, „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Стенька Разинъ“, „Вольный атаманъ Степанъ Тимофеевичъ Разинъ“, „Что-то братцы“, „Шѣсенникъ“, брошюру Лассала, письма Бакунина. Во время своего пребыванія на Сергіевскихъ водахъ, Никифоръ Емельяновъ дѣятельно занялся пропагандою; такъ, изъ показаній мѣщанина Глѣба Яковлева Терновскаго и крестьянина Адама Вшендерова оказывается, что Емельяновъ передалъ первому „Исторію французскаго крестьянина“, „Отщепенцевъ“, „Что-то братцы“, „Шѣсенникъ“, „Программу работниковъ Лассала“ и „Стеньку Разина“, а послѣднему — нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ былъ и „Стенька Разинъ“, при чемъ объяснилъ, что въ Россіи скоро будетъ бунтъ, что правительство уничтожатъ и народъ будетъ управляться самъ собою. Терновскій весьма быстро усвоилъ себѣ революціонное направленіе и сталъ усердно помогать Емельянову въ его преступной дѣятельности. Свидѣтельскими показаніями удостовѣрено, что Терновскій рассказывалъ о себѣ, что онъ состоитъ членомъ общества, стремящагося уничтожить правительство и учредить въ Россіи республику,

убѣждалъ другихъ лицъ вступить въ означенное общество, совѣтовалъ читать сочиненія Бакунина, Герцена и Лассаля, давалъ читать революціонныя книги, доказывалъ, что имущества своего ни у кого нѣтъ, что все оно краденое и что не слѣдуетъ платить податей, отрицалъ существованіе Господа Бога и осмѣливался произносить дерзкія, оскорбительныя слова противъ Государя Императора. Емельяновъ, съ своей стороны, продолжая пропагандировать, въ разговорахъ съ другими лицами высказывалъ, что баре и чиновники только тѣснятъ и разоряютъ народъ, что безъ нихъ было бы лучше и что поэтому ихъ слѣдуетъ уничтожить, а также богохульствовалъ и читалъ одному крестьянину „Стеньку Разина“ и виѣсть съ Терновскимъ, въ присутствіи одного свидѣтеля, произносилъ оскорбительныя выраженія противъ Государя Императора. Исполняя столь ревностно возложенное на него самарскимъ кружкомъ порученіе, Емельяновъ, какъ видно изъ показанія Бархатова, находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ оставшимися въ Самарѣ революціонными дѣятелями; по словамъ Бархатова, на его имя было прислано Емельяновымъ нѣсколько писемъ для передачи другимъ лицамъ, что Бархатовымъ и было исполнено, а отъ Бѣлякова онъ, Бархатовъ, получилъ пять книгъ преступнаго содержанія для отсылки таковыхъ Емельянову, каковыя книги были Бархатовымъ уничтожены; кромѣ сего, показаніемъ того же Бархатова удостовѣрено, что Емельяновъ распространялъ революціонныя идеи и въ окружающихъ Самару мѣстностяхъ, развѣзая по деревнямъ съ цѣлью возбужденія народа противъ правительства. При обыскѣ у Емельянова найдены, между прочимъ: группа, состоящая изъ Никитина и его жены, Попова, Буха, Курдюжова, Городецкаго и Комова, карточки Вѣры Боголюбовой и Филадельфова, книги: „Отщепенцы“, „Сборникъ новыхъ пѣсней и стиховъ“, „Исторія французскаго крестьянина“, „Государственность и Анархія“, „Вольный атаманъ Степанъ Тимоѣевичъ Разинъ“, „Чтой-то братцы“, „Письмо Бакунина къ товарищамъ Юрской Федераци“ и рукописное стихотвореніе „Ослушная пѣсня“. Терновскій не призналъ себя виновнымъ ни въ чемъ, а Никифоръ Емельяновъ призналъ себя виновнымъ въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія и объяснилъ, что найденная у него при обыскѣ „Ослушная пѣсня“ писана его рукой и что означенное стихотвореніе онъ читалъ въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ. Имя Бѣляковъ, проживавшій въ домѣ Заикина виѣсть съ Филадельфовымъ и Осиповымъ, ходилъ, по удостовѣренію Пудовкина, съ Никитинымъ, съ цѣлью возмущенія народа и раздачи книгъ, въ села: Царицыно, Семейкино, Буявъ, Красный-Яръ и Каменку, что подтверждается показаніемъ Бархатова, которому самъ Бѣляковъ рассказывалъ о своихъ странствованіяхъ по окружающимъ Самару деревнямъ; независимо отъ сего, какъ оказывается изъ показанія Ивана Жарехина, Бѣляковъ, придя къ нему въ село Дубовый-Уметь, предлагалъ ему пріѣхать въ Самару, обѣщая дать книги для чтенія и познакомить съ хорошими людьми, а также приглашалъ Жарехина вступить въ тайное общество, составившееся съ цѣлью возбужденія народа къ бунту противъ правительства, а по показанію Бархатова, какъ сказано выше, Бѣляковъ передалъ ему для доставленія Емельянову пять книгъ преступнаго содержанія. Бѣляковъ былъ задержанъ на хуторѣ Чернышевыхъ, при чемъ у него за пазухой оказались брошюры: „Стенька

Разинъ“, „Чтой-то братцы“ и „Вольный атаманъ Степанъ Тимошеевичъ Разинъ“, данныя ему, какъ заявилъ Бѣляковъ при обыскѣ, Никитинимъ; кромя сего, у Бѣлякова былъ найденъ адресъ Курдюмова и открытый листъ Свияжской уѣздной земской управы за № 135, а въ записной книжкѣ его были усмотрѣны адреса „В. В.“ и „Е. Е.“, т. е. Филадельфова и Лазарева, что призналъ и Бѣляковъ. Открытый листъ за № 135 былъ выданъ отцу Николаю Никитина, приставу 2-о стана Свияжскаго уѣзда, который давалъ его для разѣздовъ сотнику, а съ послѣднимъ ѣздилъ неоднократно прїѣхавшій въ маѣ 1874 года изъ Петербурга Николай Никитинъ. Бѣляковъ не призналъ себя виновнымъ. Егоръ Лазаревъ отправился на лѣто на свою родину, въ село Грачевку, Вузулукскаго уѣзда, гдѣ, какъ видно изъ его показанія, навѣщали его Александровъ, Никитинъ и Бухъ, и гдѣ гостила у него два мѣсяца Марѳа Никитина. Проживая въ Грачевкѣ, Лазаревъ, по словамъ Пудовкина, вмѣстѣ съ Александровымъ занимался пропагандою, съ цѣлью которой ходилъ также въ села Павловку, Дубовое и Подъемъ. Независимо отъ сего, Лазаревъ, какъ оказывается изъ показанія Льва Городецкаго, далъ послѣднему рекомендательное письмо къ нѣкоему Лахтину въ Казань, въ каковомъ письмѣ проситъ Лахтина принять Городецкаго въ качествѣ рабочаго; не отвергая передачи Городецкому упомянутаго письма, Лазаревъ объяснилъ, что имѣлъ лишь намѣреніе доставить Городецкому, посредствомъ его письма, возможность изучить кузнечное ремесло, но такое объясненіе Лазарева опровергается какъ показаніемъ Городецкаго о томъ, что цѣлью предположенной его поѣздки въ Казань было „проведеніе въ жизнь установившихся у него убѣжденій“, такъ и содержаніемъ письма къ Лахтину, въ которомъ Лазаревъ писалъ: „.... Будьте совершенно откровенны съ этимъ господиномъ, онъ мой товарищъ, прїятель студенту Никитину, съ которымъ вы, кажется, много говорили“. Во время содержанія Лазарева подъ стражей у него была отобрана записка Романа Бодяжина, въ которой послѣдній, сообщая о бывшемъ у него обыскѣ и о данныхъ имъ показаніяхъ, просилъ научить его, что показывать на допросахъ. Егоръ Лазаревъ не призналъ себя виновнымъ. Марѳа Герасимова Никитина изъ Грачевки вернулась въ Самару, затѣмъ поѣхала въ Орель, а оттуда отправилась въ С.-Петербургъ, гдѣ и была арестована, при чемъ у нея было отобрано письмо къ роднымъ, въ которомъ она, между прочимъ, писала: „.... Увѣрить васъ заглазно нельзя въ томъ, что я никакихъ идей не проповѣдую“. Никитина не признала себя виновною. Никитинъ, по удостовѣренію Пудовкина, ходилъ съ Бѣляковымъ для возмущенія народа и для раздачи книгъ въ села: Царицыно, Семейкино, Буянъ, Красный-Яръ и Каменку, а затѣмъ съ Курдюковымъ и Милоголовкинымъ для той же цѣли въ Вязовку, Кандыбанъ Березовый Гай, Подгорье и Екатериновку. Никитинъ скрылся и до настоящаго времени не разысканъ. У отца Никитина были отобраны письма сына, который, между прочимъ, въ одномъ письмѣ сообщалъ, что окружающее его въ Самарѣ общество совершенно подходящее къ нему по характеру, по молодости и по роду занятій, гораздо для него прїятнѣе общества помѣщиковъ, „пронитавшихся всякою дрянью до мозга костей“, съ которыми ему пришлось бы имѣть дѣло въ Казанской губерніи. Романъ Бодяжинъ, котораго Городецкій въ своемъ показаніи на-

зываетъ человѣкомъ, „совершенно солидарнымъ съ самарскимъ кружкомъ“, отправился въ село Малые-Толкаи, взявъ съ собою, по его собственнымъ словамъ, „Исторію французскаго крестьянина“ и „Чтой-то братцы“. Въ іюнѣ въ Малые-Толкаи явилась къ Бодяжину Надежда Юргенсонъ подъ именемъ Дарья Трофимовой и предъявила записку Льва Городецкаго слѣдующаго содержанія: „Бодяжинъ! Помогите ей найти удобное мѣстечко. Л. Городецкій“. При обыскѣ у Бодяжина были найдены: означенная записка Городецкаго, адреса Осташкина, Дегтерева и Минаева, клочки бумаги, на которыхъ написано: „Городецкій и Надежда Александрова“, книги: „Стенька Разинъ“ (повѣсть) и „Вольный атаманъ Степанъ Тимофеевичъ Разинъ“, письмо съ надписью „Дарья Трофимова“ и два письма Осташкина. Въ одномъ изъ упомянутыхъ писемъ Осташкинъ писалъ: „Съ глубокою грустью прочелъ я ваше письмо. Изъ него до осязательности видно то крайне стѣсненное. Бѣдственное положеніе, въ которомъ находятся у насъ на Руси мыслящія личности... но неужели въ виду всего этого должно опустить руки и отказаться отъ борьбы! Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!... Подобныхъ личностей у насъ становится все больше и больше, годъ отъ году сила ихъ растетъ... Наше дѣло идетъ пока порядочно. Попросите кого-нибудь изъ нашихъ надежныхъ знакомыхъ зайти хоть въ гимназію съ запискою къ кому-либо изъ насъ; мы снабдимъ васъ книгами. Почему письмо наше блѣдно, мысль не закончена, вамъ, конечно, извѣстно. Много, очень много нужно было бы сказать вамъ. Но что же дѣлать, придется отложить до вашего пріѣзда, или, по крайней мѣрѣ, до пріѣзда въ Самару хорошо вамъ извѣстнаго человѣка, съ которымъ мы могли бы писать то, что нужно“. Въ другомъ письмѣ, свидѣтельству почтеніе отъ Никифора Ивановича (Емельянова) и другихъ извѣстныхъ Бодяжину личностей, Осташкинъ проситъ увѣдомить, „какъ идетъ дѣло, о которомъ равнѣ не разъ бесѣдовали“, а въ письмѣ, подписанномъ „Дарья Трофимова“, изъясняется благодарность „Василію Меркуловичу“ за одолженные имъ три рубля. Во время содержанія подъ стражей Бодяжина и Лазарева у послѣдняго, какъ уже сказано выше, была отобрана записка Бодяжина, писанная синимъ карандашемъ на листѣ синей бумаги. Означенная записка отчаянно стертая, оказалась слѣдующаго содержанія: „у меня нашли два письма отъ Осташкина... брошюрки, да С. Разина... Надежда Александровна... Минаевъ... котор. пок. письмо отъ Дарья Трофимовой съ деньг. 2 р., которые заняла да у меня и зап. Серг. Городецк. подательница сего наша, найдите ей мѣсто, въ письмѣ Осташ. сказано... о котор. мы не разъ бесѣдовали идти... я показавъ въ письмѣ Осташкинъ говорить насчетъ школы, брошюрки далъ Васильевъ, бывая у Малышева, Разина купилъ на толчѣкѣ. Съ Осташк., съ Осиповымъ, Городецк. знакомъ чрезъ Никифора, Бѣлякова, Лазарева и Павл. Алекс. знаю, Боголюбову видѣлъ, книги у нихъ не брать, словъ революц. содержанія при мнѣ не говорили, Н. А. Юрген.. Минаевъ и Дегтеревъ, не знаю, почему у меня записаны. Дарья Николаевна Трофимова не Юргенс., а крестьянка, мнѣ ея показ.. я не призналъ. Городецк. сказалъ, что послалъ назвавшуюся Юргенсон... не оставьте меня насчетъ ея... вообще я ставлю себя невѣждой“. Бодяжинъ, не признавая себя виновнымъ, далъ подробное показаніе, частью изложенное уже выше сего, и объяснилъ, что адреса Минаева и Дегтерева полу-

чилъ отъ Осташкина, что адресъ, написанный на оборотѣ записки Городецкаго, есть адресъ Лазарева, что съ означенною запискою къ нему явилась, подъ именемъ Дарьи Трофимовой, Надежда Юргенсонъ, которую онъ видѣлъ ранѣе сего въ селѣ Черкасахъ въ обществѣ Льва и Вѣры Городецкихъ, что найденное у него при обыскѣ письмо, подписанное „Дарья Трофимова“, писано Юргенсонъ, которая при этомъ письмѣ возвратила три рубля, занятые имъ, Бодяжинимъ, для нея у Василія Меркулова и, наконецъ, что записка на синей бумагѣ писана имъ, Бодяжинимъ, и предназначалась для кого-либо изъ арестованныхъ лицъ, съ цѣлью получения отъ нихъ указаній, какъ ему поступить, т. е. признать или не признать, что Юргенсонъ проживала у него, такъ какъ первоначально онъ на всѣ вопросы отзывался незнаемъ. Минъ Милоголовкинъ, посѣщавшій квартиру Филадельфова, Осипова и Бѣлякова и, по удостовѣренію сихъ лицъ, присутствовавшій на происходившихъ въ означенной квартирѣ чтеніяхъ, а также знавшій, по словамъ Городецкаго, о пѣляхъ кружка, ходилъ, какъ это видно изъ показанія Пудовкина, для возмущенія народа и раздачи книгъ въ села: Вязовку, Кандыбань, Березовый-Гай, Подгорье и Екатериновку, и затѣмъ былъ задержанъ въ гор. Самарѣ. Милоголовкинъ не призналъ себя виновнымъ. Курдюмовъ, какъ оказывается изъ показанія Пудовкина, ходилъ по тѣмъ же селамъ, что и Милоголовкинъ и съ тою же цѣлью; въ юнѣ Курдюмовъ, какъ это видно изъ дѣла, отправился въ Мценскъ къ роднымъ, а затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ задержанъ, при чемъ назвался чужою фамиліей. Курдюмовъ не призналъ себя виновнымъ. Изъ показанія Пудовкина видно, что квартиру Никитиныхъ и Курдюмова посѣщали самарскій мѣщанинъ Александръ Николаевъ Яновъ, который присутствовалъ при чтеніи книгъ преступнаго содержанія и бралъ таковыя къ себѣ на домъ. Посѣщеніе Никитиныхъ и Курдюмова не прошли для Янова безслѣдно; онъ прижнулся къ самарскому кружку и въ свою очередь совратилъ мѣщанина Ивана Григорьева Спѣсивцева, съ которымъ, какъ видно изъ показанія послѣдняго, былъ знакомъ около девяти лѣтъ. Приставъ къ кружку и получая отъ него книги, Яновъ и Спѣсивцевъ тоже занялись пропагандою, какъ это видно изъ показанія мѣщанина Максима Аношкина; по словамъ послѣдняго, лѣтомъ 1874 года Яновъ и Спѣсивцевъ пригласили его въ питейный домъ, а затѣмъ на прогулку, и дорогой завели разговоръ, въ которомъ отрицали бытіе Господа Бога, высказывались противъ Царя и правительства; говорили, что Царя, правительство и духовенство слѣдуетъ уничтожить, а Царя выбрызть только на три года, что при новыхъ порядкахъ податей не будетъ, и что землю слѣдуетъ раздѣлить поровну, при чемъ предлагали Аношкину книги для чтенія. Спѣсивцевъ отвергъ волю Аношкина, а Яновъ объяснилъ, что былъ пьянъ и потому ничего не помнитъ, какое объясненіе опровергается показаніемъ Аношкина, удостовѣрившаго, что Яновъ во время вышеприведеннаго разговора былъ совершенно трезвъ. Яновъ и Спѣсивцевъ виновными себя не признали. Филадельфовъ ходилъ, по показанію Пудовкина, для возмущенія народа и раздачи книгъ въ села Смышляевку, Черповку и Грачевку, а по словамъ Бархатова, собираясь идти въ народъ, совѣтовалъ ему, равно какъ и Емельяновъ, открыть въ деревнѣ, съ цѣлью пропаганды, питейный домъ, для чего пред-

лагаль и деньги; при дознаніи Бархатовъ крошѣ сего объяснилъ, что Филадельфовъ, называвшійся фамилією Витте, передалъ ему книги «Государственность и Анархія». Филадельфовъ не призналъ себя виновнымъ. Осташкинъ, какъ оказывается изъ показанія Пудовкина, ходилъ въ тѣ же селъ, что и Филадельфовъ, и съ тою же цѣлью. Въ подтвержденіе своего показанія о томъ, въ какія именно мѣстности члены кружка ходили на пропаганду, Пудовкинъ при дознаніи доставилъ записку, составленную имъ въ то время, когда онъ посѣщалъ кружокъ и изложенную со словъ членовъ такового, рассказывавшихъ при немъ, Пудовкинъ, о своихъ похожденияхъ. Независимо отъ вышеизложеннаго, Осташкинъ, а также Дегте-ревъ, вошли въ близкія сношенія съ кружкомъ, основаннымъ Войнаральскимъ. Порфирій Войнаральскій въ первый разъ появился въ Самарской губерніи вмѣстѣ съ Иваномъ Селивановымъ въ концѣ мая, вскорѣ послѣ открытія мастерской Пельконена въ Саратовѣ; у Войнаральскаго, какъ видно изъ его показанія, было намѣреніе устроить въ Самарѣ брошюровальню для отпечатанныхъ въ типографіи Мышкина преступныхъ сочиненій, каковая брошюровальня должна была помѣщаться въ квартирѣ знакомой Войнаральскаго—акушерки Надежды Ивановой и состоятъ въ завѣдываніи Ефрусини Супинской. Такое показаніе Войнаральскаго находитъ себѣ подтвержденіе, во первыхъ, въ письмѣ Супинской, сообщавшей обитателямъ мастерской Пельконена, что ей неизвѣстно, уѣдетъ ли она оттуда, что Ар. (Аркадакскій) увѣряетъ, что тамъ ничего устроить нельзя, что съ Кузьмою (Войнаральскимъ) не перетолковали объ этомъ обстоятельно и что ей съ тою же самою цѣлью совѣтуютъ ѣхать въ Орелъ, и, во вторыхъ, показаніемъ Супинской, пояснившей, что она хотѣла ѣхать заниматься брошюровкой въ Самару или Орелъ, и что только арестъ помѣшалъ ей привести свое намѣреніе въ исполненіе. Прибывъ изъ Саратова въ Самарскую губернію, Войнаральскій и Селивановъ прошли Самарскій, Бузулукскій и Бугурусланскій уѣзды, при чемъ, Войнаральскій заарендовалъ у крестьянина села Бобровки, Ивана Осокина, постоянный дворъ съ цѣлью устройства въ немъ, какъ онъ самъ объяснилъ, притона для агитаторовъ, послѣ чего явились въ Самару для разысканія Надежды Ивановой, которую они рассчитывали застать уже въ этомъ городѣ, почему Войнаральскій, какъ видно изъ его показанія, и сообщилъ въ Пензу ея адресъ. Между тѣмъ, вопреки ожиданіямъ Войнаральскаго, Надежды Ивановой въ Самарѣ не оказалось. Потерпѣвъ такимъ образомъ неудачу съ этой стороны, Войнаральскій тѣмъ не менѣе успѣлъ употребить съ пользою для задуманнаго имъ дѣла свое кратковременное пребываніе въ Самарѣ, а именно, познакомившись случайно съ воспитанниками Самарской семинаріи Иваномъ Дамаскинымъ и Александромъ Пономаревымъ и гимназистомъ Николаемъ Петропавловскимъ, онъ успѣлъ увлечь означенныхъ лицъ на путь революціонной дѣятельности. По словамъ Войнаральскаго, онъ и Селивановъ познакомились съ Дамаскинымъ въ общественномъ саду, при чемъ у нихъ завязался разговоръ, въ которомъ, какъ это видно изъ показанія Дамаскина, Войнаральскій (подъ фамилією Иванова спросилъ, нѣтъ ли въ Самарѣ между молодежью кого-либо познергичнѣе изъ числа лицъ, „отличающихся протестами“, какъ выразился Дамаскинъ. По приглашенію Дамаскина, Войнаральскій и Селивановъ отправились на его квартиру, гдѣ

Дамаскинъ и познакомили ихъ съ проживавшими вмѣстѣ съ нимъ Пономаревымъ и Петропавловскимъ; переночевавъ въ квартирѣ сихъ лицъ, Войнаральскій и Селивановъ на другой день направились въ Саратовъ, а затѣмъ, какъ это уже изложено выше, въ Пензу и Москву. Пономаревъ вовсе не призналъ своего знакомства съ Войнаральскимъ и никакихъ объясненій не далъ. Петропавловскій показалъ, что былъ знакомъ съ Войнаральскимъ и что зналъ о мастерской въ Саратовѣ и типографіи въ Москвѣ, а Дамаскинъ объяснилъ, что Войнаральскій въ первое же свое посѣщеніе сообщилъ: о существованіи революціоннаго кружка, о имѣющемъ быть съѣздѣ пропагандистовъ, о томъ, что у него есть своя типографія въ Москвѣ, и указывалъ на необходимость употребленія въ перепискѣ шифра, при чемъ самъ тутъ же написалъ шифрованное письмо. Такое объясненіе Дамаскина подтверждается вполне показаніемъ, даннымъ Петропавловскимъ при дознаніи, въ каковомъ показаніи Петропавловскій удостоверялъ, что Войнаральскій (подъ именемъ Порфирія Иванова) доказывалъ необходимость веденія революціонной пропаганды, говорилъ, что у него была въ Москвѣ типографія для печатанія революціонныхъ сочиненій, въ Саратовѣ—мастерская, устроенная съ цѣлью распространенія революціонныхъ идей, предлагалъ принять участіе въ агитаторской дѣятельности, рассказывалъ какъ о бывшемъ, такъ и имѣющемъ быть съѣздѣ пропагандистовъ для выработки общей программы дѣйствій, сообщилъ о существовавшихъ въ каждой губерніи агентахъ, у которыхъ хранились ключи къ шифрамъ, употребляемымъ для переписки, и адреса участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, и на которыхъ лежала передача по назначенію адресованныхъ на нихъ писемъ, а также упоминалъ о Рогачевѣ, скрывавшемся, по словамъ Войнаральскаго, у техника Мейера, въ Саратовѣ. Уѣзжая изъ Самары, Войнаральскій, по словамъ Дамаскина, оставилъ въ квартирѣ послѣдняго книги, въ числѣ которыхъ были: „Исторія французскаго крестьянина“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, одна часть сочиненій Бакунина, „Пѣсенникъ“ и „Что-то братцы“. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Войнаральскій, при первомъ же своемъ знакомствѣ съ Дамаскинымъ, Пономаревымъ и Петропавловскимъ, старался увлечь означенныхъ лицъ на путь революціонной дѣятельности. Усилія Войнаральскаго увѣнчались успѣхомъ, благодаря тому обстоятельству, что Дамаскинъ, Пономаревъ и Петропавловскій, или, по крайней мѣрѣ, послѣдній изъ нихъ, были уже подготовлены къ воспріятію революціонныхъ идей Клеменсомъ и Ливановымъ. Доказательствомъ знакомства Петропавловскаго съ поименованными революціонными дѣятелями, а также вліянія, которое имѣлъ на него Войнаральскій, служитъ письмо Петропавловскаго къ одному изъ его знакомыхъ, судебному приставу сызранскаго съезда мировыхъ судей Монстрову. Уже 12 іюня, т. е. нѣскольکو лишь дней спустя послѣ перваго знакомства съ Войнаральскимъ, Петропавловскій писалъ Монстрову: „Между прочимъ, нужно тебѣ доложить, что Ливановъ поступилъ въ столярную мастерскую съ тою хорошею цѣлью, чтобы тѣснѣе слиться съ рабочими, жить ихъ жизнью, ненавидѣть ихъ ненавистью и пропагандировать принципы социальной революціи. Въ такого человѣка просто подло кинуть грязью уже по одному тому, что онъ изъ паразита дѣлается производительнымъ работникомъ, который на себѣ испытаетъ всегнетущую, всезагребашую лапу

правительства и приобрѣтетъ въ слѣдствіе этого сильнѣйшую ненависть къ этой лапѣ, потому что презираетъ всякій офиціальныи постъ, всякій непроеводительный трудъ, какъ вредные симптомы государственности. Я не стану тебѣ идеализировать Ливанова, Войнаральскаго, Селиванова и Клеменса (съ В. и С. я познакомился лично, послѣдняго знаю) и многихъ другихъ, я считаю ихъ за простыхъ работниковъ, индивидуальныя усилія которыхъ чрезвычайно малы и незамѣтны, но если соединить всѣ эти усилія въ одно цѣлое, то составится сила, громадная сила, результатъ которой будетъ блестящій. Да пришло время выкупаться и мнѣ въ чистой водѣ, чтобы смыть съ себя приставшую буржуазную грязь... Ты говоришь о какомъ-то мѣстѣ въ селѣ, я согласенъ, на все согласенъ... Читаль Бакунина, книга хорошая". Почти то же самое высказывалъ Петропавловскій Монстрову при личномъ свиданіи съ нимъ въ Хвалынскѣ, лѣтомъ 1874 года; по показанію Монстрова, Петропавловскій сообщилъ ему въ разговорѣ, что въ Самарѣ есть партія, признающая необходимость пропаганды противъ существующаго порядка вещей, что означенная партія ставитъ своей задачей лишь уничтоженіе нынѣшняго строя, предоставляя самому обществу установить въ слѣдствіи новый порядокъ, что къ этой партіи принадлежитъ Войнаральскій, агитировавшій въ Самарѣ между рабочими плотничьей артели и устроившій съ цѣлью пропаганды мастерскую въ Саратовѣ и типографію въ Москвѣ, что партія не прочь сдѣлаться и съ преступниками, которые, какъ люди ожесточенные, оказываются надежнѣе другихъ, что даже народныя бѣдствія служатъ цѣлямъ партіи, усиливая недовольство и протестъ, что на Рождество 1874 г. пропагандисты предложили устроить съѣздъ въ Петербургѣ, и что изъ послѣдняго города пріѣзжалъ какой-то рабочій для сообщенія Войнаральскому объ арестѣ его жены; въ томъ же разговорѣ Петропавловскій упоминалъ о какомъ-то офицерѣ Рогачевѣ, который былъ, по его словамъ, однимъ изъ главныхъ дѣятелей партіи, бурлячалъ на Волгѣ и жилъ въ Саратовѣ у какого-то механика или техника съ нѣмецкою фамиліей. Къ вышеприведенному показанію Монстровъ при дознаніи присовокупилъ: Петропавловскій проводилъ мысль, что учиться не стоитъ и что слѣдуетъ сблизиться съ народомъ и быть простымъ рабочимъ, и что даже дѣятельность учителя есть дѣятельность буржуазная; вообще изъ всего разговора съ Петропавловскимъ Монстровъ вынесъ убѣжденіе, что Петропавловскій завербованъ Войнаральскимъ и Селивановымъ въ изъ партію, и онъ былъ агентомъ въ Самарѣ. Петропавловскій призналъ, что писемъ отъ 12-го іюня 1874 г. къ Монстрову писано имъ. Между тѣмъ Войнаральскій, побывавъ въ Пензѣ, Москвѣ, Тамбовѣ и Саратовѣ, снова пріѣхалъ въ Самару, во второй половинѣ іюня; въ это время Пономаревъ занималъ должность писмоводителя у и. д. судебного слѣдователя Кудряшева, а Петропавловскій и Дамаскинъ жили въ домѣ Зарывалова; вмѣстѣ съ нимъ жили семинаристъ Алексѣй Андреевъ Александровскій, а въ слѣдствіи къ нимъ переселился и семинаристъ Иванъ Ивановъ Никольскій, какъ это видно изъ показаній Дамаскина и Никольскаго. Между обитателями дома Зарывалова и кружкомъ, къ которому принадлежали Остапкинъ, Филадельфовъ и другіе, установилась тѣсная связь чрезъ Петропавловскаго, который, какъ видно изъ показанія Остапкина, въ качествѣ бывшаго воспитанника гимназіи, зналъ многихъ чле-

новъ самарскаго кружка. Такъ, Осташкинъ и Филадельфовъ посѣщали, по словамъ Никольскаго, квартиру Петропавловскаго и др. въ домѣ Зарывалова, что признано самими Осташкинымъ и Филадельфовымъ; Петропавловскій, какъ видно изъ его письма къ Монстрову, былъ знакомъ съ Никитинымъ, а по удостовѣренію Дамаскина, въ домѣ Зарывалова бывала также и Надежда Юргенсонъ. Войнаральскій, посѣщая домъ Зарывалова, познакомился со всѣми бывшими въ квартирѣ Петропавловскаго и Дамаскина лицами, и подъ его вліяніемъ составилъ новый кружокъ, въ составъ котораго вошли: Дамаскинъ, Петропавловскій, Пономаревъ, Александровскій и Никольскій, и къ которому примкнули члены перваго самарскаго кружка—Осташкинъ, Филадельфовъ, Дегтеревъ и Юргенсонъ. Пономареву и Дегтереву была поручена агентура, какъ это видно изъ письма Войнаральскаго на имя Шершивадзе; такъ, Войнаральскій писалъ: „..... пишете немедленно писцу губернской земской управы Стен. Никол. Дегтереву“; въ письмѣ отъ 25-го іюня „..... если удобно переслать въ Самару (т. е. книги), то отдать тамъ Осташкину; квартиру его можно узнать у писца губернской управы Дегтерева ...“; а въ письмѣ отъ 21 іюля: „..... имена Дегтерева и Пономарева въ Самарѣ не безопасны“. Адресъ Дегтерева, записанный шифромъ, найденъ: въ Саратовѣ—у Софінскаго, въ Пензѣ—у Миллера и въ Николаевскѣ—у Рѣчицкаго-Логінова. Независимо отъ агентуры для кружка Войнаральскаго, Дегтеревъ держалъ агентуру и для самарскаго кружка, доказательствомъ чего служатъ полученныя уже послѣ ареста Дегтерева письма, адресованныя на его имя, а именно: а) письмо отъ нѣкоего Трофимова съ адресомъ на внутреннемъ конвертѣ: „Никитину или Курдюмову“, б) два письма отъ матери Надежды Юргенсонъ къ ней послѣдней и в) письмо нѣкоего Гейденрейха на имя той же Юргенсонъ. Впослѣдствіи, когда адресъ Дегтерева сталъ не безопасенъ, Осташкинъ обратился къ самарскому мѣщанину Василю Минаеву съ просьбой о дозволѣніи вести переписку на его адресъ, мотивируя такую просьбу тѣмъ соображеніемъ, что онъ, Осташкинъ, часто мѣняетъ квартиры, каковое обстоятельство можетъ затруднить доставленіе адресованныхъ на его имя писемъ. Минаевъ изъявилъ согласіе исполнить просьбу Осташкина и дѣйствительно получалъ нѣсколько писемъ для передачи послѣднему. О такой переѣвѣ адреса Войнаральскій сообщилъ въ Москву въ письмѣ на имя Шершивадзе отъ 21-го іюля. Дегтеревъ, посѣщеніе которымъ квартиры членовъ самарскаго кружка въ домѣ Завкина подтверждено показаніемъ Вѣры Городецкой, не отвергая полученія писемъ для передачи таковыхъ Осташкину, не призналъ себя виновнымъ и объявилъ, что былъ знакомъ лишь съ Осташкинымъ и Бѣляковымъ. По обыску Дегтерева, между прочимъ, найдена книга: „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“, Флеровскаго, а также рукописная программа для ассоціаціи. Учредивъ, такимъ образомъ, двѣ агентуры, Войнаральскій вмѣстѣ съ тѣмъ озаботился пріисканіемъ помѣщенія, въ которомъ посѣщающіе Самару революціонные дѣятели могли бы находить пріютъ: для этой цѣли онъ выбралъ постоянный дворъ мѣщанина Ивана Яковлева Фоминскаго, на Волгѣ, близъ ярмарки, о чемъ и сообщилъ въ Москву въ письмѣ на имя Шершивадзе. „.....Мѣсто оставовки и укывательства здѣсь, писалъ Войнаральскій, постоянный дворъ Ивана Яковлевича Фоминскаго...“ и дѣйствительно, 12-го

юля на означенномъ постояломъ дворѣ были задержаны Коваликъ и Осташкинъ, о чемъ Войнаральскій 21-го юля также поставилъ въ извѣстность московскихъ пропагандистовъ. На имя Фоминскаго получались, вѣроятно, и письма, адресованныя членамъ кружка Войнаральскаго, какъ это слѣдуетъ заключить изъ письма на имя Шершивадзе, въ коемъ упоминается, что и фамилия Фоминскаго не безопасна. Обезпечивъ сношенія кружка съ другими революціонными дѣятелями, Войнаральскій занялся пропагандой между мѣстными рабочими. Въ шифрованныхъ письмахъ на имя Шершивадзе Войнаральскій писалъ слѣдующее о своей революціонной дѣятельности среди рабочихъ въ письмѣ отъ 25-го юня: „..... тутъ (т. е. въ Самарѣ) еще есть много годнаго для дѣла элемента — фельдшера, мѣщане, мастеровые и пришлые изъ Сам. губ. плотники. Съ послѣдними было нѣсколько чтеній. Они просятъ книгъ для отсылки по домамъ, просятъ сходить туда, даютъ письма, указываютъ лучшихъ людей и мѣста: въ книгахъ недостатокъ: пошлите въ Саратовъ кого-нибудь, чтобы передать Софинскому „сказать Вышеславцевъ — бунтъ“, оттуда тамъ Осташкину, квартиру его можно узнать у писца губернской управы Деггерера. Осташ. лозунгъ: сколько будетъ двадцать и осмнадцать?“ Въ письмѣ отъ 2-го юля: „здѣсь дѣла идутъ великолѣпно, но книгъ страшный недостатокъ, я уже писалъ объ этомъ.... плотники посылаютъ меня на ихъ родину: Корсун. уѣз. (указали мѣста и лицъ), завтра ѣду туда, возвращусь опять сюда..... Нельзя ли кого прислать съ книгами?“ Въ письмѣ отъ 21-го: „..... обыски прошли благополучно, пакеты нѣтъ. дѣла идутъ хорошо (недостатокъ лишь въ деньгахъ), въ Сызранскомъ и Корсунскомъ уѣздахъ я ходилъ, настроеніе отличное, завелъ у крестьянъ два нашихъ пункта... Въ книгахъ страшный недостатокъ, а отъ крестьянъ большой на нихъ запросъ“. Какъ дознаніемъ, такъ и слѣдствіемъ вполне подтвердилось все, что Войнаральскій писалъ о своей дѣятельности; пѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній удостовѣрено, что во второй половинѣ юня, познакоившись съ артелью плотниковъ купца Назарова, строившихъ въ г. Самарѣ земскую больницу, Войнаральскій и Осташкинъ стали вести между ними пропаганду; какъ Войнаральскій, такъ и Осташкинъ читали рабочимъ, между которыми было много крестьянъ Корсунскаго уѣзда, тенденціозныя и революціонныя книги и въ томъ числѣ „Исторію одного французскаго крестьянина“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и разсипривали крестьянъ объ ихъ родныхъ и знакомыхъ, вызываясь передать имъ поклонны, при чемъ записывали сообщаемые имъ адреса, найденные впоследствии у Войнаральскаго при его задержаніи: въ началѣ юля Войнаральскій былъ въ Корсунскомъ и Сызранскомъ уѣздахъ, гдѣ и посѣщалъ крестьянъ, адреса которыхъ были ему указаны въ Самарѣ плотниками артели Назарова. При дознаніи Войнаральскій и Осташкинъ были предъявлены нѣкоторымъ изъ вышеупомянутыхъ плотниковъ, которые и признали въ нихъ лицъ, посѣщавшихъ въ Самарѣ артель и читавшихъ имъ книги. Войнаральскій и Осташкинъ, не отвергая сношеній съ плотниками, не признали лишь чтенія послѣдними революціонныхъ книгъ, а Войнаральскій кромѣ сего объяснилъ, что во время своего путешествія по Корсунскому уѣзду знакомился съ крестьянами и бесѣдовалъ съ ними въ томъ ду-

хѣ, который находилъ „возможнымъ“, и подъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ изъ знакомства съ міросозерцаніемъ населенія, написалъ въ Москву письмо на имя Шершивадзе (отъ 21-го іюля). Между тѣмъ, въ то самое время, когда Войнаральскій и Осташкинъ пропагандировали въ средѣ плотниковъ, всѣ прочія увлеченныя Войнаральскимъ на путь революціонной дѣятельности лица, собиравшіяся въ домѣ Зарывалова. въ квартирѣ Петропавловскаго и Дамаскина, были заняты, по словамъ Никольскаго, перепиской съ другими городами, хлопотали о займѣ денегъ и о присканіи другой, болѣе секретной квартиры, и въ это же время Войнаральскій (подъ фамилію Иванова) получилъ три письма, въ которыхъ его извѣщали о томъ, гдѣ и кто арестованъ; въ разговорахъ съ Никольскимъ Войнаральскій и его товарищи порицали правительство и всѣ его распоряженія, говорили о бѣдствіяхъ и нуждахъ народа и предлагали Никольскому, какъ бывшему волостному писарю, вновь занять эту должность и снабдить пропагандистовъ паспортами. Петропавловскій, кромѣ сего, совѣтовалъ Никольскому читать и далъ ему для прочтенія книги: „Отщепенцы“, „Исторія одного французскаго крестьянина“ и „Историческое развитіе интернаціонала“, а отъ Александровскаго Никольскій получилъ впоследствии „Сказку о четырехъ братьяхъ“. Узнавъ, что братъ Никольскаго состоитъ домашнимъ учителемъ на хуторѣ купца Волкова, Войнаральскій возмыслилъ намѣреніе идти туда на пропаганду, и чтобы не вызвать своимъ появленіемъ какихъ-либо подозрѣній, упросилъ Никольскаго написать брату записку, что Никольскій и исполнялъ. 12-го іюля Осташкинъ былъ задержанъ на постояломъ дворѣ Фоминаскаго вмѣстѣ съ Коваликомъ, при чемъ у него была отобрана записка, писанная тремя разными шифрами съ адресомъ Ушакова въ Пензѣ; Пономаревъ былъ задержанъ 21-іюля въ Самарѣ, при чемъ въ квартирѣ, въ которой онъ проживалъ, найдены листы изъ книги „Отщепенцы“, а Петропавловскій былъ арестованъ 5-го августа въ Бузулукскомъ уѣздѣ, въ домѣ своей матери; по обыску у него были найдены книги: „Вольный атаманъ Степанъ Тимофеевичъ Разинъ“, „Сказка о 4-хъ братьяхъ“, „Очерки фабричной жизни“, „Крестьянскіе выборы“, „Гражданская война во Франціи“ и „Исторія одного французскаго крестьянина“. Осташкинъ, Петропавловскій и Пономаревъ не признали себя виновными. Относительно дѣятельности прочихъ членовъ кружка слѣдствіемъ выяснено слѣдующее: Дамаскинъ, передавъ своему товарищу по семинаріи Боголюбову „Сказку о четырехъ братьяхъ“, отправился въ Бузулукскій уѣздъ, гдѣ, въ селѣ Павловскѣ и деревнѣ Ивановкѣ читалъ крестьянамъ ту же сказку, а 8-го августа былъ задержанъ въ селѣ Коноваловкѣ, въ домѣ священника Петропавловскаго, при чемъ у него, между прочимъ, были найдены брошюры „Чтой-то братцы“ и „Программа работниковъ“ Лассала. Дамаскинъ не призналъ себя виновнымъ и во время производства предварительнаго слѣдствія обнаружилъ признаки разстройства умственныхъ способностей. Иванъ Никольскій, по его собственному показанію, отправился въ Ставропольскій уѣздъ съ цѣлью присканія себѣ мѣста волостного писаря, но не успѣвъ въ этомъ, вернулся въ Самару, гдѣ изъ членовъ кружка засталъ только Александровскаго, находившагося въ больницѣ, котораго онъ навѣдывалъ и которому, по его просьбѣ, возвратилъ полученную отъ него „Сказку о четырехъ братьяхъ“. Никольскій призналъ себя виновнымъ

въ сношеніи съ лицами, принадлежавшими къ противозаконному обществу, составившемуся съ цѣлью революціонной пропаганды, такъ и въ передачѣ Александровскому „Сказки о четырехъ братьяхъ“. Александровскій велѣ, по показанію Никольскаго, пропаганду между крестьянами въ томъ селѣ, гдѣ братъ его служилъ священникомъ, о чемъ Никольскій слышалъ отъ самого Александровскаго; находясь же въ больницѣ въ гор. Самарѣ, Александровскій, какъ это удостовѣрено нѣсколькими свидѣтельскими показаніями, читалъ больнымъ „Сказку о 4-хъ братьяхъ“. Александровскій призналъ себя виновнымъ въ чтеніи другимъ лицамъ вышеозначенной книги, но вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ, что преступный характеръ книги не былъ ему извѣстенъ. Основатель кружка, Порфирій Войнаральскій, вскорѣ послѣ возвращенія изъ своего путешествія по Корсунскому и Сызранскому уѣздамъ, вновь отправился на пропаганду въ Ставропольскій уѣздъ, при чемъ на этотъ разъ спутницей Войнаральскаго явилась Надежда Юргенсонъ. Прибывъ, какъ сказано выше, изъ Пензы въ Самару для предупрежденія Войнаральскаго о грозившей ему опасности, Надежда Юргенсонъ, тщетно разыскивавшая, какъ видно изъ ея показанія, акушерку Иванову, появилась въ квартирѣ Осипова, Филадельфова и Бѣлякова, гдѣ, по удостовѣренію Филадельфова, и прожила нѣсколько дней, при чемъ, по ея собственнымъ словамъ, особенно подружилась съ Лазаревымъ. Получивъ отъ Городецкаго записку къ Бодяжину, Юргенсонъ отправилась къ послѣднему въ село Малые-Толкаи, гдѣ, по словамъ Бодяжина, и проживала нѣкоторое время, занимаясь черною работою; изъ показанія Бодяжина оказывается, что Юргенсонъ носила крестьянское платье, называлась крестьянкою Дарьей Трофимовою, ходила дня на три въ деревню Нуштайкино, разговаривала съ крестьянами и имѣла при себѣ книгу „Стеньку Разина“ въ стихахъ. По возвращеніи въ Самару, Юргенсонъ, какъ уже сказано, бывала въ квартирѣ Петропавловскаго и другихъ въ домѣ Зарывалова, встрѣтилась тамъ съ Войнаральскимъ и въ половинѣ іюля отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ Ставропольскій уѣздъ. Въ гор. Ставрополѣ у Войнаральскаго были двѣ знакомыя личности—мѣщанка Ольга Иванова Сахарова и сельская учительница Марья Степанова Иванова; съ Ивановою Войнаральскій познакомился чрезъ сельскаго учителя села Семейкина, Самарскаго уѣзда, Владимира Попова, нынѣ умершаго, а чрезъ посредство Ивановой завелъ знакомство и съ Сахаровою. При слѣдствіи Иванова и Сахарова дали о своемъ знакомствѣ съ Войнаральскимъ объясненія не только не согласныя между собою, но и противорѣчащія показаніямъ, даннымъ ими при дознаніи. Иванова объяснила, что въ концѣ іюня или началѣ іюля, во время бывшаго въ Самарѣ учительскаго съѣзда, она познакомилась съ Владиміромъ Поповымъ, въ свою очередь познакомившимъ ее съ какимъ-то Ивановымъ, оказавшимся впоследствии Войнаральскимъ, съ которымъ она видѣлась всего два раза, однажды на улицѣ, а другой разъ на пароходной пристани, когда онъ уѣзжалъ внизъ по Волгѣ. Въ этотъ послѣдній разъ съ нею были сестры Сахаровы, но она ихъ съ Войнаральскимъ не знакомила, а сказала лишь имъ кто онъ. Сахарова показала, что въ Самарѣ не была, на пароходную пристань не ходила и познакомилась съ Ивановымъ совершенно случайно въ Ставрополѣ. Между тѣмъ при дознаніи Иванова дала слѣдующее показаніе: учитель села Се-

мейкина, Владимиръ Поповъ, познакомившись съ нею въ Самарѣ, разска- залъ ей, что существуетъ много лицъ, желающихъ установить равенство между людьми, и говорилъ, что для этого нужно сдѣлать бунтъ и ходить въ народъ для подготовленія его; что необходимо отнять землю у богатыхъ и раздѣлить ее между всѣми; обѣщаль прїѣхать въ Ставрополь для под- готовленія мѣстнаго населенія и вообще выражалъ желаніе, устроивъ свои денежные дѣла, оставить должность сельскаго учителя и идти въ народъ на пропаганду; въ это же время Поповъ познакомилъ ее съ Ивановымъ, который, зная, вѣроятно, отъ Попова, что ей уже все извѣстно, ограничи- чился въ разговорѣ съ нею лишь указаніемъ на то, что слѣдуетъ ходить босикомъ и въ крестьянскомъ платьѣ. Поповъ, придя однажды къ ней на квартиру, спросилъ, нѣтъ ли у нея въ Ставрополѣ знакомыхъ поумнѣе; она указала на Сахаровыхъ, и Поповъ, изъявивъ желаніе повидаться съ ними, говоря, что онѣ можетъ быть, будутъ энергичнѣе ея, Ивановой, и заставить ее согласиться съ его взглядами. Она не согласилась при- вести Сахаровыхъ въ Самару, но Сахаровы сами прїѣхали въ этотъ го- родъ, и такъ какъ въ это время Ивановъ уѣзжалъ въ Корсунь, а Саха- ровы изъявили желаніе познакомиться съ нимъ, то она, Иванова, и по- шла съ ними на пароконную пристань, гдѣ и познакомила ихъ съ Ива- новымъ. Съ своей стороны, Сахарова при дознаніи объяснила, что Ива- нова вернулась въ Ставрополь съ бывшаго въ Самарѣ учительскаго съѣзда очень взволнованною и сообщила, что существуютъ лица, желающія уста- новить равенство между людьми, что у нихъ есть своя типографія, почта, что черезъ два года они произведутъ переворотъ, что ее также пригла- шали помочь этому дѣлу и что она объявила, что у нея есть подруги, которыхъ она привезетъ въ Самару. Вслѣдствіе такого разсказа Ивановой, Сахарова отправилась съ нею въ Самару, гдѣ тотчасъ по ихъ прибытіи явился къ нимъ Поповъ, съ которымъ Иванова ее и познакомила, и ска- залъ, что Ивановъ уѣзжаетъ, вслѣдствіе чего онѣ пошли на пристань, а тамъ Иванова представила ее Иванову. Такимъ образомъ, не можетъ под- лежать сомнѣнію, что Войнаральскій, отправляясь съ Юргенсонъ въ Став- рополь, былъ уже знакомъ съ Ольгою Сахаровою, каковое обстоятельство признано самимъ Войнаральскимъ, изъ показанія котораго видно, что по- знакомившись съ Сахаровою черезъ посредство Ивановой на пристани, въ то время, когда онъ уѣзжалъ въ Корсунь, онъ обѣщаль Сахаровой прїѣхать къ ней въ Ставрополь послѣ своего возвращенія въ Самару. При- бывъ въ Ставрополь, Войнаральскій и Юргенсонъ остановились въ квар- тирѣ Ивановой, гостившей въ то время, какъ она объяснила при дозна- ніи, у Цвѣтковой въ Саратовѣ; Сахарова, по ея собственнымъ словамъ, подтвержденнымъ и показаніемъ Войнаральскаго, пришла на квартиру Ива- новой, гдѣ познакомилась съ Юргенсонъ, выхлопотала себѣ, по удостовѣ- ренію Войнаральскаго, вслѣдствіе его о томъ просьбу, видѣ на жительство и затѣмъ вмѣстѣ съ Войнаральскимъ и Юргенсонъ отправилась къ своему знакомому народному учителю Льву Канаеву, въ село Васильевку, Вольная- Грязнуха тожъ. По показанію Канаева, Сахарова, Войнаральскій и Юрген- сонъ прибыли къ нему 20-го іюля, при чемъ Сахарова откомендовала ему своихъ спутниковъ какъ людей съ „новыми убѣжденіями“, и при томъ Войнаральскаго—подъ фамиліей Иванова. Войнаральскій и Юргенсонъ

объяснили Канаеву, что по рекомендаціи Сахаровой они считаютъ его за человѣка не глупаго и близко стоящаго къ народу, а, слѣдовательно, знающаго его нужды, что такого рода люди имъ очень нужны, такъ какъ чрезъ ихъ посредство можно войти въ непосредственныя сношенія съ народомъ для веденія противоправительственной пропаганды, а затѣмъ Войнаральскій сталъ уговаривать Канаева поступить въ число пропагандистовъ и вести пропаганду въ окрестныхъ селахъ, при чемъ высказывалъ, что нужно дѣйствовать открыто и вербовать подходящихъ людей для открытаго возстанія противъ существующаго правительственнаго порядка. Когда къ Канаеву зашли крестьяне Иванъ Симаевъ и Иванъ Сергѣевъ (Кузьминъ), то Войнаральскій завелъ съ ними рѣчь объ угрозахъ, о повинностяхъ, о надѣлѣ земель, и тому под.; говорилъ имъ что съ крестьянъ взыскиваютъ подати, земли же даютъ мало, что земля сотворена Богомъ и повинностей за нее брать не слѣдуетъ и что если бы не было начальства, то землю раздѣлили бы поровну и некому было бы платить повинностей. Весь вышесприведенный разговоръ Войнаральскаго съ крестьянами Канаевъ слышалъ изъ сосѣдней комнаты и дѣлалъ даже попытку остановить Войнаральскаго, но послѣдній настаивалъ на томъ, чтобы пригласить какъ можно больше крестьянъ, которые побойчѣе и поумнѣе; видя безуспѣшность своихъ убѣжденій, Канаевъ отправился кататься на лодкѣ съ Сахаровою и возвратился лишь передъ закатомъ солнца. Оставшись въ квартирѣ Канаева, Войнаральскій собралъ нѣсколько человѣкъ крестьянъ и, какъ видно изъ показаній послѣднихъ, сталъ говорить имъ, что крестьяне впередъ податей платить не будутъ, что они будутъ жить „по волѣ“, что землю господскую отдадутъ имъ и что Царя также не будетъ; доказывалъ, что начальство и господъ слѣдуетъ перевѣшать, а Царя лишить власти, рассказывалъ при этомъ, что такихъ людей, какъ онъ, ходитъ много, — человѣкъ 500, и внушалъ, что солдатъ можно подговаривать, такъ какъ у cadaго крестьянина есть между солдатами родственники и что поэтому солдаты на крестьянъ не пойдутъ. Пока Войнаральскій пропагандировалъ въ домѣ Канаева, Надежда Юргенсонъ занималась тѣмъ же въ сосѣдней деревнѣ Куликовкѣ, гдѣ, по удостовѣренію нѣсколькихъ свидѣтелей, говорила крестьянамъ, что жить имъ трудно, что начальство ихъ притѣсняетъ, что если бы народъ взбунтовался, то было бы свободнѣе, что придетъ время, когда начальство и господъ надо будетъ „порѣшить“, и при этомъ читала какую-то книжку. Определить, какую именно книгу читала крестьянамъ Юргенсонъ, свидѣтели не могли, но при дознаніи пояснили, что читанная имъ книжка въ темножелтомъ переплетѣ была похожа на брошюру „Чтой-то братцы“, но какъ будто поменьше послѣдней, и что въ ней говорилось о какомъ-то кровопролитіи и о солдатахъ, о томъ, что волю крестьянамъ дали не настоящую, что господъ и начальства не нужно и что Царя тоже не надо. Братъ Льва Канаева — Егоръ Канаевъ — съ своей стороны, удостовѣрилъ, что у Юргенсонъ была книжка небольшого формата, безъ заглавія, каковую книгу онъ, Егоръ Канаевъ, просмотрѣлъ и убѣдился, что она противоправительственнаго содержанія. Сопоставляя показанія крестьянъ деревни Куликовки съ объясненіемъ Егора Канаева, есть полное основаніе признать, что книга, которую Юргенсонъ читала крестьянамъ, была «Сказка о четырехъ брать-

яхъ“, переплетенная безъ заглавнаго листа. Между тѣмъ крестьяне, съ которыми разсуждалъ Войнаральскій въ домѣ Канаева, расходясь по домамъ, что было уже къ вечеру, порѣшили заявить о происходившемъ сельскому старостѣ. Староста прибылъ въ домъ Канаева, гдѣ находилась также и Юргенсонъ, вернувшаяся къ тому времени изъ деревни Куликовки, и потребовалъ у Войнаральскаго и Юргенсонъ предъявленія видовъ на жительство. Войнаральскій объявилъ, что у него паспорта нѣтъ, а Юргенсонъ предъявила свой видъ на жительство, который и былъ отнесенъ старостой къ мѣстному священнику, а затѣмъ къ дому Канаева былъ приставленъ караулъ. Находясь подъ арестомъ въ квартирѣ Канаева, Войнаральскій написалъ шифрованную записку, найденную впоследствии у него при обыскѣ; по разборѣ шифра, записка оказалась слѣдующаго содержания: „Деревня Грязнуха, Ставропольскаго уѣзда. Сейчасъ меня арестовали, убѣдительно прошу Каменскаго и другихъ всѣ мои деньги употребить на народное дѣло и выдавать тому, кто предъявитъ этотъ шифръ. Это мое послѣднее завѣщаніе. Работайте же энергичнѣе по нашему дѣлу! Другъ Порфирій. 21 іюля 1874 г.“ Приставленные къ дому Канаева караульные, видя, что утромъ ихъ не смѣняютъ, разошлись, а Войнаральскій и Юргенсонъ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, скрылись. О бѣгствѣ названныхъ лицъ Канаевъ узналъ отъ Сахаровой, которая вмѣстѣ съ тѣмъ рассказала ему, что передала Юргенсонъ свой видъ на жительство. Сахарова, не признавая себя виновною, объяснила, что ей неизвѣстно, какимъ образомъ ея паспортъ оказался въ рукахъ Юргенсонъ. По обыску у Сахаровой найдены письма Софьи Первской, въ которыхъ послѣдняя приглашала Сахарову пріѣхать въ Петербургъ, при чемъ упоминала о сестрѣ Корниловыхъ. Чрезъ три дня послѣ своего бѣгства изъ Грязнухи, а именно 24-го іюля, Войнаральскій и Юргенсонъ были задержаны въ г. Самарѣ, въ домѣ Дудинцова, въ квартирѣ солдатской дочери Кирилловой, знакомой Павла Чернышева и Филадельфога. Юргенсонъ, при задержаніи ея, выдала себя за Ольгу Сахарову и предъявила видъ на жительство послѣдней. При обыскѣ у Войнаральскаго въ карманѣ его пальто были найдены двѣ карты Самарской губерніи и пять листовъ шифрованныхъ записокъ, въ числѣ которыхъ находилась и написанная Войнаральскимъ въ с. Грязнухѣ; по разборѣ остальныхъ записокъ, въ нихъ оказались адреса: Софинскаго, Миллера, Рабиновича (Лемена), Пономарева, Дегтерева, Осташкина, Мейера, Мышкина (Зензинова), Грибоѣдова, Духовскаго въ Нижнемъ, Иванчина-Писарева, Блаждевичъ, Паевского, Павла Григорьева, Артамонова (Нины Ивановой Сергѣевой) и крестьянъ Симбирскаго и Корсунскаго уѣздовъ, а также ключъ къ шифру: „Пустынной Волги берега темнѣютъ черныхъ юртъ рядами желѣзной финогеша Щебальскій“. Юргенсонъ, отрицая свою виновность, объяснила, между прочимъ, что познакомилась съ Войнаральскимъ въ Петербургѣ, въ февралѣ 1874 г., и что ея поѣздки въ Пензу и въ Самару были вызваны желаніемъ испробовать на себѣ самой различныя условія общественной жизни и испытать положеніе работницы, учительницы и т. д., что она и не скрывала. Между тѣмъ послѣ ареста Юргенсонъ въ Самарѣ было получено письмо ея матери, въ которомъ послѣдняя писала дочери: „я узнала, что адресъ, данный тобою для переписки, былъ ложный. Письмо твое отъ 23-го мая получено.

Ты пишешь, что ты въ Москвѣ, между тѣмъ на конвертѣ стоитъ Пенза. Изъ всего этого я вижу, что ты все врешь“. Порфирій Войнаральскій на предложенный ему при слѣдствіи вопросъ о томъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ, отвѣчать отказался. Такимъ образомъ, большинство революціонныхъ дѣятелей, ушедшихъ въ народъ весной 1874 г., было задержано къ осени того же года, и уже въ августѣ въ письмѣ, подписанномъ „Раскольниковъ“, Ободовская, констатируя неуспѣхъ пропаганды, писала слѣдующее: „Тяжело то, другъ, что большинство личностей, несмотря на единичные и серьезные ошибки и провалы, несмотря на множество поучительныхъ для себя фактовъ, не становятся искренними, прямыми, безпристрастными аналитиками всего происшедшаго въ этотъ годъ: никто почти не сводитъ серьезно счетовъ съ собою и съ тѣмъ общимъ цѣлымъ въ его содержаніи и формахъ, которое успѣло достаточно выразиться и характеризоваться крайне грустно, даже мрачно Не принимая сама непосредственнаго участія въ попыточной практикѣ, я тѣмъ не менѣе наблюдала и проживала цѣлое въ его частностяхъ, простыхъ и болѣе сложныхъ, которыми оно разрѣшалось отъ поры до времени: изъ нихъ я составила понятіе о тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ теперь народное дѣло, и вижу я, живого намъ дѣла теперь вовсе нѣтъ даже въ живомъ зародышѣ Наши пропагандисты порхнули по Руси и нигдѣ не пристроились потому лишь, что все имъ мѣстности попадались неблагоприятныя; имъ приходилось отказаться отъ прежней сладкой надежды, что, ничего не дѣлая, живя на чужой счетъ, ведя праздную жизнь въ средѣ рабочаго люда, они могутъ дѣлать что-нибудь путное Вотъ и не выходили они себѣ ничего со своими особыми, несвоевременными требованіями Тысячи истратили они на свои демократо-туристскія странствованія, анархисты же, главнымъ образомъ, занялись организаціей провинціального юношества для немедленнаго поднятія революціи Теперь же народъ не знаютъ и а priori рѣшаютъ: писать книжки нужно, а о чемъ, не знаютъ они думаютъ отдуваться книжками, сочиняемыми ими, которыя болѣе мечтаютъ о народѣ, чѣмъ знаютъ его. Запасшись ими, побаловавшись мастерскими одинъ, два мѣсяца, они отправятся на дѣло. Опять начнется старая пѣсня. Всѣ страшные провалы, кои были до сихъ поръ, не научили, какъ видно, ничему товарищей нашихъ. Проваль прокламаціонистовъ, проваль съ рабочими фабричными и заводскими, проваль съ крестьянами въ Ярославской губерніи ничего не указали. Московскій погромъ: Войнаральскій нашель типографію, которая взялась печатать нецензурныя вещи, тюки съ книгами пересылались въ Саратовъ, одинъ попался, съ этого началось дѣло. въ Москвѣ арестованы двѣ Лебедевы, Дубенскіе, братъ и сестра, пять наборщицъ. . . . (какъ гласятъ слухи, еще арестованъ Войнаральскій и бар. и Варя, давно уже взятъ Коваликъ въ Самарѣ въ Питерѣ пока тихо—ждемъ)“. По окончаніи предварительно слѣдствія Николай Стронскій умеръ отъ паралича сердца. Незвѣстный челоуѣкъ, задержанный въ Харьковѣ и называвшій себя Павломъ Александровичемъ, заявилъ, что онъ крестьянинъ Московскій губерніи, дер. Шелковой, Иванъ Осиповъ Союзовъ, а Юлія Семенова (Прушакевичъ), Евгенийъ Югансонъ и Ааронъ Павловскій скрылись. Въ квартирѣ Павловскаго, при охраненіи

его имущества, было найдено письмо изъ Таганрога, отъ 14 сентября, подписанное буквами „Е“ и, повидимому, „З“, въ которомъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста, объясняющія причину измѣненія нѣкоторыми лицами показаній, данныхъ при дознаніи: „Письмо твое мнѣ хуже ножа въ сердце. Ты себѣ и представить не можешь, какія я давалъ показанія въ тюрьмѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что тебѣ были представлены эти показанія. Въ іюнѣ же 1875 г. я далъ показанія, какія были посланы Егоръ Павловичемъ; въ достовѣрности этого можешь убѣдиться, спросивъ у своей матери. Она же и отсылала ихъ даже на почту и отравила мои показанія, которыя ей предварительно прочелъ. Показанія эти были составлены мною съ помощью Вари по даннымъ, присланнымъ мнѣ изъ Питера, эти же показанія я подтвердилъ у таганрогскаго слѣдователя... Если примутся во вниманіе только мои тюремныя показанія, то, конечно, остается винить мою неопытность и болѣзненное состояніе, въ которомъ я находился въ тюрьмѣ“. Независимо отъ вышеизложеннаго, слѣдствіемъ обнаружены отдѣльные случаи распространенія книгъ революціоннаго содержанія въ Вятской и Орловской губерніяхъ и въ городѣ Москвѣ. Въ іюлѣ 1875 г., въ гор. Вяткѣ, въ квартирѣ сапожнаго мастера Гавріила Германа Прокопьева, какъ удостовѣрено нѣсколькими свидѣтельскими показаніями, происходили, въ присутствіи постороннихъ лицъ, чтенія книгъ революціоннаго содержанія, въ томъ числѣ и „Исторія одного французскаго крестьянина“. Читали книги: проживавшій нѣкоторое время у Прокопьева питарь Дебесской мѣстной команды, бывшій ученикъ Вятскаго Земскаго Техническаго Училища, Арсеній Аванасьевъ Леонтьевъ и, по показанію малограмотнаго Прокопьева, находившійся у него въ обученіи, 15-ти лѣтній крестьянскій мальчикъ Матвѣй Хорошавинъ; кромѣ сего Прокопьевъ передалъ другому лицу для чтенія „Пѣсенникъ“. Прокопьевъ и Леонтьевъ не признали себя виновными, между тѣмъ изъ показанія самого Леонтьева видно, что имъ была привезена къ Прокопьеву тенденціозная книга—„О черки фабричной жизни“, а свидѣтельскими показаніями удостовѣрено, что Прокопьевъ хвалилъ читавшіяся у него книги, доказывалъ пользу таковыхъ и объяснилъ, что „Царской фамиліи, начальства и чиновниковъ не будетъ, и что чрезъ три года или чрезъ десять лѣтъ будетъ въ Россіи бунтъ и явится какой-нибудь Стенька Разинъ, который и пойдетъ за насъ“. По обыску у Прокопьева найдены книги: „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Дѣдушка Егоръ“, „Стенька Разинъ“, „Степные очерки“, „Очерки фабричной жизни“, „Гришка Отрепьевъ“ и „Пѣсенникъ“. По показанію Хорошавина, изъ числа найденныхъ у Прокопьева книгъ: „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Дѣдушка Егоръ“, „Степные очерки“, „Стенька Разинъ“ и „Пѣсенникъ“ были получены имъ, Хорошавинымъ, отъ сельской учительницы села Камышинскаго, Орловскаго уѣзда, Анны Васильевой Якимовой, у которой онъ учился и которая платила за обученіе его сапожному мастерству у Прокопьева. Якимова не признала передачи Хорошавину вышеупомянутыхъ книгъ, по обыску же у нея найдены: „Дѣдушка Егоръ“, „Стенька Разинъ“ и „Сказка о четырехъ братьяхъ“, въ имѣніи каковыхъ книгъ Якимова и признала себя виновною, объяснивъ, что первую изъ нихъ она купила въ книжномъ магазинѣ, а двѣ послѣднія—на толку-

чемъ рынокъ. Кроме сего, у Якимовой найденъ отрывокъ письма, въ которомъ упоминается о Клавдіи Кувшинской, у коей, какъ сказано выше, проживала нѣкоторое время Клеопатра Осипова (Лукашевичъ). Въ Январѣ 1875 г., въ Москвѣ, къ рабочему фабрики Губнера, крестьянину Николаю Сковрцову явился неизвѣстный ему человекъ, который, ссылаясь на земляка Сковрцова, крестьянина Ивана Андреева, изъявилъ желаніе получить мѣсто слесаря на фабрикѣ и пригласилъ Сковрцова въ трактиръ, гдѣ предложилъ ему дать книгъ для чтенія, общая придти вечеромъ въ трактиръ съ товарищемъ; дѣйствительно, вечеромъ того же дня Сковрцовъ засталъ въ трактирѣ неизвѣстнаго съ товарищемъ и получилъ вновь приглашеніе явиться 18-го января въ трактиръ Эривань. Подозрѣвая въ дѣйствіяхъ неизвѣстнаго противозаконную цѣль, Сковрцовъ заявилъ о вышеназложенномъ жандармскому управленію и 18-го января явился въ трактиръ Эривань съ приглашеннымъ, по совѣту квартальнаго надзирателя, лавочникомъ Степаномъ Ноздринимъ. По удостовѣренію Сковрцова и Ноздрина, неизвѣстный, котораго они застали уже въ трактирѣ, угостилъ ихъ чаемъ и сталъ доказывать, что правительствомъ притѣсняется народъ и тратитъ непроизводительно деньги, что правительствомъ вовсе не нужно и что если бы народъ управлялся самъ, то жилъ бы богато, послѣ чего пригласилъ Ноздрина въ ретирадное мѣсто и передалъ ему тамъ „Сборникъ новыхъ пѣсень и стиховъ“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и „Стенку Разина“; задержанный находившимся въ трактирѣ полицейскимъ, неизвѣстный былъ препровожденъ въ мѣстное жандармское управленіе, при чемъ дорогой пытался бѣжать. Задержанный человекъ назвался первоначально Михаиломъ Федоровымъ, но въ послѣдствіи объяснилъ, что онъ сынъ заштатнаго дьячка, Михаилъ Федоровъ Грачевскій, имѣвшій намѣреніе поступить въ Технологическій Институтъ въ Петербургъ, работавшій тамъ же въ заводѣ Струбинскаго и въ ноябрѣ прибывшій въ Москву. Грачевскій призналъ себя виновнымъ въ распространеніи книгъ революціоннаго содержанія. Изъ показанія Сковрцова видно, что въ ноябрѣ 1874 г., встрѣтивъ Ивана Андреева, на котораго сослался Грачевскій и знакомаго Андреева Ивана Осипова, онъ вмѣстѣ съ ними пошелъ сначала въ трактиръ, а потомъ на фабрику, гдѣ Осиповъ читалъ „Сказку о четырехъ братьяхъ“, которую и передалъ ему вмѣстѣ съ двумя другими книгами — „Пѣсенникомъ“ и „Исторіей одного французскаго крестьянина“. При дознаніи Сковрцовъ объяснилъ, что Андреевъ и Осиповъ жили на одной квартирѣ, въ Козицкомъ переулкѣ, въ домѣ Цикина, каковой адресъ найденъ у Петра Осипова Союзова, въ деревнѣ Шелковой, изъ чего слѣдуетъ заключить, что Иванъ Осиповъ, передавшій Сковрцову революціонныя книги, былъ Иванъ Осиповъ Союзовъ, который, какъ видно изъ свидѣтельскихъ показаній, въ томъ же 1874 г. приходилъ два раза на родину съ товарищами, пѣлъ революціонныя пѣсни и оставилъ у своего брата преступнаго содержанія стихотворенія и книги. Въ мартѣ 1875 г., въ Ливенскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, была обнаружена агитаторская дѣятельность наставника Гатищенскаго сельскаго училища, Павла Трудковскаго, состоявшая какъ въ словесной пропагандѣ революціонныхъ идей въ средѣ мѣстнаго населенія, такъ и въ распространеніи книгъ революціоннаго содержанія. По обыску у Трудковскаго были найдены книги: „Историческое развитіе интернаціонала“, „Что дѣлается на

родинѣ“, „Лѣтопись рабочаго движенія“, „Прибавленіе А“, „Впередѣ“ и нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, а также нѣсколько рукописныхъ стихотвореній изъ „Пѣсенника“ и клочекъ бумаги съ вопросами: „Есть ли въ окрестностяхъ заводы и какіе именно? Какъ велики поборы за церковныя требы? Каковы отношенія крестьянъ къ духовенству? Въ какихъ отношеніяхъ крестьяне находятся къ старшинѣ и писарю?“ и т. дал. Сынъ дьякона Павелъ Никаноровъ Трудковскій далъ въполнѣ невѣроятныя объясненія о способѣ пріобрѣтенія найденныхъ у него книгъ, утверждая, что такыя были незавѣдомо для него положены въ его вещи неизвѣстною личностію, назвавшеюся Новиковымъ, во время проѣзда по Грязе-Орловской желѣзной дорогѣ; отвергая затѣмъ злонамѣренное распространеніе книгъ и пропаганду революціонныхъ идей, Трудковскій не призналъ себя ни въ чемъ виновнымъ. Между тѣмъ изъ показаній нѣсколькихъ свидѣтелей оказывается, во 1-хъ, что Трудковскій давалъ читать и самъ читалъ другимъ лицамъ „Хитрую механику“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и найденныя у него при обыскѣ стихотворенія, въ числѣ которыхъ были стихи „Ужь какъ шель кузнецъ“, и во 2-хъ, что Трудковскій въ разговорахъ съ нѣкоторыми мѣстными жителями производилъ антирелигіозныя убѣжденія и рѣзко отзывался о правительствѣ, порицалъ установленные имъ порядки и восхвалялъ чужестранные. Сверхъ сего, подсудимые Волховской, Ларіоновъ и Эндауровъ, а также отставной коллежскій регистраторъ Всеволодъ Лопатинъ обвиняются въ нижеслѣдующихъ преступныхъ дѣяніяхъ. 21 го ноября 1874 г., содержащійся подъ стражею въ Московскомъ тюремномъ замкѣ Феликсъ Волховской, возвращаясь въ замокъ изъ жандармскаго управленія, бросилъ въ глаза сопровождавшему его жандарму Баранову нюхательный табакъ и пытался скрыться, но былъ задержанъ. Волховской сознался что покушеніе на побѣгъ было имъ совершенно по заранѣ обдуманному плану, для приведенія котораго въ исполненіе оны и запасся нюхательнымъ табаккомъ и просилъ вызвать его въ жандармское управленіе; при этомъ Волховской объяснилъ, что о намѣреніи его совершить побѣгъ никому не было извѣстно. Послѣднее объясненіе Волховскаго представляется несогласнымъ съ обстоятельствами дѣла, изъ которыхъ оказывается, что въ побѣгѣ Волховскаго принималъ дѣятельное участіе отставной коллежскій регистраторъ Всеволодъ Лопатинъ. По удостовѣренію жандарма Баранова, Волховской былъ отправленъ изъ жандармскаго управленія въ тюремный замокъ около двухъ часовъ пополудни; въ это же время Лопатинъ, подойдя къ биржѣ у трактира Тѣстова, обратился къ извозчикамъ съ вопросомъ, у кого изъ нихъ хорошая лошадь, и взялъ безъ ряда извозчика Царѣна Михайлова, сказавъ, что укажетъ, куда нужно ѣхать. По указаніямъ Лопатина, Михайловъ поѣхалъ по Петровкѣ, по Страстному бульвару, по Малой-Дмитровкѣ и Новой-Слободѣ; доѣхавъ до перекрестка съ Селезневской улицею, Лопатинъ велѣлъ ѣхать назадъ, и доѣхавъ до церкви Св. Николая, вновь приказалъ повернуть и ѣхать шибче. Пріѣхавъ на площадку передъ самымъ тюремнымъ замкомъ, гдѣ въ это время, по показанію Михайлова, жандармъ и городской бархталісъ на землѣ съ Волоховскимъ, Лопатинъ закричалъ „стой“, выскочилъ изъ саней, оттолкнулъ городского, разжалъ руки жандарму и оттащилъ его отъ Волховскаго, который, вскочивъ на ноги, бросился бѣжать, Лопатинъ же вскочилъ въ сани и крик-

нулъ „пошелъ“, но былъ задержанъ, равно какъ и Волховской. Лопатинъ, не отвергая своего знакомства съ Волховскимъ, съ которымъ нѣкоторое время жить даже на одной квартирѣ, объяснилъ, что ему не было даже извѣстно нахождения Волховскаго въ Москвѣ; по словамъ Лопатина, онъ дорогой въ Петровскую Академію увидѣлъ совершенно случайно предъ тюремнымъ замкомъ, что жандармъ и городской бьютъ кого-то, началъ ихъ отъ этого останавливать и узналъ Волховскаго только тогда, когда послѣдній, поднявшись съ земли, бросился бѣжать; тѣмъ же свою взадъ и впередъ предъ тюремнымъ замкомъ Лопатинъ объяснилъ тѣмъ, что, забывъ адресъ знакомаго, съ которымъ хотѣлъ ѣхать въ Академію, хотѣлъ вернуться домой, но вспомнивъ таковой адресъ, вновь рѣшилъ ѣхать въ Академію. Такое показаніе Лопатина, неправдоподобное само по себѣ, представляется несогласнымъ съ изложенными выше обстоятельствами дѣла, не оставляющими никакого сомнѣнія въ томъ, что Лопатинъ дѣйствовалъ по предварительному соглашенію съ Волховскимъ. Лопатинъ, какъ видно изъ его показанія, былъ исключенъ въ 1869 году изъ Московскаго университета и высланъ подъ надзоръ полиціи въ городъ Ставрополь. 23 декабря 1873 г., высланный изъ Петербурга въ городъ Вельскъ, Вологодской губерніи, за неимѣніе опредѣленныхъ занятій и средствъ къ жизни, личный почетный гражданинъ Петръ Федоровъ Ларіоновъ, вмѣстѣ съ лишеннымъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и сосланнымъ на житье въ Вологодскую губернію Иваномъ Львовымъ Терликовымъ, скрылись изъ города Вельска, похитивъ принадлежавшую крестьянкѣ Дьяковой лошадь съ упряжью и саваями. Ларіоновъ, признавая, что ѣхалъ изъ Вельска на украденной лошади, объяснилъ, что лошадь была похищена Терликовымъ по соглашенію съ нимъ, Ларіоновымъ, ожидавшимъ прибытія Терликова съ лошадью у выѣзда изъ города; вышеозначенная лошадь была впоследствии продана Ларіоновымъ, какъ видно изъ показанія Терликова, въ какой-то деревнѣ за три станціи до гор. Вологды. Въ началѣ 1874 года Петръ Ларіоновъ появился въ Корчевскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, гдѣ нѣкоторое время занимался письмоводствомъ въ Горницкомъ волостномъ правленіи, въ качествѣ помощника волостного писаря. Въ концѣ января Ларіоновъ получилъ отъ крестьянъ Горницкой волости Филиппа Федорова, Ефима Степанова и Василя Иванова, довѣренность на веденіе ихъ дѣла съ помѣщикомъ Ново-кшеновымъ о выкупѣ усадьбы земли, съ правомъ полученія, откуда будетъ слѣдовать, денегъ для передачи таковыхъ крестьянамъ. Въ силу означенной довѣренности Ларіоновъ получилъ 4-го февраля 1874 года изъ Корчевскаго уѣзднаго казначейства 240 р., внесенныхъ крестьянами на предметъ выкупа усадьбы земли, и подлежащихъ возврату крестьянамъ, о чемъ послѣдніе были поставлены въ извѣстность Горчевскимъ полицейскимъ управленіемъ. По полученіи означенныхъ денегъ Ларіоновъ скрылся и былъ задержанъ въ Кіевской губерніи, вслѣдствіе павшаго на него обвиненія въ государственномъ преступленіи. Ларіоновъ призналъ себя виновнымъ въ присвоеніи вышеупомянутыхъ 240 р. и объяснилъ, что по полученіи изъ казначейства денегъ онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ истратилъ рублей 50 на покупку платья и книгъ, остальные же деньги онъ или потерялъ въ маскарадѣ въ большомъ театрѣ, или же таковыя были у него украдены. Саратовская судебная палата 30-го іюля 1873 г. донесла Пра-

вительствующему Сенату, что у городищенскаго мирового судьи Эндаурова, по распоряженію мѣстнаго мирового сѣзда, произведена была внезапная ревизія денежных суммъ, книгъ и документовъ, при чемъ оказалось, что деньги, оставшіяся послѣ покойнаго технолога Васильева, въ количествѣ 3.275 р. 97 к. и хранившіяся въ казначействѣ, получены и записаны въ книгѣ мирового судьи Эндаурова 19 сентября 1872 г.; изъ нихъ выдано того же числа Колокольцевой 1.212 р. 45 к. с., купцу Путову 703 р. 60 к., а остальные: 1.359 р. 92 к. выданы Думѣ, по отношенію ея отъ 25-го августа 1872 г. Между тѣмъ изъ доставленныхъ свѣдѣній было усмотрѣно, что мировымъ судьей было взято изъ казначейства изъ сказанныхъ 3.275 р. 97 к. до 19 сентября, а именно: 3-го іюня—200 р., 9 іюня—200 р., 24 іюня—100 р., 30 іюня—100 р. 4 іюля—200 р., 15 іюля—300 р. и 4-го августа—300 рублей., всего 1.400 рубл., которые по книгѣ судьи на приходъ записаны не были и до 19-го сентября оставались въ рукахъ его безгласными и которые онъ, еслибѣ они были на лицо, могъ выдать думѣ по означенному требованію ея 25-го августа, но деньги эти поступили запиской въ книгу судьи уже 19-го сентября, при полученіи имъ изъ казначейства послѣдней суммы 1.895 р. 62 к., въ общей суммѣ 3.275 р. 97 к., думѣ же послѣдовала выдача въ количествѣ 1.359 р. 92 к. 10-го октября 1872 г. 0 вышеизложенномъ Городищенскій мировой сѣздъ сообщалъ судебной палатѣ, которая, по истребованіи отъ Эндаурова объясненій, нашла, что объясненіе Эндаурова о желаніи его чрезъ заблаговременное приготовленіе денегъ удовлетворить разныхъ кредиторовъ Васильева, обратившихся къ нему со словесными ходатайствами, и обѣщавшихъ немедленно представить исполнительные листы отъ Пензенскаго окружнаго суда, не согласуется съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Эндауровъ, несмотря на повторительное требованіе судебной палаты, затруднился, повидимому, даже поименовать этихъ лицъ въ своихъ представленіяхъ, и что на самомъ дѣлѣ съ исполнительными листами являлись только два лица, и при томъ на суммы болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, которыя были заблаговременно взяты имъ изъ казначейства, и что ссылка Эндаурова на невозможность удовлетворенія требованія думы отъ 25-го августа ранѣе 10-го октября, вслѣдствіе отъѣзда его изъ участка, не подтверждается, потому что, какъ видно изъ дѣла, Эндауровъ находился въ отъѣздѣ изъ участка только съ 8-го по 15-е сентября и съ 20-го сентября по 7-е октября, деньги же въ надлежащемъ для удовлетворенія думы количествѣ были ранѣе взяты Эндауровымъ изъ казначейства, но никому не выданы. Посему, усмотрѣвъ въ вышеизложенномъ признаки преступленій, указанныхъ въ I ч. 354 ст. и II ч. 356 ст. Улож. о Наказ., судебная палата представила о дѣйствіяхъ Эндаурова на усмотрѣніе Правительствующаго Сената, который указами отъ 21-го октября и 3-го декабря 1873 года предписалъ Пензенскому окружному суду командировать одного изъ своихъ членовъ для производста по настоящему дѣлу предварительнаго слѣдствія. Изъ собранныхъ слѣдствіемъ данныхъ оказывается: 1) что первое обвиненіе доказывается слѣдующими данными: а) сознаниемъ Эндаурова въ томъ, что онъ истребовавъ изъ мѣстнаго казначейства въ разное время, начиная съ 3-го іюня по 3-е августа 1872 года, въ семь разъ 1,400 руб., принадлежа-

щих Васильеву, дѣйствительно не записывалъ ихъ на приходъ въ денежную книгу до 19-го сентября 1872 года; б) приложенными къ дѣлу 7-ю отношеніями Эндаурова въ Городищенское уѣздное казначейство, изъ которыхъ усматривается, что Эндауровъ получилъ изъ казначейства въ періодъ времени съ 9-го іюня по 3-е августа 1.400 руб. изъ денегъ, хранившихся въ депозитъ его и оставшихся послѣ смерти технолога Васильева; в) денежною книгой мирового судьи 1 участка Городищенскаго уѣзда на записку партикулярныхъ суммъ, изъ которой видно, что деньги, принадлежавшія умершему Васильеву, въ количествѣ 3.275 р. 90 к., значатся на приходъ записанными подъ ст. 13 и полученными 19-го сентября 1872 года; и 2) что по второму обвиненію оказались слѣдующія улики: а) Эндауровъ, получивъ изъ казначейства разновременно 1.400 р. изъ денегъ принадлежавшихъ Васильеву, и не записавъ ихъ на приходъ, не имѣлъ къ этому требованію никакихъ рѣшительно оснований, такъ какъ къ нему въ этотъ періодъ времени никто не обращался съ ходатайствомъ о выдачѣ денегъ, и притомъ въ такомъ количествѣ, въ какомъ 7 разъ были имъ вытребованы изъ казначейства означенныя деньги; б) мировые судьи Городищенскаго уѣзда Араповъ, Мотовиловъ, Литвиновъ при допросѣ показали, что когда до нихъ дошелъ слухъ, незамѣтно откуда исходящій, о растратѣ Эндауровымъ ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ, то отъ имени всѣхъ членовъ Городищенскаго съѣзда было отослано Эндаурову письмо, въ которомъ просили его оставить службу и пополнить растрату. Послѣ отравленія этого письма Литвиновъ выдѣлся съ Эндауровымъ и послѣдній сознавался ему въ растратѣ; в) 25-го августа 1872 года, за № 827, Городищенская городская дума сообщила Эндаурову о высылкѣ ей 1.309 руб. 95 к. изъ денегъ, оставшихся послѣ смерти Васильева. Эндауровъ выдалъ эти деньги лишь 10-го октября; несмотря на то, что въ августѣ мѣсяцѣ у него на рукахъ изъ капитала Васильева находилось 1.400 р. с. Рассмотрѣвъ слѣдственное производство объ Эндауровѣ, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: мирового судью 1-го участка Городищенскаго уѣзда Эндаурова предать суду Саратовской судебной палаты, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 356 ст. и 1 ч. 354 ст. Ул. о Нак. Вслѣдствіе рапорта Саратовской судебной палаты о томъ, что Эндауровъ обвиняется въ государственномъ преступленіи, Правительствующій Сенатъ, указомъ отъ 2-го мая 1875 года, далъ знать палатѣ, что дѣло Эндаурова, по обвиненію послѣднаго въ преступленіи по должности, подлежитъ дальнѣйшему направленію въ порядкѣ указанномъ ст. 3-ю Высочайше утвержденныхъ 7-го іюня 1872 г. правилъ о судопроизводствѣ по государственнымъ преступленіямъ. Дворянинъ Викторъ Костюринъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемого къ дѣлу о покушеніи на убійство Гориновича. На основаніи всего вышеизложеннаго обвиняются: 1. Дворянинъ Александръ Константиновъ Артамоновъ, дворянка Елена Иванова Аверкіева, мѣщанинъ Соломонъ Лейбовъ Аранзонъ, дворянинъ Давыдъ Александровъ Антовъ, дворянка Олимпіада Григорьева Алексѣева, дочь губернскаго секретаря Анна Васильевна Андреева, сынъ дьякона Иванъ Ивановъ Аронагитскій, сынъ причетника Алексѣй Андреевъ Александровскій, мѣщанинъ Павелъ Эрастовъ Александровъ, дворянинъ Николай Михайловъ Аносовъ, дворникъ Иванъ и

Клеопатра Павловы Блудзевичъ. крестьянинъ Самарской губерніи и уѣзда, села Бѣлой-Каменки, Иванъ Ивановъ Бѣляковъ, дворянка Екатерина Константинова Брешковская, дворянинъ Николай Михайловъ Барковъ, дворянинъ Василій Александровъ Венецкій, мѣщанинъ Дмитрій Андреевъ Бородулянъ, дворянинъ Гавріиль Георгіевъ Божко-Божинскій, крестьянинъ Самарской губерніи, села Малаго-Толкая, Романъ Андреевъ Бодажинъ, крестьянинъ Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда, села Богородскаго, Николай Федоровъ Биткинъ, крестьянинъ Ярославской губерніи, Рыбинскаго уѣзда, Копринской волости, деревни Люшнова, Сергѣй Ивановъ Виноградовъ, дворянка Варвара Иванова Ваховская, сынъ священника Николай Евгеніевъ Введенскій, мѣщанинъ Порфирій Ивановъ Войнаральскій, жена его Надежда Павлова Войнаральская, дворянинъ Феликсъ Вадимовъ Волховской, дворянка Марія Иванова Веревочкина, дворянинъ Александръ Александровъ Волкештейнъ, сынъ священника Петръ Петровъ Воскресенскій, сынъ колониста Саратовской губерніи Иванъ Ивановъ Гауэлштейнъ, дворянинъ Сергѣй Сергѣевъ Голоушевъ, дворянка Марія Эдуардова Гейшторъ, дворянинъ Юрій Николаевъ Говоруха Отрокъ, дворяне Левъ Сергѣевъ и Вѣра Николаева Городецкіе, дворянинъ Митрофанъ Александровъ Гриценковъ, забайкальскій казакъ Николай Ивановъ Глушковъ, сынъ причетника Николай Алексѣевъ Граціановъ, почетный гражданинъ Николай Елисѣевъ Горниовичъ, дворянинъ Аркадій Алексѣевъ Головинъ, дворянинъ Леонидъ Ивановъ Голиковъ, мѣщанинъ Иванъ Юновъ Глушковъ, дворянинъ Иванъ Ивановъ Добровольскій, сынъ священника Иванъ Ивановъ Добровъ, дворянинъ Леонидъ Аполлоновъ Даческуло, дворянинъ Алексѣй Алексѣевъ Дробышъ-Дробышевскій, дворянинъ Викторъ Александровъ Даниловъ, сынъ священника Михаилъ Александровъ Духовской, крестьянинъ Самарской губерніи и уѣзда, села Кротовки, Степанъ Николаевъ Дегтеревъ, отставной штабъ-капитанъ Егоръ Егоровъ Емельяновъ, крестьянинъ Самарской губерніи и уѣзда, Алексѣевской волости, деревни Федоровки, Никифоръ Ивановъ Емельяновъ, дворянка Елизавета Федорова Ермолаева, дворяне Николай Паулиновъ и Ольга Иванова Войничъ-Мурдасъ-Жилинскіе, дворяне Сергѣй и Владиміръ Александровы Жербуевы, крестьянинъ Таврической губерніи, Оеодосійскаго уѣзда, деревни Сухмановки, Андрей Ивановъ Желябовъ, дочь подполковника Ларисса Тимоеева Заруднева, сынъ дьякона Алексѣй Егоровъ Знаменскій, дворянка Евгенія Флоріанова Завадская, дочь майора Софья Андреева Иванова, почетная гражданка Александра Иванова Корнилова, дочь священника Анна Дмитріева Кувшинская, дворянинъ Михаилъ Васильевъ Купріановъ, дворянинъ Иванъ Ивановъ Козачекъ, дворянинъ Сергѣй Филиповъ Коваликъ, сынъ священника Павелъ Ефимовъ Князевскій, дворянинъ Александръ Александровъ Кадьянъ, мѣщанинъ Михаилъ Никитинъ Кацъ, сынъ губернскаго секретаря Петръ Васильевъ Кротоновъ, сынъ дѣкарскаго помощника Семень Ивановъ Корабельниковъ, писарь Шуйской уѣздной команды Алексѣй Ивановъ Комовъ, дворянинъ Эдуардъ Юліановъ Каменскій, дворянинъ Петръ Васильевъ Курдюмовъ, дворянинъ Викторъ Федоровъ Костуринъ, дворянинъ Тимофей Александровъ Квятковскій, крестьянинъ Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда, Zubовскои волости, деревни Мишино, Теофанъ Никандровъ Лермонтовъ, австрійскій подданный Александръ Осиновъ

Лукашевичъ, сынъ священника Петръ Андреевъ Ломовосовъ; дворянка Софья Александрова Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, крестьянинъ Самарской губерніи, Вузлулукскаго уѣзда, села Грачевка, Егоръ Егоровъ Лазаревъ, сынъ священника Александръ Ивановъ Ливановъ, прусскій подданный Вильгельмъ Мартинъ Лангансъ, почетный гражданинъ Петръ Федоровъ Ларионовъ, дворянинъ Николай Абрамовъ Литошенко, дочь коллежскаго совѣтника Татьяна Иванова Лебедева, крестьянинъ Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда, села Павлова, Николай Алексѣевъ Личадѣевъ, дворянинъ Федоръ Михайловъ Любавскій, дворянинъ Степанъ Васильевъ Макіевскій-Зубокъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія Митрофанъ Даниловъ Муравскій, сынъ пехового мастера Куриакъ Родіоновъ Милоглазкинъ, оберъ-офицерскій сынъ Николай Матвѣевъ Махаевъ, мѣщанинъ Николай Александровъ Морозовъ, сынъ священника Александръ Андреевъ Малиновскій, оберъ-офицерскій сынъ Владиміръ Яковлевъ Мейеръ, дворянинъ Петръ Маркеловъ Макаревичъ, сынъ коллежскаго ассесора Павелъ Дмитріевъ Максимовъ, мѣщанинъ Минъ Никитинъ Милоголовкинъ, домашній учитель изъ солдатскихъ дѣтей Ипполитъ Никитинъ Мышкинъ, дворянинъ Александръ Васильевъ Низовкинъ, дворянинъ Петръ Ивановъ Неволитъ, мѣщанинъ Николай Степановъ Никифоровъ, дворянинъ Михаилъ Дмитріевъ Нефедовъ, сынъ дьякона Иванъ Ивановъ Никольскій, дворянка Марѳа Герасимова Никитина, крестьянинъ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, Тупиковской волости, деревни Екатины, Михаилъ Андреевъ Орловъ, сынъ чиновника Павелъ Александровъ Орловъ, дворянинъ Владиміръ Алексѣевъ Осиповъ, дворянинъ Викторъ Александровъ Осташкинъ, сынъ священника Евгенийъ Михайловъ Овчинниковъ, оберъ-офицерскій сынъ Леонидъ Владиміровъ Поповъ, дочь коллежскаго совѣтника Марія Платонова Потockая, дворянка Вѣра Николаева Панютина, мѣщанка Эйдель Владимірова Пупянская, сынъ священника Николай Элпаидиоровъ Петропавловскій, сынъ дьякона Александръ Андреевъ Пономаревъ, сынъ купца Исаакъ Яковлевъ Павловскій, дворянка Софья Львова Перовская, сынъ священника Николай Поповъ, сынъ священника Павелъ Ивановъ Покровскій, дворянинъ Андрей Андреевъ Пыпинъ, дочь коллежскаго регистратора Идалия Осипова Польгеймъ, сынъ купца Иннокентій Павловичъ Пьянковъ, крестьянинъ Тверской губерніи, Старикаго уѣзда, Татаровской волости, села Несторова, Леонидъ Давыдовъ Румянцевъ, дворяне Дмитрій Михайловъ и Вѣра Павлова Рогачевы, мѣщанинъ Моисей Абрамовъ Рабиновичъ, дворянка Александра Яковлева Сидорацкая, дворянинъ Сергѣй Силовъ Синегубъ, сынъ священника Василій Аполлоновъ Стаховскій, дворянка Евгения Константинова Судзюловская, дворянинъ Николай Алексѣевъ Саблинъ, сынъ священника Дмитрій Петровъ Соколовъ, дворянинъ Иванъ Федоровъ Селивановъ, сынъ дьякона Михаилъ Гавриловъ Соловцовскій, дворянка Ефрузина Викентьева Супинская, сынъ священника Наонаилъ Іоновъ Скворцовъ, крестьянинъ Тамбовской губерніи, Моршанскаго уѣзда, села Сосновки, Викторъ Ивановъ Сабелькинъ, дворянка Софья Александрова Субботина, дворянинъ Михаилъ Михайловъ Серебряковъ, сынъ купца Дмитрій Николаевъ Стрышевъ, сынъ священника Владиміръ Петровъ Серебровскій, мѣщанка Ольга Иванова Сахарова, сынъ священника Григорій Алексѣевъ Софинскій, крестьянинъ Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, Морозовской волости, деревни Шел-

ковой, Иванъ Осиповъ Союзовъ, мѣщанинъ Иванъ Григорьевъ Спѣсивцевъ, сынъ дьякона Михаилъ Θεоктистовъ Спѣсивцевъ, сынъ купца Михаилъ Петровъ Сажинъ, дворянинъ Левъ Александровъ Тихомировъ, сынъ статскаго совѣтника Леонидъ Рейнгольдъ Траубенбергъ, дворянинъ Николай Никитинъ Тепловъ, жена прапорщика Анна Степанова Тушинская, сынъ священника Павелъ Семеновъ Троицкій, мѣщанинъ Глѣбъ Яковлевъ Терновскій, купеческій сынъ Лейзеръ Абовъ Тетельманъ, сынъ священника Иванъ Дмитріевъ Трезвинскій, дворянинъ, Владиміръ Андреевъ Усачевъ, дворянинъ Дмитрій Васильевъ Федоровичъ, дворянинъ Анатолій Ивановъ Фаресовъ, почетный гражданинъ Василій Васильевъ Филдельфовъ, австрійскій подданный Андрей Аванасьевъ Франжолі, мекленбургъ-шверинскій подданный, дворянинъ Василій Федоровъ Фишеръ, сынъ статскаго совѣтника Федоръ Васильевъ Фоминъ, штабсъ-капитанъ Федоръ Антоновъ Фетисовъ, жена его Ольга Павлова Фетисова, дворянинъ Николай Аполлоновъ Чарушинъ, сынъ коллежскаго совѣтника Иванъ Николаевъ Чернявскій, сынъ куца Соломонъ Лейзеровъ Чудновскій, дворянинъ Анатолій Андреевъ Чарыковъ, дворянка Марія Александрова Шавердова, дворянинъ Леонидъ Эммануиловъ Шишко, дворянка Вѣра Андреева Шатилова, мѣщанка Ольга Дмитріева Шевырева, дворянинъ Леонидъ Михайловъ Шегловъ, кандидатъ Московскаго университета Владиміръ Николаевъ Щелкинъ, дочь титулярнаго совѣтника Надежда Александрова Юргенсовъ, купеческій сынъ Феликсъ Іосифовъ Юркевичъ, дворянинъ Александръ Викторовъ Ярцевъ и мѣщанинъ Александръ Николаевъ Яновъ,—въ томъ, что составили и принимали участіе въ противозаконномъ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлю, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ отд. 2 ст. 259 Улож. о Нак. II. Войнаральскій и Мышкинъ — въ томъ, что составляли, печатали и разсылали въ разныя мѣстности возбуждавшія къ бунту или явному неповиновенію власти верховной сочиненія съ цѣлю распространенія ихъ, чего не успѣли совершить по обстоятельствамъ, отъ ихъ воли независѣвшимъ, а Ермолаева, Аверкіева, Супинская, Иванова, Заруднева, Соловцовскій, Малиновскій, Селивановъ, Скворцовъ, Фетисовъ и Фетисова—въ томъ, что завѣдомо участвовали въ такомъ преступленіи, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ въ 114 и 251 ст. Улож. о Наказ. III. Артамоновъ, Аранзонъ, Автовъ, Андреева, Ареопагитскій, Александровскій, Александровъ, Аносовъ, Бѣляковъ, Барковъ, Божко-Божянский, Биткинъ, Виноградовъ, Ваховскій, Введенскій, Войнаральскій, Волховской, Гауанштейнъ, Голоушевъ, Гейшторъ, Говоруха-Отрокъ, Городецкій, Городецкая, Николай Глушковъ, Добровольскій, Даниловъ, Добровъ, Духовскій, Егоръ Егоровъ Емельяновъ, Никифоръ Ивановъ Емельяновъ, Жилинскій, Жилинская, Сергѣй Жибуневъ, Знаменскій, Кувшинская, Купріяновъ, Козачекъ, Коваликъ, Кязевскій, Кадьянъ, Канцъ, Кротоновъ, Корабельниковъ, Каменьскій, Квятковскій, Ливановъ, Ларионовъ, Литошенко, Любавскій, Лермонтовъ, Муравскій, Милоглазкинъ, Махаевъ, Морозовъ, Мейеръ, Макаревичъ, Максимовъ, Низовкинъ, Нефедовъ, Никифоровъ, Никольскій, Михаилъ Орловъ, Павелъ Орловъ, Осташкинъ, Потоцкая, Панютина, Петропавловскій, Исаакъ Павловскій, Пьянковъ, Ро-

гачевъ, Рабиновичъ, Румянцевъ, Сидорацкая, Синегубъ, Стаховскій, Соколовъ, Саблинъ, Сабелькиль, Серебряковъ, Сбрышевъ, Союзовъ, Михайль Θεоктистовъ, Спѣсивцевъ, Сажинъ, Тихоміровъ, Траубенбергъ, Телловъ, Троицкій, Терновскій, Феодоровичъ, Фаресовъ, Филадельфовъ, Чарушинъ, Чернявскій, Шишко, Шавердова, Шатлова, Щепкинъ, Щиголевъ, Юргенсонъ, Юркевичъ, Ярцевъ и кромѣ сего мѣщанинъ Михайль Григорьевъ Гвоздевъ, сынъ дьякона Михайль Феодоровъ Грачевскій, крестьянинъ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, Дмитровской волости, села Стружина, Степанъ Петровъ Зарубасевъ, сынъ дьякона Іосифъ Селивестровъ Кирилловъ, писарь Дебесской мѣстной команды Арсеній Аванасевъ Левонтьевъ, мѣщанинъ Иванъ Ильинъ Медвѣдевъ, сынъ титулярнаго совѣтника Аполлонъ Ивановъ Прозоровскій, мѣщанинъ Гаврииль Германовъ Прокопьевъ, мѣщанинъ Сергѣй Антоновъ Стопане, крестьянинъ Тверской губерніи, Старицкаго уѣзда, села Кознакова, Феодоръ Семеновъ, сынъ дьякона Павелъ Никифоровъ Трудковскій, крестьянинъ Костромской губерніи, Кологривскаго уѣзда, деревни Чуфарихи, Григорій Алексѣевъ Щиголевъ и дочь священника Анна Васильева Якимова,—въ томъ, что распространяли сочиненія, имѣвшія цѣлью возбудить къ бунту или явному несовиновенію власти верховной, а Иванъ и Клеопатра Блаудзевичъ, Брешковская, Гориневичъ, Дробышъ-Дробышевскій и Чудновскій—въ томъ, что покушались на распространеніе такихъ же сочиненій, при чемъ ихъ преступное намѣреніе не могло быть приведено въ исполненіе по обстоятельству, отъ ихъ воли не зависѣвшимъ, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ для первыхъ—251 ст. Улож. о наказ., а для послѣднихъ въ стт. 114 и 251 Улож. о наказ. IV. Мѣщанинъ Мовша Вульфовъ Эдельштейнъ—въ томъ, что, не принимая прямого участія въ распространеніи возбуждающихъ къ бунту сочиненій, изъ корыстныхъ видовъ согласился помогать лицамъ, распространявшимъ такіа сочиненія, съ какою цѣлью и ввозилъ означенныя сочиненія изъ-за границы въ предѣлы Имперіи, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 13, 121 и 251 Улож. о наказ. V. Сынъ причетника Александръ Ильинъ Виддановъ, уѣздный учитель Александръ Яковлевъ Палимпсестовъ и дворянинъ Тимошей Александровъ Соловьевъ—въ томъ, что, не участвуя въ распространеніи возбуждающихъ къ бунту сочиненій, завѣдомо приняли къ себѣ такыя съ цѣлью сокрытія ихъ отъ должностныхъ лицъ, производившихъ обыски, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ стт. 14, 124 и 251 Улож. о наказ. VI. Субботина, Никифоръ Ивановъ Емельяновъ и Терновскій — въ произнесеніи дерзкихъ, оскорбительныхъ словъ противъ Государа Императора, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ въ 246 ст. Улож. о наказ. VII. Никифоръ Ивановъ Емельяновъ и Щегловъ въ богоусленіи, первый при свидѣтеляхъ, съ намѣреніемъ поколебать ихъ вѣру, а послѣдній — въ болѣе или менѣе многочисленномъ собраніи, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ: для Емельянова—въ ст. 177, а для Щеглова — въ ст. 176 Улож. о наказ. VIII. Мышкинъ—въ томъ, что во время слѣдованія изъ гор. Вилюйска въ гор. Якутскъ, съ цѣлью лишить жизни сопровождавшихъ его казаковъ Бубкина и Маршинцева, сдѣлалъ по нимъ нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера, но по не зависѣвшимъ отъ его воли обстоятельствамъ не убилъ ихъ, а только

раниль Бубякина, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ стг. 111 и 1.455 Улож. о наказ. IX. Волховской въ томъ, что во время слѣдованія изъ Московскаго жандармскаго управленія въ тюремный замокъ съ цѣлью совершить побѣгъ бросилъ въ глаза сопровождавшему его жандармскому унтеръ-офицеру горсть нюхательнаго табаку и хотѣлъ бѣжать, но былъ задержанъ, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ стг. 114 и 312 Улож. о наказ. X. Дворянинъ Всеволодъ Александровъ Лопатинъ— въ томъ, что обязавшись по предварительному соглашенію съ Волховскимъ содѣйствовать побѣгу послѣдняго, съ тою цѣлью старался освободить Волховскаго отъ поймавшихъ его жандарма и городского, разжигая руки первому и отталкивая послѣдняго, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ стг. 13, 124, 114 и 313 Улож. о наказ. XI. Дворянинъ Николай Ивановъ Эндауровъ—во 1-хъ, въ томъ, что, не принадлежа къ противозаконному сообществу и не принимая участія въ преступной дѣятельности Войнаральскаго, изъ личныхъ видовъ, завѣдомо помогъ Войнаральскому: а) перевести на чужое имя пожертвованный на дѣла общества капиталъ и б) скрыться отъ преслѣдованія, для чего и передалъ ему бланкъ подорожной, съ которою Войнаральскій и уѣхалъ изъ Пензы, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ стг. 14, 124, 250 и 251 стг. Улож. о нак.; во 2-хъ, въ томъ, что, состоя въ должности мирового судьи 1 уч. Городищенскаго уѣзда, несвоевременно и безъ законнаго къ тому основанія записывалъ на приходъ поступавшія къ нему суммы, а также несвоевременно отсылалъ ихъ по принадлежности, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ стг. 356 Улож. о наказ., и въ 3-хъ, въ томъ, что, имѣя на своихъ рукахъ ввѣренныя ему по службѣ, какъ мировому судѣ, денежные суммы, часть таковыхъ, въ количествѣ 1.400 р. с., обратилъ на свои надобности, при чемъ, однако, возвратилъ означенныя деньги до обнаруженія его злоупотребленія, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ стг. 1 ч. 354 ст. Улож. о наказ. XII. Петръ Ларіоновъ— во 1-хъ, въ томъ, что вмѣстѣ съ другимъ лицомъ тайно похитилъ въ г. Вельскѣ принадлежавшую крестьянкѣ Дьяконовой лошадь съ упряжью и савьями, всего на сумму менѣе 300 р., и во 2-хъ, въ томъ, что, получивъ изъ Корчевскаго уѣзднаго казначейства по довѣренности трехъ крестьянъ Горичкой волости 240 р. с., не передалъ означенныя деньги по принадлежности крестьянамъ, а обратилъ таковыя на свои надобности, т. е. въ преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ стг. 1.656 и 1.682 стг. Улож. о наказ. Вслѣдствіе сего всѣ вышепоименованные обвиняемые, согласно § 2 закона 7-го іюня 1872 года, предаются суду особаго присутствія Правительствующаго Сената, учрежденнаго для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

23-го Октября засѣданія не было по случаю воскреснаго дня.

Засѣданія 24-го Октября. Первопр. прочелъ состоявшееся 11 Октября постановленіе распорядительнаго засѣданія сената по поводу словеснаго заявленія его, первопр., о необходимости произвести судебное слѣдствіе о настоящемъ дѣлѣ по группамъ и закрыть двери на время разсмотрѣнія нѣкоторыхъ частей дѣла. Постановленіе 11 Октября гласитъ слѣдующее: „Выслушавъ заключенія товарища оберъ-прокурора, правительствующій сенатъ находитъ, что, несмотря на тѣсную связь всѣхъ частей

дѣла между собою, не представляется физической возможности, въ виду недостаточности помѣщенія, произвести судебное слѣдствіе во всемъ его объемѣ въ присутствіи всѣхъ обвиняемыхъ; что по обстоятельствамъ дѣла обвиняемые могутъ быть раздѣлены на 17 группъ; что производство судебного слѣдствія въ отношеніи къ каждой изъ вышеназванныхъ группъ въ отдѣльности не можетъ нанести никакого ущерба интересамъ сторонъ, такъ какъ всѣ лица, имѣющія, по обстоятельствамъ дѣла, какое-либо отношеніе къ известной группѣ, будутъ присутствовать при разсмотрѣніи всѣхъ относящихся до группы обстоятельствъ; что при такомъ производствѣ судебного слѣдствія и при судебныхъ преніяхъ, общихъ для всѣхъ 17 группъ, въ присутствіи всѣхъ обвиняемыхъ, вполне можетъ быть достигнуто поясненіе какъ общаго характера дѣла, такъ и всѣхъ обстоятельствъ, относящихся до каждого обвиняемаго въ отдѣльности: что на основаніи 620 ст. представляется необходимымъ, во избѣжаніе могущаго произойти соблазна, закрыть двери на время разсмотрѣнія обвиненій, предъявленныхъ крестьянамъ Емельянову и Щеглову по 176 и 177 ст. Улож. о наказ., и что такое же закрытіе дверей присутствія должно имѣть мѣсто, на основаніи ст. 27 закона 7-го іюля 1872 г., при разслѣдованіи обстоятельствъ дѣла по обвиненію Субботиной, крестьянина Емельянова и Терновскаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ ст. 246 Улож. о наказ., Правительствующей сенатъ, руководствуясь 547, 620, 621 ст. Уст. угол. судопроизводства и ст. 27 закона 7 іюня 1872 г. опредѣлили: 1) произвести судебное слѣдствіе по дѣлу революціонной пропаганды въ Имперіи отдѣльно въ отношеніи каждой изъ 17 группъ, на которыя, по обстоятельствамъ дѣла, могутъ быть раздѣлены подсудимые; 2) предоставить первоприсутствующему на его усмотрѣніе, соображаясь съ ходомъ судебного слѣдствія, присоединять къ каждой группѣ тѣхъ изъ не отнесенныхъ къ ней лицъ, присутствіе которыхъ можетъ, по обстоятельствамъ дѣла, оказаться необходимымъ; 3) Судебное слѣдствіе по обвиненію Субботиной, Емельянова и Терновскаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 246 ст. Улож. о наказ. и Емельянова и Щеглова въ преступныхъ дѣяніяхъ, указанныхъ 176 и 177 ст. Ул. о наказ., произвести при закрытыхъ дверяхъ. Раздробленіе на 17 группъ, необходимое, по мнѣнію сената, какъ для подсудимыхъ, такъ и для защитниковъ, вызвало ропотъ неудовольствія среди первыхъ. Необходимость выслушать до конца заставила всѣхъ умолкнуть на время, и первоприс. дочиталъ списокъ группъ среди полной тишины. По прочтеніи списка прис. пов. Герардъ обратился къ суду съ вопросомъ: „окончательное ли это рѣшеніе?“ Первопр. отвѣчалъ, что „окончательное“ и никакихъ измѣненій не подлежитъ. Подс. Мышкинъ поднялся съ заявленіемъ, но первопр., не слушая, просилъ его сѣсть, такъ какъ никакихъ заявленій по этому поводу онъ не приметъ. Подс. Мышкинъ. Я хочу сказать не о раздѣленіи на группы. Въ засѣданіи 20-го октября вы изволили объяснить намъ, что хотя публика и не присутствуетъ здѣсь, но публичность настоящаго процесса достигается тѣмъ, что здѣсь находится стенографъ и о всемъ происходящемъ будетъ напечатанъ полный отчетъ. Но мы видимъ, что въ „Прав. Вѣст.“ помѣщается отчетъ въ крайне искаженномъ видѣ, и все наиболѣе важное и существенное для

насъ не имѣть мѣста въ этомъ официальномъ органѣ; напр., въ отчетѣ о засѣданіи 20-го октября мы, подсудимые, представлены въ очень непривлекательномъ видѣ, какъ будто мы выслушали въ благоговѣйномъ молчаніи ваше правоученіе, какъ будто въ нашей средѣ не нашлось ни одного голоса, который рѣшился бы возразить на это правоученіе!... Первоп. Полный стенографическій отчетъ будетъ печататься впоследствии. Подс. Мышк. Когда мы будемъ сидѣть въ центральной тюрьмѣ и потому не будемъ имѣть возможности возразить на тѣ искаженія, которыхъ мы имѣемъ полное основаніе ожидать Первоп. Я говорю, что будетъ печататься полный стенографическій отчетъ; а, слѣдовательно, никакихъ искаженій не будетъ. Подсуд. Мышкинъ хочетъ сказать еще что-то, но прис. пов. Утинъ поднялся съ вопросомъ, не можетъ ли онъ, Утинъ, представить особому присутствію нѣкоторыя сообщенія касательно раздѣленія подсудимыхъ на группы. Первопр. Это постановленіе окончательное и никакихъ заявленій о немъ не можетъ быть дѣлаемо. Прис. пов. Утинъ. Я просилъ бы занести это въ протоколъ. Первопр. не слушаетъ и объявляетъ засѣданіе закрытымъ. Все это время въ рядахъ подсудимыхъ слышался глухой шумъ и ропотъ недовольства. Одновременно съ заявленіями подс. и прис. пов. Утина раздавались отдѣльные выраженія протеста, которыя въ концѣ стали очень громки и рѣшительны. Строй казаковъ вошелъ на мѣсто, отведенное защитникамъ и оттиснулъ ихъ отъ подсудимыхъ. Первопр., объявляя среди шума засѣданіе закрытымъ, приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ очистить залу, что и было исполнено.

Засѣданіе 25 Октября. При открытіи засѣданія подсудимые не были въ залѣ, но ихъ вводили послѣ въ одиночку (въ группѣ 27 человекъ) и только спустя полчаса всѣ подсудимые 1-ой группы были введены. Къ первой группѣ отнесены: Волховской, Ободовская, Перовская, Синегубъ, Шишко, Корнилова, Тихомировъ, Стаховскій, Рогачевъ, Зубокъ, Куприяновъ, Чарушинъ. Кувшинская, Гауэнштейнъ, Ярцевъ, Гриценковъ, Франжоли, Зарубаевъ, Рабиновичъ. Лукашевичъ. Любавскій, Низовкинъ, Румянцевъ, Орловъ, Щегловъ, Виноградовъ, Городецкій. По открытіи засѣданія прис. пов. Турчаниновъ заявилъ отъ имени всей защиты, что для нихъ было неожиданно постановленіе особаго присутствія правительствующаго сената отъ 11-го октября о дѣленіи на группы, что на основаніи 613 ст. Устава защита имѣетъ право представлять свое мнѣніе по поводу порядка производства дѣла и, на основаніи этого, просить особое присутствіе выслушать заявленіе. Прис. пов. Кейкуатовъ, присоединяясь къ мнѣнію Турчанинова, выяснилъ, что подлежитъ, собственно, рассмотрѣнію распорядительнаго собранія особаго присутствія, а именно: распорядительное засѣданіе постановляетъ только, будетъ ли судебное разбирательство происходить при открытыхъ или закрытыхъ дверяхъ. Послѣ возраженія Желеховскаго на мнѣніе защиты особое присутствіе удалилось для совѣщанія; вернувшись, оно объявило свое рѣшеніе: ходатайство защиты отклонить. Тогда всталъ прис. пов. Александровъ и прочелъ отъ имени всей защиты слѣдующее ходатайство: „Не будучи въ правѣ оспаривать и опровергать здѣсь правильность рѣшеній особаго присутствія о рассмотрѣніи настоящаго дѣла по группамъ въ отсутствіе подсудимыхъ, не принадлежащихъ къ

разсматриваемой группѣ, и въ силу этого, оставаясь подъ дѣйствіемъ объявленнаго намъ постановленія, мы вызваны этимъ самымъ распоряженіемъ, послѣдовавшимъ безъ выслушанія заявленія защиты, представить вниманію особаго присутствія прав. сената слѣдующее наше ходатайство: Въ виду того, что подсудимые по настоящему дѣлу обвиняются, по точному выраженію обвинительнаго акта, въ составленіи и принятіи участія не въ нѣсколькихъ, а въ одномъ противозаконномъ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью ниспроверженіе государственнаго устройства; въ виду того, что единство и общность дѣйствія лицъ, обвиняемыхъ по настоящему дѣлу, вызвали необходимость соединить предварительное изслѣдованіе о всѣхъ этихъ лицахъ въ одномъ дѣлѣ и обвиненіе въ одномъ обвинительномъ актѣ, озаглавленномъ — „о революціонной пропагандѣ въ Имперіи“; въ виду того, что многія изъ доказательствъ по настоящему дѣлу, подлежащихъ разсмотрѣнію и провѣркѣ особаго присутствія прав. сената, не могутъ быть отнесены къ той или другой группѣ, а по существу своему относятся ко всему дѣлу и ко всѣмъ подсудимымъ; въ виду того, что самимъ особымъ присутствіемъ сената признается единство и общность настоящаго дѣла предположеніемъ допустить общія по всему дѣлу пренія сторонъ по окончаніи судебного слѣдствія; въ виду того, что по 613 ст. Угол. судопр. первопр., распоряжаясь, чтобы судебное слѣдствіе производилось сначала по отношенію къ одному, а потомъ по отношенію къ другому изъ обвиняемыхъ въ совмѣстномъ совершеніи преступленія, не въ правѣ устранить никого изъ нихъ отъ предъявленія замѣчаній, какъ по существу всего дѣла вообще, такъ и относительно способа его производства на судѣ, мы ходатайствуемъ: 1) Чтобы были приняты теперь же особыя, по усмотрѣнію г-на первопр., мѣры къ обезпеченію возможно точнаго выполненія 729 ст. Уст. Угол. судопр., по которой отсутствующему изъ присутствія подсудимому, по возвращеніи его въ залу засѣданія, предсѣдатель долженъ сообщать все, что происходило въ его отсутствіе. Ходатайство наше о принятіи особыхъ по настоящему предмету мѣръ вызывается тѣмъ соображеніемъ, что удаленіе изъ залы засѣданія большинства подсудимыхъ, при разсмотрѣніи настоящаго дѣла по группамъ, будетъ не случайнымъ и кратковременнымъ исключеніемъ, а общимъ правиломъ въ продолженіе долгаго времени; 2) чтобы разсмотрѣніе и повѣрка доказательствъ, которыя по первоначальному ихъ обзорѣнію должны быть признаны относящимися къ общему обвиненію и касающимся всѣхъ подсудимыхъ и всего дѣла вообще, были выдѣлены изъ разсмотрѣнія дѣла по особымъ группамъ и выполнены въ то время, которое будетъ признано гос. первопр. удобнымъ, въ присутствіи всѣхъ подсудимыхъ по настоящему дѣлу. Такими доказательствами мы считаемъ всѣ тѣ, которыя разъясняютъ существо, цѣли, размѣръ и общность дѣла революціонной пропаганды въ Россіи. 3) Чтобы опросъ свидѣтелей и чтеніе актовъ и бумагъ предварительнаго слѣдствія, выполненные въ группахъ предшествующихъ, были повторены сполна каждой изъ группъ, послѣдующихъ и наоборотъ. Необходимость этого нашего ходатайства вызывается тѣмъ соображеніемъ, что нельзя заранѣе предусмотричь и опредѣлить съ несомнѣнностью того, что показаніе извѣстнаго свидѣтеля или содержаніе прочитаннаго акта, относящихся, повидимому, къ частнымъ обстоятельствамъ той или другой отдѣльной группы, не дасть полезныхъ извлеченій, не вызоветъ необходи-

мых разъясненій для лицъ, принадлежащихъ къ другимъ группамъ. Присутствіе защитниковъ и предоставленіе имъ во все время судебного слѣдствія права разспрашивать свидѣтелей и давать необходимыя разъясненія не можетъ въ этомъ отношеніи восполнить отсутствія самихъ подсудимыхъ, такъ какъ наши предварительныя объясненія съ подсудимыми не могли исчерпать всѣхъ тѣхъ подробностей, которыя неожиданно могутъ представиться, и непрежѣнно представляются, по дѣлу и могутъ быть разъяснены только самими подсудимыми, которыхъ они будутъ касаться. Представляя наше ходатайство мы, по долгу нашего званія и совѣсти, считаемъ себя обязанными заявить, что только полное его удостовѣреніе дастъ намъ возможность, каждому, по мѣрѣ силъ, исполнить возложенную на насъ тяжелую обязанность въ той полнотѣ и съ той законной свободой, которыя такъ необходимы для правильного отправленія правосудія; въ противномъ случаѣ, считая безчестнымъ покинуть нашъ постъ, пока есть какая-либо возможность держаться на немъ, мы искренно заявляемъ, что исполнимъ изъ нашей задачи только то, что предоставитъ намъ исполнить усмотрѣніе особаго присутствія“. По прочтеніи этого ходатайства всгаль Желеховскій и объявилъ, что онъ съ глубокимъ прискорбіемъ выслушалъ заявленіе защиты, такъ какъ въ немъ видѣнъ предварительный сговоръ, потому что оно даже письменное и такъ какъ въ немъ видно желаніе какъ бы сдѣлать упрекъ особому присутствію и вообще взвести нареканія на него и желаніе затруднить и затянуть судебное слѣдствіе. На это возразилъ Герардъ, протестуя противъ такого искаженія Желеховскимъ смысла словъ защиты; онъ сказалъ, что защита дѣйствуетъ въ законныхъ предѣлахъ и потому вполне справедливо отстаиваетъ и будетъ отстаивать свои права. Прис. пов. Потѣхинъ просилъ особое присутствіе занести слова Желеховскаго въ протоколъ, какъ оскорбительныя для защиты, такъ какъ онъ намѣренъ возбудить по поводу ихъ особое дѣло противъ Желеховскаго. Онъ просилъ первопр. запретить прокурору такъ своевольно исказить слова защиты. Остальные защитники объявили, что присоединяются къ заявленію прис. пов. Потѣхина. Особое присутствіе опять удалилось для совѣщанія и послѣ довольно продолжительнаго времени вынесло рѣшеніе: оставить ходатайство защиты безъ послѣдствій; въ словахъ Желеховскаго оно не признало ничего оскорбительнаго для защиты, а слова Потѣхина, какъ оскорбительныя для обвинительной власти, постановило занести въ протоколъ. Затѣмъ было приступлено къ допросу подсудимаго Низовкина. Онъ подтвердилъ всѣ свои показанія, данныя при слѣдствіи. Затѣмъ была спрошена подсудимая Перовская, признаетъ ли она себя виновной? Подсудимая отказалась давать какіе-либо отвѣты и участвовать въ судѣ.—Послѣ перерыва засѣданія введенъ былъ подсудимый Рабиновичъ. Взойдя на скамью подсудимыхъ, онъ сказалъ: „Я явился сюда только съ тою цѣлью, чтобы объявить, что всѣ данныя мною показанія — ложь, чистая ложь. Даль я ихъ въ надеждѣ, что меня освободятъ. Я дѣйствительно занимался пропагандой и распространеніемъ запрещенныхъ книгъ, но я не признаю себя виновнымъ, такъ какъ это вовсе не есть вина. Я не желаю признавать такой судъ. Мои прежнія показанія оттого и были таковы, что мы всѣ были разъединены. Теперь насъ опять хотятъ разъединить, съ нами обращаются, какъ съ стадомъ барановъ... Пер-

вопр. Подс., не забывайте! Вы не имѣете права оскорблять судъ. Раб. Я не желаю никого оскорблять. Я хочу только сказать, что не признаю такого суда и отказываюсь отъ защиты и отъ защитника.—Вводятъ подсудимую Корнилову. Она прямо сказала: „Я явилась сюда, только уступая насилію. Такъ какъ наши законныя требованія съ самаго начала не удовлетворяются, то это не даетъ намъ гарантій, чтобы и впредь наши законныя требованія были удовлетворяемы... Первопр. (перебивая). Здѣсь неумѣстно объ этомъ говорить. Отвѣчайте на вопросъ о виновности. Корнилова. Я объявляю, что не признаю такого суда, отказываюсь давать какіе-либо отвѣты и вообще отъ всякаго участія въ немъ и прошу меня увести отсюда. Вводятъ подсудимаго Гауэнштейна, который заявляетъ: „я приведенъ сюда насильно и отказываюсь отъ участія въ такомъ судѣ, отказываюсь отъ показаній и защиты и прошу меня увести отсюда“. Первопр. Судъ имѣетъ право употребить всѣ средства для привода подсудимаго. Вводятъ подс. Рогачева, который заявляетъ: „я долженъ заявить особому присутствію, что приведенъ сюда насильно. Первопр. Съ вами поступлено по закону, такъ какъ подсудимые подлежатъ приводу въ судъ. Рог. Я заявляю, что приведенъ насильно. Иначе я бы сюда не явился. Я не признаю такого суда и не хочу принимать въ немъ никакого участія. Прошу меня вывести отсюда. Подсудимая Кувшинская заявила тоже, что приведена насильно, не желаетъ признавать судъ, не желаетъ принимать въ немъ участія и проситъ увести ее. Вводятъ подсудимаго Синегуба. Первопр. Ваша фамилія? Подсудимый Синегубъ. — Синегубъ. Я долженъ кое-что заявить. Вчера первопр. заявилъ намъ о постановленіи особаго присутствія, состоявшемъ 11 октября и по которому мы раздѣлены на 17 группъ. При рѣшеніи этого вопроса ни мы сами, ни наши защитники не были спрошены... Первопр. Объ этомъ уже было заявлено. Син. Я заявляю какъ лично отъ себя, такъ и отъ товарищей, уполномочившихъ меня.... Первопр. (перебивая). Васъ никто не имѣлъ права уполномочивать!... Син. Насъ никто не можетъ увѣрить, что у васъ нѣтъ и другихъ разнѣ составленныхъ рѣшеній—какъ относительно хода судопроизводства по нашему дѣлу, такъ и относительно самихъ приговоровъ. На основаніи этого факта, мы не доверяемъ суду, не признаемъ его и требуемъ оставить насъ въ нашихъ камерахъ, гдѣ мы по 3 и 4 года ждали съ такимъ нетерпѣніемъ хоть скольконибудь приличнаго суда.... Первопр. Если вы будете употреблять такія выраженія, то будете удалены изъ залы засѣданія. Выведите подсудимаго! Син. (не слушая его) И не дождался!... Его выводятъ, но на дорогѣ первопр. остановилъ его. Первопр. Желаете ли вы отвѣчать на вопросъ о виновности? Син. Не желаю. Подс. уводятъ. Подс. Рогачевъ и Рабиновичъ поднимаются и заявляютъ, что присоединяются къ словамъ Синегуба. Ихъ также уводятъ. Введенъ подс. Тихоміровъ. Первопр. Ваша фамилія? Тихоміровъ. Я долженъ заявить суду, что пришелъ сюда не по своей волѣ, а приведенъ силою. Самъ же я, вслѣдствіе постановленія 11 октября, нарушающаго, по моему мнѣнію, справедливость и права нашей защиты, не желаю принимать въ судѣ никакого участія и не стану отвѣчать ни на какіе вопросы. Подс. Чарушинъ и Шинко

заявили то же самое. Введенъ подс. Франжоли, который заявилъ: я приведенъ сюда насильно. Меня держать въ одиночномъ заключеніи четвертый годъ—за то, что причисляютъ къ какому-то громадному тайному сообществу. Я надѣялся, по крайней мѣрѣ, здѣсь на судѣ ознакомиться съ этимъ сообществомъ, а между тѣмъ меня хотятъ опять судить одиночно. Изъ-за чего же я сижу 4-й годъ въ предварительномъ одиночномъ заключеніи? При такомъ условіи я отказываюсь отъ суда и желаю быть уведеннымъ отсюда. Вводить подсудимаго Волховскаго. Войдя въ залу, онъ прежде всего обратился къ первопр. съ просьбой—вызвать его къ судейскому столу, по причинѣ его глухоты. „Прошу сдѣлать это прежде какихъ-либо вопросовъ“ прибавилъ онъ. Когда предсѣдатель уважилъ эту просьбу, Волховской обратился къ суду съ рѣчью, въ которой выяснилъ, что онъ не станетъ касаться въ частности тѣхъ или другихъ дѣйствій особаго присутствія; но цѣлый ensemble ихъ таковъ, что отнимаетъ всякую возможность защищаться. „Я не хочу—замѣтилъ онъ, между прочимъ—играть роль платка, который въ рукахъ фокусника перелегаетъ съ мѣста на мѣсто“. Далѣе Волховской сказалъ, что онъ, хотя всегда смотрѣлъ на особое присутствіе не какъ на судъ, а какъ на административную комиссію, но все-таки ожидалъ, что съ нимъ можно будетъ имѣть дѣло. Онъ ошибся, однако. Достаточно вспомнить—замѣтилъ онъ,—что вчера я видѣлъ это мѣсто, мѣсто, отведенное защитникамъ, наводненнымъ вооруженными казаками. Я смотрю на это, какъ на оскорбленіе, нанесенное всей защитѣ и прошу моего уважаемаго защитника (прис. пов. Бардовскаго) простить, что я былъ невольной причиной нанесеннаго ему оскорбленія... Первопр. нѣсколько разъ прерывалъ рѣчь подсудимаго. Вол. заявилъ, что онъ отказывается принимать какое бы то ни было участіе въ судѣ, отказывается отъ защиты и защитника и проситъ удалить его изъ залы засѣданія. Первопр. Подс., просьба ваша не будетъ исполнена. Садитесь на мѣсто. Судебный приставъ, попросите подсудимаго сѣсть на мѣсто. Подс. Волх. садится. Подсудимые: Зубовъ, Стаховскій, Купріяновъ, Зарубаевъ (рабочій), Ярцевъ, Гриценковъ и Лукашевичъ—все заявили поочередно, что приведены насильно, не признаютъ суда и не желаютъ принимать въ немъ никакого участія. Остальные семь подсудимыхъ: Михаилъ Орловъ (рабочій), Сидорацкая, Ободовская, Румянцевъ, Любавскій, Городецкій, Виноградовъ (рабочій) и Щегловъ (рабочій)—не заявили никакого протеста; виновными себя они не признали. По окончаніи опроса подсудимыхъ начался допросъ свидѣтелей. Свидѣтель Митрофановъ, отказавшись отъ большей части показаній, данныхъ на дознаніи и слѣдствіи, объяснилъ, что далъ ихъ для того, чтобы выйти на свободу. Слѣдователи сказали ему, что имъ извѣстны такіе-то факты, извѣстно, что онъ знаетъ объ нихъ и потому, если онъ ихъ не подтвердитъ, то это будетъ яснымъ доказательствомъ его солидарности съ врагами правительства, почему онъ и будетъ находиться подъ арестомъ. Это-то и вынудило его, свидѣтеля, дать показаніе, которое онъ теперь признаетъ и объявляетъ ложнымъ. На слѣдствіи же ему дали подписать показанія только спустя два дня послѣ допроса. Когда ихъ ему прочли, то онъ говорилъ, что не такъ показывалъ; но на это ему объявили, что для него не стануть переписы-

вать вновь показаний,—такъ что онъ долженъ былъ подписаться. Послѣ этого были прочитаны показанія неявившихся свидѣтелей: Василія Тимофеева и Семена Волкова. Прис. пов. Кедринъ просить первоприс. зачислить въ первую группу подс. Артамонова, причисленного къ 3-й группѣ, каковое желаніе защиты и было исполнено. Засѣданіе закрылось въ 5 часовъ.

Засѣданіе 26-го Октября. При входѣ суда всѣ протестанты ослались сидящими на своихъ мѣстахъ. Подсудимый же Волховской поднялся и громко заявилъ, обращаясь къ первоприс., слѣдующее: „Г. первоприсутствующій, прежде всего я долженъ извиниться въ той невѣжливости, съ которою начинаю свою рѣчь, не ожидая, пока будетъ мнѣ предложено слово вашимъ превосходительствомъ; но причины, о которыхъ я скажу ниже ¹⁾, заставляютъ меня поступить такъ, а не иначе. Вчерашняго дня я имѣлъ честь заявить вашему превосходительству просьбу объ удаленіи меня изъ залы засѣданія на все время процесса, объяснивши тѣ побудительныя причины, которыя заставили меня этого желать. Вашему превосходительству не угодно было уважить мою просьбу. Я никогда не стоялъ близко къ какому-либо учрежденію, аналогичному съ особымъ присутствіемъ. Поэтому не беру на себя смѣлости рѣшать, какіе мотивы руководили вашимъ превосходительствомъ при неисполненіи моей просьбы. Но, перебирая тѣ мотивы, которые доступны моему простому разумѣнію, я останавливаюсь, какъ на единственно возможномъ, на предположеніи, что ваше превосходительство имѣло въ виду тѣ практическія неудобства, которыя должны произойти отъ удаленія подсудимыхъ изъ залы засѣданій, если имѣется въ виду обложисті ст. 729, въ которой изображено: „Если подсудимый, вслѣдствіе произведеннаго имъ шума или безпорядка, или по соображенію предсѣдателя будетъ удаленъ изъ залы засѣданій, то по возвращеніи подсудимаго въ залу ему должно быть въ точности передано все происшедшее въ засѣданіи во время его отсутствія“. Дѣйствительно, если всѣхъ насъ, не желающихъ здѣсь присутствовать, сперва удалить, а потомъ намъ всѣмъ пересказывать то, что здѣсь безъ насъ совершится, то судебное слѣдствіе затянется въ безконечность. Но вѣдь въ Уст. угол. суд. существуетъ еще п. 29-й новой редакціи статей 1030 — 1061, по которому даже существеннѣйшія нарушенія порядка и обрядовъ судопроизводства не могутъ служить поводомъ кассационнаго рѣшенія особаго присутствія. Всѣ мы (указываетъ на товарищей), хотя присутствовали еще на очень немногихъ засѣданіяхъ, имѣли, однако, уже достаточно случаевъ убѣдиться, что цитированное мною законоположеніе, т. е. 29-й пунктъ новой редакціи, совершенно усвоено особымъ присутствіемъ и если 18 октября оказалось возможнымъ нарушить совокупный смыслъ статей 620, 621, 622 и устроить публичность засѣданій безъ публички, — если въ постановленіи о раздѣленіи на группы можно было нарушить ст. 613, устранивъ подсудимыхъ и защиту отъ участія въ рѣшеніи вопросовъ относительно способовъ производства слѣдствія на судѣ и 11 октября въ распоряженіи засѣданія еще до судебного разбирательства предпринять

¹⁾ Причины эти остались невыясненными, такъ какъ рѣчь Волховскаго была прервана, и онъ былъ удаленъ раньше, чѣмъ успѣлъ сдѣлать это.

вопросъ о существованіи между подсудимыми „тѣсной связи“, если, говорю, все это возможно, то я совершенно недоумѣваю, почему слѣдуетъ соблюдать ст. 729? Вѣдь нарушение этой статьи повлечетъ за собой кассацин?! Первопр. пребываетъ Волховскаго и объясняетъ, что онъ не удалил его вчера въ его же интересахъ, имѣя въ виду, что Волх. „человѣкъ уже не молодой, больной“, и желая предоставить ему „всѣ средства защиты“. По окончаніи рѣчи первопр. Волховской сказалъ: „Я въ высшей степени благодаренъ за ту заботливость, съ которою ваше превосходительство отнеслось къ моей личности, но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣю повторить то, что уже объяснилъ вчерашній день. Если бы я даже не былъ въ такомъ положеніи, въ какомъ нахожусь, если бы у меня не отняли на всегда здоровье, силы, попріище дѣятельности, свободу, жену, ребенка, если бы я не проводилъ 6-й годъ въ одиночномъ заключеніи, если бы, говорю, я даже не былъ въ подобномъ положеніи, и тогда самое важное для меня заключалось бы, какъ заключается и теперь, въ томъ, чтобы явиться въ каждомъ дѣйстви тѣмъ, что я есть, а не быть пѣшкой, передвигаемой на шашечной доскѣ рукою, къ которой я чувствую все, что угодно, только не уваженіе... Первопр. (кричитъ) Довольно, подсудимый, довольно! Удалить подсудимаго, позволявшаго себѣ такіа выраженія! — Тогда поднялись съ мѣста остальные 15 протестантовъ 1-й группы и, заявивъ свою солидарность съ рѣчью Волховскаго, просили удалить и ихъ. Подсудимый Зубокъ прибавилъ: „Г. предсѣдатель говорить, что хочетъ предоставить намъ всѣ средства къ защитѣ. Но мы еще вчера заявили, что не желаемъ защищаться; намъ не въ чемъ оправдываться. и мы повторяемъ нашу просьбу—удалить насъ отсюда“. Первопр. распорядился удалить всѣхъ протестующихъ съ занесеніемъ всего происшедшаго въ протоколъ, что и было сдѣлано. Волховской, Чарушинъ, Зубокъ, Кувшинская, Корнилова, Перовская, Куріиновъ, Стаховскій, Ярцевъ, Лукашевичъ, Тихомировъ, Гриценковъ, Зарубаевъ, Гауэнштейнъ были выведены изъ залы засѣданія. Подс. Артамоновъ, на вопросъ первопр. о виновности, отвѣчалъ: „Дѣленіе насъ на группы безъ участія защиты я считаю стѣсненіемъ ея правъ. Поэтому я отказываюсь отъ всякаго участія въ этомъ процессѣ и прошу особое присутствіе освободить меня отъ присутствія въ залѣ засѣданія на все время суда. Я думаю, что я отъ этого ничего не потеряю, я еще не имѣю понятія о политическихъ процессахъ, но слышалъ, что приговоры особаго присутствія составляются въ III Отдѣленіи и что по этой причинѣ особое присутствіе скрывается отъ лица всего міра, т. е. не пускаетъ въ залу засѣданія публики, а рѣчи защиты печатаются въ подложномъ видѣ“. За эти слова Артамоновъ немедленно былъ выведенъ изъ залы засѣданія. Послѣ этого „очищенія“ залы начался допросъ свидѣтелей. Всего было спрошено 27 человекъ, считая въ томъ числѣ нѣсколько неявившихся, показанія которыхъ, данныя на слѣдствіи, были теперь прочитаны. — Фамиліи свидѣтелей: Ванчесовъ, Графовъ (не явился, показанія прочитаны), Козловъ, Бѣлановъ, Бабикъ (жандармъ), Карлъ Эвансъ, Городничій, Зоозерскій (умеръ, показанія прочитаны), Гришихъ, (Ефимъ), Носовъ, Григорій Алексѣевъ, Артамоновъ Моисеевъ, Пѣтушковъ, Иванъ Моисеевъ, Бубаревъ, Иванъ Терентьевъ, Лихачевъ, Ефимъ

Семеновъ, Борисевичъ, Богдановъ и др. Заслуживаютъ вниманія показанія Борисевича. На дознаніи онъ показывалъ противъ подсудимыхъ: Сивегуба, Тихомірова и Стаховскаго. Теперъ же объяснилъ, что всѣ его показанія ложны, что онъ сначала ничего противъ означенныхъ подсудимыхъ не говорилъ, или ничего не знаетъ; но когда его стали держать въ одиночномъ заключеніи, то онъ для освобожденія отъ этой пытки рѣшился сказать все, что хотѣли слѣдователи.

Засѣданіе 27-го октября. Засѣданіе открылось заявленіемъ Рабиновича, что онъ, протестуя противъ суда и не желая защищаться, хочетъ, однако, не ограничиваясь общимъ отрицаніемъ своихъ, данныхъ на дознаніи, показаній, отвергнуть ихъ по пунктамъ. Когда въ послѣдствіи одинъ изъ свидѣтелей заговорилъ о князѣ Кропоткинѣ, первопр. предложилъ Рабиновичу, не имѣетъ ли онъ чего-нибудь заявить по этому поводу. Рабиновичъ объяснилъ, что показанія изложены и даны имъ на основаніи вопросовъ жандармовъ. Товарищъ прокурора Желеховскій обратилъ вниманіе суда на то, что показанія Рабиновича, однако, даны добровольно и ничѣмъ не вынуждены. Тогда прис. пов. Герардъ сказалъ, что это не совсѣмъ вѣрно; „достаточно,—сказалъ онъ,—вспомнить исторію исповѣди Рабиновича. Рабиновичъ послѣ нѣкотораго времени тюремнаго заключенія написалъ прокурору прошеніе объ освобожденіи, гдѣ не только общалъ все рассказать, но даже предлагалъ себя въ шпіоны, лишь бы его выпустили; тогда къ нему въ тюрьму явился прокуроръ и началъ его допрашивать, и едва ли такія показанія можно назвать добровольными“. Рабиновичъ при этомъ, однако, замѣтилъ, что онъ признаетъ свои показанія добровольно данными, но давалъ ихъ, сообразуясь съ вопросами жандармовъ; раньше ему называли много фамилій, и онъ ихъ всѣхъ причислялъ къ кружку Чайковцевъ, такъ какъ думалъ, что слѣдователи ихъ уже считаютъ принадлежащими къ кружку. Точно также навели его на отвѣтъ о томъ, что Чайковцы распространяли книги и пр. Всего было спрошено свидѣтелей и прочтено свидѣтельскихъ показаній двадцать одно. Общій характеръ показаній былъ довольно типичный. Картина выходила такая: выходитъ свидѣтель: выраженіе лица его ясно обнаруживаетъ полнѣйшее непониманіе происходящаго. Первопр. напоминаетъ свидѣтелю о святости присяги и т. д. и затѣмъ говоритъ: „Расскажите намъ, что вамъ извѣстно о дѣлѣ“. Свид. молча глядитъ на него. Первопр. „О комъ вы показываете?“ Свид. (оглядываясь нѣсколько) „О г. Ярцевѣ“. Первопр. „Говорите о Ярцевѣ“ Свид. молчитъ. Первопр. начинаетъ разсиривать, о чемъ говорилось въ книжкахъ, данныхъ Ярцевымъ; и пр., и пр. по свидѣтель ничего не помнитъ. Эта исторія продолжается до тѣхъ поръ, пока Желеховскій не начинаетъ наводить свидѣтеля на отвѣты. Жел. Говорилъ ли вамъ Ярцевъ, что податей не слѣдуетъ платить? Свид. „Говорилъ“. Желех. „Пѣлъ ли онъ пѣсни?“ Свид. „Пѣлъ“. Желех. „Какія?“ „Свид. не знаетъ. Желех. Не эту ли: „Ой, ребята, плохо дѣло, наша барка на мель сѣла“? Свид. Да, эту самую.—Тутъ поднимается защитникъ подс. Ярцева, г. Соколовскій и начинаетъ спрашивать въ свою очередь свидѣтеля. Сокол.—Чему училъ васъ Ярцевъ въ школѣ? Свид. Грамотѣ, ариметикѣ. Сокол. Говорилъ ли онъ, что земля кругла? Свид. Говорилъ. Сокол. Не говорилъ ли онъ, что податей не нужно

платить? Свид. Не говорил. Сокол. Не говорил ли, что царя не нужно? Свид. Не говорил. Сокол. А пёсент не пёль? Свид. Не пёль.—Были, однако, показанія болѣе интересныя. Такъ, Дмитровскій староста показывалъ о Ярцевѣ, что этотъ давалъ ему книжки. Когда свидѣтель спросилъ, хороши ли эти книжки? Ярцевъ сказалъ: „хороша“; а когда свидѣтель показалъ бывшія у него божественныя книги, то Ярцевъ сказалъ на это: „ерунда“. Затѣмъ будто Ярцевъ говорилъ ему, что подати съ мужиковъ растрачиваются по пусту. Такъ, напр., въ Петербургѣ выстроили памятникъ, царь устраивалъ недавно охоту въ Новгородѣ и на это истратилъ много денегъ... Рѣчь перешла на охоту, и Ярцевъ рассказывалъ ему, свидѣтелю, что царь разъ, промахнувшись, убилъ вмѣсто медвѣдя одного генерала. „Что же, спрашиваю,—продолжаетъ свидѣтель,—хоть онъ и царь, а, чай, ему за это хорошаго не будетъ?“—„У него всё подкуплены“, говорилъ онъ (т. е. Ярцевъ). Это показаніе, данное съ величайшей простотой, разсмѣшило всёхъ. Между тѣмъ изъ него же обнаружилось, что слухъ, будто бы Ярцевъ собирался убить царя, возникъ именно изъ этого рассказа о царской охотѣ и убитомъ генералѣ. Глухая слепотня едва не была раздута слѣдователями. Свидѣтель Пономаренко показалъ, что онъ старался „спасти отечество“ отъ умысловъ Ярцева. Довольно сильныя показанія были противъ обвиняемаго Зарубаева. Главнымъ его обвинителемъ былъ свидѣтель Петръ Мионовъ, который изболѣчилъ Зарубаева въ распространеніи книгъ. Затѣмъ какой-то мальчикъ (свидѣтель) также сказалъ, что получилъ отъ Зарубаева „Митюху“ и „Дѣдушку Егора“, но заявилъ, что „Сказокъ о четырехъ братьяхъ“ не получалъ. Подсудимый Любавскій далъ объясненіе своихъ прежнихъ показаній, отвергнувши ихъ и разъяснивши, что показалъ противъ Волховскаго, Тихомірова и другихъ единственно изъ желанія вырваться изъ Пугачевской башни, что слѣдователи эксплуатировали его молодость (17 л.) и болѣзненное состояніе и наводили на отвѣты. Свидѣтель Богдановъ (бывшій студентъ Московскаго Университета) также почти отказался отъ своихъ показаній противъ Тихомірова, объяснивши, что онъ только повторялъ въ нихъ слышанное отъ Любавскаго; хотя все это онъ и слышалъ отъ него, но вовсе не вѣрилъ этому, потому что ему казалось, что 17-лѣтній мальчикъ, Любавскій, просто хвастаетъ и хочетъ представить изъ себя человѣка, водящаго знакомство съ такими революціонерами. Богданову всегда казалось, что Любавскій въ сущности сочиняетъ и рассказываетъ ему собственныя фантазіи. Почти въ концѣ засѣданія произошло слѣдующее: свидѣтель Константинъ Лаврентьевъ ровно ничего не могъ припомнить цѣлые полчаса. Одинъ изъ защитниковъ потребовалъ, чтобы были прочитаны показанія, данныя свидѣтелемъ на слѣдствіи и дознаніи. Этою безтактностью защитника воспользовался Желеховскій, который сейчасъ же заявилъ, что онъ противъ желанія защитника ничего не имѣетъ, но и для себя требуетъ права читать документы дознанія и слѣдствія. Но Бардовскій напомнилъ суду законъ, не допускающій этого, и судъ постановилъ, что только показанія не явившихся свидѣтелей могутъ быть прочтаны. Въ засѣданіи 28 октября ничего существеннаго не произошло. Оно было посвящено допросу свидѣтелей, которые ничего существенно - важнаго для дѣла не показали.

Засѣданіе 29-го октября. Въ этомъ засѣданіи судъ продолжалъ заниматься разсмотрѣніемъ вещественныхъ доказательствъ, начатыя еще наканунѣ. Послѣ этого прис. пов. Герардъ сдѣлалъ представленіе суду о томъ, что подс. Тихоміровъ, дѣло, котораго, въ силу высочайшаго постановленія отъ 28-го августа 1875 г., было прекращено, незаконно держался подъ стражей до 17-го декабря 1875 года. Тов. об. прок. Изъ высочайшаго повелѣнія видно, что противъ Тихомірова должна была быть принята административная мѣра, избраніе коей отложено до разрѣшенія дѣла Синегуба. Такимъ образомъ, въ силу упомянутого высочайшаго повелѣнія Тихоміровъ не могъ быть освобожденъ изъ-подъ стражи, такъ какъ подлежалъ административной мѣрѣ. Гер. Я позволю себѣ замѣтить, что въ настоящее время впервые слышу о томъ, что административныя мѣры, которыя принимаются относительно кого-нибудь, должны сопровождаться предварительнымъ его арестомъ. Первопр. Особое прис., по поводу заявленій защиты относительно правильнаго содержанія подс. Тихомірова подъ стражей въ теченіе извѣстнаго срока, опредѣлило: въ виду того, что Тихоміровъ своевременно не обжаловалъ этого неправильнаго противъ него дѣйствія и въ виду того, что въ настоящее время Тихоміровъ обвиняется въ преступленіи, которое влечетъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку, особ. прис. не можетъ входить въ разсмотрѣніе этого обстоятельства и заявленіе защиты оставляетъ безъ послѣдствій. Затѣмъ я объявляю суд. слѣдствіе по первой группѣ оконченнымъ. Засѣданіе было прервано на часъ. Послѣ перерыва началось слѣдствіе по второй группѣ. Ко второй группѣ отнесено 20 человекъ: Лермонтовъ, Рабиновичъ, Судзиловская, Ваховская, Софья Лешернъ, Милоглазкинъ, Сажинъ, Эдельштейнъ, Троицкій, Гейшторъ, Бородулинъ, Любавскій, Сидорацкая, Чарушинъ, Ив. и Кл. Бладзевичъ, Рогачева, Тушинская, Коваликъ и Войнаральскій. Изъ нихъ 12 отказались идти въ судъ добровольно, почему и были приведены силою, Чарушина почему-то оставили въ покоѣ; а остальные 7: Гейшторъ, Судзиловская, Сидорацкая, Эдельштейнъ, Бородулинъ, Любавскій и Ив. Бладзевичъ явились въ судъ добровольно. Подсудимые имѣли съ судомъ слѣдующія объясненія: Лермонтовъ на вопросъ о виновности: Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, я долженъ заявить, что приведенъ сюда силою; самъ лично я не желалъ идти въ судъ, чтобы не служить здѣсь живой декорацией этого зрѣлища, устроеннаго для препровожденія времени высокихъ сановниковъ. Почему я считаю свое участіе и даже присутствіе въ судебной процедурѣ этого необыкновеннаго или, какъ говорятъ, особаго присутствія совершенно излишнимъ,—я объяснять не буду, потому что мотивы эти уже были высказаны большинствомъ моихъ товарищей. Я совершенно солидаренъ съ тѣми заявленіями, которыя уже сдѣланы были раньше; а лично отъ себя я просилъ бы особое прис. вмѣсто всего другого, лучше прочитать мнѣ сегодня же окончательный приговоръ, который, вѣроятно, уже давно заготовленъ у суда такъ же точно, какъ заготавливаются разныя постановленія въ родѣ того, каковое было прочтено намъ нѣсколько дней тому назадъ, сдѣланное за недѣлю до открытія суда. Первопр. Вы повторяете то же самое, что уже высказывалось

вашими товарищами, и такъ какъ настоящимъ заявленіемъ вы оказали неуваженіе суду, то будете удалены изъ залы засѣданія. Удалите подс. Лермонтова! Коваликъ (на вопросъ о виновности). Мы, какъ члены русской социальнореволюціонной партіи, собственно не должны бы принимать никакого участія въ настоящемъ процессѣ. Но, имѣя въ виду, что наше устраниеніе отъ суда можетъ повести къ обвиненію невиннаго, противъ котораго нѣтъ причинъ, мы рѣшились принять участіе и разъяснить тѣ обстоятельства, которыя сочтемъ нужнымъ. Теперь же, когда состоялось постановленіе особ. прис. отъ 11 октября, которое нарушило всѣ наши законныя гарантіи, присутствіе наше на судѣ было бы несогласно съ нашими убѣжденіями и взглядами и не привнесло бы никакой пользы нашимъ товарищамъ. Поэтому я требую, чтобы меня вывели отсюда. Коваликъ немедленно удаленъ. Войнаральскій (на вопросъ о виновности). Хотя я, какъ членъ социальнореволюціонной партіи, къ которой имѣю честь принадлежать, не могъ бы, ни въ какомъ случаѣ, признать компетентность суда, представляющаго собою только органъ господствующей силы, враждебной социальнореволюціонной партіи, — тѣмъ не менѣе я все еще думалъ принять участіе въ процессѣ, имѣя въ виду представить дѣло въ настоящемъ свѣтѣ и разъясненіемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ оградить интересы многихъ невиннозаключенныхъ. Но послѣ постановленія 11-го октября, показавшаго, какъ особ. прис. относится къ правамъ защиты, я не могу смотрѣть на особое прис., какъ на судъ, заявляю, что теперь пришелъ сюда, только уступая физической силѣ, и требую, чтобы меня увели отсюда. (Войнаральскій былъ немедленно удаленъ). Судзиловская виновной себя не признала. Ваховская (на вопросъ о виновности). Отвѣчать я не желаю и прошу удалить меня изъ залы засѣданія; присутствіе мое здѣсь излишне. Лешернъ (на вопросъ о виновности). Я не желаю отвѣчать суду, основанному на произволѣ и насиліи, а поэтому прошу меня удалить. (Ваховскій и Лешернъ были удалены). Милоглазкинъ (на вопросъ о виновности). Я бы просилъ позволить мнѣ сказать нѣсколько словъ. Дѣло въ томъ, что, хотя я изъ значущихся въ обвинительномъ актѣ зналъ не болѣе 3—5 чловѣкъ и хотя между мною и другими подсудимыми существуетъ значительное различіе во взглядахъ, но коль скоро обвинительная власть связала насъ однимъ обвиненіемъ, то на каждомъ изъ насъ лежитъ нравственная обязанность разъяснить всѣ недоразумѣнія и противорѣчія, которыя встрѣчаются въ обвинительномъ актѣ; и поэтому я желалъ присутствовать на судѣ. Но въ виду послѣдняго неправильнаго поступка съ нами я присоединяюсь къ заявленію моихъ товарищей и не желаю оставаться въ залѣ засѣданія. Прошу меня удалить. (Милоглазкина удаляютъ). Сажинъ (на вопросъ о виновности). Я отвѣчать не желаю и прошу удалить меня изъ залы засѣданія. (Сажина выводятъ). Подс. Эдельштейнъ далъ очень подробныя объясненія и призналъ себя виновнымъ „въ контрабандѣ“, хотя замѣтилъ, что онъ „даже никогда не могъ себя представить, что книги могутъ быть такія преступныя“, Троицкій (на вопросъ о виновности). Г. предсѣдатель! Я не желаю принимать никакого участія въ судѣ по тѣмъ же мотивамъ, которые были выражены здѣсь Синегубомъ и другими моими товарищами по первой группѣ. Я заявляю, что даже отказываюсь совер-

шенно отъ защиты и защитника. Приведена подс. Гейшторъ. Первопр. Подсудимая, вы согласны отвѣчать? Обв. Да. Перв. признаете ли себя виновной? Гейшт. Нѣтъ, не признаю. Я должна заявить, что настоящій строй въ Россіи мнѣ ненавистенъ, потому что въ немъ всѣмъ живетъ очень гадко, не исключая и васъ, гг. судьи.... Первопр. Удалить подсудимую за оказанное неуваженіе къ суду! (Гейшторъ удаляютъ). Прис. пов. Герардъ. Подсудимая вовсе не желала оскорблять судъ; напротивъ, она желала давать свои объясненія суду. Первопр. Она оскорбила судъ. Гер. Вы, вѣроятно, не изволили разслышать ея объясненіе: она только сказала, что при такомъ порядкѣ вещей живетъ въ Россіи очень скверно, не исключая и васъ, гг. судьи. Вотъ были ея слова. Первопр. Я не разслышалъ. Возвратите подсудимую (Гейшторъ привели). Подсудимая, я не вслушался хорошо, что вы сказали; если не желаете оскорблять судъ, то продолжайте ваше объясненіе. Гейшт. Я говорю, что нашъ строй мнѣ непріятенъ, такъ какъ въ немъ живетъ всѣмъ очень гадко, не исключая и васъ, гг. судьи; развѣ кто-нибудь изъ васъ можетъ сказать, что онъ доволенъ своимъ положеніемъ, не говоря уже о бѣдномъ народѣ, который массаи ходитъ голодный, бѣдствуетъ... Первопр. Подс., замолчите; то, что вы говорите, совершенно не идетъ къ дѣлу. Я васъ только спрашиваю, признаете ли вы себя виновной? Отв. Я уже сказала, что я себя ни въ чемъ не признаю виновной. Затѣмъ приведены по очереди Бородулинъ и Ив. Бладзевичъ, оба они виновными себя не признали. Кл. Бладзевичъ (на вопросъ о виновности). Я прежде всего отказываюсь отъ всякаго участія въ процессѣ. Первопр. Почему? Бладв. Потому, что особ. прис. не хотѣло выслушать нашего заявленія по поводу раздѣленія насъ на группы, и поэтому прошу удалить меня изъ залы засѣданія. Рогачевъ (на вопросъ о виновности). Я отказываюсь отъ всякаго участія на судѣ и прошу удалить меня изъ засѣданія въ силу мотивовъ, высказанныхъ моими товарищами. Насколько справедливо обвиненіе противъ меня, это выяснитъ судебное слѣдствіе. Тушинская (на вопросъ о виновности). Насколько обвиненіе противъ меня справедливо, это покажетъ судебное слѣдствіе. Теперь я приведена сюда силой и отказываюсь отъ всякаго участія на судѣ. Всѣ эти три подсудимые были удалены. Послѣ опроса подсудимыхъ было приступлено къ допросу свидѣтелей по этой группѣ. Прежде всего были допрошены двое свидѣтелей по дѣлу Ваховской: одинъ изъ нихъ—Михаилъ Платоновъ, имѣвшій въ 1874 году 14 лѣтъ и другой—Илья Егоровъ—его дядя. Оба они все позабыли. Ихъ спрашивали, не говорила ли Ваховская, что правительства и чиновниковъ не нужно, что не нужно платить податей и пр. Свидѣтели этого не помнятъ. Затѣмъ были допрошены по дѣлу Лешернъ становой Боровичскаго уѣзда—Малиновскій и нѣсколько крестьянъ изъ деревни, гдѣ жила Лешернъ. Становой показалъ, что Лешернъ, будучи учительницей въ школѣ, „по ночамъ собирала народъ“; въ одну изъ такихъ ночей онъ ее арестовалъ. Въ доказательство подозрительности ея личности онъ привелъ тотъ фактъ, что она изъ устроенной имъ для крестьянъ ссудо-сберегательной кассы не выдавала денегъ на уплату податей, хотя охотно выдавала на поправленіе крестьянскаго хозяйства. Свид. Бондаревъ. (мальчикъ 17 лѣтъ въ 1874 г.) объяснилъ, что Ле-

первъ говорила, что „господь всѣхъ нужно перевѣшать, бунтъ сдѣлать, чтобы всѣ равные были, чтобы повинностей не платить никому; ставила въ примѣръ Стеньку Разина“. Приглашенъ свидѣтель Морозовъ, възванный защитой. Прис. пов. Бардовскій: Лешернъ пригласила меня, чтобы только посоветоваться со мною; теперь же она заявила, чтобы я не только не защищалъ ее, но чтобы отъ нея имени не принималъ никакого участія въ суд. слѣдствіи. Несмотря на это, Морозова стали допрашивать, но онъ на всѣ вопросы первопр. далъ отрицательный отвѣтъ. Слѣдующій свидѣтель противъ Лешернъ, Семень Федотовъ, ничего не объяснилъ. Два свидѣтеля противъ Троицкаго и Гейшторъ—крест. Ермолаевъ и подрядчикъ Евдокимовъ—дали показанія, также ничего не объясняющія; а свид. Тимофеевъ, трактирщикъ, деревни Лговицы, Рыб. уѣзда, рассказаль, что Троицкій, проходя съ женщиной черезъ изъ деревню, былъ у него въ трактирѣ и оставилъ книжку „О четырехъ братьяхъ“, которая показалась ему, трактирщику, „вредной“, почему онъ ее и представилъ начальству. Показанія слѣдующихъ свидѣтелей Лазаревича, Васюкова и Зотова особеннаго интереса не представляютъ: по объясненіямъ Лазаревича оказалось, что квартира, въ которой жили въ Петербургѣ Коваликъ, Ив. Блавдзевичъ и др., никакимъ коммунистическимъ характеромъ не отличалась; Васюковъ характеризировалъ Лермонтова, какъ человѣка трудолюбиваго, по большей части занимавшагося дома литературою; Зотовъ познакомился съ Лермонтовымъ случайно и очень мало знаетъ его. Перерывъ на 10 минутъ. Послѣ перерыва Рабиновичъ попросилъ слова и далъ слѣдующія объясненія: Раб. н. Я показалъ про Лермонтова, что онъ былъ основателемъ кружка и что онъ же былъ та личность, которая предложила мнѣ заняться перевозкой книгъ изъ-за границы; что я поѣхалъ туда черезъ сѣверную границу, а онъ черезъ южную. По этому поводу онъ привлеченъ къ настоящему дѣлу. Я говорю теперь, что это показаніе вполнѣ ложно. Я далъ его, руководствуясь слѣдующимъ: я не могъ показать въ то время на дѣйствительную личность, которая предложила мнѣ заняться этимъ дѣломъ. Этотъ человѣкъ—Павловскій: тогда онъ былъ на свободѣ, онъ тоже называлъ себя Ивановымъ. На дознаніи я показалъ, что личность эта—Ивановъ; потомъ, когда было слѣдствіе, я рѣшился во что бы то ни стало, освободиться и назвалъ Лермонтова. Назвать прямо Павловскаго я боялся: онъ былъ человѣкъ энергичный, былъ на свободѣ и могъ мнѣ отомстить. Мнѣ казалось, что если бы нашли показаніе правдоподобнымъ, то освободили бы меня. Въ виду этого я долженъ былъ указать на другую личность. Выбралъ я Лермонтова на основаніи вотъ какихъ соображеній: Лермонтовъ былъ арестованъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ и затѣмъ я его мало уважалъ, какъ человѣка, державшагося въ сторонѣ социалистическихъ предпріятій. Но этого было недостаточно. Я вспомнилъ, что онъ былъ арестованъ въ квартирѣ Судзиловской; въ виду этого необходимо было показать не только на него, но и на всѣхъ лицъ, жившихъ въ квартирѣ,—вотъ почему я и написалъ, что существовалъ кружокъ изъ такихъ-то и такихъ-то лицъ. Изъ дѣла видно, что личность, которая пересылала книги изъ за границы, былъ Сажинъ. Я зналъ, что онъ эмигрантъ, но его настоящаго имени я тогда не зналъ. Когда я писалъ на слѣдствіи, я не зналъ, что мнѣ сдѣлать, чтобы показаніе было вѣроятно, и, зная, что

Сажинъ эмигрантъ, а эмигранты не имѣютъ привычки возвращаться въ Россію, я, въ полной увѣренности, что ему за это ничего не будетъ, написалъ, что книги присылалъ Сажинъ. Между тѣмъ Сажинъ былъ арестованъ. Я его никогда не видалъ до того времени. Несмотря на мои показанія, меня все-таки не выпускали; въ продолженіе 6 мѣсяцевъ я прождалъ напрасно, что меня выпустятъ. Въ виду того, что меня не выпускаютъ, я рѣшился сдѣлать оговоръ Сажина, который со мною въ одной тюрьмѣ. Дня за два или за три до очной ставки, я, идя въ ванну, встрѣтился съ какою-то личностью, я спросилъ, кто эта личность, мнѣ сказали—Сажинъ; я приглядѣлся къ нему и, когда мнѣ предложили описать его наружность, я описалъ всё его примѣты и затѣмъ призвалъ его на очной ставкѣ. Тов. об. прок. По поводу того, что подс. ссылается на актъ, гдѣ онъ писалъ примѣты Сажина, я прошу удостовѣрить, что тамъ изложено даже, что онъ пишетъ крупнымъ почеркомъ. Раб. При дѣлѣ имѣется письмо Буддо, писанное крупнымъ почеркомъ, а потому я не могъ показать, что онъ пишетъ мелко. Почерка Сажина я не зналъ; показалъ, что онъ пишетъ крупно, и совершенно случайно оказалось, что у Сажина такой же почеркъ. При с. пов. Коршъ. Я желалъ бы предложить подс. Рабиновичу вопросъ: чѣмъ объясняются тѣ перемены въ его показаніяхъ, которыя мы находимъ, и какіе мотивы заставили его все расширять и расширять свои показанія? Раб. Я давалъ показанія, рассчитывая получить свободу; думалъ: вотъ покажу на Сажина, тогда меня выпустятъ, но и тутъ обманулся—не выпустили. Затѣмъ былъ прочтенъ протоколъ обыска у Лермонтова и разсматривались вещественныя доказательства противъ подсудимыхъ: Лермонтова, Бородулина и Софьи Лешеръ. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ больше фигурируютъ разнаго рода письма и записки, какъ простыя, такъ и шифрованныя. Этими и заключилось засѣданіе 29-го Октября, въ 5 час. по-полудни.

Засѣданіе 2-го Ноября ¹⁾. Была приведена 5-ая группа. Изъ общаго ея числа (14 человекъ) было одиннадцать протестантовъ, изъ которыхъ пятеро, какъ заявивше уже протестъ, въ судъ приводимы не были (Голоушевъ, Щеголевъ, Аранзонъ, Аитовъ—исключая Рабиновича, который всегда приходитъ исключительно для опроверженія своихъ прежнихъ показаній и оговоровъ). Непротестующіе—Гейшторъ, Воскресенскій, Городецкій, — участвовали въ разбирательствѣ; новыя же протестанты—Федоровичъ, Веревокина, Траубенбергъ, Павелъ Орловъ, Муравскій и Юргенсонъ—были приведены въ судъ силой и дали слѣдующія объясненія: Иванъ Орловъ на вопросъ о виновности отвѣчалъ, что отказывается отвѣчать на вопросы. Первопр. Садитесь. Орловъ. Нѣтъ, я долженъ заявить, что отказываюсь отъ участія въ судѣ, отъ защиты и защитника и прошу удалить меня отсюда. Первопр. Удалить подсудимаго. Орл. Я отказываюсь также отъ вызванныхъ мною свидѣтелей (называетъ фамиліи). Подсудимаго удавятъ. Подс. Муравскій на вопросъ о виновности отвѣчалъ: „На подобный вопросъ мнѣ нечего отвѣчать; я сообразовался въ своей дѣятельности не съ уложеніемъ о па-

¹⁾ Отчеты о засѣданіяхъ 30 октября и 1 ноября въ „Общивѣ“ напечатано не было. Ред. Сбор.

казаніяхъ, а съ правами и воззрѣніями той среды, гдѣ вель революціонную пропаганду. Впрочемъ, я и вообще не стану отвѣчать на вопросы, такъ какъ не желаю принимать участія въ судѣ, отказываюсь отъ защиты и защитника и прошу меня удалить отсюда. Подсудимаго уводятъ. Подс. Юргенсонъ заявила, что въ виду нарушенія 613 ст. Уст. Уг. суд., въ виду неисполненія законныхъ требованій защиты, въ виду того, что при такихъ условіяхъ подсудимые не гарантированы отъ заранѣе составленныхъ постановленій, и находя, что подобное отношеніе къ защитѣ и къ подсудимымъ со стороны суда крайне оскорбительно—она, подсудимая, не желаетъ подвергаться подобнымъ оскорбленіямъ ни себя, ни своего защитника, а потому отказывается отъ всякаго участія въ судѣ, отъ защиты и защитника и проситъ удалить ее изъ залы засѣданія. Первопр. Довольно! Терпѣніе суда истощилось, и такъ какъ подсудимые не останавливаются передъ оскорбленіемъ суда въ случаѣ, если ихъ не уводятъ—я буду удалять всѣхъ заявляющихъ протестъ противъ суда. (Подсудимую уводятъ). Подс. Траубенбергъ заявилъ, что отказывается отъ суда, защиты и защитника. Первопр. (дѣлаетъ жестъ рукой и подсудимаго уводятъ). Подс. Федоровичъ и подсудимая Веревокина отвѣчали также точно. Предсѣдатель точно также, безъ всякихъ препирательствъ дѣлаетъ тотъ же жестъ рукой, и подсудимыхъ удалили. Затѣмъ были спрошены свидѣтели. Гимназистъ Малышевичъ показалъ, что Голоушевъ привозилъ съ собой книги, которыя и далъ ему, Малышевичу, по недлю чтенія или распространенія, а только на сохраненіе. Часть изъ этихъ книгъ была отдана на храненіе же Павлу Орлову, но свидѣтель не знаетъ, оказывалъ ли Орловъ такія услуги, кромѣ этого случая. У Орлова свидѣтель видѣлъ Муравскаго, но никакихъ особенныхъ разговоровъ не слышалъ. По поводу словъ свидѣтеля о комъ-то, что этотъ нѣкто вель пропаганду, защита предложила свидѣтелю вопросъ: что онъ собственно понимаетъ подъ пропагандой? Свидѣтель пояснилъ, что это было собственно выраженіемъ мнѣній, а не какая-либо „предвѣтренная пропаганда“. Потомъ были прочитаны показанія Решко. Затѣмъ спрошенъ свидѣтель Царнородцевъ по дѣлу Ар ан з о н а. Прочитаны показанія Марсова и Невзорова (за неявкой свидѣтелей). Затѣмъ спрошены по дѣлу Воскресенскаго три свидѣтеля—Бауэръ, Петровъ и Громельщиковъ. Воскресенскаго обвиняли въ томъ, что онъ имѣлъ сношенія съ заключенными въ тюрьмѣ политическими арестантами. Это доказывалось письмами яко бы отъ этихъ арестантовъ къ Воскресенскому, переданными въ Жандармское Управленіе тѣми арестантами, которые взяли доставить письма по адресу. Судебное разбирательство выяснило, что личности свидѣтелей чрезвычайно темныя; Громельщиковъ имѣетъ въ Казани домъ, гдѣ занималъ квартиру Бауэръ, содержатель публичнаго дома, Петровъ же служилъ у Бауэра и содержался въ тюрьмѣ за кражу часовъ у одного изъ посѣтителей публичнаго дома. Далѣе было выяснено, что эти личности имѣли какія-то сношенія съ Жанд. Управ. и что письма, выдаваемые за письма политическихъ арестованныхъ къ Воскресенскому, писалъ нѣкто Садовскій, гражданскій ареставтъ того же острога. Затѣмъ спрошены четыре свидѣтеля по дѣлу Му р а в с к а г о: Молчановъ, крестьянинъ, показалъ, что Муравскій читалъ какую-то книжку, что-то насчетъ крестьянскихъ дѣлъ, и показывалъ планъ, „какъ ходитъ желѣзная дорога“.

Эрастовъ, содержатель постоялаго двора, крестьянинъ, показалъ, что Муравскій читалъ книжку „О четырехъ братьяхъ“ въ присутствіи нѣсколькихъ мальчиковъ, присматривавшихъ за скотиной, и нѣсколькихъ учениковъ. Цыгановъ, крестьянинъ, показалъ, что Муравскій читалъ какую-то „занятную“ книжку при свидѣлѣ Ведельбѣ. Онъ, Цыгановъ, просилъ эту книжку у Муравскаго, но тотъ не далъ, говоря, что ему самому нужна, а вмѣсто того далъ другую съ тѣмъ, чтобы взять назадъ на обратномъ пути. Это была „Исторія французскаго крестьянина“. Ведельбевъ показалъ, что сказка, читанная Муравскимъ, была „Сказка о четырехъ братьяхъ“. Затѣмъ допрошенъ свидѣтель Бѣльскій. Такъ какъ онъ вызванъ подсудимымъ Щеголевымъ, отказавшимся теперь отъ участія въ судѣ, то возникло сомнѣніе, спрашивать ли Бѣльскаго. Щеголевъ объяснилъ мотивы, побуждавшіе его вызвать этого свидѣтеля и было признано возможнымъ допросить свидѣтеля о томъ, о чемъ упоминалъ въ своемъ прошеніи Щеголевъ. Бѣльскій объяснилъ, что тѣмъ книгъ, присылку котораго обвиненіе приписывало Щеголеву, былъ приславъ отъ Воронцова какому-то Никифорову или Никитину, а Щеголевъ тутъ не при чемъ. Затѣмъ прочитаны показанія Анны Щеголевой и рассмотрѣны вещественныя доказательства. Этимъ закончилось слѣдствіе по 5-ой группѣ и была вызвана 6-я. Изъ двѣнадцати человекъ 6-й группы—шесть человекъ протестантовъ, но изъ нихъ пятеро не были на судѣ, какъ уже раньше заявившіе протестъ и одинъ только Колювъ заявилъ протестъ и былъ удаленъ изъ суда. Остальные: Курдюмовъ, Городецкій, Н. Поповъ, Воскресенскій, Чарыковъ, Никитинъ участвовали въ разбирательствѣ дѣла. Выслушаны были два свидѣтеля противъ Комова. Рабиновичъ далъ разъясненія относительно своихъ показаній о кружкѣ Самарцевъ. Городецкій далъ разъясненія своихъ прежнихъ показаній и въ этомъ разъясненіи сказалъ, что антиправительственное направленіе и революціонная тенденція, въ которыхъ оно уличало многихъ лицъ, были истолкованы обвиненіемъ неправильно; что онъ, Городецкій, не придавалъ этимъ словамъ бунтовскаго смысла. Засѣданіе закончилось эпизодомъ, разсмѣившимъ присутствующихъ и измѣнившимъ на секунду вялый, скучный и угрюмый характеръ разбирательства. Защитникъ подсудимаго Чарыкова обратился къ Городецкому съ вопросомъ, какъ должно понимать выраженіе Городецкаго (въ прежнихъ показаніяхъ), что Чарыковъ занимался развиваніемъ калинквскихъ акушеровъ? Городецкій объяснилъ, что въ то время Чарыковъ ровно ничего, насколько ему извѣстно, не дѣлалъ, почему онъ, Городецкій, и выразился о немъ иронически вышеизложенной фразой. Чарыковъ съ обиженнымъ видомъ встаетъ и заявляетъ, что онъ советъ и не знаетъ калинквскихъ акушеровъ, за исключеніемъ одной почтенной матери семейства и что, впрочемъ, если бы даже онъ и занимался этимъ, то развиваніе калинквскихъ акушеровъ не имѣетъ ничего общаго съ преступленіями, предусмотрѣнными 250 ст. и 251 ст. Улож. о наказ. Нужно замѣтить, что означенная фраза Городецкаго послужила поводомъ къ привлеченію Чарыкова къ дѣлу.

Засѣданіе 3-го ноября. Вызвана 7-я группа. Изъ двѣнадцати человекъ—семь протестуютъ. Изъ нихъ Пумпянская не явилась по болѣзни. Сажинъ и Рабиновичъ протестовали раньше. Союзовъ,

Семеновъ, Корабельниковъ, Павловскій заявили протестъ и отказались отъ участія въ судѣ, отъ защитниковъ и преч. Первоприсутствующій ни въ какія препирательства съ подсудимыми не входилъ и удалялъ ихъ сейчасъ же по заявленіи протеста. Одинъ Корабельниковъ имѣлъ нѣкоторое объясненіе. Первопр. Признаете ли себя виновнымъ? Корабл. Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, я желалъ бы объяснить предсѣдателю причины, побуждающія меня дѣйствовать такъ, а не иначе. Первопр. замѣтилъ, что подсудимый ничего поваго не скажетъ, что судъ уже слышалъ множество объясненій. Кораб. отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, что говорилось раньше и, можетъ быть, его объясненіе и содержать что-либо новое. Первопр. разрѣшилъ говорить. Кораб. сказалъ, что еще 18-го октября защитники ходатайствовали передъ судомъ о перенесеніи засѣданій въ болѣе просторную залу, гдѣ было бы мѣсто не только для высокопоставленныхъ особъ въ звѣздахъ, но и для простыхъ смертныхъ. Первопр. замѣчаетъ, что это не идетъ къ дѣлу. Кораб. думаетъ, что, если предсѣдатель выслушаетъ его, то найдетъ, что это идетъ къ дѣлу. Первопр. предлагаетъ категорическій вопросъ: будетъ ли подсудимый отвѣчать на вопросъ суда? Кораб. Нѣтъ. Первопр. приказываетъ вывести подсудимаго. Кораб. сказалъ, что онъ не желаетъ, чтобы въ „Прав. Вѣст.“ печатали, что его вывели за беспорядокъ или вслѣдствіе неуваженія къ суду. Первопр. Вы своимъ поведеніемъ уже достаточно показали ваше неуваженіе къ суду. Кораб. этого не думаетъ. Первопр. еще разъ спросилъ, будетъ ли отвѣчать подсудимый? Кораб. Нѣтъ. Первопр. снова распорядился объ удаленіи подсудимаго. Кораб. Я отказываюсь также и отъ защиты и беру назадъ полномочія моего бывшего защитника, уважаемаго мною г. Макалинскаго. Подсудимыхъ: Корабельникова, Союзова, Семенова, Павловскаго уводятъ.

Засѣданіе 4-го Ноября. Вызвана восьмая группа. Изъ одиннадцати человѣкъ — семь протестантовъ. Изъ нихъ Коваликъ и Рабиновичъ раньше заявили протестъ, а Говоруха, Максимовъ, Серебряковъ, Иванъ Глушковъ и Головинъ протестовали только въ настоящее засѣданіе. Михаилъ Спѣсивцевъ, Барковъ, Шавердова и Даниловъ суду подчинились. Протестанты имѣли слѣдующія объясненія: Говоруха-Отрокъ на вопросъ о виновности отвѣчалъ, что ему, прежде чѣмъ отвѣчать на предложенный вопросъ, необходимо сдѣлать замѣчаніе по поводу одной неточности въ обвинительномъ актѣ. Первопр. отвѣчалъ, что подсудимый можетъ это сдѣлать во время судебного слѣдствія, Говоруха объяснилъ, что онъ этого не можетъ сдѣлать, ибо не будетъ присутствовать на судебномъ слѣдствіи и вообще не будетъ въ немъ участвовать. Первопр. разрѣшилъ Говорухѣ говорить. Говор. рассказалъ, что въ актѣ сказано, будто бы, по словамъ его, Говорухи, Литошенко снабжалъ Харьковъ революціонными книгами, это неправда. Онъ, Говоруха, ничего подобнаго не показывалъ. Кроме того въ актѣ еще много искаженій его показаній, но онъ не станетъ останавливаться на нихъ, потому что другія искаженія вредятъ только ему лично, а не товарищамъ. Однако же, чтобы обвиненіе не могло, пользуясь его отсутствіемъ, приводить, якобы, его подлинныя, а на самомъ дѣлѣ искаженныя его показанія, — онъ отказывается отъ всѣхъ

своихъ показаній, данныхъ при дознаніи и слѣдствіи. Въ настоящемъ же судѣ онъ присутствовать не желаетъ и проситъ удалить его изъ залы засѣданія. Первопр. Вы рѣшительно настаиваете на вашемъ удаленіи? Гов. Да, я прошу удалить меня. Подсудимаго уводятъ. Подс. Головинъ на вопросъ о виновности отвѣчалъ, что, прежде чѣмъ отвѣчать на предложенный вопросъ, онъ требуетъ, на основаніи 613 и 625 ст. Уст. Уг. Суд., чтобы ему было подробно передано все, происходившее на судѣ до него. Первопр. отвѣчалъ, что до сихъ поръ было разобрано семь группъ, и въ теченіе этого разбирательства имя его, Головина, упоминалось только однажды въ объясненіяхъ подсудимаго Городецкаго. Головинъ возразилъ, что этого ему недостаточно, такъ какъ обвиненіе собрало всѣхъ 200 человекъ подсудимыхъ въ одно сообщество, къ которому „прикомандировало“ и его, Головина; поэтому онъ требуетъ, чтобы ему подробно изложили все, происходившее на судѣ. Можетъ быть, были такія обстоятельства, которые председатель нашель не относящимся до него, подсудимаго, но онъ самъ, какъ „прикомандированный“ членъ сообщества, можетъ быть, найдетъ ихъ очень важными. Первопр. отвѣчалъ, что желаніе подсудимаго не можетъ быть уважено, ибо тогда пришлось бы читать ему стенографическій отчетъ. Головинъ. Въ такомъ случаѣ, въ виду того, что судъ нарушаетъ самыя существенныя права, данныя закономъ защитѣ, въ виду того, что при такихъ условіяхъ защита дѣлается фикціей, лишается всякаго дѣйствительнаго значенія, въ виду того, что мы лишены даже возможности слѣдить за ходомъ дѣла и являемся исключительно какой-то жалкой декорацией, придающей реальность фиктивному суду.... Первопр. прерывая, кричитъ: „Вывести подсудимаго!“ Подсудимаго уводятъ. Подс. Серебряковъ на вопросъ о виновности отвѣчалъ: „Я отказываюсь отъ всякаго участія въ судѣ“. Первопр. Вы настаиваете на удаленіи? Серебр. Да. — Подсудимаго уводятъ. — Подс. Максимовъ на вопросъ о виновности сказалъ: „Я отказываюсь отъ всякаго участія въ судѣ и отъ защиты; вопросъ же о виновности считаю совершенно неумѣстнымъ, во первыхъ, потому... Первопр. машетъ рукой; жандармы отворяютъ дверь: „пожалуйста!“ — Подсудимаго уводятъ. Подс. Иванъ Глушковъ отвѣчалъ: „Считаю излишнимъ отвѣчать на вопросъ о виновности и пришелъ сюда только для того, чтобы присоединиться къ протесту, заявленному моими товарищами“. Первопр. машетъ рукой; жандармы приближаются. Глушковъ. Я отказываюсь также и отъ защиты. Первопр. Кто вашъ защитникъ? Глуш. называетъ фамилію. — Подсудимаго уводятъ. Послѣ заявленія протеста со стороны части подсудимыхъ были спрошены непротестующіе. Даниловъ вообще себя виновнымъ не призналъ и объявилъ, что виновенъ лишь въ томъ, что, находясь подъ стражею, написалъ письмо, которое и послужило причиной его привлеченія къ дѣлу. Шавердова виновной себя не признала. Барковъ виновнымъ себя не призналъ, заявивши, что хотя онъ и былъ въ харьковскомъ кружкѣ, но кружокъ не былъ революціоннымъ сообществомъ. Спѣсивцевъ виновнымъ себя не призналъ. Затѣмъ спрошены свидѣтели. Прочитаны показанія бывшаго студента Харьковскаго Университета, Городецкаго, не явившагося на судъ. Въ нихъ, между прочимъ, говорится, что подсудимый Даниловъ отрицатель-

но относился къ существующему порядку вещей и, отправляясь къ молочанамъ, будто бы потому, что ихъ идеи соотвѣтствуютъ его собственнымъ, поѣхалъ туда на средства харьковскаго революціоннаго кружка. Въ то время, когда Даниловъ высказывалъ отрицаніе существующаго порядка, присутствовали Барковъ, Говоруха и другіе и относились къ этому сочувственно. Подсудимый Барковъ возразилъ, что Даниловъ, хотя и находилъ недостатки въ существующемъ строѣ, не можетъ, однако, быть названъ не только коммунистомъ, но даже социалистомъ. Поѣхалъ Даниловъ на Кавказъ просто для изученія народнаго быта; тамъ онъ остался безъ денегъ и просилъ знакомыхъ помочь ему, почему Борисовъ и др. и устроили лоттерей и вырученныя деньги послали Данилову. Подсудимый Даниловъ обратилъ вниманіе суда на то, что показаніе Гродецкаго дано имъ въ тюрьмѣ, когда онъ былъ въ качествѣ обвиняемаго, и что непосредственно послѣ дачи такого показанія явилось отношеніе генерала Слезкина (жанд.), чтобы Гродецкій былъ освобожденъ. Бывшій семинаристъ Александръ Поповъ показалъ, что у нихъ провесся слухъ, будто у студентовъ есть какія-то запрещенныя книги, но какія именно — этого не знали; говорили даже, что названіе какой-то запрещенной книги „Монархія“. Однажды приходитъ въ семинарію Говоруха-Отрокъ и предлагаетъ семинаристамъ идти на сходку, пояснивъ, что прибылъ изъ Питера одинъ человекъ, котораго нужно послушать. Послѣ объяснилось, что этотъ человекъ Лукашевичъ, т. е. Коваликъ. Потомъ была сходка, по поводу которой они, семинаристы, собрались сперва въ паркъ, а потомъ за ними пришли и привели ихъ на сходку, гдѣ говорилъ больше всего Говоруха. Результатомъ этихъ преній было рѣшеніе идти въ народъ. На вопросъ Желеховскаго свидѣтель говорить, что идти въ народъ нужно для возбужденія возстанія, на вопросъ же защиты свидѣтель сказалъ, что возстанія вовсе не хотѣли возбуждать и не считали это возможнымъ. На вопросъ, кто давалъ имъ книги и кто игралъ главную роль на сходкахъ, свидѣтель отвѣчалъ, что книги давалъ Говоруха; относительно же главной роли онъ, свидѣтель, ничего не знаетъ; впрочемъ, собственно къ „говоренью“ Говоруха-Отрокъ былъ способенѣ всѣхъ. Прочитаны показанія Петра Арсеньева, студента харьковскаго университета. Въ нихъ говорится, что бывали сходки, что Говоруха, Лукашевичъ (Коваликъ) и др. проповѣдывали революцію и пр. О поголовномъ истребленіи царской фамиліи хотя и не говорили, но это подразумевалось само собой, потому что предполагалось уничтожить всѣхъ правителей и правительственныхъ лицъ. Допрошенъ свидѣтель Клементьевъ. На дознаніи и слѣдствіи онъ показывалъ очень много противъ различныхъ подсудимыхъ. Между прочимъ, назвалъ Баркова главою харьковскаго кружка. Въ настоящее же время, на судебномъ слѣдствіи, онъ ничего подобнаго не подтвердилъ и сказалъ, что писалъ тогда по принужденію. Ему тогда было 17 лѣтъ, и онъ привлекался къ дѣлу, какъ обвиняемый; сперва онъ показаній написалъ только одинъ листъ, но прокуроръ сказалъ, что это никуда не годится и самъ написалъ 4 листа, а потомъ, угрожая тюрьмой, заставилъ его, Клементьева, переписать и подписать. Во время такого показанія Желеховскій и Петерсъ старались сбивать свидѣтеля и даже кричали на него, но онъ упорно стоялъ на томъ, что это происходило именно такимъ образомъ, какъ онъ

объяснилъ. Допрошенъ семинаристъ Бѣляевъ. Онъ показалъ, что Лукашевичъ убѣждалъ ихъ откликнуться на зовъ времени и идти въ народъ. Впрочемъ, возбуждать возстанія не предлагалось, и это была лишь пропаганда ученія. Сходки никѣмъ не скрывались и никакихъ мѣръ для скрѣты не принималось. Самая формула „идти въ народъ“ была не какимъ-либо приказомъ, а только совѣтомъ. Допрошенъ бывшій семинаристъ Николай Поповъ. Показалъ, что „никакой революціи не было“, а сходки дѣйствительно бывали. Барковъ же даже совѣтовалъ не ходить въ народъ. Желеховскій, заподозривши, что подобное показаніе внушено свидѣтелю Барковымъ, спросилъ свидѣтеля — видѣлись ли они между собою со времени ареста. Свидѣтель отвѣчалъ отрицательно. Затѣмъ онъ объяснилъ, что на дознаніи давалъ показанія по принужденію, подъ угрозой тюрьмы. На слѣдствіи же ему позволили измѣнить то, что касалось его самого, но измѣнить относящееся до другихъ не дозволили, а потому и давалъ онъ показанія, какія требовали отъ него. Желеховскій и Петерсъ в этого свидѣтеля старались сбить, но безуспѣшно. Допрошенъ бывшій семинаристъ — нынѣ студентъ харьковскаго университета — Дюковъ. Онъ далъ на дознаніи и слѣдствіи множество показаній противъ разныхъ лицъ, теперь же ничего особеннаго не показалъ, а относительно фактовъ, о которыхъ говорилъ прежде, или отзывался, что не помнитъ ихъ, или отрицалъ ихъ. Подс. Барковъ обратилъ вниманіе суда на проговорѣчія въ показаніяхъ свидѣтеля, данныхъ теперь и данныхъ на слѣдствіи. Барковъ думалъ этимъ заявленіемъ указать на нетвердость обвиненія, но Желеховскій, воспользовавшись этимъ заявленіемъ, потребовалъ у суда, чтобы были прочитаны показанія Дюкова, данныя на слѣдствіи. Защита протестовала, указывая на постановленіе самого особаго присутствія; тѣмъ не менѣе судъ рѣшилъ прочесть эти показанія, что и было исполнено. По прочтеніи его показанія Дюковъ объяснилъ, что очень многое въ этихъ показаніяхъ ложно и что его принудили дать ихъ; что онъ, Дюковъ, самъ былъ обвиняемый и, подъ угрозой тюремнаго заключенія, написалъ подъ диктовку товарища прокурора Харьковскаго суда Завдовскаго всѣ прочитанныя показанія, которыя теперь объявляетъ ложными. Защита обратила вниманіе суда на характеръ допросовъ, вынудившихъ прочитанныя показанія, и на то обстоятельство, что всѣ свидѣтели были обвиняемыми въ то время, когда давали показанія. Прис. повѣрен. Утинъ замѣтилъ, что показанія Дюкова достаточно объясняютъ характеръ какъ показаній свидѣтелей, такъ и дѣйствій члена прокурорскаго надзора, „къ счастью, нынѣ уже не занимающаго такого поста“. Допрошенъ свидѣтель Перцевъ, бывшій семинаристъ, показалъ вообще очень немного; объяснилъ, что во время дознанія съ нимъ обращались не какъ съ свидѣтелемъ: на допросъ его водилъ городской, не отпускавшій его ни на шагъ. Потомъ его отвели въ тюремную политическую камеру и уже оттуда повели въ жандармское управленіе; тамъ ему подали уже готовую бумагу, въ которой было написано, что онъ признаетъ себя виновнымъ въ знаніи о революціонномъ сообществѣ и недовесеніи. Семейныя сцены по поводу его препровожденія съ городскими вынудили его подписать эту бумагу.

Засѣданіе 7-го ноября. 1) Разсмагивалось дѣло IX группы, къ которой причислено 18 человекъ: Гориновичъ, Ларионовъ, Польгеймъ, Фишеръ, Брешковская, Венецкій, Вожко-Божинскій, Кацъ, Трезвинскій, Волькенштейнъ, Тетельманъ, Рогачева, Дробышъ-Дробышевскій, Коваликъ, Рабиновичъ, Ваховская, Лермонтовъ и Артамоновъ. (Такъ называемая „Кіевская Коммуна“). Изъ нихъ послѣдніе 7 уже встрѣчались въ первыхъ четырехъ группахъ и тамъ своевременно давали свои объясненія. Подсудимыхъ приводятъ въ залу засѣданія по одному. Вводятъ подс. Гориновича. Первопр. Вы обвиняетесь въ принадлежности къ противозаконному сообществу, имѣющему цѣлью ниспроверженіе существующаго порядка; признаете ли себя виновнымъ? Гориновичъ. Да, признаю. Первопр. Гдѣ находилось это сообщество? Гориновичъ. Въ Кіевѣ. Нѣкто Ларионовъ ввелъ меня въ это сообщество. Первопр. Въ чемъ заключались цѣли этого сообщества? Гориновичъ. Возбудить народъ. Первопр. Какія для этого были средства? Гориновичъ. Для этого отправлялись въ видѣ рабочихъ въ народъ, распространяли книги, читали ихъ рабочимъ. Первопр. Составъ этого сообщества былъ большой, многочисленный? Гориновичъ. Насколько я знаю, членовъ было очень немного. Перв. Вы можете назвать нѣкоторыхъ членовъ этого сообщества? Гориновичъ. Да, могу. Тамъ были: Ларионовъ, Дьбагоріо-Мокривичъ, Стефановичъ, Стронскій, Стронская, Щукинъ, Фростъ, Брешковская, Рогачева, Ходько.... Перв. Что это сообщество имѣло опредѣленное мѣстожителство? Гориновичъ. Да, въ Кіевѣ была квартира, куда приходили всѣ названныя мною лица. Гориновичъ призналъ себя также виновнымъ въ „покушеніи на распространеніе книгъ преступнаго содержанія съ цѣлью возбудить къ явному неповиновенію власти верховной“. Покушеніе это состояло въ томъ, что Гориновичъ два раза „отправился въ народъ“ (его собственное выраженіе), имѣя при себѣ запрещенныя книги,—одинъ разъ съ Ларионовымъ, другой разъ съ Дробышевскимъ; но въ оба раза онъ не передалъ ни одной книги. Подс. Ларионовъ призналъ себя виновнымъ по 4 пунктамъ: 1) въ принадлежности къ противозаконному сообществу, 2) въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія (онъ только не призналъ этого распространенія злоумышленнымъ), 3) въ похищеніи крестьянской лошади съ упряжью въ г. Вельскѣ, Вологодской губ. и 4) въ кражѣ 240 р., полученныхъ имъ по довѣренности крестьянъ изъ Корчевскаго уѣзднаго казначейства. Ларионовъ призналъ также свое „хождение въ народъ“ вмѣстѣ съ Гориновичемъ. На вопросъ перв. Ларионовъ такъ характеризовалъ то сообщество, къ которому онъ принадлежалъ: Составляло ли это сообщество дѣйствительное сообщество въ смыслѣ обвиненія, предъявленнаго г. Желеховскимъ, я не могу сказать положительно. потому что зналъ только человекъ 20. можетъ быть, даже и менѣе, и отношенія мои къ нимъ не были отношеніями серьезными. Самое это сообщество не имѣло никакой организаціи и представляло собою собраніе лицъ, соединившихся въ силу извѣстныхъ

1) О засѣданіяхъ 5-го и 6-го ноября въ „Общинѣ“ отчетовъ не было. Р е д. Сбор.

симпатій и радѣнія о народномъ благѣ; но могу сказать, что убѣжденія этихъ лицъ были совершенно различны: нѣкоторыя лица раздѣляли убѣжденія болѣе крайнія, другія—умѣренныя. Я самъ принадлежалъ къ числу лицъ, раздѣлявшихъ убѣжденія менѣе крайнія, но съ тѣмъ отгѣнкою, что не остановился бы ни передъ чѣмъ ради извѣстной цѣли. Общество это развивало въ народѣ тѣ идеи, что извѣстныя сословія стѣсняють народъ, что противъ этихъ притѣсненій можно противопоставлять—самимъ сплотиться въ извѣстную группу; но въ дѣйствительности, чтобы возбуждать народъ къ возстанію и говорить о рѣзвѣ — этия общество не задавалось. Если и были нѣкоторыя головы, которыя, можетъ быть, хотѣли сами по себѣ индивидуально имѣть эти цѣли, то они высказывали это не всѣмъ намъ... Въ томъ же, чтобы кievская коммуна отрицала всякую государственность и семейственный союзъ — это было неправда. Въ моихъ показаніяхъ на предварительномъ слѣдствіи вовсе этого сказано не было: тамъ было сказано, что кружокъ состоялъ изъ разнороднѣйшихъ элементовъ. Перв. о. р. Но для достиженія той цѣли, о которой вы говорили, какія употреблялись средства? Ларіоновъ. Средства для этого были, какъ называли технически, хожденіе въ народъ, сближеніе съ народомъ въ какой бы то ни было формѣ, въ формѣ рабочаго, волостного писаря, фельдшера и т. п., словомъ, такія профессіи, которыя по своему положенію стоятъ ближе всего къ народу. Перв. Вы говорите, что подобныя профессіи представляли наиболѣе удобствъ, чтобы дойти до своей цѣли; но собственно въ чемъ должна была заключаться пропаганда? Ларіоновъ. Въ разговорѣ съ лицами изъ народа съ указаніемъ на тѣ неудобства, которыя они испытываютъ; на недостаточность земельнаго надѣла, на неравномѣрность податныхъ раскладокъ; при разговорѣ указывалось, что практика въ иностранныхъ государствахъ выработала формы, при которыхъ и самая раскладка податей производится иначе, и земельный надѣлъ больше. Перв. Для дѣла весьма важно знать, когда именно возникло это сообщество въ Кіевѣ, въ какое время и по какому поводу различныя лица сплотились въ это сообщество. Ларіоновъ. О началѣ этого сообщества я ничего не знаю. Я присталъ къ этому сообществу въ концѣ апрѣля и оставался въ немъ до 21 мая 1874 г. Перв. У этого сообщества бывали опредѣленныя сходки, опредѣленныя собранія? Ларіоновъ. Въ теченіе тѣхъ 15 дней, которые я прожилъ на общей квартирѣ, въ домѣ Леминскаго, сходокъ ни разу не было; при разговорахъ я также не слышалъ о сходкахъ. Сходками я не могу назвать, если къ кому-нибудь приходили 2—3 человѣка. Перв. Находился ли Фишеръ въ числѣ членовъ сообщества? Ларіоновъ. Я не знаю. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ Дебагоріо, поэтому я думаю, что онъ былъ въ числѣ членовъ; но при мнѣ онъ ни разу не приходилъ и во все время при мнѣ онъ ни разу не говорилъ. Я видѣлъ его только одинъ разъ въ селеніи Вертемяшка, но ничего не могу сказать, такъ какъ ограничился 2—3 словами, да и то больше говорилъ Дебагоріо. Перв. Считали ли вы Дробышевскаго членомъ сообщества? Лар. Нѣтъ, не считали. Перв. А Волькенштейна? Лар. Я слышалъ о немъ, что онъ студентъ-баричъ, не принадлежащій ни къ какой партіи. На вопросъ перв., не зналъ ли Лар. Тетельмана, Трезвинскаго,

Каца, Рабиновича, Ковалика, онъ отвѣчалъ отрицательно. Перв. А Бенепкаго вы знали? Лар. Зналъ. Я познакомился съ нимъ черезъ Монтвикъ-Монквиша. Монтвикъ сказалъ обо мнѣ Бенепкому заочно, что есть лицо, которое желаетъ познакомиться съ людьми, раздѣляющими извѣстныя политическія убѣжденія—не крайнія, а умѣренные, потому что я раздѣлялъ убѣжденія умѣренные. Но я не имѣлъ въ виду этой цѣли, я имѣлъ въ виду цѣль поступленія въ университетъ, а не имѣлъ ни законныхъ документовъ, ни средствъ. Я видѣлъ единственное средство для достиженія этой цѣли—прижннуть къ ассоціаціи студентовъ и навестать. такимъ образомъ. какъ свое образованіе, такъ и имѣть матеріальную поддержку. Знакомыхъ у меня никого не было, кромѣ проф. Сущинскаго и Монтвикъ-Монквиша. Я и просилъ его познакомить меня съ людьми, раздѣляющими извѣстныя политическія убѣжденія. Чтобы имѣть какія-нибудь документы, я, когда бѣжалъ изъ ссылки, приготовилъ документъ, что я прощенный ссыльный. Имя такой документъ, я долженъ былъ говорить о причинахъ ссылки. Причину ссылки я выставилъ политическую—я выдалъ себя за участвовашаго въ Нечаевскомъ дѣлѣ; коль скоро выдалъ себя за нечаевца, необходимо имѣть извѣстныя политическія убѣжденія, потому что надо было чѣмъ-нибудь себя выказать; и въ разговорѣ съ Монтвикомъ и высказалъ, что имѣлъ извѣстныя убѣжденія, желалъ знакомства людей, раздѣляющихъ мои взгляды на положеніе народа и желающихъ поднять его развитіе. Такъ вотъ, зная это, Монтвикъ, увидѣвъ Бенепкаго, передалъ ему обо мнѣ, потому что зналъ его изъ числа лицъ, раздѣляющихъ такія идеи. Въ это время Дебагоріо и Фишеръ оглаивались изъ Кіева; Бенепкій и сказалъ имъ, чтобы они зашли ко мнѣ. Они и зашли... Дебагоріо сказалъ мнѣ, что они пришли изъ Кіева и что если я дѣйствительно раздѣляю убѣжденіе, что народъ прятѣсняютъ и что развитіемъ народа можно поднять его, то у него есть извѣстное число людей, раздѣляющихъ также подобнаго рода убѣжденія и что, если я хочу прижннуть къ нимъ, то могу обратиться къ Бенепкому. Далѣе изъ рассказовъ Ларіонова слѣдуетъ, что онъ, по ихъ приглашенію побѣжалъ въ Кіевъ и поселился у нихъ на квартирѣ въ домѣ Леминскаго. Между прочимъ, Ларіоновъ указалъ на одну неточность акта (относительно Волькенштейна), основанную на его показаніяхъ, данныхъ при дознаніи. Неточность эта вкралась на 4-й день допроса, когда Ларіоновъ былъ настолько утомленъ, что подтверждалъ почти все, о чемъ его спрашивали: допросъ Ларіонову производился каждый день съ 8 час. утра до полуночи безъ отдыха, такъ что онъ „былъ совсѣмъ боленъ вслѣдствіе этихъ допросовъ и получилъ нервную лихорадку“ (соб. слова Ларіонова). Подс. Фишеръ (на вопросъ о виновности): Я не могу признать себя виновнымъ въ участіи въ такомъ сообществѣ, котораго не существовало, не могу признать себя виновнымъ въ солидарности съ людьми, которыхъ не зналъ, какъ, напр., съ Ларіоновымъ, котораго я видѣлъ всего 15 минутъ. Все это я могъ бы доказать, если бы постановленіе особ. прис. отъ 11 октября не лишило меня правъ, предоставленныхъ мнѣ закономъ. Теперь я прошу позволить мнѣ удалиться. Перв. Вы настаиваете на удаленіи? Въ противномъ случаѣ я не имѣю права васъ удалять. Фиш. Да, я прошу меня удалить. Перв. Въ такомъ случаѣ вы можете удалиться. Подс. Брешковская (на вопросъ о виновности). Такъ какъ я

имѣю честь принадлежать къ социальнo-революционной партіи, то никакнѣ отношеній къ данному суду у меня нѣтъ и быть не можетъ. Если я и хотѣла принять участіе въ настоящемъ дѣлѣ, то единственно имѣя въ виду интересы тѣхъ, которые не основательно привлечены къ дѣлу: но такъ какъ въ настоящее время всякая надежда, хотя бы на тѣхъ безпристрастія къ подсудимымъ, совершенно тщетна, то я отказываюсь принимать въ дѣлѣ какое-либо участіе. Что же касается той наглой клеветы, которою наполненъ обвинительный актъ, то я заявляю, что она вполне достойна представителей подобнаго суда, и на нее я отвѣчаю полагѣйшимъ презрѣніемъ!... Когда Брешк. кончила эту фразу, первопр. закричалъ: „Уведите подсудимую за оказанное неуваженіе къ суду!“ такъ что послѣднія слова она произнесла уже у самаго выхода, сопровождаемая подъ руку жандармомъ. Подс. Венецкій (на вопросъ о виновности). Я покорнѣйше прошу пояснить, о какомъ тайномъ сообществѣ говорится: принадлежать ли къ нему всѣ лица, перечисленные въ обв. актѣ, или только тѣ, которая отнесены къ 9-й группѣ? Первопр. Къ тѣмъ, которая отнесены къ 9-й группѣ. Вен. Я не могу признать себя виновнымъ въ принадлежности къ такому сообществу, котораго не существовало. Первопр. Затѣмъ я долженъ объявить вамъ, что одинъ изъ подсудимыхъ по этому дѣлу—Ларіоновъ—на мой вопросъ о томъ, были ли вы съ нимъ знакомы, сказать, что онъ съ вами былъ знакомъ. Такъ это? Вен. Да, онъ былъ со мною знакомъ. Я считаю долгомъ заявить особ. прис., что желаю принять участіе въ судебномъ слѣдствіи для того, чтобы доказать, что такъ называемая „Кіевская коммуна“ въ дѣйствительности не существовала и появленіемъ своимъ на страницахъ обв. акта обязана лишь большой снисходительности обв. власти къ показаніямъ такихъ господъ, какъ Гориновичъ и Ларіоновъ. Имѣла ли обвинительная власть достаточно основаній, чтобы такъ марать и порпцать лицъ, причисленныхъ къ 9-й группѣ... Перв. Это весьма неумѣстное выраженіе, которое вы позволили себѣ употребить, такъ какъ оно касается личности. Вы можете защищаться—въ этомъ никто не будетъ вамъ препятствовать, но вы должны соблюдать уваженіе къ суду и, во-вторыхъ, приличіе... Вен. Я хотѣлъ только высказать то впечатлѣніе, которое получилъ при чтеніи обвинительнаго акта и которое, вѣроятно, получилъ каждый, кто имѣлъ возможность прочитать его... — Далѣе Венецкій объяснилъ, что онъ былъ очень мало знакомъ съ Ларіоновымъ—видѣлся всего нѣсколько разъ—и что этого знакомства искалъ самъ Ларіоновъ, такъ какъ хотѣлъ, чтобы студенты помогли ему поступить въ университетъ. „Что же касается до той причины ихъ знакомства, на которую указываетъ Ларіоновъ, что будто бы Монтвикъ познакомилъ его со мною какъ съ человѣкомъ, держащимся крайнихъ идей—это чистѣйшая выдумка“. На это Ларіоновъ заявилъ, что онъ совершенно согласенъ съ послѣднимъ объясненіемъ Венецкаго и что въ обв. актѣ вообще есть нѣкоторые противорѣчія съ его показаніями; напр., въ обв. актѣ сказано, что будто бы, по его показаніямъ, коммуна отрицаетъ всякую государственную форму, между тѣмъ, какъ онъ, Ларіоновъ, никогда ничего подобнаго не говорилъ. Желех. Противорѣчія никакого нѣтъ, и если суду угодно провѣрить, то это можетъ быть сдѣлано сейчасъ же: можно будетъ прочесть показанія подс. Ларіонова. Лар. Я не даю согласія

на прочтене данных мною показаний, такъ какъ законъ прямо говорить, что показанія подсудимаго не могутъ читаться на суд. слѣдствіи. Подс. Божко-Божиянскій виновнымъ себя не призналъ, а Кацъ и Трезвинскій, ссылаясь на постановленіе 11-го Октября, въ которомъ они видятъ нарушеніе своихъ правъ, отказались отъ всякаго участія въ судебномъ слѣдствіи и были удалены. Подс. Волькенштейнъ на вопросъ о виновности отвѣчаетъ, что онъ не имѣетъ понятія о томъ сообществѣ, къ которому его причисляютъ, такъ какъ онъ „не только никого изъ членовъ этого общества не звалъ, но даже и не видалъ“ и потому, что половина дѣла уже разобрана, онъ не можетъ съ „пользою участвовать въ дѣлѣ“ и проситъ удалить его. Подс. Польгеймъ виновной себя не признала и просила позволенія удалиться на сегодняшний день, такъ какъ чувствовала себя нездоровой. Подс. Тетельманъ (Тет. вскорѣ, 25 ноября. умеръ, выпущенный на свободу за нѣсколько дней до смерти) также виновнымъ себя не призналъ.—Затѣмъ судъ приступилъ къ допросу свидѣтелей. Свидѣтельницы: Филиппъ, сестра Брешковской, и ея прислуга, дѣвица Нат. Чернова, на большую часть вопросовъ перв. и прокурора отвѣчали запятованіемъ, почему послѣдній настоялъ на прочтеніи ихъ прежнихъ показаній; на вопросы же защиты онѣ отвѣчали, видимо, охотнѣе, такъ что Желеховскій, продолжая допрашивать Филиппъ послѣ защиты, не преминулъ сыронизировать насчетъ ея памяти слѣдующимъ вопросомъ: „память такъ возвратилась къ вамъ послѣ вопросовъ защиты, что не вспомните ли вы что-нибудь на мои вопросы?“ Филиппъ отвѣчала, что ничего не помнитъ; тогда были прочитаны ея прежнія показанія. Относительно своихъ прежнихъ показаній Филиппъ объяснила, что она давала ихъ совершенно больная, когда ее перевозили для допросовъ изъ острога въ острогъ (она была подъ арестомъ болѣе 3 мѣс.); поэтому она просила не придавать имъ особеннаго значенія. Тѣ показанія, которыя удалось отъ этихъ свидѣтельницъ выудить на судѣ, приблизительно можно свести къ слѣдующему: У Филиппъ было имѣніе въ с. Горяхахъ, Витеб. губ., принадлежавшее одинаково какъ ей, такъ и Брешковской. Въ 74 году Бреш. одно время жила въ этомъ имѣніи; къ ней пріѣзжали и уѣзжали ея знакомые, которые жили иногда по нѣсколько недѣль: Фишеръ, Каблищъ, Цвинева, Рогачева, Тетельманъ. Жили они, какъ всѣ люди живутъ, хотя одѣвались просто: женщины ходили въ сарафанахъ, а мужчины просто въ русскихъ рубахахъ и сами на себя работали; въ отношеніяхъ ихъ обѣ свидѣтельницы ничего особенно бросающагося въ глаза, никакого „цинизма“ не замѣчали (объ этомъ цинизмѣ Желеховскій говоритъ въ обв. актѣ, и выводъ такой Желеховскій основываетъ на томъ, что будто бы мужчины не стѣснялись ходить при женщинахъ въ одномъ бѣльѣ). Относительно нѣкоторыхъ Филиппъ дала характеристику такого рода: Брешковскую она всегда считала женщиной совершенно честной, тѣмъ болѣе, что „она все свое отдала для другихъ“. Фишера она также никогда не считала нечестнымъ человѣкомъ и не замѣчала въ немъ желанія „присвоить себѣ ея вещи или деньги“, какъ-то возводитъ на него обвинительная власть; если Фишеръ и заложилъ ея шубу въ ея отсутствіе, то въ этомъ она не видитъ ничего особеннаго, тѣмъ болѣе, что шуба эта была выкуплена Каблищемъ до ея пріѣзда. Каблищу она настолько довѣряла, что, когда уѣзжала

въ Кіевъ, то выдала ему довѣренность на управленіе ея дѣлами по имѣнію, и когда вернулась, Каблиць передалъ ей въ исправности всѣ дѣла и всѣ относящіеся до имѣнія бумаги; въ ея отсутствіе всѣ расходы велись на счетъ Каблица. Когда Филиппъ была у Брешк., въ Кіевѣ, въ домѣ Леминаскаго, она никакой „коммуну“ не видѣла; „каждый жилъ на свои деньги и считался хозяиномъ своихъ вещей“. Что же касается „цинизма и разврата“, которымъ будто бы, по рекомендаціи г. Желеховскаго, отличались во взаимныхъ отношеніяхъ всѣ жившіе въ домѣ Леминаскаго,—это, по рассказамъ Филиппъ, сущій вздоръ и клевета.—Допросомъ этихъ свидѣтелей и закончилось засѣданіе.

На этомъ и прерываются, помѣщенные въ журналѣ „Община“, отчеты о процессѣ 193-хъ. Приводимъ поэтому еще лишь рѣчь Инполита Никитина Мышкина, помѣщенную въ той же „Общинѣ“ и много разъ перепечатававшуюся уже въ различныхъ революціонныхъ изданіяхъ. Вотъ эта рѣчь: Первоп. Подс. Мышкинъ! Вы обвиняетесь въ томъ, что принимали участіе въ противозаконномъ обществѣ, имѣвшемъ цѣлью въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства. Признаете ли вы себя виновнымъ? Мышкинъ. Я признаю себя членомъ не сообщества, а социальна-революціонной партіи и прошу позволенія объяснить, въ чемъ именно заключается преступленіе, которое я, по собственному моему сознанію, совершилъ противъ русскихъ государственныхъ законовъ. П. Объясните. М. Я не могу признать себя членомъ тайнаго сообщества, потому что я и товарищи мои, товарищи не только по заключенію, но и по убѣжденіямъ, не представляемъ нѣчто обособленно-цѣлое, связанное единствомъ вѣншей, общей для всѣхъ организаціи. Мы составляемъ лишь часть многочисленной въ настоящее время на Руси социальна-революціонной партіи, понимая подъ этимъ словомъ всю массу лицъ одинаковыхъ съ нами убѣжденій,—одинаковыхъ, конечно, только вообще, а не въ частности,—лицъ, между которыми существуетъ хотя преимущественно только внутренняя связь, однако, связь достаточно реальная, обуславливаемая единствомъ цѣлей и большимъ или меньшимъ однообразиемъ средствъ практической дѣятельности. Основная задача социальна-революціонной партіи—установить на развалинахъ теперешняго государственно-буржуазнаго порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требованіямъ народа въ томъ видѣ, какъ они выразились въ крупныхъ и мелкихъ движеніяхъ народныхъ и повсемѣстно присущи народному сознанію,—составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ справедливѣйшую форму общественной организаціи. Строй этотъ—земля, состоящая изъ союза независимыхъ производительныхъ общинъ. Осуществленъ онъ можетъ быть только путемъ социальнаго революціи, потому что государственная власть преграждаетъ всѣ мирные пути для достиженія этой цѣли и добровольно никогда не откажется отъ насильственно присвоенныхъ ею себѣ правъ. Въ этомъ намъ ручается весь ходъ исторіи. Возможно ли мечтать о мирномъ пути, когда власть не только не подчиняется голосу народа, но не хочетъ даже и выслушать этого голоса и за всякое стремленіе, несогласное съ видами ея, награждаетъ тюрьмой и каторгой? Возможно ли мирное разрѣшеніе социальныхъ вопросовъ соотвѣт-

ственно народнымъ потребностямъ, когда народъ не только для осуществленія своихъ желаній, но даже и для выраженія ихъ не имѣетъ другого средства, кромѣ бунта—этого единственнаго органа народной гласности. Едва ли эта мысль нуждается въ подстрочномъ примѣчаніи. П. Вы признали себя членомъ извѣстной партіи. Вы объяснили, въ чемъ заключается ваше стремленіе; затѣмъ препятствія, о которыхъ вы говорите, не входятъ въ кругъ обсужденія суда; поэтому я не вижу возможности, ни даже надобности для суда выслушивать все то, что вы говорите. М. Весьма важно выяснитъ, почему мы смотримъ на революцію, какъ на единственно возможный исходъ изъ настоящаго положенія. П. То, что относится къ вопросу о вашей виновности, вы уже достаточно выяснили; остальное вы можете сказать впоследствии. М. Я полагаю, что для суда весьма важно знать, какъ мы относимся къ революціи, т. е., предполагаемъ ли мы, что наша партія должна, во чтобы то ни стало, немедленно вызвать, создать революцію, или только позаботиться объ успѣшномъ исходѣ ея; предполагается ли немедленное осуществленіе революціи, или въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; отъ этого будетъ зависѣть опредѣленіе моей виновности съ точки зрѣнія государственныхъ законовъ. П. Объ этомъ вы можете говорить. М. Я полагаю, что ближайшая наша задача заключается не въ томъ, чтобы вызвать, создать революцію, а въ томъ, чтобы только гарантировать успѣшный исходъ ея, потому что не нужно быть пророкомъ, чтобы при вышшемъ отчаянно-бѣдственномъ положеніи народа, предвидѣть, какъ неизбежный результатъ этого положенія,—всеобщее народное возстаніе. Въ виду неизбежности этого возстанія, нужно только позаботиться, чтобы оно было возможно болѣе продуктивно для народа и, главное, предостеречь его отъ всѣхъ фокусовъ, которыми западно-европейская буржуазія обманывала тамошнюю народную массу и одна извлекала для себя выгоды изъ народной крови, пролитой на баррикадахъ. Ради этой цѣли наша практическая дѣятельность должна состоять въ сплоченіи, въ объединеніи революціонныхъ силъ, революціонныхъ стремленій, въ сліяніи двухъ главныхъ революціонныхъ потоковъ: одного, недавно возникшаго и проявившаго уже порядочную силу—въ средѣ интеллигенціи, и другого, болѣе широкаго, болѣе глубокаго, никогда не изсякавшаго потока—народно-революціоннаго. Въ этомъ объединеніи революціонныхъ элементовъ путемъ окончательнаго сформированія социальна-революціонной партіи и заключалась вся задача движенія 74—75 гг. Задача эта если не исполнѣнъ, то въ значительной степени выполнена, и знамя социальнаго революціи водружено во всѣхъ конпахъ русской земли. Прибавлю къ этому, что въ только что сказанныхъ мною словахъ я указалъ лишь на центръ нашей дѣятельности и что въ массѣ участвовавшихъ въ послѣднемъ движеніи были лица, стояющія на различныхъ ступеняхъ революціоннаго развитія, начиная съ тѣхъ, кто дѣлалъ первые шаги по пути уясненія причинъ народныхъ страданій, и кончая отдѣльными личностями, дѣлавшими попытки организаціи силъ нашей партіи. При всемъ различіи взглядовъ по другимъ вопросамъ приверженцы социальнаго революціи сходятся въ одномъ: что революція можетъ быть совершена не иначе, какъ самимъ народомъ, при сознаніи имъ, во имя чего она совершается; другими словами: настоящій государственный строй долженъ быть ниспровергнутъ только тогда, когда поже-

ласть этого самъ народъ. Слѣдовательно, если правительство солидарно съ народомъ, оно не можетъ считать насъ злоумышленниками. Можно ли указывать, какъ на заговорщиковъ и бунтовщиковъ, на тѣхъ, кто говоритъ: „Мы будемъ ходатайствовать передъ народомъ объ удовлетвореніи настоятельнѣйшихъ нуждъ страны, нуждъ, сознаваемыхъ хорошо самимъ народомъ; мы предлагаемъ для этого свою посылную помощь и—да будетъ все такъ, какъ пожелаетъ народъ“. Вѣдь въ нашемъ распоряженіи нѣтъ ни тюремъ, ни военныхъ командъ, ни большихъ промышленныхъ предпріятій, закабалиющихъ тысячи рабочаго люда. Слѣдовательно, мы не имѣемъ никакихъ средствъ насиловать народную волю въ пользу взлюбленныхъ нами идей. Мы можемъ дѣйствовать только убѣждаемъ. Всѣ средства насилія находятся въ распоряженіи и дѣйствительно практикуются нашими противниками. Если же, несмотря на крайне неблагоприятныя для насъ условія, правительство все таки имѣетъ серьезныя основанія опасаться, что наша дѣятельность увѣнчается успѣхомъ, то, значить, мы не ошибаемся, рассчитывая на сочувствіе народа нашимъ идеямъ; но въ такомъ случаѣ мы не преступники, не злоумышленники, а лишь выразители потребностей, сознанныхъ народомъ. Объяснивъ въ краткихъ словахъ цѣль и средства социальна-революціонной партіи, я перехожу къ слѣдующему, не менѣе важному вопросу о причинахъ возникновенія и развитія этой партіи вообще и движенія 1874 г. въ частности. Въ обвинительномъ актѣ все это дѣло представлено такимъ образомъ, что были-де на Руси обломки прежнихъ политическихъ сообществъ, была еще русская эмиграція въ Швейцаріи, явилось нѣсколько энергичныхъ личностей и по слову: „Да будетъ революціонное движеніе на Руси!“—создалось такое по всему лицу земли русской. А такъ какъ обломки преступныхъ сообществъ и эмиграція давно существовали и всегда будутъ существовать до окончанія нынѣшняго государственнаго строя, то оказывается, что движеніе, подобное нынѣшнему, было вызвано и всегда можетъ быть вызвано по произволу 3—4 лицами. Конечно, ни одинъ мыслящій человекъ, сколько-нибудь понимающій причины социальныхъ явленій, не удовлетворится подобнымъ прокурорскимъ объясненіемъ. Для крупнаго социального явленія должны быть крупныя социальные причины. Нужно особенное недомысліе или особенная недобросовѣстность, чтобы называть искусственно созданными революціонныя движенія въ средѣ интеллигенціи... П. Прошу не употреблять подобныхъ выраженій. М. Я говорю только, что движенія эти не созданы искусственно. Изучая ихъ, мы прежде всего замѣчаемъ тотъ знаменательный фактъ, что всѣ движенія въ интеллигенціи соотвѣтствуютъ параллельнымъ движеніямъ въ народѣ и даже являются простыми отголосками послѣднихъ; такъ что движенія народа и интеллигенціи представляютъ какъ бы два параллельныхъ потока, стремящихся слиться въ общее русло, уничтоживъ раздѣляющую ихъ вѣковую плетину; плетина эта—разрывъ между интеллигенціей и народомъ, которая сложилась вслѣдствіе вѣковой отчужденности ихъ другъ отъ друга. Первое движеніе интеллигенціи въ началѣ 60-хъ годовъ было отголоскомъ того сильнаго народнаго волненія, которое было во время крестьянской реформы, вслѣдствіе того, что народъ не удовлетворялся этимъ мнимымъ своимъ освобожденіемъ. Это движеніе положило фундаментъ социальна-революціонной партіи. Затѣмъ,

ко времени исполненія 10-лѣтїи крестьянской реформы въ народѣ стали ходить настойчивыя слухи объ уменьшенїи и даже объ уничтоженїи выкупныхъ платежей. Слухи эти хотя не вызвали массы бунтовъ, какъ въ 60-хъ годахъ, но все-таки поддерживали волненїе въ народѣ, и отголоскомъ на это волненїе явилось движенїе интеллигенціи, завершившееся такъ называемымъ Нечаевскимъ процессомъ. Наконецъ, въ наши дни обѣднѣніе народа, истощаемаго непомерными платежами и поборами, дошло до того, что нужно быть совершенно глухимъ, чтобы не слышать громкаго ропота народа. Этотъ ропотъ и вызвалъ движенїе 73-75 гг., которое было послѣднимъ фазисомъ развитїя социально-революціонной партїи. Это только что указанная, несомнѣнно существующая связь между революціонными движенїями въ интеллигенціи и въ народѣ легко можетъ ускользнуть отъ вниманїя общества по той простой причинѣ, что, благодаря извѣстной, практикуемой въ Россїи системѣ гласности, до свѣдѣнїя нашего общества доводятся преимущественно только о разныхъ мелочахъ; а болѣе же крупныхъ фактахъ народной жизни систематически умалчивается или не менѣе систематически извращается. Напримѣръ, о крестьянскихъ бунтахъ, бывшихъ въ 60-хъ годахъ, общество наше знаетъ только по слухамъ. П. Особое присутствїе вовсе не нуждается въ примѣрахъ. М. Если высказанный мною взглядъ о системѣ русской гласности представляется для особаго присутствїя несомнѣнной истиной, не нуждающейся въ доказательствахъ, то я охотно готовъ воздержаться отъ приведенїя примѣровъ, которые подтвердили бы мою мысль. П. Для суда это не составляетъ истины. Судъ сумѣетъ самъ различить, что истина; отъ него зависитъ придать мнѣнію подсудимаго то или другое значенїе. М. Я это очень хорошо знаю и желаю только полнѣе выяснитъ тотъ весьма важный вопросъ, что движенїя интеллигенціи не созданы искусственно, а составляютъ только отголосокъ народныхъ волненїй. Общество наше въ настоящее время знаетъ только, что былъ судъ и происходитъ судъ надъ нѣсколькими представителями революціоннаго движенїя въ средѣ интеллигенціи, и ему можетъ показаться, что это движенїе не имѣетъ подъ собой твердой почвы, не имѣетъ твердой связи съ народомъ, потому что отъ общества скрыты другїя, болѣе рѣзкія проявленїя революціоннаго духа въ самомъ народѣ; а между тѣмъ въ такихъ проявленїяхъ въ 73—75 гг. недостатка не было. Не говоря уже о волненїяхъ между уральскими казаками, о которыхъ наше общество имѣетъ очень скудныя свѣдѣнїя, во многихъ другихъ мѣстахъ приходилось прибѣгать къ помощи военныхъ командъ для усмиренїя народа; нѣсколько татарскихъ волостей въ Пермской губерніи, раскольниковъ на уральскихъ заводахъ, крестьяне въ Казанской губерніи, въ Воронежской, въ Киевской... П. Вы опять приводите примѣры, въ которыхъ, какъ я уже сказалъ, не нуждается особое присутствїе; да они и не могутъ быть подтверждены на слѣдствїи. М. Иначе мои заявленїя будутъ голословны. П. Вы входили въ вашей рѣчи въ очень подробный разборъ. Я вамъ сдѣлалъ вопросъ о томъ, признаете ли вы себя виновнымъ въ принадлежности къ противозаконному обществу, указанному въ обвинительномъ актѣ; вы себя признали принадлежащимъ къ другому незаконному обществу, какому—вы сказали. Затѣмъ я не вижу, что можетъ еще остаться для выслушанїя суду по этому вопросу. М. Г. Первоприсутствующій! Я хотѣлъ только выяснитъ, что прич-

на нашего преступленія есть народныя движенія, которыя были въ послѣднее время, что эти движенія существуютъ и что наше движеніе есть не болѣе, какъ отголосокъ этихъ движеній. П. Ваши мнѣнія ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить для суда доказательствомъ или такимъ фактомъ, который онъ долженъ былъ бы принять за несомнѣнный выводъ изъ того, что вы говорите. Если желаете говорить, то говорите такъ, чтобы ваша рѣчь въ настоящее время не имѣла защитительнаго характера, потому что до этого еще не дошло дѣло. Говорите такъ, чтобы судъ могъ себя уяснить, признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ преступленіи, въ которомъ обвиняетесь, и что васъ побудило къ этому преступленію; но не касайтесь такихъ фактовъ, которые не могутъ подлежать обсужденію суда. М. Если я говорю, что меня побудило къ этому невыносимое положеніе народа, то я долженъ же привести примѣры?! П. Это совершенно излишне. Вы сослались на тяжелое положеніе народа и продолжайте дальше. М. Я думаю, я имѣю право доказывать правильность моихъ выводовъ. Разумѣется, судъ можетъ относиться къ моимъ мнѣніямъ, какъ ему угодно, но для чего же не дать мнѣ высказать причины, побуждавшія меня, для чего зажимать мнѣ ротъ?... П. Вамъ никто не зажимаетъ ротъ. На основаніи закона я обязанъ допускать пренія и доказательства только противъ того, что предъявлено въ обвиненіи; поэтому я не могу дозволить вамъ говорить о томъ, что не подлежитъ нашему обсужденію. Я вамъ не препятствую продолжать рѣчь, но прошу ограничиваться только выводами, которые вы признаете нужными сказать суду. М. Г. Первоприсутствующій! Я хотѣлъ привести эти примѣры только для того, чтобы выяснить слѣдующее: мы видимъ теперь, что въ числѣ моихъ товарищей—дѣвушка, намѣревающаяся читать крестьянамъ лекціи по социальнымъ вопросамъ,—юноша, давшій книгу крестьянскому мальчику,—вѣскольکو человекъ, разсуждавшихъ о причинахъ народныхъ страданій и высказавшихъ такое мнѣніе, что не худо бы, пожалуй, народное возстаніе:—всѣ они привлечены къ суду, какъ тяжкіе преступники. А лица, открыто возмущившіеся противъ государственной власти и усмиренныя только при помощи штыковъ и розогъ, ссылаются административнымъ порядкомъ. Какъ будто бы у насъ говорить о бунтѣ гораздо преступнѣе, чѣмъ участвовать въ самомъ бунтѣ. Этотъ абсурдъ очень понятенъ: представители другой, болѣе страшной для правительства силы, силы народной, могли бы сказать на судѣ нѣчто болѣе полномѣсное, болѣе неприятное для государственной власти и болѣе поучительное для общества, чѣмъ мы. Поэтому-то имъ и зажимаютъ ротъ и не даютъ имъ возможности сказать свое слово передъ обществомъ. Кромѣ бунтовъ есть еще и другіе, не менѣе значительные факты, доказывающіе усиленіе въ послѣднее время революціонныхъ стремленій въ народѣ, какъ, на примѣръ, распространеніе революціонныхъ сектъ, гдѣ отрицаніе государственной власти возводится въ догматъ: истинникъ этой власти именуется антихристомъ, а представители этой власти—слугами антихриста; образованіе въ крестьянской средѣ обществъ съ спеціальной цѣлью уклоненія отъ платежа повинностей безъ всякой религіозной основы, исчезновеніе цѣлыхъ деревень по той же причинѣ, т. е. какъ результатъ стремленія избавиться отъ невыносимыхъ поборовъ... П. Эти объясненія не относятся къ вопросу о виновности, который я предложилъ вамъ. Я позволилъ вамъ

говорить, потому что вы признали себя виновнымъ въ принадлежности, хотя и не къ тому сообществу, въ которомъ обвиняетъ прокуратура, но къ другому, или къ партіи... М. Я не сказалъ, что признаю себя виновнымъ, и не могъ сказать этого, потому что, напротивъ, считалъ и считаю своею обязанностию, долгомъ чести стоять въ рядахъ социальнореволюціонной партіи. П. Ну да, вы признали себя членомъ партіи и достаточно уже разъяснили свое преступленіе. Все остальное, что вы желали бы сказать, вы можете изложить впоследствии. М. Но для суда необходимо еще знать причины, вызвавшія данное политическое преступленіе. Объ этихъ-то причинахъ я и желалъ бы сказать еще нѣсколько словъ. Возникновеніе социальнореволюціонной партіи относится къ началу 60-хъ годовъ. Оно совершилось, какъ отголосокъ на народныя страданія и народныя волненія, при участіи известной фракціи русской интеллигенціи, благодаря, главнымъ образомъ, двумъ причинамъ: во первыхъ, вліянію на интеллигенцію передовой западно-европейской социалистической мысли и крупнѣйшаго практическаго приѣзженія этой мысли—образованія Международнаго общества рабочихъ; во вторыхъ, уничтоженію крѣпостнаго права, потому что послѣ крестьянской реформы въ средѣ неподатныхъ классовъ образовалась цѣлая фракція, испытывавшая на самой себѣ всю силу гнета государственнаго экономическаго строя, готовая откликнуться на зовъ народа и послужившая ядромъ социальнореволюціонной партіи. Фракція эта—умственный пролетаріатъ. Кромѣ того, крестьянская реформа оказала три важныя услуги социальнореволюціонному дѣлу: 1) съ 19 февраля 1861 г. начинается развитіе капиталистическаго производства съ его неизбѣжнымъ спутникомъ—борьбою между капиталомъ и трудомъ; 2) крестьянская реформа, вмѣстѣ съ другими реформами, послужила для насъ нагляднымъ доказательствомъ истинны, которая прежде была намъ известна только изъ книгъ и по чужому опыту, доказательствомъ полной несостоятельности политическихъ реформъ въ дѣлѣ кореннаго улучшенія народнаго быта. Съ какими восторгомъ, съ какими ликовавіемъ привѣтствовало русское либеральное общество такъ называемыя великія реформы нынѣшняго царствованія!—и что же мы видимъ въ результатѣ? Народъ доведенъ до отчаянно-бѣдственнаго положенія, до небывалыхъ хроническихкихъ голодовокъ, и не нужно особеннаго политическаго радикализма, чтобы усомниться въ благотѣльности всѣхъ этихъ реформъ для народной массы; 3) крестьянинъ, освобожденный отъ помѣщика, сталъ лицомъ къ лицу съ представителями губернской власти, увидѣлъ, что ему нечего надѣяться на эту власть, нечего ждать отъ нея, увидѣлъ, что онъ жестоко обманывался, вѣря въ царскую правду, ища въ ней опору противъ своихъ враговъ... П. Вы достаточно уже выяснили свою мысль... М. Я хочу только сказать, что крестьянамъ не трудно было убѣдиться, что превозносимая, препрославленная крестьянская реформа сводится къ одному: къ переводу болѣе 20-ти милліоновъ крестьянскаго населенія изъ разряда помѣщичьихъ холоповъ въ разрядъ государственныхъ или, вѣрнѣе сказать, чиновничьихъ рабовъ. Какъ прежде крестьянинъ работалъ всю жизнь на помѣщика, такъ теперь весь его трудъ идетъ въ казну. Какъ прежде помѣщикъ былъ полнымъ властелиномъ жизни и собственности крестьянина, такъ теперь чиновникъ... П. Вы говорите о томъ, какъ крестьяне отно-

сатся къ реформамъ и къ правительству; вы не можете говорить объ этомъ здѣсь за крестьянъ... М. Мнѣ необходимо выяснитъ эту сторону вопроса въ особенности потому, что только тогда судъ пойметъ, почему я — сынъ крѣпостной крестьянки и солдата—видѣвшій собственными глазами уничтоженіе крѣпостного права, — не только не благословляю правительство, совершившее эту реформу, но стою въ рядахъ отъявленныхъ враговъ его. Когда крестьяне увидали, что ихъ надѣляютъ песками да болотами, да такими клочками земли, на которыхъ немисленно веденіе хозяйства, сколько-нибудь обезпечивающаго бытъ земледѣльца, а между тѣмъ за эти клочки наложили громаднѣйшіе платежи, превышающіе въ нѣсколько разъ доходность надѣловъ; когда крестьяне увидѣли, что это новое нарушеніе права народа на землю совершается не по произволу помѣщиковъ, а съ утвержденія верховной власти; что въ положеніи 19 февраля нѣтъ той статьи, присутствіе которой они предполагали, которая должна была охранять народныя интересы и скрыта будто бы духовенствомъ и помѣщиками; когда они увидѣли все это, то не могли не убѣдиться, — что имъ не на кого болѣе надѣяться, какъ на свои собственные силы. Рядомъ съ этимъ крестьяне, превратившіеся въ орудіе капиталистическаго производства, поняли всю прелесть такъ называемаго свободнаго договора между голоднымъ труженикомъ и сытымъ капиталистомъ, поняли также, что капиталистъ угнетаетъ рабочаго не только вслѣдствіе экономической несостоятельности послѣдняго, но еще и благодаря тому, что въ спорахъ между капиталистомъ и рабочимъ правительство всегда становится на сторону перваго, — поняли это и не могли не отнестись съ еще большею ненавистью къ угнетающей ихъ государственной власти... П. Я не могу дозволить вамъ порицать правительство. М. Человѣкъ, совершающій политическое преступленіе, самимъ этимъ фактомъ порицаетъ уже правительство. Я не могу вовсе разъяснить моего преступленія, и въ особенности, причинъ его, не касаясь такихъ сторонъ государственной жизни, которыя съ моей точки зрѣнія заслуживаютъ порицанія. Если мое мнѣніе ошибочно, то оно повредитъ только мнѣ. А если въ немъ есть правда, то тѣмъ менѣе основаній зажимать мнѣ ротъ. П. Я не зажимаю вамъ ротъ, я говорю только, что не могу допустить порицать правительство. М. Мнѣ необходимо указать тѣ элементы, изъ которыхъ socially-революціонная партія почерпаетъ свои силы. Я сейчасъ кончу это перечисленіе. Послѣ земледѣльцевъ и фабричныхъ рабочихъ умственный пролетаріатъ, какъ по своему экономическому положенію, такъ и по своимъ знаніямъ, извлеченнымъ изъ историческаго опыта нашего и другихъ народовъ, не могъ не стать въ ряды враговъ государственности. Наконецъ, въ эти же ряды стали изъ другихъ классовъ общества личности, которыя по самой натурѣ своей способны дѣйствовать только во имя извѣстнаго, выработаннаго ими идеала, а не для узкихъ эгоистическихъ цѣлей. Вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ почерпала и до сихъ поръ почерпаетъ свои силы socially-революціонная партія. Прочнымъ цементомъ, скрѣпляющимъ всѣ революціонныя элементы, служитъ крайне бѣдственное положеніе народа и совершенное безправіе російскихъ гражданъ. Что народъ находится въ очень бѣдственномъ положеніи... П. Вы объ этомъ уже говорили, и нельзя возвращаться опять... М. Я не могу не говорить подробно объ этомъ вопросѣ, потому что источникъ всѣхъ рево-

люционныхъ движеній—чрезвычайныя страданія народа и недовольство его своимъ положеніемъ. Притомъ въ обвинительномъ актѣ почти на каждой страницѣ можно найти указанія, что подсудимые напирали, главнымъ образомъ, на тяжесть податей, на недостатокъ земли, на общее обѣднѣніе крестьянъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что мнѣ часто приходится возвращаться къ этому предмету, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе перерывовъ, которымъ я подвергался со стороны г. первоприсутствующаго, я не могу излагать свои соображенія вполне послѣдовательно, систематично. Повторяю, я считаю этотъ вопросъ самымъ существеннымъ, и потому мнѣ необходимо сказать о немъ еще нѣсколько словъ... П. Вы извольте теперь вести вашу рѣчь къ тому, признаете ли вы себя виновнымъ или нѣтъ. М. Я уже сказалъ, что признаю себя членомъ социальна-революціонной партіи. Въ моей рѣчи я хотѣлъ выяснитъ тѣ причины, которыя повлекли за собою созданіе этой партіи. П. Вы уже сказали о причинахъ; намъ больше нечего знать. М. Въ такомъ случаѣ я не могу окончить того, что я хотѣлъ еще сказать по главному вопросу. Перехожу къ другимъ, болѣе частнымъ. Изъ обвинительнаго акта видно, что, по увѣренію прокурора, сообщество, въ принадлежности къ которому я обвиняюсь, поставило цѣлью своей дѣятельности борьбу противъ религіи, собственности, семьи и науки, возводило лѣность и невѣжество на степенъ идеала и судило, въ видѣ ближайшаго осуществленія блага, житье на чужой счетъ. Если бы дѣйствительно подтвердилось, что другіе подсудимые задавались подобными цѣлями, то я руками и ногами окрестился бы отъ солидарности съ ними, и чтобы очистить себя отъ подобныхъ обвиненій, я выскажу свой взглядъ на задачу соц.-револ. партіи по отношенію къ только что перечисленнымъ мяоу вопросамъ. Начну съ религіи. Въ идеалѣ общественнаго строя, стремиться къ осуществленію котораго я поставилъ цѣлью своей дѣятельности, нѣтъ мѣста уголовнымъ наказаніямъ за распространеніе какихъ бы то ни было зловредныхъ, въ томъ числѣ и религіозныхъ идей, за совращеніе въ ереси, за исполненіе или неисполненіе обрядовъ, предписанныхъ такою-то церковью, и т. п. Словомъ, нѣтъ мѣста насилію надъ мыслью и совѣстью человѣка; каждый можетъ вѣрить или не вѣрить, во что ему угодно; каждая община, если только пожелаетъ, будетъ имѣть право строить у себя на свой собственный счетъ сколько угодно церквей и содержать сколько угодно поповъ. Никто помѣшать этому не можетъ, ибо община вполне самостоятельная, вполне независимая устроительница своихъ дѣлъ. Согласно нашему идеалу, не должно быть такой власти, которая принуждала бы подъ страхомъ наказанія лгать, лицемерить... П. Васъ и теперь никто не принуждаетъ лгать, лицемерить. Прошу воздержаться отъ подобныхъ инсинуацій. М. По нашимъ законамъ я, подъ страхомъ уголовного наказанія, не могу перейти изъ православія въ другое вѣроисповѣданіе, слѣдовательно, законъ принуждаетъ меня лицемерить. П. Вы не можете порицать законовъ, и вообще, каковы бы ни были законы, они не подлежатъ нашему обсужденію. М. Я констатирую только извѣстный фактъ. Я говорю, что въ желанномъ намъ строѣ не должно быть такой силы, которая заставляла бы людей насильно, подъ конвоемъ жандармовъ, шествовать въ христіанскій или иной рай. П. (возвысивъ голосъ). Я не могу дозволить такихъ выраженій! М. Словомъ, по отношенію къ религіи я же-

лаю одного—полнѣйшей вѣротерпимости, и глубоко убѣжденъ, что свобода слова въ соединеніи съ правильнымъ воспитаніемъ и образованіемъ непременно приведетъ къ торжеству истины, т. е. къ торжеству научной мысли надъ мыслью теологической, и тогда... П. Намъ вѣтъ дѣла до Вашихъ убѣжденій. М. А за что же я сижу, какъ не за убѣжденія? П. Не за убѣжденія, а за дѣйствія. М. За дѣйствія, которыя служатъ только выраженіемъ моихъ убѣжденій. Перехожу къ другому обвиненію, возводимому на всѣхъ насъ прокуратурой, въ томъ, что мы возводили невѣжество на степень идеала. Это очевидная клевета, и мнѣ не стоитъ ни малѣйшаго труда опровергнуть ее. Приведу хоть одно соображеніе. Кого скорѣе можно считать ревнителемъ невѣжества: тѣхъ ли, кто съ рискомъ для себя, печатаетъ и распространяетъ хоть бы такія книги, какъ сочиненія Лассала, или тѣхъ, кто преслѣдуетъ, истребляетъ подобныя книги? П. Вы произносите защитительную рѣчь, для которой теперь не время. М. Я хочу только возразить на тѣ обвиненія, которыя возведены прокуроромъ на всѣхъ подсудимыхъ огуломъ, а въ томъ числѣ и на меня. П. Это вы успѣете сдѣлать въ свое время, а не теперь. М. Я прошу указать мнѣ моментъ, когда я буду имѣть право говорить объ этомъ. П. Я не обязанъ указывать: это будетъ зависть отъ усмотрѣнія суда. Затѣмъ первопр. обращается къ Мышкину съ вопросомъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ томъ, что составлялъ, печаталъ и разсылалъ въ разныя мѣстности сочиненія, возбуждающія къ бунту или другому неповиновенію власти верховной, съ цѣлью распространенія ихъ. М. Я признаю, что, въ качествѣ содержателя типографіи, я считалъ своею обязанностью, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать печатанію книгъ, запрещенныхъ правительствомъ и прому позволенія теперь же объяснить причины, побудившія меня къ этому. Мысль о необходимости печатанія книгъ антиправительственнаго содержанія созрѣвала во мнѣ постепенно, и я рѣшился, наконецъ, осуществить ее только тогда, когда окончательно убѣдился, что у насъ на Руси печатъ находится въ безотрадно-жалкомъ положеніи, вовсе не соответствующемъ потребностямъ, какъ современнаго образованнаго общества, такъ и въ особенности потребностямъ народа; когда я убѣдился, что у насъ каждый правдивый, неподкрашенный рассказъ изъ жизни трудящагося люда, каждая честно написанная книга, объясняющая дѣйствительныя причины народныхъ страданій, каждая дѣльная статья, указывающая страшныя язвы на русскому государственному и общественному организмѣ,—все это безпощадно преслѣдуется, истребляется, сожигается... П. Вы произносите защитительную рѣчь. М. Могу ли я говорить о причинахъ преступленій? П. Объ этомъ вы можете говорить послѣ... Затѣмъ... (смотреть въ обвинительный актъ). Вы обвиняетесь еще въ томъ... М. Я не буду отвѣчать ни на какіе ваши вопросы, прежде чѣмъ успѣю дать необходимыя разъясненія по первымъ двумъ обвиненіямъ. П. Такъ садитесь. Мышкинъ съль. Затѣмъ былъ допрошенъ свидѣтель Гольдманъ. Мыш. Хотя я на основаніи 729 ст. Уст. угол. суд. имѣю право требовать, чтобы мнѣ было сообщено обо всемъ, бывшемъ на судѣ по первымъ 11 группамъ, но такъ какъ я увѣренъ, что подобное требованіе, несмотря на всю его законность, не будетъ уважено, то я считаю излишнимъ обращаться съ нимъ къ суду. Но я прошу, по крайней мѣрѣ, сообщить мнѣ о тѣхъ наиболее важныхъ

частяхъ суд. слѣдствія, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе ко мнѣ, какъ къ одному изъ членовъ предполагаемаго сообщества. Напримѣръ, всѣ подсудимые, слѣдовательно, въ томъ числѣ и я, обвиняются въ готовности къ совершенію всякихъ преступленій ради пріобрѣтенія денегъ. Я желаю знать, подтвердило ли судебное слѣдствіе тѣ факты, на основаніи которыхъ прокуроръ создалъ это обвиненіе. Такъ, подтвердило ли слѣдствіе, что нѣкоторые подсудимые „предлагали Идалия Польгеймъ сдѣлаться любовницей какого-то старика, курскаго помѣщика, съ тѣмъ, чтобы обобрать его, отравить, а деньги доставить на пользу кружка“. Если я получу отвѣтъ на этотъ вопросъ, то затѣмъ укажу еще нѣсколько подобныхъ же мѣстъ обвинительнаго акта, относительно которыхъ мнѣ необходимо знать, подтверждены ли они суд. слѣдствіемъ. Пер. Во время всего слѣдствія по первымъ 11-ти группамъ ваше имя ни разу не упоминалось; слѣдовательно, оно вовсе не относится до васъ. М. До меня относится всѣ тѣ факты, на которыхъ построены общіе прокурорскіе выводы: напр., я уже указалъ на обвиненіе въ готовности совершить преступленіе ради денегъ. Такъ какъ въ обвинительномъ актѣ не сказано, что оно относится только до такихъ-то лицъ, а возводится вообще на всѣхъ, то, очевидно, что сдѣлано это только вслѣдствіе предположенія солидарности между всѣми нами; поэтому каждый изъ насъ имѣетъ право знать всѣ тѣ части слѣдствія, которыя относятся до подобныхъ общихъ обвиненій. На требованія объясненія, подтвердило ли судебное слѣдствіе, какъ упомянутый мною фактъ, такъ и другіе подобные же факты, я настаиваю потому, что, какъ извѣстно частнымъ образомъ, уже доказана судебнымъ слѣдствіемъ лживость ихъ, а слѣдовательно, и лживость прокурорскихъ выводовъ. П. (возвысивъ голосъ). Прошу не употреблять подобныхъ оскорбительныхъ выраженій. М. Для выясненія вопроса о правѣ моемъ на полученіе требуемыхъ мною свѣдѣній я желаю, чтобы прокуроръ объяснилъ, относится ли обвиненіе въ готовности на всякія преступленія въ числѣ прочихъ подсудимыхъ и ко мнѣ или нѣтъ? П. Подобнаго объясненія прокуроръ теперь не можетъ дать. Когда вы услышите обвинительную рѣчь, тогда и представите свои соображенія. М. Но не располагая данными всего слѣдствія, я лишень буду возможности опровергнуть общіе прокурорскіе выводы, хотя бы они были совершенно неосновательны. П. Вы будете слышать слѣдствіе по этой группѣ и узнаете все, что относится до васъ. М. Но я не узнаю ничего, относящагося до тѣхъ обвиненій, о которыхъ я упомянулъ и которыя возводятся вообще на всѣхъ подсудимыхъ. П. Вы еще не знаете, что будетъ выяснено здѣсь на судебномъ слѣдствіи. М. Обвиненіе меня въ принадлежности къ обществу основано не на какой-либо опредѣленной группѣ свидѣтельскихъ показаній, въ обвинительномъ актѣ вовсе не указаны даже улики, избличающія меня въ этомъ преступленіи; значитъ, обвиненіе это основано исключительно на предположеніи нравственной связи между всѣми подсудимыми, — предположеніи, извлеченномъ, вѣроятно, прокуроромъ изъ всего слѣдственнаго производства. Поэтому и я, какъ сторона, равноправная по закону съ прокуроромъ, имѣю право на ознакомленіе со всѣми данными, подтверждающими, по мнѣнію прокурора, связь между нами, и въ особенности съ тѣми данными, на которыхъ, повторяю, основано обвиненіе всѣхъ насъ огуломъ въ различныхъ

преступленіяхъ. П. Еще разъ говорю, что, находя слѣдствіе по предыдущимъ группамъ не относящимся до васъ, я не считаю нужнымъ сообщать вамъ о немъ. М. Въ такомъ случаѣ я желаю теперь возразить на нѣкоторыя изъ прокурорскихъ обвиненій. Такъ, между прочимъ, въ обвинительномъ актѣ сказано, что мы смотримъ на науку, какъ на средство эксплуатировать народъ, и склоняемъ учащуюся молодежь покидать школы. Я открыто признаюсь, что принадлежу къ числу тѣхъ, которые не видятъ для революціонера необходимости оканчивать курсъ въ государственныхъ школахъ. Такъ какъ этотъ взглядъ навлекъ на насъ уже не мало нареканій со стороны извѣстной части общества, то я считаю необходимымъ объяснить, путемъ какихъ соображеній я пришелъ къ этому взгляду. Я предположилъ: что, если бы Россія въ настоящее время находилась подъ татарскимъ игомъ, и во всѣхъ большихъ городахъ на деньги, собранныя въ видѣ дани съ русскаго народа, существовали бы школы подъ вѣдѣніемъ татарскихъ баскаковъ, въ этихъ школахъ читались бы лекціи о великихъ добродѣтеляхъ татарскихъ хановъ, объ ихъ блестящихъ военныхъ подвигахъ, объ историческомъ правѣ татаръ господствовать надъ русскимъ народомъ и собирать съ него дань... П. Этотъ примѣръ не идетъ къ дѣлу. М. Г. первоприсутствующій! Я обладаю такимъ складомъ ума, что могу усваивать извѣстное положеніе и доказывать справедливость его преимущественно только путемъ аналогій, сравненій. Поэтому прошу позволить мнѣ окончить начатое сравненіе, какъ вполне уясняющее мою мысль. Итакъ, если бы въ предположенныхъ мною школахъ исторія излагалась такимъ образомъ, чтобы доказать неспособность русскаго народа къ самостоятельной жизни, и все обученіе было бы направлено лишь къ тому, чтобы создать изъ русскихъ юношей вѣрныхъ, покорныхъ слугъ татарскихъ хановъ, то спрашивается — была ли бы необходимость оканчивать курсъ въ подобныхъ школахъ для той части русской молодежи, которая желала бы посвятить всѣ свои силы дѣлу воодушевленія русскаго народа къ дружной, единой борбѣ противъ отъявленныхъ враговъ его?—Конечно—нѣтъ. Точно также я думаю, что и въ настоящее время нѣтъ надобности для революціонера въ окончаніи курса въ существующихъ государственныхъ школахъ, потому что... — удерживаюсь отъ окончанія этой фразы изъ опасенія быть остановленнымъ г. первоприсутствующимъ. Затѣмъ въ обвинительномъ актѣ говорится, что сущность революціоннаго ученія заключается въ томъ, что лишеніе ближняго его собственности и уничтоженіе власти, которая сему препятствуетъ, есть формула осуществленія, если не всеобщаго, то нашего личнаго (пропагандистовъ) блага на землѣ. Я, признаюсь, не знакомъ съ такимъ революціоннымъ учепемъ. Ученіе, котораго я придерживаюсь, гласитъ, напротивъ, что обезпеченіе трудящемуся человѣку права полного пользованія продуктомъ его труда и уничтоженіе власти, которая сему препятствуетъ, безусловно необходимы для осуществленія на землѣ блага трудящихся классовъ. Можно ли серьезно называть охранительницею собственности ту самую государственную власть, которая насильственно присвоиваетъ себѣ право налагать на народъ какую угодно контрибуцію, взыскивать эту произвольно наложенную дань при помощи военныхъ командъ, отнимаетъ послѣдній кусокъ хлѣба у крестьянина. Первоприсутствующій пре-

рываетъ Мышкина и между ними завязывается споръ, подобный приведенному выше: Первоприсутствующій кричить, что не можетъ допустить порицанія правительства, а Мышкинъ доказываетъ право политическаго преступника на выраженіе такого порицанія, потому что иначе причина преступленія не можетъ быть выяснена. Только недовольство правительствомъ, говоритъ онъ, и вообще существующимъ строемъ создаетъ революціонеровъ. Кончается тѣмъ, что Мышкинъ принужденъ былъ отказаться отъ разбора наиболѣ существенныхъ общихъ прокурорскихъ выводовъ, изложенныхъ на первыхъ страницахъ обвинительнаго акта. „Значить“, — прибавилъ Мышкинъ, — „прокуроръ можетъ говорить и писать, что ему угодно, а мы всѣ должны молчать“, затѣмъ онъ продолжалъ:— „Перехожу къ другому предмету. Прошу заявить о тѣхъ незаконныхъ, насильственныхыхъ мѣрахъ, которыя были приняты противъ меня во время предварительнаго ареста. Послѣ перваго же допроса я, за нежеланіе отвѣчать на нѣкоторые изъ предложенныхъ мнѣ вопросовъ, былъ закованъ сначала въ ножные кандалы, а спустя нѣкоторое время еще въ наручники. Одновременно съ этимъ я былъ лишенъ права пользоваться не только чаемъ, но даже просто кипяченою водою“. П. Ваше заявленіе совершенно голословно. М. О заковкѣ въ кандалы имѣется протоколъ въ дѣлѣ. До какой мелочности доходитъ истительность властей по отношенію къ политическому преступнику, въ которомъ они видятъ своего личнаго врага, лучше всего показываетъ слѣдующій, правда, мелкій, но очень характерный фактъ. Когда я унизился до ничтожной просьбы о дозволеніи носить подъ кандалами чулки, потому что на ногахъ образовались язвы отъ кандаловъ, то даже на эту ничтожную просьбу я получилъ отказъ. Затѣмъ во все время содержанія меня подъ стражею мнѣ ни разу не позволили повидаться съ матерью. П. Судъ не можетъ провѣрить ваши показанія, какъ совершенно голословныя. М. Я обращался въ особое присутствіе съ просьбою объ истребованіи, откуда слѣдуетъ, справокъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ заковку меня въ кандалы, но особое присутствіе не нашло мою просьбу заслуживающей уваженія. Что же касается до запрещенія мнѣ видѣться съ матерью, то провѣрить эти слова очень легко, — стоять только спросить у Желеховскаго мое прошеніе по этому предмету и его отвѣтъ. П. Дѣйствія прокураторы не подлежатъ разсмотрѣнію суда: она имѣетъ свое начальство. Особое присутствіе не можетъ входить въ разсмотрѣніе подобныхъ обстоятельствъ. М. Насильственные мѣры, подобныя указаннымъ мною, не могутъ не оказать вліянія на характеръ объясненій подсудимаго, а слѣдовательно, и на то представленіе, которое составляютъ о немъ предварительно судьи; поэтому... П. Вы не можете знать, какое мнѣніе мы имѣемъ о васъ. М. Но я думаю, что это представленіе основывается, главнымъ образомъ, на документахъ предварительнаго слѣдствія, и потому для судей не лишнее знать, какія пытки пускаются въ ходъ съ цѣлью вымучиванія отъ подсудимыхъ желаемыхъ для властей показаній, хотя нерѣдко безуспѣшно. П. Эти мѣры были приняты противъ васъ на дознаній; особому присутствію не подлежатъ разсмотрѣніе дѣйствій лицъ, принимавшихъ эти мѣры. М. Итакъ, насъ могутъ пытать, мучить, а мы не только не можемъ искать правды — конечно, я не настолько наивенъ, чтобы ожидать правды отъ суда и различныхъ властей, но насъ лишаютъ даже возможности довести до свѣ-

дѣнія общества, что на Руси обращаются съ политическими преступниками хуже, чѣмъ турки съ христіанами. П. О какихъ такихъ пыткахъ говорите вы? М. Да, я смѣло могу сказать, что насъ подвергаютъ пыткамъ. Я указалъ на кандалы, но это пустяки въ сравненіи съ другими мѣрами, которые принимались для вымучиванія отъ насъ показаній. Напримѣръ, я въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ лишенъ былъ права чтенія какихъ бы то ни было книгъ, даже духовнаго содержанія, даже Евангелія, и жандармскій офицеръ откровенно говорилъ мнѣ, что какъ только я дамъ требуемая показанія относительно предполагавшихся моихъ соучастниковъ, то мнѣ немедленно позволятъ имѣть книги, журналы, газеты. П. Ваше заявленіе опять-таки голосовое. М. Я подавалъ нѣсколько жалобъ на это беззаконіе, но онѣ почему-то не приложены къ дѣлу, а спрятаны подъ зеленое сукно. Сидѣть въ одиночномъ заключеніи безъ всякихъ книгъ—это очень тяжелая, очень сильная пытка. Въ виду такихъ мѣръ, можно ли удивляться, что въ нашей средѣ оказался такой громадный процентъ смертности и сумасшествія. Да, многіе, очень многіе изъ нашихъ товарищей сошли уже въ могилу, не дождавшись суда. П. Теперь не время и незачѣмъ заявлять объ этомъ. М. Неужели мы цѣною продолжительной каторги, которая ждетъ насъ, не кушили себѣ даже права заявить на судѣ о тѣхъ насиліяхъ физическихъ и нравственныхъ,—которымъ подвергали насъ? На каждомъ словѣ объ этомъ намъ зажимаютъ ротъ. П. Тѣмъ не менѣе вы высказали все, что хотѣли. М. Нѣтъ, это еще не все, а если позволите, я кончу. П. Нѣтъ, теперь этого не могу дозволить. М., Въ такомъ случаѣ, послѣ всѣхъ многочисленныхъ перерывовъ, которыхъ я удостоился со стороны первоприсутствующаго, мнѣ остается сдѣлать одно, вѣроятно, послѣднее заявленіе. Теперь я окончательно убѣдился въ справедливости мнѣнія моихъ товарищей, заранѣе отказавшихся отъ всякихъ объясненій на судѣ, того мнѣнія, что, несмотря на отсутствіе гласности, намъ не дадутъ возможности выяснитъ истинный характеръ дѣла. Теперь для всѣхъ очевидно, что здѣсь не можетъ раздаваться правдивая рѣчь, что здѣсь на каждомъ откровенномъ словѣ зажимаютъ ротъ подсудимому. Теперь я могу, я имѣю полное право сказать, что это не судъ, а простая комедія, или вѣчто худшее, болѣе отвратительное, позорное, болѣе позорное... При словахъ „пустая комедія“ Петерсъ закричалъ:—„уведите его!“ Жандармскій офицеръ бросился на Мышкина, но подсудимый Рабиновичъ, загородивъ собою дорогу и придерживая дверцу, ведущую на „голгофу“¹⁾, не пущалъ офицера; послѣдній послѣ нѣсколькихъ усилій оттолкнувъ Рабиновича и другого подсудимаго, Стопане, старавшагося также остановить его, и обхвативши одною рукою самого Мышкина, чтобы вывести его, другою сталъ зажимать ему ротъ.—Послѣднее однакожъ не удалось: Мышкинъ продолжалъ все громче и громче начатую имъ фразу... „болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости: тамъ женщина изъ-за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чи-

1) „На голгофу“ отдѣлены пять подсудимыхъ: Коваликъ, Войваральскій, Рогачевъ, Мышкинъ и Костюринъ, которыхъ вообще содержатъ подъ стражей на особомъ положеніи, подъ присмотромъ особо приставленныхъ къ нимъ жандармовъ.

новъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорогаго для челоѵчества“. Когда Мышкинъ говорилъ это, на помощь офицеру бросилось еще нѣсколько жандармовъ, и завязалась борьба. Жандармы смяли Рабиновича, преграждавшаго имъ дорогу, схватили Мышкина и вытащили его изъ залы. Подсудимый Стопане приблизился къ рѣшеткѣ, отдѣляющей его отъ судей, и громко закричалъ: „Это не судъ! Мерзавцы! Я васъ презираю, негодяи, холопы!“ — Жандармъ схватилъ его за грудь, потомъ толкнулъ въ шею, другіе подхватили и потащили. Тоже послѣдовало и съ Рабиновичемъ. Эта сцена безобразнаго насилія вызвала громкіе крики негодованія со стороны подсудимыхъ и публики. Публика инстинктивно вскочила со своихъ мѣстъ. Страшный шумъ заглушилъ конецъ фразы Мышкина. Вообще во время этой баши-бузукской расправы съ подсудимыми въ залѣ господствовало величайшее смятеніе. Нѣсколько женщинъ изъ числа подсудимыхъ и публики упало въ обморокъ, съ одной случился истерическій припадокъ. Раздавались стоны, истерическій хохотъ, крики: „Боже мой, что это дѣлаютъ“. Варвары! бьютъ, колютъ подсудимыхъ! Палачи, живодеры проклятые!“ Защитники, пристава, публика, жандармы — все это задвигалось, заволиновалось. Такъ какъ публика не обнаружила особой готовности очистить залу, то явилось множество полицейскихъ и подъ ихъ напоромъ публика была выпровождена изъ залы суда. Часть защитниковъ старалась привести въ чувство женщинъ, упавшихъ въ обморокъ. Рассказываютъ, что туда же сунулся жандармскій офицеръ. — „Что вамъ нужно?“ — спрашиваетъ его одинъ изъ защитниковъ. — „Можетъ быть, понадобятся мои услуги?“ — „Уйдите, пожалуйста, развѣ вы не видите, что одинъ вашъ видъ приводитъ людей въ бѣшенство?“ — отвѣтилъ адвокатъ; — офицеръ махнулъ рукой и ушелъ, послѣдовавъ умному совѣту. Во время расправы первоприсутствующаго съ товарищами, прокуроръ и секретарь вскочили съ своихъ мѣстъ и, видимо, смущенные, оставались все время на ногахъ. Первоприсутствующій ушелъ и, растерявшись, позабылъ объявлять засѣданіе закрытымъ. Приставъ отъ его имени объявилъ засѣданіе закрытымъ. Говорятъ, будто защитники возразили, что имъ нужно слышать это изъ устъ самого предсѣдателя. Поэтому они были приглашены въ особую комнату, гдѣ первоприсутствующій объявилъ имъ о закрытіи засѣданія. Защитники требовали составленія протокола о кулачной расправѣ, но первоприсутствующій не счелъ нужнымъ удовлетворить ихъ просьбу и даже упрекнулъ адвокатовъ въ подстрекательствѣ. Желеховскій воскликнулъ по этому поводу: — „Это чистая революція!“

Приговоръ по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи (изъ „Правительственнаго Вѣстника“).

1877/8 года Октября 18-го/Января 23-го дня.

По указу Его Императорскаго Величества правительствующій сенатъ, въ особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, въ слѣдующемъ составѣ: Г. первоприсутствующій К. К. Ренненкампфъ, Г. сенаторы: М. Н. Похвисневъ, баронъ М. Н. Медемъ, Н. О. Тизенгаузенъ, Б. Н. Хвостовъ, предводители дворянства: черниговской гу-

берни Н. И. Неплюевъ, вышневолоцкій уѣздный П. И. Спазнь-Торма-совъ, новгородскій городской голова Я. И. Журавлевъ и стародеревенскій волостной старшина П. С. Лукьяновъ. При оберъ-секретарѣ В. В. Поповѣ. Въ присутствіи товарища оберъ-прокурора В. А. Желуховскаго и прокурора екатеринбургскаго окружнаго суда Н. И. Шубина. Слушалъ дѣло о революціонной пропагандѣ въ Имперіи. Выслушавъ дѣло и пренія сторонъ, правительствующій сенатъ находитъ, что въ 1872 году, подъ влияніемъ западно-европейскихъ революціонныхъ ученій, нѣсколько лицъ, по предварительному между собою соглашенію, составила въ Россіи противозаконное общество, съ цѣлью ниспроверженія правительства и установленнаго закономъ государственнаго устройства въ Россійской Имперіи въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Сообщество это, въ составъ коего вступили, съ знаніемъ о цѣляхъ онаго, много лицъ разнаго званія и возраста, для достиженія указанной выше цѣли, предпріяло распространеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи соотвѣтствующаго той цѣли ученія среди крестьянскаго населенія, рабочихъ людей и учащагося юношества, какъ путемъ устнаго наставленія, такъ и путемъ ввоза изъ заграницы и печатанія въ Россіи направленныхъ къ осуществленію той же цѣли сочиненій. Устныя наставленія производились частью на собираемыхъ для сего сходкахъ, частью въ устраиваемыхъ отдѣльными лицами мастерскихъ и учреждаемыхъ, для обученія народа, частныхъ школахъ. Ввозъ книгъ изъ-заграницы производился какъ членами сообщества, такъ и посторонними лицами по порученію означенныхъ членовъ и при ихъ содѣйствіи. Наконецъ, печатаніе книгъ вышеуказаннаго преступнаго содержанія производилось въ устроенной для сего въ Москвѣ типографіи, откуда отпечатанныя книги и неброшюрованные листы разсланы были въ разныя мѣстности Россіи, гдѣ и были задержаны въ 1874 году. Независимо отъ вышеизложенной дѣятельности сообщества, нѣкоторые изъ членовъ онаго, а также лица, въ составъ сообщества не вступавшія, распространяли въ народѣ и среди учащагося юношества, съ цѣлью возбужденія ихъ къ явному неповиновенію власти верховной, сочиненія, по содержанію своему той цѣли соотвѣтствующія. Разсмотрѣвъ во всей подробности всѣ данныя, добытыя какъ предварительнымъ, такъ и судебнымъ слѣдствіемъ, правительствующій сенатъ, въ особомъ присутствіи, нашель: во первыхъ, что виновными въ составленіи вышеупомянутаго противозаконнаго сообщества представляются слѣдующіи, привлеченныя къ сему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, лица: 1) солдатскій сынъ Ипполитъ Никитинъ Мышкинъ, нынѣ 30-ти лѣтъ; 2) мѣщанинъ Порфирій Ивановъ Войнаральскій, 33-хъ лѣтъ; 3) дворянинъ Сергій Филипповъ Коваликъ, 31-го года, и 4) дворянинъ Дмитрій Михайловъ Рогачевъ, 26-ти лѣтъ. Во вторыхъ, что виновными въ томъ, что вступили въ упомянутое общество, съ знаніемъ о цѣляхъ онаго, оказываются: 1) дворянинъ Сергій Сидовъ Синегубъ, нынѣ 26-ти лѣтъ; 2) сынъ священника Василій Аполлоновъ Стаховскій, 26-ти лѣтъ; 3) мѣщанинъ Моисей Абрамовъ Рабиновичъ, 20-ти лѣтъ; 4) крестьянинъ Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда, Зубковской волости, деревни Мишино, Теофанъ Никандровъ Лермонтовъ, 29-ти лѣтъ; 5) дворянинъ Феликсъ Вадимовъ Волховской, 32-хъ лѣтъ, 6) дворянинъ Сергій Александровъ Жебуневъ, 28-ми лѣтъ; 7) дворянинъ Викторъ Фе-

доровъ Костюринъ, 21-хъ лѣтъ; 8) почетный гражданинъ Петръ Оедоровъ Ларионовъ, 25-ти лѣтъ; 9) дворянка Софья Александровна Лешеръ фонъ-Герцфельдъ, 37-ми лѣтъ; 10) оберъ-офицерскій сынъ Владимиръ Яковлевъ Мейеръ, 26-ти лѣтъ; 11) дворянинъ Иванъ Ивановъ Добровольскій, 27-ми лѣтъ; 12) дворянинъ Тимошей Александровъ Квятковскій, 25-ти лѣтъ; 13) дворянинъ Викторъ Александровъ Осташкинъ, 23-хъ лѣтъ; 14) дворянинъ Николай Аполлоновъ Чарушинъ, 25-ти лѣтъ; 15) дворянинъ Леонидъ Эммануиловъ Шишкэ, 25-ти лѣтъ; 16) дворянинъ Петръ Маркеловъ Макаревичъ 25-ти лѣтъ; 17) дворянинъ Михаилъ Васильевъ Куприяновъ, 24-хъ лѣтъ; 18) дворянинъ Александръ Васильевъ Низовкинъ, 27-ми лѣтъ; 19) дворянка Елена Иванова Аверкіева, 27-ми лѣтъ; 20) дворянка Екатерина Константиновна Брешковская, 33-хъ лѣтъ; 21) дворянка Ефрузина Викентьевна Супинская, 25-ти лѣтъ; 22) сынъ священника Александръ Ивановъ Ливановъ, 27-ми лѣтъ; 23) сынъ священника Назаннаиль Юновъ Скворцовъ, 26-ти лѣтъ; 24) австрійскій подданный Александръ Осиповъ Лукашевичъ, 22-хъ лѣтъ; 25) дочь майора Софья Андреевна Иванова, 21 года; 26) почетный гражданинъ Николай Елисеѣвъ Гориновичъ, 22-хъ лѣтъ; 27) дворянинъ Александръ Константиновъ Артамоновъ, 24-хъ лѣтъ; 28) дворянинъ Николай Михайловъ Барковъ, 24 лѣтъ; 29) дворянинъ Гавріиль Георгіевъ Вожко-Божинскій, 24-хъ лѣтъ; 30) крестьянинъ Ярославской губерніи, Рыбинскаго уѣзда, Копринской волости, деревни Люшново, Сергій Ивановъ Виноградовъ, 23-хъ лѣтъ; 31) дворянинъ Юрій Николаевъ Говоруха-Отрокъ, 26-ти лѣтъ; 32) дворянинъ Левъ Сергѣевъ Городецкій, 24-хъ лѣтъ; 33) дворянинъ Викторъ Александровъ Даниловъ, 26-ти лѣтъ; 34) мѣщанинъ Михаилъ Накитинъ Кацъ, 25-ти лѣтъ; 35) крестьянинъ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, Тушиковской волости, деревни Екатины, Михаилъ Андреевъ Орловъ, 26-ти лѣтъ; 36) дворянинъ Иванъ Павловъ Владзевичъ, 24-хъ лѣтъ; 37) дворянка Клеопатра Павлова Владзевичъ, 26-ти лѣтъ; 38) дворянка Варвара Иванова Ваховская, 22-хъ лѣтъ; 39) сынъ колониста Иванъ Ивановъ Гауэнштейнъ, 30-ти лѣтъ; 40) дворянинъ Аркадій Алексѣевъ Головинъ, 25-ти лѣтъ; 41) дворянинъ Митрофанъ Александровъ Грипенковъ, 21 года; 42) дворянинъ Алексѣй Алексѣевъ Дробышъ-Дробышевскій, 21-го года; 43) мѣщанинъ Соломонъ Лейбовъ Аранзонъ, 24-хъ лѣтъ; 44) сынъ дьякона Алексѣй Егоровъ Знаменскій, 24-хъ лѣтъ; 45) почетная гражданка Александра Иванова Корнилова, 24-хъ лѣтъ; 46) дочь священника Анна Дмитриева Кувшинская, 26-ти лѣтъ; 47) дочь коллежскаго совѣтника Татьяна Ивановна Лебедева, 26-ти лѣтъ; 48) сынъ священника Петръ Андреевъ Ломоносовъ, 21-го года; 49) мѣщанинъ Киріакъ Родіоновъ Милоглазкинъ, 27-ми лѣтъ; 50) дворянинъ Степанъ Васильевъ Мокіевскій-Зубокъ, 25-ти лѣтъ; 51) мѣщанинъ Николай Александровъ Морозовъ, 29-ти лѣтъ; 52) дворянинъ Владимиръ Алексѣевъ Осиповъ, 23-хъ лѣтъ; 53) дворянинъ Николай Алексѣевъ Саблинъ, 28-ми лѣтъ; 54) сынъ дьякона Михаилъ Теокистовъ Сиѣсивцевъ, 24-хъ лѣтъ; 55) дворянинъ Левъ Александровъ Тихоміровъ, 26-ти лѣтъ; 56) сынъ священника Иванъ Дмитриевъ Трезвинскій, 24-хъ лѣтъ; 57) дворянинъ Анатолій Ивановъ Фаресовъ, 24-хъ лѣтъ; 58) дворянинъ Василій Оедоровъ Фишеръ, 30-ти лѣтъ; 59) австрійскій подданный Андрей Аевасевъ Франжолі, 28-ми лѣтъ

60) дочь титулярнаго совѣтника Надежда Александровна Юргенсонъ, 22-хъ лѣтъ и 61) дворянинъ Александръ Викторовъ Ярцевъ, 2-и лѣтъ. Въ третьихъ, что подсудимыя: дворянка Елизавета Федорова Ермолаева, 26-ти лѣтъ, и жена штабсъ-капитана Ольга Павлова Фетисова, 29-ти лѣтъ, оказываются виновными въ томъ, что, не принадлежа къ противозаконному сообществу, но зная о дѣятельности оного и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія начальства, не исполнили сей обязанности. Въ четвертыхъ, что изъ числа вышеуказанныхъ въ 1-мъ и во 2-мъ пунктахъ подсудимыхъ, составлявшихъ противозаконное сообщество и вступившихъ въ оное, нижепоименованные оказываются, сверхъ того, виновными въ томъ, что съ цѣлію возбудить рабочее населеніе и учащееся юношество къ явному неповиновенію власти верховной, распространяли въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи сочиненія, по содержанию своему той дѣли соотвѣтствующія, а именно: а) Порфирій Вайнаральскій, въ 1874 году, въ городѣ Пензѣ, согласивъ другое лицо, къ составу общества не принадлежавшее, распространять сочиненія, возбуждающія къ неповиновенію власти верховной, передалъ этому лицу 30 экземпляровъ книгъ упомянутаго преступнаго содержания, въ томъ числѣ „Исторію одного французскаго крестьянина“, „Стеньку Разина“ и прокламацію „Что-то братцы“, и въ томъ же году, въ Самарѣ, читалъ рабочимъ плотничной артели „Исторію одного французскаго крестьянина“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“; б) Дмитрій Рогачевъ, въ 1873 году, въ селѣ Нижнемъ-Шкафтѣ, Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи, распространялъ между крестьянами этого селенія книги подъ заглавіемъ: „Стенька Разинъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“ и прокламацію „Что-то братцы“ и въ 1874 году, въ городѣ Пензѣ, распространялъ между учениками мѣстныхъ учебныхъ заведеній сочиненія: „Государственность и анархія“, „Историческое развитіе интернаціонала“ и журналъ „Впередъ“; в) Сергѣй Коваликъ, въ 1874 году, въ городѣ Ярославлѣ передалъ студенту ярославскаго лицея Богданову книги: „Государственность и анархія“ и „Историческое развитіе интернаціонала“ и въ томъ же году, въ городѣ Харьковѣ, согласивъ нѣсколько лицъ распространять между воспитанниками разныхъ учебныхъ заведеній съ упомянутою выше цѣлію сочиненія, той дѣли соотвѣтствующія, и для приведенія сего въ исполненіе, передалъ тѣмъ лицамъ книги подъ заглавіемъ: „Государственность и анархія“, „Исторія одного французскаго крестьянина“ и „Стенька Разинъ“, и затѣмъ, по отъѣздѣ изъ Харькова, доставлялъ имъ другія книги такого же преступнаго содержания; г) Сергѣй Синегубъ, въ 1873 году, въ Петербургѣ читалъ фабричнымъ рабочимъ сказку „Объ Ильѣ Муромцѣ“, „Стеньку Разина“, стихотвореніе „Барка“, а собиравшимся у него на квартирѣ лицамъ—журналъ „Впередъ“; независимо отъ сего, овъ передалъ для распространенія крестьянину Зарубасеву, въ количествѣ 40 экземпляровъ, слѣдующія книги: „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Стенька Разинъ“, писенникъ, „прокламацію „Что-то братцы“ и др.; д) Василій Стаховскій, въ 1873 году, въ Петербургѣ, въ своей квартирѣ, читалъ фабричнымъ рабочимъ книги: „Стенька Разинъ“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“; е) Моисей Рабиновичъ, въ 1874 году, привезъ въ городъ Харьковъ книги подъ заглавіемъ: „Государственность и анархія“, „Историческое развитіе интернаціонала“, „Сказку о четырехъ

братьяхъ“ и передалъ нѣсколькимъ лицамъ тѣ сочиненія, совѣтуя распространять оныя съ цѣлью возбужденія къ явному неповиновенію власти верховной; ж) Иванъ Добровольскій, въ концѣ 1873 и въ началѣ 1874 года, въ селѣ Потаповѣ, Даниловскаго уѣзда, Ярославской губерніи, въ устроенной другимъ лицомъ мастерской неоднократно читалъ рабочимъ этой мастерской и раздавалъ крестьянамъ сочиненія подъ заглавіемъ: „Степка Разинъ“ и „Государственность и анархія“, при чемъ чтеніе этихъ книгъ сопровождалъ объясненіями, направленными къ достиженію вышеупомянутой преступной цѣли: з) Тимошей Квятковскій, лѣтомъ 1874 года, въ селѣ Колтушахъ, Тульской губерніи, Тульскаго уѣзда, въ слесарной мастерской читалъ рабочимъ этой мастерской сочиненія вышеуказаннаго преступнаго содержанія, въ томъ числѣ: „Сказку о четырехъ братьяхъ“; и) Николай Чарушинъ; і) Леопидъ Шишко и к) Михаилъ Купріяновъ, въ 1873 году, въ Петербургѣ читали фабричнымъ рабочимъ въ особомъ, нанятомъ для нихъ помѣщеніи, сочиненія подъ заглавіемъ: „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Степка Разинъ“, а также давали рабочимъ означенныя сочиненія для чтенія; л) Александръ Низовкинъ, въ началѣ 1874 года, въ Петербургѣ, передалъ въ бібліотеку фабричныхъ рабочихъ значительное количество экземпляровъ сочиненій подъ заглавіями: „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Гражданская война во Франціи“ и „Степка Разинъ“, каковыя сочиненія поступили въ составъ той бібліотеки и были выдаваемы рабочимъ для чтенія; м) Александръ Ливановъ, въ концѣ 1873 года, въ городѣ Нижнемъ-Новгородѣ, читалъ и раздавалъ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и ученикамъ семинари, книги подъ заглавіями: „Степка Разинъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Слово вѣрующаго къ народу“ и „Гражданская война во Франціи“; н) Викторъ Осташкинъ, въ іюлѣ 1874 года, въ городѣ Самарѣ, читалъ рабочимъ артели плотниковъ „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и „Исторію одного французскаго крестьянина“. Сверхъ того, слѣдующіе подсудимые, неизобличенные въ принадлежности къ противозаконному сообществу, виновны также въ распространеніи книгъ вышеизложеннаго преступнаго содержанія съ цѣлью возбужденія къ явному неповиновенію власти верховной, а именно: лишенный всѣхъ правъ состоянія Митрофанъ Даниловъ Муравскій, нынѣ 40 лѣтъ, въ 1874 году въ городѣ Оренбургѣ и затѣмъ, странствуя по Белебеевскому и Челябинскому уѣздамъ, читалъ и раздавалъ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и крестьянамъ, книги подъ заглавіями: „Сказка о четырехъ братьяхъ“ и „Исторія одного французскаго крестьянина“ и журналъ „Впередъ“; крестьянинъ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, Дмитровской волости, села Стружина, Степанъ Петровъ Зарубаевъ, 30-ти лѣтъ, получивъ въ 1874 году, въ Петербургѣ значительное количество книгъ, въ томъ числѣ „Исторію одного французскаго крестьянина“, „Пѣсенникъ“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и прокламацію „Чтой-то братцы“, по прибытіи на родину въ Тверскую губернію, раздалъ часть этихъ книгъ нѣсколькимъ крестьянамъ; крестьянинъ Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, Морозовской волости, деревни Шелковой, Иванъ Осиповъ Союзовъ, 29-ти лѣтъ, въ 1875 году, въ городѣ Харьковѣ, подъ именемъ Павла Александрова, передалъ рабочему, крестьянину Федору Семенову, саквояжъ съ книгами, въ томъ числѣ

прокламацію „Что-то братцы“, совѣтуя читать тѣ книги и, въ случаѣ отхода отъ мѣста, передать другому рабочему; онъ же, Соколовъ, въ 1875 году, въ городѣ Харьковѣ, работая въ вагонной мастерской, раздавалъ нѣсколькимъ рабочимъ этой мастерской книги подъ заглавіями: „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Стенька Разинъ“ и прокламацію „Что-то братцы“; мѣщанинъ Сергѣй Антоновичъ Стопане, 20-ти лѣтъ, въ 1874 году, состоя домашнимъ учителемъ у помѣщика Усманскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, Янова, читалъ прислугѣ этого помѣщика и давалъ читать коллежскому регистратору Логвинову книги подъ заглавіями: „Сборникъ новыхъ пѣсень и стиховъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и сынъ коллежскаго совѣтника Иванъ Николаевъ Чернявскій, 27-ми лѣтъ, въ 1874 году, въ Москвѣ, въ трактирѣ передалъ рабочимъ Дмитрію Григорьеву и Нефеду Комарову книгу подъ заглавіемъ „Сказка о четырехъ братьяхъ“. Въ пяти хъ—что подсудимые Порфирій Войнаральскій и Ипполитъ Мышкинъ оказываются также виновными въ томъ, что съ цѣлью возбудить къ явному неповиновенію власти верховной они, въ 1874 году, въ городѣ Москвѣ составили направленное по содержанию своему, къ возбужденію такого неповиновенія сочиненіе подъ заглавіемъ „Исторія одного изъ многострадальныхъ“. Въ шести хъ, что нижепоименованные подсудимые оказываются виновными: одни—въ покушеніи на распространеніе книгъ вышеуказаннаго преступнаго содержания съ цѣлью возбужденія явнаго неповиновенія власти верховной, а другіе—въ участіи въ семь покушеніи. Это покушеніе и это участіе выразились въ печатаніи и разсылкѣ книгъ преступнаго содержания, и ввозѣ такихъ же книгъ изъ-за границы, каковыя книги не получили дальнѣйшаго распространенія потому, что были во-время задержаны. Такъ, подсудимые Войнаральскій и Мышкинъ въ типографіи, устроенной въ Москвѣ, печатали, упаковывали и разсылали въ разныя мѣстности имперіи, для распространенія, книги подъ заглавіями: „Исторія одного изъ многострадальныхъ“, выдержки изъ журнала „Впередъ“, прокламацію „Что-то братцы“; подсудимые, Елена Аверкіева, Ефрузина Супинская, Софья Иванова и Нафанаилъ Скворцовъ, изъявивъ согласіе помогать Мышкину и Войнаральскому въ печатаніи и разсылкѣ сочиненій вышеуказаннаго преступнаго содержания, набирали для печати означенныя сочиненія, и сверхъ того, Супинская и Скворцовъ занимались корректурою отпечатаннаго и вмѣстѣ съ Ивановою участвовали въ отправкѣ отпечатанныхъ листовъ по назначенію; а Аверкіева работала надъ фальцованіемъ означенныхъ листовъ, и затѣмъ, по доставленіи въ Саратовъ транспорта съ книгами и отпечатанными листами, продолжала заниматься тамъ сею послѣднею работою. Въ участіи во ввозѣ изъ заграницы, съ цѣлью распространенія книгъ, по содержанию своему направленныхъ къ возбужденію неповиновенія власти верховной, оказываются виновными подсудимые: сынъ купца Соломонъ Лейзеровъ Чудновскій, 27-ми лѣтъ, поименованный выше во 2-мъ пунктѣ Петръ Макаревичъ и сынъ купца Михаилъ Петровъ Сажинъ, 29 лѣтъ. Преступная дѣятельность сихъ лицъ выразилась въ слѣдующемъ: Чудновскій, находясь за границею, приобрѣлъ значительное количество сочиненій вышеуказаннаго преступнаго содержания, въ томъ числѣ книги подъ заглавіемъ: „Исторія одного французскаго крестьянина“,

„О мученикѣ Николаѣ“, журналъ „Впередъ“, и затѣмъ, узнавъ, что тюки съ означенными книгами ввезены въ предѣлы государства, и прибывъ въ Одессу 27-го января 1874 года, поѣхалъ за получениемъ ихъ по указанному ему адресу, но книгъ не получилъ. потому что былъ задержанъ; Петръ Макаревичъ, узнавъ о доставкѣ въ Одессу изъ-заграницы вышеозначенныхъ книгъ, отправился, 27-го января 1874 года, за получениемъ тюковъ съ книгами, но не могъ привести своего намѣренія въ исполненіе. потому что не разыскалъ дома, гдѣ должна была произойти передача тѣхъ тюковъ; подсудимый Сажинъ, согласившись помогать, съ указанною уже выше преступною цѣлью, ввозу изъ-заграницы для распространенія въ Россіи сочиненій, той цѣли соотвѣтствующихъ, въ пограничномъ съ Россіей мѣстечкѣ отыскалъ лицо (Эдельштейна), принявши на себя перевозку тѣхъ сочиненій черезъ границу, условился съ симъ лицомъ относительно этой перевозки и затѣмъ доставлялъ означенныя сочиненія, въ томъ числѣ книги: „Государственность и анархія“ и „Историческое развитіе интернационала“, въ то мѣсто, изъ котораго, согласно условію, надлежало перевезти ихъ чрезъ границу, что затѣмъ и было исполнено. Кромѣ означенныхъ лицъ, привлеченныхъ къ настоящему дѣлу, въ качествѣ обвиняемаго, мѣщанинъ Мовша Вульфовъ Эдельштейнъ, 37-ми лѣтъ, оказывается виновнымъ въ томъ, что, не принимая прямого участія въ распространеніи сочиненій, побуждающихъ къ явному неповиновенію власти верховной, изъ корыстныхъ видовъ согласился помогать ввозу тѣхъ сочиненій въ предѣлы Россіи, для достиженія чего принималъ тѣ сочиненія, знал, что они упомянутого преступнаго содержанія, въ пограничномъ съ Россіей мѣстечкѣ, перевозилъ тюки съ книгами черезъ границу и затѣмъ пересылалъ оныя въ заранѣе условленные города. Наконецъ, въ покушеніи на преступное распространеніе сочиненій вышеупомянутого содержанія оказывается виновною поименованная уже во второмъ пунктѣ подсудимая, дворянка Екатерина Брешковская: она, съ цѣлью возбудить крестьянъ къ бунту, отправилась, въ сентябрѣ 1874 года, подъ именемъ крестьянки Феклы Косой, въ Подольскую губернію для распространенія между ними экземпляровъ имѣвшейся у нея прокламаціи, по содержанію своему цѣли той соотвѣтствующей, но не успѣла привести своего намѣренія въ исполненіе, потому что была задержана около мѣстечка Тульчина. Въ сѣдмыхъ — что подсудимые: сынъ купца Исаакъ Абрамовъ Павловскій, 24 лѣтъ, сынъ купца Иннокентій Павловъ Пьянковъ, 22-хъ лѣтъ, и сынъ священника Дмитрій Петровъ Соколовъ, 24-хъ лѣтъ, оказываются виновными въ томъ, что, зная о распространеніи означеннаго выше преступнаго содержанія книгъ, съ цѣлью возбужденія къ явному неповиновенію власти верховной и имѣя возможность довести о семъ до свѣдѣнія правительства, не исполнили сей обязанности. Въ восьмыхъ — что нижепоименованные подсудимые оказываются виновными въ томъ, что безъ разрѣшенія влаждящаго высшаго начальства имѣли у себя книги, по содержанію своему направленные къ возбужденію явнаго неповиновенія власти верховной, а именно: а) указанные выше во 2-мъ пунктѣ Александръ Артамоновъ, Николай Барковъ, Гавріилъ Божко-Божинскій, Сергѣй Виноградовъ, Юрій Говоруха-Отрокъ, Левъ Городецкій, Викторъ Даниловъ, Михайлъ Кацъ, Михайлъ Орловъ и Иванъ Блавозевичъ и

б) подсудимые, выше сего непоименованные: дворянинъ Давидъ Александровъ Аитовъ, 23-хъ лѣтъ; дворянинъ Николай Михайловъ Аносовъ, 27-ми лѣтъ; забайкальскій казакъ Николай Ивановъ Глушковъ, 22-хъ лѣтъ; сынъ дьякона Михаилъ Оедоровъ Грачевскій, 27-ми лѣтъ; мѣщ. Михаилъ Григорьевъ Гвоздевъ 27-ми лѣтъ; дворянинъ Сергѣй Сергѣевъ Голоушевъ, 23-хъ лѣтъ; сынъ священника Иванъ Ивановъ Добровъ, 24-хъ лѣтъ; дворянинъ Эдуардъ Юліановъ Каменскій 35-ти лѣтъ; дворянинъ Оедоръ Михайловъ Любавскій, 22-хъ лѣтъ; мѣщанинъ Иванъ Ильинъ Медвѣдевъ, 37-ми лѣтъ; мѣщанинъ Николай Степановъ Никифоровъ, 27-ми лѣтъ; крестьянинъ Костромской губерніи, Кологривскаго уѣзда, деревни Чуфарини Григорій Алексѣевъ Щеголовъ, 33-хъ лѣтъ; дворянинъ Владимиръ Николаевъ Щепкинъ, 27-ми лѣтъ; дворянинъ Леонидъ Михайловъ Щеголевъ, 23-хъ лѣтъ; дворянинъ Иванъ Ивановъ Козачекъ, 29-ти лѣтъ, и оберъ-офицерскій сынъ Николай Матвѣевъ Махавевъ, 27-ми лѣтъ. Въ девятихъ — что изъ подсудимыхъ, выше сего поименованныхъ, оказываются виновными: Иполитъ Мышкинъ въ томъ, что, въ іюнѣ 1875 года, во время слѣдованія, подъ именемъ поручика корпуса жандармовъ Мещеринова и въ одеждѣ, присвоенной офицерамъ сего корпуса, изъ города Вилюйска въ городъ Якутскъ, съ цѣлью лишить жизни сопровождавшихъ его казаковъ Бубякина и Маршичцова и присоединившагося къ нимъ на дорогѣ мѣщанина Чудинова, сдѣлалъ по нимъ нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера, но не попалъ въ двухъ послѣднихъ, а только ранилъ Бубякина въ бедро, послѣ чего, соскочивъ съ лошади, на которой ѣхалъ верхомъ, скрылся въ лѣсу; подсудимый Петръ Ларіоновъ — во-первыхъ, въ томъ, что 23-го декабря 1873 года, въ городѣ Вельскѣ, Вологодской губерніи, вмѣстѣ съ другимъ лицомъ, тайно похитилъ стоявшую на улицѣ принадлежащую крестьянкѣ Дьяконовой лошадь съ упряжью, цѣною ниже 300 р.; во-вторыхъ, въ томъ, что, получивъ, въ началѣ 1874 года, изъ корчевскаго уѣзднаго казначейства, по довѣренности трехъ крестьянъ Горецкой волости, 240 р., не передалъ означенныхъ денегъ по принадлежности крестьянамъ, а обратилъ таковыя на свои надобности; подсудимый Феликсъ Волковскій — въ томъ, что, 24-го ноября 1874 года, въ городѣ Москвѣ, во время слѣдованія изъ московскаго жандармскаго управленія въ тюремный замокъ, съ цѣлью совершить побѣгъ, бросилъ въ глаза сопровождавшаго его жандармскаго унтеръ-офицера горсть нюхательнаго табака и, выскочивъ изъ саней, хотѣлъ бѣжать, но былъ задержанъ; привлеченный къ настоящему дѣлу, по обвиненію въ участіи въ означенномъ выше преступномъ дѣяніи, дворянинъ Всеволодъ Александровъ Лопатинъ, 26-ти лѣтъ, виновенъ въ томъ, что обязавшись, по предварительному соглашенію съ подсудимымъ Волковскимъ, содѣйствовать побѣгу послѣдняго съ этою цѣлью, 24-го ноября 1874 года, въ городѣ Москвѣ пытался освободить Волковскаго, выскочившаго изъ саней и побѣжавшаго по улицѣ, отъ поймавшихъ его жандарма и городского, разжимая руки первому и отталкивая послѣдняго. Въ девятихъ — что изъ остальныхъ за симъ привлеченныхъ къ настоящему дѣлу лицъ оказываются виновными: 1) крестьянинъ Самарской губерніи и уѣзда, Алексѣевской волости, деревни Оедоровки, Никифоръ Емельяновъ, 25-ти лѣтъ—въ томъ: а) что въ 1874 году, на сергіевскихъ минераль-

ныхъ водахъ, при свидѣтеляхъ, съ намѣреніемъ поколебать вѣру, произнесъ хулу на славимаго въ единосущной Троицѣ Бога и б) въ томъ, что въ указанное выше время, при одномъ свидѣтелѣ, съ умысломъ осмѣлился произнести дерзкія, оскорбительныя выраженія противъ священной особы Государя Императора; 2) дворянка Софья Александрова Субботина, 45-ти лѣтъ—въ томъ, что въ 1874 году, въ имѣніи своемъ, въ селѣ Бѣломѣстномъ, въ Курской губерніи, въ присутствіи нѣсколькихъ крестьянъ осмѣлилась, безъ преднамѣреннаго умысла, произнести дерзкія, оскорбительныя выраженія противъ священной особы Государя Императора; 3) мѣщанинъ Глѣбъ Яковлевъ Терновскій, 20-ти лѣтъ—въ томъ, что въ 1874 году, на сергіевскихъ минеральныхъ водахъ, при одномъ свидѣтелѣ осмѣлился, безъ преднамѣреннаго умысла, произнести дерзкія, оскорбительныя выраженія противъ священной особы Государя Императора и, наконецъ, 4) дворянинъ Николай Ивановъ Эндауровъ, 39-ти лѣтъ—въ томъ, что, въ бытность свою мировымъ судьей Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи, истребовалъ въ 1872 году изъ мѣстнаго казначейства въ разное время, а именно: 3-го іюня—200 р., 9-го іюня—200 руб., 24-го іюня—100 руб., 30-го іюня—100 р., 4-го іюля—200 р., 15-го іюля—300 р. и 4-го августа—300 р. (всего 1.400 руб.), принадлежавшихъ технологу Васильеву, и не записывалъ на приходъ въ денежную книгу до 19-го сентября того же года. И въ о д и н а д ц а т ы хъ—что нижепоименованные подсудимые, привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, оказываются невинными по настоящему дѣлу, а именно: Павелъ Александровъ, Алексѣй Александровскій, Олимпіада Алексѣева, Анна Андреева, Иванъ Арсенагитскій, Василій Бенецкій, Николай Биткинъ, Романъ Бодяжинъ, Дмитрій Бородулинъ, Николай Введенскій, Марья Веревоичкина, Александръ Видиновъ, Надежда Войнаральская, Александръ Волькенштейнъ, Петръ Воскресенскій, Марья Гейшторъ, Иванъ Глушковъ, Леонидъ Голиковъ, Вѣра Городецкая, Николай Граціановъ, Степанъ Дегтеревъ, Леонидъ Дическуло, Михайль Духовскій, Егоръ Емельяновъ, Владиміръ Жѣбуневъ, Андрей Желябовъ, Ольга Жилинская, Евгенія Завадская, Лариса Заруднева, Александръ Кадьянъ, Павелъ Князевскій, Алексѣй Комовъ, Семень Корабельниковъ, Петръ Курдюмовъ, Егоръ Лазаревъ, Вильгельмъ Лангансъ, Арсеній Леоятѣвъ, Николай Литошенко, Николай Личадѣвъ, Павелъ Максимовъ, Александръ Малиновскій, Минъ Милоголовкинъ, Петръ Неволинъ, Михайль Нефедовъ, Марѳа Никитина, Иванъ Никольскій, Александра Сидорацкая, Евгеній Овчинниковъ, Павелъ Орловъ, Александръ Палимцестовъ, Вѣра Панютина, Софья Перовская, Николай Петропавловскій, Идалія Польгейтъ, Александръ Пономаревъ, Николай Поповъ, Марья Потоцкая, Апполонъ Прозоровскій, Гавріилъ Прокопьевъ, Эйдели Пушиянская, Павелъ Покровский, Андрей Цыпинъ, Вѣра Рогачева, Леонидъ Румянцевъ, Ольга Сахарова, Оедоръ Семеновъ, Владиміръ Серебровскій, Михайль Серебряковъ, Михайль Соловдовскій, Тимофей Соловѣвъ, Григорій Софинскій, Иванъ Сибивцевъ, Евгенія Судзиловская, Дмитрій Сѣрышевъ, Николай Тепловъ, Леонидъ Траубенбергъ, Павелъ Троицкій, Анна Тушинская, Владиміръ Усачевъ, Дмитрій Оедоровичъ, Оедоръ Фетисовъ, Василій Фялadelphовъ, Оедоръ Фоминъ, Анатолій Чарыковъ, Марья Шавердова, Вѣра Шатилова, Ольга Шевырева, Феликсъ Юркевичъ, Анна Якимова и Александръ Яновъ. Опре-

дѣливъ степень виновности подсудимыхъ по настоящему дѣлу и обращаясь за симъ къ мѣрѣ возмездія, слѣдующаго имъ по закону за совершенныя ими преступныя дѣянія, правительствующій сенатъ находитъ: 1) что виновные въ составленіи сообщества, съ дѣлю ниспроверженія правительства и установленнаго закономъ государственнаго устройства, хотя бы даже и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, а также и вступившіе въ сіе общество, съ знаніемъ о дѣлахъ онаго, подвергаются наказаніямъ по 250 й ст. улож. о наказ. (замѣченной и дополненной высочайше утвержденнымъ, 4-го іюня 1874 года, мѣрѣмъ государственнаго совѣта), смотря по мѣрѣ участія въ сообществѣ и другимъ обстоятельствамъ дѣла, въ слѣдующей постепенности: или къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ четырехъ до шести лѣтъ (по 7-й степ. 19-й ст.), или ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ тѣхъ же правъ состоянія, или лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь, или отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по одной изъ степеней 31-й ст. сего уложенія, или же лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ крѣпости на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до четырехъ лѣтъ. Изъ подсудимыхъ по настоящему дѣлу: Мышкинъ, Войнаральскій, Коваликъ и Рогачевъ, какъ составители сообщества и принимавшіе самое дѣятельное въ ономъ участіе должны подлежать строжайшему изъ опредѣленныхъ выше наказаній — по 7-й ст. 19-й ст. улож. въ средней онаго мѣрѣ — по неискренности ихъ показаній; изъ подсудимыхъ, изобличенныхъ во вступленіи въ сообщество, съ знаніемъ о дѣлахъ онаго: Сянегубъ, Стаховскій, Лермонтовъ и Рабиновичъ, какъ болѣе виновные, подлежатъ наказанію по 1 ст. 20-й ст. улож.: наказаніе это не можетъ быть по закону смягчено въ отношеніи Рабиновича, какъ за силою 139-й ст. улож., такъ и потому, что онъ хотя и имѣлъ при вступленіи въ сообщество менѣе 17-ти лѣтъ, но изъ обстоятельствъ дѣла видно, что онъ дѣйствовалъ съ полнымъ разумѣніемъ и не былъ вовлеченъ въ преступную дѣятельность другими совершеннолѣтними лицами. Засимъ, по степени участія въ дѣятельности сообщества и другимъ обстоятельствамъ дѣла, слѣдуетъ назначить наказаніе по 3-й ст. 31-й ст. уложенія слѣдующимъ подсудимымъ, вступившимъ въ сообщество съ знаніемъ о дѣлахъ онаго: Волховскому, Сергѣю Жебуеву, Костюрину, Ларіонову, Добровольскому, Квятковскому, Софѣ Лепернъ-фонъ-Герцфельдъ, Мейеру, Ливанову, Низовкину, Чарушину, Шишко, Аверкіевой, Брешковской, Макаревичу, Скворцову, Суинской, Говорухъ-Отроку, Данилову, Кацу, Михайлу Орлову, Клеопатрѣ Бладзевичъ, Гаузнштейну, Аркадію Головину, Кувшинской, Лебедевой, Милоглазкину, Мокіевскому-Зубку, Морозову, Сабливу, Тихомирову, Фишеру, Франжоли и Ярцеву: при этомъ, изъ числа означенныхъ подсудимыхъ Костюрину, какъ недостигшему при вступленіи въ сообщество 21 года отъ роду, означенное наказаніе слѣдуетъ уменьшить на двѣ степени и, опредѣливъ оное по 5-й ст. 31-й ст. улож., освободить его. Костюрина, отъ лишенія правъ состоянія; что же касается до прочихъ, то, не усматривая въ ихъ дѣйствіяхъ той злоумышленности и той обдуманности, коими отличаются поступки другихъ, болѣе виновныхъ по настоящему дѣлу подсудимыхъ, правительствующій сенатъ признаетъ возможнымъ,

на основаніи 774-й ст. уст. угол. суд., слѣдующее имъ указанное наказаніе смягчить также на двѣ степени, назначивъ оное по 5-й ст. 31-й ст. въ средней мѣрѣ. Этому же наказанію и на тѣхъ же основаніяхъ подлежатъ и слѣдующіе подсудимые, виновные во вступленіи въ сообщество: Куприяновъ, Гориновичъ, Иванова, Артамоновъ, Гриценковъ, Виноградовъ, Левъ Городецкій, Иванъ Блавлдзевичъ, Ваховская, Дробышь-Дробышевскій, Аранзонъ, Знаменскій, Корнилова, Ломоносовъ, Осиповъ, Михаилъ Спѣснцевъ, Фаресовъ. Юргенсонъ, Осташкинъ, Барковъ, Божко-Божинскій, Трезвинскій и Лукашевичъ; но такъ какъ всѣ они при вступленіи въ сообщество имѣли менѣе 21 года, то означенное выше наказаніе (по 5-й ст. 31-й ст.), на основаніи 140-й ст. улож., можетъ быть уменьшено на двѣ степени и опредѣлено по 2-й ст. 33-й ст., безъ лишенія ихъ правъ и преимуществъ. При этомъ, въ виду того, что всѣ упомянутые несовершеннолѣтніе подсудимые, за исключеніемъ Осташкина, Баркова, Божко-Божинскаго, Трезвинскаго и Лукашевича, были вовлечены въ преступную дѣятельность другими совершеннолѣтними лицами, представляется справедливымъ, согласно 143-й ст. улож., уменьшить указанное выше наказаніе еще на двѣ степени, т. е. назначить оное по 4-й ст. 33-й ст., безъ лишенія правъ и преимуществъ. Подсудимыя: Елизавета Ермолаева и Ольга Фетисова, признанныя виновными лишь въ томъ, что, не принадлежа къ противозаконному сообществу, знали о дѣятельности оного и не донесли о томъ начальству, подлежатъ одному изъ наказаній, указанныхъ въ 126-й ст. улож.; въ виду того, что означенныя подсудимыя дѣйствовали по легкомыслію (ст. 134-я улож.), слѣдуетъ назначить имъ среднее изъ опредѣленныхъ въ 126-й ст. наказаній, а именно — заключеніе въ тюрьмѣ по 2-й ст. 38-й ст. въ средней же мѣрѣ, т. е. на шесть мѣсяцевъ, 2) Виновные въ составленіи и распространеніи сочиненій, съ цѣлью возбудить къ явному неповиновенію власти верховной, на основаніи 251-й ст. улож., приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на время отъ восьми до десяти лѣтъ; тому же наказанію подвергаются изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи такихъ сочиненій; виновные же въ составленіи означенныхъ сочиненій, но неизобличенные въ злоумышленномъ распространеніи оныхъ, подлежатъ заключенію въ крѣпости на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ. Изъ подсудимыхъ по настоящему дѣлу Мышкинъ признавъ виновнымъ въ составленіи сочиненія, по содержанію своему направленнаго къ возбужденію явнаго неповиновенія власти верховной, но онъ не обвиняется и не изобличается въ злоумышленномъ распространеніи этого и другихъ подобныхъ сочиненій, такъ какъ онъ хотя и печаталъ ихъ въ устроенной въ Москвѣ типографіи и занимался разсылкою ихъ, съ цѣлью распространенія, но не успѣлъ совершить сего распространенія, потому что отпечатанныя книги и отдѣльные листы были задержаны. Преступное дѣяніе это, заключающее въ себѣ признаки покушенія на распространеніе, остановленнаго не собственною волею подсудимаго, а другими независѣвшими отъ него обстоятельствами, предусмотрѣно 114-ю ст. улож. и должно, въ данномъ случаѣ, подвергнуть Мышкина наказанію двумя степенями ниже противъ опредѣленнаго во 2-й части 251-й ст. улож., т. е. по 7-й ст. 19-й ст.; за составленіе же сочиненія означеннаго выше

преступнаго содержанія Мышкинъ подлежитъ наказанію по 3-й ч. 251-й ст. Подсудимые: Аверкіева, Супинская, Иванова и Скворцовъ, принимавшіе дѣятельное участіе какъ въ работахъ типографіи Мышкина и по печатанію противозаконныхъ сочиненій, такъ и въ отсылкѣ отпечатанныхъ листовъ по назначенію, подлежатъ за сіе, какъ покушеніе на преступленіе, согласно съ указанными выше основаніями и 114-ю ст. улож. о наказ., наказанію также по 7-й ст. 19-й ст. улож.; но въ виду того, что всѣ эти подсудимые дѣйствовали модъ вліяніемъ людей, имѣвшихъ надъ ними, безспорно, сильную власть (6-й п. 134-й ст.), означенное наказаніе можетъ быть опредѣлено въ низшей мѣрѣ; при этомъ срокъ каторжныхъ работъ для Ивановой, имѣвшей во время совершенія преступленія менѣе 21 года, долженъ быть сокращенъ на одну треть (139-я ст.). Но какъ изъ обстоятельствъ дѣла усматривается, что она была вовлечена въ преступную дѣятельность совершеннолѣтними лицами, то и это наказаніе можетъ быть уменьшено, согласно 143-й ст. улож., еще на двѣ степени и опредѣлено по 2-й ст. 20-й ст. улож. Подсудимый Войнаральскій, виновный въ составленіи сочиненія, направленнаго къ возбужденію явнаго неповиновенія власти верховной, въ злоумышленномъ распространеніи какъ сего, такъ и другихъ, такую же цѣль имѣющихъ сочиненій и, наконецъ, участвовавшій въ указанной выше дѣятельности упомянутой типографіи, долженъ подлежать, на основаніи 1-й ч. 251-й ст. улож., наказанію по 5-й ст. 19-й ст. Наказанію, по 2-й ч. 251-й ст. улож. опредѣленному, подлежатъ и всѣ остальные подсудимые, виновные въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій, по содержанію своему направленныхъ къ возбужденію явнаго неповиновенія власти верховной, а именно: Коваликъ, Рогачевъ, Синегубъ, Стаховскій, Рабиновичъ, Добровольскій, Квятковскій, Курпріановъ, Ливановъ, Низовкинъ, Осташкинъ, Чарушинъ, Шишко, Муравскій, Зарубаевъ, Союзовъ, Стопане и Чернявскій. Мѣра этого наказанія должна быть опредѣлена по степени преступной дѣятельности каждаго изъ означенныхъ подсудимыхъ въ слѣдующей постепенности: въ высшей мѣрѣ—Ковалику и Рогачеву, по обдуманности ихъ дѣйствій; за сими остальнымъ 15-ти, за исключеніемъ Низовкина, можетъ быть назначена средняя мѣра сего наказанія, такъ какъ преступная дѣятельность ихъ представляется, по обстоятельствамъ дѣла, менѣе важною въ сравненіи съ двумя предыдущими подсудимыми; Низовкину же это наказаніе должно быть опредѣлено въ низшей мѣрѣ во вниманіе къ его чистосердечному сознанію. Но изъ означенныхъ выше подсудимыхъ Рабиновичъ, Стопане, Осташкинъ и Курпріановъ, какъ имѣвшіе при совершеніи преступленія менѣе 21-го года, имѣютъ право на смягченіе наказанія по 139-й ст. улож., сокращеніемъ срока каторжныхъ работъ одною третью, а для Курпріанова, какъ вовлеченнаго въ преступленіе другими совершеннолѣтними лицами, опредѣленное выше наказаніе можетъ быть понижено еще двумя степенями (по 143-й ст.) и назначено по 7-й ст. 19-й ст. въ средней мѣрѣ (по его неискренности), также съ сокращеніемъ срока каторжныхъ работъ на одну треть. Прочіе за сими подсудимые, изблеченные въ покушенія на злоумышленное распространеніе книгъ, съ цѣлью возбужденія явнаго неповиновенія власти верховной, а именно: Макаревичъ, Сажинъ, Чудновскій и Брешковская, подлежатъ наказанію согласно 114-й и 2-й ч. 251-й ст. улож., а именно—

по 7-й ст. 19-й ст. въ средней мѣрѣ, по неискренности ихъ показаній, т. е. лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на пять лѣтъ. Что же касается до привлеченнаго къ настоящему дѣлу мѣщалина Мовши Эдельштейна, оказавшагося виновнымъ въ пособничествѣ, изъ корыстныхъ цѣлей, ввозу вышеозначенныхъ запрещенныхъ книгъ, для ихъ распространенія въ Россіи, съ знаніемъ о преступномъ содержаніи сихъ книгъ, то мѣра отвѣтственности его передъ закономъ должна быть опредѣлена на основаніи 13-й, 114-й, 121-й и 2-й ч. 251-й ст., и онъ подлежитъ наказанію, которое опредѣлено выше для участвовавшихъ во ввозѣ книгъ изъ-заграницы, но лишь одною степеню ниже, т. е. по 1-й ст. 20-й ст. улож., такъ какъ содѣйствіе его въ данномъ случаѣ нельзя признать необходимымъ для совершенія преступленія; но и это наказаніе можетъ быть уменьшено еще на двѣ степени, согласно 774-й ст. уст. угол. суд., такъ какъ изъ обстоятельствъ дѣла видно, что Эдельштейнъ, по своему крайнему невѣжеству и легкомыслію, не понималъ всей важности преступнаго своего дѣйствія во ввозѣ запрещенныхъ книгъ изъ-заграницы; на семъ основаніи мѣщанинъ Эдельштейнъ подлежитъ наказанію по 1-й ст. 31 ст. улож. въ низшей мѣрѣ, въ виду его сознанія, а именно: лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на три съ половиною года. За сѣмъ изъ остальныхъ подсудимыхъ, обвинявшихся въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій съ цѣлью возбужденія къ явному неповиновенію власти верховной: Пьянковъ, Соколовъ и Павловскій, какъ признанные виновными лишь въ знаніи и недонесеніи о такомъ распространеніи, должны быть подвергнуты одному изъ наказаній, въ 126-й ст. улож. указанныхъ. Въ виду легкомыслія, свойственнаго ихъ молодымъ лѣтамъ, имъ могло бы быть назначено среднее по строгости наказаніе, именно—заключеніе въ тюрьмѣ по 1-й ст. 38 ст., но и это наказаніе слѣдуетъ уменьшить на одну степень, согласно 4-го п. 140 ст., во вниманіе къ ихъ несовершеннолѣтію, и еще на одну степень потому, что изъ обстоятельствъ дѣла видно, что они въ противозаконный поступокъ свой вовлечены были другими совершеннолѣтними лицами (143-я ст. улож.), т. е. опредѣлить по 3-й ст. 38-й ст. въ средней мѣрѣ, по ихъ неискренности, именно: заключеніе въ тюрьмѣ на три мѣсяца. Подсудимые же Артамоновъ, Барковъ, Божко-Божинскій, Виноградовъ, Говоруха-Отрокъ, Левъ Городецкій, Даниловъ, Кацъ, Михайль Орловъ, Иванъ Бладзеричъ, Антовъ, Николай Глушковъ, Кирилловъ, Грачевскій, Гвоздевъ, Голбушевъ, Добровъ, Каменскій, Любавскій, Медвѣдевъ, Никифоровъ, Щегловъ, Щепкинъ, Щигольевъ, Казачекъ и Махаевъ, признанные виновными въ имѣніи у себя сочиненій вышеупомянутаго преступнаго содержанія, безъ разрѣшенія надлежащаго высшаго начальства, должны подлежать наказанію по 4-й ч. 251-й ст. улож., т. е. аресту отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ (по 1-й и 2-й ст. 39-й ст. улож.); по обстоятельству дѣла представляется справедливымъ назначить всѣмъ сѣмъ подсудимымъ высшую мѣру означеннаго наказанія, т. е. арестъ на три мѣсяца, но это наказаніе должно быть уменьшено, согласно 140-й ст., на одну степень для подсудимыхъ, имѣвшихъ во время совершенія преступленія менѣе 21-года, а именно: Баркова, Божко-Божинскаго, а слѣдующимъ несовершеннолѣтнимъ подсудимымъ, вовлеченнымъ

въ преступленіе другими совершеннолѣтними лицами, на двѣ степени (140-я и 143-я ст.), а именно: Артамонову, Виноградову, Льву Городецкому, Ивану Владзевичу, Антову, Николаю Глушкову, Кириллову, Голоушеву, Доброву, Любавскому и Щиголеву, съ назначеніемъ и тѣмъ и другимъ сего наказанія въ средней мѣрѣ; на семь основаніи первые двое, т. е. Барковъ и Божко-Божинскій подлежатъ аресту на двѣ недѣли, а послѣдніе 11—на пять дней. 3) Подсудимый Мышвинъ, за покушеніе на убійство сопровождавшихъ его казаковъ и вѣхшаго съ ними спутника, остановленное не собственною волею подсудимаго, а обстоятельствами, отъ него независѣвшими, подлежитъ, на основаніи 114-й и 1,455-й ст. улож. (по продолженію 1872 года) и по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ это преступленіе, наказанію двумя степенями ниже противъ опредѣленнаго въ означенной 1,455-й ст., а именно, по 5-й ст., 19-й ст. улож. 4) Подсудимый Феликсъ Волховской за покушеніе на освобожденіе изъ-подъ стражи съ насиліемъ противъ сопровождавшаго его жандарма, каковое покушеніе остановлено не собственною волею подсудимаго, а другими независѣвшими отъ него обстоятельствами, подлежитъ, на основаніи 114-й ст. улож., наказанію двумя степенями ниже противъ опредѣленнаго во 2-й ч. 312-й ст. того же улож., а именно, по 2-й ст. 33-й ст. въ средней мѣрѣ, по искренности показаній подсудимаго. Такому же наказанію, но лишь одною степеню ниже, т. е. по 3-й ст. 33-й ст. въ средней мѣрѣ, подлежитъ на основаніи 13-й, 121-й, 114-й и 312-й ст. улож., и подсудимый Всеволодъ Лопатинъ, обязавшійся, по предварительному соглашенію съ Волховскимъ, содѣйствовать побѣгу послѣдняго и пытавшійся освободить его отъ пойманной его стражи, каковое содѣйствіе не было необходимымъ для совершенія преступленія. 5) Подсудимый крестьянинъ Никифоръ Емельяновъ за богохуленіе при свидѣтеляхъ съ намѣреніемъ поколѣбать ихъ вѣру подлежитъ, на основаніи 177-й ст. улож., лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, а за произнесеніе дерзкихъ словъ противъ священной особы Государя Императора, по силѣ 246-й ст. улож., долженъ быть подвергнутъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ 6-ти до 8-ми лѣтъ; это наказаніе могло бы быть назначено ему въ низшей мѣрѣ, въ виду легкомыслія и крайняго невѣжества подсудимаго (4-й ч. 134-й ст.), но должно быть опредѣлено въ мѣрѣ высшей, на основаніи правилъ о совокупности преступленій (152-й ст. улож.). 6) Подсудимая Софья Субботина и Глѣбъ Терновскій, за произнесеніе дерзкихъ, оскорбительныхъ словъ противъ священной особы Государя Императора, безъ преднамѣреннаго умысла, подлежатъ наказанію по 2-й ч. 246-й ст. улож., т. е. заключенію въ смиренительномъ домѣ на время отъ 4-хъ до 8-ми мѣсяцевъ; наказаніе это слѣдуетъ назначить Субботиной въ высшей мѣрѣ, въ виду ея званія и степени образованности (2-й п. 129-й ст.); что же касается до Терновскаго, то во вниманіе къ тому, что во время совершенія преступленія ему было менѣ 17-ти лѣтъ отъ роду, и хотя онъ дѣйствовалъ съ разумѣніемъ, но былъ вовлеченъ въ преступленіе примѣромъ другого совершеннолѣтняго лица, означенное наказаніе можетъ быть понижено на четыре степени, на основаніи 140-й и 143-й ст. улож., и опредѣлено по 3-й степ. 38-й ст., но въ высшей оваго мѣрѣ, по гнус-

ности его поступка (7-й п. 129-й ст.). 7) Подсудимый почетный гражданин Ларионовъ за кражу лошади цѣною не выше 300 р. подлежитъ, согласно 1,656-й ст. улож. и 169-й ст. уст. о нак., нал. мир. судьями, лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ на время стѣ трехъ до шести мѣсяцевъ; наказаніе это, въ виду его чистосердечнаго сознанія въ совершеніи сего преступленія, можетъ быть назначено въ низшей мѣрѣ. Тому же наказанію и въ той же мѣрѣ подлежитъ Ларионовъ и за присвоеніе чужихъ денегъ на сумму не свыше 300 рублей по силѣ 1-й ч. 1,682-й ст. уложенія. Наконецъ, 8) подсудимый дворянинъ Николай Эндауровъ, за промедленіе въ запискѣ на приходъ ввѣренныхъ ему по службѣ денежныхъ суммъ (всего 1,440 рублей), на основаніи 356-й ст. улож. долженъ быть признанъ отрѣшеннымъ отъ должности по суду и съ него слѣдуетъ взыскать вдвое казенные проценты съ той суммы денегъ, которая была въ его рукахъ за все время передержанія имъ оныхъ. Принявъ въ соображеніе все вышензложенное и переходя къ окончательному заключенію о мѣрѣ наказанія, къ которому должны быть приговорены подсудимые по настоящему дѣлу, на основаніи приведенныхъ узаконеній, а въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ и по правиламъ совокупности преступленій, въ 152-й ст. улож. указаннымъ, правительствующій сенатъ находитъ: 1) что слѣдующіе подсудимые подлежатъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы: Мышкинъ, Войнаральскій, Коваликъ и Рогачевъ—въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ; Синегубъ, Стаховскій, Добровольскій, Квятковскій, Ливановъ, Чарушинъ, Шишко, Зарубаевъ, Союзовъ и Черныавскій,—тоже въ крѣпостяхъ на девять лѣтъ; Низовкинъ—въ крѣпостяхъ на восемь лѣтъ; Рабиновичъ, Стопане и Осташкинъ—въ крѣпостяхъ на шесть лѣтъ; Никифоръ Емельяновъ—на заводахъ на восемь лѣтъ; Макаревичъ, Сажинъ, Чудновскій и Врешковская—на заводахъ на пять лѣтъ; Скворцовъ, Аверкіева и Супинская на заводахъ на четыре года и Купріяновъ— на заводахъ на три года и четыре мѣсяца; лишенный уже всѣхъ правъ состоянія Муравскій—ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ; 2) что подсудимый Лермонтовъ подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири; 3) что подсудимый Эдельштейнъ долженъ быть подвергнутъ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдалѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на три съ половиною года; 4) что подсудимые Волховской, Сергѣй Жебуневъ, Ларионовъ, Софья Лешернъ-фонъ-Гердфельдъ, Мейеръ, Говоруха-Отрокъ, Даниловъ, Клеопатра Блаудзевичъ, Головинъ, Кувшинская, Лебедева, Мокіевскій-Зубокъ, Саблинъ, Тихоміровъ, Фишеръ, Франжолі, Ярцевъ и Костуринъ подлежатъ ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію: первые семнадцать—съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а послѣдній (Костуринъ) безъ сего лишенія; 5) что подсудимые Кацъ, Михайль Орловъ, Гауэнштейнъ, Милоглазкинъ и Морозовъ подлежатъ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдалѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на одинъ годъ и три мѣсяца; 6) Барковъ, Божко-Божинскій и Трезвинскій подлежатъ ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста, назначеннаго для нихъ жительства, въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ

(по 2-й ст. 33-й ст.), безъ лишенія правъ и преимуществъ; 7) что Гориновичъ, Артамоновъ, Левъ Городецкій, Иванъ Блаздзевичъ, Ваховская, Гриценковъ, Дробышъ-Дробышевскій, Знаменскій, Корнилова, Ломоносовъ, Осиповъ, Михаилъ Слѣбцевъ, Фаресовъ и Юргенсонъ подлежатъ ссылке на житіе въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ (по 4-й ст. 33 ст.), безъ лишенія правъ и преимуществъ; 8) что подсудимый Лопатянъ подвергается лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житіе въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для его жительства, въ продолженіе одного года и шести мѣсяцевъ; 9) что подсудимые Виноградовъ и Аранзонъ подлежатъ заключенію въ рабочемъ домѣ на три мѣсяца безъ лишенія правъ и преимуществъ; 10) что подсудимая Субботина должна быть подвергнута заключенію въ смирительномъ домѣ на восемь мѣсяцевъ; 11) что Ермолаева и Ольга Фетисова подлежатъ заключенію въ тюрьмѣ на шесть мѣсяцевъ; 12) что Терновскій подлежитъ заключенію въ тюрьмѣ на четыре мѣсяца; 13) что Пьянкову, Соколову и Павловскому слѣдуетъ такое же заключеніе на три мѣсяца; 14) что нижепоименованные подсудимые подлежатъ аресту въ порядкѣ, указанномъ въ 56-й ст. улож. въ слѣдующіе сроки: Аносовъ, Грачевскій, Гвоздевъ, Каменьскій, Медвѣдевъ, Никифоровъ, Щегловъ, Щепкинъ, Козачекъ и Махаевъ — на три мѣсяца, а Аитовъ, Николай Глушковъ, Кирилловъ, Голоушевъ, Добровъ, Любавскій и Цыголевъ — на пять дней; 15) что подсудимый Эндураровъ долженъ быть признанъ отрѣшеннымъ отъ должности по суду со взысканіемъ съ него вдвое казенныхъ проентовъ съ передержанной имъ суммы; 16) что касается до подсудимыхъ Софьи Ивановой и Лукашевича, то первая изъ нихъ подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ мѣста Сибири, не столь отдаленныя, а Лукашевичъ ссылкѣ въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ, съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста жительства въ теченіе двухъ лѣтъ и шести мѣсяцевъ, безъ лишенія правъ и преимуществъ; но какъ оба сии подсудимые были привлекаемы къ суду, въ качествѣ обвиняемыхъ: Иванова — за участіе въ бывшихъ 6-го декабря 1876 года безпорядкахъ на Казанской площади, а Лукашевичъ — по дѣлу о 50-ти лицахъ, преданныхъ суду за распространеніе книгъ преступнаго содержанія, и опредѣленіями особаго присутствія, отъ 18-го—25-го января и 21-го февраля—14-го марта 1877 года, оба они приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ на поселеніе: Лукашевичъ — въ отдаленныя мѣста Сибири, а Иванова въ мѣста Сибири, менѣе отдаленныя, то, въ силу правилъ о совокупности преступленій, въ 152-й ст. улож. изложенныхъ, они и должны подлежатъ этому послѣднему наказанію. Опредѣливъ, такимъ образомъ, то наказаніе, которому подлежатъ по закону каждый изъ подсудимыхъ по настоящему дѣлу — правительствующій сенатъ въ особомъ присутствіи не могъ не принять въ особое вниманіе: 1) долговременное содержаніе большей части подсудимыхъ въ одиночномъ заключеніи во время предварительнаго ареста ихъ, долговременность коего являлась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ продолжительности производства по настоящему дѣлу изслѣдованія, которое, какъ по сложности дѣла, большому числу обвиняемыхъ, такъ и по обширности той мѣстности, на пространствѣ коей оно должно было происходить, не могло

быть окончено въ краткое время; 2) что въ такомъ предварительномъ арестѣ многіе изъ подсудимыхъ провели время, превышающее тѣ сроки заключенія, въ предѣлѣ которыхъ они, по закону, могутъ подлежать лишенію свободы соотвѣтственно мѣрѣ, признанной нынѣ судомъ виновности ихъ; 3) что нѣкоторые изъ тѣхъ же подсудимыхъ заслуживаютъ особаго снисхожденія, какъ въ виду молодости ихъ, вовлеченія ихъ въ преступленіе лицами совершеннолѣтними, такъ и чистосердечности объясненій на предварительномъ и судебномъ слѣдствіяхъ, и 4) что подсудимые, признанные виновными въ тяжкихъ государственныхъ преступленіяхъ и подлежащіе, по закону, строгому уголовному наказанію, въ виду вышеуказаннаго долговременнаго одиночнаго заключенія, коимъ они отчасти искупили вину свою, заслуживаютъ также монаршаго къ нимъ снисхожденія. По симъ основаніямъ, уменьшивъ строгость наказанія тѣмъ изъ виновныхъ, относительно коихъ сіе зависитъ отъ власти суда, правительствующій сенатъ, руководствуясь 775-й ст. уст. угол. судопр., признаетъ справедливымъ повергнуть на монаршее милосердіе участь другихъ, относительно коихъ предначасное смягченіе выходитъ изъ предѣловъ власти суда. По всѣмъ симъ соображеніямъ и, не усматривая основанія къ облегченію наказанія тому подсудимому, который вину свою по главному предмету обвиненія въ настоящемъ дѣлѣ отягчилъ покушеніемъ на смертоубійство, правительствующій сенатъ, въ особомъ присутствіи, опредѣляетъ: 1) солдатскаго сына Ипполита Никитина Мышкина, 30-ти лѣтъ, лишитъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ. съ послѣдствіями, въ 25-й ст. улож. о наказ. опредѣленными; 2) дворянъ Феликса Вадимова Волховскаго, 32-хъ лѣтъ, Сергѣя Александрова Жбунева, 28-ми лѣтъ, почетнаго гражданина Петра Федорова Ларионова, 25-ти лѣтъ, и дворянина Виктора Федорова Костюрина, 24-хъ лѣтъ, сослать на житье въ Тобольскую губернію: первыхъ трехъ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а Костюрина—безъ сего лишенія; 3) дворянина Николая Иванова Эндаурова, 39-ти лѣтъ, считать отрѣшеннымъ отъ должности по суду и взыскать съ него вдвое казенные проценты съ той суммы денегъ, которая была у него на рукахъ и не была своевременно записана на приходъ, а именно проценты въ количествѣ тридцати пяти рублей пятидесяти копеекъ; 4) участь нижепоименованныхъ подсудимыхъ, во вниманіе къ указаннымъ выше обстоятельствамъ, повергнуть на монаршее милосердіе съ ходатайствомъ о смягченіи слѣдующаго имъ по закону наказанія и съ представленіемъ: не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству всемилостивѣйше повелѣть: а) мѣщанина Порфирія Иванова Войнаральскаго, 33-хъ лѣтъ, дворянъ Сергѣя Филиппова Ковалика, 31-го года, и Дмитрія Михайлова Рогачева, 26-ти лѣтъ, лишитъ всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири; б) лишеннаго уже всѣхъ правъ состоянія Митрофана Данилова Муравскаго, 40-ка лѣтъ, сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири; в) дворянина Сергѣя Силова Синегуба, 26-ти лѣтъ, и сына священника Василія Аполлонова Стаховскаго, 26-ти лѣтъ, лишитъ всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ мѣстахъ Сибири, не столь отдаленныхъ; г) мѣщанина Моисея Абрамова Рабиновича, 20-ти лѣтъ, лишитъ всѣхъ особен-

ныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Иркутскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ назначеннаго ему мѣста жительства въ продолженіе двухъ лѣтъ и выѣзда потомъ въ другія губерніи или области Сибири въ теченіе восьми лѣтъ; д) дворянъ: Ивана Иванова Добровольскаго, 27-ми лѣтъ, Тимоея Александрова Квятковскаго, 25-ти лѣтъ, Виктора Александрова Осташкина, 23-хъ лѣтъ, Николая Аполлонова Чарушина, 25-ти лѣтъ, Леонида Эммануилова Шишко, 25-ти лѣтъ, Петра Маркелова Макаревича, 25-ти лѣтъ, дворянокъ: Елену Иванову Аверкіеву, 27-ми лѣтъ, и Екатерину Константинову Брешковскую, 33-хъ лѣтъ, сыновей священниковъ: Александра Иванова Ливанова, 27-ми лѣтъ, и Назанаила Іонова Скворцова, 26-ти лѣтъ, сына коллежскаго совѣтника Ивана Николаева Червявскаго, 27-ми лѣтъ, сына купца Соломона Лейзерова Чудновскаго, 27-ми лѣтъ, мѣщанина Сергѣя Антонова Стопане, 21-го года, крестьянъ: Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, Дмитровской волости, села Стружина, Степана Петрова Зарубаева, 30-ти лѣтъ, Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, Морозовской волости, деревни Шелковой, Ивана Осипова Союзова, 29-ти лѣтъ, и Самарской губерніи и уѣзда, Алексѣевской волости, деревни Федоровки, Никифора Иванова Емельянова, 25-ти лѣтъ, лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житіе въ Тобольскую губернію; е) дворянина Михайла Васильева Купріянова, 24-хъ лѣтъ, дворянку Ефрузину Викентьеву Сунинскую, 24-хъ лѣтъ, дворянку Софью Александрову Лешернъ - фонъ-Герцфельдъ, 37-ми лѣтъ, оберъ-офицерскаго сына Владиміра Яковлева Мейера, 26-ти лѣтъ, сына купца Михаила Петрова Сажина, 29-ти лѣтъ, и крестьянина Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда, Зуковской волости, деревни Мышино, Теофана Никандрова Лермонтова, 29-ти лѣтъ, лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житіе въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ; ж) приговоренныхъ особымъ присутствіемъ правительствующаго сената, по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ, по другимъ дѣламъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь: австрійскаго подданнаго Александра Осипова Лукашевича, 22-хъ лѣтъ, и дочь майора Софью Андреевну Иванову, 21-го года, взаимнѣ означеннаго наказанія, слѣдующаго имъ по совокупности обвиненій, лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житіе Лукашевича—въ Тобольскую, а Иванову—въ означенныя губерніи, кромѣ сибирскихъ; з) вмѣнить взаимнѣ въ наказаніе предварительный арестъ слѣдующимъ подсудимымъ: Давиду Аитову, Николаю Аносову, Соломону Аранзону, Александру Артамонову, Николаю Баркову, Ивану Бладзевичу, Клеопатрѣ Бладзевичъ, Гавріилу Божко-Божинскому, Варварѣ Ваховской, Сергѣю Виноградову, Ивану Гауэнштейну, Михайлу Гвоздеву, Николаю Глушкову, Аркадію Головину, Сергѣю Голоушеву, Юрію Говорухѣ-Отроку, Льву Городецкому, Михайлу Грачевскому, Михайлу Грипенкову, Виктору Данилову, Ивану Доброву, Алексѣю Дробышъ-Дробышевскому, Елизаветѣ Ермолаевой, Алексѣю Знаменскому, Эдуарду Каменьскому, Михайлу Кацу, Іосифу Кириллову, Ивану Козачку, Александрѣ Корниловой, Аннѣ Кувшинской, Татьянѣ Лебедевой, Петру

Ломоносову, Всеволоду Лопатину, Федору Любавскому, Николаю Махаеву, Ивану Медвѣдеву, Кириаку Милоглазкину, Степану Мокіевскому-Зубку, Николаю Морозову, Николаю Никифорову, Михаилу Орлову, Владимиру Осипову, Исааку Павловскому. Иннокентію Пьянкову, Николаю Саблану, Дмитрію Соколову, Михаилу Спѣсивцеву, Софѣ Субботиной, Глѣбу Терновскому, Льву Тихомірову, Ивану Трезвинскому, Анатолю Фаресову, Ольгѣ Фетисовой, Василю Фишеру, Андрею Фрайжолі, Григорію Щеглову, Владимиру Щешкину, Леониду Щеголеву, Мовшѣ Эдельштейну, Надеждѣ Юргенсонъ и Александру Ярцеву; и) подсудимыхъ: дворянина Александра Васильева Низовкина, 27-ми лѣтъ, и почетнаго гражданина Николая Елисеѣва Гориновича, 22-хъ лѣтъ, во вниманіе къ ихъ полному, съ раскаяніемъ, чистосердечному сознанию и указанію на многихъ изъ сообщниковъ въ настоящемъ дѣлѣ, а въ отношеніи Гориновича и въ силу того обстоятельства, что онъ за это именно раскаяніе и указаніе подвергся жестокому истязанію отъ руки злоумышленниковъ, отъ всякаго наказанія освободить; 5) оправдать нижепоименованныхъ подсудимыхъ: Павла Александрова, Алексѣя Александровскаго, Олимпіаду Алексѣеву, Анну Андрееву, Ивана Ареопагитскаго, Василя Бенецкаго, Николая Биткина, Романа Бодажина, Дмитрія Бородулина, Николая Введенскаго, Марію Веревочкину, Александра Виддинова, Надежду Войнаральскую, Александра Волькенштейна, Петра Воскресенскаго, Марію Гейшторъ, Ивана Глушкова, Леонида Голикова, Вѣру Городецкую, Николая Граціанова, Степана Дегтерева, Леонида Дическуло, Михаила Духовскаго, Егора Емельянова, Владимира Жебунева, Андрея Желябова, Ольгу Жилинскую, Евгенію Завадскую, Ларису Зарудневу, Александра Кадьяна, Павла Кнйзевскаго, Алексѣя Комова, Семена Корабельникова, Петра Курдюмова, Егора Лазарева, Вильгельма Ланганса, Арсенія Леонтьева, Николая Литошенко, Николая Личадѣва, Павла Максимова, Александра Малиновскаго, Мина Милоголовкина, Петра Неволина, Михаила Нефедова, Марфу Никитину, Ивана Никольскаго, Александру Сидорацкую, Евгенію Овчинникова, Павла Орлова, Александра Палимпсестова, Вѣру Панютину, Софью Перовскую, Николая Петрошавловскаго, Идалию Польгеймъ, Александра Пономарева, Николая Попова, Марію Потоцкую, Аполлона Прозоровскаго, Гавріила Прокопьева, Эйдели Пумшанскую, Павла Покровскаго, Андрея Пыпина, Вѣру Рогачеву, Леонида Румянцева, Ольгу Сахарову, Федора Семенова, Владимира Серебровскаго, Михаила Серебрякова, Михаила Соловцовскаго, Тимоея Соловьева, Григорія Софинскаго, Ивана Спѣсивцева, Евгенію Судзиловскую, Дмитрія Сѣрышева, Николая Теплова, Леонида Траубенберга, Павла Троицкаго, Анну Тушинскую, Владимира Усачева, Дмитрія Федоровича, Федора Фетисова, Василя Фмадельфова, Федора Фомина, Анатоля Чарыкова, Марію Шавердову, Вѣру Шатилову, Ольгу Шевыреву, Феликса Юрневича, Анну Якимову и Александра Янова; 6) настоящій приговоръ, прежде исполненія въ отношеніи подсудимыхъ, дворянъ Волховскаго и Жебунева, на основаніи 945-й ст. уст. угол. суд., предстатьи чрезъ министра юстиціи на высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе; 7) возмѣщеніе судебныхъ по настоящему дѣлу издержекъ, но приведеніи ихъ въ надлежащую извѣстность, на основаніи 990-й, 991-й, 992-й и 993-й ст. уст. угол. суд., обратитъ на главныхъ виновныхъ, а

именно: на тѣхъ, кои призваны виновными въ составленіи сообщества и во вступленіи въ оное съ круговою ихъ другъ за друга отвѣтственностью; въ случаѣ же несостоятельности, принять, согласно 999-й ст. того же устава, на счетъ казны и 8) съ вещественными доказательствами по сему дѣлу поступить на основаніи 777-й ст. уст. угол. суд. — Подлинный за подписаніемъ гг. сенаторовъ и сословныхъ представителей и скрѣпю оберъ-секретаря.

Этотъ приговоръ былъ утвержденъ, но, какъ говорятъ, по настоянію шефа жандармовъ Мезенцова, ходатайство суда о смягченіи подсудимымъ наказаній императоромъ Александромъ II было отвергнуто! Благодаря этому, въ каторгу пошли многія лица, карать которыхъ этимъ наказаніемъ не желалъ и самъ судъ. Сверхъ того, изъ 90 лицъ, оправданныхъ судомъ, около 80 было вслѣдъ затѣмъ сосланы административнымъ порядкомъ въ разныя мѣста Россіи.

Процессъ 193-хъ имѣлъ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія огромное значеніе. Долговременное заключеніе обвинявшихся по этому процессу до суда, жестокій приговоръ, отклоненіе царемъ ходатайства суда о смягченіи приговора, а затѣмъ административная расправа съ лицами, оправданными по суду, заставило многихъ и многихъ изъ революціонеровъ того времени взглянуть болѣе реалистически, чѣмъ прежде, на значеніе политической свободы и самой по себѣ, и какъ необходимой предпосылки для борьбы за социалистическіе идеалы. Многіе, получившіе вскорѣ громкую извѣстность, революціонеры-народовольцы (Желябовъ, Перовская, Якимова, Грачевскій, Саблинъ и др.) были участниками процесса 193-хъ. Всего годъ съ небольшимъ отдѣлялъ моментъ выхода ихъ изъ тюрьмы отъ знаменитаго липецкаго съѣзда 1879 года и возникновенія партіи „Народной Воли“.

Тотъ же процессъ 193-хъ показалъ міру лицъ, отличавшихся великою моральною силою. Вскорѣ послѣ окончанія процесса въ заграничномъ журналѣ „Община“ (№ 6—7) появилось слѣдующее „завѣщаніе осужденныхъ по процессу 193-хъ“:

Въ редакцію „Общины“.

„Прилагаемое наше заявленіе должно быть напечатано непременно (курсивъ подлинника). Органъ партіи, къ которой мы принадлежимъ, не можетъ отказать намъ въ этомъ, какъ членамъ партіи. Срокъ (время) появленія въ печати заявленія отдается на волю редакціи, но мы обязываемъ ее руководиться при этомъ исключительно (курсивъ подлинника) политическими мотивами, интересами партіи, а не соображеніями объ участи того или иного изъ насъ.“

Ф. Волховской. В. Костюринъ. А. Лукашевичъ. М. Муравскій. Т. Квятковскій. С. Чудновскій. Д. Рогачевъ. А. Ливановъ. И. Чарушинъ. Коваликъ и Союзовъ. М. Саусинъ. Л. Шинко. В. Стаховскій. П. Макаревичъ. Зарубаевъ. Ф. Лермонтовъ. С. Жебуневъ. В. Стопане.

Товарищи по убѣжденіямъ!

Процессъ русской народно-революціонной (соціально-революціонной) партіи официально законченъ: такъ называемый „приговоръ въ окончательной формѣ“ подписанъ, и официальной власти остается только отправить насъ, — осужденныхъ на каторгу и въ ссылку, — по назначенію. Уходя съ поля битвы плѣнными, но честно исполнившими свой долгъ, по крайнему нашему разумію, уходя, быть можетъ, навсегда, подобно Купріянову ¹⁾, мы считаемъ нашимъ правомъ и нашею обязанностію обратиться къ вамъ, товарищи, съ нѣсколькими словами. Не придавая себѣ значенія болѣе того, какое мы имѣемъ, мы будемъ говорить лишь въ предѣлахъ той роли, какая наложена на насъ извнѣ. Официальная власть нашла для себя полезнымъ сдѣлать насъ нагляднымъ примѣромъ устрашенія для людей одинаковаго съ нами направленія и, — путемъ лицемернаго различія въ „мѣрѣ наказанія“, — быть можетъ, средствомъ развращенія людей слабыхъ, готовыхъ руководиться въ своемъ поведеніи не однимъ голосомъ совѣсти, но и соображеніями о личномъ благополучіи. Въ силу этой невольной роли мы чувствуемъ себя обязанными заявить, что никакія „кары“ и „снисхожденія“ не въ состояніи измѣнить ни на іоту нашей приверженности къ русской народно-революціонной партіи. Мы по прежнему остаемся врагами дѣйствующей въ Россіи системы, составляющей несчастье и позоръ нашей родины, такъ какъ въ экономическомъ отношеніи она эксплуатируетъ трудовое начало въ пользу хищнаго тунеядства и разврата, а въ политическомъ — отдаетъ трудъ, имущество, свободу, жизнь и честь каждаго гражданина на произволь „личнаго усмотрѣнія“. Мы завѣщаемъ нашимъ товарищамъ по убѣжденіямъ идти съ прежней энергіей и удвоенною бодростью къ той святой цѣли, изъ-за которой мы подверглись преслѣдованіямъ и ради которой готовы бороться и страдать до послѣдняго вздоха.

Н. В. — Это заявленіе посылается нами за подлинными нашими подписями въ редакцію „Общины“ съ просьбой опубликовать его; оригиналъ же сохранить, какъ доказательство вѣрности и подлинности документа.

Петропавловская крѣпость.

25 мая 1878 года.

Войнаральскій.—Ф. Волховской.—С. Жебуневъ, Зарубасвъ.—Т. Квятковскій — Коваликъ.—В. Костюринъ.—В. Ливановъ.—Ф. Лермонтовъ.—А. Лукашевичъ.—Макаревичъ Петръ.—М. Муравскій.—В. Осташкинъ.—Д. Рогачевъ.—М. Сажинъ.—Синегубъ Сергѣй.—И. Союзовъ.—В. Стаховскій.—Сергѣй Стопане.—Н. Чарушинъ.—И. Чернявскій.—С. Чудновскій.—Л. Шашко.—Е. Брешковская.²⁾

¹⁾ Купріяновъ умеръ въ 1877 году въ Петропавловской крѣпости.

²⁾ Относительно Брешковской въ примѣчаніи сказано: „прибавлено по личной просьбѣ за невозможностію доставить ей лично. Сергѣй Кравчинскій“.

Въ 1877 году въ сенатѣ разбирались еще нѣсколько политическихъ дѣлъ: Бредихина (оправданъ), Лебедева (приговоренъ къ тюремному заключенію), Калашникова (оправданъ), Ионова и Павлова (первый приговоренъ въ каторжныя работы, второй — на поселеніе) и Быдарина (приговоренъ въ каторжныя работы), но отчетовъ объ этихъ процессахъ нигдѣ не было ¹⁾.

Просимъ доставить намъ отчеты объ этихъ процессахъ.

Ред. Сбор.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 06852 0603

